

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ.

ТОМЪ СХVII.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХVІІ.

1909

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1909

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ
ЮЛЬ, 1909 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЮЛЬ, 1909 г.

	СТРАН.
I. Графъ Фениксъ. (Историческій романъ изъ эпохи Екатерины Второй). Часть третья. LIX—LXII. (Продолженіе). Н. А. Энгельгардта.	5
II. Силуэты. (Листки изъ записной книжки). I—III. П. А. Россіева.	23
III. Князь Григорій. (Воспоминанія его крѣпостной). I—IX. М. А. Васильевой.	46
IV. Записки графа Моріюлля. (1821—1833 г.). I—II.	73
V. «Мулла». (Путевой очеркъ). Л. А. Табулевича.	105
VI. Словинцы и Симеонъ Грегоричъ. (Очеркъ). В. В. Уманова-Каплуновскаго.	109
VII. Изъ записокъ военно-судебнаго дѣятеля. VI—VIII. Н. В. Мордвинова.	119
VIII. Трагическій конецъ благого начинанія. (Изъ матеріаловъ шестидесятихъ годовъ). Н. Н. Фирсова.	142
IX. Памяти А. П. Ленскаго. Н. П. Шубинскаго.	156
иллюстрація: Александръ Павловичъ Ленскій.	
X. На могилѣ Н. М. Пржевальскаго. (Изъ путевыхъ записокъ). И. Сазонова.	165
XI. Миниатюрная церковь. (Къ предстоящему археологическому съѣзду въ Костромѣ). И. П. Ювачева.	170
XII. Крымская Азія. (Бахчисарайскія впечатлѣнія). М. В. Шевлякова.	173
XIII. Гувернеры въ старину въ помѣщичьихъ семьяхъ. (Очеркъ). А. Дунина.	185
XIV. Женитьба Пакангура. (Изъ жизни камчадаловъ). П. П. Инфантьева.	195
XV. Крамола, реакція и терроръ. (Историческіе очерки). IX—XIV. (Продолженіе). Б. В. Глинскаго.	209
XVI. Челябинскія впечатлѣнія. А. М. Нечаевой.	236
иллюстраціи: 1) Челябинскъ. Мостъ на рѣкѣ Мясѣ. — 2) Симеоновская улица. — 3) Большая улица. — 4) Соборъ на Сибирской улицѣ. — 5) Екатеринабургская улица. — 6) Татарская мечеть. — 7) Таможня. — 8) Женская гимназія.	
XVII. Иностранцы о Россіи. В. И. фонъ-Штейна.	270
XVIII. Критика и библіографія.	293
1) Великій князь Николай Михайловичъ. Императрица Елизавета Алексѣевна, супруга императора Александра I. Томъ 2. Спб. 1909 г. в. 1.— 2) K. Walliszewski. Les origines de la Russie moderne. Le berceau d'une dynastie. Les premiers Romanov 1613—1632. Paris. 1909. А. Б.— 3) Вѣстникъ археологіи и исторіи, издаваемый императорскимъ археологическимъ институтомъ. Выпускъ XVIII. Спб. 1909. в. Р—ва.— 4) Финляндскія вопросы.	
(См. слѣд. стран.).	

Къ столѣтню присоединенія Финляндіи къ Россіи. А. П. Липранди (А. Волюнецъ). Спб. 1909. п. Майкова.—5) Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. Томъ V, выпускъ I. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Подъ редакціей и съ примѣчаніями П. Н. Шеффера. Спб. 1909. в. Р—ва.—6) В. Е. Рудаковъ. Полтавская битва. Двухсотлѣтняя ея годовщина 1709—27 июня—1909. Съ рисунками. Спб. 1909. б. г.—7) Н. Н. Әирсовъ. Пугачевщина. Опытъ соціологическо-психологической характеристики. Спб. 1909. А. М.—8) Ив. Щегловъ. Подвижныя слова. Новые матеріалы о Н. В. Гоголѣ. Спб. 1909 г. А. Фомина.—9) Вопросы теории и психологии творчества подъ редакціей В. А. Лезина. Томъ II. Вып. I. Спб. 1909. п. б.—10) Ю. В. Португаловъ. Къ психологии русскихъ литературныхъ теченій эпохи 1860—1890 годовъ. Оренбургъ. 1908. А. Фомина.—11) Н. А. Римскій-Корсаковъ. «Лѣтопись моей музыкальной жизни» (1844—1906). Подъ редакціей Н. Н. Римской-Корсаковой. С.-Петербургъ. 1909. в. Баскина.—12) Е. Реформатская. Люди мысли и правды. Очерки изъ прошлаго русскаго общества. Для самообразования. Москва. 1909. А. Ф.—13) Курсы семейнаго права. Заслуженнаго ординарнаго профессора А. И. Загоровскаго. Изданіе второе, съ измѣненіями и дополненіями. Одесса. 1909 г. в. г.—14) Н. Карвевъ. Исторія Западной Европы въ новое время. Томъ VI. Часть I. (1867—1880). Спб. 1909. Р. С.—15) Турецкій сборникъ подъ редакціей I. М. Викермана. Спб. 1909 г. п. б.—16) Герье, В. Францискъ, апостолъ нищеты и любви. Москва. 1908. в. Ф—на.—17) Е. Тарле. Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи. Спб. 1909 г. п. б.—18) «Пережитое». Сборникъ, посвященный общественной и культурной исторіи евреевъ въ Россіи. Т. I. Спб. А. и—ва.—19) Людовитъ Штуръ. Славянство и миръ будущаго. Посланіе славянамъ съ береговъ Дуная, съ примѣчаніями В. И. Ламанскаго. Спб. 1909. Андрея Сиротинина.—20) Статистическій сборникъ рижскаго городского управления. Изданіе рижской городской статистической комиссіи. Часть I. Рига. 1909. А. Э. Мальмгрена.—21) Людвигъ Фейербахъ. Сущность христіанства. Полный переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Ю. М. Антоновскаго. Спб. 1908. н. л.—22) В. А. Поссе. По Европѣ и Россіи. Спб. 1909. А. Фаресова.—23) Д. Г. Коноваловъ. Психология сектантскаго экстаза. Рѣчь предъ защитой магистерской диссертации. Сергіевъ посадъ. 1909 г. В. Троцнаго.—24) Каталогъ Гоголевской выставки, устроенной въ женскомъ училищѣ г. Прееде въ Митавѣ 14 мая 1909 г. въ память столѣтія со дня рожденія Н. В. Гоголя. Матеріалы для Гоголевской иконографіи. Митава. 1909. А. Э. Мальмгрена.

XIX. Заграничныя историческія новости и мелочи 334

1) Графъ Лаферронъ въ Петербургѣ и его переписка съ графомъ Несельроде. — 2) Легенда о Маріи Стеллѣ. — 3) Политико-гуманитарная роль Жоржъ-Занда и ея старость. — 4) Герцогъ Морни и русское общество въ Парижѣ во время второй имперіи. — 5) Карменъ Сильва. — 6) Юбилей въ апрѣлѣ, маѣ и юнѣ. — 6) Смерть графа Дзедушицкаго, Маріона Крофорда, Свинборна, Грусса и Меридита.

XX. Слѣсъ. 361

1) Открытіе памятника императору Александру III. — 2) Всероссийскій съѣздъ по педагогической психологии. — 3) Съѣздъ эстонскихъ журналистовъ. — 4) XII съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей. — 5) Десятилѣтіе Пушкинскаго общества. — 6) 200-лѣтіе морскаго музея. — 7) Юбилей Д. А. Скарлана. — 8) 26-лѣтіе научной дѣятельности В. В. Подвысоцкаго. — 9) 50-лѣтіе ученой дѣятельности В. В. Радлова. — 10) 50-лѣтній юбилей I. С. Китнера. — 11) Церковно-школьная выставка. — 12) Народный домъ имени С. Т. Аксакова.

XXI. Некрологи. 374

1) Ватюшковъ, Д. Н. — 2) Вернгардъ, В. Р. — 3) Внуковский, Аполлинарій. — 4) Гераковъ, Н. Н. — 5) Есиповъ, Н. А. — 6) Ивановичъ, С. Л. — 7) Крушевскій, П. А. — 8) Мартенсъ, Ф. Ф. — 9) Миллашевскій, Н. Н. — 10) Ореусъ, И. И. — 11) Сеславинскій, В. А. — 12) Соколовъ, Ф. Ф. — 13) Сомовъ, А. И. — 14) Чагинъ, Н. М. — 15) Щерба, В. А.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ великаго князя Константина Павловича. — 2) Ея величество королева. Романъ Никола Мизази, переводъ съ итальянскаго Л. Р—на, главы XVI—XXII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ.

ГРАФЪ ФЕНИКСЪ ¹⁾.

(Историческій романъ изъ эпохи Екатерины Великой).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Fleurs d'acacia,
qu'éparpillent les vents.
Béranger.

ЛІХ.

Елагинъ островъ.

ИВАНОВЪ день — праздникъ всѣхъ свободныхъ каменщиковъ — по статуту справлялся въ провинціальномъ капитулѣ ордена, а именно на отдаленномъ островѣ, принадлежавшемъ его превосходительству, главному директору надъ зрѣлищами, Ивану Перфильевичу Елагину. Въ Ивановъ день водою и сухимъ путемъ прибывали къ лѣтней дачѣ великаго намѣстнаго мастера многіе изъ вельможъ, державшихъ ложи и увлеченныхъ таинственными обрядами и ученіями масонства. Графъ Калиостро обѣщался именно въ сей торжественный день сообщить нѣкія важныя тайны и объяснить намѣренія своего прибытія въ Россію и столицу сѣверной Семирамиды. Если не любопытство, неприличное для «посвященныхъ», то любознательность напряжена была до высочайшей степени у всѣхъ особъ, имѣвшихъ пріѣздъ къ статсъ-секретарю, ка-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХVI, стр. 785.

валеру и сенатору государыни. Впрочемъ, исповѣдуемое братьями-масонами равенство, конечно, ставило ихъ выше титуловъ и чиновъ. Тѣмъ не менѣе, то былъ съѣздъ екатерининскихъ вельможъ, а этимъ сказано достаточно.

Не одни каменщики пожаловали къ Ивану Перфильевичу Елагину, но и многія прекрасныя каменщицы, которымъ братья вручили дамскія перчатки, даваемые между прочимъ съ этой цѣлью при обрядѣ посвящаемымъ въ орденъ. Представительницы двора и свѣта тоже въ высокой степени заняты были Калиостро и его супругой, такъ какъ, во-первыхъ, было извѣстно, что графъ именно въ этотъ высокаторжественный день откроетъ первую «ложу усыновленія» по ритуаламъ египетскаго масонства, въ которую приметъ какъ братьевъ, такъ и сестеръ, а, во-вторыхъ, распространился слухъ, что маркиза Тифереть, графиня Серафима ди-Санте-Кроче, супруга великаго адепта, обладаетъ чудесными мазиями, возвращающими первый блескъ юности даже и увядающимъ и молодость—старухамъ. Правда, старухъ между пріѣхавшими на праздникъ не было, но мушки и притиранья скрывали годы зрѣлости многихъ изъ сихъ красавицъ. Итакъ, совершенно понятно, что слухи о чудесной омолаживающей мази ихъ волновали.

Съ вельможами прибыли и менѣе значительныя лица, по большей части ихъ секретари и дѣлопроизводители тѣхъ учреждений, въ коихъ они занимали высокія мѣста. Совершенно понятно, что вельможи, принадлежавшіе къ ордену, вводили въ ложи и посвящали въ таинства свободнаго каменщичествоа наиболѣе выдающихся изъ своихъ чиновниковъ. Наконецъ, въ виду предстоящихъ веселостей и дѣйствій Калиостро приглашены были и нѣкоторыя прекрасныя женщины, не имѣвшія отношенія къ ордену, между ними придворныя пѣвицы Габріэлли и Давія.

Какъ сказано, часть гостей прибыла черезъ острова въ лѣтнихъ модныхъ открытыхъ кабриолетахъ къ перевозу, а часть въ крытыхъ яликахъ водою.

Островъ, по положенію своему весьма топкій и низкій, заливаемый каждымъ наводненіемъ, заросшій лѣсомъ, изобильный болотами, именовался нѣкогда просто «Мышинымъ» и принадлежалъ при Петрѣ Великомъ сначала Шафирову, а потомъ Ягужинскому. Нѣсколько благоустроилъ его только уже Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ, воздвигшій здѣсь домъ. Получивъ островъ, Елагинъ привелъ его въ совершенный порядокъ, оградивъ отъ наводненій прибрежнымъ высокимъ землянымъ валомъ, крутой откосъ котораго укрѣпленъ былъ булыжникомъ и сваями. По этому валу проведена была вокругъ всего острова широкая, усыпанная пескомъ дорога. Въ болотистыхъ низинахъ острова затѣмъ выкопаны пруды, и повсюду проведены каналы и трубы. Излишняя влага

скоплялась въ прекрасно содержимыхъ водовмѣстилищахъ, рощи же и луговины были осушены, изумрудные газоны разстилались, лаская взоръ, насажены были цвѣточныя благоуханныя партеры, рѣдкостныя кустарники и цвѣтушія деревья.

Часть острова обращена была въ англійскій садъ съ прихотливо извивающимися дорогами, дорожками, съ рощами и украшеніемъ острова—еще помнившими Петра Великаго и даже владычество шведовъ, вѣковыми дубами и липами.

Въ другой части имѣлись аллеи, боскеты и цвѣтники, какъ во французскомъ утонченномъ вкусѣ, такъ и въ старомъ голландскомъ. Здѣсь Елагинымъ былъ отстроены превосходный домъ, какъ для своего лѣтняго пребыванія, такъ и для нуждъ капитула. При домѣ имѣлся и чудесный зимній садъ, наполненный южными растеніями, пальмами, персиками. Дѣло въ томъ, что Иванъ Перфильевичъ и по зимамъ учреждалъ здѣсь блестящіе праздники съ катаньями на льду прудовъ и съ особливо устраиваемыхъ горъ. Домъ имѣлъ покои для засѣданій капитула, теософическую залу съ голубымъ куполомъ и бѣломраморными колоннами, богатое книгохранилище. Затѣмъ имѣлась столовая, расписанная разумной рукою художника - мистика, гдѣ вакхическія и пасторальныя сцены скрывали отъ непосвященныхъ глубокаго мистеріи. Богатѣйшій погребъ всегда могъ изобильно снабдить столъ всевозможными винами; великолѣпный буфетъ для пріѣзжихъ гостей удовлетворялъ вкусу утонченнѣйшихъ цѣнителей благъ тлѣннаго міра сего. Наконецъ, пруды острова Елагина славились вкуснѣйшими карасями, а на тонѣ въ заливѣ счастливо ловили крѣпостныя рыбаки Ивана Перфильевича лососей и сиговъ. Впрочемъ, имѣлся и особый садокъ съ запасами всякой тонкаго вкуса рыбы.

Благоустроивъ свой островъ, Елагинъ еще украсилъ его статуями, памятниками въ честь друзей своихъ съ приличными надписями, разнообразными бесѣдками, храмиками, мостиками. На прудахъ имѣлись искусственные островки. Туда можно было проѣхать на лодкѣ, и на каждомъ находилась какая-либо достопримѣчательность, колонна, обелискъ, пирамида, гротъ, горка, засаженная розами, или дикое уединенное мѣсто съ разбросанными камнями, съ искусственными развалинами. Но всѣ сіи достопримѣчательности, кромѣ утонченнаго вкуса хозяина, свидѣтельствовали о глубокихъ знаніяхъ его таинственной символики древнихъ мистерій. Взоръ посвященнаго читалъ по нимъ, какъ по раскрытой книгѣ Гермеса. На прудахъ жили и плодились лебеди, утки и всевозможная водяная птица. Имѣлся и звѣринецъ съ лисами, медвѣдями, оленями, орлами. Даже жилъ въ особливомъ домикѣ слоненокъ. Было чѣмъ полюбоваться на островѣ, который символически Иванъ Перфильевичъ именовалъ «Парадизомъ», а себя—

Адамомъ, здѣсь среди природы и животныхъ пребывающимъ въ пріятные лѣтніе дни. Конечно, не было недостатка въ фонтанахъ, водоскатахъ и каскадахъ. Воды для того было довольно.

Но изъ всѣхъ достопримѣчательностей своего острова особенно гордился Иванъ Перфильевичъ античнымъ мраморнымъ саркофагомъ, украшеннымъ барельефами, который подаренъ былъ ему однимъ любителемъ, а вывезенъ съ Ионическихъ острововъ. Иванъ Перфильевичъ совершенно былъ увѣренъ, что то гробница безсмертнаго пѣвца Гомера. Онъ помѣстилъ эту гробницу на оконечности своего острова, выдающейся во взморье. Надъ нею стояла статуя, которую намѣстный мастеръ именовалъ Мемнономъ, хотя она не издавала звуковъ, что приписывалось въ древности изваянію того же наименованія въ Египтѣ.

Мощная липа и многовѣковый дубъ осѣняли далеко раскидывающимися вѣтвями Мемнона и гробницу Гомера; кругомъ были заросли шиповника. Въ нихъ щелкали соловьи. И когда солнце великолѣпно опускалось въ заливъ, гробница и статуя, озаренныя его косыми лучами, казались пурпурными, барельефы оживали, мраморъ сквозилъ, и всѣ фигуры являлись одухотворенными и какъ бы съ кровью въ прожилкахъ древняго камня.

Кромѣ того, Иванъ Перфильевичъ гордился каменной пристанью, устроенной со стороны примыкающихъ острововъ, съ прекраснымъ паромомъ на перевозѣ и съ двѣнадцатю мѣдными, всегда тщательно, до блеска начищенными пушечками, изъ которыхъ во время тостовъ за пиршествами производилась громогласная канонада.

LX.

Пикникъ.

Извѣстно было всѣмъ приглашеннымъ, что празднество Иванова дня откроется по нѣкоторомъ спаденіи лѣтней жары, впрочемъ, умѣряемой на островѣ и обиліемъ развѣсистыхъ деревьевъ въ и бѣгущей и ввысь бьющей воды, и близостью залива, и что откроется оно такъ называемымъ «пикникомъ», то-есть гостямъ предстоитъ пріятное гулянье, а затѣмъ предложенъ будетъ легкій полдникъ для перваго утоленія голода, возбуждаемаго движеніемъ.

Иванъ Перфильевичъ, въ сопровожденіи молодого секретаря своего князя Коріата, любезно встрѣчалъ прибывшихъ гостей на каменной широкой пристани, осѣненной англійскими плакучими березами и серебристыми ивами. Нѣсколько породистыхъ собакъ тутъ же весело прыгали, и то поднимались, то стаей садились разноперые голуби. Гости причаливали на яликахъ или прибывали на благоустроенномъ паромѣ со скамейками, оставивъ эки-

пажи и лошадей на другомъ берегу, гдѣ встрѣчали ихъ конюхи Елагина и особый имѣлся конюшенный его дворъ для прїѣзжихъ. Такимъ образомъ, гости прямо вступали въ сады гостепріимнаго острова.

Скоро на пристани собралось общество вельможъ и прекрасныхъ дамъ въ лѣтнихъ легкихъ нарядахъ. Иванъ Перфильевичъ, для праздника перемѣнившій свой кафтанъ, который имѣлъ обычай носить по три года, щеголеватый, радушный, быстро двигавшійся на коротенькихъ толстоватыхъ своихъ ножкахъ, рассыпался въ комплиментахъ красавицамъ, и по знаку его князь Коріатъ принималъ отъ садовника, стоявшаго тутъ же съ корзиной, благоуханный букетъ, гирлянду или отдѣльный рѣдкій цвѣтокъ и подносилъ княгинямъ, графинямъ, боярынямъ и боярышнямъ и прелестнымъ иностраннымъ дамамъ и дѣвицамъ, кажется, всѣхъ національностей. Всѣ онѣ были восхищены любезностью хозяина, и каждая считала своимъ долгомъ поцѣловать щеку старика, который принималъ сію дань прекраснаго пола съ отеческой разнѣженностью.

Однако Калиостро съ супругою еще не было, когда паромъ доставилъ къ пристани послѣднихъ изъ ожидаемыхъ особъ, а именно князя Александра Ивановича Мещерскаго, близкаго къ цесаревичу Павлу Петровичу, какъ состоявшаго между его воспитателями, Степана Васильевича Перфильева и поэта Гавріила Романовича Державина. Лицъ этихъ Елагинъ встрѣтилъ съ особой любезностью, отличивъ между прочимъ и Державина, такъ какъ онъ недавно женился на дочери кормилицы великаго князя Павла Петровича, то есть молочной сестрѣ цесаревича, дѣвицѣ Бастидонѣ. Молодая чета представлялась въ Гатчинѣ великому князю по совершеніи бракосочетанія. Кромѣ того, Державинъ снискалъ уваженіе всѣхъ любителей словесности и въ особенности масоновъ написанной имъ одою «Успокоенное невѣріе», полной высокихъ чувствъ и глубокихъ мыслей противъ атеистовъ. Не принадлежа собственно къ ордену свободныхъ каменщиковъ, Державинъ, однако, былъ принятъ въ ихъ столовыхъ ложахъ, а на празднествѣ должна была пѣться братьями и сестрами сочиненная имъ пѣсня.

— Несказанно радуюсь, видя ваше превосходительство къ Иванову дню въ совершенномъ здоровіи,—говорилъ Перфильевъ:—чаятельно, ваша нога совершенно излечилась?

— Совершенно,—отвѣчалъ Елагинъ.— И кто сему причиной? Графъ Калиостро.

— Да, и князь Сергѣй Ѳедоровичъ Голицынъ говорилъ мнѣ, что графъ настолько возстановилъ здоровье болящему младенцу его, что скоро покажетъ исцѣленнаго княгинѣ Варварѣ Васильевнѣ.

— Князь же самъ здѣсь!— сказалъ Мещерскій.— Онъ можетъ все сіе подтвердить. Князь Сергѣй Фѣдоровичъ! — обратился онъ къ Голицыну, занятому пріятной бесѣдой на англійскомъ языкѣ съ двумя прекрасными дѣвицами, дочерьми почтеннаго банкира, тутъ же толковавшаго на голландскомъ языкѣ съ амстердамскимъ банкиромъ, длиннобородымъ патриархальной наружности евреемъ Авраамомъ Айнъ-Софъ, славившимся мудростью, честностью, высокой справедливостью и благотворительностью не только своимъ единовѣрцамъ, но и всѣмъ несчастливцамъ.

Князь Сергѣй Фѣдоровичъ обратился на зовъ Мещерскаго, раскланявшись съ дѣвицами-англичанками, и подошелъ къ хозяину.

— Иванъ Перфильевичъ, — сказалъ Мещерскій, — желалъ бы знать, насколько подвинулось леченіе болящаго княжича?

— Графъ Калиостро удостовѣряетъ насъ, что всякая опасность миновала, — отвѣчалъ Голицинъ. — Скоро мы увидимъ бѣднаго маленькаго, но пока никто, кромѣ самого графа, къ нему не приближается.

Тутъ графъ Калиостро сталъ общимъ предметомъ разговора собравшихся на пристани гостей, которые всѣ, равно какъ и хозяинъ, очевидно, поджидали запоздавшаго магика, столь занимавшаго въ послѣдній мѣсяцъ воображеніе двора и свѣта Петербурга. Передавались случаи чудесныхъ исцѣленій, предсказаній магика. Степанъ Васильевичъ Перфильевъ сообщилъ, что великій князь Павелъ Петровичъ выражалъ желаніе увидѣть Калиостро. Сообщение это разомъ подняло уваженіе къ иностранному графу. Впрочемъ, братья-масоны ожидали, что въ этотъ вечеръ посланникъ Великаго Кофты проявитъ особыя силы.

Во время этой общей бесѣды вдругъ къ пристани подплыла черная, похожая на гробницу крытая лодка. Траурная внѣшность ея усиливалась черными же шелковыми занавѣсками, на которыхъ были вышиты черепа, скрещенныя кости и слезы. Гребцы и кормчій тоже облечены были въ черное, и все это были сѣдые старцы, такъ что положительно подплывшее судно напоминало челнъ Харона. Когда лодка причалила, занавѣски отдернулись, и изъ глубины ея сначала вышелъ графъ Калиостро. Внѣшностью онъ напоминалъ, однако, венеціанскаго патриція, имѣя на плечахъ пурпурную мантию и все прочее платье тоже краснаго цвѣта при аметистоваго цвѣта шляпѣ. Золотая цѣпь на груди и перстни съ играющими камнями на пальцахъ обычно дополняли странный крикливый нарядъ некроманта. Въ лѣвой рукѣ держалъ онъ длинный орѣховый пруть съ оставленными почками, свѣжесрѣзанный, правую подалъ выходящей за нимъ изъ мрачнаго челна маркизѣ Тиферетъ.

Какъ ни легки и открыты были лѣтнія платья дамъ и дѣвицъ, прибывшихъ на празднество, сообразно откровенной модѣ

легкомысленнаго вѣка, но прекрасная итальянка превзошла, кажется, самую моду. Переливчатая, нѣжныя ткани облекали ея классическое, совершенное тѣло, выдавая дивное совершенство линий и то скрывая, то обольстительно при движеніяхъ очерчивая формы прелестной. Когда она протянула руку мужу, воздушный широкій рукавъ опустился къ плечу, и вся рука розовѣла и сквизила, купаясь въ разлитомъ въ тепломъ воздухѣ солнечномъ блескѣ. Солнце пронизывало всю ее. Завитки черныхъ кудрей ея казались синеватыми. Но головка, увѣнчанная серебряной короною въ видѣ зубчатой башенки, была покрыта широкимъ газовымъ покрываломъ, и лицо красавицы таинственно скрывалось какъ бы въ млечной пѣнѣ этого покрывала, лишь сверкали огромные глаза, и очеркъ нѣжныхъ щекъ и полного подбородка розовѣлъ, подобно зрѣлому плоду въ сумракѣ листвы.

На лицахъ мужчинъ выразился восторгъ при видѣ этой прелестной женщины, а на лицахъ дамъ разнообразное отраженіе зависти къ соперницѣ, которая, какъ онѣ почувствовали, ихъ всѣхъ затмеваетъ. Прежде, чѣмъ Иванъ Перфильевичъ далъ знакъ князю Коріату, онъ самъ въ корзинѣ садовника выбралъ большую, чудную бѣлую розу и поднесъ маркизѣ Тиферетъ, улыбнувшейся ему, сверкнувъ перлами зубовъ въ кораллѣ устъ подъ покрываломъ и поблагодарившей тамплиера чуть замѣтнымъ склоненіемъ головы.

Графъ Калиостро между тѣмъ раскланивался съ хозяиномъ и всѣми гостями, величественно влача пурпурную свою мантию, и всѣ должны были согласиться, что столь поразившій костюмъ магикъ умѣлъ носить съ увѣренностью кардинала римско-католической церкви.

Между тѣмъ изъ глубины траурной гондолы вышелъ слуга Казимиръ и вынесъ знакомаго намъ Иммануила въ бѣлокурыхъ кудряхъ, а съ задней части лодки престарѣлый кормчій поднялъ и понесъ на пристань большой коробъ, очевидно, съ разными магическими принадлежностями некроманта.

Прибытіе магика и его супруги какъ бы открыло празднество. Всѣ двинулись въ сады счастливаго елагинскаго «Парадиза».

LXI.

Полдникъ.

Безоблачный лѣтній день; прозрачный сумракъ въ аллеяхъ, подъ трепетнолистнымъ сводомъ живописныхъ дубовъ и липъ; ласкающіе взоръ газоны; ропотъ и журчаніе водъ; радуга на распыленныхъ въ воздухѣ струяхъ фонтановъ; крики лебедей, щебетъ и разнообразный посвистъ пташекъ; пугливыя лани, гра-

ціозно пасущіяся около своего домика; благоуханные, многоцвѣтные цвѣточныя ковры; бѣлые призраки мраморныхъ кумировъ; сквозящая между стволами вольная гладь залива, сверкающая аметистовыми огнями, — все способствовало прекрасному настроенію особъ, собравшихся на счастливомъ островѣ Ивана Перфильевича Елагина. Гости разбились на отдѣльныя группы и занялись обзорѣніемъ голландскаго, французскаго и англійскаго садовъ и достопримѣчательностей лѣтней резиденціи капитула восьмой провинціи ордена свободныхъ каменщиковъ и его достопочтеннаго великаго мастера. Одушевленію общества способствовали дамы и дѣвицы, изъ которыхъ каждая прилагала всѣ усилія, чтобы въ лучшемъ, плѣнительнѣйшемъ свѣтѣ выказать свою красоту, наряды, любезность, умъ и чарующій характеръ. Однако, наибольшее стремленіе со стороны мужчинъ направлялось по стопамъ покровенной жрицы египетскаго масонства маркизы Тиферетъ; съ своей стороны, дамы преимущественно стремились въ тѣ мѣста, гдѣ мелькала пурпуровая мантия графа Калиостро и орѣховый его пруть.

Многія изъ красавиць сопровождали его въ какомъ-то упоительномъ восторгѣ и приступали къ адепту священной магіи, молитвенно сложивъ ручки и наперебой восклицая: «Божественный Калиостро, скажите намъ, объясните, научите! Божественный, прореките намъ будущее! Божественный графъ, откройте намъ тайны, откройте намъ тайны!»

Всѣ эти приступы прекрасныхъ каменщицъ графъ Калиостро встрѣчалъ съ величавымъ спокойствіемъ, поднимая къ небу большіе темные, итальянскіе глаза свои, однако охотно отвѣчалъ на всѣ вопросы, но до того темнымъ, символическимъ языкомъ, что дамамъ оставалось только благоговѣть, не понимая рѣшительно ни единого слова. Госпожа Ковалинская, конечно, въ этихъ восторгахъ превзошла всѣхъ, такъ какъ бросилась къ ногамъ некроманта, восклицая съ истерическимъ рыданіемъ въ голосъ:

— *Caro padre! Caro padre!* Благословите меня!

Калиостро простеръ надъ склоненной головкой своей духовной дочери бѣлыя, сверкавшія перстнями руки и орѣховый пруть и произнесъ витіеватое благословеніе:

— Благословенна ты, жительница садовъ небесной мудрости, вкушающая отъ яблокъ познанія, пьющая отъ источника разумѣнія, благословеніями матери Изиды, благословеніями царицы Савской, благословеніями Суламифи, упоавшей Соломона, благословеніями десяти блаженныхъ Сефиръ, благословеніями Ливана и Кармила и божественнаго можжевеловаго куста горы Хорива!

Послѣ сего адептъ поднималъ духовную свою дочь и сестру и напечатлѣлъ поцѣлуй на ея лбѣ, что вызвало величайшую зависть въ прочихъ красавицахъ, жаждавшихъ физической близости къ магику по свойству женской природы стремиться къ осязательному воплощенію идейныхъ увлеченій.

Остановившись у статуи Асклепія въ широкой перспективѣ аллеи французскаго сада, магикъ прочелъ родъ лекціи обступившимъ его дамамъ, поясняя слова свои рисунками, которые онъ чертилъ на пескѣ концомъ орѣховаго прута.

Тутъ объяснилъ онъ, что всякое магическое дѣйствіе начинается съ призванія духовъ четырехъ стихій. По слову магика преобразуется все вокругъ него. Выступаютъ изъ сокровенныхъ кладезей воды и поднимаются выше головы магика, обдають его пѣной и брызгами, между тѣмъ какъ съ другой стороны палитъ его стихія сухого огня, языки нежгущаго пламени лижутъ его; въ то же время разверзается подъ нимъ земля и показываетъ жилы металловъ, сокровенныя гнѣзда драгоцѣнныхъ камней; а воздушная стихія бурно дышитъ въ лицо ему.

Все сіе магикъ долженъ вытерпѣть безтрепетно, ибо при малѣйшемъ колебаніи и проявленіи страха сіи стихіи могутъ овладѣть имъ, и тогда духи стихій въ отвратительныхъ образахъ гарпій бросятся и загрызутъ его...

— Какой ужасъ! И вы все это перенесли, графъ?—спрашивали дамы, разнообразно выражая страхъ свой, конечно, такъ, что онъ нимало не портилъ ихъ, но увеличивалъ глаза и дѣлалъ интересными поблѣднѣвшія личики прелестныхъ.

— Сіе все испытаніе есть первоначальное для неофитовъ,—отвѣчалъ Калиостро,—и называется прохожденіемъ сквозь огонь и черезъ воду. Болѣе страшныя испытанія предстоятъ посвященнымъ, и каждая степень совершенства свои ужасы имѣеть.

— Но если магикъ перенесетъ первое испытаніе, что будетъ дальше?—спрашивала блондинка съ голубыми глазами.

— О, тогда явятся плѣнительные образы! Изъ струй магическихъ водъ выплывутъ сирены, наяды, ундины, съ голубыми очами, съ дивнымъ бѣлымъ тѣломъ, съ бѣлокуроыми волосами, съ сладкимъ пѣніемъ! И это будетъ болѣе тяжкое испытаніе.

— Почему же?—спросила блондинка.

— О, сударыня, потому, что дочери водъ сколь прекрасны, столь и коварны! Онѣ увлекутъ плѣнившася ими въ темный водоворотъ и тамъ задушатъ его!

— Какія злыя!—сказала блондинка, поднимая на магика голубыя очи, дышашія наивной невинностью.

— Дочери огня, рыжеволосыя саламандры, страшнѣе!—возразилъ магикъ съ улыбкой, обращаясь къ дамѣ, отличавшейся роскошными кудрями золотистаго венеціанскаго цвѣта.—Онѣ сожгутъ, испепелятъ въ объятіяхъ несчастнаго, увлеченнаго ихъ огненными формами, ихъ ласками, ихъ поцѣлуями!

— Это очень нехорошо со стороны саламандръ!—сказала красавица съ венеціанскими волосами, но пламень очей ея при этомъ былъ столь жгучъ, что какъ-то противорѣчилъ порицанію саламандръ.

— Еще опаснѣе дочери воздуха, эфирныя существа, сотканныя изъ пурпура зори и сафира утреннихъ небесъ,—продолжалъ свою лекцію магикъ, обращаясь къ изящной четырнадцатилѣтней красавицѣ-ребенку, съ едва оформленнымъ станомъ, съ худенькими ручками и шей, блѣдное личико которой обрамлено было завитками волосъ цвѣта зрѣлой, пожелтѣвшей на солнцѣ соломы.

— Чѣмъ же опасны дочери воздуха?—наивно раскрывъ уста и преклонивъ на плечо головку, спросила она Калиостро.

— Ароматическія объятія сихъ прелестныхъ,—отвѣчалъ магикъ,—производятъ блаженное, но столь сильное головокруженіе, что вознесенный ими заклинатель падаетъ на землю и расшибается. Да, это страшныя испытанія!

— И вы не поддавались имъ?—спросила Ковалинская, устремивъ на магика черныя, гнѣвно-ревнивыя очи.

— Я живъ и цѣлъ; это доказываетъ съ несомнѣнностью, что до сихъ поръ не поддавался!—не безъ лукавства въ улыбка сложенныхъ сердечкомъ, пухлыхъ губъ своихъ, отвѣчалъ Калиостро.—Но за будущее невозможно ручаться! Нѣкоторыя дочери водъ, огня и воздушной стихіи столь плѣнительны, что надо имѣть могущество Аполлонія Тіанскаго и самого Гермеса Трисмегиста, дабы противостоятъ ихъ обаянію!—обводя взоромъ кружокъ обступившихъ его дамъ и дѣвицъ, сказалъ Калиостро.

Удовольствіе выразилось на ихъ лицахъ, и онѣ разнообразно посмотрѣли на герметическаго графа, одна загадочнымъ взоромъ ундины, другая огненнымъ — саламандры. Въ черныхъ очахъ госпожи Ковалинской забѣгали при этомъ ревнивыя слезы.

Вдругъ въ разныхъ частяхъ острова послышался мелодичный звонъ серебряныхъ колокольчиковъ. То скороходы Елагина призвали разбредшихся по садамъ гостей къ полднику.

Полдникъ былъ сервированъ in's Grüne, между двумя живописными холмиками, на широкой луговинѣ, отѣненной развѣсистыми березами. Тутъ были разостланы смирянскіе великолѣпные ковры, и на нихъ поставлены корзины съ бутылками, груды хлѣбовъ, плодовъ, паштетовъ, жареной холодной дичи, сыровъ. Гости сами должны были распорядиться всѣми сими запасами, равно какъ и поставленной стопками посуды. Съ веселой толкотней они и приступили къ сему, подъ хозяйственнымъ руководствомъ дамъ. Когда возбужденный движеніемъ голодъ и жажда нѣсколько были удовлетворены, по знаку хозяина пропѣта была застольная пѣсня, сочиненная Гавріиломъ Романовичемъ Державинымъ.

Сначала басисто пропѣли первый куплетъ брата-«каменщики»:

Оставя безпокойство въ градѣ
И все, смущаетъ что умы,
Въ простой пріятельской прохладѣ
Свое проводимъ время мы!

Звонкіе голоса прелестныхъ каменщицъ пробудили отголосокъ въ рощахъ:

Невинны красоты природы
По холмамъ, рощамъ, островамъ,
Кустарники, луга и воды —
Пріятная забава намъ!

Его превосходительство Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, ихъ сіятельства Голицынъ, Гагаринъ, Мещерскій продолжали сановито:

Мы положили межъ друзьями
Законы равенства хранить;
Богатствомъ, властью и чинами
Себя отнюдь не возносить.

Ихъ сіятельства, ихъ превосходительства и нѣкоторыя дамы и дѣвицы высшаго коммерческаго круга столицы очаровательно откликнулись на призывъ высокопоставленныхъ особъ и вельможъ въ ихъ великодушномъ порывѣ къ «равенству»:

У насъ лишь для того собранье,
Чтобъ въ жизни сладость почерпать;
Любви и дружества желанье —
Между собой цвѣты срывать.

Затѣмъ «каменщики» и «каменщицы», ихъ сіятельства, ихъ превосходительства, соединились въ общемъ хорѣ:

Кто ищетъ дружества, согласья,
Приди, повеселись у насъ:
И то для человѣка счастье,
Когда одинъ пріятель часъ.

Небесные голоса Габріэлли и Давіи выдѣлялись изъ общаго стройнаго хора; но маркиза Тифереть не пожелала принять участіе въ пѣніи. Она сидѣла, окруженная болѣе молодыми людьми, изъ секретарей и дѣлопроизводителей вельможъ, присутствовавшихъ на празднествѣ, нѣсколько поодаль отъ остальной компаніи, подъ кустомъ, столь обильно осыпаннымъ пурпурными розами, что почти не видно было листьевъ. Молодые люди наперерывъ старались услужить прелестной жрицѣ египетскаго масонства. Серафима и теперь не подвигала воздушно-млечнаго покрывала, подобно пѣнѣ морской облежавшаго плечи и станъ красавицы, причемъ совершенно обнаженная лѣвая часть груди ея розовѣла вершиной своей гармонической округлости. Она кушала и пила маленькими глотками за здоровье своихъ паладиновъ, сверкая очами и перлами зубовъ въ сумракѣ магическаго покрывала. Молодые люди, объятые какой-то общей, дружеской влюбленностью, сидѣли у розовѣющихъ въ мягкихъ тканяхъ наряда, льющихъ аромать

восточныхъ мускусныхъ духовъ ногъ Серафимы, летѣли душой за каждыиъ ея движеніемъ и приходили въ совершенный восторгъ, когда она произнесла свое короткое, смѣшливое восклицаніе:

— А!.. Ха-а!..

Съ самаго прибытія на островъ ничего иного отъ нея молодые люди, слѣдовавшіе по стопамъ очаровательницы, еще и не слышали. Но Серафима—имя, которое они узнали отъ графа Каліостро и твердили неустанно, съ прибавленіемъ тысячи эпитетовъ: «дивная», «прелестная», «упоительная», «небесная», «серафическая» Серафима, «сладостная» Серафима, «божественная» Серафима, «цвѣтущая», «благоуханная», «пышная» и т. д., и т. д.— Серафима умѣла придавать своему единственному восклицанію столько самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ выраженія, что оно казалось имъ богаче и краснорѣчивѣе самаго совершеннаго языка.

Графъ Каліостро тоже не принималъ участія въ пѣніи застольнаго гимна и сидѣлъ въ сторонѣ, только не подъ розовымъ кустомъ, а подъ можжевельнымъ, какъ нарочно оказавшимся растущимъ въ сей долинѣ мира, спокойствія, братолюбія и равенства. На этотъ кустъ обратили вниманіе графа его поклонницы, едва подошли на полдникъ, вѣроятно, вспомнивъ благословеніе можжевельоваго куста горы Хорива, которое между прочимъ низводилъ онъ на главу духовной своей дочери. И въ самомъ дѣлѣ сей можжевеловый кустъ, или, вѣрнѣе, дерево, на островѣ Ивана Перфильевича Елагина составлялъ одну изъ достопримѣчательностей. Невысокій, съ кряжеватымъ стволомъ, весь осыпанный синеватыми ягодами и пустившій свѣжія хвои на ржавыхъ своихъ вѣткахъ, никакой красоты онъ не имѣлъ, но, по опредѣленію академика Озерецковскаго, насчитывалъ не менѣе трехъ столѣтій бытія и, слѣдовательно, являлся свидѣтелемъ еще борьбы Новгорода и Москвы со шведами за невское устье. Сѣвъ подъ можжевелникомъ, графъ Каліостро снисходительно принималъ услуги дочерей четырехъ стихій—воды, огня, воздуха и земли,—зеленоглазой, бѣлотѣлой и бѣлокурой Удины, рыжеволосой, съ колоритомъ тѣла, напоминавшимъ румяно-золотистый персикъ, согрѣтый южнымъ солнцемъ, Саламандры, нѣжной, хрупкой, четырнадцатилѣтней Сильфы и, наконецъ, истой дочери земли, съ горѣвшими огнемъ ревности и страданія на худомъ, неправильномъ личикѣ, черными глазами госпожи Ковалинской.

Каліостро кушалъ весьма исправно и пилъ кубокъ за кубкомъ, подносимые ему прелестными руками дочерей стихій. Прочая компанія раздѣлилась на четыре кружка, по угламъ огромнаго смирскаго ковра, разостланнаго на травѣ и средину котораго занимала посуда и корзины съ провизіей.

Самъ хозяинъ пользовался услугами пѣвицъ Габріэлли и Дави, которыя старались утѣшить бѣднаго старика за перенесенныя

имъ страданія. Прочіе вельможи тоже находились въ кругу очаровательныхъ хозяекъ полдника, и, расточая утонченные комплименты, порою обмѣнивались съ ними братскими поцѣлуями, что допускалось идиллической обстановкой пикника и царствовавшимъ въ елагинскомъ «парадизѣ» блаженнымъ равенствомъ. Пропѣто было еще нѣсколько застольныхъ пѣсенъ на французскомъ, голландскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, какъ въ честь тѣхъ націй и «Востоковъ», къ которымъ принадлежали иностранцы и иностранки, присутствовавшіе на празднествѣ, такъ и для показанія, что орденъ свободныхъ каменщиковъ есть братскій союзъ всѣхъ народовъ, союзъ человѣчества.

Когда полдникъ окончился, всѣ опять разбрелись по садамъ, теперь преимущественно отыскивая кіоски, бесѣдки и павильоны, чтобы тамъ отдохнуть и собраться съ силами къ предстоящему вечернему засѣданію. Тутъ островъ огласила сладостная неземная музыка, такъ называемая «роговая»,—единственное въ мірѣ изобрѣтеніе російскихъ вельможъ,—органъ, въ которомъ человѣческія груди служили мѣхами. Эта музыка скрытыхъ въ роцѣ артистовъ повергала слушавшихъ ее въ сладостное мечтаніе, особливо пріятное послѣ кубка добраго вина и ломтя пикантнаго паштета съ трюфелями. Разносясь по острову, будя отголоски, музыка эта казалась неотдѣлимой отъ ропотовъ и шепотовъ листвы, каскадовъ, ручьевъ и какъ бы естественнымъ произведеніемъ природы.

LXII.

На гробницѣ Гомера.

Князь Коріатъ отъ полдника уклонился, но отсутствіе его замѣчено и не было. Такъ какъ послѣдней дамой, прибывшей на островъ, была Серафима, то, поднеся ей розу, секретарь его превосходительства Ивана Перфильевича получилъ свободу, выполнивъ поэтическую, на него возложенную обязанность одѣлать всѣхъ красавицъ дарами Флоры. Хотя явленіе Серафимы потрясло молодого храмовика, онъ не вмѣшался въ число окружившихъ ее сейчасъ же поклонниковъ. Цѣломудріе глубокаго чувства помѣшало ему слѣдовать за прекрасной. Волненіе всего существа его отняло всякую отвагу, и слово замерло на его устахъ. Но роза, которую поднесъ онъ, сейчасъ помѣщена была на млечной груди прелестной, и онъ замѣчалъ, что Серафима порою съ особымъ чувствомъ опускала очи къ цвѣтку...

Князь Коріатъ лишь издали слѣдилъ за струящимся покрываломъ Серафимы. Но когда серебряные звонки скороховъ стали призывать къ полднику, онъ уклонился напротивъ отъ сборнаго

пункта и сталъ углубляться въ наиболѣе глухую и дѣвственную часть острова и англійскаго парка. Безъ цѣли, безъ сознанія, гдѣ находится и къ чему стремится, шелъ онъ въ чащахъ старыхъ елей, пихтъ, въ заросляхъ кустарника, по узкимъ дорожкамъ, подъ могучими липами и дубами, перелѣсками, рощами, луговинами, гдѣ обильно росла мышь, распространяя медовый запахъ мелкаго цвѣта, бѣлыми шапками покрывавшаго опушки и канавы. Ему хотѣлось быть наединѣ со своимъ сердцемъ, чтобы понять самого себѣ. Но волненіе не утихало, кровь кипѣла, чувства приходили въ большее и большее разстройство. Не зналъ онъ, что дѣлать съ собою. Наконецъ онъ вышелъ къ оконечности острова, выдававшейся далеко въ заливъ. Здѣсь онъ сѣлъ на гробницѣ Гомера подъ истуканомъ Мемнона и сталъ смотрѣть, какъ склоняется солнце къ водамъ залива, какъ туманный, сизоватый сумракъ начинаетъ окутывать углубленія лѣсистыхъ береговъ сосѣдняго острова, какъ мѣняются краски неба и дали, и водъ, и всѣхъ предметовъ. Въ этомъ уединеніи рои мыслей и мечтаній смущенной толпой проходили въ сознаніи тамплиера, дѣйствительность мѣшалась съ фантазмами. Но образъ Серафимы ни на мгновеніе не отступалъ и рѣялъ передъ нимъ. Онъ не могъ бы сказать, сколько времени пробылъ одинъ подъ истуканомъ Мемнона.

Но вотъ солнце, великолѣпно закатываясь, коснулось пламеннымъ кругомъ горизонта водъ и, точно осыпающаяся гигантская роза своими алыми лепестками, покрыло подернутую зыбью гладь переливами тысячекратныхъ отраженій. Казалось, воды вскипѣли пурпуровымъ огнемъ и розовый пѣной и пошли къ берегамъ отъ края неба, переливаясь, вспыхивая искрами, мѣняя отгѣнки, мѣшаясь съ оранжевыми, фіолетовыми, лиловыми пятнами.

Легкія, волокнистыя облачка вѣнцомъ слетѣлись къ закатающемуся свѣтилу и казались легкимъ роемъ сизокрылыхъ духовъ, провожающихъ царя вселенной на покой. Въ небѣ, на водѣ, въ углубленіяхъ береговъ краски мѣшались все прихотливѣе по мѣрѣ погруженія въ воды солнечнаго диска.

Потянулъ вѣтерокъ. Усаживаясь на ночлегъ на ширококовѣстныхъ дубахъ и липахъ, въ заросляхъ шиповника, пташки одушевленно перекликались разнообразными посвистами и щебетали, мраморъ истукана, барельефы гробницы оживали въ аломъ свѣтѣ заката. Въ разныхъ углахъ парка одушевленно защелкали соловьи, и тройственное вступленіе ихъ пѣсни пріобрѣтало мистическій смыслъ для молодого кабалиста. Невыразимо сладостная боль наполняла его сердце, истома и нѣга молодыхъ, неизлитыхъ силъ соединялась съ восторгомъ при созерцаніи этой дивной гармоніи и красоты лѣтняго заката. Казалось ему, что вмѣстѣ съ гробницей и Мемнономъ, съ дубами и липами, съ отуманенными берегами онъ

рѣтетъ въ пространствѣ, полномъ звуковъ, пѣсней, красокъ, и въ то же время будто бы вся гладь морская отъ горизонта поднимается и сухими, прозрачными кристаллами поглощаетъ и берега, и всѣ предметы, и его самого. Казалось ему, что любовь его разлита во всей природѣ, въ водахъ, въ лучахъ, въ пламени заката, въ пѣсняхъ соловьевъ, въ тысячелѣтнемъ мраморѣ античнаго саркофага, въ мощныхъ узловатыхъ вѣтвяхъ столѣтнихъ деревьевъ. Казалось ему, что весь міръ отразился въ сердцѣ его, вмѣстился въ грудь его, и самъ онъ отразился въ мірѣ! И среди всѣхъ сихъ чудесныхъ ощущеній, во всемъ, повсюду являлся ему образъ той, которую боготворила каждая фибра его тѣла.

Вдругъ онъ услышалъ легкіе шаги, и сладкое благоуханіе, непохожее на всѣ запахи цвѣтовъ шиповника и моря, и листьевъ, достигло расширенныхъ чувствъ тамплиера. «Это она!» словно со стороны чей-то голосъ крикнулъ надъ его ухомъ. Но онъ не осмѣлился даже повернуть голову въ ту сторону, откуда возвѣщено было ему явленіе прекрасной. Но легкіе шаги приблизились... Ахъ, это была Серафима! Не поворачивая головы, устремивъ взоръ на пурпурное смѣшеніе неба, водъ и земли въ таинствѣ заката, однако видѣлъ онъ, что Серафима остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него и, улыбаясь, смотритъ... Потомъ она приподняла край полупрозрачныхъ тканей своихъ одеждъ одной рукой, а другую поднесла къ губамъ и стала подкрадываться къ уединенно сидящему, казалось, въ полной задумчивости, въ отрѣшенности отъ всего молодому человѣку, и съ каждымъ ея шагомъ безумное желаніе соединялось въ немъ съ леденящимъ страхомъ. Вотъ она приблизилась совсѣмъ... Желаніе пересилило страхъ. Онъ повернулъ къ ней голову. Она стояла надъ нимъ, вся залитая пурпуромъ заката, закрытая покрываломъ, но вся ощутимая въ немъ жадному взору.

Очи ея и подобныя половинкѣ граната полныя губы съ сверкающими перлами зубовъ и все лицо полно было искрящагося, дрожащаго безмолвнаго смѣха. Смѣхъ сотрясалъ и грудь ея, надъ лѣвымъ возвышеніемъ которой трепетала роза, его роза, и весь станъ ея. И въ порывѣ этого смѣха, которымъ только трепетала, не издавая ни звука, грудь ея, въ сіяніи этого смѣха и въ пурпурѣ зари она казалась вакханкой, призывающей къ наслажденію.

— Мраморъ Эллады! Мраморъ Эллады!—вдругъ сказала она и положила руку на подножіе таинственнаго Мемнона.—Я искала васъ, чтобы поблагодарить за чудную розу!—продолжала она и, склонивъ головку, прикоснулась губами къ пышному цвѣтку и долго впивала его аромать, между тѣмъ какъ цвѣтокъ покачивался и дрожалъ на ея глубоко дышащей груди.

Потомъ Серафима обратила взоръ къ морю, къ пламенѣющему въ воздухѣ и въ эфирѣ надъ водами заката, и выраженіе

подвижнаго, впечатлительнаго лица итальянки измѣнилось. Вакхическій смѣхъ, которымъ дрожаль еще за мгновеніе передъ тѣмъ каждый мускуль, смѣнило какъ бы задумчивое удивленіе. Казалось, Серафимъ было ново это гармоничное, таинственное угасаніе сѣвернаго солнца, эта смѣна красокъ, эти переливы тѣней какъ бы свѣтовой симфоніи, проходящей черезъ всѣ таинства контрапункта. Легкій свѣтъ еще летѣлъ изъ-за горизонта, но, какъ минорные, низкіе аккорды, съ восточнаго края неба разливалась лиловая синева тѣней. Углубленія береговъ уже наполнились чернотой, между тѣмъ какъ листва крайнихъ деревьевъ все еще переливалась багрецомъ и золотомъ. По водѣ, подъ берегами, въ тростникахъ расходились синіе, вишневые, коричневые пятна, но какой-нибудь острый клинъ отдѣльнаго листа осоки казался стальной шпагой, воткнутой въ расплавленный свинецъ. Шорохъ листвы на древнихъ дубахъ и липахъ, простирившихъ вѣтви надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стояла Серафима, бѣлѣющія очертанія изваяній, тройственные призывы соловьевъ, ихъ трели, рокотъ и нѣжное цоканье, не нарушавшее, однако, глубокой тишины, владычествующей симъ уединеніемъ, блѣдная звѣзда въ зенитѣ и неподвижный юноша, печальный и чистый, какъ дѣвственный тысячелѣтній мраморъ Пароса, на которомъ онъ сидѣлъ,—все, видимо, охватило Серафиму небывалой задумчивостью. Въ томъ же удивленномъ созерцаніи она опиралась о мраморъ, и взоръ ея огромныхъ южныхъ очей, очарованный задумчивой грустью сѣверной природы и сѣвернаго человѣка, скользилъ безцѣльно, безпредметно въ смѣшеніи водъ и ээира.

— Я искала васъ!—опять повторила Серафима, и теперь низкій грудной голосъ ея былъ исполненъ робкаго, но глубокаго чувства.—Я замѣтила взглядъ вашъ. Онъ открывалъ въ васъ друга. А я такъ одинока, такъ несчастна, такъ нуждаюсь въ другѣ!

Послѣднія слова Серафима произнесла съ такою трогательною и кроткою мольбою, такъ чарующи были дивные звуки итальянской рѣчи въ устахъ красавицы, что все существо молодого тампліера отозвалось на этотъ призывъ къ участію.

— Вы не ошиблись, графиня,—почти шопотомъ, не мѣняя неподвижной позы своей, отвѣчалъ князь Коріатъ.

— О, не зовите меня графиней! Зовите Серафимой. Но повторите, что я не ошиблась, когда прочла дружбу въ глазахъ вашихъ.

— Нѣтъ, вы не ошиблись. Если вы несчастны, если называющій себя графомъ Калиостро притѣсняетъ васъ, то скажите мнѣ, и я—ваша защита,—въ благородномъ порывѣ юношеской жалости къ притѣсняемой прекрасной женщинѣ сказалъ Коріатъ.

— Ахъ, какъ я благодарна вамъ! Какой вы добрый и ласковый!—ропчущимъ отъ полноты чувства голосомъ произнесла Серафима и порывисто сѣла на саркофагъ рядомъ съ юношей.

Волна восточныхъ ароматовъ хлынула и ударила въ голову Коріата, зной страстнаго тѣла южанки заставилъ задрожать каждую фибру его тѣла. Но вмѣстѣ хранимая имъ вѣрность обѣтамъ и непорочность сковали его непреодолимымъ смущеніемъ. Казалось, Серафима, желавшая уже дать большее юношѣ, какъ награду за дружество, почувствовала незримую преграду.

Изъ сумрака покрывала очи ея поднялись даже съ какой-то робостью на молодого человѣка.

— Какой вы чистый!—съ молитвеннымъ почти благоговѣніемъ прошептала она.—А я...—Серафима глубоко вздохнула.—А я такая грѣшная!

Онъ не отвѣчалъ. Онъ не смотрѣлъ на нее. Наружно онъ сталъ холоденъ, какъ мраморъ, на которомъ они сидѣли. Но тайное жгучее алканіе, именно благодаря признанію Серафимы, сдѣлало ее еще вождѣннѣе истомленнымъ чувствамъ.

— Если бы я нашла друга, который протянулъ мнѣ руку и вывелъ меня изъ лабиринта, гдѣ я блуждаю, завлеченная негоднымъ, преступнымъ человѣкомъ, ахъ, я отдала бы ему всю жизнь мою! Какъ была бы ему предана и вѣрна! Вѣдь я прекрасна!—наивно говорила Серафима.—Посмотрите на меня! Вѣдь я прекрасна?

Тамплиеръ медленно повернулъ голову и устремилъ робкій взоръ на женщину. Алое пламя заката озаряло ея лицо сквозь прозрачный налетъ кисейнаго покрывала. Глаза ея встрѣтились съ его глазами. И манящая нѣга перелилась изъ нихъ въ неосторожно раскрывшуюся душу юноши. Мгновенно былъ онъ схваченъ страстью, поработченъ и весь сталъ дрожать, какъ въ лихорадкѣ.

Гордое торжество улыбкой озарило лицо покровенной женщины. Ей не надо уже было, чтобы онъ отвѣтилъ ей, прекрасна ли она. Видѣла она, что въ это мгновеніе для него она прекраснѣе и вождѣннѣе всѣхъ женщинъ вселенной. Очи ея потемнѣли влагой желаній. Полныя уста багровѣли, полуоткрытыя. Ароматическое дыханіе, доносившееся до него, жгло. И отъ всего, прижимавшагося къ нему тѣла шелъ трепетъ и пламень нѣги и головокружительный ароматъ.

Но и юноша, и женщина медлили, точно окованные, перейти роковую грань. Руки красавицы не поднимались, чтобы тѣснымъ кольцомъ обнять его шею, чтобы привлечь голову его на взволнованную грудь и къ жаждущимъ устамъ. Мгновеніе или часъ продолжалось это взаимное блаженное томленіе, ни юноша, ни женщина не могли бы сказать. Но все успѣло множество разъ перемѣниться кругомъ нихъ въ небѣ, на водахъ и на землѣ.

Странныя магическія чары свершились вокругъ нихъ. Мраморное изваяніе Мемнона ожило и благосклонно смотрѣло на ихъ любовь. Сатиры, вакханки, самъ полноликій, вѣнчаный гроздьями

Діонисъ въ леопардовой шкурѣ на античномъ барельефѣ отдѣлились отъ мраморной глыбы и веселымъ хороводомъ окружили таинство любви. Между тѣмъ съ могучимъ шопотомъ липы и дубы простирали надъ ними свои благословляющія, узловатыя вѣтви—и сладко перелагали въ тройственныхъ созвучіяхъ и треляхъ ихъ тайныя чувства соловьи. Свѣтъ и тѣни, воды и эфиръ, въ гармоничномъ волненіи и радужно-сумрачномъ смѣшеніи ласкали ихъ уста и ланиты, и хоры незримыхъ, но осязаемыхъ духовъ вились надъ ними. Вдругъ дрогнула, затряслась, загрохотала земля такъ, что, казалось, мраморная глыба саркофага заколебалась подъ ними.

Прервался ихъ сонъ наяву. Они оглянулись. Въ глубинѣ аллеи появилась пурпурная мантия Калиостро. Съ нимъ было много разныхъ лицъ. Всѣ они держали другъ друга за руку, составляя магическую цѣпь, и съ топотомъ, запыхавшіеся, толкаясь, стремились за бѣжавшимъ престижитаторомъ.

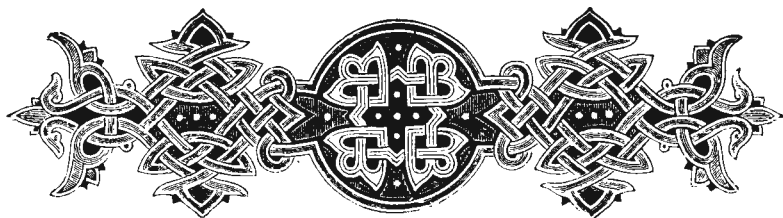
Мгновеніе—и весь хороводъ выбѣжалъ на оконечность острова къ могилѣ Гомера, мраморному Мемнону и все еще неподвижно тамъ сидѣвшей четѣ.

Въ рукѣ Калиостро была шпага и преогромный кованный желѣзный гвоздь съ широкой шляпкой.

Н. А. Энгельгардтъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

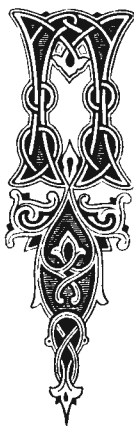

СИЛУЭТЫ.

(Листки изъ записной книжки).

I.

Орловская гимназія четверть вѣка назадъ.—Грѣхъ, за который не прощались.—Директоръ А. В. Гриценковъ.—И. М. Бѣлоруссовъ.—Преподаватели. Графъ Деляновъ на урокъ.—Н. А. Вербицкій.

ИСАТЕЛЬ Л. А. Андреевъ написалъ въ январскомъ номерѣ 1903 г. «Журнала для всѣхъ», что учился онъ въ орловской (первой) гимназіи и самымъ пріятнымъ, проведеннымъ въ ней временемъ, о которомъ онъ вспоминаетъ съ удовольствіемъ, были перерывы между уроками, такъ называемыя перемѣны, а также тѣ, рѣдкіе, впрочемъ, случаи, когда его «выгоняли» изъ класса. И все. Между тѣмъ объ орловской классической гимназіи можно сказать больше. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ минувшаго вѣка она представляла собою великолѣпный типъ школы, какая не мерещилась и менѣе всего была желательна министрамъ народнаго просвѣщенія отъ графа С. С. Уварова до графа И. Д. Делянова. Директоромъ ея въ ту пору былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Владимировичъ Гриценковъ, точнѣе: Гриценко, но еще Гоголь отмѣтилъ страсть земляковъ прибавлять къ фамиліи на «о»—въ, т. е. передѣлываться изъ малоросса въ великоросса. Гриценковъ, носитель выхоленной à l'anglais сѣдой бороды, безшумно появлялся «на молитву» въ рекреационной залѣ, пропускалъ мимо себя ряды

гимназистовъ поклассно и безшумно удалялся въ свой кабинетъ или изъ гимназіи. Должно быть, онъ былъ весьма заслуженный педагогъ и воспитатель, потому что въ школьныхъ стѣнахъ вся и всѣми командовалъ ревностный инспекторъ-чехъ Мартинъ Мартиновичъ Долежелъ, котораго смѣнилъ тоже чехъ Конрадъ Конрадовичъ Грече, а этого опять-таки чехъ Иванъ Ивановичъ Гавелька, выслужившій пенсію и уѣхавшій въ Прагу, откуда онъ корреспондировалъ въ «Московскія Вѣдомости». Министромъ народнаго просвѣщенія недавно назначенъ былъ Иванъ Давидовичъ Деляновъ, про котораго армяне говорили: «Удивительный человекъ! Армянинъ и живетъ въ домѣ армянской церкви, армянъ же не терпитъ, какъ сверчокъ сургучнаго запаха». Новое назначеніе не внесло ничего свѣжаго въ затхлую атмосферу «классической» школы, гдѣ со временъ Д. А. Толстого вплоть до 1890 года царили древніе языки на счетъ другихъ предметовъ, безъ пользы для отечественнаго прогресса, но на пользу учителямъ-чехамъ. Тогда казалось, что безъ чеховъ нѣтъ намъ спасенья, хотя вся прелесть преподаванія ихъ заключалась именно въ неумѣньѣ передать свои знанія ученикамъ и внушить имъ любовь къ языкамъ Гомера и Цицерона. Старики говорятъ, что этимъ секретомъ обладаетъ московская женская гимназія С. Н. Фишеръ. И только? Повидимому. Ибо въ эпоху расцвѣта классицизма даже «катковскій» лицей показалъ себя съ отрицательной стороны. Не помню, кто именно, Поссартъ или Барнай, пріѣхалъ на гастроли въ Москву, и очарованные игрою нѣмецкаго трагика лицеисты поднесли ему лавровый вѣнокъ съ латинскими надписями на лентахъ. Выдающійся театральнй критикъ, теперь покойный, С. В. Флеровъ увидѣлъ эти надписи въ уборной гастролера и «обомлѣлъ»: такъ безграмотно были составлены эти надписи. Списалъ слово въ слово и преподнесъ Каткову, въ газетѣ котораго онъ и сотрудничалъ. Катковъ всплеснулъ руками. Правда, что нѣмецкій трагикъ повезъ въ Германію ленты съ настоящимъ *lingua Latina*, да былъ-то быдью остается.

Итакъ, хотя Деляновъ былъ не Д. Толстой, однако толстовскій духъ жилъ попрежнему въ средней школѣ, и чехи командовали, облеченные всей полнотою власти. Мартынъ Мартынычъ былъ грозою гимназіи, и гроза эта разряжалась слишкомъ часто въ атмосферѣ, еще въ толстовскія времена насыщенной сыскомъ и доносами. Съ учениками не церемонились. Исключали изъ гимназіи за проступки, которые теперь чуть что не узаконены, по крайней мѣрѣ, не влекутъ за собою наказанія,—напримѣръ, куренье табаку; въ памяти моей навсегда запечатлѣлась тяжелая сцена: едва не до истерики дошедшій пятиклассникъ Мироновъ на колѣняхъ умоляетъ простить его... больше онъ не будетъ курить... и Мартынъ Мартынычъ, мечущій громъ и молнію. «По-

щады быть не можетъ! Ты будешь исключенъ, ты будешь!...» Дѣйствительно, педагогическій совѣтъ рѣшилъ... и т. д... Миронова исключили. Молодая жизнь искалѣчена и скоро прекратилась. И. М. Снегиревъ передаетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», что Анна Іоанновна велѣла повѣсить предъ окнами повара, который подалъ ей къ блинамъ прогорклое масло. Предъ такою рѣшительностью строгость орловскихъ педагоговъ была, конечно, ничто, въ сравненіи, но тѣмъ не менѣе вольный духъ хорошъ и не только на кухнѣ.

Несмотря на строгости, орловская гимназія стояла невысоко и долго потомъ еще значилась въ хвостѣ; помнится, рядомъ съ ней стояла елецкая. Изъ нашей переходъ возможенъ былъ или въ елецкую, или въ новгородъ-сѣверскую «alma mater», если не считать чугуевскаго юнкерскаго училища, слышшаго тогда у насъ «Сморгонской академіей», хотя отъ Чугуева до Сморгони—дистанція огромнаго размѣра, да и никакой сморгонской академіи никогда не существовало, «сморгонскими же академиками» называли обучавшихся тамъ разнымъ колѣнцамъ медвѣдей. Ихъ водили потомъ по Россіи и даже за границей; одного такого почтеннаго сморгонца я видѣлъ на Дунаѣ, въ Галацѣ.

Въ 1884 году Гриценкова смѣнилъ Иванъ Михайловичъ Бѣлоруссовъ, извѣстный составитель распространенныхъ учебниковъ по русской грамматикѣ, теоріи словесности, дѣятельный сотрудникъ «Филологическихъ Записокъ», «Русскаго Филологическаго Вѣстника» и страстный почитатель Пушкина, надъ опредѣленіемъ поэтической личности котораго съ педагогической точки зрѣнія Ив. Мих. довольно поработалъ. Бѣлоруссовъ, вологжанинъ родомъ, уже и въ бытность директоромъ гимназіи сохранялъ въ разговорѣ мѣстные отгѣнки. Тонкій филологъ, знавшій великолѣпно всѣ изгибы и особенности латинскаго и греческаго языковъ, онъ поистинѣ оживлялъ ихъ на урокахъ и какъ онъ умѣлъ сближать ихъ съ отечественнымъ! Врагъ засоренія русскаго языка иностранными словами, онъ преслѣдовалъ гимназистовъ, любителей «газетно-русской рѣчи», далекій, разумѣется, отъ замѣны, напримеръ, «бильярда» — шарокатомъ или «массажиста» — пузодавомъ. Его уроки, безразлично—латинскаго, греческаго или русскаго языковъ, отличались содержательностью, бодрымъ настроеніемъ и захватомъ. Способъ обученія былъ новъ; по крайней мѣрѣ, намъ казался новымъ, а именно: ученикъ овладѣвалъ предметомъ въ классѣ, такъ что дома не приходилось маяться и зубрить часами. Греческій синтаксисъ Канскаго доводилъ до отчаянія, до такого безысходнаго отчаянія, до какого итальянскихъ мелодистовъ доводитъ «Кольцо Нибелунговъ». Директоръ-преподаватель выварилъ экстрактъ изъ ненавистной книги и представилъ его на нѣсколькихъ листахъ писчей бумаги. Ужас-

ные греческіе условные періоды стали и ясны, и просты, и какъ они съезжились въ изложеніи талантливаго учителя! Имѣя бѣлоруссовскій конспектъ, мы примирились и съ Канскимъ, и съ Гомеромъ... Впослѣдствіи, когда я стоялъ на берегу Мелеса, въ Малой Азіи, я вспоминалъ, что здѣсь вѣдь, сказываютъ, родился творецъ «Иліады» и «Одиссеи». Мысль начинала было закипать злобою: «этотъ милый старецъ, однако, плодилъ Канскихъ...» Но память подсказала: «а директорскій конспектъ?» и... и однажды въ Берлинѣ я даже купилъ хорошую фотографическую копію съ «гомеровскаго облика». У нѣмцевъ вѣдь все можно найти!..

Съ появленіемъ на горизонтѣ орловской педагогической жизни И. М. Бѣлоруссова, въ гимназіи наступила оттепель. Новый директоръ принесъ любящее школьникамъ сердце и внесъ въ школьный обиходъ суворовскую простоту. Онъ принималъ участіе въ общей молитвѣ передъ началомъ уроковъ, пѣлъ съ учениками, на Страстной читалъ въ церкви. Поднялъ религіозный духъ. А фискальство помощниковъ классныхъ наставниковъ упало. Ревностный чехъ Мартынъ Мартынычъ быстро померкъ: его куда-то перевели, правда, съ повышеніемъ. Педагогическій синклитъ, по примѣру Сакія-Муни, переродился, и прошло немного времени, а его уже перестали считать неумолимымъ трибуналомъ. Гимназисты приобрѣли въ лицѣ Бѣлоруссова начальника-друга, строгаго, требовательнаго, но не безпощаднаго, а, наоборотъ, великодушнаго. Скоро стало извѣстно, что директоръ «на совѣтахъ» отстаиваетъ учениковъ; отсюда — сближеніе этихъ послѣднимъ съ нимъ. Къ Ивану Михайловичу въ кабинетъ шли и съ нуждою, и за предстательствомъ у учителей, и за полученіемъ отеческаго внушенія, которое воздѣйствовало больше, чѣмъ завѣдомая безпощадность мертвящаго формализма и узкой односторонности. Я не могу вспомнить И. М. Бѣлоруссова, директора гимназіи, иначе, какъ благодарнымъ словомъ. Семейныя начала, внесенныя имъ въ школу, вывели на широкій и свѣтлый путь множество заурядныхъ юношей; и лѣнтяи и шалуны, въ концѣ концовъ, одумывались и получали аттестаты зрѣлости, эти ключи къ университетскимъ дверямъ. Кто хочетъ, пусть набрасываетъ тѣни на «бѣлоруссовскій режимъ», но, на мой взглядъ, лучше десять виновныхъ простить, чѣмъ, вопреки испанской поговоркѣ, бросать человѣка въ воду, не давъ ему счастья, какъ это случилось съ Мироновыми.

Чистосердечно говорю, я сохраняю самыя теплыя и благодарныя воспоминанія обо всѣхъ своихъ учителяхъ, среди которыхъ были типичныя личности. Николай Ивановичъ Горшечниковъ, историкъ и географъ, представляется мнѣ во весь ростъ. Происхожденія онъ былъ простаго и строгій націоналистъ; онъ положительно по недоразумѣнію учительствовалъ въ средней школѣ,

вмѣсто того, чтобы занимать университетскую кафедру. Теперь, на грани десятилѣтій, просматривая уцѣлѣвшіе атласы, диктовки и учебники, постигаешь, какую уйму всевозможныхъ свѣдѣній по исторіи и географіи передавалъ ученикамъ этотъ учитель! Онъ воспитывался въ ту пору, когда сѣченіе входило въ кругъ преподаванія не только въ духовныхъ, но и въ свѣтскихъ училищахъ, и твердо вѣрилъ, что березовая лапша и каша въ качествѣ лекарства пользительны были бы и теперь. Онъ увлекательно рассказывалъ и не прочь былъ иногда потряхнуть стариною, именно: на память говорилъ цѣлыя страницы изъ греческихъ и латинскихъ историковъ и поэтовъ.—«Вы, нынѣшніе, ну-тка!» Гдѣ ужъ намъ было!... Требовательный въ учебные мѣсяца, на экзаменахъ Горшечниковъ отсвѣчивалъ милостію и не «рѣзалъ». Окружные ревизоры уходили съ его уроковъ удовлетворенными и можно смѣло сказать, что ордена и чины Ник. Ив. получалъ не даромъ; къ службѣ онъ положительно прилѣпился: съ перваго дня ея и до выхода на пенсію онъ не пропустилъ ни одного урока, развѣ только когда избирался въ присяжные засѣдатели.

- Николай Ивановичъ, вы—желѣзный, вы всегда здоровы.
- Врешь, бываю и я нездоровъ.
- Такъ, вы хоть бы день проманкировали...
- Не могу. Не бывъ въ гимназіи, я не могу выйти и на прогулку, а я долженъ гулять.

Дѣйствительно, лѣтомъ въ городскомъ саду, а въ остальное время года на Болховской улицѣ Ник. Ив. появлялся изо дня въ день, изъ года въ годъ, всегда въ одинъ и тотъ же часъ и шагаль взадъ и впередъ полтора или два часа. Онъ не курилъ, не пилъ вина и водки, жилъ замкнуто, никого у себя не принимая и самъ ни у кого и нигдѣ не бывая; онъ ве признавалъ театра, концертовъ, дачи. Читалъ единственно «Новое Время» изъ газетъ, зато много выписывалъ книгъ и журналовъ. Питалъ страсть къ музыкѣ, услаждалъ себя гармоніей и теоретически зналъ съ полдюжины европейскихъ языковъ. Это былъ кряжъ, нескладно скроенный, но хорошо сшитый. Н. И. Горшечникову предлагали переводы съ повышеніемъ, но онъ, какъ англичане, любилъ собственный домикъ и, не желая съ нимъ расставаться, отказывался отъ болѣе почетныхъ должностей; такъ и составилъ, никуда не выѣзжая изъ Орла!

Послѣ Горшечникова нельзя не вспомнить словесника-добряка Николая Андреевича Вербицкаго, теперь доживающаго вѣкъ въ Черниговѣ. Весною прошлаго года я, къ сожалѣнію, не могъ повидаться съ больнымъ старцемъ, которому посвятилъ свой первый печатный рассказъ «Подъ ивою» и который написалъ мнѣ на карточкѣ: «Радъ былъ бы написать что-либо путное, да накажи

Богъ, голова одурѣла отъ экзаменовъ; довольствуйся ужъ этимъ и не забывай стараго учителя». Этой карточкѣ болѣе двухъ земскихъ давностей. Старый учитель—въ памяти. Отрадныя воспоминашя, первыя сладостныя «авторскія» волненія неотдѣлимы отъ него.

Мы знали донельзя снисходительнаго, удивительно-начитаннаго преподавателя Вербицкаго, знавшаго наизусть нашихъ классическихъ поэтовъ, чуть ли не всѣ «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки», и превосходнаго чтеца, который выступалъ на благотворительныхъ вечерахъ, между тѣмъ какъ среди отечественныхъ охотниковъ Н. А. Антоухъ-Вербицкій пользовался извѣстностью талантливаго поэта и прозаика, чьи произведенія (въ духѣ тургеневскихъ «Записокъ») печатались болшею частью въ журналѣ «Природа и Охота» временъ Л. П. Сабанѣева. Кромѣ того, Вербицкій сотрудничалъ въ журналѣ «Россія», въ «Книжкахъ Недѣли» и другихъ изданіяхъ былыхъ годовъ. Знаю и то, что краса украинскаго театра М. К. Заньковецкая бывшая его ученица, на которую онъ въ свое время оказалъ вліяніе, можетъ быть, даже и въ выборѣ поприща.

Восьмидесятые годы предыдущаго вѣка принято считать тяжкими сумерками, эпохой хмурыхъ людей и періодомъ русской исторіи, когда пріостановилось дѣло освобожденія личности. Такъ это или не такъ,—разбирать сейчасъ не будемъ; но вотъ что ужъ едва ли не несомнѣнно: политическія страсти тогда не разгорались по-теперешнему, и принципъ «homo homini lupus est» также не торжествовалъ по-теперешнему, превращая вчерашнихъ друзей въ заклятыхъ враговъ. Существовалъ ли въ ту пору служебный сыскъ, уже до такой степени откровенный въ послѣдніе годы, что не прикрывается даже и фиговымъ листкомъ?

Въ № 181 «Московскихъ Вѣдомостей», отъ 5 августа 1908 г., нѣкто Русскій, рассматривая современныя теченія въ крайнофильствѣ, писалъ: «Поэтъ Вербицкій, принимавшій участіе въ составленіи написаннаго Чубинскимъ «украинскаго гимна»

Ще не вмерла Украина...

что ставится украинофилами ему въ особую заслугу, и написавшій рядъ стихотвореній съ явной сепаратистской тенденціей, былъ болѣе 30 лѣтъ, какъ видно изъ его біографіи, учителемъ гимназій въ Полтавѣ, Черниговѣ, Рязани и Орлѣ». Но въ томъ-то и дѣло, что, напимѣръ, въ Орлѣ сепаратиста-Вербицкаго едва ли кто-нибудь видѣлъ и во снѣ. Конечно, «украинскій гимнъ»—бррр... Но тяжесть вины облегчается очевиднымъ позаимствованіемъ «Ще не вмерла Украина» у Выбицкаго: «Jeszcze Polska nie zginela», а покойный Г. А. Воробьевъ доказалъ, что не такъ страшенъ чортъ,

какъ его малюють ¹⁾. Если же Вербицкій откровенно пылалъ сепаратизмомъ, то, знаете, обвинять лучше было бы не его, а министерство народнаго просвѣщенія. Тутъ именно настоящіе сепаратисты...

Занявъ министерскій постъ, Деляновъ, по установленному обычаю, поѣхалъ знакомиться съ подвѣдомственными учебными заведениями. Пожаловалъ и въ Орель. Гимназія наша встрепенулась. Всѣ, и учителя и мы, учащіеся, — чувствовали себя приподнято, торжественно и скверно, какъ на войнѣ. Какой-то классъ и какого учителя министръ удостоитъ своимъ посѣщеніемъ? Его высокопревосходительство (тогда еще безъ графскаго достоинства) явился къ намъ на греческій урокъ. «Божественную эллинскую рѣчь» преподавалъ намъ директоръ. Деляновъ вошелъ не болѣе величественно, чѣмъ выступалъ, бывало, Гриценковъ, поклонился и опустился на стулъ, предусмотрительно поставленный ближе къ печи, далеко отъ партъ. Иванъ Михайловичъ подалъ ему подлинникъ, раскрытый на мѣстѣ, которое переводилось. Начался урокъ. Министръ склонился надъ книгой и, не отрывая глазъ отъ нея, слѣдилъ за ученическими переводами. Ахъ, какъ мы волновались, ожидая вопросовъ министра, но онъ ихъ не задавалъ.

Промчались 55 минутъ, Захаръ прозвонилъ въ коридорѣ. Урокъ кончился. Мы, было, зашевелились, но директоръ зашикалъ: видите, молъ, министръ еще сидитъ. Однако, прошли еще одна-двѣ минуты, а его высокопревосходительство все сидитъ и сидитъ. Кашель... нашъ шопоть переходитъ, — по выраженію приснопамятнаго законоучителя, о. Авксентія Слюсарева, — въ мурмуръ. Министръ же ни съ мѣста: этакъ онъ углубился въ греческій текстъ! Наконецъ директоръ осторожно подступаетъ къ нему.

— Ваше...

Тотъ очнулся, учебникъ выпалъ изъ старческихъ рукъ; министръ недоумѣвающе обвелъ насъ своими глазами; оказалось, что, пригрѣтый печью, онъ давно и сладко погрузился въ дрему. Говорили, что Деляновъ совсѣмъ не зналъ греческаго языка.

Въ студенческіе годы мы знали Ивана Давидовича за хорошаго сотрудника греческаго бога Гименея. Какъ, бывало, первокурсникъ задумаетъ жениться, такъ къ Делянову за благословеніемъ. Безъ его позволенія нельзя было наложить на себя Гименеевыхъ узъ. Разсуждая, что супружескія заботы отвлекаютъ отъ политики, покойный министръ позволялъ юнцамъ жениться, но при этомъ просилъ помнить:

— Помните, г. студентъ, что женитьба связывается со многими расходами, которые становятся постоянными... содержать семью,

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», май, 1906. «Польскія патріотическія пѣсни, именуемыя «революціонными».

вы сами должны знать это... это... Вообще, на стипендію не рассчитывайте.

— Мнѣ бы лишь жениться, ваше сіятельство.

— Жениться я разрѣшаю.

Послѣ женитьбы вопросъ о стипендіи разрѣшался обыкновенно благополучно при благосклонномъ участіи самого же графа Делянова.

II.

Василій Михайловичъ Михеевъ.—Нашъ Сѣверь.—Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ на похоронахъ поэта А. Н. Плещеева.—Н. А. Лейкинъ.

7 мая 1908 года въ Ярославлѣ скончался Василій Михайловичъ Михеевъ и погребенъ въ материнскомъ имѣніи, селѣ Спасъ-Преображеніе, Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда. Этотъ уѣздъ, какъ сливающійся съ Пошехоньемъ, весьма любопытенъ въ отношеніи быта и нравовъ; Василій Михайловичъ собирался черпнуть изъ него сюжетъ для повѣсти, но, должно быть, не осуществилъ желанія. Онъ умеръ далеко не старикомъ, на 50-мъ году, но уже два года тому назадъ наша общая знакомая, сибирячка, опредѣлила, что «Василій Михайловичъ не жилецъ на свѣтѣ». Дѣйствительно онъ вдвойнѣ страдалъ, страдалъ жестоко, но, какъ сильная душа, втайнѣ; страдалъ отъ неестественной толщины и вслѣдствіе развитой личной жизни. Поэтому онъ декламировалъ иногда изъ «Пикколомини»:

Зачѣмъ же вы смотрѣли на меня
Холодными глазами, а не сердцемъ?

И долженъ былъ быстро угаснуть во имя неумолимаго закона разрушенія. Видится мнѣ его тучная фигура съ мягкимъ, великорусскимъ лицомъ, обрамленнымъ свѣтлою, достаточно «основательною» бородою, и съ густыми, тургеневскаго вида, свѣтлыми же волосами, а глаза—синіе, ясные, дѣтскіе. Разъ взглянувъ на Василія Михайловича Михеева, можно былъ безошибочно опредѣлить, что это не южанинъ. И впрямь, онъ родился въ Сибири, въ Иркутскѣ (1859 г.), въ богатой купеческой семьѣ. Хотя пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ уже носилъ форму съ значкомъ одной изъ московскихъ гимназій, но привязанность, теплую и нѣжную, къ природѣ Зауралья онъ сохранялъ въ своей душѣ и тогда, когда Ярославль, казалось, овладѣлъ всѣмъ существомъ женственнаго Василія Михайловича. Подобно другому «купеческому сыну», Василію Петровичу Боткину, Михеевъ былъ тонкимъ знатокомъ и цѣнителемъ изящнаго, о чемъ свидѣлствуютъ хотя бы статьи о русскомъ искусствѣ, печатавшіяся въ «Артистѣ»¹⁾. Въ основѣ

¹⁾ См. 1891, 1894 и другіе годы.

всѣхъ михеевскихъ сужденій о живописи и живописцахъ свѣтилось правило: къ полотнамъ надо подходить безъ жала, но и безъ лакейства. Яркій очеркъ написалъ онъ о Василии Ивановичѣ Суриковѣ, который особенно былъ милъ и дорогъ Василию Михайловичу, какъ землякъ (ибо Суриковъ родился въ Красноярскѣ, «подъ высокою крышею стараго казачьяго дома»), и какъ правдивый и талантливѣйшій изобразитель чисто-мѣстнаго, мѣстно-характернаго, типическаго для всей Сибири,—словомъ, всего того, что азиатская Русь сберегла, какъ осколокъ историческаго быта. «Это нашъ... сибирякъ!» съ гордостью говорилъ писатель о художникѣ. Это черта сибиряковъ: цѣпкая привязанность и влюбленность въ Сибирь съ ея капризной, но разнообразной и богатой природою и уваженіе къ даровитымъ землякамъ. «Пѣснями о Сибири» (1884 г.) началась литературная дѣятельность Василия Михайловича. Эти «Пѣсни» послужили поводомъ къ знакомству его съ Всеволодомъ Гаршинымъ, о которомъ у Михеева осталось, понятно, восторженное чувство ¹⁾; Гаршинъ имѣлъ вліяніе на развитіе таланта молодого писателя, которое очень замѣтно во многихъ, особенно раннихъ произведеніяхъ Василия Михайловича. Писалъ же онъ не лѣнясь, все равно какъ усердно и путешествовалъ; съ Италіей онъ обручился, какъ встарину венеціанскіе дожи обручались съ Адриатическимъ моремъ. Любя Сибирь, Михеевъ не закрывалъ все-таки глазъ на темныя стороны ея жизни и рѣзко коснулся ихъ въ романѣ «Золотыя розсыпи» и въ драмѣ «Тайга», которая, къ слову сказать, переведена на нѣмецкій языкъ. И самоличныя наблюденія, и семейныя преданія давали обильный матеріалъ для драматурга-гуманиста, какимъ представляется Михеевъ на лучшихъ страницахъ «Тайги», какъ, впрочемъ, и романа «Золотыя розсыпи». Въ 90-хъ годахъ на сценѣ Малаго театра была поставлена драма «Арсеній Гуровъ», вызвала отрадные для самолюбія автора разговоры и дала толчокъ извѣстности Василия Михайловича. Одинъ изъ сотрудниковъ бойкой и въ то время много читавшейся московской газеты «Новости Дня» избралъ Арсенія Гурова даже своимъ псевдонимомъ. «Арсеній Гуровъ»... «Арсеній Г...» скрывалъ за собою жизнерадостнаго фельетониста, который и самъ согрѣшилъ водевилемъ «Уѣздный Шекспиръ», но вскорѣ сдѣлался профессоромъ Демидовскаго лицея въ Ярославлѣ, а теперь... теперь это чиновный Донъ-Кихоть, который воюетъ съ вѣтряными мельницами ка-детизма. Это И. Я. Гурляндъ. И если я нескромно раскрылъ секретъ, то не болѣе, какъ секретъ полишинеля.

Путешествія и доброта растрясли объемистый кошелекъ Михеева, такъ что послѣднее десятилѣтіе онъ прожилъ довольно осѣдло,

¹⁾ См. «Художники». Изд. 1894.

прилѣпившись къ Ярославлю. Такова была натура этого истинно-русскаго человѣка: онъ не могъ обойтись безъ привязанности; ею становилась, если не женщина, то археологія, старинный городъ, живое дѣло. На переломѣ лѣта 1906 года мы съ П. О. Изоевымъ, художникомъ-учителемъ, сибирякомъ, возвращались съ Сѣвера во-свои си. Ёдемъ по Ярославлю, я вспомнилъ про Василія Михайловича.

— Не заѣхать ли намъ къ нему? — ухватился за мысль мой спутникъ.— Угостить насъ настоящими сибирскими пельменями.

Хлѣбосольство было въ крови покойнаго писателя; точь-въ-точь, какъ покойный же Петръ Михайловичъ Медвѣдевъ ¹⁾, онъ любилъ самъ «заколоровать» бифштексъ, сбить сабайонъ къ спаржѣ и т. п. Съ мастерствомъ истаго итальянца и серьезностью священнодѣйствующаго жреца онъ приготавливалъ (для бывавшихъ въ Италіи) «sabailon», особаго вкуса питье изъ вина съ сахаромъ. Ахъ, какъ торжественно и забавно возглашалось, что «la colazione è pronta» (завтракъ готовъ)! Я думаю, не болѣе торжественно было настроеніе Моисея, когда онъ всходилъ на гору Нававъ...

— Извозчикъ, не знаешь ли, живетъ въ городѣ Василій Михайловичъ Михеевъ?

— Михеевскій-то... ну, да, живетъ! Почему ему не жить?!

— Можетъ быть, въ отъѣздѣ...

— Зачѣмъ въ отъѣздѣ! Тутъ онъ, Михеевскій. Слава Богу, я самъ ярославской епархіи, стало быть, всѣхъ господъ знаемъ.

Парень такъ «ярославилъ», отгѣняя букву о, что принадлежность его къ мѣстной «епархіи» не вызывала сомнѣнія. Ярославль настоящаго времени и старина Ярославской губерніи крѣпко привязали къ себѣ «Михеевскаго» (какъ его тамъ почему-то называло большинство), почти приковали къ рабочему кабинету и чрезъ это укоротили жизнь. Осенью того же 1906 года онъ былъ въ Москвѣ, не унывающій, но замѣтно порядочно усталый. Оно и не мудрено: Василій Михайловичъ взялъ и понесъ на своихъ плечахъ прогрессивную газету среди бушующихъ противоположныхъ общественныхъ теченій, когда страсти разгорѣлись и каждый шагъ не давалъ ручательства въ томъ, что идешь ты по безопасному пути, не упадешь и не погубишь себя и живой ноши своей. Немножко, какъ Вольтеръ, Михеевъ думалъ, что въ царствіе небесное всякій имѣетъ право итти тѣмъ путемъ, который ему нра-

¹⁾ Медвѣдевъ съ улыбкой рассказывалъ, что въ одномъ изъ провинціальныхъ городовъ (Казани или Самарѣ), гдѣ онъ антрепренерствовалъ, въ него, какъ хозяина и кухаря (въ комика, вѣдь, мудрено влюбиться), влюбилась прекрасная барышня, да такъ влюбилась, что папенька съ маменькой ея сдѣлали намекъ.—Что же ваша дочь и мнѣ по сердцу, говорю.—«Такъ, за чѣмъ же дѣло стало?» обрадовалась милая семья.— За моей женою. Они точно съ неба упали отъ такой неожиданности.

вится, окружающія же приземистыя православныя церкви и административныя учрежденія намекали, что Ярославль, Божіей милостью, принадлежит не Англии, а Россійской имперіи и, слѣдовательно, «Сѣверный Край», руководимый имъ, Михеевымъ, обязанъ считаться съ отечественными пугалами и заставами и частоколами. Михеевъ пыхтѣлъ въ редакторскомъ кабинетѣ и пыхтѣлъ, воюя съ администраціей. Если отъ хорошей жизни не полетишь, то и отъ редакторства не расцвѣтешь; напротивъ, не становишься ли свѣтильникомъ, который издерживается, свѣтя другимъ? Добряку, человѣку-рубахѣ, который часто «тыкалъ», желая со всѣмъ человѣчествомъ дѣлить дружбу, но который былъ болѣзненно чутокъ къ запросамъ этики и справедливости, Михееву рано было дано предостереженіе за увлеченіе газетою. Предостереженіе послѣдовало еще въ концѣ 1905 года со стороны мозга: съ Василюмъ Михайловичъ случился апоплектический инсультъ. Это, однако, ни къ чему не привело: свѣча сжигала себя и сожгла. Что же осталось? Свѣтлая память о ней; вѣдь Василій Михайловичъ Михеевъ былъ очень дѣятельной, очень трудолюбивой пчелой, которая внесла немало меда въ соты ярославскаго благоустроенія: Василій Михайловичъ былъ въ числѣ основателей мѣстныхъ Пушкинской и Некрасовской общественныхъ библіотекъ. («Въ родовомъ Грешневѣ, гдѣ протекли дѣтскіе годы Н. А. Некрасова, кабакъ, а въ Ярославлѣ библіотека. Тамъ—пойло, здѣсь — здоровая пища»). Онъ же руководилъ ярославскимъ музыкально-драматическимъ кружкомъ, предсѣдательствовалъ въ обществѣ взаимопомощи учащимъ и бывшихъ учителей народныхъ школъ, работалъ и въ прилѣйскомъ юридическомъ обществѣ; кромѣ того, собиралъ и собралъ много матерьяловъ касательно Некрасова. Ярославскій историкъ будущаго все это учтетъ, конечно, какъ, думается мнѣ, историкъ литературы отмѣтитъ, что Михеевъ, отрываясь отъ клокочущей дѣйствительности, уносился въ сѣдую старину и воскресилъ не одинъ образъ, и освѣтилъ не одинъ уголокъ древней Руси, ея быта, освѣтилъ не одинъ ея грѣхъ... «Три вѣка назадъ» (годуновская эпоха), какъ повѣсть, явилось (въ «Нивѣ» 1902 года) новымъ лучомъ свѣта, пролитаго освѣдомленнымъ и талантливымъ бытовикомъ. Лѣтъ за 6 передъ тѣмъ, охваченный живымъ духомъ верхне-волжской бывальщины, Василій Михайловичъ одухотворилъ углицкое преданіе, добытое имъ въ архивѣ, относящееся къ царствованію Алексѣя Михайловича. Этотъ отрокъ-мученикъ былъ сынъ углицкаго посадскаго, кожевника. Между повѣстью «Три вѣка назадъ» и углицкимъ преданіемъ «Отрокъ-мученикъ» видится древне-русская повѣсть «Мара», олицетвореніе зимы или смерти въ варяжскія времена («Нива» 1899 года). Историкъ литературы скажетъ, что Михеевъ, написавшій три прекрасныхъ историческихъ повѣсти, поступилъ

«истор. вѣстн.», июль, 1909 г., т. сxvii.

3

патріотически. Если бы каждый беллетристъ дѣйствовалъ такъ же, русскіе не имѣли бы цѣлыхъ періодовъ своей тысячелѣтней исторіи, періодовъ героическихъ и богатыхъ содержаніемъ, почти что не обследованными. Общество узнало бы множество любопытнѣйшихъ преданій, которыми пока питаются архивные грызуны, и, вѣрно, космополитизмъ лучше бы растворился въ чувствахъ преданности и благоговѣнія къ вѣковымъ, исконнымъ устоямъ, на которыхъ воздвигалась великая имперія. Въ кропотливомъ изысканіи, обследованіи матерьяла Михеевъ забывалъ себя; его манера историческаго живописанія напоминала Аверкіева, однако безъ увлеченія послѣдняго «песчинками» мозаики.

Кстати: съ легкой руки А. М. Скабичевскаго, принято думать, что авторъ «Каширской старины» вышелъ «изъ раскольничьей (старообрядческой?) среды» ¹⁾. Между тѣмъ, со словъ вдовы писателя, досточтимый П. И. Бартеневъ передавалъ мнѣ, что Аверкіевъ былъ происхожденія греческаго.

Выше я упомянулъ про сѣверъ. Въ первую поѣздку (на Мурманъ) мнѣ довелось встрѣтиться съ А. П. Энгельгардтомъ ²⁾, который былъ въ «началѣ вѣка сего» архангельскимъ губернаторомъ. Въ этой должности онъ не походилъ на Гоговъ и Магоговъ, а отличался простотою и привѣтливостію. Дѣло было въ іюлѣ 1901 года. Отъ желѣзнодорожнаго вокзала въ городъ попадаютъ на пароходѣ. Сѣверная Двина—величественна: полноводна, широка. Мы съ А. П. Энгельгардтомъ очутились на пароходѣ лицомъ къ лицу; опытный глазъ «хозяина губерніи» распозналъ во мнѣ гостя-путешественника, и разговоръ завязался самъ собою. Я ѣхалъ знакомиться съ Мурманомъ вплоть до норвежской границы и—подъ вліяніемъ В. В. Верещагина—съ древне-русскимъ церковнымъ зодчествомъ по берегамъ Сѣверной Двины. Обширный, великолѣпный край былъ хорошо знакомъ Александру Платоновичу, такъ какъ онъ извѣздилъ и исходилъ его вдоль и поперекъ, доказательствомъ чему служитъ его книга «Русскій Сѣверъ». Покойный былъ человекъ дѣла, не сухарь, а работникъ. Нашего брата, бродягу, онъ принималъ любезно и поучалъ, какъ надо путешествовать по Архангельской губерніи. Главное: нужно забыть о комфортѣ и быть всегда готовымъ къ встрѣчѣ съ неприятной неожиданностію. Позже я узналъ, что губернаторъ самолично испыталъ терніи путешествія по такимъ глухимъ мѣстамъ, каковы, на примѣръ, наша Лапландія или Печорскій край. Въ самомъ дѣлѣ, пожаловавъ въ лѣсисто-болотныя, озерно-лѣсныя и т. п. дебри въ полной генеральской формѣ, онъ скоро превратился, какъ выра-

¹⁾ См. «Исторія новѣйшей русской литературы», изд. 4-е, стр. 424.

²⁾ А. П. Энгельгардтъ умеръ въ 1903 г. товарищемъ министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ; передъ тѣмъ онъ былъ саратовскимъ губернаторомъ.

зился одинъ лопарь, въ чучелку; отважно погружался въ топи въ бѣлыхъ «соединенныхъ штатахъ» съ золотыми лампасами, и только, гдѣ «волчья» тропа упиралась въ болото и уже самый видъ мостковъ, перекинутыхъ черезъ болото, вызывалъ «страхъ и трепетъ»,—сдавался: тогда его брали на руки и несли надъ землей. Графу С. Ю. Витте и А. П. Энгельгардту обязанъ своимъ происхожденіемъ неудачный Александровскъ, горькій административный центръ Мурмана и обходимый коммерческими судами коммерческой портъ. Очень торжественно происходило освященіе ново-явленнаго заполярнаго Новороссійска, въ присутствіи высокопоставленныхъ лицъ, причемъ бросались всѣмъ гостямъ въ глаза зеленѣющія деревья среди снѣговъ. Гости, однакоже, остались довольны и въ Петербургѣ стали говорить:

— Да-а, Сѣверъ—край чудесъ; одно слово: Лукоморье, и какъ мало мы его знаемъ!

Нужны «Искра» и новый Горбуновъ, чтобы представить, какъ слѣдуетъ, бюрократическихъ затѣйниковъ. Кстати: Ивана Ѳедоровича Горбунова я слышалъ первый разъ въ срединѣ 80-хъ годовъ въ гостиниѣ недавно скончавшагося Пармена Петровича Шеншина, тогда предсѣдателя орловской земской управы. Въ Петербургѣ, въ 90-хъ годовъ, въ бытность мою студентомъ, когда мнѣ приходилось много работать въ «Петербургской Газетѣ», «Петербургскомъ Листкѣ», «Русскомъ Листкѣ», «Сынѣ Отечества» и въ нѣкоторыхъ еженедѣльныхъ журналахъ («Живописномъ Обзорѣніи», «Русскомъ Паломникѣ», «Иллюстраціи» и друг.), я имѣлъ возможность ближе узнать Ивана Ѳедоровича. Покидалъ ли когда-нибудь его юморъ?

26-го сентября 1893 года умеръ А. Н. Плещеевъ; онъ умеръ въ Парижѣ, и въ плачущій осенній день прахъ поэта былъ привезенъ въ Петербургъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ Москву, гдѣ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря могила Плещеева обращаетъ на себя вниманіе своею часовнею и прекраснымъ бюстомъ покойнаго. Подъ вечеръ уже «печальная процессія» двинулась отъ Варшавскаго вокзала къ Николаевскому, и такъ какъ мелкій дождь («сѣянецъ», по опредѣленію С. В. Максимова) не переставалъ съ утра до вечера ратоборствовать съ ингерманландскимъ зефиромъ, то за «траурной колесницею» тысячи народа не шли. Двѣ-три сотни, учащейся молодежи, по преимуществу, шли за гробомъ милого поэта, разбившись на группы. На память, вслухъ, сообщалась изъ группы въ группу біографія Плещеева; дѣлали ударенія на участія его въ дѣлѣ Петрашевскаго; порывы вѣтра не заглушали декламации: «Впередъ! безъ страха и сомнѣнья»... «О, нѣтъ, не всякому дано святое право обличенья»... «Нѣтъ, лучше гибель безъ возврата, чѣмъ миръ постыдный съ тьмой и зломъ»... и тому подобныхъ «гражданскихъ мотивовъ». Наконецъ катафалкъ при-

близился къ вѣзднымъ воротамъ Николаевского вокзала У платформы за заломъ III-го класса стоялъ обитый чернымъ крепомъ вагонъ, и ожидало покойника духовенство. Собралась небольшая семья «братьевъ-писателей».

Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ стоялъ поодаль; я сталъ рядомъ съ нимъ. Откуда ни возьмись старецъ; очевидно, изъ нѣдръ Песковъ. Такихъ старичковъ любилъ изображать В. Е. Маковский. Дряблѣе широкое лицо съ легкимъ румянцемъ, обросшее щетиною; носъ совсѣмъ какъ баклажанъ, темно-фіолетовый, и отвислая нижняя губа. На этомъ отставномъ канцелярскомъ экземплярѣ была поблекшая шинель, изъ-подъ которой буйно выбивалась грязная вата клочьями, какой-то тумбообразный картузъ и резиновые ботики; въ довершеніе всего старческаго уши были прикрыты вязанымъ платкомъ, концы котораго подымались надъ головою. Старикъ что-то какъ будто искалъ; суетился, двигался по всѣмъ направленіямъ... Горбуновъ увидѣлъ его.

— Вотъ онъ,—кивнулъ Иванъ Ѳедоровичъ на него:—и Гречъ и «Сѣверная Пчела» давно умерли, а онъ, ихъ почитатель, слава Богу, еще здравствуетъ.

Это было сказано «по-горбуновски», то есть совершенно вразрѣзъ съ похороннымъ настроеніемъ, и настроеніе было, конечно, испорчено. Съ платформы лились скорбные звуки литіи, а тутъ душилъ смѣхъ; почитатель же Греча и «Сѣверной Пчелы», какъ нарочно, продолжалъ суетиться.

Отдавши послѣдній долгъ покойнику, зашли помянуть его въ буфетъ; туда же ковылялъ и Н. А. Лейкинъ. Къ популярному бытописателю петербургскаго «сѣраго невѣжества» я довольно присмотрѣлся, сотрудничая въ «Петербургской Газетѣ» въ отдѣлахъ театра и маленькаго фельетона. Лейкинъ въ то время былъ уже на вершинѣ извѣстности, пользовался особеннымъ уваженіемъ со стороны редакціи и самъ цѣнилъ себя очень дорого, хотя, положивъ руку на сердце, мѣсто его въ пантеонѣ отечественной литературы и было и будетъ на дальнемъ планѣ. Это талантъ, какихъ много; но въ то время какъ однихъ заѣдала судьба, Николая Александровича Лейкина она баловала. Въ его внѣшности ничего «литературнаго» не было: всею своею фигурою онъ напоминалъ сытаго лавочника; для полноты сходства недоставало медали на шею «за усердіе». Неуклюжіе сапоги его, казалось, мастерились въ ясно-полянскомъ графскомъ домѣ; чистка носа составляла любимое занятіе Николая Александровича, какъ и садоводство съ куроводствомъ. Онъ любилъ «побаловаться чайкомъ» въ грязноватомъ трактирѣ и увѣрялъ, что у него на кухнѣ фаршируютъ щуку не хуже, чѣмъ въ городахъ Западнаго края.

Къ своему литературному имени Лейкинъ относился ревниво до-нелзя. Желая подтрунить надъ нимъ, его близкій пріятель,

добродушный С. В. Максимовъ говорилъ, что его, лейкинская, извѣстность не выходитъ изъ предѣловъ петербургскаго района и никогда не доѣзжала до Москвы, такъ какъ въ Бологомъ выходила изъ вагона, чтобы ео слѣдующимъ поѣздомъ возвратиться въ Петербургъ. Николай Александровичъ отшучивался, но пріятельская шутка все-таки не могла ему нравиться. Въ дѣйствительности обстояло, разумѣется, иначе: Лейкинъ читался не только въ области корявыхъ березъ, но и тамъ, гдѣ созрѣваютъ самые нѣжные плоды. Я передалъ ему разговоръ свой съ волжаниномъ-книгоношей. Лейкинъ согласился. Это было на пристани недалеко отъ Самары. На пароходъ пришелъ книгоноша, предлагаетъ книжечку.

Изъ болѣе чѣмъ сотни книгъ я не могъ выбрать себѣ и двухъ: либо лубочныя, либо хорошо знакомыя. Говорю торговцу:

— Вашъ подборъ не для меня.

— Легкое чтеніе-съ.

— Не въ этомъ бѣда, а въ томъ, что авторовъ мало.

— Это правда-съ,—соглашается паренъ:—а только и наше дѣло такое-съ, что мы должны съ точной прахтикой сообразоваться. Имѣемъ то, на что бываетъ спросъ.

— На что же спросъ?

— На Волгѣ-то? Да ужъ извѣстно, по веснѣ до межени (лѣта), когда антилегентный пассажиръ, то спрашиваютъ Мамина-Сибиряка, Станюковича, послѣднихъ знаменитостей и французскіе романы, а ближе къ Макарью ¹⁾, когда, значитъ, пошелъ купецъ, тутъ подавай Лейкина, Мясницкаго, Пазухина. Его степенство не читаетъ иныхъ-прочихъ книгъ, окромя какъ для развлечения, и приказчикъ требуетъ: мнѣ, говоритъ, или романъ Пазухина, или Лейкина съ Мясницкимъ, чтобы досыта насмѣяться. Изъ году въ годъ такъ заведено-съ.

III.

Газета «Народъ».—А. П. Мальшинскій, Н. Я. Стечкинъ, Е. А. Шабельская.—С. И. Васюковъ.—Профессоръ Я. Я. Цвѣтковъ.—Академикъ живописи Ѳ. И. Янсовскій.—Посѣщеніе его «меценатомъ» К. Т. Солдатенковымъ.

Какъ-то особнякомъ отъ всѣхъ петербургскихъ газетъ стояла газета «Народъ», основанная въ 1896 году Аркадіемъ Павловичемъ Мальшинскимъ († 24 іюня 1899 года). Газета «Народъ» просуществовала недолго: она, кажется, не пережила своего основателя ²⁾. Самъ А. П. Мальшинскій, несмотря на то, что ему не

¹⁾ Нижегородская ярмарка.

²⁾ «Народъ» прекратился потому же, почему нѣкогда пересталъ выходить журналъ «Зеркало свѣта». Откровенные издатели, поэты И. Ѳ. Богдановичъ и Ѳ. А. Туманскій, заявляли, что ихъ журналъ прекращается «по малому числу подписателей сей годъ (1787) бывшихъ, а и того меньше на будущій явившихся».

было и 60 лѣтъ, былъ бѣлый, какъ лунь, человѣкъ, въ высшей степени корректный, тихій и, казалось, замкнутый въ себѣ; типъ кабинетнаго дѣятеля. И дѣйствительно, политико-экономическія и финансовыя статьи, печатавшіяся имъ въ «Народѣ», говорили объ уютѣ и тишинѣ кабинета, гдѣ онѣ вынашивались и строго взвѣшивались въ зрѣломъ умѣ, а не о скорописаніи, неизбежномъ въ газетномъ дѣлѣ.

Я не знаю, въ какомъ родствѣ А. П. Мальшинскій состоялъ съ министерствомъ финансовъ, но какое-то родство было, и выливалось оно въ формѣ обязательныхъ объявленій; это обязательство производило странное впечатлѣніе и давало много пищи остроумнымъ людямъ. Повидимому, средства самого издателя были весьма ограничены, тиражъ газеты «Народъ» далеко не достигалъ тысячи, между тѣмъ редація и контора помѣщались на Морской, гдѣ жилъ и Николай Яковлевичъ Стечкинъ, первый и послѣдній редакторъ «Народа».

Мальшинскій получилъ солидное образованіе; питомецъ московскаго и гейдельбергскаго университетовъ, онъ писалъ вѣскія, умныя статьи, но—кто читалъ эти статьи? Какая же газетная экспедиція не скрываетъ точнаго числа своихъ подписчиковъ? А въ конторѣ «Народа» печатные адреса его подписчиковъ обыкновенно лежали на виду, на прилавкѣ, такъ что желающіе читали ихъ, а податели объявленій убѣждались воочію, что «Народъ» съ Морской читается лишь горсточкою русскаго народа, всего нѣсколькими сотнями, да и тутъ сколько близкой и дальней родни редактора и издателя!

Николай Яковлевичъ Стечкинъ, высокій, рыжеволосый, съ охрипшимъ голосомъ и непремѣннымъ ринсе-нез на носу, представлялъ собою противоположность тихому, сдержанному, кабинетному Аркадію Павловичу; онъ былъ менѣе образованъ, но все же образованъ, уменъ, остроуменъ и нервенъ, какъ истый журналистъ. Благодаря несдержанности языка, Стечкинъ могъ казаться циникомъ, но едва ли былъ таковъ. Онъ отличался изумительной трудоспособностью, писалъ не безъ блеска и обладалъ тонкимъ литературнымъ нюхомъ и развитымъ вкусомъ. Въ пору наивысшаго полета г. Горькаго Стечкинъ предсказывалъ этому баловню читающей публики конецъ въ родѣ того, какой увѣнчалъ дѣло жизни Н. Кукольника. Николай Яковлевичъ бывалъ рѣзокъ, но всегда искрененъ и честенъ. Это былъ убѣжденный консерваторъ и націоналистъ, и свои твердые взгляды на отечественный корабль и на русло, по которому долженъ поступать впередъ этотъ корабль, онъ заковалъ въ семьѣ и въ одесской газетѣ «Новороссійскій Телеграфъ» М. П. Озмидова, знамя котораго онъ поддерживалъ твердой рукою на высотѣ.

Поступись Стецькинъ своими святынями, подайся онъ вѣво, онъ сталъ бы желаннымъ гостемъ въ либеральныхъ изданіяхъ, какъ остроумный фельетонистъ, надежный полемистъ, дальноворкій, воспримчивый и умный публицистъ, но Н. Я. Стецькинъ, какъ вѣрный жрецъ, поддерживалъ огонь и курилъ оміамъ на алтарѣ разъ избраннаго имъ бога, котораго онъ чтилъ и которому только и хотѣлъ по совѣсти служить. Послѣ прекращенія «Народа» Н. Я. Стецькинъ былъ приглашенъ В. В. Комаровымъ завѣдывать «Свѣтомъ». 2-го мая 1906 года я видѣлся съ Николаемъ Яковлевичемъ въ редакціонномъ кабинетѣ; онъ жаловался на усталость, но относился къ себѣ какъ-то безучастно. Семья Комаровыхъ жила въ деревнѣ, гдѣ Виссаріонъ Виссаріоновичъ прихварывалъ; газета всецѣло оставалась на рукахъ Стецькина, и онъ всецѣло отдавался ей. 31 мая того же 1906 года онъ скончался отъ разрыва сердца.

Въ бытность редакторомъ «Народа», Н. Я. пережилъ много тяжелыхъ дней: газета не побѣждала равнодушія публики, «обязательныя» объявленія уплывали въ конторы распространенныхъ и полуказенныхъ газетъ, гонорары сотрудникамъ выплачивались съ большими задержками и вдобавокъ гомеопатическими дозами; предпріятіе явно чахло: Стецькину пришлось скоро понять, что свѣтлаго дня «Народъ» не дождется, а онъ любилъ свою газету. Съ другой стороны, на него же падали неудовольствія кормимыхъ «завтраками» сотрудниковъ. Я помѣстилъ въ «Народѣ» рассказъ и рецензію о второстепенныхъ петербургскихъ театрахъ. Главнымъ критикомъ была Е. А. Шабельская. Я никогда не былъ представленъ этой, по отзывамъ многихъ, хлѣбосольной журналисткѣ и наблюдалъ ее со стороны. Первая встрѣча—на всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1896 году. Въ одинъ прекрасный день мы съ Димитріемъ Васильевичемъ Григоровичемъ вышли изъ бюро IX художественно-промышленнаго отдѣла, которымъ завѣдывалъ знаменитый авторъ «Антоня Горемыки» и «Рыбаковъ». Въ это время проходила дама мимо павильоновъ. Будь на выставкѣ толпа обозрѣвателей, дама и тогда бы не осталась незамѣченной, въ ярко-красномъ костюмѣ, съ распущеннымъ краснымъ зонтикомъ и, кажется, въ красной же шляпѣ, но вѣдь на выставкѣ всегда бывало довольно-таки пустынно: правительство и промышленники не хотѣли или не умѣли привлечь къ ней общественное вниманіе, а «бойкіе журналисты» предпочли отечественной выставку въ Буда-Пештѣ, куда представителей печати возили чуть ли не даромъ, окруживъ комфортомъ и прелестями земного бытія. Венгры знали, что все расходы на «газетчиковъ» окупаются сторицею, какъ только заскрипятъ бойкія перья. И вотъ въ то время, когда мы, маленькіе провинціальныя журналисты (я корреспондировалъ въ «Орловскій Вѣстникъ»), старались по мѣрѣ силъ прелестить

провинціальныхъ куликовъ и мастодонтовъ нижегородскими прелестями и чудесами, глотали кунавинскую пыль и дышали адскимъ воздухомъ приволжскихъ набережныхъ,—въ это время извѣстные журналисты, какъ И. Ѡ Василевскій, И. Я. Гурляндъ и другіе, наслаждались тамъ, гдѣ,—сказывали мнѣ въ Кисъ-Керѣшѣ,—ви-таетъ тѣнь Петефи.

— Что за Мефистофель? Кто эта дама? — спросилъ Дмитрій Васильевичъ.

Подвернувшійся юркій «шеръ конфереръ» изъ Москвы сообщилъ, что это — Е. А. Шабельская, корреспондентка «Новаго Времени» изъ Берлина. Потомъ я встрѣчалъ на выставкѣ Е. А. Шабельскую въ сопровожденіи А. В. Амфитеатрова, а позже—въ сопровожденіи его и Вл. И. Ковалевскаго, директора департамента торговли и мануфактуръ, будущаго товарища министра финансовъ. Они и М. И. Кази много способствовали улучшенію и разнообразію меню въ ресторанахъ при выставкѣ, а въ «подвалахъ» его появились лучшія марки шампанскаго.

Разставшись съ «Новымъ Временемъ» и сдѣлавшись театральнымъ критикомъ газеты «Народъ», Е. А. Шабельская показала примѣръ, какіе суровые, ничѣмъ не смягчаемые приговоры можетъ произносить бывшая артистка дѣйствующимъ артистамъ. Въ отзывахъ объ Александринской труппѣ Елиз. Александровна представлялась прямо Собакевичемъ; мнѣ казалось, что «бичеваніе», которому нашъ критикъ подвергалъ М. Г. Савину, объяснялось «вѣчною» зубною болью, но Александръ Константиновичъ Шеллеръ (А. Михайловъ) передавалъ, что П. А. Стрепетова, кажется, отъ зубной боли не страдала, между тѣмъ уѣзжала отъ него всегда разсорившись. «Насъ съ Полиной Антиповной,—говорилъ онъ,—соединяютъ давнишніе годы пріязни, но всякій разъ, какъ она бываетъ у меня въ гостяхъ, мы ссоримся изъ-за Савиной, разговоръ о которой она неизбѣжно заводитъ».

Полученіе гонорара въ «Народѣ» приходилось обставлять ухищреніями. Однажды намъ съ Семеномъ Ивановичемъ Васюковымъ (тогда уже вкусившимъ отъ древа познанія Черноморья) недоставало трехъ рублей для настоящаго обѣда у Пивато съ заходомъ къ Лейнеру. Какъ быть? Въ конторѣ настроеніе вялое. Семенъ Ивановичъ нашелся. «Просите,—говоритъ,—у Стечкина на ка-лоши. Предметъ первой необходимости — не откажетъ». Дѣйствительно, не сорвалось. Стечкинъ имѣлъ отзывчивое сердце и былъ хорошій товарищъ. Тѣмъ и другимъ качествомъ обладалъ и покойный Семенъ Ивановичъ, но я не понимаю, зачѣмъ ему приписывается какая-то аскетическая незлобивость. Д. В. Григоровичъ сказалъ про И. С. Тургенева: вѣдь крови въ Иванѣ Сергѣевичѣ не было—внутри его была вата. Если его уколоть въ тѣло, такъ непремѣнно выльзетъ кусочекъ ваты. А когда онъ сердился —

ужасно дѣлался похожъ на бѣшеннаго голубя. Въ жилахъ Васюкова текла настоящая кровь, а, сердясь, онъ походилъ совсѣмъ не на голубя. Возьмите его брошюру «Скорпионы столичной (московской) печати», прочитайте ее, и въ авторѣ обнаружится человѣкъ съ селезенкою и съ запасомъ горечи. *Amicus Plato, sed magis amica veritas...* ¹⁾

Вотъ кстати! Въ декабрьскомъ № «Историческаго Вѣстника» 1907 года покойный Семень Ивановичъ напечаталъ свои воспоминанія объ Яковѣ Яковлевичѣ Цвѣтковѣ, бывшемъ профессорѣ физики и метеорологіи Петровской академіи, который читалъ также лекціи по этимъ предметамъ и по механикѣ въ Александровскомъ военномъ училищѣ и въ поляковско-катковскомъ лицѣѣ. По опредѣленію Васюкова, «Я. Я. Цвѣтковъ былъ демократъ по убѣжденію и существу. Простому народу этотъ человѣкъ былъ, несомнѣнно, близокъ. Мнѣ, — продолжаетъ авторъ, — приходилось его видѣть въ средѣ рабочихъ, которые искренно къ нему относились, считая, впрочемъ, за чудака, но только хорошаго. Цвѣтковъ очень уважалъ поэзію Некрасова, стихотворенія котораго почти всѣ зналъ наизусть. Да! странный былъ человѣкъ, который жилъ не для себя. Какъ сейчасъ помню его торжественную фигуру съ поднятой рукою, когда онъ декламировалъ «Рыцаря на часъ». Далѣе С. И. Васюковъ представлялъ порывы профессорскаго благородства и описывалъ пагубную страсть Я. Я. Цвѣткова къ вину. Мнѣ духовный обликъ этого ученаго представляется нѣсколько инымъ и болѣе замысловатымъ. Безъ сомнѣнія, Я. Я. Цвѣтковъ въ молодости благородно кипѣлъ, клокоталъ, но съ теченіемъ времени кипѣніе прекращалось и прекратилось, и остывшее вмѣстилище высокихъ побужденій и рыцарскихъ порывовъ затянулось плѣсенью; красивая жизнь погасла, стала пепломъ, изъ котораго зародилось воистину странное существованіе. Всѣ стремленія свелись къ водкѣ, весь демократизмъ окончательно вылился въ форму удовлетворенія обществомъ полупьяной кухарки и ея друзей. Правда, что чужая душа—потемки и копать въ ней врядъ ли удобно, но рѣчь идетъ не о заурядномъ человѣкѣ, а о видномъ ученомъ и общественномъ дѣятелѣ, въ подобныхъ же случаяхъ даже самые «патріотическіе» нѣмцы не стѣсняются разсматривать своихъ Шопенгауэровъ въ ихъ отношеніяхъ къ экономамъ, къ швеямъ Маркетъ и т. п... Задолго до конца своей жизни профессоръ Я. Я. Цвѣтковъ махнулъ рукою на многое такое, на что, пожалуй, и не слѣдовало махать рукою, и представлялъ собою, съ одной стороны, какое-то дряблѣе, а съ другой—странное существо.

¹⁾ Въ воспоминаніяхъ «Былые дни и годы» С. И. Васюковъ писалъ, что онъ сталъ литераторомъ въ 1884 году. («Историч. Вѣстн.», сентябрь, 1908 годъ), но, кажется, первая его статья появилась годомъ ранѣе, т. е. въ 1883 году, въ одномъ изъ октябрьскихъ или ноябрьскихъ №№ «Русскихъ Вѣдомостей».

Въ своихъ воспоминаніяхъ С. И. Васюковъ упомянулъ про Цвѣтковское «деми-сезонъ» пальто. Профессоръ носилъ его до послѣдней невозможности, наконецъ купилъ новое и идетъ однажды на лекціи въ Петровско-Разумовскую академію. Путь всегда одинъ и тотъ же въ продолженіе ряда лѣтъ, мимо соломенной сторожки, гдѣ постъ городского. Полицейское око пропускало мимо себя множество разъ этого «стриюцкаго» въ «деми-сезонѣ», мало любопытствуя, кто онъ. Но вотъ знакомый прохожій появляется въ новомъ, «приличномъ» пальто, которое ему не къ лицу. Городовой замѣтилъ обновку и принялъ къ свѣдѣнію.

— Эй, сударь!

Я. Я. Цвѣтковъ, къ которому относилось это «сударь», остановился. Городовой подходитъ къ нему и спрашиваетъ у него, откуда взялось новое пальто.

— Купилъ.

— Оно и видно, что вашъ братъ покупаетъ!— усмѣхнулся городской.— Чѣмъ занимаешься?

— Профессоръ...

— Что-о?! Въ участки!

И вмѣсто академіи Яковъ Яковлевичъ зашагалъ въ «Бутырки», сопровождаемый полицейскимъ; шелъ онъ безропотно, безпрекословно и предсталъ предъ помощника пристава; служака-городовой разъяснилъ: вотъ, молъ, человѣкъ ходилъ сколько лѣтъ въ плохомъ пальтишкѣ, а нынче вдругъ оказался въ приличномъ пальто; человѣкъ подозрительный. Откуда взялъ пальто? Купилъ, гытъ. Чѣмъ занимаешься? А онъ: профессоръ.

При послѣднемъ словѣ докладчика помощникъ пристава широко раскрылъ глаза.

— Это вы-то профессоръ?

— Прошу навести справки. Я Яковъ Яковлевичъ Цвѣтковъ. Обратитесь въ Петровско-Разумовскую академію.

Обратились, и... со стороны полицейскихъ чиновъ посыпались извиненія предъ истиннымъ профессоромъ. «Вышло прискорбное недоразумѣніе». Какъ обыкновенно бываетъ, виновнымъ оказался только городской, и Цвѣткову было сказано, что съ ретиваго служаки взыщется строга.

— Нѣтъ, ради Бога, не взыскивайте съ него,— сталъ упрашивать помощника пристава Цвѣтковъ.— Это, видно, хороший, честный служака. Мы съ нимъ останемся пріятелими...

На ряду съ такимъ «демократизмомъ», съ подчасъ очень трогательнымъ опрощеніемъ и съ удовлетвореніемъ себя очень малымъ, Я. Я. Цвѣтковъ взрастилъ въ себѣ страсть къ приобрѣтенію, да не чичиковскую, а плюшкинскую. Вѣдь въ залѣ суда выяснилось, что Яковъ Яковлевичъ давалъ деньги подъ проценты! Вотъ это, не правда ли, характерно для него, и не оттого ли этотъ

дрябленькій добрячекъ-ростовщикъ вѣзлся въ память, когда онъ декламировалъ изъ некрасовскаго «Рыцаря на часть»:

И пою тебѣ пѣснь покаянія,
Чтобы кроткія очи твои
Смыли жаркой слезою страданія
Всѣ позорныя пятна мои.

Иной примѣръ опрощенія представлялъ собою академикъ живописи Ѳедоръ Ивановичъ Ясновскій, умершій 12 іюля 1902 года. Онъ умеръ 69-лѣтнимъ старикомъ, котораго знала вся сколько-нибудь интересующаяся вопросами искусства часть московскаго населенія. Уроженецъ Минской губерніи, Ѳедоръ Ивановичъ получилъ образованіе въ школѣ технического рисованія, въ которой затѣмъ остался преподавать и преподавалъ почти 40 лѣтъ, подготовивъ для среднихъ и городскихъ школъ весьма значительную семью учителей рисованія. Извѣстные въ педагогическомъ мірѣ Бѣлокаменной спеціалисты-преподаватели С. Н. Барановъ, В. В. Бѣляшинъ и другіе—ученики покойнаго Ясновскаго. Школа технического рисованія, переименованная въ Строгановское училище, гордилась Ѳедоромъ Ивановичемъ. Почти всю жизнь онъ прожилъ холостякомъ въ Москвѣ, на Арбатѣ, зиму отдавалъ учительству, а лѣтомъ отдавался творчеству; большинство произведеній Ѳ. И. Ясновскаго изображаютъ природу и уголки Москвы и ея окрестностей, но художникъ видѣлъ и другія мѣста въ отечествѣ. Мастерство его было замѣчено и оцѣнено своевременно: Ѳ. И. уже въ 60-хъ годахъ былъ академикомъ живописи. О рынкѣ сбыта онъ не заботился: знатоки и любители пейзажа охотно пріобрѣтали «Ясновскаго» или на выставкахъ, или въ мастерской, на порогѣ которой гостей всегда встрѣчалъ самъ академикъ. Онъ не держалъ «рабовъ» (т. е. прислуги), жилъ въ одиночествѣ. Водовозъ сливалъ воду въ кадку на кухнѣ, дворникъ припасалъ угольевъ и лучину для самовара, все остальное дѣлалъ для себя самъ Ѳедоръ Ивановичъ. Гости онъ недолюбливалъ, но къ посѣщеніямъ своихъ бывшихъ учениковъ относился благосклонно, вступалъ съ ними въ бесѣду по поводу своихъ произведеній, которыми обыкновенно были украшены стѣны квартиры, причѣмъ не стѣснялся обращаться на «ты», не считаясь съ возрастомъ собесѣдника. Если эготъ послѣдній обнаруживалъ желаніе попить чайку, то хозяинъ посылалъ его на кухню.

— Поди, братецъ, и поставь самоваръ. Уголья лежатъ тамъ-то, спички тамъ-то, вода въ кадкѣ, а на полкѣ увидишь, братецъ, сложенную въ видѣ горокъ березовую кору; это для растопки. Понялъ?

— Понялъ, Ѳедоръ Ивановичъ.

— Ну, такъ поди и распорядись.

Если гостю не хотѣлось пачкаться съ нагрѣваніемъ самовара, тогда хозяинъ соглашался пойти съ нимъ въ чайную, въ трактиръ, и тамъ продолжалась бесѣда объ искусствѣ; проходилъ часъ за часомъ, желудки собесѣдниковъ начинали роптать.

— Что-то ѣсть хочется, Ѳедоръ Ивановичъ, не закусить ли намъ?

— Это ты, братецъ, хорошо надумалъ. Давай поѣдимъ.

— Чего бы вы хотѣли Ѳедоръ Ивановичъ?

— Въ подобныхъ заведеніяхъ, братецъ, высреннія желанія немѣстны. Прикажи подать калачей, ну, горячей колбасы или, братецъ ты мой, распорядись касательно яичницы съ ветчиной,—вотъ и все.

И опять бесѣда объ искусствѣ.

— Не подышать ли намъ, Ѳедоръ Ивановичъ, свѣжимъ воздухомъ на бульварѣ?

— Ну, что жъ, братецъ, пойдёмъ.

И опять искусство на устахъ.

— Ѳедоръ Ивановичъ, а портерныя-то еще не закрылись... можетъ, выпили бы по кружкѣ пива?

— И то дѣло. Шагаемъ, братецъ.

— Экая ночь прекрасная!..

— Постой, а тебѣ, братецъ, есть гдѣ ночевать?

— Какъ же! у меня, Ѳедоръ Иванычъ, квартира...

— Ну, то-то! а то, братецъ, милости просимъ ко мнѣ; у меня есть гдѣ переночевать.

Въ знаменитой Третьяковской галереѣ находятся слѣдующія произведенія Ѳ. И. Ясноваго: «Первый снѣгъ», «Въ Кунцевѣ», «Въ Мавиловѣ» и акварель «Малороссійская хата». Въ картинную галерею Румянцовскаго музея досталось отъ К. Т. Солдатенкова: «Пейзажъ» (помѣченный № 540 по каталогу 1908 г.).

О первомъ посѣщеніи Солдатенковымъ мастерской Ясноваго стоитъ разсказать.

Звонокъ.

Ѳедоръ Ивановичъ открываетъ дверь. На порогѣ — извѣстный московскій меценантъ.

— Я Солдатенковъ.

— Что же вамъ угодно?

— Вы г. Ясновскій? Я хотѣлъ бы приобрести нѣкоторыя изъ вашихъ художественныхъ произведеній.

— А, очень пріятно. Прошу васъ въ мастерскую.

Тамъ нѣсколько готовыхъ полотенъ; Ясновскій предоставляетъ выборъ Солдатенкову, отходя въ сторону; Кузьма Терентьевичъ постоялъ, посмотрѣлъ и намѣтилъ три полотна.

— Я бы, — говоритъ, — не прочь купить вотъ это, это и это. Какова цѣна?

— Оцѣнку моихъ произведеній, — отвѣчаетъ Ясновскій, — я бы хотѣлъ услышать изъ устъ такого знатока, какъ К. Т. Солдатенковъ.

— Тогда я предлагаю вамъ вотъ за эту вещь 700 рублей, за ту 250, а за послѣднюю 300 рублей.

— Что?! 250 рублей за талантливѣйшее произведеніе и 700 рублей за совершенно плохую работу? Прошу васъ удалиться. Вы Солдатенковъ?!

— Позвольте...

— Солдатенковъ! Ме-це-натъ! — и вдругъ... Я прошу васъ немедленно удалиться!

Ясновскій клокоталъ. Солдатенковъ, пожимая плечами, удалился. Однако, знакомство ихъ на этомъ не порвалось. Впослѣдствіи пріязнь соединила художника съ покровителемъ искусствъ.

П. А. Россіевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КНЯЗЬ ГРИГОРІЙ.

(Воспоминанія его крѣпостной).

I.

ВТО 1905 года я провела въ одной изъ среднихъ губерній, въ имѣньѣ моей престарѣлой тетки. Она въ началѣ лѣта заболѣла, а въ концѣ его и умерла.

Покойница происходила изъ древней и богатой дворянской фамиліи, но умерла, сравнительно, въ бѣдности, хотя еще окруженная остатками прежней барской обстановки.

Случилось такъ, что со своей теткой я познакомилась только въ это лѣто, но въ дѣтствѣ мнѣ приходилось о ней много слышать: говорили, что тетя Лиза очень умна, хороша собой, и, кромѣ того, наша семья гордилась, что она была невѣстой богатаго и съ громкой фамиліей князя; потомъ я узнала, что вслѣдствіе какой-то эксцентричной выходки со стороны князя ихъ свадьба разошлась и тетя Лиза уже ни за кого не вышла замужъ.

Когда я теперь къ ней пріѣхала, ей было за семьдесятъ лѣтъ и хотя она часто недомогала, но все еще была на ногахъ и вела дѣятельную жизнь; изъ сосѣднихъ деревень къ ней часто приходили крестьяне, она писала имъ прошенія, лечила ихъ травами, а также давала имъ различные совѣты по хозяйству.

Въ домѣ, возлѣ тети, я нашла только двоихъ людей: старушку Авдотью, которая была года на два моложе своей госпожи, и Авдотына сына Павла; этому тоже было лѣтъ пятьдесятъ, и онъ

былъ слабоумный: собиралъ бумажки, коробочки и ихъ цѣлыми сотнями хранилъ у себя въ комнатѣ, а также часто убѣгалъ въ ближайшую деревню, гдѣ выпрашивалъ у крестьянъ милостыню, чѣмъ очень огорчалъ свою мать и мою тетю,—онѣ обѣ старались держать Павла на барской ногѣ. Крестьяне называли Авдотьяна сына блаженнымъ князькомъ, а ее величали не иначе, какъ матушкой Авдотьей Евсеевной.

Всѣ трое жили мѣрно и спокойно; хозяйствомъ завѣдывала Авдотья и вмѣстѣ съ тѣмъ ухаживала за своей госпожой, притомъ съ такой преданностью, на которую были способны только нѣкоторые изъ прежнихъ крѣпостныхъ слугъ; между тѣмъ, какъ я впоследствии узнала, Авдотья никогда не была ея крѣпостной...

Разъ тетя ходила по двору и съ нею сдѣлалось такъ дурно, что со двора въ домъ мы ее принесли уже на рукахъ; съ тѣхъ поръ она цѣлые дни не вставала съ постели, но по вечерамъ, когда провѣтривалась ея спальня, мы усаживали больную въ вольтеровское кресло и везли въ гостиную; это была большая комната съ тремя окнами, выходившими въ тѣнистый садъ, и устроенная старинной мебелью изъ краснаго дерева; когда-то мебель была обита краснымъ штофомъ, но теперь отъ времени онъ сдѣлался бурымъ и пришелъ въ ветхость; на стѣнахъ висѣли портреты нашихъ предковъ, между ними былъ и портретъ тети Лизы, снятый съ нея въ молодости. На немъ она была красавица: съ правильными чертами, большими черными глазами и длинными золотистыми локонами; а теперь моя тетя была величественная старуха съ сухимъ, строгимъ профилемъ и восковымъ цвѣтомъ лица...

Большая все зябла, и ея кресло мы ставили недалеко отъ печки, которая въ это время нарочно топилась. Возлѣ больной, на низенькой скамеечкѣ, съ чулкомъ въ рукахъ садилась Авдотья. Это была маленькая старушка со сморщеннымъ желтымъ личикомъ, на которомъ словно застыла предупредительная улыбка. Авдотья постоянно носила черное ситцевое съ бѣлыми горошками платье и черный платокъ, перекинутый по-деревянски черезъ голову.

Сидя на скамейкѣ и быстро шевеля спицами, она занимала больную разказами, и всѣ эти разказы относились къ ихъ прошлому; подъ ея тихій, старческій голосъ тетя часто и засыпала.

Въ одинъ изъ августовскихъ темныхъ вечеровъ отвезли мы больную въ гостиную.

На дворѣ бушевала буря, завывалъ вѣтеръ, шелъ дождь, и его крупныя капли, какъ слезы, катились по окнамъ гостиной. Въ большомъ старомъ домѣ, гдѣ лежала трудно больная, въ этотъ вечеръ было очень тоскливо. Тетя въ своемъ креслѣ казалась совсѣмъ мертвой. Авдотья вязала молча чулокъ, тишину нарушали тиканье часовъ съ кукушкой и трескотня вентилятора; печка давно истопилась, и въ угольяхъ, какъ и въ нашей больной, едва

теплилась жизнь. Я же то сновала по гостиной изъ одного угла въ другой, то стояла передъ окномъ и смотрѣла въ темный садъ, и мнѣ казалось, что деревья, наклоняясь верхушками другъ къ другу, шептались о чемъ-то страшномъ.

Отъ тоски я чуть не плакала.

Вдругъ больная поднялась на креслѣ и испуганнымъ голосомъ закричала:

— Авдотья, князь Григорій пріѣхалъ! Онъ уже входитъ на крыльцо, папенька ведетъ его въ гостиную. Бѣги имъ навстрѣчу, скажи, что я князя не хочу видѣть, не хочу, не хочу!

Больная вся тряслась отъ страха, и по ея лицу текли слезы. Мы бросились къ ней и начали успокаивать: говорили, что во всемъ домѣ, кромѣ насъ, никого нѣтъ и что князь Григорій и ея отецъ уже давно умерли. Наконецъ мы успокоили больную, и она снова впала въ забытѣе.

Покрывая ей пледомъ ноги, Авдотья тихо сказала:

— Вѣрно, близка барышняина смеретушка, если ей повидѣлся нашъ покойный князь Григорій Алексѣевичъ!

Я вспомнила, что тетя была невѣстой князя Григорія, и спросила, нѣтъ ли въ домѣ его портрета.

— Есть,—шопотомъ отвѣтила Авдотья:—въ кладовой въ корзинѣ лежитъ. Барышня не любила вспоминать о князѣ и портретъ его на стѣнку не повѣсила.

Черезъ нѣсколько минутъ я уже держала въ рукахъ дагеротипный портретъ князя Григорія и, чѣмъ больше я въ него всматривалась, тѣмъ больше лицо князя казалось мнѣ знакомымъ, и я старалась вспомнить, гдѣ я видѣла эти тонкія черты и эти большіе меланхолическіе глаза; наконецъ вспомнила: портретъ былъ похожъ на Павла, Авдотьиного сына, и я невольно произнесла:

— Какъ, Авдотья Евсеевна, князь похожъ на вашего сына!

Она спокойно отвѣтила:

— Ничего, сударыня, нѣтъ удивительнаго: князь Григорій Алексѣевичъ отецъ моего Павлика. Развѣ вамъ барышня ничего объ этомъ не говорили?

Я отвѣтила, что тетя никогда при мнѣ не упоминала о князѣ, но въ дѣтствѣ я слышала, что князь Григорій былъ ея женихомъ, а также, что онъ былъ большой чудакъ.

— Скрытныя были моя барышня!—задумчиво произнесла Авдотья.—А что князь Григорій Алексѣевичъ озорничали—это вѣрно; наши оба князя, старый и молодой, чудили, и отъ ихъ чудачествъ много было слезъ пролито.

Ея слова меня заинтересовали, и въ этотъ же вечеръ я упросила Авдотью разсказать мнѣ все, что она знала о своихъ бывшихъ господахъ, князьяхъ Н-скихъ, а также и ея собственную исторію.

Чтобы не беспокоить нашу больную, мы отошли въ глубь гостиной, и Авдотья, сидя со мной на подоконникѣ, начала свой рассказъ, который я здѣсь передаю ея словами.

II.

Много на своемъ вѣку я слезъ пролила чрезъ ихъ сѣятельство князя Григорія Алексѣевича; а только Христось съ ними!— я имъ все давно простила, и въ поминаньѣ у меня они записаны послѣ отца съ матерью; но въ молодости я на князя роптала и со своимъ отцомъ изъ-за нихъ много разъ ссорилась. Отецъ состоялъ при молодомъ князѣ двадцать пять лѣтъ и любилъ его, какъ сына, такъ, какъ я Павлика, — вѣдь знаю, что онъ у меня дуракъ, а изъ-за этого мнѣ его еще жалче дѣлается; также и отецъ мой, сколько бы князь худого ни сдѣлалъ, всегда его оправдывалъ, говорилъ, что на князя злость и ссорничество находятъ отъ меланхолии и что эта болѣзнь перешла къ нему отъ его матери княгини; а также отецъ мой винилъ и стараго князя, зачѣмъ онъ отдалъ своего сына послѣ княгининой смерти на руки мамзелямъ,—онѣ всѣ были вертушки; развѣ хорошія барышни поѣхали бы жить ко вдовому князю! Мамзелей князь доставалъ отъ сосѣдей-помѣщиковъ: услышитъ, что къ которому-нибудь пріѣхала учить дѣтей молодая барышня, сейчасъ же и ѣдетъ на нее смотрѣть; если понравится и начнетъ ее сманивать къ себѣ на большое жалованье; нанимаетъ учить молодого князя, а на самомъ дѣлѣ эти мамзели у насъ въ театрѣ представляли. Старый князь до страсти любилъ театръ и его въ нашемъ Павловскомъ самъ выстроилъ. Сначала къ намъ играть правдашныя актеры наѣзжали, а потомъ князь началъ приучать своихъ мамзелей и лакеевъ. Мамзели съ лакеями играть не любили—брезговали, но ослушаться князя не смѣли. Съ однимъ Петромъ Николаевичемъ онѣ охотно играли—всѣ знали, что онъ не простой камердинеръ, а незаконный сынъ князя, прижитый имъ (еще при жизни княгини) съ крѣпостной дѣвкой.

Петръ Николаевичъ изъ себя былъ очень красивъ и только числился камердинеромъ, а на самомъ дѣлѣ былъ выученъ всякимъ наукамъ и постоянно сидѣлъ у себя въ комнатѣ и книжки читалъ.

Его старыи князь очень любилъ.

Князь также любилъ и своихъ мамзелей — денегъ на нихъ не жалѣлъ; онѣ у насъ и въ будни въ шелковыхъ платьяхъ щеголяли, но зато мы, дворовые, ѣли круглый годъ хлѣбъ съ мякиной, и бѣднѣе нашихъ мужиковъ, пожалуй, нигдѣ не было.

У мамзелей же только и дѣла было, что передъ зеркалами вертѣться. Ни одной изъ нихъ не приходило въ голову, какой изъ

молодого князя можетъ человѣкъ выйти—онѣ ребенка только баловали, чтобы онѣ на нихъ своему папенькѣ не жаловался и хвалилъ бы ихъ.

Молодой князь росъ такимъ озорникомъ, что и не приведи Господи; а къ жестокостямъ его какъ будто еще нарочно приучали.

Скука на молодого князя еще въ дѣтствѣ находила, и, чтобы ребенка развеселить, къ нему изъ деревни на нашъ дворъ мальчишекъ пригоняли, а тѣ глупы, развѣ имъ втолкуешь, что они играютъ съ его сіятельствомъ, — другой мальчикъ не только съ княземъ поругается, но и сдачи ему дастъ; князь сейчасъ же бѣжитъ своему папенькѣ жаловаться, о тотъ этому радъ, и въ нашемъ Павловскомъ другой театръ затѣвается: одинъ лакей бѣжитъ въ деревню за отцомъ сгрубившаго мальчика, другой розги въ саду ломаетъ. Приходитъ мужикъ и ему приказываютъ сѣчь до крови своего сына, и все это дѣлалось на глазахъ у молодого князя; а если кто ему изъ дворовыхъ людей сгрубить, старый князь поставитъ сына на стулъ, а передъ нимъ — виноватаго, и молодой князь своими маленькими ручками хлесталъ людей по щекамъ.

Все это рассказывалъ мнѣ мой отецъ — сама я не могла помнить: когда молодой князь поѣхалъ учиться въ Петербургъ, а съ нимъ уѣхалъ и мой отецъ, мнѣ шель всего четвертый годъ; но и послѣ ихъ отѣзда въ нашемъ Павловскомъ мамзели не переводились, и когда моя мать умерла, а я уже подросла, то старшая прачка послала меня разносить послѣ стирки чистое бѣлье къ мамзелямъ. Одной изъ нихъ я полюбилась, и она попросила меня у стараго князя себѣ въ услуженье. Про свою барышню я ничего худого не могу сказать—добрая была и грамотѣ читать и писать меня выучила. Мою Марью Васильевну князь больше всѣхъ мамзелей любилъ — у нея голосъ былъ очень хорошій, и съ лица она была пріятненькая: бѣленькая, носикъ востренькій, засмѣется—ямки на щекахъ; а ужъ какая веселая—ея смѣхъ по всему дому раздавался. Одно время говорили, что князь хочетъ жениться на моей Марьѣ Васильевнѣ. Онъ-то, можетъ, и хотѣлъ, но она стараго князя терпѣть не могла, и я своими ушами слышала, какъ она сказала Петру Николаевичу:

— Вы,—говорить,—не смѣйте ничего худого обо мнѣ думать—я сюда обманомъ завлечена и только оттого не уѣзжаю, что отсюда мнѣ въ честный домъ уже дороги нѣтъ.

Хотя я была молода, мнѣ шель тринадцатый годъ, но все же замѣтила, что Марья Васильевна и Петръ Николаевичъ влюбившись другъ въ друга. Когда старый князь ляжетъ послѣ обѣда отдыхать, Петръ Николаевичъ сейчасъ и шмыгъ въ нашу комнату, а меня возлѣ двери кабинета поставитъ, чтобы я караулила, когда старый князь проснется.

Любовь моей Марьи Васильевны худо для нея кончилась. Старый князь начал часто хворать и все беспокоился о молодомъ князѣ; а про того давно уже худые слухи ходили: говорили, что онъ и въ Петербургѣ озорничаетъ и что его изъ училища къ намъ назадъ пришлютъ; тутъ папенька посоритъ, бывало, деньгами, и опять все успокоится. Но вдругъ молодой князь что-то такое сдѣлалъ, что даже стараго въ Петербургъ вытребовали; оттуда онъ приѣхалъ скучный, прескучный, даже потерялъ пристрастіе къ театру; подъ конецъ надумалъ всѣхъ своихъ мамзелей по домамъ распустить. Но при этомъ, грѣхъ сказать, ихъ не обижалъ: каждой одежду отдалъ и деньгами наградилъ. Дошелъ чередъ и до моей Марьи Васильевны.

Призываетъ князь ее въ кабинетъ и говорить:

— Я боленъ, Машенька, и чувствую, что скоро помру, а тебѣ, я думаю, будетъ лучше, если ты еще при моей жизни уѣдешь домой; я же награжу тебя больше, чѣмъ другихъ.

А Марья Васильевна бухъ передъ нимъ на колѣнки и призналась, что любитъ Петра Николаевича и хочетъ выйти за него замужъ.

Князь, хсть собирался умирать, а все же на нее за это обидѣлся.

— Я, — говоритъ, — первый человекъ въ губерніи, и напрасно твоей любви добивался. И кого же ты выбрала — мужика, холопа!

На это Марья Васильевна сказала:

— Петръ Николаевичъ не простой мужикъ — всѣ знаютъ, что въ немъ кровь ваша, княжеская!

Ея слова еще больше князя разсердили. Какъ вскочить со стула, загопааетъ на нее ногами да закричитъ:

— Кто тебѣ сказалъ, что Петрушка мой сынъ?... Говори сейчасъ — я того до смерти запорю! Петрушка мой крѣпостной; если ты выйдешь за него замужъ, то лишишься своего дворянства и будешь тоже моя крѣпостная.

Та и этого не испуталась:

— Я, — говоритъ, — такъ люблю Петра Николаевича, что изъ-за него готова быть вашей крѣпостной.

Князь долго на нее кричалъ, даже вытолкалъ изъ кабинета и только на другой день отдалъ попу приказъ — обвинять камердинера Петра Николаева съ дворянкой Марьей Васильевной. Въ ту ночь, когда ихъ обвинчали, наши молодые взяли да и убѣжали въ бѣги. Когда князю про это доложили, онъ такъ разсердился, что чуть не померъ, но какъ только ему полегчало, сейчасъ же о бѣглыхъ подалъ объявку, а тѣ и сами изъ одного города объявились. Марья Васильевна затѣяла тяжбу съ княземъ — пишетъ, что такъ какъ она дворянка, то Петръ Николаевичъ, женившись на ней, сталъ вольнымъ, и князь уже не смѣетъ его къ себѣ требовать.

Тяжкой Марья Васильевна ничего не взяла—въ скорости ее съ мужемъ къ намъ пригнали по этапу.

Мы всё тогда выбѣжали на дворъ на нихъ смотрѣть. Бѣглецы уже стояли на колѣнкахъ передъ окнами князева кабинета. Оба молодые, красивые и одѣты хорошо. Петръ Николаевичъ въ сѣромъ пальто и при часахъ. Марья Васильевна въ модной накидкѣ и круглой шляпкѣ; и оба горькими слезами обливаются. Князь промаячилъ ихъ такъ цѣлый часъ, потомъ выслалъ на крыльцо лакея, и тотъ сказалъ, чтобы они прощенья себѣ не ждали и что каждый изъ нихъ получить по пятидесяти розогъ. Тутъ Петръ Николаевичъ протянулъ руки къ князеву окну и во весь голосъ закричалъ:

— Отецъ, ваше сіятельство! Вы дали мнѣ жизнь, теперь возьмите ее отъ меня, только пощадите мою жену.

Князь даже въ окнѣ не показался, словно померъ.

Мужики Марью Васильевну потащили въ конюшню; Петръ Николаевичъ началъ съ ними драться; но тутъ скоро ему руки веревкой скрутили и потащили вмѣстѣ съ женой. А князь надъ ними все-таки сжалился. Петру Николаевичу дали только тридцать розогъ, а Марья Васильевнѣ — двадцать; но она, извѣстно, бѣлая кость и отъ этихъ розогъ долго хворала; когда же поправилась, князь ее опредѣлилъ въ прачечную. Бывало, жалко на нее смотрѣть: ручки у нея были маленькія, бѣленькія, а тутъ отъ щелоку до крови потрескаются, моетъ бѣлье, а сама горькими слезами обливается. Пожалѣть ее въ это время, сказать ей что-нибудь нельзя было—за каждое слово такъ на тебя и накинется.

— Молчать,—закричитъ,—хамы, я между вами одна дворянка! Мой папенька въ полку капитаномъ служилъ!

Даже мужа своего за это время возненавидѣла, а тотъ ее любилъ до страсти. Придетъ, бывало, къ ней въ прачечную, смотреть на нее, а самъ плачетъ, а то къ ней подойдетъ и скажетъ таково ласково:

— Отдохни, мой другъ Машенька, дай, я за тебя постираю.

А та его какъ отпихнетъ отъ себя.

— Прочь,—закричитъ,—холопъ, я чрезъ тебя пью горькую чашу!

И только одна была у ней утѣха — папироска; бывало, сосетъ ее цѣлый день. Пока деньги были, курила хорошій табакъ, а потомъ начала палить и махорку. За это отъ князя ей тоже доставалось—подадутъ ему чистую рубашку, онъ ее сейчасъ къ своему носу.

— Махоркой,—скажетъ,—пахнетъ, позвать ко мнѣ дворянку!

Да по щекамъ Марью Васильевну и отхлещетъ; а то начнетъ надъ ея дворянствомъ издѣваться: самъ на кровати сидитъ, въ халатѣ и туфляхъ, а Марья Васильевна стоитъ у дверей. Князь скинетъ съ ноги туфлю и крикнетъ:

— Дворянка, подай мнѣ туфлю!

Марья Васильевна подаетъ, слова не промолвить, только глаза у нея сдѣлаются такіе страшные, что, кажется, вотъ-вотъ она накинется на князя, да его и задушить.

За одинъ годъ такого мученья Марья Васильевна въ щепку высохла, какъ лимонъ, пожелтѣла, кашлять начнетъ, словно изъ пустой бочки, да кашляетъ съ полчаса, и все Бога молила, чтобъ тотъ ей смерть скорѣй послалъ.

Князь все-таки раньше ея скончался. Разъ съ нимъ такъ сдѣлалось худо, что онъ велѣлъ въ Петербургъ сыну эстафету послать; только за его грѣхи Богъ не привелъ ему съ сыномъ передъ смертью проститься: старый князь скончался утромъ, а молодой, хотя и въ этотъ день, но только къ вечеру пріѣхалъ.

III

Послѣ смерти стараго князя денегъ даже на его похороны не осталось; молодой князь, какъ пріѣхалъ, то сейчасъ же распорядился собрать съ каждаго тягла по три рубля и своего родителя съ честью похоронилъ. На похоронахъ были всѣ сосѣди-помѣщики. Три повара обѣдъ готовили, а для насъ, дворовыхъ, на дворѣ были поставлены большіе столы. Угощенье и для насъ было хорошее: сначала мы помянули князя кутьей, затѣмъ подали пироги съ соленой рыбой, потомъ пошли пироги съ сушеными яблоками и вареньемъ, напоследокъ ѣли клюквенный кисель съ молокомъ.

Молодой князь раза два выходилъ къ намъ на дворъ и спрашивалъ, хорошо ли мы угощаемся, и разговаривалъ со всѣми ласково.

Тогда князь всѣмъ дворовымъ понравился. Изъ себя они были очень красивы (мой Павликъ весь въ нихъ), росту средственнаго, лицо худоцавенькое, бѣлое, глаза голубые навывкатѣ, а голосъ у князя такой былъ нѣжный, какъ у другой барышни. Я же князя разглядѣла только тогда, когда они по дому съ гостями ходили и вошли въ нашу дѣвичью. Въ то время насъ, горничныхъ, было столько, сколько прежде мамзелей,— шесть, а седьмая—портниха Палашка. По случаю князевыхъ похоронъ мы всѣ были одѣты въ черныя коленкоровыя платья и бѣлые передники. Между нами стояла и Марья Васильевна, но она не захотѣла надѣть чернаго платья— на ней было сѣрое шерстяное, съ бѣлымъ воротничкомъ, а лицо все пудрой обсыпано; выглядѣла она страшнѣе прежняго, словно смерть стояла между нами. Еще прежде князя въ нашу комнату вбѣжалъ мой отецъ и объявилъ, что идутъ ихъ сіятельство съ гостями. Только что они къ намъ вошли, какъ Марья Васильевна выбѣжала на средину комнаты, упала передъ княземъ на колѣнки и по французскому заговорила; сама говоритъ, а слезы у нея изъ глазъ катятся крупныя, какъ горохъ. Съ колѣнокъ ее князь подняли и приказали моему отцу ей стулъ подать, потомъ

что-то тихимъ голосомъ отвѣтили и отъ нея ко мнѣ подошли; тутъ, дотронувшись рукой до моей щеки, князь, смѣясь, сказали:

— Что ты, дѣвочка, за щечки себѣ положила, что онѣ у тебя такія пухлыя?..

Теперь я стала старая и страшная, а прежде и меня люди не хаяли: глаза у меня были васильковаго цвѣта и румянецъ во всю щеку, что твоя роза. Когда ихъ сіятельство ко мнѣ подошли, меня еще больше въ краску кинуло. Стою передъ ними сконфузившись и не смѣю глазъ поднять. Слышу, отецъ мой заговорилъ:

— Это, ваше сіятельство, моя дочь Дуня.

— Что же ты, Евсей, мнѣ не сказалъ, что твоя Дуня такая хорошенькая?

И съ этими словами князь пошли изъ дѣвичьей.

Потомъ меня дѣвки чуть не заѣли за то, что князь меня одну похвалилъ; особенно злилась Палашка, она у насъ была завистливая и про меня не знала, что и выдумать, даже напраслину взвалила, что я свеклой себѣ щеки натираю; а сама она была смуглая, глаза, какъ уголь, черные; у насъ ей было прозвище дано «цыганская потеряха». Ея мать была дѣвка и нѣсколько разъ убѣгала, и всѣ говорили, что она у цыганъ жила. Мы, дѣвки, въ Палашкѣ никакой красоты не находили, а мужчины въ нее влюблялись, больше всѣхъ ее любилъ нашъ поваръ Николай. У насъ даже говорили, что Палашка съ нимъ была связавшись, а потомъ его бросила. Николай сколько разъ у стараго князя въ ногахъ валялся и просилъ ихъ повѣнчать; но тотъ все откладывалъ ихъ свадьбу. Дворовые смѣялись, что Палашка сама къ старику подбивается—въ «мамзели» захотѣла; а теперь всѣ замѣтили, что, когда пріѣхалъ молодой князь, она себѣ волосы, какъ барышня, взбила; только ихъ сіятельство прошли, а на нее даже и не взглянули.

По правдѣ сказать, князь въ первое время ни на кого изъ насъ не смотрѣлъ, они и дома-то не сидѣли, все по сосѣдямъ разѣзжались; когда же на балу познакомились съ вашей тетенькой, то сюда, въ Никольское, что день зачастили. Если же въ который день сами не ѣдутъ, то къ барышнѣ, Елизаветѣ Николаевнѣ, моего отца съ букетомъ цвѣтовъ посылаютъ.

Мы уже начинали Бога благодарить, что Онъ намъ послалъ такого тихаго князя; одна Марья Васильевна обижалась, зачѣмъ князь о ней забылъ, и все просила моего отца напомнить о ней ихъ сіятельству, и тотъ разъ, раздѣвая князя, сказалъ:

— Не поправитъ ли намъ, ваше сіятельство, грѣхъ родительскій—не отпустимъ ли на волю Петра Николаевича съ женой?

За эти слова князь на него закричалъ:

— Молчи, старый дуракъ, развѣ ты не знаешь, что такихъ братьевъ, какъ Петръ, у меня чуть не полдеревни. Что же, по твоему, мнѣ ихъ всѣхъ отпустить на волю?..

А Марья Васильевна, не дождавшись милости отъ князя, придумала написать письмо къ барышнѣ Елизаветѣ Николаевнѣ и всю свою жисть въ этомъ письмѣ рассказала.

И что-то вскорѣ, возвратившись изъ Нико́льского, князь потребовалъ къ себѣ въ кабинетъ Петра Николаевича и Марью Васильевну. Когда мы, горничныя, объ этомъ услышали—выбѣжали въ коридоръ посмотрѣть, что будетъ. Не прошло и полчаса, а Марья Васильевна изъ кабинета ужъ выбѣжала. Мы думали, что она помѣшалась: прыгаетъ по залу, какъ дѣвчонка, въ ладоши бьетъ, вдругъ упала передъ образомъ на колѣнки и начала молиться; чрезъ минуту опять запрыгала; увидѣла насъ, бросилась всѣхъ цѣловать. Мы спрашиваемъ: что случилось? Она начала:

— Ахъ, дѣвушки!.. и вдругъ закашлялась и кашляла до того, что ослабѣла, голову положила ко мнѣ на грудь; посмотримъ — она обмерла.

Петръ Николаевичъ вышелъ изъ кабинета и сказалъ, что князь ихъ обоихъ отпустилъ на волю. На другой день Марья Васильевна уже начала собираться уѣзжать—вольная она не хотѣла долго оставаться въ Павловскомъ.

Когда стала прощаться со мной,—заплакала, свое сѣрое шерстяное платье на память подарила и книжку одну, занятную, оставила, а когда давала книжку, сказала:

— Не забывай, Дуня, читать и писать, да помни, что это я тебя грамотѣ выучила.

Долго Богъ не привелъ Марьѣ Васильевнѣ радоваться своей волюшкѣ: въ ту же зиму отецъ мой зачѣмъ-то былъ посланъ въ городъ, тамъ встрѣтилъ Петра Николаевича, а тотъ ему рассказалъ, что Марья Васильевна, какъ только они пріѣхали въ городъ, сейчасъ же слегла въ больницу и черезъ шесть недѣль скончалась отъ чахотки, а самъ онъ поступилъ въ актеры и получаетъ большое жалованье.

IV.

Въ нашемъ Павловскомъ не долго было тихо. Князь началъ озорничать, или, какъ мой отецъ говорилъ, на нихъ меланхолія стала находить. Въ первый разъ съ ними это случилось въ Николинъ день, въ нашъ храмовой праздникъ. Въ этотъ день испоконъ вѣку было заведено, что господа приходили въ деревню погулять по улицѣ и послушать деревенскихъ пѣсенъ; тутъ мужички, которые побогаче, зазывали господъ къ себѣ въ гости — покушать ихъ пироговъ и выпить пива хмельного, или сусли сладкаго.

Нашъ старый князь былъ гордый, но и тотъ въ этотъ день къ старостѣ заходилъ. Я сама разъ видѣла, какъ онъ у него въ

избѣ подѣ образами сидѣлъ. Передѣ княземъ стоялъ столъ, накрытый бѣлой скатертью, а на столѣ были наставлены: разные пироги, дробы, яичницы. Возлѣ стола стоялъ староста съ женой; онъ въ синей поддевкѣ и красномъ кушакѣ; она въ бѣлой коленкоровой рубашкѣ и мериносовомъ зеленомъ сарафанѣ. Оба стоятъ передѣ княземъ, въ поясъ ему кланяются и каждый разъ приговариваютъ:

— Покормитесь, ваше сіятельство, отвѣдайте нашего хлѣба и соли.

Чуть старостиха замолчитъ, мужъ ее сейчасъ же локтемъ въ бокъ и толкнетъ.

— Кланяйся, Василиса, кланяйся ихъ сіятельству!

Нашъ староста Анисимъ былъ продувной мужикъ, умѣлъ подольститься и къ старому и къ молодому князю, оба его любили; а мужики его ненавидѣли и звали «міроѣдомъ» за то, что онъ не жалѣлъ ни ихъ крови мужицкой, ни ихъ денегъ. Еще наканунѣ праздника Анисимъ пришелъ звать молодого князя къ себѣ въ гости. Когда же князь пришелъ къ нему, то у него для ихъ сіятельства не только были приготовлены пироги и пиво, но и дичина нажарена, и заморское вино въ городѣ куплено.

Отъ старости князь выпелъ уже захмелѣвши и не пошелъ прямо домой, а зашелъ на посидѣлки къ дѣвкамъ; вотъ тутъ-то на нихъ что-то и нашло.

Сначала князь былъ веселый, смѣялся, подтягивалъ пѣсни, потомъ началъ всѣхъ дѣвокъ цѣловать и вдругъ одной изъ нихъ (Акулиной ее звали) впился зубами въ щеку и до крови прокусилъ.

Акулина закричала на всю избу; одинъ парень бросился ее отнимать, но князь и этому кулакомъ зубы вышибъ, а потомъ ужъ безъ разбора всѣхъ началъ бить. Кто-то изъ мужиковъ догадался прибѣжать къ намъ въ село, за моимъ отцомъ: всѣ знали, что его князь любилъ и слушался. Моему отцу удалось уговорить князя пойти домой. Съ посидѣлокъ онъ привелъ ихъ сіятельство подѣ ручку и сейчасъ же уложилъ въ постель.

На другой день князь всталъ какъ ни въ чемъ не бывало и сейчасъ же приказалъ заложить экипажъ и уѣхать къ своей невѣстѣ.

Въ это время князь былъ уже посватавшись за вашу тетеньку, и мы радовались, что она будетъ нашей княгиней: про Елизавету Николаевну шла слава хорошая. Говорили, что она добрая и до крестьянъ жалостливая и что она за нихъ передѣ вашимъ дѣдушкой всегда была заступницей.

У насъ только одна Палашка не хотѣла, чтобы князь женился, и про вашу тетеньку распускала сплетни,—будто барышня, когда одѣвается и горничная имъ въ чемъ не угодитъ, щиплютъ ее; но Палашкинымъ словамъ никто вѣры не давалъ, всѣ знали, что она

сама къ князю подбивается — такъ и караулила, чтобы ихъ сѣятельству на глаза попасться, каждый день себѣ новыя прически выдумывала, а щеки, чтобы горѣли, бодягой натирала.

Поваръ Николай все это видѣлъ и ужасно какъ боялся, чтобы князь не обратилъ на нее своего вниманія, а намъ, горничнымъ, Николай рассказывалъ, что онъ потому по Палашкѣ сохнетъ, что она его къ себѣ приколдовала, и что, навѣрно, приворожитъ къ себѣ и князя, а въ колдовствѣ ей помогаетъ ея тетка Ѳекла, которую у насъ въ деревнѣ весь народъ считалъ за колдунью.

Вотъ къ этой-то теткѣ наша Палашка теперь и забѣгала и отъ нея всегда приходила веселая—говорила, что ей тетка хорошо нагадала.

А меня Ѳекла разъ напугала; это было наканунѣ Ильинской пятницы.

Этотъ праздникъ у насъ въ деревнѣ, какъ и зимняго Николу, праздновали.

Только для насъ, дворовыхъ, никогда праздника не было, мы и въ этотъ день ѣли хлѣбъ съ мякиной и кашу съ постнымъ масломъ.

Въ деревнѣ всѣ это знали и насъ, дворовыхъ, жалѣли; бывало, въ праздникъ бабы нанесутъ намъ пироговъ, гороховыхъ пряниковъ и пива, и въ этотъ разъ одна баба наказала съ однимъ дворовымъ мальчикомъ, чтобы которая-нибудь изъ насъ, горничныхъ, пришла къ ней за пивомъ. Я была моложе всѣхъ, меня и послали. Дѣло было вечеромъ. Бѣгу я съ кувшиномъ по деревнѣ и не замѣтила, какъ наткнулась на Ѳеклу колдунью, а съ ней всѣ у насъ боялись встрѣчаться,—какъ бывало кто встрѣтитъ ее, такъ и знай—занебудитъ, или какое другое горе съ тѣмъ чело-вѣкомъ случится.

Изъ себя Ѳекла была старая, престарая, а глаза у ней, что угли, горѣли. Уставила она ихъ на меня и мужскимъ голосомъ заговорила:

— Пригожа ты, дѣвка, а счастья тебѣ на роду не написано, еще по веснѣ скосить коса вострая травку зеленую.

Отъ ея словъ меня даже въ дрожь кинуло, думаю, про какую это косу вострую она говоритъ. И весь вечеръ у меня на сердцѣ словно камень лежалъ. Дѣвки пѣсни пѣли и пиво пили, а мнѣ было не до пѣсенъ или пива—все про косу думала, и только тогда легче стало, когда убѣжала въ темную комнату, упала передъ образомъ Тихвинской Божьей Матери и начала молиться.

Проснулась утромъ, все какъ рукой сняло—страху уже не было, да и характеръ у меня въ молодости былъ беззаботный: плясать любила, пѣсни пѣть, и всѣ пѣсни до одной у меня были переняты отъ Марьи Васильевны. Если знаю, что князя дома нѣтъ, сижу за пяльцами и соловьемъ заливаюсь. Сколько разъ лакеи

прибѣгали мои пѣсни слушать и канарейкой меня прозвали. Мой голосъ только для одной Палашки былъ вострый ножъ. Какъ, бывало, запою, она сейчасъ и скажетъ: «Довольно тебѣ, Дунька, горло-то драть—оглушила», — а у нея самой только и дѣла было, что на картахъ гадать или про ворожбу своей тетки рассказывать. Вдругъ слухъ прошелъ, что Фекла одну бабу, которая просила приворожить къ ней не любившаго ее мужа, научила чѣмъ-то его такимъ напоить, отъ чего тотъ началъ чахнуть, а потомъ въ скорости и померъ.

Съ тѣхъ поръ мы всѣ начали бояться за нашего князя, чтобы и ихъ сіятельству Палашка чего вреднаго выпить не дала.

И ужъ не знаю, чрезъ ея ли колдовство, или Господу Богу было такъ угодно, но только свадьба нашего князя съ вашей тетенькой разошлась. Сама Елизавета Николаевна имъ и отказала.

Чѣмъ нашъ князь обидѣлъ вашу тетеньку, до сихъ поръ никто не знаетъ. Барышня объ этомъ никогда не говорили, но всѣ видѣли, что въ тотъ день они вмѣстѣ съ княземъ пошли въ лѣсъ гулять. Изъ лѣсу барышня одна вернулась, лицо у нихъ было заплаканное, и онѣ прямо прошли въ кабинетъ къ старому барину.

О чемъ они между собой говорили, тоже никто не слышалъ, и только чрезъ полчаса старый баринъ отворилъ во дворъ окно и приказалъ запрягать князеныхъ лошадей; лакея же своего поставилъ на крыльцѣ, чтобы тотъ ожидалъ возвращенія князя и прежде, чѣмъ князь войдетъ въ комнаты, подалъ ихъ сіятельству отъ барышни запечатанное письмо.

Когда князь прочиталъ письмо, то не вошелъ въ комнаты, а все время, пока запрягали лошадей, ходилъ по двору и въ цѣпную собаку бросалъ камнями.

Когда же сѣлъ въ экипажъ и выѣхалъ изъ Никольскаго, къ кучеру началъ придираетсяя, зачѣмъ тотъ долго лошадей запрягалъ, а кучеръ на это отвѣтилъ:

— Я, ваше сіятельство, сейчасъ же началъ запрягать, какъ только мнѣ было приказано.

Тутъ князь велѣлъ ему остановить лошадей и до того избилъ его по щекамъ, что, когда они пріѣхали домой, лицо кучера было все распухшее и почернѣвшее, какъ котелъ. Отъ кучера мы и узнали, что никольская барышня отказала нашему князю и какъ ихъ сіятельство срывали свое сердце сначала на собакъ, а потомъ и на немъ.

V.

Послѣ отказа вашей тетеньки нашъ князь очень заскучалъ и, какъ въ дѣтствѣ его скуку развлекали только тѣмъ, что передъ нимъ пороли людей, такъ и теперь людская кровь передъ его глазами проливалась.

Заропталъ народъ и началъ вспоминать стараго князя. Тотъ хоть людей и наказывалъ, но за какую-нибудь вину, а этотъ такъ, здорово живешь: напримѣръ, скучно имъ, — призываетъ къ себѣ старосту Анисима.

— Ну, что,—спрашиваетъ,—кого сегодня драть будемъ?

— Кого прикажете, ваше сіятельство, того и отдеремъ.

— Нѣтъ, ты самъ назови кого?

— Да хоть сухорукаго Авдея, ваше сіятельство,—онъ недавно въ Питерѣ былъ и рассказываетъ, что мужикамъ скоро воля выйдетъ.

— Вотъ и хорошо,—радуется князь:— до воли-то мы его еще много разъ выдеремъ. Только безъ меня не смѣй его сѣчь

И каждый разъ, когда кого-нибудь сѣкли, нашъ князь при этомъ присутствовалъ. Мужикъ подъ роггами кричитъ, а князь смѣется и надъ нимъ еще издѣвается.

— Неужели,—спрашиваетъ,—тебѣ больно? Поддайте ему жару, поддайте!

Отецъ же мой и тутъ оправдывалъ ихъ сіятельство, говорилъ, что князь сталъ злымъ оттого, что имъ отказала никольская барышня, и будто они ее очень любятъ и что теперь на нихъ еще больше меланхолія стала находить, а эта болѣзнь вина не любитъ, князь же каждый день выпивалъ бутылку заморскаго вина. Но съ нами, горничными, ихъ сіятельство все время были учтивы. Которая, бывало, мимо ихъ пройдетъ, всегда на поклонъ отвѣтятъ, а мнѣ еще скажутъ: «здравствуй, розанчикъ». Но въ дѣвичью къ намъ князь рѣдко входилъ.

Изъ лакеевъ князь не поролъ только моего отца, но зубы у старика давно были выбиты. У князя еще съ дѣтства была привычка — чуть что не по немъ, сейчасъ въ зубы; но къ отцу моему все-таки князь были очень привыкши, и если, бывало, поплюютъ его въ городъ, то безъ него скучали. Черезъ эту скуку я и пропала.

Послали они его разъ въ городъ деньги вносить за Павловское — вѣдь имѣнье отъ родителя князю досталось заложенымъ. Дѣло было зимой, отецъ уѣхалъ въ городъ въ худомъ полушубкѣ, а на дворѣ такая стояла стужа, что хорошій хозяинъ и собаку на дворъ не выгнать бы. Я боялась за отца, какъ бы онъ не зазябъ, и весь тотъ вечеръ была скучная и только объ отцѣ думала, — не скушала и разсказовъ Палашкиныхъ о томъ времени, когда она была въ ученѣ и какія въ магазинѣ шила платья богатыхъ, и что когда она сдѣлается барыней, то такія же платья и себѣ закажетъ.

Въ это время къ дѣвичью вбѣгаетъ лакей Илья, не видитъ меня и спрашиваетъ:

— Гдѣ Дуня Евсеева?

Илья былъ сирота и года на три меня постарше; въ комнаты мы были взяты въ одно время. Разъ старый князь посмѣялся, что, когда мы вырастемъ, онъ насъ повѣнчаетъ. Съ тѣхъ поръ всѣ дворовые и называли насъ женихомъ и невѣстой. И теперъ надъ Илей дѣвки стали смѣяться:

— Что,—спрашиваютъ,—соскучился безъ своей невѣсты?

Илья же скучный-прескучный стоитъ на порогѣ и такъ, не хотя проговорилъ:

— Иди, Дуня, къ князю въ кабинетъ, онъ тебя зоветъ пѣсни пѣть.

Сердце у меня отъ страха такъ и заколотилось; смотрю, дѣвки молчатъ, между собой переглядываются, одна Палашка хохочетъ, и отъ ея смѣха мнѣ еще страшнѣе сдѣлалось. Господи, думаю, что жъ это такое, никогда этого прежде не бывало. Хоть бы отецъ былъ дома. И вдругъ мнѣ такъ страшно сдѣлалось, хоть сейчасъ и заплакать.

— Не пойду,—говорю,—доложи, Илья, князю, что у меня горло захватило и я охрипла.

— Нельзя, Дуня,—отвѣчаетъ Илья.— Князь приказали, если ты волей не пойдешь, тебя силкомъ къ нимъ притащить.

Тутъ и дѣвки начали меня уговаривать.

— Иди, Дунька, можетъ, и вправду князь захотѣлъ послушать твоихъ пѣсенъ.

Положила я на столъ работу, на образъ перекрестилась и пошла за Илей; иду, а у самой ноги отъ страху, что осиновые листья, дрожатъ.

Передъ кабинетной дверью Илья остановился и шопотомъ сказалъ:

— Слушай, Дуня, если увидишь, что князь хочетъ надъ тобой надругаться—кричи. Пусть онъ меня потомъ хоть засѣчетъ, и я тебя въ обиду не дамъ.

За эти слова я на Илью еще и накинулась:

— Не пужай хоть ты, дьяволъ, меня, — я и безъ тебя отъ страха трясуся

Тутъ Илья вдругъ отворилъ кабинетную дверь, да въ нее меня тихонько и втокнулъ.

Сначала мнѣ показалось, что въ кабинетѣ никого нѣтъ, только въ глаза бросился большой письменный столъ и на немъ лампа подъ зеленымъ колпакомъ, а въ комнатѣ было такъ тихо, что, кажется, пролети муха, я ее услышала бы.

Вѣрно, ихъ сіятельство въ спальнѣ, подумала я и осмѣлилась обвести глазами комнату и вдругъ увидѣла — въ самомъ темномъ углу сидятъ на креслѣ ихъ сіятельство и на меня смотрятъ. Я сейчасъ же глаза въ землю опустила и стою ни жива, ни мертва.

Князь тихимъ голосомъ заговорили:

— Я потому за тобой, Дунечка, послалъ, что мнѣ безъ твоего отца очень скучно; развесели меня, спой мнѣ веселую пѣсню,—я слышалъ, что у тебя голосъ очень хорошій.

У меня же отъ страху языкъ во рту словно приросъ—молчу, какъ убитая.

Князь замѣтилъ, что я ихъ боюсь; подошли ко мнѣ, взяли меня ласково за подбородокъ и говорятъ:

— Чего ты меня, дѣвочка, боишься, я вѣдь не звѣрь и ты мнѣ всегда нравилась больше другихъ моихъ горничныхъ.

А я только и думаю, стоитъ ли Илья за дверью; вдругъ мнѣ бросилось въ глаза, что у князя лицо все красное и что они порядкомъ выпивши, а тутъ еще слышу, что они и дверь на ключъ запираютъ.

Ну, думаю, Ильѣ замка не разломать, теперь я пропала!

Взглянула это я на икону Тихвинской Божіей Матери, а передъ ней и теперь, какъ при старомъ князѣ, неугасаемая лампада горѣла, и начала я молиться. Спаси меня Матерь Божія. Вѣрно, Она, Владычица, меня и надоумила,—упала я князю въ ноги, да какъ зареву во все горло:

— Ваше сіятельство, не погубите сироту!

Съ полу меня князь подняли и на диванъ рядомъ съ собой посадили, а слезы, что текли по моимъ щекамъ, ихъ сіятельство своимъ фуляровымъ носовымъ платкомъ вытирали. Чѣмъ ласковѣе становился князь, тѣмъ мнѣ страшнѣе дѣлалось.

— Какая ты скучная! — вдругъ съ досадой проговорили ихъ сіятельство:—я тебя сейчасъ развеселю!

И, отойдя отъ меня, достали изъ шкапа бутылку и двѣ рюмки, одну рюмку себѣ налили и выпили, другую мнѣ поднесли. Я долго упрямылась—вина не хотѣла пить.

— Пей, вино сладкое, — уговаривалъ меня князь, а потомъ какъ крикнуть:

— Пей, я тебѣ приказываю!

Ослушаться ихъ сіятельства я не смѣла и выпила; вино же и вправду было сладкое-пресладкое!

Князь опять налили рюмку и мнѣ поднесли и такъ до безчувствія меня и напоили. Что потомъ было со мной, я, какъ передъ Господомъ Богомъ скажу, ничего не помню. Когда же въ себя пришла, то увидѣла, что лежу у отца въ комнатѣ и на его кровати. Я подняла было голову и хотѣла встать, но голова у меня такъ болѣла и такая была тяжелая, что я опять повалилась на постель. Я проболѣла довольно долго, и въ теченіе моей болѣзни въ Павловскомъ неожиданно завелась новая госпожа. Это была Палашка, а теперь было велѣно звать ее Полиной Степановной; самъ же князь величалъ ее: «мой ангелъ Полина».

VI.

Давно извѣстно, что если надъ народомъ, вмѣсто барина, поставитъ нашего же брата мужика, онъ сейчасъ зазнается и будетъ мытариться надъ крестьянами еще хуже барина. Такъ вышло и въ Павловскомъ, когда князь поставилъ надъ нами госпожой Полину. Она сейчасъ же мужикамъ оброку прибавила и тягла такими поборами обложила, о которыхъ при прежнихъ князьяхъ мы и не слыхали. Теперь всемъ брали: масломъ, холстомъ, курами, медомъ и даже льномъ; кромѣ того, каждая баба должна была лѣтомъ принести по рѣшету грибовъ и ягодъ. Дворовымъ Полина убавила мѣсячину и била ихъ по щекамъ, но больше всехъ она мытарилась надъ горничными—не только насъ била, но и ставила на колѣнки на горохъ; а когда посылала насъ въ садъ ягоды собирать, то завязывала намъ рты носовыми платками; сама же въ это время стояла на балконѣ и караулила, чтобы, сохрани Богъ, которая-нибудь изъ насъ не поднесла руку ко рту.

Князь Полинѣ позволялъ все дѣлать, и теперь не только дворовые, но и крестьяне заговорили, что Полина со своей теткой-колдуньей приворожила къ себѣ князя и совсѣмъ его испортила: прежде онъ только людей сѣкъ—видѣть кровь любилъ, а теперь ихъ и разоряетъ, а для другого мужика лучше, чтобъ съ него шкуру спустили, чѣмъ конейкой обидѣли. Теперь и озорничалъ князь хуже прежняго—одѣлъ свою Полину въ лисій сапогъ, повезъ къ сосѣдямъ-помѣщикамъ и вездѣ крѣпостную дѣвку за свою жену выдавалъ.

Кучеръ говорилъ, что прежде всехъ заѣхали сюда, въ Никольское, но старый баринъ ихъ не принялъ, ваша же тетенька такъ боялась озорничества нашего князя, что послѣ этого уѣхала изъ Никольскаго куда-то въ другую губернію...

Про себя скажу, что я въ это время одно только горе видѣла.

Прежде я была дѣвчонка здоровая, а теперь вдругъ расхворалась. Наши бабы мою болѣзнь мнѣ растолковали. Ихъ же сѣятельство послѣ того, какъ надругались надо мной, словно объ этомъ и забыли—мимо меня пройдутъ и не взглянуть, а ихъ метресса (какъ они называли Полину) надо мной мытарилась—каждый день меня плюхами кормила.

Заставила насъ, дѣвокъ, вышивать ей на пальцахъ батистовый капотъ и на нашу работу на дню нѣсколько разъ зайдетъ посмотреть; обойдетъ всехъ дѣвокъ—ничего не скажетъ, а у меня всегда что-нибудь неладное найдетъ: то стезка у меня рѣдкая, то руки потныя; сначала поворчитъ, а кончитъ тѣмъ, что плюху мнѣ дастъ, или ткнетъ въ шею кулакомъ. Я ничего, бывало, не

отвѣчу, только заплачу, или къ отцу побѣгу пожаловаться, а тотъ только скажетъ:

— Терпи, дочка, на землѣ намъ, крѣпостнымъ, правды не найти, не одной тебѣ тяжело и мнѣ не легко; не думалъ я, чтобы ихъ сіятельство за всю мою вѣрную службу мнѣ тѣмъ отплатили, что мою дочь обезчестили.

На князя теперь мой старикъ очень обижался и виномъ сталъ сильно зашибать, а пьяный всеѣмъ жаловался, что князь его разлюбилъ и рѣдко его къ себѣ требуетъ и что Полина хочетъ удалить его отъ князя—сослать въ другое имѣнье.

Князь же, какъ его ни просила Полина, не захотѣлъ разстаться съ своимъ отцемъ.

— Мнѣ,—говорить,—безъ Евсея нельзя обойтись, онъ все мои привычки знаетъ; кромѣ того, онъ меня любитъ, и, если понадобится, онъ за меня и помретъ.

VII.

Не одна я въ то время страдала, не меньше меня мучился и поваръ Николай, на него даже смотрѣть было жалко: прежде Николай изъ себя былъ парень видный, красивый, а теперь высохъ въ щепку, щеки и грудь ввалились и такой сталъ страшный, что другого мертвеца краше въ гробъ кладутъ; характеръ же у Николая былъ отчаянный; въ кухнѣ при дворовыхъ онъ громко ругалъ князя—называлъ «кровопійцей», а про Полину говорилъ, что она была его полюбвицей и что онъ ее убьетъ за то, что она на церковь клялась, а теперь ему измѣнила.

— Такую змѣю и убить не грѣхъ,—говорилъ онъ:—убью, а потомъ и поминай меня, какъ звали,—убѣгу на Аeonъ.

Я любила слушать, когда Николай Полину ругалъ; другой разъ и сама не вытерплю, что-нибудь про нее худое скажу. За это отъ отца мнѣ доставалось.

— Убирайся,—закричитъ,—дѣвка въ свое мѣсто, не трепли языкомъ, если его сіятельство надъ нами поставилъ госпожой Полину, значить, на это была ихъ воля, и мы, холопы, должны повиноваться и не только Полинѣ, но даже, если князь надъ нами поставитъ палку, то мы и палкѣ должны кланяться.

Обидно мнѣ станетъ на отца, зачѣмъ онъ не даетъ мнѣ при людяхъ поругать Полину. Убѣгу сейчасъ изъ кухни, гдѣ-нибудь спрячусь и горькими слезами обливаюсь. Въ то время у меня только одна утѣха была—книжка Марьи Васильевны; разъ двадцать ее прочитала,—такая занятная; она называлась «Франциль Венціанъ и прекрасная Ренцевена». Бывало, книжкой зачитаюсь и про горе свое хоть на минутку забуду. Но когда у меня ноги очень распухли и начали болѣть, я и книжку бросила, а только

думала, какъ бы полежать; а лежать у насъ только можно было по праздникамъ.

Вотъ разъ въ воскресенье лежу я на отцовской кровати, про горе свое думаю, и, прости Господи мое прегрѣшеніе,—я тогда все смерти себѣ молила. Вижу, Илья вошелъ въ комнату; я поднялась съ постели.

— Ты за мной?—спрашиваю.

— Нѣтъ,—говорить,—я только пришелъ на тебя посмотрѣть; а ты, Дуня, все плачешь? вѣрно, опять нездорова?

Мнѣ же всегда бывало стыдно, если кто заговоритъ со мной о моей болѣзни.

— Съ чего,—говорю,—ты взялъ? Я совсѣмъ здорова.

Илья вошелъ въ комнату, сѣлъ на стулъ и, пригорюнившись, сказалъ:

— Господи, когда же это мы воли-то дождемся, когда господа перестанутъ надъ нами мытариться?

— Говори тише,—остановила я его:—развѣ опять что вышло?

— А ты развѣ не знаешь,—продолжалъ Илья:—что Полина за завтракомъ блинами объѣлась и ее цѣлый часъ рвало, а теперь она на весь домъ кричитъ, что ее отравили; сегодня такъ и жди, что вся дворня будетъ перепорота.

Я тутъ вспомнила, что когда была сегодня утромъ въ кухнѣ, то поваръ Николай пекъ для завтрака блины и меня ими потчевалъ.

— Хочешь, Дуня, блинковъ?

Я подошла къ столу и взяла съ тарелки одинъ блинъ, а его Николай изъ моихъ рукъ какъ вырветъ!

— Не тотъ,—говорить,—взяла,—и подалъ мнѣ со сковороды горячій блинъ. Теперь я подумала, ужъ не онъ ли чего подсыпалъ Полинѣ,—и спросила Илью, кого послали въ городъ за докторомъ.

— Полина,—сказалъ онъ,—вмѣсто доктора тетку свою призывала, и та ее молокомъ отпаивала. Знаешь ли что,—шопотомъ началъ Илья:—наши мужики собираются Ѳеклину избу до тла сжечь и говорятъ, что колдунью ничѣмъ не убьешь, какъ только огнемъ, а если ты ее сожжешь, то все, что при жизни своей она наколдовала, вмѣстѣ съ нею и сгоритъ. Значитъ, если Ѳекла сгоритъ, нашъ князь разлюбитъ Полину и броситъ.

Когда я объ этомъ съ Ильей разговаривала, прибѣгаетъ отъ князя другой лакей, Семень, и говоритъ, что ихъ сіятельство и Полина меня требуютъ въ кабинетъ.

Въ сердцѣ у меня такъ и кольнуло; Илья же еще больше меня испугался и говоритъ:

— Ужъ не къ блинамъ ли Полина и тебя приплела?

Когда ушелъ Семень, Илья началъ просить, чтобы я не

шла на мытарства въ кабинетъ, а схоронилась до вечера въ саду. Садъ же у насъ большущій былъ; а за нимъ сейчасъ и лѣсъ начинался. Илья же придумалъ такъ: вечеромъ въ садъ онъ самъ ко мнѣ придетъ, и мы съ нимъ вмѣстѣ убѣжимъ въ лѣса, къ старовѣрамъ.

— Они насъ по-своему повѣнчаютъ,—говорилъ Илья,—и такъ у себя спрячутъ, что князю никогда насъ не найти.

На его слова я даже засмѣялась и говорю:

— Дуракъ ты, дуракъ! куда я теперь побѣгу, когда ноги у меня такъ болятъ, что я ими еле переступаю.

А онъ мнѣ на это:

— Ты только до саду дойди; а въ лѣсъ я тебя на рукахъ понесу.

Душевный былъ парень Илья Васильевичъ, вѣчная ему память!..

Когда я вошла въ кабинетъ князя, тамъ уже былъ народъ: два мужика, которые у насъ всегда людей сѣкли, а между ними стояли наши повара Самсонъ и Николай, оба были красные—ихъ только что изъ-подъ розогъ привели. У насъ было заведено, что если князь самъ не присутствуетъ, когда кого наказываютъ, то высѣченныхъ приводятъ къ нему поблагодарить за то, что ихъ поучили.

Когда я вошла, Полина лежала въ капотѣ на диванѣ и охала; а князь стояли передъ Николаемъ и его допрашивали.

— Итакъ, ты говоришь, что Дуня Евсеева ненавидитъ Полину Степановну и что она сегодня была въ кухнѣ и насыпала яду на блины.

— Это враки,—перебилъ князя Николай:—я, ваше сіятельство, никогда этого не говорилъ, это Поля по насердкѣ изъ своей головы выдумала; я только сказала, что Дуня была въ кухнѣ и ѣла блины и что если бы они были отравлены, то и она бы отравилась.

Полина вскочила съ дивана.

— Врешь, врешь!—закричала она:—ты Дуньку выгораживаешь, вы оба сговорились меня и князя погубить.

— Подожди, Поля, не тараторь, —махнулъ рукою на нее Николай:—я вѣдь знаю, за что ты наклепала на Дуню; ты боишься, что она при князѣ твое мѣсто займетъ. Не бойся—у Дуни нѣтъ, какъ у тебя, тетки-колдуньи.

— Какъ ты смѣешь,—вспылилъ князь,—Полину Степановну называть Полей и такъ дерзко съ ней разговаривать?

Тутъ Николай шагнулъ къ князю.

— А потому, ваше сіятельство, я это смѣю, что, когда она была моей любовницей, я ее всегда Полей называлъ.

— Онъ вретъ, Гриша,—заплакала Полина:—не вѣрь ему, его любовница Дунька Евсеева — смотри на нее, ей скоро родить.

Николай же раньше былъ въ меня влюбившись и просилъ покойнаго князя насъ повѣнчать,—а я его всегда терпѣть не могла. Ахъ, ахъ, помираю, они меня отравили!—и Полина начала въ слезахъ кататься по дивану.

Черезъ минуту опять вскочила.

— Гриша, ваше сіятельство,—путалась она:—прикажите Дуньку Евсееву подъ розгами допросить—это она меня отравила.

Князь обратились къ мужикамъ:

— Допросите ее подъ розгами, а потомъ, что она скажетъ, мнѣ донести.

Меня сейчасъ же мужики толкнули въ спину, чтобъ я шла изъ кабинета.

И ужъ не знаю, слышалось ли мнѣ, или вправду такъ было, но только, когда мы шли по коридору, какъ будто голосъ князя вслѣдъ намъ крикнулъ: «полегче»...

У меня же сердце такъ закаменѣло, что мнѣ было все равно.

Иду между мужиковъ и только молюсъ:

— Господи, пошли ты мнѣ подъ розгами смерть.

На дворѣ отца моего повстрѣчали

Когда старикъ увидѣлъ, что я иду между мужиковъ, такъ и ахнулъ и сейчасъ ихъ началъ Христомъ Богомъ просить—подождайте меня сѣчь, пока онъ сбѣгаетъ къ князю и отъ ихъ принесетъ мнѣ прощенье.

— Бѣги,—сказали ему мужики:—можетъ, еще успѣешь; мы не сейчасъ ее подъ розги положимъ, прежде ямку будемъ рыть.

У насъ, когда сѣкли беременныхъ бабъ, то на скамейку ихъ не клали, а прямо на землю, но, чтобы ребенка не попортить, ямку для живота вырывали.

Съ прощеньемъ отецъ не успѣлъ прибѣжать и меня подъ розги все-таки положили, но сейчасъ же мужики замѣтили, что я обмерла. Сѣчь меня они побоялись и на носилкахъ понесли въ избу на скотный дворъ. Въ ту же ночь я родила Павлика; скотница Василиса его у меня и приняла.

VIII.

Павликъ былъ у меня не доношенъ и, когда родился, чуть дышалъ. Бабы научили, чтобъ онъ не померъ, завернуть его въ зайчинку. На другой день дѣдушка намъ принесъ отъ своего стараго тулупа рукавъ, и въ немъ я Павлика продержала два мѣсяца.

Послѣ родовъ я долго не могла поправиться, и меня не только дворовые, но и крестьяне жалѣли—все знали, что князь меня обидѣлъ; а Павликъ хоть и незаконный, но княжескій сынъ. Спро-вѣдывать меня приходило много бабъ и все не съ пустыми руками:

одна приносила сочней, другая крутыхъ яицъ, а кто и молока. Мы съ Павликомъ, хоть и жили на скотномъ дворѣ, но молока въ глаза не видѣли — все шло на скопы; Полина приказывала скотницамъ еще въ подойницахъ приносить къ ней молоко и разливать его при ней же въ горланы...

Отъ Полины мнѣ вышелъ приказъ, чтобы я не смѣла въ комнаты показываться, а жила на скотномъ дворѣ и помогала Василисѣ обрывать коровъ. Я этому была радешенька; теперь мой Павликъ все время будетъ у меня на глазахъ. Кромѣ того, горничныя рассказывали, что въ княжескомъ домѣ стало страшно. Николай былъ посаженъ въ тюрьму, а она была подъ нашей дѣвичьей, и по ночамъ оттуда было слышно, какъ Николай стонетъ и плачетъ. Онѣ также рассказывали, что князь опять заскучалъ и часто напивается, а въ это время и Полинѣ плохо приходится. Князь чуть разъ ее не убилъ, а то схватитъ пистолеть и бѣжитъ къ Николаю допрашивать, навралъ ли онъ на Полину, или она была и вправду его полюбовницей.

Вскорѣ разнесся слухъ, что Николай пропалъ изъ тюрьмы: говорили, что онъ выпилилъ ночью въ окнѣ рѣшетку и убѣжалъ; а были и такіе, что потихоньку рассказывали, будто князь застрѣдилъ Николая. Объ этомъ я разъ съ отцомъ заговорила, а тотъ какъ накинется на меня.

— Если,—говоритъ,—ты мнѣ хоть одно слово про Николая скажешь—до смерти убью!

Когда же другіе его спрашивали, кто Николаю далъ пилу, отецъ шопотомъ отвѣчалъ:

— Молчите, кто далъ, того ужъ нѣтъ.

Поговорили люди о Николаѣ и замолчали; а князь съ Полиной опять зажили дружно, и гости въ княжескомъ домѣ теперь не переводились—одни со двора, другіе на дворъ. Все это были мелкопомѣстные дворяне, тѣ самые, къ которымъ князь Полину возилъ съ визитомъ: имъ дома нечего было ѣсть, вотъ они къ нашему князю и подольщались—своихъ женъ и дочерей къ Полинѣ на поклонъ привозили; зато ихъ князь съ пустыми руками отъ себя не отпускалъ: кому ржи мѣшокъ, кому крупъ, а другимъ даже телятъ и жеребятъ дарилъ. Всѣхъ князь награждалъ, только сына своего Павлика забыть: если бы не мой отецъ, то у Павлика не было бы ни рубашки на тѣлѣ, ни крупъ на кашу...

Весной мнѣ вышелъ другой приказъ — птицъ пасти, и, какъ только у насъ вывелись гуси и утки, я ихъ и начала гонять каждый день въ лѣсъ къ рѣчкѣ. Павлика я дома не оставляла — боялась, чтобъ его свиньи не съѣли. У насъ нѣсколько случаевъ было, что малыхъ дѣтей, которыхъ бабы оставляли на дворѣ безъ присмотра, свиньи съѣдали; а чтобы ребенокъ не мѣшалъ мнѣ птицъ пасти, я для него корзиночку припасла: посажу въ нее

Павлика, привяжу къ ней веревку, перекину ее себѣ черезъ голову, да такъ на спинѣ и несу Павлика, а онъ въ корзинкѣ, какъ въ люлькѣ, и заснетъ.

Теперь у меня одна была забота — мой Павликъ, день и ночь только о немъ и думала. И какъ же за него мнѣ было обидно, когда я узнала, что у Полины родилась дочь и князь ее на рукахъ носить. Значитъ, онъ любитъ Полинину дочку, а моего Павлика, своего сына, еще ни разу не видѣлъ, и тотъ растетъ на скотномъ дворѣ. Съ тѣхъ поръ я и начала думать, какъ бы мнѣ своего Павлика показать князю, да такъ, чтобы Полина не узнала.

И Господь услышалъ мою молитву. Это было лѣтомъ, въ сѣнокосъ, я все еще утокъ пасла и въ тотъ день, какъ князю увидать своего сына, я точно предчувствовала: надѣла на Павлика голубую ситцевую рубашечку, расчесала ему волосики (они у него, какъ у князя, кудрявились), и самъ онъ былъ бѣленькій, что сняточекъ,—анделъ, да и только!

Въ лѣсу я его сажала на травку, и ему играть камешковъ набирала, а потомъ и сама возлѣ него сяду и что-нибудь работаю.

Въ хорошую погоду въ лѣсу благодать была! Рѣка у насъ широкая, и въ нее, какъ въ зеркало, смотрятся ясное солнышко и деревья кудрявыя... На вѣткахъ птицы пѣли, а въ водѣ передъ нашими глазами плескались утки и гуси, по крутымъ берегамъ цвѣты цвѣли, и вокругъ ихъ носились разныя мушки и бабочки. По праздникамъ отъ церкви къ намъ благовѣсть долеталъ—тогда я не работала, молитвенникъ читала. Мимо насъ крестьяне шли къ обѣднѣ, и всѣ-то мнѣ поклонятся, а то и поговорить подойдутъ, про князя спросятъ, про Полину (ее всѣ крестьяне ненавидѣли), а моего Павлика мужики и бабы любили, говорили, что онъ князевъ портретъ, и еще тогда прозвали «князькомъ».

Вотъ разъ, въ воскресенье, послѣ обѣдни сижу я въ лѣсу съ Павликомъ и что-то мнѣ взгрустнулось, а когда мнѣ бывало скучно, я пѣсни пѣла, и теперь затянула:

Стонетъ, стонетъ сизый голубочекъ,
Стонетъ онъ и день и ночь,
Его миленькій дружочекъ
Отлетѣлъ далече прочь.

Въ это время, откуда ни возьмись, князева собака Лэди подбѣжала ко мнѣ и начала ластиться. Сердце у меня такъ и екнуло, ну, думаю, вѣрно, князь въ лѣсу. Оглянулась, а ихъ сѣятельство съ ружьемъ на плечѣ недалеко отъ насъ стоятъ и на меня смотрятъ. Сколько ужъ лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло, а той минуты не могу забыть! Господи, какъ я тогда испугалась! Хочу на ноги подняться и не могу, словно онѣ у меня отнялись, и только, какъ дура, смотрю то на ихъ сѣятельство, то на Павлика. Князь ближе подошли и со мной заговорили:

— Зачѣмъ, Дуня, ты перестала пѣть? Какой у тебя голосъ хорошій,—я даже думалъ, что это какая-нибудь барышня по лѣсу гуляетъ и поетъ.

А я въ это время думала: мнѣ нужно о чемъ-то сказать князю, а что—я сразу не могла припомнить. А вѣдь сколько разъ съ ихъ сѣятельствомъ про себя разговаривала, сколько разъ хотѣла упасть имъ въ ноги и попросить позаботиться о Павликѣ. А князь все смотрять на меня и говорить:

— Какая ты стала опять хорошенькая, одно время, я помню, ты была некрасива,—и тутъ они бросили глаза на Павлика.

Сердце у меня тогда забилось, что птица въ клѣткѣ, вотъ, думаю, сейчасъ подойдутъ къ сыну, приласкаютъ...

Князь вынули изъ бокового кармана бисерный кошелекъ, достали изъ него серебряный цѣлковый и швырнули его на траву возлѣ Павлика. Больше ни одного слова не сказали, свистнули собакѣ и не оглядываясь пошли.

И только тогда, когда уже князь скрылся изъ моихъ глазъ, у меня наплись слова и слезы.

IX.

Разъ Ѳекла въ разговорѣ съ одной бабой похвасталась, что если бы не она, то ея племянница Полина никогда бы не была госпожой въ Павловскомъ и только стоитъ ей, Ѳеклѣ, захотѣть, и нашъ князь женится на Полинѣ.

Баба сейчасъ же ея слова разнесла по деревнѣ, а мужики, слушая ее, между собой толковали: «Нѣтъ, мы не допустимъ, чтобы цыганская потеряха была нашей княгиней!» И въ ту же ночь они сорвали свое сердце надъ Ѳеклой и подожгли ея избу сразу съ четырехъ угловъ. Старуха не успѣла и на улицу выскочить, такъ въ избѣ со всѣмъ своимъ добромъ и сгорѣла.

Полина о своей теткѣ очень плакала и все старалась узнать, кто поджегъ Ѳеклину избу. Тогда у насъ чуть ли не всю деревню перепороли, но виноватыхъ не нашли.

Мужики же радовались, что сожгли колдунью, и въ одинъ голосъ говорили, что теперь князь броситъ Полину. И, словно нарочно, такъ и случилось. Князь вдругъ собрался на охоту въ другую губернію и тамъ пробылъ шесть недѣль, и въ это время не только наохотился, но даже и женился.

Вотъ какъ было дѣло.

Разъ во время охоты князь съ своимъ отцомъ отстали отъ охотниковъ и вдвоемъ долго ходили по лѣсу; когда же вышли изъ лѣсу, передъ ними оказалась усадьба: маленькій господскій домикъ въ четыре окошечка и на одинъ бокъ ужъ покривился, съ одной его стороны садикъ съ дорожками, съ другой—дворъ, обнесенный

высокимъ заборомъ; тесовыя ворота заперты, а кругомъ никого нѣтъ. Князь и говорить моему отцу:

— Евсей, мнѣ что-то ѣсть хочется, постучимъ въ ворота, можетъ, насъ здѣсь и накормятъ.

Не успѣлъ князь это сказать, какъ изъ дома въ садъ выбѣжали двѣ молодыя дѣвицы, увидѣли нашихъ двухъ охотниковъ, подбѣгаютъ къ забору и спрашиваютъ:

— Кого вамъ нужно?

Князь только по ихъ прическѣ догадался, что это барышни. Сейчасъ же шапку съ себя долой, расшаркался и говорить:

— Примите, сударыни, отдохнуть путника, я князь Ло—въ. Мои слуги и собаки отъ меня отстали и теперь находятся вотъ въ этомъ лѣсу.

Барышни, какъ только услышали фамилію нашего князя, между собой переглянулись и стрѣлой помчались опять въ комнаты. Черезъ минуту навстрѣчу князю выплыла ихъ мать, толстая Селищица, а съ ней и всѣ ея дворовыя (а дворни-то было всего одна мужицкая семья).

Селищица передъ нашимъ княземъ сама настезъ ворота распахнула и съ почтеніемъ ввела въ свои комнаты.

Тутъ вся дворня забѣгала: кто самоваръ наставляетъ, кто индюка ловить. Одинъ индей только по двору и ходилъ, и того Селищица для нашего князя велѣла жарить; а наливockъ передъ нимъ цѣлый столъ наставила.

Нашъ князь, извѣстно, любили выпить, и здѣсь не отказывались, а тутъ еще и двѣ красивыхъ барышни ихъ угощали.

Князь больше льнули къ младшей, Ольгѣ. Изъ себя она была что херувимъ: бѣленькая, щеки розовыя, глаза большіе голубые, а волосы—до колѣнъ, льняного цвѣта. Въ головѣ у нашего князя отъ наливockъ скоро зашумѣло, и они начали озорничать: гонялись по саду за барышнями, цѣловали ихъ и вдругъ на Ольгѣ захотѣли жениться. Подошли къ Селищицѣмъ и говорятъ:

— Сударыня, я влюбленъ въ вашу младшую дочь и готовъ на ней жениться.

А та ему все наливки подливаетъ да подливаетъ и говорить:

— Я, князь, съ моимъ удовольствіемъ готова свою дочь вамъ отдать.

И тутъ же мигнула Ольгѣ, чтобы та къ князю сѣла поближе. А князь уже кричить:

— Посылай за попомъ, я сейчасъ вѣнчаться хочу!.

Церковь отъ нихъ была въ пяти верстахъ, и Селищица къ попу гонца послала, чтобы тотъ все къ вѣнцу приготовилъ.

Въ это время мой отецъ сидѣлъ въ людской за ужиномъ; вдругъ вбѣгаетъ туда дѣвка и говорить:

— Вашъ князь съ нашей барышней сейчасъ поѣдутъ вѣнчаться, мы уже и гонца къ попу послали, чтобы онъ церковь приготовилъ.

Мой отецъ, хоть и былъ пьянъ (его Селищица тоже не забыла), но все же смекнулъ, что дѣло неладное затѣвается,—бѣгомъ побѣжалъ къ князю.

— Образумьтесь,—говорить,—ваше сіятельство.

А князь, не говоря ему худого слова, прямо въ ухо.

Когда отецъ увидалъ, что князь совсѣмъ пьянъ, онъ упалъ въ ноги Селищихъ:

— Не затѣвай,—говорить,—барыня, худого дѣла. Князь нашъ проспится и никогда не проститъ ни тебѣ, ни твоей дочкѣ, что вы его пьянаго ожените.

Селищица передъ нимъ и прикинулась.

— Я,—говорить,—не стану сегодня играть свадьбы; я только хочу начать съ Божьяго благословенія—обручить жениха съ невѣстой.

И съ отцомъ своимъ вдругъ стала такая ласковая, обходительная, угощала его водкой и наливкой и пошла съ нимъ по двору показывать недавно выстроенную баню, а въ банѣ сослалась на свою толщину и сѣла отдохнуть на лавку. Тутъ изъ-подъ кофты вытащила бутылку настойки.

— Я,—говорить,—эту настойку всегда отъ слабости употребляю,—и изъ бутылки сначала сама отхлебнула, а потомъ подала ее отцу.

А тотъ (я ужъ говорила) въ послѣднее время сталъ сильно зашибать и теперь взялъ у нея изъ рукъ бутылку и началъ пить, а въ это время Селищица вскочила съ лавки и шмыгъ за дверь.

Отецъ, спохватившись, бросился за барыней, а дверь уже снаружи на задвижку заперта; онъ къ окну, но и окно передъ его носомъ ставней закрыли. Тогда онъ съ горя допилъ всю настойку и проспалъ до утра, какъ убитый. Въ ту же ночь Селищица все дѣло оборудовала.

Экипажа у нихъ не было, и вѣнчаться жениха съ невѣстой повезли въ телѣгѣ. Князь всю дорогу пѣсни пѣли, а подъ вѣнцомъ (прости, Господи, ихъ прегрѣшеніе) хохотали и попа то за рясу, то за волосы дергали. Попъ хотѣлъ уже бросить ихъ вѣнчать, но Селищица въ церкви стояла и все время твердила попу:

— Вѣнчай ихъ скорѣй, вѣнчай! Сотни тебѣ не пожалѣю.

У попа въ домѣ князь опять выпилъ и когда молодыхъ привезли домой, то князя въ комнаты внесли уже на рукахъ и положили на брачную кровать.

На другой день князь поздно проснулись и долго не могли вспомнить, гдѣ они находятся. Только видятъ, что возлѣ нихъ на кровати, словно анделъ, барышня лежитъ. Смотрятъ они на нее и спрашиваютъ:

— Откуда ты, красавица, явилась?

Княгиня застыдилась и говоритъ:

— Я, князь, ваша жена; развѣ вы не помните, что мы вчера въ церкви вѣнчались?

Тутъ князь все припомнилъ и закричалъ:

— Позвать ко мнѣ Евсея!

Селищица уже стояла за дверью съ подносомъ и наливкой, чтобы первой поздравить молодыхъ.

Князь—ничего, съ похмелья наливки выпили, но все-таки приказали Селищихѣ позвать къ себѣ моего отца! Тотъ въ слезахъ прибѣжалъ и упалъ передъ княземъ на колѣни.

— Обошли насъ,—говорить,—ваше сіятельство, и я подъ замкомъ всю ночь просидѣлъ.

Князь съ минуту молчали, только свои усы рукой подерживали, — это ужъ у насъ была примѣта, что ихъ сіятельство сердится. Потомъ обратились къ Селищихѣ и съ усмѣшкой говорятъ:

— Не пришлось бы вамъ и вашей дочкѣ раскаяться, вѣдь вы меня пьянаго женили.

А Селищица князю:

— Мы только волю вашего сіятельства исполнили; вы вчера непременно хотѣли повѣнчаться, а дочь моя потому не противилась, что вы ей сердце обворожили.

Тутъ молодая княгиня въ слезы.

— Я думала, князь, что вамъ не противна.

А сама хорошенькая, какъ цвѣточекъ, и лежитъ въ бѣлой рубашечкѣ, кружевами обшитой.

Князь посмотрѣли на нее и расчувствовались, начали ее утѣшать.

— Не плачьте, Ольга, я на васъ не сержусь.

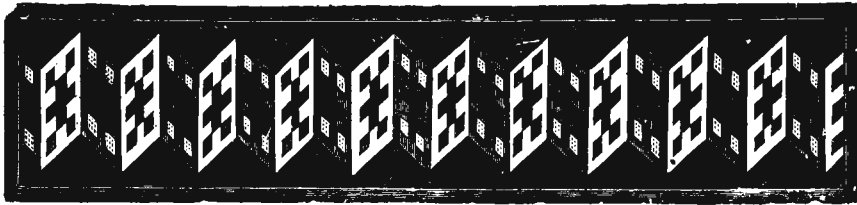
Въ это время наши охотники и собаки, что ночевали въ лѣсу, подошли къ усадьбѣ и только что они вошли во дворъ, какъ князь вскочилъ съ кровати, схватилъ на руки молодую княгиню, выбѣжалъ съ ней на крыльцо и крикнулъ:

— Вотъ вамъ молодая княгиня!

М. Е. Васильева.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ ГРАФА МОРИОЛЛЯ.

(1821—1833 г.).

ВЪ ОБШИРНОЙ литературѣ французскихъ эмигрантовъ «Записки графа Моріолля» принадлежатъ къ той сравнительно небольшой группѣ мемуаровъ, которые касаются Россіи. Мемуары этой категоріи для французскаго читателя представляютъ второстепенный интересъ въ сравненіи съ тѣми, которые служатъ матеріаломъ непосредственно для исторіи революціонной и пореволюціонной Франціи. Вотъ почему до сихъ поръ ихъ издано сравнительно мало.

Авторъ впервые появляющихся здѣсь въ переводѣ «Записокъ» не былъ, впрочемъ, въ Россіи: отправившись туда въ 1794 году, онъ силою обстоятельствъ былъ задержанъ въ Польшѣ, гдѣ около двадцати лѣтъ жилъ въ непосредственной близости къ главнокомандующему польскими войсками (а фактически вице-королю царства Польскаго) великому князю Константину Павловичу, въ качествѣ воспитателя его незаконнаго сына, получившаго, по желанію императора Александра, имя Павла Александрова.

Слѣдствія о графѣ Моріоллѣ довольно скудны, да и тѣ приходится извлекать главнымъ образомъ изъ его мемуаровъ.

Александръ-Николай-Леонъ-Карлъ графъ де-Моріолль принадлежалъ къ древнему дворянскому роду и родился въ 1760 году въ Лотарингіи. Учился онъ въ Парижѣ и двѣнадцати лѣтъ отъ роду былъ по обычаю того времени записанъ въ военную службу въ одинъ изъ полковъ, стоящихъ въ Люксембургѣ, гдѣ отецъ его

командовалъ бригадой. Въ 1777 году мы видимъ его уже въ чинѣ капитана. При выборахъ въ генеральныя штаты онъ является кандидатомъ въ депутаты отъ дворянства Седанскаго округа.

Революціонная буря прервала столь удачно начатую карьеру и въ числѣ другихъ дворянъ заставила и нашего автора бѣжать съ женою отъ ужасовъ якобинства сначала въ Италію, затѣмъ въ Германію, гдѣ онъ жилъ нѣсколько лѣтъ, коротая время въ обществѣ такихъ же бѣглецовъ, какъ и онъ. Недостатокъ средствъ къ жизни заставилъ его вспомнить объ одномъ польскомъ помѣщикѣ, Бистромѣ, съ которымъ онъ свелъ знакомство въ бытность въ Италіи, и обратиться къ нему за помощью. Съ этой цѣлью Моріюлля отправился въ Польшу и здѣсь послѣ разнаго рода лишеній нашелъ наконецъ того, кого искалъ.

Онъ не ошибся въ своихъ надеждахъ: Бистромъ дѣйствительно предложилъ ему широкое гостепріимство.

Черезъ него авторъ «Записокъ» познакомился съ другимъ польскимъ магнатомъ, Машковскимъ, обладавшимъ очень крупнымъ состояніемъ. Желая прійти Моріюллю и его женѣ на помощь, Мошковскій сдѣлалъ имъ очень оригинальное предложеніе—ѣхать въ его богато устроенное имѣніе и тамъ принять на себя воспитаніе его шестимѣсячной дочери. Хотя роль воспитателя грудного ребенка была довольно комична для отставнаго драгунскаго капитана, но Моріюллю не было выбора, тѣмъ болѣе, что Мошковскій предложилъ супругамъ очень хорошее въ ихъ положеніи вознагражденіе—1200 рублей въ годъ. И вотъ нашъ авторъ смѣло вступаетъ на педагогическое поприще. Долго ли былъ онъ у Мошковскаго, свѣдѣній мы не имѣемъ.

Съ 1797 по 1810 годъ Моріюлля пользовался гостепріимствомъ графа Браницкаго и жилъ въ его имѣніи Бѣлой Церкви. Пребываніе въ семьѣ Браницкихъ имѣло огромное значеніе для дальнѣйшей судьбы нашего автора. Хозяйка дома, принимавшая, по видимому, участіе въ эмигрантѣ, рекомендовала его великому князю Константину Павловичу, который предложилъ ему болѣе подходящее мѣсто.

Поступленіе Моріюлля на службу къ великому князю состоялось въ 1810 году, и съ тѣхъ поръ онъ находился въ общеніи съ Константиномъ Павловичемъ до самой его смерти, т. е. двадцать лѣтъ слишкомъ. Когда воспитаніе Павла Александрова было закончено и Моріюллю нечего было больше дѣлать во дворцѣ великаго князя, послѣдній просилъ его не прерывать установившихся между ними отношеній и предложилъ ему поселиться въ Варшавѣ на частной квартирѣ на полномъ его иждивеніи. Уже это одно обстоятельство указываетъ на то, что отношенія эти носили дружескій, а не офиціальныя характеръ.

Послѣ разразившагося въ 1830 году мятежа въ Варшавѣ, заставившаго великаго князя удалиться къ русскимъ границамъ, графъ Мориолль вынужденъ былъ выѣхать, съ разрѣшенія диктатора Хлопицкаго, въ Германію, гдѣ поселился въ Бреславлѣ. Со смертью великаго князя (1831 г.). Польша вообще и Варшава въ частности утратили для него всякое значеніе: онъ продвигается все далѣе и далѣе на западъ и въ 1833 г. водворяется обратно въ отечествѣ, которое покинулъ почти сорокъ лѣтъ тому назадъ. За два года до этого умеръ отъ холеры его сынъ, оставивъ ему внучку. Въ началѣ сороковыхъ годовъ Мориолль лишился своей жены, вѣрной спутницы въ его скитаніяхъ по Европѣ. Ему было въ это время уже шестьдесятъ четыре года, но, невзирая на такой возрастъ, Мориолль вступилъ во второй бракъ съ давно жившей въ его семьѣ гувернанткой его внучки, но въ этомъ супружествѣ прожилъ очень недолго: въ 1845 году его уже не стало.

Графу Мориоллю выпалъ на долю рѣдкій случай наблюдать хозяевъ Бельведерскаго дворца въ ихъ повседневной, будничной жизни. Судьба привела его въ соприкосновеніе со всѣми сыновьями императора Павла, и читатель его «Записокъ» увидитъ ихъ передъ собою въ обстановкѣ, далекой отъ всякой пышности и официальнойности, когда они, не опасаясь нескромнаго взгляда постороннихъ лицъ, говорили и дѣйствовали, какъ обыкновенные смертные.

Мориолль былъ почти ровесникъ великому князю Константину Павловичу и держался одинаковыхъ съ нимъ политическихъ убѣжденій. Это, безъ сомнѣнія, немало способствовало ихъ сближенію и, какъ увидитъ читатель, Мориолль былъ въ Бельведерѣ не только воспитателемъ Павла Александрова, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и довѣреннымъ лицомъ самого великаго князя. Естественно, что только близкій къ Константину Павловичу человекъ могъ занести въ свой дневникъ такіа характерныя подробности, какія мы находимъ въ мемуарахъ графа Мориолля.

Надо, однако, замѣтить, что, несмотря на привязанность и глубокую признательность къ великому князю, свидѣтельства которой мы находимъ у него очень часто, Мориолль сохраняетъ за собою полную свободу сужденій. Такъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ рѣзко осуждаетъ великаго князя за его образъ дѣйствій. Критика распоряженій его, какъ главнокомандующаго и верховнаго начальника края, навлекла даже на автора «Записокъ» сильное неудовольствіе императора Николая. Дѣло въ томъ, что, послѣ отступленія изъ Варшавы великаго князя и назначенія Хлопицкаго диктаторомъ, Мориолль изъ Бреславля послалъ во Францію одному знакомому письмо, въ которомъ описывалъ происшедшія въ Варшавѣ кровавыя событія и строго осуждалъ бездѣятельность и нерѣшительность великаго князя, который, имѣя полную возможность

подавить мятежъ въ самомъ началѣ, далъ ему разрастись въ настоящую революцію. Услужливые люди перехватили это письмо и снятую съ него копію представили императору Николаю.

Рукопись мемуаровъ графа Моріюлля, по которой они изданы извѣстнымъ историкомъ Фредерикомъ Масономъ, къ сожалѣнію, оказалась неполной: во второй ея части, гдѣ рѣчь идетъ о пребываніи автора у великаго князя, рассказъ въ ней начинается только съ конца 1821 года. Авторъ выводитъ Константина Павловича уже женатымъ, а бракъ его съ Іоанной Грузинской, какъ извѣстно, состоялся 12 мая 1820 года. Утрачена ли часть рукописи, или автору пришло въ голову заняться составленіемъ мемуаровъ лишь послѣ того, какъ онъ пробылъ на службѣ великаго князя болѣе десяти лѣтъ — отвѣтить на этотъ вопросъ весьма трудно. Гдѣ былъ и что дѣлалъ авторъ въ періодъ съ 1810 по 1820 годъ, свѣдѣній никакихъ не имѣется. Можно лишь предполагать, что онъ сопровождалъ великаго князя въ его постоянныхъ передвиженіяхъ, вызванныхъ военными дѣйствіями противъ Наполеона.

Предлагаемые вниманію читателей мемуары въ подлинникѣ появились въ печати въ 1902 г., но воспользоваться ими полностью до сего времени по цензурнымъ условіямъ было невозможно. Въ краткомъ же извлеченіи или, вѣрнѣе, въ очень краткомъ и неточномъ пересказѣ они были напечатаны въ «Русской Старинѣ» за 1902 годъ (августъ—сентябрь) подъ заглавіемъ «Великій князь Константинъ Павловичъ и его дворъ».

Первую часть мемуаровъ графа Моріюлля, гдѣ авторъ рассказываетъ о своей службѣ во Франціи, а затѣмъ о скитаніяхъ своихъ на чужбинѣ, мы опускаемъ въ нашемъ переводѣ: она имѣетъ слишкомъ личный характеръ, говоритъ о мелочахъ и потому не представляетъ особаго историческаго интереса вообще, а для насъ, русскихъ, въ особенности. Къ тому же, какъ замѣчаетъ Фредерикъ Масонъ, рассказъ Моріюлля въ этой части трудно поддается провѣркѣ сопоставленіемъ съ другими мемуарами. Зато вторая, наиболѣе любопытная часть «Записокъ» переведена почти цѣликомъ: пропущены лишь кое-какія мелкія подробности, касающіяся самого автора, и его политическія разсужденія, не возбуждающія особаго любопытства.

I.

Поступленіе на службу къ великому князю Константину Павловичу. — Первые впечатлѣнія. — Изъ воспоминаній великаго князя о Лагарпѣ, императорѣ Павлѣ, Наполеонѣ и королѣ Людовикѣ XVIII.

Послѣ смерти императора Павла графиня Браницкая опять вошла въ милость при дворѣ и у великаго князя Константина Павловича и, такимъ образомъ, могла меня пристроить къ нему въ качествѣ воспитателя его сына Павла.

Во дворцѣ великаго князя меня приняли очень хорошо. Несмотря на дурное время года, великій князь не утратилъ симпатіи къ своему Бельведеру и, наоборотъ, живя въ немъ, видимо, находилъ все больше и больше удовольствія. Вслѣдствіе распутицы сообщеніе съ городомъ стало затруднительнымъ и изъ дворца въ Варшаву и наоборотъ ѣздили лишь по служебной надобности. Великій князь велъ жизнь совершенно уединенную. Сидя около камина съ сигарою, онъ какъ будто наслаждался своимъ одиночествомъ и видомъ природы, которая начинала уже терять свой лѣтній уборъ. По утрамъ онъ отправлялся въ Варшаву на парадъ и для приѣма просителей, затѣмъ возвращался въ Бельведеръ и спалъ до обѣда. Послѣ обѣда онъ снова ложился спать до 8 часовъ, а затѣмъ отправлялся въ театръ, если его привлекала туда какая-нибудь веселая пьеска. Когда не было этого развлеченія, онъ сидѣлъ до 10 часовъ и опять ложился спать. Очень часто мнѣ приходилось оставаться втроемъ съ великимъ княземъ и княгинею, и въ такихъ случаяхъ онъ заставлялъ меня читать вслухъ. Такъ, мы начали читать «Исторію учредительнаго собранія» Лакретелля, которая его сильно интересовала.

Во время этихъ чтеній я имѣлъ случай замѣтить, какъ здраво и вѣрно судилъ великій князь. Онъ прерывалъ меня на каждомъ шагу очень мѣткими замѣчаніями и умѣлъ схватывать съ своей точки зрѣнія причины и слѣдствія великихъ событій, разнравшихся въ Европѣ.

— Не правда ли, — не разъ говорилъ онъ мнѣ: — французъ не хуже васъ, и если бы засѣдалъ въ вашей палатѣ депутатовъ, то сидѣлъ бы на правой. Если бы сынъ мой Павелъ проникся когда-нибудь идеями либерализма, я собственноручно бросилъ бы его въ Вислу.

Онъ сдѣлалъ это замѣчаніе нарочно въ присутствіи помощника воспитателя Фавицкаго, который былъ напичканъ фантазіями нашихъ новѣйшихъ лже-филантроповъ.

Великій князь былъ ко мнѣ очень добръ и показывалъ мнѣ большое довѣріе. Княгиня обращалась со мною весьма вѣжливо, но не любила меня. Я подозревалъ, что ее стѣсняетъ присутствіе

человѣка, у котораго настолько острые глаза, что онъ, несмотря на надѣтную личину, разглядываетъ ея истинныя чувства. Для нея былъ гораздо удобнѣе Фавицкій съ его глупой лестью и мелочной заботливостью. Что касается Павла, то онъ быстро идетъ туда, куда ведетъ его Фавицкій, т. е. дѣлается медвѣдемъ, зановой и тщеславнымъ хвастуномъ. Его умъ на ложной дорогѣ, и все его ученіе приведетъ только къ полному его невѣжеству и страху передъ всякой усидчивостью.

Великій князь Константинъ очень любитъ рассказывать и каждый разъ сообщаетъ слушателямъ цѣлую массу анекдотовъ и интересныхъ мелочей. Такъ какъ мнѣ нѣрѣдко приходилось оставаться съ нимъ въ небольшомъ обществѣ, то я имѣлъ случай слышать отъ него много любопытнаго. Часть этихъ рассказовъ, которые имѣютъ связь съ моими мемуарами, я излагаю дальше. А тѣ, которые стоятъ особнякомъ, я помѣщаю здѣсь безъ всякаго, впрочемъ, порядка, такъ, какъ я ихъ самъ слышалъ.

О Лагарпѣ.

Прибывъ ко двору, Лагарпъ всецѣло овладѣлъ довѣріемъ императрицы Екатерины и сдѣлался настоящимъ властелиномъ надъ своими воспитанниками. Бурный и вызывающій характеръ великаго князя Константина скоро отпугнулъ его отъ него и сдѣлалъ его предметомъ отвращенія и грубаго отношенія со стороны своего воспитателя. Сосланный въ уголъ своей комнаты, принужденный зубрить наизусть трудные уроки, Константинъ видѣлъ только пренебреженіе и отвращеніе къ себѣ, тогда какъ Александръ былъ окруженъ всяческими заботами. Лагарпъ постоянно старался представить его упрямымъ, ограниченнымъ мальчикомъ и жаловался на него императрицѣ. Этимъ и объясняется, очевидно, особенная любовь, которую она выказывала всегда Александру, и скрытая холодность къ его брату. Зато Константинъ былъ любимцемъ отца и матери. Это до сихъ поръ замѣтно у императрицы-матери, несмотря на то, что многое въ его поведеніи могло бы измѣнить эти чувства, хотя бы, напримѣръ, его женитьба противъ ея совѣта и желанія.

Съ теченіемъ времени грубости, которыми воспитатель осыпалъ младшаго своего ученика, стали повторяться чаще и чаще. «Ты ошель... ты ослиная голова» и т. д. — вотъ ежедневные комплименты Лагарпа.

Однажды этотъ необыкновенный воспитатель, будучи раздраженъ больше, чѣмъ обыкновенно, велѣлъ изобразить на длинной лентѣ ослиную голову и украсилъ ею несчастнаго Константина. Въ отчаяніи тотъ зашелъ за оконную портьеру, разорвалъ ленту, на которой Лагарпъ написалъ: «орденъ, который будетъ пожало-

ванъ великому князю Константину въ тотъ день, когда я услышу, что національное собраніе во Франціи уничтожило всеѣ ордена», и, привязавъ за шпингалетъ, накинулъ петлю себѣ на шею и повисъ на ней всею своею тяжестью. Отъ конвульсивныхъ движеній его тѣла занавѣска зашевелилась, и Лагарпъ пошелъ взглянуть, что тамъ такое. Каково же было его удивленіе, когда онъ нашель великаго князя на половину уже задохшимся и съ выкатившимися глазами. Лагарпъ едва успѣлъ схватить ножикъ и перерѣзать роковую ленту.

Тѣмъ не менѣе его грубое обращеніе не измѣнилось, и голова осла была нарисована на стѣнѣ напротивъ того мѣста, гдѣ обыкновенно во время урока сидѣлъ великій князь Константинъ. Насталъ, однако, конецъ и этому дикому издѣвательству. Однажды великій князь, доведенный до отчаянія, сказалъ своему воспитателю:

— Я согласенъ съ вами, что я осель, но тогда и мой братъ осель, мои мать и отецъ также ослы, и моя бабушка Екатерина также осель.

— Какъ такъ?—спросилъ Лагарпъ.

— Осель можетъ произойти только отъ осла,—возразилъ Константинъ:—и это идетъ до самой бабушки, которой я отъ вашего имени и скажу, что она осель, если вы не перестанете дразнить меня.

Зная рѣшимость великаго князя, Лагарпъ испугался, какъ бы дѣло не пошло дальше, и обѣщалъ ему не называть его больше этимъ словомъ.

Великій князь не разъ говорилъ мнѣ, что онъ совершенно не понимаетъ, какъ столь дурное обращеніе Лагарпа не забило его окончательно.

Когда великій князь былъ въ итальянскомъ походѣ, швейцарцы перехватили однажды курьера изъ Петербурга, везшаго депеши въ главную квартиру Суворова, и привели его въ Бернъ, къ Лагарпу, который стоялъ во главѣ мѣстнаго революціоннаго комитета. Между захваченными бумагами были и письма къ великому князю Константину его отца и матери. Лагарпъ отправилъ ихъ по назначенію, не вскрывая, и приложилъ къ нимъ записку слѣдующаго содержанія:

«Гражданинъ Лагарпъ великому князю Константину».

«Тѣ, которыхъ вы столько разъ осыпали клеветами, льстятъ себя надеждою доказать вамъ, что вы были несправедливы. Письма возвращаются вамъ безъ обнаруженія ихъ содержанія,—скромность, которой вы не проявили бы при подобныхъ же обстоятельствахъ. Вотъ какъ свободные люди мстятъ деспотамъ».

Взбѣшенный такой наглостью, великій князь не отвѣчалъ Лагарпу и удовольствовался только тѣмъ, что спряталъ это письмо у себя. Оно и теперъ еще у него, и онъ мнѣ его показывалъ.

Кровавый переворотъ, возведшій на престолъ Александра, привлекъ Лагарпа въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ отлично принятъ новымъ императоромъ. Великій князь Константинъ, несмотря на раздраженіе противъ него, также отнесся къ нему съ большимъ уваженіемъ. Когда онъ встрѣтился съ нимъ однажды у императрицы-матери, та сказала:

— Вотъ тотъ молодой человекъ, рѣзвость котораго причиняла вамъ столько непріятностей.

— Это правда,—отвѣчалъ Лагарпъ:—но я умѣлъ его держать въ рукахъ.

— Не всегда,—возразилъ великій князь:—припомните ослиную голову, отъ которой я принудилъ васъ отказаться, указавъ, что это родословіе касается и моей матери.

Императрица въ большемъ смущеніи поспѣшила удалиться, а великій князь, оставшись вдвоемъ съ Лагарпомъ, прибавилъ:

— Г. Лагарпъ, я не нуждаюсь больше въ вашихъ указаніяхъ. Я сдѣлалъ нѣсколько походовъ и получилъ, какъ видите, отличіе. Говорите же со мною въ надлежащемъ тонѣ, въ противномъ случаѣ я самъ сумѣю принудить васъ къ этому.

Объ императорѣ Павлѣ.

Я уже упоминалъ о томъ, что великій князь Константинъ былъ его любимымъ сыномъ, которому онъ старался внушить свои чувства и дать то же направленіе, какое было у него самого. Однажды, когда великій князь долженъ былъ пройти передъ нимъ на какомъ-то парадѣ, императоръ приказалъ сыну бросить ему въ лицо самое грубое ругательство, которое онъ только можетъ придумать. Какъ ни старался великій князь уклониться отъ исполненія этого необыкновеннаго приказанія, все было напрасно, оставалось только повиноваться. И вотъ, проходя во главѣ войскъ передъ императоромъ, онъ привѣтствовалъ его самымъ грубымъ, самымъ непристойнымъ ругательствомъ, какое только могъ найти въ русскомъ языкѣ. Всѣ подумали, что великій князь сошелъ съ ума и погубилъ себя. Но каково же было общее изумленіе, когда императоръ расцѣловалъ его и похвалилъ за послушаніе.

Въ другой разъ императоръ, замѣтивъ, что у сына начинаются нелады съ женою, отвелъ его въ сторону и сказалъ:

— Съ твоей женской взбалмошностью твои дѣла пойдутъ плохо и ты кончишь какой-нибудь интригой. Если ты когда-нибудь заведешь связь, съ кѣмъ бы это ни было, то ты скажешь мнѣ объ этомъ откровенно: у меня на этотъ счетъ свои планы.

Великій князь далъ обѣщаніе ничего не скрывать отъ отца, но не успѣлъ его осуществить: его связь съ г-жой Фредериксъ, отъ которой родился сынъ, началась долго спустя послѣ смерти

императора. Вспомнивъ свое обѣщаніе, великій князь пожелалъ, чтобы мальчикъ носилъ имя покойнаго императора.

Вотъ еще удивительный разсказъ, который великій князь повторялъ мнѣ нѣсколько разъ. Среди лицъ, которыя были приставлены для его воспитанія, былъ одинъ помощникъ воспитателя, явившій потомъ въ буйное умопомѣшательство. Прикованный къ болѣзненному ложу, онъ постоянно просилъ къ себѣ своего бывшаго воспитанника, и великій князь навѣстилъ его. При видѣ его больной успокоился и пришелъ въ сознание. Великій князь присѣлъ къ нему на кровать, сталъ его утѣшать и спросилъ, чего онъ хочетъ. Больной попросилъ, чтобы великій князь остался съ нимъ наединѣ.

Въ это время строился Михайловскій дворецъ. Это было какъ разъ рядомъ съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежалъ больной, такъ что онъ могъ видѣть изъ окна производившіяся строительныя работы.

— Посмотрите на стѣны дворца, — сказалъ онъ великому князю:—какого они цвѣта?

— Такого же, какъ вездѣ, — отвѣчалъ Константинъ Павловичъ.

— Ошибаетесь, — возразилъ больной:—они имѣютъ цвѣтъ крови. Не пройдетъ двухъ лѣтъ, какъ тотъ, кто строилъ этотъ дворецъ, обагрить его своею кровью.

Великій князь принялъ эти слова за бредъ разстроеннаго воображенія и не придалъ имъ никакого значенія.

Трагическая кончина Павла въ этомъ замкѣ извѣстна всѣмъ.

О Наполеонѣ.

Переговоры въ Тильзитѣ давали великому князю возможность часто встрѣчаться съ Наполеономъ. Онъ не любилъ его, но преклонялся передъ его дарованіями. Тотъ, съ своей стороны, относился къ нему съ уваженіемъ и питалъ къ нему своего рода дружбу. Онъ называлъ его всегда не иначе, какъ «молодой человекъ», и въ разговорѣ съ нимъ принималъ фамильярно-шутливый тонъ.

Однажды великій князь сопровождалъ своего брата на смотръ войскъ. По окончаніи смотра присутствовавшій на немъ Наполеонъ просилъ великаго князя показать ему упражненія уланъ, въ формѣ которыхъ онъ въ этотъ день былъ. Великій князь сталъ маневрировать, затѣмъ, пустивъ лошадь въ карьеръ, съ пикой наперевѣсъ, бросился на Наполеона и осадилъ лошадь всего за два шага отъ него, какъ это дѣлаютъ поляки и турки. Не ожидавшій такого маневра Наполеонъ не могъ скрыть своего испуга, сильно поблѣднѣлъ, подбородокъ его задрожалъ, и, чтобы скрыть свой страхъ, онъ, повернувъ лошадь, ускакалъ галопомъ.

Послѣ заключенія мира Наполеонъ пригласилъ великаго князя къ себѣ.

Испросивъ разрѣшеніе брата, Константинъ Павловичъ отправился къ Бонапарту, у котораго въ это время никого не было. Поблагодаривъ съ жаромъ великаго князя за то, что онъ послѣдовалъ его приглашенію, Наполеонъ передалъ ему великолѣпную шпагу и сказалъ:

— Примите, молодой человекъ, это въ знакъ привязанности и уваженія, которое я питаю къ вамъ и какъ къ другу, и какъ къ недругу. Въ то же время это вамъ данъ признательности за вашу заботливость о раненыхъ и плѣнныхъ французахъ.

Наполеонъ такъ очаровалъ великаго князя, что, рассказывая мнѣ объ этомъ случаѣ, онъ самъ сознался:

— Если бы въ этотъ моментъ этотъ человекъ приказалъ мнѣ выпрыгнуть изъ окна, я не поколебался бы ни одной минуты. Но едва я вышелъ изъ его комнаты, какъ моя экзальтація пропала, и я понялъ, какъ легко великіе люди могутъ дѣлать фанатиками тѣхъ, кому они хотятъ вскружить голову.

Особенно старался завязать знакомство съ великимъ княземъ Мюратъ. Онъ постоянно надѣдалъ ему предложеніемъ разныхъ услугъ и всегда ссылался на Наполеона, который будто бы готовъ былъ летѣть навстрѣчу всѣмъ желаніямъ великаго князя. Наскучивъ этими приставаніями, Константинъ Павловичъ рѣшилъ при первомъ удобномъ случаѣ показать всю смѣшную сторону такой угодливости. Случай не замедлилъ представиться.

Однажды, когда великій князь былъ съ Талейраномъ, Савари, Бертье и Мюратомъ, послѣдній опять сталъ предлагать свои услуги, увѣряя, что Наполеонъ ждетъ только малѣйшаго знака великаго князя, чтобы доказать ему свою готовность служить.

— Отлично,—сказалъ великій князь:—я воспользуюсь вашимъ предложеніемъ и попрошу васъ доставить мнѣ одно большое удовольствіе. Но я хочу быть обязаннымъ въ этомъ случаѣ только вамъ одному. Вы вѣдь состоите губернаторомъ Парижа, не такъ ли? Такъ отберите мнѣ двѣнадцать самыхъ красивыхъ и, конечно, здоровыхъ дѣвицъ и пришлите ихъ мнѣ. Только предварительно убѣдитесь сами, что онѣ всѣ здоровы.

Такое порученіе сильно смутило Мюрата, который съ этого времени не смѣлъ уже надѣдать великому князю своими предложеніями.

Въ битвѣ при Требиі французскій батальонъ, прикрывавшій отступленіе, былъ отрѣзанъ и положилъ оружіе. Подъѣхалъ великій князь и спросилъ номеръ полка. Тѣ сказали, но по традиціи, которую не могла даже заглушить революція, назвали полкъ Овернскимъ.

— Овернскій полкъ,—воскликнулъ великій князь,—былъ самымъ знаменитымъ во французской арміи. Вы заслуживаете уваженія въ виду вашей прежней славы. Я позабочусь о васъ.

Великій князь распорядился этимъ плѣннымъ отрядомъ по-своему. Ограничившись лишь честнымъ словомъ офицеровъ, онъ приставилъ къ нимъ караулъ только для виду, отвелъ имъ хорошее помѣщеніе и выказывалъ о нихъ особенную заботливость вплоть до момента обмѣна плѣнныхъ.

Во время Тильзитскаго смотра великій князь Константинъ, слѣдуя въ свитѣ Наполеона передъ фронтомъ французскихъ войскъ, былъ неожиданно изумленъ громкими криками: «Да здравствуетъ великій князь Константинъ!» Наполеонъ приказалъ узнать о причинѣ такихъ криковъ. Нѣсколько офицеровъ и солдатъ выступили изъ рядовъ, окружили великаго князя и, выражая ему свою благодарность, напомнили ему, что они изъ отряда овернцевъ, который былъ у него въ плѣну въ Италіи.

Наполеонъ похвалилъ этотъ энтузіазмъ и громко сказалъ великому князю:

— Благодарю васъ отъ имени французской арміи. Она должна бояться вашей храбрости и уважать ваше великодушіе.

Великій князь говорилъ мнѣ, что это былъ лучший моментъ въ его жизни.

Къ Эрфуртскому съѣзду Наполеонъ выписалъ изъ Парижа лучшихъ артистовъ «Французской Комедіи». Не были забыты и знаменитыя m-lle Марсъ и Леверъ. Нѣсколько генераловъ Наполеона, которые были знакомы съ великимъ княземъ, рѣшили дать ему ужинъ съ участіемъ этихъ и другихъ артистокъ, но тѣ рѣшительно отказались отъ приглашенія, если на ужинѣ будетъ Савари.

Ужинъ отличался большимъ оживленіемъ и затянулся за полночь. Кромѣ великаго князя, всѣ обильно поклонялись Бахусу.

На другой день великій князь встрѣтился съ Наполеономъ, которому обиженный Савари успѣлъ уже рассказать обо всемъ, конечно, значительно прикрасивъ дѣло.

— Ну-съ, молодой человѣкъ, до меня дошли кое-какія вѣсти о васъ. Вчера вы устроили кутежъ, и мнѣ извѣстны всѣ его участники. Должно быть, было весело, да и болтали много.

Великій князь, обиженный такимъ замѣчаніемъ, холодно и съ достоинствомъ отвѣчалъ императору:

— Не думаю, чтобы ваше величество въ подобныхъ случаяхъ подвергали своихъ подданныхъ упрекамъ. Точно такъ же и мой государь не сталъ бы упрекать меня за это.

Послѣ реставраціи великій князь обѣдалъ однажды у короля. Были только ближайшіе родственники короля. Послѣ обѣда король спросилъ великаго князя, свободенъ ли онъ, и, получивъ положительный отвѣтъ, пригласилъ его къ себѣ поболтать. Разговоръ зашелъ о Наполеонѣ. Принцесса Ангулемская и братъ короля находили въ немъ одно лишь дурное. Король попросилъ высказаться и великаго князя. Съ обычной прямою онъ высказалъ

свое удивленіе передъ этимъ человѣкомъ, не скрывая, однако, и его недостатковъ,

Тогда король, сидя за столомъ бывшаго императора, сказалъ:

— Наполеонъ сдѣлалъ очень много для славы Франціи. Если мнѣ удастся сдѣлать ее счастливою, то это будетъ только благодаря документамъ, которые онъ оставилъ. Я хотѣлъ бы, чтобы у меня была такая же голова, какъ у того, чье кресло я теперь занимаю. Но я чувствую, что мнѣ до него далеко.

Великій князь очень удивился, слыша отъ короля такія слова.

II.

Поѣздка великаго князя въ Петербургъ.—Княгиня Ловичъ и Фавицкій.—Столкновеніе съ нимъ великаго князя.—Госпожа Вейсъ.—Отношенія между нею и княгиней.—Императоръ Александръ въ Вильнѣ.—Ревлюціонная пропаганда въ арміи.—Пріѣздъ императора Александра въ Варшаву (апрѣль 1825 г.).—Прібытіе въ Бельведеръ великаго князя Михаила Павловича.—Конгрессъ въ Веронѣ.—Насмѣшки надъ Пруссіей.—Авторъ получаетъ отъ императора Александра подарокъ и представляется ему.

Въ концѣ 1821 г. великій князь Константинъ Павловичъ поѣхалъ въ Петербургъ, несмотря на то, что ему очень не хотѣлось разставаться съ женой и со всей окружавшей его обстановкой. Тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ поѣхать, такъ какъ не видалъ своей матери со дня своей свадьбы и уже два года не показывался въ столицѣ. Онъ только отложилъ нѣсколько свой отъѣздъ, не желая попасть ко двору какъ разъ къ новому году и рассчитывая такимъ образомъ избѣжать обычныхъ церемоній, которыя онъ ненавидѣлъ отъ всего сердца. Онъ хотѣлъ пріѣхать къ водоосвященію, которое бываетъ въ день Крещенія, празднуемый съ большою пышностью во всей Россіи, а въ особенности въ Петербургѣ. При отъѣздѣ онъ намъ обѣщалъ по возможности сократить свою поѣздку и возвратиться назадъ такъ же быстро, какъ онъ уѣзжалъ отъ насъ.

И вотъ мы остались одни въ Бельведерѣ въ самое плохое время года. Княгинѣ пришлось совсѣмъ отказаться отъ городской жизни и жить съ нами; она не могла даже получить отъ великаго князя разрѣшеніе на свиданіе со своими родными. Недовольный бракомъ сестры своей жены, вышедшей замужъ за поляка¹⁾, о которомъ онъ отзывался очень дурно, великій князь старался еще болѣе, чѣмъ прежде, отдалить княгиню отъ ея семьи. Его неудовольствіе распространилось даже на нѣкоторыхъ мѣстныхъ обывателей, которыхъ великій князь не могъ переносить, постоянно

¹⁾ За полковника Хлоповскаго, бывшаго ординарцемъ Наполеона, впоследствии генерала польской арміи.

критикуя ихъ политическіе взгляды, нравы и смѣшныя стороны; онъ не желалъ, чтобы его жена сдѣлалась предметомъ интригъ съ ихъ стороны, повѣреннымъ ихъ жалобъ и орудіемъ ихъ безнадѣжнаго патріотизма. Великому князю хорошо были извѣстны надежды, которыя поляки связывали съ его бракомъ, и ему хотѣлось разочаровать ихъ даже и въ этихъ пустякахъ. Волей-неволей княгинѣ приходилось сообразоваться съ такимъ строемъ жизни, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ котораго для нея была смертельная скука, которой великій князь, несмотря на свою наблюдательность, совершенно не замѣчалъ.

Княгиня не хотѣла замѣчать безумія, до котораго она довела своего бѣднаго наставника. Настойчивыя просьбы Фавицкаго еще болѣе участились, и, ободренный неосторожнымъ проявленіемъ доброты со стороны княгини, этотъ несчастный окончательно потерялъ всякій здравый смыслъ. Постоянные уроки русскаго языка, масса мелкихъ порученій давали ему возможность постоянно находиться въ присутствіи княгини. Даже самому Павлу ¹⁾ бросалась въ глаза эта невозможная близость; она была небезопасна какъ для репутаціи княгини, такъ и для ея здраваго смысла. Ложный и систематическій умъ Фавицкаго дѣйствовалъ особеннымъ образомъ на пылкое и экзальтированное воображеніе молодой женщины, чему легко способствовала и томившая ее скука. Съ жаромъ увлекаясь животнымъ магнетизмомъ, Фавицкій посвятилъ ее скоро во всѣ нелѣпые приемы магнетическихъ жонглеровъ, такъ что она стала вѣрить въ чудесныя исцѣленія при помощи ясновидѣній, въ предсказанія, наконецъ, во всѣ сверхъестественныя явленія, которыя обманнымъ образомъ убѣждаютъ слабое и разстроенное воображеніе въ своей дѣйствительности. При своемъ здоровомъ умѣ великій князь не упускалъ случая обрушиться на эти мнимыя чудеса и выказывалъ сильное презрѣніе какъ къ нимъ, такъ и къ людямъ, которые ихъ производятъ. Онъ хотѣлъ этимъ внушить своей женѣ отвращеніе къ подобнымъ вещамъ, но Фавицкій, не обращая вниманія на правильный взглядъ великаго князя, продолжалъ дѣйствовать и въ своихъ интимныхъ бесѣдахъ съ княгиней старался поддержать въ ней легковѣріе, неразумность котораго ей пришлось испытать на немъ же самомъ. Мы жили въ совершенномъ уединеніи, и бесѣды у насъ заходили всегда о метафизикѣ, объ анализѣ отвлеченныхъ понятій и о разныхъ мистическихъ вопросахъ: тогда-то самымъ несноснымъ образомъ

¹⁾ Въ 1812 г. указомъ императора Александра Павель Константиновичъ Александровъ былъ возведенъ въ дворянское достоинство. Впослѣдствіи онъ былъ генераль-адъютантомъ. Отъ брака съ княгинею Анною Александровною Щербатовой онъ оставилъ единственную дочь Александру Павловну, которая впослѣдствіи вышла замужъ за флигель-адъютанта князя Львова.

Карновичъ. «Цесаревичъ Павель Петровичъ».

обнаруживалась вся глупость Фавицкаго, все его тщеславіе, весь тотъ хаосъ, который образовался въ его слабомъ мозгу отъ безпорядочно нахватанныхъ знаній. Все это было несносно. Я обыкновенно не говорилъ ни слова, старался думать о чемъ-нибудь другомъ, но моя фізіономія выдавала отвращеніе и нетерпѣніе и, конечно, должна была крайне не нравиться княгинѣ.

Великій князь возвратился изъ Петербурга только черезъ мѣсяць. Государь далъ ему еще болѣе широкія полномочія, чѣмъ тѣ, которыми онъ располагалъ раньше. Это была, какъ онъ самъ говорилъ, своего рода диктатура, ставшая необходимой вслѣдствіе разившейся повсюду революціонной пропаганды.

Между тѣмъ въ Варшавѣ все попрежнему было спокойно. Волновалось лишь нѣсколько студентовъ изъ подражанія нѣмцамъ, съ которыми они находились въ перепискѣ; все остальное населеніе не нарушало порядка и спокойствія. Между этими молодыми безумцами, изъ которыхъ многіе подверглись изгнанію, а другіе были арестованы на продолжительное время, производились частые аресты. Эти мѣры полицейскаго произвола вызывали ропотъ среди либеральныхъ поляковъ, которые ссылались на гарантіи обѣщанной имъ конституціи. Но на ихъ крики не обращали вниманія, предоставляя имъ цѣпляться за политическій призракъ, который все болѣе и болѣе исчезалъ и который передъ ними былъ вызванъ неизвѣстно для чего. Государь съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отвращался отъ своихъ либеральныхъ идей, которымъ раньше онъ былъ такъ преданъ. Онъ не скрывалъ этой перемѣны, вызванной опытомъ какъ европейскихъ событій, такъ и его собственнымъ. Онъ изгналъ изъ Петербурга много профессоровъ за то, что они распространяли модное ученье, и тѣмъ самымъ навлекъ на себя выговоръ своего бывшаго наставника Лагарпа, который написалъ ему письмо, что онъ много потерялъ въ его мнѣніи и что такая измѣна принципамъ со стороны его воспитанника заставляла его сожалѣть, что онъ вмѣшался въ дѣло его воспитанія.

Спустя нѣкоторое время по возвращеніи великаго князя, разыгралась совершенно неожиданная сцена. Однажды за обѣдомъ Константинъ Павловичъ спросилъ меня, позволяетъ ли ему его положеніе отвѣчать на полученное имъ письмо, которое, по его мнѣнію, неудобно было оставить безъ отвѣта. Я отвѣчалъ, что по здравому смыслу и принятому обычаю на полученное письмо всегда отвѣчаютъ. Смотря по тому, кому отвѣчаютъ, и сообразно съ степенью близости и характеромъ дѣловыхъ сношеній, отвѣтъ бываетъ официальнымъ, серьезнымъ или шутливымъ, но во всякомъ случаѣ долженъ всегда быть. Тогда великій князь, повернувшись къ княгинѣ, сказалъ:

— Вы видите, я былъ правъ.

По этимъ словамъ я тотчасъ сообразилъ, что княгиня писала кому-то изъ царской фамиліи и отвѣчала на одно письмо, по поводу котораго и зашелъ этотъ разговоръ, начатый великимъ княземъ. Княгиня возражала уязвленнымъ тономъ и съ раздраженіемъ подерживала свое мнѣніе, а великій князь горячо стоялъ на своемъ. Всѣ присутствовавшіе были смущены и молчали, а я сильно досадовалъ на себя за то, что далъ поводъ къ такимъ пререканіямъ. Тогда Фавицкій, открывъ свой клювъ, какъ ворона изъ басни, пустился въ тяжеловѣсныя разсужденія съ цѣлью оправдать княгиню; но великій князь, раздраженный этою неприличною выходкою, покраснѣлъ отъ досады и сказалъ ему:

— Молчите! Вы говорите только глупости и все это для того, чтобы льстить моей женѣ.

Это рѣзкое замѣчаніе сразу прервало краснорѣчіе Фавицкаго, но до послѣдней степени раздражило княгиню. Какое впечатлѣніе могло это произвести на всѣхъ присутствовавшихъ! Мало-по-малу споръ между нею и ея мужемъ принялъ довольно рѣзкій оборотъ; великій князь быстро всталъ изъ-за стола, послѣ чего всѣ удалились.

Вслѣдствіе этого происшествія княгиня стала отзываться обо мнѣ въ своихъ письмахъ еще хуже, ибо я послужилъ невольной причиной оскорбленія ея фаворита. У нея достаточно такта, и открыто она не выказывала своей мстительности, которую, впрочемъ, проявляла при всякомъ случаѣ. Результатомъ этой сцены была отмѣна уроковъ русскаго языка, взамѣнъ которыхъ постарались вознаграждать себя иначе.

Генералъ Курута ¹⁾ долженъ былъ ѣхать по дѣламъ великаго князя въ Петербургъ. Однажды передъ его отъѣздомъ Фавицкій, отвѣдя меня въ сторону, сказалъ, что, желая подать въ отставку, онъ проситъ меня переговорить по этому поводу съ генераломъ для того, чтобы тотъ могъ замѣстить его кѣмъ-либо другимъ. Я спросилъ Фавицкаго, чѣмъ онъ мотивировалъ свою отставку. Тотъ отвѣчалъ, что сдѣлать что-либо порядочное изъ Павла невозможно и что поэтому онъ и хочетъ удалиться заблаговременно, пока его положеніе не стало еще черезчуръ отвѣтственнымъ. Я далъ ему понять, что никто не повѣритъ такому объясненію и его рѣшеніе припишутъ сценѣ, происшедшей между нимъ и великимъ княземъ, при этомъ я добавилъ, что причина отставки, на которую онъ ссылается, уронить его во мнѣніи великаго князя, который въ

¹⁾ Курута, Дмит. Дмит. (1770—1838). Родомъ грекъ. Учился въ отдѣленіи для грековъ, устроенномъ при сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ. Для практики великаго князя Константина, предназначавшагося на греческій престолъ, въ греческомъ языкѣ, назначенъ состоять при немъ. Въ 1809 году былъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ великаго князя. Въ 1826 году получилъ титулъ графа. («Віогр. сл. русск. ист. общ.»).

сущности будетъ правъ. Я участливо попенялъ ему на то, что онъ зашелъ очень далеко и отнесся къ нему съ сочувствіемъ, котораго онъ не оцѣнилъ и въ сущности и не заслуживалъ. Эти разговоры не привели ни къ чему. Фавицкій, отличавшійся упорствомъ, которое мѣшало ему слѣдовать здоровому смыслу, продолжалъ настаивать на своемъ рѣшеніи. Я говорилъ о немъ генералу Курутѣ, но тотъ при свиданіи съ нимъ объявилъ, что разговоръ о немъ съ великимъ княземъ придется отложить до его возвращенія изъ Петербурга.

Черезъ шесть недѣль Курута возвратился изъ Петербурга, но ни отъ него, ни отъ самого Фавицкаго не было никакихъ слуховъ, и дѣло оставалось все въ прежнемъ положеніи. Черезъ нѣсколько дней Фавицкій, при отъѣздѣ нашемъ изъ Бельведера, предупредилъ меня, что ему нужно поговорить съ генераломъ Курутой и что онъ явится за нами въ городъ. Черезъ два часа онъ дѣйствительно пріѣхалъ и, отведя меня въ сторону, объявилъ, что онъ составилъ докладную записку относительно Павла, которую прежде, чѣмъ представить великому князю, прочиталъ сначала генералу. При этомъ онъ прибавилъ, что готовъ прочесть ее и мнѣ, если я только пожелаю высказаться о ней совершенно откровенно. Я отвѣчалъ, что вопросъ касается меня настолько, что я не могу не интересоваться его работой и что я ему буду очень признателенъ, если онъ соблаговолитъ ее мнѣ показать. Записка была составлена по-русски, и Фавицкій долженъ былъ мнѣ ее переводить, что было довольно затруднительно для него и очень скучно для меня. Въ концѣ концовъ я понялъ, что ради успокоенія своей совѣсти онъ считаетъ себя обязаннымъ открыть глаза великому князю на всѣ недостатки Павла, которые, по его мнѣнію, нельзя было исправить до тѣхъ поръ, пока мальчикъ не будетъ воспитываться вдали отъ своего отца. Безъ этой мѣры онъ не хотѣлъ брать на себя сотрудничества въ дѣлѣ его воспитанія. Его долгъ-де говорить правду, и онъ рѣшился ее сказать, несмотря ни на какія послѣдствія. Даже боязнь вызвать неудовольствіе со стороны великаго князя не можетъ его заставить умолчать о всѣхъ недостаткахъ Павла, которые онъ подробно перечислялъ въ запискѣ. Я его спросилъ, что отвѣтилъ ему генералъ Курута; оказалось, что, по мнѣнію генерала, записку нельзя представить великому князю, потому что онъ никогда не согласится разстаться со своимъ сыномъ, что вообще этотъ докладъ въ результатѣ причинитъ великому князю только непріятности, а этого слѣдовало бы избѣгать.

Я заявилъ Фавицкому, что хотя я вполне раздѣляю его мнѣніе о томъ, что воспитывать Павла было бы легче и надежнѣе вдали отъ отца, но что я слишкомъ хорошо знаю его высочество и потому не могу и мысли допустить предложить ему разстаться

съ сыномъ. Если бы даже великій князь на это и согласился, то едва ли кто-нибудь, зная его характеръ, пожелалъ бы взять на себя отвѣтственность за воспитаніе Павла въ томъ случаѣ, если онъ не будетъ находиться подъ непосредственнымъ наблюденіемъ отца. Фавицкій отвѣчалъ, что его рѣшеніе непоколебимо. По нѣкоторымъ своимъ личнымъ соображеніямъ, я и не старался отклонить его отъ такого упрямства.

Для меня ясно было, что въ этомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ по предварительному уговору съ княгиней, и мое предположеніе черезъ нѣсколько дней вполне подтвердилось. Фавицкій просилъ меня выслушать его отчетъ, который онъ перевелъ на французскій языкъ. Переводъ этотъ онъ сдѣлалъ, конечно, не для меня и, очевидно, имѣлъ въ виду княгиню, которой желалъ дать отчетъ въ своихъ занятіяхъ, какъ они были намѣчены въ ихъ секретныхъ бесѣдахъ. Есть вещи, которыя настолько вѣдаются въ человѣка, что подняться надъ ними въ состояніи только люди, одаренные большою силою и великодушіемъ. Несмотря на то, что княгиня постоянно проявляла къ Павлу большую нѣжность, можно, однако, было думать, что источникъ этого чувства лежитъ не въ дѣйствительномъ участіи къ ребенку, а въ желаніи сдѣлать пріятное великому князю. Можно ли въ самомъ дѣлѣ допустить, что княгиня питаетъ искреннее благорасположеніе къ незаконному сыну великаго князя, прижитому имъ отъ связи съ малопочтенной женщиной¹⁾, которая стремилась вступить съ ней въ дружбу и одно присутствіе которой дѣйствовало на нее непріятнымъ образомъ? Правда, теперь она была уже не опасна, и знаки вниманія, оказываемаго ей великимъ княземъ, въ родѣ посѣщенія ея время отъ времени, не могли уже вызывать опасныхъ облаковъ. Но, какъ супругъ, княгинѣ все должно было представляться въ иномъ свѣтѣ. Павелъ, который жилъ подъ одною съ нею кровлей и былъ для отца предметомъ обожанія, а для m-me Вейсъ предлогомъ оставаться въ Варшавѣ и для обоихъ вмѣстѣ поводомъ къ сближенію, конечно, не могъ возбуждать въ княгинѣ искренней любви къ себѣ. Слишкомъ надо мало знать человѣческое сердце, чтобы думать иначе, особенно, если имѣть понятіе о воспитаніи свѣтскихъ знакомыхъ и лицахъ, окружавшихъ m-me Грудзинскую до того времени, когда бракъ съ великимъ княземъ вознесъ ее на такую высоту.

Я давно уже не говорилъ о г-жѣ Вейсъ²⁾, которая, отказав-

¹⁾ Т. е. Жозефиною Вейсъ.

²⁾ О полной превратности судьбы этой женщины К. П. Колзаковъ въ своихъ «Запискахъ» рассказываетъ слѣдующее.

Родомъ французенка, она 14 лѣтъ отъ роду поступила въ Парижъ приказницей въ модный магазинъ нѣкоей Террей, мужъ которой былъ казненъ въ революцію. Здѣсь ее увидѣлъ нѣкій англійскій лордъ и, плѣнившись ея красотою, увезъ ее въ Лондонъ, чтобы дать ей надлежащее образованіе и затѣмъ всту-

пись отъ нелѣпой мысли сдѣлаться другомъ княгини и въ то же время поддержать свои близкія отношенія къ великому князю, играла самую незначительную и вмѣстѣ съ тѣмъ очень комичную роль. Ей оставался только Павелъ, къ которому она притворно выказывала большую нѣжность, незамѣтную въ ней въ другихъ случаяхъ.

Покинутая всѣми, запятнанная своимъ происхожденіемъ, которое не могло загладить даже ея большее состояніе, осыпаемая униженіями, которыхъ она какъ будто искала, м-ше Вейсъ, къ довершенію невзгодъ, лишилась и своего стариннаго друга, м-ше Митонъ, которая умерла въ началѣ зимы отъ какой-то грудной болѣзни. Она долго боролась съ этой роковой болѣзью, которая, пройдя черезъ всѣ фазисы развитія, свела ее въ могилу. Великій князь былъ очень взволнованъ этимъ событіемъ. Въ это время онъ былъ въ Петербургѣ, но, предвидя ея скорый конецъ, онъ при отъѣздѣ отдалъ мнѣ приказаніе, чтобы Павелъ присутствовалъ на ея похоронахъ. Ему хотѣлось, чтобы сынъ его съ дѣтства пріучился воздавать долгъ тѣмъ, кого дружба его родителей сдѣлала для него достойнымъ уваженія.

Хорошая женщина была эта г-жа Митонъ: она отличалась природнымъ умомъ, откровенностью и сердечною добротою. Правда, всѣмъ этимъ качествамъ сильно вредили полное отсутствіе воспитанія и привычки, образовавшіяся у нея въ прежнее время. Но въ общемъ это было доброе существо, и я искренно жалѣлъ о ней.

Великій князь сохранилъ за ея мужемъ полагавшееся ей помѣщеніе и столъ, и далъ ему мѣсто бібліотекаря, которое онъ занималъ лишь номинально для полученія жалованья, ибо до книгъ въ бібліотекѣ великаго князя онъ и не дотрогивался. Впрочемъ, Митонъ былъ надежный, достойный и вѣжливый человекъ, которому всѣ порядочные люди могли бы пожелать только добра.

Возвращаясь къ г-жѣ Вейсъ, которую мнѣ хотѣлось бы ха-

пить съ нею въ бракъ. Скоро, однако, онъ умеръ, и Жозефина осталась безъ всякихъ средствъ къ жизни. Познакомившись въ этотъ періодъ жизни въ Лондонѣ съ нѣкимъ Фредериксомъ, она приняла его предложеніе и вышла за него замужъ. Супруги нѣкоторое время прожили вмѣстѣ, а затѣмъ мужъ, выдававшій себя за полковника русской службы, вернулся одинъ въ Россію. Равыскивая мужа, который оказался простымъ курьеромъ, Жозефина Фредериксъ прибыла въ Петербургъ и здѣсь случайно встрѣтила свою прежнюю хозяйку Террей, которая успѣла уже выйти замужъ за богатаго коммерсанта Митона, имѣвшаго дѣла въ Москвѣ.

Когда Жозефина Фредериксъ, добившись развода, познакомилась съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, Митонъ былъ сдѣланъ главнымъ комиссіонеромъ при великомъ князѣ. Одинъ сынъ его впоследствии былъ генераломъ. Въ 1820 г. Жозефина Фредериксъ, прекративъ свои отношенія къ великому князю, вышла вторично замужъ за полковника Вейса.

Колзаковъ. «Записки».

рактизовать здѣсь, чтобы потомъ уже къ ней не возвращаться, По ея требованію, сынъ ея долженъ былъ навѣщать ее каждый день, и я возложилъ это порученіе на Фавицкаго. Сопровождать Павла было для него тѣмъ пріятнѣе, что его близость къ княгинѣ заставляла его избѣгать всего, что могло имѣть отношеніе къ г-жѣ Вейсъ. Я замѣчалъ даже, что и Павелъ сталъ вызывать въ немъ отвращеніе и раздраженіе. Сжигающая его страсть къ княгинѣ заставляла его выказывать добрыя чувства къ мальчику, но его внѣшность на каждомъ шагу свидѣтельствовала, что незнаніе свѣтскихъ обычаевъ и собственная неловкость мѣшаютъ ему скрыть его притворство. Съ г-жой Вейсъ у него начались постоянныя столкновенія, такъ какъ она была весьма недовольна недоброежелательствомъ, съ которымъ онъ относился къ ея сыну даже въ ея присутствіи. Подъ предлогомъ свиданія съ мальчикомъ она нерѣдко отправлялась прямо въ Вельведеръ и являлась къ княгинѣ, которая то считала себя обязанной принимать ее, то запирала передъ ней двери. Этотъ непослѣдовательный, раздражающій образъ дѣйствій доставлялъ много неудовольствія одной сторонѣ и много горя другой. Г-жа Вейсъ чувствовала, что она совершенно разбита, и по своей глупости сумѣла еще увеличить позоръ своего пораженія. Ея здоровье разстроилось, и она стала вянуть съ поразительной быстротой. Пропали остатки ея бывшей привлекательности, понадобилось съ большимъ искусствомъ, съ большой ловкостью скрывать при помощи туалета всѣ эти опустошенія времени. Ея исхудавшее и пожелтѣвшее лицо свидѣтельствовало о бурности ея частной жизни и о страданіяхъ, которыя вызывались тщеславіемъ, ревностью и сожалѣніемъ о прошломъ. Такое настроеніе дѣйствовало на нее очень сильно, и врачи послали ее въ Карлсбадъ почти въ полной увѣренности, что оттуда она уже не вернется въ Варшаву. Кромѣ того, ей предписано было провести цѣлую зиму въ Италіи, такъ что, прощаясь съ сыномъ, она, казалось, прощалась съ нимъ навѣки. Къ довершенію несчастія, ея мужъ, состоявшій со времени проѣзда государя въ чинѣ полковника, рассчитывалъ получить повышеніе, но, къ огорченію своему, былъ обойденъ и принужденъ оставаться въ прежнемъ подчиненномъ положеніи.

Но предоставимъ бѣдной г-жѣ Вейсъ, со смертью на устахъ и отчаяніемъ въ сердцѣ, расточать по всѣмъ большимъ дорогамъ средства, милостиво дарованныя ей государемъ, и вернемся къ событіямъ, о которыхъ я нѣсколько забѣжалъ впередъ.

Великій князь отправился въ Вильну, гдѣ императоръ назначилъ ему свиданіе. Государь сдѣлалъ тамъ смотръ гвардіи и приказалъ отправить ее въ Петербургъ изъ Вильны, въ которой она въ знакъ немилости находилась довольно долго со времени вспышки въ ея средѣ мятежныхъ движеній. Въ Вильнѣ состоялось примиреніе, и

послѣ маневровъ гвардія двинулась къ столицѣ, не столько раскаяваясь въ томъ, за что подверглась удаленію, сколько въ восторгѣ отъ того, что отправляется въ мѣсто всякихъ удовольствій. Мнѣ приходилось слышать, что духъ этихъ войскъ могъ очень легко сдѣлаться опаснымъ. Такъ какъ въ рядахъ гвардіи были все самые богатые и именитые люди въ имперіи, то весьма трудно было поддерживать въ ней дисциплину и командовать ею. Къ тому же вся эта горячая молодежь, склонная по своему воспитанію къ просвѣщенію въ духѣ времени и, слѣдовательно, также и къ его заблужденіямъ, по большей части была проникнута модными принципами. Въ смыслѣ опоры трона отъ такой гвардіи можно было ждать скорѣе угрозъ, чѣмъ защиты.

Такого же мнѣнія былъ и великій князь. Нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться, смѣлостью своихъ плановъ и направленіемъ своихъ идей подтверждали слышанные мною разговоры. Это былъ періодъ, когда приверженцы революціи, видя, что общее возстаніе народовъ шло медленно и вспыхивало лишь частично, измѣнили свою тактику и энергично старались организовать открытый военный бунтъ. Съ другой стороны, тѣмъ же самымъ войскамъ ввѣрили и монархи защиту своихъ правъ и личной безопасности. Поэтому въ военныхъ заискивали обѣ стороны и обѣ же давали имъ понять ихъ силу. Сознаніе собственной силы легко можетъ сбить съ правильного пути, и если на одну чашку вѣсовъ положить строгую дисциплину, слѣпое послушаніе, суровость наказаній и медленное повышение, а на другую распущенность, своеволие, безнаказанность и разныя приманки честолюбія, то слѣдуетъ опасаться, что перетянетъ вторая. Оттого огромныя массы вооруженныхъ людей, которыя окружаютъ троны съ цѣлью ихъ защиты, на самомъ дѣлѣ легко могутъ подняться на ихъ разрушеніе. Для этого нужно только добровольное соглашеніе, которое превратитъ тяжелую цѣпь послушанія въ легкую проволоку, а ее уже можно будетъ сломать безъ всякихъ усилій. Довольно будетъ одной революціи, которую уже давно готовятъ и для которой, кажется, и рождено наше поколѣніе. Россіи съ ея миллиономъ солдатъ слѣдуетъ бояться больше, чѣмъ всякому другому государству, особенно когда цивилизація коснется ея среднихъ классовъ.

Но возвратимся къ Бельведеру. Отсутствіе великаго князя дало просторъ для проявленій безумныхъ выходокъ Фавицкаго и неосторожности княгини. Всѣ знали объ ослѣпленіи и слабости великаго князя, о преступномъ забвеніи его женою своего долга и о безстыдствѣ страннаго фаворита. Насмѣшка и недоброежелательство подали другъ другу руки и поражали своими стрѣлами дѣйствующихъ лицъ этой комедіи, которую невозможно было скрыть. Даже Павелъ не стѣснялся говорить о ней во всеуслы-

шаніе, а на генерала Куруту было просто жалко смотрѣть. Я не однократно предлагалъ ему принять мѣры для спасенія достоинства великаго князя, но бѣдный генералъ былъ слишкомъ мягокъ, а его привязанность слишкомъ боязлива и холодна, чтобы довести до свѣдѣнія великаго князя то, что могъ сказать ему только онъ одинъ.

Княгиня отличалась наивной непослѣдовательностью, которая нерѣдко заставляла ее говорить вещи, самыя неумѣстныя. Однажды за столомъ разговоръ зашелъ объ императорской фамиліи. Перечисливъ всѣхъ ея членовъ въ порядкѣ тѣхъ заслугъ, которыя она имъ приписывала, она дошла наконецъ до великаго князя Михаила Павловича.

Милостиво признавъ въ немъ доброе сердце, она нашла въ немъ, однако, великое легкомысліе и дѣтскую незрѣлость. Особенно ставила она ему въ вину постоянное копированіе имъ своего старшаго брата Константина, которому онъ дѣйствительно подражалъ во всемъ, и высказала опасеніе, что это можетъ привести его къ нѣкому ложному шагу. Заговоривъ далѣе о не нравившемся ей сватовствѣ великаго князя Михаила къ племянницѣ вюртембергскаго короля, княгиня прибавила:

— Я только и вздохнула свободно, когда моя сестра вышла замужъ. Иначе я была бы въ вѣчномъ страхѣ за нее.

Какъ будто члены императорской фамиліи только и могли добывать себѣ женщинъ, что въ семьѣ Грудзинскихъ! ¹⁾ Такія неумѣстныя замѣчанія вырывались у нея постоянно, свидѣтельствуя о томъ, что тактъ и обдуманность не всегда бывали ея союзниками.

Великій князь вернулся изъ Вильны въ сопровожденіи брата Михаила. Фавицкій передалъ свой трудъ генералу Курутѣ, но тотъ со дня на день медлилъ передать его великому князю подъ тѣмъ предлогомъ, что нужно выждать минуту, когда великій князь будетъ свободенъ. Пребываніе великаго князя Михаила явилось новымъ препятствіемъ, а затѣмъ послѣ его отъѣзда Константинъ Павловичъ заболѣлъ, и генералъ Курута продолжалъ хранить въ своемъ портфельѣ этотъ великолѣпный памятникъ краснорѣчія и

¹⁾ Супруга великаго князя была дочерью небогатаго польскаго помѣщика, графа Антона Грудзинскаго. Старшая дочь Грудзинскаго Жозефина была замужемъ за флигель-адъютантомъ гр. Гутаковскимъ, вторая за Деизидеріемъ Хлоповскимъ. Жанетта Грудзинская по Высочайшему манифесту 8—20 іюля 1820 г. получила въ удѣлъ городъ Ловичъ и титулъ княгини Ловичской.

Помѣстья Грудзинскихъ находились въ Познанскомъ воеводствѣ, отошедшемъ при раздѣлѣ къ Пруссіи, вслѣдствіе чего отецъ Жанетты состоялъ въ прусскомъ подданствѣ. Онъ не былъ счастливъ въ супружествѣ. Его жена, извѣстная въ то время красавица, развелась съ нимъ и впоследствии вышла замужъ за гр. Бронница, который былъ гофмаршаломъ двора великаго князя Константина Павловича.

См. Записки Колзакова.

ума Фавицкаго. Наконецъ, когда великій князь поправился, пришлось передать документъ по назначенію. Я былъ предувѣдомленъ объ этомъ заранѣе и держался наготовѣ.

Въ одно прекрасное утро произошло наконецъ врученіе этого документа. По обыкновенію я отправился въ городъ и по возвращеніи встрѣтилъ на подъѣздѣ лакея, который отъ имени великаго князя просилъ меня сейчасъ же явиться къ нему. Я поднялся наверхъ, и великій князь, сильно взволнованный, спросилъ меня, зналъ ли я о томъ, что поручилъ передать ему Фавицкій. Я холодно отвѣчалъ, что тотъ говорилъ мнѣ объ этомъ и что я напрасно пытался отклонить его отъ этого. Я прибавилъ, что, къ несчастью, жалобы Фавицкаго въ большинствѣ случаевъ основательны и что онѣ явились неизбѣжнымъ слѣдствіемъ неправильной системы, которая была принята относительно его сына.

— Почему же вы терпѣли эту систему?—воскликнулъ великій князь:—вѣдь вы полный хозяинъ дѣла и должны были бы воспользоваться властью, которую вамъ даетъ мое довѣріе къ вамъ.

— Я полагаю, что это довѣріе исчезло,—возразилъ я,—и если ваше высочество соизволите удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ вниманія, я позволю себѣ объяснить вамъ свое поведеніе.

Великій князь выслушалъ меня такъ спокойно и сдержанно, какъ я и не ожидалъ: обыкновенно съ нимъ почти не было возможности говорить, такъ какъ онъ постоянно перебывалъ себе-сѣдника и вслѣдствіе этого не могъ схватить смысла его словъ и только сбивалъ всѣхъ съ толку. На этотъ разъ великій князь отнесся ко мнѣ съ полнѣйшимъ вниманіемъ и только разъ прервалъ свое молчаніе для того, чтобы спросить у меня отчетъ, о которомъ я упоминалъ выше. Я отправился за нимъ къ генералу, котораго не оказалось дома. Наконецъ принесли пакетъ. Великій князь съ нетерпѣніемъ, свидѣтельствовавшимъ о его волненіи, приказалъ вскрыть его и отпустилъ меня, чтобы наединѣ заняться чтеніемъ.

Вскорѣ онъ прислалъ за мною.

— Зло не такъ велико, — сказалъ онъ: — какъ мнѣ его представляли. Есть ли противъ него лекарство?

— Да, ваше высочество,—отвѣчалъ я.—Необходимо измѣнить всю систему и рядомъ со мной не должно быть другого лица съ равными правами, а тѣмъ болѣе лица враждебнаго. Только въ такомъ случаѣ я могу взять отвѣтственность за Павла.

— Вы не поняли меня,—возразилъ великій князь:—мое довѣріе къ вамъ не измѣнилось. Дѣлайте и перекраивайте, какъ найдете нужнымъ, не обращая ни на кого вниманія. Прокладывайте новый путь, и я буду поддерживать васъ, а въ мое отсутствіе меня будетъ замѣнять генералъ Курута, съ которымъ я состою въ дружбѣ 35 лѣтъ. Обращайтесь прямо къ нему. Не покидайте меня,

дорогой графъ,—прибавилъ онъ, взявъ меня подъ руку:—я устраню этого чудака Фавицкаго и поставлю его на свое мѣсто.

— Это бесполезно, ваше высочество, — отвѣчалъ я. — Лучше всего было бы совершенно отъ него освободиться. Легко можно найти порядочнаго человѣка, въ цвѣтущемъ возрастѣ, который могъ бы гулять и ѣздить верхомъ съ Павломъ и зналъ бы отлично русскій языкъ. Вотъ что для меня желательно. Ученаго и тѣмъ болѣе человѣка съ претензіями или съ большимъ самомнѣніемъ мнѣ не нужно.

— Я займусь этимъ дѣломъ,—сказалъ великій князь:—но все-таки и у Фавицкаго есть много хорошаго.

— Вы правы, ваше высочество, но здѣсь онъ не на мѣстѣ.

— Однако, отчего же ему не занять какое-нибудь другое.

— Долгомъ считаю вторично доложить вашему высочеству, что ему совершенно нѣтъ мѣста возлѣ васъ.

Я произнесъ это твердо и смотрѣлъ прямо въ глаза великому князю. Къ счастью, онъ не потребовалъ отъ меня объясненій: въ томъ положеніи, въ которомъ я оказался, я долженъ былъ бы затронуть весьма щекотливый вопросъ. Несмотря на всѣ принятыя предосторожности, изъ этого разговора могли выйти очень серьезныя неприятели для многихъ. Фавицкому пришлось выдержать страшную сцену. Слышно было, какъ кричалъ великій князь, который въ гнѣвѣ обошелся съ нимъ, какъ съ послѣднимъ изъ смертныхъ. Гроза бушевала долго, и Фавицкій вернулся весь въ слезахъ, разстроенный и въ самомъ жалкомъ видѣ. На другой день мнѣ передавали, что великій князь наговорилъ ему самыхъ грубыхъ вещей, назвалъ его низкимъ искателемъ, который только и годится для безпрекословнаго повиновенія и что онъ не имѣетъ права выходить изъ роли, данной ему его природой.

Въ послѣдующіе дни великій князь неоднократно призывалъ меня къ себѣ въ кабинетъ и говорилъ со мною о сынѣ: его отцовская нѣжность сильно пострадала отъ нелѣпыхъ заявленій Фавицкаго. Я успокоилъ его страхи. Въ самомъ дѣлѣ, отчаиваться было не отъ чего, дѣло шло только о томъ, чтобы освободить мальчика отъ множества бесполезныхъ уроковъ и снять съ него тяжесть постоянного сидѣнія за книгами, которое отбивало у него охоту къ ученію. Я подробно распространился на эту тему въ запискѣ, которую я передалъ великому князю, и просилъ его указать мнѣ нѣсколько лицъ, чтобы вмѣстѣ съ ними обсудить предполагавшіяся въ учебномъ планѣ перемѣны. Великій князь милостиво отвѣтилъ мнѣ, что онъ вполне полагается на меня, но что я тѣмъ не менѣе могу дѣйствовать, какъ мнѣ угодно. Вслѣдствіе этого я пригласилъ къ себѣ на помощь профессора академіи, который давалъ Павлу уроки исторіи и котораго я зналъ за человѣка достойнаго. Такъ какъ при обсужденіи нашего проекта мы

руководились лишь здравымъ смысломъ, то онъ былъ скоро составленъ и представленъ мною его высочеству. Тотъ согласился съ нимъ, и сейчасъ же были произведены переѣны къ великому удовольствію Павлу и къ великому огорченію Фавицкаго, которому пришлось подчиниться безъ всякихъ возраженій. Въ отчаяніи онъ возобновилъ свои просьбы объ увольненіи, говоря, что послѣ перенесенныхъ оскорбленій онъ не можетъ уже исполнять свои обязанности. Я направилъ его къ генералу Курутъ, который, по усвоенной имъ мягкости и нерѣшительности, ограничился лишь тѣмъ, что сталъ его успокаивать и уговорилъ вести себя болѣе спокойно.

Когда великій князь возвратился, я доложилъ ему о всемъ происшедшемъ и о вторичной просьбѣ Фавицкаго объ увольненіи его отъ возложенныхъ на него обязанностей. Великій князь отвѣчалъ, что мнѣ нечего беспокоиться относительно этого глупца и что я долженъ идти своимъ путемъ, не обращая ни на кого вниманія.

Между тѣмъ княгиня жестоко страдала отъ невзгодъ, претерпѣваемыхъ ея фаворитомъ. Она старалась утѣшить его весьма лестными отличіями и въ то же время выказывала нерасположеніе ко мнѣ, доставляя ему тѣмъ самымъ удовольствіе убѣдиться, съ какимъ усердіемъ она держитъ его сторону и раздѣляетъ его чувства. Такая манера весьма могущественно дѣйствуетъ на влюбленное сердце, и глаза Фавицкаго, влажные отъ любви и признательности, самымъ глупымъ и для всѣхъ замѣтнымъ образомъ выдавали волновавшія его чувства. Всѣмъ кидалось въ глаза это неумѣстное и неосторожное поведеніе. Замѣчалъ это даже Павелъ, который сильно подтрунивалъ надъ этимъ съ своими товарищами.

Одинъ великій князь ничего не видалъ, или не хотѣлъ ничего видѣть, — такова была власть, которую имѣли надъ нимъ жена и привычки. Впрочемъ, не слѣдуетъ думать, что его можно было склонить къ проявленію несправедливости и партійности. Эта власть вызывала съ его стороны только въ извѣстныхъ предѣлахъ уступчивость, желаніе угождать въ мелочахъ и снисходительность, — словомъ, лишь то, что великій князь считалъ возможнымъ допустить для сохраненія домашняго мира и пріятности семейной жизни. За это онъ согласился принести такія жертвы, которыя почти отняли у него и политическую роль и даже подобающее ему мѣсто. Когда дѣло шло о пустякахъ, великій князь избѣгалъ противорѣчій, чтобы не вызвать того раздраженнаго состоянія, въ которое обыкновенно впадала княгиня и которое отзывалось на немъ такъ тяжело, что онъ содрогался при одномъ воспоминаніи объ этомъ.

Вотъ по этой-то причинѣ великій князь держалъ себя такъ, что иногда его поведеніе могло казаться слабостью, хотя въ дѣйствительности оно объяснялось его деликатностью и привязан-

ностью къ женѣ. Не думаю, чтобы можно было встрѣтить супруга болѣе нѣжнаго, болѣе внимательнаго и болѣе любезнаго въ мелочахъ семейной жизни, чѣмъ онъ, и княгиня должна была бы быть вполне довольной имъ. Но разъ дѣло шло о болѣе важныхъ вещахъ, тогда въ немъ сказывался великій князь, человѣкъ, который можетъ принять важныя рѣшенія и который сохраняетъ за собою свою волю во всей ея полнотѣ. Со времени перемѣны, которая поставила каждого на свое мѣсто, великій князь принесъ мнѣ книгу для записыванія ежедневно задаваемыхъ его сыну уроковъ. Каждый преподаватель долженъ былъ отдавать отчетъ въ пройденномъ по своему предмету, выражать свое удовольствіе или неудовольствіе успѣхами ученика и подписывать свою аттестацію. Я долженъ былъ въ концѣ дня дѣлать общій выводъ, который также приходилось подписывать. Затѣмъ книга относилась къ великому князю, который прочитывалъ ее на сонъ грядущій.

Между тѣмъ княгиня постоянно посылала за Фавицкимъ, когда только была свободна. Предлогъ найти было очень легко: то нужно было раздать милостыню, то навѣстить больныхъ, то лечить ихъ магнетизмомъ—словомъ, тысячи мелкихъ порученій, которыми она его засыпала, установили между ними частыя сношенія. Даже Павелъ удивлялся этому и не разъ мнѣ говаривалъ: «Фавицкій еще у княгини; какъ только папа заснетъ, онъ отправляется къ ней. Вотъ ловко-то!» Я старался отвлечь вниманіе мальчика въ другую сторону и смягчалъ его выводы, но все это стоило большого труда и было очень скучно.

Мало-по-малу, послѣ всѣхъ бурь, великій князь вернулся къ обычному настроенію и, руководимый княгиней, которая продолжала настойчиво дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи, сталъ приближать къ себѣ Фавицкаго и даже обходиться съ нимъ болѣе милостиво, чѣмъ прежде. Казалось, онъ хотѣлъ загладить недавнія сены и пролить исцѣляющій бальзамъ на его раны. Выказанная мужу признательность, которая сказывалась въ благоволеніи княгини ко всѣмъ окружающимъ, заставляла великаго князя удваивать свои усилія, такъ что въ концѣ концовъ Фавицкій поднялся такъ высоко, какъ никогда не стоялъ прежде. Эта побѣда тѣмъ болѣе льстила самолюбію княгини, что, восстанавливая въ милости своего ставленника, она вмѣстѣ съ тѣмъ добилась доказательства вліянія, которое она имѣетъ на своего супруга. Что касается меня, то она нарочно никогда не обращалась ко мнѣ и была со мной вѣжлива лишь настолько, насколько это необходимо, чтобы не нарушать элементарныхъ правилъ приличія.

Явное благоволеніе, которымъ пользовался Фавицкій, дало мнѣ возможность позабавиться, глядя, какъ стали держать себя нѣкоторые придворные. Многіе, прежде не обращавшіе на него никакого вниманія, теперь старались сблизиться съ нимъ, выказывали

ему знаки своего расположенія и старались держать себя такъ, чтобы какъ-нибудь обратить на себя вниманіе княгини.

Однажды, желая переговорить съ нимъ о чемъ-то по поводу Павла, я отправился въ его комнату, гдѣ онъ обыкновенно проводилъ большую часть дня. Я потихоньку отодвинулъ ширмы, скрывавшія его убѣжище, и увидѣлъ, что онъ сидитъ, опершись на локти, за своимъ письменнымъ столомъ, созерцая портретъ княгини. Поза его была совершенно такая же, какъ у пустынниковъ, погруженныхъ въ раздумье передъ крестомъ. Онъ не зналъ, какъ ему держать себя со мною, но я сдѣлалъ видъ, что ничего не видалъ, и онъ повѣрилъ, что дорогое ему изображение осталось не замѣченнымъ. Въ этой комнатѣ производились какія-то передѣлки, и, по всей вѣроятности, княгиня подарила ему свой портретъ, стоявшій ранѣе въ этой комнатѣ на столикѣ рядомъ съ другими. Впрочемъ, могло быть и такъ, что онъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ заказалъ художнику сдѣлать съ него копію лично для себя. Для окружающихъ это, впрочемъ, было безразлично, и они, какъ всегда бываетъ, дѣйствовали подъ влияніемъ недоброжелательства къ нему.

Когда великій князь уѣхалъ на нѣсколько дней и вернулся домой ночью, то въ городѣ пошли слухи, что онъ не засталъ жену дома и что она возвратилась гораздо позже. Конечно, это была совершенная ложь. Но я уже достаточно говорилъ о странномъ единеніи княгини и Фавицгаго и не буду больше распространяться о немъ, если только какое-нибудь важное событіе не заставитъ меня снова вернуться къ этому обстоятельству. Образъ жизни, который избралъ для себя великій князь, стеченіе тысячи мелкихъ обстоятельствъ, казалось, обеспечивали этому общенію очень продолжительное будущее до того момента, когда возвращеніе къ здравому смыслу и, какъ неминуемое слѣдствіе этого, отвращеніе къ такому положенію, не прекратитъ непонятное его существованіе.

Императоръ проѣзжалъ черезъ Вильну по пути на конгрессъ въ Веронѣ (1822 г.) и провелъ у брата нѣсколько дней. Во время его пребыванія были маневры, послѣ которыхъ его величество продолжалъ свой путь на Вѣну. Въ этотъ короткій промежутокъ императоръ бесѣдовалъ съ великимъ княземъ о наступившей для государей необходимости забыть свои частные интересы, чтобы объединиться противъ общаго врага, который всячески старался колебать ихъ престолы, и вообще противъ революціоннаго духа. Именно этотъ государь задумалъ и выносилъ въ себѣ проектъ Священнаго союза, единственной цѣлью котораго было сохранять счастье и спокойствіе народовъ и который справедливо заслуживалъ такого названія. Священный союзъ сталъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ Вѣнскаго конгресса. Александръ возымѣлъ великую и благую идею, которую онъ хотѣлъ внушить другимъ государямъ,

находившимся одинаково въ опасности. Оба брата много обсуждали этотъ вопросъ въ Бельведерѣ, и великій князь выказалъ мнѣ при этомъ такое довѣріе, что привлекъ и меня къ участию въ ихъ бесѣдахъ.

Нѣсколько времени спустя къ намъ прибылъ великій князь Михаилъ Павловичъ прямо изъ Штутгарта, гдѣ онъ видѣлся съ своей будущей супругой, племянницей вюртембергскаго короля. Онъ прожилъ въ Бельведерѣ болѣе мѣсяца и разстался съ нимъ съ сожалѣніемъ, призываемый матерью въ Петербургъ. Юный великій князь нѣжно любилъ своего брата Константина, и замкнутая, чисто военная жизнь, которую онъ велъ, была ему какъ разъ по сердцу. Онъ отличался веселымъ и открытымъ характеромъ и былъ чрезвычайно вѣжливъ въ обращеніи. Его общество придавало нашему блѣдному и туманному горизонту пріятный отблескъ. Великаго князя сопровождали бывшій его воспитатель генералъ Ольдинскій и два адъютанта, которые оказались довольно разносторонними. Осень у насъ прошла такъ же, какъ и первая половина года, ибо, если не считать перемѣнъ, которыя приносить съ собою время года, все у насъ попрежнему шло размеренно, и жизнь текла самымъ невозмутимымъ образомъ. Великій князь ежедневно послѣ обѣда ложился спать и ежедневно въ 8 часовъ вечера мы собирались вокругъ него. Газеты прочитывались и комментировались самымъ внимательнымъ образомъ, такъ какъ великій князь обнаруживалъ большой интересъ къ политическимъ событіямъ. Все происходившее въ Веронѣ, казалось, предвѣщало наступленіе важныхъ событій, но ясно было только то, что хотятъ всѣми возможными средствами обуздать революціонное чудовище, которое, овладѣвъ Греціей, грозило внѣдриться въ Испанію и, подложивъ такимъ образомъ огонь съ обоихъ концовъ Европы, раздуть всеобщій пожаръ.

Честолюбіе отдѣльныхъ лицъ было отодвинуто на этотъ разъ общностью интересовъ и не поддавалось искушеніямъ, которыя ему представлялись. Эта жертва была не меньше, чѣмъ понятная страсть государей къ завоеваніямъ. Особенно пришлось бороться съ искушеніемъ императору Александру. Онъ признавался своему брату, что никогда еще ловушка не была подстроена ему такъ искусно, такъ ловко и коварно, какъ на этотъ разъ, и что ему понадобились весь его умъ и вся его энергія, чтобы освободиться изъ нея. Графъ Каподистрія поплатился мѣстомъ за соблазнительную приманку, которую онъ осмѣлился подложить государю. Мы видѣли, какъ онъ, до возвращенія императора, уѣзжалъ на воды, которыя съ нѣкотораго времени стали прописываться не докторами, а государями.

По мнѣнію всѣхъ, которые его знаютъ, графъ Каподистрія человекъ очень умный и талантливый. Овладѣвъ довѣріемъ госу-

даря, онъ какъ бы исполнялъ обязанности перваго министра и, зная всѣ тайные планы государя, льстилъ себя надеждой, что ему удастся въ нихъ восторжествовать. Императоръ раздѣлялъ идеи Екатерины Великой относительно возстановленія греческой имперіи и изгнанія турокъ въ Азію. Министръ рассчитывалъ, что обстоятельства оживятъ эту мысль, и далъ вспыхнуть революціи, обѣщая ей помощь, въ которой, по его мнѣнію, не могло быть отказа. Но Александръ оказалъ сопротивленіе, сообразивъ, что намѣренія его министра находятся въ скрытомъ согласіи съ намѣреніями огромной либеральной партіи. До сего времени этотъ государь былъ спасителемъ Европы. Своимъ спасеніемъ эта часть свѣта обязана его мудрости, глубинѣ его идей, твердости, съ которой онъ имъ слѣдовалъ, умѣренности и твердости. Попавъ въ наиболѣе тяжелыя обстоятельства, въ которыхъ когда-либо находилось человѣчество, онъ поднялъ свою политику выше этого кризиса и, ставъ внѣ узкихъ плановъ и временныхъ расчетовъ, поддерживалъ старинные устои общества, обративъ свою мощь противъ коварной и ложной философіи. Именно онъ и задумалъ Священный союзъ, завязалъ его узлы и былъ его душою. Будучи современникомъ великаго человѣка, наполнившаго страницы исторіи славою своихъ гигантскихъ кровавыхъ подвиговъ, Александръ внесъ въ ея анналы свои побѣды законности и благодѣянія, которыя явились ея слѣдствіемъ. Потомство, далекое отъ этой страшной эпохи, хладнокровно оцѣнитъ этихъ обоихъ монарховъ, изъ коихъ одинъ, въ ослѣпленіи своей власти, хотѣлъ перевернуть весь міръ, а другой, въ лучахъ мудрости, стремился дать ему прочность. О Священномъ союзѣ говорили очень много. Нападая на него, вооружались всякими софизмами и насмѣшками. Такое ожесточеніе, свидѣтельствующее о раздраженіи и страхѣ либеральной партіи, служитъ лучшей похвалою для этого политическаго союза. Съ одной стороны, нужно было подавить революціонный духъ, а съ другой—возстановить совершенно нарушенное европейское равновѣсіе и создать порядокъ, обѣщавшій хоть какую-нибудь устойчивость.

Наполеонъ далъ поводъ къ образованію союза изъ Россіи, Австріи и Пруссіи. Послѣ его паденія этотъ союзъ, возникшій первоначально въ цѣляхъ сопротивленія, поставилъ себѣ благородною цѣлью возстановленіе порядка и сохраненіе великихъ социальныхъ принциповъ. Но имѣетъ ли этотъ союзъ будущность? Конечно, нѣтъ. Вызванный въ силу необходимости, поддерживаемый лишь взаимными дружественными чувствами и уваженіемъ государей, онъ можетъ существовать, только пока живы его творцы. Ихъ взаимной связи не будетъ у ихъ преемниковъ, возродится прежнее честолюбіе, соперничество народовъ, и Священный союзъ, не находя болѣе поддержки въ личной дружбѣ его членовъ, рух-

нетъ такъ же, какъ рухнули многіе союзы, созданные волею одного лица и одними обстоятельствами.

Ни Австрія, ни Россія не терпѣли Пруссіи, и только личность ея короля мѣшала разрыву между ними. Императоръ Александръ былъ для короля столь же вѣрнымъ, какъ и полезнымъ, союзникомъ. Онъ защищалъ его во времена Наполеона, а затѣмъ со времени Вѣнскаго трактата оказывалъ ему еще большую поддержку, давъ ему часть Саксоніи и обширныя владѣнія на Рейнѣ. Щедрость Александра дѣйствовала даже во вредъ ему самому, такъ какъ онъ уступилъ королю великое герцогство Познанское, Торнъ и Данцигъ, которые должны были бы войти въ составъ новаго королевства Польскаго. Лишеніе этихъ городовъ наносило смертельный ударъ торговлѣ этого государства. Императоръ потомъ хорошо понялъ это, но уже не хотѣлъ все передѣлывать. Другой государь не задумался бы надъ этимъ.

Легко видѣть, какъ опасны были эти зародыши разложенія. Сколько разъ мнѣ приходилось слышать, какъ великій князь, нисколько не стѣсняясь, выражалъ свою антипатію къ пруссакамъ и заявлялъ, что онъ охотно выступилъ бы въ походъ противъ нихъ. Сколько разъ онъ съ братомъ Михаиломъ смѣялся надъ гнусавымъ произношеніемъ прусскаго короля и вышучивалъ берлинскій дворъ, прусскія войска, смотры и вообще все, что происходило въ этой странѣ. Оба великіе князя не стѣснялись присутствіемъ своего брата Николая, который былъ принужденъ смѣяться при ихъ шуткахъ, хотя и закусывалъ себѣ при этомъ губы.

Съ своей стороны, пруссаки налагали на русское правительство всяческія путы, хотя бы дѣло шло о какихъ-нибудь торговыхъ или о полицейскихъ сношеніяхъ, которыя вслѣдствіе сосѣдства обѣихъ странъ стали почти ежедневными. Безъ сомнѣнія, при первой же возможности согласіе будетъ нарушено именно съ этой стороны. Если оно и будетъ еще существовать, то единственно изъ страха передъ происками демагоговъ. Связь съ Австріей носить болѣе дружественный характеръ. Патріархальное управленіе этой страной, страхъ и систематическое упорство передъ всякой перемѣной, мудрая и обдуманная политика, которая, несмотря на пораженіе, привела страну къ побѣдамъ, наконецъ умѣренность—все это предвѣщало болѣе продолжительное существованіе дружбы, тѣмъ болѣе, что между Австріей и Россіей нѣтъ ни соперничества, ни поводовъ къ взаимной ненависти. Великіе князя отзывались всегда съ похвалою объ императорѣ Францѣ, о его правительствѣ и войскахъ. Жалѣютъ лишь объ уступкѣ Австріи копей въ Величкѣ, но это обстоятельство не настолько важно, чтобы вызвать раздоръ.

Императоръ вернулся изъ Вероны въ первыхъ числахъ января и провелъ десять дней въ Варшавѣ. Изъ частныхъ разговоровъ

съ великимъ княземъ я узналъ, что война съ Испаніей была предметомъ долгихъ разговоровъ на конгрессѣ и что противъ нея высказалось нѣсколько французскихъ министровъ. Я узналъ еще, что для государя эта война была очень желательна и онъ хотѣлъ предоставить ее одной Франціи. По моимъ свѣдѣніямъ, война эта должна начаться, такъ какъ она предрѣшена уже императоромъ, да и французскій король не отказывается отъ нея. Если она будетъ удачна, то принесетъ огромныя выгоды прежде всего Франціи, а затѣмъ и всему континенту. Испанія теперь стала добычею революціонеровъ, мѣстомъ ихъ сбора и ихъ послѣднимъ убѣжищемъ. Если они будутъ побѣждены, то ихъ партіи будетъ нанесенъ смертельный ударъ, и послѣднія ея усилія, потерявъ общую связь, легко будутъ подавлены.

Во время пребыванія императора великій князь позвалъ меня однажды къ себѣ. Когда я явился, онъ передалъ мнѣ небольшой ящикъ, говоря, что это отъ его величества, который желаетъ такимъ образомъ выразить мнѣ свое удовольствіе по поводу моихъ занятій съ Павломъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявилъ мнѣ, что завтра передъ обѣдомъ онъ представитъ меня императору, который изъявилъ желаніе меня видѣть, и что въ это время я могу принести ему свою благодарность. По внѣшнему виду ящика я догадался, что въ немъ долженъ быть перстень. Вернувшись къ себѣ, я открылъ ящикъ и нашелъ въ немъ великолѣпный соли-теръ, окруженный 16 брилліантами. Перстень стоилъ, по крайней мѣрѣ, 600 дукатовъ, но для меня важна была не его цѣнность, а то, отъ кого онъ попалъ ко мнѣ. Императоръ самъ принесъ его въ карманѣ и самъ отдалъ его брату для передачи мнѣ.

На слѣдующій день передъ обѣдомъ я отправился въ аппартаменты великаго князя, куда вскорѣ прибылъ и его величество. Великій князь представилъ меня, и я былъ принятъ съ обаятельной вѣжливостью, которая свойственна только этому монарху. Выраженіе его лица столь же благородно, какъ и привлекательно; его величавость смягчается проявленіемъ доброты, которая дѣйствуетъ ободряющимъ образомъ. Императоръ много разспрашивалъ меня о Павлѣ, потомъ о моей прежней карьерѣ. Мои отвѣты навели разговоръ на революцію, на ея послѣдствія и на либеральную партію. Я замѣтилъ, что онъ сталъ враждебенъ ей и что перемѣна, о которой мнѣ говорилъ великій князь, была полная. Императоръ удостоилъ бесѣдовать со мною около получаса и удалился, сказавъ мнѣ нѣсколько лестныхъ для меня вещей. Хотя я и зналъ государя по тому, что онъ сдѣлалъ великаго и благороднаго, хотя я и могъ его знать еще ближе по частнымъ разговорамъ о немъ съ великимъ княземъ, но, сознаюсь, я былъ пораженъ его манерой бесѣдовать, ясностью его мыслей и выборомъ выраженій. Это былъ чистокровный французъ, со всей его эlegantностью и со всей его

энергией. Ни одного неумѣстнаго слова, которое выдавало бы иностранца, произношеніе, достойное академика. Я остался въ изумленіи и вмѣстѣ съ тѣмъ въ восторгѣ отъ этого свиданія. Черезъ нѣсколько дней императоръ отправился въ свою столицу, въ которой онъ такъ долго не былъ. Милостей было оказано немного и такъ какъ было объявлено о большомъ сборѣ войскъ въ сентябрѣ, то вообразили, что онѣ отложены до того времени. Люди честолюбивые продолжали жить надеждами, составлявшими ихъ обычную пищу, и ожидали пира, который долженъ былъ удовлетворить ихъ ненасытный аппетитъ.

Скоро сдѣлалось извѣстно, что, несмотря на протестъ нѣкоторыхъ министровъ, война съ Испаніей рѣшена. Великій князь былъ въ восторгѣ и говорилъ, что насильственные дѣйствія, къ которымъ заставилъ прибѣгнуть его братъ, окажутъ Европѣ величайшую услугу. Трудно было вѣрить въ успѣхъ такого предпріятія, не разузнавъ предварительно о настроеніи умовъ и о сопротивленіи, которое нужно ожидать. Но если будетъ достигнута цѣль войны, то какую силу получитъ тогда французское правительство! Оно увидѣло бы себя въ ряду наиболѣе могущественныхъ правительствъ на континентѣ, создало бы огромныя военныя силы, заставивъ смолкнуть ревнивые толки, приписывавшіе всѣ триумфы Наполеону, уничтожило бы при помощи братства по оружію тотъ разладъ между арміями, который старательно поддерживали либералы, словомъ, французское правительство своими успѣхами пріобрѣло бы огромную власть надъ воинственной націей, которую послѣ перенесенныхъ невзгодъ нужно было утѣшить побѣдой. Великаго князя беспокоилъ только духъ войскъ, но когда пришло извѣстіе о переходѣ черезъ Бидоссоа, онъ былъ чрезвычайно доволенъ.

Когда я прочелъ ему газетную статью объ этомъ, и онъ услышалъ, что наши солдаты отвѣчали мнимымъ патріотамъ, явившимся для переговоровъ подъ защитой трехцвѣтнаго знамени, выстрѣлами изъ пушекъ, онъ сильно ударилъ кулакомъ по столу и, потирая руки, какъ онъ всегда дѣлалъ, когда былъ доволенъ, воскликнулъ: «Теперь все кончено! Впередъ и да здравствуетъ король!» Онъ заставилъ насъ повторять эти крики энтузіазма, и я сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь изъ французовъ испускалъ ихъ съ большимъ воодушевленіемъ, чѣмъ онъ.

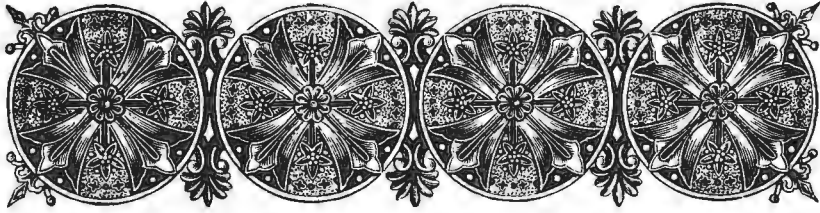
Съ огромнымъ нетерпѣніемъ ждалъ онъ каждый день курьера. Когда приносили газеты, онъ звалъ меня къ себѣ и, разыскивая на картѣ даже самые незначительные города, слѣдилъ за операціями войскъ. Часто онъ удивлялся ихъ малочисленности, тѣмъ болѣе опасной, что имъ приходилось разсѣиваться, чтобы охватить возможно большее пространство, вслѣдствіе чего они, очевидно, не могли держаться крѣпко. Но сейчасъ же онъ говорилъ себѣ, что это только доказываетъ слабость противника и малочислен-

ность партизановъ. «Впрочемъ,—прибавлялъ онъ,—французы знаютъ, что дѣлаютъ».

Онъ много распространялся о талантливости такого-то и такого-то генерала и даже простого офицера, ибо въ дѣйствовавшей въ имперіи арміи не было ни одного человѣка, котораго бы онъ не зналъ лично или по слухамъ. Память его была изумительна. Отдаленное прошлое для него представляется недавнимъ, и онъ помнитъ не только мѣсяць, но день и даже часъ, въ который произошло какое-нибудь событіе. Достаточно ему прійти въ мимолетное соприкосновеніе съ человѣкомъ, даже самымъ незначительнымъ, и онъ уже запоминаетъ его лицо и его имя, такъ что потомъ, при случайной встрѣчѣ, онъ тотчасъ же узнаетъ его. По этому можно судить, какъ прочно удерживались въ его памяти важныя вещи. Военныя упражненія и маневры занимали великаго князя все лѣто, но, увлекаясь ими, онъ все же не забывалъ событій въ Испаніи, которыя его живо интересовали. Успѣхъ, сопутствовавшій французской арміи, служилъ для него настоящимъ источникомъ блаженства, а быстрота, съ которой совершались операціи, заставляла его уже предугадывать счастливый исходъ войны.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

„МУЛЛА“.

(Путевой очеркъ).

ИХО и жарко въ маленькомъ киргизскомъ аулѣ, затерянномъ въ необъятной знойной степи. Ни малѣйшаго движенія воздуха.

Раскаленное солнце чуть-чуть отошло отъ самой высокой точки темно-синяго горизонта. Я лежу въ изнеможеніи отъ жары въ своей кибиткѣ съ откинутыми полами пестрой тяжелой кошмы и незамѣтно наблюдаю за молоденькой красавицей-киргизкой Фатьмой, сидящей недалеко отъ меня у потухшаго очага съ какой-то работой въ рукахъ. Но, повидимому, ей не до работы Хорошенькое, полудѣтское личико печально, тонкія, темныя брови въ глубокой думѣ совсѣмъ соплились на переносѣ, черные, когда-то веселые глазки Фатьмы задумчиво смотрятъ въ даль въ безпредѣльную, будто замороженную зноемъ степь, по временамъ они заволакиваются слезами, и тяжкій, тяжкій вздохъ срывается съ полукрытыхъ, поблѣднѣвшихъ губъ.

Недѣли двѣ тому назадъ Фатьму, дочь небогатаго киргиза Ювуфа, просватали за богатаго, вліятельнаго, но стараго и безобразнаго бека изъ сосѣдняго большого аула, но въ тотъ же день дѣвушка заболѣла, и раздосадованный и взволнованный остановкой выгодной свадьбы отецъ поскакалъ въ аулъ Джербай за муллою, указавшимъ беку на Фатьму, какъ на красивѣйшую во всемъ округѣ невѣсту, чтобы тотъ излечилъ Фатьму поскорѣе и уговорилъ бека отложить на нѣкоторое время свадьбу. Но бѣдная дѣ-

вушка не поддавалась леченію и съ каждымъ днемъ все больше и больше худѣла и блѣднѣла. Я слышала по ночамъ, когда затихалъ ауль, монотонный отчитывающій голосъ муллы, выгоняшаго изъ души Фатьмы шайтана, и заглушенные стоны и рыданія несчастной дѣвушки. На утро едва живая, вся закутанная въ чадру, выходила Фатьма и съ какимъ-то напряженнымъ ожиданіемъ подолгу не отрываясь смотрѣла въ степь, а степь все стояла такая же величавая и безмолвная; только изрѣдка въ дрожащемъ воздухѣ подъ ослѣпительно яркимъ солнцемъ вдругъ рѣзко прозвучитъ побѣдный крикъ коршуна-степняка, распростертаго высоко надъ землей и зорко своими хищными, острыми глазами увидавашаго бѣднаго маленькаго суслика, спрятавшагося въ цвѣтущемъ пушистомъ ковылѣ. Вотъ сейчасъ онъ камнемъ упадетъ на несчастнаго суслика и будетъ рвать и когтить свою добычу. Я слѣжу за коршуномъ и почему-то, по какому-то необъяснимому сопоставленію рядомъ съ нимъ, терзающимъ добычу, представляю хитро-красивое, съ ястребинымъ взглядомъ острыхъ глазъ лицо пріѣхавшаго въ нашъ ауль муллы.

Мулла-татаринъ мастеръ на всѣ руки: исполняетъ религіозные обряды, лечитъ лошадей и больныхъ киргизъ, устраиваетъ свадьбы, выгоняетъ шайтана изъ правовѣрныхъ душъ, продаетъ по высокой цѣнѣ привезенные съ собой изъ Оренбурга линючіе ситцы, покупаетъ за безцѣнокъ верблюжью и овечью шерсть и служитъ переводчикомъ между русскимъ и киргизскимъ населеніемъ, беря какъ съ той, такъ и съ другой стороны за устройство всякихъ дѣлъ баснословно высокое вознагражденіе, на разные лады и способы обдувая суевѣрныхъ, наивныхъ и довѣрчивыхъ киргизъ. Онъ какимъ-то особеннымъ нюхомъ чувствуетъ, гдѣ можно схватить добычу и, какъ коршунъ-степнякъ, камнемъ летитъ на нее. Въ каждомъ аулѣ его встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями, окружаютъ его почетомъ и безпрекословно слушаются какъ повелѣнія самого Аллаха.

Кромѣ того, мулла вдохновенный рассказчикъ древнихъ преданій своей родины, и я почти каждый вечеръ вижу его коренастую фигуру въ шелковомъ ватномъ халатѣ, въ бархатной остроконечной шапкѣ, отороченной собольимъ мѣхомъ, важно шествующаго мимо меня къ зажженному костру, вокругъ котораго собрался цѣлый ауль послушать его рассказовъ. Тихо опускается онъ на приготовленное ему у огня мѣсто, и оттуда до моей кибитки, гдѣ я пью чай, доносится ровная, какъ потокъ, рѣчь муллы.

Костеръ отчаянно трещитъ, разбрасывая вокругъ себя золотыя искры. Огромный столбъ сизаго дыма высоко поднимается кверху и тамъ постепенно расплывается, сливаясь съ темнымъ бархатомъ ночи. Теплая сухая ночь со всѣхъ сторонъ окутываетъ успокоившійся отъ дневныхъ хлопотъ ауль. Далеко въ вышинѣ

дрожать и переливаются звѣзды. Костеръ все больше и больше разгорается на темномъ, почти черномъ фонѣ неба и степи. Освѣщенные багровымъ пламенемъ черты киргизскихъ лицъ теряютъ свою неподвижность и кажутся полными какой-то загадочной жизни. Никакой посторонній звукъ не нарушаетъ теченія разсказа. Но вдругъ недалеко отъ меня у кибитки Фатмы послышался таинственный шопотъ мужского голоса, звукъ осторожнаго поцѣлуя и облегченный радостный вздохъ. Я не выдерживаю и иду посмотреть, что это такое.

Легкая граціозная тѣнь, похожая на Фатму, невѣсту стараго бека, уже скользитъ какъ ни въ чемъ не бывало къ костру, другая юркнула въ темноту ночи, и опять все тихо, только отъ костра летится живая гортанная рѣчь муллы, да потрескиваетъ костеръ.

Я подхожу къ огню. Киргизскія головы на мгновеніе оборачиваются въ мою сторону, сверкаютъ черные глаза и бѣлые, какъ перламутръ, зубы. Мужчины привѣтливо киваютъ мнѣ головою, женщины произносятъ свое обычное «аманъ-ба», и снова всѣ взоры обращаются на покраснѣвшее вдохновенное лицо муллы. Я тоже сажусь въ кругъ и начинаю слушать звучный, спокойный баритонъ, который то понижается, то повышается въ своемъ вдохновении. Недвижно застыли слушатели, боясь проронить слово. Лица мужчинъ сосредоточены, задумчивы, женскія разсмотрѣть труднѣе; изъ уваженія къ мужской слабости онѣ накинули себѣ на лицо легкія, какъ облако, бѣлыя покрывала, сквозь которыя все-таки сверкаютъ веселые глаза молодежи.

«Когда на землѣ зло побѣдило добро,—разсказываетъ мулла,— и люди возненавидѣли другъ друга, великій Аллахъ позвалъ своего любимаго ангела и сказалъ ему: я дамъ тебѣ столько силы любви, сколько имѣю самъ, и ты лети на землю и научи людей любить другъ друга, раздавая каждому человѣку по маленькой крупинкѣ моего божественнаго дара и пусть будутъ для тебя всѣ равны: и богатые, и бѣдные, и господа, и рабы.

«И ангелъ слетѣлъ на землю и ходилъ по ней, раздавая каждому по крохотной частицѣ любви, и тамъ, гдѣ онъ проходилъ, вражда и ненависть гасли, какъ ночь передъ разсвѣтомъ. Такъ онъ обошелъ половину земного шара, раздавъ и половину сокровища, полученнаго имъ отъ Аллаха. Но какъ-то, проходя мимо городской цистерны, ангелъ увидѣлъ рабу, качавшую воду. Она была стройна, какъ пальма, и красива, какъ весенній день, ея глаза сіяли, какъ звѣзды, ея губы краснѣли, какъ лепестки алой розы, высокая пышная грудь быстро подымалась и опускалась отъ усиленной работы. И ангелъ остановился, очарованный и восхищенный красотой дѣвушки, онъ не могъ себя сдержатъ, опустился передъ ней на колѣни и отдалъ ей всю оставшуюся у него лю-

бовь. Обдѣленные люди, не получившіе своей доли божественнаго дара, увидавъ, что ангелъ отдалъ всю любовь дѣвушкѣ, взбунтовались и побили ихъ камнями и когда душа ангела предстала передъ Аллахомъ, то Онъ разсердился, отъ Его гнѣва страшный громъ прокатился по небу, земля задрожала и заколебалась въ разныя стороны, отъ чего опять добрые и злые люди смѣшались. «Смотри, что ты надѣлалъ своимъ легкомысліемъ!—сказалъ Аллахъ опечаленному ангелу.— Ступай отъ меня прочь и да будетъ проклята твоя грѣшная любовь». Но ангелъ сталъ умолять Аллаха простить его, и Аллахъ простилъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ летѣлъ опять на землю и разыскивалъ души, которыхъ онъ обдѣлил, и душа, въ которую ангелъ войдетъ, будетъ страдать и болѣть для того, чтобы, видя людскія страданія, ангелъ вѣчно помнилъ свою вину передъ Аллахомъ».

Мулла кончилъ и задумчиво смотрѣлъ на потухающій уже костеръ, бросающій свѣтлые блики на его темное, точно изъ бронзы вылитое лицо съ лихорадочно сверкающими глазами. Тихо поднялась Фатъма со своего мѣста и безшумно двинулась къ своей кибиткѣ, за ней послѣдовали и всѣ остальные. Только мулла все еще сидѣлъ въ нѣмомъ созерцаніи далекихъ трепетныхъ звѣздъ да медленно едва замѣтно всходявшей кроваво-красной отъ дневного зноя луны.

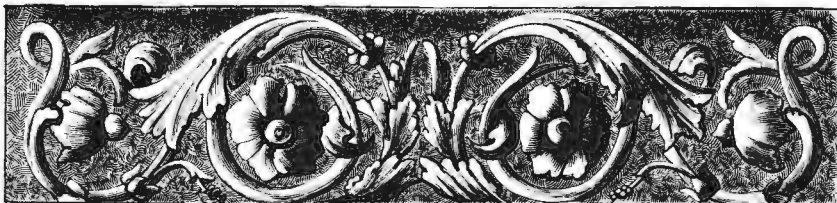
— А что, мулла, скоро ли выздоровѣетъ Фатъма?—невольнo задала я вопросъ вышедшему изъ задумчивости муллѣ, смотря на удаляющуюся отъ костра легкую, граціозную фигуру дѣвушки. Хитрая, насмѣшливая улыбка молніей пробѣжала по лицу муллы и моментально исчезла.

— Аллахъ наказываетъ своего ангела, мнѣ трудно съ Нимъ бороться,—спокойно отвѣтилъ онъ мнѣ, поднимаясь, чтобы уйти.

Но муллѣ не пришлось долго бороться съ Аллахомъ: въ ту же ночь неизвѣстно куда исчезла Фатъма изъ аула, и я случайно увидѣла, какъ рано утромъ мулла тайкомъ считалъ цѣлую горсть золотыхъ.

Л. А. Табулевичъ.

СЛОВИНЦЫ И СИМЕОНЪ ГРЕГОРЧИЧЪ.

(Очеркъ).

СЛОВИТЬ о словинской литературѣ значитъ вспоминать исторію словинскаго народа. Онѣ связаны неразрывными узами братскаго единенія.

Словинцы—наиболѣе живучая вѣтвь славянскаго племени.

Несмотря на малочисленность (въ Австріи ихъ теперь насчитывается около 2 милліоновъ человѣкъ) и на потерю политической и національной независимости еще со временъ завоеваній Карла Великаго, они сумѣли сохранить въ неприкосновенности родную рѣчь, хотя и находятся съ тѣхъ поръ въ нравственномъ и культурномъ подчиненіи у австрійцевъ. Они хорошо понимаютъ свое назначеніе и не теряютъ увѣренности въ успѣхъ...

Словинскій народъ, неустанно работавшій и сплотившійся въ прочную единицу, достигъ высокаго уровня экономическаго благосостоянія.

Его стойкость, энергія и трудолюбіе исключаютъ возможность какихъ бы то ни было легкомысленныхъ увлеченій. Въ своихъ горахъ словинцы научились въ теченіе многихъ столѣтій упорному сопротивленію и закалились въ борьбѣ.

Гумпловичъ, профессоръ университета въ Грацѣ по кафедрѣ государственнаго права и полицейскаго, слившій въ своемъ ученіи, подъ влияніемъ идей новѣйшаго естествознанія, основные вопросы государствовѣднія и соціологіи, смѣло возсталъ противъ господствующаго мнѣнія, будто словинское влияніе безразлично

для европейскаго равновѣсія, и остроумно доказывалъ въ брошюрѣ «La question slovène» (Paris. 1896) совершенно противоположный взглядъ. По его выводу, исторія горсти словинцевъ, ведущихъ борьбу за свой языкъ и національность, имѣеть для всей Европы далеко немаловажное значеніе.

Онъ такъ подходитъ къ этой мысли.

Въ отдаленныя времена словинцы мирно обрабатывали землю.

Въ средніе вѣка ихъ потѣснили кельты, римляне и баварско-германское племя.

Наполеонъ Бонапартъ бросилъ первую искру въ спящихъ словинцевъ, образовавъ «иллирское королевство» и признавъ словинскій языкъ господствующимъ наравнѣ съ французскимъ. Появляются поэты — пѣвецъ непосредственности Валентинъ Водникъ (1758—1819) и богатый художественными образами Францъ Преширнъ (1800—1848), филологъ Вареоломей Копитаръ (1780—1844), специалистъ по славянскому языковѣданію.

Водникъ писалъ въ 1811 году, обращаясь къ Наполеону:

Я слышу воззванье:
«Иллирія, встань!»
Меня поднимаетъ
Могучая длань,
И я пробуждаюсь
Отъ долгаго сна...
Скажи мнѣ, великій,
На что я нужна?
Куда ни взгляну я, —
Повсюду погромъ,
Дѣтей своихъ тщетно
Ищу я кругомъ...
.....
Я вѣрю, что стану
Великой страной,
Впередъ я готова
Гордиться собой ¹⁾.

Но счастье было недолговѣчнымъ.

Вѣнскій конгрессъ отдалъ словинцевъ Австріи, какъ носительницѣ тогда нѣмецкой культуры на Востокѣ, а эта послѣдняя тотчасъ же поспѣшила придать яркую специфическую окраску всѣмъ мѣстнымъ учрежденіямъ, общественнымъ и торговымъ.

Города онѣмечились. Императоръ Александръ I, гуляя какъ-то по окрестностямъ нѣмецкаго города Лайбаха (въ сущности, словинской Любляны), съ изумленіемъ натолкнулся на людей, свободно объяснявшихся по-русски. Удивленіе это понятно, такъ какъ этнографія въ тотъ періодъ была только въ зародышѣ.

¹⁾ Перев. Н. Новица («Словинскіе поэты», 1904).

Искра народнаго самосознанія, брошенная Наполеономъ, болѣе не угасала въ словинцахъ, напротивъ—разгоралась съ болѣею силой.

Въ этотъ періодъ много способствовали подъему самосознанія и родной литературы священникъ Антонъ Мурко (1808—1872), составитель грамматики, и докторъ медицины и ветеринаріи Янъ Блейвейсъ (Торстенискій, 1808—1881), извѣстный подъ именемъ «отца словинцевъ», упорядочившій словинскую орфографію и основавшій (въ 1843 г.) сельско-хозяйственный вѣстникъ «Kmetijske in rokodilske Novice», который сталъ средоточіемъ культурнаго возрожденія.

Охраненіе народности отъ германизаци было возможно, конечно, лишь при наличности двухъ условій: внутренней, нравственной стойкости народа и благопріятныхъ обстоятельствъ внѣшней политики. И то, и другое было налицо.

Движеніе прогрессивнаго 1848 г., пораженія Австріи въ Итали и Чехи, отторженіе Венгріи, полная бурь національная жизнь въ сосѣдней Хорватіи,—все это, естественно, отражалось и на житьѣ-бытьѣ словинцевъ: начала развиваться газетная и книжная литература, появилась интеллигенція, неграмотные отошли въ область преданій.

Но главную услугу оказалъ имъ, по мнѣнію Гумпловича, конечно, Бисмаркъ, выбросившій въ 1866 г. Австрію изъ общегерманскаго союза.

Этимъ актомъ покойный «желѣзный канцлеръ» принесъ пользу германскому государству, такъ какъ приготовилъ его объединеніе, и несомнѣнный вредъ нѣмецкой народности, которая съ тѣхъ поръ не только остановила свою поступь на Востокъ, но даже начала понемногу терять ранѣе завоеванныя позиціи.

И вотъ Австрія дѣлается все нагляднѣй и нагляднѣй славянскимъ краемъ, постепенно переставая помогать цѣлямъ германизаци, а роль нѣмцевъ въ отношеніи славянъ съ каждымъ годомъ замѣтно умалается. Въ будущемъ словинцамъ предстоитъ еще отвѣтственная задача—послужить славянскимъ аванпостомъ въ окончательной борьбѣ съ нѣмецкимъ вліяніемъ. Въ этомъ-то, по словамъ Гумпловича, и заключается ихъ главное значеніе какъ для Франціи, такъ и для Россіи, а слѣдовательно и для Европы.

Могучимъ духовнымъ двигателемъ словинскаго возрожденія, разумѣется, являются научно-литературныя работы.

Была основана въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія словинская академія наукъ, или «матица».

Выступили ученые слависты — Францъ Миклошичъ (1813—1891), ученикъ Копитара, затѣмъ Григорій Крэкъ и Матвѣй Мурко.

Общество св. Могоря, издающее на членскіе взносы популярныя книги религіознаго, историческаго, естественно-научнаго и

беллетристическаго содержанія, выдвинуло талантъ І. Юрчича, который писалъ рассказы изъ крестьянскаго быта, положивъ основаніе словинскому роману.

Онъ старался подражать Вальтеръ-Скотту и въ своихъ произведеніяхъ далъ богатый этнографическій матеріалъ.

У Юрчича нашлось много послѣдователей: Тавчарь, авторъ художественныхъ миниатюръ и повѣстей изъ эпохи реформъ, Детела, написавшій историческій романъ «Великій графъ», Менцингеръ—скорѣе философъ, чѣмъ беллетристъ, Керсникъ, охватившій въ повѣстяхъ широкую среду мѣщанства, купечества и крестьянства.

Маленькое племя, вполне зависящее въ своемъ развитіи отъ духовной жизни большихъ народовъ, должно было волей-неволей идти за ними, хотя, можетъ быть, и позже нѣсколькими десятилѣтіями.

Реализмъ, овладѣвшій французской литературой послѣ Бальзака и Флобера, оказалъ громаднѣе вліяніе и на словинцевъ, выразителемъ котораго явился даровитый Говекаръ, продолжившій миссію Керсника. Его романъ «Въ крови» сразу завоевалъ ему положеніе выдающагося писателя. Строгій послѣдователь реализма, онъ задался цѣлью неотступно служить ничѣмъ не прикрашенной правдѣ и съ рѣзкой откровенностью раскрывалъ передъ читателемъ социальное и нравственное фарисейство современныхъ ему высшихъ круговъ. Ученикъ Мопассана и отчасти Золя, онъ нерѣдко беретъ канву рассказа изъ жизни «дна» общества, обрабатывая ее съ тонкимъ вкусомъ художника. Его пессимизмъ—естественный результатъ недовольства текущимъ положеніемъ вещей. Отсутствіе психологическаго элемента въ произведеніяхъ Говекаря пополнила другая молодая сила—Доленецъ, лучшая вещь котораго—романъ «Куда плывемъ?»

Реализмъ въ области поэзіи также завоевалъ себѣ прочное положеніе въ лицѣ замѣчательнаго поэта, Антона Ашкерца (род. въ 1856 г.), ученика стилиста и мастера формы Стритаря.

Безуспѣшная, но полная свѣтлыхъ надеждъ борьба страдальцевъ за истину и свободу—вотъ сюжетъ его поэмъ и стихотвореній. Въ мрачныхъ тонахъ рисуетъ онъ положеніе пролетаріевъ, униженныхъ и оскорбленныхъ сыновъ бѣдной словинской родины, и вливаетъ въ сердца читающихъ горькое чувство обиды и жажды мщенія.

Онъ взываетъ ко всѣмъ, чтобы любили человѣчество безъ различія языка, сословія и религіи.

«Современный поэтъ, — говоритъ онъ, — долженъ черпать сюжеты изъ глубины чувствующей души, изъ своего я и изъ дѣйствительной жизни, обрабатывая ихъ согласно своему кругозору, безъ всякихъ оглядокъ направо и налево, сообразно тому или другому вліянію. Прогрессъ человѣчества и свобода мысли—девизъ поэта». И Ашкерцъ всегда слѣдуетъ этой программѣ.

Ф. Видицъ, авторъ статьи о новѣйшей словинской литературѣ, помѣщенной въ № 1 журнала «Mladost» (1898 г.), упоминая объ Ашкерцѣ, заявляетъ, что у него въ полномъ смыслѣ слова «великая душа». Сергѣй Штейнъ («Славянскіе поэты». 1908) называетъ его «поэтомъ всеславянства», «энтузіастомъ славянской идеи», «поэтомъ жизни, радостной и бодрой».

Михайловъ, Николаевъ, Радичъ, Боругъ и другіе изъ литературной молодежи пошли по слѣдамъ Ашкерца, хотя отыскивая и новые пути.

Имя Симеона Грегорчича, вступающаго въ 45-лѣтіе литературной дѣятельности, я умышленно оставилъ на послѣдокъ, чтобы выдвинуть и укрѣпить въ памяти читателей этого перваго словинскаго народнаго поэта.

Какъ большинство выдающихся дѣятелей-словинцевъ, прежнихъ и современныхъ (Водникъ, Ашкерцъ), Грегорчичъ — священникъ.

Онъ родился въ 1844 году на южномъ склонѣ юрійскихъ Альпъ и происходитъ отъ бѣдныхъ родителей. Блистательно окончивъ курсъ въ нѣмецкой гимназіи, а потомъ въ духовной академіи, онъ былъ назначенъ въ 1868 года сельскимъ священникомъ въ одинъ изъ небогатыхъ приходоу.

Двадцать лѣтъ поработавъ на этомъ поприщѣ, Грегорчичъ теперь живетъ на покой, всецѣло посвящая свой досугъ поэтическому творчеству.

Будучи горячимъ патриотомъ и, притомъ, сторонникомъ богослуженія на церковно-славянскомъ языкѣ, онъ нажилъ несмѣтное количество враговъ среди высшаго духовенства страны.

Какъ и всѣ словинскіе поэты, онъ — лирикъ-пессимистъ съ міровоззрѣніемъ философа.

Идя по слѣдамъ классика Преширна въ дѣлѣ развитія языка, Симеонъ Грегорчичъ довелъ форму и технику стиха до удивительнаго совершенства, при чемъ ему одинаково удаются и мотивы всѣхъ оттѣнковъ страсти, то тихой, то бурной, и мотивы боевого призыва съ переходами отъ гнѣва къ молитвѣ.

Сербо-хорваты Прерадовичъ и Змай-Иовановичъ родственны его поэзіи, хотя она подчасъ и не достигаетъ, можетъ быть, тѣхъ глубинъ и необъятныхъ кругозоровъ, что даютъ произведенія названныхъ выше поэтовъ.

Разумѣется, священническій санъ, при всей вдумчивости Грегорчича, не могъ не наложить на его свѣтлое дарованіе нѣкоторыхъ темныхъ штриховъ клерикализма.

Охарактеризовать поэзію Грегорчича лучше всего по отрывкамъ изъ его стихотвореній.

Нѣжное чувство, зарождающееся въ нѣдрахъ сердца, прекрасно передано въ элегіи «Сила любви», созданной въ стилѣ народнаго творчества:

«истор. вѣстн.», июль, 1909 г., т. схvii.

Какъ луну да полюбило море,
 Полюбило страстною любовью,
 Съ ней сдружиться пламенно желало,
 Сряду долгихъ шесть часовъ вздымалось,
 Шесть другихъ тревожно отходило,—
 Отходило, горестно тужило,
 Не могло обнять луну волнами.
 Но любовь не остывала въ морѣ,
 Загоралась пуще въ горькомъ горѣ.
 Какъ за часомъ за шестымъ отлива
 Вновь оно къ возлюбленной тянулось,
 Подымалось, а достать не можетъ,
 Силы нѣтъ къ ней трепетно прижаться.
 Стонетъ море, и встають туманы
 И луну, какъ въ саванъ, обвиваютъ,
 Ей кручину моря повѣряютъ.
 Свѣтъ-луну разжалобило море;
 Но нельзя ей къ милому спуститься,
 Только слезы къ милому послала,
 И утихли бурныя желанья.
 Если море такъ любить умѣетъ,—
 Какъ же—сердце,—пламенное сердце!

Стихотвореніе «Въ разлукѣ» представляетъ картину горькаго одиночества покинутой, которой уже не рисуется впереди никакого просвѣта,—

Сбѣжалъ румянецъ—маковъ цвѣтъ,
 А молодца все нѣтъ и нѣтъ...

Зато въ «Трехъ липахъ» звучатъ аккорды побѣждающей жизни. Это бодрое стихотвореніе дышитъ вѣрой въ силу любви. Оно очень характерно для поэта-народника, и я привожу его цѣликомъ.

Наверху горы зеленой
 Липы гордо выростали,
 Но о томъ, что будетъ завтра,
 Три подруженьки не знали.
 Три здоровыхъ дровосѣка
 Встали рано, съ пѣтухами;
 Каждый несъ топоръ свой, молча,
 И котомку за плечами.
 Вотъ—удары за ударомъ...
 Липы съ трескомъ пошатнулись,
 И съ довольною усмѣшкой
 Мужики переглянулись.
 Первый парень, развеселый,
 Такъ скавалъ: «Возьму красотку!
 Лишь кровать стесать-то надо,—
 Негдѣ мнѣ ласкать молодку».
 А второй: «Поздравьте, братцы!
 У меня, вѣдь, нынче праздникъ,—
 Заказалъ мнѣ люльку дѣлать
 Народившійся проказникъ».

Третій молвилъ: «У меня-то
 Ни дѣтей, ни молодежи..
 Сиротинушка я, бѣдный,
 Одинокъ, какъ Божьи птицы!
 «Разлетѣлись всѣ надежды;
 Еще бѣется ретивое
 И зазнобушки не знаетъ..
 Гдѣ ты, счастье, гдѣ—людское?..
 «Черный гробъ тесать я буду,
 Схороню въ немъ думы, счастье,
 А потомъ и самъ къ нимъ лягу,
 Какъ осенній листъ въ ненастье».

Дѣвка около гуляла
 Да ловила разговоры
 И, подсѣвши къ дровосѣку,
 Говорить, потупя взоры:
 «Слушай ты, молодчикъ съ виду,
 Смерть накликать-то—не шутка!
 Помирать задумалъ рано..
 Говорить—и то мнѣ жутко!
 «Голубыхъ очей мнѣ жалко,
 Молодецкой жалко силы..
 Не тужи напрасно, парень!
 Избѣжать нельзя могилы..
 «Хоть куда ты—молодчина!
 Выбралъ, чай, не ту дорогу.
 Коль помрешь ты,—мнѣ, сердечной,
 Жизнь не въ жизнь тогда, ей-Богу!»

Застыдилась, убѣжала..
 Парень съ думою остался.
 Въ головѣ его, казалось,
 Планъ грядущаго рождался.
 Вотъ удары за ударомъ..
 Щепки, какъ въ прыжки, играютъ.
 Два веселыхъ дровосѣка
 Топоры свои бросаютъ.
 Лишь тесалъ въ раздумьи третій,
 И почудилось диво:
 Гроба нѣтъ—кровать стояла..
 Ну, смекнулъ тутъ парень живо,—
 Знать, топоръ-то самъ работалъ!..
 Такъ работа и горѣла..
 Что жъ, и мѣсяцъ не проходитъ,—
 Живо свадебка поспѣла.

Черезъ годъ на это жъ мѣсто
 Съ топоромъ придетъ онъ снова
 Люльку дѣлать, и о гробѣ..
 И о гробѣ—ни полслова..

Мрачнымъ пессимизмомъ проникнуты строки стихотворенія, въ которомъ поэтъ, обращаясь къ Богу, восхваляя Его «великую мастерскую», умоляетъ не создавать больше людей.

Вотъ конецъ этой жестокой молитвы:

Творецъ, меня создавшій, воплотившій
 И духъ во мнѣ воспламенившій,
 И изъ земли меня явившій,
 Зачѣмъ Ты жизнь въ меня вложилъ?..
 Когда я снова буду прахомъ,
 Я не умру,—
 Ты окрылишь мой духъ могучій;
 Онъ улетитъ изъ міра слезъ
 Въ тѣ лучезарныя селенья,
 Гдѣ Ты, Всевышній,
 И я увижу тамъ Твое лицо,
 Сіяющее славой,
 Лицо любви и правды.
 Духъ улетитъ, а тѣло погребутъ,
 И свѣтъ забудетъ ту могилу,
 Гдѣ буду я похороненъ.
 Пускай,—о томъ не пожалѣю!
 Меня Ты не забудешь,
 Для новой вещи Ты мой прахъ употребишь,—
 Но для какой—не знаю..
 Ты лучше знаешь!
 Я объ одной прошу:
 Создай цвѣтокъ пахучій,
 Иль птичку голосисту, иль былинку;
 Пусть беззаботные не могутъ
 Такъ чувствовать, какъ я, и такъ страдать,
 Въ сомнѣньяхъ тягостныхъ безцѣльно изнывать..
 Все сотвори,—все, кромѣ человѣка!..

Но высшее начало не слушаетъ страдающаго поэта и продолжаетъ совершать обычный трудъ заранѣе предначертанныхъ дѣяній.

Видя общія горести и напасти, онъ униженно склоняетъ голову и старается умиловить божество теплыми словами моленья:

Прости, Творецъ, своихъ дѣтей!
 Десницей мощною своей
 Насъ охрани отъ злой напасти!..
 Идетъ бѣда,—идетъ гроза..
 Огонь въ ея злобѣщей пасти
 И злобой свѣтятся глаза;
 Въ ея словахъ—раскаты грома;
 Предъ нею властный міръ дрожитъ,—
 Она же, мщеніемъ влекома,
 Въ плащѣ сокрытый бичъ хранить,
 И бичъ тотъ—градъ и буря злая..
 Погибнетъ нива золотая,
 О горе!..
 Гляди, стоитъ посѣвъ густой —
 Надежды наши и отрада,
 А тамъ — цвѣты, утѣха сада,
 И плодъ румяный, наливной;
 Тамъ — украшенье вертограда,
 Съ кистями пышными лоза
 Трепещетъ, бури ожидая..

Идетъ бѣда, — идетъ гроза,
 Время и молніей играя.
 Прости же насъ,—прости, Творецъ!
 Мы—дѣти, Ты, вѣдь,—нашъ Отецъ!
 Внемли мольбамъ души несчастной,
 Не разрушай людскихъ трудовъ,
 Взгляни, — и нѣтъ грозы ужасной,
 И лучъ блеснетъ изъ облаковъ,
 По слову мигомъ градъ уймется
 И, тая, ледъ слезой польется.
 Рукой, которой Ты гровилъ,
 Намъ даруй крѣпости и силу!
 Прости, судья и царь вселенной,
 Внемли мольбѣ моей смиренной!..

 Напрасно!..
 Словамъ не внемлютъ небеса...
 Сильнѣе вихрь... Шумятъ лѣса...
 Трещать деревья... Буря злится...
 Посыпалъ градъ,
 И прежній кладъ —
 Посѣвъ, какъ скошенный, ложится...
 О горе!..
 Мужикъ въ смятеніи гладитъ,
 Въ душѣ проклятіе твердитъ,
 А дома голодають дѣти...
 Какъ тяжело бѣднымъ жить на свѣтѣ!..

(«Подъ грозой»).

И такъ, все въ природѣ идетъ по старому.

Поэтъ полонъ негодованія, и стихи «На берегу» уже проникнуты гордымъ призывомъ несдающагося борца.

Стою надъ пучиной и въ море гляжу одиноко.
 Сердито несутся валы
 И, ринувшись съ громомъ къ уступамъ скалы,
 Выдвигаются къ небу высоко.
 Обрыванный влагой морскою,
 Летящей въ лицо отъ камней,
 Любуюсь гранитной скалою,
 Что высится гордо вершиной своей:
 Хочу уподобиться ей
 И грудью пойти противъ бури... Я съ бурей сроднился:
 Какъ волны въ скалу, вихрь судьбы налеталъ,
 Терзалъ меня гибельный шквалъ,
 И гордый мой духъ не сломился.
 Ломай, но напрасно,—сломить ли меня!
 Стихія безсильна,—я самъ изъ огня!¹⁾

Искренней, задушевной привязанностью къ родной странѣ согрѣты строфы стихотворенія «Назадъ въ горы».

¹⁾ то стихотвореніе и предыдущія цитаты взяты изъ моей книги переводовъ («Муза». 3-е изданіе, 1904).

Прекрасенъ этотъ край
 Цвѣтовъ и винограда,
 И все же сердце радо
 Вернуться въ горный рай!
 — Зачѣмъ назадъ
 Ты рвешься въ горы, братъ? ¹⁾

Въ элегїи «На землѣ, захваченной чужестранцами», вылилась національная скорбь поэта, не видящаго конца политическому гнету, и глухимъ стономъ равносятся заключительныя строки:

...когда увижу я
 Тебя, о свѣтлая равнина,—
 Темна, мрачна душа моя,
 И сердце гложетъ мнѣ кручина ²⁾.

Однако, какъ ни печальны выводы изъ элегїй Грегорчича, посвященныхъ угнетенному отечеству, хочется воскликнуть словами итальянскаго поэта: «Permesso è d'aspettare, ed è dolce sperare» (позволяется ждать и сладко надѣяться).

Симеонъ Грегорчичъ пользуется большимъ уваженіемъ современниковъ.

Полное собраніе его стиховъ разошлось въ нѣсколькихъ изданїяхъ, что—большая рѣдкость въ книжной лѣтописи словинцевъ.

Поэтъ-философъ еще не сказалъ послѣдняго слова, несмотря на сравнительно преклонный возрастъ, и соотечественники ждутъ отъ него новыхъ вдохновенїй.

В. Умановъ-Каплуновскій.

¹⁾ Переводъ Н. Новича («Словинскіе поэты». 1904).

²⁾ Изъ того же сборника. Перев. О. Корша.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ВОЕННО-СУДЕБНАГО ДѢЯТЕЛЯ ¹⁾.

VI.

Дѣло капитана Воробьева.

ИЗНЬ и служба нижнихъ чиновъ мѣстныхъ командъ, расположенныхъ на отдаленныхъ окраинахъ нашего обширнаго отечества, даже во второй половинѣ прошлаго столѣтія не имѣла ничего общаго со службою и внутреннимъ порядкомъ, установленнымъ въ войскахъ гвардіи и арміи.

Команды эти находились въ безконтрольномъ распорядкѣ своихъ начальниковъ, которые по закону пользовались правами ротнаго командира, на самомъ же дѣлѣ власть ихъ была безгранична, и практикуемая злоупотребленія въ теченіе долгихъ лѣтъ оставались не наказанными.

Такіе начальники, хорошо зная добродушіе нашего солдата и его выносливость при всякихъ лишеніяхъ, наживали цѣлыя состоянія, пользуясь нижними чинами какъ рабочею силою, и за ничтожное вознагражденіе, а большею частью даромъ, эксплуатировали солдатскій трудъ, заставляя работать на себя отъ десяти до двѣнадцати часовъ въ сутки. Дисциплина была въ полномъ упадкѣ, важныя воинскія нарушенія оставались безъ соотвѣтствующаго взысканія, въ виду зависимости отъ подчиненныхъ, которые при слѣдствіи могли установить совершенныя начальникомъ злоупотребленія. Строевое образованіе и въ

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», 1908 г., сентябрь.

особенности караульная служба сильно хромали, и какъ часовые, такъ и чины караула мало отличались отъ сельскихъ сторожей. Не помогали дѣлу и инспекторскіе смотры, производимые одинъ разъ въ годъ, сначала губернскими воинскими начальниками, а съ упраздненіемъ послѣднихъ—начальниками мѣстныхъ бригадъ.

Добраться до такихъ командъ даже въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго вѣка иногда было такъ затруднительно, что, рассказывая мнѣ о посѣщеніи въ первый разъ команды въ отдаленной мѣстности Пермской губерніи, начальникъ бригады увѣрялъ, что въ чинѣ генерала ему пришлось плыть на душегубкѣ съ гребцомъ-бабою, итти пѣшкомъ по колѣно въ водѣ, ѣхать верхомъ на крестьянскихъ лошадяхъ и только послѣ четырнадцатидневнаго пути добраться до команды.

Ежегодные инспекторскіе смотры только въ исключительныхъ случаяхъ достигали цѣли, обнаруживая злоупотребленія и отсутствіе внутренняго порядка, большинство же смотровъ сходило благополучно, и съ отъѣздомъ инспектировавшаго все шло по старому. Зная, что инспектора пріѣзжаютъ въ заранѣе назначенное время, о которомъ за установленную мзду сообщали штабные доброжелатели-писаря, начальники командъ имѣли достаточно времени, чтобы подготовиться и показать товаръ лицомъ. За мѣсяцъ до смотра солдатамъ начинали давать прекрасную пищу, по воскресеньямъ и праздникамъ командиръ угощалъ ихъ водкою, ежедневныя строевыя ученія подтягивали распустившихся нижнихъ чиновъ, кой-какъ проходили курсъ стрѣльбы, а на такъ называемой словесности вдавливали пунктики, на которые налегаетъ инспекторъ. Если послѣдній пріѣзжалъ въ первый разъ, тѣ же доброжелатели описывали характеръ и образъ жизни начальника, его привычки, слабости и служебныя требованія.

За нѣсколько дней до прибытія инспектора начальникъ собиралъ команду, угощалъ ее и просилъ откровенно высказать, не имѣетъ ли кто на него жалобу или претензію, чтобы тотчасъ удовлетворить справедливыя требованія. Жалобъ оказывалось мало, и онѣ дѣйствительно удовлетворялись; огромное же большинство добродушныхъ и незлопамятныхъ солдатиковъ объясняло, что никакихъ претензій къ начальнику не имѣетъ, о чемъ и заявятъ инспектирующему генералу. Смотръ сходилъ благополучно, и преступный начальникъ иногда получалъ благодарность въ приказѣ по бригадѣ. Только выдающееся злоупотребленіе, направленное противъ цѣлой команды, побуждало солдатъ высказать открытое порицаніе дѣятельности начальника и даже подать на него внѣ инспекторскаго смотра письменную жалобу.

Съ однимъ изъ такихъ возмутительныхъ дѣлъ, попавшихъ въ мои записки, я хочу познакомить читателей «Историческаго Вѣстника».

Въ концѣ шестидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія заболѣлъ престарѣлый начальникъ гурьевской мѣстной команды, и для временнаго исправленія его должности командированъ прапорщикъ одного изъ бывшихъ оренбургскихъ линейныхъ батальоновъ Воробьевъ. Долго болѣлъ начальникъ команды, выздоравливая черезъ каждые четыре мѣсяца на нѣсколько дней и затѣмъ вновь подавая рапортъ о болѣзни, чтобы дотянуть до полной пенсіи, что ему и удалось. Все это время Воробьевъ находился при немъ, исправляя обязанности начальника команды и набираясь уму-разуму у больного, который, получая мизерное содержаніе на службѣ, сумѣлъ на свой счетъ пристроить въ учебныя заведенія многочисленное потомство и вывести сыновей и дочерей, какъ говорится, въ люди, да сверхъ того на черный день отложилъ изрядный капиталецъ.

Новаго начальника команды не назначали, и вакантную должность въ теченіе многихъ лѣтъ занималъ тотъ же Воробьевъ, имѣвшій протекцію въ окружномъ штабѣ; послѣ же производства въ чинъ штабсъ-капитана онъ былъ утвержденъ въ этой должности. Всѣ эти годы Воробьевъ, усвоивъ приемы предшественника и даже усовершенствовавъ ихъ, быстро шелъ по пути къ обогащенію. Въ первый же годъ своего пребыванія въ Гурьевѣ-городкѣ онъ женился на простой казачкѣ, взявъ за ней въ приданое четыреста рублей, двѣ коровы, лошадь, верблюда и десятокъ овецъ. На полученные деньги сняты участки земли въ степи, дуга и пастбища въ камышахъ близъ морского берега, купленъ рабочій и гулевой скотъ, а калмыки за баснословно дешевую цѣну пригнали нѣсколько десятковъ лошадей. Сто человекъ команды раздѣлены на двѣ смѣны: одна въ теченіе двухъ недѣль несла караульную службу и конвоировала арестантовъ, другая въ это время пахала, косила, стерегла табуны, добывала соль и производила всѣ хозяйственныя работы въ арендованныхъ и купленныхъ имѣніяхъ Воробьева. Последній въ началѣ своихъ операцій платилъ солдатамъ по пяти копеекъ въ день за работу и, по возвращеніи смѣны въ Гурьевъ, угощалъ водкою, но съ теченіемъ времени всякая плата была отмѣнена и взамѣнъ ея нижнимъ чинамъ разрѣшено въ свободное отъ службы время жить на вольныхъ квартирахъ и наниматься у промышленниковъ пастухами, кучерами, рыболовами, сторожами и т. п.

Всѣ казенныя деньги, отпускаемыя на содержаніе команды, кромѣ жалованья и аммуничныхъ, выдаваемыхъ солдатамъ на руки, стали цѣликомъ поступать въ карманъ Воробьева. Хлѣбъ былъ свой, сѣянный, сжатый, обмолоченный и смолотый нижними чинами. Обширные огороды, обработанные тѣми же солдатами, въ изобиліи давали не только потребные для команды овощи, но отъ продажи ихъ ежегодно начальникъ выручалъ нѣсколько сотъ ру-

блей. Потребный для отопленія камышь рубили солдаты въ плавняхъ, и годовая пропорція его складывалась позади казармъ. Съ интендантскимъ подрядчикомъ заключена сдѣлка платить деньгами за муку со скидкою двадцати процентовъ со справочныхъ цѣнъ вмѣсто поставки провіанта натурою.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ Воробьева считали очень богатымъ человѣкомъ. Онъ имѣлъ въ Гурьевѣ построенный нижними чинами прекрасный каменный домъ, мельницу на рѣкѣ, два собственныхъ участка земли, оцѣненные для взиманія налоговъ въ двадцать тысячъ рублей, долгосрочныя аренды луговъ, рыболовные пай, табуны лошадей, верблюдовъ, стада рогатаго скота и отары овецъ.

По мѣрѣ накопленія богатства у Воробьева усиливалась страсть къ наживѣ, и онъ использовалъ такіе источники доходовъ, на которые прежде не обращалъ вниманія. За увольненіе въ отпускъ въ неуказанное время и безъ разрѣшенія начальства нижніе чины платили отъ трехъ до пяти рублей; за разрѣшеніе вольныхъ работъ начальникъ бралъ въ свою пользу треть заработка, пища выдавалась недоброкачественная и вмѣсто свѣжей говядины въ котель клали солонину изъ баранины отъ убитыхъ вслѣдствіе массоваго заболѣванія овецъ. Солдаты волновались, роптали и, угрожая начальнику, выливали котлы съ борщомъ, требовали новой варки или выдачи денегъ за выкинутый обѣдъ. Допускаемыя при этомъ нарушенія дисциплины оставались не наказанными, и дѣло улаживалъ фактотумъ начальника команды, безсрочный фельдфебель. Этотъ фельдфебель, нажившій домикъ и изрядный капиталецъ, былъ управляющимъ дѣлами Воробьева. Онъ собиралъ съ нижнихъ чиновъ установленные поборы, наряжалъ ихъ на работы, продавалъ скотъ, хлѣбъ и овощи, получая десять процентовъ съ чистаго дохода. Человѣкъ ловкій, до тонкости изучившій психологию солдата, онъ во время предупреждалъ и успокаивалъ взрывы негодованія, вызванные корыстолюбіемъ Воробьева.

Команда была распущена до невозможности; военную форму перестали носить и подъ видомъ оборванцевъ солдаты грабили проезжихъ и прохожихъ и воровали изъ домовъ и лавокъ городскихъ обывателей. Всполошились мѣстные жители, потребовали обуздания солдатъ, угрожая доносомъ командующему войсками. Ловкій фельдфебель улаживалъ дѣло; похищенное отбиралось отъ вора и возвращалось потерпѣвшему, а чтобы солдаты перестали воровать у обывателей, онъ образовалъ командный судъ изъ выборныхъ нижнихъ чиновъ, которому передавалъ всякаго попавшагося вора, котораго и приговаривали къ тѣлесному наказанію въ размѣрѣ отъ 25 до 100 ударовъ розгами. Приговоръ самозваннаго суда безъ вѣдома начальника команды немедленно приводился въ исполненіе, и виновные безпрекословно подчинялись суду товарищей

Никакихъ жалобъ отъ понесшихъ наказаніе никогда не подавалось, и существованіе въ командѣ этого суда обнаружено только на судебномъ слѣдствіи.

Въ 1884 году большинство новобранцевъ, прибывшихъ на службу въ команду, были изъ фабричныхъ рабочихъ; всѣ они были грамотные и довольно развитые. Оглядѣвшись, новобранцы отказались работать на займкахъ и въ зимовникахъ Воробьева, убѣждая и старослуживыхъ не выходить на частныя работы начальника безъ условленной платы. Добыли воинскій уставъ о наказаніяхъ и прочитали неграмотнымъ подлежащія статьи закона, послѣ чего въ зиму 1884—1885 гг. вся команда отказалась стеречь въ степи табуны и стада и вернула съ займокъ и съ зимовниковъ тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые были посланы туда для охраны скота и прочаго имущества Воробьева. Положеніе начальника команды было критическое; ни за какія деньги нельзя было достать зимою рабочихъ, а между тѣмъ скотъ оставался безъ пастуховъ и не охраняемое имущество и запасы сѣна расхищались калмыками. Сначала Воробьевъ пригрозилъ солдатамъ судомъ за неповиновеніе, а когда это не помогло, при посредничествѣ фельдфебеля вошелъ съ ними въ соглашеніе, обязавшись платить каждому табунщику и сторожу по пяти рублей въ мѣсяць, дать имъ тулупы и валенки и по десяти копеекъ въ день на приварокъ. На такихъ условіяхъ, о которыхъ въ прежніе годы не смѣли и подумать нижніе чины, удалось набрать только пятнадцать охотниковъ, остальная команда, проникнувшись разъясненіями новобранцевъ, совсѣмъ отказалась отъ работъ и черезъ выборныхъ объявила начальнику, что они призваны служить царю и отечеству, а не быть крѣпостными рабами капитана.

Весною на всѣ работы были наняты прибывшіе изъ внутреннихъ губерній крестьяне.

Вслѣдствіе плохой пищи въ командѣ развилась дизентерія, и въ теченіе года число заболѣвшихъ этой болѣзью достигало 300 процентовъ, т. е. каждый нижній чинъ болѣлъ три раза въ годъ. Военнаго лазарета при командѣ не было, и больные солдаты отправлялись въ городскую лечебницу, откуда, вслѣдствіе безопасности высшаго начальства, не требовали статистическихъ таблицъ о поступившихъ на леченіе нижнихъ чинахъ мѣстной команды, и эта серьезная болѣзнь, о которой обязательно производится слѣдствіе, когда процентъ больныхъ превышаетъ три на сто, свирѣпствовала въ командѣ болѣе полутора года.

Опытный фельдфебель, безуспѣшно докладывавшій начальнику о необходимости улучшить пищу, пригрозилъ, что, не дожидаясь инспекторскаго смотра, вышему начальнику будетъ послана просьба о замѣнѣ солонины свѣжимъ мясомъ, довольствіе которымъ обязательно по присланной изъ штаба раскладкѣ. Послѣ

этого фельдфебель предупредилъ Воробьева, что духъ солдатъ въ послѣдніе годы сильно измѣнился, а потому съ ними нельзя обращаться такъ, какъ прежде обращались, и что, предчувствуя бѣду, онъ перваго февраля выходитъ въ отставку.

Послѣ этого доклада пища была улучшена, пять разъ въ недѣлю давали свѣжее мясо, а въ постные дни рыбу. Неудовольствіе утихло. Людей усиленно занимали строевыми упражненіями и грамотностью, особенно налегая на новобранцевъ, которыхъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ полагалось превратить въ знающихъ солдатъ.

Приказомъ по округу назначены генералы для повѣрки обученія новобранцевъ и одновременнаго производства инспекторскихъ смотровъ въ отдаленныхъ командахъ. Одинъ изъ такихъ генераловъ въ апрѣлѣ 1885 года долженъ былъ прибыть въ Гурьевъ-городокъ. Хотя въ послѣднее время отношеніе начальника къ нижнимъ чинамъ команды было только служебное и вполнѣ корректное, а пища готовилась хорошая, но команда рѣшила на инспекторскомъ смотрѣ доложить генералу о прежнихъ корыстныхъ и противозаконныхъ дѣйствіяхъ Воробьева. Узнавъ объ этомъ отъ своего любимца-фельдфебеля, котораго онъ упротилъ не выходить въ отставку, Воробьевъ по совѣту послѣдняго собралъ команду, угостилъ ее на славу и, обратившись къ нижнимъ чинамъ, рыдая, умолялъ не губить его и семью, и простить всѣ прежнія прегрѣшенія; при этомъ онъ обѣщалъ на будущее время быть имъ не командиромъ а отцомъ. Расчувствовавшись, солдатики въ одинъ голосъ крикнули: «прощаемъ». Смотръ сошелъ благополучно, новобранцы оказались хорошо подготовленными и жалобъ не заявлено.

Лѣто, въ первый разъ со времени назначенія Воробьева, команда провела въ лагерѣ, упражнялась въ военномъ дѣлѣ, купалась въ рѣкѣ Уралѣ и получала хорошую пищу, вслѣдствіе чего дизентерія прекратилась. Для Воробьева это лѣто было убыточное, скотъ болѣлъ ящуромъ и повальнымъ воспаленіемъ легкихъ, и много быковъ пало. Однажды, когда команда до разсвѣта ушла на стрѣльбу въ отдаленную отъ лагеря мѣстность, изъ ближайшей займки пригнали великолѣпнаго околѣвающего вола. Воробьевъ приказалъ тотчасъ зарѣзать его и употребить часть мяса на приготовленіе обѣда для команды, а остальное спрятать въ ледникъ. Когда вернулась голодная команда и узнала отъ дневальныхъ, что пища приготовлена изъ мяса больного, околѣвавшего вола, то подняла шумъ, требуя къ себѣ начальника команды, котораго уже не было въ лагерѣ. Нижніе чины ворвались въ кухню, вылили на землю котлы съ борщомъ, поѣли кашу и, заложивъ артельную лошадь въ повозку, взвалили на нее тушу убитаго вола и толпою двинулись въ городъ, гдѣ потребовали

отъ полицейскаго пристава пригласить врача и составить протоколъ осмотра мяса. Требованіе ихъ исполнено, и городской врачъ констатировалъ туберкулезъ, ящуръ и воспаление околосердечной сумки и почекъ, признавъ мясо убитаго быка негоднымъ къ употребленію.

Заручившись протоколомъ, солдаты вернулись въ лагерь, написали на начальника команды жалобу, въ которой перечислили и всѣ прежнія преступленія капитана Воробьева и вмѣстѣ съ полицейскимъ протоколомъ въ тотъ же день послали ее заказнымъ письмомъ съ обратной распиской наказному атаману Уральскаго казачьяго войска.

Черезъ недѣлю прибылъ въ Гурьевъ наказный атаманъ, опросилъ всѣхъ нижнихъ чиновъ команды, устранилъ отъ должности капитана Воробьева и передалъ дѣло военному слѣдователю для производства предварительнаго слѣдствія, изъ котораго и дополнившаго его судебнаго слѣдствія мною извлечены вышеизложенныя обстоятельства дѣла.

Въ декабрѣ 1885 г. внесенъ въ судъ обвинительный актъ, по которому капитанъ Воробьевъ преданъ военно-окружному суду за особо важные случаи превышенія и бездѣйствія власти, употребленіе нижнихъ чиновъ на свои работы безъ уплаты вознагражденія, растрату денегъ, ввѣренныхъ по службѣ, подлоги и другія воинскія и общія преступленія.

Для разбора этого дѣла приказано открыть 20 января 1886 года временный военный судъ въ Гурьевѣ-городкѣ, въ разстояніи болѣе тысячи трехсотъ верстъ отъ Казани; я былъ на очереди, и потому получилъ предписаніе, по полученіи прогонныхъ денегъ, немедленно выѣхать въ Гурьевъ. Стояла суровая зима, морозы доходили до сорока градусовъ, и большую часть пути, болѣе тысячи верстъ, приходилось ѣхать на лошадяхъ. Для защиты отъ холода я приказалъ обить мой возокъ внутри овчинами, пригнать къ окнамъ войлочные щиты и вообще сдѣлать его непроницаемымъ для вѣтра. Купилъ себѣ романовскій полушубокъ, мѣховые сапоги, оленьи перчатки и, надѣвъ сверхъ полушубка теплую николаевскую шинель, въ теченіе девяти дней и ночей ни разу не прозябъ, хотя мои спутники, ѣхавшіе въ другихъ экипажахъ, сильно страдали отъ холода. Я выѣхалъ изъ Казани 10 января и по избитой, съ саженными ухабами, дорогѣ, ѣхавъ день и ночь, добрался до Сызрани на третій день. Ночевать на почтовыхъ станціяхъ въ черемисскихъ и чувашскихъ селеніяхъ невозможно, онѣ настолько неприглядны и такъ переполнены окоченѣлыми пассажирами, что я предпочиталъ спать въ возкѣ, продолжая ѣзду ночью.

Въ Сызрани сдалъ возокъ на желѣзную дорогу, для доставленія его большою скоростью въ Бузулукъ, а самъ поѣхалъ въ

Самару, гдѣ отдохнулъ, и, пробывъ болѣе сутокъ, поѣхалъ въ Бузулукъ, куда, за нѣсколько часовъ до моего пріѣзда, доставили возокъ. Дальнѣйшій путь уже не представлялъ затрудненій; до Уральска изрѣдка попадались ухабы, но послѣднія пятьсотъ верстъ до Гурьева дорога вдоль берега рѣки Урала была прекрасная, и морозы не превышали двадцати градусовъ. Почтовые станціи по этому тракту расположены въ казачьихъ станицахъ и содержатся состоящими на льготѣ офицерами или урядниками. Вездѣ отмѣнная чистота и военная аккуратность. Безъ опасенія можно ночевать въ уютныхъ горницахъ на чистыхъ диванахъ; иногда любезные начальники станцій для насъ, военныхъ, раскладывали походныя желѣзныя кровати, приносили матрасы и вообще всячески старались насъ успокоить. Вездѣ можно было получить сытный и здоровый столъ, что было весьма кстати, такъ какъ во время перевозки возка по желѣзной дорогѣ отъ Сызрани до Бузулука изъ запертаго сундука подъ сидѣніемъ были украдены складни съ замороженными щами, пельменями и прочею снѣдью, заготовленными, по мѣстному обычаю, дома, на все время путешествія.

Прибытіе военнаго суда въ Гурьевъ составляло эпоху въ жизни этого захолустнаго города, никогда не видѣвшаго и не знавшаго другихъ военныхъ учрежденій, кромѣ своей мѣстной команды и льготной казачьей сотни. Мнѣ отвели прекрасную квартиру во второмъ этажѣ дома богатаго старообрядца-рыбопромышленника, купца Рыбкина. Квартира эта, предназначенная для пріѣзжающихъ военныхъ губернаторовъ и другихъ начальствующихъ лицъ, состояла изъ зала, кабинета, столовой и спальни, не только комфортабельно, но и роскошно мебелированныхъ. Въ столовой накрытый столъ ломился подъ блюдами съ закусками изъ всехъ деликатесовъ рыбнаго промысла. Радужный хозяинъ пригласилъ меня и ранѣе прибывшихъ временныхъ членовъ, прокурора и секретаря къ прекрасно приготовленному завтраку, послѣ котораго я сдѣлалъ визитъ хозяину. Просторное жилище этого богача обставлено очень просто и не имѣло ничего похожего на роскошную обстановку верхняго этажа.

Обвинительный актъ былъ высланъ подсудимому изъ Казани въ концѣ декабря, а потому установленный закономъ семидневный срокъ на дополненіе списка свидѣтелей и выборъ защитника истекъ ко времени прибытія суда. Подсудимому врученъ списокъ судей и прокурора и объявлено о днѣ засѣданія.

23 января открыто судебное засѣданіе въ переполненной публикой просторной залѣ мѣстнаго общественнаго управленія. Вслѣдствіе собранныхъ предварительнымъ слѣдствіемъ подавляющихъ уликъ подсудимый не счелъ возможнымъ отрицать свою виновность въ большинствѣ взведенныхъ на него обвиненій; онъ

просилъ только принять во вниманіе, что Господь Богъ покаралъ его. Верблюды, лошади и рогатый скотъ за время его продолжительнаго ареста погибли; земельные участки и огороды, оставшіеся безъ присмотра, опустошены; и онъ пойдетъ въ Сибирь такимъ же бѣднякомъ, какимъ прибылъ сюда восемнадцать лѣтъ тому назадъ. Это послѣднее заявленіе подсудимаго опровергнуто на судѣ многочисленными свидѣтелями, которые показали, что всѣ свои стада и табуны, необмолоченный хлѣбъ и овощи на корню подсудимый по хорошей цѣнѣ продалъ скупщику, выручивъ около восьми тысячъ рублей. Домъ и земельные участки оказались принадлежащими женѣ его.

Засѣданіе тянулось два дня; всѣ обвиненія подтвердились и, кромѣ того, на судебномъ слѣдствіи обнаружено, что каждую зиму пастухи и сторожа, плохо одѣтые въ казенные полушубки и шинели, охраняя табуны и другое имущество Воробьева на его зимкахъ и зимовникахъ, отмораживали себѣ руки и ноги, попадая въ разрядъ неспособныхъ, вслѣдствіе чего они преждевременно увольнялись отъ службы; для сокрытія же истинныхъ причинъ увѣчій Воробьевъ входилъ въ соглашеніе съ пострадавшими, которые, получивъ отъ него условленную сумму, на дознаніи показывали, что отморозили члены во время исполненія служебныхъ обязанностей въ бытность часовыми или конвойными; правильность этихъ показаній удостовѣрялъ фельдфебель и самъ начальникъ команды.

Признанный виновнымъ въ преступленіяхъ, выведенныхъ въ обвинительномъ актѣ и вновь возбужденныхъ на судебномъ слѣдствіи и въ заключительныхъ преніяхъ, капитанъ Воробьевъ приговоренъ, по лишеніи дворянства, чиновъ, ордена св. Станислава и всѣхъ правъ состоянія, къ ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири.

Кромѣ того, судъ составилъ особое постановленіе объ обстоятельствахъ, возбуждающихъ отвѣтственность лицъ, суду не преданныхъ, именно: ближайшаго начальства, обвиняемаго не только въ слабомъ надзорѣ, но въ отсутствіи всякаго надзора, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, за служебною дѣятельностью начальника гурьевской мѣстной команды; лицъ, производившихъ инспекторскіе смотры настолько небрежно, что подлежащіе провѣркѣ документы и книги вовсе ими не разсматривались и оставались не засвидѣтельствованными, а опросъ претензій происходилъ не въ установленномъ закономъ порядкѣ. Особенно подробно изложены въ постановленіи обстоятельства, возбуждающія отвѣтственность медицинскихъ чиновъ, какъ областного, такъ и военно-окружнаго управленія, которые въ теченіе двухъ лѣтъ не интересовались статистическими свѣдѣніями о заболѣваемости нижнихъ чиновъ гурьевской мѣстной команды, о существованіи которой они, повиди-

тому, забыли, такъ какъ, не получая донесеній ни о родѣ болѣзней, ни о числѣ больныхъ, не требовали этихъ свѣдѣній отъ начальника команды или изъ городской лечебницы, гдѣ сосредоточивались всѣ необходимыя свѣдѣнія: послѣдствіемъ же этой небрежности было развитіе дизентеріи до ужасающихъ размѣровъ и принятіе никакихъ мѣръ для прекращенія оной.

Черезъ два дня послѣ засѣданія, подъѣзжая къ зданію городского общественнаго управленія для объявленія приговора въ окончательной формѣ, я увидѣлъ вокругъ зданія и на площади толпу въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, а у подъезда вызванный въ ружье почетный караулъ. Дежурный офицеръ доложилъ мнѣ, что въ городѣ распространенъ слухъ, будто сегодня съ мундира капитана будутъ срывать погоны и надъ головой его ломать шпагу, послѣ чего на него надѣнутъ арестантскій халатъ съ бубновымъ тузомъ. Толпа требуетъ, чтобы этотъ обрядъ совершенъ былъ на площади, въ присутствіи всѣхъ мѣстныхъ жителей. Въ залъ суда до прибытія караула вошло болѣе полутора ста человѣкъ, остальные начали ломать подъездъ, а потому онъ счелъ необходимымъ вызвать въ ружье караулъ, который отгѣснилъ нападавшихъ. Выслушавъ докладъ, я обратился къ толпѣ и громко разъяснилъ ей, что обрядъ позорнаго лишенія воинской чести давно отмѣненъ и что сегодня въ судѣ будетъ прочитанъ приговоръ въ окончательной формѣ, въ которомъ изложено, въ какихъ преступленіяхъ Воробьевъ признанъ виновнымъ и къ какому онъ приговоренъ наказанію. Послѣ этого я попросилъ толпу прекратить буйство и не мѣшать суду исполнять его обязанности. Толпа стала спокойно расходиться по домамъ.

По распоряженію военнаго министра, изложенному въ циркулярѣ тогдашняго начальника главнаго военно-суднаго управленія князя Имеретинскаго, временные военные суды, послѣ объявленія приговора, не могли закрывать свои дѣйствія въ теченіе семи дней, то есть до вступленія приговора въ законную силу. Распоряженіе это, цѣлесообразное въ случаѣ замѣчаній на протоколъ, по которымъ судъ обязанъ давать свое заключеніе въ полномъ составѣ присутствія, являлось необъяснимымъ при письменномъ заявленіи сторонъ суду, что ни замѣчаній, ни жалобы на приговоръ не будетъ. Оно вызывало только лишній расходъ казны на суточное и квартирное довольствіе чиновъ суда и замедляло возвращеніе ихъ въ мѣсто постояннаго служенія. Въ 1886 году военно-окружные суды еще не добились отмѣны этого распоряженія, а потому мнѣ и моимъ спутникамъ приходилось цѣлую недѣлю просидѣть въ Гурьевѣ.

По приглашенію хозяина и вмѣстѣ съ нимъ, я ѣздилъ за 25 верстъ на такъ называемые «аханы», то есть на ловлю красной рыбы изъ-подъ льда. На льду замерзшаго моря было разбито

огромное рыбацкое становище, гдѣ, кромѣ войлочныхъ кибитокъ, видны были нѣсколько деревянныхъ домиковъ, изъ трубъ которыхъ шель дымъ. Ловля производится въ длинныхъ прорубяхъ сѣтями, двигающимися подъ льдомъ при помощи такъ называемыхъ безконечныхъ канатовъ, отъ одной проруби къ другой, отстоящей отъ первой въ разстояніи 150 и болѣе сажень. При мнѣ вытащили бѣлугу вѣсомъ болѣе сорока пудовъ, которую сейчасъ же купили представители московскихъ фирмъ, вынули изъ нея икру, уложили и запаляли ее въ жестянки и вмѣстѣ съ замороженою рыбою на большихъ саняхъ, которыя сдаточныя тройки мчатъ до первой желѣзнодорожной станціи, отправили въ Москву. Побѣда въ одномъ изъ маленькихъ домиковъ, въ которомъ, однако, оказалось возможнымъ накрыть столъ на двѣнадцать человѣкъ, мы вечеромъ того же дня на великолѣпной хозяйской тройкѣ вернулись въ Гурьевъ, а спустя нѣсколько дней, послѣ вступленія приговора въ законную силу, я выѣхалъ въ Казань. Весь обратный путь сдѣлалъ на лошадахъ, не пересаживаясь въ Бузулукъ на желѣзную дорогу. Выпавшимъ въ изобиліи снѣгомъ занесены глубокіе ухабы, и дорога сдѣлалась гораздо лучше, но зато ѣхать пришлось гусемъ, такъ какъ пристяжныя по горло проваливались въ снѣгъ; погода стояла ясная, безвѣтренная, но морозы достигали 25 и болѣе градусовъ, а ночью вокругъ луны было нѣсколько яркихъ круговъ.

Возвратившись въ Казань, я на другой день поѣхалъ представиться командующему войсками округа генераль-адъютанту Мецеринову. Почтенный Григорій Васильевичъ, всегда относившійся благосклонно къ чинамъ военно-окружнаго суда, въ этотъ день рвалъ и металъ, встрѣтивъ меня очень недружелюбно. Причиною этого гнѣва было особое постановленіе суда, присланное изъ Гурьева. Генераль ошибочно полагалъ, что судъ возбуждаетъ противъ него обвиненіе въ бездѣйствіи власти и въ непринятіи мѣръ къ прекращенію дизентеріи.

— Вы, господа, зазнались, — обратился онъ ко мнѣ: — полагаете себя въ правѣ обсуждать мои дѣйствія и находить ихъ незаконными, но я сумѣю обуздать эти дерзкія выходки и прежде всего предписалъ казанскому военно-окружному суду отмѣнить это постановленіе,

— Казанскій военно-окружный судъ пользуется тою же властью при рѣшеніи дѣлъ, какъ и временный военный судъ, а потому онъ не имѣетъ права ни отмѣнить, ни измѣнить постановленіе временнаго военнаго суда въ Гурьевѣ. Если ваше высокопревосходительство изволили прочесть это постановленіе, то должны были убѣдиться, что оно возбуждаетъ отвѣтственность подчиненныхъ вамъ лицъ, о чемъ въ силу закона доведено до вашего свѣ-

дѣнія, и отъ васъ зависитъ сдѣлать надлежащія распоряженія, или оставить постановленіе безъ послѣдствій.

— Я отлично понимаю, что судъ хотѣлъ затронуть и меня. Вы знаете, что моя важнѣйшая обязанность слѣдить за здоровьемъ войскъ вѣреннаго мнѣ округа, а, прочитавъ ваше постановленіе, тамъ въ Петербургѣ скажутъ: чего сидитъ тамъ этотъ колпакъ Мещериновъ; у него въ округѣ цѣлая воинская часть болѣетъ дизентерією, а онъ и въ усъ не дуеетъ, пока случайно не узнаетъ о свирѣпствующей болѣзни изъ постановленія суда.

— Ваше высокопревосходительство не могли знать о существованіи болѣзни потому, что подчиненные вамъ члены военно-медицинскаго управленія не позаботились вытребовать таблицы заболѣваемости и не доложили вамъ.

— Я согласенъ (значительно смягчая тонъ), что они виноваты, и если бы вы, пріѣхавъ въ Казань, здѣсь, въ моемъ кабинетѣ, сообщили мнѣ конфиденціально объ этой возмутительной небрежности гг. докторовъ, тогда инициатива преслѣдованія исходила бы отъ меня и я подвергнулъ бы ихъ строгимъ дисциплинарнымъ взысканіямъ, до смѣщенія съ должностей, а теперь прежде всего настою на отмѣнѣ постановленія, которое считаю вторженіемъ въ мои права.

— Постановленія, возбуждающія отвѣтственность лицъ, суду не преданныхъ, могутъ быть только официальными, такъ какъ они исходятъ отъ суда и подписываются всѣми судьями, а затѣмъ направляются въ штабъ округа, для доклада командующему войсками, а потому не могутъ быть замѣнены конфиденціальнымъ докладомъ председателя. Такія дѣйствія председателя, какъ незаконныя, заслуживаютъ не только порицанія, но и законной кары.

— Не будемъ больше говорить объ этомъ, прощайте, полковникъ.

Въ судѣ уже было получено предложеніе командующаго войсками объ отмѣнѣ постановленія временнаго военного суда. Въ тотъ же день оно было внесено въ распорядительное засѣданіе, которое, признавая рѣшеніе вопроса себѣ неподсуднымъ, опредѣлило всю переписку возвратить командующему войсками.

Мещериновъ не успокоился и препроводилъ опредѣленіе суда и особое постановленіе къ главному военному прокурору, съ просьбою внести въ главный военный судъ, для отмѣны ихъ.

Спустя нѣкоторое время, въ казанскомъ военно-окружномъ судѣ получено было сообщеніе начальника главнаго военно-суднаго управленія, что, по докладѣ военному министру жалобы командующаго войсками казанскаго военного округа на опредѣленіе суда объ отказѣ отмѣнить особое постановленіе временнаго военного суда въ Гурьевѣ, его высокопревосходительство, сдѣлавъ распоряженіе жалобу эту, какъ незаконную, не вносить въ главный военный судъ, вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ сообщить, что времен-

ный военный судъ заслуживалъ бы порицанія, если бы не составилъ этого постановленія; сообщая же главному начальнику округа о возмутительномъ бездѣйствіи подчиненныхъ ему лицъ, судъ былъ на высотѣ своего призванія.

Вслѣдъ за тѣмъ стало извѣстнымъ, что Мещеринову поставлены на видъ упущенія его по этому дѣлу, объ упоминаемыхъ же въ постановленіи лицахъ приказано произвести дознаніе, по окончаніи котораго, по обстоятельствамъ дѣла, подвергнуть ихъ дисциплинарному взысканію или предать военному суду.

VII.

Разбой и убійство съ истязаніемъ.

Въ январѣ 1878 г., послѣ вступленія русскихъ войскъ въ Восточную Румелію, турки бѣжали изъ этой области, оставивъ на произволъ судьбы свои дома, скотъ и прочее имущество. Бѣгствомъ турокъ воспользовались болгары, которые присвоили себѣ поля, сады и скотъ, подѣливъ землю и прочее имущество между односельчанами; деревни же съ сплошнымъ турецкимъ населеніемъ были опустошены жителями ближайшихъ болгарскихъ селъ, дома разрушены и скотъ угнанъ.

Случилось это до учрежденія русскаго административнаго управленія въ завоеванной провинціи, а потому вступившіе въ должности русскіе окружные начальники, зная по слухамъ о завладѣніи болгарами имуществомъ бѣжавшихъ турокъ, за отсутствіемъ жалобъ потерпѣвшихъ или ихъ повѣренныхъ, не могли собственною властью отобрать похищенное и учредить охрану оставленнаго частнаго имущества бѣглецовъ. Между тѣмъ болгары засѣяли турецкія поля, сняли съ нихъ и съ садовъ урожай, часть скота и приплодъ отъ него продали, а рабочихъ воловъ оставили у себя.

Послѣ Берлинскаго конгресса, по постановленію засѣдавшей въ Филиппополѣ международной комиссіи, бѣжавшіе турки получили разрѣшеніе вернуться на родину и вступить во владѣніе оставленнымъ въ Румеліи имуществомъ. Начались безконечные иски объ истребованіи отъ болгаръ захваченнаго. Иски эти, въ большинствѣ случаевъ, удовлетворялись русскими властями, но постановленныя рѣшенія трудно было приводить въ исполненіе, такъ какъ болгары отказывались возвратитъ похищенное и выгоняли изъ своихъ деревень возвратившихся турокъ, которыхъ приходилось водворять силою, при помощи жандармовъ и оккупационныхъ войскъ. Какъ примѣръ подобныхъ затрудненій, можно указать на такъ называемое дѣло о возстаніи жителей Умурова, Чирпанскаго округа. Въ огромномъ селѣ Умуровѣ, лучшія земли котораго принадлежали вернувшимся туркамъ, послѣ водворенія послѣднихъ началось

открытое возстаніе противъ русскихъ властей. Умуровцы выгнали турокъ и оказали сопротивленіе сначала окружному начальнику, а потомъ и губернатору, безуспѣшно пытавшимся мирнымъ путемъ уладить дѣло, и заставили ихъ вернуться въ Филиппополь. Послѣ этого, по распоряженію генераль-губернатора, были посланы на экзекуцію войска, которыя заняли Умурово, водворили турокъ въ ихъ домахъ и арестовали главныхъ виновниковъ возстанія, преданныхъ затѣмъ военному суду и приговоренныхъ къ суровымъ наказаніямъ.

По указанію вернувшихся турокъ администрація отбирала отъ болгаръ похищенный ими скоть, рабочія орудія и арбы, возвращая все это собственникамъ и предоставляя имъ остальное имущество или стоимость онаго взыскать судебнымъ порядкомъ съ похитителей.

Отношенія между болгарами и турками обострились до крайности, и чуть не ежедневно возникали дѣла о разбояхъ и убійствахъ, сопровождавшихся истязаніями и мученіями. Нападающею стороною были болгары, которые теперь практиковали надъ вернувшимися турками такія же звѣрства, какимъ подвергались сами до вступленія русскихъ войскъ въ Восточную Румелію. Всѣ военно-слѣдственные участки были завалены и, несмотря на симпатію генераль-губернатора къ братушкамъ, рѣшено виновныхъ въ убійствѣ предавать полевому военному суду, съ примѣненіемъ законовъ военного времени. Одно изъ такихъ дѣлъ составляетъ предметъ настоящаго очерка.

Въ Филиппопольскомъ округѣ, недалеко одно отъ другого, расположены два селенія: Брестовицы и Дурмишево. Первое населено болгарами, второе исключительно турками, поголовно бѣжавшими послѣ перехода русскихъ войскъ черезъ Балканы. Жители Брестовиць, тотчасъ послѣ бѣгства турокъ, разрушили лучшіе дома Дурмишева, свезли къ себѣ лѣсъ и угнали огромныя стада рогатаго скота, составлявшаго все богатство бѣжавшихъ, которые, проживая въ горной долинѣ, занимались исключительно скотоводствомъ. Возвратясь осенью 1878 года въ свое село, дурмишевцы поправили дома, кой-какъ устроились въ нихъ на зиму и стали разыскивать принадлежавшій имъ скоть. Розыски были настолько успѣшны, что болѣе половины цѣннаго скота и овецъ было отобрано отъ болгаръ администраціею и возвращено туркамъ. Попытка не допустить угона скота изъ Брестовиць не осуществилась, ибо въ обоихъ селахъ стоялъ батальонъ Козловскаго полка, въ присутствіи котораго скоть безпрепятственно перегнанъ изъ Брестовиць въ Дурмишево.

Не имѣя возможности открытою силою отнять у турокъ возвращенный имъ скоть, жители Брестовиць рѣшили, съ наступле-

нiемъ весны, похищать его постепенно съ горныхъ пастбищъ. Завязаны сношенiя съ болгарами гор. Татаръ-Базарджика, которые должны были укрывать похищенный скотъ и постепенно продавать его на городскихъ базарахъ, получая за это треть вырученныхъ денегъ. Для совершения кражъ выбрали нѣсколькихъ расторопныхъ и храбрыхъ мѣстныхъ жителей, но никто изъ нихъ не годился въ главари шайки, а потому ждали возвращенiя уволеннаго изъ 1-й дружины болгарскаго ополченiя ихъ односельчанина, Цанiо Велiова, который и до поступленiя въ ополченiе считался отчаяннымъ головорѣзомъ. Въ концѣ апрѣля вернулся Велiовъ и принялъ начальство надъ шайкою. Первый набѣгъ онъ назначилъ на 3 мая, взявъ съ собою лишь четырехъ человекъ, Тонева, Джингарова, Павлова и Ганева, вооруженныхъ ятаганамъ и ружьями, съ которыми онъ и во время турецкаго владычества наводилъ страхъ на мирныя мусульманскiя селенiя, убивая турокъ и безнаказанно угоняя воловъ и овецъ. Пройдя ночью около десяти верстъ, Велiовъ и его товарищи, при восходѣ солнца, увидѣли въ одной изъ долинъ дурмишевское стадо воловъ, которое пасли безоружные турки Ахметъ Салиевъ и два его сына, Измаилъ 19 лѣтъ и Ахметъ 10 лѣтъ. Незамѣтно подкравшись къ пастухамъ, Цанiо и его товарищи схватили Ахмета и Измаила и, избивъ ихъ рукоятками ятагановъ, сняли чалмы и связали обоимъ руки назадъ.

Пока все это происходило, десятилѣтнiй Ахметъ спрятался въ водомоинѣ, заросшей густыми ивовыми кустами, откуда наблюдалъ за дальнѣйшими дѣйствiями разбойниковъ, которые выбрали изъ стада двѣнадцать лучшихъ воловъ и двое погнали ихъ по направленiю къ деревнѣ Сынитево, а остальные трое, взявъ за концы чалмы, повели связанныхъ пастуховъ по тропинкѣ въ горы. Послѣ увода отца и брата маленькiй Ахметъ побѣжалъ въ свою деревню, гдѣ рассказалъ матери и собравшимся сосѣдямъ о похищенiи воловъ и объ уводѣ отца и брата. Сформирована погоня, въ которой приняли участiе жена Салиева, нѣсколько конныхъ турокъ и нѣсколько нижнихъ чиновъ Козловскаго полка, отпущенныхъ ротнымъ командиромъ. Погоня эта выступила изъ Дурмишева въ два часа дня, т. е. спустя болѣе восьми часовъ послѣ совершенiя преступленiя, а потому не могла задержать преступниковъ, и поиски уведенныхъ въ горы пастуховъ не увѣнчались успѣхомъ. Назначено предварительное слѣдствiе, и первымъ допрошенъ единственнiй очевидецъ происшествiя, десятилѣтнiй Ахметъ, который подробно рассказалъ какъ о похищенiи воловъ, такъ и объ уводѣ отца и брата въ горы; разбойниковъ онъ не знаетъ, лицо же одного изъ нихъ, съ глубокимъ шрамомъ на лѣвой щекѣ, хорошо запомнилъ и если увидитъ этого человека,—узнаетъ его. Поиски производились какъ жителями села Дурмишева, такъ и патрулями

отъ расквартированныхъ тамъ войскъ, которымъ вѣнено въ обязанность изслѣдовать мѣстность на разстояніи не менѣе десяти верстъ въ діаметрѣ отъ той долины, на которой 3-го мая паслись волаы.

Спустя нѣсколько дней, стало извѣстнымъ, что 5 мая на базарѣ въ Татарь-Базарджикѣ продано двѣнадцать сѣрыхъ воловъ, по примѣтамъ изъ дурмишевскаго стада; восемь изъ нихъ куплены въ деревню Сынитово, а четыре уведены въ село Пештеры. По донесеніи о семъ окружному начальнику, послѣдній приказалъ осмотрѣть воловъ и, буде они похищены изъ дурмишевскаго стада, разыскать продавцовъ и доставить ихъ къ военному слѣдователю. Продавцомъ всѣхъ двѣнадцати воловъ оказался болгаринъ Косто Ангеловъ, двоюродный братъ одного изъ участниковъ шайки Тодора Тонева. Онъ удостовѣрилъ въ полиціи и выдалъ покупателямъ расписки въ принадлежности ему этихъ воловъ, ручаясь, что одинъ будетъ отвѣчать передъ правительствомъ, если проданные волаы окажутся не его собственностью. Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго въ укрывательствѣ добытаго путемъ разбоя имущества, Косто сначала заперся, но, уличенный покупателями, призналъ себя виновнымъ, показавъ, что вырученныя отъ продажи деньги, всего около восьми тысячъ піастровъ (около 400 рублей), за удержаніемъ изъ нихъ слѣдуемой ему трети, передалъ Цанію Веліову, по приказанію котораго, переданному ему прибывшимъ въ Татарь-Базарджикъ двоюроднымъ братомъ Тоневымъ, сначала спряталъ у себя во дворѣ похищенныхъ воловъ, зная способъ похищенія, а затѣмъ подыскалъ покупателей и, не выводя на базаръ, продалъ ихъ на своемъ дворѣ. Въ оправданіе свое обвиняемый объяснилъ, что не смѣлъ ни въ чемъ отказать Веліову, зная его мстительный характеръ.

На другой день задержанъ въ Филиппополѣ Цанію Веліовъ, купившій въ трактирахъ на полученныя деньги; на лѣвой щекѣ его оказался большой шрамъ, о которомъ говорилъ мальчикъ Ахметъ. Признавая себя виновнымъ въ кражѣ воловъ съ пастбища, онъ увѣрялъ, что ихъ стерегъ только убѣжавшій мальчикъ, взрослыхъ пастуховъ не было, стало быть, онъ не могъ ихъ убить. При допросѣ Ангеловъ перечислилъ всѣхъ участниковъ шайки, прибывшихъ къ нему въ домъ вмѣстѣ съ волами; они были задержаны и приведены къ слѣдователю. Тодоръ Тоневъ, признавая себя виновнымъ въ разбойномъ нападеніи на пастуховъ и въ отнятіи у нихъ двѣнадцати воловъ, показалъ, что разбой совершенъ подъ руководствомъ Цанію Веліова. Послѣдній послѣ того, какъ связали пастуховъ, велѣлъ Павлову и Ганеву гнать воловъ въ Татарь-Базарджикъ, а самъ вмѣстѣ съ нимъ и Джингаровымъ повелъ турокъ. Перейдя узенькій мостъ, Цанію приказалъ ему итти кратчайшимъ путемъ въ городъ и предупредить двоюроднаго брата

Косто Ангелова, что ночью пригонятъ воловъ, которыхъ слѣдуетъ спрятать, а затѣмъ постепенно продавать. Исполняя это порученіе, онъ кратчайшей тропинкой пошелъ въ Базарджикъ и при убійствѣ турокъ не присутствовалъ, хотя зналъ, что они будутъ убиты, такъ какъ это заранѣе рѣшено было всей шайкою. Остальные обвиняемые сознались въ разбоѣ и въ предварительномъ между собою соглашеніи убить пастуховъ, но никто изъ нихъ не призналъ себя виновнымъ въ самомъ убійствѣ, сваливая вину на Цанію Веліова. Изъ нихъ Джингаровъ, послѣ ухода Тонева оставшійся вдвоемъ съ Веліовымъ, увѣрялъ, что, перейдя мостикъ, они направились въ горы и завели пастуховъ за выступъ скалы, на маленькую площадку, окруженную снѣжными завалами, тающими только среди лѣта. Здѣсь связали пастуховъ по рукамъ и ногамъ, положили ихъ рядомъ, и Цанію предупредилъ его, что прежде лишенія жизни пастухи должны быть подвергнуты истязаніямъ, чтобы они на себѣ испытали, каково было переносить таковыя истязанія болгарамъ, жителямъ Калофера, Карлова, Сопота и другихъ болгарскихъ селеній, которымъ они подвергались во время владычества турокъ. Послѣ этого распоряженія Веліова, Джингаровъ, не желая участвовать въ истязаніяхъ, убѣждалъ, оставивъ при связанныхъ туркахъ одного Цанію, который, конечно, убилъ ихъ, такъ какъ онъ неоднократно хвастался передъ товарищами, что зарѣзалъ болѣе двадцати мусульманъ. Нагнавъ Павлова и Ганева, онъ вмѣстѣ съ ними и похищенными волами направились въ Татаръ-Базарджикъ, а ночью пришелъ въ городъ Цанію Веліовъ, который увѣрялъ ихъ, что не убилъ пастуховъ, а, напугавъ ихъ, отпустилъ домой.

Изъ показаній Джингарова выяснилась мѣстность, на которой совершено убійство, а потому 24 мая, рано утромъ, для розыска труповъ послано шесть нижнихъ чиновъ, въ сопровожденіи жены Салиева, его родственника и нѣсколькихъ жителей села Дурмишева, хорошо знающихъ мѣсто предполагаемаго убійства. Послѣ недолгихъ поисковъ наткнулись на двѣ чалмы и двѣ фески, брошенныя близъ выступа скалы, затѣмъ нашли скальпъ съ головы Измаила, около котораго разбросано десятокъ человѣческихъ зубовъ, послѣ сего увидѣли трупъ Ахмета Салиева, трупъ же Измаила ни 24 мая, ни въ слѣдующіе дни не былъ найденъ, и мѣстные жители предполагали, что тѣло унесено дикими звѣрями и съѣдено какъ ими, такъ и хищными птицами.

Судебно-медицинскій актъ осмотра трупа повѣствуетъ слѣдующее: «1879 года мая 26 дня командированный въ помощь военному слѣдователю кандидатъ на военно-судебныя должности Юстицкій, въ присутствіи окружнаго врача Станевскаго и понятыхъ, производилъ судебно-медицинскій осмотръ трупа Ахмета Салиева, найденнаго на возвышенной площадкѣ Родонскихъ горъ. Несмотря

на то, что убійство совершено болѣе трехъ недѣль тому назадъ, трупъ, лежавшій все время въ мѣстности, въ которой температура не превышаетъ днемъ восьми градусовъ по Реомюру, настолько сохранился, что всѣ раны и поврежденія покрововъ ясно видны и могутъ быть изслѣдованы. На головѣ кожа съ волосами содрана начиная съ затылка до середины темени, черепъ проткнутъ въ двухъ мѣстахъ острымъ колющимъ орудіемъ въ родѣ стилега, оба глаза выколоты, выбиты всѣ рѣзцы и три коренныхъ зуба съ лѣвой стороны челюсти, правая половина челюсти сломана, на горлѣ зянетъ большое треугольное отверстіе, произведенное острымъ рѣжущимъ орудіемъ, съ разрывомъ большихъ кровеносныхъ сосудовъ. На груди, животѣ и ляшкахъ многочисленны лунообразныя нарѣзы, дѣтородныя части отрѣзаны, кости цѣлы, за исключеніемъ предплечія правой руки, которое сломано, и кисть руки удерживается кожею». Пропускаю внутренній осмотръ, не представляющій интереса. По заключенію врача, скальпированіе и лунообразныя надрѣзы на тѣлѣ прижизненнаго происхожденія и произведены острымъ, рѣжущимъ орудіемъ, каковымъ могъ быть ножъ или ятаганъ. Безусловно смертельными должны считаться двѣ раны на черепѣ, проникающія въ существо мозга, и треугольная рана на шеѣ. Преступленіе совершено нѣсколькими, или по крайней мѣрѣ двумя лицами, такъ какъ прижизненное снятіе скальпа и лунообразныя надрѣзы, какъ бы крѣпко ни была связана жертва преступления, должны были вызвать сопротивленіе, и одинъ человекъ не могъ удерживать сопротивляющагося и въ то же время дѣйствовать ножомъ, причиняя раны. Тѣло Салиева выдано его женѣ для погребенія на кладбищѣ села Дурмишева.

Въ тотъ же день протоколъ судебно-медицинскаго осмотра былъ предъявленъ обвиняемымъ и имъ объявлено объ окончаніи слѣдствія. Цаніо Веліовъ послѣ перваго его допроса военнымъ слѣдователемъ не пожелалъ отвѣчать на дальнѣйшіе вопросы, неизмѣнно повторяя одну фразу: «не самъ бѣхъ, не самъ видѣхъ», однозначащую съ нашимъ «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю».

28 мая всѣ подсудимые, согласно моего заключенія, преданы полевому военному суду по обвиненію въ разбоѣ и предумышленномъ убійствѣ въ мѣстности, состоящей на военномъ положеніи, каковыя преступления предусмотрѣны 279 ст. XXII кн. с. в. п., а Косто Ангеловъ въ укрывательствѣ имущества, добытаго разбоемъ.

Черезъ три дня состоялось судебное засѣданіе, на которомъ всѣ подсудимые признаны виновными въ разбоѣ и предумышленномъ убійствѣ, а Косто Ангеловъ въ укрывательствѣ разбоя. Цаніо Веліовъ признанъ зачинщикомъ убійства, остальные четверо сообщниками этого преступленія, изъ нихъ Тоневъ, Ганевъ и Павловъ случайно не присутствовали при убійствѣ, хотя вмѣстѣ съ дру-

гими согласились совершить таковое. Всѣ они приговорены къ смертной казни чрезъ повѣшеніе, а Косто Ангеловъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы на четыре года.

По вступленіи приговора въ законную силу онъ былъ представленъ на конфирмацію генералъ-губернатору. Послѣдній долго не рѣшался утвердить смертный приговоръ, такъ какъ это было первое дѣло, по которому болгары были приговорены къ повѣшенію за убійство турокъ; но наконецъ, принявъ въ соображеніе, что случаи убійства турокъ болгарами учащаются и что на очереди еще два такихъ дѣла, онъ утвердилъ приговоръ относительно Цаніо Веліова и Джингарова, какъ непосредственно убившихъ Ахмета и Измаила Салиевыхъ, остальнымъ наказаніе смягчено до ссылки въ каторжныя работы на пятнадцать лѣтъ каждому, а Косто Ангелову назначенное судомъ наказаніе смягчено до заключенія въ тюрьмѣ на два года.

VIII.

Безвыходное положеніе суда.

Законъ устанавливаетъ двоякій способъ отмѣны въ кассационномъ порядкѣ окончательныхъ приговоровъ военно-окружныхъ судовъ. Если нарушены существенные судебныя обряды и формы, главный военный судъ отмѣняетъ все производство и предписываетъ вновь рассмотреть дѣло въ другомъ составѣ присутствія; когда же допущено только неправильное примѣненіе законовъ о наказаніи, главный военный судъ можетъ (но не обязанъ) или самъ постановить приговоръ, или же, отмѣнивъ обжалованный, передать дѣло въ военно-окружный судъ для постановленія новаго приговора въ другомъ составѣ присутствія. Судъ, въ который обращено дѣло для постановленія новаго приговора, обязанъ подчиниться разъясненію главнаго военного суда, и никакія жалобы на приговоръ, согласный съ этими разъясненіями, не допускаются.

Этотъ послѣдній способъ исправленія отмѣненныхъ приговоровъ часто вызываетъ большія затрудненія, а иногда ставитъ судъ въ безвыходное положеніе, когда при кассационномъ производствѣ упущены изъ виду такія признанныя въ фактической части приговора обстоятельства, которыя измѣняютъ квалификацію преступленія, вслѣдствіе чего вновь постановленный приговоръ чрезмѣрно отягчаетъ участь осужденнаго.

Одно изъ такихъ дѣлъ, бывшее въ моемъ производствѣ и поставившее меня въ большое затрудненіе при исполненіи рѣшенія главнаго военного суда, будетъ вслѣдъ за симъ разсказано.

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія въ туркестанской артиллерійской бригадѣ служилъ поручикъ Т-скій. Исправный офицеръ, серьезно относившійся къ служебнымъ обязанностямъ, Т-скій былъ страстный охотникъ на дикихъ звѣрей. Ни одна изъ охотъ, часто устраиваемыхъ въ обширномъ Туркестанскомъ краѣ, не обходилась безъ него, и, провѣдавъ, что собираются убивать тигровъ и другихъ хищниковъ, Т-скій, съ разрѣшенія командира батареи, летѣлъ на мѣсто сбора и принималъ дѣятельное участіе въ предпріятіи.

Эта страсть къ охотѣ чуть не повлекла для него ссылку на житье въ Сибирь съ лишеніемъ правъ.

Въ 1891 году въ Закаспійскую область съѣхалось много опытныхъ охотниковъ, не только русскихъ, но и иностранцевъ, и они рѣшили произвести грандіозное истребленіе хищныхъ звѣрей. Узнавъ объ этомъ, Т-скій немедленно поѣхалъ въ Асхабадъ и, въ ожиданіи поѣзда остановившись на нѣсколько часовъ въ Самаркандѣ, вспомнилъ, что не купилъ въ Ташкентѣ необходимаго ему пороха, а потому отправился въ канцелярію самаркандской крѣпостной артиллеріи, гдѣ написалъ рапортъ о продажѣ ему трехъ фунтовъ ружейнаго, съ бурымъ углемъ, пороха. Единственный артиллерійскій чиновникъ, находившійся въ канцеляріи, заваленный работою, которому былъ поданъ упомянутый рапортъ, попросилъ Т-скаго сдѣлать на оборотѣ его надпись, въ которой, въ обычныхъ выраженіяхъ, разрѣшалось выдать порохъ, по представленіи квитанціи казначейства въ уплатѣ за него денегъ. Рапортъ этотъ чиновникъ приказалъ писарю отнести командиру артиллеріи для подписи, а поручику Т-скому предложилъ черезъ полчаса зайти въ складъ, гдѣ ему выдадутъ порохъ.

Крѣпостной артиллеріей командовалъ тогда полковникъ С-скій, очень хорошій человекъ, но величайшій формалистъ, этимъ свойствомъ своего характера изводившій подчиненныхъ. Прочитавъ рапортъ и надпись, сдѣланную прежде его резолюціи, полковникъ счелъ это серьезнымъ нарушеніемъ правилъ дѣлопроизводства, а потому на рапортѣ написалъ: «кто сдѣлалъ надпись и притомъ неправильную,—если поручикъ Т-скій, то не только не выдамъ ему пороха, но попросу командира батареи посадить его подъ арестъ». Безъ дальнѣйшихъ распоряженій полковникъ отдалъ бумагу писарю, приказавъ ему итти въ канцелярію. На бульварѣ писарь встрѣтилъ поручика Т-скаго и, возвращая ему рапортъ, сказалъ: «денегъ въ казначейство не вносите, полковникъ вамъ пороху не даетъ, не такъ написана бумага». Не разворачивая сложенного вчетверо рапорта и считая его своею собственностью, Т-скій разорвалъ его и, бросая въ канаву, сказалъ: «Чортъ васъ возьми съ этими формальностями, куплю порохъ въ Асхабадѣ», послѣ чего взялъ извозчика и поѣхалъ на вокзалъ. Писарь подобралъ разорванный рапортъ и отнесъ его въ канцелярію.

Между тѣмъ Т-скій увлекался очень удачною на этотъ разъ охотой, не ожидая, какая бѣда стряслась надъ нимъ.

По возвращеніи въ Ташкентъ онъ получилъ письмо отъ товарища, который сообщалъ, что принесенный въ канцелярію рапортъ, вымокшій и разорванный, по приказанію чиновника, былъ высушенъ и разглаженъ, послѣ чего чиновникъ, взявъ эту злощастную бумагу, отправился съ докладомъ къ командиру крѣпостной артиллеріи. Послѣдній, считая поступокъ офицера дерзостью, немедленно произвелъ дознаніе, опросилъ чиновника и писаря и возбудилъ противъ Т-скаго обвиненіе въ уничтоженіи officialнаго документа, принадлежащаго къ дѣламъ управленія, и въ заочномъ оскорбленіи старшаго въ чинѣ. Дѣло передано военному слѣдователю для производства предварительнаго слѣдствія.

Привлеченный въ качествѣ обвиняемаго, Т-скій, признавая себя виновнымъ въ неуважительномъ отзывѣ о дѣятельности старшаго въ чинѣ, сдѣланномъ въ присутствіи писаря, показалъ, что рапортъ онъ считалъ своею собственностью, вслѣдствіе чего, получивъ его обратно отъ писаря, не разворачивая листа и не зная, что командиромъ крѣпостной артиллеріи на немъ положена резолюція, рѣшилъ купить порохъ въ Асхабадѣ, а свой рапортъ, сдѣлавшійся вслѣдствіе отказа ненужнымъ, разорвалъ и бросилъ въ канаву.

Это объясненіе обвиняемаго не было принято въ соображеніе при составленіи обвинительнаго акта, по выводамъ котораго онъ былъ преданъ суду за умышленное уничтоженіе документа, принадлежащаго къ дѣламъ управленія самаркандской крѣпостной артиллеріи, т. е. по 303 ст. улож. о наказ. угол. и испр., влекущей лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, исключеніе изъ службы и ссылку на житье въ Сибирь.

Туркестанскій военно-окружный судъ въ составѣ предсѣдателя суда, одного изъ военныхъ судей и четырехъ временныхъ членовъ, рассмотрѣвъ это дѣло, призналъ Т-скаго виновнымъ въ заочномъ неоказаніи должнаго уваженія старшему въ чинѣ, по поводу исполненія послѣднимъ обязанностей службы, и приговорилъ его къ аресту на гауптвахтѣ на двѣ недѣли. Относительно обвиненія въ уничтоженіи документа, на предложенный вопросъ о виновности въ этомъ преступленіи, судъ отвѣтилъ, что рапортъ былъ разорванъ, но намѣренія уничтожить его, какъ документъ, принадлежащій къ дѣламъ управленія, Т-скій не имѣлъ, ибо не зналъ, что командиромъ артиллеріи на его рапортѣ была положена письменная резолюція, послѣ которой бумага эта, хотя не занесенная во входящій журналъ, должна считаться принадлежащей къ дѣламъ управленія; затѣмъ судъ призналъ, что обвиняемый добросовѣстно заблуждался, полагая, что переданное ему писаремъ распоряженіе о невыдачѣ пороха сдѣлано словесно, вслѣд-

ствіе чего возвращенный рапортъ составляетъ его собственность, которую, какъ не имѣющую значенія, можно уничтожить, а потому разорвалъ его и бросилъ. Дѣяніе это, совершенное по заблужденію и невѣдѣнію обстоятельствъ, сдѣлавшихъ его преступнымъ, не вѣнено подсудному въ вину.

По протесту прокурора, дѣло восходило на разсмотрѣніе главнаго военнаго суда, который отмѣнилъ приговоръ только въ части его, касающейся примѣненія законовъ о наказаніи, и предписалъ туркестанскому военно-окружному суду постановить новый приговоръ въ другомъ составѣ присутствія, примѣнивъ къ признанной виновности подсудимаго 303 ст. улож. о наказ. Вопросный листъ о виновности и основанная на немъ фактическая часть приговора оставлены въ своей силѣ.

Дѣло было передано мнѣ для постановленія приговора, т. е. для назначенія подсудному, согласно состоявшагося разъясненія главнаго военнаго суда, ссылки на житіе въ Сибирь. Познакомившись съ дѣломъ, я усмотрѣлъ, что при новомъ его разбирательствѣ положеніе суда будетъ безвыходнымъ. Съ одной стороны, законъ обязываетъ подчиниться рѣшенію главнаго военнаго суда, съ другой же стороны, примѣненіе указаннаго высшимъ судомъ закона къ не отмѣненной, признанной первымъ составомъ суда, виновности подсудимаго, будетъ такимъ отягченіемъ его участи, которое судъ, по глубокому моему убѣжденію, не въ правѣ взять на свою совѣсть. Это мнѣніе раздѣлялъ весь составъ втораго суда, который категорически высказалъ, что нельзя лишать человѣка чиновъ, дворянства и всѣхъ особенныхъ правъ и ссылать его въ Сибирь за то, что онъ разорвалъ свой рапортъ, не зная, что на немъ уже положена командирская резолюція, обратившая его въ документъ, и что лучше пусть караютъ насъ, судей, но необходимо сдѣлать все для освобожденія Т-скаго отъ незаслуженнаго наказанія.

Уменьшающихъ вину обстоятельствъ, вытекающихъ изъ существа дѣла, нельзя было касаться потому, что таковыя не признаны при первомъ разбирательствѣ дѣла, а безъ осуществленія своего права понизить наказаніе на двѣ степени, вслѣдствіе признанія этихъ обстоятельствъ, судъ не можетъ возбуждать ходатайства о дальнѣйшемъ смягченіи участи подсудимаго. При вторичномъ разсмотрѣніи дѣла по примѣненію закона о наказаніи судъ можетъ признать только такъ называемыя формальныя уменьшающія вину обстоятельства. Къ счастью, въ дѣлѣ оказались таковыя, предусмотрѣнныя 153 ст. улож. о наказ., и судъ понизилъ наказаніе на двѣ степени. Но и это пониженное наказаніе единогласно признано не соответствующимъ винѣ, а потому рѣшили обратиться къ тому, который можетъ исправить всякія погрѣшности. Въ ходатайствѣ на высочайшее имя туркестанскій

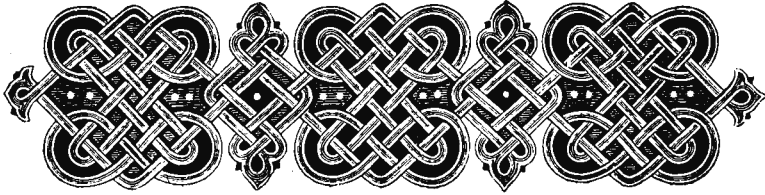
военно-окружный судъ изложилъ, что согласно закона исполнилъ рѣшеніе главнаго военнаго суда, но, понизивъ наказаніе въ предѣлахъ предоставленной ему власти, находитъ, что долгъ совѣсти обязываетъ его повергнуть участь подсудимаго на монаршее благоусмотрѣніе, ходатайствуя передъ его императорскимъ величествомъ о назначеніи поручику Т-скому, взамѣнъ опредѣленнаго наказанія, ареста на гауптвахтѣ на двѣ недѣли. Въ мотивахъ ходатайства между прочимъ изложено, что по неотмѣненному вопросному листу и основанной на немъ фактической части приговора признано, что подсудимый не зналъ, что на его рапортѣ положена резолюція, вслѣдствіе которой онъ обратился въ бумагу, принадлежащую къ дѣламъ управленія, и, разрывая таковой, добросовѣстно заблуждался, считая его собственностью, а потому судъ полагаетъ, что за это неумышленное дѣяніе опредѣленное наказаніе является чрезчуръ строгимъ и не соответствующимъ винѣ. Ходатайство это, въ установленномъ порядкѣ, представлено командующему войсками округа, который всецѣло присоединился къ нему, высказавъ мнѣніе, что наказаніе не соответствуетъ винѣ.

По протесту прокурора дѣло вторично внесено въ главный военный судъ, который, не вникнувъ въ затруднительное положеніе военно-окружнаго суда, созданное оставленіемъ имъ въ силѣ фактической части перваго приговора, отнесся къ второму приговору крайне сурово, усмотрѣвъ въ немъ обсужденіе рѣшенія главнаго военнаго суда и ходатайство объ измѣненіи приговора, основаннаго на этомъ рѣшеніи. Главный военный судъ не только отмѣнилъ приговоръ, но и ходатайство предъ высочайшей властью о смягченіи наказанія и самъ постановилъ новый приговоръ, опредѣливъ подсудимому ссылку на житье въ Сибирь, со всѣми послѣдствіями этого наказанія, а туркестанскому военно-окружному суду объявилъ выговоръ въ составѣ присутствія, каковое рѣшеніе опубликовано во всеобщее свѣдѣніе.

Несмотря на отмѣну ходатайства, такое было повергнуто на высочайшее усмотрѣніе въ порядкѣ административномъ, такъ какъ командующій войсками, узнавъ, что ходатайство, къ которому онъ присоединился, отмѣнено главнымъ военнымъ судомъ и не дошло до государя императора, потребовалъ изъ военно-окружнаго суда копию съ отмѣненнаго приговора, въ которомъ изложено ходатайство, и непосредственно отъ себя представилъ ее военному министру съ просьбой повергнуть участь подсудимаго на монаршее воззрѣніе.

Государь императоръ Александръ III призналъ это ходатайство заслуживающимъ уваженія и, взамѣнъ назначеннаго главнымъ военнымъ судомъ наказанія, повелѣлъ, согласно съ мнѣніемъ командующаго войсками, подвергнуть Т-скаго аресту на гауптвахтѣ.

Н. Мордвиновъ.

ТРАГИЧЕСКІЙ КОНЕЦЪ БЛАГОГО НАЧИНАНІЯ.

(Изъ матеріаловъ шестидесятихъ годовъ).

ВЪ НАЧАЛѢ царствованія императора Николая I, по его личной инициативѣ, былъ основанъ Царскосельскій малолѣтній корпусъ. Цѣль была благоразумная и благая. Въ этомъ корпусѣ воспитывались бесплатно малолѣтніе сироты военныхъ офицеровъ. При заведеніи было устроено особое отдѣленіе для сиротъ-младенцевъ отъ двухъ до шести лѣтъ, гдѣ малютокъ заботливо нянчили, а слабѣйшихъ буквально носили на рукахъ. По достиженіи надлежащаго возраста они поступали въ старшія роты корпуса, которыхъ было четыре, каждая по сту воспитанниковъ. Въ трехъ первыхъ ротахъ мальчики подготавливались для сухопутныхъ войскъ, а въ четвертой для флота.

Около 12 лѣтъ отъ роду дѣтей переводили въ соотвѣтственные корпуса. По волѣ государя заведеніе было щедро надѣлено матеріальными средствами; зданіе построено обширное; около большая площадь земли; садъ; крупный капиталъ, на проценты котораго оно содержалось. Программы преподаванія, какъ мы укажемъ ниже, были для того времени удовлетворительны, пища всегда свѣжая.

Самъ императоръ лично интересовался корпусомъ и во время своего пребыванія въ Царскомъ Селѣ неоднократно посѣщалъ заведеніе. Повидимому, онъ такъ былъ доволенъ его развитіемъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его открытія зачислилъ наследника престола, великаго князя Александра Николаевича, кадетомъ этого корпуса. Конечно, это зачисленіе было только номинальное; но за-

то почетное для самаго учрежденія. Вскорѣ послѣ того корпусъ сталъ утрачивать исключительно благотворительный характеръ; туда начинали принимать мальчиковъ, родители которыхъ были еще живы; и даже дѣтей не однихъ военныхъ, а вообще дворянъ.

Однако, невзирая на всѣ благопріятныя, благія стороны цѣлей и обстановки этого корпуса, онъ былъ закрытъ въ первые же годы царствованія бывшаго его августѣйшаго воспитанника по распоряженію Александра II. Государь самъ посѣтилъ корпусъ; не только осмотрѣлъ его, но, можно сказать, лично произвелъ ревизію. И нашелъ тамъ неустройства, доходящія до безчеловѣчности, какъ онъ самъ выразился, покидая злосчастное заведеніе.

Наша замѣтка представляетъ грустную исторію этого учебнаго учрежденія, въ милліонный разъ напоминающую слова Ал. Толстого: «Кабы батюшка царь да всю правду вѣдалъ».

Матеріалы мы черпаемъ частію изъ записокъ, а главнымъ образомъ изъ устныхъ разсказовъ нашего короткаго знакомаго Александра Ѳедоровича Пальмгрена, отставнаго капитана II ранга, проживающаго въ Неаполѣ. Онъ самъ до поступленія въ морской корпусъ воспитывался въ Царскосельскомъ малолѣтнемъ, одновременно съ нынѣ адмираломъ Авеланомъ, который, впрочемъ, былъ, кажется, годами двумя старше его. А. Ѳ. Пальмгрень передалъ въ мое распоряженіе свои записки и уполномочилъ пользоваться для печати какъ ими, такъ и его разсказами. Онъ помѣщикъ Владимирской губерніи, но родомъ финляндецъ. Полагаемъ, что нѣкоторые факты, связанные по этому послѣднему обстоятельству съ исторіей корпуса, но имѣющіе отношеніе и къ Финляндіи, не только не излишни, но и въ сравнительномъ смыслѣ интересны поучительны,

I.

Какъ водворялись и жили кадетики.

Въ царствованіе же Николая I, около половины 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія, въ Финляндіи было издано высочайшее повелѣніе, коимъ всѣ мѣстные дворяне и лица, состоящія на государственной службѣ, обязывались заявлять о своихъ дѣтяхъ мужского пола по достиженіи послѣдними 5—6-лѣтняго возраста, съ тѣмъ, чтобы эти мальчики были заносимы въ списки кандидатовъ разныхъ военныхъ корпусовъ, какъ финляндскаго, такъ и многочисленныхъ русскихъ. Выборъ заведенія предоставлялся родителямъ. Когда кандидаты дорастали до 12 лѣтъ, то отцы должны были привозить ихъ въ намѣченный корпусъ, гдѣ затѣмъ дѣти воспитывались на казенный счетъ.

По выходѣ въ офицеры эти финляндскіе уроженцы, покуда состояли въ военной службѣ, получали добавочное содержаніе изъ

личныхъ средствъ великаго князя Финляндскаго, т. е. русскаго императора.

Александрѣ Пальмгрѣну только что минуло шесть лѣтъ, когда было обнародовано это распоряженіе; его записали кандидатомъ въ морской кадетскій корпусъ, находящійся въ Петербургѣ.

Въ настоящее время такое принудительное военное воспитаніе было бы, можетъ статья, принято съ неудовольствіемъ и отцами и дѣтьми, особенно въ Финляндіи. Въ тогдашнія же времена оно было въ порядкѣ вещей. Большинство финляндскихъ дворянъ и чиновниковъ средней руки имѣли многочисленныя семьи, и даровое образованіе мальчиковъ представляло изрядное матеріальное подспорье.

Въ августѣ 1848 года, т. е. когда А. Пальмгрѣну едва минуло девять лѣтъ, его отца официально увѣдомили изъ Петербурга, что въ морскомъ корпусѣ открылась вакансія и предназначена для его сына; что по лѣтамъ онъ въ этотъ корпусъ поступить еще не можетъ, но тѣмъ не менѣе, дабы удержать за собой вакансію, онъ долженъ быть привезенъ не позже 1-го сентября текущаго года въ Царскосельскій малолѣтній кадетскій корпусъ, гдѣ будетъ опредѣленъ въ морское его отдѣленіе.

Къ назначенному сроку отецъ Пальмгрѣна доставилъ мальчика по назначенію и представился вмѣстѣ съ нимъ директору корпуса генералу Хатову. Этотъ Хатовъ былъ очень ветхій старецъ, по крайней мѣрѣ столѣтній, какъ казалось ребенку. Руки и ноги его отъ слабости дрожали; глаза слезились; говорилъ онъ мямля, едва слышно.

Впрочемъ, онъ принялъ и отца и сына очень привѣтливо. Похвалилъ вообще финляндцевъ; говорилъ, что всѣ воспитанники изъ ихъ земляковъ прямодушные и честные юноши. И добавилъ, къ удовольствію новичка, что онъ будетъ не одиночекъ, въ корпусѣ есть уже нѣсколько финляндцевъ.

Тамъ между прочимъ оказался Авеланъ, впоследствии управляющій морскимъ министерствомъ. Въ корпусѣ Авеланъ принялъ подъ свое покровительство новичка-земляка, съ которымъ они сошли на всю жизнь.

Представивъ сына директору, по указанію послѣдняго, отецъ Пальмгрѣна повелъ его представляться къ другимъ начальствующимъ лицамъ.

Формальное опредѣленіе въ корпусъ всегда начиналось въ госпиталѣ, гдѣ кандидата раздѣвали донага въ присутствіи подлежащихъ властей. Ему приказывали бѣгать, ходить по комнатѣ, кружиться, наклоняться впередъ и назадъ, направо и налево... Это называлось физическимъ испытаніемъ. Если оказывалось, что мальчикъ не хромъ, никакихъ тѣлесныхъ недостатковъ не имѣетъ и къ военной службѣ годенъ, то его заносили въ списокъ воспи-

танниковъ. А затѣмъ, приказавъ одѣваться, представляли чопорной дамѣ, объявляя, что это его ближайшая наставница, воспитательница отдѣленія, въ которое онъ опредѣленъ. Эта особа немедленно вступала въ полное владѣніе новичкомъ.

Вечеромъ передъ отходомъ ко сну дѣти были обязаны цѣловать ручку своихъ соотвѣтственныхъ воспитательницъ. Для финляндцевъ это было изумительно, даже казалось униженіемъ. Дома они ни у отца, ни матери рукъ не цѣловали. Да и вообще родители съ дѣтьми и братья съ сестрами, если и цѣловались, то при какихъ-либо экстренныхъ случаяхъ, или, напр., въ Пасху, о Рождествѣ. Кромѣ того, новичкамъ сообщалось, что они въ опредѣленныхъ случаяхъ обязаны цѣловать руки и у нѣкоторыхъ другихъ начальствующихъ лицъ не прекраснаго пола, а тѣмъ паче у директора.

День малолѣтокъ-кадетъ начинался въ 6 часовъ утра. Едва они успѣвали вымыться и одѣться, какъ уже должны были прикладываться къ ручкамъ воспитательницъ своего отдѣленія. Ровно въ 7 часовъ спальни обходилъ самъ старикъ-директоръ въ сопровожденіи соотвѣтствующей воспитательницы, и разспрашивалъ ее, какъ вели себя ея питомцы. Рѣдко при этомъ обходилось безъ жалобъ, большей частью пустячныхъ, однако вызывавшихъ выговоры генерала, а иногда и чувствительныя наказанія.

За нѣсколько минутъ до 8 часовъ всѣ воспитанники строились въ такъ называемой рекреационной залѣ двумя шеренгами. По срединѣ зала появлялся опять директоръ. На его отеческое «здравствуйте, дѣти!» послѣдніе отвѣчали по военному: «здравія желаемъ ваше превосходительство!» Затѣмъ начальникъ (за рѣдкими исключеніями, ежедневно) вызывалъ изъ рядовъ слабымъ движеніемъ своей трепетной руки одного, двухъ, иногда болѣе, воспитанниковъ. Протеревъ платкомъ свои слезливые глаза, онъ пристально вглядывался въ лица подошедшихъ къ нему мальчугановъ и затѣмъ, сипло мямля, обращался ко всѣмъ остальнымъ.

— Дѣти,—говорилъ онъ:—вотъ я непременно долженъ наказать (имя рекъ), потому что онъ толкнулъ служанку; или (смотря по обстоятельствамъ) потому, что вмѣсто одной булки взялъ себѣ двѣ, или потому, что онъ товарища поколотилъ, и т. д. Послушайте, дѣти, этого я отнюдь не могу простить.

Заключалъ директоръ свою рѣчь, неизмѣнно поднявъ вверхъ указательный палецъ и внушительно повторяя:

— Слушайте, дѣти! Чтобъ отнюдь никто не смѣлъ толкать служанокъ; чтобъ отнюдь никто, никто не ѣлъ по двѣ булки за разъ и т. д. На словѣ «отнюдь» старикъ дѣлалъ грозное удареніе, что не мѣшало караемымъ событіямъ повторяться въ тотъ же самый день, невзирая на весьма чувствительныя въ перспективѣ кары. Обыкновенно послѣ рѣчи директора приговоренный (или приго-

воренные) къ казни слѣдовали за нимъ въ особо для наказаній приспособленную комнату, гдѣ, спустивъ съ мальчика штаны, его раскладывали на скамейкѣ. Два солдата держали—одинъ за голову, другой за ноги, а третій начиналъ съчь по командѣ генерала. Когда Хатовъ по числу ударовъ полагалъ, что виновный достаточно наказанъ, то командовалъ «эксекютору»: «Стой!» Розга переставала дѣйствовать; высѣченный вставалъ съ позорнаго ложа, приводилъ въ порядокъ свой туалетъ и подходилъ къ генералу, чтобъ поблагодарить его, цѣлуя морщинистую руку.

Хатовъ вообще былъ человѣкъ не злой, но, повидимому, находилъ удовольствіе подвергать поркѣ и присутствовать при ней. Кромѣ того, мальчики подвергались еще такому же истязанію по распоряженію второстепенныхъ начальниковъ: инспектора классовъ (въ чинѣ полковника) и капитана, обучавшаго ихъ военному артикулу и солдатской выправкѣ. Только дамы-воспитательницы были лишены права проливать дѣтскую кровь. Однако онѣ, какъ и каждый учитель, могли подвергать питомцевъ инымъ взысканіямъ. Напримѣръ, ставить ихъ въ уголъ на срокъ, не превышающій одного часа; ставить на колѣни; приговаривать ихъ къ обращенію на нѣкоторое время въ каторжниковъ.

Сіе послѣднее наказаніе вотъ въ чемъ состояло: курточка преступника выворачивалась на изнанку; подкладка была бѣлая, съ крупнымъ чернымъ нумернымъ клеймомъ на спинѣ. Въ этомъ видѣ несчастный долженъ былъ щеголять цѣлые дни. Впрочемъ, это наказаніе признавалось столь позорнымъ, что безъ санкции самого директора не могло быть примѣняемо.

Возвращаемся къ распisanію кадетскаго дня. Послѣ директорскаго внушенія, одновременно съ сѣченіемъ имъ избранныхъ жертвъ, остальные кадетики шли въ столовую пить утренній чай съ булкой и молокомъ. Отъ 8 до 9 часовъ былъ первый урокъ въ классахъ, отъ 10—11 второй классный урокъ; отъ 11—12 фронтное ученіе; затѣмъ до обѣда рекреація. Въ часъ обѣдъ, послѣ него зимой, если хорошая погода,—прогулка чинно попарно вокругъ двора, весной и осенью, если позволяла погода,—забавы на корпусномъ плацу. Отъ 3 до 6 часовъ опять классные уроки съ надлежащими промежутками, потомъ часъ рекреаціи; приготовленіе уроковъ; въ 8 часовъ ужинъ. Послѣ ужина всѣ должны были умыться, прочитать молитву, перецѣловать ручки своихъ воспитательницъ, а въ 9 часовъ ложиться спать.

Нельзя не сознаться, что общія основанія, вызвавшія учрежденіе Царскосельскаго малолѣтняго корпуса, и частности его обстановки, распisanіе занятій и программы ихъ, также какъ и пища, могли заслужить одобреніе всякаго благоразумнаго человѣка. Однако на практикѣ по разнороднымъ причинамъ корпусъ этотъ, вымощенный лучшими намѣреніями, обращался въ адъ для тѣхъ, кому инициа-

торы и руководители дѣла имѣли въ виду благодѣтельствовать, т. е. для мальчиковъ.

Система предупрежденія и каранія проступковъ, какъ мы видѣли, носила «отеческій» характеръ, но была нелѣпа въ своей необдуманной жестокости, вообще чужда даже намековъ на педагогическіе принципы.

Питаніе, по табели и расписанію количества провизіи, должно бы было быть вполнѣ удовлетворительно. Провизія дѣйствительно всегда была безукоризненно свѣжая. Между тѣмъ на практикѣ дѣти сплошь голодали, ибо количество пищи давалось болѣе чѣмъ ограниченное, благодаря начальнической экономіи. Хроническая проголодь въ ребятишкахъ развивала жадность и вообще дурныя инстинкты. Стащить гдѣ бы то и какимъ бы способомъ ни было и какой бы то ни было кусочекъ съѣстного не считалось грѣхомъ. Каждый готовъ былъ принять розги за лишнюю съѣденную булку,

Булки, которыя давались къ чаю, были такъ малы, что ихъ и булками-то назвать совѣстно.

Преподаваніе было неудовлетворительно, для финляндскихъ дѣтей по крайней мѣрѣ, и вотъ почему. Пальмгрену, напр., было 9 лѣтъ, когда его привезли въ Царскосельскій корпусъ, и ему тутъ нечего было учиться, ибо въ классѣ проходили то, что онъ уже выучилъ въ финляндской народной школѣ, т. е. способами, доступными всякому жителю Финляндіи. Домашнихъ гувернеровъ и учителей у него не было, но самая система финляндскихъ школъ и ихъ программы (гдѣ учились вмѣстѣ и богатые, и бѣдные, и дворяне, и мѣщане) была цѣлесообразна. Въ Финляндіи мальчиковъ посылали по шестому году въ школу. Тамъ, обучившись читать и писать по-шведски (говорить по-шведски они, конечно, умѣли, потому что въ интеллигентныхъ семьяхъ говорятъ всегда на этомъ языкѣ), онъ знакомился съ нѣмецкимъ и русскимъ языками настолько удовлетворительно, особенно съ послѣднимъ, что, поступивъ въ русское учебное заведеніе, могъ безъ труда ориентироваться и въ классныхъ занятіяхъ и въ товарищескихъ отношеніяхъ. По нѣкоторымъ предметамъ въ малолѣтнемъ корпусѣ ему оставалось только зады повторять. Напр., по ариметикѣ въ финляндской народной школѣ къ его возрасту проходятъ дроби, о которыхъ его одноклассники и однолѣтки въ корпусѣ еще не имѣли понятія, такъ что всѣ три года пребыванія Пальмгрена въ Царскомъ Селѣ (когда ему минуло 12 лѣтъ, онъ былъ переведенъ въ морской корпусъ) учителя не довели его классъ до дробей.

Велось преподаваніе въ малолѣтнемъ корпусѣ плохо, безсистемно, до того безтолково, что, оглядываясь позднѣе назадъ, молодой человекъ, прошедшій полный курсъ заведенія, не могъ дать себѣ яснаго отчета, какія вообще онъ пріобрѣлъ тамъ научныя познанія.

Однако большое вниманіе тамъ обращалось на преподаваніе французскаго и англійскаго языковъ. Кадеты были обязаны вообще разговаривать по-французски съ классной наставницей, а во время французскаго урока и между собой.

Англійскому языку учили исключительно мальчиковъ, готовившихся въ морской корпусъ.

Въ младшемъ классѣ преподавала нѣкая г-жа Брюкнеръ, особа пожилая, комичная по внѣшности: сухая, длинная—однѣ кости да кожа, съ длинными сосискообразными пучольками, постоянно мотавшимися около ея лица, и съ длинными же «собачьими» зубами. Зато сердце она имѣла прекрасное. И такова сила искренней доброты, что дѣти не только не смѣялись надъ ней, но положительно любили ее, ибо она относилась къ нимъ всегда ласково, терпѣливо, усердствовала, чтобъ они поспѣвали по ея предмету, и умѣла его преподавать.

И обратно. Англійскій учитель, мистеръ Даніэль, молодой человекъ довольно пріятныхъ манеръ и наружности, возбуждалъ постоянно недобрую веселость ребятъ своимъ страннымъ поведеніемъ. Онъ горячился, принимая дѣтскія улыбки за личныя насмѣшки, въ которыя онъ иногда дѣйствительно и обращался, благодаря его раздражительности. Между тѣмъ пріемы его преподаванія нерѣдко впадали въ буффонаду. Напр., онъ такъ училъ произносить англійское «The» — какъ извѣстно, камень преткновенія для огромнаго большинства не англичанъ.

— Вы должны просунуть кончикъ языка между зубовъ и потомъ втянуть его быстро назадъ,—толковалъ Даніэль. При этомъ наглядно иллюстрировалъ объясненіе, высовывая классу языкъ и съ особенной гримасой поспѣшно убирая его.

— Чтобы правильно произнести слово which, который, вы должны,—пояснялъ англичанинъ,—выпятить впередъ губы и быстро затащить ихъ назадъ.

При этомъ онъ выпячивалъ губы, такъ что походилъ на негра, и вдругъ затыгивалъ ихъ чуть не до ушей...

Какъ дѣтямъ было не смѣяться? Его прозвали клоуномъ.

Французскихъ учителей было нѣсколько, одинъ несимпатичнѣе другого. Особенно не любили кадеты м-г Malaquin, главнымъ образомъ за его нелѣпо жестокое обращеніе, даже со своими собственными дѣтьми, двумя сыновьями, ходившими въ корпусные классы въ качествѣ экстерновъ. За малѣйшую оплошность или ошибку котораго-нибудь изъ нихъ онъ подзывалъ къ себѣ сына, билъ его палкой и при каждомъ ударѣ ехидно приговаривалъ:

— Ah, voilà, attrappe! Ça te plait! Tu en veux encore? n'est ce pas? C'est bon! C'est bien bon! и т. д.

Научное преподаваніе было нескладно, удручительно; но все-таки менѣе тяготило дѣтей, чѣмъ фронтное ученіе, которому въ

николаевскія времена придавалось главенствующее значеніе, особенно въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Мальчики были еще въ нѣжномъ возрастѣ, отъ 9 до 12 лѣтъ; учителя же неумѣлые и грубые бурбоны, хотя въ другихъ отношеніяхъ нерѣдко хорошіе и добросердечные люди.

Одна стойка чего стоила для девятилѣтняго ребенка: «Грудь впередъ больше выставляй, — кричалъ наставникъ - бурбонъ: — округло держи грудь-то; округло! Локтей не отпячивай внаружу; плотно ихъ къ тѣлу прижимай, плотно да свободно! Животъ подбери, подбородокъ не высывай; подбери его хорошенько. Подбери брюхо, брюхо-то!»

А потомъ маршировка. Тогда преподавался «тихий шагъ». «Вытяни носокъ, чтобъ онъ въ одной прямой линіи съ ногой былъ. Ногу поднимай медленно, медленно». Требовалось, чтобы вытянутая нога поднималась почти перпендикулярно ко всему тѣлу. Въ такомъ неестественномъ положеніи на одной ногѣ неумѣлый или раздражительный учитель держалъ иногда цѣлую минуту. А чего это стоитъ обучаемому, могутъ понять только тѣ, кто прошелъ сквозь эту, канувшую, слава Богу, въ вѣчность, школу. Особенно, понятно, страдали малолѣтки. Требовалось три-четыре мѣсяца ежедневныхъ упражненій, наказаній, ругани, чтобъ выломать кости ребенка до желанной степени и поставить его въ строй.

II.

Въ безвоздушномъ пространствѣ.

Одна изъ самыхъ крупныхъ ошибокъ педагогическо-гигіенической системы малолѣтняго корпуса крылась въ неудовлетворительности дѣтскихъ рекреационныхъ забавъ, а главное—въ недостаткѣ свѣжаго воздуха. Какъ мы видѣли по расписанію, для рекреаций предоставлялось немало свободного времени, но разрѣшаемая начальствомъ забава годилась бы, пожалуй, для женскаго института, а никакъ не соответствовали ни полу воспитанниковъ, ни назначенію заведенія. О прогулкахъ внѣ заведенія, о катаньи на лодкахъ и рѣчи не было. Зимой играть въ снѣжки, кататься на конькахъ или даже просто бѣгать по снѣгу строжайше запрещалось. Борьба въ какомъ бы то ни было невинномъ видѣ каралась, какъ смертный грѣхъ. Мальчикамъ для развлеченія давали игрушки, которыя ихъ вовсе не занимали, ибо большинство дѣтей успѣло уже пресытиться ими дома. Дозволялось прыгать черезъ веревочку, пускать волчки, да и то съ ограниченіемъ; если въ рекреационной залѣ эти невинныя забавы вызывали шумъ, а тѣмъ паче громкій смѣхъ, то воспитательницы налагали свое veto. Огромное большинство дней въ году приходилось довольствоваться

рекреационной залой, ибо воспитательницы,—себя ли оберегая, или бессмысленно оберегая дѣтей,—очень рѣдко выпускали ихъ играть на свѣжій воздухъ. «То слишкомъ холодно, то жарко, то солнце свѣтитъ очень ярко». Рекреационныя залы, какъ и всѣ остальные, не исключая спаленъ, почти не вентилировались.

Недостатокъ движенія и воздуха дурно отражался на здоровьѣ дѣтей и на ихъ психическомъ настроеніи.

Даже русскія помѣщичьи дѣти, воспитанныя по подобію гончаровскаго Ильюши Обломова, отъ этого страдали. А финляндцы, какъ, на примѣръ, Пальмгренъ, Авеланъ и другіе, не только страдали, но и негодовали. На ихъ родинѣ дѣтямъ того общественнаго класса, къ которому принадлежали кадетики, предоставлялась очень рано большая свобода, конечно, въ предѣлахъ благоразумія,—свобода, всесторонне содѣйствовавшая развитію дѣтскаго организма и умственныхъ способностей.

Чтобы дать сравнительное понятіе о томъ, какъ воспитывались дѣти въ Финляндіи, приведемъ, нѣсколько фактовъ изъ разсказовъ самого Пальмгрена. Факты эти типичны и поучительны, не только для того отдаленнаго времени, но и для настоящаго.

«Воспитательная система въ Финляндіи была всегда широко либеральна. Дѣти высшихъ классовъ учились нерѣдко въ школахъ на одной скамьѣ съ дѣтьми простолюдиновъ. Сыновья простыхъ землепашцевъ, случалось, оканчивали курсъ въ университетѣ и возвращались домой помогать отцамъ пахать землю. У каждаго изъ нихъ вы могли найти небольшую библіотеку и нѣсколько періодическихъ изданій, которыя они выписывали и читали на досугѣ. Большинство ихъ, по рожденію, были финны, но въ школахъ (среднихъ и высшихъ), гдѣ и тогда уже господствовалъ шведскій режимъ, они выучивались прекрасно шведскому языку.

«Каждый финляндець, достигшій 18 лѣтъ отъ роду, къ какому бы племени и къ какому бы общественному классу онъ ни принадлежалъ,—титованный дворянинъ наравнѣ съ мужикомъ,—обязанъ былъ выдержать извѣстный экзаменъ; иначе онъ не допускался къ конфирмаціи и лишался пользованія нѣкоторыми гражданскими правами. Онъ, напр., не могъ свидѣтельствовать въ судахъ, участвовать въ общественныхъ выборахъ и даже не имѣлъ права жениться.

«Однородность закона для всѣхъ слоевъ населенія порождала ощутительную однородность обычаевъ. Она, естественно, отражалась даже на дѣтскихъ играхъ и забавахъ: дворянскія, помѣщичьи, чиновничьи дѣти въ этомъ отношеніи были такъ же свободны, какъ и крестьянскія. Они заполняли свои досуги одинаково.

«Насъ въ семьѣ Пальмгреновъ было четыре брата. Два первыхъ были настолько старше двухъ насъ, младшихъ, что мы росли отдѣльно отъ нихъ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ мы полюбили здоро-

вый элементарный спортъ, главнымъ образомъ водяной; мы управляли лодкой, катались на лодкахъ, ловили рыбу. Всѣ досужіе часы, съ 3—4-лѣтняго возраста мы проводили на берегу озера или по возможности на водѣ, когда она не была покрыта льдомъ. Однако до 6—7 лѣтъ родители намъ позволяли удить только съ пристани или съ берега; но позднѣе предоставлялось и съ лодокъ удить рыбу гдѣ угодно.

«Конечно, зимой поневолѣ приходилось ограничиваться одними коньками и салазками. Зато ими мы пользовались во всю. Свободные вечера зимой посвящали домашнему кораблестроенію: сооружались изъ дерева лодки, разныя суда, снастили ихъ и т. д.

«Когда мнѣ минуло 6 лѣтъ, отецъ, состоявшій на государственной службѣ, получилъ новое назначеніе въ Выборгѣ. Приѣхавъ туда, мы впервые увидѣли море.

«Гавань съ ея большими судами, пароходами, суетой, оживленіемъ представляла для насъ большой интересъ. Вскорѣ мы научились извлекать наслажденіе изъ Финскаго залива, весьма, на нашъ взглядъ, схожаго съ родными намъ озерами. Подгородный домикъ, гдѣ мы поселились, стоялъ на самомъ берегу. Недалеко жило знакомое семейство, мальчики котораго подходили къ нашему возрасту—между 6 и 8 годами. Мы тотчасъ же вступили съ ними въ союзъ по части всяческаго спорта. Кромѣ того, отецъ нанялъ для домашнихъ услугъ четырнадцатилѣтняго паренька, который служилъ уже раньше юнгой на какомъ-то торговомъ суднѣ. Мы у него научились морскому дѣлу и очень любили его.

«Онъ искусно вырѣзывалъ разныя вещицы изъ дерева и древесной коры. Благодаря ему, мы сдѣлали значительные успѣхи по части кораблестроенія: наши модели выходили теперь совсѣмъ заправскими. Главное, онъ умѣлъ отлично грести, управлять рулемъ, снастить лодку, поднимать и спускать паруса. Отъ него же мы выучились чистить лодку и понимать полезность этой чистки.

«Наши же новые друзья—сосѣдскіе мальчики—подробно ознакомили насъ съ мѣстной этнографіей и мѣстными природными богатствами. Съ небольшимъ черезъ недѣлю послѣ нашего приѣзда (дѣло было ранней весной) мы уже отлично знали, гдѣ раки зимуютъ, т. е. гдѣ удобнѣе купаться, гдѣ выгоднѣе рыбу ловить, гдѣ именно какая рыба обильнѣе водится. Мы познакомились также съ лѣсомъ, узнали, гдѣ и какія жердочки для удочекъ надо рѣзать, гдѣ и въ какое именно время лѣта созрѣваетъ въ наибольшемъ изобилии та или другая ягода.

«Все лѣто у насъ уроковъ не полагалось и намъ предоставлялось пользоваться совершенной свободой, подъ тѣмъ, однако, условіемъ, что если ничего не напраказимъ, то въ будущемъ году намъ подарятъ лодку. И хотя дѣло безъ грѣха не обходилось, черезъ годъ мы съ братомъ все-таки стали обладателями нѣко-

торымъ образомъ морского судна. Конечно, мы дѣлили всё изъ того проистекающія наслажденія съ паренькомъ-слугою и пріятелями-сосѣдями.

«Хотя мы и въ предыдущемъ году большую часть лѣта проводили въ морѣ и, главное, благополучно, но все-таки, подаривъ намъ лодку, отецъ принялъ нѣкоторыя охранительныя мѣры. Въ первые дни посылалъ съ нами кучера, который раньше служилъ матросомъ. Вскорѣ, убѣдясь въ нашей умѣлости и благоразуміи, онъ снялъ съ насъ эту опеку, однако взявъ слово, что мы не будемъ совершать экскурсій, превышающихъ 70—80 верстъ, будемъ плавать только въ шхерахъ и отнюдь не выходить въ открытое море. Къ чести нашей должно сказать, что мы ни разу не переступили этихъ приказаній. Но зато экскурсіи въ области дозволеннаго совершали елико возможно чаще; и доставляли онѣ намъ, 7—9 лѣтнимъ ребятамъ, наслажденіе неописуемое.

«Когда же мы собирались въ продолжительную экскурсію, то наши семейные снабжали насъ провіантомъ: хлѣбомъ, масломъ, сыромъ, кофе, даже блюдечками и кофейникомъ. А отецъ давалъ немного мелочи на покупку молока и на случай, если бы пришлось платить за ночлегъ. Намъ и случалось заночевывать у какого-нибудь прибрежнаго жителя или островитянина. Обыкновенно же мы предпочитали спать на сѣнѣ. Во всякомъ случаѣ всё неизрасходованныя нами деньги изъ мелочи, данной отцомъ, мы аккуратно ему отдавали по возвращеніи домой.

«Пищу мы готовили сами. Каждый изъ товарищей по очереди исполнялъ должность повара. Его заблаговременно высаживали на берегъ по близости того мѣста, гдѣ мы рыболовствовали. Онъ получалъ все необходимое для выполненія своей обязанности. Конечно, свѣжая рыба и картофель въ нашей трапезѣ играли главную роль. Когда обѣдъ былъ готовъ, около полудня непременно, то поваръ подавалъ сигналъ. Маленькіе голодные рыбаки подплывали, сходили на берегъ, поглощали свой полдникъ и заваливались спать, какъ настоящіе мѣстные простолюдины. Въ 4 часа опять всё выплывали на ловлю и не отрывались отъ нея до заката солнца.

«Такъ проводили мы лѣтомъ, сутки за сутками и недѣлю за недѣлей. Постепенно мы знакомились съ рыбаками и земледѣльцами, обитавшими окрестъ на островахъ и берегахъ. Узнавали отъ нихъ многое, касающееся ихъ быта и ихъ работъ, а кромѣ того, получали свѣдѣнія, гдѣ и какъ какую лучше рыбу ловить, гдѣ какія ягоды растутъ. Когда ягоды созрѣвали, мы приглашали сестеръ сопутствовать намъ на облюбованный островъ. Сестры захватывали съ собой двухъ-трехъ пріятельницъ; мать обильно снабжала насъ вкусными яствами, присовокупляла къ нашему обществу вышеупомянутаго кучера и горничную. Пикникъ всегда

выходилъ на славу, и возвращались мы домой съ корзинами, полными ягодъ, къ великому удовольствію домовитой хозяйки».

Понятно, что дѣтямъ, пользовавшимся до 9 лѣтъ такими размашистыми упражненіями на чистомъ воздухѣ, корпусная обстановка съ дурно провѣтриваемыми залами, съ куколками и оловянными солдатиками казалась чуть не тюремной. Не одни финляндцы, конечно, тяготились этимъ. Русскіе мальчики тоже чахли. Всѣ инстинктивно любили гимнастическій классъ: хотя можно было размяться и кости порасправить. Но на гимнастику удѣлялось относительно очень мало времени.

Къ отсутствію движенія и воздуха присоединялось еще неопрятное содержаніе комнатъ. Стѣны ихъ были выкрашены масляной краской, какъ и во многихъ другихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ того времени. Это дѣлалось потому, что такія стѣны легче мыть и чистить. Но директоръ Царскосельскаго корпуса, вѣроятно, полагалъ, что самой масляной краски уже достаточно, чтобы все всегда было гигиенически удовлетворительно, и не тревожилъ ни самыя стѣны, ни забиравшіяся во всѣ углы ихъ пыль, сырость, плѣсень.

III.

На царскихъ глазахъ.

Только развѣ ожидая посѣщенія какого либо высокопоставленнаго лица, кой-что подчищалось.

Члены императорскаго семейства дѣйствительно пріѣзжали въ корпусъ, который, какъ свое созданіе, любилъ императоръ Николай I. Иногда и кадетиковъ водили во дворецъ, или, вѣрнѣе, въ паркъ. Императрицу Александру Федоровну въ такихъ случаяхъ придворные слуги выкатывали въ ручной колясочкѣ къ большому лугу, на которомъ дѣтямъ предлагалось забавляться разными играми. И на царскихъ глазахъ имъ было гораздо привольнѣе, чѣмъ въ корпусѣ. Выходилъ государь. Маленькимъ гостямъ подъ наблюденіемъ царицы раздавались разныя сласти. И она сама и Николай Павловичъ разговаривали со многими изъ кадетъ. Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ очень привѣтливо съ ними обращался. Онъ пользовался ихъ особенной любовью. Но великаго князя Михаила Павловича, брата государя, всѣ почти боялись, хотя онъ тоже разговаривалъ и шутилъ съ мальчиками, только шутки и рѣчи его были очень грубы.

Напримѣръ. Вскорѣ послѣ того, что Пальмгрень былъ одновременно съ другими однолѣтними новичками привезенъ въ корпусъ, это заведеніе посѣтилъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Вновь поступившихъ еще не успѣли къ этому дню одѣть по

формѣ; даже волосъ еще не остригли. А у Пальмгрена, только что привезеннаго изъ дому, были особенно длинныя, густо въющіеся кудри.

— Это что за баранъ такой?—спросилъ великій князь.

Когда отвѣтили на его вопросъ, онъ нахлобучилъ на голову бѣднаго мальчугана свою фуражку почти по плечи, а самъ ушелъ осматривать другія части зданія.

Новичокъ задыхался подъ великокняжеской шапкой, но, конечно, не смѣлъ протестовать. Даже пошевелиться не смѣлъ, пока Михаилъ Павловичъ, окончивъ свой обходъ, не вернулся назадъ и на ходу сорвалъ съ него свою фуражку, словно съ неодушевленнаго предмета. У кадетика слезы выступили на глазахъ: фуражка очень больно дернула его носъ.

Императорская фамилія, однако, проводила въ Царскомъ Селѣ только часть весны и осени. Значить, корпусному начальству приходилось заботиться о чистотѣ не часто и не постоянно. И чистка совершалась весьма поверхностно, только напоказъ. Остальное же время года—въ зимнюю стужу, въ лѣтній зной—никто объ опрятности не пекался. Да едва ли корпусные педагоги, начиная съ дряхлаго директора генерала Хатова, разумѣли, что для здоровья дѣтей она необходима.

Между тѣмъ въ концѣ концовъ оказалось, что гигиена и опрятность были необходимы не только для воспитанниковъ, но и для существованія корпуса и даже для благоденствія самого Хатова.

Воспитательное заведеніе, цѣль котораго была благая, средства котораго были обеспечены съ избыткомъ; заведеніе, которымъ лично интересовался самъ Николай I, было, можно сказать, на царскихъ глазахъ невѣжественными воспитателями и правителями, занимавшими мѣста не по достоинствамъ, а по протекціи, такъ искалѣчено, что вслѣдъ за сотнями жертвъ,—дѣтьми, унесенными въ могилу, погибло и само.

Все зданіе въ теченіе многихъ лѣтъ постепенно пропитывалось нечистотами. Заразныя болѣзни тамъ свили себѣ гнѣздо, а въ пятидесятихъ годахъ никогда не прерывались.

Каждую зиму значительная часть дѣтей страдала цынгой. Это было явно, ибо ихъ десны отвратительно сочились. Но ни Хатовъ, никто изъ начальства не обращалъ на это вниманія.

Если одинъ мальчикъ заболѣвалъ какой-либо прилипчивой болѣзнию, то, можно было предугадать, что переболѣетъ ею почти половина кадетиковъ.

Въ первую же зиму 1848—49 гг., которую провелъ Пальмгренъ въ корпусѣ, тамъ переболѣло корью въ опасной формѣ около 250 мальчиковъ и значительная часть ихъ умерла. Въ слѣдующемъ году горловая жаба перебрала 200 человекъ. И такъ

изъ года въ годъ—crescendo. Въ 1856—57 годахъ въ Царско-сельскомъ малолѣтнемъ корпусѣ появилась корь столь злокачественнаго характера, что рѣдкій изъ заболѣвшихъ ее выдерживалъ. Молодой императоръ Александръ II самъ пріѣхалъ въ корпусъ, внимательно ознакомился лично съ его печальнымъ положеніемъ; приказалъ всѣхъ здоровыхъ еще воспитанниковъ немедленно возвратить роднымъ, а за неизлечимымъ родныхъ помѣстить въ другія заведенія, озаботился возможнымъ улучшеніемъ леченія больныхъ и ухода за ними. А генерала Хатова удалилъ отъ должности, объяснивъ старцу, что онъ «почти дѣтоубійца».

Вскорѣ послѣ того по высочайшему повелѣнію корпусъ былъ закрытъ и упраздненъ навѣки. Зданія оказались до того исгаженными и пропитанными разными заразами, что ихъ ни къ какому жилому дѣлу приспособить было невозможно.

Цѣлыхъ два года ихъ провѣтривали, дезинфецировали, чистили и приспособили ихъ, кажется, къ учебной стрѣльбѣ.

Н. Н. Фирсовъ (Л. Рускинъ).

ПАМЯТИ А. П. ЛЕНСКАГО.

«Высокое, истинное, прекрасное
Въ искусствѣ это — простота».

Жоржъ-Зандъ («Консюалло»).

ВТОРОЙ половинѣ семидесятыхъ годовъ, въ одинъ изъ весеннихъ вечеровъ, въ Москвѣ, въ домѣ уже и въ то время очень популярнаго адвоката Ѳ. Н. Плевако собрался дружескій кружокъ. Шли оживленныя бесѣды о событіяхъ дня, судебной жизни, театрахъ и литературѣ. Въ тѣ времена политическія темы не превенствовали, ихъ отодвигали на второй планъ литературныя и художественныя интересы. Послѣдними страстно увлекались. Артисты, литераторы, публицисты были любимыми гостями на дружескихъ вечеринкахъ. Съ ними охотно водили знакомство, къ ихъ мнѣніямъ прислушивались, цѣнили ихъ.

Въ описываемый вечеръ впервые среди дружеской компаніи появился юноша съ большими, свѣтлыми, голубыми глазами, густой бѣлокурой бородой и наружностью рѣдкой выразительности и подвижности.

Онъ казался нѣсколько печальнымъ, былъ застѣнчивъ, меланхоличенъ и очень молчаливъ. Трудно было рѣшить по внѣшнему виду, кто онъ, каково его социальное положеніе, профессія? Одно чувствовалось съ первыхъ же минутъ наблюденія, что мысли его витаютъ гдѣ-то далеко отъ обыденной жизни, въ мірѣ какихъ-то идеальныхъ образовъ, неуловимыхъ грезъ... Вообще молчаливый, онъ сразу оживлялся, когда рѣчь заходила о московскомъ Маломъ театрѣ и знаменитыхъ дѣятеляхъ сцены, имена которыхъ были извѣстны всюду. Лицо его вспыхивало юношескимъ огнемъ, и кипучая рѣчь смѣняла молчаніе. Онъ восторгался Шумскимъ. Это

былъ его идеалъ. Тонкій изящный художникъ, Шумскій плѣнялъ воображеніе юноши. Гримъ Шумскаго, разнообразіе созданныхъ имъ типовъ, превосходная дикція вызывали въ немъ глубокое поклоненіе знаменитому артисту. Слушая Ленскаго, всѣ чувствовали, что говоритъ не простой зритель, что это слова чуткаго знатока сцены, искренняго любителя театра. Юноша этотъ былъ А. П. Ленскій, только что приѣхавшій въ Москву изъ провинціи для дебюта въ Маломъ театрѣ. Его московскіе друзья сразу угадали въ немъ будущаго славнаго артиста.

Тогда не легко давались дебюты на императорской сценѣ. Малый театръ былъ полонъ блестящими талантами. Въ расцвѣтѣ своихъ силъ были такіе несравненные таланты, какъ Медвѣдева, Ѳедотова, Ермолова, Никулина, Акимова, П. М. Садовскій, Самаринъ, Шумскій. Не они, конечно, являлись преградой для дебютанта. Ключъ отъ дебютовъ былъ тогда, какъ, впрочемъ, и теперь, въ рукахъ чиновниковъ, доступъ къ которымъ былъ далеко не простъ. Нужна была серьезная протекція, чтобы допустить артиста къ дебюту. Къ счастью для А. П. Ленскаго, она нашлась. День его дебюта былъ назначенъ.

Ленскій, какъ истинный художникъ не только по размѣрамъ своего таланта, но и по чистотѣ отношеній къ театральной атмосферѣ, шелъ на дебютъ безъ всякой подготовки въ прессѣ и въ публикѣ. Его союзникомъ былъ только его талантъ. И этотъ талантъ доставилъ ему полное и рѣдкое торжество.

Въ канунъ дебюта Ленскій сразу измѣнился. Онъ сбрилъ бороду. Это дало полную опредѣленность его красивому лицу, скоро ставшему извѣстнымъ всюду.

Не безъ тревоги ожидали мы наступающаго дня. Вѣроятно, волновался и самъ дебютантъ, да и было передъ чѣмъ волноваться. Тогдашній Малый театръ справедливо считался колыбелью русскаго сценическаго искусства. Успѣхъ на его подмосткахъ былъ великимъ торжествомъ для всякаго крупнаго дарованія. Однимъ вечеромъ перейти изъ провинціальной неизвѣстности въ семью «славныхъ»—для такого подвига требовалось много силъ, нуженъ былъ истинный, выдающійся талантъ. Что-то принесетъ завтрашній день симпатичному дебютанту? думали мы, его немногочисленные друзья. Развернетъ ли Мельпомена надъ головой его покрывало славы, или вернетъ его въ ту же неизвѣстность, изъ которой онъ дерзнулъ ступить на ступени ея лучезарнаго трона? Мы нервничали, словно сами выступали на сценическихъ подмосткахъ...

Малый театръ издавна любилъ справлять разныя художественныя торжества. Онъ имѣлъ свою публику, десятками лѣтъ посѣщавшую дни первыхъ спектаклей и дебюты въ главныхъ роляхъ. Это были строгіе, но чуткіе зрители ко всему выдающемуся, блещущему искрами истиннаго таланта. Театральныя торжества той знаменитой эпохи

были, однакожь, очень скромными. Въ нихъ не было и слѣда современной помпезности. Тогда, на примѣръ, много говорили, какъ о необыкновенномъ подношеніи И. В. Самарину—о мраморномъ бюстѣ Шекспира, поднесенномъ ему въ бенефисъ. Московская публика искренно любила Малый театръ. Уютный по размѣрамъ, съ скромной обстановкой, этотъ театръ для многихъ былъ тогда близкимъ, своимъ, дорогимъ пріютомъ родного искусства. Въ то время мало заботились о внѣшней отдѣлкѣ его, даже объ освѣщеніи. Все было просто, немного запущено, со скромными газовыми рожками... и только сіяли своимъ ослѣпительнымъ блескомъ великіе таланты русской сцены. Дебютъ среди нихъ сразу опредѣлялъ размѣры талантовъ, какъ среди самоцвѣтныхъ камней или падаетъ уничтоженнымъ искусственный сгразъ, или сразу получаетъ свою оцѣнку и блескъ настоящей брильянтъ.

А. П. Ленскій выступалъ въ Маломъ театрѣ въ пьесѣ «Ошибки молодости» Шеллера, нѣсколько наивной, но горячо и сценично написанной. Публика отлично принимала въ этотъ вечеръ своихъ давнихъ любимцевъ. Наконецъ появляется дебютантъ. Всѣ настожились, удвоили вниманіе; это были жуткія минуты. Внѣшность за него: красивое, выразительное лицо, умѣнье свободно держаться на сценѣ; отсутствіе признаковъ волненія, свойственнаго дебютанту. Первые же звуки голоса Ленскаго сразу расположили къ нему. Это былъ мягкій, грудной голосъ, довольно высокій, гибкій и выразительный. Сознательная, ясная читка; рѣчь горячая и увлекательная, жестъ, полный благородства и красоты. Послѣ первыхъ же репликъ по зрительному залу пронесся одобрительный шопотъ. Въ дальнѣйшемъ искренность, простота рѣчи и манеры держать себя все больше и больше завоевывали зрителей въ пользу дебютанта. Публика чувствовала, что передъ нею истинный, неподдѣльный талантъ, еще не опредѣлившійся въ своемъ размѣрѣ, но несомнѣнный и искренній. Да и вообще талантъ узнается сразу. Ему свойственна та необъяснимая, лежащая въ сокровенныхъ тайникахъ человѣческой природы сила, которая, завлаждая душой художника, сообщаетъ его чувства душѣ зрителя. Неуловимая тайна какого-то магнетическаго вліянія надъ толпой сразу чувствуется всѣми, оживляетъ всѣхъ. Скоро съ ясностью опредѣлилось, что сердце многотысячной толпы, сложенное изъ сотенъ, тысячъ человѣческихъ сердець, принадлежитъ дебютанту, что оно бьется вмѣстѣ съ его сердцемъ, что его волненія, его порывы радости, негодованія, надежды—сообщились слушателямъ, наполнивъ ихъ сердца восхищеніемъ передъ молодостью, свѣжестью и неподдѣльной красотой молодого таланта.

Участь артиста, вчера безвѣстнаго, сегодня увѣнчаннаго лаврами, была рѣшена. Театръ дрогнулъ отъ рукоплесканій. Пьеса кончилась, занавѣсъ упалъ, а восхищенная толпа долго и громко

звала къ рампѣ новаго члена великой семьи, будущаго героя рѣдкихъ сценическихъ триумфовъ и торжествъ.

Малый театръ давно нуждался въ хорошемъ исполнителѣ молодыхъ ролей. Послѣ И. В. Самарина опустѣло это важное ампуа. Тѣмъ понятнѣе была радость публики и артистовъ послѣ дебюта Ленскаго. Съ этого момента его имя было внесено въ умственный списокъ толпы, какъ нѣчто близкое и дорогое, какимъ и осталось оно долгіе годы вплоть до его безвременной кончины.

Слѣдующіе дебюты въ «Горе отъ ума» и «На всякаго мудреца довольно простоты» явились новыми ступенями къ блестящей славѣ. Москва спѣшила смотрѣть молодого дебютанта. Два художественныхъ образа—Чацкаго и Глумова—нашли въ немъ свое яркое воплощеніе. Одинъ—блещущій умомъ, сарказмомъ, находчивостью, стоящій на десять головъ выше толпы, противоположеніе современной ему пошлости, надутому чванству, съ оскорбленной привязанностью къ пустой кокеткѣ; другой—спрятавшій въ себя свой выдающійся умъ, тонкое пониманіе людей, рѣдкія способности, для личныхъ мелкихъ успѣховъ упавшій до лицемѣрія и низкопоклонства, — одинаково восхитили всѣхъ. Нельзя забыть тонкаго юмора, искренняго комизма, неподдѣльнаго негодованія, какими была полна его рѣчь. Какая тонкая наблюдательность, какая вѣрность психологіи, какая подвижность и виртуозность, и какая неподдѣльная искренность и простота были въ его игрѣ! Ни одного намека на шаржъ, ни одной черты искусственности. Вездѣ яркая, горячая, искренняя, уравновѣшенная чувствомъ рѣдкой художественной мѣры игра, доступная лишь перворазряднымъ дарованіямъ.

Дебюты прошли. Успѣхъ обезпеченъ. Пробѣжало и лѣто. Наступилъ осенній сезонъ—время серьезной работы, время великихъ трудовъ на пути служенія любимому искусству, увѣнчавшему рѣдкой славой начало открывавшейся карьеры...

Вступленіе въ Малый театръ для Ленскаго, какъ истиннаго художника, имѣло значеніе не только полученія права вступить на знаменитые подмостки, но и какъ достиженіе превосходной школы, необходимой для окончательной отшлифовки его превосходнаго таланта. Все это онъ быстро понялъ и отлично воспользовался благопріятствовавшей ему обстановкой артистической службы.

Одно изъ первенствующихъ мѣстъ въ труппѣ въ то время занимала Н. М. Медвѣдева. Носительница великаго сценическаго опыта, лучшихъ художественныхъ традицій, она, какъ никто, владела даромъ направлять на лучшій путь молодыхъ дарованія, дѣлать имъ указанія, давать совѣты, памятные на всю жизнь, угадать въ артистахъ то, что они сами плохо сознавали, и указать приемы сознательной творческой работы.

Всегда склонный къ тонкому изученію художественныхъ образовъ, А. П. Ленскій взялъ изъ совѣтовъ Медвѣдовой все, что могутъ дать художественная мысль и сознательное отношеніе къ творчеству.

Второй вдохновительницей Ленскаго тогда же, на первыхъ шагахъ открывшейся предъ нимъ карьеры, явилась блестящая партнерша его Г. Н. Ѳедотова, въ то время бывшая въ полномъ расцвѣтѣ своего несравненнаго таланта. Это была истинная царица комедіи. Рѣдкой сценической красоты внѣшность, превосходный мелодическій голосъ, удивительная читка, по ясности и красотѣ справедливо уподоблявшаяся жемчужнымъ нитямъ, полная какой-то неотразимой обворожительности. Все это дѣлало ее несравненной учительницей и не однимъ только словомъ, но и живымъ жизненнымъ примѣромъ. Комедію всегда любилъ и самъ Ленскій. Она была въ свойствахъ его дарованія и природныхъ силъ. Тонкость, грація, подвижность—были близки его художественной натурѣ, его тонкой наблюдательности. Онъ весь отдался этому жанру. И Москва буквально бѣжала полюбоваться и послушать тѣ очаровательные дуэты, какими Ѳедотова и Ленскій плѣняли публику въ «Много шуму изъ ничего», въ «Укрощеніи строптивой» и въ другихъ великихъ шедеврахъ комедіи.

Быстро выростало дарованіе Ленскаго, еще быстрѣ росла его слава въ Москвѣ. Это былъ всеобщій любимецъ, скоро почувствовавшій твердую почву подъ ногами и начинавшій тяготѣть къ болѣе сильнымъ характерамъ, къ воплощенію страстей, олицетворенію драмы. И здѣсь выдающійся успѣхъ сопутствовалъ ему. Если для совершенства въ комедіи ему былъ нуженъ совѣтъ и примѣръ, то для олицетворенія драмы необходимо было воодушевленіе страстью. На подмосткахъ Малой сцены въ то время ярко горѣло драматическое дарованіе М. Н. Ермоловой. Его сильные отголоски воодушевили Ленскаго и нашли выраженіе въ «Гамлетѣ», «Уріель Акости» и т. д. Рѣдкой триумфъ для Ленскаго создала въ то время постановка «Уріеля Акости». Это сильная драма, ярко, сценично написанная, съ образомъ героя, полнымъ обаянія, мысли и трогательности. Какъ блестяще распорядился Ленскій всѣми эффектами роли, картинными сторонами пьесы! Какое широкое поле раскрыла эта пьеса для его превосходной мимики, техники, живого, неподдѣльнаго увлеченія и чувства! Монологъ о палкѣ, которая указываетъ слѣпому путь, полный чарующаго лиризма, съ волненіемъ сильной радости, когда слѣпецъ прозрѣлъ,—до сихъ поръ звучитъ въ ухахъ тѣхъ, кто хотя разъ слышалъ Ленскаго въ этой роли. А сцена отреченія подъ угасшимъ взоромъ слѣпой матери, эти рвущіе душу, полные отчаянія звуки, въ которыхъ слышалась побѣда сердца надъ волей и умомъ, дань великой нѣжности сердца въ минуты протестующей мысли... Кульминаціон-

Александръ Павловичъ Ленскій.

нымъ пунктомъ усгѣха въ пьесѣ былъ четвертый актъ, гдѣ къ побѣжденному сердцемъ возвращается сильная воля, и снова раздаются твердые, рѣшительные звуки его голоса: «А все-таки она вертится». Но Акоста человекъ; вчерашнее рѣшеніе, любовь къ Юдиѣ берутъ верхъ, и онъ поднимается на ступени помоста,

«истор. вѣстн.», июль, 1909 г., т. хvii.

11

чтобы прочесть свое отречение. Съ каждымъ словомъ силы оставляютъ его; голосъ его падаетъ, и онъ чуть внятно прочитываетъ послѣднія фразы: «Лягу на землю я, и каждый пусть изъ васъ черезъ меня перешагнетъ». Силы оставляютъ его, онъ медленно опускается на землю. Съ двухъ сторонъ завѣсы скрываютъ помость. Слѣдующая сцена—поразительная сцена изступленія и экстаза. Въ порывѣ низкой злобы женихъ Юдиои коснулся Акости ногой. Какъ ужаленный левъ, вскакиваетъ съ земли Уриель и съ изступленными, потрясающими криками произноситъ свой знаменитый монологъ: «Я разрушу моими руками колонны вашихъ зданій; въ послѣдній разъ встряхнулъ я волосами и вамъ кричу: все, что прочелъ я,—ложь». Нужно было видѣть восторгъ публики послѣ этой сцены. Бури аплодисментовъ; громкій общій крикъ восхищенія были наградой славному художнику, мощному подъему его превосходнаго таланта. Драма «Уриель Акоста» давалась въ цѣломъ рядѣ сезоновъ, неся все новые и новые лавры А. П. Ленскому.

Въ иностранномъ репертуарѣ А. П. чувствовалъ себя, какъ дома. Живописные костюмы давнихъ временъ, великолѣпные гримы, художественная мимика, пластика—являлись чудной оправой для его мягкаго, глубокаго, полнаго мечтательности и граціи таланта.

Успѣхи эти, однакоже, не специализировали его дѣятельности въ роляхъ иностраннаго репертуара. Рядомъ съ ними, съ тѣмъ же художественнымъ совершенствомъ, воплощались имъ роли во многихъ русскихъ пьесахъ, особенно созданныхъ гениемъ Островскаго. Въ пьесахъ великаго русскаго драматурга съ особенной яркостью блистали лучшія стороны таланта Ленскаго. О герояхъ пьесъ Островскаго справедливо говорятъ, что душа ихъ такъ и сквозитъ въ словахъ ихъ, дѣйствіяхъ, увлеченіяхъ. Пьесы Островскаго—не простой реализмъ. Это поэзія реализма. Какъ поразительно просто, наивно появляются дѣйствующія лица въ нихъ, развертываютъ свое участіе по отношенію къ другимъ дѣйствующимъ лицамъ. И въ то же время какъ художественно, какъ правдиво, какъ трогательно все это написано. Истинный юморъ бьетъ ключомъ. Это сама жизнь, но жизнь, созданная рѣзцомъ генія. Тончайшимъ изобразителемъ этихъ полныхъ художественнаго величія типовъ являлся А. П. Ленскій. Нельзя забыть его Паратова въ «Безприданницѣ». Одно появленіе его въ этой роли вызывало восторгъ. Типическія черты отставнаго гвардейца, самоувѣреннаго, пустого, съ обаятельной внѣшностью, скользящаго по поверхности чувственной жизни, служащей для него вѣчнымъ праздникомъ, цѣнимымъ по количеству сорванныхъ развлеченій, тотчасъ же забытыхъ, хотя бы тѣмъ были разбиты человѣческія жизни,—съ необыкновенною художественностью были олицетво-

рены Александромъ Павловичемъ. Или Лыняевъ въ пьесѣ Островскаго «Волки и овцы». Какую легкость, какую изумительную прозрачность основныхъ чертъ изображаемаго типа представляла игра Ленскаго! Въ зрительномъ залѣ такъ и вѣяло наивной простотой, довѣрчивостью, растерянностью, поработченіемъ передъ лукавой обольстительницей, хитро разставившей ловушку, въ которой запутался простодушный Лыняевъ. Дивная ясность духовнаго образа изображаемаго лица въ игрѣ Ленскаго являла ту истинную сущность художественнаго творчества, которая доступна лишь рѣдкимъ и истиннымъ дарованіямъ, какимъ и было дарованіе А. П. Ленскаго.

Блестящіе успѣхи не затмили въ А. П. сознанія, что неустанный трудъ—непремѣнный спутникъ истиннаго таланта и доступнаго ему успѣха. Онъ не опочилъ на лаврахъ послѣ ряда блестящихъ триумфовъ,—и всю жизнь на всѣхъ поприщахъ—живописи, скульптуры, исторіи, художественной критики—продолжалъ дѣло самообразования. Его мысли не ограничивались художественной постройкой исполняемыхъ ролей. Нѣтъ! Его тянуло къ возвышенію всего сценическаго искусства, къ широкимъ художественнымъ горизонтамъ, такъ доступнымъ его горячей фантазіи.

Иногда творческая фантазія А. П. опережала автора. Онъ угадывалъ художественнымъ чутьемъ то, что смутно носилось въ умѣ автора, и болѣе, чѣмъ въ комъ другомъ, вызывалъ восторгъ самого автора. Отдаваясь увлекательной, легкой, полной чарующей простоты, игрѣ А. П., вы нерѣдко чувствовали, что сценическое искусство въ его рѣдкихъ представителяхъ не искусство только подражательное—воспроизводитъ чужое: что ему свойственно творчество, по своей силѣ и глубинѣ даже превышающее силы авторовъ. Были пьесы, которыя спасала именно игра артистовъ, гдѣ зритель ясно сознавалъ, что талантъ актера неизмѣримо выше таланта автора. И немало подобныхъ пьесъ обязано было своимъ успѣхомъ Ленскому.

Говорятъ, нѣтъ болѣе блестящей, хотя и болѣе печальной славы, чѣмъ слава актера. Могила уноситъ все обаяніе его; грядущія поколѣнія быстро забываютъ недавніе успѣхи своихъ кумировъ. Да, это судьба всего, что основано чувствомъ и живетъ имъ. Нѣтъ чувства, и вы не въ состояніи воскресить прошлаго. Для звука существуетъ пластинка граммофона, для чувства и его выраженій, въ ихъ захватывающей глубинѣ, не изобрѣтены средства фиксажа. Перо—не въ силахъ пробудить въ васъ тѣхъ потрясающихъ настроеній, какія вызываетъ въ васъ звукъ человѣческой рѣчи... И забвеніе, какъ удѣлъ всего земнаго, особенно быстро поглощаетъ сценическую славу. Это тяжело, но, увы, неотвратимо... Чтобы хоть немного разсѣять эту грусть неизбежнаго, спѣшу закрѣпить настоящими бѣглыми строками дорогой образъ

славнаго художника. Пусть онъ сохраняется, какъ память преклоненія современниковъ передъ несравненнымъ даромъ Ленскаго, угасшимъ такъ безвременно и среди полной тяжелыхъ трудовъ и беззаветной преданности сценическому творчеству жизни. Люди, глубоко чувствующие, быстро угасають въ русской жизни. Ихъ рѣдко умѣють понять, оцѣнить; еще рѣже—беречь. Чаше въ эти пылающіе костры подбрасываютъ горючій матеріалъ, ускоряющій жизненную развязку. Такъ случилось и съ Ленскимъ. Его сильное сердце; выдержавшее безсчетное количество сценическихъ эмоцій,—не выдержало тревогъ и волненій, чуждыхъ искусству, и перестало биться, отнявъ у него жизнь.

Н. Шубинской.

НА МОГИЛѢ Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКАГО.

(Изъ путевыхъ записокъ).

НѢ пришлось зимой заѣхать въ Пржевальскъ по дѣламъ службы. Какъ ни кратковременно было мое пребываніе въ Пржевальскѣ (всего два дня) и какъ ни мало оставалось свободнаго времени, я все-таки рѣшилъ побывать на могилѣ Н. М. Пржевальскаго.

Бдучи въ Пржевальскѣ, я думалъ, что могила близко около города и озеро тутъ же. Но, къ крайнему огорченію, узналъ, что до могилы отъ города 12 верстъ.

— Не проѣдете вы туда, — говорили мнѣ обыватели города, когда я разспрашивалъ про дорогу. — Тамъ за городомъ глубокіе сугробы. На саняхъ пробраться и думать нельзя. Развѣ что пѣшкомъ проѣдете, только не совѣтуемъ—трудно очень.

На почтовой станціи съ меня запросили за конецъ туда и обратно два рубля; но знакомый мастеръ сибирскаго казачьяго полка предложилъ доставить меня на полковыхъ лошадяхъ. Мы условились съ нимъ выѣхать въ два часа, въ день моего выѣзда. Но, по обыкновенію, служебныя дѣла затянулись, и я вернулся домой только въ три часа.

У крыльца уже стояли сани, запряженныя парой добрыхъ лошадей, и мастеръ поджидалъ меня. Я извинился, что запоздалъ, забѣжалъ ненадолго къ себѣ, надѣлъ пимы, взялъ на всякій случай тулупъ, и мы отправились.

Быль декабрь мѣсяцъ. Было холодно. Но именно пріятно холодно, безъ вѣтра, а на душѣ было легко, потому что спѣшная

и срочная работа была кончена, я надолго былъ совершенно свободенъ, что называется, отъ всего земного и радъ былъ этой свободѣ, и собесѣдникъ былъ веселый и разговорчивый, и добрыя лошади бѣжали бойко, и сибирскій казакъ, бойкій, услужливый, пощелкивалъ кнутомъ, посвистывалъ, и мы шибко катили по укатанной дорогѣ, что пролегала сначала по городу, а потомъ до мельницы шла почтовымъ трактомъ. Намъ попадались крестьяне въ дровняхъ, киргизы верхомъ на своихъ маленькихъ лошадакахъ, одѣтые по зимнему въ нагольные бѣлые тулупы и мѣховые махаи.

Отъ мельницы дорога пошла проселкомъ. Ъхать стало труднѣе, пристяжной особенно было тяжело, потому что коренникъ шелъ по тропѣ, а пристяжная бѣжала стороной, увязая по колѣни въ снѣгу. Немного погода дорога еще больше сузилась. Стало, какъ говорятъ сибиряки, «зубродно». Отъ лошадей ужъ паръ валилъ клубомъ, и мы ѣхали шагомъ.

— Эвонъ, памятникъ видно, — указалъ казакъ кнутовищемъ впередъ, когда городъ далеко остался у насъ за плечами и мы ужъ больше часу ѣхали степью.

Я воззрися вдаль: далеко на горизонтѣ виднѣлась молодая роца, по зимнему времени съ голыми сучьями, а за ней на свѣтломъ вечернемъ небѣ виднѣлось что-то темное и безформенное и это что-то выяснялось, формировалось, и мы скоро стали различать силуэтъ скалы, а на ней большую черную птицу. Только эта роца съ голыми сучьями мѣшала намъ видѣть памятникъ. Она была лишняя и досадливая, и въ лѣтнее время, когда кудрявая и зеленая, она, навѣрное, совсѣмъ заслоняетъ памятникъ.

Послѣднія три версты были совсѣмъ тяжелы для нашихъ лошадей. Здѣсь не было проторенной дороги, попадались только поздніе охотники съ ружьями за плечами. Они возвращались съ залива домой, увѣшанные добычей. Застрелявъ въ сугробахъ, мы нѣсколько разъ останавливались, пока не доѣхали до завѣтной роци.

При ближайшемъ изслѣдованіи, эта роца оказалась живой изгородью изъ молодыхъ карагачей, образующей небольшой садикъ вокругъ памятника, а въ ней, въ этой загородкѣ, шла дорога, обсаженная молодыми тополями, и оттуда, изъ-за этой загородки, пока мы привязывали лошадей, раздавался свирѣпый лай собаки.

Изъ юрты, что стояла въ одномъ углу сада, слышался окликъ киргиза. Показалось киргизское лицо съ узкими глазами и киргизской бородкой, за нимъ другое, женское, съ краснымъ платкомъ на головѣ. Собака затихла, киргизы исчезли, а мы по аллеѣ пошли къ памятнику.

Все кругомъ засыпано сугробами, занесено снѣгомъ, только аллея прометена, да передъ самымъ памятникомъ расчищена вплоть до земли маленькая площадка.

Мы остановились на этой площадкѣ и стали разсматривать памятникъ. Онъ новостью былъ только для меня,—для мастера и казака онъ былъ давно знакомъ.

Передъ нами скала изъ сердобольскаго гранита, вся склеенная изъ отдѣльныхъ кусковъ поргланскимъ цементомъ. Кое-гдѣ виднѣется прослойка листового свинца. На передней стѣнкѣ скалы что-то вродѣ ниши, а къ ней ведетъ небольшая, высѣченная въ скалѣ витая лѣстница. Выше лѣстницы надпись:

Николай Михайловичъ
Пржевальскій
первый
изслѣдователь природы
Центральной Азіи
род. 1839 — умеръ 1888 г.

Выше надписи въ медальонѣ профиль Николая Михайловича. А еще выше крестъ, тоже высѣченный на скалѣ. И уже на самомъ верху сидитъ мѣдный орелъ. У ногъ его разстиается мѣдный свитокъ, на которомъ лежитъ лавровый вѣнокъ. По свитку расчерчены горы и рѣки, это карта Центральной Азіи.

Вечеръ потухалъ, горы золотились косыми лучами, отъ долины вѣяло холодомъ. «Пора! — казалось, думала умная птица, — здѣсь холодно и неуютно, здѣсь все погребено подъ сугробами снѣга. Скоро наступитъ ночь, будетъ мракъ и безлюдно». И въ послѣдній разъ схватила она клювомъ вѣнокъ, расправила крылья и... Но, видно, тяжель оказался вѣнокъ, видно, скованы морозомъ могучія крылья. Такъ и остался сидѣть черный орелъ...

За памятникомъ въ 10 шагахъ мы разыскали могилу Н. М.; ее совсѣмъ занесло снѣгомъ. Мы разгребли ее кнутовищемъ и собственными руками, это надгробная плита изъ того же гранита. А на ней надпись:

Путешественникъ
Николай Михайловичъ
Пржевальскій
1839 — 1888.

Не знаю, какъ здѣсь лѣтомъ, но эта заброшенная, засыпанная снѣгомъ могила—зимой производитъ печальное впечатлѣніе. Мнѣ случалось въ русскихъ монастыряхъ видѣть могилы купцовъ и

именитыхъ гражданъ, и тѣ могилы содержатся во сто разъ лучше, хотя прошло со смерти владѣльцевъ сто и болѣе лѣтъ. Тамъ виденъ уходъ и любовь... Здѣсь же нѣтъ ухода, все заброшено, хоть и живеть киргизъ-караульчикъ.

Пробираясь дальше по тропинкѣ, мы добрались до края обрыва. Передъ нами открылся узкій заливъ Иссыкъ-Куля; на немъ копошились утки, и къ берегу приставали позднія лодки; на востокъ направо лежала долина рѣки Джерголанъ, по которой лѣтомъ идутъ покосы и пасѣнки, теперь же на всемъ пролегала бѣлая пелена снѣга. Мѣстность повышалась впередъ пологими холмами, а на вершину ихъ ползла чуть видная дорога на Талдыбулакъ, Сангасъ-Каркару. Сзади насъ, вдали за Пржевальскомъ вздымались высокія горы Терске-Алатау. Чернымъ дырчавымъ вуалемъ лежали на нихъ хвойные лѣса.

У подошвы обрыва по берегу залива шли дачи пржевальцевъ, сверху видѣлись только четырехугольники, обсаженные деревьями, а въ нихъ простенькіе домики, и ничто не напоминало дачныхъ мѣстъ Цетергофа, Ораніенбаума.

Мнѣ столько разъ говорили про красоту этого мѣста, что я ждалъ большаго.

Озеро, или, какъ здѣсь иногда говорятъ, море лежало вдали за высокімъ мыскомъ. Оно убѣгло туда къ горизонту, куда закаты-валось позднее солнце. Огненные полосы шли по поверхности моря. А въ туманѣ стѣной стояли другія горы, Кунгесъ-Алатау. Я долго стоялъ на обрывѣ и смотрѣлъ на чешуйчатую поверхность дали, на всплески волнъ, на черную сѣть перелетныхъ утокъ, онѣ вереницей тянулись къ заливу и черной накипью садились на волны. Здѣсь сидѣлъ когда-то и Николай Михайловичъ и подолгу думалъ свои глубокія думы. Туда, вдалѣ стремился летѣть и мѣдный орелъ. Туда за озеромъ проходитъ дорога въ Россію.

Солнце сѣло, и зажглися на небѣ яркія звѣзды. Горы поблекли. Рѣзкимъ холодомъ потянуло съ поверхности моря. Пора было ѣхать. Мы вышли изъ сада, отвязали лошадей и поѣхали въ городъ. Такъ же тихо, какъ мы ѣхали впередъ, увязая по колѣно въ снѣгу, шли наши кони. Пристяжная притомилась и еле волокла постромки.

Я укутался въ тулупъ потеплѣе. И опять у насъ завязались разговоры.

Говорятъ, для могилы мѣсто указалъ самъ Пржевальскій. Для могилы, пожалуй, еще можно признать это мѣсто годнымъ. Говорятъ, тутъ лѣтомъ много цвѣтовъ, чудная зелень и близость дачъ; въ садикъ ходятъ дѣти. Но для памятника я бы выбралъ другое мѣсто.

Въ этомъ мѣстѣ мало простора, мало скалъ, горъ, пустыни, даже самага озера, и лежитъ оно далеко отъ тракта.

Я бы выбралъ мѣсто не здѣсь, а на сѣверномъ берегу Иссыкъ-Куля.

Между Курумдами и Чулпанъ-Ата есть одно красивое мѣсто. Горы здѣсь касаются моря, здѣсь въ ледниковый періодъ бушевали огромныя силы. Цѣлые потоки фирна ползли изъ ущелья и несли на своихъ хребтахъ огромные камни. Они разсыпались, эти камни, по самому склону горъ и упали по берегу моря. Упали да и остались здѣсь навѣчно. И образовались ворота.

Здѣсь и погода другая. Вправо на западъ нѣтъ ни дождя ни снѣга; влѣво цвѣтущія села, дожди лѣтомъ и санный путь зимою. Тутъ на перегибѣ на скалѣ слѣдовало бы поставить памятникъ Н. М. Пржевальскаго.

Сзади лежали бы высокія горы. Спереди Иссыкъ-Куль верстѣ на 60, а за нимъ хребетъ Терске-Алатау, въ туманной дали, таинственный чудный хребетъ съ зубцами вѣчнаго снѣга.

Вправо опять Иссыкъ-Куль, до Буамскаго ущелья верстѣ на 100 дорога въ Россію идетъ пологою степью.

Влѣво опять Иссыкъ-Куль до Пржевальска.

Можетъ быть, здѣсь забьетъ жизнь ключомъ, заснутъ пароходы. Но теперь здѣсь пустынно—степь, камни, голыя скалы и широкая водная гладь.

Сверху видно, какъ колышутся на волнахъ птицы-бабы, желтыя утки-атайки и бѣлые, какъ снѣгъ, лебеди, а среди скалъ рѣютъ орлы и грифы. Много обозовъ идетъ тутъ и ѣдетъ. Есть таранчи, киргизы, дунгане, и русскихъ немало.

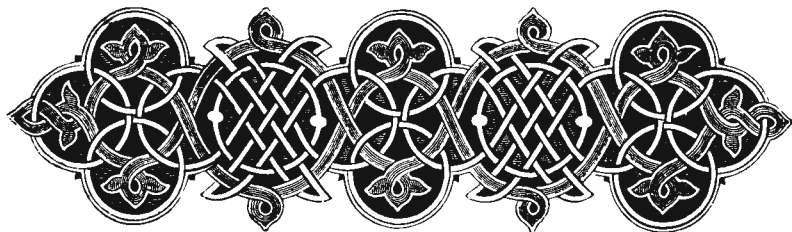
Здѣсь на огромной скалѣ памятникъ стоялъ бы, какъ на стражѣ. Всякій прохожій бы зналъ, кто хозяинъ этого моря. И море слѣдовало тоже назвать бы Пржевальскимъ...

Мы приѣхали въ Пржевальскъ уже ночью. На улицахъ горѣли фонари, а въ окнахъ свѣтились огни. Я хотѣлъ было увезти съ собою воспоминаніе о Пржевальскомъ и заѣхалъ къ фотографу, чтобы взять снимокъ съ памятника, но, на мое несчастье, фотографія была заперта, и изъ-за двери на мой стукъ боязливый голосъ спросилъ: «Кто тамъ?» Я отвѣчалъ, кто я и зачѣмъ я приѣхалъ. Но, видно, и здѣсь обыватели напуганы, какъ и въ Россіи. И въ отвѣтъ я услышалъ: «Приходите завтра, а то сегодня уже поздно».

Такъ я уѣхалъ ни съ чѣмъ.

А черезъ часъ я уже катилъ на почтовыхъ по Пишпекскому тракту.

Сазоновъ.

МИНИАТЮРНАЯ ЦЕРКОВЬ.

(Къ предстоящему археологическому съѣзду въ Костромѣ).

ВЪ ВОСКРЕСЕНЬЕ 8 іюня прошлаго года случилось мнѣ заѣхать въ приволжскій торговый городъ Кинешму Костромской губерніи. Стояла ясная, теплая погода. Яблони были въ полномъ цвѣту. На улицахъ царило праздничное оживленіе.

— Пойдемте,—приглашаютъ меня,—взглянуть на здѣшнее народное гулянье. Сегодня у насъ за городомъ совершается «погребеніе Ярилы».

Мы направились внизъ по Волгѣ къ кладбищу на горкѣ, а отъ него повернули направо къ красивой рощѣ, гдѣ собственно и происходило народное гулянье. Оригинальнаго въ немъ ничего не было. Рядами тянутся сколоченныя на скорую руку лавчонки съ сладостями и съ игрушками, кое-гдѣ устроены народные буфеты съ самоварами и съ пивомъ. Народъ толпился, пилъ, ѣлъ, игралъ на гармошкахъ, грызъ подсолнухи. Въ сторонѣ звучала шарманка. Самое интересное въ гуляньѣ представляла сама тѣнистая роща на холмахъ, съ удивительно красивымъ видомъ на городъ и на Волгу.

— А въ чемъ же здѣсь состоитъ погребеніе Ярилы?

Мои спутники улынулись.

— Вѣроятно, въ старину,—объясняли они,— съ погребеніемъ Ярилы было связано послѣднее весеннее разгулье предъ тяжелыми полевыми работами. Наши кинешемскіе обыватели составляютъ

группы и дѣлаютъ складчину на водку. Сегодня они прощаются съ весной и съ веселыми погулянками. Поютъ пѣсни, пьютъ водку и пиво и дѣлаютъ разныя шалости,—какъ бы заговляются на все скоромное, разстаются съ веселымъ Ярилой. Древніе обычаи повывелись. Остались только отголоски старины.

Мнѣ указали на краю рощи избушку-келью, гдѣ спасался какой-то уважаемый старецъ. Но я прошелъ мимо.

Вечеромъ того же дня опять зовутъ меня на гулянье.

— Да я уже былъ днемъ.

— Днемъ было простонародное гулянье въ рощѣ, около кельи старца-отшельника, а вечеромъ здѣшніе горожане собираются на Межаковскомъ полѣ, тоже на возвышенности, но много правѣй той рощи, гдѣ вы были днемъ. Тутъ публика будетъ почище.

Отправились и на Межаковское поле. Собственно гулянье происходило не столько на полѣ, сколько на опушкѣ примыкающаго къ нему лѣса. Устроены различныя игры, балаганъ, буфетъ. Назначены танцы. И тутъ среди публики гулялъ Ярила.

Мы спустились съ холма и, поднявшись на другой, снова очутились въ рощѣ, гдѣ мы были днемъ среди народнаго гулянья. Теперь тутъ было пусто. Столы и лавки были разобраны. При насъ увозили послѣдніе остатки. Много сору на зеленой полянѣ.

Среди небольшой ограды стояла бревенчатая избушка въ два этажа. Это и была извѣстная здѣсь «келья старца». Постучали въ дверь. Вышла среднихъ лѣтъ женщина въ темномъ платкѣ, съ видомъ заволжской скитницы. Она любезно пригласила насъ въ домъ и повела въ верхній этажъ.

— Внизу,—объясняла скитница, мать Марія,—живу я съ двумя сестрами. Намъ отданъ этотъ домъ для молитвеннаго уединенія и для присмотра за кельей старца. А наверху церковь.

— Церковь?!

— Да. Самъ старецъ ее устроилъ.

Во второмъ этажѣ были двѣ клѣтушки. Въ одной изъ нихъ когда-то жилъ старецъ, а въ другой дѣйствительно устроена маленькая церковь. Много я видѣлъ церквей и на землѣ, и подъ землею, въ пещерахъ и катакомбахъ; но такой миниатюрной церкви я не могъ себѣ никогда представить! Въ ней едва можно повернуться, такъ она тѣсна. Но удивительно выдержана во всѣхъ деталяхъ! Все, что находится въ обыкновенной православной церкви, здѣсь можно найти въ чрезвычайно маломъ масштабѣ. Имѣется небольшой иконостасъ съ тремя дверями; чтобы пройти въ нихъ, надо низко-низко согнуться. На царскихъ дверяхъ распределены соответствующаго размѣра иконы. Стѣны оклеены маленькими кусочками разныхъ обоевъ, лоскутками цвѣтной бумаги, старинными гравюрами и лубочными картинками. Въ алтарѣ, противъ царскихъ вратъ, устроена въ стѣнѣ полочка, изображающая пре-

столъ. Подобные полочки-престолы встрѣчаются въ многочисленныхъ придѣлахъ іерусалимскаго храма надъ гробомъ Господнимъ. Утварь, деревянные подсвѣчники да и все въ этой церкви самодѣльное.

Больше всего меня заинтересовали старинныя картины.

— Вотъ здѣсь,—поясняетъ мать Марія,—каждый день старецъ служилъ обѣдню. А рядомъ онъ отдыхалъ.

Мы прошли въ его келью, въ такую же маленькую комнатку, тоже оклеенную старинными лубочными картинами. Многія изъ нихъ отмѣчены въ собраніи Ровинскаго, нѣкоторыя представляютъ цѣнную рѣдкость. Изъ разговора съ матерью Маріей я понялъ, какъ легко бы она согласилась обмѣнять ихъ на болѣе новыя картины.

Посвящая насъ въ прошлое этой кельи, мать Марія между прочимъ рассказала намъ, что сначала этотъ небольшой срубъ, въ которомъ находилась церковь и келья старца, стоялъ въ видѣ одноэтажной избушки прямо на землѣ. Впослѣдствіи одинъ мѣстный житель позаботился подвести подъ него другой срубъ, приподнявъ такимъ образомъ церковь на второй этажъ.

Но, оказалось, тутъ спасался не одинъ старецъ, а три!

Хранительница помѣщенія, какъ видно, плохо знаетъ исторію старцевъ. Она подвела насъ къ тремъ могильнымъ памятникамъ и попросила прочесть высѣченныя на камнѣ надписи. Въ сумракѣ трудно было разобрать полуистертыя буквы.

Одна могила принадлежитъ митрополиту Петру Аеонскому, умершему въ 1812 г. Другая—нѣкому Михаилу, умершему въ 1764 г. Третья—старцу Василию (кажется, умершему въ 1789 г.). По словамъ матери Маріи, всѣ трое побывали въ этой скромной кинешемской кельѣ.

Интересно выяснить, почему аеонскій митрополитъ попалъ на Волгу и на ея берегу сложилъ свои кости? Вообще надо собрать подробныя свѣдѣнія у мѣстныхъ старожиловъ о всѣхъ трехъ старцахъ.

Желательно, конечно, чтобы такой оригинальный памятникъ, какъ эта миниатюрная церковь въ Кинешмѣ, былъ бы болѣе подробно описанъ, чѣмъ я это могъ сдѣлать въ свое короткое вечернее посѣщеніе 8 іюня 1908 года.

Ив. Ювачевъ.

КРЫМСКАЯ АЗІЯ.

(Бахчисарайскія впечатлѣнія).

I.

ВЪ КРЫМСКИХЪ путеvodителѣяхъ Бахчисараю отводится мѣсто, какъ историческому уголку, имѣвшему когда-то въ далекомъ прошломъ большое значеніе. Тутъ жили могущественные татарскіе ханы, и къ нимъ ѣздили на поклоненіе русскіе удѣльные князья.

Вотъ и все, если не считать упоминанія о «бахчисарайскомъ фонтанѣ», и то только потому, что онъ воспѣтъ Пушкинымъ.

Между тѣмъ это самый интересный городокъ Крыма, и не историческимъ прошлымъ, а чрезвычайно оригинальнымъ настоящимъ. И главнымъ образомъ тѣмъ, что свою древнюю азиатскую фizioномію онъ тщательно сохраняетъ до сего времени.

Сами крымчаки говорятъ, что это «еще Азія».

И дѣйствительно—самая настоящая Азія!

И не только по внѣшнему виду, но и по обычаямъ, нравамъ и типамъ.

Многіе лѣтніе мѣсяцы мнѣ привелось провести въ окрестностяхъ этого города и поэтому съ достаточною освѣдомленностью могу подѣлиться своими о немъ впечатлѣніями.

II.

Бахчисарай расположенъ въ живописной котловинѣ и если имъ любоваться съ окружающихъ его возвышенностей, то получится поразительно эффектное, картинное зрѣлище.

Узкія, кривыя, чисто азіатскія улицы разбѣгаются змѣйками по разнымъ направлениамъ, совершенно бѣлыя съ красной крышей домики лѣнятся, насаждая другъ на друга, по буграмъ, по склонамъ горъ, и повсюду надъ ними высятся остроконечные минареты, стройные, пирамидальные тополи и вѣчно-мечтательныя чинары. А въ углу, окруженныя пышными садами, блестятъ подъ яркими лучами южнаго солнца мраморно-бѣлыя постройки стараго, давно отжившаго свое величіе, ханскаго дворца.

Многочисленные туристы, проѣзжающіе черезъ Бахчисарай на южный берегъ Крыма, этой картины никогда не видятъ, потому что, попадая въ самый городъ, они въ первую же минуту наталкиваются на такую азіатскую неряшливость и грязь, что стараются какъ можно скорѣе изъ него убраться. Развѣ только заглянуть во дворецъ. Но чтобы остановиться и погостить — это случается съ очень немногими. А между тѣмъ побродить по горамъ около Бахчисарая — большое художественное наслажденіе.

Именно художественное!

Весь Крымъ красивъ. Красота изящная, ажурная, но если бы любитель красивыхъ видовъ взглянулъ на Бахчисарай съ горы, въ особенности съ нагорной дорожки, пересѣкающей магометанское кладбище, — ночью при лунномъ свѣтѣ, то не оторвалъ бы глазъ отъ этой чарующей картины.

Дремлющій Бахчисарай — что-то сказочное, волшебное, допустимое только на театральныхъ декораціяхъ! Минареты, чинары и тополи такъ величественны, такъ гордо тянутся къ небу и такъ робко тихи, что вмѣстѣ съ ними замираешь въ созерцательномъ благоговѣніи. Ни шороха, ни звука. Городъ какъ будто вымеръ, и только мерцаніе очень рѣдкихъ огоньковъ въ окнахъ говоритъ, что жизнь еще есть тутъ, что это городъ живыхъ.

III.

Какъ и подобаетъ Азіи, преобладающій элементъ населенія — татары. Мирные потомки тѣхъ воинственныхъ предковъ, которые такъ сильно досаждали древней Руси. Господствующій языкъ, конечно, татарскій. И та маленькая горсточка армянъ, караимовъ и грековъ, которая обжилась въ Бахчисараѣ, также въ большинствѣ случаевъ изъясняется на этомъ языкѣ. Даже больше — эти люди, въ силу обстоятельствъ, подчиняются восточному обычаю

проявлять свою дѣятельность отъ восхода до захода солнца и праздновать пятницу.

Послѣ захода солнца весь городъ вымираетъ и, кромѣ бродячихъ собакъ, обычнаго атрибута азіатскихъ селеній, на улицѣ никого нельзя встрѣтить. Ни сторожей, ни полицейскихъ, ни извозчика. Даже жутко. А тутъ еще татарскіе безоконные дома. Оберегая своихъ женъ отъ соблазна, татары выводятъ на улицу глухія стѣны. Такимъ образомъ, въ Бахчисараѣ есть улицы, которыя состоятъ изъ однѣхъ голыхъ стѣнъ.

Не знаю, этимъ ли, но достигаютъ того, что цѣломудріе татарскихъ женщинъ сохраняется въ нѣдрахъ Россіи во всей своей восточной неприкосновенности. Уже на Кавказѣ и даже въ Турціи можно встрѣтить магометанку, не прикрывающую лицо чадрой, но въ Крыму, а въ особенности въ Бахчисараѣ, это невысказано. Татарки вообще очень рѣдко выходятъ изъ дому, но ужъ зато если и выйдутъ, то такъ закутаются, что, кромѣ острыхъ красивыхъ глазъ, ничего не увидишь. И не только молодыя, но и старыя-престарыя старухи, памятуя древнее магометанское изреченіе, что «лицо женщины—это величайшій соблазнъ», не задрапированными не покажутся никому. Одинъ садовладѣлецъ съ Качи¹⁾, армянинъ, рассказывалъ мнѣ, что, проживя тридцать лѣтъ рядомъ съ татаринномъ, тоже садовладѣльцемъ, онъ ни разу не видѣлъ его жены. И какъ рядомъ?— всего въ какихъ-нибудь двадцати саженьяхъ.

На татарскихъ свадьбахъ бываетъ много приглашенныхъ. Празднуется свадьба очень пышно. Торжество начинается въ понедѣльникъ и оканчивается въ четвергъ. Все время гости, угощеніе; въ среду большой обѣдъ. Но и въ это время не увидишь татарку, потому что «молодой» веселится съ мужчинами на одной половинѣ дома, «молодая» съ женщинами—на другой. Гдѣ-нибудь въ промежуточной комнатѣ или на дворѣ играетъ оркестръ цыганъ, подъ музыку которыхъ женщины танцуютъ отдѣльно у себя, мужчины— у себя.

Но если нельзя видѣть татарокъ въ Бахчисараѣ, то въ Симферополѣ, гдѣ татарскія традиціи въ значительной степени ослабли, мѣстныя мурзачки свободно, безъ всякихъ покрывалъ, показываются въ людныхъ мѣстахъ—на гуляньяхъ, въ театрахъ, въ клубахъ. Мурзаки—это привилегированные татары, вродѣ дворянъ. Ихъ коснулась цивилизація, и они постепенно сливаются съ русскимъ обществомъ, и странно, что это не вызываетъ неудовольствія среди правовѣрныхъ почитателей Магомета.

¹⁾ Окрестность Бахчисарая.

IV.

Какъ бы ни была хороша погода, но Бахчисарай всегда тонетъ въ грязи. И даже въ непролазной. Всѣ, какіе только есть въ городѣ грозные стоки,—всѣ выходятъ на улицу. А улицы таковы, что самая главная изъ нихъ имѣетъ ширину въ три сажени. Воздухъ, конечно, не напоенъ крымскимъ ароматомъ.

Улицы всегда очень оживлены. Впечатлѣніе такое, какъ будто бы народъ толкается безъ всякой нужды. И народъ все полураздѣтый. Самое большое—это невѣроятной ширины шаровары, упрямая въ нихъ рубаша и, должно быть, очень длинный шарфъ, которымъ татары подпоясываются, обертывая имъ себя въ десятки рядовъ. Для татарчатъ до десятилѣтняго возраста, кромѣ короткой рубашенки, другія принадлежности туалета не обязательны.

Но зато тѣ, которые имѣютъ право на чалму¹⁾, всегда въ полномъ парадѣ и даже въ халатѣ, не взирая ни на какую отчаянную жару. Иначе имъ нельзя, потому что ихъ «уважаютъ» и имъ необходимо поддерживать свое достоинство. Чалму имѣютъ право носить только тѣ, которые совершили паломничество въ Мекку на поклоненіе гробу Магомета. Даже послѣ смерти эти чалмоносцы отмѣчаются на кладбищѣ. Въ ихъ могилу врывается тумба съ надѣтой на нее деревянной или высѣченной изъ камня чалмой.

По первому впечатлѣнію—Бахчисарай очень оживленный и торговый городокъ. Всѣ улицы сплошь въ лавкахъ. Конечно, всякій туристъ недоумѣваетъ:

— Для кого такая большая торговля?

Откуда покупщики? Городъ стоитъ въ сторонѣ, и никто посторонній въ него не заглядываетъ?

Но вся эта базарная физиономія получается оттого, что торговля помѣщенія заняты не только торговцами, но въ большинствѣ ремесленниками, которые, занимаясь даже исключительно какой-нибудь мелкой починкой, имѣютъ «магазинъ и вывѣску». Торговцы не особенно церемонятся съ тротуаромъ и заваливаютъ его своими товарами, такъ что пѣшеходу все время приходится обходить то гору арбузовъ и дынь или яблоковъ и грушъ, то бочки съ селедками или съ мѣстной соленой рыбешкой барбуней. Хлѣбопекарни содержатся обыкновенно турками, выпекающими хлѣбъ тутъ же, въ лавчонкѣ, на глазахъ покупателей. Весь ихъ «магазинъ» заключается въ одной печкѣ, сдѣланной наподобіе нашей русской и отгороженной отъ улицы одной только вырубкой, сплошь заваленной караваями. Тутъ же и чаны съ тѣстомъ.

¹⁾ Громадная шапка, искусно сплетенная изъ цвѣтнаго шарфа.

Вперемежку съ лавками очень много «кофеенъ». Необходимый атрибутъ восточнаго города, Въ нихъ всегда толчется народъ, забѣгающій проглотить крошечную чашку своего любимаго напитка—чернаго кофе, который варится исключительно «по-турецки», т. е. безъ всякихъ приспособленій, отдѣляющихъ гущу отъ жидкости, такъ что чашка на половину всегда наполнена гущей, и въ результатѣ получается одинъ небольшой глотокъ, который обходится въ три и въ пять копеекъ. Но въ этихъ кофейняхъ дѣло совсѣмъ не въ кофе, а въ «косточкахъ» (игра домино), играть въ которыя бахчисарайцы такъ приспособились, что составляютъ партіи по нѣсколько человекъ и играютъ на многочисленныя манеры, уподобляя эту незамысловатую игру винту и преферансу. Между игроками встрѣчаются прямо виртуозы, которые оказываются въ постоянномъ выигрышѣ. Кофейни замѣняютъ въ Бахчисараѣ клубы, и вся ихъ жизнеспособность держится именно на игрѣ въ «косточки».

V.

Въ Бахчисараѣ имѣется своя собственная консерваторія.

Помѣщается она въ предмѣстьѣ города—Салачикѣ.

Салачикъ — это гнѣздо крымскихъ цыганъ. Цѣлая группа маленькихъ домишекъ, приткнувшихся къ крутому склону большой горы.

Цыгане осѣдлые и, конечно, отатарившіеся. Говорятъ только по-татарски. Въ то время, какъ всероссійскіе ихъ сородичи занимаются конокрадствомъ и гаданіемъ, бахчисарайскіе цыгане представляютъ собою громадную группу музыкантовъ. На какихъ угодно инструментахъ, кромѣ, разумѣется, рояля.

Они только музыкой и живутъ. Образуютъ оркестры и ходятъ играть на вечера, балы и всякія семейныя торжества, не только къ горожанамъ, но и чуть ли не по всему Симферопольскому уѣзду. Для этой цѣли у нихъ очень аккуратно ведется запись всѣхъ именинниковъ и именинницъ, а также годовщины свадебъ и прочихъ празднествъ.

Эти музыканты пользуются очень большою любовью обывателей, но, по существующей въ бахчисарайскомъ округѣ церемоніи, всюду являются не только непрошенными, но прямо-таки нежеланными людьми.

Обыкновенно приходятъ они группой человекъ въ пять или шесть въ имѣніе, гдѣ есть именинникъ, рано утромъ и приносятъ свое поздравленіе. Ихъ встрѣчаютъ очень холодно и съ первыхъ же словъ чуть не гонятъ вонъ:

— Зачѣмъ пришли? Сегодня у насъ никакого пира нѣтъ и вамъ тутъ нечего дѣлать.

«истор. вѣстн.», июль, 1909 г., т. сxvii.

— Да намъ ничего и не надо... мы просто такъ...

— Уходите, уходите...

Цыгане, ничуть не обижаясь, а, наоборотъ, съ благодушной улыбкой дѣлаютъ видъ, что уходятъ, и размѣщаются гдѣ-нибудь вблизи за кустами, будучи увѣренными, что безъ ихъ участія никакого праздника быть не можетъ.

И прячутся весь день. Хозяева, въ свою очередь, дѣлаютъ видъ, что будто ихъ не замѣчаютъ, хотя втихомолку посылаютъ имъ за кусты угощеніе и обѣдъ.

Днемъ обязательно является еврейскій квартетъ, также квартирующій въ Бахчисараѣ и играющій за определенную плату рублей въ десять-пятнадцать. Квартетъ этотъ благосклонно оставляется для танцевъ и играетъ онъ въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ, потому что бахчисарайская вечеринка всегда затягивается до другого дня. Веселятся и пляшутъ до того, что и музыканты, и танцующіе почти теряютъ сознание. По мѣстнымъ обычаямъ, чѣмъ дольше чествуютъ виновника торжества, тѣмъ больше, значитъ, питаютъ къ нему расположенія. У еврейскаго квартета репертуаръ скудный, и «первая скрипка», проявляя виртуозность, до такой степени неистовствуетъ, что постоянно расходится съ остальными инструментами, благодаря чему получается не «музыка», а въ буквальномъ смыслѣ нарушеніе тишины и спокойствія. Тѣмъ не менѣе еврей-музыканты, располагаясь во дворѣ, играютъ до самаго вечера.

А вечеромъ, когда начинается суть праздника, хозяинъ вдругъ вспоминаетъ о существованіи цыганъ, чарующая музыка которыхъ дѣйствительно способна воодушевить общество, и громко отдаетъ приказъ:

— Запрячь лошадей и привезти цыганъ!

А цыгане тутъ какъ тутъ!

Это такой неожиданный сюрпризъ, что и гости, и хозяинъ приходятъ въ неопредѣлимый восторгъ, хотя, конечно, гости отлично знали, какъ и самъ хозяинъ, что цыгане непременно толкнутся гдѣ-нибудь около.

Музыка бахчисарайскихъ цыганъ изумительна! Это не просто виртуозы, а одухотворенные вдохновеніемъ. Какая техника! Сколько граціи и изящества въ каждой исполняемой ими мелодіи! Особенно выдѣляется старикъ-скрипачъ, игру котораго слушали Высочайшія особы. Въ его рукахъ скрипка не только плачетъ и смѣется, а говоритъ. Его какъ фокусника заставляютъ смычкомъ извлекать изъ инструмента слова и фразы. Цыгане играютъ буквально все. Даже то, чего никогда не слыхали. Стоитъ пропѣть при нихъ мотивъ, и они сейчасъ же сыграютъ. Музыкальность необычайная!

Цыгане знаютъ, что ихъ слушатели любятъ мелодіи порывистыя, знойныя, въ которыхъ бы звучали восточная страсть и нѣга,—

и они оглашаютъ воздухъ такими мотивами, что и старъ и младъ не могутъ удержаться отъ того, чтобы не пуститься въ плясъ. Вотъ съ этого-то момента настоящее веселье и начинается! Кружатся, поютъ и пьютъ. И вдругъ въ самый разгаръ безшабашной удали скрипка старика-цыгана начинаетъ стонать и плакать. Ей вторитъ флейта. Все разомъ смолкаетъ и прислушивается къ какой-нибудь жалобной, душу раздирающей пѣснѣ. Бахчисарайскіе меломаны такіе переходы обожаютъ, и цыгане умѣло имъ угрождаютъ. И опять—вдругъ на самой жалостливой нотѣ неожиданный поворотъ къ веселью—и вновь все закружилось, заплѣло и слилось въ общемъ вихрѣ безудержнаго хаоса.

Самыми популярными и бойкими плясовыми пьесами тамъ считаются «Аеонька» и «Двѣ копейки». Существуютъ ли на эту музыку слова—неизвѣстно, но во время ихъ исполненія танцоры съ азартомъ повторяютъ: «Аеонька! ахъ, ты, Аеонька!» Или: «Двѣ копейки фунтъ!»

И когда появляются цыгане, еврейскій квартетъ, конечно, смолкаетъ. Развѣ только изрѣдка имъ выкрикнуть:

— Хаимъ спортилъ дѣло!

И они пропиликаютъ эту излюбленную въ Крыму еврейскую пѣсню.

Цыгане за свою музыку официально ничего не получаютъ, но зарабатываютъ они на этихъ вечеринкахъ по триста-четыреста и больше рублей, благодаря существующему въ тѣхъ мѣстахъ обычаю «чествовать».

Гости чествуютъ хозяина, хозяинъ гостей. Дѣлается это такъ: когда рюмки наполнены виномъ, каждый гость накрываетъ свою рюмку какой-нибудь бумажкой — трехрублевой, пятирублевой или иной какой и чокается съ хозяиномъ. Это означаетъ, что онъ желаетъ ему благополучія и богатства. Хозяинъ собираетъ эти деньги и передаетъ цыганамъ. Тѣ играютъ тушъ. Затѣмъ рюмки наполняются снова, и хозяинъ уже единолично накрываетъ рюмки гостей какого-нибудь однообразнаго достоинства бумажками и чокается съ ними. Тутъ уже гости снимаютъ деньги и снова передаютъ ихъ цыганамъ. А такъ какъ эти чествованія продолжаются всю ночь, то ясно, что благополучіе остается при хозяинѣ и гостяхъ, а богатства постепенно переходятъ къ цыганамъ.

VI.

Главныя достопримѣчательности Бахчисарая, ради которыхъ посѣщаютъ его туристы,—это ханскій дворецъ и дервиши.

Молчаливый свидѣтель великаго прошлаго татаръ, дворецъ составляетъ собою лучшую часть города. Онъ превосходно сохранился съ внѣшней стороны, но всѣ внутреннія его богатства когда-

то и кѣмъ-то вывезены, такъ что путешественниками осматриваются совершенно пустыя комнаты, о которыхъ услужливый сторожъ только и знаетъ:

— Это была спальня... Это—тутъ ханъ пилъ кофе утромъ... Это—тутъ ханъ пилъ кофе послѣ обѣда... А это—тутъ жили ханскія жены... А вотъ тутъ—онѣ каждый день купались...

Въ одной изъ комнатъ въ стѣну вдѣлана каменная плита съ отверстіями и маленькими передъ ними чашками, когда-то имѣвшая назначеніе комнатнаго фонтана. Это вотъ и есть знаменитый «бахчисарайскій фонтанъ», вдохновившій Пушкина и умилавшій Мицкевича, видѣвшаго въ немъ остатки легендарныхъ воспоминаній о Маріи Потоцкой, его соотечественницѣ. И онъ, и Пушкинъ были даже увѣрены, что подъ мавзолеемъ, воздвигнутымъ неподалеку отъ дворца надъ прахомъ Дилары Бикечъ, любимой жены Крымъ-Гирея, лежитъ вовсе не Дилара, а именно Марія Потоцкая, трагическая судьба которой послужила обимъ поэтамъ богатой темой для ихъ произведеній...

Въ настоящее время самая красивая часть дворца—это садъ съ его роскошной растительностью, а самая интересная—ханское кладбище, гдѣ покоятся бывшіе владетелины Крыма. Ихъ гробницы пока не расхищены и поэтому онѣ представляютъ собою цѣнность исторической древности.

И если любознательность туриста не особенно удовлетворитъ дворецъ, то вертящіеся дервиши, несомнѣнно, произведутъ очень сильное впечатлѣніе. Этихъ монашествующихъ магометанъ вообще немного, а въ Россіи небольшая ихъ горсточка только и существуетъ въ Бахчисараѣ, гдѣ они имѣютъ свою собственную, очень приземистую и невзрачную мечеть въ пригородѣ, въ мѣстности, называемой Азизъ и расположенной возлѣ станціи желѣзной дороги. Для молитвы они тутъ собираются разъ въ недѣлю—въ четвергъ поздно вечеромъ—и молятся до самой полуночи. Это оригинальное богослуженіе и представляетъ собою то зрѣлище, ради котораго туристы остаются гостить въ Бахчисараѣ.

Въ прежнее время зрители свободно допускались въ притворъ мечети и могли наблюдать за дѣйствіями дервишей черезъ входную дверь, но съ недавняго времени «европейцевъ» стали допускать съ большимъ выборомъ, потому что, не соблюдая необходимой тишины, они нарушали религіозный экстазъ этихъ магометанскихъ сектантовъ. Впрочемъ, сквозь запыленные окна храма все-таки кое-что видно, и около нихъ всегда толпятся любопытные.

Богослуженіе дервишей заключается въ произнесеніи громкихъ гортанныхъ звуковъ и въ покачиваніи на мѣстѣ всѣмъ туловищемъ и отдѣльно головой, съ такимъ ежеминутно нарастающимъ ожесточеніемъ, что съ зрителями вчужѣ случаются обмороки и едва ли вообще кто можетъ наблюдать за этими людьми безъ головокруженія и страшнаго подъема нервовъ. Ихъ возбужденіе легко передается

наблюдающимъ и если сами они не валятся долгое время съ ногъ, такъ потому только, что стоятъ въ тѣсномъ кружкѣ и крѣпко держатъ другъ друга за руки. Но все-таки въ концѣ концовъ и они не выдерживаютъ своихъ тяжелыхъ движеній и падаютъ на каменный полъ, гдѣ, сидя, поджавъ ноги, продолжаютъ себя истязать раскачиваніемъ головы изъ стороны въ сторону до полного изнеможенія. А у иныхъ даже появляется у рта пѣна. И когда доведутъ себя до состоянія полной невмѣняемости, и когда ихъ отрывистое пѣснопѣніе, заключающееся, кажется, въ одномъ «алла-алла-алла», постепенно замретъ подъ сводами древней мечети, наступаетъ пятиминутный отдыхъ. А затѣмъ снова поднимаются и опять становятся въ кружокъ для того, чтобы вновь начать «вертѣться». Послѣ третьяго самоистязанія, когда экзальтація ихъ достигаетъ высшихъ предѣловъ, а лица становятся бѣлыми и глаза наливаются кровью, въ мечеть начинаютъ вносить тяжело хворающихъ мусульманъ. Ихъ по очереди кладутъ на полъ, въ центръ кружка. Дервиши снимаютъ съ себя мокрые отъ обильнаго пота халаты и набрасываютъ ихъ на болящихъ, и затѣмъ съ большимъ экстазомъ продолжаютъ выкрикивать свое «алла-алла-алла» и вертѣться до новаго изнеможенія.

Зрѣлище тяжелое. Нервные отъ него заболѣваютъ. И едва ли кто отважится смотрѣть дервишей вторично.

Публика, допускаемая въ притворъ, обыкновенно размѣщается въ три яруса: первый рядъ садится, второй стоитъ на колѣняхъ, остальные стоятъ, иначе не всѣмъ бы были видны дервиши сквозь узенькую дверь. Однажды, при мнѣ, вдругъ среди зрителей поднялся шумъ, всѣ вскочили на ноги и съ ужасомъ отшатнулись въ сторону отъ громаднаго шедшаго прямо на толпу тарангула, этого смертоноснаго обитателя Юга. Кто-то хотѣлъ отважиться и раздавить его ногой, но сторожъ мечети съ ужасомъ накинулся на смѣльчака и сказалъ:

— Ны... ны трогай... эта священный...

Толпа шире раздвинулась и почтительно пропустила священную особу, которая, какъ и подобаетъ тщательно охраняемому существу, висколько не смущаясь присутствіемъ многочисленнаго количества людей, спокойно прошла черезъ притворъ и скрылась въ подземную щель. Но уже зато послѣ этого инцидента въ тотъ вечеръ никто не рискнулъ больше садиться на полъ.

VII.

Къ бахчисарайскимъ достопримѣчательностямъ также слѣдуетъ отнести два татарскихъ семейства, одно изъ которыхъ занимается хирургіей, другое — заговоромъ змѣй и леченіемъ отъ укусовъ всякихъ гадовъ и бѣшеныхъ животныхъ.

Татаринъ-хирургъ, имѣющій мануфактурную лавку, славится своимъ искусствомъ исправлять поломанныя руки, ноги и другія части человѣческаго тѣла. Его слава давно вышла изъ предѣловъ Таврической губерніи и къ нему привозятъ больныхъ изъ болѣе дальнихъ мѣстъ. И не было, говорятъ, случая, чтобы онъ съ честью не поддержалъ свою репутацію. Лично у меня въ Крыму есть знакомые, которымъ онъ съ большимъ успѣхомъ дѣлалъ операціи.

Это хирургъ прирожденный. Его отецъ, дѣдъ, прадѣдъ и, можетъ быть, вся дальнѣйшая восходящая линия занимались этимъ дѣломъ, а онъ, въ свою очередь, свой опытъ и знаніе передаетъ своимъ сыновьямъ, практически обучая ихъ на животныхъ. Его малыши-татарчата берутъ курицу, ломаютъ ей ноги и дѣлаютъ ей перевязку настолько искусно, что черезъ извѣстный промежутокъ времени курица снова ходитъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Въ жергву наукѣ приносятся всѣ животныя, какія только попадаютъ этимъ будущимъ крымскимъ хирургамъ, и у нихъ во дворѣ всегда можно найти массу калѣченныхъ животныхъ, передвигающихся съ повязками.

Настоящему доктору-хирургу ни въ Бахчисараѣ, ни въ его окрестностяхъ буквально нечего дѣлать. Никто къ нему не пойдетъ лечиться, вѣруя въ самоучку-татарина. Мнѣ пришлось видѣть, какъ этотъ хирургъ лечилъ лошадь, разбившую себѣ ногу. Осмотрѣвъ ее, онъ рѣшилъ, что больную ногу нужно еще сломать въ другомъ мѣстѣ.

— Зачѣмъ?—удивился владѣлецъ несчастнаго коня.

— А чтобы не хромала... Если такъ залечимъ—будетъ припадать, а если надломимъ повыше, то шагъ будетъ прежній...

Полагаясь на его компетенцію, хозяинъ согласился, и хирургъ переломилъ лошади ногу въ здоровомъ мѣстѣ. Потомъ всѣ поломанныя части вправилъ, чѣмъ-то смазалъ, забинтовалъ и, дѣйствительно, черезъ два мѣсяца лошадь такъ же хорошо бѣгала, какъ прежде. Почти то же продѣлалъ онъ раньше этого съ рукой хозяина этой лошади. Сломалъ онъ ее неподалеку отъ кисти и сгоряча не придалъ значенія боли, которую счелъ за простой ушибъ, но рука опухла, разболѣлась и пришлось звать татарина-хирурга, который усмотрѣлъ, что она начала срастаться, но неправильно. Поэтому онъ сломалъ ее вновь и такъ искусно вставилъ, что впослѣдствіи не было видно никакихъ слѣдовъ.

Другой татаринъ лечитъ заговоромъ укусы, и утверждаютъ, что не было случая, чтобы онъ не приносилъ облегченія. Поэтому то бахчисарайцы и говорятъ, что имъ не страшны ни змѣи, ни тарантулы, ни скорпионы, ни скалопендры. Эта профессія также наследственная. Его отецъ почитался знаменитымъ выводчикомъ змѣй. Говорятъ, что въ прежнее время во всѣхъ фруктовыхъ садахъ, изобильно окружающихъ Бахчисарай, массами кипѣли змѣи,

но онъ всѣхъ ихъ повывелъ заговоромъ. Придетъ въ садъ, что-то пошепчетъ, и змѣи моментально исчезали. Насколько это вѣрно, судить трудно, но старики-садоводы утверждаютъ, что они сами помнятъ, какъ татаринъ освобождалъ ихъ владѣнія отъ этихъ пресмыкающихся, и вотъ уже десятки лѣтъ они у себя этихъ гадовъ не встрѣчаютъ.

VIII.

Въ четырехъ верстахъ отъ Бахчисарая, на р. Качѣ, около скита св. Анастасія, высится громадная гора, изборожденная внутренними переходами. Это древній пещерный городъ Качи-Каленъ, въ которомъ насчитываютъ нѣсколько тысячъ комнатъ. Гора эта въ воспоминаніяхъ крымчаковъ имѣетъ немаловажное значеніе, такъ какъ въ ней проживалъ неуловимый послѣдній крымскій разбойникъ Алимъ, имя котораго окружено легендарными рассказами. Существовалъ онъ въ пятидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія, и есть много старожиловъ, хорошо его помнящихъ въ лицо. Онъ навелъ ужасъ на весь Крымъ, хотя обижалъ только однихъ богатыхъ, да и то отнималъ у нихъ лишь деньги. А убилъ онъ всего только одного человѣка—единовѣрца-татарина, у котораго служилъ работникомъ. У хозяина была красавица-дочь, и хоть по мусульманскимъ обычаямъ татарокъ мужчины безъ покрывалъ не видятъ, но случилось какъ-то такъ, что молодые люди тайно встрѣчались и полюбили другъ друга. Когда Алимъ сталъ просить выдать за него дочь, хозяинъ прогналъ его за дерзость—и Алимъ прямо отъ него ушелъ въ горы и сталъ разбойничать. Рослый красавецъ, обладавшій необычайной силой, онъ разбойничалъ въ одиночку и совершенно свободно появлялся не только на большихъ дорогахъ, но и въ людныхъ мѣстахъ, гдѣ, однако, никто не рѣшался къ нему подступить, таковъ былъ страхъ передъ его могуществомъ. Онъ покровительствовалъ влюбленнымъ, и нерѣдко къ нему являлись за помощью молодые люди, которымъ онъ помогалъ выкрадывать невѣсть и снабжалъ ихъ приданымъ, которое обыкновенно уходило на расходы по бѣгству молодоженовъ.

IX.

Бахчисарай очень богатъ историческими окрестностями: Успенскій монастырь, Чуфуть-Кале, Юсафатова долина, масса пещерныхъ городовъ, но это предметъ особаго очерка. Въ настоящихъ же воспоминаніяхъ о древней татарской столицѣ я только хотѣлъ коснуться его настоящей бытовой стороны, какъ городка, сохранившаго въ себѣ азіатскую патріархальность.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что крымскіе азіаты народъ очень хорошій, трудолюбивый и высокой честиности. Преступле-

нія въ этомъ районѣ большая рѣдкость, и еще рѣже повинны въ нихъ татары.

Крымскіе татары живутъ въ большой дружбѣ со всѣми остальными національностями, смѣшавшимися съ ними, какъ, напримеръ, армяне, крымчаки, караимы, греки, русскіе. Отъ всѣхъ остальныхъ татаръ, обитающихъ въ Россіи, они отличаются тѣмъ, что совершенно не употребляютъ конины и относятся къ ней съ брезгливостью. Любимое ихъ блюдо, какъ и армянъ,—баранина. Впрочемъ, въ Бахчисараѣ другой говядины, кромѣ баранины, и не существуетъ. Изъ нея варятся и щи, и супы, и всѣ жаркія дѣлаются только изъ нея, включительно, конечно, до шашлыковъ.

Крымчаки—эти отатарившіеся генуэзцы, случайно застрявшіе нѣсколько вѣковъ тому назадъ въ побѣжденномъ ненадолго ими Крыму, носятъ очень красивыя и громкія фамиліи: Манто, Анджело, Піастро, Ламброзо и т. д. въ этомъ же духѣ.

Караимы называются «крымскими евреями». Отъ обыкновенныхъ іудеевъ они отличаются тѣмъ, что не являются почитателями талмуда. Они себя считаютъ крымскими гражданами, потому что тутъ, на мѣстѣ, пользуются будто бы особыми привилегіями, которыми ихъ щедро наградила императрица Екатерина II. Указы на эти привилегіи у нихъ идѣ-то сохраняются, какъ святыня, въ храмѣ, и при каждомъ недоразумѣніи съ властями они всегда ссылаются на эти документы, удерживающіе за ними нѣкоторыя льготы. И первая изъ нихъ—повсемѣстное право жительства. Это ихъ гордость, и они всегда говорятъ объ этомъ съ большимъ самодовольствомъ.

Мих. Шевляковъ.

ГУВЕРНЕРЫ ВЪ СТАРИНУ ВЪ ПОМЪЩИЧЬИХЪ СЕМЬЯХЪ.

(Очеркъ).

Мы всё учились понемногу
Чему-нибудь и какъ-нибудь:
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ не мудрено блеснуть.

(Пушкивъ. «Евгеній Онѣгинъ»).

ВЪ НАЧАЛѢ прошлаго столѣтїя, когда ступеню къ гимназическому или университетскому курсу служило домашнее образованіе, сыновья помѣщиковъ воспитывались дома, подѣ руководствомъ гувернеровъ; образованіе дочерей, поручаемое, за рѣдкими исключенїями, гувернанткамъ или «мадамамъ», начиналось и заканчивалось дома.

Гувернеры составляли пеструю массу, съ сильнымъ преобладаніемъ иностранцевъ-французовъ и нѣмцевъ. Послѣ иностранцевъ второе по численности мѣсто занимали семинаристы, исключенные за «великовозрастїе» и разныя «художества», или же окончившіе курсъ, но почему-либо не успѣвшїе устроиться на приходахъ; затѣмъ слѣдовали ех-студенты, ссыльные, лица разныхъ профессїй, неудачники, а то и просто «проходимцы», располагавшіеся на привольныхъ барскихъ хлѣбахъ.

Гувернеровъ нанимали погодно, съ жалованьемъ—смотря по достатку семьи—отъ 25 до 300 р., на полномъ содержанїи, кромѣ подарковъ и обязательныхъ приплатъ платьемъ, бѣльемъ, обувью

и пр. Приплаты, какъ видно изъ сохранившихся до нашего времени контрактовъ, выговаривались гувернерами при наймѣ, съ обозначеніемъ ихъ количества и качества. Такъ, изъ «регистра», приложеннаго къ контракту съ гувернеромъ Алябьевымъ (въ Вологодской губ.) видно, что семья П., нанимая Алябьева, обязывалась въ теченіе года выдать ему: «сюртукъ нанковый, жилетку съ мушками, дюжину рубашекъ, полдюжины чулокъ, полотенецъ трое» и проч.

Къ сожалѣнію, контракты сохранились въ немногихъ помѣщичьихъ архивахъ, большинство же ихъ частью уничтожены самими владѣльцами или деревенскими Колупаевыми и Разуваевыми, купившими барскія усадьбы «со всею обстановкою», частью же истреблены крестьянами во время аграрнаго движенія 1905—96 гг.

Интересной иллюстраціей къ найму гувернеровъ можетъ служить контрактъ орловскаго помѣщика Юрасовскаго съ французомъ графомъ де-Бланжія, заключенный въ концѣ XVIII столѣтія.

Приводимъ его полностью:

«1775 года іюля... контрактъ сей учиненъ промежъ отставнымъ капитаномъ Денисомъ Васильевичемъ Юрасовскимъ и французомъ графомъ Генрихомъ де-Бланжія на три года. Я нижеподписавшійся графъ Бланжія обезуюсь обучать обоихъ сыновей Дениса Васильевича малолетнихъ барчуковъ Петра и Алексея не только языкамъ французскому и немецкому, но также и славнымъ манерамъ; обезуюсь какъ за ними малолетними Петромъ и Алексеемъ Денисьевичами, такъ и за всѣми людьми ихъ окружающими иметь смотреніе зоркое и неустанное: обезуюсь спать съ ними вместе въ отдельной горнице и ездить въ деревню и всюду, куда бы Денисъ Васильевичъ съ детьми и со всею фамиліею своею ни поехалъ бы. Обезуюсь обязанности эти исполнять какъ-то честному и порядочному человѣку надлежитъ. Я же съ своей стороны обещаюсь заплатить ему, графу Бланжія за каждый годъ по 200 рублей, а всего значитъ 600 рублей; платить ихъ обезуюсь по третямъ года впередъ и первую треть едва вступивши въ домъ мой. Обезуюсь шить по паре платья новаго въ году, когда только онъ графъ Бланжія того захочетъ. Обедать и ужинать онъ, Бланжія, будетъ со мною и все то, что буду есть и пить и я самъ. Кромѣ того обезуюсь еще дать ему отдельную горницу во флигеле со всемъ полнымъ приборомъ. Представить коляску летомъ тройкою, а зимою сани парою для его съ детьми моими катанія, да еще кучеровъ двухъ да конюха, да лакея въ ливрее, да еще двухъ крепостныхъ девокъ по его, графа Бланжія, выбору, для смотренія за его отдельнымъ кабинетомъ. Все эти лошади и люди всегда должны быть въ его полнейшей диспозиціи. Ко всему сему прибавлять кажись бы и нечего, но я графъ Бланжія полагаю не лишнимъ, коли для вящаго назиданія прибавлено будетъ, что я не

столь за изряднымъ жалованьемъ, сколь за благодарнымъ приемомъ гонюсъ»¹⁾).

Богатые помѣщики нанимали отборныхъ губернеровъ, нерѣдко— образованнѣйшихъ людей своего времени; въ семьяхъ же средняго достатка образовательный багажъ губернеровъ былъ вообще не великъ: въ нихъ поступали лишь тѣ, кто не имѣлъ шансовъ пристроиться въ богатые дома. Послѣ войны 1812 года небогатые помѣщики брали въ губернеры даже плѣнныхъ солдатъ Наполеоновской арміи, бывшихъ у себя на родинѣ парикмахерами, берейторами, поварами и т. п., только отнюдь не педагогами. Въ небогатыхъ семьяхъ, руководившихся соображеніемъ, что «хоть и поплоше, да зато подешевле», и требованія были проще: губернеры обыкновенно договаривались обучить дѣтей хорошему произношенію, танцамъ да иногда кое-какимъ наукамъ,—«чтобы не зазорно было въ люди выйти».

Въ доброе старое время, когда, по мѣткой характеристикѣ великаго поэта, «учились понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь», въ Россіи, въ какомъ-нибудь медвѣжьемъ углу было «не мудрено блеснуть» образованіемъ и берейтору...

Берейторское образованіе было плохо, но существовало нѣчто худшее...

Въ Калужской и Курской губерніяхъ въ 1815—20 годахъ въ семьяхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ преподавали два губернера: нѣмецъ Карлъ Богданычъ и французъ Винтеръ; о похожденияхъ этихъ двухъ губернеровъ рассказывали цѣлыя легенды.

Богданычу было подѣ шестьдесятъ, а Винтеру лѣтъ 35. Оба губернера, сильно обрусѣлые, обладали порядочною эрудиціей и подготовляли молодежь къ поступленію въ университетъ и въ только что открывшіяся гимназіи; но на бѣду оба страдали пороками, которые положительно препятствовали имъ заживаться на мѣстахъ дольше года, а иногда сокращали даже и этотъ срокъ.

Богданычъ пилъ запоемъ, и когда «разрѣшалъ», то допивался до «зеленаго змія». Въ періодъ запоя, воображая себя Аполлономъ, онъ раздѣвался донага и въ такомъ видѣ, зимой или лѣтомъ, выбѣгалъ на улицу и останавливалъ прохожихъ, показывая имъ красоту своего «божественнаго» тѣла. Губернера, «охальничавшаго» на улицѣ надъ «женскимъ поломъ», иногда избивали до полусмерти; но и самъ онъ, обладая геркулесовскою силою, билъ нападавшихъ нещадно, сворачивая скулы и сокрушая ребра. Хозяева, впервые узнававшіе о «слабости» губернера, въ отчаяніи вязали его по рукамъ и по ногамъ и затѣмъ передавали на попеченіе доктора.

¹⁾ Труды орловской ученой архивной комиссіи. Стр. 21. Выпускъ I. Орель. 1898 годъ. Во вкусѣ галломановъ XVIII столѣтія въ контрактѣ буква ять замѣнена буквой е.

По выздоровленіи Богданычъ долго шлялся безъ мѣста, пита-
ясь изъ милости у кого-нибудь изъ дворянъ, пока снова не на-
лаживался на «гувернерство».

Винтеръ, въ противоположность Богданычу, пилъ умѣренно, но считался отчаяннымъ ловеласомъ, превосходно знавшимъ дорогу къ слабому женскому сердцу. Отъ него не ускользала ни одна миловидная горничная, и при случаѣ и хозяйка дома, если «имѣла расположеніе къ савтменту». Въ одномъ домѣ онъ завелъ интрижку съ сестрою своего воспитанника, молоденькой барышней, и о скандалѣ, имѣвшемъ «послѣдствія», говорилъ весь уѣздъ. О его похожденияхъ рассказывали много, хотя, можетъ быть, немало и прилыгали... Одно изъ нихъ, имѣвшее всѣ признаки уголовщины, надѣлало массу хлопотъ уѣзднымъ «кумушкамъ». Дѣло было не маленькое. Винтеръ влюбилъ въ себя, а затѣмъ начисто обобралъ богатую вдову-помѣщицу. Красивая вдовушка, отвергнувъ выгодную партію, спѣшно распродала имѣнія и уже собиралась поступить въ монастырь, куда внесла богатый вкладъ, какъ вдругъ подвернулся Винтеръ. . Ловкій гувернеръ, почуявъ запахъ денегъ, разсыпался мелкимъ бѣсомъ... Вдовушка размякла, призадумалась, и незамѣтно завязался «романъ». Винтеръ, какъ истый хищникъ, еще въ началѣ «завязки» успѣлъ выхватить у вдовы крупный кушъ, остатки ея состоянія, и одновременно сталъ ухаживать за другой барынькой. Ему, однако, не повезло: деньги онъ проигралъ въ карты, интрижка съ барынькой всплыла наружу; вдовушка же, прогнавъ отъ себя вѣроломнаго, успѣшила выйти замужъ за соседа, ветерана, разбитаго параличомъ и нуждавшагося не въ женѣ, а въ сидѣлкѣ. Говорили, что молодая женщина сдѣлала эту партію изъ христіанскаго смиренія, для «спасенія души»; но кумушки утверждали, что она будто бы поварилась на мужнино наслѣдство... Винтеръ, забросившій было свое гувернерство, снова «запрягся въ хомутъ»...

Казалось, что, кромѣ грязи и пошлости, могли дать своимъ питомцамъ эти Богданычи и Винтеры? И, однакожь, они и подобные имъ господа жили и умерли гувернерами...

Кромѣ Богданычей и Винтеровъ, былъ еще типъ гувернеровъ самозванцевъ, людей не развитыхъ, необразованныхъ, никогда не оправдывавшихъ заключаемыхъ съ ними кондицій, и, наконецъ,— типъ гувернеровъ «по недоразумѣнію»...

Пользуясь богатыми воспоминаніями моей матери о практикѣ старинныхъ гувернеровъ, приведу одинъ курьезнѣйшій случай, имѣвшій мѣсто въ семьѣ помѣщика Б. въ Калужской губерніи съ его двумя сыновьями, обучавшимися у француза.

Б. имѣлъ десятка полтора душъ, считался мелкопомѣстнымъ землевладѣльцемъ, хотя за нимъ числилось земли изрядно, что-то около тысячи десятинъ; но земля «лежала впустѣ», подъ заро-

слями, не представляла особенной цѣнности, какъ пахотныя земли, и не приносила доходу. Имѣніе было разорено еще дѣдомъ владѣльца, проигравшимъ крѣпостныхъ въ карты сибирскому горно-промышленнику, который вывелъ людей на заводы, оставивъ Б. одну землю, безъ рабочихъ рукъ. Съ тѣхъ поръ семья Б. «захудала» и не могла поправиться...

Семья Б. состояла изъ него самого, его жены, двухъ «барчуковъ» и матери, дряхлой старушки.

Оба супруга и старушка были люди малообразованные, но добрые и безхитростные, считавшіеся въ уѣздѣ первыми хлѣбосолами. Скучность ихъ познаній о природѣ и мірѣ, обо всемъ, о чемъ разсуждали тогдашніе образованные люди, была поразительна. Они знали, напримѣръ, что земля шаръ съ двумя полюсами, южнымъ и сѣвернымъ; что на одномъ полюсѣ «жарко, какъ въ пеклѣ», а на другомъ морозъ; но сомнѣвались... «Эдакъ подъ нами люди внизъ головами ходятъ,—смѣялись они:—можетъ ли это быть?» Особенно смущали ихъ вычисленія математиковъ о разстояніяхъ, отдѣляющихъ землю отъ другихъ планетъ, вычитанныя въ справочномъ отдѣлѣ календаря. «Враки это... развѣ тамъ были!» Знали они немножко ариеметики, немножко исторіи; но знаніемъ французскаго языка, бывшаго тогда въ большой модѣ, семья Б., къ ея сожалѣнію, не могла похвалиться. Бабушка не говорила по-французски вовсе, а лексиконъ супруговъ съ сильной примѣсью нижегородскаго исчерпывался немногими ходячими словами вродѣ: «мерси боку», «гранъ мерси», «о-ревуаръ», «адью» и пр., которыми супруги и щеголяли среди гостей, на деревенскихъ балахъ и праздникахъ.

Нельзя сказать, чтобы эти простые, хорошіе люди не признавали недостатковъ своего образованія. Но когда кто-нибудь изъ близкихъ касался больного мѣста, они отвѣчали съ добродушно-печальной улыбкою:

— Что жъ теперь дѣлать? Годы наши ушли, смолоду не учились, не учиться же намъ подъ старость...

Наканунѣ двѣнадцатаго года въ семьѣ Б. заговорили, что пора дать дѣтямъ «благопристойное» образованіе.

— Кацапами растутъ!—ворчала бабушка.—Срамъ!

Вопросъ о «благопристойномъ» образованіи дѣтей, возникшій въ русскомъ обществѣ подъ вліяніемъ либеральныхъ теченій начала царствованія императора Александра I, похоронившаго суровый режимъ Павла, въ то время занималъ не одну семью Б. Въ обществѣ, долго пребывавшемъ въ состояніи умственного оцѣпенѣнія, все всколыхнулось разомъ: заговорили о реформахъ, о конституціи, написанной Сперанскимъ, о великомъ будущемъ Россіи... Люди—такова сила общественнаго обновленія!—сами, безъ «подталкиванія», порывались къ свѣту, какъ дотолѣ сами же уходили во

тѣму... Началась усиленная работа общественной мысли, критики. Оказалось, что все нехорошо: суды, чиновники, школы, народное хозяйство, дипломатія, торговля, — словно, говорили, Россія, проснувшись, встала съ лѣвой ноги...

Дефекты домашняго образованія въ семьяхъ, подобныхъ Б., при отраженномъ свѣтѣ общественнаго движенія, выступили еще ярче.

Потуживъ да поохавъ относительно наступающихъ для дворянъ «тяжелыхъ годовъ», Б. наконецъ рѣшили заложить пустошь и нанять гувернера для Васеньки и Николеньки.

Залогъ пустоши былъ улаженъ, но являлось затрудненіе: гдѣ взять «подходящаго» гувернера? изъ кого выбрать? Подобныя затрудненія въ тѣ времена улаживались не легко. Если взять хорошаго гувернера, разсуждалъ Б., хорошей не возьметъ дешево, а дорогой не по карману. Взять дешеваго, — Богъ его знаетъ! — пожалуй, нападешь на горькаго пьяницу, а то и хуже — на неуча: и время проведетъ, и денежки получить, а потомъ поминай, какъ звали... Было и еще затрудненіе: хотя Васенькѣ и шель 13-й годъ, а Николенькѣ 14-й годъ, но оба съ трудомъ разбирали печатное и писали «каракулями»...

— Какъ ихъ будетъ обломать! — охала бабушка. — Одичали ребята... головы поросли бурьяномъ...

Начались хлопоты по приисканію гувернера — личныя, чрезъ знакомыхъ и родныхъ...

Въ это время, словно громъ изъ яснаго неба, неожиданно ударила вѣсть о вторженіи Наполеона въ Россію. Французы перешли Нѣманъ и двигались все дальше, дальше... Вскорѣ непріятельскія пушки загрохотали подъ Смоленскомъ. Русскія войска отступали. Чудовище, ужасное, грозное, какъ гнѣвъ Божій, все разрушало на своемъ пути: всѣ труды мирнаго населенія, всѣ его расчеты, планы, надежды, мечты... Нивы были истоптаны и сожжены, города и села разорены до тла... Помѣщики Смоленской и Калужской губерній, побросавъ усадьбы, бѣжали на сѣверъ и югъ...

Вслѣдъ за другими рѣшили бѣжать и Б.

Печи въ барскомъ домѣ и въ людскихъ были выломаны — на случай, чтобы въ усадьбѣ не вздумали зазимовать французы, — окна и двери позаколотили, попрятали въ лѣсу кормъ и хлѣбъ, скотъ развели по крестьянскимъ дворамъ, и хозяйева, трижды обойдя опустѣвшую усадьбу съ иконою св. Николая Чудотворца, уѣхали въ курское имѣніе, къ дальнимъ родственникамъ.

Вернулись они домой уже въ ноябрѣ, когда французы отступали. Усадьба уцѣлѣла, хотя шайки мародеровъ, отколовшись отъ непріятельской арміи, рыскали по близости.

Б. принялись устраиваться въ родномъ гнѣздѣ.

По случаю предстоявшаго празднованія дня рожденія Николеньки, чтобы обсудить нѣкоторыя хозяйственныя детали, вече-

ромъ вся семья собралась въ гостиной, около пылавшаго камелька, сложеннаго на скорую руку. На дворѣ трещалъ морозъ, въ гостиной дулъ вѣтеръ, и всѣ, ежась отъ холода, сидѣли въ шубахъ и валенкахъ.

Семейное совѣщаніе было прервано въ самомъ началѣ неожиданнымъ приключеніемъ.

Едва хозяйка успѣла назвать имена двухъ-трехъ сосѣдей, которыхъ, по ея мнѣнію, слѣдовало пригласить, какъ дверь въ гостиную тихонько растворилась, и на порогѣ, въ клубахъ морознаго пара, показался бурмистръ Михайла; отвѣсивъ поклонъ, бурмистръ выжидательно сталъ у дверей, отдирая ледъ съ бороды и усовъ.

— Ты что, Михайла?—спросилъ помѣщикъ.

— Да кабытъ неладно, батюшка баринъ... кабытъ французъ забрель...

— Гдѣ?

— Въ овинѣ притаился... Мужики ужъ побѣгли туды...

Въ гостиной произошелъ переполохъ. Французовъ не боялись: въ одиночку ихъ забирали бабы, вооруженныя рогачами, и даже подростки; но Б. опасался, что они могутъ уйти...

Черезъ нѣсколько минутъ толпа мужиковъ шумно ввалилась въ барскіе хоромы, таща связаннаго француза, закоченѣвшаго отъ стужи; по дорогѣ мужики успѣли «начистить» ему зубы и «ткнуть» раза два «подъ микитки»; бѣдняга стоналъ и слабо лепеталъ:

— Mon Dieu... Je suis gélé, j'ai faim (Боже мой... я замерзаю... голоденъ...)

Француза отогрѣли, напоили и накормили... Докторъ, осмотрѣвъ его, нашелъ необходимымъ отнять ему три отмороженныхъ пальца на ногахъ и два на рукѣ.

Къ веснѣ больной сталъ поправляться.

— Что мы съ нимъ будемъ дѣлать?—спрашивалъ Б.

— Оставимъ его у насъ,—рѣшилъ онъ.—Пусть онъ учитъ ребятъ французскому языку, а по другимъ предметамъ возьмемъ поповича.

Пьеръ—такъ звали плѣнника—остался въ семьѣ гувернеромъ. У себя на родинѣ онъ былъ крестьяниномъ и бондаремъ. Никто не спрашивалъ его, способенъ ли онъ къ дѣлу, которое, очевидно, было для него новинкою. По мнѣнію Б., для преподаванія родного языка, разъ человѣкъ знаетъ грамоту, французу не требовалось особенныхъ познаній. Пьеру купили словари, грамматику, и началось взаимное обученіе, такъ какъ французъ не зналъ ни слова по-русски.

Въ слѣдующемъ году Б. умеръ; вскорѣ за нимъ послѣдовала и его мать. Пьеръ, любившій заниматься сельскимъ хозяйствомъ, съ успѣхомъ замѣнялъ хозяина...

Занятія съ дѣтьми, при помощи поповича, сверхъ ожиданія, шли какъ слѣдуетъ, только съ французскимъ языкомъ происходила какая-то удивительная метаморфоза... Мальчики говорили довольно бойко, но, какъ замѣчали настоящіе галломаны, выговоръ у нихъ былъ не чистый, не парижскій...

— Что же это, мать моя, какъ они у тебя тараторятъ?.. чудно какъ-то,—спрашивали госпожу Б. знакомыя дамы.—Учить ихъ, кажется, природный французъ, а по-каковски они говорятъ? Не то по-гишпански, не то... и не разберешь!

Нужно замѣтить, что время Б. было временемъ хорошаго французскаго прононса, которымъ въ помѣщичьихъ семьяхъ очень дорожили, какъ признакомъ бонтонности, аристократизма...

— Недоразумѣніе какое-то,—думала мать:—право, и ума не приложу...

«Недоразумѣніе» выяснилось на экзаменахъ въ московскомъ университетѣ, куда поступали оба брата.

— Какъ вы произносите!—удивленно замѣтилъ профессоръ-лингвистъ старшему брату.—Чистѣйшее бретонское нарѣчіе...

Юноша страшно переконфузился.

— Вы воспитывались, вѣроятно, въ Бретани?

— Нѣтъ, дома...

Съ младшимъ братомъ повторилась та же исторія.

— У кого вы учились?

Когда казусъ достаточно выяснился,—надъ нимъ много смѣялись.

Въ университетѣ Б. были извѣстны подъ именемъ «братьевъ-бретонцевъ». Впослѣдствіи съ этимъ прозвищемъ, подъ которымъ ихъ знали больше, чѣмъ по фамиліи, они служили въ В. чиновниками губернскаго правленія. Съ годами произношеніе, правда, нѣсколько улучшилось, но, искалѣченное съ дѣтства, сохранило нѣкоторыя особенности бретонскаго выговора, такъ что братья, любившіе бывать въ обществѣ, даже стѣснялись говорить по-французски, что ихъ весьма огорчало...

Что же касается Пьера, сдѣлавшагося гувернеромъ по недоразумѣнію покойнаго Б., то о бретонскомъ происхожденіи его семья, какъ говорится, узнала послѣдней. Бѣднягъ, разумѣется, и въ голову не приходило, что его родное нарѣчіе не пользуется почетомъ и будетъ осмѣяно въ лицѣ его питомцевъ.

Въ старинномъ гувернерствѣ, кромѣ темныхъ, конечно, были и свѣтлыя стороны. Собственно говоря, это была не организованная корпорація, какъ теперь, а своего рода интеллигентное Запорожье, гдѣ личность, не стѣняемая ни формой, ни профессиональною этикою, могла проявляться свободно, не опасаясь современнаго попечительскаго циркуляра. Поэтому свѣтлыя и темныя стороны сочетались въ немъ иногда въ странныя, причудливые узоры... Рядомъ съ гувернеромъ типа героевъ Дюма изъ «Трехъ

мушкетеровъ» или гоголевскаго Ноздрева встрѣчались тогда на рѣдкость хорошіе люди; но ихъ было мало. Хорошіе люди, говорить народъ, рождаются только по одному на сто тысячъ...

Такой рѣдкой хорошей личностью былъ гувернеръ Кузминскій, преподававшій въ Орловской и Курской губерніяхъ.

Бѣднякъ, вышедшій изъ дьячковской семьи, Кузминскій оставилъ семинарію, въ стѣнахъ которой задышался, и пошелъ бродить по мелкимъ помѣщичьимъ усадьбамъ, нанимаясь въ гувернеры. Въ богатыхъ и знатныхъ семьяхъ ему, какъ не имѣвшему въ прошломъ воспитательской практики, не довѣряли; но зато небогатые помѣщички брали его охотно. Впослѣдствіи, благодаря репутаціи трезваго, искуснаго преподавателя, его стали приглашать и въ знатныя семьи.

О себѣ Кузминскій говорилъ:

— Я—садовникъ, дички прививаю. Дѣти—мои яблоньки. Богъ дастъ, вырастутъ яблоки добрыя.

Это была его любимѣйшая характеристика своей трудной дѣятельности.

Было у него еще одно присловье:

— Не велика лампадка горитъ, а потемки прочь гонитъ. Работай во славу Божію, да не тухни!

Кузминскій служилъ любимому дѣлу со всѣмъ пыломъ молодости. Дѣти любили его, и онъ, нужно отдать ему справедливость, умѣлъ пользоваться этой любовью для педагогическихъ цѣлей.

Проводя въ сознаніе дѣтей гуманныя идеи, К., нерѣдко вопреки воззрѣніямъ родителей, осторожно наводилъ ихъ на мысль, что крѣпостные крестьяне и дворовая прислуга—такіе же люди, какъ и они сами, и что только несправедливость общественнаго устройства поставила ихъ въ зависимое, крѣпостное положеніе. «Вещью можно владѣть,—говаривалъ К.:—а человѣкомъ владѣть—великій грѣхъ». Дѣти, затаивъ дыханіе, слушали гувернера, и, возможно, въ эти минуты въ пытливыхъ головкахъ, въ тайникахъ мягкой дѣтской души уже зарождались величавыя идеи освобожденія...

К. любилъ собирать и записывать мужицкія сказки и пѣсни и указывать «барчукамъ» на мощь и красоту народныхъ образовъ. Никто лучше его не умѣлъ подобрать для дѣтей хорошую книжку или картинку.

Воспитывая господскихъ дѣтей, онъ велъ энергичную борьбу не только съ ложью, порокомъ, свойственнымъ дѣтскому возрасту во всѣхъ классахъ общества, но и съ специально барскимъ порокомъ, съ насиліемъ надъ крѣпостными людьми.

Въ гувернерской практикѣ К. былъ такой случай.

Однажды «барчуки», въ отсутствіе родителей, забрались въ отцовскій кабинетъ и опрокинули тамъ столикъ съ китайской

вазою. Ваза разбилась вдребезги на мельчайшіе кусочки. Когда родители вернулись домой, шалуны сказали имъ, что горничная, убирая кабинетъ, разбила вазу. Дѣвушку, не слушая оправданій, отправили на конюшню съ приказаніемъ: «дать ей столько розогъ, на сколько кусочковъ разбилась ваза». А такъ какъ этихъ кусочковъ насчитали больше двухсотъ, то несчастной грозила почти вѣрная смерть подъ розгами. Кузминскій, подозрѣвавшій истинную суть дѣла, одинъ на одинъ допросилъ мальчиковъ,—дѣти не выдержали его кроткихъ упрековъ и повинились. Гувернеръ, чтобы предупредить послѣдствія дѣтской лжи, послѣшилъ къ отцу.

— Что ты, государь мой, говоришь! — вспыхнулъ помѣщикъ.— Да за кого ты заступаешься?! За дѣвку—холопку! Мои дѣти, государь мой, — продолжалъ онъ тономъ Юпитера, отчеканивая слова,—никогда не могутъ солгать, никогда!

Узнавъ, какой оборотъ приняло дѣло, дѣти побѣжали на конюшню, раздѣлись и потребовали, чтобы ихъ наказали «вмѣсто Даши».

Картина рѣзко измѣнилась.

Помѣщикъ, умиленный, какъ онъ выразился, «спартанской доблестью» дѣтей, въ наказаніе (не за ложь, а за ихъ благородный порывъ, конечно) лишилъ ихъ за обѣдомъ сладкаго блюда, а горничную «великодушно простилъ».

Послѣ цѣлаго ряда столкновеній съ убѣжденными крѣпостниками на почвѣ преподавательской дѣятельности К. наконецъ оставилъ гувернерство и сталъ жить среди крестьянъ, обучая ихъ дѣтей грамотѣ.

Между прочимъ, въ орловскомъ архивѣ хранилось «дѣло» о Кузминскомъ, возникшее въ 1822 году по обвиненію его въ подстрекательствѣ крѣпостныхъ крестьянъ къ неповиновенію помѣщикамъ, въ атеизмѣ и въ храненіи «прелестныхъ» книгъ. Дѣло, начавшееся по доносу сельскаго батюшки, насколько помнится, было «дудное» и не заключало для К. никакихъ «отягчающихъ обстоятельствъ», но окончилось для него печально: К. сослали въ Тобольскую губернію.

Какъ и гдѣ онъ кончилъ? продолжалъ ли онъ насаждать свой чудесный садъ съ плодами добрыми, или погибъ подъ ударами судьбы?—неизвѣстно.

А. Дунинъ.

ЖЕНИТЬБА ПАКАНГУРА.

(Изъ жизни камчадаловъ).

I.

ЖЕ два года, какъ Пакангуръ, придя къ Кончату, объявилъ ему, что дочь послѣдняго, Апгана, ему нравится и онъ хочетъ взять ее себѣ въ жены. Кончатъ давно зналъ Пакангура и ничего не имѣлъ противъ того, чтобы онъ сталъ его зятемъ, а потому, по обычаю ительменовъ¹⁾, сказалъ:

— Хорошо. Живи у меня, работай и дѣлай все, что тебѣ будемъ приказывать я и мои домашніе до тѣхъ поръ, пока не поймашь Апганы.

И сталъ съ тѣхъ поръ Пакангуръ работать, какъ холопъ, на всѣхъ родныхъ Апганы. Онъ таскалъ въ юрту дрова и воду, топилъ ее, дѣлалъ кормъ собакамъ, ловилъ рыбу, ходилъ на охоту, выдѣлывалъ шкуры убитыхъ звѣрей и прочее. А родственницы Апганы между тѣмъ тщательно стерегли невѣсту и окутали ее отъ колѣнъ до подмышекъ частою сѣткою, а сверхъ сѣтки обвили еще ремнями, чтобы не такъ легко было поймать ее жениху и сдѣлаться ея мужемъ. При ней всегда безотлучно находилось нѣсколько бабъ и дѣвушекъ, чтобы защитить ее отъ нечаяннаго нападенія жениха, и лишь только, бывало, Пакангуръ улучалъ минуточку, чтобы схватить невѣсту, какъ Апгана кричала неистовымъ голосомъ, и тотчасъ же на ея зовъ прибѣ-

¹⁾ Буквально значить житель; такъ называютъ сами себя камчадалы.

гали стерегшія ее женщины, накидывались на жениха, били его чѣмъ попало по спинѣ, отгоняли отъ невѣсты, и онъ долженъ былъ со срамомъ удалиться прочь.

И Пакангуръ совѣмъ начиналъ было приходить въ отчаяніе отъ своихъ вѣчныхъ неудачъ у Апганы и даже думалъ, не оставить ли ему окончательно намѣреніе сдѣлаться когда-либо ея мужемъ, такъ какъ очевидно было, что если она сама не поможетъ ему разорвать защищавшія ее путы, то онъ никогда не достигнетъ цѣли.

Но, съ другой стороны, всѣ эти препятствія только еще болѣе разжигали страсть упрямаго Пакангура, и онъ во что бы то ни стало хотѣлъ добиться своего. Да къ тому же отказаться отъ невѣсты это значило бы потерять даромъ два года. А что станутъ говорить его знакомые? Вѣдь они засмѣютъ его. «Ну, скажутъ, хорошъ женихъ: два года жилъ и не сумѣлъ въ это время поймать невѣсту!» Да вѣдь послѣ этого ни одна дѣвушка за него не согласится пойти; отцы будутъ нарочно зазывать въ работники, но ни одна изъ дочерей не дастся ему... Да хороша тоже и Апгана: другая на ея мѣстѣ уже тысячу разъ дала бы возможность поймать себя, а эта, какъ нарочно, не хочетъ даться. Еще вчера онъ совѣмъ овладѣлъ было ею и уже разорвалъ на ней и кушанку¹⁾, и нерпичьи хонзы²⁾, оставалось только разорвать еще крѣпкую сѣтку, но она своимъ крикомъ взбудоражила всѣхъ, прибѣжали бабы, ухватили его сзади за волосы и оттащили отъ Апганы. Такая досада! И снова приходится начинать дѣло сызнова... Ну да вотъ настанетъ лѣтняя пора, и когда перейдутъ въ лѣтнія хижины, то легче можно будетъ подкараулить Апгану гдѣ-нибудь въ лѣсу и поймать ее.

Такъ утѣшалъ себя Пакангуръ и еще съ большимъ усердіемъ старался угождать своимъ хозяевамъ въ надеждѣ привлечь этимъ къ себѣ сердце своей невѣсты. Когда, бывало, кто-нибудь изъ родныхъ или знакомыхъ хозяевъ пріѣзжалъ къ нимъ въ гости, онъ до такой степени натапливалъ юрту, что въ ней невозможно было сидѣть въ одеждѣ, и всѣ должны были до нитки снимать съ себя все и оставаться въ чемъ мать родила. И никто не умѣлъ угостить гостей да и самихъ хозяевъ такъ, какъ это дѣлалъ Пакангуръ. Онъ разставлялъ среди пола передъ огнемъ нѣсколько деревянныхъ корытъ, клалъ въ нихъ рыбу, наливалъ воду и затѣмъ, раскаливъ добѣла каменья, бросалъ ихъ въ эти корыта и варилъ такимъ образомъ рыбу, по старому обычаю предковъ. Отъ такого способа варки въ юртѣ поднимались цѣлыя облака пара, какъ въ настоящей банѣ, но это считалось самымъ лучшимъ и почетнымъ приѣмомъ гостей. Затѣмъ онъ начиналъ угощать присутствующихъ,

¹⁾ Верхняя мѣховая рубашка; ²⁾ ремни.

ставя передъ каждымъ двумя гостями по большому корыту, до такой степени наполненному рыбой, что отъ каждаго изъ нихъ могли бы насытиться по крайней мѣрѣ человѣкъ десять. И онъ не отходилъ отъ своихъ гостей до тѣхъ поръ, пока они не наѣдались до того, что ихъ начинало тошнить. Но и послѣ этого хлѣбосольный Пакангуръ не оставлялъ ихъ въ покоѣ. Онъ нарѣзывалъ длинными тонкими кусочками нерпичій жиръ, и когда гость, уже отяжелѣвшій отъ ѣды, лежалъ неподвижно, не будучи въ состояніи шевельнуть пальцемъ, онъ бралъ длинную полосу этого жира, совалъ въ ротъ гостю, и когда тотъ, раскрывъ ротъ, захватывалъ въ него зубами сколько могъ, предупредительный Пакангуръ тотчасъ же отрѣзывалъ эту часть ножомъ и спѣшилъ съ тѣмъ же угощеніемъ къ слѣдующему гостю.

Часто послѣ такого угощенія гости дня по два, по три лежали на нарахъ въ какомъ-то полусознаніи, не пили и не ѣли, а только катались на животѣ, чтобы лучше переваривалась пища. И это считалось у камчадаловъ верхомъ самаго изысканнаго хлѣбосольства.

И всѣ завидовали Кончату, что у него будетъ такой обязательный и почтительный зять. Не хотѣла обращать на Пакангура вниманія одна только Апгана, ради которой онъ такъ старался. Она даже никогда не надѣвала на себя обязательный подарокъ жениха—махву, поясъ стыдливости, который носятъ невѣсты, оставаясь въ жарко натопленныхъ ютрахъ нагими, а ограничивалась въ этихъ случаяхъ лишь своимъ дѣвическимъ поясомъ,—и это очень огорчало Пакангура.

II.

Но вотъ пришло и лѣто. Камчадалы изъ своихъ зимнихъ, темныхъ землянокъ, спускаться внутрь которыхъ приходилось по высокому бревну съ зарубками, черезъ дымовое отверстіе на толкѣ, служившее вмѣстѣ съ тѣмъ и единственнымъ окномъ, стали переселяться въ лѣтнія юрты. Эти послѣднія обыкновенно находятся гдѣ-либо по близости отъ устья рѣки, такъ какъ при устьѣ лучше всего ловится рыба, составляющая главную пищу камчадаловъ, и устраиваются на высокыхъ, сажени въ двѣ, столбахъ и видомъ своимъ напоминаютъ наши голубятни. Крыши ихъ покрыты длинною травою, и часто нѣсколько такихъ избушекъ стоятъ рядомъ на такомъ разстояніи, что изъ одной въ другую перекидываются доски, по которымъ обитатели и сообщаются другъ съ другомъ. На столбахъ хижины устраиваются потому, что почва около устьевъ рѣкъ по большей части низменная, сырая и вредная для здоровья.

Такимъ образомъ, зимою камчадалы живутъ, какъ кроты, подъ землей, а лѣтомъ, какъ птицы, въ легкихъ воздушныхъ голубятняхъ, взбираться въ которыя приходится тоже по высокому бревну

съ зарубками. Впрочемъ, въ свои лѣтніе шалаши они приходятъ только на ночь спать, да развѣ укрываются иногда въ ненастную погоду, а большую часть лѣтняго дня проводятъ подъ открытымъ небомъ, занимаясь почти исключительно рыболовствомъ.

Такъ какъ и послѣ переселенія въ лѣтнія юрты Апгана продолжала избѣгать Пакангура и сторониться отъ него, то онъ рѣшилъ пойти къ шаману, авось, не научить ли онъ, что ему дѣлать, чтобы поймать свою невѣсту и сдѣлаться ея мужемъ.

Шаманъ жилъ въ лѣсу, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ лѣтнихъ юртъ, и когда Пакангуръ пришелъ къ нему однажды вечеромъ, онъ сидѣлъ возлѣ открытыхъ дверей своей хижины и, ударяя деревянной колотушкой съ рукояткой изъ китоваго уса въ мѣдный барабанъ, завывалъ подъ его аккомпаниментъ какую-то дикую пѣсню. Это была обычная молитва шамана духамъ передъ тѣмъ, какъ онъ ложился спать.

— Что скажетъ сынъ мой?—спросилъ шаманъ, окончивъ свою молитву и видя передъ собой Пакангура.

— Я пришелъ къ тебѣ узнать, будетъ ли Апгана моей женой? Вотъ уже два года, какъ я работаю у Кончата ради его дочери, и все никакъ не могу ее поймать. Скажи мнѣ, что мнѣ дѣлать?—спросилъ Пакангуръ.

— Другъ мой, очевидно, у тебя есть соперникъ, — отвѣтилъ шаманъ.

— Соперникъ?!—вскричалъ Пакангуръ:—я убью его!

— Я тебѣ не совѣтую этого. Зачѣмъ его убивать? Вѣдь если ты его убьешь, этимъ самымъ ты вызовешь на свою голову мщеніе со стороны его родныхъ и самъ себѣ надѣлаешь большихъ хлопотъ. Ты долженъ постараться заслужить любовь Апганы, чтобы она сама предпочла тебя твоему сопернику, и тогда все уладится миромъ.

— Но какъ я могу заслужить ея любовь?

— А это ужъ твое дѣло. Разговаривалъ ли ты когда-нибудь съ ней ласково, по душѣ?

— Нѣтъ, отецъ, не случилось. Я все только ее подкарауливалъ, чтобы поймать врасплохъ и сдѣлаться ея мужемъ, но изъ этого ничего не выходило, такъ какъ она своимъ крикомъ призывала къ себѣ на помощь своихъ родственницъ, и онѣ мнѣ мѣшали.

— Ну, вотъ видишь. Дѣвушки любятъ, чтобы съ ними обращались ласково и ублажали всякими хорошими словами. Дѣлалъ ли ты ей какіе-нибудь подарки?

— Нѣтъ, отецъ; я подарилъ ей одну только махву, но она ее никогда не надѣваетъ. Я думалъ, что, когда буду ея мужемъ, тогда и стану дарить.

— И опять ты неправильно поступалъ. Ничто не располагаетъ сердце женщины или дѣвушки къ мужчинамъ такъ, какъ какой-ни-

будь подарокъ, какая-нибудь блестящая бездѣлушка, которая онѣ любятъ больше всего.

— Но кто мой соперникъ? Скажи мнѣ, кто мой соперникъ? Я часто вижу въ ея волосахъ красивыя бусы, но не знаю, откуда она ихъ беретъ. Отецъ ея не могъ ей дарить, потому что отцы не дарятъ бусами своихъ дочерей, а самой ей неоткуда ихъ достать. Это, навѣрное, онъ ей дарить. Но тогда почему онъ раньше меня не сваталъ ее? Я не потерялъ бы даромъ два года!—вскричалъ Пакангуръ, и злобное чувство ревности стало овладѣвать его сердцемъ.

— Кто твой соперникъ—этого я не могу тебѣ сказать. Слѣди внимательнѣе за своею невѣстою самъ, и ты, можетъ быть, и узнаешь, кто твой соперникъ,—сказалъ шаманъ.

— Такъ скажи мнѣ, по крайней мѣрѣ, долженъ ли я продолжать работать у Кончата и станетъ ли когда-нибудь Апгана моей женой?—умолялъ Пакангуръ.

— Это могутъ сказать только духи. Но если ужъ ты такъ хочешь, то я тебѣ постараюсь вызвать ихъ и спрошу у нихъ.

Шаманъ вошелъ внутрь своей хижины и пригласилъ слѣдовать за собою Пакангура. Тамъ онъ подбросилъ въ еле тлѣвшій среди пола костеръ свѣжую охапку дровъ, нарядился въ свое шаманское платье, въ кафтанъ съ длинной бахромой, увѣшанный различными ленточками, желѣзками, погремушками, изображеніями птицъ, животныхъ, рыбъ и проч., взялъ въ руки свой бубенъ, сѣлъ передъ горящимъ огнемъ и закурилъ трубку, запивая глотаемый дымъ большими глотками холодной воды. Потомъ брызнулъ этою водою изо рта на всѣ четыре стороны и замеръ на своемъ мѣстѣ неподвижно, уставившись глазами куда-то вдаль. Долго сидѣлъ онъ такъ, пока легкая дрожь не пробѣжала по его тѣлу и у него началась икота. Когда огонь въ кострѣ почти совершенно потухъ, шаманъ издалъ пронзительный крикъ, послѣ чего медленно, сначала еле слышно послышалась дробь бубна, которая затѣмъ все болѣе и болѣе усиливалась. Въ воздухѣ то и дѣло слышались пронзительные крики чаекъ или другихъ птицъ, и чудилось какъ бы приближеніе бури. Громъ бубна превратился въ оглушительный гулъ... Наконецъ шаманъ запѣлъ какую-то пѣсню, въ которой вызывалъ нужнаго ему духа, а черезъ нѣкоторое время вскочилъ на ноги и началъ дикую пляску вокругъ огня, прыгая и кривляясь. Долго плясалъ шаманъ, до изнеможенія, пока не упалъ на землю, словно мертвый. Но вотъ онъ медленно приподнялся и, держа бубенъ надъ головою, началъ какъ бы къ чему-то прислушиваться. Затѣмъ сталъ кому-то дѣлать разные вопросы, точно разговаривая съ вызваннымъ имъ невидимымъ духомъ. Наконецъ онъ сѣлъ, отложилъ бубенъ въ сторону и, обратясь къ Пакангуру, заговорилъ:

— Слушай, Пакагуръ: дѣло твое не безнадежно. Если ты будешь служить у Кончата и дѣлать такъ, какъ я тебѣ говорилъ, то Апгана можетъ сдѣлаться твоей женой. Но ты долженъ ежедневно приносить по вечерамъ какую-либо жертву ажушаку.

Ажушакъ—это толстый колъ, втыкаемый возлѣ каждой камчатской юрты, верхушка котораго обтесана наподобіе человѣческой головы. По объясненію камчадаловъ, духи, къ которымъ они обращаются за помощью, не всегда могутъ приходиться на зовъ: они являются только во время какихъ-либо празднествъ, а также лишь по особому зову шамана, во время производимаго имъ камлавія. Но и шаманъ не всегда можетъ быть подъ рукою; поэтому ажушакъ, устраиваемый возлѣ юрты и освящаемый съ особыми церемоніями шаманомъ, въ случаѣ надобности, можетъ замѣнить послѣдняго и явиться посредникомъ между камчадалами и духами. Если кому-либо требуется спѣшная помощь отъ духовъ, тотъ приносить ажушаку какую-либо жертву, привязываетъ ему, на примѣръ, на шею кишки убитаго звѣря, или мажетъ ему лицо кровью убитаго животнаго, или обматываетъ его шею мятой и проч. Но чаще всего можно видѣть почти въ каждой камчадалской деревнѣ подвѣшенныхъ на ажушакѣ за заднія ноги зарѣзанныхъ въ жертву духамъ собакъ.

Въ жертву духамъ приносятъ иногда также маленькихъ деревянныхъ истуканчиковъ съ вымазанными саломъ лицами и подвязанною на ихъ шеяхъ мятой; ихъ бросаютъ въ огонь. Кромѣ того, возлѣ юртъ втыкаютъ въ землю пучки прутьевъ, на которыхъ вѣшаютъ въ жертву Тыжилъ-Куткѣ первую убитую на охотѣ птицу, а также бросаютъ во время обѣда въ праздничные дни по кусочку отъ каждаго кушанья въ огонь.

По вѣрованіямъ камчадаловъ, до сотворенія земли было одно только море, созданное богомъ Утлейчиномъ, въ которомъ онъ и теперь живетъ, да небо, на которомъ жилъ богъ Кутка со своею женою Хахи. Но потомъ Кутка вмѣстѣ съ Хахи спустился съ неба на море, но Хахи не могла стоять на поверхности воды и погрузилась въ море по самую грудь и въ такомъ положеніи родила сына Сымскалина, который всплылъ на поверхность воды головою на западъ, а ногами на востокъ. Тогда Хахи стала ему на шею, а Кутка на ноги, при чемъ Кутка приказалъ, чтобы новорожденный превратился въ землю, что и случилось. Послѣ сотворенія такимъ образомъ земли Хахи родила второго сына, Тыжилъ-Кутку, и дочь Сидуку, которые сдѣлались мужемъ и женой. Кутка сдѣлалъ имъ изъ листьевъ платье и, научивъ, какъ строить лодки, оставилъ ихъ на Камчаткѣ, а самъ отправился изъ Камчатки на сѣверъ на лыжахъ. До отшествія Кутки мѣстность въ Камчаткѣ была ровная, ни горъ, ни долинъ на ней не было; но когда Кутка уходилъ, земля подъ его лыжами гнулась; такъ образовались долины, а по сторонамъ ихъ горы.

По отходѣ Кутки у сына его Тыжилъ-Кутки родился сынъ Амлей и дочь Сидукамшичъ, отъ которыхъ произошли на землѣ всѣ народы. Сначала Тыжилъ-Кутка со своею женою питались березовою и таловою корою, но потомъ, когда у нихъ родился сынъ, они начали задумываться надъ тѣмъ, чѣмъ имъ питать свое потомство. И надумалъ Тыжилъ-Кутка создать звѣрей, мясо которыхъ шло на пищу, а шкуры на одежду. Кромѣ того, онъ научилъ своихъ дѣтей, какъ дѣлать изъ крапивы сѣти и ловить ими рыбу. Поэтому камчадалы до сихъ поръ чтутъ свято Тыжилъ-Кутку, празднованіе которому происходитъ у нихъ осенью, въ ноябрѣ. Что же касается Кутки-отца, то онъ почему-то считается у камчадаловъ безмысленнымъ и глупымъ существомъ, и они не только его не почитаютъ, но, напротивъ, постоянно дѣлаютъ его цѣлью своихъ насмѣшекъ. Они относятся съ уваженіемъ только къ его женѣ, Хахи, которая, по ихъ увѣреніямъ, была очень умной женщиной, постоянно исправляла ошибки своего глупаго мужа и удерживала его отъ безразсудныхъ поступковъ.

III.

Уже начиналось утро, когда Пакангуръ возвращался отъ шамана. Туманъ, заволакивавшій сѣрыми облаками окружающія горы, сталъ испаряться, и на сѣромъ фонѣ предутренняго разсвѣта начали ярко выступать конусообразныя вершины камчатскихъ вулкановъ, дымящихся черноватымъ паромъ изъ своихъ кратеровъ, высоко вздымавшихся къ небу, позади которыхъ видѣлись голубоватыя очертанія береговыхъ горъ. Туманныя облака, носящіяся тамъ и сямъ по скатамъ горъ, тоже стали исчезать, какъ ночные духи передъ зарождающимся днемъ. И по мѣрѣ того, какъ на востокѣ разгоралась заря, вся природа оживала. На берегу и въ камышахъ гоготали дикіе утки и гуси, издали доносились крики морскихъ чаекъ, а въ голубой выси слышались мелодичные звуки пролетавшихъ лебедей. Высокая густая трава, окружавшая тропинку, по которой шелъ Пакангуръ, была усѣяна разноцвѣтными цвѣтами, и красные и желтые лепестки альпійскихъ розъ отражались въ протекавшей рѣкѣ рядомъ съ громадой возвышавшихся горъ.

Розовые лучи солнца медленно спускались по снѣжнымъ горнымъ склонамъ, и вдругъ изъ-за отдаленнаго гребня горы показался, точно огромный раскаленный уголь, краешекъ солнца, отъ котораго блеснулъ яркій широкій снопъ свѣта въ долину, превращая каждую каплю росы въ брильянтъ.

«А и тяжелъ же, должно быть, былъ Кутка, если продѣлалъ своими лыжами такія глубокія долины и такія высокія горы!» подумалъ Пакангуръ, съ восхищеніемъ смотря на живописныя

окрестности. Но вдругъ взглядъ его упалъ на гладкую поверхность протекавшей рѣки, засвѣтившуюся подъ утренними лучами солнца, точно расплавленное серебро. Онъ остановился и, внимательно взглядывшись въ рѣку, высоко подпрыгнулъ отъ радости на мѣстѣ и торжественно во всю глотку закричалъ: «Чавыча ¹⁾ пошла!» и опрометью бросился по направленію къ рѣкѣ.

Дѣйствительно, то, что онъ увидалъ, должно было привести въ восторгъ всякаго камчадала.

Камчадалы живутъ главнымъ образомъ рыболовствомъ, и отъ хода рыбы изъ моря въ верховья рѣкъ для метанія икры зависитъ все ихъ существованіе въ теченіе всего года. Съ надеждою, страхомъ и нетерпѣніемъ ждутъ они начала этого хода. Такъ было и на этотъ разъ. Камчадалы давно уже ждали обычнаго хода рыбы, но почему-то въ этотъ годъ она замедлила своимъ появленіемъ, и они уже начинали падать духомъ, боясь, что рыбы вовсе не будетъ, а это угрожало бы имъ неминуемою бѣдою, такъ какъ ихъ ожидалъ бы неизбѣжный голодъ.

Понятно поэтому было торжественное восклицаніе Пакангура, когда онъ увидалъ, что гладкая поверхность рѣки на необозримое разстояніе внизъ и вверхъ и отъ одного берега до другого была покрыта рябью и блестяла на солнцѣ сѣро-стальнымъ тѣломъ чавычи, сплошь запрудившей всю рѣку такимъ густымъ слоемъ, что рѣка пѣнилась и какъ бы кипѣла отъ массы рыбы. Тамъ и сямъ на кремнистыхъ отмеляхъ, гдѣ рыба встрѣчала препятствія для своего дальнѣйшаго слѣдованія, она высоко выбрасывалась изъ воды на воздухъ, стараясь преодолѣть препятствіе, и блестяла на солнцѣ, точно брызжащее серебро. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отлогій берегъ былъ весь усеянъ выскочившею изъ воды рыбою, трепетавшею на землѣ и уже не могшею возвратиться обратно въ воду. И надо всей этой массой шедшей рыбы съ пронзительнымъ крикомъ кружили цѣлыя стаи бѣлоснѣжныхъ чаекъ, чувявшихъ богатую поживу.

— Хорошъ будетъ нынче уловъ! — вслухъ произнесъ Пакангуръ, любуясь живымъ потокомъ рѣки и медленно шагая вдоль берега къ своей деревнѣ, чтобы извѣстить еще спавшихъ камчадаловъ о столь радостномъ событіи.

Вдругъ въ одномъ мѣстѣ подъ береговою кручею онъ увидалъ оригинальнаго рыболова, забравшагося по самое горло въ воду и хватавшаго проплывавшую мимо добычу и зубами и лапами. Это былъ громадный черный камчатскій медвѣдь.

Черные медвѣди водятся въ Камчаткѣ въ большомъ изобиліи, и если бы они не были здѣсь миролюбивы, словно прирученныя животныя, то существованіе людей въ Камчаткѣ едва ли было бы

¹⁾ Чавыча—это рыба изъ породы лососей.

мыслимо. Миролюбие ихъ, вѣроятно, происходитъ оттого, что здѣсь для нихъ обиліе всякой пищи, а въ особенности рыбы, которою лѣтомъ они питаются такъ же, какъ и люди. Эти медвѣди никогда не нападаютъ на человѣка, и даже маленькія дѣти и женщины не боятся ходить въ лѣсу и рядомъ съ ними собирать ягоды, до которыхъ медвѣди также большіе охотники. Но, разумѣется, они не трогаютъ людей только тогда, когда ихъ самихъ не задѣваютъ.

Пакангуръ притаился за камнемъ и началъ наблюдать за работой Мишки. Не довольствуясь глушеиіемъ проплывавшей мимо рыбы, медвѣдь сталъ ловить ее болѣе остроумнымъ способомъ. Онъ вставалъ противъ теченія рѣки, смыкалъ свои переднія ноги и расширялъ немного заднія, оставляя между ними такое отверстіе, въ которое могла бы пройти крупная рыба, и когда та дѣйствительно заходила въ эту своеобразную ловушку, онъ весь съеживался и выскакивалъ на берегъ, держа въ лапахъ пойманную рыбу, которой тутъ же отѣдалъ голову, какъ наиболѣе вкусную часть, а остальное бросалъ и снова принимался за ловлю.

Съ Пакангуромъ былъ одинъ только лукъ со стрѣлами да охотничій ножъ, но онъ не могъ воздержаться отъ соблазна убить звѣря.

По вѣрованію камчадаловъ, какъ и по вѣрованію большинства сѣверныхъ инородцевъ, медвѣдь не простой звѣрь, а богъ, и убить его можетъ только человѣкъ, у котораго спокойна совѣсть и который не знаетъ за собой никакого грѣха; поэтому не всякій отваживается на охоту на медвѣдя. Но такъ какъ у Пакангура не было на совѣсти ничего такого, что могло бы ему помѣшать итти противъ медвѣдя, то онъ съ легкимъ сердцемъ отважился вступить съ нимъ въ единоборство.

Подкравшись какъ можно ближе къ звѣрю, онъ сталъ цѣлить ему изъ лука прямо въ ухо. Почувствовавъ, какъ острая стрѣла вонзилась въ кожу его черепа, медвѣдь съ ревомъ, трясая головой, выскочилъ изъ воды на берегъ и съ недоумѣніемъ началъ озираться вокругъ, точно соображая, откуда опасность. Въ это время вторая стрѣла Пакангура поразила его возлѣ сердца. Но тутъ Мишка, услыжавъ шорохъ за камнемъ, гдѣ скрывался охотникъ, съ яростью устремился на своего врага. Но Пакангуръ былъ готовъ. Выскочивъ изъ-за камня на чистое мѣсто, онъ выхватилъ изъ-за пояса свой охотничій ножъ и сталъ въ оборонительную позу. Медвѣдь, подбѣжавъ къ охотнику, по своему обыкновенію всталъ на заднія лапы, чтобы передними подмять его подъ себя, но Пакангуръ предупредилъ его; онъ мигомъ подскочилъ къ нему самъ и, заслонившись лѣвою рукой отъ поднятыхъ надъ его головою медвѣжьихъ лапъ, правою, вооруженною ножомъ, однимъ взмахомъ распоролъ ему животъ снизу доверху такъ, что внутренности вывалились наружу. Медвѣдь грузно опустился на землю и забился въ предсмертныхъ конвульсіяхъ.

Когда онъ окончательно издохъ, Пакангуръ содралъ съ него шкуру и, навѣсивъ ее на себя, отправился въ деревню. Тамъ еще всѣ спали, когда онъ огласилъ воздухъ торжествующимъ крикомъ:

— Чавыча, чавыча идетъ! Вставайте, чавыча идетъ!

Скоро вся деревушка была на ногахъ. Видя Пакангура закутаннымъ въ свѣже-содранную съ медвѣдя шкуру, камчадалы окружили его и начали спрашивать, какъ ему удалось убить такого огромнаго звѣря; и всѣ удивлялись его мужеству и отвагѣ. Одна только Апгана отнеслась равнодушно къ его подвигу и не выразила ни удивленія, ни восторга.

Началась ловля рыбы. Камчадалы ловили ее всѣмъ, что только у нихъ было подъ руками: корзинами, бреднями, кололи копьями, хватили руками, выволакивали сплетенными изъ ремней неводами. И въ то время, какъ мужчины были заняты вытаскиваніемъ изъ рѣки рыбы, женщины быстро и искусно ее потрошили, чистили, вынимали изъ нея кости и вѣшали длинными рядами на горизонтальныхъ жердяхъ для сушки на солнцѣ.

Приготовленная такимъ образомъ рыба, называемая юколою, и составляетъ главную пищу камчадаловъ въ теченіе всей долгой зимы.

Ходъ рыбы продолжался около двухъ мѣсяцевъ, съ половины мая до половины іюля. Сначала шла не столь крупная рыба, преимущественно чавыча, затѣмъ начался ходъ болѣе крупной—хайко. И въ теченіе всего этого времени Пакангуру некогда было думать объ Апганѣ; онъ съ утра до ночи всецѣло былъ занятъ ловомъ рыбы.

IV.

Шаманъ не ошибся: у Пакангура дѣйствительно былъ соперникъ въ лицѣ молодого камчадала изъ чужой деревни Кодахвича. Это былъ отчаянный повѣса, плутъ и мошенникъ, пользовавшійся далеко въ окрестности самою дурною славою. Онъ постоянно имѣлъ какія-то темныя дѣла съ русскими промышленниками и торговцами, научился у нихъ лгать, обманывать, пить водку и развратничать. Онъ красть у своихъ сосѣдей все, что плохо лежало, и сбывалъ украденное русскимъ торговцамъ, которые поили его за это водкой. Но въ то же время онъ имѣлъ большой успѣхъ у камчатскихъ красавицъ, такъ какъ умѣлъ дѣлать имъ разные подарки въ видѣ бусъ и другихъ бездѣлушекъ, получаемыхъ имъ отъ русскихъ торговцевъ за краденое. Ни одинъ камчадалъ изъ знавшихъ его никогда не рѣшился бы выдать за него свою дочь, и близко не пустилъ бы къ себѣ на порогъ. Но онъ и не старался обзаводиться женой и семействомъ, потому что у него вездѣ были возлюбленныя. Апгана тоже поддалась его чарамъ и уже давно

ходила къ нему на тайныя свиданія, о которыхъ ни отецъ ея, ни женихъ даже и не подозрѣвали.

Возвратившись отъ шамана и слѣдуя его совѣтамъ, Пакангуръ перемѣнилъ обращеніе съ Апганой и вмѣсто того, чтобы бросаться на нее, какъ звѣрь, когда заставлялъ гдѣ-нибудь одну, началъ теперь заводить съ ней ласковыя рѣчи; но Апгана на нихъ мало обращала вниманія и продолжала сторониться отъ него.

Однажды, когда въ ихъ деревню пріѣхалъ русскій торговецъ съ товаромъ, Пакангуръ промѣнялъ ему шкуру убитаго имъ медвѣдя на хорошенькія бусы и другія бездѣлушки и все это подарилъ Апганѣ. Но та, къ его удивленію, даже и не взглянула на нихъ и не взяла ихъ. Это страшно обидѣло Пакангура, и онъ началъ ревниво слѣдить и подсматривать за каждымъ ея шагомъ, чтобы открыть, кто виновникъ такой холодности къ нему его невѣсты! Но Апгана и плуть Кодахвичъ были очень осторожны. Они устраивали свои свиданія только тогда, когда знали, что Пакангуръ былъ далеко отъ дома. А послѣ того, какъ ходъ рыбы прекратился, Пакангуру часто приходилось пропадать по цѣлымъ днямъ на охотѣ то за лѣсными звѣрями, то на морѣ въ своей байдарѣ въ охотѣ за нерпами и другимъ морскимъ звѣремъ. Долго Пакангуру не удавалось открыть виновника своихъ неудачъ у Апганы. Но вотъ разъ онъ вернулся изъ своей отлучки ранѣе обыкновеннаго, когда его возвращенія не могли ожидать. Причаливая свою лодку къ берегу, онъ замѣтилъ скрытую въ кустахъ чью-то чужую байдарку. Чувство подозрѣнія тотчасъ же закралось въ душу Пакангура: ужъ не его ли это соперникъ въ его отсутствіе пріѣхалъ къ Апганѣ? Выйдя на берегъ и стараясь быть незамѣченнымъ, онъ сталъ пробираться къ юртамъ. Вдругъ въ кустахъ неподалеку отъ себя онъ услышалъ какой-то негромкій разговоръ. Крадучись, словно кошка, онъ сталъ приближаться къ разговаривавшимъ, и каково же было его изумленіе и гнѣвъ, когда онъ увидалъ Апгану, сидѣвшую, обнявшись съ молодымъ парнемъ, въ которомъ онъ тотчасъ же узналъ всѣмъ извѣстнаго въ округѣ вора и плута Кодахвича!

«А, такъ вотъ кто его соперникъ! Но неужели Апгана могла предпочесть ему эту гадину, пресмыкающуюся передъ русскими! О, онъ покажетъ ей, кто изъ нихъ больше заслуживаетъ любви и уваженія. Пусть она сама увидитъ, кто изъ нихъ лучше, сильнѣе и храбрѣе, и пусть выбираетъ между нимъ и этимъ мошенникомъ», думалъ Пакангуръ, подходя ближе къ влюбленной парочкѣ, обнюхивавшей другъ друга. У камчадаловъ нѣтъ обычая цѣловаться, вмѣсто этого они обнюхиваютъ любимое существо.

Злобы на Апгану у Пакангура не было: то, что дѣвушки живутъ до замужества съ другими парнями, у камчадаловъ не считается позоромъ,—напротивъ, это даже придаетъ имъ въ глазахъ

мужчинъ бѣольшую цѣну: значить, ими не гнушаются. Но Пакангура приводило въ ярость то, что Аггана предпочла ему этого всѣмъ извѣстнаго вора, лѣнтя и пьяницу. Этого онъ никакъ не могъ понять и переварить.

Увлечшаяся парочка, не подозрѣвая объ опасности, продолжала нѣжно ворковать, когда Пакангуръ, выскочивъ изъ кустовъ, внезапно предсталъ передъ нею.

— А, такъ это изъ-за тебя, безсовѣстнаго вора, Аггана не хочеть сдѣлаться моей женой?!—загремѣлъ онъ на своего растерявшагося и оторопѣвшаго соперника.—Выходи, проклятый кайкчичъ¹⁾, и будемъ драться. Пусть Аггана видитъ, кто изъ насъ двоихъ лучше и сильнѣе. Отнынѣ кто-нибудь изъ насъ будетъ ею владѣть: или ты, или я.

Кодахвичъ, въ придачу ко всѣмъ своимъ недостаткамъ, былъ ужаснѣйшій трусъ. Увидя передъ собою внезапно появившагося съ гнѣвно горѣвшими отъ негодованія глазами соперника, онъ перепугался, какъ заяцъ. Глаза его трусливо забѣгали по сторонамъ, высматривая, какъ бы улизнуть въ кусты и скрыться. Но Пакангуръ, зорко слѣдившій за каждымъ его движеніемъ, загородилъ ему дорогу.

— Нѣтъ, когда²⁾, воровать ты умѣешь, а отъ честнаго боя думаешь увильнуть? Но это тебѣ не удастся. Ну же, получай, что ли, заслуженное тобой!—вскричалъ онъ и съ такою силою ударилъ своего соперника по лицу, что тотъ покотился на землю, а затѣмъ, приподнявшись, упалъ къ ногамъ Пакангура и, обнимая его колѣна, началъ со слезами умолять его о пощадѣ, клянясь и обѣщаясь никогда больше не показываться въ ихъ деревнѣ и оставить и навсегда позабыть о существованіи Агганы.

Аггана, до сихъ поръ думавшая, что лучше, сильнѣе и храбрѣе ея возлюбленнаго никого не было на свѣтѣ, была поражена этимъ униженіемъ Кодахвича, отрекавшагося отъ нея. Онъ постоянно хвастался передъ нею своею силою, храбростью и удалью и увѣрялъ, что никого не боится во всей Камчаткѣ, и вдругъ оказался такимъ низкимъ человѣкомъ, такимъ подлымъ трусомъ!

— Тѣфу, гадина! — съ презрѣніемъ сказалъ Пакангуръ, видя пресмыкающагося у его ногъ соперника. — Я хотѣлъ тебя убить, да вижу, что ты не стоишь того, чтобы я сталъ мараить о тебя руки. Уходи, убирай, какъ можно скорѣе, свои ноги, да чтобы духу твоего никогда здѣсь не было! Помни, что, если только я когда-нибудь тебя встрѣчу на своей дорогѣ, я уже не стану съ тобой больше церемониться и не выпущу живымъ изъ рукъ.

¹⁾ Прелюбодѣй, развратникъ.

²⁾ Собака.

Онъ пнулъ ему въ окровавленное лицо своей ногой и съ негодованіемъ отвернулся.

Кодахвичъ не заставилъ повторять Пакаангура свои слова два раза, а тотчасъ же, вскочивъ на ноги, скрылся въ кустахъ.

Апгана въ смущеніи, опустивъ глаза въ землю, стояла передъ Пакаангуромъ, не смѣя взглянуть ему въ лицо: ей было стыдно за своего возлюбленнаго, оказавшагося такимъ низкимъ трусомъ.

— Слушай, Апгана,—заговорилъ Пакаангуръ:—я не хочу пользоваться этимъ случаемъ, чтобы сдѣлаться твоимъ мужемъ, хотя и легко могъ бы это сдѣлать теперь, такъ какъ по близости никого нѣтъ. Но только ты должна мнѣ сказать прямо, по совѣсти, будешь ли ты продолжать ходить на свиданія къ этому негодяю?

— Я не знала, что онъ такая трусливая собака. Если бы я подозрѣвала, что онъ такой, я близко его къ себѣ никогда не подпустила бы, — со слезами въ голосѣ проговорила молодая камчадалка.

— Значитъ, ты теперь не будешь сопротивляться, если я захочу сдѣлаться твоимъ мужемъ?

— Я жалѣю, что раньше этому противилась, — покраснѣвъ, сказала Апгана.

И молодые люди, мирно бесѣдуя, вернулись въ деревню.

Въ тотъ же день Апгана собрала всѣ подарки, какіе у нея были отъ Кодахвича, вынула изъ своихъ волосъ подаренныя имъ бусы, и все это на глазахъ у Пакаангура вдребезги раздробила камнемъ, а остатки бросила въ огонь.

Пакаангуръ былъ на верху блаженства. Взамѣнъ этихъ подарковъ онъ подарилъ ей свои, и теперь Апгана не отказывалась уже отъ нихъ, а, напротивъ, считала за большую честь носить ихъ.

Она точно переродилась, точно глаза ея впервые раскрылись на Пакаангура, и она удивлялась, какъ раньше могла на него смотрѣть иначе, и какъ могла промѣнять этого трудолюбиваго, преданнаго, сильнаго и отважнаго человѣка на какого-то подлаго и трусливаго Кодахвича. Она не могла себѣ простить своего прежняго увлеченія и старалась всячески загладить свою вину и заслужить уваженіе своего жениха и предупредить малѣйшія его желанія.

Родственницы Апганы скоро замѣтили въ ней перемѣну къ своему жениху и еще съ большимъ усердіемъ стали наблюдать за ней и пеленать ее съ ногъ до головы, чтобы не допустить Пакаангура легко овладѣть ею. Но Пакаангуръ теперь и не торопился это дѣлать: онъ зналъ, что она отъ него уже не уйдетъ и что онъ во всякое время можетъ сдѣлаться ея мужемъ.

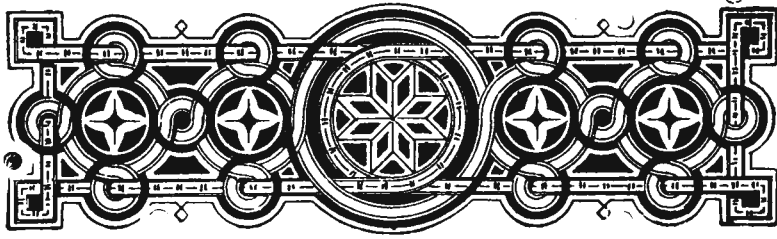
Дѣйствительно, однажды, избравъ удобный моментъ, когда наблюдавшихъ за Апганой женщинъ по близости не было, Пакаангуръ

приблизился къ Апанѣ, и они вмѣстѣ начали рвать опутывавшія ее сѣтку, хонзы и кухлянку...

А спустя нѣсколько минутъ послышался громкій, притворный плачь Апаны, и когда услышавшія его женщины прибѣжали къ ней на помощь, то увидали, что всѣ препоны на Апанѣ были разорваны, а Пакангуръ, отбѣжавшій отъ нея въ сторону, стоялъ со смущеннымъ лицомъ, но торжествующе посматривалъ на оберегавшихъ отъ него Апану женщинъ, которымъ ничего не оставалось, какъ только удостовѣриться въ совершившемся фактѣ и засвидѣтельствовать, что Пакангуръ сдѣлался законнымъ мужемъ Апаны.

П. Инфантьевъ.

КРАМОЛА, РЕАКЦІЯ И ТЕРРОРЪ ¹⁾.

(Историческіе очерки).

IV. М. А. Бакунинъ и С. Г. Нечаевъ.

IX.

ТУДЕНЧЕСКОЕ движеніе 1868—1869 гг. сыграло въ развитіи революціонныхъ теченій въ Россіи очень важную роль. Мы уже коснулись его бѣгло въ предыдущихъ главахъ и отмѣтили, какое направленіе стремились ему дать Бакунинъ и главнымъ образомъ Нечаевъ. Въ интересахъ нашего историческаго изложенія остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе. Послѣ университетскихъ беспорядковъ 1861 г. на сцену выступаютъ движенія среди молодежи въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—медико-хирургической академіи, технологическомъ институтѣ, нынѣшнемъ лѣсномъ институтѣ, Петровско-Разумовской академіи и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Отличительною чертою въ жизни всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній второй половины 60-хъ годовъ является то, что всѣ они приходятъ во взаимную связь другъ съ другомъ, вожаки молодежи сходятся для совѣщаній о нуждахъ всего русскаго студенчества, приходятъ къ заключенію о необходимости привлечь къ движенію столичной

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХVI, стр. 596.
«истор. вѣстн.», июль, 1909 г., т. СХVII.

молодежи учащихъ и въ провинціальныхъ университетахъ, посылають въ провинцію делегатовъ для возбужденія здѣсь «вопросовъ» и такимъ образомъ устанавливаютъ единство задачъ и дѣйствій всей русской учащейся молодежи, приравливая эти дѣйствія и къ единству времени. Благодаря этому начинающіеся беспорядки въ одномъ высшемъ учебномъ заведеніи влекутъ за собою отголоски и однородные же беспорядки и въ прочихъ разсадникахъ просвѣщенія, вслѣдствіе чего впослѣдствіи, когда участники беспорядковъ остаются выброшенными за пороги аудиторій, они всѣ являются какъ бы натасканными въ одномъ общемъ направленіи, готовыми къ вступленію въ ряды оппозиціи съ едиными задачами, цѣлями, традиціями и единымъ жизненнымъ формуляромъ, что въ значительной мѣрѣ способствуетъ тѣсному сближенію ихъ между собою и укрѣпленію увѣренности, что дѣятели, напримѣръ, юга всегда пойдутъ объ руку съ дѣятелями центра, сѣвера и востока. Тутъ рекомендовать не приходилось; достаточно было ссылки на исключенность изъ такого-то учебнаго заведенія и по такому-то случаю, чтобы быть принятымъ въ организаціи другихъ мѣстностей. Слѣбая политика правительства въ этомъ отношеніи играла рѣшающую почти роль. Система репрессій и мѣръ безъ вдумчиваго разбора категорій виновности толкала исключаемыхъ въ объятія другъ друга и создавала съ каждымъ годомъ все болѣе широкіе и сплоченные кадры революціонныхъ борцовъ. Правительство и его наиболѣе дѣятельные въ эту эпоху представители, какъ, напримѣръ, гр. Д. А. Толстой, министръ народнаго просвѣщенія, закрывали на это обстоятельство глаза, не считали нужнымъ въ интересахъ блага страны съ нимъ считаться и разобратъ въ разнородныхъ иногда голосахъ, шедшихъ изъ кружковъ молодежи. Ея заявленія, однажды они громко раздавались, заявлялись «скопомъ», одинаково считались преступными, и результаты вездѣ одинаково были печальны, печальны и для молодежи, печальны и для будущаго Россіи, которой такимъ образомъ искусственно и систематически готовились катастрофы и испытанія.

Суммируя мѣропріятія правительства въ этомъ направленіи, С. Г. Сватиковъ въ статьѣ «Студенческое движеніе 1869 года»¹⁾ отмѣчаетъ на первомъ мѣстѣ результаты занятій особаго высочайше образованнаго комитета подъ предсѣдательствомъ И. Д. Делянова «для обсужденія мѣръ къ отвращенію на будущее время разнообразія дисциплинарныхъ правилъ, существующихъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ». Правила эти сводились къ тому, чтобы: а) затруднить переходъ изъ однихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ другія, съ каковою цѣлью постановлено было подвергать переходящихъ повѣрочному испытанію и требовать о каждомъ изъ нихъ подробныхъ свѣдѣній посредствомъ частныхъ сношеній съ прежнимъ ихъ начальствомъ; б) со-

¹⁾ «Историческій Сборникъ».

блюдать при испытаніяхъ переводныхъ и окончательныхъ всѣ постановленныя для нихъ правила безъ малѣйшаго послабленія; в) совѣтамъ университетовъ обсудить мѣры для привлеченія студентовъ къ научнымъ работамъ подъ руководствомъ преподавателей; г) разрѣшить литографированіе лекцій только самимъ преподавателямъ; д) оставлять на одномъ и томъ же курсѣ не болѣе 2 лѣтъ и то не болѣе 2 разъ въ продолженіе всего ученія; е) отлучающихся изъ города безъ разрѣшенія начальства увольнять вовсе изъ заведенія; ж) обсудить ближайшимъ начальствамъ, не слѣдуетъ ли большую часть суммъ, назначенныхъ на пособіе, стипендіи и преміи, предоставлять учащимся, достойнымъ того по поведенію и успѣхамъ; з) при освобожденіи отъ платы, отсрочкѣ оной, назначеніи пособій и стипендій обращать самое тщательное вниманіе на успѣхи учащихся и ихъ поведеніе; замѣчанія, выговоры и др. взысканія записывать инспекціи въ особую книгу, съ тѣмъ, чтобы отмѣтки эти имѣли вліяніе при предоставленіи учащимся разныхъ льготъ; и) при зачисленіи постороннихъ слушателей въ студенты и при приѣмѣ вновь въ студенты уволенныхъ обращать особенное вниманіе на прежнее ихъ поведеніе и і) не оставлять длинныхъ промежутковъ между лекціями и печатать въ протоколѣ или же представлять центральному управленію вѣдомости о числѣ пропущенныхъ каждымъ преподавателемъ лекцій.

Таковы были средства, намѣченныя комитетомъ для побужденія учащихся къ болѣе серьезнымъ занятіямъ и отвлеченія ихъ отъ политики и общественныхъ вопросовъ. Что касается карательныхъ мѣръ за проступки, то таковыя сведены были къ слѣдующимъ: 1) увольненіе на годъ съ правомъ немедленно поступать въ высшія учебныя заведенія другого города; 2) удаленіе на годъ и на два безъ сего права, и 3) исключеніе съ тѣмъ, чтобы въ теченіе трехъ лѣтъ не принимать никуда, и затѣмъ не иначе, какъ подъ отвѣтственностью учебнаго начальства, рѣшившагося на приѣмъ исключеннаго, и съ разрѣшенія главнаго управленія, которому подвѣдомо принимающее учебное заведеніе. Лишеніе или уменьшеніе стипендій, пособій и льготъ могло служить для пользующихся ими мѣрою взысканія, назначаемаго или отдѣльно, или совокупно съ другимъ взысканіемъ. Разсматривая всѣ эти и еще другія, болѣе частныя репрессивныя мѣропріятія, г. Сватиковъ совершенно справедливо замѣчаетъ: «Установившаяся съ 1869 г. практика ссылатъ административнымъ порядкомъ всѣхъ замѣшанныхъ въ студенческомъ движеніи, а также преграды, воздвигнутыя графомъ Толстымъ, для возвращенія въ учебныя заведенія студентамъ, однажды оттуда исключеннымъ, принесли неожиданныя для правительства результаты. Уже въ 1882 г. въ одной изъ безчисленныхъ комиссій по поводу студенческихъ безпорядковъ тогдашній директоръ департамента полиціи, а потомъ министръ внутреннихъ дѣлъ, В. К. фонъ-Плеве въ слѣдующихъ выраженіяхъ характеризовалъ

положеніе уволенныхъ изъ университета за безпорядки студентовъ: «Эти уволенные,—писалъ Плева,—являютъ собою главный контингентъ, изъ котораго крамола вербуетъ своихъ дѣятелей: безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и неминуемо слѣдующія за ними болѣе или менѣе многочисленныя изъ нихъ исключенія представляютъ какъ бы рекрутскій наборъ, производимый крамолой въ рядахъ учащейся молодежи. Въ бездѣйствіи, нуждѣ и лишеніяхъ, исключенные изъ учебныхъ заведеній молодые люди, жизнь которыхъ оказывается разбитою въ самомъ ея началѣ, ожесточаются противъ всего общественнаго и государственнаго строя, и изъ нихъ тѣ, которые только склонялись прежде къ ученіямъ крамолы, теперь вполнѣ проникаются ими, при чемъ подвергшіеся административной ссылке уже въ мѣстахъ оной начинаютъ оказывать вредное вліяніе на мѣстное населеніе, а по возвращеніи изъ ссылки, если снова успѣютъ проникнуть въ высшія учебныя заведенія, становятся дѣятельными агентами тайныхъ обществъ и въ ихъ духѣ дѣйствуютъ среди своихъ товарищей, растлѣвая ихъ умственно и подстрекая ихъ ко всякаго рода безпорядкамъ». По заявленію того же Плева, «судебно-полицейская статистика свидѣтельствуетъ, что безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, происходившіе въ 1861 году, подготовили каракозовцевъ, а безпорядки 1869 года и послѣдующихъ лѣтъ—тѣхъ лицъ, которыя судились по такъ называемому процессу 193-хъ». Подтверждая слова Плева фактами, г. Сватиковъ указываетъ изъ участниковъ «исторіи» 1869 года на З. Ралли, сыгравшаго видную роль въ русскомъ анархическомъ движеніи за границую, на С. Чудновскаго, участника безпорядковъ въ 1872 году въ одесскомъ университетѣ, привлеченнаго затѣмъ по процессу 193-хъ, на Кадьяна, арестованнаго въ 1877 году въ Самарѣ, на Л. Гольденберга и др., не говоря уже о тѣхъ лицахъ, которыя были привлечены къ такъ называемому «нечаевскому» процессу.

Карательныя мѣропріятія правительства, такимъ образомъ, и по мнѣнію г. Сватикова и по отзыву покойнаго Плева дали исключительно отрицательные результаты, а рядомъ съ ними какихъ-либо мѣропріятій положительнаго характера и творческаго начала мы не встрѣчаемъ, когда вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ не такъ трудно было изыскать, ибо въ этомъ отношеніи молодежь довольно опредѣленно высказала свои пожеланія, изъ которыхъ если не всѣ, то во всякомъ случаѣ нѣкоторыя безусловно подлежали законному удовлетворенію, что повлекло бы за собою, съ одной стороны, значительное успокоеніе учащейся массы, а съ другой—разобщеніе ея съ вожаками революціи. Здѣсь на первомъ мѣстѣ надлежитъ отмѣтить вопросъ о матеріальномъ бытѣ студенчества, который и сыгралъ въ движеніи 1868--1869 гг. такую выдающуюся роль, а также вопросъ о тѣхъ или иныхъ корпоративныхъ организаціяхъ.

X.

«Каракозовскій выстрѣлъ» и послѣдовавшій за нимъ процессъ, а также разгромъ Ипугинскаго кружка внесли въ начавшееся тогда дѣло организаціи кружковъ самопомощи и самообразования значительное разстройство. Многіе кружки понеобходимостиликвидировались, но само организаціонное движеніе не прекратилось, и тенденція такъ или иначе сплотиться въ интересахъ какъ матеріальныхъ, такъ и общественно-политическаго характера не прекратилась. Къ исходу шестидесятыхъ и началу семидесятыхъ годовъ значеніе этихъ кружковъ значительно возросло, и отсюда главнѣйшимъ образомъ вышли тѣ дѣятели нашей революціи, которымъ суждено было сыграть впослѣдствіи видную роль. Тогдашняя кружковщина, о которой подробнѣе будетъ рѣчь далѣе, была фундаментомъ послѣдующихъ революціонныхъ надстроекъ и наслоеній; что же касается состава кружковъ, то главнымъ образомъ они пополнялись изъ кадровъ высшихъ мужскихъ учебныхъ заведеній, какъ равно и элементовъ, уволенныхъ изъ этихъ заведеній. Сюда же понемногу начинаетъ проникать и женскій элементъ преимущественно изъ числа тѣхъ дамъ и дѣвушекъ, которыя являлись дѣятельницами и сторонницами такъ называемаго «женскаго вопроса» съ его требованіями равноправности и эмансипаціи. Вспоминая тѣ годы, С. Л. Чудновскій въ своихъ очеркахъ «Изъ дальнихъ лѣтъ»¹⁾ говоритъ: «Съ октября 1868 года началось сильное броженіе въ средѣ петербургскаго студенчества. Оно начало группироваться по кружкамъ, все чаще и чаще стало устраивать сходки, на которыхъ на первыхъ порахъ обсуждались чисто-студенческія дѣла, а затѣмъ и вопросы болѣе широкаго и глубокаго общественнаго значенія. Правильнѣе говоря, въ петербургскомъ студенществѣ, въ общемъ взятомъ, тогда проявились два теченія: одно—«умѣренное», другое—«радикальное». На сходкахъ «умѣренныхъ» студентовъ почти исключительно трактовались вопросы студенческой академической жизни,—сюда лишь отъ времени до времени диссонансъ вносили студенты-«радикалы», на сходки являвшіеся съ опредѣленною цѣлью: придать имъ по возможности болѣе широкой общественный характеръ. Мнѣ лично на сходкахъ умѣренныхъ бывать не приходилось; но мнѣ извѣстно, что главными ораторами и, такъ сказать, лидерами на этихъ сходкахъ являлись студенты Езерскій, Литвиновъ, Шрагъ, Войдаковскій и др. На сходкахъ «радикаловъ», въ которыхъ мнѣ пришлось принять весьма дѣятельное участіе, вопросы студенческой жизни, въ тѣсномъ смыслѣ слова, выдвигались лишь какъ ширма и прикрытіе для большинства «свѣженькихъ» студентовъ, не ознакомившихся еще съ болѣе широкими тече-

¹⁾ «Вылое», 1907 г., № 9.

ніями и задачами нашей общественной жизни. На этихъ сходкахъ въ роли вожаковъ выступали студенты Ралли, Алчуницынъ, Коринскій и др., за кулисами же, по упорно державшейся молвѣ, это теченіе, какъ и вообще все студенческое движеніе, направлялось народнымъ учителемъ Печаевымъ, лично появлявшимся на менѣ многочисленныхъ и болѣе интимныхъ собраніяхъ.

«На этихъ-то сходкахъ, непрерывно слѣдовавшихъ одна за другою, мнѣ уже въ то время впервые пришлось натолкнуться на популярный и почти всеобщій лозунгъ «въ народъ!» Этотъ лозунгъ сдѣлался обязательнымъ предметомъ весьма горячихъ и упорныхъ споровъ... На многочисленныхъ сходкахъ, на которыя собиралось по нѣскольку сотъ человѣкъ, и, въ особенности, на сходкахъ «умѣренныхъ» старались держаться по возможности исключительно студенческихъ вопросовъ и студенческихъ дѣлъ: здѣсь трактовалось о необходимости всячески добиваться права на учрежденіе студенческихъ кассъ, студенческихъ библиотекъ, студенческихъ кухмистерскихъ и т. п. На сходкахъ «радикаловъ» чисто-студенческіе интересы отодвигались на задній планъ,—на первый же планъ выдвигалась агитація въ пользу обязательности работы въ народѣ и съ народомъ. Здѣсь вопросъ: «наука или трудъ», послѣ продолжительныхъ и горячихъ обсужденій, ставился даже на баллотировку, и, увы! въ громаднѣйшемъ большинствѣ случаевъ громаднѣйшее большинство присутствовавшихъ высказывалось за «трудъ» и противъ «науки»,—конечно, въ предѣлахъ данной минуты и данныхъ отношеній. Это было очень незрѣло, очень узко, но... но все же какія это были святія минуты, какой энтузіазмъ охватывалъ обыкновенно при этомъ всѣхъ участниковъ сходки! Глаза горѣли юношескимъ огнемъ, рѣчи лились страстныя, вдохновенныя, искреннія, убѣжденныя, спорили въ душной, тѣсной комнатѣ, переполненной клубами табачнаго дыма, спорили до хрипоты, до потери сознанія... И я обязанъ замѣтить, что уже и въ это раннее время лозунгъ «въ народъ!» не оставался на одной исключительно теоретической почвѣ: нѣсколько студентовъ... бросили учебныя заведенія и, поработавъ нѣсколько мѣсяцевъ въ разныхъ мастерскихъ, разбрелись изъ Петербурга по глухимъ угламъ безпредѣльной деревенской Россіи съ страстнымъ желаніемъ послужить своей родинѣ и своему народу...

«Въ то время во 2-й половины 60-хъ годовъ отчетливо выдвинуть было уже на сцену русской жизни такъ называемый «женскій вопросъ». Русскія дѣвушки страстно стали добиваться обще-человѣческихъ правъ, они пустили въ ходъ всѣ средства, чтобы получить доступъ въ высшія учебныя заведенія. Нѣкоторыя (Суслова, Козлова и друг.) находились уже въ заграничныхъ университетахъ, нѣкоторыя (хотя и очень немногія) посѣщали лекціи профессоровъ медицинской академіи: Грубера, Бородина, Зинина, Хлѣбникова,—одна, Ка-

шеварова (по мужу Руднева), благодаря исключительнымъ условіямъ, даже официально была принята въ м.-х. академію и уже тогда оканчивала курсъ. А такъ какъ большинство этихъ дѣвушекъ отнюдь не меньше своихъ товарищей-студентовъ интересовались окружающей жизнью, то естественно, что и на студенческихъ сходкахъ (и, преимущественно, на сходкахъ «радикаловъ») появлялись тогда и дѣвушки, принимавшія въ нихъ весьма живое участіе (припоминаются мнѣ: Дементьева, Томилова, Святская, сестра Нечаева, Бѣршева и др.). Словомъ, петербургское студенчество переживало тогда крайне напряженное нервное состояніе; оно волновалось, кипѣло, горѣло. Сходка слѣдовала за сходкой. Выпадали дни, въ теченіе которыхъ мнѣ приходилось бывать на двухъ-трехъ сходкахъ, созывавшихся въ разныхъ частяхъ города—на Петербургской сторонѣ, на Васильевскомъ островѣ, въ Измайловскомъ полку....».

Немалую роль въ студенческихъ движеніяхъ Петербурга, кромѣ поименованныхъ г. Чудновскимъ лицъ, играли также братья Покровскіе (медики), В. И. Ковалевскій (лѣсникъ), впоследствии товарищъ министра финансовъ, Енишерловъ (технологъ). Атмосфера для проявленія студентами оппозиціи была въ тотъ періодъ достаточно насыщенной, и нужны были только хотъ маленькіе поводы, чтобы въ стѣнахъ учебныхъ заведеній вспыхнули беспорядки. Таковыя и открылись сначала въ медико-хирургической академіи, гдѣ инспекторъ Смирновъ пытался ввести начала военной дисциплины; начались стычки съ начальствомъ, манифестаціи въ стѣнахъ академіи, сходки, послѣ чего послѣдовали аресты, исключенія, административныя высылки и, наконецъ, временное закрытіе самой академіи (15 марта 1869 г.). «Все петербургское студенчество было взволновано событіями въ академіи,—повѣствуетъ въ своей статьѣ «Студенческое движеніе въ 1869 году» г. Сватиковъ.—Многіе изъ студентовъ бывали на сходкахъ въ академіи, принимали въ нихъ участіе, и запрещеніе сходокъ въ единственномъ учебномъ заведеніи, гдѣ онѣ были дозволены, сильно подѣйствовало на студентовъ. Еще незадолго передъ тѣмъ студенчество рѣзко дѣлилось на двѣ группы, изъ которыхъ одна, представлявшая меньшинство, стояла за манифестаціи въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, съ цѣлью требовать студенческихъ вольностей (какъ сходокъ и т. п.), а другая, руководимая Езерскимъ, стояла за сохраненіе второй организаціи студенчества по кружкамъ и противъ заявленія коллективныхъ требованій, которыя останутся безрезультатными и повлекутъ лишь увольненія и ссылки. Теперь, послѣ вмѣшательства полиціи, послѣ закрытія академіи, ареста товарищей и нелѣпныхъ распоряженій полиціи¹⁾, настроеніе студенчества рѣзко

¹⁾ Къ числу таковыхъ распоряженій должно быть отнесено, между прочимъ, и распоряженіе полиціи, чтобы въ частныхъ кухмистерскихъ, въ отвращеніе студенческихъ сходокъ, не позволялось обѣдать за одинъ разъ болѣе какъ двумъ студентамъ. Не позволялось пускать на территорію академіи

склонилось влѣво, безпорядки перебросились на другія высшія учебныя заведенія. Это проявленіе студенческой солидарности было новой чертой въ студенческомъ движеніи: въ 1861 г. молодежь протестовала одновременно противъ равно для всѣхъ тяжелыхъ условий; теперь (1869 г.) студенчество вступило на борьбу съ сознательной цѣлью объединеннаго протеста».

19 марта вспыхнули безпорядки въ технологическомъ институтѣ, и на слѣдующій день въ университетѣ. Вездѣ картины были одиковы: студенты требовали принятія отъ нихъ коллективныхъ заявленій, гдѣ излагались ихъ преимущественно экономическія требованія (о кассахъ, кухмистерскихъ) и требовалось право сходакъ, начальство этихъ заявленій не принимало, назначало судъ надъ наиболее горячими представителями волнующейся молодежи, ихъ исключали, заключали въ тюрьмы и затѣмъ административнымъ порядкомъ высылали изъ столицы. Во время этихъ безпорядковъ по рукамъ ходили сначала рукописныя прокламаціи, авторомъ которыхъ былъ преимущественно технологъ Енишерловъ, а затѣмъ появилась и печатная прокламація подъ заглавіемъ: «Къ обществу», составленная Ткачевымъ и отпечатанная Деметъевой въ типографіи, приобрѣтенной отъ медика Серебренникова. Послѣдняя прокламація особенно встревожила III Отдѣленіе, такъ какъ показала, что въ Петербургѣ, какъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ, снова появились подпольныя типографіи съ назначеніемъ служить орудіемъ политической пропаганды.

XI.

Енишерловъ въ своей прокламаціи говорилъ: «Мы просили, чтобы намъ дали возможность выйти изъ нашего положенія легальными путями; намъ не дали этой возможности, не дали этого выхода; насъ за это преслѣдуютъ и ссылаютъ. Чего же отъ насъ хотятъ? Не того ли, чтобы мы обратились къ путямъ незаконнымъ? Или, быть можетъ, намъ не вѣрятъ, когда мы говоримъ, что положеніе наше невыносимо.

«Но войдите же, вникнете, всмотритесь поглубже и безъ предубѣжденій въ окружающія насъ обстоятельства, и вы увидите все, о чемъ мы говоримъ. Мы хотимъ учиться, а у насъ отнимаютъ къ тому всякую возможность! Лучшихъ профессоровъ нашихъ преслѣдуютъ, гонятъ, и мы не можемъ пальцемъ шевельнуть въ ихъ защиту! Студентъ хотѣлъ бы все свое время отдать наукѣ, а между тѣмъ дѣятельность его поневолѣ раздваивается: онъ долженъ зарабатывать себѣ хлѣбъ!..

даже больныхъ — въ амбулаторіи, и родственниковъ больныхъ — въ клиники. Не позволялось въ комнатахъ, занимаемыхъ студентами, ночевать ихъ товарищамъ, знакомымъ и родственникамъ.

«Для того, чтобы получить стипендію, нужны хорошіе баллы, а имѣть ихъ невозможно при тратѣ времени на добываніе хлѣба. Мы безъ гроша денегъ приходимъ нерѣдко за 200, 300, за 1,000 верстъ (есть студенты, пришедшіе пѣшкомъ съ Кавказа)...

«Все это хорошо, скажутъ намъ, но зачѣмъ все-таки шумѣть?.. Развѣ нельзя объясняться съ начальствомъ тихо, вѣжливо, не всѣмъ вдругъ? Мы воспользуемся этимъ предполагаемымъ замѣчаніемъ, чтобы еще разъ поставить на видъ обществу безвыходное положеніе студентовъ. Если объясняется съ начальствомъ одинъ, а прочіе молчать, этотъ одинъ необходимо принимается за зачинщика и подстрекателя; итакъ, поневолѣ приходится говорить изъ толпы нѣсколькимъ вдругъ. Но тогда говорятъ, что студенты шумятъ, и преслѣдуютъ ихъ, какъ нарушителей общественнаго спокойствія. Та же исторія и съ прошеніями: коллективныя прошенія воспрещены, а одиночныя объ удовлетвореніи потребностей всѣхъ студентовъ, не исключительно личныхъ, принимаются обыкновенно за подстрекательство товарищей къ безпокойству, за желаніе заниматься общественными дѣлами, вмѣсто того, чтобы учиться.

«Какъ же быть?! Какъ быть?! Мы надѣемся, что общество отвѣтитъ намъ на это, не осудитъ нашихъ поступковъ, какъ это сдѣлала пресса; мы надѣемся, что когда высылаемые «на мѣсто осѣдлости» встрѣтятся съ нашими отцами, матерями и нашими родными и знакомыми, то они не спросятъ насъ: чего намъ нужно? и зачѣмъ мы явились?—но примутъ какъ дѣтей, не утратившихъ ихъ чести».

Что касается прокламаціи «Къ обществу», то текстъ ея былъ уже нами приведенъ въ гл. VII настоящей части очерковъ.

Эта-то прокламація и послужила въ значительной мѣрѣ тою нитью, которая помогла III Отдѣленію добратся до «нечаевцевъ» и создать процессъ, о которомъ будетъ говорено ниже. Что же касается заявленій «академистовъ», т.-е. лицъ, создавшихъ въ учебныхъ заведеніяхъ безпорядки около вопросовъ чисто-студенческаго обихода, то большинство изъ нихъ было уволено изъ учебныхъ заведеній (до 100 человекъ), арестовано и выслано на родину, гдѣ нѣкоторые и пробыли въ административной ссылкѣ нѣсколько лѣтъ. Любопытно отмѣтить, что столичное студенчество, поднявшееся для заявленія своихъ требованій, сдѣлало попытку создать безпорядки и въ провинціальныхъ университетскихъ городахъ, но на этотъ разъ послѣдніе не отозвались на движеніе своихъ столичныхъ товарищей. Изъ Петербурга, по постановленію общей студенческой сходки, были делегированы въ Москву Ралли, Никифоровъ, Мгебровъ и В. Ковалевскій, которые и вошли въ сношенія съ здѣшними учащимися, какъ универсантами, такъ и петровско-разумовцами, но сочувствія они здѣсь не встрѣтили, отчасти потому, что у послѣднихъ, напримѣръ, существовали тѣ вспомогательныя учрежденія, о которыхъ хлопотали петербуржцы, отчасти и потому,

что, по мнѣнію нѣкоторыхъ московскихъ вліятельныхъ студентовъ (П. Успенскаго, Ф. Волховскаго), студенческое движеніе въ этотъ періодъ могло повести только къ общей реакціи; они говорили, что реакціонные элементы воспользуются студенческимъ движеніемъ, чтобы представить молодежь желающей во что бы то ни стало шумѣть и манифестировать. Въ интересахъ проведенія своей идеи Волховскій ѣздилъ даже въ Петербургъ, но здѣсь движенія уже задержать не было возможности, и событія шли своимъ порядкомъ. Не имѣли успѣха и прокламаціи Енишерлова, посланныя въ Харьковъ, все оставалось спокойнымъ въ Одессѣ, Кіевѣ и Казани, несмотря на попытки поднять здѣшнее студенчество. Провинція оказалась еще не готовою. Этою подготовкою съ значительнымъ элементомъ въ ней политики занялись исключенные изъ столичныхъ заведеній студенты и принятые теперь въ провинціальные университеты. Объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельство въ воспоминаніяхъ Дебогорія-Мокріевича, указывающаго, что столичные пріѣзжіе (Н. Судзиловскій, будущій видный революціонеръ) значительно оживили мѣстные кружки. Кухмистерская заняла центральное положеніе среди студенческихъ учреждений; здѣсь происходили дебаты по интересовавшимъ студенчество вопросамъ, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, стоялъ и еврейскій вопросъ, уже тогда начавшій проявлять свою остроту.

Мы видимъ такимъ образомъ, что въ исторіи русскаго революціоннаго движенія, какъ оно рисуется второй половиной шестидесятыхъ годовъ, принимаютъ главнымъ образомъ участіе представители столичной учащейся молодежи, при чемъ послѣдняя на зарѣ своего выступленія не руководится сначала политическими мотивами, а скорѣе даже склонна держаться интересовъ исключительно домашняго свойства. Но, вышвырнутые за пороги храмовъ науки, они быстро переходятъ въ ряды политическихъ борцовъ и являются въ провинціи распространителями непримиримой революціонной тенденціи. Плеве справедливо отмѣтилъ, что беспорядки 1869 г. были преддверіемъ процесса 193-хъ.

Хотя тѣ домашнія студенческія дѣла, о которыхъ у насъ выше шла рѣчь, и были преимущественно дѣлами аполитичными, но и въ нихъ внимательный читатель найдетъ нѣкоторые нюансы политики. Стремленіе стать на защиту обижаемыхъ профессоровъ выходитъ уже за предѣлы чисто домашнихъ студенческихъ дѣлъ. Что же касается прокламаціи «Къ обществу», то таковая уже явно содержитъ въ себѣ политическое конспиративное происхожденіе и являлась актомъ въ глазахъ администраціи крайне опаснаго характера. И дѣйствительно, эта прокламація вышла изъ того круга молодежи, которая въ видѣ щита если и выставляла академическія дезидеріи, но по существу дѣла стремилась къ осуществленію иныхъ заданій. Мы уже отмѣтили выше, что по общераспространенному уже тогда

убѣжденію этотъ кругъ людей подвигался въ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ С. Г. Нечаевымъ, тогда учителемъ Сергіевскаго приходскаго училища и числившимся вольнослушателемъ петербургскаго университета.

Мѣщанинъ города Шуи, онъ былъ близко знакомъ съ нуждами народной жизни и, подобно многимъ нашимъ народникамъ-беллетристамъ, прекрасно понималъ, что реформированный съ 19 февраля 1861 г. народный строй мало несетъ за собою утѣшительнаго для будущаго крестьянскаго и ремесленнаго класса. Близость къ Ипугинскому кружку, слышанныя имъ рѣчи въ караковскомъ обществѣ убѣдили его въ необходимости отдаться всецѣло служенію народнымъ интересамъ въ духѣ той литературы, которой онъ напился среди своихъ новыхъ друзей и учителей. Буонаротти, участникъ заговора Бабефа, сообщившій данныя объ этомъ заговорѣ и объ его идейномъ содержаніи, гдѣ на первомъ планѣ выдвигалась необходимость уничтожить насильственнымъ путемъ «возмутительное различіе между богатыми и бѣдными, между сильными и слабыми, господами и слугами, между правителями и управляемыми»; Карлейль съ его картинами изъ исторіи героевъ и толпы; Рошфоръ съ его радикальнымъ журналомъ «Lanterne»; исторія декабристовъ, какъ она тогда изложена была въ изданіяхъ Герцена, исторія петрашевцевъ—вотъ тѣ историко-литературные матеріалы, на которыхъ онъ цѣликомъ воспитался, какъ въ Москвѣ, въ кружкѣ ипугинцевъ, такъ и въ Петербургѣ, въ кружкѣ Ралли, въ который онъ вскорѣ по прибытіи въ сѣверную столицу вмѣстѣ съ своею сестрою и попалъ. Черезъ Ралли онъ проникъ въ среду учащихся въ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ, черезъ сестру онъ сошелся съ представительницами «женскаго вопроса». И тѣ и другія сферы показались ему подходящими для приложенія къ нимъ своихъ излюбленныхъ идей, и онъ рѣшается занять здѣсь твердое авторитетное положеніе, которое бы позволило ему стать истиннымъ вдохновителемъ и руководителемъ тѣхъ движеній въ средѣ молодежи, о которыхъ было уже говорено выше.

Онъ прямо категорически заявилъ, ознакомившись съ дѣятельностью академистовъ: «Всякій честный человѣкъ долженъ бросить ученье и итти въ народъ, чтобы быть ему полезнымъ; развитія для этого не нужно; нужно только желаніе помочь народу, потому что есть люди болѣе развитые, которые уже будутъ управлять дѣйствіями менѣе развитыхъ». Поднявши студентовъ, онъ черезъ ихъ посредство надѣялся поднять и народъ, который и будетъ въ своей программѣ дѣйствій руководиться указаніями революціонной разночинной интеллигенціи, порвавшей съ своимъ привилегированнымъ прошлымъ и посвятившей себя всецѣло служенію народнымъ интересамъ.

XII.

Студенческое движеніе и организація кружковщины начались и развились внѣ вліянія Нечаева, но именно онъ поставилъ рѣшительною и непреклонною цѣлью придачу имъ исключительно политической окраски. Для того, чтобы овладѣть умами нервно-настроенной молодежи, чтобы сосредоточить въ своихъ рукахъ нити движенія, для этого нужна была широкая популярность, авторитетность, «имя», а ими-то Нечаевъ, какъ новый человѣкъ въ столицѣ, не обладалъ, ихъ надо было создать, упрочить и распространить въ широкихъ массахъ. Кромѣ того, Нечаевъ — человѣкъ желѣзной воли, всепоглощающей энергіи—хорошо понималъ психологію толпы: ее надо поразить чѣмъ-нибудь, дабы стать ея властителемъ, ея героемъ. Къ этому онъ и началъ сводить свои дѣйствія.

Въ первое время ему не удавалось направить студенческія сходки въ то политическое русло, которое онъ имъ предназначалъ. Молодежь дѣйствовала вразбродъ, и только впоследствии (1869 г.), послѣ репрессивныхъ мѣропріятій администраціи дѣло начало налаживаться. Но къ началу 1869 г. Нечаевъ оставался довольно одинокимъ, несмотря даже на сочувствіе къ нему небольшихъ политически настроенныхъ группъ. Тогда онъ рѣшается добыть себѣ благословеніе династіи «Колокола», т. е. ѣхать за границу для сближенія съ Герценомъ, Огаревымъ и Бакунинымъ, но прежде, чѣмъ сдѣлать этотъ шагъ, онъ намѣчаетъ оставить среди своихъ столичныхъ поклонниковъ и знакомыхъ по себѣ память мученика за правду.

Въ концѣ января 1869 года, когда сходки были уже въ разгарѣ, когда полиція стала ихъ уже накрывать (напримѣръ, на Фурштатской улицѣ), Нечаевъ зашелъ однажды утромъ къ сестрѣ, жившей у Томиловой, и сказалъ, что идетъ по приглашенію начальника секретнаго отдѣленія объясниться по поводу накрытой сходки... Въ этотъ же день вечеромъ онъ снова пришелъ крайне разстроенный и заявилъ, что его отпустили на поруки директора его училища, но съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день онъ снова явился въ секретное отдѣленіе, при этомъ онъ предупредилъ, что, вѣроятно, будетъ арестованъ. То же онъ сказалъ и Аметистову, уходя изъ своей квартиры. И дѣйствительно исчезъ. На слѣдующій день къ Томиловой прибѣжала дѣвочка-подростокъ Вѣра Засуличъ и принесла имъ записку, полученную по городской почтѣ. Здѣсь значилось: «Идя по мосту, я встрѣтилъ карету, въ какой возятъ арестованныхъ, изъ нея выбросили мнѣ клочокъ бумаги, и я узналъ голосъ дорогого для меня человѣка: если вы честный человѣкъ, доставьте, это я спѣшу исполнить и, въ свою очередь, прошу васъ, какъ честныхъ людей, сію минуту уничтожить мою записку, чтобы не узнали меня по почерку». Подписано: «Студентъ». При этой запискѣ

приложена другая, отъ Нечаева, написанная краснымъ карандашомъ на грязномъ клочкѣ бумаги, такого содержанія: «Меня везутъ въ крѣпость; не теряйте энергіи, друзья-товарищи, хлопчите обо мнѣ. Дастъ Богъ—свидимся».

Испуганная Нечаева и Томилова немедленно отправились по всевозможнымъ тюремнымъ, административнымъ и полицейскимъ инстанціямъ за поисками мѣстонахожденія арестованнаго; но всюду онѣ получали отвѣтъ, что разыскиваемого здѣсь не имѣется. Не оказалось его и въ Петропавловской крѣпости, ни въ комендантскомъ управленіи. Вскорѣ засимъ среди молодежи распространился слухъ, что Нечаеву при допросѣ въ крѣпости посчастливилось убѣжать черезъ отхожее мѣсто, переодѣвшись въ военную шинель. Легенда была такимъ способомъ пущена въ ходъ, и учитель Сергіевскаго училища сдѣлался героемъ, имя котораго стало произноситься съ почтеніемъ и преклоненіемъ. Скоро, однако, слѣдъ его нашелся: онъ объявился въ февралѣ въ Москвѣ у Орлова, которому также сочинилъ, что бѣжалъ изъ крѣпости. Взявъ у послѣдняго паспортъ для поѣздки за границу, онъ первоначально отправился въ Одессу, но оттуда скоро вернулся съ новымъ повѣствованіемъ о своихъ походахъ. Его, якобы, арестовали въ Одессѣ, но ему снова удалось бѣжать; 50 верстъ онъ шелъ пѣшкомъ, затѣмъ ѣхалъ съ чумаками, пока, наконецъ, добрался до Москвы. Здѣсь онъ забралъ паспортъ Николаева и уже легальнымъ путемъ, но подъ чужимъ именемъ дѣйствительно поѣхалъ за границу для ознакомленія съ дѣятелями «Колокова», поручивъ Орлову въ свое отсутствіе всѣми силами и мѣрами поддерживать броженіе среди студентовъ.

Упрочивъ свое политическое положеніе на родинѣ, создавъ около своего имени ореолъ мученичества за революціонную идею, Нечаевъ уже смѣло предсталъ передъ лицомъ знаменитыхъ эмигрантовъ и вступилъ въ качествѣ чловѣка съ громкимъ прошлымъ въ среду молодыхъ соотечественниковъ, въ достаточномъ количествѣ къ тому времени наводнявшихъ Швейцарію.

Герцень, какъ намъ уже извѣстно, встрѣтилъ пріѣзжаго недружелюбно, почувствовавъ къ нему сразу глубочайшую антипатію, но въ душу Бакунина Нечаеву удалось ловко влѣзть, и знаменитый «апостолъ анархіи» положительно вѣ него влюбился, началъ имъ гордиться, усматривая въ немъ истиннаго представителя пролетаріата, вѣрнаго сына озлобленной разночинной интеллигенціи, за которой, по его мнѣнію, истинное будущее. Даже впоследствии, когда онъ съ нимъ разошелся и потерялъ изъ-за него, онъ все же такъ его характеризовалъ ¹⁾: «Нечаевъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ и энергичнѣйшихъ людей, какихъ я

¹⁾ «Письма Бакунина», изд. Врублевскаго.

когда-либо встрѣчалъ. Когда надо служить тому, что онъ называетъ дѣломъ, онъ не колеблется и не останавливается ни передъ чѣмъ и выказываетъ себя столь же беспощаднымъ къ себѣ, какъ и ко всѣмъ другимъ. Вотъ главное качество, которое привлекло къ нему... Онъ не мошенникъ—это неправда! Это фанатикъ преданный, но въ то же время очень опасный... способъ дѣйствій его отвратительный... Онъ пришелъ мало-по-малу къ убѣжденію, что для того, чтобы создать общество серьезное и ненарушимое, надо взять за основу политику Макиавелли и вполне усвоить систему иезуитовъ: для тѣла—насиліе, для души—одна ложь... но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ—сила, потому что это огромная энергія. Я съ большимъ сожалѣніемъ разошелся съ нимъ, такъ какъ служеніе нашему дѣлу требуетъ много энергіи и рѣдко встрѣчаешь ее столь развитую, какъ у него».

Нечаевъ успѣлъ совершенно загнипотизировать довѣрчиваго и добродушнаго Бакунина, увѣрить его, что студенческое движеніе это начало огромнаго соціальнаго пожара, который долженъ охватить всю Россію, уже къ тому достаточно подготовленную; онъ сумѣлъ вселить въ него полную вѣру, что это именно онъ, Нечаевъ, создатель и руководитель студенческаго политическаго движенія, что фитиль къ пороху, долженствующему взорвать наше отечество, покоится именно въ его рукѣ, раздулъ въ его глазахъ свои фантастическія зловключенія съ арестами и выставилъ себя въ глазахъ знаменитаго бунтаря настоящимъ героемъ-демагогомъ, которому повинуются интеллигенція и народъ. Очарованіе Бакунина Нечаевымъ было настолько велико, что онъ убѣдилъ даже Огарева посвятить именно ему написанное имъ стихотвореніе «Студентъ». Огаревъ согласился въ интересахъ революціоннаго дѣла, и популярное стихотвореніе было посвящено будущему создателю «народной расправы». Вотъ это стихотвореніе, которое, подписанное именемъ знаменитаго эмигранта-поэта, Нечаевъ впоследствии у себя на родинѣ, по возвращеніи туда, ловко использовалъ, какъ наилучшую себѣ аттестацію со стороны династіи «Колокола».

«СТУДЕНТЪ».

Молодому другу Нечаеву.

Онъ родился въ бѣдной долѣ,
Онъ учился въ бѣдной школѣ,
Но въ живомъ трудѣ науки
Юныхъ лѣтъ онъ вывезъ муки.
Въ жизни стала годъ отъ году
Крѣпче преданность народу,
Жарче жажда общей воли,
Жажда общей лучшей доли.

И, гонимый местию царской
 И боязнію боярской,
 Онъ пустился на ситанье,
 На народное возстанье,
 Кликнуть кличь по всѣмъ крестьянамъ
 Отъ востока до заката:
 Собирайтесь дружнымъ станомъ,
 Станьте смѣло брать за брата—
 Отстоять всему народу
 Свою землю и свободу.

Жизнь онъ кончилъ въ этомъ мірѣ—
 Въ свѣжныхъ каторгахъ Сибири,
 Но до тла нелицемѣрень—
 Онъ борьбѣ остался вѣренъ,—
 До послѣдняго дыханья
 Говорилъ среди изгнанья:
 «Отстоять всему народу
 Свою землю и свободу».

Разузнавъ обстоятельно про наличность у Герцена такъ называемаго «общаго фонда», Нечаевъ, понимая, что въ дѣлѣ революціонныхъ организацій деньги, какъ и на войнѣ, играютъ рѣшающую роль и, кромѣ того, несомнѣнно, желая развязать себѣ руки, нужныя ему для пропаганды, а не для черной трудовой работы, успѣлъ черезъ посредство Бакунина и Огарева присвоить себѣ этотъ «общій фондъ», о чемъ у насъ уже было разсказано. Герценъ съ болью въ сердцѣ и съ отвращеніемъ уступилъ настояніямъ друзей и далъ возможность Нечаеву торжествовать. Подчинивъ себѣ, такимъ образомъ, въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ «династію», побудивъ Бакунина откликнуться извѣстнымъ уже воззваніемъ «Къ молодымъ братьямъ въ Россіи» на студенческое движеніе, онъ и самъ лично не отказался изъ своего далека поддать жара этому движенію, для чего и разслалъ ко всѣмъ своимъ столичнымъ знакомымъ длинную прокламацію-письмо, чрезвычайно характерную для обрисовки взглядовъ Нечаева, взглядовъ, которые до извѣстной степени были положены имъ въ основаніе организаціи «народной расправы».

XIII.

Въ этой прокламаціи, адресованной «студентамъ университета, академіи и технологическаго института», онъ писалъ:

«Выбравшись, благодаря счастливой удачѣ, изъ промерзлыхъ стѣнъ Петропавловской крѣпости, на зло темной силѣ, которая меня туда бросила, шлю вамъ, мои дорогіе товарищи, эти строки изъ чужой земли, на которой не перестану работать во имя великаго, связывающаго насъ дѣла. Пусть удачѣе продолжается то, что начато вмѣстѣ; пусть, наученные опытомъ, вы не будете тратить напрасно силъ и времени для того, чтобы урезонивать тѣхъ, которые по своему положенію могутъ быть

только тормозами всякаго благого начинанія. Баричи, понимающіе, что они, какъ и все барство, коренятся на разрозненности и раздѣлимости русской силы, будутъ всегда противъ всякаго сплоченія. Вы будете крѣпки, друзья, когда очиститесь отъ этой сволочи, разжирѣвшей отъ сытыхъ блюдъ, составленныхъ изъ крохъ, что вырваны изъ мужичьихъ рукъ. Вы будете крѣпки, когда порвете съ ними всякія сношенія, когда будете считать оскверненіемъ подачу руки этимъ противникамъ всѣхъ свѣтлыхъ проявленій, позорящихъ студенчество. Не имѣя настолько храбрости, чтобы явно стать въ оппозицію съ вами и идти со своими стцами Треповыми, они всегда будутъ лгать, прикрываться маской дешеваго либерализма и во имя туманнаго неопредѣленнаго будущаго топтать то, что начинаетъ зарождаться въ настоящемъ».

Обрисовавъ далѣ картину студенческаго движенія, онъ продолжалъ: «Разбредясь по своимъ каморкамъ, думали мы о хлѣбѣ — главная тема для размышленій, съ которою тѣсно связано все наше міросозерцаніе.

«Не роскошь и не мишура жизненныхъ декорацій виднѣлась намъ: передъ нами вставали обратныя стороны — грязные подмостки театра жизни, на которыхъ мы видѣли изможденнаго, забитаго мужика, надрывающая грудь, перетаскивающаго кулсы и безсознательно производящаго тѣмъ тѣ превращенія, что вызываютъ столько удовольствія у блестящей сволочи, разсѣвшейся на дорогихъ мѣстахъ. Тысячи исхудалыхъ, обрванныхъ, обворованныхъ приходили намъ на память, въ нихъ узнали мы отцовъ и близкихъ. Всѣ они изнемогаютъ въ борьбѣ съ чѣмъ-то, тщетно призывая на помощь; они ведутъ эту борьбу слѣпо, тратятъ силы бесплодно, не видя врага, который ихъ давить. Мы, дѣти этихъ тружениковъ, видимъ причины зла; для насъ такъ ясно видна эта темная сила, заманивающая насъ къ себѣ на служеніе выставкой роскоши и блеска. Продадимъ ли себя, какъ было досель?»

«Развивъ наши мозги на деньги народа, вскормленные хлѣбомъ, забранымъ съ его поля, станемъ ли мы попрежнему въ ряды его гонителей? «Нѣтъ,—говорили мы.—Пусть отнынѣ задачей студента не будетъ дипломъ, не будетъ казенное теплое мѣсто, а жизнь среди народа и борьба за его интересы... И пусть именемъ подлеца будетъ заклеименъ отъ товарищей каждый измѣнившій этому правилу!»

«Первой потребностью, необходимой для насъ теперь, оказались сходки; мы рѣшились добиваться ихъ. «Нужно сплотиться!» крикнули смѣлая голова въ одной изъ аудиторій въ послѣдній день передъ рождественскими праздниками... И было подхвачено это слово, давно жданное свѣжими силами, и заволновалась университетская молодежь, заговорили испуганнымъ голосомъ профессора, забѣгали инспекторы, тщетно стараясь возстановить нарушенную тишину и покой. Во время праздниковъ сходки начались. Мы открыли двери ихъ для всѣхъ учащихъ и, встрѣчая сочувствіе въ студентахъ другихъ заведеній, мы скоро обобщили съ ними наше дѣло...»

Описавъ далѣ ходъ событій, Нечаевъ продолжалъ:

Мы согласились дружно протестовать противъ всѣхъ условій, въ которыхъ поставлена русская учащая молодежь, согласились требовать права сходокъ, на которыхъ думали сами выработать нужныя намъ условія, согласились, наконецъ, отстаивать свои требованія силами... Въ чемъ же заключаются эти силы?.. Послѣ сходки, на которой вся толпа молодежи, не говоря красныхъ рѣчей, поголовно подписалась подъ соглашеніемъ отстаивать протестъ, — преслѣдованія, давно начавшіяся, вдругъ рѣзко усилились; нѣкоторые, вырванные изъ среды товарищества, были

брошены въ крѣпость. Чѣмъ могли бы мы отстоять ихъ? Чѣмъ можемъ мы, наконецъ, отстоять свои требованія, когда придется прийти въ столкновение съ физической силою?.. Кто изъ насъ сомнѣвается еще въ томъ, что правительство, давно загрязнившее себя всевозможными чистыми мѣрами, постыдится устроить еще разъ студенческую бойню? Не будемъ закрывать глаза на будущее, не будемъ обманываться. Правительство прикладами ружей снова прикажетъ разрѣшить наши требованія. Не откажемся ли мы отъ нихъ передъ наведенными ружьями и не подпишемся ли, послѣ нѣсколькихъ дней упорства, снова подъ ненавистными матрикулами, потому что нелѣпо было бы съ пустыми руками пытаться дать отпоръ солдатскимъ штыкамъ?... Нѣтъ! не будемъ болѣе полагаться на благородство подлѣйшей въ мірѣ администраціи... Мы не выйдемъ съ пустыми руками, мы не погубимъ еще разъ дорогого зародившаго дѣла; мы не выйдемъ одни. У насъ есть товарищи, есть люди, у которыхъ нѣтъ никакихъ правъ, кромѣ фиктивныхъ, положеніе которыхъ самое худшее въ Европѣ, и ожесточеніе которыхъ тѣмъ сильнѣе, что слѣпо и не имѣетъ прямого исхода, не зная своего врага. Укажемъ же рабочимъ этого врага, растолкуемъ всѣмъ сильнымъ и здоровымъ рукамъ, отчего голодаютъ и холодають они, изнемогая подъ непомѣрнымъ трудомъ.

«Обобщимъ же, братцы, еще болѣе нашъ вопросъ — и изъ вопроса русской молодежи сдѣлаемъ вопросъ Русской Земли, къ разрѣшенію котораго и будемъ горячо, энергически готовиться. Итакъ, пусть наши сходки, друзья, на которыя я, лишенный возможности придти, буду писать, сдѣлаются еще болѣе общими, пусть войдутъ въ нихъ элементы всѣхъ недовольныхъ; пусть эти недовольные, рука объ руку, подготовляютъ наступленіе обновленія Русской Земли, той давно желанной поры, которая съ такимъ нетерпѣніемъ ожидается вашими друзьями въ чужой землѣ, чтобы явиться тогда и снова стать въ ваши ряды.

«Разбирая друзей и враговъ по положенію, которое они занимаютъ, а не по словамъ ихъ, вѣрьте въ факты, друзья, и сами заявляйте о себѣ фактами, а не словопреніями, чтобы приобрести довѣріе тѣхъ, на чей хлѣбъ вы вскормлены, чьими руками сложены стѣны вашихъ аудиторій, напечатаны ваши книжонки, тѣхъ, что давно рвутся къ свободѣ, часто въ мѣстностяхъ поднимаясь поголовно, но поднимаясь безъ опредѣленнаго сознанія, кто его непріятель. Васъ давно ждутъ они, чтобы услышать, гдѣ сосредоточены главныя силы врага, котораго надо сломать, чтобы дать вздохнуть русской мужицкой землѣ. Но знайте, друзья, что ждутъ они не говоруновъ, не проповѣдниковъ во фракѣ, а дѣятелей, которые бы сумѣли доказать имъ фактически свою преданность. Только такимъ людямъ они повѣрятъ, только за ними пойдутъ и постоятъ крѣпко.

«Создайте же, братцы, скорѣй условія, необходимыя для того, чтобы образовались общественные дѣятели, не отдѣляющіе честной мысли отъ честнаго дѣла. Пусть чаще и въ большемъ числѣ продолжаются ваши собранія; въ нихъ лежитъ ваше развитіе. Въ глуши кабинетовъ, въ уединеніи надъ кипами древнихъ мудрствованій и отжившихъ началъ не могутъ выработаться характеры, необходимыя для настоящаго времени, когда всѣ вопросы сводятся къ одному—это къ необходимости обновленія русской жизни переворотомъ. Такіе характеры, устойчивыя въ борьбѣ, твердыя въ преслѣдованіи цѣлей, вырабатываются только тоже въ борьбѣ, въ столкновенияхъ. Застой не создаетъ этихъ людей; ихъ родитъ протестующая дѣятельность, и чѣмъ въ большихъ размѣрахъ протестъ, чѣмъ чаще столкновение съ темной силой, чѣмъ сильнѣй борьба, тѣмъ болѣе людей вырабатывается для дальнѣйшаго ея продолженія. Вотъ почему является необходимость фактическихъ заявленій, которыя способствуютъ быстрому закрѣпленію убѣжденій тѣхъ, кто во время затишья въ цѣлые

годы не додумался бы до извѣстныхъ воззрѣній. Они создаютъ въ двойномъ числѣ прозелитовъ на мѣсто жертвъ.

«Пусть бдительность и осторожность при веденіи дѣла не переходятъ въ тѣ боязливья опасенія, которыя отнимаютъ всякую возможность дѣятельности. Преслѣдованіе есть то зло, котораго совершенно развѣ тогда можно избѣжать, когда совершенно сложить руки. Не бывало истиннаго дѣла безъ жертвъ. Совершенно безопасны только переливанья изъ пустого въ порожнее, которыми заняты благодушные либералы, устраивающіе ассоціаціи изъ буржуа и думающіе вырастить социальныя розы на болотѣ деспотизма...

«Пусть каждый, кого вырвутъ ненавистныя условія изъ вашей среды, будетъ глубоко убѣжденъ что оставшіеся и уцѣлѣвшіе продолжаютъ дѣло и добьются возвращенія всѣхъ пострадавшихъ, отмстивъ сторицею за ихъ мученія, какъ убѣжденъ въ этомъ я.

«Вашъ Нечаевъ».

Своимъ письмомъ къ товарищамъ-студентамъ Нечаевъ закрѣплялъ съ ними связь и становился какъ бы вдохновителемъ того движенія, которое продолжало въ его отсутствіе развиваться въ столицѣ. Легенду о своемъ заключеніи въ крѣпости онъ письмомъ-прокламаціей за собою укрѣпляетъ и, играя такимъ образомъ на два фронта, т. е. связывая съ своей личностью эмигрантскіе жевевскіе кружки и дѣятелей «Колокола», съ одной стороны, и поднявшіеся студенческіе русскіе кружки, онъ какъ бы становится посредникомъ между тѣми и другими, пользуется въ обоихъ случаяхъ авторитетнымъ именемъ вліятельнаго, испытаннаго и уже пострадавшаго активнаго революціонера. Такимъ образомъ, часть мистификаторскаго имъ созданнаго плана выполняется достаточно успѣшно. Лѣтомъ 1869 г. онъ поступаетъ къ составленію плана организаціи «Народной расправы» и къ изданію при ней листка съ эпиграфомъ:

Проснись, о Русь! возстань, родная,
Взгляни, что дѣлаютъ съ тобой!..
.....
Вставай же, Русь, на подвигъ славы!
Борьба велика и свята,
Возьми свое святое право
У подлыхъ рыцарей кнута.

Въ руководящей статьѣ къ № 1 листка «Народной расправы» говорилось:

Всенародное возстаніе замученнаго русскаго люда неминуемо и близко!.. Мы, т. е. та часть народной молодежи, которой удалось, такъ или иначе, получить развитіе, должны расчистить ему дорогу, т. е. устранить всѣ мѣшающія препятствія и приготовить всѣ благопріятныя условія.

Въ виду этой неминуемости и близости, мы находимъ необходимымъ соединить въ одно неразрывное дѣло всѣ разрозненныя революціонныя усилія въ Россіи, вслѣдствіе чего постановили издавать отъ имени «революціоннаго центра» листки, изъ которыхъ каждый изъ нашихъ единомышленниковъ, разбросанныхъ по разнымъ угламъ Россіи, всякій изъ

работниковъ святого дѣла обновленія, хотя и не знаемый нами, всегда будетъ видѣть, чего мы хотимъ и куда мы идемъ.

Цѣль этихъ листовъ, разумѣется, не литературная и не ученая. Пусть люди, у которыхъ остается много времени отъ бездѣлья, продолжаютъ тѣшить себя и морочить другихъ, праздноглагольствуя о литературѣ и наукѣ, о просвѣщеніи и воспитаніи, о прогрессѣ и цивилизаціи!

Намъ некогда!

По-нашему, нѣтъ теперь въ Россіи литературы, а есть печатная месть и доносы. Нѣтъ науки, а есть софистика, искажающая прошлое и возводящая въ непремѣнный законъ страданія народныхъ массъ, какъ неизбѣжную основу развитія господствующаго меньшинства.

Нѣтъ просвѣщенія и воспитанія народнаго, а есть выработка шпионовъ и чиновниковъ. Нѣтъ прогресса и цивилизаціи, а есть громадная государственная эксплуатація народныхъ силъ для удовольствія вѣчно праздноующаго и пресыщающагося барства, эксплуатація, обхватывающая со всѣхъ сторонъ русскій народъ, сосущая его грудь, удушающая и подавляющая всякое проявленіе жизни въ немъ.

«Мы хотимъ, чтобы наши задавленные государствомъ отцы, братья и сестры сбросили съ своихъ плечъ праздное, тунеядствующее меньшинство; мы хотимъ, чтобы русскій мужикъ широко, свободно вдохнулъ мощный, вольный воздухъ...

Мы хотимъ народной, мужицкой революціи.

Для насъ мысль дорога только, поскольку она можетъ служить великому дѣлу радикальнаго и повсюднаго всеразрушенія. Ни въ одной изъ нынѣ существующихъ книгъ нѣтъ такой мысли. Кто учится революціонному дѣлу по книгамъ, будетъ всегда революціоннымъ бездѣльникомъ. Мысль, способная служить революціи народной, вырабатывается лишь изъ народнаго революціоннаго дѣла, должна быть результатомъ ряда политическихъ опытовъ и проявленій, стремящихся всѣми средствами и всегда неуклонно къ одной и той же цѣли безошаднаго разрушенія. Все, что не идетъ по этому пути, для насъ чуждо и враждебно. Мы не позволимъ себя закупить никакими революціонными фразами, на которыя нынѣ такъ щедры доктринерствующие поборники бумажной революціи. Мы потеряли всякую вѣру въ слова; слово для насъ имѣетъ значеніе только, когда за нимъ чувствуется и непосредственно слѣдуетъ дѣло. Но далеко не все, что нынѣ называется дѣломъ, есть дѣло. Напримѣръ, скромная и черезчуръ остроумная организація тайныхъ обществъ, безъ всякихъ практическихъ проявленій, въ нашихъ глазахъ не болѣе, какъ мальчишеская игра, смѣшная и отвратительная. Фактическими же проявленіями мы называемъ только рядъ дѣйствій, разрушающихъ положительно что-нибудь: лицо, вещь, отношеніе, мѣшающія народному освобожденію.

Не щадя живота и не останавливаясь ни передъ какими угрозами, трудностями и опасностями, мы должны, рядомъ личныхъ дѣйствій и жертвъ, слѣдующихъ одна за другою, по общему строго обдуманному и сговоренному плану, должны рядомъ смѣлыхъ да дерзкихъ попытокъ ворваться въ народную жизнь и, возбудивъ въ народѣ вѣру въ насъ и себя, вѣру въ его собственную мощь, расшевелить, сплотить и подвинуть его къ торжественному совершенію его же собственнаго дѣла...

Мы имѣемъ только одинъ отрицательный неизмѣнный планъ—общаго разрушенія. Мы прямо отказываемся отъ выработки будущихъ жизненныхъ условий, какъ несомѣстной съ нашей дѣятельностью; и потому считаемъ бесплодной всякую исключительно теоретическую работу ума.

Мы считаемъ дѣло разрушенія настолько громадной и трудной задачей, что отдаемъ ему всѣ наши силы, и не хотимъ обманывать себя мечтой о томъ, что у насъ хватитъ силъ и умѣнья на созиданіе.

А потому мы беремъ на себя исключительно разрушеніе существующаго общественнаго строя; созидать не наше дѣло, а другихъ, за нами слѣдующихъ.

Мы беремся сломать гнилое общественное зданіе, въ которомъ мучается большинство обитателей для доставленія нечистыхъ радостей и грязныхъ наслажденій небольшой горсти счастливецъ. Пусть новое зданіе строятъ новые плотники, которыхъ вышлетъ изъ своей среды народъ, когда мы дадимъ возможность вздохнуть ему полной грудью, сбросивъ съ нея тяжкій гнетъ государства.

Сосредоточивая всѣ наши силы на разрушеніи, мы не имѣемъ ни сомнѣній, ни разочарованій; мы постоянно, одинаково хладнокровно преслѣдуемъ нашу единственную жизненную цѣль.

Наши близкіе предшественники не понимали этого, имѣя всѣ удобства для начала борьбы и благопріятныя условія для всеобщаго переворота (время объявленія крестьянамъ мнимой воли...).

Они (предшественники) сидѣли сложа руки и сторонились отъ бунтующаго мѣстами населенія вмѣсто того, чтобъ, бросившись въ эти мѣстные бунты, связать ихъ въ одно грозное все разрушающее народное возстаніе!

Они (предшественники) занимались весьма старательно, чтобы безукоризненно выполнить въ своемъ воображеніи планы будущей народной жизни, и упустили благопріятные дни для народнаго освобожденія отъ государственности и сословности. А потому наши близкіе предшественники ничего не сдѣлали положительнаго.

Дѣло Каракозова надо разсматривать, какъ прологъ!

Да, это былъ прологъ! Постараемся, друзья, чтобы поскорѣ наступила и самая драма!..

Теперь, откинувъ въ сторону всѣ отвлеченныя разсужденія, станемъ лицомъ къ лицу съ нашей реальной задачей.

Такъ какъ окончательное разрѣшеніе нашего жизненнаго вопроса (т. е. окончательное разрушеніе государства) можетъ быть совершено только сообща, всею поднявшейся народной силой, то мы, т. е. та часть молодежи, получившая развитіе, что вышла изъ народа и вполне прочувствовала боли, которыя онъ терпитъ, должны въ виду близкаго, общаго народнаго возстанія обратить теперь все наше вниманіе и силы на уничтоженіе всѣхъ тѣхъ ясно бросающихся въ глаза препятствій, которыя могутъ особенно помѣшать возстанію и затруднить его ходъ.

Главнѣйшія изъ этихъ препятствующихъ условій суть:

1) Тѣ изъ лицъ, занимающихъ высшія правительственныя должности и сосредоточивающихъ власть надъ высшими силами, которыя особенно усердно выполняютъ свои начальническія обязанности.

2) Люди, обладающіе большими экономическими силами и средствами и употребляющіе эти силы исключительно для себя и своего сословія, или для пособій государству.

3) Люди, разсуждающіе и пишущіе по найму, т. е. публицисты, подкупленные правительствомъ, и литераторы, лестью и доносамъ надѣющіеся добиться до административныхъ подачекъ.

Первыхъ надо положительно истреблять безъ всякихъ разсужденій.

У вторыхъ надо отбирать ихъ экономическія силы и средства и употреблять для дѣла народнаго освобожденія; а въ случаѣ невозможности отобрать слѣдуетъ уничтожить эти силы и средства.

Третьихъ заставить молчать тѣми или другимъ способами (хотя бы лишеніемъ языка). Теперь опредѣленій и ближе къ сущности, а главное къ началу дѣла.

Имѣя въ мысли и цѣли истребленіе царя со всей семьей, со всѣми чадами и домочадцами.. до поры до времени подождемъ трогать Александра Николаевича.

... теперь мы безотлагательно примемся за истребленіе его Арачкеевыхъ, т. е. тѣхъ изверговъ въ блестящихъ мундирахъ, обрызганныхъ народной кровью, что считаются столбами государствъ; тѣхъ, которые устраивали и устраиваютъ избиеніе поднимающагося крестьянскаго люда; тѣхъ административныхъ пьявищъ, непрестанно сосущихъ наболѣвшую тоскующую грудь народную, которыя особенно поусердствовали и будутъ усердствовать въ придумываніи мѣръ и средствъ для выжиманія послѣднихъ жизненныхъ соковъ изъ народа, для помраченія зарождающагося народнаго пониманія. И вообще, и прежде всего, тѣхъ, которые окажутся наиболѣе мѣшающими нашему сближенію съ народомъ и нашей подготовительной работѣ.

Нужно ли говорить, что члены III Отдѣленія и полиціи вообще, отличающіеся особенной дѣятельностью и способностями ищекъ, должны быть казнены самымъ мучительнымъ образомъ и въ числѣ самыхъ первыхъ.

До начала всеобщаго народнаго возстанія намъ необходимо придется истребить цѣлую орду грабителей казны, подлыхъ народныхъ тирановъ. Намъ надо очистить мысль отъ гнилыхъ наростовъ, намъ надо искоренить продажность и подлость современной науки и литературы, воплощающуюся въ огромной массѣ публицистовъ, писакъ и псевдочученыхъ, состоящихъ на жалованьѣ III Отдѣленія, или стремящихся заслужить это жалованье. Надо избавиться тѣмъ или другимъ путемъ отъ лжеучителей, доносчиковъ, предателей, грязнящихъ знамя истины, въ которое они драпируются, какъ ея служители. Въ этомъ состоитъ начало истиннаго движенія съ цѣлью подготовленія благоприятныхъ условій для близкаго, общенароднаго возстанія противъ государственности и словности.

Такова была программа дѣйствій, выработанная Нечаевымъ, программа, которая съ нѣкоторыми вариантами легла въ основаніе всей дальнѣйшей активной русской революціонной дѣятельности, нашедшей себѣ широкое примѣненіе въ террористическихъ актахъ партіи «Народной воли». Нечаевъ, откинувъ теоріи, первый поставилъ вопросъ о террорѣ ребромъ и далъ ему реальное обоснованіе.

XIV.

Въ связи съ этой программой имъ былъ выработанъ подробнѣйшимъ образомъ планъ дальнѣйшей революціонной организаціи, каковой онъ и привезъ съ собою осенью 1869 г. въ Москву и по которому онъ сталъ формировать свои конспиративные кружки, знаменитыя «пятерки», заря жизни которыхъ быстро расцвѣтилась кровавой окраской. Этотъ планъ настолько характеренъ для исторіи русскаго революціоннаго движенія, что считаемъ долгомъ привести его полностью, ибо въ немъ можно найти главнѣйшія начала тактик для

той кровавой борьбы, которая охватила Россію на много лѣтъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ отдѣлы: отношеніе революціонера къ самому себѣ, къ товарищамъ, къ обществу, къ народу. Какъ въ своей программѣ, такъ и въ «правилахъ организаціи» Нечаевъ явился практикомъ-новаторомъ, умѣвшимъ всѣ вопросы, даже детальныя, ставить на реальное основаніе.

Общія правила организаціи ¹⁾.

§ 1. Строй организаціи основывается на довѣрїи къ личности. § 2. Организаторъ (уже членъ) изъ среды своихъ знакомыхъ намѣчаетъ 5—6 лицъ, съ которыми переговаривъ одиночно и заручившись согласіемъ каждаго, собираетъ ихъ вмѣстѣ и закладываетъ основаніе замкнутого кружка. § 3. Механизмъ организаціи скрытъ отъ всякаго празднаго глаза, а потому вся сумма связей и весь ходъ дѣятельности кружка есть секретъ для всѣхъ, исключая его членовъ и центральнаго кружка, куда организаторъ представляетъ полный отчетъ въ опредѣленные сроки. § 4. По извѣстному плану, основанному на знаніи мѣстности или сословія, или среды, въ которой ведется подготовительная работа, труды специализируются членами. § 5. Членъ организаціи немедленно составляетъ, въ свою очередь, каждый около себя кружокъ 2-й степени, къ которому прежде основанный ставится въ значеніе центрального, куда всѣ члены организаціи (по отношенію къ кружкамъ 2-й степени организаторовъ) вносятъ всю сумму свѣдѣній отъ своихъ кружковъ для доставленія далѣе. § 6. Правило не дѣйствовать непосредственно на всѣхъ тѣхъ, на которыхъ можно дѣйствовать съ не меньшимъ результатомъ непосредственно, т.-е. черезъ другихъ, должно быть выполняемо съ строгой аккуратностью. § 7. Общій принципъ организаціи не убѣждать, т.-е. не выработывать, а спланивать тѣ силы, которыя есть уже налицо, исключать всякія пренія, имѣющія отношенія къ реальной цѣли. § 8. Устраняются всякіе вопросы отъ членовъ къ организатору, имѣющіе цѣлью дѣло кружковъ подчиненныхъ. § 9. Полная откровенность отъ членовъ къ организатору лежить въ основѣ успѣшнаго хода дѣла. § 10. По образованіи кружковъ второго разряда прежде организованные становятся относительно ихъ центрами, получаютъ уставъ общества и опредѣленную программу дѣятельности въ той средѣ, гдѣ находятся.

Общія правила сѣти для отдѣленій.

1) Задача отдѣленій состоитъ въ достиженіи самостоятельности и независимости въ дѣлѣ организаціи и ихъ употребленіи съ вѣщшею гарантіею безопасности общаго дѣла. 2) Начало такого отдѣленія кладутъ двое или трое лицъ, уполномоченныхъ отъ сѣти съ одобренія комитета.

¹⁾ «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ». Т. I.

Они группируютъ тѣхъ лицъ изъ кружковъ на основаніи общихъ правилъ организаціи, которыя, по усмотрѣнію комитета, окажутся удовлетворяющими требованіямъ. Черезъ организаторовъ поддерживается связь съ сѣтью. 3) Личности, избранныя изъ кружковъ и входящія въ составъ отдѣленія, на первомъ же собраніи даютъ обязательство: а) дѣйствовать неразрывно, коллективно, вполнѣ подчиняясь общему голосу, и оставить отдѣленіе только для вступленія въ ряды еще болѣе интимныя, по указанію комитета; б) вмѣстѣ съ тѣмъ они обязуются во всѣхъ своихъ отношеніяхъ ко внѣшнему міру имѣть въ виду только пользу общества. 4) Вступленіе въ отдѣленіе дѣлается постепенно, по одиночкѣ. Когда количество дойдетъ до 6, тогда отдѣленія раздѣляются на самостоятельныя группы, по указанію комитета. 5) Избирается сообща лицо, завѣдывающее письмоводствомъ, составленіемъ отчетовъ, приемкой и отправленіемъ членовъ комитета и другихъ довѣренныхъ лицъ, имѣющихъ отношенія къ всему отдѣленію. Это же лицо хранитъ бумаги, вещи и имѣетъ адреса. 6) Другіе члены берутъ на себя обязанность вести подготовительную работу въ томъ или другомъ сословіи, или средѣ, и избираютъ себѣ помощниковъ изъ лицъ, организованныхъ по общимъ правиламъ. 7) Все количество лицъ, организованныхъ по общимъ правиламъ, разматривается и употребляется какъ средство или орудіе для выполненія предпріятій и для достиженія цѣли общества. Потому, во всякомъ дѣлѣ, приводимомъ отдѣленіемъ въ исполненіе, существенный планъ этого дѣла или предпріятія долженъ быть извѣстенъ только отдѣленію; приводящія же его въ исполненіе личности отнюдь не должны знать сущность, а только тѣ подробности, тѣ части дѣла, которыя выполнить пало на ихъ долю. Для возбужденія же энергіи необходимо объяснять сущность дѣла въ превратномъ видѣ. 8) О планѣ предпріятія, задуманнаго членами, дается знать комитету, и только по соглашенію онаго приступается къ выполненію. 9) Планъ, предложенный со стороны комитета, выполняется немедленно. Для того, чтобы со стороны комитета не было требованій, превышающихъ силы отдѣленія, устанавливается самая строгая и аккуратная отчетность о состояніи отдѣленія чрезъ посредство тѣхъ звеньевъ, которыми оно связывается съ комитетомъ. 10) Отдѣленіе посылаетъ членовъ для ревизіи подчиненныхъ кружковъ и отправляетъ въ свѣжія мѣста для заложения новыхъ организацій. 11) Вопросъ о средствахъ денежныхъ стоитъ на первомъ планѣ: 1-е, прямой сборъ съ членовъ, лицъ сочувствующихъ—на бланкѣ комитета, съ выставленіемъ прописью количества жертвуемыхъ денегъ; 2-е, косвенный сборъ, подъ благовидными предлогами, отъ лицъ всѣхъ сословій, хотя бы и не сочувствующихъ; 3-е, устройство концертовъ, вечеровъ, подъ разными номинальными цѣлями; 4-е, разнообразныя предпріятія относительно частныхъ лицъ; всѣ другія болѣе грандіозныя средства исключаются изъ дѣятельности отдѣленія, какъ превышающія его силу, и только по указанію комитета отдѣленіе должно содѣйствовать выполненію такого плана; 5-е, изъ всей суммы приходовъ одна треть доставляется комитету. 12) Въ числѣ необходимыхъ условий для начала дѣятельности отдѣленія есть: 1-е, образованіе притоновъ; 2-е, допущеніе своихъ ловкихъ и практическихъ людей въ среду разносчиковъ, булочниковъ и прочее; 3-е, знакомство съ городскими слетниками, публичными женщинами и другія частныя собранія и распространенія слуховъ; 4-е, знакомство съ полиціей и съ міромъ старыхъ приказныхъ; 5-е, заведеніе сношеній съ такъ называемой преступной частью общества; 6-е, вліяніе на высокопоставленныхъ лицъ чрезъ ихъ женщинъ; 7-е, интеллигенція литературы; 8-е, поддержаніе агитаціи всевозможными средствами. Сей экземпляръ не долженъ распространяться, а храниться въ отдѣленіи.

Отношеніе революціонера къ самому себѣ.

§ 1. Революціонеръ—человѣкъ обреченный. У него нѣтъ ни своихъ интересовъ, ни дѣлъ, ни чувствъ, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все въ немъ поглощено единымъ исключительнымъ интересомъ, единою мыслью, единою страстію—революціей.

§ 2. Онъ въ глубинѣ своего существа, не на словахъ только, а на дѣлѣ, разорвалъ всякую связь съ гражданскимъ порядкомъ и со всѣмъ образованнымъ міромъ, со всѣми законами, приличіями, общепринятыми условіями и нравственностію этого міра. Онъ для него—врагъ беспощадный и если бъ онъ продолжалъ жить въ немъ, то для того только, чтобы его вѣрнѣе разрушить.

§ 3. Революціонеръ презираетъ всякое доктринерство и отказался отъ мірской науки, предоставляя ее будущимъ поколѣніямъ. Онъ знаетъ только одну науку, науку разрушенія. Для этого и только для этого онъ изучаетъ теперь механику, физику, химию, пожалуй, медицину. Для этого изучаетъ денно и ношно живую науку людей, характеровъ, положеній и всѣхъ условій настоящаго общественнаго строя, во всѣхъ возможныхъ слояхъ. Цѣль же одна—наискорѣйшее разрушеніе (этого) поганаго строя.

§ 4. Онъ презираетъ общественное мнѣніе. Онъ презираетъ и ненавидитъ во всѣхъ побужденіяхъ и проявленіяхъ нынѣшнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствуетъ торжеству революціи. Безнравственно и преступно все, что мѣшаетъ ему.

§ 5. Революціонеръ—человѣкъ обреченный, беспощаденъ для государства и вообще для всего сословно-образованнаго общества; онъ и отъ нихъ не долженъ ждать для себя никакой пощады. Между ними и имъ существуетъ тайная или явная, но непрерывная и непримиримая война на жизнь и на смерть. Онъ долженъ приучить себя выдерживать пытки.

§ 6. Суровый для себя, онъ долженъ быть суровымъ и для другихъ. Всѣ нѣжныя, изнѣживающія чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены въ немъ единою холодною страстію революціоннаго дѣла. Для него существуетъ только одна нѣга, одно утѣшеніе, вознагражденіе и удовлетвореніе—успѣхъ революціи. Денно и ношно должна быть у него одна мысль, одна цѣль—беспощадное разрушеніе. Стремясь хладнокровно и неутомимо къ этой цѣли, онъ долженъ быть готовъ и самъ погибнуть и погубить своими руками все, что мѣшаетъ ея достиженію.

§ 7. Природа настоящаго революціонера исключаетъ всякій романтизмъ, всякую чувствительность, восторженность и увлеченіе. Она исключаетъ даже личную ненависть и мщеніе. Революціонерная страсть, ставъ въ немъ обыденностію, ежеминутно должна соединяться съ холоднымъ расчетомъ. Всегда и вездѣ онъ долженъ быть не то, къ чему его побуждаютъ влеченія личныя, а то, что предписываетъ ему общій интересъ революціи.

Отношеніе революціонера къ товарищамъ по революціи.

§ 8. Другомъ и милымъ человѣкомъ для революціонера можетъ быть только человѣкъ, заявившій себя на дѣлѣ такимъ же революціонернымъ дѣломъ, какъ и онъ самъ. Мѣра дружбы, преданности и прочихъ обязанностей въ отношеніи къ такому товарищу опредѣляется единственно степенью полезности въ дѣлѣ всеразрушительной практической революціи.

§ 9. О солидарности революціонеровъ и говорить нечего. Въ ней вся сила революціоннаго дѣла. Товарищи-революціонеры, стоящіе на одинаковой степени революціоннаго пониманія и страсти, должны, по возможности, осуждать всѣ крупныя дѣла вмѣстѣ и рѣшать ихъ единодушно. Въ исполненіи такимъ образомъ рѣшеннаго плана каждый долженъ разсчитывать, по возможности, на себя. Въ выполненіи ряда разрушительныхъ дѣйствій каждый долженъ дѣлать самъ и прибѣгать къ совѣту и помощи товарищей только тогда, когда это для успѣха необходимо.

§ 10. У каждаго товарища должно быть подъ рукою нѣсколько революціонеровъ втораго и третьяго разрядовъ, т. е. не совсѣмъ посвященныхъ. На нихъ онъ долженъ смотрѣть, какъ на часть общаго революціоннаго капитала, отданнаго въ его распоряженіе. Онъ долженъ экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь изъ него наибольшую пользу. На себя онъ смотритъ, какъ на капиталъ, обреченный на трату для торжества революціоннаго дѣла, только какъ на такой капиталъ, которымъ онъ самъ и одинъ безъ согласія всего товарищества исполнѣ посвященныхъ распоряжаться не можетъ.

§ 11. Когда товарищъ попадаетъ въ бѣду, рѣшая вопросъ, спасать его или нѣтъ, революціонеръ долженъ соображаться не съ какими-нибудь личными чувствами, но только съ пользою революціоннаго дѣла. Поэтому онъ долженъ взвѣсить пользу, приносимую товарищемъ—съ одной стороны, а съ другой—трату революціонныхъ силъ, потребныхъ на избавленіе, и на которую сторону перетянетъ, такъ и долженъ рѣшить.

Отношенія революціонера къ обществу.

§ 12. Принятіе новаго члена, заявившаго себя не на словахъ, а на дѣлѣ, въ товарищество не можетъ быть рѣшено иначе, какъ единодушно.

§ 13. Революціонеръ вступаетъ въ государственный, сословный, такъ называемый, образованный міръ и живетъ въ немъ только съ вѣрой въ его полнѣйшее скорѣйшее разрушеніе. Онъ не революціонеръ, если ему чего-нибудь жаль въ этомъ мірѣ. Если онъ можетъ, то становится предъ истребленіемъ положенія, отношенія или какого-либо человѣка, принадлежащаго къ этому міру—всѣ и все должны быть ему равно ненавистны. Тѣмъ хуже для него, если у него есть въ немъ родственныя, дружескія и любовныя отношенія; онъ не революціонеръ, если они могутъ остановить его руку.

§ 14. Съ цѣлью беспощаднаго разрушенія революціонеръ можетъ и даже часто долженъ жить въ обществѣ, притворяясь совсѣмъ не тѣмъ, что онъ есть. Революціонеръ долженъ проникнуть всюду, во всѣ низшія и среднія сословія, въ купеческую лавку, въ церковь, въ барскій домъ, въ міръ бюрократическій, военный, въ литературу, въ III Отдѣленіе и даже въ Зимній дворецъ.

§ 15. Все это поганое общество должно быть раздроблено на нѣсколько категорій: 1-я категорія неотлагаемо осужденныхъ на смерть. Да будетъ составленъ товариществомъ списокъ такихъ осужденныхъ, по порядку ихъ относительной зловредности для успѣха революціоннаго дѣла, такъ чтобы предыдущіе номера убрались прежде послѣдующихъ.

§ 16. При составленіи такихъ списковъ и для установленія выше-реченнаго порядка, должно руководствоваться отнюдь не личнымъ злодѣйствомъ человѣка, ни даже ненавистью, возбуждаемой имъ въ товариществѣ или въ народѣ. Это злодѣйство и эта ненависть могутъ быть даже отчасти полезными, способствуя къ возбужденію народнаго бунта.

Должно руководствоваться мѣрой пользы, которая должна произойти отъ его смерти для революціоннаго дѣла. Итакъ, прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революціонной организаціи, а также внезапная и насильственная смерть которыхъ можетъ навести наибольшій страхъ на правительство и, лишивъ его умныхъ и энергичныхъ дѣятелей, потратить его силу.

§ 17. Вторая категорія должна состоять изъ такихъ людей, которымъ даруютъ только временно жизнь, чтобы они рядомъ звѣрскихъ поступковъ довели народъ до неотвратимаго бунта.

§ 18. Къ третьей категоріи принадлежитъ множество высокопоставленныхъ скотовъ или личностей, не отличающихся ни особеннымъ умомъ, ни энергіей, но пользующихся по положенію богатствомъ, связями, влияніемъ, силой. Надо ихъ эксплуатировать всевозможными манерами, путями опутать ихъ, сбить съ толку и, овладѣвъ, по возможности, ихъ грязными тайнами, сдѣлать ихъ своими рабами. Ихъ власть, влияние, связи, богатство и сила сдѣлаются, такимъ образомъ, неистощимою сокровищницею и сильной помощью для различныхъ предпріятій.

§ 19. Четвертая категорія состоитъ изъ государственныхъ честолюбцевъ и либераловъ съ разными отгѣнками. Съ ними можно конспирировать по ихъ программамъ, дѣлая видъ, что слѣпо слѣдуешь за ними, а между тѣмъ прибирать ихъ въ руки, овладѣть всѣми ихъ тайнами, скомпрометировать ихъ до нельзя, такъ, чтобы возвратъ для нихъ былъ невозможенъ, и ихъ руками мутить государство.

§ 20. Пятая категорія — доктринеры, конспираторы, революціонеры, всѣ праздноглаголющіе въ кружкахъ и на бумагахъ. Ихъ надо безпрестанно толкать и тянуть впередъ, въ практичныя головолонныя заявленія, результатомъ которыхъ будетъ безслѣдная гибель большинства и настоящая революціонная выработка немногихъ.

§ 21. Шестая и важная категорія—женщины, которыхъ должно раздѣлить на три главные разряда: однѣ—пустыя, обезмысленныя, бездушныя, которыми можно пользоваться, какъ третьей и четвертой категоріями мужчинъ; другія—горячія, преданныя, способныя, но не наши, потому что не доработались еще до настоящаго безстрастнаго и фактическаго революціоннаго пониманія; ихъ должно употреблять, какъ мужчинъ пятой категоріи; наконецъ женщины совсѣмъ наши, т. е. вполне посвященные и принявшія всецѣло нашу программу. Мы должны смотрѣть на нихъ, какъ на драгоценнѣйшія сокровища наши, безъ помощи которыхъ намъ обойтись невозможно.

Отношеніе товарищества къ народу.

§ 22. У товарищества нѣтъ другой цѣли, кромѣ полнѣйшаго освобожденія и счастья народа, т. е. чернорабочаго люда. Но убѣжденное въ томъ, что это освобожденіе и достиженіе этого счастья возможно только путемъ всеокрушающей народнои революціи, товарищество всѣми силами и средствами будетъ способствовать къ развитію и разобненію тѣхъ бѣдъ и тѣхъ золъ, которыя должны вывести, наконецъ, народъ изъ терпѣнія и понудить его къ поголовному возстанію.

§ 23. Подъ революціею народнои товарищество разумѣетъ не регламентированное движеніе по западному классическому образцу—движеніе, которое всегда, останавливаясь передъ собственностію и передъ традиціями общественныхъ порядковъ, такъ называемой, цивилизаціи и нравственности, до сихъ поръ ограничивалось вездѣ низверженіемъ одной политической формы для замѣненія ея другою и стремилось создать,

такъ называемое, революціонное государство. Спасительною для народа можетъ быть только та революція, которая уничтожитъ въ корнѣ всякую государственность и истребитъ всѣ государственныя традиціи порядка и классы Россіи.

§ 24. Товарищество поэтому не намѣрено навязывать народу какую бы то ни было организацію сверху. Будущая организація, безъ сомнѣній, выработается изъ народнаго движенія и жизни. Но это—дѣло будущихъ поколѣній. Наше дѣло — страшное, полное, повсемѣстное и безпощадное разрушеніе.

§ 25. Поэтому, сближаясь съ народомъ, мы прежде всего должны соединиться съ тѣми элементами народной жизни, которые со времени основанія московской государственной силы не переставали протестовать не на словахъ, а на дѣлѣ противъ всего, что прямо или косвенно связано съ государствомъ: противъ дворянства, противъ чиновничества, противъ поповъ, противъ гильдейскаго міра и противъ кулака-міроѣда. Но соединимся съ дикимъ разбойничьимъ міромъ, этимъ истиннымъ и единственнымъ революціонеромъ въ Россіи.

§ 25. Сплотить этотъ міръ въ одну непобѣдимую, всесокрушающую силу—вотъ вся наша организація, конспирація, задача.

Вотъ детально и практически разработанный планъ «организаціи» пятерокъ, съ которымъ Нечаевъ осенью 1869 г. явился въ Москву. Дѣйствуя именовемъ таинственнаго и въ сущности фантастическаго «центрального комитета», ибо онъ воплощался на дѣлѣ въ единой его собственной личности, воспѣтый въ спеціальному «ему посвященномъ» стихотвореніи Огарева, имѣя при себѣ рукою самого Бакунина написанное свидѣтельство, что онъ членъ интернаціонала, окруженный легендами,—Нечаевъ къ этому времени дѣйствительно въ глазахъ молодежи уже представлялъ собою силу, которой охотно повиновались и передъ желѣзною волей котораго склонялись. Дѣятельность его пріобрѣтаетъ широкій размахъ, онъ даетъ окружающимъ директивы и заставляетъ слѣпо повиноваться его велѣніямъ, какого бы свойства и характера таковыя ни были. Упоенный своей самимъ имъ созданной ролью, Нечаевъ, однако, не удержался на той покатои и скользкой плоскости, на которую такъ дерзко и при помощи такихъ махинацій сталъ въ короткое время. Убіеніе въ темномъ гротѣ Петровско-Разумовской академіи было началомъ его конца. Неповинная кровь его недавняго еще единомышленника, студента Иванова, страшная драма въ глухомъ паркѣ, гдѣ онъ безжалостно поднялъ руку на несчастнаго юношу, имѣли слѣдствіемъ гибель его самого и оставили въ средѣ знавшихъ его и въ сознаніи послѣдующихъ поколѣній мрачную и незавидную о немъ память. Онъ не удержался на грани, которая раздѣляетъ добрую репутацію, хотя бы въ опредѣленномъ кругу лицъ, отъ позора, и рухнулъ въ пропасть, вырытую собственными руками.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЧЕЛЯБИНСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

I.

ЧЕЛЯБИНСКЪ, бывшее татарское селеніе Селлябы, въ настоящее время все болѣе и болѣе завоевываетъ себѣ значительное положеніе среди остальныхъ городовъ Зауралья.

Ему, несомнѣнно, принадлежитъ въ будущемъ роль столицы Зауральскаго края, природныя богатства котораго, вродѣ плодородной почвы, цѣлебныхъ водъ, многихъ горныхъ породъ, тучныхъ пастбищъ и дѣвственныхъ лѣсовъ, до сихъ поръ еще мало использованы.

По распространенному преданію, Челябинскъ основанъ во времена ханскаго владычества и служилъ для татаръ крѣпостью. Жители города до сихъ поръ указываютъ на стѣну женскаго монастыря, которая образовалась изъ стѣнъ бывшихъ крѣпостныхъ укрѣпленій. Самый монастырь—по размѣрамъ небольшой, но монахини его отличаются чисто мужской энергіей и трудолюбіемъ. Съ громаднымъ успѣхомъ онѣ ведутъ полевую работу по монастырскимъ заимкамъ.

Крайне оригинальна бываетъ картина работъ монахинь въ полѣ. Молодыя и здоровыя, онѣ ловко управляютъ съ крутящимися и стучащими машинами, то подсыпая въ вѣялку зерно, то отгребая солому отъ молотилокъ, и т. д. Монастырскія поля считаются здѣсь лучшими по обработкѣ, а огородные овощи и ягоды славятся далеко за городомъ. Монахини исполняютъ въ монастырѣ и малярныя, и плотницкія работы, и работы ломовыхъ извозчиковъ, перевоза изъ заимокъ въ монастырь хлѣба и инья тяжести.

Внутреннее благоустройство города весьма неодинаково. Въ иныхъ мѣстахъ городскія постройки придаютъ городу тишь чисто провинціальныхъ улицъ съ маленькими домиками-особнячками (Семеновская гора, Оренбургская улица и т. д.).

Въ другихъ мѣстахъ города постройка сообщаетъ городу видъ болѣе сложной архитектуры домовъ, со многими квартирами, церквями и соборами на площадяхъ и т. д. (Большая улица, Уфимская и др.).

Улицы большею частью не мощенныя, а если замощены, то непрѣнно такъ, чтобы камешки, самой различной величины и формы, острыми углами располагались наружу... Во время дождя проѣздъ по городу является почти невозможнымъ. Лошади вязнутъ, колеса экипажей утопаютъ даже и на мощеныхъ улицахъ. Въ сухую же погоду малѣйшій вѣтерокъ поднимаетъ по всему городу цѣлые вихри ужасной всесъѣдающей пыли. Многочисленныя площади изборозжены по всѣмъ направленіямъ слѣдами экипажей, съ кучами сжигаемаго позома, щебня или утопившейся въ грязи телѣги. Во время дождя—это сплошь мѣсиво, въ сухую погоду—вулканическая поверхность Везувія.

Краснорѣчивымъ украшеніемъ городскихъ мостовыхъ являются застрявшія тамъ и здѣсь калоши неопытныхъ и вновь прибывшихъ въ городъ пассажировъ. Въ мелкихъ калошахъ ходьба по городу буквально невозможна. По нимъ обыкновенно узнаются пріѣзжіе. Мѣстные же обыватели, отъ торговца до изящной дамы, если хотятъ итти пѣшкомъ, запасаются даже лѣтомъ такъ называемыми полуботиками.

По своему внѣшнему виду городъ походитъ на большую деревню, въ которой вдругъ разбогатѣли обыватели и принялись за спѣшную постройку складовъ, банковъ, биржи, таможи и т. д.

Вообще городъ интересенъ не своимъ прошлымъ, а быстрымъ ростомъ и культурной жизнью въ настоящее время. Онъ расположенъ по берегамъ несудоходной рѣки Міяса, придающей городу внѣшнюю оживленность, но не доходъ.

Несмотря на спѣшное домостроительство, въ Челябинскѣ очень трудно найти удобную квартиру, такъ же, какъ и хорошую прислугу. Еще для комнатныхъ услугъ можно найти деревенскую дѣвушку и пріучить ее къ домашнимъ работамъ. Кухарокъ же положительно нѣтъ. Кто хочетъ имѣть хорошій столъ, тотъ долженъ выписывать кухарку изъ Петербурга или обречь себя на произволъ мѣстной «стряпки», которая грозитъ каждый моментъ васъ покинуть, если вы не исполняете всѣхъ ея капризовъ. Кухарки—вотъ кто можетъ имѣть въ Челябинскѣ благодарный заработокъ и постоянныя мѣста за отсутствіемъ конкурентовъ.

До проведенія Сибирской желѣзной дороги Челябинскъ не игралъ никакой роли, а съ проложеніемъ рельсоваго пути онъ становится

единственнымъ передаточнымъ пунктомъ для товаровъ и пассажировъ, ѣдущихъ изъ Россіи въ Сибирь и обратно.

Наибольшее оживленіе и торговое значеніе онъ приобретаетъ съ того момента, когда становится узловой станціей трехъ желѣзныхъ дорогъ: Самаро-Златоустовской, Сибирской и Пермской. Съ открытіемъ въ недавнее время Сѣверной дороги, время проѣзда между Петербургомъ и Челябинскомъ сократилось съ шести дней на четыре.

Насколько велика работа станціи по грузовому движенію, свидѣтельствуется то, что при станціи имѣется до двухсотъ верстъ однихъ запасныхъ путей.

Съ развитіемъ желѣзнодорожнаго движенія населеніе города быстро увеличивается. Официально въ немъ насчитывается 19 тысячъ жителей, а съ желѣзнодорожными поселками оно достигаетъ до 25 тысячъ.

Челябинскъ рѣзко отличается отъ другихъ провинціальныхъ городовъ тѣмъ, что чиновничество въ немъ не является господствующимъ классомъ и не задаетъ тона, какъ это бываетъ обыкновенно въ другихъ мелкихъ городахъ. Пріѣзжіе сюда на службу чиновники смотрятъ на свое пребываніе, какъ на переходную стадію. Они дѣйствительно быстро переводятся въ болѣе отдаленные и выгодные пункты Сибири или подвигаются обратно къ столицѣ. Никто изъ нихъ не засиживается и живетъ здѣсь какъ на бивуакахъ—«проходимцемъ»... Болѣе постоянный классъ населенія состоитъ изъ крупнаго купечества, мелкихъ торговцевъ и желѣзнодорожниковъ разнаго калибра.

Несмотря на нѣсколько торговыхъ складовъ въ городѣ, торговля ведется преимущественно привозными товарами московскихъ и варшавскихъ фирмъ. Промышленность мѣстная развита очень мало. Имѣется одинъ заводъ земледѣльческихъ орудій и другой винокуренный. Существуютъ три банка и биржа. Большой процентъ среди торговцевъ составляютъ евреи и татары. Но, какъ это ни странно, чего въ Челябинскѣ не мыслимо достать за обыкновенную у насъ цѣну—это мѣховъ и готовыхъ мѣховыхъ вещей. Сибирскіе мѣха въ Москвѣ гораздо дешевле, чѣмъ въ Челябинскѣ и Иркутскѣ... Дѣло въ томъ, что въ Сибири нигдѣ не развита обработка мѣховъ, и пушной товаръ отправляется въ сыромъ видѣ въ подмосковные заводы для выдѣлки и уже оттуда выдѣланнымъ онъ снова возвращается въ Сибирь на продажу.

Второй многочисленный классъ челябинскаго населенія составляютъ желѣзнодорожные служащіе. Они преимущественно населяютъ крупные поселки, расположенные около станціи: Николаевскій поселокъ, Колупаевку и знаменитый «Портъ-Артуръ», который возникъ въ печальную годовщину паденія крѣпости Портъ-Артура на Дальнемъ Востокѣ. Поселокъ этотъ представляетъ собою

обширную площадь, застроенную въ высшей степени безсистемно самыми разнообразными постройками, начиная отъ тесовыхъ избъ съ палисадниками и кончая лачугами, сложенными изъ гнилыхъ желѣзнодорожныхъ шпаль. Нерѣдки здѣсь и землянки, вырытыя прямо въ землѣ и обложенныя хворостомъ.

Худой славой пользуется этотъ поселокъ, скрывая въ своихъ закоулкахъ немало преступныхъ людей, пьяныхъ забулдыгъ и даже бѣглыхъ каторжанъ. Вообще съ общимъ развитіемъ и обогащеніемъ города отбросы общества изъ «Портъ-Артура» беззащѣнно орудуютъ на городскомъ шоссе и на окраинахъ, какъ только спускаются надъ городомъ сумерки. Воровство и убійства здѣсь вещь заурядная, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Челябинскъ сталъ мѣстомъ уголовной административной ссылки. Въ газетахъ постоянно писали о томъ, что въ городѣ не проходитъ дня безъ преступленія. Кражи, грабежи и разбойничьи нападенія дошли до чудовищныхъ размѣровъ. Совершивъ разбой, преступники почти всегда скрываются, даже днемъ. А ночью невозможно появиться на улицѣ, не рискуя быть ограбленнымъ или убитымъ.

Городская дума постановила возбудить ходатайство передъ губернаторомъ и премьеръ-министромъ о прекращеніи высылки уголовныхъ въ Челябинскъ и о продленіи положенія объ усиленной охранѣ. Конечно, эти мѣры чисто внѣшнія: вмѣсто Челябинска уголовныхъ будутъ высылать въ другой городъ, и это значитъ изъ одного кармана переложить грязный платокъ въ другой. Что касается исключительныхъ законовъ, то они не замѣнятъ дешеваго хлѣба и заработка для ссыльныхъ и бессыльныхъ работниковъ.

А между тѣмъ, несмотря на то, что Челябинскъ служитъ крупнымъ передаточнымъ пунктомъ, черезъ который проходятъ солидные экспорты различныхъ товаровъ изъ Сибири въ Россію и обратно, всѣ предметы потребленія въ самомъ городѣ очень дороги и дорожаютъ съ каждымъ годомъ.

Челябинцы съ грустью вспоминаютъ давно минувшія времена (дѣтъ десять тому назадъ), когда мясо стоило три-четыре копейки фунтъ (положимъ, русское, не черкасское), яйца — 8—10 копеекъ, дешевые огурцы и зелень; 60 коп. пара гусей (дичь, хотя бы и крупную, принято продавать и покупать парами), 70 коп. индюшка и т. под. Теперь мясо малорослаго и молодого мѣстнаго скота дошло до 14—16 коп. Тѣмъ болѣе сжимается сердце челябинца при видѣ громадныхъ ежедневныхъ отправокъ гуртовъ прекраснаго скота изъ Акмолинской и Тургайской областей въ Москву, Петербургъ и южные города. Въ среднемъ каждый день черезъ Челябинскъ проходятъ до 600 головъ рогатаго скота. Идутъ гурты скота «пѣшкомъ» отъ мѣста своего рожденія до посадки въ Челябинскѣ на поѣздъ, проходя многочисленные на своемъ пути медицинскіе этапы. На каждомъ этапѣ находится медицинскій персоналъ изъ

ветеринарных фельдшеровъ, и производится тщательный осмотръ скота. При малѣйшемъ подозрительномъ по болѣзни случаѣ весь гуртъ задерживается въ карантинѣ. По прибытіи скота въ Челябинскъ производится еще разъ его осмотръ, и тогда только приступаютъ къ посадкѣ скота для дальнѣйшаго слѣдованія. При посадкѣ нерѣдко происходятъ сцены сопротивленія со стороны обреченныхъ животныхъ. Обыкновенно покорные во все время перегонокъ своимъ проводникамъ, быки начинаютъ дико мычать и вырываться изъ рукъ посадчиковъ, убѣгая иногда далеко въ поле. Прогонный скотъ принадлежитъ обыкновенно богатымъ скупщикамъ, большею частью изъ киргизовъ или татаръ. Что касается погонщиковъ-проводниковъ, то они, истощенные, черные, въ одеждахъ, состоящихъ сплошь изъ клочковъ, на кривомъ сѣдлѣ и маленькой лошаденкѣ, производятъ впечатлѣніе какихъ-то духовнопокровителей, бдительно охраняющихъ судьбу стадъ. Не легко иногда бываетъ справиться изнуренному погонщику съ остревнѣвшимъ животнымъ. На моихъ глазахъ одинъ изъ такихъ погонщиковъ умеръ посреди поля въ погонѣ за бѣшенымъ быкомъ. У несчастнаго погонщика отъ быстрой ѣзды хлынула изъ рта и изъ носа кровь. Онъ слетѣлъ съ сѣдла и черезъ нѣкоторое время лишился жизни. Обыкновенно доставленный такимъ образомъ быкъ стоитъ въ Петербургѣ рублей 80—90. На всемъ пути слѣдованія рогатаго скота по желѣзной дорогѣ для него уже заранѣе заготовлены пункты, на которыхъ должны производиться кормежка и водопой. Тщательно поддерживается питаніе скота, чтобы онъ не отощалъ и не потерялъ бы на мѣстѣ назначенія своей высокой стоимости.

О быстромъ ростѣ и развитіи города немало свидѣтельствуетъ справка о томъ, что лѣтъ 15 тому назадъ трехверстное разстояніе между станціей и городомъ было покрыто сплошь дремучимъ березовымъ лѣсомъ, и до города нужно было добираться по узкой лѣсной дорожкѣ, рискуя оставить голову подъ дубиной бѣглаго каторжника. Въ настоящее время городъ соединяется со станціей трясучимъ шоссе, очень плохимъ, но все-таки вымощеннымъ. По шоссе пустили общественный омнибусъ... Что это за омнибусъ, лучше не говорить... Но онъ все-таки существуетъ, какъ и въ цивилизованныхъ странахъ. Омнибусъ—это не что иное, какъ деревянный ящикъ безъ оконъ, съ двумя дырками вмѣсто дверей. Кучерьъ при немъ верхъ безобидности и хладнокровія.

Между кучеромъ и пассажирами дилижанса происходятъ постоянныя пререканія:

— Да погони же ты лошадей-то немного... Поѣздъ уйдетъ,— раздаются голоса изъ дилижанса.

— Никакъ невозможно для лошадей... Тяжесть-то какая...

— Да какая тамъ тяжесть? Насъ всего двое ѣдетъ. Развѣ это тяжело?

Челябинскъ. Мостъ на рѣкѣ Міясѣ.

— Да что пассажиры... Пассажиры, извѣстно, тяжесть небольшая, а вотъ деллижансъ-то чего стоитъ протащить... Безъ мала тридцать пудовъ вѣситъ.

Въ Челябинскѣ все есть, но все скороспѣло, все сдѣлано съ горячкой, которая мѣшала солидно и основательно подумать надъ дѣломъ. Дома растутъ въ Челябинскѣ съ быстротою поганыхъ грибовъ послѣ дождливой погоды и, конечно, обладаютъ такимъ же крупнымъ недостаткомъ, т. е. вовсе непригодны для жилья и тѣмъ не менѣе берутся нарасхватъ. Явленіе это очень понятно и легко объяснимо. Городъ такъ быстро растетъ, потребности такъ быстро назрѣваютъ, что ихъ не успѣваютъ удовлетворять съ надлежащею добросовѣстностью. Нужно имѣть въ виду, что Челябинскъ—городъ уѣздный, а у насъ въ Россіи есть областные города, гдѣ два-три десятка жителей, напримѣръ, Тургай, областной городъ Тургайской области. Онъ настолько незначителенъ, что все областное начальство, которому надлежало бы въ немъ жить, — живетъ въ Оренбургѣ и оттуда править дѣлами области.

Курьезны своею претенціозностью въ Челябинскѣ вывѣски торговцевъ и ремесленниковъ. Напримѣръ: «Самый свѣжій кондитерскій товаръ изъ Уфы» (отъ Уфы до Челябинска сутки съ лишнимъ ѣзды). «Готовое европейское платье парижскаго мастера Стерледева»... Сама вывѣска краснорѣчиво представляетъ бараній тулупъ и кучерскую поддевку... Увидите и «Вѣнскій шикъ мадамъ Акулинъ», пріютившійся въ покосившемся флигелишкѣ съ крытыми шляпными болванчиками на окнахъ...

Но все это лишь устарѣлые приемы отживающихъ типовъ Гоголевской провинціи, а на мѣсто ихъ идутъ товары, магазины и дѣльцы настоящей буржуазіи съ гордыми и просвѣщенными намѣреніями... Это не просто крупные купцы, хищнически эксплуатирующие и рабочаго, и потребителя, но настоящіе артисты отъ коммерціи, мнящіе себя «солью» прогресса и презирающіе бездѣльных интеллигентовъ Чехова и Л. Андреева.

На просторѣ Оренбургскихъ степей очень хорошо наблюдать этихъ первыхъ провозвѣстниковъ нарождающейся культуры края. Это они вытѣсняють первобытный мѣновой способъ торговли денежнымъ и измѣняютъ совершенно домашній бытъ мѣстнаго населенія. Во многихъ мѣстахъ Оренбургской губерніи русскіе купцы за спиртъ и табакъ отбираютъ у башкиръ озера, у киргизъ — пастбища, шерсть, шкуры и прочія богатства кочевниковъ. Въ городѣ Троицкѣ до сихъ поръ существуетъ мѣновой дворъ для торговли съ инородцами, но его значеніе съ каждымъ годомъ уменьшается. Инородецъ привыкаетъ торговать на деньги, тѣмъ болѣе, что среди мѣстнаго купечества немало лицъ, знающихъ киргизскій и башкирскій языки.

II.

На зауральскихъ рынкахъ нерѣдко можно встрѣтить, рядомъ съ цивилизованнымъ купечествомъ, и дикаго киргиза съ его верблюдами. Одна изъ путешественницъ Е. Куликовская, увидѣвши въ первый разъ караваны верблюдовъ, нарисовала въ защиту животныхъ слѣдующую картину:

«Киргизъ протягивалъ толстую волосяную веревку въ проткнутую губу верблюда; верблюдъ неистово кричалъ, а когда пытка была окончена, онъ сталъ тихо стонать и озираться по сторонамъ, какъ бы ища защитниковъ и избавителей; его добрые глаза заволоклись какой-то дымкой отъ страданій; а по щекамъ текли кровавыя слезы и падали на землю... Чтобы не видѣть страданій, я въ тоскѣ перевела глаза на другого вблизи стоящаго верблюда; но тамъ было немногимъ лучше: тамъ вмѣсто шерстяной веревки былъ продѣтъ деревянный гвоздь; раны сильно прогнили и заструпились отъ гвоздя; головка его прошла внутрь и тамъ застряла, а на острый конецъ его была навязана веревка, за которую по минутно дергали и бередили раны. При малѣйшемъ прикосновеніи хозяина къ веревкѣ несчастное животное спѣшило угадать его желаніе и тѣмъ предотвратить мучительную боль въ своей ранѣ. И Боже мой! Какая тоска была написана въ его глазахъ. Я быстро перевела взглядъ на другого верблюда. Вотъ, противъ меня стоитъ сильно уставшее животное. Быть можетъ, оно пришло сюда за тысячи верстъ, неся на себѣ тяжесть. Тщетно пытается оно прилечь: хозяинъ, въ благодарность своему кормильцу, коротко привязалъ его къ столбу. По мѣрѣ того, какъ я присматривалась къ отдѣльнымъ животнымъ, меня все болѣе поражало разнообразіе ихъ физономій. У cadaго верблюда свое особенное выраженіе, чего я не наблюдала у другихъ животныхъ. Вотъ, на примѣръ, стоитъ группа верблюдовъ, коротко связанныхъ мордами другъ къ другу; среди нихъ стоитъ гигантъ, выше своихъ товарищей по крайней мѣрѣ на цѣлую голову, и, несмотря на свою могучесть, онъ смотритъ на всѣхъ внизъ необыкновенно кротко и какъ-то наивно мигаетъ своими мохнатенькими глазками. Такъ и тянетъ погладить его. Но это животное за всю свою жизнь не видало ни одной ласки, и на протянутую по направленію морды человѣческую руку смотритъ съ ужасомъ, какъ на орудіе пытки. А вотъ рядомъ съ нимъ стоитъ хохлатый верблюдъ; выраженіе его спокойное и гордое. Какъ видно, это животное еще не употреблялось для перевозки тяжестей, и ноздри не были проткнуты... Опять крикъ верблюда,—это киргизенокъ, лѣтъ девяти, изо всей силы своей дергаетъ верблюда за поводъ книзу, и животное покорно ложится. Я подошла посмотришь, для чего понадобилось это мальчишкѣ; оказалось, только для того, чтобы облокотиться на шею

животного. А вотъ киргизъ, верхомъ на верблюдѣ, со страшно разъяреннымъ лицомъ, дергаетъ веревку отъ ноздрей во всѣ стороны; бѣдное животное не сразу поняло его желаніе; жалко было смотрѣть, какъ спѣшилъ верблюдъ поворачивать свою добрую морду по всѣмъ указаніямъ освирѣпѣвшаго человѣка. Губы животного то перетягивались на бокъ, то выпячивались впередъ,— словомъ, человѣкъ уродовалъ, какъ только могъ, эту милую морду и, казалось, этимъ уродствомъ наслаждался».

Гуманная путешественница требуетъ закона, который воспрещалъ бы вѣздъ въ городъ на искалѣченныхъ верблюдахъ подъ страхомъ штрафа. Она увѣряетъ, что верблюдъ прекрасно слушается и обыкновеннаго недоуздка. Только для этого надо немного потрудиться, какъ и съ лошадью. «Ну, а настоящій способъ не требуетъ даже этого, потому что животное отъ боли дѣлаетъ, что угодно, по первому разу. Въ Китаѣ рабочимъ воламъ протыкаютъ ноздри, и китайцы увѣряютъ, что волъ иначе не пойдетъ. Намъ же всѣмъ извѣстно, насколько это несправедливо».

Въ свою очередь, и киргизъ безбожно эксплуатируется и русскими торгашами, и русскими чиновниками, въ особенности въ переселенческомъ дѣлѣ.

Трудно помириться съ переселенческимъ управленіемъ, которое разоряетъ туземцевъ-киргизъ въ дальнихъ губерніяхъ, отрѣзывая у нихъ будто бы «излишнія» земли въ пользу переселенцевъ, хотя послѣ этой операціи тѣ же киргизы принуждены всегда искать новыхъ мѣстъ для своихъ стадъ или арендовать свои же земли у переселенцевъ. Одинъ изъ ходоковъ, въ своихъ запискахъ о поискахъ земли въ Сибири, нѣкто Сумкинъ, совершенно вѣрно заключаетъ, что всѣ эти пески, солонцы, каменные горы и каменистыя сухія земли—совсѣмъ не свободныя и не излишнія мѣста: они рѣшительно необходимы для киргизскаго скота, которымъ и поѣдается какая бы то ни было растительность этихъ мѣстъ. Петербургскіе чиновники не могутъ примириться съ той мыслью, что какъ это у киргизъ по 400 десятинъ на хозяйство, и поэтому необходимо превратить ихъ въ земледѣльцевъ и, вмѣсто одного хозяйства, на томъ же пространствѣ создать 40. Видно, они забываютъ, что для кочевого быта (скотоводческаго) нужно земли болѣе, чѣмъ для осѣдлаго быта (земледѣльческаго).

Въ «Трудахъ частнаго совѣщанія степного генералъ-губернатора по вопросу о нуждахъ киргизъ» постоянно указывается на то, что киргизы находятъ ненормальнымъ то, что происходитъ въ настоящее время при отрѣзкѣ переселенческихъ участковъ и при отмежеваніи такъ называемыхъ дачъ единственнаго владѣнія казны изъ земель, до сихъ поръ находившихся въ пользованіи киргизъ. Производители работъ размежеваютъ въ участки наиболѣе цѣнныя для скотовода угодья: покосы, зимнія пастбища, пашни, наилучшіе

Симоновская улица.

водопой. Господа чиновники не считаются съ простымъ фактомъ, что если лишить киргизъ покоса, зимняго пастбища, водопоя и т. д., то остающаяся въ ихъ пользованіи огромная площадь безъ этихъ необходимыхъ угодій теряетъ всякую цѣнность. Между тѣмъ, несмотря на то, что киргизы нерѣдко имѣютъ оспѣдлыя зимовья стойбища на одномъ и томъ же мѣстѣ по нѣсколько десятковъ лѣтъ, въ которыхъ жило нѣсколько поколѣній,—переселенческіе чиновники все-таки считаютъ ихъ такими кочевниками, для которыхъ не составляетъ значительнаго ущерба переселиться изъ своего стойбища на новыя мѣста... Между тѣмъ выселеніе киргизъ, иногда при помощи казаковъ, со старыхъ зимовокъ для нихъ цѣлое разореніе...

Въ консервативной прессѣ вопросъ о кочевыхъ киргизахъ трактуется иначе и высказывается взглядъ, что только одни богатые скотоводы хлопчутъ объ обезпеченіи ихъ скотоводческаго быта, но что такихъ очень мало и что большинство киргизъ хочетъ быть земледѣльцами.

«Распоряжаясь неограниченно землей, захватывая лучшія пастбища, богатые скотоводы имѣютъ полную возможность безпредѣльно увеличивать свои богатства, совершенно не затрачивая личнаго труда и имъ ничего не надо, какъ сохраненіе условій, обезпечивающихъ такое скотоводческое хозяйство. Имѣя значительныя пространства земли, они имѣютъ и юридическую власть (судъ) надъ остальнымъ населеніемъ и т. д. Между тѣмъ большинство киргизъ, сильнѣе страдая отъ вліянія случайныхъ причинъ безкормицы и падежа, не имѣя громаднхъ стадъ, юридической власти и видя наглядный примѣръ русскихъ крестьянъ, стремятся перейти къ земледѣлію».

Вслѣдствіе этого чиновники, будто бы, должны не стѣсняться со скотоводами и смѣло отнимать у нихъ пастбища и права въ пользу пахарей-киргизъ и переселенцевъ изъ Россіи. Нельзя — изъ-за передѣла немногихъ «старожиловъ», самовольно занявшихъ обширныя площади земель, остальному русскому населенію ждуть разрѣшенія селиться на оставшихся свободныхъ земляхъ. «Нельзя, — кричатъ они, — изъ-за «монопольи старожиловъ» и «этическихъ соображеній» поощрять затяженіе полукошевого быта. Да и что это за этика отстаивать интересы косности тысячъ семей въ ущербъ интересамъ милліоновъ и всего государства!»

Но если бы это было и такъ, скажемъ мы; если бы дѣйствительно скотоводы-киргизы или иные инородцы, напр., въ приполярной Россіи, были въ меньшинствѣ, а большинство изъ нихъ стремилось перейти къ земледѣлію, то почему же не сохранить справедливость къ обѣимъ сторонамъ и не сохранить нормы землепользованія, отвѣчающія нуждамъ и скотоводства, и земледѣлія? Что касается юридическаго положенія тѣхъ и другихъ, то оно

Большая улица.

станетъ гораздо лучше съ улучшеніемъ ихъ экономическаго быта. Зачѣмъ же разорять и обижать однихъ въ пользу другихъ или эксплуатировать обѣ стороны инородческаго быта въ пользу третьей, въ пользу русскихъ переселенцевъ?

Не менѣе киргизъ привыкъ къ обманамъ и со стороны русскихъ торговцевъ.

Киргизъ безбожно эксплуатируется, потому что онъ не знаетъ цѣны вещамъ, но торгуется съ купцомъ долго и упорно. Выраженіе «точно киргизъ» относится къ людямъ, не знающимъ настоящей цѣны предметовъ и постоянно боящимся обмана. Даже у добросовѣстныхъ купцовъ цѣны на товары назначаются двухъ сортовъ: одна—для русскаго, и другая (двойная противъ первой)—для киргиза...

— Почему такъ?

— Иначе невозможно,—отвѣтятъ вамъ.—Киргизу нельзя сказать настоящую цѣну... Все равно будетъ давать половину. У него уже такое правило... А не уступишь—обидится... Ну, обыкновенно и назначаешь двойную противъ нормальной. Половину спустишь—и всѣ останутся довольны...

Купцы невольно навяжутъ въ обиходъ киргиза и самоваръ, и чайникъ, и тарелку, и чашку, и ложку... Можетъ быть, и полотенце и, чего добраго, салфетку... А тамъ и фотографическій портретъ, а позднѣе можетъ явиться у киргиза потребность имѣть лубокъ и грамоту.

Гордаго интеллигента здѣсь не встрѣтишь, но коммерсанты хвастливо заявляютъ о себѣ:

— Мы торгоши, но мы привезли въ юрты кочевниковъ и русскій языкъ, и русскую домашнюю утварь... А около нашихъ торговыхъ пунктовъ пролегаютъ и поддерживаются лучшіе пути сообщенія. Подъ вліяніемъ нашей торговли измѣнился и киргизъ. Въ былыя времена киргизы, кромѣ скотоводства, нерѣдко промышляли профессиональными грабежами, ловко оперируя надъ зазѣвшимися путникомъ своей двухсаженной дубинкой. Они, какъ казаки съ нагайкой, и до сихъ поръ не расстаются съ нею, ловко жонглируя и попадая ею противнику въ черепъ. Недавно писали въ газетахъ, что въ предѣлахъ Яны-Курганской волости тянулся переселенческій обозъ, встрѣтившій на своемъ пути толпу киргизовъ. Киргизы ѣхали сначала, повидимому, безъ всякихъ враждебныхъ намѣреній. Но, не доѣзжая какихъ-нибудь сотни шаговъ до путниковъ, внезапно на секунду пріостановились и затѣмъ съ гикомъ понеслись на переселенцевъ. Въ обозѣ поднялось смятеніе. Послышались крики женщинъ, плачь дѣтей. Нападавшіе дѣйствовали своими «темянями» и колыями. Захваченные врасплохъ переселенцы оборонялись чѣмъ могли.

Соборъ на Сибирской улицѣ.

Когда уже нѣсколько переселенцевъ было ранено, послышался свистокъ паровоза. Происходившее въ степи побоище было замѣчено пассажирами и кондукторской бригадой. Сопровождавшіе поѣздъ стражники бѣгомъ пустились на выручку переселенцамъ, стрѣляя на ходу изъ винтовокъ.

Киргизы обратились въ бѣгство, успѣвъ однако ограбить у переселенцевъ послѣднее добро. Была снаряжена погоня. Какъ сообщаетъ «Р. С.», четырехъ киргизовъ задержали. Остальные скрылись. Киргизъ въ домашнемъ быту гостепріименъ. Въ своей юртѣ онъ накормитъ кумысомъ всякаго русскаго и обидится, если за это предложить ему плату; но въ степи въ былое время онъ съ удовольствіемъ разбивалъ ему голову своей палкой... Въ настоящее время русскій путникъ можетъ не бояться киргиза,— за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ...

Дѣйствительно, прежній киргизъ, о которомъ очень много писалъ и Н. Каразинъ въ своихъ романахъ, значительно измѣнился въ типъ тихаго инородца, забитаго мѣстными міроѣдами и администраціей. Пастбища киргизовъ урѣзываются и отдаются переселенцамъ изъ Россіи. Земледѣліе у киргиза идетъ плохо... Киргизъ къ нему не привыченъ, да и силъ не хватаетъ... Киргизъ хорошъ на лошади. Верхомъ онъ неутомимъ, какъ и его, съ виду маленькая, невзрачная, лошадевка. Она можетъ нѣсколько дней не ѣсть, какъ верблюдъ, и переносить самыя ужасныя тяжести... Киргизъ это объясняетъ тѣмъ, что прежде, чѣмъ лошадь совершенно не окрѣпнетъ и не вырастетъ, онъ подъ сѣдло не беретъ ее. Безъ лошади киргизъ не годится ни въ какую работу. Грузчикомъ быть онъ не можетъ — малосиленъ; умственной работы поручить нельзя — ничего не пойметъ... Можетъ быть, онъ и не такъ безтолковъ, какъ кажется на первый взглядъ, но, не понимая русскаго языка, кромѣ нѣкоторыхъ необходимыхъ словъ, онъ кажется очень недалекимъ.

Смышленими и болѣе работоспособными являются рядомъ съ нимъ татары. Одни изъ нихъ прекрасно обрабатываютъ поля; другіе сдаютъ свои пашни въ аренду и идутъ на станцію желѣзной дороги въ грузчики или въ извозчики по подвозкѣ матеріаловъ для ремонтныхъ работъ. Они арендуютъ у казаковъ землю для постройки лачугъ вблизи желѣзнодорожныхъ станцій, но на время полевыхъ работъ нѣкоторые изъ нихъ уходятъ на свои нивы, обрабатываютъ ихъ, снимутъ хлѣбъ и снова возвращаются къ поленнымъ работамъ на станціяхъ. Во время отсутствія хозяевъ лачуги ихъ забиты, а по возвращеніи надъ убогой крышей выкидывается флагъ, свидѣтельствующій о томъ, что хозяинъ возвратился и снова принялся за обычныя занятія.

Къ коренному населенію Оренбургской губерніи относится также и оренбургское казачество. Въ культурномъ отношеніи оно го-

раздо обезпеченнѣе и по развитію значительно выше, чѣмъ крестьянство.

Въ казакѣ поражаетъ прежде всего чувство собственнаго достоинства и сознаніе, что онъ несетъ какую-то особую миссію, возложенную на него государствомъ. Онъ пользуется многими льготами и преимуществами съ полнымъ сознаніемъ ихъ заслуженности. Хозяйственное правленіе Оренбургскаго казачьяго войска вмѣстѣ съ соотвѣтствующей литературой распространяетъ по станицамъ и поселкамъ сѣмена манчжурскаго гаоляна, настоятельно рекомендуя послѣдній для посѣва, какъ растеніе болѣе удобное для степныхъ условій, успѣшно борющееся съ засушливостью климата и лучше обезпечивающее урожаи. Насколько извѣстно, за свои полезныя качества хорошаго хлѣбнаго и кормового растенія гаолянъ въ нѣкоторыхъ среднихъ и южныхъ губерніяхъ уже разводится въ большомъ количествѣ и даетъ самые благопріятные результаты, тѣмъ болѣе, что онъ совершенно не требуетъ для себя большого удобренія и особой обработки почвы. По мнѣнію хозяйственнаго правленія, пишетъ «Пріур.», урожайность гаоляна въ предѣлахъ Оренбургской губерніи должна доходить до 300 пудовъ, если не больше, съ десятины.

III.

Общественная жизнь въ Челябинскѣ процвѣтаетъ преимущественно въ клубныхъ собраніяхъ. Въ городѣ два клуба. Одинъ собственно городской, а другой желѣзнодорожный.

Въ клубахъ процвѣтаютъ преферансъ, макао и различные «руско-славянскіе танцы», «коханочки» и т. д. Танцы исполнены провинціальныхъ особенностей. Танцуются они подъ какія-то оркестровыя или рояльныя частушки, почти всѣ на одинъ манеръ. Кавалеръ, стараясь держать бюстъ и голову каменно неподвижными, ногами стремится выдѣлывать самые невозможные выкрутасы, или же, наоборотъ, танцуетъ на однѣхъ пяткахъ, едва поворачиваясь, «неглиже съ отвагой», какъ выражаются шутники. Боже упаси танцующей дамѣ приподнять слегка край платья, какъ вообще принято на танцахъ.

— Вотъ безстыжая-то,—не стѣсняясь, пусятъ ей вслѣдъ.

Если же дама хочетъ по мѣстному танцевать эффектно, то она должна какъ можно сильнѣе трясти боками, подперши ихъ руками, или сложить руки на груди à la Наполеонъ. Она тоже можетъ танцевать «неглиже», едва переставляя ноги и зѣвая съ скучающимъ видомъ по сторонамъ... Если кому-либо удастся удачно выполнить всѣ эти требованія «хорошаго тона», его единодушно награждаютъ аплодисментами и даже просятъ повторить танецъ.

Для свѣжаго человѣка, любящаго и умѣющаго танцевать, здѣшніе танцы интересны какъ курьезъ, а не какъ удовольствіе.

Впрочемъ, можно и за танцами доставить себѣ удовольствіе, напримѣръ, съ офицерами, если набраться храбрости и поспорить съ ними. Всѣ они одинаково неинтересны и нерѣдко поругиваютъ Чехова за офицеровъ въ «Трехъ сестрахъ» и Куприна за «Поединокъ». Но есть и между ними такіе, которые избѣгаютъ убивать свой досугъ по ресторанамъ и даже заботятся о культурныхъ развлеченіяхъ солдатъ. Устраиваютъ солдатскіе спектакли, но актеры, участвующіе на сценѣ, преимущественно евреи.

— Русскаго не нашлось,—добродушно сознаются офицеры. А еврейчики свободно держатся и во фракахъ и безъ затрудненія обращаются съ бѣлыми перчатками...

Несмотря на то, что порой со сцены до уха доносится слова вродѣ «виставочки» и «мисляца», но все-таки въ нѣкоторыхъ изъ артистовъ чувствуется дарованіе. А солдатики изъ зрителей, очевидно, всѣ довольны, можетъ быть, не столько самими водевилями, сколько лицезрѣніемъ своихъ сотоварищей въ роли «лицедѣевъ...» Устройство такихъ спектаклей должно имѣть немалое воспитательное значеніе для солдатъ, наполняя ихъ досугъ культурнымъ развлеченіемъ и въ видѣ репетицій и всякихъ приготовленій къ спектаклю, и отраднато впечатлѣнія, когда офицеры хорошо держатся по отношенію къ солдатикамъ... Конечно, рядомъ съ актерствомъ было бы гораздо полезнѣе въ полкахъ завести сельско-хозяйственные курсы для солдатъ, уходящихъ въ запасъ и могущихъ по возвращеніи въ свои деревни подѣлиться съ крестьянами научными свѣдѣніями о сѣменахъ, посѣвѣ, парѣ, обработкѣ почвы, пропашныхъ растеніяхъ, кормовыхъ травахъ и плодосмѣнѣ. Наглядному обученію могло бы содѣйствовать и показательное поле, позволяющее знакомить солдатъ практически съ улучшенными приемами сельско-хозяйственной техники.

Въ нѣкоторыхъ городахъ это вводится по полкамъ, и тамъ солдаты всегда заняты и не отвыкаютъ отъ деревенскихъ работъ.

Какъ знаменіе развитія въ Челябинскѣ «цивилизациі» съ изнанки, является кафе-шантанъ, расположенный на хорошенькомъ островкѣ на рѣкѣ Мясѣ. Для характеристики этого эдема можно указать на отличавшихся здѣсь неоднократно солидныхъ представителей коммерческаго міра, опавшихъ до смерти шампанскимъ юныхъ «рабынь веселья».

Есть въ Челябинскѣ и народный домъ. Къ сожалѣнію, въ немъ нѣтъ постоянного театра, а спектакли устраиваются періодически заѣзжими гастролерами или любителями въ пользу недостаточныхъ реалистовъ, студентовъ и т. п.

Дальнѣйшее объединеніе людей идетъ черезъ реальное училище и женскую гимназію. Существуютъ епархіальное училище и городская бесплатная бібліотека. Для магометанскаго населенія имѣется

Екатеринбургская улица.

мечеть. Недавно отстроено величественное здание пересыльной тюрьмы на берегу рѣки Міаса.

Челябинскъ является однимъ изъ наиболѣе значительныхъ этаповъ не только для пересыльнаго населенія, но и для всѣхъ пассажировъ, ѣдущихъ въ Сибирь. На челябинскомъ вокзалѣ въ среднемъ перебивается пересаживающихся пассажировъ до 15 тысячъ въ день, не считая переселенцевъ. Громадное число пассажировъ ѣдетъ въ 4-мъ классѣ, тарифъ котораго равняется $\frac{1}{2}$ тарифа 3-го класса. Для этого многочисленнаго класса пристроено отдѣльное деревянное здание вокзала 4-го класса, гдѣ можно наблюдать типы самыхъ разнообразныхъ народностей, начиная отъ великоросса и кончая бурятами.

Вся разношерстная масса людей въ ожиданіи пересадокъ располагается прямо на каменномъ полу платформы, раскинувъ подъ открытымъ небомъ свои тюки, и нерѣдко проводитъ тутъ же и ночь.

Въ толпѣ слышенъ говоръ всевозможныхъ нарѣчіи. Мелькаютъ разнообразныя бусы на грязныхъ шеяхъ женщинъ; обнажены ихъ бѣлыя или изморенныя груди, кормящія открыто младенцевъ; всевозможныя головныя уборы; подобранныя выше колѣнъ сарафаны рязанскихъ бабъ; разбросанныя группы лицъ, сонныхъ или острящихъ другъ надъ другомъ....

Это наши переселенцы, ищущіе лучшихъ мѣстъ за Ураломъ.

IV.

Вопли о «землицѣ», о надбавкѣ надѣловъ такъ слились съ жизнью крестьянина, что трудно себѣ представить великороссійскую деревню безъ болѣзненнаго стона: «землицы бы, землицы!..».

Совсѣмъ иное настроеніе испытываешь въ средѣ крестьянъ зауральскихъ губерній.

Переваливъ черезъ горы, чувствуешь себя здѣсь точно попавшимъ въ иную страну, въ страну съ иными интересами, иными нуждами, чѣмъ тѣ, которыя свѣдаютъ наше «россійское» крестьянство.

Какъ-то странно не слышать здѣсь обычныхъ крестьянскихъ жалобъ на отсутствіе земли.

Конечно, у населенія этого края есть свои нужды, о которыхъ слѣдуетъ говорить, но нѣтъ этой острой нужды въ землѣ. Въмѣсто обычныхъ причитаній о землицѣ слышишь обыкновенно:

— Слава Богу, земли-то хватаетъ... Управиться бы только Богъ силы послалъ.

Крестьянскіе надѣлы отличаются и здѣсь общей непропорціональностью по количеству душъ, но зато самые надѣлы крупныя (до 15 десятинъ на душу) и, кромѣ того, въ любое время можно купить или взять въ аренду земли у татаръ, нерѣдко предпочи-

таюшихъ итти на заработки въ ближайшіе города, чѣмъ заниматься земледѣліемъ. Пахотную землю отдаютъ по 2 рубля за десятину, а вспаханную два раза и вполне готовую для посѣва землю нерѣдко можно получить по 8 рублей за десятину. У трезваго трудящагося хозяина зачастую на поляхъ, въ 15 десятинъ на душу, посѣяно ржи, пшеницы, овса, проса и т. п. хлѣба. Хозяинъ, вмѣсто уборки съ полей новаго хлѣба, складываетъ въ амбаръ въ іюлѣ мѣсяцѣ только что перемолотый на мельницѣ прошлогодній хлѣбъ... Не много, не мало на трехъ телѣгахъ, по 25 пудовъ каждая. Въ то время, когда въ великорусскихъ губерніяхъ обработка и уборка хлѣба машинами прививается лишь въ помѣщичьихъ и «раціональныхъ» хозяйствахъ, а по крестьянскимъ землямъ еще тащатся на заморенныхъ сивкахъ допотопныя сохи и бороны, въ Оренбургской губерніи, не говоря уже объ Уфимской и восточной части Пермской, ручная уборка хлѣба у зажиточныхъ земледѣльцевъ почти совсѣмъ уже отошла въ область преданій. Каждый домовитый крестьянинъ стремится сколотить сотню-другую рублей на пріобрѣтеніе жнейки, молотилки, сѣялки и вѣялки, а нерѣдко и сноповязки, т. е. самой усовершенствованной полевой машины, снимающей съ земли колосья и вяжущей его въ готовые снопы. Къ наилучшей обработкѣ крестьянами земли является, конечно, примѣръ сосѣда, обработавшаго свою ниву машинами.

Дѣйствительно, контрасты между ручнымъ способомъ обработки и машиннымъ получаются убѣдительные... На вопросъ о причинѣ такого различія въ хлѣбныхъ всходахъ, вмѣсто обычныхъ великорусскаго крестьянина ссылокъ на Бога, зауралецъ, съ несомнѣннымъ уваженіемъ къ усовершенствованному способу хозяйствованія, отвѣчаетъ:

— Все обработка... все обработка... Какъ побогаче хозяйство, такъ и нива лучше... Все машины... Надѣлы у всѣхъ одинаковы. Земля одна, погода одна, а урожай разные... Стоитъ богачу орудія потерять, такъ и пашня «спадетъ», а бѣднякъ обзаведется машиной, да не полѣнится—такъ съ какимъ угодно богачомъ сравняетъ свою ниву. Это только Богъ лѣса не уравнивалъ, а колосья всегда сравнять можно. Земля даетъ то, что отъ нея требуютъ.

Въ эти-то просторные края и тянутся переселенцы изъ тѣсныхъ російскихъ губерній, расселяясь по Оренбургской губерніи на казачьихъ или на киргизскихъ земляхъ. Бѣдутъ цѣлыми деревнями или отдѣльными семьями, преимущественно хохлы Киевской, Екатеринославской, Полтавской и иныхъ губерній, а также и нѣмцы изъ колонистовъ Приволжья. Въ Оренбургской губерніи не рѣдко наткнутся гдѣ-нибудь посреди степи или лѣса на шалашъ изъ сучьевъ и вѣтвей, слегка засыпанныхъ землей, а вокругъ подъ открытымъ небомъ домашніе аксессуары вродѣ печки-ма-

занки, сучковатаго дерева съ развѣшанными на немъ, въ видѣ фантастическихъ плодовъ, различными горшками для просушки. Среди киргизскихъ степей и татарскихъ ауловъ вдругъ зазвучитъ характерная хохлацкая рѣчь, мелькнетъ расшитая рубаха «дивчины» или мерлушечья шапка парубка, а за ними и веселенькая хатка-мазанка, убранная внутри узорными полотенцами, съ «тавченыками» и горилкой на столѣ. Встрѣчаются и типичные нѣмцы въ «кепкахъ», съ трубками во рту и бѣлыхъ панталонахъ.

Различные результаты урожаяевъ у различныхъ переселенческихъ группъ, съ различными характерами и работоспособностью, подтверждаютъ собою парадоксъ о томъ, что «земля даетъ то, что отъ нея требуютъ».

У туземнаго населенія, у хохловъ, у нѣмцевъ та же самая земля является различной продуктивности.

Обищальые хохлы, съ примитивными орудіями обработки и природной флегматичностью характера, что называется, «спускаютъ» землю, а энергичные приемы обработки нѣмецкихъ колонистовъ и ихъ предприимчивость создаютъ поразительные результаты.

Въ то время, когда меланхолически-поэтическій малороссъ вздыхаетъ о томъ, что въ такомъ суровомъ климатѣ нельзя «никакой хрукты» посѣять, нѣмецъ засѣваетъ цѣлыя поля картофельемъ и получаетъ превосходный урожай.

«Переселенческій пунктъ» въ Челябинскѣ занимаетъ собою громадную огороженную заборомъ площадь, застроенную домиками для останавливающихся въ Челябинскѣ переселенцевъ. Здѣсь помѣщаются переселенческая больница, столовая, баня и канцелярія по переселенческому дѣлу. Къ пункту подведена особая желѣзнодорожная вѣтка для посадки и высадки переселенцевъ.

V.

Переселенческое движеніе растетъ изъ года въ годъ.

Съ 1860—1885 г. число выселившихся въ Сибирь опредѣлялось въ 300 тысячъ человекъ, устроившихся на новыхъ мѣстахъ (665 селеній) безъ всякаго участія правительства.

Въ настоящее время извѣстно, что одинъ 1906 годъ далъ 141.294 души семейныхъ переселенцевъ обоого пола, 1907 г. — 127.339 душъ и въ 1908 г., съ 1 января по 1 августа, черезъ Челябинскъ прошло въ Сибирь 549.071 человекъ.

Причинъ къ выселенію крестьянъ изъ Россіи за Уралъ существовало множество: сначала Сибирь колонизировалась ссыльными преступниками, а затѣмъ бѣглецами, вслѣдствіе отмѣны Юрьева дня и прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, гоненій на раскольниковъ и старообрядцевъ, установленій ревизій, рекрутчины, двадцатипятилѣтней солдатчины, деспотизма помѣщиковъ

Татарская мечеть.

и т. д. Уже позднѣе, вслѣдствіе малоземелья, появляются добровольные переселенцы. Въ настоящее время въ Россіи для пророста населенія почти нигдѣ не хватаетъ земли, а гдѣ она есть—нѣтъ никакой индустрии... Все это вынуждаетъ людей покидать старыя мѣста.

Въ журналѣ «Сибирскіе Вопросы» Л. Чермакъ, говоря о землепользованіи въ переселенческихъ поселкахъ, замѣчаетъ, что прежде всего мы наталкиваемся въ Зауральѣ на отсутствіе частнаго права на землю. Землею можно пользоваться, но не распоряжаться,—ее нельзя ни продать, ни подарить другому. Этого права лишены переселенцы и, до изданія новаго закона, они являются лишь наслѣдственными пользователями ея за уплату извѣстнаго оброка. Тѣмъ не менѣе на этихъ земляхъ, представляющихъ государственный фондъ, устраиваются, и довольно прочно, и малороссы, и литовцы, и выходцы изъ прибалтійскихъ и юго-западныхъ губерній, которые, якобы, не могутъ мириться съ неполнымъ правомъ на землю. Здѣсь они мирятся съ этимъ, сживаются, и если успѣваютъ создать себѣ благосостояніе, то не думаютъ о возвратѣ на родину, гдѣ господствуетъ частное право на землю. Въ иныхъ мѣстахъ въ казенныхъ поселкахъ господствуетъ общинный принципъ, въ другихъ—подворный. Немало смуты въ этомъ отношеніи, говоритъ Л. Чермакъ, вносятъ чиновники, которые навязываютъ новоселамъ подворную форму, не позаботясь при этомъ выяснитъ имъ, что такое это значить. Быть можетъ, впрочемъ, они и сами плохо себѣ представляли, въ чемъ тутъ дѣло.

Тысячи переселенцевъ выселялись ежегодно ранѣе на Кавказъ, а теперь за Уралъ, въ Алтайскій округъ, въ Семирѣченскую и Акмолинскую области, въ Уссурийскій край и т. д.

Южныя губерніи даютъ наибольшій контингентъ переселенцевъ. По даннымъ земствъ изъ губерній Екатеринбургской, Харьковской, Кіевской, Черниговской и Полтавской къ 1 октября 1908 г., переселенческое движеніе выразилось слѣдующими величинами: изъ Екатеринбургской губерніи прослѣдовало черезъ регистраціонные пункты 23.067 переселенцевъ и 3.375 ходоковъ, всего 26.442 души обоюго пола; изъ Харьковской губ. 31.942 переселенца и 4.460 ходоковъ, всего 36.402 души; изъ Кіевской губ. 42.894 переселенца и 5.273 ходока, всего 48.167 душъ; изъ Черниговской губерніи 46.143 переселенца и 7.216 ходоковъ, всего 53.359 душъ, и изъ Полтавской губ. 52.085 переселенцевъ и 7.414 ходоковъ, всего 59.499 душъ.

Обыкновенно массовое передвиженіе крестьянъ изъ внутреннихъ губерній въ Сибирь производится въ товарныхъ вагонахъ, наскоро приготовленныхъ для перевозки людей.

Переселяющіеся зафрахтовываютъ вагоны по сильно пониженному тарифу и набиваютъ снизу и доверху, на придѣланныхъ въ два ряда нарахъ, народомъ обоого пола и самаго разнообразнаго возраста.

Съ глубокимъ и жуткимъ интересомъ смотришь на этихъ людей, отдавшихъ какой-то стихійной силѣ обнищанія и съ безчисленными вопросами набрасывающихся на каждаго, знающаго Сибирь... Но что можно сказать имъ ободряющаго, когда слушаешь рассказы переселенца о томъ, какъ дома жмутъ мужика податями; какъ было распродано его имущество до послѣдней нитки и собрано на переселеніе всей семьи 70—80 руб.; какъ не могли оторвать отъ могилъ старуху-мать и какъ взвыла его собственная «баба», ухватившись за косякъ покидаемой избы и ударяясь головой объ стѣну?.. Что можно думать о переселенческой эпопеѣ, когда и самъ хозяинъ-переселенецъ нерѣдко умираетъ въ дорогѣ среди степи, не доѣхавъ до новыхъ мѣстъ и покинувъ на произволъ судьбы жену и дѣтей?

Кто только можетъ, всякій тѣснитъ переселенца: и дровъ вдоволь не дають въ холодныхъ телячьихъ вагонахъ, и кипятокъ на станціяхъ предлагается въ какихъ-то грязныхъ чанахъ, въ большинствѣ случаевъ не прокипяченный, и питательныхъ пунктовъ въ пути не устроено, и первое пособіе отъ казны не радуетъ переселенца. «Дѣло въ томъ,—пишутъ въ «Сибирскихъ Вопросахъ»:—что правительство, не довѣряя переселенцамъ на тотъ случай, чтобъ они, получивъ пособіе, при помощи его, не удрали обратно въ Россію, растягиваетъ выдачу опредѣленной суммы. Черезъ мѣсяць, много черезъ два, тотъ же самый переселенецъ, или «самоходъ»,—какъ ихъ называютъ старожилы—въ лаптяхъ, съ сумкой за плечами и палочкой въ рукахъ стучится вновь въ двери къ переселенческому начальнику. Вѣжливость у буквоѣда-патрона, что была при первой выдачѣ, пропадаетъ. Онъ торопливо объясняетъ «букву» закона, что вторая выдача подлежитъ не черезъ два, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и что онъ, какъ формальный исполнитель закона, ничего сдѣлать не можетъ,—и старается поскорѣе выпроводить посѣтителя изъ канцеляріи. А потомъ? Потомъ тщетные поиски работы. Цѣлый рядъ «нижайшихъ» прошеній о «способіи» въ переселенческое управленіе, къ министру, въ думу, къ царю, и т. д. Стоитъ только приподнять таинственную завѣсу переселенческихъ канцелярій, какъ передъ вами встанутъ цѣлые вороха прошеній о «способіи», и раскроется весь ужасъ вопіющей бѣдности переселенцевъ. Тысячи прошеній индивидуальных, коллективныхъ, и всѣ они говорятъ объ одномъ: «Два года на участкѣ, а нѣтъ ни крохи хлѣба, ни сѣмянъ для посѣва, ни плуга, ни бороны, ни лошади, ни коровы... Ребятишка реветъ... голодаемъ...» Земельные участки часто находятся за 200—300 верстъ

отъ переселенческихъ пунктовъ. «Самоходъ» за каждой двадцатирублевкой, несмотря на 30° морозъ, несмотря на страдное время, долженъ тащиться къ своему патрону. На это расходуются бесполезно цѣлыя недѣли времени и порядочныя для мужика деньги... Подталкиваемые голодомъ, переселенцы за пособіемъ являются, обыкновенно, раньше установленнаго срока и имъ приходится или уходить обратно и приходиться черезъ извѣстное время снова, или ждать, шатаясь по окрестностямъ.

Но часто бываетъ такъ, что срокъ пришелъ, да страелись какія-то бѣды въ переселенческой канцеляріи—то авансъ не получили, то у чиновника «спѣшныя дѣла» и прочее, и въ результатѣ получается картинка: сотни переселенцевъ, въ дырявыхъ кафтаныхъ, лаптяхъ, съ сумками за плечами и посохами въ рукахъ, при 30° морозѣ, переминаются съ ноги на ногу у калитки переселенческаго чиновника нѣсколько дней подъ рядъ, съ самаго ранняго утра до поздняго вечера.

Переселенцы, имѣющіе возможность, сейчасъ же пускаются въ обратный путь на родину. Нѣкоторые нищенствуютъ, немногіе пристраиваются въ уѣздномъ городѣ въ качествѣ кучеровъ, дворниковъ, ночныхъ сторожей или въ деревнѣ у зажиточныхъ «старожиловъ» въ качествѣ батраковъ.

Въ запискахъ ходока Сумкина отъ крестьянъ Калужской губерніи («Въ Сибирь за землю») описано въ такихъ же безотрадныхъ краскахъ положеніе переселенцевъ, отправляющихся на новыя мѣста на пароходахъ. Палубы пароходовъ заваливаются грузомъ, и потому приходится располагаться на дровахъ, ящикахъ съ грузомъ, на своихъ пожиткахъ. Особенно тяжело положеніе дѣтей, которыя располагались рядами по полу въ проходахъ, гдѣ отъ машины и изъ кухни распространяется удушливый паръ, а съ боковъ отъ колесъ и клозетовъ дуетъ пронизывающій холодъ.

Цѣлый рядъ разочарованій испыталъ ходокъ во время своего пребыванія въ Сибири. Еще дорогой встрѣтилъ онъ множество «обратныхъ». «Угрюмо смотрѣли они на ѣдущихъ впередъ, зная, что болѣе половины ихъ также поѣдутъ обратно черезъ нѣкоторое время и также будутъ мрачны и разорены, безъ дѣтей и безъ имущества».

Обратно переселенцевъ прошло черезъ Челябинскъ въ Россію съ 1 января по 1 августа 1908 года 52.855 душъ обоого пола.

«— Что было бы,—спросилъ Сумкинъ одного переселенца:—если бы ты сумму, какую ты переполучилъ изъ казны, то въ ссуду, то какъ кормовыя, да дать тебѣ на родинѣ на поправленіе хозяйства?».

«— О, я былъ бы первымъ хозяиномъ. Да хотя бы не денегъ, а только дали бы земли да хорошихъ сѣмянъ. Да тамъ я могъ бы со временемъ расплатиться за все, а тутъ...»—бывшій россиянинъ махнулъ рукой.

Таможня.

Конечно, правительство старается организовать переселения, привлекаетъ къ дѣлу изслѣдованія климата и почвы даже ученые силы, прокладываетъ дороги, устраиваетъ на новыхъ мѣстахъ бани, школы, лечебницы и т. д. Но всего этого далеко не достаточно, и существуетъ взглядъ на переселенческое дѣло, отстаиваемый даже въ государственной думѣ, по которому только одно надѣленіе безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ землей въ предѣлахъ Европейской Россіи можетъ сократить и упорядочить переселенческое движеніе.

Это требованіе устройства крестьянъ на отцовскихъ надѣлахъ въ предѣлахъ Европейской Россіи представляетъ тоже значительныя трудности. Въ большинствѣ случаевъ у крестьянъ надѣлъ существуетъ на одну душу, а у отца въ семьѣ четверо сыновей и у сыновей—своя семья, тоже съ дѣтьми... Какъ же устроиться и жить тутъ? Покойный Н. М. Ядринцевъ иронически отвѣчалъ на этотъ вопросъ такъ: «Причины выселенія не малоземелье. Это вздоръ. Спасеніе не въ переселеніяхъ, а въ поднятіи культуры и улучшеніи хозяйства. Значитъ, надо-только заставить мужика пользоваться $\frac{1}{2}$ или 1 десятиной земли? Задерживать переселеніе и искать другихъ средствъ—это взглядъ известной партіи, весьма выгодной крупнымъ землевладѣльцамъ. Повысятся цѣны на земли, аренды, увеличится батрачество, удешевится трудъ, создастся крупное фермерство, а затѣмъ и культура, купленная дешевиной батрака. Можетъ быть, этой культуры желаютъ?» (Приведено изъ письма Ядринцева къ Л. Х. Симоновой въ брошюрѣ А. И. Фаресова «Забытая писательница»). Разумѣется, такой культуры на «отцовскихъ надѣлахъ» желаютъ только реакціонеры. Тѣмъ не менѣе и безвозмездная передача малоземельнымъ крестьянамъ земель помѣщичьихъ, государственныхъ, кабинетныхъ, удѣльныхъ и монастырскихъ является неосуществимой задачей въ настоящее время, и крестьяне, лишеныя всякой возможности бороться за указанное рѣшеніе аграрнаго вопроса, естественно, въ данный моментъ предпочтутъ переселеніе на новыя мѣста, чѣмъ сидѣть на старыхъ и мечтать о ликвидаціи современнаго положенія дѣлъ. Крестьяне, конечно, скорѣе примкнутъ къ практикамъ, чѣмъ къ крайнимъ теоретикамъ...

Словъ нѣтъ о томъ, что при современной бюрократической организаціи переселенческаго дѣла переселеніе грозитъ крестьянамъ тяжелыми страданіями по пути и на мѣстахъ; что переселенческіе чиновники насильственно отнимаютъ земли у инородцевъ и нарушаютъ интересы старожиловъ; что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ правительство своими переселенческими мѣропріятіями преслѣдуетъ чисто политическія цѣли, какъ-то: возбужденіе національной розни между переселенцами и туземнымъ населеніемъ, насильственную руссификацію края и т. д. Но всѣ эти недочеты въ переселенче-

скомъ дѣлѣ должны быть устранены болѣе точными справками ходоковъ о новыхъ мѣстахъ; болѣе выгоднымъ прекращеніемъ крестьянами своего стараго хозяйства при участіи земствъ; болѣе справедливымъ взглядомъ на то, что прежде надо устраивать уже осѣвшее старожилое населеніе, а уже затѣмъ оставшіеся излишки земли предоставлять переселенцамъ. Необходимо, — какъ было заявлено даже въ государственной думѣ, — чтобы инородцы были устроены по особо выработаннымъ для нихъ нормамъ, соответствующимъ климатическимъ и природнымъ условіямъ края для возможнаго веденія земледѣльческо - скотоводческаго хозяйства; чтобы переселенческое управленіе обращало главное вниманіе при землеотводныхъ работахъ не на количество нарѣзываемыхъ душевыхъ долей, а на ихъ качество, на ихъ пригодность и способность создать прочное экономическое обезпеченіе переселенцу; чтобы политика исключительнаго расширенія земельного фонда была оставлена; чтобы переселенческое управленіе руководилось не какими-нибудь особыми видами правительства, а исключительно нуждами колонизируемаго края, нуждами населенія и нуждами переселенцевъ...

Всѣ эти пожеланія вполне достижимы и при современной организаціи переселенческаго дѣла, если ввести въ него реформы. Въ этихъ реформахъ ничего нѣтъ чрезмѣрнаго. Если для многихъ убѣжденныхъ лицъ является возможнымъ устроить малоземельныхъ крестьянъ на старыхъ мѣстахъ въ Европейской Россіи не только поднятіемъ ихъ образованія, но и безвозмездной прирѣзкой земли, то почему же безнадежно махать руками на переселенцевъ, не находя для нихъ ни счастья, ни мѣстъ на Кавказѣ, въ Туркестанѣ, въ Сибири и въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи? Первое гораздо труднѣе осуществить, чѣмъ второе...

Правда, и переселенческое дѣло очень сложное: торжество въ немъ принципа *laissez faire* (правительственнаго невмѣшательства), какъ это одно время было заведено въ Америкѣ, поведетъ тоже къ тому, что мѣстные старожилы слижутъ сливки, т.-е. захватятъ на правахъ переселенцевъ лучшіе луга по рѣкамъ, лѣса близъ пристаней и т. д. Переселенцамъ изъ Россіи въ Сибири достанутся худшія мѣста. Но и правительственная регламентація, съ чиновничьей волокитой, произволомъ и нерѣдко воровствомъ, т.-е. обложеніемъ каждой переселенческой семьи произвольнымъ поборомъ со стороны мелкихъ агентовъ и т. д. — невыносимый тормозъ по отводу земель новымъ людямъ. Между тѣмъ, если переселенческое дѣло ведется чиновниками правильно, то, не обижая старожиловъ и туземцевъ, земля для благоустройства семьи поселенцевъ можетъ обходиться казнѣ гораздо дешевле, чѣмъ покупка крестьянами такой же земли въ Россіи черезъ крестьянскій банкъ. Агрономическія указанія завѣдующихъ переселенческими партіями и ихъ ходатайства передъ министерствами также весьма драгоценны для новыхъ земледѣльцевъ на новыхъ мѣстахъ.

VI.

Зауралье благословенный край не только обиліемъ и тучностью земли, но и иными дарами природы...

За послѣднее время все чаще и чаще начинаютъ открываться цѣлебныя свойства зауральскихъ восточныхъ озеръ. Въ большинствѣ случаевъ это горько-соленыя и іодистыя воды. Разбросанныя среди степей, зачастую не имѣя никакого названія, озера дѣлаютъ свое дѣло, предотвращая и исцѣляя недуги населенія, живущаго по ихъ берегамъ. За границей эти цѣлебные пункты давно бы уже эксплуатировались находчивыми предпринимателями и собирали бы публику со всѣхъ концовъ свѣта. У насъ же эти озера обслуживаютъ лишь мѣстныхъ прибрежныхъ жителей.

За самое послѣднее время нѣкоторыя изъ такихъ озеръ начинаютъ, однако, получать болѣе широкую извѣстность, которая растетъ съ каждымъ годомъ. Таково, напримѣръ, озеро Ала-Куль, находящееся въ 8 верстахъ отъ развѣзда того же названія, на 69 верстѣ отъ Челябинска по Сибирской желѣзной дорогѣ. Каждое лѣто въ расположенную на озерѣ деревушку Тихоновку стѣзжаются изъ окрестностей и прилегающихъ губерній, преимущественно Вятской и Пермской, до 500 человекъ, жаждущихъ исцѣленія отъ ревматизма и ишіаса. Тѣ, кому прописываются горячія ванны, привозятъ таковыя съ собой, подогреваютъ въ нихъ озерную воду и такимъ образомъ получаютъ горячія ванны. Бывали поразительные случаи исцѣленія. Многие больные пріѣзжаютъ съ едва передвигающимися ногами и уѣзжаютъ совершенно здоровыми. На берегу имѣется даже икона, поставленная какой-то оправившейся больной, уже не рассчитывавшей на выздоровленіе. Являлись лица, думавшія взять это озеро для курорта, — крестьяне запросили слишкомъ высокую плату. Они находятъ, что имъ выгоднѣе самимъ пускаться къ себѣ въ избы постояльцевъ, чѣмъ устраивать курортъ. Кстати сказать, деревня эта очень зажиточная и спокойная, съ крѣпкими и чистыми избами, специально построенными для пріѣзжающихъ на лѣто лечиться купальщиковъ. Всѣ оренбургскія озера не глубоки и похожи одно на другое.

Кромѣ водолеченія, въ Зауральѣ развито также и кумысолеченіе. Своими прекрасными результатами оно привлекаетъ все больше и больше лечущихся. Напримѣръ, мѣстечко Чумлякъ по Сибирской желѣзной дорогѣ насчитываетъ нѣсколько сотъ человекъ каждое лѣто легочныхъ больныхъ, жаждущихъ исцѣленія и истребляющихъ ежедневно по четверти кумыса на человекъ. Изъ лечущихся организируются обыкновенно цѣлыя колоніи. Хилая молодежь быстро объединяется, устраиваетъ экскурсіи, пикники съ гитарами и мандолинами, и къ концу сезона возвращается домой вполне здоровой. Къ сожалѣнію, русскіе люди слишкомъ мало знаютъ о чудо-

Женская гимназія.

дѣйственныхъ богатствахъ собственнаго края и растрачиваютъ свои средства на заграничныхъ курортахъ, не подозрѣвая существованія у себя на родинѣ ни солено-іодистыхъ озеръ противъ ревматизма, ни кумысолеченія противъ туберкулеза...

Въ Сибири имѣются даже свои «Нарзаны» въ связи съ легендами о томъ, какъ охотникъ подстрѣлилъ въ тайгѣ изюбра и долго преслѣдовалъ изнемогающаго звѣря. Вдругъ охотникъ видитъ, что изюбрь, припавъ къ землѣ, тотчасъ же выздоровѣлъ и быстро скрылся изъ глазъ.

— Ямаръ жихтэ имабэ? (что за чудо?)—закричалъ охотникъ и, подойдя къ мѣсту паденія изюбра, увидѣлъ источникъ холодной и бурлящей углекисло-содовой воды, такъ мгновенно возстановившей силы животнаго.

На этомъ мѣстѣ въ Забайкальѣ теперь курортъ Ямаровка.

Помимо лекарственнаго значенія, многочисленныя зауральскія озера изстари представляли собою крупную доходную статью по рыболовству для ихъ первобытныхъ владѣльцевъ. Но съ прибытіемъ русскихъ промышленниковъ озера были уступлены имъ въ хищническую аренду, и владѣльцы ихъ быстро обѣднѣли и прямо вымираютъ. Населеніе недоѣдаетъ, страдаетъ сифилисомъ, селится на гористыхъ мѣстностяхъ, неудобныхъ для хлѣбопашества и т. д. Наконецъ оно бѣжитъ за средствами къ жизни въ города.

Изъ разговоровъ узнаешь о печальныхъ причинахъ, заставившихъ ихъ покинуть свою родину.

— Изъ Уфимской губерніи мы...

— Что жъ ушелъ оттуда?

— Да рыба весь ушелъ, и я ушелъ... Жена на небо ушелъ, и рыбу нѣтъ. Озера маленькое стала... Задохся рыба... Кушать нѣту... качаетъ головой татаринъ или башкирь.

Изслѣдованіе зауральскихъ озеръ, въ томъ числѣ и троицко-челябинскихъ, подтвердили постепенное ихъ обмелѣніе и осолонѣніе. Тѣмъ не менѣе мелкія изъ озеръ, «карасевыя лужи»,—въ то же время и самыя «кормныя»,—изобилуютъ мормышемъ (видъ мелкаго раѳа), который съ жадностью поѣдается рыбой. Вслѣдствіе этого за одно лѣто получается необычайно большой приростъ рыбы, въ особенности, если обратить серьезное вниманіе на пересадки рыбы въ такія мелкія изъ глубокихъ и холодныхъ озеръ, гдѣ рыба растетъ крайне медленно.

Въ Зауральѣ открывается широкая арена для пересадки и разведенія даже новыхъ породъ рыбы, имѣющихся по эту сторону Урала. Но объ этомъ очень мало думаетъ и мѣстное общество, и правительство. У насъ даже въ бассейнѣ рѣки Волги исчезаютъ многія породы рыбъ. Извѣстный ихтиологъ О. А. Гриммъ предсказываетъ, что бѣлорыбца, доходившая при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ до Шексны и Бѣлоозера, въ будущемъ исчезнетъ въ самой

Волгѣ, если не будетъ принято искусственныхъ мѣръ къ размноженію этой драгоцѣнной рыбы.

Между тѣмъ у насъ на всю Россію имѣется одинъ Никольскій рыбоводный заводъ въ Новгородской губерніи, съ четырьмя отдѣленіями, изъ которыхъ одно на все Зауралье, въ Уфѣ. А въ Швейцаріи, которая въ 19 разъ меньше Уральскаго края, имѣется 180 рыбоводныхъ заводовъ, изъ нихъ 22 казенныхъ. Въ Америкѣ правительство давно обратило вниманіе на то, что всѣ ея степи превращены въ пашни, что милліоны головъ скота идутъ въ Англію и что необходимо пополнить недостатокъ азотистой пищи рыбными промыслами. Оно отпускаетъ огромные кредиты на постройки рыбоводныхъ заводовъ; между тѣмъ у насъ по всему Зауралью разбросаны «карасевыя лужи» безъ всякаго призора. Мы не помогаемъ водной культурой земледѣльческой культурѣ и теряемъ на этомъ. Въ зауральскихъ озерахъ рыба совершенно измельчала, а лучшіе виды ея исчезли.

Уничтоженіе рыбы между прочимъ находится въ зависимости отъ несвоевременной сдачи озеръ въ аренду русскимъ рыбопромышленникамъ и несвоевременнаго запрета на ловлю рыбы. Специалисты объ этой исторіи неоднократно писали слѣдующее.

Торги обыкновенно происходятъ зимою, и аренда начинается и оканчивается около новаго года. Промежутокъ до начала новыхъ торговъ продолжался мѣсяца 2—3, въ самое глухое зимнее время, и въ это время всякая рыбная ловля преслѣдовалась. Крестьяне, не смѣя ловить рыбу даже и удочкой, прорубей вовсе не били, и озера, оставаясь подъ толстымъ слоемъ льда и снѣга въ теченіе слишкомъ двухъ мѣсяцевъ, задыхались.

Задыхалась рыба.

Крестьяне объясняли запрещавшему начальству, что рыба «задохнется». «Начальство,—говорить «Гол. Приур»,—совѣтовало имъ рубить проруби, но не давало права рыбачить. Крестьяне начали рыбу воровать. Они прорубали ночью такъ называемые «котцы», проруби-ямы не до воды, оставляя тонкій слой льда. Въ срединѣ или съ боку котца прорубали «окно». Рыба массою неудержимо кидалась къ этому окошку подышать воздухомъ, и вмѣстѣ съ водою, наполнявшею яму,—«котець» наполнялся рыбой. Затѣмъ изъ котца она вся безъ остатка въ полусонномъ состояніи вычерпывалась сачками. Изъ каждаго этого «котца» выбиралось отъ 5 до 15 пудовъ окуня, щуки и карася—рыбы, которая преимущественно водится въ приуральскихъ озерахъ. Практиковался и другой, пожалуй, болѣе истребительный способъ. Прорубались рядомъ двѣ проруби. Въ одной изъ этихъ прорубей гнали сильно воду лопатой по направленію къ другой проруби. Рыба громадною массою выбрасывалась волною изъ другой проруби на ледъ и собиралась руками. Набиралось обыкновенно до 10 пудовъ.

Таково наше «рыбоводное хозяйство»...

Ловля «ямами», давая возможность выловить самую мелкую рыбешку, производится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ иначе. Нѣкто А. А. Исетскій говоритъ объ этихъ «чортовыхъ ловушкахъ» такъ:

Осенью, когда становится ледъ и настолько окрѣпнетъ, что будетъ въ состояніи держать человѣка, рыбакъ является на озеро и, разрубивъ въ нѣсколько аршинъ діаметромъ полыню, выбрасываетъ желѣзнымъ черпакомъ, насаженнымъ на длинный шестъ, — тину со дна озера на ледъ, углубляя такимъ образомъ дно аршина на полтора противъ нормальнаго его ложа. Продѣлавъ такую операцію, рыбакъ дѣлаетъ такую же яму недалеко отъ первой и т. д., выкапывая такихъ ямъ нѣсколько десятковъ, оставляя ихъ до февраля мѣсяца, но точно замѣтивъ мѣсто, гдѣ выкопаны ямы. Въ суровыя зимы вода промерзаетъ. Хотя караси и имѣютъ способность лежать въ тинѣ очень продолжительное время, оставаясь живыми, но, при возможности, и они предпочитаютъ жить въ болѣе глубокихъ мѣстахъ и въ данномъ случаѣ находятъ ихъ въ искусственныхъ ямахъ, которыя къ февралю мѣсяцу оказываются наполненными рыбой всякаго возраста. Такимъ образомъ рыба, попавшая въ эти «чортовы ловушки» и не имѣя никакого выхода, явившимся рыбакомъ въ февралѣ мѣсяцѣ добывается вся, посредствомъ сака. При этомъ губится огромная масса такой рыбешки, которая еще не успѣла достигнуть и полувершковаго роста и, слѣдовательно, не представляетъ никакой цѣнности въ продажѣ, но которая, будучи выброшена сакомъ на ледъ, въ морозъ, уже не можетъ жить и гибнетъ. Да и та рыбешка, которая и не попала въ сакъ, хотя и остается въ ямахъ, но, будучи помята, тоже гибнетъ, какъ и выброшенная на ледъ.

Между тѣмъ, помимо запрещенія ловли рыбы ямами, отравленія ядами, глушенія динамитомъ, несоблюденія сроковъ времени и т. д., рыбу можно спасти и отъ удушья подо льдомъ отъ недостатка кислорода существующимъ для этого приборомъ Лебединцева, которымъ можно всю зиму слѣдить за содержаніемъ кислорода въ водѣ и задолго предупредить не только заморы, но и «задумчивость» рыбъ, вяло и тяжело дышащихъ разѣвающимися ртами, когда въ водѣ мало кислорода. Кромѣ ограниченія хищническаго лова, необходимо, чтобы земства содѣйствовали акклиматизаціи рыбъ и за удачную пересадку назначали преміи, какъ это практикуется въ Финляндіи, гдѣ такимъ путемъ, какъ свидѣтельствуютъ рыбоводы, удалось пріохотить крестьянъ и цѣлыя сельскія общества къ разведенію рыбы,

Заканчивая свои соображенія о пересадкѣ рыбъ изъ глубокихъ озеръ въ троицко-челябинскія «карасевыя лужи», одинъ изъ спеціалистовъ этого дѣла, И. В. Кучинъ, говоритъ:

«Исходя изъ того соображенія, что самыя строгія полицейскія мѣры сами по себѣ, при малой культурности населенія, безсильны прекратить повсемѣстное хищническое пестребленіе рыбы, а всѣ культурныя начинанія въ этой области будутъ малополезны, пока не будетъ надежной охраны нашихъ водъ, я приглашаю приуральскія земства къ совмѣстной работѣ съ правительствомъ въ дѣлѣ распространенія среди населенія здравыхъ понятій о жизни и размноженіи рыбъ и другихъ водныхъ животныхъ. Съ этой цѣлью желательно, чтобы земство удѣлило часть средствъ на приобретеніе и изданіе популярныхъ книгъ и наглядныхъ пособій по біологіи рыбъ и рыбоводству и распространяло ихъ черезъ учителей среди школьной молодежи. Организация чтеній и бесѣдъ по рыбному хозяйству и образованіе въ рыболовныхъ мѣстностяхъ сельскихъ товариществъ и обществъ правильного рыболовства (наподобіе сельско-хозяйственныхъ обществъ) должны бы также составить одну изъ задачъ земства, инструкторовъ рыбоводства, а также смотрителей рыболовства».

Словомъ, богатства Зауральскаго края неисчислимы... Если до сихъ поръ они не создали изъ него благословеннаго уголка, то лишь потому, что эксплуатація этихъ богатствъ ведется слишкомъ примитивными способами.

Но Зауралье—страна будущаго и, при быстромъ ростѣ его городовъ, явятся и просвѣщенные дѣятели края, и новѣйшая техника всѣхъ отраслей прогресса.

А. М. Нечаева.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Баронесса Боде въ Россіи и ея переписка съ англійской родней.

ДНУ ИЗЪ прежнихъ нашихъ статей мы посвятили характеристикъ двухъ братьевъ - художниковъ Кюгельхеновъ ¹⁾, не особенно даже талантливыхъ, которые, войдя въ случай и заручившись придворными связями, составили себѣ прочное положеніе въ Россіи. Такимъ же типомъ является и баронесса Боде, которая, не имѣя вовсе касательства къ Россіи, ни по заслугамъ предковъ, ни по своимъ собственнымъ предъ нашимъ отечествомъ, просто въ силу фаворитизма, сумѣла обставить судьбу и свою, и иныхъ изъ своихъ близкихъ настолько выгодно, какъ это не удавалось многимъ и дѣйствительно заслуженнымъ людямъ.

Миссъ Мари Киннерслей родилась около половины XVIII в. четвертою дочерью стаффордширскаго баронета; предпринявъ съ своею пріятельницею лэди Феррерсъ путешествіе на европейскій континентъ въ 1775 г., она вышла замужъ за барона Карла-Августа - Людвига-Фридриха Боде, обладавшаго кое-какими связями при мелкихъ германскихъ дворахъ, благодаря тѣснымъ его отношеніямъ къ Гессенъ-Дармштадтскому царственному дому.

Баронъ Боде, оставаясь подданнымъ Германской имперіи, состоялъ на французской военной службѣ, въ чинѣ полковника, и въ то же время числился «Grand Maréchal de voyages» при державномъ князѣ Саарбрюкъ-Нассаускомъ.

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ т. CV, іюль и августъ. 1906 г.

Не столько за свои заслуги, сколько въ силу придворныхъ связей баронъ получилъ въ наслѣдственное пользованіе самое крупное ленное имѣніе въ Эльзасѣ, Зульцъ.

Дальновидная практичность и стремленіе обезпечить связи и покровительство многочисленнымъ своимъ дѣтямъ побуждали барона и баронессу, предъ появленіемъ на свѣтъ новаго отпрыска ихъ рода, приглашать въ кумовья и кумы разныхъ высочайшихъ особъ. Если бы XVIII в. прошелъ благополучно, весьма вѣроятно, баронъ Боде сдѣлался бы богачомъ, такъ какъ въ имѣніи Зульцъ имѣлись и соляныя копи, и каменноугольныя залежи и разные рудники, гналась въ изобиліе смола и т. д., но началась французская революція и хотя баронъ успѣлъ во время сбыть свою полковничью должность богачу Телюссону за 50.000 р., тѣмъ не менѣе, когда политическое броженіе дошло и до Эльзаса, баронъ принужденъ былъ съ семьєю бѣжать въ Германію и, въ качествѣ эмигранта, нѣкоторое время существовалъ изъ милости на счетъ своей сестры, аббатиссы Альтенбергскаго монастыря близъ Ветцлара.

Въ то время, какъ баронъ всѣ свои упованія возлагалъ на вторженіе во Францію союзной германской арміи, которая должна была подавить революцію и возстановить королевскую власть во Франціи, баронесса фонъ-Боде, оказавшаяся весьма энергичною и предприимчивою особою и при томъ дѣловитою хозяйкою, такъ какъ главнымъ образомъ она, при помощи управляющаго, орудовала сложными промыслами имѣнія Зульцъ, теперь, очутившись въ нищетѣ, надумала другой способъ поставить свою многочисленную семью на ноги.

Боде вычитали въ газетахъ, что императрица всероссійская предлагала принцу Конде предоставить въ его владѣніе часть Новороссіи. Ему предлагалось забрать съ собою всѣхъ офицеровъ его арміи и рядовыхъ французовъ для переселенія въ Россію; всѣмъ обѣщались отъ щедротъ императрицы земли и достаточное количество скота.

«Примкнуть къ принцу Конде,—писалъ баронъ Боде женѣ своего свояка Аддерлей,—насъ не устраивало, и мы порѣшили обратиться непосредственно къ императрицѣ съ просьбою о пожалованіи намъ имѣнія, а такъ какъ у меня имѣются сильныя и вліятельныя рекомендаціи, Россійская же имперія обширна и правительство хочетъ заселить страну путными людьми, то мы надѣемся на успѣхъ».

Баронесса быстро собралась въ далекое путешествіе, распрощалась съ мужемъ и дѣтьми и пустилась по разнымъ резиденціямъ германскихъ государиковъ, съ которыми завязала сношенія въ бытность статсъ-дамою (*lady in waiting*) при княгинѣ Вильгельминѣ-Софіи-Элеонорѣ Саарбрюкъ-Нассауской. Времена были патріархальныя и заручиться вѣскими рекомендаціями къ петербургскому двору для облегченія искательствъ при ничтожныхъ свя-

зяхъ было нетрудно, потому что въ теченіе XVIII в. изъ Германіи въ Россію постоянно перекатывались волны искателей счастья.

Черезъ Мекленбургъ и Пруссію баронесса со своимъ старшимъ сыномъ Клементомъ и довѣреннымъ слугою Яковомъ добралась до Штральзунда, а оттуда въ Устедъ и Стокгольмъ.

Въ началѣ августа 1794 г., чрезъ 2^{1/2} мѣсяца послѣ отъѣзда изъ Альтенберга, путешественница уже прибыла въ Петербургъ.

«Я не могу пока бывать нигдѣ въ порядочномъ обществѣ, разъ не могу одѣться, какъ слѣдуетъ, но до сихъ поръ я еще не получила моихъ платьевъ изъ Кронштадта,—пишетъ баронесса 5 августа 1794 г.—Мы временно помѣстились съ сестрами г-жи де-Болиmani и принуждены переѣзжать каждый разъ чрезъ Неву, чтобы кого-нибудь увидеть... Сэръ Чарльзъ Уитвортъ ¹⁾, здѣшній англійскій посланникъ, заѣзжалъ ко мнѣ вчера и проявилъ чрезвычайную обязательность, онъ готовъ предпринять все отъ него зависящее, чтобы помочь мнѣ. Желая облегчить мнѣ выѣзды, Уитвортъ настоялъ на томъ, чтобы присылать ко мнѣ въ теченіе всего моего здѣсь пребыванія карету и пару лошадей, такъ какъ, по его словамъ, здѣсь не принято и считается даже неприличнымъ обходиться безъ собственнаго экипажа».

Баронесса особенно была озабочена тѣмъ, чтобы ее не смѣшали съ толпою заурядныхъ эмигрантовъ, кишмя кишѣвшихъ въ русской столицѣ и привлеченныхъ ожидаемыми отъ императрицы милостями. Екатерина II дѣйствительно вначалѣ поощряла переселеніе эмигрантовъ въ ея владѣнія не столько изъ милосердія, сколько рассчитывая извлечь изъ нихъ пользу, подобно тому, какъ Пруссія на благо своей промышленности использовала выселеніе французскихъ протестантовъ послѣ отмѣны Нантскаго эдикта.

Екатерина въ этомъ случаѣ задавалась мыслью не только привить искусства и ремесла страны, славившейся своею культур-

¹⁾ Чрезвычайный посолъ и полномочный министръ Великобританіи въ Петербургѣ. Въ 1793 г. Уитвортъ былъ сдѣланъ кавалеромъ ордена Бани, когда англійскій кабинетъ ввязался въ коалицію противъ Франціи и счесть за полезное поднять престижъ своего представителя въ Петербургѣ. Въ 1800 г. Уитвортъ былъ возведенъ въ лорды и назначенъ посланникомъ во Францію, въ 1813 г. назначенъ въ Ирландію вице-королемъ, а въ 1815 г. пожалованъ графскимъ титуломъ. Женившись въ 50-лѣтнемъ возрастѣ на герцогинѣ Дорсетской и оставшись бездѣтнымъ, онъ своими наслѣдницами сдѣлалъ лэди Плимутъ и лэди де-ла Варръ.

Художница госпожа Виже Лебрень много о немъ распространяется, рассказывая о своемъ пребываніи на берегахъ Невы. Много лѣтъ спустя художница посѣтила въ Кнолѣ Уитворта и его супругу. Онъ попрежнему «остался красавцемъ и поражалъ изяществомъ и благородствомъ вида», но былъ молчаливъ и сосредоточенъ. Эта оцѣпенѣлость милорда на закатѣ жизни показалась госпожѣ Виже Лебрень разительнымъ контрастомъ съ веселымъ и разнузданнымъ образомъ жизни, какой посланникъ нѣкогда велъ на правахъ холостяка въ Петербургѣ; не чуждался любовныхъ интрижекъ и обрабая ихъ на пользу политики.

ностью, къ столицѣ Россіи, но обратить эмигрантовъ для заселенія отдаленной, безлюдной, хотя и плодородной, Новороссіи, внося въ нее преимущества усовершенствованнаго земледѣлія и иныхъ благъ цивилизаціи. Этотъ замыселъ былъ, конечно, великъ и «великодержавенъ», но, какъ многія иныя начинанія упадка царствованія Екатерины, остался платоническимъ замысломъ, въ родѣ декоративныхъ городовъ и поселеній, которые созидались на пути ея слѣдованія чрезъ Новороссію въ обществѣ императора Юсіфа. Въ данномъ случаѣ вскорѣ сдѣлалось очевиднымъ, что толпы голодныхъ и безпутныхъ иностранцевъ, которыя продолжали наводнять Петербургъ, являются не чѣмъ инымъ, какъ бесполезнымъ бременемъ.

Впрочемъ, для счастливицъ, въ родѣ баронессы Боде, умѣвшихъ такъ или иначе заручиться благоволеніемъ императрицы или ея фаворитовъ, не было предѣловъ русскому гостепріимству и щедрости. Поэтому нисколько не удивительно, если письма баронессы проникнуты духомъ искренней и безграничной признательности и преклоненія предъ тѣмъ правительствомъ и порядкомъ вещей, которые сулили ей всякія благостыни.

Такъ, г-жа Боде пишетъ: «Слѣдуетъ различать деспотическій образъ правленія отъ тираніи. Деспотическая власть въ хорошихъ рукахъ очень милостива. Признаюсь, я лично такую власть предпочитаю неограниченной свободѣ. Такая власть прежде всего обезпечиваетъ людей отъ ковъ злонамѣренныхъ личностей. Вы удивились бы тому, какое здѣсь царитъ мирное спокойствіе,—беспорядочныя сборища и скопленія черни на улицахъ здѣсь не извѣстны. Кто напьется пьянъ или затѣетъ уличную свалку, тотъ часъ же подвергается водворенію въ тюрьму на сутки. Входныя двери у домовъ зачастую оставляются настежь до часу и двухъ часовъ ночи, и рѣдко можно услышать о какомъ-нибудь грабежѣ».

Если г-жа фонъ-Боде не уставала славословить Россію, то и сочувственныя отношенія къ ней новыхъ знакомыхъ были незаурядны. Трудно объяснить безкорыстную благожелательность, съ какою радушные россияне принимали г-жу Боде и оказывали ей услуги, иначе, чѣмъ вкрадчивостью и необычайною обаятельностью личности англійской авантюристки, бойкой на языкъ и обладавшей отмѣннымъ умѣніемъ приспособляться къ людямъ и обстоятельствамъ. О ея дальновидной осторожности и тактичности можно догадываться по интимной перепискѣ баронессы съ мужемъ и сестрами. Любознательный читатель тщетно станетъ въ ней искать щекотливыхъ подробностей о фаворитахъ государыни, скандальныхъ тайнъ добраго друга баронессы лейбъ-медика Роджерсона и т. д.—«Вѣстовщики и сплетники,—оговаривается баронесса,—могутъ здѣсь, какъ и въ другихъ странахъ, попасть въ бѣду, но если они попадаютъ на этомъ, то только по собствен-

ной винѣ». Баронесса избѣгала разносить сплетни, охотно примирялась съ русскими порядками и, громко восхваляя деспотизмъ и произволъ Екатерины, тщательно избѣгала критическихъ оцѣнокъ личностей и обстоятельствъ того времени и вообще всякихъ нескромностей, которыя могли бы ей повредить и причинить непріятности и хлопоты въ случаѣ перлюстраціи ея частныхъ писемъ за границу. Съ другой стороны, успѣхъ рѣшительной и предприимчивой англійской авантюристки въ тогдашней Россіи объясняется ея принадлежностью къ слабому полу. Одинъ изъ современныхъ писателей (Масонъ) въ своихъ запискахъ подчеркиваетъ, что въ царствованіе Екатерины женщины пользовались подчасъ преобладающимъ вліяніемъ при ея дворѣ, которое затѣмъ переносили на свои домашнія и общественныя отношенія... Почтеніе и страхъ, внушаемые императрицею царедворцамъ, находили себѣ отраженіе и въ придворныхъ дамахъ. Царствованіе Екатерины являлось порою процвѣтанія «амазонокъ», въ родѣ директора академіи наукъ княгини Дашковой и многочисленныхъ «матерей командиршъ», властвовавшихъ не только надъ мужьями, но и надъ тѣми частями государственнаго и военнаго управленія, какія ввѣрялись послѣднимъ. По этой причинѣ баронесса Боде гораздо легче, чѣмъ ея мужъ, могла открыть себѣ доступъ къ разнымъ вліятельнымъ барынямъ петербургскаго великосвѣтскаго общества и добиться пожалованія ей ни за что, ни про что казенныхъ земель и «душъ».

Наконецъ, нельзя не признать и того еще, что съ точки зрѣнія осуществленія замысла императрицы насадить культуру въ пустынной Новороссіи, бойкая англичанка, обладавшая неустанною энергіею, безграничною находчивостью и рѣдкою дѣловитостью и практически себѣ усвоившая за время хозяйничанія въ Эльзасѣ массу знаній по горно-заводскому дѣлу, сельскому хозяйству, винодѣлію, пивоваренію, винокуренію, научившаяся считаться съ тисками нужды и лишеній, но за всѣмъ тѣмъ сохранившая самообладаніе, душевное равновѣсіе, вѣру въ себя и жизнерадостность даже при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, несомнѣнно, являлась почти идеальнымъ воплощеніемъ предприимчивой колонизаторши.

Помогло успѣху искательствъ баронессы, конечно, то, что она оказалась едва ли не первою личностью, за которую захотѣла предстательствовать великая княгиня Елизавета Алексѣевна, супруга Александра Павловича, пользовавшаяся особымъ расположеніемъ императрицы. Великій князь Александръ Павловичъ присутствовалъ при приѣмѣ Елизаветою Алексѣевною г-жи Боде и самъ отнесся къ ней милостиво, общалъ ей, съ своей стороны, содѣйствіе и взялся лично передать августѣйшей своей родительницѣ рекомендательное письмо, которымъ баронесса заручилась отъ супруги принца Фердинанда Прусскаго.

Разсмотрѣвъ и одобривъ письменное ходатайство баронессы, изложенное въ письмѣ къ императрицѣ, великій князь Александръ указалъ просительницѣ и наиболѣе вѣрный способъ обезпечить ея искательствамъ успѣхъ.

«Не явись у меня серьезная протекція, которою я воспользовалась,—говоритъ баронесса,—и не прояви мнѣ великій князь Александръ милостиваго содѣйствія, мое прошеніе, конечно, было бы оставлено безъ послѣдствій».

Въ моментъ прибытія г-жи Боде въ Россію, когда царствованіе 60-лѣтней Екатерины уже близилось къ концу, особеннымъ вѣсомъ при дворѣ пользовался юный, наименѣе способный, но наиболѣе могущественный изъ всѣхъ фаворитовъ государыни Зубовъ. «Графъ Зубовъ—здѣсь все, писалъ графъ Ростопчинъ Семену Воронцову.—Нѣтъ другой воли, какъ его. Властью онъ пользуется еще большею, чѣмъ нѣкогда князь Потемкинъ. Онъ такъ же нерадивъ и неспособенъ, какъ прежде, но императрица твердитъ всѣмъ и каждому, будто Зубовъ величайшій геній, какого когда-либо порождала Русь». Пресловутая геніальность Зубова выразилась въ планѣ сосватать великую княжну Александру Павловну со шведскимъ королемъ Густавомъ. Вообразивъ, что, отстранивъ А. А. Безбородка, онъ и самъ сумѣетъ перехитрить, при помощи Моркова, настоянія короля и его опекуна, герцога Зюдерманландскаго, чтобы невѣста приняла лютеранство, князь Зубовъ былъ главною причиною афронта, постигшаго Екатерину на вечерѣ, назначенномъ для объявленія бракосочетанія. Этотъ уколъ самолюбія въ значительной степени ускорилъ смерть императрицы.

Зубовъ захотѣлъ милостиво отнестись къ лѣстивымъ ухаживаніямъ за нимъ баронессы и тотчасъ же опредѣлилъ Клементу фонъ-Боде, красиваго и бойкаго 16-лѣтняго юношу, въ полкъ, въ которомъ числился шефомъ, снабдилъ его полнымъ обмундированіемъ и засыпалъ подарками; сама же госпожа Боде не замедлила сблизиться съ сестрою Зубова, Жеребцовой.

Насколько важно было въ интересахъ успѣха искательствъ обезпечивать себѣ благоволеніе сестры временщика, о томъ любопытныя подробности сообщаетъ художница Виже Лебрень въ своихъ «Запискахъ». Зубовъ любилъ, чтобы за его сестрою ухаживали и чтобы въ ней заискивали съ особой почтительностью, и госпожа Виже Лебрень тѣмъ и объясняетъ холодность къ ней фаворита, что она сочла излишнимъ пресмыкаться передъ Жеребцовой. Г-жа Боде смотрѣла на дѣло иначе и была готова всюду обивать пороги, лишь бы добиться своего.

Слишкомъ осторожная, чтобы намекать на сплетни, и сама ведшая безукоризненный образъ жизни, г-жа Боде къ своей выгодѣ использовала интимную связь между Жеребцовой и красавцемъ холостякомъ Уитвортомъ, который въ ея обществѣ короталъ

всѣ свои досуги. Сэръ Чарльзъ Уитвортъ, вѣроятно, завелъ эту связь въ интересахъ политическихъ, а въ результатѣ и Жеребцова, и самъ Zubovъ превратились въ ярыхъ англофиловъ во всѣхъ своихъ вкусахъ и стремленіяхъ, тогда какъ французскіе эмигранты, несмотря на все ихъ изящество, у зубовской котеріи оказывались далеко не въ чести. Г-жа Жеребцова настолько прониклась англійскими обычаями, что первая въ Петербургѣ отказалась отъ мѣщанскаго обычая обѣдать въ 2¹/₂ ч. дня и перенесла обѣды на необычайные по тому времени поздніе вечерніе часы. Возможно, что въ числѣ прочаго само англійское происхожденіе въ значительной степени облегчило баронессѣ Бодѣ ея успѣхъ у Зубова. Благодаря поддержкѣ всесильнаго временщика, передъ баронессою гостепріимно открылись двери петербургскихъ гостиныхъ, и она похваляется многочисленностью друзей и радушіемъ пріемовъ, которые ей дѣлались.

«Императрица и министры очень къ намъ милостивы,—пишетъ она.—На дняхъ государыня прислала мнѣ 600 рублей для текущихъ моихъ надобностей и приказала оплачивать за ея счетъ нашу квартиру и содержаніе, пока мы здѣсь будемъ жить. Уитвортъ попрежнему присылаетъ мнѣ ежедневно карету, такъ что устроились мы недурно».

Раздражали г-жу Бодѣ только петербургскіе холода, на которые она начинаетъ жаловаться уже въ сентябрѣ, такъ какъ они отзывались на ея здоровья; но нѣтъ худа безъ добра—болѣзнь повела за собою приглашеніе д-ра Роджерсона и дружескую съ нимъ связь.

Лейбъ-медикъ императрицы Роджерсонъ занимался не одною только медициною, но и политикою. Посвященный въ интимную жизнь и чувственныя увлеченія императрицы, Роджерсонъ пользовался у послѣдней вѣсомъ и за предѣлами своей профессіи и, конечно, въ интересахъ баронессы было завести съ нимъ дружбу, такъ какъ, при случаѣ, и онъ могъ замолвить словечко императрицѣ за свою пациентку и соотечественницу.

«Насъ устроили въ очень хорошемъ домѣ, — хвастаетъ г-жа Бодѣ:—мы живемъ широко и несравненно лучше прежняго. Клемъ (ея сынъ) пользуется успѣхомъ въ обществѣ и принятъ у всѣхъ посланниковъ и министровъ. Я очень этому рада, такъ какъ для молодыхъ людей полезно посѣщать избранное общество.

«Великая княгиня мать опять недавно родила, поэтому она не въ городѣ, но прислала мнѣ любезное письмо... Великая княгиня Елизавета необычайно ко мнѣ милостива. Я часто у нея бываю запросто....

«Повидимому, намъ дадутъ домъ въ Херсонѣ въ 2000 верстахъ отсюда; землю же и деревни съ крестьянами мы, кажется, получимъ въ Крыму, на разстояніи чуть ли не тысячи верстъ къ югу

отъ Херсона. Земли мы получимъ необработанныя и лежація впустѣ, такъ какъ тамъ все пришло въ разстройство за время войны; климатъ тамъ, говорятъ, превосходный, а почва благодатная, не нуждающаяся вовсе въ удобреніи; тамъ безъ всякаго труда можно насаждать всевозможные злаки, плодовые деревья, овощи и цвѣты... Я рассчитываю, что хмель пойдетъ превосходно и возможно будетъ заняться пивовареніемъ... Я надѣюсь на вашу доброту, — соберите для меня всякой всячины для обзаведенія на новомъ мѣстѣ — вездѣ и всѣ проявляютъ вѣдь большую щедрость по отношенію къ несчастнымъ эмигрантамъ. Попросите объ этомъ и герцогиню Кумберландскую. Мое положеніе исключительное, и я принуждена отложить въ сторону всякій ложный стыдъ, такъ какъ мы лишились всего, что имѣли (въ Эльзасѣ). Если вещи будутъ и не новыя, это не бѣда, такъ какъ ихъ можно передѣлать. Я прилагаю списокъ всего того, что мнѣ наиболѣе необходимо (слѣдуетъ списокъ домашняго обзаведенія, начиная съ простынь и скатертей и кончая иголками и булавками). Желательно также получить луговые сѣмена, плодовые косточки, сѣмена хмеля, лѣсныхъ деревьевъ и т. д., а равно книги по ремесламъ, искусствамъ, наукамъ, коммерціи, физикѣ, медицинѣ и фармакопее, исторіи и ботаникѣ... Я все это упоминаю потому, что одни жертвователи могутъ дать одно, другіе другое—берите все, хотя бы даже флейту и фортеціано! Вещи всего лучше переслать, адресуя ихъ на имя сэра Чарльза Уитворта».

Подготавливаясь такимъ образомъ къ переселенію въ Новороссію, г-жа Боде и ея сынъ старались держаться на виду и заискивали у всѣхъ, кто могъ такъ или иначе послужить ихъ интересамъ.

«Я постоянно бываю въ самомъ избранномъ петербургскомъ обществѣ, мы получаемъ непрерывно приглашенія на обѣды, ужины, спектакли, оперу, концерты и т. д., и это не стоитъ намъ ни гроша.

«Мы часто выдаемъ съ графиней Шуваловой ¹⁾ гофмейстериною великой княгини Елизаветы, — она живетъ во дворцѣ. Мы часто у нея обѣдаемъ. Она чрезвычайно къ намъ добра и часто говоритъ съ министромъ, прося его ускорить наше дѣло, которое, несмотря на обѣщанія, подвигается медленно. Я два раза была въ итальян-

¹⁾ Екатерина Петровна, дочь фельдмаршала и московскаго губернатора графа Салтыкова, вдова графа Андрея Шувалова. Шуваловы, какъ извѣстно, гостили въ 1765 г. у Вольтера въ Фернеѣ, гдѣ въ честь знатныхъ иностранцевъ были разыграны на домашней сценѣ фернейскаго патриарха «Меропа» и «Наннина». Графиня Шувалова за знаки вниманія, ей оказанные, отблагодарила хозяевъ по-царски. М-ше Денисъ, хлопотавшая о спектаклѣ, получила на 200.000 экю брильянтовъ; такой же цѣнности подарокъ былъ сдѣланъ и маркизѣ де-Флоріанъ, игравшей главную роль въ Наннинѣ. При тароватости Шуваловой г-жѣ Боде было кстати въ ней заискивать, жалуясь на свою судьбу и бѣдность.

ской оперѣ въ ложѣ графини. Шувалова меня познакомила со своею дочерью, княгинею Голицыною, и со своею невѣсткою, графинею Салтыковой ¹⁾, гдѣ мы бываемъ тоже.

«Графиня Шувалова жила въ Англіи, и весь домъ у нея говоритъ по-англійски. Съ ними живетъ очень милая особа, англичанка мистриссъ Стивенсъ, жена умершаго пастора.

«Младшая дочь графини Alexandrine очаровательная дѣвушка. Мы съ ней большіе друзья. Она фрейлина императрицы; вчера она была дежурная и вся покрыта брилліантами.

«Мы бываемъ нерѣдко и у г-жи Загряжской (ур. Разумовской)— это домъ открытый и въ немъ особенно пріятно бывать, такъ какъ тамъ мы встрѣчаемъ многихъ изъ нашихъ русскихъ знакомыхъ. Знаемъ мы немало и здѣшнихъ нѣмцевъ и англичанъ. Весьма любопытно и чудно, что всѣ эти кружки держатся особнякомъ. Русскіе наши знакомые принадлежатъ исключительно къ дворянству, англичане сплошь принадлежатъ къ купеческому словію, очень богаты и живутъ чрезвычайно роскошно; дома иныхъ изъ нихъ обставлены куда лучше резиденцій первѣйшей знати въ Лондонѣ. Среди нѣмцевъ мы знаемъ дворянъ и купцовъ. Преобладаетъ бѣдное дворянство изъ Лифляндіи и Ливоніи (Эстляндіи), пристраивающееся сплошь въ военную службу. Здѣшніе военные очень франтоваты и держатся по современному— всѣ, кто имѣетъ какое-нибудь прикосновеніе ко двору, бредутся. Клемъ вчера опять проводилъ время въ обществѣ министра Остермана» ²⁾.

Въ декабрѣ 1794 года баронесса пишетъ роднымъ:

«Если бы я не сознавала, что надо скорѣе приниматься за хозяйство и обезпечить себѣ кусокъ хлѣба въ будущемъ, мы могли бы жить здѣсь безпечно сколько угодно времени. Но я утомлена отъ всѣхъ здѣшнихъ развлеченій, а сознание того, что въ сущности я всѣмъ чужая, горько и можетъ портить самое веселое настроеніе. Вотъ уже болѣе трехъ недѣль, что я живу у г-жи Загряжской. Эта дама очень ко мнѣ привязалась. Она очень съ нами любезна и если ея супругъ не вернется изъ Москвы, когда ему понадо-

¹⁾ Урожденная графиня Чернышева, супруга фельдмаршала Ивана Петровича Салтыкова, брата графини Шуваловой. Наиболее характерною чертою всей семьи Чернышевыхъ было честолюбіе мелочное, безсконное и вздорное. Играя на этой слабости, г-жа Боде могла использовать себѣ на пользу и вліятельность гр. Салтыковой.

²⁾ Министръ иностранныхъ дѣлъ, сынъ канцлера императрицы Анны. Едва ли Клементъ Боде могъ почерпнуть отъ Остермана что-либо особенно навидательное, такъ какъ въ умственномъ отношеніи Остерманъ былъ совершеннѣйшимъ нулемъ. Кауницъ презрительно называлъ его автоматомъ, а графъ Сегюръ отзывался о немъ, какъ о «бѣднягѣ вице-канцлерѣ, и понятія не имѣющемъ ни о какихъ дѣлахъ». Остерманъ, впрочемъ, усвоилъ себѣ всѣ тонкости официальной канцелярщины, съ достоинствомъ носилъ пудренный парикъ и жабо и былъ очень декоративенъ въ зеркальной каретѣ, запряженной шестернею.

бятся его апартаменты, то мы и дольше будемъ жить у нея. Г-жа Загряжская—дочь графа Кирилла Разумовскаго ¹⁾; ея мужъ генераль-лейтенантъ и несетъ придворную должность мундшенка. Мы обыкновенно засиживаемся до двухъ часовъ ночи, такъ какъ сэръ Чарльзъ Уитвортъ заѣзжаетъ сюда послѣ полуночи поболтать съ нами часокъ-другой.

«Въ воскресенье утромъ Клемъ былъ съ визитомъ у своего генерала, а затѣмъ при дворѣ. Вечеромъ мы были на дворцовомъ балу, а позднѣе на чудномъ балу у графини Салтыковой, куда съѣхались всѣ придворные — не было только царской фамилии. Клемъ часто бываетъ при дворѣ. Три недѣли тому назадъ состоялось его зачисленіе по арміи—подпоручикомъ артиллеріи. Графъ Зубовъ подарилъ ему саблю и полную экипировку... По возвращеніи сюда съ юга, куда онъ поѣдетъ меня провожать, онъ на годъ или на два поступитъ въ академію для завершения своего образованія, изученія русскаго языка и ознакомленія со службою. Я имѣю основаніе рассчитывать, что всѣ дѣти, какія будутъ при насъ, получатъ воспитаніе на счетъ императрицы».

Тѣмъ временемъ баронъ Боде съ младшими дѣтьми попрежнему оставался на иждивеніи у сестры въ Альтенбергѣ, терпѣлъ преслѣдованія отъ кредиторовъ и былъ настолько стѣсненъ въ средствахъ, что затруднялся даже покупкою обуви для себя и дѣтей. Къ тому же монастырь пересталъ быть безмятежною обителью—въ немъ стоялъ постоемъ отрядъ нѣмецкихъ войскъ, и съ часу на часъ ожидалось нападеніе французскихъ республиканскихъ войскъ, что заставляло и монахинь, и барона готовиться къ спѣшному бѣгству.

Въ довершеніе всѣхъ бѣдствій баронъ былъ испуганъ извѣстіемъ, полученнымъ отъ жены. Спускаясь по лѣстницѣ отъ г-жи Жеребцовой, баронесса, закутанная въ шубу, оступилась и съ размаху полетѣла внизъ, сильно расшиблась и потеряла сознание. Лечилъ ее, по приказанію императрицы, Роджерсонъ, а за время болѣзни баронесса не нахвалится предупредительностью петербургской знати, которая не только освѣдомлялась о ея здоровьи, но наперерывъ другъ передъ другомъ предлагала больной свои услуги.

Баронесса не преминула использовать къ выгодѣ даже свое нездоровье, благодаря частымъ посѣщеніямъ, которыми больную удостоивали Жеребцова и Роджерсонъ. Оправившись отъ ушиба, г-жа Боде сдѣлалась еще болѣе частою гостьею въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ, чѣмъ прежде. «Вчера вечеромъ,—пишетъ она отъ 28 января 1795 года,—я ужинала у княгини Голицыной (дочери

¹⁾ Наталія Кирилловна страдала большою полнотою, что не мѣшало ей быть красавицею; на время она увлекла даже князя Потемкина.

графа Андрея Шувалова¹⁾.—На этомъ ужинѣ я познакомилась съ г. де-Калоннѣ²⁾ и графомъ Шуазелемъ³⁾. Шуазель былъ посланникомъ въ Константинополь и года два назадъ подвергся тамъ серьезной опасности умерщвленія. Онъ неоднократно сообщалъ мнѣ подробности о своихъ приключеніяхъ. Оба его сына здѣсь при немъ, а жена съ пятью дочерьми до сихъ поръ находится во Франціи въ рукахъ патріотовъ. Завтра по случаю дня рожденія князя Голицына мы у него обѣдаемъ въ подгородномъ имѣніи (въ 13 верстахъ отъ столицы)».

Мельканіе въ свѣтѣ, однакоже, не оттѣснило у баронессы повседневныхъ нуждъ и заботъ на задній планъ. Загряжскій возвращался изъ Москвы, и баронессѣ предстояло покинуть гостепріимный кровъ; правда, прусскій посланникъ предлагалъ баронессѣ пріютиться у него, но г-жа Боде предпочитала временно поселиться у сэра Чарльза Уитворта, а затѣмъ собиралась обратиться къ императрицѣ съ новой просьбою,—чтобы ей на казенный счетъ отвели цѣлый домъ, такъ какъ она поджидаетъ пріѣзда мужа съ многочисленными дѣтьми. Навязать содержаніе всей семьи кому-либо изъ своихъ друзей и благодѣтелей не рѣшалась даже и мало щепетильная баронесса. Зато тѣмъ безцеремоннѣе эксплуатировала она щедрость императрицы.

Около этого времени Екатерина, по ходатайству князя Зубова, повелѣла чрезъ російскаго полномочнаго министра Румянцова выдать барону Боде такую сумму, какая ему, по его соображеніямъ, требуется для покрытія расходовъ по переселенію вмѣстѣ съ дѣтьми въ Россію. Баронъ Боде высчиталъ, что на всѣ расходы понадобится

¹⁾ Шувалова была замужемъ за т. с. княземъ Михаиломъ Голицынымъ (1765 — 1812) и имѣла отъ брака трехъ сыновей и двухъ дочерей; изъ нихъ старшая вышла замужъ за итальянца маркиза Терци, а младшая за француза графа Номпаръ-де-Комонъ-де-ла-Форсъ.

²⁾ Калоннѣ смѣнилъ Неккера на посту контролера финансовъ Франціи въ 1781 году и послѣ 4 лѣтъ малоуспѣшнаго хозяйничанія удалился въ Англію. По прибытіи въ Петербургъ онъ былъ принятъ императрицею далеко не милостиво.

³⁾ По свидѣтельству Валишевскаго, императрица Екатерина особенно отличала графа Шуазеля, такъ какъ роль миротворца, въ которой онъ выступилъ передъ Портою, оставила у государыни добрую по себѣ память. Она убѣждала графа окончательно поселиться въ Россіи. Преданія, сохранившіяся въ семьѣ Шуазелей, утверждаютъ, будто любезности, расточавшіяся сѣвверною Семирамидою по отношенію къ французскому дипломату, подсказывались не столько признательностью за прошлое, сколько болѣе нѣжнымъ чувствомъ, но что Шуазель, весьма добродѣтельный въ домашнемъ быту, презрѣлъ фортуны и разыгралъ роль Іосифа въ сценѣ, обидной для женскаго самолюбія Екатерины. Вѣстовщики только забыли о хронологіи: Шуазель родился въ 1752 году и въ 1795 году уже переступилъ возрастъ, въ которомъ одерживаютъ сердечныя побѣды, и едва ли могъ прельстить Екатерину, тѣмъ болѣе, что ея увлеченіе Зубовымъ достигало въ это время апогея.

545 ф. стерл. и при переводѣ на русскую валюту потребовалъ выдачи 3000 р. и просчитался. По небрежности Зубова переводъ денегъ изъ Петербурга замедлился до іюля мѣсяца, а, получивъ ихъ и пустившись въ путь, баронъ оказался безъ денегъ уже въ Лембергѣ, гдѣ и принужденъ былъ остановиться, пока жена не переслала ему нужныхъ на дальнѣйшее путешествіе денегъ.

Тѣмъ временемъ баронесса никакъ не могла рѣшить, на чемъ остановиться и гдѣ выпросить себѣ имѣніе. Ей предлагали на выборъ поселиться въ Крыму, Эстляндіи или по близости отъ Петербурга—послѣднее предложеніе являлось особенною милостію со стороны императрицы, такъ какъ составляло исключеніе изъ обычнаго устройства эмигрантовъ. Очевидныя выгоды поселенія около столицы и милостивцевъ перевѣшивались неблагоприятными климатическими условіями. Испуганная тѣмъ, что холода начались въ сентябрѣ и Нева еще въ мартѣ оставалась скованною льдомъ, баронесса рвалась изъ Петербурга. «Признаюсь, писала она,—для любителя садоводства и сельскаго хозяйства, привыкшаго жить въ странѣ, гдѣ воздѣлываются виноградники, продолжительное пребываніе здѣсь мало привлекательно».

Угодить баронессѣ оказывалось, однакоже, не легко,—она, напри- мѣръ, отказалась отъ имѣнія, расположеннаго на Днѣпрѣ, потому только, что графъ Клермонъ Тоннеръ, которому въ той же мѣстности были пожалованы обширныя земли, писалъ, что хотя тамошній климатъ чудный, трава вырастаетъ выше человѣческаго роста, а слой черноземной почвы очень глубокъ, но зато тамъ на сотняхъ верстъ не встрѣчается ни единого деревца, такъ какъ во время войны всѣ лѣса и роци повыврубали. Въ послѣднюю минуту съ пожалованіемъ земли произошли новыя затыжки вслѣдствіе смерти отца фаворита. Въ іюлѣ терзанія баронессы наконецъ окончились: 19 іюля 1795 года она могла уже увѣдомить сестру, что окончательно покинетъ Петербургъ недѣли чрезъ двѣ или три.

«Графъ Зубовъ,—писала она,—выразилъ желаніе, чтобы я на первый разъ удовлетворилась пожалованіемъ мнѣ земли въ Екатеринославской губерніи при Днѣпрѣ, очень плодородной и выгодной для воздѣлыванія зерновыхъ хлѣбовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ отдано распоряженіе приготовить намъ въ Екатеринославѣ особый домъ для житья. Графъ знаетъ, что я неохотно поселюсь въ обнаженной равнинѣ, и уполномочилъ меня объѣхать Крымскую губернію съ тѣмъ, чтобы выбрать мѣстность, которая бы меня привлекала по красотѣ ли мѣстоположенія, или по обилію рудныхъ мѣстопо- жденій, такъ какъ Таврида изобилуетъ минеральными богатствами. Сдѣлавъ выборъ, я напишу графу, и если земли, мною выбранныя, окажутся принадлежащими казнѣ, мнѣ ихъ дадутъ. Клему графъ разрѣшилъ меня сопровождать и оставаться на югѣ, пока онъ мнѣ будетъ тамъ нуженъ. По возвращеніи его въ столицу, графъ

обѣщалъ о немъ позаботиться; во время отлучки же онъ будетъ получать жалованіе, какъ если бы служилъ. Графъ обѣщалъ мнѣ, если я ввѣрю ему судьбу и другихъ моихъ дѣтей, позаботиться о нихъ. Послѣдніе десять дней я провела въ Царскомъ Селѣ — Зубовъ прислалъ мнѣ 2000 рублей на путевыя издержки и приказалъ передать, что я могу въ Екатеринославской губерніи получить такое количество земли, въ какомъ встрѣчу надобность... Великая княгиня-мать (Марія Федоровна) пожаловала мнѣ 260 р. на обзаведеніе... Я имѣю всѣ причины быть довольною отношеніемъ ко мнѣ друзей и правительства, мнѣ достаточно было только о чемъ-нибудь попросить, и все исполнялось. Прощай, дорогая Китти! пиши мнѣ чаще обо всѣхъ знакомыхъ, но никогда не упоминай о политикѣ болѣе того, что извѣстно изъ газетъ, и, пожалуйста, избѣгай шуточекъ о здѣшней странѣ и ея правительствѣ—тогда до меня твои письма будутъ доходить исправно, потому что всѣ заграничныя письма вскрываются на почтѣ и если въ нихъ оказывается что-нибудь неугодное властямъ, письма вовсе не доставляются по назначенію».

16 августа 1795 года баронесса тронулась наконецъ изъ Петербурга вмѣстѣ съ сыномъ и въ сопровожденіи слуги Якова, денщика поручика Боде и горничной-нѣмки, служившей г-жѣ Боде переводчицею. Путешественники ѣхали въ двухъ экипажахъ, запряженныхъ одинъ шестеркою, а другой четверикомъ.

Добравшись до Бѣлоруссіи, баронесса рѣшила въ 800 верстахъ отъ Петербурга дать себѣ отдыхъ и остановилась въ Шкловѣ у Зорича, къ которому предусмотрительно запаслась рекомендаціею.

Зоричъ, какъ извѣстно, состоялъ у Екатерины въ фаворѣ одиннадцать мѣсяцевъ (1777—1778) и смѣнилъ Завадовскаго. Выбралъ этого молодца-князь Потемкинъ не понапрасну, такъ какъ, по свидѣтельству современниковъ, онъ являлся совершеннымъ образчикомъ красоты и мужественности. Это не мѣшало ему быть глубоко невѣжественнымъ, и императрица тщетно старалась сколько-нибудь его отшлифовать. Гордость и самообольщеніе у фаворита значительно опережали умственное развитіе. Пожалованный графскимъ титуломъ въ 1778 г., онъ съ аффектаціею избѣгалъ его носить, находя его не соответствующимъ своему исключительному положенію, и добивался, по примѣру Орлова и Потемкина, возведенія въ княжеское достоинство. Зоричъ настолько зазнался, что показался несноснымъ императрицѣ и подвергся удаленію, обезпеченный ежегоднымъ доходомъ въ 100 тысячъ рублей и получивъ въ собственность мѣстечко Шкловъ съ обширными землями, приносящими владѣльцу свыше 200 тысячъ рублей.

Въ Шкловѣ Зоричъ жилъ, окруженный царственною роскошью и многочисленными прилебателями. Въ 1780 г. Зоричъ удостоился

принять у себя императрицу, ѣхавшую навстрѣчу императору Иосифу для дальнѣйшаго совмѣстнаго путешествія по Новороссіи.

Чтобы достойно принять свою благодѣтельница, Зоричъ перестроилъ сверху донизу свой дворецъ и въ видѣ деликатнаго вниманія во всѣхъ подробностяхъ возсоздалъ для императрицы опочивальню, по образцу ея покоевъ въ Зимнемъ дворцѣ, хорошо ему памятныхъ. Мэгэ де-Латушъ, имѣвшій случай видать отставленнаго фаворита въ его *Vien-Religo* въ 1790 г., рассказываетъ слѣдующее: «Имѣя ростъ въ 5 футовъ и 6 дюймовъ, онъ былъ писаннымъ красавцемъ. Хотя онъ и приближался уже къ 50-лѣтнему возрасту, глаза его сохранили юношескій блескъ, и держался онъ съ большимъ изяществомъ..... Онъ мнѣ не разъ повторялъ, что прежде былъ совершеннымъ варваромъ, но что его благодѣтельница его переродила. Онъ немало распространялся о времени своего фавора и со слезами на глазахъ описывалъ милости, какими его осыпала благодѣтельница».

Госпожа Боде предполагала пробыть въ Шкловѣ сутки, но попала на новый островъ Калипсо и выбраться ей оттуда удалось лишь на 12 день. Все это время пробѣжало быстро и произвело на баронессу чарующее впечатлѣніе. Оперы чередовались съ балетами, затѣмъ начинались танцы, а въ полночь подавался роскошный ужинъ. Такой образъ жизни велся изо дня въ день круглый годъ. Именины Зорича, на которыхъ г-жѣ Боде довелось присутствовать, были отпразднованы съ большою торжественностью. Утромъ происходилъ военный карусель при участіи кадетъ военнаго шкловскаго корпуса, содержавшагося исключительно на иждивеніе Зорича. Обѣдъ былъ сервированъ на 300 кувертовъ, и среди гостей особенное вниманіе баронессы привлекали многочисленныя представители мѣстной польской знати въ живописныхъ національныхъ костюмахъ. Гостепріимство Зорича было настолько настойчиво, что, хотя въ день отъѣзда баронессы экипажи были поданы къ крыльцу въ 7 часовъ утра, она смогла распрощаться со своимъ амфитріономъ только въ 7 часовъ вечера. Въ Екатеринославъ баронесса благополучно прибыла 16 сентября, но здѣсь ее ожидала неудача: губернаторъ, родственникъ Зубова, только наканунѣ отправился въ объѣздъ по губерніи и никакихъ распоряженій насчетъ отвода дома для знатной иностранки сдѣлано не было. Баронесса, ничто же сумняшея, приказала везти ее въ домъ губернатора и такъ насѣла на его племянницу, что та постыдила ее устроить въ чьей-то дружественной семьѣ. Нисколько не потерявшись при этомъ осложненіи, баронесса немедля отправила своего сына, въ сопровожденіи казака, которымъ ее на время снабдилъ Зоричъ, вдогонку за губернаторомъ въ Таганрогъ для передачи ему рекомендательныхъ писемъ и полученія указаній, какъ поступить дальше.

Вынужденная остановка въ Екатеринославѣ была для баронессы скрашена тѣснымъ общеніемъ съ семьею академика Палласа, съ которымъ она была знакома еще по Петербургу ¹⁾).

Не любя тратить попусту время, г-жа Боде въ Екатеринославѣ долго не зажила: въ понедѣльникъ она снарядила въ Таганрогъ сына; пятницу посвятила свиданію съ мужемъ и дѣтьми, навстрѣчу которымъ князь Зубовъ распорядился отрядить русскаго офицера въ Богемію для сопровожденія путешественниковъ черезъ Галицію и Подолію,—а въ субботу 22-го сентября вмѣстѣ съ Палласомъ уже укатила въ Крымъ.

Вмѣстѣ съ Палласомъ г-жа Боде побывала въ Симферополѣ и Бахчисараѣ, познакомилась съ адмираломъ Мордвиновымъ и оставила свой выборъ для полученія отъ казны земли на Судакѣ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ Палласу были пожалованы обширные виноградники.

По возвращеніи въ Екатеринославъ, во время празднованія Екатеринына дня въ губернаторскомъ домѣ, госпожа Боде была обрадована полученіемъ официального извѣщенія о томъ, что ей пожаловано въ Екатеринославской губ. имѣніе Крамерово—свыше 5000 десятинъ—и назначается пенсія для безбѣднаго существованія и, кромѣ того, изрядная сумма на первоначальное обзаведеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждалось, что по выборѣ ея на Таврическомъ полуостровѣ свободныхъ земель и эти послѣднія будутъ предоставлены въ ея распоряженіе.

По осмотрѣ Крамерова, удаленнаго отъ Екатеринослава въ 200 верстахъ, тамъ оказалось много хорошаго скота, въ озерахъ и рѣкѣ изобиловала рыба, съ луговъ собиралось до 14 милліоновъ пудовъ сѣна, нашлась и цѣлая каштановая роща, изъ плодовъ которой предприимчивая баронесса тотчасъ же надумала гнать водку, но по началу хозяйничать приходилось заглазно, такъ какъ въ Крамеровской балкѣ господскаго жилья не было, а затѣянная постройка дома могла быть приведена къ окончанію не ранѣе лѣта 1796 года. Нѣсколько непріятное впечатлѣніе на новыхъ поселенцевъ произвела смерть графа Шуазеля, которому было пожаловано

¹⁾ Петръ-Симонъ Палласъ, знаменитый натуралистъ и путешественникъ (род. въ Берлинѣ въ 1741 г.), былъ вызванъ Екатериною въ Петербургъ и въ 1777 г. назначенъ членомъ комитета для топографическаго измѣренія Россіи. Такъ какъ Палласа особенно привлекалъ Крымъ, то императрица пожаловала ему тамъ имѣніе, гдѣ онъ прожилъ болѣе 15 лѣтъ, принимая многочисленныя путешествія по Россіи. Подъ конецъ жизни Палласъ покинулъ Россію и поселился въ Берлинѣ, гдѣ умеръ въ 1811 г. «Путешествія» Палласа, къ сожалѣнію, нынѣ преданныя забвенію, заключаютъ массу любопытнѣйшихъ естественно-историческихъ данныхъ и политико-географическихъ соображеній. Палласомъ написано, между прочимъ, весьма цѣнное въ научномъ отношеніи «Физическое и топографическое описаніе Тавриды».

имѣніе по ту сторону Днѣпра, напротивъ Крамерова. Графъ умеръ въ Екатеринославѣ, схвативъ лихорадку, такъ какъ поселился въ только что отстроенномъ сыромъ домѣ. Лѣто 1796 года г-жа Боде провела въ Крамеровѣ, наблюдая за стройкою дома и расширяя скотоводство. Такъ какъ могущественные петербургскіе покровители не торопились удовлетворить алчность баронессы пожалованіемъ судакскихъ виноградниковъ, то баронесса начала подумывать о поѣздкѣ въ Петербургъ зимою. Когда же пришла вѣсть о внезапной кончинѣ «дорогой, доброй, очаровательной императрицы», слѣшная поѣздка въ столицу явилась уже неотложною необходимостью: паденіе Зубова обездоливало и его protégée; поэтому г-жѣ Боде «слѣдовало представиться ихъ императорскимъ величествамъ, выразить имъ чувства почтительной преданности и изложить государю императору бѣдственность ея положенія въ виду неутвержденія пенсіи».

Баронесса Боде ѣхала въ Петербургъ въ тревогѣ, ибо, хотя отъ императрицы Маріи Федоровны и могла разсчитывать на благожелательное сочувствіе, все же оставалось вопросомъ, насколько императрица въ силѣ и сможетъ ли она повліять на измѣнчивый и крутой нравъ Павла; что же касалось болѣе близкой г-жѣ Боде великой княгини Елизаветы Алексѣевны, то завѣдомо было извѣстно, что она особымъ расположеніемъ новаго императора не пользуется. Ради вящаго успѣха въ своихъ домогательствахъ баронесса прѣшила отнюдь не выступать въ качествѣ protégée Зубова, но, наоборотъ, представить императору дѣло такъ, что если, несмотря на обѣщанія императрицы, ей не были пожалованы въ Судакѣ виноградники и не состоялось назначенія пенсіи, то произошло это лишь вслѣдствіе небрежности, лѣни и забывчивости Зубова и по непростительному равнодушію зубовскаго родственника, екатеринославскаго губернатора, которому при отъѣздѣ его въ Петербургъ были ввѣрены баронессою письма и ходатайства для представленія императрицѣ, но были имъ забыты въ Екатеринославѣ и въ свое время не дошли вовсе по назначенію. Баронесса съ такою ловкостью вышила на этой канвѣ краснорѣчивое описаніе своихъ разочарованій и бѣдственности своего положенія, представляясь императору Павлу, что сумѣла его разжалобить и, по импульсивности своего характера, государь тутъ же пожаловалъ баронессѣ Ропшинское имѣніе около Нарвы съ 200 душъ крѣпостныхъ. Въ составъ Ропшинскаго имѣнія входило 6 деревень, изъ коихъ нѣкоторыя были расположены у моря, а другія у судоходныхъ рѣкъ, а при имѣніи оказались огромныя лѣсныя угодья, что обезпечивало заготовку лѣса и сплавъ его въ столицу.

Баронесса, въ виду предстоящаго размѣщенія дѣтей по столичнымъ учебнымъ заведеніямъ милостями многочисленныхъ своихъ покровителей и изъ-за желанія укрѣпить связи съ разными

лицами, которыхъ возвысило воцареніе Павла, тотчасъ же сообразила, что хозяйничаніе на югѣ теперь не своевременное, и порѣшила главною своею резиденціею избрать Ропшинское имѣніе. Поэтому баронъ былъ спѣшно отправленъ женою въ Екатеринославъ съ порученіемъ продать или отдать въ аренду Крамерово, сама же баронесса не замедлила примазаться опять къ Загряжской и поселилась съ ней на ея дачѣ, такъ какъ Загряжскій, повидимому, пошелъ въ гору и отправлялся на коронацію во главѣ придворнаго штата великой княжны Анны Павловны и великаго князя Николая Павловича.

Баронесса, вселившись къ Загряжской, благодаря любезности хозяйки, могла завязать рядъ новыхъ знакомствъ. Такъ, изъ дачи Загряжской достаточно было перейти черезъ мостикъ, чтобы попасть къ Строганову и «его милѣйшей семьѣ».

Строгановскую дачу, славившуюся своею роскошью въ тогдѣшнемъ Петербургѣ, за годъ передъ тѣмъ императрица подвергла шуточной осадѣ. Графъ Строгановъ, по болѣзни и страдая приступами меланхолии, отдалился отъ двора и уединился на дачѣ. Императрица въ сопровожденіи своего двора организовала цѣлую военную экспедицію противъ Строганова и послѣ нѣсколькихъ холостыхъ залповъ изъ пушекъ объявила его военноплѣннымъ и увезла съ собою. Сближеніе г-жи Боде со Строгановыми, благодаря дачному сосѣдству, повело за собою знакомство и съ жившимъ у Строгановыхъ молодымъ шотландскимъ врачомъ Вилье, который вдругъ вошелъ въ большую милость у Павла, благодаря удачному излеченію любимца императора «турченка»-графа-брадобрея И. П. Кутайсова.

Другимъ сосѣдомъ Загряжскихъ оказался сверженный польскій король Станиславъ Понятовскій «Какъ разъ противъ дачи Строганова на Каменномъ островѣ,—говоритъ Боде,—находится дворецъ, принадлежавшій императору, когда онъ еще былъ великимъ княземъ; теперь онъ отведенъ королю, въ качествѣ лѣтней резиденціи. Я была представлена племянницѣ короля, когда та пріѣхала съ визитомъ къ Загряжской».

Нѣсколько дней спустя король заѣзжалъ къ Загряжской пригласить ее и ея гостью на устраиваемый имъ праздникъ. «Король является воплощеніемъ любезности и вѣжливой внимательности, онъ каждому находитъ сказать что-нибудь пріятное и въ совершенствѣ владѣетъ чуть ли не всѣми европейскими языками... Вчера я отправилась въ городъ на обѣдъ къ княгинѣ Голицыной, чтобы повстрѣчать ея мать, графиню Шувалову, и ея сестру, которая въ скорости выходитъ замужъ за графа Дитрихштейна»¹⁾.

¹⁾ Графъ Францъ Дитрихштейнъ, славившійся своими способностями и благородствомъ характера, прочился въ преемники Тугуту въ 1801 г., въ званіи австрійскаго канцлера, но изъ любви къ независимости отклонилъ это почетное

«Вообще Шуваловымъ въ этомъ году везеть на браки. Графиня уже послѣ коронаціи женила своего сына на княжнѣ Щербатовой». Столь удачно начатому возобновленію великосвѣтскихъ отношеній былъ положенъ внезапный конецъ. Баронъ Боде заболѣлъ лихорадкою въ Крамеровѣ и скоростижно умеръ, за нимъ послѣдовалъ довѣренный слуга баронессы, Яковъ, заболѣли и всѣ дѣти, оставшіяся на попеченіи только горничной. Баронесса опять пускаетъ въ ходъ свои жалобы на отчаянное положеніе и выпрашиваетъ у императора, съ обязанностями военной службы не шутившаго, отпускъ сыну Клементу, чтобы тотъ могъ уладить хозяйственныя дѣла въ Крамеровѣ и перевезти въ Петербургъ братьевъ и сестеръ, а у великаго князя Александра и Елизаветы Алексѣевны г-жа Боде заручается щедрымъ пособіемъ на покрытіе расходовъ по поѣздкѣ сына.

Пока Клементъ Боде собирался въ путь, г-жа Боде чуть не продала Ропшинское свое имѣніе князю Александру Борисовичу Куракину, но потомъ одумалась и вовлекла князя въ еще болѣе для себя выгодную сдѣлку, обмѣнивъ однѣ изъ своихъ деревень на другія, а нѣкоторыя продавъ по высокой цѣнѣ, что, по ея словамъ, обезпечило надолго ея семьѣ безбѣдное существованіе. Тѣмъ не менѣе, продолжая плакаться на свою судьбу, баронесса осенью 1797 г. добилась того, что императрица Марія Ѳеодоровна взялась помѣстить одну изъ дочерей г-жи Боде въ Екатерининскій институтъ, а великая княгиня Елизавета Алексѣевна приняла на свой счетъ воспитаніе другой дочери. При постоянномъ желаніи использовать къ возможной выгодѣ дворскія свои отношенія, г-жа Боде не съ особенною радостью узнала о приѣздѣ герцога де-Лаваль Монморанси, слѣдомъ за которымъ долженъ былъ прибыть и принцъ Конде съ 4.000 эмигрантовъ, которымъ государь обѣщалъ пожаловать земли во вновь присоединенныхъ польскихъ провинціяхъ. Очевидно, къ щедротамъ монаршимъ тянулось все больше рукъ, а чрезъ это уменьшались шансы для искательствъ самой баронессы, а въ довершеніе къ этой невзгодѣ заболѣлъ Клементъ Боде, и мать, вѣривъ его попеченію вѣрнаго своего друга лорда Уитворта, привуждена была сама отправиться въ Екатеринославскую губернію. Особенно г-жа Боде, впрочемъ, къ «несчастнымъ больнымъ своимъ малюткамъ» не торопилась и сначала отсрочила свой отъѣздъ, чтобы ѣхать вмѣстѣ съ Тамарою, назначеннымъ посланникомъ въ Константинополь. Въ Москвѣ произошла новая остановка, потому что интереснымъ оказалось чрезъ Тамару познакомиться и сблизиться съ графомъ Алексѣемъ Кирилловичемъ

предложеніе; связанный узами тѣсной дружбы съ Тугутомъ, онъ воздвигъ въ его память великолѣпный монументъ въ своемъ замкѣ Никольбургѣ (въ Моравіи). Дитрихштейнъ вмѣстѣ съ женою (ур. гр. Шуваловой) долгое время жилъ въ Лондонѣ.

Разумовскимъ, братомъ г-жи Загряжской; понадобилось захватить даже въ Батуриный на поклонъ къ престарѣлому гетману Кириллу Григорьевичу. Такимъ образомъ со всѣми этими остановками, визитами и искательствами г-жа Боде добралась до Крамерова только въ концѣ февраля и хотя застала дѣтей выздоровѣвшими, «но ютились они чуть что не въ шалашѣ и при скудномъ освѣщеніи одною сальною свѣчкою».

Съ Крамеровымъ, доставшимся баронессѣ въ всякихъ заслугъ, владѣлицѣ не повезло, какъ это часто бываетъ съ состояніями, нажитыми кривдою: сначала среди скота открылся падежъ, потомъ г-жа Боде прискакала на имѣніе выгоднаго покупателя, но тотъ скоропостижно умеръ, не получивъ денегъ для расплаты за купленное имѣніе, а жена его, попользовавшись доходомъ съ Крамеровки въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и совсѣмъ отказалась отъ покупки; другой покупатель приобрѣлъ Крамерово дешево и заставилъ баронессу подписать рядъ не понятыхъ ею документовъ на русскомъ языкѣ, что вовлекло ее, какъ впоследствии оказалось, въ крупныя убытки.

Благодаря всѣмъ этимъ сдѣлкамъ, пребываніе на югѣ затянулось чуть ли не на цѣлый годъ — часть дѣтей баронесса прикинула херсонской помѣщицѣ баронессѣ де-Бервицъ (англичанкѣ по происхожденію), а сама опять отправилась въ Крымъ, — вѣроятно, присматривать землицу, но подъ гласнымъ предлогомъ посѣщенія друзей.

Въ Ропшинское свое имѣніе неутомимая авантюристка добралась только осенью 1799 г. Здѣсь тѣмъ временемъ за хозяйство принялся Клементъ Боде, отстроившій домъ изъ собственнаго лѣса и затѣявшій лѣсныя спекуляціи; построилъ онъ на первый разъ двѣ барки, чтобы сплавить лѣсной запасъ въ столицу, но молодому коммерсанту не повезло, и одна изъ барокъ затонула съ грузомъ въ Финскомъ заливѣ.

Въ 1800 г. Клементъ Боде женился на дочери англійскаго негодяя въ Петербургѣ Гарднера; который, между прочимъ, извѣстенъ тѣмъ, что основалъ въ 1770 г. Англійскій клубъ. Въ эпоху восторженнаго увлеченія императора Павла Наполеономъ и гоненій, открывшихся противъ всего англійскаго, г-жа Боде утратила шансы на дальнѣйшія благостыни отъ двора, — тѣмъ сангвиничнѣе сдѣлались ея надежды при воцареніи Александра и его «ангельской» супруги. По началу, однакоже, кромѣ пріемовъ ко двору и мелкихъ подачекъ дочерямъ, въ родѣ бальныхъ платьевъ, г-жа Боде ничего не могла добиться ни отъ вдовствующей, ни отъ царствующей императрицъ.

По замиреніи Европы въ 1801 г. у баронессы народилась фантастическая надежда на то, что такъ какъ эмигрантамъ разрѣшено вернуться въ свое отечество, а иные были восстановлены въ иму-

щественныхъ правахъ, то и ей удастся, пожалуй, вступить опять во владѣніе Зульцомъ и получить изъ французской казны доходы съ имѣнія, секвестрованные за всѣ истекшіе годы. Въ этой своей претензіи баронесса и ея нисходящіе не разъ старались опереться на поддержку русскаго и британскаго правительствъ и, пожалуй, добились бы признанія своихъ правъ, если бы не домогались возврата доходовъ за прежнее время; по этому поводу долгое время велся процессъ, пользующій извѣстностью въ англійскихъ юридическихъ лѣтописяхъ и давшій матеріаль для многочисленныхъ парламентскихъ «Синихъ книгъ», но окончательно проигранный только въ 1853 году.

Изъ-за этой претензіи баронесса предприняла поѣздки въ Эльзасъ, Лондонъ и Парижъ, но въ Эльзасѣ на нее обрушились давнишніе кредиторы, а въ Парижѣ, гдѣ баронесса особенныя надежды возлагала на лорда Уитворта, незадолго предъ тѣмъ назначеннаго посланникомъ во Францію, ее постигъ полный провалъ.

По поводу королевскаго посланія парламенту Наполеонъ разнесъ Уитворта съ обычною несдержанностью, усмотрѣвъ въ посланіи нарушение Аміенскаго трактата, и на многолюдномъ приѣмѣ во дворцѣ потребовалъ немедленнаго очищенія Мальты, угрожая въ противномъ случаѣ войною. При такихъ условіяхъ и самому Уитворту нехотати и некогда было возиться съ претензією баронессы, да и ей предстательство Уитворта предъ первымъ консуломъ едва ли бы послужило на пользу.

Неспособная унывать и впадать надолго въ малодушіе, баронесса затѣяла написать и опубликовать свое жизнеописаніе на англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и не преминула посвятить будущее свое твореніе татоватой своей пріятельницѣ и покровительницѣ герцогинѣ Кумберлэндской. Этотъ «*Récit d'aventures*», написанный баронессою въ послѣдніе годы жизни, былъ ея дочерью, графинею Коломби, переведенъ на французскій языкъ.

Потерпѣвъ пораженіе съ эльзасскою претензією, баронесса въ 1802 г. вернулась опять въ Петербургъ и попрежнему начала тереться съ обычною настойчивостью около двора и при посольствахъ. Но полоса счастья для баронской семьи миновала: хозяйничаніе старшему сыну Клементу не удавалось, и три его барки опять потерпѣли аварію; сынъ Феликсъ принужденъ былъ искать счастья за границу при покровительствѣ наслѣдной принцессы Баденской.

Младшій сынъ, Карлъ, принужденъ былъ оставить службу въ русской кавалеріи и вышелъ въ отставку, обезсиленный лихорадкою, что заставило его поселиться въ Крыму. Баронеса, впрочемъ, не унывала и на Карла возлагала особенныя надежды, такъ какъ онъ многое изучилъ самоучкою и рѣшилъ заняться торговлею, вывозя изъ Крыма въ Москву устрицы, а въ Крымъ ввозя англій-

скія сукна. «Шувалова увѣряетъ,—хвастаетъ г-жа Боде,—что онъ наживетъ крупное состояніе для всей семьи».

Розовыя надежды возлагались, впрочемъ, не столько на устрицы и на сукна, сколько на то, что въ молодомъ человѣкѣ приметъ участіе петербургскій богачъ мистеръ Гаскойнъ и двинетъ его по коммерческой части.

Мистеръ Гаскойнъ, нажившій въ послѣдствіи милліоны, стоялъ нѣкогда во главѣ шотландскаго литейнаго завода Каррона и былъ вызванъ Екатериною въ Россію для перестройки литейнаго завода на Онежскомъ озерѣ, въ видахъ обезпеченія русской арміи поставкою ружей и пушекъ, которыя выписывались раньше съ завода Каррона, Гаскойнъ широко поставилъ начатое имъ въ Россіи дѣло, и его заводу Петрозаводскъ былъ обязанъ своимъ развитіемъ. Въ Петрозаводскѣ съ Гаскойномъ жили обѣ его дочери: Анна, графиня Гаддингтонъ (вторымъ бракомъ вышедшая за Дальримпла), и Мари, вышедшая замужъ за полковника Поллена. Госпожа Боде не замедлила примазаться къ богачу, благо ея дочь была подружкою на свадьбѣ у г-жи Полленъ, и въ концѣ концовъ мамаша и дочка водворились на всю зиму въ Петрозаводскѣ, хотя баронесса и жаловалась, что ведетъ существованіе прежалкое, дающее ей чувствовать зависимость отъ постороннихъ. Жалобы эти едва ли были основательны—униженіямъ г-жа Боде, конечно, не подвергалась, а пользоваться милостями друзей и жить за чужой счетъ ей было не впервые. Гаскойнъ же въ Петрозаводскѣ жилъ большимъ баринномъ, нерѣдко задавалъ пиры и балы и позволялъ себѣ такія затѣи, что выписывалъ, напримѣръ, на всю зиму изъ Петербурга превосходный струнный оркестръ. Конечно, сирой вдовицѣ пристроиться къ такому денежному тузу было небезвыгодно. Впрочемъ, такое устройство являлось временнымъ, такъ какъ баронесса утѣшала себя тѣмъ, что «наша добрая императрица обѣщала мнѣ пенсію для безбѣднаго существованія, и тогда я буду спокойна и освобожусь отъ заботъ по возобновленію моихъ ходатайствъ—въ этомъ смыслѣ я и высказалась въ послѣднемъ моемъ письмѣ къ императрицѣ».

Добившись въ концѣ концовъ пенсіи отъ щедротъ императора Александра, г-жа Боде послѣдніе годы жизни провела въ Петербургѣ, вращаясь въ избранномъ обществѣ и пользуясь милостями императрицы Маріи Ѳеодоровны и Елизаветы Алексѣевны.

Вспоминая о прошломъ, баронесса на закатѣ жизни писала: «что касается климата и живописности, ничто, конечно, не сравнится съ тѣмъ уголкомъ Франціи и Германіи, гдѣ протекла счастливѣйшая пора моей жизни... Я часто размышляю съ тоскою о томъ, какъ безжалостно судьба перевернула существованіе моихъ друзей и знакомыхъ во Франціи и Германіи, благодаря чему единственнымъ для меня пристанищемъ и оказалась Россія. Пред-

ставляется чѣмъ-то совершенно не естественнымъ, что страна, столь отдаленная отъ моей отчизны, дала мнѣ наиболѣе вѣрныхъ друзей... А между тѣмъ это—правда. Я была настолько счастлива, что создала себѣ обширный кругъ друзей въ Россіи, и совѣсть мнѣ велитъ вѣчно быть признательной русскимъ за ихъ широкое гостеприимство, а царской семьѣ за ея великодушіе».

Подъ конецъ этой поверхностной, преисполненной надеждъ и разочарованій, но окрыляемой неизмѣнною находчивостью жизни, здоровье баронессы сильно пошатнулось, и зимою 1811—12 г. она собралась погостить у своего сына Карла, проживавшаго въ Крыму. Добравшись до Москвы и гостя у Самариной (сестры графини Шуваловой), г-жа Боде сильно ослабѣла, и гостеприимная хозяйка убѣдила ее прожить всю зиму у нея, не трогаясь съ мѣста.

Весною 1812 г. слухи о возобновленіи войны съ Наполеономъ, а позднѣе вѣсти о побѣдоносномъ приближеніи Наполеона къ Москвѣ навели на большую ужасъ, и она съ тревогою не уставала повторять: «*Mon Dieu! les français viendraient ils aussi me chasser de ce pays, qui a été mon asyle protecteur?*» (Богъ мой! Неужели французы прогонятъ меня и изъ этой страны, которая явилась для меня надежнымъ убѣжищемъ). Госпожѣ фонъ-Боде не суждено было дожить до разгрома Москвы, во время котораго богатые дома Разумовскихъ, Голицыныхъ и другихъ друзей баронессы подверглись вандальскому разграбленію со стороны французовъ. Спасаться отъ французовъ изъ Москвы бѣгствомъ, какъ раньше изъ Эльзаса, баронессѣ не пришлось, такъ какъ она вскорѣ скончалась.

Остается сказать нѣсколько словъ о потомствѣ баронессы фонъ-Боде.

Баронъ Клементъ, отчаявшись въ лѣсной торговлѣ, избралъ благую долю и вернулся вновь въ военную службу. Въ эпоху кампаній 1812—1814 г. онъ уже командовалъ кавалерійскимъ полкомъ, который за лихую службу его командира сталъ именоваться его именемъ. Возобновивъ по низверженіи Наполеона претензію къ французскому правительству на владѣніе Зульцомъ и на возмѣщенію ему доходовъ съ этого имѣнія, въ суммѣ свыше 500,000 фунтовъ стерлинговъ, баронъ получилъ отъ императора Александра пособіе на веденіе процесса, но постепенно истратилъ на процессъ все свое состояніе и умеръ бѣднякомъ въ Англіи въ 1844 г., покинутый всѣми, кромѣ двоюроднаго своего брата, лорда Нортонна.

Изъ дѣтей его—дочь Шарлотта вышла замужъ за петербургскаго фабриканта Казалета¹⁾, а сынъ Клементъ-Августъ избралъ дипломатическое поприще, былъ секретаремъ русскаго посольства

¹⁾ Если мы не ошибаемся, сынъ этого Казалета, ставъ во главѣ англо-русскаго общества въ Лондонѣ, немало способствовалъ распространенію здравыхъ понятій о нашемъ отечествѣ въ Англіи и въ значительной степени подготовилъ почву для современнаго англо-русскаго сближенія.

въ Тегеранѣ, издалъ на англійскомъ языкѣ описаніе своихъ путешествій по Персіи и изслѣдованіе о Луристанѣ и Арабистанѣ, унаслѣдовалъ злосчастный процессъ послѣ отца и проигралъ его окончательно, за невозможностью нести дорого стоящіе въ Англии судебные расходы, въ 1853 г. Конецъ жизни баронъ К. А. Боде провелъ въ Россіи; вступивъ въ поздній бракъ, онъ оставилъ по себѣ сына и дочь.

Второй сынъ баронессы, достигшій генеральскаго чина Гейнрихъ фонъ-Боде, послѣ блестящей военной карьеры разорился и умеръ неплатнымъ должникомъ въ Стаффордѣ, призрѣваемый англійскою роднею матери.

Третій сынъ, Карлъ, принявъ православіе во время болѣзни, былъ нареченъ Александромъ и умеръ въ Россіи глубокимъ старикомъ, но, вопреки предсказаніямъ графини Шуваловой, крупнаго состоянія не нажилъ.

Младшій сынъ г-жи фонъ-Боде, Людвигъ, принималъ участіе въ войнахъ противъ Наполеона, славился своимъ остроуміемъ, умѣніемъ владѣть рѣчью и привѣтливостью и пользовался особенно благосклонностью императора Николая, который пожаловалъ его титуломъ барона Россійской имперіи; въ званіи гофмаршала баронъ Людвигъ фонъ-Боде завѣдывалъ постройкою новаго дворца въ Москвѣ. Черезъ бракъ съ дочерью бывшаго русскаго посланника въ Парижѣ Колычева онъ унаслѣдовалъ отъ тестя крупныя имѣнія въ Саратовской губерніи; старшій его сынъ, баронъ Михаилъ, былъ женатъ на сестрѣ графини Шуваловой, супруги россійскаго посланника въ Лондонѣ; младшаго сына звали Леономъ, а 4 дочери барона Людвига вышли замужъ за князей Долгорукова, Оболенскаго, Вяземскаго и Бярятинскаго.

Изъ дочерей г-жи фонъ-Боде старшая вышла замужъ за итальянца графа Коломби, а ея дочь за Цеа, испанскаго посланника въ Римѣ и брата перваго министра; Клементина сдѣлалась г-жою Ливіо, а до замужества была фрейлиною императрицы; Фритцель вышла замужъ за барона Гебзаттеля.

В. И. фонъ-Штейнъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Великій князь Николай Михайловичъ. Императрица Елизавета Алексѣевна, супруга императора Александра I. Томъ 2. Спб. 1909 г.

ВТОРОЙ ТОМЪ біографіи императрицы Елизаветы Алексѣевны, составленной великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ, состоитъ изъ трехъ главъ: 1-я глава—первые годы царствованія Александра I, 2-я глава—эпоха, обнимающая время отъ Тильзита до разрыва 1812 г., и 3-я глава—войны съ Наполеономъ 1812—1815 гг. Къ каждой изъ этихъ главъ прибавлена переписка императрицы съ ея матерью, маркграфиней Баденской, и нѣкоторыми другими близкими къ ней лицами; означенное добавленіе гораздо обширнѣе самаго текста сочиненія, а вмѣстѣ то и другое составляетъ 744 стр. обширнаго формата. Эта громадная книга отличается интересомъ, умѣлой передачей разсказа и содержательностью. По-прежнему она снабжена тридцатью тремя изящными рисунками и однимъ факсимиле рукописи. Такимъ образомъ, во всѣхъ отношеніяхъ означенное сочиненіе представляетъ замѣчательное явленіе въ современной исторической литературѣ.

«Проявивъ полное самообладаніе,—говоритъ авторъ,—Елизавета поражала современниковъ своимъ спокойствіемъ, выдержкой и тактомъ, которые сказались въ ней въ первые дни послѣ катастрофы (т. е. убійства Павла). Несомнѣнно, что нравственная поддержка, оказанная императрицей, должна была тронуть Александра, всегда отзывчиваго ко всѣмъ проявленіямъ сердца и имѣв-

шаго даръ незамѣтно для другихъ подмѣчать все. Это отразилось на отношеніяхъ между супругами: мужественное поведеніе Елизаветы привлекло къ ней самое нѣжное вниманіе Александра, продолжавшееся первые три года послѣ его вояженія. Порядки павловскаго времени быстро исчезли и, кромѣ обычныхъ церемоній въ праздничные дни, ихъ величества вели самый скромный образъ жизни». Въ томъ же родѣ отзывается о молодой императрицѣ саксонскій посланникъ Розенцвейгъ. По его словамъ, она была очаровательной наружности и одной изъ самыхъ красивыхъ женщинъ въ мірѣ; характеръ же ея соответствовалъ прелестной наружности и былъ ровный, кроткій, но нѣсколько меланхолическій. Ея общественная жизнь отличалась красотой такъ же, какъ и жизнь ея мужа, говоритъ Розенцвейгъ: чтенія, прогулки и занятія искусствами наполняли ея досугъ. Она проводила время исключительно съ сестрою принцессой Амаліей Баденскою и своими придворными дамами: княгинями Голицыной и Шаховскою, графиней Толстой и нѣкоторыми другими. Императоръ, по увѣренію Розенцвейга, приходилъ каждый вечеръ на частные приемы императрицы и былъ со всѣми очень любезенъ; но трудно рѣшить, имѣла ли она на него вліяніе, такъ какъ, повидимому, она ни во что не вмѣшивалась.

Въ первое время послѣ восшествія на престолъ императоръ оказалъ большую любезность женѣ, пригласивъ въ Петербургъ ея родителей, которые пріѣхали въ іюль 1801 г. и доставили тѣмъ величайшее счастье Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Но они оставались недолго, такъ какъ поѣхали въ Швецію къ другой своей дочери, королевѣ, а въ то же время государь и государыня отправились въ Москву на коронацію. Общее народное ликованіе и безконечныя празднества доставили много удовольствія вновь коронованной четвѣ, а когда она возвратилась въ Петербургъ въ началѣ октября, то государь съ большимъ рвеніемъ предался занятіямъ секретнаго комитета, уже образованнаго имъ до отъѣзда въ Москву и состоявшаго изъ Чарторыйскаго, Новосильцева и графа Строганова, съ цѣлью подготовки предстоявшихъ политическихъ и общественныхъ реформъ. Но Елизавету постигло тогда большое горе: въ Швеціи скончался ея отецъ, маркграфъ Баденскій, отъ апоплектического удара, вызваннаго несчастнымъ паденіемъ изъ саней. Слѣдующій 1802 г. прошелъ для государя и государыни спокойно, и только къ триумвирату друзей и сподвижниковъ Александра присоединился еще графъ Кочубей и государь ѣздилъ на свиданіе съ прусскимъ королемъ и королевой, что имѣло крупныя политическія послѣдствія; а Елизавета Алексѣевна посѣтила свою сестру, шведскую королеву, по случаю недавней смерти ихъ отца. 1803 г. также прошелъ для императрицы обычнымъ образомъ: зиму она проводила въ Зимнемъ дворцѣ, осень въ Таврическомъ, а лѣто на Каменномъ островѣ, въ Павловскѣ, Петергофѣ и Красномъ Селѣ, вмѣстѣ съ императоромъ.

Наступившій годъ для императорской четы былъ чреватъ политическими и семейными событіями. Во-первыхъ, Наполеонъ провозгласилъ себя императоромъ и тѣмъ возбудилъ неудовольствіе Англій, Австріи, Пруссіи и Россіи, начавшихъ приготовленія къ войнѣ съ Франціей. «Въ это же время, по словамъ автора, въ Елизаветѣ проявились новые поводы къ разочарованію и унынію: ея супругъ сталъ постепенно отъ нея отдаляться, сохраняя, однако, внѣшнія

приличія. Александръ все болѣе и болѣе увлекался прелестями Маріи Антоновны Нарышкиной, рожденной княжны Четвергинской. Ловкая полька сумѣла покорить его сердце, играя то на нотахъ восторженной любви, то дѣйствуя на его самолюбіе». Главное дѣло состояло въ томъ, что, хотя сестры императрицы чуть не каждый годъ рождали дѣтей, она была бездѣтной, послѣ смерти первой дочери, что одинаково огорчало ее и императора, который все болѣе и болѣе привыкалъ къ очаровательной полькѣ. Сама императрица писала своей матери: «Говорила ли я вамъ, дорогая мама, что въ первый разъ она (г-жа Нарышкина) имѣла нахальство первая сообщить мнѣ о своей беременности, которая настолько еще мало подвинулась, что очень возможно было о ней не знать. Я нахожу, что для этого надо имѣть такую смѣлость, о какой я не имѣю понятія. Это было на балу, и ея положеніе еще не было такъ замѣтно, какъ теперь. Я разговаривала съ нею такъ же, какъ съ другими, и спросила объ ея здоровьѣ. Она отвѣтила, что не совсѣмъ здорова, «такъ какъ думаетъ, что беременна». Не находите ли вы, мама, что для этого надо имѣть невѣроятное нахальство. Она очень хорошо знала, что мнѣ небезызвѣстно, какимъ образомъ могла она забеременѣть. Я не знаю, что изъ всего этого выйдетъ и чѣмъ это окончится, но я знаю, что я не испорчу ни своего здоровья, ни моего характера ради существа, не стоящаго этого, такъ какъ, по счастью, я не сдѣлалась ни мизантропомъ, ни пихондрикомъ. Но,—прибавляетъ Елизавета,—всякая мѣра терпѣнія переходитъ границы, тѣмъ болѣе, что императоръ первый глумится надъ благоразумнымъ поведеніемъ и ведетъ объ этомъ предметѣ разговоры дѣйствительно возмутительные въ устахъ того, кто долженъ слѣдить за порядкомъ и нравами, безъ которыхъ нѣтъ порядка». Вскорѣ вниманіе Елизаветы и всѣхъ въ Россіи, а также въ Европѣ, было отвлечено европейской коалиціей противъ Наполеона, который кончилъ тѣмъ, что на голову разбилъ союзниковъ при Аустерлицѣ. Тяжелое разочарованіе подѣйствовало на Александра не только въ отношеніи внѣшней, но и внутренней политики, тѣмъ болѣе, что послѣдовали погромы іенскій и фридландскій, а внутренній политическій триумвиратъ распался и сошелъ со сцены. Съ недавнимъ врагомъ Александръ заключилъ послѣ Тильзитскаго свиданія новый союзъ. Всѣ эти событія тяжело подѣйствовали на Елизавету Алексѣевну, которая съ печалью слѣдила за пораженіемъ русскихъ войскъ и писала матери: «Несмотря на наши пораженія и окружившія насъ измѣны, наши прекрасныя войска приобрѣли новую славу даже въ глазахъ враговъ и возбуждаютъ истинный энтузіазмъ соотечественниковъ. Наши солдаты просто ангелы, мученики и герои: они умирали съ голода, отъ усталости и, падая отъ истощенія, желали только сражаться безъ малѣйшаго ропота, тогда какъ презрѣнныя австрійскія войска были всѣмъ снабжены». Естественно, что, узнавъ о женитьбѣ своего брата Карла на родственницѣ Наполеона, Стефаніи Богарне, Елизавета пришла въ сильнѣйшее негодованіе и писала, какъ ему не стыдно покрывать себя подобнымъ позоромъ, нарушающимъ всѣ близкія связи ихъ семьи.

Осенью 1806 г. государыня, къ величайшему своему счастью, родила вторую дочь, которую назвала Елизаветой, и въ письмѣ къ матери замѣчала, что ребенокъ проситъ извиненія, что онъ не мальчикъ, а дѣвочка. Въ началѣ слѣду-

ющаго года былъ заключенъ союзъ между Александромъ и Наполеономъ, но нельзя сказать, чтобы общественное мнѣніе въ Россіи было довольно, кромѣ самого императора, хотя авторъ увѣряетъ, что врядь ли крутой поворотъ его политики былъ ему по сердцу. Какъ бы то ни было, Елизавета Алексѣевна не сочувствовала перемѣнѣ политики, но, постоянно стараясь угодить своему мужу, она во время его отъѣзда въ Витебскъ навстрѣчу арміи, возвращавшейся изъ Европы, дала, по его желанію, два придворныхъ обѣда въ теченіе десяти дней генералу Савари, присланному Наполеономъ въ Петербургъ до назначенія постоянного посла.

1807 г. прошелъ для императрицы въ заботахъ о ребенкѣ, который былъ драгоценнымъ для нея утѣшеніемъ. Это продолжалось и въ слѣдующемъ году. Но въ апрѣлѣ означеннаго года любимая Лизанька неожиданно умерла, вслѣдствіе труднаго прорѣзыванія зубовъ. Горе и отчаяніе императрицы переступали всѣ границы, и она писала матери: «Позвольте мнѣ просить конца моихъ страданій: я рѣшительно ни на что не гожусь на этомъ свѣтѣ послѣ послѣдняго тяжелаго удара, отъ котораго моя душа никогда не оправится». Жозефъ де-Местръ доносилъ сардинскому двору, что государь также очень опечаленъ смертью своего ребенка и когда докторъ Вилье пытался Александра успокоить, такъ какъ онъ могъ вскорѣ имѣть другихъ дѣтей, то Александръ отвѣчалъ: «Нѣтъ, мой другъ, Богъ не любитъ моихъ дѣтей». О несчастной императрицѣ, безвѣрно горевавшей, графъ Федоръ Головкинъ выражался, что «она была во всѣхъ отношеніяхъ жертвой въ политической и въ частной жизни. Ея дочери обѣ умерли,—говоритъ онъ: — мужъ не занимается ею; ея семейство разлучено съ нею, дворъ вовсе ее не видитъ, нація къ ней не привязана и всѣ жизненные интересы для нея исчезли; но ея прелестная фигура, хотя и безцвѣтная и безъ опредѣленнаго выраженія, скрываетъ въ себѣ великій геній, который, быть можетъ, когда-нибудь неожиданно разовьется; тогда увидятъ женщину высшаго порядка и она сама удивится этому, какъ и другіе».

Въ послѣдующіе два года событія быстро слѣдовали одно за другимъ при петербургскомъ дворѣ. Особенно повліялъ на всѣхъ бракъ любимой сестры государя, Екатерины Павловны, которую вдовствующая императрица Марія Федоровна выдала замужъ за принца Ольденбургскаго. Отношенія императрицы Елизаветы съ великой княжной не были дружественныя, благодаря разницѣ ихъ характеровъ и явной антипатіи Екатерины Павловны къ Елизаветѣ и ревности послѣдней въ виду значительнаго расположенія, питаемаго къ сестрѣ императоромъ. «Вообще, — замѣчаетъ великій князь Николай Михайловичъ, — Елизаветѣ невесело жилось за эти годы. Наружные признаки вниманія и привязанности Александръ продолжалъ выказывать все той же Маріи Антоновнѣ Нарышкиной, завладѣвшей его сердцемъ. Императрица продолжала отдаваться своему горю, оплакивая своего ребенка и еще болѣе уединяясь отъ родственниковъ и общества. Она какъ бы нарочно старалась не замѣчать невѣрности супруга и ничѣмъ не проявлять неудовольствія на отношенія государя къ красивой полькѣ». Елизавета Алексѣевна придерживалась чрезвычайно пассивной роли и, во что бы то ни стало, держалась въ сторонѣ.

Ея здоровье чрезвычайно ослабѣло и требовало леченія, поэтому лѣтомъ 1810 г. она поѣхала на морскія купанья въ небольшое мѣстечко Плэнь, недалеко отъ Митавы, гдѣ и пробыла около мѣсяца съ своей маленькой свитой. Она провела это время спокойно и благополучно, какъ бы на свободѣ, что надолго сохранилось въ ея памяти. Послѣдствіемъ этого путешествія было замѣчательное письмо ректора деритскаго университета Паррота, который находился въ откровенной перепискѣ съ Александромъ Павловичемъ. Въ этомъ письмѣ онъ вздумалъ читать государю мораль насчетъ его отношеній къ женѣ, которая, по его мнѣнію, обладала большимъ умомъ, вѣрнымъ взглядомъ на жизнь и была бы прекрасной регентшей во время отъѣзда въ армию императора по случаю всеми ожидаемыхъ военныхъ дѣйствій. «Это, — увѣрялъ онъ, — уничтожить много интригъ и разсѣять тучи, которыя заволокли небосклонъ между вами обоими. Поручите мнѣ написать манифестъ: я сумѣю заставить русскія сердца заговорить. Во время недавняго путешествія императрицы я сблизился съ нею и въ Дерптѣ убѣдился, что она сумѣетъ повліять на всѣхъ. Потомъ я ее еще увидѣлъ въ Петербургѣ и вполне пришелъ къ убѣжденію, что ея сердце дѣйствуетъ заодно съ умомъ. До сихъ поръ вы не пользовались ни тѣмъ ни другимъ. Теперь настало время это сдѣлать: васъ къ тому побудитъ и личный интересъ и обязанность монарха; ваше же сердце поведетъ васъ къ этому». Затѣмъ Парротъ очень назойливо прибавляетъ: «Вотъ уже шесть лѣтъ вы не стоите на прежней нравственной высотѣ: недостойные приближенные какъ въ частной, такъ и въ дѣловой жизни приносятъ вамъ большой вредъ. Я надѣюсь, что вы сдѣлаетесь снова моимъ кумиромъ. Главное же, что вы вернетесь къ достойной семейной жизни, отъ которой вы удалились и предались легкомысленному существованію, а возлѣ васъ есть ангель-хранитель, который способенъ васъ воскресить. Не ослѣпите себя страстью, которая покорила васъ не сердцемъ, а искусственнымъ, презрѣннымъ ухищреніемъ, откажитесь отъ всякихъ другихъ страстей, которыя ваше сердце должно отвергать и общественное мнѣніе не одобряетъ, а возвратитесь къ личности, единственно достойной вашей привязанности». Мало-по-малу эта излишняя откровенность писемъ Паррота надоѣла императору, и въ 1812 г. послѣдовалъ разрывъ между нимъ и Александромъ.

Во время великихъ событій 1812 г. Елизавета не переставала нравственно поддерживать своего мужа и выказывала во всемъ замѣчательный подъемъ духа. Въ письмахъ къ матери она открыто признавала битву подъ Бородинымъ русской побѣдой и даже увѣряла, что Наполеонъ самъ находилъ это и, пробѣгая по рядамъ французской арміи, кричалъ, какъ бѣшенный: «Французы, битва проиграна, а я никогда не терпѣлъ пораженія; неужели вы потерпите поражение». Даже, по ея словамъ, Наполеонъ на другой день въ приказѣ по арміи заявилъ, что она покрыла себя позоромъ. Н. П. Гречъ, котораго авторъ называетъ «ядовитымъ хроникеромъ начала XIX столѣтія», признаетъ, что въ эту эпоху только двѣ женщины были на высотѣ Александра, именно: Елизавета Алексѣевна и великая княгиня Екатерина Павловна. По его же словамъ, послѣ взятія французами Москвы многіе при дворѣ, въ томъ числѣ императрица Марія Федоровна, великій князь Константинъ Павловичъ, Аракчеевъ и Румянцовъ, требовали заключенія мира, и только Елизавета Алексѣ

евна и Екатерина Павловна раздѣляли убѣжденіе Александра, что слѣдуетъ продолжать борьбу до послѣдней капли крови. Пока Александръ направился въ армию, Елизавета оставалась въ Петербургѣ и старалась всѣми силами организовать новое патриотическое общество съ цѣлью облегчить страданія жертвъ войны. Въ этомъ ей особенно помогали Уваровъ и Лонгиновъ, а также правитель дѣлъ А. И. Тургеневъ. Къ этому времени относится и часть воспоминаній фрейлины Стурдзы, по словамъ которой, «благородство чувствъ императрицы, возвышенность ея идей, склонность къ добродѣтели дѣлали ее кумиромъ толпы, но не могли вернуть ей мужа». По словамъ Стурдзы, между супругами вѣчно было третье лицо—сестра императрицы, принцесса Амалия, салонъ которой былъ постояннымъ средоточіемъ городскихъ сплетенъ и оказывалъ вредное вліяніе на внутреннюю жизнь императрицы.

Когда кончилась Отечественная война, то всѣ понимавшіе истинные русскіе интересы, въ томъ числѣ Кутузовъ и Румянцовъ, желали заключить выгодный миръ. Но Александръ, находившійся подъ вліяніемъ иностранцевъ, хотѣлъ освободить всю Европу отъ гнета Бонапарта. Елизавета Алексѣевна, хотя и понимала своимъ проницательнымъ умомъ, что правы были приверженцы мира, но изъ желанія, чтобы ея мужъ заслужилъ славу освободителя Европы и чтобы ея германская родина возвысилась, поддерживала мысль императора объ общей войнѣ. Весь 1813 г. и начало 1814 г. до послѣднихъ дней декабря императрица оставалась одна въ Петербургѣ въ то время, какъ императоръ боролся со своимъ заклятымъ врагомъ. Наконецъ онъ согласился на ея поѣздку къ матери. Это событіе совершилось въ началѣ 1814 г. Ея сопровождала небольшая свита, и 23 января она прибыла въ Брукзаль къ своей родительницѣ. Объ ея пребываніи на своей родинѣ въ 1814—1815 гг. оставили свои записки сопровождавшіе ее адмиралъ Шишковъ и придворная дама маркиграфини, фонъ-Фрейштедтъ. Здѣсь, конечно, не мѣсто подробно приводить отрывки изъ нихъ. Часть 1815 г. императрица провела въ Вѣнѣ, по настоянію Александра Павловича, желавшаго, чтобы она присутствовала на торжествахъ Вѣнскаго конгресса. Потомъ она снова вернулась къ своей матери и только въ ноябрѣ пріѣхала въ Россію. Къ этому времени Александръ совершенно измѣнился, и въ немъ произошелъ полный переворотъ, благодаря дружбѣ со знаменитой Юліей Крюденеръ. По словамъ автора, Елизавета съ безпокойствомъ слѣдила за перемѣной душевнаго состоянія императора и сама впала въ крайнее уныніе, даже размышляя о разводѣ и смерти. Только ея матери удалось облегчить Елизавету отъ припадковъ меланхолии, и съ тѣхъ поръ до самой своей смерти она взяла своимъ девизомъ полную покорность завѣтамъ Провидѣнія и глубокую вѣру въ лучшее будущее. Осень и зиму 1817 г. императрица провела въ Москвѣ, и это пребываніе произвело на нее самое пріятное впечатлѣніе: она даже принимала участіе въ великолѣпномъ балѣ-маскарадѣ, данномъ въ ея честь. Она сама была замаскирована въ бѣлое домино съ кашпономъ на головѣ и чрезвычайно весело провела время, интригуя мужчинъ.

Этимъ годомъ оканчивается вторая часть любопытнаго жизнеописанія императрицы Елизаветы.

В. Т.

K. Waliszewski. Les origines de la Russie moderne. Le berceau d'une dynastie. Les premiers Romanov 1613—1682. Paris. 1909. Pp. 595. Prix 7 fr. 50 c.

Восьмой вѣкъ русской исторіи, ознаменовавшійся перемѣной династіи и крушеніемъ старыхъ удѣльно-вѣчевыхъ понятій, представляетъ особый интересъ по живучести возникшихъ въ немъ явленій. Почти два съ половиною вѣка отдѣляютъ насъ отъ первыхъ царей новой династіи, а между тѣмъ въ бурномъ потокѣ времени рядомъ съ нами несутся обломки давно минувшей, современной или русской жизни. «Уложеніе царя Алексѣя Михайловича» давно стало намятникомъ стараго юридическаго быта, но немало статей его можно найти и въ современномъ X томѣ свода законовъ, которымъ регулируются наши гражданскія правоотношенія. Расколъ, возникшій въ XVII вѣкѣ, составляетъ и теперь крупнѣйшее явленіе нашей церковной жизни, а борьба двухъ вліяній—византійскаго и западнаго—борьба старины и новизны, такъ разгорѣвшаяся въ это время, продолжаетъ и нынѣ раскалывать и наши мысли и чувства. Не даромъ извѣстный историкъ В. О. Ключевскій замѣчаетъ, что чѣмъ больше изучаешь явленія этого періода, тѣмъ больше чувствуешь, что входишь въ область автобіографіи.

Но, несмотря на все желаніе познать самого себя, русскій читатель чувствуетъ себя въ этомъ случаѣ въ большомъ затрудненіи: кромѣ прекраснаго курса русской исторіи профессора Ключевскаго, у него нѣтъ подходящихъ пособій, нѣтъ на русскомъ языкѣ монографій, которыя, подобно книгѣ Валишевскаго, полно охватывали бы эпоху и умѣли бы интересно представить ее читателю.

Г. Валишевскій давно уже пользуется репутацией талантливаго историка, посвятившаго свое перо изображенію русской жизни. Настоящій томъ уже восьмой его трудъ по русской исторіи, которая начата имъ съ Ивана Грознаго и доведена пока до смерти Екатерины.

Г. Валишевскій пишетъ исключительно по-французски и издаетъ свои труды въ Парижѣ у извѣстнаго книгопродавца Плона. Такимъ образомъ, онъ работаетъ на всемірный рынокъ, и это обстоятельство, несомнѣнно, должно вліять на конструкцію его работъ. Автору приходится имѣть дѣло и съ такими читателями, для которыхъ его книга можетъ явиться своего рода открытіемъ Колумба. Онъ не можетъ поэтому углубляться въ подробности, какъ бы важны онѣ ни были, но обязанъ представить общій, хотя и обстоятельный обзоръ событій русской жизни за тотъ или другой ея историческій періодъ. II г. Валишевскій дѣлаетъ это мастерски. Онъ прекрасно знакомъ съ русской и заграничной исторической литературой, относящейся къ его темѣ, знаетъ не только отдѣльно вышедшіе труды, но и мелкія журнальныя статьи, помѣщенные силовъ и рядомъ въ какомъ-нибудь малозвѣстномъ или основательно забытомъ журналѣ, давно исчезнушемъ изъ обихода. Приложенный въ концѣ его книги библиографическій перечень книгъ и статей по русской исторіи XVII вѣка отличается исчерпывающей полнотой и положительно необходимо для каждаго, кто этимъ вѣкомъ занимается.

Прекрасно знакомъ авторъ и съ содержаніемъ этихъ работъ, включая сюда и всѣ новѣйшія. Поэтому его книга, не будучи самостоятельнымъ изслѣдованіемъ, является отличной сводкой всего печатнаго матеріала и держится вполне на уровнѣ современной исторической науки. Если прибавить сюда изящный и легкій стиль автора, его умѣнье остановиться на наиболее интересныхъ моментахъ, то станетъ понятно, что его трудъ смѣло можно рекомендовать, какъ прекрасную книгу для чтенія по русской исторіи время двухъ первыхъ царей изъ династіи Романовыхъ. Она распадается на три части: въ первой излагается исторія образованія новаго государства, вторая посвящена національному возсоединенію, т. е. исторіи малороссійскаго вопроса при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, наконецъ третья имѣетъ цѣлью представить читателю культурно-историческую картину русской жизни XVII вѣка. Приложенная къ книгѣ карта и указатель облегчаютъ читателю усвоеніе прочитаннаго и наведеніе нужныхъ справокъ.

А. Б.

Вѣстникъ археологіи и исторіи, издаваемый императорскимъ археологическимъ институтомъ. Выпускъ XVIII. Спб. 1909. Стр. XX+85+228.

Ровно три года приготавлился къ печати с.-петербургскимъ археологическимъ институтомъ XVIII выпускъ вышеназваннаго «Вѣстника археологіи и исторіи», при цѣломъ сонмѣ профессоровъ и преподавателей и при тысячномъ, если не болѣе, составѣ его членовъ и слушателей самыхъ разнообразныхъ кастъ и формаций. Но ни продолжительность времени составленія, ни многочисленность предполагаемыхъ составителей не помогли этому новому произведенію института стать не только выше, но даже въ уровень съ своимъ предшественникомъ — XVII выпускомъ. Половину его главнаго содержанія составляетъ продолженіе тѣхъ матеріаловъ, которые начаты печатаніемъ въ XVII выпускѣ (разумѣю: «Царскіе иконописцы въ XVII вѣкѣ» А. П. Успенскаго и «Писцовую книгу Великаго Новгорода 1583—1584 гг.» П. Л. Гусева). Новыми же матеріалами являются «Матеріалы для исторіи храмовъ Россіи (Царскія жалованія церквамъ въ XVII вѣкѣ)», сообщенные Владиміромъ Клейномъ, и «Жалованная грамота на помѣстья, данныя Кондратію Осиповичу Скобельдину въ Новгородскомъ уѣздѣ, 1688 года 5 февраля», сообщенная А. А. Лебедевымъ. Нельзя не указать здѣсь по поводу первыхъ матеріаловъ на то, что ни г. Клейнъ, ни редакция «Вѣстника» не сочли необходимымъ предпослать имъ хоть какое-либо предисловіе, свидѣтельствующее о знакомствѣ съ ними издателя. Впрочемъ, вѣтъ никакого предисловія и къ болѣе цѣннымъ матеріаламъ: «Царскимъ иконописцамъ въ XVII вѣкѣ», хотя отъ директора московскаго археологическаго института, А. П. Успенскаго, скорѣе всего можно было бы ожидать ихъ.

Въ этомъ состоитъ и весь отдѣлъ историческихъ «матеріаловъ» разсматриваемаго нами выпускъ «Вѣстника археологіи и исторіи». Что же касается другаго отдѣла — изслѣдованій и статей, — то здѣсь, по обычаю, «предваряютъ

содержаніе отдѣла шаблонные «отчеты» о состояніи института за 1905—1906 г.г. и 1906—1907 г.г., а вслѣдъ за ними помѣщена статейка г-жи М. А. Труновой — «Партизанъ-поэтъ Д. В. Давыдовъ и его архивъ». Въ ней новая архивистка пожелала ознакомить публику съ содержаніемъ архива извѣстнаго Д. В. Давыдова и отчасти съ его біографіей. Последняя, конечно, является совершенно излишней; да и самый разборъ архива, потребовавшій продолжительнаго и кропотливаго труда, далъ ничтожнѣйшіе результаты. Знать, что данныя этого архива публиковались при жизни самого Давыдова въ различныхъ журналахъ, что они, несомнѣнно, должны были войти въ его «сочиненія», которыя дважды издавались: въ 1860 и 1895 г.г., и, несмотря на это, приступить къ завѣдомо тщетному труду, — надо имѣть очень много охоты къ ковырянію старыхъ бумагъ, охоты, которая, очевидно, при другомъ направленіи дала бы гораздо больше пользы.

Далѣе слѣдуютъ: рѣчь, произнесенная Н. В. Покровскимъ въ январѣ 1908 г. по поводу тридцатилѣтней годовщины императорскаго археологическаго института, и его же отчетъ о губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссіяхъ. Въ послѣднемъ онъ пытается сдѣлать общій обзоръ дѣятельности комиссій за все время ихъ существованія, но, конечно, достигнуть чего-либо подобнаго очень трудно, такъ какъ главный матеріалъ для оцѣнки дѣятельности комиссій сокрытъ въ мало кому вѣдомыхъ ихъ «трудахъ» и «извѣстіяхъ». За все время ихъ существованія въ печати было не болѣе трехъ-четыреохъ попытокъ охарактеризовать дѣятельность комиссій въ области разработки мѣстной исторіи и археологій (двѣ изъ нихъ — въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1899 и 1901 г.). На третьемъ областномъ историко-археологическомъ съѣздѣ во Владимирѣ былъ возбужденъ вопросъ и состоялось даже постановленіе съѣзда о составленіи общаго систематическаго указателя къ «трудамъ» и «извѣстіямъ» всѣхъ архивныхъ комиссій, послѣ предварительнаго представленія каждой комиссіей своего указателя, но пока откликнулась только одна таврическая комиссія, или, вѣрнѣе, ея неутомимый правитель А. И. Маркевичъ. А между тѣмъ одинъ только подобный указатель, на основаніи котораго, безспорно, можно было бы составить понятіе о господствующемъ направленіи научныхъ занятій членовъ комиссій, далъ бы полезный и важный матеріалъ при нынѣшнемъ обсужденіи вопроса объ архивныхъ комиссіяхъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и министерствѣ финансовъ, которыя не имѣютъ никакихъ данныхъ для сужденія о научной дѣятельности безкорыстныхъ провинціальныхъ тружениковъ, а равно и въ государственной думѣ, гдѣ, впрочемъ, могутъ еще найтись среди депутатовъ и члены комиссій.

Остается сказать еще о статьѣ И. А. Шлякина «Возрасты человѣческой жизни», послужившей предметомъ чтенія на какомъ-то актѣ. Статья эта хотя и потребовала отъ составителя массу кропотливаго труда, но въ научномъ отношеніи составляетъ едва ли не излишнюю роскошь и во всякомъ случаѣ легла на бюджетъ института дорого стоящимъ бременемъ, изъ-за множества приложенныхъ къ ней рисунковъ.

Въ заключеніе не могу не задаться уже не разъ поднимаемымъ мною вопросомъ: гдѣ же въ этомъ періодическомъ органѣ — «Вѣстникъ археологій и

исторіи»—хотя бы намекъ на историко-археологическую библиографію? Неужели при такомъ составѣ института нельзя давать въ «Вѣстникѣ» болѣе или менѣе общихъ библиографическихъ обзоровъ хотя бы по нѣкоторымъ отдѣламъ названныхъ наукъ? Вѣдь раньше же, при покойныхъ директорахъ Н. В. Калачевъ и И. Е. Андреевскомъ и съ очень малой группой ихъ сотрудниковъ,— это было возможно!..

В. Р.—въ.

Финляндскій вопросъ. Къ столѣтію присоединенія Финляндіи къ Россіи. А. П. Липранди (А. Волюнецъ). Спб. 1909.

А. П. Липранди (А. Волюнецъ), довольно извѣстный авторъ многихъ небольшихъ трудовъ, касающихся нашихъ окраинъ и нѣкоторыхъ славянскихъ земель, издалъ, къ столѣтію присоединенія Финляндіи къ Россіи, живо и съ большимъ патріотическимъ подъемомъ написанную брошюру, въ которой въ немногихъ словахъ излагаетъ всю сущность такъ называемаго финляндскаго вопроса, обратившаго на себя особенное вниманіе и общества и правительства въ послѣдніе годы. Брошюра, безспорно, полезная. Всѣмъ русскимъ людямъ необходимо знать правду о русско-финляндскихъ отношеніяхъ и понять финляндскій вопросъ такъ, какъ онъ является въ дѣйствительности. Но не всякій русскій человекъ имѣетъ достаточно времени и возможности, чтобы знакомиться съ такими обширными и цѣнными трудами по этому вопросу, каковы трудъ г. Ордина «Покореніе Финляндіи» и въ особенности обширныя изслѣдованія г. М. М. Бородкина «Исторія Финляндіи» — время императора Александра I, а также Александра II и «Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи», и т. д. Для такихъ читателей полезною явится упомянутая брошюра г. Липранди, въ которой сообщаются обстоятельныя свѣдѣнія о томъ, что была Финляндія сто лѣтъ тому назадъ и что она представляетъ собою въ настоящее время, о такъ называемомъ финляндскомъ сепаратистскомъ ученіи, объ отношеніи финляндцевъ къ нашей государственной думѣ, въ которой Финляндія своего представительства не имѣетъ и имѣть такового не желаетъ, считая себя не частью Россіи, а какимъ-то особымъ финляндскимъ государствомъ. Едва ли надо упоминать, что г. Липранди опровергаетъ это ложное мнѣніе, придерживаясь воззрѣній покойнаго профессора Н. М. Коркунова, который находилъ, что въ финляндскомъ вопросѣ главная суть вовсе не въ существованіи мѣстной автономіи, т. е. не въ томъ, что въ Финляндіи есть сеймъ, а въ томъ, что ученіе финляндскихъ публицистовъ о личной уніи Финляндіи съ Россіею приводитъ къ отчужденію отъ Россійской имперіи одной изъ ея областей, завоеванной оружіемъ и навсегда присоединенной къ имперіи. Авторъ при этомъ касается вопроса объ образованіи великаго княжества Финляндскаго, въ составъ котораго, «по несчастной мысли тогдашняго г. Витге — Сперанскаго (стр. 28) — вошли не только новоприсоединенныя финляндскія области, но и древне-русская Выборгская губернія, ничего общаго съ западной Финляндіей тогда не имѣвшая». Не останавливаясь на томъ, правильно ли сравненіе г. Витге съ Сперанскимъ и необходимо ли было такое дѣлать, не можемъ не замѣтить, что едва ли правильно приписывать Сперан-

скому, на котораго теперь все валятъ, мысль объ отторженіи Выборгской губерніи отъ имперіи.

По изслѣдованію г. Бородкина (см. «Исторія Финляндіи—время Александра I», 1909, глава X, стр. 351—396), оказывается, что самая мысль о соединеніи Выборгской губерніи съ остальной Финляндіей зародилась еще въ средѣ аньяльскихъ заговорщиковъ при Густавѣ III, но осуществленіе ея на дѣлѣ принадлежитъ извѣстному Г. М. Армфельту, составившему немало записокъ для Александра I по этому предмету. Вопросъ о соединеніи старой и новой Финляндіи разсматривался въ 1811 году два раза въ государственномъ совѣтѣ, и соединеніе Финляндіи состоялось, хотя, по словамъ того же Армфельта, всѣ, кромѣ царя, были противъ этого (стр. 366). Мысли объ объединеніи всѣхъ финскихъ земель, пріобрѣтенныхъ Россією тремя завоеваніями, очень сочувствовали самъ императоръ Александръ I, конечно, не подозревая, что это объединеніе можетъ когда-либо привести къ тому обособленію отъ имперіи завоеванныхъ ею земель, къ какому пришли по прошествіи ста лѣтъ путемъ различныхъ уступокъ, недосмотровъ и ошибокъ съ нашей стороны. Г. Липранди какъ бы усматриваетъ конецъ въ этомъ систематическомъ обособленіи и фактическомъ отдѣленіи Финляндіи отъ Россіи, этотъ конецъ, по его мнѣнію, положилъ новый законъ 20 мая 1908 года, установившій, что всѣ безъ исключенія финляндскія дѣла, восходящія на высочайшее благоусмотрѣніе и санкцію, препровождаются финляндскимъ генераль-губернаторомъ для разсмотрѣнія и обсужденія въ общеимперскій совѣтъ министровъ, который и опредѣляетъ, какія изъ этихъ дѣлъ затрагиваютъ интересы имперіи и какія имѣютъ только одно мѣстное значеніе. Всѣ дѣла, затрагивающія, по мнѣнію совѣта министровъ, интересы имперіи, докладываются государю министромъ-статсъ-секретаремъ финляндскимъ не иначе, какъ совмѣстно съ предѣдателемъ совѣта министровъ или подлежащимъ министромъ (русскимъ). Такимъ же порядкомъ докладываются и дѣла мѣстнаго значенія, въ случаѣ возраженій со стороны совѣта министровъ. Дѣйствительно, по этому закону 20 мая 1908 года ни одно финляндское дѣло не можетъ быть доложено государю безъ заключенія совѣта министровъ. Но опытъ показываетъ, что не всегда законы въ точности исполняются и въ отношеніи Финляндіи есть немало высочайшихъ повелѣній, которыя никогда исполняемы не были. Съ другой стороны, самый вопросъ, имѣетъ ли данный законъ только мѣстное значеніе, или онъ уже затрагиваетъ интересы имперіи, можетъ въ каждомъ данномъ случаѣ быть разрѣшаемъ весьма различно и если почему-либо онъ будетъ разрѣшенъ отрицательно, то, очевидно, и законъ 20 мая примѣненъ на дѣлѣ не будетъ. Необходимо заранѣе установить, какіе законы въ Финляндіи относятся къ рубрикѣ общегосударственныхъ законовъ и какіе являются чисто мѣстными, другими словами—необходимо въ отношеніи финляндскаго законодательства предпринять то же самое, что въ настоящее время (см. «Новое Время» 25 марта сего года, № 11866) предпринято въ отношеніи общегосударственныхъ законовъ имперіи. Въ отношеніи сихъ послѣднихъ предположено созвать смѣшанную комиссію изъ равнаго числа русскихъ и финляндскихъ членовъ для разсмотрѣнія вопросовъ, какіе законы (русскіе) относятся къ

рубрикѣ касающихся Финляндіи общегосударственныхъ законовъ и какой порядоку слѣдуетъ принять для ихъ разсмотрѣнія. Вотъ этой самой комиссіи всего лучше поручить разсмотрѣть также, какіе законы, издаваемые въ Финляндіи при содѣйствіи сейма¹⁾, относятся или могутъ относиться къ числу касающихся интересовъ имперіи и какимъ порядкомъ слѣдуетъ ихъ разсматривать. Такого рода законы, конечно, могутъ отстранить недоумѣнія и столкновенія, но ихъ однихъ недостаточно для успѣшнаго управленія какою-либо окраиною. Для сего послѣдняго необходимо, чтобы правительство, кромѣ законовъ и войска, имѣло поддержку въ самомъ населеніи; чтобы оно имѣло, такъ сказать, свою партію, на которую могло бы опереться во всякое время. А это, повидимому, какъ разъ и отсутствуетъ въ Финляндіи. Сопоставленіе программъ различныхъ партій въ Финляндіи (а ихъ не мало, какъ это видно изъ любопытной книги «Программы финляндскихъ партій», о которой было уже говорено на страницахъ «Историческаго Вѣстника») приводитъ къ заключенію, что всѣ онѣ стремятся къ обособленію отъ Россійской державы и ни одна изъ нихъ не намѣревается сочувствовать и содѣйствовать стремленію русскаго правительства къ возможному большому единенію съ нашею имперіею небольшою окраиною, постепенно завоеванною кровью и трудами нашихъ предковъ.

П. Майковъ.

Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. Томъ V, выпускъ I. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Подъ редакціей и съ примѣчаніями П. Н. Шеффера. Спб. 1909. Стр. IX+168. Цѣна 1 р.

Ровно десять лѣтъ тому назадъ графъ С. Д. Шереметевъ приступилъ къ изданію «Остафьевскаго архива князей Вяземскихъ». Редакторъ этого изданія, В. П. Ситовъ, задавшійся слишкомъ широкими цѣлями для своихъ примѣчаній къ тексту, изъ которыхъ инья возросли до цѣлыхъ біографій и изслѣдованій, успѣлъ за цѣлое десятилѣтіе выпустить въ свѣтъ только четыре тома. Нынѣ же издатель рѣшилъ ускорить выпускъ столь цѣннаго матеріала, какой находится въ Остафьевскомъ архивѣ, и съ этою цѣлію приступилъ къ изданію его отдѣльными выпусками, «которые будутъ выходить по возможности ежегодно», пригласивъ въ качествѣ редактора П. Н. Шеффера. Новый редакторъ обязанъ давать, какъ и слѣдовало бы съ самаго начала, лишь необходимыя примѣчанія и библиографическія замѣтки, для уясненія текста. Конечно, только при такихъ условіяхъ новая русская литература и можетъ болѣе или менѣе своевременно обогатиться важнѣйшими для нея матеріалами изъ Остафьевскаго архива.

¹⁾ Считаю необходимымъ пояснить нашу мысль. Въ государственной думѣ можетъ быть разсматриваемъ законъ общегосударственный и вмѣстѣ съ тѣмъ касающійся Финляндіи. Точно также и въ финляндскій сеймъ можетъ быть внесенъ законъ, хотя прямо относящійся до Финляндіи, но тѣмъ не менѣе касающійся интересовъ всей имперіи? Какимъ порядкомъ должны разсматриваться и утверждаться законы послѣдняго рода? Это надо опредѣлить съ точностью.

П. М.

Настоящій первый выпускъ пятого тома «Архива», изданнаго на новыхъ основаніяхъ, заключаетъ въ себѣ: 1) письмо князя Петра Андреевича Вяземскаго къ своей невѣстѣ княжнѣ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ Гагариной, 1811 г.; 2) шестьдесятъ одно письмо его же къ женѣ, отъ 1812, 1824 и 1825 годовъ (въ нихъ, конечно, преобладаютъ чисто біографическія данныя, но немало сообщеній историко-литературнаго характера о представителяхъ тогдашняго великосвѣтскаго общества, о нѣкоторыхъ государственныхъ и общественныхъ явленіяхъ, и проч.); 3) два письма князя П. А. Вяземскаго къ Д. Н. Блудову (1816 и 1818 гг.); и 4) три письма къ князю П. А. Вяземскому отъ К. Н. Батюшкова (1811 г.), М. Н. Загоскина (1837 г.) и священника М. Г. Пиняева (1811 г.).

Въ началѣ текста писемъ помѣщены два портрета — князя П. А. Вяземскаго и княжны В. Ѳ. Гагариной.

Примѣчанія редактора отличаются точностью и, несмотря на свою сравнительную краткость, достаточны для уясненія текста. Одно развѣ можно замѣтить, это то, чтобы редакторъ «Указателя» не ограничивался только цифрами страницъ примѣчаній, а прибавлялъ бы къ нимъ и цифры текста писемъ; затѣмъ, конечно, не лишне избѣгать и указаній такихъ страницъ, на которыхъ не имѣется названнаго имени, напр., Лодомирскіе на стр. 121 и 124, тѣмъ болѣе, что и вообще отыскивать на цѣлой страницѣ извѣстное слово, не отмѣченное, вопреки общепринятому обычаю, ни цифрою, ни знакомъ, довольно затруднительно для читателя. Наконецъ, мнѣ кажется, что редакторъ напрасно разумѣетъ подъ Вадковской, упоминаемой на стр. 84, именно Екатерину Ѳедоровну, вышедшую замужъ за Кривцова; здѣсь скорѣе надо видѣть ея сестру «гиганта», бывшую замужемъ за Безобразовымъ.

В. Р.—въ.

**В. Е. Рудаковъ. Полтавская битва. Двухсотлѣтняя ея годовщина 1709—27 іюня—1909. Съ рисунками. Спб. 1909. стр. 59
Ц. 20 к.**

Брошюру г. Рудакова можно привѣтствовать отъ всего сердца — она доступна широкимъ массамъ и по своей цѣнѣ, и по своему содержанію, исчерпывающему вопросъ о знаменитой побѣдѣ нашего гениальнаго преобразователя надъ сѣвернымъ врагомъ полностью, всесторонне и вполне научно. Авторъ сумѣлъ соединить въ небольшомъ очеркѣ всѣ эти достоинства изслѣдованія и тѣмъ самымъ внесъ въ нынѣ разросшуюся литературу предмета цѣнную крупницу, которая, несомнѣнно, дастъ благіе плоды. Специалисты, военные ученые, конечно, не найдутъ себѣ здѣсь чего-нибудь новаго, но масса, для которой собственно и предназначена работа г. Рудакова, почерпнетъ отсюда назидательное чтеніе, которое позволитъ ей по заслугамъ оцѣнить важнѣйшій моментъ въ новой политической исторіи Россіи и героя этого момента — Петра Великаго. Не впадая въ ложно-патріотическій пафосъ, не загромождая своего повѣствованія ненужными подробностями и не стремясь во что бы то ни стало показать свою ученость, г. Рудаковъ создалъ дѣйстви-

«Истор. вѣстн.», іюль, 1909 г., т. сѣвн.

20

тельно полезную и вполне народную брошюру, гдѣ правдивость, литературность и простота изложенія идутъ объ руку съ образцами, почерпнутыми изъ нашей народной и письменной литературы, объ руку съ разъяснительными примѣчаніями и гдѣ рецензенту вполне становится яснымъ, сколько потрачено авторомъ критическаго труда для установленія безспорно фактической стороны дѣла. Ясность повѣствованія, напримѣръ, достигнута настолько, что читатель при знакомствѣ съ расположеніемъ и движеніемъ войсковыхъ частей вовсе даже не чувствуетъ надобности въ особой картѣ и планѣ: топографія и всѣ моменты знаменитаго боя наглядно выступаютъ сами собою. Въ брошюрѣ текстъ раздѣленъ на пять главъ: 1) Сѣверная война до 1709 г. 2) Осада Полтавы. 3) Полтавскій бой. — Побѣдныя торжества. — Окончаніе Сѣверной войны. 4) Отраженіе Полтавской побѣды въ поэзіи художественной и народной и въ искусствѣ. 5) Памятникъ Полтавской битвы. Изъ этихъ главъ именно четвертая представляетъ собою новинку въ нашей литературѣ предмета и заслуживаетъ особаго вниманія. Вообще, какъ въ интересахъ воспитательныхъ, такъ и ученыхъ брошюру г. Рудакова можно въ особенности рекомендовать въ ученическія и народныя бібліотеки, для которыхъ, главнымъ образомъ, повидимому, она и издана.

В. Г.

Н. Н. Фирсовъ. Пугачевщина. Опытъ соціолого-психологической характеристики. Спб. 1909. Стр. 185. Ц. 1 руб.

Чѣмъ дальше отходимъ мы отъ «славнаго» вѣка Екатерины, чѣмъ внимательнѣе присматривается къ нему историческая наука, тѣмъ мрачнѣе и фальшивѣе представляется это тяжелое для русскаго народа время. Получивъ корону изъ рукъ гвардейской дворянской молодежи, случайная императрица волей-неволей должна была царствовать въ сословно-дворянскомъ духѣ и, не смѣя облегчить участь народа, пассивно терпѣла гнѣздившуюся въ немъ болѣзнь — крѣпостное право. Читая въ тогдашнихъ газетахъ о громкихъ побѣдахъ «великой» императрицы, о платьѣ, подаренномъ ею своему фавориту Орлову и стоившемъ милліонъ рублей народныхъ денегъ, о безумныхъ затѣяхъ Потемкина, на которыя Россія истратила колоссальныя по тому времени деньги, мы на заднихъ страницахъ «Вѣдомостей» неизмѣнно встрѣчаемъ однообразныя объявленія: «продается лѣтъ тридцати дѣвка и гнѣдая лошадь», «продаются синие въ яблокахъ мерины и мужъ съ женой» и т. д. Окончательно завладѣвъ «крещеною собственностью» и не сдерживаемые болѣе закономъ, помѣщики въ худшихъ своихъ представителяхъ быстро выродились въ мелкихъ, но жестокихъ тирановъ. Стоитъ раскрыть капитальное изслѣдованіе Семевакаго о положеніи крестьянъ въ XVIII в. (откуда г. Фирсовъ и черпаетъ свои свѣдѣнія), и передъ читателемъ потянется цѣлый рядъ разныхъ Эттингеровъ, Шеншиныхъ, Солтычихъ и другихъ мегеръ, обращавшихся съ крѣпостными съ отталкивающей жестокостью. Даже Болотовъ, одинъ изъ образованныхъ помѣщиковъ-писателей, не стыдится изобрѣтать особенную систему порки своихъ крѣпостныхъ, въ нѣсколько приемовъ, чтобы не забить человѣка сразу до смерти. Крестьяне пробовали было обра-

щаться за защитой къ государственнымъ властямъ, но сенатъ нашель, что они не имѣютъ права жаловаться на своихъ помѣщиковъ. Ноющее горе народное было загнано внутрь и вносило въ психику народную тупое безнадежное отчаяніе. Народъ массами бѣжалъ въ Польшу, въ прибалтійскія губерніи, но иногда переходилъ и къ активному протесту, звѣрски расправляясь съ своими мучителями. Въ началѣ царствованія Екатерины въ теченіе пяти лѣтъ было убито крестьянами до 30 помѣщиковъ. Народная ненависть продолжала сгущаться и нашла себѣ выходъ въ созданіи самозванца, принявшаго имя Петра III.

По общепринятому мнѣнію, злополучный супругъ Екатерины представляется ничтожной и вредной для Россіи личностью. Мнѣніе это основывается главнымъ образомъ на мемуарахъ самой Екатерины и извѣстной княгини Дашковой—свидѣтелей, очевидно, далеко не безпристрастныхъ, и въ интересахъ большаго выясненія истины историкамъ не мѣшало бы подвергнуть эти записки обстоятельной критической провѣркѣ. Какимъ бы ни представлялся намъ Петръ Федоровичъ, за нимъ въ активѣ значатся двѣ мѣры, снискавшія ему искреннюю народную любовь. Онъ первый рѣшился оградить крестьянъ отъ помѣщиковъ, онъ же первый ослабилъ и угнетеніе раскольниковъ. Популярность Петра Федоровича сыграла огромную роль въ пугачевщинѣ, обезпечивъ на первыхъ порахъ успѣхъ самозванному императору. Въ книгѣ г. Өирсова подробно прослѣженъ весь ходъ этой русской крестьянской войны и даны яркія картины раздиравшей Россію разрушительной соціальной ненависти. Сначала съ ужасающимъ звѣрствомъ вѣшалъ помѣщиковъ Пугачевъ, затѣмъ съ не менѣе отталкивающей жестокостью расправлялся посланный Екатериною Панинъ, приказавшій вѣшать по одному изъ каждаго 300 крестьянъ, причѣмъ тѣла казненныхъ велѣно было разложить по всѣмъ дорогамъ. И это почти въ то самое время, когда не успѣли еще заглухнуть толки о затѣянной Екатериной «комиссіи», этомъ «фарсѣ депутатовъ», какъ выразился Пушкинъ, которой поручалось ввести въ русское уголовное право гуманные взгляды Беккариа!

Небольшая, но содержательная работа профессора Өирсова можетъ служить хорошимъ пособіемъ для ознакомленія съ изнанкой блестящаго съ виду царствованія Екатерины.

А. М.

Ив. Щегловъ. Подвижникъ слова. Новые матеріалы о Н. В. Гоголѣ. Спб. 1909 г. Стр. 178. Цѣна 1 р.

Книга г. Щеглова имѣетъ подзаголовокъ: «Новые матеріалы о Гоголѣ». Въ предисловіи авторъ говоритъ, что его книга представляетъ «замѣтки и изысканія, скопившіяся въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ». «Миѣ думается, — замѣчаетъ г. Щегловъ: — что настоящая маленькая книга, не взирая на излишнія, быть можетъ, сжатость и беллетристичность изложенія, — намѣренно скрадывающія сложность подготовительной работы, — все же достаточно «научно» освѣщаетъ коренныя причины великой трагедіи великаго страдальца земля русской». Такимъ образомъ, авторъ высоко оцѣниваетъ свою книгу: онъ претендуетъ на научность и новизну. Но на самомъ дѣлѣ

20*

книга не является тѣмъ, чѣмъ ее считаетъ авторъ, и не имѣетъ того значенія, которое онъ ей придастъ.

Новы и цѣнны изъ всей довольно объемистой книги г. Щеглова лишь страницы, посвященныя характеристикѣ о. Матвѣя, сыгравшаго столь значительную и печальную роль въ жизни Гоголя. Г. Щегловъ даетъ цѣнный матеріалъ, и личность о. Матвѣя выступаетъ въ довольно опредѣленныхъ очертаніяхъ.

Кромѣ страницъ, посвященныхъ о. Матвѣю, ничего особенно цѣннаго нѣтъ въ книгѣ г. Щеглова, остальное—новаго не даетъ, представляетъ поверхностныя, хотя и живо написанныя и согрѣтые искренней любовью къ Гоголю фельетоны, и почему они названы авторомъ «изысканіями», понять трудно. Гдѣ видитъ «новое» авторъ, напримѣръ, въ типичныхъ фельетонныхъ отчетахъ о Гоголевскихъ дняхъ въ Москвѣ въ 1902 г., о Гоголевской выставкѣ, въ поверхностномъ обзорѣ Гоголевской юбилейной литературы, въ статьѣ — «Три дня въ Калугѣ», что занимаетъ значительную часть книги. Много не только не является «новымъ о Гоголѣ», но имѣетъ самую отдаленную связь съ Гоголемъ, а иногда и никакой связи не имѣетъ. Такъ, въ большой статьѣ «Три дня въ Калугѣ» мы прочтемъ о калужскомъ книгопродавцѣ Антипинѣ, о Пушкинѣ, о калужскомъ музеѣ и нѣкомъ экзекуторѣ губернскаго правленія А. И. Мартыновичѣ-Лашевскомъ, о Лаврентьевскомъ монастырѣ, о томъ, что тамъ «живетъ лѣтомъ калужскій архіерей и хоронятся богатые калужане», о Ю. А. Нелединскомъ, о томъ, что г. Щегловъ въ Крестовомъ монастырѣ «не нашелъ ничего особенно замѣчательнаго, если не считать простого монаха, который оказался восторженнымъ поклонникомъ покойныхъ философовъ Владимира Соловьева и Константина Леонтьева», что городской театръ въ Калугѣ—«неказистое деревянное строеніе», что «городской соборъ не примѣчателенъ» и «утромъ имѣетъ видъ стараго громоздкаго комода, сверху котораго поставлена копилка для мѣдныхъ денегъ», узнаемъ мы много о калужскомъ тѣстѣ, наконецъ, что «количество мужей «подъ башмакомъ» въ Калугѣ превышаетъ таковое же процентное отношеніе въ другихъ провинціальныхъ городахъ», —однимъ словомъ, въ этой статьѣ г. Щеглова мы прочтемъ и узнаемъ о чемъ угодно, только не о Гоголѣ. Много не относящагося къ нему мы найдемъ и въ другихъ статьяхъ.

Что касается утвержденія автора, что его книга—«достаточно «научно» освѣщаетъ коренныя причины великой трагедіи великаго страдальца земли русской», то это нужно назвать неоправданными претензіями: никакой «научности» въ статьяхъ г. Щеглова нѣтъ, и можно только удивляться претензіямъ автора, аргументація котораго слишкомъ поверхностна и ничего общаго съ научной аргументаціей не имѣетъ.

Такимъ образомъ, книга за исключеніемъ страницъ, посвященныхъ о. Матвѣю, вовсе не имѣетъ того значенія, которое угодно было придать ей автору: она—живые, литературно написанныя, проникнутые горячей любовью къ Гоголю фельетоны—и только, на почетное мѣсто въ Гоголевской литературѣ книга претендовать не можетъ, не внося сколько-нибудь значительнаго вклада въ дѣло изученія жизни и творчества нашего гениальнаго писателя.

А. Фомянъ.

**Вопросы теории и психологии творчества под редакцией
Б. А. Лезина. Томъ II. Вып. 1. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.**

Всѣ, имѣвшіе счастье слушать лекціи академика А. Н. Веселовскаго въ петербургскомъ университетѣ, знаютъ, какими онъ обладалъ обширными свѣдѣніями по литературѣ всѣхъ странъ и народовъ и какія оригинальныя теории онъ развивалъ на основаніи собраннаго имъ повсемѣстно матеріала. По курсовъ своихъ онъ не издавалъ, а его академическія изслѣдованія испещрены текстами на всевозможныхъ языкахъ и доступны только ученымъ спеціалистамъ. Поэтому нельзя не признать удачной мысль дать въ популярномъ изложеніи важнѣйшія теории покойнаго А. Н. Веселовскаго, которою задались его ученики. Руководствуясь исторической поэтикой учителя, г. Тиандеръ написалъ интересную статью о синкретизмѣ и дифференціаціи поэтическихъ видовъ. Ученые много спорили о происхожденіи различныхъ видовъ поэзіи, то выводили эпосъ и драму изъ лирики, то прослѣживали переходъ отъ эпоса къ драмѣ при посредничествѣ лирическаго момента. Эпосъ, говорили, потому явился раньше лирики, что послѣдняя предполагаетъ извѣстное развитіе личности. Сперва человекъ подавленъ впечатлѣніями вѣшняго міра и ихъ-то онъ и воспроизводитъ объективно, т. е. этически. Когда же пробуждается его самосознаніе, когда крѣпнетъ его самочувствіе, то создается и новая поэзіи, поэзіи субъективная — лирика. На третьей стадіи субъектъ уже начинаетъ критически относиться къ окружающей его средѣ, и появляется драма. Этнографическая школа, создателемъ которой можно назвать А. Н. Веселовскаго, отвергла всѣ эти построенія. Началомъ всей поэзіи были народныя игры, со- вмѣщавшія пѣніе, пляску и мимическое изображеніе, т. е. зачатки эпоса, лирики и драмы. Изъ этого смѣшаннаго состоянія выдѣлились постепенно отдѣльные виды поэзіи.

Безвременно умершій молодой ученый Ѳ. В. Карташовъ прослѣдилъ развитіе лирики. Въ живомъ очеркѣ онъ показалъ, какъ простое безыскусственное творчество первобытнаго племени, обусловливаемое самыми примитивными психологическими и физиологическими потребностями, развилось настолько, что выдѣлило изъ себя не только отдѣльные роды и виды поэзіи, но индивидуальнаго, полнаго самосознанія поэта, сознательно работающаго надъ собой и своимъ творчествомъ. Ученикъ приходитъ къ унаслѣдованному отъ учителя выводу, что въ современныхъ формахъ поэзіи есть вѣчто законо- мѣрное, выработанное общественно-психологическимъ процессомъ, что поэзіи слова не опредѣлить отвлеченнымъ понятіемъ красоты и она вѣчно творится въ очередномъ сочетаніи этихъ формъ съ закономѣрно измѣняющимися общественными идеалами и что мы всѣ участвуемъ въ этомъ процессѣ.

Очень желательно, чтобы преподаватели среднеучебныхъ заведеній пользовались на своихъ урокахъ «Вопросами теории и психологии творчества» и обновляли достаточно устарѣлые учебники.

П. В.

Ю. В. Португаловъ. Къ психологiи русскихъ литературныхъ теченiй эпохи 1860—1890 годовъ. Оренбургъ. 1908. Цѣна 1 р.

Книга эта представляетъ лекціи, прочитанныя г. Португаловымъ на историко-филологическомъ отдѣленіи оренбургскихъ высшихъ курсовъ А. О. Киселева. «Авторъ не имѣлъ въ виду, — говорится въ предисловіи, — дать полную и всеисчерпывающую картину психологiи указанныхъ десятилѣтій, а лишь намѣревался въ краткой и общедоступной формѣ изложить основныя идеи и отмѣтить главныя стремленія и переживанія каждой эпохи». Содержаніе книги вполне соотвѣтствуетъ этимъ словамъ, и такимъ образомъ оно шире заглавія: трудъ г. Португалова характеризуетъ не только литературныя теченія, а уместенныя въ широкомъ смыслѣ слова, обрисовываетъ вообще психологію и идеологію различныхъ эпохъ въ исторіи нашего общества; книга — краткая исторія русской общественной мысли, нашихъ общественныхъ теченій эпохи 60—90 годовъ.

Когда читаешь первыя страницы книги, то поражаешься обширными знаніями автора: онъ знаетъ и философію, и экономическія науки, и социологію, уже не говоря объ исторіи литературы, безъ всякаго для себя труда вскрываетъ ошибки такихъ лицъ, какъ Герценъ, Чернышевскій. Съ каждой прочитанной страницей это впечатлѣніе разсѣивается, и обнаруживается съ несомнѣнной ясностью, что вся мудрость, за небольшимъ исключеніемъ, взята авторомъ напрокатъ у другихъ: онъ просто-напросто изложилъ своими словами наиболѣе существенное изъ книгъ главнымъ образомъ г. Иванова-Разумника — «Исторія русской общественной мысли», затѣмъ г. Андреевича-Соловьева — «Опытъ философіи русской литературы» и г. Овсяннико-Куликовского «Исторія русской интеллигенціи», прибавивъ элементарныя свѣдѣнія изъ философіи, социологiи и экономическихъ наукъ изъ другихъ трудовъ.

Благодаря тому, что книга составлена по хорошимъ источникамъ, она даетъ вѣрную картину эволюціи нашихъ умственныхъ теченій, правильно оцѣниваетъ сильныя и слабыя стороны каждаго теченія.

Но, несмотря на это, трудъ г. Португалова не можетъ оказать услуги ни такъ называемой широкой публикѣ, ни образованному читателю. Невольно возникаетъ вопросъ: зачѣмъ написана книга? Если бы авторъ, взявши источникомъ серьезныя и недоступныя пониманію широкой публики изслѣдованія, въ родѣ книгъ г. Иванова-Разумника, въ популярной формѣ изложилъ уместенныя теченія, психологію и настроенія русскаго общества въ эпоху 60—90-хъ годовъ, то тогда книга г. Португалова имѣла бы смыслъ. Такія цѣли, судя по предисловію, и имѣлъ авторъ, но осуществить ихъ ему абсолютно не удалось: его книга далеко не популярна и усвоеніе ея для широкой публики не менѣе трудно, чѣмъ усвоеніе тѣхъ изслѣдованій, на основаніи которыхъ составлена книга, напримѣръ, г. Иванова-Разумника. Такимъ образомъ, для широкой публики книга г. Португалова неподходяща, значенія же для образованнаго читателя она тоже не имѣетъ. Какой смыслъ этому читателю знакомиться съ переложеніемъ книгъ гг. Иванова-Разумника, Андреевича-Соловьева, Овсяннико-Куликовского, когда читатель гораздо больше вы-

несетъ изъ непосредственнаго чтенія этихъ книгъ, не быть знакомыми съ которыми не можетъ образованный человѣкъ. Трудъ г. Португалова—лекціи, читанныя на высшихъ курсахъ. Какой смыслъ, спросимъ мы, такихъ лекцій, которыя представляютъ лишь переложенія книгъ, съ которыми необходимо слушателямъ познакомиться непосредственно? Слушаніе такихъ лекцій—непроизводительная трата времени.

А. Фомищъ.

Н. А. Римскій-Корсаковъ. «Лѣтопись моей музыкальной жизни» (1844—1906). Подъ редакціей Н. Н. Римской-Корсаковой. С.-Петербургъ. 1909. стр. 362+X. Цѣна 2 р.

Таково заглавіе книги, вышедшей въ свѣтъ черезъ полгода послѣ кончины композитора (8 іюня 1908 г.). Книга произвела большую сенсацію въ музыкальномъ мірѣ какъ потому, что авторъ довольно подробно излагаетъ въ ней свою автобіографію, въ которой онъ «откровенно и строго судитъ о себѣ», такъ и потому, что онъ также «откровенно и строго» произноситъ свои приговоры относительно другихъ, современныхъ ему, музыкальныхъ дѣятелей; этого, конечно, не могли ожидать, и тутъ кроется причина той сенсаціи, о которой мы упомянули. Заключительныя слова автора, а именно: «...зато въ ней («Лѣтописи») одна лишь правда (курсивъ автора), и это составитъ ея интересъ»,—какъ бы подчеркиваютъ цѣль составленія этой книги, излагающей «одну лишь правду», которая въ данномъ случаѣ, однако, «хуже всякой лжи». Перейдемъ къ фактамъ.

Несмотря на то, что книга озаглавлена лѣтописью «музыкальной» жизни, композиторъ удѣляетъ въ ней очень много мѣста не только своей біографіи, но и свѣдѣніямъ о родственникахъ и своихъ дѣтяхъ, не имѣющимъ отношенія къ музыкѣ. Въ ней, однако, важна та «правда», которую онъ рассказываетъ о себѣ и главнымъ образомъ о другихъ. Вотъ что онъ сообщаетъ, на примѣръ, о своей профессурѣ въ консерваторіи. «Балакиревъ, одинъ, въ сущности, понимавшій мою неподготовленность, тоже настаивалъ на моемъ положительномъ отвѣтѣ, главнымъ образомъ имѣя въ виду провести своего во враждебную ему консерваторію...» «Если бы я хотя капельку поучился, для меня было бы ясно, что я не могу и не имѣю права взяться за предложенное мнѣ дѣло, что пойти въ профессора было бы съ моей стороны и глупо, и недобросовѣстно, но я былъ диллетантъ, я ничего не зналъ. Въ этомъ сознаюсь откровенно и свидѣтельствую объ этомъ предъ всѣми. Я былъ молодъ и самонадѣянъ, самонадѣянность мою поощряли, и я пошелъ въ консерваторію». Взявшись руководить консерваторскими учениками, пришлось притворяться, что все, молъ, что слѣдуетъ, знаешь. Приходилось отдѣлываться общими замѣчаніями, въ чемъ помогала личный вкусъ, способность къ формѣ, пониманіе оркестроваго колорита, а самому хватать на лету свѣдѣнія отъ учениковъ. Въ оркестровомъ классѣ пришлось призвать на помощь возможное самообладаніе. Мнѣ помогало то, что никто изъ учениковъ моихъ на первыхъ порахъ не могъ

себѣ представить, чтобы я ничего не зналъ, а къ тому времени, когда они могли начать меня раскусывать, я уже кое-чему понаучился».

Не менѣе откровенно рассказываетъ намъ «лѣтописецъ» о томъ, какъ онъ сталъ одно время музыкальнымъ критикомъ. Дѣло въ томъ, что послѣ «Нижегородцевъ» г. Направника должна была итти подъ управленіемъ этого капельмейстера опера г. Кюи «Ратклифъ» и послѣднему, бранившему безъ разбора все, что не относилось къ его кружку, было неудобно писать о «Нижегородцахъ», которые естественно нужно было разругать, и вотъ «Кюи нашелъ выходъ изъ этого положенія,—сообщаетъ Римскій - Корсаковъ въ своей «Лѣтописи»,—обратившись ко мнѣ съ настоятельной просьбой написать статью о «Нижегородцахъ». По наивности душевной я взялся за это: для милаго дружка и сержка изъ ушка. Я написалъ желаемую статью», которая «была порицательнаго смысла, а по стилю и приѣмамъ напоминала самого Кюи. Тутъ были и «мендельсоновская закваска», и «мѣщанскія мысли» и т. п. характеристики. Статья оказалась полнымъ панегирикомъ произведенію и его автору,—панегирикомъ отъ чистаго сердца, но отъ невеликаго критическаго ума».

Такихъ «правдъ» въ той части книги, въ которой онъ говоритъ о себѣ, довольно много; но мы ограничимся приведеннымъ и перейдемъ къ тѣмъ мнѣніямъ его о другихъ дѣятеляхъ, которыя онъ также называетъ «правдой» въ то время, когда ихъ хотѣлось бы или вовсе не встрѣчать, или называть «недоразумѣніемъ», такъ какъ рѣдко о комъ онъ говоритъ доброе слово, и это относится одинаково, какъ къ тѣмъ, которыхъ онъ почему-либо считалъ относящимися ко «враждебному ему лагерю» (такового въ сущности не существовало), такъ и къ тѣмъ, которые были его друзьями и единомышленниками. Особенно изумительно послѣднее.

Напр., объ А. Г. Рубинштейнѣ авторъ «Лѣтописи» не говоритъ ни одного слова, точно этого великаго дѣятеля и не существовало, или же онъ о немъ не зналъ ничего; въ одномъ только мѣстѣ говорится, что «похороны его были торжественны». О всей композиторской дѣятельности Чайковскаго онъ говоритъ какъ-то вскользь, мимолетно; его Римскій - Корсаковъ рекомендуетъ, какъ симпатичнаго человѣка, который «въ компаніи умѣлъ пить больше всѣхъ» (и это почти все о Чайковскомъ!). О Фаминцынѣ находимъ слѣдующія строчки: «Кромѣ бородинской симфоніи, исполнялись также... увертюра и антракты къ шиллеровскому «Вильгельму Теллю» А. С. Фаминцына, профессора исторіи музыки въ петербургской консерваторіи, бездарнаго композитора и довольно начитаннаго, но консервативнаго и тупого музыкальнаго рецензента». А вотъ и нѣчто въ родѣ «некролога» послѣ смерти извѣстнаго музыкальнаго писателя Лароша: «Влачившій жалкое существованіе, когда-то знаменитый у насъ музыкальный критикъ, а въ сущности копія съ Ганслика (извѣстный вѣнскій музыкальный критикъ),—Ларошъ скончался... Симпатіи, выражавшіяся ему членами бѣляевскаго кружка, мнѣ непонятны. Многіе были съ нимъ на ты, забывая все прошлое (т. е. недетские отзывы). Дѣятельность его состояла изъ кривляній, лжи и парадоксовъ».

Не дружелюбнѣе и миѣние его о г. Направникѣ, хотя оно высказано въ болѣе мягкой формѣ (неумудрено: г. Направникъ рецензій не писалъ). Разска-

зывая о томъ, насколько его «Снѣгурочка» была лучше поставлена въ Москвѣ, при капельмейстерѣ г. Альтани, онъ продолжаетъ: «Въ Петербургѣ же, при опытномъ и отличномъ оркестрѣ, при дирижерѣ, пользующимся (пользующемся?) величайшимъ авторитетомъ у публики и музыкантовъ, она шла сухо и мертво, съ казенно-скоренькими темпами, при отвратительныхъ купюрахъ. Я просто возненавидѣлъ Петербургъ съ его «великимъ мастеровымъ», какъ называетъ В. Стасовъ Направника». Кстати, вотъ «правда» (т. е. мнѣніе) о другомъ нашемъ капельмейстерѣ, г. Крушевскомъ: «Онъ совсѣмъ не художникъ... для него музыка—ремесло, за которое платятъ деньги, но не поэтическое искусство... У него нѣтъ направленія, нѣтъ идеаловъ. Онъ не знаетъ музыкальной литературы, ни русской, ни иностранной, не знаетъ поэтому и традицій».

Умеръ Аренскій, и нашъ лѣтописецъ почтилъ его память: «По выходѣ изъ капеллы Аренскій очутился въ завидномъ положеніи: числясь какимъ-то чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ двора, онъ получалъ до 6,000 руб. пенсін, будучи вполнѣ свободнымъ для занятій сочиненіемъ. Работалъ по композиціи онъ много, но тутъ-то и началось особенно усиленное прожиганіе жизни. Кутежи, игра въ карты; разстроенное такую жизнью здоровье, въ концѣ концовъ скоротечная чахотка, умираііе въ Ниццѣ и наконецъ смерть въ Финляндіи... Какъ композиторъ, онъ держался въ сторонѣ, особнякомъ, напоминая собою въ этомъ отношеніи Чайковскаго, по характеру таланта и композиторскому вкусу онъ ближе всего подходилъ къ А. Г. Рубинштейну, но силою сочинительскаго таланта уступалъ послѣднему, хотя въ инструментовкѣ, какъ сынъ болѣе новаго времени (былъ ученикомъ Римскаго-Корсакова), превосходилъ А. Г.... Забытъ онъ будетъ скоро»...

А вотъ что мы находимъ о тѣхъ, съ которыми онъ былъ очень друженъ и которымъ онъ даже обязанъ былъ своей славой отчасти. Такія фразы, какъ: «Стасовъ шумѣлъ и гудѣлъ», «Стасовъ восторгался и гудѣлъ во всю», попадаются очень часто въ книгѣ; въ одномъ мѣстѣ онъ указываетъ, что Стасовъ печатно солгалъ, расхваливъ квартетъ г. Лядова, который никогда не былъ написанъ (и это печаталось въ «Вѣстникѣ Европы»), а въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ слѣдующее: «В. В. Стасовъ былъ непремѣннымъ членомъ всѣхъ собраний: безъ него чего-то не хватало (какъ характерно это «чего-то!»). По всегдашнему обыкновенію своему, онъ какъ будто не слушалъ играемаго, безъ умолку и всегда громко разговаривая съ сосѣдомъ, что не мѣшало ему сильно восхищаться и восклицать отъ времени до времени: «Прекрасно-съ! Безподобно-съ» и т. п.». А между тѣмъ, сколько хвалебныхъ диарамбовъ написалъ Стасовъ объ авторѣ «Лѣтониси»? Могъ ли онъ рассчитывать на подобное отношеніе со стороны своего «Корсиньки»?

Но особенно жестоко достается г. Балакиреву, о которомъ онъ очень много говоритъ и которому онъ многимъ обязанъ, особенно въ началѣ своей композиторской карьеры. О г. Балакиревѣ такъ много написано, что не знаешь, на чемъ остановиться. Возьмемъ для образца хотя бы слѣдующіе отрывки (о немъ Римскій-Корсаковъ повѣствуетъ какъ о человѣкѣ, композиторѣ, критикѣ, педагогѣ и пр.). «При своемъ деспотическомъ характерѣ Балакиревъ требовалъ,

чтобы данное сочиненіе передѣлывалось точь-въ-точь такъ, какъ онъ указывалъ, и часто цѣлые куски въ чужихъ сочиненіяхъ принадлежать ему, а не настоящимъ авторамъ»... Сочиненіе никогда не разсматривалось, какъ цѣлое, въ эстетическомъ значеніи; новыя сочиненія игрались имъ въ отрывкахъ: прежде конецъ, потомъ начало»... «Живость письма и плодовитость отнюдь не одобрялись»... «Не надо подготовки; надо прямо сочинять, творить и учиться на своемъ творчествѣ». (Объ этомъ методѣ преподаванія (?) Стасовъ писалъ, что Балакиревъ проходилъ со своими учениками «словно университетскій курсъ музыкальной анатоміи»)... «Балакиревъ,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ нашъ лѣтописецъ,—дѣлалъ то, что могъ и умѣлъ, а если не понималъ, какъ надо вести дѣло, то тому причиной тѣ темныя для музыки времена (у насъ на Руси) и его полурусская, полутатарская, нервная, ветерпѣливая, легко возбуждающаяся и быстро устающая натура, его самородный блестящій талантъ, не встрѣтившій къ развитію своему ни въ чемъ препятствій и чисто-русскія самообольщеніе и лѣнь».

Не лучшей отзывъ даетъ Римскій-Корсаковъ о своемъ другѣ Мусоргскомъ, для котораго онъ много сдѣлалъ, оркестровалъ почти всѣ его произведенія: «Все это (называетъ сочиненія Мусоргскаго) было въ крайнѣ (крайне?) несовершенномъ видѣ; встрѣчались нелѣпыя, безсвязныя гармоніи, безобразное голосоведеніе, иногда поразительно нелогичная модуляція, иногда удручающее отсутствіе ея, неудачная инструментовка оркестровыхъ вещей, въ общемъ какой-то дерзкій, сомнящій диллетантизмъ, порою моменты технической ловкости и умѣлости, а чаще полной немощи». Говоря о причинахъ «нравственнаго и умственнаго паденія» этого композитора, авторъ книги продолжаетъ: «Съ одной стороны, восхищеніе В. Стасова яркими вспышками творчества и импровизаціями Мусоргскаго поднимало его самомиѣніе; съ другой стороны, поклоненіе людей, стоявшихъ несравненно ниже автора, но составлявшихъ пріятельскую компанію собутыльниковъ, не различая дѣйствительнаго проблеска его отъ удачно выкинутой штуки, все-таки нравилось и раздражало его тщеславіе»... Для новыхъ его пріятелей «проконьячиться» было ни по чемъ, его же нервной до болѣзненности натурѣ это было сущимъ ядомъ».

Впрочемъ—довольно. И все же книга имѣетъ громадную цѣнность: она раскрываетъ много лжи, писавшейся Стасовымъ, Кюи и другими съ непремѣнной цѣлью возвышать «своихъ» и унижать «не своихъ»; то, о чемъ прежде говорилось предположительно, стало теперь, благодаря «правдѣ» Римскаго-Корсакова, неопровержимымъ фактомъ; этой книгой положенъ конецъ новой лжи—и въ этомъ ея великая заслуга. И когда подумаешь, что статьи Стасова и книга г. Кюи «La musique en Russie» послужили единственнымъ почти источникомъ для парижскихъ панегиристовъ, то обидно становится за русскую музыку. Но предъ исторіей тайнъ не существуетъ, и книга Римскаго-Корсакова откроетъ глаза всѣмъ безпристрастнымъ изслѣдователямъ...

В. Васкинъ.

Е. Реформатская. Люди мысли и правды. Очерки изъ прошлого русскаго общества. Для самообразования. Москва. 1909. Цѣна 35 коп.

Прекрасное, отрадное явленіе книжка г-жи Реформатской. Она поставила себѣ весьма симпатичную задачу — изложить въ самой популярной формѣ, примѣнительно къ пониманію народа и самыхъ широкихъ круговъ читателей, мысли, жизнь и дѣятельность наиболѣе замѣчательныхъ представителей русскаго общества сороковыхъ годовъ. Съ цѣлью популяризаціи у насъ написано немало книгъ по литературѣ, многіе ставили задачей вносить знанія по литературѣ въ широкую массу, но, къ сожалѣнію, очень немногія попытки удались. Прекраснымъ и отраднымъ явленіемъ мы назвали книгу г-жи Реформатской потому, что она замѣчательно удачно выполнила свою задачу. Вотъ именно такія-то книги нужны народу и широкимъ слоямъ общества. Авторъ хорошо знаетъ ту область, которой посвящена книга, свои знанія г-жѣ Реформатской удалось изложить въ удивительно популярной, живой формѣ, въ результатѣ чего книга даетъ совершенно правильное, ясное представленіе объ историческихъ условіяхъ эпохи, о мысляхъ, жизни и дѣятельности замѣчательныхъ дѣятелей того времени—Вѣлинскаго, Станкевича, Герцена, Грановскаго, К. Аксакова и друг. Хорошо уловлена психологія людей сороковыхъ годовъ, прекрасно очерчены душевные облики каждаго въ отдельности. Особенно цѣнна книга вотъ въ какомъ отношеніи. Глубоко проникнутая гуманными, свѣтлыми идеями, благоговѣйной любовью къ тѣмъ, о комъ говоритъ, г-жа Реформатская съ большимъ мастерствомъ передаетъ эти чувства и читателю, не принимая дидактическаго тона, внушаетъ читателю любовь къ свѣтлomu, возвышенному. Такимъ образомъ, не только знанія вынесетъ читатель изъ книжки, но она возбудитъ въ немъ добрыя, высокія чувства, желаніе жить высокими идеями, любовь и уваженіе къ лучшимъ людямъ Россіи.

Вотъ всѣ эти достоинства книги и заставляютъ привѣтствовать трудъ г-жи Реформатской, пожелать, чтобы эта умная, хорошая, дешевая книжка распространилась какъ можно шире, чтобы авторъ продолжалъ свою дѣятельность на избранномъ поприщѣ съ такою же любовью, нашелъ бы для этой работы силъ и энергіи.

А. Ф.

Курсъ семейнаго права. Заслуженнаго ординарнаго профессора А. И. Загоровскаго. Изданіе второе, съ измѣненіями и дополненіями. Одесса. 1909 г. Стр. 564. Ц. 4 р.

Имя профессора А. И. Загоровскаго хорошо извѣстно юридическому міру. За г. Загоровскимъ числится цѣлый рядъ крупныхъ научныхъ заслугъ въ области русскаго гражданскаго права. Выпущенный въ настоящемъ году курсъ семейнаго права представляетъ собою обширный трудъ, охватывающій предметъ съ догматической и исторической точки зрѣнія вкратцѣ, но почти съ исчерпывающей полнотой. Почтенный ученый пользуется какъ отечествен-

нымъ, такъ и иностраннымъ законодательнымъ матеріаломъ, стремясь выяснитъ возникновеніе отдѣльныхъ гражданско-правовыхъ институтовъ въ исторіи. Въ этомъ отношеніи для историка очень любопытны страницы, посвященныя прошлому заключенія и расторженія брака. Не довольствуясь изложеніемъ прошлаго и настоящаго, г. Загоровскій касается вопросовъ будущаго. Такимъ образомъ онъ говоритъ не только «de lege lata», но и «de lege ferenda». Здѣсь онъ на основаніи историческихъ и бытовыхъ данныхъ высказываетъ любопытныя соображенія о трудности введенія въ Россіи формы чисто гражданского нотаріальнаго брака. Знаменательно, что даже въ протестантскихъ странахъ, несмотря на введеніе факультативности заключенія брачнаго договора передъ гражданскимъ чиновникомъ, церковное вѣнчаніе привлекаетъ къ себѣ старыя симпатіи. Такъ, въ Ольденбургѣ съ брачною реформой на 6.000 супружествъ только 28 приходилось облеченныхъ въ гражданскую форму; въ баварскомъ Рейнскомъ Пфальцѣ при 300.000 жителей за пять лѣтъ лишь 16 протестантскихъ браковъ, заключенныхъ гражданскимъ порядкомъ. обстоятельно исторически разработаны далѣе имущественныя отношенія супруговъ, съ указаніемъ колебавшейся русской практики. Полвы отдѣлы, посвященные згучему вопросу о вѣнчанныхъ дѣтяхъ. Особое вниманіе автора къ этому предмету объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ названной области почтенный ученый много работалъ специально, при чемъ его книга «О вѣнчанныхъ дѣтяхъ по закону 3 іюня 1902 года въ связи съ постановленіями о нихъ западно-европейскихъ законодательствъ» пользуется широкой извѣстностью. Нужно надѣяться, что настоящій трудъ г. Загоровскаго встрѣтитъ справедливую оцѣнку и признаніе у специальной юридической критики.

В. Г.

**Н. Карѣевъ. Исторія Западной Европы въ новое время. Томъ VI.
Часть I. (1867—1880). Спб. 1909. Ц. 2 р. 50 к.**

Обширный трудъ профессора петербургскаго университета Н. И. Карѣева, посвященный новой и новѣйшей исторіи Западной Европы, близится къ концу. Начатый въ 1892 г., т. е. семнадцать лѣтъ тому назадъ, и прерванный на пятомъ томѣ случайными обстоятельствами въ теченіе почти десяти лѣтъ, онъ возобновился въ нынѣшнемъ году выходомъ въ свѣтъ первой части VI тома, за которою въ концѣ года слѣдуетъ вторая часть, и весь трудъ, доведенный до нашихъ дней, будетъ, такимъ образомъ, благополучно завершенъ.

Объ обширности труда свидѣтельствуетъ громаднй объемъ выпущенныхъ шести томовъ, изъ которыхъ нѣкоторые распадутся на двѣ части, такъ что въ общемъ получается собственно не шесть, а десять томовъ (по 22—56 листовъ), и цѣна ихъ составитъ приблизительно 22 рубля. Но обширность труда обезпечиваетъ богатство собраннаго фактическаго матеріала только въ условномъ смыслѣ. Надо имѣть еще увѣренность, что трудъ не загроможденъ лишними или второстепенными фактами, а эта увѣренность, съ своей стороны, обусловливается основною точкою зрѣнія автора. Уяснить ее себѣ значить въ

то же время рѣшить вопросъ о томъ, что читатель собственно найдетъ въ книгѣ, и насколько она ему можетъ быть полезна.

Авторъ называетъ извѣстное изслѣдованіе Тэна о «Происхожденіи современной Франціи» — «большимъ политическимъ памфлетомъ». «Не будь коммуны и вообще событій 1870—1871 годовъ, — говоритъ онъ: — Тэнъ, по всей вѣроятности, не взялся бы за несвойственную всѣмъ его вкусамъ политическую тему, а если бы и взялся, то написалъ бы не такую книгу» (стр. 160 и 161). Слѣдовательно, авторъ допускаетъ, что солидный историкъ можетъ, подчиняясь политическимъ вѣяніямъ минуты, написать памфлетъ вмѣсто научнаго труда. О себѣ самомъ авторъ говоритъ: «Изучая для V тома исторію среднихъ десятилѣтій XIX вѣка, когда произошло вообще обостреніе классовыхъ интересовъ и, такъ сказать, обнажился экономическій базисъ соціальной структуры, и когда сама жизнь, такъ сказать, приводила къ идеологіи экономического матеріализма, я долженъ былъ читать сочиненія и самого Маркса, и такихъ марксистовъ, какъ Мерингъ или Блоссъ», и это привело автора къ «углубленію и расширенію его историческаго міросозерцанія» (стр. VIII). Выходитъ, что если бы авторъ не прочелъ Маркса, Меринга и Блосса, то его міросозерцаніе было бы менѣе глубокимъ и широкимъ. Всѣмъ, однако, извѣстно что «классовые интересы» очень часто обострялись, а «экономическій базисъ соціальной структуры» обнажался на всемъ протяженіи міровой исторіи, слѣдовательно самостоятельный историкъ не можетъ съ ними не считаться, совершенно независимо отъ того, существовалъ ли на свѣтѣ Марксъ, тѣмъ болѣе, что этотъ экономистъ въ вопросахъ о «классовой борьбѣ» пѣлъ только съ чужого голоса, имѣя такого, напримѣръ, предшественника, какъ знаменитый Лоренцъ-фонъ-Штейнъ, да и Фридрихъ Великій еще говаривалъ, что основа всей цивилизаціи — голодъ (*Alle Kultur geht vom Mangel aus*), а Наполеонъ I, съ своей стороны, заявлялъ, что стѣ голода происходятъ и революціи (*C'est le ventre qui fait les révolutions*).

Получается странность, на которую нельзя не указать, потому что трудъ почтеннаго автора страдаетъ, вслѣдствіе этого, нѣкоторою односторонностью. Авторъ очень подробно останавливается, напримѣръ, въ сферѣ литературныхъ явленій на писателяхъ, имѣющихъ второстепенное значеніе для народной жизни, и почти совсѣмъ игнорируетъ міровыхъ свѣтилъ, влияніе которыхъ на умы было громаднo. Лассали, Марксы, Бакунины его сильно занимаютъ; о Шиллерѣ, Гётѣ онъ упоминаетъ лишь вскользь. Между тѣмъ, вся грамотная Германія постоянно читаетъ Шиллера и Гётѣ и усваиваетъ себѣ ихъ политическіе и соціальные взгляды, Лассаль же и Марксъ остались громаднымъ большинствомъ нѣмцевъ не прочитанными. Авторъ посвящаетъ обширныя изслѣдованія интернаціоналу, анархизму, парижской коммунѣ, успѣхамъ социализма, а все литературное движеніе Европы имъ или вовсе не затрогивается, или разсматривается лишь мелькомъ. Политика и политическія событія занимаютъ въ его трудѣ центральное мѣсто, а культурные успѣхи народовъ его мало интересуютъ. Мы подробно знакомимся со всѣми невыгодными сторонами милитаризма, но о такомъ крупномъ и чисто-демократическомъ явленіи, какъ введеніе общей воинской повинности со всѣми его важными послѣд-

ствіями, узнаемъ очень мало. Словомъ, упрекъ, дѣлаемый авторомъ Тэну, можетъ быть поставленъ и г. Карѣеву: если бы Марксъ и экономическій материализмъ не сыграли такой видной роли въ русской журналистикѣ конца прошлаго вѣка, то авторъ «написалъ бы не такую книгу», какъ его «Исторія Западной Европы». Но читателей, не ищущихъ самостоятельнаго освѣщенія историческихъ событій, а довольствующихся освѣщеніемъ ихъ съ точки зрѣнія трафареточнаго либерализма, книга вполне удовлетворитъ, а по собранному въ ней историческому матеріалу она можетъ принести всѣмъ пользу, особенно, если авторъ снабдитъ послѣдній полумъ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ. Безъ такого указателя наведеніе справокъ сильно затруднено вслѣдствіе обширности книги и разбросанности матеріаловъ. Р. О.

**Турецкій сборникъ. Подъ редакціей І. М. Бикермана. Спб.
1909 г. Ц. 1 р. 25 к.**

Событія послѣдняго времени обратили вниманіе публики на Ближній Востокъ, разыгравшаяся въ Константинополѣ революція, контръ-революція и побѣда младотурокъ оказались для насъ полнѣйшею неожиданностью. Съ цѣлью выяснитъ эти событія изданъ «Турецкій сборникъ», и дѣйствительно статьи Водовозова, Шахтактинскаго и Чингиза знакомятъ читателя съ государственнымъ устройствомъ, администраціей, экономическимъ положеніемъ и школами Турціи. Но обширная статья самого редактора, занимающая почти четверть книги, заключаетъ въ себѣ очень мало историческаго матеріала и говоритъ не столько о возрожденіи Востока, какъ то обѣщаетъ заглавіе, сколько прославляетъ революцію вообще. По мнѣнію автора, «революція не только великій факторъ въ жизни народовъ, но и выдающійся фактъ, она богата не только послѣдствіями, но и содержаніемъ, равномерно вялый въ будни исторіи процессъ обмѣна веществъ въ общественномъ организмѣ смѣняется, какъ только часъ революціи пробьетъ, буйнымъ порывомъ къ разрушенію и созданію во всѣхъ областяхъ человѣческой жизни». Вѣрно только то, что революція фактъ хотя выдающійся, но печальный, что содержаніе ея вполне отрицательно, что это порывъ къ разрушенію, и созиданіе является только въ эпоху, слѣдующую за революціей. Теперь, когда мы переживали тяжелые дни, трудно восторгаться вмѣстѣ съ г. Бикерманомъ революціоннымъ опытомъ. «Людямъ, не склоннымъ вѣрить въ чудеса, — пишетъ онъ, — забастовка, какъ и союзное движеніе интеллигенціи и дѣятельность совѣта рабочихъ депутатовъ, показала, что современная жизнь представляетъ чрезвычайно благоприятныя условія для самопроизвольно-зарождающихся массовыхъ организацій, способныхъ въ теченіе нѣкотораго времени развитъ большую силу и оказывать большое противодѣйствіе. Вооруженное возстаніе въ Москвѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, выборы въ первую думу и результатъ ихъ, жизнь думы и смерть ея, все это было полно захватывающаго интереса, безконечно богато содержаніемъ, будило мысль и обогащало человѣчество опытомъ».

Собственно о восточномъ вопросѣ г. Викерманъ наговорилъ много странныхъ и ни съ чѣмъ не сообразныхъ вещей. Онъ увѣряетъ, что европейскія владѣнія потеряли для султана всякую цѣну. «Пока Малая Азія,—говоритъ авторъ,—и сопредѣльныя съ ней страны на Востокѣ составляли задворокъ культурнаго міра, до тѣхъ поръ югъ Балканскаго полуострова имѣлъ для Турціи особо важное значеніе, онъ былъ важенъ для нея не столько какъ выходъ изъ Европы, сколько какъ входъ въ нее, не какъ берегъ моря, а какъ порогъ благороднѣйшаго изъ материковъ. Обладаніе этимъ берегомъ опредѣляло міровое положеніе ея. При нынѣшней картинѣ міра міровое положеніе Турціи, т. е. ея значеніе въ мірѣ, опредѣляется тѣмъ, что она лежитъ между Европой и другимъ новымъ міромъ за океаномъ, и это значеніе нисколько не уменьшится, если она потеряетъ Солунь и всю Македонію. Если бы созданные стихійнымъ ходомъ истории вопросы могли рѣшаться разумомъ, то обновленная Турція не могла бы сдѣлать ничего разумнѣе, какъ, укрѣпивъ Константинополь и его районъ, совершенно отказаться отъ прочихъ европейскихъ владѣній своихъ, предоставляя ихъ достойнѣйшему». И послѣ всего этого г. Викерманъ, преклоняясь предъ турецкой революціей, увѣряетъ, что, какимъ бы испытаніямъ ни пришлось Турціи подвергнуться въ ближайшемъ будущемъ, великія событія послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ не могутъ быть вычеркнуты изъ ея исторіи, ими положена нестираемая грань между мрачнымъ прошлымъ, уже невозвратнымъ (?), и радостнымъ будущимъ, уже неизбѣжнымъ. Хорошо радостное будущее, когда младотуркамъ придется отказаться отъ половины прежней территоріи! Авторъ, повидимому, серьезно думаетъ, что значеніе Турціи нисколько не уменьшится, если ея государственные доходы и армія станутъ вдвое меньше.

Для Турціи вопросъ въ томъ и заключается, не приобрѣтутъ ли при новомъ конституціонномъ режимѣ автономію отдѣльныя ея области, не отпадутъ ли онѣ въ концѣ концовъ? На этотъ вопросъ «Турецкій сборникъ» не даетъ никакого положительнаго отвѣта. Шаріатъ, совокупность магометанскихъ законовъ, считался божественнымъ, т. е. неизмѣннымъ, и величіе Турціи въ былое время основано было на мусульманскомъ фанатизмѣ и военной силѣ. Мамедъ Шахтахинскій говоритъ по этому поводу: «Если мы, мусульмане, не проникнемся, по примѣру европейцевъ, убѣжденіемъ, что и мы по праву человѣка обязаны сами давать законы для нашей жизни, улучшать постоянно ея условія посредствомъ измѣненія законовъ сообразно намѣчаемымъ ея запросамъ, и если этому святому дѣлу, отъ котораго зависитъ самое существованіе народовъ, не посвятимъ всѣ свои силы съ тѣмъ воодушевленіемъ и самоотверженіемъ, какое наблюдается у европейцевъ, то наше вымираніе неизбѣжно». Но, съ другой стороны, потерявъ свою національную идею, Турція можетъ потерять и національную силу, и, судя по нѣкоторымъ признакамъ, европейскіе рецепты «больному челоуѣку» не помогутъ и смертельный исходъ ждетъ его въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

П. В.

**Герье, В. Францискъ, апостолъ нищеты и любви. Москва. 1908.
Цѣна 1 р. 50 к.**

Свѣтлый образъ Франциска уже издавна привлекаетъ вниманіе русскихъ историковъ средневѣковья, но наша литература по этому вопросу все же бѣдна и слаба, такъ что книга г. Герье является нужнымъ и цѣннымъ вкладомъ въ нее. «Въ Вѣстникѣ Европы» за 1892 г. появилась статья г. Герье, посвященная ассизскому святому, и, повидимому, съ тѣхъ поръ его интересъ къ преобразователю средневѣковаго монашества не ослабѣвалъ. Вышедшее теперь въ свѣтъ изслѣдованіе показываетъ, что отъ автора его не ускользнуло ни одно изъ направлений, возникшихъ за послѣдніе годы въ научной литературѣ о Францискѣ, и поэтому книга г. Герье является и хорошо продуманнымъ и обоснованнымъ самостоятельнымъ взглядомъ на Франциска и сводомъ критически оцѣненныхъ воззрѣній различныхъ ученыхъ на этого святого.

Франциска г. Герье считаетъ за безусловно точнаго послѣдователя Христа, въ лицѣ котораго «монашество выступило изъ своего вѣкового отшельничества и отреченія и снова къ Нему вернулось». Основною мыслью проповѣди «святого бѣдняка» г. Герье считаетъ возвращеніе къ жизни по Евангелію и идеализацію нищенства, которому Францискъ придавалъ особенное принципиальное значеніе. Тѣ цѣли жизни, которыя преслѣдовалъ святой, были недостижимы, и г. Герье утверждаетъ, что трагизмъ положенія Франциска былъ въ томъ, что «онъ встрѣтилъ препятствія въ условіяхъ самой жизни, въ природѣ человѣка, въ самыхъ близкихъ по сердцу друзьяхъ». Эта оппозиція олицетворялась въ руководителяхъ ордена и представителяхъ церкви, прикосновенныхъ къ нему, сумѣвшихъ обойти «правило» св. Франциска. Выясненію жизни Франциска, его личности, идеалу, борьбѣ за него—посвящены первыя пять главъ книги г. Герье, и если обликъ святого у него вышелъ не такимъ художественнымъ и яркимъ, какъ у Сабатье, зато онъ представляется болѣе вѣроятнымъ и точнымъ съ исторической точки зрѣнія.

Самой интересной главой можно считать послѣднюю, шестую, въ которой г. Герье говоритъ о св. Францискѣ въ представленіи современниковъ и потомства. Въ ней ясно видно, какъ умышленно и неумышленно искажался обликъ святого, чуть ли не при его жизни, какъ продолжается это «подволеніе» до нашихъ дней. Нашлись изслѣдователи, которые хотѣли видѣть во Францискѣ родоначальника совершеннаго субъективизма, ренессанса, покровителя схоластики, и сыскался даже русскій писатель, который озаглавилъ свой трудъ о Францискѣ «Соціалистъ XIII вѣка». Г. Герье разбираетъ отдѣльно каждое изъ этихъ мнѣній и оцѣниваетъ ихъ по достоинству. Не передавая здѣсь его взглядовъ, отсылаемъ желающихъ къ самому его труду.

Заключеніе книги о причинахъ обаянія въ вѣкахъ личности св. Франциска, дѣйствительно вытекаетъ изъ содержанія: «идеалы мѣняются вѣками, но идеализмъ вѣченъ. Францискъ представляетъ собою примѣръ идеализма, охватившаго и преобразившаго всего человѣка, и поэтому онъ могъ сказать, что поставилъ себѣ цѣлью обращать всѣхъ людей болѣе примѣромъ, чѣмъ словомъ».

В. Ф — ко.

Е. Тарле. Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи.
 Спб. 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.

О французской революціи 1789 года существуетъ цѣлая обширная литература, тѣмъ не менѣ исторія рабочаго класса за это время остается неразработанной. Первые главы въ извѣстной исторіи Левассера, нѣсколько страницъ въ книгахъ Мартена и Жореса, вотъ все, что имѣется объ этомъ важномъ вопросѣ. Приватъ-доцентъ Тарле для задуманной имъ цѣли не могъ ограничиться печатнымъ матеріаломъ и вынужденъ былъ произвести изысканія въ парижскихъ архивахъ. Въ префектурѣ полиціи, въ Национальной библиотекѣ и библиотекѣ города Парижа нашелъ онъ много любопытныхъ документовъ, которые частью опубликовалъ цѣликомъ въ приложеніяхъ, частью обработалъ въ своемъ изслѣдованіи.

Безработица и дороговизна хлѣба—вотъ два бича, отъ которыхъ особенно страдало рабочее населеніе Парижа 1789 года. Зима 1788—1789 года, послѣ двухъ послѣдовательныхъ неурожаевъ, пережитыхъ центральной Франціей, была особенно тяжела для промышленности и торговли, производство сокращалось, Парижъ, помимо всего, притягивалъ нуждающуюся массу изъ другихъ мѣстъ, голодный годъ гналъ въ Парижъ изъ провинціи новыя и новыя массы безработнаго люда, и этотъ горючій матеріалъ внушалъ безпокойство многимъ наблюдателямъ. На этой почвѣ и разыгралась та стихійная вспышка, которая характеризуетъ страшную возбудимость нуждающейся городской массы въ 1789 году и готовность ея къ самымъ рѣшительнымъ и самымъ непланомѣрнымъ дѣйствіямъ по ничтожному поводу. Разгромъ дома фабрикантовъ Ревельона и Анріо это эпизодъ, извѣстный Тэну, но впервые подробно разработанный Тарле.

Особенно интересна стачка 1791 году и послѣдовавшій за ней законъ Ле-Шапелье. Положеніе промышленности улучшилось, что и подало поводъ рабочимъ начать борьбу съ хозяевами изъ-за увеличенія заработной платы. Хотя для полной картины рабочаго движенія и въ архивахъ нашлось слишкомъ мало документовъ, можно все-таки сказать, что оно было весьма обширно и охватило плотниковъ, кузнецовъ, слесарей, бапмачниковъ, столяровъ, типографскихъ рабочихъ, каменщиковъ, кровельщиковъ; по преувеличенному показанію испугавшихся хозяевъ, къ нему примкнуло въ Парижѣ 80 тысячъ чело-вѣкъ. Муниципалитетъ обратился къ рабочимъ съ воззваніемъ, которое послѣ революціи было первымъ объясненіемъ властей съ рабочими, первымъ принципиальнымъ и публично выраженнымъ отрицаніемъ права стачекъ за представителями наемнаго труда и вмѣстѣ съ тѣмъ официальнымъ и торжественнымъ утвержденіемъ теории невмѣшательства государственной власти въ договоръ рабочаго съ работодателемъ. Одна очень радикальная и демократиче-ски настроенная газета того времени доказывала, что стачки преступны, организація рабочихъ опасна, просьбы рабочихъ о вмѣшательствѣ властей неосновательны.

Народные представители высказались также противъ рабочихъ. Въ національномъ учредительномъ собраніи 14 іюня 1791 года прошелъ законъ Ле-

Шпелель, запрещавшій профессиональныя соглашения и общества и приравнивавшій къ мятежнымъ сборищамъ собранія рабочихъ въ случаѣ, если бы они пожелали насильственнымъ путемъ остановить работы.

Книга Тарле только первая часть задуманной имъ исторіи обрабатывающей промышленности и рабочаго класса во Франціи въ концѣ XVIII столѣтія, и если авторъ въ дальнѣйшемъ не откажется отъ своей объективной точки зрѣнія и осторожности въ выводахъ, европейская литература пополнится капитальнымъ историческимъ трудомъ.

П. В.

«Пережитое». Сборникъ, посвященный общественной и культурной исторіи евреевъ въ Россіи. Т. I. Спб. 324 + 59 стр. Цѣна 2 р. 50 к.

«Широкое, чуждое партійности и пристрастія освѣщеніе прошлаго евреевъ въ Россіи, изученіе всего разнообразія того, что испытано, продумано и пережито, словомъ, что пережито здѣсь нашимъ народомъ въ области его общественнаго, культурнаго и правового быта, — такова задача нашего изданія; содѣйствіе повышенію въ читающей публикѣ уровня знаній относительно прошлаго нашего народа — его цѣль», говорятъ составители сборника «Пережитое» въ предисловіи къ нему (стр. 2). Дѣйствительно, давая богатый матеріалъ по исторіи еврейскаго вопроса, сборникъ вноситъ въ нашу историческую литературу настолько цѣнный вкладъ, что безъ него невозможно обойтись каждому, занимающемуся изученіемъ бытовой Россіи. Еврейскій вопросъ породилъ собою массу вопросовъ, изъ которыхъ многіе еще и теперь ожидаютъ удовлетворительнаго себѣ рѣшенія. Въ числѣ такихъ вопросовъ стоитъ и вопросъ о томъ, что такое нація и составляютъ ли евреи націю? На первый взглядъ казалось бы, что у евреевъ, если взять ихъ въ современномъ состояніи, нѣтъ ни одного изъ тѣхъ главныхъ условій, которыя мы привыкли класть въ основу опредѣленія «націи», у нихъ нѣтъ ни собственнаго государства, ни языка; но съ другой стороны, если болѣе критически отнестись къ опредѣленію націи, то ни государство, ни языкъ еще не даютъ намъ для того точнаго критерія, поляки, напр., не имѣютъ государства, но никто не скажетъ, что поляки не нація; швейцарцы же нѣмецкой Швейцаріи далеко еще не нѣмцы, а французской — не французы, и, несмотря на то, что люди обѣихъ частей Швейцаріи говорятъ на различныхъ языкахъ, всѣ они составляютъ одну и ту же швейцарскую націю. Да и мало ли можно привести еще примѣровъ тому, что территория и языкъ вовсе еще не отличительные, главные признаки націи. Другіе же признаки, какъ, напримѣръ, религія, бытъ и т. д., всѣ они находятся налицо и у евреевъ, что даетъ намъ полное право признать ихъ за самостоятельную націю. Но, несмотря на то, что «этнографія и въ частности фольклоръ стараго, культурнаго народа, странствовавшего въ теченіе двухъ тысячелѣтій среди многихъ культурныхъ народовъ арійскаго племени, должны отличаться большимъ богатствомъ и разнообразіемъ и имѣть огромное общественное значеніе», однако «въ области изученія еврейской этнографіи сдѣлано, пожалуй,

меньше, чѣмъ по этнографіи любого изъ полудикихъ племенъ» (Еврейское народное творчество, стр. 277).

Сборникъ «Пережитое» стремится хотя бы нѣсколько пополнить данный пробѣлъ и въ цѣломъ рядѣ статей даетъ характеристики быта евреевъ. Удаляясь вмѣстѣ съ сборникомъ въ глубь XIX столѣтія, мы невольно поражаемся тому, какъ, несмотря на гнетущую бѣдность, еврейскій народъ употребляетъ всѣ усилія на то, чтобы обучить своихъ дѣтей. Но въ какомъ печальномъ положеніи находятся еврейскія школы! Въ одной комнатѣ собирается до 100 учениковъ, гдѣ одинъ учитель-раввинъ проходитъ съ ними премудрости талмуда. Ученики бѣдны и содержатся на суммы, собираемыя какъ милостыню. На каждаго ученика приходится по 75 к. мѣдныхъ въ недѣлю; «изъ полученныхъ 75 к. м. даютъ за квартиру и стирку 20 к., за хлѣбъ 32 к.; остается у нихъ еще 23 к., изъ которыхъ покупаютъ крупы на 2 к. въ день, платятъ 3 к. за баню каждую пятницу, 2 к. прачкѣ за бѣлье, а остальное употребляютъ на починку башмаковъ и чулокъ, которые, разумѣется, всегда разорваны. Въ 5 ч. утра готовятъ урокъ къ будущему уроку, потомъ молятся Богу въ самомъ училищѣ и завтракаютъ хлѣбъ съ водою. Въ 11 ч. начинается учительское чтеніе и продолжается около двухъ часовъ. Потомъ обѣдъ, такъ называемый у нихъ «круникъ», вареная крупа съ водою. Съ трехъ часовъ повтореніе урска, въ шесть молитва (порядокъ этотъ, однако, измѣняется соотвѣтственно временамъ года, въ зависимости отъ часовъ утреннихъ и вечернихъ молитвъ). Въ восемь или девять часовъ вечерняя молитва, и тогда ученики уже вольны, однакожь обыкновенно остаются еще до 10—12 часовъ за книгами. Спятъ большею частью въ самомъ училищѣ» (Изъ воспоминаній перваго студента-еврея въ Россіи, стр. 25). Нечего и говорить, что болѣе энергичныя, болѣе одаренныя натуры спѣшатъ вырваться изъ этихъ мертвящихъ условій. Но выхода зачастую не было. Съ одной стороны, общія политическія условія не позволяли, а съ другой стороны и само еврейство относилось отрицательно ко всякой такой попыткѣ уйти учиться на сторону. «Молодой человекъ, вы еще молоды, слишкомъ неопытны. Нѣкогда я самъ былъ въ такомъ же положеніи, какъ вы, нѣкогда я самъ разсуждалъ подобно вамъ, теперь же я чувствую, что если бы я бросилъ евреевъ и поѣхалъ учиться нотами, то я бы сдѣлался... ничѣмъ», говоритъ виленскій канторъ, уговаривая уѣзжающаго Мандельштама учиться въ Москву не покидать своего народа, и прибавляетъ дальше: «въ народной первобытности я отличенъ, смѣшавшись же со всѣмъ свѣтомъ, я бы потерялся въ толпѣ: или ты долженъ быть всемирнымъ гениемъ»... — «Страна есть миниатюрный только слѣпокъ съ пространства», отвѣчаетъ кантору Мандельштаму: «годъ есть время, только въ меньшемъ размѣрѣ, истинной же добродѣтели, которая, подобно гению, выше пространства и времени, нечего уже бояться ни чуждыхъ странъ на пути стремленія, ни искушеній въ часы новой жизни. Только послѣ моего убѣжденія въ этой добродѣтели моего сердца я рѣшился предпринять это путешествіе» (Изъ воспоминаній перваго еврея-студента въ Россіи, стр. 31). Мы видимъ тутъ цѣлую борьбу, борьбу упорную, въ которой одни, чтобы уйти, зачастую преискусно борются со всѣмъ прошлымъ, другіе же, не имѣя на то силъ, оста-

ются въ своемъ народѣ, закапывая въ немъ и свои таланты. Конечно, при такихъ условіяхъ народу трудно создавать что-нибудь свое. «Я спросилъ кантора, какой именно странѣ принадлежитъ наша народная поэзія; по его мнѣнію, она сродни и турецкому и испанскому напѣвамъ, можетъ быть, арійская народная пѣснь, смѣшавшись съ испанскою, произвела для евреевъ, жившихъ въ послѣдствіи подъ владычествомъ обоихъ племенъ, этотъ двухнародный еврейскій напѣвъ, чему придаетъ еще болѣе вѣроятности, что и всѣ германскіе евреи имѣютъ одно и то же молитвенное пѣніе».

Въ нашей бѣглой замѣткѣ немислимо охватить всего матеріала, даваемого сборникомъ по культурной жизни евреевъ; многія стороны еврейскаго вопроса остались еще мало разработанными и самимъ сборникомъ, на примѣръ, вопросу объ еврейскомъ народномъ творчествѣ посвящена только одна статья, но можно надѣяться, что будущіе сборники заполняютъ этотъ пробѣлъ. Намъ остается только отмѣтить, какъ чрезвычайно интересныя, статьи С. Я. Розенфельда «Рабби Исроэль Салантеръ», П. Морекъ «Борьба двухъ воспитаній», и Юлія Гессена «Попытка эмансипаціи евреевъ въ Россіи». Весь сборникъ составленъ чрезвычайно популярно, всецѣло захватывая вниманіе читателя.

А. И—въ.

Людевитъ Штуръ. Славянство и міръ будущаго. Посланіе славянамъ съ береговъ Дуная, съ примѣчаніями В. И. Ламанскаго. Спб. 1909. Стр. 176. Цѣна 75 к.

Эта книга старая. Она оживляетъ давніе годы. Посланіе Штура написано болѣе пятидесяти лѣтъ назадъ. Это одна изъ болѣе блестящихъ страницъ въ исторіи славянскаго возрожденія, гдѣ имя Штура незабвенно. Словакъ родомъ, онъ вызвалъ къ сознательной жизни родной народъ, заложилъ основы литературы на народномъ языкѣ, начерталъ словакамъ широкіе политическіе и общественные идеалы, которые долго еще будутъ проводить они въ жизнь вмѣстѣ съ другими славянскими народами. Въ началѣ XIX вѣка главнымъ источникомъ всего славянскаго просвѣщенія была убогая каедрa славянской литературы въ Пресбургѣ, гдѣ за 38 гульденовъ въ годъ старичокъ-профессоръ Юрій Пальковичъ по два раза въ недѣлю знакомилъ лицейство съ почти не существовавшей тогда еще словацкой словесностью. Но эта нищенская, можно сказать, каедрa дала славянству Палацкаго и Коллара, а когда въ двадцатыхъ годахъ помощникомъ Пальковича явился молодой, только что окончившій лицей студентъ Штуръ, Пресбургъ сталъ настоящимъ расадникомъ замѣчательныхъ словацкихъ дѣятелей. То и дѣло, бывало, отворялась калитка во дворъ маленькаго домика, гдѣ жилъ Штуръ, и выпускалось одно за другимъ студентовъ въ бѣдную квартиру учителя, а тамъ не умолкали живыя, горячія рѣчи; исполненные любви къ народу и вѣры въ его будущее, звучали онѣ неустаннымъ призывомъ къ работѣ и разносились потомъ далеко по всему Вагу и Грону, а когда въ 1848 году настала для словаковъ рѣшительная минута, изъ учениковъ Штура составился кадръ борцовъ за на-

родное дѣло, а самъ ихъ учитель изъ скромнаго профессора и писателя сталъ призваннымъ народнымъ вождемъ, посломъ на сеймъ и организаторомъ народныхъ войскъ въ борьбѣ съ мадьярами. Австрійское правительство не оцѣнило заслуги Штура, и вѣнскую неблагодарность славянамъ узнали на себѣ и словаки. Послѣ 1849 года Штуръ остался «не у дѣль», пока ранняя смерть не унесла его въ могилу. Но и въ эти годы затишья работала его живая мысль. Къ нимъ относится важнѣйшее изъ его сочиненій, историко-философскій трактатъ «Славянство и мѣръ будущаго», гдѣ онъ обнялъ своей мыслью уже не словаковъ только, но и весь широкой и многоцвѣтный славянскій мѣръ. Эта работа—его завѣтъ потомству.

Написанное на нѣмецкомъ языкѣ, «Посланіе» Штура не увидѣло свѣта на его родинѣ. Только уже послѣ смерти автора его друзья передали рукопись В. И. Ламанскому, и въ 1867 году онъ нанечаталъ ее въ своемъ переводѣ въ «Чтеніяхъ въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ». Теперь другое общество—ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія—выпустило подъ редакціей К. Я. Грота и Т. Д. Флоринскаго новое изданіе Штурова трактата, предназначая его уже не для ученыхъ славистовъ, а для широкой русскои публики. Что же можетъ оно ей дать?

По тону своему книга Штура написана въ нѣсколько устарѣломъ, приподнято-патетическомъ стилѣ; по содержанію она принадлежитъ той полосѣ славянскаго сознанія, которая у насъ характеризуется трудами Кирѣевскаго, Хомякова и Константина Аксакова, у поляковъ парижскими лекціями Мицкевича, а у чеховъ историческими работами Шафарика и шэзіей Коллара. Насколько извѣстно, Штуру не были знакомы труды русскіхъ славянофиловъ. И однако его мысли и настроенія часто буквально совпадаютъ съ хомяковскими! Въ этомъ смыслѣ трактатъ Штура чрезвычайно интересенъ: на разныхъ широтахъ при разныхъ историческихъ условіяхъ всѣ эти люди думали совершенно одинаково и въ одномъ и томъ же видѣли счастье для своего народа и челоѣчества. Не ясное ли это свидѣтельство единого народнаго духа, уже не русскаго, польскаго или словацкаго, а общеславянскаго? Книга Штура—одно изъ самыхъ высшихъ проявленій центростремительной силы въ славянскомъ сознаніи. Въ этомъ отношеніи онъ—истинный сынъ своего народа, который выслалъ изъ своей среды виднѣйшихъ дѣятелей всеславянства.

Жизнь, однако, наложила свою властную руку на разсужденіе Штура. Посланіе Штура дѣлится на двѣ части: критическую и конструктивную. Въ первой, выдѣливъ славянство изъ ряда прочихъ европейскихъ народовъ, Штуръ подвергаетъ жестокой критикѣ всю западно-европейскую жизнь. Это разсужденіе на извѣстную тему о «гніеніи Запада». Здѣсь особенно сильно чувствуется на книгѣ Штура рука времени. Едва ли кому-нибудь покажутся особенно убѣдительными критическія замѣчанія Штура о конституціонализмѣ западныхъ государствъ, о социализмѣ, о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ была написана книга Штура (1855 г.), все это было уже высказано и съ большей основательностью и съ несравненно большимъ научнымъ аппаратомъ, а предсказанія Штура о близкомъ разложеніи Европы производятъ тѣмъ менѣе впечатлѣнія, что онъ совершенно не предвидѣлъ

такихъ фактовъ, какъ объединеніе Италіи и въ особенности образованіе могущественной Германской имперіи, одно появленіе которой измѣнило всё политическія конъюнктуры въ Европѣ и роковымъ образомъ отозвалось на положеніи славянскаго вопроса.

Въ конструктивной части работы, гдѣ автору пришлось обосновывать особенность славянскаго міра, мы слышимъ знакомыя рѣчи о превосходствѣ общиннаго устройства, о славянскомъ государствѣ будущаго, какъ общинѣ, о самодержавіи и земскихъ соборахъ. Протестантъ по вѣроисповѣданію, Штуръ въ духѣ Хомякова пишетъ о православіи, считая нашу церковь единственно отвѣчающею высокому призванію нашего племени. Словакъ и, можно сказать, основатель словацкой литературы, онъ съ убѣжденіемъ и жаромъ говоритъ о значеніи русскаго языка, какъ общеславянскаго, предвидя его распространеніе во всемъ славянскомъ мірѣ. И дѣйствительно русскій языкъ на нашихъ глазахъ становится самою силою вещей все болѣе и болѣе, если можно такъ выразиться, междуславянскимъ. Но въ общемъ и къ этой части работы Штура пережитые нами годы дали множество весьма существенныхъ поправокъ. Довольно сказать, что, основывая всё свои надежды на вѣрѣ въ силу Россіи, Штуръ за немногими сравнительно исключеніями чуть ли не въ идеальномъ свѣтѣ представлялъ себѣ Россію Николая I.

Наиболѣе интереса для современнаго читателя представляетъ та часть «Посланія», гдѣ Штуръ говоритъ о будущей политической формации объединеннаго и свободнаго славянства. Здѣсь онъ разбираетъ три возможности: федерацію свободныхъ славянскихъ государствъ, ослабленіе Австріи, то, что теперь называется, австрославизмомъ, и, наконецъ, объединеніе славянъ около Россіи, какъ центральной силы славянства. Первые двѣ онъ безусловно отвергаетъ. И здѣсь жизнь внесла свои поправки. Къ Сербіи и Черногоріи прибавилось пока новое независимое славянское государство — Болгарія. Вѣрна и безусловно современна критика австрославизма. Самъ на своей собственной участи и на участи своего народа испытавъ послѣ 1849 года, что такое для славянъ Австрія, Штуръ высказываетъ здѣсь много важныхъ соображеній, которыя могли бы быть и теперь убѣдительными, если бы имѣющіе уши хотѣли слушать. Слабѣе очерчена роль Россіи, какъ объединительницы славянъ: неясно, какъ представлялъ себѣ Штуръ это объединеніе. Во всякомъ случаѣ это не было простое обращеніе славянскихъ земель въ русскія, но полнѣе Штуръ не развилъ своей мысли, и это — одна изъ наиболѣе слабыхъ сторонъ его работы. Одно только ясно слышно въ каждой строчкѣ его трактата — это его крѣпкая вѣра въ Россію, и въ этомъ мы видимъ одно изъ наибольшихъ достоинствъ его книги, ибо, конечно, силы Россіи есть и силы славянства.

Выпуская вторымъ изданіемъ разсужденіе Штура, издатели руководствовались мнѣніемъ, что «замѣчанія его вполне жизненны и въ наше время въ примѣненіи къ положенію дѣлъ въ Россіи». По вышеуказаннымъ причинамъ въ этомъ можно сомнѣваться. Въ свое время и на своей родинѣ идеи Штура, если не въ книгѣ его, которая такъ и не увидѣла свѣта въ Венгріи, то въ устной передачѣ должны были имѣть, да и имѣли, благотвор-

ное дѣйствіе. Но 50 лѣтъ не шутка. Многое въ книгѣ успѣло устарѣть, и интересъ ея теперь главнымъ образомъ историко-литературный. Въ одномъ только Штуръ, несомнѣнно, опередилъ и свой и нашъ вѣкъ—въ глубинѣ и чистотѣ славянскаго чувства и въ особенности славянскаго сознанія. Въ наши дни, когда вновь слышится подъемъ славянской идеи, странно слышать въ устахъ славянскихъ дѣятелей оговорки и условія: «если будетъ сдѣлано то-то и то-то, мы примемъ участіе въ общемъ дѣлѣ». Какъ будто бы славянская идея можетъ быть посторонней для котораго-нибудь изъ славянскихъ народовъ, какъ будто бы она можетъ быть дѣломъ взаимнаго торговаго и уступокъ! Штуръ давно понялъ глубокую истину жизни, «что отдѣльное можетъ существовать только черезъ всеобщее, что особенное можетъ сохраниться только въ союзѣ». Понялъ онъ, что выгодное для всего славянства выгодно и для каждаго изъ славянскихъ народовъ и обратно. Въ этомъ онъ еще долго можетъ быть нашимъ общимъ учителемъ.

Андрей Сиротининъ.

Статистическій сборникъ рижскаго городского управленія. Изданіе рижской городской статистической комиссіи. Часть I. Рига. 1909.

Появленіе этой книги вызвано потребностью современнаго общества имѣть указатель, «дающій возможность безъ затрудненія справиться о положеніи и состояніи большихъ отраслей городского общественнаго управленія и другихъ областей — социальныхъ, хозяйственныхъ и т. д. — городской жизни» (предисловіе).

Громадный матеріалъ, помѣщенный въ вышедшей 1-ой части сборника, раздѣленъ на 17 отдѣловъ, наименованія которыхъ не лишне привести здѣсь цѣлкомъ:

1) Городская территория; 2) городскія имѣнія; 3) городскіе общественные сады и кладбища; 4) строительная часть; 5) канализація и удаленіе нечистотъ; 6) водоснабженіе; 7) освѣщеніе; 8) пожарная часть; 9) средства сообщенія; 10) торговля и промышленность; 11) городская скотобойня и городскія учрежденія для освидѣтельствованія мяса; 12) санитарно-больничное дѣло; 13) призрѣніе бѣдныхъ; 14) народныя чайныя и столовыя; 15) городская контора указанія труда; 16) учебныя заведенія; 17) научныя и художественныя учрежденія. Приложение: Къ статистикѣ народонаселенія Риги.

Главное содержаніе второй части сборника, которую предположено издать въ теченіе текущаго же года, составятъ: статистика населенія Риги, общественная финансовая статистика и отдѣлъ о рижскихъ городскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ и метеорологическія таблицы.

Таково содержаніе этого объемистаго и чрезвычайно важнаго труда, подобный которому необходимо имѣть и каждому крупному городу Россіи не только для цѣлей общественнаго управленія, но и въ интересахъ науки.

Но составители не ограничились описаніемъ современнаго положенія разныхъ отраслей городской жизни: такъ какъ нужно было дать обзоръ прогрес-

сивнаго развитія дѣятельности рижскаго городского управленія, то естественно пришлось давать хотя бы краткія историческія ссылки на прошлое, и въ этомъ заключается большой плюсъ этой интересной книги.

Вотъ, напримѣръ, выдержки изъ статьи о городской библиотекѣ въ Ригѣ и вообще о положеніи библиотечнаго дѣла въ городѣ.

Начало городской библиотеки относится къ срединѣ XVI столѣтія. Основная часть ея составилась изъ остатковъ библиотекъ монастырей, закрытыхъ во время реформаціи. Многочисленныя драгоцѣнныя первопечатныя книги (инкунабулы), находящіяся теперь въ городской библиотекѣ, по большей части принадлежали прежде доминиканскому монастырю св. Іоанна и французскому монастырю св. Екатерины. Затѣмъ много книгъ было подарено библиотекѣ или отказано по завѣщаніямъ. Постановленіемъ рижскаго магистрата отъ 15 ноября 1553 г. для библиотеки былъ отведенъ залъ въ бывшемъ монастырѣ при Домской церкви. Въ этомъ старинномъ залѣ, возстановленномъ въ 1778—87 гг., библиотека и пребывала въ теченіе почти 340 лѣтъ, а когда помѣщеніе это стало уже слишкомъ тѣснымъ, она переведена въ 1891 г. въ бывшую ратушу. Въ 1878 г. библиотека перешла въ вѣдѣніе новаго городского управленія. Въ ней было тогда 54,505 томовъ, не считая дублетовъ, рукописей, диссертаций и т. д. Къ 1 января 1909 г. было уже 93.794 тома исключительно научнаго содержанія. Кромѣ того, въ медицинскомъ отдѣлѣ на 1 января 1909 г. числилось 24,228 томовъ. Въ особенности богата библиотека книгами о Прибалтійскомъ краѣ и его исторіи. Пользованіе книгами безплатно даже на дому.

А вотъ и другія рижскія библиотеки (опуская библиотеки съ беллетристическимъ преимущественно содержаніемъ): городская публичная читальня-библиотека (5,286 т.); библиотека лифляндскаго дворянства (около 9.000); библиотека общества исторіи и древностей Прибалтійскаго края (свыше 30,000 т.); библиотека общества естествоиспытателей (14,800 т.); библиотека рижскаго политехническаго института (53,000 т.); библиотека латышскаго литературнаго общества, библиотека общества для распространенія образованія среди евреевъ (5,000 т.); русская народная библиотека (9,745 т.).

А. Э. Мальмгрѣнь.

Людвигъ Фейербахъ. Сущность христіанства. Полный переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Ю. М. Антоновскаго. Спб. 1908.

Знаменитая книга германскаго мыслителя, въ свое время бывшая для русскаго читателя подъ запретомъ, вышла въ первомъ, и очень хорошемъ, русскомъ переводѣ. Почти семьдесятъ лѣтъ прошло со времени ея появленія, но она еще долго не потеряетъ своей жизненности, одно изъ лучшихъ доказательствъ которой — совпаденіе коренныхъ мыслей Фейербаха съ взглядомъ Ницше на религію и мораль. Книга Фейербаха, являющаяся одной изъ первыхъ основъ исторической критики религіи, — вдохновенный гимнъ человѣку и человѣчеству. «Человѣкъ для человѣка Богъ», провозгласилъ Фейербахъ и

истолковалъ смыслъ Бога-Троицы, какъ «истину, что лишь общественная жизнь есть жизнь, т. е. что въ ней содержится всеобщая, имманентная чело-вѣку, популярно выражаясь—естественная истина, а не истина особая, трансцендентная и суранатуралистическая». «Этическія отношенія священны, посколькѣ они суть отношенія челоуѣка къ челоуѣку, посколькѣ они суть самоутвержденіе, самоудовлетвореніе челоуѣческаго существа». Для Фейербаха Богъ — проекція идеала челоуѣка, «зеркало челоуѣка», и истинная сущность религіи именно ея антропологическая сущность, въ противоположность иллюзорной сущности, теологической. Для Россіи Фейербахъ имѣлъ особое значеніе. Наши «люди сороковыхъ годовъ», страстно мучившіеся проблемой совершенной личности, съ жадностью ухватились за «Сущность христіанства». Герценъ называлъ ее «Книгой истины и любви»; прочитавъ первыя страницы, онъ «вспрыгнулъ отъ радости... мы свободные люди, не нужно намъ облекать истину въ миѣ!» В. П. Боткинъ говорилъ о ней Вѣлинскому, какъ объ одномъ изъ великихъ знаменій историческаго перелома: «Начинается въ Европѣ новая эпоха... Отрицаніе среднихъ вѣковъ теперь является въ сферѣ религіи, въ лицѣ Штрауса, Фейербаха и Бруно Бауера. Челоуѣчество сбрасываетъ съ себя одежду, которую носило слишкомъ тысячу лѣтъ, и облекается въ новую. Духъ новаго времени вступилъ въ рѣшительную борьбу съ догмами и организмъ среднихъ вѣковъ... Новый духъ, какъ крогъ, бѣгаетъ подъ землею и конаетъ ее—чудный рудокопъ». Конечно, этотъ моментъ остраго интереса къ Фейербаху миновалъ,—но зато въ наши дни, когда все русское общество рѣшаетъ задачи, которыми въ сороковыхъ годахъ у насъ занимались выдающіяся единицы, въ томъ числѣ задачу примиренія вѣры съ жизнью, — «Сущность христіанства» найдетъ много читателей.

Н. Л.

В. А. Поссе. По Европѣ и Россіи. Спб. 1909. Стр. 457.

Цѣна 1 р. 25 к.

Въ своихъ путевыхъ замѣткахъ о Россіи г. Поссе касается какъ отрицательныхъ, такъ и положительныхъ сторонъ нашего отечества.

Въ вагонахъ — понадались ему безбилетные пассажиры, на станціяхъ — нищія, въ городахъ — холера, въ деревняхъ — всеобщія жалобы на выпаханныя земли, обмелѣвшія рѣки, исчезающую рыбу и дичь, ослабѣвающее и бѣднѣющее населеніе съ сифилисомъ, англійской болѣзвью, дѣтскимъ истощеніемъ, диспенсией и т. д. Но вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ встрѣчалъ и такія провинціи, о которыхъ онъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ: «Напрасно я искалъ Гоголевскаго города, Щедринской губерніи... смѣяться было не надъ кѣмъ, удивляться можно было многимъ. Все новые типы и новыя силы. Врачъ-публицистъ, ратующій за народныя интересы; судья, устраивающій пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ; инженеръ, громающій новое крѣпостное право; администраторъ — истинный рыцарь чести; помѣщикъ, толкующій о Сикстинской Мадоннѣ и о сонатахъ Бетховена; интеллигентный работникъ, опростившійся и своими руками обрабатывающій землю; землецъ, восхищающійся поэзіей народной души, и т. д.»

Этотъ отзывъ о современной провинціи гораздо правдивѣе, чѣмъ пессимистическое свидѣтельство о ней Ө. Сологуба въ «Мелкомъ бѣсѣ». Поссе и самъ исполнилъ глубокой вѣры въ будущее нашей родины. Разъѣзжая по Россіи съ цѣлью изслѣдованія развитія потребительныхъ обществъ и самъ будучи членомъ «Трудового союза» въ Петербургѣ, онъ горячо пропагандируетъ рабочимъ устройство на кооперативныхъ началахъ пекаренъ и лавокъ. Если, по его мнѣнію, англійскія потребительныя общества ежегодно дѣляютъ между своими членами около 100 милліоновъ рублей дохода отъ своихъ предпріятій, то они развивались бы еще скорѣе, если бы не дѣлили этихъ 100 милліоновъ, а употребляли ихъ на расширеніе производства. Они скорѣе двигались бы тогда по пути завоеванія производства предметовъ первой необходимости, по пути вытѣсненія производства ради прибыли производствомъ ради потребления.

Русское кооперативное движеніе, думаетъ онъ, быстро догонитъ и перегонитъ англійское, если русскія потребительныя общества пойдутъ по пути «Трудового союза», если они откажутся отъ дѣлежя доходовъ, приносимыхъ союзными предпріятіями, употребятъ ихъ на расширеніе дѣла и будутъ отпускать товаръ на наличныя деньги, а не въ кредитъ и на бумажку. Авторъ ратуетъ о кооперативахъ безъ дѣлежя прибылей, но съ своими собственными мастерскими и фермами, о профессиональныхъ союзахъ съ общою кассою, куда каждый вноситъ весь свой заработокъ и откуда получаетъ соразмѣрно своей нуждѣ, своему семейному положенію и т. д. Надо бояться высокихъ пасвъ, высокихъ процентовъ и дивидендовъ, кредита, и т. д.

Наблюдая во многихъ мѣстностяхъ и крестьянское хозяйство, авторъ приходитъ къ заключенію о томъ, что современное «общинное» хозяйство съ раздробленіемъ земли на массу узкихъ полосокъ, обрабатываемыхъ отдѣльными хозяевами допотопнымъ способомъ, нельзя защищать ни съ какой точки зрѣнія. Но благо трудового народа требуетъ перехода не къ хуторскому хозяйству, а къ общественному, при которомъ всѣ эти полоски должны объединиться въ одинъ участокъ, раздѣляемый на нѣсколько полей, согласно требованіямъ агрономіи, и обрабатываемый сообща всѣми членами общины. Мысль о такомъ хозяйствѣ возникаетъ у крестьянъ въ самыхъ различныхъ мѣстахъ Россіи. (См. объ этомъ статью А. Фаресова «Крестьянскій социализмъ», напечатанную въ его книгѣ «Голоса Земли»).

Воспоминанія г. Поссе о Западной Европѣ также исполнены любопытныхъ наблюденій. «На митингѣ» рабочихъ, собравшихся по поводу катастрофы углекоповъ въ Сентъ-Этьенѣ, автору пришлось видѣть Луизу Мишель, которая нисколько не напоминаетъ безобразные ея портреты и ситетни о ней.

Въ простой, скромной одеждѣ, съ руками, сложенными вмѣстѣ, пальцы въ пальцы, и непринужденно опущенными внизъ, съ ласковой улыбкой на истомленномъ, но еще полномъ жизни лицѣ, она напоминала автору русскую барыню-помѣщицу, крестьянскую «благодѣтельницу».

И она заговорила душевнымъ, мягкимъ, слегка поющимъ голосомъ, чрезвычайно похожимъ на чарующій голосъ Сарры Бернаръ, и говорила просто, душевно, «жалѣя», какъ «мать съ дѣтьми».

«Добрые рабочие, у царжанъ теперь такъ много дѣла, такъ много заботъ: имъ нужно подниматься на башню Эйфеля, смотрѣть «свѣтящіеся водопады», ѣсть и пить за десятерыхъ на «конгрессныхъ банкетахъ», гдѣ же имъ думать о такихъ пустякахъ, какъ взрывъ въ копяхъ, убившій болѣе 200 человекъ?.. Да и правда, не пустяки ли это? Не гибнутъ ли ежедневно и здѣсь, въ блестящемъ Парижѣ, и всюду въ очаровательной Франціи отъ недоѣданья, отъ непосильной работы тысячи васъ, бѣдныхъ рабочихъ, вашихъ женъ, а, главное, вашихъ дѣтей, которыхъ вы, по словамъ ученыхъ, такъ неразумно производите на свѣтъ...»

«Ахъ, добрые друзья, когда же вы, наконецъ, поймете истину, когда вы перестанете вертѣться, какъ бѣлка въ колесѣ, надѣясь то на Бонапарта, то на Гамбетту, то на Флокэ, то, наконецъ... она приостановилась, на Буланже...»

«По залѣ пробѣжала волна, въ которой смѣшались удивленіе, порицаніе, одобреніе.

«Мѣнять людей, — спокойно продолжала Луиза Мишель, — оставлять старый социальный порядокъ—это все равно, что класть пластырь на деревянную ногу».

Не менѣе интересны впечатлѣнія г. Поссе и «На рабочемъ праздникѣ», гдѣ блузники весьма резонно ораторствовали о томъ, что не социалисты, а буржуа и аристократы разрушаютъ семью.

— Не мы, а они ввели флиртъ, адюльтеръ и самые отвратительные виды проституціи. Брака любви у нихъ уже нѣтъ,—мы же только его и признаемъ.

Такое заключеніе рабочихъ о буржуазныхъ классахъ Западной Европы поддерживаетъ и авторъ, который прямо заявляетъ, что въ Германіи, напри- мѣръ, даже среди студентовъ очень мало симпатичнаго народа. «Внѣшняя честь», внѣшняя чистоплотность; внутренняя развращенность и поразительная узость убѣжденій... Даже среди профессоровъ, какъ Геккель, имѣются защитники и тѣлесныхъ наказаній, и смертныхъ казней.

— Что изъ того, —острилъ одинъ изъ нихъ передъ медиками, —если одинъ или два человекъ стануть на голову короче, — по крайней мѣрѣ, у насъ будутъ хорошіе микроскопическіе препараты изъ свѣжаго матеріала...

Относясь отрицательно къ дурнымъ сторонамъ западно-европейской жизни, авторъ всюду горячо сочувствуетъ ея демократическому строю и рациональному направленію умовъ.

А. Фарсовъ.

Д. Г. Коноваловъ. Психологія сектантскаго экстаза. Рѣчь предъ защитой магистерской диссертациі. Сергіевъ посадъ. 1909 г. Стр. 13. Цѣна 20 коп.

О диссертациі г. Коновалова, посвященной физическимъ явленіямъ экстаза, нами уже данъ отзывъ въ мартовской книгѣ «Историческаго Вѣстника». Въ напечатанной теперь своей рѣчи, произнесенной въ публичномъ засѣданіи совѣта московской духовной академіи 24 октября 1908 г., авторъ выясняетъ, какимъ образомъ онъ смотритъ на психологію сектантскаго экстаза. Экстазъ, по его мнѣнію, есть не что иное, какъ своеобразное душевное волненіе, кото-

рое підготовляється аскетическимъ режимомъ и обусловлюється особливою психо-фізическою організаціей екстатиковъ. Это волненіе проходить въ своемъ развитіи три фазиса: умиленіе, восторгъ и вдохновеніе. Умиленіе являється послѣдствіемъ дѣйствія проповѣди, чтенія Писанія, а особливо пѣнія распѣвцевъ, которые вызываютъ у сектантовъ «неизвѣстную жалость» къ Божьимъ людямъ, невинно пострадавшимъ.

Чувство жалости находитъ для себя исходъ въ обильныхъ слезахъ, оно сопровождается необычайною нѣжностью и ласковостью по отношенію другъ къ другу; сектанты цѣлуются, обнимаются, облизываютъ одинъ другому лица, оправляютъ волосы и т. п., особенно этимъ отличаются малороссы, склонные вообще къ сантиментальности. Сознвая свою грѣховность, сектанты, забывая стыдъ, начинаютъ каяться вслухъ въ своихъ прегрѣшеніяхъ и звать къ Богу о спасеніи. Вотъ примѣръ такого воззванія: «Господи, таточку мій ридный, спаси жъ Ты мене! Ты жъ великій, Ты жъ мылосердный!» Пережитое умиленіе оставляетъ въ душахъ сектантовъ чувство восторга, который ощущается ими, какъ необыкновенная легкость («сердце, всѣ жилы и ноги радуются»), подъемъ духа, радость. Они чувствуютъ, что тѣло ихъ стало какъ бы невѣсомымъ, и начинаютъ «духовный плясъ». Одинъ хлыстъ такъ охарактеризовалъ это состояніе. «Охъ, братцы, такая радость, что если бы не потолокъ, то хватилъ бы выше звѣздъ небесныхъ». Этой бурностью и страстностью отличается русскій экстазъ отъ мирной радости мистиковъ-созерцателей, стремящихся къ квіетизму. Радость, все увеличиваясь и увеличиваясь, доводитъ, наконецъ, сектантовъ до изступленія, выходженія изъ себя, или экстаза въ собственномъ смыслѣ. Они забываютъ себя, имъ грезится, будто бы «Св. Духъ завладалъ ими» и говоритъ черезъ нихъ, «они видятъ Бога, рай, адъ, блаженство праведныхъ и муки грѣшныхъ», они обоняютъ «сладкіе, неземные, ароматическіе» запахи. Св. Духъ представляется имъ подъ образомъ дыханія, а благодать его похожая на газообразное вещество, которое можно проглотить чрезъ органы дыханія. Придя въ себя послѣ экстаза, испытавшіе его чувствуютъ облегченіе, но оно соединяется съ ощущеніями истомы, разбитости, а иногда даже и временнаго паралича («какъ-то все тѣло болитъ, какъ будто тебя изрубили»). Экстазъ служитъ для сектантовъ какъ бы клапаномъ, разряжающимъ ихъ нервное напряженіе. Но это не нормальное душевное волненіе, и сектантская радость сходна съ радостью истеричныхъ и маіаковъ, съ опьянѣніемъ, вызываемымъ наркотиками: алкогелемъ, гашишемъ, опіумомъ и т. п. Хлыстовскій распѣвецъ такъ передаетъ это состояніе словами сектантки:

«На бесѣдушкѣ на апостольской
Я пила пиво, я пьянехонька;
Я пошла духомъ веселехонько».

Таково въ сжатыхъ чертахъ содержаніе рѣчи г. Коновалова, написанной красивымъ и образнымъ языкомъ; читается она съ такимъ же интересомъ, какъ и его диссертація.

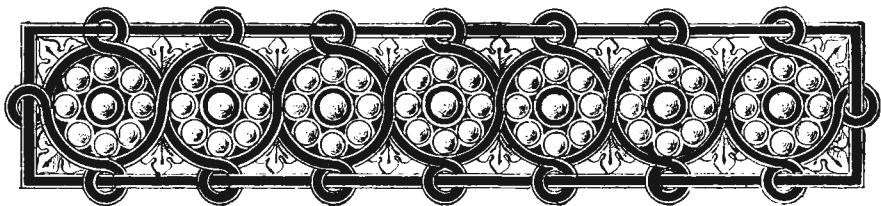
В. Троцкій.

Каталогъ Гоголевской выставки, устроенной въ женскомъ училищѣ г. Прееде въ Митавѣ 14 мая 1909 г. въ память столѣтія со дня рожденія Н. В. Гоголя. Матеріалы для Гоголевской иконографіи. Митава. 1909.

Въ ознаменованіе столѣтія со дня рожденія великаго писателя женское училище г. Прееде въ Митавѣ устроило небольшую выставку и къ открытію ея былъ изданъ и каталогъ (кажется, единственный примѣръ среди другихъ учебныхъ заведеній Прибалтійскаго края). Заключая въ себѣ 393 номера, юбилейная выставка раздѣлена на 8 отдѣловъ: 1) современники, друзья и близкіе Гоголя (43 номера); 2) портреты и изображенія Гоголя (51 номеръ); 3) снимки съ гоголевскихъ вещей (5 номеровъ); 4) иллюстраціи къ сочиненіямъ Гоголя (246 номеровъ); 5) пьесы на гоголевскіе сюжеты (7 номеровъ); 6) снимки съ рукописей (10 номеровъ); 7) Виды мѣстностей и пр. (24 номера) и 8) афиши и программы (7 номеровъ). Такимъ образомъ, совершенно отсутствуютъ изданія сочиненій Гоголя и литература о немъ. Нѣтъ и многихъ извѣстныхъ иллюстрацій къ произведеніямъ Гоголя, но устроитель самъ объясняетъ эти крупныя пробѣлы тѣмъ, что въ нерусской провинціи трудно частному лицу собственными единоличными средствами собрать что-либо съ исчерпывающей полнотой и приходится довольствоваться случайнымъ матеріаломъ. Но даже и при этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ устроителю удалось собрать богатый и интересный матеріалъ для ознакомленія съ личностью Гоголя, его близкими, его произведеніями. Богаче всѣхъ—отдѣлъ иллюстрацій. Въ I отдѣлѣ обращаетъ на себя вниманіе оригинальный портретъ императора Николая I, работы М. Звѣрева.

А. Э. Мальмгренъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ГРАФЪ Лаферронэ въ Петербургѣ и его переписка съ графомъ Нессельроде. — Изъ всѣхъ французскихъ пословъ въ первой трети XIX столѣтія, находившихся въ Россіи при дворѣ Александра I и Николая I, графъ Лаферронэ считался наиболѣе популярнымъ. Долгое время о немъ не появлялось никакихъ біографическихъ и политическихъ данныхъ, но въ недавнее время о немъ вышли въ свѣтъ значительныя подробности, а также личныя его письма въ «Сборникѣ императорскаго русскаго историческаго общества», т. 127, и въ двухъ недавно появившихся томахъ, VI и VII, «Писемъ и бумагъ канцлера графа Нессельроде». Обѣ эти книги написаны по-французски и характеристика французскаго посла, находящаяся въ нихъ, чрезвычайно любопытна. Пьеръ Ферронъ графъ Лаферронэ родился въ 1777 году, эмигрировалъ во время революціи за границу и участвовалъ въ кампаніи бурбонскихъ принцевъ, исполняя должность адъютанта графа Беррійскаго. Потомъ онъ перешелъ на службу Швеціи и Норвегіи, а въ эпоху реставраціи возвратился во Францію. Произведенный въ пэры Франціи, онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Данію, а затѣмъ въ 1819 году Людовикъ XVII послалъ его въ томъ же званіи въ Россію.

Александръ I принялъ его чрезвычайно милостиво, хотя онъ былъ только посланникомъ, а не посломъ; по этой причинѣ русскіе вельможи на него косились. На первой аудіенціи императора Лаферронэ вручилъ ему свои полномочія и хотѣлъ прибавить на словахъ нѣсколько фразъ, но Александръ его

¹⁾ Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ сто двадцать седьмой. С.-Петербургъ. 1908. *Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode 1760—1850, tome VI, tome VII, Paris, 1909.*

перебилъ: «Я очень радъ видѣть васъ здѣсь и доказать, что я не забылъ прежнихъ отношеній къ вамъ. Ваша репутація мнѣ извѣстна и она даетъ мнѣ надежду, что мы съ вами не будемъ вмѣстѣ вести политики, а въ вашихъ сношеніяхъ со мною и съ моимъ министромъ вы будете откровенны и благородны, безъ чего со мною нельзя вести никакого дѣла, или только ведутся дурныя. Я самъ подамъ вамъ примѣръ этой откровенности». При этомъ государь добродушно пожалъ руку посланника и прибавилъ: «Я люблю короля. Я искренно ему преданъ; я восторгаюсь его достоинствами и его великими добродѣтелями; я уже не разъ доказалъ, какой интересъ я питаю къ Франціи, но я не скрою отъ васъ, что уже давно меня очень беспокоитъ то, что происходитъ у васъ. Это еще доказываетъ всю мою преданность королю и мое желаніе, чтобы счастье его и Франціи не было компрометировано. Ахенскія конференціи создали между державами союзъ, который долженъ остаться неразрывнымъ; кто попытается его нарушить, будетъ всѣми принятъ за врага всесвѣтнаго спокойствія и заслужитъ тѣ мѣры безопасности и общей охраны, которыя пришлось бы принять противъ него. Франція добровольно присоединилась къ этому союзу, который сначала заключенъ былъ противъ нея; она признала всѣ условія и послѣдствія, такъ что съ тѣхъ поръ разсчитывала на тѣ же гарантіи, что и другія державы. Было бы великимъ несчастіемъ, графъ, если бы она отдѣлила свои интересы отъ общихъ и новыми безпорядками, нарушающими общее спокойствіе, возбудила бы противъ себя вниманіе Европы».

Послѣ нѣсколькихъ привѣтственныхъ словъ посланника аудіенція кончилась. Спустя немного дней, по случаю дня рожденія императора, при дворѣ былъ утренній пріемъ, а вечеромъ балъ и ужинъ. По словамъ Лаферрона, балъ былъ великолѣпный и блескъ двора совершенно гармонировалъ съ величіемъ имперіи. Танцевали, играли и ужинали въ трехъ громадныхъ залахъ, прекрасно иллюминированныхъ, а въ аппаратахъ, черезъ которые проходили въ эти залы, была разставлена на богатыхъ буфетахъ роскошная историческая золотая и серебряная посуда, въ томъ числѣ вазы временъ Юрика и кубки, бывшіе въ употребленіи при св. Владимірѣ. Государь нѣсколько разъ разговаривалъ съ посланникомъ, но не упоминалъ о политическихъ дѣлахъ. Такъ какъ во дворцѣ были всѣ представители европейскихъ державъ, то Лаферронэ имѣлъ случай познакомиться съ ними. Со стороны Англіи находился только повѣренный въ дѣлахъ Кассамайоръ. Живя постоянно вдали отъ общества, по своему собственному желанію, онъ только мѣнялся визитами со всѣми, какъ того требовалъ этикетъ. «Я полагаю,—говоритъ французъ:—что прусскій генералъ Меллеръ лѣтъ десять тому назадъ былъ въ большой модѣ въ Петербургѣ, но теперь, въ виду его привычки сидѣть постоянно дома, общество не обращаетъ на него больше вниманія. Съ его личнымъ кредитомъ упалъ и кредитъ его страны. Хотя императоръ поддерживаетъ съ прусскою королевскою семьей старинную дружбу, но эта страна не имѣетъ никакого вліянія на русское правительство. Напротивъ, представитель Австріи, баронъ Ленбельтернъ совершенно другого рода личность, чрезвычайно дѣятельная и распространенная въ обществѣ». Государь, по словамъ Лаферрона, очень любитъ Ленбельтерна, какъ не жалуется ни одного посланника, и, еще бывши въ Ахенѣ, онъ однажды писалъ, что

Россия когда-нибудь раскается въ томъ, что слишкомъ ухаживаетъ за Франціей. Испанецъ Зеа Бермудезъ, очень почтенный человѣкъ, возбуждалъ, по словамъ француза, во всѣхъ довѣріе, но самъ занимался преимущественно торговыми и политическими дѣлами своего отечества. Изъ всѣхъ своихъ дипломатическихъ коллегъ онъ отзывался съ наибольшимъ интересомъ и дружелюбіемъ о герцогѣ Серра Капріолѣ, присланномъ въ Россію Неаполитанскимъ королевствомъ, который всегда пользовался такимъ уваженіемъ при русскомъ дворѣ, что былъ избранъ посредникомъ во время войны между Россіей и Турціей. Датчанинъ графъ Бломъ, находившійся въ очень дружественныхъ отношеніяхъ съ русскими министрами иностранныхъ дѣлъ и финансовъ, сообщалъ, по словамъ Лаферронэ, своимъ иностраннымъ коллегамъ интересныя свѣдѣнія. Графъ Врей, представитель Баваріи, былъ однимъ изъ ветерановъ петербургскихъ посольствъ, и его долгое пребываніе въ Россіи и знаніе всѣхъ дѣлъ часто побуждало русскихъ министровъ обращаться къ нему за совѣтами. Камбель, посланникъ Соединенныхъ Штатовъ, чрезвычайно благородный человѣкъ, но, по несчастію, не говорилъ ни на одномъ языкѣ, кромѣ англійскаго. Саксонецъ графъ Эйнзидель, больной и слѣпой, человѣкъ очень умный и знающій, сообщилъ относительно его интересныя свѣдѣнія. Лаферронэ ограничивается этой краткой характеристикой всѣхъ иностранныхъ посланниковъ. Что же касается его самого, то Каподистрія увѣряетъ, что государь чрезвычайно уважалъ его и относился къ нему съ чрезвычайной снисходительностью. Александръ I при этомъ очень благоволилъ къ Франціи, и ни на чемъ не основаны увѣренія многихъ, что онъ хотѣлъ лично дѣйствовать на составленіе французскихъ министерствъ.

Пригласивъ посланника къ себѣ во дворецъ въ печальную эпоху убійства герцога Беррійскаго, императоръ обратился къ нему съ памятной рѣчью: «Генералъ, я вамъ уже не разъ говорилъ объ опасеніяхъ, которыя я чувствовалъ относительно дѣйствій вашего правительства. Но мое воображеніе не шло такъ далеко, какъ убійство; теперь же я признаю, что моему безпокойству нѣтъ границъ. Вотъ, любезный графъ, роковыя послѣдствія тѣхъ злополучныхъ доктринъ, которыя проповѣдуются прежде всего, простите меня, во Франціи. Когда нація такъ удаляется отъ принциповъ нравственности и религіи, а, напротивъ, исповѣдуетъ анархію, то рука Всевышняго тяготѣетъ надъ нею. Нельзя не ужасаться тому, что печатается во Франціи, а послѣ подобнаго чтенія не странно, что такія преступленія совершаются. Кинжалы Занда и Лувеля отравлены однимъ ядомъ. Увѣрены ли вы, что у послѣдняго жестокаго убійцы нѣтъ безумныхъ соучастниковъ, которые также собираются поразить другія августѣйшія жертвы. Я хотѣлъ выразить все то впечатлѣніе, которое произвело на меня несчастіе, обрушившееся на короля, и вмѣстѣ съ тѣмъ я прошу васъ сообщить ему, что, по моему мнѣнію, судьба Франціи и Европы зависитъ отъ результатовъ кризиса, въ которомъ участвуетъ ваше правительство. Время положить конецъ этому злу, и я надѣюсь, что не слишкомъ поздно». Черезъ нѣсколько дней посланникъ встрѣтилъ государя случайно на прогулкѣ, и Александръ Павловичъ выразилъ свое удовольствіе, что въ такомъ несчастномъ положеніи премьеромъ былъ назначенъ герцогъ Ришелье. «Вы напишите ко-

ролю,—прибавилъ государь:—что я сочувствую его несчастію и надѣюсь, что ужасная катастрофа не будетъ имѣть плачевныхъ послѣдствій».

Около этого же времени Лаферронэ высказалъ барону Пакъ замѣчательный взглядъ на русскую внутреннюю политику того времени. «Непроицаемая тайна, которая покрываетъ всѣ правительственныя распоряженія,—пишетъ онъ,—доходить до того, что въ двадцать четыре часа принимаются самыя важныя рѣшенія, требующія серьезнаго размышленія. Такимъ образомъ существуетъ мало способовъ, чтобы намъ, посланникамъ, исполнять во-время возложенныя на насъ обязанности. Конечно, въ здѣшной странѣ мы видимъ такой же развратъ, какъ и вездѣ, и онъ настолько организованъ, что для всякаго государственнаго дѣятеля существуетъ опредѣленная цѣна; но этимъ путемъ можно узнать только неважныя и недостаточныя тайны, какія-нибудь административныя мѣры или бесполезныя интриги. Все же, что важно, скрывается въ тайнѣ; оно рѣшается самимъ императоромъ, который довѣряетъ его лишь двумъ-тремъ министрамъ, и они навѣрно погибли бы, если бы нарушили тайну. Такъ, мы недавно имѣли примѣръ замѣчательнаго и поразительнаго секрета, въ которомъ содержалось государственное дѣло до послѣдней минуты его исполненія. Указъ, повелѣвавшій изгнаніе іезуитовъ изъ Россіи, подписанъ государемъ 13 марта, а напечатанъ въ газетѣ 20-го и прежде 19-го числа объ этомъ никто не зналъ изъ самыхъ близкихъ лицъ къ министру духовныхъ дѣлъ, князю Голицыну».

Графъ Лаферронэ, какъ католикъ, чрезвычайно несочувственно относится къ означенной мѣрѣ и доказываетъ, что она не имѣетъ ничего политическаго, а противорѣчитъ принципу вѣротерпимости. По его словамъ, главной причиной окончательнаго изгнанія іезуитовъ изъ Россіи была книга сардинскаго посланника, графа де-Местра, который, по случаю предыдущаго ихъ изгнанія, выражался о русскомъ правительствѣ самымъ рѣзкимъ образомъ, что очень не понравилось государю. «Но,—говоритъ Лаферронэ,—вообще въ духовныхъ дѣлахъ Россія ведетъ себя такъ необычайно, что я поручилъ своему секретарю Габріяку составить полный отчетъ объ этомъ вопросѣ и какъ только онъ будетъ готовъ, доставлю въ Парижъ». По его словамъ, въ духовныхъ дѣлахъ императоръ доходитъ до такого «безумія», что преслѣдуетъ одинаково всѣ секты, такъ, на примѣръ, русскихъ раскольниковъ, а поощряетъ библейское общество, которое замѣтнымъ образомъ распространяетъ протестантство. «Если же разъ императоръ перестанетъ увлекаться религіозными странностями,—прибавляетъ Лаферронэ,—то, быть можетъ, онъ отдастся другимъ мыслямъ, но какимъ именно? Не захочетъ ли онъ тогда двинуть милліоны солдатъ, которыхъ на всякій случай держитъ наготовѣ. И въ такомъ случаѣ не броситъ ли взгляда на Европу или Азію? Этотъ вопросъ можетъ сдѣлаться очень важнымъ и въ сущности рѣшенъ капризомъ или дурнымъ совѣтомъ».

Подъ влияніемъ убійства Лувелемъ наслѣдника Луи-Филиппа, Николай I сдѣлался суровымъ оплотомъ общественной реакціи и монархической власти на всемъ континентѣ. Хотя Лаферронэ и придерживался монархическихъ принциповъ, но былъ рѣшительнымъ конституціоналистомъ, а потому очень боялся крайности политическихъ мнѣній Александра, совершенно подчинившагося съ нѣкоторыхъ поръ Меттерниху. Послѣдняя его депеша изъ Петербурга

въ «Историческомъ сборникѣ» относится къ 4 сентября 1820 года, такъ что дальнѣйшія письма Лаферрона уже надо извлекать изъ архива графа Нессельроде.

Продолжительный перерывъ въ перепискѣ графа Лаферрона прекращается въ февралѣ 1825 года; до этого времени онъ постоянно находился въ Петербургѣ. Теперь же онъ сообщаетъ свой разговоръ съ императоромъ Александромъ за нѣсколько мѣсяцевъ до его отъѣзда въ Таганрогъ и послѣдовавшей затѣмъ смерти. «Я не буду напоминать вамъ,—сказалъ императоръ:—что я дѣлалъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ для поддержанія мира въ Европѣ и для удаленія всего, что могло бы отвратить меня отъ слѣдованія по пути, который я себѣ начерталъ. Я постоянно имѣлъ въ виду единственно общую пользу и общій интересъ и ради нихъ я жертвовалъ не колеблясь всѣми личными соображеніями. Я никогда не злоупотреблялъ вредными послѣдствіями для спокойствія Европы, которыя при теперешнихъ обстоятельствахъ могла имѣть война между Портою и мною. Какъ бы я ни доказывалъ свою политическую умѣренность и какъ бы ни подтверждалъ своей рѣшимости не увеличивать настоящей территоріи имперіи, рѣшимости, которую предписывали мнѣ какъ реальные интересы Россіи, такъ и нравственные соображенія, которыми я всегда руководствовался, какъ правилами моего поведенія, я, однако, никогда не могъ льстить себя мыслью, что и на этотъ разъ данную рѣшимость придадутъ означеннымъ намѣреніямъ. Я долженъ имѣть въ виду идею, что первое вооруженное движеніе, сдѣланное Россіей, будетъ сигналомъ ужаса для Европы, пробудитъ разомъ безпокойство и ревность, наконецъ прибавитъ къ причинамъ недомоганія, уже заключающимся въ бѣдной Европѣ, модный принципомъ болѣе безпорядка и волненія. Вотъ, повторяю вамъ, единственная мысль, которая въ теченіе четырехъ лѣтъ заставляетъ меня закрывать глаза и уши на все, что мое долготерпѣніе не хочетъ ни слышать, ни видѣть. Я вамъ недавно сказалъ, то же я повторяю сегодня: мнѣніе всей Россіи противно моему, она хочетъ меня толкнуть совершенно въ противоположную сторону. Итакъ, это мнѣніе дѣйствуетъ на меня не болѣе, какъ другое какое-либо соображеніе, и мнѣ нечего вамъ говорить, что въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей жертвы, которую я приношу для общественнаго блага. Все, что я сдѣлалъ до сегодняшняго дня, я рѣшилъ еще сдѣлать съ моими союзниками и ничего безъ нихъ. Эти слова должны васъ разубѣдить относительно моихъ воинственныхъ и честолюбивыхъ плановъ, въ которыхъ меня подозрѣвали у васъ, какъ и у другихъ».

Подтвердивъ еще разъ свои мирныя намѣренія, Александръ Павловичъ объяснилъ Лаферрону, что онъ смертный и можетъ во всякое время умереть и никто не знаетъ, какія могутъ быть намѣренія у его преемника, поэтому лучше всего принять рѣшительныя мѣры въ духѣ его миролюбія для устройства обще-европейской политики. Послѣ этого разговора Лаферронъ не упоминаетъ ни въ одномъ документѣ или письмѣ о своихъ сношеніяхъ съ Александромъ I, а прямо переходитъ къ отрывкамъ своей депеши отъ 5 января 1826 года, касающимся обстоятельствъ, сопровождавшихъ восшествіе на престолъ Николая Павловича. Онъ передаетъ въ этой депешѣ о пріемѣ 1 января 1826 года иностранныхъ посланниковъ новымъ императоромъ и сообщаетъ произнесенную имъ тор-

жественную рѣчь. Въ нѣсколькихъ фразахъ, уже извѣстныхъ по другимъ матеріаламъ, онъ объяснилъ, что случилось въ Петербургѣ 14 декабря. Разразившійся въ этотъ день заговоръ, по его словамъ, уже долго готовился, что было извѣстно покойному императору. «Но, по счастью, этотъ мятежъ нельзя сравнить съ испанскимъ или пьемонтскимъ,—сказалъ Николай.—Слава Богу, мы еще не дожили до этого и, надѣюсь, никогда не доживемъ. Въ числѣ виновниковъ мятежа были большіе преступники, какъ князь Трубецкой и нѣкоторые другіе. Въ немъ участвовало большинство людей, которые не знали, куда ихъ вѣли, и дѣйствовали безсознательно. Я полагаю, что для Россіи и, могу сказать — для всей Европы, большое счастье, что этотъ заговоръ вспыхнулъ, потому что мы узнали всѣ пружины заговора и потому могли принять мѣры противъ его распространенія. Я хочу, чтобы все было извѣстно объ этомъ заговорѣ и ничего не было скрыто. Но я вамъ повторяю, что это не военный мятежъ: я болѣе, чѣмъ когда, увѣренъ въ своей арміи. Вы можете убѣдить ваши правительства, что эта смѣлая попытка не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій».

Лаферронэ хотѣлъ выразить все безпокойство, какое чувствовали въ эти дни иностранные послы, и весь ихъ восторгъ, возбужденный поведеніемъ императора, но Николай Павловичъ перебилъ его и поспѣшно сказалъ:

— Не будемъ объ этомъ говорить, я только исполнилъ свой долгъ; въ подобныхъ обстоятельствахъ душа—лучшій совѣтникъ, и человекъ, носящій мундиръ, не можетъ иначе поступать. Къ тому же я слишкомъ былъ увѣренъ въ вѣрности большинства моей гвардіи, чтобы хотя на минуту безпокоиться о результатѣ этого дня».

Послѣ этой депеши въ архивѣ графа Нессельроде не имѣется ни одного документа Лаферронэ до его отъѣзда изъ Петербурга въ слѣдующемъ году. Тогда Карлъ X назначилъ его министромъ иностранныхъ дѣлъ, и онъ исполнялъ свои обязанности до прекращенія министерства Мартиньяка въ 1829 году. Въ продолженіе этого времени онъ нѣсколько разъ писалъ письма графу Нессельроде, внукъ котораго теперь напечаталъ ихъ въ его «Архивѣ».

Главнымъ его занятіемъ было участіе въ греческихъ дѣлахъ, и онъ писалъ канцлеру преимущественно объ этомъ. Въ своихъ письмахъ Лаферронэ выражалъ, какое впечатлѣніе производила на Францію русско-турецкая война. Въ началѣ 1830 года, за нѣсколько времени до іюльской революціи, Лаферронэ, несмотря на свое нездоровье, былъ назначенъ посланникомъ въ Римъ, но онъ недолго занималъ этотъ постъ, потому что не хотѣлъ присягать въ вѣрности Людовику-Филиппу. Съ этихъ поръ онъ жилъ въ отставкѣ, и въ «Архивѣ» Нессельроде находится одно его письмо отъ 3 іюля 1843 года. Въ этомъ письмѣ онъ выражается очень сомнительно о будущности Франціи и, по его словамъ, онъ небольшой поклонникъ Луи-Филиппа, избилующаго ложью и всякаго рода грязью. Напротивъ, онъ, какъ всегда, свидѣтельствуетъ о своемъ глубокомъ уваженіи къ русскому императору и проситъ Нессельроде засвидѣтельствовать ему свое глубокое искреннее уваженіе. Вслѣдъ за этимъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о графѣ Лаферронэ до его смерти.

— Легенда о Маріи Стеллѣ.—Въ послѣднемъ майскомъ номерѣ «Revue Hébdomadaire» виконтъ де-Рейзе помѣстилъ одну изъ многочисленныхъ легендъ,

касающихся вопроса гражданскихъ правъ французскихъ королей младшей линіи Бурбоновъ, именно герцоговъ Орлеанскихъ. Легенда эта зародилась въ теченіе 1830 г. послѣ появленія мемуаровъ Маріи Стеллы: «*Maria Stella, ou échange criminel d'une demoiselle du plus haut rang contre un garçon de la condition la plus vile*». Легенда состояла въ томъ, что во время своего пребыванія въ Италіи, гдѣ герцогъ Шартрскій путешествовалъ инкогнито, герцогиня родила дочь, которая была въ тотъ же день подмѣнена мальчикомъ, сыномъ итальянскаго тюремщика Чиаппини, будущимъ Луи-Филиппомъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ Марія Стелла говоритъ, что родилась въ 1773 г. въ маленькомъ городкѣ Модильяцѣ, на вершинахъ Апеннинъ, въ герцогствѣ Тосканскомъ. Ее крестили подъ именемъ Маріи-Стеллы-Петрониллы и заявили, что она дочь Лоренцо Чиаппини и Винченці Виллдженти.

Чиаппини служилъ въ городской тюрьмѣ, и первые годы жизни Стеллы прошли тамъ. Ея родители были люди бѣдные, грубые и постоянно ссорились. Единственнымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ были для нея посѣщенія сосѣдняго замка графини Ками Борги, пріѣзжавшей на лѣтніе мѣсяцы въ Модильяну вмѣстѣ съ сыномъ, графомъ Помпео. Мать и сынъ плѣнились миловидностью ребенка и баловали его. Но вскорѣ эти счастливые для нея дни миновали, оставивъ по себѣ лишь воспоминанія о первыхъ наслажденіяхъ роскошью и удовольствіями. Маріи Стеллѣ было только четыре года, когда великій герцогъ Леопольдъ назначилъ ея отца командовать отрядомъ стрѣлковъ. Естественно, что матеріальное положеніе ея родителей улучшилось, но существованіе дѣвочки отъ того не сдѣлалось слаще. Ея мать обращалась съ нею жестоко и безпрестанно бранила ее. Между тѣмъ дѣвочка росла и выказывала способности къ танцамъ и музыкѣ, такъ что ея отецъ рѣшилъ хлопотать объ ея дебютѣ въ Пиацца-Веккіа.

Молодая и граціозная, съ чудеснымъ голосомъ, которымъ она искусно владела, Стелла вскорѣ стала пользоваться большимъ успѣхомъ и была замѣчена однимъ высокопоставленнымъ пожилымъ англичаниномъ, лордомъ Ньюборгомъ, вдовцомъ, имѣвшимъ сына. Этотъ англійскій пэръ обладалъ крупнымъ состояніемъ и потому легко устроился съ отцомъ молодой дѣвушки, вручивъ ему пятнадцать тысячъ франковъ, годовую ренту въ тридцать дукатовъ и доходный домъ въ Фіезолѣ. Но обладаніе дѣвушкой, какъ любовницей, его не удовлетворяло; онъ былъ такъ въ нее влюбленъ, что рѣшился сдѣлать ее своей женой. Въ своихъ воспоминаніяхъ тринадцатилѣтняя Стелла говоритъ, что подобная сдѣлка вызвала въ ней негодованіе и отвращеніе къ родителямъ за такой неравный бракъ. Но въ этомъ можно сомнѣваться, такъ какъ она все-таки оставалась жить съ ними въ Фіезолѣ и не отдалялась отъ нихъ. Послѣ пребыванія въ Гаагѣ, гдѣ голландская королевская семья оказала ей самый радушный приемъ, она съ мужемъ отправилась въ Англію и поселилась въ его замкѣ. Представленная подъ титуломъ Марезины ди-Модильяна, Марія Стелла добилась свидѣтельства о своемъ натурализованіи и попала во дворецъ, руководимая графиней

¹⁾ La legende de Maria Stella, par vicomte de Reizet. «*Révue Hebdomadaire*». 29 Mai 1909.

Гарко. Собственно въ эту эпоху совершилось сближеніе супруговъ, такъ какъ молодая женщина только теперь отвѣчала на законныя требованія мужа, во Флоренціи же между ними происходили бурныя сцены. Окруженная всевозможнымъ вниманіемъ со стороны мужа во время ея серьезной болѣзни, она наконецъ сдалась, и такимъ образомъ сдѣлалась его настоящей женой только два года спустя послѣ свадьбы. Когда лордъ Ньюборгъ умеръ на ея рукахъ 11 октября 1807 года, то у нея осталось два сына, крестными отцами которыхъ были самые знаменитые люди. Обожавшій ее мужъ оставилъ ей тридцать пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ ежегодной ренты.

Но молодая вдова не долго горевала и не замедлила утѣшиться, выйдя замужъ за русскаго дворянина, барона Унгернъ-Штернберга, «окружившаго ее почестями и очаровавшаго ее своими прекрасными манерами». Она рѣшила жить съ нимъ въ Петербургѣ, но по возвращеніи въ Лондонъ она родила третьяго сына. Прошло десять лѣтъ, и баронесса, отъ времени до времени получавшая извѣстія отъ родныхъ, однажды узнала изъ письма, что отецъ опасно боленъ и хочетъ послѣдній разъ ее обнять. Онъ лишился мало-по-малу всей семьи и жилъ одиноко, поэтому, хотя баронесса не хранила нѣжныхъ воспоминаній о своемъ родителѣ, но все-таки рѣшилась поѣхать къ нему. Старикъ, повидимому, обрадовался «милэди», какъ онъ называлъ дочь, и она оставалась съ нимъ два года, такъ какъ между нею и мужемъ произошла размолвка. Все это время она окружала отца вниманіемъ, но, несмотря на ея заботы, въ 1820 году онъ умеръ.

Похоронивъ отца со всевозможной пышностью, баронесса отправилась въ Ливурнь, а потомъ въ Сиенну для леченія. Здѣсь она получила странное письмо, подписанное Чиаппини, которое, по ея словамъ, очень ее «удивило». Въ немъ говорилось: «Милэди, я окончательно достигъ конца моихъ дней, не раскрывъ никому секрета, который прямо касается васъ и меня. Этотъ секретъ слѣдующій: когда вы родились отъ личности, которую я не могу вамъ назвать и которая перешла въ другой міръ, у меня тоже родился сынъ. Мнѣ предложили обмѣняться ребенкомъ и, взявъ во вниманіе мое тогдашнее состояніе, я согласился на выгодныя для меня предложенія. Тогда я усыновилъ васъ, какъ другая пара усыновила моего сына. Я вижу, что Небо снисходительно къ моимъ дѣтямъ, потому что вы находитесь въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ вашъ отецъ; хотя онъ былъ въ положеніи, почти похожемъ на ваше, что позволяеть мнѣ окончить жизнь нѣсколько спокойнѣе. Сохраните это при себѣ, чтобы не сдѣлать меня окончательно виновнымъ, да, прося у васъ прощенія за мою ошибку, прошу васъ скрывать ее, чтобы не заставить говорить смерть о непоправимомъ дѣлѣ. Это письмо вамъ будетъ вручено послѣ моей смерти. Лоренцо Чиаппини».

Взволнованная подобнымъ разоблаченіемъ, баронесса Унгернъ-Штернбергъ отправилась за совѣтомъ къ адвокату, которому поручила сдѣлать экспертизу письма, чтобы установить его подлинность. Затѣмъ, желая открыть это таинственное родство, она отправилась въ Фаенцу, послѣ того, какъ бесполезно прорылась въ архивахъ Ватикана, ничего тамъ не найдя. Старая графиня Борги умерла, ея сынъ тоже. Остались только двѣ старыя служанки Вандини, которыхъ она допросила. Она также обратилась къ наследнику графа Борги и ко многимъ старымъ жителямъ города, а также къ городскимъ чиновникамъ, и такимъ обра-

зомя ей удалось добыть различныя свидѣтельскія показанія по поводу этого подлога.

Согласно болѣе или менѣе правдоподобнымъ показаніямъ видно, что въ 1773 году въ преторіальскомъ дворцѣ Модильяны остановился господинъ подъ именемъ графа Жуанвила въ сопровожденіи своей жены. Молодая графиня была беременна; жена тюремщика Чиापпини тоже. Семейные интересы—цѣлое значительное наслѣдство—зависѣли отъ рожденія мальчика. Поэтому графъ, заранее предусмотрѣвъ, условился, что если у графини родится дѣвочка, а у жены тюремщика мальчикъ, то они помѣняются дѣтьми. Случилось именно такъ: графиня родила дѣвочку, а жена тюремщика—мальчика. Тогда графъ Жуанвиль перемѣнилъ ребенка. Однако молчаніе хранили недостаточно хорошо, и тайна открылась. Слухъ о подмѣнѣ дѣтей прошелъ среди публики и вызвалъ настолько угрожающіе протесты, что графу пришлось покинуть городъ и искать временнаго убѣжища въ монастырѣ, чтобы избѣжать народнаго негодованія. Тѣмъ временемъ графинѣ съ сыномъ удалось пробраться за границу.

Собравъ всѣ эти свидѣтельства и заручившись совѣтами хорошаго адвоката, Марія Стелла обратилась въ церковный судъ въ Фаенцѣ, прося утвердить актъ ея рожденія. Ей это удалось 29 мая 1824 года и ее признали дочерью графа и графини Жуанвиль. Если бы она ограничилась только этимъ требованіемъ и спокойно возвратилась бы въ Англію, гдѣ ее унижали и презрительно относились благодаря ея невысокому происхожденію, то была бы въ выигрышѣ. Однако излишнее честолюбіе сгубило ее. Ея братъ Томазо Чиаппини, который во все время процесса являлся ея противникомъ, послѣ того, какъ она распорядилась снять съ надгробнаго памятника Чиаппини прежнюю надпись и поставить другую, гдѣ она хотѣла написать, что не его дочь, — подалъ противъ нея жалобу и послѣ разбора дѣла оказалось, что письмо тюремщика была апокрифомъ; два доктора доказали, что онъ не могъ писать, такъ какъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти у него отнялась правая рука и почеркъ мало походилъ на его обыкновенный, да къ тому же на письмѣ не было марки. Точно также свидѣтельства обѣихъ служанокъ, которыхъ она подкупала, были ложныя.

Кромѣ того, письма графа Жуанвила къ графу Борги такъ и не нашлись, хотя утверждали, что они существуютъ, и невозможность достать ихъ была тѣмъ болѣе важна, что это были единственныя доказательства. Но любопытенъ тотъ фактъ, что Марія Стелла замѣчательно походила на отвергаемаго ею отца, и восемнадцать свидѣтелей это подтвердили. Наконецъ, какъ послѣднее доказательство, среди другихъ свидѣтелей была акушерка г-жи Чиаппини, утверждавшая, что у нея родилась дочь Марія Стелла. Такимъ образомъ 30 мая 1829 года было окончено это дѣло, и Марія Стелла была уличена во лжи съ цѣлью завладѣть благороднымъ происхожденіемъ, на которое не имѣла никакого права.

Въ эту эпоху Марія Стелла жила въ Англіи и не появилась на процессъ, но, повидимому, неудача не очень на нее подѣйствовала. Пользуясь ранѣе выиграннымъ ею дѣломъ, она рѣшила, что лучше всего игнорировать второе дѣло и пользоваться результатами перваго. Во время своего путешествія во Франціи въ поискахъ слѣдовъ своихъ фантастическихъ родителей она узнала, что Жуанвиль

расположенъ въ Шампани и представляетъ владѣніе Орлеанскаго дома, но что никакое аристократическое семейство не носило этого имени. Такъ какъ она желала прежде всего окружить свое темное происхожденіе ореоломъ княжескаго престижа, то поэтому, недолго думая, объявила, что подъ псевдонимомъ графа и графини Жуанвиль скрывались герцогъ и герцогиня Орлеанскіе. Но эта уловка ей не удалась; во время ея рожденія герцогъ и герцогиня Орлеанскіе находились въ Парижѣ, что видно изъ всѣхъ газетъ той эпохи. Если бы они захотѣли тайно провести нѣкоторое время вдали отъ Парижа, то при тогдашнихъ путяхъ сообщенія это было бы невозможно, въ виду продолжительнаго времени для переѣзда съ одного мѣста въ другое. Кромѣ того, какъ извѣстно, принцы королевскаго дома не могли переступать границы безъ разрѣшенія короля а потому газеты извѣщали объ этомъ публику; между тѣмъ имя герцога упоминается на всѣхъ собраніяхъ, церемоніяхъ и балахъ въ Версали за означенное время. Даже допустивъ это невѣроятное обстоятельство и предположивъ, что Марія Стелла говорить правду, будто герцогиня Орлеанская, скрывъ свою беременность, когда была беременна дочерью, снова представилась беременной послѣ своего возвращенія изъ Италіи и взяла въ сообщники окружавшихъ ее дамъ и докторовъ, все-таки, согласно старинному французскому закону, всѣ принцессы королевскаго дома должны родить почти при публикѣ, окруженныя многочисленными свидѣтелями и потому обманъ былъ невозможенъ. Герцогиня Шартрская родила въ той же обстановкѣ: она родила въ своей комнатѣ въ Пале-Рояль, и свидѣтелями при этомъ событіи были: герцогъ Бурбонскій, принцъ Конти, герцогъ Пентевѣръ, ребенка принималъ хирургъ Милло. Кромѣ того, невозможно было представить новорожденнымъ шестимѣсячнаго ребенка. Подобныя предположенія не заслуживаютъ даже проверки, настолько они невѣроятны. Тѣмъ не менѣе Марія Стелла, пользуясь малѣйшими обстоятельствами, не переставала обращаться съ упорными требованіями возвратити ей законное имя. Когда у нея на лицѣ появлялась красная сыпь, что случалось часто, она не преминула напомнить, что у герцога Шартрскаго было все лицо красное и что цвѣтъ его лица былъ испорченъ съ дѣтства. Въ 1830 году она настолько была смѣла, что снова обратилась въ судъ съ жалобой, но ея претензія не была принята въ виду того, что она не заявила адреса ни герцога, ни герцогини.

Революція 1830 года и воцареніе новой монархіи только еще болѣе возбудили ее противъ Луи-Филиппа, котораго она не стѣсняясь называла разбойникомъ и обвиняла его въ томъ, что онъ покушался на ея жизнь и потому она должна была выѣхать изъ Франціи. Когда она черезъ нѣкоторое время вернулась во Францію, то замѣтно было, насколько ее преслѣдовала ея *idée fixe*, затуманившая ея умъ. Она поселилась въ Парижѣ, а остатокъ жизни проводила за украшеніемъ оконъ портретами Орлеанскаго семейства, привлекая на себя вниманіе публики и останавливая прохожихъ и прогуливающихся. Она умерла 28 декабря 1843 года въ гостиницѣ Батъ, продолжая проклинать короля, не только словесно, но рассылая по Парижу письма. Всѣ ее считали настолько безвредной, что, несмотря на ея выходки, ее не засадили въ тюрьму. Въ своемъ интересномъ трудѣ, посвященномъ ей, Морисъ Витракъ говорить, что ея настоящимъ отцомъ былъ графъ Баттавини, умершій нѣсколько лѣтъ спустя послѣ ея рожденія.

— Политико-гуманитарная роль Жоржъ-Занда и ея старость ¹⁾. Ея участіе въ политическомъ и социальномъ движеніи началось съ сень-симонизма. Сторонники этого ученія, по слѣдамъ своего учителя, старались завѣрбовать къ отцу своей религіи также и мать. Сень-Симонъ прямо сказалъ г-жѣ Сталь: «Я человѣкъ необыкновенный; вы женщина также необыкновенная, у насъ будетъ ребенокъ еще необыкновеннѣе». Но г-жа Сталь не соблазнилась произведеніемъ такого чуда. Когда появились первые социальные романы Жоржъ-Занда, то сень-симонисты послали Адольфа Геру, редактора «*Opinion national*», къ ней съ тѣмъ же предложеніемъ сдѣлаться ихъ матерью. Но она была слишкомъ благоразумна и его отвергла. Однако это не заставило ее разстаться съ ними, и она продолжала посѣщать ихъ собранія въ Менильмонтанѣ. Вскорѣ она близко сошлась съ однимъ изъ сень-симонистовъ, знаменитымъ Ламеннэ, расторгнувшимъ свои узы съ Римомъ и написавшимъ апокалиптическую книгу «*Les paroles d'un croyant*». Ее сблизилъ съ нимъ Листъ, и она стала страстно его обожать. Она очень не терпѣла журнализмъ, но предложила Ламеннэ писать въ его журналѣ «*Le Monde*». «Онъ такъ добръ,—говорила она,— и я его такъ люблю, что отдамъ ему всю мою кровь и всѣ мои чернила, если только онъ ихъ потребуешь». Онъ не попросилъ ни того, ни другого. Она напечатала въ «*Le Monde*» извѣстныя «*Lettres à Margi*», гдѣ развивала свою феминистскую теорію, которая не нравилась Ламеннэ, и потому Жоржъ-Зандъ не сдѣлалась любимой ученицей глубоко уважаемаго ею учителя.

Такимъ образомъ, крупная личность, какъ Ламеннэ, не возымѣла вліянія на Жоржъ-Занда, но она совершенно подчинилась Пьеру Леру, который, по сравненію съ первымъ, былъ человѣкомъ незначительнымъ. «Онъ,—по словамъ Думика,—былъ типографскимъ наборщикомъ, а потомъ основалъ газету «*Globe*», которая въ его рукахъ сдѣлалась сень-симонистскимъ органомъ. Полубуржуа, полурабочій, Леру былъ дурно сложеннымъ, тяжеловатымъ человѣкомъ, съ густой шевелюрой, неуклюжимъ и застѣнчивымъ. Несмотря на это, онъ появлялся въ салонахъ, хотя и игралъ тамъ довольно забавную роль. Его мысли были неясныя, и онъ ихъ выражалъ въ еще болѣе темной формѣ. Однако его затуманенный умъ для Жоржа-Занда, бывшей далеко неглупой, былъ свѣтозарнымъ столбомъ, шедшимъ предъ нею. Его туманная философія, казавшаяся ей ясной, какъ день, говорила ся сердцу и уму, разрѣшала всѣ ея сомнѣнія, снабжала ее спокойствіемъ, силой, надеждой, вѣрой и любовью къ человѣчеству. Съ своимъ удивительнымъ умѣньемъ все идеализировать, она создала себѣ Пьера Леру вполне подходящимъ и болѣе прекраснымъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Если Шопень олицетворялъ для нея артиста, то Пьеръ Леру былъ для нея философомъ. Она признавала въ немъ главу и повелителя: «*tu disas e tu signore*». Жоржъ-Зандъ писала о немъ слѣдующія удивительныя строки: «Я должна сказать, что Жоржъ-Зандъ только блѣдный отблескъ Пьера Леру, фантастическій ученикъ съ тѣмъ же самымъ идеаломъ, но ученикъ безмолвный и восторгавшійся его рѣчью, готовый бросить въ огонь всѣ свои сочиненія и говорить, писать, молиться и дѣйствовать подъ его вліяніемъ. Я только популяризаторъ его идей и вырази-

¹⁾ George Sand, par Doumic. Paris. 1903.

тель его сердца, который пытается передать в романах его философию». В этом заключалась тайна успеха произведений Жорж-Занда в течение целых десяти лет. С Пьером Леру и Луи Виардо она основала журнал «La Revue Independent», в котором она помещала романы, как, например, «Norace», отвергнутый Бюлозом, и статьи философско-социальные. Романист при этом брал лозунг от социолога и в своих романах она выражала философию Пьера Леру.

В числе метафизических романов Жорж-Занда первое место занимал «Sept cordes de la Lyre», драматическая поэма, заимствованная из «Фауста» и в свою очередь послужившая прототипом ибсеновскому «Сольнесу». Затем последовал «Spiridion», где выражена идея метампсихоза и выведен монах Алексис, в которого переселился дух прежнего основателя монастыря Геброна. Наконец, по тогдашней моде непременно писать несколько продолжений одного и того же романа, Жорж-Зандь создала продолжение «Consuelo» в «Comtesse de Roudolstadt». Замечательно еще, что это не только мистический роман, но и масонский. Мало того, что Пьер Леру научил великую романистку философским сюжетам, но он познакомил ее и с социализмом. В этом отношении она написала роман «Le compagnon du Tour de France», где в предисловии она говорит: «Надо создать целую новую литературу из народных нравов, столь мало известных другим классам». Первым опытом в этой народной литературе был именно означенный роман, в котором герой-плотник-странствует по всей Франции, занимаясь своим ремеслом, и влюбляется в себя молодую аристократку, которая и выходит за него замуж. Затем следовал «Meunier d'Angibault». Его герой, рабочий-слесарь, влюбляется в аристократку, которая очень рада, когда ее отец разоряется, потому что в таком случае она может выйти замуж за первого. Наконец появляется «Péché de M. Antoine», скучный роман, но вполне социальный, так как действующая липа—коммунисты. Таким образом в этих романах Жорж-Занда впервые выступает во французской литературе настоящий народ. В том же 1845 году, когда напечатан последний из этих романов, вышел и первый ее роман из сельской жизни, «La Mare au Diable». Хотя это произведение одно из самых талантливых произведений Жорж-Занда, но и здесь она также придерживается прежней социалистической манеры и гуманных мечтаний. В нем отражается будущий революционный мечтатель 1848 года.

Легко себя представить, с какой радостью встретила Жорж-Зандь вторую республику, к которой ее приготовили Мишель из Буржа и Пьер Леру. Ею овладел революционный энтузиазм, и она стала писать статьи, очерки, силуэты, сначала в брошюрах под заглавием «Lettres au peuple», потом в газете, вполне ею редактированной—«La cause du peuple», во главе первого номера которой стоял афоризм: «Верховная власть не что иное, как равенство». Наконец Жорж-Зандь сделалась официальным публицистом под руководством Ледру Роллена. «Я уже,—писала она в 1848 году,—государственный человек и написала не менее двух правительственных циркуляров». Она придала необыкновенную рельефность «Bulletin de la République», который появлялся каждые два дня и служил постоянным объектом мыслей и чувств

между правительствомъ и народомъ. Этихъ послѣднихъ бюллетеней вышло всего семнадцать, и они кончились воззваніемъ къ народному возстанію. 15 мая произошло роковое избіеніе республиканцевъ, и тогдашній кумиръ Жоржъ-Занда, Барбесъ, сдѣлался мученикомъ и жертвой правительства.

Великимъ челоѡкомъ революціи для Жоржъ-Занда былъ не Ледрю Ролленъ, не Ламартинъ, не Луи Бланъ, а Барбесъ. Для нея онъ былъ лучше, чѣмъ государственнымъ челоѡкомъ: она называла его Жанной д'Аркъ и Робеспьеромъ. Челоѡкъ вѣчныхъ заговоровъ и почти безконечнаго тюремнаго заключенія занималъ въ ея сердцѣ мѣсто кумира. Однако кровавые беспорядки 15 мая, послѣ которыхъ Барбесъ попалъ въ тюрьму, какъ въ свое обычное жилище, окончательно ее разочаровали въ республикѣ. Это произошло въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Она, сначала такъ гордившаяся Франціей, стала къ ней относиться съ горечью и стыдомъ. Ламартина, по словамъ Думика, она считала болтуномъ, Ледрю Роллена—бабой, народъ—неблагодарнымъ. Даже Барбесъ пересталъ казаться ей героемъ. По своему обычаю, Жоржъ-Зандъ пристрастилась къ художественнымъ мечтаніямъ. Она сдѣлалась теперь исключительно сельскимъ романистомъ, и до 1853 года появлялись сельскіе романы, тѣсно связанные съ революціей: «François le Champy», «La petite Fadette» и «Les maîtres chanteurs». Всѣ эти произведенія были одними изъ лучшихъ ея романовъ, въ которыхъ поселане играли роль идеализированныхъ героевъ.

Почти въ то же время она начала писать драматическія произведенія, такъ какъ всегда любила театръ. Первая ея пьеса «Cosima» провалилась. Послѣдовавшія затѣмъ драмы «François le Champy», «Clodie» и «Le mariage de Victorine» одержали громадннй успѣхъ и до сихъ поръ держатся въ парижскомъ репертуарѣ. «Я люблю болѣе драму, чѣмъ комедію,—пишетъ Жоржъ-Зандъ,—и какъ добрая женщина я хочу обожать своихъ дѣйствующихъ лицъ». Въ пьесахъ она выставляла или побочнаго сына, или соблазненную молодую дѣвушку, или неравный бракъ, т. е. она всегда боролась съ общественными предразсудками, и нельзя незамѣтить, что она представила не одинъ сюжетъ будущихъ пьесъ Дюма-сына, съ которыми она много лѣтъ была дружна и называла себя его матерью. Они вмѣстѣ написали драму «Le marquis de Villemer», которая до сихъ поръ считается одной изъ лучшихъ пьесъ французскаго театра.

Когда наступили старые годы Жоржъ-Занда, то она, хотя продолжала писать, но уже не замѣчательные романы, и ухаживать за молодыми людьми: за Дюма-сыномъ и Густавомъ Флоберомъ, но уже платонически обращааясь съ ними, какъ съ дѣтьми, особенно съ Флоберомъ, котораго будто няичила въ послѣднія десять лѣтъ своей жизни. Она теперь преимущественно жила въ своемъ помѣстьѣ Ноанъ, гдѣ она и ея сынъ Морисъ устроили для дѣтей и большихъ великолѣпный театръ маріонетокъ. Пьесы писала, конечно, мать, а сынъ лѣпилъ куколъ. Какъ извѣстно она спокойно дожила до 72 лѣтъ и умерла въ Ноанъ въ 1876 году.

— Герцогъ Мори и русское общество въ Парижѣ во время второй имперіи.—Французскій историкъ Фредерикъ Лолье только что окончилъ серію

¹⁾ Le duc de Morni et la société sous le second Empire. Par Frédéric Loliée. Paris. 1909.

историческихъ анекдотовъ изъ эпохи второй имперіи книгою «Герцогъ Морни и общество второй имперіи». Этотъ трудъ, составленный по семейнымъ бумагамъ и тайнымъ архивамъ министерства внутреннихъ дѣлъ, подробно рисуеъ физиономію озабоченнаго государственнаго человѣка, неутомимаго какъ въ отношеніи свѣтскихъ удовольствій, такъ и въ отношеніи дѣятельности и работоспособности и умѣвшаго извлекать изъ жизни все, что она могла содержать въ себѣ осуществимаго для личнаго его удовлетворенія. Между прочимъ въ этой книгѣ отведено мѣсто и для русской аристократіи того времени, такъ какъ Морни былъ женатъ на русской аристократкѣ.

Какъ извѣстно, герцогъ Морни былъ незаконнымъ сыномъ голландской королевы Гортензіи и генерала Флао, а потому игралъ большую роль въ эпоху второй имперіи. До 1849 года онъ хотя встрѣчался съ братомъ (Наполеономъ III), но между ними не существовало близости. Разоренный въ 1848 году, онъ держался въ отдаленіи или, вѣрнѣе, по словамъ графа Флери, «въ резервѣ», еще не выбравъ линіи своего поведенія. Благодаря своей связи съ Гизо и принцами Орлеанскими, онъ естественно придерживался ихъ политики, тѣмъ болѣе, что вступилъ въ парламентъ съ молодыхъ лѣтъ и былъ однимъ изъ его вліятельныхъ корифеевъ. Съ другой стороны, онъ колебался сближаться съ Наполеономъ, изъ опасенія, что тотъ не захочетъ тѣсной съ нимъ дружбы; но въ то же время его честолюбіе и интересъ побуждали его попытаться достигнуть сближенія съ императоромъ. Только въ 1849 году Морни впервые попросилъ свиданія съ Наполеономъ, который принялъ его благосклонно, но не выразилъ ничѣмъ своего расположенія, кромѣ дружескаго пожатія руки. Тѣмъ не менѣе съ этихъ поръ между двумя братьями былъ закрѣпленъ союзъ, который длился до могилы, хотя около 1852 года между ними произошло охлажденіе, длившееся довольно долго.

Физически Морни былъ красивѣе брата, но не обладалъ его даромъ очаровывать и нравиться. Обладая пріятными манерами, онъ, однако, лишень былъ естественности, и подъ внѣшней привѣтливостію въ немъ скрывался утомленный, пожившій скептикъ. Это былъ *grand seigneur* и, какъ императоръ, отличался спокойнымъ, невозмутимымъ характеромъ. При всей своей ловкости, онъ, однако, никакъ не могъ перехитрить одной женщины, одной графини, съ которой его связывали сначала любовныя цѣпи, а затѣмъ интересъ. Эта связь, завязавшаяся на почвѣ любви, со временемъ держалась лишь благодаря тому, что они участвовали вмѣстѣ въ нѣкоторыхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, и такимъ образомъ состояніе обоихъ какъ бы слилось во едино и они стали не влюбленной парочкой, а финансистами. Большой доходъ съ предпріятія былъ реализованъ, и графиня жаловалась, что ея компаньонъ распредѣлил его не по равной части. Между ними происходили объясненія, и Морни нѣсколько разъ пытался разойтись съ нею и жениться. Много было толковъ о его бракѣ то съ какой-то американкой, то со вдовой Мольтке, то съ очаровательной молодой дѣвушкой изъ предмѣстья Сень-Жерменъ, мадемуазель Бондевилль, и т. д.

Но во-время предупрежденная графиня каждый разъ ухитрялась отклонить осуществленіе этихъ плановъ. Морни тяготился этими цѣпями, но сбросить

ихъ не могъ. Не разъ онъ говорилъ одному женатому современнику: «Какъ вы счастливы, что женаты. Я бы очень хотѣлъ сдѣлать, какъ вы. Жениться кажется мнѣ раемъ рядомъ съ тѣмъ, что я переносу; у меня нѣтъ ни семейнаго очага, ни жены, ни дѣтей—это ужасно».

Подъ такимъ впечатлѣніемъ герцогъ Морни былъ отправленъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла на коронацію Александра II и воспользовался своей временной свободой. На одномъ изъ баловъ въ Зимнемъ дворцѣ глаза изящнаго, но уже хорошо пожившаго дипломата остановились на молоденькой фрейлинѣ государыни, княжнѣ Софіи Трубецкой. Какъ извѣстно, Трубецкіе считали свой родъ отъ Ягеллоновъ, дѣдъ княжны Софіи женился на принцессѣ Курляндской, разведенной съ Роганомъ, а во второй разъ—на дочери генерала Вейзе, унаслѣдовавшей свою красоту, по словамъ автора, отъ матери—дочери степей, простой цыганки, попавшей послѣ скромнаго кочующаго существованія во дворецъ. Второй сынъ Трубецкого, Сергѣй, отличался романическими эпизодами въ жизни, именно похищеніемъ одной красавицы, за которое государь строго его наказалъ, сославъ въ Сибирь и лишивъ титула, что вызвало со стороны смѣльчака остроумную выходку: онъ заказалъ себѣ визитныя карточки со слѣдующей надписью: «Сергѣй Трубецкой, урожденный князь». Онъ женился на Екатеринѣ Мусиной-Пушкиной, и отъ этого брака родилась дочь Софія, будущая герцогиня Морни. Но этотъ бракъ будущей матери Морни былъ несчастливъ, и вскорѣ послѣдовалъ между супругами разрывъ. Княгиня уѣхала изъ Петербурга, увезя съ собою ребенка, затѣмъ отправилась въ Парижъ, гдѣ въ то время посланникомъ былъ Киселевъ. Она обладала даромъ нравиться и заняла въ русскомъ обществѣ замѣтное мѣсто, но вскорѣ внезапно серьезно заболѣла. Думая, что она уже умираетъ, она вспомнила о добротѣ къ ней императрицы, жены Николая I, и рѣшила вручить ей судьбу и воспитаніе дочери. Семилѣтняя дѣвочка была посажена въ *male poste* съ письмомъ къ государынѣ и отправлена къ ней. Императрица рѣшила помѣстить дѣвочку въ Смольный институтъ и слѣдила за ея воспитаніемъ. Годы шли, и дѣвочка выросла. Обѣ ея тетки, графиня Воронцова и графиня Рибопьеръ, были озабочены вопросомъ, какъ бы избавиться отъ неожиданно свалившейся на нихъ съ неба заботы, тѣмъ болѣе, что у дѣвушки не было никакого состоянія. Обѣ тетки, женщины кокетливыя, которыя сами наслаждались всѣми прелестями жизни, были неспособны на роль воспитательницъ и потому старались отъ нея отдѣлаться.

Княжна Софія, хорошенькая блондинка съ черными глазами, стройная, воспитанная, благородная, съ изящной осанкой, тонкими чертами лица, съ головою камен, вполне олицетворяла типъ рѣдкой красоты. Она понимала, что ей ничего не оставалось, какъ принять предложеніе перваго попавшагося подъ руку вельможи, и когда Морни сдѣлалъ ей предложеніе, она его приняла, тѣмъ болѣе, что графиня Воронцова изо всѣхъ силъ старалась устроить этотъ бракъ и развязать себѣ руки. При этомъ Морни, хотя уже пожившій, сохранилъ изящную внѣшность и былъ окруженъ такою роскошью, что затмилъ всѣхъ. Онъ привезъ съ собою изъ Парижа великолѣпную обстановку, экипажи, картинную галерею, что придавало еще болѣе ему престижа, вызывая зависть англійскаго посланника лорда Гранвиля, и австрійскаго—Эстергази.

Извѣстіе о его бракѣ, какъ бомба, поразило всѣхъ въ Парижѣ. Покинутая графиня рвала и метала, узнавъ объ его измѣнѣ, и стала угрожать Морни судебнымъ процессомъ, поручивъ вести дѣло министру Руэру. Галантный министръ подалъ императору жалобу графини и разыгралъ роль посредника, дѣйствовавшаго въ интересахъ обѣихъ партій. Онъ объявилъ Наполеону, что графиня разорена совсѣмъ, благодаря тому, что Морни ее бросилъ. Она имѣетъ право искать покрытія убытковъ за разрывъ, который повлечетъ за собою громадныя потери въ дѣлахъ, гдѣ она совмѣстно съ Морни участвуетъ. Она просила покровительства императора и его высочайшаго вмѣшательства. «Если она не добьется у вашего величества удовлетворенія, то подастъ въ судъ», сказалъ въ заключеніе Руэръ. Императоръ испугался и рѣшилъ уплатить графинѣ крупную сумму. При этомъ Наполеонъ страшно разгнѣвался на Морни, но затѣмъ вернулъ ему свое расположеніе. Свадьба Морни состоялась въ 1857 году, и весною молодые уѣхали въ Парижъ.

Послѣ женитьбы Морни его парижскій салонъ сталъ еще блестяще. Женитьба на княжнѣ Трубецкой вызвала въ немъ появленіе множества русскихъ и польскихъ аристократовъ, о которыхъ авторъ подробно говоритъ. Но молодая герцогиня не сразу стала показываться въ свѣтъ по случаю первой беременности. Въ ея честь былъ данъ балъ у г-жи Нарышкиной-Ушаковой, гдѣ она произвела сильное впечатлѣніе на парижанъ, появившись въ блѣдно-голубомъ, усѣянномъ звѣздами платьѣ, съ розою въ волосахъ, придержаемаго чернымъ бархатомъ, съ жемчугами на шеѣ. Морни сопровождалъ ее на балы въ Тюльери и на празднества импералистовъ, хотя она бывала тамъ не съ большой охотой: какъ истая легитимистка и сторонница Бурбоновъ, она не вѣрила въ Наполеона и старалась держаться ближе къ русской колоніи.

Упомянувъ о русскихъ аристократкахъ, блиставшихъ въ парижскихъ салонахъ той эпохи, авторъ не только ихъ называетъ по именамъ, но даже приводитъ о нихъ различныя сплетни, напримѣръ, говоря, что Морни, до женитьбы бывавшій на балахъ г-жи Валевской, руководилъ кадрилими пьеро и пьереттъ, которыми были наряжены баронъ Шарль де-Беръ, сопровождавшій княгиню Лобанову, урожденную Паскевичъ, къ которой онъ былъ привязанъ узами изъ розъ, т.-е. которую серьезно увлекался; баронъ Альфредъ Гротъ, красивый молодой человѣкъ, танцовавшій съ хозяйкою дома; графъ Гойось, австро-венгерскій посланникъ, съ мадемуазель Ривасъ де-Сааведра и князь Жоржъ де-Круа съ г-жою Гретри. Всѣ эти лица въ бѣлыхъ атласныхъ костюмахъ съ красными помпонами, въ напудренныхъ парикахъ и въ маленькихъ остроконечныхъ шапочкахъ съ красными лентами и въ бѣлыхъ ботинкахъ танцовали съ такимъ *entrain* галопъ, что императоръ и голландская королева пришли въ восторгъ и просили повторить кадрили, но княгиня Лобанова была слишкомъ впечатлительной женщиной, такъ что отъ быстрого галопа ей сдѣлалось дурно, и баронъ Беръ долженъ былъ поддерживать ее подъ руку въ продолженіе всей остальной части вечера.

Славянская колонія послѣ женитьбы Морни особенно стала посѣщать его салонъ. Многія польки вышли замужъ за французовъ, какъ, напримѣръ, маркиза Ноайль, княгиня Вово и графиня Марія Бонневаль. Славилась также

среди польскихъ женщинъ восхитительная бѣлокурая «муза», г-жа Калержи, урожденная графиня Нессельроде, а по второму мужу г-жа Муханова. Польшка по матери, великолѣпная музыкантша, которую восторгались Листъ, Вагнеръ, Рубинштейнъ, остроумная, живая, она была притягательной силой. За нею слѣдовали граціозныя графиня Браницкая, Потоцкая и проч. Всѣ онѣ, по словамъ автора, привезли со своей родины привлекательную очаровательность, изящный умъ, смѣсь достоинства и сладострастной граціи. Менѣе живыя, но болѣе разнообразныя по своимъ природнымъ качествамъ и разговору, русскія красавицы дѣлили съ польками успѣхъ въ искусствѣ правиться, пользуясь различными средствами, которыя онѣ заимствовали отъ своего характера или воспитанія.

Центромъ обычныхъ собраній въ 1856—1859 годахъ былъ салонъ посланника Киселева. Тамъ же бывала княгиня Радзивилль, урожденная княжна Софія Урусова, сестра очаровательной жены канцлера Горчакова. Она также порвала матримоніальныя цѣпи и жила отдѣльно отъ дѣтей и мужа. Очень изящная и величественная, она считалась за женщину капризную и высокомерную. Она вспоминала въ Парижѣ, какъ Николай I желалъ ей всегда добра. Эта княгиня покровительствовала Морни и любила его слушать; она дала ему много покровительственныхъ писемъ, когда онъ отправился въ Петербургъ. Она кончила свои дни въ очень преклонныхъ лѣтахъ въ Парижѣ, гдѣ одиноко доживала послѣдніе годы жизни.

На пріемахъ русскаго посланника обращали на себя вниманіе два красавца атташе, графъ Альбединскій, впоследствии генералъ-губернаторъ балтійскихъ губерній и женившійся на княжнѣ Долгорукой, и восхитительный Альфредъ Гротъ, вскружившій немало женскихъ головокъ въ Парижѣ прежде, чѣмъ вернуться въ Петербургъ. Завсегдатаями салона Морни были графъ Толстой, маленькаго роста, не очень добрый, но умный, молодой князь Репнинъ, Иванъ Пашкевичъ, женатый на дѣвицѣ Сухановой, которая разошлась съ мужемъ и вышла за лорда Гамильтона, и много другихъ избранныхъ рыцарей, какъ, напримѣръ, «beau ténébreux», Пьеръ Трубецкой, которому отдала свое сердце и руку княжна Лиза Бѣлосельская, другъ Тьера, Руэра, Лагероньера, лорда Пальмерстона, Горчаковой и многихъ другихъ знаменитостей Парижа, Лондона и Петербурга. Маленькаго роста, блондинка, не красавица, но хорошо сложенная, изящная, похожая на маркизу эпохи Людовика XV, хорошо одаренная, образованная, съ большимъ умомъ, пикантная и оригинальная, она создала себѣ фізіономію и роль, которыя помогли ей поддерживать свое ненасытное самолюбіе. Всѣ считали, что она знала самыя послѣднія новости. Всѣ, кто съ нею говорилъ, не могли ею нахвалиться. По причинѣ перехода изъ православія въ католичество ей было запрещено жить въ Петербургѣ, а потому она проживала съ дѣтьми и мужемъ зимою въ Парижѣ, а лѣтомъ въ замкѣ Сайнъ, близъ Кобленца. Она обожала Францію, несмотря на то, что впоследствии сдѣлалась другомъ Вильгельма I и императрицы Августы. Къ этой плеядѣ русскихъ надо прибавить княгиню Оболенскую, красавицу, у ногъ которой находился Вильгельмъ. Ея мужъ считался безупречнымъ рыцаремъ, хотя она держала его въ повиновеніи. Кромѣ того, тамъ бывали тетки молодой

герцогини Морни, которые были, какъ мы уже говорили, большія кокетки. Графиня Воронцова, извѣстная своимъ умомъ, талантами и богатствомъ, графиня Рибопьеръ была восхитительна, благодаря какъ своему характеру, такъ и лицу. Г-жа Устинова была, по словамъ автора, настоящая очаровательница, которая прежде, чѣмъ выйти замужъ за испанца Блалка Энкала, немало покорила сердца. Наконецъ графиня Апраксина, менѣе блестящая, но зато умѣвшая остроумно вести бесѣду и очень опытная въ отношеніи свѣтскаго лоска. Кромѣ того, у Морни бывали дочь княгини Юліи Гагариной, урожденной Мартыновой, двѣ дочери Паскевичъ, княгиня Лобанова, княгиня Волконская, г-жа Нарышкина, обладательница маленькихъ ножекъ и ручекъ, баронесса Кнорингъ, образованная, начитанная, вышедшая затѣмъ замужъ за Дюма-сына, а также Нарышкина, урожденная Ушакова, и мать красивой княжны Оболенской, вышедшей впоследствии за Рейтерна.

— Кармень Сильва.—Елена Вакареско, любимая фрейлина и неизмѣнная спутница королевы румынской, грѣшившая и рагѣ стихами, печатавшимися по-французски, издала въ Англии свои воспоминанія, вслѣдъ затѣмъ появившіяся и во французскомъ переводѣ Гаэтана Жеффри подъ привлекательнымъ заглавіемъ: «Rois et reines que j'ai connus». Весьма, повидимому, наблюдательная и чуткая особа, г-жа Вакареско удачно схватываетъ характерныя особенности царственныхъ своихъ знакомцевъ, что и придаетъ ея воспоминаніямъ занимательность. Съ особенною любовью относится Вакареско къ своей высокой покровительницѣ, королевѣ румынской, и не напрасно, потому что послѣдняя представляетъ собою чрезвычайно любопытный типъ.

Поэтесса и романистка на королевскомъ престолѣ—явленіе незаурядное и вполне естественно, что надъ ея характеристикою потрудился не одинъ біографъ. Всѣ эти біографіи болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ истинѣ, такъ какъ личность королевы Елизаветы чрезвычайно сложна, и что бы о ней ни говорили ея біографы, несомнѣнно, они улавливали ту или иную черточку ея психики. Одни описываютъ королеву, какъ натуру романическую, склонную къ мечтательности и туманнымъ теоретическимъ построеніямъ; другіе въ ней видятъ сколокъ съ утонченныхъ и ученыхъ итальянокъ эпохи Возрожденія. Подобно имъ королева способна заполнить любое воображеніе своею граціею, изяществомъ, содержательностью бесѣды и широкимъ разнообразіемъ умственнаго развитія; третьи наконецъ рисуютъ королеву особою чрезвычайно независимою, ищущею сильныхъ и здоровыхъ ощущеній отъ общенія съ природою и предпринимающею продолжительныя поѣздки по живописнымъ карпатскимъ лѣсамъ, оживляемымъ шумомъ горныхъ потоковъ, низвергающихъ бурныя свои струи по утесамъ.

Жизнь Кармень Сильвы сложилась чрезвычайно пестро. Ея мать была старшею дочерью принца Нассаускаго и сестрою великаго герцога Люксембургскаго и королевы шведской. Бойкая, умница и красавица, взрослая при Биберикскомъ дворѣ въ смѣющейся прирейнской Германіи, она вышла замужъ за принца фонъ-Видъ и скоро родила сына Отто и дочь Елизавету. Дѣтство принцессы протекало при неблагопріятныхъ условіяхъ—на ея глазахъ медленно угасалъ братъ, да и здоровье ея отца было настолько ненадежно и требовало такого ухода, что это мѣшало правильности воспитанія дочери. Поэтому для всей семьи было боль-

шимъ облегченіемъ, когда тетка принцессы ф.-Видъ, великая княгиня Елена Павловна, предложила поручить ей воспитаніе Елизаветы. Принцъ ф.-Видъ, цѣвившій по достоинству великую княгиню, очень радовался за дочь, что та наконецъ вырвется изъ больничной атмосферы, и дѣйствительно въ Петербургѣ, вращаясь среди новой обстановки, принцесса оживилась и, выйдя изъ-подъ власти тяжелыхъ домашнихъ воспоминаній, расцвѣла. «Россія страна чрезвычайно привлекательная и ослѣпительная, — словно свѣтъ Азіи, этой колыбели человечества, сіяетъ надъ петербургскимъ дворомъ, — разсказывала королева г-жѣ Вакареско, описывая два года, проведенные ею въ Россіи. — Моя тетка жила въ роскошномъ дворцѣ своего покойнаго мужа, и подъ ея кровлею ютилось чуть ли не 200 лицъ, большинство которыхъ она даже и не знала лично. Пышная роскошь обстановки нисколько не измѣнила простоты ея вкусовъ и естественности обращенія. Елена Павловна допускала, что высочайшія особы должны жить въ пышности не столько ради себя, сколько ради общества, которому доставляютъ утѣху блестящія и торжественныя церемоніи и пышные приемы, такъ какъ на приобщеніе къ нимъ большинство людей склонно смотрѣть какъ на особую милость высочайшихъ хозяевъ. Тѣмъ не менѣ великая княгиня первая познакомила меня съ невзгодами и недочетами интимной жизни, которые прикрываются складками пурпура и горноста. Я настолько прониклась справедливостью сужденій Елены Павловны, что, скажи мнѣ вѣщій голосъ: «И тебѣ суждено сдѣлаться королевой», я бы смутилась и расплакалась отъ отчаянія. Многіе улыбнутся и усомнятся моимъ словамъ. Вѣдь простые смертные охотно воображаютъ, будто юныя принцессы только и мечтаютъ о восторженныхъ приемахъ со стороны народа, о триумфальныхъ аркахъ, скипетрахъ и коронахъ! Увы! инстинктъ насъ учитъ не довѣрять блеску, и если мы сознаемъ, что намъ суждено вступить на престолъ, то это скорѣе наводитъ на насъ трепетъ. Царственная доля мало привлекательна, и большею частью королевскія дочери стараются избѣгать чести сдѣлаться и самимъ королевами; наоборотъ, принцессы, находящіяся наименѣ на виду, чаще другихъ подвергаются этой опасной участи. Великая княгиня Елена или «Сѣверная Юнона», какъ ее прозвали, обладала удивительными дарованіями. Всѣ практическія качества, какія я приобрѣла и постаралась въ себѣ развить, насаждены во мнѣ настойчивыми стараніями Елены Павловны. Такъ, между прочимъ, я научилась съ непоколебимымъ интересомъ и вниманіемъ относиться къ личностямъ противной и отталкивающей внѣшности. Великая княгиня убѣдила меня въ томъ, что нѣтъ такого человѣческаго созданія, въ которомъ нельзя было бы затронуть гармоничныхъ струнъ и которое бы не заговорило краснорѣчиво и не проявило бы въ чемъ-нибудь совершенства. Во время нашихъ совмѣстныхъ путешествій наши временныя жилища становились неизмѣнно центромъ пріятнаго и интереснаго кружка. вмѣстѣ съ великой княгиней я посѣтила Парижъ и дворецъ Наполеона III, въ эпоху полнаго расцвѣта его великолѣпія».

По возвращеніи изъ Россіи принцесса Елизавета уже не нашла отца въ живыхъ и ей пришлось утѣшать осиротѣлую мать. Принцесса-мать дѣятельно переписывалась съ великою княгиней Еленою Павловною, и онѣ составляли разнообразныя планы насчетъ устройства будущности принцессы. Но случай—лучшій устроитель судьбы. Пріѣхавъ однажды вмѣстѣ съ матерью въ Кельвъ на музы-

кальное празднество въ честь Бетховена, принцесса Елизавета случайно повстрѣчалась съ царствующимъ княземъ румынскимъ, принцемъ Гогенцоллернъ-Зигмарингенскимъ. Послѣ нѣсколькихъ свиданій принцъ Карлъ сдѣлалъ предложеніе, которое и было принято. По отъѣздѣ жениха, увлекшаго принцессу своею откровенностью, разсказами и восторженными описаніями подвластной ему страны, на принцессу напало раздуміе. «Каковъ будетъ этотъ потомокъ суровыхъ Гогенцоллерновъ? Потерпитъ ли онъ мои вкусы, мечтанія и мнѣнія. Втайнѣ я уже тогда занималась поэзіею, а, вращаясь въ высокообразованномъ кружкѣ близкихъ къ Еленѣ Павловнѣ людей, я прониклась либеральными идеями равенства и демократичности, граничившими съ социализмомъ. Я боялась, что князь румынскій не сживется съ моими сокровенными воззрѣніями, такъ какъ его принципы и традиціи его рода должны были быть построены на началѣ преклоненія предъ стариною».

Въ дѣйствительности, однакоже, оказалось совсѣмъ другое. Несмотря на происхожденіе князя румынскаго изъ старинной династіи Гогенцоллерновъ, онъ оказался весьма доступнымъ современнымъ вѣяніямъ, и Кармень-Сильва объясняетъ его тяготѣніе къ демократіи тѣмъ, что въ его жилахъ текла кровь французскихъ республиканцевъ.

Дѣло въ томъ, что принцу Карлу Гогенцоллерну прабабкою по матери доводилась нѣкая Фанни Мушаръ. Въ концѣ революціи она играла видную роль въ Парижѣ по своимъ связямъ со всѣми неугомонными людьми той эпохи. Ея умъ и любезность въ соединеніи съ тѣмъ фактомъ, что она сдѣлалась свойственницею Наполеона по его браку на Жозефинѣ Богарне, обезпечили Фанни Мушаръ вѣрное положеніе, котораго ей вовсе не сулили ни ея происхожденіе, ни ея прошлое, довольно-таки бурное. Съ другой стороны, бабка принца Карла по отцу была урожденная Мюратъ, хотя и доводившаяся сестрою неаполитанскому королю, но бывшая крестьянка и дочь деревенскаго трактирщика.

Бракъ князя румынскаго на принцессѣ Видѣ оказался незаурядно счастливымъ; единственное горе, его омрачившее, было вызвано потерей единственной дочери, которую имѣла королева Елизавета, и эта утрата наложила трагическую складку на все ея существованіе. Ни творческій талантъ, обезпечившій Кармень Сильва почетное мѣсто въ европейской литературѣ, ни удовлетвореніе честолюбія, благодаря тому обстоятельству, что послѣ войны 1877 года Румыніа превратилась въ вполнѣ независимое королевство и княгиня Елизавета сдѣлалась королевою, и посейчасъ не затянули давнишнюю рану, и королева, старѣя, все болѣе чувствуетъ свое одиночество.

Оставляя въ сторонѣ многіе иные любопытные факты и анекдотическія подробности, сообщаемая г-жою Вакареско, нельзя не упомянуть о дѣлаемой ею оцѣнкѣ императора германскаго Вильгельма.

«Если распросстраняться постоянно о своей особѣ и своими поступками вызывать пересуды достаточно для того, чтобы сдѣлаться великимъ человекомъ, то императоръ Вильгельмъ дѣйствительно великъ. Если умѣние играть на всѣхъ инструментахъ и отдаваться всевозможнымъ искусствамъ въ самомнѣніи, будто знаешь дѣло лучше тѣхъ, кто для овладѣнія техникою одного какого-нибудь искусства посвящаетъ ему все время и всѣ силы, если подобное самообольщеніе

равносильно гениальности, то императоръ Вильгельмъ гениаленъ. Если удивлять и бударажить общественное мнѣніе, а порою брать надъ нимъ верхъ, достаточно для того, чтобы прослыть за самаго могущественнаго государя, то императоръ Вильгельмъ наимогущественнѣйшій изъ современныхъ государей. Если для того, чтобы явить себя удивительнымъ артистомъ, достаточно выставять или приводить въ дѣйствіе столько самобытныхъ и безсвязныхъ идей, сколько возможно, то императоръ Вильгельмъ дивный артистъ. Наконецъ, если для того, чтобы сдѣлаться героемъ, достаточно заполнить воображеніе милліоновъ людей, то императоръ Вильгельмъ можетъ похвалиться тѣмъ, что онъ личность героическая по преимуществу, ибо всѣми своими продѣлками Вильгельмъ возбуждаетъ удивленіе и изумленіе и можетъ гордиться неоспоримымъ убѣжденіемъ, что приобрѣлъ столь же многочисленныхъ и неутомимыхъ поклонниковъ и хулителей, какъ волны въ морѣ.

«На горизонтѣ современныхъ событій странный и вызывающій силуэтъ Вильгельма вырисовывается рѣзко и твердо. Та легкость, съ которою у императора Вильгельма совершаются смѣны душевныхъ настроеній (*état d'âme*), идетъ рука объ руку съ тою легкостью, съ какою онъ разнообразитъ свои костюмы и свой внѣшній обликъ,—эта легкость перескакиванія съ пятаго на десятое составляетъ наиболѣе замѣтную черту въ его характерѣ.

«Я никогда не пропускаю безъ вниманія его безчисленныхъ рѣчей, такъ какъ чрезвычайная искренность придаетъ имъ интересъ. Авторъ, очевидно, имѣетъ неограниченную вѣру въ себя и свою непогрѣшимость; каждое его откровеніе это подчеркиваетъ и, чтобы въ должной мѣрѣ смаковать эти рѣчи, я всегда стараюсь возсоздать въ своей памяти манеру Вильгельма говорить: я какъ теперь вижу его повелительный взглядъ, его властные уста, сжатые кулаки; я слышу его голосъ, скандирующій каждый слогъ сухими ударами, словно это молотъ, бьющій по наковальнѣ. Твердая увѣренность въ томъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ прерванъ, придаетъ оратору самоувѣренность и властвованіе надъ собственными чувствами и надъ чувствами его аудиторіи. Императоръ въ своемъ самообладаніи и самодовольствіи не имѣетъ соперниковъ, и, я полагаю, міровая литература обогатится единственнымъ въ своемъ родѣ шедевромъ самодовлѣющей гордыни и дидактическаго краснобайства, когда всѣ его рѣчи будутъ собраны и напечатаны.

«Императоръ Вильгельмъ переигралъ всѣ роли историческаго репертуара— онъ былъ и первосвященникомъ безъ миропомазанія, и полководцемъ, не имѣвшимъ ни враговъ, ни воиновъ, былъ и драматургомъ безъ текста драмы и во всѣхъ этихъ воплощеніяхъ онъ остается все тою же властною и тонкою личностью, обладающею въ высшей степени искусствомъ нравиться и въ то же время непріятно задѣвать вдумчивыхъ людей».

— Юбилей въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ.—Юбилейная серія попрежнему продолжается въ Европѣ, и въ концѣ апрѣля во всей Италіи и особенно во Флоренціи праздновали столѣтнюю годовщину рожденія знаменитаго поэта и сатирика, Джузеппе Джіусти. Родившись въ 1809 году въ Песчии, въ окрестностяхъ Флоренціи, онъ происходилъ изъ вліятельнаго тосканскаго рода и предназначался съ юности къ юридической карьерѣ, а потому и обучался въ учи-

лицахъ Песчій и Лукки, а окончательно въ пизанскомъ университетѣ, гдѣ и получилъ степень доктора правъ, хотя въ университетскомъ курсѣ болѣе предавался удовольствіямъ, чѣмъ серьезнымъ занятіямъ. Изъ Пизы Джіусти перешелъ во Флоренцію и поступилъ помощникомъ къ замѣчательному адвокату Капокани. Тутъ онъ началъ заниматься поэзіей, но вскорѣ понялъ, что его конекъ не лирическія произведенія романтической школы, а сатира. Обладая блестящимъ яснымъ юморомъ, онъ сталъ въ изящной формѣ издѣваться надъ современными пороками. При этомъ его главнымъ достоинствомъ было безпристрастіе. Онъ одинаково жестоко бичевалъ тирановъ и тѣхъ на словахъ либераловъ, которые содѣйствовали униженію страны. Такимъ образомъ онъ писалъ на смерть императора Франца I стихи подъ названіемъ «Dies irae» и вмѣстѣ съ тѣмъ нападалъ на крайности социалистовъ и анархистовъ, за что его даже называли реакціонеромъ.

Сочиненія Джіусти имѣли сильное политическое вліяніе, но въ виду тогдашней эпохи до 1848 года онъ распространялъ свои произведенія въ рукописяхъ и на популярномъ тосканскомъ діалектѣ, подготавливая революцію, и подписывалъ свои произведенія: «Анонимный тосканецъ». Будучи самымъ преданнымъ ученикомъ Данте, онъ часто достигалъ въ своей поэзіи дантовскаго величія и гнѣвной ироніи. Въ политикѣ онъ былъ умѣреннымъ либераломъ и одинаково врагомъ какъ бюрократіи, такъ и черни, а его страстно любили въ частной жизни за его общительность и мягкій, любящій характеръ. Онъ умеръ въ 1850 году сорока одного года въ домѣ своего друга, маркиза Джіно Каппони, во Флоренціи. Изъ всѣхъ его поэтическихъ и сатирическихъ сочиненій всего замѣчательнѣе: «La Stivale» (или исторія сапога (Италіи) въ юмористическомъ тонѣ), «Gingillino», мастерской саркастической разсказъ презрѣнной карьеры сикофанта, «Il Re Travicello», гдѣ авторъ издѣвается надъ мелкими итальянскими тиранами, и «Il Brindisi de Girella» (Флюгарка), посвященная Талейрану. Всѣ его мелкія сатирическія произведенія, имѣющія цѣлью свободу и объединеніе Италіи, собраны въ одномъ томѣ, подъ заглавіемъ: «Versio editi et inediti». Наконецъ ему обязаны изданіемъ тосканскихъ пословиць.

Нынѣшніе юбилеи всего обильнѣе приходятся на долю музыкантовъ, но не вездѣ одинаково. Такъ, во Франціи столѣтія Люлли и Рамо прошли совершенно незамѣченными, а послѣ юбилеевъ Мендельсона-Бартольди и Шопена особеннымъ торжествомъ ознаменовался въ Вѣнѣ юбилей Гайдна въ маѣ мѣсяцѣ. Здѣсь происходили трехдневныя празднества въ честь юбиляра, но не по случаю столѣтія дня его рожденія, а въ память столѣтія его смерти. На Гайдновскіе дни въ Вѣну собрались главнѣйшіе музыканты изъ Берлина, Мюнхена, Швейцаріи, Англіи, Италіи, Америки и Франціи, которые постоянно переходили съ концерта на концертъ въ ратушѣ, дворцѣ и университетѣ. Кромѣ того, нѣмцы угощали своихъ музыкальныхъ гостей въ погребяхъ ратуши, собирая вокругъ чудовищно-громднаго кубка блага вина двадцать представителей творчества въ Европѣ. Замѣчательно еще, что впервые въ настоящемъ году состоялся въ Вѣнѣ музыкальный конгрессъ, до сихъ поръ еще никогда не бывавшій. По случаю этого конгресса профессоръ Тандлеръ въ антропологическомъ обществѣ читалъ лекцію о черепѣ Гайдна; хотя этотъ черепъ принадлежалъ самому мирному домо-

сбѣду изъ музыкантовъ, но послѣ его смерти онъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Еще не прошло и трехъ дней со дня похоронъ творца «Временъ года», какъ его черепъ укралъ нѣкій Петеръ, ученикъ Галля, изъ желанія провѣрить теорію своего учителя. Скрывъ похищенный черепъ въ своемъ саду, Петеръ подвергнулъ его разсѣченію, чтобы отыскать то мѣсто въ головѣ, гдѣ сосредоточивался музыкальный талантъ. Послѣ его смерти секретарь Петера, Розенбаумъ, наслѣдовалъ этотъ рѣдкій предметъ, а самъ оставилъ его послѣ своей кончины вѣнскому обществу «друзей музыки». Но неизвѣстно, какимъ образомъ голова Гайдна, перейдя черезъ нѣсколько рукъ, очутилась въ антропологическомъ обществѣ. Профессоръ Тандлеръ, сравнивъ ее съ описаніемъ Петера и алебастровымъ слѣпкомъ, сохранившимся до сихъ поръ, признаетъ этотъ черепъ совершенно подлиннымъ. У Гайдна было на лѣвомъ ухѣ такое же утолщеніе мочки, какъ у Моцарта. У него было, какъ у Ветховена и у Шуберта, утолщеніе черепа въ области висковъ, а также, какъ у нихъ, чрезвычайное развитіе третьяго лобнаго центра и перваго височнаго. Профессоръ Тандлеръ утверждаетъ, что послѣднее обстоятельство является особенностью многихъ современныхъ музыкантовъ, именно Густава Малера, и потому безъ всякихъ сомнѣній считаетъ ихъ признакомъ и причиной музыкальнаго гениа.

Что же касается біографическихъ свѣдѣній объ Іосифѣ Гайднѣ, то извѣстно, что онъ принадлежалъ къ семейству, прибывшему изъ Кroatіи, и родился въ Рорау въ 1732 году. Эта семья была очень бѣдная и многочисленная—до двадцати человѣкъ. Мало-по-малу онъ дошелъ до пѣвчихъ въ вѣнскомъ соборѣ и тамъ изучалъ, кромѣ пѣнія, игру на клавесинѣ и скрипкѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ надорвалъ себѣ голосъ и принужденъ былъ выйти изъ хора. Случайно познакомившись съ поэтомъ Метастазіо и неаполитанскимъ композиторомъ Порпора, онъ изучилъ итальянскіе методы композиціи. Тогда онъ сталъ создавать свои знаменитыя музыкальныя произведенія и сначала сдѣлался директоромъ капеллы у одного австрійскаго графа, а потомъ капельмейстеромъ князя Эстергази. Около этого времени онъ женился на дочери парикмахера, но бракъ его не былъ счастливымъ, и жена его умерла въ 1800 году. Его симфоніи, сонаты и ораторіи такъ распространили славу о немъ по всему, что парижская Олимпійская ложа, дававшая большіе концерты, заказала ему шесть симфоній, которыя имѣли огромный успѣхъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ его пригласили въ Лондонъ, гдѣ ему оказали торжественный пріемъ, и онъ написалъ оперу «Орфей и Эвридика», двѣнадцать такъ называемыхъ англійскихъ симфоній и квартетовъ, а также началъ писать ораторію «Сотвореніе міра». Еще онъ написалъ въ Вѣнѣ другую блестящую ораторію «Времена года».

Существованіе Гайдна обозначаетъ, что эпоха отъ Баха до Ветховена, который былъ его ученикомъ, отличалась богатствомъ въ музыкальномъ отношеніи. Особенно много онъ писалъ произведеній инструментальной музыки: именно около ста симфоній, семьдесятъ семь квартетовъ, тридцать тріо, болѣе тридцати сонатъ для фортепіано, двадцать концертовъ для фортепіано и девять для скрипки, двадцать четыре оперы, нѣсколько мессъ и другихъ религіозныхъ сочиненій. Послѣдніе годы жизни Гайднъ провелъ въ своемъ маленькомъ имѣніи близъ Вѣны и умеръ въ 1809 году.

Въ продолженіе всего іюня мѣсяца въ Италіи происходили франко-итальянскія празднества въ память пятидесятилѣтія франко-итальянской войны и знаменитыхъ битвъ при Маджентѣ и Сольферино. Последнее сраженіе ознаменовалось не только въ военномъ отношеніи, но и гражданской доблестью «бѣлаго господина», чему минуло также пятьдесятъ лѣтъ. Къ сожалѣнію, этотъ славный юбилей еще не почтенъ, хотя онъ заслуживаетъ всевозможнаго уваженія. Дѣло было въ томъ, что въ Сольферино погибло болѣе десяти тысячъ человѣкъ и массы убитыхъ наполняли сосѣдніе съ полемъ сраженія лѣса, поляны и равнины. Посреди этихъ ужасныхъ роковыхъ грудъ человѣческихъ труповъ замѣченъ былъ всѣми одинъ статскій господинъ въ бѣломъ полотняномъ костюмѣ, неутомимо ухаживавшій за ранеными. Онъ переносилъ ихъ съ мѣста на мѣсто, разносилъ имъ бѣлье и пищу, однимъ словомъ, игралъ роль геройскаго брата милосердія. Всѣ называли его «бѣлымъ господиномъ», и никто не зналъ, откуда онъ явился, такъ какъ это былъ простой туристъ, застигнутый сраженіемъ на полѣ брани въ Сольферино.

Это былъ знаменитый основатель Краснаго Креста и создатель женевской конвенціи. Со времени кровавой битвы при Сольферино племянникъ извѣстнаго физика Калладона, Генрихъ Дюнанъ, швейцарскій филантропъ, родившійся въ Женевѣ въ 1828 году, возымѣлъ мысль образовать во всѣхъ государствахъ одинъ общій знакъ для ухаживающихъ за ранеными на полѣ сраженія. Таково было происхожденіе Краснаго Креста, по поводу котораго выразился епископъ Дюпанлу, что «лазареты нейтрализовались на полѣ сраженія и получили право всеобщаго пропуска». Женевская конвенція увѣнчала въ 1864 году благородную инициативу Дюнана, а въ 1901 году имя Дюнана было повсюду обнародовано стокгольмскимъ стортингомъ, назначившимъ ему первую премію Нобеля, пополамъ съ французскимъ филантропомъ Фредерикомъ Пасси. Относительно прежней жизни Дюнана нечего сказать. Онъ много путешествовалъ и послѣ увѣковѣчившей его имя битвы при Сольферино написалъ нѣсколько книгъ на свою любимую тему: «Un souvenir de Solferino», «Fraternité et charité national au temps de guerre», «L'Empire romaine reconstitué», «L'esclavage chez les musulmans et aux Etats Unis» и «La Renovation de l'Orient».

— Смерть графа Дзидеушицкаго, Маріона Крофорда, Свинборна, Грусса и Меридита. — Въ концѣ марта мѣсяца умеръ въ Вѣнѣ графъ Войцехъ Дзидеушицкій, австро-польскій политикъ, литераторъ и философъ. Онъ родился въ Лезуполѣ (въ Галиціи) въ 1848 году и былъ сыномъ богатаго землевладѣльца. Прослушавъ курсъ наукъ въ львовскомъ университетѣ, онъ окончилъ образованіе въ Терезіановѣ въ Вѣнѣ, гдѣ получилъ ученую степень доктора правъ. Послѣ этого онъ занимался главнымъ образомъ философией и археологией. Изъ его сочиненій особенно интересны: «Письма изъ Италіи», «Аѳины», «Эстетическія изслѣдованія», «Исторія итальянской живописи»; романъ «Владиславъ» и «Очерки Востока и Запада»; поэтическія произведенія «Поэма поэмъ» и «Ангель», наконецъ нѣсколько переводовъ классическихъ авторовъ. Съ 1878 года и до конца своей жизни онъ предавался политической и патриотической дѣятельности: сначала онъ былъ выбранъ въ галиційскій сеймъ, а потомъ въ рейхсратъ, гдѣ игралъ значительную роль, какъ представитель

польской національности. Въ 1904 году онъ былъ избранъ въ президенты польскаго клуба и въ теченіе двухъ лѣтъ отъ 1906 до 1907 года былъ членомъ министерства Бека въ качествѣ галиційскаго министра. Вообще онъ отличался глубокимъ умомъ и основательными знаніями.

9 апрѣля скончался въ Санъ Аньело ди Сорренто, близъ Неаполя, американскій романистъ Маріонъ Крофордъ. Онъ родился въ Луккѣ, въ Тосканѣ, хотя и происходилъ отъ американскихъ родителей. Учился онъ въ Америкѣ и потомъ въ университетахъ: кембриджскомъ, гейдельбергскомъ и гарвардскомъ. Съ 1873 года онъ посвятилъ себя журналистикѣ и былъ корреспондентомъ въ Италіи отъ «Daily Telegraph». Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ встрѣтилъ на флорентійской выставкѣ и восточномъ конгрессѣ извѣстнаго негодянта, по фамиліи Кама, изъ парсовъ, который обѣщалъ ему выхлопотать назначеніе въ калькуттскій университетъ, подъ условіемъ, чтобы онъ выучился санскритскому языку. Крофордъ до того обладалъ лингвистическимъ талантомъ, что, принявшись за дѣло, вскорѣ научился чуждому для него языку. Кама сдержалъ свое слово и доставилъ ему кафедру въ Калькуттѣ. Черезъ три или четыре года Крофордъ вернулся въ Европу и отдался романическому творчеству. Первымъ его романомъ былъ «Г-нъ Исаакъ» изъ нравовъ современной Индіи, имѣвшій большой успѣхъ, затѣмъ онъ переехалъ въ Италію, купилъ себѣ виллу Крофордъ, близъ Неаполя, гдѣ и умеръ. Тутъ онъ написалъ многочисленныя романы, преимущественно изъ итальянской жизни: «Маріетта, дѣва Венеціи», «Сердце Рима», потомъ «Распятіе Марціо», «Дива Рюби» и т. д. Кромѣ того, онъ напечаталъ два романа изъ русскихъ нравовъ: «Графъ Скарятинъ» и «Павелъ Патовъ». Наконецъ онъ создалъ цѣлый рядъ историческихъ романовъ, изъ которыхъ заслуживаютъ вниманія: «Via Crucis», исторія изъ временъ второго крестоваго похода, и «Во дворцѣ короля» (Филиппа II Испанскаго). Еще онъ написалъ нѣсколько книгъ изъ путешествій по Константинополю, Сициліи, Калабріи и Мальтѣ. Особеннымъ успѣхомъ пользовалась одна его драма, «Франческа ди Римини», которая была переведена на французскій языкъ, и главную въ ней роль исполняла Сарра Вернаръ. Какъ романистъ, Маріонъ Крофордъ пользовался значительнымъ успѣхомъ, благодаря своему блестящему воображенію и патетическому таланту. На другой день послѣ кончины Крофорда Англія лишилась своего великаго поэта Ольджернона Свинборна. Хотя со времени этого событія прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ, но до сихъ поръ во всѣхъ англійскихъ и многихъ иностранныхъ журналахъ и газетахъ появляются статьи, очерки и этюды о знаменитѣйшемъ изъ современныхъ англійскихъ поэтовъ. Особенно замѣчательна его характеристика въ іюнскій книжкѣ «Fortnightly Review» критика Эдмунда Госсэ, въ «Pall-Mall Magazine» Вилльяма Шарпа, а также въ апрѣльской «North American Review» Кейста, который писалъ о Свинборнѣ и о любимыхъ его англійскихъ поэтахъ Елизаветинскаго вѣка. Что же касается французскихъ писателей, то въ «Revue Hebdomadaire» отъ 24 апрѣля Октавъ Бараль представилъ любопытный очеркъ о Свинборнѣ и его поэтическихъ произведеніяхъ. Теперь уже есть полная возможность составить себѣ понятіе объ этомъ замѣчательномъ поэтѣ. Онъ родился въ Лондонѣ въ 1837 году и былъ сыномъ адмирала

Чарльза Свинборна; воспитывался онъ въ Оксфордѣ и окончилъ свое образованіе въ Итали. Первыми его литературными произведеніями были драмы: «Вдовствующая королева», «Розамунда», «Аталанта въ Каледоніи» и «Хастелоръ», которыя, однако, привлекли вниманіе только нѣкоторыхъ литераторовъ. Его же первая книга поэтическихъ произведеній подъ заглавіемъ: «Поэмы и баллады», возбудила такія ожесточенныя нападки критиковъ, что издатель изъялъ ее изъ обращенія. Дѣло было въ томъ, что молодого поэта упрекали за то, что онъ создалъ «поэзію плоти». Но Свинборнъ самъ себя явился на защиту, да, кромѣ того, другой поэтъ, Россети. Несмотря на краснорѣчивую и талантливую защиту, реакціонное большинство англійскаго общества возстало противъ его языческой, матеріалистической, символической и пессимистической поэзіи отличавшейся чрезвычайнымъ чувственнымъ лиризмомъ и идеями, вполне республиканскими, анархическими и антисоціальными, даже противорелигіозными.

Еще будучи въ Итали, онъ восхищался Мадзини и другими итальянскими революціонерами, которыхъ воспѣвалъ въ своихъ стихахъ. Онъ привѣтствовалъ въ восторженной одѣ возстановленіе во Франціи третьей республики въ 1870 году и былъ ярымъ приверженцемъ Виктора Гюго, въ честь котораго писалъ много поэмъ и цѣлую книгу подъ заглавіемъ: «Викторъ Гюго». Свинборнъ былъ однимъ изъ величайшихъ лирическихъ поэтовъ и написалъ немалое число также лирическихъ драмъ. Сначала онъ отличался поэтическими произведеніями въ духъ греческаго язычества, безъ конца воспѣвалъ море и его чудеса, а въ послѣдніе годы точно забылъ свои демократическія стремленія и превозносилъ славные подвиги изъ англійской исторіи. Однако англійское общество до послѣдняго времени не простило его прежнихъ политическихъ, общественныхъ и антирелигіозныхъ крайностей. Такимъ образомъ стокгольмская академія не выдала ему нобелевской преміи, а предпочла этому гениальному поэту посредственнаго прозаика и рассказчика въ шовинистскомъ духѣ. Свинборнъ уже давно жилъ въ своемъ помѣстьѣ «Пинсъ», близъ Лондона, и скончался на 72 году жизни.

Въ концѣ апрѣля скончался въ Парижѣ французскій политическій дѣятель, Паскаль Груссе, родившійся въ Кортѣ (на Корсикѣ) въ 1845 году. Въ юности онъ посвятилъ себя изученію медицины, но вскорѣ совершенно предался либеральной журналистикѣ. На Корсикѣ онъ былъ издателемъ газеты «La Revanche», а въ 1869 году Рошфоръ назначилъ его редакторомъ «Marseillèses». Въ это время произошло трагическое событіе по случаю вызова Паскалемъ Груссе на дуэль принца Пьера Бонапарта. Груссе послалъ къ нему своихъ секундантовъ, Ульрика Фонвіеля и Виктора Нуара, который былъ убитъ Бонапартомъ. Вслѣдствіе этой катастрофы Груссе былъ арестованъ и начались скандалы, предшествовавшіе возникновенію франко-германской войны и третьей республики. Послѣ объявленія этой республики Груссе вступилъ въ отрядъ стрѣлковъ, а когда была провозглашена коммуна, то онъ былъ избранъ въ члены ея исполнительнаго комитета и назначенъ делегатомъ иностранныхъ дѣлъ, нѣчто въ родѣ министра. Въ это время онъ издавалъ газеты: «La bouche de fer» и «La République Universelle». По разгромѣ коммуны Груссе бѣжалъ изъ Парижа

въ женскомъ костюмѣ, по былъ арестованъ версальцами и сосланъ въ Новую Каледонію. Черезъ три года, въ іюнѣ 1874 года, онъ вмѣстѣ съ Рошфоромъ бѣжалъ въ Англію, гдѣ и оставался до 1881 года, когда во Франціи была объявлена всеобщая амністія. Возвратясь во Францію, Груссе писалъ политическія статьи, романы и дѣтскія сочиненія подѣ общимъ заглавіемъ: «Жизнь Коллеги въ разныхъ странахъ», подѣ многочисленными псевдонимами: Филиппа Дариля, Андрэ Лорье, Леопольда Вирэ и т. д. Съ 1893 года онъ былъ избранъ въ члены парламента и оставался тамъ до своей смерти, состоя членомъ соціальной группы. Что же касается газетъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, то онѣ отличались радикальнымъ направлениемъ. Въ педагогической литературѣ онъ принималъ участіе особенно въ распространеніи физическаго воспитанія, перенятаго имъ изъ Англіи. Умеръ же онъ на 64 году.

Въ серединѣ мая мѣсяца Англія потеряла своего второго великаго писателя, Джоржа Меридита, романиста, поэта и философа, скончавшагося на 81 году жизни. Онъ родился въ Гампширѣ въ 1828 году, и его жизнь была самая однообразная и монотонная. Съ юности онъ весь отдался литературѣ, какъ въ поэзіи, такъ и въ прозѣ. Въ эпоху австро-итальянской войны Меридитъ состоялъ военнымъ корреспондентомъ «Morning Post», но всю жизнь писалъ преимущественно поэмы и романы. Англійская публика не очень цѣнила его произведенія, находя ихъ слишкомъ серьезными, дидактическими и аффектированными. Зато всѣ истинные знатоки литературы считали его первымъ въ настоящее время англійскимъ романистомъ и крупнымъ лирическимъ поэтомъ, занимающимъ мѣсто между Тенисономъ, Браунингомъ, Россети и недавно умершимъ Свинборномъ. Онъ создалъ въ своихъ романахъ цѣлый рядъ сложныхъ, оригинальныхъ, поразительныхъ характеровъ, особенно женскихъ; ему принадлежитъ новый живой стиль, хотя иногда нѣсколько тяжелый. Онъ никогда не забывалъ свою гуманности и впечатлительности. Его романы плѣняютъ лишь культурныхъ людей, и въ числѣ ихъ особое вниманіе обращаютъ на себя тонкими психологическими наблюденіями и глубокимъ остроуміемъ: «Опытъ Ричарда Февереля», «Рода Флемингъ», «Одинъ изъ нашихъ побѣдителей», «Діана Кросвейфъ», «Эгоисты» и «Трагическіе комедіанты», въ которыхъ разсказана жизнь извѣстнаго соціалиста Лассалля. Поэзіей онъ началъ свои литературныя произведенія, и въ ней отличаются: «Современная любовь», «Лирическія поэмы земной радости», «Трагическія поэмы» и «Современныя оды изъ исторіи Франціи». Вообще Меридитъ отличался жизнерадостностью и никогда не выражалъ печальнаго разочарованія. Поэтому онъ искренній культивированный авторъ тѣхъ читателей, которые любятъ глубокія идеи, великолѣпный стиль, картинность выраженій, и любителей настоящаго благороднаго, по истинѣ великаго художества. Меридитъ не погребенъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ потому, что этому воспротивилось англиканское духовенство въ виду того, что онъ стоялъ за гражданскій бракъ.

С М Ъ С Ъ.

ТКРЫТІЕ памятника императору Александру III. Въ 12 часовъ дня 23-го мая на площади Николаевскаго вокзала, богато убранной колоннадами, флагами, гербами и гирляндами изъ зелени и цвѣтовъ, состоялось торжественное открытіе и освященіе памятника императору Александру III. На устланномъ краснымъ сукномъ помостъ съ палаткой для особъ царской фамиліи собрались государева свита, особы дипломатическаго корпуса съ супругами, предсѣдатель, члены совѣта министровъ, предсѣдатель и члены государственнаго совѣта, предсѣдатель государственной думы и его товарищи, главноуправляющіе, сенаторы, статсъ-секретари, почетные опекуны, первые и вторые чины Высочайшаго двора, придворные кавалеры, придворныя и городскія дамы, представители дворянства, земства и городскихъ сословій, волостные старшины Петербургской губерніи, различныя депутаціи и учащіеся высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Площадь кольцомъ окружали шпалеры войскъ изъ шефскихъ частей въ Возѣ почившаго императора. За ними собрались безчисленныя массы народа, запрудившаго всѣ прилегающія улицы. Ровно въ полдень Государь Императоръ и Государыни Императрицы прибыли по Царской вѣткѣ на Николаевскій вокзалъ и прослѣдовали въ сопровожденіи особъ Императорской фамиліи къ памятнику. Въ это время изъ Знаменской церкви двинулся крестный ходъ и поднялся на воздвигнутый у памятника помостъ. Подъ благовѣсть окрестныхъ церквей началось торжественное молебствіе, совершенное высокопреосвященнымъ митрополитомъ Антоніемъ, съ колѣнопреклоненіемъ. По провозглашеніи многолѣтія Ихъ Императорскимъ Величествамъ и всему Царствующему дому, протодіаконъ провозгласилъ вѣчную память въ Возѣ почившему императору. Войска отдали честь, а съ Петербургской крѣпости была произведена пальба. Затѣмъ было провоз-

глашено многолѣтіе всероссійскому воинству и всѣмъ вѣрнопоподаннымъ. Покрывшая памятникъ пелена спала. Государь Императоръ и духовенство направились къ памятнику и окропили его святой водой. Крестный ходъ возвратился въ Знаменскую церковь. Ихъ Императорскія Величества въ сопровожденіи великихъ князей и великихъ княгинь обошли памятникъ и обозрѣвали его, а въ это время войска перестроились къ церемоніальному маршу. Государь Императоръ, ставъ во главѣ войскъ, провелъ ихъ церемоніальнымъ маршемъ мимо памятника и палатки, гдѣ находились Государыни Императрицы. Затѣмъ къ памятнику направились многочисленныя депутаціи и возложили къ его подножію вѣнки. Въ четверть третьяго Ихъ Императорскія Величества и ихъ императорскія высочества отбыли по Царской вѣткѣ. У памятника вступила въ караулъ рота дворцовыхъ гренадеръ. Памятникъ императору Александру III находится въ центрѣ Знаменской площади, причеиъ фигура лицомъ обращена къ Николаевскому вокзалу, отъ котораго, какъ извѣстно, начинается желѣзнодорожный путь къ великой Сибирской магистрали. На памятникѣ императоръ изображенъ сидящимъ верхомъ на конѣ, въ парадной генеральской формѣ; лѣвая рука держитъ поводья лошади, а правая упирается въ бокъ. Взоръ державнаго создателя Великаго Сибирскаго пути устремленъ вдаль, черезъ Москву, на Востокъ... Конь стоитъ на гранитномъ пьедесталѣ. Грива и хвостъ подстрижены. Толстыя на видъ ноги, однако, пропорціональны со всѣмъ корпусомъ огромнаго коня, который вполне гармонируетъ съ мощною фигурою державнаго всадника. Длина коня равняется 8-ми арш., а высота фигуры всадника съ конемъ достигаетъ 7¹/₂ арш., при всѣхъ всей бронзовой статуи около 900 пудовъ. Всадникъ стоитъ на массивномъ четырехугольномъ постаментѣ изъ финляндскаго краснаго гранита, размѣрами 10 арш. въ длину, 7—въ ширину и 3¹/₂ арш. въ высоту. Пьедесталь не представляетъ собою сплошнаго монолита, но состоитъ изъ 4-хъ массивовъ, которые не имѣютъ никакихъ взаимно скрѣпляющихъ ихъ металлическихъ частей. Вся связь ихъ покоится на обтескѣ камней, сдѣланной такимъ образомъ, что ни одинъ камень не можетъ сдвинуться съ своего мѣста при самомъ сильномъ давленіи. Этотъ гранитный постаментъ, на которомъ снаружи не видно никакихъ швовъ, вѣситъ 30,000 пудовъ. Для такой тяжести приготовленъ соотвѣтствующій фундаментъ, причеиъ необходимо было считаться съ крайне неблагоприятными условіями почвы Петербурга и — употребить чрезвычайныя усилія. На глубину до 6 саж. были забиты основныя сваи, въ количествѣ 360 штукъ, длиною каждая въ 3 саж., на разстояніи одна отъ другой въ 1¹/₂ арш. Сверху свай идетъ сплошная, можно сказать, монолитная слой бетона, толщиной въ 2 сажени, и, наконецъ, сверху находится кладка изъ цокольной утиловской плиты, высотой въ 3¹/₂ арш., на цементномъ (1 : 3) растворѣ. Далѣе, такъ какъ грунтовая вода находится на глубинѣ 2¹/₂ арш. отъ поверхности земли, то пришлось выкопать предварительно подъ мѣстомъ для памятника котлованъ, огородить его шпунтовыми сваями и выкачать изъ ямы воду на глубинѣ до 2-хъ сажень, чтобы положить бетонъ, какъ на сушѣ; вынуто было около 280 куб. саж. земли. Работы производились непрерывно днемъ и ночью, при электрическомъ освѣщеніи, съ 4-мя сильными насосами. По объявленному въ 1899 году конкурсу премированнымъ оказался проектъ памятника

императору Александру III, составленный известным художником-скульптором князем П. Трубецким. Этот проект и удостоился Высочайшаго одобрения. Для лѣпки модели памятника былъ устроенъ особый павильонъ (Невскій, 143) на пустопорожномъ мѣстѣ монументщика К. О. Гвиди. Лѣпилъ кн. Трубецкой фигуру-статую въ продолженіе пяти лѣтъ, при этомъ лѣпилъ все время статую въ ту величину, въ какую отлить настоящий памятникъ. Это потребовало колоссальныхъ усилій, большихъ затратъ и особыхъ приспособлений. Найти вѣрныя пропорціи въ такой колоссальной фигурѣ было весьма трудно. Этимъ и объясняется, что Трубецкой свою статую передѣлывалъ болѣе 20-ти разъ; онъ отливалъ модели изъ гипса, но разбивалъ ихъ, какъ не удовлетворявшія его художественнымъ требованіямъ, и снова принимался за лѣпку моделей изъ пластелина (смѣсь глины съ вазелиномъ и глицериномъ). Наконецъ, въ октябрѣ 1905 года художникъ нашелъ удовлетворившую его композицію и передалъ модель памятника для отливки изъ бронзы итальянцу Сперати изъ Турина. Употребленный послѣднимъ способъ отливки черезъ воскъ тоже представлялъ большія трудности и, главнымъ образомъ, потому, что приходилось отливать громадныя массы бронзы одновременно. Фигуры всадника и лошади отливались каждая отдѣльно, въ цѣломъ видѣ, безъ чеканки. Вокругъ памятника устроена ограда, чугунная, литая, покрытая бронзой гальваническимъ способомъ. Ограда представляетъ собою эллиптическое кольцо изъ ряда невысокихъ столбиковъ, соединенныхъ между собою сверху двумя круглыми желѣзными полосами. Цоколь ограды изъ того же краснаго гангеутскаго гранита, чисто тесаннаго, не полированнаго. Высота цоколя—9 верш., высота ограды тоже равна 9 верш., ось ея—15 саж.; вся длина ограды 50 саж., форма ея—овальная. Рисунокъ ограды, составленный академикомъ архитектуры Ф. О. Шехтелемъ, какъ и все сооруженіе, отличается простотою и отсутствіемъ лишннихъ украшеній. Ограда имѣетъ 4 входа. Вокругъ ограды устроена панель, шириною въ сажень, тоже изъ гранита. Вокругъ памятника разбитъ зеленый газонъ, съ дорожками, усыпанными гравіемъ. Все мѣсто для памятника опоясано рельсами городского трамвая и окружено трамвайными столбами, на которыхъ высоко укрѣплены электрическіе фонари, прекрасно освѣщающіе монументъ. На лицевой сторонѣ памятника (на пьедесталѣ) бронзовыми накладными литерами изображена слѣдующая надпись: «*Императору Александру III—Державному Основателю Великаго Сибирскаго пути*». Въ мартѣ 1900 года, по Высочайшему повелѣнію, была учреждена исполнительная коммиссія по сооруженію памятника, находившаяся подъ предсѣдательствомъ управлявшаго экспедицію заготовленія государственныхъ бумагъ князя В. В. Голицына. Членами этой коммиссіи состояли: вице-президентъ академіи художествъ графъ И. И. Толстой, директоръ департамента желѣзныхъ дорогъ, инженеръ путей сообщеній Э. К. Циглеръ фонъ-Шафгаузенъ, профессоръ архитектуры А. О. Томишко, академикъ архитектуры А. Н. Бенуа и авторы проекта памятника—скульпторъ князь П. Трубецкой и академикъ архитектуры Ф. О. Шехтель. Отвѣтственнымъ производителемъ работъ былъ приглашенъ профессоръ академіи художествъ по кафедрѣ строительнаго искусства, художникъ-архитекторъ А. А. Полѣщукъ. Статуя императора Александра III отливалась въ особо устроенной литейной

мастерской (Невскій пр., 143), а фигура коня была отлита изъ бронзы на Обуховскомъ сталелитейномъ заводѣ. Всѣ гранитныя работы для памятника были произведены обществомъ «Гранитъ» въ Ганге, а устройство ограды производилось петербургскою фирмою «Палеховъ и сыновья». 26-го мая, въ 8¹/₂ часовъ вечера, состоялось торжественное засѣданіе соединенныхъ обществъ: ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III, с.-петербургскаго славянскаго благотворительнаго, русскаго собранія и окраиннаго общества въ залѣ Дворянскаго собранія, посвященное памяти въ Бозѣ почившаго императора Александра III. Произнесены были рѣчи: 1) А. М. Золотаревымъ—«Національная политика императора Александра III». 2) П. Д. Паренсовымъ.—«Императоръ Александръ III и русско-турецкая война 1877—78 годовъ». 3) В. I. Гурко.—«Очеркъ царствованія императора Александра III». Во время перерывовъ хоръ Архангельскаго исполнялъ пѣнопѣнія.

Всероссійскій съѣздъ по педагогической психологіи. 1 іюня въ Солянскомъ городкѣ состоялось торжественное открытіе второго всероссійскаго съѣзда педагогической психологіи, созваннаго особымъ организаціоннымъ комитетомъ согласно постановленію перваго съѣзда, бывшаго въ 1906 году. Академикъ В. М. Бехтеревъ открылъ его привѣтственной рѣчью, въ которой изложилъ современное положеніе педагогической психологіи. «Пережитый нами періодъ характеризуется особымъ оживленіемъ вопросовъ психологіи и педагогики. Появились капитальные труды: Лая «Экспериментальная дидактика» и Меншанинъ «Экспериментальная педагогика», спеціальныя періодическія журналы и т. д. Наша молодежь въ высшихъ школахъ стала настойчиво заявлять о введеніи психологіи въ курсъ самостоятельныхъ наукъ университета, наполнила стѣны психо-неврологическаго института. Наконецъ, расширеніе Фребелевскаго общества, лѣтніе педологическіе курсы, педагогическая академія, особый педологическій институтъ при психо-неврологическомъ институтѣ, институтъ въ Кіевѣ—ясно свидѣтельствуютъ о повышенномъ вниманіи общества къ этому дѣлу. Второй съѣздъ будетъ обсуждать впервые доклады, непосредственно относящіеся къ области нравственнаго и эстетическаго воспитанія: школа должна преслѣдовать и воспитательныя цѣли. Не менѣе важенъ вопросъ о дошкольномъ воспитаніи. Хотя школа нянь въ Царскомъ Селѣ и основанный В. Т. Зиминимъ педологическій институтъ работаютъ очень хорошо, но у нихъ есть существенныя пробѣлы: отрывочныя, субъективныя наблюденія надъ дѣтьми, дороговизна воспитанія. Сама собой выдвигается задача общественнаго воспитанія дѣтей бѣдныхъ родителей, дѣтей улицы. Второй съѣздъ долженъ благотворно повліять на преобразование нашей школы—особенно средней—и выработать основные принципы воспитанія современнаго человѣка». Президентъ императорской академіи наукъ, великій князь Константинъ Константиновичъ удостоилъ академика В. М. Бехтерева слѣдующей привѣтственной телеграммы: «Искренно привѣтствую второй всероссійскій съѣздъ по педагогической психологіи и отъ души желаю ему подъ вашимъ руководствомъ послужить святому дѣлу воспитанія и образованія дѣтей и юношей на пользу и славу Царя и отечества. *Константинъ*». Секретарь М. И. Коноровъ доложилъ затѣмъ объ организаціи съѣзда. Съѣздъ имѣеть цѣлью обсудить слѣдующіе вопросы: психологическія основы воспита-

нія и обученія, преподаваніе въ средней и высшей школъ психологіи и педагогика, искусство въ жизни ребенка, психологія въ отношеніи къ школьной гигиенѣ, о вырожденіи среди учащихся, литература для дѣтскаго чтенія. Ген.-лейт. З. А. Макшеевъ привѣтствовалъ съѣздъ отъ педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній; проф. Н. Н. Ланге—отъ новороссійскаго университета и одесскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, проф. П. Э. Лейкфельдъ—отъ харьковскаго университета. Затѣмъ слѣдовали многочисленныя привѣтствія: отъ педагогической академіи, психо-неврологическаго института, московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, отъ русскаго общества нормальной и патологической психологіи. Членъ г. думы г. Ключевъ, 40 лѣтъ пробывшій начальнымъ учителемъ, привѣтствовалъ съѣздъ въ немногихъ теплыхъ словахъ, которымъ аудиторія оживленно аплодировала. Въ перерывѣ была снята фотографическая группа участниковъ съѣзда, а затѣмъ началось чтеніе докладовъ. Проф. Н. Н. Ланге сообщилъ о современномъ состояніи педагогической психологіи и ея задачахъ въ будущемъ, подробно остановившись на трудахъ нѣмецкаго ученаго Meumann. Утреннее засѣданіе закончено докладомъ А. П. Нечаева: «Педагогическая психологія за послѣдніе три года». Занятія съѣзда продолжались до 5 іюня, причемъ ежедневно происходило по два засѣданія, при двухъ секціяхъ: педагогической и психологической.

Съѣздъ эстонскихъ журналистовъ. 24 и 25 мая въ Ревелѣ, въ залѣ городской думы, состоялся съѣздъ эстонскихъ журналистовъ. Съѣхалось 38 делегатовъ. Поводомъ для съѣзда послужило то обстоятельство, что эстонскіе журналисты, вслѣдствіе несвоевременнаго полученія приглашенія, не могли принять участіе въ конгрессѣ журналистовъ Прибалтійскаго края, состоявшемся недавно въ Ригѣ. Предсѣдательствовалъ на эстонскомъ съѣздѣ редакторъ газеты «Postimees», членъ 1-й государственной думы Я. Тенисонъ. Первымъ обсуждался вопросъ о сближеніи мѣстныхъ журналистовъ и писателей. Рижскій конгрессъ нашелъ нужнымъ для этой цѣли открыть бюро и клубъ прибалтійскихъ журналистовъ и писателей, устраивать періодическіе конгрессы и издавать журналъ на четырехъ языкахъ—эстонскомъ, латышскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ. Съѣздъ эстонцевъ предполагалъ, что рѣшеніе рижскаго конгресса объ открытіи въ Либавѣ, Юрьевѣ и Ревелѣ отдѣленій клуба не соответствуетъ потребности, такъ какъ въ названныхъ городахъ нѣтъ такого количества журналистовъ, чтобы можно было содержать особыя отдѣленія клуба. Въмѣсто проектируемаго журнала на четырехъ языкахъ, эстонцы предполагаютъ издавать отдѣльныя параллельныя изданія на всѣхъ мѣстныхъ языкахъ. Объ этомъ постановлено сдѣлать предложеніе будущему прибалтійскому конгрессу. Кромѣ того, принято предложеніе вмѣсто открытія клуба основать «союзъ эстонскихъ журналистовъ и писателей». Вторымъ обсуждался вопросъ о международномъ сближеніи прибалтійской журналистики. По этому вопросу происходили оживленныя пренія, и приняты были всѣ пункты рижской резолюціи и, кромѣ того, слѣдующая: «Представить будущему конгрессу прибалтійскихъ журналистовъ слѣдующіе пункты: 1) Имѣютъ ли отдѣльныя народности Прибалтійскаго края общіе интересы и при какихъ обстоятельствахъ ихъ можно отстаивать? 2) Входитъ ли въ число общихъ интересовъ отдѣльныхъ національностей также и автономія?

3) Необходимо, чтобы борьба національностей велась въ культурныхъ формахъ. Обсуждались также еще вопросы: объ улучшеніи матеріальнаго положенія и взаимопомощи мѣстныхъ журналистовъ и писателей, объ устройствѣ экскурсій журналистовъ, учрежденіи третейскаго суда. Былъ поднятъ вопросъ и о недостаткахъ въ мѣстной журналистикѣ. Однимъ изъ важныхъ пунктовъ программы былъ вопросъ о томъ, какимъ путемъ освѣтить нужды эстонскаго народа передъ правительствомъ и русскимъ обществомъ. Указывалось на то, что въ столичной прессѣ очень часто помѣщаются статьи, взятые изъ петербургскихъ и мѣстныхъ нѣмецкихъ газетъ, въ которыхъ политическое и экономическое положеніе мѣстныхъ національностей описывается и освѣщается несогласно съ дѣйствительностью—по рецепту мѣстныхъ консервативныхъ помѣщиковъ-нѣмцевъ. Избрано бюро изъ пяти лицъ, на которое возложена обязанность позаботиться о томъ, чтобы русская, особенно столичная, пресса имѣла въ своемъ распоряженіи точныя свѣдѣнія о событіяхъ и политическомъ положеніи Прибалтійскаго края.

XII съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей. Съ 28-го декабря 1909 г. по 6-е января 1910 г. въ Москвѣ имѣеть быть XII съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей. Цѣль его заключается въ споспѣшествованіи ученой и учебной дѣятельности на поприщѣ естественныхъ наукъ, въ направленіи этой дѣятельности, главнымъ образомъ, на ближайшее изслѣдованіе Россіи и въ доставленіи русскимъ естествоиспытателямъ случая лично знакомиться между собою. Членомъ съѣзда можетъ быть всякій, кто научно занимается естествознаніемъ; но правами голоса на съѣздѣ пользуются только ученые, напечатавшіе самостоятельное сочиненіе или изслѣдованіе по естественнымъ наукамъ, и преподаватели этихъ наукъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Никакого диплома на званіе члена XII съѣзда не выдается. Засѣданія съѣзда бываютъ общія и частныя (или по секціямъ); въ общихъ засѣданіяхъ читаются статьи общинтересныя и обсуждаются вопросы, касающіеся всего съѣзда; въ частныхъ засѣданіяхъ сообщаются и разбираются изслѣдованія и наблюденія, имѣющія болѣе специальное значеніе для одной изъ отраслей естествознанія. Отдѣленія на съѣздѣ полагаются слѣдующія: а) по математикѣ съ подсекціями механики и астрономіи, б) физикѣ, в) физической географіи и метеорологіи съ подсекціей воздухоплаванія, д) химіи, е) минералогіи и геологіи, ф) ботаникѣ, г) зоологіи, h) анатоміи и физиологіи человѣка и животныхъ съ подсекціей гистологіи и эмбриологіи, i) географіи, этнографіи и антропологіи съ подсекціей статистики, к) агрономіи, l) научной медицинѣ и m) научной гигиенѣ. По примѣру предшествовавшихъ съѣздовъ, каждый членъ XII съѣзда вноситъ въ его кассу три рубля исключительно для научныхъ цѣлей и на нужды съѣзда. Для предварительныхъ работъ по устройству XII съѣзда образованъ распорядительный комитетъ, въ составъ котораго вошли слѣдующіе профессора: предсѣдатель распорядительнаго комитета XII съѣзда Д. Н. Анучинъ (онъ же завѣдующій секціей географіи, этнографіи и антропологіи), товарищъ предсѣдателя А. П. Павловъ; члены: Н. А. Умовъ (завѣдующій секціей физики), К. А. Андреевъ, А. П. Сабанѣевъ, К. А. Тимирязевъ (завѣдующій секціей ботаники), А. П. Соколовъ, Н. Е. Жуковскій (завѣдующій секціей математики и подсекціей воздухопла-

ванія), В. К. Цераскій (завѣдующій подсекціею астрономіи), М. А. Мевзбиръ (завѣдующій секціею зоологіи), Н. Ю. Зографъ, Б. К. Млодзѣевскій, Н. Д. Зелинскій (завѣдующій секціею химіи), Л. К. Лахтинъ, В. П. Вернадскій (завѣдующій секціею минералогіи и геологіи), П. Н. Лебедевъ, И. А. Каблуковъ, А. Н. Сабанинъ (завѣдующій секціею агрономіи), Д. Θ. Егоровъ, С. А. Чаплыгинъ (завѣдующій подсекціею механики), М. И. Голенкинъ, А. М. Настюковъ, Θ. Н. Крашенинниковъ, Н. А. Каблуковъ (завѣдующій подсекціею статистики), Д. Н. Зерновъ, Л. З. Мороховецъ, А. Б. Фохтъ, В. Д. Шервинскій (завѣдующій секціею научной медицины), В. С. Гулевичъ, С. Θ. Бубновъ (завѣдующій секціею научной гігіены), И. Ф. Огневъ (завѣдующій секціею анатоміи и физиологіи челоуѣка и животныхъ съ подсекціею гистологіи и эмбриологіи); дѣлопроизводители сѣзда: Э. Е. Лейстъ (завѣдующій секціею физической географіи и метеорологіи) и Г. А. Кожевниковъ. Доводя о семъ до всеобщаго свѣдѣнія, члены комитета обращаются къ товарищамъ по наукѣ съ покорнѣйшей просьбой почтить XII сѣздъ естествоиспытателей и врачей своимъ личнымъ присутствіемъ или присылкою ученыхъ трудовъ. Такъ какъ комитету необходимо знать заранѣе, на какое число гостей онъ можетъ разсчитывать, то онъ обращается съ просьбою къ лицамъ, желающимъ принять участіе въ сѣздѣ, извѣстить комитетъ не позже 1-го ноября с. г. о своемъ намѣреніи прибыть въ Москву, адресуя письма въ университетъ на имя комитета сѣзда или его дѣлопроизводителей, а также сообщить свои адреса и обозначить ту секцію, на которую они намѣрены записаться. Распорядительный комитетъ употребитъ всѣ старанія, чтобы доставить членамъ сѣзда возможность широко воспользоваться пребываніемъ ихъ въ Москвѣ для осмотра мѣстныхъ достопримѣчательностей, научныхъ институтовъ, музеевъ, лабораторій и т. д. Подробныя программы занятій XII сѣзда будутъ своевременно сообщены членамъ сѣзда.

Десятилѣтіе Пушкинскаго общества. Въ маѣ исполнилось 10 лѣтъ существованія Пушкинскаго лицейскаго общества, основаннаго ко дню столѣтняго юбилея А. С. Пушкина. Чрезвычайное общее собраніе общества состоялось 9 мая при торжественной обстановкѣ въ актовомъ залѣ Александровскаго лица. Изъ нынѣшнихъ лицейстовъ присутствовали только старшій курсъ. Собраніе было открыто предсѣдателемъ общества членомъ гос. сов. А. С. Ермоловымъ По предложенію комитета почетными членами общества избраны предсѣдатель отдѣленія русскаго языка и изящной словесности, академикъ А. А. Шахматовъ, одинъ изъ старѣйшихъ лицейстовъ И. И. Шалишинъ и секретарь общества П. Я. Рейнботъ. По уставу общества членами его могутъ быть только лицейсты; поэтому общество, въ виду исключительныхъ заслугъ исторіографа Пушкина П. О. Морозова, избрало его своимъ членомъ-сотрудникомъ. П. Я. Рейнботъ въ видѣ «особой милости» просилъ съ избраніемъ его почетнымъ членомъ оставить его въ должности секретаря комитета; собраніе выразило свое согласіе продолжительными аплодисментами. Аплодисментами же были затѣмъ привѣтствованы присутствовавшіе на собраніи основатели общества переводчикъ Шекспира А. Л. Соколовскій и директоръ публичной бібліотеки Д. Θ. Кобеко. Изъ прочитаннаго секретаремъ отчета видно, что дѣятельность общества, за недостаткомъ средствъ (капиталъ общества около 5,000 руб.), ограничилась

изданіемъ нѣсколькихъ произведеній Пушкина и разсылкой во время войны въ дѣйствующую армію летучихъ библиотечекъ (всего 115 тыс. экземпляровъ). Особое вниманіе общество удѣлило собиранію матеріаловъ для музея имени А. С. Пушкина при лицѣѣ. Ко дню юбилея товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Н. В. Чарыковъ издалъ брошюру «Извѣстія о дуэли Пушкина, имѣющіяся въ Голландіи».

200-лѣтіе морского музея. 30 мая исполнилось 200 лѣтъ со дня основанія морского музея. Въ настоящее время музей является живой исторіей развитія и роста нашего морского дѣла. Тамъ собраны картины русскихъ художниковъ-маринистовъ, модели судовъ, рисунки, флаги, полная обстановка морской жизни, расположенная по эпохамъ царствованія. Музей открытъ для публики; въ немъ сохраняется свыше 7,000 предметовъ, размѣщенныхъ въ 41 залѣ. Въ 12 часовъ въ помѣщеніяхъ музея, богато убранныхъ, состоялось торжественное молебствіе. Послѣднее совершалось духовенствомъ Адмиралтейскаго собора. На торжествѣ присутствовали: товарищъ морского министра в.-адм. Григоровичъ, члены г. совѣта: ген.-адм. Дубасовъ, ген.-адм. Авеланъ, адм. Вирилевъ, адм. Скрыдловъ, начальникъ главнаго штаба адм. Яковлевъ, начальники отдѣльныхъ управленій морского министерства, командиры морскихъ частей и флотскихъ отрядовъ и представители другихъ министерствъ. По окончаніи молебствія былъ прочитанъ историческій очеркъ «Модель-камера, впоследствии морской музей имени императора Петра Великаго». Очеркъ составленъ извѣстнымъ знатокомъ морской исторіи полк. Огородниковымъ и включаетъ въ себѣ описаніе всѣхъ сторонъ постепеннаго развитія музея.

Юбилей Д. А. Скалона. 16 іюня исполнилось 50 лѣтъ службы Д. А. Скалона въ офицерскихъ чинахъ. Поэтому мы считаемъ необходимымъ бросить бѣглый взглядъ на движеніе по службѣ маститаго юбиляра и отмѣтить въ общихъ чертахъ его дѣятельность, которая достаточно извѣстна широкому кругу лицъ и плодами которой будутъ пользоваться многія поколѣнія. Дмитрій Антоновичъ родился 27 октября 1840 года. Воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и окончилъ курсъ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Службу началъ въ л.-гв. Уланскомъ полку, куда былъ опредѣленъ 16 іюня 1859 года корнетомъ. Во время польскаго возстанія 1863 года участвовалъ во многихъ дѣлахъ съ поляками и за отличіе при мѣст. Живулишкахъ былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 3 ст. съ мечами и бантомъ. 21 августа 1864 года назначенъ адъютантомъ при его императорскомъ высочествѣ генераль-инспекторѣ кавалеріи и командующемъ войсками гвардіи и петербургскаго военного округа. И съ этого времени въ теченіе болѣе 27 лѣтъ состоялъ при его высочествѣ, занимая весьма важныя и отвѣтственныя должности. Въ 1872 году сопровождалъ его высочество во время путешествія его по Востоку и Св. Землѣ. Воспоминанія Д. А. по поводу этого путешествія, написанныя живымъ образнымъ языкомъ, представляющія живой интересъ и для настоящаго времени, были изданы имъ въ 1881 году отдѣльною книгою подъ заглавіемъ: «Путешествіе по Востоку и Св. Землѣ въ свитѣ великаго князя Николая Николаевича въ 1872 году»¹⁾.

¹⁾ Изданіе въ настоящее время представляетъ библиографическую рѣдкость.

Издание, представляющее капитальный трудъ, снабжено большимъ количествомъ иллюстрацій. Во время турецкой войны, уже въ чинѣ полковника, Д. А. состоялъ членомъ кассационнаго присутствія при главнокомандующемъ дѣйствующей арміи. Близкія отношенія къ е. и. в. ставили его въ весьма важное и отвѣтственное положеніе: онъ былъ фактическимъ докладчикомъ по всѣмъ дѣламъ е. и. в.; всѣ важнѣйшія распоряженія главнокомандующаго происходили также черезъ него, ему были знакомы даже многія интимныя обстоятельства дѣла, и въ его рукахъ фактически сосредоточивались всѣ важнѣйшія нити. Поэтому нельзя не упомянуть здѣсь и не выразить надежды, что печатаемая въ настоящее время въ «Русской Старинѣ» воспоминанія Д. А. «На службѣ при великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ» и специально посвященный послѣдней турецкой войнѣ большой трудъ «Походъ на Востокъ», предназначенный къ напечатанію въ непродолжительномъ времени, прольютъ массу свѣта на ту обстановку, въ которой протекала война, дадутъ новое, болѣе яркое освѣщеніе тому ходу событій, который, послѣ столь побѣдоносно оконченной войны, привелъ къ Берлинскому трактату. Къ этой же серіи литературныхъ произведеній Д. А. относится напечатанная въ «Русской Старинѣ» статья «Забывтый фельдмаршалъ». За турецкую войну Д. А. получилъ орденъ св. Владимира 3 степ. съ мечами, золотое оружіе съ надписью «За храбрость» и нѣсколько иностранныхъ орденовъ и медалей, а признательная Болгарія, по случаю 25-лѣтія турецкой войны (въ 1903 году), наименовала именемъ генерала Скалона, какъ одного изъ видныхъ дѣятелей войны за ея освобожденіе, артиллерійскую батарею, поставленную рядомъ съ музеемъ имени великаго князя Николая Николаевича. По возвращеніи въ Петербургъ, 18 мая 1879 года, Д. А. былъ назначенъ начальникомъ канцеляріи управленія генераль-инспектора кавалеріи, съ зачисленіемъ по гвардейской кавалеріи; занимая эту должность, принималъ дѣятельное участіе въ реорганизациі кавалеріи и увеличеніи ея состава. Въ 1883 году произведенъ въ генераль-майоры; въ 1891—назначенъ начальникомъ кавалерійской части главнаго штаба, а въ 1895—состоящимъ въ распоряженіи военнаго министра, съ производствомъ въ генераль-лейтенанты. Въ генералы-отъ-кавалеріи Д. А. произведенъ 6 декабря 1907 года. Помимо прямыхъ своихъ обязанностей, онъ принималъ плодотворное участіе въ различнаго рода отвѣтственныхъ комиссіяхъ и совѣщаніяхъ. Съ 1900 года состоитъ главнымъ редакторомъ историческихъ очерковъ столѣтія военнаго министерства. До настоящаго времени вышло уже около 40 томовъ этого изданія, снабженныхъ обстоятельнымъ систематическимъ указателемъ, который, въ качествѣ ключа ко всему изданію, даетъ возможность быстро ориентироваться и пользоваться заключающимся въ очеркахъ обширнымъ матеріаломъ. Весь этотъ трудъ требовалъ большого напряженія силъ, умѣнія и опытности руководителя. Дмитрій Антоновичъ, благодаря своему такту и неутомимой энергіи, всегда побуждалъ встрѣчавшіяся на его пути препятствія, неизбѣжныя при всякомъ большомъ дѣлѣ. Порученное ему дѣло близится къ концу. Планъ выполненъ такимъ образомъ, что все уже сдѣланное имѣетъ вполне самостоятельное значеніе и доступно для всякаго. Очерки получили весьма широкое распространеніе въ Россіи и за границей и пользуются большой популярностью. За свои «выдающіеся труды по составленію и

редактированію историческаго обзорѣнія столѣтія военнаго министерства 1802—1902 гг.» Д. А. былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго при Всемилостивѣйшемъ рескриптѣ. Самые же труды его одобрены многими выдающимися авторитетами военной исторіи, какъ русскими, такъ и иностранными, которые, безусловно признавая высокую цѣнность изданія, отдали должное энергіи руководителя.

25-лѣтіе научной дѣятельности В. В. Подвысоцкаго. 19 мая исполнилось двадцатипятилѣтіе научной дѣятельности директора института экспериментальной медицины профессора-патолога В. В. Подвысоцкаго. Днемъ въ залѣ лабораторіи общей патологіи института собрались представители медицинскаго міра, ученыхъ обществъ, служащіе института, ихъ дѣти, собранныя въ одну группу, бывшіе и настоящіе ученики, почитатели и друзья юбиляра, всѣ съ цѣлью выразить свое почтеніе таланту и заслугамъ В. В. Подвысоцкаго. Приглашенный изъ своего кабинета въ залъ В. В. Подвысоцкій былъ встрѣченъ апплодисментами. Низшій персоналъ института поднесъ юбиляру на рѣзномъ деревянномъ блюдѣ хлѣбъ-соль. Потомъ началось чтеніе адресовъ и привѣтствій депутаціями разныхъ ученыхъ обществъ. Адресъ отъ медицинскаго персонала института прочиталъ профессоръ И. П. Павловъ. Въ адресѣ перечислены всѣ заслуги юбиляра по руководству такимъ обширнымъ учрежденіемъ, какъ институтъ экспериментальной медицины съ его лабораторіями. Чины институтской канцеляріи особо поднесли адресъ. Одинъ изъ дѣтей сказалъ рѣчь, въ которой отдѣлялась благодарность за попеченіе и сердечность къ дѣтямъ институтской колоніи со стороны В. В. Подвысоцкаго. Профессоръ И. И. Мечниковъ, облобызавшись съ В. В., замѣтилъ, что имъ, старымъ друзьямъ и соратникамъ, можно обойтись и безъ словъ. Затѣмъ слѣдовали адреса: отъ общества врачей Петербурга, отъ клиническаго института великой княгини Елены Павловны, прочитанный профессоромъ Тимротомъ, отъ женскаго медицинскаго института. Принцъ и принцесса Ольденбургскіе прислали юбиляру телеграмму. Представители кievскаго, новороссійскаго и казанскаго медицинскихъ факультетовъ привѣтствовали юбиляра теплыми рѣчами. В. В. Подвысоцкій съ 1887 по 1900 годъ читалъ въ кievскомъ университетѣ курсъ общей патологіи, завѣдуя лабораторіей по своей спеціальности. Имъ же организованъ медицинскій факультетъ въ новороссійскомъ университетѣ и построены тамъ клиники. Все это ораторы отмѣтили въ своихъ рѣчахъ, добавивъ, что университеты многимъ обязаны энергичной и просвѣщенной дѣятельности В. В. Медицинскій совѣтъ прислалъ привѣтственную телеграмму, а по окончаніи засѣданія членъ совѣта лейбъ-медикъ Л. В. Вертенсонъ лично поздравилъ юбиляра, также какъ оберъ-прокуроръ синода С. М. Лукьяновъ; профессора Бехтеревъ, Оттъ, Павловъ и другіе были днемъ. Юбиляръ получилъ свыше 300 телеграммъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи и изъ-за границы. Отъ медицинскихъ журналовъ и изданій юбиляра привѣтствовала особая депутація.

50-лѣтіе ученой дѣятельности В. В. Радлова. 14 мая исполнилось 50-лѣтіе ученой дѣятельности академика Василія Васильевича Радлова. Въ 1 ч. дня на квартирѣ юбиляра собрались почитатели и ученики его, депутація отъ ученыхъ обществъ и учреждений и сослуживцы. Привѣтственные адреса под-

несли юбиляру слѣдующія учрежденія: кн. В. В. Голицынь отъ академіи наукъ, проф. В. А. Жуковский отъ восточнаго факультета петербургскаго университета, Н. И. Веселовскій отъ восточнаго отдѣленія археологическаго общества, Д. А. Клеменць отъ этнографическаго отдѣленія русскаго музея Александра III, членъ г. думы Некрасовъ отъ сибирской группы депутатовъ, представители комитета по изученію Средней и Восточной Азіи, Назаревскаго института восточныхъ языковъ, общества изученія Сибири, кружка любителей этнографіи, московскаго этнографическаго отдѣленія общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, географическаго общества (академикъ В. И. Ламанскій), географическаго студенческаго кружка, студентовъ восточнаго факультета петербургскаго университета и, наконецъ, музея антропологіи и этнографіи (гг. Штернбергъ, Тань и др.). Привѣтственныя телеграммы академикомъ Радловымъ получены отъ слѣдующихъ лицъ и учреждений: министра народнаго просвѣщенія (привѣтствуетъ, между прочимъ, юбиляра съ производствомъ въ дѣйствительные тайные совѣтники), сенатора А. Ф. Кони, кн. Ухтомскаго, академика Баклунда, проф. Иностранцева, академика Залемана, академика В. И. Вернадскаго, управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ Чарыкова, венгерской академіи наукъ въ Будапештѣ, философскаго факультета будапештскаго университета, мюнхенскаго этнографическаго музея, финно-угорскаго общества въ Гельсингфорсѣ, московскаго Румянцовскаго музея, археологической комиссіи, ученаго эстонскаго общества въ Юрьевѣ, юрьевскаго университета, берлинской академіи наукъ, московскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, казанскихъ учителей русско-татарскихъ школъ и др. В. В. Радловъ родился въ Берлинѣ въ 1837 году, гдѣ кончилъ университетъ. Въ 1858 году пріѣхалъ въ Россію для занятій въ азіатскомъ музеѣ. Имъ собраны образцы народной поэзіи алтайцевъ, киргизъ, татаръ и др. Въ 1884 году былъ произведенъ въ ординарные академики. Въ 1891 году подъ его руководствомъ была снаряжена экспедиція для изслѣдованія древнихъ памятниковъ долины Орхона въ Монголіи. Академику Радлову принадлежать слѣдующіе ученые труды: «Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ», «Этнографическій обзоръ тюркскихъ племенъ», «Сибирскія древности», «Міеологія и міросозерцаніе жителей Алтая» и др. Большая часть его работъ напечатана на нѣмецкомъ языкѣ.

50-лѣтній юбилей І. С. Китнера. 29-го мая по случаю исполнившагося 50-лѣтія дѣятельности академика архитектуры І. С. Китнера состоялось чествованіе юбиляра, въ которомъ принимали участіе представители города, институтовъ гражданскихъ инженеровъ и путей сообщенія, архитектурныхъ обществъ и др. Привѣтствовали юбиляра: городской голова Н. А. Рѣзцовъ, члены инженернаго совѣта путей сообщенія профессоръ Вѣлелюбскій и Куницкій, директоръ и инспекторъ института гражданскихъ инженеровъ В. А. Косяковъ и А. К. Павловскій, директоръ института путей сообщенія А. А. Брандъ, предсѣдатель петербургской земской управы Яковлевъ, члены совѣта общества архитекторовъ В. В. Эйвальдъ и П. П. Марсеру, предсѣдатель общества архитекторовъ-художниковъ гр. П. Ю. Сюзоръ, члены городской трамвайной комиссіи и др. І. С. Китнеромъ получено очень много привѣтственныхъ

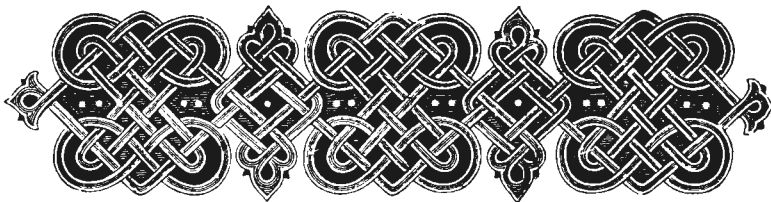
адресовъ и телеграммъ, между прочимъ, отъ министра путей сообщения С. В. Рухлова, гласныхъ Фальборка, Потѣхина, Никитина, и др. Приводимъ краткія свѣдѣнія изъ біографіи юбиляра. І. С. Китнеръ родился въ іюнѣ 1839 года. Въ 1859 году онъ кончилъ училище, преобразованное затѣмъ въ институтъ гражданскихъ инженеровъ. Въ продолженіе 35 лѣтъ юбиляръ состоялъ профессоромъ института гражданскихъ инженеровъ. І. С. Китнеръ былъ однимъ изъ учредителей общества архитекторовъ и въ настоящее время состоитъ его предсѣдателемъ. Въ 70-хъ годахъ академія художествъ присудила юбиляру званіе академика-архитектора.

Церковно-школьная выставка. 11 мая въ синодальномъ училищномъ со-вѣтѣ состоялось торжественное открытіе всероссійской церковно-школьной выставки, устроенной по случаю 25-лѣтняго юбилея церковной школы. На открытіе собралось многочисленное высшее духовенство, во главѣ съ митрополитами Владимиромъ и Флавіаномъ, чины центрального управленія синода во главѣ съ оберъ-прокуроромъ С. М. Лукьяновымъ, военный министръ ген.-отъ-кавалеріи Сухомлиновъ, товарищъ министра народнаго просвѣщенія Л. А. Георгіевскій, члены государственнаго совѣта гг. Извольскій, Саблеръ и Штюрмеръ, предсѣдатель церковной думской комиссіи Н. Н. Львовъ и многіе другіе. Предсѣдательствующій училищнаго совѣта прот. П. И. Соколовъ въ краткой рѣчи отмѣтилъ, что настоящая выставка должна наглядно показать плоды двадцатипятилѣтней работы церковной школы всѣмъ ея противникамъ, всѣмъ ея недоброжелателямъ. Затѣмъ митрополитъ Владимиръ объявилъ выставку открытой. Выставка раздѣлена на семь отдѣловъ: начальныя школы для дѣтей, учительскія церковныя школы, просвѣщеніе взрослога населенія, изданія училищнаго совѣта (въ 1907 году изъ его складовъ отпущено 3.355,152 тома), церковно-школьная литература, статистика церковныхъ школъ и администрація съ инспекціей. Кромѣ того, образованъ особый подотдѣлъ инородческихъ церковно-приходскихъ школъ. Общее число экспонатовъ превышаетъ сейчасъ 2,220. Доставлены они изъ всѣхъ рѣшительно епархій. Небольшія выставочныя помѣщенія биткомъ набиты всевозможными фотографіями, женскими рукодѣліями, плетеными издѣліями, вязаніемъ, вышивками, художественными работами, образцами письменныхъ работъ, моделями цѣлыхъ школьныхъ зданій, церквей и т. д. Холмская епархія представила на выставку изящно вышитый по шелку списокъ своихъ церковныхъ школъ—ихъ ровно 200. Ученицы Св.-Владимирской женской церковно-учительской школы въ Петербургѣ подъ руководствомъ художника Новоскольцева написали цѣлый иконостасъ. Шамовская учительская школа, Херсонской епархій, прислала изящныя модели крестьянской избы, школы и церкви. Обращаютъ вниманіе тонкостью работы и изяществомъ церковныя облаченія, исполненныя по атласу масляными красками. Интересенъ далѣе образцовый улей, представленный съ пасѣки одной изъ церковныхъ школъ южныхъ епархій. Учитель школы этой находится тутъ же, при экспонатѣ. Въ теченіе 4 лѣтъ ему удалось поставить въ своей школѣ пчеловодство такъ хорошо, что до 70 окончившихъ школу сами имѣютъ свои пасѣки. Естественнымъ образомъ получилась профессиональная пчеловодная школа. Общее впечатлѣніе отъ выставки такое, что церковныя школы стараются научить своихъ питомцевъ ка-

кому-нибудь чисто-практическому знанію: мастерству, женскимъ рукодѣліямъ и т. д. Слабѣ другихъ представлень отдѣлъ начальныхъ школъ для дѣтей: фотографіи, рукодѣлія и письменныя работы. Можно было бы отдѣлъ этотъ сдѣлать болѣе разнообразнымъ. Издательская дѣятельность училищнаго совѣта, администрація, статистика и литература по церковно-школьному дѣлу занимаютъ на выставкѣ сравнительно немного мѣста. То же слѣдуетъ сказать и объ отдѣлѣ просвѣщенія взрослого населенія. Такимъ образомъ наиболѣе интересенъ и обширенъ отдѣлъ церковно-учительскихъ школъ.

Народный домъ имени С. Т. Аксакова. Въ виду исполнившагося 30 апрѣля текущаго года пятидесятилѣтія со дня смерти писателя С. Т. Аксакова, уроженца Уфимской губерніи, образованный въ гор. Уфѣ особый комитетъ по увѣковѣченію памяти упомянутаго писателя постановилъ: соорудить въ Уфѣ имени его народный домъ, въ составъ коего должны войти музей, состоящій изъ отдѣловъ этнографическаго, естественнаго, историческаго, кустарныхъ и прикладныхъ знаній, зрительный залъ, картинная галерея, пожертвованная извѣстнымъ художникомъ М. В. Нестеровымъ, аудиторія и бесплатная библіотека-читальня. По окончаніи постройки народный домъ долженъ поступить въ общее распоряженіе дворянства, земства и города. Аксаковскій комитетъ, при обсужденіи вопроса о сооруженіи означеннаго дома, не могъ не отмѣтить, что аксаковскій народный домъ явится не только дорогимъ памятникомъ о самобытномъ русскомъ писателѣ С. Т. Аксаковѣ, столь любимомъ уже не однимъ поколѣніемъ учащейся молодежи,—но и высокопросвѣтительнымъ учрежденіемъ, дѣнною сокровищницей богатствъ Приуралья. Комитетъ вѣритъ, что еще дороже будетъ сознаніе, что не оскудѣла наша великая Россія добрыми людьми и какъ тысячи храмовъ на святой Руси построены на добротную копейку миліоновъ жертвователей, такъ и всякія благія культурныя начинанія всегда въ правѣ рассчитывать на всеобщее сочувствіе.

НЕКРОЛОГИ.

БАТЮШКОВЪ, Д. Н. 10 мая скончался почетный опекунъ, д. тайн. сов. Дмитрій Николаевичъ Батюшковъ. Покойный родился въ 1829 г. По окончаніи курса въ московскомъ университетѣ кандидатомъ физико-математическаго факультета, Д. Н. началъ службу въ канцеляріи московскаго военнаго генераль-губернатора. Во время Крымской кампаніи поступилъ добровольцемъ въ 18-ю дружину государственнаго ополченія. Съ 1862 г. перешелъ въ финансовое вѣдомство, будучи назначенъ сперва секретаремъ и черезъ два года директоромъ московской конторы Государственнаго банка. Въ это время ему пришлось между прочимъ завѣдывать приемомъ подписки на первый внутрѣнный съ выигрышами заемъ. Въ 1865 г. былъ привлеченъ тогдашнимъ государственнымъ контролеромъ В. А. Татариновымъ на службу въ контроль и командированъ въ Казань для открытія казанской контрольной палаты и управленія ею. Въ Казани покойный явился между прочимъ инициаторомъ устройства колоній для малолѣтнихъ преступниковъ. Съ 1879 г. Д. Н. управлялъ с.-петербургской контрольной палатой и въ 1882 г. былъ назначенъ подольскимъ губернаторомъ. Съ этого времени началась административная служба покойнаго. Послѣ трехлѣтняго губернаторства въ Подольской губерніи онъ въ теченіе шести лѣтъ былъ екатеринославскимъ губернаторомъ и около девяти лѣтъ гродненскимъ. Какъ губернаторъ, Д. Н. обратилъ вниманіе на благоустройство городской и сельской жизни, на призрѣніе неимущихъ и всегда былъ сторонникомъ права и справедливости. Назначенный въ 1899 г. почетнымъ опекуномъ, Д. Н. переселился въ Петербургъ и здѣсь управлялъ императорскимъ родовспомогательнымъ заведеніемъ, заботясь объ его улучшеніи и наилучшимъ уходѣ за больными. При немъ было открыто между прочимъ общежитіе для слушательницъ повивальнаго института. Одновременно Д. Н. явился инициаторомъ и состоялъ почетнымъ предсѣдателемъ благотворительнаго общества ея император-

скаго высочества великой княгини Ольги Александровны, имѣющаго цѣлью оказывать матеріальную помощь бѣднымъ матерямъ, выписываемымъ изъ родовспомогательнаго заведенія, и снабжать новорожденныхъ бѣльемъ. Какъ человекъ, онъ оставилъ по себѣ хорошую память среди всѣхъ знавшихъ его доброту, сердечность и готовность прійти на помощь въ случаѣ нужды. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 11912).

† **Бернгардъ, В. Р.** 14 мая скоропостижно скончался заслуженный профессоръ института гражданскихъ инженеровъ императора Николая I, членъ правленія императорскаго общества архитекторовъ д. с. с. Вильгельмъ Рудольфовичъ Бернгардъ. Покойный былъ сыномъ весьма извѣстнаго въ свое время профессора архитектуры Р. В. Бернгарда, директора и дѣятельнаго руководителя тогдашняго «строительнаго училища». Въ строительномъ искусствѣ и научной работѣ В. Р. явился достойнымъ преемникомъ своего отца. Родился В. Р. въ 1856 году, обучался въ гимназіи д-ра Видемана, а затѣмъ—въ строительномъ училищѣ, которое затѣмъ переименовано въ институтъ гражданскихъ инженеровъ. Училище онъ окончилъ съ золотой медалью и съ занесеніемъ на мраморную доску. Въ 1880 г. назначенъ помощникомъ преподавателя строительной механики института и причисленъ къ техническо-строительному комитету министерства внутреннихъ дѣлъ. Затѣмъ былъ архитекторомъ департамента народнаго просвѣщенія, въ 1881 г. началъ чтеніе лекцій въ институтѣ по строительному искусству, въ 1882 г. завѣдывалъ специальной библіотекой института, въ 1885 г. приглашенъ императорскою академіей художествъ преподавателемъ по предметамъ отопленія и вентиляціи зданій и специальному законовѣдѣнію. Наконецъ, въ 1887 г. В. Р. приглашенъ членомъ строительнаго комитета при Собственной Его Величества канцеляріи по учрежденіямъ императрицы Маріи и въ послѣдствіи былъ главнымъ инспекторомъ по строительной части вѣдомства императрицы Маріи. Покойный занимался частными постройками и разработкой научныхъ техническихъ вопросовъ въ специальныхъ журналахъ. Въ институтѣ В. Р. пользовался общими симпатіями студентовъ, видѣвшихъ въ немъ прекраснаго профессора-педагога, и профессорской корпораціи, въ которой онъ всегда былъ хорошимъ, отзывчивымъ товарищемъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 11916).

† **Внуковскій, Аполлинарій.** Скончавшійся 21 мая послѣ долгой и тяжелой болѣзни (грудная жаба) въ С.-Петербургѣ могилевскій архіепископъ и митрополитъ всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россійской имперіи высокопреосвященный Аполлинарій Внуковскій принадлежалъ къ выдающимся по своей энергіи, трудолюбію, научной образованности и строго-пастырской ревности іерархамъ христіанской церкви. Его долговременная (съ 1872 года) пастырская, педагогическая (съ 1874 г.) и административная (съ 1880 г.) дѣятельность въ Петербургѣ, Житомирѣ и Плоцкѣ, снискавъ почившему іерарху всеобщее уваженіе и любовь пасомыхъ и учениковъ, побудила папу римскаго Пія X, по соглашенію съ русскимъ правительствомъ, назначить въ октябрѣ 1908 года на высшій постъ митрополита всѣхъ римско-католическихъ церквей и архіепископа могилевской архіепархіи, въ каковомъ санѣ преосвященный Аполлинарій и былъ утвержденъ Высочайшею грамотою, вступивъ 23 ноября

1908 г. въ управленіе могилевскою епархіей и духовною римско-католическою коллегіей въ Петербургѣ. Аполлинарій Матѣевичъ Внуковскій родился 23 іюля 1848 года въ Каменецъ-Подольскомъ, сначала воспитывался въ каменецкой классической гимназіи (1858—1865), а позже въ римско-католическихъ духовныхъ семинаріяхъ: каменецкой (1865—1867) и житомирской (1867—1870); еще въ Каменецъ молодой семинаристъ за свои успѣхи въ наукѣ и примѣрное поведеніе обратилъ на себя вниманіе и пользовался любовью тогдашняго епископа Антонія Фіалковскаго (позже митрополита всѣхъ церквей). Высшее научное образованіе почившій митрополитъ получилъ въ с.-петербургской императорской римско-католической академіи (1870—1884) со степенью магистра богословія, бывъ еще за два года до окончанія академическаго курса, 15 іюня 1872 года, посвященъ во пресвитерскій санъ (такъ назыв. ксендзъ-капланъ) къ церкви римско-католическаго кладбища на Выборгской сторонѣ. Въ 1874 г. молодой магистръ пресвитеръ отецъ Аполлинарій сталъ профессоромъ латинской литературы въ житомирской семинаріи, исполняя также обязанности викарія житомирскаго римско-католическаго кафедральнаго собора. Засимъ о. Аполлинарій вернулся въ Петербургъ адъюнктъ-профессоромъ императорской римско-католической духовной академіи (1878—1880), а въ 1880 г. былъ назначенъ въ Житомиръ вице-деканомъ луцко-житомирской римско-католической епархіи и начальникомъ епископской канцеляріи во время управленія епархіей сначала епископа Симона Козловскаго (позже митрополита), а послѣ епископа Любовидскаго. Назначенный въ 1883 г. духовникомъ кафедральнаго собора въ санѣ почетнаго каноника, о. Аполлинарій въ томъ же Житомирѣ былъ ассессоромъ римско-католической консисторіи, а въ 1898 г. сталъ и ректоромъ родной ему житомирской семинаріи вмѣстѣ съ обязанностями профессора догматической теологіи и исторіи философіи, причѣмъ вскорѣ былъ возведенъ въ санъ прелата луцко-житомирскаго капитула. Хиротонисанный, 13 сентября 1904 г., въ с.-петербургской церкви св. Екатерины митрополитомъ Георгіемъ Шембекомъ во епископскій санъ, преосвященный Аполлинарій четыре года (1904—1908) управлялъ плоцкою римско-католическою епархіей вплоть до своего высшаго назначенія митрополитомъ (1908 г.).

† **Гераковъ, Н. Н.**¹⁾ 29-го мая въ Петербургѣ отъ продолжительной и тяжелой болѣзни скончался симпатичный и преданный дѣлу педагогъ-писатель Николай Николаевичъ Гераковъ. Покойный родился 24 ноября 1855 года. Несмотря на чисто родовое влеченіе Гераковыхъ къ военному образованію и военной службѣ, Н. Н. Гераковъ опредѣляется въ Ларинскую гимназію и, по окончаніи послѣдней, въ петербургскій университетъ на юридическій факультетъ, до окончанія котораго переходитъ на историко-филологическій факультетъ и именно на словесное отдѣленіе и, еще будучи студентомъ IV курса, начинать свою педагогическую карьеру въ частномъ училищѣ Мирецкаго. Съ 1880 г. онъ преподаетъ русскій языкъ и русскую словесность въ Петровской женской гимназіи, затѣмъ въ женскомъ училищѣ (институтѣ) принцессы Терезіи Ольденбургской и съ 1897 г. въ Александровскомъ лицѣѣ

¹⁾ Сообщено В. Е. Рудаковымъ.

(въ младшемъ отдѣленіи). Кромѣ того, Н. Н. долгое время состоялъ инспекторомъ классовъ и въ Петровской женской гимназіи и въ институтѣ принцессы Терезіи Ольденбургской. Будучи душою переданъ своему дѣлу, любя предметъ, всегда хорошо подготовленный, при своемъ рѣдкомъ дарѣ слова, онъ былъ выдающимся педагогомъ, невольно привлекавшимъ всѣхъ своихъ слушательницъ къ изученію избранной имъ русской литературы. Въ заботахъ именно о своихъ слушательницахъ, онъ и составилъ рекомендованные и одобренные потомъ разными учеными комитетами: «Хрестоматію по исторіи русской словесности. I. Образцы народной словесности. II. Памятники древне-русской словесности (XI—XV в.) съ историческими, литературными и грамматическими объясненіями и со словаремъ» (Спб. 1899 г.); «Сборникъ образцовъ русской словесности для заучиванія наизусть и выразительнаго чтенія, съ объяснительнымъ словаремъ и примѣчаніями» (Спб. 1899 г.) и «Новую русскую хрестоматію» (для старшаго класса женскихъ институтовъ и гимназій вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи) (Спб. 1907 г.). Кромѣ того, покойный выпустилъ въ свѣтъ, въ теченіе 1902—1904 годовъ, для дѣтскаго чтенія нѣсколько хорошо изложенныхъ рассказовъ, безъ подписи своей фамилии, подъ заглавіемъ: «Изъ дѣтскихъ воспоминаній дяди Коли: 1) Поступленіе въ гимназію. 2) Первый отпускъ. 3) Въ карцерѣ. 4) Передъ каникулами. 5) Первый день каникулъ». Рассказы эти также «рекомендованы» и «допущены» разными учеными комитетами. Отъ лицъ, близко знавшихъ покойнаго, намъ извѣстно, что онъ обладалъ поэтическимъ даромъ, легко слагалъ стихи на разныя темы (нѣкоторые изъ нихъ даже напечатаны были въ газетѣ «Свѣтъ») и оставилъ послѣ себя немалый ихъ запасъ, не рѣшаясь, изъ скромности, предавать ихъ оглашенію при жизни.

† **Есиновъ, Н. А.** 10 іюня на Смоленскомъ кладбищѣ похоронили д-ра медицины Н. А. Есипова, человѣка, положившаго свою жизнь на культурную работу, на стремленіе внести лучъ свѣта въ нашу пасмурную жизнь. Онъ много любилъ, и любовь эта проявлялась во всемъ, съ чѣмъ покойный приходилъ въ соприкосновеніе. Какъ врачъ, онъ любилъ своихъ пациентовъ, какъ морякъ, онъ любилъ флотъ, какъ человѣкъ съ чистой душой, онъ любилъ природу, солнце и т. д., какъ человѣкъ образованный, онъ искренно преданъ былъ дѣлу прогресса. Будучи студентомъ казанскаго университета, Н. А. участвовалъ въ сербской войнѣ, въ отрядѣ профессора Студенскаго. Окончивъ университетъ, Н. А. предполагалъ остаться при клиникѣ, но началась турецкая война—и онъ поступаетъ на службу морского врача въ Черноморскій флотъ. По окончаніи войны, покойный защитилъ диссертацию на степень доктора медицины. Вернувшись въ 1884 г. изъ плаванія, онъ прочелъ рядъ лекцій по гипнотизму въ морскомъ собраніи. Волна реакціи, поднявшаяся въ то время, захлестнула и его, человѣка безусловно легальнаго. Въ 1884 г. онъ былъ уволенъ въ отставку. Ему поставили въ вину его знакомство по совѣстной службѣ съ штурманскимъ офицеромъ Ювачевымъ, впоследствии шлисельбуржцемъ и сахалинцемъ (теперь извѣстенъ по своимъ литературнымъ трудамъ подъ псевдонимомъ Миролубовъ¹⁾). Въ отставку, впрочемъ, Н. А. оставался всего три мѣсяца. Перейдя на службу въ Балтійское море, онъ

¹⁾ Постоянный сотрудникъ «Историческаго Вѣстника».

выступилъ съ рядомъ лекцій въ мѣстномъ морскомъ собраніи. Лекціи эти привлекали массу слушателей. Въ послѣднія 14 лѣтъ Н. А. состоялъ старшимъ врачомъ водолазной партіи. И здѣсь онъ не ограничился только званіемъ врача; онъ сдѣлался водолазнымъ офицеромъ и преподавателемъ, составилъ учебникъ, написалъ исторію водолазнаго дѣла, перевелъ на русскій языкъ нѣсколько книгъ по этому вопросу. Всѣ 14 лѣтъ онъ завѣдывалъ спусками водолазовъ, какъ офицеровъ, такъ и матросовъ, причемъ не разъ самъ спускался подъ воду, и въ 1897 году былъ вынутъ изъ воды съ парализованными ногами. Отзывчивый на все новое и полезное, онъ заинтересовался опытами посолки мяса по способу Моргана и о результатахъ опытовъ издалъ нѣсколько брошюръ. Инициативъ и трудовъ покойнаго, между прочимъ, обязана своимъ существованіемъ народная читальня въ Кронштадтѣ, находящаяся нынѣ въ вѣдѣніи мѣстнаго попечительства о трезвости. (Некрологъ его: «Рѣчь» 1909 г., № 157).

† **Ивановичъ, С. Л.** Въ клиникѣ проф. Чистовича 3-го іюня скончался отъ холеры неоднократно выступавшій въ «Спб. Вѣд.», какъ публицистъ, капитанъ Степанъ Лукичъ Ивановичъ, уроженецъ Черногоріи. Покойный кончилъ военное училище въ Загребѣ, въ Хорватіи. Послѣ окончанія училища служилъ офицеромъ въ австрійской арміи. Во время возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ 1874—1875 гг. сражался добровольцемъ въ отрядѣ извѣстнаго воеводы Пека Павловича противъ турокъ, затѣмъ поступилъ въ сербскую армію и во время сербско-турецкой войны, подъ начальствомъ генерала Черняева, командовалъ батальономъ. Послѣ объявленія русско-турецкой войны въ 1877 г. покойный Ивановичъ поступилъ офицеромъ на русскую службу и за боевые подвиги при переходѣ русскихъ войскъ черезъ Балканы былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. Кромѣ русскихъ военныхъ орденовъ, капитанъ Ивановичъ за боевыя заслуги былъ награжденъ орденами Черногоріи, Сербіи и Болгаріи. Въ 1882 г. покойный Ивановичъ предводилъ отрядомъ герцеговинцевъ противъ австрійцевъ и былъ однимъ изъ руководителей герцеговинскаго возстанія въ 1887 г. Ивановичъ недавно пріѣхалъ въ Петербургъ съ Дальняго Востока, предполагая, что на Балканскомъ полуостровѣ вспыхнетъ война, чтобы въ ней участвовать. (Некрологъ «Спб. Вѣдомости 1909 г., № 125).

† **Крушеванъ, П. А.** Скончавшійся скоропостижно П. А. Крушеванъ родился въ 1860 г., въ малосостоятельной молдаванской семьѣ. Не получивъ систематическаго образованія, Крушеванъ сначала служилъ по акцизному вѣдомству, а затѣмъ занялся газетно-журнальной работой. Первое время онъ работалъ въ изданіяхъ прогрессивнаго направленія и помѣстилъ нѣсколько повѣстей и романовъ въ «Недѣль». Позднѣе писалъ въ «Минскомъ Листкѣ» и «Виленскомъ Вѣстникѣ», а въ срединѣ 90-хъ годовъ минувшаго столѣтія перѣѣхалъ въ Кишиневъ, гдѣ работалъ въ газетѣ «Бессарабскій Вѣстникъ». Не поладивъ съ редакторомъ, Крушеванъ организовалъ газету «Бессарабець», которая нѣкоторое время велась имъ въ прогрессивномъ направленіи. Неуживчивость редактора оттолкнула отъ него покровителей изъ прогрессивнаго лагеря, и онъ рѣзкимъ поворотомъ вправо сумѣлъ привлечь къ себѣ симпатіи консервативныхъ элементовъ бессарабскаго дворянства. Безпрерывное и настойчивое требованіе денегъ на изданіе, поглощавшее ихъ въ большихъ раз-

мѣрахъ, отпугивало отъ Крушевана его денежныхъ друзей, и онъ вынужденъ былъ всякій разъ искать себѣ новые источники субсидій. Однако, нѣсколько лѣтъ тому назадъ «Бессарабецъ» былъ у него отпять за долги. Крушеванъ развилъ огромную энергію и вскорѣ получилъ возможность издавать газету подъ названіемъ «Другъ». Общественный подъемъ 1905 г. устранилъ его съ поля зрѣнія общества, что побудило его перенести центръ своей дѣятельности въ Петербургъ, гдѣ онъ началъ издавать газету «Знамя». Но при всей своей незаурядной энергіи и несомнѣнномъ публицистическомъ дарованіи, редакторъ «Знамени» никакъ не могъ приспособиться къ болѣе широкимъ требованіямъ своихъ столичныхъ покровителей. И «Знамя» захирѣло. Вернувшись въ Кишиневъ, Крушеванъ получилъ снова средства на возрожденіе захирѣвшаго «Друга», былъ избранъ гласнымъ городской думы и прошелъ въ члены государственной думы 2-го созыва. Его имя, какъ пламеннаго борца противъ еврейскаго гнета, пользовалось огромной популярностью. Оно было знакомо и дорого почти каждому бессарабцу, потому что, не ограничиваясь одной литературной проповѣдью антисемитизма, онъ стоялъ во главѣ многихъ національно-корпоративныхъ начинаній, вродѣ устройства экономическихъ союзовъ, сельскихъ потребительныхъ лавокъ и пр. Безчисленные враги выставляли его организаторомъ кровавыхъ антиеврейскихъ погромовъ, въ дѣйствительности же онъ словомъ и дѣломъ проповѣдывалъ только мирную культурно-экономическую борьбу съ еврейскою эксплоатаціей, объ ужасахъ которой знаютъ только люди, жившіе на Югѣ. Несмотря на всѣ свои старанія, Крушевану не удалось пройти въ 3-ю думу и въ послѣдніе годы онъ довольствовался ролью руководителя и вершителя дѣлъ кишиневской патріотической организаціи. Крушеванъ отличался удивительною плодовитостью. Ему было ни по чемъ писать день за днемъ по 500 газетныхъ строкъ. Крушеванъ написалъ нѣсколько книгъ—романовъ и повѣстей: «Дѣло Артабанова», «Призраки». Кромѣ того, онъ издалъ книгу «Что такое Россія» и статистико-географическое обозрѣніе Бессарабіи.

† **Мартенсъ, О. О.** 7 июня, въ 4 ч. утра, на ст. Валкъ Балтійской жел. дор. скончался отъ разрыва сердца, 64 лѣтъ отъ роду, непремѣнный членъ совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ, заслуженный профессоръ спб. университета т. с. О. О. Мартенсъ. Покойный—уроженецъ Лифляндіи и воспитанникъ спб. университета; въ этомъ же университетѣ, по защитѣ магистерской диссертациі «О правѣ частной собственности во время войны» (Спб. 1869 годъ), онъ занялъ каедру международнаго права и тотъ же предметъ долгое время преподавалъ въ училищѣ правовѣдѣнія и въ Александровскомъ лицѣѣ. Въ дальнѣйшихъ своихъ трудахъ—въ своей докторской диссертациі «О консулахъ и консульской юрисдикціи на Востокѣ» (Спб. 1873 годъ) и особенно въ своемъ курсѣ «Современное международное право цивилизованныхъ народовъ» (1-е изданіе, Спб., 1882—1883 года) Мартенсъ выступаетъ послѣдователемъ господствующаго нынѣ въ наукѣ позитивнаго направленія и стремится путемъ изученія юридическихъ нормъ и учрежденій открыть законы ихъ развитія. Международное положеніе государства зависитъ, по Мартенсу, отъ его внутренняго политическаго строя и отъ духовныхъ и экономическихъ интересовъ общества; а такъ какъ уровень и удовлетвореніе этихъ интересовъ обусловливаются степенью уваженія, кото-

рымъ пользуется внутри государства человѣческая личность, то по степени свободы личности въ странѣ **Т. Т. Мартенсъ** предлагаетъ судить и объ интенсивности участія даннаго государства въ международномъ общеніи. Въ теченіе своей долгой ученой карьеры **Т. Т.** написалъ цѣлый рядъ выдающихся сочиненій, изъ которыхъ наибольшую извѣстностью пользуется его трудъ «Современное международное право цивилизованныхъ народовъ», переведенный на французскій, нѣмецкій и испанскій языки. Это—первое въ Россіи (изд. въ 1882 г.) самостоятельное и полное руководство по международному праву. Затѣмъ другимъ важнѣйшимъ трудомъ покойнаго ученаго и дипломата является собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. «Собраніе» снабжено историческими комментаріями **Т. Т.** Многочисленныя статьи проф. Мартенса по разнымъ вопросамъ международного права и политики разбросаны по различнымъ русскимъ и иностраннымъ журналамъ, главнымъ же образомъ онъ печатался въ «Сборникѣ государственныхъ знаній», въ «Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права», въ «Вѣстникѣ Европы», въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» и др. Съ 1874 г. **Т. Т.** состоялъ членомъ института международного права и принималъ живое участіе въ его работахъ. Его многочисленные проекты получали санкцію института, напр., проектъ о смѣшанномъ судопроизводствѣ въ консульскихъ судахъ, о судоходствѣ по международнымъ рѣкамъ, о мѣрахъ противъ работорговли на морѣ и др. **Т. Т.**, состоя членомъ совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ, принималъ самое дѣятельное участіе въ обсужденіи всѣхъ вопросовъ международно-правового характера, возникавшихъ въ практикѣ министерства. (Некрологъ: «Спб. Вѣдомости» 1909 г., № 126).

† **Миклашевскій, Н. Н.** Въ Харьковѣ скончался одинъ изъ выдающихся земскихъ и общественныхъ дѣятелей, членъ первой государственной думы Николай Николаевичъ Миклашевскій. Жизнь этого человѣка посвящена была благу родины. На общественное поприще онъ вступилъ почти тотчасъ по окончаніи московскаго университета. Убѣжденный сторонникъ судебныхъ уставовъ 1864 года и горячій поклонникъ мѣстнаго самоуправления, онъ одновременно работалъ какъ юристъ и какъ земець. Будучи послѣдовательно мировымъ судьей, членомъ окружнаго суда, покойный въ то же время состоялъ гласнымъ своего городническаго уѣзднаго и черниговскаго губернскаго земства, причѣмъ одно время былъ избранъ членомъ черлиговской губернской земской управы. Особенно возросла дѣятельность **Н. Н.** въ періодъ освободительнаго движенія, что совпало съ жительствомъ его въ Харьковѣ, Состоя членомъ «союза освобожденія», покойный неутомимо стремился къ достиженію идеаловъ этого «союза». Въ результатъ **Н. Н.** вынужденъ былъ оставить мѣсто члена харьковскаго окружнаго суда и сдѣлался присяжнымъ повѣреннымъ. Послѣ манифеста 17-го октября **Н. Н.** вступилъ въ конституціонно-демократическую партію. Отъ Черниговской губерніи онъ избранъ былъ членомъ первой государственной думы, въ комиссіяхъ которой работалъ до полнаго переутомленія. За подписаніе выборгскаго воззванія **Н. Н.** въ прошломъ году отбылъ трехмѣсячное тюремное заключеніе. Работая какъ юристъ, какъ земець, какъ государственный дѣятель, онъ находилъ время и для литературы. Его статьи печатались въ «Правѣ», харьковскихъ «Мірѣ», «Волнѣ», «Утрѣ», а недавно былъ напечатанъ его фельетонъ «Изъ деревни»

въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Это былъ благороднѣйшій человѣкъ, отдавшій всего себя благу родины. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1909 г., № 123).

† **Ореусъ, И. И.** ¹⁾ Ночью 22 мая скончался, послѣ продолжительной болѣзни, отставной генераль-отъ-инфантеріи, писатель-историкъ Иванъ Ивановичъ Ореусъ. Покойный родился 11 декабря 1830 г.; воспитывался въ школахъ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, а затѣмъ въ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Въ службу вступилъ въ маѣ 1849 года прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, участвовалъ въ Венгерской кампаніи, которую и описалъ въ сочиненіи: «Описаніе Венгерской войны 1849 года», вышедшемъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 1880 году. Съ 1863 г. по 1898 г. И. И. Ореусъ состоялъ начальникомъ военно-историческаго и топографическаго архива главнаго управленія генеральнаго штаба, переименованнаго въ 1867 г. въ военно-историческій архивъ главнаго штаба. Съ 1880 г. состоялъ и членомъ военно-учебнаго комитета главнаго штаба и, начиная съ 1903 г. до 1906 г., когда вышелъ въ отставку, — членомъ комитета того же главнаго штаба. Кромѣ упомянутаго сочиненія и «Статистическаго и военно-статистическаго описанія Московской губерніи», исполненнаго по порученію начальства и оставшагося въ рукописи, покойный напечаталъ цѣлый рядъ статей въ «Русской Старинѣ», изъ которыхъ многія представляютъ собою изслѣдованія и очерки, основанные, по преимуществу, на архивныхъ данныхъ. Назовемъ здѣсь наиболѣе крупныя изъ этихъ работъ, а именно: «Ив. Ив. Михельсонъ—побѣдитель Емельяна Пугачева. Біографическій очеркъ» (1876 г.); «Уничтоженіе масонскихъ ложъ въ Россіи и доносы на арзамасцевъ и лицей въ 1822 г.» (1877 г.); «Штурмъ, блокада и взятіе Карса въ 1855 г. Историческій очеркъ» (1877 г.); «Конст. Петр. Чевкинъ» (1877 и 1885 г.); «Дмитрій Петровичъ Трошинскій. Біогр. очеркъ» (1882 г.); «Императоръ Павелъ I и его время. Записки барона Гейкинга. 1796—1801 г. Переводъ съ нѣмецкаго И. И. Ореуса» (1887 г.); «Иванъ Никитичъ Скобелевъ въ 1793—1849 гг.» (1886 г.); «1812 годъ въ «Запискахъ» графа Ѳ. В. Ростопчина. Переводъ съ французскаго подлинника» (1889 г.); «Графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ. 1804—1873 г. Біограф. очеркъ по бумагамъ его фамильнаго архива и прочимъ матеріаламъ» (1888—1890 гг.—наиболѣе крупная работа); «Гавріилъ Степановичъ Батенковъ. Историко-біографическій очеркъ». (1889 г.) и «Записки фонъ-Герлаха о пребываніи въ Петербургѣ съ 18 января по 8 апрѣля 1826 г. и съ 1 декабря 1827 г. по 8 мая 1828 г. Переводъ съ нѣмецкаго» (1892 г.).

† **Сеславинскій, В. А.** 27 мая въ Обуховской больницѣ скончался отъ сапа молодой ветеринарный врачъ, занимавшійся въ качествѣ ассистента въ лабораторіи министерства внутреннихъ дѣлъ, В. А. Сеславинскій. Мѣсяцъ назадъ покойный во время занятій надъ изслѣдованіемъ сапа почувствовалъ недомоганіе и слегъ въ постель. Товарищи-врачи опредѣлили зараженіе сапомъ въ первоначальной стадіи, были приняты всѣ мѣры леченія, но, несмотря на это, ужасная болѣзнь развилась въ тяжелой формѣ, и послѣ цѣлаго мѣсяца мучительныхъ страданій молодой врачъ (ему не было еще 34 лѣтъ) скончался. Въ 6 час. вечера 27 мая въ часовнѣ больницы состоялась первая панихида, на которую собрались

¹⁾ Сообщено В. Е. Рудаковымъ.

товарищи-врачи, начальник ветеринарнаго управления и др., возложившіе вѣнки отъ различныхъ обществъ, въ томъ числѣ и институтъ экспериментальной медицины. В. А. Сеславинскій по окончаніи ветеринарнаго института началъ свою службу въ тамбовскомъ земствѣ и былъ одно время завѣдующимъ губернской земской лабораторіей. Оттуда онъ поступилъ въ с.-петербургскій университетъ на естественный факультетъ, и въ слѣдующемъ году долженъ былъ окончить его. Одновременно онъ занимался въ качествѣ ассистента въ лабораторіи министерства внутреннихъ дѣлъ. Покойный много обѣщалъ своими работами и трудоспособностью. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 11927).

† **Соколовъ, Ѳ. Ѳ.** Перваго сего іюня послѣ продолжительной болѣзни скончался заслуженный профессоръ петербургскаго университета по кафедрѣ всеобщей исторіи и членъ-корреспондентъ императорской академіи наукъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Соколовъ. Покойный происходилъ изъ духовнаго званія; родился въ 1841 году, обучался въ петербургской духовной семинаріи и задолго до окончанія ея, въ 1858 г., перешелъ въ главный педагогическій институтъ, а въ слѣдующемъ году, по закрытіи института, въ петербургскій университетъ, который и окончилъ въ 1862 г., съ званіемъ кандидата филологическихъ наукъ. Въ 1865 г. Ѳ. Ѳ. Соколовъ защитилъ магистерскую диссертацию, подъ заглавіемъ: «Критическія изслѣдованія, относящіяся къ древнѣйшему періоду исторіи Сициліи», послѣ чего былъ командированъ съ научною цѣлью за границу, и съ 1867 г. началъ чтеніе лекцій въ петербургскомъ университетѣ, по кафедрѣ всеобщей исторіи, въ званіи штатнаго доцента. Въ 1870 г. онъ былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ петербургскаго историко-филологическаго института, а впослѣдствіи и ординарнымъ, и тамъ же состоялъ въ теченіе 20 лѣтъ (1871—1891 г.) ученымъ секретаремъ конференціи. Лѣтомъ 1880 г. Ѳ. Ѳ. однимъ изъ первыхъ совершилъ поѣздку съ ученою цѣлью въ Грецію, и съ тѣхъ поръ командировки туда молодыхъ русскихъ ученыхъ стали учащаться. Въ 1892 г. онъ былъ уже заслуженнымъ профессоромъ слб. университета. Предметомъ чтеній покойнаго профессора были лекціи по исторіи Востока, Греціи и Рима, и въ частности греческихъ древностей, въ которыхъ онъ считался большимъ знатокомъ и большимъ мастеромъ разбирать древнія греческія надписи. Въ этой области онъ имѣлъ и нѣсколько весьма видныхъ учениковъ, во главѣ съ В. В. Латышевымъ, А. И. Никитскимъ и Н. И. Новосадскимъ. Какъ знатокъ древнихъ греческихъ авторовъ, онъ руководилъ практическими занятіями студентовъ по чтенію Геродота, Ѳукидида, Поливія, Діодора, Страбона и др. Но всѣ его лекціонные курсы, несмотря на научную точность выводовъ и серьезную критику источниковъ, отличались необыкновенною сухостью и состояли почти исключительно изъ набора однихъ фактическихъ и цифровыхъ данныхъ, связанныхъ лишь хронологически. Научныя работы покойнаго печатались главнымъ образомъ въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» и нѣкоторыя изъ нихъ, болѣе крупныя, выходили отдѣльными оттисками. Назовемъ здѣсь, не упоминая о цѣломъ рядѣ его критическихъ рецензій, хотя слѣдующія: «Гомеровскій вопросъ» (1868 г.); «Аѳинское постановленіе въ честь Аристотелева Аргосскаго» (1879 г.); «Третье столѣтіе до Рождества Христова» (1886 г.) (это рѣчь, произнесенная въ историко-филологическомъ институтѣ); «Въ области

древней исторіи» (за 1897 г., 1902—1906 гг.); «Замѣчанія о спискахъ дани союзниковъ аеинскихъ» (эта работа была напечатана въ «Трудахъ» второго археологическаго съѣзда).

† **Сомовъ, А. И.** 30 мая въ С.-Петербургѣ скончался извѣстный писатель по искусству Андрей Ивановичъ Сомовъ, младшій братъ знаменитаго математика, Иосифа Ивановича Сомова. Родился покойный въ 1830 году и начальное образованіе получилъ въ 4-й Ларинской гимназіи. Закончилъ его А. И. на математическомъ факультетѣ петербургскаго университета въ 1854 г. Любовь къ рисованію пробудилась въ покойномъ еще на гимназической скамьѣ. Мальчикъ посѣщалъ сперва классы рисовальной школы, а затѣмъ сталъ брать уроки у академика Будкина. Кончивъ университетъ, А. И. занялся частными уроками математики, а позже получилъ предложеніе преподавать въ Горномъ институтѣ и морскомъ корпусѣ. Въ это время онъ довольно усердно занимался своею специальностью и даже началъ переводъ знаменитаго трактата Галилея о законахъ движенія, но занятія математикой не овладѣли имъ вполне. Кончилъ Сомовъ тѣмъ, что всецѣло отдался изученію любимаго имъ искусства. Заграничныя путешествія и наглядное знакомство съ лучшими произведеніями живописи и скульптуры окончательно опредѣлили его карьеру, и онъ навсегда разстался съ педагогіей. Въ 1857 г. появилась въ печати первая художественная статья покойнаго, а за нею рядъ другихъ по исторіи и критикѣ живописи, причемъ Сомовъ становится сотрудникомъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», вокругъ которыхъ группировались тогда лучшія литературныя силы. Спустя два года Сомовъ выпускаетъ замѣчательное въ своемъ родѣ общедоступное описаніе картинной галереи Эрмитажа. Остальная служба А. И. протекла въ академіи художествъ, гдѣ онъ 23 года состоялъ управляющимъ канцеляріей ея конференціи, переводчикомъ и помощникомъ редактора «Академическихъ Записокъ». Въ 1872—1886 г. онъ приводилъ въ порядокъ превосходную картинную галерею академіи. Тогда же имъ былъ изданъ ея образцовый каталогъ, котораго первая часть увѣнчана Уваровской преміей. Съ 1871 г. онъ состоялъ ея почетнымъ вольнымъ общникомъ. Въ 1886 г. Сомовъ перешелъ на службу въ Эрмитажъ на должность старшаго хранителя. Эту должность онъ занималъ до самой смерти. Во время службы въ Эрмитажѣ Сомовъ выпустилъ въ свѣтъ самую капитальную изъ своихъ работъ: «Каталогъ картинной галереи Эрмитажа», выдержавшую нѣсколько изданій. Книга украшена фототипіями съ лучшихъ картинъ и составлена по лучшимъ образцамъ этого рода. Изъ статей покойнаго можно указать на слѣдующія: «Карлъ Павловичъ Брюлловъ», «Антуанъ Вирцъ», «Павель Андреевичъ Федотовъ» и «Женщины-художницы». Въ 1883—90 гг. Сомовъ редактировалъ академическій «Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ», кромѣ того, читалъ лекціи по исторіи изящныхъ искусствъ на спб. высшихъ женскихъ курсахъ и т. д. Имъ описаны также картины Эрмитажа, лондонской и дрезденской картинныхъ галерей въ роскошныхъ изданіяхъ, выпущенныхъ въ свѣтъ А. С. Суворинымъ. Умеръ А. И. на 79 году, оставивъ прекрасную, свѣтлую память среди всѣхъ, кто его зналъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 11940).

† **Чагинъ, Н. М.** 24 мая скончался академикъ архитектуры, инженеръ-технологъ д. с. с. Николай Михайловичъ Чагинъ. Покойный родился въ 1823 г. и

въ сороковыхъ годахъ, по окончаніи технологическаго института со званіемъ ученаго мастера, работалъ въ Гродненской губ. на постройкѣ Варшавской желѣзной дороги. Получивъ послѣ полугодовой работы званіе инженеръ-технолога, Н. М. поступилъ въ академію художествъ, окончивъ ее по защитѣ проекта академикомъ архитектуры. Въ 60-хъ годахъ покойный возобновилъ свою службу въ Западномъ краѣ, гдѣ подъ руководствомъ извѣстнаго профессора архитектуры Рязанова занялся постройкой разрушенныхъ православныхъ церквей, въ бытность генераль-губернаторомъ ген. Муравьева. Затѣмъ Н. М. послѣдовательно проходилъ должности архитектора учебнаго округа, губернскаго и епархіальнаго архитектора. Изъ многочисленныхъ церквей его постройки обращаютъ на себя вниманіе: рижскій соборъ, церковь св. Владимира въ Херсонесѣ, храмъ у Байдарскихъ воротъ. Въ послѣднее время Н. М. служилъ въ хозяйственномъ управленіи св. синода, а затѣмъ свыше 20 лѣтъ былъ въ отставкѣ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 11926).

† **Щерба, В. А.** Скончавшійся въ Ялтѣ 12 мая В. А. Щерба всю свою сравнительно недолгую жизнь (умеръ онъ 39 лѣтъ) посвятилъ земской дѣятельности, — сначала въ качествѣ достойнаго представителя «третьяго элемента» въ тамбовскомъ губернскомъ земствѣ, а затѣмъ въ качествѣ гласнаго бѣлевскаго земства Тульской губ. Помимо завѣдыванія школьнымъ отдѣломъ тамбовской губернской управы, на В. А. Щербѣ лежала еще обязанность составленія докладовъ по различнымъ вопросамъ земскаго хозяйства. И смѣло можно сказать, что душой многихъ культурно-прогрессивныхъ начинаній тамбовскаго губернскаго земства являлся В. А. Щерба. Оставивъ службу въ тамбовской управѣ незадолго до воцаренія тамъ «новаго курса», В. А. всей душой отдается сельскому хозяйству въ своемъ имѣніи Бѣлевскаго у., становится гласнымъ этого уѣзда, гдѣ сразу выдвинулся благодаря своимъ знаніямъ земской жизни и блестящей эрудиціи, но опредѣленность воззрѣній В. А. оттолкнула отъ него значительную часть мѣстныхъ землевладѣльцевъ, которые и забаллотировали его на послѣднихъ выборахъ земскихъ гласныхъ. Все свое свободное время отъ служебныхъ занятій и работы въ просвѣтительныхъ обществахъ В. А. удѣлялъ литературѣ. Имъ написанъ рядъ статей въ журналахъ: «Вѣстникъ Европы», «Правда», «Русская Школа», «Извѣстія Московской Городской Думы», «Саратовская Земская Недѣля», «Для Народнаго Учителя», а также въ столичныхъ и провинціальныхъ газетахъ. Кромѣ того, имъ переведена, подъ редакціей А. Кизеветтера, книга проф. Энгельмана «Исторія крѣпостнаго права въ Россіи» и издана брошюра «Исторія школы въ Россіи». (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1909 г., № 113).

отечества и на пользу родины, наносили удары нашимъ врагамъ, правда, но въ своихъ личныхъ видахъ: ради тщеславія, корыстолюбія, честолюбія. Я ихъ не могъ спасти отъ казни уже потому, что они нарушили уставъ, въ вѣрности которому мы всѣ поклялись, и, слѣдовательно, должны были подвергнуться тяжкому наказанію и съ нашей стороны. Тотъ, кто, злоупотребляя принадлежностью къ нашему обществу, облегчаетъ себѣ личную месть, хотя бы за брата, за отца, долженъ быть смертію казненъ. Все, безусловно все, должно уступать верховной, священной обязанности, добровольно, но клятвенно взятой нами на себя: создать независимость и свободу нашей обожаемой Сициліи. Тотъ, кто растрачиваетъ свои силы и энергію на достиженіе личныхъ цѣлей, тѣ, кто безнравственными поступками позорятъ наше общество, какъ и тѣ, кто не умѣютъ хранить тайны братства, должны быть казнены смертію. Тѣмъ не менѣе я долженъ заявить, что наши преступные братья, вчера казненные въ Палермо, сохранили тайну общества. Простимъ же имъ остальное и помолимся Господу Богу объ упокоеніи душъ ихъ.

— Аминь—произнесли хоромъ всѣ предстоящіе, и нѣсколько минутъ безмолвствовали, мысленно молясь за казненныхъ. Потомъ снова заговорилъ старшина:

— Братья, нынче время для насъ тяжелое: за нами слѣдятъ; грозная опасность преслѣдуетъ насъ. Среди насъ есть еще новички. Да и у насъ, стариковъ, можетъ дрогнуть иной разъ сердце. Поэтому я прошу васъ разрѣшить мнѣ напомнить о происхожденіи и цѣляхъ нашего учрежденія. Старинное, основанное въ XIII вѣкѣ братство св. Павла было оклеветано впоследствии многократно. Между тѣмъ у него была одна идея, одна цѣль—независимость дорогой Сициліи, этого обширнаго острова, обильно одареннаго Богомъ земными благами, но непрестанно злосчастнаго. Его населеніе никогда не переставало стремиться къ свободѣ, и никогда не наслаждалось свободой. Мы всегда были рабами то одного, то другого чужеземца. Наши предки, принадлежавшіе къ братству, пытались по возможности бороться съ проявленіями общественной несправедливости: они карали подкупныхъ судей, карали мощныхъ феодаловъ, давившихъ слабыхъ и бѣдныхъ; они мстили за обиды, нанесенныя невиннымъ и безсильнымъ, словомъ, имъ желалось общественное благоустройство и довольство обосновать на частномъ благоденствіи. Въ то же время они никогда не упускали изъ виду высшей цѣли общества. Не разъ удавалось имъ приблизиться къ ея осуществленію. Но только приближаться. Время и неудачи постепенно ослабили силы братства; цѣлыя социальныя и политическія катастрофы обрушивались на него. Отъ него къ ближайшему намъ времени оставалась только одна тѣнь. Тогда-то нѣкоторые задумали реформировать братство. Оно вновь

возникло нынче въ видѣ конгрегаціи дворянъ¹⁾. Но эта форма служитъ только внѣшнимъ прикрытіемъ. Подъ благотворительной дѣятельностью кроется болѣе глубокая и широкая, тщательно маскированная дѣятельность—патріотически-освободительная. Мы, вѣрные завѣтамъ нашихъ отцовъ, воодушевлены одинаковыми съ ними стремленіями и желаніями. Мы преслѣдуемъ цѣли нашихъ предковъ, только добиваемся ихъ иными средствами. Мы многое уже совершили; совершимъ еще больше. Города и провинці Катанья, Кальтажироне, Минео уже присоединились къ намъ вполне. Въ Мессинѣ и Палермо нашихъ очень много. Намъ недостаетъ одного только—верховнаго вождя. Здѣсь теперь собрались представители всѣхъ провинцій. Я позволю себѣ предложить вамъ лицо, около котораго мы можемъ организовать нашъ центръ.

Слушатели стали перешептываться между собой. Очевидно, что ихъ любопытство было сильно возбуждено и они съ великимъ нетерпѣніемъ ждали дальнѣйшихъ объясненій. Старшина продолжалъ:

— Намъ необходимо—и для собственной пользы, и ради устранения вмѣшательства Европы—организовать правительство прочное, твердое, и, конечно, мы должны руководиться принципами преемственнаго легитимизма. Всякое увлеченіе утопіями можетъ повредить благороднѣйшему предпріятію. Идея должна оставаться всегда независимой и отъ личности и отъ имени. При настоящихъ обстоятельствахъ намъ слѣдуетъ остановиться на имени, которое гарантируетъ намъ успѣхъ въ борьбѣ съ англичанами, можетъ быть, въ войнѣ съ англичанами даже...

Ораторъ нѣсколько замялся, какъ бы затрудняясь высказать достаточно сильно свою ненависть къ англичанамъ.

— Да, война, война!—наконецъ воскликнулъ онъ:—война съ этими ненавистными, наглыми торгашами. Они насъ лично тираниятъ, а нашу бѣдную родину безсовѣстно грабятъ.

— Вѣрно! Правда!—раздались возгласы въ толпѣ предстоящихъ.

— Я, какъ и многіе изъ васъ, разоренъ и оскорбленъ. Англичане погубили моего сына, единственнаго наслѣдника доблестнаго имени графовъ Бученто, за то, что онъ хотѣлъ жениться на дѣвушкѣ, которая нравилась высокопоставленному англичанину. Они обвинили бѣднаго юношу въ небываломъ государственномъ преступленіи и добились его казни.

¹⁾ Конгрегаціями въ Италіи назывались еще въ средніе вѣка добровольно формировавшіяся общества кооперативно-евангельскаго характера; цѣли ихъ были благотворительныя по преимуществу. Разныя общественныя группы имѣли свои собственныя конгрегаціи: помогали взаимно (а также и постороннимъ) въ нуждѣ, въ болѣзни; хоронили бесплатно бѣдняковъ (особенно во время эпидеміи). Конгрегаціи въ нѣсколько измѣненномъ видѣ существуютъ и нынѣ, особенно на югѣ. Есть конгрегаціи ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ, торговцевъ и и т. д. Каждая изъ нихъ имѣетъ на кладбищахъ участки земли для своихъ членовъ.
Прим. пер.

Нѣсколько секундъ прошли въ молчаніи: графъ былъ слишкомъ взволнованъ.

— Въ эту минуту на томъ самомъ утесѣ, на которомъ безстрашный Прочида въ XIII вѣкѣ подготавливалъ сотоварищей къ нанесенію окончательнаго удара иноземному владычеству, здѣсь, на островѣ Мальконсильо, гдѣ зародилась мысль о сицилійскихъ вечерняхъ пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, и мы должны обсудить предстоящій намъ образъ дѣйствій. Будемъ же слѣдовать по стопамъ Прочиды: лукавству противопоставимъ лукавство; жестокости—безопасность. Не станемъ тратить силъ на сомнительныя попытки; накопимъ мощь для нанесенія столь же рѣшительнаго доблестнаго удара, каковымъ оказались Сицилійскія вечерни—въ Палермо. Вамъ извѣстно, что теперь въ Палермо у насъ много единомышленниковъ; что въ Палермо выгоднѣе всего поднять наше знамя. Но для организаціи въ столицѣ нашей партіи, для подготовки рѣшительнаго шага надо, чтобы кто-либо изъ насъ, возстановителей братства св. Павла, находился въ Палермо. Братья, кто изъ васъ желаетъ туда отправиться?

— Я готовъ!—отозвался одинъ изъ братьевъ и выступилъ впередъ.

— Вы, кавалере Біази,—воскликнулъ графъ Бученто.—Не сомнѣнно, вы самый подходящій человѣкъ. Только имѣйте въ виду, что благороднѣйшая обязанность, которую вы на себя примете, сопряжена съ большими опасностями. Достаточно ли вы себя чувствуете окрѣпшимъ. Вы вѣдь только что освободились отъ тюремнаго заключенія, гдѣ протомились три года. Васъ неоднократно подвергали жестокой пыткѣ. Кромѣ того, наши враги не пощадили семьи вашей. Ваше сердце истерзано.

Біази настаивалъ, утверждая, что, искалѣченный пыткой и тюрьмой, онъ чувствуетъ себя вполне сильнымъ для выполненія завидной миссіи. Вся предстоящая братія единодушно согласилась на его желаніе.

— Однако прежде, чѣмъ разстаться съ вами,—обратился къ товарищамъ Біази,—я долженъ предъявить важное обвиненіе противъ одного изъ нашихъ братій, а именно противъ маркиза Артале, недавно назначеннаго въ Мессину главнымъ комиссаромъ ¹⁾. Онъ креатура англичанъ.

«Онъ предатель!» «Палачъ для своихъ земляковъ!»—воскликнули нѣкоторые изъ окружавшихъ.—«Смерть ему!»

— Да. Но я все-таки считаю себя обязаннымъ пояснить мое обвиненіе. Можетъ быть, не всѣмъ вамъ извѣстны поступки Артале. Какъ только онъ вступилъ въ должность, вся Мессина была объ-

¹⁾ Губернаторъ.

ята терроромъ; слезы льются теперь въ семьяхъ, а человѣческая кровь безъ мѣры проливается въ тюрьмахъ. Сотни гражданъ ввергаются ежедневно въ темницы; для этого достаточно неосторожнаго слова, пустого подозрѣнія, безыменнаго доноса. Иногда полиція хватаетъ людей завѣдомо неповинныхъ, только для того, чтобъ угодить какому-нибудь англичанину, даже простому британскому солдату. И въ какихъ тюрьмахъ держатъ этихъ несчастныхъ—въ подземельяхъ, гдѣ нельзя встать на ноги, а иногда и сѣсть невозможно. Всѣхъ ихъ заковываютъ въ цѣпи. Забываютъ о нихъ по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ. Только по краяхъ залпеснѣвшаго хлѣба кидаютъ, какъ собакамъ. А знаете еще, какъ съ ними обращаются? Здорово живешь, бьютъ палками и жгутами изъ бычачьихъ жилъ. Кромѣ того, нерѣдко по произвольному распоряженію начальства пытаются: жгутъ тѣло раскаленными прутьями, рвутъ ногти... Страшно подумать, что всѣмъ этимъ распоряжается сициліецъ, принявшій такую отвратительную власть кровопійцы изъ рукъ англичанъ.

— Каваліере Біази,—строго спросилъ графъ Бученто:—можете ли вы поручиться вашей головой въ справедливости всѣхъ сообщенныхъ вами фактовъ?

— Клянусь предъ вами, братья, и предъ Всевышнимъ, что я говорю правду. Если сомнѣваетесь, осмотрите мое тѣло, на которомъ еще сохранились явственно злобщіе рубцы, слѣды истязаній, которыми меня подвергали. Мѣсяцъ въ тюрьмѣ старитъ человѣка болѣе, чѣмъ десять лѣтъ на свободѣ. Господу угодно было сохранить мою жизнь, полагаю, для того, чтобы я могъ непреложно засвидѣтельствовать предъ вами потрясающую правду. Я, каваліере Біази, считаю себя въ правѣ требовать смертнаго приговора для этого палача и измѣнника.

— Братья,—опять строго спросилъ Бученто:—тѣ, кто не согласенъ на предложеніе, пусть выйдутъ впередъ и заявятъ причины отказа.

Никто не вышелъ.

Согласно уставу общества старшина троекратно повторилъ запросъ, и все-таки никто не шевельнулся. Тогда онъ спросилъ:

— Признаете ли вы, братья, по чести и по совѣсти, что маркизъ Артале совершилъ поступки, за которые долженъ быть казненъ смертью?

— Да,—какъ одинъ человѣкъ, отвѣчали всѣ члены общества.

— Въ такомъ случаѣ я, графъ Бученто, старшина братства св. Павла, въ силу предоставленной мнѣ власти, въ виду только что происходившаго между нами совѣщанія, приговариваю къ смертной казни маркиза Артале, главнаго мессинскаго комиссара, и возлагаю исполненіе приговора на собрата нашего Акардити совмѣстно съ братомъ Ломбарди.

Оба поименованныхъ лица, со словами: «мы готовы», приблизились къ старшинѣ, который благословилъ ихъ.

Послѣ нѣкотораго молчанія изъ рядовъ предстоящихъ членовъ послышался такой вопросъ:

— Намъ остается еще узнать, кто человекъ, около котораго мы обязаны будемъ сплотиться, чье имя явится выраженіемъ нашихъ стремленій.

— Фердинандъ IV, король Неаполя и Сициліи,—отвѣчалъ старшина, но какъ-то не сразу и нерѣшительно отвѣчалъ.

Ропотъ изумленія пробѣжалъ въ толпѣ заговорщиковъ. Графъ Бученто понялъ, что это значитъ, и поспѣшилъ объясниться:

— Да, братья, Фердинандъ IV. При нашемъ содѣйствіи онъ получитъ возможность возстановить свои поправныя права и отомстить англичанамъ за униженія, которымъ они подвергаютъ помазанника Божія. Фердинандъ IV малодушный человекъ, онъ убѣжалъ изъ Неаполя, а здѣсь безо всякаго сопротивленія подчинился чуть не заточенію, онъ добровольный плѣнникъ въ сущности. Я не могу этого отрицать. Но тѣмъ не менѣе надо имѣть въ виду, что предъ всею Европой его личность гарантируетъ миролюбіе и законность нашего братства по отношенію къ устанавливаемому нами правительству. Намъ не слѣдуетъ увлекаться мечтами. Если мы, изгнавъ англичанъ, объявимъ республику, какъ многіе изъ васъ желаютъ, то мы возстановимъ противъ нашего отечества всѣхъ европейскихъ государей, не исключая французскаго императора. Если бы мы возвели на сицилійскій престолъ какого-нибудь иностраннаго принца крови, то, во-первыхъ, возбудили бы зависть всѣхъ остальныхъ царствующихъ домовъ. А, во-вторыхъ, едва ли бы улучшили положеніе нашей родины. По всей вѣроятности, мы, безъ всякой для нея выгоды, переимѣнили бы только хозяина. Словомъ, благоразуміе вынуждаетъ насъ поднять бурбонское знамя, которое Европа и не оспариваетъ у Фердинанда. Вы говорите, что онъ робокъ и малодушенъ. Это такъ. Но за нимъ стоитъ женщина, которая отваживалась и въ эту минуту отваживается еще открыто бороться съ французами.

— Это вы о Каролинѣ Австрійской? — раздалось еще болѣе изумленные и недовольные голоса.

— Да, о Каролинѣ Австрійской. Пусть она кровожадная тигрица, пусть она развратница, бывшая любовница и Актона¹⁾ и жестокаго Караманика, пусть ея дружба съ лэди Гамильтонъ постыдна. Вы вѣдь на это намекаете, братья. Но что же изъ этого? Что намъ

¹⁾ Любовники Каролины. Отношенія ея къ лэди Гамильтонъ нѣкоторые приравниваютъ къ отношеніямъ ея сестры Маріи-Антуанетты къ графинѣ Ламбаль, съ той разницей, что послѣдняя была кротка и въ политику не вмѣшивалась, а Гамильтонъ и въ нравственномъ и въ политическомъ отношеніи вредно, въ ущербъ націи вліяла на неаполитанскую королеву. Пр. пер.

за дѣло, изъ какого желѣза скованъ мечъ, если онъ можетъ разить врага? Англичане теперь смертельно ненавидятъ Каролину Австрійскую потому, что имъ приходится весьма серьезно съ нею считаться. Съ точки зрѣнія нашего дѣла это одно уже хорошо ее рекомендуетъ. Провидѣніе нерѣдко даетъ въ руки человѣку презрѣнное орудіе, при помощи котораго достигается высокая цѣль. Передовые французскіе революціонеры, пропагандировавшіе ученіе о правахъ человѣка, сами далеко не были образцами добродѣтели... А знаменитые завоеватели, мудрѣйшіе законодатели, гениальные умы, которымъ человѣчество столькимъ обязано,—развѣ многіе изъ нихъ не были порочными людьми, не обладали отвратительными позорными наклонностями?

Заговорщики понемногу стали сдаваться.

— Хорошо,—говорили они.—Пожалуй, она можетъ быть полезна. Но восприметъ ли она наши принципы? Извѣстно ли ей, что мы боремся не только за политическую независимость, но и за гражданскую свободу Сициліи.

— Манифестъ, который король долженъ подписать по настоянію своей жены, написанъ мною. Тамъ ясно выражено, что король есть только верховный охранитель закона, что настоящій хозяинъ націи самъ народъ. Если Фердинандъ подпишетъ этотъ манифестъ, значитъ, онъ вступитъ въ союзъ съ нами.

— Король, пожалуй, и подпишетъ манифестъ нынче. А при первомъ удобномъ случаѣ изорветъ его въ клочки.

— Тогда мы свергнемъ клятвопреступника съ престола.

Мнѣнія братьевъ св. Павла были разнорѣчивы. Они долго не могли столковаться. Наконецъ одинъ изъ нихъ спросилъ старшину:

— А какую матерьяльную поддержку можетъ оказать Каролина нашему дѣлу?

— Она уже призвала въ Сицилію нѣсколько сотенъ отборнѣйшихъ, испытанныхъ калабрійскихъ воякъ. Этотъ отрядъ она будетъ содержать на свой счетъ.

Такой аргументъ подѣйствовалъ въ пользу предложенія графа Бученто...

— Однако, братья,—обратился онъ къ заговорщикамъ,—ночь на исходѣ. Намъ пора разойтись. Полагаетъ ли наше настоящее собраніе, что въ случаѣ подписи королемъ прокламаціи я могу войти съ нимъ въ соглашеніе отъ имени нашей конгрегаціи.

— Да, да, можете, — отозвалось большинство. Меньшинство было весьма немногочисленно, оно не возражало болѣе.

— Значитъ, по домамъ!—объявилъ старшина.—О дальнѣйшемъ я васъ всѣхъ извѣщу извѣстнымъ вамъ путемъ. Намъ надо работать очень осторожно. Всѣ мы должны помнить что по уставу всякая неосторожность по отношенію къ тайнымъ дѣяніямъ брат-

ства карается, какъ измѣна,—смертной казнью. До свиданья, братья. Да поможетъ вамъ Богъ!

Каждый изъ заговорщиковъ направился къ своей лодкѣ. Ночной мракъ вскорѣ поглотилъ изъ виду ихъ лодки.

Старшина графъ Бученто одинъ остался на островѣ. Ему еще до восхода солнца предстояло свиданіе съ ея величествомъ по дѣлу, только что рѣшенному братствомъ.

XVII.

Королева въ Черной башнѣ.—Возвращеніе Рикардо.—Англичане пытаются произвести обыскъ въ жилищѣ королевы.

Вернувшись на другой же день изъ Фикуццы въ Кастельветрано съ либеральнымъ манифестомъ, подписаннымъ Фердинандомъ IV по ея настоянію, королева рѣшила на слѣдующее утро перебраться временно въ Торре Нера (Черная башня).

Роскошная вилла Кастельветрано была постояннымъ въ Сициліи мѣстопребываніемъ Каролины, отведеннымъ ей англичанами, во всякомъ случаѣ терпимымъ ими. Черная башня отстояла отъ виллы всего нѣсколько верстъ; она принадлежала также королевѣ, которая изрѣдка удалялась туда, чтобы подышать морскимъ воздухомъ и отдохнуть отъ придворнаго этикета, окружавшаго все-таки ее и въ большомъ нагорномъ помѣстьѣ.

Черная башня стоитъ почти у самаго моря, въ ущельи, образуемомъ сходящимися съ обѣихъ сторонъ утесистыми холмами, между которыми быстро несется довольно широкій горный потокъ. Башня была выстроена нѣсколько вѣковъ тому назадъ,—подобно множеству другихъ, сохранившихся и доселѣ,—для защиты береговъ Сициліи отъ нападенія сарацинъ и пиратовъ. Почти всѣ эти башни квадратны, помѣстительны; стѣны ихъ необычайно толсты. Каролина просто, но удобно приспособила башню для своихъ пріѣздовъ и гостила тамъ безо всякой свиты: Альма Фаньяно, довѣренная камеристка и искренно преданный государынѣ негръ Джіованни сопровождали ее въ этотъ разъ, какъ и въ предыдущіе.

Основательно или нѣтъ, Каролина полагала, что англійскіе шпіоны слѣдятъ за нею менѣе усердно здѣсь, чѣмъ въ Кастельветрано. На трехъ же упомянутыхъ лицъ она вполнѣ полагалась. Можетъ статься, она нерѣдко пріѣзжала въ башню просто отдохнуть. Но нынче она прибыла туда за дѣломъ, о которомъ, разумѣется, не повѣдала даже Альмѣ, хотя вечеромъ, когда онѣ обѣ оставались наединѣ, изумила ее, а именно сообщила, что она, королева, на маленькой лодкѣ съ извѣстнымъ ей рыбакомъ уѣдетъ куда-то задолго до разсвѣта и вернется не ранѣе, какъ слѣдующею ночью. При этомъ она строго-настрого приказала, чтобъ за время ея отсутствія никто, кромѣ самой Альмы, не смѣлъ заглядывать

въ ея спальню и вообще знать объ ея отсутствіи. Альма же обязана была всѣмъ, кому до королевы будетъ надобность (это, впрочемъ, во время пребыванія въ башнѣ почти никогда не случилось), говорить, что ея величество, жестоко страдая мигренью, не дозволяетъ беспокоить себя подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Порученіе для молодой дѣвушки не особенно пріятное; но Альма привыкла къ странностямъ своей госпожи, а главное, была безгранично предана Каролинѣ, какъ помазаницѣ Божіей, къ тому же всегда ласково, задумчиво, дружески относившейся къ своей юной фавориткѣ.

Цѣль поѣздки королевы составляло тайное дѣловое свиданіе съ графомъ Бученто, старшиной братства св. Павла. Она спѣшила передать ему манифестъ, имъ же самимъ составленный, но теперь уже освященный подписью монарха. Манифестъ этотъ, обещающій націи многія политическія свободы, долженъ былъ подготовить, при посредствѣ братства, появленіе въ Палермо и возвращеніе къ власти Фердинанда IV.

Поѣздка и свиданіе съ Бученто совершились безъ препятствій; королева вернулась благополучно въ Черную башню вечеромъ, какъ только стемнѣло. Но у нея имѣлось въ виду и другое обстоятельство, ради котораго она покинула Кастельветрано, а именно наканунѣ, по дорогѣ отъ короля на виллу, одинъ изъ ея многочисленныхъ шпионовъ передалъ ей записку, извѣщавшую, что почти два года пропадавшій безъ вѣсти Рикардо прибылъ въ Сицилію и скрывается въ ожиданіи ея приказаній. Черезъ того же шпиона она приказала, чтобъ Рикардо пробрался въ предбудущую ночь поздно къ Черной башнѣ для полученія дальнѣйшихъ инструкцій. Она объ этомъ тоже ни слова не сказала Альмѣ, увѣренная, что ко времени прибытія молодого человѣка она сама уже будетъ дома. Случилось, однако, не такъ.

Солнце, окруженное ореоломъ пурпурныхъ облаковъ, опускалось въ море. Альма сидѣла у окна и задумчиво слѣдила за потухавшими надъ двумя утесистыми холмами лучами вечерней зари.

Вдругъ со стороны противоположнаго башнѣ холма раздались два ружейныхъ выстрѣла. Она взглядѣлась въ сумерки: съ холма быстро спускался какой-то человѣкъ, а за нимъ гнались нѣсколько, повидимому, солдатъ. Когда всѣ они приблизились къ башнѣ, то Альма по одеждѣ узнала въ убѣгавшемъ калабрійца, а по краснымъ мундирамъ—солдатъ-англичанъ.

Сначала она очень испугалась, не съ королевой ли что случилось, потомъ поняла: англичане, вѣроятно, выслѣдили и стараются захватить одного изъ калабрійскихъ партизановъ, секретно вызванныхъ на днѣхъ въ Сицилію королевой...

Добѣжавъ до мѣста, гдѣ холмы сходятся, калабріецъ перескочилъ на утесъ, на вершинѣ котораго высилась Черная башня; быстро обернулся лицомъ къ солдатамъ, выстрѣлилъ изъ своего пистолета, кого-то ранилъ, потому что раздался крикъ въ толпѣ, и одинъ изъ нихъ упалъ; затѣмъ проворно вскарабкался по направленію къ башнѣ и внезапно исчезъ. Напрасно молодая дѣвушка старалась разглядѣть, или по крайней мѣрѣ догадаться, куда онъ скрылся. Тѣмъ временемъ и красные солдаты успѣли подняться до самой башни. Они остановились у воротъ и, казалось, не рѣшались войти.

Однако чрезъ нѣсколько минутъ негръ Джіованни доложилъ ей, что начальникъ отряда, англійскій офицеръ сэръ Эдуардъ Вальтеръ, желаетъ видѣть ея величество или, если королева нездорова, лицо, приближенное государынѣ. Бѣдная дѣвушка очень встревожилась: англичане настойчивы и часто грубы. Однако, овладѣвъ собой, она приняла офицера, который, казалось, былъ весьма удивленъ, что ему предстоитъ о важномъ дѣлѣ объясниться съ такой юной особой.

— Государыня не совсѣмъ здорова,—сказала Альма:—она приказала мнѣ переговорить съ вами.

— Дѣло въ томъ,—не совсѣмъ охотно объяснилъ сэръ Эдуардъ:—что я обязанъ обыскать всѣ помѣщенія этого зданія, потому что тутъ скрылся негодяй, который, будучи нами арестованъ, вырвался и убѣжалъ, ранивъ кинжаломъ двухъ моихъ солдатъ, когда отбивался, и едва ли не ранилъ смертельно третьяго, почти у самой башни...

— Извѣстно ли вамъ, что въ этомъ зданіи въ настоящую минуту пребываетъ наша августѣйшая госпожа и королева. Такъ что, если бы этотъ калабріецъ...

— Позвольте, какъ вы знаете, что онъ калабріецъ?

— Я догадалась по его костюму,—отвѣчала, нѣсколько сконфуженная Альма. — Но, во всякомъ случаѣ, я не думаю, чтобы бѣглецъ осмѣлился искать убѣжища именно здѣсь. Я не могу себѣ представить, какъ онъ могъ проникнуть въ башню. Входъ въ нее одинъ только, и этотъ входъ всегда охраняется негромъ королевы.

— Да, но съ задней стороны башни есть узкія окна, вѣроятно, старинныя бойницы; есть отдушины, въ которыя человѣкъ можетъ пролѣзть. Впрочемъ, всѣмъ извѣстно расположеніе ея величества къ этимъ калабріейцамъ, которые своимъ поведеніемъ замедляютъ успокоеніе страны и компрометируютъ Бурбонскую династію...

— Вы, сударь, оскорбляете мою государыню!—воскликнула, поднимаясь съ кресла, Альма:—королеву, къ которой всѣ обязаны относиться съ уваженіемъ, всѣ, не исключая васъ, англичанъ; вашъ король союзникъ нашего.

Англичанинъ былъ смущенъ неожиданнымъ отпоромъ хорошенькой молоденькой дѣвушки.

— Могу васъ увѣрить,—заговорилъ онъ гораздо почтительнѣе:— что я не имѣлъ намѣренія и не могъ имѣть оскорблять ея величество... Тѣмъ не менѣе я обязанъ исполнить мою обязанность...

— Я готова вамъ вѣрить,—возразила Альма, понявъ, что дальнѣйшія пререканія опасны.— Но повторяю, что бѣглець не имѣлъ никакой возможности проникнуть въ башню. Въ этомъ я вамъ могу поручиться моимъ честнымъ словомъ. Признаюсь, я тоже была поражена, когда онъ,—я слѣдила за этой сценой изъ окна,—пропалъ внезапно; просто непостижимо. Съ другой стороны башни я бы могла замѣтить, если бы онъ вскочилъ въ окно.

— Значитъ, вамъ угодно поручиться честнымъ словомъ?

— Да, — такъ твердо отозвалась Альма, что и сэръ Эдуардъ повѣрилъ ея искренности.

Она и въ самомъ дѣлѣ была искренна, ибо была убѣждена, что калабрійца въ башнѣ нѣтъ.

Англичанинъ тоже опасался заводить дѣло слишкомъ далеко,—насилъно производить обыскъ въ жилищѣ королевы. Она, особенно если бы бѣглець не былъ найденъ, могла поднять скандалъ, и Бентинкъ, какъ бы ни враждовалъ онъ съ Каролиной, былъ бы вынужденъ ради ея удовольворенія подвергнуть чрезъ генерала Макферлана взысканію его, сэра Эдуарда. Онъ поклонился и вышелъ.

Молодая дѣвушка вздохнула свободно и перешла въ сосѣднюю комнату, маленькій кабинетъ королевы, почти втиснутый, такъ сказать, въ уголъ массивныхъ стѣнъ старой башни. Здѣсь онѣ сиживали обыкновенно съ королевой, читали, вышивали. За стѣной этой комнаты у самой двери проходила деревянная лѣстница. Вверхъ она поднималась до самой крыши (какъ бываетъ на югѣ, плоской и обращенной въ террасу), внизъ лѣстница уходила въ подземную часть зданія.

Альма хотѣла было заняться чтеніемъ до приѣзда королевы. Но чтеніе не шло на умъ... Вдругъ ей послышалось, что ступени лѣстницы за стѣной скрипнули. Сначала она подумала, что ссыхаются недавно положенныя доски. Но когда скрипъ повторился явственнѣе, когда издала легкій звукъ даже пріотворенная у лѣстницы дверь, то ее объялъ ужасъ, тѣмъ болѣе, что въ двери обрисовалась человѣческая фигура: то былъ искомый англичанами бѣглець. И этотъ бѣглець былъ Рикардо.

— Какъ вы сюда попали? — собравшись съ духомъ, спросила его юная герцогиня.

Онъ объяснилъ, что, подбѣжавъ къ основанію башни, когда его преслѣдовали солдаты, онъ за невысокимъ кустомъ подмѣтилъ у самой земли окно, вѣрнѣе отдушину, въ которую попытался пролѣзть, и пролѣзъ; попалъ въ какіе-то коридоры, безъ малѣйшаго просвѣта; двигался по нимъ наугадъ, ощупью. Ощупавъ лѣстницу, поднялся по ней. И вотъ гдѣ очутился.

XVIII.

Альма и Рикардо. — Королева начинает ревновать.

Молодые люди были въ большомъ замѣшательствѣ. Ихъ встрѣча произошла слишкомъ неожиданно. Рикардо оповѣстилъ королеву о своемъ приѣздѣ; но случайно ему пришлось явиться въ Черную башню ранѣе назначеннаго часа и далеко необычнымъ путемъ. Въмѣсто королевы онъ прежде всего увидѣлъ Альму, прелестную въ своемъ волненіи и не успѣвшую достаточно овладѣть собой, чтобъ скрыть отъ него причину своего смущенія. Онъ понималъ, что она тревожится за него; и чувствовалъ въ этой тревогѣ особую нѣжность. Его юношеская, идеальная любовь къ этой дѣвушкѣ вновь охватила сердце его сладостной теплотой. Но онъ тщательно старался скрывать лучшее чувство, которое только испытывалъ въ жизни.

Альма, со своей стороны, еще съ дѣтства испытывала удовольствіе при встрѣчахъ съ пріемышемъ старика Кармине. Это чувство стало какъ-то живѣе послѣ того, что ей случилось обмѣняться нѣсколькими словами съ юношей, вручившимъ потерянную ею золотую цѣпочку. Но она, конечно, относилась къ нему и тогда и послѣ съ той холодностью, почти высокоуміемъ, которое приличествуетъ дочери и наслѣдницѣ знатнаго феодала въ мимолетныхъ сношеніяхъ съ простыми земледѣльцами. Въ 1799 году Рикардо отличился на войнѣ, руководимой кардиналомъ Руффо, получилъ званіе капитана, его подвиги тогда прославлялись всѣми вѣрными Бурбонамъ легитимистами; и дѣвушка, сама глубоко искренняя монархистка, часто вспоминала о немъ съ особеннымъ чувствомъ, которое считала благодарностью, отчасти за участіе его въ защитѣ отъ французовъ владѣній ея отца и живущихъ около сосѣднихъ земледѣльцевъ, главнымъ же образомъ за содѣйствіе законному государю возвратитъ свою столицу и тронъ, которыхъ онъ былъ лишенъ революціей.

Предки Альмы были всегда вѣрными слугами самодержавія; она была воспитана въ строгихъ правилахъ религіи и легитимизма. Когда ея отецъ былъ назначенъ оберъ-шталмейстеромъ ко двору королевы, онъ выхлопоталъ для дочери мѣсто чтицы при государынѣ. Государыня полюбила молодую дѣвушку, относилась къ ней, какъ къ другу. Юное сердце не могло не цѣнить этого; она сама привязалась къ королевѣ, невзирая на темныя стороны характера послѣдней. Привязалась сугубо, какъ къ другу, а больше всего какъ къ монархинѣ.

Случайная встрѣча съ Рикардо въ маскарадѣ, при весьма исключительныхъ обстоятельствахъ, похвалы, высказанныя ему королевой, безстрашная защита на улицѣ неизвѣстныхъ ему двухъ

масокъ, вѣсти, сообщенныя ей самой королевой сначала о его ранахъ, болѣзни, потомъ о выздоровленіи, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ о новыхъ подвигахъ въ Калабріи,— все это подняло со дна ея души дѣтскія воспоминанія, дѣвическія чувства, сложившіяся въ новое чувство, характеръ котораго былъ несомнѣненъ. Она знала, что любить Рикардо, но не переставала также сознавать безнадежность такой любви и необходимость побороть ее. Оттого она внѣшне холодно приняла его по порученію королевы въ замкѣ Фаньяно, когда тамъ скрывалась Каролина, какъ было нами описано.

Но зато слѣдующею ночью, когда французскіе солдаты ворвались въ замокъ, чтобы захватить Каролину, и когда Альма, вбѣжавъ въ спальню королевы, увидѣла ее въ объятіяхъ Рикардо, она вмигъ постигла ихъ отношенія и почувствовала себя охваченною какимъ-то мощно мучительнымъ, но сложнымъ чувствомъ. Первое время послѣ этого потрясенія она была увѣрена, что никогда никакой любви къ Рикардо она не испытывала. Она даже негодовала на него, ненавидѣла. Однако въ ненависти, какъ и въ любви, слишкомъ часто вспоминала его, чтобы забыть. Она бессознательно ревновала его къ Каролинѣ, и если бы эта женщина не была ея государыней, могла бы возненавидѣть ее. Альма со страхомъ ожидала появленія молодого человѣка въ Сициліи, куда она возвратилась послѣ занятія французами замка Фаньяно.

Правда, въ теченіе почти двухъ лѣтъ онъ не появлялся, зато самое исчезновеніе его и сопровождавшія это исчезновеніе обстоятельства постепенно ослабляли сложность чувствованія и размышленій молодой герцогини. Она незамѣтно усиливала сознаніе нѣжнаго къ нему расположенія.

Она частью отъ самой королевы, частью отъ отца, знала, что онъ геройски защищалъ замокъ, былъ взятъ въ плѣнъ, приговоренъ къ разстрѣлянью, но бѣжалъ. И бѣжалъ съ однимъ намѣреніемъ—сдержать слово, данное королевѣ, т. е. содѣйствовать возстановленію престола Фердинанда IV. Мало того, Альма знала, что гражданскій комиссаръ, котораго императоръ назначилъ правителемъ области Фаньяно, оказался старшимъ братомъ ея отца, прежнимъ герцогомъ Фомой, который много лѣтъ назадъ былъ бургундскими королями за революціонныя тенденціи приговоренъ къ смертной казни, хотя и избѣгъ ея, скрывшись во Францію; что Наполеонъ утвердилъ Фому въ отнятыхъ у него королевѣ неаполитанскимъ правахъ, и, слѣдовательно, отецъ ея, Людовикъ Фаньяно, утратилъ и титулъ, и богатство, ибо Рикардо самъ долженъ былъ по смерти своего отца воспользоваться и тѣмъ, и другимъ. Отецъ умолялъ его перейти на сторону французовъ, что избавило бы его отъ казни и открывало передъ нимъ карьеру и болѣе блестящую и болѣе вѣрную въ императорскомъ войскѣ. Но Рикардо

остался непреклоненъ, вѣренъ Бурбонамъ, какъ ни умолялъ его старикъ-отецъ. Кромѣ того, онъ разъ навсегда безповоротно отказался отъ своихъ правъ на титулъ и состояніе и не согласился даже измѣнить своего имени.

Когда королева передавала своей любимицѣ-чтицѣ это послѣднее обстоятельство, она зорко всматривалась въ глаза дѣвухи и добавила:

— Можетъ быть, отказъ твоего кузена отъ своихъ правъ обусловленъ желаніемъ сохранить за тобой и положеніе и богатство.

— Вѣрнѣе, ваше величество, что онъ не желаетъ измѣнить своимъ законнымъ государю и государынѣ, — отвѣтила Альма, тоже испытующе взглянувъ въ глаза своей августѣйшей покровительницѣ.

Излишне объяснять, какъ глубоко взволнована была Альма, очутясь лицомъ къ лицу съ молодымъ калабрійцемъ, да еще въ отсутствіе королевы. Она постаралась скрыть овладѣвшую ею тревогу, избѣгала дальнѣйшихъ объясненій съ нимъ и, предваривъ, что ея величество возвратится скоро, предложила ему дожидаться въ сосѣдней комнатѣ.

Ключъ отъ этой комнаты для большей безопасности она спрятала въ свой карманъ.

XIX.

Королева и Рикардо.

Каролина возвратилась изъ своего таинственнаго путешествія, едва лишь Альма успѣла вернуться въ кабинетъ. Она сначала услышала у воротъ незнакомые мужскіе голоса, очевидно, сопровождавшихъ государыню до самой башни лицъ (то были графъ Бученто и нѣсколько членовъ общества св. Павла). Голоса стихли; по лѣстницѣ ее провожалъ съ фонаремъ одинъ негръ Джіованни.

По лицу королевы нетрудно было догадаться, что она довольна результатами своей поѣздки. Сбросивъ плащъ и снявъ черную фетровую шляпу, она спросила у негра, не было ли писемъ.

— Вотъ конвертъ, доставленный извѣстнымъ вашему величеству человѣкомъ изъ Калабріи, — отвѣчалъ Джіованни.

Каролина взяла письмо, обратила свое лицо къ черному слугѣ и, приложивъ свой палецъ къ губамъ, пристально взглянула въ его глаза.

Негръ раскрылъ свои толстыя губы въ широкую улыбку, низко поклонился, скрестивъ на груди руки, и беззвучно исчезъ.

Приласкавъ свою фаворитку и обмѣнявшись съ ней двумя словами, королева стала внимательно просматривать письма. Альма не осмѣливалась ей мѣшать, и только тогда, когда письма, судя по выраженію лица королевы, содержавшія вѣсти добрыя, были отложены въ сторону, сообщила ей, что Рикардо ждетъ въ сосѣдней комнатѣ.

Королева поблѣднѣла, хотѣла что-то сказать, и какъ будто не находила словъ.

— Да?—наконецъ произнесла она, испытующе взглядываясь въ Альму: — я его ждала только гораздо позднѣе. Какъ онъ попалъ сюда такъ рано?

Чтица доложила обо всемъ происшедшемъ. Лицо королевы омрачилось. Она вскочила съ дивана, подбоченясь своимъ красивыми, сильными руками, вплотную приблизилась къ дѣвушкѣ и почти крикнула:

— Ты меня обманываешь?.. А? обманываешь? Берегись!

— Вашему величеству хорошо извѣстно,—сдержанно отвѣчала Альма: — что чувство собственнаго достоинства никогда не допустило бы меня злоупотреблять добротой моей государыни. Герцоги Фаньяно въ теченіе долгихъ лѣтъ всегда умѣли говорить съ особами, которымъ Богъ судилъ родиться на престолѣ.

— Значитъ, это правда! — восклицала Каролина, неудержимо, почти истерично, радостно. — Прости, прости меня, дитя мое. Ты вѣдь постичь не можешь, какъ мнѣ именно въ эту минуту необходимо беззавѣтно преданное нашему дѣлу сердце... Да гдѣ же онъ? Гдѣ онъ теперь?

Альма объяснила и подала ключъ. Королева взяла было ключъ, но тотчасъ же одумалась, и, не желая слишкомъ компрометировать себя, возвратила ключъ Альмѣ, сказавъ:

— Онъ просилъ моей аудіенціи, ты говоришь. Я могу его принять теперь же. Приведи его сюда.

— Ваше величество, — тихо произнесла дѣвушка: — простите меня; я чувствую себя не совсѣмъ здоровой и очень утомлена. Разрѣшите мнѣ уйти въ мою комнату.

Нѣсколько секундъ обѣ женщины пристально глядѣли другъ на друга, словно желая прочесть, что таится въ сердцѣ другой. Королева стояла блѣдная, мрачная, пораженная жестокимъ подозрѣніемъ. Альма спокойная, гордая; лицо ея выражало твердую рѣшимость. Такого выраженія Каролина никогда еще не видѣла на лицѣ своей любимицы.

— Спокойной ночи,—сухо отозвалась государыня. Ея губы дрожали, взглядъ, которымъ она провожала Альму, металъ искры, искры, отъ которыхъ легко могъ бы разгорѣться пожаръ. Нѣсколько минутъ она оставалась недвижима, крѣпко обдумывая основательность своихъ подозрѣній. Вскорѣ, однако, лицо ея просвѣтлѣло: она пришла къ заключенію, что если Альма любила Рикардо, то давно, тогда, когда онъ былъ почти мужикомъ; что она никогда не сознается изъ присущей всѣмъ Фаньяно гордости въ своей слабости къ простолюдину.

— Мои враги французы,—размышляла она, — совсѣмъ не такой ужъ дурной народъ; у нихъ есть пословица: «на войнѣ по-

военному!» А я развѣ не на войнѣ постоянно, жестоко и со всѣми... Пожалуй, больше всего съ тѣми, кто считается моими друзьями.

Эта женщина, эта королева была словно создана для постоянной борьбы. Въ одномъ изъ ея писемъ мы читаемъ, что она охотнѣе готова была погибнуть сама, увлечь за собой въ бездну мужа, дѣтей, цѣлые народы, чѣмъ уступить своимъ противникамъ. Въ описываемое нами время она дѣйствительно была покинута всѣми и во всѣхъ извѣрилась. Она теперь искала опоры противъ англійскихъ интригъ въ кинжалахъ калабрійцевъ, которыхъ, по ея секретному приглашенію и распоряженію, тайно перевозили въ Сицилію. Но еще два дня назадъ она не знала, кому поручить руководство этой полуразбойничьей ордой.

И вдругъ появляется давно пропадавшій Рикардо. Какъ большинство пылкихъ, порывистыхъ натуръ, Каролина была суевѣрна и видѣла въ этомъ перстъ Божій.

Кромѣ того, Рикардо оставилъ слишкомъ глубокой слѣдъ въ ея увядающемъ сердцѣ. Ничья страсть такъ горячо не зажигала ея буйную кровь. Она хотѣла вѣрить и вѣрила искренности страсти молодого калабрійца. Препятствія и почти двухлѣтняя неизвѣстность объ его участи только усиливали жажду его любви. Она теперь сознавала, что старость близка, и дорожила этой любовью, какъ послѣдней вспышкой сердца.

Рикардо къ тому же былъ красивъ, храбръ, находчивъ, и королева вѣрила, что онъ безгранично лояленъ, какъ вѣрноподанный.

Когда королева вошла въ комнату, гдѣ былъ запертъ Рикардо, онъ какъ-то растерялся: ему почему-то казалось, что дверь открывается Альма.

— Вы-таки долгонько заставили себя ожидать, герцогъ Фаньяно, — произнесла Каролина, подавая ему свою руку для поцѣлуя.

Ей было пріятно называть его герцогомъ, хотя она и знала, что онъ отказался отъ титула.

— Какъ, вашему величеству извѣстно...

— Сердце моего величества интересуется всѣмъ, что относится до преданнѣйшихъ мнѣ лицъ... Однако, я полагаю, что ваше изумленіе не можетъ помѣшать вамъ приложиться къ рукѣ вашей государыни.

— Простите, простите меня, ваше величество.

Рикардо, склонясь къ маленькой нѣжной ручкѣ, запечатлѣлъ на ней поцѣлуй, и это соприкосновеніе съ женщиной, трепетавшей любовью къ нему, мгновенно зажгло пылкую кровь калабрійца.

— Господи, съ какимъ нетерпѣніемъ я васъ ждала, я знала, что вашъ отецъ васъ призналъ; что вы скрылись изъ тюрьмы. Но больше ничего. Чего я не дѣлала все это время, чтобы добыть вѣсть о васъ. И только третьяго дня мнѣ наконецъ сообщили.

— Государыня, осмѣливаюсь просить великой милости: признайте во мнѣ попрежнему только полковника Рикардо. Я навсегда отказался и отъ титула и отъ владѣній моего отца. Отказался, имѣя въ виду благосостояніе особы, давно пользовавшейся тѣмъ и другимъ.

— Словомъ, вы не желаете, чтобы отъ утраты богатства ея отцомъ пострадала Альма?—спросила королева, въ которой вновь вспыхнули ревность, досада и злоба.—Значитъ, вы любите ее, вашу кузину...

Рикардо понялъ, какой опасности онъ подвергалъ и себя и Альму, возбуждая ревность королевы. Ему стоило немалыхъ усилий разсѣять ея подозрѣнія. Онъ горячо разсказывалъ ей все, что перенесъ за эти два года. Избѣгнувъ разстрѣліянія французами, онъ поѣхалъ въ Сицилію, какъ приказала королева, но, переплывая проливъ между Калабріей и Мессиною, онъ былъ захваченъ африканскими корсарями, работалъ у нихъ въ Алжирѣ, какъ каторжникъ; бѣжалъ; раненый скрывался въ пустынь; былъ захваченъ другими мусульманами; снова избавился отъ рабства бѣгствомъ. Претерпѣвъ неисчислимыя невгоды, онъ успѣлъ, наконецъ, все-таки добратъся до Сициліи, куда все время стремился, помня слово, данное королевѣ, помня клятву быть вѣрнымъ и непрестанно помышляя о той, которой далъ эту клятву...

— И вотъ, государыня, я здѣсь у вашихъ ногъ. Неужели вы не вѣрите моей любви? Неужели я заслужилъ такую горькую, обидную для меня встрѣчу?..—заклучилъ молодой человекъ свою рѣчь.

Эта рѣчь производила на Каролину постепенно все болѣе и болѣе смягчающее впечатлѣніе. Глаза ея, сначала выражавшіе гнѣвъ, теперь глядѣли любовно, страстно. Она не выдержала и бросилась въ объятія своего возлюбленнаго.

— Нѣтъ, я знаю, я вижу, — начала она, когда оба они успокоились:—я знаю, что ты не измѣнишь мнѣ, какъ измѣнили другіе. Прости меня; около меня столько предательства, что я стала нелѣпо подозрительна. Я понимаю теперь, что ты и отъ отцовскаго наслѣдія отказался ради меня... Скажи, желаешь ли ты раздѣлить мою участь, какова бы она ни была, на высотѣ трона, или на днѣ бездны.

Онъ еще находился подъ обаяніемъ страстной ласки этой женщины и отозвался искренно: «Да, всегда и вездѣ!»

— Ну, такъ слушай же меня внимательно. Сицилія готова возстать для изгнанія англичанъ. Король на дняхъ объявитъ въ Палермо либеральный манифестъ и вступитъ самъ въ управление государствомъ. Калабрійцы по моему призыву съѣзжаются сюда. Они скрываются отъ англичанъ около Сегестской равнины. Ихъ уже накопилось до двухъ тысячъ. Желаешь ли ты принять надъ ними командованіе?

— Я желаю все, что угодно моей королевѣ.

— Хорошо; но это не все. Намъ слѣдуетъ имѣть, по крайней мѣрѣ, двѣ стрѣлы для нашего лука. Если задуманное нами либеральное движеніе не поможетъ мнѣ окончательно избавиться отъ англичанъ, то знаешь, кто можетъ явиться мнѣ на помощь?

— Кто?

— Бонапартъ.

Странно прозвучало это имя въ устахъ родной сестры Маріи-Антуанетты. Молодой человѣкъ былъ болѣе чѣмъ изумленъ. Каролина продолжала:

— На дняхъ я должна буду принять для переговоровъ посланца Бонапарта. Къ сожалѣнію, здѣсь онъ навлекъ на себя подозрѣніе англійской партіи и даже посидѣлъ въ мессинской тюрьмѣ. Мнѣ удалось добиться его освобожденія. Но все-таки за нимъ пристально слѣдятъ. Мнѣ надо послать во Францію вѣрнаго человѣка для переговоровъ съ корсиканцемъ. Я думаю послать тебя.

— Меня?

— Что ты смотришь на меня съ такимъ изумленіемъ?

— Какой же я дипломатъ...

— Объ этомъ я могу судить лучше самого тебя.—И королева стала доказывать Рикардо, что онъ вполне способенъ выполнить возлагаемое на него порученіе. Впрочемъ, его убѣдили не столько доводы Каролины, сколько ловко задѣтое ею честолюбіе. А честолюбіе молодого человѣка, какъ мы знаемъ, было чрезвычайное.

Затѣмъ она дѣловито сообщила ему, гдѣ онъ найдетъ прибывшихъ калабрійцевъ; какія онъ долженъ сдѣлать распоряженія; гдѣ и отъ кого получить для себя деньги, мундиръ и лошадь. Объяснила ему, какимъ путемъ ему удобнѣе выбраться изъ башни. Провела его въ комнату, гдѣ былъ приготовленъ для него холодный ужинъ, и посовѣтовала ему хорошенько подкрѣпитися.

— А сама я ѣсть не хочу. Я сейчасъ же иду въ мою спальню; тамъ у меня есть еще немало дѣлъ,—заклчила она все дѣловитымъ, холоднымъ тономъ.

Рикардо изумлялся и дивился. «Да это совсѣмъ другая женщина, совсѣмъ не та, которая ласкала меня часъ назадъ. То было страстно влюбленное существо. А это холодная, расчетливая королева, и только».

Удаляясь, она сказала мимоходомъ:

— Имѣйте въ виду, полковникъ, что герцогинѣ Альмѣ извѣстно и о вашемъ родствѣ съ нею, и о вашемъ отказѣ отъ наслѣдства.

XX.

Отзывы французских писателей о характерѣ королевы Каролины.— Тайныя сношенія ея съ Бонапартомъ. — Разговоръ съ посланцемъ Наполеона.

Приступая къ настоящей главѣ, авторъ романа считаетъ своимъ долгомъ заявить, что ему приходится обратиться исключительно въ историка; это, однако, случилось ранѣе и случится не разъ въ теченіе дальнѣйшаго разсказа о злосчастномъ періодѣ жизни Италіи. Онъ всегда держался достовѣрнѣйшихъ источниковъ, касающихся исторіи того времени, и заносилъ на страницы своего романа только строго до мелочей проверенные факты. Онъ даже избѣгалъ отъ себя развивать разговоры, имѣвшіе мѣсто между болѣе или менѣе историческими лицами, а черпалъ ихъ изъ воспоминаній современниковъ, которымъ можно довѣрять.

Авторъ считаетъ необходимымъ объяснить въ этомъ отношеніи, ибо въ его романѣ встрѣчаются факты, повидимому, совершенно противорѣчащіе нѣкоторымъ широко распространеннымъ въ обществѣ воззрѣніямъ. Напримѣръ, мало кому извѣстно, что Каролина Австрійская была горячею поклонницею генія Наполеона Бонапарта, котораго въ то же самое время считала не безъ основанія своимъ опаснѣйшимъ врагомъ. Saint Beuve въ десятомъ томѣ своихъ «Nouveaux Lundis» приводитъ сообщеніе по этому предмету Armand Lefebvre, автора «Исторіи европейскихъ кабинетовъ въ періодъ консульства и имперіи». Lefebvre былъ французскимъ посланникомъ при неаполитанскомъ королѣ и близко зналъ (мы приводимъ въ подлинникѣ его слова) «cette fameuse reine Caroline, fille de Marie Thérèse, notre ennemie furée, une femme violente, capricieuse, passionnée, et qui a laissé dans l'histoire de souvenirs romanesques et sanglants» ¹⁾. Однажды она такъ говорила Лефевру.

«Конечно, мнѣ было бы весьма простительно не любить Бонапарта. А я, признаюсь, готова бы пройти пѣшкомъ хоть тысячу лѣтъ, чтобъ взглянуть на него. Если бы я въ какомъ-либо отношеніи позволяла себя сравнивать съ этимъ великимъ человѣкомъ, то я сказала бы, что мы оба одинаково славолюбивы, съ той разницей, что онъ искалъ славы en grand, широко и высоко, и нашелъ ее, я же нашаривала ее въ мелкомъ кустарникѣ и только пальцы себѣ наколола. Когда вы ему будете писать, скажите, что никогда не перестану изумляться его умѣнію пользоваться исчезновеніемъ съ исторической сцены короля Фридриха и рус-

¹⁾ Эта знаменитая королева Каролина, дочь Маріи-Терезіи, нашъ заклятый врагъ. Она женщина свирѣпая, непостоянная, страстная. Въ исторіи она оставила по себѣ воспоминанія романическія и кровавыя.

ской императрицы Екатерины, послѣ которыхъ il n'y a plus sur tous les trônes de l'Europe que des imbéciles»¹⁾).

Само собой разумѣется, что къ числу «des imbéciles» Каролина присоединяла и своего супруга, Фердинанда IV, «et pour cause» какъ говорилъ состоявшій при немъ французскій посоль.

Въ приемномъ салонѣ виллы Кастельветрано, гдѣ жила королева, она сидѣла на диванѣ въ ожиданіи своего мажордома, долженствовавшаго ввести французскаго офицера, именовавшаго себя полковникомъ Эльбенъ. Нѣсколько дней тому назадъ онъ пріѣхалъ на островъ Сицилію подъ предлогомъ археологическихъ изысканій, былъ захваченъ англичанами, подозрѣвавшими у него инныя цѣли, и засаженъ въ мессинскую тюрьму. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ дипломатическихъ соображеній ему, однако, скоро была предоставлена свобода. Прежде, чѣмъ покинуть островъ, онъ, сумѣвъ ускользнуть отъ зоркости англичанъ, явился на виллу королевы и испросилъ у нея аудіенцію, подъ предлогомъ, что имѣетъ передать ей нѣкоторыя извѣстія о капитанѣ Амеліо. Амеліо былъ посланъ ею же съ какимъ-то неважнымъ (по крайней мѣрѣ, по видимому) порученіемъ по части дамскаго туалета въ Парижъ и очень долго не возвращался.

Въ сущности же Амеліо долженъ былъ передать собственно-ручное письмо Каролины къ императору Наполеону, который, узнавъ объ этомъ, вмѣсто всякаго отвѣта приказалъ посадить посланца въ тюрьму Венсенскаго замка.

Понятно, королеву очень интересовало, что можетъ сообщить ей французъ.

Войдя въ салонъ, послѣдній еще у порога низко поклонился и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— Садитесь, полковникъ,—пригласила его Каролина.—Мы прямо приступимъ къ дѣлу. Вы имѣете что-либо сообщить мнѣ отъ Бонапарта.

— Бонапарта?—повторилъ Эльбенъ съ чуть замѣтной и все-таки почтительной улыбкой.—Мы во Франціи не знаемъ никого, кто бы носилъ это имя. Ваше величество, вѣроятно, имѣете въ виду императора Наполеона. Бонапартъ же для насъ какъ бы умеръ 28 февраля XII года.

— Будемъ говорить о дѣлѣ; мнѣ некогда играть словами. Я желаю знать, что вы имѣете мнѣ передать.

Полковникъ вновь низко поклонился и произнесъ:

— Государыня, я могу только на словахъ передать возложенное на меня порученіе. Суть его слишкомъ важна, чтобъ довѣ-

¹⁾ На всѣхъ европейскихъ тронахъ остались только дураки.

ряться бумагѣ. Мой арестъ въ Мессинѣ служить доказательствомъ подозрительности и осторожности англичанъ.

— Понимаю... Но прежде скажите мнѣ, Бон... императоръ по-прежнему зоветъ меня Фредегондой?

— А онъ между прочимъ поручилъ мнѣ освѣдомиться, продолжаете ли ваше величество звать его корсиканскимъ тираномъ?

— Это зависитъ отъ того, какъ онъ желаетъ относиться ко мнѣ,—улыбаясь отвѣтила Каролина на рѣзкій вопросъ француза.

— Въ такомъ случаѣ я увѣренъ, что ваше величество, движимыя чувствомъ благодарности, назовете его Карломъ Великимъ.

— Я затрудняюсь согласить ваши слова съ его поступками относительно меня. Если бы онъ обратилъ вниманіе на мое предложеніе, я не находилась бы теперь въ такомъ затруднительномъ положеніи и вся Сицилія была бы уже давно свободна отъ великобританскаго ига. На самомъ же дѣлѣ какъ поступилъ вашъ императоръ? Я посылаю къ нему морского офицера, хорошо мнѣ извѣстнаго, человѣка, на котораго безусловно можно положиться. А маршалъ Мармонъ, къ которому мой посланный по необходимости обратился, прежде всего посылаетъ его къ министру полиціи Савари, Ровиго... не помню хорошенько имени... у вашихъ новыхъ сановниковъ такія странныя имена, что одного невозможно отличить отъ другого. Лицо, мною уполномоченное, сообщаетъ о данномъ ему порученіи представиться Наполеону, а его вмѣсто того сажаютъ въ острогъ, гдѣ онъ, насколько я знаю, и до сихъ поръ сидитъ. Вотъ какимъ образомъ Бонапартъ доказываетъ доброту своихъ намѣреній относительно меня.

— Виновникъ всего этого... ваше величество позвольте мнѣ быть откровеннымъ... настоящій виновникъ вашъ повѣренный. Онъ вошелъ въ сношенія съ посредствующими лицами вмѣсто того, чтобы прямо обратиться къ императору, какъ, напр., я представился вамъ, государыня. Императоръ не разговариваетъ со своими министрами ни о чемъ выходящемъ за предѣлы ихъ непосредственно официальной дѣятельности. О секретныхъ сношеніяхъ государственной важности никто ранѣе его самого не долженъ быть освѣдомленъ. Кто въ такихъ случаяхъ обращается къ посредству третьяго лица, заранѣе проигрываетъ дѣло. Относительно посланца вашего величества онъ и не могъ бы поступить иначе. Императоръ не могъ публично входить въ сношенія съ представителемъ государства, открыто враждующаго съ Франціей. Я говорю «публично» потому, что, по мнѣнію императора, тайна, извѣстная тремъ лицамъ, извѣстна всѣмъ. Вашъ же посланный сообщилъ о цѣли возложеннаго на него порученія не только маршалу Мармону, герцогу Роверта, но и многимъ другимъ. Смѣю надѣяться, ваше величество поймете, что арестъ капитана Амеліо, по государственнымъ соображеніямъ, былъ неизбѣженъ. Вотъ объясненія, которыя

императоръ изволилъ поручить мнѣ сообщить вашему величеству, присовокупивъ его искреннее желаніе, чтобъ вы на него не сѣтовали.

— Давать подобныя объясненія легче, чѣмъ принимать ихъ. Впрочемъ, я готова удовольствоваться ими, если мои предложенія приведутъ къ желаемому результату,—отвѣчала Каролина.

— Я не могу скрывать, что сначала императоръ не безъ предубѣжденія относился къ... къ этимъ... — полковникъ какъ будто затруднялся...

— Понимаю, онъ относился съ предубѣжденіемъ ко мнѣ,—вскричала королева, быстро вставъ съ дивана. Она была истинѣ великолѣпна въ своемъ надменномъ негодованіи. — Ко мнѣ! А я, дочь Маріи-Терезіи, монархиня по праву, исходящему отъ Бога... развѣ я не боролась долго и мучительно сама съ собой и съ чувствомъ моего достоинства прежде, чѣмъ рѣшилась на этотъ унижительный для меня шагъ... на шагъ постыдный... Но все-таки я переломила себя, понимая, что такъ необходимо для блага страны, изъ которой мы съ мужемъ изгнаны и на престолѣ котораго воссѣдаетъ ставленникъ Наполеона... Мы съ королемъ... прошу васъ не оставлять моихъ словъ безъ вниманія, полковникъ... мы Богомъ призваны управлять народомъ... Вашъ императоръ достигъ своего величія инымъ путемъ; но его возвышеніе такъ поразительно, что я не могу не видѣть въ этомъ перста Провидѣнія, которому иногда бываетъ угодно по причинамъ, для смертныхъ непостижимымъ, облачать властью своихъ особыхъ избранниковъ. Вотъ почему я рѣшилась... я смиренно обратилась къ нему, готовая искупить мои ошибки, которыя всѣ называютъ преступленіями, но которыя—если бы только удалось мнѣ вернуть себѣ и Фердинанду IV корону—всѣ стали бы восхвалять какъ величайшія государственныя дѣянія...

По мѣрѣ того, какъ Каролина говорила, она увлекалась и раздражалась все болѣе. Она трепетала гнѣвомъ, и посланецъ Наполеона невольно любовался ея гордой красой.

— Успокойтесь, ваше величество,—тихо и почтительно обратился къ ней полковникъ:—императоръ съ восхищеніемъ и съ живѣйшимъ участіемъ относится къ вамъ и вашему уму, тѣмъ болѣе...

— Тѣмъ болѣе, что имѣетъ намѣреніе сдѣлать меня теткой того, кто выгналъ меня изъ Неаполя¹⁾.

— Какъ вы сами замѣтили, государыня, пути Провидѣнія для насъ, смертныхъ, непостижимы.

— И, конечно, я не стану противиться Провидѣнію. Я готова забыть отношеніе ко мнѣ Наполеона, его колебанія, промедленія...

¹⁾ Наполеонъ тогда готовился сочетаться бракомъ съ дочерью австрійскаго императора, родного брата королевы Каролины.

Все это можно поправить... но мы потеряли престолъ, и наименьшее, что онъ можетъ сдѣлать для меня, это возвратить намъ утраченное.

— Въ этомъ отношеніи воля императора непоколебима, какъ непоколебимо его намѣреніе осуществить желаніе, на которое вы намекнули. Если онъ еще колеблется, то единственно въ выборѣ надежнѣйшаго пути.

— Пусть въ отношеніи меня онъ не беспокоится. Я въ изгнаніи—правда, за мной всюду слѣдятъ англичане. Но мнѣ достаточно только соглашенія съ императоромъ, чтобы со всѣмъ остальнымъ справиться самой...

— Императоръ, даже игнорируя средства, которыми располагаете ваше величество, вполне предоставляетъ вамъ ихъ выборъ и направленіе.

— Собственно, мои предложенія совершенно ясны; я ихъ раньше такъ же формулировала. Пребываніе въ Сициліи англичанъ и безпокойно и весьма опасно; отсюда они постоянно будутъ мѣшать успѣху его предпріятій на югѣ Европы, сдерживать его движенія. Для меня англичане тоже неудобны и опасны. Словомъ, съ этой стороны, интересы мои и императора тождественны.

— Таково же и мнѣніе императора.

— А разъ наши интересы такъ близко сходятся, то я имѣла бы право просить его содѣйствія для изгнанія англичанъ. Тѣмъ не менѣе я сама беру на себя исполнить это, признаюсь, не со всѣмъ легкое предпріятіе. Я приняла уже мѣры, которыя, я вполне увѣрена, окажутся успѣшными. Я не сомнѣваюсь, что достигну цѣли. Но въ политикѣ слѣдуетъ предвидѣть все, даже невозможное. И если я не добьюсь своей цѣли, то буду просить Наполеона предоставить мнѣ убѣжище вѣрное и, конечно, приличное моему сану, около Генуи или Милана, какъ онъ пожелаетъ.

— Вся французская имперія будетъ открыта для вашего величества.

— Впрочемъ, это вопросъ второстепенный. Не будемъ на немъ останавливаться; возвратимся къ главному. Какъ только я избавлюсь отъ англичанъ и совмѣстно съ королемъ Фердинандомъ получу возможность распоряжаться государственными дѣлами, то прежде всего предоставлю свободный доступъ французскимъ судамъ, какъ военнымъ, такъ и торговымъ, во всѣ сицилійскіе порты.

— А взамѣнъ этого ваше величество желаете получить?..

— Во-первыхъ, помощь войскомъ и судами на случай, если бы англичане попытались возвратить себѣ утраченное.

— Это само собой разумѣется.

— Во-вторыхъ, мнѣ и моему супругу должно быть возвращено все королевство неаполитанское, совмѣстно со старинными, Бѣгомъ

данными намъ правами суда надъ нашими подданными, во всей его полнотѣ, отъ самыхъ низшихъ до высшихъ инстанцій.

— Вы коснулись, государыня, центра вопроса,—возразилъ полковникъ, слегка покачивая головой.—Вамъ извѣстно, что императору было угодно возвести на неаполитанскій престолъ своего зятя, великаго герцога Бергскаго. Слѣдовательно, родная сестра французскаго монарха пользуется титуломъ королевы неаполитанской.

Марія-Каролина вся вспыхнула и гнѣвно вскричала:

— Королева, единственная королева неаполитанская—это я. Никакая человѣческая власть не можетъ нарушить воли Господней. Въ моемъ присутствіи никто не смѣетъ упоминать объ иной неаполитанской королевѣ.

— Да простить мнѣ мою смѣлость ваше величество, но дѣло въ томъ...

Не слушая Эльбена и все болѣе горячася, Каролина продолжала:

— Раздавать титулы и званія, до сихъ поръ даруемые только Богомъ, сыновьямъ какихъ-то кухмистеровъ, какимъ-то конюхамъ! Назначать намъ преемникомъ какого-то плебея!

— Въ распоряженіи императора столько вѣнцовъ, что онъ не затруднился бы дать своему зятю другой и возвратить неаполитанскую корону вашему величеству. Но для этого необходимо, чтобы съ королемъ, т. е. съ Іоакимомъ Мюратомъ, поступали, какъ съ честнымъ человѣкомъ, правдиво и открыто. Между тѣмъ онъ знаетъ и видитъ, что при его дворѣ, т. е. въ его домѣ, есть агенты вашего величества, которые шпионятъ за нимъ. Онъ даже знаетъ ихъ имена.

— Отъ кого онъ это узналъ? отъ кого?—воскликнула нѣсколько сконфуженная неожиданнымъ заявленіемъ Каролина.

— Вы не догадываетесь, государыня?

— Право, не знаю... не могу догадаться.

— Да тѣ же англичане...

— Мюрать! въ тайныхъ сношеніяхъ съ англичанами?!

— Даже съ Бентинкомъ, и непосредственно.

— Но Бентинкъ-то самъ не можетъ знать, имѣю ли я агентовъ, или нѣтъ при дворѣ Мюрата.

— Вотъ въ этомъ-то и заключается главная ошибка вашего величества. Нѣкто Ромео, котораго вы удостоивали довѣрія, очень выгодно продавалъ Бентинку выгодныя для него сообщенія.

Королева словно окаменѣла; она была поражена словами Эльбена.

— Всюду, куда я ни обращусь,—кусая губы, едва внятно говорила она:—на каждомъ шагѣ отвратительное предательство. Но однако (и она подняла голову, глядя собесѣднику прямо въ лицо),

я все-таки постичь не могу, зачѣмъ Бентинкъ извѣстилъ Мюрата. Какая ему выгода?

— Во-первыхъ, для того, чтобы повредить вашему величеству, воспрепятствовать осуществленію вашихъ плановъ. Вѣдь англичанамъ рѣшительно все равно, кто царитъ въ Сициліи: Іоакимъ I или Фердинандъ IV, лишь бы имъ никто не мѣшалъ извлекать изъ страны свои торгашескія выгоды. По моему личному мнѣнію, они даже предпочли бы Іоакима... И это понятно...

— Какъ понятно?—вскричала королева, а полковникъ спокойно объяснилъ ей:

— Бурбоны имѣютъ неоспоримыя права на Сицилію; Мюратъ же никакихъ. Онъ весьма охотно,—если бы англичане не относились къ нему враждебно,—предоставилъ имъ въ Неаполѣ искомыя ими выгоды, если бы онѣ гарантировали за нимъ и обладаніе Сициліей... Впрочемъ, разъ что ваше величество рѣшились возвратиться въ Неаполь открытымъ свободнымъ путемъ, не прибѣгая ни къ заговорамъ, ни къ тайственнымъ предпріятіямъ, то фактъ освѣдомленности Мюрата о вашихъ агентахъ утрачиваетъ всякое значеніе для нашего дѣла.

Оба собесѣдника безмолвствовали нѣсколько минутъ, каждый обдумывая свои аргументы для заключительнаго и самаго важнаго вопроса. Первый заговорилъ полковникъ:

— Со своей же стороны императоръ требуетъ...

— Тре-ебуе-етъ!— снова гнѣвно воскликнула Каролина.

— Простите меня, государыня... Я солдатъ и плохо владѣю рѣчью. Слово требуетъ вырвалось у меня безо всякаго умысла. Я хотѣлъ сказать, что императоръ желаетъ.

— Чего же онъ желаетъ?

— Чтобы во всякомъ случаѣ жители Неаполитанскаго королевства продолжали пользоваться недавно предоставленными имъ французскими законами ¹⁾. И чтобы таковыя же установленія были распространены также на Сицилію.

— Словомъ, онъ желаетъ конституціоннаго правленія?—переспросила Каролина довольно спокойно, ибо она ожидала худшаго.

— О, нѣтъ... Мода на конституціи уже прошла. Императоръ имѣетъ въ виду наполеоновскій сводъ законовъ. Вашему величеству хорошо извѣстно, что бесплодныя политическія мечтанія нынче свойственны только пустоголовымъ идеологамъ. Самая лучшая конституція—это гениальный человекъ во главѣ государствъ, мужчина, или женщина—все равно. А въ этомъ смыслѣ лучшими конституціями будутъ обладать Франція и королевство обѣихъ Сицилій...

¹⁾ Code Napoleon.

Каролина все выслушала внимательно; по выраженію ея лица было видно, что она не только согласна на эти условія, но и довольна ими. Обмѣнявшись съ Эльбеномъ еще нѣсколькими необходимыми соображеніями и получивъ въ отвѣтъ на свой вопросъ, имѣеть ли онъ еще что-либо передать, лаконическое: «ничего болѣе, ваше величество», она сняла со своей руки богатый перстень и, подавая его посланцу императора, сказала:

— Покуда я, къ сожалѣнію, не имѣю возможности наградить васъ неаполитанскимъ орденомъ. Примите по крайней мѣрѣ на память обо мнѣ эту бездѣлицу.

Полковникъ склонился, чтобы поцѣловать руку королевы; она добавила:

— Такъ какъ вамъ едва ли будетъ возможно вновь побывать у меня ранѣе, чѣмъ неаполитанскій тронъ вновь станетъ нашимъ, а тѣмъ временемъ мнѣ нельзя обойтись безъ сношеній съ императоромъ, то я имѣю въ виду послать письмо касательно, такъ сказать, ратификаціи нашего договора къ императору съ лицомъ, которому довѣряю безусловно.

— Ваше величество, будьте какъ можно осторожныѣе. Не дай Богъ, чтобы о тайнѣ узналъ какой-нибудь предатель.

— Не безпокойтесь, полковникъ; тотъ, кого я выбрала, не можетъ предать меня,—воскликнула Каролина съ такой живостью, что Эльбенъ невольно подумалъ, низко откланиваясь государынѣ:

— Навѣрно, ея любовникъ.

А, сходя съ лѣстницы, мысленно прибавилъ: «Я теперь отлично понимаю, почему императоръ зоветъ ее Фредегондой. Эта женщина какая-то помѣсь тигра со львицей, орла съ пресмыкающейся ехидной».

Королева же, оставшись одна, дала волю чувству своей радости и произнесла нѣсколько разъ свою любимую за послѣднее время фразу: «Я этого Бейтпика въ ступѣ истолку».

Авторъ позволяетъ себѣ повторить то же, что замѣтилъ въ началѣ главы. Всѣ подробности описанной нами бесѣды безусловно вѣрны исторически. Которая изъ договаривавшихся сторонъ— Наполеонъ или Каролина—имѣла въ виду перехитрить другую, и чѣмъ именно, трудно сказать, ибо обстоятельства воспрепятствовали полному развитію интриги. Но, несомнѣнно, велась она дѣятельно, какъ между прочимъ доказываютъ хранящіяся нынѣ въ архивахъ письма, которыми они обмѣнивались. Тѣ письма, которыя удалось видѣть автору этого разсказа, не успѣли дойти до назначенія въ данную эпоху, будучи перехвачены тѣми, кому было выгодно.

XXI.

Каролина тайно выписываетъ изъ Калабріи партизановъ для изгнанія изъ Сициліи англичанъ.—Бѣдственное положеніе калабрійцевъ.—Назначеніе Рикардо ихъ командиромъ.—Агенты королевы—воры.

На другой день послѣ аудіенціи полковника Эльбена королева назначила официальную, такъ сказать, аудіенцію Рикардо, о свиданіи съ которымъ въ Черной башнѣ, конечно, никто, кромѣ Альмы и негра, не зналъ. Калабріецъ былъ принятъ монархиней въ кабинетъ виллы Кастельветрано. Его едва можно было узнать теперь въ красивомъ новомъ придворномъ одѣяніи. Даже манеры, движенія его казались граціознѣе. Каролина не могла имъ налюбоваться; а когда они остались одни, приказала ему сѣсть на стулъ, ближайшій къ ея креслу.

— Что же вы мнѣ скажете о нашихъ калабрійцахъ?—спросила она.—Вы, конечно, уже всѣхъ ихъ видѣли.

— Мои земляки, какъ всегда, молодцы каждый по себѣ. Но всѣ вмѣстѣ никакой дисциплины знать не хотятъ. Необходимо, чтобы ваше величество соблаговолили лично представить меня всему отряду, какъ назначеннаго вами командира.

— Съ моей стороны это будетъ очень неблагоразумно: за мною англичане зорко слѣдятъ.

— Понимаю. Но все-таки это крайне необходимо. И я уже обѣщала имъ, что ваше величество завтра же произведете смотръ всему отряду. Я осмѣлился такъ поступить, будучи увѣренъ въ вашемъ согласіи, государыня, и выбралъ уже надежнѣйшихъ людей для конвоированія вашего экипажа. Мы могли бы выѣхать отсюда, изъ Кастельветрано, въ полночь; и тогда къ разсвѣту будемъ на Сегестской равнинѣ. Командованіе калабрійцами я могу принять не иначе, какъ при такомъ условіи.

— И вы позволяете себѣ давать мнѣ приказанія, и я обязана исполнять вашу волю...

— Не мою волю исполнять,—холодно возразилъ полковникъ:— а подчиняться требованіямъ обстоятельствъ... Едва ли ваше величество отрицаете, что успѣхъ предпріятія почти всецѣло зависитъ отъ порядка въ войскѣ и отъ всесторонней предусмотрительности тѣхъ, кто долженъ заботиться объ этихъ людяхъ, руководить ими. Я нашелъ всѣхъ этихъ бѣдныхъ калабрійцевъ въ ужасномъ положеніи. Они въ лохмотьяхъ, голодные; мѣстность имъ неизвѣстная; проводниковъ нѣтъ; бродятъ безъ толку и безъ пріюта. Конечно, намѣреніе вашего величества было прекрасно—вызвать сюда испытанныхъ воякъ. Только...

— Только я, затащивъ ихъ на чужую сторону, нимало о нихъ не забочусь. Это вы хотите сказать?.. По-вашему, мысли у

меня бываютъ хорошія, но въ исполненіе ихъ приводить я не умѣю!—вспылила королева.

— Напротивъ, ваше величество сдѣлали очень много. Дѣло же въ томъ, что при этомъ нѣтъ толковыхъ мужчинъ.

— Мужчинъ нѣтъ, а женщина не можетъ и не умѣетъ распоряжаться, какъ мужчина?..

— Да, по крайней мѣрѣ я такъ мыслю,—отвѣтилъ молодой человекъ съ почтительнымъ поклономъ.

— Значитъ, я должна первый разъ въ жизни подчиниться волѣ мужчины, тогда какъ я до сихъ поръ подчинялась только моей собственной волѣ.

— Да, если это необходимо для пользы вашего дѣла, для вашего личнаго интереса. Я полагаю, что, если этотъ мужчина ставитъ ради васъ свою жизнь на карту, вамъ бы слѣдовало поступиться нѣкоторыми королевскими прерогативами.

Сказавъ это, Рикардо всталъ. Взбѣшенная королева не выговорила, а прошипѣла: «вонъ!» Онъ поклонился и сдержанно промолвилъ:

— Государыня, вамъ, извѣстно, что я перенесъ и чѣмъ пожертвовалъ ради того, чтобы быть съ вами и съ пользою вамъ служить. Я готовъ и теперь на все, на бой, на казнь, на смерть для васъ; но я то же самое сказалъ бы при настоящихъ обстоятельствахъ, если бы палачъ заносилъ надъ моей головой топоръ по вашему приказанію, или если бы, опьяненный страстью, я лежалъ въ вашихъ объятіяхъ, но не считайте меня ни придворнымъ, ни лакеемъ.

Каролина молчала нѣсколько минутъ. Она была просто озадачена; никто никогда съ ней такъ не говорилъ. Но ей это понравилось. Она словно любовалась дерзновеннымъ и, наконецъ, произнесла медленно:

— Да, вы настоящій мужчина. Зачѣмъ, зачѣмъ я раньше не знала васъ?

— Значитъ, вашему величеству угодно будетъ собраться завтра къ полуночи? Существуетъ у этой виллы какой-нибудь мало примѣтный выходъ?

— Да, съ задней стороны виллы есть небольшая дверь, почти замаскированная деревьями. Меня тамъ никто не замѣтитъ. Но надо имѣть въ виду, что моя чтица, ваша кузина, не можетъ не замѣтить моего отсутствія.

— Это вѣрное и преданное вамъ созданіе,—промолвилъ полковникъ, сдерживая глубокій вздохъ.

Побережье, на которое мелкими партіи высаживались калабрийцы, призванные Каролиной въ Сицилію, было пустынно. Никто изъ мѣстныхъ жителей не заходилъ туда, особенно въ жаркое время года, когда испаренія влажной почвы были убійственны

для здоровья и распространяли малярію. Однако тамъ изрядно росли, хотя и въ дикомъ состояніи, фиговые, гранатныя деревья и кой-какой кустарникъ. Небольшая рѣчка не текла, а ползла подъ густыми тростниками, затянута водяными лиліями. Она оставяла съ обѣихъ сторонъ обширныя пространства стоячей воды, испаренія которой отравляли воздухъ. На десятки верстъ окрестъ не существовало человѣческаго жилья.

Мѣсто для высадки на островъ «друзей королевы», какъ любили величать себя калабрійцы, было выгодно въ одномъ отношеніи: оно было безопасно отъ шпионовъ, враговъ королевы, т. е. англичанъ. Нѣкто Кастроне, бывшій камеръ-лакей ея двора, умѣвшій заслужить довѣріе Каролины, завѣдывалъ перевозкой. Онъ владѣлъ небольшимъ торговымъ суденышкомъ, забиралъ людей небольшими партіи на калабрійскомъ берегу; умудрялся избѣгать въ морѣ встрѣчи съ англичанами; высаживалъ свой живой товаръ, который щедро оплачивала Каролина, въ описанной пустынѣ и уплывалъ немедленно обратно за новой партіей, не заботясь нимало о томъ, гдѣ бѣдные эмигранты найдутъ пріютъ, чѣмъ они станутъ питаться.

Объ этомъ-то роковомъ недосмотрѣ и хотѣлъ подробно переговорить съ королевой Рикардо послѣ того, что повидался со своими земляками. Ихъ безпомощное положеніе привело его въ ужасъ. Онъ не рѣшился даже заявить имъ, что ему поручено начальствованіе надъ ними. Ихъ положеніе не напоминало не только лагерь, но даже партизанскаго бивака: это было просто скопище нищаго сброда. Они бросились окрестъ, отыскивая пищу, по пустынному побережью и ничего не находили, ни гроша денегъ имъ не было выдано. Они, конечно, не поцеремонились бы грабежомъ и насиліемъ добывать себѣ продовольствіе, но опасались приближаться къ населеннымъ мѣстностямъ, понимая, что ихъ тамъ по одиночкѣ англичане могутъ перебить или переловить. Они оплакивали свои родныя горы; тамъ они тоже могли встрѣтить смерть, попасться въ руки французовъ; но все-таки они были въ своей сторонѣ, гдѣ не трудно было и насытиться, и напиться, и костеръ развести.

Какъ ни былъ въ прежніе годы популяренъ среди калабрійцевъ Рикардо, нынче они косо посматривали на него: онъ явился къ нимъ теперь блестяще одѣтый, имѣлъ лихого коня изъ конюшни королевы, а имъ и прикрыться нечѣмъ, имъ негдѣ найти корки хлѣба.

На его счастье, онъ встрѣтилъ тутъ нѣкоторыхъ старыхъ товарищей всегда довѣрившихъ ему: Гиро, Магаро и даже старика Пьетро Торо. Отъ нихъ онъ узналъ подробности бѣдственнаго положенія партизановъ, причины его и могъ совѣтоваться съ ними, какъ помочь дѣлу, какъ возвратить чрезъ нихъ довѣріе къ себѣ другихъ калабрійцевъ.

Отъ нихъ онъ узналъ, между прочимъ, что всѣ ропщутъ, полагаютъ, что ихъ заманили въ ловушку, нѣкоторые не сегодня завтра собираются разграбить ближайшій городокъ, чтобъ не умереть съ голоду. Всѣ, покидая родину, были обнадежены капитаномъ Кастроне, что въ Сицилія они будутъ вполне обезпечены, благодаря заботамъ государыни, и что она сама будетъ ихъ встрѣчать на берегу.

— Между тѣмъ,—говорили старые пріятели Рикардо,—все это вышелъ обманъ. Кастроне спихнулъ насъ на берегъ да въ обратный путь направился, а насъ утѣшалъ, что, дескать, надо потерпѣть чуточку: вотъ, дескать, остальные подѣдутъ, тогда и ея величество прибудетъ, и обо всѣмъ позаботится. Между тѣмъ партіи одна за другой прибываютъ, бѣдствуютъ, и никакой о насъ заботы. А Кастроне, извѣстно, получаетъ деньги отъ королевы и кладетъ себѣ въ карманъ.

Друзья Рикардо опасались, что терпѣнье эмигрантовъ уже лопнуло; что въ обѣщанія никто больше не вѣритъ; что появившійся нынче королева, ей едва ли уваженіе окажутъ.

— У меня маковой росинки во рту не бывало съ третьяго дня,—заключилъ Магаро. И жалкій видъ его лица свидѣтельствовавалъ о справедливости его словъ.

Изъ всего этого Рикардо вывелъ такое заключеніе. Королева должна, не медля ни одного дня, сама явиться предъ партизанами, успокоить и воодушевить ихъ. Но чтобъ они встрѣтили королеву какъ подобаеетъ и довѣряли ей, необходимо ихъ прежде всего накормить.

Послѣдній выводъ онъ осуществилъ на практикѣ такъ. Суденышко Кастроне стояло недалеко отъ равнины. Взявъ съ собою двухъ патризановъ, Рикардо явился на это судно и потребовалъ именемъ ея величества, чтобы Кастроне выдалъ все находящееся въ его распоряженіе съѣстное; старый камеръ-лакей клялся, что на его суднѣ провизіи очень мало. Это было правда. Но присутствовавшій при этомъ шкиперъ далъ понять калабрійцу, что въ сундукъ его капитана хранится золото, полученное отъ королевы и что часть этого золота предназначалась ея величествомъ для партизановъ. Когда старикъ и это отрицалъ, то Рикардо угрозилъ ему смертью, приставивъ свой пистолетъ къ груди королевскаго подрядчика; это подѣйствовало. Суденышко направилось къ ближайшему прибрежному городку и, закупивъ тамъ необходимые съѣстные припасы, доставило ихъ голоднымъ партизанамъ.

Раздавъ эту провизію землякамъ отъ имени государыни, молодой полковникъ объявилъ имъ, что завтра около полуночи она сама прибудетъ къ нимъ, выбралъ временныхъ начальниковъ и десять надежнѣйшихъ людей для эскортированія королевы. Первымъ поручилъ по возможности приготовить отрядъ для смотра.

Вторымъ приказалъ ранѣе полуночи осторожно пробраться къ резиденціи королевы.

Затѣмъ онъ самъ поскакалъ въ Кастельветрано, гдѣ происходилъ разговоръ, описанный въ предыдущей главѣ.

XXII.

Неудачный ночной смотръ.—Королева въ опасности.—Бѣгство, гнѣвъ.—Ревность разгорается.

Незадолго до полуночи Рикардо ожидалъ въ указанной ему Каролиной аллеѣ, около низкой двери виллы избранныхъ имъ для конвоя партизановъ. Вѣрный негръ Джіованни словно выросъ изъ земли передъ нимъ и едва слышно сообщилъ, что по его распоряженію сюда прибудетъ карета, запряженная мулами, въ которой поѣдетъ ея величество вмѣстѣ съ герцогиней Альмой Фаньяно.

Присутствіе Альмы было для Рикардо безпокойной неожиданностью. Его лично оно какъ-то стѣсняло психически. Но главное—безполезно усложняло предпріятіе. Несомнѣнно, то былъ капризъ королевы, который, однако, при данныхъ обстоятельствахъ устранить не представлялось возможности.

Магаро, Гиро, Вольпино, Торо и другіе конвойные скоро пришли; они тоже сообщили ему неудобную вѣсть: по дорогѣ они наткнулись на небольшой отрядъ «вареныхъ раковъ».

Такъ звали итальянцы англійскихъ солдатъ за ихъ пунцовые мундиры.

— И они васъ замѣтили?—спросилъ Рикардо.

— А еще бъ не замѣтить. Мы такихъ солдатъ въ Калабріи не выдвали. Нельзя было не пощупать англійской новинки.

— Дрались?

— Не то что... дрались, а такъ... безъ маленькой свалки не обошлось.

— И что изъ этой свалки вышло?

— Вышло то, что они еще и теперь, надо быть, удираютъ. Французы въ Калабріи куда стойче этихъ краснокафтаниковъ.

— Лучше было бы вовсе не затрогивать ихъ,— замѣтилъ Рикардо.

— Оно, пожалуй, что лучше... да поди, урезонивай нашихъ молодцовъ,—отозвался Торо.

Въ это время къ подъѣзду подѣхала небольшая каретка, запряженная двумя мулами, съ погонщикомъ при каждомъ.

Негръ сообщилъ полковнику Рикардо, что эти погонщики люди вѣрные, сицилійцы; они выбраны самой государыней.

Черезъ нѣсколько минутъ появилась и она, закутанная въ просторный черный плащъ, капюшонъ котораго спадалъ ей на лобъ. За ней слѣдовала Альма.

— Это кто такіе?—спросила Каролина о группѣ черныхъ тѣней, стоявшихъ около кареты.

— Конвойные вашего величества. Я ихъ самъ выбралъ.

— Всѣ калабрійцы? Да?

— Всѣ.

— Вы не предвидите никакой опасной встрѣчи, полковникъ?

— Англичане не рѣшатся насъ атаковать, если не скопятся въ изрядномъ количествѣ. А насколько я знаю, ихъ во всей окрестности менѣе, чѣмъ насъ, вооруженныхъ тѣлохранителей вашего величества.

Королева, опираясь на руку Рикардо, поднялась въ экипажъ и на минуту, однако, подмѣченную Альмой, задержала, пожимая, его руку. Она ему что-то шепнула. Онъ былъ такъ польщенъ, что, отстранясь отъ подножки, позабылъ пособить Альмѣ подняться въ карету.

Онъ опомнился, но было уже поздно: молодая дѣвушка, кинувъ на него бѣглый, недовольный взглядъ, быстро сѣла рядомъ со своею повелительницей.

Кортежъ благополучно прослѣдовалъ большую часть дороги. При слабомъ свѣтѣ луны на ущербѣ можно было уже разглядѣть вдали море, бѣлѣвшее около Сегестскаго побережья, на которомъ ютились калабрійцы. Звѣзды начинали блѣднѣть; а востокъ чутьточку просвѣтляться.

Вдругъ впереди по дорогѣ раздался свистокъ, хорошо знакомый Рикардо, предупреждавшій партизановъ Калабріи о близости опасности.

Каретка королевы остановилась. Рикардо поскакалъ впередъ, зная, что въ головѣ маленькаго конвоя, какъ бы служа ему авангардомъ, пробирался могучій и смысленный Петръ Торо.

Торо на вопросъ начальника не отвѣчалъ сразу, пристально вглядываясь вдали. И отвѣтилъ наконецъ вопросомъ:

— Ты слышишь?

— Ничего не слышу,—отозвался Рикардо.

— Невозможно, чтобы я ошибался,—шепталъ Торо:—у меня еще, слава Богу, глаза зорки и уши чутки: я на понюшку табаку о закладъ побьюсь, что въ лѣсу впереди насъ засѣли солдаты.

Въ этотъ моментъ къ нимъ приблизился одинъ изъ конвойныхъ, котораго Торо еще ранѣе послалъ на рекогноспировку, и сообщилъ, что видѣлъ красныхъ людей.

Онъ указалъ рукой въ сторону, противоположную той, гдѣ Торо увѣренно предполагалъ непріятеля.

Всѣмъ сталъ ясно, что они окружены съ двухъ сторонъ. Вѣроятно, нашелся шпионъ или предатель, выслѣдившій королеву. При свѣтѣ разгоравшейся зари калабрійцы сквозъ гущу деревь

могли довольно ясно отличить красныя пятна, т. е. мундиры англійскихъ солдатъ. Но, по всей вѣроятности, англичане еще не замѣтили кортежа.

По тропинкѣ, ведущей къ морю, еще можно было добраться до Сегестской равнины, но не всей процессіи, а развѣ одному чело-вѣку. Рикардо послалъ Вольпино предупредить объ опасности ожидающихъ тамъ королеву товарищей.

— У Вольпино ноги проворныя,—замѣтилъ Торо:— онъ свое дѣло сдѣлаетъ... А мы-то что же будемъ дѣлать?

— Я долженъ переговорить съ государыней,—отвѣчалъ молодой полковникъ:— а ты не спускай глазъ съ красныхъ.

Давъ шпоры коню, онъ возвратился къ хвосту кортежа. Карета стояла на своемъ мѣстѣ; Каролина нетерпѣливо глядѣла въ окно. Онъ объяснилъ ей положеніе дѣла и спросилъ:

— Какъ угодно будетъ рѣшить вашему величеству?

— Во всякомъ случаѣ не отступать!—гнѣвно отвѣчала Каролина Австрійская.

Препятствія, съ которыми ей приходилось встрѣчаться, раздражали ее за послѣднее время болѣе, чѣмъ прежде.

— Позволяю себѣ откровенно высказаться предъ вашимъ величествомъ,—очень почтительно, но твердо возразилъ Рикардо:— мы усмотрѣли сію минуту, что англичанъ здѣсь болѣе, чѣмъ можно было ожидать. Если они нападутъ на насъ, то всѣ съ нашей стороны усилія, какъ бы геройски мы не отбивались, будутъ бесполезны. Отступленіе при такихъ обстоятельствахъ благоразумно и не позорно. Геніальнѣйшимъ полководцамъ міра случалось отступать...

— Развѣ я уже больше не королева Неаполя и Сициліи, что мнѣ смѣютъ нагло преграждать дорогу.

— Что они не посмѣютъ задержать васъ, въ этомъ я увѣренъ. Но вамъ невозможно, государыня, явиться предъ ожидающими васъ калабрійцами въ сопровожденіи англійскаго, хотя бы почетнаго, конвоя.

— Ну, распоряжайтесь, распоряжайтесь сами, какъ знаете,—иронически и досадливо промолвила королева.—Вы же сами вынудили меня предпринять эту рискованную поѣздку.

Молодой чело-вѣкъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ, раздосадованнымъ и возразилъ:

— Осмѣливаюсь всепочтительнѣйше доложить вашему величеству, что если вы рискуете быть оскорбленною, то я рискую быть разстрѣляннымъ. Остальные же калабрійцы, покинувшіе по вашему повелѣнію свою родину, навѣрно, будутъ истреблены...

Ранѣе, чѣмъ онъ договорилъ, онъ уже раскаялся въ своихъ словахъ, понявъ, что такъ обращаться съ женщиной не великодушно и во всякомъ случаѣ жестоко.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ МАГАЗИНОВЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ЮНѢ 1909 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 6-й.

Богословіе.

Архангеловъ, С. Житіе и чудеса Святой Благовѣрной Великой княгини Анны Кашинской. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Философія, психологія, логика.

Альманахъ «Оякультистъ». Спб. 1909. Ц. 1 р.

Вундтъ, в. Гипнотизмъ и внушеніе. Спб. 1909. Ц. 60 к.

Ледбитеръ, Ч. Невидимые помощники и невидимый міръ. Калуга. 1909. Ц. 1 р.

Коллинзъ, М. Исторія года. Повѣсть о сокровенномъ значеніи религіозныхъ праздниковъ и церемоній. Калуга. 1909. Ц. 45 к.

Цигенъ, Т. Физиологическая психологія Въ 15 лекціяхъ. М. 1909. Ц. 2 р.

Шафрановъ, Н. Понятія и ихъ образованіе. Спб. 1909. Ц. 10 к.

Щербатской, Ф. Теорія познанія и логика, по ученію позднѣйшихъ буддистовъ. Ч. 2-я. Ученіе о воспріятіи и умозаключеніи. Спб. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

Александровичъ, Ю. Послѣ Чехова. Т. 2-й. Нигилизмъ - модернъ и наши моралисты. М. 1909. Ц. 1 р.

Александровъ, А. Памяти С. Т. Аксакова. Спб. 1909. Ц. 15 к.

Александровъ, А. Памяти великаго учителя (въ открытію въ Москвѣ памятника Гоголю). Спб. 1909. Ц. 5 к.

Калосовъ, Н. «Исповѣдь» Максима Горькаго передъ судомъ православнаго читателя. М. 1909. Ц. 20 к.

Мережковский, Д. Л. Толстой и Достоевскій. Жизнь и творчество. Ч. 1-я. 1909. Ц. 2 р.

Острогорскій, В. Этюды о русскихъ писателяхъ. Очерки Пушкинской Руси. М. 1909. Ц. 20 к.

«истор. вѣстн.», июль, 1909 г., т. XVIII.

1/25

- Петровъ, Д. Россія и Николай I въ стихотвореніяхъ Эспронседы и Россетти. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Томъ 61-й. Вып. 2. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Шаломытовъ, Н. Незданное предисловіе Д. А. Смирнова къ «Горе отъ ума». Спб. 1909. Ц. 30 к.
- Изъ неизданныхъ матеріаловъ Д. А. Смирнова къ биографіи А. С. Грибоедова. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Щеголевъ, П. А. С. Пушкинъ въ политическомъ процессѣ 1826—1828 гг. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

- Аксановъ, С. Собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора и критико-біографическимъ очеркомъ, составленнымъ Н. П. Сидоровымъ. М. 1909. Ц. 80 к.
- Волжанинъ, В. Безъ прикрасть. Разказы. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Воротынскій. Разказы. Т. I. 1909. Ц. 1 р.
- Глинъ, Э. Три недѣли. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Гунъ-фонъ, Н. Крикъ жизни. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Гуревичъ, И. Поручка. Пьеса. Спб. 1909. Ц. 15 к.
- Динненсъ, Ч. Холодный домъ. Романъ. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Оливеръ Твистъ. 2 т. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Земляк. Однодній піеси. I. Селянка. Одесса. 1909. Ц. 25 к.
- Ива, П. Откуда на Руси зло? Спб. 1909. Ц. 15 к.
- Иваньшинъ, Н. Путь любви. Пять одноактныхъ пьесъ. М. 1909. Ц. 75 к.
- Каменскій, А. Женщина. Разказъ. Спб. 1909. Ц. 30 к.
- Катаевъ, Н. Русскіе интеллигенты. Сборникъ. Спб. 1909. Ц. 80 к.
- Кисинъ, М. Въ аптекъ. Разказы провизора. Одесса. 1909. Ц. 25 к.
- Корецкій, Н. Веселыя пьесы. Сборникъ одноактныхъ пьесъ для любительскихъ спектаклей. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Орнешко, Э. Мать и дочь. Варшава. 1909. Ц. 1 р.
- Островскій, А. Грѣхъ да бѣда на кого не живеть. Драма въ 4 д. Спб. 1909. Ц. 70 к.
- «Лѣсъ», ком. въ 5 д. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Павлинова. Цицеронъ. Молодые годы. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Памяти Н. В. Гоголя. Народно-литературный сборникъ «Новое начало». М. 1909. Ц. 60 к.
- Пѣсны пѣсней Соломона. Переводъ съ древне-еврейскаго и примѣчанія А. Эфроса. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Радеръ, М. Сочиненіе. Въ Крыму. Споръ. Свѣтъ и тѣнь. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- «Рампа». Художественный сборникъ избранныхъ произведеній для дивертисмента. 1909. Спб. Ц. 2 р.
- Савловъ, С. Воспоминанія недавняго прошлаго. Очерки изъ жизни Н-ской гимназіи. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Смѣльницкій, Ю. На Волгѣ. Изъ охотничьихъ воспоминаній. Казань. 1909. Ц. 60 к.
- Стриндбергъ, А. Полное собраніе сочиненій. Т. 6-й. Швейцарскія новеллы. Игра съ огнемъ. Узы. М. 1909. Ц. 1 р.
- Сугробы. Альманахъ сибирской литературы. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Тинарь, М. Прелюдія любви. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Фюрды. Сборникъ № 2. Датскіе, норвежскіе, шведскіе писатели въ переводахъ А. и П. Ганзенъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Франсъ, А. Собраніе сочиненій. Т. 6-й. На бѣломъ камнѣ. М. 1909. Ц. 1 р.
- «Чтець-денлакторъ», томъ 4-й. Антологія современной поэзіи. Киевъ. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Яковлевъ, Н. Туда и обратно. Изъ заграничной побѣдки. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія, біографія и археологія.

- Ассановичъ. Императоръ Петръ Великій. Полтава. 1709—1909. Спб. Ц. 20 к.
- Зелантъ-Дубельтъ, Е. Къ двухсотлѣтню Полтавской битвы. Симбирскъ. 1909. Ц. 10 к. и 15 к.
- Изъ записокъ архіепископа Никанора. Его апологія по поводу жадобъ на него уфимскаго бѣлаго духовенства. М. 1909. Ц. 60 к.
- Картина «Полтавская баталія 1709—1909». Съ гравюры того времени изъ собранія П. Я. Дашкова. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Князьковъ, С. Очерки изъ исторіи Петра Великаго и его времени. М. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Лебедевъ, М. Описаніе Полтавской битвы по поводу ея двухсотлѣтія. Одесса. 1909. Ц. 15 к.
- Марръ, Н. Тексты и разысканія по армяно-грузинской филологіи. Кн. 9-я. Антиохъ Стратигъ. Плъненіе Іерусалима персами въ 614 г. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Мечволодовъ, А. Сказанія о русской землѣ. Николаевъ. 1909. Ц. 1 р.
- Памяти великой Полтавской побѣды. 27 іюня 1709—1909. М. 1909. Ц. 20 к.
- Пантоховъ, И. Значеніе антропологическихъ типовъ въ русской исторіи. Киевъ. 1909. Ц. 50 к.
- Переписка великой княгини Екатерины Алексѣевны и англійскаго посла сэра Чарльза Р. Уильямса 1756 и 1757 гг., съ предисловіемъ С. М. Горькина. М. 1909. Ц. 2 р.
- Петровскій, С. Полтавская побѣда. Одесса. 1909. Ц. 15 к.

Петровъ, А. Матеріалы для исторіи Угорской Руси. VI. Предѣлы угорской рѣчи въ 1773 г. по официальнымъ даннымъ. Карты. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
 Пясецій Матеріалы для эпохи Смутаго времени, извлеченные изъ разныхъ авторовъ. Варшава. 1909. Ц. 30 к.
 Семевскій, В. Политическія и общественныя идеи декабристовъ. Спб. 1909. Ц. 3 р. 50 к.

Правовѣдѣніе, общественныя науки и публицистика.

Васильевъ, Н. Справочная книга для гг. кандидатовъ на судебныя должности, откомандированныхъ для занятій въ канцеляріи уголовныхъ отдѣленій окружныхъ судовъ. Спб. 1909. Ц. 40 к.
 Вопросы колонизаціи. Периодическій сборникъ. № 5. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
 Въ защиту интеллигенціи. Сборникъ статей: К. Арсеньева, М. Викермана, П. Воборыкина, Вл. Воиновскаго, Н. Валентинова, Н. Геккера, И. Игнатова и др. М. 1909. Ц. 75 к.
 «Вѣхи». Сборникъ статей о русской интеллигенціи. Изд. 2-е. М. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
 Государственная Дума. Указатель къ стенографическимъ отчетамъ, части I—III. Третій созывъ, сессія 1. 1907—08. Спб. 1908. Ц. 2 р.
 Гурно, В. Наше государственное и народное хозяйство. Спб. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
 Давыдовъ, Н. Нѣсколько лекцій по уголовному процессу. М. 1909. Ц. 70 к.
 Дѣло о погромѣ въ Вязостокѣ. 1—3 іюня 1906 года. Обвинительный актъ, судебное слѣдствіе и рѣчи. Спб. 1909. Ц. 75 к.
 Земцевъ, В. Къ вопросу о земскомъ самоуправленіи въ Прибалтійскомъ краѣ. Рига. 1909. Ц. 1 р.
 Кауфманъ, И. Изъ исторіи бумажныхъ денегъ въ Россіи. Спб. 1909. Ц. 1 р. 75 к.
 Ларинъ, Ю. Рабочіе нефтяного дѣла. Изъ быта и движенія 1903—1908 гг. М. 1909. Ц. 60 к.
 Мартыновъ, Н. Положеніе о нотаріальной части, изд. 6-е. Спб. 1909. Ц. 3 р.
 Матвѣевъ, В. Право публичныхъ собраній. Очеркъ развитія и современной постановки права публичныхъ собраній во Франціи, Германіи и Англіи. Спб. 1908. Ц. 2 р.
 Мельгуновъ, С. Церковь и государство въ Россіи въ переходное время. Вып. 2-й. М. 1909. Ц. 1 р.
 Милоновъ, П. Третья Государственная Дума и дѣятельность въ ней фракціи народной свободы. Спб. 1909. Ц. 20 к.
 Мишель, А. Идея государства. Критическій опытъ исторіи социальныхъ и политическихъ теорій во Франціи со времени революціи. М. 1909. Ц. 3 р.
 Морколле, Л. Уставъ о ссыльныхъ. Иркутскъ. 1909. Ц. 1 р. 75 к.
 Мюллеръ, Г. Какъ основать и организовать общество потребителей. Спб. 1909. Ц. 40 к.
 Нефедьевъ, Е. Судопроизводство торговаго. Конкурсный процессъ. М. 1909. Ц. 75 к.
 Никоновъ, С. Actio Spolii. X. 1908. Ц. 2 р.
 Нюрнбергъ, А. Положеніе о государственномъ промысловомъ налогѣ. М. 1909. Ц. 3 р.
 О смертной казни. Мѣнія русскихъ криминалистовъ. Сборникъ съ приложеніемъ указателя литературы на русскомъ языкѣ о смертной казни. М. 1909. Ц. 50 к.
 Прокоповичъ, С. Бюджеты петербургскихъ рабочихъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.
 Сборникъ статистико-экономическихъ свѣдѣній по сельскому хозяйству Россіи и нѣкоторыхъ иностранныхъ государствъ. Годъ 2-й. Спб. 1903. Ц. 3 р.
 Селигманъ, Э. и Стурмъ, Р. Этюды по теоріи обложенія. Спб. 1908. Ц. 1 р.
 Статистическія свѣдѣнія по земельному вопросу въ Европейской Россіи. Спб. 1906 г. Ц. съ прилож. 1 р.
 Уголовное право. Дополненіе къ 2 выпускамъ общей части угол. права проф. Познышева. Вып. I и II. М. 1909. Ц. 2 р.
 Учебникъ государственнаго права. Общее ученіе о государствѣ и русское государственное право. По программѣ проф. Имп. Спб. универс. Н. А. Ивановскаго. Спб. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
 Филипповъ, Ю. Политика судостроенія въ связи съ политикой торговаго мореплаванія на Западѣ Европы. Спб. 1909. Ц. 50 к.
 Чупровъ, А. Очерки по теоріи статистики. Спб. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

Искусство.

Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. 1909. Вып. 1-й. Ц. 1 р.
 Тьчинскій, Л. Какъ поднять художественное образованіе въ Россіи въ области оперы и драмы. Уставъ Всероссийскаго общества оперныхъ и драматическихъ театровъ-школъ. (Весь чистый сборъ отъ продажи настоящаго изданія поступаетъ въ доходы Всероссийскаго общества оперныхъ и драматическихъ театровъ-школъ). Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Естествознаніе и математика.

Абрамовъ, Н. М. Введеніе въ курсъ механическихъ испытаній матеріаловъ. Вып. 2-й. Новочеркасскъ. 1909. Ц. 1 р.
 — Функция Airy и ея приженія къ рѣшенію задачъ теоріи упругости и строительной механики въ работахъ Klein'a, Wieghard'an Timpe. Спб. 1908. Ц. 50 к.

1/25*

- Богдановичъ, К. Землетрясенія въ Мессинѣ и Санъ-Франциско. Съ 84 рис. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Болъ, Р. Вѣка и приливы. Одесса. 1909. Ц. 75 к.
- Власовъ, А. Теорія вѣроятностей М. 1909. Ц. 1 р. 40 к.
- Генкель, Э. Міровоззрѣніе Дарвина и Ламарка. Спб. 1909. Ц. 25 к.
- Глинна, С. Общій курсъ кристаллографіи. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Нутюра, Л. Алгебра логики. Одесса. 1909. Ц. 90 к.
- Сборникъ студенческаго кружка любителей природы при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ. Вып. I. X. 1909. Ц. 60 к.
- Синегубъ, С. Вабочки Россіи. Вып. 2-й. М. 1909. Ц. 30 к.
- Талиевъ, В. Растительность южнаго берега Крыма (деревья и кустарники). Карманный атласъ для экскурсантовъ, туристовъ и любителей садоводства. X. 1909. Ц. 1 р.
- Томсонъ, Д. Электричество и матерія. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Труды экспедиціи по изслѣдованію земель Печорскаго края, Вологодской губерніи. Изд. подъ редакціей П. И. Соколова. Т. 1-й. Устьсысольскій уѣздъ. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Федченко, Б. и Флеровъ, А. Иллюстрированный опредѣлитель растений Сибири. В. 2. Голосѣменные. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

- Безоносовъ. Поѣздка по Вологодской губерніи въ Печорской край въ будущимъ воднымъ путямъ на Сибирь. Спб. 1909. Ц. 3 р.
- Круновскій, М. Южный Уралъ. Путевые очерки. М. 1909. Ц. 2 р.
- Реклю, Э. Человѣкъ и земля. Вып. 44. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

- Барберонъ, Г. Посадка винограда. Одесса. 1909. Ц. 25 к.
- Бартоломей, В. Исторія моего скотнаго двора. Съ прилож. 7 фототипій одного плана. М. 1909. Ц. 60 к.
- Вагнеръ, П. Удобреніе азотомъ и ренгальностью. Спб. Ц. 50 к.
- Гарвудъ, А. Обновленная земля. Сказаніе о побѣдахъ современнаго земледѣлія въ Америкѣ. М. 1909. Ц. 75 к.
- Еремѣева, Ю. Агрономическая помощь крестьянскому населенію. Кіевъ. 1909. Ц. 15 к.
- Зографъ, Н. Питательная пища, доступная небогатому человѣку. М. 1909. Ц. 15 к.
- Кичуновъ, Н. Красивоцвѣтущія грунтовыя растенія луковичныя и нѣкоторыя многолѣтнія. Ихъ культура въ открытомъ грунту и подъ стекломъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Кончаловскій, Е. Слушай, русскій переселенецъ! Совѣты ходока, какъ лучше устроиться русскому переселенцу въ далекой Сибири. Спб. 1909. Ц. 25 к.
- Отчетъ старшаго агента Екатеринбургскаго Губернскаго Земства въ Соедин. Штатахъ Сѣв. Америки. За іюль—октябрь 1908. г. Екатеринбургъ. 1908. Ц. 30 к.
- Розень, І. Вопросы засушливаго хозяйства въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки. Екатеринбургъ. 1908. Ц. 60 к.
- Методы и аппараты для испытанія сѣмянъ, употребляемые американскими с.-хоз. опытными станціями. Екатеринбургъ. 1909. Ц. 60 к.
- Сельско-хозяйственныя опытныя станціи въ Соед. Штат. Америки. Екатеринбургъ. 1908. Ц. 80 к.
- Руновъ, Н. Лучшія растенія для комнатъ и теплицъ. Съ 187 рис. въ текстѣ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1909. Ц. 1 р. 60 к.
- Современныя конныя молотилки по даннымъ испытанія на конкурсъ, организованномъ Екатеринбургскимъ губернскимъ земствомъ осенью 1908 г. въ имѣніи земской колоніи, близъ ст. Игрень. Кіевъ. 1909. Ц. 30 к.
- Таланова, В. Кукуруза и одновѣтвистыя кормовыя растенія засушливой полосы Соед. Штатовъ. Екатеринбургъ. 1909. Ц. 1 р. 20 к.
- Шубартъ, И. Книга для крестьянъ о лучшемъ устройствѣ сельскаго хозяйства. Изд. 5-е. Кіевъ. 1909. Ц. 25 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

- Симоновичъ, В. Нефть и нефтяная промышленность въ Россіи. Историко-статистическій очеркъ. Спб. 1909. Ц. 3 р.

Технологія, строительное и инженерное искусства.

Ремесла.

- Балдинъ, С. Двигатели внутренняго горѣнія. Спб. 1909. Ц. 2 р. 40.
- Берлинъ, М. Детали машинъ. Вып. 3-й. Клепка резервуаровъ и котловъ. Спб. 1909. Ц. 3 р. 60 к.
- Веберъ, Н. Маслобойное производство. Руководство къ добыванію коноплянаго, льнянаго, подсолнечнаго, сурьинаго и проч. маслъ. Спб. 1909. Ц. 2 р.

Гайсбергъ, С. Карманная книжка для установщиковъ электрическаго освѣщенія. Спб. 1909. Ц. 1 р. 20 к.

Германнъ, І. Электротехника. Введение въ новейшую технику постоянного и переменнаго тока. Физическія основы. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Жакэнъ, Н. Коллекторные электродвигатели переменнаго тока. Спб. 1909. Ц. 1 р. 75 к.

Капланъ, Г. Производство извести. Руководство для заводчиковъ, инженеровъ, техниковъ и завѣдующихъ известковыми заводами. М. 1909. Ц. 3 р.

Ледебуръ, А. Руководство для железнодорожныхъ лабораторій. Кіевъ. 1909. Ц. 1 р. 30 к.

Найденовъ, В. Аэропланъ братьевъ Райтъ, съ изложеніемъ краткой теоріи аэроплановъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Паннинъ, А. Административно-техническая организація заводовъ и система зара-

ботной платы по В. Тэйлору. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Половъ, М. и Писаревъ, Н. Основные законы электротехники. Спб. 1909. Ц. 80 к.

Пыльновъ, В. Какъ построить моторную лодку. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Расцѣпки С.-Петербургской Городской Управы на строительныя работы на періодъ 1909—1910—1911 г. Спб. Ц. 3 р.

Слаби, А. Безпроводочный телефонъ. Одесса. 1909. Ц. 30 к.

Соколовскій, С. Вагонъ-рефрижираторъ (проектъ). Съ 2 табл. чертежей и 4 рис. Спб. 1909. Ц. 80 к.

Школа современнаго электротехника. Т. 14 дополнительныя. Домашняя и пожарная телеграфія. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к. Т. 15. дополнит. Телеграфія безъ проводовъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Эпнеръ, Ф. Колбасное производство, промышленное и домашнее. Спб. 1909. Ц. 90 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

Брейтманъ, М. Школьная гигиена. Спб. 1909. Ц. 60 к.

Бразоль, Л. О холерѣ. Спб. 1908. Ц. 20 к.

Волнова, М. Какъ избѣгнуться отъ полноты и ожирѣнія по способу, испытанному авторомъ на себѣ и на своихъ больныхъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Гамалѣй, Н. Лекціи по общей патологіи. Изд. 3-е. Одесса. 1909. Ц. 1 р. 65 к.

Гиршовичъ, М. Что важно знать сердечному больному? Популярныя очерки гигиены сердца. Спб. 1909. Ц. 60 к.

Грачевъ, В. Какъ устранять запоры домашними безвредными средствами. М. 1909. Ц. 10 к.

Голденбрандтъ, А. Миръ половыхъ страстей. Картины головой жизни женщины и мужчины. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Лунинъ. Лечебныя секретныхъ болѣзней. М. 1909. Ц. 50 к.

Сборникъ трудовъ врачей Старорусской военной лечебно-санитарной станціи. Сезонъ 1908 г. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Харлилъ, Я. Любонъ — могучее средство предохранить зубы отъ порчи. Одесса. 1909. Ц. 35 к.

Шмидтъ, Р. Боль. Патогенезъ и дифференціальная діагностика болевыхъ ощущеній при внутреннихъ болѣзняхъ. М. 1909. Ц. 90 к.

Военное и морское дѣло.

Бороздинъ, Н. Завоеваніе воздушной стихіи. Популярный очеркъ современнаго воздухоплаванія и его примѣненія къ дѣламъ войны. Варшава. 1909. Ц. 1 р. 60 к.

Военные флоты. 1909 г. Ц. въ перепл. 3 р.

Жуновъ. Морской календарь. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Наши герои — наша гордость М. 1909. Ц. 20 к.

Ставицій, П. Инженерное усиленіе крѣпостей. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Танъ говорилъ Наполеонъ. Вып. 1-й. Correspondance de Napoleon. Тифлисъ. 1909. Ц. 2 р.

Шмидтъ, А. Технические средства связи и ихъ примѣненіе на походѣ, въ сторожевомъ охраненіи войскъ и въ бою. Вильна. 1908. Ц. 80 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

Афанасьева-Эренфестъ, Т. О роли аксіомъ и доказательствъ въ геометріи. Спб. 1909. Ц. 10 к.

Борель, Э. Тригонометрія. М. 1909. Ц. 75 к.

Weber и Wellstein. Энциклопедія элементарной математики. Т. 2, кн. 1-я. Одесса. 1909. Ц. 3 р.

Воспитаніе молодыхъ побѣдовъ. Родите-

лямъ и воспитателямъ въ христіанскомъ государствѣ. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Гранинъ, Ф. Конспектъ русской исторіи. Одесса 1909. Ц. 10 к.

Демновъ, М. Исторія русской педагогіи. Ч. 3-я. Новая русская педагогія. XIX вѣкъ. М. 1909. Ц. 3 р.

Дмитріевскій, А. Справочная книга по на-

- родному образованию для старообрядцевъ. М. 1909. Ц. 1 р.
- Долгушинъ, П. Вычисления по приближенію. В. 1-й и 2-й. Киевъ. 1909. Цѣна за оба вып. 50 к.
- Дюньинъ, Н. и Новинъ, А. А. Н. Островскій. Біографія и разборъ его главныхъ произведеній. Спб. 1909. Ц. 30 к.
- Л. Н. Толстой. Біографія и разборъ его главныхъ произведеній. Спб. 1909. Ц. 40 к.
- Ивановъ, Г. Начальный курсъ географіи Ч. 3. Европа. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Иновъ, Г. Нищій студентъ. Къ характеристикѣ экономическаго положенія русской учащейся молодежи. М. 1909. Ц. 50 к.
- Истомина, В. Методъ веденія письменныхъ упражненій по русскому языку въ высшихъ классахъ среднеучебныхъ заведеній. М. 1909. Ц. 60 к.
- Кукулеско, И. Элементарный курсъ химіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Киевъ. 1909. Ц. 80 к.
- Литвинскій, П. Ариметическій словарь. Спб. 1909. Ц. 10 к.
- Народный университетъ. Воспитательно-образовательныя учрежденія для народа въ Англіи. Спб. 1909. Ц. 70 к.
- Нелидовъ, З. Сочиненія и планы, ч. 3, в. 2. Пушкинъ, Гоголь и Лермонтовъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Нечаевъ, А. Очеркъ психологіи для воспитателей и учителей. Спб. 1909. Ц. 1 р 80 к.
- Паренато, А. Основанія анализа бесконечно-малыхъ. Учебникъ для 7 класса реальныхъ училищъ. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Пирожновъ, М. Прибавленіе къ первой части алгебры Бертрана, сборникъ задачъ съ рѣшеніями. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Платоновъ, С. Учебникъ русской исторіи для средней школы. Курсъ систематическій. Ч. 1-я до Петра Великаго. Спб. 1909. Ц. 90 к.
- Португаловъ, А. Руководство къ составленію ученическихъ сочиненій для учащихся и экстерновъ. Посobie при изученіи техники сочиненій безъ помощи учителя. Киевъ. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Практическая грамматика. Ч. 2-я. Краткія свѣдѣнія изъ этимологіи и синтаксиса. М. 1909. Ц. 15.
- Протичъ, В. Геометрія. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Пуріевичъ, К. Краткій учебникъ ботаники. Киевъ. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Симорскій, И. Психологическія основы воспитанія и обученія. Изд. 3 е. Киевъ. 1909. Ц. 1 р.
- Спутникъ гимназистки. Справочникъ по общему, спеціальному и профессиональному высшему женскому образованию въ Россіи и за границей на 1909—10 гг. Спб. Ц. 1 р.
- Чавкинскій, А. Коммерческая географія Россіи. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Чиновъ, Е. Географія въ скатыхъ разсказахъ и подробныхъ вопросахъ. Годъ 3-й. Государства Западной Европы. Спб. 1909. Ц. 30 к.
- Шмейль, О. Человѣкъ и животныя. Основы природовѣдѣнія съ биологической точки зрѣнія. Киевъ. 1909. Ц. 1 р.
- Штрайхманъ, А. Сборникъ задачъ по высшей математикѣ съ подробными рѣшеніями. Ч. 1-я. Аналитическая геометрія. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Цунаревъ, А. Введеніе въ курсъ физики. Ученіе объ энергіи и энтропіи въ элементарномъ изложеніи. М. 1909. Ц. 30 к.

Книги для дѣтей и юношества.

- Вернь, Ж. Приключенія трехъ русскихъ и трехъ англичанъ. Съ 51 рис. Изд. 2-е. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Ольноттъ, Л. Вѣнокъ для дѣвиць. М. 1909. Ц. 60 к.
- Ростовская, М. Пони. Приключенія Эмского осла. Повѣсть для дѣтей. Изд. 4-е. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Уйда. Дѣтвора. Сказки. М. 1909. Ц. 1 р.
- Черскій, Л. Дѣти на войнѣ. Разсказы изъ эпохи четырехъ войнъ. Спб. 1909. Ц. 40 к.

Спортъ, охота, игры.

- Гарриссонъ. Развѣтленіе силы и нарощеніе мышцъ гирами. Полное руководство къ рациональной гимнастикѣ, съ 55 рис. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Гданскій, Л. Французскій боксъ. Спб. 1909. Ц. 20 к.
- Дюпперонъ, Г. Легкая атлетика. Спб. 1909. Ц. 80 к.
- Колесовъ, В. Англійскій сеттеръ въ Россіи. Кронштадтъ. 1909. Ц. 2 р. 25 к.
- Крихлеръ, Ф. Породы собакъ. Дрессировка и лечебникъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Ланге, П. Опытъ изслѣдованія конструкціи охотничьихъ ружей. Дробовики, экспрессы, высокаго давленія, тройники. Киевъ. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Lawm - tennis. Ежегодникъ Всероссийскаго Союзъ лаунъ-тенисъ клубовъ 1908 года. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Сандофъ, Е. Сила и какъ сдѣлаться сильнымъ. Полное руководство гимнастики, атлетики и борьбы. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Снарре, А. Спутникъ рыбакова удильщика. М. 1909. Ц. 50 к.
- Цадигъ, Г. Борьба. Новѣйшіе приемы французской борьбы чемпионовъ міра и извѣстнѣйшихъ борцовъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Энгельмейеръ, П. Изъ Парижа въ Москву на автомобилѣ безъ шоффера. М. 1909. Ц. 75 к.

Справочныя книги.

- Анисимовъ, А.** Оплата гербовымъ сборомъ договоровъ найма квартиръ. Практическое руководство для домовладельцевъ, управляющихъ и нанимателей. Спб. 1909. Ц. 30 к.
- Бенасинъ, М.** Студенчество въ цифрахъ по даннымъ переписи 1907 г. въ Юрьевѣ. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- В—въ, М.** Какъ проводить лѣто на дачѣ. Дачная дѣтетка. Цѣль дачнаго переселенія. Выборъ дачной мѣстности. Дача. Дачный режимъ. Купаніе и развлеченія. Заключение. Спб. 1909. Ц. 15 к.
- Гайназунн, П.** «Гуръ-Геръ». Исчислитель процентовъ. Александрополь. 1909. Ц. 50 к.
- Гусевъ, П.** Практическій путеводитель по городамъ, курортамъ и живописнымъ мѣстностямъ Финляндіи. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Лѣтній спутникъ дачника.** Желѣзныя дороги, гор. трамвай, тарифы проѣзда и парходы. Ц. 10 к.
- Мосвичъ, Г.** Путеводитель по Кавказскимъ минеральнымъ водамъ. Одесса. 1909. Ц. 50 к.
- Петербургъ въ кармапѣ.** Расписаніе движенія желѣзныхъ дорогъ и парходовъ. Городскія трамвай. Лѣто 1909. Ц. 10 к.
- Прошинъ, Ѳ.** Желѣзнодорожныя правила по коммерческой части, изложенныя въ видѣ программы. М. 1909. Ц. 1 р.
- Путеводитель по дачнымъ окрестностямъ гор. С.-Петербурга на 1909 г.,** расписанія движенія поѣздовъ. Ц. 10 к.
- Путеводитель по Крыму, Кавказу и Вл. Востоку.** Одесса. 1908. Ц. 40 к.
- Путеводитель по Россіи «Фрумъ».** Лѣтнее движеніе. 1909. Ц. 75 к.
- «Русскій Беденеръ».** Парижъ. Описаніе города и его окрестностей и путеводитель по музеямъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 75 к.
- **Верлинъ.** Описаніе города и окрестностей. Съ полнымъ планомъ Верлина и 15 планами музеевъ, окрестностей и проч. Ц. 1 р.
- Симанскій, В.** Спутникъ петербуржца. Желѣзнодорожныя и парходныя расписанія. Лѣто. 1909. Ц. 30 к.
- Спутникъ по Россіи.** Изданіе Н. Киммеля. Лѣто 1909. Ц. 60 к.
- Строгальциновъ, И.** Указатель кратчайшихъ и удобнѣйшихъ желѣзнодорожныхъ маршрутовъ отъ Спб. и обратно до всѣхъ станцій русскихъ и иностранныхъ жел. дорогъ. Спб. 1909. Ц. 40 к.
- Тайновъ, И.** Сборникъ таблицъ для скораго и вѣрнаго опредѣленія числа дней при исчисленіи $\frac{0}{100}$ по учету векселей, текущимъ счетамъ, покупкѣ и продажѣ $\frac{0}{100}$ бумага. Спб. 1909. Ц. 40 к.
- Филипповъ, С.** Западная Европа. Спутникъ туриста. Изд. 5-е. М. 1909. Ц. 4 р.

Разныя книги.

- Алмазовъ, Б.** Тайны нашихъ клубовъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Виды С.-Петербурга.** Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Флеймаркъ, Г.** Хиромантія. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Періодическія изданія.

- Гермесъ.** № 9. 1909. Ц. 30 к.
- Городское дѣло.** № 11. 1909. Ц. 50 к.
- Золотое дѣтство.** Журналъ, № 14. 1909. Ц. 20 к.
- Воздухоплаватель.** № 5. 1909. П. 50 к.
- Всемирное Техническое Обзорніе.** № 7. Спб. 1909. Ц. 1 р. 20 к.
- Вѣстникъ теософіи.** № 5 — 6. 1909. Ц. 50 к.
- Московскій Еженедѣльникъ.** №№ 18 и 19. Спб. 1909. Ц. по 15 к.
- Окраины Россіи.** № 22. 1909. Ц. 10 к.
- Право.** № 22. 1909. Ц. 20 к.
- Свѣтлый лучъ.** Журналъ. № 5. 1909. Ц. 1 р.
- Славянскія Извѣстія.** № 4. 1909. Ц. 50 к.
- Театръ и Искусство.** № 22. 1909. Ц. 20 к.
- Христианскіе,** ежемѣсячное изданіе. № 6. 1909. Ц. 25 к.
- Экономистъ Россіи.** № 16. 1909. Ц. 30 к.
- Юридическія записки,** издаваемыя Демидовскимъ Юридическимъ лицеемъ, вып. 1. 1909. Ц. 1 р. 35 к.

*) Изданія А. С. Суворина.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

Новая книга

Б. Б. ГЛИНСКАГО

**Борьба
за
Конституцію**

1612—1861 гг.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Съ 22 портретами и иллюстраціей

Цѣна 3 р. 50 к.

Изданіе Н. П. Карбасникова.

Складъ изданія въ магазинахъ Н. П. Карбасникова:
въ С.-Петербургѣ, Гостинный дворъ, № 19, въ
Москвѣ—Моховая, д. Баженова, въ Варшавѣ —
«Новый свѣтъ», № 49, въ Вильнѣ—Большая ул.,
д. Гордона.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ
АВГУСТЪ, 1909 Г.

СОДЕРЖАНІЕ

АВГУСТЪ, 1909 г.

	СТРАН.
I. Графъ Феникъсъ. (Историческій романъ изъ эпохи Екатерины Второй). Часть третья. LXIII—LXVI. (Продолженіе). Н. А. Энгельгардта	385
II. Силуэты. (Листки изъ записной книжки). IV—VI. (Окончаніе). П. А. Роѣсјева	403
III. Князь Григорій. (Воспомнанія его крѣпостной). X—XVIII. (Окончаніе). М. Е. Васильевой	424
IV. Записки графа Моріюля. (1821—1833 г.). III—IV. (Продолженіе).	448
V. Прудовскіе раритеты. (Изъ «Ветлужскихъ очерковъ»). Н. Н. Оглоблина	476
VI. Сюрпризъ. (Изъ семейныхъ преданій). М. Ф. Чулицкаго	494
VII. Антонъ Павловичъ Чеховъ. (Опытъ характеристики). Н. М. Ежова	499
VIII. Англо-русскія симпатіи передъ Берлинскимъ конгрессомъ. Н. Н. Фирсова (Л. Рускина)	520
IX. Поѣздка въ Кашинъ. (Впечатлѣнія). Н. Н. Лендера (Путника)	542
<p style="margin-left: 40px;">Иллюстраціи: 1) Общій видъ гор. Кашина, Тверской губ. — 2) Главныя святыни гор. Кашина: Воскресенскій соборъ, въ которомъ почиваютъ мощи св. Анны, и Успенскій соборъ (дѣлѣе перваго).—3) Главная улица (Московская) въ гор. Кашинѣ.—4) Клобуковскій монастырь въ гор. Кашинѣ.</p>	
X. Юбилейные дни Полтавской битвы.	561
XI. Крамола, реакція и терроръ. (Историческіе очерки). М. А. Бакунинъ и С. Г. Нечаевъ . XV—XXI. (Продолженіе). Б. Б. Глинскаго	586
XII. Брусса и ея памятники. Бей-оглу	620
<p style="margin-left: 40px;">Иллюстраціи: 1) Выходъ изъ Золотого Рога въ Мраморное море.—2) Портъ Муданія (портъ гор. Вруссы).—3) Панорама Вруссы.—4) Ворота Геръ-Капусу въ Врусской цитадели. — 5) Гробницы Османа (налѣво) и Урхана (направо) въ Вруссѣ.—6) Гробница султана Османа.—7) Зеленая мечеть въ Вруссѣ.—8) Мечеть Улу-Джами въ Вруссѣ. — 9) Внутренность мечети Улу-Джами.—10) Одна изъ улицъ въ Вруссѣ.</p>	
XIII. Иностранцы о Россіи. В. И. фонъ-Штейна	645
<p>(См. слѣд. стран.).</p>	

XIV. Критика и библиографія. 668

1) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ СХХVIII. Акты, документы и материалы для политической и бытовой исторіи 1812 года, собранные и изданные, по порученію его императорскаго высочества великаго князя Михаила Александровича, подъ редакціей К. Военскаго. Т. I. Литва и западныя губерніи. Спб. 1909. Б. г.—2) В. Н. Латкинъ. Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи (XVIII и XIX ст.), изд. 2-е. Спб. 1909. м. н.—3) Проф. С. Ѡ. Платоновъ. Учебникъ русской исторіи для средней школы. Курсъ систематическій. Часть I (до Петра Великаго). Спб. 1909. в. в—ча. — 4) А. А. Дмитріевскій. Графъ Н. П. Игнатьевъ, какъ церковно-политическій дѣятель на православномъ Востоку. Спб. 1909. п. б.—5) Ан. Титовъ. Колясниковскій синодикъ. Сергіевъ посадъ. 1909. А. н—ово.—6) М. В. Довнаръ-Запольскій. Исследования и статьи. Томъ I. Этнографія и социологія, обычное право, статистика, бѣлорусская письменность. Изданіе А. П. Сапунова. Кіевъ. 1909. в. р—ва. — 7) А. А. Титовъ. Упраздненные монастыри Костромской епархіи. Съ рисункомъ. А. н—ово.—8) Извѣстія императорской археологической комиссіи. Выпускъ 31. Съ портретомъ и 244 рисунками. Спб. 1909. — Вѣстникъ археологіи и исторіи, издаваемый императорскимъ археологическимъ институтомъ. Съ 32 рисунками. Выпускъ XIX. Спб. 1909. в. Руданова.—9) Изъ архива князя С. В. Шаховскаго. Материалы для исторіи недавняго прошлаго прибалтійской окраины (1885—1894 гг.). Т. I. Спб. 1909. Б. г—скаго. — 10) Словарь литературныхъ типовъ. Вып. III. Лермонтовъ. Спб. 1909. Вып. IV. Гоголь. Спб. 1909. А. Фомина. — 11) С. Т. Аксаковъ. Избранныя сочиненія. Подъ ред. Ч. Вѣтрянскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1909. А. ф—на.—12) П. Е. Щеголевъ, А. С. Пушкинъ въ политическомъ процессѣ 1826—1828 гг. Спб. 1909. м. л.—13) Опытъ методики законовѣднія какъ предмета преподаванія въ средней школѣ. А. Х. Гольмстена, заслуженнаго профессора императорскаго спб. университета. Спб. 1909. в. г.—14) Россія и Великобританія въ Центральной Азій. Переводъ А. Рихтера. Изданіе штаба Туркестанскаго военнаго округа. Ташкентъ. 1908. Я. Бирюнова.—15) Н. Адонцъ. Армения въ эпоху Юстиніана. Политическое состояніе на основѣ нахарарскаго строя. Спб. 1908. а. х.—16) Baltische Revolutions Chronik. 2 тома. I. Bis zum Oktober 1905. Riga. 1907. — II. Oktober bis Dezember 1905. Riga. (Отдѣльные отиски изъ «Balt. Monatschrift»). А. Мальмгрена.—17) Труды вятской ученой архивной комиссіи 1907 года. Выпускъ IV. Вятка. 1908. в. р—ва.

XV. Заграничныя историческія новости и мелочи 694

1) Генералъ Моро и его сношенія съ Александромъ I.—2) Архивъ графа Нессерольде отъ 1819 г. до 1839 г.—3) Луи Лежэ о Гоголевскомъ юбилей.—4) Убыль кореннаго населенія Соединенныхъ Штатовъ.

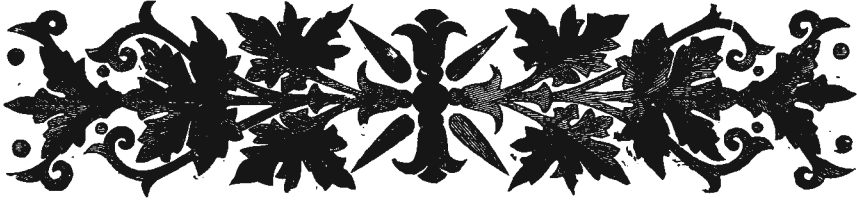
XVI. Смѣсь. 718

1) Празднованіе 200-лѣтія основанія Петергофа. — 2) 1-й всероссійскій съѣздъ издателей и книгопродавцевъ. — 3) Музей при Александро-Невской лаврѣ.—4) Гоголевскій музей.—5) 100-лѣтній юбилей со дня рожденія А. В. Кольцова.—6) Статистическія свѣдѣнія по двѣмъ печати.—7) Всероссійскій съѣздъ печати.

XVII. Некрологи. 729

1) Вухаревъ, I. Н., протоіерей.—2) Грязновъ, В. В.—3) Лебедевъ, Г. Г.—4) Моисеенко, А. Н. — 5) Мушниковъ, А. А. — 6) Огородниковъ, С. Ѡ.—7) Пищатовскій, С. Л. — 8) Рачинскій, К. А. — 9) Хлоповъ, Л. А.—10) Шталя, А. П.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ княгини Ловичъ. — 2) Ея величество королева. Романъ Никола Мизази, переводъ съ итальянскаго Л. Р—на, главы XXIII—XXVIII

ГРАФЪ ФЕНИКСЪ ¹⁾.

(Историческій романъ изъ эпохи Екатерины Великоѣ).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ЛХІІІ.

Великій кладъ.

ОСЛѢ полдника и концерта рогового оркестра всѣ непосвященные, и между прочими дѣвицы съ ихъ родными, должны были откланяться хозяину и оставить его гостепріимный островъ.

Однако кружокъ красавицъ хотя и порѣдѣлъ, но число ихъ соотвѣтствовало числу братьевъ-каменщиковъ. Теперь графъ Калиостро пригласилъ всѣхъ въ избранный имъ для магическихъ дѣйствій павильонъ, гдѣ расторопный Казимиръ уже приготовилъ все потребное: Иммануила съ голубыми глазами и льняными локонами, въ золотомъ стихарчикѣ, ширмы, столъ съ кристальной сферой, свѣчи, шпаги, курильницы и прочее.

— Теперь, достолюбезные братья и сестры,—сказалъ магикъ, когда всѣ вошли за нимъ въ павильонъ,—наступило время объявить вамъ весьма важное таинство и сокровенное дѣло, для котораго вышніе начальники меня послали въ сѣверныя области. Они означили невещественными знаками то мѣсто, гдѣ лежатъ зарытыми важнѣйшія магическія писанія, помощью коихъ воз-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХVII, стр. 5.
«Истор. вѣстн.», августъ, 1909 г., т. СХVII.

можно отыскать утраченное слово и прочесть шесть сторонъ кубическаго камня Соломона, Тота, Пифагора, Зороастра и Орфея. А именно на островѣ, гдѣ я съ вами, достолюбезные братья и сестры, сію минуту нахожуся, шестьсотъ лѣтъ тому назадъ обиталъ великій магикъ. Онъ-то и зарылъ въ лѣсу здѣсь важныя магическія орудія, писанія, тинктуры и неоцѣненныя сокровища. Да! Да! Превеликій кладъ именно здѣсь, на островѣ, въ лѣсу зарытъ, а для отысканія сего-то клада я къ вамъ и прибылъ.

— Кладъ?! Какъ! на этомъ островѣ зарытъ кладъ?—послышались удивленные голоса.— Ваше превосходительство Иванъ Перфильевичъ, поздравляемъ! На вашемъ островѣ обрѣтается кладъ!..

— Если на островѣ моемъ и обрѣтается кладъ,—возразилъ Елагинъ:—то нужно еще точно обозначить мѣсто его нахождения, а также сумѣть оттуда кладъ достать. Мы слышали, что и серебряную посуду свѣтлѣйшаго и онъ самъ, и всѣ съ нимъ бывшіе видѣли глазами своими, однако въ кониѣ-то кладъ скрылся неизвѣстно куда.

— Разсужденіе вашего превосходительства совершенно правильно,—съ важностью подтвердилъ Калиостро.—Но лишь то означать должно, что я не ради открытія краденой посуды въ Россію прибылъ, и оттого, что она вновь сокрылась, благодаря непослушанію моимъ распоряженіямъ домашнихъ князя, никому особаго убытка не нанесено. Серебряной и золотой посуды въ домахъ вельможъ осталось достаточно, а пищу можно съ тою же удобностью съ глиняной и даже деревянной посудой принимать, какъ и съ драгоценной. Роскошь и порокъ идутъ объ руку. И бѣдные рабы непрѣянное зерно съ солью слезъ своихъ вкушаютъ въ землянкѣ, когда господинъ ихъ въ чертогахъ ѣстъ Лукулловы сладости съ серебра и золота. Иное дѣло—сокровища, на вашемъ островѣ зарытыя. Можно сказать, что отъ ихъ обрѣтенія счастье всего рода человѣческаго зависитъ.

Разнообразныя восклицанія, отчасти удивленія, отчасти недоумѣнія, вызвало это заявленіе магика.

— Да! Да! Не сомнѣвайтесь! Сокровища здѣсь, здѣсь, на островѣ!—энергично топая ногой, съ жаромъ продолжалъ Калиостро.— Но въ томъ великая опасность, что ихъ теперь ищутъ и послѣдователи злого начала, или, яснѣе, чернокнижники.

Тутъ Калиостро понизилъ голосъ, озирался исподлобья, и вдругъ сталъ совать во всѣ стороны указательными пальцами обѣихъ рукъ, на которыхъ сверкали брильянтовые перстни, приговаривая:

— Ксилка! Ксилка! Беша! Беша! Айе-Серайе! Айе-Серайе! Меліонъ! Геліонъ! Генпахейліонъ!

Трепетъ прошелъ по собранію. Нѣкоторыя дамы тихонько перекрестились.

— Одинъ изъ сихъ черно книжниковъ, — мрачнымъ и торжественнымъ голосомъ продолжалъ Калиостро, — съ нѣкотораго времени уже пребываетъ здѣсь съ нами. Въ видимомъ или невидимомъ образѣ, а также мужчина это или женщина, или не мужчина и не женщина, но обополюй андрогинъ, этого я сказать вамъ не хочу. Но онъ здѣсь! Онъ здѣсь! — огненнымъ взоромъ обводя все собраніе, громовымъ голосомъ закричалъ Калиостро, и всѣ стали озираться другъ на друга, но увидѣли только знакомыя, поблѣднѣвшія отъ волненія лица.

Калиостро помолчалъ, оправляя пурпурную свою мантию и золотую цѣпь на красной груди.

— Оный служитель или служительница злого начала, — продолжалъ онъ затѣмъ, — работаетъ здѣсь, только служащіе ему или оной духи не могутъ найти точнаго мѣста, гдѣ древній магікъ, который теперь въ другихъ мірахъ составляетъ счастье совершеннѣйшихъ существъ, зарылъ столь полезныя для блага человѣчества вещи. Но я надѣюсь предупредить его исканія и властію, мнѣ отъ вышнихъ начальниковъ моихъ данною, содѣлать ничтожными всѣ его старанія и заклинанія. Я надѣюсь, что Великій Архитекторъ міровъ благословитъ труды мои и столь счастливыми ихъ учинить, что достану столь спасительныя для человѣчества сокровища.

— Надобно признаться, — продолжалъ Калиостро голосомъ, полнымъ таинственнаго опасенія, — надобно признаться, что это предпріятіе есть дѣло опаснѣйшее, ибо теперь всѣ злые духи взбунтуются и пристанутъ къ намъ, не только желая ужасами отвратить отъ достиженія искомаго, но и ухищреннѣйшими искушеніями пытаюсь многоразлично уже обрѣтенное сокровище вновь вырвать изъ моихъ рукъ. А когда магическія сокровища попадутся въ руки черномагиковъ, тогда должно ожидать наиплачевнѣйшихъ слѣдствій для свѣта, и нашъ земной шаръ чрезъ множество вѣковъ едва ли избавится тѣхъ казней, которыя съ тѣмъ переворотомъ сопряжены. Итакъ, достолюбезные братья и сестры! — возгласилъ Калиостро: — вы нынѣ должны съ моими молитвами ваши соединить и просить у Вѣчнаго Творца и Строителя всѣхъ благъ со слезами мнѣ крѣпости, дабы я могъ устоять противъ искушеній всѣхъ злыхъ духовъ и какомагиковъ и обрѣсти сокровище на благо всего человѣчества! На колѣни, любезные братья и сестры! — вскричалъ магікъ и, прекленивъ одно колѣно, накрылъ голову полой пурпурной мантии. Всѣ послушно опустились на колѣни и нѣсколько минутъ пробыли такъ. Калиостро поднялся, а съ нимъ и всѣ. Мужчины похлопывали себя по колѣнямъ, устрняя приставшую пыль.

— Сейчасъ приступлю я къ узнанію чрезъ посредство этого невиннаго ребенка, — указывая на Иммануила, сказалъ Калиостро, — точнаго положенія клада на островѣ. Но предварительно долженъ я заключить условіе съ владѣльцемъ острова. Господинъ намѣстный мастеръ восьмой провинціи Елагинъ! — съ особой торжественностью

обратился магикъ къ Ивану Перфильевичу:—въ великомъ кладѣ, на вашемъ островѣ находящемся, имѣются золотыя вещи, осыпанныя перламутромъ, изумрудами, смарагдами, сапфирами, алмазами, не имѣющими цѣны; тамъ сундуки и глиняныя кувшины, полныя золотой монетой. Однимъ словомъ, несмѣтное богатство. Оно похищено еще древними скандинавскими викингами въ Константинополь изъ сокровищницы византійскихъ императоровъ. Все будетъ принадлежать вамъ, какъ владѣльцу острова или государству. Мнѣ не извѣстны законы російскіе, имѣющіеся на сей случай. Сокровища огромны! Ни одинъ изъ вѣнценосцевъ, нынѣ властвующихъ народами, толикихъ не имѣетъ. Но для меня все это собраніе золота и камней не болѣе цѣнно, чѣмъ простая глина или булыжники съ мостовой. Не того я ищу. Въ кладовмѣстилищѣ находятся берестяныя листки съ рунами и папирусы съ іероглифами, нѣкоторые магическіе инструменты, пруть изъ вѣтви священнаго можжевельоваго куста горы Хорива, принадлежавшій пророку Иліи, плащъ его, пророку Елисею доставшійся, когда Илія на огненной колесницѣ вознесся на небеса, и небольшой ящичекъ слоновой кости съ краснымъ порошкомъ. Сіи-то всѣ мною исчисляемыя вещи и должны принадлежать мнѣ и вышнимъ моимъ начальникамъ, а чрезъ насъ—всему человѣчеству. Господинъ великій мастеръ восьмой провинціи Елагинъ! лишь подѣ симъ условіемъ я согласенъ принять на себя всѣ труды и опасности, съ отысканіемъ клада сопряженныя. Согласны ли вы съ симъ условіемъ?

Намѣстный мастеръ развелъ руками въ недоумѣніи.

— Что же я могу тутъ рѣшить?—сказалъ онъ.—Во всякомъ случаѣ прежде, чѣмъ дѣлать кладъ, надо еще отыскать его и овладѣть имъ. А вы еще не знаете точно и мѣста, гдѣ онъ зарытъ.

— Нѣтъ, такого уклончиваго отвѣта мнѣ совершенно недостаточно,—возразилъ магикъ.—Мною составленъ и актъ соотвѣтственнаго содержанія, который долженъ быть нами подписанъ и засвидѣтельствованъ всѣми, кто будутъ присутствовать при отысканіи и овладѣніи кладомъ. Но я понимаю, что вопросъ слишкомъ важенъ и прошу васъ обсудить его вмѣстѣ съ прочими членами капитула.

Предложеніе Каліостро произвело волненіе. Члены капитула окружили намѣстнаго мастера и стали совѣщаться.

— Я особливо настаиваю, достопочтениѣйшіе братья,—съ волненіемъ говорилъ князь Сергѣй Ѳедоровичъ Голицынъ:—чтобы мы всѣ къ словамъ графа отнеслись съ полнымъ вниманіемъ. Вспомните, что имъ серебряная посуда была найдена въ Озеркахъ. Между тѣмъ всѣ розыски до того ни къ чему не привели.

— А вы, князь, видѣли посуду?—спросилъ Куракинъ.

— Я самъ не видѣлъ. Но свѣтлѣйшій видѣлъ.

— Однако посуда эта опять скрылась?

— Въ этомъ виноватъ домашній врачъ князя Григорія Але-

ксандровича, по трусости оставившій найденное и убѣжавшій. Серебро опять чудесно сокрылось.

— Кто же можетъ поручиться и теперь, что кладъ изъ нашихъ рукъ не скроется?—замѣтилъ Гагаринъ.

— Мы во всякомъ случаѣ должны попытаться овладѣть имъ,—съ жаромъ говорилъ Голицынъ.

— Вопросъ не въ томъ,—возразилъ Елагинъ.—А соглашались ли намъ на условія, поставленныя графомъ Калиостро?

— Если онъ всю сокровищницу въ ваше распоряженіе предоставляетъ, то почему же и не согласиться?—замѣтилъ Куракинъ.

— Это обсудить должно,—возразилъ Строгановъ.—Вѣдь Калиостро потому предоставляетъ вамъ золото и драгоценные камни, что самъ зато овладѣваетъ свитками, инструментами, а главное—красной тинктурой, что есть высшая степень философскаго камня. При помощи тинктуры можно весь земной шаръ, можетъ быть, въ чистое золото обратить! Героглифы же и руны, вѣроятно, даютъ власть надъ духами и стихіями. Такъ что, получая эту часть клада, Калиостро, конечно, выгоднѣйшую негоцію учиняетъ.

— Итакъ, вы, графъ, что же полагаете?—спросилъ поколебленный Иванъ Перфильевичъ.

— Я полагаю, что на условія Калиостро согласиться невозможно. Пусть весь кладъ будетъ подѣленъ согласно русскимъ законамъ: третья часть—нашедшему, двѣ трети—собственнику земли, на чьей кладъ находится.

— Положимъ, что третью часть порошка можно отсыпать, но какъ дѣлать героглифы и руны?

— Почтеннѣйшіе братья, вѣдь бѣзъ Калиостро мы клада все равно не найдемъ,—сказалъ князь Мещерскій:—такъ не лучше ли ужъ согласиться на его условія?

— Положительно не могу признать основательности вашего соображенія, князь,—возразилъ Строгановъ.—Неужели мы столь бѣдны знаніями и силами? Наконецъ, зная теперь со словъ Калиостро, что на островѣ имѣется кладъ, можемъ мы обратиться къ лондонской или берлинской ложѣ-матери и оттуда призвать мастеровъ для извлеченія клада, ежели отечественныхъ не найдемъ.

— Полагаю, что мы ни въ чемъ не уступаемъ иностраннымъ мастерамъ,—сказалъ Елагинъ.—Однако, если мы безъ Калиостро и Великаго Кофты начнемъ кладоисканіе, то, конечно, подвергнемся отъ нихъ преслѣдованіямъ. Я этого никакъ не желаю. Къ тому же я обязанъ графу исцѣленіемъ ноги моей. Нѣтъ, надо или согласиться на условіе, или уже совсѣмъ отъ клада отказаться. Тѣмъ болѣе, что ожидаютъ насъ всякіе страхи, опасности, искушенія, какъ и самъ графъ предупреждаетъ.

— Это было бы непростительной трусостью! Какъ! Отступить предъ возможностью обладанія красной тинктурой! Никогда.—воскликнулъ Строгановъ

— И, кромѣ того, инструменты, руны, гіероглифы!—поддержалъ Куракинъ.

— Хотя бы и одни только червонцы съ брильянтами нашлись, и то отступать не должно!—подхватилъ Мещерскій.

Тутъ Каліостро возвысилъ голосъ и замѣтилъ, что онъ бы просилъ почтенныхъ членовъ капитула поторопиться съ рѣшеніемъ, такъ какъ время идетъ, а между тѣмъ дорога каждая минута; если не успѣть до полуночи овладѣть кладомъ, то придется ожидать цѣлый годъ, до слѣдующаго Иванова дня. Къ тому же и какомуаги не дремлютъ.

— Et ex nobis unus diabolus est!¹⁾—зловѣще прибавилъ магикъ.

Члены капитула рѣшили отобразъ голоса и большинствомъ постановили согласиться на условіе Каліостро, что и было ему заявлено Иваномъ Перфильевичемъ.

Магикъ выслушалъ, кивнулъ головой и сейчасъ же приступилъ къ волхованію.

LXIV.

Магическій гвоздь.

Поставивъ Иммануила за ширмы, магикъ очертилъ шпагой кругъ и ввелъ въ него всѣхъ присутствовавшихъ. Дамы были въ величайшемъ волненіи, но Каліостро успокаивалъ ихъ, говоря, что должно только не покидать круга, и опасности не представится, да и ужасныхъ явленій пока не предвидится. Затѣмъ онъ сильно накурилъ ароматическимъ куревомъ и зажегъ вокругъ кристалльной сферы десять свѣчей. Солнце уже клонилось къ заливу, и косые лучи его, проникая въ полукруглыя окна павильона, наполняли его алымъ свѣтомъ. Въ лучахъ мантия и камзолъ магика казались кровавымъ смарагдомъ. Облака куреній переливались сизоватыми и лиловатыми оттѣнками, пламя свѣчей блѣднѣло, окруженное туманными кругами. Магикъ громко читалъ заклинанія, по обычаю своему при-топывая ногой и размахивая шпагой.

Наконецъ, кончивъ, напѣмнилъ присутствовавшимъ о необходимости соблюдать молчаніе, важность, благоговѣніе и тишину.

Затѣмъ воззвалъ:

— Именемъ моего мастера и учителя, повелѣваю я тебѣ, избранное въ духовидцы дитя, заставить служащихъ великому нашему учителю духовъ показать тебѣ лѣсъ и то мѣсто острова, гдѣ хранится сокровище!

— Лѣсъ оказался. Мѣсто открылось, — слышался тоненькій голосокъ Эммануила.

— Что же ты видишь?

¹⁾ Одинъ изъ ивъ — дѣволъ.

— Вижу землю и воду. Земля уходитъ въ воду.

— Что еще видишь?

— Вижу каменнаго человѣка и каменный гробъ. Надъ ними растутъ большая, большая лица и старый дубъ.

— Это—стрѣлка, Мемпонъ и гробница Гомера! — замѣтилъ кто-то.

— Бѣже мой! Что вы дѣлаете!—бросаясь къ говорившему, вскричалъ Калиостро.—Тише, тише, говорю я вамъ! Не шевелитесь. Какъ осмѣлились вы прервать молчаніе? Знаете ли вы, что стихійные духи могли мгновенно разорвать васъ? *Abrahas! Kilimilimikito! Ferifoukisarifo!*

Всѣ замерли. Дамы почти теряли чувство отъ ужаса.

— Что видишь теперь, дитя?

— Вижу прекрасную даму и прекраснаго господина. Они сидятъ на каменномъ гробѣ.

— Какъ они одѣты?

— Въ бѣлыя, длинныя платья.

— Что у нихъ на груди?

— У господина—красный крестъ. У дамы—красное сердце.

— Что они дѣлаютъ?

— Не знаю,—послышался смущенный отвѣтъ.

— Смотри хорошенько. Видишь теперь?

— Вижу. Они... они цѣлуются.

— Ты, вѣрно, плохо смотришь! Хорошенько смотри! Видишь теперь?

— Они... тутъ размазано... они обнимаются...

— Ну, дитя, духи закрываютъ тебѣ глаза. Развѣ ты не видишь, что дама держитъ щитъ, а господинъ—копье? Видишь, какъ они сражаются съ темными духами, которые селятся согнать ихъ съ гробницы и овладѣть кладомъ?

— Нѣтъ... Тутъ размазано...

— Ты хочешь сказать, что черное облако заливаешь тебѣ зрѣніе? Именемъ моего мастера и учителя! Да разверзнется земля передъ тобою, дитя мое!

— Земля разверзлась.

— Что видишь?

— Здѣсь лежитъ множество золотыхъ полосъ, золотыхъ и серебряныхъ денегъ, разныя вещи, исписанная бумага и еще красный порошокъ...

— Довольно, дитя, довольно! Мы теперь знаемъ все, что намъ нужно знать? Достолюбезнѣйшіе братья и сестры! можете выйти изъ круга безопасно! Слава Великому Строителю и Зиждителю вселенной!—возбужденно говорилъ Калиостро.

Всѣ его окружили.

Казалось, Калиостро былъ въ полномъ восторгѣ. Онъ почти плясалъ на мѣстѣ, и мантия его развѣвалась. Схвативъ Елагина за руку, онъ показывалъ ему въ окно на лѣсъ и съ необычайнымъ жаромъ восклицалъ:

— Тамъ! Тамъ лежатъ зарыты магическія писанія! Тамъ священныя письма и откровенія! О, какой великій, всѣмъ человѣчествомъ долго ожидаемый мигъ наступаетъ! О, ты, Великій міровъ Зиждатель! Помоги мнѣ совершить мое намѣреніе!

Потомъ, нѣсколько помолчавъ, продолжалъ:

— Сія магическія писанія и сокровища лежатъ подъ печатію величайшихъ заклятій и подъ стражею могущественнѣйшихъ духовъ. И, кромѣ духовъ, никто ихъ оттуда достать не можетъ. Тѣ же, съ краснымъ сердцемъ и крестомъ, коихъ ребенокъ видѣлъ столь смутно въ черномъ облакѣ, суть мои невидимые приставники для отогнанія вѣшнихъ покушеній сквозь землю кладъ увидѣтъ, производимыхъ сію минуту чернокнижниками при помощи растлѣнныхъ малолѣтнихъ. Проклятое дѣло! Но оставимъ эти ужасы. Сокровища найдены. Сокровища цѣлы и охранены надежно. Я ли тотъ счастливый, чрезъ посредство котораго сокровища вернутся, извѣстно только тому одному, кто меня послалъ. Но я наложу на духовъ, стегущихъ сокровища, такое заклятіе, чтобы тотъ, кто пойдетъ по слѣдамъ моимъ, ничего не могъ успѣть безъ моего вѣдома и безъ помощи моей, хотя бы я былъ отъ него и за триста тысячъ верстъ. Впередъ! Составьте цѣпь! Составьте цѣпь! Крѣпче держите другъ друга за руки!

Тутъ въ рукахъ Калиостро оказался преогромный гвоздь. Держаться за него онъ предложилъ госпожѣ Ковалинской. Самъ замаралъ шпагой и скорымъ шагомъ кинулся вонъ изъ павильона, увлекая за собою весь хороводъ.

Заходящее солнце наполнило сады счастливаго острова золотымъ и алымъ свѣтомъ. Какъ стрѣлы, лучи его били вдоль аллея, зажигали стекла въ зданіяхъ, павильонахъ, бесѣдкахъ, яркими пятнами ложились на стволы деревъ; изумрудно озаряли газоны, искрились въ струяхъ каскадовъ и водометовъ. Едва хороводъ магической цѣпи вышелъ и растянулъ подъ сводами деревьевъ, опять послышалась нѣжная роговая музыка. Въ эти часы лѣтняго заката, въ мистическомъ настроеніи, произведенномъ и дѣйствіями претидижитатора, и куреніемъ, и, можетъ быть, выпитымъ за полдникомъ виномъ, все приняло какой-то фантастическій обликъ. Идущимъ вслѣдъ за пурпурной мантией Калиостро и сверкающей шпагой его, концомъ которой онъ чертилъ въ воздухѣ магическіе знаки, казалось, что они вступили въ очарованное царство. Сладкіе, кристальные звуки музыки неслись по острову. И мнилось, что съ ними являются хоры крылатыхъ эльфовъ. Статуи, бѣлѣвшія въ кустахъ куртинъ, казались живыми. Очертанія курчавой листвы представля-

лись космами сѣльвиновъ и сатировъ, воды—тѣломъ плещущихся наядъ. Но Калиостро углублялся въ англійскій садъ, и вдругъ воды залива мелькнули между деревьями. Хороводъ выбѣжалъ на стрѣлку. Солнце уже опустилось въ заливъ, и все, земля, ээиръ, воды—перемѣшалось въ гармоніи красокъ.

— Здѣсь!—воскликнулъ Калиостро, подбѣгая къ Мемнону.

И вдругъ остановился, вперивъ широко открытый взоръ въ сидѣвшую на гробницѣ Гомера парочку. Серафима и Коріать не успѣли измѣнить позы и въ той же близости сидѣли, смотря другъ другу въ лицо и, видимо, о всемъ остальномъ во вселенной забывъ. На топотъ и крикъ Калиостро они обернулись, и лица ихъ выразили не то смущеніе, не то растерянность пробужденныхъ отъ сладкихъ мечтаній и видѣній. Казалось, Калиостро, вмѣсто невидимыхъ приставниковъ съ крестомъ и краснымъ сердцемъ, стерегущихъ кладъ, найдя совершенно осязаемыхъ и видимыхъ—супругу свою и секретаря Елагина—на мгновеніе растерялся... Но только на мгновеніе. Сейчасъ же онъ топнулъ ногою о-земь, вновь восклицая:

— Здѣсь или нигдѣ искомое нами!

И принялся, нараспѣвъ произнося заклинанія, чертитъ по землѣ шпагой знаки. Потомъ сразмаху загналъ въ землю желѣзный гвоздь и возгласилъ:

— Силою троякаго! Заклинаю тебя, Гаханніилъ! Войди въ сей гвоздь и охраняй сокровища, здѣсь сокрытыя! Fiat!

Всѣ толпились около магика и воткнутаго имъ въ землю гвоздя.

Онъ же весь просіялъ радостнымъ торжествомъ и вдругъ, шагнувъ къ парочкѣ, все еще сидѣвшей на гробницѣ Гомера, протянулъ одну руку Коріату, а другую—Серафимѣ.

— Друзья мои!—говорилъ онъ восторженно, очевидно, рѣшивъ принять видимое за невидимое, между тѣмъ какъ тѣ смущенно жали ему руки.—Благодарю васъ! Вы спасли сокровище! Вы сохранили его на благо человѣчества!

— И васъ всѣхъ благодарю, дорогіе братья и сестры!—продолжалъ Калиостро, пожимая руки всѣмъ.—Благодарю за сопутствованіе мнѣ и труды, и помощь! Теперь открою вамъ, что мы всѣ могли погибнуть. Но вышнее осѣненіе охранило меня. Ахъ, друзья мои, не осудите меня! Я счастливъ, какъ ребенокъ! Великая минута! Сокровище наше! И утерты будутъ слезы несчастныхъ, сирыхъ, одинокихъ! Не будетъ болѣе ни болѣзней, ни страданій! Не будетъ ни богачей, ни бѣдняковъ! Всѣ осыпаны будутъ дарами счастья! Откроются кладези мудрости! Вѣчная молодость, вѣчный праздникъ ожидаютъ человѣчество! Восплещемъ же руками, дорогіе братья и сестры! Воскликнемъ радостно! Васъ, господинъ Елагинъ, благодарю особенно. Друзья мои, сойдите съ гробницы. Теперь вашей стражи уже не надо. И не угодно ли будетъ,—доставая бумагу и раскладывая ее на гробницѣ Гомера, продолжалъ Калиостро.—подписать условіе, о которомъ я вамъ говорилъ.

Пузырекъ съ чернилами и гусиное перо явились въ ту же минуту около бумаги.

— Только и всего?—послышался недоумѣвающей голосъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, господинъ Калиостро,—сказалъ князь Куркипъ.—Гдѣ же, однако, обѣщанный кладъ?

— Сокровище здѣсь, здѣсь!—топая въ землю ногой, повторялъ Калиостро.

— Весьма можетъ быть. Мы не смѣемъ сомнѣваться. Но мы полагаемъ, что вы намъ покажете всѣ эти камни, золото, руны, тинктуры и прочее.

— Въ сію минуту сокровище вынута быть не можетъ,—отвѣчалъ Калиостро.—Кто бы осмѣлился сейчасъ взрыть сію священную землю, былъ бы немедленно задушенъ демонами.

— Но къ чему же послужитъ недостижимое, невидимое и неосызаемое сокровище? И зачѣмъ же въ такомъ случаѣ подписывать условіе?

— Невозможно! Въ высшей степени странно! Богъ знаетъ, что такое! Насъ принимаютъ за дѣтей!—послышались восклицанія.

— Вѣрьте, сокровище здѣсь!—воскликнула Ковалинская.—Сокровище здѣсь! Я знаю! Я ощущаю! Я вижу! Оно здѣсь, здѣсь, здѣсь!

— Здѣсь!—сказалъ и магикъ.—О, несмысленные и медлительные сердца! О, маловѣрные! О, мірозпутанные слѣпцы! Такъ, искушенія уже начинаются. Я это зналъ. Ваше невѣріе, ваши сомнѣнія есть уже слѣдствія вѣшанія злыхъ сѣмянъ въ сердца ваши черномагиками. Берегитесь! Теперь-то и начнутся искушенія и ковы враговъ. Крѣпитесь! Я самъ испытаю страшныя искушенія, и да поможетъ мнѣ Великій Строитель вселенной ихъ перенести. Сокровище можетъ быть вынута только черезъ три дня, въ полночь. Не ранѣе. Тогда всѣ убѣдятся въ правдѣ словъ моихъ. Всѣ увидятъ и золото, и брильянты, и большее, и лучшее увидятъ, если только имѣютъ очи, чтобы видѣть. Но сіи три дня—дни ужасныхъ искушеній. Духи и какомаги будутъ подстерегать васъ на каждомъ шагу, подставляютъ ловушки, капканы, петли. Берегитесь! Крѣпитесь! Если враги насъ одолѣютъ, мы не увидимъ сокровища. Теперь же идемте отсюда. Васъ, почтеннѣйшій мастеръ Елагинъ, прошу поставить сторожей на всѣхъ дорогахъ и аллеяхъ, къ сему пункту ведущихъ. Пусть они стерегутъ и день, и ночь, никого сюда не пуская. Если кто-либо осмѣлится пробраться въ священное мѣсто, то грозить ему величайшая опасность. Что же касается подписанія условія, то его можно и отложить.

Тутъ магикъ спряталъ бумагу и письменныя принадлежности, подаль руку супругѣ и пошелъ со стрѣлки. Всѣ двинулись за нимъ. Никто ему не возразилъ и даже ничего не сказалъ, но возвращались со стрѣлки совсѣмъ въ иномъ настроеніи, нежели въ какомъ сюда шли.

LXV.

Явленіе Великаго Кофты.

Солнце совершенно закатилось; распространились лиловатыя лѣтнія сумерки; опустилась роса на листья и травы; пряные запахи ночныхъ цвѣтовъ напоили воздушныя струи; неутомимо шелкали соловьи въ куртинахъ и боскетахъ; серебристый туманъ рѣялъ надъ полянами. Все общество собралось въ ложѣ капитула—длинной и высокой залѣ. Мастера облачились въ фартуки и мантіи, возложили на себя ленты и знаки, взяли молотки, и Иванъ Перфильевичъ Елагинъ открылъ торжественное Іоанновское засѣданіе. Прекрасныя мастерицы, по настоянію графа Калиостро, тутъ же присутствовали.

Иванъ Перфильевичъ произнесъ рѣчь, въ которой повѣдалъ о важныхъ трудахъ на пользу человѣчества, въ которыхъ упражнялись петербургскія ложи въ теченіе года съ прошлаго Иванова дня. Затѣмъ особливо распространился онъ о счастіи видѣть въ средѣ петербургскихъ братьевъ лицо, столь высокое и облеченное довѣріемъ вышнихъ ордена особъ въ Европѣ, каковъ есть графъ Калиостро.

— Будучи удостовѣренъ,—заклучилъ рѣчь свою великій наѣстный мастеръ восьмой провинціи:—что графъ въ семь засѣданій сообщить намъ намѣренія, съ коими пожаловалъ въ Россію, предоставляю я слово ему, самъ же умолкаю!

Взоры всѣхъ устремились на сидѣвшаго по правую руку Елагина въ креслахъ на востокъ ложи въ пурпурѣ некроманта. Графъ Калиостро торжественно поднялся и простеръ къ собранію руку, сверкавшую брилліантовыми перстнями.

— Достопочтенные братья и дражайшія сестры!—сказалъ на южномъ французскомъ языкѣ Калиостро.—Извѣстно вамъ, что истинное масонство еще въ раю открылось подъ священнымъ древомъ разумѣнія и сообщилось женѣ и мужу. Итакъ, не только мастера, но и мастерицы таинства наши призваны хранить и преумножать. Вспомните, что сибиллы и пифіи въ древности предсѣдательствовали въ святилищахъ. Вспомните великую Ипатію, мать александрійской академіи, убитую изуверами и профанами. Съ нею сіяніе мудрости погасло. И вамъ ли о томъ говорить, россияне? Не жена ли облечена порфирію власти и возсѣдаетъ на престолѣ вашихъ царей? Такъ, премудрая Екатерина содѣлала счастливыми милліоны ей подвластныхъ. Она есть сѣятельница нивы сѣверныхъ народовъ, гипербореевъ, скивовъ и сарматовъ. Но лишь тогда въ сихъ неизмѣримыхъ, семью морями окаймленныхъ странахъ разольется свѣтъ истины до полной яркости, когда премудрая Астрея приметъ въ руки свои мастерской молотокъ и съ царственнымъ сы-

номъ своимъ учинится гросмейстериною и Великой Матерью египетскаго масонства, которое насадить къ вамъ явился я, какъ лозу виноградную нѣкогда блаженный Діонисъ, на пантерѣ и барсѣ пришедшій изъ Индіи! Радуйтесь, дражайшія сестры и достопочтеннѣйшіе братья! Наступилъ великій день. И именно сегодня и въ сей часъ таинство египетскаго масонства откроется среди васъ. Извѣщаю вамъ, что самъ Великій Кофта явится сейчасъ для открытія и заложения краеугольныхъ камней храма истины. Самъ Великій Кофта благоволитъ открыться вамъ сейчасъ!

Съ сими словами Калиостро сошелъ съ возвышеннаго помоста ложи и далъ знакъ своей супругѣ слѣдовать за нимъ. Съ высокой четой удалились изъ ложи также госпожа Ковалинская и еще три дамы.

Сообщеніе Калиостро произвело глубокое впечатлѣніе на членовъ капитула. Они перешептывались между собою, спрашивая другъ друга, когда же таинственный Великій Кофта пожаловалъ въ Петербургъ и что это за лицо? Никто, однако, даже и самъ Иванъ Перфильевичъ, ничего о Кофтѣ не зналъ. И для него сообщеніе Калиостро, что таинственный Великій Кофта сейчасъ своею персоною пожалуетъ въ ложу, было совершенною неожиданностью.

— По воздуху, что ли, Кофта прилетитъ?—спрашивали болѣе скептически настроенные.

— Думать надо, что Великій Кофта такъ же намъ будетъ показанъ, какъ и сокровище на стрѣлкѣ!—замѣтилъ князь Мещерскій.

Оставшіяся въ ложѣ дамы горѣли любопытствомъ и нетерпѣніемъ.

Прошло не менѣе получаса томительнаго ожиданія прежде, чѣмъ стража входа и надзиратели стуками и восклицаніями возвѣстили приближеніе таинственнаго Кофты.

Двери залы распахнулись. Надзиратели, стражъ входа, церемоніймейстеръ и помощники его съ тростями стали въ обычномъ порядкѣ.

Всѣ взоры устремились на торжественный кортежъ.

Первой вступила Серафима и съ нею четыре дамы, избранныя въ число савскихъ женъ Великой Матери египетскаго масонства и получившія магическія наименованія: Undina, Silfa, Salamandra, Tеггена. И Серафима, и спутницы ея были съ распущенными по обнаженнымъ плечамъ волосами, въ вѣнкахъ изъ бѣлыхъ, алыхъ, золотистыхъ и черныхъ розъ, въ бѣлыхъ туникахъ, оставлявшихъ открытыми ихъ руки и груди, высоко подпоясанныя лентами, расшитыми скарабеями—египетскими жуками. На жрицу и спутницъ ея наброшены были прозрачныя вуали, переливчатыхъ перламутровыхъ оттѣнковъ. Всѣ онѣ были юны и прекрасны. При неправильномъ личикѣ, но съ огромными черными глазами и выраженіемъ экстаза, въ столь заманчивомъ нарядѣ, даже и Теггена, въ

которой узнали госпожу Ковалинскую, была прекрасна. Огненная Саламандра съ волнами волосъ венеціанскаго золотого цвѣта, облекавшими ея смугловатое тѣло, млечная, бѣлокурая Ундина, хрупкая, какъ весенній цвѣтокъ, Сильфа—всѣ были прелестны. Дамы, остававшіяся въ ложѣ, нашли, что въ такихъ нарядахъ и онѣ были бы не менѣе увлекательны, и твердо рѣшили немедленно вступить въ египетское масонство.

Но взоры всѣхъ устремились на слѣдовавшаго за жрицами чаемаго и ожидаемаго таинственнаго Кофту.

Лицо его было скрыто черной маской съ красной оторочкой, закрывавшей уста и подбородокъ.

Длинное шелковое золотистое платье, похожее на священническую рясу, вышито было отъ плечъ до пятокъ гіероглифами краснаго цвѣта. На головѣ красовался уборъ изъ сложенныхъ египетскихъ повязокъ, концы которыхъ падали внизъ, обрамляя лицо и свисая съ плечъ по груди. Повязки на головѣ поддерживались вѣнкомъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ лотоса, тюльпановъ, розъ, лилій, яблони, осыпанныхъ камнями, повидимому, драгоценными. На груди черезъ плечо была лента изумруднаго цвѣта съ нашитыми на ней двадцатью двумя священными литерами древне-еврейскаго алфавита и изображеніями жуковъ-скарабеевъ. На поясѣ, сотканномъ изъ краснаго шелка, висѣлъ широкій рыцарскій мечъ, рукоятка котораго имѣла форму креста. Колѣни покрывалъ квадратный фартукъ съ вышитымъ изображеніемъ десяти Сефиротовъ священной Кабалы и алхимическаго Андрогина, осѣннаго павлиномъ и попирающаго дракона. Войдя въ ложу, Великій Кофта оставилъ у западнаго края символическаго ковра. Серафима прошла по восточному краю его и, повернувшись лицомъ къ Кофтѣ, подняла надъ головою руку, въ которой держала ручку круглаго зеркала.

Таинственный, голубоватый свѣтъ, подобный лунному, излился отъ тусклой поверхности зеркала...

Четыре Савскія жены стали по бокамъ ковра.

Кофта преклонилъ сверкающій вѣнецъ главы своей и простеръ благословляющія длани, осѣняя ими все собраніе. Савскія жены всплеснули руками и воскликнули:

— Великій Кофта, откройся намъ!

Длани первосвященника египетскаго масонства приблизились къ маскѣ, закрывавшей его лицо...

Всѣ затаили дыханіе, горя нетерпѣніемъ увидѣть наконецъ таинственное существо, внезапно появившееся въ Петербургѣ на островѣ Елагина и въ капитулѣ восьмой провинціи и столь долго возвѣщаемое и даже предупреждавшее о себѣ посланіемъ капитула...

Наконецъ маска упала съ лица Кофты...

— Калиостро!—вырвалось единодушное восклицаніе у членовъ капитула.

— Калиостро!—какъ эхо, повторили дамы.

— Калиостро!—произнесъ, роняя изъ рукъ молотокъ, Иванъ Перфильевичъ.

Въ самомъ дѣлѣ это былъ Калиостро.

Такого оборота они никакъ не ожидали. Но уже Кофта-Калиостро благословлялъ ихъ направо и налево, сложивъ персты въ магическое знаменіе, и затѣмъ, поднявшись на эстраду, обратился къ собранію съ такими словами:

— Такъ, достопочтенные братья и любезныя сестры, пребывавшій среди васъ графъ Калиостро есть, несомнѣнно, Великій Кофта!

И, поднявъ съ пола выпавшій изъ ослабѣвшихъ рукъ Елагина молотокъ, онъ ударилъ имъ по алтарю и воскликнулъ:

— Силою тріединого! Благословеніемъ Адона-Хирама, нашего господина! Осіяніемъ пламенѣющей звѣзды Ремфанъ! Я, Великій Кофта, гросмейстеръ истиннаго, древняго египетскаго масонства Гіерополиса, Оивъ и Александрии, учреждаю ложу-матеръ сего таинственнаго ордена на востокъ Гипербореи, Скиѳии, Сармагіи и посвящаю васъ всѣхъ, мужей и женъ, въ сіе масонство! Fiat! Ex Oriente—lux! Arcana Arcanorum Arcanissima Arcans Arcanata!

Затѣмъ, простирая руки по очереди на западъ, югъ и сѣверъ:

— Berith! Neder! Schelemonth!

Повернувшись три раза вокругъ себя:

— El chanan!

И широко раскинувъ руки, словно всѣхъ привлекая въ объятія, и откинувъ голову назадъ:

— Schemhamphorasch!

Послѣдовало нѣкоторое молчаніе.

— Полагаю, что уже недурно и поужинать!—вдругъ сказалъ тихимъ голосомъ Елагинъ.

— И очень недурно было бы, ваше превосходительство!—отозвался князь Мещерскій.

И всѣ стали, не дожидаясь Великаго Кофты, снимать мантии, ленты и передники. Но дамы окружили Великаго Кофту и стали помогать ему разоблачаться, дабы затѣмъ прослѣдовать въ столовую.

LXVI.

Конецъ Великаго Кофты.

Когда Великій Кофта разоблачился, снялъ вѣнецъ и повязки, отпоясалъ мечъ, скинулъ расшитую гіероглифами рясу и оказался въ обыкновенномъ кафтанѣ, брызжахъ, манжетахъ, штанахъ, чулкахъ и башмакахъ графа Калиостро, члены капитула разступились предъ нимъ и дамами, и когда онъ выходилъ изъ ложи, посмотрѣли ему въ спину и затѣмъ обмѣнялись молча взглядомъ. Кто поджалъ

губы, кто слегка прищурилъ лѣвый глазъ, кто сильно втянулъ въ себя носомъ воздухъ.

Затѣмъ отправились въ столовую. Тонкія бѣлыя колонны по обѣимъ сторонамъ поддерживали хоры столовой, гдѣ помѣстилась роговая музыка Ивана Перфильевича. Между колоннами висѣли люстры, въ видѣ лампадъ, разливая яркій свѣтъ. Стѣны были расписаны орнаментомъ, представлявшимъ деревья, вѣнки, сфинксовъ и грифоновъ. Столы были поставлены «покоемъ» и блистали хрусталемъ, серебромъ и фарфоромъ утонченной сервировки. Лакеи въ пудрѣ и ливрейныхъ кафтанахъ стояли за креслами съ высокими прямыми спинками, обитыми тиспенной кожей. Гирлянды живыхъ цвѣтовъ протянуты были черезъ залу отъ колонны до колонны такъ, что повѣшенный посрединѣ каждой вѣнокъ изъ розъ приходился надъ столами. Цвѣты были разбросаны по столу, а паркетъ усыпанъ листьями пахучаго аэра.

Метръ-д'отель, имѣя въ распоряженіи цѣлый отрядъ проворныхъ слугъ, стоялъ около грандіознаго буфета, снабженнаго фруктами, рыбами въ серебряныхъ лоханяхъ, грудями хлѣба, запасами посуды, нагроможденіями бутылокъ всевозможныхъ винъ, кувшинами съ пивомъ, квасомъ, водицами и т. п. Тутъ же имѣлось особое приспособленіе съ люкомъ и подъемной платформой, при помощи которой кушанья поднимались прямо изъ кухни въ нижнемъ этажѣ зданія. Метръ-д'отель, огромный, жирный мужчина, съ толстѣйшими ляпками въ бланжевыхъ чулкахъ, въ пестромъ жилетѣ и французскомъ кафтанѣ, съ высокимъ парикомъ, съ круглой, красной фізіономіей, украшенной волосистыми, крупными бородавками, въ одной рукѣ имѣлъ букетъ цвѣтовъ, которымъ и подавалъ знаки прислугѣ, командуя ею, какъ полководецъ своей арміей; другая рука его опиралась на высокую трость. Итакъ, обстановка Іоанновской столовой ложки «свободныхъ каменщиковъ» производила весьма внушительное впечатлѣніе.

Мѣста братьевъ-каменщиковъ были обозначены ихъ орденскими именами, написанными на особыхъ карточкахъ, приколотыхъ къ салфеткамъ. Что касается дамъ, то великому намѣстному мастеру восьмой провинціи поднесена была алебастровая античная урна со свернутыми и положенными внутрь ея билетиками.

— Достопочтениѣйшіе братья и любезнѣйшія сестры! Такъ какъ на іоанновскомъ трапезованіи должно быть полное равенство, то предоставимъ судьбѣ каждому назначить его даму!—сказалъ Иванъ Перфильевичъ.—Прошу васъ, достопочтениѣйшіе братья, по очереди взять изъ урны свой жребій.

Братья стали вынимать билетики, развертывать и читать имя дамы, на немъ изображенное, причемъ, конечно, считали долгомъ выразить высшее довольство выпавшимъ жребіемъ, хотя многіе

принуждены были сидѣть совѣтъ не съ тѣми красавицами, которыми особливо интересовались.

Великій Кофта, или графъ Калиостро, тоже по предложенію Ивана Перфильевича опустилъ руку въ урну. На вынутомъ имъ билетикѣ оказалось имя весьма дебелой и зрѣлой красавицы, которая сейчасъ же и овладѣла рукою магика, и они заняли почетное мѣсто направо отъ грандіознаго сѣдалища самого намѣстнаго мастера, спинка котораго была украшена символами франкмасонства.

Вслѣдъ за другими опустилъ въ урну руку и князь Коріатъ. Онъ не могъ скрыть своего волненія, когда прочелъ на билетикѣ имя графини Серафимы ди-Сапта-Кроче, маркизы Тифереть. Это волненіе и краска въ лицѣ, конечно, не утаились отъ вниманія Ивана Перфильевича и другихъ членовъ капитула. И они снисходительно улыбались, когда прелестная жрица египетскаго масонства положила ручку на рукавъ кафтана тамплиера.

Наконецъ всѣ заняли мѣста, и торжество началось. Дивные звуки роговой музыки смѣнялись хоровымъ, менѣе стройнымъ пѣніемъ братьевъ и сестеръ; за выстрѣломъ во славу премудрой сѣверной Астреи и цесаревича Павла Петровича послѣдовали «выстрѣливанія» разнаго цвѣта «порохомъ» въ честь герцога Шартрскаго, герцога Браунгшвейскаго, герцога Гессенскаго, герцога де-Вофора и прочихъ герцоговъ и принцевъ-масоновъ. Затѣмъ, конечно, пили здоровье великаго намѣстнаго мастера восьмой провинціи и великихъ мастеровъ значительнѣйшихъ ложъ обѣихъ россійскихъ столицъ и Варшавы; «выстрѣливали» здоровье и основателя египетскаго масонства, Великаго Кофты, всего востока и запада, Гіерополиса, Мемфиса и Оивъ, графа Калиостро, и Великой Матери сего масонства; «выстрѣливали» вообще за «прелестныхъ каменщицъ», за «свободу, равенство и братство», за «благодвореніе», за «человѣчество»...

Пріятное настроеніе усиливалось тонкостью и совершенствомъ разнообразныхъ кушаній іоанновскаго ужина, не уступавшаго хорошему обѣду. Одушевленная бесѣда непринужденно увлекала братьевъ и сестеръ по пути невиннаго ухаживанія и обмѣна знаками взаимной симпатіи. Но посреди всеобщей веселости и одушевленія, сидя въ челѣ стола, одинъ Великій Кофта хранилъ глубокое молчаніе и имѣлъ видъ мрачный, принужденный и даже смущенный. Напрасно сидѣвшая рядомъ дама старалась обратить его вниманіе на пышныя, зрѣлыя свои прелести, Великій Кофта оказался совершенно нелюбезнымъ, даже грубымъ кавалеромъ въ противность графу Калиостро. Что повергло въ столь мрачное настроеніе Великаго Кофты? Почему, угрюмо углубившись въ жабо синеватымъ подбородкомъ, онъ не виталь взоромъ въ выспихъ областяхъ, но подозрительно поминутно оглядывалъ столы и сидѣвшихъ за ними бѣгающимъ, какъ мышь, взглядомъ? Повидимому, никто не

обращалъ особаго вниманія на Великаго Кофту и даже не смотрѣлъ въ его сторону. Его здоровье пили весьма любезно. Однако Кофта почувствовалъ актерской и южной своей натурой, что нѣчто окончательно перемѣнилось въ отношеніи къ нему всѣхъ сихъ вельможъ сѣверной властительницы, еще такъ недавно находившихся подъ полнымъ обаяніемъ некроманта. Отсюда какое-то тягостное, словно цѣпь, смущеніе внезапно оковало Великаго Кофту. Онъ страдалъ за свое искусство. Тайный страхъ, что приближается роковая, неизбежная въ ремеслѣ магика минута паденія вліянія и разочарованія послѣдователей въ силахъ адента,—тайный страхъ терзалъ Кофту, и онъ не могъ справиться съ собою. Чтобы прогнать смущеніе, усердно «выстрѣливалъ» онъ тостъ за тостомъ и въ то время, когда другіе только примѣрно прикладывались къ кубкамъ, опоражничивали ихъ до дна. Еще въ началѣ ужина Ржевскій, подойдя къ лакею, стоявшему за кресломъ Калиостро, отозвалъ его въ сторону и далъ шопотомъ какое-то наставленіе. Съ этой самой минуты лакей не оставлялъ ни единого мгновенія кубка магика пустымъ. По мѣрѣ того, какъ слѣдовали тосты, лицо Калиостро становилось не красивѣе, какъ у прочихъ, но, наоборотъ, блѣднѣе и синѣе. При салютованіи онъ поднимался все съ большей неловкостью движеній, опрокидывая рюмки и стаканы. Лицо его при этомъ принимало все болѣе мрачное выраженіе. На попытки дамы вызвать Великаго Кофту на бесѣду онъ что-то бормоталъ сквозь зубы по-итальянски, видимо, весьма нелюбезное, и бросалъ прямо звѣрскіе взгляды на бѣдную красавицу, которая наконецъ оставила его совершенно въ покоѣ.

Послѣдній тостъ, которымъ оканчивался ужинъ, должно было пить стоя, такъ что всѣ составляли замкнутую цѣпь и по опредѣленной командѣ намѣстнаго мастера и ритуалу «выстрѣливали» при этомъ здоровье свободныхъ каменщиковъ всего земного шара. Лакеи при семъ отодвигали прочь кресла. Но едва Великій Кофта поднялся и кресло его, до тѣхъ поръ служившее нѣкоторой опорой его туловищу, прижимая его къ столу, было отодвинуто, какъ онъ вдругъ выпустилъ кубокъ изъ пальцевъ, разливъ вино по столу, потомъ взмахнулъ обѣими руками, осѣлъ и грузно шлепнулся на полъ подъ столъ.

Влижайшіе сосѣди бросились къ Великому Кофтѣ. Онъ былъ мертво пьянъ и, какъ свалился, такъ и уснулъ мгновенно.

— Боже мой! Онъ лишился чувствъ! Помогите! Бога ради, помогите!—вскричала госпожа Ковалинская, бросаясь къ мѣсту упокоенія графа Калиостро.

— Успокойтесь, сударыня, Великій Кофта упалъ весьма благополучно и на коврѣ ему мягко и тепло!—философически замѣтилъ Иванъ Перфильевичъ.

— *Ebrius est simpliciter!*¹⁾—сказалъ Ржевскій, наклоняясь надъ тѣломъ и щупывая шею некроманта, чтобы пайти завязки и распу-
стить ему жабо.

— Конецъ Великому Кофтѣ! — улыбаясь, сказалъ князь Ме-
щерскій.

— Это его манера напиваться. Я знаю по лондонской прак-
тикѣ,—прибавилъ Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій.

Н. А. Энгельгардтъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Онъ просто пьянъ

КНЯГИНЯ ЛОВИЧЬ.

СИЛУЭТЫ.

(Листки изъ записной книжки ¹⁾).

IV.

П. А. Ровинскій. —Нѣсколько словъ о Дм. А. Агреевѣ-Славянскомъ. —Въ Бѣлградѣ. —Коронованіе короля сербскаго Петра Карагеоргиевича.

ВЪ АЛУ Аполлоновичу Ровинскому посвящается первый рассказъ въ забытой книгѣ забытаго талантливаго М. И. Орфанова (Мышля) — «Въ дали». Объ Орфановѣ тяжело вспоминать; С. В. Максимовъ сказалъ, что Михайль Ивановичъ внимательно и добросовѣстно изучилъ и рельефно и правдиво описалъ бытъ тѣхъ людей, которые, по сибирскому присловью: «ѣдятъ прошеное, несятъ брошеное, живутъ краденымъ». Среди такого люда, въ Москвѣ, угасала и погасла и жизнь Орфанова.

Кто такой П. А. Ровинскій? Постоянные читатели «Историческаго Вѣстника», «Вѣстника Европы», «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» и мн. друг., конечно, не зададутъ такого вопроса, для непосвященныхъ же можно выписать слѣдующія строки изъ орфановскаго сборника рассказовъ: «Къ вечеру, часамъ такъ къ девяти (мы) добрались до селенія Тунки, главнаго административнаго пункта этого (степнаго приркутскаго края). Остановились мы, конечно, у хозяина этого края, земскаго засѣдателя, въ обширномъ общественномъ домѣ, нарочно для засѣдателя обществомъ (инородцевъ) приобрѣтенномъ. Несмотря на поздній часъ, мы встрѣчены были хозяи-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХVII, стр. 23.

номъ радушно, что, впрочемъ, въ Сибири—обычное дѣло. Появился сейчасъ же чай съ вкусными домашними печеньями, а на другомъ столѣ водочка, нѣсколько сортовъ наливки и неизбѣжная мадера съ приличною по тамошнему мѣсту закускою. Только что успѣли мы позаняться всѣмъ этимъ дѣломъ посерьезнѣе, не потолковавъ даже путемъ съ хозяиномъ, какъ явился новый собесѣдникъ, жившій тоже у засѣдателя, о которомъ, признаться, мы и не думали, и, отрекомендовавшись, принялся помогать намъ, оправдываясь, какъ и мы, дальнимъ путемъ, только что имъ совершеннымъ. Это былъ нашъ извѣстный русскій ученый и неутомимый путешественникъ, Павелъ Аполлоновичъ Ровинскій, пріѣхавшій въ Тунку для изслѣдованія быта мѣстнаго русскаго населенія, издавна брошеннаго судьбой въ среду чуждаго ему племени—монголовъ и бурятъ.

«Для этой цѣли онъ жилъ въ Тункѣ уже три мѣсяца, собирая матеріалъ—или въ видѣ народныхъ пѣсенъ, сказокъ, мѣстныхъ словъ, или же роясь въ различныхъ курганахъ и добывая оттуда черепы, различные остатки утвари и орудія и проч. На неуспѣхъ своихъ трудовъ онъ не жаловался, что, впрочемъ, слѣдуетъ отнести къ его рѣдкой въ другихъ ученыхъ способности сходиться съ людьми, преимущественно съ простымъ народомъ». Немногихъ строкъ М. И. Орфанова, въ сущности, достаточно для характеристики Павла Аполлоновича Ровинскаго, который остался самимъ собою и въ старости, а именно въ 1902 году, когда я познакомился съ нимъ въ маленькой столицѣ Черногоріи. Лѣтомъ того года я путешествовалъ по Австріи и, когда очутился въ Триестѣ и увидалъ пароходы, плавающие въ Бокку Которскую, признаюсь,—не могъ не соблазниться поѣздкой въ «славянскую Спарту», какъ назвалъ Евг. Л. Марковъ Черную Гору въ «Вѣстникѣ Европы» 1898 г. Соблазнъ увеличивался еще оттого, что въ славянской Спартѣ готовились къ народнымъ торжествамъ по случаю женитьбы княжича Мирка на Наталіи Константиновичъ. И вотъ, заглянувъ въ прекрасную Далмацію и испытавъ, несмотря на свою незначительность, добросовѣстность «швабскихъ» пніоновъ, что касается исполненія ими обязанностей, я увидѣлъ черногорскую столицу. Это почти исключительно чиновничье гнѣздо деревенскаго характера.

Іюнь былъ уже на ущербѣ. Свадьба назначена на Петровъ день. Цетинье наполнилось гостями изъ разныхъ славянскихъ ульевъ, изъ сосѣднихъ мѣстностей и изъ отдаленныхъ странъ. Весельемъ всколыхнулось княжество; народные праздники затѣвались тамъ и сямъ; много занимательнаго представлялось глазамъ гостей, которыхъ изъ «майки Россіи» пожаловало, впрочемъ, немного... Помню, въ цетинскомъ театрѣ давала представленія сербская труппа. Сербское драматическое творчество очень близко къ малороссійскому: то же господство толпы на сценѣ, тѣ же пляски и пѣніе, та же царица-любовь, только вмѣсто какого-нибудь Гриця—Живко, а на

мѣстѣ Приски—Зорка, что ли. На одинъ изъ спектаклей ожидался «его королевское высочанство» князь Николай съ семьей. Ранѣе его выхода изъ конака (дворца) на площади собрались министры и повели бесѣду. Вдругъ откуда ни возмись подгулявшій селякъ, пронизанный сѣдиною въ волосахъ, запросто подошелъ нетвердой походкою къ наиболѣе приближенному къ князю военному министру, «војводѣ Пламенацу», какъ этотъ послѣдній подписался на подаренномъ мнѣ портретѣ, распросилъ у него, о чемъ хотѣлъ знать, и, подавъ первый руку, побрелъ въ кафану (кабачекъ). Простота горнаго гнѣзда! Но вотъ изъ дворца вышла княжеская семья. Величаво выступаетъ князь Никола. На площади его и семью его привѣтствуетъ толпа. Три крестьянки пересѣкаютъ площадь, направляясь къ монастырю св. Петра. Князь остановилъ ихъ, что-то сказалъ имъ и далъ денегъ. Вѣчныя труженицы зашагали дальше.

Въ партерѣ театра, среди щеголеватыхъ юнаковъ въ красивыхъ національныхъ костюмахъ, я замѣтилъ старца въ весьма скромномъ сѣромъ костюмѣ и въ капицѣ, этой черной съ алымъ верхомъ шапочкѣ съ инициалами князя черногорскаго. Это и былъ П. А. Ровинскій, извѣстный въ славянскихъ земляхъ «Павле Руссъ», кумъ чуть ли не всѣхъ черногорцевъ, авторъ замѣчательнаго труда «Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ» (Вышло 3 тома). Саратовецъ по рожденію (1831 г.), питомецъ казанскаго университета, Павелъ Аполлоновичъ поселился въ Черногоріи въ 1880 году и съ тѣхъ поръ, несмотря на свою литературную щедрость, несмотря на множество оказанныхъ имъ княжеству услугъ, все не можетъ, по-видимому, «расквитаться» съ Черной Горою, пріютившей его. Наѣзды его въ Россію были рѣдки и кратковременны. Нѣтъ личной жизни, такъ не все ли равно, гдѣ сѣять «разумное, доброе, вѣчное»? Трудно предположить, чтобы этотъ человѣкъ, съ которымъ селяки запанибрата, былъ, по выраженію Евг. Маркова, «не только ученый изслѣдователь, не только ревностный славистъ, но мѣстный дѣятель, потому что князь Николай постоянно пользовался его услугами для разныхъ, иногда научныхъ, а также и практическихъ дѣлъ въ княжествѣ». А между тѣмъ такъ и есть. Но панибратство селяковъ служить лишь подтвержденіемъ вышеприведенной характеристики П. А. Ровинскаго, сдѣланной давнымъ-давно Орфановымъ. И въ Россіи Павелъ Аполлоновичъ сливался съ народомъ и самъ обрабатывалъ землю, предупредивъ толстовскую проповѣдь въ этомъ смыслѣ.

Въ Цетиньѣ, драгоманъ при нашей миссіи, онъ жилъ «подъ крышею» у базарнаго торговца-домовладѣльца и занималъ двѣ комнаты, самъ себѣ обязанный ихъ уютомъ и чистотою. Въ 1902 году нашимъ министромъ-резидентомъ въ Черногоріи былъ П. М. Власовъ, который въ 1904 году занялъ постъ посланника въ Тегеранѣ. Какъ человѣкъ весьма состоятельный, твердый и непокладистый,

когда дѣло касалось сохраненія достоинства Россіи, покойный дипломатъ пришелся не совсѣмъ ко двору Черной Горы, гдѣ предпочитали именно покладистыхъ россіянъ; на своемъ посту Власовъ много работалъ, контролировалъ симпатіи конака къ Петербургу и по совѣсти давалъ цѣну вещамъ. При такомъ направленіи посольскихъ дѣлъ Ровинскій являлся отличнымъ помощникомъ и, въ качествѣ знатока не только Черногоріи, но всего славянства, необходимымъ совѣтникомъ. У Павла Аполлоновича время такъ и дѣлилось между службою въ посольствѣ и наукѣ. Въ ту пору въ продажѣ были 2 тома «Черногоріи»; третій томъ готовился къ печати. Такъ какъ этотъ трудъ охватываетъ исторію, географію, этнографію, археологію и современное положеніе княжества, то легко сообразить, какой онъ стоилъ подготовки, какого напряженія мысли, какого образованія! Самъ П. А. Ровинскій рассказываетъ, какъ создавалась его, теперь трехтомная, «Черногорія». — «Путешествуя на свой счетъ и страхъ и потому не связанный никакими условіями, я, съ одной стороны, былъ совершенно свободнымъ человѣкомъ, а съ другой, завися отъ заработка, который, — замѣтимъ мимоходомъ, — былъ весьма трудный и скудный, я жилъ по пословицѣ: «не такъ, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ»; другими словами, я не былъ свободенъ ни въ распоряженіи своимъ временемъ, ни въ передвиженіяхъ. Не разъ приводилось засиживаться на одномъ мѣстѣ въ ожиданіи полученія своего заработка или просто выручки со стороны друзей». Къ этому надо добавить, что путешествія въ турецкихъ владѣніяхъ сопряжены съ неменьшими опасностями и рискомъ, чѣмъ испытанія, доставшіяся добровольцу-дервишу Вамбери. Павелъ Николаевичъ Милоковъ могъ видѣть лишь краешекъ Старой Сербіи: ежеминутно ставить на карту свою жизнь — не удовольствіе!.. А Ровинскій такъ же исходилъ Албанію и Македонію, какъ и Приморье и Сербію, и Чехію, и Болгарію, и другія мирныя славянскія ячейки. Европейскій костюмъ нашего ученаго замѣнялся лохмотьями, когда онъ вступалъ на землю «проклятой Албаніи» и изучалъ ее съ упорствомъ фанатика науки. Реклама не гналась въ погоню за русскимъ славистомъ. Картинка, представляющая Вамбери въ лохмотьяхъ дервиша, возлѣ осла, въ свое время появилась чуть ли не во всѣхъ евронеискихъ журналахъ, а многимъ ли знакомо лицо П. А. Ровинскаго? Благодаря ему, я познакомился тогда же съ Босніей и Герцеговиной и съ Сербіей и впервые видѣлъ желтоватый Дунай, совершивъ по нему переѣздъ отъ Бѣлграда до Одессы съ остановками въ болгарскихъ и румынскихъ городахъ. Павелъ Аполлоновичъ снабдилъ меня своими визитными карточками и единственно, чѣмъ я могъ отблагодарить его, это отослать его дочери въ Саратовскую губернію золотую медаль, полученную имъ отъ академіи наукъ за рецензію о чемъ-то.

На торжества въ Цетинье пріѣхалъ нѣкій исполнитель русскихъ

пѣсень М. съ женою. Они дали спектакль въ театрѣ, собрали множество слушателей и, по крайней мѣрѣ меня, заставили вспомнить, что у Цезаря былъ одинъ другъ, да и тотъ Брутъ...

Не знаю, почему черногорцы думали, что къ нимъ долженъ былъ прїѣхать «на свадьбу княжича» Д. А. Агреньевъ-Славянскій со своею капеллою? Его ждали и ждали, хотя баянъ не получалъ отъ юнаковъ приглашенія и не могъ разсчитывать, чтобы окупились концертами расходы по поѣздкѣ въ «славянскую Спарту». Теперь Дмитрій Александровичъ покоится въ землѣ, на кладбищѣ любимой имъ Ялты. Мнѣ очень жаль срѣзанной серпомъ смерти культурной силы, но еще болѣе жаль страны, не умѣющей достойно оцѣнивать своихъ выдающихся сыновъ. Къ такимъ недостаточно оцѣненнымъ общественнымъ дѣятелямъ крупнаго масштаба, несомнѣнно, Агреньевъ принадлежалъ. Съ нимъ случилось то же, что и съ А. К. Шеллеромъ (А. Михайловымъ), Н. Н. Страховымъ, Я. П. Полонскимъ и мн. друг. Я. П. Полонскій писалъ М. И. Семевскому въ 1888 году: «самыми искренними поклонниками моего таланта были люди мнѣ мало знакомые; самыми жестокими врагами—журналисты и писатели 1860-хъ годовъ». Горькая фраза вырвалась однажды у А. К. Шиллера во время завтрака: «всю жизнь замалчивали, а теперь, когда околѣвать пора, стали писать». (Тогда въ «Русской Мысли» появилась о немъ статья А. М. Скабичевскаго). Всякій разъ, какъ рѣчь заходила объ Агреньевѣ-Славянскомъ (псевдонимъ «Славянскій» предложенъ былъ Дмитрію Александровичу поэтессой графиней Е. П. Ростопчиной), она сводилась, за малыми исключеніями (М. М. Ивановъ), къ критикѣ внутреннихъ распорядковъ, «царящихъ» въ капеллѣ, и къ указаніямъ, что, молъ, Славянскій и его капелла исполняютъ народныя пѣсни такъ, какъ ихъ не надо пѣть. Въ извѣстныхъ кругахъ любили говорить также, что не Славянскій далъ толчокъ къ всемірной славѣ нашей прекрасной народной пѣсни, а князь Ю. Н. Голицынъ († 2 сентября 1872 года), чей хоръ ранѣе Агреньева побывалъ въ Европѣ и за океаномъ. Не слѣдуетъ похищать лавровъ изъ вѣнка князя-меломана, композитора и руководителя хора, но во имя справедливости можно спросить: не одновременно ли дѣйствовали на одномъ и томъ же поприщѣ князь Голицынъ и Агреньевъ? и кто же помнить о дѣятельности князя Голицына теперь, черезъ 36 лѣтъ послѣ его кончины, а дѣятельность Агреньева-Славянскаго такъ скоро не забудется: и широка она была, и упорна, и насаждалась вѣдь почти полвѣка! Прославленіе русской пѣсни было дѣломъ всей жизни Дмитрія Александровича, призваніемъ его души ¹⁾.

¹⁾ Князь Ю. Н. Голицынъ оставилъ по себѣ память въ другомъ отношеніи, на примѣръ, въ бытность его тамбовскимъ предводителемъ дворянства, между нимъ и губернаторомъ Петромъ Алексѣевичемъ Булгаковымъ «пробѣжала чер-

По обстоятельствамъ, мнѣ доводилось много разъ встрѣчаться съ знаменитымъ пѣвцомъ и ночевать подъ одной кровлей. Поразительны были его энтузіазмъ и твердость воли. Подъ напоромъ неудачъ послѣднихъ лѣтъ онъ не ломился, не падалъ... старый дубъ въ бурю скрипитъ, но не падаетъ... закалъ сказывался! А закалъ-то проявился рано. Юношей, терзаемый жаждой основательнаго музыкальнаго образованія, Агреевъ стремился въ Италію, но крылья орленка были связаны отсутствіемъ свободныхъ средствъ. Какъ тутъ быть? Агреевъ не задумался продать родовое имѣніе «Дунаево» въ Смоленской губерніи, гдѣ мирно протекли его дѣтскіе годы и зародилась въ немъ любовь къ народной пѣснѣ. «Жертва была велика, но призваніе пересилило все». Для закала послужила и поѣздка въ Америку. Въ ноябрѣ 1869 года на улицахъ Нью-Йорка появились афиши, извѣщавшія о пріѣздѣ въ Америку русской концертной труппы. Это былъ Дмитрій Александровичъ съ супругою Ольгой Христофоровной и хоромъ. Злоключенія Славянскихъ въ Америкѣ ярко описаны въ «Письмахъ объ Америкѣ и русскихъ переселенцахъ» Николая Евстафіевича Славинскаго, извѣстнаго основателя «Почтово-Телеграфнаго Журнала» и почтово-телеграфнаго музея въ Петербургѣ. Славянскій заставилъ янки слушать съ напряженнымъ вниманіемъ хоровыя пѣсни великорусскія и малорусскія и «Херувимскую» Вортнянскаго; онъ первый доставилъ имъ возможность услышать увертюру изъ «Жизни за Царя» и три акта оперы «Аскольдова Могила», того Веретовскаго, который нѣкогда обласкалъ молодого человѣка и заявилъ, что «въ его горлѣ сидитъ большой капиталъ (необыкновенный *tenore di grazia*)».

М. В. Юркевичъ изслѣдовалъ по документальнымъ даннымъ и обработалъ все, касавшееся четвертьвѣковой художественной и политической дѣятельности Д. А. Славянскаго; 25-лѣтіе праздновалось въ 1889 году. Но Славянскій не сходилъ съ разъ избраннаго имъ пути и въ 1908 году, когда его уже подстерегла смерть въ болгарскомъ городѣ Руцукѣ. Пѣсня, которую полузабытый, талантливый поэтъ звалъ на волю...

ная кошка», и князь «зашалилъ». Желая донять Булгакова, онъ приказывалъ запускать надъ его домомъ бумажныхъ змѣевъ съ ужасными трещотками; или: во время прогулокъ губернатора садился у окна «безъ ничего», прикрывшись шинелью; какъ только Булгаковъ поровняется съ нимъ, онъ распаивалъ шинель. Губернаторъ выходилъ изъ себя и отъ трещотокъ и отъ невольнаго созерцанія княжескихъ формъ, но подфлать ничего не могъ. Однажды зимою, наскучивъ жизнью въ Тамбовѣ, князь Ю. Н. Голицынъ привазалъ устроить на полозьяхъ огромную лодку; впрягли 16 лошадей, и пастыръ дворянства вдвоемъ съ личнымъ своимъ секретаремъ, А. Н. М.—вымъ, отпраздничали въ Петербургѣ. А чтобы не скучать въ дорогѣ,—вѣдь отъ Тамбова до Петербурга болѣе 2000 верстъ,—взять былъ собственный хоръ. Такъ съ музыкой и въ столицу вѣхали.

Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская,
 Благовѣстная, побѣдная, раздольная,
 Погородная, поселъная, попольная,
 Непогодою-невзгодою повитая,
 Во крови, въ слезахъ крещеная-омытая!..

Эта славная пѣсня вырвалась-таки на волю, на всемірный просторъ, благодаря Славянскому. Я слышалъ ее на Балканскомъ полуостровѣ; «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» поется и въ Трансваалѣ, гдѣ, казалось бы, мало свойственно ей звучать... Разумѣется, Агрень-Славянскій пѣль не такъ, какъ поютъ, напимѣрь, подмосковные огородники, кронштадтскіе мѣщане, тверскіе землеробы и т. д., по вѣдь, несомнѣнно, иначе, чѣмъ они, пѣли и тургеневскіе рядчикъ и Яковъ. А это ли не простой народъ?

Внутренніе распорядки въ капеллѣ не вызывали во мнѣ, постороннемъ наблюдателѣ, раздраженія противъ покойнаго теперь Дмитрія Александровича; мнѣ не нравилось, я признаюсь, что мальчуганы цѣловали руку не только у Ольги Христофоровны, но и у «самого», однако безъ особой натяжки тутъ можно видѣть опредѣленный воспитательный приѣмъ и родственность отношеній, причемъ оторванные отъ своихъ семей подростки должны были встрѣчать въ Славянскихъ замѣну родительскихъ чувствъ. Понятно, что строгая дисциплина не ослабѣвала; но это только и могло служить цементомъ для скрѣпленія живой суммы, которая составлялась не изъ одной сотни разнородныхъ и разнохарактерныхъ слагаемыхъ. Еще не искушенный опытомъ, Д. А. Славянскій отправился въ Америку; желѣзной дисциплины не висѣло надъ его капеллою—и что же? Двѣ лучшихъ пѣвицы бросили товарищей въ нужный моментъ, увлекшись «русскими американцами». Устой дѣла поколебались, между тѣмъ, вѣдь Славянскій ѣлъ и кормилъ другихъ, потому что работалъ. Князь Ю. Н. Голицынъ, если хотите, блажилъ, выступая со своимъ хоромъ, для Славянскаго же это было призваніемъ и средствомъ къ существованію. Однако, слѣдуетъ помнить, что въ хоры поступаютъ тѣ, кто равнодушенъ къ тяжелому ремесленному труду, кто любитъ завивать горе веревочкой и въ чьихъ жилахъ течетъ кровь бродяги-цыгана. Такіе не всегда отдають себѣ отчетъ въ томъ, что принятый ими долгъ обязываетъ. Дѣтямъ становилось тѣсно въ рамкахъ, какъ вообще бываетъ дѣтямъ не по себѣ при наличности «ферулы». Вспомните Горація, Ювенала—сѣдая древность! Взрослыхъ большею частью увлекала «пагубная страсть», а Славянскій развѣ могъ съ нею мириться? Да и все-таки случалось, что басы и тенора выступали въ концертахъ, принеся жертву Бахусу. Выговоры вели къ столкновеніямъ, столкновенія къ «письмамъ въ редакцію». И всегда вина падала на Славянскаго. Деспотъ! Утѣснитель! Безпощадный эксплуататоръ!—грѣмѣли надъ намъ перуны. Позвольте, такъ ли на самомъ дѣлѣ?

Эксплоатація была, но ни въ юридическомъ, ни въ другомъ какомъ-либо значеніи этого слова ужаснаго ничего нѣтъ. Славянскій пользовался способностями и трудомъ полутора-трехсотъ собранныхъ имъ людей, но онъ и вознаграждалъ ихъ, насколько могъ. Неужели можно говорить о рабствѣ послѣ отмѣны рабства? Каждый изъ мальчугановъ (о взрослыхъ не можетъ быть рѣчи) имѣлъ свои подушку и матрацъ; къ чаю—хлѣбъ, обѣдъ изъ двухъ блюдовъ. Лѣтомъ Славянскіе съ хоромъ, бывало, поселялись въ своихъ смежныхъ тверскихъ помѣстьяхъ, гдѣ время попусту не тратилось—еще бы! Но съ другой стороны—люди дышали здоровымъ деревенскимъ воздухомъ и достаточно профильтровывали легкія послѣ «зимнихъ ночлеговъ» въ губернскихъ гостиницахъ.

Дѣятельность Д. А. Славянскаго протекла между похвалами широкихъ общественныхъ круговъ, отъ деревенщины до столповъ науки, и пренебреженіемъ со стороны Балакирева, Римскаго-Корсакова, Чайковскаго и такъ называемыхъ «западниковъ». Странное это и чисто русское по своей странности явленіе! Западникъ Тургеневъ, слушая, какъ поетъ пѣсню Яковъ, чувствуетъ, что у него закипаютъ на сердцѣ и поднимаются къ глазамъ слезы, а на западниковъ не Тургеневыхъ, а просто сѣренскихъ, дюжинныхъ, та же самая пѣсня нимало не вліяетъ; Тургеневъ и про рядчика, пѣвшаго не какъ Яковъ, сказалъ, что его пѣніе доставило бы своими переходами много удовольствія знатоку. (Записки Охотника. «Пѣвцы»). Впрочемъ, изъ странностей мы сотканы. Вышучивались, какъ неправдоподобные, старинные русскіе XVI и XVII вѣковъ костюмы, въ которые одѣвались Славянскій и хоръ его, несмотря на то, что эти костюмы были точно исполнены по рисункамъ М. О. Микѣшина и Н. Н. Каразина и по указаніямъ И. Е. Забѣлина, Г. Д. Филимонова, Н. А. Чаева и С. А. Юрьева. Коротко сказать, Агреньевъ-Славянскій встрѣчалъ много колючихъ шиповъ на своемъ пути, и даже правительство не поощряло его во-истину культурной дѣятельности, хотя она заслуживала немалой награды.

Но—назадъ!

Я уѣхалъ изъ Цетинья въ Кастельнуово, откуда поѣздъ повезъ насъ въ Боснію-Герцеговину. Въ Далмаціи я убѣдился въ справедливости изреченія, что два славянина при встрѣчѣ непременно говорятъ по-нѣмецки. Такъ было и со мною въ австрійско-славянскихъ городахъ. Почему? Потому что австрійская свобода—родная сестра турецкой «свободѣ» и на почвѣ славянской вянетъ, какъ цвѣтокъ отъ холода. Въ Босніи и Герцеговинѣ мнѣ довелось наблюдать всю великую ненависть кореннаго населенія къ «швабу» (Австро-Венгрии), а въ Сербіи мнѣ стало очевидно, какъ мало вѣдомы сербскому народу петербургскіе славянофилы и какимъ благоговѣніемъ покрыта память о Кирѣевѣ, Черняевѣ. Я помню—на торжества въ память столѣтія рожденія Пушкина приѣзжали въ

Петербургъ славянскіе гости; въ кронштадтскомъ морскомъ собраніи былъ въ честь ихъ завтракъ. Виссаріонъ Виссаріоновичъ Комаровъ говорилъ пламенно, вспоминая о славянскихъ ручьяхъ и русскомъ морѣ. Онъ былъ честный человекъ, но старикъ—онъ увлекался, какъ юноша. Славяне въ отвѣтъ величали его, но... Но черногорская и сербская молодежь, это чистое ядро племени, не порвавшее связи съ деревней, увы!—развѣ только по наслышкѣ знала и Комарова и весь комитетъ славянскаго общества. Зато дѣти звали меня поклониться тому мѣсту, гдѣ па не животь, а на смерть бился Кирѣевъ. Народные учителя всячески стараются о томъ, чтобы ихъ питомцы навсегда удержали въ памяти это рыцарское имя.

Въ то время, то-есть въ 1902 году, еще стоялъ въ центрѣ Бѣлграда старый конакъ, и государственный корабль велъ злополучный Александръ, какъ онъ подписывался. Немного спустя, въ сентябрѣ 1904 года, я въ качествѣ «дописника» (корреспондента) уже присутствовалъ «око крунисанья нѣеговог величанства кралья» (при коронованіи его величества короля) Петра Карагеоргиевича. Столица Сербіи не измѣнилась за два года: все тотъ же губернскій русскій городъ средней руки. Болгарская столица перещеголяла сербскую. Но ростъ сербскаго самосознанія и самопознанія съ теченіемъ времени не останавливался и былъ такъ замѣтенъ. Шестидесятые годы, когда управлялъ Михаилъ Обреновичъ, казались теперь отдаленнѣйшей эпохою. Глядя на бѣлградскихъ Меттерниховъ и Бисмарковъ начала XX вѣка, можно ли было подумать, что даже не дѣды, а отцы ихъ сдѣлались анекдотическими героями? Рубаки запорожскаго типа, они долго надоѣдали князю просьбами о томъ, чтобы онъ замѣнилъ иностранцевъ на государственной службѣ своими. Михаилъ, наконецъ, какъ бы проникся доводами сѣдыхъ соратниковъ.

— Быть такъ!—сказалъ онъ:—прогонимъ иностранцевъ. Марко! садись, пиши указъ объ увольненіи всѣхъ ихъ отъ службы.

— Я? я писать не умѣю,—отвѣчала Марко.

— Георгій, пиши!

— Не обучень.

— Савва, пиши!

— Гдѣ мнѣ! не умѣю.

Князь перебралъ всѣхъ: никто изъ «государственныхъ людей», какъ оказалось, не умѣетъ обращаться съ перомъ. И Михаилъ, доселѣ строгій, улыбнулся и сказалъ: «Ну, вотъ видите: никто изъ васъ не можетъ замѣнить иноземцевъ и никто не будетъ въ состояніи отговариваться и отписываться. Такъ оставимъ на службѣ чужаковъ, пока сами не станемъ учеными». Сѣчь должна была согласиться съ заключеніемъ князя. Но идиллію 60-хъ годовъ замѣнила черезъ какія-нибудь 30—40 лѣтъ сразу трагедія. Поѣздъ привезъ меня въ Бѣлградъ, когда сумерки ступились. Сѣялся мелкій,

пронизывающій до костей дождь. На улицахъ было пусто, зато людно въ кофейняхъ. Я помѣстился въ отелѣ близъ министерствъ, миссій и королевскаго дворца. Хотѣлось ѣсть—схожу въ ресторанъ. Занялъ столъ—напротивъ у окна усаживается за столъ военный, черноволосый, смуглый, съ бѣгающими глазами. Мускулы лица выдаютъ его крайнюю первность. Ему подали гроздь винограда въ водѣ и графинчикъ вина. Ко мнѣ подошелъ «гостионикъ», содержатель гостиницы. Мы перекинулись нѣсколькими словами.

— Вы его не знаете?—шопотомъ спросилъ хозяинъ, кивнувъ на нервнаго военнаго.—Это вотъ кто. Можете познакомиться: онъ пріятный человѣкъ; говорить по-русски, такъ какъ кончилъ одесское юнкерское училище...

— Позвольте,—припоминалъ я:—вѣдь этотъ самый пріятный господинъ...

— Ну, да, именно его пуля уложила краля Александра.

На слѣдующій день утромъ я увидѣлъ зеленый холмъ на мѣстѣ стараго конака, забрызганнаго королевской кровью. Имена убитыхъ Александра и Драги произносились сербами съ осторожностью. Я отправился на столичную окранию, въ убогую церковь, гдѣ погребли «последняго Обреновича» и его супругу. Два простыхъ, грубой работы, деревянныхъ креста съ надписями: «Александръ», «Драга», были прислонены къ стѣнѣ такъ небрежно. Гдѣ-то тамъ, въ лазурномъ краѣ,—писали,—королева-мать оплакивала своего сына, но и ея горючія, жгучія слезы, очевидно, не разсѣивали холода, которымъ вѣяло на убогіе кресты.

Чтобы имѣть доступъ въ соборъ на коронаваніе короля Петра и на смотръ войску на Баньичкомъ Брду, мнѣ необходимо было получить «новинарску карту», а это связывалось съ посѣщеніемъ нашего посольства. Представитель великой сѣверной державы К. А. Губастовъ очень любезно принялъ скромнаго представителя «седьмой великой державы»—печати. На Дальнемъ Востокѣ пылала война—я тамъ былъ. Немудрено, что г. Губастовъ нѣсколько удлинилъ офиціальныя приемы и предложилъ пять-шесть вопросовъ касательно происходящаго въ Россіи. Надо замѣтить, что свѣдѣнія въ Бѣлградскую печать проходятъ чрезъ спеціальныя лабораторіи «счастливой» Австро-Венгрии, а вѣдь она до сихъ поръ все «благодарить» насъ и никакъ не можетъ «отблагодарить» за 1848 годъ. Ясно, поэтому, что такое читали въ Сербіи о происходящемъ на театрѣ войны. Коронаціонныя торжества начались въ Бѣлградѣ въ началѣ пятаго часа вечера 7-го сентября церемоніей перенесенія королевскихъ регалій изъ конака въ соборъ. 50 тысячъ гостей съѣхалось въ Бѣлградъ, и всѣхъ ихъ онъ принималъ, какъ гостей, безплатно. Конечно, приподнятость настроенія замѣчалась всюду; довольно я наслушался славянскихъ гимновъ и лозунговъ, которые пѣлись и произносились тѣмъ болѣе обдуманно, что пьяныхъ, какъ и во-

ровъ, совсѣмъ не обнаружилось. Въ городѣ съ 150-ю улицами и переулками имѣлось 150 полицейскихъ и ни одного жандарма. Въ многотысячной толпѣ полицейскіе терялись; имъ нечего было работать локтями и кулаками, какъ это любятъ наши Держиморды. Порядокъ носила сама толпа. Отъ нечего дѣлать полицейскіе учтиво козыряли иностранцамъ, какъ бы въ благодарность за пріѣздъ и за истребленіе свинныхъ котлетъ. Свиноводство вѣдь — устой сербскаго хозяйства; въ королевствѣ такое изобиліе свинства, что его хватаетъ съ избыткомъ на всю Францію и Австрію.

Кромѣ трезвости народа и отсутствія воровъ, послѣднее коронованіе отличалось еще слѣдующими особенностями: во-первыхъ, король Петръ предпочелъ бѣлградскій кафедральный соборъ Жичткому монастырю, гдѣ вѣнчались шесть сербскихъ государей и предшественникъ его Александръ. «Жича» раскинулась весьма живописно среди богатой шумадійской позелени. Кругъ деревень всегда на стражѣ древней святыни, основанной Стефаномъ Первовѣнчаннымъ. Тамъ мнѣ показывали замуравленные входы, каждый изъ которыхъ напоминаетъ о шествиіи къ священному миру былыхъ сербскихъ правителей. Во-вторыхъ, корона... король Петръ возложилъ на свою голову корону, вычеканенную изъ бронзы орудія, захваченнаго Карагеоргіемъ въ освободительную войну 1842 года. Это первый случай коронованія послѣ Душана. Слѣдовавшіе за нимъ сербскіе государи не могли вѣнчаться: противодѣйствовали турки, свободный же Миланъ Обреновичъ самъ не желалъ, все равно какъ и злополучный сынъ его Александръ.

8-го сентября короновался Петръ. Часы до момента выѣзда короля изъ дворца въ соборъ были часами волненій и нелѣпыхъ слуховъ, которые, однако, носясь въ народѣ, соотвѣтственно и настраивали его. Кому приводилось ожидать, тотъ обращалъ мгновенья въ часы, а часы — въ вѣчность. Такъ было тогда и въ Бѣлградѣ. Секунда замедленія, разница въ ходѣ часовъ дворцовыхъ и вашихъ; даже величавая неторопливость, съ которой король садился на сѣдло, все это способно было окрылить и, дѣйствительно, окрыляло праздныя догадки густой толпы...

— Двинулся торжественный кортежъ изъ дворца?

— Еще нѣтъ...

— И не будетъ!

— Какъ не будетъ?! Чего не будетъ?

— Его величество король отказывается ѣхать въ соборъ.

— Что за вздоръ!

— Не вздоръ, а получены извѣстія о готовящемся покушеніи на короля. Въ Землинѣ появились подкупленные королевой Наталіей лица: это — мстители за Александра.

Дѣло прошлое: о бомбахъ тогда говорилось въ Бѣлградѣ вслухъ и не на одномъ только сербскомъ языкѣ, потому что ко мнѣ обра-

щались корреспонденты, англичанинъ и французъ: слышалъ ли я про бомбы? Между тѣмъ, собратья не владѣли вовсе какимъ-либо славянскимъ языкомъ. Возможность отмщенія со стороны, ну, не королевы Наталіи, а облагодѣтельствованныхъ Обреновичами людей казалась многимъ серьезнымъ лицамъ быточной. Въ Сербіи-де все возможно. Великій Стефанъ отчего же Душанъ? Оттого, что задушилъ своего отца. Однако, волненіе сообщилось массѣ, и я бы погрѣшилъ противъ истины, если бы сказалъ, что эта масса, сквозь которую приходилось пробираться отъ отеля до собора, была радужно и куда какъ весело настроена. А что какъ и на самомъ дѣлѣ будутъ брошены бомбы? Но, чу, перекатное «живіо»! Настроеніе толпы рѣзко измѣняется; изъ глубинъ человѣческихъ душъ поднимаются волны счастья, восторга или просто удовольствія; словно ночныя тѣни пропадаютъ на зарѣ дня, разсѣиваются опасенія и страхъ, только что терзавшіе мирное настроеніе собравшихся. Каждый шагъ королевскаго коня—это приближеніе къ вершинѣ сегоднешняго торжества. «Живіо» перекачивается такъ могуче, такъ властно, что неужели рука съ бомбою, если есть вправду такая рука среди толпы,—неужели она осмѣлится на преступный взмахъ? Король Петръ I вошелъ въ каедральный соборъ. Съ нимъ дѣти и черногорскій наслѣдникъ Данилъ.

У краля нервное лицо и нервные движенія. Волненіе, которымъ онъ охваченъ, трудно скрыть и королю. Я взглянулъ на него и подумалъ: тревожные слухи—разбились ли они о каменные стѣны новаго конака, или проникли въ святая-святыхъ «нѣеговогъ величавства»? Началось богослуженіе, а затѣмъ—чинъ священнаго коронаванія. Что оно совершилось, извѣстилъ 101 пушечный выстрѣлъ. Праздникъ разливался, но надъ разливомъ его все-таки рѣяла время отъ времени тревога, какъ бы указывая ему предѣлы. Видъ мадьярскаго Землина на противоположномъ берегу Дуная вызывалъ чувства безпокойства и брезгливости. Впрочемъ, это очень давнія чувства.

V.

Преосвященный Виссаріонъ костромской.—Отношеніе къ нему синода.—«Мелочи архіерейской жизни» Лыскова и орловское общество.—Память объ А. П. Ермоловѣ въ Орлѣ.—Губернаторы Сафоловичъ, графъ Н. В. Левашовъ, князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, М. Н. Лонгиновъ, Боборыкинъ, Шидловскій.—Епископъ Симеонъ.—Профессоръ А. П. Лебедевъ.

Въ «Запискахъ» епархіальныхъ преосвященнѣйшихъ владыкъ, печатавшихся за послѣднее десятилѣтіе во многихъ духовныхъ журналахъ, историкъ синода извлечетъ достаточно матеріала для характеристики этого коллегіальнаго установленія. Достаточно вспомнить, что писали Савва, архіепископъ тверской, или архіепископъ

ярославскій Леонидъ, или, наконецъ, одесскій архипастырь Никаноръ,—и станетъ ясно: синодъ не болѣе святѣйшій, чѣмъ римскій первосвященникъ. И не можетъ быть онъ чище, яснѣе, кристальнѣе вслѣдствіе того, что, тяготясь оберъ-прокуроромъ, который по идеѣ Петра Великаго есть органъ надзора за синодомъ, само черное собраніе не хуже оберъ-прокурора слѣдитъ за архіереями, выдвигаетъ однихъ, затѣняетъ другихъ и вообще не чуждо преувеличеній въ обѣ стороны, отчего происходило немало странностей. Одною изъ такихъ странностей былъ, какъ говорится, косою взгляды святѣйшаго правительствующаго синода на преосвященнаго Виссаріона, епископа костромскаго и галичскаго († 30-го мая 1905 года). На костромской каедрѣ владыка пробылъ 13 лѣтъ, а до тѣхъ поръ, начиная съ 1848 года, дѣятельность его протекала въ Москвѣ, и имя священника Василия П—ча Нечаева пользовалось извѣстностью и уваженіемъ всѣхъ слоевъ столичнаго населенія. Какъ богословъ, какъ проповѣдникъ-писатель и какъ руководитель, въ теченіе 28 лѣтъ, имъ же основаннаго журнала «Душеполезное Чтеніе», отъ Василій, а затѣмъ епископъ Виссаріонъ (Нечаевъ) былъ, конечно, достаточно извѣстенъ синоду. Коротко сказать: Филаретъ, митрополитъ московскій, благословилъ программу «Душеполезнаго Чтенія», а самъ синодъ, въ лицѣ училищнаго совѣта при немъ, одобрилъ журналъ для библиотекъ церковно-приходскихъ школъ и одобреніе посейчасъ въ силѣ. Но что же! Посвященный въ епископы, протоіерей Василій Нечаевъ, становится какъ бы смѣлымъ въ глазахъ синодскаго присутствія и, разъ вызванный тамъ засѣдать, онъ больше уже не вызывается. Кому и чѣмъ могъ не угодить епископъ, противоположный типу новыхъ пастырей, церковникъ, врачъ «громкихъ заявленій» и того либерализма, котораго немало излито въ послѣднее время духовенствомъ на общественныхъ собраніяхъ? Вопросъ открытый. Во всякомъ случаѣ старецъ шелъ однимъ, разъ избраннымъ имъ путемъ, не уклоняясь ни вправо, ни влѣво и служба дѣлу церкви, какъ подсказывала ему совѣсть.

Преосвященный Виссаріонъ велъ переписку со многими выдающимися современниками, но писемъ не хранилъ и, кажется, съ перѣздомъ въ Кострому все растерялъ. Письмамъ онъ не придавалъ особеннаго значенія. «Получилъ, отвѣтилъ—и прекрасно. Сдѣлай милость (любимая его поговорка), что же еще хранить и заботиться! И такъ люди на землѣ много обременяютъ себя заботами попусту». До смерти онъ оставался работникомъ, неспособнымъ на тотъ крайній аскетизмъ и затворничество, которыми прославились, напри- мѣръ, Игнатій (Брянчаниновъ), вспомнутый Н. С. Лѣсковымъ («Инженеры-безребренники») и Теофанъ-Затворникъ. Воли и твердости епископъ Виссаріонъ былъ непреклонной; этому доказательствомъ служить, между прочимъ, обращеніе имъ Макарьевской пустыни, въ с. Рѣшмѣ на Волгѣ, изъ мужской въ женскую. Эту

пустынь основалъ св. Макарій Желтоводскій, жившій въ XV вѣкѣ. Съ теченіемъ времени рѣшменская пустынь не расцвѣтала, а, напротивъ, хирѣла и къ тому, какъ появиться на костромской епископской кафедрѣ Виссаріону (1892 годъ), святыня представляла собою образчикъ запустѣнія. Въ ней жили чуть ли не всего два монаха, больше бражничали, а меньше «спасали душу». За вино отдавали они монастырскіе покосы сосѣднимъ крестьянамъ, работой не занимались. Преосвященный Виссаріонъ взглянулъ строго на гнѣздо запущенія и хотѣлъ было уже закрыть пустынь, а дармоѣдовъ поселить въ какомъ-либо другомъ монастырѣ; онъ уже и распорядился насчетъ ихъ, но пустынь заселили монахини, и она ожила и приняла подобающій ей видъ. Не въ подобныхъ ли поступкахъ архіереевъ синодъ усматривалъ либерализмъ и «связывалъ крылья», и старался расправить ихъ у тѣхъ владыкъ, которые отнюдь не были склонны къ живой, вѣкелейной, дѣятельности?

Ярко обрисованный Лѣсковымъ Смарагдъ Крыжановскій (скончавшійся 11 ноября 1863 года въ санѣ рязанскаго архіепископа) былъ, собственно говоря, явленіемъ исключительнымъ. Онъ выдѣлялся крутостью нрава, но и образованіемъ. Съ губернаторами онъ вообще не ладилъ, все равно, какъ не клонилъ выи и передъ синодскими силами. Что губернаторы, если даже оберъ-прокурору, могущественному графу Протасову, Смарагдъ не задумался выразить свою досаду послѣ пониженія, а именно перевода изъ Астрахани въ Орелъ. Какъ Смарагдъ кипѣлъ и дѣйствовалъ «духовнымъ мечомъ», т.-е. «своимъ грознымъ словомъ», видно изъ того, что за 32 года своего епископства онъ перемѣнилъ семь епархій!.. Губернатора онъ «бодалъ», пожалуй, что и по «завѣту»: на орловскихъ губернаторовъ первой половины минувшаго вѣка въ обычаѣ было «ополчаться» или по крайней мѣрѣ бранить ихъ.

Знаменитый Алексѣй Петровичъ Ермоловъ поселился въ Орлѣ, близъ котораго находилась его деревня Лукьянчиково ¹⁾, послѣ отставки въ 1827 году. Еще цѣлъ и теперь ермоловскій домикъ рядомъ съ оградой архіерейскаго дома. Тутъ прожилъ герой 1812 года и Кавказа сѣрые дни бездѣйствія, навѣщая старика-отца, не пуская на порогъ къ себѣ чиновниковъ и изливая желчь и досаду въ бесѣдахъ съ архіереемъ Гавріиломъ, который запросто являлся къ нему, какъ ближайшій сосѣдъ и единомышленникъ ²⁾.

Ермоловъ погребенъ въ Орлѣ, въ церкви Троицы при кладбищѣ; онъ скончался въ Москвѣ 12-го апрѣля 1861 года, когда орловскимъ губернаторомъ былъ В. И. Сафоновичъ. Въ концѣ вѣка о Сафоно-

¹⁾ Теперь собственность гг. Роменскихі.

²⁾ Гавріаль (Розановъ)—умеръ 1858 г. въ санѣ архіепископа тверскаго—ждетъ своего биографа. Жизнеописаніе его, составленное Серафимовымъ, нуждается въ дополненіяхъ. Любопытно, что, дружа съ Ермоловымъ, Гавріаль въ то же время переписывался съ императоромъ Александромъ Павловичемъ.

вичѣ вспоминали, когда хотѣли сравнить начальника губерніи съ песочными часами. Впрочемъ, по преданію, онъ былъ кротокъ и добродушенъ сообразно своимъ годамъ, число которыхъ, будто бы, равнялось лѣтамъ Нестора, когда этотъ послѣдній снаряжалъ 90 кораблей въ походъ на Трою. Изъ всѣхъ дѣлъ, запечатлѣнію въ потомствѣ подлежащихъ, только одно переступило черезъ рядъ земскихъ давностей: черезчуръ поздняя женитьба его превосходительства. Послѣ Сафоновича губернаторствовалъ графъ Николай Васильевичъ Левашовъ, на память о которомъ въ городѣ остались башня (по-мѣстному: дылда) и спускъ около городского сада, надъ которымъ трудились «несчастненькіе». При графѣ Левашовѣ построены каменный театр. За Левашовымъ Орловской губерніей управлялъ М. Н. Лонгиновъ; до него промелькнулъ, какъ метеоръ, князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій. Я зналъ послѣдующаго тихаго К. Н. Боборыкина, владычество котораго длилось долго и, кажется, не сопровождалось никакими внутренними потрясеніями. Губернаторы перечислены мною для того, чтобы показать, какъ ошибочны были предположенія орловцевъ, думавшихъ встрѣтить въ каждомъ вновь назначенномъ архіереѣ—«бодящаго козла», а въ каждомъ новомъ губернаторѣ—«задорнаго пѣтуха». Штатскіе звѣздоносцы не считали нужнымъ воевать съ монашествующими звѣздоносцами уже и потому, что одни изъ нихъ, въ состояніи песочныхъ часовъ, врядъ ли могли «зѣло радѣть по службѣ», другіе (какъ графъ Левашовъ, и въ особенности князь Лобановъ-Ростовскій) носили въ себѣ дипломатическіе конвенансы, такъ сказать, отъ молодыхъ ногтей, третьи (Лонгиновъ) понимали, что отъ мирнаго разрѣшенія задачъ чиновничьей тактики зависитъ движеніе по службѣ и прекрасное расположеніе духа во время покоя; четвертые (Боборыкинъ) слишкомъ слѣдили за собственнымъ душевнымъ равновѣсіемъ, чтобы заводить «недоразумѣнія» съ архіерейскимъ домомъ. Былъ, наконецъ, и такой губернаторъ, который архіерею могъ быть только пріятель; это—А. Р. Шидловскій. Онъ отличался дѣловитостью, сухостью и, по мнѣнію исправниковъ, ненужнымъ правдолюбіемъ. Иные находили у него сходство со... Свифтомъ! Очень можетъ быть, что въ молодости, когда и бурьянъ имѣетъ свою привлекательность, А. Р. Шидловскій напоминалъ гениальнаго англійскаго сатирика лицомъ, но на вечерней зарѣ жизни лицо генерала скорѣе давало представленіе о прусскомъ фельдмаршалѣ Мольтке. Откуда же взялось уподобленіе Свифту? Кажется, изъ того, что губернаторъ не испытывалъ никакой потребности въ самомъ свѣтломъ чувствѣ. Клеопатры и Тамары есть въ любой самой захолустной палестинѣ; Молчалины женятся на нихъ, чтобы далеко шагнуть. И вдругъ—начальникъ губерніи, равнодушный къ пластическимъ формамъ и бесѣдующій съ богинями не болѣе пѣжно, чѣмъ съ полицеймейстеромъ, у котораго «все обстоитъ благополучно»,

или съ поваромъ, заказывая ему обѣдъ!.. Ну, какъ же онъ не Свифтъ? Свифтъ, Свифтъ!..

Губернаторъ-«мизантропъ» не оставилъ по себѣ нѣжныхъ воспоминаній въ провинціальномъ болотѣ; о немъ даже купечество скоро забыло, на томъ простомъ основаніи, что А. Р. Шидловскій никогда ни у кого не кредитовался, займы не бралъ и дѣйствовалъ какъ человѣкъ матеріально весьма обеспеченный; словомъ, долговъ не оставилъ послѣ себя. Служба при немъ подтянулась.

Шидловскій и епископъ Симеонъ (впослѣдствіи минскій) смотрѣли на толпу поверхъ нея, отчего они и не замѣчали ни пластическихъ формъ, ни богинь, впивавшихся въ нихъ горящими глазами, причемъ, когда касалось владыки, «дамы общества», натурально, отодвигались на второй планъ купчихами. Преосвященный Симеонъ появился на орловской кафедрѣ въ 1883 году, замѣнивъ скончавшагося 31-го декабря 1882 года Ювеналія Карюкова. Этотъ хилый святитель, казалось, пришелъ такъ издалека, что надобно было перелистать добрую половину нашей церковной исторіи, чтобы узнать, къ какой же эпохѣ онъ больше всего подходитъ. И вотъ думалось, что преосвященному Симеону роднѣе всего псковскій періодъ пятнадцатаго вѣка, когда около славнаго города, основаннаго св. княгиней Ольгой, стали возникать и возникли двѣнадцать новыхъ обитателей. Тогда было пламенно стремленіе къ достиженію иноческаго идеала, и отдѣльныя лица могли воистину служить «правиломъ вѣры, образомъ кротости, учителемъ воздержанія». Тогда-то являлись молитвенники, которыхъ современники не зря называли «желѣзными»: такъ могуче и неустанно было ихъ подвижничество. Преосвященный Симеонъ завелъ въ орловскихъ кафедральныхъ соборахъ службы истовыя, длительныя, благолѣпныя. Онъ любилъ красоту въ богослуженіи, разсуждая, что внѣшнее не можетъ не восполнять внутренняго, и былъ любитель пѣснопѣнія, такъ что обратилъ вниманіе на хоръ, поручивъ его знатоку-священнику. Самъ выносливый; какъ псковскій «желѣзный» Евфросинъ XV вѣка, Симеонъ приучилъ и орловцевъ къ длительнымъ службамъ; впрочемъ, не ихъ однихъ. Престарѣлая мать владыки и пожилая сестра его выстаивали службы до конца, сколько бы часовъ онѣ ни шли. Общественная молитва служила для этого епископа какъ бы продолженіемъ келейныхъ молитвъ: онъ жилъ и дышалъ ихъ ароматомъ и такъ мало принадлежалъ землѣ и земному! Совсѣмъ, что называется, келейный, полуаскетъ, полупустынный, Симеонъ, думаю я, непосредственно не управлялъ епархіей. При такихъ, какъ онъ, консисторскимъ «законникамъ» — «жизнь—умирать не надо»... Между тѣмъ, какъ разъ склоннаго къ келейному уединенію, болѣе надземнаго, чѣмъ земнаго жителя, епископа Симеона перевели въ Минскъ. Но минская архіерейская кафедра, въ силу этническаго порядка вещей—кафедра проповѣдни-

ческая, то-есть по-своему—боевая, гдѣ архипастырь съ духовенствомъ вынуждены вести борьбу прежде всего съ не дремлющимъ католичествомъ, а затѣмъ—съ лютеранствомъ и возникающими сектами. При такой наличности, важны не только личныя достоинства владыки, а и темпераментъ его и общій методъ его служенія дѣлу церкви и православію.

Все это я вель къ тому, чтобы сказать, какой близорукостью отличался синодъ въ недавнемъ прошломъ времени, когда раздавалъ ярлыки: «либераль» (еп. Виссаріонъ), «борецъ-активникъ» (еп. Симеонъ) и т. п. тѣмъ, кто въ этакихъ ярлыкахъ вовсе не пуждался и къ кому они ничуть не приставали.

Однако, синодъ самъ по себѣ—звукъ безсодержательный. Какъ звукъ, онъ доставляетъ то или другое ощущеніе, пріятное или непріятное, когда изъ состоянія покоя выходитъ сила, или—«реальная среда», засѣдающая въ старомъ зданіи на берегу Невы. Эта совокупная сила—синодалы, тѣ «кирь-преосвященнѣйшіе», которые по-своему вяжутъ и разрѣшаютъ, и толкуютъ православіе. Случается, что православныя воззрѣнія отдѣльныхъ слагаемыхъ синодальной силы залетаютъ до курьезнаго далеко. Такой-то случай постигъ покойнаго выдающагося профессора, доктора богословія Алексѣя Петровича Лебедева (14-го іюля 1908 года).

Профессоръ Алексѣй Петровичъ Лебедевъ скончался отъ рожистаго воспаленія, заразившись въ банѣ; онъ умеръ на 65-мъ году жизни и такъ былъ добръ и крѣпокъ, что смерть могла плѣнить его только съ помощью печальной случайности. Послѣ него осталось много любопытныхъ бумагъ, которыя поступили, кажется, къ священнику Сахарову, какъ душеприказчику... Я былъ у Алексѣя Петровича въ началѣ 1908 года: отвозилъ ему книжку «Русскаго Архива» и, отъ имени П. И. Бартенева, предлагалъ сотрудничество въ его журналѣ: профессоръ обѣщалъ. Издателя «Русскаго Архива» съ силою повлекло къ А. П. Лебедеву послѣ того, какъ этотъ послѣдній выступилъ на защиту памяти московскаго митрополита Филарета, оскорбленной «Записками» С. М. Соловьева (въ «Вѣстникѣ Европы» 1907 г.). Лебедевъ благоговѣлъ передъ именемъ святителя, котораго извѣстный П. Я Чаадаевъ назвалъ «княземъ церкви», и помѣстилъ въ «Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ» талантливую, серьезно обоснованную и убѣдительную апологию Филарета. Разумѣется, статья прошла почти незамѣченной и едва ли ее прочитали многіе изъ тѣхъ, кто читалъ въ «Вѣстникѣ Европы» соловьевскія «Записки». Но покойный А. П. Лебедевъ никогда не гнался за широкою извѣстностью и даже свои выдающіеся учено-литературные труды по общей церковной исторіи, безъ которыхъ новѣйшему историку и не обойтись, рѣшился собрать и издать въ 10 томахъ лишь послѣ настоячивыхъ просьбъ почитателей и товарищей по наукѣ. Все, что составляетъ его духовное наслѣдство или чѣмъ откликнулся А. П. Ле-

бедевъ на новыя движенія въ церковной и общественной сферахъ, первоначально печаталось въ «Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Св. Отцовъ», «Богословскомъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Душеполезномъ Читаніи». Когда профессоръ Алексѣй Ив. Введенскій сложилъ съ себя, въ концѣ 1907 г., обязанности редактора послѣдняго журнала, то А. П. Лебедевъ не прочь былъ заступить редакторское мѣсто, но это не осуществилось. То обстоятельство, что покойникъ опредѣленно относился къ Филарету московскому и, стоя внѣ политическихъ партій, печатался преимущественно въ консервативныхъ изданіяхъ, а какъ твердый православный никогда не закрывалъ глазъ, напримѣръ, на теологическую дѣятельность А. Гарнака, разбирая ее по косточкамъ и распатывая ее съ талантомъ и искусствомъ доктора, — уже то обстоятельство, казалось бы, должно было предохранять нашего богослова отъ инквизиціонныхъ подозрѣній. Не тутъ-то было! Кустоды казеннаго православія взяли подъ сомнѣніе профессора, который въ продолженіе четверти вѣка сіялъ звѣздой первой величины въ московской духовной академіи. Цѣлыхъ 25 лѣтъ (1870—95)!.. И въ 1895 году А. П. Лебедевъ разстался со своей alma mater; о причинахъ, заставившихъ его уйти изъ академіи, Алексѣй Петровичъ не любилъ говорить даже тамъ, гдѣ онъ встрѣчалъ только полное сочувствіе и расположеніе къ себѣ, но какой же это секретъ, что гоненіе было воздвигнуто противъ его «Вселенскихъ соборовъ»? Духовная цензура усмотрѣла въ этомъ трудѣ такую же ересь, какъ, что ли, въ сочиненіяхъ богоискателя-Толстого, и изъяла капитальное произведеніе изъ семинарскихъ библиотекъ. Въ то время (1895 г.) московскимъ митрополитомъ былъ Сергій (Ляпидевскій)—какъ его называли—собиратель, потому что высокопреосвященный обнаружилъ передъ своею кончиною скопленные имъ 525 тысячъ рублей, — и филаретикъ, такъ какъ онъ пользовался благоволеніемъ знаменитаго Филарета (Дроздова). Ранѣе филаретиковъ были платоники, дѣятели церкви, мужавшіе подъ наблюденіемъ (тоже московскаго) митрополита, извѣстнаго Платона Левшина; изъ платониковъ въ особенности прославились: Августинъ (Виноградскій), неразрывный съ двѣнадцатымъ годомъ; Амвросій (Протасовъ), знаменитый витія, и Амвросій (Серебренниковъ), который также удивительно говорилъ и вдобавокъ перевелъ Мильтоновъ «Потерянный рай».

Филаретикъ, но не Филаретъ, а только Сергій—онъ лишилъ духовную академію Лебедева, для того, чтобы этого пригласилъ на кафедру университетъ, и московскій—не замедлилъ съ приглашеніемъ. Нѣсколько годовъ позже то же повторилось съ профессоромъ В. О. Ключевскимъ... Ясное дѣло, что А. П. Лебедевъ ничуть не прогадалъ отъ перемѣщенія, а напротивъ—еще выигралъ. Университетъ вѣдь университетъ! А онъ для университета явился такою же самой желанной находкою, какою былъ раньше канонистъ-свѣ-

тило А. С. Павловъ. Въ концѣ концовъ вышло вотъ что: митрополитъ Сергій счелъ А. П. Лебедева неудобнымъ для московской духовной академіи, а она словно бы сочла неудобнымъ для себя взгляды митрополита; въ самомъ дѣлѣ, умеръ Сергій—и академія избрала профессора А. П. Лебедева въ свои почетные члены. Кальдеронъ сказалъ бы: «въ этой жизни—все правда и все ложь»¹⁾.

VI.

Нѣсколько строкъ о Михаилѣ Иларіоновичѣ Михайловѣ.—Тургеневскіе прототипы.

Исходя изъ убѣжденія, что репутаціи мертвыхъ нельзя повредить, я открываю «секретъ». Какъ извѣстно, И. С. Тургеневъ упомянулъ въ романѣ «Новь» о «князѣ Коврижкинѣ», «лакеѣ-энтюзіастѣ». Намекъ былъ слишкомъ прозраченъ, и въ «Русскомъ Архивѣ» (1890 года) былъ напечатанъ не менѣе выразительный отвѣтъ Неизвѣстнаго:

Талантъ свой онъ зарылъ въ «Дворянское гнѣздо».
Съ тѣхъ поръ бездарности на немъ отъѣнокъ жалкій,
И падшій сей талантъ томится приживалкой
У спадшей съ голоса пѣвицы Віардо.

Отвѣтъ вылился изъ-подъ пера князя П. А. Вяземскаго, благородство котораго засвидѣтельствовано, между прочимъ, декабристами.

«Дворянское гнѣздо», романъ не увядающій, несмотря на 50 лѣтъ, протекшихъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ написанъ (1858 г.), вознесъ тургеневскую славу, окрыленную «Записками Охотника». «Дворянское гнѣздо» понравилось и славянофиламъ и западникамъ. Любопытно: съ кого списаны Тургеневымъ Лиза и Лаврецкій и такъ

¹⁾ Когда въ Петербургъ пріѣхалъ высшій представитель англиканской церкви, то синодальный «первенствующій» устроилъ въ честь него торжественную трапезу. Въ числѣ приглашенныхъ къ столу былъ и высокопреосвященный Сергій московскій. За ухой и послѣ ухи о чемъ же могли еще разговаривать владыки, если не «о мирѣ всего міра, благостояніи святыхъ Божіихъ церквей и соединеніи всѣхъ ихъ», съ добавленіемъ взаимныхъ любезностей? По слухамъ, владычьи сердца изливались по-англійски, по-латыни и по-французски, причемъ кириль Сергій долго напрягалъ слухъ, пока самого его не «подмыло», и ему захотѣлось сказать что-то великобританскому гостю. И вотъ,—опять-таки по слухамъ,—онъ подымается съ мѣста. Все смолкло.

— Я, къ сожалѣнію, не могу васъ, владыко, привѣтствовать и благодарить за пріѣздъ къ намъ ни по-англійски, ни по-латыни, ни по-французски,—смирно заговорилъ Сергій на московскомъ языкѣ, смотря на гостя, его не понимающаго.—Но я скажу то вамъ на болѣе близкомъ мнѣ языкѣ: не полднъ ѣти, дѣспота.

И величественно сѣлъ.

мастерски выдержанный отъ начала до конца. Лемма? Въ 80-хъ годахъ мнѣ приходилось слышать, что для Лемма послужилъ покойный Генчель, чей музыкальный магазинъ на Болховской улицѣ въ Орлѣ извѣстенъ былъ въ продолженіе долгаго ряда лѣтъ. Точно ли это, или нѣтъ,—судить не берусь. А Лаврецкій? Касательно его я уже писалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (22 августа 1908 года): орловскіе старожилы видѣли въ лицѣ Лаврецкаго Н. П. Барышникова. «Я имѣлъ удовольствіе знать его уже какъ лунь сѣдого и все-таки привлекательнаго; Н. П. былъ помѣщикъ и уважаемый общественный дѣятель. Личная жизнь его была надтреснута; онъ зналъ недолгое счастье и, можетъ быть, подобно Лаврецкому, называлъ свое прошедшее темнымъ призракомъ и носилъ въ сердцѣ незаживающую рану. Барышниковъ («Лаврецкій») и самъ пописывалъ». Въ «Русскомъ Архивѣ» найдется не одна его статья ¹⁾. Къ этому можно добавить, что Барышниковы состояли съ Тургеневыми въ родствѣ. Что до Лизы Калигиной, то мои свѣдѣнія объ этой чудной дѣвушкѣ нѣсколько разнятся отъ того, что я прочиталъ въ журналѣ А. В. Круглова «Дневникъ Писателя» (апрѣль 1908 г.). Тамъ, со словъ г-жи Е. Штольдеръ, передается, что Лиза Калигина (Кологривова) постриглась въ тульскомъ монастырѣ, а потомъ переѣхала въ орловскій, гдѣ она и умерла въ схимѣ (Макарія) три года тому назадъ (т.-е. въ 1905 (?) году).

Между тѣмъ, досточтимая настоятельница орловскаго монастыря Евпракія (Россетъ) вотъ что недавно мнѣ писала: «Матушка Макарія была изъ рода Коротневыхъ, но не Кологривовыхъ, поступила въ молодыхъ годахъ въ Черногорскій своекоштный монастырь въ полтора верстахъ отъ города Михайлова, Рязанской губерніи, и жила тамъ лѣтъ девять подъ руководствомъ старцевъ. Желая узнать жизнь обитателей общинныхъ, съ благословенія старцевъ перешла въ городъ Вязьму, въ общину, гдѣ пробыла лѣтъ девять, и затѣмъ перешла уже въ орловскій Введенскій монастырь. Ея имя отъ св. купели было Евдокія, въ рясофорѣ—Митрофанія, а въ мантии и схимѣ Макарія, потому что святитель Митрофаній былъ также въ схимѣ Макарій. Постриженіе въ мантию было 17 марта 1870 года, а въ схиму—17 февраля 1873 года. Матушка Макарія была многіе годы ризничею монастыря и по болѣзни (сломанная и не сросшаяся кость ноги), не выходя изъ келіи, ревностно исполняла свое послушаніе. Въ келіи же неопустительно вычитывались всѣ службы церковныя. День ея кончины—22-е апрѣля 1902 года. Похоронена она на кладбищѣ, которое находится въ оградѣ монастыря, близъ св. храма».

Добавлю, что Евдокія Коротнева родилась 11-го іюня 1825 года.

Въ металлической оградѣ, гдѣ могила схимницы Макарії, крестъ говорить еще о двухъ могилахъ схимницъ.

¹⁾ Сотрудничала Н. П. Барышниковъ и въ «Русской Старинѣ» 70—80-хъ годовъ.

Въ глубинѣ Сибири, за неогляднымъ Байкаломъ, или, на языкѣ мѣстныхъ жителей, «Святымъ моремъ», находится Нерчинскій заводъ и рудникъ Кадаа. Тамъ, возлѣ самаго селенія, видится на возвышенности могила, уложенная камнями. Въ изголовьи ея стоитъ двухсаженный крестъ съ надписью:

«Михаиль Ларіоновичъ Михайловъ. 1867».

Это—могила извѣстнаго поэта-переводчика, романиста и защитника женскихъ правъ. У Г. Н. Геннади въ «Свѣдѣніяхъ о писателяхъ, умершихъ въ 1865 году» («Русскій Архивъ», 5—6, 1867 г.), равно какъ и въ его соотвѣтственномъ «Словарѣ», читаемъ: «онъ (Михайловъ) скончался 3-го августа 1865 года на Каинскомъ приискѣ Восточной Сибири, куда былъ сосланъ въ 1861 году на 6 лѣтъ въ рудники, по дѣлу о возмутительныхъ прокламаціяхъ». 3-е августа 1865 года, какъ день, мѣсяцъ и годъ кончины Михайлова, повторяется и теперь. Г-нъ Мих. Лемке пишетъ: «Михайловъ... принялъ 3-го августа 1865 года цѣанъ-кали и черезъ нѣсколько минутъ былъ уже мертвъ». (Политическіе процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевскаго. Стр. 84).

Откуда же взялось и что значить на крестѣ намогильномъ «1867»?

Рядомъ съ крестомъ надъ прахомъ Михайлова стоятъ еще 4 креста: три съ польскими надписями и одинъ съ русскою.

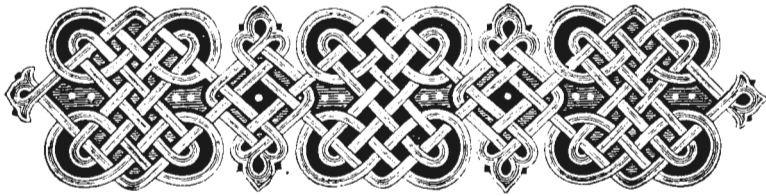
Среди мѣстныхъ стариковъ есть, которые лично знали Михаила Иларіоновича Михайлова. По ихъ словамъ, онъ пользовался свободой: въ тюрьмѣ не жилъ, а снималъ квартиру въ деревнѣ, вмѣстѣ съ тремя поляками. Пользовался уваженіемъ; его часто навѣщали знакомые, да и администрація хаживала къ нему въ гости. Такъ жилъ онъ лѣтъ 5—6. Послѣ его смерти пріѣзжала нѣкая дама и сдѣлала нѣсколько фотографическихъ снимковъ.

Таковы нынѣшнія воспоминанія кадаякскихъ стариковъ о томъ, кто сказалъ:

Вечеромъ душнымъ, подъ черными тучами насъ похоронить;
Молвія вспыхнетъ, заропщетъ рѣка, и дубрава застонетъ;
Ночь будетъ бурная; необозримою властью могучи,
Гробомъ, огнемъ и дождемъ разразятся угрюмыя тучи—
И надъ могилами нашими, радостный день предвѣщая,
Радуга утро раскинетъ по небу отъ края до края.

Павелъ Россіевъ.

КНЯЗЬ ГРИГОРІЙ.

(Воспоминанія его крѣпостной) ¹⁾.

Х.

ВЪ ПАВЛОВСКОМЪ о свадьбѣ князя еще ничего не знали. Полина попрежнему хлестала всѣхъ по щекамъ и хвасталась, что какъ только князь вернется изъ поѣздки, такъ сейчасъ же на ней женится, и приказывала величать себя «вашимъ сіятельствомъ». По праздникамъ она цѣлые дни сидѣла разряженная на балконѣ, и тутъ же съ ея дочкой на рукахъ ходила и кормилица. Дѣвчонка вся въ атласѣ и кружевахъ, а кормилица въ дорогомъ кокошникѣ и шерстяномъ красномъ сарафанѣ.

По вечерамъ деревенскимъ дѣвкамъ было приказано приходить къ намъ въ село и передъ балкономъ, гдѣ сидѣла Полина, пѣть пѣсни и водить хороводы, а та, какъ настоящая барыня, бросала имъ съ балкона пряники и орѣхи. Разъ Полина взяла изъ рукъ кормилицы свою дочку и показала ее дѣвкамъ.

— Вотъ,—говорить,—смотрите, это ваша княжна!

А я въ это время съ ребенкомъ на рукахъ изъ-за угла сарая на нихъ смотрѣла и Павлику говорила:

— И ты гляди на эту дѣвчонку, она твоя сестрица—отецъ у васъ одинъ, только счастье не одно; ее люди будутъ называть княжной, а тебя холопомъ, и когда она вырастетъ, то тебя, какъ и другихъ, будетъ бить по щекамъ.

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣсти», т. СХVII, стр. 46.

Но мои тогдашние слова, слава Богу, не пришлось исполниться, — на другой же день царство Полины у нас кончилось.

Вдругъ приѣзжаетъ мой отецъ, вошелъ въ избу, перекрестился на образъ, мнѣ про князя ничего не сказалъ, только велѣлъ оповѣстить дворовыхъ, чтобъ они все собрались въ людскую, и ужъ тамъ объявилъ, что нашъ князь женился и скоро съ молодой княгиней прибудетъ въ Павловское. Потомъ сказалъ, что наша княгиня хоть и мелкопомѣстная, но изъ дворянскаго рода; а мать ея, старая Селищица, барыня продувная и не только все своихъ мужиковъ, но и дочерей держитъ въ ежовыхъ рукавицахъ. А нашу молодую княгиню вся ихъ дворня за ангела почитаетъ.

Тогда мы все перекрестились и сказали:

— Дай Богъ здоровья нашей молодой княгинѣ! Пусть лучше она надъ нами будетъ госпожой, чѣмъ крѣпостная дѣвка.

Тутъ двѣ бабы впередъ выскочили:

— Пойдемъ, — говорятъ, — всей дворней къ Палашкѣ, отдуемъ ее за все обиды.

Но мой отецъ какъ закричитъ на шхъ:

— Ни съ мѣста! Кто хоть пальцемъ до Пелагеи дотронется, того князь приказалъ отодрать.

И отецъ одинъ пошелъ къ Полинѣ. А та, когда узнала, что князь женился, хотѣла моему отцу плюху дать, но тотъ не позволилъ ей себя ударить — за руки схватилъ.

— Довольно, — говоритъ, — тебѣ, Пелагея, надъ нами мытариться, очищай мѣсто для законной княгини, а тебѣ съ дочкой князь вольную прислалъ и приказалъ собирать свое добро и уѣзжать куда хочешь.

— Ты врешь, — кричала Полина: — князь не женился, ты это со своей дочкой придумалъ, чтобы меня выжить отсюда, а на мое мѣсто ее посадить; развѣ, кромѣ меня, кто можетъ совладать съ княземъ, онъ безъ меня со скуки умретъ, я одна умѣю ему потрафлять и никто, кромѣ меня, не будетъ вашей княгиней!

— Говорятъ тебѣ русскимъ языкомъ, что князь уже женатъ, — сказалъ отецъ: — не шуми понапрасну, Пелагея, складывай свое добро, а то, смотри. наши дворовые за все твои обиды собираются тебѣ кости помять.

Полина сразу притихла и стала спрашивать, красива ли молодая княгиня, а вечеромъ въ этотъ же день начала добро въ сундукки укладывать и не только въ нихъ свое добро совала, но и княжеское — съ половъ ковры снимала, кладовыя опустошила.

Мой отецъ только сзади ея ходилъ и повторялъ:

— Побойся Бога, Пелагея, — молодой княгинѣ ты пустой домъ оставляешь.

Не отдавать же ей княжескія вещи отецъ не смѣлъ: князь ему строго наказывалъ не мѣшать Полинѣ брать все, что она захочетъ.

Когда она съ дочкой садилась въ экипажъ, дворовые ее обступили и громко ругали. Полина испугалась и начала просить моего отца и старосту Анисима, чтобы они ее проводили.

Староста разогналъ народъ и сѣлъ съ ней рядомъ въ экипажъ. Когда они уже поѣхали, деревенскіе мальчишки бѣжали за ними и кричали:

— Проваливай, колдунья, проваливай, цыганская потеряха!

XI.

Когда уѣхала Полина, мы начали приготовляться къ пріѣзду ихъ сіятельствъ. Распоряжались работами мой отецъ и староста Анисимъ; они и меня взяли со скотнаго двора помогать садовнику вить гирлянды изъ зелени для комнатъ.

День, въ который наши молодые пріѣдутъ, намъ былъ извѣстенъ. Къ этому дню староста заставилъ деревенскихъ мужиковъ и бабъ возить съ поля песокъ къ нашему селу. Поле было отъ насъ въ двухъ верстахъ. У которыхъ мужиковъ не было лошадей, тѣ песокъ носили на спинахъ въ кошеляхъ и дорогу, по которой поѣдутъ ихъ сіятельства мужики на цѣлую версту усыпали желтымъ пескомъ. На мірскія деньги былъ купленъ серебряный подносъ, чтобы на немъ поднести князю и княгинѣ отъ крестьянъ хлѣбъ-соль; а дворовыя бабы и горничныя ночей не спали—все работали: кто вышивалъ полотенце для молодой княгини, кто коверъ подъ ноги, чтобы ихъ сіятельствамъ было мягко ступить на свою землю, когда они выйдутъ изъ экипажа.

И вотъ, разъ утромъ, заслышали мы нашъ колокольчикъ, и вся дворня, какъ одинъ человекъ, выбѣжала на дворъ.

Староста схватилъ подносъ съ хлѣбомъ-солью отъ крестьянъ; мой отецъ—отъ дворовыхъ молодымъ подносилъ крендель. Священникъ въ ризѣ и съ крестомъ въ рукахъ уже стоялъ на крыльцѣ—и только экипажъ вѣхалъ во дворъ, какъ пѣвчіе грянули «многая лѣта!»

Князь и княгиня взошли на крыльцо и сейчасъ же передъ священникомъ на колѣнки опустились; а тотъ крестомъ ихъ благословилъ и окропилъ святой водой.

Молодая княгиня была небольшого роста и тоненькая, что тростиночка, а волосы у ней, какъ у ангела, по плечамъ распущены и кольцами вились. И такая была не гордая: когда горничныя хотѣли къ ея рукѣ подойти, она руки не дала, а со всѣми въ губы поцѣловалась. Еще въ шляпкѣ и накидкѣ княгиня побѣжала по комнатѣ и, словно ребенокъ, отъ радости смѣялась, всему дивилась. Прежде ей такое богатство и во снѣ не снилось!

Когда же княгиня сбросила со своихъ плечъ накидку, мы ее начали разсматривать; изъ чего-то стараго она была передѣлана. Сели-

щихъ и не изъ чего было хорошаго приданаго за дочкой дать: по ревизіи за ней было только шесть душъ; а деньги, что она себѣ на похороны по копейкамъ скопила, всѣ попу за вѣнчанье нашего князя отдала.

Пока молодая княгиня осматривала комнаты, лакеи вынули изъ экипажа ея сундучокъ; и что смѣху-то было надъ этимъ сундукомъ!

— Ну, и сундукъ же съ приданнымъ у нашей княгини!—говорили дворовые:—въ цѣлый аршинъ!

Старшая горничная, которая еще служила при матери князя, подошла къ молодой княгинѣ и, словно нарочно, спросила:

— Ваше сіятельство, какое платье прикажете вамъ къ обѣду достать?

Княгинюшка сконфузилась.

— Зачѣмъ, —говорить, —мнѣ переодѣваться, я въ этомъ платьѣ, что на мнѣ, буду и обѣдать.

А потомъ мы узнали, что въ ея сундукѣ только и было одно платье, бѣлое кисейное, съ розовыми цвѣточками, то самое, въ которомъ она и вѣнчалась.

Вотъ какая бѣдная была взята наша княгинюшка!

Народъ дивился и на нашего князя, что онъ на свою молодую жену вниманія не обращалъ. Та возлѣ него, какъ птичка, щебечеть; а князь на нее и не глядитъ. Походилъ съ ней минутку по комнатамъ, а потомъ пошелъ въ свой кабинетъ.

Въ этотъ же день вечеромъ приходитъ ко мнѣ на скотный дворъ мой отецъ. Сѣлъ на лавку и молчить.

Я гляжу на него; а онъ не то сердитый, не то скучный.

— Чего, батя, —спрашиваю, —ты сегодня скривился, словно старый заборъ?

— Молчи, —махнулъ онъ рукой:—мнѣ не до тебя! Князь не въ духѣ и на меня осерчалъ.

Тутъ отецъ обвелъ глазами всю избу и печку; видитъ, мы одни и началъ рассказывать, что князь отъ кого-то по дорогѣ узналъ, что барышня Елизавета Николаевна вернулась въ Никольское.

— Я тебѣ всегда твердилъ, —сказалъ отецъ:—что нашъ князь барышню Елизавету Николаевну больше любитъ, чѣмъ Полину; вотъ онъ теперь рветъ и мечетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ женился, Елизавета Николаевна для него пропала; а свою жену нашъ князь совсѣмъ не любитъ—онъ мнѣ и сегодня сказалъ:

— Я никогда княгинѣ не прощу, что она мнѣ сама навязалась...

При этомъ моего отца дернуло сказать князю, что онъ отъ дворовыхъ изъ Никольскаго слышалъ, будто ихъ барышня опять уѣзжаетъ туда, гдѣ она гостила, и что тамъ къ ней богатый женихъ сватается.

При его словахъ князь нахмурился и началъ свой усъ дергать.

Отецъ видитъ, что оплошалъ, и вмѣсто того, чтобъ дѣло попра-

вить, еще хуже испортилъ — началъ говорить о молодой княгинѣ, что она лицомъ не хуже Елизаветы Николаевны; а князь какъ крикнуть:

— Ну тебя къ чорту съ твоей молодой княгиней!

Отецъ замолчалъ; и князь молчить.

Черезъ нѣсколько времени ихъ сіятельство заговорили и уже ласково:

— Я знаю, что ты, старикъ, меня любишь... И если бы ты отплатилъ за меня и поджегъ господскій домъ въ Никольскомъ, а вмѣстѣ съ нимъ поджарилъ бы и мою бывшую невѣсту, я, кажется, для тебя бы и тысячи не пожалѣлъ.

Отецъ испугался, какъ бы князь и въ самомъ дѣлѣ не вздумалъ спалить Никольское.

— Это,—говорить,—ваше сіятельство, мы худое дѣло задумали и намъ поступать такъ не годится.

— Какъ ты смѣешь меня учить!—закричалъ князь:—я давно знаю, что ты такой же мерзавецъ, какъ и всѣ другіе. Одна Полина мнѣ умѣла потрафлять... Пошелъ вонъ и не смѣй мнѣ на глаза показываться!

Въ тотъ разъ отецъ такъ огорчился, что всю ночь глазъ не сомкнулъ.

На другой день поутру князь съ молодой женой по двору рядышкомъ ходили, свое хозяйство осматривали. Пришли и на скотный дворъ, потомъ зашли и въ нашу избу. Я въ это время Павлика въ люлькѣ качала. Княгиня меня сразу узнала.

— Я,—говорить,—эту дѣвочку вчера въ дѣвичьей видѣла.

А сама глазами зыркѣ въ люльку.

— Кого ты качаешь? брата?

— Нѣтъ,—говорю,—ваше сіятельство, это мой сынъ Павликъ. Княгиня удивилась.

— Неужели ты замужемъ?

Я въ землю глаза опустила, жду, чтобы князь за меня отвѣтили, — они недалеко отъ насъ стояли и въ избѣ стѣну разсматривали. У меня же эта стѣна, чтобъ не забыть мнѣ писать, вся была углемъ исписана, и писала я на ней все одно и то же: «Мой Павликъ сынъ князя».

Ихъ сіятельство, должно быть, мое писаніе прочитали: лицо у нихъ сразу сдѣлалось злое, потомъ дернули свой усъ и пошли къ двери.

На порогѣ остановились и кликнули княгиню:

— Пойдемъ, Ольга, полно тебѣ разговаривать!

За дверь ихъ сіятельствъ проводила Василиса, и она слыхала, какъ княгиня своего мужа спросила про меня. Князь сквозь зубы отвѣтилъ:

— У меня поваръ красивый былъ.

Мы съ Василисой догадались, что князь повара Николая приплелъ мнѣ въ полюбовники. И такъ мнѣ это было обидно, даже и рассказать нельзя!

XII.

Для молодой княгини начали шить бѣлье. Старшая горничная вспомнила, что и я хорошо шью, объ этомъ доложила княгинѣ, и та приказала мнѣ сдать Павлика на руки Василисѣ, а самой опять быть горничной.

Я хоть и знала, что Василиса баба хорошая и до дѣтей жалостливая, а все-таки я испугалась, что Павликъ будетъ расти не на моихъ материнскихъ глазахъ. Побѣжала я къ княгинѣ, упала ей въ ноги и говорю:

— Ваше сіятельство, явите Божескую милость, позвольте мнѣ хоть на ночь приходить къ ребенку.

Княгиня не только позволила мнѣ почевать на скотномъ дворѣ, но даже сказала:

— Ты можешь своего мальчика другой разъ и днемъ принести въ дѣвичью: я очень люблю маленькихъ дѣтей, и мы твоего Павлика всѣ будемъ нянчить.

Князь же, когда увидѣлъ, что я сижу въ дѣвичьей, сейчасъ же моему отцу и намекнулъ:

— Ты, Евсей, скажи своей дочкѣ, чтобы она передъ княгиней языка не распускала!

Князь, должно быть, боялись, чтобы княгиня не узнала, кто отецъ Павлика, а я и безъ приказанія князя объ ихъ грѣхѣхъ не стала бы княгинѣ рассказывать; зачѣмъ ее было огорчать: она и сама была несчастная; мы всѣ ее жалѣли.

Нехорошо князь обходился съ женой: пройдетъ ли княгиня по комнатѣ, скажетъ ли какое слово,—все было не по немъ, все было худо. Другого названія для нея не было, какъ «деревенщина» или «необразованная дура».

Первая же ссора между княземъ и княгиней была изъ-за насъ, горничныхъ.

Принесли намъ изъ людской въ дѣвичью обѣдъ, какъ обыкновенно, пустыя щи и для каждой горничной ломоть черного хлѣба. Тутъ случись княгинюшка, она взяла ложку и попробовала наши щи. Удивилась, что насъ такъ худо кормятъ.

— Моя маменька,—сказала княгиня,—хоть и бѣдная, а у нея дворовые лучше ѣдятъ. Вѣрно, князь объ этомъ не знаетъ.

Схватила чашку со щами и полѣтѣла къ князю въ кабинетъ. А князь ей голову за насъ, должно быть, намылилъ. Пришла назадъ вся въ слезахъ. Поставила чашку на столъ и говорить:

— Я еще не знала, что вашъ князь такой злой. Лучше бы я за мужика замужь вышла, чѣмъ за такого злого князя.

Ея слова, должно быть, были переданы князю нашей старшей горничной; она не любила княгиню за то, что та съ нами, молодыми, больше, чѣмъ съ ней, разговаривала. Въ этотъ же день князь раскричался на княгиню:

— Ты, Ольга, не умѣешь себя по-княжески держать — съ горничными дѣвками въ разговоры пускаешься!

А княгинюшка и вправду была простодушная: бывало, придетъ къ намъ въ дѣвичью, сидитъ у насъ и все рассказываетъ, — какъ она въ дѣвцахъ весело жила и въ гости къ сосѣдямъ ѣздила; даже про маменьку свою говорила:

— У насъ маменька строгая—и мы ее, обѣ дочери, какъ огня боялись. За вашего же князя я не хотѣла выходить замужъ; а маменька мнѣ говорить: «если ты за него не пойдешь и не сдѣлаешься княгиней, я тебя потомъ со свѣту сживу».

Князь же больше всего сердился на жену за то, что она была до крестьянъ жалостливая. Если, бывало, княгиня увидитъ, что кого-нибудь ведутъ съчь, то ее цѣлый день не уймешь—все плачетъ и князя упрекаетъ въ жестокости и говорить, что она у своей матери такого тиранства надъ людьми никогда не видала.

А что теперь княгиня у насъ видѣла, это были только цвѣточки, ягодки же будутъ впереди...

Къ нашему князю какія-то бумаги начали приходять, и отецъ мой все горевалъ, что у князя долговъ много и что срокъ приходитъ за имѣніе платить; у князя же какія были деньги, всѣ Полина съ собой увезла. И вотъ князь надумалъ съ моимъ отцомъ въ городъ поѣхать и во второй разъ заложить свое имѣніе.

Князь съ княгиней разстался ласково, поцѣловалъ ее и обѣщался скоро вернуться.

Но чрезъ нѣсколько дней изъ города пріѣзжаетъ мой отецъ безъ князя, только привезъ княгинѣ отъ ея мужа много подарковъ: шелковыхъ и шерстяныхъ матерій, нѣсколько шляпокъ и лисій мѣхъ на салопъ.

Княгинюшка подаркамъ обрадовалась; матеріи развѣсила въ гостиной по стульямъ, любитъ на нихъ; а шляпку то одну передъ зеркаломъ на себя примѣрить, то другую—молода вѣдь была наша княгинюшка, ей шель всего семнадцатый годокъ!.. Пока княгиня въ гостиной любовалась князевыми подарками, мой отецъ въ дѣвичьей рассказывалъ, что князь остался у Полины и что у той въ городѣ купленъ большой домъ и живетъ она, какъ настоящая барыня, держитъ двѣ прислуги, и что Полина очень обрадовалась, когда увидѣла нашего князя; а тотъ вмѣсто того, чтобы долги свои заплатить, — деньги, которыя получилъ за имѣніе, сорить на Полину. Мы сговорились, чтобъ объ этомъ передъ княгинюшкой молчать. И вдругъ дна черезъ два князь присылаетъ по почтѣ женѣ письмо. Упрекнулъ ее, что она со своей матерью его пьянаго на себѣ оженала, и гналъ изъ Павловскаго.

Это письмо княгинюшку испугало, и она сейчас же хотѣла уѣхать; а намъ было ее жалко отпускать изъ Павловскаго, и мы стали ее отъ поѣздки отговаривать. Она, впрочемъ, и сама передумала ѣхать къ матери.

— Какъ,—говорить,—я маменькѣ на глаза покажусь, какъ л ей скажу, что не умѣла привязать къ себѣ князя. Пусть лучше маменька сама ко мнѣ пріѣдетъ погостить,—она такая смѣлая и при ней я никого не буду бояться.

Въ этотъ же день княгиня и написала письмо къ своей матери, а чрезъ недѣлю и сама Селищица къ намъ прикатила.

Въ телѣгѣ подѣхать къ княжескому дому она постыдилась — за воротами ее оставила. По двору Селищица шла пѣшкомъ и всѣмъ дворовымъ, которые съ нею встрѣчались, говорила, что она князева теща. А мы, когда Селищица вошла въ комнату, думали, что это гренадеръ,—такая она была большая да толстая!

Княгинюшка, увидѣвъ свою маменьку, заплакала и бросилась къ ней на грудь.

— Зачѣмъ вы, маменька, меня погубили, зачѣмъ замужъ за князя отдали? Теперь дня не проходитъ, чтобы я слезами не обливалась!

А Селищица ей на это:

— За то, дочь моя, ты теперь княгиня, ваше сіятельство, и хоть слезы льешь, но не въ простой, а въ батистовый платокъ.

Потомъ она раздѣлась и говорить:

— Не бойся, княгиня, я съ твоимъ княземъ сумѣю совладать!.. А теперь прикажи своимъ лакеямъ подать мнѣ чего-нибудь закусить.

Въ этотъ день мы ожидали князя, и для него было приготовлено его любимое блюдо, заливной поросенокъ. И въ одинъ присѣсть Селищица этого поросенка и уплела.

XIII.

Мы каждый день поджидали князя, но они все не ѣхали, а въ это время Селищица уже начала у насъ хозяйничать и весь домъ повернула по-своему. У нея каждый человѣкъ долженъ былъ что-нибудь работать, даже дворовые мальчишки и дѣвчонки у насъ теперь не гуляли. Селищица ихъ заставляла съ корзиночками ходить по двору и собирать капустные листья, кочерыжки, окуски отъ яблоковъ, даже картофельная шелуха у насъ теперь не пропадала—все шло на кормъ коровъ и свиней... Что и говорить, Селищица была барыня хозяйственная,—она и въ деревню сходила, чтобы посмотрѣть, какъ живутъ наши мужики и бабы; а потомъ мы слышали, какъ она, разговаривая со своей дочкой, нашего князя бранила.

— Твой мужъ, хоть князь, а дуракъ; зачѣмъ онъ своихъ мужиковъ по міру пустилъ? Развѣ онъ не знаетъ, что если мужикъ разорень, то разорень и его баринъ! У вашихъ многихъ мужиковъ не только хлѣвы пусты, но даже и куриць нѣтъ. Пускай бы твой князь съ меня бралъ примѣръ, я хоть дворянка и мелкопомѣтная, а мои мужики на меня не пожалуются!

И Селищица правду говорила: ея мужикъ, что съ ней за кучера пріѣхалъ, въ людской рассказывалъ, что ихъ барыня хоть строгая, но разсудительная, — у каждаго изъ нихъ есть коровушка и лошадка, и что безъ толку Селищица своихъ мужиковъ не наказываетъ и розгами не сбѣчетъ, наказаніе же у нея для всѣхъ одно — ея кулаки.

Наша же княгинюшка, ожидая своего мужа съ Полной, совсѣмъ извелась.

— Дѣвушки, — скажетъ: — что же со мною-то будетъ, когда Полина сюда пріѣдетъ?

Да какъ съ горя заломить надъ головой ручки, да какъ заплачетъ!

А нашъ князь только понапрасну напугали княгиню — домой пріѣхали одни. И сначала все шло по хорошему: князь при встрѣчѣ съ женой поцѣловались; а тещу назвали маменькой и спросили про ея здоровье. Селищица была рада, что съ ней князь хорошо обошелся; бѣгала по комнатамъ веселая, ключами побрякивала и свою дочь все къ князю посылала:

— Иди къ мужу, приласкайся!

Сперва княгинюшка упиралась.

— Не пойду, — говорить: — я его боюсь.

Но Селищица все-таки на своемъ настояла, и княгиня пошла въ кабинетъ. А въ кабинетѣ каминъ уже топился, передъ княземъ стоялъ мой отецъ, и у него верхняя губа была въ кровь княземъ разсѣчена за то, что, когда Полина уѣзжала отъ насъ, онъ не доложилъ ихъ сіятельству, что наши дворовые чуть ее не отколотили.

— Теперь Полина боится и въ Павловское ѣхать! — кричалъ князь.

Тутъ дверь отворилась, и въ кабинетъ вошла княгинюшка.

Князь обернулись и такъ сердито ее спросили:

— Ты зачѣмъ пришла?

— Я пришла поблагодарить васъ за подарки, — отвѣтила княгиня.

Князь сразу перемѣнились, стали съ ней ласковы, обняли за талію и посадили ее на диванъ; отцу же моему приказали итти вонъ и позвать старосту Аннисима.

Оставшись одни съ женой, князь спросили:

— Который изъ моихъ подарковъ тебѣ, мой ангель, больше всѣхъ понравился?

— Синее шелковое платье, — отвѣтила княгиня: — оно и моей маменькѣ очень понравилось.

— Какъ я радъ,—сказалъ князь:—покажи мнѣ эту матерію, я что-то ее забылъ.

Княгиня сейчасъ же матерію принесла. Князь ее взяли въ руки, развернули и, накинувъ на княгинины плечи, сказали:

— Какая ты въ этомъ платьѣ будешь хорошенькая, тебѣ къ лицу синій цвѣтъ.

Потомъ сняли съ княгини матерію, опять свернули ее и бросили въ каминъ.

Княгинюшка ахнула, хотѣла изъ огня ее выхватить, но князь ей этого сдѣлать не позволилъ. Такъ ее визитное платье и сгорѣло.

Въ тотъ же день вечеромъ къ князю въ кабинетъ прошелъ староста Анисимъ. Увидя его, мы все отъ страху затряслись и спрашивали другъ друга: «кого будутъ сѣчь?» Къ этому и мой отецъ всехъ напугалъ:

— Разъ на князя,—говорить,—меланхолія нашла, она однимъ сгорѣвшимъ платьемъ не кончится. Завтра князь за Полину всехъ передереть.

Отъ страха въ ту ночь никто изъ насъ глазъ не сомкнулъ, —одна Селищица не унывала.

— Не бойтесь,—говорила она:—ничего не будетъ; князь меня очень уважаетъ, и я завтра же съ нимъ обо всемъ поговорю.

А дочку свою утѣшала тѣмъ, что князь потому сжегъ ее визитное платье, что хотѣлъ узнать женинъ характеръ.

Поужинала наша Селищица за троихъ, потомъ спать легла и сейчасъ же на весь домъ захрапѣла.

Къ утреннему чаю князь вышли въ столовую и были очень веселые.

Женѣ за сожженное платье обѣщались другое купить, еще лучше прежняго, а Селищиху все время называли маменькой и все шутили съ ней: вспоминали, какъ она ихъ пьянаго на своей дочкѣ женила.

— Я,—говорить,—маменька ничего не забылъ—все помню. Я даже помню, что наливки, которыми вы меня угощали, были на спирту, а не на водкѣ, и вашего жаренаго индѣя я не забылъ; онъ былъ такой жирный, что отъ него желудокъ цѣлую недѣлю былъ разстроенъ.

Селищица, слушая шутки князя, со смѣху помирала.

— Я,—говорить,—ваше сіятельство, ничего для васъ не пожалѣла. За этого индѣя мнѣ одинъ купецъ сулилъ восемь рублей; вѣдь я его шесть недѣль пшеничнымъ тѣстомъ откармливала.

Когда князь съ тещей смѣялись, княгинюшка въ ихъ разговоръ не вмѣшивалась. Ей что-то въ это утро нездоровилось. Выпила она чашку чаю, встала изъ-за стола и пошла на свою половину, а безъ нея князь съ тещей заговорилъ о хозяйствѣ:

— Я слышалъ, маменька, что вы у меня въ Павловскомъ завели хорошіе порядки; мнѣ хотѣлось бы на нихъ посмотрѣть; не пойдете ли со мной вмѣстѣ по двору.

— Съ моимъ удовольствіемъ,—сказала Селищица и побѣжала въ комнату надѣть шляпку (а прежде по двору она ходила платкомъ повязанная); потомъ мы видѣли, съ какимъ она форсомъ вышла изъ дому подъ руку съ нашимъ княземъ и все смѣялась; вѣрно, князь ей что-нибудь веселое рассказывалъ. А недалеко отъ барскаго крыльца уже стояла кучка мужиковъ и за своими спинами они прятали два пука розогъ; какъ только Селищица подошла къ мужикамъ, трое изъ нихъ выскочили, накинулись на нее и повалили на землю. Селищица закричала на весь дворъ.

Въ это время княгинюшка была въ своей комнатѣ и, когда услышала крикъ, подошла къ окну. Когда же она увидѣла, что ея мать лежитъ на землѣ, вскрикнула и со всѣхъ ногъ полетѣла на дворъ.

А тутъ сраму-то сколько было; мужики сѣкутъ барыню, а нашъ князь стоитъ возлѣ и приговариваетъ:

— Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, старая вѣдьма, за то, что ты мнѣ свою дочку навязала!..

Прибѣжала княгиня, бросилась къ матери; князь приказалъ мужикамъ ее оттащить и держать подъ руки, но княгиня сейчасъ же обмерла, и ее понесли на рукахъ въ комнаты.

Когда Селищиху подняли, она, какъ ошалѣлая, поводила глазами; а лицо у нея, что кровь, было красное.

Князь подошелъ къ тещѣ и хотѣлъ ее опять взять подъ руку; но она его оттолкнула и опростыю бросилась къ воротамъ. Князь приказалъ ее догнать, и, когда двое мужиковъ схватили Селищиху, она не своимъ голосомъ закричала:

— Лошадь мою, лошадь запрягайте: къ царю поѣду съ жалобой!..

Въ этотъ же день мы Селищиху и отправили домой. Поѣхала она на княжескихъ лошадяхъ и въ экипажѣ, а ея мужикъ съ телѣгой ѣхалъ сзади, а, чтобы телѣга не шла пустая, князь приказалъ въ нее положить двухъ телятъ, нѣсколько бутылокъ наливокъ и пару индѣевъ.

Когда мы Селищиху усаживали въ экипажъ, она и тогда еще не пришла въ себя: молчала и только зубами скрипѣла.

Княгинюшка свою мать не провожала—она лежала въ горячкѣ...

Черезъ нѣсколько дней вернулся нашъ кучеръ и доложилъ князю, что Селищица всю дорогу охала; а когда онъ привезъ ее домой, то дворовые свою барыню изъ экипажа на рукахъ вынесли, а утромъ на другой день она и скончалась.

XIV.

Послѣ смерти своей матери княгинюшка долго не могла поправиться. Съ этихъ же поръ у нея и головка начала трястись, и характеръ совсѣмъ перемѣнился: прежде со всякимъ своимъ горемъ къ намъ въ дѣвичью прибѣгала; мы иногда разговоримъ ее, она съ нами и посмѣется; а теперь никогда улыбки на ея лицѣ мы не видѣли, и отъ насъ она удалялась; любила сидѣть одна и читать разныя книжки, или же, задумавшись, ходила по комнатамъ; а чтобъ мы ее не видѣли, дверь отъ дѣвичей заперала.

Князь же все больше въ городѣ находились и отцовское наследство съ Полиной прокучивали. Свое другое имѣніе, «Зеленые Луги», уже продали; а деньги, что получили за имѣніе, — къ намъ, въ Павловское, не привезли—всѣ у Полины оставили.

Разъ отцу моему князь сказалъ:

— Я теперь, Евсей, на два дома живу.

И вправду по цѣлымъ мѣсяцамъ гостилъ у Полины.

Въ отсутствіе князя у насъ въ деревнѣ и пожаръ случился. Шесть крестьянскихъ дворовъ сгорѣло. Послѣ пожара всѣ погорѣльцы пришли на нашъ дворъ и стали противъ оконъ княжескаго дома. На дворѣ былъ большой морозъ, а они всѣ были босые и въ лохмотьяхъ. Мужики стояли безъ шапокъ и понуривъ головы; бабы плакали голосомъ, а малыя дѣти дрожали отъ холода и просили ѣсть. Когда княгинюшка вышла на крыльцо, они всѣ, какъ одинъ человѣкъ, упали ей въ ноги и завопили:

— Спасай насъ, княгиня, умираемъ безъ хлѣба и угла!

Глядячи на погорѣльцевъ, и наша княгинюшка отъ жалости заплакала и, откуда вдругъ храбрости набралась, безъ князя начала распоряжаться. Велѣла всѣмъ погорѣльцамъ въ прихожую войти, накормила ихъ и пріодѣла. Насъ, дѣвокъ, сейчасъ же засадила шить для нихъ изъ холста рубашки и придумала помѣстить всѣхъ погорѣльцевъ въ нашемъ театрѣ: а онъ у насъ со смерти стараго князя стоялъ заколоченнымъ. Потомъ взяла у князя въ кабинетѣ ключи, отворила амбары и выдала погорѣльцамъ муки и крупъ, а также обѣщалась попросить у князя для нихъ лѣсу на постройку. А мы, дворовые, молили Бога, чтобы за ея доброту нашъ князь не разсердился. И Господь услышалъ нашу молитву—князь въ этотъ разъ пріѣхалъ не сердитый. Мой отецъ сейчасъ же доложилъ ихъ сіятельству о пожарѣ и какъ княгиня распорядилась насчетъ погорѣльцевъ,—они выслушали и сказали:

— Княгиня хорошо сдѣлала, что помѣстила въ театрѣ погорѣльцевъ. Папенькинъ театръ мнѣ давно мозолить глаза; а теперь я его отдамъ мужикамъ; пускай изъ его лѣсу себѣ строятъ избы.

И съ женой въ этотъ разъ ихъ сіятельство встрѣтились хо-

рошо: поцѣловались, спросили про ея здоровье и теперь замѣтили, что княгиня очень пополнила.

— Ты, кажется, Ольга,—сказаль князь,—миѣ скоро подарить наследника.

Княгинюшка сконфузилась—глазки въ землю опустила.

Тутъ князь ее опять поцѣловали и говорятъ:

— Только смотри, чтобы непременно у насъ родился сынъ, а не дочка,—я хочу имѣть наследника.

Князь съ тѣхъ поръ только и думали о своемъ наследникѣ, даже про Полину забыли, перестали къ ней заѣзжать. Съ своимъ же отцомъ постоянно говорили о томъ, что имъ нужно поправить свои дѣла, потому что у нихъ скоро родится наследникъ. А наша княгинюшка своего мужа и обманула—вмѣсто сына родила дочь.

Роды у княгини были тяжелые, даже пришлось отворить царскія двери. Когда акушерка князю доложила, что у нихъ родилась дочь—и, Господи, какъ тогда они разсердились!—даже не пошли поздравить роженицу и до того въ этотъ день напились, что въ одномъ бѣльѣ и съ ружьемъ въ рукахъ по крышѣ бѣгали и цѣлились въ прохожихъ,—но, слава Богу, никого не убили.

На другой день князь насъ всѣхъ чрезъ лакея оповѣстилъ, чтобы мы въ восемь часовъ вечера были въ спальнѣ у княгини и что тамъ будетъ молебень за здравіе роженицы и новорожденной.

Ну, слава Богу,—говорили мы,—значить, князь простилъ княгиню, если хочеть молиться за ея здоровье.

Въ восемь часовъ въ княгининой спальнѣ собралось много народу. Комната была освѣщена только одной лампадкой, теплившейся въ углу предъ образами. Двухспальная кровать была выдвинута на средину комнаты, и на ней подъ голубымъ шелковымъ одѣяломъ, что бѣлый воскъ, лежала княгинюшка; а возлѣ нея на подушкѣ спала и новорожденная княжна.

Когда лакей началъ раздавать намъ восковыя свѣчи, мы потихоньку другъ друга спрашивали:

— Зачѣмъ намъ дали свѣчи—при молебнѣ ихъ не зажигаютъ, и зачѣмъ въ спальню къ роженицѣ впустили пѣвчихъ?

Тутъ вошелъ князь со священникомъ, и мы замолчали.

Ихъ сіятельство были одѣты во все черное, а на рукахъ у нихъ былъ подвязанъ крепъ, и мы только теперь догадались, что князь озорничаетъ.

Нашъ батюшка о. Власій съ крестомъ подошелъ къ роженицѣ, прочелъ ей молитву; поворожденной далъ имя Анна и благословилъ ихъ обѣихъ крестомъ. Въ это время князь о чемъ-то говорилъ съ пѣвчими—и тѣ вдругъ окружили княгинину кровать и запѣли: «Со святыми упокой».

Тутъ княгинюшка поднялась съ подушекъ, вскрикнула, а потомъ опять повалилась на подушки, и ее начало трясти, какъ въ лихорадкѣ.

Акушерка испугалась и закричала на князя:

— Вы что, князь, злодѣй или сумасшедшій? Вѣдь вы убьете свою жену!

А князь ей на это:

— Поговори еще, матушка, — и я тебя велю отодрать на конюшнѣ!

Потомъ ихъ сіятельство вышли изъ спальни, приказали заложить экипажъ и уѣхали къ Полинѣ.

А наша бѣдная княгинюшка послѣ испуга цѣлый мѣсяць была на волосокъ отъ смерти.

XV.

Когда послѣ родовъ наша княгинюшка поправилась, всѣ мы были рады: при ней намъ, дворовымъ, жилось лучше, и за моего Павлика ей спасибо: молока теперь у него было вдоволь, и сколько рубашечекъ онъ спосилъ, сшитыхъ княгинюшкиными ручками!.. Мой Павликъ хоть и росъ не на моихъ глазахъ, а ему было хорошо, — Василиса его берегла, и вѣчная память Ильѣ Васильевичу. Изъ-за него мой Павликъ часто ѣлъ и котлетки и дичину. Илья за княжескимъ столомъ служилъ и что, бывало, останется на тарелкахъ отъ ихъ сіятельствъ, онъ самъ никогда крошки не съѣстъ, — все мнѣ принесетъ.

— Снеси, — скажетъ, — Дуня, это твоему Павлику; а еще будетъ лучше, если ты сама съѣшь: посмотри на себя, какая ты стала худая да блѣдная; а я помню, когда щеки у тебя были розовыя.

Не отъ ѣды я худѣла, — теперь мы, дворовые, ѣли куда лучше прежняго; а сушила меня тоска лютая. Началась же она съ тѣхъ поръ, какъ я стала замѣчать, что у моего Павлика не такіе быстрые глазки, какъ у другихъ дѣтей, и ужъ очень онъ былъ смиренъ, — брось его одного хоть на цѣлый день, онъ и голосу не подастъ. Прежде я думала, что мнѣ это одной кажется, но потомъ Василиса и другія бабы начали говорить.

— Что же это, дѣвка, никакъ твой малецъ-то будетъ дуракъ; мы съ нимъ разговариваемъ, а онъ глядитъ на насъ, словно истуканъ, и ничего не понимаетъ.

И каждое-то ихъ слово, какъ острымъ ножомъ, рѣзало мое сердце. Лучше бы, кажется, мнѣ живой лечь въ могилу, чѣмъ знать, что мой Павликъ — дуракъ. Ни спать, ни ѣсть я ужъ не могла и, объ немъ думавши, вся пожелтѣла. Прежде въ моемъ горѣ я хоть тѣмъ утѣшалась, что мой Павликъ будетъ умный и, когда онъ подрастетъ, я его начну учить грамотѣ, мы вмѣстѣ съ нимъ напишемъ письмо къ князю, и, когда ихъ сіятельство прочтутъ письмо сына, въ нихъ, можетъ, и заговорить кровь родительская и они приблизятъ къ себѣ Павлика, выучатъ его всякимъ наукамъ, какъ это сдѣлалъ старый князь со своимъ незаконнымъ сыномъ Петромъ Николаевичемъ. А теперь,

когда мой Павликъ дуракъ, развѣ князь захочетъ на него взглянуть. Я знала, что ихъ сіятельство ненавидѣли больныхъ дѣтей; они и къ своей законной дочери, княжнѣ, никогда не подходили. И княжна у насъ была больная—бывало, какъ заплачетъ, такъ и закатится и, словно не живая, лежитъ нѣсколько минутъ. Княгиня о здоровьѣ своей дочери очень беспокоилась и нѣсколько разъ къ ней доктора приглашала...

Надумала и я своего Павлика показать доктору и, когда его ждали въ Павловское, я подошла къ княжнѣ, поцѣловала у нея руку и попросила:

— Дозвольте, ваше сіятельство, чтобы докторъ посмотрѣлъ и моего Павлика, у него глазки что-то нехорошіе.

А княжнѣюшка отвѣтила:

— Принеси своего мальчика въ дѣтскую, я попрошу доктора, чтобы онъ и его посмотрѣлъ.

Докторъ долго разсматривалъ моего Павлика: щупалъ его голову, въ глазки смотрѣлъ, разговаривалъ съ нимъ; потомъ покачалъ головой и говоритъ:

— Изъ этого мальчика ничего не будетъ, онъ идіотъ.

И началъ докторъ меня спрашивать, не былъ ли отецъ Павлика пьяницей; а въ моемъ роду не было ли идіотовъ. Я сначала этого слова не поняла, и только княгиня мнѣ растолковала, что идіотъ—по-нашему значитъ дуракъ. И ничего-то я не отвѣтила доктору. Онъ меня спрашиваетъ, а я на него, какъ истуканъ, смотрю. Какъ же я могла при княжнѣ, которая все время думала, что Павликъ у меня прижить съ поваромъ Николаемъ, сказать доктору, что его отецъ—нашъ князь, и что ихъ сіятельство меня пьяной напоили, а потомъ, тяжелую Павликомъ, приказали высѣчь. Доктору я ничего не сказала, только залилась горькими слезами, схватила Павлика на руки и выбѣжала изъ дѣтской.

XVI.

Князь все сердился на жену за то, что она не родила имъ наслѣдника и сталъ обращаться съ ней еще хуже прежняго. Бывало, хоть минутами князь съ женой былъ ласковъ, а теперь и надъ ней, какъ надъ нами, крѣпостными, мытарился... ставилъ ее на колѣнки возлѣ своей кровати, а то себѣ подъ подушку клалъ кинжалъ и пугалъ княгиню, что сонную ее зарѣжетъ. Разъ даже руку ей порѣзалъ, да такъ, что едва кровь могли унять. Зато и княжнѣюшка своего мужа ненавидѣла. Какъ только голосъ его услышитъ—ее всю такъ и передернетъ. И сколько разъ она намъ говорила:

— Вашъ князь сумасшедшій, и съ нимъ меня только дочь связываетъ; если бы не Аннинька, я давно бы уѣхала къ своей замужней сестрѣ,—меня и законъ не сталъ бы принуждать жить съ сумасшедшимъ мужемъ.

И наша княгинюшка отдыхала только тогда, когда князь уѣзжали къ Полинь; и не она одна—мы всѣ отдыхали. Безъ ихъ сѣятельства насъ никто не билъ и не сѣкъ, и народъ громко говорилъ о волѣ: ее, матушку, теперь каждый день ожидали и только о ней и говорили. Въ деревню къ мужикамъ вѣсти о волѣ приносили бурлаки; а намъ, дворовымъ, княгинюшка въ газетахъ про волю читала. Бывало, прочтеть о ней и скажетъ:

— Вотъ вы, дѣвушки, скоро на волю отойдете, а я всю свою жизнь должна быть крѣпостной.

Дѣвки сейчасъ начнутъ разсуждать, куда онѣ, вольныя, пойдутъ, и только я да мой отецъ не ждали воли: съ тѣхъ поръ, какъ я узнала, что мой Павликъ всю жизнь будетъ дуракомъ,—меня и воля не радовала. Отецъ же мой всегда говорилъ:

— Ты, дочка, когда воля откроется, иди куда хочешь; а я останусь при своемъ князѣ,—и все убивался, что станется съ ихъ сѣятельствомъ, когда царь отъ нихъ крестьянъ отниметъ; а также горевалъ, что Павловское виситъ на ниточкѣ и его скоро отъ князя за долги отберутъ.

Въ послѣднее время князь почти и не жилъ въ Павловскомъ—все у Полины гостилъ. И въ ихъ же отсутствіе наша маленькая княжна отъ родимчика скончалась. Это, можетъ, и лучше, что ея ангельскую душеньку Господь къ себѣ прибралъ—отецъ ее ненавидѣлъ, и княгинюшка о дочери плакала мало, послѣ же ея похоронъ словно еще ожила и сразу заторопилась отъ насъ уѣзжать. Разъ приходитъ въ дѣвичью съ письмомъ въ рукахъ, сама вся розовая, глаза блестятъ, и говорить:

— Вотъ, дѣвушки, я и не думала, что скорѣе васъ на волю улечу. Хочу уѣхать сегодня же, пока князь не вернулся. Найдите мой сундучокъ, съ которымъ я въ Павловское пріѣхала, теперь, когда я Анниньку похоронила, мнѣ ничего не нужно, съ однимъ сундукомъ сюда пріѣхала, съ нимъ и уѣду, только бы скорѣе убѣжать отъ тиранства вашего князя: не только его видѣть, но и слышать о немъ я не могу; а чтобы онъ меня не нашелъ, я свои слѣды сумѣю замести.

Уѣзжая изъ Павловскаго, княгинюшка попрощалась со всей дворней и, стоя на дворѣ, такъ хорошо намъ сказала:

— Ждите,—говорить,—православные, и для васъ новая заря занимается!

А мы, когда она уѣхала, все-таки ее осудили: не слѣдъ ей было, замужней женѣ, отъ мужа бѣжать; разъ она законъ въ церкви приняла, такъ и сохраняй его до гробовой доски... Послѣ же отъѣзда княгини у насъ пошла бѣда за бѣдой: вдругъ наѣхали чиновники и пристава и начали въ Павловскомъ за долги князя все описывать и не только описали скотъ, лошадей, экипажи, но даже все, что было и въ княжескихъ комнатахъ, одни только платья оставили. И къ каждой вещи печать приложили, а караулить ихъ не моему отцу,

а старостѣ Анисиму приказали. Одинъ изъ приставовъ, когда уѣзжалъ, громко сказалъ:

— Князь совсѣмъ разорень, скоро все Павловское пойдетъ съ молотка.

И, Господи! какъ тогда намъ стало жалко нашего князя! Я съ отцомъ глазъ не осушала, да и всѣ дворовые ходили словно въ воду опущенные. Разъ сидимъ мы въ людской и разсуждаемъ о томъ, что будетъ, когда нашъ князь вернется и увидитъ, что у него нѣтъ ни жены, ни дома.

Въ это время Илья сидѣлъ у окна и говорить:

— Братцы, посмотрите, къ намъ кто-то вѣзжаетъ на дворъ на одной лошаденкѣ и въ рогоженной кибиткѣ.

А мой отецъ ему на это:

— Вѣрно, кто-нибудь опять изъ мелкопомѣстныхъ. Сбѣгай, Ильюша, скажи, что ихъ сѣятельствъ нѣтъ дома.

Илья побѣжалъ, а мы подошли къ окну посмотрѣть, кто пріѣхалъ, да какъ всѣ ахнемъ—въ рогоженной-то кибиткѣ нашъ князь сидитъ!

Мой отецъ со всѣхъ ногъ бросился на дворъ встрѣчать князя, а ихъ сѣятельство пріѣхали совсѣмъ больные, даже изъ кибитки не могли вылѣзти, и изъ нея отецъ съ Ильей ихъ вынули и подъ руки ввели въ комнаты.

Чтобы узнать, откуда князь пріѣхалъ, мы ямщика назвали въ людскую и начали разспрашивать. Ямщикъ называлъ городъ, гдѣ жила Полина; изъ его словъ мы догадались, что она уже до нитки обобрала нашего князя; а когда ихъ сѣятельство занемогли, Полина, чтобъ отъ нихъ отязаться, отослала больного князя съ ямщикомъ назадъ въ Павловское.

XVII.

Прошла недѣля, какъ ихъ сѣятельство пріѣхали, а здоровье ихъ все не поправлялось. Болѣзнь у князя, по-моему, вся была въ ногахъ—онѣ были водой налившись; а докторъ говорилъ, что у ихъ сѣятельства сердце больное и что это сдѣлалось отъ вина, и намъ строго запретилъ давать вино больному. А мы все-таки, жалѣючи ихъ сѣятельство, по-лихоньку отъ доктора имъ каждый день два по рюмочкѣ вина давали. Безъ вина князь ужъ очень были тихіе и такіе скучные, что даже жалко было на нихъ смотрѣть: сидятъ цѣлый день въ креслѣ, все молчатъ или дремлютъ и какъ будто уже были не въ своемъ умѣ; мой отецъ имъ докладываетъ и про то и про другое, а они его и не слушаютъ, словно имъ ни до чего и дѣла нѣтъ, а какъ рюмочку выпьютъ, такъ и оживутъ и каждый разъ одно и то же спростать:

— Сѣкутъ въ конюшнѣ мужиковъ?

А мы, чтобъ имъ угодить, и скажемъ:

— Сѣдутъ, ваше сіятельство, сѣдутъ.

Тутъ они заторопятся итти въ конюшню—на ноги подымутся, но, должно быть, отъ боли въ ногахъ застонуть и опять въ кресло.

Мы съ отцомъ, на нихъ глядячи, другой разъ отъ слезъ не могли удержаться. А тутъ въ скорости надъ нашимъ княземъ и еще бѣдастряслась: волю крестьянамъ объявили.

Это было въ воскресенье. Наши дворовые пошли въ церковь. Послѣ обѣдни священникъ вышелъ къ народу и прочелъ, что царь-батюшка далъ крестьянамъ волю; а послѣ благодарственного молебна о. Власій и растолковалъ мужикамъ царское слово, что крестьяне хоть теперь и вольные, и господа не смѣютъ ихъ самовольно ни прибить, ни высѣчь, а все-таки они должны жить попрежнему смирно и противъ своихъ господъ не бунтовать; мы, дворовые, еще два года отъ своихъ господъ не смѣемъ отойти; а земля вся господская, и за нее мужики должны выплачивать деньги.

Нашимъ мужикамъ такая воля не понравилась. Они думали, что если крестьянамъ дана воля, то они могутъ дѣлать все, что захотятъ, и что земля, которой они владѣютъ, будетъ сразу ихняя. И кричали больше тѣ мужики, которые недавно вернулись съ работъ изъ Петербурга. Они говорили, что о. Власій прочелъ народу волю не настоящую, что эту волю господа сами сочинили, а настоящая царская воля должна быть съ золотой печатью и самимъ царемъ подписана и что господа эту волю народу не показываютъ и держатъ подъ сукномъ. Можетъ статься, наши мужики пошумѣли бы немножко и перестали, а тутъ вышло не такъ, и во всемъ виноватъ былъ староста Анисимъ.

Я ужъ говорила, что это былъ продувной мужикъ. Съ тѣхъ поръ, какъ описали Павловское, онъ сейчасъ же смекнулъ, что ему невыгодно за князя стоять, и перешелъ на сторону мужиковъ; громко называлъ нашего князя «кровопійцей» и рассказывалъ, что у него одна щека оттого кривая, что какъ-то разъ онъ передъ княземъ заступился за мужиковъ и князь ему за это своротилъ скулу на сторону. А теперь, когда Анисимъ услышалъ, что въ церкви попъ мужикамъ прочиталъ про волю, онъ трусу заприрадовалъ, какъ бы вольные мужики не припомнили ему всѣ его неправды, и поскорѣй выставилъ имъ два ведра водки.

Мужики всю водку выпили и еще больше загалдѣли, а подъ конецъ договорились до того, что они пойдутъ въ Павловское и за всѣ надъ ними мытарства убьютъ нашего князя.

А мы въ Павловскомъ ничего про это и не знали. Вся дворня была собравшись въ людской, и всѣ про волю толковали: одни роптали, зачѣмъ они не сразу вольными стали и что еще два года должны жить при князѣ, другіе говорили:

— Слава Богу, что хоть такая-то къ намъ воля пришла, а два года не цѣлый вѣкъ—и не увидишь, какъ пройдутъ.

Старики и старухи радовались, что они не сразу вольными стали и еще два года у нихъ будетъ теплый уголь и кусокъ хлѣба.

— По міру-то успѣемъ находиться,—говорили старики.

И ужъ не помню, кто первый въ людскую вѣсть принесъ, что по дорогѣ въ Павловское идутъ мужики съ кольями нашего князя убивать. Я тоже сидѣла въ людской и, когда про это услышала, ужаси какъ испугалась и что есть духу побѣжала къ отцу, а онъ въ это время былъ въ кабинетѣ съ больнымъ княземъ. Вызвала я отца и говорю:

— Батя, у насъ бѣда—идутъ мужики князя убивать.

Отецъ тогда на меня закричалъ:

— Кто тебѣ, дурѣ, про это сморозилъ? Развѣ мужики осмѣлятся поднять руку на нашего князя!

А тутъ и самъ отецъ въ окно увидѣлъ, что мужики съ кольями уже входятъ на дворъ.

И, Господи, какъ онъ за князя испугался, засуетился и сразу не могъ придумать, куда бы намъ спрятать ихъ сіятельство. Къ счастью, прибѣжалъ Илья и сейчасъ же сталъ запираеть на замки всѣ двери, а потомъ мы втроемъ понесли князя въ креслѣ по лѣстницѣ наверхъ и заперли на ключъ въ темной комнатѣ. И только что успѣли мы это сдѣлать, какъ въ гостиной и кабинетѣ разлетѣлись стекла, на полъ посыпались каменья, а на дворѣ пьяные мужики кричали:

— Выдавайте намъ князя, выдавайте кровопійцу!

А тутъ, слышимъ, мужики и парадную дверь уже ломають.

Отецъ видитъ, что дѣло плохо, и говоритъ:

— Карауль, Дуня, князя, а мы съ Ильей выйдемъ съ чернаго крыльца къ народу и скажемъ, что князя нѣтъ дома, можетъ, мужики намъ и повѣрятъ.

Да куды! мужики моему отцу и слова не дали вымолвить—какъ на него заорутъ:

— Мы знаемъ тебя, князева дядьку, ты всегда за своего князя горой стоялъ, свою дочку ему на потѣху отдалъ и ты же вмѣстѣ съ княземъ повара Николая уюкошилъ. Отвѣчай міру: гдѣ Николай, куда вы съ княземъ его подѣвали?!

И кто-то закричалъ:

— Бей его!

Нѣсколько человѣкъ накинулись на моего отца, повалили на землю и начали бить и навѣрно бы забили его до смерти, да спасибо нашимъ дворовымъ—отстояли старика.

Больше же всѣхъ моему отцу помогъ Илья. Онъ вмѣшался въ толпу и закричалъ:

— Православные, не бейте старика, не берите грѣха на душу. Я крестъ передъ міромъ поцѣлую, что поваръ Николай живъ,—я самъ видѣлъ, какъ дяденька Евсей ночью вывелъ его изъ тюрьмы, а потомъ мы Николая вдвоемъ проводили до лѣсу и, чтобы обмануть князя, мы съ дяденькой Евсеемъ всю ночь рѣшетку изъ окна выпилпвали.

Тогда мужики бросили бить моего отца и опять начали выламывать парадную дверь.

Въ это время запыхавшись прибѣжалъ изъ деревни староста Анисимъ. Онъ испугался, какъ бы пьяные мужики не ворвались въ домъ и печатей не попортили, началъ ихъ уговаривать, чтобы они въ комнаты не входили, что тамъ ко всѣмъ вещамъ приложены царскія печати и если эти печати мужики сломають, то за это они въ Сибирь пойдуть.

Не знаю, испугались ли мужики Сибири, или хмель у нихъ началъ проходить, но съ приходомъ Анисима перестали ломиться въ домъ и только требовали, чтобы князь къ нимъ вышелъ на крыльцо. И тутъ помогъ Анисимъ: онъ поклялся мужикамъ, что видѣлъ своими собственными глазами, какъ сегодня поутру нашъ князь куда-то съ докторомъ поѣхалъ, и чтобы мужики о нашемъ князѣ позабыли. Затѣмъ Анисимъ закричалъ:

— Что же ты, Евсей Авдеевичъ, забылъ, что намъ сегодня воля объявлена? Выставляй вина изъ княжескихъ погребовъ, поздравляй народъ съ волей!

— Вина, давай, Евсей, вина!—орали мужики.

Когда же мой отецъ прибѣжалъ съ ключами, мужики къ погребу подойти ему не дали; выхватили изъ его рукъ ключи и сами начали хозяйничать. И пускай бы одинъ погребъ съ виномъ ограбили, а то нѣтъ, за однимъ походомъ и амбары цѣлыми не оставили—весь хлѣбъ въ зернахъ, что стоялъ въ мѣшкахъ, мужики домой унесли, а муку, что была въ засѣкахъ, вонъ повыбросили. Когда они ушли, нашъ дворъ мукой что снѣгомъ былъ засыпанъ.

XVIII.

Мой отецъ такъ испугался мужицкаго бунта, что въ ту же ночь надумалъ увезти князя изъ Павловскаго. Это же самое и дворовые ему посовѣтовали.

— Увези,—говорять,—Евсей Авдеевичъ, куда-нибудь нашего князя, а то неровень часъ вдругъ мужики и завтра къ намъ нагрянуть.

Наши дворовые жалѣли князя, а мужиковъ осуждали, зачѣмъ тѣ хотѣли отплатить за всѣ жестокости ихъ сіятельству, когда Господь и такъ уже наказалъ князя тяжелой болѣзнью. А мы съ отцомъ все голову ломали, куда намъ больного князя увезти? Самый близкій отъ насъ городъ былъ тотъ, въ которомъ жила Полина, а туда намъ ѣхать не хотѣлось. Подъ конецъ рѣшили поѣхать въ Новгородъ. Объ этомъ городѣ мы были слышаны отъ богомольцевъ. Они рассказывали, что тамъ много монастырей и святыхъ чудотворныхъ мощей. Я же давно думала, что, какъ только стану вольной, сейчасъ

же съ Павликомъ пойду пѣшкѣмъ въ Новгородъ,—можетъ, святыя чудотворцы сотворятъ и надъ нимъ чудо. А теперь я отцу сказала:

— Поѣдемъ, батя, въ Новгородъ,—новгородскіе угодники, навѣрно, помогутъ и нашему князю...

Услыхалъ Илья, что я собираюсь ѣхать съ княземъ, Господи, какъ испугался! Прибѣгаетъ ко мнѣ бѣлый, какъ мѣль, и говорить:

— Бога ты, Дуня, не боишься. Что я безъ тебя буду дѣлать? Зачѣмъ тебѣ ѣхать съ княземъ, когда теперь мы стали вольные? Лучше выходи за меня замужъ: а я клятву дамъ, что никогда князя тебѣ не вспомню и твоего Павлика буду любить, какъ своего сына.

Я ему поклонилась въ поясъ и говорю:

— Спасибо тебѣ, Илья Васильевичъ, на добромъ словѣ, только я замужъ не пойду ни за тебя и ни за кого другого: дѣвка я опозоренная, а также мнѣ не слѣдъ и бросать больного князя. Кто же теперь, кромѣ меня, походить за ихъ сѣятельствомъ: законная жена ихъ бросила, Полина все состояніе обобрала, и мнѣ будетъ грѣхъ, если я въ несчастѣ брошу родителя моего Павлика.

Моими словами Илья обидѣлся.

— Я,—говорить,—всегда зналъ, что ты влюбившись въ нашего князя. Я еще мальчишкой это замѣчалъ: нашъ князь, бывало, только пройдетъ мимо дѣвичьей, а ты ужъ какъ огонь и вспыхнула.

Урезонить Илью было невозможно—все на одномъ стоялъ, что я была влюбившись въ князя, и ушелъ отъ меня сердитый.

А когда мы князя усаживали въ экипажъ, Илья опять ко мнѣ подошелъ.

— Останься,—говорить,—Дуня.

А у самого въ глазахъ стоять слезы. Тутъ и мнѣ его стало жалко, я заплакала.

— Прощай,—говорю,—желанный Илья Васильевичъ, не суди ты меня, ей-Богу, не могу я бросить больного князя.

И какъ же мнѣ было не пожалѣть ихъ сѣятельство. Они, какъ говорилъ мой отецъ, родились подъ несчастной планидой.

Даже и теперь несчастье отъ нихъ не отходило; собрались мы ѣхать, а у князя денегъ всего пять рублей: далеко ли уѣдешь съ такими деньгами? Тутъ отецъ вспомнилъ, что Анисимъ еще не представилъ князю тѣхъ денегъ, которыя недавно получилъ отъ чужихъ мужиковъ за вырубку нашей дачи. Онъ послалъ сейчасъ же Илью въ деревню къ Анисиму сказать потихоньку, что мы князя изъ села увозимъ и чтобы тотъ, не медля ни одной минуты, принесъ князевы деньги.

Анисимъ самъ прибѣжалъ съ Ильей и, хитровенный, прикинулся, будто ему очень жалко князя, и говорить, что денегъ за лѣсъ онъ еще не получалъ, а если и получить, то уже ихъ не князю, а въ казну отдать за долги ихъ сѣятельства и вмѣсто того, чтобы дать намъ хоть своихъ денегъ на дорогу, Анисимъ сталъ совѣтовать взять съ собой князевы вещи, на которыхъ не были положены печати.

— Вы ихъ въ городѣ и продадите,—говорилъ онъ.

А много ли вещей наберешь въ одинъ экипажъ. Мы только взяли двѣ новыхъ князевыхъ пары, лѣтнее пальто и двѣ шубы; остальные же вещи, какъ князевы, такъ и наши, Анисимъ общалъ съ парочнымъ на возу къ намъ прислать.

Въ Новгородѣ мы наняли квартиру въ двѣ комнаты съ кухней. Въ одной комнатѣ мы помѣстили князя, въ другой сами жили.

Въ скорости къ намъ вѣсть пришла, что наше Павловское и все, что было въ немъ, съ молотка продано; купили его какіе-то купцы и начали сразу въ саду деревья вырубать; а также мы узнали, что наши мужики опять бунтовали, ихъ усмирять прѣзжалъ исправникъ, и всѣхъ крестьянъ перепоролъ.

Тогда мой отецъ мнѣ и сказалъ:

— Вотъ видишь, Дуся, какая же послѣ этого крестьянамъ дана воля, если вольныхъ мужиковъ можно такъ же пороть, какъ и крѣпостныхъ.

Мы сейчасъ же написали письмо къ Анисиму, чтобы онъ намъ обо всемъ отписалъ, а также выслалъ князевы вещи, которыя остались отъ продажи, но ни письма, ни вещей намъ Анисимъ не присылалъ. И теперь, можно сказать, мы ихъ сіятельство на свои сиротскія деньги и содержали. Сначала проживали деньги моего отца, пятьдесятъ рублей, которыя онъ скопилъ за всю свою у князя службу, потомъ начали продавать и вещи. Одну только шубу не продавали, на всякій случай оставили; когда же и эти деньги прожили, я подрядилась на одинъ магазинъ гладью вышивать, и мнѣ за мои работы такъ хорошо платили, что я насъ всѣхъ четверыхъ и кормила, даже другой разъ вино для князя покупала и бывала радешенька, когда ихъ сіятельство вмѣстѣ съ моимъ отцомъ винца выпьютъ.

Четыре мѣсяца мы прожили въ Новгородѣ, а здоровье князя все дѣлалось хуже и хуже: князь уже не могъ ни ходить, ни лежать, а цѣлые дни и ночи сидѣлъ, обложенный подушками, и попрежнему, закрывши глаза, молчалъ. Разъ мнѣ захотѣлось узнать, въ полномъ ли князь разсудкѣ. Подвела я къ нимъ Павлика и говорю:

— Ваше сіятельство, посмотрите, это вашъ сынъ Павликъ.

Князь открылъ глаза и за мной повторилъ:

— Сынъ Павликъ.

— А меня-то,—спрашиваю,—знаете?

Князь съ минуту подумалъ, потомъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, я тебя не знаю.

И сейчасъ закрылъ глаза. А потомъ, объ чемъ я ни спрашивала, мнѣ не отвѣтилъ.

Другой разъ князь заохаетъ и жалостно такъ скажетъ:

— Ноги-то мои, гдѣ мои ноги?

Тогда я ужъ не знаю, чего они хотятъ: сяду возлѣ кровати и по цѣлымъ часамъ тру имъ ноги. И только одинъ день я помню, когда

князь какъ будто въ себя пришли; спросили моего отца, пріѣхала ли въ Никольское Елизавета Николаевна, а потомъ меня къ себѣ подзвали и спрашиваютъ:

— Скоро я умру?

Я молчу; князь тяжело такъ вздохнулъ и, закрывши уже глаза, тихо проговорили:

— Господи, какъ я усталъ!..

Вижу, что ихъ сіятельство въ памяти, пускай, думаю, сына благословятъ. Подвела къ нимъ Павлика и сама князеву руку положила ему на головку.

Въ этотъ же день къ вечеру у князя сдѣлалась горячка—все про кровь бредили, да какъ вдругъ захохочуть, что даже страшно сдѣлается. За два дня до смерти у князя языкъ отнялся. Умеръ князь вечеромъ. Мой отецъ куда-то вышелъ; я сидѣла возлѣ стола и вышивала. Вдругъ, слышу, у князя въ груди захрипѣло. Зажгла я передъ образомъ лампадку, разбудила Павлика, поставила его передъ образомъ на колѣнки и сама начала молиться. Чрезъ нѣсколько минутъ прислушалась; больной тихо лежитъ; подхожу къ кровати и вижу—нашъ князь уже и скончался. Тутъ мой отецъ вошелъ въ комнату и, когда увидѣлъ, что князь умеръ, какъ бросится къ нему на грудь, да какъ зареветь! А потомъ такъ скучалъ по князѣ, что черезъ мѣсяцъ послѣ смерти ихъ сіятельства и самъ померъ.

Когда я ихъ обоихъ схоронила, то начала съ Павликомъ ходить по новгородскимъ монастырямъ. Въ однихъ—монахи мнѣ Павлика отчитывали, въ другихъ—я его, по совѣту бабъ, ставила подъ колокола. Когда же ему ничего не помогло, на меня напала такая тоска, что хоть сейчасъ руки на себя наложить; а также я скучала и по нашемъ селѣ—сплю и во снѣ вижу побывать въ Павловскомъ. Продала я свои послѣднія вещи и поѣхала.

Павловское уже нельзя было и узнать,—ни одного изъ нашихъ дворовыхъ я въ селѣ не нашла, всѣ разбрелись въ разныя стороны. Въ княжескомъ же домѣ шли перестройки, и весь нашъ садъ былъ вырубленъ.

Долго съ Павликомъ на рукахъ я ходила по нашему двору—и люди мнѣ попадались все незнакомые. Съ однимъ рабочимъ заговорила, а онъ по-нашему и не знаетъ, что-то мнѣ пробурчалъ; я его и не поняла. Глядячи на наше село, и поплакала же я; припомнилось мнѣ все, какъ мы при князьяхъ жили и какое здѣсь было богатство, а теперь пришли къ намъ чужіе люди, выгнали князя на улицу и его же домъ по-своему ломаютъ.

Изъ Павловскаго я пошла на погостъ къ о. Власію. Разказала ему про смерть нашего князя и моего отца. Спасибо батюшкѣ, по усопшимъ при мнѣ отслужилъ панихиду.

Отъ о. Власія я узнала, что барышня Елизавета Николаевна тоже недавно схоронила своего папеньку и живутъ въ Никольскомъ.

И тутъ словно кто мнѣ въ ухо шепнулъ: иди къ барышнѣ Елизаветѣ Николаевнѣ, уподи ей въ ноги и Расскажи про всю свою жизнь.

Такъ я и сдѣлала.

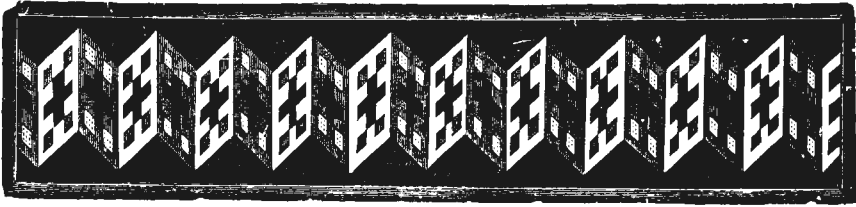
И вотъ уже скоро сорокъ три года, какъ я живу у вашей тетеньки, и все это время онѣ были ко мнѣ и Павлику не только доброй госпожой, а даже матерью родной. У барышни Елизаветы Николаевны ангельское сердце. Нашъ князь ихъ обидѣлъ, изъ-за князя онѣ, можетъ, на всю жизнь и въ дѣвицахъ остались,—а только я навѣрно знаю, что меня и Павлика барышня пригрѣла въ память ихъ сятельства.

Когда Авдотья кончила свой рассказъ, кукушка прокуковала одиннадцать часовъ, и мы нашу больную опять повезли изъ гостиной въ спальню. Въ эту ночь мы всѣ не могли долго заснуть.

На дворѣ все еще завывалъ вѣтеръ, и дождевыя капли съ шумомъ ударялись о стекла; по временамъ гремѣлъ громъ. Больная уже лежала спокойно—охала; Авдотья передъ образомъ клала земные поклоны, а я все думала объ ужасахъ крѣпостного права, о которомъ въ настоящее время рассказы уже могутъ показаться сказками.

М. Е. Васильева.

ЗАПИСКИ ГРАФА МОРИОЛЛЯ ¹⁾.

(1821—1833 г.).

III.

Приготовленія къ смотру въ Брестѣ.—Передвиженіе войскъ.—Участіе въ смотру Павла Александрова.—Поѣздка княгини Ловичъ.—Смотръ.—Несчастный случай съ императоромъ Александромъ.—Возвращеніе въ Варшаву и происки княгини Ловичъ.—Разсказъ великаго князя Константина объ императрицѣ Екаторивѣ.—Свадьба великаго князя Михаила Павловича.—Княгиня Ловичъ и г-жа Фредериксъ.—Характеристика княгини и великаго князя.—Увлеченіе княгини магнетизмомъ и ясновидѣніемъ.—Графъ Иллинскій и аскетизмъ.

ЕЖДУ тѣмъ начались уже приготовленія для сбора войскъ, мѣстомъ котораго былъ назначенъ городъ Брестъ, расположенный на Бугѣ, на восточномъ концѣ границы царства Польскаго. Подъ командой великаго князя должна была собраться вся армія, численностью до 80 тысячъ. Чтобы явиться на мѣсто сбора, нѣкоторымъ корпусамъ, расположеннымъ въ Литвѣ и на Волыни, нужно было сдѣлать большой переходъ. Чтобы совершить это перемѣщеніе съ точностью и безъ опозданія, нужно было предусмотрѣть множество мелочей, которыя сильно занимали великаго князя. Онъ рѣшилъ, что при этомъ его сынъ въ первый разъ долженъ явиться въ военной формѣ и что онъ сдѣлаетъ этотъ переходъ верхомъ вмѣстѣ съ своимъ полкомъ.

Я видѣлъ все неудобство этой затѣи. Будучи еще ребенкомъ, не зная свѣта, Павелъ долженъ былъ изъ классной комнаты вдругъ перейти въ шумную обстановку похода. Хотя онъ былъ гораздо

¹⁾ Продолженіе. См. «Ист. Вѣстн.», т. СХVII, стр. 73.

прилежнѣе, чѣмъ прежде, но я все-таки боялся, какъ бы столь рѣзкая перемѣна не разрушила того, чего мнѣ удалось достигнуть съ такимъ трудомъ. Я боялся дурныхъ примѣровъ, дурныхъ товарищей,—словомъ, опасной свободы, которую даже самый строгій надзоръ могъ ограничить лишь до извѣстной степени. Кромѣ того, его общественное положеніе, не согласовавшееся съ тѣми огромными преимуществами, которыми онъ пользовался, неминуемо должно было возбуждать зависть, и люди не преминули бы разгласить о такихъ его поступкахъ, въ которыхъ злословіе могло бы найти для себя пищу. Словомъ, это былъ своего рода дебютъ, который я предпочиталъ бы видѣть позднѣе.

Хотя по этому поводу я и позволилъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній великому князю, но считалъ лишнимъ дѣйствовать съ настойчивостью, зная, какъ ему хотѣлось помѣстить сына въ ряды войскъ и представить его государю въ каскѣ и въ латахъ. Впрочемъ, великій князь принялъ всевозможныя мѣры предосторожности, чтобы облегчить сыну неудобства этого похода. Онъ приказалъ, чтобы Фавицкій ѣхалъ всю дорогу верхомъ рядомъ съ нимъ, что, конечно, вызывало смѣхъ. Наконецъ, я долженъ былъ ѣхать за Павломъ въ каретѣ и всюду его встрѣчать.

Къ счастью, составъ офицеровъ полка гвардейскихъ кирасиръ, въ который онъ былъ уже зачисленъ поручикомъ, былъ очень хорошъ. Полковой командиръ, генералъ Кнорингъ, былъ храбрый, вѣжливый человѣкъ, съ такими манерами, что съ этой стороны мы могли ждать лишь всего хорошаго. Поэтому передвиженіе наше перестало представляться мнѣ въ столь страшномъ видѣ, и мнѣ стало ясно, что оно могло осуществиться гораздо лучше, чѣмъ я сначала думалъ.

Хотя великій князь сначала и заявилъ, что его сынъ выступить, какъ простой гвардейскій офицеръ, но на самомъ дѣлѣ вышло иначе. У насъ была своя кухня, свои походные экипажи и, наконецъ, самыя утонченныя удобства, прелесть которыхъ была еще дороже въ дикой мѣстности гдѣ почти ничего нельзя было достать. Нашъ переходъ до Бреста длился 11 дней. Мы выступили въ сентябрѣ 1823 года, и наше отсутствіе должно было продолжаться шесть недѣль. Великій князь явился къ заставѣ, чтобы пропустить мимо себя войска. Увидѣвъ своего сына во главѣ взвода, онъ пришелъ въ восхищеніе. Слезы показались у него на глазахъ, онъ благословилъ его и непрестанно поручалъ его мнѣ. Несмотря на то, что приближалась уже зима, погода стояла прекрасная и по необычайной случайности держалась во все время нашего путешествія до самаго нашего возвращенія въ Варшаву. Я условился съ генераломъ Курутой такимъ образомъ, что одинъ день я обѣдалъ у него, а на другой день онъ у насъ. Черезъ Павла я пригласилъ къ намъ всѣхъ офицеровъ его полка, когда они достаточно сблизились съ нами, ибо, несмотря на суровость первыхъ распоряженій великаго

князя, для насъ были всегда приготовляемы отличныя помѣщенія. Генераль Кнорингъ, съ своей стороны, выказывалъ къ намъ такое вниманіе и предупредительность, что уступалъ Павлу все, что у него было самаго лучшаго. Во время привала на половинѣ перехода обѣ кухни—Павла и генерала—готовили кушанье совмѣстно.

Вплоть до Бреста наше путешествіе совершалось не безъ пріятности, и все шло такъ, какъ того требовали долгъ и приличіе. Привыкнувъ къ блестящимъ переходамъ французскихъ войскъ, къ пѣснямъ и грубоватому веселью нашихъ солдатъ, я былъ пораженъ молчаливымъ спокойствіемъ кирасиръ: это была какаѣ-то монашеская процессія. Впрочемъ, то же самое замѣчалось и въ другихъ корпусахъ. Чтобы показать совершенство дисциплины, которая господствовала въ арміи великаго князя, достаточно сказать, что по всѣмъ радіусамъ, болѣе или менѣе длиннымъ, по которымъ войска сходились къ центру, не было ни инцидентовъ, ни безпорядковъ, ни жалобъ. Когда вся армія собралась на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ и заняла собою всѣ крестьянскія риги и сараи, не произошло ни одного пожара, ни одной драки, словомъ, ни одного непріятнаго происшествія, которыя всегда случаются при скопленіи такой массы людей. Это дѣлаетъ честь распорядительности и предусмотрительности великаго князя. Онъ поистинѣ неутомимъ во всемъ, что ему поручаетъ его братъ. Ни одинъ подданный не показывалъ столько усердія, рвенія и аккуратности, какъ онъ. Теперь онъ хотѣлъ собрать плоды своихъ трудовъ и показать императору лучшую, самую опытную, самую блестящую въ Европѣ армію.

По его блаженному настроенію видно было, что онъ былъ удовлетворенъ удачнымъ результатомъ столькихъ заботъ, и моя искренняя привязанность къ нему заставляла меня вмѣстѣ съ нимъ чувствовать его счастье. Павелъ бодро выдерживалъ тягости похода: онъ отличался крѣпкимъ сложеніемъ, сильнымъ темпераментомъ и съ этой стороны имѣлъ большое сходство съ своимъ отцомъ. Я также былъ доволенъ его поведеніемъ и снисходительно относился къ нѣкоторымъ его шалостямъ, обусловленнымъ его возрастомъ и отсутствіемъ житейской опытности, и съ удовольствіемъ замѣчалъ, что зависимость его отъ меня не казалась ему ни тяжелой, ни унижительной. Онъ видѣлъ во мнѣ не педагога, передъ которымъ приходится краснѣть и которому нужно повиноваться, скрѣпя сердце. Напротивъ, онъ самъ оставлялъ своихъ товарищей и шелъ ко мнѣ и во многихъ случаяхъ проявлялъ ко мнѣ дружбу и довѣріе. Это пока все, чего на первыхъ порахъ я могъ добиться.

Мы прибыли въ Тересполь, крайній пунктъ нашего путешествія. Это—пограничный городокъ Польскаго королевства и отдѣляется отъ Бреста, который принадлежитъ уже Россійской имперіи, только небольшою равниною по рѣкѣ Бугу. На мосту черезъ одинъ изъ его рукавовъ находится польская таможня. Разстояніе между обоими

городами всего четверть мили. Тересполь представляет собою жалкій городишко, населенный большею частью евреями, подобно другим польским городамъ. Мы устроились у еврея, какъ и другіе офицеры генеральнаго штаба. Великій князь остановился у одного еврея въ Брестѣ; квартира его была очень мала.

Была всего одна комната, которая служила гостиною и которая была предоставлена супругѣ великаго князя. Для императора, котораго, естественно, старались обставить возможно лучше, пришлось отвести довольно плохой домъ, считавшійся, однако, лучшимъ въ городѣ. Соотвѣтственно съ этимъ были размѣщены и великіе князья; всѣ какъ будто бы расположились лагеремъ среди развалинъ и нищеты, хотя городъ этотъ отмѣчается на картахъ, какъ довольно значительный.

Намъ пришлось ждать прибытія императора двѣнадцать дней, и въ это время постоянно подходили къ назначеннымъ мѣстамъ тѣ войска, которыя были расквартированы далеко. Великій князь выѣзжалъ имъ навстрѣчу и смотрѣлъ, какъ водворялись они на мѣстѣ стоянки. Оба брата его прибыли за нѣсколько дней до пріѣзда государя и съ увлеченіемъ предавались мелочамъ военнаго быта. Великій князь Михаилъ Павловичъ долженъ былъ ѣхать до границы встрѣчать свою невѣсту и ждалъ только вѣстей о ея приближеніи, чтобы насъ покинуть. Эта поѣздка была ему очень не по сердцу и, забывая о всякой осторожности, онъ обнаруживалъ свою холодность, или, скорѣе, отвращеніе къ новому положенію, которое ему предстояло. Между тѣмъ принцессу всѣ называли очаровательной, и такое отвращеніе объяснялось примѣромъ брата, который женился по своему вкусу и велъ съ женою такой образъ жизни, какой считалъ для себя пріятнымъ. Я уже говорилъ, что великій князь Михаилъ рабски подражалъ брату во всемъ и съ восторгомъ перенималъ всѣ его привычки. Великій князь самъ шутилъ надъ этимъ обезьянствомъ, доходившимъ до ребячества, а его супруга относилась къ этому съ видимымъ неодобреніемъ.

Что касается княгини, то о причинахъ, побудившихъ ее предпринять поѣздку при столь исключительныхъ обстоятельствахъ, толковали очень много. Ея появленіе передъ войсками находили страннымъ и полагали, что ея поведеніе вызоветъ много толковъ въ Петербургѣ. Въ этомъ выступленіи видѣли желаніе приготовить для себя еще болѣе важное положеніе и такимъ образомъ, путемъ ловкихъ и настойчивыхъ ухаживаній, заставить императора пожаловать ей санъ, который далъ бы ей возможность съ почетомъ явиться на свадьбу великаго князя Михаила. Дѣло шло о титулѣ великой княгини. Можно было съ достаточными основаніями подозрѣвать ее въ этомъ честолюбивомъ замыслѣ, такъ какъ, несмотря на ея скромность, простоту и отсутствіе всякихъ претензій, которая она любила выставлать на видъ, видно было, что она не совсѣмъ равно-

душна къ милости государя, которая бы всенародно утвердила ея высокое положеніе, сдѣлавъ ее членомъ императорской фамиліи. Но противъ этого оказались весьма вѣскія соображенія: въ такомъ случаѣ она сдѣлалась бы первой изъ великихъ княгинь и получила бы первенство передъ дочерью прусскаго короля. Подобное возвышеніе было совсѣмъ нежелательно для императрицы-матери, которая стояла за то, что принадлежитъ каждому сану по праву, и вообще за соблюденіе установленнаго этикета. Такимъ образомъ, если бы даже императоръ и былъ согласенъ даровать ей этотъ титулъ, то высокое уваженіе его къ матери удержало бы его отъ шага, который она не одобряла.

Огромный сборъ войскъ безъ всякой политической цѣли давалъ журналистамъ множество поводовъ вдаваться въ разсужденія. Они узрѣли здѣсь секретныя причины, которыя каждый толковалъ сообразно своимъ взглядамъ и своему желанію. На самомъ же дѣлѣ это былъ просто парадъ въ огромныхъ размѣрахъ, гдѣ великій князь хотѣлъ впервые показать брату весь корпусъ, которымъ онъ командовалъ. Турки и греки были здѣсь ни при чемъ, и всѣ политическія комбинаціи политическихъ мечтателей вызывали только улыбку. За нѣсколько дней до прибытія императора къ намъ пріѣхалъ второй сынъ прусскаго короля, присутствіе котораго довершило это блестящее собраніе.

Наканунѣ дня, на который былъ назначенъ смотръ, пошелъ дождь. Великій князь былъ въ отчаяніи, ибо никакъ нельзя было отложить смотръ до другого дня. Досадно было, что, приготовляясь къ нему, напрасно потеряли столько трудовъ и заботъ. Вымокшія и покрытыя грязью войска неизбѣжно теряютъ свой красивый видъ, и для того, чтобы показать во всемъ блескѣ хорошую выправку, непремѣнно нуженъ хорошій день. Войска были одѣты съ иголки; немало было потрачено труда, чтобы аммуниція у всѣхъ, начиная съ генерала и кончая солдатомъ, была сшита не только роскошно, но даже элегантно. Каждый подбодрялъ себя желаніемъ пожать плоды столькихъ трудовъ и представиться императору въ такомъ видѣ, которымъ онъ остался бы доволенъ. Между тѣмъ облака, предвѣщавшія ненастье, сами по себѣ могли уже уничтожить результаты столькихъ переходовъ и лишитъ императора зрѣлища, за которымъ онъ и пріѣхалъ изъ такой дали, а великаго князя—удовольствія показать дѣло рукъ своихъ.

На этотъ разъ небо уступило мольбамъ смертныхъ, и солнце, одолѣвъ угрожающій туманъ, свѣтило ярко. Даже нарочно выбранный день не могъ бы лучше соответствовать желаніямъ движущейся массы и ожиданіямъ зрителей, явившихся со всѣхъ сторонъ, чтобы взглянуть на это великолѣпное зрѣлище. 80 тысячъ пѣхоты и кавалеріи, идеально красивой, и огромная артиллерія прошли маршемъ мимо императора три раза въ полномъ порядкѣ.

Все удавалось въ этотъ день—диспозиція, движенія, гармонія, красота войскъ, ихъ удивительная выправка. Произшелъ только одинъ инцидентъ, жертвою котораго сдѣлался, къ несчастью, самъ императоръ: онъ приказалъ позвать къ себѣ одного полковника, который, торопяся явиться, не могъ сдержать свою лошадь и стремелемъ сильно задѣлъ императора по ногѣ, который даже глазомъ не моргнулъ, и только вечеромъ, когда сняли сапоги, обнаружилось, что онъ ушибленъ. Это пораненіе было тѣмъ болѣе непріятно, что государь страдалъ на обѣ ноги, вслѣдствіе паденія, случившагося съ нимъ раньше. Ноги у него были слабы и подвержены рожистому воспаленію. Государь принужденъ былъ не выходить изъ своей комнаты въ теченіе двухъ дней. Какъ только онъ могъ выйти, онъ тотчасъ отправился безъ доклада къ супругѣ великаго князя. Я какъ разъ былъ у нея въ это время и сильно удивился, видя, какъ открылась дверь и вошелъ его величество. Государь подошелъ ко мнѣ, милостиво освѣдомился о новостяхъ, похвалилъ Павла и изволилъ говорить со мною. Когда онъ затѣмъ направился къ княгинѣ, я счелъ своимъ долгомъ исчезнуть незамѣтно.

Великій князь, котораго я встрѣтилъ въ сосѣдней комнатѣ, съ жаромъ спросилъ меня, говорилъ ли со мной его братъ о Павлѣ, и, повидимому, остался очень доволенъ обращеніемъ, которымъ онъ меня удостоилъ.

Черезъ нѣсколько дней государь отправлялся на Украину смотрѣть расположенныя тамъ войска. Затѣмъ ему предстояло свиданіе съ императоромъ австрійскимъ на венгерской границѣ, потомъ нужно было вернуться въ Польшу для осмотра новой крѣпости Замостья, причемъ путь лежалъ на этотъ разъ уже не черезъ Варшаву. Началось обратное размѣщеніе войскъ, и наконецъ наступила и наша очередь возвращаться въ Варшаву. Путешествіе обошлось безъ приключеній, и послѣ сорокадневнаго отсутствія мы снова вернулись къ нашимъ очагамъ, въ обычную нашу обстановку. Павелъ вель себя хорошо, но я предпочиталъ бы, чтобы его вступленіе въ свѣтъ состоялось нѣсколько позднѣе.

Окончивъ смотръ и повидавшись съ императоромъ австрійскимъ, государь прибылъ въ Замостье. Великій князь отправился туда раньше въ сопровожденіи супруги, которая, такимъ образомъ, упорно преслѣдовала своего beau-frère. Это новое путешествіе опять возбудило толки. Такъ какъ его величество могъ остаться въ Замостьѣ всего два дня, то было ясно, что эта поѣздка была вызвана какими-то важными соображеніями. Очевидно, приближавшееся бракосочетаніе великаго князя Михаила заставляло княгиню торопиться съ ея замыслами и ей, конечно, нельзя было упускать ни одного случая.

Со времени возвращенія въ Варшаву, великій князь, несмотря на всѣ свои усилія, не могъ скрыть своего безпокойства по поводу рѣшенія, которое принялъ государь относительно его жены. Въ дни

прибытія эстафетъ онъ явно обнаруживалъ нетерпѣніе и безпокойство. Ничто не раздражало его въ такой степени, какъ слухи о скоромъ его отъѣздѣ вмѣстѣ съ княгиней. По общему мнѣнію, она должна была ѣхать въ Петербургъ въ довольно торжественной обстановкѣ. Но какое положеніе она займетъ тамъ?—вотъ вопросъ, который волновалъ умы, мучилъ любопытство и разрѣшеніе котораго навсегда опредѣлило бы мѣсто княгини. Если она получила приглашеніе на бракосочетаніе только въ качествѣ княгини Ловичъ, то согласится ли она присутствовать на немъ? Какое мѣсто ей будетъ отведено на этой церемоніи? Разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ сильно занимало любопытныхъ.

Что касается меня, то, имѣя возможность ближе наблюдать положеніе вещей, я ясно видѣлъ, какъ сквозь напускную скромность княгини, ея христіанское смиреніе и равнодушіе къ свѣтскимъ почестямъ пробивается честолюбіе. Великій князь при добротѣ своего характера женился только для того чтобы въ глубинѣ простого и укромнаго уголка найти счастье, и выразительно подтвердилъ свое стремленіе тѣмъ, что принялъ условія, которыя ему были поставлены. Но, увлеченный ловкими происками жены, которую онъ любилъ, онъ вынужденъ былъ предпринять мѣры, успѣхъ которыхъ княгиня старалась подготовить легкимъ кокетствомъ съ императоромъ.

Между тѣмъ бракосочетаніе великаго князя Михаила Павловича было отложено въ виду болѣзни государя, которая явилась слѣдствіемъ ушиба, полученнаго подъ Брестомъ. Рожистое воспаленіе снова появилось и притомъ съ очень неприятными симптомами, такъ что стали уже поговаривать объ ампутаціи ноги. Къ счастью, осложненій не произошло, и можно было надѣяться на выздоровленіе.

Великій князь объявилъ наконецъ, что онъ не поѣдетъ въ Петербургъ. Такъ какъ наканунѣ прибылъ курьеръ, то можно было догадываться, что княгиня разочаровалась въ своихъ ожиданіяхъ. Веселый видъ, который они оба старались себѣ придать, не обманывалъ никого, ибо сильные міра сего, которымъ приходится быть актерами, играютъ хорошо только на большой сценѣ, а въ ихъ собственныхъ апартаментax иллюзія исчезаетъ и маска спадаетъ съ нихъ.

Приведу по этому поводу одинъ случай, о которомъ я не разъ слышалъ отъ великаго князя.

Еще до волненій, охватившихъ Польшу передъ ея послѣднимъ раздѣломъ въ 1793 году, въ Варшавѣ, какъ извѣстно, былъ составленъ заговоръ съ цѣлью умертвить всѣхъ русскихъ, которые находились въ это время въ городѣ. Многіе дѣйствительно были убиты, остальные принуждены были бѣжать. Вѣсть объ этомъ пришла въ Петербургъ какъ разъ въ тотъ день, когда у императрицы былъ большой вечеръ. Когда депешу принесли князю Зубову, тогдашнему фаво-

риту и первому министру, онъ предупредилъ Екатерину, что желаетъ имѣть съ нею разговоръ, и она вышла въ сосѣднюю комнату, куда приказала явиться и Зубову. Случайно въ той же комнатѣ оказался великій князь Константинъ, отдалившійся отъ общества. Увидавъ бабушку, онъ отъ страха спрятался, и вслѣдъ за этимъ вошелъ Зубовъ и доложилъ ей о роковомъ событіи. Гнѣвъ овладѣлъ императрицей при этомъ извѣстїи, и выраженїя, въ которыхъ вырвалось ея негодованіе, нагнали сильный страхъ на юнаго великаго князя, которому раньше не случалось видѣть ничего подобнаго. Она приказала Зубову сейчасъ же отправить приказъ главнокомандующему арміей въ Польшѣ Суворову итти на Варшаву, предать все огню и мечу и не оставить отъ этого города камня на камнѣ. Этотъ приказъ, продиктованный бѣшенствомъ, былъ исполненъ въ точности. Извѣстно, что произошло потомъ въ Прагѣ, которая поплатилась за Варшаву. Она подверглась полному разрушенію, причѣмъ погибло до 30 тысячъ человѣкъ.

Отдавъ этотъ ужасный приказъ, императрица хотѣла вернуться въ залъ и вдругъ замѣтила великаго князя, спрятавшагося въ своемъ убѣжищѣ. «Что ты здѣсь дѣлаешь?» спросила она громкимъ голосомъ и съ грознымъ выраженіемъ лица. Понявъ, однако, по лицу внука, что любопытство не входило въ его планы, она ограничилась только тѣмъ, что сказала ему: «Забудь обо всемъ и иди за мною». Чтобы присоединиться къ обществу, отъ котораго императрица хотѣла скрыть свое долгое отсутствіе, нужно было пройти всего только одну комнату. Каково же было изумленіе великаго князя, когда онъ поднялъ глаза на императрицу. Лицо ея было спокойно, на губахъ играла улыбка, на лицѣ лежало выраженіе мягкости и благосклонности, и для всей этой перемѣны достаточно было одного мгновенія. Великій князь былъ такъ пораженъ ею, что эта сцена на всю жизнь осталась у него въ памяти.

Возвращаясь къ великому князю, который больше, чѣмъ когда-либо, высказывался теперь противъ большихъ торжествъ, церемоній и жаловался на тяжести этикета. Онъ, безъ сомнѣнія, говорилъ искренно. Но видно было, что у него къ враждебному отвращенію ко всякаго рода представленіямъ прибавилась и тайная досада, которая заставляла его постоянно возвращаться къ одному и тому же вопросу. Рѣшеніе, которое онъ принялъ, не могло итти въ разрѣзъ съ приказаніемъ матери прїѣхать въ Петербургъ. Императрица, не входя въ мелочные расчеты княгини, сама разрѣшила этотъ вопросъ, и прибытіе фельдъегеря съ роковой депешей оставляло великому князю ровно столько времени, сколько нужно было для того, чтобы прибыть на бракосочетаніе. Волей-неволей великому князю приходилось сдѣлать шагъ, которому онъ такъ противился, и сознаться, что въ Петербургѣ хотѣли видѣть только его одного. Это значило быть разбитымъ на всѣхъ пунктахъ. Оттого великій князь

отправился въ Петербургъ въ самомъ отвратительномъ настроеніи. Наканунѣ своего отъѣзда, удаляясь вечеромъ къ себѣ, онъ позвалъ меня въ свои апартаменты. Поспѣшно раздѣвшись, онъ легъ въ постель и приказалъ лакеямъ удалиться. «Возьмите кресло,—сказалъ онъ мнѣ,—и сядьте возлѣ меня. Попытаюсь въ разговорѣ съ вами уменьшить гнетущую меня тяжесть, которую усугубляетъ еще эта проклятая поѣздка, которую меня заставляютъ сдѣлать. Я надѣялся, что, если я исполню все, что отъ меня хотятъ, то, по крайней мѣрѣ, меня оставятъ въ покоѣ. Мой братъ можетъ вѣнчаться и безъ меня, и мнѣ нѣтъ надобности итти во главѣ съ поздравленіями, которыя въ концѣ концовъ нагоняютъ скуку. Онъ знаетъ, что я для него добрый братъ. Но моя мать приказываетъ мнѣ явиться, и я долженъ повиноваться. Если бы это былъ простой сборъ всей семьи, то я полетѣлъ бы туда. Но при дворѣ это другое дѣло, особенно теперь; судите, какъ я буду тамъ не у мѣста. Вы, графъ, не разъ имѣли случай замѣтить что я вовсе не дорожу отличіями, къ которымъ я предназначенъ рожденіемъ. Мои природныя склонности и тысячи обстоятельствъ, случайныхъ и намѣренно созданныхъ, укрѣпили это мое отвращеніе. Я не долго раздумывалъ. Но мой бракъ и неоднократныя заявленія, которыя вамъ приходилось здѣсь слышать, должны убѣдить васъ, что если бы я какимъ-нибудь несчастнымъ случаемъ лишился старшаго брата, то, конечно, не я наслѣдовалъ бы ему. Такъ хотѣли, и объ этомъ поднимался вопросъ еще при женитьбѣ брата Николая. Въ качествѣ русскаго человѣка и хорошаго брата я согласился на то, что отъ меня требовали, не желая ни вызвать въ имперіи гибельнаго раскола, ни отказать его величеству, котораго я первый и вѣрный подданный. Я отказался отъ престола и подписалъ актъ отреченія, который долженъ храниться въ карманѣ моего брата Александра и появится только въ томъ случаѣ, о которомъ я могу думать лишь съ душевной скорбью. Къ счастью, мы оба почти тѣхъ же лѣтъ и я, по всей вѣроятности, умру раньше. Я думалъ, что мое слово значить больше, чѣмъ клочокъ бумаги, но его все-таки потребовали, и я употребилъ тѣ выраженія, которыя имъ угодно было мнѣ предписать. Это, впрочемъ, не важно: я принесъ жертву и нисколько въ этомъ не раскаиваюсь.

«Въ настоящее время, когда я изолировалъ себя, къ чему это требованіе явиться въ Петербургъ? Я все сдѣлалъ для другихъ, пусть же и меня оставятъ въ покоѣ. Вы понимаете, что, несмотря на таинственность, въ которую облечено все дѣло, невозможно скрыть его и воспрепятствовать распространенію разныхъ слуховъ. Вы знаете, что здоровье моей жены плохое и какія усилія я принужденъ дѣлать, чтобы не дать ей впасть въ ту несчастную неудовлетворенность, которая такъ заставляла меня страдать. Единственнымъ утѣшеніемъ оставался для меня Павелъ. Поистинѣ самому послѣднему изъ моихъ

слугъ не приходится такъ жаловаться, какъ мнѣ. Я ѣду и поручаю вамъ жену и сына. До свиданья, дорогой графъ, помалкивайте обо всемъ. Я достаточно знаю вашу привязанность ко мнѣ и могу говорить съ вами откровенно. Ваше сердце пожалѣетъ меня».

Я отвѣчалъ великому князю изъявленіемъ полнѣйшей преданности. Было уже поздно, когда я вернулся домой, записать этотъ разговоръ сейчасъ же было некогда, но я всю ночь повторялъ его про себя, чтобы запомнить подлинныя выраженія и обороты великаго князя. Минуты, которыя я провелъ съ нимъ, произвели на меня глубокое впечатлѣніе, ибо бываютъ въ жизни обстоятельства, которыя превращаются въ неизгладимыя эпохи.

Никогда не забуду я, какъ великій князь, рожденный для того, чтобы занять самый могущественный изъ престоловъ, лежа на жалкой походной кровати, рассказывалъ мнѣ, сидящему у его изголовья, тайну своего отреченія и всѣ свои секреты. Никогда не забуду я звука его голоса, то грознаго, то нѣжнаго. Не забуду и того, какъ шевелилось одѣяло отъ его жестовъ, какъ блестѣли его глаза, бросая молніи въ едва освѣщенной комнатѣ.

И вотъ мы остались одни съ княгиней, мѣсто которой окончательно опредѣлилось и которая испытала полное униженіе. Ее, правда, старались утѣшить теплыми письмами отъ членовъ императорской фамиліи, подарками, всяческими проявленіями теплыхъ чувствъ, словомъ, всѣмъ, что могло смягчить рѣшеніе, но все это значило только позолотить пилюлю, но никакъ не уничтожить ея дѣйствіе. Великій князь употребилъ на поѣздку возможно меньше времени и вернулся въ Бельведеръ раздраженный отъ усталости и скуки. Онъ рассказывалъ намъ, что его *belle-soeur* очаровательна во всѣхъ отношеніяхъ, и что дѣло неминуемо должно было кончиться полнымъ очарованіемъ его брата. По его словамъ, онъ долго старался убѣдить брата Михаила и заставить его воздать должное милымъ качествамъ его супруги, которая въ концѣ концовъ, несомнѣнно, должна была одержать надъ нимъ верхъ. Засимъ великій князь только и говорилъ о томъ блаженствѣ, которое онъ предвкушаетъ отъ возвращенія въ свое любимое уединеніе, гдѣ теперь, по его соображеніямъ, его долго не будутъ тревожить. Онъ потребовалъ отъ меня подробнаго отчета о состояніи княгини, которое теперь внушало ему больше безпокойства, чѣмъ до его отъѣзда. Ея здоровье давно уже грозило разстроиться, и тысячи причинъ быстро вели его къ ухудшенію. Есть люди, которые вслѣдствіе несходства характеровъ и темперамента не могутъ наслаждаться счастьемъ даже тогда, когда судьба все дѣлаетъ для этого. При соприкосновеніи съ другими у нихъ обнаруживается недостатокъ гармоніи, неуравновѣшенность, которая является отчасти ихъ собственнымъ дѣломъ, отчасти особенностью ихъ положенія, а иногда и того и другого вмѣстѣ.

Таково именно было и положеніе княгини. Съ боку это было лезвіе ножа, спереди—миніатура, тѣнь. Ничего, кромѣ кожи и костей. Иногда свѣжа, какъ роза, а черезъ пять минутъ словно мертвая. Никогда мнѣ не приходилось видѣть болѣе подвижного лица, которое такъ мѣнялось бы въ разное время. Эта измѣнчивость происходила отъ экзальтированнаго воображенія, отъ горячности, которую природа вложила въ это слабое и хрупкое тѣло, и отъ самолюбія, которое подъ давленіемъ обстоятельствъ сдѣлалось еще болѣе чувствительнымъ. Въ ея положеніи до брака это чувство должно было причинять ей много страданій. Присутствіе вотчима, плута, заклеяннаго обшчимъ презрѣніемъ, матери, поведеніе которой было скандально и которая открывала ротъ только для того, чтобы сказать какую-нибудь глупость; ея жизнь въ семьѣ, отличавшейся беспорядочностью, жалкая представительность которой поддерживалась только долгами и интригами,—все это соединилось противъ женщины, одаренной извѣстной возвышенностью и чувствомъ приличія. Отсюда у нея развилось желаніе отчуждаться отъ всего происходящаго и показать себя выше окружающихъ—желаніе, которое дѣйствительно и было ею осуществлено, насколько позволяли средства и обстоятельства. Когда великій князь сталъ отличать ее и обнаруживать къ ней привязанность, то ея мать, вслѣдствіе своего корыстолюбія, пошла на некрасивое попустительство, которымъ, однако, великій князь не захотѣлъ воспользоваться, а тщеславная дочь напередъ учитывала свои будущіе триумфы. Она пустила въ ходъ всѣ хитрости ума и кокетства, чтобы увлечь великаго князя насколько возможно дальше, не позволяя ему, однако, ничего такого, отъ чего могла бы покраснѣть ея добродѣтель. Въ этомъ ей сильно мѣшала госпожа Фредериксъ, къ которой великій князь всегда выказывалъ большое уваженіе и которую она никакъ не могла удалить. Чтобы вѣрнѣе овладѣть великимъ княземъ, она обѣщала ему сдѣлаться другомъ этой женщины и этимъ ловкимъ обѣщаніемъ окончательно покорила великаго князя, принудивъ его, съ одной стороны, согласиться на бракъ госпожи Фредериксъ, а съ другой—рѣшиться на свой. Когда бракосочетаніе совершилось, княгинѣ не было уже надобности исполнять свои обѣщанія относительно бывшей любовницы своего мужа. Она ограничилась тѣмъ, что приняла ее два-три раза, но при этомъ вела себя съ нею такъ, что та убѣдилась въ необходимости отказаться отъ своихъ смѣшныхъ претензій. Она обратилась съ жалобою къ великому князю, но его бомбардировали и съ другой стороны, вслѣдствіе чего онъ оказался въ довольно ложномъ положеніи и въ концѣ концовъ разсердился на обѣихъ, убѣдившись, что не все-то однѣ розы ждуть его въ жизни. Княгиня заболѣла психически. Это было съ ней уже не первый случай помѣшательства. Нѣсколько раньше ея отцу пришлось однажды положить ее въ лечебницу. Великій князь сильно

страдалъ во время этой болѣзни, которая длилась почти шесть мѣсяцевъ. Въ концѣ концовъ она прошла, но зерно ея осталась навсегда и при первомъ же толчкѣ могло дать ростки.

Обоимъ нужно было бы проводить вдвоемъ лишь нѣсколько минутъ, какъ до свадьбы, или же жить отдѣльно каждому своей жизнью, постоянно на глазахъ постороннихъ лицъ. Присутствіе такихъ лицъ могло быть очень пріятно, но въ то же время благодаря имъ ежеминутно выступала наружу разница въ характерѣ, открывались тысячи противоположныхъ наклонностей, которыхъ не замѣчали прежде. Среди людей, мало доступныхъ чувству уваженія, такая обстановка порождаетъ множество ссоръ и даже вызываетъ разрывъ, между тѣмъ какъ людямъ деликатнымъ и чувствительнымъ она даетъ силу для постоянныхъ жертвъ, которыя тѣряютъ для нихъ свою тяжесть, являясь исполненіемъ долга.

Между характеромъ великаго князя и характеромъ его супруги не было сходства. Огромная разница во вкусахъ, въ духовныхъ наклонностяхъ исключала ту гармонію, то единство чувства, которое служить основаніемъ семейнаго счастья. Великій князь отличался откровенностью и выражалъ свои мысли иногда довольно прямо. Княгиня же всегда выражалась уклончиво, и стремленіе недоговаривать дѣлало ея слова неясными и неточными. Онъ былъ вспыльчивъ, но послѣ вспышки возвращался къ обычной своей добротѣ и справедливости, она, наоборотъ, привыкнувъ прикрываться дымкой кротости и сдержанности, сохраняла въ сердцѣ полученныя впечатлѣнія и проникалась предубѣжденіемъ и постоянной враждебностью. Онъ, предаваясь бурной и иногда чересчуръ развязной веселости, выражалъ ее безъ всякихъ стѣсненій; она, всегда холодная, едва разрѣшала себѣ улыбаться, и грубоватыя шутки ея супруга, видимо, коробили ее. Онъ обожалъ свою родину, гордился ея славою и пользовался всякимъ случаемъ, чтобы выказать свое презрѣніе къ польской знати; княгиня, заразившись нелѣпымъ и смѣшнымъ патріотизмомъ, блѣднѣла отъ ярости при каждой выходкѣ великаго князя противъ Польши. Онъ, надѣленный здравымъ смысломъ, терпѣть не могъ всякой темной метафизики, всѣхъ этихъ затѣйливыхъ системъ и всякихъ стремленій къ чудесному, въ которыхъ блуждаетъ человѣческій духъ. Она любила эти заблужденія и придавала имъ значеніе и цѣну, которую обыкновенно имъ даетъ глупое и пустое легковѣріе.

Наконецъ великій князь, имѣвшій обыкновеніе спать послѣ обѣда, появлялся только къ 9 часамъ, княгиня же, истомленная дневною скукою, начинала въ это время уже дремать, но противъ желанія должна была засиживаться поздно. Въ заключеніе укажу на то, что великій князь былъ всегда съ сигарой, а его супруга не могла слышать табачнаго запаха.

Эта противоположность, какъ въ важныхъ вещахъ, такъ и въ мелочахъ, чувствовалась постоянно и не сглаживалась чѣмъ-либо среднимъ. Услужливость и почтительность были всегда на первомъ планѣ, но онѣ вызывали только напряженное, тягостное положеніе, такъ что слабѣйшій неминуемо падалъ его жертвой. Геркулесомъ въ данномъ случаѣ былъ великій князь, а воздушнымъ существомъ его жена.

Когда къ княгинѣ сталъ возвращаться ея здравый разумъ, она увидѣла, что всѣ ея прежнія связи порвались. Въ такомъ состояніи одиночества она обратилась къ Фавицкому. Опьяненный оказываемой ему предупредительностью, онъ, въ свою очередь, сошелъ съ ума. Они походили другъ на друга темнотою и экзальтаціей, вслѣдствіе чего оба быстро стали сближаться. Увлекаясь своимъ сближеніемъ, онъ вообразилъ, что княгиня выше своего пола, и втянулъ ее въ метафизику, увѣряя, что ей слѣдуетъ заняться высшими вопросами и самымъ отвлеченнымъ анализомъ. Такъ какъ наставникъ самъ заблуждался не менѣе своей ученицы, то въ результатѣ получилась самая смѣхотворная галиматья.

Это былъ періодъ магнетизма и ясновидѣнія. Въ это время невысказанно было позволить себѣ даже самую невинную шутку или выказать самое легкое сомнѣніе во всѣхъ этихъ глупостяхъ, не вызвавъ при этомъ гнѣва и не навлекая на себя замѣчаній княгини. Даже великій князь не рѣшался затрогивать этотъ предметъ. Все это грозило княгинѣ большими опасностями, такъ какъ для нея было необходимо прежде всего спокойствіе духа, занятія тихія и не волнующія и чтеніе избранныхъ книгъ, которое помогло бы ей возстановить потерянное равновѣсіе и успокоить распаленное воображеніе.

Но въ это время на сценѣ появилась новая личность, которая повела дальше дѣло, начатое Фавицкимъ, и притомъ еще болѣе пагубнымъ для княгини образомъ. Это былъ нѣкій графъ Иллинскій. Вслѣдствіе своей непомерной гордости, пышности и претенціозности этотъ Иллинскій сталъ курьезной знаменитостью въ Польшѣ и въ Россіи. Онъ почти разорился вслѣдствіе своихъ непомерныхъ расходовъ. Онъ держалъ у себя цѣлый дворъ, задавалъ большіе обѣды, имѣлъ собственную итальянскую и нѣмецкую труппу, балетъ и рабски подражалъ владѣтельнымъ особамъ. Онъ успѣлъ уже дважды развестись и въ третій разъ женился на нѣкоей madame Кракъ, модисткѣ изъ Петербурга, которую онъ изъ моднаго магазина возвелъ на свой шутовской тронъ. Человѣкъ этотъ, благодаря обстоятельствамъ, былъ одно время любимцемъ императора Павла и приходилъ въ соприкосновеніе съ великимъ княземъ Константиномъ, который постоянно шутилъ надъ нимъ. Потомъ этотъ забавный оригиналъ, глупость котораго равнялась его тщеславію, попалъ въ руки іезуитовъ, которые обратили его на путь истины, такъ что онъ бросилъ скандальные кутежи и проникся самымъ суровымъ

благочестіемъ. Каждый день онъ причащался, все время проводилъ по церквамъ, но все это продѣлывалъ теперь съ тою же свѣтскою пышностью, которая уже стоила ему столькихъ жертвъ.

Пріѣхавъ въ Варшаву по какимъ-то личнымъ дѣламъ, графъ Иллинскій былъ принятъ великимъ княземъ, какъ старая игрушка, ставшая теперь еще забавнѣй. Онъ много смѣялся надъ нимъ и наговорилъ о немъ княгинѣ, которая слышала о немъ уже раньше, и пожелала сама его видѣть. Великій князь рѣшилъ доставить ей это удовольствіе и тотчасъ же послалъ Иллинскому приглашеніе на обѣдъ на слѣдующій день.

Послѣдствія этого свиданія оказались совершенно иными, чѣмъ можно было ожидать. Княгиня, вовсе не раздѣля общепринятаго мнѣнія объ Иллинскомъ, отнеслась къ нему съ полнымъ одобреніемъ, усвоила его аскетическіе принципы и кончила тѣмъ, что сдѣлалась его защитницей. Великій князь, раздраженный этимъ новымъ увлеченіемъ, нѣсколько разъ терялъ терпѣніе и за столомъ, въ присутствіи всѣхъ, позволилъ себѣ однажды крайне бурную выходку противъ этой святой особы. Тотъ отнесся къ этой бурѣ съ мнимой покорностью и евангелическимъ смиреніемъ и продолжалъ свое дѣло. Мало-по-малу онъ водворился въ домъ, такъ что обѣдалъ тамъ каждый день и разставался съ княгиней только тогда, когда появлялся великій князь.

И вотъ философія была оставлена ради Библии, ясновидѣніе ради князя Гогенлоэ, а Фавицкій ради графа! Новый матеріалъ, который послѣдній далъ экзальтаціи княгини, оказалъ гибельное вліяніе на ея слабый организмъ. Постоянное хожденіе въ церковь и посѣщеніе больницъ, дурной воздухъ, которымъ здѣсь приходится дышать, замѣчанія мужа—все это оставалось безъ результата. Но больше всего заслуживали порицанія ея нелѣпыя сидѣнія въ часовнѣ, устроенной въ подвальномъ этажѣ Бельведера. Вода лила тамъ со стѣнъ и сводовъ, и, несмотря на это, цѣлыми часами она оставалась тамъ на колѣняхъ, погруженная въ размышленіе или въ восторженный экстазъ.

Графъ Иллинскій продолжалъ жить въ Варшавѣ и уѣхалъ только съ приближеніемъ весны. Для Фавицкаго это былъ настоящій василискъ. Сколько разъ, заговоривъ о здоровьѣ княгини и о пылкости ея воображенія, я жаловался ему на несчастье, пославшее намъ этого человѣка. Съ какой добросовѣстностью вторилъ онъ мнѣ и съ какой наивностью давалъ онъ просторъ своей ревнивой ненависти! Онъ попался на удочку, которую я закидывалъ ему съ невиннымъ видомъ и смѣялся надъ нимъ отъ жалости.

Я сталъ немного повторяться, желая объяснить разстройство здоровья княгини. Если ко всему этому прибавить мученіе обманутаго честолюбія, то можно понять, что всѣ эти поступки, неблагоприятныя для ея слабаго здоровья, не пройдутъ ей даромъ.

IV.

Смерть г-жи Вейсъ.—Болѣзнь княгини Ловичъ и путешествіе ея въ Эмсъ.— Прибытіе въ Варшаву великаго князя Михаила Павловича.—Его слѣпое подражаніе брату его Константину.—Отношенія его къ своей супругѣ.—Прибытіе великаго князя Николая Павловича.—Сравненіе обоихъ братьевъ.—Вечера въ Бельведерѣ.—Страсть великаго князя къ разсказамъ.—Открытіе сейма.—Недоразумѣнія автора съ великимъ княземъ.—Награжденіе его орденомъ.—Отъѣздъ во Францію.

Весною 1824 г. пришло извѣстіе, что г-жа Вейсъ скончалась въ Ниццѣ. Мы уже давно ждали этого событія, которое не произвело на великаго князя особаго впечатлѣнія. Эта женщина сдѣлалась жертвою своего нелѣпаго поведенія. Она не только не сумѣла приковать къ себѣ великаго князя цѣплями, которыя она вполнѣ могла на него наложить, но, наоборотъ, сдѣлала все возможное, чтобы оттолкнуть его отъ себя и заставить его броситься въ объятія Грудзинской. Впослѣдствіи она не могла примириться съ своимъ паденіемъ и триумфомъ своей соперницы. Если бы она покорилась судьбѣ, которую она сама себѣ подготовила, то, конечно, для нея оставалось бы еще многое. Но она сама жалѣла о томъ, что не пожелала или не сумѣла удержать при себѣ великаго князя, и муки честолюбія и ревности быстро свели ее въ могилу.

Княгиня, весьма обрадованная исчезновеніемъ лица, не переставшаго быть для нея пугаломъ, стала выказывать нѣжное сочувствіе къ горю великаго князя, котораго тотъ на самомъ дѣлѣ вовсе не чувствовалъ, и пустилась приписывать покойной качества, которыми та никогда не обладала. Она дошла даже до того, что стала говорить, будто она искренно жалѣетъ о томъ, что не успѣла съ нею сблизиться: она будто бы уже рѣшилась перемѣнить свои чувства къ ней и ожидала только ея возвращенія, чтобы вступить съ нею въ дружбу. Теперь она уже не рисковала ничѣмъ, говоря такимъ языкомъ, отъ котораго великій князь былъ въ восторгѣ.

Всякій другой увидѣлъ бы тутъ только неловкую хитрость, которая могла даже повредить тому, кто вздумалъ бы къ ней прибѣгнуть. А онъ считалъ это проявленіемъ особенной доброты княгини и трогательнымъ доказательствомъ ея привязанности къ нему. Такимъ-то образомъ ложь, принимая на себя видъ истины, нерѣдко обманываетъ людей и гораздо чаще способствуетъ ихъ счастью, чѣмъ сама истина со своими черезчуръ рѣдкими благодѣяніями.

Лѣтомъ было смертельно скучно, и скука эта еще болѣе усиливалась вслѣдствіе упадка силъ княгини. Нерѣдко она не выходила изъ своей комнаты, жаловалась на жестокія головныя боли и на разстройство желудка. При этомъ появился угрожающій кашель, который сильно встревожилъ великаго князя. Онъ пригласилъ сначала одного доктора, затѣмъ другого. Но больной, которая не выносила

ни того, ни другого, не было от этого никакой пользы. Какъ разъ въ это время въ Варшаву случайно прѣѣхалъ лейбъ-медикъ короля прусскаго, пользовавшійся большою славою. Я предложилъ великому князю посовѣтоваться съ нимъ по поводу здоровья его жены, но онъ, повидимому, былъ противъ этого. Однако, когда докторъ явился къ нему, чтобы откланяться, великій князь, по настоящему совѣту лечившаго тогда княгиню врача, просилъ его осмотрѣть его жену и переговорить съ ней о ея здоровьѣ. Онъ просилъ его остаться еще нѣсколько дней для того, чтобы поглубже изучить положеніе больной. Несчастный великій князь принялъ это внезапное рѣшеніе, встревоженный нѣкоторыми вновь появившимися признаками душевнаго расстройства. Въ порывѣ маниакальнаго гнѣва княгиня снова принялась бранить его, а это, въ свою очередь, возбуждало въ немъ раздраженіе. Мнѣ передавалъ объ этихъ подробностяхъ Пижель, докторъ-французъ, который служилъ у великаго князя. Это былъ опытный и талантливый человѣкъ, съ которымъ я былъ очень друженъ, но котораго княгиня ненавидѣла всѣмъ сердцемъ. Причиной этой ненависти явился Фавицкій. Разсорившись съ докторомъ, онъ проникся къ нему вѣчной злобой и пользовался всякимъ случаемъ, чтобы поносить его всюду.

Пижель, котораго великій князь долженъ былъ волею-неволею посвящать во всѣ секреты, касавшіеся здоровья его супруги, держалъ меня въ курсѣ всего, ибо я съ нѣкоторыхъ поръ отошелъ въ сторону, и великій князь давно уже со мною не разговаривалъ. Именно этимъ путемъ я узналъ объ опасеніяхъ великаго князя, который говорилъ, что убѣжить на край свѣта, если его жена опять упадетъ въ то же состояніе, отъ котораго онъ такъ много страдалъ. Послѣ осмотра больной докторомъ ей оказалось необходимымъ пить Эмсъ и нужно было не откладывать леченія до другого времени. Было уже начало августа, и сезонъ въ Эмсѣ кончался. Къ тому же вслѣдствіе приготовленій къ отъѣзду и продолжительнаго пути мы могли прибыть въ Эмсъ лишь тогда, когда сезонъ для большинства больныхъ былъ уже оконченъ. Но докторъ рассчитывалъ не столько на дѣйствіе водъ, сколько на перемѣну воздуха, физическія упражненія, на развлеченія и особенно на отказъ отъ того образа жизни, который, по его мнѣнію, ухудшалъ положеніе княгини. Великій князь, не колеблясь ни минуты, присоединился къ этому мнѣнію и приказалъ готовиться къ отъѣзду. Онъ, впрочемъ, отложилъ его почему-то недѣли на двѣ, такъ что возможность пользоваться водами почти сводилась къ нулю. Онъ написалъ императору, прося разрѣшенія ѣхать къ женѣ послѣ того, какъ окончитъ осмотръ войскъ въ Литвѣ и на Волыни въ тотъ же самый день, когда княгиня тронется на берега Рейна. Курьеръ, посланный изъ Петербурга, догналъ великаго князя уже на пути и передалъ позволеніе государя не только ѣхать вмѣстѣ съ женою, но и совсѣмъ отмѣнить осмотръ. Великій князь

прервалъ поѣздку и вернулся въ Варшаву, гдѣ предполагалъ остаться только на самый короткій срокъ, необходимый для того, чтобы отдать распоряженія на время его отсутствія. Онъ спросилъ меня, можно ли вмѣстѣ съ нимъ ѣхать и Павлу и не пострадаютъ ли отъ этого его занятія. Я отвѣчалъ, что считаю это путешествіе прекраснымъ для него случаемъ пополнить свое образованіе и подкрѣпить свое здоровье, что настало время показать ему кое-что и новое и такимъ образомъ дать ему возможность составить себѣ сужденіе на основаніи сравненія съ тѣмъ, что ему приходилось видѣть раньше. Великій князь былъ въ восторгѣ отъ того, что мое мнѣніе вполне совпадаетъ съ его. Онъ заявилъ мнѣ, что опасается брать меня съ собою, такъ какъ мое тогдашнее нездоровье могло ухудшиться вслѣдствіе усталости отъ дороги и въ особенности отъ быстроты, съ которой онъ предполагалъ сдѣлать эту поѣздку. Сознаюсь, что хотя въ глубинѣ души я былъ радъ избавиться отъ путешествія, которое обѣщало лишь скуку и непріятности, но тѣмъ не менѣе я почувствовалъ себя обиженнымъ, что великій князь не предоставилъ инициативу отказа мнѣ самому. Это обстоятельство давало поводъ думать, что онъ вовсе не считалъ мое присутствіе около его сына необходимымъ, или же что онъ приноситъ свою нѣжность къ нему въ жертву удовольствію княгини. Онъ наговорилъ мнѣ множество любезностей и объявилъ, что возьметъ съ собою Фавицкаго, мотивируя этотъ выборъ тѣмъ, что ему необходимъ русскій секретарь. Я видѣлъ, что путешествіе это принесетъ вредъ Павлу, который вслѣдствіе постоянного раздраженія на грубости Фавицкаго опять можетъ вернуться къ своей дикой и угрюмой манерѣ, отъ которой я съ такимъ трудомъ отучилъ его. Но такъ какъ съ обстоятельствами нельзя было бороться, то я утѣшался тѣмъ, что, къ высшему своему удовольствію, останусь на полной свободѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ и за это время могу заняться своимъ здоровьемъ.

Едва великій князь возвратился, какъ пришла эстафета изъ Лейпцига, что княгиня снова заболѣла и остановилась тамъ. Это извѣстіе лишило великаго князя покоя и черезъ три часа онъ готовъ былъ двинуться въ путь. Я просилъ Павла писать мнѣ, когда только ему будетъ можно, но не прибѣгать къ какому-либо принужденію себя. Зная, что онъ чрезвычайно лѣнивъ писать письма, я хотѣлъ испытать, побѣдитъ ли привязанность, которую онъ мнѣ выказывалъ, его нелюбовь къ перепискѣ.

Скоро я получилъ доказательство его истинной привязанности ко мнѣ: каждый курьеръ привозилъ мнѣ извѣстія отъ него; по обширности и слогу письма я видѣлъ, что ему доставляло удовольствіе говорить со мною откровенно и что въ этомъ его душа чувствовала потребность. Между тѣмъ я не только не угождалъ ему съ неумѣстной услужливостью, но, наоборотъ, былъ съ нимъ строгъ, даже суровъ, когда считалъ это нужнымъ. Въ то же время онъ горько жаловался

на грубую манеру и грубый тонъ Фавицкаго въ обращеніи съ нимъ. То же самое подтверждали адъютантъ великаго князя полковникъ Феншъ ¹⁾ (Fenshawe), котораго онъ отдалъ въ распоряженіе княгини. Полковникъ скоро, однако, возбудилъ къ себѣ антипатію княгини. Это, впрочемъ, неизбѣжно должно было случиться, такъ какъ, съ одной стороны, Фавицкій былъ его злѣйшимъ врагомъ, а съ другой—онъ былъ назначенъ въ путешествіе вопреки желанію княгини, которая не питала къ нему особаго довѣрія.

Мнѣ писали, что пылъ Фавицкаго усилился еще болѣе и что это привело къ самымъ невѣроятнымъ, самымъ смѣшнымъ послѣдствіямъ. Онъ совѣтовался съ докторами по поводу здоровья княгини, писалъ воспоминанія, наконецъ его страсть, всемъ бросающаяся въ глаза, доводила его до самыхъ безразсудныхъ выходокъ, и все это происходило на глазахъ великаго князя. Такую непонятную терпимость можно было объяснить только боязнью его раздражить жену, мозгъ которой находился въ столь же печальномъ положеніи, какъ и остальные члены ея тѣла. Консиліумъ докторовъ нашелъ у нея болѣзнь легкихъ и призналъ ее чахоткой, достигшей такой степени, что надежды оставалось мало. Но какимъ образомъ намекнуть о такомъ рѣшеніи консиліума великому князю? Доктора оказались въ затруднительномъ положеніи и не могли остановиться на одномъ какомъ-нибудь леченіи.

Послѣ мѣсячнаго пребыванія въ Эмсѣ, не принесшаго княгинѣ никакой пользы, великій князь забавлялся тѣмъ, что пилъ воду въ количествѣ въ четыре раза большемъ, чѣмъ обыкновенно полагается, и бралъ въ теченіе четверти часа душъ, который другіе не могли выдерживать и нѣсколькихъ минутъ. Уѣзжая отсюда, онъ бранилъ и докторовъ, и воды и отправился въ Кобленцъ, гдѣ назначилъ свиданіе своей сестрѣ, принцессѣ Оранской, которая должна была прибыть туда съ своимъ мужемъ. Къ нимъ присоединился еще король вюртембергскій, и они провели все вмѣстѣ два дня. Отсюда великій князь направился на Майнцъ и на Франкфуртъ, гдѣ оставался восемь дней. Затѣмъ онъ поѣхалъ въ Веймаръ, чтобы повидаться съ другою своей сестрой, и наконецъ прибылъ въ Дрезденъ, гдѣ хотѣлъ посовѣтоваться съ лейбъ-медикомъ короля Крейссигомъ. О его маршрутѣ сообщалъ мнѣ Павелъ.

По однимъ свѣдѣніямъ, этотъ Крейссигъ былъ очень талантливымъ врачомъ, по другимъ—представлялся простымъ шарлатаномъ,

¹⁾ Феншъ (1789—1867). Принятъ на военную службу изъ подпоручиковъ англійской арміи. Съ 1813 г. состоялъ при великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ и вмѣстѣ съ нимъ совершилъ кампанію 1814 г. Въ 1830 г. участвовалъ въ сраженіи съ польскими мятежниками при Гроховѣ. Въ 1842 г. переименованъ въ тайные совѣтники съ назначеніемъ сенаторомъ варшавскихъ департаментовъ сената. Въ 1856 г. состоялъ членомъ совѣта правительственной комиссіи царства Польскаго.

«истор. вѣстн.», августъ, 1909 г., т. сxvii.

который отличался страшною жадностью. Онъ посадилъ княгиню на леченіе виноградомъ, заявивъ, что грудь ея здорова, и потребовалъ, чтобы великій князь оставилъ больную на нѣкоторое время въ Дрезденѣ, чтобы дать ему возможность лучше распознать родъ ея болѣзни. Фавицкій и Пижель сейчасъ же написали мнѣ объ этомъ рѣшеніи. Они передавали, что всѣ другіе доктора рѣшительно отсвѣтовали употребленіе винограда и что Крейссигъ только для того назначилъ такое леченіе, чтобы не выпускать княгиню изъ своихъ рукъ. Такъ какъ у обоихъ этихъ лицъ были серьезныя причины желать скорѣйшаго возвращенія въ Варшаву, то я полагалъ, что во всѣхъ ихъ сообщеніяхъ сказывается ихъ собственное нетерпѣніе.

Между тѣмъ къ намъ въ Бельведеръ прибылъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Онъ долженъ былъ ѣхать на границу встрѣчать принца и принцессу Оранскихъ, которые ѣхали въ Петербургъ, и хотя и зналъ, что брата его нѣтъ въ Варшавѣ, тѣмъ не менѣе заѣхалъ къ нему. Тутъ у меня было довольно времени изучить его, такъ какъ я былъ при немъ одинъ съ его адъютантомъ генераломъ Бибиковымъ, человѣкомъ умнымъ и преданнымъ ему. Въ Бибиковѣ были и откровенность, и твердость — качества, которыя встрѣчаются не часто у людей, окружающихъ великихъ князей. Великій князь отличается сердечною добротою и простосердечіемъ и тѣмъ благоволеніемъ, которое свойственно молодости; его образованіе, видимо, велось небрежно, и потому всякій разъ, какъ онъ перестаетъ говорить о мелочахъ военного дѣла и о не имѣющихъ значенія біографіяхъ разныхъ военныхъ чиновъ, у него не оказывается предмета для разговора и онъ пробавляется каламбурами. Характеръ у него мягкій, но изъ раздраженія брату Константину онъ считаетъ нужнымъ сердиться и распекать своихъ подчиненныхъ, когда для этого представится случай. Однажды на маневрахъ близъ Варшавы онъ слышалъ, какъ великій князь Константинъ сказалъ одному изъ своихъ адъютантовъ: «Пронзите шпорами брюхо вашей лошади и сломайте себѣ шею, но передайте мое приказаніе». На другой день великій князь Михаилъ отправился въ Петербургъ въ одной коляскѣ съ Бибиковымъ. Послѣдній заснулъ, и великій князь воспользовался этимъ моментомъ, чтобы повторить слышанную наканунѣ отъ брата фразу такимъ тономъ, который возможно ближе подходилъ бы къ голосу великаго князя Константина. Этимъ онъ разбудилъ своего спутника, который, имѣя привычку говорить прямо, сказалъ ему: «Вижу, что ваше высочество твердите урокъ, чтобы блеснуть имъ въ Петербургѣ. Но лучше было бы запомнить что-нибудь другое». Эта мальчишеская страсть подражать брату сказывалась во всемъ. Когда я бывалъ въ его присутствіи, то, закрывъ глаза, я могъ думать, что около меня великій князь Константинъ: тотъ же голосъ, тѣ же отрывочныя фразы, тѣ же слова, наконецъ тѣ же темы для разговоровъ. Желательно было бы, чтобы это подражаніе не ограничивалось только

вѣшностью. Наслушавшись разсужденій великаго князя Константина противъ браковъ, заключаемыхъ изъ политическихъ видовъ, и его выходокъ противъ нѣмецкихъ принцессъ, онъ возымѣлъ мысль жениться, какъ и его братъ, на комъ ему вздумается, и не считаться съ общимъ мнѣніемъ. Набравшись такихъ идей, онъ сталъ искать себѣ подругу жизни по своему вкусу и нашелъ ее въ лицѣ одной фрейлины императрицы-матери; эта молодая особа была прелестна и отличалась прекрасными нравственными качествами, но у него совершенно не было соотвѣтствующихъ средствъ, чтобы добиться согласія. Тѣмъ не менѣе онъ явился къ императору, признался ему въ своей страсти, объяснилъ ему все свое отвращеніе къ принцессѣ вюртембергской и умолялъ его не налагать на него обязанностей, которыя будутъ несчастіемъ всей его жизни. Императоръ отвѣчалъ ему, что это все дѣтскій вздоръ, что принцесса не менѣе красива, чѣмъ его возлюбленная, и скоро заставитъ его забыть объ этой послѣдней, что дѣло зашло уже далеко и отступать нельзя и что, наконецъ, онъ долженъ подчиниться голосу долга. Великій князь, не сдавшись на такое убѣжденіе, обратился къ помощи матери, которая, справедливо приписавъ такое упорство вліянію великаго князя Константина, сильно на него разсердилась. Когда великій князь, отправляясь незадолго до своей женитьбы въ Варшаву, зашелъ проститься съ матерью, она сказала воспитателю великаго князя генералу Аделинскому, который долженъ былъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ: «Любезный генераль, охраняйте Михаила отъ внушеній этого чудовища Константина, онъ его совсѣмъ губить».

Итакъ, великій князь женился въ то время, когда сердце его было полно пылкой страсти, а душа предана принципамъ, которые, въ свою очередь, находились въ противорѣчьи съ разумомъ. Ни молодость, ни привлекательность, ни всѣ другія качества, соединившіяся въ принцессѣ, не могли примирить его съ нею. Ставъ холоднымъ и недовольнымъ супругомъ, онъ проявлялъ по отношенію къ женѣ только необходимое уваженіе и пользовался всякимъ случаемъ, чтобы держаться отъ нея подальше. Живя на дачѣ, она видѣла мужа разъ или два въ недѣлю, да и это короткое время онъ проводилъ или съ сигарой во рту, или же спалъ, какъ дѣлалъ его братъ Константинъ. Молодая супруга увидѣла, какъ разлетались ея надежды на счастье, которыя у нея составились. Этотъ цвѣтокъ, которому нужно было только распуститься, принужденъ былъ свернуться и скрытъ въ себѣ самомъ свои непризнанныя сокровища. Вслѣдствіе тяжелой беременности она была почти постоянно больна и какъ разъ въ это-то время великій князь Михаилъ и вздумалъ ѣхать въ Варшаву. Тутъ онъ дожидался своего брата цѣлую недѣлю и забавлялся въ это время тѣмъ, что заставлялъ войска парадировать. Наконецъ прибылъ великій князь вмѣстѣ съ Павломъ. Онъ возвращался, полный прекрасныхъ надеждъ, и рассчитывалъ послѣ короткаго отдыха

отправиться за женой, которая должна бы уже совершенно поправиться от винограда, какъ обѣщаль докторъ Крейссигъ. Павелъ былъ очень радъ, что путешествіе его окончилось, ибо, кромѣ цѣлаго ряда непріятностей и скуки, оно не дало для него ничего. Онъ былъ такъ ожесточенъ противъ Фавицкаго, что легко могъ поставить ему въ вину вещи, которыхъ совсѣмъ не долженъ былъ касаться, но я постарался направить его мысли иначе и далъ ему понять, что есть граница приличія и уваженія, которую не слѣдуетъ переходить. Я только въ общихъ чертахъ узналъ о чрезвычайной заботливости насчетъ здоровья княгини, которую обнаруживалъ этотъ менторъ.

Два брата прожили вмѣстѣ недѣлю и одновременно отправились одинъ въ Дрезденъ, другой въ Петербургъ. Вскорѣ послѣ отъѣзда великаго князя, я получилъ извѣстіе, что виноградъ вызвалъ у княгини сильнѣйшее расстройство желудка и значительную лихорадку и что великій князь нашелъ жену въ худшемъ положеніи, чѣмъ она была прежде, когда онъ ее оставилъ. Къ несчастью, всѣ эти извѣстія подтвердились эстафетой, полученной отъ великаго князя, въ которой онъ сообщилъ, что не можетъ опредѣлить время своего возвращенія.

Прибытіе великаго князя Николая Павловича внесло пріятное оживленіе въ нашу уединенную жизнь въ Бельведерѣ. Онъ ѣхалъ изъ Берлина, гдѣ оставилъ свою жену, и по дорогѣ въ Петербургъ хотѣлъ осмотрѣть нѣкоторые строившіяся крѣпости, находившіяся въ его вѣдѣніи. Я былъ чрезвычайно радъ видѣть его въ частной жизни и такимъ образомъ составить себѣ понятіе о томъ, кому императоръ рѣшилъ вручить великія судьбы Россіи. Это важное наслѣдство, которое старались обезпечить всѣми способами, которые предоставлены, за отсутствіемъ на этотъ счетъ законовъ, усмотрѣнію монарха, конечно, должно было находиться въ соотвѣтствіи съ качествами того, кто былъ къ нему предназначенъ. Императоръ могъ рѣшиться на нарушеніе законовъ о престолонаслѣдіи только ради блага своей обширной имперіи и только въ силу увѣренности въ томъ, кому онъ хотѣлъ дать въ руки эту драгоценную, но въ то же время и тяжелую ношу. Мое любопытство было сильно возбуждено, и я рѣшилъ удовлетворить его, насколько позволятъ обстоятельства и время, въ теченіе котораго великій князь останется съ нами. Онъ помѣстился въ Бельведерѣ; мы обѣдали вмѣстѣ, и послѣ обѣда онъ удерживалъ насъ. Кромѣ того, мы имѣли случай видѣть его еще нѣсколько разъ въ теченіе дня.

Вотъ что я замѣтилъ относительно будущаго императора, которому предстояло править Россіей.

Прежде всего бросается въ глаза рѣзкая противоположность между обстановкой обоихъ братьевъ. Манера держать себя, тонъ, привычки обоихъ великихъ князей совершенно различны. Это различіе отъ ихъ собственной личности идетъ дальше и простирается

на всякаго, кто находится около нихъ, и даже на вещи повседневнаго обихода. Ихъ кареты, напримѣръ, совершенно разнаго вида и устройства. Кареты великаго князя Николая Павловича похожи на императорскія, между тѣмъ какъ экипажи великаго князя Константина устроены по образцу совершенно иному, которому рабски подражалъ и великій князь Михаилъ Павловичъ. Это наблюденіе можетъ показаться мелкимъ, но оно тѣмъ не менѣе очень умѣстно для того, чтобы показать полную противоположность между обоими братьями. Наблюдатель долженъ пользоваться всѣмъ. Важный и величавый, но въ то же время мягкій и привлекательный, великій князь Николай отличается чрезвычайной вѣжливостью и умѣетъ не стѣснять собою никого, не впадая, однако, въ фамиллярность, которая у сильныхъ міра сего нерѣдко свидѣтельствуется скорѣе объ удручающей тяжести, налагаемой на нихъ ихъ положеніемъ, чѣмъ о ихъ благосклонности. Онъ прекрасно умѣетъ приспособить разговоръ къ характеру или роду занятій того, съ кѣмъ онъ бесѣдуетъ, обнаруживая при этомъ разнообразныя и глубокія познанія. Чрезвычайно дѣятельный, любитель путешествовать, онъ удѣляетъ сну лишь самое необходимое время и, покончивъ съ текущими дѣлами, сидитъ въ своемъ кабинетѣ до поздней ночи, ища знаній лично для себя.

Оттого-то всѣ отрасли управленія, которыя довѣрены были ему императоромъ, достигаютъ неслыханнаго до сего времени совершенства. Такова въ особенности инженерная часть, начальникомъ которой онъ состоитъ. Говорятъ, что онъ любитъ во все вникать и обнаруживаетъ большую ловкость въ достиженіи своихъ цѣлей. Трезвый и сдержанный, онъ не позволялъ себѣ въ юности тѣхъ излишествъ, которыя у такихъ лицъ нагоняютъ страха на всѣхъ, кто можетъ безнаказанно отъ нихъ пострадать. Таковъ былъ великій князь Николай, котораго императоръ, по долгу совѣсти и по чувству симпатіи, избралъ себѣ въ преемники.

Сторонниковъ у этого великаго князя, впрочемъ, мало. Большая публика, а въ особенности военные, стоятъ по большей части за великаго князя Константина. Въ случаѣ, если Россію постигнетъ великое несчастье и императоръ умретъ, борьба кончится, повидимому, въ пользу послѣдняго, если только этому не помѣшаетъ иностранная политика, а это случится неминуемо.

Вечера въ Бельведерѣ сдѣлались безцвѣтнѣе, чѣмъ когда-либо, вслѣдствіе полного одиночества, которому великій князь, казалось, предавался съ удовольствіемъ. Обыкновенно мы проводили ихъ въ самыхъ отдаленныхъ комнатахъ, а когда случалось сидѣть въ гостиной, то даже дежурный адъютантъ приглашался очень рѣдко. Однажды великій князь сказалъ мнѣ, что я могу также не являться, когда мнѣ это заблагоразсудится, и что достаточно присылать къ нему одного Павла. Я воспользовался этимъ разрѣшеніемъ, чтобы

не появляться возможно чаще. Не бывалъ съ великимъ княземъ и Фавицкій.

Я опишу здѣсь одинъ изъ такихъ вечеровъ. Достаточно будетъ описать одинъ, чтобы получить правильное понятіе и о всѣхъ другихъ.

Въ обширной гостиной, представляющей продолговатый прямо-угольникъ, находится полукруглая ниша, въ которой стоитъ такой же формы диванъ, передъ нимъ круглый столъ, гдѣ пьютъ чай, а княгиня занимается рукодѣліемъ. На немъ четыре подсвѣчника, въ срединѣ виситъ лампа. Направо отъ дивана—каминъ, который постоянно пылаетъ, налѣво печь. Вотъ мѣсто дѣйствія.

Когда намъ давали знать, что великій князь сошелъ внизъ, мы отпраплялись въ гостиную; Павелъ бралъ съ собою польскія газеты, приносить которыя всякій вечеръ лежало на его обязанности.

Входимъ.

Великій князь сидитъ направо отъ жены. Онъ здоровадается съ нами по военному, дѣлая подъ козырекъ, какъ будто на немъ была фуражка. Первые слова великаго князя:

— *Veillez vous vous lâcher par en bas*,—что должно означать «садитесь».

Усаживаемся.

Если великій князь былъ доволенъ дежурнымъ адъютантомъ, то онъ посылаетъ и за нимъ. Когда тотъ является, онъ здоровадается съ нимъ точно такъ же и прибавляетъ: «*Veillez vous assourir*».

И вотъ мы всѣ усаживаемся вокругъ стола. Великій князь вслухъ читаетъ статьи польскихъ газетъ, какія найдетъ нужнымъ, впадая при этомъ въ декламацію на манеръ Тальмы, произнося наиболѣе трудныя слова съ шутилой напыщенностью и самымъ комичнымъ образомъ поворачивая все въ смѣшную сторону. Княгиня, которой это уже наскучило и которая обижается такимъ коверканіемъ ея родного языка, обнаруживаетъ желаніе вступить въ разговоръ съ кѣмъ-нибудь изъ насъ. «Молчи, молчи!» кричитъ великій князь. Если она не слѣдуетъ приглашенію, великій князь снова кричитъ: «Слушай же меня! Вотъ несносная женщина!».

Водворяется молчаніе.

Княгиня, чтобы разогнать скуку, звонитъ и велитъ принести чай.

Важно входитъ высокій лакей, бывшій кирасиръ, котораго великій князь взялъ для службы въ свои внутренніе апартаменты. Онъ несетъ подносъ со вѣсьмъ необходимымъ для чая. Поставивъ его на подносъ, онъ дефилируетъ мимо насъ, какъ на парадѣ. За нимъ идетъ маленькаго роста грекъ съ лицомъ трубочиста. Прежде онъ былъ, кажется, морскимъ разбойникомъ, и великій князь подобралъ его на большой дорогѣ въ то время, какъ часть эллиновъ спасалась отъ турецкаго ятагана. Въ Бельведерѣ онъ нашель наконецъ такой портъ,

о которомъ онъ едва ли могъ и мечтать. Этотъ несетъ пирожное. Княгиня начинаетъ готовить чай. Великій князь продолжаетъ читать. Супруга даетъ ему чашку чаю, которую онъ, не прерывая чтенія, выпиваетъ понемногу. Затѣмъ подаютъ чай другимъ, и такъ какъ все это не можетъ обойтись безъ потчеванія съ одной стороны и благодарностей съ другой, то происходитъ нѣкоторый шумъ, который снова вызываетъ замѣчаніе великаго князя, но все еще въ шутиломъ тонѣ.

Послѣ чая, когда газеты прочитаны, онъ вступаетъ въ разговоръ, но бесѣда длится всего одну минуту, такъ какъ великій князь при первомъ же представившемся случаѣ начинаетъ рассказывать какой-нибудь анекдотъ, затѣмъ другой и т. п. Разъ онъ овладѣетъ разговоромъ, другимъ остается только слушать. Въ это время княгиня или работаетъ, или перелистываетъ книгу. Но лишь только ей заблагоразсудится вставить слово и съ своей стороны, великій князь начинаетъ кричать: «Дай же мнѣ договорить; подожди, пока я кончу». Но кончить онъ никогда не можетъ.

Вслѣдствіе своей говорливости великій князь рассказываетъ очень растянута, но, несмотря на это, его рассказы интересны и своеобразны. Онъ умѣетъ отыскать подходящее шутиливое слово, хотя ищетъ его иногда довольно долго. Для людей, которымъ не часто приходится бывать въ его обществѣ, самымъ любопытнымъ, самымъ возбуждающимъ вниманіе представляются его воспоминанія. Это цѣлая галерея лицъ, которыхъ онъ знавалъ въ ихъ семейной обстановкѣ и въ свѣтѣ, это архивъ почти никому неизвѣстныхъ событій, неизданныхъ анекдотовъ, драгоценныхъ замѣчаній о великихъ событіяхъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ или въ которыхъ онъ самъ принималъ участіе. Словомъ, это источникъ въ высшей степени интересныхъ свѣдѣній. Но черезъ нѣкоторое время матеріалъ этотъ истощался, и волшебный фонарь начиналъ показывать снова тѣ же самыя картины, такъ что напередъ можно было знать оборотъ, который приметъ бесѣда, и подробности, которыя будутъ извлечены изъ прошлаго.

Иногда, впрочемъ, въ очень рѣдкихъ случаяхъ, княгиня предлагала прочитать что-нибудь и такимъ образомъ устраняла эти повторенія. Но тогда являлось другое неудобство: княгиня любитъ вдаваться въ философію, и каждое прочитанное мѣсто давало ей матеріалъ для разсужденій, въ которыя она напускала метафизику, столь тонкую, что она положительно ускользала отъ пониманія не только слушателей, но и ея собственнаго. Воспитавшись на самомъ отвлеченномъ анализѣ и блуждая въ туманной области своего воображенія, она кончала тѣмъ, что говорила собесѣднику: «Вы меня понимаете... вы понимаете, что я хочу сказать». Въ отвѣтъ слѣдовало обязательное наклоненіе головы, а великій князь, прислушивавшійся къ ея разсужденіямъ съ выраженіемъ нетерпѣнія и скуки, громко вздыхалъ, какъ бы въ знакъ удовольствія отъ того, что снова очутился на землѣ.

Это напоминает мнѣ забавный случай, который произошел во время пребыванія императора въ Варшавѣ и о которомъ мнѣ рассказывалъ великій князь. Императоръ, который любилъ бесѣдовать съ женщинами подолгу, разговаривалъ и съ княгиней, которая, желая блеснуть умомъ, старалась наводить разговоръ на метафизическіе вопросы. Императоръ, насколько ему позволяла его глухота, схватывалъ нѣкоторыя слова своей собесѣдницы и милостиво на нихъ отвѣчалъ. Однажды великій князь, въ отчаяніи отъ этой болтовни, сказалъ мнѣ:

— Знаете ли, что получается въ результатѣ всей этой галиматіи? Одна сама не понимаетъ, что говорить, а другой ничего не слышитъ.

Такъ какъ княгинѣ было предписано лечь пораньше, то къ 10 часамъ великій князь закрывалъ засѣданіе, цѣловалъ жену и прощался съ нами. Послѣ этого каждый отправлялся къ себѣ, чтобы безъ помѣхъ смежить очи. Таковы были почти безъ измѣненія наши вечера въ Бельведерѣ.

Прибытіе великаго князя Николая, который возвращался съ супругой въ Петербургъ, внесло перерывъ въ наше однообразіе.

Великая княгиня была беременна, переѣзды дѣлала очень небольшіе и въ Варшавѣ должна была отдохнуть нѣсколько дней. Бельведеръ былъ слишкомъ малъ, чтобы вмѣстить въ себя всю свиту августѣйшихъ путешественниковъ. Такъ какъ въ немъ не оказалось комнаты для великой княгини, то Константинъ Павловичъ съ женой переселились въ городъ, въ Брюлевскій дворецъ, а великій князь Николай съ своей супругой помѣстились въ императорскомъ замкѣ. Намъ же было приказано оставаться за городомъ. Въ Варшавѣ великій князь пробылъ недѣлю. Несмотря на тѣсную дружбу, которая, повидимому, господствовала между обѣими парами, онѣ были очень рады разстаться, и Константинъ Павловичъ сейчасъ же послѣ прощанія съ братомъ вернулся въ милый ему Бельведеръ. Съ этого времени до самаго открытія сейма въ маѣ 1825 г. не произошло ничего, что могло бы привлечь мое вниманіе.

Открытіе сейма, сильно интересовавшее поляковъ, запоздало на цѣлый годъ, хотя по конституціи сеймъ долженъ былъ созываться черезъ каждые два года. Причиною замедленія послужило неудовольствіе государя противъ послѣдняго сейма, вслѣдствіе чего онъ хотѣлъ показать, что онъ въ правѣ вносить измѣненія въ дѣло рукъ своихъ и подчинить его своей волѣ. Явное тому доказательство онъ далъ въ указѣ, въ силу котораго засѣданія сейма, которыя, по конституціи, были публичными, отнынѣ должны были происходить при закрытыхъ дверяхъ. Императоръ сохранилъ за собою право назначать на эти засѣданія и лицъ не изъ числа депутатовъ.

Эти распоряженія, исходившія отъ самодержавнаго престола, возбудили жестокой ропотъ среди польскихъ патріотовъ и особенно среди дамъ, у которыхъ такимъ образомъ было отнято право показы-

вать на трибунахъ свои великолѣпные туалеты и награждать апплодисментами ораторовъ, чувства или мнѣнія которыхъ онѣ раздѣляли. Нигдѣ женскій патріотизмъ не проявлялся такъ сильно, какъ въ Польшѣ. Женщины сильнѣе воспаляются, чѣмъ мужчины, и очень часто простая мода доводитъ ихъ до смѣшной экзальтаціи. Чувство привязанности къ родинѣ естественно и достойно похвалѣ, оно побуждаетъ къ самоотверженнымъ дѣламъ, гдѣ доблесть проявляется въ полномъ своемъ блескѣ. Но оно должно питаться реальными или возможными въ будущемъ обстоятельствами. Когда же это чувство основывается только на воспоминаніяхъ, то славныхъ, то удручающихъ, то оно должно неизбѣжно остывать и измѣняться, смотря по ходу событій. Польша была велика, когда для народовъ достаточно было имѣть деньги и оружіе, но когда Европа просвѣтилась и цивилизовалась, Польша все еще оставалась подъ гнетомъ унижительнаго рабства и варварской некультурности. Большіе паны, устремивъ горделивые взоры на своихъ рабовъ и ихъ личную собственность, не пошли за своими болѣе культурными сосѣдями, а замкнулись въ своемъ роковомъ эгоизмѣ. Въ результатѣ раздѣлъ страны и связанныя съ нимъ бѣдствія. Не имѣя возможности сдѣлать что-нибудь собственными силами, Польша стала затѣмъ искать себѣ защитниковъ и выступила подъ знаменами Наполеона, столь страшными для враговъ и столь обманчивыми для союзниковъ. Обманутые и увлеченные имъ на свою гибель, поляки подпали подъ власть Александра, который, вовсе не желая уничтожить ихъ подъ своимъ побѣдоноснымъ скипетромъ, оказалъ имъ милости, которыя вполнѣ обезпечивали имъ благоденствіе. Такъ, титулъ королевства давалъ имъ мѣсто въ ряду другихъ народностей; дарована имъ была и конституція, гораздо болѣе либеральная, чѣмъ конституція 1793 года. Россія снабдила Польшу значительной артиллеріей и выдала ей впередъ такіа средства, собрать которыя сама она, вслѣдствіе бѣдственнаго положенія, рѣшительно не могла. Вотъ блага, которыя полякамъ даровалъ ихъ новый государь и которыя, конечно, превосходили всякія ихъ ожиданія. Между тѣмъ они ненавидѣли руку, которая ихъ, такъ сказать, вторично призвала къ бытію, и, не заглядывая въ прошлое, мечтали о роли, которую они не могли удержать за собою. Оттого польскій патріотизмъ составляетъ какую-то смѣсь кичливости своимъ прошлымъ и ненависти къ тѣмъ, кто снова вернулъ ихъ къ политической жизни.

Императоръ оставался въ Варшавѣ шесть недѣль и въ это время далъ только три банкета. Каждый день онъ приходилъ обѣдать къ своему брату въ Брюлевскій дворецъ. Четвертымъ допускался къ столу Павелъ, которому одному выпала на долю честь обѣдать съ его величествомъ. Пятымъ сдѣлался принцъ Оранскій, прибывшій къ концу сейма. Утра проходили въ смотрахъ и маневрахъ, а вечера были заняты балами. Засѣданія сейма кончились къ общему удоволь-

ствію, работы двухъ лѣтъ были утверждены обѣими палатами, передъ которыми открылась такая картина, что онѣ едва имѣли время обглю ее осмотрѣть. Механическое народное представительство приняло все и перестало своими раздорами поддерживать возстаніе. Люди не глупые поняли, что единоличную хорошо направляющую силу слѣдуетъ предпочесть хаосу мнѣній, партійнымъ раздорамъ и неопытности въ дѣлахъ, неизбѣжной при конституціонномъ дѣтствѣ поляковъ.

Все время, пока продолжался сеймъ, я почти не видалъ великаго князя. Онъ былъ страшно утомленъ и занятъ, и Павелъ ходилъ къ нему одинъ, когда онъ его звалъ къ себѣ. Вначалѣ это мнѣ показалось совершенно естественнымъ, но потомъ я почувствовалъ себя обиженнымъ тѣмъ, что онъ почти забылъ обо мнѣ. Я ждалъ терпѣливо и наканунѣ отъѣзда императора написалъ генералу Курутѣ письмо, что, очевидно, я впалъ у великаго князя въ немилость и прошу дать мнѣ отставку. Письмо это я отнесъ генералу лично. Тотъ былъ чрезвычайно удивленъ его содержаніемъ и даже отказался было передать его по назначенію, опасаясь навлечь на себя неудовольствіе великаго князя. Я, однако, стоялъ на своемъ, и онъ обѣщалъ мнѣ сейчасъ же передать письмо. Черезъ минуту генералъ возвратился и сказалъ мнѣ, что его высочество не понимаетъ меня и проситъ меня объяснить точнѣе, въ чемъ дѣло. Генералъ настоятельно совѣтовалъ мнѣ поспѣшить отвѣтомъ, такъ какъ великій князь былъ страшно нетерпѣливъ. Тогда я заявилъ, что изъ скромности я не позволилъ себѣ входить во всѣ подробности и указалъ только на нѣкоторыя обстоятельства, которыя заставляли меня думать, что великій князь измѣнилъ свое милостивое ко мнѣ отношеніе. Я, впрочемъ, прибавилъ еще, что воспитаніе Павла почти окончено и что, можетъ быть, потому-то мнѣ и даютъ понять, что мнѣ слѣдуетъ удалиться.

Получивъ этотъ отвѣтъ, генералъ поспѣшилъ представить его великому князю, который сейчасъ же снова прислалъ его ко мнѣ спросить, нѣтъ ли у меня какихъ-либо особыхъ поводовъ къ личному противъ него неудовольствію. Онъ желаетъ, чтобы я говорилъ съ нимъ откровенно и безъ всякихъ обиняковъ. Я сталъ увѣрять, что я могу только гордиться его отношеніемъ ко мнѣ до того момента, когда мнѣ бросилась въ глаза эта печальная перемѣна. Генералъ снова отправился къ великому князю, чтобы передать ему этотъ отвѣтъ. Черезъ минуту вѣстникъ явился ко мнѣ въ третій разъ. Великій князь приказалъ мнѣ передать, что онъ вовсе не измѣнился по отношенію ко мнѣ, что его уваженіе ко мнѣ остается прежнимъ и что онъ увѣрять меня въ этомъ своимъ словомъ.

На другой день императоръ отправился въ путь, а мы вернулись обѣдать въ Бельведеръ. Великій князь былъ со мною очарователенъ. О томъ, что произошло наканунѣ, не было и рѣчи.

По установившемуся обычаю, производство въ чины и назначеніе наградъ производится только тогда, когда императоръ достигаетъ

границы Россіи. Тамъ онъ останавливается, распредѣляетъ свои милости и списокъ ихъ посылаетъ своему брату, который объявляетъ ихъ въ дневномъ приказѣ. Можно себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ ждутъ курьера съ этимъ спискомъ. Я видѣлъ, какъ онъ прибылъ въ Бельведерь.

Вслѣдъ за этимъ великій князь пригласилъ меня въ свой кабинетъ.

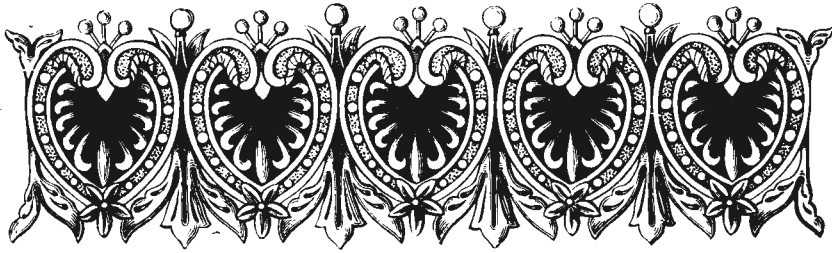
— Чрезвычайно радъ, дорогой графъ, объявить вамъ,—сказалъ онъ, когда я вошелъ: — что его величество соизволилъ пожаловать вамъ по моей просьбѣ орденъ св. Станислава 2 степени. Судите теперь, забылъ ли я о васъ и переимѣнился ли я къ вамъ въ своихъ чувствахъ, которыя вы вполне заслужили. Но въ другой разъ, когда почувствуете помраченіе разсудка, сдѣлайте себѣ кровопусканіе.

Я долго благодарилъ великаго князя за награду, на которую не имѣлъ ни малѣйшаго права, такъ какъ она дается только за государственныя заслуги. Это было больше того, на что я рассчитывалъ.

Императоръ долженъ былъ уѣхать одновременно съ княгиней, которая отправлялась на воды въ Карлсбадъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ и Павломъ. Какъ и въ прошломъ году, я былъ избавленъ отъ этого путешествія, и такъ какъ законъ о вознагражденіи эмигрантовъ требовалъ моего присутствія во Франціи, то я испросилъ у великаго князя разрѣшеніе ѣхать туда по столь важному дѣлу. Онъ охотно разрѣшилъ мнѣ отпускъ, пожелавъ мнѣ счастливаго успѣха, и просилъ только возвращаться возможно скорѣе. Черезъ два дня послѣ его отъѣзда поѣхалъ и я.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРУДОВСКІЕ РАРИТЕТЫ.

(Изъ «Ветлужскихъ очерковъ»).

О ВСЕЙ Ветлугѣ славно село Благовѣщенское, какъ мѣсто дѣйствія извѣстнаго очерка В. Г. Короленка «Рѣка играетъ» и какъ резиденція здравствующаго донинѣ его героя Тюлина ¹⁾. Правда, теперешній Тюлинъ очень выдохся, обезцвѣтился, почти совсѣмъ утратилъ прославившія его черты, пересталъ быть тѣмъ своеобразнымъ типомъ, который сдѣлалъ его всероссійскою знаменитостью. Но все же Тюлинъ существуетъ, а его слава, какъ литературнаго типа, навѣки запечатлѣна въ русской литературѣ. И почтенные благовѣщенцы совершенно правы, когда гордятся своимъ знаменитымъ обывателемъ, извѣстность котораго падаетъ невольнo и на ихъ село.

Нечего грѣха таить, что сосѣди сильно завидуютъ благовѣщенцамъ и говорятъ:

— И что вы нашли особеннаго въ Тюлинѣ?! ничего интереснаго въ немъ нѣтъ!.. а вотъ у насъ есть знаменитости... почище вашего Тюлина!..

Слава села Благовѣщенскаго особенно коробитъ близкую сосѣдку—гордую деревню Прудовку, извѣстную своимъ прогрессивнымъ духомъ и не всегда удачными покушеніями на разныя новшества. Прудовцы спятъ и видятъ, какъ бы затмить во всѣхъ отношеніяхъ село Благовѣщенское. Извѣстность Тюлина мозолить имъ глаза, и они всячески выдвигаютъ своихъ знаменитостей.

¹⁾ См. о немъ мой очеркъ «Василій Тюлинъ» въ «Вѣстникѣ Знанія» 1904, № 12.

Прудовкѣ есть чѣмъ похвалиться... Много въ ней всякихъ раритетовъ, но особенно интересны два. Правда, имъ далеко до прежняго Тюлина, все же не мѣшаетъ съ ними познакомиться, хотя бы въ моей слабой обрисовкѣ, какъ съ типичными ветлужанами нашихъ дней. Какъ всякое захолустье, Приветлужье изобилуетъ разнаго рода чудачками, которые скоро и тамъ должны отойти въ область преданій.

I.

Клюевъ.

Это пожилой крестьянинъ небольшого роста, съ сухощавой фигурой и энергичнымъ лицомъ брюнета, на которомъ выдѣляются длинный носъ и живые, выразительные глаза. Клюевъ необыкновенно подвижной человѣкъ, вертлявый, суетливый, говорливый, съ очень развитой жестикуляціей. Когда онъ заговоритъ о волнующихъ его предметахъ,—глаза разгораются, голосъ звенитъ, руки размахиваютъ энергично, и вся его статная фигурка приходитъ въ движеніе, онъ топчется на мѣстѣ, вертится во все стороны, словно танцуетъ. Чѣмъ-то юношескимъ, бодримъ, жизнерадостнымъ несетъ тогда отъ этого уже немолодого человѣка. И въ движеніяхъ, и въ голосѣ, и въ выраженіи лица, во всемъ сквозитъ кипучая натура, жаждущая всякаго выхода накопленной энергіи.

Земляки говорятъ о немъ не то иронически, не то съ искренней гордостью:

— Нашъ Клюевъ ужъ такой выдумщикъ!.. такое придумаетъ, что всемъ дивно...

«Выдумки» Клюева начались еще отъ дней юныхъ. Когда сверстники его пошли въ школу, родители не пустили мальчика, страстно хотѣвшаго учиться, заставляя его нянчить сестренку Оринку. Возненавидѣлъ онъ ни въ чемъ неповиннаго ребенка и рѣшилъ съ нимъ раздѣлаться, чтобы попасть въ школу. Не долго думая, онъ понесъ Оринку на Ветлугу—топить въ проруби... Но планъ не удался: работавшіе на берегу крестьяне вытащили Оринку изъ воды и доставили «выдумщика» родителямъ. Тѣ преподали ему надлежащее внушеніе, столь жестокаго характера, что совсѣмъ отбили у мальчика всякое стремленіе къ школѣ и примирили съ ролью Оринкиной няньки.

Такъ и остался Клюевъ неграмотнымъ на всю жизнь, о чемъ почти не жалѣетъ, напротивъ—даже благодаренъ Оринкѣ, что отвела его отъ страшной будущности... Онъ серьезно говоритъ о себѣ:

— Ежели бы мнѣ грамотность, то я былъ бы или министромъ, или каторжникомъ...

Онъ хорошо понимаетъ, что скверно быть каторжникомъ, да и министромъ не легче по нынѣшнимъ временамъ...

Однако безграмотность не помѣшала ему сдѣлаться очень энергичнымъ ходатаемъ по судебнымъ дѣламъ. При большой памяти онъ набилъ руку въ кое-какихъ законахъ и примѣняетъ ихъ довольно удачно. Страсть къ адвокатурѣ одолеваетъ его, но онъ отдается ей между прочимъ, среди сѣрыхъ заботъ крестьянства и кузнечнаго ремесла. Нѣтъ для него большаго наслажденія, какъ если кто обратится къ нему за юридическимъ совѣтомъ, а ужъ когда поручать самое веденіе дѣла—Клюевъ блаженствуетъ, принимаясь за хлопоты. И когда его хожденіе по дѣламъ увѣнчается успѣхомъ и ему придется раздѣлить побѣдные лавры съ грамотнымъ помощникомъ, писавшимъ подъ его руководствомъ бумаги, тогда только Клюевъ искренно скорбитъ о своей безграмотности:

— Эхъ! кабы мнѣ грамотность!.. большой вышелъ бы изъ меня адвокатъ...

Очень хочется ему быть «большимъ адвокатомъ», но онъ знаетъ, что грамотность можетъ вывести его и на другіе скользкіе пути—«или въ министры, или въ каторжники»... И онъ гонитъ отъ себя искушеніе сдѣлаться грамотнымъ, боясь потерять свое прирожденное званіе и мѣстную извѣстность перваго «выдумщика» по всей округѣ. «Большіе адвокаты» могутъ спокойно спать: Клюевъ и можетъ, да не станетъ имъ мѣшать...

И только въ пьяномъ видѣ Клюевъ грозитъ по адресу воображаемыхъ противниковъ на судебномъ поприщѣ. Онъ ходитъ тогда и бормочетъ себѣ подъ носъ, съ угрозами:

— Ужо мы покажемъ!... держись!... ужо попомнить насъ!.. ладно!.. на-ко, выкуси!..

Понятно, что на мірскихъ сходкахъ Клюевъ первый и обязательный ораторъ. Не было, кажется, ни одного вопроса изъ дебатировавшихся въ прудовскомъ міру, котораго не коснулось бы ораторское искусство Клюева. И почти всегда онъ говоритъ толково, дѣльно. Обсуждать рѣшительно всѣ вопросы онъ считаетъ своимъ священнымъ долгомъ. Молчать на сходкѣ—это для Клюева немислимо, да и сходка была бы не въ сходку, если бы Клюевъ вдругъ замолчалъ.

Иногда на сходкахъ онъ доходитъ до страшнаго возбужденія, сильно волнуется, оретъ до потери голоса, если обсуждается какое-либо злоупотребленіе закономъ и всякое нарушеніе правды. И тутъ онъ ни на кого не посмотритъ, отстаивая законъ и правду, даже земскаго начальника не испугается. На что уже безобидное существо мѣстный представитель этой власти, а и тотъ однажды не только изгналъ со схода, но даже арестовалъ разорвавшегося на него Клюева. Разумѣется, эта маленькая непріятность нисколько не охладила усердія Клюева къ мірскимъ дѣламъ, и при удобномъ случаѣ онъ никогда не откажется отъ удовольствія схватиться вновь съ кѣмъ угодно—и съ старостою, и съ старшиною, и съ земскимъ начальникомъ. Арестами нельзя испугать Клюева, у котораго сильно развито

чувство гражданскаго долга, да и въ сферѣ законовъ онъ чувствуетъ себя довольно свободно.

Неугасимая энергія его и жажда помочь другимъ своими силами и знаніями находятъ рѣдкій выходъ во всѣхъ экстренныхъ случаяхъ деревенской жизни. Такъ, на пожарахъ онъ самый полезный дѣятель: энергично и дѣльно распоряжается, смѣло лѣзетъ въ огонь и рискуетъ жизнью, когда это необходимо. Видя утопающаго, онъ безъ разсужденій бросается въ воду, и т. п.

Умѣетъ онъ и повеселиться, и придумать что-нибудь особенное для всеобщаго веселья. Нѣсколько лѣтъ назадъ, на масленой, онъ въ компаніи съ взрослыми прудовцами устроилъ оригинальное маскарадное шествіе: на большихъ саняхъ соорудили нѣкоторое подобіе парохода, съ трубой, откуда шель дымъ, мачтой и проч. Клюевъ былъ за машиниста. Пароходъ отправился въ Благовѣщенское и побывалъ съ визитами у богатаго лѣсопромышленника и другихъ мѣстныхъ нотаблей. На обратномъ пути, когда проѣзжали дер. Соловяху, пьяные соловяхинцы встрѣтили недружелюбно загѣю своихъ сосѣдей, напали на пароходъ, изломали его, а пароходную команду сильно избили. Клюевъ и тутъ нашелся: уткнулся лицомъ въ снѣгъ и меньше другихъ пострадалъ отъ кулаковъ соловяхинцевъ...

Но есть у Клюева одна слабость, даже страсть, и преудивительная: цѣлый годъ она дремлетъ подъ спудомъ и пробуждается только разъ въ году—въ пасхальную ночь...

Почтенный и по возрасту, и по личнымъ качествамъ крестьянинъ, умный, развитой достаточно для своего положенія, чадолюбивый отецъ многочисленной семьи, мирно себѣ крестьянствуетъ круглый годъ, балуясь временами хожденіемъ по дѣламъ и другими мирными развлеченіями, но передъ Пасхой имъ овладѣваетъ какой-то бѣсъ, и онъ дѣятельно готовится къ превращенію въ пасхальную ночь изъ скромнаго пахаря въ воинственнаго пушкаря...

Въ военной службѣ онъ не былъ, артиллеріи никогда не видѣлъ и выстрѣловъ орудійныхъ нигдѣ не слышалъ, а между тѣмъ давнымъ-давно устроилъ самъ пушку и пострѣливаетъ изъ нея. Прежде его приглашали съ орудіемъ на свадьбы для салютационной палъбы. Но теперь онъ рѣшительно отказался профанировать свое искусство на свадьбахъ и отдается ему именно только въ пасхальную заутреню.

Спрашиваю его какъ-то:

— Съ чего это повелось у васъ и давно ли?

— И не упомяну,—отвѣчалъ онъ:—такъ вотъ просто началъ да началъ... и пошло оно... а теперь и отказаться не могу: пропаду, ежели на Пасху не выстрѣлю...

— Все-таки съ чего же у васъ зародилась эта страсть? Вы не солдатъ и не охотникъ...

Онъ понялъ «страсть» какъ «страхъ» и отвѣчалъ:

— Страсти никакой нѣтъ... хоть и раны бывали, иногда всѣ пальцы въ крови, а одна забота—лишь бы выстрѣлить позабористѣй..

Дѣйствительно, пальба изъ самодѣльной пушочки, сбитой изъ желѣзныхъ листовъ, да еще при слабости пиротехническихъ познаній Клюева, почти обязательно сопровождается тѣмъ, что этотъ вольный пушкаръ поранить себѣ руки, а то и лицо, или сожжетъ бороду и волосы на головѣ. Но правду онъ говоритъ, что такіе пустяки нисколько его не беспокоятъ...

Все-таки Клюевъ давно озабоченъ пріобрѣтеніемъ настоящей пушки, которая не разрывалась бы и не ранила его постоянно. Какъ-то онъ собралъ среди доброхотныхъ даятелей нѣсколько фунтовъ мѣднаго лому и отправилъ съ земляками въ гор. Велугу, на литейный заводъ. Но мѣдь даже не доѣхала до завода: вѣроятно, застряла въ попутномъ кабачкѣ...

Тогда за отливку пушки для Клюева взялся чугунно-литейный заводикъ въ с. Благовѣщенскомъ, спеціально занимающійся литьемъ «лотовъ» для бѣлянъ, но иногда балующійся и отливкою памятниковъ, крестовъ и пр. Пушечнымъ производствомъ этотъ крошечный заводикъ не занимается и къ конкурентамъ Круппа себя не причисляетъ, но Клюеву онъ не могъ отказать и взялся за новое для себя дѣло. Однако оно что-то не клеится, какъ говорить самъ Клюевъ:

— И шутъ его знаетъ, што за причина, а никакъ заводъ не справится съ пушкой: то щель проявится, то дыра засвѣтитъ, то шишка выскочитъ... Бьются—бьются, а толку нѣтъ... хошь бросай!..

И приходится Клюеву довольствоваться пока своей опасной самодѣльной пушкой. Начинать онъ боевую практику, стрѣляя изъ гдѣ-то добытаго стариннаго «мушкетанта», но его разорвало послѣ первыхъ же опытовъ. Тогда онъ сбиль изъ желѣзныхъ листовъ трубу, длиною въ полъ-аршина, и вставилъ ее въ обрубокъ дерева, на манеръ мортиры. Вѣситъ его орудіе болѣе двухъ пудовъ. Зарядъ пороху кладетъ онъ на глазомѣръ, а потому пушка его то и дѣло рвется. Пробовалъ онъ стрѣлять и бездымнымъ порохомъ, но не одобряетъ его: нѣтъ того эффекта и впечатлѣнія на публику...

Передъ Пасхой онъ устраиваетъ въ Прудовкѣ генеральную репетицію для провѣрки пушки, лежащей спокойно цѣлый годъ. На одной такой пробѣ орудіе разорвалось на мелкія части, но, къ удивленію, осколки никого не поранили, хотя кругомъ стояло до 30 прудовцевъ.

Маленькія репетиціи иногда устраиваетъ дѣтвора Клюева, заразившаяся отъ отца тою же страстью. Разъ четырехлѣтній сынишка его вытащилъ съ другими ребятами пушку, досталъ гдѣ-то пороху и давай палить... Клюевъ, очень чадолюбивый отецъ, нисколько не мѣшаетъ такимъ наклонностямъ своихъ ребятъ и рѣшительно заявляетъ, что трое изъ нихъ «обязательно пойдутъ въ артиллеристы»... Старшій сынъ хорошій охотникъ. Когда-то и Клюевъ имъ былъ, а теперь отказался—«глаза стали слабы».

Послѣдніе дни передъ Пасхой Клюевъ проводитъ въ страшной ажитации... Хватитъ ли пороху на нѣсколько выстрѣловъ? выдержитъ ли пушка? не будетъ ли какой помѣхи отъ духовенства или начальства?—все это ужасно волнуетъ Клюева, не находящаго себѣ въ эти дни мѣста.

Задолго до пасхальной заутрени Клюевъ торжественно тащитъ свое орудіе изъ дер. Прудовки въ с. Благовѣщенское. Встрѣчные говорятъ:

— Смотрите, Клюевъ тащитъ свою пасху...

Въ прежніе годы онъ устанавливалъ пушку подлѣ самой церкви: для него праздникъ былъ не въ праздникъ, если деревянная церковь не содрогнется отъ выстрѣловъ и стекла не разлетятся вдребезги... Но церковному старостѣ, оплачивающему всѣ расходы по стрѣльбѣ, надоѣло вставлять стекла, да и молящіеся въ церкви и духовенство не переносили такой близкой стрѣльбы. Съ трудомъ переспорили Клюева и насилу уговорили его ставить пушку подальше отъ церкви. Разъ онъ ухитрился стрѣлять съ колокольни и едва не спалилъ ее. Въ другой разъ та же опасность угрожала школѣ, куда забрался Клюевъ съ своимъ орудіемъ...

Если запасъ пороха великъ, пальба длится всю заутреню и обѣдню, пока или пушку разорветъ, или выйдутъ всѣ заряды. Клюевъ сдѣлалъ одну уступку: пересталъ палить во время «большого выхода» на обѣднѣ, «штыбы у поповъ руки не задрожали»...

Начинаетъ онъ стрѣлять малыми порціями и постепенно увеличиваетъ заряды, конечно, на глазомѣръ, подсыпая въ порохъ соль, «штыбы звончѣй стрѣляло»... Главная задача его, чтобы богомольцы въ церкви «ухали» отъ страха и неожиданности, а высшій для него эффектъ, когда стекла въ церкви посыпятся вдребезги и полетятъ на молящихся, даже ранять многихъ...

Но послѣдняго эффекта теперь уже не бываетъ, когда Клюева заставили стрѣлять подальше отъ церкви. Остается одно «уханье» молящихся при каждомъ выстрѣлѣ клюевской пушки да присѣданье нѣкоторыхъ болѣе нервныхъ натуръ. Многіе изъ-за этой стрѣльбы перестали даже ходить на пасхальную заутреню...

Разумѣется, не разъ подавались на Клюева жалобы и сельскимъ властямъ, и полиціи, и земскому начальнику. Всѣ они запрещали Клюеву стрѣльбу. Но развѣ можно переупрямить ветлужанина, когда онъ отстаиваетъ свое кровное дѣло?!.. Начальство и уговаривало Клюева, и всячески страдало, но онъ твердо стоитъ на своемъ. Когда ужъ очень пристали къ нему, именно послѣ пальбы изъ школы, онъ чуть не расплакался, опасаясь, что его могутъ лишить удовольствія разъ въ году понюхать пороху да пролить свою кровь ради вящаго торжества Пасхи... Но Клюевъ нашелся и клятвенно заявилъ начальству:

— Легче мнѣ самому застрѣлиться, чѣмъ перестать палить на Пасху!..

Разумѣется, начальство пожалѣло человѣка, отвело отъ самоубійства и оставило его съ пушкою въ покоѣ... Пусть-де онъ лучше приметъ «мученическій вѣнецъ» около своей пушки, чѣмъ согрѣшить наложеніемъ на себя рукъ...

Самъ Клюевъ иначе объясняетъ милостивое разрѣшеніе начальства на пальбу. Онъ рассказываетъ, что давно какъ-то проѣзжалъ черезъ Прудовку прежній земскій начальникъ и застрѣлъ въ невылазной грязи, откуда съ превеликимъ трудомъ выбрался, и то только благодаря помощи Клюева. Въ награду за это, говоритъ Клюевъ, земскій начальникъ «далъ бумагу въ волостное правленіе, штобъ мнѣ завсегда стрѣлять было вольно»...

Врядъ ли была такая бумага, хотя... на Ветлугѣ, да еще въ практикѣ земскихъ начальниковъ, все возможно... Во всякомъ случаѣ Клюевъ безбоязненно попаливаетъ изъ своей мортиры и въ наши дни. Въ пасхальную ночь 1904 года онъ страшно увлекался пальбой и твердилъ:

— Мнѣ представляется, што стрѣляю по японцамъ... Эхъ! кабы хоть разочекъ пальнуть въ нихъ изъ 12-дюймоваго орудія!..

Такъ вотъ и наслаждается разъ въ году дѣтской возней съ пушкой этотъ серьезный въ остальное время и дѣльный крестьянинъ... Силь много въ его кипучей натурѣ, а прямого выхода имъ никуда нѣтъ, и онѣ направляются на дѣтскую забаву, какъ на нѣчто стоящее вниманія... Судьба множества русскихъ богатыхъ натуръ!..

II.

Никаноръ Павлычъ.

Милѣйшій Никаноръ Павлычъ не чета Клюеву и совершенно въ другомъ родѣ: это вѣчный и безобидный мечтатель, фантазеръ, который постоянно куда-то рвется, чего-то ищетъ, но, какъ подстрѣленная птица, бьется на мѣстѣ, довольствуясь почти нищенской долею. Несмотря на послѣднюю, онъ всегда почти жизнерадостенъ, веселъ, полонъ добродушія и самаго доброжелательнаго отношенія къ людямъ. Рѣдко кому онъ позавидуетъ, еще рѣже съ кѣмъ повоюетъ, развѣ съ надоѣдливыми ребятами. Враговъ у него положительно нѣтъ и быть не можетъ. Всѣ его любятъ, какъ и самъ онъ относится ко всѣмъ сердечно, мягко и любовно. Это женственная натура, случайно очутившаяся въ мужской оболочкѣ.

Симпатичный Никаноръ Павлычъ уже пожилой человѣкъ, около 60 лѣтъ, но еще крѣпкій и почти безъ сѣдины. Онъ средняго роста, съ приземистой, нѣсколько согнувшейся уже фигурой. На широкомъ лицѣ, обрамленномъ бороною, постоянно бродитъ милая улыбка,

а въ маленькихъ живыхъ глазкахъ мелькаетъ веселый огонекъ. Крайне словоохотливый, онъ нѣсколько гугнявитъ и туговать на ухо.

Никаноръ бывшій дворовый человѣкъ мѣстныхъ помѣщиковъ Поливановыхъ. У него была специальность, близко державшая его около природы и, несомнѣнно, сильно повліявшая на прирожденную мягкость его натуры: онъ былъ садовникомъ, сначала въ барской усадьбѣ, а когда она очутилась въ періодѣ «оскудѣнія», работалъ въ садовыхъ заведеніяхъ Москвы и Нижняго.

Подъ старость его потянуло на родину и онъ пріютился сначала въ дер. Песочной (на лѣвомъ берегу р. Ветлуги, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Прудовки), гдѣ пустился было въ коммерческія предпріятія. Изъ дарового лѣса, частью собраннаго въ водополье, а частью подареннаго мѣстнымъ лѣсовладѣльцемъ, за лѣсами котораго Никаноръ Павлычъ якобы «досматривалъ», онъ соорудилъ цѣлыхъ «шесть домовъ», продавая каждый по 25 рублей... Но эта операція съ домами на курьихъ ножкахъ скоро прекратилась за оскудѣніемъ дарового лѣса, и Никанору пришлось проживать собранный операціей капиталъ, чему немало помогъ разыгравшійся здѣсь съ нимъ романъ, кажется, — единственный въ его жизни. И до сихъ поръ земляки дразнятъ иногда его песочинской «симпатіей»... Спрашиваю его какъ-то:

— Почему вы не женились, Никаноръ Павлычъ?

— А видите ли... семь лѣтъ я жилъ съ одною... а потомъ разошлись...

— Послѣ семи-то лѣтъ?! И вамъ не грѣшно было бросить ее?..

— Да она замужъ вышла...

— Значить, она васъ бросила?..

— Нѣтъ, съ моего согласія пошла замужъ... честь честью разошлись...

— Почему же она за васъ не пошла?

— А видите ли... онъ мужикъ исправный, и домъ хорошій, и все есть, какъ слѣдуетъ... живутъ хорошо, нечего сказать!..

Очевидно, добрѣйшій Никаноръ Павлычъ не захотѣлъ становиться поперекъ чужого счастья и смиренно отошелъ въ сторонку, зная, что онъ не въ силахъ дать своей подругѣ того довольства, которое ждало ее въ домѣ «исправнаго мужика». Такъ и остался онъ бобылемъ...

Изъ дер. Песочной онъ переселился въ Прудовку, гдѣ сначала устроился въ землянкѣ, вырытой имъ въ вершинѣ оврага, идущаго отъ центра деревни къ рѣкѣ. Когда слѣдующею весною землянка обрушилась, Никаноръ самъ соорудилъ изъ собраннаго лѣса маленькую избушку, на краю того же оврага. Міръ позволилъ ему уѣсться тутъ на пустырь, пока ни на что ненужномъ, и тѣмъ болѣе, что Никаноръ, какъ бывшій дворовый человѣкъ мѣстныхъ помѣщиковъ,

очень рѣшительно, хотя незаконно, потребовалъ отъ міра отвода усадебной земли. А на Ветлугѣ такъ разсуждаютъ, что ежели чело-вѣкъ чего рѣшительно требуетъ, значить за нимъ есть такое право... «зря, молъ, не станеть орать и требовать!»

Такъ и усѣлся Никаноръ на мірской землѣ, но какъ будто не совсѣмъ даромъ. Во-первыхъ, на него наложены «страховые» гроши, которыхъ онъ рѣшительно не платитъ, а затѣмъ не столько возложили на него, сколько онъ самъ взялъ на себя одну мірскую «службу».

Когда я въ первый разъ встрѣтился съ нимъ на той прудовской площади, гдѣ находится его избушка, а подлѣ нея мірской пожарной сарай, Никаноръ Павлычъ сталъ показывать мнѣ послѣдній. Онъ водилъ меня по сараю, объяснялъ достоинства пожарной трубы, дѣйствительно хорошей, жаловался на скудость и отсутствіе другихъ пожарныхъ инструментовъ, и все это съ такимъ апломбомъ, что я, ничтоже сумняся, принялъ его за прудовскаго брандмейстера. Но онъ скоро разсѣялъ мои подозрѣнія, объяснивши, что ему, какъ со-сѣду, приходится только присматривать за пожарнымъ сараемъ, который даже не запирается. Однако и эти несложныя обязанности, добровольно имъ на себя взятыя, очень тяготятъ его, и онъ все твердилъ:

— Вотъ брошу, непременно брошу... не стану смотрѣть за сараемъ... пусть ребята растащутъ все!.. Брошу, право, брошу... ну ихъ!..

Разумѣется, никакого ущерба для міра не произойдетъ, если Никаноръ Павлычъ «броситъ» эту мірскую «службу», существующую больше въ его воображеніи. И тогда будетъ то же, что теперь, когда сарай остается въ сущности безъ всякой охраны, такъ какъ Никанора можно застать дома только ночью.

Еще зимою онъ больше сидитъ въ избушкѣ своей, но лѣтомъ очень трудно поймать его здѣсь, а нужно искать на рѣкѣ, куда онъ много разъ за день сбѣгаетъ по крутому спуску оврага, у котораго пріютилась его избушка. То необходимо ему понаблести за разставленными на рѣкѣ рыболовными снастями, то наколоть собранныхъ на Ветлугѣ и въ прибрежныхъ лѣсахъ дровъ, то сварить на берегу чайку или ухи, кашицы, то просто поглазѣть на рѣку и идущіе по ней плоты. Въ его избѣ, конечно, есть печь, но лѣтомъ онъ ея не топить и предпочитаетъ готовить свою скромную ѣду на берегу, благо тамъ и безопасно съ огнемъ, да и веселѣе и оживленнѣе, особенно въ періодъ хода плотовъ. Но и чай, и ѣду онъ только готовитъ на берегу, а затѣмъ все несетъ на гору, домой, и тамъ чайничаетъ и трапезуетъ. Для старика въ 60 лѣтъ ничего не стоитъ десятки разъ взбѣжать на крутую гору, длина которой почти съ полверсты. Самовара онъ не имѣетъ, такъ какъ принципиально «не признаетъ» этой посуды...

Вообще, Никаноръ Павлычъ отличается большою неприятязательностью и нелюбовью къ скопидомству. Всегда онъ имѣетъ самое не-

обходимое, напрімѣръ, только двѣ рубахи, третью же ни за что не заведеть, а если ему подарятъ ее, то обязательно сейчасъ же спустить. Онъ наотрѣвъ отказывается отъ всякихъ предложеній устроиться получше, обзавестить новымъ тулупомъ, самоваромъ и т. п. Въ этихъ случаяхъ онъ очень резонно замѣчаетъ:

— Нѣтъ-съ! зачѣмъ же все это?.. Когда умру, родные только раздерутся изъ-за наслѣдства...

Но въ другой разъ онъ радъ бываетъ всякому пустяку, полученному въ подарокъ, или случайно прибрѣтенному. Когда я подарилъ ему сотню папирозъ въ коробкѣ, онъ долго носился съ этимъ подаркомъ, рассказывая уже о «цѣломъ ящикѣ папирозъ»... Разъ на ярмаркѣ въ с. Благовѣщенскомъ выигралъ онъ въ копеечной лотереѣ деревянную игрушечную гирьку, ни на что ему ненужную, но онъ, какъ ребенокъ, торжествовалъ безъ конца, всѣмъ показывая свой грошовый выигрышъ и съ достоинствомъ принималъ ироническія поздравленія...

Единственная роскошь, допускаемая Никаноромъ Павлычемъ, это книги. Онъ хорошо грамотенъ и даже пишетъ очень недурно. Но читаетъ онъ только «божественныя книги», да и изъ тѣхъ не всѣ «одобряетъ», и какія ему не понравятся, положить ихъ на полку, гдѣ онѣ и лежать нетронутыми, а полюбившіяся по нѣсколько разъ перечитываетъ съ наслажденіемъ.

Изъ свѣтской же литературы только о войнѣ не прочь иногда почитать, а все остальное рѣшительно и безапелляціонно отрицаетъ. Разъ онъ мнѣ сказалъ:

— Ничего достойнаго нѣтъ въ свѣтскихъ книгахъ... Слышали, чай, про книгу Толстого насчетъ воскресенія?.. Развѣ же это возможно, какъ Толстой говоритъ, будто не будетъ воскресенія мертвыхъ?!.. ни съ чѣмъ это не сообразно!.. Какъ можно таки книги читать?..

Нельзя было не расхохотаться, слушая эти ветлужскіе отголоски «Воскресенія» Л. Н. Толстого... Попробовалъ я снять съ Льва Николаевича этотъ новый грѣхъ, свалившійся на него не вѣсть откуда (вѣроятно, не безъ вліянія пресловутаго «отлученія» св. синода...), но Никаноръ Павлычъ, видимо, мнѣ не довѣрялъ и стоялъ на своемъ толкованіи «Воскресенія», котораго онъ не читалъ, а слышалъ отъ кого-то изъ такихъ же любителей «божественнаго», какъ и самъ...

Никаноръ Павлычъ религіозный человекъ, но съ своеобразной окраской старовѣрческаго духа, который рѣшительно наблюдается болѣе или менѣе у всѣхъ «православныхъ» этой мѣстности. По внѣшности онъ принадлежитъ къ господствующей церкви: бываетъ на церковныхъ службахъ, хотя не особенно усердно, отбываетъ обрядныя повинности, какія полагаются, соблюдаетъ посты и т. п. Но душа его не лежитъ къ той церкви, въ которой родился, и онъ прямо говорить:

— Не люблю поповъ и не уважаю...

Съ открытымъ сочувствіемъ онъ относится къ старовѣрамъ и особенно къ ихъ «старымъ книгамъ», какія и у него водятся, и онъ почитываетъ ихъ усердно. Съ уваженіемъ рассказывалъ Никаноръ объ отличномъ писцѣ стариннаго письма, проживавшемъ въ сосѣдней деревнѣ и занимавшемся перепискою старообрядческихъ книгъ. Въ одной «старой православной книгѣ» онъ вычиталъ такой совѣтъ:

— И сказано въ той книгѣ: не ходи ты ни къ доктору, ни къ фельдшеру... Я и не хожу къ нимъ: у меня Богъ докторъ, а Николай Чудотворецъ фельдшеръ...

У него большое стремленіе «жить по божественному», чтобы «спастись», но пока онъ еще не рѣшается приступить къ рѣшительнымъ для того мѣрамъ и откладываетъ выполнение намѣченной программы на будущее время... Довольно торжественно онъ объявилъ мнѣ:

— Вы еще услышите про меня!.. Вотъ вырою себѣ пещеру и уйду отъ людей... тогда и отъ вина откажусь, и отъ табаку...

— Трудно вамъ будетъ, Никаноръ Павлычъ, отъ «баночки» отказать («баночкой» онъ называетъ всякую посудину, изъ которой испиваетъ вино, какъ и самую водку)...

— А вотъ и съ баночкой распрощусь, и уйду въ пещеру... услышите еще про меня!..

Думаю, однако, что это врядъ ли случится и дѣло окончится одними благими намѣреніями... И старость наступаетъ, когда въ пещеру не потянетъ, и баночка одолеваетъ Никанора Павлыча, составляя теперь единственную реальную цѣль его жизни. Ради баночки онъ и «работаетъ», и всячески промышляетъ. Но это совсѣмъ не пьянство и даже не кутежи: никто и никогда не видалъ его ни безобразно пьянымъ, ни продолжительно выпившимъ. Ему достаточно одной, много двухъ баночекъ, чтобы почувствовать себя надолго въ эмпирияхъ. Самъ онъ такъ объяснялъ свою слабость къ вину:

— Пью-съ для здоровья... потому, ежели выпить одну баночку, али двѣ, оно пользительно... А безобразія отъ меня никто не видалъ... Пью для куражу... веселѣе станеть...

Посѣтилъ онъ меня въ Петровки, въ веселомъ настроеніи. Выпивши чаю, отъ молока отказался и даже отнесся укоризненно къ моей скоромной ѣдѣ. Спрашиваю его:

— Почему въ постъ нельзя пить молоко, а водку можно?

— Помилуйте-съ, какъ же возможно равнять ихъ!.. вѣдь молоко отъ коровы, а вино изъ хлѣба: оно постное-съ!.. Да и постъ нынче бабій: бабы его выдумали... А въ настоящіе посты и я воздерживаюсь отъ баночки...

Встрѣчаю его какъ-то на берегу: идетъ, видимо, подъ хмелькомъ, весь раскраснѣвшійся, такой радостный, сіяющій, улыбка не сходитъ съ лица... Поздоровался, разсмѣялся ни съ того, ни съ сего и торжественно заявляетъ:

— А мнѣ сейчасъ баночку поднесли!..

— Поздравляю!.. кто же это?

— Извольте видѣть... Оминъ угощаетъ нашихъ мужиковъ, кои выволакивали его плоты на берегъ... ну, приказчикъ и мнѣ поднесъ двѣ баночки...

— И вы работали тамъ?

— Нѣтъ-съ, а мнѣ, значить, изъ уваженія... сначала одну баночку, потомъ и другую... честь честью... Спасибо, не забываютъ меня...

Не много требуется для «счастья» этого добраго человѣка, который воюетъ изрѣдка только съ деревенской шаловливой дѣтворой. Когда разъ я упрекнулъ его шутя за пристрастіе къ баночкѣ, онъ въ защиту свою началъ вдругъ перечислять свои добродѣтели:

— А я вотъ долговъ не требую... и никогда не бранюсь... а чтобы по-матерному—ни! ни!.. вотъ развѣ ребячь коли слегка побраню... больно ужъ шалятъ!..

И какъ нарочно—главный пунктъ сборищъ прудовской дѣтвора именно на площадкѣ подлѣ пожарнаго сарая и усадьбы Никанора Павлыча. Покоя нѣтъ ему отъ ребячь, особенно съ тѣхъ поръ, какъ сосѣдъ устроилъ тутъ на общую потребу гигантскіе шаги, на которыхъ вѣчно возятся дѣти и толкутся цѣлый день. Возненавидѣлъ Никаноръ Павлычъ эту невинную гимнастику и вступилъ въ заговоръ противъ нея съ одной почтенной старушкой, матерью того самаго прудовца, который завелъ гигантскіе шаги. Старушка вообще противница разныхъ новшествъ, а всякаго рода «заморскихъ машинъ» рѣшительно не перевариваетъ, начиная съ парашутовъ, на которыхъ никогда не ѣздить. А «машина», поставленная ея сыномъ противъ оконъ своего дома, не только мозолитъ глаза старушкѣ, но и постоянно внушаетъ опасенія за цѣлость ребячьихъ носовъ и особенно носика любимой внучки...

И бабушка учинила съ Никаноромъ Павлычемъ комплотъ—рѣшили ночью срубить столбъ... Но заговорщики плохо блюли свою тайну, и она стала извѣстна устроителю гимнастики. Не знаю, какъ послѣдній подѣйствовалъ на свою мать, но Никанору прямо пригрозилъ, что если столбъ будетъ срубленъ, то онъ «спуститъ избу его въ оврагъ»... Заговоръ лопнулъ, и на плечи Никанора Павлыча неожиданно свалилась новая забота—посматривать за цѣлостью столба: ну, какъ ненарокомъ свалится и безъ его участія, а сосѣдъ припишетъ ему, тогда прощай изба!.. Поневолѣ придется забираться спозаранку въ пещеру, когда еще не остыла страсть къ баночкѣ... И волей-неволею охраняетъ онъ и гигантскіе шаги, и даже усерднѣе, чѣмъ пожарный сарай... Чтобы окончательно примириться съ этою «машинною», онъ даже попробовалъ разъ, подѣ влияніемъ баночки, самъ прокатиться, но свалился и расшибся, къ немалой потѣхѣ ребячь.

Но какъ ни часты бывають у Никанора Павлыча стычки съ ребятами, они вѣчно льнутъ къ нему, чуя въ немъ доброе сердце. Доказательствъ его доброты немало, а особенно цѣнно одно. Это дѣйствительный подвигъ, съ которымъ онъ нисколько не посылся, и я узналъ о немъ случайно, отъ сосѣдей.

Почти годъ Никаноръ Павлычъ держалъ въ своей тѣсной избенкѣ одного слѣпного старика, отъ котораго отказалась его близкая родня. Правда, слѣпцу помогали кое-кто изъ прудовцевъ, какъ помогаютъ и самому Никанору Павлычу, подавая обоимъ съѣстные припасы въ праздники, поминальные дни и т. п. Но эта «милостыня» не регулярная, и Никанору приходилось тратить на слѣпца и свои скудные достатки, ухаживать за нимъ постоянно и терпѣть всякія отъ него стѣсненія.

Особенно досаждали Никанору постоянныя пренія со слѣпцомъ по религиознымъ вопросамъ. Хотя, какъ мы знаемъ, и самъ Никаноръ принадлежитъ къ «свободомыслящимъ» въ дѣлѣ религіи и немало проникся старовѣрческимъ духомъ, но не въ такой степени, какъ слѣпецъ, долго жившій на Урени (волость за Ветлугой, населенная старообрядцами), гдѣ совѣмъ остаровѣрился. Столкновенія умѣренныхъ взглядовъ Никанора съ крайними мнѣніями слѣпца происходили на каждомъ шагѣ и нерѣдко заканчивались такимъ аргументомъ со стороны припертаго къ стѣнѣ Никанора:

— Вотъ поволоку тебя за ноги съ полатей вонъ!.. только головою ты у меня застучишь!..

— Што ты, Никаноръ Павлычъ! вѣдь мы съ тобою живемъ въ совѣтѣ!..

Мягкій хозяинъ быстро примиряется, до слѣдующаго пренія о вѣрѣ... Въ общемъ они ладили, и Никаноръ былъ радъ, что изба не остается безъ надзора въ его постоянныя отлучки. Но въ концѣ концовъ ему надоѣло возиться со слѣпцомъ... Когда я спросилъ Никанора, почему они разстались, онъ отвѣчалъ, будто прудовскій староста сталъ насильно «навязывать» ему содержаніе слѣпца и Никаноръ запротестовалъ противъ такого незаконнаго обязательства. Онъ привелъ слѣпца къ старостѣ и сказалъ:

— Одиннадцать мѣсяцевъ держалъ его на печи, а теперь ты держи!..

Староста, разумѣется, шутилъ надъ Никаноромъ, но во всякомъ случаѣ сожителю разстались. Слѣпца пристроили къ его роднымъ, всячески отъ него отбивавшимся.

Кромѣ поддержки натурою отъ прудовцевъ, Никаноръ Павлычъ получаетъ небольшую денежную помощь отъ московской родни, преуспѣвшей на жизненномъ поприщѣ. Онъ рассказывалъ:

— Въ Москвѣ у меня есть богатая родня... Тетенька служила у господъ, нажила капитала 9 тысячъ... Дочь ея была портнихой и вышла замужъ за актера императорскихъ театровъ...

И онъ назвалъ фамилію стараго маленькаго артиста московскаго Малаго театра, извѣстнаго отличнымъ исполненіемъ лакейскихъ ролей. Когда я замѣтилъ, что много разъ видѣлъ на этой сценѣ мужа его двоюродной сестры, Никаноръ Павлычъ даже разобидѣлся, рѣшительно отвергъ мое указаніе на Малый театръ и настаивалъ, что актеръ «служить въ Большомъ императорскомъ театрѣ», очевидно, полагая въ своей наивности, что это болѣе лестно для его родственника... Говорю ему:

— Отчего вы не съѣздите въ Москву, къ роднымъ?

— Гдѣ ужъ намъ!.. вѣдь мы мужики... Помнятъ они меня, и деньгами когда помогаютъ, и гостинцы присылаютъ... А то вотъ, пожалуй, и поѣду, и на мѣсто стану, въ садовое заведеніе...

Нечего грѣха таить—Никанора Павлыча, человѣка совѣмъ некорыстолюбиваго, иногда смущаетъ бѣсъ, навѣвая грѣшныя мысли насчетъ богатства 90-лѣтней «тетеньки», которое онъ опредѣляетъ то въ 9 тысячъ, то въ 19... Онъ не прочь съѣздить въ Москву и предъ-явить свои сомнительныя права на наслѣдство... Спрашиваю его:

— Зачѣмъ вамъ столько денегъ?

— Да я всѣхъ не истрачу... што вы!.. а буду жить на проценты...

— Ой! смотрите, Никаноръ Павлычъ!.. прощай тогда и ваша пещера, и спасеніе души!.. баночка совѣмъ васъ тогда сгубить...

— Помилуйте! зачѣмъ же-съ?.. Вотъ буду помогать другимъ... А баночка вѣдь для здоровья...

Есть у него и на Ветлугѣ много родни, но навѣщаетъ его изрѣдка только одинъ изъ братьевъ—хорошій поваръ, но человѣкъ гордый, неуживчивый, часто теряющій недурныя мѣста. Въ противоположность Никанору это крайне неразговорчивый человѣкъ: проживетъ у него 2—3 дня, скажетъ за все время «словъ 50» и уйдетъ...

Кромѣ наслѣдства «тетеньки», Никаноръ Павлычъ строитъ и другія фантазіи, какъ бы разбогатѣть... Какъ-то онъ говоритъ мнѣ:

— Вотъ скоро пароходы бросятъ бѣгать по Ветлугѣ, и бурлаки пѣши потянутся съ Волги домой... Хорошо бы завести для нихъ чайную... Можно бы разбогатѣть!..

— За чѣмъ же дѣло стало?

— А денегъ откуда возьму?

— Деньги требуются небольшія... займите у прудовскихъ богачей...

— Вы думаете, у насъ въ деревнѣ есть капиталисты? нѣтъ ихъ... всѣ плохо живутъ... Въ старину мужики лучше жили: больше скота было, больше навозу, больше и хлѣба...

Я назвалъ ему зажиточныхъ крестьянъ Прудовки, почти броеившихъ крестьянство ради промышленности. Никаноръ замѣтилъ:

— Помилуйте, какіе же это богачи!.. Три года они строили свои баржи вотъ тутъ на берегу, на мірской землѣ... А какъ, полагаете, расплатились они съ міромъ? водочкой... да-съ! Вотъ какіе они бо-

гачи!.. Мужики глупы-съ! Сколько бы соть можно было взять за землю, а они баночкой удовольствовались...

Несомѣнно, и Никаноръ Павлычъ распиваль тогда эту мірскую баночку, за которую теперъ такъ казнилъ мужиковъ...

Простительно ему помечтать иногда о богатствѣ, когда собственная «работа» плохо его кормить, несмотря на то, что самъ онъ считаетъ себя мастеромъ на всѣ руки... Онъ по-юношески оживляется, когда начинаетъ вспоминать о своей прошлой дѣятельности, или рисовать настоящую кипучую якобы работу, или строить самые реальные, повидимому, планы будущаго... И какъ бы живая дѣйствительность ни разбивала жестоко его мечты, онъ нимало не унываетъ и тотчасъ начинаетъ строить новые планы въ цѣляхъ улучшенія своей болѣе чѣмъ скромной доли.

Главная его специальность лѣтомъ—рыболовство. Не разъ онъ обѣщаль показать мнѣ свое искусство въ этомъ дѣлѣ, но все была незадача: то его «собственная» лодка оказывалась запертою на замкѣ, а ключъ дома, то весла куда-то запропастились, то еще что-нибудь помѣшаетъ. Въ концѣ концовъ обнаружилось, что свою лодку онъ давнымъ-давно продалъ и рыбачилъ въ чужихъ лодкахъ.

Нужно правду сказать, рыбачилъ онъ самымъ жалкимъ образомъ, хотя считаль себя чуть ли не первымъ рыбакомъ въ округѣ...

— Вотъ, Н. Н.,—хвалился онъ,—покончу съ своими дровами, станемъ рыбачить съ вами... Поставимъ подпуска, запустимъ ванды... Рыбы у насъ будетъ вдоволь... и стерлядокъ покушаемъ до отвалу... уважаете ихъ?..

Но за цѣлый мѣсяцъ онъ только разъ «уважилъ» меня порядочнымъ лещикомъ... Спрашиваю въ другой разъ:

— Какъ у васъ ловится рыба?

— Рыбы много, Н. Н., больно много въ рѣкѣ... и хорошей рыбы!.. Вчера бакенщикъ какъ стерлядь пымалъ!.. вершковъ въ 15!.. снесъ къ Ѳомину, рупь получилъ... и баночку поднесли...

— Знаю, что бакенщики хорошо рыбачать,—что имъ и дѣлать-то! А ваши-то дѣла какъ?

— Да ничего не подѣлашь!.. поставилъ подпуска на той сторонѣ, поѣхаль вынимать, а ихъ нѣтъ! видно, бурлаки утащили...

— Ну, грѣхъ вамъ на бурлаковъ думать: они этимъ не занимаются...

— Правда, можетъ, и грѣшу на нихъ... видно, свои ребята пошутили...

— Вотъ это скорѣе!.. А что же ваши ванды?

— И ванды пропали!.. видно, плотами сорвало... А рыбы страсть много... На Старицѣ ершей сколь угодно и пребольшущіе—вотъ въ ладонь будутъ... Важная уха изъ нихъ... потребляете?.. Сколь угодно вамъ пымаю...

— Да вѣдь по Старицѣ плоты идутъ... какъ тамъ ершей ловить?

— Правда, правда! сейчасъ ловить тамъ нельзя... Ну, пусть плоты пройдутъ, тогда займемся рыбой...

Но мнѣ не пришлось дожидаться прохода плотовъ, и уже послѣ моего отъѣзда Никаноръ Павлычъ хвалился одному прудовцу:

— Вотъ и ухой не пришлось угостить Н. Н. А какъ уѣхалъ онъ, такъ и пошла у меня рыба ловиться... дѣвать некуда!..

Среди прудовской дѣтвора сложилась легенда, что Никаноръ Павлычъ ловить рыбу даже на крышѣ своей избушки... Дѣло было такъ: разъ дѣти увидѣли на его крышѣ «пароту» (или «морду»—родъ вапды, но не изъ прутьевъ, а изъ мочалы) и спрашиваютъ хозяина:

— Пошто она тамъ лежитъ?

— А вотъ рыбу ловить...

— И ловится?

— Вотъ и сегодня пымалъ, и уху сварилъ...

Прибѣгаютъ домой изумленные дѣти и рассказываютъ:

— Тятя! а Никаноръ Павлычъ рыбу ловить на крышѣ... и уху сварилъ изъ той рыбы...

Другое его ремесло—садоводство. Когда-то онъ былъ, можетъ быть, и порядочнымъ садовникомъ, но теперь остались самыя слабыя воспоминанія о томъ. Кое у кого изъ крестьянъ Никаноръ разводитъ клубнику, да подлѣ своей избушки разбилъ крошечный цвѣтничокъ и огородикъ—вотъ и все его «садоводство»... Но онъ часто мечтаетъ:

— Вотъ поѣду въ Москву, поступлю въ садовое заведеніе Габекосты... служилъ тамъ лѣтъ 30 назадъ... Дадутъ 27 рублей въ мѣсяць... жить можно!..

— Да вы, чай, уже все позабыли?..

— Што вы! все помню—и посадку, и прививку, и насчетъ цвѣтовъ, все какъ слѣдъ... И по огородной части понимаю... какъ же!.. Да вотъ и сейчасъ у меня... грядочка клубники... и у сосѣда двѣ мои грядки... Э! когда я былъ садовникомъ въ Нижнемъ...

И пошли рассказы о томъ, какимъ великолѣпнымъ садовникомъ онъ былъ прежде и можетъ быть теперь, ежели захочетъ...

Но главное его ремесло, отъ котораго онъ хотя немного кормится, починка сапогъ, кожаной сбруи и т. п. На питье обуви у него не хватаетъ смѣлости, да и о починкахъ его прудовцы невысокаго мнѣнія. Все-таки онъ зарабатываетъ по этой части до 5—6 р. въ мѣсяць.

Объ этомъ своемъ главномъ ремеслѣ онъ не любитъ распространяться, какъ о другихъ занятіяхъ, которыя ему больше по душѣ, хотя и плохо ему удаются. Такъ, онъ считаетъ себя великимъ мастеромъ по грибному спорту... Въ очень сухое лѣто, когда и запаха грибовъ не было слышно, онъ вдругъ предлагаетъ мнѣ:

— Поѣдемте на ту сторону Ветлуги по грибы... покажу вамъ самыя грибныя мѣста...

— Какіе же теперь грибы! сущь такая, больше мѣсяца дождей не было...

— И то правда... ну, мы подождемъ дождей...

Въ слѣдующее лѣто въ первый разъ встрѣтился съ Никаноромъ Павлычемъ на островѣ, выше Прудовки. Онъ, видимо, обрадовался встрѣчѣ, засуетился, забѣгалъ по берегу, помогая пристать нашей лодкѣ. Опять посыпались обѣщанія:

— Вотъ будемъ рыбу ловить... дайте плотамъ пройти...

— А грибы пошли?

— Ни одинаго нѣтъ!..

— Да вѣдь лѣто такое дождливое...

— А гриба нѣтъ... ужъ я знаю...

Мы пошли со спутникомъ побродить по острову и нашли десятка два подберезовиковъ. Несемъ показать свою находку Никанору Павлычу, рубившему вѣтви ивняка для плетенія вандъ. Онъ огѣшилъ, увидя грибы, и въ смущеніи забормоталъ:

— Ахъ ты, Господи! вотъ подите жъ... а мнѣ и невдомекъ, што тутъ грибы!.. Ну, да я знаю другія грибныя мѣста... только мнѣ извѣстны... лѣтъ 20 назадъ набиралъ по полтора пуда бѣлыхъ грибовъ, не сходя съ мѣста... Ужо вамъ покажу!..

Когда мы тронулись обратно на своей лодкѣ, онъ обогналъ насъ на маленькомъ челнокѣ, наполненномъ до краевъ ивою. Впереди, на нашемъ пути, стягивались челены плота, разбившагося выше острова. Мы стали поджидать, пока эта работа кончится и путь намъ очистится, а Никаноръ Павлычъ два раза молодецки перескочилъ на своемъ утломъ челнѣ черезъ снасть стягивавшагося плота. Видимо, на рѣкѣ онъ свой человекъ. Спрашиваю его какъ-то:

— Бурлачили ли вы когда?

— Какъ же!.. много разъ ходилъ и по Ветлугѣ, и по Волгѣ... да и какъ мы ходили! не чета нынѣшнимъ: тянутся-тянутся... тошно глядѣть... А мы разъ отъ Кудемьянска до Сызрани свели баржу въ 5 день—во какъ!.. получили по 21 р. на брата... да-съ!.. нынѣшнимъ бурлакамъ за нами не угнаться!.. Нѣтъ-съ!..

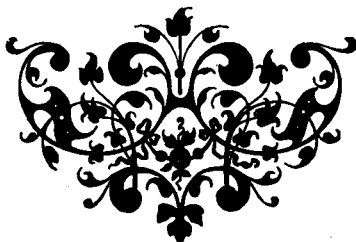
Я подумалъ: не только бурлакамъ, а и пароходамъ трудно было угнаться за Никаноромъ Павлычемъ, когда онъ водилъ баржи сплавомъ и въ 5 дней, т.-е. въ 2¹/₂ сутокъ (ночи стоялъ), проходилъ то пространство, которое пассажирскіе пароходы одолѣваютъ (не считая остановокъ) болѣе 2 сутокъ...

Единственное, кажется, мастерство Никанора Павлыча, которое слѣдуетъ признать таковымъ и безъ его фантазій,—это несомнѣнное искусство его приручать дикихъ животныхъ. Не разъ и довольно удачно онъ приручалъ зайцевъ, забирая ихъ маленькими въ свою избушку и старательно ихъ воспитывая. Но дѣтвора, выпуская на волю молодыхъ зайчатъ въ отсутствіе хозяина, ни разу еще не дала

ему возможности довести дѣло прирученія до конца. И не сознаетъ онъ, какъ высоко это его искусство и какъ онъ могъ бы тутъ «разбогатѣть»...

Но мы знаемъ, что мечты о богатствѣ всплываютъ у Никанора Павлыча изрѣдка и держатся не глубоко. Въ сущности же онъ давно сжился съ своей долей и скорбитъ лишь тогда, когда долго бываетъ лишень «баночки», а будь она неизсякаемой—счастливѣе его не было бы человѣка... Немного нужно для его «счастья», и онъ можетъ досыта полѣживаться и власть мечтать о несбыточномъ.

Н. Н. Оглоблинъ.

СЮРПРИЗЪ.

(Изъ семейныхъ преданій).

I.

ВЪ ОДНОИ, сосѣдней съ Московской, губерніи 5 іюля 1839 года въ большой помѣщичьей усадьбѣ было большое скопленіе народа. Баринъ праздновалъ свои именины.

Генераль-майоръ Сергѣй Ивановичъ Шестовъ ¹⁾ былъ начальникомъ московской артиллеріи и постоянно жилъ поэтому въ Москвѣ. Человѣкъ онъ былъ состоятельный, любилъ повеселиться и имѣлъ обширный кругъ знакомыхъ.

За недѣлю до своихъ именинъ онъ пріѣхалъ въ свою усадьбу и сейчасъ же занялся какими-то таинственными приготовленіями въ громадномъ саду. Постороннихъ въ садъ не велѣно было пускать. Дворовымъ и крѣпостнымъ людямъ былъ отданъ строжайшій приказъ не развѣвать рта о томъ, что происходитъ въ саду, подъ страхомъ здоровой порки. Съѣзжавшимся гостямъ генераль объяснялъ, что онъ готовитъ имъ особенный сюрпризъ и поэтому просить дать ему слово не заходить въ садъ. Всѣ охотно исполняли его желаніе и дѣлали всевозможныя предположенія объ ожидаемомъ сюрпризѣ.

Проснувшись рано утромъ, 5 іюля, хозяинъ вскочилъ съ постели и быстро подбѣжалъ къ окну.

— Слава Богу, на небѣ ни тучки! Сюрпризу погода не помѣшаетъ, — обрадовался онъ.

¹⁾ Фамиліи вымышлены.

Погода, дѣйствительно, была великолѣпная.

Празднованіе шло по строгому церемоніалу. Утромъ хозяинъ со всѣми гостями отправился въ стоявшую недалеко отъ усадьбы церковь. По возвращеніи былъ пріемъ депутаціи съ хлѣбомъ и солью отъ крестьянъ. Отблагодаривъ и отпустивъ поздравителей, хозяинъ пригласилъ гостей закусить «чѣмъ Богъ послалъ». Послѣ вышивки и закуски «начерно» появился пирогъ и начался продолжительный обѣдъ съ обильными яствами и питіями.

На вопросы нетерпѣливыхъ гостей о сюрпризѣ хозяинъ, самодовольно улыбаясь, просилъ обождать до вечера.

Когда солнце закатилось и стало темнѣть, хозяинъ пригласилъ гостей въ садъ. Тамъ недалеко отъ пруда стояли ряды стульевъ и скамеекъ. Всѣ усѣлись. Позади гостей тотчасъ же выросла громадная толпа крестьянъ.

Генераль сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ пруду и крикнулъ зычнымъ голосомъ: «Начинай!»

Не успѣли еще потеряться въ воздухѣ звуки его голоса, какъ, шипя и разсыпая искры, высоко взвилась ракета. Вотъ она остановилась, лопнула и рассыпалась полетѣвшими внизъ разноцвѣтными огнями. Навстрѣчу имъ понеслись снизу еще нѣсколько ракетъ, забили огненные фонтаны, стали перелетать всевозможныхъ цвѣтовъ огненные шарики римскихъ свѣчей, завертѣлись причудливыми огнями колеса и мельницы, стали извиваться и лопаться съ трескомъ бураки и, наконецъ, освѣщенный бенгальскими огнями, развернулся громадный вензель, изъ-за котораго взвилось сразу нѣсколько десятковъ ракетъ.

Гости ахали, вскрикивали, хлопали въ ладоши и кричали «ура». Всѣ были въ восхищеніи отъ замѣчательно удавагося великолѣпнаго фейерверка, благодарили хозяина и въ одинъ голосъ говорили, что сюрпризъ превзошелъ ожиданія.

— Откуда вы выписали этотъ невиданный фейерверкъ?—спрашивали гости.

— Инедумалъ выписывать, —самодовольно отвѣчалъ генераль. — Все это устроили мои молодцы-фейерверкеры, мои артиллеристы-солдатики. Спасибо, ребята!—крикнулъ онъ.

— Рады стараться, ваше превосходительство! — послышался дружный отвѣтъ.

— Надѣюсь, ваше превосходительство, вы не откажетесь, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, посѣтить насъ 11-го числа, —сказалъ подошедшій къ генералу его ближайшій сосѣдъ по имѣнію, Николай Петровичъ Губовъ, служившій подъ начальствомъ Шестова командиромъ батареи въ чинѣ подполковника.

— Какой я для васъ «превосходительство»?! Развѣ забыли, что меня зовутъ Сергѣемъ Ивановичемъ, —крѣпко пожимая руку Губова, весело проговорилъ генераль. —Мы, вѣдь, съ вами не только

сосѣди, но и друзья дѣтства. Какъ же мнѣ и не быть у васъ?! Непременно приѣду поздравить Ольгу Михайловну съ днемъ ея ангела и съѣсть пирога. Замѣчательные пироги у васъ всегда бывають.

— А я тоже кое-что придумалъ. Сюрпризъ тоже.

— И не старайтесь. Лучше моего не выдумаете.

— Вотъ увидите, Сергѣй Ивановичъ. Пожалуй, сюрпризъ лучше вашего выйдетъ.

— Не спорьте и не доказывайте, Николай Петровичъ. Лучше ничего нельзя придумать. Я давно, вѣдь, готовился.

— А я внезапно придумалъ. Вотъ увидите, что лучше будетъ.

— Лучше, да лучше! Заладилъ одно и то же. Говорю, что такого фейерверка, какой у меня былъ сегодня, никто и въ Москвѣ никогда не видывалъ.

— Согласенъ, вполне съ этимъ согласенъ. А все-таки у меня будетъ совершенно неожиданный, такъ сказать, сногсшибательный сюрпризъ.

— Ну, посмотримъ, посмотримъ!

Подходя поочередно къ каждому, Губовъ сталъ приглашать къ себѣ въ гости на 11-е іюля и остальныхъ гостей, обѣщая удивить еще болѣе интереснымъ сюрпризомъ.

Приглашенные были очень заинтригованы и съ нетерпѣніемъ ждали дня св. Ольги.

II.

Въ такомъ же большомъ и богато убранномъ, какъ и у Шестова, домѣ 11-го іюля сидѣли гости за обѣдомъ у Губова.

Традиціонный пирогъ былъ съѣденъ, отдана была должная честь разнымъ многочисленнымъ рыбнымъ и жаркимъ блюдамъ, и подавалось сладкое. Бокалы наполнились шампанскимъ.

Сергѣй Ивановичъ Шестовъ всталъ и постучалъ ножомъ о стаканъ. Шумный разговоръ прекратился. Настала тишина.

Поднявъ бокаль, генеральъ сказалъ нѣсколько словъ о своихъ дружескихъ отношеніяхъ ко всему семейству Губова вообще, перешелъ затѣмъ къ выраженію своего чувства восхищенія передъ красотою и добродѣтельными качествами дорогой и милой хозяйки и, предложивъ, наконецъ, выпить за ея здоровье, крикнулъ «ура». Гости дружно подхватили.

Въ это мгновеніе раздался какой-то оглушительный трескъ, отъ котораго, зазвенѣвъ, посыпались стекла изъ оконъ и весь домъ всколыхнулся, какъ бы отъ землетрясенія. Гости, остолбенѣвъ, сразу смолкли.

— Что это такое?—послышались испуганные голоса.

— А это, господа, мой сюрпризъ!—весело крикнулъ хозяинъ.— Это пушечный залпъ.

— Ура! браво! замѣчательно! ну, и сюрприз! Дѣйствительно, Николай Петрович перещеголялъ Сергѣя Ивановича!—раздавались веселые голоса.

Сергѣй Иванович Шестовъ, шедшій съ бокаломъ въ рукахъ чокнуться съ хозяйкой, побагровѣлъ и поставилъ свой бокалъ на столъ.

— Господинъ подполковникъ, изъ какихъ пушекъ былъ произведенъ этотъ залпъ?—грозно сверкнувъ глазами, спросилъ онъ у Губова.

— А это мой батарея, ваше превосходительство. Я выписалъ ее изъ Москвы на этотъ день,—добродушно отвѣтилъ Губовъ.

— Какъ вы смѣли, господинъ подполковникъ, безъ моего разрѣшенія перевести батарею изъ назначеннаго ей мѣста стоянки! Я васъ предамъ суду!—прогремѣлъ генераль.

Гости бросились къ нему, стали просить его успокоиться и простить вину хозяина, но онъ, никому ничего не отвѣчая, быстро направился къ выходу, велѣлъ запрячь лошадей и, не прощаясь, уѣхалъ.

Возвратившись въ Москву, Губовъ узналъ, что онъ преданъ суду. Тотчасъ же онъ отправился къ аудитору и передалъ ему извѣстную сумму. Слѣдствіе пошло черепашимъ шагомъ. Генераль, догадавшись о визитѣ, сдѣланномъ Губовымъ аудитору, въ свою очередь, побывалъ у послѣдняго и вручилъ ему деньги на расходы. Слѣдствіе тотчасъ же начало принимать неблагоприятный оборотъ для Губова. Пришлось ему опять отвезти солидный кушъ.

Такой способъ хожденія подѣлу очень нравился аудитору, и онъ не спѣшилъ поэтому заканчивать слѣдствіе, которое и тянулось въ теченіе цѣлыхъ девяти лѣтъ. За это время и Шестовъ и Губовъ отвезли и передали такъ много денегъ, что оба разорились.

III.

Наступилъ періодъ Венгерской кампаніи. Въ Москву пріѣхалъ императоръ Николай Павловичъ.

На большомъ смотру зоркій глазъ государя замѣтилъ одного командира батареи безъ эполетъ. Это значило, что онъ состоитъ подъ судомъ. По окончаніи смотра государь велѣлъ вызвать къ нему состоящаго подъ судомъ командира батареи. Это былъ подполковникъ Губовъ.

— Ты подъ судомъ?—спросилъ государь у него.

— Такъ точно, ваше императорское величество.

— За что?

Губовъ откровенно разсказалъ о соревнованіи своемъ въ сюрпризахъ съ генераломъ Шестовымъ.

— Больше ни въ чемъ не обвиняешься?

— Никакъ нѣтъ, ваше императорское величество.

«Истор. вѣстн.», августъ, 1909 г., т. cxvii.

Пытливый и острый взгляд государя впился въ лицо Губова, которому показалось, что онъ пронизалъ его насквозь, проникъ въ душу и читаетъ его мысли.

— Я вижу, что ты сказалъ правду,—черезъ минуту произнесъ государь.—Слѣдствіе прекратить навсегда! Губова произвожу въ полковники,—отдалъ онъ распоряженіе.

Губовъ, счастливо продѣлавшій нѣсколько кампаній, дослужившійся до генеральскихъ чиновъ и дожившій до глубокой старости, боготворилъ государя и никогда не могъ рассказывать безъ слезъ о своемъ необыкновенномъ производствѣ въ чинъ полковника.

М. Ф. Чулицкій.

АНТОНЪ ПАВЛОВИЧЪ ЧЕХОВЪ.

(Опытъ характеристики).

ИНУЛО уже 5 лѣтъ, какъ умеръ симпатичный русскій беллетристъ Антонъ Павловичъ Чеховъ. До сихъ поръ число его поклонниковъ какъ будто не уменьшается, молодежь попрежнему охотно читаетъ его сборники рассказовъ, смотритъ его пьесы, особенно — въ московскомъ Художественномъ театрѣ, а въ годовщину его кончины собирается, хотя не всегда въ большомъ числѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, на кладбищѣ котораго находится чеховская могила. Но этого мало. О Чеховѣ и теперь выходятъ въ свѣтъ книги съ воспоминаніями объ усопшемъ писателѣ, издаются его письма; первый томикъ писемъ Чехова къ Н. А. Лейкину издала г-жа Лейкина; въ нынѣшнемъ году нѣкто г. Бочкаревъ (?) издалъ первую часть писемъ Чехова къ разнымъ лицамъ (большинство изъ писемъ, впрочемъ, уже было въ печати) и общааетъ рядъ другихъ... Все это говоритъ о жизненности произведеній писателя, объ извѣстной силѣ его дарованія. И все-таки приходится сказать, что литература о Чеховѣ не содержитъ въ себѣ мало-мальски вѣрной и подробной біографіи писателя. Мнѣ приходилось читать почти всѣ воспоминанія о немъ, мнѣ извѣстны его письма (не изданныя до сихъ поръ) къ Н. А. Лейкину, В. В. Билибину, А. С. Лазареву и къ другимъ его первымъ по времени пріятелямъ и знакомымъ. Письма, конечно, лучше воспоминаній другихъ авторовъ; но этотъ матеріалъ имѣетъ и плохую сторону; обыкно-

венно, пишущій письма человекъ невольно прихорашивается и открываетъ далеко не всего себя; какой-то мудрецъ даже сказалъ, что письмо—фальшивый паспортъ нашихъ мыслей; наконецъ, самъ Чеховъ относился къ своимъ письмамъ почти какъ къ литературнымъ произведеніямъ и говаривалъ:

— Письмо труднѣе написать, чѣмъ рассказъ! Въ письмахъ приходится любезничать, изворачиваться...

И онъ, дѣйствительно, во всѣхъ своихъ посланіяхъ къ знакомымъ и друзьямъ всегда старался быть любезенъ, милъ, гостепріименъ и благожелателенъ; онъ больше раздавалъ хвалы, чѣмъ порицалъ или упрекалъ; по письмамъ это былъ рубашка-парень, хозяинъ, у котораго гости не переводятся; на самомъ же дѣлѣ Чеховъ, войдя въ извѣстность, ужасался при появленіи всякаго малозначительнаго гостя и не любилъ разговоръ даже съ близкими знакомыми; только тамъ, гдѣ для самого Чехова имѣлся интересъ, выступали на сцену и любезности, и приглашенія вновь, и дружескіе поцѣлуи. Вотъ почему письма Чехова мнѣ кажутся матеріаломъ одностороннимъ, съ которымъ будущему біографу Чехова придется обращаться съ извѣстной осторожностью и съ неизбѣжной повѣркой словъ писателя фактическими событіями въ его же жизни. По-моему, самый интересный матеріалъ о Чеховѣ могли бы дать его товарищи по университету, ставшіе впоследствии врачами и навѣщавшіе Чехова. Вообще, тутъ нужны не литературные панегирики, а сырой матеріалъ отъ правдивыхъ людей, знавшихъ тотъ или другой періодъ въ жизни даннаго писателя.

Что касается уже имѣющихся въ печати записокъ гг. воспоминателей, то въ этомъ отношеніи Чехову совершенно не повезло. И не потому, чтобы ихъ, воспоминателей и воспоминаній, было мало. Напротивъ, ихъ было очень много. Но бѣда въ томъ, что всѣ эти воспоминанія представляютъ собою сплошной хвалебный хоръ; тамъ только поклоннической фанатизмъ, и не осталось мѣсто критическому анализу. Прочитавъ подобныя статьи, находишься въ положеніи Гоголевскаго героя Чичикова, введеннаго въ заблужденіе Маниловымъ, выдавшимъ исключительно превосходныя аттестаціи всѣмъ губернскимъ чиновникамъ. Въ воспоминаніяхъ выдана именно такая аттестація не только самому Чехову, но и всѣмъ его родственникамъ, всѣ они тамъ необычайно душевны и прозрачносердечны. Положимъ, о Чеховѣ еще туда-сюда. У всѣхъ литературныхъ Маниловыхъ существуетъ себѣ въ оправданіе старая поговорка: *de mortuis nil nisi bene*, т. е. о мертвыхъ говорятъ лишь хорошее, но безпристрастный біографъ въ будущемъ, отнюдь не желая стать Собакевичемъ, еще менѣе будетъ стремиться къ маниловщинѣ. Просмотрѣвъ нынѣшнія воспоминанія о Чеховѣ, онъ разведетъ руками и скажетъ насмѣшливо:

— Почему же они не хлопотали о канонизированіи Чехова и при-
сныхъ его?

И онъ будетъ имѣть право такъ пошутить. Досадно и обидно за Ан. П. Чехова, когда читаешь белиберду какого-нибудь изступленнаго воспоминателя. Главное, сейчасъ видно, что маленькій человекъ старается сплести вензель изъ своего имени съ чеховскимъ. Всѣ воспоминавшіе писали о своей крайней близости съ Чеховымъ, о дружбѣ съ нимъ, о самыхъ трогательныхъ взаимныхъ отношеніяхъ. Какъ, однако, ни близки они были къ Чехову, но даже насчетъ цвѣта его глазъ разошлись, какъ свидѣтели на судѣ въ опереткѣ «Гаспаронъ, морской разбойникъ»; одни увѣряли, что у Чехова «прелестные голубые глаза съ искрой»; другіе писали: у Чехова были глаза «чернобархатные»; третьи называли глаза «зеленоватыми», и т. п. Много писалось о какомъ-то «характерномъ басѣ Чехова», тогда какъ басомъ онъ ни пѣлъ, ни говорилъ. Въ ростѣ писателя также оказались «разныя мѣрки»: кто стоялъ за высокій ростъ, кто за невысокій...

Это незначительное обстоятельство показываетъ, однако, что «близкіе друзья» Чехова на самомъ дѣлѣ очень мало и его самого знали, и, пожалуй, не знали и его сочиненій. Это я вывожу изъ уродливыхъ цитатъ, взятыхъ у Чехова, изъ невѣроятныхъ заглавій его повѣстей и т. п. Всю эту воспоминательно-хвалебную, извините за выраженіе, дребедень, на мой взглядъ, будущему біографу Чехова слѣдуетъ вычеркнуть изъ своей памяти, какъ именно досадную макиловщину, вредную и для самого Чехова, и для большой группы его читателей и почитателей.

Моя статья о Чеховѣ не претендуетъ на законченную и строгую обрисовку личности этого писателя. Эта задача не по моимъ силамъ. Вотъ почему я поставилъ въ подзаголовкѣ фразу «опытъ характеристики», другими словами—это только матеріалъ для составителя біографіи Чехова и критической о немъ статьи, составителя серьезнаго, собравшаго матеріалы отовсюду и успѣвшаго въ немъ тщательно ориентироваться. Изъ своей статьи я совершенно устраняю собственную личность и буду приводить лишь факты изъ жизни Чехова, мнѣ доподлинно извѣстные. Ихъ могутъ, впрочемъ, подтвердить нѣкоторые мои и Чехова общіе знакомые. Очень можетъ быть, что мнѣ придется назвать ихъ поименно. Главная же моя опора—моя совѣсть и сознаніе, что самъ Чеховъ, если бы это было возможно, сказалъ, что я не пишу здѣсь ни одного слова лжи. Буду радъ, однако, если меня въ чемъ-либо поправятъ и пополнятъ другіе. Ни отъ поправокъ, ни отъ полемики я, конечно, не отказываюсь.

II.

Ан. П. Чеховъ родился въ Таганрогѣ (17 января 1860 г.). Его родители были люди необразованные, съ головой ушедшіе въ свои мелкіе интересы, люди даже, судя по отзывамъ многихъ, грубые и, по своему невѣжеству, много зла принесшіе своимъ дѣтямъ. Особенно

отецъ Чехова, Павелъ Егоровичъ, мелкій торговецъ, отличался по части воспитанія ребятъ «въ страхѣ Божіемъ», что на его языкѣ обозначало подзатыльники, дранье ушей и порку розгами.

— Насъ самихъ такъ воспитывали,—говорилъ онъ:—и намъ это пользу принесло!

Выпоровъ дѣтей, Павелъ Егоровичъ шелъ въ церковь, а наказаннымъ велѣлъ садиться за псалтырь и читать столько-то страницъ.

Самъ Чеховъ, уже будучи увѣнчаннымъ Пушкинскою преміей, говорилъ одному литератору:

— Знаете, меня въ дѣтствѣ отецъ такъ поролъ, что я до сихъ поръ не могу забыть этого!

И голосъ писателя дрожалъ, такъ остры были его воспоминанія.

Братъ Чехова, покойный художникъ Н. П. Чеховъ, тому же лицу рассказывалъ слѣдующее:

— Нашъ отецъ съ нами жестоко расправлялся. Розгами дралъ всѣхъ, и Александра, и Антона, и меня—нещадно! Къ писаньямъ Антона и къ моему рисованію онъ относился съ досадой или съ глумленіемъ. Особенно преслѣдовали меня. Отецъ выгналъ меня на кухню, сказавъ: «Тамъ малой, а въ комнатахъ красками не смѣй вонять!» И все время меня именовали маляромъ, мазилкой, пачкуномъ, а когда я продалъ первую удачную картину за нѣсколько сотъ рублей и принесъ домой деньги, отецъ деньги взялъ и сказалъ: «И за такую-то дрянъ находятся дураки и большія деньги платять!? Удивляюсь!»

О своей матери и Антонъ, и Николай отзывались мягче, но въ семьѣ она, кажется, роли не играла; въ лицѣ Павла Егоровича заключалась не только русская, но даже былая турецкая абсолютная монархія; его слово было законъ для всѣхъ, а десница вѣчно была занята двумя дѣлами поочередно: или творила крестное знаменіе, или раздавала подзатыльники.

Мать Чехова, Евгенія Яковлевна, хотя и была противъ розогъ, но подчинялась волѣ супруга и воспитательнаго вліянія на дѣтей не имѣла. Ея личность отчасти рисуется слѣдующей сценой. Разъ Чеховъ, за чаемъ, говорилъ своимъ знакомымъ:

— Знаете, господа, у насъ «кухарка женится!» Я бы съ удовольствіемъ пошелъ съ вами на свадьбу, но страшно: гости кухарки напьются и насъ бить начнутъ!

— А ты бы, Антоша,—замѣтила мать,—имъ свои стихи прочитай; они и не станутъ васъ бить!

Чеховъ, уже издавшій тогда книгу «Въ сумеркахъ», вдругъ нахмурился и сказалъ:

— Моя матушка до сихъ поръ думаетъ, что я пишу стихи!

Вообще всѣ молодые Чеховы (пять братьевъ и одна сестра) вышли изъ очень темной среды. Дѣтство ихъ прошло уныло, въ черной работѣ и зубреніи уроковъ. Три брата—Александръ, Антонъ и Михаилъ—окончили курсъ въ университетѣ, Николай Павловичъ—въ

школъ живописи въ Москвѣ, Иванъ Павловичъ и Марья Павловна служили преподавателями въ городскихъ школахъ. Самымъ талантливымъ изъ Чеховыхъ былъ Николай Павловичъ, художникъ, подававшій блестящія надежды, прекрасно игравшій на роялѣ; ранняя смерть прикончила его грустно (къ сожалѣнію, онъ много пилъ) существованіе. Это былъ человѣкъ немного взбалмошный и вспыльчивый, но открытый, честный и въ высшей степени добрый. Онъ искренно любилъ своего брата Антона, но никогда ему не льстилъ. Антонъ, въ свою очередь, чувствовалъ къ нему глубокое расположеніе. Послѣ Н. П. Чехова осталось немало картинъ и талантливыхъ этюдовъ. Гдѣ они?

«Пописываніе» Антона Павловича, на которое смотрѣлъ, какъ и на «мазню» Николая, «съ высоты непониманія» ихъ отецъ, скоро стало единственнымъ ресурсомъ жизни Чеховыхъ въ Москвѣ. Окончивъ курсъ въ университетѣ, Чеховъ не сталъ заниматься практикой (да ея почти и не было), а писалъ рассказы въ «Осколкахъ», «Петербургской Газетѣ» и, постепенно переходя отъ мелочей и шаржей къ беллетристическимъ очеркамъ, все увеличивалъ свой заработокъ. Раньше Чеховъ писалъ въ «Будильникѣ» и «Стрекозѣ», но въ послѣдней его очень обидѣлъ редакторъ И. Ф. Василевскій (Буква), самъ прекрасный юмористъ, не распознавшій таланта Чехова; онъ отвѣтилъ Чехову въ почтовомъ ящикѣ «Стрекозы»: «Нѣтъ, изъ васъ никогда не выйдетъ писателя! Бросьте!» Послѣ этого Чеховъ бросилъ... «Стрекозу». Поэтъ Л. И. Пальминъ рекомендовалъ Чехова Н. А. Лейкину, издателю «Осколковъ». Въ этомъ журналѣ А. Чехонте (псевдонимъ Чехова) быстро развернулся и далъ рядъ маленькихъ превосходныхъ рассказовъ, полныхъ такого заразительнаго юмора, что впослѣдствіи Л. Н. Толстой, читая его рассказъ «Драма», отъ души хохоталъ и совѣтовалъ всѣмъ прочитавъ этотъ чеховскій рассказъ. Изъ «Осколковъ» Чеховъ рискнулъ адресоваться въ «Петербургскую Газету», и ея редакторъ-издатель С. Н. Худековъ, журналистъ опытный, охотно сталъ печатать по понедѣльникамъ рассказы А. Чехонте. Но все это еще не было славой, хотя она стояла у порога квартиры непрaktикующаго врача Чехова. Слава явилась съ переходомъ Чехова въ «Новое Время», гдѣ онъ въ отдѣлѣ «Субботники» напечаталъ одинъ за другимъ лучшіе свои рассказы—«Панихида», «Агаоья», «Вѣдьма» и много другихъ.

Какъ могъ проникнуть въ большую газету начинающій беллетристъ Чеховъ? На этотъ счетъ существуетъ твердо установившаяся, но совершенно невѣрная легенда, будто бы пропигательное око Д. В. Григоровича усмотрѣло Чехова въ газетѣ Худекова, и старый писатель поѣхалъ къ А. С. Суворину рекомендовать «новый молодой талантъ». Нѣтъ, это произошло не совсѣмъ такъ. Можетъ быть, Чеховъ никогда не попалъ бы въ «Новое Время», если бы въ этой газетѣ, дѣйствительно, не имѣлось «недреманаго литературнаго ока» въ лицѣ В. П.

Буренина. Ужь давно этотъ критикъ, просматривая газеты и журналы, замѣтилъ очерки А. Чехонте и не разъ говорилъ въ редакціи «Новаго Времени» при Суворинѣ и другихъ, что въ малой прессѣ и въ лейкинскомъ юмористическомъ журналѣ «Осколкахъ» есть маленькій Мопассанъ, какой-то Чехонте, пишущій очень остроумные рассказы. Однажды, бесѣдуя съ заѣхавшимъ въ редакцію Григоровичемъ, г. Буренинъ сказалъ:

— Читали вы рассказы Чехонте? Прочитайте, славная вещь! И хорошо бы его куда-нибудь въ серьезный журналъ пристроить... Увѣрю васъ, это талантъ. Непремѣнно прочтите...

Григоровичъ прочиталъ рассказъ А. Чехонте «Егеръ», рассказъ, по правдѣ сказать, очень подражательный (въ немъ Чеховъ все заимствовалъ изъ тургеневскаго «Свиданія», да и впоследствии онъ бралъ у Тургенева многое...). Но Григоровичъ остался доволенъ, пріѣхалъ опять въ «Новое Время», увидалъ г. Буренина и г. Суворина и сталъ хвалить неизвѣстнаго автора. Тутъ и зародилась мысль пригласить Чехова въ «Новое Время». Первый рассказъ «Панихида», подписанный «А. Чехонте», такъ понравился А. С. Суворину, что онъ телеграфировалъ Чехову, прося разрѣшить поставить подъ рассказомъ настоящую фамилію автора. Чеховъ согласился. Суворинъ съ каждымъ новымъ рассказомъ восхищался болѣе и болѣе. Появленіе свѣжаго и искренняго дарованія радовало этого чуткаго издателя. Радовался и В. П. Буренинъ, написавшій первый фельетонъ о чеховскихъ рассказахъ и расхвалившій ихъ, на зависть всѣмъ молодымъ беллетристамъ. А. С. Суворинъ до того увлекся молодымъ авторомъ, что когда въ рассказѣ «Вѣдьма» старый мужъ, укоряя жену, вытеръ носъ подоломъ своей рубашки и—по выраженію Чехова—«показалъ на животѣ пупокъ, большой и сѣрый, какъ бубликъ»—онъ не вычеркнулъ этого грубо-реальнаго выраженія, несмотря на протестъ В. П. Буренина и другихъ сотрудниковъ.

— Не могу вычеркнуть!—говорилъ г. Суворинъ.—Поправлять Чехова—значить портить...

Рассказы Чехова въ «Новомъ Времени» были подобны свѣтлымъ и шумнымъ ракетамъ, разсыпавшимся разноцвѣтными искрами на темномъ небѣ нашей заурядной повременной беллетристики. Правда, тутъ были кусочки Тургенева, Толстого, даже, пожалуй, Григоровича, но было много и своего, оригинальнаго, интереснаго, смѣлаго и вполне литературнаго. Словомъ, быстро и сразу вознесся къ звѣздамъ этотъ талантъ, и слава съ этихъ поръ надолго осѣнила его симпатичное чело. Чеховъ скоро сталъ моднымъ писателемъ Петербурга. А. С. Суворинъ и его семья души не чаяли въ новомъ сотрудникѣ. Чеховъ получалъ огромный гонораръ, его книги издавались Сувориннымъ на льготныхъ условіяхъ (70% въ пользу автора), а когда Чеховъ написалъ (правильнѣе, переписалъ заново) драму «Ивановъ» и

поставилъ ее въ Петербургѣ ¹⁾, на Александринской сценѣ, А. С. Суворинъ далъ о пьесѣ восторженный отзывъ. Въ то время, когда известность Чехова достигла зенита, молодому беллетристу и драматургу-новичку было всего 29 лѣтъ...

III.

Быстрая литературная карьера А. П. Чехова совершенно измѣнила его самого и его отношенія къ окружающимъ. Удача вскружила ему голову. Онъ сталъ суховать съ прежними благопріятелями, сталъ глядѣть свысока на знакомства. Прежніе товарищи по небольшимъ изданіямъ казались ему мелюзгой. Москвичи, слыша трубные звуки Петербурга въ честь Чехова, бросились къ нему на поклонъ, съ визитами,—Чеховъ не отдалъ визитовъ, и на слѣдующій годъ къ нему ужъ не пріѣхали. Это ему, можетъ быть, не пришлось, но онъ говорилъ:

— Я хорошо отучилъ этихъ визитеровъ! Ужасно надоѣли!

Въ семьѣ Чехова также произошла метаморфоза въ отношеніяхъ. «Антоша» переросъ всѣхъ двумя головами, и передъ нимъ невольно склонилось все. Власть отца давно кончилась, и старикъ-Чеховъ сталъ только говорить своимъ, чтобы смотрѣли, какъ бы постороннія лица «не отбили Антона отъ семьи». Семейное отношеніе съ братьями исчезло, только Николай, жившій отдѣльно, остался самъ собою. Но онъ скоро умеръ...

Со своими старыми пріятелями Чеховъ также держался по иному. Онъ на всѣхъ глядѣлъ покровительственно, въ словахъ былъ небреженъ и не замѣчалъ, если отъ этого страдало чье-нибудь самолюбіе. Его другъ, покойный В. В. Билибинъ, рассказывалъ:

— Встрѣтилъ я Чехова. Неузнаваемъ. Сказалъ мнѣ: вы бы послали мнѣ свои водевили, я поѣду скоро къ Черному морю, буду ихъ читать; прочту одинъ—и за бортъ, прочту другой—туда же...

Это очень оскорбило Билибина, но, какъ человѣкъ воспитанный и вѣжливый, онъ и виду не показалъ, что обиженъ старымъ пріятелемъ по «Осколкамъ».

Своему брату Ивану Павловичу Чехову Ан. П. подарилъ книжечку «Пестрые рассказы» (въ изданіи Н. А. Лейкина) съ такою явно насмѣшливою надписью: «Протоучителю Іоанну Павловичу Чеховенскому» Насколько же Чеховъ самъ былъ щепетилень и обидчивъ, видно изъ такого факта: какая-то барышня подарила Ан. П. свою фотографическую карточку съ надписью: «Глубоко мнѣ преданному Ан. П. Чехову».

Чеховъ сдѣлалъ приписку: «Какое пахальство!!» и прибилъ гвоздиками карточку на стѣну въ своемъ кабинетѣ.

¹⁾ Первое представленіе «Иванова» въ первоначальной редакціи состоялось раньше въ Москвѣ, въ театрѣ Корша; оно потеряло полный неуспѣхъ.

Чеховъ охотно оказывалъ протекцію, онъ ужь чувствовалъ себя на пьедесталѣ, и роль покровителя ему всегда нравилась. Онъ многихъ беллетристовъ «пристраивалъ», но, на ряду съ этимъ, сдѣлался нестерпимъ къ чужому мнѣнію. Критиковать его произведенія просто, по-пріятельски было уже страшно. Онъ постепенно отодвинулъ отъ себя всѣ авторитеты, сталъ въ роль строгаго критика даже къ большимъ писателямъ.

— Почиталъ я немного «Фрегатъ Палладу», — говорилъ онъ одному знакомому. — Скучная штука... я бросилъ, не дочитавъ и первой части!

Другому знакомому, на замѣчаніе, что онъ оспариваетъ взглядъ Толстого, Чеховъ не безъ надменности возразилъ:

— Что мнѣ вашъ Толстой?!

Покойный поэтъ Плещеевъ, услыхавъ, будто бы Чеховъ поступаетъ редакторомъ «Новаго Времени», написалъ Чехову плаксивое письмо, предостерегая, что въ этой редакціи возлѣ А. С. Суворина толкутся такія лица, съ которыми Чехову нельзя ужиться. Чеховъ раздраженно сказалъ:

— Охъ, эти старые писатели! Это не люди, а иконостасы! На нихъ, какъ на образа, можно молиться, но практическихъ совѣтовъ они дать не могутъ. Плещеевъ пишетъ, что мнѣ сулятъ 500 р. въ мѣсяцъ, и что это меня можетъ соблазнить. Чудакъ онъ, право! Мнѣ 1,000 р. дадутъ, если я пойду! И если я откажусь отъ редакторства, то просто потому, что мнѣ гораздо выгоднѣе писать беллетристику...

Въ этомъ же родѣ онъ послалъ письмо и Плещееву.

Къ этому времени Чеховъ написалъ свою скучную, какъ степь осенью, «Степь», и всѣ его старые благожелатели говорили ему откровенно:

— Это не вашъ жанръ, Антонъ Павловичъ! Разстрѣлять надо того, кто вамъ далъ совѣтъ писать большія вещи!

Но Чехова ждала западня много опаснѣе «Сѣвернаго Вѣстника», гдѣ были все-таки люди съ литературнымъ вкусомъ. Этой западной была мукомольно-литературная «Русская Мысль» г. Вукола Лаврова, про которую самъ Чеховъ раньше говорилъ:

— Она честна, но совершенно бездарна!

Не помню, кто именно, но кто-то изъ сотрудниковъ «Русской Мысли» не то написалъ, не то сказалъ, что рассказы Чехова ничего особеннаго не представляютъ. Это дошло до Ан. П., и онъ очень разсердился; въ то время у Чехова былъ въ гостяхъ А. А. Суворинъ, нынѣшній редакторъ «Новой Руси», и Чеховъ говорилъ ему слѣдующее:

— Лавровъ и Гольцевъ хотѣли пригласить меня въ «Русскую Мысль», но теперь, послѣ выходки противъ меня, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи!

Однако, впоследствии Чеховъ передумалъ и пошелъ въ «бездарную, но честную» ежемѣсячную «Русскую Мысль» и даже скоро сошелся «на ты» съ г. Лавровымъ.

Въ этой «Русской Мысли», дѣйствительно, при редакторствѣ В. Лаврова, человѣка безталаннаго и невѣжественнаго, были сотрудники вроде г. Гольцева, безцвѣтность котораго для всѣхъ была вѣ сомнѣній, секретаря и плохого поэта Попова (Монастырскаго) и т. п. Очутившись подъ этой смоковницей безъ плодовъ (какъ Чеховъ рѣшился туда пойти—не понимаю!), А. П. прежде всего выговорилъ себѣ ежемѣсячное вознагражденіе, кажется, по 200 р. въ мѣсяць и по сколько-то съ листа, съ тѣмъ, что въ другіе «толстые» журналы онъ не дастъ ни строки. Затѣмъ Чеховъ напечаталъ въ «Русской Мысли» рядъ рассказовъ и повѣстей. Эти произведенія много ниже прежнихъ чеховскихъ рассказовъ, за которые его звали «нашъ Гюи де-Мопассанъ»; нѣкоторые же изъ нихъ совершенно недостойны его, какъ человѣка, потому что являлись прямыми пасквилями. Такова «Ариадна» и рассказъ «Попрыгунья» (напечатанный, впрочемъ,—не въ «Русской Мысли», а въ какомъ-то еженедѣльномъ журналѣ). Въ этомъ рассказѣ авторъ «вывелъ» своего пріятеля, извѣстнаго пейзажиста, И. И. Левитана, теперь покойнаго, и одну даму-художницу, также покойную. Левитанъ, не ожидавшій такого поступка отъ друга юности, хотѣлъ стрѣляться съ Чеховымъ, но послѣ нѣкотораго колебанія написалъ Чехову рѣзкое письмо и надолго съ нимъ разошелся, а отъ дома затронутой дамы было Чехову категорически отказано. Эта печальная выходка Чехова, и даже не однократная, даетъ право съ грустью признать, что Чеховъ былъ далеко не «Христось», какъ его именовали въ воспоминаніяхъ, и что его душѣ были доступны вполнѣ низменныя страсти. Это особенно замѣтно въ «Ариаднѣ», и когда я читалъ названный рассказъ, я думалъ: что сдѣлалось съ Чеховымъ? Куда дѣвался честный и великодушный А. Чехонте? Откуда эта мелочность и злобная мстительность?

Теперь, послѣ чтенія писемъ Чехова, послѣ нѣкотораго раздумья, я прихожу къ выводу, что Чеховъ сдѣлалъ эти дурныя литературныя поступки отъ крайняго самомнѣнія, которое развилось въ немъ одновременно съ его прославленіемъ. Молодой писатель возомнилъ о себѣ не какъ о литераторѣ въ удачѣ, а какъ о гени, чего на самомъ дѣлѣ вовсе не было. До гениальности ему было такъ же далеко, какъ было далеко до Чехова его многочисленнымъ подражателямъ. Но, окружая себя только поклонниками, слыша лесть въ семьѣ и отъ постоянныхъ своихъ гостей, Чеховъ рѣшилъ, что онъ писатель перваго ранга, и передъ нимъ должно все склоняться во прахъ. Когда же онъ получалъ отпоръ и отпоръ рѣшительный, это вызывало въ немъ раздраженіе, а раздраженіе толкало къ мести. И онъ, къ сожалѣнію, поддавался этому недостойному чувству..

Но это были его ошибки, въ которыхъ онъ, вѣроятно, самъ раскаивался. Слишкомъ много въ Чеховѣ было хорошаго, чтобы онъ не сознавалъ дурного...

Со стороны чисто-литературной его повѣсти въ «Русской Мысли» — «Жена», «Убійство», «Ариадна», «Разсказъ неизвѣстнаго человѣка» и т. п. очень посредственны, вымучены и подчасъ даже смѣшны. Видно, что авторъ желалъ что-то сказать особенно глубокомысленное, но не находилъ ни красивыхъ словъ, ни оригинальныхъ мыслей. Этотъ періодъ былъ какъ бы временнымъ паденіемъ таланта Чехова. Неудача съ «Чайкой» въ Петербургѣ также подрѣзала ему крылья. Публика Александринскаго театра вслухъ обозвала эту пьесу «чепухой», и бѣдный Чеховъ даже заболѣлъ отъ огорченія. Вообще, эти повѣсти въ «Русской Мысли», драма «Чайка» и неожиданная поѣздка на о. Сахалинъ — есть не что иное, какъ метанье Чехова изъ стороны въ сторону. Авторъ «Чайки» самъ бился, какъ раненая птица. Писатель, произведшій самъ себя въ гени, искалъ гениальнаго сюжета. Нововременскіе успѣхи казались ему мизерны, да и съ направленіемъ этой газеты сталъ расходиться молодой беллетристъ. Онъ ужъ не написалъ бы еще разъ разсказа «Тина», гдѣ жидовка увлекаетъ и обираетъ православныхъ молодыхъ людей. Онъ сильно «полѣвѣлъ», но, увы, нисколько отъ этого, какъ талантъ, не выигралъ.

Кстати. Я до сихъ поръ не понимаю поѣздки Чехова на Сахалинъ. Зачѣмъ онъ туда ѣздилъ? За сюжетами, можетъ быть? Не знаю. Впрочемъ, этого не зналъ и самъ авторъ. Когда его пароходъ стоялъ на рейдѣ, вблизи острова, Чеховъ писалъ, что онъ не понималъ цѣли своей поѣздки и спрашивалъ себя: не вернуться ли назадъ, не высаживаясь на островъ? Честное слово, если бы онъ это сдѣлалъ, русская литература ничего бы отъ этого не потеряла, потому что его книга «Островъ Сахалинъ» есть образчикъ, какъ не надо писать подобныя книги. Въ ней Чеховъ доказалъ, что онъ не умѣетъ маломальски картинно описывать то, что видитъ, а его статистика, его таблицы, выкладки — все это за цѣлую милю отъ художественной литературы... Да, вотъ еще: въ «Сахалинѣ» Чеховъ пишетъ, что онъ былъ хорошо принятъ и долго жилъ у какого-то зрителя (или тюремнаго надзирателя, не помню), а черезъ нѣсколько строкъ сообщаетъ, что это былъ ужасный мерзавецъ... Что же это такое? Вотъ и принимай у себя послѣ этого знаменитыхъ туристовъ! Наконецъ, какъ могъ самъ Чеховъ оставаться у «мерзавца» и долго пользоваться его гостепріимствомъ? Вѣдь не наканунѣ же отъѣзда онъ составилъ о немъ свою убійственную характеристику?

IV.

У А. П. Чехова былъ характеръ тихій, миролюбивый. Раньше, въ началѣ литературной дѣятельности, онъ составлялъ всюду желаннаго гостя; его шутки, остроты, смѣхъ всеѣмъ нравились, и самъ онъ былъ симпатичный юноша, роста выше средняго, съ густыми темно-русыми волосами, съ интеллигентнымъ абрисомъ лица, которое освѣщалось задумчивыми карими (а не «прелестными голубыми» или «зелеными», какъ сообщали «друзья» Чехова) глазами. Несомнѣнно, его лицо и характеръ нравились женщинамъ; о своихъ сердечныхъ дѣлахъ Чеховъ говорить не любилъ; извѣстно одно, что студентомъ, посѣщая «Эрмитажъ» Лентовскаго, онъ имѣлъ довольно долгій «романъ» съ французенкой Бляншъ, постоянной посѣтительницей этого сада. Чеховъ любилъ женщинъ, но о ихъ душевныхъ качествахъ былъ невысокаго мнѣнія. Возвратясь изъ кругосвѣтнаго путешествія, онъ говорилъ:

— Что прелесть, такъ это—двѣтныя женщины!

Его симпатіи склонялись къ актрисамъ; онъ часто совѣтовалъ тому или другому пріятелю:

— Вамъ надо жить съ актрисой...

— Почему именно съ актрисой, Антонъ Павловичъ?

— Онѣ женщины изящныя, интересныя, талантливыя; мѣщанской добродѣтели пополамъ съ пошлостью въ нихъ нѣтъ...

Чеховъ не любилъ прелестей семейнаго очага; его «Три сестры» и многія другія произведенія полны описаній семейныхъ отношеній весьма несимпатичнаго характера; въ семьѣ у него всегда имѣлся адюльтеръ; большинство женщинъ развратны и чувственны, да и мужчины не лучше; женскаго «равноправія» онъ не признавалъ.

«А я вамъ скажу, что женщина всегда будетъ рабой мужчины!» говорить одинъ изъ его героевъ.

Въ концѣ концовъ самъ Чеховъ женился на артисткѣ московскаго Художественнаго театра Ольгѣ Леонардовнѣ Книпперъ, кажется, по происхожденію нѣмецкой еврейкѣ: актриса она средняго дарованія, нѣсколько однообразная; я однажды видѣлъ ее у Чехова въ гостяхъ (она не была тогда еще объявлена невѣстой А. П.—ча); помню, шелъ разговоръ о молодой дебютанткѣ, которая жаловалась Чехову, что она, по робости, не могла хорошо читать отрывокъ и поэтому не поправилась антрепренеру.

— Не понимаю, чего тутъ волноваться? Все это притворство!— сказала будущая жена А. П.—ча.—Коли я что знаю, чѣмъ владѣю, то и въ исполненіи у меня будетъ... Просто дѣвица эта—бездарность!

Чеховъ возразилъ недовольнымъ тономъ:

— Вы неправы. Все зависитъ отъ характера...

Женился Чеховъ оригинально. Онъ и г-жа Книпперъ куда-то уѣхали и потомъ прислали въ Художественный театръ телеграмму за подписью: «Ольга и Антонъ Чеховы».

Оказывается, они обвѣнчались, никого не пригласивъ на свадьбу.

Сойдясь съ Художественнымъ театромъ, Чеховъ написалъ нѣсколько пьесъ, которыя имѣли большой успѣхъ, но совершенно условный успѣхъ.

Во-первыхъ, поставили «Чайку». Какъ извѣстно, въ Петербургѣ она рухнула очень шумно, несмотря на то, что Нину Зарѣчную играла талантливая Коммиссаржевская. Въ Художественномъ театрѣ такой артистки никогда не было, и роль Нины была исполнена плохо. Но... «Чайка» имѣла успѣхъ. Большой успѣхъ, но, какъ я уже сказалъ, условный. Во-первыхъ, тутъ была «шика» Петербургу. Москва дала реваншъ симпатичному Чехову за петербургскія огорченія. «Чайку» поставили съ разными «станиславскими» ухищреніями, и это, какъ новинка, понравилось. Къ сожалѣнію, я не поспѣлъ изъ Петербурга на первое представленіе и видѣлъ «Чайку» въ третій спектакль. Играли недурно, главное, былъ хорошей ансамбль.

Эта удача обрадовала Чехова, и онъ сѣлъ сочинять новыя пьесы, хотя раньше кому-то писалъ (послѣ петербургской неудачи съ «Чайкой»):

— Назовите меня послѣдними словами, если я еще напишу хоть одну пьесу!

Но, какъ человѣкъ безхарактерный, онъ поддавался то одному, то другому настроенію. Послѣ «Чайки» онъ написалъ «Дядю Ваню» (передѣлка изъ его же пьесы «Лѣшій»), потомъ—«Три сестры» и «Вишневый садъ». Всѣ эти пьесы шли въ московскомъ Художественномъ театрѣ и имѣли такой же шумный успѣхъ; Чеховъ, повидимому, былъ доволенъ, хотя болѣзнь его усилилась. Приближался роковой конецъ...

У.

Литературную дѣятельность Чехова можно раздѣлить на три періода: первый—когда онъ писалъ у гг. Лейкина, Худекова и Суворина; второй—годы сотрудничества въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» и «Русской Мысли» и третій—время созданія пьесъ и постановки ихъ въ театрѣ Станиславскаго и Немировича-Данченко, а также время продажи сочиненій А. Ф. Марксу.

Наиболѣе блестящій и удачный изъ періодовъ—первый; небольшіе рассказы Чехова, написанные свѣжо и красочно, исполненные и лиризма, и тонкаго юмора, дали ему славу и прозвище «русскаго Мопассана». За нихъ-то ему и присудили половинную Пушкинскую премію.

Второй періодъ—самый слабый, самый неудачный, присоединивъ сюда и результатъ поѣздки кругомъ свѣта. Припоминаю, какъ когда-то Чеховъ бранилъ «Фрегатъ Палладу» Гончарова за скуку; между тѣмъ его книга «Островъ Сахалинъ»—скука двойная, махровая; недалеко ушли отъ «Сахалина» и повѣсти изъ «Русской Мысли»...

Третій періодъ—драматургія. Онъ скрасилъ послѣдніе годы жизни талантливаго и уже серьезно больного писателя. Пьесы его не имѣютъ особыхъ достоинствъ и не заслуживаютъ того успѣха, какой имъ былъ оказанъ въ Москвѣ, но все-таки Чеховъ вздохнулъ легко. Онъ, какъ всѣ слабые люди, не переносилъ неудачъ, а успѣхъ радовалъ его, какъ ребенка; наконецъ, чествованіе на первомъ представленіи «Вишневаго сада» довершило удовольствіе драматурга. Оно носило очень задушевный характеръ. Лучшее общество Москвы привѣтствовало симпатичнаго писателя, а его видъ всѣхъ глубоко трогалъ. Чеховъ стоялъ на сценѣ; исхудалый, блѣдный, онъ старался казаться спокойнымъ, но, видимо, очень волновался; ему рукоплескала весь зрительный залъ, и можно смѣло сказать, что эта овація была устроена вполне отъ души. И то былъ—привѣтъ прощальный...

Разбирая теперь чеховскія пьесы, видишь, что всѣ онѣ какъ-то искусственно просты и, при этомъ, черезчуръ мрачны. Возьмемъ «Дядю Ваню». Толстой сказалъ, что это—«драма на пустомъ мѣстѣ». Первообразъ этой пьесы—«Лѣшій», шедшій въ Москвѣ, въ театрѣ Абрамовой (конкурентки Корша). Центральной фігурой въ немъ являлся лѣсничій, любящій лѣсъ и разсуждающій о томъ, какова будетъ посаженная березка... черезъ 1000 лѣтъ? Онъ-то и былъ «Лѣшій», не знавшій (вмѣстѣ съ авторомъ), что «тысячелѣтнихъ» березъ не бываетъ. Вся эта пьеса была, по выраженію одного изъ персонажей, «нудная». Она никакого успѣха не имѣла, да и поставлена была покойнымъ Соловцовымъ изъ рукъ вонъ плохо. Но умеръ «Лѣшій»—изъ праха его выросъ «Дядя Ваня», болѣе обработанная въ литературномъ отношеніи вещица, но, увы, полная тѣхъ же усилийъ создать глубокую драму тамъ, гдѣ нѣтъ драмы. О «Лѣшемъ» Чеховъ былъ правильнаго представленія и писалъ Куманину (издателю журнала «Театраль»):

— Не губите меня, не печатайте моего «Лѣшаго»!

Насчетъ «Дяди Вани» у него былъ уже другой взглядъ. Одинъ литераторъ видѣлся послѣ спектакля съ удачнымъ авторомъ и откровенно высказалъ ему свою мысль. Онъ говорилъ, что эта пьеса написана какъ бы по заказу, чувствовалось, что автору надо было во что бы то ни стало написать пьесу къ сроку, и онъ это съ натугой выполнилъ. А драмы все-таки незамѣтно!

— Вы ужъ очень строгій критикъ,—сухо сказалъ Чеховъ.— Но публикѣ ничего, нравится... гласъ театральнаго народа—гласъ Божій для драматурга!

По-моему, разъ драматургъ сталъ считаться съ судомъ ординарной публики, значить, онъ поставщикъ пьесъ, а не творецъ ихъ. Чехову это говорить было бы напрасно. Онъ съ довольнымъ видомъ совѣтовалъ многимъ:

— Выгодная вещь быть драматургомъ! Это все равно, если вы ренты на много тысячъ купите и всю жизнь купоны стрижете. Право, я на вашемъ мѣстѣ написалъ бы 30 водевилей. Вотъ мой «Медвѣдь» и «Предложеніе» дали мнѣ массу денегъ... Большія пьесы—это цѣлыя розсыпи...

Драма «Три сестры» еще менѣе удовлетворила меня, хотя я вовсе не строгій критикъ, а просто человѣкъ, искренно любившій Чехова и желавшій, чтобы онъ написалъ что-нибудь художественное, а не какую-то мозаику фразъ. Герои «Трехъ сестеръ»—не живые люди, а, по выраженію Достоевскаго, «люди изъ бумажки»; кромѣ того, наиболѣе жизненный персонажъ—Соленый—есть сколокъ съ тургеневскаго «Бреттера»... «Вишневый садъ»—та же исторія... И хотя въ этой пьесѣ есть блестящіе былого прекраснаго юмора Чехова, а въ общемъ все-таки это такое же «нудное» произведеніе, какъ и другія хмурыя его драмы... Конечно, мой взглядъ, можетъ быть, ошибоченъ, но что же дѣлать, если я не могу согласиться на иную оцѣнку чеховскихъ драмъ? Скажу откровенно, что для журналиста, не желающаго кривить душой, нѣтъ больше наказанія, какъ писать характеристику трудовъ любимаго литератора и видѣть, что то самое, что этому литератору казалось цѣннымъ и значительнымъ, почти ничтожно и не отвѣчаетъ истиннымъ достоинствамъ автора. Рецензій о пьесахъ Чехова, поставленныхъ въ Художественномъ театрѣ, мало говорятъ уму и сердцу. Тогда была пора похвалъ талантливому Чехову, похвалъ больному писателю, время овацій симпатичному человѣку, этого же взгляда держались и многіе рецензенты, разыскавшіе въ пьесахъ Чехова такія красоты, какихъ, разумѣется, совсѣмъ не было. Нѣтъ, воля ваша, но Чеховъ-драматургъ мнѣ нисколько не симпатиченъ, а передъ Чеховымъ—творцомъ небольшихъ разсказовъ (въ книгахъ: «Пестрые разсказы», «Въ сумеркахъ», «Разсказы») — онъ просто карликъ, вставшій на цыпочки и воображающій себя чрезвычайно большимъ писателемъ...

Чѣмъ руководился Чеховъ, забросивъ свои художественные очерки и ставшій писать нудныя пьесы? Какъ это ни удивительно, а фраза его, что «пьесы писать выгодно», играла для него большую роль. Выгода быть драматургомъ влекла Чехова къ письменному столу. А Чеховъ любилъ заработать побольше, любилъ хорошей гонораръ, любилъ деньги. Съ другой стороны, жена-артистка и близость къ Художественному театру довершили дѣло. Это былъ «тройственный союзъ», сдѣлавшій Чехова-беллетриста драматургомъ, и онъ имъ съ натугой сталъ и имѣлъ успѣхъ, имѣлъ выгоду...

и все же его пьесы не есть событіе въ литературѣ; напротивъ, онѣ ниже многихъ посредственныхъ пьесъ посредственныхъ нашихъ драматурговъ, но, еще разъ скажу, особыя условія создали Чехову-драматургу его особый условный успѣхъ.

Я упомянулъ, что Чеховъ любилъ деньги. Этого мало: онѣ были прямо скуповать. Мнѣ говорилъ одинъ петербургскій литераторъ, что, когда Чеховъ пріѣхалъ въ Петербургъ послѣ своихъ замѣчательныхъ дебютовъ въ «Новомъ Времени», онѣ, между прочимъ, всѣхъ поразили своей до смѣшного доходящей расчетливостью. Расчетливость, правда, не порокъ, но и не добродѣтель. Литераторъ-художникъ долженъ менѣе всего быть материалистомъ. Но если мы вспомнимъ дѣтство Чехова, его торговлю въ лавочкѣ отца (въ Таганрогѣ), его прежнюю бѣдность, мы многое поймемъ въ обиходѣ Чехова. Когда онѣ продалъ Марксу свои сочиненія за 75,000 руб., всѣ почему-то закричали:

— Чеховъ взялъ мало! Чеховъ продешевилъ!

Но Чеховъ не даромъ былъ по природѣ купецъ. Онѣ совершенно своевременно продалъ свои сочиненія, а также продалъ одно свое имѣніе (Мелихово), наживъ на немъ тысячъ десять. Вскорѣ послѣ того издатель «Нивы», какъ говорятъ, послалъ гонца къ г. Горькому и предлагалъ за его сочиненія 100,000 руб. Горькій необдуманно сказалъ довольно дерзкую фразу:

— Передайте Марксу, что я не дуракъ!

Увы! Онѣ напрасно не согласился на такую продажу. Пусть теперь попробуетъ г. Горькій, собравъ всѣ силы своего ума, найти покупателя на свои произведенія, хотя бы на сумму чеховской оцѣнки,—результаты его поисковъ, ручаюсь, будутъ неутѣшительные...

Итакъ, Чеховъ зналъ, что дѣлалъ, и соболизнующимъ отвѣчалъ:

— Больше мнѣ никто не давалъ, вотъ почему я и продалъ себя за 75,000 рублей.

Пропусти онѣ еще года 2—3, можетъ быть, и этой суммы ему бы ужъ не удалось получить. Но онѣ не пропустилъ...

VI.

Не расчетливость и не заботы о возможно большемъ полученіи денегъ не позволяли Чехову написать «что-нибудь геніальное». Мысль о «геніальномъ» его, очевидно, сосала, какъ червь. Его герой-писатель говоритъ о своихъ произведеніяхъ:

«Хорошо, но не такъ, какъ у Тургенева. Недурно, но у Гончарова лучше!»—или что-то въ этомъ родѣ.

То же самое было съ Чеховымъ. Оставаясь наединѣ и не слыша лести своихъ близкихъ и знакомыхъ, онѣ прочитывалъ свои повѣсти и, вѣроятно, думалъ:

«истор. вѣстн.», августъ, 1909 г., т. сѣп.

9

— Хорошо-то оно хорошо, но развѣ можно сравнить съ Тургеневымъ!?

Или:

— Вотъ это мѣстечко удалось... а все-таки у Толстого это безконечно выше!.. и т. д.

Не бѣда была и въ томъ, что у Чехова имѣлись весьма ограниченныя знанія. Зубря въ университетѣ свою медицину для того, чтобы потомъ ее быстро забросить и забыть, онъ читалъ мало книгъ, не былъ хорошо знакомъ съ иностранной литературой (напримѣръ, онъ понятія не имѣлъ, когда ѣхалъ въ московскій Малый театръ, на «Эрнани» Гюго—что такое «Эрнани»?), да и русскую-то врядъ ли зналъ основательно. Онъ ужъ послѣ «подгонялъ» себя, читая тѣхъ классиковъ, какіе ему были неизбежно нужны. Онъ не говорилъ ни на одномъ изъ иностранныхъ языковъ и въ письмѣ къ г. Соболевскому самъ острилъ надъ собой:

«Я говорю на всѣхъ языкахъ, кромѣ иностранныхъ, и добраться въ Парижѣ съ одного вокзала на другой для меня все равно, что играть въ жмурки».

Совершенно другое не позволило Чехову создать что-либо, что поставило бы его рядомъ хотя бы съ Лѣсковымъ, не только съ Тургеневымъ и Гончаровымъ. Именно: размѣры таланта. Чеховскій талантъ—небольшой и часто подражательный. Чеховъ описывалъ природу по Тургеневу, и про него именно слѣдовало сказать: недурно, но у Тургенева и Гончарова лучше! Затѣмъ, на Чехова, несомнѣнно, вліялъ громадный талантъ Л. Н. Толстого. Великій писатель вообще заслонялъ своей фигурой все на литературномъ небосклонѣ. Всѣ современные писатели заимствовали свой свѣтъ отъ этого солнца, освѣщенъ былъ имъ и Чеховъ; кто знакомъ съ русской литературой, тотъ увидитъ, что во многихъ произведеніяхъ Чехова есть немало оборотовъ рѣчи, «какъ у Толстого», да и всѣ «серьезныя» (и весьма скучныя) повѣсти Чехова написаны съ явнымъ желаніемъ сказать что-нибудь «вродѣ Толстого», значительное и дѣлающее эпоху въ литературѣ. Увы, Чеховъ не могъ сдѣлать эпоху въ литературѣ. Очень недурной юмористъ, интересный рассказчикъ, умный и гуманный писатель, А. П. Чеховъ все-таки менѣе оригиналенъ, чѣмъ даже упомянутый мною Н. С. Лѣсковъ. Но и Лѣсковъ не создалъ эпохи. Повѣсть Толстого «Хозяинъ и работникъ», написанная неожиданно, восхитила всѣхъ образованныхъ людей безъ различія направленій (въ этомъ-то и заключена сила крупнаго таланта!), а повѣсти Чехова въ «Русской Мысли» и «Сѣверномъ Вѣстникѣ» восхищали только читателей этихъ журналовъ, да и то не всѣхъ, а такъ называемую «прогрессивную» молодежь, которая, можетъ быть, и прогрессивна, но такъ плохо знаетъ русскую и иностранную классическую литературу, что для нея и Чеховъ, какъ современникъ, сущее откровеніе. Чеховскіе герои—

хмурья ничтожества, конающіяся въ своихъ миниатюрныхъ душонкахъ, и это, конечно, не могло не нравиться зеленой и уже «хмурой» нашей интеллигенціи, какую можно въ отношеніи къ наукѣ назвать регрессивной, а отнюдь не прогрессивной. Удивительно хорошо сказалъ въ Москвѣ недавно И. И. Мечниковъ на вопросъ: чего онъ желаетъ русской молодежи?—Побольше работы въ научномъ дѣлѣ, побольше знанія и какъ можно меньше политики!—Вотъ подлинныя слова извѣстнаго ученаго. Это, разумѣется, не понравится тѣмъ, кто въ трудахъ самого Мечникова знаетъ лишь о томъ, что онъ рекомендуетъ ѣсть простоквашу...

Чехова сравнивали съ Гюи де-Мопассаномъ. Почему? Болѣе потому, можетъ быть, что Чеховъ писалъ коротенькіе законченные рассказы, какъ и Мопассанъ. Тутъ есть сходство, но на этомъ оно и кончается. У Мопассана вложено столько чувства и сострадательныхъ къ бѣдному человѣчеству порывовъ, что его рассказы вызываютъ слезы. Напримѣръ, рассказъ «Шкапъ», какъ женщина извѣстнаго сорта, приводя гостей, прятала своего маленькаго сына въ большой шкапъ. Рассказъ этотъ властно трогаетъ въ вашей душѣ такіе тайники сожалѣнія, которыхъ иной читатель и не подозревалъ въ себѣ, среди будничной своей закоснѣлости. А Чеховъ рѣдко трогалъ своими рассказами, въ особенности—повѣстями и драмами. Въ небольшихъ очеркахъ у Чехова, впрочемъ, попадались вещички «мопассановскаго» душевнаго характера. Напримѣръ, мальчикъ, пишущій письмо «въ деревню дѣдушкѣ», «Отставной рабъ» и немного другихъ рассказцевъ—вещи милыя, теплыя. Но авторъ на нихъ не остановился. Еще бы, это было мелко для него, захваленнаго и самообольщеннаго! Онъ захотѣлъ быть наравнѣ съ Толстымъ. Мало этого. Одинъ знакомый однажды видѣлъ у него сочиненія Толстого; одну повѣсть Чеховъ всю исчертилъ карандашомъ и вставками.

— Что это вы дѣлаете?—спросилъ онъ у Чехова.

— Я исправлялъ повѣсть (не помню, къ сожалѣнію, ея названія) Толстого. Мнѣ хотѣлось показать, какъ я бы ее написалъ...

Итакъ, вотъ онъ куда метнулъ! Но исчертить карандашомъ Толстого или Тургенева нетрудно, а написать что-нибудь подобное ихъ твореніямъ—другое дѣло. Повѣсти Чехова «Три года», «Рассказъ неизвѣстнаго человѣка», «Жена», «Ариадна» и проч.—нѣчто вымученное и холодное, содержащее мнимыя драмы, ни на чемъ здоровомъ не основанныя. Про г. Леонида Андреева графъ Л. Н. Толстой сказалъ: «Онъ пугаетъ, а мнѣ не страшно». Про эти повѣсти Чехова можно также сказать: онъ хочетъ, чтобы всѣ проливали слезы, а читатель... остается равнодушенъ.

Про Чехова существовало еще одно фантастическое предположеніе. Кто-то въ печати высказалъ мысль, что Чеховъ не лирическій писатель, а чистый юмористъ. Не имѣя силъ ошеломить и растрогать читателя, какъ Мопассанъ и Толстой, онъ могъ бы стать русскимъ

Диккенсомъ и написать что-либо вродѣ «Записокъ Пикквикскаго клуба». Конечно, это наивно сказать — могъ бы написать вродѣ такого-то извѣстнаго произведенія или вродѣ такого-то. Но если ужъ сравнивать Чехова съ иностранными писателями, такъ всего удобнѣе, дѣйствительно, съ Чарльзомъ Диккенсомъ. Диккенсъ — авторъ юмористическихъ рассказовъ и авторъ «Пикквикскаго клуба» — наиболѣе подходитъ къ прототипу Чехова. Послѣдній всегда былъ талантливъ, какъ юмористъ. Въ этой сферѣ онъ, пожалуй, маленькій Диккенсъ. Рассказы въ «Осколкахъ» времени гг. Лейкина и Билибина являются маленькими шедеврами творчества Чехова. Не даромъ же Левъ Толстой, читая рассказъ «Драма» (описывается, какъ писатель убилъ авторшу, зачитавшую его своей драмой), смѣялся до слезъ. Сюжетъ этой драмы, кстати сказать, далъ Чехову В. П. Буренинъ. Это не шутка — заставить смѣяться Льва Толстого! Словомъ, юморъ Чехова былъ вещь, а его «хмуро-серьезныя» повѣсти, честное слово, если и не «гиль», то, во всякомъ случаѣ, такая же кустарная беллетристика, какъ повѣсти гг. Потапенковъ и Дѣдловыхъ или новѣйшихъ Арцыбашевыхъ и Куприныхъ. Впрочемъ, послѣдніе два писателя — это ужъ продуктъ новѣйшихъ дней, ихъ произведенія требуютъ спеціальнаго толкованія, потому что новые писатели имѣютъ особый трафаретъ и по немъ разрисовываютъ разные узоры въ стилѣ «модернъ», похожіе на неприличныя фотографіи... Но о нихъ я говорить не имѣю желанія. Богъ съ ними!

VII.

Изъ многихъ біографій Чехова, придуманныхъ воспоминаній о немъ и слащавыхъ характеристикъ я отмѣчаю статью нѣкогого г. С—ого въ ноябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1908 годъ. Она называется «А. П. Чеховъ — лавочникъ». Г. С—ой, внѣ всякаго сомнѣнія, зналъ лично Чехова ребенкомъ и подлинно съ натуры списалъ его неприглядное дѣтство.

По его описаніямъ получается слѣдующее.

Чеховъ-отецъ торговалъ въ Таганрогѣ мелочнымъ товаромъ, и всѣ дѣти этого купца были сидѣльцами въ его лавкѣ. Общей участи не избѣгъ и Антоша Чеховъ. Авторъ статьи мрачными красками рисуетъ Павла Егоровича Чехова, расправлявшагося съ мальчиками-сидѣльцами и собственными дѣтьми прямо съ звѣрской жестокостью. Собственно, лавка у Чехова-отца была въ то же время и питейнымъ заведеніемъ. Туда «гости» ходили пить водку и вино. Старикъ-Чеховъ торговалъ и аптекарскимъ товаромъ, и даже, несмотря на свое круглое невѣжество, лечилъ народъ. Антонъ Чеховъ, по словамъ г. С—ого, послѣ не разъ говаривалъ:

— Много, вѣроятно, отправило на тотъ свѣтъ людей это «гниздо» (одно изъ «средствъ» П. Е. Чехова).

Г. С—ой, описавъ отца Чехова ужаснымъ деспотомъ, рисуешь его и невѣроятнымъ ханжой. Мало того, что онъ самъ предавался съ азартомъ чтенію св. книгъ, но и дѣтей, въ видѣ эпителии, награждалъ этимъ удовольствіемъ. Самъ онъ «не понималъ» тѣхъ каѳизмъ, которыя прочитывалъ, и вообще его религіозность остроумно уподобляется г. С—ымъ молитвѣ калмыка, вертящаго мельницу, внутренность которой начинена бумажками съ молитвами: чѣмъ больше разъ обернется мельничка, тѣмъ ближе калмыкъ къ Богу...

Уходя изъ дому, старикъ-Чеховъ не пускалъ дѣтей гулять, а приказывалъ:

— Прочитай двѣ каѳизмы! Да не отлынивай, а не то—березовой каши поѣшь!

Вообще съ дѣтьми онъ не церемонился, называлъ ихъ свиньями, негодяями, скотами, поминутно надѣлялъ затрещинами и часто роль, по собственному выраженію, «какъ сидоровыхъ козъ».

Антоша Чеховъ, поступивъ въ гимназію, спросилъ одного новаго товарища:

— Тебя часто сѣкутъ дома?

И очень удивился и даже не повѣрилъ, услыхавъ, что того никогда не сѣкутъ. И г. С—ой говоритъ, что у дѣтей П. Е. Чехова не было дѣтства, и Антоша Чеховъ считалъ себя несчастнымъ во всѣ ребяческіе годы. Не правда ли, какъ это ужасно!?

Мать Чехова, по словамъ г. С—ого, заступалась за дѣтей, но П. Е. Чеховъ не обращалъ на нее вниманія. Кромѣ того, г-жа Чехова давала такіе отвѣты на вопросы Антоши и другихъ дѣтей, что нравственной пользы не получалось. Напримѣръ, кто-нибудь освѣдомляется: можно ли продавать спитой и подкрашенный чай, какимъ торговали въ лавкѣ Чеховыхъ?

— Должно быть, дѣточка, можно, (!)—говорила г-жа Чехова:— папаша не сталъ бы продавать сквернаго чая!

Но Антоша и другія дѣти не вѣрили этимъ словамъ... Еще бы вѣрить!

Между тѣмъ, старый Чеховъ торговлей до того заморилъ дѣтей, что, по словамъ г. С—ого, Антоша всегда неудержимо плакалъ, идя въ лавку, а Саша обѣщалъ покончить съ собой...

Нужно ли еще приводить что-нибудь къ обрисовкѣ портрета отца Чехова? Я думаю, портретъ и такъ ясенъ, и жизнь въ дѣтствѣ всѣхъ Чеховыхъ, и знаменитаго Антоша, и незначительныхъ его братьевъ, является почти мученичествомъ. Не даромъ А. П. Чеховъ, жалуюсь, что его сильно били и сѣкли, когда услышалъ слова матери: «Ты это, Антоша, выдумываешь!» съ жаромъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, не выдумываю! Меня всегда драли, вотъ, ей-Богу, драли розгами!

И, говоря такъ, онъ даже, по старой памяти, перекрестился, и на мгновеніе его лицо приняло дѣтски-плаксивое выраженіе...

Итакъ, А. П. Чеховъ не могъ вынести изъ семьи никакихъ хорошихъ воспоминаній. Изъ братьевъ онъ любилъ болѣе другихъ художника Николая, съ остальными былъ всегда довольно сухъ и безразличенъ. Несомнѣнно, все хорошее, что имѣлъ Чеховъ, далъ ему университетъ. Въ университетѣ онъ нравственно отдохнулъ и освободился отъ домашняго гнета. А когда явилась на помощь литература съ ея удачами и ореоломъ славы,—для Чехова настали дни счастья, свободы, путешествій, интересныхъ знакомствъ и общаго поклоненія...

Но онъ, очаровательный, всѣми привѣтствуемый, весьма талантливый, но вовсе не великій, не удержался въ границахъ, предопредѣленныхъ ему судьбой. Онъ мнилъ о своихъ силахъ больше, пытался сказать свое особенное мощное слово, но здѣсь, рубя дерево не по плечу, надорвался и выбился изъ послѣднихъ силъ. Здоровьемъ онъ былъ слабъ,—это лавочка отца подарила ему и Николаю Чехову наклонность къ чахоткѣ. Разочарованія и огорченія позднихъ лѣтъ помогли этой болѣзни, и Чеховъ скончался сравнительно молодымъ человѣкомъ, всего 42 лѣтъ отъ роду. Эта смерть принесла искреннее огорченіе всѣмъ его настоящимъ друзьямъ и поклонникамъ. Въ Чеховѣ мы всѣ потеряли лучшаго изъ молодыхъ русскихъ беллетристовъ, который, придя въ зрѣлость, вѣроятно, создалъ бы что-либо — не скажу, гениальное, — но, несомнѣнно, замѣчательное, особенно теперь, послѣ движенія 1905 года, послѣ манифеста 17-го октября и созданія въ Россіи парламентскаго строя жизни. Воспоминатели о Чеховѣ и его черезчуръ горячіе поклонники ужъ успѣли назвать его «великимъ писателемъ земли русской». Право, эти добрые люди похожи на старинныхъ плакальщицъ по найму, которыя заливались горячими слезами о невѣдомомъ имъ покойникѣ, котораго онѣ, надѣляя всякими высокими качествами, будто бы имѣвшимися у него въ изобиліи; но такое причитаніе роднѣ всегда нравилось; это былъ обычай, и его строго исполняли.

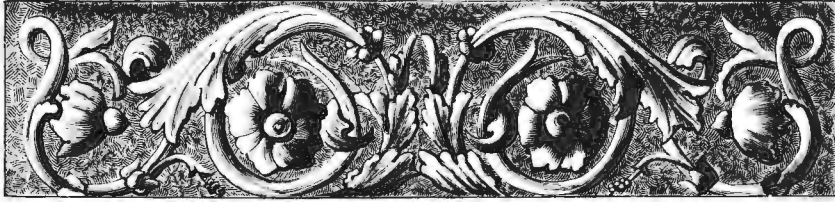
Но въ литературѣ отъ такихъ обычаевъ и плакальщицъ давно пора отвыкать. Давая вмѣсто характеристики какой-то изступленный гимнъ, популяризаторы имени Чехова дѣлаются и сами смѣшны и дѣлаютъ смѣшнымъ предметъ своихъ преувеличенныхъ похвалъ. Дорогія черты выдающагося человѣка только тогда ясно обрисовываются въ нашихъ воспоминаніяхъ въ прекрасный образъ, когда эти черты положены вѣрной рукой. Не надо ни прикрасъ, ни ума-

ленія подлинныхъ достоинствъ разбираемаго писателя, и портретъ отъ этого только выиграетъ. Этимъ самымъ правиломъ руководствовался и я, набросавъ мою настоящую замѣтку о писателѣ, съ которымъ я вмѣстѣ работалъ въ однихъ изданіяхъ, и о человѣкѣ, котораго я глубоко любилъ, а талантомъ его искренно восхищался. Если же я не вычеркнулъ въ характеристикѣ Чехова кое-какіе минусы, о какихъ мнѣ до сихъ поръ читать нигдѣ не приходилось, то я скажу, положя руку на сердце, что характеристика выдающагося общественнаго дѣятеля есть такая пѣсня, изъ которой ни одного слова не выкинешь..

P. S. О Чеховѣ мнѣ, вѣроятно, придется написать еще статью; скоро ли я исполню свое намѣреніе, не знаю, но мнѣ хочется поговорить о вліяніи Чехова на нашу литературу и о тѣхъ беллетристахъ, которыхъ у насъ одно время называли «чеховцами». Въ эту же статью я включу нѣкоторыя письма Чехова, письма о Чеховѣ литераторовъ, издателей и разныхъ общихъ нашихъ знакомыхъ, конечно, такихъ, которымъ я вѣрю и знаю, что они не допустятъ въ своихъ письмахъ ни одного слова неправды.

Н. Ежовъ.

АНГЛО-РУССКІЯ СИМПАТІИ ПЕРЕДЪ БЕРЛИНСКИМЪ КОНГРЕССОМЪ.

КОЛО времени русско-турецкой войны 1877 года мнѣ случилось быть въ Англіи три раза. До войны въ 1876 году осенью я купался въ морѣ у острова Уайта (тогда резиденція королевы Викторіи). Ноябрь и декабрь 1877 года, когда русскія войска бились подъ Плевной и подъ Шипкой, а также въ 1878 году нѣсколько недѣль по окончаніи войны, когда въ Берлинѣ около «честнаго маклера» собрались великодержавные европейскіе дипломаты для упроченія европейскаго мира и якобы для обезпеченія благоденствія бывшихъ, будущихъ и настоящихъ подданныхъ de la Sublime Porte, я провелъ въ Лондонѣ.

Мнѣ приходилось встрѣчаться со многими русскими, наѣзжавшими въ Англію или проживавшими въ ней по разнымъ поводамъ: служебнымъ (дипломаты, духовныя лица, инженеры), научнымъ (профессора Н. И. Стороженко, А. Г. Столѣтовъ и др.), торговымъ (иногда, впрочемъ, крѣпко пахнущимъ спекуляціей, хотя изрѣдка не бесполезной для обѣихъ націй). Съ нѣкоторыми знакомство было близкое, съ нѣкоторыми поверхностное. Я и раньше бывалъ въ Англіи, поэтому и англійскихъ знакомствъ имѣлъ достаточно, начиная съ Гладстона, лорда Уэстминстера (либераловъ, не одержимыхъ политической руссофобіей), Рольстона (Ralston), лучшаго въ то время знатока русской литературы, друга И. С. Тургенева, Сутерлендъ Эуардса (Edwards), корреспондента газеты «The Times» въ Россіи во время коронаціи Александра II, написавшаго о нашей родинѣ нѣсколько книгъ (сэра Мэкензи Уоллеса, автора лучшей того времени книги о Рос-

сіи «Russia», я зналъ раньше въ русской провинціи и когда-нибудь скажу о немъ нѣсколько словъ), и кончая скромными писателями, скромными избирателями разныхъ общественныхъ слоевъ и даже не избирателями.

Время, съ точки зрѣнія отношеній двухъ могущественнѣйшихъ великихъ державъ—«слона и кита», по извѣстному выраженію желѣзнаго канцлера, было тогда знаменательное. Все, что я тогда видѣлъ въ Англии, что слышалъ и отъ земляковъ и отъ сыновъ Альбіона, рѣзко запечатлѣлось въ моей памяти ¹⁾. Полагаю, что въ настоящее время «слонъ и китъ» (по причинамъ иного характера, хотя и родственнымъ тогдашнимъ) продолжаютъ быть интересны и поэтому, не мудрствуя лукаво, постараюсь изложить мои воспоминанія.

Непріятно было для русскаго пребываніе въ Лондонѣ зимою 1877—78 гг. Передъ войной, годъ съ небольшимъ раньше, можно еще было надѣяться, что Россіи не придется обливаться Балканы своей кровью. Со стороны могло казаться иначе, но для тѣхъ, кто жилъ въ Англии и зналъ ея политическій строй, вопросъ: придется воевать намъ съ Турціей за славянъ, или нѣтъ?—сводился въ 1876 г. къ вопросу: удастся ли либеральной партіи, руководимой Гладстономъ и лордомъ Гренвилемъ, одолѣть Дизраэли, мистическаго семита, лидера консерваторовъ, сидѣвшаго на креслѣ премьера, подпиряемаго вліятельнымъ вождемъ пэровъ-консерваторовъ—лордомъ Сольсбери?

Турецкія звѣрства служили не столько цѣлью, какъ средствомъ, или ареной состязанія для политическихъ враговъ. Гладстонъ написалъ книжку о турецкихъ звѣрствахъ и говорилъ громовыя рѣчи, призывавшія британцевъ—въ общихъ чертахъ—рука объ руку съ Россіей принять радикальныя мѣры для обузданія не только неистовыхъ баши-бузуковъ, но и безчеловѣчно спекулятивнаго правительства Оттоманской Порты. О гнусномъ характерѣ этой спекулятивности англичанамъ было извѣстно едва ли не лучше, чѣмъ кому-нибудь. Цѣна «безцѣнныхъ» акцій турецкихъ займовъ и разныхъ аферъ, санкціонированныхъ (небезкорыстно) визирями и вліятельными пашами, поддерживалась искусственно на лондонской биржѣ. Картины звѣрствъ были обрисованы Гладстономъ съ такимъ мастерствомъ политическаго слова, что, видимо, отъ нихъ потрясались сердца большинства англичанъ обоого пола и особенно англичанокъ. А слабый полъ едва ли не могущественнѣе мужского по части настроенія такъ называемаго общественнаго мнѣнія. Я слышалъ зна-

¹⁾ Я тогда посылая ежедневно телеграммы и корреспонденціи В. О. Коршу, редактору «Сѣвернаго Вѣстника», одной изъ интереснѣйшихъ газетъ, проходившихъ въ тѣ времена надъ петербургскимъ горизонтомъ, а также періодическіе фельетоны объ Англии въ газетѣ «Молва», издававшейся покойнымъ Полетикой.

менитую рѣчь Гладстона по этому вопросу въ парламентѣ, наполненномъ и членами и публикой такъ что яблоку некуда было упасть; слушалъ его и на колоссальномъ народномъ митингѣ. Если его «какъ молотъ сильныя слова», видимо, потрясали глубоко «the upret ten thousand» ¹⁾ въ палатѣ, то еще болѣе сильное впечатлѣніе производили на народныя массы подъ открытымъ небомъ. А въ такой странѣ, какъ Великобританія, это знаменатель серьезный. Кромѣ того, можно было по частымъ, иногда случайнымъ, разговорамъ съ людьми, стоящими ближе къ жизни народа, чѣмъ къ политикѣ, заключать, что въ Англійи по восточному вопросу, несмотря на контръ-митинги и демонстраціи консерваторовъ, раздраженіе противъ Россіи далеко не господствуетъ еще.

О нѣкоторыхъ эпизодахъ, подтверждающихъ мое мнѣніе, я въ свое время печаталъ въ письмахъ объ Англійи. Здѣсь приведу фактъ, кажется, не напечатанный.

Въ августѣ 1876 года я купался на островѣ Уайтѣ. По дорогѣ къ морю я нерѣдко покупалъ фрукты въ лавочкѣ зеленщика, разговорчиваго, привѣтливаго человѣка, крѣпыша подъ 60 лѣтъ. Говорилъ я по-англійски настолько хорошо еще съ дѣтства, что меня никто за иностранца не принималъ. Однажды я засталъ зеленщика за га-стой. Впрочемъ, тогда всѣ и всегда жадно читали газеты. Отбирая и заворачивая мнѣ яблоки, онъ заговорилъ со мной о прочитанномъ, о страготерицахъ-герцоговинцахъ и боснякахъ. И воскликнулъ: «Говорятъ, что Россія собирается воевать съ Турціей. Дай-то Богъ! Ахъ, кабы она хорошенько вздула этихъ турокъ!»

— Вы не любите ихъ?—спросилъ я.

— Да кто же ихъ можетъ любить, если только знаетъ, какъ они христіанъ терзаютъ. Я самъ былъ въ Турціи, и подъ Севастополемъ сражался. Это было давно, но и теперь стыдно вспомнить, что мы, англичане, защищали такое безпутное во всѣхъ отношеніяхъ правительство.

И старикъ, рассказавъ, что и гдѣ онъ видѣлъ во время Крымской кампаніи, раньше и позже, выражалъ большую симпатію къ Россіи и желаніе, чтобъ Великобританія нынче же искупила свою вину, ставъ на сторону Россіи. «И я бы самъ опять штуцеръ взялъ», повторялъ онъ.

Узнавъ, что я русскій, старый воинъ пришелъ въ предѣльный для сыновъ туманнаго Альбіона восторгъ. Позвалъ жену. Взялъ съ меня слово когда-нибудь выпить у него чашку чая и отвѣдать великолѣпныхъ персиковъ. Никогда послѣ зеленщикъ не упускалъ случая,—если я заходилъ въ его лавочку,—знакомить меня съ другими случайными покупателями, какъ сына того народа, который собирается отъ турокъ христіанъ отбивать. Мои новые знакомые

¹⁾ Т. е. высшій по роду и богатству слой общества.

высказывали искренно однородныя его мнѣніямъ, хотя и менѣе восторженно. «Еще не такъ бы они заговорили, если бы въ Турціи побывали, какъ я», подмигивая, объяснялъ зеленщикъ.

Этотъ фактъ одинъ изъ многихъ отзвукъ гладстоновскаго картертона, долетавшихъ до меня осенью 1876 года.

Изъ другихъ отзвукъ отмѣчу слѣдующій. Однажды Карлейль, когда я уходилъ отъ него, посовѣтовалъ мнѣ заглянуть мимоходомъ къ его сосѣдямъ—солдатамъ-инвалидамъ. Знаменитый историкъ жилъ почти на окраинѣ Лондона, въ Чэльси. Недалеко отъ его дома стояла военная богадѣльня, на самомъ берегу Темзы. А при ней обширный садъ, въ который публика допускалась свободно, но никогда не заглядывала. Инвалиды же цѣлый день тамъ бродили или копались въ отведенныхъ каждому изъ нихъ грядкахъ. Карлейль назвалъ мнѣ трехъ знакомыхъ ему старцевъ и позволилъ обратиться къ нимъ отъ его имени. Я такъ и сдѣлалъ. Эти три познакомили меня со многими своими товарищами-севастопольцами и даже съ однимъ ватерлооскимъ ветераномъ на костыляхъ. Нѣкоторые изъ нихъ почитывали газеты. Почти всѣ интересовались турецкими звѣрствами и книжкой Гладстона. Я не скажу, чтобы всѣ они выражали такое пламенное сочувствіе Россіи, какъ мой пріятель-зеленщикъ. Однако большинство ихъ, толкуя о возможности войны Россіи съ Турціей, приближались къ возрѣніямъ уайтскаго туркофоба. Зато буквально всѣ отзывались съ искренними похвалами о русскихъ солдатахъ, съ которыми дрались въ Крыму. Несомнѣнно, ихъ рѣчи были неподкупны: все это были калѣки, старцы, люди, чуждые всякой борьбѣ партій. Ихъ пѣсенки были давно спѣты.

Либеральныя газеты тогда горячо (осень 1876 года) отстаивали гладстоновскіе принципы. Консервативныя же, понятно, критиковали русское правительство, но остерегались еще впасть въ наглость. И хотя бы ради карманныхъ выгодъ печатали телеграммы и корреспонденціи о «звѣрствахъ», избѣгая по возможности смягчать краски. Все это благопріятствовало популярности мнѣнія англійскихъ руссофиловъ, какъ консерваторы обзывали либеральную партію.

Поздней осенью слѣдующаго года, когда русская кровь лилась уже подъ Плевной, я видѣлъ совершенно иную картину въ Лондонѣ. Партійная политическая борьба стихла. Руссофилы, которыхъ перекричали Дизраэли и К^о, сложили оружіе, правда, но выжидали. Они заботились главное о томъ, чтобы по окончаніи войны славяне получили наибольшую выгоду. Руссофобы же точно игнорировали славянъ, и хлопотали дѣятельно только объ одномъ: чтобы Россія никакихъ выгодъ и политическихъ вліяній на Востокѣ изъ войны не извлекла. Сами же консерваторы, стоявшіе у руля, готовили войну съ Россіей, на случай, если она пододвинется къ Золотому Рогу.

Гладстонъ попрежнему энергично, но уже не такъ громко обмѣнивался мыслями съ О. В. Новиковой, русской писательницей для англичанъ, проживавшей въ Лондонѣ. Нашъ посолъ графъ Шуваловъ былъ попрежнему оживленъ и любезенъ въ обществѣ, но нерѣдко можно было подсмотрѣть, что онъ мрачно, безпокойно и какъ бы не кстати задумывался. А задумывался онъ—какъ я имѣю основаніе полагать—о томъ, какъ бы предотвратить войну между Россіей и Англійей.

Въ клубахъ, особенно военныхъ, и особенно среди молодежи, естественно, господствовалъ шовинизмъ. Ходила довольно пошлая острота насчетъ представителей при Санъ-Джемскомъ дворѣ «союза трехъ императоровъ»: Шуваловъ, Бэйетъ и Мюнстеръ¹⁾, благодаря тому, что по-англійски эти фамиліи произносились мало узнаваемо: Shoveloff, Beast and Monster. А въ такомъ произношеніи съ ничтожной натяжкой значить: «долой съ лопаты бестію и чудовище»²⁾.

Вспоминались «историческіе руссофобскіе анекдоты». Напримѣръ. Царствующая королева была крещена въ честь русскаго императора Александра I именемъ Александры, и такъ всегда звалась она въ семьѣ и печати до воцаренія. Остальныя имена, въ томъ числѣ и Викторія, составляли, обычно, послѣ крещенія, всѣми забытый придатокъ. Когда по принятіи короны ей поднесли къ подписанію первый государственный актъ, то всѣ присутствовавшіе савонники ожидали, что она начертаетъ «Александра». Она же демонстративно написала «Victoria».

Еще. Когда въ 1854 году Англія заключила союзъ съ Наполеономъ III противъ Россіи, то новый союзникъ съ супругой (императрицей Евгеніей) сдѣлалъ визитъ королевѣ Викторіи. Между прочимъ Лондонъ чествовалъ гостей блестящей иллюминаціей, въ которой доминировали инициалы Наполеона, Евгеніи, Викторіи и Альберта, ея супруга. Выходило N. E. V. A. (Нева). А это считалось предзнаменованіемъ побѣды англо-французскаго оружія на русской Невѣ. И сему ложному предзнаменованію, вдохновляемые Пальмерстономъ, британцы радовались...

Были газеты, которыя въ 1876 году принадлежали къ либеральному лагерю, во всякомъ случаѣ выражали сочувствіе славянамъ, теперь же, осенью 1877 года, большинство ихъ превратились въ консервативныя. Онѣ изрыгали ложь о Россіи³⁾, умудрялись втирать публикѣ розовыя очки по части положенія балканскихъ славянъ, окрашивать коварствомъ гуманитарныя и самоотверженныя побужденія русскаго народа и правительства. Конечно, газета «Times»,

¹⁾ Шуваловъ—русскій посолъ; Бэйетъ—австрійскій; Мюнстеръ—германскій.

²⁾ Shovel—off значитъ сбрось съ лопаты. Beast—животное; Monster—чудовище.

³⁾ Справедливость требуетъ замѣтить, что многія русскія газеты отвѣчали Англии тѣмъ же.

виртуозно вилявшая хвостомъ въ 1876 году, въ 1877 году съ ногъ до головы стала мудро-русофобскою. Эта газета считалась въ Европѣ вѣрной выразительницей общественнаго настроенія Великобританіи. Это небезосновательно. Но и надо имѣть въ виду, что ея популярность и колоссальныя средства зиждятся главное на умѣннѣи подмѣтить и развить, такъ сказать, характеръ нарастающаго общественнаго настроенія ранѣе всѣхъ остальныхъ періодическихъ изданій. И, конечно, при образцовомъ умѣннѣи писать, она умѣетъ угождать новому теченію, расширять его и пользоваться всѣми переживаниями его окраски.

Впрочемъ, многіе точнѣе признаютъ «Times» выразительницей настроенія лондонскаго Сити. А лондонское Сити—есть въ сущности биржа. Надо отдать справедливость мудрой ловкости «Times»: она, и облачась въ руссофобскія ризы, изобиловала корреспонденціями quasi-безпристрастными, какъ бы независимыми отъ общаго цвѣта облаченія, и изрѣдка позволяла себѣ вдаваться въ объективно-безпристрастныя размышленія.

Въ массѣ населенія руссофобамъ удалось настроить на свой камертонъ къ осени 1877 года не только шовинистскіе верхніе слои общества, но и самыя безшабашныя, самыя крикливыя элементы ¹⁾, заглушавшіе голоса и одурявшіе головы миролюбивыхъ гражданъ. «Войны! Войны съ Россіей!»—былъ крикъ, разносимый посредственно и непосредственно этими jingo, какъ въ то время звали шовинистовъ и руссофобовъ.

Въ ресторанахъ, даже въ нѣкоторыхъ клубахъ и частныхъ домахъ, подавалось за обѣдомъ блюдо, называемое въ меню «Turkey in chains» (Турція въ цѣпяхъ). Состояло сіе яство изъ жареной индѣйки (по-англійски—такъ же, какъ и Турція,—Turkey), обложенной гирляндами сосисокъ, которыя эмблематизировали цѣпи, налагаемыя будто бы Россіей на бѣдненькую Турцію: «poor Turkey»! Блюдо было столь же популярно, какъ и вкусно. Я, грѣшный русскій, вкушалъ отъ него неоднократно.

Въ кофейняхъ и приличныхъ Bar rooms слышались нерѣдко свирѣпыя восклицанія подвыпившихъ, но съ виду приличныхъ джентльменовъ: «Blood! blood! blood!» (крови, крови!). Подразумѣвалось—«русской крови».

«Кровь нужна этимъ господамъ... Они орутъ потому, что война открываетъ новыя, широкіе пути для всяческой безнравственной на-

¹⁾ Здѣсь не мѣсто вдаваться въ анализъ внутренней политики Великобританіи, но не лишнее замѣтить, что года за два до возникновенія въ Европѣ вопроса о русско-турецкой войнѣ либеральное министерство Гладстона пало; а одной изъ причинъ этого паденія были законы, ограничившіе пьянство, стѣснявшіе кабатчиковъ. Послѣдніе и ихъ кліенты въ 1876—77 г. явились дѣятельными агитаторами посредственно противъ либеральной партіи, а непосредственно и противъ Россіи.

живы», поясняли мнѣ мои пріятели англичане-руссофилы. О нихъ рѣчь дальше. Продавцы консервативныхъ газетъ, большею частью («The Daily Telegraph», «Globe», «Advertiser», «Standard», «St.-James Gazette» и др.—имя же имъ миллионъ) the unsoaped Jingos ¹⁾, какимъ-то кровожадно-хриплымъ ораньемъ, слышать которое жутко было, возвѣщали о денешахъ съ театра войны, неблагоприятныхъ для русскихъ. Въ воздухѣ непрестанно стоялъ мертвенный, сѣрый, сырой, холодный, густой (хоть ножомъ рѣжь) туманъ. И воздухъ, кажется, былъ пропитанъ стихійной ненавистью къ русскимъ особенно и славянамъ вообще. Словомъ, было гнусно во всѣхъ отношеніяхъ.

Однако не такъ гнусенъ чортъ, какъ его малюютъ. Перевернувъ медаль и отрѣшась отъ накожныхъ лондонскихъ ощущений, вызываемыхъ стихійною, повидимому, руссофобіей зимы 1877—78 г., нельзя не усмотрѣть, что въ Англии и тогда было болѣе друзей Россіи, чѣмъ это могло казаться. Лично насъ, русскихъ, никто не стѣснялъ и не оскорблялъ. Въ клубахъ (я былъ почетнымъ членомъ двухъ клубовъ и посѣщалъ со знакомыми другіе) обращеніе англичанъ съ русскими оставалось, какъ и прежде, вѣжливое, только избѣгали при насъ разговаривать о политикѣ и войнѣ, какъ бы изъ уваженія къ нашему отечестволюбію. Впрочемъ, оба клуба, въ которыхъ я числился, а также и другіе, посѣщаемые мною, были почти виѣспартійные, литературные, научные и художественные.

На самомъ бойкомъ центрѣ торговаго и политическаго города съ четырехмилліоннымъ населеніемъ, на углу площади Трафальгаръ (Trafalgar square), изъ которой выпадаетъ широкій проспектъ къ парламенту, въ двухъ шагахъ отъ консервативныхъ клубовъ, гдѣ преобладали аристократическіе джинги, лицомъ къ широкой улицѣ Гей-Маркетъ, окаймленной театрами, а въ тылу имѣющей кварталы, набитые крикливыми, нематыми джингами,—красовалась большая, на два этажа, яркая вывѣска съ изображеніемъ краснаго креста. А на ней крупнѣйшими буквами было начертано по-англійски: «Комитетъ для сбора пособій въ пользу русскихъ больныхъ и раненыхъ воиновъ».

За вывѣской же ютилась редакція возродившейся изъ турецкихъ звѣрствъ еженедѣльной газеты «The Oriental Star» (Звѣзда Востока). Это изданіе разрабатывало балканскій вопросъ съ русско-славянскою, гуманитарно-политическою точки зрѣнія. И никто ни разу не покушался на дѣвственность, повидимому, претящей всѣмъ альбіонцамъ вывѣски. Никто никогда не оскорбилъ даже въ печати ни членовъ комитета (они всѣ были англичане), ни сотрудниковъ газеты, ни посѣтителей, приносившихъ пожертвованія для русскихъ солдатъ.

¹⁾ Не умытые мыломъ джинги.

Я иногда заходилъ въ комитетъ и редакцію, помогать по части свѣдѣній, касающихся Россіи. Чаще всего изъ постороннихъ я тамъ встрѣчалъ нѣкоего майора въ отставкѣ—major de Winton, котораго зналъ давно, ибо въ одно изъ первыхъ посѣщеній Лондона имѣлъ къ де-Уинтону рекомендательное письмо отъ Д. А. Тимирязева, съ которымъ тотъ былъ давно друженъ.

Майору было лѣтъ около пятидесяти. Старый, бодрый, крупный солдатъ, съ веселымъ широкимъ лицомъ, всегда въ хорошемъ расположеніи духа, хотя всегда чѣмъ-то дѣятельно озабоченный, шуточный и разговорчивый. Къ русскимъ онъ питалъ слабость, любилъ съ ними бесѣдовать и объ Англии и о Россіи. Понятно, что, встрѣчаясь въ комнатѣ Фарлея, почетнаго секретаря комитета, его *chevil ouvrière*, а также редактора «*Oriental Star*», разговоры наши обильно касались злобы дня—русско-турецкой войны, ея возможныхъ послѣдствій, обостряющихся отношеній между Великобританіей и моею родиной. Я отъ Уинтона не скрывалъ, какое тягостное впечатлѣніе на насъ, русскихъ, производитъ преобладающее въ Англии настроеніе. Онъ же неоднократно доказывалъ мнѣ, что враждебность къ намъ далеко не такъ распространена, какъ кажется; что въ ней больше политической искусственности, чѣмъ логическаго убѣжденія. Въ томъ же духѣ говорили Фарлей и нѣкоторые другіе чистокровные англичане, которыхъ я у него видалъ.

Подобныя увѣренія мнѣ казались болѣе абстрактными, чѣмъ реальными. Однажды де-Уинтонъ пригласилъ меня и Фарлея отобѣдать у него въ клубѣ. Обычный въ Англии способъ хлѣбосоляства. Я охотно согласился. Клубъ былъ одинъ изъ самыхъ значительныхъ въ Лондонѣ—«*United military and civil service club*» (соединенный клубъ военныхъ и гражданскихъ служащихъ). Главный поваръ получалъ болѣе 8.000 рублей (на русскія деньги) жалованья. Это достаточная характеристика для Англии, хотя для русскихъ можетъ показаться односторонней.

Мы скромно, но вкусно, обильно (послѣднее въ Англии условіе *sine qua non*) пообѣдали за особымъ столомъ большой столовой клуба, наполненной питающимися британцами. Мой амфитріонъ и Фарлей выпили шампанскаго за здоровье и благоденствіе моего отечества и мое здравіе. При этомъ они значительно улыбнулись, не повышая голоса, безо всякаго отгѣнка демонстративности, но имени Россіи не произносили все время. Около насъ, въ разныхъ углахъ залы, обѣдало нѣсколько группъ клубистовъ. Прислуга въ башмакахъ неслышно ходила по мягкому ковру, беззвучно перемѣняла блюда, тарелки, наполняла стаканы. Потомъ мы поднялись курить въ колоссальную *Smoking room* (курительную комнату), освѣщенную съ потолка соответственно колоссальнымъ газовымъ солнцемъ и вентилируемую двумя растопленными каминами такихъ размѣровъ, что въ любой могли бы въѣхать наши петербургскія извоз-

чичьи дрожки. Комната была наполнена курящими джентльменами. Всѣ они тянули свои неизбѣжныя послѣобѣденныя напитки: виски съ содовой водой, портвейнъ или горячій пуншъ. Вскорѣ слуга принесъ и сталъ раздавать печатные листочки, особыя прибавленія къ вечернему «Standard». То были депеши о послѣднихъ движеніяхъ, положеніи русскихъ подъ Плевной. Джентльмены съ интересомъ пробѣгали бюллетени и комментировали. Горькія депеши для русскаго! Результаты движеній были удовлетворительны; но сколько русской крови, сколько материнскихъ слезъ на родинѣ! Прочитавъ ихъ, я молча передалъ Фарлею. На диванчикѣ, сосѣднемъ нашему, сидѣлъ сухопѣкій, небольшого роста старичокъ, кривой на одинъ глазъ, около котораго на вискѣ былъ шрамъ.

— Удивительные люди эти русскіе солдаты,—обратился онъ къ сидящимъ за однимъ съ нимъ столикомъ клубистамъ. — Выносливостью, храбростью и стойкостью едва ли какіе другіе въ мірѣ могутъ сравниться съ ними.

— Oh yes! To be sure! ¹⁾ И добросердечны, какъ добрыя женщины вмѣстѣ съ тѣмъ,—отозвался его собутыльникъ, увѣсистый, упитанный, типичный Джонъ Буллъ, съ отгѣнкомъ ироніи.

Эти двое и подошедшіе къ нимъ знакомые, тоже далеко немолодые, стали перебирать факты, иллюстрирующіе высказанное кривымъ старичкомъ мнѣніе. Очевидно, всѣ они были хорошо освѣдомлены о ходѣ настоящей русской войны и близко знакомы съ Севастопольской. Выходило изъ ихъ разговоровъ вообще, что русскій солдатъ образцовый воинъ; что русскій человѣкъ — очень хорошій человѣкъ. Понятно, что я прислушивался со вниманіемъ. Де-Уинтонъ, наливая мнѣ въ рюмку портвейна, тихо, въ самое ухо сказалъ: «Они не знаютъ, какой вы націи. Хотите познакомиться?» Майоръ насъ представилъ другъ другу, кривой старичокъ оказался отставнымъ полковникомъ К. Онъ дрался съ нами подъ Севастополемъ, потерялъ глазъ отъ русской пули, но это не мѣшало ему съ искренно добрымъ чувствомъ, чуть не умиленіемъ, отзываться о русскихъ солдатахъ.

— Русскій народъ, глубоко симпатиченъ,—говорилъ онъ мнѣ. — А такого солдата, какъ вашъ, не вездѣ найдешь. Мы можемъ не сходиться съ русскими въ политическихъ взглядахъ; но просто, какъ люди, по-человѣчески—англичане и русскіе могутъ смѣло другъ другу руку подать. И жалко, что политическіе интересы этому мѣшаютъ,—говорилъ полковникъ.

Ему вторили или утвердительно кивали головами болѣе его отяжелѣвшіе послѣ обѣда сосѣди-пріятели.

— И знаете,—прохрипѣлъ Джонъ-Булль:—мы почти всѣ, начиная съ полковника К., старые севастопольцы, какъ и вашъ другъ,

¹⁾ О да! Вѣрно!

майоръ де-Уинтопъ тоже. (Это было дѣйствительно такъ). Мы вѣрнѣе, чѣмъ многіе изъ молодыхъ нашихъ соотечественниковъ, понимаемъ русскихъ; понимаемъ и потому, что дрались съ ними, и потому, что тотчасъ же, какъ было заключено перемиріе, перезнакомились съ ними.

— Мы, — вставилъ полковникъ, — тогда охотнѣе сходились съ русскими, чѣмъ съ нашими союзниками-французами...

Въ скобкахъ замѣчу, что я слышалъ въ Парижѣ отъ одного стараго французса-севастопольца ту же самую фразу, только «нашими союзниками-французами» было замѣнено «нашими союзниками-англичанами». Однако извѣстно, что французъ любезнѣе англичанина, а англичане, хотя и грубѣе, но искреннѣе.

Де-Уинтопъ и Фарлей были очень довольны впечатлѣніемъ, произведеннымъ на меня, русскаго, севастопольскими ветеранами, особенно первый.

— Степень руссофобіи даннаго англичанина, — говорили они, когда мы вышли изъ клуба, — обуславливается въ большинствѣ случаевъ выгодностью для него, или для его партіи, парламентской шахматной игры и политическими симпатіями къ бѣлому или черному королю этой игры. Нынче роли королей исполняютъ съ одной стороны — Гладстонъ, съ другой — Дизраэли. Политико-дипломатическое расположеніе фигуръ таково, что шансовъ выиграть у послѣдняго больше, чѣмъ у перваго. Натурально, что у Дизраэли и приверженцевъ болѣе: выгоднѣе для будущаго ихъ партіи. Диззи ¹⁾ со своими своеобразно-семитическими міровоззрѣніями и полемическими приѣмами давно уже раскрываетъ — не только въ парламентѣ, но и въ своихъ романахъ — для Великобританіи поэтическія перспективы Востока; намѣчаетъ Кипръ, Египетъ и многое другое даже Сирію и Палестину.

Учрежденіе въ Лондонѣ комитета для сбора пожертвованій въ пользу русскихъ раненыхъ и больныхъ воиновъ было въ то время дѣломъ смѣлымъ, могло казаться рискованнымъ въ смыслѣ матеріальныхъ результатовъ. Идея о немъ возникла въ средѣ гуманистовъ гладстоновской партіи. Она вызвала, однако, нѣкоторое сочувствіе среди тѣхъ, кто хотя и склонялся по разнороднымъ причинамъ къ политикѣ Дизраэли — Сольсбери, но зналъ по опыту, если не Россію, то нѣкоторыхъ русскихъ. Напримѣръ, мои знакомцы-севастопольцы изъ United service club. Другіе — независимо отъ политики — были проникнуты человѣческимъ сочувствіемъ къ страдавшимъ боснякамъ, болгарамъ, герцеговинцамъ. Были и такіе, которые, увѣренные въ слабости Турціи, рассчитывали на успѣхи русскаго оружія, имѣли въ виду спекуляціи при перестройкѣ славянскихъ Балканъ. Когда возникнутъ новыя царства изъ развалинъ

¹⁾ Дизраэли.

больной Порты, можно будетъ, дескать, найти тамъ наживу; ergo—надо къ этому готовить пути.

Но эти мелкія пятна не затмевали истиннаго свѣта, исходившаго изъ созвѣздія Гладстона. Герцогъ Уэстминстеръ—другой устоя «русскаго комитета»—находился также внѣ сомнѣнія. Онъ пользовался репутаціей либерала «безъ страха и упрека». Общественная и матеріальная его независимость была по малой мѣрѣ равна его политической. Четверть земли, на которой стоитъ колоссальнѣйшій городъ земнаго шара—Лондонъ—принадлежитъ историческому (а не бюрократическо-карьеристскому) титулу герцога Уэстминстерскаго. Его доходъ равняется (а нѣкоторые доказываютъ, что превосходитъ) всѣ доходы—государственные и частные, вмѣстѣ взятые,—англійскаго короля.

Душой и главнымъ работникомъ русскаго комитета (Russian Committee), какъ звали тогда этотъ отпрыскъ Краснаго Креста, былъ мой знакомый Фарлей (Farley), котораго нѣкоторыя русскія газеты ошибочно величали лордомъ. Онъ значительную часть своей жизни провелъ на пути къ консульской карьерѣ, больше на Востокѣ. Помнится, между прочимъ, долго занималъ должность британскаго консула въ Бейрутѣ. Во всякомъ случаѣ онъ хорошо былъ знакомъ съ правами и обычаями какъ населенія, такъ и турецкихъ правителей въ Сиріи, Малой Азіи, около Босфора и Балканъ. Фарлей владѣлъ перомъ, писалъ для разныхъ періодическихъ изданій статьи; издалъ двѣ-три книги о восточномъ вопросѣ. И въ самый разгаръ англійскаго руссофобизма напечаталъ небольшое сочиненіе о положеніи балканскихъ славянъ; о пользѣ, которую могла бы принести Россія славянамъ и европейскому спокойствію, «выкинувъ турецкое владычество изъ Европы», по малой мѣрѣ въ Малую Азію. Впрочемъ, какъ писатель, Фарлей былъ не блестящъ. Его писанія оставляли слѣдъ неглубокій. То же можно, пожалуй, сказать объ задуманномъ имъ одновременно съ возникновеніемъ русскаго комитета еженедѣльномъ изданіи «The Oriental Star». Появись на горизонтѣ въ подходящій моментъ, кидая лучъ свѣта на жгучіе вопросы момента, «The Oriental Star» не безъ интереса читалась въ либеральныхъ и даже консервативныхъ, но не злобствующихъ на Россію, кружкахъ. Вообще же говоря, она производила слабое политическое впечатлѣніе. Самъ редакторъ приписывалъ слабость успѣха малому знакомству своихъ сотрудниковъ, — а также и своему,—съ исторіей развитія Россіи въ XIV—XVIII вв., съ духомъ русскаго народа.

Иногда онъ просилъ меня просмотрѣть ту или другую рукопись статьи, присланной для «Oriental Star». Случалось, я указывалъ ему на грубые промахи. Фарлей досадливо трепалъ свои длинные на вискахъ à la Dickens волосы (его наружность вообще нѣсколько напоминала наружность автора «Домби и сынъ»), приговаривая: «Какъ мы,

англичане, невѣжественны, какъ ужасно невѣжественны! Толкуемъ много о томъ, что такъ мало знаемъ. Строимъ на нашихъ толкахъ цѣлыя политическія системы, руководясь экономически-національными расчетами, а иногда личнымъ тщеславіемъ, или просто корыстью». Впрочемъ, «Oriental Star» все-таки содѣйствовала рекламированію въ Великобританіи челоѣколюбиваго дѣла и поступленію пожертвованій. Такъ что Фарлей, несмотря на слабость своихъ литературныхъ произведеній, являлся полезнымъ неустаннымъ комитетскимъ дѣятелемъ. Вся текущая работа лежала на немъ. Съ 10 утра до 6 вечера вы его постоянно могли найти въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ предъ ворохомъ, всегда систематически разсортированныхъ, писемъ и счетовъ. Онъ принималъ посѣтителей, бесѣдовалъ съ ними, получалъ деньги, разбиралъ почту, велъ счета, выдавалъ расписки; и тутъ же, какъ бы между дѣломъ, писалъ или обдумывалъ письма; держалъ корректуру газеты, не прерывая своей работы, прислушиваясь къ рѣчи собесѣдника и на сдѣланные ему вопросы всегда отвѣчалъ впопадъ. На стѣнѣ за его письменнымъ столомъ висѣла крупная карта театра русско-турецкой войны, рядомъ съ нею пукъ клубныхъ депешъ, разносимыхъ въ то горячее время чуть ли не каждые два-три часа. Карта была заузорена булабочками съ красными и зелеными головками. Первые обозначали расположеніе русскихъ, вторыя—турецкихъ войскъ. Пробѣгая новую депешу, онъ, сообразно съ нею, немедленно перекалывалъ значки и, если случался посѣтитель, вступалъ съ нимъ въ соотвѣтственный разговоръ. Это дѣлалось какъ бы въ скобкахъ всѣхъ остальныхъ занятій. Заходили въ комитетъ нѣкоторые другіе члены. Чаще всѣхъ уже упомянутый мною майоръ де-Уинтонъ, англійскій пасторъ мрачнаго вида и толстый восторженный туркофобъ-коммерсантъ, извѣстный своими торговыми способностями и спиритическими убѣжденіями. Эти господа помогали Фарлею. Но онъ устраивался какъ-то такъ, что все, до упаковки шерстяныхъ фуфаекъ, полученныхъ изъ какого-нибудь уэльскаго городка и отправляемыхъ въ Петербургъ, включительно—совершалъ самъ. Помощникамъ оставалось только разговаривать да курить. Казалось, они мѣшали ему. А посмотришь—къ 5—6 ч. вся за день наплывшая работа была направлена по надлежащимъ русламъ. И всей этой работы—посѣтителей, счетовъ, писемъ, фуфаекъ, распоряженій, денегъ—накапливалось много. Во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ кто-либо могъ ожидать, судя по обилію руссофобіи въ воздухѣ.

Я не помню цифръ, но знаю, однако, что за краткое время существованія комитета были неоднократно отправляемы въ Россію довольно крупныя суммы денегъ и много объемистыхъ тюковъ съ вещевыми пожертвованіями; что въ общемъ эти отправки были значительны, ибо комитетъ удостаивался неоднократно благодарности государыни императрицы Маріи Александровны. Въ самый же раз-

гарь войны одинъ изъ членовъ комитета (не помню его имени) въ качествѣ представителя комитета ѣздилъ въ Петербургъ. Письменные сношенія велись непосредственно съ канцеляріей ея величества императрицы черезъ ея секретаря тайн. сов. Морица. Государыня удостоила аудіенціи и вышеупомянутаго делегата комитета во время его пребыванія въ Петербургъ.

Для русскаго интересно, конечно, было, кто въ Англіи, крикливо требовавшей тогда русской крови (Blood! blood! russian blood!), жертвуетъ, что жертвуютъ. Заходя въ комитетъ, я встрѣчался тамъ иногда съ приходящими жертвователями; просматривалъ переписку; видѣлъ то, что присылали, и могъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о характерѣ источниковъ.

The upper ten thousand (верхнія десять тысячъ) т.-е. аристократія, родовая и денежная комитетъ игнорировала, если не считать группы около герцога Уэстминстера и лорда Гренвиля. Мелкота банкиро-промышленнаго Сити—по расчету или по убѣжденію—также. Шовинисты—Jingos—тѣмъ паче. И эти, несомнѣнно, по убѣжденію, или, вѣрнѣе, по отсутствію самостоятельныхъ убѣжденій. Военный элементъ проявлялся не сильно, однако имена севастопольскихъ ветерановъ нерѣдко встрѣчались въ спискахъ жертвователей. Женскій полъ среднихъ классовъ (даже принадлежавшій къ консервативнымъ мѣстностямъ или семьямъ) въ нѣкоторыхъ провинціяхъ являлся пионеромъ, какъ бы агентомъ комитета; собиралъ для него средства и особенно усердно вязалъ и шилъ теплыя оболочки для русскихъ больныхъ и раненыхъ воиновъ.

За кабинетомъ Фарлея на Гей-Маркетъ была небольшая комната, всегда наполненная ворохами, сотнями, если не тысячами, соблазнительно-теплыхъ ярко-цвѣтныхъ («чтобъ больнымъ было веселѣе ихъ носить», читалъ я въ письмѣ одной жертвовательницы) шарфовъ, фуфаякъ, колпаковъ, чулковъ изъ мягкой англійской шерсти, фланелевыхъ нагрудниковъ и наспинниковъ (chest-protectors), куртокъ, одѣялъ, набрюшниковъ, холщевыхъ бинтовъ и проч. По мѣрѣ приливанія, все это тепло препровождалось въ Россію по принадлежности. Очень рѣдкія приношенія появлялись безъ писемъ. И не было, кажется, письма, въ которомъ не высказывалось бы сочувствія русскимъ воинамъ, проливающимъ свою кровь и жертвующимъ жизнью великому дѣлу свободы и христіанскаго человѣколюбія. Русская политика въ огромномъ большинствѣ писемъ замалчивалась. Денежныхъ пособій поступало изрядно много. Но относительно крупныя взносы въ большинствѣ случаевъ были результатомъ какого-либо мѣстнаго или групповаго сбора. Судя же по прилагаемымъ спискамъ жертвователей, значительная доля ихъ исходила отъ лицъ рабочаго класса.

Крупный процентъ тѣхъ, кто самъ единолично приносилъ въ комитетъ свои даянія, были либо женщины, либо простые рабочіе,

либо, хотя и такъ называемые въ Россіи интеллигенты, тоже скромные труженики, нелегко добывающіе себѣ кусокъ хлѣба. Эти категоріи посѣтителей имѣли склонность побесѣдовать въ комитетѣ о войнѣ, ея причинахъ. Похоже было, что тутъ они отводили душу, стѣсняемую, въ обычной сферѣ ихъ существованія, стихійнымъ или политическимъ туркофильствомъ джинговъ. Самая форма пожертвованій иногда проявлялась трогательно. По субботамъ въ Англіи рабочіе и мелкіе служащіе обыкновенно получаютъ недѣльную плату и ранѣе другихъ дней освобождаются отъ дѣла. Поэтому по субботамъ, послѣ 3 часовъ, въ комнату Фарлея непремѣнно появлялось нѣсколько рабочихъ. Большинство ихъ клали на письменный столъ sixpence (полшиллинга), даже шиллингъ, чаще нѣсколько мѣдныхъ монетъ—частицу своего недѣльнаго заработка. Многіе уходили, игнорируя предложенныя имъ расписки. Нѣкоторые же комментировали мимоходомъ внесеніе своей лепты сочувствіемъ къ славянамъ, желаніемъ, чтобы Россія упрочила ихъ свободу.

Помню, однажды пришелъ пожилой коренастый рабочій. Поинтересовался зелеными и красными булавочными головками на картѣ войны, выразилъ удовольствіе, что позиціи красныхъ (русскихъ) выгоднѣе, какъ ему объяснили, позицій, занимаемыхъ зелеными (турками). Затѣмъ онъ подаль Фарлею цѣлый шиллингъ (безъ малаго полтинникъ). Фарлей протянулъ ему расписку (онѣ были печатныя, только цифру черкнулъ).

— Нѣтъ, мнѣ не надо покуда, —отозвался рабочій:—я вамъ буду приносить каждую субботу по шиллингу. Это изъ моего недѣльнаго заработка. Прежде я всегда по субботамъ лакомился: покупалъ себѣ пива на полшиллинга да иллюстрированную недѣльную газету, которая тоже sixpence стоитъ. А теперь не до лакомства, когда столько крови за доброе дѣло проливается. Надо помогать. Я буду вамъ по шиллингу въ недѣлю носить, покуда не узнаю отъ васъ послѣ окончанія войны, что всѣ русскіе раненые вылечены. Вѣдь вы объ этомъ будете знать? Скажете мнѣ? Тогда, пожалуй, и за все время возьму расписку: на память дѣтямъ ее оставлю.

Другой разъ я встрѣтилъ какъ будто интеллигента, но, по платью и худобѣ судя, очень бѣднаго. Онъ принесъ въ комитетъ пальто, весьма теплое, нестарое и настаивалъ, чтобы это пальто отослали за Балканы прямо. «Тамъ,—говорилъ онъ,—холоднѣе, чѣмъ у насъ: кому-нибудь пригодится. А у меня ихъ два». Онъ указывалъ на тощее, обшарканное пальто, покрывавшее его тощую фигуру. Очевидно, то, которое онъ жертвовалъ, было его единственнымъ теплымъ и относительно цѣннымъ достояніемъ. Ни о чувствахъ своихъ, ни о политикѣ онъ не распространялся. Но лицо его выражало такое удовольствіе, когда комитетъ принялъ его жертву, что едва ли возможно было сомнѣваться въ искренности его сочувствія дѣлу, за которое воевала Россія.

Видѣль я разъ дѣвушку лѣтъ 25-ти. Очевидно, она принадлежала къ низшимъ слоямъ буржуазіи, но, повидимому, располагала небольшими средствами. Она буквально умоляла, чтобъ ее отправили сидѣлкой въ какой-нибудь русскій госпиталь, дабы она могла за ранеными ходить. «У меня на дорогу есть свои деньги. Мнѣ тамъ не надо ничего, у меня все есть», твердила она. Узнавъ, что по какимъ-то правиламъ (официальнымъ или обычнымъ, не знаю) англичанкѣ нельзя ходить за ранеными на войнѣ русскими, она глубоко опечалилась. «Вѣдь вы, господа,—говорила она,—лишаете меня единственнаго случая въ жизни послужить настоящему человѣколюбивому дѣлу». И удалилась изъ комитета въ слезахъ, едва ли понявъ, что онъ не можетъ удовлетворить ея сердечную просьбу.

Война кончилась. Санъ-Стефанскій догдоръ уже успѣлъ обратиться въ мнѣ. Въ Берлинѣ готовился дипломатическій концертъ, дисгармонію котораго предвкусала Европа. Зять королевы Викторіи, будущій императоръ германскій Фридрихъ III, пріѣзжалъ въ Лондонъ и готовилъ главѣ руссофобскаго министерства англійскаго парламента, Беньямину Дизраэли историческій букетъ: съ крупной ягодой и тремя листками земляники въ центрѣ (короны великобританскихъ герцоговъ увѣнчиваются золотыми эмблемами сего весенняго плода). Наслѣдникъ германскаго престола симъ какъ бы предрекалъ автору «Танкреда» высокій титулъ за успѣхи его восточно-русской политики въ прошломъ и за апоэозъ ея, предстоящій въ Берлинѣ.

Остроумный юмористическій листокъ «Punch» успѣлъ изобразить Дизраэли и Сольсбери на театральныхъ подмосткахъ въ костюмахъ балетныхъ корифеекъ съ плѣнительно улыбающимися физиономіями и букетомъ въ рукахъ при надписи «Островъ Кипръ». Этотъ букетъ дипломатическіе прелестники подносили восторженно рукоплещущей англійской публикѣ, въ качествѣ каштана, вытащеннаго для Джонъ Булля изъ огня русскими руками.

Комитетъ Краснаго Креста на Гей-Маркетѣ, отсылая въ Петербургъ послѣднія фуфайки, связанные матронами Торка и Лимерика, собирався закрыть «лавочку руссофильства», какъ джинги прозвали комитетъ. Я продолжалъ туда заходить.

Однажды Фарлей познакомилъ меня съ вновь пріѣхавшимъ въ Лондонъ моимъ землякомъ, свѣжимъ брюнетомъ зрѣлыхъ лѣтъ, съ энергичными темными глазами, въ парадномъ черномъ сюртукѣ, который былъ застегнутъ на всѣ пуговицы.

— Генераль Деспотовичъ, изъ Петербурга,—отрекомендовалъ его Фарлей.

Въ Россіи я съ Деспотовичемъ никогда не встрѣчался, но фамилія была мнѣ знакома по слухамъ и по газетамъ, особенно за послѣдніе годы, въ связи со славянскимъ вопросомъ. Деспотовичъ объяснилъ намъ, что состоитъ на русской службѣ, живетъ въ Петербургѣ, даже

выбранъ старостой Казанскаго собора, но что по крови и по началу военной карьеры онъ южный славянинъ. Какъ таковой, онъ явился въ Лондонъ въ качествѣ представителя Босніи и Герцеговины, дабы защищать ихъ отъ европейской дипломатіи, какъ грудью защищаль отъ звѣрствъ башки-бузуковъ. Форма его полномочій спеціально не выяснялася. Цѣль его была конкретная: употребить всѣ усилія, чтобы предстоящій Берлинскій конгрессъ не передавалъ Австріи Босніи и Герцеговины. Занятіе ихъ Австріей всѣми въ Европѣ тогда уже понималось, какъ обладаніе. Деспотовичъ и отъ себя, и отъ тѣхъ, кто его уполномочилъ, высказывалъ горькое негодованіе противъ русскихъ дипломатовъ, которые содѣйствовали ранновременному прекращенію войны, не допустили русскихъ вступить въ Константинополь только изъ опасенія войны съ Англіей. Конечно, болѣе всего онъ негодовалъ на пословъ графовъ Игнатьева и Шувалова.

— Турки насъ терзаютъ, правда; но они терзаютъ взбалмошно, временно,—говорилъ мнѣ генераль:—большую же часть времени мы, благодаря ихъ безпутной администраціи и неряшеству правительства, живемъ хорошо. Изъ-подъ ихъ ига мы все-таки можемъ надѣяться выбиться рано или поздно. Австрія же придавить насъ основательно своимъ прочнымъ гнетомъ, и надежды на самостоятельность погибнуть навѣки. Она задушитъ насъ двумя гробовыми крышками, какъ душитъ хорватовъ, т.-е. и габсбургской, и венгерской.

Въ Лондонѣ Деспотовичъ имѣлъ въ виду предъявить свои доводы вліятельнымъ сферамъ и просить ихъ взять подъ свою защиту славянъ. Въ русское посольство онъ, естественно, не могъ обратиться, ибо слишкомъ громко, почти публично, порицалъ Шувалова въ особенности и вообще русскихъ дипломатовъ. Онъ обратился къ комитету. Комитетъ былъ готовъ оказать ему содѣйствіе. Но какъ? Публичныя демонстраціи, лекціи и проч. были бы немыслимы, при господствѣ еще въ массѣ громкоголосыхъ джигговъ. Демонстраціи могли бы только повредить. Газетныя статьи либеральнаго лагеря остались бы гласомъ вопіющаго въ пустынь. Объ обращеніи къ вожакамъ консервативной партіи и думать, конечно, было нечего. Лидеры ея—Дизраэли и Сольсбери—уже уложили свои чемоданы, чтобъ ѣхать къ Бисмарку, а въ карманахъ хранили несокрушимо поставленныя англійской дипломатіей условія мира, котораго такъ всѣмъ хотѣлось. Оставались главари либеральной (до войны такъ называемой руссофильской) партіи—герцогъ Уэстминстеръ и Гладстонъ. Они были членами комитета.

Къ Уэстминстеру, а затѣмъ къ Гладстону и былъ направлень ходокъ отъ Босніи и Герцеговины. Деспотовичъ въ сопровожденіи наиболѣе вѣсныхъ членовъ комитета посѣтилъ ихъ одного за другимъ. Приняли его привѣтливо; выслушали очень внимательно. Однако лордъ Уэстминстеръ сразу далъ понять, что либеральная

партія, искренно сочувствуя славянамъ и уважая дѣйствія въ пользу нихъ Россіи, изрядно довольна съ гуманитарной точки зрѣнія результатами борьбы. Она не желаетъ, именно ради огражденія европейскаго мира, усложнять предположенныя для конгресса мирныя условія, хотя въ частностяхъ нѣкоторыхъ и не одобряетъ...

Маститый Гладстонъ выказалъ еще большее вниманіе къ миссіи генерала Деспотовича. Но, со свойственной ему мощной убѣдительною, доказывалъ пространно, что Босніи и Герцеговинѣ нѣтъ никакихъ основаній опасаться за будущее. Вѣдь подъ управленіемъ Австріи ей будетъ навѣрно не хуже, чѣмъ подъ оттоманскимъ владычествомъ. Деспотовичъ старался парировать доводы Гладстона своими аргументами, но со стороны казалось, что самъ онъ началъ больше вѣрить первымъ, чѣмъ своимъ. Словомъ, успѣха онъ не имѣлъ. Поѣхалъ искать его въ Парижъ, затѣмъ въ Берлинъ. Но, какъ извѣстно, усилія его остались даже не отмѣченными исторіей.

Нѣкоторые члены комитета и я провожали генерала Деспотовича на станціи Чэрингъ-Кроссъ. Онъ былъ удрученъ неудачей, но благодарилъ комитетъ и со всѣми нами, къ великому изумленію англійской публики, на желѣзнодорожной платформѣ тоекратно перещеловался по-русски.

— Вотъ вѣдь щѣлуется по-славянски, — полушутя, полусерьезно замѣтилъ майоръ Дестингтонъ, когда поѣздъ отошелъ: — а одѣвается не по-славянски. Я готовъ пари держать, что одна изъ причинъ его неуспѣха это его цилиндръ и черный двубортный сюртукъ. Появись онъ сюда въ эффектномъ герцеговинскомъ костюмѣ, мы могли бы создать его популяриность и помочь его миссіи. Всѣ наши аристократки стали бы его на обѣды и рауты приглашать... а ихъ туркофилы-мужья не могли бы не сдаться... Ну, а кому нужны цилиндръ и рединготъ.

Фарлей вспомнилъ при этомъ посѣщеніе Лондона княземъ Николаемъ Черногорскимъ вскорѣ послѣ своего воцаренія. Онъ всегда былъ въ національной одеждѣ, которая дѣйствительно создала популяриность князя. Однако, когда ему говорили, особенно дамы: «Просвѣщайте вашъ народъ; сочувствіе Англій на вашей сторонѣ. Только, ради Бога, не перемѣняйте живописнаго костюма», — тогда Николай раздражался.

— Не все ли равно, какой костюмъ! Зачѣмъ имъ такъ восхищаются? Словно у черногорцевъ нѣтъ ничего иного хорошаго! — восклицалъ онъ.

Кромѣ упомянутыхъ посѣщеній Англій (во время и около русско-турецкой войны 1877 г.), я заглядывалъ въ туманный Альбіонъ нѣсколько разъ раньше и позже. Въ началѣ 60-хъ годовъ я навѣдался туда въ первый разъ ради всемірной выставки. Выставки тогда были еще новинкой и, конечно, интересовали меня. Но общій складъ англій-

скої жизни, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ парижской, подѣйствовали на нервы и умъ, какъ тяжеловаримая пища: баранина, свинина, вареный картофель, вареное тѣсто (пуддингъ), безъ соусовъ, безъ суповъ, на желудокъ, привыкшій къ легкимъ разносоламъ легкомысленной Легіціи. Я тогда почти не имѣлъ знакомыхъ въ Лондонѣ, ни русскихъ, ни туземцевъ, кромѣ пріятеля М., харьковскаго помѣщика, путешествовавшаго вмѣстѣ со мной и чувствовавшаго себѣ въ великобританской столицѣ, подобно мнѣ, какъ рыба на сушѣ. Къ тому же объ отношеніяхъ англичанъ къ Россіи вообще мы имѣли опрометчивость составить себѣ понятіе на самой выставкѣ, гдѣ проводили цѣлые дни.

А именно: въ русскомъ отдѣлѣ были, между прочимъ, выставлены мыла, приготовленныя на русскихъ заводахъ. Разъ мы стояли передъ одной изъ пирамидъ этого родного произведенія, когда подошла группа англичанъ. Одинъ изъ нихъ, заглянувъ въ каталогъ, объяснилъ, что предъ ними красуется русское мыло. Кто-то изъ англичанъ насмѣшливо отозвался: «Да развѣ русскіе моются мыломъ?» А другіе подтвердительно засмѣялись...

Въ тотъ же день мы съ М. осматривали скромный отдѣлъ русскихъ экипажей, находившійся почти рядомъ съ отдѣломъ русскихъ водокъ... Между прочимъ тамъ были выставлены бѣгловыя дрожки. Два англичанина внимательно ихъ изучали, что-то бурча сквозъ зубы. Одинъ воскликнулъ: «На кой чортъ русскимъ нуженъ такой экипажъ? Хоть убей меня, не понимаю, къ чему онъ годенъ». — «А видите, — отозвался другой: — вонъ у нихъ выставлено много водки. Надрызгаются ею въ кабакахъ, а пьяныхъ развозятъ по домамъ въ этихъ экипажахъ. Привяжутъ руки и ноги къ верхней дощечкѣ». И оба Джонъ-Булля удалились, презрительно махнувъ рукой, весьма довольные своимъ остроуміемъ.

Насъ съ М. эти и нѣкоторые другіе ничтожные образцы англійскихъ понятій о русскихъ какъ-то скверно коробили. Конечно, мы были очень молоды и впечатлительны. Но какъ бы то ни было, Англія съ перваго раза производитъ не на однихъ насъ, русскихъ, а на всѣхъ континентальныхъ европейцевъ впечатлѣніе непріятное и невѣрное, должно сказать, какъ незнакомая пища, которую вы только осторожно отвѣдали. Напримѣръ, большинство итальянцевъ, а лѣтъ тридцать назадъ французовъ и нѣмцевъ, очень подозрительно относились къ чашкѣ наароматнѣйшаго русскаго чая. Спросишь ихъ: «какъ вамъ нравится чай?» и откровеннѣйшіе изъ нихъ отвѣчаютъ: «да такъ, декоктъ какой-то!» А если выпьютъ безъ пробованія чашку-другую, какъ пьемъ мы, то и познакомятся и войдутъ во вкусъ.

То же и относительно націй: осматривайте ихъ сквозъ очки путеводительнаго руководства, съ туристскаго, такъ сказать, полета, и чужая нація будетъ вамъ претить разными новинками и сторонами, для васъ непривычными. Но попробуйте не пробовать, вкушайте, не

мудрствуя лукаво, безъ предвзятыхъ ощущеній, не изнуряя себя разыскиваніемъ сучковъ въ глазу ближняго; поживите съ ними по-просту, и вы узнаете, что та же нація состоитъ изъ людей, обладающихъ одинаковыми суммами добрыхъ и худыхъ свойствъ. Вы убѣдитесь, что обѣ доли количественно равны суммамъ находящихся въ распоряженіи вашей родины, хотя нѣкоторыя слагаемыя различествуютъ между собой по національностямъ. Можетъ быть, почувствуете, что и у васъ на родинѣ не обходится безъ сучка въ глазу, что вы ее любите больше другихъ странъ и не можете не любить больше, ибо она ваша мать родная, вашъ пѣстунъ и кормилецъ. Это соображеніе никогда не обманываетъ даже самаго наивкраснаго патріота, если только онъ умѣетъ быть справедливымъ.

Какъ ни грузны показались мнѣ съ перваго раза англичане, они уже сразу обращали на себя вниманіе многосторонней здоровой своеобразностью. Я впослѣдствіи старался ихъ, такъ сказать, раскусить и по возможности разъяснить занимавшій меня вопросъ: могутъ ли русскіе относиться дружески къ британцамъ и *vice versa*. Я говорю вообще, не касаясь политики, предоставляя ее дипломатамъ и дипломатствующимъ публицистамъ.

Романистъ Бульверъ (лордъ Литтонъ) гдѣ-то рассказываетъ такой фактъ. Онъ знавалъ одного русскаго, который въ первый свой пріѣздъ въ Англію остался зѣло недоволенъ и ею и ея сынами. Но, пріѣхавъ на мѣловой островъ вторично лѣтъ черезъ десять, онъ говорилъ автору, что за эти десять лѣтъ англичане словно переродились: «прежде были просто непріятны, а теперь очаровательны». — «Странно, мы туго мѣняемся. А съ вами-то лично за это время не случилось ничего непріятнаго? Не получили ли вы, напримѣръ, наслѣдства?» спрашивалъ Бульверъ нашего соотечественника. — «О, да! — отвѣчала послѣдній: — тогда я былъ почти бѣденъ, а теперь дѣйствительно располагаю весьма солидными средствами». — «Ну, вотъ, оттого-то вамъ въ Англіи и лучше, чѣмъ прежде».

Бульверъ въ нѣкоторомъ отношеніи правъ, хотя объясненіе его растяжимое и далеко не исчерпываетъ вопроса. Если въ Англіи болѣе, чѣмъ гдѣ, по платю встрѣчаютъ, то едва ли не больше, чѣмъ гдѣ-либо (я говорю о среднемъ интеллигентномъ классѣ и отчасти простонародьѣ), провожаютъ по уму. Рекомендація изъ порядочнаго источника очень полезна, но она въ большинствѣ случаевъ оказывается полезнѣе денегъ.

Когда я въ 1874 году, пріѣхавъ въ Лондонъ, сдѣлалъ визитъ тогдашнему протоіерею русской церкви отцу Попову, уважаемому и аборигенами-британцами и наноснымъ русскимъ обществомъ, я спросилъ его, между прочимъ, какъ ему нравится жизнь въ Англіи? — «А вы меня спросите лучше, — отвѣчалъ почтенный старецъ: — сколько времени я живу въ Англіи? Тогда сами догадаетесь». — «Сколько же, батюшка?» Онъ мнѣ сказалъ какую-то крупную цифру, около трид-

пяти лѣтъ, и прибавилъ: «Я бы могъ и іерархически повыситься и перейти куда-нибудь ¹⁾. Но отъ добра добра не ищутъ. У меня и дѣти здѣсь родились, частью и воспитывались здѣсь».

Столь же характерные отзывы я слыхалъ отъ многихъ русскихъ ученыхъ. Покойный Н. И. Стороженко, едва окончивъ университетъ, часто ѣздилъ въ Англію. Правда, онъ скоро сталъ извѣстенъ, какъ шекспиристъ; его работы были оцѣнены тамъ настолько, что новошекспировское общество въ Лондонѣ избрало его своимъ вице-президентомъ. Но не одинъ Британскій музеумъ или могила великаго трагика влекла нашего ученаго въ Англію. Онъ самъ хорошо чувствовалъ себя между ея обитателями и ему тамъ хорошо работалось и жилось. Одинъ изъ благополучно здравствующихъ понинѣ русскихъ ученыхъ, пользующійся заслуженной европейской извѣстностью, русскій человѣкъ отъ головы до ногъ, въ самомъ началѣ свой ученой и писательской карьеры, при весьма ограниченныхъ средствахъ, почти ежегодно пріѣзжалъ въ Лондонъ и чувствовалъ себя какъ рыба въ водѣ. Кромѣ него и Стороженка, туда любили заглядывать многіе другіе, съ которыми я встрѣчался. Всѣ они, благодаря землякамъ-пріятелямъ, уже знакомымъ съ мѣстными нравами, тоже располагались къ англичанамъ, сходились съ ними.

То же можно сказать про И. С. Тургенева. Тургеневъ не только любилъ купаться лѣтомъ около острова Уайта, но, какъ говорилъ, изъ всѣхъ переводовъ своихъ произведеній предпочиталъ англійскіе, особенно когда брался за нихъ Рольстонъ ²⁾, едва ли не первый англичанинъ, въ 60-хъ годахъ изучившій русскій языкъ, знакомившій англійскихъ читателей Старога и Новаго Свѣта съ русской литературой и даже съ русскимъ древнимъ эпосомъ. Я съ нимъ познакомился еще въ Россіи въ 70-хъ годахъ у В. О. Корша, редактора «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».

Рольстонъ и говорилъ по-русски, хотя не бѣгло. Но, будучи нервно болѣзненнымъ человѣкомъ, терялся и затруднялся, когда ему нездоровилось, или онъ былъ утомленъ. Такъ, напримѣръ, онъ растерялся, благодаря головной боли, когда по пріѣздѣ въ Лондонъ великой княгини Маріи Александровны, герцогини Эдинбургской, представлялся ей, съ цѣлью испросить ея содѣйствія по организаціи въ Лондонѣ курса публичныхъ лекцій о русской литературѣ. «Я не могъ двухъ фразъ по-русски связать,—съ грустью говорилъ онъ мнѣ вечеромъ того же дня,—и едва ли добыю съ цѣли, благодаря такой непріятной случайности». И дѣйствительно не добился. А между тѣмъ эти лекціи въ 75—76-хъ гг. могли бы оказать нѣкоторую пользу, съ точки зрѣнія смягченія англійскаго руссофобства.

¹⁾ Онъ былъ вдовецъ. Его сынъ, состоявшій при немъ дьякономъ, послѣ кончины отца занялъ іерейское мѣсто, не желая покидать Англии. Къ сожалѣнію, этотъ прекрасный человѣкъ скоро скончался.

²⁾ Ralston.

Не трудно было понять, почему Тургеневъ предпочиталъ Рольстона всѣмъ остальнымъ своимъ переводчикамъ на какіе бы то ни было языки. Это былъ не переводчикъ, а высокодаровитый копистъ мысли и слова. Онъ ночи не спалъ, обдумывая, какъ бы передать данное (иногда незначительное) русское выраженіе англичанамъ такъ, чтобъ оно на нихъ производило такое же впечатлѣніе, какъ и на русскихъ. Я помню, какъ Тургеневъ буквально умолялъ Рольстона перевести его «Живыя мощи». Тотъ взялся, но просто болѣлъ переводомъ, а, закончивъ его, говорилъ мнѣ, что ничего больше онъ переводить не посмѣетъ, потому что онъ любитъ русское, ко всему русскому относится съ глубокой симпатіей и не желаетъ невольно исказить впечатлѣнія, производимаго на иностранцевъ великими произведеніями русской литературы. Въ работѣ онъ былъ добросовѣстенъ и къ себѣ строгъ, каковымъ въ сущности и подобаетъ быть всякому переводчику, но какъ на дѣлѣ, къ сожалѣнію, бываетъ рѣдко. У итальянцевъ есть характерная поговорка: traduttore e traditore ¹⁾).

Кромѣ Рольстона, я знавалъ и другихъ англійскихъ писателей, любившихъ изучать Россію и, съ другой стороны, готовыхъ всегда быть полезными русскимъ, изучающимъ англійское или Англію. Впрочемъ, это обычное свойство, истекающее изъ ихъ практической дѣловитости. Если англичанинъ знаетъ, что иностранецъ серьезно интересуется чѣмъ-либо въ Великобританіи, онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы помочь послѣднему. Хоть иногда, исполнивъ взятый на себя долгъ, опять замерзаетъ, какъ диккенсовскій мистеръ Домби. Впрочемъ, сдѣлавъ данное дѣло, онъ вообще замерзаетъ и для своихъ соотечественниковъ; хотя градусъ замерзанія зависитъ отъ темперамента данной личности.

Въ 70-хъ годахъ я подмѣчалъ, что въ отношеніи къ русскимъ температура британцевъ значительно повысилась вообще за послѣднія десять лѣтъ. Я уже указывалъ на это выше и теперь могу только добавить, что чѣмъ ближе туземецъ стоялъ къ либеральной партіи, тѣмъ онъ теплѣе и довѣрчивѣе относился ко всему русскому, тѣмъ охотнѣе оказывалъ услуги, иногда казавшіяся нашимъ землякамъ чуть не медвѣжьими.

Меня однажды русскій священникъ познакомилъ съ молодымъ русскимъ чиновникомъ министерства народнаго просвѣщенія, туристомъ, только что пріѣхавшимъ въ Лондонъ. Онъ выразилъ желаніе видѣть англійскія народныя школы. Я его познакомилъ съ сэромъ Кэи Четельфортомъ, занимавшимъ (въ павшемъ незадолго передъ тѣмъ министерствѣ Гладстона) постъ въ родѣ нашего министра народнаго просвѣщенія, авторомъ капитальныхъ сочиненій по школьному дѣлу, съ Морисономъ, членомъ парламента, изъ либеральной партіи.

¹⁾ Traduttore значитъ переводчикъ; traditore—предатель, измѣнникъ.

Морисонъ и Четельфортъ познакомили русскаго чиновника съ другими специалистами, и всѣ вмѣстѣ или поочередно нѣсколько дней сряду возили моего земляка по школамъ, семинаріямъ, давали разъясненія и между этой работой кормили его завтраками и обѣдами у себя, знакомя за трапезой съ новыми знатоками школьнаго дѣла, ихъ работами и воззрѣніями. Бѣдный мой чиновникъ не ожидалъ такого мощнаго потока вниманія къ его желанію, выраженному имъ вскользь. Онъ почти взвылъ и бѣжалъ въ Парижъ ¹⁾.

Возрастаніе англійскихъ симпатій и интереса къ русскимъ въ описываемый мною періодъ, надо полагать, объяснялось также отчасти нарождающимся, благодаря Рольстону, Мэкензи Уоллесу, Эдуарду и другимъ писателямъ, знакомствомъ съ русской литературой. Можетъ быть, до нѣкоторой степени и бракосочетаніемъ дочери нашего императора съ сыномъ королевы Викторіи. Я съ разныхъ сторонъ слышалъ достовѣрно, что массы народа въ Лондонѣ, которымъ Викторія представляла свою августѣйшую невѣстку, торжественно катаясь съ нею по столицѣ, весьма искренно и радостно привѣтствовали нашу великую княжну. Наконецъ тѣмъ, что либеральная партія въ Англіи сочувственно относилась къ стремленіямъ Россіи облегчить положеніе балканскихъ славянъ. Въ этомъ отношеніи были полезны и тѣ, хотя бы консервативные, элементы, которые лично соприкасались съ русскими. Мы разумѣемъ старыхъ севастопольцевъ. Отблескъ же 1861 года, впечатлѣніе, произведенное на Западѣ освобожденіемъ крѣпостныхъ, было еще ярко. Въ шестидесятыхъ годахъ, какъ извѣстно, и С.-Американскіе Штаты присылали въ Петербургъ нарочито депутацію для выраженія Россіи сочувствія Сѣверной Америки.

Напомнимъ, что въ половинѣ 1860 г. голодъ, отъ котораго гибло населеніе Архангельской и другихъ сѣверныхъ губерній, замалчивался мѣстной бюрократіей и сталъ официально извѣстенъ центральному русскому правительству потому, что англичане, проживавшіе въ Архангельскѣ, открыли въ Лондонѣ подписку для голодающихъ ²⁾.

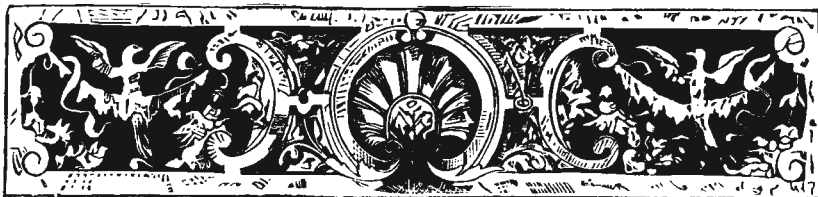
Послѣ 1879 года я не бывалъ въ Англіи, но, насколько извѣстно, вопреки официальной политикѣ, общественно-культурныя отношенія съ тѣхъ поръ не охладѣли.

Н. Н. Фирсовъ (Л. Рускинъ).

¹⁾ «Вѣстникъ Знанія». «Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ въ Лондонѣ», ст. Л. Рускина.

²⁾ См. мою статью: «Первый земскій съѣздъ». «Истор. Вѣстникъ».

ПОѢЗДКА ВЪ КАШИНЪ.

(Впечатлѣнія).

I.

Наканунъ торжествъ.

ВЪ ХОРОШІЙ лѣтній вечеръ, послѣ суетливаго петербургскаго дня, я садился въ отходящій поѣздъ Николаевской дороги на Рыбинскъ. Вагоны были переполнены отъѣзжавшей изъ столицы публикой: большинство стремилось на Волгу въ заманчивыя экскурсіи на прекрасныхъ волжскихъ пароходахъ. Но добраться до Волги было не легко: пассажиры, попавшіе въ общіе вагоны, очутились въ положеніи сельдей въ боченкѣ: ни встать, ни лечь: вездѣ чужія головы и ноги, нагроможденные вещи. Тѣснота мучительная. Впереди безсонная ночь.

Нѣсколько лучше было въ сосѣднихъ вагонахъ съ плацкартами, гдѣ я и мои спутники чувствовали себя какъ дома. Противъ меня помѣстился какой-то господинъ, ѣхавшій въ имѣніе въ Тверскую губернію, рядомъ со мной сидѣлъ волжскій туристъ. Въ нашемъ купе только одинъ я отправлялся на богомолье въ Кашинъ.

— Жарища тамъ, должно быть, непомерная, — говоритъ мнѣ волжскій туристъ:— да и народу наберется видимо-невидимо. Не завидую вамъ, что вы туда ѣдете въ самый разгаръ торжествъ... Какъ вы тамъ устроитесь, городъ маленькій, всѣ квартиры будутъ

заняты, да и хлѣба не хватитъ на такую уйму народа... Ожидаютъ, говорятъ, наплыва двухсотъ тысячъ душъ.

Монотонный стукъ и мѣрное колыханье курьерскаго поѣзда. Спускается бѣлая сѣверная ночь, свѣжая, почти холодная. Мелькаютъ знакомыя станціи. Ложимся спать, а съ ранняго утра въ окно вагона ударяетъ уже горячее солнце, ослѣпляющее глаза и играющее узорами на стѣнахъ вагона.

— Вы, кажется, въ Кашинъ?—спрашиваетъ меня кондукторъ.—Черезъ часъ вамъ пересадка въ Сонковѣ.

Сонково—это небольшая узловая станція въ 180 верстахъ отъ Петербурга и въ 100 верстахъ отъ Рыбинска. Изъ Сонкова идетъ отдѣльная вѣтвь желѣзной дороги на Кашинъ.

До Сонкова движенія богомольцевъ какъ-то не было замѣтно, а у Сонкова оно обозначилось во всю: ѣхали на кашинскія торжества сановники и чиновники изъ Петербурга, ѣхали и простые богомольцы изъ тверитянъ и уѣздныхъ обывателей, тяготящіе къ роднымъ святынямъ.

Станція въ Сонковѣ—невзрачное деревянное зданіе, пріютившееся въ сторонѣ отъ полотна дороги. На кашинской вѣткѣ ждалъ насъ особый желѣзнодорожный поѣздъ изъ вагоновъ всѣхъ трехъ классовъ.

Богомольцевъ оказалось много, и вагоны наши быстро наполнились. Я усѣлся въ купе, гдѣ сидѣли уже пожилой господинъ и дама съ дочерью. Въ сосѣднемъ купе кто-то читалъ нараспѣвъ священную книгу, вѣроятно, житіе св. Анны Кашинской.

«Своею праведною жизнью, мужественнымъ перенесеніемъ скорбей княгиня Анна среди своихъ современниковъ снискала полную любовь и почитаніе. Это почитаніе не утратилось и не охладѣло къ праведницѣ и много лѣтъ спустя по преставленіи ея. Такъ чрезъ 243 года...»

— Вы въ Кашинъ ѣдете?—спрашиваетъ меня пожилой господинъ, оказывающійся мѣстнымъ городскимъ дѣятелемъ.

— Да,—отвѣчаю.

— Городъ маленькій, —поясняетъ онъ:—а когда-то онъ былъ большимъ великокняжескимъ и чеканилъ свою монету. Это былъ столичный градъ князей Кашинскихъ... Вы застанете у насъ теперь массу пріѣзжихъ, много наѣхало изъ столицъ, изъ окрестныхъ городовъ, черезъ три дня начинаются духовныя торжества. Изъ Москвы прибываетъ митрополитъ московскій Владимиръ, пріѣдетъ архіепископъ тверской и многіе епископы изъ другихъ епархій. Въ Кашинъ придетъ до шестидесяти тысячъ крестьянъ изъ сосѣднихъ уѣздовъ. Изъ разныхъ городовъ прибываютъ процессіи хоругвеносцевъ.

— Да!—закончилъ мой собесѣдникъ:— громадный духовный праздникъ готовится въ Кашинѣ и большой религіозный подъемъ расстеть во всемъ Поволжѣ.

У станціи Сонково мы свернули съ большой дороги въ глухой проселокъ. Тутъ мирно стелется однообразная ширь полей... Показываются мельницы на горизонтѣ, застывшія со своими рогатыми крыльями въ неподвижномъ безвѣтренномъ воздухѣ, навстрѣчу вамъ бѣгутъ пологіе зеленые холмы, показываются зубчатые лѣса и рощи. Тишиной и безмолвіемъ полна окрестность; въ открытыя окна вагона несется теплый аромать полей. Мелькаютъ чистыя маленькія рѣчки, у которыхъ привольно пасется скоть.

Мирныя раздольныя картины патріархальной деревни. По дорогѣ только одна станція—Кесова Гора. На маленькомъ полустанкѣ много народа. На всѣхъ лицахъ написано праздничное настроеніе. Крестьяне засматриваютъ въ окна вагоновъ, ожидая большихъ гостей изъ столицъ.

На пригоркѣ среди полей смотритъ на васъ каменная церковь.

— Здѣсь большое село,—говоритъ мнѣ мой спутникъ:— жителей тысячи двѣ, все больше торговцы, имѣющіе дѣла въ Питерѣ... Многие устроились въ столицѣ, живутъ тамъ безвыѣздно и позабыли свой край. Тутъ у нихъ остались свои домишки, семьи...

Отъ Кесовой Горы до Кашина—24 версты. Поѣздъ идетъ медленно, дѣлая повороты. Проходитъ около часа, и вдали среди моря зелени обрисовывается маленькій живописный городокъ съ безчисленными церквами.

Станція Кашинѣ, невзрачная, деревянная, биткомъ набита народомъ. Кашинцы ждутъ петербургскихъ гостей. Ко дню главнаго торжества пріѣзжаетъ къ нимъ царственная гостя—великая княгиня Елизавета Ѳеодоровна.

Отъ станціи Кашинѣ до города менѣе версты. Дорога идетъ по ухабамъ и горамъ. Съ нѣсколькихъ высокихъ точекъ открываются виды на мѣстные соборы: Воскресенскій и Успенскій, мѣста будущихъ торжествъ.

II.

Первыя впечатлѣнія.

Въ Кашинѣ застаю оживленіе и многолюдство. По устройству духовныхъ торжествъ работаетъ мѣстный городской комитетъ.

— Вы уже знаете программу предстоящихъ празднествъ,—говоритъ мнѣ предсѣдатель распорядительнаго комитета, членъ мѣстной городской управы А. И. Лядовъ.—Церковныя торжества откроются 10-го іюня заупокойнымъ богослуженіемъ по родственникамъ и близкимъ святой благовѣрной княгини Анны... Это такъ называемый парастасъ... поминовеніе царя Алексѣя Михайловича, царицы Ма-

Общий видъ города Кашина Тверской губ.

рїи Ильиничны и родителей святой княгини Анны. 11-го іюня утромъ во всѣхъ храмахъ города будутъ отслужены литургїи, а въ два часа вечерни. 12-го іюня главное торжество, въ этотъ день послѣдуетъ обнесеніе мощей вокругъ соборовъ. Во всѣхъ торжествахъ приметъ участіе на ряду съ населеніемъ города мѣстная учащаяся молодежь. Я долженъ вамъ сказать,—продолжалъ г. Лядовъ:—что гордость нашего города—обиліе учебныхъ заведеній: здѣсь имѣются классическая гимназія, реальное училище, духовное училище, городское, женская гимназія. Ученики во время торжества будутъ собраны на городскомъ валу вокругъ соборовъ.

— Скажите,—спросилъ я:—вашъ городъ игралъ важную роль въ исторїи Поволжья, потому онъ упалъ. А каково его значеніе теперь?

— Кашинъ—немаловажный промышленный центръ,—отвѣчалъ мой собесѣдникъ.—Городъ нашъ славится льноводствомъ. Вокругъ Кашина, въ его уѣздѣ, а также въ сосѣднихъ уѣздахъ Калазинскомъ, Угличскомъ, Корчевскомъ, Мышкинскомъ, Весьегонскомъ, Бѣжецкомъ большіе посѣвы льна. Ленъ поступаетъ къ намъ со всего окрестнаго района, Кашинъ главный скупщикъ льна, сюда приходитъ до милліона пудовъ... Дѣло съ годами растетъ. Прежде въ Кашинѣ было четыре конторы, теперь ихъ двѣнадцать. Отсюда ленъ расходится по всему приволжскому фабричному району и отправляется за границу—въ Германію, во Францію...

— Сохранились ли у васъ церковныя древности прошлыхъ вѣковъ?

— Да, частію сохранились, но главныя наши святыни—соборы Воскресенскій и Успенскій—не древняго происхожденія. Они построены на мѣстѣ старыхъ деревянныхъ храмовъ XVII вѣка. Воскресенскій соборъ почти новый. Мы заканчиваемъ тамъ теперь приготовленія къ торжествамъ. Посмотрите тамъ новую сѣнь, которая возвышается надъ мѣстомъ гробницы святой Анны. Въ Успенскомъ соборѣ вы увидите первоначальную ея могилу.

— Если васъ интересуеетъ исторія Кашина и кашинская старина,—добавилъ А. И. Лядовъ:—совѣтую вамъ побесѣдовать съ нашимъ археологомъ г. Кункинымъ. Его отецъ, нынѣ умершій, былъ единственнымъ историкомъ города, онъ составилъ замѣчательную коллекцію памятниковъ мѣстной старины. Сынъ г. Кункина продолжаетъ работу отца.

Случай доставилъ мнѣ возможность бесѣдовать съ г. Кункинымъ на другой же день.

— Нашъ маленькій городъ,—говорилъ мнѣ г. Кункинъ,—только и знаменитъ своею славною стариною. Въ XIV вѣкѣ при первомъ кашинскомъ князѣ Василии Михайловичѣ Кашинъ имѣлъ свой кремль... Когда вы будете на соборной площади, обратите вниманіе на зеленый холмъ, гордо возвышающійся надъ рѣчкой Кашинкой.

Этотъ холмъ—остатокъ прежняго кремля. Нашему городу уже шестьсотъ лѣтъ. Въ прошломъ это былъ живой центръ верхняго Поволжья. Кашинъ былъ столицей Кашинскаго княжества, которое въ теченіе ста лѣтъ сохраняло самостоятельность. Когда шла историческая борьба Москвы съ Тверью, Кашинъ неизмѣнно являлся сторонникомъ Москвы и способствовалъ ея возвышенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объединенію всей русской земли. Воспоминанія о прошломъ живутъ еще въ Кашинѣ, они живутъ и въ окрестныхъ селахъ, черезъ которыя когда-то шла историческая дорога въ Тверь, по которой направлялось непрерывное движеніе крестьянъ и разнаго торговаго люда. Кашинъ не такъ еще давно велъ большую хлѣбную торговлю.

— Сохранились ли здѣсь старинныя церкви?—спросилъ я г. Кункина:—имѣются ли памятники древности?

— Что касается церквей,—отвѣчалъ мой собесѣдникъ:—то самая старая кашинская церковь—деревянная во имя святыхъ Іоакима и Анны. Но эта церковь построена только въ половинѣ XVII столѣтія. Болѣе раннія не сохранились. Нашъ Клобуковскій монастырь связанъ съ памятью объ Іоаннѣ Грозномъ, но въ немъ тоже много зданій новыхъ. Что касается древностей, заключающихся внутри храмовъ, то вы увидите подлинныя древности XIII вѣка, напри- мѣръ, въ Воскресенскомъ соборѣ имѣется икона Нерукотвореннаго образа Спасителя, принадлежавшая, какъ гласитъ преданіе, ростовскому князю Васильку Константиновичу, скончавшемуся въ 1238 году. Затѣмъ, имѣются иконы XV и XVI вв. и покровы на раку св. Анны, шитые руками царевенъ, сестеръ царя Алексѣя Михайловича.

Нашъ разговоръ коснулся старинной колл. кціи, составленной отцомъ моего собесѣдника.

— Покойникъ отецъ,—говорилъ г. Кункинъ,—въ теченіе многихъ лѣтъ составлялъ собраніе древностей и древнихъ актовъ, относящихся ко временамъ царя Алексѣя Михайловича и прежнихъ кашинскихъ князей. Наша археологическая коллекція систематически разрасталась. Въ числѣ любопытныхъ документовъ старины имѣются старыя челобитныя, спорныя дѣла, донесенія городничихъ и проч. Часть этихъ матеріаловъ напечатана въ изданіяхъ тверскаго археологическаго общества.

III.

Кашинскіе соборы.

Маленькій городъ весело и причудливо разбросался по холмамъ, омываемымъ рѣкой Кашинкой, которая, благодаря своимъ изви- намъ и поворотамъ, умудряется сдѣлать въ предѣлахъ небольшой площади города дѣльныхъ одиннадцать верстъ

Главная улица въ городѣ—Московская—проходить мимо нѣсколькихъ церквей, мимо домовъ-особняковъ, въ которыхъ живутъ видные представители мѣстнаго купечества. Городъ, если смотрѣть издали, утопаетъ весь въ садахъ, но на главной улицѣ садовъ немного. Зато вокругъ Кашина—сплошное море свѣжей веселой зелени.

Московская улица въ ея дальнемъ концѣ приводитъ васъ къ большой торговой площади, на которой въ базарные дни съ ранняго утра до поздняго вечера царятъ оживленіе и многолюдство. Тутъ рынокъ сельскихъ продуктовъ и большой гостинный дворъ съ безчисленными каменными корпусами, въ которыхъ на ряду съ невзрачными лавками помѣщаются и крупные благодидные магазины, не уступающіе иногда петербургскимъ. Цѣлое море крестьянскихъ головъ наводняло площадь, когда я поднимался мимо базара на горделивый холмъ, увѣнчанный мѣстными соборами. Одновременно со мной поднимались въ гору и прибывшіе изъ уѣзда богомольцы—крестьяне и крестьянки.

Ворота главнаго Воскресенскаго собора были широко раскрыты. Тамъ шла торжественная служба.

Воскресенскій соборъ производитъ величественное впечатлѣніе. Онъ построенъ въ 1769 году въ стилѣ, близкомъ къ современному. Высокія стѣны, просторъ, величественность архитектуры и стройность стили дѣлають его отвѣчающимъ торжественности настоящихъ празднествъ.

Соборъ былъ полонъ молящихся. Служба шла въ тепломъ храмѣ. Тутъ до момента перенесенія мощей стояла старая гробница святой Анны, массивная, отремонтированная заново. Тутъ же помѣщались носилки изъ орѣховаго дерева съ бронзовой рѣшеткой, въ которыхъ 12-го іюня гробница была обнесена при крестномъ ходѣ вокругъ соборовъ. У лѣвыхъ колоннъ на возвышенномъ катафалкѣ помѣщался гробъ благовѣрной, покрытый вышитой тканью съ ея изображеніемъ. Сверху лежали крестъ и евангеліе.

Вереницы крестьянъ и крестьянокъ подходили къ мощамъ св. Анны и прикладывались.

Св. Анна сохранилась нетлѣнной. Лѣтопись 1650 года говоритъ: «Токмо тлѣнію предалась часть малая носа да у ногъ»... Нетлѣнными оказались и покрывала, возложенныя на мощи, и тѣ, на которыхъ онѣ покоились.

Мощи св. Анны нынѣ покоятся въ гробницѣ кипарисоваго дерева, обитой внутри малиновымъ бархатомъ, а снаружи серебромъ 84 пробы, сплошь вызолоченнымъ. Серебряная вызолоченная чеканная риза имѣетъ эмалевыя украшенія и представляетъ стоимость въ 6 тысячъ рублей. Сверху гробницы лежитъ изображеніе св. Анны.

Мощи св. Анны съ 12-го іюня покоятся въ сосѣднемъ холодномъ храмѣ подъ новой стѣною, висящей на золотыхъ колоннахъ. Эта стѣна работы мѣстныхъ мастеровъ-крестьянъ изъ деревни Далматова.

IV.

У могилы св. Анны.

Рядомъ съ Воскресенскимъ соборомъ—главнымъ мѣстомъ торжествъ—стоитъ меньшій его размѣрами и немного угрюмый Успенскій соборъ, въ которомъ до 1650 года почивали мощи св. Анны.

Соборъ этотъ небогатъ, забытъ и одинокъ.

Но храмъ оставленный—все жъ храмъ!..

Въ представленіи народномъ Успенскій соборъ—важная святыня. Первоначальная могила св. Анны служить и теперь предметомъ поклоненія богомольцевъ. Она накрыта стекляннымъ колпакомъ и остается незадѣланной.

Я видѣлъ вереницы богомолковъ, набожно склоняющихся надъ могилой. Нѣкоторые брали съ собой землю и кусочки кирпича съ этой завѣтной могилы.

Успенскій соборъ не великъ. Онъ напоминаетъ вамъ старыя маленькія церкви удѣльно-вѣчевой Руси, сохранившіяся кое-гдѣ въ верхнемъ Поволжьѣ. Древнія церковныя иконы, древняя утварь—все переноситъ васъ къ сѣдой старинѣ. Въ крохотныя рѣшетчатая оконца храма скудно проникаетъ дневной свѣтъ.

Мрачно здѣсь, и много мрачныхъ историческихъ дней видѣлъ въ прошломъ этотъ небольшой храмъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ, участвовавшій въ 1650 году въ перенесеніи мощей св. Анны, заповѣдалъ вмѣсто деревяннаго Успенскаго храма «церковь строити каменну на томъ мѣстѣ, идѣ же обрѣтено было тѣло блаженныя».

Появилась каменная церковь, но послѣ кончины царя Алексѣя Михайловича отношеніе къ памяти св. Анны рѣзко измѣнилось: въ царствованіе царя Θεодора Алексѣевича, по рѣшенію патріарха Іоакима, мощи св. Анны были закрыты и прекращено ея почитаніе.

Почему такъ произошло?

Въ 1677 году патріархомъ Іоакимомъ была отправлена въ Кашинъ слѣдственная коммиссія, которая, осмотрѣвъ гробъ св. Анны, убѣдилась, что рука ея была сложена въ двуперстіе—по-старообрядчески, и это обстоятельство грозило послужить поводомъ къ обостренію споровъ старообрядцевъ съ православными, чего чрезвычайно опасались въ то время.

Соборъ, созданный патріархомъ Іоакимомъ въ Москвѣ, по возвращеніи изъ Кашина слѣдственной коммиссіи, сдѣлалъ такое постановленіе:

«Гробу съ мощами благовѣрной княгини Анны стояти запечатану архіерейскими печатями... празднества ей не творити и молебновъ ѣи не пѣти... образъ ея впрредь не писати...»

Такъ продолжалось въ теченіе 2¹/₂ вѣковъ, по усердіе народа къ почитанію св. Анны не охладѣло. Празднованія въ честь ея совершались въ Кашинѣ въ слѣдующіе дни: 2 октября—въ день ея кончины, 21 іюля—въ день обрѣтенія ея мощей, 12 іюня—въ день перваго перенесенія ея мощей и 17 ноября—въ день втораго перенесенія. Въ 1853, 1861 и въ 1902 гг. тверскими архіепископами возбуждались ходатайства о возстановленіи чествованія благовѣрной княгини Анны, но они не имѣли успѣха.

Ходатайствамъ этимъ суждено было увѣнчаться успѣхомъ лишь въ послѣднее время, когда всѣ недоразумѣнія, окружавшія имя св. Анны Кашинской, разсѣялись и исчезла прежняя острота отношеній между православнымъ людомъ и старообрядцами, получившими права свободнаго исповѣданія вѣры.

Въ Успенскомъ соборѣ я нашелъ цѣнныя церковныя древности: кресты XVII вѣка: напрестольный, съ частицею мощей св. Анны, и запрестольный, старинныя иконы Божіей Матери Корсунской и Божіей Матери, именуемой «Неопалимая Купина», и св. благовѣрной княгини Анны.

— Мы хранимъ здѣсь царскіе подарки,—сказалъ мнѣ староста собора:—вотъ крестъ и икона, присланные нашему собору царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ. Читайте надпись: «Лѣта 7177 царь и великій князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ...»

Далѣе надпись была неразборчива: сдѣланная тѣснымъ фигурнымъ церковно-славянскимъ шрифтомъ, она подъ вліяніемъ времени потускнѣла и трудно было разглядѣть стершіяся буквы.

Успенскій соборъ стоитъ на мѣстѣ прежней обители, гдѣ пребывала св. Анна Кашинская. Она первоначально постриглась въ монахини въ тверскомъ Софійскомъ монастырѣ, но когда сынъ ея Василій Михайловичъ удалился въ Кашинь, она послѣдовала за нимъ и приняла здѣсь схиму.

V.

Городъ Кашинь.

Въ городской управѣ происходили засѣданія комиссіи по устройству духовныхъ торжествъ. Меня пригласили въ засѣданіе.

Городская управа—тутъ же подлѣ соборовъ. Когда вы спускаетесь съ соборнаго холма, то видите съ лѣвой стороны большой кирпичный домъ. Въ немъ дума и управа Кашина.

Поднимаюсь во второй этажъ дома и застаю въ угловой комнатѣ дѣловое засѣданіе, посвященное организаціи празднествъ. Тутъ члены городской управы и секретарь.

Знакомимся. Завязывается разговоръ.

— Нашему маленькому городу выпала большая честь,—говоритъ мнѣ одинъ изъ отцовъ города:—торжества громадныя, наплывъ народа большой, но, не скрою, трудно намъ управиться... Ка-

шинъ—городъ маленькій, въ немъ всего 7¹/₂ тысячъ жителей, а весь бюджетъ города сто тысячъ рублей. Особыхъ ресурсовъ на устройство торжествъ мы не имѣемъ. Министерство отпустило намъ 12,000 руб. на санитарныя нужды. Это немного, если принять во вниманіе, что къ намъ придетъ 200,000 народу и что городъ долженъ обезпечить всѣмъ жилье и пропитаніе. Намъ, впрочемъ, въ Петербургѣ сказали такъ: вы дѣлайте что можно изъ своихъ средствъ, а когда торжество кончится—мы вамъ возмѣстимъ излишне израсходованное. На такомъ рѣшеніи мы пока и остановились. Хорошо,

Главныя святыни гор. Кашина: Воскресенскій соборъ, въ которомъ почиваютъ мощи св. Анны, и Успенскій соборъ (лѣвѣе перваго).

что поступаютъ пожертвованія, но пожертвованій всѣхъ только пока двадцать тысячъ.

Изъ оконъ городской управы открывался красивый видъ на кашинскіе соборы, на церковный холмъ и бѣгущую вдоль него рѣчку Кашинку... Вдали виднѣлся городской садъ—мѣсто вечернихъ прогулокъ кашинцевъ.

Заходило солнце, золотя историческіе холмы города и главы церквей.

— Прелестный видъ!—замѣтилъ я своимъ собесѣдникамъ.

— Да, мѣстность живописна,—согласились они:—но жить въ Кашинѣ тяжело. Городъ удаленъ и отъ Волги, и отъ столицъ. Ничего на мѣстѣ нѣтъ, все надо выписывать изъ Москвы и изъ Петербурга. Лѣтомъ у насъ еще есть оживленіе, а зимой тоска. Знаете ли, кстати,

что Кашинъ, кромѣ своихъ святынь, имѣетъ и другія достопримѣчательности... Вы не слыхали, напримѣръ, о кашинскихъ минеральныхъ водахъ?

— Признаюсь, о кашинскихъ хересахъ и мадерахъ слышалъ. Ихъ прославилъ Салтыковъ-Щедринъ, а о кашинскихъ водахъ не знаю...

— Между тѣмъ наши воды цѣлебныя... Онѣ получили извѣстность съ начала прошлаго столѣтія. Именнымъ Высочайшимъ указомъ 1892 года кашинскіе минеральные источники объявлены имѣющими общественное значеніе и подлежащими охранѣ. Начало первому благоустройству водъ положилъ бывшій городской голова Кашина Зызыкинъ, нынѣ покойный. Его дѣло продолжалъ г. Манухинъ. Наши воды по составу подходятъ къ желѣзноводскимъ и липецкимъ. Къ сожалѣнію, Кашинъ, какъ курортъ, не имѣетъ главнаго: удобствъ для пріѣзжихъ. Жить на водахъ негдѣ, надо останавливаться въ городѣ. Число пріѣзжающихъ сюда больныхъ невелико: человѣкъ триста-четыреста.

Подъ конецъ нашего разговора мои собесѣдники и я прошли вмѣстѣ въ сосѣдній залъ—просторный, свѣтлый, украшенный портретами Государя и мѣстныхъ дѣятелей. Такой залъ, казалось, даже слишкомъ пышенъ для скромнаго города Кашина.

— Это залъ засѣданій нашей городской думы,—говоритъ мнѣ членъ управы.

Мы подходимъ къ портрету красиваго старика купеческой складки, увѣшеннаго орденами.

— Вотъ,—продолжаетъ мой собесѣдникъ,—это фабрикантъ кашинскихъ мадеръ... Но онъ былъ человѣкъ заслуженный, такъ какъ много добра сдѣлалъ для Кашина, онъ былъ передовымъ нашимъ дѣятелемъ.

Прославленный Щедринымъ производитель хересовъ и мадеръ спокойно смотрѣлъ со своего портрета, выставляя симпатичное лицо изъ высоко накрахмаленнаго старомоднаго жабо.

VI.

Міръ преданій.

Кашинъ—городокъ патріархальный. Ему не знакомы до сихъ поръ ни электричество, ни телефоны, ни моторы. Извозчики всѣ наперечеть. Этотъ Матвѣй, а тотъ Иванъ, и каждый обыватель знаетъ, гдѣ они стоятъ на биржѣ и когда ѣдутъ на вокзалъ за почетными пассажирами.

Извозчикъ Матвѣй привезъ меня къ маленькому сиротливому дому, глубоко врывшемуся въ землю. Небольшія квадратныя окошки его находились почти у самой земли. На дверяхъ надпись: «Священникъ Александръ Скобликовъ».

Здѣсь живетъ настоятель Успенскаго собора.

Вхожу по темноватому коридору въ низенькія, но привѣтливныя и уютно обставленныя комнаты. Прислуга докладываетъ обо мнѣ.

— Проходите сюда въ гостиную,—слышу я голосъ.

Навстрѣчу мнѣ выходитъ старикъ-священникъ, полный, невысокаго роста, въ очкахъ на угрюмомъ, но, когда я взглянулъ ближе, серьезномъ и умномъ лицѣ. Онъ только что бесѣдовалъ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ семинарскаго вида, котораго оставилъ въ минуту моего прихода.

— А вы, юноша,—замѣчаетъ онъ семинаристу:—зайдите вечеромъ, мы поговоримъ еще.

Главная улица (Московская) въ гор. Кашинѣ.

Мы со священникомъ входимъ въ гостиную и садимся у круглаго стола.

— Вы пріѣхали въ Кашинъ къ нашимъ торжествамъ?—спрашиваетъ протоіерей, снимая со лба очки и складывая ихъ на скатерть.

— Да, батюшка,—говорю я:—меня привлекли празднества, и вмѣстѣ съ тѣмъ я интересуюсь преданіями о св. Аннѣ. Вы—одинъ изъ старѣйшихъ священниковъ города, много видѣли и много знаете...

Протоіерей сначала задумывается, какъ бы вспоминая что-то, а затѣмъ слово за словомъ онъ передаетъ мнѣ слѣдующій рассказъ о св. Аннѣ.

— Мѣстное населеніе глубоко чтитъ св. Анну,—говоритъ онъ:—она, по понятію народа, заступница и хранительница Кашина отъ

бѣдъ и напастей. Не только нашъ городъ, но все верхнее Поволжье чтить память св. Анны. Вы увидите на предстоящихъ торжествахъ всю глубину народной вѣры. Въ отшедшіе вѣка въ сумеркахъ невѣрія и раскола старообрядцевъ съ православными святая Анна являлась свѣточемъ, объединявшимъ тѣхъ и другихъ. Все, что связано съ памятью объ Аннѣ Кашинской, представляетъ высокую цѣнность въ глазахъ народа. Отъ ея могилы въ Успенскомъ соборѣ берутся богомольцами горсти земли, которыя передаются старыми поколѣніями крестьянъ молодымъ. Крестьянки-матери зашиваютъ эту землю въ ладонки и вѣшаютъ ихъ на грудь своимъ сыновьямъ, уходящимъ на чужбину. Вотъ расскажу вамъ такую вещь. У насъ тутъ при соборѣ работаетъ одинъ штукатуръ, онъ нашего уѣзда, природный хлѣборобъ. Во время японской войны судьба угнала его далеко отъ родины. Онъ служилъ матросомъ на «Адмиралѣ Нахимовѣ». Онъ мнѣ передавалъ чрезвычайно поучительную исторію, выражающую вѣру народную въ заступничество св. Анны, въ ея покровительство. Мать этого матроса, отправляя его на войну, повѣсила ему ладонку на шею, а въ ладонкѣ была зашита кашинская земля со всѣхъ полосъ, которыя онъ обрабатывалъ. Кашинская земля завѣтная. Она освящена подвижничествомъ св. Анны. Старухи говорятъ, что, имѣя землю при себѣ, уходящій съ родины не будетъ жестоко тосковать и молитвами св. Анны вернется домой цѣль и невредимъ. Парень испыталъ всѣ тягости и злоключенія войны, на его глазахъ погибъ «Ослабя», и погибалъ «Адмиралъ Нахимовъ», который едва не увлекъ съ собой бывшую на немъ команду. Матросы бросались въ воду, бросился и нашъ кашинецъ. Уже находясь въ водѣ, онъ вспомнилъ о данной ему матерью ладонкѣ и поплылъ къ гибнущему броненосцу... Его точно подтягивало къ кораблю, а тотъ все больше погружался въ воду. И что же вы думаете?.. Нашъ матросъ вплылъ внутрь корабля, отыскалъ въ темнотѣ залитую водой свою койку, нашелъ материнскую ладонку и надѣлъ ее на себя... Онъ спасся. Его подхватили японцы, у которыхъ потомъ онъ жилъ въ плѣну. Но малый вернулся на родину цѣль и невредимъ. Вотъ вамъ краснорѣчивый рассказъ крестьянина, онъ лучше всего рисуетъ, какъ чтить народъ св. Анну.

Я былъ потомъ въ церкви, гдѣ о. Александръ служилъ безчисленные молебны св. Аннѣ по просьбамъ стекавшихся въ церковь крестьянокъ.

Пестра, но краснорѣчива была толпа этихъ богомолицъ. Бѣдная и убогая кашинская деревня, страдавшая отъ невгодъ и неурожаевъ, выслала къ роднымъ святынямъ своихъ молитвенницъ. Усердна была эта мѣр кая молитва, обращенная къ исторической заступницѣ Волжскаго края.

VII.

Въ обители.

Весь Кашинъ причудливо разбросанъ по холмамъ. Станный городокъ, точно игрушечный, ласкаетъ глазъ своими причудливыми далями... Холмы, извилистая рѣчка. Если бы не эти холмы, въ Кашинѣ не существовало бы разстояній. При прогулкахъ, при разѣздахъ по городу больше всего отнимаютъ времени подъемы на холмы и спуски съ нихъ.

Съ Соборной площади дорога идетъ вправо къ городскому саду, расположившемуся на высокомъ берегу—надъ Кашинкой. Старыя липы тѣсно обступили площадку сада, надъ которой съ другой стороны поднимается ровной линіей высокій, точно крѣпостной валъ. Это тоже видимый остатокъ древняго кремля... Теперь кашинскіе дамы и кавалеры беззаботно разгуливаютъ по гребню вала, изъ-за котораго когда-то смотрѣли на непріятелей старые богатыри въ кольчугахъ и латахъ. Публика наполняетъ широкую и длинную нижнюю аллею.

Мимо бульвара дорога идетъ по берегу Кашинки къ историческому Клобукову монастырю.

— Побывайте въ нашихъ монастыряхъ,—говорили мнѣ кашинцы.

Въ Кашинѣ нѣсколько монастырей. Срѣтенскій женскій, существующій съ XV столѣтія, Дмитровскій мужской, XVI вѣка. Особенно знаменитъ Николаевскій Клобуковъ монастырь, связанный съ памятью о великомъ подвижникѣ Поволжья преподобномъ Маріи.

Я былъ въ этомъ монастырѣ, переносящемъ васъ къ вѣкамъ Иоанна Грознаго.

Вхожу въ святыя ворота и направляюсь къ бѣлому монастырскому корпусу. Меня встрѣчаетъ прислужникъ, предлагающій доложить обо мнѣ отцу-казначею.

— Просятъ,—говоритъ онъ, возвращаясь черезъ минуту.

Скрипучія деревянныя ступени ведутъ изъ сѣней во второй этажъ монастырскаго дома, построеннаго капитально, толстыя массивныя стѣны напоминаютъ крѣпость. Старыя поколѣнія иноковъ спасались тутъ отъ нашествій вражескихъ, отъ соблазновъ міра.

Стучимъ въ маленькую дверь, которая быстро распахивается, и я въ залитой солнцемъ свѣтлой келіи отца-казначея. На окнахъ кусты герани, левкой, незабудки. Изъ стараго кіота смотрятъ на васъ потемнѣвшіе лики иконъ. Чисто, уютно. Солнечный свѣтъ ярко ложится на тщательно выбѣленные стѣны.

— Пожалуйте, входите,—говоритъ мнѣ какой-то простолудинъ, дежурящій въ прихожей отца-казначея.

Черезъ минуту выходитъ ко мнѣ полный осанистый архимандритъ, надѣвая на ходу мантію.

— Добро пожаловать,—говоритъ онъ и продолжаетъ:—отецъ-настоятель нашъ недавно получилъ назначеніе въ новый монастырь въ Торжокъ, новый настоятель еще къ намъ не назначенъ. Временно я исправляю его должность. Откуда вы пожаловали?

Я представляюсь ему... гость изъ Питера.

— Мы все ждемъ духовныхъ гостей изъ столицъ,—говоритъ о. казначей:—нѣкоторые владыки останутся у насъ. Помѣстимъ ихъ въ настоятельскомъ корпусѣ. Тамъ много комнатъ.

— Я слышалъ о вашемъ монастырѣ,—замѣчаю я:—онъ связанъ съ памятью о преподобномъ Макаріи...

— Какъ же, какъ же,—отвѣчаетъ архимандритъ:—преподобный здѣсь подвизался. Вы увидите у насъ его первоначальную келейку, срубленную изъ бревень, махонькую. Если пожелаете, мы обойдемъ монастырь... Взгляните наши храмы. Особыхъ древностей, правда, у насъ нѣтъ, но келія преподобнаго сохранилась въ подлинномъ видѣ.

Изъ свѣтлой казначейской келіи мы спустились въ суровый и холодный монастырскій храмъ, который какъ бы футляромъ накрывалъ деревянный срубъ—бывшую келію преподобнаго Макарія.

— Вотъ это и есть древнѣйшая келія преподобнаго калязинскаго чудотворца,—продолжалъ мой спутникъ.

Житіе св. Макарія гласитъ, что онъ, похоронивши свою жену, не вошелъ даже въ домъ свой и прямо съ ея могилы направился въ Клобуковъ монастырь. Это было въ 1420 году. Преподобный здѣсь отдалился навсегда отъ міра и принялъ иноческій чинъ. Ночи проводилъ онъ въ молитвѣ, а дни въ богослуженіяхъ и въ чтеніи житій святыхъ. Эту келію онъ выстроилъ самолично съ нѣсколькими иноками. Впослѣдствіи онъ оставилъ монастырь, предпочтя ему другую уединенную пустынь. Памятниками пребыванія преподобнаго Макарія въ монастырѣ, кромѣ его келіи, служатъ построенная имъ на рѣкѣ Кашинкѣ мельница, утвержденная за монастыремъ грамотою Іоанна Грознаго въ 1565 году. Преподобный Макарій также ископалъ близъ монастыря колодець.

Я всматриваюсь въ крохотную, какъ бы вросшую въ землю бушку. Стѣны ея тщательно накрыты стекляннымъ колпакомъ.

— Пришлось накрыть келію этимъ футляромъ,—поясняетъ о. казначей:—богомольцы отрѣзали кусочки дерева на память, и стѣны были всѣ изрѣзаны... Посмотрите кругомъ вырѣзы, отбиты куски.

Къ келіи прилегаютъ большой монастырскій соборъ, насупротивъ его другой соборъ. Оба они новѣйшаго происхожденія, хотя внутри ихъ есть образцы старинной иконописи. Вокругъ монастырскихъ храмовъ цѣлое море старыхъ ивъ, липъ и орѣшника.

Клобуковский монастырь въ гор. Кашинѣ.

Въ глубинѣ сада смотреть на васъ двухъэтажный настоятельскій корпусъ, пока необитаемый. Мы прошли туда. Горячее солнце играло на стѣнахъ пустыхъ комнатъ, обставленныхъ заботливой рукой. Хорошая мебель, большія кресла, массивные шкапы. Настоятельскій флигель отъ избылія оконъ выглядитъ весь какъ бы стеклянный, прозрачный.

Днемъ здѣсь свѣтло и уютно... Ночью, когда луна глядитъ въ пустыя хоромы, жутко... Кругомъ, кромѣ прошлыхъ тѣней и воспоминаній, —ничего и никого.

VIII.

День торжествъ.

12 іюня...

Загудѣли колокола. Въ ослѣпительномъ блескѣ яркаго лѣтняго солнца проснулся городъ Кашинъ. Тысячи богомольцевъ наполняли улицы и стремились на соборный холмъ. Еще наканунѣ, послѣ все-нощной, лѣсъ хоругвей при тихой свѣтлой вечерней зарѣ представлялъ красивую величественную картину. Присутствіе на торжествѣ царственной гостыи, великой княгини Елизаветы Ѳеодоровны, умиляло крестьянъ-богомольцевъ.

Площадь передъ соборами густо усѣяна народомъ. Предшествуемые хоругвями, идутъ попарно въ лиловыхъ, синихъ и фіолетовыхъ мантияхъ епископы, архіепископы съ посохами въ рукахъ, и въ бѣломъ клубукѣ съ брильянтовымъ крестомъ, въ голубой серебристой мантии митрополитъ московскій Владимиръ. За архіереями слѣдуютъ діаконы и послушники въ золотыхъ облаченіяхъ.

Навстрѣчу преосвященнымъ льется съ высокихъ колоколенъ трезвонъ колоколовъ. Въ храмѣ, наполненномъ народомъ, встрѣчаетъ митрополита духовенство, и владыки проходятъ въ алтарь. Съ высоты амвона митрополитъ благословляетъ народъ. Великая княгиня въ бѣломъ костюмѣ стоитъ въ соборѣ у праваго клироса.

Хоры поютъ въ первый разъ тропарь святой. Митрополитъ совершаетъ благословеніе хлѣбовъ. Всенощная съ народнымъ хоромъ продолжается потомъ подъ открытымъ небомъ. Чудная, тихая и ясная ночь. При пѣніи молитвы: «Святая благовѣрная великая княгиня преподобная мати Анна, моли Бога о насъ», совершается перенесеніе гробницы.

Епископы, архимандриты, великая княгиня, оберъ-прокуроръ синода, губернаторъ, предводители дворянства, городской голова и церковный староста подняли гробницу и перенесли ее на средину храма, гдѣ совершено было кажденіе и величаніе.

Всю ночь на 12 іюня служились у раки св. Анны молебны, и народъ прикладывался къ мощамъ.

12 іюня крестные ходъ отъ всѣхъ церквей слились въ одинъ. Навстрѣчу этому крестному ходу выходятъ на паперть собора митрополить, архіереи и архимандриты. Начинается главная литургія въ Воскресенскомъ соборѣ

Площадь, валь, ближайшіе холмы, берега рѣки, крыши домовъ усеяны тысячами головъ. Послѣ литургіи изъ собора выходитъ новый крестный ходъ. Высоко на носилкахъ, осѣняемую рипидами, несутъ гробницу св. Анны архіереи, митрополить, великая княгиня.

Всѣ мужскіе и женскіе хоры соединились въ пѣніи божественныхъ гимновъ. Гудятъ колокола. Несутся звуки «Коль славень»...

Величіе древней Руси встаетъ въ этой картинѣ...

Крестянки бросаютъ свои приношенія мощамъ: платки, полотна, полотенеца... Весь путь огромной величественной процессіи усеянъ этими приношеніями.

Крестный ходъ, обойдя площадь, возвращается въ соборъ. Гробницу ставятъ на новомъ уготованномъ мѣстѣ среди золотыхъ колоннъ и воздушной сѣни.

Служба заканчивается. Провозглашаются многолѣтія.

Въ четвертомъ часу дня въ залѣ кашинской городской думы происходилъ парадный обѣдъ. Присутствовали митрополить, прибывшія изъ Петербурга официальные лица, духовенство, мѣстные власти, окрестные помѣщики.

Губернаторъ провозгласилъ здравицу Государю, протодіаконъ — царское многолѣтіе, оркестръ играетъ «Боже, Царя храни».

Трогательнымъ моментомъ торжества было оглашеніе губернаторомъ съ балкона думы тысячной толпѣ народа телеграммы Государя. Митрополить осѣнилъ народъ благословеніемъ, хоръ повторилъ гимнъ, народъ пѣлъ «Спаси, Господи», толпа кричала «ура».

Въ соборѣ у мощей св. Анны непрерывно служились молебны.

IX.

Конецъ торжествъ.

Вечеромъ 12 іюня великая княгиня Елизавета Теодоровна уѣхала изъ Кашина. Были большіе парадные проводы. Провожали митрополить, архіереи, командующій войсками, мѣстные власти и дворяне.

Дамы поднесли отъѣзжавшей августѣйшей гостьѣ букеты, жители бросали цвѣты. Великая княгиня привѣтливо кланялась изъ окна вагона.

У станціи «Кашинь» стоялъ наготовѣ второй поѣздъ; въ немъ отбывали митрополить и командующій войсками.

Свѣтлая картина религиозныхъ торжествъ закончилась. Встрепенувшійся, ожившій при громадномъ наплывѣ гостей маленькій живописный городъ съ каждымъ часомъ утрачивалъ свою парад-

ность, съеживался и затихалъ. Но около соборовъ и въ нихъ толпились еще многочисленныя группы богомольцевъ изъ окрестныхъ сель.

Точно волшебный сонъ пронеслись всѣ духовныя событія.

Бѣду по опустѣвшимъ улицамъ. Бѣлая ночь виситъ надъ городомъ. Кругомъ тихо и мертво. Откуда-то доносятся звуки сторожевой колотилки. Городъ спитъ.

Опять мѣрное колыханье вагона... Маленькій городъ остался тамъ позади. Онъ прячется за бѣгущими рощами.

Кратковременная остановка въ Сонковѣ, и быстрый поѣздъ мчитъ насъ, усталыхъ путниковъ, среди безмолвія бѣлой ночи въ далекій отъ историческихъ святынь старой Руси и холодный Петербургъ...

Н. Левдеръ (Путникъ).

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДНИ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ.

Ы УЖЕ отмѣтили на страницахъ «Историческаго Вѣстника», что минувшій сезонъ былъ обилень литературно-общественными юбилеями и связанными съ ними празднествами. Нынѣ мы вступили въ полосу торжествъ государственнаго порядка, стоящихъ въ связи съ тѣми или иными выдающимися и знаменательными событіями нашей исторической жизни. Въ маѣ состоялось открытіе въ Петербургѣ на Знаменской площади памятника императору Александру III, какъ основателю Великаго Сибирскаго пути; въ іюнѣ гор. Кашинъ былъ центромъ крупнаго церковнаго торжества, описаніе котораго читатели журнала найдутъ въ настоящей книжкѣ; въ концѣ же іюня повсемѣстно у насъ состоялись юбилейныя чествованія великой Полтавской «викторіи» Петра Великаго надъ шведами; этотъ все-россійскій національный праздникъ совпалъ и съ трехсотлѣтнимъ юбилеемъ по избавленію Костромы и мѣтнаго Ипатьевскаго монастыря отъ власти поляковъ и русскихъ «воровскихъ» людей, что явилось одною изъ страницъ пролога къ торжеству государственныхъ началъ въ странѣ надъ началами анархіи и смуты; черезъ два мѣсяца предстоить чествованіе пятидесятилѣтія взятія Гуниба, плѣненія Шамиля и замиренія Кавказа. Такимъ образомъ нашему отечеству, послѣ горькихъ дней злополучной русско-японской войны и кровавыхъ дней нашей внутренней смуты, судьба посылаетъ какъ бы нѣкоторое отрадное отдохновеніе въ воскресшемъ историческомъ прошломъ, отдохновеніе, которое, возстановляя передъ нами славное

былое и образы его достойныхъ представителей, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы указываетъ на необходимость въ этомъ быломъ возобновить памятью уроки истории, назначеніе которыхъ было научить насъ государственной мудрости и пробудить въ насъ національное самосознаніе въ лучшемъ культурномъ смыслѣ этихъ словъ, т.-е. такимъ началамъ политической жизни, которыя были нами упущены изъ виду и въ послѣднюю злополучную войну, и въ сопровождавшій ее развалъ нашей внутренней жизни. Полтавская «викторія» великаго преобразователя Россіи, напимѣрь, подготовка этой войны, психологическая обстановка, которая ее окружала, и слѣдствія, которыя изъ нея вытекли, являются полной антитезой тому, что мы пережили безъ малаго двѣсти лѣтъ спустя и гдѣ именно сказала наша забывчивость по части этихъ уроковъ прошлаго и по части той государственной мудрости, которую завѣщаль Россіи герой Полтавы. Завѣты его нынѣ вызваны изъ забвенія, его великій образъ выступилъ рельефно изъ сумрака исторической старины, страницы былого развернулись передъ нами. Почерпнемъ ли мы отсюда благое для нашего политическаго будущаго, страхнемъ ли мы съ себя то ненужное и злое, что губить нашу историческую жизнь и что вѣлось въ нее такъ ужасно и такъ прочно? — вотъ вопросъ, который невольно напрашивается послѣ отгремѣвшихъ полтавскихъ торжествъ и на который нынѣ же приходится неотложно дать отвѣтъ, отвѣтъ съ участіемъ и правомъ голоса въ немъ со стороны всѣхъ элементовъ и «міровъ», составляющихъ нынѣшнюю Россію. Этотъ-то отвѣтъ, если онъ окажется удовлетворительнымъ, и будетъ настоящимъ памятникомъ великому преобразователю, памятникомъ вѣчнымъ и нетлѣннымъ, и здѣсь-то и сосредоточится то истинное торжество, которое своею красотою должно затмить всѣ тѣ поминки великаго преобразователя и его бранныхъ дѣяній, свидѣтелями коихъ мы были въ только что прошедшіе дни.

Эти поминки, описанію которыхъ посвящена настоящая хроника, состояли преимущественно въ военныхъ парадахъ, церковныхъ заупокойныхъ служеніяхъ и постановкахъ памятниковъ герою Полтавы и его воинству. Сосредоточіемъ этихъ торжествъ главнымъ образомъ были Полтава, Петербургъ, Архангельскъ, Воронежъ, Москва и другіе города, которые такъ или иначе, но тѣсно связаны въ своемъ прошломъ съ именемъ Петра I и его кипучей дѣятельностью на пользу и славу Россіи. Но прежде, чѣмъ дать хроникѣ этихъ торжествъ, остановимся нѣсколько на главнѣйшихъ моментахъ, сопровождавшихъ кровавую борьбу за первенство двухъ сѣверныхъ народовъ, и отмѣтимъ въ общихъ чертахъ значеніе для Россіи побѣды Петра надъ Карломъ XII на поляхъ Полтавы.

Двѣсти лѣтъ тому назадъ въ нашемъ отечествѣ царилъ «смутная пора», когда оно перестраивалось волею его державнаго вѣнценосца на новыхъ началахъ, при содѣйствіи немногихъ сподвижниковъ и при

опозиції новшествамъ со стороны почти всѣхъ соціальныхъ элементовъ страны. Кровь непокорныхъ лилась широкими потоками, и внутренніе враги, непріязненно относившіеся ко всѣмъ начинаніямъ преобразователя, выискивали старательно возможность обратить вспять пущенное имъ въ ходъ историческое колесо. Если эти внутренніе враги были страшны, то еще грознѣе были враги внѣшніе, стремленіе которыхъ сводилось къ низведенію Россіи на роль второстепенной азіатской державы, не принимающей участія ни въ какихъ европейскихъ дѣлахъ и въ этихъ цѣляхъ лишенной всякихъ культурныхъ орудій для развитія своей государственной мощи. Авангардомъ Европы въ достиженіи этой цѣли сначала была Польша, а ко времени Петра I ея мѣсто было занято Швеціей. По словамъ сотрудника послѣдняго, извѣстнаго Шафирова, «шведская корона, всегда російскому государству враждебная, паче всего искала, дабы всегда оное въ невѣдѣніи въ воинскихъ и политическихъ дѣлахъ содержать и ни до какого искусства чрезъ обхожденіе съ европейскими народами не допускать, какіе максимы или правила королями шведскими предложены были, о которыхъ Пуфендорфъ напоминаетъ, а имянно, чтобъ всяко содержать російскій, яко сильной народъ внѣ эксерцація военнаго». Имѣя противъ себя одновременно враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, интересы которыхъ для даннаго историческаго момента совпадали, Петру приходилось бороться на два фронта, причѣмъ пораженіе со стороны врага внѣшняго было для него, а съ нимъ вмѣстѣ и для всей Россіи, равносильно полному крушенію готовившагося и уже совершившагося обновленія нашего государственнаго и политическаго строя. Поэтому, когда въ 1700 г. началась Великая Сѣверная война, то Петру пришлось проявить всю свою желѣзную энергію и волю, чтобы привести эту войну къ благополучному для Россіи концу, несмотря даже на отсутствіе рука объ руку съ нимъ надежныхъ союзниковъ и несмотря на претерпѣваемые въ началѣ войны неудачи. Разгромъ русскаго войска Карломъ XII при Нарвѣ не смутилъ царя, и въ своемъ письмѣ боярину Шереметеву онъ приказывалъ не впадать въ отчаяніе отъ несчастія и безъ всякихъ отговорокъ оставаться при «начатомъ дѣлѣ» и ити впередъ «для лучшаго вреда непріятелю». Для улучшенія этого вреда онъ мѣняетъ тактику, научая свои войска побѣждать врага мелкими стычками, ослабляя его набѣгами, партизанскими стычками и ставя въ затруднительное положеніе матеріальными лишеніями и недостаткомъ боевыхъ припасовъ. Эта тактика имѣла громадное воспитательное значеніе для молодого русскаго регулярнаго войска и не замедлила дать благіе практическіе результаты. «Боевое счастье» начинаетъ склоняться въ сторону Россіи. Уже съ 1701 года мы разбиваемъ непобѣдимыхъ дотолѣ шведовъ при Ропниной мызѣ, затѣмъ при Эрестферѣ, при Гумельсгофѣ, беремъ штурмомъ Маріенбургъ, Нотебургъ, Ніеншанцъ, Дерптъ, Митаву. Въ промежутокъ

пяти лѣтъ Петръ, не ослабляя своей преобразовательной политики въ дѣлахъ внутреннихъ и проявляя кипучую дѣятельность на самыхъ разностороннихъ поприщахъ отечественной жизни, то какъ «мореплаватель», то какъ «плотникъ» и строитель новой сѣверной столицы, то какъ законодатель и насадитель у насъ европейскаго просвѣщенія, успѣваетъ создать армію, крещеную боевымъ побѣдоноснымъ огнемъ и сильную своимъ духомъ и вѣрою въ геній своего державнаго вождя. Въ это же время непобѣдимый прежде Карлъ XII, по образному выраженію нашего геніальнаго поэта, «скользилъ надъ бездною», воочію видя таліе своей арміи и не имѣя возможности сойтись со своимъ вражескимъ исполиномъ грудь съ грудью. Войска Петра были неуловимы, и бывшему баловню военной фортуны оставалось лишь вымѣщать свою ярость на союзникахъ московскаго царя—саксонцахъ и полякахъ. Вѣсти о пораженіи послѣднихъ не причиняютъ огорченія будущему герою Полтавы, и онъ своимъ практическимъ умомъ рѣшаетъ дѣло въ томъ направленіи, что лишаетъ этихъ союзниковъ пужной имъ и выдаваемой прежде денежной субсидіи. Когда въ 1708 г. Карлъ свернулъ съ Смоленской дороги и направился для соединенія съ Мазепою въ Украину, его армія уже значительно ослабѣла и численно поубавилась. Вступленіе въ эту благодатную полосу, гдѣ онъ рассчитывалъ найти, согласно хвастливымъ обѣщаніямъ малороссійскаго гетмана, и многочисленныхъ союзниковъ, и необходимый ему провіантъ, ознаменовалось удачею: при м. Головинѣ онъ разбиваетъ небольшой русскій отрядъ, пытавшійся заградить ему дорогу на югъ. Но радость этой побѣды скоро омрачилась извѣстіемъ о полномъ пораженіи шедшихъ къ нему на соединеніе войскъ Левенгаупта при д. Лѣсной. Изъ ожидавшейся имъ 16-тысячной арміи къ нему прибыло всего лишь 6 тысячъ, остальные или взяты были царемъ въ полонъ, или легли костями на полѣ брани. Не оправдались и планы относительно Украины: Батуринъ, гдѣ шведовъ ожидали собраные Мазепою огромные продовольственные запасы, оказался сожженнымъ русскими войсками, а Малороссія совершенно неготова къ гостепріимной встрѣчѣ шведскаго короля; къ нему присоединилось всего до 8,000 недисциплинированнаго казачьяго войска, которое явилось лишь обузою для шведовъ. Остальное малороссійское казачество осталось вѣрно царю. Петръ, поставивъ своего противника въ тяжелую матеріальную обстановку, лишилъ его союзниковъ и окружилъ желѣзнымъ воинскимъ полукругомъ, прорваться черезъ который было уже трудно. Слабая въ отношеніи обороны Полтава приковала къ себѣ вниманіе Карла; онъ рѣшилъ направить на нее всѣ свои силы, вопреки совѣтамъ генераловъ, указывавшихъ на необходимость отступить въ Польшу за Днѣпръ, гдѣ въ свое время счастье неизмѣнно сопутствовало шведскому оружію. Штурмъ Полтавы Карлу не удался, и онъ предпринялъ ея правильную осаду, которую, однако, комендантъ крѣпости, пол-

ковникъ Келлинъ, искусно отбиваль, ожидая себѣ выручки со стороны шедшихъ по пятамъ шведовъ войскъ Меншикова и Шереметева. 4 июня 1709 года къ арміи подъ Полтаву прибылъ самъ Петръ, до тѣхъ поръ занятый судостроеніемъ въ Воронежѣ, а 27-го числа уже грянулъ бой, знаменитый Полтавскій бой, столь художественно описанный Пушкинымъ. Достаточно уже воспитавъ свое войско, проведя его черезъ рядъ относительно мелкихъ побѣдъ и утвердивъ въ немъ вѣру въ Бога и царя, Петръ наканунѣ генеральнаго сраженія издалъ слѣдующій свой знаменитый указъ:

«Воины! Се пришелъ часъ, который долженъ рѣшить судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и церковь. Не должна васъ также смущать слава непріятеля, яко непобѣдимаго, которую ложно быти вы сами побѣдами своими надъ нимъ неоднократно доказали. Имѣйте въ сраженіи передъ очами вашими правду и Бога, поборающаго по насъ: на Того Единаго, яко всеильнаго въ браняхъ, уповайте, а о Петрѣ вѣдайте, что жизнь ему не дорога, только бы жила Россія въ блаженствѣ и славѣ, для благосостоянія вашего...»

Царь принималъ непосредственное участіе въ руководствѣ сраженіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ въ приказѣ главнокомандующему фельдмаршалу Шереметеву такъ опредѣливъ свою роль: «Господинъ фельдмаршалъ! Поручаю вамъ мою армію и надѣюсь, что въ начальствованіи оною поступите вы согласно предписанію, вамъ данному, а въ случаѣ непредвидѣнномъ, какъ искусный полководецъ. Моя же должность надзирать за всѣмъ вашимъ начальствованіемъ и быть готовымъ на сикурсъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ требовать будетъ опасность и нужда».

Побѣда наша надъ врагомъ была полная. Шведы потеряли болѣе 9,000 убитыми и ранеными и 2,700 плѣнными; въ числѣ послѣднихъ были Пиперъ, первый министръ короля, и главнокомандующій фельдмаршалъ Реншильдъ. Карлъ въ сопутствіи Мазепы спасся бѣгствомъ. По окончаніи боя, когда результаты его окончательно опредѣлились, Петръ, окруженный своими сотрудниками, преклонивъ мечъ, сказалъ: «Здравствуйте, сыны отечества, чады мои возлюбленныя! Потомъ трудовъ моихъ создалъ я васъ; безъ васъ государству, какъ тѣлу безъ души, жить невозможно. Вы, имѣя любовь къ Богу, къ вѣрѣ православной, къ отечеству, славѣ и ко мнѣ, не щадили живота своего и на тысячу смертей устремлялись безбоязненно. Храбрыя дѣла ваши никогда не будутъ забвенны у потомства».

Послѣдствія Полтавской побѣды для дальнѣйшей исторіи Россіи были неисчислимы, велики и рѣшительны: «викторія» Петра Великаго укрѣпила все дѣло его преобразованій, убѣдила его противниковъ въ правотѣ государственныхъ и культурныхъ начинаній царя, уничтожила сепаратистическія тенденціи въ Украинѣ, сохранивъ, та-

кимъ образомъ, цѣлостность и единство русской державы, и дала властное положеніе Россіи въ сонмѣ прочихъ европейскихъ государствъ. По словамъ Шафирова, «прежде о руссійскомъ народѣ въ другихъ европейскихъ государствахъ разсуждали и писали, какъ о индійскомъ, персидскомъ и другихъ народахъ, и не токмо ни въ какихъ европейскихъ дѣлахъ, до войны и миру принадлежащихъ, никакой рефлексіи и разсужденія на имѣли, но и въ число европейскихъ народовъ мало причитали; нынѣ же никакое дѣло даже въ отдаленныхъ краяхъ европейскихъ не чинится, къ которому бы или о пріязни и союзѣ его царскаго величества не старались, или осторожности и опасности отъ него себѣ не имѣли».

Прошло двѣсти лѣтъ. Надъ Россіей проносились грозы и тучи, свѣтлые дни въ ея жизни смѣнялись сѣрыми и тусклыми, великое дѣло Петра, устроителя государства Россійскаго и благоденствія народа, сплошь и рядомъ шаталось, предавалось забвенію и вновь возрождалось. Дни именно такого возрожденія встрѣтились и съ двухсотлѣтнимъ юбилеемъ «викторіи» Петра I, и вотъ съ высоты престола къ современникамъ несется царское слово, призывающее къ благодарности великому преобразователю и указывающее на необходимость въ свѣтломъ прошломъ черезъ горнило послѣдующихъ испытаній почерпанія надежды на свѣтлое будущее. Въ Высочайшемъ приказѣ отъ 27 іюня 1909 г. по арміи и флоту сказано:

«Два вѣка тому назадъ на безсмертныхъ поляхъ Полтавы Великій Петръ одержалъ блистательную побѣду надъ врагомъ, мечтавшимъ поколебать устрояемое Имъ царство и пріостановить могучій ростъ молодой имперіи Петра. Имѣя передъ собою правду и Бога, своего защитника и поборника, руссійскія войска, руководимыя самимъ царемъ, не смутились передъ славою якобы непобѣдимого врага и, одержавъ надъ нимъ верхъ, спасли государство, Петру врученное, оборонили православную вѣру и охранили свой русскій народъ отъ иноземнаго нашествія. Да пребудетъ же память великаго императора и его побѣдоносныхъ сподвижниковъ благословенною во всѣ времена и вѣчно живущею въ доблестныхъ рядахъ всероссійскаго воинства и на славныхъ судахъ руссійскаго флота. Начало спасенія и благоденствія страны — побѣда, одержанная на полтавскихъ поляхъ, пріосѣнила русскія знамена лишь послѣ того, какъ на долю Петра и его молодой, преобразованной имъ арміи выпали многіе годы тяжелой работы, упорной борьбы и неожиданныхъ неудачъ, не разъ встрѣчавшихъ благія начинанія и свѣтлые замыслы великаго царя. Да станетъ же посему празднуемая нынѣ блистательная побѣда отраднымъ знаменіемъ грядущихъ успѣховъ, всегда достойно вѣнчающихъ беззавѣтные труды на пользу и славу нашего престола и родины. Да найдутъ въ семь сознаніи наши доблестные армія и флотъ животворный источникъ ихъ трудамъ по устроенію и обновленію на началахъ, нами предудказанныхъ и нами опредѣленныхъ.»

Да почерпнуть же въ настоящемъ торжествѣ дорогіе нашему сердцу армія и флотъ непреложную увѣренность, что за временными испытаніями, ниспосылаемыми свыше, всегда шествуетъ въ судьбахъ Русскаго царства свѣтлый день побѣды и воскресенія».

Настоящій приказъ подписанъ на мѣстѣ главныхъ юбилейныхъ чествованій, т.-е. въ Полтавѣ, къ которой и приковано было общее вниманіе населенія имперіи въ дни 26, 27 и 28 іюня. Празднества здѣсь, согласно даннымъ телеграфныхъ агентствъ и газетнымъ корреспонденціямъ съ мѣста¹⁾, протекли въ слѣдующемъ порядкѣ.

Рано проснулась 26 іюня Полтава въ ожиданіи открытія торжественнаго празднованія 200-лѣтія Полтавскаго боя, давшаго отечеству, по словамъ Петра Великаго, «русское воскресеніе». Въ ожиданіи прибытія Державнаго Вождя, городъ еще наканунѣ нарядился въ праздничное убранство. Всюду развѣвались національные флаги, воздвигнуты арки, задрапированныя цвѣтами и матеріями, украшенныя дравками, вензелями, плошками и разноцвѣтными фонариками. Зданія, витрины и окна магазиновъ были декорированы. Высились обвитыя бѣло-сине-красною матеріею мачты, увѣнчанныя горящими на солнцѣ золочеными орлами. Мѣстами ихъ соединяли перекинутыя зеленыя гирлянды. Столбы фонарей и колонны зданій перевиты зеленью и матеріей. Все это красиво сочеталось съ густыми изумрудными садами, въ которыхъ утопаетъ городъ. На улицахъ царило большое оживленіе. Около 9 часовъ утра на большомъ пространствѣ вокругъ Братской могилы разставлены были войсковыя части, участвовавшія въ Полтавскомъ сраженіи: полки л.-гв. Преображенскій, л.-гв. Семеновскій и 9-й пѣхотный Ингерманландскій императора Петра I и 1-я батарея его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича л.-гв. 1-й артиллерійской бригады; знаменныя роты отъ бывшихъ побѣдоносныхъ полковъ, участвовавшихъ въ великой битвѣ.

Къ этому же времени у могилы воиновъ заняли мѣста духовенство въ юбилейныхъ ризахъ, крестоносцы и хоругвеносцы.

Въ 9^{1/2} ч. утра на Братскую могилу близъ церкви Сампсона Страннопріймца собрались: предсѣдатель совѣта министровъ, первоприсутствующіе въ 1-мъ и 2-мъ общихъ собраніяхъ и въ общемъ собраніи кассационныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената и сопровождающіе Его Императорское Величество Государя Императора въ гор. Полтаву генераль-адъютанты, свиты Его Величества генераль-майоры и флигель-адъютанты, а также дежурные адъютанты прибывшихъ на торжества ихъ императорскихъ высочествъ великихъ князей; прибывшіе въ гор. Полтаву: члены св. синода, члены совѣта министровъ и главноуправляющіе; генералы, адми-

¹⁾ Въ основаніе настоящей хроники легли корреспонденціи и замѣтки изъ «Новаго Времени», «Рѣчи», «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскихъ Вѣдомостей».

ралы, штабъ- и оберъ-офицеры войскъ гвардіи, арміи и флота и гражданскіе чины, а также представители отъ высшихъ военныхъ учреждений и находящіеся въ гор. Полтавѣ: придворные чины и кавалеры, особы первыхъ четырехъ классовъ; предсѣдатель государственной думы, полтавскій губернаторъ, начальствующія лица полтавскихъ административныхъ и судебныхъ учреждений, полтавскій губернский предводитель дворянства, уѣздные предводители, депутаціи дворянства губерніи, губернскіе предводители губерній: Самарской, Подольской, Черниговской, Владимирской, Эстляндской, Харьковской, Курской, Петербургской, Херсонской, Екатеринославской и Нижегородской, предсѣдатель и члены полтавской губернской управы, предсѣдатели уѣздныхъ управъ и депутаціи земствъ губерніи, полтавскій городской голова, гласные, городскіе головы всѣхъ городовъ губерніи, волостные старшины и сельскіе старосты, въ числѣ 4,200 человекъ, представители купеческаго и мѣщанскаго сословія Полтавы, депутаціи мѣстныхъ учебныхъ заведеній, военныя депутаціи въ числѣ 25, депутаціи императорскаго русскаго военно-историческаго общества и петербургской городской думы.

Кромѣ того, у Братской могилы расположились депутаціи отъ другихъ городовъ, земствъ, дворянства, ученыхъ обществъ, союза русскаго народа, королевскаго шведскаго консульства, въ числѣ 67.

Въ 9 часовъ утра Государь Императоръ прибылъ къ царской ставкѣ въ сопровожденіи великихъ князей, министра двора, предсѣдателя совѣта министровъ и лицъ свиты. Поздоровавшись съ почетнымъ карауломъ и должностными лицами, встрѣчавшими его, Государь въ парадной формѣ Преображенскаго полка прослѣдовалъ въ открытомъ экипажѣ къ Братской могилѣ. По прибытіи сюда Государь Императоръ былъ встрѣченъ митрополитомъ кievскимъ и галицкимъ Флавіаномъ и духовенствомъ съ крестомъ и святою водою. Государь приложился къ кресту и, въ предшествіи крестнаго хода, прослѣдовалъ на Братскую могилу. Его Величество въ сопровожденіи великихъ князей, предсѣдателя совѣта министровъ и оберъ-церемоній-мейстера графа Гендрикова поднялся на площадку могильнаго холма, гдѣ у креста была совершена панихида митрополитомъ и прочимъ духовенствомъ по императорѣ Петрѣ I и павшихъ въ Полтавскомъ бою воинахъ. По окончаніи панихиды Государь изволилъ спуститься къ подножію могилы въ храмъ св. Петра и Павла, устроенный подъ курганомъ, а затѣмъ, при обходѣ кургана, обозрѣвать мѣсто погребенія павшихъ въ Полтавскомъ бою воиновъ.

Поздоровавшись со старшими кадетами Петровскаго корпуса и выйдя изъ ограды церкви, Его Величество сѣлъ на коня и, принявъ рапортъ отъ командующаго парадомъ ген.-ад. Иванова, объѣхалъ находившіяся въ строю войска. За Его Величествомъ слѣдовали министр императорскаго двора и дежурство. Заиграла музыка,

знамена склонились. Его Величество изволилъ здороваться съ войсками. Войска отвѣчали, а за отвѣтными кликами дружное, громовое «ура», сливаясь съ звуками гимна «Боже Царя храни», несло по полямъ полтавскимъ. Засимъ Государь отбылъ на станцію Полтава-городъ, откуда прослѣдовалъ въ Успенскій соборъ.

Изъ собора Его Величество изволилъ прибыть въ Спасскую церковь, въ которой Петръ I слушалъ благодарственный молебенъ послѣ одержанной побѣды. Церковь, выстроенная лѣтъ за 25 до Полтавской битвы, нынѣ, для сохраненія, заключена въ каменный щитъ. Тутъ же возлѣ церкви воздвигнуть памятникъ «Побѣды», на мѣстѣ, гдѣ великій преобразователь имѣлъ отдохновеніе послѣ боя. Въ 2 часа 20 минутъ Государь посѣтилъ новый домъ губернской земской управы, и здѣсь его Величество былъ встрѣченъ жемцами съ председателемъ управы во главѣ. Послѣ осмотра украшенныхъ въ малороссійскомъ вкусѣ вестибюля и зала, въ которомъ разложены экспонаты выставки кустарнаго производства губерніи, Государь Императоръ изволилъ прибыть въ 2 часа 45 минутъ дня на открытіе памятника доблестному коменданту Полтавы, полковнику Келлину. Къ этому времени здѣсь выстроились войсковыя части отъ Преображенскаго, Семеновскаго, 9-го Ингерманландскаго, 33-го Елецкаго, 34-го Сѣвернаго полковъ, а также 16-го донскаго и сотни 1-го волжскаго казачьихъ полковъ, 1-ая батарея гвардейской артиллерійской бригады, батарея 9-ой артиллерійской бригады, нѣкоторыя знаменныя роты и штандартныя эскадроны, прибывшіе на торжества. Здѣсь были разставлены многочисленныя депутаціи отъ сословій, учреждений и учебныхъ заведеній.

Собрались духовенство и многочисленная публика. При прибытіи Государя оркестры заиграли встрѣчу. Его Величество принялъ рапортъ. Затѣмъ было отслужено молебствіе, закончившееся царскимъ многолѣтіемъ. Окутывавшая памятникъ завѣса спала, и глазамъ присутствующихъ представился орелъ съ лавровымъ вѣнкомъ въ когтяхъ, увѣнчивающій гранитный столбъ, у подножія котораго лежитъ на монолитѣ бронзовый левъ. Забили барабаны, склонились знамена и штандарты, и прозвучали горны. Войска, подъ музыку, прошли церемоніальнымъ маршемъ. Затѣмъ послѣдовало возложеніе вѣнковъ отъ депутаціи 21 войсковой части. Государь отбылъ въ дворянскій домъ. При входѣ Его Величество былъ встрѣченъ губернскимъ предводителемъ, княземъ Щербатовымъ и уѣздными предводителями. Князь Щербатовъ имѣлъ счастье поднести Его Величеству хлѣбъ-соль. Поднявшись въ залъ депутатскаго собранія, Государь былъ привѣтствованъ прочими дворянами губерніи и ихъ дамами. Его Величество изволилъ милостиво благодарить за привѣтствіе и бесѣдовать съ дворянами. Въ 4 часа 40 минутъ Его Величество, подъ мощное «ура» и звуки гимна, исполненнаго оркестромъ, отбылъ на станцію Полтава-городъ, а оттуда поѣздомъ въ Царскую

ставку. Въ началѣ 7 часа вечера Государь посѣтилъ временные бараки, гдѣ находились представители сельскихъ обществъ Полтавской губерніи, въ числѣ свыше 4000 человекъ, 132 старшинъ и 39 земскихъ начальниковъ. Государь прибылъ въ сопровожденіи великихъ князей, предсѣдателя совѣта министровъ, лицъ свиты и губернскаго предводителя дворянства. Губернаторъ, отъ имени и по уполномочію сельскихъ обществъ, поднесъ Его Величеству образъ св. Николая Чудотворца. Государь обходилъ представителей, милостиво бесѣдуя съ сельчанами. Послѣ почти двухчасового обхода, Государь отбылъ при продолжительныхъ кликахъ «ура» выборныхъ.

Изъ бараконъ Государь Императоръ изволилъ прослѣдовать для осмотра воздвигнутаго нынѣ памятника шведскимъ войскамъ, на который наканунѣ были возложены военными депутаціями 10 вѣнковъ. Памятникъ воздвигнуть неподалеку отъ Братской могилы, на мѣстѣ, гдѣ, по преданію, русскіе хоронили павшихъ шведовъ. На памятникѣ надпись на русскомъ и шведскомъ языкахъ: «Вѣчная память храбрымъ шведскимъ воинамъ, павшимъ въ бою подъ Полтавой 27 іюня 1709 года». Осмотрѣвъ памятникъ, Его Величество изволилъ посѣтить музей и инвалидный домъ, помѣщающіеся вблизи Братской могилы, а затѣмъ выслушать всенощное бдѣніе въ церкви св. Самсона Страннопримца, совершенное высокопреосвященнымъ митрополитомъ кievскимъ и галицкимъ. Этимъ закончился первый день полтавскихъ торжествъ.

Въ 7 часовъ утра 27 іюня пять пушечныхъ выстрѣловъ открыли второй день торжественнаго празднованія 200-лѣтія Полтавской побѣды, но уже съ 5 часовъ утра началось усиленное движеніе народа къ полю Полтавской битвы. Передъ церковью разставлены были войска съ знаменами. Ровно въ 9¹/₄ часовъ утра, при кликахъ «ура», Его Императорское Величество Государь Императоръ, въ сопровожденіи ихъ императорскихъ высочествъ великихъ князей, изволилъ прибыть въ экипажѣ къ церкви св. Самсона. На церковной паперти Его Императорское Величество встрѣченъ былъ высокопреосвященнымъ митрополитомъ кievскимъ и галицкимъ съ духовенствомъ съ крестомъ и святою водою. Государь приложился къ кресту и принялъ окропленіе. Началась литургія съ поминовеніемъ на заупокойной эктеніи императора Петра I и павшихъ въ Полтавскомъ бою воиновъ. Погода стала въ это время проясняться. Послѣ литургіи открылся крестный ходъ съ иконами св. Самсона, св. Николая, Каплуновской и Горбаневской иконъ Богоматери и Спаса Нерукотвореннаго образа. Длинное шествіе духовенства замыкали епископы и архіепископъ.

Государь Императоръ съ великими князьями, въ предшествіи митрополита Флавіана и всего духовенства, изволилъ прослѣдовать къ поставленному на полѣ битвы противъ Сампсоновской церкви аналою. Здѣсь было совершено благодарственное молебствіе съ ко-

лѣнопреклоненіемъ. По окончаніи его возглашено было царское многолѣтіе и вѣчная память императору Петру I и павшимъ воинамъ. Всѣ войсковыя орудія при этомъ открыли пальбу. Въ церкви св. Сампсона зазвонили колокола. Церковный перезвонъ доносился изъ города. Послѣ второго многолѣтія, возглашеннаго всероссійскому воинству и всѣмъ вѣрноподаннымъ, митрополитъ осѣнилъ войска крестомъ, и крестный ходъ возвратился въ храмъ.

Войсковыя знамена были отнесены въ свои части. Послѣ этого Государю Императору были поднесены министромъ императорскаго двора медали, выбитыя въ память 200-лѣтія Полтавской битвы. Принявъ рапортъ отъ генераль-адъютанта Иванова, Его Величество изволилъ сѣсть на вороного коня и объѣхать войска. Государь здоровался съ войсками. Отвѣтные клики частей, громовое «ура» и звуки гимна долгое время оглашали полтавскія поля. Послѣ Высочайшаго объѣзда всѣ участвовавшія въ Полтавскомъ бою войсковыя части подъ звуки музыки прошли передъ Государемъ Императоромъ церемоніальнымъ маршемъ. Его Величество благодарилъ войска. Пропустивъ ихъ, Государь Императоръ, сопровождаемый великими князьями, дежурствомъ и свитой, на конѣ отбылъ въ первомъ часу въ Царскую ставку.

Въ 1 часть дня изъ Трехсвятительской церкви первой мужской гимназіи пошелъ, во главѣ съ епископомъ Іоанномъ, крестный ходъ къ памятнику «Слава», сооруженному на мѣстѣ, гдѣ полтавскій комендантъ Келлинъ встрѣтилъ Петра Великаго при вѣздѣ въ Полтаву 28 іюня 1709 года. Сюда собрались всѣ присутствовавшіе на литургіи въ церкви св. Сампсона на Братской могилѣ, и здѣсь же были разставлены войсковыя части, присутствовавшія на открытіи памятника Келлину.

Преосвященнымъ Іоанномъ въ сослуженіи духовенства отслужено было молебствіе съ возглашеніемъ царскаго многолѣтія и вѣчной памяти императору Петру I и павшимъ сподвижникамъ. При пѣннѣ «Тебе, Бога, хвалимъ» епископъ окропилъ святою водою памятникъ и расположившіяся полукругомъ знамена. Къ этому времени прибылъ Государь Императоръ въ экипажѣ, въ сопровожденіи великихъ князей, министра императорскаго двора, председателя совѣта министровъ и лицъ свиты. Его Величество прослѣдовалъ скверомъ къ памятнику и принялъ рапортъ отъ генерала-адъютанта Иванова. Началось возложеніе на памятникъ вѣнковъ многочисленными депутаціями войскъ, общественныхъ учреждений, сословій, учебныхъ заведеній. Всего возложено 108 вѣнковъ. Во время возложенія вѣнковъ были исполнены соединенными хорами музыки и пѣвчихъ кантата М. М. Иванова, специально написанная ко дню полтавскихъ торжествъ, отрывки изъ оперы «Жизнь за Царя» и народный гимнъ. Вслѣдъ за этимъ Его Императорское Величество изволилъ прослѣдовать пѣшкомъ отъ памятника, пройдя черезъ

скверъ, въ Петровско-Полтавскій кадетскій корпусъ, гдѣ состоялся въ Высочайшемъ присутствіи завтракъ, къ которому были приглашены высшіе военные и гражданскіе чины, а также представители дворянства, земствъ, городовъ Полтавской губерніи и купечества Полтавы, депутаціи и др. Во время завтрака Государь Императоръ изволилъ сказать:

«Съ чувствомъ глубокаго волненія переживалъ я послѣдніе два дня, и вы вмѣстѣ со мною, вѣроятно, испытали тѣ же чувства на тѣхъ же поляхъ Полтавы, гдѣ 200 лѣтъ тому назадъ рѣшалась судьба нашего отечества. Волею Господа Бога, гениемъ Петра и стойкостью русскаго народа была одержана побѣда, давшая Россіи величіе. Россія только что пережила времена невзгодъ. Я вѣрю, что отнынѣ она вступитъ на путь развитія и благоденствія и что будущимъ поколѣніямъ легче будетъ жить и служить своей родинѣ. Но для этого нужно, чтобы всѣ вѣрные Мои подданные помогали своему Государю, нужна вѣра въ силу своего отечества, любовь къ чему и любовь къ своей старинѣ. Я пью за то, чтобы Россія развивалась въ духѣ единенія Царя съ народомъ и въ тѣсной связи всего населенія нашей родины со своимъ Государемъ, пью за потомковъ славныхъ героевъ, которые сражались тамъ же, гдѣ сегодня порадовали Меня своимъ блестящимъ видомъ здѣсь собранныя войска. Пью за ихъ здоровье, за всю армію и за великую нашу матушку Россію».

Слова Государя Императора были покрыты звуками гимна и восторженными кликами «ура». Затѣмъ великій князь Константинъ Константиновичъ провозгласилъ здравицу за Державнаго Вождя русской арміи. Его Величество пилъ за здоровье полтавскаго корпуса. По окончаніи завтрака Государь Императоръ прослѣдовалъ къ собраннымъ во дворѣ корпуса волостнымъ старшинамъ Полтавской губерніи, которые поднесли Его Величеству хлѣбъ-соль. Государь Императоръ благодарилъ ихъ въ милостивыхъ выраженіяхъ. Послѣ сего Государь Императоръ на корпусномъ плацу изволилъ произвести смотръ строевого ученія и гимнастики кадетъ Петровскаго кадетскаго корпуса. Поблагодаривъ за смотръ, Его Величество, при восторженномъ «ура» и звукахъ гимна, оставилъ корпусъ, а затѣмъ, слѣдуя въ экипажѣ по пути, наполненномъ населеніемъ Полтавы, при несмолкаемыхъ кликахъ «ура» отбылъ на вокзалъ Полтавы, для дальнѣйшаго слѣдованія въ Кіевъ, а оттуда въ Петербургъ.

Что касается Петербурга, то здѣсь празднества начались также утромъ 26-го заупокойной литургіей и панихидой въ храмѣ св. Сампсона на Выборгской сторонѣ по державномъ основателѣ его, императорѣ Петрѣ I. Какъ повѣствуетъ хроникеръ «Новаго Времени» (№ 11951), разросшійся за двѣ сотни лѣтъ «Петербургъ далеко отодвинулъ центръ столицы отъ этой древней церкви, хранящей въ себѣ чрезвычайно рѣдкостные памятники Петровской эпохи и пред-

ставляющей неоцѣнимое по художественной цѣнности сокровище—алтарь.

«Храмъ св. Сампсона—второй по времени основанія въ Петербургѣ. Законченъ онъ былъ въ 1726 году, а въ 1740 году перестроенъ изъ деревяннаго въ каменный и перенесенъ на другое мѣсто, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ перваго. На мѣстѣ, гдѣ находился престолъ старой церкви, осталась маленькая часовня, къ которой въ нынѣшнемъ году пристроена другая, высокая часовенка. Все мѣсто, занятое храмомъ, обнесено ко дню юбилея стильной рѣшеткой и самъ храмъ реставрированъ. Все, что являлось позднѣйшимъ наслоеніемъ, уничтожено и восстановлено все то, что находилось въ храмѣ въ началѣ XVIII вѣка. Площадь, занятая храмомъ и постройками, представляетъ бывшее первое кладбище въ Петербургѣ. При реставраціи нѣкоторые надгробные памятники и плиты были приведены въ порядокъ и останутся на томъ мѣстѣ, гдѣ они были поставлены. Всѣ памятники пришлось выкапывать изъ земли. На одинъ изъ нихъ было обращено вниманіе еще въ 1885 году; это братская могила заговорщиковъ въ мрачную эпоху Бирона—кабинетъ-министра и генераль-аншефа Артемія Волынскаго и его товарищей Ѳеодора Хрущова и Петра Еропкина.

«Древній каменный памятникъ, воздвигнутый на могилѣ съ разрѣшенія императрицы Екатерины II, въ 1885 году былъ накрытъ желѣзнымъ памятникомъ. На одной его сторонѣ находится четверостишіе изъ «Думы» Рылѣва:

Сыны отчества! въ слезахъ
Ко храму древняго Сампсона!
Тамъ за оградой, при вратахъ
Почіеть прахъ врага Бирона.

«По странной случайности день смерти этихъ мучениковъ за національную идею, обозначенный на памятникѣ, «27 іюня 1740 г.», совпадаетъ съ днемъ великаго національнаго праздника.

«Изъ историческихъ именъ, которыя встрѣчаются при обзорѣніи храма, обращаетъ вниманіе имя Посошкова, одного изъ первыхъ русскихъ литераторовъ, написавшаго «Книгу о скудости и богатствѣ».

«При реставраціи храма, когда производились земляныя работы, почва оказалась сплошь покрытой костями. Находили цѣлые ящики, набитые ими. Когда въ 1885 году была разрыта братская могила трехъ казненныхъ Бирономъ, на черепѣ у Артемія Волынскаго было обнаружено отверстие,—вѣроятно, слѣдъ пытокъ. То тутъ, то тамъ въ оградѣ храма лежатъ каменные плиты, на которыхъ съ большимъ трудомъ можно прочесть нѣсколько строкъ. При реставраціи церковныхъ стѣнъ выступили наружу нѣсколько мраморныхъ плитъ, замазанныхъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ; ихъ теперь возобновили.

«Внутренность храма поражает своей простотой и величіем алтаря. На гладких стѣнахъ нѣсколько образовъ въ прекрасныхъ рамахъ стіля рококо, какъ и весь алтарь. Чье созданіе алтарь, точно неизвѣстно. По нѣкоторымъ источникамъ надъ нимъ работалъ Растрелли-отецъ по заказу императрицы Анны Іоанновны. По тонкой художественной работѣ и образамъ алтарь едва ли пмѣть себѣ равный. Боковые алтари остались отъ старой деревянной церкви Петровской эпохи. Это работа русскихъ мастеровъ подъ руководствомъ голландскихъ художниковъ, выписанныхъ Петромъ. Само зданіе храма возводилось архитекторомъ Трезини, приглашеннымъ Петромъ изъ Италіи и назначеннымъ старшимъ архитекторомъ Россіи.

«Много картинъ въ храмѣ, авторы которыхъ неизвѣстны. Изъ нихъ обращаетъ вниманіе картина на стѣнѣ противъ главнаго алтаря. Она изображаетъ Петра, вышедшаго изъ шатра съ откинутой правой рукой и держащаго лѣвую руку на груди. Большую цѣнность представляетъ и картина страшнаго суда—также неизвѣстнаго автора. Посреди храма виситъ реставрированная люстра того времени. Престоль, чудной рѣзной работы, находится подъ навѣсомъ съ рѣдкою художественною композиціей на священные сюжеты, нигдѣ не повторяющіеся.

«Вся реставрація храма обошлась около 150,000 рублей. Участіе въ расходахъ приняли Государь Императоръ, юбилейный комитетъ, городская дума и частные жертвователи.

«Производившій реставрацію епархіальный архитекторъ Аплаксинъ предпринимаетъ изданіе громаднаго альбома со снимками памятниковъ храма св. Сампсона».

Заупокойная литургія была отслужена также и въ Петропавловскомъ соборѣ. Богослуженіе совершалъ митрополитъ петербургскій Антоній въ сослуженіи лаврскаго и мѣстнаго духовенства.

Послѣ литургіи у гробницы Петра I, находящейся въ правой части собора, недалеко отъ алтаря, совершена была панихида по великомъ императорѣ и всѣхъ войнахъ, павшихъ въ Полтавскомъ бою. На панихиду, кромѣ митрополита Антонія, вышли епископы: Платонъ американскій, Никодимъ рязанскій и Антоній тобольскій. По окончаніи панихиды на гробницу, украшенную громаднымъ вѣнкомъ изъ розъ, генераломъ Ашебергомъ были возложены золотыя и бронзовыя медали, выбитыя по случаю 200-лѣтія Полтавской битвы. Кромѣ того, возложено было два вѣнка: отъ города Петербурга—съ надписью на голубыхъ лентахъ: «Своему основателю», и отъ Кексгольмскаго полка.

Въ теченіе дня у гробницы Петра I перебивало множество народа.

Вечеромъ во всѣхъ церквахъ столицы были совершены всенощныя. Особенной торжественностью отличалось архіерейское богослуженіе въ храмѣ св. Сампсона Страннопріимца, на Выборгской сторонѣ.

Городское общественное самоуправленіе приурочило къ этому дню закладку пятаго училищнаго дома и новаго моста черезъ Неву на Охту. Обои́мъ сооруже́ніямъ съ Высочайшаго разрѣшенія присвоено имя великаго преобразователя.

Закладка училищнаго дома происходила на Гагаринскомъ буянѣ. Громадная площадь, выходящая на набережную Б. Невки, была расцвѣчена флагами. Посреди ея былъ разбитъ шатерь, украшенный внутри бюстомъ Петра I и видомъ будущаго дома, какъ онъ долженъ быть исполненъ по плану. На площади, кромѣ приглашенныхъ лицъ, на торжествѣ присутствовали всѣ обучающіеся въ городскихъ школахъ дѣти съ флагами и значками тѣхъ школъ, гдѣ они обучаются.

Послѣ торжественнаго молебствія и закладки перваго камня на мѣстѣ будущаго сооруже́нія городской голова Н. А. Рѣзцовъ произнесъ рѣчь. Онъ сравнилъ побѣдное шествіе великаго завоевателя и сооруже́ніе крѣпостей съ создани́емъ школъ, оплотовъ противъ тьмы и невѣжества, а потѣшное войско — съ дѣтьми-школьниками. Какъ побѣды Петра положили основу Русскаго государства, такъ просвѣщеніе укрѣпите и разовьетъ страну для широкой и плодотворной работы.

Предсѣдатель училищной комисіи П. А. Потѣхинъ прибавилъ къ этой метафорѣ мысль, что не на одинъ Западъ Петръ I обращалъ вниманіе, какъ это принято утверждать, и закладываемая школа, не стѣсненная сосѣдними зданіями, будетъ глядѣть и на западъ, и на сѣверъ, и на югъ, и на востокъ.

По внутреннему благоустройству и величинѣ новый школьный домъ будетъ превосходить всѣ прежде сооруженные. Разсчитанъ онъ на 1000 учащихся. Кромѣ начальныхъ школъ, здѣсь будутъ двѣ городскія четырехклассныя школы, ремесленные классы, бібліотека и т. д.

Дѣти, окружавшія шатерь, исполнили подъ оркестръ гимнъ и полтавскую побѣдную пѣсню. Послѣ окончанія церемоніи дѣтей повели въ Народный домъ, гдѣ имъ былъ приготовленъ за городской счетъ обѣдъ.

Всѣ городскіе дѣятели, бывшіе на закладкѣ училищнаго дома, отправились на второе торжество—на закладку Охтенскаго имени Петра I моста.

Закладка происходила на лѣвомъ берегу Невы, на углу Смольнаго проспекта и Калашниковской набережной. Начавшіеся работы по сооруже́нію были на этотъ день прерваны, и тысяча рабочихъ въ красныхъ, дареныхъ по случаю закладки, рубахахъ окружали мѣсто закладки. У берега Невы на двухъ громадныхъ баркахъ возвышался первый кессонъ.

Къ началу молебствія велѣдъ за городскими властями прибыли петербургскій градоначальникъ ген.-м. Драчевскій и начальникъ главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства г. Гербель.

Въ концѣ молебствія положили доску съ надписью, а рабочіе подняли крестъ. Послѣ этого всѣ присутствовавшіе направились подъ большой навѣсъ, гдѣ было подано шампанское.

Представитель города Н. А. Рѣзцовъ познакомилъ присутствовавшихъ съ краткой исторіей сооружаемаго моста. Первая мысль объ Охтенскомъ мостѣ возникла у государя императора Николая I. Еще 80 лѣтъ назадъ имъ было указано то направленіе моста, которое по волѣ случайности точно совпадаетъ съ утвержденнымъ и осуществляемымъ направлениемъ. Затѣмъ проектъ направленія моста измѣнялся нѣсколько разъ. И тогда, 80 лѣтъ назадъ, признавали необходимость соединить обѣ Охты съ Петербургомъ, но только 30 лѣтъ назадъ стали думать серьезно объ осуществленіи этого проекта, когда вышло законоположеніе о томъ, что Охта будетъ присоединена къ столицѣ только послѣ сооруженія постоянного моста. Въ шестомъ часу вечера торжество закончилось, и на мѣстѣ закладки было предложено угощеніе для рабочихъ.

Въ 8 часовъ утра 27 іюня 5 пушечныхъ выстрѣловъ съ Петропавловской крѣпости возвѣстили о началѣ торжествъ. Многолюдные крестные ходы изъ Александро-Невской лавры, Казанскаго собора, военныхъ и другихъ церквей направились къ Сампсоновскому собору, гдѣ было совершено молебствіе многочисленнымъ духовенствомъ во главѣ съ митрополитомъ Антоніемъ. Оттуда все духовенство собралось на площадкѣ возлѣ памятника, противъ собора. Кругомъ расположились подковой войска. Къ 11-ти часамъ собрались: оберъ-прокуроръ св. синода Лукьяновъ, гофмейстеръ Смольскій, оберъ-церемоніймейстеръ баронъ Корфъ, комендантъ Петропавловской крѣпости генераль Троцкій, городской голова Рѣзцовъ, петербургскій градоначальникъ Драчевскій и многія другія лица. Послѣ совершенія молебствія и провозглашенія вѣчной памяти Петру Великому при колокольномъ звонѣ и звукахъ «Коль славень» войска взяли на карауль. Завѣса, скрывавшая памятникъ, упала. Раздался салютъ изъ орудій крѣпости. Войска прошли церемониальнымъ маршемъ вокругъ памятника. Вновь открытый памятникъ изображаетъ Петра I во весь ростъ въ треуголкѣ и камзолѣ; лѣвой рукой онъ опирается на эфесъ шпаги, а правой держитъ дубинку. На памятникѣ вырѣзана надпись: «Петру Великому, 1709—1909 годъ», и затѣмъ слѣдующая надпись: «А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, жива бы была Россія». На памятникъ были возложены вѣнки отъ городской управы и пожарной дружины имени Петра I съ надписью: «Герою-мореплавателю, плотнику, на тронѣ вѣчному работнику, царю Петру Великому». Въ 3 часа дня состоялось открытіе другого памятника Петру Великому, на Адмиралтейской набережной. Съ утра Нева представляла красивое зрѣлище. Дворцовый мостъ былъ разведенъ, и все пространство отъ Николаевского до Троицкаго моста было занято выстроеными въ одну

линію миноносцами и канонерками, расцвѣченными флагами, а также яхтами частныхъ яхтъ-клубовъ. Обѣ стороны набережной были усеяны толпами народа. Мѣсто у памятника украшено тропическими растеніями, флагами и задралировано матеріей; въ 2³/₄ часа къ мѣсту открытія памятника приблизился крестный ходъ во главѣ съ митрополитомъ Антоніемъ. На набережной былъ выстроенъ Бѣломорскій полкъ и нарядъ гвардейскаго морского экипажа. Когда приблизился катеръ съ Высочайшими особами, раздались клики «ура». На катерѣ прибыли Государыни Императрицы Марія Ѳеодоровна и Александра Ѳеодоровна и королева эллиновъ. Ихъ Величествамъ были поднесены цвѣты. У шатровъ помѣстились свита Государынь, морской министръ, петербургскій градоначальникъ и другія лица, а также члены чрезвычайнаго китайскаго посольства. Послѣ молебствія и провозглашенія вѣчной памяти Петру Великому, помощникъ главнокомандующаго войсками гвардіи генералъ Газенкампфъ обходилъ войска. На Невѣ въ это время взвилась сигнальная ракета; въ этотъ моментъ съ памятника была сдернута завѣса. Послѣ отбытія Ихъ Величествъ дѣти стройными рядами во главѣ съ предсѣдателемъ училищной комиссіи Потѣхинымъ продефилировали передъ памятникомъ и осыпали подножіе памятника цвѣтами. Городекой голова и члены управы возложили на памятникъ отъ города лавровый вѣнокъ. Новый памятникъ на Адмиралтейской набережной является подаркомъ Государя Императора городу Петербургу. Памятникъ изображаетъ Петра Великаго спасающимъ утопающихъ на Лахтѣ въ 1724 году. Памятникъ работы скульптора Бернштама. Памятникъ производитъ глубокое художественное впечатлѣніе. Фигура Петра дышитъ мощью и отвагой. Съ развѣвающимися по вѣтру волосами, въ разстегнутомъ камзолѣ, царь опирается лѣвой ногой на скалу, рукава засучены, лѣвой рукой онъ крѣпко охватываетъ одного спасеннаго, а правой вытаскиваетъ другого. Внизу, въ разбитой лодкѣ, лежитъ третій утопающій съ протянутыми руками и умоляетъ о помощи. Группа поставлена на пьедесталѣ изъ финляндскаго краснаго гранита. Памятникъ вышиной въ 8 аршинъ. Стоитъ 20.000 рублей. Послѣ открытія памятника процессія въ 4 часа направилась съ Адмиралтейской набережной на Сенатскую площадь, гдѣ совершено молебствіе у памятника Петра Великаго.

Вечеромъ того же дня юное императорское русское военно-историческое общество почтило въ помѣщеніи собранія арміи и флота юбилей 200-лѣтія славной Полтавской побѣды устройствомъ торжественнаго собранія, на которое пригласило всѣхъ лицъ, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ, интересующихся достопамятнымъ событіемъ военной исторіи. Въ прекрасномъ залѣ, возлѣ портрета Государя былъ поставленъ прекрасной работы портретъ Петра Ве-

ликаго, а также развѣшаны необходимыя карты, изображающія размѣщеніе войска во время Полтавской битвы.

На собраніи предсѣдательствовали товарищъ предсѣдателя, заслуженный профессоръ Н. П. Михневичъ.

Первымъ выступилъ академикъ Н. А. Котляревскій. Онъ въ небольшой, но живой рѣчи, произнесъ «Похвальное слово Петру Великому». Трудная задача хвалить человѣка, который не нуждается въ похвалахъ. Но этотъ вопросъ упрощается тѣмъ, что Петръ Великій изъ человѣка сталъ символомъ. Въ самомъ концѣ XVIII в. была мода канонизировать героевъ и великихъ людей. Это выражало желаніе повысить предъ современниками людей, выходящихъ изъ ряда вонъ. Русскіе возымѣли къ Петру Великому религиозно-поэтическое почитаніе, но наше народное преклоненіе предъ великимъ царемъ увеличивалось тѣмъ, что онъ былъ у насъ на престолѣ—первый нашъ геній, притомъ народный, самобытный русскій геній. Національный характеръ и самобытность—основныя черты геніальности Петра Великаго. Въ геніальности Петра Великаго совмѣщались дивныя качества. Это—способность Петра Великаго перевоплощаться, разносторонность и разнообразіе его генія, что вызывало настоящее обожествленіе его личности у современниковъ и потомства. Среди своихъ подданныхъ Петръ Великій становится другимъ человѣкомъ. Онъ зналъ практическую жизнь, а это имѣло великое значеніе въ его преобразовательной дѣятельности.

Былъ ли Петръ Великій царемъ-революціонеромъ? Петръ Великій не революціонеръ на тронѣ. Реформы царя были подготовлены исторіей. Правда, реформы эти дорого обошлись русскому народу, но это объясняется грубостью нравовъ тогдашняго времени. Петръ Великій не измѣнялъ характера своей монархической власти, онъ только укрѣпилъ ее. Вообще, надо сказать, среди царственныхъ реформаторовъ не было такого, какимъ былъ Петръ Великій. Въ своихъ реформахъ онъ былъ прежде всего геніально смѣлъ. И съ внутренними врагами Петръ Великій былъ необыкновенно смѣлъ. Всего болѣе въ Петрѣ Великому удивительно то, что онъ былъ геній государственный, хотя самъ не получилъ воспитанія въ государственной школѣ. Между тѣмъ онъ умѣлъ воспитывать свой народъ. Это—замѣчательная самобытность геніальнаго Петра. Конечно, его дѣла со временемъ, можетъ быть, исчезнуть, но по великости понесеннаго имъ труда для Россіи онъ вѣчно будетъ жить предъ умственнымъ взоромъ русскаго народа.

Профессоръ Юнаковъ представилъ обстоятельный историческій очеркъ «Осады Полтавы и Полтавскаго сраженія».

Засѣданіе закончилось докладомъ заслуженнаго профессора Н. П. Михневича: «Значеніе Полтавскаго сраженія и заключеніе о Петрѣ Великому, какъ побѣдителя въ бою 27 іюня 1709 года».

«Преславная викторія» Петра Великаго имѣла великое значеніе. Россія послѣ Полтавскаго сраженія сразу вступила въ семью другихъ великихъ европейскихъ державъ. Петръ Великій какъ въ Полтавскомъ сраженіи, такъ и въ другихъ своихъ походахъ и дѣйствіяхъ, является какъ замѣчательный стратегъ, инженеръ-практикъ. Другіе великіе полководцы имѣли дѣло съ благоустроенною арміею. Петръ Великій создавалъ армію и смѣло велъ ее къ побѣдамъ. Все это могъ творить только гениальный Петръ Великій.

Столичному населенію были предложены въ тотъ же вечеръ рядъ увеселительныхъ гуляній, на которыхъ перебивали тысячи народа.

Особенно обширная программа была въ Народномъ домѣ. Въ закрытомъ театрѣ шла историческая хроника «Петръ Великій». Пятая картина хроники, изображающая Полтавскій бой, имѣла шумный успѣхъ у публики. На садовой сценѣ шли также пьесы изъ жизни Петра Великаго: «Саардамскій корабельный мастеръ» и «Дѣдушка русскаго флота». На концертной эстрадѣ симфоническимъ оркестромъ и оркестромъ Новочеркасскаго полка подъ управленіемъ Зеленаго былъ исполненъ «Полтавскій бой» Чайковскаго, маршъ «Петръ I» Направника и «Полтава», торжественная кантата къ двухсотлѣтнему юбилею (музыка М. М. Иванова, слова В. А. Шуфа). Наконецъ особое отдѣленіе было всецѣло посвящено памяти Петра и Полтавской побѣдѣ; на концертной эстрадѣ было показано двадцать пять свѣтовыхъ картинъ-иллюстрацій къ историческимъ событіямъ царствованія Петра Великаго. Во время картинъ, изображавшихъ Полтавскій бой, читались отрывки изъ Пушкинской «Полтавы». Закончилось гулянье въ Народномъ домѣ «огненной потѣхой»: тутъ была цѣлая огненная баталія по рисунку Петровскаго времени и даже огненная копія Фальконетовскаго памятника. Гулянье въ Народномъ домѣ удалось на славу.

Толпы народа собрались въ Екатерингофѣ. Карусели, качели, состязанія на призы, мелкіе балаганы—привлекали толпу любопытныхъ. Здѣсь все больше рабочіе изъ-за Нарвской заставы, мастеровые, вообще типичные обитатели петербургскихъ окраинъ,—не то, что въ Народномъ домѣ, который посѣщаетъ своего рода «аристократія». Въ Екатерингофѣ на гуляньяхъ чувствуютъ себя болѣе непринужденно; многіе располагаются группами на травѣ, пьютъ чай, закусываютъ, играютъ на гармоніи, кое-гдѣ на зеленомъ коврѣ устраиваются даже танцы. Днемъ въ Екатерингофѣ были организованы чтенія о Петрѣ I и Полтавской побѣдѣ, а вечеромъ сожжены блестящій фейерверкъ.

Въ Таврическомъ саду, гдѣ собралось множество народа, также исполняли кантату М. М. Иванова.

Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ. Особенно много народа гуляло на набережной Невы, здѣсь любовались минной флотиліей. Суда освѣщались рефлекторами, и длинныя бѣлыя тѣни отъ нихъ

падали вдоль рѣки. Красивое зрѣлище открывалось отъ Троицкаго моста: казалось, надъ Невой у дворца—стояла радуга. Вдали у Николаевского моста одно судно было сплошь залито огнями. Дома по набережной украсились звѣздами и инициалами, вокруг далеко все залито было свѣтомъ.

Во всѣхъ садахъ и скверахъ вечеромъ играли военные оркестры.

Въ Петровскомъ паркѣ, у входа въ него со стороны Тучкова моста, была сооружена изящная триумфальная арка, украшенная флагами, гирляндами и щитами съ надписями. Арка эта увѣнчана бюстомъ Петра Великаго. Въ паркѣ разставлены большія картины: «Петръ I, работая въ Адмиралтействѣ, принимаетъ голландское посольство»; «Основаніе Петербурга»; «Празднованіе Ништадтскаго мира»; «Первое сраженіе въ устьѣ Невы» и др. Эстрада, гдѣ помѣщается оркестръ, также украшена бюстомъ Петра Великаго, среди красивыхъ щитовъ съ вензелями императора. Подъ нимъ—извѣстные стихи Пушкина: «то академикъ, то герой...» Весь паркъ принялъ нарядный видъ: повсюду флаги, гирлянды и т. д.

Доступъ къ лѣтнему театру былъ бесплатный. Здѣсь артисты драматической труппы попечительства о народной трезвости дали представленіе: «Саардамскій корабельный мастеръ», комедія Зотова, «Карлъ XII подъ Полтавой», драма Зотова, и «Дѣдушка русскаго флота», былъ Н. Полевого. Въ заключеніе была поставлена картина «Петръ Великій объѣзжаетъ войска послѣ Полтавской битвы». Наконецъ зажжена иллюминація и устроены фейерверкъ наподобіе любимой забвы Петра Великаго—«огненной потѣхи». Зрителей набралось къ этому времени много; кромѣ петербургскаго люда, виднѣлись и матросы минной эскадры, пришедшей въ столицу на торжества.

Въ Москвѣ празднованіе началось совершеніемъ всенощныхъ бдѣній въ большомъ Успенскомъ соборѣ, соборномъ храмѣ Симонова монастыря, кафедральномъ соборѣ Христа Спасителя и въ лагерномъ храмѣ преп. Сергія. Здѣсь на плацу около храма были выстроены гренадерскіе полки: л.-гренад. Екатеринославскій, Ростовскій, Перновскій, Несвижскій, Кіевскій, Тавричскій, Самогитскій и Московскій. Послѣ всенощной на плацъ прибыли командующій войсками округа генераль-отъ-кавалеріи Плева, командиръ гренадерскаго корпуса и прочія начальствующія лица. Въ присутствіи войскъ совершена торжественная панихида по императорѣ Петрѣ I. Ходынкскій лагерь принялъ праздничный видъ. Липы лагеря украшены флагами и гирляндами. На площадкѣ около Сергіевскаго храма была устроена роскошная палатка для приглашенныхъ на торжество лицъ. Въ 9 час. утра въ лагерномъ храмѣ, послѣ литургіи, совершенно торжественное молебствіе митрополитомъ Владимиромъ въ сослуженіи духовенства всѣхъ военныхъ церквей Москвы. На богослуженіи присутствовали командующій войсками округа, начальствующія

лица и воспитанники военных училищ Александровскаго, Алексѣевскаго и Тверскаго кавалерійскаго, полки Сумскій драгунскій, 1-й Донской казачій, Троицко-Сергіевскій и гренадерскіе полки первой и второй дивизіи. При возглашеніи вѣчной памяти императору Петру I раздалась команда «накройся, на караулъ». Войска отдали честь. Послѣ богослуженія состоялся парадъ, которымъ командовалъ командиръ гренадерскаго корпуса Эрккъ.

Въ помѣщеніи лагернаго офицерскаго собранія на Ходынкѣ состоялось торжественное собраніе московскаго отдѣла императорскаго русскаго военно-историческаго общества, посвященное памяти Полтавской побѣды. Собраніе открылось гимнами народнымъ и Петру Великому, исполненными юнкерами Алексѣевскаго военнаго училища и оркестромъ Александровскаго военнаго училища.

На эстрадѣ красовался щитъ, задрапированный красною матеріей. На щитѣ по лѣвую сторону находился вензель Петра Великаго, по правую—вензель Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая II. Вензеля убраны коронами и другими царскими регаліями. На особомъ пьедесталѣ возвышался бюстъ императора Петра I. Вся эстрада была украшена тропическими растеніями и живыми цвѣтами.

Засѣданіе состояло изъ трехъ отдѣленій. Открылось оно исполненіемъ народнаго гимна. Гимнъ прекрасно исполнили юнкера Алексѣевскаго военнаго училища и оркестръ Александровскаго училища. Затѣмъ тѣ же исполнители сыграли гимнъ Петру Великому. На бюстъ императора былъ возложенъ вѣнокъ изъ лавровыхъ листьевъ. Подполковникъ генеральнаго штаба сдѣлалъ сообщеніе на тему «Полтавская побѣда 1709 года». Между прочимъ докладчикъ указалъ на то, что москвичамъ давно пора вспомнить, что въ древней столицѣ, въ которой воспитался великій императоръ и въ которой сложился его сильный духъ, гдѣ въ старомъ Преображенскомъ на рѣкѣ Яузѣ и на Измайловскихъ прудахъ выросъ основатель русскаго флота,—нѣтъ ему ни одного памятника. Нужно надѣяться, что хотя къ предстоящему 200-лѣтію кончины великаго государя на площади у бывшаго собора Петра и Павла въ Преображенскомъ, гдѣ образовалась русская военная мощь въ лицѣ потѣшныхъ, гдѣ существовалъ, такъ сказать, второй «Петровскій Кремль», московское городское управление и мѣстное населеніе постараются сооруженіемъ монумента увѣковѣчить память преобразователя Россіи.

Во второмъ отдѣленіи дѣйствительный членъ императорскаго русскаго военно-историческаго общества И. С. Бѣляевъ сдѣлалъ сообщеніе: «Полтавская побѣда и великій преобразователь Россіи».

Въ третьемъ отдѣленіи хоръ юнкеровъ Алексѣевскаго военнаго училища исполнилъ нѣсколько пѣсень. Оркестръ Александровскаго училища сыгралъ музыкальную картинку «Полтавскій бой».

Въ антрактахъ оркестромъ были исполнены: «Фантазія» изъ оперы «Жизнь за Царя» Глинки, «Славянскій маршъ» и торжественная увертюра «1812 годъ» Чайковскаго.

Закончилось собраніе сожженіемъ фейерверка.

Въ Кронштадтѣ торжественно заложена въ адмиралтействѣ Петра Великаго часовня во имя Петра и Павла и произведенъ парадъ всѣмъ войскамъ у памятника Петра Великаго.

Въ Ревелѣ совершена закладка памятника императору Петру I на Сѣнной площади, въ присутствіи мѣстныхъ чиновъ, депутацій дворянства, мѣщанъ, сельскаго населенія и городской думы въ полномъ составѣ. На торжество собрались также воспитанники всѣхъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній, десантъ морскихъ судовъ, Царицынскій полкъ и военная пожарная команда. Отъ собора къ площади, на которой воздвигается памятникъ, направились крестные ходы. Молебень совершалъ митрофорный протоіерей Поповъ въ сослуженіи духовенства. При закладкѣ въ углубленіи на камнѣ положены монеты Петровскаго времени—русскія и шведскія. Послѣ провозглашенія вѣчной памяти императору Петру I и павшимъ въ Полтавскомъ бою воинамъ провозглашено было многолѣтіе благополучно царствующему Государю Императору и всему царствующему дому. Суда на рейдѣ произвели салютъ. По отбытіи святыхъ и духовенства съ площади, губернаторъ Коростовецъ напомнилъ о значеніи для Ревеля празднуемаго событія и провозгласилъ тостъ въ честь Государя Императора, покрытый долго не смолкавшими кликами «ура» войскъ, учащихся и публики. Въ заключеніе войска прошли церемоніальнымъ маршемъ. Парадъ принялъ начальникъ отряда судовъ адмиралъ Эссенъ. Городъ и суда во флагахъ.

Въ Архангельскѣ празднованіе 200-лѣтія Полтавской побѣды началось торжественнымъ богослуженіемъ въ кафедральномъ соборѣ, въ присутствіи члена государственнаго совѣта вице-адмирала Бирилева, губернатора камергера Сосновскаго и другихъ представителей административной, судебной и военной власти, а также общественныхъ, сословныхъ, ремесленныхъ и цеховыхъ учреждений. Соборъ не вмѣщалъ молящихся. Послѣ богослуженія всѣ молящіеся, въ предшествіи духовенства, направились къ домику Петра Великаго на берегу Сѣверной Двины, перенесенному сюда съ бывшей Новодвинской крѣпости. Въ этомъ домикѣ императоръ проживалъ во время посѣщеній имъ крѣпости. Здѣсь совершено молебеніе съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и царствующему дому, а также вѣчной памяти Петру I и павшимъ въ Полтавской битвѣ воинамъ. Во время процессіи былъ несенъ 6-аршинный сосновый крестъ, сдѣланный собственноручно Петромъ Великимъ въ память избавленія отъ бури въ Унскихъ Рogaхъ, перенесенный сюда изъ Пертоминскаго монастыря съ разрѣшенія императора Александра II. На рейдѣ рѣки стояли разукрашенные флагами всѣ

находящіяся въ Архангельскѣ казенныя и частныя суда. Салютъ былъ произведенъ съ военнаго транспорта. Въ парадѣ принимали участіе войска мѣстнаго гарнизона. Днемъ въ городской думѣ состоялся торжественный актъ. Читались юбилейныя рѣчи. Вечеромъ состоялся спектакль при переполненномъ театрѣ; поставлена была историческая хроника «Петръ Великій».

Въ Воронежѣ въ ряду однородныхъ всѣмъ городамъ устроенныхъ торжествъ между прочимъ мѣстной учебной архивной комиссіей въ залѣ дворянскаго собранія въ память Петра Великаго открыта историко-этнографическая выставка.

Губернскимъ земствомъ предположено учредить премію имени Петра Великаго въ суммѣ 3,000 рублей за лучший проектъ возстановленія судоходства въ предѣлахъ Воронежской губерніи.

Подъ Одессою на Куликовомъ полѣ у временно построенаго памятника Петру Великому произведенъ былъ парадъ войскамъ, причемъ прочитанъ Высочайшій приказъ арміи и флоту. Провозглашенная командующимъ войсками здравица Государю Императору покрыта громовымъ «ура».

Въ Варшавѣ вечеромъ въ русскомъ собраніи состоялось торжественное засѣданіе военно-историческаго общества въ присутствіи генераль-губернатора Скалона, а въ лагерѣ на Мокотовскомъ полѣ отслуженъ молебенъ и произведенъ парадъ войскамъ.

Въ Брянскѣ совершена панихида въ сохранившемся домикѣ Свѣнскаго монастыря, въ которомъ императоръ Петръ I впервые узналъ объ измѣнѣ Мазепы.

Въ Сумахъ совершенно торжественное богослуженіе въ Преображенскомъ соборѣ, гдѣ императоръ Петръ Великій молился и получилъ благословеніе передъ выступленіемъ въ Полтаву.

Въ Калугѣ городомъ было предложено угощеніе въ казармахъ оставшимся частямъ 9-го Ингерманландскаго полка.

Въ Бугурусланѣ на площади, украшенной флагами, въ присутствіи мѣстныхъ властей, военной и полицейской командъ и публики, послѣ литургіи, на которой было сказано слово о значеніи Полтавской побѣды, совершено торжественное молебствіе съ провозглашеніемъ царскаго многолѣтія.

Въ Саратовѣ происходили многочисленныя патріотическія манифестаціи съ портретами царствующаго Императора и Петра Великаго.

Въ Херсонѣ, по окончаніи службы въ Екатерининскомъ соборѣ, духовенство, гарнизонъ, служилые люди и граждане города Херсона просили губернатора повергнуть къ стопамъ Государя Императора выраженіе вѣрнопопданническихъ чувствъ.

Въ Баку отслуженъ на набережной молебенъ съ участіемъ армянскаго духовенства.

Дома въ городахъ и суда въ портахъ были расцвѣчены флагами и вечеромъ иллюминированы. Въ Севастополѣ на военныхъ судахъ была иллюминирована надпись: «Да будетъ память незабвенна Великому Петру». Въ присутственныхъ мѣстахъ занятія были прекращены.

Въ рядѣ городовъ празднества были продолжены 29 июня. Нѣкоторые города послали братскія привѣтствія Полтавѣ по случаю юбилея.

Въ посольской церкви въ Берлинѣ, въ присутствіи всего посольства, по случаю 200-лѣтія Полтавской побѣды, состоялось торжественное богослуженіе, причемъ возгласена вѣчная память Петру Великому и героямъ, павшимъ подъ Полтавою.

Въ исторически прославленныхъ мѣстахъ Могилевской губ., въ Могилевѣ, Быховѣ, Мстиславлѣ, Горкахъ, деревнѣ Лѣсной и селѣ Добромъ отслужены панихиды по Петрѣ I и павшихъ въ Сѣверную войну воинахъ. Въ лагерномъ расположеніи войскъ могилевскаго гарнизона, украшенномъ зеленью, вѣнками, вензелями и бюстомъ Петра Великаго, флагами, транспарантами и фонарями, въ присутствіи губернатора, послѣ богослуженія и общаго парада устроены начавшіяся Петровскимъ маршемъ игры нижнихъ чиновъ съ призами. Для нижнихъ чиновъ была поставлена пьеса «Полтава», и въ заключеніе устроена общая ассамблея.

Въ гор. Каменецъ-Подольскѣ главнѣйшее торжество сосредоточилось въ помѣщеніи Пушкинскаго народнаго дома при огромной массѣ публики. Здѣсь мѣстнымъ извѣстнымъ лекторомъ о. Ѳ. Филоменко было предложено вниманію слушателей чтеніе о Сѣверной войнѣ и Полтавской побѣдѣ. Чтеніе сопровождалось свѣтовыми картинами. Лекторомъ было приведено немало выдержекъ изъ дивной поэмы Пушкина «Полтава». Хоръ исполнилъ нѣсколько пѣснопѣній, въ томъ числѣ «Было дѣло подъ Полтавой», «Надъ Невою рѣзво вьются» и др.

Въ заключеніе эффектно выступилъ также извѣстный гор. Каменцу по своимъ публичнымъ рѣчамъ г. Соколовскій и импровизацией въ стихахъ подвелъ итогъ полтавскимъ торжествамъ: имъ сказано было слѣдующій экспромтъ, покрытый дружными аплодисментами публики:

Когда видимъ мы всюду, какъ въ полѣ стѣной
Колосистая рожь наливается,—

Говоримъ мы съ отрадой: отчизнѣ родной
Не по вѣкѣ, видно, съ голоду маяться!

Когда слышимъ, читаемъ, какъ русскій народъ
Здѣсь и тамъ чтитъ полтавскихъ героев,—

Крикнуть хочется намъ: Свѣтлый, радостный годъ!
Обновленіе русскихъ устоевъ!

Не погибъ тотъ народъ, велика та страна,
Что умѣютъ чтить предковъ побѣды!

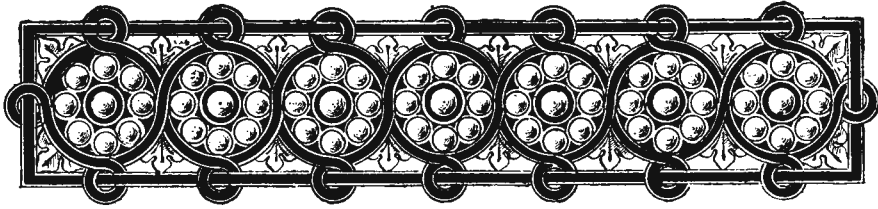
Еще мощь ихъ крѣпка! Еще слава прочна!
 Хоть пережиты тяжкія бѣды...
 Минуть дни неудачъ, испытаній судьбы,
 Новой жизни заря загорится:
 И изъ смуть, нестроеній, партійной борьбы
 Русь, какъ фениксъ, опять возродится.

При выходѣ изъ Пушкинскаго дома публикѣ бесплатно раздавались «Полтава» Пушкина и другія брошюры.

Гельсингфорсъ, Кострома, Владивостокъ и другіе города нашей обширной имперіи одинаково дружно отозвались на празднованіе Полтавской побѣды, устроивъ по мѣрѣ силъ и возможности для населенія гулянія, научныя засѣданія и театральныя представленія. Вездѣ также были совершаемы торжественныя богослуженія, крестные ходы и съ церковныхъ каедръ были произносимы соотвѣтствующія историческому событію поученія.

По случаю наступившихъ знаменательныхъ историческихъ дней на книжномъ рынкѣ появилось немало брошюръ и болѣе или менѣе обстоятельныхъ изслѣдованій, трактующихъ о значеніи для Россіи побѣды Петра надъ шведами, описывающихъ ходъ тогдашнихъ военныхъ событій и рисующихъ съ разныхъ сторонъ духовный обликъ великаго преобразователя нашего отечества. Столбцы періодической печати также были широко предоставлены въ распоряженіе корреспондентовъ, телеграфныхъ агентствъ и разныхъ авторовъ, которые и спѣшили изъ разныхъ мѣстностей передавать читателямъ свои мысли и свѣдѣнія о знаменательной годовщинѣ, гдѣ геній Петра положилъ основаніе «воскресенію Россіи».

КРАМОЛА, РЕАКЦІЯ И ТЕРРОРЪ ¹⁾.

(Историческіе очерки).

IV. М. А. Бакунинъ и С. Г. Нечаевъ.

XV.

РОМЪ «правиль организаціи» или, какъ ихъ иначе принято называть, «катехизиса революціонера» ²⁾, Нечаевъ привезъ съ собою еще одинъ любопытный документъ, назначеніе котораго было также содѣйствовать развитію революціоннаго движенія въ Россіи. «Катехизисъ» создавалъ правильные кадры революціонеровъ, внушалъ имъ административно-политическое устройство, давалъ директиву дѣйствіямъ и устанавливалъ исповѣданіе. Но это Нечаевъ считалъ еще недостаточнымъ. Въ его методѣ организаціонной работы всегда лежало сознаніе необходимости параллелизма дѣйствій, направляемыхъ къ осуществленію единой цѣли. Въ этихъ видахъ имъ была заготовлена прокламація якобы отъ имени дворянской группы, объединившейся въ Брюсселѣ и отпечатавшей здѣсь свое воззваніе по адресу Александра II, гдѣ бросались ему въ лицо

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХVII, стр. 209.

²⁾ Въ составленіи этого «Катехизиса» принималъ, повидимому, участіе и М. А. Бакунинъ, хотя это участіе нѣкоторыми изслѣдователями подвергается сомнѣнію. Тѣмъ не менѣе издатель сочиненій Бакунина г. Балашовъ помѣстилъ, правда, съ оговоркою, этотъ «Катехизисъ» въ біографіи Бакунина, составленной Драгомановымъ.

оскорбленія и угрозы за дѣло освобожденія крестьянъ и за причиненную этимъ освобожденіемъ обиду сословію. Этимъ грубо и аляповато сфабрикованнымъ документомъ Нечаевъ рассчитывалъ поссорить царя съ первымъ сословіемъ, пробудить въ послѣднемъ низменные чувства и дискредитировать его въ глазахъ передовой интеллигенціи и, главное, простого народа. Послѣдній, усматривая злостное чувство своихъ недавнихъ господъ, долженъ былъ затѣять въ сердцѣ мсть и обрушиться на нихъ кровавою расправою, каковая и составляла конечный результатъ ближайшихъ дѣйствій и плановъ Нечаева. Конечно, такого рода фальшивый документъ слишкомъ явно бросался въ глаза своей апокрифичностью, а потому, повидимому, и самъ Нечаевъ не рѣшался на его широкое распространеніе, и въ лѣтописяхъ революціоннаго движенія въ Россіи ему не суждено было сыграть какой-нибудь роли. Но самый замыселъ о созданіи этого документа очень характеренъ для личности его автора, который не стѣснялся никакими преградами этического характера, лишь бы видѣть свое дѣло осуществляемымъ. Нечаевъ уже становился на покатую скользкую площадь, а дальнѣйшіе въ томъ же направленіи его шаги въ Москвѣ быстро привели его и къ пропасти.

Нечаевъ вернулся въ Москву осенью 1869 года, уже окруженный ореоломъ извѣстности, воспѣтый Огаревымъ въ стихахъ, съ благословеніемъ Бакунина и съ таинственнымъ политическимъ прошлымъ, которое какъ бы ставило его выше всѣхъ окружавшихъ его единомышленниковъ, товарищей и знакомыхъ. И онъ, не упуская золотого времени, со всей свойственной ему энергіей и диктаторскимъ пошибомъ принялся за организацію революціонныхъ «пятерокъ», воспользовавшись, какъ матеріаломъ, для нихъ тѣми знакомыми ему дѣятелями нашей общественности, которые стояли близко къ кружкамъ учащейся молодежи. Библіотека Черкесова, этотъ замаскированный центръ всѣхъ тогдашнихъ политическихъ новостей и свиданій, была первымъ мѣстомъ, куда онъ поспѣшилъ заѣхать. Здѣсь онъ обращается къ знакомому ему еще раньше завѣдующему библіотекою Успенскому, узнаетъ отъ него о мѣстѣ пребыванія своихъ старыхъ знакомыхъ Орлова, Николаева, съ паспортомъ котораго, какъ извѣстно, онъ совершилъ свою границу поѣздку, и черезъ его же посредство знакомится съ настроеніемъ умовъ учащейся молодежи. Успенскому онъ рассказываетъ о своихъ успѣхахъ среди русской эмиграціи, показываетъ ему стихи Огарева, сертификаты за подписью Бакунина, что онъ, Нечаевъ, членъ и представитель интернаціонала, и убѣждаетъ его въ необходимости приступить къ организаціи революціонныхъ кружковъ. Успенскій указываетъ ему на Петровско-Разумовскую академію, какъ на учебное заведеніе, наиболѣе подготовленное къ воспринятію и выполненію предначертаній Нечаева, и дѣйствительно вскорѣ первые абрисы организаціи образуются, куда

входятъ, кромѣ Успенскаго, еще Долговъ, Ивановъ, Кузнецовъ и Рипманъ. Нечаевъ увѣряетъ ихъ, что Россія уже вся покрыта однородными революціонными учрежденіями, причемъ отмѣчаетъ, что организація, составленная изъ упомянутыхъ лицъ, имѣетъ особое преимущество и значеніе. Общее наименованіе для всѣхъ организацій единое—«Народная расправа» или «Общество топора». Нечаевъ чрезвычайно быстро и удивительно умѣло кладетъ въ основаніе кружковъ начала конспиративной организованности, причемъ надъ своею личностью онь сгущаетъ фантастическое освѣщеніе, однимъ открываясь, кто онь такой, для другихъ становясь извѣстнымъ подъ вымышленными именами, коихъ у него было множество, какъ-то: Иванъ Петровичъ Павловъ, просто Иванъ Петровичъ, или Петровичъ, Павловъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, офицеръ Панинъ, № 2664. Костюмъ свой онь тоже разнообразитъ, появляясь то въ обыкновенномъ статскомъ платьѣ, то въ военной формѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ надѣвая даже женскій костюмъ. Когда полицейская власть немного спустя начала его уже разыскивать, то агентамъ была роздана его фотографическая карточка съ слѣдующими обозначенными на ней его примѣтами: «Небольшого роста, лѣтъ около 22, лицомъ моложавъ, вмѣсто усовъ пухъ, волосы каштановые, цвѣтъ лица темный, глаза каріе, быстрые, бойкіе, носъ острый и средній. Лицо большое, круглое. Костюмъ обыкновенный, пальто и проч., сапоги длинные, иногда надѣваетъ женское платье или инженерную форму. Голосъ больше тонокъ, манеры угловатыя и порывистыя»¹⁾. Кружки, образуемые имъ въ Москвѣ, куда входятъ постепенно не только одни учащіеся въ академіи или университетѣ, но и посторонніе (мѣщане, купцы, офицеры) и даже женщины (напримѣръ, Бѣляева, Александровская и др.), снабжаются имъ бланками съ печатью на нихъ «Народной расправы» или «русскаго отдѣла всемірнаго революціоннаго союза», оформляются іерархической организаціей по плану «Катехизиса». На сценѣ уже появляются конспиративныя квартиры, гдѣ члены «пятерокъ» собираются для своихъ засѣданій, раздается шрифтъ для печатанія воззваній и прокламацій, формируются кассы съ правильною отчетностью и раздаются подписные листы для сбора пожертвованій «въ пользу студентовъ», «въ пользу пострадавшихъ за безпорядки» и т. д. Поручивъ первымъ привлеченнымъ имъ лицамъ отъ имени таинственнаго комитета организацію «пятерокъ», Нечаевъ поставилъ дѣло слѣдующимъ образомъ: каждый членъ организаціи, подобравъ среди своихъ знакомыхъ достойныхъ довѣрія пять-шесть человекъ, основывалъ свой кружокъ. Члены такихъ кружковъ, въ свою очередь, составляли каждый около себя кружокъ 2-й степени, къ которому прежде основанный становился

¹⁾ Карточка съ такого рода записью примѣтъ имѣется въ Императорской публичной библіотекѣ. Съ нея нами и былъ воспроизведенъ портретъ Нечаева (см. «Истор. Вѣстн.» с. г., № 5).

въ значеніе центрального, куда вносились вся сумма свѣдѣній о дѣятельности второстепенныхъ кружковъ для доставленія въ отдѣленіе. По образованіи таковыхъ кружковъ, члены ихъ, въ свою очередь, организовывали третъестепенные кружки и т. д. Кружокъ, составившій посредствомъ своихъ членовъ низшіе кружки, становился относительно ихъ центромъ, получалъ уставъ общества и опредѣленную программу дѣятельности.

Въ этомъ отношеніи Нечаевъ послѣдовательно проводилъ въ жизнь параграфы революціоннаго катехизиса и плелъ очень широкую сѣть, которая, беря свое начало въ Петровско-Разумовской академіи, охватывала множество лицъ въ первопрестольной и забрасывала свои петли далеко въ провинцію, куда нѣкоторые члены первоначальныхъ «пятерокъ» и были командированы. Кромѣ того, на долю этихъ пионеровъ организаціи каждому по его выбору отводилось дѣло пропаганды въ опредѣленныхъ слояхъ населенія. Такъ, на практикѣ дѣло оформилось уже къ ноябрю того года слѣдующимъ образомъ. Послѣ составленія ядра перваго кружка изъ Иванова, Кузнецова и Долгова, сформировались второстепенные кружки. Къ Иванову примыкали Лау, Ланге, Пименъ Енкуватовъ и Владимиръ Поповъ. Лау и Енкуватовъ составили около себя третъестепенные кружки; къ Лау присоединились Ивакинъ и Свѣчинъ, а къ Пимену Енкуватову—Шестаковъ, Римскій-Корсаковъ и два брата Голикевичи. Кружокъ А. Кузнецова состоялъ изъ Климина, Гаврищева, Семена Кузнецова и двухъ братьевъ Рязанцевыхъ. Кружокъ Долгова состоялъ изъ Коробина, Аврамова, Бѣляевой. Въ составѣ кружковъ постепенно происходили перемѣны, вслѣдствіе удаленія или выбытія членовъ. Такъ, напримѣръ, былъ удаленъ Пименъ Енкуватовъ, и на его мѣсто назначенъ Ив. Шестаковъ. Засимъ были отдѣлены Ивановъ и А. Кузнецовъ «для болѣе спеціального дѣла», и ихъ мѣсто замѣщено Лау и Климиномъ. Кружокъ Иванова присоединился вмѣстѣ съ Шестаковымъ къ кружку Долгова, а кружокъ Лау изъ третъестепеннаго сдѣлался второстепеннымъ и т. д.

Такимъ образомъ кружки, организуемые Нечаевымъ, не были замкнутыми съ внѣшней стороны, разъ навсегда сформировавшись и окаменѣвшими единицами, а двигались въ іерархическомъ порядкѣ, подвергались перестройкѣ и раскассированьямъ. Властная рука Нечаева ими распоряжалась, ихъ двигала и направляла. Далѣе, организаторы, составляя кружокъ, замѣняли фамиліи членовъ своего кружка цифрами, которыми и означали ихъ во взаимной перепискѣ, въ отчетахъ, въ протоколахъ засѣданій и т. д. Первые организаторы или члены отдѣленій (Успенскій, Прыжковъ, Бѣляева, Ивановъ и А. Кузнецовъ) имѣли нумера единичные или вообще какую-нибудь цифру (Нечаевъ № 2664). Такой организаторъ, составляя свой кружокъ, означалъ привлеченныхъ имъ лицъ посредствомъ прибавленія къ своему номеру съ правой стороны цифры по порядку

приглашенія. Такъ, напримѣръ, фамилія члена А. Кузнецова означалась цифрою 5; фамиліи же приглашенныхъ имъ къ участію въ обществѣ: Скипскаго 51, кн. Черкезова 52, Успенскій означался цифрою 17, приглашенный имъ Лау имѣлъ номеръ 171, находившіеся же въ кружкѣ Лау и Свѣчинъ носили номера 1711 и 1712 и т. д. Кромѣ того, члены кружковъ въ сношеніяхъ своихъ, какъ съ посторонними лицами, такъ и между собою, обыкновенно скрывали свою настоящую фамилію и называли себя разными вымышленными именами.

Каждый представитель кружка долженъ былъ составить шифръ изъ азбучныхъ условныхъ знаковъ, которые обязанъ былъ запомнить и сообщить ихъ въ центральный въ отношеніи его кружокъ, если онъ сносился съ нимъ непосредственно, или же тому лицу, черезъ посредство котораго велись сношенія. Азбука, писанная шифромъ, состояла изъ цифръ, причемъ одна или двѣ цифры означали букву. Для облегченія памяти, въ этой азбукѣ принималось въ соображеніе сходство цифръ съ буквами и сходство начальныхъ буквъ съ названіемъ чиселъ. Такъ, напримѣръ, нуль означалъ букву о, 5—п, 10—д, 3—з, 4—ч и т. п. Слова записывались въ видѣ счетовъ по двѣ буквы и подводился итогъ.

При распредѣленіи районовъ революціонной пропаганды на Кузнецова было возложено воздѣйствіе на купцовъ средняго класса, на Иванова—вѣдѣніе Петровско-Разумовской академіей, на Прыжова—пропаганда въ низшихъ слояхъ общества, среди преступной его части, въ труппахъ, лавочкахъ, подземельяхъ и пр. На обязанности же Успенскаго, какъ лица, наиболѣе близкаго по времени вступленія въ общество «Народной расправы», лежало храненіе адресовъ, веденіе главной кассы, сношенія съ комитетомъ (т.-е. въ сущности съ однимъ Нечаевымъ), приѣмъ разныхъ лицъ, которыя пріѣзжали изъ другихъ городовъ, составленіе протоколовъ собраній и т. п. наиболѣе отвѣтственныя организаціонно-административныя порученія. Онъ же давалъ разрѣшенія разныхъ затрудненій, встрѣчавшихся въ дѣятельности кружковъ. Эти разрѣшенія печатались на бланкахъ, изготовляемымъ обыкновенно или же Успенскимъ, или Прыжовымъ, или самимъ Нечаевымъ, при чемъ тутъ непременно фигурировала эмблема «Народной расправы»—топоръ. Успенскій же вѣдалъ дѣло командировокъ, напримѣръ, въ Петербургъ, Тулу, въ Нижній, въ Иваново-Вознесенскъ для подысканія новыхъ членовъ организаціи или для поисковъ денежныхъ средствъ. Не забыть былъ и вопросъ паспортный, тогда еще обрѣтавшійся въ патріархальномъ состояніи. Такъ, напримѣръ, Прыжовъ за пять копеекъ всего въ одной лавочкѣ пріобрѣлъ для общества нѣсколько старыхъ паспортовъ.

Работая въ Москвѣ, Нечаевъ не забывалъ и сѣверной столицы, гдѣ для начала намѣчалъ основаніе девяти отдѣленій, причемъ въ число членовъ имѣлъ въ виду привлечь инженера Михайлова,

Дементьеву, Ткачеву и др., которые впоследствии и фигурировали в роли подсудимых по его процессу. Таким образом, появившись в Москвѣ в началѣ сентября, онъ в теченіе двухъ всего мѣсяцевъ успѣлъ развить очень широкую и интенсивную дѣятельность, впутать в свою хитроумную организацію множество (свыше 100) лицъ разныхъ сословій и профессій и положить в Россіи реальный фундаментъ революціонныхъ организацій, которыя впоследствии и пошли тѣми путями конспираціи, которые именно онъ первый проложилъ, разработалъ и укрѣпилъ. Въ этомъ отношеніи его роль в развитіи революціоннаго движенія в нашемъ отечествѣ рѣшающая и доминирующая. Это должно быть признано даже тѣми, кто несочувственно относится къ этическимъ началамъ, заложеннымъ в его дѣятельности, если только они желаютъ быть справедливыми. И, повидимому, съ этой точки зрѣнія его, какъ организатора-пионера, высоко и ставилъ Желябовъ, этотъ виднѣйшій дѣятель послѣдующей народовольческой организаціи.

XVI.

Работая чрезвычайно интенсивно по устройенію кружковъ, Нечаевъ не забывалъ все время окружать свою собственную личность, какъ командира революціонной арміи, непроницаемой таинственностью, прибѣгая для сего къ самымъ шарлатанскимъ приемамъ. Однимъ онъ, в качествѣ Ивана Петровича, поручалъ писать в Петербургъ письма о смерти Нечаева, его трагической гибели в Сибири; другихъ заставлялъ разыгрывать роль ревизоровъ, якобы присланныхъ комитетомъ, третьимъ рассказывалъ необыкновенные свои подвиги, конечно, вымышленные, за границею и на родинѣ. Его фантастическія злоключенія в отечественныхъ тюрьмахъ были любимою темою этихъ повѣствованій; кромѣ того, онъ выставялъ себя и какъ организатора революціонныхъ стачекъ и движеній в Бельгіи и какъ ближайшаго друга Бакунина, Огарева, передъ которыми онъ будто бы обязанъ отчетомъ и совмѣстно съ которыми онъ и состоитъ членомъ того высшаго революціоннаго комитета, который держитъ в своихъ рукахъ нити всего движенія и которому подчинены всѣ «пятерки», всѣ отдѣленія громадной уже охватившей собою всю Россію революціонной сѣти. Его не смущаютъ и строфы в стихотвореніи Огарева, что онъ «жизнь окончилъ в этомъ мѣрѣ», которое онъ старательно и распространяетъ среди членовъ кружковъ, в качествѣ высшей для себя аттестаціи со стороны династіи «Колокола». Онъ не брезгаетъ никакой рекламой, никакимъ рассказомъ и утвержденіемъ, лишь бы они служили къ возвышенію авторитета его личности и революціоннаго реномъ. Онъ обращается съ окружающими деспотически, какъ власть имущій, какъ диктаторъ, и горе должно было постигнуть того, кто смѣлъ не подчиниться его волѣ или

усомниться въ значеніи его особы и ея историческомъ призваніи. Несчастный студентъ академіи Ивановъ и явился вскорѣ тою жертвою, которую онъ безъ всякой нужды и безъ всякаго къ тому осмысленнаго повода и принесъ въ жертву своему властолюбію и революціоннымъ тенденціямъ. Деспотизмъ революціонной кружковщины, хотя и объясняемый имъ въ послѣдствіи соображеніями политической конспиративной необходимости, вмѣстѣ съ тѣмъ въ сущности вытекалъ изъ эгоистическаго начала, которое онъ ставилъ, какъ необходимость, въ уголъ своей организаторской дѣятельности. Стоило Иванову начать въ немъ сомнѣваться, заподозрѣть существованіе «комитета» и его, Нечаева, въ немъ участіе, стоило ему начать возражать диктатору, съ нимъ спорить и съ нимъ не соглашаться, какъ смерть его была Нечаевымъ предрѣшена и убійство несчастнаго юноши осуществлено съ необычайной жестокостью и хладнокровіемъ.

Сомнѣнія чистосердечнаго и прямого Иванова были, дѣйствительно, для Нечаева опасны—они разрушали въ корень всю таинственность и значеніе его личности, столь искусно и старательно имъ созданныя, а съ этимъ разрушеніемъ, по его убѣжденію, пропало и все то революціонное начинаніе, которое цѣлыхъ два года онъ энергично создавалъ и въ зависимость отъ котораго онъ ставилъ будущее благо народа. И вотъ быстрый планъ рождается въ его мозгу: объявить Иванова опаснымъ, готовымъ на предательство и измѣну и вырвать у членовъ «пятерки» согласіе и рѣшеніе покончить съ опаснымъ человѣкомъ. Гипнозъ его былъ силенъ—требуемое рѣшеніе скоро произносится, и надъ Ивановымъ закидывается роковая кровавая петля. Согласіе на убіеніе Иванова даютъ Николаевъ, Успенскій, Прыжковъ и А. Кузнецовъ. Всѣми же дѣйствіями руководитъ самъ авторъ легенды объ опасности Иванова, т. е. Нечаевъ. Сначала предполагаютъ его отравить или задушить на квартирѣ, но потомъ этотъ планъ откидывается, и заговорщики рѣшаютъ, заманивъ его въ темный гротъ парка при Петровско-Разумовской академіи, тамъ его убить и трупъ спустить въ прилегающій къ гроту прудъ. Поводомъ къ посѣщенію грота выставляется необходимость отысканія зарытаго тамъ типографскаго шрифта, о мѣстѣ нахождения котораго Иванову было извѣстно. Самое убійство Иванова 21 ноября 1869 г. произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ, согласно сдѣланнымъ потомъ на судѣ Николаевымъ показаніямъ¹⁾.

¹⁾ «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ», томъ первый (1826—1876 года). Въ нашей литературѣ имѣется произведеніе, гдѣ убійство Иванова и дѣятельность Нечаева изложены какъ фабула разсказа. Произведеніе это—«Бѣсы» Ф. М. Достоевскаго. Здѣсь нашъ гениальный писатель чрезвычайно мѣтко обрисовалъ Нечаева, набросалъ этапы революціонной мысли отъ 40-хъ годовъ къ 60-мъ и 70-мъ и явился пророкомъ той русской революціи, которую мы пережили такъ недавно.

Когда Ивановъ узналъ о необходимости изъ Москвы поѣхать для отысканія шрифта, онъ, ничего дурного не подозрѣвая, охотно согласился и отправился туда вмѣстѣ съ Прыжовымъ и Николаевымъ. «Пріѣхавши въ Петровско-Разумовское—показывалъ потомъ на судѣ Николаевъ,—мы остановились на дачѣ Краснопѣвковой у проселочной дороги, отпустили извозчика и отправились по направленію къ саду по проселочной дорогѣ, около которой стояли стоги сѣна. Недалеко отъ грота насъ встрѣтилъ Кузнецовъ, и мы пошли къ гроту со стороны лѣса, перейдя черезъ валь, но прошли мимо грота и никого не встрѣтили; когда мы перешли на другую сторону и, подойдя къ гроту, вошли въ него, пропустя Иванова впередъ, я пошелъ сзади Иванова, Кузнецовъ сбоку; послѣдній крикнулъ: «Господа, гдѣ вы?» Изъ грота отвѣчали: «Здѣсь». Выйдя на середину грота, я схватилъ Иванова сзади за руки; онъ сталъ вырываться; во время борьбы, происходившей молча, мы прислонились къ стѣнѣ грота; въ это время Нечаевъ закричалъ: «Гдѣ же они?» и впопыхахъ схватилъ меня одной рукой за лицо, стараясь зажать мнѣ ротъ, а другой за горло, вслѣдствіе чего я припужденъ былъ выпустить Иванова, и, освободивъ себя отъ рукъ Нечаева, закричалъ: «Что вы меня душили, это я, Николаевъ». Въ это время Ивановъ, вырвавшись отъ меня, побѣжалъ къ выходу; тогда Успенскій закричалъ: «Убѣжалъ, словите». Кузнецовъ схватилъ Иванова и повалилъ его у входа въ гротъ. Тогда Нечаевъ, я и Успенскій бросились на Иванова. Нечаевъ сѣлъ на грудь Иванову и сталъ его душить. Кузнецовъ сидѣлъ въ ногахъ, я и Успенскій стояли около и ничего не дѣлали; я еще не могъ прійти въ себя послѣ того, какъ Нечаевъ меня душилъ. Въ это время Ивановъ нѣсколько разъ крикнулъ и сказалъ: «За что вы меня бьете, что я сдѣлалъ?» Нечаевъ выругалъ всѣхъ насъ за то, что мы не помогали душить Иванова, и потребовалъ башлыкъ, который я снялъ съ Кузнецова и подаль Нечаеву; послѣдній мнѣ закричалъ: «Души», и я второпяхъ сталъ искать шею Иванова; но схватилъ только за руку Нечаева, душившую Иванова, причѣмъ Ивановъ успѣлъ перевернуться лицомъ къ землѣ и довольно громко простонать. Немного погодя онъ уже не кричалъ, но еще шевелился. Тогда Нечаевъ взялъ у меня револьверъ и прострѣлилъ имъ голову Иванова. Затѣмъ я съ Нечаевымъ снялъ съ Иванова пальто и вынулъ изъ кармана панталонъ какія-то бумаги и портмонэ, въ которомъ ничего не было. Пальто Нечаевъ взялъ съ собою, когда уходилъ. Послѣ этого Нечаевъ привязалъ къ ногамъ Иванова камень; я же привязывалъ къ рукамъ, но отъ волненія привязать не могъ, почему Нечаевъ сталъ привязывать самъ, и гдѣ онъ ихъ привязалъ—не знаю. Послѣ этого мы всѣ стащили Иванова въ прудъ. Затѣмъ Нечаевъ съ Успенскимъ отправились къ Москвѣ черезъ проселочную дорогу, захвативъ съ собою пальто Иванова,

а я съ Кузнецовымъ и Прыжковымъ прешли мимо академіи по шоссе. Во время суматохи Нечаевъ потерялъ свою черную барашковую шапку, а вмѣсто нея надѣлъ оставшуюся послѣ Иванова, которую мы сожгли въ квартирѣ Кузнецова. Башлыкъ же, бывшій на Ивановѣ, опущенъ былъ нами вмѣстѣ съ нимъ въ прудъ. Въ этотъ же вечеръ всѣ мы собрались у Кузнецова, гдѣ и обмывали все платье, запачканное въ крови; тогда же Нечаевъ, разсматривая револьверъ, которымъ былъ убитъ Ивановъ, выстрѣлилъ въ стѣну; пуля пролетѣла около головы Прыжова, который, вслѣдствіе этого, возымѣлъ подозрѣніе на Нечаева въ покушеніи убитъ его. Но Нечаевъ отговаривался тѣмъ, что онъ не могъ удержать курокъ, отчего произошелъ выстрѣлъ, такъ какъ у него руки были сильно испусаны Ивановымъ. На Кузнецовѣ былъ башлыкъ студента Климина. Къ сему могу добавить, что Прыжовъ въ то время, когда условливался совершить убійство, просилъ Нечаева и всѣхъ насъ избавить его отъ присутствія при убійствѣ Иванова, говоря, что онъ слѣпъ и слабъ, но на это никто не согласился, говоря, что онъ долженъ фактически участвовать въ убійствѣ. Послѣ же Нечаевъ говорилъ, что это необходимо было для того, чтобы Прыжовъ насъ не выдалъ. Хотя я признаю себя виновнымъ въ смерти Иванова, но участіе я принималъ по приказанію Нечаева и протестовать противъ этого приказанія я не смѣлъ, боясь, чтобы онъ меня тоже не убилъ».

Такъ совершилось кровавое злодѣяніе, которое, по плану Нечаева, должно было вмѣстѣ съ трупомъ кануть на дно академическаго пруда. Всѣ участники преступленія были связаны между собою кровью, которая не позволяла каждому въ отдѣльности явиться доносителемъ происшедшаго. Въ этомъ расчетѣ Нечаевъ не ошибся, но онъ ошибся въ непрочности ледяной поверхности пруда, онъ не разсчиталъ тяжести привязанныхъ кирпичей и возможности всплытія трупа несчастнаго Иванова. Трупъ всплылъ, былъ усмотрѣнъ мѣстными крестьянами, и дѣло получило законный ходъ. Началось слѣдствіе, и нить за нитью окровавленный клубокъ разматался, обнаруживъ въ конечномъ результатѣ дѣйствующихъ лицъ драмы, разыгравшейся въ Петровско-Разумовскомъ паркѣ позднимъ вечеромъ 21 ноября.

XVII.

Шапка съ кровавыми пятнами, такое же пальто, найденное при осмотрѣ парка и брошенное здѣсь Нечаевымъ, проложили слѣдственной власти дорогу въ Москву, гдѣ уже по указанію изъ Петербурга производились къ тому времени обыски въ разныхъ кружкахъ и у разныхъ лицъ, близкихъ къ студенческимъ кружкамъ, принимавшимъ участіе въ студенческихъ волненіяхъ на берегахъ Невы въ теченіе 1868—1869 г.г. Прокламація «Къ обще-

ству», папечатанная Дементьевой, дала нить къ производству арестовъ въ Петербургѣ, гдѣ и нашли слѣды сношеній съ Москвой по организациі революціонной «Народной расправы». Произведены были массовые обыски, которые, съ одной стороны, въ точности установили всѣ обстоятельства, сопровождавшія убійство Иванова, и выяснили участниковъ этого убійства, равнымъ образомъ раскрыли всѣ подробности и основы организациі «Народной расправы», съ другой—пролили свѣтъ на студенческое движеніе 1869 г. въ Петербургѣ и на существовавшіе какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ кружки, имѣвшіе то или иное касательство къ «политикѣ». Въ результатѣ обысковъ и дознаній было привлечено къ суду 87 лицъ, изъ коихъ 63 человекъ было заключено подъ стражу. Прокурорскимъ надзоромъ къ срединѣ іюня 1871 г. было составлено 12 обвинительныхъ актовъ, и съ 1 іюля того года въ особомъ присутствіи с.-петербургской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей въ теченіе трехъ мѣсяцевъ происходило слушаніе громкаго дѣла о «заговорѣ, направленномъ къ ниспроверженію установленнаго въ государствѣ правительства». О дѣлѣ этомъ, получившемъ ходячее наименованіе «дѣла нечаевцевъ», правительство сочло нужнымъ дать въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», гдѣ потомъ обстоятельно печатался и весь ходъ процесса, слѣдующее общее разъясненіе.

Поводомъ къ обнаруженію правительствомъ преступнаго заговора, составляющаго предметъ настоящаго дѣла,—сказано здѣсь,—послужили происходившіе въ февралѣ и мартѣ 1869 г. беспорядки въ средѣ студентовъ медико-хирургической академіи, с.-петербургскаго университета и технологическаго института, а отчасти также и совершенное въ ноябрѣ того же года бывшимъ учителемъ приходскаго Сергіевскаго училища въ Петербургѣ Сергѣемъ Нечаевымъ, при содѣйствіи другихъ лицъ, убійство бывшаго слушателя Петровской земледѣльческой академіи Ивана Иванова. Произведеннымъ, по распоряженію III-го Отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, негласнымъ дознаніемъ обнаружено, что участниками въ убійствѣ Иванова были: дворянинъ Петръ Успенскій, купеческій сынъ Алексѣй Кузнецовъ, отставной коллежскій секретарь Иванъ Прыжовъ и московскій мѣщанинъ Николай Николаевъ; въ то же время обнаружена принадлежность этихъ лицъ къ организованному Сергѣемъ Нечаевымъ въ Москвѣ отдѣленію женевскаго международнаго революціоннаго комитета. Эти 4 обвиняемые вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами, всего въ числѣ 11 человекъ, дѣятельность коихъ принадлежитъ къ первому періоду настоящаго дѣла, а именно къ волненіямъ, происходившимъ среди студентовъ весною 1869 г., включены прокурорскимъ надзоромъ въ первый обвинительный актъ, который долженъ слушаться въ судебной палатѣ сего 1-го іюля, и обвиняются въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 249 и 250 ст. улож. о нак., а Успенскій, Кузнецовъ, Прыжовъ и Николаевъ, кромѣ того, въ убійствѣ Иванова. При дальнѣйшемъ разслѣдованіи этого дѣла въ Москвѣ обнаружена принадлежность къ тайному обществу сына коллежскаго секретаря Николая Долгова, сына поручика Федора Рипмана и другихъ, въ числѣ 33 человекъ, которые всѣ принимали непосредственное участіе въ составленномъ

Нечаевымъ заговорѣ и посему привлекаются вторымъ обвинительнымъ актомъ прокурорскаго надзора къ суду по обвиненію въ томъ же преступленіи, предусмотрѣнномъ 249 и 250 ст. уложенія.

Во время производства этихъ разслѣдованій дознано было, что дѣятельность тайной организаціи не ограничилась Москвою, и что нѣкоторыя изъ прикосновенныхъ къ обществу лицъ предпринимали поѣздки, между прочимъ, и въ Петербургъ, гдѣ пыгались основать одно изъ отдѣльныхъ московскаго центрального общества. Поэтому изъ Москвы слѣдственныя дѣйствія были перенесены въ С.-Петербургъ, и здѣсь обнаружено участіе въ заговорѣ отставнаго поручика Ивана Лихутина, студента медико-хирургической академіи Алексѣя де-Тейльса и другихъ лицъ, въ числѣ 15 человекъ. Эти лица, находившіяся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ московскими злоумышленниками и содѣйствовавшія ихъ преступному замыслу, преданы суду третьимъ обвинительнымъ актомъ наравнѣ съ московскими участниками въ заговорѣ, по 249 и 250 ст. уложенія. Наконецъ, въ четвертый обвинительный актъ прокурорскимъ надзоромъ включены тѣ изъ подсудимыхъ—московскихъ жителей (дворяне: Александръ фонъ-дербъ-Эльстиницъ, Александра Успенская и другіе, въ числѣ 11 человекъ), которые, не принимая непосредственнаго участія въ заговорѣ, обвиняются лишь въ томъ, что, зная о существованіи этого заговора, они не донесли о немъ правительству.

Одновременно съ симъ, но во время преслѣдованія въ Петербургѣ участниковъ въ заговорѣ, обнаруженъ былъ отдѣльный кружокъ, состоящій изъ пяти лицъ, а именно изъ студентовъ: с.-петербургскаго земледѣльческаго института Петра Топоркова, императорской медико-хирургической академіи Петра Кошкина и Александра Дудолодова, с.-петербургскаго технологическаго института Александра Долгушина и поручика 3-го туркестанскаго линейнаго батальона Льва Топоркова. Эти подсудимые, хотя и находились также въ сношеніяхъ съ прочими московскими и петербургскими злоумышленниками, но составляли отдѣльный отъ нихъ и самостоятельный кружокъ, въ особенности потому, что, будучи всѣ уроженцами Сибири, они находились между собою въ ближайшихъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что Кошкинъ, Долгушинъ, Дудолодовъ и Левъ Топорковъ жили даже на одной квартирѣ. Въ виду сего, прокурорскимъ надзоромъ признано было болѣе удобнымъ отдѣлить этихъ подсудимыхъ отъ прочихъ обнаруженныхъ въ С.-Петербургѣ участниковъ въ заговорѣ и составить о нихъ отдѣльный обвинительный актъ (пятый) по тому же, впрочемъ, обвиненію.

Независимо отъ сего четверо изъ названныхъ въ предыдущемъ актѣ обвиняемыхъ, а именно: Кошкинъ, Долгушинъ, Дудолодовъ и Левъ Топорковъ, привлечены къ суду шестымъ обвинительнымъ актомъ, составленнымъ правительствующимъ сенатомъ по обвиненію въ составленіи заговора, имѣвшаго цѣлью отдѣленіе Сибири отъ Россіи.

Наконецъ, къ этому же дѣлу привлечены седьмымъ обвинительнымъ актомъ студенты харьковскаго и новороссійскаго университетовъ Милютинъ и Попичъ, и восьмымъ актомъ—живущіе въ г. Череповцѣ (Новгородской губерніи) учитель Менделѣевъ, купецъ Розановъ, мѣщанинъ Талицкій и крестьянинъ Макарьевъ, у которыхъ во время изслѣдованій, произведенныхъ въ 1869 и 1870 гг., найдены были прокламаціи преступнаго содержанія.

Послѣдующими затѣмъ актами, составленными правительствующимъ сенатомъ, преданы суду по обвиненію въ недонесеніи правительству объ извѣстномъ заговорѣ, направленномъ къ испроверженію установленнаго въ государствѣ правительства: 9-мъ актомъ—священнической сынъ Арсеній Алексѣевъ, сынъ дьякона Василій и канцелярскій служитель Алексѣй

Болотовы, 10-мъ актомъ—дворянинъ Андрей Калачевскій, 11-мъ актомъ—студентъ технологическаго института Рейнгольдъ Биркъ—и 12-мъ актомъ—учитель Юсифъ Собѣщанскій¹⁾. Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что одинъ изъ обвиняемыхъ по первому обвинительному акту—дворянинъ Петръ Ткачевъ—независимо отъ участія въ заговорѣ—преданъ суду еще по двумъ обвиненіямъ: 1) въ составленіи предисловія и примѣчаній противозаконнаго содержанія къ изданному подъ его редакціею переводу книги Эрнста Бехера подъ заглавіемъ: «Рабочій вопросъ и средства къ его разрѣшенію», и 2) въ напечатаніи статьи преступнаго содержанія подъ заглавіемъ: «Психологическіе этюды», въ изданномъ имъ сборникѣ «Лучъ». Эти два дѣла будутъ слушаться въ судебной палатѣ тотчасъ по окончаніи дѣла о заговорѣ, на основаніи 1033 ст. уст. угол. суд., также въ усиленномъ составѣ палаты, опредѣленномъ 1032 статьюю; но послѣднее дѣло будетъ разсматриваться при закрытыхъ дверяхъ.

Въ судебномъ разбирательствѣ дѣла «нечаевцевъ», за ходомъ котораго внимательно слѣдила вся наша интеллигенція, приняли участіе самыя выдающіеся представители тогдашней молодой адвокатуры, какъ Спасовичъ, Арсеньевъ, Унковскій, Стасовъ, Турчаниновъ, и др., которые дѣлали зависящія отъ нихъ попытки получить для подсудимыхъ наиболѣе мягкое и милостивое рѣшеніе судебной палаты. Тѣмъ не менѣе рѣшеніе ея, вылившееся въ четырехъ резолюціяхъ, одновременно произнесенныхъ, дало подсудимымъ слѣдующія мѣры наказанія:

А. «Судебная палата, разсмотрѣвъ дѣло о заговорѣ съ цѣлью ниспровергнуть существующее въ Россіи правительство, по отношенію къ 11-ти лицамъ, находитъ, что осенью 1869 года въ Москвѣ составлено было тайное общество, имѣвшее цѣлью измѣнить существующій въ Россіи образъ правленія, и признаетъ затѣмъ виновными:

1. Дворянина П. Г. Успенскаго, 22 лѣтъ, личнаго почетнаго гражданина А. К. Кузнецова, 24-хъ лѣтъ, отставнаго коллежскаго секретаря И. Г. Прыжова, 42-хъ лѣтъ, и мѣщанина Н. Н. Николаева, 19-ти лѣтъ, въ томъ, что они были соучастниками означеннаго тайнаго общества, и въ томъ, что, въ качествѣ сообщниковъ, по подговору Нецаева, совершили убійство студента Иванова, заманивъ его въ уединенное мѣсто.

2. Сына священника И. И. Флоринскаго, 24-хъ лѣтъ, въ томъ, что, зная о существованіи означеннаго общества, принималъ участіе въ дѣйствіяхъ онаго.

3. Дворянина П. Н. Ткачева, 27-ми лѣтъ, и мѣщанку А. Д. Дементьеву, 19 лѣтъ, въ томъ, что первый сочинилъ и отдалъ для напечатанія и распространенія, а послѣдняя напечатала и распространила воззваніе «Къ обществу», заключающее въ себѣ отзывъ оскорбительный и направленный къ колебанію общественнаго довѣрія къ распоряженіямъ правительственныхъ установленій и оправда-

¹⁾ Одинъ изъ обвиняемыхъ, преданныхъ этимъ обвинительнымъ актомъ суду,—студентъ Владимиръ Лихутинъ,—умеръ во время содержанія подъ стражею.

нію воспрещенныхъ ими дѣйствій, съ пѣлюю возбудить къ этимъ распоряженіямъ и установленіямъ неуваженіе.

4. Находя затѣмъ подсудимыхъ священническаго сына В. Ф. Орлова, дворянина Ф. В. Волховскаго, вдову полковника Е. Х. Томилову и священническаго сына М. И. Коринскаго по настоящему дѣлу не виновными, судебная палата, на основаніи 318, 1.453 п. 3, 1.035, 134, 152, 19, 31, 139, 143, 129, 38 и 140-й ст. улож. о наказ. и 771-й уст. угол. суд., опредѣляетъ:

1) подсудимыхъ Успенскаго, Кузнецова, Прыжова и Николаева лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы: Успенскаго—въ рудники на 15 лѣтъ, Кузнецова—въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ, Прыжова—въ крѣпостяхъ на 12 лѣтъ, и Николаева—въ крѣпостяхъ на 7 лѣтъ и 4 мѣсяца, затѣмъ поселить въ Сибири навсегда;

2) подсудимаго Флоринскаго заключить въ тюрьму на 6 мѣсяцевъ, съ отдачею затѣмъ подъ строгій надзоръ полиціи на 5 лѣтъ;

3) подсудимыхъ Ткачева и Дементьеву заключить въ тюрьму: перваго на 1 годъ и 4 мѣсяца, а Дементьеву на 4 мѣсяца;

4) подсудимыхъ Коринскаго, Волховскаго, Томилову и Орлова признать по суду оправданными:

5) о примѣненіи мѣры пресѣченія способовъ уклониться отъ суда относительно Флоринскаго, Ткачева и Дементьевой составить особое постановленіе;

6) приговоръ о Ткачевѣ не приводить въ исполненіе, въ виду имѣющихся въ палатѣ о немъ другихъ дѣлъ,—и

Б. Судебная палата, разсмотрѣвъ вторую категорію, состоящую изъ 33-хъ подсудимыхъ, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Палата признаетъ виновными въ соучастіи въ противозаконномъ обществѣ, направленномъ къ измѣненію существующаго въ Россіи порядка государственнаго устройства: Долгова, Рипмана, Бѣляеву, Климина, кн. Черкезова, Скипскаго, И. Рязанцева, В. Рязанцева, Гавришева, Коробьина, Попова, Пирамидова, Мутафова, Ишханова, Рахимова, П. Енкуватова, Шестакова, Д. Енкуватова, Ланге, Лау, Свѣчица, Ивакина и Коведяева.

2) Палата находитъ—по обвиненію въ злоумышленномъ распространеніи преступныхъ сочиненій—Долгова, Климина, кн. Черкезова, П. и Д. Енкуватовыхъ—невиновными, и

3) Равнымъ образомъ палата признаетъ невиновными въ соучастіи въ противозаконномъ обществѣ, направленномъ къ измѣненію существующаго въ Россіи государственнаго устройства: С. Кузнецова, Хаджибекова, Сарибекова, Шанаева, Л. и Н. Голиковыхъ, Римскаго-Корсакова, Костыркина, Пажона-де-Монсе и Бутурлина.

На основаніи вышеизложеннаго и руководствуясь ст. 318 и 2, по прод. 1868 г., 31 ст. 3, 38, 39, 129, 134, 135, 140 и 143 и прил. 2-го къ ст. 70-й улож. о наказ. и 771 ст. уст. угол. суд., опредѣляетъ:

1. Князя Черкезова, по лишеніи всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, сослать на житье въ Томскую губернію съ воспрещеніемъ ему всякой отлучки изъ мѣста, назначеннаго для его жительства, въ продолженіе 1½ года и выѣзда затѣмъ въ другія губерніи и области Сибири въ теченіе пяти лѣтъ.

2. Подвергнуть заключенію въ тюрьмѣ: Долгова, Рипмана, Климина и П. Енкуватова на 1 годъ; Шестакова и Д. Енкуватова на 8 мѣсяцевъ; Гавришева, Ишханова и Лау на 4 мѣсяца, Бѣляеву, Скипскаго, И. и В. Рязанцевыхъ, Коробьина, Попова, Пирамидова, Мутафова, Ланге, Свѣчина, Ивакина и Коведяева—на 2 мѣсяца, съ оставленіемъ по освобожденіи изъ тюрьмы подъ строгимъ надзоромъ полиціи въ продолженіе пяти лѣтъ.

3. Рахимова подвергнуть аресту въ тюрьмѣ на 3 недѣли съ оставленіемъ затѣмъ подъ таковымъ же надзоромъ въ теченіе пяти лѣтъ.

4. С. Кузнецова, Хаджибекова, Сарибекова, Шанаева, Н. и Л. Голиковыхъ, Римскаго-Корсакова, Костыркина, Пажона-де-Монсе и Бутурлина признать по суду оправданными.

В. 1. Палата признаетъ виновными въ принятіи участія въ дѣйствіяхъ составленнаго осенью 1869 года въ Москвѣ противозаконнаго сообщества, направленнаго къ измѣненію существующаго въ Россіи порядка государственнаго устройства: И. Лихутина, де-Тейльса и Александровскую.

2. Равнымъ образомъ палата находитъ, что Е. Лихутина виновна въ недонесеніи о существованіи вышеупомянутаго сообщества, но что за это ея преступленіе она, за силою 128 ст. улож. о наказ., не подлежитъ наказанію.

3. Кромѣ того, палата считаетъ виновными Лихутина и Александровскую: перваго въ томъ, что онъ изъ личныхъ видовъ согласилъ другихъ вовлечь дворянина Колачевскаго, чрезъ умышленное сообщеніе ему ложныхъ извѣстій о предстоящемъ ему арестѣ, къ невыгодной для него, Колачевскаго, сдѣлкѣ по имуществу, а послѣднюю въ томъ, что покушалась на злоумышленное распространеніе преступныхъ сочиненій.

4. Палата признаетъ подсудимыхъ Бобарыкову, Воронцову, Святскаго, Рослякова, Ковалевскаго, Лазаревскаго, Лунина, Дебогорія-Мокрѣвича и Попова въ взводимыхъ на нихъ преступленіяхъ не виновными.

На основаніи вышеизложеннаго и руководствуясь статьями 318 п. 2 и 9 (по продолженію 1868 года), 2-й степен. 36-й, 1-й степен. 38-й, 152, 1. 688, 245; 251, 4-й и 5-й степ. 19-й, 2-й степ. 20, 114; 3-й степ. 31, 51, 128, 135 статей улож. о наказ., а также 771 ст. уст. угол. судопроизводства, палата опредѣляетъ:

1. Александровскую, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ Сибирь на поселеніе въ мѣста не столь отдаленныя.

2. И. Лихутина, по лишеніи нѣкоторыхъ, означенныхъ въ ст. 50 улож., особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, заключить въ смирительный домъ на 1 годъ и 4 мѣсяца, а по освобожденіи отдать его подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ.

3. Де-Тейльса заключить въ тюрьму на 4 мѣсяца, съ оставленіемъ по освобожденіи изъ тюрьмы подъ строгимъ надзоромъ полиціи въ продолженіе 5 лѣтъ.

4. Лихутину, Бобарыкову, Воронцову, Святскаго, Рослякова, Ковалевскаго, Лазаревскаго, Лунина, Дебогорія-Мокрѣвича и Попова—признать по суду оправданными.

5. Приговоръ этотъ, по вступленіи онаго въ законную силу относительно Александровской, на основаніи 945 ст. уст. угол. судопр., представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества усмотрѣніе.

Г. Судебная палата, разсмотрѣвъ дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи, по отношенію къ пятой категоріи подсудимыхъ, состоящей изъ П. Топоркова, Кошкина, Долгушина, Дудолодова и Л. Топоркова, и признавая изъ нихъ Кошкина виновнымъ въ произнесеніи заочно дерзкихъ и оскорбительныхъ словъ противъ Государя Императора безъ преднамѣреннаго на то умысла, а остальныхъ во взведенныхъ на нихъ преступленіяхъ не виновными, на основаніи 2 ч. 246 ст., 151, 1 и 2 степеней 37 ст. и 5-го п. 140 ст. улож. о наказ. и статьи 771 уст. угол. судопр., опредѣляетъ: Кошкина подвергнуть заключенію въ смирительномъ домѣ на два мѣсяца, но, принимая во вниманіе долговременное содержаніе его подъ стражею и его молодость, ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о совершенномъ его помилованіи: Топорковыхъ, Долгушина и Дудолодова признать по суду оправданными».

Мы видимъ во всѣхъ этихъ резолюціяхъ рядъ именъ, какъ равно по всему процессу, даже въ глубокихъ его уголкахъ, неизмѣнно фигурируетъ единое имя, къ коему и протягиваются всѣ нити дѣла, — имя С. Г. Нечаева, но, какъ подсудимаго, мы его тутъ не видимъ. Въ чемъ же дѣло? А дѣло въ томъ, что, когда въ Петербургѣ и Москвѣ начались обыски, начались аресты, онъ, видя, что ему не сдобровать, что вся тяжесть обвиненій обрушится главнымъ образомъ на него, по добру, по здорову успѣваетъ скрыться и бѣжать за границу, въ Швейцарію, надѣясь найти себѣ здѣсь вѣрное пристанище, изъ котораго русскому правительству его не добыть. Но эти надежды оказались, какъ увидимъ далѣе, тщетны, и швейцарскія власти все же выдали его Россіи, но не какъ политическаго преступника, не какъ революціонера-эмигранта, а какъ уголовнаго преступника, убійцу, собственными руками пресѣкшаго жизнь своего недавняго товарища и друга.

Обращаясь къ процессу нечаевцевъ, отмѣтимъ, что здѣсь впервые прозвучалъ политическій голосъ женщины, которая со всей страстностью неофитки повѣдала судьямъ, что именно руководило ею при ея рѣшеніи принять участіе въ политическомъ движеніи студенчества. Слово это произвело и на судей, и на общество большое впечатлѣніе, какъ откровенный и горячій голосъ молодой женщины, страстно преданной тому дѣлу, которому она, женщина обезпеченная и независимая, себя отдала и посвятила. Рѣчь Дементьевой имѣетъ главное значеніе для исторіи студенческихъ движеній и освѣщенія этихъ движеній подъ угломъ зрѣнія нуждъ учащихся и ихъ невозможности целлировать къ обществу въ вопросѣ разъясненія этихъ нуждъ и своего спора съ властью на почвѣ академическихъ вопросовъ.

XVIII.

Нечаевъ бѣжалъ въ Швейцарію, оставивъ по себѣ въ Россіи кровавый слѣдъ, озлобленіе своихъ недавнихъ единомышленниковъ и разочарованіе среди тѣхъ, кто еще такъ недавно вѣрилъ въ могущество «Народной расправы» и близкое будущее отечественной анархіи. Прибытіе его въ страну недосягаемости для русской администраціи далеко не было столь триумфальнымъ, каковымъ оно было въ первый пріѣздъ его сюда. Обманутыя ожиданія были налицо: студенческіе беспорядки, политическое значеніе которыхъ онъ расписывалъ передъ членами «династіи «Колокола», оказались по результатамъ чрезвычайно слабыми, самые беспорядки не перешли предѣловъ сѣверной столицы, не достигли желанныхъ размѣровъ, выразились главнымъ образомъ чисто академическими требованіями и оказались легко разгромленными правительствомъ Тимашева, Шувалова и Трепова съ значительнымъ урономъ въ рядахъ учащейся молодежи. Самое революціонное пламя, которое, по прежнимъ увѣреніямъ Нечаева, готово было уже лизать своими огненными языками города, села и веси Россіи, оказалось миеомъ, и крестьянская Русь продолжала пребывать въ прежнемъ состояніи неподвижности, съ вѣрою въ царя и Бога. На горизонтѣ даже и не брезжила заря возстанія... Нечаевъ чувствовалъ, что почва уходитъ подъ ногами, что ореоль побѣдоноснаго революціоннаго диктатора отъ него ускользаетъ и что вся задуманная имъ игра близка къ провалу. А тутъ еще стали прибывать въ Россію ускользнувшіе отъ преслѣдованія правительства распропагандированные элементы отечественной общественности и по преимуществу изъ числа учащейся молодежи, приносившіе съ собою свѣжія вѣсти, правдивые слухи и фактическія данныя. Скоро распространилась и молва объ убіеніи Иванова, подробностяхъ этого убійства, съ обнаруженіемъ, кто настоящій виновникъ драмы въ паркѣ Петровско-Разумовской академіи, и личное дѣло Нечаева оказалось начисто проиграннымъ даже въ глазахъ тѣхъ,

кто до послѣдняго времени вѣрилъ въ могущество его энергіи и власти. Отъ него русская и вся интернаціональная эмиграція отшатнулась, онъ остался въ одиночествѣ, какъ въ заколдованномъ кругу неудачи, изъ котораго не было выхода. Особенно сильно было впечатлѣніе отъ разрыва съ нимъ Бакунина, лишившись поддержки котораго, Нечаевъ терялъ ту главную точку опоры, которая создавала изъ него руководителя русской революціи, и обрекался на положеніе неудачника, мистификаціи котораго стали для всѣхъ явными и извѣстными. Окровавленная тѣнь Иванова какъ бы витала надъ нимъ, требуя себѣ мщенія и искупительной жертвы...

Наступили и черные дни нужды. Тщетно пытался Нечаевъ поиграть еще разъ на мотивахъ «Народной расправы»,—ни въ него, ни въ «расправу» никто уже не вѣрилъ. Русская эмиграція слагала свою жизнь и свою дѣятельность помимо его директивы—онъ тутъ являлся какъ бы лишнимъ, безъ опредѣленнаго мѣста и дѣла для себя. Оставалось утѣшеніе въ своей личной безопасности, но и эта надежда скоро оказалась разбитою, и русскому правительству удалось перешагнуть за предѣлы швейцарской недосыгаемости. Власти республики вслѣдствіе настойчивыхъ требованій изъ Петербурга рѣшили его выдать подъ флагомъ уголовного преступника, и оставалось только создать обстановку этой выдачи и отыскать лицо, которое взяло бы на себя помочъ дѣлу ареста опаснаго революціонера. Таковымъ лицомъ оказался полякъ, Адамъ Стемпковскій, который и принялъ на себя, конечно, за приличное вознагражденіе оборудованіе ареста Нечаева въ Цюрихѣ, гдѣ послѣдній пребывалъ подъ вымышленной конспиративной фамиліей.

Стемпковскій былъ эмигрантъ, бѣжавшій изъ Россіи послѣ польскаго возстанія 1863 года, во время котораго онъ былъ у повстанцевъ такъ называемымъ «жандармомъ-вѣшателемъ». Онъ былъ хорошимъ мастеромъ кожевенныхъ издѣлій и много зарабатывалъ. По-русски Стемпковскій говорилъ совершенно свободно, только съ польскимъ акцентомъ. Онъ былъ членомъ многихъ революціонныхъ и социалистическихъ кружковъ, въ томъ числѣ обѣихъ цюрихскихъ секцій интернаціонала (мѣстной нѣмецкой и славянской); состоялъ даже секретаремъ марксистской группы; какъ таковой, сумѣлъ втереться въ знакомство со всѣми эмигрантами, проживавшими въ Цюрихѣ, былъ лично знакомъ съ Бакунинымъ и съ близкимъ человѣкомъ къ послѣднему, Грейлихомъ, главою цюрихскихъ марксистовъ того времени. Въ средѣ эмигрантскихъ кружковъ ходили, правда, слухи о его близости къ русской полиціи, о его революціонной неблагонадежности, но эти слухи были относимы на счетъ эмигрантскихъ сплетенъ, коими эмиграція, благодаря своей замкнутости и бездѣятельной изолированности, всегда была богата. Стемпковскій, сближаясь съ Нечаевымъ, обѣщалъ ему содѣйствіе въ замышляемомъ имъ какомъ-то польскомъ кружкѣ революціонеровъ, соглашался предоста-

вить ему какой-то заработокъ, въ которомъ тотъ въ тѣ дни такъ нуждался. Ничего не подозрѣвая для себя дурного изъ сближенія съ Стемпковскимъ, Нечаевъ охотно являлся къ нему на свиданія для переговоровъ, одно изъ каковыхъ и оказалось для него роковымъ.

Объ обстоятельствахъ ареста Нечаева г. Д—чь въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ «Быломъ» подъ заглавіемъ: «Арестъ С. Г. Нечаева въ Цюрихѣ», повѣствуетъ такъ ¹⁾: «Въ одномъ изъ предмѣстій Цюриха, Готтингенѣ, вблизи квартиры Грейлиха, былъ небольшой дешевой рестораникъ съ садомъ. Однажды днемъ въ этомъ рестораникѣ Грейлихъ назначилъ своему пріятелю и товарищу по интернаціоналу, учителю Рэми (старику, нѣмецкому эмигранту 1848 г.), свиданіе. По приходѣ въ ресторанъ они застали въ немъ Стемпковского въ компаніи трехъ лицъ, изъ которыхъ одинъ былъ одѣтый въ штатское платье мѣстный полицейской комиссаръ (вродѣ нашего частнаго пристава), остальные двое, очевидно, были иностранцы—поляки или русскіе, такъ какъ Стемпковскій говорилъ съ ними по-польски или по-русски, но какъ именно, Грейлихъ и Рэми, не зная ни одного изъ этихъ языковъ, опредѣлить не могли. Компанія ничего подозрительнаго не внушала, ибо полицейскіе чины во вѣдѣ служебное время въ Швейцаріи обыкновенно ходятъ въ штатскомъ платьѣ, иностранцевъ же въ Цюрихѣ было много, такъ что подобныя встрѣчи могли носить чисто случайный характеръ, тѣмъ болѣе, что Стемпковскій, поздоровавшись съ вошедшими Грейлихомъ и Рэми, сѣлъ за отдѣльный столикъ. Одно удивило послѣднихъ, что застали Стемпковского въ ресторанѣ днемъ, въ рабочее время, и, какъ имъ показалось, навеселѣ, чего за нимъ раньше не замѣчалось. Грейлихъ и Рэми, которымъ необходимо было между собою о чемъ-то переговорить, заняли тоже отдѣльный столикъ. Вскорѣ въ ресторанъ вошелъ молодой человѣкъ, прямо подсѣлъ къ Стемпковскому и заговорилъ съ нимъ, какъ съ хорошо знакомымъ. Въ это время переодѣтый полицейскій вышелъ въ дверь, выходящую на улицу, а двое иностранцевъ—въ другую—въ садъ. Стемпковскій съ молодымъ человѣкомъ скорѣ тоже вышли въ садъ, откуда затѣмъ послышался какой-то необычный шумъ,—на послѣдній вышли въ садъ Грейлихъ съ Рэми, гдѣ увидѣли, какъ молодого человѣка, бывшаго вмѣстѣ съ Стемпковскимъ, уже скованнаго въ наручники, полицейскіе выводятъ изъ сада въ сопровожденіи обоихъ иностранцевъ; Стемпковскій же куда-то исчезъ. Молодой человѣкъ (то былъ С. Г. Нечаевъ), увидѣвъ Грейлиха и Рэми, которыхъ онъ, очевидно, зналъ въ лицо, громко крикнулъ на ломанномъ нѣмецкомъ языкѣ: «Скажите русскимъ, что NN (фамилія, подъ которой С. Г. Нечаевъ жилъ въ Цюрихѣ) арестованъ». Не помню, что предпринялъ Рэми, но Грейлихъ сейчасъ же пришелъ ко мнѣ и рассказалъ обо всемъ слу-

¹⁾ «Былое» 1906 г., июль.

чившемся. Я немедленно пошелъ къ кому-то изъ русскихъ (кажется, къ В. Н. Смирнову ¹⁾); оказалось, тамъ уже знали о случившемся, такъ какъ случайно встрѣтили С. Г. Нечаева на улицѣ, когда его скованнаго вели въ тюрьму.

«Арестъ С. Г. Нечаева взволновалъ весь Цюрихъ; поведение въ этомъ дѣлѣ Стемповскаго особенно поразило рабочихъ и колонию эмигрантовъ. Рѣшено было произвести разслѣдованіе; надъ Стемповскимъ былъ назначенъ судъ, въ составъ котораго вошли представители тѣхъ обществъ, членомъ которыхъ Стемповскій состоялъ, по два человѣка отъ cadaго; я попалъ въ число судей по выбору мѣстной секціи интернаціонала. Самого Стемповскаго тоже пригласили на судъ, предоставляя ему возможность оправдаться, если бы все оказалось дѣломъ случайности, при этомъ письменно было заявлено, что личность его останется неприкосновенною. Въмѣсто того, чтобы явиться на судъ товарищей, Стемповскій обратился въ полицію съ просьбой о защитѣ, такъ какъ онъ не былъ убѣжденъ, что его не убьютъ. Судъ собрался въ составѣ 10—12 человѣкъ (изъ числа ихъ помню одного вышеупомянутаго В. Н. Смирнова отъ колоніи русскихъ эмигрантовъ); на немъ былъ выслушанъ рядъ свидѣтелей, среди которыхъ, кромѣ Грейлиха и Рэми, очевидцевъ ареста, главная роль выпала русскому эмигранту Турскому, жившему съ С. Г. Нечаевымъ на одной квартирѣ и хорошо его знавшему. По показанію Турскаго, С. Г. Нечаевъ сильно нуждался въ средствахъ. Стемповскій вызвался что-то для него устроить и въ день ареста назначилъ ему свиданіе въ кабачкѣ, такъ что Турскій зналъ, куда идетъ С. Г. Остальное произошло такъ, какъ я рассказалъ выше. Судъ объявилъ Стемповскаго шпиономъ и постановилъ исключить его изъ всѣхъ обществъ, членомъ которыхъ онъ состоялъ. Это рѣшеніе суда было опубликовано въ мѣстномъ органѣ интернаціонала «Tagwacht» и въ одной весьма распространенной въ Цюрихѣ и его окрестностяхъ демократической газетѣ... Стемповскій послѣ того нигдѣ болѣе не показывался и вскорѣ совершенно исчезъ изъ Цюриха».

Страхъ смерти былъ у Стемповскаго небезоснователенъ. Дѣйствительно, одна группа поляковъ и сербовъ не удовлетворилась вердиктомъ вышесказаннаго суда и приговорила его къ смерти, но этотъ приговоръ не удалось привести въ исполненіе, такъ какъ стрѣлявшій въ Стемповскаго въ упоръ пять разъ даже его не ранилъ.

Нечаевъ былъ арестованъ какъ убійца Иванова. «Согласилось же швейцарское правительство выдать его Россіи,—продолжаетъ г. Д—чъ,—по удостовѣреніи, что убійство не носило политическаго характера и при условіи, чтобы судили его въ Россіи только какъ

¹⁾ Видный эмигрантъ, впоследствии главный сотрудникъ лавровскаго журнала «Впередъ»; скончался въ Швейцаріи въ 1900 году.

простого убійцу, не касаясь антиправительственной его дѣятельности. Агитація противъ выдачи, поднятая мѣстной печатью и путемъ ряда собраній, не оказала помощи арестованному; рѣшеніе же самаго вопроса, согласно мѣстнымъ законамъ, подлежало правительственному совѣту Цюрихскаго кантона и только санкціонировалось федеральнымъ правительствомъ республики. Изъ семи членовъ цюрихскаго кантональнаго совѣта четверо подали голосъ за выдачу, въ числѣ послѣднихъ вотировалъ Пфенингеръ, директоръ полиціи. Въ Цюрихѣ ходили слухи, что этотъ швейцарскій сановникъ былъ подкупленъ русскимъ правительствомъ и что только благодаря этому обстоятельству составилось и самое большинство въ совѣтъ...»

Слѣдствіе надъ Нечаевымъ кончилось въ ноябрѣ 1872 года, онъ былъ признанъ убійцею Иванова и на основаніи сего выданъ русскимъ властямъ. Неудачною оказалась и попытка той группы, которая приговорила къ смертной казни Стемковскаго, освободить Нечаева изъ рукъ жандармовъ при посадкѣ его въ поѣздъ для путешествія въ Россію. Выхваченнаго арестанта сама публика окружила и помогла полиціи водворить въ вагонъ и также арестовать двухъ пытавшихся его спасти. Такимъ образомъ, русскому правительству удалось овладѣть чрезвычайно опаснымъ для нея представителемъ революціи, доставить его въ Москву, гдѣ онъ 12 января 1873 года и предсталъ передъ окружнымъ судомъ по обвиненію по 549 ст. устава уголовного судопроизводства.

XIX.

На судѣ Нечаевъ держался озлобленно, гордо, не признавая себя даже подсуднымъ русскому суду. Но вопросы предсѣдателя: онъ ли дѣйствительно Сергѣй Геннадіевичъ Нечаевъ, обвиняемый въ убійствѣ студента Иванова и признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ совершеніи этого убійства?—Нечаевъ возвышеннымъ голосомъ прокричалъ: «Господинъ предсѣдатель, я эмигрантъ, подданнымъ русскаго императора быть пересталъ, формальности вашего судопроизводства не имѣютъ для меня никакого значенія... я признавалъ бы позорнымъ для себя допустить судить мое поведеніе» и «рабомъ вашего деспота я быть пересталъ! Да здравствуетъ земскій соборъ». Вслѣдъ за всѣми этими возгласами его, по распоряженію предсѣдателя, выволакивали изъ зала суда, гдѣ въ коридорѣ между нимъ и стражею происходила свалка, въ которой, по его позднѣйшимъ словамъ, ему приходилось быть жестоко избитымъ.

Защитника себѣ Нечаевъ, какъ уголовный преступникъ, послѣдовательно проводя въ своихъ дѣйствіяхъ идею своей неподсудности русскому суду, имѣть не пожелалъ и на всѣ вопросы суда отказывался давать отвѣтъ, не вставалъ съ мѣста и при каждомъ обращеніи къ нему отворачивался лицомъ къ публикѣ. Послѣ длинной рѣчи,

произнесенной прокуроромъ, на вопросъ предсѣдателя: не имѣеть ли онъ чего сказать въ свое оправданіе?—Нечаевъ, опять-таки не вставая съ мѣста, отвѣтилъ: «Я считаю унижительнымъ для своего имени защищаться отъ клеветы, очевидной для всѣхъ. Вся Россія знаетъ, что я преступникъ политическій? Повторяю, что сказалъ графу Левашову: правительство можетъ отнять у меня жизнь, но честь останется при мнѣ».

Предсѣдатель суда произнесъ длинное резюме ¹⁾, гдѣ сначала указалъ на неправильность утвержденія Нечаевымъ своей неподсудности русскимъ уголовнымъ законамъ, засимъ остановился на значеніи преступленія, совершеннаго въ ноябрѣ 1869 г., указалъ на роль здѣсь Нечаева и въ заключеніе сказалъ: «Въ высочайшемъ манифестѣ, при которомъ распубликованы были уставы 20 ноября 1864 г., сказано между прочимъ: «да здравствуетъ милость въ судахъ» (Нечаевъ, перебивая: «а меня билъ гражданскій офицеръ») Нужно, гг. присяжные засѣдатели, условиться насчетъ смысла этого выраженія. Это слово въ уставѣ уголовного судопроизводства не употребляется, но немисливо, разумѣется, чтобы уставъ уголовного судопроизводства, появившійся одновременно съ манифестомъ, въ которомъ употреблено приводимое мною выраженіе, не былъ проникнутъ милостью. И дѣйствительно, уставъ проникнуть ею. Уставъ уголовного судопроизводства даетъ подсудимому право во время предварительнаго и судебного слѣдствій представлять всѣ допускаемыя законами доказательства въ подтвержденіе того, что онъ не совершалъ преступленія, или, если совершилъ, то не настолько виновенъ, насколько его обвиняютъ. Уставъ уголовного судопроизводства даетъ подсудимому право выбрать самому защитника, а если онъ лишенъ возможности выбрать такового, то предоставляетъ ему право просить у суда назначить защитника, т. е. человѣка опытнаго, который знаетъ, на какія обстоятельства слѣдуетъ обратить болѣе или менѣе вниманіе суда. Подсудимый судится присяжными засѣдателями, которые опредѣляютъ виду или невиновность его по внутреннему своему убѣжденію, на основаніи выслушанныхъ ими обстоятельствъ дѣла. Стало быть, нѣтъ прежней системы формальныхъ доказательствъ, которая говорила, что если есть противъ подсудимаго два свидѣтельскихъ показанія, согласныхъ между собою, то судъ долженъ обвинить подсудимаго. Присяжные засѣдатели имѣютъ право, признавъ подсудимаго виновнымъ, признать въ то же время его заслуживающимъ снисхожденія на основаніи тѣхъ же обстоятельствъ дѣла. Наконецъ, судъ, назначивъ подсудимому наказаніе, имѣеть право въ исключительныхъ случаяхъ ходатайствовать передъ государемъ императоромъ о смягченіи участи подсудимаго. Большой милости нельзя ожидать, гг. присяжные засѣдатели, отъ суда человѣческаго. Но только этою

¹⁾ Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ, т. I.

законною милостію подсудимый и можетъ пользоваться. Никакой иной милости быть не можетъ на судѣ, потому что это равносильно было бы произволу. Всякая иная милость будетъ милость незаконная, будетъ неправосудіемъ и будетъ итти вразрѣзъ съ другимъ, употребленнымъ въ томъ же манифестѣ, выраженіемъ: «Да здравствуетъ правда въ судахъ». Гг. присяжные засѣдатели, вы должны разрѣшить настоящее дѣло на основаніи выслушанныхъ вами обстоятельствъ. Точно также вы можете признать подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія только въ виду какихъ-нибудь обстоятельствъ дѣла. Вы не имѣете права произвольно давать снисхожденіе. Подобное снисхожденіе будетъ тою незаконною милостію, о которой я упомянулъ, а законъ обязываетъ васъ, давая подсудимому снисхожденіе, упоминать, что вы даете это снисхожденіе по обстоятельствамъ дѣла. Это выраженіе связываетъ вашу совѣсть и напоминаетъ о той присягѣ, которую вы принесли».

Если рѣчь прокурора (К. В. Жукова) имѣла цѣлью, изъять изъ дѣла совершенно элементъ политическій, обрисовать въ самыхъ мрачныхъ краскахъ личность Нечаева и установить его рѣшающую роль въ убіеніи Иванова, а отсюда добиться обвинительнаго вердикта присяжныхъ, то рѣчь председателя (П. А. Дрейера) преслѣдовала главнымъ образомъ задачу изъять изъ сознанія присяжныхъ самую возможность признать Нечаева заслуживающимъ снисхожденія. Обѣ эти цѣли были достигнуты, и присяжные вынесли изъ совѣщательной комнаты на вопросъ о виновности Нечаева короткій отвѣтъ: «да, виновень». Вслѣдствіе такого отвѣта судъ опредѣлилъ: «Носящаго званіе учителя городского приходскаго училища, Сергѣя Геннадіевича Нечаева, 25 лѣтъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ на двадцать пять лѣтъ, а затѣмъ, на основаніи 25 ст. улож. о наказ., поселить въ Сибири навсегда». На эту резолюцію суда Нечаевъ, уходя изъ зала засѣданія, отвѣтилъ крикомъ: «Да здравствуетъ соборъ! Долой деснотизмъ!» подразумевая въ данномъ случаѣ соборъ не въ толкованіи славянофиловъ, какъ законсовѣщательное учрежденіе, а какъ учредительное собраніе. Такъ закончилось громкое дѣло Нечаева, но этимъ не заключилось его служеніе дѣлу русской революціи. Въ каторгу и Сибирь онъ не былъ отправленъ, а кружнымъ путемъ, по желѣзной дорогѣ, съ принятіемъ самыхъ тщательныхъ мѣръ предосторожности, привезенъ въ Петербургъ и помѣщенъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости, откуда онъ и ухитрился завязать самыя дѣятельныя сношенія съ внѣшнимъ міромъ и сдѣлаться своего рода совѣщательнымъ членомъ тѣхъ конспирацій, которыя стремились къ убіенію Александра II. Нечаевъ исчезъ съ горизонта видимости, но тѣнь его еще долго витала надъ дѣломъ русской революціи, какъ бы вдохновляя ее своимъ примѣромъ фанатической стойкости и вѣры въ неизбѣжность кровавой развязки борьбы общества съ правительствомъ.

XX.

По прибытіи въ Петропавловскую крѣпость Нечаевъ не потерялъ присутствія духа, свойственной ему энергіи, сообразительности и вѣры въ возможность даже изъ-за стѣнъ мрачнаго каземата вести борьбу съ существующимъ порядкомъ вещей. Черезъ три года своего пребыванія въ Алексѣевскомъ равелинѣ онъ подаетъ тогдашнему министру юстиціи слѣдующее заявленіе, гдѣ рисуется исторію своей выдачи швейцарскимъ правительствомъ, излагаетъ свой взглядъ на дальнѣйшія событія и сообщаетъ нѣкоторые любопытные факты, чрезвычайно характерно его обрисовывающіе. Вотъ это заявленіе: ¹⁾

«Годъ спустя (т. е. послѣ суда надъ нечаевцами), чтобы добиться отъ швейцарскаго правительства выдачи Нечаева... (приказано было).. юристамъ объявить его обыкновеннымъ уголовнымъ преступникомъ, убишимъ Иванова изъ личной, будто бы, ненависти. Эта гнусная ложь и для всѣхъ очевидная клевета не смутила юристовъ. Оберъ-прокуроръ промолчалъ, малодушные представители нашей адвокатуры позорно трусили и не протестовали, швейцарскіе олигархи, по требованію царя, выдали Нечаева не только безъ суда и безъ всякаго слѣдствія, но даже безъ соблюденія формальностей экстрадиціи, безъ всякаго предупрежденія и объясненія, при нарушеніи основныхъ принциповъ публичнаго права. Нечаева схватили, избили и ограбили, продержали нѣсколько недѣль въ казематѣ и потомъ ночью, безъ всякихъ объясненій, перевезли на баварскую границу и безъ условій выдали ждавшимъ тамъ русскимъ шпіонамъ и германской полиціи. Всѣ бумаги политическаго содержанія, захваченныя при Нечаевѣ, были переданы въ III Отдѣленіе... Правительство буржуазной республики, найдя выгоднымъ выдать Нечаева, такимъ образомъ, конечно, уже не могло имѣть гарантіи за правильный ходъ правосудія и непристрастность русской юстиціи въ этомъ дѣлѣ. Поэтому русское правительство не считало болѣе нужнымъ церемониться. Слѣдствіе было подтасовано съ крайнею наглостью. Къ Нечаеву не допустили избраннаго имъ защитника. Ему не выдали даже копій съ дѣла, не выполнили никакихъ формальностей судопроизводства. На судѣ не выслушали его объясненій (какъ только онъ открывалъ ротъ, такъ его вытаскивали изъ зала засѣданій въ коридоръ, гдѣ били его до потери сознанія). На основаніи голословнаго обвиненія прокурора и только тѣхъ отрывковъ изъ показаній соучастниковъ Нечаева, въ которыхъ говорилось лишь о самомъ фактѣ убійства... московскій окружный судъ приговорилъ Нечаева къ двадцатилѣтней каторгѣ, какъ обыкновеннаго уголовного преступника. При этомъ судъ предоставилъ приговоренному право апелляціи,—по истеченіи же срока для подачи жалобы Нечаева вывезли на эшафотъ, а потомъ тайно ночью окольными путями (изъ Москвы на Смоленскъ и Динабургъ) перевезли въ петербургскую Петропавловскую крѣпость и похоронили его заживо въ Алексѣевскомъ равелинѣ, знаменитой исторической тюрьмѣ, стѣны которой были вѣковыми свидѣтелями ужасовъ тираніи.

«Какъ только привезли Нечаева изъ Швейцаріи въ крѣпость, къ нему пришелъ въ казематъ графъ Левашевъ съ предложеніемъ соста-

¹⁾ «Былое», 1906 г., июль, ст. «С. Г. Нечаевъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ въ 1873—1883 гг.».

вить записку для III-го Отдѣленія о составѣ, численности и средствахъ революціонной партіи, о ея планахъ и связяхъ. Нечаевъ отвергъ съ негодованіемъ «блестящія, выгодныя условія» (выраженіе Левашева). «Тѣмъ хуже для васъ,—сказалъ графъ, уходя:—васъ будутъ судить, какъ обыкновеннаго убійцу, и на судѣ предсѣдатель вамъ не дастъ говорить»

«На третій годъ одиночнаго заключенія въ ревелинѣ съ такими же гнусными предложеніями пріѣзжалъ къ Нечаеву шефъ жандармовъ, генералъ Потаповъ. На этотъ разъ отвѣтомъ было выраженіе презрѣнія къ правительству въ болѣе рѣзкой формѣ, а когда Потаповъ сталъ грозить Нечаеву тѣлеснымъ наказаніемъ, какъ каторжнику, тогда онъ, въ отвѣтъ на эти угрозы, заклеилъ Потапова пощечиной въ присутствіи командира генерала Корсакова, офицеровъ, жандармовъ и рядовыхъ; отъ плюхи по лицу Потапова потекла кровь изъ носу и изъ рта. Нечаева схватили за горло, но на этотъ разъ не били. Полгода спустя, въ іюль 75-го года, комендантъ просилъ Нечаева отъ имени правительства изложить свой образъ мыслей и взглядъ на положеніе русскихъ дѣлъ вообще. Нечаевъ въ отвѣтъ написалъ большое письмо царю Александру II, гдѣ, указавъ на главныя язвы политическаго и социальнаго строя въ Россіи, назвалъ этотъ строй отжившимъ и разлагающимся; онъ указалъ неминуюмую близость революціи, разрушительный характеръ которой можетъ быть ослабленъ только немедленнымъ введеніемъ либеральныхъ конституціонныхъ учрежденій и созваніемъ представителей народа для пересмотра основныхъ законовъ.

«Прокуроръ московскаго суда, явившись въ первый разъ къ Нечаеву, предъявилъ ему полученное имъ предписаніе отъ министра юстиціи, въ которомъ говорилось, что Александръ II ручается швейцарскому правительству своимъ императорскимъ словомъ за правильность и непристрастность суда надъ Нечаевымъ. На основаніи этого въ началѣ 1876 года (четвертый годъ одиночнаго заключенія), когда здоровье Нечаева было сильно разстроено, онъ послалъ царю формальное прошеніе о пересмотрѣ его дѣла, или, по крайней мѣрѣ, объ измѣненіи убійственныхъ условій жизни въ одиночномъ заключеніи. Въ отвѣтъ на это Нечаева лишили послѣдняго, единственнаго занятія—письменныхъ принадлежностей и книгъ, наложили на него тяжелыя цѣпи и заковали въ ножны и ручныя кандалы, которые онъ и влачилъ въ теченіе двухъ лѣтъ...

«Нечаевъ, на основаніи вышеизложенныхъ чудовищныхъ, противозаконныхъ обстоятельствъ дѣла, обращается къ новому министру юстиціи Половцеву, какъ къ бывшему обвинителю его соучастниковъ, официально признавшему ихъ политическими преступниками, и, во имя поруганнаго права, поправной справедливости внутреннихъ основныхъ формъ судопроизводства, просить о пересмотрѣ его дѣла порядкомъ гласнаго суда, правильнаго и непристрастнаго.

«Говорятъ, что швейцарское правительство напечатало потомъ заявленіе по поводу экстрадиціи, гдѣ упомянуло о какихъ-то, будто бы, данныхъ мною объясненіямъ, которыя республиканскія власти нашли невѣрными. Это—подлая ложь, и если они опираются на документы, то они поддѣланы художниками полиціи. Швейцарская полиція начала съ того, что избивала Нечаева и ограбила прежде всякаго допроса, а потому Нечаевъ никакихъ объясненій ни письменныхъ, ни устныхъ не давалъ и требовалъ судебного слѣдствія и свиданія съ эмигрантами».

Таковы факты, сообщенные Нечаевымъ въ заявленіи министру юстиціи. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не обнародована его записка, пересланная Александру II, но зато намъ извѣстно изъ той же цити-

рованной статьи, напечатанной въ «Быломъ», его письмо къ Александру III, по вступленіи того на престоль, письмо, не дошедшее до адресата, но пересланное имъ въ копіи исполнительному комитету партіи «Народной воли». Первая часть этого письма заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ, съ одной стороны, она знакомитъ насъ съ порядками, царившими въ Петропавловской крѣпости, съ условіями жизни здѣсь заключенныхъ, а съ другой—обнаруживаетъ все тотъ же не сломившійся подъ гнетомъ судьбы духъ Нечаева и его настроеніе, которое онъ сохранилъ за десять лѣтъ своего тяжкаго пребыванія въ Алексѣевскомъ рavelинѣ. Узникъ крѣпости писалъ:

«Государы!

«Вступивъ въ управление крѣпостью, новый комендантъ Ганецкій произнесъ рѣчь служащимъ въ рavelинѣ по поводу событія 1-е марта. Характеръ этой рѣчи, а также то обстоятельство, что произнесена она была не въ отдѣльномъ помѣщеніи, а въ отворенномъ коридорѣ, неподалеку отъ дверей каземата, громовымъ голосомъ, ясно показали мнѣ, что содержаніе ея, главнымъ образомъ, предназначалось для моихъ ушей, которыя и слышали отчетливо каждое слово. Интимизація этой рѣчи достигла. Косвенныя угрозы генерала Ганецкаго меня не устрашили, а показали только, что подъ вліяніемъ событій послѣдняго времени крупнѣйшіе представители администраціи потеряли голову и утратили чувство собственнаго достоинства. Я не обратилъ бы вниманія на выходку его превосходительства, если бы эта рѣчь не повела къ отягощенію моего и безъ того не легкаго положенія и не сдѣлала бы его, безъ всякаго съ моей стороны повода, исключительно невыносимымъ.

«Алексѣевскій рavelинъ—тюрьма секретная, никакой ревизіи не допускающая; въ ней и прежде происходили злоупотребленія, невозможныя ни въ какомъ отдаленномъ острогѣ. Но покойный комендантъ, уважаемый баронъ Майдель, понимая это, сдерживалъ до нѣкоторой степени хищника-смотрителя Филимонова и, исполняя суровый долгъ, не мучилъ заключенныхъ изъ личной жестокости. Теперь же, послѣ рѣчи Ганецкаго, хищникъ Филимоновъ нагло отнимаетъ у насъ послѣдній кусокъ, безстыдно заявляя при этомъ, что поступаетъ такъ по приказанію коменданта. Я уже просилъ начальство, чтобы мнѣ позволено было пользоваться пищей изъ солдатскаго котла; грубыя щи и каша, несмотря на всѣ ихъ недостатки, при существующихъ злоупотребленіяхъ, были бы все-таки питательнѣе тѣхъ обѣдовъ изъ негодной провизіи, которые поставляетъ Филимоновъ. Всѣ служащіе въ рavelинѣ послѣ вступленія коменданта считаютъ отягченіе политическихъ заключенныхъ вѣрнѣйшимъ средствомъ заслужить благосклонность начальства и поступаютъ въ силу этого соображенія самымъ наглымъ, вызывающимъ образомъ. Прежде мнѣ позволяли выходить подышать чистымъ воздухомъ два раза въ день. Теперь мою прогулку сократили съ 2 часовъ до 20 минутъ. Мало того, меня по цѣлымъ мѣсяцамъ совсѣмъ не выводятъ изъ душнаго каземата, въ которомъ Ганецкій даже приказалъ задѣлать душники, будто съ цѣлью лишить меня возможности достать сажки для составленія чернилъ. Верхнее стекло оконной рамы у меня было чистое позволявшее мнѣ видѣть клочокъ неба. Нужно знать ужасы долготѣяннаго одиночнаго заключенія, чтобы понять, какую отраду доставляетъ узнику видъ проходящаго облака и сіяніе звѣздъ ночью.

«Два коменданта: генералъ Корсаковъ и баронъ Майдель, шесть шефовъ жандармовъ, начиная графомъ Шуваловымъ и кончая генераломъ Черевинъ

нымъ, самъ предсѣдатель верховной комиссіи генераль Лорикъ-Меликовъ, посѣщая меня, видѣли это чистое стекло и не находили опаснымъ для государства тотъ фактъ, что я... (*пропускъ въ рукописи*)... подслѣдственный въ теченіе недѣль и мѣсяцевъ. Но я не подслѣдственный узникъ, и вотъ уже десятый годъ, какъ я лишень свободы, слѣдовательно, отягченіе моей участи вызывается не высшими политическими соображеніями, а лишь однимъ безчеловѣчнымъ произволомъ лица, которому ваше величество ввѣрили управленіе крѣпостью. У меня былъ личный врагъ—генераль Мезенцевъ; онъ два года терзалъ меня въ цѣпяхъ, но и тотъ не закрывалъ для меня вида неба. У меня былъ другой врагъ, генераль Потаповъ. Онъ оскорбилъ меня на словахъ, я за это заклеилъ его пощечиной. Онъ имѣлъ право меня ненавидѣть, но и онъ не мстилъ мнѣ. Онъ зналъ, что мститъ человѣку, лишенному свободы. Можно, только имѣя душу звѣря, а генераль Потаповъ былъ человѣкъ. Свойственны ли гуманнныя чувства генералу Ганецкому,—я не знаю, но, судя по тому, что онъ посѣщаетъ равелинъ только затѣмъ, чтобы по часу стоять у дверей каземата и любоваться въ щель на отягченное имъ положеніе узниковъ, судя по этому, слѣдуетъ думать, что созерцаніе чужихъ страданій доставляетъ ему удовольствіе, которое человѣческимъ назвать нельзя. Не надѣется ли онъ довести меня до отчаянія, чтобы видѣть слезы и муки безсильнаго бѣшенства, чтобы слышать безумные крики ярости, подобные тѣмъ, которые доносятся изъ каземата моего несчастнаго сосѣда по тюрьмѣ, доведеннаго долготѣннимъ заключеніемъ до сумасшествія? О, вѣтъ! Я не доставлю Ганецкому такого удовольствія. Я желаю ему сохранить хоть сотую долю моего спокойствія и самообладанія, когда его самого повезутъ на эшафотъ».

Повторивъ далѣе въ письмѣ то, что имъ было уже сказано въ запискѣ на имя министра юстиціи объ обстоятельствахъ своего ареста, суда и приговора надъ нимъ, онъ въ заключеніе письма говоритъ:

«Привезенный тайно ночью прямо съ эшафота (окольными путями, исколесивъ половину Россіи) въ Петропавловскую крѣпость, я былъ живо погребень въ стѣнахъ Алексѣевского равелина, гдѣ, заточенный въ одиночное заключеніе при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, я не ожидаю отъ новаго правительства облегченія своей участи, не удивлюсь, если это письмо еще болѣе ухудшитъ мое положеніе. Людовикъ XVI также понялъ ужасы страданій узниковъ Бастиліи только тогда, когда самъ попалъ въ государственную тюрьму. Но такъ какъ нигдѣ въ мірѣ произволъ представителей администраціи не достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ въ Россіи, такъ какъ ни въ одной странѣ воля и желаніе главы не искажаются до такой степени, какъ у насъ, то я и счелъ своимъ долгомъ довести до свѣдѣнія вашего величества объ отягченіи условій моей тюремной жизни безъ всякаго съ моей стороны повода. Теперь всякое дальнѣйшее угнетеніе меня будетъ уже совершаться съ вашего высочайшаго вѣдома, въ силу вашей царственной воли. Я буду безропотно выносить всевозможныя лишенія, коль скоро буду знать, что подвергаюсь имъ по распоряженію высшей власти. Не быть жертвой безчеловѣчнаго произвола его превосходительства и молчать... я не въ состояніи.

С. И.

«Пишу кровью, ногтемъ.

Письмо это, благодаря уже тогда установившемуся строгому надзору за заключенными, повидимому, или совсѣмъ не было послано,

или послано наудачу, безъ надежды достиженія опредѣленной почтовой цѣли. Но копію съ него и тоже съ припиской: «Пишу кровью, погтемъ», Нечаевъ все же успѣлъ переслать исполнительному комитету.

XXI.

На основаніи приведенныхъ записокъ Нечаева мы видимъ, что его положеніе въ казематѣ Петропавловской крѣпости претерпѣвало разныя фазы: то режимъ его облегчался, то становился суровѣе, самъ фактъ писанія на волю показываетъ, что его пребываніе въ Алексѣевскомъ равелинѣ окружено чѣмъ-то необыкновеннымъ, чего въ жизни остальныхъ заключенныхъ въ крѣпостяхъ и тюрьмахъ російскихъ ни до него, ни послѣ не встрѣчается. И дѣйствительно, изъ дальнѣйшаго изложенія читатели увидятъ, что тутъ на яву совершалось нѣчто уму непостижимое, гдѣ не знаешь, чему удивляться, ловкости и желѣзной энергіи узника, или тому невозможному строю, при которомъ существовала грозная по своему назначенію крѣпость, куда ничей посторонній взоръ не долженъ былъ бы проникать. Вотъ почему, вѣроятно, когда всѣ дѣянія Нечаева обнаружились, то на него и обрушилось все недовольство и страхъ тѣхъ, кому его судьба и судьба крѣпости были вѣрены. Вотъ что мы узнаемъ изъ цитированной уже статьи журнала «Былое», въ свою очередь, позаимствовавшего свои свѣдѣнія изъ «Вѣстника Народной воли», съ которой въ теченіе нѣсколькихъ годовъ Нечаевъ состоялъ въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ и непрестанномъ обмѣнѣ корреспонденціей.

Первые годы Нечаевъ сидѣлъ въ равелинѣ одинъ, или, можетъ быть, хуже; чѣмъ одинъ, — онъ сидѣлъ съ сумасшедшимъ Шевичемъ. Кто такой былъ Шевичъ, это остается загадкой. Кажется, это — бывшій гвардейскій офицеръ, посаженный изъ-за личнаго столкновенія съ кѣмъ-то изъ очень высокопоставленныхъ лицъ. Впослѣдствіи Шевичъ былъ совершенно сумасшедшимъ переведенъ въ домъ умалишенныхъ, гдѣ и умеръ. Если условія заключенія для Нечаева были вначалѣ очень суровы, то послѣ пощечины, данной имъ Потанову, они ухудшились еще болѣе.

Въ этомъ періодѣ тюремной жизни Нечаева, когда онъ былъ закованъ и прикованъ цѣпью къ стѣнѣ и два года провалялся на полу каземата, онъ обнаружилъ живучесть и силу воли, едва ли имѣющія гдѣ-либо примѣръ. Чѣмъ онъ могъ поддержать себя въ эти страшные два года, неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, онъ сохранилъ не только рассудокъ и способность, но и всю свою огромную энергію. Обстоятельства между тѣмъ начали складываться для него болѣе благоприятно. Время шло; новые люди, новыя событія затирали въ памяти правительства когда-то «страшнаго Нечаева»... Съ него сняли оковы. Свыше перестали требовать для него бдительнѣйшаго надзора и неукоснительной строгости. Этого было

достаточно. Нечаевъ получилъ возможность вліять на своихъ тюремщиковъ... Это вліяніе иногда кажется чѣмъ-то просто сказочнымъ, и, однако, оно несомнѣнно подтвердилось на судѣ массой показаній солдатъ и другихъ служащихъ, превратившихся въ покорное орудіе своего арестанта.

Нечаевъ прежде всего началъ добиваться права получать книги и письменныя принадлежности и добился желаемого. Книгъ въ рavelинѣ было мало. Нечаевъ требовалъ выписки новыхъ. Смотритель, значительно ему подчинившійся, долженъ былъ, однако, отказать въ этомъ. Тогда Нечаевъ объявилъ, что заморить себя голодомъ, нѣсколько дней не брать ничего въ ротъ и уже, дѣйствительно, впалъ въ полное оцѣпенѣніе, когда смотритель успѣлъ выхлопотать у коменданта отпускъ нѣкоторой суммы на пополненіе библіотеки рavelина. Нечаева едва возвратили къ жизни, но онъ добился своего. Съ тѣхъ поръ онъ могъ начать правильную жизнь. Весь день у него былъ строго распредѣленъ между гимнастикой, чтеніемъ и писаніемъ. Онъ началъ поправляться здоровьемъ, и... вмѣстѣ съ тѣмъ у него появились планы, одинъ другого шире и смѣлѣе.

Въ рavelинѣ служащіе не смѣнялись нѣсколько лѣтъ. Нечаевъ имѣлъ возможность присмотрѣться къ каждому и, пользуясь этимъ, намѣтилъ много лицъ, пригодныхъ для его плановъ. Еще сидя на цѣпи, онъ умѣлъ лично повліять на многихъ изъ своихъ сторожей. Онъ заговаривалъ со многими изъ нихъ. Случалось, что, согласно приказу, тюремщикъ ничего не отвѣчалъ, но Нечаевъ не смущался. Со всей страстностью мученика онъ продолжалъ говорить о своихъ страданіяхъ, о всей несправедливости судьбы и людей. «Молчишь?.. Тебѣ запрещено говорить? Да ты знаешь ли, другъ, за что я сижу?.. Вотъ судьба,—разсуждалъ онъ самъ съ собой:—вотъ будь честнымъ человѣкомъ: за нихъ же, за его же отцовъ и братьевъ погубишь свою жизнь, а заберутъ тебя, да на цѣпь посадятъ, и этого же дурака къ тебѣ приставятъ. И стережетъ онъ тебя лучше собаки. Уже дѣйствительно, не люди вы, а скоты несмысленные»... Случалось, что солдаты, задѣтый за живое, не выдерживалъ и бормоталъ что-нибудь о долгѣ, о присягѣ. Но Нечаевъ только этого и ждалъ. Онъ начиналъ говорить о царѣ, о народѣ, о томъ, что такое долгъ и т. д.; онъ цитировалъ священное писаніе, основательно изученное имъ въ рavelинѣ, и солдатъ уходилъ смущенный, растроганный, на половину убѣжденный. Иногда Нечаевъ употреблялъ другой пріемъ. Онъ вообще разспрашивалъ всѣхъ обо всемъ и между прочимъ узнавалъ иногда самые интимные случаи жизни даже о сторожахъ, его самого почти не знавшихъ. Пользуясь этимъ, онъ иногда поражалъ ихъ своею, якобы, прозорливостью, казавшейся имъ сверхъестественной. Пользуясь исключительностью своего положенія, наводившею солдатъ

на мысль, что передъ ними находится какой-то очень важный человекъ, Нечаевъ намекалъ на своихъ товарищей, на свои связи, говорилъ о царѣ, намекалъ о дворѣ, на то, что наслѣдникъ за него...

Когда съ него сняли цѣпи, Нечаевъ умѣлъ это представить въ видѣ результата хлопотъ высокопоставленныхъ покровителей, начинающихъ брать силу при дворѣ. То же самое повторилось при исторіи съ книгами и заднимъ числомъ распространилось на по-таповскую пощечину. Конечно, Нечаевъ ничего не говорилъ прямо, но тѣмъ сильнѣе работало воображеніе солдатъ, ловко настроенное его таинственными намеками. Впослѣдствіи, когда положеніе Нечаева улучшилось, и онъ сталъ получать книги и газеты, когда разговоръ съ нимъ пересталъ быть преступленіемъ, вліяніе его сдѣлалось чрезвычайнымъ. Его, дѣйствительно, не только считали важной особой, не только уважали и боялись, но нерѣдко трогательно любили; нѣкоторые изъ солдатъ, напр., старались доставить ему удовольствіе, покупая ему газеты или что-нибудь изъ пищи на собственный счетъ; особенно привязанные прозвали его орломъ, «нашимъ орломъ», — такъ называли они его между собою.

Покушеніе Соловьева (въ 1879 г.) чрезвычайно подняло фонды Нечаева. Онъ давно говорилъ, что партія наслѣдника (къ которой самъ будто бы принадлежалъ) свергнетъ съ престола Александра II. Онъ предвидѣлъ дальнѣйшія покушенія и говорилъ объ этомъ своимъ сторожамъ. Онъ тутъ началъ прямо доказывать нѣкоторымъ изъ нихъ, будто у него есть сношенія съ волей, будто другіе сторожа уже перешли на сторону наслѣдника и служатъ ему, Нечаеву. Когда люди, особенно его любившіе, привыкли, такимъ образомъ, къ мысли о возможности служить Нечаеву, онъ сталъ имъ это прямо предлагать, и первый, согласившійся на это, былъ вполне увѣренъ, что онъ чуть не послѣдній, и что чуть не вся крѣпость принадлежитъ уже Нечаеву. Но Нечаевъ строго придерживался конспираціи, и его пособники почти никогда, особенно сначала, не имѣли никакихъ прямыхъ указаній одинъ на другого.

Въ это время (въ ноябрѣ 1880 г.) былъ посаженъ въ рavelинъ С. Ширяевъ. Онъ очень понравился Нечаеву, который, присмотрѣвшись къ нему, рѣшился открыть ему часть своей «организациі», какъ онъ выражался, и часть своихъ плановъ. Еще раньше былъ посаженъ въ рavelинъ Мирскій, но Нечаевъ не открылъ ему ничего. Планъ же у него былъ очень широкій. Бѣгство изъ крѣпости казалось ему уже слишкомъ недостаточнымъ. Изучивъ тщательно крѣпость (онъ зналъ ее изумительно, и все черезъ перекрестные допросы «своихъ» людей и черезъ ихъ развѣдки), составъ ея войскъ, личности начальствующихъ и т. д. и, разсчитывая, что съ теченіемъ времени ему удастся распропагандировать достаточное число вполне преданныхъ людей, онъ задумалъ такой планъ: въ какой-то день года, когда вся царская фамилія должна присут-

ствовать въ Петропавловскомъ соборѣ, Нечаевъ долженъ былъ овладѣть крѣпостью и соборомъ, заключить въ тюрьму царя и провозгласить царемъ наследника. Этого фантастическаго плана не могъ одобрить Ширяевъ, несмотря на то, что былъ очарованъ силой и энергіей Нечаева. Но онъ нашель, съ своей стороны, способъ вступить въ сношенія съ исполнительнымъ комитетомъ.

Съ этого-то времени и начинаются сношенія съ послѣднимъ. Нечаевъ и при этомъ строго установилъ свою обычную систему: главные сношенія велъ съ исполнительнымъ комитетомъ въ лицѣ Желябова¹⁾.

Исполнительный комитетъ призналъ, что планъ овладѣнія крѣпостью и царской фамиліей совершенно невозможенъ; гораздо осуществимѣе представлялось освобожденіе заключенныхъ изъ рavelина. Нечаевъ получилъ главное, чего ему до сихъ поръ не доставало, — деньги, и могъ поэтому гораздо успѣшнѣе готовить свое дѣло. Къ несчастью для него, новое покушеніе на жизнь царя сталкивалось съ этимъ освобожденіемъ. Очевидно было, что освобожденіе, можетъ быть, даже вооруженной рукой, изъ такого государственнаго тайника, какъ Алексѣевскій рavelинъ, должно было возбудить въ правительствѣ панику и сдѣлать надолго невозможнымъ нападеніе на царя. Нечаеву и Ширяеву было предоставлено самимъ рѣшить, какое изъ двухъ предпріятій ставить въ первую очередь, и они подали свои голоса за 1-е марта, несмотря на то, что Желябовъ уже лично осмотрѣлъ рavelинъ и призналъ побѣгъ, при хорошей помощи извнѣ, не только осуществимымъ, но даже не особенно труднымъ. Отказываясь отъ свободы, Нечаевъ имѣлъ деликатность въ своихъ письмахъ сохранить самый веселый тонъ и усиленно доказывалъ, что дѣло ихъ, заключенныхъ, ничего не проиграетъ отъ отсрочки, хотя самъ Желябовъ былъ увѣренъ въ противномъ, и нѣтъ сомнѣнія, что такой ловкій человекъ, какъ Нечаевъ, долженъ былъ прекрасно понимать всю справедливость опасеній Желябова.

Въ это время Нечаевъ поддерживалъ оживленную переписку съ исполнительнымъ комитетомъ и вообще съ разными народовольцами. Онъ вообще очень симпатизировалъ народовольчеству и былъ въ большой радости, узнавши о существованіи организаціи исполнительнаго комитета и ея средствахъ. Но въ дѣятельности исполнительнаго комитета онъ находилъ очень много ошибокъ. Ошибки эти всѣ сводились, по его мнѣнію, къ чрезмѣрной «добросовѣстности» лицъ, управлявшихъ дѣлами партіи.

¹⁾ Кромѣ Желябова, сношенія съ Нечаевымъ вели Франжолі, Перовская, Арончикъ и др. Сношенія велись черезъ солдатъ, служившихъ въ рavelинѣ, и чрезъ другихъ лицъ. Лицо, очень близко знавшее тогдашнія дѣла исполнительнаго комитета, утверждаетъ редакція «Былого», съ увѣренностью передавало, что Желябовъ видѣлъ даже Нечаева и лично говорилъ съ нимъ.

«Не принимайте этого за комплиментъ, — писалъ Печаевъ: — не забудьте, что изъ-за этой буржуазной добросовѣстности задерживается успѣшная организація, а, стало быть, дается время окрѣпнуть врагамъ народа. Изъ-за этой добросовѣстности затрудняется борьба, и потомъ придется уничтожать не сотни, а сотни тысячъ человѣкъ». Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію Печаева, комитетъ не умѣетъ показывать товаръ лицомъ, не умѣетъ ослѣпить и враговъ и друзей блескомъ своей силы. Имѣя въ рукахъ такія побѣды, какія уже были у комитета, ловкіе люди на мѣстѣ его могли бы раздуть себя во всероссійскую силу и давно заставить врага капитулировать безъ боя. А комитетъ не только не умѣетъ «раскричать» себя, но не умѣетъ даже хоть молчать. «Возможно ли, напримеръ, — говоритъ Печаевъ, — печатать отчеты о пожертвованіяхъ, сумма которыхъ въ одномъ номерѣ составляетъ всего какихъ-нибудь 5—8 тыс. рублей? И это, во-первыхъ, невѣрно, потому что на самомъ дѣлѣ въ отчетахъ почти никогда не показывались именно крупныя суммы, оглаской которыхъ жертвователи боялись выдать себя знакомымъ и полиціи. Есть ли смыслъ печатать такіе отчеты? Да ихъ нужно, — говоритъ Печаевъ, — увеличивать *ужь по крайней мѣрѣ* двумя нулями. Или какой смыслъ обращаться къ обществу и народу съ воззваніемъ о поддержкѣ, даже указывая, что въ противномъ случаѣ организація можетъ быть разбита? Комитетъ не долженъ допускать и мысли объ этомъ; онъ долженъ только *возбуждать* общество или народъ и общать имъ свою поддержку, а не просить ея у нихъ»...

Замѣчаній въ этомъ родѣ Печаевъ дѣлалъ очень много и очень досадовалъ, что онъ, не будучи, въ силу своего положенія, членомъ организаціи, не можетъ активно вліять на ходъ дѣлъ. Однажды онъ предложилъ исполнительному комитету цѣлый планъ дѣйствій.

Печаевъ предложилъ выпустить сперва для мѣстностей, гдѣ сильна вѣра въ царя, подложный царскій манифестъ, въ которомъ царь, будто бы, объявляетъ своимъ вѣрноподданнымъ: «По совѣту любезнѣйшей супруги нашей государыни императрицы, а также по совѣту князей, графовъ и т. д. и по просьбѣ всего дворянскаго сословія, мы признали за благо» — возвратитъ крестьянъ помѣщикамъ, увеличитъ срокъ солдатской службы, разоритъ всѣ старообрядческія молельни и т. д. Въ то же время долженъ быть разосланъ священникамъ подложный же «секретный указъ» святѣйшаго синода, гдѣ сказано, что «Всемогущему Богу угодно было послать Россіи тяжелое испытаніе: новый императоръ Александръ III заболѣлъ недугомъ умопомѣшательства и впалъ въ неразуміе», вслѣдствіе чего священники должны тайно возсылать съ алтаря молитвы о дарованіи ему исцѣленія, никому не открывая сей важной государственной тайны». Расчетъ былъ, конечно, на то, что священники именно разболтаютъ всѣмъ скандальное извѣстіе. Послѣ этихъ подготовленій нужно было распустить манифесты отъ якобы тайнаго «великаго земскаго собора всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи», во-первыхъ, къ крестьянамъ, во-вторыхъ, къ «православному русскому воинству, гвардейскимъ, гренадерскимъ и армейскимъ пол-

камь, конницѣ и артиллеріи, гарнизоннымъ войскамъ и мѣстнымъ командамъ». Въ первомъ объявить, что царя больше нѣтъ, старый убить, а новый съ ума сошелъ; что соборъ рѣшилъ произвести передѣлъ земли и освободить солдатъ отъ службы, и потомъ указать, чтобы «по полученіи сего манифеста не медля нимало, во всѣхъ селеніяхъ собирать мірскіе сходы и приступать къ справедливому передѣлу всей земли... прежде же всего отрѣшиться отъ должности всѣхъ прежнихъ волостныхъ старшинъ и писарей, а на мѣсто ихъ для распоряженія дѣлами выбирать добросовѣстныхъ людей... приводя ихъ къ крестному цѣлованію и т. д. Всѣхъ помѣщиковъ и т. д., которые сему манифесту воспротивятся, хватать и представлять въ мірскіе сходы, а міръ долженъ творить съ ними строгую и короткую расправу... Всѣхъ исправниковъ, становыхъ и т. д. хватать, гдѣ кого пришлось, и немедленно предавать смерти»... Въ концѣ манифеста, довольно длиннаго, помѣчается, что составленъ онъ «на великомъ земскомъ соборѣ, по совѣту и приговору излюбленныхъ русскихъ людей, мірскихъ выборныхъ отъ всѣхъ крестьянскихъ обществъ», и предписывается всюду развозить манифестъ и исполнять. Въ самомъ концѣ подписано «быть по сему».

Манифестъ къ войскамъ упоминаетъ о предыдущемъ манифестѣ, объявляетъ, что выраженнымъ тамъ мѣрамъ воспротивилась царица съ генералами и дѣлаетъ воззваніе къ военному бунту. Всѣ подробности этихъ плановъ вообще были имъ обдуманы очень тщательно.

Эти планы оставлены были, однако, исполнительнымъ комитетомъ безъ всякихъ послѣдствій; корреспонденты же Нечаева обыкновенно отвѣчали ему, что шарлатанство—дѣло очень опасное, и если бы еще могло быть допущено до извѣстной степени въ самый моментъ возстанія, то ужъ никакъ не въ періодъ собиранія силъ, когда оно можетъ быть только вредно. Нечаевъ никакъ не могъ согласиться съ этой точкой зрѣнія: его глубокая вѣра въ близость революціоннаго взрыва и его необычайное личное умѣнье группировать и направлять людей тянули его совсѣмъ въ другую сторону.

Впрочемъ, дѣлая вообще упреки комитету, Нечаевъ все-таки очень цѣнилъ его и нерѣдко хвалилъ его агентовъ за ловкость въ исполненіи тѣхъ или другихъ плановъ, иногда ему сообщаемыхъ. Особенно высоко цѣнилъ онъ Желябова и, говоря однажды о необходимости учредить революціонную диктатуру въ средѣ организаціи, указывалъ на Желябова, какъ на человѣка, способнаго къ этой роли. Одновременно съ 1-мъ марта исполнительный комитетъ на всякій случай дѣлалъ приготовленія и къ освобожденію. Оказалось, однако, что, благодаря арестамъ, начать его было очень трудно, а самое главное,—въ крѣпости установились строгости. Убійство царя сразу поставило крѣпость на военную ногу, хотя, впрочемъ, сношенія продолжались. Затѣмъ, при арестѣ Перовской у нея были найдены адреса нѣкото-

рыхъ женщинъ, любовницъ крѣпостныхъ солдатъ, и это заставило крѣпостное начальство усилить строгости. Въ рavelинѣ начались починки, поправки, задѣлывались всѣ слабыя мѣста, усилились караулы и обходы, удвоился надзоръ. Захватъ адресовъ у Перовской все-таки не имѣлъ того значенія, какое ему старался придать обвинительный актъ по обвиненію крѣпостной стражи въ сношеніяхъ съ политическими узниками. Перовская взята въ мартѣ 1881 г., а сношенія съ рavelиномъ продолжались еще въ мартѣ 1882 г. Сверхъ того, кромѣ случая съ Перовской, въ крѣпости около того же времени произошелъ еще другой казусъ: въ мѣстѣ заключенія подслѣдственныхъ былъ заподозрѣнъ въ сношеніяхъ съ заключенными сынъ смотрителя, Богородицкій, ¹⁾, который и былъ по этому случаю арестованъ, а вслѣдъ за нимъ арестованъ былъ и самъ смотритель, полковникъ Богородицкій, заподозрѣнный въ пособничествѣ сыну при этихъ сношеніяхъ. Осенью 1881 г. извѣстный революціонеръ Савелій Златопольскій жилъ въ Петербургѣ специально съ цѣлью устроить побѣгъ Нечаева и вѣрилъ въ свое предпріятіе. Все это наэлектризовало начальство и довело его бдительность до крайняго напряженія, слѣды чего и усматриваются изъ писемъ Нечаева къ Александру III, Нечаевская конспирація была, однако, такъ крѣпко сшита, что долго никто не попадался, и сношенія все-таки продолжались, хотя мысль объ освобожденіи заключенныхъ стала совсѣмъ химеричной, и жить въ рavelинѣ становилось все тяжелѣе.

Въ началѣ лишь 1882 года правительство обнаружило сношенія Нечаева съ волей, вслѣдствіе чего были произведены массовые аресты среди солдатъ Алексѣевского рavelина и на волѣ. Весь режимъ рavelина совершенно реформированъ, а смотрителемъ его назначенъ былъ Соколовъ, перешедшій впослѣдствіи отсюда въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ получилъ отъ тамошнихъ заключенныхъ наименованіе «Иродъ». Хотя къ тому времени въ рavelинѣ были посажены новые узники, какъ-то Фроленко, А. Михайловъ и др., но условія пребыванія Нечаева среди нихъ были обставлены уже такими предосторожностями, что вновь прибывшіе даже и не подозрѣвали, что среди нихъ находится знаменитый агитаторъ и создатель «Народной расправы». Тяжелыя условія новаго режима, а также продолжительность одиночнаго заключенія съ постоянной борьбой и лихорадочной конспираціей, наконецъ, надорвали здоровье Нечаева, и онъ сталъ медленно умирать отъ чахотки. Скончался онъ въ ночь съ 8 на 9 мая 1883 года такъ тихо, что его кончины даже не досмотрѣла стерегшая его стража.

Если прологомъ къ тюремной жизни Нечаева былъ процессъ «нечаевцевъ», то въ качествѣ эпилога долженъ быть рассматри-

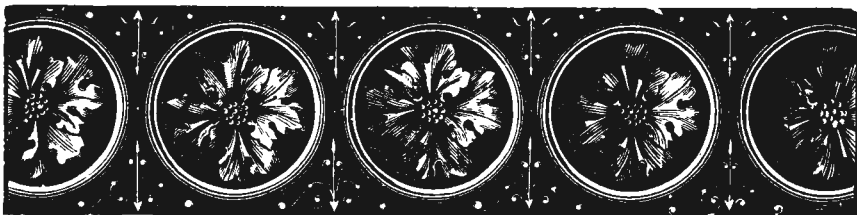
¹⁾ Богородскій обвинялся въ томъ, что носилъ изъ Трубецкого бастіона книги съ надписями заключенныхъ на квартиру Люстига для передачи исп. комитету.

ваемъ процессъ о пропагандѣ среди крѣпостныхъ солдатъ, которыхъ Нечаевъ распропагандировалъ въ Алексѣевскомъ рavelинѣ и благодаря которымъ онъ установилъ связи съ комитетомъ «Народной воли» и съ другими революціонерами 80-хъ годовъ. 25 человекъ привлеченныхъ къ суду по этому оригинальному процессу были признаны виновными, не исключая и смотрителя Филимонова, и приговорены къ разнаго рода наказаніямъ, гдѣ переводъ въ разрядъ штрафованныхъ съ отдачею на разные сроки въ дисциплинарные батальоны былъ доминирующимъ наказаніемъ.

Б. Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

БРУССА И ЕЯ ПАМЯТНИКИ.

ЕСТРЫЙ и шумный Константинополь, не смолкающій ни днемъ, ни ночью, постоянно мечущійся, кричащій въ Галатѣ и полумертвый, полусонный въ Стамбулѣ и Скутари, начиналъ надоѣдать.

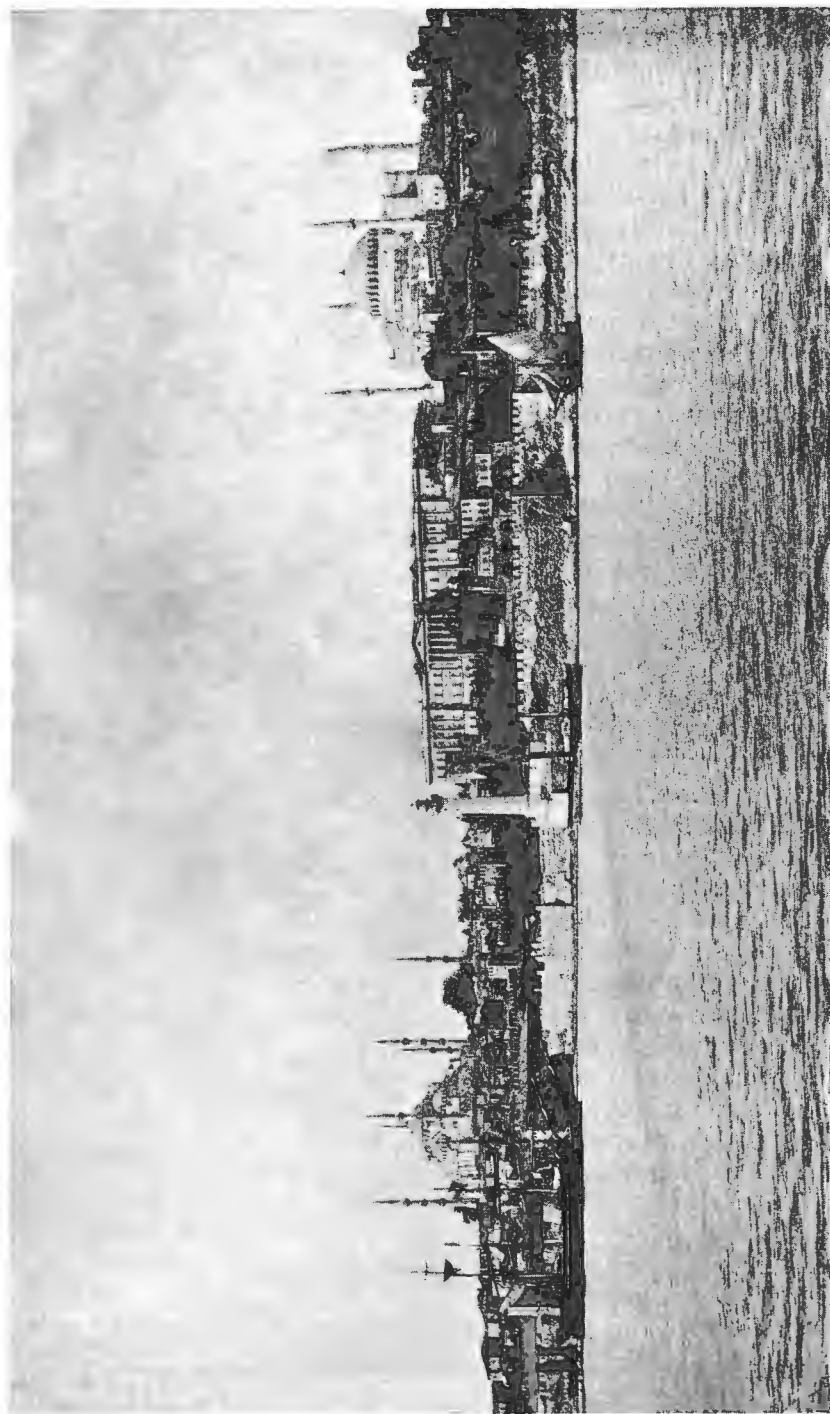
Памятники старины, окрестности Царьграда, представлявшіе интересъ съ исторической стороны, за двѣ недѣли пребыванія въ немъ были мною осмотрѣны. Не оставалось больше, кажется, ни одного уголка, ни одного памятника, гдѣ бы я не побывалъ, котораго бы не осмотрѣлъ.

Вѣчный гамъ, вѣчная сутолока константинопольскихъ площадей и улицъ окончательно изматывали за день непривычнаго къ нимъ челоуѣка. Невольно тянуло на отдыхъ, невольнo захотѣлось поскорѣе вырваться изъ этого бурнаго водоворота, захотѣлось вонъ изъ Константинополя, этого хаоса домовъ, красокъ, людей и звуковъ. Да и пора было приниматься за дѣло, пора было заняться турецкимъ языкомъ, для изученія котораго я и былъ командированъ въ Бруссу, эту гостепріимную, полную красоту, нѣги и покоя, гордую своимъ прошлымъ, старушку.

Однако выѣхать безъ выполненія нѣкоторыхъ формальностей оказалось невозможнымъ.

А формальностей, столь любимыхъ турками, довольно много, и на нихъ уходитъ два дня.

Дѣло въ томъ, что всякъ и желающій выѣхать изъ Константинополя внутрь Турецкой имперіи, будь то иностранецъ, или турецкій подданный, обязанъ запастись такъ называемымъ «тезкере», или

Выходъ изъ Золотоу Рога въ Мраморное море.

проходнымъ свидѣтельствомъ. «Тезкере» это выдается константинопольскимъ полицейскимъ управленіемъ и содержитъ въ себѣ самое подробное описаніе примѣтъ владѣльца, съ указаніемъ мѣста, куда направляется владѣлецъ «тезкере». Нѣсколько ниже я приведу переводъ съ подлинника (съ «тезкере»), выданнаго мнѣ для проѣзда въ Бруссу.

Для полученія проходнаго свидѣтельства иностранцу необходимо имѣть еще бумажку «ильм-у-хаберъ», выдаваемую консульствомъ.

Въ нашемъ генеральномъ консульствѣ меня не задерживали. Не такъ дѣло обстоитъ въ «заптіе-назарети» (полицейскомъ управленіи). Сюда я попалъ почти передъ закрытіемъ операций, и потому привратникъ сказалъ мнѣ:

— Приходите, мѣсье, лучше завтра. Сегодня уже поздно, и устройство вашего дѣла будетъ очень дорого стоить.

На другой день забираюсь въ «заптіе-назарети» какъ можно раньше; оказывается, господа турецкіе чиновники собираются на службу лишь въ полдень. Приходится коротать время хожденіемъ по прилежащимъ къ полицейскому управленію улицамъ. Вспомнивъ добрый совѣтъ челоуѣка, уже бывавшаго въ Турціи, захожу къ сарафу (мѣнялѣ), дабы быть въ состояніи оплатить всѣ расходы, сопряженные со всякими хлопотами въ любомъ учрежденіи Оттоманской имперіи. Сарафъ не упускаетъ, конечно, случая сорвать съ еще мало опытнаго побольше за размѣнъ да подсовываетъ еще три-четыре фальшивыя монеты, которыя нигдѣ не хо ятъ брать.

Впослѣдствіи послѣ долгихъ разговоровъ и пересудовъ удавалось возвращать обратно мѣнялѣ подозрительныя монеты.

Но вотъ настала наконецъ и полдень. Чиновники въ «заптіе-назарети», вѣроятно, въ сборѣ.

Дѣйствительно, привратникъ полицейскаго управленія уже издала дѣлаетъ мнѣ знаки, весьма краснорѣчиво показывающіе, что онъ живо обрабатываетъ мнѣ дѣло, если я не пожалѣю дать ему нѣсколько піастровъ ¹⁾.

Черезъ секунду мое «ильм-у-хаберъ» уже въ рукахъ расторопнаго турка, а черезъ десять минутъ турокъ держитъ въ рукахъ готовое «тезкере» и говоритъ:

— Съ васъ получить двадцать піастровъ, мѣсье.

Я, не вѣря своимъ ушамъ, переспрашиваю еще разъ.

— Да, мѣсье, двадцать,—слѣдуетъ отвѣтъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, турокъ уступаетъ и, соглашаясь получить тринадцать піастровъ, говоритъ:

— Ужъ меньше тринадцати піастровъ никакъ нельзя. Сосчитайте: десять піастровъ полагается за марку и не меньше трехъ піастровъ

¹⁾ Піастръ—8 копеекъ.

Портъ Муданія (портъ гор. Бруссы).

чиновнику; иначе вамъ ежедневно будутъ говорить, чтобы вы приходили на другой день.

Сдавшись на столь вѣскій аргументъ, отдаю турку деньги въ надеждѣ получить наконецъ нужную мнѣ бумагу. Однако турокъ не отдаетъ ея. Нѣсколько минутъ неловкаго молчанія; наконецъ турокъ заявляетъ:

— А теперь и мнѣ пять піастровъ «бакшишъ».

Къ счастью, въ моемъ лексиконѣ не было запаса турецкихъ ругательныхъ словъ, а то, навѣрное, стѣны этого священнаго мѣста услышали бы очень и очень нехорошія слова.

Отдавъ кровопійцѣ деньги, получаю наконецъ «тезкере», въ которомъ и читаю слѣдующее:

«За тезкере полагается платить только 10 піастровъ». Какъ видите, душевное состояніе самаго тихаго, самаго незлобиваго человѣка было бы, вѣроятно, выведено изъ своего равновѣсія въ стѣнахъ симпатичнаго и милаго учрежденія, именуемаго «заптіе-назарети».

Наконецъ насталъ день отъѣзда. Мой пароходъ турецкой компаніи «Махсусъ» ¹⁾ долженъ отходить въ девять часовъ утра по европейскому времени ²⁾.

Заблаговременно забираюсь въ таможеню, въ такъ называемый «салонъ-даиреси», гдѣ и происходитъ процедура прописыванія моего «тезкере» въ книгѣ и осмотръ (бѣглый, когда въ рукѣ чиновника пятипіастровая монета) моихъ вещей. Чиновникъ смотритъ, не вожу ли я чего-нибудь изъ столицы въ провинцію. Боже, что за порядки!

Лишь къ половинѣ девятаго, т.-е. послѣ полуторачасового мытарства, попадаю на небольшой, довольно грязный пароходъ. Беру билетъ перваго класса, надѣясь хоть тамъ избавиться отъ грязи и душливаго воздуха. Билетъ обходится въ 62½ піастровъ ³⁾...

Время, однако, идетъ, а на пароходѣ все та же суতোлка. Жалобно визжитъ лебедка, кричатъ хамалы-носильщики, таскающіе на своихъ спинахъ невѣроятныя тяжести. У узкихъ, гнущихся подъ тяжестью человѣка сходней стоятъ чиновникъ и жандармъ съ нагруднымъ знакомъ въ видѣ полумѣсяца, какъ у преображенцевъ, на которомъ крупными буквами написано слово «канунъ», т.-е. законъ. Увы, эти золотыя слова остаются лишь написанными на дощечкѣ. Вѣроятно, нагрудный знакъ этотъ помѣщается такъ неудобно, что носитель его едва ли можетъ видѣть это слово «канунъ». Зато окружающіе сразу видятъ представителя законности и порядка, слово и дѣло котораго прикрито металлической дощечкой со словомъ «законъ».

¹⁾ Махсусъ—спеціальный, единственный.

²⁾ Въ Константинополѣ два времени: для Перы и Галаты европейское «салафранга», а въ Стамбулѣ и Скутари турецкое—«салатурка». Разница колеблется отъ 4—7 часовъ въ годъ.

³⁾ 62,5 п.—5 рублей, это безъ продовольствія, не угодно ли.

Панорама Бруссы.

Но вот на пароходѣ затихаетъ послѣдняя суетня. Чиновникъ и жандармъ пропускаютъ черезъ свои руки послѣднія тезкере, по мосткамъ торопливо сбѣгаютъ хамалы; и на пароходѣ появляется послѣдній контроль—два жандарма, которые и осматриваютъ снова ваше проходное свидѣтельство.

Наконецъ хриплый гудокъ, нѣсколько командъ—сходни убираются, остаются канаты, и мы, пассажиры, положившись на волю Божию и на капитана-турка, плывемъ сначала еле-еле, заворачивая носомъ къ выходу изъ Золотого Рога. Пароходъ прибавляетъ ходъ, разгоняя гудками кайки и лодки, безпрестанно шныряющіе подъ самымъ его носомъ.

Вотъ мы огибаемъ Сераль, заснувшій непробуднымъ сномъ, заброшенный, всѣми забытый, нѣкогда пышный и гордый, утопающій въ легкой зелени своихъ садовъ. У самаго берега тянутся древнія византійскія стѣны, сѣрыя, поросшія мхомъ, деревьями, мрачныя, съ угрюмыми башнями и бойницами, гдѣ свили себѣ гнѣздышко тысячи бѣлогрудыхъ ласточекъ, единственно оживляющихъ эти угрюмыя, брошенныя постройки. Вотъ и св. Софія, она видна отовсюду, настолько высоко положеніе, занимаемое ею. Между ней и мечетью Ахмедіе какое-то огромное зданіе казарменнаго типа. Дома, стѣны, стѣны и дома безконечно...

У самаго берега, показывая лишь самый носъ да кусокъ сломанной мачты, лежитъ въ водѣ на боку коммерческой пароходъ. Сердитыя волны то и дѣло набѣгаютъ на этого, нѣкогда недоступнаго имъ великана, съ пѣной разбиваются объ его носъ, торжествуя долгожданную побѣду. А пароходъ лежитъ жалкій, безпомощный; проржавѣвшее желѣзо его скоро перестанетъ сопротивляться упрямымъ волнамъ, и онѣ съ хохотомъ и ревомъ разнесутъ кости несчастнаго утопленника по всему Мраморному морю. Говорятъ, его вель умѣлый капитанъ, какъ у насъ называютъ, «морской волкъ». Страшный туманъ закрылъ отъ него сигнальные огни, и корабль, съ полного хода, сѣлъ всѣмъ своимъ корпусомъ на камни у самаго берега... Вотъ и все пока, что видно съ праваго борта идущаго теперь полнымъ ходомъ нашего парохода.

Но перейдите теперь съ праваго борта на лѣвый.

Передъ вами тянутся сады, дома и мечети Скутари. Вотъ, командуя всѣмъ Скутари, стоитъ грандіозное зданіе казармъ и госпиталя. Правѣ ихъ—начальный пунктъ Багдадской желѣзной дороги—вокзалъ Хайдаръ-Паша. Посмотрите теперь, что осталось сзади насъ.

Передній планъ сплошь занятъ пароходами, стоящими и идущими. Они дымятъ и копятъ. Изъ этой копоти едва вырисовываются дома Галаты и Перы. Шумъ первой изъ нихъ еще слышенъ до сихъ поръ. Надъ Перой и Галатой господствуетъ гигантская Галатская башня; на ней теперь развивается красный флагъ съ бѣлыми полумѣсяцемъ и звѣздой. Сегодня турецкій праздникъ—пятница. Галата дѣлается

все меньше, меньше, и, наконецъ, почти сразу исчезаетъ за поворотомъ. Теперь справа отъ васъ тянутся предмѣстья Константинополя, дачныя мѣста и, едва выглядывая изъ своей зелени, бѣлѣетъ Санъ-Стефано.

А налѣво. Тутъ глазъ не оторвешь. Сейчасъ же за портомъ Хайдаръ-Паша разворачивается картина Принцевыхъ острововъ. Вотъ первые два—Оксія и Плати, совершенно голые, представляющіе собою голый гранитъ. Дальше же остальные четыре, съ главнымъ изъ нихъ Принкипо, раскинулись живописной группой, сплошь утопая въ зелени, кипящіе жизнью. Тамъ виллы константинопольскихъ крезовъ, тамъ веселье, громъ музыки не смолкаютъ. Прочитайте г. Филиппова. Этотъ счастливецъ побывалъ въ этомъ райскомъ уголкѣ. Прочитайте, и вы увидите, въ какихъ яркихъ краскахъ онъ описываетъ сѣту и жизнь острововъ.

Теперь все вниманіе ѣдущихъ на пароходѣ сосредоточено на томъ, что вдали. Тамъ, далеко впереди уже вырисовывается блѣдно-лиловый красавецъ Олимпъ. Мы вошли уже въ Иемидскій заливъ, оставивъ позади себя грозный, сердитый мысъ, состоящій изъ обрывистыхъ скалъ, древній мысъ Поссидіунъ, теперь Бозъ-Бурумъ.

Вправо чуть виднѣются голыя вершины острова Кололимна. Пока теперь до Бруссы мы идемъ вдоль мало-азіатскаго берега, не представляющаго никакого интереса, малонаселеннаго, съ рѣдкими деревнями, выдающими себя лишь садами и минаретами мечетей,—я ознакомлю васъ съ краткой исторіей происхожденія Бруссы.

Брусса теперь главный городъ Гудавендигарскаго вилайета, расположена у подножія Олимпа, раскинулась на трехъ террасахъ, раздѣленныхъ глубокими оврагами, служащими стоками многочисленнымъ ручьямъ, текущимъ съ вершины Олимпа. Городъ господствуетъ надъ богатѣйшей, плодороднѣйшей равниной, изрѣзанной змѣйкой рѣки Нилуферъ. Брусса—древняя «Прусса Олимпійская», основана повелителемъ по имени Пруссій—такова версія Страбона. Пруссій этотъ велъ войну противъ Гресуса. Тогда-то онъ и основалъ будто бы Бруссу. Другіе изслѣдователи приписываютъ основаніе Бруссы повелителю того же имени, сирійцу по происхожденію. Какъ то, такъ и другое изслѣдованіе переносятъ насъ далеко назадъ, т.-е. за пятьсотъ лѣтъ до Рождества Христова.

Наиболѣе вѣроятное изслѣдованіе гласитъ слѣдующее:

Аннибалъ, побѣжденный Сципіономъ Африканскимъ подъ Замой, нашель защиту и покровительство у повелителя Битиніи—Пруссія (правившаго по 186 г. до Р. Хр.). Аннибалъ основалъ въ честь покровителя и защитника своего городъ, назвавъ его именемъ Пруссія, надѣясь получить отъ задобреннаго покровителя денежную и военную помощь противъ римлянъ. Такимъ образомъ, по самой достойной версіи, городу уже свыше 2,000 лѣтъ. Воздвигнутая Аннибаломъ цитадель, стѣны которой сохранились и понынѣ, циклопиче-

ской постройки, была взята Триариусомъ, послѣ пораженія Митридата. Съ этого времени она и оставалась въ рукахъ римлянъ. Другіе говорятъ, что цитадель возникла въ эпоху Траяна, во время управленія провинціей Битиніи Плиніемъ Младшимъ. Плиній Младшій украсилъ Бруссу многими красивыми памятниками. Находили въ послѣдствіи много римскихъ монетъ въ окрестностяхъ Бруссы съ изображеніемъ римскаго императора и помѣткой «Битиніасъ».

На минеральныя воды, которыми изобилуютъ окрестности Бруссы, видимо, тогда не было обращено вниманія. Лишь императоръ Юстиніанъ построилъ близъ Бруссы Питіе (теперь мѣстечко Черкерке)—первую баню для всеобщаго пользованія.

Оттоманы уже обладали многими провинціями и областями въ Малой Азіи, когда Сулейманъ-Османъ-Гази, сынъ Этрогрула, основателя Оттоманской султанской династіи, напалъ на Бруссу. Однако, эту твердыню было не такъ легко взять. Османъ блокировалъ ее десять лѣтъ—и все безуспѣшно. Наконецъ, въ 1317 году, взявъ городъ Адраносъ, Сулейманъ расположился со своими ордами у мѣстечка Бунаръ-Баши. Онъ воздвигнулъ тутъ стѣны, также и въ Черкерке, и отсюда началъ угрожать усталому и измученному гарнизону Бруссы. Цитадель, между тѣмъ, все не сдавалась. Тогда, уйдя съ частью своихъ войскъ въ Лени-Шехиръ, тогдашнюю столицу, Османъ оставилъ съ большей частью своихъ войскъ сына своего Урхана продолжать осаду Бруссы. Наконецъ сила превзошла всякія геройства; гарнизонъ большею частью погибъ, небольшая часть сложила оружіе, потерявъ надежду на выручку изъ Рима. Въ 1327 году Османъ получилъ извѣстіе о паденіи Бруссы и устроилъ торжественный входъ въ нее. Онъ завѣщалъ своему сыну Урхану основать здѣсь столицу и приказалъ похоронить себя непременно въ Бруссѣ. Прахъ его и посейчасъ хранится въ Бруссѣ; но объ этомъ послѣ. До взятія Константинополя Брусса служила столицей оттомановъ и сдѣлалась колыбелью Оттоманской династіи. За свое существованіе Брусса много страдала отъ войнъ, землетрясеній и пожаровъ. Послѣднее землетрясеніе было въ 1855 году. Оно причинило Бруссѣ неисчислимыя убытки, разрушивъ почти всѣ памятники.

Шесть султановъ, бывшіе повелителями Бруссы, украсили ее многочисленными памятниками, съ которыми читатели ознакомятся вкратцѣ дальше. По счастью, часть памятниковъ уцѣлѣла и была спасена стараніями Вефиль-паши, бывшаго губернаторомъ въ Бруссѣ въ 1864 году.

Вотъ краткая исторія Бруссы отъ дня возникновенія и до нашихъ дней...

Но вотъ, пока я рассказывалъ исторію Бруссы, пароходъ нашъ вошелъ въ Муданійскій заливъ. Влѣво, далеко въ глубинѣ, едва виденъ небольшой портъ Гемлыкъ, древняя Никеля. Прямо передъ вами все величественнѣе, все грознѣе встаетъ красавецъ Олимпъ.

Теперь уже простымъ глазомъ видны его склоны, его синеватя долины. Но что это? Если глазъ не обманываетъ—на вершинѣ Олимпа въ складкахъ и оврагахъ что-то розовѣетъ на солнечныхъ лучахъ

Ворота Іеръ-Калусу на Брусской цитадели.

Ужели это снѣгъ? Быть можетъ, это нѣжныя облака ласково прильнули къ угрюмымъ бокамъ великана. Но нѣтъ, въ бинокль ясно, ясно видны пелены снѣга, причудливо разбросавшіяся то тамъ, то здѣсь по склонамъ самой макушки великана.

Пароходъ постепенно замедляетъ ходъ. Берегъ все больше и больше вырастаетъ передъ глазами. Но гдѣ же портъ? Вотъ сейчасъ, думается, я увижу оживленный торговый портъ, увижу кипучую жизнь, массу пароходовъ, судовъ, дымъ, услышу грохотъ и шумъ большого торговаго пункта, порта богатѣйшей провинціи, богатѣйшаго Гудавендигарскаго вилайета... Однако издали ни одинъ звукъ не указываетъ на присутствіе большого порта.

Наконецъ, сдѣлавъ четырехчасовой переходъ, пароходъ нашъ останавливается у простой деревянной пристани, выведенной сажень на тридцать-сорокъ въ море. Кругомъ тишь да гладь... Ни одного парохода; лишь волны, за что-то сердясь на песчаный берегъ, бросаюся на него съ грохотомъ, обдавая бѣлой пѣной, да чайки оглашаютъ воздухъ протяжнымъ крикомъ, будто плачутъ, купаясь въ бирюзовой водѣ и летая надъ поверхностью залива. Видимо, нашъ пароходъ нарушилъ своимъ приходомъ сонъ, въ которомъ пребывала Муданія. Съ парохода Муданія почти не видно. Вся она раскинулась правѣе, въ тѣни садовъ и оливковыхъ деревьевъ. Намъ видно лишь нѣсколько домовъ, кусокъ пустынной улицы, вокзалъ станціи и депо да налѣво одинокая купальня, вотъ все, что мы могли увидѣть...

Какъ и вездѣ на Востокѣ, красавцы кипарисы выдають присутствіе кладбища. Они высоко, высоко поднимаются къ небу, какъ бы вознося молитвы правовѣрныхъ Аллаху. Пораженный отсутствіемъ жизни, какой-то удручающей мертвечиной, выхожу на пристань въ сопровожденіи хамала. Кромѣ носильщиковъ, полиціи и чиновника, на пристани ни души. При выходѣ съ пристани вы попадаете въ какой-то лабиринтъ изгородокъ и перегородокъ. У cadaго выхода по чиновнику и по жандарму. Просятъ тезкере. Показываю его. Видимо, довольные тѣмъ, что въ тезкере все въ порядкѣ, чиновникъ и жандармъ просятъ меня уплатить два піастра (16 копеекъ)—за что, не знаю, вѣроятно, собираютъ на постройку каменнаго мола, а можетъ быть, и себѣ на обѣдъ. Пока я плачу пошлину за право выйти съ пристани, мое тезкере уже въ рукахъ какого-то другого чиновника. Этотъ вписываетъ меня въ какія-то книги, ставитъ штемпель и, не подумайте, что просить деньги, нѣтъ, отдаетъ мнѣ тезкере, сказавъ «мерси».

Но вотъ, слава Богу, я въ вагонѣ, вещи тоже. Вагонъ небольшой, узенькій, едва ли больше нашего петербургскаго трамвайнаго вагона. Черезъ четверть часа свистокъ паровоза, и мы отходимъ отъ небольшой игрушечной станціи. Вообще портъ Муданія производитъ несерьезное впечатлѣніе; какъ будто онъ возникъ по прихоти какого-нибудь паши, а вовсе не изъ-за торговыхъ интересовъ Оттоманскаго государства.

Черезъ секунду нашъ паровозикъ, какъ-то виновато посвистывая, осыпая вагонъ искрами и неимоვნю портя воздухъ удушливымъ дымомъ, мчитъ насъ съ очень хорошей быстротой среди оливковыхъ роцъ и виноградниковъ, сильно поднимался въ гору.

Одинъ-два головокружительныхъ поворота, при которыхъ наши вагоны ложились совсѣмъ на бокъ, — подъ нашими ногами развернулась картина далекой Муданіи съ синимъ заливомъ и фіолетовыми горами вдали. Муданія прямо утопаетъ въ зелени, то тамъ, то тутъ кокетливо выглядывая своими бѣлыми домами и стройными минаретами. Но, еще секунда — и ничего не видно, кромѣ огромнаго ската горы, въ которую вѣзалось полотно нашей дороги. Послѣ нѣсколькихъ поворотовъ, на которыхъ подбрасывало и трясло отчаянно, открылась новая картина — Муданіи уже не видно, а въ промежуткѣ между двумя возвышенностями, покрытыми растительностью, точно въ рамѣ, виденъ заливъ, и въ еще болѣе причудливомъ очертаніи и въ причудливыхъ краскахъ выступаютъ далекія горы. Теперь у васъ, какъ на ладони, весь Инджирь-лиманъ ¹⁾).

Прямо не вѣрится, что двадцать-тридцать минутъ тому назадъ вы были гдѣ-то тамъ внизу. И какъ это мы успѣли забраться на такую высоту.

По сторонамъ дороги то и дѣло мелькаютъ виноградники и плантаціи тутоваго дерева, для разведенія шелковичнаго червя. Но вотъ поѣздъ затормозилъ, и мы остановились у первой станціи Юрдали, на высотѣ 250 метровъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ мы были полчаса тому назадъ. Еще нѣсколько минутъ ѣзды — и мы у второй остановки, крошечной станціи Кору. Это уже въ Брусской равнинѣ, орошенной рѣчкой Нилиферъ. Обогнувъ нѣсколько возвышенностей, поѣздъ равняется съ красивымъ мѣстечкомъ Чекерке (кузнечикъ), расположеннымъ по склонѣ предгорья Олимпа. Еще минута, и мы у станціи Аджемлеръ. Выпустивъ здѣсь пассажировъ, ѣдущихъ до Чекерке, поѣздъ съ грохотомъ несется дальше, и тутъ передъ вами предстаетъ Брусса во всей своей красотѣ, во всемъ своемъ великолѣпіи.

Эта восхитительная колыбель османлисовъ спряталась въ тѣни всевозможныхъ деревьевъ и совершенно погрузилась въ морѣ зелени. О ея присутствіи можно скорѣе догадаться, чѣмъ ее увидѣть. Лишь купола мечетей, ихъ минареты да стройные, чернѣющіе кипарисы выдають присутствіе большого города. Брусса, точно потокъ, спускается съ одной террасы на другую и, наконецъ, не достигая самой равнины, широкой волной разливается на послѣднемъ плато надъ равниною. Турки называютъ Бруссу городомъ «пятисотъ мечетей». И дѣйствительно, единственно, что возвышается надъ поверхностью зелени — это купола и минареты многочисленныхъ храмовъ, да еще кипарисы, эти вѣчные стражи покойниковъ, напоминающіе мертвымъ, что и въ такомъ райскомъ уголкѣ, какъ Брусса, есть печаль, есть слезы, есть безпощадная смерть...

Но вотъ передъ вами промелькнули купола цѣлебныхъ бань — Лени-Каплиджи и Эски-Каплиджи. Перерѣзавъ обширные сады,

¹⁾ Инджиръ — винная ягода.

поѣздъ подходитъ къ станціи Брусса, гдѣ и надо вылѣзть. Тезкере у всѣхъ отобрано еще за четверть часа до подхода поѣзда къ брусской станціи. Тезкере надо получить завтра въ полицейскомъ управленіи Бруссы самому.

Не успѣлъ поѣздъ остановиться, какъ вашъ багажъ уже въ чужихъ рукахъ. Его уже выносить на платформу какой-то подозрительный субъектъ. Всѣ ваши попытки уговорить, урезонить не производятъ никакого впечатлѣнія. Остается дѣйствовать открытой силой и отбирать свои вещи. Едва вы справились съ первой напастью, какъ на васъ обрушиваются со всѣхъ сторонъ комиссіонеры разныхъ отелей и пансіоновъ. Они кричатъ вамъ въ уши названія своихъ отелей, перечисляютъ удобства своихъ и неудобства чужихъ. Они жужжатъ надъ ухомъ цѣну, перечисляютъ блюда, какія могутъ давать, и т. д. Словомъ, надо обладать желѣзными нервами, чтобы спокойно выслушивать эти назойливыя выкрикиванія.

Въ головѣ только одна мысль—скорѣе кончить эту пытку такъ или иначе. Вы соглашаетесь, вѣриѣе, сдаетесь, на болѣе подходящія условія и въ изнеможеніи садитесь въ экипажъ, присланный отъ отеля. Черезъ три минуты вашъ экипажъ останавливается у отеля «Belle vue». Названіе громкое, но пока не оправдывающее себя. Арабаджи, т.-е. извозчику, конечно, нуженъ бакшишъ, который онъ и требуетъ довольно настойчиво, не отдавая вашихъ вещей лакею.

Конечно, часть бакшиша извозчика получаетъ комиссіонеръ. Послѣдній типъ крайне оригинальный. Онъ получаетъ съ васъ за хорошее мѣсто остановки, получаетъ съ хозяина отеля за привозъ посѣтителя, получаетъ, наконецъ, съ извозчика за то, что нанялъ его и тѣмъ далъ ему возможность заработать.

Въ «Belle vue» съ меня взяли по семи франковъ въ сутки. Правда, мнѣ сулили полный пансіонъ, полный покой. Первое за три дня моего пребыванія исполнялось посредственно, второе же — совершенно отсутствовало по винѣ греческой семьи; она ежедневно по вечерамъ задавала на разбитомъ роялѣ концертъ, отъ котораго не спасали и три подушки, накинутыя на голову.

Черезъ два дня, послѣ долгихъ странствованій и мытарствъ, я нашелъ себѣ помѣщеніе въ армянскомъ семействѣ за довольно сносную плату. Въ Бруссѣ имѣется цѣлый армянскій кварталъ, въ немъ-то я и основался.

Я пытался для практики устроиться у турокъ. Тамъ предлагали свое гостепрійство на три-четыре дня, но дальше откровенно говорили, что я ихъ стѣсняю. Итакъ, на третій день пребыванія въ Бруссѣ я перекочевалъ уже на вторую квартиру.

Описать то, что я испыталъ и перенесъ въ этой армянской семьѣ, невозможно. Я терпѣлъ пять дней. На шестой же къ вѣщшему удовольствію хозяина отеля «Belle vue» вещи мои снова оказались подъ кровомъ семифранковаго номера. Полнѣйшее отсутствіе самыхъ эле-

ментарныхъ удобствъ, страшно антисанитарныя условія прямо выжили меня и навсегда заставили отказаться отъ квартиръ, подобныхъ

Гробницы Османа (налѣво) и Урхана (направо) въ Бруссѣ.

армянской. Съ этого-то дня и начинается спокойная, тихая жизнь, къ которой располагаетъ немного лѣнливая, любящая понѣжиться на восточномъ горячемъ солнцѣ красивая старушка Брусса.

Въ отелѣ, гдѣ ежеминутной практики въ турецкомъ языкѣ быть не могло, пришлось взять учителя для канвы, такъ сказать, а затѣмъ прогулками, гуляньями по базарамъ и посѣщеніями театровъ заполнить клѣточки этой канвы.

Учителя я нашелъ быстро. Онъ оказался служащимъ мударійской таможни, человѣкомъ образованнымъ, владѣющимъ двумя европейскими языками, знающимъ порядочно исторію, если не всей Турціи, то Брусссы и ея окрестностей. Онъ-то и былъ впоследствии моимъ гидомъ. Словомъ, онъ былъ хорошей и случайной находкой. Черезъ мѣсяць онъ долженъ былъ уже ѣхать снова въ Мударію на службу, теперь же онъ былъ въ отпуску и жилъ въ Бруссѣ. Нашелъ мнѣ его, конечно, комиссіонеръ, получившій опять съ двухъ сторонъ. Впрочемъ, вѣдь и комиссіонерамъ надо кормить семью.

Однажды, въ разговорѣ съ моимъ учителемъ, я очень осторожно затронулъ тему о бакшишѣ. Учитель мой сказалъ мнѣ, буквально, слѣдующее:

— Каждый человѣкъ хочетъ ѣсть. А такъ какъ наши чиновники не получали вотъ уже семь мѣсяцевъ жалованья, то, естественно, они должны имѣть какіе-нибудь заработки.

Не угодно ли, если старшіе чиновники не получаютъ по семи мѣсяцевъ жалованья, что же получаютъ низшіе служащіе? Хороша же страна, гдѣ ни солдаты, ни офицеры, ни чиновники не получаютъ по нѣсколько мѣсяцевъ заслуженныхъ денегъ? Только лишь слѣпая преданность своему монарху удерживаетъ войска, а слѣдовательно и страну отъ полной анархіи ¹⁾. Мы почти ежедневно куда-нибудь ходили и что-нибудь осматривали, соединяя такимъ образомъ пріятное съ полезнымъ, т.-е. урокъ съ осмотромъ. Часто, въ веселой болтовнѣ, въ обоюдныхъ разспросахъ мы не замѣчали ни времени, ни усталости, ни жары и бодро шли къ намѣченной наканунѣ цѣли, къ какому-нибудь памятнику.

Едва ли найдется еще городъ, богатый матеріалами для изученія старины, равный Бруссѣ. При этомъ окрестности ея такъ живописны, мѣстоположеніе ея настолько хорошо, что художникъ тутъ не пропустить ни одного уголка, археологъ найдетъ массу матеріала для изученій и изслѣдованій, а просто любитель постранствовать проведетъ пріятно нѣсколько дней въ этомъ восхитительномъ уголкѣ Востока, полномъ нѣги, страстнаго зноя, зелени, сказочнаго журчанія фонтановъ, грезы, навѣваемой восточнымъ кейфомъ...

Ежегодно масса европейцевъ съѣзжается полюбоваться красотами Брусссы, покупаться въ ея цѣлебныхъ водахъ, посмотреть на ея историческіе памятники. А ихъ тутъ много. Главное богатство Брусссы въ смыслѣ памятниковъ составляютъ мечети, гробницы и цитадель.

¹⁾ Воспоминанія писались за мѣсяць до переворота въ Турціи.

Авт.

Многіе видять въ архитектурѣ брусскихъ мечетей смѣсь арабской, персидской и византійской архитектуръ. Однако, по словамъ моего учителя, многіе компетентные въ этомъ вопросѣ турки говорятъ, что въ лицѣ брусскихъ памятниковъ сохранились лучшіе образцы твореній османлисовъ.

Гробница султана Османа.

Главнымъ украшеніемъ большинства мечетей и тюрбе (гробницъ султановъ) служатъ фаянсовыя и эмалевыя украшенія, покрывающія какъ снаружи, такъ и внутри эти памятники.

Такъ какъ живопись кораномъ воспрещена, то турецкіе художники вложили все свое искусство, весь свой гений въ арабскія надписи или въ чудныя геометрическія сочетанія, образующія дивныя, по рисунку, арабески.

Особенно хороши изразцы, покрывающіе стѣны памятниковъ. Тутъ вложено все мастерство, все искусство. Въ изразцахъ поражаетъ особенно красота тоновъ. Быть можетъ, они сдѣланы невѣдомымъ теперь способомъ, быть можетъ, художникъ работалъ надъ ними до ослѣпленія, пока не получалъ желаемого тона. По всѣмъ вѣроятіямъ, мастера унесли тайну своего искусства въ собой въ могилу.

Осмотръ брусскихъ памятниковъ мы начали съ обозрѣнія цитадели, старой византійской постройки. Теперь цитадель называется Хиссаръ. Стѣны ея, построенныя въ III вѣкѣ Θεодоромъ Ласкеромъ, довольно хорошо сохранились, вѣроятно, потому, что султанъ Мухамедъ III ихъ возобновилъ. Быть можетъ, стѣны дѣйствительно построены еще Пруссіемъ. Такъ или иначе, постройка эта рѣдка по своей грандіозности, по размѣрамъ. Въ цитадели 5 воротъ: восточныя Капличка-Капусу, западныя — Геръ-Капусу, сѣверныя Денизь-Капусу и двое другихъ — Зинданъ-Капусу и Су-Капусу, выходящія на гору. Въ цитадели находится рѣдчайшій памятникъ брусской старины — Зеленая мечеть. Пока до свиданья. Пожавъ другъ другу руки, мы разошлись, чтобы сойтись завтра для осмотра этого рѣдкаго по красотѣ памятника. Еще издали, изъ цитадели, мечеть едва видна, чуть выдѣляясь изъ окружающей зелени бирюзовымъ оттѣнкомъ части своихъ стѣнъ.

Раннимъ утромъ на другой день мы уже шли по направленію къ Зеленой мечети, до которой было довольно далеко, и мы рисковали, выйдя позднѣе, попасть подъ самый зной, который въ Бруссѣ, кстати сказать, почти невыносимъ. Зеленъ какъ-то сразу опускается, на улицахъ жизни почти нѣтъ, окна домовъ закрыты, шторы опущены, однѣ лишь собаки лежатъ поперекъ улицъ, лѣниво почесываются, высунувъ сухіе языки.

Но вотъ разстояніе до Зеленой мечети все сокращается и сокращается. Передъ вами все рѣзче и рѣзче вырастаютъ строгія очертанія этой мечети, все яснѣе и яснѣе съ каждой минутой вы видите отдѣльныя мѣста зеленыхъ фаянсовъ, нѣкогда покрывавшихъ сплошь эту мечеть снаружи; теперь разница между зеленою и изразцами видна больше. Бирюзовый оттѣнокъ фаянсовъ такъ и блеститъ, такъ и горитъ на яркомъ солнцѣ. Пока мы приближаемся къ этому, безспорно, лучшему памятнику Бруссы, мой учитель рассказываетъ мнѣ краткую исторію этой мечети.

«Зеленая мечеть построена въ 1420 году, по европейскому лѣточисленію, султаномъ Мехмедомъ II, кѣмъ и была названа мечетью «Челеби» (т.-е. господина). Вотъ въ этой мечети дѣйствительно есть смѣсь арабскаго и персидскаго стиля. Кварталь, куда мы сейчасъ войдемъ, называется Седъ-Баши. Вы посмотрите, мечеть вся изъ мрамора. Она нѣсколько разъ страдала отъ землетрясеній и приходилось возобновлять эмальированные фаянсы; на мечети темныя пятна — это позднѣйшій фаянсъ. Ни одинъ художникъ не могъ подобрать того же

тона; преобладающій цвѣтъ фаянсовъ зеленый, отчего она и получила свое названіе Лешиль-Джами (Зеленая мечеть). Мы у мечети. Она выросла передъ нами стройная, спокойная, бѣлая снизу. Сквозь

Зеленая мечеть въ Брусѣ.

мраморъ пробилась трава. Главныя ея двери сказочной красоты. Узоръ, окружающій двери, поражаетъ тонкостью и изяществомъ работы. Надъ дверью, будто сталактиты въ гротѣ, сгруппировалась

въ причудливомъ рисункѣ роскошная рѣзьба изъ бѣлаго мрамора. Не знаешь, куда смотрѣть: на двери или на окна, окруженныя цѣлымъ кружевомъ тончайшаго узора. Господи, неужели это все дѣло рукъ смертныхъ!..

Несмотря на богатѣйшія детали, общее впечатлѣніе мечети удивительно скромное, спокойное.

Вы входите въ мечеть черезъ вестибюль, стѣны котораго отдѣланы дивными фаянсами. Двѣ чудныя розетки огромныхъ размѣровъ, выдѣляющіяся на нѣжно-ласкающемъ зеленомъ фонѣ—восхитительныя вещи. Онѣ, лишь эти двѣ розетки, представляютъ собою цѣлое состояніе. Вправо и влѣво по вестибюлю идутъ лѣстницы, ведущія въ султанскую ложу и въ двѣ отдѣльныя залы, видимыя изъ самаго храма, черезъ узорчатыя рѣшетки оконъ.

Войдите въ храмъ. Сзади васъ царская ложа, и надъ ней вы читаете слѣдующее:

«Украшеніе этого святаго храма закончено рукой благочестиваго Иліаса, сына Али, сына Иліасъ-Али, къ концу святаго рамазана 827 года».

Эта дата совпадаетъ совершенно съ 1423 годомъ по Р. Хр. Самый храмъ находится подъ главнымъ куполомъ, украшеннымъ дивными арабесками. Съ купола спускаются четыре красивыя люстры.

По бокамъ главной двери едва замѣтныя двѣ крошечныя дверцы, ведущія въ боковыя залы. Въ глубинѣ храма ниша, возвышающаяся на нѣсколько ступеней надъ поломъ. Ниша вѣнчается куполомъ, съ котораго спускаются двѣ люстры. Ниша отдѣлена отъ храма двумя громадными мраморными колоннами. Четыре маленькія мраморныя колонны вставлены сверху и снизу по угламъ большихъ колоннъ такъ, что могутъ вращаться вокругъ своей оси. Движеніе этихъ колоннъ очевидно, ибо сотни землетрясеній ничего не могли подѣлать съ этими двумя колоссальными колоннами. Въ центрѣ храма небольшой фонтанчикъ, пускающій серебристыя струйки въ небольшой мраморный бассейнъ. Въ глубинѣ храма находится Михрабъ, портикъ, къ которому поворачиваются всегда правовѣрные во время молитвы. Михрабъ этотъ — шедевръ древняго искусства. Высокій и величественный, цѣликомъ фаянсовый, онъ производитъ волшебное, сказочное впечатлѣніе. Цвѣты, арабески, надписи выпуклыя, безконечно сплетающіяся своими пестрыми оттѣнками, рѣзко выдѣляются на бѣлыхъ мраморныхъ стѣнахъ, а надъ всѣмъ этимъ безконечная гармонія узора и красокъ—цѣлый причудливый узоръ трилистниковъ ласкается и льнетъ къ нѣжнымъ мраморнымъ стѣнамъ. Первое, что поражаетъ при входѣ въ храмъ, сто зеленый фонъ. Узоры всѣ отдѣлены отъ него черными эмалевыми полосками. Узоры, цвѣты, арабески сходятся, образуя геометрически правильныя фигуры, гирлянды, розетки, медальоны. Заль справа отъ храма представляетъ тоже художественное сокровище, въ видѣ дивныхъ арабесокъ, покрывающихъ его стѣны.

Я вышелъ изъ храма прямо подавленный великолѣпиемъ, красотой и простотой вмѣстѣ съ тѣмъ. Недалеко отъ Зеленой мечети находится «Зеленое тюре»—гробница султана Мехмеда-Теръ (1421 г.). Стѣны ея были тоже усыпаны зеленымъ фаянсомъ; но большинство

Мечеть Улу-Джами въ Бруссѣ.

фаянсовъ осыпалось благодаря землетрясеніямъ. Осыпавшіеся фаянсы, дивныя древнія сокровища, замѣнены неудачными подражаніями. Постройка представляетъ собою подражаніе Большой мечети, съ воздушнымъ куполомъ. Внутренность тоже богато усыпана роскош-

ными фаянсами. На полу разостланъ богатый коверъ, а въ центрѣ большой саркофагъ, нѣсколько скромнѣе гробницы султана Османа. И здѣсь, однако, путешественникъ невольно останавливается передъ Михрабомъ, настолько онъ красивъ, причудливъ и такъ художественно переплетаются его узоры.

На обратномъ пути мой турокъ показываетъ мнѣ на одну изъ мечетей и говорить:

— Посмотрите, вонъ мечеть Мурадѣе. Она замѣчательна тѣмъ, что во время землетрясеній почти ни одинъ камень, ни одинъ кирпичъ не упалъ съ нея. Какова же должна быть постройка! Какой искусный архитекторъ скрѣпилъ ее и сдѣлалъ непреступной даже землетрясеніямъ—неизвѣстно.

Въ одинъ прекрасный день я со своимъ другомъ-туркомъ очутился въ театрѣ, настоящемъ турецкомъ театрѣ. Я шелъ туда, откровенно сознаюсь, съ предвзятой мыслью. Чего можно было ждать. Однако я былъ страшно удивленъ, найдя противоположное. На меня произвела глубокое впечатлѣніе не вещь, довольно пустая, а игра, полная жизни на сценѣ. Я турокъ совершенно не узнавалъ. Неужели это тѣ же лѣнливые турки, способные только курить, пить кофе да брать бакшиши! Нѣтъ, здѣсь они прямо переродились. Здѣсь была жизнь, живая, кипучая, быть можетъ, такая самая, которая скрыта отъ насъ рѣшетками оконъ, черными фередже и сообщеніями дипломатовъ.

Угостили насъ сперва большой порціей душураздирательной музыки, которая, говорятъ совершенно серьезно, многимъ нравится. Правда, въ мотивѣ много тоски, но тоски непонятной мнѣ, какъ чужестранцу.

Послѣ хорового пѣнія мужчинъ пѣли гречанки, должно быть, хорошо владѣющія языкомъ. По нѣкоторымъ словамъ, долетавшимъ до меня, онѣ, очевидно, рассказывали сюжетъ пьесы, сопровождая пѣніе восточными танцами, полными то страстной нѣги, то бурной, кипучей страсти. Фигуры танцовщицъ то плавно замирали въ нѣжныхъ, полныхъ лѣни и нѣги позахъ, то трепетали, содрогаясь до малѣйшей жилки, будто подъ ласками любимаго человѣка...

Крики: «Саукъ-су! лимонада газесъ! Кахве!» раздававшіеся въ антрактахъ, быстро стряхивали впечатлѣніе танцевъ и возвращали къ дѣйствительности. Театръ довольно большой, съ двумя ярусами ложъ, съ галереей и партеромъ. Въ партерѣ платятъ всѣ одну и ту же цѣну и садятся гдѣ хотятъ. Въ ложахъ душно и жарко: онѣ цѣликомъ закрыты съ боковъ отъ любопытныхъ глазъ сосѣдей. Однако, одинъ фактъ поразилъ меня: одна изъ артистокъ, должно быть, бенефициантка, ходила по партеру, по ложамъ, по галереѣ и собирала на тарелочку деньги. Видимо, и артисты не получаютъ въ Турціи жалованья. Вѣроятно, между артистками ведется строгая очередь въ собираніи денегъ.

Внутренность мечети Улу-Джами.

Театръ на меня произвелъ настолькоъ благоприятное впечатлѣніе, что я съ радостью и съ большимъ удовольствіемъ ходилъ еще нѣсколько разъ. Досадно одно: во всѣхъ турецкихъ вещахъ масса убійствъ. Въ одной пьесѣ, напримѣръ, въ теченіе пяти дѣйствій умираетъ восемь человѣкъ. Да вотъ еще что сильно мѣшаетъ хоро-

«истор. вѣстн.», августъ, 1909 г., т. сxvii.

17

пему впечатлѣнію—это позднее начало. Представленіе начинается лишь въ 10—11 часовъ вечера по нашему времени. Кончается же спектакль около двухъ, половины третьяго,—вотъ это тяжело. Чувствуешь себя уже къ серединѣ пьесы совершенно усталымъ.

Еще однимъ рѣдкимъ памятникомъ старины служить видимая на центральномъ плато Брусы Большая мечеть, или, по-арабски, Улу-Джами, какъ ее называютъ и въ Брусѣ. Мечеть эта начата постройкой еще султаномъ Баязидомъ и была закончена Мехмедомъ I, основателемъ Зеленой мечети. Четыре фаса ея внутри раздѣлены по своей длинѣ на 6 частей, образуя такимъ образомъ 24 отдѣльных части, съ 25-й большой въ центрѣ.

Каждая часть имѣетъ свой куполь, и большій изъ нихъ вѣнчаетъ самую центральную, большую часть. Этотъ куполь даетъ свѣтъ черезъ отверстіе, прикрытое трельяжемъ изъ бронзы со вставленными разноцвѣтными стеклами. Подъ центральнымъ куполомъ находится огромный бассейнъ изъ бѣлаго мрамора. Вода попадаетъ въ бассейнъ изъ художественнаго фонтана, тоже бѣлаго мрамора. Подобный большой бассейнъ есть еще въ одномъ мѣстѣ—въ мечети Омара въ Иерусалимѣ.

Бассейнъ этотъ (въ Улу-Джами) содержитъ въ себѣ золотыхъ рыбокъ, которыхъ кормятъ богомольцы. Въ глубинѣ храма (на фотографіи за фонтаномъ, чуть лѣвѣе) находится художественной работы Михрабъ.

Рѣдкость мечети составляетъ минбергъ (каедрa для проповѣдниковъ въ мечетяхъ), рѣзная изъ чернаго дерева, обогащенная инкрустациями изъ слоновой кости и перламутра. Каедрa эта украшаетъ одинъ изъ угловъ мечети. Ее работаль какой-то неподражаемый скульпторъ-арабъ. Находящаяся при мечети библіотека—одна изъ рѣдчайшихъ по манускриптамъ, рѣдкимъ изданіямъ.

Нѣкогда эта мечеть была украшена рѣдчайшими дорогими орнаментами. Подставки куполовъ были цѣликомъ покрыты цвѣтами и орнаментами, едѣланными на золотомъ фонѣ, и среди нихъ блестящими разноцвѣтными узорами или надписями. Единственное, что осталось въ этой мечети еще замѣчательнаго, это гигантскія надписи черной краской на бѣлыхъ, какъ снѣгъ, мраморныхъ стѣнахъ.

По дорогѣ изъ Брусы въ хорошенькомъ мѣстечкѣ Чекерке, лежащемъ на склонѣ предгорья Олимпа, расположены минеральныя бани Эски-Каплиджа. Внутри онѣ ничего собою не представляютъ особеннаго. Это простыя бани, по съ бассейномъ сѣрной воды. Температура ключей здѣсь, какъ и ключей, собираемыхъ для бань Лени-Каплиджа, такъ высока (около 86° Ц.), что ихъ приходится разбавлять холодной ключевой водой, въ изобиліи даваемой снѣгами Олимпа.

Бани Лени-Каплиджа принадлежатъ, въ числѣ другихъ бань, цѣлебной станціи Бадемли. Въ числѣ этихъ бань находится одна,

вода которой содержитъ большую дозу магnezіи—это бани Кара-Мустафа. Сотни, тысячи больныхъ прїѣзжаютъ въ Бруссу для леченія и выходятъ отсюда бодрыми и почти исцѣленными отъ самыхъ тяжкихъ недуговъ. Жалко, что среди русской публики

Одна изъ улицъ въ Бруссѣ.

это мѣсто мало извѣстно! Климатъ, воздухъ, окрестности, памятники старины, источники и наконецъ въ іюлѣ виноградъ—вотъ что къ услугамъ прїѣзжающихъ въ Бруссу. Брусса, кромѣ того, центръ военнаго и гражданскаго управленій огромнаго вилайета. Вмѣстѣ съ

тѣмъ это огромный промышленный центръ. Число жителей достигаетъ 85 тысячъ, изъ нихъ 50 тысячъ мусульманъ. Правда, самъ городъ не блещетъ красотой улицъ, въ немъ нѣтъ роскошныхъ магазиновъ, но все необходимое, въ смыслѣ продуктовъ, свѣжее и доброкачественное, вы всегда достанете.

Я съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю проведенное въ Бруссѣ и ея окрестностяхъ время. Подъемъ на Олимпъ открылъ передо мной такіе виды, о какихъ я не смѣлъ и помыслить. Подниматься на него, однако, рекомендуется компаніями въ виду того, что въ лѣсахъ, обильно покрывающихъ скаты этого исполина, кишатъ звѣри: медвѣди, кабаны, волки и даже маленькія пантеры.

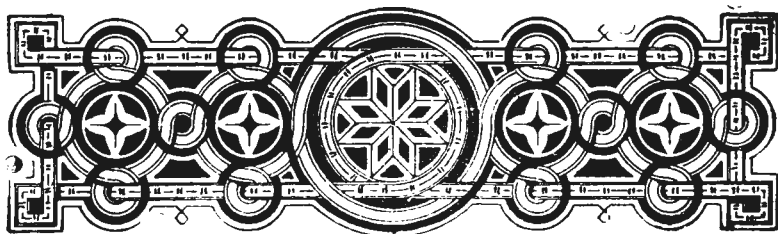
Что портитъ все впечатлѣніе Бруссы при отъѣздѣ изъ нея—это невыносимая канцелярская волокита. Снова надо вамъ свидѣтельствовать вашъ тезкере, а что хуже всего—такъ ваши вещи снова подвергаются осмотру. При отъѣздѣ изъ Бруссы надо платить немалое количество разъ. Во-первыхъ, за то, что разрыли ваши вещи въ таможенѣ, вы платите; во-вторыхъ, за то, что хотите взять билетъ на пароходъ,—опять платите и, наконецъ, въ третій разъ, слава Богу, въ послѣдній, вы платите за право попасть на самый пароходъ. Не думайте, что я шучу,—ничуть не бывало! Господи, думаешь, сидя на пароходѣ, когда берегъ начинаетъ скрываться вдаль, что за райскій уголокъ Бруссы, чего тамъ только нѣтъ—все, кажется, хорошо! Такъ нѣтъ же, затесались туда турки, заѣли природу, испортили радужное свѣтлое впечатлѣніе, полученное отъ нея, своей формалистикой, лѣнью, своей продажностью, взяточничествомъ, волокитой. И какъ ни хорошо здѣсь, думается, а дома все же лучше,—и съ этими мечтами сидишь на пароходѣ, ждешь, когда покажется Константинополь, этотъ старый волшебникъ и чародѣй, красавецъ снаружи и гниль внутри. Пріѣдешь въ Константинополь, остается только выполнить кое-какія формальности, взять билетъ и дальше, дальше:

Туда, гдѣ миртъ не расцвѣтаетъ,
Гдѣ ель одиноко растетъ,
Гдѣ, сѣрый гранитъ омывая,
Балтійское море реветъ.
На сѣверъ далекій, угрюмый,
Холодный, но сердцу родной..

И такъ легко, такъ хорошо дѣлается на душѣ. Забываешь все, что видѣлъ худого въ Турціи, и помнишь только одно свѣтлое, одно чарующее, чего въ ней еще много...

Бей-оглу.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Воспоминанія дипломата Румбольда.

АНГЛИЙСКАЯ историческая литература издревле изобилуетъ всевозможными Diaries, Recollections, Contributions и Memoirs, въ которыхъ выдающіеся люди знакомятъ англійское общество не столько съ подробностями частнаго своего быта, сколько съ участіемъ, которое они принимали въ тѣхъ или иныхъ общественныхъ событіяхъ. Благодаря развитію политической жизни и тому интересу, который британское общество питаетъ къ ознакомленію со всеми подробностями внутренней и внѣшней политики своего отечества, мемуары выдающихся современниковъ являются какъ бы фактическими отчетами сановниковъ передъ обществомъ, ввѣрившимъ имъ свои интересы, а потому хотя и носятъ нѣсколько сухой характеръ, въ общемъ оказываются несравненно болѣе содержательными, чѣмъ, напримѣръ, французскіе мемуары, болѣею частью не идущіе далѣе сообщенія пестрыхъ анекдотическихкихъ подробностей о людяхъ и событіяхъ трактуемой эпохи.

Недавно литература англійскихъ мемуаровъ обогатилась появленіемъ «Recollections of a diplomatist» баронета сэра Горациа Румбольда.

Членъ старинной гертфордской дворянской семьи, Гораций Румбольдъ (род. въ 1829 г.) получилъ тщательное юридическое образованіе, въ 1851 г. вступилъ на дипломатическое поприще, перебивавъ,

кромя Китая, чуть ли не во всѣхъ британскихъ миссіяхъ въ Европѣ, женился на американкѣ (миссъ Гаррингтонъ), а съ 1873 г. началъ уже занимать посланническіе посты, начиная съ Чили и кончая Вѣною.

Съ 1869 по 1871 годъ Румбольдъ прожилъ въ Петербургѣ. Занимая должность секретаря посольства, онъ при частыхъ отлучкахъ посланника Буханана перѣдко отправлялъ отвѣтственныя обязанности повѣреннаго въ дѣлахъ. Благодаря тому обстоятельству, что братъ Румбольда Уильямъ былъ женатъ на княжнѣ Надеждѣ Алексѣевнѣ Лобановой-Ростовской, у сэра Г. Румбольда оказались, по свойству, интимныя связи въ петербургскомъ «большомъ свѣтѣ», и его воспоминанія объ этой полосѣ его жизни, на ряду съ отзывами о тогдашнихъ политическихъ событіяхъ, характеристиками князя А. М. Горчакова и ближайшихъ его сотрудниковъ, заключаютъ немало любопытныхъ подробностей о нашемъ великосвѣтскомъ обществѣ.

Сказанное достаточно оправдываетъ появленіе извлеченія изъ мемуаровъ Румбольда на страницахъ «Историческаго Вѣстника».

«Въ февралѣ 1868 г.,—разсказываетъ сэръ Румбольдъ,—мы изъ Берна приѣхали на нѣсколько недѣль въ Ниццу, главнымъ образомъ, ради здоровья жены. Здѣсь я совершенно неожиданно узналъ отъ сэра Томаса Сандерсона ¹⁾, что лордъ Стенлей назначилъ меня секретаремъ британскаго посольства въ Петербургъ. Я, конечно, обрадовался движенію по службѣ и увеличенію содержанія, которое приносило съ собою новое назначеніе. Я служилъ уже 19 лѣтъ и, за исключеніемъ короткой командировки въ Китай, мое жалованіе до той поры никогда не превышало 400 фунтовъ стерлинговъ (4,000 рублей) въ годъ. Мы быстро вернулись въ Бернъ, чтобы распродать наше небольшое хозяйство, а затѣмъ я отвезъ жену въ Англію, гдѣ она была представлена ко двору... Въ первую недѣлю августа мы чрезъ Берлинъ и Кёнигсбергъ уже ѣхали въ Петербургъ.

«Вечеромъ 10-го августа мы достигли конечной цѣли путешествія—Петербурга, гдѣ посольство уже озаботилось нашимъ устройствомъ, и мы потряслись по безконечнымъ, какъ намъ казалось, улицамъ, отвратительно замощеннымъ, на отдаленную Захарьевскую улицу. Здѣсь намъ любезно предоставилъ свою квартиру Константинъ Филпсъ, уѣхавшій въ отпускъ, и квартира эта оставалась въ полномъ нашемъ распоряженіи, пока мы не обзавелись собственнымъ кровомъ.

¹⁾ Теперешняго несмѣняемаго помощника государственнаго секретаря по иностраннымъ дѣламъ.

«Наше посольство на углу Дворцовой набережной и Марсова поля выходило къ Троицкому мосту и занимало большую часть огромнаго дома князя Салтыкова.

«Посольство въ то время было почти пусто, такъ какъ Бухананы лѣто проводили на дачѣ въ Лиговѣ, по Петергофской дорогѣ. Я никогда не имѣлъ болѣе милого начальства, чѣмъ Бухананы. Сэръ Эндрю, съ своею сухою, прямою фигурою, красивыми чертами лица и обильными свѣжно-бѣлыми волосами, воспитанный по старинному, былъ чрезвычайно простъ и привѣтливъ въ обращеніи, но каждымъ дюймою своего существа являлся истымъ посланникомъ ея величества. Большая опытность въ дѣлахъ, осторожность и крайнее миролюбіе дѣлали Буханана чрезвычайно полезнымъ дѣятелемъ, на котораго вполне можно было положиться въ современныхъ условіяхъ дипломатической службы, которыя требуютъ исполнительности и скорѣе обезкураживаютъ, чѣмъ поощряютъ творческой личной починъ, и низводятъ представителя Великобританіи до роли превосходительнаго клерка Foreign Office, цѣпляющагося за телеграфныя провода. Впрочемъ, сэръ Эндрю былъ очень далекъ отъ того, чтобы не проявлять энергіи и самостоятельности въ сужденіяхъ, что и показалъ года два спустя, когда русское правительство столь смѣло упразднило статьи Парижскаго трактата касательно Чернаго моря. Впрочемъ, по натурѣ, сэръ Бухананъ гораздо болѣе тяготѣлъ къ спорту, чѣмъ къ дипломатіи, и, несмотря на непастье, рѣдко когда не охотился со своими собаками, цѣлую свору которыхъ держалъ въ деревнѣ Горѣловѣ, около лѣтней своей резиденціи.

«Что касается леди Бухананъ, сестры Уильяма Стьюарта, стараго моего сослуживца по парижской миссіи, то я былъ бы неблагодарнымъ существомъ, если бы не сохранилъ въ признательной памяти ея къ намъ доброты. Леди Бухананъ была во всѣхъ отношеніяхъ интересная и самобытная особа. Ея манера одѣваться и ея акцентъ во французской рѣчи были совсѣмъ особенные и только такая *grande dame par excellence*, какою она была, могла себѣ позволять подобныя вольности. Тѣмъ не менѣе спокойное достоинство, быстрый умъ и всегдашняя готовность къ остроумной отповѣди обезпечили ей въ Петербургѣ исключительное положеніе; быстрота и ловкость, съ которою она умѣла парировать все, граничившее съ дерзостью и вольностью, внушали къ ней особое почтеніе. При такихъ условіяхъ, конечно, пріязнь леди Бухананъ могла снизкаться только у лицъ, которыя освоивались съ ея незаурядными возвышенными качествами, тогда какъ болѣе разнузданные элементы, неизбѣжныя въ обществѣ, питали къ ней спасительный страхъ и старались держаться отъ нея подальше...

«Я до сихъ поръ еще не упоминалъ,—продолжаетъ Румбольдъ,—о моихъ непосредственныхъ сотоварищахъ по посольству. Дорогой

старый Викторъ Друммондъ, который съ своею очаровательною женою проявили по отношенію къ намъ въ послѣдствіи широкое гостепріимство въ своей роскошной мюнхенской резиденціи ¹⁾, занималъ должность старшаго второго секретаря и завѣдывалъ канцеляріею. Непосредственно за нимъ слѣдовалъ Фредерикъ Антробусъ, бывший въ ту пору никогда не унывавшимъ весельчакомъ; въ послѣдствіи онъ отказался отъ мірскихъ и дипломатическихъ суетъ и превратился въ степеннаго патера, нынѣ состоящаго настоятелемъ ораторіанской церкви въ Лондонѣ. Константинъ Фиппсъ ²⁾ и его милая жена, о которыхъ я упоминалъ вскользь, вкорѣ переселились изъ Петербурга въ Штутгартъ, а Фиппса замѣнилъ мой большой пріятель Эдвинъ Эджертонъ ³⁾. Наиболѣе примѣчательнымъ членомъ нашего посольскаго персонала, несомнѣнно, былъ Томасъ Митчелль — «Оома Ивановичъ», который одновременно несъ и консульскую и дипломатическую службу. Митчелль собственно былъ англійскимъ консуломъ въ Петербургѣ, и очень дѣльнымъ, но ему было присвоено званіе второго секретаря посольства, что открывало ему доступъ къ придворнымъ пріемамъ и празднествамъ ⁴⁾. Безпримѣрное знакомство Оомы Ивановича съ русскимъ языкомъ и людьми, незаурядныя дарованія и работоспособность сулили Митчеллю большій служебный успѣхъ, чѣмъ какого онъ достигъ, но въ русскомъ officialномъ мѣрѣ къ Митчеллю относились нѣсколько предубѣжденно, такъ какъ по своимъ русскимъ связямъ и знанію страны онъ могъ оказывать британскимъ интересамъ безцѣнныя услуги; съ другой же стороны, Митчелль случайно оплошалъ и провинился въ неумѣстной болтливости. Такимъ образомъ, въ Петербургѣ почва подъ Митчеллемъ загорѣлась, и дальнѣйшей карьерѣ, которая для него прочно намѣчалась при петербургской миссіи, положенъ былъ конецъ. Хотя Митчелль занялъ почетный и безмятежный постъ генеральнаго консула въ Христіаніи, но никогда не могъ примириться съ петербургскимъ своимъ пораженіемъ. Этотъ даровитый и сердечный добрый малый быстро сгорѣлъ отъ разбитаго сердца.

«Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ мы имѣли еще при посольствѣ безвозмездно служившаго Уарда, безвременная кончина котораго произвела на меня сильное впечатлѣніе.

¹⁾ В. А. Друммондъ былъ позднѣ англійскимъ посланникомъ въ Мюнхенѣ.

²⁾ Фиппсъ въ настоящее время состоитъ великобританскимъ посланникомъ въ Брюсселѣ.

³⁾ Сэръ Эдвинъ Эджертонъ состоитъ въ настоящее время великобританскимъ посланникомъ въ Афинахъ.

⁴⁾ Оома Ивановичъ Митчелль родился въ Кронштадтѣ и принадлежалъ къ англійской семьѣ, давно осѣвшей въ Россіи. Смѣнилъ его въ качествѣ генеральнаго консула его братъ, Джонъ Митчелль, успѣшно выполнявшій многотрудныя свои обязанности, благодаря широкой ознакомленности съ условіями русской жизни.

«Однажды по трескучему холоду Уардъ въ открытыхъ саняхъ отправился къ управляющему Государственнымъ банкомъ Е. И. Ламанскому на фехтовальный сеансъ. Въ передней у Ламанскаго стояла клѣтка съ попугаемъ; съ послѣднимъ Уардъ давно уже свелъ дружбу. Птица, казалось, была совсѣмъ приручена, и Уардъ, выйдя изъ фехтовального зала, подошелъ къ клѣткѣ и хотѣлъ полакомить попугая кускомъ сахара, который держалъ въ зубахъ. Попугай слегка долбануль Уарда клювомъ въ губу, изъ которой потекла кровь. Уардъ приложилъ къ губѣ платокъ и долго простоялъ на подъѣздѣ, поджидая свои сани. На слѣдующій день Уардъ со всѣми нами былъ на балу въ Зимнемъ дворцѣ, но я замѣтилъ, что губа у него заклеена пластыремъ. На слѣдующій день Уардъ прислалъ извѣщеніе, что недомогаетъ, и менѣе чѣмъ въ недѣлю скончался отъ остраго зараженія крови, не достигнувъ 23-лѣтняго возраста, когда, по духовному завѣщанію отца, долженъ былъ вступить въ обладаніе ежегоднымъ доходомъ въ 12—15 тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

«По одной версіи, смерть Уарда была обусловлена ядовитымъ укушеніемъ попугая, по другой же версіи, долгое пребываніе на холоду съ открытой раной вызвало мѣстное разложеніе крови, которое и разнеслось по организму».

Въ Лиговѣ около Буханановъ въ ту пору ютились представители разныхъ крупныхъ англійскихъ фирмъ, въ родѣ Губбардовъ, Джибсоновъ, Бэрдовъ, Томсоновъ, Бонаровъ и пр.

«Вскорѣ, — рассказываетъ Румбольдъ, — мы и сами сдѣлались частыми посѣтителями Лигова, гдѣ у Буханановъ встрѣчали небольшой кружокъ нѣсколькихъ нашихъ *chers collègues* и кое-кого изъ близкихъ друзей леди Бухананъ. Среди послѣднихъ особенною любовью нашего посольскаго персонала пользовалась княгиня Дина Суворова, внучка знаменитаго фельдмаршала—законченный и чрезвычайно привлекательный типъ высокообразованной, хотя и нѣсколько эмансипированной русской женщины. Въ Лиговѣ же я познакомился впервые съ такими людьми, какъ Жомини—талантливѣйшее перо канцеляріи кн. Горчакова, юнымъ и популярнымъ Сашей Бенкендорфомъ, мать котораго, урожденную княжну Крой, я хорошо знавалъ еще въ Штутгартѣ¹⁾, и Анненковымъ, который составилъ себѣ крупное имя постройкою Закаспійской желѣзной дороги чрезъ всю Среднюю Азію.

«Я имѣлъ и инныя еще причины для частыхъ посѣщеній Лигова. Бухананы нанимали дачу въ имѣніи графини Куселевой-Безбородко, которая сама жила тамъ же каждое лѣто, занимая барскій домъ. Милая эта старуха была дивнымъ, уже вымирающимъ типомъ большой русской барыни добраго стараго времени.

¹⁾ Графъ. Александръ Бенкендорфъ, занимающій нынѣ постъ посланника при Сентъ-Джемскомъ дворѣ.

«Она доводилась теткою Надинѣ Лобановой (на послѣдней былъ женатъ братъ сэра Горація Румбольда), а потому приняла насъ съ самаго начала *sur le pied de parenté!*

«Графиня Кушелева-Безбородко давно вдовѣла, собственныхъ дѣтей не имѣла, но не была свободна отъ семейныхъ заботъ. Однажды ночью лѣтъ за двадцать слишкомъ передъ тѣмъ два младенца въ корзинкахъ были подброшены одновременно къ подѣздамъ графа Кушелева-Безбородко и барона Штиглица, едва ли не самыхъ богатыхъ и выдававшихся въ то время представителей петербургскаго общества. Оба младенца были въ обоихъ домахъ усыновлены и, какъ гласили слухи, тайна, сопряженная съ ихъ рожденіемъ, осталась неразъясненною. Одна изъ малютокъ сдѣлалась удивительною красавицею и достигла огромнаго богатства; воспитанная въ домѣ Штиглица на Англійской набережной, она вышла замужъ за А. Поголова, сенатора, государственнаго секретаря и близкаго друга великаго князя Владимира Александровича. Другая малютка выросла въ роскоши подъ сѣнью кушелевскаго дворца и была выдана замужъ за одного изъ князей Голицыныхъ, но тотъ оказался мотомъ и сдѣлалъ все возможное, чтобы разорить благотѣлительницу и пріемную мать своей жены. Маня Голицына, впослѣдствіи разведшаяся съ своимъ супругомъ и вышедшая вторымъ бракомъ за маркиза Инконтри, хотя и не была красавицею, но обладала обаятельностью, была большая умница и являлась центромъ тѣснаго семейнаго кружка, который собирался около милой, добросердечной старой графини; въ этотъ кружокъ мы и попали сразу.

«Несмотря на богатство и обширныя земельныя владѣнія, надъ домомъ Кушелевой тяготѣли уже невзгоды. Освобожденіе крестьянъ и самостоятельное, въ дѣйствительности безотвѣтственное хозяйничаніе управляющихъ не могло не принести горькихъ плодовъ и должно было разорить многихъ изъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ, такъ какъ послѣдніе, за отсутствіемъ желѣзныхъ дорогъ въ ту эпоху, рѣдко наѣзжали въ отдаленныя вотчины и еще рѣже давали себѣ трудъ входить въ подробности управленія.

«Красивый старинный особнякъ Кушелевыхъ на углу Фонтанки былъ еще переполненъ восхитительною мебелью и цѣнными предметами искусства, но изъ года въ годъ на сцену появлялся Дэвисъ или иной крупный лондонскій либо парижскій антикварій, а вслѣдъ за ихъ посѣщеніемъ изъ дворца исчезала какая-нибудь единственная въ своемъ родѣ севрская ваза или портретъ кисти Грѣза, и милая старая графиня съ печальною улыбкою оправдывалась: «*Vous savez, mon cher, j'ai du m'en défaire; on m'en offre un si beau prix!*» (Вы знаете, мой милый, я должна была уступить эту вещь—миѣ вѣдь за нее предложили такую хорошую цѣну!).

«Въ теченіе трехъ лѣтъ, что я прожилъ въ Петербургѣ, я видѣлъ, какъ постепенно, штука за штукой, исчезала большая часть этой чудной коллекціи.

... несмотря на внушительные размѣры и цѣнность, коллекція та составляла всего только $\frac{1}{3}$ огромнаго собранія рѣдкостей и дивныхъ предметовъ искусства, которое было первоначально образовано въ эпоху французской революціи княземъ Безбородкомъ, канцлеромъ Екатерины Второй. Подобно нашему принцу-регенту, которому Виндзорскій замокъ обязанъ большею частью своихъ сокровищъ, и этотъ старый лукавый царедворецъ держалъ особыхъ агентовъ въ Парижѣ; имъ поручалось скупать роскошную домашнюю обстановку, оставшуюся послѣ французской знати, подвергшейся проскрипціи, такъ какъ движимость эта была разграблена и выкинута за безцѣнокъ на рынокъ невѣжественною и грубою толпою. Изящнѣйшія произведенія французскаго искусства XVIII в. — безцѣнная мебель, вышедшая изъ рукъ Ризенера и Гутьера, картины и портреты кисти Грѣза, Буше и Наттье, севрскій фарфоръ и гобелены высшихъ сортовъ вошли въ составъ великолѣпнѣйшаго безбородкинскаго собранія; оно было настолько обширно, что образовало три истинно княжескія коллекціи при раздѣлѣ наслѣдія послѣ смерти Безбородка. Я былъ свидѣтелемъ постепеннаго и наводившаго на мрачныя размышленія исчезновенія одной части этого наслѣдія.

«Впрочемъ, Петербургъ въ мое время изобиловалъ лавчонками старьевщиковъ, и однимъ изъ нашихъ излюбленныхъ развлеченій было странствованіе по полувосточному базару — Щукину двору, гдѣ въ смѣшныхъ лавчонкахъ среди всякаго хлама можно было порою найти весьма цѣнныя вещи, а особенно китайскій фарфоръ».

Послѣ продолжительныхъ бесплодныхъ поисковъ Румбольды только въ мартѣ подыскали на Сергіевской маленькій деревянный особнячокъ, неказистый съ виду, но удобно и хозяйственно расположенный.

«Здѣсь мы устроились, — говоритъ онъ, — очень уютно и при случаѣ задавали маленькіе обѣды; изъ нихъ мнѣ особенно памятенъ обѣдъ, устроенный въ честь очаровательнѣйшаго изъ артистовъ Маріо ди Кандія, который, если не ошибаюсь, тогда пѣлъ въ Петербургѣ послѣдній сезонъ. Бухананы, княгиня Lise Трубецкая и княгиня Léon Кочубей были въ этотъ вечеръ нашими гостями, и милый старый Маріо sans se faire trop prier (не заставляя долго себя просить) пропѣлъ пару-другую вещей изъ своего обширнаго репертуара — такъ, какъ только онъ одинъ умѣлъ пѣть въ интимномъ обществѣ.

«Въ перерывахъ между пѣніемъ я его уводилъ къ себѣ въ уборную, чтобы онъ могъ нѣсколько разъ затануться крѣпчайшею сигарою, ибо онъ былъ рабомъ куренія, уничтожившаго его голову и подточившаго его здоровье. Я и посейчасъ храню фотографическій портретъ, тогда же мнѣ подаренный Маріо съ шутивымъ посвященіемъ.

«Въ этомъ же особнячкѣ въ февральское утро 1869 г. (5-го) родился мой старшій сынъ... Сохраненіемъ его жизни я обязанъ непреходящею признательностью д-ру Красовскому—петербургскому Лококу и одному изъ милѣйшихъ и искуснѣйшихъ врачей, какихъ я знавалъ. Я хорошо помню, какъ мы удивились при первомъ его къ намъ визитѣ, увидавъ его въ полной генеральской формѣ, при шпагѣ и со шляпой съ плюмажемъ. Приѣхалъ къ намъ Красовскій отъ какой-то великой княгини, такъ какъ онъ вообще былъ въ милости у царской фамиліи, большей части младшихъ членовъ коей способствовалъ появленію на свѣтъ. Тѣмъ не менѣе, какъ онъ мнѣ откровенно признался, его польское происхожденіе всегда говорило противъ него, и онъ не могъ не сознавать, что къ нему относятся подозрительно.

«Въ концѣ марта Бухананъ съ женою надолго уѣхалъ въ отпускъ, и я принялъ въ завѣдываніе посольство. Передъ отъѣздомъ, когда легкая размолвка между мною и моимъ милѣйшимъ шефомъ была улажена, онъ заявилъ мнѣ о своемъ намѣреніи самолично свести меня съ канцлеромъ княземъ Горчаковымъ, съ которыми мнѣ предстояли дѣловыя сношенія. «Кстати,—спросилъ меня тутъ же Бухананъ:—имѣете ли вы понятіе о какихъ-нибудь поводахъ, которые говорили противъ вашего сюда назначенія?» Бухананъ мнѣ пояснилъ, что онъ находился въ Англии, когда о моемъ назначеніи въ Петербургъ было объявлено въ газетахъ, и при этомъ случаѣ русскій посланникъ Брунновъ высказалъ ему, что выборъ, на меня павшій, неосмотрителенъ. Брунновъ пояснилъ, что не имѣетъ никакихъ личныхъ противъ меня возраженій, но сослался на то, будто жизнь въ Петербургѣ страшно дорога и окажется мнѣ не по средствамъ. Сэръ Эндрью добавилъ, что, по его мнѣнію, посланникъ, вѣроятно, имѣлъ какія-нибудь особыя основанія для сдѣланнаго имъ замѣчанія. Хотя я и былъ нѣсколько удивленъ рассказомъ шефа, но особеннаго значенія ему не придалъ и отправился вмѣстѣ съ нимъ на свиданіе съ канцлеромъ. Я былъ освѣдомленъ о необычайномъ, прямо-таки ребяческомъ, тщеславіи князя черезъ моего давнишняго пріятеля по Карлсруэ и Бадену, Талейрана. Теперь же онъ занималъ постъ посланника при Россійскомъ дворѣ, и я попрежнему оставался съ нимъ на дружеской ногѣ. Талейранъ, который самъ особеннымъ благоволеніемъ со стороны князя не пользовался, увѣрялъ, что нѣтъ такой лести, которая бы въ Горчаковѣ возбуждала чувство гадливости.

«Tapez lui sur son vieux nez,—выразился Талейранъ далеко не дипломатично,—a grands coups d'encensoir, il n'en aura jamais assez» (Бейте его по старому его носу широкими взмахами кадила—каждене никогда ему не надоѣдаетъ).

«Когда я былъ представленъ прославленному государственному дѣятелю, онъ меня совершенно сразилъ вопросомъ: «Qu'est ce

que vous êtes venu trouver ici? Une ruine?» (Что вы приѣхали сюда искать? разоренія?) Послѣ этой странной насмѣшливой выходки князь вступилъ со мною въ бесѣду, очень задушевно разспрашивалъ меня о моей прежней службѣ и съ комплиментами отозвался, что кое-что онъ о ней знаетъ. Полный, невысокаго роста, почти не обличавшій признаковъ старчества, на которое онъ любилъ ссылаться, съ пытливымъ взоромъ, который плохо прикрывался золотыми очками, князь щеголялъ старомодными повадками и манерами, но произвелъ на меня съ перваго же раза очень благоприятное впечатлѣніе и впоследствии показывалъ мнѣ такую благосклонность, что я сохранилъ о немъ самыя пріятныя воспоминанія.

«Въ это время два вопроса главнымъ образомъ привлекали вниманіе Горчакова. Первый вопросъ—былъ новый, только что изданный турецкимъ правительствомъ законъ о натурализаціи; онъ вызывалъ цѣлый рядъ запутанныхъ вопросовъ, по которымъ мы совместно съ Франціей въ соотвѣтствіи съ нашею традиціонною, но издавна уже опороченною политикою во что бы то ни стало оказывать поддержку турецкимъ притязаніямъ высказывались въ направленіи, прямо противоположномъ видамъ князя Горчакова.

«Другой вопросъ, несравненно болѣе интересный, касался «нейтральной полосы», которую въ Центральной Азіи предстояло установить между Россіею и Великобританіею.

Этого рода соглашеніе было намѣчено въ переговорахъ, происходившихъ между канцлеромъ и лордомъ Кларендономъ въ Баденъ-Баденѣ минувшимъ лѣтомъ, и фактически явилось точкою отправленія для существующаго и понынѣ соглашенія относительно Афганистана. То были дни расцвѣта славы генерала Черняева, котораго императоръ Александръ II только что отозвалъ изъ Туркестана за излишнее рвеніе. «Это центрально-азиатскій Фернандъ Кортесъ», глумился надъ Черняевымъ прусскій военный агентъ Швейницъ; но хотя Черняевъ и другіе «безпокойные умы» и подверглись въ этомъ случаѣ гласному неодобренію со стороны императорскаго правительства, тѣмъ не менѣе именно они заложили прочную основу для господства Россіи надъ Среднею Азіею. Мои свиданія съ канцлеромъ по этимъ поводамъ были часты и весьма интересны. Во второе или третье мое посѣщеніе, когда я завезъ князю Горчакову какую-то депешу отъ лорда Кларендона, онъ неожиданно при прощаніи кинулъ мнѣ вопросъ: «Dites moi, qu'est ce que ces dépêches, que vous avez mises sur mon compte?» (Скажите мнѣ, что это за депешы, которыя вы отнесли на мой счетъ?)¹⁾».

¹⁾ Князь Горчаковъ тутъ намекнулъ Румбольду на его шутку, надѣлавшую немало шуму во всей Европѣ. Въ 1867 г. Румбольдъ въ подражаніе фиктивной перепискѣ Мокара, напечатанной въ журналѣ «Owl», надумалъ въ журналѣ

Я смутился, но сдѣлалъ видъ, будто не понимаю, о чемъ князь говорить. Но такъ какъ Горчаковъ не унимался и при каждой нашей встрѣчѣ возвращался все къ той же щекотливой темѣ, я въ одинъ прекрасный день, de guerre lasse (утомленный борьбою), забралъ съ собою оригиналъ депешъ моего сочиненія и прочелъ ихъ, сидя передъ княземъ Горчаковымъ, за тѣмъ письменнымъ столомъ, у котораго разбирался не одинъ важный вопросъ европейской политики. Думается мнѣ, что это былъ единственный въ своемъ родѣ экспериментъ. Канцлеръ внимательно слушалъ мое чтеніе и по временамъ одобрительно покачивалъ головою, особенно тамъ, гдѣ я неодобрительно отзывался о нашей политикѣ поддержания мира во что бы то ни стало. Когда я кончилъ читать, князь одобрительно мнѣ кинулъ: «J'aurais signé cela des deux mains» (я подписалъ бы это обѣими руками), и прибавилъ многое еще другое, о чемъ я не хочу распространяться.

«На слѣдующій день à me damnée князя Катакази ¹⁾ рассказали мнѣ на вечерѣ у княгини Лизы Трубецкой, что канцлеръ отозвался одобрительно о моемъ talent de rédaction, и дѣйствительно старый князь съ этого времени началъ относиться ко мнѣ съ особенною благосклонностью. По словамъ моихъ chers collègues, я сдѣлался любимымъ его chargé d'affaires, и впослѣдствіи онъ мнѣ не поставилъ даже въ вину того «недисциплинированнаго положенія», по его выраженію, какое я позволилъ себѣ занять въ вопросѣ объ отмѣнѣ статей Парижскаго трактата касательно Чернаго моря.

«Князь Горчаковъ былъ остроумнѣйшій, но и самый поверхностный, какъ я склоненъ думать, изъ государственныхъ людей.

«Echoes from the Clubs» высмѣять франко-англійскія потуги на виѣшательство въ польскія дѣла, навязавъ Горчакову фантастическій замыселъ создать коалицію изъ Россіи, Франціи и Соединенныхъ Штатовъ для огражденія ирландскихъ феніевъ отъ англійскаго гнета.

Изучивъ по подлиннымъ дипломатическимъ документамъ приемы и способы изложенія депешъ князя Горчакова и маркиза де-Мутъе, Румбольдъ сочинилъ настолько въроподобную фантазію въ формѣ письма Горчакова къ барону Брунову и письма маркиза де-Мутъе къ князю де ла Туръ д'Овернь, что эта апокрифическая переписка была принята всерьезъ швейцарскими, нѣмецкими и французскими политическими газетами и въ концѣ концовъ вызвала даже официальное опроверженіе со стороны русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ въ «Journal de St.-Petersbourg».

¹⁾ «Этотъ русскій грекъ—умнѣйшій, но наименѣ почтенный изъ клеветовъ кн. Горчакова, сынъ давнишняго русскаго посланника въ Аѳинахъ,—разсказываетъ Румбольдъ о Катакази,—спутался съ дамою еврейскаго происхожденія, носившей романтическую фамилію Фитцджермъ де-Бервикъ и настолько была ею увлечена, что имѣла глупость на ней жениться. Этотъ бракъ вызвалъ сильнѣйшее негодованіе патрона Катакази. «Отнынѣ,—объявилъ ему князь Горчаковъ,—вы теряетесь для меня въ толпѣ!»—«Въ толпѣ почитателей вашей свѣтлости!» нашелся сказать опальный. «А все-таки вы умный человекъ,—вдохнулъ канцлеръ.—Пріѣзжайте сегодня ко мнѣ обѣдать». Такимъ образомъ, благодаря своей находчивости, лукавый грекъ и тутъ благополучно выпутался изъ бѣды».

Я рѣдко уходилъ отъ него, не забывъ какое-нибудь мѣткое словечко, которое не упускалъ сообщать въ частной перепискѣ лорду Кларендону. Къ несчастію, тщеславіе князя Горчакова дѣлало его доступнымъ пагубнымъ вліяніямъ. Le petit ministère, какъ называли близкихъ князю чиновъ его канцеляріи, въ значительной степени своимъ положеніемъ были обязаны беззастѣнчивой лести передъ княземъ. Величайшею слабостью князя была страсть къ стилю, и, несомнѣнно, самъ онъ искусно владѣлъ перомъ.

«Старикъ Тютчевъ—поэтъ и остроумецъ—окрестилъ Горчакова прозваніемъ «Нарциссъ чернильницы», и дѣйствительно, любуясь на собственныя вылощенные и тонко отдѣланныя фразы, князь способенъ былъ за этотъ же талантъ прощать и серьезные грѣшки даровитымъ своимъ сотрудникамъ. Тѣ случаи, какіе я имѣлъ въ послѣдующіе годы ознакомиться съ письменными произведеніями русскихъ дипломатическихъ канцелярій, заставляютъ меня думать, что высокія литературныя достоинства, достигнутыя въ составленіи дипломатическихъ документовъ во дни Жюмани, Гамбургера, Жеребцова и др., не нашли себѣ достойныхъ подражаній.

«Родственныя связи моего брата съ семьей Лобановыхъ оказались для меня въ Петербургѣ особенно полезными. Одна изъ сестеръ Надины вышла замужъ за бразильскаго посла при петербургскомъ дворѣ Рибейро да Сильва, и они вмѣстѣ составили милую парочку. Впрочемъ, главнымъ нашимъ ресурсомъ—на ряду съ старухой графиней Куселевой—была племянница моей невѣстки Надины Лобановой Спера, жена баварскаго посла барона Труксессъ-Ветцгаузенъ. Въ ея домѣ я зазналъ князя Алексѣя Лобанова-Ростовскаго, бывшаго впоследствии посланникомъ въ Лондонѣ и Вѣнѣ и, къ сожалѣнію, очень короткое время министромъ иностранныхъ дѣлъ. Доводясь кузеномъ Надинѣ, князь Алексѣй съ самаго начала отнесся ко мнѣ съ большою сердечностью. Лобановъ былъ однимъ изъ самыхъ чарующихъ представителей аристократіи, ибо вѣдь давно извѣстно, что разъ члены избраннаго русскаго общества задаются намѣреніемъ прельстить кого-нибудь, они вонистину неотразимы. Въ то время князь Лобановъ былъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и свои досуги усиленно посвящалъ изслѣдованію событій царствованія Павла Петровича. Эрудиція князя въ области этого мало разработаннаго періода русской исторіи была поразительна. По этому предмету имъ была собрана масса любопытнѣйшаго матеріала, но, насколько я знаю, Лобановъ ничего законченнаго не обработалъ для печати. Однажды вечеромъ у Труксессовъ князь графически представилъ намъ въ подробностяхъ картину убійства Павла, сдѣлавъ набросокъ спальни императора съ обозначеніемъ расположенія всей мебели».

Подробно описавъ сцену убійства императора Павла со словъ князя Лобанова, Румбольдъ рассказываетъ, что Лобановъ прила-

галъ безконечныя старанія ознакомиться со всеѣми возможными источниками и авторитетными данными относительно Павла. Такъ, въ числѣ прочаго собиранія матеріаловъ князь предпринялъ отдаленную поѣздку, чтобы посѣтить 80-лѣтняго князя Лопухина (въ Кіевской губерніи?); Лопухинъ оставался единственнымъ живымъ свидѣтелемъ эпохи Павла, къ которому самъ стоялъ очень близко. Прибывъ въ имѣніе Лопухина около полудня, князь нашелъ домъ словно вымершимъ. Достучавшись и вызвавъ наконецъ кого-то изъ прислуги, князь узналъ, что Лопухинъ систематически обращаетъ день въ ночь и наоборотъ. Только по наступленіи вечера князь Лобановъ познакомился съ многочисленнымъ штатомъ приближенныхъ вельможнаго старца, позавтракалъ съ ними въ сумерки, а въ 4 ч. ночи послѣ обѣда интервьюировалъ и самого князя Лопухина, отъ котораго получилъ немало любопытныхъ свѣдѣній, уцѣлѣвшихъ въ его памяти.

Румбольды скоро обжились въ Петербургѣ, и жалобы дипломата на невскую столицу не идутъ далѣе смущавшихъ его, а особенно его жену, зимнихъ холодовъ и непродолжительности лѣта.

Особенный контрастъ съ трескучими холодами, свирѣпствовавшими въ зиму 1869 г., представляли маленькіе придворные балы въ Зимнемъ дворцѣ, такъ называемые *bals des palmiers*. На этихъ празднествахъ въ столовыхъ залахъ столики располагались такъ, что опоясывали огромныя пальмовыя деревья и обрамлялись цвѣтущими растеніями. Эффектъ получался поразительный, такъ какъ огромный залъ превращался въ фантастическую тропическую рошу. Говоря о малыхъ придворныхъ балахъ, Румбольдъ отмѣчаетъ ихъ роскошь и великолѣпіе и замѣчаетъ: «когда около полуночи мазурку открывалъ великій князь Николай Николаевичъ, изящнѣйшій танцоръ, и за нимъ по залу несло паръ 60, блескъ этого зрѣлища не могъ не импонировать».

Тѣневою стороною придворныхъ пріемовъ являлись непомѣрные расходы, которыхъ не выдержалъ бы самый щедрый *liste-civile*. «Объ этихъ расходахъ,—замѣчаетъ Румбольдъ, я немало слышался въ домѣ Кушелевой отъ ея родственника, графа Мусина-Пушкина, который короткое время занималъ должность гофмаршала.

Когда слабость здоровья заставила жену Румбольда весной 1869 г. уѣхать за границу въ Швальбахъ, Румбольдъ, связанный отправленіемъ обязанностей *chargé d'affaires*, принужденъ былъ остаться въ Петербургѣ на положеніи соломеннаго вдовца.

«Ведя холостой образъ жизни,—разсказываетъ Румбольдъ:—я въ ту пору усиленно вращался въ свѣтскомъ обществѣ. Высшій классъ русскаго общества настолько радушенъ въ своемъ гостепріимствѣ, а русскія дамы въ частности такъ высоко образованы

и космополитичны, что общественная жизнь въ Петербургѣ носить чрезвычайно привлекательный характеръ.

«Вблизи отъ насъ, на Сергіевской, жила княгиня Lise Трубецкая, съ которою я сблизился еще въ Баденѣ. Умная, нѣсколько жеманная и извительная, «Lison», какъ ее обыкновенно звали, играла видную роль въ Петербургѣ. Политическія сплетни для каждаго дипломата главное кушанье, а въ салонѣ Трубецкой сосредоточивались наисвѣжайшіе слухи. Другой такой же интересный салонъ былъ въ домѣ матери княгини Lise Трубецкой, княгини Елены Кочубей. Старуха была очень умная и важная барыня и обладала чрезвычайно привлекательною дочерью, напоминавшею всѣми своими повадками изящнѣйшихъ англійскихъ миссъ; она вскорѣ вышла замужъ за генерала Дурново. Въ этомъ же домѣ, расположенномъ непосредственно у Анничкова моста (теперешній дворецъ великаго князя Сергія Александровича), проживала и красавица Бѣлосельская-Бѣлозерская, урожденная Скобелева, славившаяся своимъ чуднымъ контрапунктомъ.

«Со всѣми этими дамами я видался частенько, но наиболѣе привлекательна была, на мой взглядъ, очаровательная владѣлица дома, гдѣ помѣщалось наше посольство, княгиня Салтыкова, урожденная Долгорукая, и ея красавица-сестра, Марія Долгорукая, вышедшая замужъ за представителя этой же фамиліи, но другой вѣтви. Я никогда не встрѣчалъ болѣе красивыхъ людей, какъ вся семья тѣхъ Долгорукихъ, о которыхъ я говорю ¹⁾. Двое изъ сыновей: Ника (Николай Сергіевичъ), флигель-адъютантъ, очень высокаго роста, занявшій впоследствии постъ русскаго посланника въ Тегеранѣ (а въ настоящее время въ Римѣ), и Санди (Александръ Сергіевичъ), нынѣ одинъ изъ первыхъ чиновъ Высочайшаго двора (въ настоящее время оберъ-гофмаршалъ), выдавались своимъ изяществомъ и красотой. Сестра ихъ, графиня Стенбокъ-Ферморъ, — мать графини Кашиной, милѣйшей особы и супруги моего коллеги по посольствамъ въ Гагѣ и Вѣнѣ. Была въ Петербургѣ и другая семья Долгорукихъ, гдѣ я часто бывалъ. Князь Мишель былъ супругомъ Долгорукой, которую я еще ранѣе знавалъ въ Неаполѣ — одна изъ княженъ Долгорукихъ, Екатерина, впоследствии сдѣлалась морганатическою супругою императора Александра II. Я не упоминалъ еще о лучшемъ моемъ другѣ въ Петербургѣ, княгинѣ Иринѣ Паскевичъ, съ которою я и впоследствии поддерживалъ переписку долгіе годы.

«Княгиня Ирина Паскевичъ, урожденная Воронцова-Дашкова, сдѣлалась мнѣ близка потому уже, что ея бабка по матери, Нарышкина, была второю матерью для моей невѣстки Надины Лобановой. Княгиня Паскевичъ унаслѣдовала, помимо красоты своей матери,

¹⁾ Румбольдъ говоритъ о нисходящихъ князя Сергія Алексѣевича, статсъ-секретаря у принятія прошеній, отца Альбединской.

графини Воронцовой-Дашковой, ея изящество и привлекательность и была чуть ли не предметомъ обожанія того тѣснаго кружка, въ которомъ замыкалась ея жизнь. По многимъ причинамъ Паскевичи мало соприкасались съ прочимъ петербургскимъ обществомъ и вели сравнительно уединенный образъ жизни въ своемъ великолѣпномъ и ро кошномъ особнякѣ на Англійской набережной. Впрочемъ, домъ ихъ каждый вечеръ гостепрѣмно открывался для избраннаго кружка родныхъ и близкихъ знакомыхъ. Завсегдатаями дома Паскевича въ ту пору были братья княгини Ирины, блестящій полковникъ лейбъ-гусарскаго полка (графъ Илларионъ Ивановичъ теперешній памѣстникъ кавказскій), Гедеоновъ—остроумный директоръ императорскихъ театровъ, Жеребцовъ и Всеволожскій—весьма даровитые сотрудники канцлера кн. Горчакова. Всеволожскій, помимо иныхъ талантовъ, размахисто набрасывалъ остроумнѣйшія карикатуры. Хотя салонъ княгини Ирины былъ далеко не политическій, тѣмъ не менѣе въ немъ всегда можно было узнать злободневныя новости, которыя обсуждалась съ большою непринужденностью и нѣкоторою дозою fronde. За исключеніемъ князя Рейсса и князя Луи д'Аренберга¹⁾, въ интимномъ кружкѣ Паскевичей дипломаты почти отсутствовали. Гости коротали обыкновенно вечера за чайнымъ столомъ княгини Ирины въ длинной галереѣ, главнымъ украшеніемъ которой было роскошное собраніе оружія, принадлежавшее нѣкогда фельдмаршалу, покорителю Эривани и миротворцу Варшавы. Весь домъ Паскевичей былъ биткомъ набитъ великолѣпнѣйшими предметами искусства; изъ нихъ особенно выдавался огромный жбанъ изъ перламутра, отдѣланнаго въ серебро, чеканки, какъ доподлинно извѣстно, Бенвенуто Челлини. За этотъ жбанъ, скромно стоявшій на одномъ изъ подоконниковъ, Паскевичу англійскіе антикваріи неоднократно и настойчиво предлагали совершенно баснословныя цѣны.

Князь Паскевичъ былъ чрезвычайно благовоспитанный, но въ то же время сдержанный и независимый человекъ. Онъ унаслѣдовалъ отъ своего отца, фельдмаршала, огромныя помѣстья въ Польшѣ, изъ нихъ часть Паскевичу досталась въ слѣдствіе конфискаціи имущества у инсургентовъ 1831 г.; большую часть года Паскевичъ проживалъ въ своемъ роскошномъ имѣніи (въ Могилевской губерніи). Здѣсь Паскевичу довелось сдѣлаться свидѣтелемъ жестокихъ расправъ Муравьева при подавленіи послѣднихъ слѣдовъ мятежа 1863 г., и въ качествѣ одного изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ на Литвѣ Паскевичъ подписалъ всеподданнѣйшій адресъ государю,

¹⁾ Князь Луи д'Аренбергъ, майоръ австрійской кавалеріи и австрійскій военный агентъ при петербургскомъ дворѣ, былъ младшимъ братомъ князя Августа д'Аренберга, игравшаго видную роль въ политической жизни Франціи и состоявшаго президентомъ компаніи Суэцкаго канала.

въ которомъ мѣстное дворянство ходатайствовало объ обузданіи произвола всесильнаго генераль-губернатора. По возвращеніи Паскевича въ столицу, онъ былъ позванъ къ государю, который и сдѣлалъ ему выговоръ за принятіе въ адресъ участія. При свиданіи съ Александромъ ему, другу дѣтства и товарищу игръ государя, неизмѣнно близкому ко двору и въ молодые еще годы удостоенному званія генераль-адъютанта, пришлось выслушать не одну рѣзкость. Вернувшись изъ дворца, Паскевичъ тотчасъ же написалъ прошеніе объ отставкѣ и, когда я его зналъ, жилъ уже совершенно частнымъ человѣкомъ и чуждался дворца. Нѣсколько лѣтъ спустя, при освященіи памятника фельдмаршалу въ Варшавѣ, государемъ была сдѣлана попытка къ примиренію съ прежнимъ другомъ дѣтства. Паскевичъ, по особому приглашенію, пріѣхалъ въ Варшаву, присутствовалъ при открытіи памятника, но по окончаніи церемоніи немедленно уѣхалъ.

«Особеннымъ почетомъ въ домѣ Паскевичей пользовался домашній театральнй залъ. Подобно моей невѣсткѣ, Надинѣ Лобановой, и княгиня Ирина питала особенное пристрастіе къ сценѣ и подобно же Надинѣ была одною изъ совершеннѣйшихъ артистокъ-любительницъ, какихъ я знавалъ. Въ апрѣлѣ 1870 г. княгиня Паскевичъ съ увлеченіемъ отдалась подготовленію любительскаго спектакля, воспоминаніе о которомъ сопряжено для меня съ весьма трагическимъ происшествіемъ, вина котораго невольно падаетъ и на меня.

«Одною изъ пьесъ, выбранныхъ княгинею, была «La fée» Октава Фелье, въ которой на меня возлагалась трудная и отвѣтственная роль. По счастью, режиссеромъ на нашихъ репетиціяхъ былъ извѣстный актеръ Дюпюи, который своими цѣнными указаніями и опытными совѣтами помогъ мнѣ успѣшно справиться съ трудностями роли.

«Днемъ спектакля, сколько мнѣ помнится, было избрано 8-е число мая. Я условился тотчасъ же по окончаніи спектакля уѣхать вмѣстѣ съ княземъ Аренбергомъ и нашимъ военнымъ агентомъ полковникомъ 2-го лейбъ-гвардейскаго полка Робертомъ Бланомъ въ путешествіе по Волгѣ до Царицына. Нашъ отъѣздъ изъ Петербурга замедлялся только моимъ участіемъ въ домашнемъ спектаклѣ у Паскевичей.

«Мы такъ усердно репетировали, что 6-го мая были уже готовы для генеральной репетиціи, и я хорошо помню, что князь Паскевичъ долженъ былъ отказаться отъ охоты, которую устроилъ для Аренберга, вслѣдствіе жалобъ княгиня Ирины на то, что мужъ увозитъ друга, на присутствіи котораго при генеральной репетиціи княгиня особенно настаивала.

«Къ моему большому удовольствію, наша генеральная репетиція сошла очень удачно. Отыгравъ свою роль, я прошелъ въ зрительный залъ, чтобы послушать сотоварищей по спектаклю, разыгрывавшихъ

вторую пьесу. Тутъ ко мнѣ подошелъ д'Аренбергъ съ вопросомъ, когда мнѣ угодно назначить день выѣзда. Я отвѣчалъ ему на это вскользь нѣсколькими словами, такъ какъ не хотѣлъ отрываться отъ пьесы и вслѣдъ затѣмъ д'Аренбергъ незамѣтно скрылся изъ зала, какъ впоследствии оказалось, не попрощавшись даже съ хозяевами.

«На слѣдующее утро слуга разбудилъ меня ужасною вѣстью, что д'Аренбергъ найденъ удушеннымъ въ кровати. Я одѣлся и поспѣшно отправился въ квартиру, которую д'Аренбергъ занималъ въ Милліонной. Такъ какъ полиція еще не прибыла для разслѣдопія обстоятельствъ смертоубійства, то бѣдняга лежалъ въ томъ видѣ, въ какомъ его нашли, съ заткнутымъ ртомъ и связаннаго по рукамъ и ногамъ рукавами ночной рубашки, съ него сорванной, и шнуркомъ отъ сонетки, который, повидимому, онъ самъ же оторвалъ, тщетно звоня на помощь. Черезъ нѣсколько уже часовъ убійцы были захвачены, когда пытались сбыть золотые часы, украшенные фамильнымъ гербомъ Аренберговъ, и принесли чистосердечную повинную. Одинъ изъ убійцъ служилъ у Аренберга кухоннымъ мужикомъ и былъ ознакомленъ съ его холостыми замашками и легкомысленною привычкою носить при себѣ въ бумажникѣ значительныя деньги въ ассигнаціяхъ. Незадолго передъ тѣмъ и я отъ Аренберга такимъ же манеромъ получилъ 600 рублей за пару лошадей, ему проданныхъ. Кухонный мужикъ и его сообщникъ незамѣтно въ началѣ вечера проникли въ квартиру, расположенную въ нижнемъ этажѣ. Они принесли съ собою водку и закуску и послѣ тщетныхъ попытокъ взломать несгораемый шкапъ, въ которомъ д'Аренбергъ хранилъ свои цѣнности, принялись бражничать въ ожиданіи его возвращенія. Услыхавъ въ два часа ночи, что д'Аренбергъ открываетъ своимъ ключомъ входную дверь, негодяи притаились за спущенными у оконъ тяжелыми портьерами, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кровати. Они цинично и подробно описывали, какъ князь мурлыкалъ, раздѣваясь, и проглядывалъ газету, которую кинулъ на полъ, затупивъ свѣчу. Убѣдившись по ровному его дыханію, что князь заснулъ, негодяи вылѣзли изъ-за портьеръ и направились къ ночному столику, куда Аренбергъ положилъ часы съ цѣпочкою и бумажникъ. Въ темнотѣ они опрокинули столъ, и князь проснулся съ военнымъ окликомъ «Кто идетъ?» (Wer da). Повидимому, въ темнотѣ произошла страшная борьба, и убійцы пришли въ такое ожесточеніе, что, удавливая князя, раздавили ему адамово яблоко. Князь оказался совершенно одинокимъ во всей квартирѣ, такъ какъ отпустилъ слугу изъ дома на всю ночь, но окна его гостиной выходили какъ разъ напротивъ караульни Преображенскаго полка, помѣщающагося рядомъ съ Эрмитажемъ. Ужасно подумать, что князь безпомощно погибалъ, въ то время какъ черезъ улицу, у воротъ казармы, дежурили часовые. Трудно себѣ представить, какую сенсацію произвело это убійство на петербургское общество. Меня въ частности долго терзала празд-

ная мысль о томъ, что, не будь отерочень нашъ отъѣздъ изъ-за несчастнаго спектакля, и трагедія не разыгралась бы вовсе. Государь былъ въ страшномъ горѣ, что иностранный военный агентъ, состоявшій при его особѣ, подвергся наглому покушенію; онъ повелѣлъ было судить убійцу военно-полевымъ судомъ и разстрѣлять, — но потомъ государя убѣдили этого не дѣлать, такъ какъ смертная казнь въ Россіи по обычнымъ преступленіямъ отмѣнена. Убійцу судили въ окружномъ судѣ и приговорили къ каторгѣ. На похоронахъ князя д'Аренберга присутствовалъ и самъ государь, и всѣ великіе князья. Весьма любопытное обстоятельство удостовѣрено относительно послѣднихъ часовъ жизни д'Аренберга. Отъ Паскевича онъ отправился въ клубъ, но, не найдя подходящей партіи, присѣлъ поболтать и съ какимъ-то вѣщимъ любопытствомъ заинтересовался страшною кончиною Герберта Вайнера и другихъ, умерщвленныхъ за двѣ недѣли передъ тѣмъ греческими разбойниками.

«За мое кратковременное отсутствіе изъ Петербурга въ 1870 г. въ дипломатическомъ мірѣ воспослѣдовали важныя перемѣны. Мой другъ Талейранъ покинулъ совѣтъ службу и вышелъ въ отставку, а его мѣсто заступилъ генераль Флѣри, назначеніе котораго, разсматриваемое въ освѣщеніи воспослѣдовавшихъ событій, являлось предзнаменованіемъ бури, разразившейся въ теченіе этого рокового года.

«Когда я еще въ 1869 г. исправлялъ обязанности *chargé d'affaires*, я обращалъ вниманіе нашего правительства на усилія, дѣлавшіяся французскимъ и прусскимъ правительствами, добиться преобладающаго вліянія при русскомъ дворѣ и высказалъ свое убѣжденіе, что Франція въ этой скачкѣ изъ-за благоволенія императора Александра верха надъ Пруссіею не возьметъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я обращалъ вниманіе лорда Кларендона на свѣдѣнія, дошедшія до меня изъ вполне достовѣрнаго источника; они гласили, что Наполеонъ посится съ воинственными замыслами, приведенный въ отчаяніе тѣмъ направленіемъ, какое получили выборы въ законодательный корпусъ. Мой корреспондентъ сообщалъ, что императоръ со слезами на глазахъ говоритъ о неблагодарности парижанъ, которыхъ онъ всецѣски ублажалъ и которые въ отплату проявляли къ нему ненависть. Положеніе Наполеона, очевидно, становилось затруднительнымъ и съ его стороны было по меньшей мѣрѣ рискованнымъ шагомъ побороть невзгоды обращеніемъ къ исконной народной маіи къ славѣ и побѣдамъ.

«Въ частномъ письмѣ, препровожденномъ къ лорду Кларендону еще въ апрѣлѣ 1869 года, я, опираясь на сообщенія частной канцеляріи короля Леопольда, указывалъ на то, что въ Брюсселѣ извѣстна рѣшимость Наполеона затѣять войну съ Пруссіею; въ этихъ видахъ происходитъ заигрываніе съ Бельгіею, въ которой французы нуждаются въ качествѣ опорнаго стратегическаго пункта, но рѣши-

тельные дѣйствія Наполеона задерживаются предостереженіями принца Наполеона Жерома — послѣдній утверждалъ, что на Италію разсчитывать нельзя, да и Австрія обнаруживаетъ колебанія.

«Далѣе, въ маѣ того же 1869 года, я оказался въ состояніи переслать лорду Кларендону извлеченіе изъ довѣреннаго доклада графа Бисмарка, гдѣ открыто обсуждались шансы войны съ Франціею. Прусское правительство и народъ далеко не желаютъ войны, но и не боятся ее и вполне къ ней подготовлены.

«Франція проявляетъ неподобающій интересъ къ образованію Южно-Германскаго союза, противъ чего будто бы интригуетъ Пруссія; Бисмаркъ по этому поводу замѣчалъ, что Пруссія не потеритъ иностраннаго вмѣшательства въ дѣла Германіи ¹⁾). Бисмаркъ, въ свою очередь, не упускалъ значенія Бельгіи въ случаѣ столкновенія между Пруссіею и Франціею.

«Пруссія, говорилъ онъ, легко можетъ выставить противъ Франціи на Рейнѣ милліонъ штыковъ, но, если война осложнится участіемъ Бельгіи, прусскія силы пельзя будетъ сконцентрировать противъ одного врага; поэтому желательно допустить такія комбинаціи, которыя для Бельгіи представляютъ большія выгоды, чѣмъ вмѣшательство въ войну. При обиліи подобныхъ цѣнныхъ донесеній, поступавшихъ, конечно, и отъ другихъ пословъ въ Foreign Office, меня болѣе чѣмъ удивило заявленіе, сдѣланное лордомъ Гренвиллемъ передъ палатою лордовъ послѣ смерти лорда Кларендона и, можно сказать, наканунѣ войны, будто взаимоотношенія между европейскими державами слагаются необычайно мирно.

Генералу Флѣри, шталмейстеру и довѣренному совѣтчику Наполеона, было поручено всѣми мѣрами вкратъ въ довѣріе Александра II и русскаго общества. Французское посольство было поставлено генераломъ Флѣри на ногу необычнаго великолѣпія, его прислуга была облечена въ императорскую ливрею, а императорскій *garde meuble* подвергся опустошенію для снабженія посольства дорогою дворцовою мебелью и безцѣнными гобеленами. Князь Горчаковъ неоднократно намекалъ, что ему изъ Тюльерійскаго дворца частенько дѣлались заманчивые посулы, и, весьма вѣроятно, генералу Флѣри поручено было дѣйствовать въ такомъ же направленіи.

«Но современныя обстоятельства и воспоминанія о Крымской кампаніи давно уже возстановили Зиннпій дворецъ противъ Франціи, и генералъ Флѣри, конечно, не могъ успѣшно противоборствовать такимъ докамаъ, какъ князь Рейссъ (тогдашній посланникъ

¹⁾ Статью IV Пражскаго трактата Австрія признала упраздненіе стараго имперскаго германскаго союза и образованіе на его развалинахъ Сѣверо-Германскаго союза. Что же касается нѣмецкихъ государствъ, лежащихъ къ югу отъ Майна, то Австрія оговаривала свое согласіе на объединеніе ихъ общою связью (*Verbindung*) и въ будущемъ предполагалось намѣтить соглашеніе съ Сѣверо-Германскимъ союзомъ насчетъ предоставленія Южно-Германскому союзу независимаго международнаго существованія.

Пруссіи при петербургскомъ дворѣ) и прусскій военный уполномоченный Швейницъ.

Князь Генрихъ VII Рейссъ ¹⁾ былъ однимъ изъ очаровательнѣйшихъ людей, какихъ я когда-либо знавалъ. Я впервые съ нимъ познакомился у Меттерниховъ въ Парижѣ; въ Петербургѣ онъ по отношенію ко мнѣ былъ сама любезность и снабжалъ меня не разъ свѣдѣніями, весьма цѣнными для *chargé d'affaires*. Рейссъ пользовался большимъ благоволеніемъ императора Александра и, принадлежа къ одной изъ германскихъ царственныхъ династій, былъ особенно отличаемъ государемъ. Кромѣ того, Рейссъ былъ обычнымъ сотоварищемъ императора по охотѣ и чрезъ это имѣлъ постоянные случаи къ такому интимному общенію съ царемъ, которые были недоступны остальнымъ дипломатамъ. То же можно было сказать и о генералѣ Швейницѣ, который былъ уполномоченъ спеціально состоять при особѣ его величества. Такимъ образомъ, посланничество генерала Флѣри, несмотря на пышную *mise en scène*, было роковымъ образомъ обречено сдѣлаться дипломатическимъ фіаско умравшей второй имперіи».

Возвращаясь изъ поѣздки въ Крымъ и остановившись въ Кіевѣ, Румбольдъ воспользовался широкимъ гостепримствомъ тогдашняго генералъ-губернатора Юго-Западнаго края князя А. М. Дондукова-Корсакова. Просматривая у князя послѣдніе нумера «*Journal de St.-Petersbourg*», Румбольдъ обратилъ вниманіе на выступленіе принца Гогенцоллернскаго дома въ качествѣ кандидата на вакантный испанскій престолъ и тогда же старался убѣдить князя Дондукова, что фактъ этотъ не замедлитъ вызвать роковое столкновеніе между Пруссією и Францією.

17 іюля Румбольдъ, остановившись въ Москвѣ въ отелѣ Дюссо, повстрѣчался съ княземъ Лобановымъ, только что пріѣхавшимъ изъ Баденъ-Бадена и подтвердившимъ, что тамъ съ часу на часъ поджидается переходъ французскихъ войскъ черезъ Рейнъ.

Въ бытность Румбольда на скачкахъ въ Царскомъ Селѣ, 18 августа пришла вѣсть о кровопролитныхъ пораженіяхъ французовъ подъ Мецомъ, и эта вѣсть, по его свидѣтельству, глубоко смутила русское общество, которое въ массѣ сочувствовало скорѣе французамъ, чѣмъ нѣмцамъ.

Искреннее стремленіе британскаго правительства поддержать французовъ, насколько то позволяло строгое соблюденіе нейтралитета, особенно усиливало дѣятельность британской миссіи въ Петербургѣ.

Хотя въ русскомъ обществѣ и наблюдалось теченіе, явно сочувственное французамъ, и оно не могло не усиливаться въ виду

¹⁾ Всѣ князя державнаго дома Рейссъ, начиная съ XI вѣка, неизмѣнно нарекались Генрихами и когда порядковый нумеръ поколѣній доходилъ до 100, ближайшій пресмыкающійся получалъ наименованіе Генриха I.

безпощадной суровости побѣдителей, російское императорское правительство, по мотивамъ, вначалѣ совершенно не поддававшимся объясненію, проявляло полную враждебность къ Франціи.

Нигдѣ Тьеръ въ своей патріотической поѣздкѣ не потерялъ завѣдомо большаго разочарованія, чѣмъ именно въ Петербургѣ. При наличныхъ обстоятельствахъ нельзя было не удивляться слѣпотѣ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ маркиза де-Габріяка. «Я знавалъ маркиза,—говоритъ Румбольдъ,—еще мальчикомъ въ Парижѣ, дружилъ съ нимъ, но меня возмущало, когда онъ распространялся о русскихъ симпатіяхъ къ французамъ и противопоставлялъ это сочувствіе тому, что обозначалъ «abandon» со стороны Англіи.

«На самомъ дѣлѣ русское правительство въ теченіе всей войны разстраивало всѣ попытки медиации. Въ февралѣ 1871 года мнѣ представился случай неофициально побесѣдовать съ тогдашнимъ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ Вестманомъ—блѣднымъ, но добросовѣстнымъ отраженіемъ князя Горчакова—и я былъ изумленъ безпощадною суровостью, съ которой Вестманъ отозвался о Франціи и ожидающей ее въ будущемъ судьбѣ. Указавъ небезосновательно на досадное доказательство распущенности, являемое послѣдними выборами (которые въ скорости привели къ коммунахъ и изблчили въ полной мѣрѣ развращенность парижскаго населенія), Вестманъ распространился на ту тему, что французы обнаруживаютъ полную недисциплинированность и отрицаніе власти, что составляетъ Ахиллесову пяту и у поляковъ.

«Франція долгое время разыгрывала руководящую роль въ Европѣ и проявляла большую мощь, но сдѣлала дурное употребленіе изъ своихъ преимуществъ и теперь—по словамъ Вестмана—вовсе уже не приходится жалѣть, если преобладаніе, за которое Франція упорно цѣплялась, перейдетъ къ народу, обладающему безконечно большимъ политическимъ смысломъ. Окончательный закатъ Франціи для Европы бѣдствіемъ не будетъ.

«Истинная причина положенія, занятаго Россією въ франко-прусскомъ столкновеніи, сказалась, когда воспослѣдовалъ знаменитый циркуляръ князя Горчакова отъ 31 октября 1870 г. объ отмініи статей Парижскаго трактата о Черномъ морѣ.

«Рѣшительное выступленіе кн. Горчакова было подготовлено предварительными переговорами графа Игнатъева съ Аали-пашою, но первоначально предполагалось обратиться къ державамъ съ предложеніемъ полюбовно столкнуться объ отмініи устарѣвшаго трактата, но позднѣе кн. Горчаковъ совершенно былъ прельщенъ тономъ, усвоеннымъ Бисмаркомъ при переговорахъ съ Жюлемъ Фавромъ въ Феррьерѣ, и объяснилъ, что именно такого тона и слѣдуетъ придерживаться великой державѣ. Хотя Великобританская миссія въ Петербургѣ всемѣрно старалась убѣдить російское министерство иностранныхъ дѣлъ, что нарушеніе Парижскаго трактата вызоветъ въ Англіи большое недовольство и можетъ оказаться чреватымъ серъ

езными послѣдствіями, русское правительство, сильное поддержкою Германіи, упорствовало въ занятой позиціи. Хотя дипломатическая конференція, состоявшаяся въ январѣ 1871 г. въ Лондонѣ, въ одномъ изъ своихъ протоколовъ въ мягкой формѣ и выставила платоническое положеніе, что никакая держава не гѣ правѣ слагать съ себя обязательствъ, принимаемыхъ по международному трактату, помимо соглашенія съ остальными договорившимися державами, на это порицаніе въ Петербургѣ никто и вниманія не обратилъ. Императоръ Александръ II по поводу отмѣны Парижскаго трактата приказалъ отслужить торжественное молебствіе, отправился въ Петропавловскій соборъ, долго молился у гробницы родителя и, выходя изъ собора, высказался передъ свитою въ томъ смыслѣ, что теперь душа императора Николая найдетъ себѣ успокоеніе. Въ заключеніе по поводу подписанія предварительныхъ условій мира съ Франціею между императорами Вильгельмомъ и Александромъ состоялся обмѣнъ извѣстныхъ телеграммъ, гдѣ Пруссія выражала своему русскому союзнику признательность за усилія локализовать театръ войны, а императоръ Александръ высказывалъ надежду, что слава и счастье обѣихъ странъ будутъ и впредь обезпечиваемы дружбою, объединяющею обоихъ государей.

«Торжественная отмѣна Парижскаго трактата,—говоритъ Румбольдъ,—конечно, составила блистательное удовлетвореніе за Крымскую кампанію, главная отвѣтственность за которую падала на Наполеона III, но несомнѣненъ тотъ фактъ, что такой результатъ въ значительной степени былъ достигнутъ пассивною помощью, оказанною Александромъ своему дядѣ и позволившей послѣднему безпрепятственно разгромить и унижить французскую націю; это проливаетъ своеобразный свѣтъ на ту интимную связь между берлинскимъ и петербургскимъ кабинетами, которой былъ положенъ конецъ только перипетіями Берлинскаго конгресса».

За время послѣдняго лѣтняго отдыха Румбольда и отсутствія его изъ Петербурга лѣтомъ 1871 г. въ составѣ посольствъ опять произошли перемѣщенія.

«Въ австрійскомъ посольствѣ,—говоритъ онъ,—я уже не нашель г. Вечера, который въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ исправлялъ обязанности *chargé d'affaires en pied* ¹⁾).

«Въ вѣнскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ возымѣли наконецъ благую мысль положить конецъ дипломатической *bouderie*, которая длилась долгое время между обоими кабинетами, и графъ Богуславъ Хотекъ получилъ назначеніе въ Петербургъ въ званіи посланника.

«Я знавалъ Хотека и въ Парижѣ, и въ австрійскомъ посольствѣ въ Лондонѣ—самъ онъ былъ добрый малый и имѣлъ жену-красавицу,

¹⁾ Дочь этого Вечера получила печальную извѣстность при трагической кончинѣ австрійскаго кронпринца Рудольфа.

урожденную графиню Кинскую. Въ Петербургѣ они зажили открыто и вскорѣ приобрѣли популярность. Дѣтская у Хотековъ была биткомъ набита дѣтьми, и среди нихъ я хорошо помню тогдашнюю двухлѣтнюю малютку, которая впоследствии достигла столь возвышеннаго положенія ¹⁾.

«Въ американскомъ посольствѣ генерала Кассія Клея смѣнилъ «губернаторъ» Куртинъ; этотъ титулъ посланникъ носилъ потому, что управлялъ штатомъ Пенсильваніею во время гражданской войны. Куртинъ былъ дружественно расположенъ къ Англіи и оказалъ намъ существенную услугу, выяснивъ происки, путемъ которыхъ російскій полномочный министръ Катакази старался помѣшать успѣху нашихъ переговоровъ съ правительствомъ С.-Американскихъ Штатовъ по улаженію претензій насчетъ «Алабамы» и пр. Особенно мнѣ остался памятенъ Куртинъ, впрочемъ, по совсѣмъ другой причинѣ. Въ то время петербургское общество увлекалось спиритизмомъ, вертящимися и пишущими столиками и т. п. Въ числѣ другихъ и моя жена забавлялась съ пишущею дощечкою, и результаты, какіе ею при этомъ получались, поражали меня, такъ какъ я былъ убѣжденъ, что она не способна на обманъ, хотя бы и для забавы. Однажды на вечерѣ у Куртина жена присѣла къ пишущему столику, но хозяинъ, державшій себя крайне привѣтливо и ласково, тутъ сдержанно, но сурово замѣтилъ, что забавляться подобными вещами не слѣдуетъ, такъ какъ онѣ слишкомъ серьезны. Меня настолько поразили недовольный тонъ Куртина, что я попросилъ его объяснить, на что онъ намекаетъ. Тогда Куртинъ мнѣ рассказалъ слѣдующее. Незадолго предъ началомъ войны Куртинъ былъ занятъ усиленною работою въ правительственномъ учрежденіи въ Филадельфій, когда ему доложили, что его желаютъ видѣть по важному дѣлу. Хотя Куртинъ былъ сильно занятъ, онъ согласился принять посѣтителя на нѣсколько минутъ. Впущенный къ нему незнакомецъ, повидимому, находился въ стѣненныхъ обстоятельствахъ и по нѣкоторымъ примѣтамъ можно было предположить, что онъ только что прибылъ изъ западныхъ штатовъ. «Г. Куртинъ,—началъ онъ,—я имѣю къ вамъ срѣшное порученіе, которое долженъ изложить письменно». Онъ тотчасъ же присѣлъ къ столу и принялся что-то строчить. Недумѣніе Куртина возросло до необычайности, когда, взявъ въ руки исписанный листокъ, онъ узналъ почеркъ своей недавно умершей матери, къ которой былъ сильно привязанъ. Сообщение было не особенно длинно, но необычайно по существу, и Куртинъ, прощаясь съ незнакомцемъ, спросилъ, чѣмъ можетъ быть ему полезенъ, и предложилъ ему денегъ. Незнакомецъ отклонилъ какое-либо вознагражденіе и повторилъ, уходя, что онъ былъ понужденъ невѣдомою силою

¹⁾ Графиня Софія Хотекъ нынѣ пользуется титуломъ свѣтлѣйшей княгини Готенбергъ, въ качествѣ мorganатической супруги эрцгерцога Франца-Фердинанда, наслѣдника австрійскаго престола.

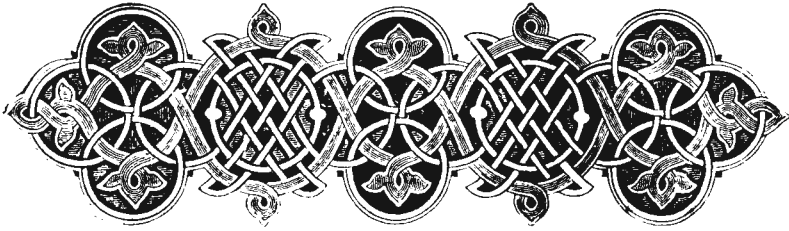
выполнить это порученіе; на Куртина незнакомецъ произвелъ такое впечатлѣніе, что онъ даже не сознавалъ значенія написаннаго имъ и дѣйствовалъ какъ бы машинально, подѣ таинственнымъ вліяніемъ. Написанное заключало въ себѣ предсказаніе въ общихъ чертахъ важнѣйшихъ событій, которыя разыгрались затѣмъ въ эпоху гражданской войны. Куртинъ былъ настолько пораженъ полученнымъ сообщеніемъ, что тогда же разсказалъ о немъ своимъ филладельфійскимъ друзьямъ. Въ результатѣ этого страннаго происшествія было то, что, когда впослѣдствіи Куртину приходилось наталкиваться на серьезныя сомнѣнія или затрудненія, онъ обращался къ пишущему століку, и отвѣты на поставленные вопросы всегда получались написанными почеркомъ его покойной матери. Что Куртинъ совершенно искренно вѣрилъ странной исторіи, имъ мнѣ разсказанной, для меня нисколько не подлежитъ сомнѣнію».

Въ 1871 г. Румбольдъ покинулъ Россію, получивъ новое назначеніе въ Константинополь. Прощаясь съ нимъ, князь Горчаковъ насмѣшливо предостерегъ его «J'espère, que vous ne nous ferez pas trop de mal à Constantinople». (Надѣюсь, вы не сдѣлаете намъ слишкомъ много зла въ Константинополѣ). Покидалъ Россію Румбольдъ не безъ сердечной боли «Мы создали себѣ, — пишетъ онъ, — такъ много друзей въ Россіи, что нельзя было и подумать о разлукѣ съ ними безъ сожалѣнія. Болѣе милыхъ людей, чѣмъ какіе встрѣчаются среди избраннаго русскаго общества, нигдѣ и найти нельзя, — и я всегда буду вспоминать о трехлѣтніи, проведенномъ въ Россіи, какъ о счастливѣйшей порѣ моей пестрой дипломатической карьеры.

«Изъ пережитаго мною въ Россіи я выпесъ два урока, которые не уставалъ проповѣдывать и на дальнѣйшемъ моемъ служебномъ поприщѣ: 1) главною цѣлью берлинской политики всегда будетъ стараніе заручаться и умилостивлять (propitiate) своего великаго сѣвернаго сосѣда и 2) въ виду грознаго возрастанія германскаго могущества (чему весьма недальновидно способствовала Россія) и необычайнаго зложелательства, проявляемаго со стороны Германіи къ Великобританіи, намъ слѣдуетъ искать сближенія съ Россіею по тѣмъ вопросамъ, которые вносятъ рознь въ отношенія между обѣими державами, занимающими преобладающее положеніе на азіатскомъ Востокѣ. Я принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые вѣрятъ въ возможность подобнаго соглашенія, если только мы, англичане, сумѣемъ откинуть традиціонное недовѣріе къ Россіи, которое я почитаю и неразумнымъ, и зловреднымъ».

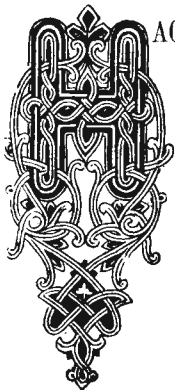
Проповѣдь Румбольда, какъ и другихъ руссофиловъ, не осталась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и завершилась англо-русскимъ соглашеніемъ 1908 г., существенно усилившимъ значеніе русско-французскаго союза.

В. И. фонъ-Штейнъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ СХХVIII. Акты, документы и матеріалы для политической и бытовой исторіи 1812 года, собранные и изданные по порученію его императорскаго высочества великаго князя Михаила Александровича, подъ редакціей К. Военскаго. Т. I. Литва и западныя губерніи. Спб. 1909 г. VIII + XLIV + 579 стр. in 4°.

АСТОЯЩАЯ книга есть первый томъ капитальнѣйшаго труда по исторіи 1812 года, предпринятаго К. А. Военскимъ по порученію е. и. в. в. к. Михаила Александровича.

Составитель сборника «актовъ и документовъ» предпослалъ имъ обширное предисловіе, въ которомъ, вопреки установившемуся у большинства русскихъ и даже иностранныхъ историковъ мнѣнію, устанавливаетъ новую точку зрѣнія на истинныя причины войны 1812 года и на послѣдствія ея для русскаго народа. Причины эти, по мнѣнію автора, лежали внѣ воли Александра и Наполеона, несомнѣнно, сознававшихъ всю выгоду для Россіи и Франціи отъ союза, но въ роковомъ влияніи континентальной системы на экономическое состояніе Россіи, вполнѣ зависѣвшей отъ англійскаго рынка, и въ явной недоброжелательности правящаго класса франко-русскому союзу, представлявшему угрзу либеральныхъ реформъ и отмѣны крѣпостного права.

Истощенные финансы Франціи, упадокъ торговли и промышленности вынудили Наполеона еще задолго до имперіи къ изысканію новыхъ источниковъ государственныхъ доходовъ, а именно къ завоеванію торговыхъ рынковъ, что, конечно, было возможно лишь при главенствѣ на морѣ. Но на этомъ пути онъ

столкнулся съ сильной островной державой, уже овладѣвшей морской гегемоніей,—Англіей, которая и становится съ тѣхъ поръ непримиримымъ врагомъ Наполеона. Англія ведетъ войну непосредственно, стараясь уничтожить французскій флотъ, чего и достигаетъ въ битвѣ при Трафальгарѣ, и борется съ Франціей на сушѣ, возбуждая къ войнѣ съ нею европейскія монархіи и поддерживая ихъ щедрыми субсидіями. Гибель французскаго флота дѣлаетъ Англію совершенно неуязвимой на морѣ, и Наполеонъ прибѣгаетъ къ новому способу борьбы: къ бойкоту англійскихъ товаровъ, какъ государственной общеевропейской мѣрѣ. «Въ желаніи подчинить Европу своей волѣ и добиться единодушія въ борьбѣ съ Англіей и лежитъ главный поводъ всѣхъ европейскихъ войнъ 1805 — 1812 г., которыя, такимъ образомъ, могутъ быть названы войнами за континентальную систему».

Прекращеніе ввоза англійскихъ товаровъ и вывоза сырья отзывалось крайне тяжело на государственныхъ доходахъ и торговлѣ европейскихъ государствъ, и они подчинялись только силѣ оружія непобѣдимой французской арміи.

Россія, вступившая въ коалицію противъ Наполеона, въ сущности не была заинтересована въ исходѣ европейскихъ войнъ, и Тильзитскій договоръ являлся въ политическомъ отношеніи для нея выгоднымъ. Но участіе въ континентальной системѣ наносило существенный вредъ экономическимъ интересамъ господствующаго класса, т. е. помѣщичьяго сословія, которое нуждалось въ англійскомъ рынкѣ сбыта сырья и вмѣстѣ съ тѣмъ въ дешевизнѣ предметовъ роскоши, ввозимыхъ Англіей и составляющихъ насущную потребность культурнаго общества, особенно при крайней отсталости Россіи въ области фабрично-заводской промышленности. Съ другой стороны, «съ торжествомъ французскаго вліянія соединялась неразрывно угроза либеральныхъ реформъ и отмены крѣпостного права». Дворянство, и безъ того недовольное либеральными преобразованіями первой половины царствованія Александра I, перешло въ 1811 г. въ почти явную оппозицію къ просвѣтительному абсолютизму. Передъ лицомъ общественнаго мнѣнія, являшагося въ то время мнѣніемъ помѣщичьяго сословія, Александру пришлось уступить и отказаться отъ блестящихъ плановъ, которыми увлекъ его Наполеонъ въ Тильзитѣ. «Такимъ образомъ разрывъ съ Наполеономъ и послѣдовавшая война съ нимъ являются не послѣдствіемъ перемѣны во взглядахъ Александра, но произошли подъ давленіемъ внѣшнихъ причинъ, главнымъ образомъ экономическаго свойства», и «манифестъ 6-го іюля 1812 г., въ которомъ Александръ обратился къ дворянству, является огромнѣйшей побѣдой послѣдняго».

Съ другой стороны, и Наполеонъ пришелъ къ 1812 г. роковымъ образомъ. «Поворотнымъ пунктомъ Наполеоновскаго счастья было не Бородино, а Трафальгаръ, послѣ котораго Наполеонъ былъ вынужденъ, за невозможностью продолжать борьбу на морѣ, обратиться на Европу, дабы силою объединить ее во имя коммерческой борьбы съ Англіей». Сознывая всю трудность войны съ Россіей, онъ не могъ поступить иначе и долженъ былъ поставить в е на карту.

Авторъ приходитъ къ тому выводу, что «легенда 1812 года, какъ она ни заманчива, должна уступить мѣсто безпристрастному историческому изслѣдованію. Борьба съ Наполеономъ велась не Россіей, а Англіей. Ареной этой борьбы

служили самые противоположные пункты: Италия, Швейцарія, Рейнскія провинціи, Голландія, Египеть, Испанія, Австрія, Пруссія и, наконецъ, Россія. Такимъ образомъ, двѣнадцатый годъ только фазисъ этой великой борьбы, въ которой Россія непосредственно интереса не имѣла, а была втянута силой обстоятельствъ, главнымъ образомъ по причинѣ экономической своей отсталости и зависимости отъ англійскаго рынка».

Указавъ на высокій патріотическій подъемъ, который проявило дворянство въ 1812 г., авторъ предисловія присоединяется вполне къ мнѣнію Кутузова, считавшаго послѣ изгнанія непріятели войну оконченной, и относится отрицательно къ войнамъ 1813—1815 гг., которыя не были связаны съ интересами Русскаго государства и привели лишь къ торжеству Англій и усилению Пруссіи, обратившейся затѣмъ въ сильную собѣдную державу «съ рѣшающимъ голосомъ въ европейской политикѣ и даже — въ политикѣ собственно русской». «Ни Петръ I, ни Великая Екатерина, стоя на высотѣ національной политики, — говоритъ авторъ, — не направили бы побѣдоносныхъ войскъ русскихъ, совершившихъ патріотическій подвигъ спасенія родины, въ Европу на защиту чуждыхъ намъ интересовъ».

Историческое значеніе 1812 года, по мнѣнію К. Военскаго, было двойное: съ одной стороны, великая эпопея укрѣпила въ народѣ русскомъ сознаніе государственности, а съ другой—1812 годъ повернулъ правительственную политику въ сторону реакціи и на полстолѣтія отсрочилъ освобожденіе крестьянъ и преобразованія, осуществленныя только Александромъ II.

Собственно историческая часть предисловія касается происхожденія герцогства Варшавскаго и пережитыхъ имъ событій за короткое время своего существованія. Составитель избралъ при распредѣленіи матеріаловъ систему географическую, руководясь въ послѣдовательномъ изданіи документовъ и матеріаловъ постепеннымъ движеніемъ французскихъ войскъ въ глубь Россіи. Первой областью, на которую вступилъ Наполеонъ, была Литва, въ которой тотчасъ создавалось временное правительство и введена конфедерація. Но всѣ эти событія были заранѣе подготовлены дѣятельнымъ сношеніемъ въ теченіе предшествовавшихъ лѣтъ русской сѣверо-западной окраины съ герцогствомъ Варшавскимъ, явившимся центромъ пропаганды возстановленія Польши въ предѣлахъ до 1772 г. Въ Варшавѣ же находился и агентъ Наполеона аббатъ де-Прадтъ, на обязанности котораго лежало «довести поляковъ до восторга, но не до безумія», какъ характерно выразился императоръ французовъ въ своей тайной инструкціи.

Вообще вся исторія сношеній Наполеона съ поляками носить характеръ неискренней политики, рассчитанной на возбужденіе національныхъ страстей, путемъ громкихъ фразъ и ни къ чему не обязывающихъ обѣщаній. Поляки мечтали о возстановленіи старой Польши. Наполеонъ не отнималъ отъ нихъ этой надежды, но ничѣмъ существеннымъ не доказывалъ своихъ намѣреній дѣйствительно привести польскую мечту къ осуществленію. Напротивъ, согласившись въ 1804 г. на присоединеніе къ герцогству Варшавскому части Галиціи, онъ въ 1812 году объясняетъ польской депутаціи, что обязался Австріи сохранить дальнѣйшую неприкосновенность ея границъ, а относительно части Польши, отошедшей къ Россіи, не говоритъ рѣшительно ничего опредѣленнаго. Можно даже

думать, что, въ случаѣ мира съ Россіей, онъ совершенно пожертвовалъ бы польскими интересами ради союза съ могущественной державой. Надо отдать справедливость г. Военскому въ томъ, что въ столь щекотливомъ въ исторіи русско-польскихъ отношеній вопросѣ, какъ роль поляковъ въ 1812 г., онъ сумѣлъ остаться вполне безпристрастнымъ, указавъ, что увлеченные чувствомъ горячаго патріотизма, поляки были лишь игрушкою въ рукахъ Наполеона, искусно использовавшаго ихъ преданность и мужество для своихъ цѣлей. Слова Наполеона, приведенныя въ эпиграфъ IV главы предисловія, служатъ тому лучшимъ доказательствомъ: «J'ai toujours regardé la Pologne comme un moyen, mais pas comme affaire principale».

Описывая происхожденіе герцогства Варшавскаго, составитель отмѣчаетъ роль Александра въ Тильзитѣ. Едва ли не русскому императору принадлежалъ починъ въ созданіи новаго польскаго государства, а со стороны Наполеона послѣдовало только согласіе. Такое доброжелательство Александра къ полякамъ объясняется тѣмъ вліяніемъ, которое имѣлъ на него князь Адамъ Чарторыйскій, другъ его молодости. Отношеніе къ полякамъ послѣ 1812 г., прощеніе всѣхъ измѣнъ и забвеніе прошлаго и, наконецъ, образованіе царства Польскаго съ конституціоннымъ образомъ правленія—ясно доказываютъ, что симпатіи Александра не измѣнились даже послѣ столь тяжелаго испытанія.

Совершенно новой и крайне интересной является точка зрѣнія г. Военскаго на экономическое и финансовое положеніе герцогства Варшавскаго. Искусственно созданное государство, окруженное таможеннымъ кольцомъ, не имѣющее выхода къ морю, такъ какъ Данцигъ былъ объявленъ независимымъ портомъ, съ самаго начала было осуждено на экономическое и финансовое истощеніе, которое вскорѣ и обнаружилось въ самой рѣзкой формѣ. Обязательство содержать постоянное войско, тяжелые налоги, гражданскій листъ короля саксонскаго, упадокъ торговли и промышленности—дѣлали самостоятельное существованіе герцогства невозможнымъ, несмотря на поддержку Наполеона, выразившуюся, впрочемъ, въ займѣ, увеличившемъ только государственный долгъ. Присоединеніе въ 1809 г. части Галиціи только отчасти поправило финансы и повлекло за собою и новыя долговыя обязательства. Такое положеніе не могло длиться долго, и «помимо всякихъ національно-патріотическихъ побужденій, присоединеніе другихъ областей раздѣленной Польши являлось желательнымъ и необходимымъ съ чисто экономической и финансовой точки зрѣнія».

Текстъ книги состоитъ изъ актовъ и документовъ варшавской и литовской конфедераціи, изъ хроники событій въ передачѣ ихъ двумя польскими газетами «Курьеромъ Литовскимъ» и «Минской Газетой», представляющими библиографическую рѣдкость, и изъ записокъ губернаторовъ западныхъ губерній и современниковъ о происшествіяхъ въ періодъ занятія окраины французами. Особенно интересны записки Бантыша-Каменскаго, воспоминанія графа Адама Хрептовича и мемуары современниковъ о пребываніи Наполеона въ Вильнѣ.

Всѣ эти матеріалы въ полномъ видѣ являются впервые въ печати. Ранѣе историки приводили лишь краткія выдержки изъ польско-литовскихъ воззваній и актовъ. Многое до сихъ поръ не могло быть обнародовано и по цензурнымъ условіямъ. Акты варшавской и литовской конфедераціи, читаемые въ ихъ

исторической последовательности, рисуют ярко настроенные умы в Польшу, высокий подъем патриотического чувства и вместе с тем остро-враждебное отношение к России, которая, по словам доклада конфедерационной комиссии 28-го июня 1812 года, объявляется «виновницей всех несчастий наших».

Остаивает внимание речь министра финансов герцогства графа Матушевича, из которой ясно видно крайне плачевное состояние этого игрушечного государства наряду с мощным пылом, овладевшим поляками, готовыми на всякие жертвы. Именно этим последним обстоятельством министр объясняет, что обнищавшая страна сумела выдержать постои французских войск и мобилизовать собственную армию. Акты конфедерации звучат уже гордым призывом к шляхетству и рисуют заманчивые картины будущего. Но строгий анализ этих документов обнаруживает закулисную сторону: созванная конфедерация сейчас же распускается, и вся власть переходит в руки совета, в котором заседает агент Наполеона де-Прадт, и таким образом народное представительство является в сущности призрачной иллюзией, не оправдываемой на деле. Из воспоминаний де-Прадта и Виниона оказывается, что все прокламации и акты и порядок их издания, даже посылка в Вильну депутации, речь сенатора Выбицкого и лукавый ответ на нее Наполеона (акты №№ 17 и 18, стр. 91 и 97)—все было заранее предусмотрено гениальным руководителем европейских событий. Но ничто так не обнаруживает истинных намерений Наполеона, как III отдел документов — «распоряжения временного литовского правительства», всецело руководимого французскими властями. Всегда повторяется один и тот же мотив: солдат и денег. Не даром Даву в Могилеве с циничной откровенностью заявил, что Наполеон ждет от поляков лишь трех вещей: хлеба, хлеба и хлеба. Литва в напряжении всех своих сил должна была продовольствовать французскую армию и заготавливать запасные магазины на случай отступления. Добровольные пожертвования, о которых говорится в воззваниях временного правительства, были в сущности принудительными налогами с населения во имя патриотических целей.

IV-й отдел документов назван составителем «Хроникой событий в местностях, занятых французскими войсками в 1812 г.». Материалами для этого отдела послужили две газеты: «Литовский Курьер» и «Минская Газета». Несомненно, что события изображены в них далеко не беспристрастно, а часто и в совершенно произвольном освещении, но именно это обстоятельство и придает им особую ценность в смысле характеристики настроений тогдашнего польского общества. Любопытна и история издания этих двух газет. «Литовский Курьер» именно в 1812 г. сделался официозом русского правительства и издавался при виленском университете. Редактором ее был назначен виленский адвокат Калликст Данилович. Во время пребывания в Вильне Александра газета горячо приветствовала русского монарха, выражая ему восторженные чувства. Но со вступлением французов Данилович сразу берет другой курс: все русское подвергается проклятию, а французская армия превозносится до небес. После отступления французов и занятия Вильны русскими Данилович, занимавший, кроме редакторства, и

должность полицейскаго префекта, ѡбжалъ. Редакторъ «Минской Газеты» Бродовскій былъ инспекторомъ правительственной минской гимназіи. Онъ не только въ газетѣ, но и на публичномъ актѣ въ гимназіи (стр. 378) выражалъ свою ненависть къ Россіи и преданность Наполеону. Послѣ изгнанія непріятели онъ, несмотря на это, сохранилъ свою должность и даже впоследствии получилъ повышеніе по службѣ, какъ это видно изъ предисловія на стр. XXXVIII.

V-ый отдѣлъ составленъ на основаніи официальныхъ донесеній губернаторовъ и записокъ современниковъ о событіяхъ, происходившихъ въ Литвѣ и западныхъ губерніяхъ въ 1812 г. Матеріалъ этотъ хранится въ военно-ученомъ архивѣ. Происхожденіе его таково. Когда съ Высочайшаго соизволенія исторіографъ М. И. Михайловскій-Данилевскій предпринялъ свой трудъ, онъ разослалъ губернаторамъ западныхъ губерній вопросные листы, на которые тѣ и давали отвѣты. Нѣкоторые, какъ, напр., виленскій губернаторъ, извѣстный Д. Н. Бантишъ-Каменскій, соединили собранныя свѣдѣнія въ одинъ очеркъ, носящій признаки литературной обработки, другіе ограничились доставленіемъ сырыхъ матеріаловъ. Не слѣдуетъ забывать, что Михайловскій-Данилевскій предпринялъ анкету въ 1836 году, когда губернаторы были уже другіе, чѣмъ въ 1812 году, и потому донесенія составлялись на основаніи опроса очевидцевъ, которые во многихъ случаяхъ могли запятовать или перепутать происходившее 25 лѣтъ тому назадъ. Тѣмъ не менѣе отдѣлъ этотъ, особенно сопоставленный съ извѣстіями польскихъ газетъ, представляетъ немалый интересъ для историка, посвятившаго себя изученію бытовой стороны эпохи 1812 года.

I-ый томъ снабженъ тремя весьма подробными алфавитными указателями: личныхъ именъ, географическимъ, а также предметнымъ и войсковыхъ частей. Въ указателѣ изслѣдователь не ограничился простой ссылкой на страницы, но во многихъ случаяхъ, особенно для именъ мало извѣстныхъ, приводитъ краткія біографическія данныя. Въ перечисленіи же войсковыхъ частей рѣдкихъ армій подробно указаны ихъ составъ и упомянуты даже фамиліи полковыхъ командировъ всѣхъ польскихъ полковъ, входившихъ въ составъ великой арміи 1812 года.

Текстъ снабженъ художественно воспроизведенными въ типографіи Вильборга и Голикѣ 9-ю фототипическими и 3-мя цинкографическими снимками (fac-simile) съ главнѣйшихъ актовъ варшавской конфедераціи, документовъ, касающихся гражданскаго управленія Литвы въ 1812 году за подписями французскихъ властей (герцога Бассано, графа Гогендорпа, барона Виніона) и польскихъ дѣятелей (письмо графа В. Красинскаго), а также весьма рѣдкими снимками съ № 1-го и др. «Минской Газеты», издававшейся въ Минскѣ въ теченіе 3 мѣсяцевъ во время занятія города французами. Очень любопытна исторія карты Россіи, которая была переведена на французскій языкъ съ русскаго подлинника, похищеннаго изъ нашего депо картъ для Наполеона въ 1808 году, и роздана по корпусамъ великой арміи въ русскую кампанію (стр. XVII). Два листа этой карты воспроизведены фототипическимъ способомъ и помѣщены въ началѣ книги. Интересны также fac simile съ французской 100-франковой ассигнаціи 1812 года и фуражная квитанція на полученіе овса для лошадей короля неаполитанскаго въ Вильнѣ.

Второй томъ сборника, посвященный балтійской окраинѣ въ 1812 году. по заявленію автора, выйдетъ настоящей осенью. Затѣмъ послѣдовательно будутъ появляться уже подготовленные къ печати III томъ (Бѣлоруссія и дѣло арх. Варлаама), IV и V—посвященные гражданскому управленію Наполеона въ Смоленскѣ. Документы, относящіеся къ французскому управленію въ Москвѣ, а также бумаги бывшаго министерства коммерціи (вліяніе континентальной системы на нашу торговлю и промышленность съ 1808 по 1812 г.) частью уже собраны, частью подготавливаются и составятъ еще 5 томовъ, которыми изслѣдователь надѣется закончить свой трудъ.

Г. Л. И.

В. Н. Латкинъ. Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи (XVIII и XIX ст.), изд. 2-е Спб. 1909 г. Стр. 644. Ц. 4 р.

Учебникъ В. Н. Латкина вышелъ вторымъ изданіемъ черезъ десять лѣтъ послѣ перваго. Естественно поэтому, что многіе отдѣлы должны были быть переработаны и дополнены вновь на основаніи изслѣдованій, появившихся въ теченіе этого десятилѣтія, что г. Латкинымъ и выполнено, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ въ основу новаго изданія было положено первое изданіе учебника.

По своему плану учебникъ распадается на двѣ части: внѣшнюю и внутреннюю исторію русскаго права. Первая часть посвящена краткому обзору главнѣйшихъ памятниковъ законодательной дѣятельности, проявлявшейся въ 3-хъ основныхъ видахъ: въ формѣ уставовъ, регламентовъ и сепаратныхъ указовъ. Затѣмъ болѣе подробно разсмотрѣна исторія кодификаціи отъ Петра Великаго до Николая I включительно.

Вторая часть подраздѣляется на четыре отдѣла: въ первомъ трактуются о территоріи, населеніи, государственной власти и объ управленіи; второй посвященъ уголовному праву, третій—гражданскому, четвертый—судоустройству и судопроизводству. Въ концѣ—указатель литературы предмета.

Таковъ планъ книги; планъ довольно обычный въ руководствахъ такого рода, представляющій собою довольно стройную систему. Но не во всѣхъ отношеніяхъ онъ удобенъ. Напримѣръ, при обзорѣ памятниковъ законодательной дѣятельности формальная и узкая классификація г. Латкина (уставы, регламенты, указы) далеко не можетъ вмѣстить въ себя всего разнообразія законодательнаго матеріала; благодаря этой классификаціи, произошло то, что сравнительно неважные памятники, какъ уставъ о векселяхъ 1729 г., указъ о судѣ и наказаніи за воровство 1781 года, г. Латкинымъ охарактеризованы, тогда какъ нѣтъ обзора, хотя бы краткаго, такихъ важнѣйшихъ памятниковъ, какъ «Губернскія учрежденія Екатерины II», жалованная грамота дворянству и др. Такого недочета нѣтъ, напримѣръ, въ болѣе краткомъ учебникѣ А. Н. Филишова.

Во второй части, благодаря схематичности изложенія, не обо всемъ сразу въ одномъ мѣстѣ можно получить общее представленіе. Напримѣръ, о крестьянахъ, кромѣ рубрики о населеніи, нужно просмотрѣть еще не одну главу, чтобы составить себѣ полное представленіе о томъ положеніи, въ которомъ они находились. Впрочемъ, это общій недостатокъ руководства подобнаго рода.

Слѣдуетъ отмѣтить, что, несмотря на исправленія, въ книгѣ не мало досадныхъ неточностей и неправильностей, близкихъ къ ошибкамъ. Напримеръ, сообщается, что въ уѣздъ или округъ, по учрежденіямъ Екатерины II, «должно было входить отъ 30 до 40 тысячъ жителей» (стр. 280), когда какъ слѣдуетъ: отъ 20 до 30 тысячъ (Учрежденія, ст. 17). Ближнюю канцелярію авторъ изображаетъ не чѣмъ инымъ, какъ прежней боярскою думою, лишь съ новымъ названіемъ, которая съ теченіемъ времени «модифицируется» и переходитъ въ сенатъ. По вопросу о финансахъ петровскаго времени г. Латкинъ приводитъ четыре проекта, «въ которыхъ, по его словамъ, авторы ихъ доказывали необходимость положить въ основу всей финансовой системы поголовищину, т. е. создать новую единицу обложенія въ видѣ души» (441 стр.). Но изъ этихъ проектовъ одинъ (Филишова) говоритъ совсѣмъ не о душѣ, какъ единицѣ обложенія, а о дворѣ, который доноситель Филишовъ понималъ, какъ фиктивную единицу, равную опредѣленному количеству семей (см. П.-Сильванскій, проекты реформъ, 107). О времени переписи въ книгѣ В. Н. Латкина сказано: «было предписано произвести перепись указомъ 26 января 1718 г.» (442). Здѣсь путаница указовъ и хронологическихъ датъ: перепись предписано начать указомъ Петра I 26-го, но не января, а ноября 1718 г., а въ январѣ, только 1719 года и 22 числа, былъ изданъ сенатомъ подробный указъ о переписи и разосланъ по губерніямъ (П. С. З., №№ 3245 и 3287). О ландратахъ сообщается, что это были выборные органы (стр. 367), но уже П. А. Блиновымъ отмѣчалось, что «ландраты часто назначались безъ всякаго выбора» (Губернаторы, 65), а изъ документовъ печатныхъ извѣстно, что указъ 1714 г. о выборѣ ландратовъ не былъ исполненъ, а ландраты были назначены въ губерніи «по разсмотрѣнію сенатскому» (Доклады и приговоры сената, IV, I, 45 стр.).

Несмотря на недочеты, учебникъ В. Н. Латкина въ значительной мѣрѣ отвѣчаетъ той цѣли, для которой онъ предназначенъ; онъ даетъ обстоятельный обзоръ исторіи русскаго права и является единственнымъ въ своемъ родѣ, захватывая не только нормы государственнаго права, но характеризуюя нормы и другихъ сторонъ жизни.

М. К.—въ.

Проф. С. Ѡ. Платоновъ. Учебникъ русской исторіи для средней школы. Курсъ систематическій. Часть I (до Петра Великаго). Спб. 1909. Стр. 258. Цѣна 90 копеекъ.

Въ печати не разъ указывалось на то, что наша средняя школа не даетъ учащимся знанія родной исторіи, не пробуждаетъ въ нихъ чувства патриотизма, не подготовляетъ ихъ къ слушанію курса исторіи въ высшемъ учебномъ заведеніи. Одна изъ причинъ этого явленія заключается въ неудовлетворительности руководствъ: учебники русской исторіи въ большинствѣ случаевъ лишены научности, они представляютъ собою или собраніе историческихъ анекдотовъ, или сборники реляцій отъ Рюрика до нашихъ дней. Родному быту, родной культурѣ, религіознымъ, экономическимъ, политическимъ и ли-

тературнымъ движеніямъ, направляющимъ жизнь народа, отводится въ нихъ очень мало мѣста.

Учебникъ проф. Платонова, сложившійся, по словамъ автора, практически на урокахъ въ старшихъ классахъ Константиновской гимназіи, выгодно отличается въ этомъ отношеніи отъ предшествовавшихъ ему руководствъ.

Авторъ дѣлитъ курсъ на три части: въ первой онъ излагаетъ исторію Кіевского государства, объединившаго все мелкія племена вокругъ Кіева; во второй—говорится о Новгородскомъ, Литовско-Русскомъ и Московскомъ государствахъ, образовавшихся по распаденіи Кіевского, а въ третьей излагается исторія Русской имперіи, объединившей въ себѣ все земли, заселенныя русскими народностями въ разныя времена. Разсматриваемый нами учебникъ содержитъ въ себѣ первыя двѣ части курса и раздѣляется на пять главъ. Въ введеніи особый параграфъ посвященъ древнѣйшему населенію Европейской Россіи, говоря о которомъ, авторъ вводитъ учащихся въ кругъ археологическихъ данныхъ, добытыхъ раскопками на югѣ Россіи. Рассказывая въ первой главѣ объ образованіи Кіевского государства, г. Платоновъ знакомитъ учащихся съ теоріями норманской и славянской школы; самъ онъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что «люди, называвшіеся Русью, говорили по-скандинавски и принадлежали къ сѣверо-германскимъ племенамъ, а страна, которую звали Русью по имени этихъ людей, была страной славянской». Далѣе авторомъ подробно выясняются значеніе дѣятельности варяжскихъ князей, вліяніе церкви на гражданственность и просвѣщеніе древней Руси и появленіе въ ней искусства. О междоусобіяхъ удѣльнаго періода авторъ говоритъ въ самыхъ сжатыхъ чертахъ, не обременяя памяти учащихся личными именами и хронологическими датами.

Во второй главѣ описывается образованіе новыхъ государственныхъ центровъ на Руси: Новгорода Великаго, Суздальской земли и княжества Галичскаго, а также появленіе новыхъ внѣшнихъ враговъ—татаръ. Третья глава посвящена развитію великихъ княжествъ Московскаго и Литовскаго, образованію великорусскаго государства и переходу удѣльнаго быта въ государственный. Последняго вопроса почти никогда не касаются другіе учебники. Разсматривая этотъ переходъ, авторъ знакомитъ учениковъ съ вопросомъ о самодержавіи московскихъ государей, съ идеей о Москвѣ, какъ третьемъ Римѣ, съ притязаніями боярства и княжатъ, съ людьми служилыми и тяглыми, помѣстной системой, крестьянскимъ прикрѣпленіемъ, церковнымъ землевладѣніемъ, полемикой между Іосифомъ Волоцкимъ и Ниломъ Сорскимъ и ересью жиждовствующихъ. Въ главѣ четвертой проф. Платоновымъ интересно разработаны и освѣщены періодъ Смутаго времени, выясненію событій котораго, какъ извѣстно, немало способствовали магистерская и докторская диссертации автора. Въ смутѣ, поднявшейся по поводу прекращенія династіи въ Москвѣ, г. Платоновъ различаетъ три періода: во-1-хъ, періодъ борьбы бояръ за власть и престолъ, во-2-хъ, борьбы низшихъ классовъ (казачества) противъ высшихъ (землевладѣльцевъ) и, въ-3-хъ, борьбы русскихъ людей вообще съ иноземными врагами и своими «ворами». Смута, по словамъ автора, вызвала въ правительствѣ перемѣну взглядовъ на государство. «Прежніе государи

считали государство своею «вотчиною» (т. е. наследственной собственностью). Вновь избранный государь уже не мог стать на такую точку зрѣнія. Для него народъ и государство не только не казались собственностью, но представлялись громадной стихіей, для управленія которой необходимо былъ земскій совѣтъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока эта стихія еще была возмущена смутою и не пришла въ спокойствіе». Въ послѣдней главѣ учебника является интереснымъ очеркъ, посвященный культурному перелому, который начала переживать Россія, въ царствованія двухъ первыхъ царей изъ дома Романовыхъ.

Таково въ сжатыхъ чертахъ содержаніе новаго учебника; «мелкаго шрифта» въ немъ нѣтъ, такъ какъ авторъ, по его словамъ, взялъ только необходимый матеріалъ, устранивъ все лишнее. Облекая научные выводы въ форму, вполне доступную пониманію учащихся въ средней школѣ, проф. Платоновъ не оставляетъ безъ разсмотрѣнія ни одного важнаго явленія русской исторіи, съ которыми впоследствии придется юношеству познакомиться при прохожденіи университетскаго курса. Установленіе этой связи между исторіей въ гимназій и исторіей въ университетѣ—главное достоинство новаго труда профессора; къ числу остальныхъ нужно отнести художественность изложенія и искреннюю любовь къ Россіи, которою проникнута каждая страница руководства. Безъ сомнѣнія, учебникъ г. Платонова завоюетъ для себя почетное мѣсто въ нашей средней школѣ.

В. В.—чѣ.

А. А. Дмитріевскій. Графъ Н. П. Игнатьевъ, какъ церковно-политическій дѣятель на православномъ Востокѣ. Спб. 1909. Стр. 79. Ц. 75 к.

Секретарь православнаго Палестинскаго общества профессоръ А. А. Дмитріевскій, на основаніи неизданныхъ писемъ графа Н. П. Игнатьева, сообщаетъ новыя свѣдѣнія о заслугахъ этого выдающагося государственнаго дѣятеля для церкви православной вообще и для церкви русской въ частности. Передъ нами интересная страница нашего недавняго прошлаго. Особенно любопытны два эпизода, такъ называемое греко-русское пантелеймоновское дѣло и исчезновеніе изъ нашихъ рукъ святыни. Въ качествѣ русскаго посла въ Константинополь гр. Н. П. Игнатьевъ энергично отстаивалъ наши національные интересы. Въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ на Аѳонѣ русскіе монахи жили вмѣстѣ съ греческими и составляли большинство. Въ преемники престарѣлому греку-игумену они пожелали выбрать русскаго іеромонаха Макарія Сушкина. Греки аѳонскіе, а за ними и константинопольскіе и аѳинскіе, остались крайне недовольны этимъ избраніемъ, обвинивъ русскихъ иноковъ въ панславистическихъ махинаціяхъ и даже коварныхъ замыслахъ поработить и весь греческій элементъ на Аѳонѣ. «Вы знаете,—писалъ гр. Игнатьевъ архимандриту Аптониу, извѣстному начальнику русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ:—что, не довольствуясь преслѣдованіемъ болгаръ и арабовъ, греки хотятъ выжить и русскихъ съ Аѳона, при этомъ ярые эллины надѣялись, что мы не посмѣемъ заступиться за обдѣныхъ иноковъ». Нашъ посоль посмѣлъ, и въ 1874 г. Макарій Сушкинъ былъ утвержденъ

игуменомъ, и Пантелеймоновскій монастырь навсегда перешелъ въ руки русскихъ иноковъ. Всегозамѣчательнѣе разсужденіе пантелеймоновскихъ монаховъ. «Если бы не искреннее участіе русскаго посла, говорили они, то не только бы просьба наша и всѣ, хотя и фактическія, доказательства не имѣли бы никакого значенія и остались бы безъ удовлетворенія, но греки выгнали бы насъ съ Аѳона, въ чемъ и состояла главная задача всѣхъ притѣсненій и обидъ, сдѣланныхъ ими русскимъ. Мы не разъ слышали о совѣщаніи ихъ между собою, что нужно успокоить русскихъ, пока посломъ въ Константинополь гр. Игнатъевъ, а когда не будетъ Игнатъева, тогда можно поступить съ русскими, какъ угодно, ибо никто за нихъ прежде не заступался, никто не заступится и послѣ».

Другое дѣло служить яркимъ подтвержденіемъ этихъ словъ и обнаруживаетъ нашу дипломатическую слабость. На собраныя въ Россіи пожертвованія купленъ былъ участокъ земли въ Мирахъ Ликійскихъ, гдѣ первоначально почивали мощи Николая Чудотворца, и тутъ собирались построить церковь. По окончаніи турецкой войны гр. Игнатъевъ не вернулся уже въ Константинополь, и мы потеряли мѣсто, почитаемое нашими паломниками. Писидійскій митрополитъ, во владѣніи котораго находятся Миры Ликійскія, и константинопольскій патріархъ, которому подчиненъ писидійскій митрополитъ, уже давно помышляли прибрать къ своимъ рукамъ лакомый русскій участокъ въ Мирахъ Ликійскихъ, а главное тѣ пожертвованія деньгами, какія шли сюда изъ Россіи на сооруженіе храма. За 10 дней до смерти, т.-е. въ 1908 году, гр. Игнатъевъ писалъ по этому поводу товарищу предсѣдателя Палестинскаго общества: «Памятуя мысль государя Николая Павловича, замышлявшаго возобновить храмъ, въ которомъ былъ погребенъ св. Николай Чудотворецъ, съ цѣлью войти въ соглашеніе съ итальянскимъ правительствомъ и папой римскимъ о возвращеніи изъ Бари похищенныхъ изъ Миры Ликійской нетлѣнныхъ останковъ св. угодника, я въ бытность мою посломъ въ Константинополь приобрѣлъ землю подъ древнимъ соборомъ отъ частныхъ людей, турокъ, и записалъ эту мѣстность, во избѣжаніе политическихъ недоразумѣній, на имя тещи моей, княгини Анны Матвѣевны Голицыной. Но когда я оставилъ дипломатическое поприще, то, опасаясь, что наше посольство не охранитъ русской собственности, по рутинѣ и свойственному нашимъ дипломатамъ опасенію впасть въ затрудненія и хлопоты, я обратился къ покойному великому князю Сергію Александровичу и предложилъ ему, какъ предсѣдателю Палестинскаго общества, принять въ даръ отъ моей тещи права на мѣстность Миры Ликійской и развалины храма. Документально права тещи моей были переданы августѣйшему предсѣдателю Палестинскаго общества. Раза два мнѣ пришлось говорить съ покойнымъ великимъ княземъ, повѣдавшимъ мнѣ, что наши дипломаты возбуждали разныя препятствія; если не ошибаюсь, вице-консулъ Юговичъ долженъ былъ заняться на мѣстѣ огражденіемъ нашихъ интересовъ, но плохо исполнялъ свою обязанность». Гр. Игнатъевъ осяѣдомлялся, въ какомъ положеніи находится дѣло, но оно давно было проиграно. Константинопольская патріархія научила турецкое правительство признать русскій участокъ потерявшимъ своихъ владѣльцевъ въ виду того, что со времени своего приобретенія онъ не обрабатывался и подлежалъ, согласно существующимъ законамъ о земельной собственности, секвестру и включенъ въ кадастръ на имя

правительства. Попытка заинтересовать этимъ участкомъ наше константинопольское посольство со стороны Палестинскаго общества была предпринята въ 1894 году, но посольство не удостоило отвѣтомъ письмо товарища предѣдателя.

Въ хорошо написанной книгѣ профессора А. А. Дмитріевскаго много матеріала для исторіи нашей дипломатіи, нашихъ сношеній съ православнымъ Востокомъ и для оцѣнки дѣятельности гр. Н. П. Игнатѣва. П. В.

Ан. Титовъ. Колясниковскій синодикъ. Сергіевъ посадъ. 1909.

Кромѣ описанія синодика, роскошно изданнаго обществомъ любителей древней письменности на средства библиофила Г. В. Юдина, приложена исторія Колясниковской и Морозовской пустыней съ біографіей ихъ основателя, старца Капитона.

Основатель Колясниковской пустыни, бывшей прежде въ костромской, а нынѣ въ ярославской епархіи, въ 4-хъ верстахъ отъ гор. Данилова, былъ крестьянинъ Даниловской слободы. Принявъ постриженіе еще юношей, онъ въ 1630 году основалъ въ Вологодской губерніи Спасо-Преображенскую пустынь, а затѣмъ въ 1633 г. и Колясниковскую.

Здѣсь Капитонъ первый положилъ начало безповощинской сектѣ. Будучи аскетомъ, онъ первоначально въ Колясникахъ выстроилъ маленькую келью, изнурялъ себя постомъ и молитвой. Такая строгая жизнь, особенно среди распущеннаго и сребролюбиваго духовенства того времени, доставила ему славу великаго подвижника и привлекла къ нему немало поклонниковъ и послѣдователей, которые стали селиться въ этомъ мѣстѣ и сдѣлались его учениками, соблюдая такой же строгій постъ, какъ и ихъ руководитель.

Молва о подвигахъ Капитона дошла до царя Михаила Феодоровича, который пожаловалъ Капитону пустынь Колясниково и Маремьяновъ починокъ. Капитонъ тогда соорудилъ Троицкую церковь съ двумя придѣлами. Въ пустыни поселились крестьяне и иноки. Строитель пустыни все больше и больше «постомъ себя томилъ», даже въ праздники Рождества Христова и Пасхи не хотѣлъ разрѣшать своимъ послѣдователямъ сыръ, масло и рыбу. Онъ питался только хлѣбомъ, ягодами, плодами, пилъ одну воду и въ дни св. Пасхи христосовался крашеными луковицами. «Вериги на себѣ носилъ каменные: плита сзади, а другая спереди по полутора пуда въ обѣихъ, а всего вѣсу три пуда, петля ему бѣ поясъ, а крюкъ въ потолокъ, и обѣ желѣзны, и то ему постеля: процѣпя крюкъ въ петлю, повисоша спати». Такіе же были и ученики Капитона. «Такову наготу стяжаша: вмѣсто свитки по поясъ запонъ держажу, плеча же мантию до пояса покрываху; иніи же на ребрахъ, но сѣдя или стоя, мало сна пріемляху, иніи же черезъ день, иніи же черезъ два хлѣбъ и сурово зеліе по захожденіи солнца ядаху, и по яденіи же моляхуся, и мало уснувши, паки псалтирь и канонъ пояху». Въ числѣ такихъ учениковъ Капитона былъ и Симеонъ, впоследствии митрополитъ сибирскій и тобольскій, имя котораго занесено первымъ въ Колясниковскій синодикъ.

Но, спасая свою душу изнуреніемъ плоти, Капитонъ почему-то повздорилъ къ духовными властями, и на него началось гоненіе. «И возмнилъ онъ о себѣ, какъ о великомъ подвижникѣ и учителѣ, началъ презирать духовенный санъ, внушалъ ученикамъ своимъ отстраняться пастырей церкви, не принимать отъ нихъ благословенія, не поклоняться св. иконамъ новаго писма, а оди́мъ старымъ, и увлекалъ многихъ за собой, будучи жаркимъ проповѣдникомъ двоеперстія.»

По доносу духовныхъ властей послѣдоваль царскій указъ, чтобы Капитона взять подъ началъ, но онъ благополучно скрылся съ своими учениками, захвативъ съ собою и межевыя книги. Черезъ 12 лѣтъ онъ очутился въ томъ же Костромскомъ уѣздѣ. Когда же опять пришла царская грамота, чтобы его взять, Капитонъ снова бѣжалъ и переселился во Владимирскую губернію, гдѣ и проживалъ «въ Вязниковскихъ предѣлахъ въ градѣ Ярополчѣ» (Вязники): Въ вязниковскомъ лѣсу Капитономъ была устроена новая пустынь, гдѣ онъ и спасался съ своими сподвижниками—людьми мірскаго и иноческаго чина—«и поселились за рѣкою за Клязьмою въ бору не знамо какіе люди старцы и бѣльцы, и кельи поставили, и въ землѣ норы подѣлали, и къ церкви Божіей не ходятъ». Капитонъ скончался въ глубокой старости, болѣе ста лѣтъ, и гдѣ погребенъ—неизвѣстно.

Колясниковская пустынь, переданная въ управленіе строителю Даниловскаго Преображенскаго монастыря Пимену, еще долго была гнѣздомъ раскола. Когда Пименъ сталъ принимать болѣе крутыя мѣры, то колясниковская братія почти вся разбѣжалась, и обитель опустѣла до того, что некому было стеречь монастырь.

Въ концѣ XVII вѣка пустынь не только поправилась, но и пришла въ цвѣтущее состояніе, и, несмотря на большой пожаръ, бывшій въ 1693 году, благодаря жертвамъ окольничаго кн. Петра Лукича Львова, подаяніямъ князей Одоевскихъ, Хованскихъ, Пронскихъ, продолжала безбѣдно существовать до 1764 года.

Основанная Капитономъ близъ Колясниковской въ 1635 г. Морозовская женская пустынь пользовалась милостью царя Алексѣя; который положилъ монахинямъ жалованье. Въ XVIII вѣкѣ она находилась въ синодальной области; пустынь была уничтожена также въ 1764 году.

Отъ этой пустыни осталась каменная церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы, которая нынѣ находится въ приходѣ села Морозова. Отъ упраздненной пустыни въ этомъ храмѣ остался только крестъ, почитаемый чудотворнымъ. Онъ осмиконечный, длиною 2 четверти съ четвертью вершка, широтою въ одну четверть съ полувершкомъ, серебряный, позлащенный, хранится въ кипарисномъ створчатомъ ковчегѣ, издавна для него устроенномъ. Въ этомъ крестѣ вложено 100 частицъ съ означеніемъ именъ святыхъ на задней его сторонѣ; построенъ онъ по вѣрѣ и обѣщанію дому святѣйшаго патріарха крестовымъ іеромонахомъ Иринархомъ Печерскимъ, въ 1708 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, какъ это видно изъ надписи, находящейся на лицевой сторонѣ креста внизу подножія. О крестѣ этомъ нѣтъ никакихъ письменныхъ документовъ, есть только устные преданія, между собою не совсѣмъ согласныя. Достовер-

нѣйшее изъ нихъ слѣдующее. Когда Петръ Великій шель сражаться съ Карломъ XII подъ Полтавою, тогда же получили этотъ крестъ отъ одного изъ святителей, составлявшихъ въ это время священный соборъ по кончинѣ послѣдняго всероссійскаго патріарха. Иеромонахъ, построившій крестъ, отправленъ былъ вмѣстѣ съ нимъ и походною церковью на войну. По счастливомъ окончаніи ея Великій Петръ съ благодарностью возвратилъ драгоценный крестъ построившему его, и сей предъ кончиною своею завѣщалъ его въ вѣчное свое поминовеніе въ дѣвичью Морозову пустынь, гдѣ настоятельницею была его родственница. Завѣщаніе свое поручилъ онъ исполнить нѣкому боярину Ивану Ивановичу Грабленному, вотчина котораго была въ 12 верстахъ отъ Морозовой пустыни, въ селѣ Архангельскомъ, что на Касти, гдѣ еще недавно жили родственники его, господа Ратоевы. Грабленный получилъ крестъ для доставленія въ пустыню; узнавши же и увидѣвъ его драгоценность, рѣшился оставить его въ своей домовой церкви. Но вскорѣ за такой поступокъ наказанъ былъ разслабленіемъ всего тѣла, отъ чего не прежде исцѣлился, какъ раскаявшись въ своемъ преступленіи и отправивъ святыню въ Морозову пустыню. Это преданіе сохранилъ бывший въ 1860 году морозовскій священникъ Григорій, старецъ, жившій болѣе ста лѣтъ; а онъ слышалъ его отъ своего отца, бывшаго также священникомъ при Морозовской пустыни еще прежде ея упраздненія,— преданіе, очевидно, достовѣрное. Въ настоящее время крестъ сей прославляется поклонниками. Окрестные жители питаютъ къ нему особенное благоговѣніе и поклоняются какъ чудотворному.

А. К.—ово.

М. В. Довнаръ-Запольскій. Исслѣдованія и статьи. Томъ I. Этнографія и соціологія, обычное право, статистика, бѣлорусская письменность. Изданіе А. П. Сапунова. Кіевъ. 1909. Стр. 486. Ц. 3 р.

Въ настоящемъ томѣ собраны отдѣльныя статьи М. В. Довнаръ-Запольскаго, которыя онъ напечаталъ въ 1888—1897 годахъ въ различныхъ журналахъ и газетахъ. Несмотря на то, что литература о Бѣлоруссіи и бѣлоруссахъ значительно разрослась послѣ того, многія его статьи имѣютъ если не руководящее значеніе, то во всякомъ случаѣ представляютъ собою богатое пособіе для рѣшенія разныхъ вопросовъ, не затронутыхъ ни до, ни послѣ него, и цѣнный библиографическій матеріалъ для будущихъ изслѣдователей. Все содержаніе книжки распадается на слѣдующія главы: «Очерки семейственнаго обычнаго права крестьянъ Минской губерніи»; «Бѣлорусская свадьба въ культурно-религіозныхъ пережиткахъ» (наиболѣе крупное произведеніе); «Ритуальное значеніе коровайнаго обряда у бѣлоруссовъ»; «Женская доля въ пѣсняхъ пинчукъ»; «Галонъ», повѣсть въ стихахъ на бѣлорусскомъ языкѣ В. Дунина-Марцинкевича. (Изъ исторіи бѣлорусской письменности); «В. Дунинь-Марцинкевичъ и его поэма «Тарась на Парнасъ». Очеркъ изъ исторіи бѣлорусской этнографіи»; «Чародѣйство въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ XVI—XVIII вв. Историко-этнографическій очеркъ»; «В. Н. Тяпинскій, переводчикъ Евангелія

на бѣлорусское нарѣчіе»; «Бѣлоруссы. Этнографическій очеркъ»; «Бѣлорусское прошлое. (По поводу статей А. Н. Пынина, помѣщенныхъ въ «Вѣстникъ Европы» за 1887 годъ)»; «Солнышко и мѣсяцъ въ бѣлорусской свадебной поэзіи»; «Свадебныя пѣсни пинчуковъ»; «Первобытныя формы брака» (довольно обширная статья); «Замѣтки о бѣлорусскихъ говорахъ»; «Статистическіе очерки Сѣверо-Западнаго края» и «Кустарные промыслы Минской губерніи».

Съ виѣшней стороны изданіе вышеприведенныхъ изслѣдованій и статей, предпринятое по настоянію и на средства довольно извѣстнаго изслѣдователя Витебской Бѣлоруссіи, А. П. Сапунова, весьма удовлетворительно и не можетъ показаться по своей цѣнѣ очень дорогимъ.

В. Р—въ.

А. А. Титовъ. Упраздненные монастыри Костромской епархіи. Съ рисункомъ.

Подъ такимъ заглавіемъ вышла эта книжка, посвященная просвѣщенному вниманію IV костромскаго областного археологическаго съѣзда, бывшаго въ 1909 г. въ Костромѣ отчетъ о которомъ будетъ данъ въ сентябрской книжкѣ «Истор. Вѣстн.».

Описывая 53 упраздненныхъ монастыря Костромской епархіи, авторъ въ своемъ предисловіи изложилъ и исторію разныхъ административныхъ предприятий, относящихся до расплотившихся въ XVII вѣкѣ обителей. Монастырей было очень много; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, по словамъ челобитныхъ, старцы все были пришлые; строители, живя въ обителяхъ, пьютъ и бражничаютъ, и всякое безчинство творять, и за вины, за всякое безчинство чинимое, на десятильномъ дворѣ въ смиреніи бываютъ; отъ всякихъ сторонъ обиды и налоги большіе чинятъ. И церковь Божія стоитъ у нихъ безъ пѣнія, а церкви и ограды обваливаются; да и братія много по три человѣка бываетъ, да и та братія, пьющая и часто перемѣнная, живетъ не по монашескому чину: въ кабакахъ пьютъ и иноческое съ себя пропиваютъ, и зернью играютъ, пьяными валяются, озорничаютъ, всяческою скаредною бранію мужской и женскій полъ бранять, и другія непотребства учиняютъ...

Главные правительственныя мѣропріятія объ ограниченіи монастырскихъ вотчинъ начались съ 1722 г., когда строжайше запрещено строить вновь монастыри и скиты, и чтобы изъ монастырей монашеской чести люди не волочились, и монахи праздно пустокоормами не жили. Черезъ два года, въ 1724 г., вышелъ новый указъ: «Малобратственные монастыри и пустыньки сводить съ прочими въ совокупленіе неотложно безъ продолженія, и оныя пустыньки весьма упразднить».

Затѣмъ монастырскій приказъ такъ ограничилъ доходы монастырей, что не на что стало поддерживать монастырскіе храмы и зданія. Даже знаменитый Ипатьевскій монастырь, связанный воспоминаніями дома Романовыхъ, пришелъ въ такую ветхость, что архимандритъ этого монастыря, совѣтникъ св. синода, Гавриилъ Бужинскій, въ послѣдствіи епископъ рязанскій, доносилъ св. синоду, что, прибывъ въ Кострому, нашель въ тамошнихъ монастыряхъ и пусты-

нихъ неустройства и безпорядки, а общее экономическое состояніе этихъ обитателей очень скуднымъ. Въ Ипатьевскомъ монастырѣ «нашелъ все ветхое, растащенное и опустошенное; ризница тако извѣстала, что передъ честными людьми и въ самыхъ лучшихъ ризахъ служить нельзя не вспоминая о другихъ ризничныхъ приборахъ; да и самая святая соборная церковь отъ воды большія вешнія 1709 г. разсѣлась надвое, и все каменное строеніе подалося въ Кострому рѣку; врата распались и столпами деревянными подперты, всего же разоренія обители вкратцѣ и описать невозможно».

Екатерина II указомъ 23-го февраля 1764 г. рѣшила участь многихъ монастырей, за которыми въ имперіи числилось 910,886 душъ. Всѣ они были переданы въ непосредственное завѣдываніе коллегіи экономіи.

Изъ дальнѣйшаго обзора, сдѣланнаго авторомъ, костромская епархія по количеству упраздненныхъ монастырей, съ причисленными къ нимъ вотчинами, оказывается одной изъ наиболѣе пострадавшихъ при секуляризаціи 1764 года. Если, говоритъ авторъ, самая секуляризація представлялась для государства необходимой мѣрой, то она тяжело отразилась на развитіи духовнаго просвѣщенія: духовныя школы въ періодъ 1763—1765 гг. переживали кризисъ. Правительство, по совершеніи секуляризаціи церковныхъ вотчинъ, стало получать съ нихъ три милліона одного ежегоднаго оброка съ крестьянъ и роскошно воспользовалось новымъ источникомъ доходовъ для осуществленія разныхъ постороннихъ для духовнаго вѣдомства потребностей и въ пользу разныхъ частныхъ лицъ изъ дворянства, а на всѣ духовныя нужды назначило около 400 тысячъ рублей, въ томъ числѣ на духовныя школы приблизительно 40 тысячъ рублей.

Что переживало за это безысходное время,—заключаетъ авторъ,—костромское духовенство и его школы, является вполне понятнымъ...

Вообще же вопросъ по исторіи секуляризаціи имѣетъ обширную рукописную литературу. Въ числѣ такихъ матеріаловъ находится интересное сказаніе о провакаціонномъ поступкѣ извѣстнаго Дмитрія Съченова, согласившагося съ Арсеніемъ Мацѣвичемъ, Павломъ Конюшевичемъ и другими архіереями энергично протестовать противъ отобранія монастырскихъ вотчинъ и потомъ выдавшего головой своихъ единомышленниковъ. За этотъ подвигъ Екатерина подарила Съченову 1,000 душъ крестьянъ, но при этомъ не безъ ироніи замѣтила, что «и Россія такихъ владыкъ имѣетъ».

Изъ 53-хъ упраздненныхъ обителей, помѣщенныхъ въ текстъ, особенно подробно описанъ Сыпановъ Нерхотскій монастырь, основанный близъ Сыпанова городища въ XIV вѣкѣ близкимъ къ св. Алексію митрополиту преп. Пахоміемъ. Тутъ, кромѣ краткаго житія преподобнаго и описанія мѣстности, подробно приведены монастырскія описи XVI вѣка, жалованныя грамоты XVII вѣка, вкладныя и записныя книги, а также помѣщенъ и подробный списокъ сыпановскихъ игуменовъ.

А. К—ово.

Извѣстія императорской археологической комиссіи. Выпускъ 31. Съ портретомъ и 244 рисунками. Спб. 1909. Стр. IV+309.— Вѣстникъ археологіи и исторіи, издаваемый императорскимъ археологическимъ институтомъ. Съ 32 рисунками. Выпускъ XIX. Спб. 1909. Стр. VI+260.

Оба вышеназванные труда появились въ свѣтъ по случаю и къ самому историко-археологическому съѣзду въ Костромѣ, бывшему съ 21-го по 29-е іюня 1909 г., и составили наиболѣе цѣнный вкладъ изъ всѣхъ работъ, подготовленныхъ къ нему. Почти все содержаніе 31-го выпуска «Извѣстій» археологической комиссіи посвящено описанію, правда, краткому, церквей и нѣкоторыхъ старинныхъ домовъ Костромской губерніи, построенныхъ до 1826 года. Въ основу этого описанія легли свѣдѣнія изъ архива археологической комиссіи, данныя изъ специальной литературы и сообщенія мѣстнаго дѣятеля Н. Н. Виноградова. Всего церквей здѣсь описано около 800; изъ нихъ деревянныхъ—72 (наиболѣе древняя отъ 1552 г. и наиболѣе поздняя—1810); остальные каменные: неизвѣстнаго времени—52; XIII в.—1 (Успенскій соборъ въ Костромѣ), XVI в.—2 (Богоявленскій соборъ въ Костромскомъ Богоявленскомъ монастырѣ и церковь во имя Богоявленія Господня въ с. Красномъ Костромского уѣзда), XVII в.—35, XVIII—287 и первой четверти XIX—359. По уѣздамъ болѣе всего насчитывается церквей въ Нерехтскомъ уѣздѣ (139), затѣмъ Галичскомъ (112) и потомъ уже Костромскомъ (97), но зато въ самой Костромѣ приведено до 47 церквей вмѣстѣ съ монастырскими, существующими и бывшими. Изъ остальныхъ уѣздовъ болѣе всего было церквей: въ Юрьевецкомъ, Кинешемскомъ и Макарьевскомъ. Нѣкоторые церкви и монастыри описаны довольно подробно, напримѣръ, Воскресенская церковь на Дебрѣ и Успенскій соборъ въ Костромѣ, Ипатьевскій и Желѣзноборовскій монастыри; Паисіевъ монастырь въ Галичскомъ уѣздѣ, Макарьевскій мужской монастырь и церковь во имя св. Троицы (1676 г.) въ Нерехтскомъ уѣздѣ. Въ текстѣ помѣщено 196 рисунковъ.

Остальное содержаніе 31-го выпуска «Извѣстій» составляютъ: небольшая замѣтка А. А. Сыщика—«Памяти Н. В. Султанова» и «Протоколы реставраціонныхъ засѣданій» комиссіи за 2-ю половицу 1908 г. (всего 4 засѣданія). На одномъ изъ послѣднихъ засѣданій обсуждался вопросъ о реставраціи Сампсоновскаго храма въ С.-Петербургѣ, по предложенію Сампсоновскаго юбилейнаго комитета, задавашагося цѣлью «привести храмъ къ его первоначальному виду и восполнить въ его архитектурной и художественной обработкѣ тѣ пробѣлы, кои строителями своевременно не были выполнены». По обсужденію мало удачнаго проекта петербургскаго specialнаго архитектора г. Аплаксина, было постановлено: отмѣнить цѣлый рядъ предложенныхъ измѣненій и «обратить вниманіе юбилейнаго комитета на то, что реставрація храма невозможна безъ точнаго изслѣдованія всѣхъ древнихъ формъ его, что строгое изслѣдованіе можетъ указать на потребность такихъ измѣненій въ церкви, которыхъ пока нельзя и предугадать, и что дѣло реставраціи можетъ осложниться и перейти за юбилейный срокъ».

Директоръ с.-петербургскаго археологическаго института, проф. Н. В. Покровский посвятилъ IV областному историко-археологическому съѣзду, бывшему въ его родномъ городѣ, цѣлый XIX выпускъ «Вѣстника археологiи и исторiи», издаваемаго институтомъ. Во главѣ выпуска помѣщена прекрасная работа самого директора: «Памятники церковной старины въ гор. Костромѣ», въ которой обследованы и описаны почти всѣ выдающіеся предметы церковныхъ историческихъ древностей Костромы; изъ нихъ многіе впервые становятся извѣстными даже специалистамъ, несмотря на то, что всѣ памятники архитектуры, стѣнописи и иконописи отъ XVI—XVII вѣковъ представляютъ собою лучшіе образцы «золотого вѣка русскаго національнаго искусства». Къ тексту приложены и 32 рисунка, хорошо исполненныхъ и наглядно изображающихъ болѣе цѣнные и древніе предметы. (Подробнѣе объ этомъ трудѣ, изданномъ отдѣльно, см. нашу рецензію въ июньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника»). За названной работой Н. В. Покровскаго слѣдуютъ: «Князь Д. Ю. Шемяка въ Великомъ Новгородѣ», П. Л. Гусева; «Кажировская пустынь въ XVII и XVIII вѣкахъ» П. А. Куллетскаго; «Костромское ополченіе въ 1812 году», К. А. Военскаго, и «Сказаніе о явленіи и чудесахъ Феодоровской иконы Богоматери въ Костромѣ», съ предисловіемъ И. В. Баженова.

Просуществовавшая около 150 лѣтъ и обращенная въ приходскую церковь въ 1765 году, Кажировская пустынь сослужила свою полезную службу глухому Ветлужскому краю: она содѣйствовала заселенію этого края и образованію новыхъ сельскихъ «приходовъ», а также развитію и поддержкѣ религіозности среди полудикихъ жителей. Авторъ описанія этой пустыни на стр. 72 говоритъ, между прочимъ: «въ церкви сохраняется значительное число, по преимуществу, черновыхъ рукописей конца XVII и XVIII вѣковъ и синодикъ съ лицевыми изображеніями», но, къ сожалѣнію, не даетъ никакого перечня ихъ, не говоря уже объ описаніи.

Въ знаменательную годовщину Отечественной войны 1812 года, по примѣру прочихъ, и костромское дворянство составило свое дворянское ополченіе, которое первоначально состояло изъ 11½ тысячъ ополченцевъ. Костромская губернія, на ряду съ Казанской, Пензенской, Нижегородской, Симбирской и Вятской, вошла въ составъ «третьяго округа ополченія», находившагося подъ начальствомъ графа П. А. Толстого. Кромѣ воиновъ, Костромская губернія сдѣлала обильныя пожертвованія деньгами и натурою.

Напечатанное И. В. Баженовымъ, небезызвѣстнымъ мѣстнымъ историкомъ, «Сказаніе» о Феодоровской иконѣ Богоматери заключаетъ въ себѣ цѣнный матеріалъ не только для исторiи названной иконы, но и вообще для археологiи Костромскаго края. Рукопись его, «оконченная писаніемъ» въ 1708 г. діакономъ костромской Троицкой церкви Петромъ Поповымъ, въ свою очередь съ рукописи 1670 года, заимствована изъ рукописнаго сборника, принадлежащаго Богоявленскому женскому монастырю въ Костромѣ.

В. Рудаковъ.

Изъ архива князя С. В. Шаховскаго. Матеріалы для исторіи недавняго прошлаго прибалтійской окраины (1885—1894 гг.). Т. I. Спб. 1909. Стр. XL+324+V. Ц. 2 р.

На долю безвременно скончавшагося кн. С. В. Шаховскаго выалаа чрезвычайно трудная задача—стать противъ желанія высшей бюрократіи, но по волѣ царя проводникомъ русскихъ началъ въ прибалтійской окраинѣ и принять на себя вытекающую изъ такого положенія борьбу за русское національное дѣло среди враждебныхъ ему элементовъ. Имѣя похвальную привычку сохранять въ своемъ архивѣ копии или черновыя записи документовъ, касавшихся болѣе или менѣе важныхъ событій своей административной и общественной разнообразной жизненной дѣятельности, покойный такимъ образомъ собралъ чрезвычайно разнообразный лѣтописный матеріалъ, опредѣленная часть котораго, относящаяся до его губернаторства въ Эстляндской губерніи, появляется нынѣ передъ нами, выпущенная въ свѣтъ любящею рукою его ближнихъ. Нынѣ, когда окраинные вопросы поставлены ходомъ историческихъ событій довольно рѣзко на очередь ближайшаго разрѣшенія въ связи съ преобразованіемъ всего нашего государственнаго строя, обнародованіе документовъ изъ архива князя Шаховскаго является чрезвычайно своевременнымъ. Документы эти нелицепріятные свидѣтели недавняго прошлаго изъ жизни разноплеменной окраины и могутъ въ качествѣ руководящихъ нитей наравнѣ съ знаменитыми «Окраинами» Ю. Ф. Самарина сослужить представителямъ нашихъ законодательныхъ учреждений добрую службу.

Въ вышедшій пока 1-й томъ (всего предположено къ напечатанію 3 тома) вошли: 1) документы, относящіеся до введенія русскаго языка въ присутственныхъ мѣстахъ и общественныхъ собраніяхъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ; 2) документы, относящіеся до дворянства; 3) документы, относящіеся до полицейской и судебной реформы; 4) документы, относящіеся до городского общественаго управленія. Всего по означеннымъ рубрикамъ обнародовано 65 документовъ, являющихся результатомъ сношеній мѣстнаго губернатора съ различными органами министерства внутреннихъ дѣлъ и главнымъ руководителемъ послѣдняго. Къ выпущенному тому приложена краткая, но хорошо составленная и опредѣленно освѣщенная біографія покойнаго князя, гдѣ между прочимъ приведены очень интересные моменты изъ сношеній губернатора съ императоромъ Александромъ III. Вотъ эти-то моменты, въ связи съ нѣкоторыми приведенными въ книгѣ документами, чрезвычайно рельефно рисуютъ намъ роль бывшаго губернатора, встрѣчающаго противодѣйствіе своимъ начинаніямъ какъ въ средѣ высшей столичной бюрократіи, такъ и въ помѣстной средѣ и опирающагося исключительно на волю своего монарха, волю, которая, однако, сплошь и рядомъ расходится съ тенденціями тѣхъ учреждений и руководителей этихъ учреждений, которые на самомъ дѣлѣ должны были бы дѣйствовать въ единеніи съ главою государства. Всевластіе бюрократіи сказывается вполне наглядно и въ конкретныхъ явленіяхъ силнѣе царскаго слова и приказа. Служба въ Прибалтійскомъ краѣ князя Шаховскаго и его отстаиваніе интересовъ общаго государственнаго порядка противъ сословныхъ и узко-націоналистическихъ помѣстныхъ инородческихъ тенденцій тому яркій примѣръ. Отвѣчая на недовольство

по его адресу тогдашняго министра внутренних дѣлъ И. Н. Дурново, князь Шаховской говорилъ ему: «Я съ малолѣтства воспринялъ духовныя завѣты школы Хомякова, Самарина, Аксаковыхъ и другихъ незабвенныхъ и незамѣнимыхъ русскихъ людей, для которыхъ честь и достоинство государственныя не были звукъ пустой. Они ясно сознавали правительственныя цѣли и задачи въ преемственной ихъ исторической связи. Они создали цѣлое, опредѣленное мировоззрѣніе и знали, куда идти надлежитъ Россіи и что для сего требуется. Я убѣжденно и сознательно принадлежу къ этой школѣ и потому дѣйствую не случайно, какъ Богъ на душу положить, а разумно и сознательно, зная, какъ именно надо вестидѣло, чтобы добиться дѣйствительныхъ правительственныхъ цѣлей въ краѣ. Правительство же высшее, если не сказать министерство внутреннихъ дѣлъ, — простите за откровенность, — программы не имѣетъ: оно разрѣшаетъ только текущія дѣла и стремится только къ одному, чтобы все было тихо и спокойно. Поэтому оно часто впадаетъ въ противорѣчія, да иначе при такой системѣ и быть не можетъ, а насъ на мѣстѣ такія колебанія ставятъ подчасъ въ безвыходное положеніе. Я дѣйствительно, если хотите, веду самостоятельную политику, но въ томъ отношеніи, что я не допускаю у себя колебаній, иду послѣдовательно по пути, на который сознательно сталъ, держусь неизмѣнно одной и той же программы и измѣнить ее не могу, ибо почелъ бы это за измѣну, на которую неспособенъ». Такъ прямо и искренно говорилъ губернаторъ, выражая вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе «покинуть службу по министерству внутреннихъ дѣлъ», и вотъ что ему отвѣчалъ на это его начальникъ: «Я не понимаю, зачѣмъ вамъ торопиться уходить изъ Эстляндіи. Оставайтесь тамъ, вы тамъ полезны, только ради Бога будьте осторожны. Не раздражайте нѣмцевъ. Теперь надо ихъ успокаивать и съ ними не ссориться. Не создавайте лишнихъ враговъ государю, сидите въ Ревелѣ смирно и ведите пока текущія дѣла. Этимъ вы принесете пользу дѣлу и себѣ самому. Надо всѣмъ дать отдохнуть. Нельзя же все время тянуть одну и ту же ноту». Такъ говорилъ уклончиво и неискренно И. Н. Дурново, а вотъ что на аудіенціи говорилъ князю Шаховскому Александръ III: «Вы дѣствуете молодецомъ, я вами вполне доволенъ, продолжайте такъ же и дальше». Контрастъ этихъ двухъ отвѣтовъ по одному и тому же случаю любопытенъ.

Когда выйдутъ послѣдующіе намѣченные томы изъ архива князя Шаховского, небезынтересно будетъ сдѣлать на основаніи ихъ общее обзорѣніе нашей политики въ Прибалтійскомъ краѣ и прослѣдить здѣсь борьбу началъ общегосударственныхъ съ элементами сословными и, пожалуй, сепаратистскими. Быть можетъ, отсюда выяснятся и нѣкоторыя причины тѣхъ недоразумѣній политическаго характера, такъ остро сказавшихся въ «дни свободы» и далеко еще не заключившихся и въ настоящее время. Программа изданія «архива» князя С. Шаховского даетъ основаніе надѣяться на возможность такого обзорѣнія. Будемъ поэтому ожидать появленія слѣдующихъ томовъ, гдѣ, согласно общему изданію издателей, будутъ опубликованы документы, относящіеся до крестьянства и до церковныхъ дѣлъ. Эти стороны мѣстной жизни документально еще слабо были со временъ «Окраинъ» Самарина освѣщены въ нашей литературѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ именно здѣсь заключался весь тотъ горячій матеріалъ, который до извѣстной степени создалъ на мѣстѣ пожаръ 1905—1906 годовъ.

В. Г.—скій.

Словарь литературныхъ типовъ. Вып. III. Лермонтовъ. Спб. 1909. Стр. 114. Цѣна 1 р. Вып. IV. Гоголь. Спб. 1909 Стр. 90—108. Цѣна 1 р. 25 к.

Мы уже имѣли случай отмѣтить на страницахъ «Историч. Вѣстн.» (1908, кн. XII) большую цѣнность «Словаря литературныхъ типовъ» въ рецензії на первый и второй выпуски, посвященные Тургеневу. Встрѣченное очень радушно всей русской прессой, издание быстро подвигается впередъ: вышелъ третій выпускъ, посвященный Лермонтову, и четвертый, посвященный Гоголю.

Главная цѣнность издания заключается въ томъ, что оно систематизируетъ матеріалъ для характеристики русскаго общества по даннымъ художественной литературы. Въ этомъ отношеніи наша литература—въ высшей степени цѣнный матеріалъ, что неоднократно подчеркивалось очень многими, но впервые приступило къ детальной разработкѣ творчества нашихъ художниковъ съ этой стороны лишь настоящее издание. Въ этомъ—большая заслуга лица, стоящихъ во главѣ издания. Судить объ его качествахъ уже вполне можно по вышедшимъ пока четыремъ выпускамъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что оно находится въ хорошихъ рукахъ, что лица, работающія въ изданіи, чрезвычайно внимательно и съ большой любовью относятся къ своей задачѣ. Изданіе—цѣнный вкладъ и займетъ видное мѣсто въ литературѣ о писателяхъ.

Прежде всего дается характеристика главнѣйшихъ типовъ въ освѣщеніи самого автора, т. е. группируется изъ его произведеній все то, что характеризуетъ данный типъ. Къ этому присоединена характеристика типа критикой. Вторая часть выпуска отведена для менѣе значительныхъ образовъ. Здѣсь дается ихъ характеристика въ освѣщеніи самого художника. Кромѣ того, дается біографическая канва, перечень произведеній писателя и входящихъ въ это произведеніе типовъ и образовъ, сопровождаемый историко-литературными примѣчаніями, списокъ мѣстъ дѣйствія въ произведеніяхъ художника, библиографическій указатель главнѣйшихъ источниковъ для изученія писателя, классовая группировка типовъ и образовъ и, наконецъ, списокъ нарицательныхъ именъ, яркихъ, мѣткихъ, «крылатыхъ словъ», которыя характеризуютъ стиль писателя, составляютъ его индивидуальность.

Такимъ образомъ, кромѣ того, что издание является цѣннымъ въ томъ отношеніи, что группируетъ матеріалъ для характеристики русскаго общества по даннымъ художественной литературы, оно представляетъ цѣнное справочное пособіе. Все это дѣлаетъ издание необходимой книгой при изученіи нашихъ писателей. Особенно полезно издание для учащихся.

Кромѣ похвалъ, ничего нельзя сказать объ изданіи въ цѣломъ, можно пожелать улучшенія лишь въ отдѣлѣ, который отведенъ отзывамъ критики о типахъ писателя. Гораздо бы больше повысилась цѣнность издания, если бы составители не ограничивались лишь приведеніемъ выдержекъ изъ нѣкоторыхъ критиковъ, но приводили бы характеристики типовъ большаго числа критиковъ, хотя бы дѣлали лишь библиографическія ссылки на ихъ сочиненія. Это заняло бы немного мѣста, а на много повысило бы цѣнность издания. Приведеніе, на ряду съ характеристикой типа, сдѣланной самимъ художни-

никомъ, характеристикъ ряда критиковъ, способствовало бы болѣе глубокому пониманію читателемъ типа. Уклоненіемъ отъ задачъ, поставленныхъ словаремъ, это не было бы, наоборотъ, это стоитъ въ тѣсной связи съ этими задачами.

Еще небольшое замѣчаніе. Въ 3-мъ выпускѣ, посвященномъ Лермонтову, вопреки плану изданія, отсутствуетъ классовая группировка типовъ, весьма интересная въ отношеніи къ Лермонтову. Въ выпускѣ, посвященномъ Гоголю, не произведена эта классовая группировка въ отношеніи къ женщинамъ. Наконецъ, вопреки опять плану, не указана послѣдовательность типовъ въ творествѣ Гоголя.

А. Фоминыхъ.

С. Т. Аксаковъ. Избранныя сочиненія. Подъ ред. Ч. Вѣтринскаго. Изд. О. Н. Поповой. Стр. XLVIII+614. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Гг. наследники нашихъ писателей, за небольшимъ исключеніемъ, очень мало заботятся объ удешевленіи изданій сочиненій своихъ родственниковъ, уже не говоря объ улучшеніи и пополненіи. Это нужно сказать о многихъ писателяхъ, при чемъ такихъ крупныхъ, какъ, на примѣръ, Некрасовъ, наследники котораго въ полномъ смыслѣ слова не приложили никакого старанія пополнить и улучшить, или же хотя бы удешевить, сочиненія поэта. Поэтому окончаніе права собственности на сочиненія писателей у насъ является въ большинствѣ случаевъ настоящимъ освобожденіемъ сочиненій писателя изъ плѣна родственниковъ, событіемъ немалого культурнаго значенія. Послѣ окончанія срока права собственности сейчасъ же появляются хорошія дешевыя изданія сочиненій писателя, и такимъ образомъ онъ дѣлается доступнѣе широкимъ массамъ населенія, что, конечно, имѣетъ важное культурное значеніе.

Несмотря на то, что спросъ однихъ школъ обезпечилъ бы матеріальный успѣхъ изданія, наследники С. Аксакова не позаботились выпустить дешеваго изданія его сочиненій за все время владѣнія правомъ собственности на нихъ. Недавно кончился срокъ этого права, и сразу же появились хорошія дешевыя изданія его сочиненій. Очень недурно издало сочиненія Аксакова издательство О. Н. Поповой. Въ немъ цѣликомъ дана—«Семейная хроника». «Дѣтскіе годы Багрова внука» помѣщены съ очень небольшими пропусками. Изъ другихъ сочиненій взяты лишь наиболѣе характерныя и цѣнные отрывки. Но если изданіе не является полнымъ, то, во всякомъ случаѣ, въ него вошло все наиболѣе важное и характерное изъ сочиненій Аксакова, не исключая и его воспоминаній; помѣщены даже наиболѣе цѣнные отрывки изъ книги «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ». Изданію предпослана обстоятельная статья г. Вѣтринскаго, автора ряда трудовъ о дѣятеляхъ сороковыхъ годовъ. Написанная весьма популярно, статья даетъ довольно яркій портретъ Аксакова, какъ человѣка и писателя. Книга издана очень хорошо и дешево (1 р. 50 к. болѣе чѣмъ за 40 печатныхъ листовъ).

А. Ф — нъ.

П. Е. Щеголевъ. А. С. Пушкинъ въ политическомъ процессѣ 1826 — 1828 гг. Спб. 1909. Стр. 2 нен. + 51. Цѣна 50 коп.

Давно уже извѣстный процессъ о непропущенныхъ цензурою стихахъ изъ элегии «Андрей Шень», которые ходили въ 1826 г. въ спискахъ по рукамъ молодежи, съ довольно несуразной натяжкой, примѣнявшей ихъ къ 14 декабря 1825 г., г. Щеголевъ дополнилъ нѣкоторыми новыми данными, извлеченными имъ изъ архивныхъ дѣлъ, довольно небрежно и невнимательно использованныхъ прежними изслѣдователями. Въ смыслѣ характеристики отношений правящихъ сферъ къ поэту новыя свѣдѣнія, ничего не измѣняя въ сложившихся прежде взглядахъ и представленіяхъ, однако кое-что прибавляютъ. Такъ, когда специально учрежденная для разсмотрѣнія этого дѣла военно-судная комиссія, заседавшая въ Новгородѣ, осудила штабъ-капитана Алексѣева за «содержаніе у себя, противу долга присяги и существующихъ узаконеній, въ тайнѣ отъ своего начальства и передачу другимъ возмутительныхъ стиховъ» и оставила въ сторонѣ автора стиховъ, командующій гвардейскимъ корпусомъ великій князь Михаилъ Павловичъ нашелъ нужнымъ дополнить слѣдствіе непосредственнымъ привлеченіемъ къ дѣлу самого поэта—«истребовать отъ сочинителя стиховъ А. Пушкина показаніе, его ли дѣйствительно сочиненія извѣстные стихи, съ какою цѣлю имъ сочинены они и кому отъ него переданы... и, если комиссія почтетъ нужнымъ, то доставить въ Новгородъ и самого Пушкина». Благодаря заключенному къ тому времени компромиссу между поэтомъ и правительствомъ, послѣднее, однако, не случилось. Несмотря на то, что Пушкинъ доказалъ, что инкриминированные стихи никакого отношенія къ дѣлу 14 декабря не имѣютъ, онъ все-таки не отдѣлался совѣмъ благополучно: правосудіе избавило его отъ суда, подведя подъ манифестъ, хотя онъ и не былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго, и признало его стихи «соблазнительными»—«собообразая духъ его творенія съ тѣмъ временемъ, въ которое оно выпущено въ публику»; поэту было внушено, «дабы впредь никакихъ своихъ твореній безъ разсмотрѣнія и пропуска цензуры не осмѣливался выпускать въ публику подъ опасеніемъ строгаго по законамъ взысканія»; при этомъ онъ былъ отданъ подъ надзоръ полиціи. Къ учрежденію надзора относится любопытная бумага—отношеніе предсѣдателя государственнаго совѣта къ государственному секретарю о томъ, чтобы въ подлежащемъ распубликованію высочайшемъ повелѣніи не упоминалось объ установленіи секретнаго надзора за Пушкинымъ. (Стоитъ вспомнить, что въ 1830 г. у Бенкендорфа хватило духу увѣрять Пушкина, что никогда никакой полиціи не приказывалось за нимъ слѣдить). Дѣло о стихахъ изъ «Андрея Шень» довольно велико, распадается на нѣсколько производствъ и очень сложно; печатные матеріалы о немъ разбросаны. Полное воспроизведеніе всѣхъ этихъ документовъ гораздо лучше всякихъ извлеченій и пересказовъ (и притомъ доступно всякому читателю, не специалисту) представило бы поучительную картину своеобразнаго военнаго и гражданскаго «правосудія» николаевской эпохи и еще съ болѣею яркостью обрисовало бы отношеніе власти къ великому поэту.

Н. Л.

Опыт методики законовѣдѣнія, какъ предмета преподаванія въ средней школѣ. А. Х. Гольмстена, заслуженнаго профессора императорскаго спб. университета. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Книжка г. Гольмстена представляет собою любопытную попытку поставить преподаваніе законовѣдѣнія въ средней школѣ на положительную почву. Разбираясь въ разныхъ рекомендуемыхъ пріемахъ, авторъ предлагаетъ свой, который онъ называетъ описательно-легислативнымъ. Этотъ методъ заключается въ томъ, что преподаватель описываетъ сущность того или другого закона, попутно выясняя его историческое происхожденіе, цѣли, которыми руководился законодатель при созданіи опредѣленной юридической нормы. При описаніи нашего законодательства преподавателю придется, конечно, дѣлать большія историческія справки, въ особенности по отношенію къ дѣйствующему «Своду законовъ», въ подавляющей массѣ покоящемуся на историческомъ «Полномъ собраніи».

Допуская пріемлемость такого описательно-законодательнаго метода и даже сочувствуя ему, тѣмъ не менѣе приходится возразить почтенному автору въ той части его работы, въ которой онъ настаиваетъ на обособленности законовѣдѣнія, какъ предмета преподаванія, отъ другихъ, въ извѣстной степени родственныхъ ему—отечествовѣдѣнія и истории. Въдѣ право, какъ явленіе общности, тѣсно связано съ даннымъ народомъ данной страны; въ особенности же что касается законодательства излишняя критика, излишне отвлеченное умствованіе, но излишняя также и оторванность отъ родной почвы, обособленіе «законовѣдѣнія» въ какую-то специальную дисциплину. Какъ бы мы ни старались, но изъ ученика средней школы не только юриста, но даже законовѣда мы не сдѣлаемъ; роль законовѣдѣнія въ средней школѣ вспомогательная, до извѣстной степени даже воспитательная. Этого обстоятельства не нужно забывать, чтобы не лишиться самого предмета его существеннаго значенія. Намъ кажется, что, изучая тычинки и пестики цвѣтка, почтенный ученый въ настоящемъ случаѣ забываетъ совершенно объ ароматѣ, который въ особенности дорогъ и понятенъ юношескому возрасту. Безъ оживленія гимназическаго законовѣдѣнія чувствомъ права и государственности онъ не потеряетъ своихъ настоящихъ свойствъ сухости, мало осмысливаемой практическими цѣлями.

В. Г.

Россія и Великобританія въ Центральной Азій. Переводъ А. Рихтера. Изданіе штаба Туркестанскаго военнаго округа. Ташкентъ. 1908. Стр. 97. Цѣна 90 коп.

Настоящій трудъ представляет собою «Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію французской службы майора Лякоста»; впервые отчетъ этотъ появился во французскомъ журналѣ «Comité de l'Asie française» за 1907 г. Обо всемъ этомъ читатель узнаетъ только изъ предисловія къ русскому изданію труда майора Лякоста. Изъ этого же предисловія видно, что настоящій трудъ есть какъ бы только часть «Отчета». Нельзя поэтому не упрекнуть переводчика за неясность предисловія, а также и за то, что на обложкѣ книги не выставлена фамлія автора.

Цѣль настоящей книги — «Россія и Великобританія въ Центральной Азій» — выяснитъ очень интересный вопросъ: измѣнили ли результаты русско-японской войны суть англо-русскаго соперничества въ Азій? Другими словами: «есть ли еще основаніе допускать, что война между Англійей и Россіей неизбежна?» Вопросъ этотъ разработанъ майоромъ Лякостомъ довольно тщательно, и окончательный выводъ его таковъ: «опасность похода русскіхъ на Индію никогда не была серьезной, а теперь (послѣ русско-японской войны) стала совсѣмъ химерической». Наоборотъ, по мнѣнію майора, Россія и Англія должны стремиться «заключить тѣсный союзъ» между собою, который будетъ очень выгоденъ для обѣихъ державъ. Для Россіи этотъ союзъ будетъ очень выгоденъ потому, что съ помощью Англіи, самой сильной морской державы, положеніе ея среди европейскихъ державъ окрѣпнетъ «и восточный вопросъ повернется въ ея пользу». Что касается Англіи, то и для нея союзъ этотъ очень выгоденъ: дружба съ Россіей можетъ устранить опасность со стороны Германіи, которая, стремясь «занять» въ Азій «лучшее мѣсто», безъ сомнѣнія, много можетъ повредить въ будущемъ англійскимъ интересамъ.

Такъ какъ авторъ настоящаго труда предпринялъ свое путешествіе въ русскій Туркестанъ, Индію, Афганистанъ и Персію въ мартѣ 1906 г. и закончилъ въ мартѣ 1907 г., то естественно, что въ его отчетѣ есть неточности и подчасъ невѣрное освѣщеніе фактовъ — все это указано переводчикомъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

Я. Бирюковъ.

Н. Адонцъ. Армения въ эпоху Юстиніана. Политическое состояніе на основѣ нахарарскаго строя. Спб. 1908.

Эпоха Юстиніана, предметъ изслѣдованія молодого армениста, — переходная полоса отъ античной государственности къ средневѣковой. Эта эпоха представляетъ огромную важность для исторіи армянъ, начинающейся со времени утвержденія въ Армении христіанства въ началѣ IV в. Къ этому же времени относятся заботы о письменахъ у армянъ, окончательная же выработка алфавита относится къ V столѣтію. Начальные документы христіанской литературы (не ранѣе конца V в.) тяготеютъ къ сиро-персидскому церковному міру; болѣе тѣсное общеніе съ византійской церковью начинается съ VI в. Авторъ поставилъ себѣ задачей прослѣдить, каково было политическое положеніе Армении наканунѣ складыванія Византійской имперіи и вступленія армянъ въ кругъ имперскихъ интересовъ. Впрочемъ, онъ разсматриваетъ не только подвластную Византіи Армению, но персидскія ея части, ибо политически раздробленная Армения представляла цѣльную величину въ другихъ отношеніяхъ. Заслугу автора составляетъ тщательное выясненіе значенія «нахарарства», выдѣленіе въ этомъ институтѣ родовыхъ и феодальныхъ основъ. Историки феодализма найдутъ много остроумныхъ сопоставленій автора между феодальнымъ обликомъ Армении и Западной Европы. Если принять во вниманіе тотъ фактъ, что изслѣдованіе г. Адонца почти единственное въ области армянскаго феодализма, то можно легко объяснить иногда смѣлыя сопоставленія нахарарства съ аллодіальнымъ и бенефициальнымъ землевладѣніемъ.

А. Х.

Baltische Revolutions Chronik. 2 тома. I. Bis zum Oktober 1905. Рига. 1907. II. Oktober bis Dezember 1905. Рига. 1908. (Отдѣльные оттиски изъ «Balt. Monatschrift»).

Тревожное, богатое содержаніемъ революціонное время, пережитое нашими прибалтійскими провинціями, уже дало литературѣ нѣсколько цѣнныхъ работъ (см., напримѣръ, статью В. ф. Штейна въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1908 г., декабрь, «Причины и развитіе латышской революціи»).

Передъ нами новый солидный трудъ—лѣтопись балтійской революціи (въ I т.—200 стр., во II т.—254 стр.). Шагъ за шагомъ, день за днемъ рассматриваются здѣсь событія знаменательнаго 1905 г., революціонныя возстанія то въ одной мѣстности края, то въ другой, начиная съ перваго дня этого года до послѣдняго дня, причемъ источниками служили, прежде всего, извѣстія газетъ, но также и другіе источники. Получилась яркая картина ужасовъ, и нѣкоторыя наиболѣе трагическія страницы книги читаются съ захватывающимъ интересомъ (напримѣръ, рассказъ о туккумскомъ возстаніи).

Огромное значеніе въ исторіи революціи въ Прибалтійскомъ краѣ имѣлъ Высочайшій манифестъ 17 сентября 1905 г., нисколько не успокоившій народъ, а только еще болѣе возбудившій волненіе въ населеніи, мечтавшемъ о чемъ-то большемъ, что давно какъ бы въ туманѣ носилось передъ латышами и чего не далъ имъ манифестъ. Но пронеслась кровавая буря, кончилась 1905 годъ, перестали кричать о свободѣ, и мирное населеніе вздохнуло свободно, начиналось успокоеніе края, но всѣ понимали, что еще много усилій потребуется въ будущемъ отъ правительства, оказавшагося безсильнымъ въ знаменитый кошмарный 1905 годъ.

А. Мальмгрень.

Труды вятской ученой архивной комиссіи 1907 года. Выпускъ IV. Вятка. 1908. Стр. 190—III.

Содержаніе IV выпуска названныхъ «Трудовъ» составляютъ почти исключительно историческіе матеріалы. Среди нихъ на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить уже второй годъ печатающіеся «Грамоты и акты вятскаго архіерейскаго дома», сообщаемые А. С. Верещагинымъ. Далѣе Г. А. Замятинъ представилъ пять новыхъ документовъ конца XVII вѣка въ дополненіе къ напечатаннымъ уже въ «Трудахъ» вятской комиссіи (вып. III, 1907) «Грамотамъ и актамъ Успенскаго Трифонова монастыря». Интересны по изложенію «нужды» и «наказы» депутатамъ въ комиссію для сочиненія новаго уложенія 1767 г. 1): отъ черносотныхъ крестьянъ Орловскаго уѣзда, 2) черносотныхъ же крестьянъ Шестаковского уѣзда, 3) крестьянъ Кайгородскаго уѣзда, и 4) жителей города Яранска.

Заключительной статьёй рассматриваемаго выпуска «Трудовъ» вятской архивной комиссіи является некрологъ протоіерея П. П. Кувшинскаго, значительнаго мѣстнаго дѣятеля и писателя-педагога.

В. Р— въ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ГЕНЕРАЛЪ Моро и его сношенія съ Александромъ I.— Эрнестъ Додэ недавно напечаталъ книгу ¹⁾ объ изгнаніи изъ Франціи и смерти извѣстнаго въ Россіи французскаго генерала Моро, впоследствии прибывшаго въ главную квартиру союзныхъ государей по приглашенію Александра I, старавшагося привлечь его на русскую службу. Конечно, авторъ обѣляетъ память побѣдителя при Гогенлиденѣ отъ тяготѣвшаго на немъ обвиненія въ участіи съ Гадудалемъ и Пишгерю въ заговорѣ противъ Наполеона и даже въ намѣреніи его убить, а впоследствии и въ измѣнѣ родинѣ, но все-таки, относясь къ нему безпристрастно, обвиняетъ его въ необдуманности за предпріятое путешествіе въ Россію. Почти половина книги касается судебного процесса по поводу этого заговора, но русскимъ читателямъ онъ не представляетъ большого интереса, поэтому приведемъ изъ нея только то, что касается отношенія Моро къ Александру I, вкратцѣ припомнимъ его біографію.

Призваніе къ военной карьерѣ проявилось у Моро уже въ семнадцатилѣтнемъ возрастѣ. Родившись въ 1763 г. въ Морла (въ департаментѣ Финистеръ), онъ въ семнадцать лѣтъ задумалъ поступить въ солдаты, но его отецъ, по профессіи адвокатъ, воспрепятствовалъ осуществленію этого плана и помѣстилъ сына въ реннскую школу правовѣдѣнія. Сдѣлавшись старшиной студентовъ, Моро въ этой роли выступилъ во главѣ вооруженныхъ товарищей на защиту судебного сословія противъ двора. Въ началѣ революціи онъ съ жаромъ принялъ новые принципы, составилъ отрядъ національной гвардіи и былъ произведенъ въ 1791 г. въ подполковники волонтеровъ Иллъ и Вилэны, съ ко-

¹⁾ L'Exil et la mort du général Moreau. Par Ernest Daudet. Paris. 1909.

торыми онъ направился въ армію Дюмурье. Благодаря своему благоразумію, спокойствію и храбрости, онъ вскорѣ былъ произведенъ въ бригадные генералы, а черезъ годъ—въ дивизіонные. Даже смерть отца на эшафотѣ не охладила въ немъ республиканскаго духа. Въ 1795 г. онъ былъ назначенъ главою рейнско-мозельской арміи. Въ этой роли онъ проявилъ военный талантъ; перейдя Рейнь и захвативъ майнцкую линію, крѣпость Кэль, одержалъ побѣду надъ эрцгерцогомъ Карломъ въ Гейденхеймѣ, перешелъ Дунай, но принужденъ былъ отступить при Журданѣ въ Вюрцбургѣ, произвести великолѣпное отступление. Командуя самбръ-мейской и рейнско-мозельской арміями, онъ снова принялъ наступательное движеніе, но Любенскія предварительныя статьи остановили его. Послѣ 18 фруктидора онъ былъ принужденъ вести бездѣятельную жизнь за позднее раскрытіе первыхъ роялистскихъ интригъ Пишегрю, однако черезъ восемнадцать мѣсяцевъ, подъ начальствомъ генерала Шерера, снова поступилъ на службу въ итальянскую армію, замѣнилъ его и произвелъ свое знаменитое отступление. Затѣмъ онъ уступилъ командованіе Жуберу, послѣ смерти котораго снова взялъ подъ свое начальство армію, погибавшую вслѣдствіе пораженія при Нови. Назначенный главнокомандующимъ рейнской арміей, онъ остановился въ Парижѣ прежде, чѣмъ отправится на мѣсто назначенія, и впервые увидѣлся здѣсь съ Наполеономъ и послужилъ ему сообщникомъ во время государственнаго переворота брюммера. Побѣда при Гогенлинденѣ выдвинула Моро на одно изъ первыхъ мѣстъ.

Въ ноябрѣ 1800 г. Моро женился на красивой девятнадцатилѣтней креолкѣ Александринѣ Гюло, дочери бывшаго казначея острова Вурбоновъ, и это было для него своего рода несчастіемъ. Тридцатисемилѣтній Моро совершенно подпалъ подъ вліяніе этой честолюбивой женщины, въ свою очередь находившейся подъ вліяніемъ своей матери, еще болѣе честолюбивой и до крайности самолюбивой, мечтавшей для своихъ дѣтей о самомъ высокомъ положеніи. Молодая жена непрестанно возбуждала Моро противъ Наполеона, и такимъ образомъ между обѣими семьями возникло соперничество, которое вскорѣ повело къ отдаленію побѣдителя при Гогенлинденѣ отъ побѣдителя при Маренго. Моро болѣе не видался съ Наполеономъ и въ его салонѣ собирались лица, непріязненно относившіяся къ Наполеону, злорѣчили про него и говорили, что Моро могъ бы его замѣстить; поэтому Наполеонъ подозрительно относился къ нему и даже учредилъ за нимъ тайный полицейскій надзоръ. Наконецъ заговоръ 1804 г. окончательно сгубилъ Моро. Какъ только Наполеонъ былъ провозглашенъ императоромъ, дѣло о заговорѣ было разсмотрѣно въ судѣ, который въ этотъ день охранялся шестью тысячами солдатъ подъ начальствомъ Савари. Пишегрю, Кадудаль и сообщники были приговорены къ смертной казни, но Пишегрю еще наканунѣ покончилъ жизнь самоубійствомъ. Никто изъ нихъ не обвинилъ Моро, а только двое, Ролланъ и Лажалэ, хотя обвиняли его, но давали самыя разнорѣчивыя показанія. Приговоръ Моро былъ смягченъ изгнаніемъ, и въ тотъ же вечеръ ему предстояло покинуть родину.

Разумѣется, союзные государи рѣшили воспользоваться нравственнымъ состояніемъ Моро и съ пользою примѣнить къ своему дѣлу его военные таланты, гнѣвъ и ненависть къ Наполеону. Въ мемуарахъ книгопродавца Фошъ-Борея,

помѣщавшаго въ нихъ различные ложные слухи и содержавшагося въ Тамплѣ съ Моро, говорится, что по выходѣ оттуда Фошъ-Борель первымъ долгомъ хотѣлъ вмѣстѣ прибѣгнуть къ военному таланту Моро противъ Наполеона въ пользу Бурбоновъ. Находясь въ 1805 г. въ Берлинѣ, онъ передалъ свой планъ русскому посланнику при прусскомъ королѣ и вручилъ ему три ноты, въ которыхъ представилъ всѣ выгоды для Россіи воспользоваться талантомъ Моро и поручить ему командованіе арміей. Онъ увѣрялъ, что писалъ эти ноты подъ вліяніемъ «инструкцій, полученныхъ отъ генерала Моро во время его заключенія въ Тамплѣ». Но тутъ же самъ себѣ противорѣчилъ, говоря, что въ Тамплѣ такъ строго за нимъ слѣдили, что онъ видѣлся съ Моро одинъ только разъ и то какихъ-нибудь нѣсколько минутъ. Кроме того, письма Моро къ жепѣ свидѣтельствуютъ, что въ это время онъ высказывалъ совершенно иныя мысли.

По словамъ Додэ, идея прибѣгнуть къ услугамъ Моро и извлечь пользу изъ его гнѣва противъ творца всѣхъ его несчастій, была столь естественна, что неудивительно, если этимъ захотѣли воспользоваться многіе государи. Согласно депешѣ къ своему двору барона Григорія Строганова, русскаго посланника въ Мадридѣ, можно предположить, что во время годового проживанія Моро въ Испаніи, передъ отъѣздомъ въ Америку, первый испанскій министръ Годой, извѣстный князь Мира, дѣлалъ ему предложенія командовать арміей противъ Наполеона, если не въ настоящее время, то въ будущемъ. Годой, какъ увѣдомлялъ Строгановъ свое правительство, велъ переговоры съ Моро и въ этотъ день получилъ отъ него письмо, въ которомъ послѣдній очень ясно выразилъ желаніе защищать какую-нибудь значительную страну отъ вторженія Наполеона.

Защищая Моро отъ такого обвиненія, Додэ говоритъ, что князь Мира привыкъ къ дипломатической лжи, но такое предложеніе со стороны союзныхъ государей очень возможно, принявъ во вниманіе, что Моро написалъ русскому императору въ іюнѣ 1807 г. декларацію, въ которой, отклоняя предложенія, сдѣланныя отъ имени Александра I, выражалъ чувства совсѣмъ иныя, чѣмъ тѣ, которыя приводитъ Годой. По словамъ Додэ, трудно повѣрить, что черезъ восемь мѣсяцевъ Моро измѣнилъ бы свое мнѣніе.

Слухи шли, что ему сдѣлала подобное предложеніе также Австрія, которое онъ принялъ и для этого пріѣхалъ въ Лондонъ, что очень обезпокоило французскую полицію. Желаніе воспользоваться его военными талантами было и у Россіи, какъ видно изъ письма русскаго министра Чарторыйскаго къ Строганову отъ 9 августа 1805 г., когда еще въ Петербургѣ не знали объ его отъѣздѣ въ Соединенные Штаты. По словамъ Чарторыйскаго, Моро нѣсколько разъ давалъ понять, что если онъ когда-нибудь рѣшится поступить на службу къ какой-нибудь иностранной державѣ, то выберетъ только Россію, одобряя поведеніе Александра при тѣхъ критическихъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилась Европа. «Пріобрѣтеніе достойнаго челоуѣка и съ репутаціей генерала Моро, — прибавляетъ Чарторыйскій, — можетъ быть очень важно при настоящемъ положеніи дѣлъ, особенно вслѣдствіе вліянія, которое онъ долженъ сохранить во Франціи». При этомъ Чарторыйскій выражаетъ желаніе пригласить Моро вступить на русскую службу не только въ томъ чинѣ, какой

онъ имѣлъ во Франціи, но и съ тѣми же преимуществами и отличіями, на которыхъ онъ имѣетъ право. «Но, — прибавляетъ Чарторыйскій, — если принять подобное предложеніе въ такой моментъ, когда можно ожидать близкой войны съ французскимъ правительствомъ, будетъ, быть можетъ, противъ его принципа, то во всякомъ случаѣ предложите ему почетное убѣжище во владѣніяхъ императора, гдѣ онъ будетъ защищенъ отъ преслѣдованій со стороны своихъ враговъ. Въ то же время вы дадите ему почувствовать, что просто желаютъ использовать его умъ и опытъ, чтобы какъ можно скорѣе окончить войну, которая если и будетъ, то лишь съ цѣлью обуздать безмѣрное честолюбіе Бонапарта, деспотизмъ котораго не совмѣстимъ какъ съ общимъ спокойствіемъ Европы, такъ и съ благоденствіемъ самой Франціи; что его величество отлично понимаетъ, какую значительную разницу должно дѣлать между французской націей и счастливымъ авантюристомъ, заставившимъ ее подпасть подъ его иго; что никакимъ образомъ не можетъ быть вопроса объ ненависти къ ней, а, напротивъ, объ освобожденіи ея отъ ига, подъ которымъ она стопеть; что результаты подобной войны могутъ обернуться въ пользу большинства французскаго народа, интересы котораго въ этомъ отношеніи одинаковы съ союзными державами». вмѣстѣ съ тѣмъ Чарторыйскій предлагалъ вывѣдать, какого мнѣнія Моро насчетъ правъ Бурбоновъ.

Когда было написано это письмо, Строгановъ только что покинулъ Петербургъ и отправился черезъ Лондонъ и Ливерпуль на свой постъ въ Мадридъ. Письмо шло тѣмъ же путемъ и застало его въ Лондонѣ. Когда оно уже было отправлено, то узнали, что Моро уже не въ Испаніи, а отплылъ въ Америку. Тогда Чарторыйскій отправилъ новыя инструкціи, согласно которымъ Строганову поручалось употребить всевозможныя средства, чтобы предложеніе достигло лично Моро, не письменно, а словесно, черезъ надежное лицо. Для этого ему предоставлялось посоветоваться съ русскимъ посланникомъ въ Англіи, графомъ Воронцовымъ, или съ посланникомъ въ Португаліи, Васильевымъ, относительно выбора подходящей личности. Давая такое порученіе, Чарторыйскій сознавалъ, насколько оно щекотливо, и потому даже выбранному подходящему лицу можно было поручить только часть предложенія русскаго правительства и рекомендовалось ни въ какомъ случаѣ не скомпрометировать себя. Однако трудность сообщенія съ Америкой, дѣятельный надзоръ французской полиціи за Моро, даже въ Соединенныхъ Штатахъ, дѣлали миссію Строганова почти невозможною, въ чемъ онъ признался Чарторыйскому. Но послѣдній, ожидая его отвѣта, другимъ путемъ повелъ переговоры съ Моро. Для этой цѣли онъ избралъ, съ разрѣшенія Александра I, молодого дипломата графа Палена, по ранѣе сложившимся обстоятельствамъ имѣвшаго сношенія съ Моро, и отправилъ его въ Америку съ тайнственной миссіей. Сколько важности придавалъ этой миссіи Александръ, видно изъ того, какія были приняты предосторожности. Въ секретномъ письмѣ, приложенномъ къ необходимымъ бумагамъ, указывалось прежде всего, что имя Моро не должно упоминаться, «чтобы въ случаѣ какого-нибудь инцидента ни онъ, ни вы не были скомпрометированы». По той же причинѣ данное письмо требовалось возвратитъ по прочтеніи. Такимъ образомъ, при Паленѣ не было никакой бумаги, которая выдала бы цѣль его поѣздки.

Сначала онъ въ качествѣ обыкновеннаго путешественника долженъ былъ отправиться въ Лондонъ, гдѣ графу Воронцову предлагалось во всемъ ему способствовать. Тамъ онъ долженъ былъ навести справки, уѣхалъ ли уже Моро, и если уѣхалъ, то отправиться въ Америку въ качествѣ обыкновеннаго путешественника. Завязавъ знакомство съ Моро, онъ долженъ былъ ввѣдать, какого мнѣнія Моро о событіяхъ въ Европѣ, и узнать, въ его ли планѣ принять въ нихъ участіе. Если окажется, что онъ ожидаетъ благоприятнаго случая отмстить Наполеону и освободить свою страну, то Паленъ сообщитъ ему намѣренія, которыя излагались въ нотѣ, отправленной въ тотъ же день. При этомъ Чарторыйскій прибавилъ: «Вы ему укажете, насколько цѣль, которую себѣ задалъ нашъ августѣйшій глава, велика и въ то же время благоприятна для французской націи. Вы представите ему, что было бы прекрасно для такого человѣка, какъ онъ, которому вполне довѣряетъ нація, сдѣлаться ея освободителемъ, и постарайтесь довести его до того, чтобы сговориться относительно лучшаго средства достигнуть этого». Палену предлагалось дать почувствовать Моро, что существеннымъ пунктомъ—было полное согласіе въ дѣятельности партій безъ различія, какъ республиканскихъ, такъ и королевскихъ, потому что «только въ подобномъ единеніи заключается благо Франціи, и всегда Франція, конечно, выиграла бы болѣе, если бы могла замѣнить настоящую тиранію, подъ властью которой теперь она стонетъ, смягченной монархіей». Однако Палену давался совѣтъ не настаивать, чтобы Моро дѣйствовалъ съ Бурбонами заодно, если ему это неприятно, и увѣрить его, что съ довѣріемъ примутъ планъ, какой онъ начертаетъ. Когда Паленъ убѣдился бы, что Моро готовъ войти въ соглашеніе съ Россіей, тогда онъ могъ открыть ему остальной планъ и объявить, что императоръ, вполне довѣряя его таланту, патриотизму и прямоту, будетъ въ восторгѣ, что онъ поступаетъ къ нему на службу или приметъ участіе въ освобожденіи Франціи и скажетъ, какимъ образомъ легче всего достигнуть этого. «Вы ему пообщаете выгоды, указанные въ письмѣ, съ которымъ я къ вамъ обращаюсь по этому поводу, и увѣрите его, что если надо принести жертву для участія въ составленномъ имъ планѣ или заставить принять его тотъ или другой дворъ или какое-нибудь лицо, то мы приложимъ все наши заботы, чтобы это не было безрезультатно, — прибавляетъ Чарторыйскій. — Если онъ приметъ ваше предложеніе, вы вмѣстѣ съ нимъ возвратитесь въ Европу. Постарайтесь переговорить съ однимъ изъ нашихъ посланниковъ въ Испаніи, Италіи, Англии или Германіи, чтобы узнать, каково положеніе нашей арміи, и проводите генерала Моро въ ту изъ нихъ, къ которой легче всего вы можете приблизиться». Письмо заканчивается фразой: «но прежде всего предложите генералу Моро письменно изложить свой планъ и доставите его намъ, какъ можно скорѣе».

Получивъ эти инструкціи, Паленъ отправился въ Лондонъ въ началѣ октября. Онъ не пробылъ тамъ и мѣсяца и готовился уже отплыть, какъ неудача при Аустерлицѣ, нанесенная австро-русской арміи, измѣнила планъ царя. Прежде всего надо было поправиться отъ этой неудачи и, чтобы обезпечить реваншъ, слѣдовало вовлечь въ коалицію Пруссію. Въ ожиданіи Палену надо было оставаться въ Англии до новыхъ инструкцій. Наконецъ черезъ два года онъ полу-

чить тѣ же инструкціи, лишь съ прибавленіемъ настоятельно убѣдить Моро, насколько ужасно иго Наполеона для Франціи. Палень немедленно отправился въ путь и черезъ нѣсколько дней могъ уже вести переговоры съ Моро. Съ первыхъ же словъ Палена Моро, выражая благодарность Александру I, объявилъ, что находитъ неподходящимъ для себя поступить на службу страны, воюющей съ Франціей. Напрасно Палень настаивалъ на матеріальныхъ выгодахъ, которыми обезпечили бы генерала, и на славѣ освободителя своей родинѣ изъ-подъ ига деспота.—Моро оставался непоколебимъ.

Причиною этого отказа, по словамъ Додэ, было не то, что его еще не утомило изгнаніе въ странѣ, языкъ которой онъ съ трудомъ изучалъ, гдѣ умеръ его сынъ, и климатъ которой былъ вреденъ его женѣ; въ его сознаніи природная прямота и патриотизмъ говорили громче, чѣмъ желаніе отмщенія своему врагу. Палень понималъ, что настаивать въ виду такихъ благородныхъ мотивовъ—безполезно, и просилъ его изложить ихъ письменно императору Александру. Моро согласился, но съ тѣмъ, чтобы Палень, снявъ копію, вернулъ ему оригиналъ. Онъ излагалъ, что, не колеблясь, принялъ бы предложеніе императора, если бы оно было сдѣлано до войны съ его родиной. «Мнѣ кажется, — пишетъ онъ между прочимъ:—что мое поступленіе въ его армію во время настоящей войны не согласуется ни съ достоинствомъ его короны, ни съ моею деликатностью».

Такимъ образомъ, Моро остался жить въ своемъ изгнаніи. Онъ накопилъ въ Соединенныхъ Штатахъ земли, которыя обрабатывалъ, строилъ мельницы и развлекался охотой и рыбной ловлей. Но отъ общества онъ держался подале и даже не сопровождалъ свою жену въ Нью-Йоркъ или въ какой-нибудь лечебный курортъ. Смерть матери его жены внесла въ ихъ жизнь мрачную тѣнь: г-жа Моро не скрывала нетерпѣнія, съ какимъ она переносила жизнь изгнанниковъ въ странѣ, климатъ которой былъ для ея здоровья пагубенъ. Сношенія съ Франціей были очень затруднительны: письма ихъ перехватывались или исчезали, а въ 1807 г. эти затрудненія еще болѣе усилились, благодаря Англіи, которая подъ предлогомъ войны съ Франціей считала своимъ правомъ осматривать нейтральные корабли. Америкѣ это надоѣло и, видя, что ея заявленія ни къ чему не ведутъ, она стала задерживать суда подъ британскимъ флагомъ. Затѣмъ послѣдовала война между этими странами, создавшая еще новыя препятствія. Поэтому Моро писалъ очень мало писемъ, и свѣдѣнія объ его жизни за это время довольно скудны. Изъ писемъ къ близкимъ лицамъ можно заключить, что Моро проводитъ время монотонно, но спокойно, вполне наслаждаясь удобствами жизни, какія доставляетъ либеральное правительство, и не имѣетъ никакого желанія возвращаться во Францію, хотя Соединенные Штаты, по его словамъ, очень скучная страна. Американцевъ онъ находилъ людьми добрыми, стоящими выше репутации. Относительно вопроса, можно ли разбогатѣть въ Америкѣ, онъ говорилъ, что невозможно, особенно не зная хорошо языка и не будучи американскимъ гражданиномъ, тамъ ни за что нельзя принятъся.

Въ маѣ 1812 г. состояніе здоровья его жены, которое его давно беспокоило, ухудшилось. Физическія и моральныя причины, климатъ, все наносило вредъ ея здоровью и дѣлало ненавистной страну изгнанія, жители и нравы которой ей не нравились. Она жаждала уѣхать отсюда и вернуться на родину, и поэтому

врачи рѣшили, что это будетъ лучшимъ для нея лекарствомъ. Моро достала женѣ паспортъ, и она отправилась въ Бордо съ восьмилѣтней дочерью. Однако французское правительство, опасаясь, что Моро умышленно отправилъ жену, чтобы возвратиться самому на родину, предписало ей выѣхать обратно въ Америку. Ей даже грозилъ арестъ, и она спаслась отъ него, только спустившись чрезъ окно гостиницы и скрывшись въ Лондонѣ, гдѣ оставалась до 1814 г. Въ это время французское правительство узнало, что Моро отправился въ Европу въ июнѣ мѣсяцѣ вмѣстѣ со своимъ бывшимъ адъютантомъ Рапателемъ по подстрекательству Бернадотта. Но этотъ слухъ оказался ложнымъ: Рапатель уѣхалъ одинъ. Моро еще не зналъ, какому преслѣдованію подверглась его жена, и объявлялъ всѣмъ, что не намѣренъ покидать Америки.

Между тѣмъ изъ донесеній русскаго посланника видно, что Моро скрывалъ совсѣмъ другія мысли. Въ 1811 г. Паленъ находился временно въ Вашингтонѣ въ качествѣ посланника и приготовлялся уѣхать на тотъ же постъ въ Бразилію. 20-го августа онъ доносилъ канцлеру Румянцову, что Рапатель, извѣстный своей привязанностью къ Моро и бывший его адъютантомъ, обращался къ нему съ вопросомъ, можно ли поступить на русскую службу. Годъ спустя послѣ изгнанія своего генерала онъ пріѣхалъ къ нему въ Америку, но прежняя привычка къ военной службѣ заставила его промѣнять положеніе негоціанта или фермера на военное. 11-го декабря его просьба была уважена. 6-го июня 1812 г., снабженный деньгами и рекомендаціей къ русскому посланнику въ Стокгольмѣ, онъ пустился въ путь. Въ это время Паленъ уже былъ въ Бразиліи, и переговоры окончилъ вести его преемникъ, Дашковъ. Моро послалъ Дашкову рекомендательное письмо относительно Рапателя, и Дашковъ вскорѣ послѣ отъѣзда послѣдняго отправился благодарить Моро за означенное письмо. Какъ разъ это было наканунѣ отъѣзда г-жи Моро, и генералъ былъ совершенно взволнованъ. Принявъ благодарность Дашкова, онъ навелъ разговоръ на другіе мотивы и когда вопросъ зашелъ о войнѣ Америки съ Англіей и о войскахъ обѣихъ странъ, то Моро замѣтилъ: «Я не посовѣтовалъ бы никому изъ моихъ друзей, развѣ только у которыхъ совершенно потеряна военная репутація, принять командованіе арміей въ этой странѣ. Я съ удовольствіемъ командовалъ бы двумя арміями: французской и русской». Тогда Дашковъ выразилъ сожалѣніе, что вмѣсто Соединенныхъ Штатовъ генералъ не поселился въ Россіи, гдѣ было бы болѣе благопріятныхъ условий для здоровья его жены и воспитанія дочери. По признанію Моро, онъ часто говорилъ, что Россія предоставила бы ему большую сумму счастья; при этомъ онъ расхвалилъ Александра I и желалъ ему благоденствія. По возвращеніи домой, Дашковъ извѣстилъ государя, что если императору пріятно было бы видѣть Моро на русской службѣ, то нельзя найти лучшаго момента для предложенія. «Я не настаивалъ ни на одномъ пунктѣ,—прибавляетъ онъ:—не считая себя въ правѣ дѣлать это и не желая подавать ему малѣйшее подозрѣніе относительно моихъ взглядовъ». Въ заключеніе Дашковъ опять говоритъ, что для приглашенія Моро на русскую службу это лучший моментъ въ виду отъѣзда его жены и предстоящаго одиночества, и когда безпечная и бездѣятельная жизнь, какую онъ ведетъ, разжигаетъ его военныя страсти.

Это письмо пришло въ Россію въ самый патетическій моментъ 1812 г., когда Рапатель уже былъ въ Россіи. Его ожидалъ Румянцовъ и сопровождалъ въ главную квартиру Александра I, радушно встрѣтившаго француза. Неизвѣстно, показали ли ему эту депешу, но, безъ сомнѣнія, говорили съ нимъ о Моро, и его отвѣты убѣдили Александра принять окончательное рѣшеніе. 30 сентября Дашкову была отправлена депеша съ приказаніемъ сдѣлать предложеніе генералу и если онъ согласится, то немедленно выѣзжалъ бы въ Россію и былъ бы увѣренъ, что ему окажутъ хорошій пріемъ. Этотъ приказъ пришелъ къ Дашкову 24 февраля 1813 года. Онъ взволновалъ его менѣе, несмотря на всю важность возложенной миссіи, чѣмъ полученное отъ Моро письмо изъ Филадельфіи, которое онъ написалъ по полученіи письма отъ Рапателя. Въ этомъ письмѣ послѣдній расхваливалъ оказанный ему Александромъ пріемъ, который превысилъ все его надежды, и говорилъ, навѣки будеть ему благодаренъ за такую доброту. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ передавалъ, какъ въ бесѣдахъ съ нимъ Александръ расхваливалъ Моро. Эти похвалы разгорячили Моро, и онъ поручилъ Дашкову поблагодарить Александра. Затѣмъ, узнавъ изъ письма Рапателя подробности похода, во время котораго Наполеонъ видѣлъ, какъ гибла его армія, и бѣжалъ, онъ давалъ совѣтъ относительно средства какъ можно вѣрнѣе ускорить паденіе «подлаго автора всѣхъ этихъ несчастій». «Большое несчастье,—прибавляетъ Моро:—что онъ одинъ избѣжалъ неудачъ, постигшихъ его армію. Онъ можетъ еще надѣлать много зла, настолько велико вліяніе на слишкомъ слабыхъ и слишкомъ несчастныхъ французовъ, какое ему придастъ терроръ. Для меня нѣтъ сомнѣнія, что его заставили бѣжать столько же казацкія пики, сколько и негодованіе его солдатъ. Плѣнники въ Россіи должны прійти въ ярость отъ того, что съ ними приключилось въ Россіи, и должны дышать местию. Если бы значительное число этихъ несчастныхъ согласилось быть выброшенными на французскій берегъ подъ моимъ начальствомъ, то смѣло отвѣчаю, что онъ не ускользнулъ бы отъ нихъ. Но я помню о дѣлѣ Квиберонга и знаю, какія предосторожности надо принять, чтобы его избѣжать».

Объявляя своего соотечественника, Додэ сознаеть, что Моро, написавшій это письмо, далекъ отъ Моро 1807 г., когда онъ отказался вступить на службу странѣ, находившейся съ Франціей въ войнѣ. По его словамъ, «изъ-за великаго патріота, какимъ всегда былъ Моро, здѣсь пробивается человекъ, въ которомъ изгнаніе медленно затемнило призракъ долга и который не считаетъ нарушеніемъ его, отпра вляясь сражаться подъ иностранными знаменами, которыя французы, не покинувшіе Франціи, считали непріятельскими знаменами. Пока онъ мечталъ итти только во главѣ французской арміи и не предвидѣлъ, что путь, по которому онъ пустился, слишкомъ скользкій, чтобы онъ могъ остановиться по своему желанію».

Въ серединѣ марта Дашкову отправился въ Филадельфію, въ окрестностяхъ которой Моро жилъ около шести лѣтъ. Но генералъ окончательно отвѣта не давалъ, ссылаясь на то, что еще не получилъ извѣстія отъ жены, о которой онъ только зналъ, что она благополучно пріѣхала во Францію и ей разрѣшено тамъ жить. Изъ опасенія, чтобы Наполеонъ не задержалъ ее въ видѣ залога, когда узнаеть о возвращеніи его въ Европу, онъ совѣтовалъ ей немедленно поки-

нуть Францію, но отвѣта не получаль, а не зная, гдѣ она находится, не хотѣль ничего предпринимать. Но въ концѣ концовъ онъ сказалъ Дашкову изъ любви, что, быть можетъ, онъ поѣдетъ, не дождавшись письма г-жи Моро. Послѣ того, какъ русскій дипломатъ повторилъ, что война ведется не съ цѣлью побѣды, а лишь ради освобожденія Европы изъ-подъ ига Наполеона и что Франція сохранить свои естественныя границы, Моро убѣдился, что будетъ служить не союзникамъ, а интересамъ своей родины. Рѣшено было, что за нимъ вышлютъ русскій военный корабль, чтобы объ его отъѣздѣ нѣкоторое время не знали. Когда Дашковъ спросилъ, не желаетъ ли онъ высказать свои условія для поступленія на русскую службу, то Моро воскликнулъ: «Условія! Я слишкомъ довѣряю его величеству, чтобы когда-нибудь ихъ предлагать».

Дашковъ вернулся въ Нью-Йоркъ, увѣренный, что добился успѣха, и тотчасъ, 8 апрѣля 1813 года, написалъ Румянцову, что Моро, не колеблясь, покинулъ бы страну, если бы не ожидалъ извѣстія отъ жены.

Планъ Моро, если и не достоинъ его свѣтлой головы, служить ему оправданіемъ. Онъ заключался въ томъ, что ударъ Наполеону нанесли бы не иностранцы, а французскіе плѣнники, собранные въ количествѣ 30—40 тысячъ чело-вѣкъ офицеровъ и солдатъ, во главѣ которыхъ былъ бы онъ. «Они должны были ненавидѣть того, кто дурно ими руководилъ въ самомъ безумномъ изъ предпріятій, какое когда-либо было исполнено, и презирать труса, покинувшего ихъ въ тотъ моментъ, когда его талантъ могъ быть имъ болѣе всего полезенъ». Моро откладывалъ дать рѣшительный отвѣтъ объ отъѣздѣ не только изъ опасенія, что Наполеонъ прикажетъ задержать его жену, но еще ожидая одобренія генерала Вилло, тоже пылавшаго мстью къ Наполеону, и Бернадотта, письмо къ которому переслать было довольно трудно. Въ своемъ письмѣ къ нему онъ ничего не говорилъ о предложеніи Александра I, но спрашивалъ его совѣта, какъ лучше поступить: примѣнить ли его планъ? съ помощью ли русскихъ войскъ проникнуть во Францію, или высадиться на берегахъ Пикардіи или Нормандіи? Послѣднее онъ считалъ выгоднѣе. Это письмо, однако, не попало въ руки Бернадотта, и о намѣреніи послѣдняго онъ не имѣлъ свѣдѣній, пока г-жа Сталь не написала въ Америку своимъ корреспондентамъ, что Бернадоттъ хочетъ видѣться съ Моро. Тогда Моро попросилъ выслать за нимъ корабль и объявилъ о предложеніи Александра I.

Между тѣмъ Дашковъ, находясь въ Вашингтонѣ, зналъ о намѣреніи Моро и торопилъ его отъѣздъ. Въ это время враждебныя отношенія между Англійей и Америкой были въ самомъ разгарѣ. Англійскій флотъ блокировалъ нью-йоркскій портъ, и ни одно судно не могло выйти иначе, какъ украдкой или съ согласія англичанъ. Сначала Дашковъ рассчитывалъ, что Моро можетъ отплыть на кораблѣ «Нептунъ», отправлявшемся съ американскими делегатами въ Россію къ Александру I съ отвѣтомъ на его предложеніе о посредничествѣ. Но Моро къ этому времени еще не устроилъ своихъ дѣлъ, да, кромѣ того, онъ не могъ пробѣжать незамѣченнымъ среди официальныхъ лицъ, которымъ онъ былъ лично знакомъ. Поэтому Дашковъ рѣшился просить у вице-адмирала Кокберна, помощника Варрена, командира блокирующаго флота, дать пропускъ для одного торговаго судна. Не говоря ни слова о Моро, онъ указалъ на необходи-

мость отправить Павла Свиньина, находившагося при главномъ консульствѣ въ Нью-Йоркѣ, съ секретными депешами къ своему двору. Отношенія между Россіей и Англійей въ это время были дружескія, и Кокбернъ немедленно удовлетворилъ желаніе Дашкова.

Извѣщая Румянцова объ этомъ, Дашковъ просилъ оказать владѣльцу корабля всевозможныя снисхожденія на обратномъ пути. «Такіе политики, какъ американцы,—говорилъ онъ,—чистосердечно участвуютъ въ отъѣздѣ генерала Моро и даже не согласились вести какіе бы то ни было переговоры относительно цѣны проѣзда, каюты и пропитанія, но объявили, что примутъ безъ противорѣчія всѣ льготы, какія угодно будетъ монарху предложить ему». Такимъ образомъ, 20 іюня корабль «Ганнибаль» уже былъ готовъ для принятія пассажировъ. Въ тотъ же день генералъ Вилло получилъ отъ Моро извѣстіе объ его отплытіи на сѣверъ съ цѣлью попытаться исполнить одинъ большой планъ противъ Бонапарта. Последнее письмо изъ Америки Моро написалъ жемъ, предназначенное для врученія ея, когда она вернется въ Америку. Извѣщая о предложеніи Россіи и приглашеніи Бернадотта, Моро излагаетъ свой планъ захватить Наполеона съ помощью маленькой арміи изъ французскихъ плѣнниковъ. «Я желалъ бы,—прибавляетъ онъ:—чтобы Бонапартъ попалъ въ руки французовъ; это было бы гораздо выгоднѣе и для нихъ достоинѣе». 25 іюня «Ганнибаль» тронулся въ путь, увозя Моро, его прежняго секретаря Френьера и Павла Свиньина. Черезъ мѣсяць Моро узналъ отъ командира одного англійскаго судна, что жена его въ Англии.

Въ русскихъ архивахъ сохраняется письмо Моро къ императору, извѣщающее объ его пріѣздѣ въ Европу. «Ваше величество можете рассчитывать на мою готовность явиться къ вамъ и мое желаніе быть вамъ сколько-нибудь полезнымъ». Такое же письмо онъ отправилъ Бернадотту. 27-го онъ вышелъ на берегъ въ Готенбургъ; по дорогѣ къ приготовленному для него дому онъ былъ встрѣченъ восторженными кликами толпы. Его ждало привѣтственное письмо Бернадотта, съ приглашеніемъ какъ можно скорѣе пріѣхать въ Стральзундъ. При осмотрѣ шведскихъ отрядовъ въ Готенбургъ, командиръ генералъ Эссенъ привѣтствовалъ его словами: «Вы несете намъ помощь въ сто тысячъ человѣкъ!» и прибавилъ, что союзные государи ждутъ его съ нетерпѣніемъ. Бернадоттъ оказалъ ему торжественный пріемъ. Они вмѣстѣ разсмотрѣли вопросъ, какъ вѣрнѣе выиграть дѣло съ тѣми силами, какими они обладали.

Осматривая русскія войска, собравшіяся въ Стрелицѣхъ подъ командой Воронцова и Чернышева, Бернадоттъ похвалилъ какъ солдатъ, такъ и командующихъ за хорошую выдержку первыхъ и за ловкость вторыхъ. Онъ жаловался на недостаточно обученные отряды ганноверцевъ, но этотъ недостатокъ, по его словамъ, можно было исправить. Во всякомъ случаѣ, согласно его мнѣнію, русская и прусская арміи ничего не оставляли желать лучшаго. Относительно шведской арміи онъ отвѣтилъ: «Вотъ какія силы выгодно употребить противъ Наполеона». Моро держался того же мнѣнія. Вообще бесѣдовать съ Бернадоттомъ продолжительно ему не приходилось, настолько осаждали его желающіе видѣть французскаго генерала. Когда его спрашивали, возьмется ли онъ командовать русскими войсками, то онъ отвѣчалъ: «Я не хочу ничѣмъ командо-

вать; скажу, что знаю, и если они хотят, онъ будетъ побѣжденъ». Намекая на результаты революціонной политики, сторонникомъ которой онъ былъ, когда командовалъ республиканской арміей, онъ прибавлялъ: «Мы должны исправить зло, сдѣланное нами, чтобы отмщеніе не пало на насъ».

Въ моментъ своего отъѣзда въ Прагу для свиданія съ Александромъ онъ нечаянно увидѣлся съ Рапателемъ, который сообщилъ ему, что императоръ, узнавъ отъ одного эмигранта объ его пріѣздѣ, выслалъ его къ нему навстрѣчу и прикомандировалъ къ нему. Очевидно, Бернадоттъ отъ него узналъ, что его планъ составить армію изъ французскихъ плѣнныхъ не удался. Какая была вѣрная причина этой неудачи, Додэ не знаетъ и высказываетъ предположеніе, что, быть можетъ, въ Петербургѣ предвидѣли опасность собрать такую армію, или, быть можетъ, французскіе солдаты приняли недружелюбно такое предложеніе. Послѣднее предположеніе онъ основываетъ на томъ, что Рапатель, уже находившійся въ пути, чтобы присоединиться къ Моро, написалъ Александру I письмо, въ которомъ признается, что, какъ бы онъ ни былъ расположенъ взять на себя командованіе такой арміей, когда она будетъ сформирована, но считаетъ долгомъ отказаться «изъ деликатности» взять на себя ея сформированіе. Такой отказъ французскаго офицера слишкомъ ясно выказываетъ опасеніе неудачи, чтобы иностранцы согласились подвергаться ей.

Для Моро это было большой досадой. Если бы онъ это предвидѣлъ шесть недѣль ранѣе, то не уѣхалъ бы изъ Америки. Теперь было слишкомъ поздно отступать. «Не видно,—говоритъ Додэ:—чтобы онъ колебался въ своемъ рѣшеніи оттого, что надѣялся, въ чемъ его обвиняли, добиться командованія русской арміей, но онъ твердо намѣревался быть совѣтникомъ Александра I. Онъ не хотѣлъ ни надѣть на себя иностранной формы, ни показаться въ русскихъ рядахъ во французскомъ мундирѣ». Впослѣдствіи будто бы онъ писалъ женѣ: «Меня поставили въ неприятное положеніе», но Додэ, не отрицая и не утверждая этого, говоритъ безпристрастно, что никто его не обманывалъ и онъ не долженъ былъ трогаться въ путь изъ Америки прежде, чѣмъ получить утвердительный отвѣтъ относительно арміи изъ французскихъ плѣнныхъ солдатъ.

Какъ бы тамъ ни было, но 10 августа Моро, въ сопровожденіи Рапателя, отправился въ Прагу на свиданіе съ русскимъ императоромъ. Въ Берлинѣ Моро былъ встрѣченъ толпою съ энтузіазмомъ. Въ Олавѣ Поццо-ди-Борго сообщилъ ему, что Австрія порвала трактатъ съ Наполеономъ и присоединилась къ коалиціи, что для него было неожиданностью. Въ Кенигсбергѣ въ присутствіи прусскаго королевскаго принца, осматривая русскія войска, онъ воскликнулъ: «Съ такими людьми можно все предпринять!» Наконецъ 16-го онъ пріѣхалъ въ Прагу, какъ разъ къ концу конгресса. По прибытіи онъ немедленно явился къ Александру I, но императоръ былъ въ театрѣ, и свиданіе пришлось отложить до другого дня. Александръ на другое утро самъ къ нему пришелъ, обнялъ его, разсыпался въ благодарностяхъ и похвалахъ; онъ такъ очаровалъ и побѣдилъ Моро, что тотъ заявилъ о своей готовности умереть за такого государя. О чемъ велась между ними бесѣда, Додэ не приводитъ, а говоритъ лишь, что Моро совѣтовалъ вступать въ бой лишь тогда, когда французскими солдатами командуютъ наполеоновскіе генералы и избѣгать всякаго сопрякосно-

венія съ французами, когда самъ Наполеонъ командуетъ своей арміей. О планѣ составить армію изъ французскихъ солдатъ не было рѣчи, что служить доказательствомъ положительнаго отказа императора. Александръ повелъ Моро къ австрійскому императору, также лестно принявшему послѣдняго. На слѣдующій день онъ привелъ къ нему прусскаго короля.

Желая окончательно обворожить Моро, Александръ прибѣгнулъ къ помощи своей очаровательной сестры Екатерины Павловны. Никто, по словамъ Моро, не могъ лучше ея помочь осуществленію плана Александра. Она такъ польстила Моро, что совершенно сглаживала все, что могло бы казаться стѣснительнымъ для француза, командовавшаго республиканской арміей противъ союзныхъ государей и теперь находившагося среди нихъ, окруженнаго вниманіемъ и предупредительностью. Насколько ей это удалось, говорить Додэ, видно изъ того, что всѣ десять дней, которые онъ провелъ среди нихъ, то въ Прагѣ, то въ главной квартирѣ, онъ ни разу не былъ смущенъ своей ролью. Одѣтый въ статское платье, онъ находился верхомъ возлѣ царя, какъ совѣтникъ, какъ другъ. Онъ дѣлалъ съ нимъ смотры, присутствовалъ въ военномъ совѣтѣ и запросто видѣлся съ Александромъ, который поминутно обращался къ нему съ вопросами, совѣтовался и т. д. Конечно, это вызывало вспышки зависти и злорѣчья, какъ среди русскихъ, такъ и эмигрировавшихъ въ Россію военныхъ. Рошмуаръ въ своихъ мемуарахъ говоритъ, будто Александръ выразилъ свое благоволеніе къ нему, назначивъ его фельдмаршаломъ, но это невѣрно; Моро оставался всегда только совѣтникомъ Александра до дня своей смерти 27 августа того же года, когда онъ былъ убитъ во время Дрезденской битвы. Слѣдуя впереди свиты Александра I, въ цилиндрѣ, при шпорахъ, въ плащѣ поверхъ синяго фрака, какой онъ всегда носилъ, Моро ѣхалъ верхомъ настолько близко отъ Александра, что могъ сообщать ему свои наблюденія. Такимъ образомъ они приблизились къ одной батарее, на которую сыпались французскія ядра. Оставаться здѣсь было опасно. «Ваше величество,—обратился къ Александру Моро:— вы слишкомъ подвергаете себя опасности и совершенно бесполезно». Александръ далъ шпоры, чтобы отступить назадъ, но въ тотъ же моментъ сверху упало ядро на правое колѣно Моро, прошло сквозь лошадь и раздробило лѣвую ногу генерала. Лошадь и наѣздникъ упали. По приказу Александра, Моро успѣшили освободить. Онъ былъ безъ сознания и пришелъ въ себя только, когда его переносили въ ближайшій домъ. Здѣсь, по освидѣтельствованіи, врачи заключили, что его жизнь можно спасти, ампутировавъ правую ногу. По словамъ Свинына, онъ будто бы спросилъ, нѣтъ ли необходимости отнять ему и другую ногу, и на полученный отвѣтъ воскликнулъ: «Ну, такъ отрѣжьте ее!» Съ сигарою во рту онъ перенесъ ужасную операцію, переживъ которую, ему пришлось бы влечить бездѣятельную жизнь. Изъ словъ, которыя ему вѣрно или невѣрно приписывали, можно заключить, что онъ понималъ свое положеніе. Когда онъ падалъ подъ свою лошадь, то слышали, какъ онъ прошепталъ: «Смерть!» и послѣ ампутаціи сказалъ Рапателю: «Я пропалъ, но славно умереть ради такого прекраснаго дѣла!»

На другой день Александръ, давая отчетъ о сраженіи, писалъ Вернадотту между прочимъ: «Ваше императорское высочество знаетъ, какъ я хотѣлъ

видѣть возлѣ себя этого столь уважаемаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка. Вы можете поэтому судить, какое горе должно причинить мнѣ это несчастіе: пушечное ядро лишило его обѣихъ ногъ; онъ перенесъ ампутацію съ мужествомъ и хладнокровіемъ, которыя характеризовали всю его жизнь. Я не теряю надежды, что ему можно спасти жизнь».

Когда Александръ писалъ эти строки, Моро переносили на носилкахъ по ужасной дорогѣ въ маленькій городокъ Лонъ велѣдъ за отступающей арміей. Александръ предложилъ для раненаго свою карету, но состояніе здоровья Моро требовало предпочтенья носилки. По сторонамъ носилокъ ѣхали верхомъ Рапатель и Свиныишъ, а Орловъ, адъютантъ государя, командовалъ эскортомъ, которому было поручено оберегать Моро. Во время длиннаго пути Моро стоналъ и страшно страдалъ, но мужество его не покидало. Онъ настолько сохранялъ сознание, что интересовался движеніемъ французской арміи и время отъ времени высказывалъ свои размышленія. Въ письмѣ къ женѣ, сообщая о несчастіи, онъ говоритъ: «Этому плуту Бонапарту всегда везетъ счастье». 1 сентября ему стало хуже, но это ему не помѣшало, когда онъ узналъ, что генераль Вандомъ попалъ въ плѣнъ, послать къ нему Рапателя за подробностями. Послѣдній нашелъ плѣнника въ страшномъ гнѣвѣ на Наполеона, который, по его словамъ, «принесъ его въ жертву». Услышавъ отъ Рапателя эти слова, Моро воскликнулъ: «Пора, чтобы это чудовище не въ состояніи было причинять зло». Такимъ образомъ, говоритъ Додэ, въ минуту смерти у Моро еще разъ проявилась прежняя ненависть противъ творца его несчастій. Въ ночь съ 1-го на 2-е у него сдѣлалась лихорадка. Рапатель, Орловъ и Свиныишъ не покидали больного. Около шести часовъ утра онъ попросилъ ихъ приблизиться и голосомъ умирающаго прошепталъ: «Скажите императору, что я спущусь въ могилу съ тѣмъ же чувствомъ благоговѣнія, уваженія и преданности, какія онъ мнѣ внушилъ съ перваго свиданія». И, какъ бы говоря съ собою, онъ прошепталъ: «Мнѣ не въ чѣмъ себя упрекать!» Послѣ этихъ словъ онъ началъ умирать. Орловъ посмотрѣлъ на часы, они показывали семь часовъ безъ пяти минутъ. «Такимъ образомъ,— передавалъ онъ императору,—по странному стеченію обстоятельствъ этотъ знаменитый человѣкъ, котораго вы никогда не знали, посвятилъ вашему императорскому величеству свою послѣднюю дѣятельность, свое послѣднее слово и послѣднюю каплю крови».

Узнавъ о его смерти, Наполеонъ объяснилъ это правосудіемъ Провидѣнія и даже позволялъ распускать слухъ, что это онъ самъ направилъ пушку и убилъ Моро. Насколько онъ лгалъ, видно изъ того, что о присутствіи Моро въ русскомъ лагерѣ онъ узналъ въ концѣ дня, когда во французскій лагерь забѣжала собака, на ошейникѣ которой было выгравировано имя Моро. Оставшіеся послѣ Моро 500,000 франковъ въ Парижѣ французская полиція запретила взять довѣренными лицамъ Моро и секвестровала; только на слѣдующій годъ временное правительство вернуло ихъ г-жѣ Моро.

Передать печальную вѣсть г-жѣ Моро было поручено княгинѣ Ливенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Рапатель написалъ вдовѣ: «Намѣреніе, желаніе и воля нашего августѣйшаго государя, чтобы вы пріѣхали въ Россію. Вы это должны сдѣлать, если не для себя, то по крайней мѣрѣ для вашего ребенка». Затѣмъ 6 сентября

Свиньинъ, присоединившійся въ Теплицѣ къ графу Нессельроде, отправился въ Англію съ царскимъ письмомъ, а 22-го тѣло Моро было набальзамировано и отправлено изъ Праги въ Петербургъ, гдѣ ему оказали военныя почести и похоронили въ церкви св. Екатерины.

Г-жа Моро, находившаяся въ Англіи съ момента, какъ ея мужъ отправился въ Россію, была окружена вниманіемъ посланника и его жены, и когда Моро ранили, то Рапатель черезъ г-жу Ливенъ сообщилъ ей: «Генераль лишился своихъ обѣихъ ногъ, но намъ осталась голова». Въ своемъ письмѣ къ г-жѣ Моро Александръ между прочимъ писалъ: «Предупреждать ваши желанія для меня будетъ радостью. Дружба, которую я оказывалъ вашему мужу, осталась за гробомъ, и у меня нѣтъ другого средства, сквитаться съ нимъ, какъ только сдѣлать все, чтобы обезпечить благоденствіе его семьи». Г-жа Ливенъ всѣми силами старалась, чтобы г-жа Моро поняла, насколько выгодно для нея и ея дочери принять это предложеніе. Вдова не сразу согласилась на отъѣздъ въ Россію, и то по настойчивому совѣту Рапателя и своего брата, полковника Гюло, готовившагося тоже перейти на русскую службу. Но раньше, чѣмъ ѣхать, она предусмотрительно освѣдомилась, что ей будетъ предложено, и узнала, что сто тысячъ рублей и ежегодной пенсіи тридцать тысячъ рублей; при томъ ея дочь назначалась фрейлиной императрицы, все равно, поѣдетъ она, или не поѣдетъ въ Россію. Кромѣ того, она находила, что Свиньинъ слишкомъ молодъ, чтобы сопровождать молодую женщину въ такой длинный путь, и поэтому въ случаѣ отъѣзда просила, чтобы ее сопровождалъ Рапатель. Но смерть Рапателя, убитаго во время битвы при Феръ-Шампенуа, лишала ея спутника; затѣмъ наступила реставрація, и ѣхать въ Россію не было необходимости. Александръ, находившійся тогда въ Парижѣ, рѣшилъ, что она не поѣдетъ въ Россію, и предложилъ представить ее королю. По его приказу Нессельроде вручилъ Талейрану ноту, въ которой напоминалъ о поведеніи Моро и просилъ о вознагражденіи его семьи. Г-жѣ Моро была назначена пенсія въ 12,000 фр. и званіе жены маршала (la marquise Moreau). Кромѣ того, память Моро была, по желанію короля, обѣлена, и сенатъ объявилъ, что генераль Моро всегда заслуживалъ народнаго уваженія и благодарности своей родины.

— Архивъ графа Нессерольде отъ 1819 г. до 1839 г. — Недавно вышедшіе въ Парижѣ два тома писемъ и бумагъ графа Нессельроде ¹⁾ не менѣе интересны, чѣмъ прежніе пять. Въ одномъ изъ нихъ, относящемся ко времени отъ 1819 до 1827 г.г., помѣщены многочисленныя письма жены Нессельроде, урожденной Гурьевой, которая въ первомъ изъ этихъ годовъ жила въ Парижѣ и почти ежедневно переписывалась съ мужемъ. Она сдѣлалась закадычнымъ другомъ г-жи Свѣчиной, герцогини Дюра, г-жи Монкальмъ, принцессы Тальмонъ и другихъ знатныхъ дамъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья и почти исключительно показывалась въ ихъ салонахъ, что приводило въ большое негодованіе русскихъ дамъ, бывшихъ въ то время въ Парижѣ Встрѣчаясь здѣсь съ Шатобрианомъ, Талейраномъ, герцогомъ Ришелье и передовыми роялистами, она пристрасти-

¹⁾ Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode. Tome VI—VII. Paris. 1909.

лась къ политикѣ и не только постоянно писала мужу ея отголоски, но часто посѣщала засѣданія парламента. Такимъ образомъ, сдѣлавшись ярой легитимисткой, она, однако, не раздѣляла политики герцога Ришелье и сочувствовавшего ему русскаго посланника Поццо-ди-Борго. Хотя она лично, какъ человѣка, очень уважала Ришелье, но критиковала его администрацію и упрекала его за министерскія мѣропріятія, которыя, по ея убѣжденію, готовили во Франціи новую революцію. Вмѣстѣ съ тѣмъ она не простила Поццо-ди-Борго, что онъ на всѣ лады увѣрялъ, будто надо отозвать союзныя войска и очистить Францію, хотя никто и не жаловался на ихъ присутствіе. Она даже увѣряла, что сами французы, въ домахъ которыхъ они были размѣщены, не считали для себя это тягостью. Для нея и для всѣхъ Поццо былъ загадкой и никто не понималъ, какъ онъ во все время министерства Ришелье позволялъ себя дурачить. Она полагала, что Ришелье и Поццо-ди-Борго были жертвами Деказа до той минуты, когда онъ нашелъ возможнымъ ихъ удалить отъ власти. Политическій горизонтъ казался ей самымъ мрачнымъ и гроза обѣщала снова разразиться надъ Франціей, такъ что и для возстановленія тамъ порядка вскорѣ было необходимо вмѣшательство державъ. Ни въ какой странѣ, по ея словамъ, не было такихъ могущественныхъ министровъ и парламентскихъ дѣятелей на извѣстное время, какъ во Франціи. Но, съ другой стороны, никогда не видно было такого короля, «отвратительнаго, уродливаго стараго бульдога, эгоиста, ворчуна и обжоры».

Графиня Нессельроде также опасалась происходившаго въ Россіи и рѣзко выражала надежду, что императору Александру можетъ вскорѣ опротивѣть свобода, которая губить всю Европу. Особенно она не терпѣла либеральныхъ якобинцевъ Франціи и считала, что они порочны, и за извѣстную сумму денегъ презрѣнные ораторы лѣвой стороны сдѣлаютъ все, что угодно министерству. Что касается мужа графини Нессельроде, то онъ гораздо менѣе жены переписывался съ нею изъ Петербурга, впоследствии изъ Лайбаха и Вероны, гдѣ онъ находился съ императоромъ Александромъ. Относительно Поццо-ди-Борго онъ упрекалъ графиню въ излишнемъ довѣрїи къ предубѣжденіямъ салона герцогини Дюра. «По моему мнѣнію, — пишетъ онъ изъ Петербурга 13-го апрѣля 1819 г., — его рѣшительно ни въ чемъ нельзя упрекнуть. Его депеши — совершенство: онъ отличаются умомъ и нисколько не поддерживаютъ либеральныхъ стремленій французскаго министерства. Вообще онъ вполне заслуживаетъ довѣрїя за опытность, ловкость и силу своей политики, которую нельзя не оправдывать во всѣхъ отношенїяхъ». Въ отвѣтъ на это графиня заявляла мужу, что она нисколько не придерживается мнѣнія салона герцогини Дюра, а у нея имѣются свои собственныя личныя убѣжденія: «Меня сердить, — прибавляетъ она: — что Поццо сумѣлъ васъ всѣхъ одурачить. Поведеніе его, еще разъ повторяю, подлежитъ строгому обвиненію и единственнымъ ему извиненіемъ можетъ служить то, что онъ не хотѣлъ зла, а самъ невольнo предался въ руки французской партїи. Милый другъ, я тебя страстно люблю, хотя ты вполне ошибаешься насчетъ Поццо. Дай Богъ для Поццо, котораго я люблю лично, какъ человѣка, чтобы императоръ не имѣлъ того же убѣжденія, какъ я, насчетъ вреда его политики». Передавая мужу слухъ объ его назначенїи на

пость Поццо, она замѣчаетъ: «Сохрани тебя Богъ попасть въ такую каторгу, къ тому же надо кого-нибудь сильнаго, который дѣйствовалъ бы энергично».

Въ концѣ 1819 г. графиня Пессельроде вернулась въ Петербургъ, и на цѣлый годъ прерывается ея переписка съ мужемъ по причинѣ совместнаго проживания въ Россіи. Въ концѣ же 1820 г. они разстались, такъ какъ онъ побѣхалъ въ Лайбахъ съ императоромъ. По этому случаю 21 октября она писала ему, между прочимъ, насчетъ семеновской катастрофы: «Думають, что сегодня или завтра императоръ получитъ всѣ свѣдѣнія относительно происшествія въ Семеновскомъ полку. Подробности этого возстанія, менѣе дурныя сами по себѣ, чѣмъ по своимъ послѣдствіямъ, навѣрно, будутъ тебѣ сообщены. Утверждаютъ, что рѣзкость, скорѣе униженіе, которое Шварцъ заставилъ ихъ испытать, толкнули ихъ на эту крайность, но всѣ согласны, что если бы строго наказали главныхъ мятежниковъ, это дѣло не имѣло бы послѣдствій и цѣлый полкъ не былъ бы скомпрометированъ; но все правительство потеряло голову. Генералы тщетно пытались образумить солдатъ: Потемкинъ одинъ ихъ возмутилъ, однако ему не удалось заставить ихъ двинуться. Несмотря на ихъ инсубординацію, они кротки, какъ овечки, и совѣмъ не думаютъ прибѣгать къ своему оружію и выражаютъ къ императору столь же искреннюю, какъ и трогательную, симпатію. Они не жалуются ни на экзерциціи, ни на парады, но только на дурное обращеніе и на притѣсненія, и униженія, которыя заставляютъ ихъ претерпѣвать, какъ, напримѣръ, плевать имъ въ лицо, и не знаю еще что. Мѣсячный отпускъ, о которомъ они просили, чтобы отправляться къ себѣ обрабатывать землю, не былъ имъ данъ; этотъ отказъ они приняли къ сердцу и жаловались на тысячу непріятныхъ вещей въ томъ же родѣ. Самое ужасное во всемъ этомъ (объ этомъ всѣ объявляютъ въ одинъ голосъ, такъ ненавидятъ великаго князя), что Шварцъ никогда бы не дѣйствовалъ иначе, какъ по его приказанію, и на это есть доказательство. Хотя бы это по крайней мѣрѣ послужило урокомъ. Всѣ вліяли на это дѣло; нѣтъ такого генерала, который не былъ бы замѣшанъ въ немъ и не давалъ совѣта. Собрали полки, которые оставались нѣсколько дней подъ ружьемъ, карауль былъ усиленъ, вызвали казаковъ, какъ будто бы у этихъ людей была полная революція. По правдѣ сказать, въ городѣ появилось нѣсколько бѣглецовъ, но они не причинили никакого безпорядка и въ этомъ случаѣ можно сказать, что изъ мухи сдѣлали слона. Настоящая вина въ томъ, что на время смягчились относительно солдатъ: уменьшили экзерциціи, во всемъ измѣнили съ ними обращеніе; поѣтому они говорятъ, что дожны быть благодарны своимъ товарищамъ, такъ какъ съ ними лучше обращаются съ тѣхъ поръ, какъ тѣ заставили внять своимъ жалобамъ. Злые умы были въ этомъ дѣлѣ ни при чемъ, но, однако, это искра, которой надо опасаться и которая составитъ важную эпоху. Въ виду этого, что происходитъ въ Европѣ и что постоянно передъ глазами, неудивительно, что всему мятежу приписываютъ одну и ту же побудительную причину. Надо сказать, что наши мятежники, исключая полковниковъ, выказали къ другимъ начальникамъ большую привязанность, которая отличается крайней нѣжностью и чрезвычайной веселымъ настроеніемъ. Меня очень огорчило, что этотъ прекрасный полкъ наказанъ; я воображала, что ожидаемое рѣшеніе будетъ примѣромъ суро-

восты, и заранѣе страшилась. Если слишкомъ строго накажутъ, то будетъ ужасно; лучшія семьи имѣютъ кого-нибудь изъ близкихъ въ этомъ полку, а, быть можетъ, опасно дѣйствовать слишкомъ милостиво. Но особенно меня печаливаетъ очевидность того, что при этихъ обстоятельствахъ ни у одного начальника не было ни надлежащаго хладнокровія, ни энергіи. Отправились въ главный штабъ, спорили тамъ, и все, о чемъ говорили, вмѣсто того, чтобы держать въ секретѣ, передавалось изъ устъ въ уста. Богъ знаетъ, какъ досадно для насъ истолкуютъ этотъ мятежъ здѣшніе дипломаты. Я думаю, что для уничтоженія всѣхъ предположеній было бы лучше напечатать объясненіе фактовъ такъ, какъ они произошли, и свести ихъ къ точнымъ размѣрамъ, именно представить Шварца, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности».

Въ слѣдующемъ письмѣ графиня, находя, что Ахенскій конгрессъ не принесъ никакой пользы, а Тропаускій приведетъ къ такому же результату, говорить: «Мы находимся на кратерѣ и для своего спасенія ждемъ пріѣзда императора. Солдаты начинаютъ думать и обсуждать событія; но не это меня пугаетъ, а то, что есть очень трудные вопросы, которые надо поскорѣе рѣшить. Нечего принимать полумѣры и паліативы; и безъ того ихъ слишкомъ часто принимали. Въ ожиданіи отвѣтовъ всякій дрожить; такъ мало увѣрены въ преданности гарнизона, что если пришлютъ приказъ о наказаніяхъ въ отсутствіе государя, то нельзя быть увѣреннымъ, что все обойдется спокойно. На особенно дурномъ счету—три полка. Во всякомъ случаѣ большинство привязано къ императору, и онъ можетъ смѣло дѣйствовать, исполняя рѣшительный планъ. Но для этого не достаточно одного указа. Не думай, что я преувеличиваю. Ты просто ужаснулся бы, если бы я рассказала, какой духъ господствуетъ въ войскахъ». Въ концѣ письма графиня прибавляетъ, что невольно достойно удивленія, какъ въ подобныя минуты можно заботиться объ европейскихъ дѣлахъ, а не беспокоиться о своихъ собственныхъ.

Въ отвѣтъ женѣ Нессельроде увѣряетъ, что нѣтъ никакого основанія беспокоиться Петербургу. Если же, по его словамъ, Каподистрія покинетъ службу императора, то онъ самъ, Нессельроде, ни одной минуты не останется по очень простой причинѣ, что не чувствуетъ себя достаточно сильнымъ, чтобы одному вести дѣло, а съ другими невозможно; только съ такимъ деликатнымъ человѣкомъ, какъ Каподистрія, такое положеніе было выносимо. «Всякій добрый и благоразумный русскій теперь заботится только о сохраненіи мира. Я же отвѣчаю за то, что въ сердцѣ Каподистріи это глубоко врѣзалось, и всѣ его усилія и заботы, какъ и его мнѣнія, всегда къ этому клонились, хотя я не знаю настоящаго государственнаго человѣка лучше Поццо-ди-Ворго. Въ настоящее время это единственный человѣкъ въ Европѣ, у котораго я признаю качества настоящаго государственнаго человѣка. Я согласенъ съ тобою, что у Каподистріи душа чище, чувства благороднѣе и безкорыстнѣе, онъ менѣе тщеславенъ и страстенъ, но у него нѣтъ тѣхъ средствъ здраваго смысла и знанія, какъ у Поццо, и особенно того практичнаго ума, необходимаго, чтобы хорошо вести дѣла міра сего. У Каподистріи ольшой умъ, но онъ часто заблуждается и, несмотря на всю свою ловкость, его сужденія иногда ложны; у него есть предсмотрительность, но онъ не всегда отличается логикой; въ особенности ему часто

не хватает знанія людей. Онъ, повидимому, работаетъ для такихъ же совершенныхъ людей, какъ онъ самъ, поэтому, мой любезный другъ, я откровенно говорю тебѣ, что желалъ бы имѣть Поццо министромъ, а Каподистрію—другомъ». Упомянувъ въ одномъ изъ писемъ, что его отношенія съ императоромъ превосходны, онъ прибавляетъ, что до сихъ поръ императоръ, повидимому, доволенъ и не похоже, что ему замѣтно отсутствіе «восьмого мудреца» Каподистріи.

Въ перепискѣ дипломатической четы не встрѣчается замѣчательныхъ писемъ до 2 ноября 1822 г., когда графиня сообщаетъ мужу олюбопытномъ засѣданіи петербургской академіи художествъ. Она не знаетъ, кто собственно изъ академикомъ предложилъ избрать въ почетные члены Аракчеева, графа Кочубея и ея отца Гурьева, но извѣстный секретарь академіи Лабзинъ вскочилъ и заявилъ, что онъ рѣшительно не понимаетъ, зачѣмъ выбирать означенныхъ господъ, такъ какъ графъ Кочубей—человѣкъ безсмысленный, графъ Аракчеевъ никогда никому не желалъ добра, а графъ Гурьевъ—мошеникъ. Остальные академики отвѣчали, что эти люди, близко приближенные къ императору, могли черезъ него покровительствовать искусству. «Знаешь ли,—продолжаетъ графиня:—что на это сказалъ секретарь академіи. По его мнѣнію, если уже выбирать близкаго человѣка къ императору, то надо было остановить выборъ на Ильюшѣ (Илья—кучеръ императора), онъ даже чаще видитъ государя, чѣмъ эти господа. Нечего сказать, Лабзинъ нисколько не стѣснялся. Какая неосторожность!»

Въ 1824 г. въ архивѣ графа Нессельроде помѣщенъ любопытный докладъ великаго князя Константина, отправившагося за границу съ согласія брата императора Александра I. Его поѣздка началась съ леченія въ Эмсъ, а потомъ онъ посѣтилъ нѣмецкихъ государей и въ томъ числѣ короля вюртембергскаго, который увѣрялъ его, что ему нечего бояться своего народа, такъ какъ онъ обѣщалъ конституцію и исполнилъ свое обѣщаніе, потому что его слово свято. «Тѣмъ хуже для другихъ,—прибавилъ онъ:—кто дѣйствуетъ иначе». Затѣмъ великій князь побывалъ въ Нассау, Майнцѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ, Готтѣ, Эрфуртѣ, Веймарѣ, Лейпцигѣ и Дрезденѣ. Возвратясь въ Варшаву, онъ написалъ брату отчетъ обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ, при чемъ главнымъ образомъ онъ сожалѣлъ, что въ Германіи недостатокъ единства въ министерствѣ вызываетъ различныя затрудненія.

Въ началѣ слѣдующаго года Александръ Павловичъ написалъ письмо графинѣ Нессельроде, извиняясь, что рѣдко ей пишетъ и навѣщаетъ ее, но объясняетъ это привычкой къ домосѣдству въ послѣдніе годы пребыванія въ Петербургѣ. Конечно, въ отвѣтъ на это письмо графиня выразила императору свою глубокую благодарность въ нѣсколькихъ словахъ. Это была послѣдняя переписка между означенными лицами, и въ архивѣ почти рядомъ съ послѣднимъ письмомъ находится трогательное воззваніе князя Петра Волконскаго отъ 11 декабря 1825 г. по случаю неожиданной смерти Александра Павловича. «Да, любезный другъ,—пишетъ онъ,—наша потеря неисчислима не только въ Россіи, но и для всего, свѣта. Пусть всѣ говорятъ, что хотятъ, но надо отдать справедливость покойному, что по своей твердости и ангельскому характеру онъ въ продолженіе

двухъ лѣтъ поддерживалъ миръ, что только теперь вполнѣ оцѣнится. Я убѣжденъ, что это ужасное извѣстіе будетъ громовымъ ударомъ для всѣхъ европейскихъ государствъ. Твердость и покорность, съ которыми перенесла свое несчастіе бѣдная императрица Елизавета, превосходятъ всякое изумленіе».

О кровавомъ декабрьскомъ событіи въ архивѣ графа Нессельроде имѣется мало документовъ и вообще въ послѣдующіе два года мало помѣщено какъ документовъ, такъ и писемъ отъ близкихъ къ Нессельроде лицъ. Окончаніе шестого тома составляютъ небольшія записки Шредера изъ Парижа, адресованныя графинѣ Нессельроде.

Седьмой томъ архива графа Нессельроде, относящійся до европейскихъ событій отъ 1828 г. до 1839 г., интересуется не только русскихъ, но и иностранцевъ. Во время турецкой войны 1828 г. графъ Нессельроде почти ежедневно сообщалъ женѣ свѣдѣнія о томъ, что дѣлалось при главной квартирѣ русской арміи въ Турціи, гдѣ императоръ Николай находился не только со своей ближайшей свитой и своими дипломатическими дѣятелями, но также и иностранными послами, какъ французскимъ, герцогомъ Мортемаромъ, такъ и английскимъ, лордомъ Питесбурри, датскимъ—графомъ Блумъ и шведскимъ—графомъ Пальместирна. Послѣднее обстоятельство доказывало туркамъ, что между иностранными послами и Россіей былъ полный союзъ противъ Порты. Эта война, которая, очевидно, не могла кончиться иначе, какъ побѣдой русскихъ, ознаменовалась Адрианопольскимъ миромъ, по которому Турція отдавала Россіи устье Дуная и признавала независимость Греціи. Что касается герцога Мортемара, то, по словамъ Нессельроде, Николай Павловичъ обращался съ нимъ очень хорошо и всѣ близкія къ нему лица выказывали также сочувствіе герцогу, но Нессельроде откровенно сознается, что Мортемаръ не отличается большими способностями и вообще заставляетъ всѣхъ сожалѣть о прежнемъ представителѣ Лаферроне.

«Ты меня спрашиваешь, — пишетъ женѣ Нессельроде:—отчего мы такъ тихо подвигаемся впередъ въ военныхъ дѣйствіяхъ; но на этотъ вопросъ не легко отвѣчать и ты позволишь мнѣ объяснить его на словахъ послѣ моего возвращенія». Наконецъ въ концѣ сентября Варна сдалась на капитуляцію, и вслѣдствіе этого важнаго событія императоръ Николай съ Нессельроде и всей своей свитой вернулся въ Россію. Въ слѣдующемъ году графиня Нессельроде отправилась во Францію и какъ изъ Парижа, такъ и Діеппа писала письма къ мужу, а въ 1830 г., посѣтивъ Англію, находилась въ близкихъ сношеніяхъ съ тогдашнимъ первымъ министромъ лордомъ Греемъ и русскимъ, вторымъ послѣ князя Ливена, посланникомъ Матусевичемъ, вслѣдствіе чего она постоянно сообщала мужу обо всемъ, что происходило. Впрочемъ, онъ находился въ очень интимной перепискѣ съ княгиней Ливень. Такъ, между прочимъ, 1 февраля 1831 г. онъ писалъ ей: «Боже мой! милая княгиня, какъ ваши письма интересны! Какій они составляютъ драгоценный матеріалъ для исторіи, и я завидую своимъ дѣтямъ, что они будутъ имѣть удовольствіе читать ваши мемуары. Но признаюсь, вы только что вышли торжествующей изъ очень серьезнаго кризиса. Я еще не хочу громко провозглашать побѣды, но мнѣ кажется, что мы на хорошемъ пути. Мы можемъ сказать только «аминь» всему, что вы дѣлаете, и спокойно дожи-

даться результатовъ. Милая княгиня, пока мы живемъ, не будетъ ни минуты покоя на семь свѣтъ, и поэтому успѣшимъ окончить дѣла бельгійскія и польскія. Пожалуй, черезъ два мѣсяца будетъ уже поздно. Прощайте, милая княгиня, пишите мнѣ какъ можно чаще; ваши письма служатъ для меня наслажденіемъ».

Тридцатые годы XIX вѣка ознаменовались болѣе или менѣе крупными и мелкими событіями, въ особенности июльской катастрофой, замѣной во Франціи Бурбоновъ Орлеанами и учрежденіемъ въ Бельгіи независимой монархіи Леопольда I. Но архивъ Нессельроде не упоминаетъ объ этихъ событіяхъ ничего новаго или замѣчательнаго; поэтому упомянемъ только о письмѣ извѣстной русской католички г-жи Свѣчиной къ графинѣ Нессельроде о не нравившейся ей свадьбѣ великой княжны Маріи Николаевны съ бонапартистомъ, принцемъ Лейхтенбергскимъ, и о благоденственномъ времени католической церкви въ эпоху Людовика-Филиппа. Наконецъ къ 1839 г. относится переписка канцлера Нессельроде съ русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, барономъ Мейендорфомъ, гдѣ обнаружены подробности всѣхъ тайнъ иностранной политики Россіи того времени.

— Луи Лежэ о Гоголевскомъ юбилеѣ.—Отголоски юбилея Гоголя появились на страницахъ «Nouvelle Revue» въ статьѣ извѣстнаго слависта Луи Лежэ. Вспоминая, что когда въ 1867 г. французское министерство народнаго просвѣщенія, подъ предлогомъ недостатка въ деньгахъ, отказало ему въ суммѣ, необходимой для поѣздки на московскій конгрессъ естественныхъ наукъ, оно относилось къ Россіи пренебрежительно. Отсутствие денегъ было предлогомъ, прикрывавшимъ предрасудки французовъ, царившіе при Наполеонѣ III, согласно которымъ у Россіи нечему было научиться и нѣтъ никакого интереса сблизиться съ нею. Однако война 1870 г. измѣнила это мнѣніе. Только при Тьерѣ Франція поняла, насколько въ ея интересахъ изучить Россію, до тѣхъ поръ пренебрегаемую ею. Поэтому въ 1874 г. Лежэ поручили отправиться съ ученой миссіей въ Россію, которую Наполеонъ III слѣпо отвергалъ и систематически не вѣдалъ. Въ то же время на открытіе этой terra incognita отправились Альфредъ Рамбо, вывезшій оттуда свою прекрасную исторію Россіи, и Анатоль Леруа Болье, собравшій первыя свѣдѣнія для своего большаго труда «Empire des Tsars». Этотъ годъ можетъ служить въ исторіи датой начала моральныхъ сношеній Франціи и Россіи. Въ томъ же году Лежэ участвовалъ въ празднованіи двухсотлѣтія со дня рожденія Петра и на политехнической выставкѣ, свидѣтельствовавшей о промышленномъ развитіи русскихъ, о которыхъ французы имѣють, по выраженію Лежэ, «такое странное понятіе».

Черезъ девятнадцать лѣтъ авторъ въ качествѣ делегата отъ французскаго министерства народнаго просвѣщенія присутствовалъ на открытіи памятника Пушкину и былъ единственнымъ представителемъ не только Франціи, но и всей Европы. По мнѣнію Лежэ, подобныя миссіи, хотя чисто интеллектуальныя, быть можетъ, способны разсѣять нѣкоторыя недоразумѣнія между народами и подготовить сближеніе, необходимое въ силу вещей, но выгоды кото-

1) Les Fêtes de Gogol à Moscou. Par Louis Léger. «La Nouvelle Revue». 1909.

раго ни въ Парижѣ, ни въ Петербургѣ еще хорошо не поняли. Лежэ говоритъ, насколько живо осталось воспоминаніе объ этихъ юбилейныхъ дняхъ, проведенныхъ въ обществѣ Достоевскаго и Тургенева двадцать восемь лѣтъ тому назадъ. Послѣ этого юбилея авторъ не мечталъ вернуться въ Москву, когда въ 1896 г. по приглашенію редактора «Revue Général des Sciences» Оливье, устроившаго во время посѣщенія Россіи президентомъ Форомъ увеселительную экскурсію туристовъ въ Петербургъ, онъ снова попалъ въ Россію. По совѣту Лежэ, маршрутъ былъ увеличенъ до Москвы и Нижняго Новгорода, гдѣ въ то время была ярмарка. Поѣздка удалась, и авторъ дорогой расхваливалъ «свою дорогую Москву». Французскіе гости оставили память объ этомъ посѣщеніи, возложивъ вѣнокъ на памятникъ Пушкину. Такимъ образомъ, посѣщенія Луи Лежэ Россіи каждый разъ связаны съ какимъ-нибудь историческимъ эпизодомъ. Послѣднимъ изъ нихъ было торжественное объявленіе союза съ Франціей, который, по его выраженію, съ тѣхъ поръ служитъ могущественной пружиной европейской политики. Послѣ этого посѣщенія Россіи авторъ статьи, ссылаясь на свои годы и значительныя затраты, не рассчитывалъ болѣе видѣть «matouchki Moskvі», какъ снова ему представился случай побывать въ ней на юбилеѣ Гоголя.

На этотъ разъ въ особенности Франція отозвалась на приглашеніе московскаго литературнаго общества и московскаго университета. Французская академія впервые со своего основанія рѣшила послать представителя въ далекую Россію. Ея делегатомъ явился, какъ извѣстно, Мельхіоръ де-Вогюэ. Академія надписей присоединила къ нему и Луи Лежэ, академія художествъ М. Бернье, извѣстнаго архитектора «Комической Оперы», еще ни разу не бывавшаго въ Россіи, академія наукъ — г. Бигурдана, отъ академіи наукъ представителемъ былъ избранъ Анатоль Леруа Болье, но онъ въ это время путешествовалъ на Востокъ и не могъ присутствовать въ Москвѣ.

Впечатлѣніе, вынесенное Луи Лежэ изъ посѣщенія Россіи, очень лестно для его русскихъ друзей. Французскій гость чувствовалъ себя не на чужбинѣ, и съ трудомъ могъ вообразить, что перемѣнилъ родину. Въ Петербургѣ его встрѣтили тѣ же дружескія лица, и только улицы перемѣнили названія. На вокзалъ явились нѣкоторые изъ бывшихъ ученицъ Сорбонны, и одна изъ нихъ на другой день привела къ нему своего жениха, молодого блестящаго офицера. Вообще русскимъ дѣвушкамъ Лежэ курить оиміамъ. «По правдѣ сказать, — говоритъ галантный французъ: — я ничего не знаю любезнѣе русскихъ молодыхъ дѣвушекъ, когда онѣ обладаютъ всѣми чарами ихъ пола, не присоединяя къ нимъ пороковъ или даже добродѣтелей нашихъ дѣвушекъ. Онѣ гораздо менѣе жеманны, чѣмъ молоденькія французенки, для которыхъ мужчина, даже съ сѣдыми волосами, существо болѣе или менѣе опасное. Я никогда не находилъ у нашихъ соотечественницъ ничего, что походило бы на хорошее, здоровое, искреннее расположеніе русскихъ дѣвушекъ. Это такъ же вѣрно относительно молодой дѣвочки въ коротенькихъ рукавчикахъ и въ короткой юбкѣ, какъ о взрослой барышнѣ-невѣстѣ и молодой замужней женщинѣ. Оля, Аля, Вѣрочка, молодой дѣвушки, которыхъ я когда-то видѣлъ младенцами или маленькими дѣвочками и которыхъ не забыли нашихъ партій въ крокетъ, съ какой радостью я

вижу васъ теперь съ вашими свѣжими улыбками, остроумной веселостью, вашимъ дружескимъ расположеніемъ. Между удовольствіемъ провести съ вами семейно два вечера или видѣть и слышать артистовъ императорскихъ театровъ я ни минуты не колебался бы выбрать первое, и еслибы мнѣ пришлось, я пожертвовалъ бы для васъ всѣми Шалапиными и всѣми Кшесинскими. Баритоны, теноры, балеты—все это выставочное и оплачивается деньгами. Но что не можетъ ни выставяться, ни оплачиваться—это прелесть русскаго очага, безконечная добрая прелесть этихъ восхитительныхъ существъ, у которыхъ воспитаніе не убило чувствительности и умъ не боится быть обманутымъ сердцемъ».

Но, восхваляя такъ благовоспитанныхъ русскихъ дѣвушекъ, Лежэ слишкомъ строго относится къ бѣднымъ провинціалкамъ, учащимся въ Сорбоннѣ, «невоспитаннымъ, нечесанымъ, невытымъ, изъ Уфы, Каширы или Кяхты, напичканнымъ ученьемъ, плохо перевареннымъ, не знающимъ ни исторіи, ни социальныхъ законовъ, ни приличій, являющимся въ Парижъ изучать римское право и коды Наполеона для преобразованій условій жизни мужика, традиціонной организациі Россіи и даже всего человѣчества». «Да хранить Богъ,—воскликаетъ онъ,—встрѣтитъ такихъ русскихъ, а если вы будете имѣть это несчастіе, берегитесь судить по нимъ обо всѣхъ русскихъ женщинахъ».

Петербургъ Лежэ нашелъ попрежнему веселымъ, шумнымъ и блестящимъ, какъ и прежде. Его особенно поразило необыкновенное развитіе электрическихъ трамваевъ. Онъ находитъ, что храмъ въ память Александра II слишкомъ пышенъ, богатъ и блестящъ, чтобы напоминать церковь въ память столь печальнаго событія. «Быть можетъ,—по его словамъ:—когда время и копотъ отъ восковыхъ свѣчей затемнятъ, затушаютъ досадный блескъ слишкомъ пышныхъ украшеній, тогда онъ будетъ соответствовать своему назначенію. Признаюсь, не такой представлялъ я себѣ церковь въ память усопшаго».

Посвятивъ болѣе страницы коллекционеру Петру Ивановичу Щукину, Лежэ замѣтилъ, что русскіе извозчики, какъ грибы послѣ дождя, шныряютъ вездѣ, не то, что въ Парижѣ, гдѣ для нихъ опредѣлено мѣсто стоянки. Одинаково его удивило отсутствіе тарифа за проѣздъ, что особенно неудобно для иностранца. Москва въ Восточной Европѣ, по мнѣнію Лежэ, самый значительный изъ французскихъ центровъ, и отдѣлъ общества французскаго союза процвѣтаетъ болѣе всего въ Москвѣ. Какъ извѣстно, цѣль этого общества—пропагандировать французскій языкъ, и недавно оно открыло читальный залъ, гдѣ получаютъ журналы; оно преподаетъ даромъ своимъ членамъ грамматику, литературу и пѣніе, устраиваетъ конференціи, театральныя представленія и даже путешествія во время вакацій. Президентомъ этого общества состоитъ французскій генеральный консулъ. Парижскій центральный совѣтъ съ симпатіей слѣдитъ за развитіемъ этого учрежденія и поручилъ Лежэ въ знакъ уваженія передать двѣ серебряныя медали, которыя предназначались для двухъ членовъ союза, изъ старыхъ голосованіемъ ихъ коллегъ. Союзъ также принялъ участіе въ чествованіи памяти Гоголя и рѣшилъ послать на церемонію открытія памятника депутацию для прочтенія адреса и возложенія серебряной пальмовой вѣтки на подножье памятника. Съ общаго согласія медали были переданы казначею и бібліотекарю союза. Французская колонія просила Лежэ устроить конферен-

цію, но свобода слова еще не существуетъ въ Россіи, говорить онъ, а предупредить по крайней мѣрѣ за четыре дня онъ не имѣлъ времени.

По поводу затраты денегъ на празднество Лежэ восклицаетъ: «Часть своей жизни Гоголь боролся съ нищетой; ахъ, если бы онъ могъ напитать пламя своего генія нѣсколькими частицами этихъ тысячъ рублей, которыя завтра потратятся для его чествованія!»

Памятникъ произвелъ на Лежэ неприятное впечатлѣніе. «Не знаю, — говоритъ онъ: — кто авторъ этого памятника, но очень боюсь, не Родѣнь ли его вдохновилъ и авторъ взялъ у него только дурныя стороны его генія».

Въ заключеніе Лежэ говоритъ, что русская литература въ три различные пріема послужила случаемъ для проявленія манифестацій, которыя заставили вспыхнуть симпатіи двухъ великихъ народовъ: въ 1881 году во время открытія памятника Пушкину, въ 1896 году, когда французскіе туристы отправились въ Москву для возложенія на статую поэта вѣнка съ трехцвѣтной лентой, и въ 1906 году, когда французскій институтъ, делегаты французскихъ университетовъ, члены французскаго союза и генеральный консулъ Франціи принесли въ память Гоголя и въ честь русской литературы братскій привѣтъ дружественной и союзной страны.

— Убыль коренного населенія Соединенныхъ Штатовъ. — Грозная перспектива уменьшенія народонаселенія пугаетъ не одну Францію: коренные жители Соединенныхъ Штатовъ тоже забили тревогу, и по этому поводу Фредерикъ Л. Гофманъ напечаталъ статьи въ «North American Review». Собственно говоря, уменьшеніе народонаселенія не можетъ угрожать Соединеннымъ Штатамъ, настолько великъ процентъ ежегодно прибывающихъ иностранцевъ, но это народонаселеніе совершенно заглушитъ природныхъ американцевъ, процентъ народоженія которыхъ значительно уменьшается въ сравненіи съ эмигрантами. Тѣ жители Америки, которые поселились въ Соединенныхъ Штатахъ нѣсколько поколѣній тому назадъ и потому считаются настоящими американцами, составляя остовъ американской націи, имѣютъ очень мало дѣтей или даже вовсе не имѣютъ ихъ. Между тѣмъ именно этимъ семьямъ надлежитъ играть важную и благотворную роль руководителей и администраторовъ страны, поддерживать неприкосновенными національныя традиціи, воплощать «американскій духъ» въ глазахъ Европы и эмигрантовъ и американизировать по возможности скорѣе всѣ эти орды пришельцевъ, какія Европа ежегодно выбрасываетъ на территорію Соединенныхъ Штатовъ. Поэтому угасаніе коренныхъ американскихъ семействъ, часто совершенно прекращающихся черезъ нѣсколько поколѣній, не можетъ не тревожить американцевъ.

Согласно послѣднимъ свѣдѣніямъ, бѣлое населеніе Соединенныхъ Штатовъ составляетъ круглую цифру: 41 милліонъ рожденныхъ отъ чисто американскихъ родителей, 5 милліоновъ отъ американцевъ-отцовъ и иностранокъ-матерей или наоборотъ и 21 милліонъ отъ сыновей иностранцевъ. Изъ статистики видно, что замужнихъ женщинъ бѣлой расы было: 7.262.000 родившихся въ Америкѣ отъ американскихъ родителей и 280.000 родившихся за границей. Пропорція замужнихъ женщинъ въ возрастѣ, когда можно имѣть дѣтей, менѣе среди американокъ по рожденію, чѣмъ среди иностранокъ, что авторъ доказываетъ цифрами.

Напримѣръ, въ штатѣ Массачусеттсѣ, славящемся наиболѣе чистокровными американскими семьями, отъ 1900—5 гг. на тысячу женщинъ, рожденныхъ въ Америкѣ и находящихся въ возрастѣ отъ 15 до сорока пяти лѣтъ, бывало ежегодно 63 новорожденныхъ; между тѣмъ тамъ же женщины, рожденныя внѣ Америки, даютъ 143 новорожденныхъ—вдвое болѣе коренныхъ жительницъ. Изъ статистики видно, что эта разница все болѣе увеличивается.

Въ Нью-Гемпширѣ и Родъ-Исландѣ на тысячу женщинъ отъ 13 лѣтъ до 45 лѣтъ, рожденныхъ въ Америкѣ, 716 замужнихъ, и количество ихъ дѣтей среднимъ числомъ 2,06; на тысячу женщинъ иностраннаго происхожденія 825 замужнихъ, и у нихъ среднее количество поворожденныхъ—5,35. Триста восемьдесятъ женщинъ на тысячу имѣютъ трехъ дѣтей, среди коренныхъ американокъ послѣднія же только въ количествѣ 198 имѣютъ трехъ дѣтей. Такимъ образомъ, если бы не эмигранты, Соединеннымъ Штатамъ грозило бы уменьшеніе народонаселенія. Въкъ тому назадъ Виглесвортъ и Дэрби въ Соединенныхъ Штатахъ, и не разчитывая на эмиграцію, которая въ то время была ничтожна, предсказывали своей странѣ на 1900 годъ большее количество народонаселенія, чѣмъ то, что имѣется теперь даже при многомилліонномъ наплывѣ эмигрантовъ.

Авторъ задается вопросомъ: какая причина такого прогрессивнаго уменьшенія кореннаго народонаселенія? Это объясняется эгоизмомъ, низкимъ матеріальнымъ расчетомъ и женскимъ кокетствомъ. Семьи, которыя не желаютъ имѣть болѣе одного ребенка, все увеличиваются въ количествѣ, и это явленіе не только, по мнѣнію автора, плачевно въ отношеніи численности американскихъ гражданъ, но и съ точки зрѣнія ихъ качествъ, такъ какъ, по наблюденіямъ социологовъ Бобаннона, Арсена Дюмона и другихъ, единственный сынъ въ среднемъ гораздо слабѣе здоровьемъ въ немъ менѣе живости и понятливости, чѣмъ дѣти, у которыхъ есть братья и сестры. Онъ не такъ хорошо воспитанъ, избалованнѣе, обыкновенно лѣнивѣе, менѣе мужественъ и менѣе уважаетъ родителей. Большинство гениальныхъ или талантливыхъ людей не были ни старшими, ни единственными сыновьями; большая часть изъ нихъ были послѣдними или предпослѣдними послѣ многочисленныхъ братьевъ и сестеръ, какъ, напримѣръ: Рембрандтъ, Рубенсъ, Вагнеръ, Моцартъ, Веберъ, Шубертъ, Шуманъ. Кольриджъ, Рейнольдъ, Жоржъ Эллиотъ, Франклинъ.

С М Ъ С Ъ.

РАЗДНОВАНІЕ 200-лѣтія основанія Петергофа. Свыше 200 лѣтъ тому назадъ Петръ Великій устроилъ на взморѣ, верстахъ въ 20 отъ Петербурга, небольшую пристань, откуда переправлялся на островъ Котлинъ въ Кронштадтъ. Въ 1709 г. на возвышенномъ берегу, вблизи пристани державный основатель Петербурга заложилъ «двѣ свѣтлицы», чтобы въ нихъ «пережидать непогоду». Возлѣ «заѣзжаго дома» вскорѣ образовался небольшой поселокъ для рабочихъ, работавшихъ на пристани. Это селеніе и стало ядромъ будущей лѣтней резиденціи русскихъ монарховъ — Петергофа. Къ концу 1709 г. Петръ Великій, какъ гласитъ преданіе, по мысли Екатерины, построилъ рядъ «забавныхъ» дворцовъ — Монплеизиръ, Монбизу, Эрмитажъ и др. Съ тѣхъ поръ Петергофъ сталъ разрастаться. Екатерина II, Павелъ и другіе государи построили на мѣстѣ рабочаго поселка рядъ новыхъ роскошныхъ дворцовъ, разбили великолѣпные парки, устроили фонтаны, и Петергофъ сталъ однимъ изъ уютнѣйшихъ и красивѣйшихъ уголковъ вблизи невской столицы. Официальное юбилейное торжество началось въ 10^{1/2} час. 29 іюня литургіей въ церкви большого Петергофскаго дворца, доступъ куда былъ открытъ по особымъ билетамъ. Къ 11 час. небольшая церковь и балконъ, соединяющій ее съ внутренними покоями дворца, были полны приглашенныхъ. Много дамъ, въ свѣтлыхъ платьяхъ, и военныхъ. Въ церкви находились высшіе придворные чины и чины мѣстнаго дворцоваго управленія, депутація Петербурга, Царскаго Села, Ораніенбаума и др. Около половины двѣнадцатаго къ дворцовой церкви прибыли крестные ходы изъ другихъ церквей Петергофа и расположились на дворѣ съ хоругвями и иконами. Въ 12 час., по окончаніи литургіи, духовенство придворной церкви присоединилось къ крестному ходу, и соединенные крестные ходы направились къ дворцу

Монплезирь. По обѣимъ сторонамъ пути были разставлены рѣдкой цѣпью солдаты и конвойные казаки въ фиолетовыхъ черкескахъ (безъ оружія). За духовенствомъ длинной вереницей потянулись приглашенные. Развѣвующія хоругви, блестяція ризы духовенства, свѣтлыя платья дамъ, разнообразное шитье на мундирахъ придворныхъ, красивыя тужурки военныхъ, залитыя лучами солнца,—представляли очень красивое зрѣлище. Расположенные по пути хоры военной музыки играли «Коль славень». Крестный ходъ направился по большой аллеѣ-спуску, мимо водопадовъ у Шахматной горки, мимо памятника Петру Великому, къ Монплезиру, построенному Петромъ. Подъ открытымъ небомъ на площадкѣ, покрытой ковромъ, былъ отслуженъ соборнымъ духовенствомъ молебень. По возглашеніи многолѣтія Государю Императору и августѣйшей семьѣ было трижды провозглашено многолѣтіе Петергофу и всѣмъ его жителямъ. Въ это время раздавался салютъ въ 21 выстрѣлъ. Послѣ молебна началось чтеніе адресовъ. Первымъ прочелъ адресъ отъ гор. Петербурга городской голова Н. А. Рѣзцовъ. «Связь между городами, дѣтищами Великаго основателя,—громко читалъ Н. А.,—неразрывна. Въ ознаменованіе сей неразрывной связи и на память о столь знаменательномъ днѣ гор. С.-Петербургъ приносить гор. Петергофу въ даръ изображеніе державнаго основателя, Великаго Петра. Да процвѣтаетъ гор. Петергофъ во славу Петра и на благо великой Россіи». Тушъ. «Съ чувствомъ глубокаго уваженія къ сѣдой старинѣ» поднесъ городской голова В. Гуляевъ «лѣтней резиденціи своихъ монарховъ» адресъ Кронштадта. Адресъ же поднесъ и «достойному памятнику своего основателя» городской голова Ораніенбаума. Царскосельскій ратманъ В. М. Яковлевъ передалъ затѣмъ адресъ и «братскій поклонъ» Царскаго Села. «Предки государевы,—говорится въ этомъ адресѣ,—много вѣковъ бились съ врагами сильнѣйшими за искони русское побережье Котлинскаго озера и Невы. Петръ Великій, вернувъ Россіи отторгнутое достояніе предковъ, завершилъ дѣло, земной славой нѣкогда покрывшее святого витязя Невскаго. Заселился и расцвѣлъ край волею и трудами Великаго. Петръ заложилъ начало устроенію достойнаго величія Россіи лѣтняго государева пребыванія. Парское Село, гдѣ все напоминаетъ и Екатерину, и Благословеннаго, и царя-Освободителя, бьетъ челомъ на многая лѣта созданію державнаго саардамскаго плотника». Послѣ устнаго привѣтствія, переданнаго однимъ изъ чиновъ дворцоваго управленія отъ имени Августѣйшаго хозяина Павловска, привѣтствовалъ Петергофъ начальникъ придворнаго оркестра баронъ генераль Штакельбергъ. Начальникъ дворцоваго управленія и бургомистръ въ краткихъ словахъ благодарили всѣхъ привѣтствовавшихъ. Затѣмъ гостямъ и почетнымъ лицамъ былъ предложенъ отъ дворцоваго управленія завтракъ, сервированный à la fourchette на 600 персонъ въ рекреационномъ залѣ мѣстной гимназіи. На эстрадѣ на особомъ возвышеніи, убранномъ цвѣтами, былъ поставленъ подарокъ Петербурга—модель фальконетовскаго памятника Петру Великому. Когда подали шампанское, генераль Лермантовъ предложилъ тостъ за здравіе Государя Императора. Тостъ былъ покрытъ громкими кликами «ура» и требованіями гимна, исполненнаго нѣсколько разъ всѣми присутствующими подъ звуки военного оркестра. Съ такимъ же энтузіазмомъ былъ принятъ тостъ за Государыню Императрицу и наследника цесаревича. Н. А. Рѣзцовъ, передавая Петергофу подарокъ, ука-

заль, что Петербургу для «милаго дружка не жалко и сережки изъ ушка». Командантъ Петергофа генераль Паренсовъ предложилъ тостъ за процвѣтаніе Петергофа отъ имени мѣстнаго гарнизона. Завѣтныя желанія петергофцевъ высказалъ въ своемъ тостѣ мѣстный старожиль тайный совѣтникъ Черемисиновъ, который, въ теплыхъ словахъ поблагодаривъ гор. Петербургъ за привѣтствие и подарокъ, выразилъ надежду, что будетъ восстановлено пароходное сообщеніе между столицею и Петергофомъ, что должно, по его словамъ, «способствовать поднятію благосостоянія Петергофа, переживающаго временный упадокъ». Другой старожиль, д-ръ Марцинкевичъ, поднимая тостъ за посредника между Петергофомъ и высшей властью, начальника дворцоваго управленія, выразилъ надежду, что послѣдній окажетъ содѣйствіе не только «внѣшнему» преуспѣянію Петергофа, но и внутреннему его благополучію.

1-й всероссійскій съѣздъ издателей и книгопродавцевъ. 30 іюня въ Александровскомъ залѣ городской думы состоялось открытіе 1-го всероссійскаго съѣзда издателей и книгопродавцевъ. Въ члены съѣзда записалось свыше 100 книгопродавцевъ и около 50 издателей. Среди нихъ были также и женщины. Съѣздъ открылъ предсѣдатель комиссіи по устройству съѣзда Ѳ. В. Эттингеръ, который въ своей привѣтственной рѣчи призывалъ собравшихся къ дружной работѣ и полному объединенію не только въ виду личныхъ интересовъ, но также въ виду тѣсной связи развитія книжнаго дѣла съ подъемомъ общей культуры страны. Затѣмъ привѣтствовалъ начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати А. В. Бельгардъ, пригласивъ членовъ посѣтить устроенную имъ выставку произведеній печати. Министръ торговли и промышленности В. И. Тимирязевъ въ своей рѣчи указалъ на громадное значеніе книжнаго дѣла и выразилъ пожеланіе, чтобы въ Россіи побольше появлялось хорошихъ и дешевыхъ книгъ, нужныхъ для просвѣщенія народа. Далѣе съѣздъ привѣтствовали М. К. Лемке отъ имени русскаго общества книгопродавцевъ и издателей, Г. А. Фальборкъ отъ императорскаго вольно-экономическаго общества, И. К. Голубевъ отъ московскаго общества книгопродавцевъ, В. К. Сахаровъ отъ сибирскихъ книгопродавцевъ и др. Предсѣдателемъ съѣзда былъ избранъ членъ г. совѣта А. А. Ильинъ, его товарищами— А. Ф. Девріенъ и А. С. Панафидина и секретаремъ—А. С. Чемпковскій. Предсѣдателями секцій: книгопродавческой—М. К. Лемке; издательской—П. П. Луковниковъ. Вечеромъ въ этотъ день состоялся товарищескій обѣдъ, было много рѣчей, тостовъ, и отправлена гр. Л. Н. Толстому привѣтственная телеграмма. 1 іюля начались работы съѣзда по секціямъ. Въ этотъ день въ собраніи издателей были заслушаны доклады по вопросу о литературной конвенціи—Ѳ. В. Эттингера (Спб.) и И. П. Рапгофа (Спб.). Поставленный на баллотировку вопросъ о желательности литературной конвенціи большинствомъ 17 противъ 14, при 10 воздержавшихся, рѣшенъ утвердительно. Затѣмъ постановлено войти съ ходатайствомъ въ надлежащія правительственныя учрежденія, чтобы въ будущемъ всѣ вопросы, касающіеся авторскаго права, обсуждались при участіи издателей, уполномоченныхъ на то правленіемъ русскаго общества издателей и книгопродавцевъ. Послѣ доклада В. А. Краидіевскаго «О коллективномъ библиографическомъ органѣ печати издателей и книгопродавцевъ» признано желательнымъ устройство карточнаго каталога при «Книжномъ Вѣстникѣ» и приорорвленіе

«Книжной Лѣтописи», издаваемой главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати, къ практическимъ потребностямъ книгопродавцевъ. Кромѣ того, постановлено ходатайствовать объ изданіи на государственныя средства полнаго научно-библиографическаго каталога всѣхъ книгъ на всѣхъ языкахъ, изданныхъ въ Россіи за послѣднія 30 лѣтъ. Въ книгопродавческой секціи были заслушаны доклады о расширеніи книгопродавческаго кредита: г-жи Яичевой (Пятигорскъ), г. Махлина (Витебскъ), г. Гиришова (Вильна) и г. Браилова (Екатеринославъ). Эти доклады вызвали продолжительныя пренія, послѣ которыхъ была вынесена обширная резолюція изъ 8 пунктовъ. Наиболѣе интересны слѣдующіе пункты: 1) существующія формы книгопродавческаго кредита признаются достаточными; 2) безусловно необходимо предоставленіе книгопродавцамъ права возврата и обмѣна товара; установлены подробныя правила возврата и обмѣна; 3) весьма желательно устройство общества взаимнаго кредита издателей и книгопродавцевъ; 4) полнаго одобренія заслуживаетъ проектъ кредитнаго бюро, составленный комиссіей по выработкѣ новаго устава общества и утвержденный общимъ собраніемъ русскаго общества издателей и книгопродавцевъ. Кромѣ того, вынесены слѣдующія резолюціи: на учебныя и научныя книги издательская скидка должна быть повышена до 25 проц., на остальные книги (кромѣ изданныхъ съ благотворительной цѣлью) до 30 проц. По предложенію московскаго общества книгопродавцевъ, признано необходимымъ скидку столичныхъ книгъ поднять до уровня скидки провинціальныхъ книгопродавцевъ. Въ этотъ же день книгопродавческая секція выразила пожеланіе, что книги явно не научнаго характера, и направленные на удовлетвореніе низменныхъ вкусовъ широкой публики совершенно недопустимы на книжномъ рынкѣ. 2 іюля въ издательской секціи говорили объ организаціи газетныхъ объявленій по книжной торговлѣ. Рѣшено въ отдѣльныхъ городахъ Россіи выбрать опредѣленные органы печати для помѣщенія объявленій, войти въ соглашеніе съ редакціями для полученія максимальной скидки въ 50%, объ упорядоченіи редакціонныхъ рецензій и т. д. По этому дѣлу будутъ сдѣланы также сношенія съ «Правительственнымъ Вѣстникомъ». Признано необходимымъ устроить коллективныя объявленія о новыхъ книгахъ за возможно меньшую плату. Въ книгопродавческой секціи Я. М. Гессенъ (Спб.) прочелъ докладъ объ «уголовной отвѣтственности книгопродавцевъ». Всѣ положенія этого доклада, отмѣчающія ненормальное положеніе книгопродавческаго дѣла въ Россіи, приняты единогласно. Также были приняты и внесенныя г. Варшавскимъ (Москва) слѣдующія добавленія: согласно первоначальной редакціи ст. 129 уг. ул., необходимо установить, чтобы привлеченіе къ уголовной отвѣтственности за преступленія, совершенныя при помощи печати, имѣло мѣсто лишь при доказанности, что виновный имѣлъ въ виду специальную цѣль пропаганды, специальное намѣреніе возбудить къ учиненію дѣяній, предусмотрѣнныхъ 129 ст. Возбужденіе этого преслѣдованія допускается въ теченіе одного лишь года со дня совершенія инкриминируемаго дѣянія. Затѣмъ было принято пожеланіе г. Назарова (Спб.) объ огражденіи торговыхъ книгъ издателей, складчиковъ и т. д. отъ временной или полной конфискаціи при полицейскихъ обыскахъ, на основаніи усиленной или чрезвычайной охранѣ. Въ этомъ же засѣданіи были заслушаны доклады: г. Селезнева (Бологое) «Объ уменьшеніи комиссіоннаго

вознагражденія при исполненіи заказовъ на постороннія изданія», г. Ложкина (Спб.) «Объ облегченіи для книгопродавцевъ находженія изданій» и г. Абморшева (Витебскъ) «Организація коллективныхъ объявленій и каталоговъ». Вечеромъ въ этотъ день состоялось соединенное собраніе издателей и книгопродавцевъ, на которомъ г. Ефимовъ (Москва) прочелъ докладъ о «правовомъ положеніи невовременной печати». Послѣ доклада была принята слѣдующія резолюція: довести до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ о частыхъ нарушеніяхъ закона чинами полиціи и жандармскими властями при арестѣ произведеній печати и ходатайствовать о прекращеніи подобнаго явленія. Послѣ докладовъ Ѳ. В. Эттингера (Спб.) «О скидкѣ частнымъ лицамъ» и «О земскихъ книжныхъ складахъ» было постановлено, что скидка частнымъ лицамъ должна быть отмѣнена, выдача премій—тоже. Скидку въ размѣрѣ 10% можно дѣлать лишь студенческимъ организаціямъ, народнымъ учителямъ и учительницамъ, просвѣтительнымъ и прогрессивнымъ организаціямъ—безъ права перепродажи—учебнымъ заведеніямъ, мѣщанскимъ, городскимъ и ремесленнымъ учрежденіямъ, наконецъ—библіотекамъ и читальнямъ. Скидку свыше 10% необходимо, въ видѣ исключенія, сдѣлать всемъ народнымъ бесплатнымъ читальнямъ, безъ права перепродажи, а въ 15%—крестьянскимъ обществамъ и публичнымъ библіотекамъ. 3 іюля книгопродавческая секція единогласно приняла постановленіе объ изданіи на средства лицъ, прикосновенныхъ къ издательскому и книгопродавческому дѣлу, каталога вышедшихъ въ послѣднія 30 лѣтъ книгъ, приспособленнаго къ практическимъ нуждамъ издателей и книгопродавцевъ. Относительно земскихъ книжныхъ складовъ признало справедливымъ дѣлать имъ скидку въ 10%, но безъ права перепродажи. Въ издательской секціи Н. П. Карбасниковъ (Спб.) прочелъ докладъ «О нормальномъ типѣ комиссіонной квитанціи». Въ соединенномъ собраніи обѣихъ секцій М. К. Лемке (Спб.) сообщилъ о «Профессиональномъ объединеніи издателей и книгопродавцевъ», предлагая съ этой цѣлью переработать уставъ русскаго общества издателей и книгопродавцевъ, которое и должно служить объединяющимъ началомъ. Созваніе всероссійскихъ съездовъ должно происходить черезъ каждые два года, а областныхъ—не рѣже одного раза въ годъ. 4 іюля секція издателей постановила слѣдующее. Все издатели должны доставлять въ лигу образованія по одному экземпляру своихъ книгъ по педагогикѣ, философіи, психологіи, учебниковъ, дѣтскихъ и народныхъ книгъ. О каждой переводной книгѣ, появляющейся въ Россіи впервые, необходимы публикаціи въ «Книжномъ Вѣстникѣ». Дешевыя народныя изданія должны быть выпускаемы на книжный рынокъ хорошо сброшюрованными и въ прочныхъ переплетахъ. Затѣмъ единогласно былъ принятъ докладъ петербургскаго городского головы Н. А. Рѣцова «О нормальныхъ форматахъ бумаги за границей и объ установленіи ихъ въ Россіи». Въ книгопродавческой секціи былъ прочитанъ специальный докладъ о торговлѣ учебниками. Послѣ доклада было сообщено, что 27 іюня министромъ народнаго просвѣщенія сдѣлано распоряженіе попечителямъ учебныхъ округовъ о томъ, чтобы книгопродавцамъ была предоставлена возможность получать отъ учебныхъ заведеній необходимыя имъ свѣдѣнія относительно учебныхъ руководствъ и пособій. Было высказано пожеланіе, что разрѣшительный порядокъ открытія книжныхъ магазиновъ слѣдуетъ замѣнить

явочнымъ. Затѣмъ постановлено ходатайствовать передъ министерствомъ торговли и промышленности о пониженіи принятаго процента чистой доходности книжныхъ предприятий. Въ соединенномъ собраніи издатели категорически протестовали противъ предложенія книгопродавцевъ опредѣлить скидку на учебники не менѣе 25°/, на другія книги—не менѣе 30°/, и соглашеніе не состоялось. Было заслушано нѣсколько докладовъ о профессиональномъ объединеніи, объ организациі справочныхъ бюро, подготовкѣ служащихъ книжнаго дѣла и т. д. Представитель литературнаго фонда А. С. Пругавинъ, сообщивъ съѣзду «О контрафакціяхъ послѣдняго времени», предложилъ съѣзду предавать широкой огласкѣ фамиліи лицъ, занимающихся контрафакціей, оказывать всевозможное моральное и нравственное воздѣйствіе въ подобныхъ случаяхъ и, наконецъ, намѣтить практическія мѣры борьбы съ этимъ зломъ. 5 іюля состоялось заключительное общее собраніе. Баллотировались всѣ выработанныя резолюціи (около 100); почти всѣ онѣ принимались единогласно. Обсужденіе вопроса о литературной конвенціи отложено до второго съѣзда, который состоится въ Москвѣ въ 1911 г. Послѣ заключительнаго слова предсѣдателя А. А. Ильина съѣздъ былъ закрытъ. При съѣздѣ была устроена выставка учебныхъ руководствъ и пособій.

Музей при Александро-Невской лаврѣ. Въ Александро-Невской лаврѣ состоялось первое засѣданіе устроительнаго комитета всероссійскаго съѣзда художниковъ, принявшаго на себя трудъ по устройству при лаврѣ церковно-археологическаго музея, открытіе котораго приурочивается къ 200-лѣтнему юбилею лавры—въ 1913 году. Предсѣдателя комитета, гофмейстера графа А. А. Голицына-Кутузова, и членовъ комитета принялъ въ помѣщеніи музея намѣстникъ лавры о. архимандритъ Теофанъ. Комитетъ осмотрѣлъ превосходное башенное съ хорами помѣщеніе постройки временъ Елизаветы Петровны, въ которомъ ремонтъ подходитъ уже къ концу. Старая и новая ризницы лавры представляютъ собой богатѣйшее хранилище памятниковъ старины: на каждомъ шагу наталкиваешься на предметы замѣчательной, высокохудожественной работы, имѣющіе большую историко-археологическую цѣнность. Останавливаютъ на себѣ вниманіе раскрашенный по золотому фону орлами фельдмаршальскій боевой жезлъ Петра Великаго и его толстая, чернаго дерева, съ костянымъ рѣзнымъ набалдашникомъ «дубинка». Большую цѣнность представляетъ собой роскошная, золоченая, съ инициалами великаго императора, кровать, на которой въ свои пріѣзды въ лавру отдыхалъ царственный ея основатель. Замѣчательна бѣлая черепаховая трость Екатерины Второй съ толстой ручкой, украшенная гирляндами цвѣтовъ изъ золота. Великолѣпны митрополичьи жалованные посохи. Между ними есть рѣзные изъ слоновой кости и даже цѣльные золотые—дары императоровъ Александра I и нынѣ благополучно царствующаго Николая Александровича. Нѣсколько архіепископскихъ митръ, поражающихъ артистической работой, богатствомъ и красотой украшающихъ ихъ драгоценностей. Очень большое количество св. евангелій въ окладахъ изумительной ювелирной работы. Много рѣдкихъ миниатюръ, дивной работы епископскихъ гребней. Цѣлый рядъ медалей и подарковъ царствующихъ особъ. Великолѣпны золотые священные сосуды, подаренные митрополиту Антонію королевой Викторіей.

Замѣчательнѣе крестъ работы знаменитаго парижскаго ювелира Лалика—тоже подарокъ митрополиту Антонію. Удивительна по художественности исполненія золотая икона-барельефъ на ялпись-лазури—подарокъ лаврѣ папы Пія IV. Останавливаетъ на себѣ вниманіе образъ, которымъ Екатерина Вторая благословила на бракосочетаніе дочь свою. Необычайный историческій и художественный интересъ представляетъ превосходно расшитая звѣздами св. Александра Невскаго и инициалами Петра Великаго порфира, которою была 200 лѣтъ тому назадъ покрыта самимъ великимъ императоромъ рака съ мощами св. патрона лавры,—порфира, возложенная при перевезеніи мощей по Невѣ въ лавру. Тутъ же опущенная горностаемъ шапка, лежавшая на той же ракъ. Великолѣпны расшитыя золотомъ и серебромъ облаченія, священныя пелены, воздухи, плащаницы. Обзоръ законченъ былъ жалованными лаврѣ царственными особами каретами. Всѣ онѣ прекрасно сохранились. Среди нихъ останавливаетъ на себѣ вниманіе прекрасной работы розовая карета, подаренная лаврѣ Екатериной Второй. Очень интересенъ сервизъ работы Императорскаго Елизаветинскаго фарфороваго завода. Много замѣчательныхъ картинъ. Несомнѣнно, музей будетъ представлять собой рѣдкое научное историко-археологическое богатство, тѣмъ болѣе, что всѣ памятники прекрасно сохранились. Послѣ двухъ-часоваго осмотра всѣхъ этихъ памятниковъ, въ покояхъ отца намѣстника лавры, подъ почетнымъ его предѣдательствомъ, состоялось первое устроительное засѣданіе, на которомъ прочитанъ былъ подробный протоколъ осмотра, съ внесенными въ протоколъ предложеніями и пожеланіями членовъ комитета.

Гоголевскій музей. Въ сентябрѣ предстоитъ въ Нѣжинѣ открытіе Гоголевскаго музея при историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородка. Гоголевскій музей будетъ занимать пока одну изъ комнатъ обширной институтской библіотеки, въ которой во времена Гоголя помѣщались классы. Въ музей, украшенномъ бюстомъ Гоголя, рядомъ его портретовъ и вѣнковъ, возложенныхъ во время юбилейныхъ торжествъ на его памятникъ, собраны въ 2 витринахъ рукописи Гоголя и архивныя данныя гимназіи высшихъ наукъ эпохи Гоголя; изъ рукописей особенно цѣнными являются рукописи 1-го тома «Мертвыхъ Душъ» (римская редакція), «Тараса Бульбы» и «Портрета»; имѣются коллекціи писемъ Гоголя къ Прокоповичу и Максимовичу, а также самое раннее изъ нѣжинскихъ писемъ Гоголя къ родителямъ (не изданное; пожертвовано студентомъ Бутковымъ); среди архивныхъ данныхъ, помимо журналовъ конференціи, обращаютъ на себя вниманіе прошеніе В. А. Гоголя директору В. Кукольнику о приѣмѣ его сына въ число питомцевъ гимназіи высшихъ наукъ, отвѣтъ конференціи на это прошеніе, собственноручное прошеніе Гоголя, показаніе Гоголя по дѣлу о вольнодумствѣ профессоровъ и т. д. Весьма важной и интересной для изучающихъ Гоголя является коллекція учебниковъ, принятыхъ въ гимназіи высшихъ наукъ при Гоголѣ. Имѣются въ музеѣ различныя изданія сочиненій Гоголя, монографій о немъ, переводовъ Гоголя и т. д. Довольно богатымъ является отдѣлъ періодической юбилейной печати о Гоголѣ (1902 и 1909 гг.). Къ сожалѣнію, постоянная субсидія на пополненіе и содержаніе Гоголевскаго музея правленіемъ института пока не дало, и завѣдывающій музеемъ долженъ либо обращаться къ благотворительности почитателей Гоголя съ просьбою жертвовать книги, га-

зетныя и журнальныя статьи, портреты Гоголя и т. д. для музея, либо изыскивать средства на пополненіе Гоголевскаго музея путемъ изданія книжекъ и брошюръ въ пользу музея и т. д. Пожертвованія книгами и предметами по гоголевскому вопросу могутъ быть направляемы по адресу: Нѣжинъ, историко-филологическій институтъ, завѣдывающіму Гоголевскимъ музеемъ П. А. Заболотскому.

100-лѣтній юбилей со дня рожденія А. В. Кольцова. 9 октября исполняется сто лѣтъ со дня рожденія А. В. Кольцова. Академія наукъ уже начала готовиться къ празднованію этого юбилея. Предположено устроить спеціальную Кольцовскую выставку: его портреты, автографы, иллюстраціи къ произведеніямъ поэта, полныя собранія сочиненій, портреты современниковъ, книги и статьи о Кольцовѣ. Большинство экспонатовъ выставляеть сама академія. Комиссія по изданію академической бібліотеки русскихъ писателей, состоящая при разрядѣ изящной словесности, выпускаеть ко дню юбилея полное собраніе сочиненій Кольцова. Сюда войдутъ между прочимъ портретъ А. В. въ краскахъ работы Горбунова, съ гравюры Мертиновскаго, снимки съ памятника Кольцову въ Воронежѣ и съ автографовъ поэта, хранящихся въ Публичной бібліотекѣ. Особое приложеніе будетъ посвящено статьямъ о Кольцовѣ въ музыкѣ, объ иллюстраціяхъ къ его произведеніямъ, о всѣхъ предыдущихъ изданіяхъ, о рукописяхъ поэта. Будутъ собраны неизданныя стихотворенія и письма.

Статистическія свѣдѣнія по дѣламъ печати. На выставкѣ печатныхъ произведеній, устроенной главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати, появились новыя интересныя данныя о періодическихъ изданіяхъ 1908 года. По «возрасту» всѣ 2028 періодическихъ изданій, выходявшихъ въ Россіи въ истекшемъ году на разныхъ языкахъ, распредѣляются такъ: въ первый годъ выходили 684 изданія, во второй—350, въ третій—238, въ четвертый—67, въ пятый—36, Возрастъ 154 изданій достигъ 10 лѣтъ, 159—20 лѣтъ, 96—30 лѣтъ, 65—40 лѣтъ, 82—50 лѣтъ, 76—75 лѣтъ, 15—100 лѣтъ, 3—150 лѣтъ и, наконецъ, 3—182 лѣтъ. Какъ видно, больше половины всѣхъ изданій (1272) возникли послѣ 1905 года. Съ каждымъ годомъ число новыхъ изданій все увеличивается. По содержанію распредѣленіе періодическихъ изданій слѣдующее: общественно-политическихъ—826 (40,73 проц.), спеціальныхъ—454 (22,38 проц.) научныхъ—173 (8,53 проц.), религіозно-нравственныхъ—161 (8,00 проц.), литературно-художественныхъ—158 (7,80 проц.), справочныхъ—93 (4,53 проц.), по искусству и развлеченіямъ—73 (3,60 проц.), дѣтскихъ—49 (2,41 проц.) и военныхъ—41 (2,02 проц.). По городамъ періодическія изданія распредѣляются такъ: въ одномъ свыше 500, въ двухъ—отъ 100 до 300, въ четырехъ—отъ 50 до 100, въ шести—отъ 20 до 50, въ одиннадцати—отъ 11 до 20, въ двѣнадцати—отъ 5 до 6, въ 14—по 4, въ 15—по 3, въ 20—отъ 7 до 10, въ 31—по 2 и въ 62—по 1. Всего городовъ въ Россіи, въ которыхъ выходили печатныя періодическія изданія—178. По «издательствамъ» періодическія изданія дѣлились слѣдующимъ образомъ. Издавали: правительство—194 изд. (9,56 проц.), земства и города—42 (2,17 проц.), академіи—29 (1,43 проц.), научныя общества—69 (3,40 проц.), разныя общества—141 (7,00 проц.), частныя издательства—47 (2,30 проц.) и частныя лица—1506 (74,22 проц.).

Интересна на той же выставкѣ таблица распредѣленія книгъ по важнѣйшимъ книгоиздательствамъ .

По количеству выпущенныхъ сочиненій:

Сытинъ	718
Коноваловъ	249
«Посредникъ»	154
«Польза»	100
Вольфъ	81
Риккеръ	67
Суворинъ	66
Саблинъ	63
Девриенъ	62
«Знаніе»	39
«Шиповникъ»	36
«Общественная Польза»	24
«Прометей»	23
Сойкинъ	20
Скирмунтъ	16
«Освобожденіе»	14
«Современныя Проблемы»	14
«Гранатъ»	13
«Московское кп—во»	13

По количеству экземпляровъ:

Сытинъ	12.303,700
Коноваловъ	3.514,870
«Развлеченіе»	3.334,000
«Посредникъ»	1.661,770
«Польза»	1.074,000
«Шиповникъ»	275,600
«Гранатъ»	206,950
«Знаніе»	198,183
Суворинъ	190,000
Саблинъ	173,100
«Общественная Польза»	93,400
Марксъ	60,850
Скирмунтъ	51,510
«Ясная Поляна»	45,500

По наличной стоимости книгъ:

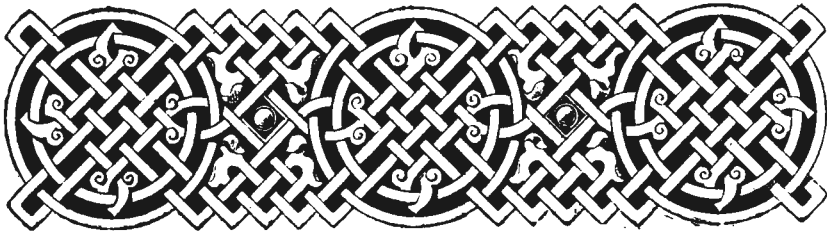
Сытинъ	2.808,055 руб.
Коноваловъ	582,936 »
Думновъ	519,308 »

Риккертъ	403,203 руб.
Суворинъ	264,215 »
«Польза»	206,110 »
«Шиповникъ»	202,045 »
«Знаніе»	200,636 »
Саблинъ	180,800 »
«Общественная Польза»	91,650 »
Скирмунтъ	62,070 »
«Право»	23,500 »

Всего издано въ 1908 году въ Россіи 23,852 сочиненія въ количествѣ 70.000.000 экземпляровъ, на сумму 25.000.000 рублей, на 44 языкахъ. Въ алфавитномъ указателѣ книгамъ и брошюрамъ, на которыя утверждены судебными установленіями арестъ, помѣщены слѣдующія свѣдѣнія по 1 января 1909 года: арестовано свыше 800 названій на русскомъ языкѣ, 1—на нѣмецкомъ, 35—на польскомъ, 2—на бѣлорусскомъ, 3—на литовскомъ, 63—на латышскомъ, 7—на эстонскомъ, 9—на грузинскомъ, 5—на татарскомъ и 2—на еврейскомъ. Кромѣ того, въ «Указателѣ» приводится списокъ книгъ и брошюръ, изданныхъ въ видѣ приложений къ журналамъ и газетамъ, арестъ на которыя утверждены судебными установленіями. Такихъ книгъ и брошюръ всего 14, изъ нихъ 12 на русскомъ языкѣ, 1—на польскомъ и 1—на киргизскомъ. Въ концѣ «Указателя» помѣщенъ списокъ книгъ и брошюръ, въ коихъ по приговору суда признаны подлежащими уничтоженію отдѣльныя мѣста. Въ этотъ списокъ входятъ 24 названія на русскомъ языкѣ и 4 на польскомъ. Судя по названіямъ, арестъ наложенъ, главнымъ образомъ, на книги, трактующія разныя политическія и социальныя темы. Встрѣчаются, однако, и нѣкоторыя книги съ «порнографическимъ характеромъ». Среди авторовъ, на сочиненія которыхъ наложенъ арестъ, первое мѣсто занимаетъ Л. Н. Толстой. По даннымъ «Указателя», арестованы 22 изданія произведеній великаго писателя: «Гдѣ выходъ», «Единое на потребу» и др. произведенія («Одумайтесь», «Патріотизмъ и правительство», «Къ политическимъ дѣятелямъ», «Письмо къ редактору англійской газеты»), «Какъ освободиться рабочему народу», «Не убій», «Неужели это такъ надо», «Николай Палкинъ. Двѣ войны», «О значеніи русской революціи», «Обращеніе къ русскимъ людямъ: къ правительству, революціонерамъ и народу (Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ)», «Объ евреяхъ». «Объ общественномъ движеніи въ Россіи», «О просвѣщеніи—воспитаніи и объ образованіи—обученіи», «Офицерская памятка», «Письмо къ либераламъ», 3-й, 5-й и 8-й томы полнаго собранія сочиненій, вышедшихъ за границей, «Соединеніе, переводъ и изслѣдованіе 4-хъ Евангелій», «Солдатская памятка», «Хіба же такъ треба», «Христіанство и воинская повинность» и, наконецъ, «Царство Божіе внутри насъ». За Толстымъ, по числу арестованныхъ книгъ, слѣдуютъ П. Кропоткинъ (12 изданій), К. Каутскій (7), Н. Ленинъ (7), Г. В. Плехановъ (7), М. А. Бакуинъ (6), Л. Мартовъ (6), Августъ Бебель (5), Ф. Данъ (5), Тапъ (5), К. Д. Бальмонтъ (4), П. Лафаргъ (4), Н. Троцкій (4) и т. д. Среди книгъ и брошюръ, въ которыхъ должны быть уничтожены отдѣльныя мѣста, преобладаютъ, главнымъ образомъ, «порнографическія».

Всероссійскій съѣздъ печати. Въ засѣданіи комитета всероссійскаго съѣзда печати 16 мая былъ заслушанъ выработанный литературнымъ обществомъ проектъ правилъ о созывѣ съѣзда литераторовъ и представителей повременной печати и проектъ программы съѣзда. Постановлено: 1) Назначить срокъ съѣзда на ноябрь—декабрь 1909 года. 2) Теперь же оповѣстить объ этомъ въ газетахъ. 3) Дополнить комиссію по созыву съѣзда, избравъ въ число ея членовъ, сверхъ избранныхъ ранѣе, Гр. К. Градовскаго, М. М. Ѳедорова, К. В. Аркадакскаго, Ѳ. Д. Батюшкова, Л. З. Слонимскаго, и просить комиссію рассмотреть выработанный литературнымъ обществомъ проектъ программы, предложивъ свои дополненія и измѣненія и включивъ въ программу отчетъ о томъ, что сдѣлано въ исполненіе постановленій перваго съѣзда. 4) Проектъ литературнаго общества и дополнительныя предположенія комиссіи доложить комитету съѣзда не позже сентября этого года съ тѣмъ, чтобы тогда же былъ окончательно разрѣшенъ вопросъ о днѣ созыва съѣзда и возбуждено соответствующее ходатайство передъ правительствомъ. 5) Установить, кромѣ общихъ собраний, двѣ секціи—литературно-научную и повременной печати. 6) Порядокъ голосованія на съѣздѣ подвергнуть обсужденію на сентябрьскомъ засѣданіи. 7) Поручить комиссіи разработать положеніе о съѣздѣ и проектъ представить комитету въ сентябрѣ.

НЕКРОЛОГИ.

ВУХАРЕВЪ, І. Н., протоіерей. 3 іюля, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни скончался въ Москвѣ законоучитель мѣщанскихъ училищъ и настоятель Александро-Невской церкви, протоіерей Іоаннъ Николаевичъ Бухаревъ, 72 лѣтъ. Почившій, по окончаніи духовной семинаріи въ 1858 году, долгое время служилъ діакономъ. Въ 1883 году высокопреосвященнымъ Іоанникіемъ, митрополитомъ московскимъ, о. Бухаревъ былъ рукоположенъ во священника и назначенъ законоучителемъ въ мѣщанскія училища. Покойный о. протоіерей много времени удѣлялъ на дѣятельность въ разныхъ обществахъ и братствахъ, гдѣ онъ состоялъ членомъ. Особенно живое участіе онъ принималъ въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія, долгое время состоя председателемъ отдѣла его по распространенію душеполезныхъ книгъ среди народа. Перу покойнаго принадлежитъ много книгъ и брошюръ религіозно-нравственнаго содержанія. До конца дней своихъ онъ былъ редакторомъ журнала «Кормчій». (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1909 г., № 153).

† **Грязновъ, В. В.** ¹⁾. 27 февраля сего года Вильна потеряла извѣстнаго популярнаго дѣятеля Сѣверо-Западнаго края, талантливаго художника В. В. Грязнова, скончавшагося скоропостижно отъ припадка грудной жабы въ тотъ моментъ, когда собирался онъ итти на обычный урокъ въ мѣстное реальное училище. Похороны усопшаго носили на себѣ исключительный, трогательно-торжественный отпечатокъ, благодаря присутствію губернатора, попечителя учебнаго округа и массы провожающихъ, среди которыхъ преобладала молодежь обою пола—

¹⁾ Сообщено А. В. Жиркевичемъ.

ученики покойнаго, на рукахъ несли до далекаго православнаго кладбища тяжелый гробъ съ его прахомъ. Многочисленные вѣтки съ самыми задушевными надписями, слезы юности, рѣчи, воспоминанія о покойномъ, которыми тутъ же, у гроба, дѣлились присутствовавшіе, — все это указывало на то, что Василій Васильевичъ не былъ лишь зауряднымъ чиновникомъ, преподававшимъ рисованіе и чистописаніе въ учебныхъ заведеніяхъ, какъ значится въ его формулярѣ. Происходя изъ крестьянскаго сословія, самъ перенесъ много труда и лишений въ дѣтствѣ и юности, покойный Грязновъ всюю своею карьерой былъ обязанъ исключительно себѣ, своему природному художественному таланту, взявъ въ девизы «трудъ», «помощь нуждающемуся ближнему», «православіе, самодержавіе, народность». Окончивъ блестяще въ 1862 году курсъ наукъ въ московскомъ Строгановскомъ училищѣ техническаго рисованія, онъ уже въ 1864 году, вмѣстѣ съ другими русскими людьми, вызывается гр. М. Н. Муравьевымъ въ Вильну—для трудовъ по возстановленію поруганныхъ историческихъ святынь православія въ Сѣверо-Западномъ краѣ, для постройки новыхъ храмовъ. И до конца жизни оставшись убѣжденнымъ «муравьевцемъ», въ теченіе болѣе 47 лѣтъ, отдаетъ затѣмъ Грязновъ всѣ силы свои, всѣ способности на служеніе этому краю, который онъ искренно полюбилъ и работать въ которомъ признавалъ патріотической обязанностью. Едва ли кто-либо другой такъ хорошо, такъ детально изучилъ и зналъ памятники старины края, особенно тѣ, которые говорятъ здѣсь объ историческомъ прошломъ русской народности, какъ покойный... Тщательно собиралъ онъ, охранялъ отъ разрушенія людей и времени всякій обломокъ старины, лишній разъ подтверждающій, что Сѣверо-Западный край былъ когда-то русской землею, что мы, русскіе, здѣсь не гости, а законные, природные хозяева. Трудно было бы перечислить всѣ тѣ храмы, всѣ сооруженія, въ созданіи которыхъ принялъ онъ участіе, или какъ самостоятельный авторъ, или какъ скромный сотрудникъ. Извѣстное иллюстрированное изданіе П. Н. Батюшкова памятниковъ русской старины на нашей западной окраинѣ переполнено рисунками В. В. После смерти его въ его портфеляхъ осталось еще немало работъ, свидѣтельствующихъ гораздо ярче, чѣмъ полученныя покойнымъ безчисленныя награды и благоволенія начальства, о томъ, какого крупнаго художника Россія потеряла въ лицѣ усопшаго. Чистое искусство, конечно, интересовало и Грязнова. Но ему отдавалъ онъ лишь свои досуги. Зато въ совершенствѣ, съ любовью фанатика, изучилъ онъ древне-русскіе художественные образцы, особенно въ сферѣ церковнаго зодчества, орнаментовки, стараясь всюду насадить ихъ, возстановить при сооруженіяхъ Сѣверо-Западнаго края. И были ли это проекты какого-либо бѣднаго, сельскаго храма, меню для торжественнаго обѣда, виньетка для подносимаго мѣстному дѣятелю адреса—всюду оставался Василій Васильевичъ прежде всего русскимъ человѣкомъ, русскимъ патріотомъ, любящимъ свое, родное, русское, находящимъ въ этомъ родномъ, русскомъ новыя и новыя достоинства, красоту, мысль, значеніе... Недаромъ же столичные специалисты удивлялись порою работамъ покойнаго. Какъ русский патріотъ, принялъ онъ горячее участіе въ трудахъ по сооруженію историческихъ монументовъ въ Вильнѣ императрицѣ Екатеринѣ II и гр. М. Н. Муравьеву, а также въ созданіи православнаго храма въ Херсонесѣ Таврическомъ и въ

нѣкоторыхъ другихъ сооруженіяхъ въ Вильны. При рѣзкихъ, подчасъ даже грубыхъ, приѣмахъ обращенія съ окружающими, имѣвшій много личныхъ враговъ, преимущественно изъ тѣхъ, которымъ, по обычаю, говорилъ онъ въ глаза голую правду, вѣчно суетящійся, крикливый, вѣчно куда-то спѣшащій, покойный, въ сущности, былъ удивительно простъ, доступенъ, добръ и никогда не отказывался помочь нуждающемуся словомъ, протекціей и своимъ кошелькомъ. Молодежь онъ любилъ любовью отца, старшаго брата, друга, стараясь въ промежуткахъ между казенными уроками вселять въ нее свои взгляды на историческое прошлое С.-З. края, на главныя событія текущей жизни родины, любовь къ ея природѣ, къ ея исторіи, искусству, бодро глядя на ея будущность. Уроки его никогда не носили на себѣ отпечатка скуки, монотонности, срочнаго отбыванія неприятной, чиновничьей повинности. Напротивъ, на нихъ всегда царили оживленіе, бодрый смѣхъ, шутки, непринужденность... Многимъ изъ своихъ нуждающихся учениковъ выдавалъ онъ субсидіи, притомъ съ удивительной деликатностью. То былъ педагогъ въ лучшемъ значеніи слова, любимый дѣтьми и юношествомъ, сохранявшій съ воспитанниками сердечныя отношенія зачастую даже тогда, когда тѣ покидали заведеніе. Вотъ чѣмъ объясняются слезы провожавшихъ прахъ его къ могилѣ учениковъ и ученицъ, старанія ихъ возможно полнѣе выразить на похоронахъ любовь, уваженіе къ усопшему. Въ числѣ учениковъ Василія Васильевича, хранящихъ до сихъ поръ о немъ свѣтлую память, можно было бы назвать многихъ видныхъ представителей современной Россіи—на государственномъ, общественномъ и другихъ поприщахъ жизни, въ томъ числѣ и предсѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина. Смерть единственной, любимой дочери-дѣвушки, болѣзни, событія пресловутой революціи 1905—1906 гг., особенно сильно разыгравшейся въ Вильнѣ, потрясшей основы того, во что всю жизнь вѣровала, чему служилъ покойный, постепенно подтачивали физическія его силы. Духовно же онъ оставался до послѣднихъ дней тѣмъ же, чѣмъ и ранѣе знала его Вильна. Пожалѣли покойнаго даже въ польскомъ обществѣ, вражду къ которому онъ открыто выказывалъ, но гдѣ отдавали должную дань уваженія его заслугамъ на почвѣ исторіи, искусства, прямолинейности его характера, любви къ родинѣ. Память о В. В. Грязновѣ, какъ художникѣ, человѣкѣ и труженикѣ на нивѣ археологіи, мы твердо вѣруемъ въ это, долго, долго еще будетъ жить въ самой Вильнѣ, а также далеко за ея предѣлами—и въ сердцахъ знавшихъ его людей, и въ сооруженіяхъ, созданныхъ его трудами, и въ обломкахъ старины, спасенныхъ имъ отъ гибели...

† **Лебедевъ, Г. Г.** 21 іюня, въ 2 часа дня, въ клиникѣ военно-медицинской академіи скончался заслуженный профессоръ горнаго института Георгій Глѣбовичъ Лебедевъ. Покойный окончилъ съ отличіемъ въ 1873 году горный институтъ. Въ 1875 году онъ защитилъ диссертацию на званіе адъюнкта кристаллографіи и минералогіи и былъ оставленъ при горномъ институтѣ, въ которомъ прослужилъ 33 года, вплоть до 1905 года, состоя отъ 1902 до 1905 года инспекторомъ института, и въ теченіе года исполняя обязанности директора. Кромѣ того, Г. Г. читалъ лекціи по минералогіи въ топографическомъ институтѣ, писалъ статьи въ издаваемомъ при горномъ департаментѣ горнымъ ученымъ комитетомъ «Горномъ Журналѣ», редакторомъ котораго состоялъ

15 лѣтъ. Переутомленіе отъ занятій въ институтѣ и, главнымъ образомъ, работа по редактированію журнала сильно повліяла на здоровье покойнаго и особенно на его зрѣніе. Мѣсяца 3 назадъ покойный почувствовалъ себя особенно плохо вслѣдствіе обострившейся болѣзни глазъ и оставилъ работу по журналу, къ которой ему не пришлось уже вернуться. Онъ умеръ отъ паралича сердца. Кромѣ многочисленныхъ оригинальныхъ и переводныхъ статей, Г. Г. былъ изданъ «Курсъ минералогіи». Покойный, по общему отзыву знавшихъ его лицъ, отличался добротой и отзывчивостью и пользовался популярностью среди студентовъ и своихъ сослуживцевъ. Онъ умеръ на 58-мъ году жизни. 22 іюня въ часовнѣ при клиникѣ военно-медицинской академіи состоялась панихида по умершемъ; на панихидѣ присутствовали родные и близкія къ покойному лица. Выносъ тѣла изъ часовни состоялся 24 іюня въ половинѣ десятаго утра. Директоръ горнаго департамента г. Курмановъ выразилъ вдовѣ покойнаго свое собо-лѣзнованіе. (Некрологъ его: «Спб. Вѣдомости» 1902 г., № 139).

† **Моисеенко, А. Н.** Въ Харьковѣ скончался Александръ Николаевичъ Моисеенко, редакторъ газеты «Утро», считавшейся одной изъ лучшихъ провинціальныхъ газетъ. А. Н. Моисеенко палъ жертвой свирѣпствующаго въ Харьковѣ тифа. Несмотря на свою молодость, А. Н. Моисеенко занималъ очень видное мѣсто среди журналистовъ. Покойному было всего лишь 29 лѣтъ. По окончаніи харьковскаго реального училища и харьковскаго технологическаго института, А. Н. служилъ нѣкоторое время на К.-Х.-С. желѣзной дорогѣ. Освободительное движеніе, заставшее его здѣсь, всецѣло захватило его, и онъ весь отдался общественной дѣятельности. Вынужденный покинуть службу и Харьковъ, А. Н. лишь черезъ нѣкоторое время получилъ возможность возвратиться къ роднымъ. Потребность въ органѣ, могущемъ быть продолженіемъ дѣла, начатаго кружкомъ мѣстной интеллигенціи въ «Мірѣ», нашла въ А. Н. наилучшаго исполнителя. Съ несокрушимой энергіей приступилъ А. Н. къ любимому дѣлу. Буквально на всемъ въ «Утрѣ» лежалъ отпечатокъ его непосредственнаго участія. «Утро» было его любимымъ дѣтищемъ, на которомъ были сосредоточены все его помыслы и заботы. Во время болѣзни, находясь въ сознаніи и въ бреду, онъ говорилъ о газетѣ, дѣлая различныя указанія. «Газету, журналистику, — пишетъ въ «Утрѣ» товарищ покойнаго по работѣ, А. Е. Епифанскій, — онъ любилъ всей душой. Онъ ей отдавалъ дни и ночи, бессонныя ночи редактирующаго ежедневную газету, и постоянно заботился о ней, и мечталъ съ нами о лучшемъ будущемъ русской печати. Онъ такъ близко къ сердцу принималъ интересы сотрудниковъ, такъ любовно заботился о нихъ, о всѣхъ работникахъ въ газетѣ, что даже въ послѣдній вечеръ въ редакціи, съ трудомъ выполняя обычную работу, недомогая, жалуясь на головную боль, онъ не забылъ отдать свои распоряженія...» (Некрологъ его: «Рѣчь» 1909 г., № 187).

† **Мушниковъ, А. А.** 7 іюня въ городѣ Вильнѣ скончался заслуженный профессоръ военно-юридической академіи, отставной генераль-лейтенантъ Александръ Александровичъ Мушниковъ. Покойный родился 6 сентября 1849 года, происходилъ изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи, воспитывался въ Павловскомъ училищѣ и военно-юридической академіи, окончивъ въ обоихъ заведеніяхъ курсъ по первому разряду. Службу началъ онъ въ 98-мъ пѣхотномъ Дерптскомъ

полку, а по окончаніи академіи служилъ въ кievскомъ военно-окружномъ судѣ. Затѣмъ въ 1880 году назначенъ адъюнктъ-профессоромъ военно-юридической академіи, гдѣ съ 1888 года читалъ лекціи по особенной части военно-уголовнаго права, а съ 1890 года былъ переименованъ въ экстраординарнаго профессора. Въ 1892 году А. А. получилъ назначеніе инспектора классовъ перваго кадетскаго корпуса съ оставленіемъ въ должности экстраординарнаго профессора академіи, въ 1895 году переименованъ въ заслуженнаго профессора послѣдней, попрежнему оставаясь инспекторомъ классовъ корпуса. Будучи въ 1897 году назначенъ военнымъ судьей варшавскаго военно-окружнаго суда, онъ былъ произведенъ въ генераль-майоры и получилъ высшій изъ имѣвшихся у него орденовъ—Станислава 1-й степени. Въ 1901 году переведенъ на такую же должность въ виленскій военно-окружной судъ, гдѣ и пробылъ до 1906 года, когда произведенъ былъ въ генераль-лейтенанты съ увольненіемъ отъ службы по прошенію, по болѣзни. Генераль Мущниковъ за всю свою жизнь дѣятельно сотрудничалъ въ разныхъ изданіяхъ по вопросамъ спеціальнаго, военно-юридическаго характера, принималъ живое участіе въ трудахъ по реформамъ военно-судебнаго вѣдомства, военно-учебныхъ заведеній, въ бывшемъ въ 1890 году въ Петербургѣ международномъ тюремномъ конгрессѣ, равно какъ и во многихъ комиссіяхъ по юридическимъ и педагогическимъ вопросамъ. Въ разное время отдѣльными книгами были выпущены имъ въ свѣтъ слѣдующія сочиненія: «Русскіе государственные и гражданскіе законы и свѣдѣнія изъ международнаго права», «Обшія начала законовѣдѣнія», «Основныя понятія о нравственности, правѣ и общежитіи», «Свѣдѣнія изъ государственнаго, гражданскаго и уголовнаго права», «Русскіе военно-уголовные законы въ связи съ законами обще-уголовными», «Особенная часть русскіхъ военно-уголовныхъ законовъ» (конспектъ курса для военно-юридической академіи). Какъ военно-судебный дѣятель и человекъ, покойный отличался непоколебимой честностью, самостоятельными убѣжденіями, твердымъ характеромъ и пользовался уваженіемъ всѣхъ, знавшихъ его на службѣ, въ должности профессора, воспитателя и въ частной жизни. (Некрологъ его: «Новое Время», 1909 г., № 11.961).

† **Огородниковъ, С. О.** 1-го іюля скончался въ Архангельскѣ извѣстный знатокъ морской исторіи полковникъ Степанъ Федоровичъ Огородниковъ, двѣ недѣли назадъ уѣхавшій изъ Петербурга. Покойному принадлежитъ много трудовъ по морской исторіи, изъ которой наиболѣе извѣстны: «Исторія архангельскаго порта», «Исторія Кронштадта», «Исторія морскаго музея» и т. д. Въ общемъ имъ написано болѣе десяти книгъ историческаго характера, не считая массы очерковъ, напечатанныхъ въ «Морскомъ Сборникѣ» и разныхъ другихъ изданіяхъ. С. О. Огородниковъ былъ послѣднимъ предѣвателемъ Высочайше образованной комиссіи по описанію архива морскаго министерства, которое цѣнило С. О. за его знанія и энергію и часто обращалось къ нему за всевозможными справками историческаго характера. Наука въ лицѣ С. О. Огородникова лишилась талантливаго труженика, а окружавшіе его потеряли въ высшей степени добраго и отзывчиваго человека. Его знала и любила буквально вся Коломна (гдѣ онъ прожилъ всю свою жизнь) за его готовность помочь всякому, кто къ нему обращался. Помогать ближнему было его религіей. Покойному историку

было 73 года. Образование онъ получилъ въ морскомъ корпусѣ, имѣлъ Высочайшіе подарки и медаль отъ академіи наукъ. (Некрологъ его: «Спб. Вѣдомости» 1909 г., № 147).

† **Пищатовскій, С. Л.** 7 июля, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, скончался въ Петербургѣ на 45 году жизни сотрудникъ польскихъ и русскихъ газетъ, С. Л. Пищатовскій (Ставчанскій, Diplomaticus и т. д.). Сынъ помѣщика Подольской губерніи, онъ окончилъ одну изъ одесскихъ гимназій и поступилъ въ число студентовъ коммерческаго отдѣленія рижскаго политехникума. Смерть отца, продажа съ молотка родового имѣнія, все это лишило покойнаго возможности окончить образование. Изъ политехникума онъ вынесъ основательное знаніе новыхъ языковъ и политическихъ наукъ, которыя продолжалъ изучать до самой смерти. Въ 1892 году онъ оставилъ службу въ управленіи Юго-Западныхъ дорогъ, куда поступилъ, оставивъ школу, и рѣшивъ посвятить себя журналистикѣ. Онъ работалъ въ «Кіевлянинѣ» и въ «Жизни и Искусствѣ», одновременно корреспондируя въ варшавское «Слово» и петербургскій «Край». С. Л. считался специалистомъ по вопросамъ внѣшней и международной политики и писалъ, по преимуществу, политическіе обзоры. Въ 1899 году онъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ работалъ въ «Спб. Вѣд.», «Зарѣ» Ярмонкина, «Новостяхъ», за послѣднее время въ «Россіи» и польскихъ изданіяхъ и др. Задачей своей жизни С. Л. считалъ изданіе польскаго органа въ Кіевѣ, посвященнаго, главнымъ образомъ, урегулированію русско-польскихъ отношеній. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ исключительно съ цѣлью изучить и выяснить нѣкоторые вопросы политики, интересовавшіе его. Въ послѣдніе годы онъ страстно скорбѣлъ о томъ, что русско-польскія отношенія вступили на совершенно ложный путь. Повидимому, С. Л. зналъ или думалъ, что знаетъ секретъ разрѣшенія русско-польскаго спора,—но въ чемъ этотъ секретъ состоялъ, онъ не говорилъ никому. Быть можетъ, онъ намѣревался сказать это въ своей газетѣ, которую все собирался издавать при помощи какихъ-то политическихъ друзей въ Кіевѣ. Жилъ онъ отшельникомъ. Товарищи считали его оригиналомъ, и ни съ кѣмъ онъ не сходилъ близко. Повидимому, русскіе журналисты считали его «заядлымъ» полякомъ, польскіе—русскимъ. Послѣдніе даже косились нѣсколько на него за сотрудничество въ «Россіи». Въ нашъ вѣкъ людей безъ принциповъ, безъ догмата, это былъ человекъ, служившій всю свою жизнь какой-то идеѣ, осуществленіе которой требовало многосложныхъ трудовъ и изысканій. И онъ работалъ, не покладая рукъ, не отвлекаясь ничѣмъ. Ни любовь, ни общество, ни развлеченія, ничто не существовало для этого человека. Къ своимъ статьямъ, изъ которыхъ многія обращали на себя вниманіе, онъ относился свысока: «погодите, это все—мелочи, я еще не начиналъ писать»—и все время онъ проводилъ за книгами, газетами, замѣтками. (Некрологъ его: «Спб. Вѣдомости» 1909, № 150).

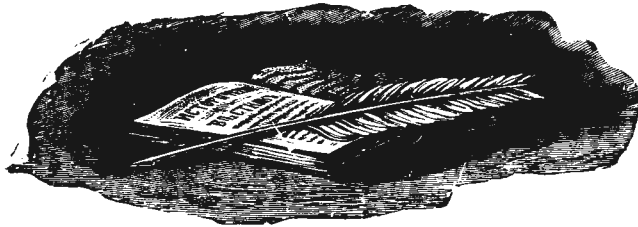
† **Рачинскій, К. А.** 30-го іюня въ селѣ Татевѣ Смоленской губерніи скончался одинъ изъ замѣчательныхъ русскихъ людей, бывшій профессоръ московскаго университета и впослѣдствіи директоръ московскаго сельско-хозяйственнаго института Константинъ Александровичъ Рачинскій. Онъ родился въ 1838 г. и принадлежалъ къ старинному дворянскому роду польскаго происхожденія, давно обрусѣвшему. Онъ былъ младшимъ братомъ скончавшагося въ 1902 году

Сергѣя Александровича Рачинскаго, профессора ботаники и извѣстнаго дѣятеля по народному образованію. Константинъ Александровичъ уже въ молодости проявилъ блестящія способности. Его товарищъ и преемникъ по кафедрѣ, покойный А. Г. Столѣтовъ, не разъ говорилъ мнѣ, что среди всѣхъ сверстниковъ К. А. отличался необычайными способностями и быстротой мысли. Окончивъ московскій университетъ по физико-математическому факультету, онъ очень скоро сдалъ экзаменъ и защитилъ диссертацию на степень магистра физики и былъ избранъ доцентомъ, а затѣмъ и профессоромъ по этой кафедрѣ. Но читать лекціи ему пришлось недолго. Уже въ 1867 году онъ оставляетъ университетъ и, пробывъ нѣсколько лѣтъ за границей для леченія тяжкой болѣзни своей супруги, затѣмъ поселяется въ деревнѣ въ Черниговской губерніи. И здѣсь онъ продолжаетъ слѣдить за наукой, но большую часть своихъ силъ отдаетъ общественной дѣятельности и земской службѣ. Онъ многіе годы былъ предсѣдателемъ конотопской уѣздной земской управы, губернскимъ и уѣзднымъ гласнымъ, почетнымъ мировымъ судьей и проч. Такъ въ деревенской глуши прожилъ онъ около 25-ти лѣтъ, пока въ 1894 году ему не была поручена организація московскаго сельскохозяйственнаго института и директорство въ немъ. Тогда Петровская академія послѣ нѣсколькихъ неоконченныхъ преобразованій была закрыта, и на ея мѣстѣ было рѣшено создать новую школу. К. А. всецѣло посвятилъ себя этому трудному и отвѣтственному дѣлу и сумѣлъ соединить въ его осуществленіи энергію юноши съ мудростью старца. Человѣкъ съ высоконезависимыми убѣжденіями онъ твердою рукой создавалъ новый строй института. Онъ сумѣлъ поставить на надлежащую высоту преподаваніе во всѣхъ отдѣлахъ институтта и объединить въ стремленіи къ строго научному изслѣдованію преподавательскій персоналъ и студенчество. Въ 1904 году, ровно чрезъ 10 лѣтъ по открытіи института, К. А. по разстроенному здоровью вышелъ въ отставку и съ тѣхъ поръ почти безвыѣздно жилъ въ своемъ родовомъ имѣніи Татевѣ. Современники, повидимому, еще не вполне оцѣнили ту большую заслугу, которую оказалъ К. А. въ дѣлѣ насажденія сельско-хозяйственнаго образованія и организаціи агрономической помощи въ Россіи, потому что онъ дѣлалъ дѣло, но былъ врагомъ рекламы. Но земледѣльческая Россія будущаго скажетъ ему большое спасибо: и въ научной дѣятельности института, и въ тѣхъ сотняхъ и тысячахъ агрономовъ и инженеръ-агрономовъ, которые, выйдя изъ института, уже разсѣялись и въ будущемъ еще разсѣются по всей Россіи, ему будетъ воздвигнуть живой памятникъ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1909 г., № 151).

† **Хлоповъ, Л. А.** 15-го іюля скончался отъ разрыва сердца безызвѣстный писатель и драматургъ Л. А. Хлоповъ. Покойный работалъ на литературномъ поприщѣ свыше 32 лѣтъ. Началъ печататься онъ въ журналѣ «Свѣтъ и Тѣни», гдѣ помѣщалъ коротенькіе рассказы и очерки на злобы дня. Работалъ онъ въ «Курьерѣ» покойнаго Н. П. Ланина, «Московскомъ Листкѣ», «Будильникѣ», «Осколкахъ», «Стрекозѣ», «Шутѣ», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Новомъ Времени», «Новостяхъ Дня», «Семьѣ», а въ послѣднее время въ ежедневной газетѣ «Театръ». Скончался онъ 57 лѣтъ. Дарованіе покойнаго писателя отмѣтилъ въ своихъ письмахъ къ А. П. Плещеву А. П. Чеховъ, назвавъ Л. А. выдающимся писателемъ, умѣвшимъ обнаружить и глубину чувства и художественное пони-

маніе описываемаго. Послѣ покойнаго остались жена и двое дѣтей, а средствъ никакихъ. (Некрологъ его: «Голосъ Москвы»).

† **Шталь, А. П.** 13-го іюня умеръ на 73 году жизни драматургъ Александръ Петровичъ Шталь, пьесы котораго, преимущественно комедіи, до сихъ поръ не перестаютъ ставиться во всей Россіи. А. П. извѣстенъ также, какъ сценическій дѣятель, явившійся однимъ изъ первыхъ предпринимателей, ставившихъ спектакли на частныхъ сценахъ и этимъ, такъ сказать, нарушившихъ монополію императорскихъ театровъ, которымъ было предоставлено исключительное право организаци театралныхъ зрѣлищъ. Новшество не только не унизило театральнаго дѣла императорскихъ театровъ, но подняло еще, доставивъ возможность проявить свои силы и новымъ дѣятелямъ, которые впослѣдствіи являлись украшеніемъ и императорскихъ сценъ. Напримѣръ, Стрепетова впервые появилась на сценѣ клуба художниковъ, спектаклями котораго завѣдывалъ покойный. Въ теченіе 50-ти лѣтъ онъ служилъ въ разныхъ должностяхъ русской императорской драматической труппы и не разъ ставилъ спектакли въ Гатчинскомъ дворцѣ при покойномъ императорѣ Александрѣ III. А. П. только около двухъ лѣтъ покинулъ императорскую сцену, на которой ставились нѣкоторыя изъ его пьесъ. Наиболѣе извѣстныя изъ нихъ: «Плата тою же монетою», «Ночь на дачѣ» и др. Для Гоголевскихъ торжествъ имъ была передѣлана въ пьесу повѣсть Гоголя «Шинель», но болѣзнь помѣшала ему осуществить постановку этой пьесы. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 11.947).

Каролина поблѣднѣла; губы ея дрожали; на глаза навернулись слезы. Онъ постарался загладить свою ошибку.

— Простите, ваше величество, простите меня... Опасность, угрожающая вамъ, слишкомъ волнуетъ меня... Я готовъ отдать всю мою кровь, лишь бы моя королева не проливала слезъ.

— Ага!—воскликнула Каролина Австрійская,—меня упрекаютъ въ жестокости, въ безсердечіи, въ звѣрствѣ... Но никто не знаетъ, что я страдаю, какъ не страдало ни одно Божье созданье.

Въ эту минуту къ каретѣ подбѣжалъ запыхавшійся калабриецъ, посланный Торо, который просилъ дальнѣйшихъ приказаній, ибо англичане начинаютъ выходить изъ своей засады, спускаются къ дорогѣ съ двухъ противоположныхъ холмовъ. Услыхавъ это, Каролина быстро распахнула сама дверцу кареты и спустилась на дорогу.

— Надо драться!—воскликнула она.—Намъ надо пробить себѣ дорогу. Если вы боитесь, такъ я не боюсь. Я ваша королева, я властна въ вашей жизни и смерти. Я ничего не боюсь.

Глаза ея блистали. Выраженіе лица было отважное. Она была прекрасна и величава. Всѣ присутствовавшіе калабріицы невольно тѣсно окружили ее и съ искреннимъ увлеченіемъ кричали: «Да здравствуетъ королева!»

Обведя всѣхъ глазами, она громко спросила:

— Значитъ, я могу положиться на васъ?

— Мы за тебя костями ляжемъ!—былъ единодушный отвѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ,—впередъ! Я съ вами. Если англичане осмѣлятся на насъ напасть, мы отвѣтимъ огнемъ на огонь, насиліемъ на насиліе. Нечего медлить и нечего больше скрывать наши намѣренія.

Тѣмъ временемъ уже совсѣмъ разсвѣло. Съ пункта, на которомъ происходила эта сцена, были ясно видны красные мундиры, двигавшіеся на прилежащихъ холмахъ. Они направлялись въ глубь долины, гдѣ пролегалла дорога. Спѣшившійся Рикардо стоялъ недвижимо, прислонясь къ своему коню. Онъ былъ такъ раздосадованъ вмѣшательствомъ королевы въ дѣло, которое неминуемо должно было привести къ ея же собственной гибели («и гибели Альмы», невольно болѣзненно пробѣгало въ его мысляхъ), что онъ самъ себѣ не довѣрялъ, боялся сказать слово, чтобъ еще пуще не усугубить опасности. Наконецъ, овладѣвъ собой, онъ рѣшился подать голосъ:

— Если вашему величеству угодно, чтобы я умеръ съ угрызеніями совѣсти, съ сознаниемъ, что я вовлекъ васъ въ опасность, которой не имѣлъ возможности устранить, то я готовъ драться съ англичанами... Я клянусь посвятить жизнь моей королевѣ... Но ради ея прихоти, исполненіе которой грозитъ неминуемой опасностью ей же самой... Я еще разъ рѣшаюсь доложить, что государынѣ

слѣдуетъ отмѣнить сейчасъ данное приказаніе, чтобъ не лишать бесплодно жизни тѣхъ, кто по ея призыву явился для ея защиты. Умоляю васъ, государыня, помыслите, какое торжество готовите вы для англичанъ... Они получаютъ возможность открыто обвинять въ противодѣйствіи законному порядку лицо, обязанное по своему положенію наблюдать за охраненіемъ закона...

Каролина кусала побѣлѣвшія губы; она боролась между гордостію и благоразуміемъ, хотѣла было прервать полковника, но онъ все-таки продолжалъ свою рѣчь, и самая возможность высказаться настолько уравнивала его самообладаніе, что голось его былъ равенъ и спокоенъ. А это спокойствіе дѣйствовало на королеву внушительнѣе врага.

— Стычка съ англичанами, даже если мы одолѣемъ, будетъ гибельна для вашего плана. Доселѣ англичане (что бы они ни имѣли въ виду) формально союзники и даже охранители короля и королевы. Только тогда, когда государь самъ вновь возьметъ въ свои руки бразды правленія, съ этими чужеземцами можно поступать, какъ съ посягателями на свободу нашей родины...

— Другими словами, полковникъ,—прервала королева, почти задыхаясь отъ гнѣва,—вы мнѣ совѣтуете обратиться въ бѣгство.

— Нѣтъ, государыня, просто вернуться къ себѣ на виллу.

— Ну, а вы сами?

— А я?—рѣшительнымъ тономъ отозвался Рикардо.—Я останусь на своемъ мѣстѣ; я буду охранять дорогу вашего величества, чтобъ воспрепятствовать погонѣ... Я поклялся пожертвовать вамъ жизнью, и мнѣ все равно, когда придется принести эту жертву. Повѣрьте, государыня, что я не ради себя, а ради вашего спокойствія, во имя благоразумія настаиваю на моемъ мнѣніи.

Видно было, что въ душѣ этой женщины бушуетъ страшная буря; гнѣвъ доходилъ до крайнихъ предѣловъ возможнаго.

— Хорошо, я согласна,—почти прошипѣла она.—Но... но наступить время, когда я жестоко отомщу за все, что меня заставили выстрадать.

Альма, все время не шевелясь и слова не проронивъ, стояла за королевой у подножекъ кареты.

— На коней?—крикнулъ Рикардо.—Муловъ надо гнать въ галопъ, и чрезъ часъ вы будете дома... Медленно ѣхать рискованно..

— А Альма?—спросила королева, все еще какъ будто колебавшаяся.

— Герцогинѣ надо оставаться съ нами. Если мы столкнемся съ англичанами, ея присутствіе можетъ объяснить и путешествіе, и нашу охрану. Такимъ образомъ ваше величество останется въ сторонѣ и намъ даже не придется сражаться, по всей вѣроятности.

При этихъ словахъ Каролина почти затряслась отъ злобы, ибо самая злоба имѣла своимъ источникомъ ревность. Подозрѣнія

насчетъ взаимной склонности между своей фавориткой и своимъ любовникомъ опять болѣзненно вспыхнули въ сердцѣ чувственной женщины и затмили всякую опасность, всякую политику. «Все это подстроено нарочно, чтобъ Рикардо могъ безъ меня остаться съ Альмой», пронеслось въ ея головѣ. Въ эту минуту она готова была всѣмъ рискнуть, лишь бы не оставлять молодыхъ людей съ глазу на глазъ.

— Я не должна, я не хочу одна возвращаться въ Кастельветрано,—настойчиво произнесла королева.

Въ это время прибѣжалъ второй посланецъ отъ Торо, который все это время сторожилъ въ авангардѣ: англичане всего въ какой-нибудь сотнѣ сажень отъ дороги. Что же слѣдуетъ предпринять?

Каролина почти не обратила вниманія на это сообщеніе, будучи поглощена иной заботой. Она сердилась даже на себя: какъ она могла допустить, чтобы эта дѣвочка стала ея соперницей, зная отношенія ея королевы къ Рикардо. Она чувствовала себя и тутъ униженной, возвратилась въ карету и забила въ уголъ.

Въ этотъ критическій моментъ одинъ изъ конвойныхъ калабрійцевъ осмѣлился предложить такую комбинацію. Онъ беретъ на себя сопровождать и защищать молодую герцогиню, которая должна будетъ сѣсть верхомъ на одного изъ каретныхъ муловъ. На другомъ же мулѣ уѣдетъ сама королева въ сопровожденіи полковника Рикардо. У него хорошій конь; мулъ подъ королевой тоже пряткій; они навѣрно спасутся отъ англичанъ.

Королева оживилась: Рикардо будетъ съ ней. Времени терять нельзя было, она быстро пересѣла на мула. Рикардо былъ мраченъ: и совѣсть и сердце мучили его, что онъ ради Каролины покидаетъ Альму въ большой опасности. Теперь едва ли не впервые онъ почувствовалъ, какъ сильна, отрадна, чиста его юношеская любовь къ этой дѣвушкѣ, какъ порочна его чувственная страсть къ Каролинѣ. Но онъ ничего не могъ измѣнить и задумчиво, машинально сѣлъ на коня.

Въ эту минуту издали раздался ружейный выстрѣлъ.

— Скорѣй, скорѣй, нечего медлить!—вскричалъ одинъ изъ калабрійцевъ.

Каролина хлестнула своего мула и поскакала въ обратный путь, повидимому, совершенно забывъ объ Альмѣ, а, можетъ быть, и сознательно жертвуя ею, чтобъ обмануть непріятеля. Зато Рикардо, не двигаясь съ мѣста, обратился къ Альмѣ:

— Я не могу васъ оставить одну...

— Ваше мѣсто при королевѣ,—рѣзко отозвалась она.—Прежде всего надо заботиться, чтобъ ея величество благополучно доѣхала домой...

Напрасно угаваривалъ ее молодой человекъ. Альма оставалась непреклонной. Ему ничего не оставалось, какъ догонять королеву

Его конь шелъ быстрѣе ея мула, и онъ скоро поровнялся съ нею. Издали до нихъ долетали звуки рѣдкихъ выстрѣловъ; но все-таки англичане ихъ не нагнали, и Каролина со своимъ провожатымъ благополучно достигли Кастельветрано.

У воротъ парка ее ожидалъ неусыпный и преданный негръ; она проворно соскочила съ мула. Полковникъ отсталъ отъ нея на нѣсколько шаговъ. Она осталась ожидать его на порогѣ лѣстницы.

— Смѣю надѣяться, что ваше величество простите мою смѣлость,—сказалъ онъ, подскакавъ къ государынѣ минуты черезъ двѣ и спѣшившись:—я долженъ доложить вамъ, что, по-моему, ваша молодая подруга находится въ серьезной опасности. Я вглядывался въ дорогу съ вершины этого холма и не могъ увидѣть никого въ долинѣ... тогда какъ...

— Идите впередъ по лѣстницѣ,—повелительно прервала его королева.

Они поднялись и вошли въ небольшую комнату, стѣны которой были увѣшаны портретами австрійскихъ императоровъ и императрицъ. Она опустилась на широкую оттоманку. Молодой человекъ, которому она знакомъ приказала затворить дверь, почтительно оставался у порога.

— Садитесь,—приказала королева, видимо, сдерживая себя и стараясь быть спокойною.

— Я имѣлъ честь докладывать вашему величеству, что есть серьезныя основанія тревожиться за...

— Садитесь,—настойчиво повторила она, вперяя въ калабрійца пронизательный, гнѣвный взглядъ.

Онъ повиновался, съ трудомъ сдерживая свое негодованіе. Онъ былъ жестоко возмущенъ.

— Помните, въ Черной башнѣ вы рассказывали мнѣ, сколько бѣдствій и опасностей вамъ пришлось пережить и одолѣть для исполненія данной вами клятвы всю жизнь оставаться мнѣ вѣрнымъ?—начала королева. Поблѣднѣвшія губы ея дрожали; голосъ звучалъ рѣзко, не взирая на всѣ ея усилія казаться спокойной. Я тогда трепетала отъ радости, отъ сознанія, что наконецъ мнѣ удалось встрѣтить человекъ, неограниченно мнѣ преданнаго, прямодушнаго, готоваго итти безъ колебаній на все, лишь бы помочь довести до конца великое дѣло справедливости. Я видѣла въ васъ тогда избранника Провидѣнія.

Въ голосѣ Каролины стала проступать оскорбительная для ея рыцаря иронія. Онъ начиналъ все болѣе и болѣе возмущаться въ душѣ.

— Помните ту роковую ночь въ Неаполѣ?.. Да... Я поступила тогда подъ вліяніемъ женскаго капризнаго увлеченья и только... Все, что я сдѣлала для васъ, было послѣдствіемъ моей увѣренности, что вы человекъ, выходящій изъ ряда вонъ; одинъ изъ тѣхъ из-

бранниковъ, коимъ суждено совершить великія дѣянія. И я, чувствуя къ вамъ большое расположеніе, —я не скрываю этого,—рѣшилась содѣйствовать вашимъ стремленіямъ къ идеалу... Но нынче, не взыщите, я съ горечью въ сердцѣ вынуждена сознаться въ моей ошибкѣ.

Рикардо всталъ; ему словно дали пощечину. Однако, сдерживая свое раздраженіе, онъ спросилъ возможно спокойно:

— Смѣю спросить ваше величество, почему вы полагаете, что ошиблись?

Королева, перейдя на ты, осыпала его упреками за заботы объ Альмѣ, за любовь къ Альмѣ, за предпочтеніе Альмы ей, Каролинѣ. Она говорила, что сначала не имѣла ни малѣйшихъ подозрѣній, а когда подозрѣнія стали возникать, она не вѣрила самой себѣ, старалась объяснить разными соображеніями. Но нынче она окончательно убѣдилась...

— Говори же, говори,—почти истерически восклицала она:—сознавайся: для меня или для этой дѣвочки ты подвергалъ себя опасности въ теченіе трехъ лѣтъ?.. Ты теперь здѣсь для меня или для нея? Развѣ ты для меня отказался отъ положенія, которое предлагалъ тебѣ твой отецъ? Нѣтъ, ты просто не хотѣлъ лишить Альму богатства и титула, которыми она пользовалась съ рожденія, которую ты любилъ еще тогда, когда считался презрѣннымъ плебеемъ, когда тебя за такое дерзкое твое чувство всякій могъ выпороть на конюшнѣ.

Онъ не могъ болѣе владѣть собой и гордо отвѣтилъ:

— Словомъ, ошибка вашего величества заключается въ томъ, что вы удостоили открыть ваши объятія выросшему въ грязи рабу какъ разъ въ ту самую ночь, когда онъ обливался кровью, пролитой для защиты вашего величества; что вмѣсто того, чтобы приказать вашимъ лакеямъ высѣчь его...

Она не ожидала такого дерзкаго возраженія. Ея королевская гордость, рѣзкая порывистость ея характера, злобная ревность боролись въ ней противъ ея страсти къ молодому человѣку и все-таки не могли подавить страсти. Она любила его; она хотѣла быть его любовницей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и повелѣвать имъ. Кромѣ того, она къ самой себѣ относилась злобно за то, что не могла не ревновать. Къ кому же?.. къ ничтожной дѣвчонкѣ, къ своей чтицѣ! Да, ничтожной! Но, съ другой стороны, эта чтица единственное существо, которому можно довѣряться...

Королева не думала въ эту минуту ни о своихъ политическихъ замыслахъ, ни объ англичанахъ. Она чувствовала, какъ никогда, свое одиночество. Чувство сожалѣнія къ самой себѣ постепенно подавило остальные. Изъ глазъ ея, какъ-то окаменѣло уставившихся въ одну точку, полились по блѣднымъ щекамъ обильныя слезы.

Въ сердцѣ ея любовника шевельнулась искренняя жалость.

— Вашему величеству, — сказалъ онъ тихо, — угодно было жестоко покарать меня за то, что я посовѣтовалъ вамъ рискованную, но и теперь признаваемую мною важною для васъ побѣдку къ калабрійскому отряду. Я вызвалъ вашу гнѣвъ особенною заботливостью о герцогинѣ Фаньяно, которой пришлось остаться въ открытомъ полѣ въ виду непріятеля и съ весьма слабымъ прикрытіемъ... Но удостоите вниманіемъ мои слова, государыня. Я не скрываю, что я весьма обезпокоенъ положеніемъ этой молодой дѣвушки. Только не любовь тому причиной. Могу васъ увѣрить, что я одинаково бы безпокоился о всякомъ другомъ лицѣ, которое находилось бы въ таковыхъ же, какъ герцогиня Альма, отношеніяхъ къ вамъ. Вѣдь попадись она въ руки англичанъ то всѣ ваши планы могутъ быть поколеблены, если не больше. А я желаю вамъ только успѣха...

— Да? Только поэтому? — отвѣтила королева. На нее подѣйствовало объясненіе, которому ей хотѣлось вѣрить. Она начала успокаиваться. Но все-таки допрашивала Рикардо: можетъ ли она быть увѣрена, что онъ никогда не промѣняетъ ее на Альму, никогда не покинетъ своей государыни?

— Я вамъ поклялся, что не покину, и слову не измѣню. Что же касается Альмы, то, по извѣстнымъ вашему величеству обстоятельствамъ, между мною и существомъ, на которое я прежде взиралъ съ благоговѣніемъ, образовалась бездна непроходимая.

— Значитъ, ты сознаешься, что любилъ ее? — воскликнула Каролина.

— Сознаюсь, да. Но сознаюсь и утверждаю, что съ той роковой ночи, когда моя монархиня снизошла до меня, а я поклялся быть ей преданъ до конца жизни, я рѣшилъ, что и думать не смѣю о другой.

Такое объясненіе не вполнѣ удовлетворило умъ и сердце королевы, однако она повѣрила, что молодой человѣкъ говоритъ правду и что всегда онъ останется преданъ ей. Переходы настроеній у этой женщины были изумительно быстры. Ея лицо просвѣтлѣло, и она ласково протянула ему свою руку, которую онъ крѣпко и горячо поцѣловалъ, сказавъ:

— А теперь, согласно желанію королевы, я обязанъ немедленно оказать помощь тѣмъ, кто находится еще въ опасности, спасти преданнѣйшую подругу вашего величества.

— Я васъ жду, — промолвила Каролина.

Оставшись одна, она что-то долго обдумывала. Потомъ, пожалвъ плечами, поднялась съ дивана и почти шопотомъ обратилась сама къ себѣ:

— Что же дѣлать!.. Мы слышали немало выстрѣловъ. Несомнѣнно, Альма была въ опасности... Можетъ быть, случилось несчастіе... Вѣдь не она первая погибнетъ за своихъ короля и королеву.. Развѣ венгерцы не поклялись моей матери, что готовы пролить за нее свою кровь? Развѣ мало ихъ погибло?..

XXIII.

Фердинандъ IV не въ духѣ. — Взгляды придворныхъ на политику. — Англійскій посоль и фаворитка государя. — Ихъ козни противъ королевы.

Утро, и Фердинандъ IV не въ духѣ. Онъ пошелъ охотиться съ ружьемъ еще на зарѣ и убилъ всего три куропатки да нѣсколько перепеловъ. Теперь, въ ожиданіи завтрака, онъ одинъ-одинешенекъ бродилъ взадъ и впередъ по длинной аллеѣ обширнаго парка, окружающаго виллу Фикуццу.

Въ значительномъ отъ него разстояніи сидѣли на садовой скамьѣ двое дежурныхъ при немъ придворныхъ — графъ Кастельротто и маркизъ Ровелло. Они глазъ не спускали съ короля издали. Но онъ ихъ едва ли замѣчалъ и во всякомъ случаѣ не могъ слышать ни слова изъ ихъ разговора.

Король остановился въ дальнемъ концѣ аллеи и нервно срывалъ цвѣты, бросая ихъ на землю.

— Тучи собираются, — замѣтилъ Кастельротто товарищу, указывая глазами на государя. — Охота не удалась ему сегодня.

— Нѣтъ, что жъ охота! — отозвался Ровелло. — Онъ, бѣдняга, не можетъ успокоиться съ самаго того дня, когда къ нему королева пріѣзжала.

Графъ Кастельротто недавно прибылъ къ сицилійскому двору и не вошелъ еще въ курсъ политическихъ обстоятельствъ. Онъ спросилъ:

— Она ему опять сдѣлала сцену? Изъ ревности?

— Есть ей охота ревновать, — пожимая плечами, отвѣчалъ маркизъ.

— Вы полагаете, она не ревнуетъ его къ этой... знаете?..

— И не думаетъ. Да, кромѣ того, она сама себя вознаграждаетъ и съ процентами.

— И теперь еще? Съ кѣмъ это?

— Покуда такъ... только смутные слухи. Поговариваютъ, что за послѣдніе дни около Кастельветрано появился какой-то красивый молодой человекъ. Кажется, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ калабрійскихъ атамановъ. Кто-то даже видѣлъ, какъ онъ ночью пробрался на виллу къ королевѣ.

— По-моему, въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго. Однимъ больше, однимъ меньше, не все ли равно. А она такая красавица; просто непостижимо. На послѣднемъ балу, въ день св. Розаліи, ея зрѣлая красота — по лѣтамъ, конечно, зрѣлая — просто затмевала молодыхъ прелестницъ.

— Ну, и знаменитый атаманъ, о которомъ вы говорите, тоже, вѣроятно, красавецъ. Понятно, что она предпочитаетъ его нашимъ тощимъ, золотушнымъ щеголямъ.

— Да не въ этомъ суть. Толкуютъ о какомъ-то заговорѣ противъ лорда Бентинка, о томъ, что въ Сициліи высаживаются отряды калабрійцевъ. Увѣряютъ, все налажено этимъ демономъ въ юбкѣ.

— Гм-м... Все равно, безъ его согласія, — возразилъ Ровелло, слегка кивнувъ въ сторону короля, — она ничего не подѣлаетъ.

Король теперь усѣлся и читалъ газету.

— Пожалуй! Но надо имѣть въ виду, что она приѣзжала къ королю нѣсколько дней тому назадъ почти украдкой, уѣхала внезапно, и съ тѣхъ поръ онъ сталъ не въ мѣру озабоченъ. Я упоминаю объ этомъ въ нашихъ общихъ интересахъ. Бентинкъ сумѣлъ удалить почти всѣхъ остальныхъ придворныхъ. Если мы остались при дворѣ, то единственно по его милости. Если заговоръ удастся, то вѣдь и намъ не сдобровать.

— Милый мой графъ, повѣрьте, что никакая мелочь не ускользаетъ отъ зоркости Бентинка. Онъ все предусматриваетъ. Покуда я могу сообщить вамъ по секрету, что дня черезъ три-четыре въ Палермо высадится около пяти тысячъ англійскихъ солдатъ. И эти свѣжія силы, совмѣстно съ тѣми, которыя уже здѣсь находятся, легко парализируютъ замыслы интриганки.

— Словомъ, по-вашему, мы можемъ быть спокойны.

— Спокойны и архиспокойны.

— Конечно, я вовсе не дорожу нынѣшней моею должностію; отъ нея немногимъ поживишься. Тѣмъ не менѣе эта проклятая революція и война такъ ошципали меня, что приходится даже оскорбленія безропотно переносить: король едва обращаетъ на меня вниманіе.

— Ну, и пусть себѣ. Что за бѣда! Сознаетесь, графъ, что вы нынче состоите при дворѣ не ради короля, а ради самого себя...

— И-и... Вы хотите сказать—ради Бентинка?

— А хоть бы и такъ. Никто изъ нашего общества, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ либеральныхъ головорѣзовъ изъ дворянъ, не можетъ на него пожаловаться. Онъ умѣетъ быть благодарнымъ. Либералишки кричатъ: «народъ страждетъ, народъ подавленъ, народъ обманутъ!» Вѣдь всегда такъ было, и не англичане тому виною. Видно, ужъ Господь такъ міръ сотворилъ.

Маркизь согласился, и дѣйствительно успокоился.

Фердинандъ IV тѣмъ временемъ продолжалъ сидѣть въ глубокой задумчивости надъ газетой, которую не читалъ. Вѣнецъ самодержца всегда тяготилъ его; онъ всегда охотно подчинялся вліянію тѣхъ, кто хотѣлъ умалять его личныя заботы. Въ 1799 году за эту безпечность онъ поплатился было престоломъ. Однако, скоро возвратилъ его себѣ, благодаря энергіи Каролины и другихъ лицъ,

заинтересованных сохраненіемъ старыхъ монархическихъ традицій. Въ 1806 году, когда уже приближались старость и слабость, онъ, казалось, безвозвратно утратилъ неаполитанское царство и готовъ бы былъ съ этимъ примириться, какъ съ политическимъ фактомъ, если бы его не заточили въ Сицилію и не лишили спортсменскихъ радостей въ богатыхъ дичью и рыбой окрестностей Неаполя. Такъ или иначе, онъ, во всякомъ случаѣ, старался примириться со своимъ положеніемъ и довольствоваться виллой, парками и лѣсами Фикуццы. Но жена...

Зачѣмъ эта безпокойная женщина втягиваетъ его въ тревожныя предпріятія? Зачѣмъ она заставила его подписать этотъ проклятый лживо-либеральный манифестъ и норовитъ, вопреки англійскому вліянію, заставить его опять управлять государствомъ. Богъ знаетъ, какія неприятности могутъ за этимъ послѣдовать! Конечно, свободнѣе было бы дышать, если бы возможно было устранить англичанъ. Только тогда, пожалуй, попадешь изъ огня да въ полымя... Онъ боялся этой женщины, увѣренный, что она на все способна. Вѣдь говорятъ же, что она изъ личныхъ видовъ покушалась отравить наслѣдника престола, своего родного сына, который нынче, по довѣренности отца, управляетъ государствомъ въ качествѣ генераль-викарія. Самъ Фердинандъ считалъ такое покушеніе болѣе чѣмъ возможнымъ, хотя показывалъ видъ, что не вѣритъ молвѣ.

А этотъ манифестъ! Что она съ нимъ сдѣлаетъ? Чѣмъ онъ грозитъ въ будущемъ? Вѣчно висящій надъ головой Дамокловъ мечъ. И при этой мысли король переходилъ отъ жалобъ на англичанъ къ соблазнительнымъ упованіямъ: о, если бы эти англичане избавили его отъ этой опасной до ужаса жены... Конечно, онъ бы и самъ могъ найти средства освободиться отъ нея. Но онъ не рѣшался, боялся... Да кто ея и не боится?

Покуда Фердинандъ все это раздумывалъ, съ противоположной стороны парка, примыкавшей къ большой дорогѣ, послышался звукъ приближавшагося экипажа и трескъ кучерскаго бича.

— Герцогиня!—воскликнулъ онъ, почувствовавъ значительное облегченіе:—хоть нѣ въ одиночку буду скучать!

Онъ быстро пошелъ по направленію къ виллѣ, приказавъ двумъ своимъ дежурнымъ придворнымъ слѣдовать за нимъ.

Карета герцогини Флоридіи остановилась въ значительномъ разстояніи отъ главнаго подѣзда, у аллеи, которой не было видно изъ комнатъ короля. Высокій, мускулистый, элегантный господинъ, очевидно, англичанинъ, съ рыжими баками, вышелъ первымъ изъ кареты, открывъ дверцу. Герцогиня, едва коснувшись его руки, проворно соскочила на землю.

Она была блистательно красива. Типъ сицилійки, обжигающей страстностью не только сердце, но весь организмъ человѣка. Огромные, выразительные черные глаза, рассыпающіеся по плечамъ и

спинѣ густые, вьющіеся волосы, цвѣта воронова крыла, крошечный ротикъ съ розоватыми пухленькими губами.

— Король, кажется, замѣтилъ меня издали,—обратилась она къ своему спутнику, предложившему ей свою руку:—я не хочу заставлять его дожидаться меня.

— Кто заставляетъ себя ожидать, никогда не проигрываетъ,—отозвался англичанинъ.

— Даже если ожидающій—король?—засмѣялась она.

— Относительно женской красоты въ этомъ отношеніи нѣтъ королей. Всѣ мы ея подданные.

— Такъ что и вы, милордъ, относительно меня?

— Вашъ покорнѣйшій слуга и другъ, жаждущій быть вамъ полезнымъ.

Шли медленно по длинной аллеѣ, густо отбняемой платанами.

— Я должна буду сказать ему, что вы пріѣхали со мной вмѣстѣ?

— Да... если онъ будетъ слишкомъ колебаться... Хорошо бы, если бы вы могли намекнуть ему, что я не смѣлъ просить его аудіенціи, не желая нарушать его удовольствія имѣть васъ своею гостей...

Они опять прошли молча нѣсколько шаговъ.

— Что это вы вдругъ такъ призадумались, герцогиня?—спросилъ англичанинъ.

— Думаю, что совѣтъ, который вы меня просили дать королю, очень щекотливъ, даже опасенъ,—отвѣчала красавица.

— Почему опасенъ?

— Возвращеніе ко двору... королевы значитъ мое удаленіе отъ короля.

— Да вѣдь всего на нѣсколько дней.

Флоридія подняла глаза и старалась угадать по лицу англичанина его заднюю мысль.

— Но зато вы будете вознаграждены въ будущемъ: вы получите возможность стоять еще ближе къ королю.

— То есть мнѣ предстоитъ борьба съ этой женщиной, которая не остановится ни предъ какимъ средствомъ. Король къ ней не питаетъ любви, это правда. Но онъ ужасно боится ея, и она какъ-то умѣетъ овладѣвать его умомъ и волей.

— Вотъ поэтому-то мы и должны бороться съ нею ея же оружіемъ. Это большая ошибка, что мы удалили ее въ Кастельветрано, здѣсь было бы удобнѣе за нею слѣдить. Необходимо увговорить короля сдѣлать то, чего онъ самъ давно желаетъ, т. е. обставить дѣло такъ, чтобы ея удаленіе не только отъ двора, но и изъ Сициліи вообще, не могло дать Австріи повода къ протесту, чтобъ Австрія не могла настаивать на ея возвращеніи сюда... Это будетъ содѣйствовать умиротворенію государства, успокоенію короля и также... дорогая герцогиня, вашему возвышенію.

— Говорятъ, что этотъ атаманъ и молодъ и очень красивъ.

— Мужская красота не мое дѣло. Я знаю, что онъ блестятельно отличался въ калабрійской войнѣ съ французами, что онъ сынъ, только незаконный, какого-то аристократа... Во всякомъ случаѣ смѣлость у него образцовая. Представьте себѣ, едва онъ высадился на сицилійскій берегъ, какъ подрался съ англійскими солдатами, двухъ убилъ и забрался прямо къ королевѣ, которая находилась тогда въ своей Черной башнѣ.

— Зачѣмъ же вы его не арестовали?

— А потому, что и мнѣ, и вамъ, и всему здѣшнему королевству нужно, чтобъ онъ оставался на свободѣ, покуда мы не поймемъ его въ ловушку.

— Которую придется мастерить мнѣ именно?

— Да, но для вашей личной пользы.

— И для того, чтобы избавить Англію отъ довольно опаснаго врага.

— Англія,—возразилъ нѣсколько напыщенно спутникъ герцогини,—боится только Бога. Она идетъ впередъ прямымъ и честнымъ путемъ, давить только тѣхъ, кто пытается ей препятствовать.

— Не разбирая средствъ?

— Въ случаѣ крайности, пожалуй... Между этими средствами есть такія, которыя могутъ содѣйствовать превращенію герцогини Флоридіи въ королеву.

Красавица почти вздрогнула отъ удовольствія: Бентинкъ зналъ, что она вся проникнута необузданнымъ тщеславіемъ.

— А теперь, герцогиня, до свиданья—сказалъ онъ:—къ вечеру я велю кучеру пріѣхать за вами. Разумѣется, если его величество не пожелаетъ играть съ вами въ шахматы... Онъ, кажется, ихъ очень любитъ. Онъ, говорятъ, жалуется, что я удалилъ отъ него его любимыхъ придворныхъ. Да развѣ возможно жаловаться, когда онъ мнѣ же обязанъ знакомствомъ съ прелестнѣйшей изо всѣхъ сициліекъ.

Она граціозно улыбнулась, лордъ Бентинкъ, откланявшись, вернулся къ экипажу, послалъ къ герцогинѣ доголѣ не выходившую изъ кареты старушку-компаньонку и уѣхалъ.

Лордъ Бентинкъ всегда ѣздилъ не только безъ конвоя, но и безъ лакея. Придворные, знавшіе, какъ ненавидитъ его королева и какъ она хитра, дивились его смѣлости. Онъ же только отшучивался, объясняя, что его ярко красные видимые солдаты разставлены вездѣ вблизи его пути очень расчетливо, не только для его безопасности, но и для отвода глазъ его враговъ, которые не догадываются, что его оберегаютъ, кромѣ того, и солдаты невидимые.

Флоридія, какъ и другіе, дивилась безстрашію англійскаго дипломата, ибо онъ рассказалъ ей между прочимъ, что не далѣе, какъ

вчера вечеромъ, къ нему на виллу пробрался извѣстный заговорщикъ графъ Бучето, старшина братства св. Павла, имѣя намѣреніе войти въ соглашеніе съ англійскимъ правительствомъ по осуществленію въ Сициліи либеральнаго переворота. «Но я его приказалъ арестовать и посадить въ тюрьму», закончилъ свой рассказъ Бентинкъ.

Рассказъ объ этомъ эпизодѣ произвелъ на герцогиню особенное впечатлѣніе, потому что днемъ ранѣе графъ Бучето предлагалъ ей самой принять участіе въ замыслахъ братства. Теперь она благословляла судьбу, что отказалась, иначе Бентинкъ не затруднился бы отдалить ее отъ короля, а, можетъ статья, еще серьезнѣе навредить ей.

XXIV.

Радость Фердинанда IV отравлена: и обожасмая Флоридія заговорила о политикѣ.

Часовой, ветхій бурбонскій ветеранъ, дремотно охранявшій входъ въ королевскую виллу, встрепенулся и чуть было не взялъ на караулъ предъ фавориткой государя. Обшитый золотыми галунами швейцаръ съ золотой булавою низко ей поклонился. Но она, не обративъ на нихъ вниманія, быстро прошла вестибюль и поднялась по лѣстницѣ. Тѣмъ не менѣе швейцаръ нагналъ гостью и, склонившись очень низко, доложилъ:

— Его величество видѣли издали карету вашего сіятельства и изволили отложить свой завтракъ до вашего приѣзда.

Она продолжала подниматься, на первой площадкѣ ее почтительно встрѣтилъ хорошо знакомый ей мажордомъ, тотъ самый, который нѣсколько дней назадъ встрѣчалъ королеву Марію-Каролину. Съ нимъ Флоридія удостоила заговорить:

— Дорога меня ужасно утомила. Прежде всего я хочу кушать.

— Госпожа герцогиня имѣетъ въ виду провести здѣсь ночь?— спросилъ мажордомъ.

— Право, не знаю. Можетъ быть, государь пожелаетъ закончить партію въ шахматы, которую намъ помѣшали довести до конца прошлый разъ...

Они вошли въ одну изъ комнатъ, обыкновенно отводимыхъ герцогинѣ, которая считала необходимымъ привести въ порядокъ свой туалетъ.

Король между тѣмъ нетерпѣливо шагалъ по комнатамъ, ожидая гостью. Для него это посѣщеніе было очень кстати, онъ истерзался одиночествомъ, невозможностью ни съ кѣмъ откровенно поговорить. Сегодня онъ рѣшился рассказать ей всѣ свои опасенія, всѣ свои заботы и посоветоваться съ нею. Старый Фердинандъ былъ глубоко убѣжденъ въ искренней безкорыстной любви

къ нему этой молодой особы, а также и въ ея умѣ. Къ тому же она такъ умѣла успокаивать его раздражительность, разсѣивать его мрачныя мысли, забавлять и веселить.

Ему особенно было дорого въ фавориткѣ отсутствіе какого бы то ни было нравственнаго сходства съ королевой. Флоридія это понимала и старалась всѣми мѣрами поддерживать въ немъ это предположеніе. Она избѣгала досаждать ему разговорами о политикѣ и почти во всемъ съ нимъ соглашалась.

Къ тому же, по внѣшней красотѣ, обѣ эти женщины были диаметрально противоположны...

Нетерпѣніе короля возрастало съ минуты на минуту. Во-первыхъ, онъ былъ голоденъ, а безъ прелестной гостыи ни за что не хотѣлъ завтракать. Во-вторыхъ, онъ просто жаждалъ поскорѣй съ ней увидѣться. Не цѣпляйся онъ все еще за этикетъ, связанный съ королевскимъ достоинствомъ, онъ давно бы побѣждалъ ей навстрѣчу.

Тотъ же дворцовый этикетъ не позволялъ ему спросить у прислуги, что задержало гостыю. Онъ даже начиналъ сомнѣваться, не обманули ли его собственные глаза; можетъ быть, кто другой пріѣхалъ. Фердинандъ начиналъ, по своему обыкновенію, чертыхаться вслухъ.

Наконецъ дверь распахнулась, и камеръ-лакей доложилъ:

— Ея сіятельство герцогиня Флоридія...

Фердинандъ не выдержалъ, громко воскликнулъ: «Наконецъ-то, наконецъ!» ринулся къ двери и, по внушенію своего желудка, не менѣе энергично повелѣлъ подавать на столъ сію же минуту.

Красавица остановилась на порогѣ; лицо ея выражало неудовольствіе, оскорбленіе. Когда слуга вышелъ, король по обыкновенію прикоснулся губами къ ея челу.

— Что съ вами?—спросилъ онъ тревожно:—что случилось?..

Она отвѣтила раздраженнымъ жестомъ, какъ капризный ребенокъ:

— Ваше величество очень забывчивы. Едва ли вы когда думаете о вашей маленькой герцогинѣ... Лакеи вашего величества позволяютъ себѣ оскорблять ее въ вашемъ присутствіи.

— Что такое тебѣ взбрело на умъ?—воскликнулъ въ испугѣ король, не понимавшій, чѣмъ провинился. — Я тебя позволяю оскорблять? Полно, полно, дѣвочка... Или это ты такъ болтаешь, чтобъ не дать мнѣ времени распечь тебя за то, что ты долго ко мнѣ не шла? Да говори же: зачѣмъ это милое личико хмурится?..

Онъ обнялъ ее, притянулъ къ себѣ и снова поцѣловалъ въ лобъ.

— Ну, скажи... Скажи же, что я такое забылъ? Чѣмъ я могъ огорчить тебя?

— Ни за что... Если ваше величество забываете обѣщанія, которыя ему, какъ монарху, слѣдовало бы исполнять, то... то я дѣй-

ствительно огорчена... Конечно, не за себя, а за моего короля... Эта забывчивость унижает его самого, а не мое достоинство... Но вотъ, я сказала, и не хочу больше вспоминать. Я преклоняюсь передъ моимъ государемъ, попрежнему.

Конечно, Фердинандъ этимъ не удовольствовался. Онъ продолжалъ допытываться о причинѣ огорченія своей очаровательницы, да кстати, между прочимъ, жаловался на свое одиночество, объяснялъ, какъ ея прїѣздъ ему радостенъ. Она казалась растроганной, тоже обняла его, склонила ему на грудь голову и наконецъ тихо произнесла:

— Развѣ ваше величество не замѣтили, что камеръ-лакей, докладывая обо мнѣ, назвалъ меня ея сіятельствомъ вмѣсто ея свѣтлости.

— Ахъ, чортъ бы меня побралъ!—воскликнулъ король, вспомнивъ, что обѣщалъ дать Флоридіи титулъ свѣтлѣйшей.

Обѣщаніе это онъ далъ въ моментъ пылко разгорѣвшейся старческой страсти. Остывъ же, онъ рѣшилъ, что такой титулъ при настоящихъ обстоятельствахъ могъ бы возбудить неудобные для него толки. Потомъ забылъ, въ надеждѣ, что и она забудетъ.

Мажордомъ доложилъ, что кушанье подано. Король приказалъ ему сказать дежурнымъ камеръ-юнкеру и камергеру, что онъ освобождаетъ ихъ отъ обязанности служить при его трапезѣ.

Флоридія какъ будто не перестала еще дуться, сѣвъ за столъ, и едва касалась яствъ. Къ концу завтрака король выслалъ изъ комнаты всю прислугу и не безъ раздраженія сказалъ:

— Неужели мнѣ суждено постоянно видѣть около себя мрачныя, недовольныя фізіономіи! Улыбнись ради Бога, моя дѣвочка.

— Вѣдь не я, ваше величество, недовольна, а вы сами сердитесь на меня за то, что я осмѣлилась напомнить...

— Нѣтъ же, нѣтъ! Совсѣмъ я на тебя не сердитъ. Только и королю приходится иногда сдерживать свои желанія... Съ титуломъ надо обождать; воспользуемся первымъ подходящимъ случаемъ... А теперь... такъ, ни съ того, ни съ сего... это возбудило бы зависть, ревность... Много неприятностей для меня вышло бы.

— Я понимаю! Зависти я, конечно, не допускаю. Но ревность?! Ваше величество боитесь разгнѣвать государыню.

Фердинандъ, не понявъ ироніи, отвѣчалъ:

— Что же дѣлать, драгоценная ты моя! Эта женщина всегда на меня наводила страхъ. А всѣ обрушившіяся на меня несчастія послѣдняго времени еще пуще обострили ея характеръ. Мы хоть и не живемъ вмѣстѣ, а все-таки съ ней нельзя не считаться...

— И все-таки вашему величеству отъ этого не легче...

Король разинулъ ротъ, желая что-то возразить; она его перебила:

— Знаю, государь, вы скажете, что мое присутствіе для васъ испукаетъ многое...

— Да Богъ съ ней... пусть живетъ, какъ знаетъ, лишь бы меня оставила въ покоѣ... А то, какъ ни толкуешь съ ней, а въ концѣ концовъ подчинишься ея власти.

— Даже тогда, когда ея власть бываетъ направлена во вредъ молодого существа, которое, любя ваше величество, отдалось вамъ вся беззавѣтно и на всю жизнь, — отвѣчала герцогиня печально.

— Нѣтъ, не то. Ты преувеличиваешь; очень преувеличиваешь. Королева превосходно понимаетъ, что никоимъ образомъ не можетъ имѣть вліянія на мои отношенія къ тебѣ. Она знаетъ, что невозможно поколебать мое обожаніе лучшей, прекраснѣйшей женщины, той, которая отдала мнѣ свою молодость, всю душу свою.

Онъ держалъ въ своихъ рукахъ руки красавицы, цѣловалъ ихъ; старческіе глаза горѣли вождедѣніемъ.

— Однако вы, государь, изъ боязни королевы не рѣшаетесь подписать декрета о дарованіи мнѣ обѣщаннаго титула свѣтлости.

— Нѣтъ... Я не отказываюсь. Только перестанемъ теперь объ этомъ говорить.

— Вы боитесь, что ей это не понравится, — продолжала Флоридія, предоставляя свои руки въ его распоряженіе, но не обращая вниманія на его слова. — А королева, сидя въ своемъ Кастельветрано, продѣлываетъ Богъ знаетъ что, вовсе не справляясь съ вашими желаніями. Она интригуетъ, водится съ негоднѣйшими искателями приключеній, съ ворами, разбойниками. Особенно близка съ какимъ-то проходимцемъ, который, подъ прикрытіемъ военныхъ подвиговъ, крови, пролитой за престолъ и короля, удовлетворяетъ низменные капризы этой женщины.

Король немного поблѣднѣлъ; его лицо выражало и презрѣніе, и досаду, и скуку. Онъ счелъ необходимымъ возражать, хотя бы ради поддержанія своего достоинства:

— Все это англичане выдумываютъ, потому что ненавидятъ ее. Она не можетъ забыться до такой степени... Да въ ея годы...

Король не договорилъ, вспомнивъ свои годы и свой tête-à-tête почти съ дѣвочкой. Мало ли что случалось; мало ли на что онъ смотрѣлъ сквозь пальцы. Онъ охотно прощалъ женѣ ея эротическіе капризы. Не ему бы прибѣгать къ подобнымъ аргументамъ.

Онъ перешелъ къ жалобамъ на ея интриганство, къ опасеніямъ насчетъ либеральнаго манифеста. Чортъ знаетъ, что изъ этого можетъ выйти. Послѣдніе его... если не друзья, все-таки сторонники, англичане и наслѣдникъ престола, управляющій нынче царствомъ, вѣдь и они, пожалуй, отступятся... Статься можетъ, уже отступились... Кто знаетъ, что успѣла уже продѣлать съ манифестомъ эта шустрая баба?

Фердинандъ любилъ простонародныя выраженія.

— Англичане вовсе не ее ненавидятъ, — нараспѣвъ возразила герцогиня: — а ея интриги. Имъ хорошо извѣстно, что женщина,

которой должно же быть дорого... ну, хоть просто спокойствіе вашего величества, мутить вокругъ васъ воду, рискуеть совѣмъ сгубить эту несчастную Сицилію и во все вмѣшиваеть ваше имя, государь.

— Какъ? Что?—испуганно забормоталъ король.—Имя мое вмѣшиваеть. А я самъ ровно ничего объ этомъ не знаю... Всюду-то она свою своевластную голову безъ моего вѣдома суетъ. Это вѣдь она взбунтовала Калабрію, это она втянула королевство въ такую жестокою войну... Я тутъ ни при чемъ... рѣшительно ни при чемъ...

— Это правда, государь, что вы ни при чемъ. Но представьте себѣ, что этотъ манифестъ, вами подписанный, будетъ объявленъ.

— А ты что же знаешь о манифестѣ? — вскричалъ Фердинандъ, причемъ лицо его позеленѣло даже.

— Я знаю отъ лорда Бентинка...

— Отъ Бентинка?

— Да. Оттого я къ вамъ позднѣе и пріѣхала. Онъ былъ у меня утромъ, задержалъ, онъ и довезъ меня сюда, онъ мнѣ все и рассказалъ. Рассказалъ, что подъ вліяніемъ королевы ваше величество подписали либеральнѣйшій манифестъ. Признаюсь, меня глубоко огорчило, что потомокъ Людовика Святого и Людовика Великаго далъ свое согласіе на средство, которому онъ долженъ бы былъ противиться, даже если бы ему грозила мученическая участь его свояка, французскаго короля. Вѣдь это провозглашеніе главенства власти народной, несомнѣнно, поведеть къ возстанію, къ ожесточенію народа противъ единственныхъ, существенно поддерживающихъ васъ друзей, т. е. англичанъ. Вѣдь только они одни вамъ доставляли относительное спокойствіе. Они настояли на предоставленіи наслѣднику вашего величества полномочій правителя, на удаленіи Каролины Австрійской. Все для того, чтобъ парализовать опасные происки безпокойной женщины, которая, какъ вы сейчасъ замѣтили, виновна и въ броженіи Калабріи, и въ войнѣ. Сицилійцы спокойны, покуда около васъ англичане. Но разжечь страсти моихъ земляковъ не мудрено... И что тогда будетъ?

— Ого-го, да ты, матушка, какъ по книгѣ о политикѣ рассуждаешь!—воскликнулъ изумленный король.

Дѣйствительно, Флоридія никогда еще не касалась политики въ бесѣдахъ съ Фердинандомъ. Намекъ короля на то, что она говоритъ теперь со словъ Бентинка, заставилъ ее покраснѣть. Однако, она продолжала, не смущаясь:

— Я говорю потому, что предана вашему величеству, люблю васъ, государь, всѣмъ сердцемъ. Если бы я въ такую критическую для васъ минуту не высказала всего, что у меня накопилося на душѣ, я была бы недостойна вашего довѣрія; я перестала

бы быть вашимъ искреннимъ другомъ, какъ вы меня называете, и оставалась бы только любовницей...

— Ну! что ты говоришь! Зачѣмъ это! Не огорчайся же, душа моя,— возразилъ король, которому очень не нравился такой оборотъ разговора...

— Что же! Я бы не стыдилась такого званія; я бы гордилась имъ... Но только при условіи, чтобы мнѣ было предоставлено право оберегать любимаго человѣка, предупреждать его объ опасности...

Убѣдясь, что невозможно свести бесѣду на болѣе пріятную тему, Фердинандъ рѣшился итти прямо навстрѣчу грозѣ. Онъ бросилъ на столъ салфетку, всталъ, подошелъ совсѣмъ близко къ своей любовницѣ и, глядя ей прямо въ глаза, твердо спросилъ:

— Скажи откровенно, это все Бентинкъ научилъ тебя мнѣ сказать?

— Лордъ Бентинкъ преданный мнѣ другъ. Но онъ еще болѣе преданъ вашему величеству. Я и не скрываю, что я отъ него узнала все то, что понудило меня такъ откровенно заговорить съ вами. Но я еще должна добавить, что если будетъ обнародованъ манифестъ, который королева заставила васъ подписать... вѣдь всѣ знаютъ, что она почти силой вынудила васъ... вообще все извѣстно...

— Извѣстно?! Но какимъ образомъ? Мы были одни... Неужели у меня и въ спальнѣ сидятъ шпионы!

— Да, и хорошо еще, что шпионы не проглядѣли такой ужасной вашей ошибки, почти невольной ошибки, но ужъ черезчуръ опасной; лорду Бентинку это извѣстно и онъ считаетъ крайне необходимымъ, чтобы этотъ промахъ былъ какъ можно скорѣе заглаженъ. Подумайте, государь, какъ только вашъ манифестъ будетъ обнародованъ, такъ зашевелятся всѣ либералы, всѣ, кто обратилъ революцію чуть не въ ремесло, кто совершаетъ переворотъ, прикрываясь вашимъ же знаменемъ. Что они прежде всего изгоняютъ англичанъ — это неизбѣжно. И также несомнѣнно, что вслѣдъ за тѣмъ въ Сицилію высадятся французы. Флотъ Наполеона давно сторожитъ съ той стороны пролива... А ихъ побѣда... Знаете, къ чему поведетъ побѣда Наполеона? Не больше, не меньше, какъ къ присоединенію нашей родной Сициліи къ великобританскимъ владѣніямъ.

— Да, необходимо ее арестовать; если мой генераль-комиссаръ не рѣшится подписать указъ объ ея задержаніи, я самъ подпишу,— воскликнулъ Фердинандъ, задѣтый за живое.

Все, что говорила ему герцогиня, являлось какъ бы комментаріями его собственныхъ мыслей, которыя мучили его вотъ уже нѣсколько сутокъ, съ того самаго дня, когда онъ подписалъ розовой манифестъ. Разсужденія герцогини были яснымъ выводомъ изъ его смутныхъ думъ. Ему уже не разъ приходило въ голову,

что каковы бы ни были послѣдствія рѣшенной его женою борьбы— побѣда ли англичанъ, изгнаніе ли ихъ,— расплачиваться во всякомъ случаѣ придется ему: вторженіе чужеземцевъ въ Сицилію и присоединеніе этого послѣдняго клочка его царства либо къ великобританскимъ владѣніямъ, либо къ наполеоновской имперіи, смотря по тому, какъ сложатся обстоятельства. Искать поддержки у Россіи, у Австріи было бы невозможно, какъ бы онъ, еще недавно могущественный монархъ, предъ ними ни унижался. Онъ никогда не простили бы ему провозглашенія рѣзко революціонныхъ принциповъ.

— Только такая мѣра, — продолжалъ онъ съ негодованіемъ, — могла бы хотя до нѣкоторой степени предотвратить окончательную гибель государства, которую подготовила эта ехидна. Иначе вся Европа будетъ считать меня недостойнымъ носить вѣнецъ, который угодно было Всевышнему возложить на мою голову.

Флоридія въ душѣ торжествовала, но приняла опечаленный видъ и, сожалительно покачивая головой, возразила:

— Нѣтъ, нѣтъ. Я вамъ докладывала уже, какъ глубоко преданъ вамъ лордъ Бентинкъ. Но должна сообщить, онъ считаетъ арестъ черезчуръ опасной мѣрой. Она воспользовалась бы для защиты тѣмъ же самымъ манифестомъ. Чѣмъ бы вы могли доказать, что подписали его противъ своей воли, что вы не сообщникъ вашей супруги. Австрія неминуема будетъ жестоко оскорблена вашимъ поступкомъ съ дочерью Маріи-Терезіи и трудно даже предвидѣть, какія мѣры она надумаетъ принять противъ вашего величества. А вы знаете, что въ настоящее время монархи, поставленные Богомъ правителями своихъ народовъ, болѣе, чѣмъ когда-либо, должны поддерживать между собою твердо братскія отношенія.

— Такъ-то это такъ, — произнесъ король, подсаживаясь ближе къ своей подружѣ. — Такъ! Но что же однако дѣлать?

— Надо прибѣгнуть къ хитрости: на интриги отвѣчать интригами...

— Не понимаю тебя.

— Разрѣшаете ли вы мнѣ, государь, высказаться безо всякаго стѣсненія, единственно въ видахъ вашей собственной пользы, вашего личнаго спокойствія.

— Разумѣется. Когда же я мѣшалъ тебѣ говорить со мною вполнѣ откровенно?

— Но прежде скажите и вы мнѣ совершенно откровенно: желали бы вы, или нѣтъ, чтобъ королева навсегда удалилась изъ Сициліи?

— Конечно, желаю. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Въ такомъ случаѣ единственное средство избавиться отъ нея, не опасаясь, что Австрія будетъ считать виновнымъ васъ...

— Да не тяни, ради Бога... Какое средство?

— У королевы есть любовникъ.

Фердинандъ не хотѣлъ съ этимъ явно соглашаться, оберегая еще свое и королевское и супружеское достоинство.

— Развѣ другъ, довѣренное лицо, сообщникъ ея кабалистическихъ замысловъ... Но какой же у ней можетъ быть любовникъ!..

— Я повторяю, государь, что есть любовникъ. Надо ихъ подстеречь, получить явныя доказательства ея адюльтера. Тогда уже не трудно будетъ выслать ее изъ Сициліи.

— Однако!—болѣе чѣмъ изумленно воскликнулъ король, не ожидавшій такого совѣта.

Его собесѣдница понимала, что при склонности короля къ колебаніямъ надо ковать желѣзо, покуда горячо.

— Я готова согласиться, что средство рѣзкое, пожалуй, недостойное монарха... Но что же дѣлать! Другого не придумаете для успокоенія этой несчастной страны, для предупрежденія присоединенія Сициліи къ англійскимъ владѣніямъ или вторженія французовъ... А вѣдь тогда пострадаете вы государь... Какъ пострадаете... объ этомъ излишне распространяться.

— Вѣрно. Но дѣло въ томъ, что я не вѣрю, не могу и не хочу вѣрить тому, что рассказываютъ про эту женщину ея заклятые враги.

— Въ такомъ случаѣ оставимъ нашъ проектъ. Наша цѣль не будетъ достигнута, зато ваше величество получите возможность убѣдиться, что вапа супруга... истинная Пенелопа.

Фердинанду слѣдовало бы возмутиться такой насмѣшкой. Но его почти польстилъ намекъ, что его жена интригуетъ противъ него изъ ревности. Онъ потребовалъ, чтобы ему рассказали планъ осуществленія предполагаемаго средства.

— Ваше величество пригласите государыню погостить нѣсколько дней въ Фикуццѣ. Предлогъ не трудно придумать: какой-нибудь праздникъ, большая охота, все равно. Она, навѣрно, не откажется пробыть съ вами нѣкоторое время въ видахъ ея собственныхъ замысловъ, рассчитывая и на вашу власть, и на вашу... на вашу, государь...

— На мою слабость...

— Не совѣмъ. А на вашу доброту. Она, навѣрно, пріѣдетъ и, навѣрно, привезетъ съ собой своего шталмейстера. Чтобъ всегда имѣть около себя этого молодца, вѣдь она назначила его шталмейстеромъ своего двора.

— Такъ, значить, онъ изъ дворянъ... принадлежитъ къ аристократіи, хотя бы и новѣйшей. Вѣдь не съ ума же она сошла, чтобъ назначить на такое мѣсто, какъ ты говоришь, мужика, атамана разбойниковъ... Я готовъ допустить, что и въ ея годы случается... случаются слабости: простительно. Кто изъ насъ безъ грѣха, какъ сказано въ евангеліи... Но назначить шталмейстеромъ

своего двора плебея? Нѣтъ, нѣтъ, я ручаюсь, что она на это не способна... Она помнитъ, даже черезчуръ помнитъ, что она австрійская эрцгерцогиня, королева Неаполя и Сициліи...

— Тамъ какъ бы ни было, а я знаю навѣрно, что она назначила его своимъ шталмейстеромъ.

— Я непременно заставлю ее дать мнѣ отчетъ въ такомъ чудовищномъ поступкѣ.

— Право, было бы лучше, если бы ваше величество оставили это покуда безъ вниманія. Дѣло наше слишкомъ серьезно... Королева навѣрно приметъ ваше приглашеніе, прибудетъ сюда. Все будетъ устроено такъ, что обличеніе будетъ почти публичное. А затѣмъ, государь, вы можете почивать спокойно.

Фердинандъ призадумался, онъ предвидѣлъ немалую для себя тревогу. Этотъ проектъ не особенно ему нравился.

— Хорошо... только, какъ ни говори, это предательство, ловушка,—бормоталъ онъ.

— А развѣ всѣ ея замыслы не предательскіе?—вскричала герцогиня, раздосадованная, что король сдавался не такъ легко, какъ она ожидала.—Развѣ она не старается ставить на каждомъ шагу западни тѣмъ, кто сюда пришелъ для защиты и ея супруга и ея самой.

— Но пойми ты,—воскрикнулъ король, открывая настоящія причины своего противодѣйствія, пойми:—что я не хочу оскорбленій, не хочу мучительныхъ, тревожныхъ заботъ! Мнѣ нуженъ покой. Потому-то я и управление государствомъ передалъ сыну, потому-то не протестовалъ, когда англичане удалили отъ меня моего лучшаго друга, бѣднаго д'Асколи, когда они фактически урѣзали мои прерогативы.

— Но вашему величеству въ этомъ дѣлѣ никакихъ заботъ не предстоитъ. Ваши вѣрнѣйшіе друзья все устроятъ, нимало васъ не тревожа. У нихъ одна цѣль—торжество истины и справедливости.

Король, подумавъ, согласился наконецъ.

— Такъ я, пожалуй, готовъ. Значитъ, моего вмѣшательства совсѣмъ не потребуется.

— До нѣкоторой степени оно будетъ нужно, только не причинитъ вамъ ни малѣйшаго безпокояства.

— Это все вамъ такъ кажется, милая ты моя дѣвочка. Вы воображаете, что такъ легко заманить ее въ западню, накрыть на мѣстѣ преступленія. Вы хотите бороться лукавствомъ съ ея ухищреніями, и жестоко ошибетесь въ вашихъ расчетахъ. Вѣдь вы не знаете, какъ я ее знаю. У ней душа не человѣческая, а сатанинская какая-то. Она способна совершать самыя, возвышенныя, геройскія поступки такъ же, какъ способна къ отвратительнѣйшей низости. Иногда она, какъ орелъ, взлетитъ за облака, и вдругъ не-

ожиданно, какъ ехидна, ползаетъ въ грязи. Она всякаго чловѣка насквозь видитъ... Правда, случается иногда, что она поддается вліянію какого-нибудь дурака изъ ея придворной челяди. Но все-таки не услаждайте себя надеждой быстро ее побѣдить. Имѣйте въ виду, что если она заподозритъ вашу ловушку, то я и представить себѣ не могу, до чего она можетъ дойти. Я въ такомъ случаѣ...

— Вы не вступились бы за меня? Не защитили бы меня отъ ея ярости?—вкрадчиво произнесла Флоридія, обвивая руками шею короля и прижимаясь лицомъ къ его лицу. Она вѣрно рассчитала: сладостное ощущеніе постепенно, но быстро ослабило его послѣднія опасенія. Онъ какъ бы махнулъ рукой на нихъ...

—Однако,—обратился онъ чрезъ нѣсколько минутъ къ своей собесѣдницѣ, указывая на столъ,—мы съ тобой еще поклевать путемъ не успѣли. Жареные фазаны совсѣмъ остыли... а все-таки рекомендую: они заслуживаютъ еще твоего вниманія.

— Вы всегда меня будете любить?—спрашивала красавица, цѣлуя его въ сѣдые волосы.—Всегда такъ же крѣпко, какъ теперь?

Король ничего не отвѣтилъ, но, доѣдая фазана, глядѣлъ на нее такими глазами, что слова были бы излишни.

-- Ахъ, Фердинандъ! Фердинандъ!—вздохнула герцогиня:—если бы я только могла всегда быть съ тобой! Какъ бы я берегла тебя, какъ бы тебѣ спокойно жилось.

— Кто знаетъ,—наконецъ, отозвался онъ.—Все можетъ еще случиться. Не такъ вѣдь еще я старъ,...

XXV.

Гибель калабрійскихъ партизановъ.—Тактика англійскаго посла.—
Альма спасена.

Возвратимся къ калабрійцамъ, вызваннымъ Каролиной въ Сицилію и не дождавшимся чести видѣть свою королеву. Ихъ, какъ мы знаемъ, скопилось около двухъ тысячъ, кой-какъ ютившихся на прибрежной Сегестской равнинѣ. До роковой ночи, описанной нами выше, у нихъ были надежды, что непосредственныя заботы королевы обезпечатъ ихъ существованіе и дадутъ возможность сформироваться въ боевые отряды. Послѣ же неудачной экскурсіи ея величества къ мѣсту расположенія своихъ калабрійцевъ, всѣ упованія рушились. Имъ стало извѣстно, что сама королева обратилась въ бѣгство съ половины пути, что полковникъ Рикардо, едва назначенный ихъ командиромъ, исчезъ вмѣстѣ съ государыней. Лучшіе люди отряда, конвоировавшіе экипажъ ея, покинутый теперь на дорогѣ, тоже словно въ воду канули.

Мелкія шайки калабрійцевъ, прятавшіяся среди холмовъ около Сегесты, были безъ труда разсѣяны англичанами. Бентинкъ, знав-

пій обо всемъ происходившемъ, выслалъ нарочно цѣлый полкъ «вареныхъ раковъ», какъ звали въ Сициліи великобританскихъ солдатъ, носившихъ — и носящихъ доселѣ — пурпурнаго цвѣта мундиры.

Несчастные не пытались даже сопротивляться; они разбѣжались, кто куда могъ, бродили, гдѣ могли по чужой, неизвѣстной имъ странѣ, плохо вооруженные, еще плоше одѣтые, голодные. Счастливы, успѣвшіе пробраться къ морскому берегу, питались надеждой, что найдутъ какое-нибудь суденышко, на которомъ могутъ переплыть въ родимую Калабрию. На сочувствіе, а тѣмъ болѣе на содѣйствіе мѣстнаго населенія эти пришельцы рассчитывать не могли. Сицилійцы, единоплеменники и сосѣди калабрійцевъ (ихъ раздѣляетъ только узкій Мессинскій проливъ), преданы одному и тому же королю; но они горды, самодѣянны и вмѣшательство калабрійцевъ въ свои расчеты съ англичанами считали оскорбленіемъ, какъ ни жаждали освободиться отъ послѣднихъ. Они надѣялись только на самихъ себя. Мѣстные простолюдины отказывали пришельцамъ въ кускѣ хлѣба. Многочисленные члены тайныхъ революціонныхъ обществъ усматривали въ нихъ помѣху.

Королева сдѣлала большую ошибку, пригласивъ этихъ несчастныхъ, оторвавъ ихъ отъ родимыхъ горъ, не предусмотрѣвъ послѣдствій, а главное — поддавшись обману со стороны своихъ агентовъ, вербовавшихъ и перевозившихъ калабрійцевъ. Она снабжала этихъ агентовъ крупными суммами, вполне достаточными для вооруженія и содержанія людей. Но агенты клали себѣ въ карманъ львиную часть, а люди бѣдствовали во всѣхъ отношеніяхъ.

Разогнавъ калабрійскія шайки около Сегесты, высланный англичанами для этого полкъ успѣшно вернулся въ Палермо, оставивъ для надзора на мѣстѣ незначительное число солдатъ. Полкъ былъ успѣшно вызванъ въ столицу къ открытію экстренныхъ засѣданій парламента, собравшагося для утвержденія законовъ объ увеличеніи налоговъ на зерновой хлѣбъ. Правительство (т. е. англійская партія) опасалось народнаго возмущенія, которое, какъ говорили, готовится братствомъ св. Павла. Слухи были основательны, и лордъ Бентинкъ, конечно, не желалъ, чтобы его застали врасплохъ.

Въ мѣстности, гдѣ еще бродили въ одиночку калабрійцы, была оставлена всего одна рота. Боятся калабрійцевъ было уже нечего, однако патрули появлялись постоянно тамъ, гдѣ пытались сходить въ мѣстѣ нѣсколько побѣжденныхъ. Дня не проходило безъ стычки англичанъ съ бѣглецами въ гущѣ какого-нибудь лѣска. Тактика англичанъ заключалась въ томъ, чтобы все болѣе и болѣе стягивать кругъ, въ которомъ ютились калабрійцы, и заморить ихъ голодомъ.

Что касается той дюжины «лучшихъ людей», которыхъ Рикардо выбралъ для конвоировапія королевы,—то они находились внѣ этого круга и съ солдатами не дрались, когда Каролина ускакала въ сопровожденіи своего шталмейстера, оставивъ не только карету, но и свою подругу Альму на попеченіи конвоя подъ начальствомъ Пьетро Торо.

Едва королева и Рикардо скрылись въ чащѣ лѣса, какъ раздалось около пункта, гдѣ осталась конвойная группа, нѣсколько выстрѣловъ, и при свѣтѣ утренней зари за зеленью деревьевъ выянилось столько подвижныхъ пурпурныхъ пятенъ, что Торо и товарищи, какъ смѣлы они ни были, рѣшили, что сопротивленіе было бы бесполезной нелѣпостью. Къ тому же на ихъ попеченіи осталась юная герцогиня Фаньяно. Они рѣшили разсѣяться по лѣсу. Пьетро Торо сопровождалъ Альму, которая даже на мула не успѣла сѣсть. Почти все утро они пробродили по невѣдимымъ тропинкамъ и наконецъ добрались до какихъ-то необитаемыхъ развалинъ. Туда раньше ихъ успѣли скрыться двое изъ конвойныхъ. Они сообщили Торо что въ старомъ зданіи есть двѣ-три изрядно сохранившіяся комнаты. Позднѣе, днемъ сюда собрались и всѣ остальные конвойные; частью ихъ разыскали въ лѣсу и привели товарищи, нѣкоторые сами отыскали пріютъ, благодаря своему горному чутью.

Зданіе было окружено хорошо сохранившейся каменной стѣной. Изъ-за нея, въ случаѣ нападенія англичанъ, калабрійцы рассчитывали по возможности защищаться. Вода была въ колодцѣ; но сначала ѣды не предвидѣлось. Однако, благодаря изворотливости и прозорливости Торо, Магаро и Вольшино были ограблены безнаказанно возы со съѣстными припасами, ѣхавшіе на сосѣдній базаръ. Англичане просмотрѣли эту продѣлку.

Впрочемъ, англичане едва ли знали объ этомъ притонѣ калабрійцевъ, будучи увѣрены, что не сегодня—завтра партизаны либо постепенно перемерутъ съ голода, либо сдадутся. Вообще Бентинкъ не любилъ безъ явной пользы растрачивать своихъ солдатъ. Онъ приказалъ англійскимъ командирамъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ прибѣгать къ оружію. Къ тому же онъ полагалъ, что не слѣдуетъ заводить много шума изъ-за преслѣдованія калабрійцевъ, потому что легальныхъ доказательствъ ихъ участія въ козняхъ королевы все равно нельзя представить; слѣдовательно, нельзя добиться изгнанія ея изъ Сициліи.

Англійскіе дипломаты въ то время относительно Сициліи держались такихъ принциповъ: не давать другимъ европейскимъ державамъ ни малѣйшаго повода предполагать, что вмѣшательство Великобританіи въ дѣла Бурбонской династіи было неприятно для самихъ Бурбоновъ. Фактъ же призванія супругой бурбонскаго короля Фердинанда IV калабрійскихъ подданныхъ для того, чтобы

они помогли Сициліи и ея королю освободиться отъ англичанъ, явился бы явнымъ доказательствомъ противнаго.

Королеву англійская партія надѣялась, какъ мы уже видѣли, убрать изъ Сициліи при помощи болѣе надежнаго средства. Если Европа и узнаетъ, что англійскіе солдаты иногда подстрѣливаютъ какого-нибудь туземца, то это можетъ быть объяснено необходимою: дескать, подозрительный бродяга, сопротивлявшійся законнымъ властямъ. Но, какъ значится и въ инструкціяхъ англійскаго министерства того времени, должно избѣгать подобныхъ случаевъ, дабы не раздражать мѣстнаго населенія и не возбуждать завистливаго негодованія противъ Великобританіи европейскихъ державъ.

Болѣе недѣли провели въ найденной ими развалинѣ бывшіе конвойные. Альму охраняли и успокаивали, насколько было возможно. Особенно тепло относился къ ней старый Пьетро Торо. Она очень цѣнила его доброту; но онъ понималъ, что эту дѣвушку необходимо какъ можно скорѣе возвратить къ королевѣ, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ весьма вѣроятнаго столкновенія съ «вареными раками» она будетъ для калабрійцевъ помѣхой и Обувой. Торо чрезъ одного изъ товарищей подалъ вѣсть о мѣсто-пребываніи Альмы полковнику Рикардо, жившему въ Кастельветрано. Рикардо, давно безпокоившійся въ неизвѣстности, захвативъ съ собою нѣсколькихъ смѣльчаковъ, явился къ убѣжищу калабрійцевъ. Однако англичане выслѣдили его движенія, узнали по нимъ, гдѣ скрываются бѣглецы, и поспѣли къ развалинамъ одновременно съ Рикардо.

Произошелъ упорный бой. Нѣкоторые калабрійцы были убиты. Но Торо и полковникъ уцѣлѣли и послѣдному удалось наконецъ привести свою двоюродную сестру къ королевѣ.

XXVI.

Фердинандъ IV приглашаетъ супругу къ себѣ на праздникъ.—Сомнѣнія королевы.

Королева приняла Альму очень радостно, даже слишкомъ радостно, суетливо, восторженно, словно желала скрыть или заглушить мучившую ее ревнивую подозрительность. Несомнѣнно, ей было пріятно, что Альма вернулась цѣла и невредима. Въ противномъ случаѣ ей, королевѣ, пришлось бы объяснять другимъ многое для себя невыгодное; она являлась бы виновницей гибели молодой дѣвушки, принадлежащей къ одной изъ лучшихъ аристократическихъ фамилій, дѣвушки, которая безропотно послѣдовала за ней въ Сицилію, раздѣляла ея опасности, которой она довѣрялась и которая преданно оправдывала довѣріе своей монархини.

Мучило, однако, Каролину то, что Альма въ данномъ случаѣ была обязана своимъ спасеніемъ Рикардо, что они, долго оставаясь вдвоемъ при весьма исключительныхъ обстоятельствахъ, могли переговорить о многомъ, чего ранѣе не позволяли себѣ касаться. Кто знаетъ, можетъ быть, они узнали, что любятъ другъ друга. Правда, она ни въ чемъ не могла упрекнуть Альму. Альма попрежнему выполняла безупречно свои обязанности. Но въ ней проявлялась какая-то подозрительная холодность. Правда, королева чувствовала въ глубинѣ души нѣкоторую благодарность къ юной герцогинѣ, по крайней мѣрѣ за прошлое. Все-таки ревность заглушала благодарность. Она готова была бы пожалѣть Альму относительно любви къ Рикардо (въ которой сама была увѣрена), если бы только могла также увѣриться, что красавецъ-калабриецъ не отвѣчаетъ на эту любовь.

Но въ томъ-то и заключался ужасъ для Каролины, что въ равнодушіе ея любовника къ его кузинѣ она никакъ не могла себя увѣрить. Она, чтобы имѣть Рикардо ближе къ себѣ, назначила его своимъ шталмейстеромъ, а онъ словно нарочно появлялся въ ея (королевы) присутствіи только тогда, когда того требовалъ придворный этикетъ, всегда почти одновременно съ прочими придворными. Она не могла и за это упрекать его въ глаза, хотя ей было тяжело себя сдерживать. Тѣмъ болѣе, что и онъ, какъ Альма, глубоко почтительно, но холодно относился къ ней съ нѣкоторыхъ поръ. Она жаждала такъ или иначе убѣдиться, разлюбилъ онъ ее, или нѣтъ. Забота объ этомъ часто заглушала въ Каролинѣ ея политическія заботы. Притомъ охлажденіе Рикардо и Альмы усиливало гнетущее ея чувство нравственнаго одиночества, особенно обострившееся неудачами, которыя ее преслѣдовали.

Никакое предпріятіе ей не удавалось. Калабріицы, какъ войско, были раздавлены; тѣ изъ нихъ, которые попали въ плѣнъ, откровенно сознавались, что ихъ приглашали и перевозили въ Сицилію агенты, уполномоченные ея величествомъ.

Заговоръ братства св. Павла былъ обнаруженъ, а слѣдовательно и возстаніе въ Палермо народа противъ возвышенія налога на хлѣбъ было подавлено англійскими войсками безъ труда. По требованію Бентинка, въ Сициліи было вновь высажено два великобританскихъ полка.

Каролинѣ оставалось только ожидать отвѣта на предложеніе, сдѣланное ею императору Наполеону. А Наполеонъ, очевидно, не торопился переговорами съ бывшей неаполитанской королевой, будучи занятъ приготовлениями къ походу въ Россію.

Чтобъ освободиться, по крайней мѣрѣ, отъ нравственнаго мрака, чтобъ облегчить муки ревности, она наконецъ рѣшилась вызвать Рикардо на объясненіе. Она послала за нимъ, приняла его въ своемъ уютномъ кабинетѣ и посадила рядомъ съ собой.

— Здѣсь насъ никто не можетъ слышать,—заговорила Каролина.—Открой мнѣ свою душу. Скажи, почему ты избѣгаешь оставаться со мной наединѣ? Я каждый вечеръ жду тебя. Я вижу, что ты хитришь со мной, показываешь видъ, что даже не догадываешься о тревогѣ въ сердцѣ моемъ.

Онъ слушалъ безстрастно и отвѣтилъ холодно, твердо:

— Я посвятилъ мое существованіе вашему величеству; я даже готовъ влачить для этого постыдное существованіе, какъ мнѣ это ни тяжело... Я говорю постыдное, потому что, при настоящихъ обстоятельствахъ, я не могу постичь, къ чему нужны вашему величеству мои руки, мое сердце и моя храбрость. Имъ приходится гнить въ унижительномъ для меня бездѣйствіи. Во главѣ моего отряда—я былъ солдатомъ; здѣсь же при дворѣ—я только мишень для двусмысленныхъ взглядовъ придворной челяди.

— Ага! когда мужчина приходитъ къ подобнымъ выводамъ, значитъ онъ больше не любить,—вполголоса произнесла королева, чуть не задыхаясь отъ волненія.

Въ эту минуту мажордомъ постучался въ дверь кабинета, громко произнеся: «Курьеръ отъ его величества, короля».

— Отъ короля?—поблѣднѣвъ, сказала королева:—что бы это значило?

— Во всякомъ случаѣ, вашему величеству слѣдуетъ поспѣшить принять его.

Она приказала ввести посланца. Вошелъ камергеръ Фердинанда IV и, съ низкимъ поклономъ приближаясь къ государынѣ, подалъ ей на серебряномъ подносѣ большой конвертъ съ нѣсколькими большими красными печатами.

Королева, стараясь скрыть свое волненіе, отвѣтила любезной фразой и, отпустивъ придворнаго, стала читать посланіе мужа.

Рикардо хотѣлъ было тоже удалиться, она задержала его и сообщила, что король приглашаетъ ее въ Фикуццу.

То было приглашеніе, внушенное Фердинанду герцогиней Флоридей. Государь рѣшился устроить пышный праздникъ въ обширномъ паркѣ своей виллы Фикуццы. Вся сицилійская знать, все англійскіе дипломаты и офицеры получили приглашенія. Все дивились такой затѣѣ короля, жившаго уже нѣсколько лѣтъ почти отшельникомъ. Тѣмъ болѣе дивилась Каролина. Сначала приглашеніе поставило ее втупикъ. Но, внимательно перечитавъ письмо, она рѣшила принять приглашеніе: письмо было написано убѣдительно и ласково; главное же, она, сознавая опасность своего политическаго положенія, хотѣла воспользоваться свиданіемъ съ супругомъ и людьми, имѣющими на него вліяніе, дабы яснѣе понять положеніе дѣлъ, а, можетъ быть, и придумать какой-нибудь новый ловкій ходъ въ своей игрѣ съ Бентинкомъ.

Она сообщила Рикардо о содержаніи письма и о своемъ согласіи на просьбу мужа. Рикардо позволилъ себѣ скромно одобрить ея рѣшеніе, вовсе не подозрѣвая, что усиливаетъ этимъ ея волненіе. Она же, словно гроза, разразилась:

— А, вотъ какъ! Ты радуешься, что тебѣ не нужно будетъ ко мнѣ появляться, что ты будешь свободенъ. Что я не буду помѣхой твоей любви!

Онъ поблѣднѣлъ, хотѣлъ было протестовать. Но эта женщина въ своемъ унижительномъ гнѣвѣ казалась ему столь жалкою, что онъ рѣшился промолчать. Она же продолжала громить его:

— Что ты мнѣ толкуешь о двусмысленныхъ взглядахъ моихъ придворныхъ, объ унижительности твоего положенія! Совсѣмъ не отъ этого ты постоянно избѣгаешь меня... И къ чему ты лжешь, къ чему ты лукавишь? Будто я не понимаю, что у тебя на сердцѣ? У тебя и... и у той, которую я за послѣднее время считаю моимъ злѣйшимъ врагомъ... Она останется здѣсь, ты тоже... Нѣтъ, нѣтъ, ни за что...

— Я, государыня, буду тамъ, гдѣ вы мнѣ прикажете.

— Ты бы поѣхалъ со мной въ Фикуццу?—спросила она, какъ будто начиная успокаиваться въ виду его невозмутимости.

— Если вашему величеству будетъ угодно мнѣ приказать... Я осмѣливаюсь, однако, доложить, что мое присутствіе тамъ можетъ подать поводъ къ пересудамъ. Въ Кастельветрано, при нашемъ дворѣ, я ващъ шталмейстеръ. Но я не знаю, изволилъ ли государь утвердить меня въ этомъ званіи.

Каролина нѣсколько минутъ сидѣла въ глубокой задумчивости.

— Это такъ... И только это стѣсняетъ тебя?.. Не спрашивай меня, почему, зачѣмъ я такъ дорожу тобой.

И она долго и горячо говорила о преслѣдующихъ ея несчастіяхъ, о друзьяхъ, на каждомъ шагу готовыхъ предать ее, объ ея увѣренности въ непоколебимость его благородства, какъ вѣрно-подданнаго, о его доблести, какъ воина. Снова возвращалась къ жалобамъ на одиночество въ борьбѣ со всѣми, на униженія и наконецъ разрыдалась.

Онъ понималъ, что то не были слезы душевной печали; что она плакала съ досады на его сдержанность, негодуя на свое собственное безсиліе воздержаться отъ униженія даже предъ своимъ любовникомъ... И все-таки ему становилось жалко этой женщины, доставившей ему столько, правда, исключительно чувственныхъ, но пылкихъ наслажденій... Онъ чувствовалъ себя почти виноватымъ предъ нею, хотя и не сознавалъ за собой вины. Потомъ, въ надеждѣ успокоить ее, спросилъ по своей обязанности шталмейстера о распоряженіяхъ насчетъ поѣздки въ Фикуццу. Вѣроятно, ей показалось, что Рикардо сдается; она положила руку на его плечо и молвила:

— Я думаю, что тамъ мы будемъ спокойнѣе. Мои комнаты въ нижнемъ этажѣ, прямо въ садъ... Понимаешь?..

Она прижалась къ нему, стала ластиться. И опять его молодая кровь закипѣла. На повторенный ею вопросъ: ты поѣдешь туда?—онъ былъ не въ силахъ не отвѣтить «да».

— Ты, около полуночи, — шептала она трепетными устами, почти касавшимися его губъ,—будь около моихъ оконъ. Я буду ждать...

И онъ опять невольно отвѣчалъ на ея ласки новымъ общаніемъ. Его же ласки, успокаивая ея возбужденіе, словно ободрили весь ея организмъ и мозгъ. Она чувствовала, что теперь вновь можетъ хладнокровно обсуждать политическое положеніе, и короля и свое, дальнѣйшій планъ своихъ дѣйствій, что она проникновеннѣе способна наблюдать за врагами, окружающими государя, съ которыми, непремѣнно, придется встрѣтиться въ Фикуццѣ, и искуснѣе бороться съ ними.

Она не ошибалась. Только не принимала въ соображеніе, что за послѣдніе годы ея нервы слишкомъ легко возбуждались, достаточно было ничтожнѣйшаго повода, чтобы мгновенно переѣнилось ея настроеніе...

XXVII.

Королева у короля. — Герцогъ Фаньяно сообщаетъ дочери о ловушкѣ, приготовленной для ея величества.

Въ Фикуццѣ ея величество была встрѣчена со всѣми подобающими ей почестями. Самъ Фердинандъ IV, окруженный блестящей свитой придворныхъ, встрѣтилъ супругу внизу парадной лѣстницы; крѣпко обнялъ, расцѣловалъ ее; предложивъ ей свою руку, самъ отвелъ въ приготовленные для нея апартаменты и спросилъ, довольна ли она ими.

Конечно, она была довольна. Это были тѣ самыя комнаты, о которыхъ она говорила Рикардо: окна и двери выходятъ въ садъ, пестрѣющій и благоухающій роскошными цвѣтами.

Оставшись одна, она внимательно вглядѣлась во все окружающее, дабы опредѣлить, возможно ли будетъ калабрійцу проникнуть незамѣченнымъ въ ея жилище. Результатъ ея изслѣдованія оказался благопріятнымъ. Садъ на ночь замыкался рѣшетчатыми воротами; но чрезъ нихъ очень легко перелѣзть. Отъ воротъ къ ея окнамъ вела садовая дорожка. Свои окна она только притворить.

Насчетъ Альмы она уже устроилась. Герцогъ Фаньяно находился въ числѣ придворныхъ, встрѣчавшихъ королеву на подъѣздѣ. Онъ выразилъ живую радость при видѣ дочери, ясно далъ понять, что хоть на эти нѣсколько дней желалъ бы постоянно съ нею оставаться, и Каролинѣ было легко, не возбуждая никакихъ

подозрѣній, согласиться на желаніе отца, чтобъ дочь помѣщалась въ комнатахъ, занимаемыхъ имъ самимъ, хотя для нея была отведена спальня на половинѣ государыни.

Тѣмъ временемъ съѣзжалось множество гостей. Вся сицилійская родовая знать, высшіе чины англійскаго войска и посольство. Конечно, самъ Бентинкъ былъ налицо. На первый день королемъ былъ назначенъ большой парадный обѣдъ. На другой день предполагалась охота. Гости, приглашенные на охоту, должны были ночевать въ королевской виллѣ.

Какъ только герцогъ Фаньяно остался наединѣ съ Альмой въ своихъ комнатахъ, онъ неосторожно посвятилъ ее въ тайны двора.

— Да, дочка моя милая, я долженъ наконецъ откровенно съ тобѣ побесѣдовать. Я не могу больше жить безъ тебя... Ну, и обстоятельства такъ слагаются, что, если слухи, которые здѣсь посятся, справедливы. . чрезъ нѣсколько дней ты наконецъ вернешься ко мнѣ... Любовь къ своему государю, преданность къ королевѣ, все это, разумѣется, прекрасно... Но когда у тебя есть отецъ, а у него, кромѣ тебя, никого нѣтъ на свѣтѣ, то не мѣшаетъ и о немъ подумать.

— Я васъ не совсѣмъ понимаю?

— Не понимаешь? А тебѣ, я думаю, лучше моего извѣстно,— онъ подсѣлъ къ дочери и говорилъ едва слышно.—Вѣдь ты не станешь отрицать, что ея величество совершила цѣлый рядъ непростительныхъ и непростительныхъ... непростительныхъ проступковъ.

Герцогъ приписывалъ Королинѣ и войну, и бѣгство Бурбоновъ изъ Неаполя, и сицилійскія волненія, которыя пришлось подавлять англичанамъ.

На эту тему онъ неоднократно и прежде заговаривалъ съ Альмой. Онъ не скрывалъ отъ нея, что, по различнымъ своимъ соображеніямъ, а главное потому, что королева утратила всякій престижъ и власть, онъ тайнѣ уже перешелъ на сторону англійской партіи, что Бентинкъ ему обѣщалъ очень видное и выгодное положеніе, если онъ и его дочь совершенно устранятся отъ двора королевы. Однажды онъ уже намекалъ дочери на возможность ея брака съ англійскимъ аристократомъ, родственникомъ Бентинка. Объ этомъ молодая дѣвушка и слышать не хотѣла, такъ что Фаньяно рѣшилъ до поры до времени не поднимать щекотливаго вопроса. Не касался онъ этого и сегодня. Но зато о королевѣ отзывался рѣзко, какъ никогда прежде, съ полнымъ презрѣніемъ.

— Да,—замѣтила Альма;—но она жестокими страданьями искупаетъ свои ошибки.

— Ахъ! ты не знаешь. Страдать! Да какъ же такой женщиной не страдать: сама кругомъ виновата. Но если ты воображаешь, что она въ чемъ-нибудь раскаивается, то жестоко ошибаешься. Всѣ жестокости, совершенныя ею, вся кровь, пролитая по ея приказанію,—нимало не смущаютъ ее. Бѣда, если она вновь добьется власти и станетъ фактически королевой. Она все начнетъ сызнова и будетъ мстить попрежнему. И мнѣ, я увѣренъ, достанется. Она не знаетъ ни сожалѣнія, ни благодарности.

— Мнѣ очень больно, отецъ, что вы, одинъ изъ первыхъ представителей высшаго дворянства, такъ отзываетесь о государынь.

— Потому, что благодаря ей я разоренъ. И если ты не покинешь этой женщины...

— Добровольно?—никогда. Особенно, если вы, какъ мнѣ кажется, все еще держитесь относительно устройства моей будущности намѣренія, на которое намекали нѣсколько дней тому назадъ...

Герцогъ понялъ, что на этотъ счетъ ему надо быть весьма осторожнымъ.

— Ты не хочешь,—продолжалъ онъ, помолчавъ:—и въ этомъ отношеніи я не могу идти противъ твоей воли. Что же касается до остального, то я долженъ тебѣ сказать, что ее вынудятъ со всѣмъ удалиться. Если же она удалится, то для тебя не будетъ никакого резона оставаться при ней. Такъ вѣдь? Тогда ты вернешься къ своему бѣдному отцу и, надѣюсь, будешь любить его больше, чѣмъ ту женщину.

— Но я ее и не люблю,—вдругъ невольно вырвалось у Альмы.— Я только вижу въ ней представительницу монархическаго принципа, въ который вѣрю; я выполняю мой долгъ...

Герцогъ былъ очень обрадованъ этимъ необдуманымъ признаніемъ своей дочери.

— Ну, да!—воскликнулъ онъ:— я всегда былъ увѣренъ, что такое благородное, чистое существо, какъ моя Альма, не можетъ любить особу, которая даже не умѣетъ охранять тебя отъ соприкосновенія со всякими скандальными мерзостями... Вѣдь о ней всѣмъ все извѣстно. Ты вотъ покраснѣла: значитъ, и тебѣ извѣстны ся грязныя отношенія къ... къ кому? не знаю... Но, говорятъ, она приблизила къ себѣ одного изъ свирѣпѣйшихъ проходимцевъ, которые опозорили наше имя, скомпрометировали наше положеніе... Ты даже поблѣднѣла отъ негодованія теперь... Ты видишь, въ какую пучину безстыдства она пала. А ты, моя милая чистая дѣвочка, приходишь въ постоянное соприкосновеніе со всѣми этими ужасами. Но...

Фаньана еще ближе придвинулся къ дочери и еще тише заговорилъ ей на ухо:

— Но не безпокойся. Они попадутъ въ западню. Все, кажется, готово. Я полагаю, что и всѣ эти празднества устроены для того,

чтобы вѣрнѣ нанести ударъ. Только ради Бога, дитя мое, ни слова... ни-ни... Не то и я погибну. Англичане мнѣ не простятъ; они и то не рѣшаются еще довѣряться мнѣ, именно потому, что ты всегда при королевѣ. Имъ бы хотѣлось, чтобъ чрезъ тебя я могъ по крайней мѣрѣ получать нѣкоторыя свѣдѣнія...

— То есть, чтобы я шпионила!—съ негодованіемъ воскликнула молодая дѣвушка.

— Ну, нѣтъ, нѣтъ. Какъ тебѣ такое рѣзкое слово могло въ голову забрести... Совѣтъ не то. Достаточно, если ты будешь нейтральна. Ты вотъ сказала мнѣ, что не любишь этой... этой женщины. А развѣ ты можешь ее уважать? Вѣдь не можешь? Только чувство долга привязываетъ къ ней тебя. Такъ что, случись нѣчто отталкивающее тебя отъ нея, ты можешь покинуть ее безо всякаго угрызенія совѣсти... Я теперь отлично понялъ, что тебя связываетъ съ ней твоя преданность монархіи, сознаніе обязанности... словомъ, отвлеченный принципъ, а вовсе не уваженіе. Я это понимаю; ничего противъ этого не имѣю... Даже хвалю.

Она внимательно слушала; но остерегалась возражать, чтобы опять не проговориться. «Однако, о какой западнѣ говоритъ отецъ? —думалось ей. — Можетъ статья, въ эту ловушку долженъ попасть и Рикардо». А герцогъ продолжалъ шептать:

— Словомъ, ихъ накроютъ сегодня ночью!

— Сегодня ночью?!

— Да, если удастся. Во всякомъ случаѣ не сегодня, такъ завтра. Мы всѣ предупреждены. Мы чаготовѣ.

— Но что же такое замышляютъ, Боже мой?—испуганно вскричала Альма.

— Никакого зла ей не причинять. Не пугайся, не блѣднѣй, бѣдняжка. Я тебѣ говорю, ты можешь быть спокойна. Устраивается маленькій скандалчикъ, послѣ котораго ей положительно невозможно будетъ болѣе оставаться въ этой несчастной Сициліи, гдѣ по ея милости,—впрочемъ, какъ и раньше въ Неаполѣ и Калабріи,—пролито столько человѣческой крови. Хуже всего, что она помѣшала королю принять довольно удобныя мирныя условія отъ Наполеона.

— Ну, а что же съ нимъ сдѣлаютъ? — слабымъ голосомъ выговорила Альма, чувствуя, что она близка къ обмороку.

— Съ кѣмъ «съ нимъ»?

— Съ тѣмъ, котораго вы называете ея сообщникомъ?

— Ахъ, съ этимъ проходимцемъ... У него накопилось немало счетовъ съ англичанами. Его предадутъ суду, приговорятъ къ казни и повѣсятъ. Съ этимъ господиномъ нечего церемониться.

Молодая дѣвушка была ни жива, ни мертва. Она рѣшительно не знала, какъ ей слѣдуетъ поступить. Открыть отцу все, что она знаетъ о Рикардо, что къ нему чувствуетъ? Но это усилить

опасность, которой подвергается любимый ею человекъ. Открыть все, что она узнала, самой королевы? Но Каролина не повѣритъ ей и заподозритъ ее самое въ ревности, въ ухищреніяхъ...

Между тѣмъ приближалось время параднаго обѣда; а она не успѣла даже одѣться. Чувствуя себя совершенно нервно подавленной, она спросила отца, нельзя ли ей остаться въ своей комнатѣ подъ предлогомъ нездоровья. Фаньяно, уже раскаивавшійся въ своей излишне откровенной болтовнѣ съ дочерью, обрадовался, что на этотъ роковой вечеръ можетъ удержать ее отъ встрѣчи съ королевой, и охотно согласился.

Оставшись одна, она могла покойнѣе разобраться въ мысляхъ. Она поняла теперь, почему королева предложила герцогу помѣстить дочь въ его комнатахъ. Потому, что близость спальни чтицы въ эту ночь ее стѣсняла. Каролина ждала къ себѣ въ эту ночь Рикардо. Значитъ, въ эту же ночь и долженъ произойти скандалъ.

Дѣвушка не знала, на что рѣшиться, но твердо сознавала, что обязана такъ или иначе спасти отъ позора самую энергичную представительницу монархизма, а главное—спасти отъ висѣлицы человекъ, котораго она, Альма, любитъ съ дѣтства.

XXVIII.

На краю позорной бездны.

Было уже за полночь, когда Каролина Австрійская, покинувъ парадныя залы, наполненныя высшей аристократіей, прослѣдовала въ свои апартаменты. Ее сопровождали, согласно правиламъ этикета, высшіе чины двора обоого пола. Она простилась съ ними; при помощи камеристки сняла бальное платье, облачилась въ кокетливое ночное negligé, отпустила прислугу и стала ждать.

Она осталась довольна вечеромъ. Фердинандъ IV былъ съ ней болѣе, чѣмъ когда-либо, не только любезенъ, милъ, даже какъ будто особенно довѣрчивъ. Бентинкъ старался относиться къ ней съ такимъ предупредительнымъ вниманіемъ, что ей удалось слегка испытать его въ разговорѣ и убѣдиться, какъ ей казалось, что лукавый британецъ, окружающій ее цѣлою сѣтью шпіонства, не знаетъ ничего объ ея сношеніяхъ съ французскимъ императоромъ. У нея возродилась надежда на возможность довести до конца начатые переговоры. И тогда она покажетъ свою мощь англійскимъ интриганамъ.

Однако пріятное политическое, такъ сказать, настроеніе, вынесенное изъ бесѣдъ съ королемъ, съ великобританскимъ посломъ, съ многими вліятельными лицами, начинало затмеваться опасеніемъ: а что, если Рикардо и сегодня не придетъ?

Она сидѣла въ спокойномъ креслѣ своей просторной уборной, ждала и прислушивалась. Обширный покой выходилъ прямо въ

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ МАГАЗИНОВЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ЮЛѢ 1909 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 7-й.

Богословіе.

Аткарскій, А. О пришествіи пророковъ Эноха и Иліи. Разборъ сочиненія А. А. Коновалова о пророкахъ. Саратовъ. 1909. Ц. 25 к.	Михаиль, епископъ. Бесѣды противъ сектантовъ. М. 1909. Ц. 10 к.
Жизнь и дѣятельность Святителя Іоасафа Горленко, епископа Бѣлгородскаго. Харьковъ. 1909. Ц. 10 к.	Памяти Св. Благовѣрной княгини Анны Кашинской. М. 1909. Ц. 10 к.
	Смолинъ, І. Краткій толкователь мѣстъ Священнаго Писанія. Спб. 1909. Ц. 1 р., въ пер. Ц. 1 р. 20 к.

Философія, психологія, логика.

Исповѣдь женщины (ответъ Вейнингеру). Спб. 1909. Ц. 10 к.	Эйненъ, Р. Основныя проблемы современной философіи религіи. Спб. 1909. Ц. 75 к.
Лидбитеръ. Сны. Теософическое изслѣдованіе. М. 1909. Ц. 40 к.	

Словесность, исторія литературы, критика и библіографія.

Брюсовъ, В. Испеленный. Къ характеристикѣ Гоголя. М. 1909. Ц. 40 к.	Мережковскій, Д. Д. Толстой и Достоевскій. Томъ 2-й. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
Моганъ, П. Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Т. I. Вып. 2. М. 1909. Ц. 80 к.	Овсянко-Куликовскій, Д. Собраніе сочиненій. Т. 8-я. Исторія русск. интеллигенціи. Ч. 2-я. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

«Истор. вѣстн.», августъ, 1909 г., т. XVIII.

1/25

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

- Аксановъ, М. Стихотворенія. М. 1909. Ц. 80 к.
- Аннуцио, Г. Факель подъ мѣрой. Трагедія. М. 1909. Ц. 10 к.
- Бродскій, И. Наши министры. Быль недавнихъ прошлыхъ дней. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Французскіе лирики XIX вѣка. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Вассерманъ, Я. Полное собраніе сочиненій. Т. 1-й. Цирндорфскіе евреи. Романъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Вилли. Клодина замужемъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Волжинъ, В. Рассказы. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Воронова, Е. Люди-братья. Очерки и рассказы изъ жизни заключенныхъ въ тюрьмахъ. Спб. 1909. Ц. 40 к.
- Гамсунъ, К. Поросль. Рассказы и наброски. М. 1909. Ц. 20 к.
- Гауптманъ, Г. Полное собраніе сочиненій. Съ критическимъ очеркомъ Н. А. Котляревскаго, предисловіемъ А. А. Измайлова. Т. 1, 2, 3. Спб. 1909. Ц. по 1 р. 25 к.
- Гейерстамъ, Г. Книга о маленькомъ братцѣ. Исторія одного брака. М. 1909. Ц. 20 к.
- Гете, В. Фаустъ. Драматическая поэма. Ч. 1-я. Переводъ Николая Холодовскаго. Изд. 6-е. А. С. Суворина. Спб. 1909. Ц. 25 к.
- Даниловскій, Г. Повѣдь. Фантазія. Спб. 1909. Ц. 10 к.
- Юродивая. Рассказъ. Спб. 1909. Ц. 15 к.
- Долороза, Рафаела. Романъ танцовщицы. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- «Ирыля». Литературный сборникъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Метерлинъ, М. Полное собраніе сочиненій Т. 6. Синяя птица.—Избіеніе младенцевъ. М. 1909. Ц. 1 р.
- Островскій, А. Волки и овцы. Ком. въ 5 д. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Островскій, А. и Соловьевъ, Н. Драматическія сочиненія Т. 11 и 12-й. Спб. 1909. Ц. по 1 р. 60 к.
- Перець, И. Рассказы и сказки. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- По, Э. Собраніе сочиненій. Томъ 2-й. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- «Порывъ». Литературно-художественный сборникъ. Книга 1-ая. Смоленскъ. 1909. Ц. 40 к.
- Прочаевъ, И. Караси и щуки. Двадцать одинъ хищническій рассказъ. Спб. 1909. Ц. 70 к.
- Пушибшевскій, С. Гости. Драматическій эпилогъ въ 1 д. Спб. 1909. Ц. 10 к.
- Ролшинъ, В. Ковъ блѣдный. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Рукавишниковъ, И. Стихотворенія. Книга 6-я. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Рыбниковъ, П. Пѣсни. Томъ 1-й. Изд. 2-ое. М. 1909. Ц. по подп. за три тома 6 р. 50 к.
- Садновъ, В. Амуръ и Психея 20 вѣка. Водевиль-шутка въ 1 д. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Рука вверхъ!!! Водевиль въ 1 д. Ц. 50 к.
- Сенкевичъ, Г. Рассказы. М. 1909. Ц. 10 к.
- Тетмайеръ, И. Косендъзъ Петръ. Рассказъ. Спб. 1909. Ц. 10 к.
- Триумфъ. Поэма. Спб. 1909. Ц. 15 к.
- Штильгебауэръ, Э. Райскій уголокъ. Романъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Эртель, А. Собраніе сочиненій. Т. 7. Смѣна и другіе рассказы. М. 1909. Ц. 2 р.
- Янчевскій, В. Въ холерномъ баракѣ. Спб. 1909. Ц. 25 к.

Исторія, біографія и археологія.

- Битва подъ Полтавою. Спб. 1909. Ц. 10 к.
- Вольтеръ. Исторія Карла XII, короля шведскаго. Т. 1, 2. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Гусевъ, П. Князь Дмитрій Юрьевичъ Шемяка въ Великомъ Новгородѣ. Спб. 1909. Ц. 40 к.
- Дмитріевскій, А. Графъ Н. П. Игнатьевъ, какъ церковно-политическій дѣятель на православномъ Востоцѣ. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Князьновъ, С. Изъ прошлаго русской земли. Ч. 2-я. Время Петра Великаго. М. 1909. Ц. 1 р. 75 к.
- Михеевъ, С. Полтавская побѣда. М. 1909. Ц. 20 к.
- Михневичъ, Н. Петръ Великій и Полтава. Спб. 1909. Ц. 25 к.
- Писцовая книга. Великаго Новгорода. 1583—84 г. Вып. 2-й. Спб. 1908. Ц. 55 к.
- Полтавская битва. 1709—1909 гг. По случаю 200-лѣтія «Преславной баталии». Изданіе общества ревнителей военныхъ знаний. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Трутовскій, В. Нумизматика. В. I. Общее введеніе въ нумизматику. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Хрептовичъ - Бутеневъ, гр. Флоренція и Римъ въ связи съ двумя событіями изъ русской исторіи XV вѣка. М. 1909. Ц. 1 р.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- Атрлетъ. Мамедъ-Али-шахъ. Современная Персія. Народное движеніе въ краѣ Льва и Солнца. Александрополь. 1909. Ц. 1 р.
- Бобрыкинъ, Г. Сербскій процессъ въ Загребѣ. Спб. 1909. Ц. 10 к.
- Гаугеръ, А. Положеніе о казенныхъ подядахъ и поставкахъ. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Голинская, С. Товарищества для улучшенія сельскаго хозяйства въ разныхъ земляхъ. М. 1909. Ц. 12 к.
- Голыцинъ, Ф. Необходимый для Россіи строй труда. Спб. Ц. 1 р.
- Гордиенно, П. Протестъ противъ разорительныхъ дѣйствій російскихъ желѣзныхъ дорогъ. Екатеринбургъ. 1909. Ц. 2 р. 75 к.

Гошневичъ, М. Узаконенія и циркуляры относительно пивоваренія, опубликованные съ 1-го октября 1903 г. по 1-ое мая 1909 г. Спб. Ц. 65 к.

Громовъ, М. Законы уголовные. Уложение о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, по продолженію 1906 г. съ позднѣйшими узаконеніями, и уголовное уложение 22 марта 1903 г. съ алфавитнымъ указателемъ. Спб. 1909. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.

Загорскій, С. Карлъ Маркъс, классики и кризисъ исторической школы въ Германіи. М. 1909. Ц. 40 к.

Корнуновъ, Н. Русское государственное право. Т. 2-й. Часть особенная. Изд. 6-е. Спб. 1909. Ц. 3 р. 50 к.

Къ предстоящему страхованію рабочихъ. Сводка свѣдѣній о несчастныхъ случаяхъ на фабрикахъ и заводахъ петербургскаго района 1904—1907 гг. Спб. 1909. Ц. 2 р. Леонардъ, Н. Положеніе о Государственномъ промысловомъ налогѣ. Изд. 3-е. М. 1909. Ц. 4 р.

Невзоровъ, А. Краткое изложеніе курса мѣстнаго права прибалтійскихъ губерній.

Ч. 1. Общая часть. Вещное право. Обязательственное право. Изд. 2-е. Юрьевъ. 1909. Ц. 2 р.

Роберти-де, Е. Новая постановка основныхъ вопросовъ социологіи. М. 1909. Ц. 1 р.

Сводъ законовъ Россійской Имперіи Т. I, ч. 2. Учрежденіе Государственной Думы. Изд. 1908. Ц. 5 к.

Томъ XVI, ч. 1. Волостной судебный уставъ Прибалтійскихъ губерній. Ц. 10 к.

— Продолженіе Свода Законовъ Россійской Имперіи 1908 года статьи къ т. 1—XVI. Ц. 1 р.

Тамный, В. Врачный вопросъ. М. 1909. Ц. 20 к.

Тихомировъ, Л. Рабочій вопросъ (практическіе способы его рѣшенія). М. 1909. Ц. 40 к.

Третья Государственная Дума. Фракція народной свободы въ періодъ 15 октября 1908 г.—2 июня 1909 г. Часть I. Отчетъ фракціи. Спб. 1909. Ц. 85 к.

Троицкій, П. Церковь и государство въ Россіи. Отношеніе государства къ церкви по воззрѣніямъ наиболее видныхъ нашихъ писателей и общественныхъ дѣятелей. М. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Искусство.

«Ежегодникъ императорскихъ театровъ». 1909. Выпускъ 2-й. Спб. Ц. 1 р.

Естествознаніе и математика.

Бельше, Б. Любовь въ природѣ. Ч. 3-я. Исторія развитія любви. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

* Майгородовъ, Д. Собираніе грибовъ. Карманная книжка, содержащая въ себѣ описаніе важнѣйшихъ съѣдобныхъ, ядовитыхъ и сомнительныхъ грибовъ, растущихъ въ Россіи съ 14 раскрашенными таблицами.

Изд. 5-е. Спб. 1909. Изданіе А. С. Суворина. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.

Федченко, Б. и Флеровъ, А. Флора Европейской Россіи. Иллюстрированный определитель растений. Ч. 2. Держичнопокровныя. Спб. 1909. Ц. 1 р. 40 к.

Филипповъ, М. Вселенная и начало бытія исторіи нашего міра и его природа. Саратовъ. 1909. Ц. 75 к.

Географія, этнографія, антропология, путешествія.

Булашевъ, Г. Украинскій народъ въ своихъ легендахъ и религіозныхъ воззрѣніяхъ и вѣрованіяхъ. В. I. Космогоническія украинскія народныя воззрѣнія и вѣрованія. Киевъ. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

Врадій, В. Китайскія легенды о корнѣ жень-шень. Спб. 1909. Ц. 35 к.

Вульфсонъ, Э. Персы въ ихъ прошломъ и настоящемъ. М. 1909. Ц. 75 к.

— Черногорія и черногорцы. М. 1909. Ц. 60 к.

Музнецовъ, С. Черемисская секта Кугу — Сорта. Опытъ изслѣдованія религіозныхъ движеній среди поволжскихъ инородцевъ. М. 1909. Ц. 75 к.

Рябенно, А. Вся Россія въ географическихъ картахъ по губерніямъ и областямъ Имперіи въ краскахъ. Спб. 1909. Ц. 5, 7 и 10 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

Волосатовъ, И. Домашнее приготовленіе мясныхъ и рыбныхъ консервовъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Греновъ, А. Сельскохозяйственный промыселъ на Дону. Новочеркасскъ. 1909. Ц. 40 к.

Ошанинъ, М. Томаты, какъ ихъ вырастить, приготовить изъ нихъ консервы и какъ съ выгодой продать. Ярославль. 1909. Ц. 25 к.

Панновъ, Н. Пчеловодство средней полосы Россіи. М. 1909. Ц. 50 к.

Федоровъ, П. Огородъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

- Бойно, М.** Московское общество бухгалтеров предъ судомъ общества счетоводовъ. Анализъ отчета, сѣтѣ, устава и инструкцій ученому комитету и организационному бюро. М. 1909. Ц. 35 к.
- Бруннеръ, В.** Полный коммерческій словарь. М. 1909. Ц. 2 р.

Технологія, строительное и инженерное искусства. Ремесла.

- Бануринскій, Н.** О ремонтъ шоссе. Ремонтное содержаніе шоссе весной. Ремонтъ щебеночнаго слоя. Способъ ремонта щебеночнаго слоя, устраняющій недостатки нынѣ практикуемаго способа. Сквозные въ щебеночномъ слое проломы. Поставка щебня. Ремонтное содержаніе земляного полотна. Изд. 3-е. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Бодри де Сонье, Л.** Зажиганіе во взрывныхъ моторахъ автомобилей всѣхъ типовъ. Ч. 2-я. Спб. 1909. Ц. 4 р.
- Виноградовъ, М. и Орловъ, П.** Практика нижней геодезии. М. 1909. Ц. 2 р. 25 к.
- Готвальтъ, В.** «Кинематографъ», живая фотография, его происхожденіе, устройство. М. 1909. Ц. 40 к.
- завадскій, А.** Кожевенное производство. Пособіе при изученіи кожевеннаго дѣла. Казань. 1909. Ц. 4 р.
- Захаревичъ, І.** Новѣйшее руководство по фотографіи. М. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Игнатьевъ, Н.** Курсъ земляныхъ работъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Мозиминъ, И.** Пособіе къ изученію правилъ технической эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, открытыхъ для общаго пользованія. Спб. 1909. Ц. 1 р. 75 к.
- Любимовъ, А.** Практически испытанный способъ перемѣщенія влѣпанныхъ желѣзныхъ нефтехранилищъ на разстояніа. Пенза. Ц. 50 к.
- Топдушки для перевозки людей на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Пенза. 1909. Ц. 80 к.
- Майзель, Д.** Новые калильные лампы, ихъ значеніе для центральныхъ станцій и для потребителей электр. энергіи. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Нусбаумъ, Н.** Сырость въ домахъ, признаки ея и мѣры къ ея устраненію. Изд. 2-ое. Ц. 40 к.
- Осендовскій, А.** Товаровѣдніе матеріаловъ русскаго желѣзнодорожнаго хозяйства. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Поляновъ, Р.** Основы механической технологіи металловъ. М. 1909. Ц. 3 р. 50 к.
- *Ривошъ, О.** Графики для расчета элементовъ сооружений и машинъ. Съ 39 примѣрными расчетами. Пособіе для инженеровъ, техникумовъ-строителей и конструкторовъ, подъ редакціей инженера Н. А. Рынина. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1909. Ц. въ пер. 3 р.
- Рыбарскій, М.** Неправильности въ парораспределеніи, показываемыя индикаторной діаграммой, и практическія указанія, какъ ихъ устранить. Спб. 1909. Ц. 40 к.
- Федоровъ, П.** Производство свѣчей различныхъ сортовъ. Спб. 1909. Ц. 30 к.
- Яцковскій, Н.** Мыловаренное производство. Варшава. 1909. Ц. 50 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

- Бернштейнъ.** Справочная книжка. Врачебные совѣты холостымъ, въ частности вступающимъ въ бракъ. М. 1909. Ц. 25 к.
- Бляшно, А.** Гигиена проституціи и венерическихъ болѣзней. М. 1909. Ц. 80 к.
- Волкова, М.** Какъ избавиться отъ полноты и ожирѣнія по способу, испытанному авторомъ на себѣ и на своихъ больныхъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Лозинскій, А.** Справочная книжка о русскихъ и иностранныхъ курортахъ. Изд. 4-е, дополн. Спб. 1909. Ц. 1 р. 75 к.
- Лявустинъ, В.** Курсъ общей хирургіи. В. І. Ученіе объ опухоляхъ. Саратовъ. 1908. Ц. 55 к.
- Никифоровъ, Н.** Основы патологической анатоміи. Элементарный курсъ. М. 1909. Ц. въ перепл. 5 р. 30 к.
- Поповъ, И.** Цѣлебные-минеральные источники въ Эссентукахъ на Кавказѣ. 1909. Ц. 35 к.
- Справочная книжка по кумысолеченію въ Белебеевскомъ уѣздѣ Уфимской губ.** 1909. Ц. 20 к.
- Сулпруновъ, М.** Научныя основы питанія. Спб. 1909. Ц. 1 р. 20 к.
- Шмидтъ, А.** Изслѣдованіе функціи кашечника пробной діетой. Спб. 1909. Ц. 1 р. 40 к.

Военное и морское дѣло.

- Заглухинскій, В. Выборъ мѣста, устройство и оборудованіе перевязочныхъ пунктовъ на войнѣ. Спб. 1909. Ц. 50 к.
 карта театра Сѣверной войны 1700—1721 гг. Изд. К. Неслуховскаго. Спб. 1909. 3 листа. Ц. 2 р.
 Наркевичъ, Н. Къ реформѣ инженернаго корпуса. Кіевъ. 1909. Ц. 40 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- Алексеѣвъ, В. Разказы изъ русской исторіи. В. 1. М. 1909. Ц. 70 к.
 Билибинъ, В. Курсъ тригонометріи. Ч. I-я. Прямолинейная тригонометрія. Рѣшеніе треугольниковъ. Спб. 1909. Ц. 75 к.
 Булгаковъ, А. Пособіе и матеріалы по русской словесности для гг. преподавателей, учениковъ старшихъ классовъ ср. уч. зав. Ч. 1. Спб. 1909. Ц. 2 р. Ч. 2. Ц. 1 р.
 Введенскій, Г. Способы нахожденія ариѳметическаго рѣшенія задачъ. Вѣляя Церковь. 1909. Ц. 10 к.
 Воротинцевъ, Н. Полный сборникъ правилъ приѣма и программъ высшихъ, среднихъ и низшихъ общеобразовательныхъ, специальныхъ и профессиональныхъ учебныхъ заведеній Россіи, мужскихъ и женскихъ, правительственныхъ и частныхъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 60 к.
 Гартцъ, В. Ариѳметика. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній и самостоятельнаго изученія. Изд. 4-е. Спб. 1909. Ц. 70 к.
 Гаурр, К. Психологія ребенка. Спб. 1909. Ц. 75 к.
 Гессе, Г. Профессиональное образованіе въ Богеміи. Спб. 1909. Ц. 30 к.
 Глазанащъ, С. Космографія. Ученымъ комитетомъ Мин. Нар. Пров. допущена въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ 118 рис. въ текстѣ. Спб. 1909. Ц. 1 р.
 Горбуновъ, П. Программы и правила реальныхъ училищъ съ объяснительными записками М. Нар. Пр. Изд. 7-а. М. 1909. Ц. 50 к.
 — Программы и учебные планы мужскихъ гимназій и прогимназій съ объяснительными записками Мин. Нар. Пров. въ преподаванію, уставомъ гимназій, всѣми вышедшими по 1 марта 1909 г. дополненіями, распоряженіями и разъясненіями. М. 1909. Ц. 40 к.
 Григорьевъ, Н. Мертвыя души. Романъ Н. В. Гоголя. Подробный разборъ въ связи съ характеристикой главныхъ героевъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.
 — Ревизоръ, ком. Н. В. Гоголя. Подробный разборъ. Спб. 1909. Ц. 25 к.
 — Слово о полку Игоревѣ, текстъ поэмы съ примѣчаніями, переводъ и разборъ со стороны художественной и исторической. Спб. 1909. Ц. 30 к.
 Гунсть, В. И. Докладъ учредительницы первой практической школы домоводства въ Спб. о международномъ конгрессѣ по вопросамъ о значеніи школъ домоводства въ дѣлѣ народнаго образованія, состоявшемся во Фрибургѣ въ сентябрѣ 1908 г. Спб. 1909. Ц. 20 к.
 Демьяковъ, М. Очерки по исторіи русской педагогикѣ. М. 1909. Ц. 60 к.
 Дрентельнъ, Н. Филіка въ общедоступномъ изложеніи. М. 1909. Ц. 2 р. 85 к.
 Задачи общества «Дѣтскій трудъ и отдыхъ». М. 1909. Ц. 5 к.
 Ивановъ, П. Народный букварь-самоучка. М. 1909. Ц. 25 к.
 Кинавъ, А. Ариѳметика. Опытъ руководства къ систематическому курсу теоретической ариѳметикѣ цѣлыхъ и къ элементарному курсу дробныхъ чиселъ. Преимущественно для оканчивающихъ свое образованіе начальной школы и для учащихся дома. Съ рисунками въ текстѣ. Изд. 2-ое. Спб. 1909. Ц. 80 к.
 Козловскій, С. Полныя рѣшенія и подробныя объясненія разными (1—5-ю) способами всѣхъ задачъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ ариѳметическихъ задачъ преимущественно для учениковъ старшихъ классовъ сред.-уч. зав. состав. В. Арбузовымъ, В. Мининымъ, А. Мининымъ и Д. Назаровымъ. Вѣляя Церковь. 1909. Ц. 60 к.
 — Полныя рѣшенія и объясненія задачъ элементарной геометріи курса А. Давидова. 1909. Ц. 1 р.
 — Подробныя рѣшенія алгебраическихъ задачъ Н. Шапошникова и Н. Вальцова. Ч. 1. 1909. 1 р. 20 к.
 — Подроб. рѣш. и объясненія всѣхъ ариѳметическихъ задачъ Н. Шапошникова и Н. Вальцова Ч. 2. Дробы 1909. Ц. 80 к.
 Колоцца, Д. Дѣтскія игры, ихъ психологическое и педагогическое значеніе. М. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
 Колянковскій, Д. Сохраніе и рѣшеніе 150 задачъ по математикѣ для подготовки къ конкурснымъ экзаменамъ въ институты: путей сообщенія, технологическіе, горный, гражд. инженерновъ, лѣсной и др. Г. Сумы. 1909. Ц. 20 к.
 Коммерческое образованіе за границей. Спб. 1909. Ц. 60 к.
 Корсаковъ, П. Техническое и профессиональное образованіе въ Бельгіи. Спб. 1909. Ц. 20 к.
 Кратный обзоръ исторіи Греціи и Рима. Составлено по учебн. П. Виноградова. Кіевъ. 1909. Ц. 20 к.
 Кудрявцевъ, Н. Педагогическій указатель гор. Москвы на 1909—10 учебн. годъ съ подробными свѣдѣніями о всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ и преподавателяхъ. М. 1909. Ц. 35 к.

- Лебединцевъ, К. Курсъ алгебры для средн. уч. заведеній. Ч. 1-я. Киевъ. Ц. 80 к.
- Левинъ, М. Учебникъ естественной исторіи. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Левитусъ, Д. Четырехзначныя таблицы логарифмовъ и англологарифмовъ. М. 1909. Ц. 30 к.
- Лэзанъ, К. Новые пути ознакомленія дѣтей съ математикой. М. Спб. Ц. 55 к.
- Минерало-петрографическая коллекція съ описаніемъ, составлена по системѣ проф. Дэна. Спб. 1909. Ц. 8 р. 50 к.
- Мрочень, А. Французская хрестоматія для среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 3-е. Спб. 1909. Ц. въ пер. 80 к.
- Нечаевъ, А., Заленскій, В. и Лебедевъ, А. Естественная исторія для среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ. Киевъ. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Пономаревъ, Р. Сборникъ задачъ по элементарной физикѣ. Изд. 5-е. Харьковъ. 1909. Ц. 1 р.
- Пучило, Н. и Лебединца, М. Въ родномъ мѣстѣ. Хрестоматія, Ч. 2-я. Спб. 1909. Ц. 1 р. 20 к.
- Разказы по русской исторіи. Общеобразовательная хрестоматія. Составлена кружкомъ преподавателейъ подъ редакціей С. П. Медьгунова и В. А. Петрушевскаго. М. 1909. Ц. 1 р. 10 к.
- Рашевскій, К. Элементарная геометрія. М. 1909. Ц. 1 р. 30 к.
- Ройтманъ, Д. Общеобразовательныя очерки изъ области астрономіи, Вып. 2-я. Луна, солнце, планеты, кометы и звѣзды. М. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Рѣзцова, Н. и Шевлягина, Н. Школы и курсы по писчебумажному дѣлу въ Европѣ. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Севастьяновъ. Программы и правила конкурсныхъ экзаменовъ въ московскихъ высшихъ спеціалы. учеб. заведеніяхъ. М. 1909. Ц. 50 к.
- Соколовъ, Н. и Сахаровъ, И. Новый арифметическій задачникъ. Ч. 3-я. М. 1909. Ц. 20 к.
- Соловьевъ, А. И. А. Гончаровъ. Биографія и разборъ его главнѣйшихъ произведеній. Спб. 1909. Ц. 80 к.
- Солодовниковъ, А. Законвѣдѣніе. Учебникъ для коммерческихъ учебныхъ заведеній. Изд. 3-е. М. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Степановъ, П. Учебникъ геодезіи или землѣзнаго дѣла для техниц. и землѣзнаго училищъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Торскій, С. Природовѣдѣніе. Курсъ 2 класса реалы. учил. Киевъ. 1909. Ц. 40 к.
- Природовѣдѣніе. Курсъ 3 класса гимназій. Киевъ. 1909. Ц. 50 к.
- Тумерманъ, А. Учебникъ арифметики. Ч. 1-я. Цѣлыя числа. Одесса. 1909. Ц. 30 к.
- Ч. 2-я. Дроби. Ц. 35 к. Ч. 3-я. Отношенія, пропорціи и задачи на тройныя правила, проценты, учетъ векселей, пропорціональное дѣленіе и смѣшеніе. Ц. 35 к.
- Фортунатовъ, К. Пассивное обученіе и научное образованіе въ высшихъ школахъ. М. 1909. Ц. 15 к.
- Ч—въ, П. Въ поискахъ педагогической правды. Х. 1909. Ц. 25 к.
- Шмейль, О. Человѣкъ. Киевъ. 1909. Ц. 40 к.
- Эрдель, Н. Краткая грамматика нѣмецкаго языка, ч. 1. Спб. 1909. Ц. 20 к.
- Новый учебникъ нѣмецкаго языка ч. 2. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Книги для дѣтей и юношества.

- Ершовъ, П. Конекъ-горбунокъ. Русская сказка. Изд. 23-е. Спб. 1909. Ц. 20 к.
- *Кайгородовъ, Дм. О длинноногихъ и длинноносыхъ птицахъ. Съ рисунками. Изд. 2-е. А. С. Суворина. 1909. Ц. 20 к.
- Козленичъ, С. На утрѣ дней. Разказы для дѣтей школьнаго возраста. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Лонгъ, В. Въ поискахъ за ваптонкомъ дикимъ. М. 1909. Ц. 20 к.
- Мищенко, Л. Отзвуки жизни. Иллюстрированный сборникъ для дѣтей, съ вступительною статьею для родителей. Вып. 1. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Рубанинъ, Н. Въ невѣдомыя страны. М. 1909. Ц. 50 к.
- Шрейдеръ, Д. Страна Восходящаго Солнца. Разказы о японцахъ. Спб. 1909. Ц. 25 к.

Спортъ, охота, игры.

- Дюперронъ, Г. Футболъ и другія игры того же типа. Спб. 1909. Ц. 80 к.

Справочныя книги.

- Адресный и справочный ежегодникъ Ваку и его района. Спб. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Грэнхагенъ, К. Спутникъ по Финляндіи. Курорты, дачныя и живописныя мѣстности Карелии. Саволакка, Нюланди, коренной Финляндіи и пр. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Измайловъ, К. Сводъ правилъ о особіяхъ, выдаваемыхъ служащимъ на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ по различнымъ случаямъ. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- М. и. Путеводитель по Петергофу къ 200-лѣтію Петергофа. Спб. 1909. Ц. 1 р. 75 к.
- Путеводитель по Великой Сибирской жел. дор. отъ Спб. до Владивостока. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Періодическія изданія.

<p>Всемирное Техническое Обзоріе. 1909. № 9. Сиб. Ц. 1 р. 20 к.
 Гермесъ, вѣстникъ античнаго міра. 1909. № 10. Сиб. Ц. 30 к.
 Городское дѣло. 1909. № 12. Сиб. Ц. 50 к.
 Европейская жизнь и Россія. 1909. №№ 4 и 5. Сиб. Ц. кажд. № 20 к.
 Записки Императорскаго Русскаго Техническаго Общества. 1909. № 5. Сиб. Ц. 2 р.
 Золотое дѣтство. 1909. №№ 15 и 16. Сиб. Ц. кажд. № 20 к.
 Маякъ. 1909. № 4. Москва. Ц. 40 к.
 Мосновскій Еженедѣльникъ. 1909. №№ 23, 24, 25, 26. Москва. Ц. кажд. № 15 к.
 Наша Охота. 1909. Юнь. Сиб. Ц. 60 к.
 Орнаны Россіи. 1909. №№ 24, 25, 26, 27. Сиб. Ц. кажд. № 10 к.</p> | <p>Право. 1909. №№ 24, 25, 26 и 27. Сиб. Ц. кажд. № 20 к.
 Русскій Эсперантистъ. 1909. № 3. Сиб. Ц. 30 к.
 Свободное Воспитаніе. 1909. № 8. Москва. Ц. 25 к.
 Свѣтлый лучъ. 1909. Юнь. Спб. Ц. 1 р.
 Славянскія Извѣстія. 1909. № 5. Сиб. Ц. 50 к.
 Театръ и Искусство. 1909. №№ 25, 26, 27. Сиб. Ц. кажд. № 20 к.
 Хуторъ. 1909. № 6. Сиб. Ц. 30 к.
 Экономистъ Россіи. 1909. №№ 18, 19 и 20. Сиб. Ц. кажд. № 15 к.
 Юридическая Библиографія. 1909. № 5. Ярославль. Ц. 40 к.</p> |
|--|---|

*) Изданія А. С. Суворина.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

новое изданіе **А. С. СУВОРИНА:**

„ПО ЕВРОПѢ И ВОСТОКУ“

Очерки и картинки **ПУТНИКА** (Н. Лендера).

Съ рисунками.

БЕРЛИНЪ. — Русская колонія Александровка. — Вольный городъ **ГАМБУРГЪ.** — Республиканцы. — Русскій уголокъ въ Гамбургѣ. — **ПАРИЖЪ.** — Бельгійская ночь. — Борьба церкви съ республикой. — Славянская идея въ Парижѣ. — Русская колонія въ Парижѣ. — **ВОСФОРЪ и ЦАРЬГРАДЪ.** — Мраморное море. — Столица Малой Азіи. — **АФИНЫ и ПИРЕИ.** — Русскіе дѣятели въ Афинахъ. — Греческія бури. — Столица Греціи. — **ОСТРОВЪ КРИТЪ.** — Волненія на Критѣ. — Канея и Халеппо. — Инсур-генты Крита. — Вокругъ Пелопонеса. — Корфу. — Штормъ. — Бриндизи. — Италия. — Городъ св. Николая. — Изъ Италіи въ Австрію. — Русское дѣло въ Вѣнѣ. — по Дунаю.

Цѣна **60** коп.

Художественно-литературное изданіе „**ЕВРОПЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ и РОССИЯ**“.

12—18 иллюстр. выпускъ. На годъ — 4 руб.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

продаются новыя книги:

**ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ**

Переводъ съ подлинника, изданнаго Императорскою Академіею Наукъ.

Съ 12 портретами и 5-ю автографами. Изданіе А. С. Суворина. Ц. 4 р.

ЗАПИСКИ КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ

Переводъ съ французскаго по изданію, сдѣланному съ подлинной рукописи.
Съ приложеніемъ четырехъ портретовъ, разныхъ документовъ, писемъ
и указателя.

Подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Д. Чечулина.

Изданіе А. С. Суворина. Н. 2 р. 50 к.

**Н. К. ШИЛЬДЕРЪ.
ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ**

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ.

Съ 450 иллюстраціями. 4 тома. Изданіе 2-е. Ц. 30 р., въ перепл. 36 р.

**Н. К. ШИЛЬДЕРЪ.
ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ**

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ.

Съ 252 иллюстраціями. 2 тома. Ц. 25 р., въ перепл. 30 р.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ
СЕНТЯБРЬ, 1909 Г.

СОДЕРЖАНІЕ

СЕНТЯБРЬ, 1909 г.

СТРАН.

I. Графъ Фениксъ. (Историческій романъ изъ эпохи Екатерины Второй). Часть четвертая. LXVII—LXXI. (Продолженіе). Н. А. Энгельгардта	737
II. Тѣни прошлаго. (Записки подружки). Е. Я. Поливановой	755
III. Сдаточный. (Разсказъ). П. М. Невѣжина	790
IV. Записки графа Моріюля. (1821—1833 г.). V—VI. (Продолженіе).	832
V. Изъ польскаго восстанія 1863 года. А. Н. Витмера	855
VI. Дѣдъ, проданный съ аукціона. (Изъ жизни финляндской деревни). А. Чехова (Съдого)	882
VII. Мировой судья А. И. Трофимовъ . М. В. Шевлякова	915
VIII. Поэтъ Н. А. Пановъ . К. Максимова	927
IX. Мое знакомство съ Н. А. Лѣсковымъ . С. Гусева (Слово-Глаголь)	933
X. Ночь въ Новомъ Суйдунѣ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ). В. П. Сазонова	939
XI. Удивительная исторія архива старообрядческой бѣлокриницкой митрополіи. С. К.	950
XII. Древности Хивы и Аму-Дарьинскаго отдѣла. А. М. Герасимовскаго	968
XIII. Крамола, реакція и терроръ. (Историческіе очерки). V. Мобилизація революціонныхъ силъ за границей. (Продолженіе). Б. В. Глинскаго	976
иллюстраціи: 1) Петръ Лавровичъ Лавровъ.—2) Петръ Никитичъ Ткачевъ.	
XIV. Историко-археологическій съѣздъ въ Костромѣ. В. Е. Рудакова	1013
иллюстраціи: 1) Успенскій кафедральный соборъ въ Костромѣ.—2) Памятникъ Ивану Сусанину.—3) Ипатьевскій монастырь.—4) Келья, въ которой жилъ царь Михаилъ Θεодоровичъ.—5) Палаты бояръ Романовыхъ.	
XV. Почаевская лавра. Андрей Фирсова	106
иллюстраціи: 1) Почаевская лавра.—2) Внутренность соборнаго храма Успенія Божіей Матери.—3) Стопа Божіей Матери и изображеніе явленія Богоматери на горѣ Почаевской.—4) Чудотворный образъ Почаевской Божіей Матери.—5) Галерея у соборнаго Успенскаго храма.—6) Внутренность пещерной церкви преподобнаго Іова.—7) Серебряная раба преподобнаго Іова.—8) Коридоръ со статуями въ подпещерную церковь пр. Антонія и Θεодосія.—9) Внутренность Антоніе-Θеодосіевской церкви.	
XVI. Иностранцы о Россіи. В. фонъ-Штейна	1062
(См. слѣд. стран.).	

XVII. Критика и библиография. 1069

- 1) К. Военский. Петръ I въ Карлсбадѣ въ 1711 и 1712 годахъ. Спб. 1908. (Отд. оттискъ изъ «Правит. Вѣстника». Д. Нагуевскій. Петръ Великій въ Карлсбадѣ въ 1711 и 1712 гг. Рига. 1909. Съ иллюстраціями. А. Э. Мальмгrena.—2) А. А. Корниловъ. Общественное движеніе при Александрѣ II (1855—1881). Историческіе очерки. М. 1909. г. л. и.—3) А. Пръсняковъ. Княжое право въ древней Руси. Очерки по исторіи X—XII столѣтій. Спб. 1909. п. в. в.—4) Ан. Титовъ. Лѣтопись Костромскаго Вогоявленскаго монастыря, написанная послѣ разгрому 7117 году мая 6 числа. М. 1909. А. н—ово.—5) Схимонахиня Нектарія. Княгиня Наталья Борисовна Долгорукова, дочь фельдмаршала Шереметева. I. Г. С. Ш. Москва. 1909. в. т—аго.—6) В. С. Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи. Томъ второй. Книга первая и вторая. Кіевъ. 1908. А. б.—7) Иконописный сборникъ. Выпускъ II. Изданіе высочайше утвержденного комитета попечительства о русской иконописи. Съ 23 рисунками въ текстѣ. Спб. 1908. А. я.—8) С. Елпатьевскій. Вблизи тѣни. Спб. 1909. А. фомина.—9) П. Коганъ. Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Томъ I. Часть I. Москва. 1909. А. ф—на.—10) Труды В. Г. Васильевскаго. Т. I. Изданіе императорской академіи наукъ. Спб. 1908. А. б.—11) С. В. Амираджиби. Сборникъ стихотвореній грузинскихъ поэтовъ въ русскомъ переводѣ. Москва. 1909. А. —ова.—12) Иллюстрированный путеводитель по г. Смоленску. Составилъ хранитель древностей смоленскаго историко-археологическаго музея В. И. Грачевъ. Смоленскъ. 1908. Е. клетновой.

XVIII. Заграничныя историческія новости и мелочи 1088

- 1) Монастырь св. Іеремія въ Саккарахъ.—2) Кардиналъ Ареццо.—3) Дипломатическая миссія Морни въ Россіи.—4) Воспоминанія генерала Гріуа о походѣ 1812 г.

XIX. Смѣсь. 1107

- 1) Пятидесятилѣтіе литературнаго фонда.—2) Закрытіе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.—3) Москва, какъ издательскій центръ въ 1908 году.—4) Юбилей Ѳ. А. Витберга.—5) Новый почетный гражданинъ Петербурга.—6) Открытіе памятника ген.-ад. гр. Тотлебену.

XX. Некрологи. 1115

- 1) Александренко, В. Н.—2) Вѣлкинъ, А. С.—3) Ведровъ, С. В., профессоръ.—4) Орловскій, И. И.—5) Смоленскій, С. В.—6). Суворовъ, Н. С.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Жозефины Фредерихсъ-Вейсъ.—2) Ея величество королева. Романъ Никола Мивази, переводъ съ итальянскаго Л. Р—на. (Окончаніе)

СОДЕРЖАНІЕ СТО СЕМНАДЦАТАГО ТОМА.

(ЮЛЬ, АВГУСТЪ и СЕНТЯБРЬ 1909 года).

	СТРАН.
Графъ Фениксъ. (Историческій романъ изъ эпохи Екатерины Второй). Часть третья—четвертая. LIX—LXXI. (Продолженіе). Н. А. Энгель- гардта. 5, 385,	737
Силуэты. (Листки изъ записной книжки). П. А. Россіева. 23,	403
Князь Григорій. (Воспоминанія его крѣпостной). М. Е. Васильевой. . . 46,	424
Записки графа Моріюлля. (1821—1833 г.). I—VI. 73, 448,	832
Мулла. (Путевой очеркъ). Л. А. Табулевичъ. 105	109
Словинцы и Симеонъ Грегоричъ. (Очеркъ). В. В. Уманова-Каплуновскаго.	119
Изъ записокъ военно-судебнаго дѣятеля. VI—VIII. Н. В. Мордвинова. . .	142
Трагическій конецъ благого начинанія. (Изъ матеріаловъ шестидесятыхъ годовъ). Н. Н. Фирсова. 142	156
Памяти А. П. Ленскаго Н. П. Шубинскаго. 156	
<i>иллюстрація:</i> Александръ Павловичъ Ленскій.	
На могилѣ Н. М. Пржевальскаго. (Изъ путевыхъ записокъ). В. Сазонова.	165
Миніатюрная перковь. (Къ предстоящему археологическому съѣзду въ Костромѣ) И. П. Ювачева. 170	173
Крымская Азія. (Бахчисарайскія впечатлѣнія). М. В. Шевлянова.	185
Губернеры въ старину въ помѣщичьихъ семьяхъ. (Очеркъ). А. Дунина. . .	195
Женитьба Пакангура. (Изъ жизни камчадаловъ). П. П. Инфантаева. . . .	236
Челябинскія впечатлѣнія. А. М. Нечаевой. 236	
<i>иллюстраціи:</i> 1) Челябинскъ. Мостъ на рѣкѣ Міясь. — 2) Симеоновская улица. — 3) Вольская улица. — 4) Соборъ на Сибирской улицѣ. — 5) Екатерин- бургская улица. — 6) Татарская мечеть. — 7) Таможня. — 8) Женская гимназія.	
Прудовскіе раритеты. (Изъ «Ветлужскихъ очерковъ»). Н. Н. Оглоблина. . .	494
Сюрпризъ. (Изъ семейныхъ преданій). М. Ф. Чулицнаго. 494	499
Антонъ Павловичъ Чеховъ. (Опытъ характеристики). Н. М. Ежова.	520
Англо-русскія симпатіи передъ Берлинскимъ конгрессомъ. Н. Н. Фирсова (Л. Рускина). 520	542
Поѣздка въ Кашинъ. (Впечатлѣнія). Н. Н. Лендера (Путнина). 542	
<i>иллюстраціи:</i> 1) Общій видъ гор. Кашина, Тверской губ. — 2) Главныя святыни гор. Кашина: Воскресенскій соборъ, въ которомъ почиваютъ мощи св. Анны, и Успенскій соборъ (дѣвѣ перваго). — 3) Главная улица (Москов- ская) въ гор. Кашинѣ. — 4) Ктубуковскій монастырь въ гор. Кашинѣ.	
«истор. вѣстн.», сентябрь, 1909 г., т. схvii.	

Юбилейные дни Полтавской битвы.	561
Брусса и ея памятники. Бей-оглу	620
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Выходъ изъ Золотого Рога въ Мраморное море.—2) Портъ Муданія (портъ гор. Бруссы).—3) Панорама Бруссы.—4) Ворота Герь-Калусу въ Врусской пятадели.—5) Гробницы Османа (палѣво) и Урхана (направо) въ Вруссь.—6) Гробница султана Османа.—7) Зеленая мечеть въ Вруссь.—8) Мечеть Уду-Джами въ Вруссь.—9) Внутренность мечети Уду-Джами.—10) Одна изъ улицъ въ Вруссь.	
Тѣни прошлаго. (Записки подруги). Е. Я. Поливановой	755
Сдаточный. (Разсказъ). П. М. Невѣжина	790
Изъ польскаго возстанія 1863 года. А. Н. Витмера	855
Дѣдъ, проданный съ аукціона. (Изъ жизни финляндской деревни). А. Чехова (Сѣдога)	882
Мировой судья А. П. Трофимовъ. М. В. Шевлякова	915
Поэтъ Н. А. Пановъ. К. Максимова	927
Мое знакомство съ Н. А. Лѣсковымъ. С. Гусева (Слово-Глаголь)	933
Ночь въ Новомъ Суйдунѣ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ). В. И. Сазонова	939
Удивительная исторія архива старообрядческой бѣлокриницкой митрополіи. С. К.	950
Древности Хивы и Аму-Дарьинскаго отдѣла. А. М. Герасимовскаго	968
Крамода, реакція и терроръ. (Историческіе очерки). IV—V. (Продолженіе). Б. Б. Глинскаго	209, 586, 976
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Петръ Лавровичъ Лавровъ.—2) Петръ Никитичъ Ткачевъ.	
Историко-археологическій съѣздъ въ Костромѣ В. Е. Руданова	1013
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Успенскій кафедральный соборъ въ Костромѣ.—2) Памятникъ Ивану Сусанину.—3) Ипатьевскій монастырь.—4) Келья, въ которой жилъ царь Михаилъ Феодоровичъ.—5) Палаты бояръ Романовыхъ.	
Почаевская лавра. Андрея Фирсова	1037
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Почаевская лавра.—2) Внутренность соборнаго храма Успенія Вожіей Матери.—3) Стопа Вожіей Матери и изображеніе явленія Богоматери на горѣ Почаевской.—4) Чудотворный образъ Почаевской Вожіей Матери.—5) Галерея у соборнаго Успенскаго храма.—6) Внутренность пещерной церкви преподобнаго Іова.—7) Серебряная рака преподобнаго Іова.—8) Коридоръ со статуями въ полпещерную церковь пр. Антонія и Феодосія.—9) Внутренность Антоніе-Феодосіевской церкви.	
Иностранцы о Россіи. В. И. фонъ-Штейна	270, 645, 1062
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ	293, 668, 1069
1) Великій князь Николай Михайловичъ. Императрица Елизавета Алексѣевна, супруга императора Александра I. Томъ 2. Спб. 1909 г. в. т.—2) K. Waliszewski. Les origines de la Russie moderne. Le berceau d'une dynastie. Les premiers Romanov 1613—1682. Paris. 1909. А. Б.—3) Вѣстникъ археологій и исторіи, издаваемый императорскимъ археологическимъ институтомъ. Выпускъ XVIII. Спб. 1909. в. Р—ва.—4) Финляндскій вопросъ. Къ столѣтню присоединенія Финляндіи къ Россіи. А. П. Липранди (А. Волынецъ). Спб. 1909. п. Майкова.—5) Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. Томъ V, выпускъ I. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Подъ редакціей и съ прижваніями П. Н. Шеффера. Спб. 1909. в. Р—ва.—6) В. Е. Рудановъ. Полтавская битва. Духослаѣтная ея годовщина 1709—27 июня—1909. Съ рисунками. Спб. 1909. Б. Г.—7) Н. Н. Фирсовъ. Пугачевщина. Опытъ соціолого-психологической характеристики. Спб. 1909. А. М.—8) Яв. Щегольвъ. Подвижникъ слова. Новые матеріалы о Н. В. Гоголѣ. Спб. 1909 г. А. Фомина.—9) Вопросы теоріи и психологій творчества подъ редакціей В. А. Левиана. Томъ II. Вып. I. Спб. 1909. п. Б.—10) Ю. В. Португаловъ. Къ пси-	

хологиі русскихъ литературныхъ теченій эпохи 1860—1890 годовъ. Оренбургъ. 1908. А. Фомина.—11) Н. А. Римскій-Корсаковъ. «Лѣтопись моей музыкальной жизни» (1844—1906). Подъ редакціей Н. Н. Римской-Корсаковой. С.-Петербургъ. 1909. В. Баснина.—12) Е. Реформатская. Люди мысли и правды. Очерки изъ прошлаго русскаго общества. Для самообразования. Москва. 1909. А. Ф.—13) Курсь семейнаго права. Заслуженнаго ординарнаго профессора А. И. Загоровскаго. Изданіе второе, съ измѣненіями и дополненіями. Одесса. 1909 г. В. Г.—14) Н. Каръевъ. Исторія Западной Европы въ новое время. Томъ VI. Часть I. (1867—1880). Спб. 1909. Р. С.—15) Турецкій сборникъ подъ редакціей І. М. Викермана. Спб. 1909 г. П. Б.—16) Герье, В. Франціискъ, апостолъ нищеты и любви. Москва. 1908. В. Ф.—на.—17) Е. Тарле. Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи. Спб. 1909 г. П. Б.—18) «Пережитое». Сборникъ, посвященный общественной и культурной исторіи евреевъ въ Россіи. Т. I. Спб. А. и—ва.—19) Людевитъ Штуръ. Славянство и мѣръ будущаго. Посланіе славянамъ съ береговъ Дуная, съ примѣчаніями В. И. Ламанскаго. Спб. 1909. Андрея Сиротинина.—20) Статистическій сборникъ рижскаго городского управленія. Изданіе рижской городской статистической комиссіи. Часть I. Рига. 1909. А. Э. Мальмгрена.—21) Людвигъ Фейербахъ. Сущность христіанства. Полный переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Ю. М. Антоновскаго. Спб. 1908. Н. Л.—22) В. А. Поссе. По Европѣ и Россіи. Спб. 1909. А. Фаресова.—23) Д. Г. Коноваловъ. Психологія сектантскаго экстаза. Рѣчь предъ защитой магистерской диссертациі. Сергіевъ посадъ. 1909 г. В. Троцнаго.—24) Каталогъ Гоголевской выставки, устроенной въ женскомъ училищѣ г. Прееде въ Митавѣ 14 мая 1909 г. въ память столѣтія со дня рожденія Н. В. Гоголя. Матеріалы для Гоголевской иконографіи. Митава. 1909. А. Э. Мальмгрена.—25) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ СХХVІІІ. Акты, документы и матеріалы для политической и бытовой исторіи 1812 года, собранные и изданные, по порученію его императорскаго высочества великаго князя Михаила Александровича, подъ редакціей К. Военскаго. Т. I. Литва и западныя губерніи. Спб. 1909. Г. Л. и.—26) В. Н. Латванъ. Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи (XVIII и XIX ст.), изд. 2-е. Спб. 1909. М. и—ва.—27) Проф. С. Ф. Платоновъ. Учебникъ русской исторіи для средней школы. Курсь систематическій. Часть I (до Петра Великаго). Спб. 1909. В. в—ча.—28) А. А. Дмитріевскій. Графъ Н. П. Игнатьевъ, какъ церковно-политическій дѣятель на православномъ Востокѣ. Спб. 1909. П. Б.—29) Ан. Титовъ. Колясниковскій синодаль. Сергіевъ посадъ. 1909. А. и—ово.—30) М. В. Довнаръ-Запольскій. Исслѣдованія и статьи. Томъ I. Этнографія и социологія, обычное право, статистика, бѣлорусская письменность. Изданіе А. П. Сапунова. Кіевъ. 1909. В. Р.—ва.—31) А. А. Титовъ. Упраздненные монастыри Костромской епархіи. Съ рисункомъ. А. и—ово.—32) Извѣстія императорской археологической комиссіи. Выпускъ 31. Съ портретомъ и 244 рисунками. Спб. 1909. — Вѣстникъ археологіи и исторіи, издаваемый императорскимъ археологическимъ институтомъ. Съ 32 рисунками. Выпускъ XIX. Спб. 1909. В. Руданова.—33) Изъ архива князя С. В. Шаховскаго. Матеріалы для исторіи недавняго прошлаго прибалтійской окраины (1885—1894 гг.). Т. I. Спб. 1909. Б. Г.—снаго.—34) Словарь литературныхъ типовъ. Вып. III. Лермонтовъ. Спб. 1909. Вып. IV. Гоголь. Спб. 1909. А. Фомина.—35) С. Т. Аксаковъ. Избранныя сочиненія. Подъ ред. Ч. Вѣтринскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1909. А. Ф.—на.—36) П. Е. Щеголевъ, А. С. Пушкинъ въ политическомъ процессѣ 1826—1828 гг. Спб. 1909. М. Л.—37) Опытъ методики законовѣдѣнія какъ предмета преподаванія въ средней школѣ. А. Х. Гольмстена, заслуженнаго профессора императорскаго сиб. университета. Спб. 1909. В. Г.—38) Россія и Великобританія въ Центральной Азій. Переводъ А. Рихтера. Изданіе штаба Туркестанскаго военнаго округа. Ташкентъ. 1908. Я. Бирюнова.—39) Н. Адонць. Армения въ эпоху Юстиніана. Политическое состояніе на основѣ нахарарскаго строя. Спб. 1908. А. Х.—40) Baltische Revolutions Chronik. 2 тома. I. Bis zum Oktober 1905. Рига. 1907. — II. Oktober bis Dezember 1905. Рига. (Отдѣльные оттиски изъ «Balt. Monatschrift»). А. Мальмгрена.—41) Труды ватской ученой архивной комиссіи 1907 года. Выпускъ IV. Ватка. 1908. В. Р.—ва.—42) К. Военскій. Петръ I въ Карлсбадѣ въ 1711 и 1712 годахъ. Спб. 1908. (Отд. оттискъ изъ «Правит. Вѣстника». Д. Нагуевскій. Петръ Великій въ Карлсбадѣ въ 1711 и 1712 гг. Рига. 1909. Съ иллюстраціями. А. Э. Мальмгрена.—43) А. А. Корниловъ. Общественное движеніе при Александрѣ II (1855—1881). Историческіе очерки. М. 1909. Г. Л. и.—44) А. Прѣсяковъ. Князье право въ древней Русіи. Очерки по исторіи X—XII столѣтій. Спб. 1909. П. В. в.—45) Ан. Титовъ. Лѣтопись Костромскаго Богоявленскаго монастыря, написанная послѣ разгрому 7117 году мая 6 числа. М. 1909. А. и—ово.—46) Схимонахиня Нектарія. Княгиня Наталья Борисовна Долгорукова, дочь фельдмаршала Шереметева. I. Г. С. III. Москва. 1909. В. Т.—аго.—47) В. С. Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи. Томъ второй. Книга первая и вторая. Кіевъ. 1908.

А. Б.—48) Иконописный сборникъ. Выпускъ II. Изданіе высочайше утвержденнаго комитета попечительства о русской иконописи. Съ 23 рисунками въ текстѣ. Спб. 1908. А. я.—49) С. Елчатовскій. Влизіи тѣни. Спб. 1909. А. Фомина.—50) П. Юганъ. Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Томъ I. Часть I. Москва. 1909. А. Ф.—ва.—51) Труды В. Г. Васильевскаго. Т. I. Изданіе Императорской академіи наукъ. Спб. 1908. А. Б.—52) С. В. Амвраджиби. Сборникъ стихотвореній грузинскихъ поэтовъ въ русскомъ переводѣ. Москва. 1909. А.—ова.—53) Иллюстрированный путеводитель по г. Смоленску. Составилъ хранитель древностей смоленскаго историко-археологическаго музея В. И. Грачевъ. Смоленскъ. 1908. Е. Клетновой.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ . . . 334, 694, 1088

1) Графъ Лаферрона въ Петербургѣ и его переписка съ графомъ Нессерольде. — 2) Легенда о Маріи Стеллѣ. — 3) Политико-гуманитарная роль Жоржъ-Занда и ея старость. — 4) Герцогъ Морни и русское общество въ Парижѣ во время второй имперіи. — 5) Карменъ Сильва. — 6) Юбилей въ апрѣлѣ, маѣ и юнѣ. — 6) Смерть графа Дзедушицкаго, Маріона Крофорда, Свинборна, Грусса и Меридита. — 7) Генераль Моро и его сношенія съ Александромъ I.—8) Архивъ графа Нессерольде отъ 1819 г. до 1839 г.—9) Луи Лежъ о Гоголевскомъ юбилей.—10) Убыль кореннаго населенія Соединенныхъ Штатовъ. — 11) Монастырь св. Іереміи въ Саккарахѣ. — 12) Кардиналъ Ареццо.—13) Дипломатическая миссія Морни въ Россіи.—14) Воспоминанія генерала Гріуа о походѣ 1812 г.

СМѢСЬ 361, 718, 1107

1) Открытіе памятника императору Александру III. — 2) Всероссийскій съѣздъ по педагогической психологіи. — 3) Съѣздъ эстонскихъ журналистовъ. — 4) XII съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей.—5) Десятилѣтіе Пушкинскаго общества.—6) 200-лѣтіе морского музея.—7) Юбилей Д. А. Скалона.—8) 25-лѣтіе научной дѣятельности В. В. Подыжкога.—9) 50-лѣтіе ученой дѣятельности В. В. Радлова.—10) 50-лѣтній юбилей І. С. Китнера.—11) Церковно-школьная выставка. — 12) Народный домъ имени С. Т. Аксакова.—13) Празднованіе 200-лѣтніи основанія Петергофа.—14) 1-я всероссійскій съѣздъ издателей и книгопродавцевъ.—15) Музей при Александро-Невской лаврѣ.—16) Гоголевскій музей.—17) 100-лѣтній юбилей со дня рожденія А. В. Кольцова.—18) Статистическія свѣдѣнія по дѣламъ печати.—19) Всероссийскій съѣздъ печати.—20) Пятидесятилѣтіе литературнаго фонда.—21) Закрытіе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.—22) Москва, какъ издательскій центръ въ 1908 году.—23) Юбилей Ѳ. А. Витберга.—24) Новый почетный гражданинъ Петербурга.—25) Открытіе памятника ген.-ад. гр. Тотлебену.

НЕКРОЛОГИ 374, 729, 1115

1) Ватюшковъ, Д. Н. — 2) Вергардъ, В. Р. — 3) Внуковскій, Аполлинарій. — 4) Гераковъ, Н. Н. — 5) Есяповъ, Н. А. — 6) Ивановичъ, С. Л.—7) Крушеванъ, П. А. — 8) Мартенсъ, Ѳ. Ѳ. — 9) Миклашевскій, Н. Н.—10) Ореустъ, И. И.—11) Сеславинскій, В. А.—12) Соколовъ, Ѳ. Ѳ.—13) Сомовъ, А. И.—14) Чагинъ, Н. М.—15) Шерба, В. А.—16) Вухаревъ, І. Н., протоерей.—17) Грязновъ, В. В.—18) Лебедевъ, Г. Г.—19) Моисеевко, А. Н.—20) Мущниковъ, А. А.—21) Огородниковъ, Г. Ѳ.—22) Пищатовскій, С. Л.—23) Рачинскій, К. А.—24) Хлоповъ, Л. А.—25) Шталь, А. П.—26) Александренко, В. Н.—27) Вълкинъ, А. С.—28) Ведровъ, С. В., профессоръ.—29) Орловскій, И. И.—30) Смоленскій, С. В.—31) Суворовъ, Н. С.

Приложенія: 1) Портретъ великаго князя Константина Павловича.—2) Портретъ княгини Ловичъ.—3) Портретъ Жозефины Фредерихсъ-Вейсъ.—4) Ея величество королева. Романъ Никола Миззани, переводъ съ итальянскаго Л. Р.—на. (Окончаніе).

ЖОЗЕФИНА ФРИДРИХСЪ-ВЕЙСЪ.

Оъ портрета находящагося въ изданіи великаго князя Николая Михайловича
«Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій.»

ГРАФЪ ФЕНИКСЪ¹⁾.

(Историческій романъ изъ эпохи Екатерины Великоѣ).

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Слѣдить за мыслями великаго человека есть наука самая занимательная.

Арапъ Петра Великоаго.

LXVII.

Послѣ ужина.

СЧАСТЛИВЫЙ жребій, вынутый изъ алебастровой вазы княземъ Коріатомъ, наполнилъ его невыразимымъ чувствомъ блаженства, равно какъ и смущенія. Когда онъ занялъ за іоанновскимъ столомъ капитула восьмой провинціи мѣсто рядомъ съ Серафимой, ихъ бесѣды во время ужина были немногословны. Въ вѣнкѣ изъ розъ, въ бѣлой туникѣ, покрытая сквозящимъ вуалемъ, Серафима казалась прелестной юной невѣстой рядомъ съ молодымъ дѣвственнымъ храмовникомъ. Ея грудь дышала упоеніемъ. Дивныя плечи открывали нѣжныя очертанія въ струяхъ покрывала. Черныя кудри и южныя очи красавицы могли вскружить голову даже искушенному Фоблазу. Огненная сфера влюбленности обняла князя. Онъ видѣлъ, слышалъ, ощущалъ только ее одну въ цѣломъ мірѣ, и все остальное скрывалось отъ него въ какомъ-то искристомъ туманѣ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХVII, стр. 385.
«истор. вѣстн.», сентябрь, 1909 г., т. СХVII.

Когда пили здоровья, Серафима едва прикасалась алыми устами къ краю кубка, но каждый разъ на мгновеніе взоръ ея обращался къ Коріату и сулилъ ему все сердце прекрасной.

Князь Коріатъ пилъ много, но онъ не чувствовалъ пьяной силы даровъ Діониса. Онъ былъ пьянъ безъ вина. Приливъ молодыхъ желаній уносилъ его въ бурное море страсти. Онъ отдавался впервые этому приливу. Было и жутко, и сладко, и больно. Конечно, въ это мгновеніе не было подвига, не было такого безумнаго поступка, котораго бы не совершилъ молодой храмовникъ по первому знаку его дамы, лишь бы требуемое не нарушало правилъ религіи и чести. Но Серафима казалась ему столь чистой, столь трогательной, что самая мысль о чемъ-либо низкомъ и коварномъ не уживалась съ ея образомъ. А земная прелесть красавицы въ воображеніи послѣдователя ученій герметической кабалистики сливалась съ фантастическимъ міромъ грезъ, съ волшебнымъ міромъ призраковъ и превращеній.

И порою въ этой блистающей залѣ съ куполообразнымъ, продолговатымъ потолкомъ и колоннами все преображалось. На цвѣточныхъ цѣпяхъ, перекинутыхъ надъ столами отъ колонны къ противоположному столпу, въ вѣнкахъ розъ, повѣшенныхъ посреди благоуханныхъ гирляндъ весны и обновленій, качались свѣтлые духи. Сладкіе звуки роговой музыки лились съ хоръ и были призрачнымъ тѣломъ этихъ крылатыхъ созданій воображенія... Князь Коріатъ то просыпался отъ сна наяву, то вновь отдавался мечтаніямъ, не переставая ощущать и видѣть всѣми чувствами тѣла, всѣми осязаніями воли, всѣми чарованіями духа ту волшебницу, которая такъ загадочно сіяла совершенной красотой въ прозрачномъ сумракѣ магическаго покрова.

Между тѣмъ пиршество приблизилось къ окончанію. Пили послѣднее здоровье всемірнаго братства строителей храмины благополучія и освобожденія человѣчества, и братья и сестры встали и подали накрестъ руки сосѣдямъ, соединясь въ дружественную общую цѣпь кругомъ столовъ. Серафима отдала ручку молодому храмовнику, и ея прикосновеніе потрясло пламенной силой весь составъ юнаго рыцаря. Онъ невольно сжалъ руку Серафимы. Она многозначительно отвѣчала пожатіемъ на пожатіе... Но тутъ общая цѣпь разстроилась именно тѣмъ, что Великій Кофта, неожиданно потерявъ точку опоры, стремительно низвергся подъ столъ...

— Ахъ!.. Ха-а!...—произнесла только Серафима обычное свое восклицаніе.

И равнодушно отвернулась. Она не проявила никакого желанія прійти на помощь супругу и ничѣмъ ровно не выразила безпокойства о его дальнѣйшей участи.

Великій Кофта, по распоряженію намѣстнаго мастера Ивана Перфильевича Елагина, былъ извлеченъ изъ-подъ стола лакеями и бережно перенесенъ въ небольшой покой въ амфіладѣ гости-

ныхъ, примыкавшихъ къ столовой. Зрѣлая, дебелая прелестница, по жребію бывшая дамой Великаго Кофты, вмѣстѣ съ госпожой Ковалинской устремились за безчувственнымъ тѣломъ магика, движимыя, одна чувствомъ природной доброты, другая чувствами болѣе сложными. Госпожа Ковалинская упорно отвергала опянѣніе «божественнаго наставника». Внезапное его низверженіе она объясняла дѣйствіемъ черныхъ силъ и волхвованіями темныхъ магиковъ, враговъ Великаго Кофты. Изъ понятнаго чувства деликатности ей не возражали. Но взгляды и улыбки, которыми всѣ обмѣнялись, когда выносили магика, безъ словъ удостовѣрили, что авторитетъ его низвергся долу столь же стремительно, какъ и самъ онъ. Это было подготовлено тѣмъ чувствомъ неудовлетворенія, которое вызвали предшествовавшія дѣйствія магика съ кладомъ и возвѣщеніемъ прибытія Великаго Кофты. Вѣра въ Калиостро, послѣ чудесъ его на дачѣ свѣтлѣйшаго, исцѣленія Елагина и преувеличенныхъ, конечно, слуховъ и разсказовъ о немъ, которые наконецъ наполнили весь Петербургъ, достигла высшей степени напряженія.

Теперь это напряженіе вдругъ разрѣшилось глубокимъ разочарованіемъ и недоустріемъ. Между тѣмъ, какъ большинство гостей Ивана Перфильевича двинулось въ сосѣднюю амфиладу гостиныхъ, гдѣ поданы были на разбросанныхъ между покойными софами столикахъ десертъ, сладкія вина и фрукты, — самъ намѣтный мастеръ и нѣкоторые важнѣйшіе члены капитула замѣдлили въ столовой и, уйдя за колонны подъ сѣнь грифоновъ и сфинксовъ, которыми расписаны были стѣны, нюхали табакъ другъ у друга изъ табакерокъ и совѣщались относительно неожиданной елабости, высшаго неприличія и неучтивства, оказанныхъ Калиостро.

На справку призванъ былъ и Иванъ Аванасьевичъ Дмитревскій, у котораго спрошено объясненіе его замѣчанія о «лондонской практикѣ» Великаго Кофты.

Дмитревскій тутъ впервые объяснилъ, что знавалъ Калиостро въ бытность свою въ Лондонѣ по порученію его превосходительства Ивана Перфильевича, касательно завѣдуемой имъ театральной части. Но тамъ Калиостро слылъ подъ именемъ кавалера Вальдоне и своимъ поведеніемъ навлекъ сильное неудовольствіе самого герцога де-Бофора, сперва къ нему расположеннаго.

На спросъ членовъ капитула, каково же было поведеніе сего Вальдоне нынѣшняго Калиостро и Кофты, Иванъ Аванасьевичъ признался, что поведеніе было зазорное. Убѣдившись въ шарлатанствѣ Вальдоне, показывавшаго въ темной хранилѣ огненную руку, на стѣнѣ писавшую огненными же литерами, и которая оказалась собственною кавалера Вальдоне, фосфоромъ натертою рукою, герцогъ де-Бофоръ пришелъ въ такую ярость, что приказалъ лакеямъ своимъ отколотить обманщика палками, брося на заднемъ дворѣ на навозную кучу...

— Но почему же вы намъ сего не открыли, когда шарлатанъ явился въ капитуль?—спросилъ князь Куракинъ. Иванъ Аонасьевичъ доложилъ, что Калиостро показаль такіе знаки, которые обязывали полнѣйшимъ повиновеніемъ ему. Итакъ, онъ молчалъ. И только нынѣ открываетъ капитулу знаемое о прошломъ Калиостро, прося въ то же время заступничества предъ орденомъ.

— И такому шарлатану и пьяницѣ я довѣрилъ наше болящее дитя!—вскричалъ князь Сергѣй Федоровичъ Голицынъ.—Сейчасъ иду, растолкаю проходимца и потребую отчета!—порывался потрясенный и взволнованный князь.

— Это будетъ совершенно бесполезно,—удержалъ Голицына Иванъ Перфильевичъ.—Онъ пьянъ мертвецки.

— Такъ вытрезвить его! Вылить на него ушатъ холодной воды! Натереть пьяной скотинѣ уши!—въ свою очередь разъярясь, воскликнулъ князь Гагаринъ.

— Допустить сего я не могу надъ гостемъ моимъ, ибо онъ все же мой гость,—сказалъ Иванъ Перфильевичъ:—не нарушивъ гостеприимства. Къ тому же у брэннаго тѣла Великаго Кофты сидитъ теперь его духовная дщерь, госпожа Ковалинская, и, конечно, въ ея присутствіи вытрезвлять почивающаго невозможно! Подождемъ до утра, когда онъ самъ очнется, и натошакъ, съ похмелья потребуемъ его къ допросу.

Рѣшеніе намѣстнаго мастера всѣ признали весьма благоразумнымъ, затѣмъ вышли изъ столовой и присоединились къ прочимъ гостямъ.

LXVIII.

Бѣгство.

Между тѣмъ взлетѣвшая въ сумракѣ лѣтней ночи ракета возвѣстила начало фейерверка—неизбѣжной потѣхи каждаго праздника екатерининскихъ вельможъ. Изъ гостиныхъ всѣ вышли въ сады счастливаго острова Ивана Перфильевича Елагина. Блестательная картина предстала восхищеннымъ взорамъ. Гирлянды разноцвѣтныхъ фонариковъ убѣгали по аллеямъ и дорожкамъ, обозначая перспективы садовъ. Въ цвѣтникахъ пламенѣли транспаранты, изображавшіе символы «свободнаго каменщичество» и «королевскаго искусства». Пріятная теплота лѣтней ночи манила гостей къ прогулкѣ. Всѣ разбрелись въ цвѣтникахъ, боскетахъ, въ паркахъ, любуясь переливами потѣшныхъ огней. Князь Коріатъ вышелъ съ Серафимой вслѣдъ за другими. Итальянка съ южной непосредственностью любовалась и восторгалась иллюминаціей. Въ то же время она увлекала князя въ глубь садовъ и вдругъ вошла съ нимъ въ боковую неосвѣщенную аллею.

— Уйдемте отъ всёхъ! Дальше! Дальше!—шептала она, поспѣшно скрываясь въ глубокой тѣни густолиственного свода старыхъ деревьевъ.—Воспользуемся счастливымъ случаемъ, который избавилъ меня отъ надзора Калиостро. Скорѣе! Дальше! Дальше!..

Такъ отошли они наконецъ въ болѣе отдаленную часть сада. Уже огни иллюминаціи скрылись отъ нихъ куртинами и боскетами. Кругомъ все было пустынно и наполнено тѣнью; росистыя поляны курились туманомъ; щелкали соловьи. Они вышли на небольшую площадку. При трепетномъ сіяніи звѣздъ кумирь стройнаго Антиноя бѣлѣлъ мраморными формами. Здѣсь, какъ бы подъ ауспиціями безчувственного античнаго красавца, они уступили приливу долго сдерживаемаго чувства. Страсть отдала ихъ другъ другу, сомкнула ихъ уста и объятія, и въ этомъ, для князя первомъ въ жизни поцѣлуѣ любимой и влюбленной женщины, они на мгновеніе забыли все. И невозможно было бы сказать, сколь долго длилось это первое соединеніе дѣвственныхъ устъ юноши и знойныхъ устъ женщины. Оно длилось мигъ и вѣчность. Полножизненное, оно дало невыразимое блаженство мечтательному храмовнику. Путникъ, истомленный жаждой въ пустынѣ и обрѣтшій вдругъ живыя, свѣтлыя струи источника, не ощущаетъ большаго блаженства, приложивъ къ свѣжей влагѣ запекшіяся уста! Въ первомъ прикосновеніи объятій и устъ прекрасной женщины все было столь ново дѣвственнымъ чувствамъ юноши, что воспринималось имъ какъ нѣкое небесное таинство... Они оторвались наконецъ другъ отъ друга. Но опытная красавица знала, что за первымъ удовлетвореніемъ страсти, которое далъ юношѣ этотъ первый поцѣлуй, чувства потребуютъ еще, и потребуютъ большаго. Она опустила на прелестныя черты свои легкое и прозрачное, какъ крыло духа, покрывало, которое подняла, отдаваясь поцѣлу, и сказала:

— Хотя вино освободило меня отъ Калиостро, который теперь будетъ храпѣть до утра, что мнѣ хорошо извѣстно по прежнимъ опытамъ, но мы здѣсь небезопасны отъ шпионства нанятаго имъ слуги—поляка Казимира. У этого человѣка удивительный даръ поспѣвать всюду, гдѣ его не спрашиваютъ. Я и теперь каждую минуту жду, что онъ вдругъ выйдетъ изъ-за дерева и окажется, что все выслѣдилъ и подглядѣлъ. У Калиостро способность находить себѣ подобныхъ пройдохъ всюду, куда онъ ни является. О, что бы я могла рассказать объ этомъ шарлатанѣ, если бы стоило терять драгоценныя мгновенія свободы на толки о презрѣнномъ, ненавистномъ моемъ мучителѣ и палачѣ! Но свобода дана для любви. Вы вѣдь любите меня, да?—спросила сладостнымъ шопотомъ Серафима.

— Люблю,—прошептала и Коріать.

— Тогда идемъ скорѣе къ пристани. Насъ перевезутъ на другую сторону. А здѣсь на островахъ есть домикъ одной старушки, соотечественницы моей. Я познакомилась съ ней недавно. Но она такая добрая старушка, что не откажетъ приютить насъ на эту ночь.

Говоря это, Серафима уже увлекала вперед князя, и скоро они достигли пристани. Черная крытая лодка Калиостро привязана была между другими, и около нея, сидя на каменных ступенях спуска, дремалъ съдой Харонъ, который правилъ рулемъ плавучаго саркофага. Гребцы теперь угощались съ прочей прислугой. Такъ какъ старикъ былъ итальянецъ,—оперный статистъ,—то Серафима приказала ему на языкѣ своего отечества перевезти скорѣ ихъ на другой берегъ.

Проснувшійся Харонъ хитро посмотрѣлъ на красавицу и ея молодого спутника и, пожавъ плечами, прошамкалъ, что безъ приказанія графа онъ не можетъ кого-либо перевозить.

Слезы гнѣва и нетерпѣнія сверкнули въ очахъ Серафимы. На пристани не было никого, кромѣ старика. Паромъ же отведенъ былъ на другой, столь же пустынный, берегъ.

Сложивъ умоляюще руки, Серафима стала просить старика, награждая его итальянскими уменьшительными, ласкательными.

Харонъ только ежился отъ свѣжести, которую его старыя плечи ощущали даже и въ лѣтней ночи, улыбался беззубымъ ртомъ и качалъ отрицательно головою. Отъ ласки красавица перешла къ довольно крупной итальянской брани, нетерпѣливо топая ножкой и разрывая пальцами край своего покрывала.

Харонъ оставался безчувственнымъ и къ брани, какъ къ ласкательнымъ словамъ. Но когда князь досталъ изъ камзола червонецъ и сунулъ достойному служителю Таліи и Терпсихоры, старецъ съ неожиданной легкостью движеній вскочилъ на ноги, и внезапно отнявъ отъ лица длинную бороду, а съ головы снявъ широкополую шляпу, произнесъ, раскланиваясь:

— Si, siniora, si!

— Казимиръ!—вскричала, всплеснувъ руками, Серафима.

Въ самомъ дѣлѣ то былъ Казимиръ, подъ сумрачными полями шляпы и съ подвязной бородой онъ былъ совершенно неузнаваемъ.

— Графъ приказалъ мнѣ замѣнить нашего кормчаго, который теперь и угощается съ товарищами на поварняхъ Елагина,—съ живостью объяснялъ Казимиръ на французскомъ языкѣ съ польскимъ произношеніемъ,—и, запасшись бородой изъ привезеннаго нами реквизита, сидѣть на пристани и сторожить.

— Кого, Казимиръ, кого?—спросила Серафима.

— Именно васъ, графиня. По приказанію графа, моего господина, я долженъ былъ бы васъ задержать. Но какъ задержать красавицу? Можно поймать птичку, вылетѣвшую изъ клѣтки, а удержать женщину, которая ищетъ свободы, такъ же невозможно, какъ возвратитъ въ свое сердце тайну, которую уже выболталъ языкъ. Къ тому же этотъ золотой кружочекъ... Графъ, мой господинъ, несмѣтно богатъ, по словамъ его, и повелѣваетъ скрытыми сокровищами рудъ и кладовъ. Но я не вижу отъ него и злота. Такъ что если

ваше сіятельство къ одному птенчику золотого гнѣзда прибавите еще парочку, то я охотно повезу васъ въ этомъ черномъ гробѣ хотя въ Лондонѣ!

По словоохотливости, развязности жестовъ и ухищренному поэтическому языку, равно какъ и по яркому колеру носа и щекъ, замѣтно было, что Казимиръ прежде, чѣмъ заgrimироваться и стать на стражу, успѣлъ нѣсколько подкрѣпиться въ поварняхъ Елагина.

Князь успѣвшия пополнить число «птенчиковъ золотого гнѣзда», какъ выразился Казимиръ, а Серафима, переходя отъ горести и испуга къ южной радости, назвала его «добрымъ, милымъ, вѣрнымъ Казимиромъ», прибавивъ, что не забудеть этой услуги, когда станетъ княгиней. Тутъ Серафима оперлась на руку Коріата и взглянула ему въ глаза сладкимъ, долгимъ, опьяняющимъ и общающимъ всякое блаженство взоромъ. Князь Коріать въ разсѣяніи страсти не выразумѣлъ силы словъ прекрасной. Онъ горѣлъ и дрожалъ въ юношеской нетерпѣливости, охваченный гибельнымъ огнемъ.

— Но зачѣмъ госпожа желаетъ переѣхать на ту сторону? Всѣ кучера и конюхи теперь тоже на поварняхъ. Некому будетъ заложить и подать карету. Некому и править.

— Ахъ, мы пройдемъ къ одной старушкѣ, моей знакомой. Ея домикъ тутъ недалеко, — опуская глаза, сказала Серафима.

— Къ старушкѣ? Ба! Я же знаю. Госпожа были у ней съ...

— Что ты знаешь, можешь оставить при себѣ! — сказала красавица, быстро закрывъ ротъ Казимиру рукой. При семъ болтливый слуга съ удовольствіемъ ощутилъ на устахъ холодъ металлическаго кружка, оказавшагося въ ладони Серафимы, и, не сомнѣваясь въ томъ, что это еще новый «птенчикъ» изъ того же гнѣзда, что и перепорхнувшіе къ нему изъ камзола князя Коріата, ловко ухватилъ золото губами и спряталъ за щеку.

— Я знаю домикъ почтенной матроны, — продолжалъ онъ затѣмъ, когда Серафима отняла отъ его губъ руку. — И вамъ не къ чему переѣзжать на тотъ берегъ и затѣмъ итти къ ней пѣшкомъ. Садъ ея выходитъ къ рѣкѣ. Я прямо доставлю васъ въ гондолѣ къ калиткѣ сада водою.

Тутъ Казимиръ снялъ цѣпь, вскочилъ на носъ лодки и схватилъ весло. Князь Коріать помогъ Серафимѣ спуститься въ сумрачную глубину крытой части лодки и самъ сѣлъ рядомъ съ нею на покрытой ковромъ скамейкѣ. Лодка быстро поплыла между зелеными берегами острововъ. Прежде, чѣмъ для парочки истощилось блаженство третьяго поцѣлuya, ловкій Казимиръ уже подогналъ гондолу къ маленькому плотнику и калиткѣ сада уединенно стоявшаго домика почтенной соотечественницы Серафимы.

Несмотря на поздній часъ, окошки домика привѣтливо свѣтились, и когда Серафима ступила на плескавшій по водѣ плотикъ, сама хозяйка отворила калитку сада и озарила красавицу и спут-

ника ея лучомъ маленькаго фонарика, бывшаго въ ея рукахъ. Привѣтствуя маркизу низкимъ реверансомъ, старушка умильно смотрѣла на знатную гостью изъ блондоваго чепца и, объяснивъ на итальянскомъ языкѣ, что такъ рада ее видѣть, какъ будто маркиза была собственная ея внучка, повела гостью и князя, котораго, впрочемъ, Серафима не торопилась ей представить, дорожкой удивительно чисто содержимаго сада въ голландскомъ вкусѣ съ подстриженными деревьями и цвѣтниками луковичныхъ растений.

Черезъ стеклянную веранду, увитую дикимъ виноградомъ, они вступили въ пріятные, просторные покои, гдѣ опрятность и простота соединены были съ изящнымъ вкусомъ. Въ боскетной, стѣны которой расписаны были букетами сирени и ландшафтами, на кругломъ столѣ горѣли изящные канделябры, и бутылка итальянскаго вина, фрукты, сыръ и печенье расположены были съ заманчивымъ искусствомъ. Но гости почтенной дамы не чувствовали малѣйшаго влеченія къ напиткамъ или снѣдямъ, и поглощаемые лихорадочными ощущеніями взаимности страсти, и въ виду столь недавняго іоанновскаго банкета на островѣ Елагина. На предложеніе старушки отвѣдать вина и фруктовъ гости ея отвѣчали отказомъ. Она не настаивала и провела ихъ въ сосѣдній салонъ, устланный ковромъ, съ мягкими софами и креслами, съ зеркалами и картинами кисти несравненнаго Фрагонара на стѣнахъ. Положительно, скромный съ внѣшности домикъ старушки скрывалъ въ себѣ утонченную роскошь вкуса. Хозяйка покойно помѣстилась въ кресла и пригласила Серафиму и князя Коріата присѣсть. Затѣмъ почтенная старушка, оправляя сырцовыя букли подъ навѣсомъ блондоваго чепца и ярко-огненные ленты шелковаго капота, стала опять выражать удовольствіе, что видитъ у себя маркизу, къ которой питаетъ такую привязанность, какъ къ родной внучкѣ.

— Только внучка моя не можетъ отлучаться ко мнѣ въ столь поздній часъ,—говорила съ добродушной улыбкой старушка.— Она въ Смольномъ монастырѣ. Вотъ ея портретъ.

И она указала изображеніе прелестной, голубоглазой, съ бѣлокуроыми локонами дѣвочки, между пасторалями на стѣнѣ.

— А тутъ и спальня моей внучки,—продолжала старушка, поднимаясь.

И она отдернула драпировку въ нишѣ. За ней оказалась уютная келья, озаренная лампадой, теплившейся передъ статуей Мадонны въ углу, заставленномъ цвѣтущими розами. Бѣлый штофъ съ золотыми лиліями затягивалъ стѣны. Бѣлоснѣжное ложе подъ кисейнымъ пологомъ казалось изваяннымъ изъ паросскаго мрамора.

— Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ внучка моя въ Смольномъ,—продолжала старушка, опуская драпировку и опять усаживаясь въ креслахъ—эта спаленка ея стоитъ пустая.

Поговоривъ еще, болѣе сама съ собой, ибо сидѣвшіе на софѣ рядомъ гости ея смотрѣли въ глаза другъ другу и не отвѣчали ни слова, старушка встала съ хлопотливымъ видомъ и, пробормотавъ, что она принесетъ сейчасъ свое вязанье, неторопливо удалилась.

LXIX.

Калиостро трезвъ.

Перенесенный въ уединенный салонъ, Великій Кофта, охраняемый двумя дамами, сначала лежалъ совершенно недвижно, открывъ ротъ и испуская тяжкое и далеко не гармоническое хрипѣніе. Потомъ, видимо, объятый бредомъ разгоряченнаго винными парами мозга, сталъ скрежетать зубами, двигать судорожно всѣми членами, глухо восклицая:

— Прочь! Прочь! Отойди! Меліонъ! Геліонъ! Тетраграматонъ!

Очевидно, магикъ и въ бреду совершалъ заклинанія и отгонялъ злыхъ духовъ и чародѣевъ, душившихъ его. При этомъ лицо его посинѣло, и вообще онъ такъ былъ страшенъ, что перезрѣлая красавица, по добродушію взявшаяся помогать госпожѣ Ковалинской въ ухаживаніи за бывшимъ своимъ застольнымъ кавалеромъ, въ совершенномъ испугѣ заявила Ковалинской, что ни минуты не останется въ одной комнатѣ съ пьянымъ некромантомъ.

Госпожа Ковалинская ее не удерживала. И дама поспѣшила покинуть келью, наполненную хрипѣніемъ, страшными заклинаніями и винными испареніями дыханія Великаго Кофты.

Но едва она удалилась, графъ Калиостро вдругъ пересталъ хрипѣть и бормотать, поднялся на софѣ, спустилъ ноги и сталъ оправлять разстроенный костюмъ свой. Такое чудесное отрезвленіе нимало, видимо, не удивило госпожу Ковалинскую. Она даже помогала ему завязать жабо и укрѣпить на головѣ парикъ.

— Итакъ, дочь моя, — сказалъ затѣмъ Калиостро, спокойно сядя на софѣ и перетягивая подвязки подъ толстыми колѣнками, — вы были у духовнаго наставника?

— О, да, была и насладились его сладостными совѣтами, *саго радге!* — отвѣчала съ кротостью Ковалинская, поднимая черныя очи на важное, одутловатое и синеватое лицо некроманта, по обыкновенію блуждавшаго взорами въ высшихъ областяхъ. По тону бесѣды, видимо, составляла продолженіе начатой ранѣе ужина и страннаго обморока Калиостро.

— Вы передали его преподобію аббату Николу мое сердечное привѣтствіе?

— Ахъ! Я сказала ему о васъ. Но аббатъ Николь сначала пришелъ въ гнѣвъ при первомъ упоминаніи вашего имени, *саго радге!*

— Я это ожидалъ. Мои враги, конечно, поспѣшили предупредить его преподобіе въ неблагопріятномъ мнѣ смыслѣ.

— Да, онъ говорилъ о васъ, какъ о погибшемъ для ордена и святой церкви нечестивцѣ! Я дрожала и плакала, слыша гнѣвные глаголы столь вообще кроткаго наставника.

— Передайте подробно, что именно говорилъ его преподобіе и въ чемъ обвинялъ меня?

— Ахъ, онъ утверждалъ, что еще въ коллегіи вы заявили себя необузданностью страстей, а затѣмъ, уклонясь отъ ордена, блуждали гибельными тропами. Хотя вообще вы не отказывались отъ услугъ ордену, но положиться на васъ было невозможно. Вы нарушали свои обѣщанія и наконецъ, когда святое братство Иисусово послало васъ въ Лондонъ для изслѣдованія замысловъ враговъ церкви, вы, проникнувъ въ собраніе нечестивцевъ, перешли совершенно на ихъ сторону и стали работать врагу рода человѣческаго... Ахъ, сколь ужасно было мнѣ все это слышать! Я видѣла заблужденіе кроткаго наставника. Клянусь, я не повѣрила ни одному его слову!

— Преданная и вѣрная сестра и дочь, приди на грудь мою!— сказалъ тронутый некромантъ, привлекая въ объятія черноокую месмеріанку.—Заблужденія юныхъ дней я искуплю важнѣйшими услугами братству.

— Я не повѣрила. Я защищала васъ пламенно. Тогда... тогда аббатъ Николь строго потребовалъ у меня подробнѣйшаго отчета, гдѣ, когда и какъ происходили и въ чемъ состояли всѣ мои бесѣды и общенія съ вами...

— Вы, конечно, ничего не скрыли, дочь моя?

— Какъ я могла бы скрыть, находясь въ духовной власти вышестественнаго наставника спасенія и вѣры?

— Это прекрасно. Что же сказалъ вамъ аббатъ Николь?

— Онъ назвалъ связь душъ и сердецъ нашихъ паденіемъ. Онъ требовалъ расторженія мною союза съ вами. Я колебалась. Я умоляла. И онъ...

— Что же онъ?

— Позволилъ, но подъ тяжкимъ условіемъ.

— Подъ какимъ же?

— Подъ тѣмъ условіемъ, чтобы мой союзъ съ вами, caro padre, приносилъ пользу святому ордену и церкви. Я должна обо всемъ ему доносить, что вы будете говорить и дѣлать. Что же, я согласилась, потому что вы сами разрѣшили мнѣ посѣщать аббата Николая и открывать предъ нимъ всю мою душу.

— Совершенно. У меня нѣтъ тайнъ, которыя не могла бы знать святая церковь. Всѣ мои труды клонятся къ благу Рима, и скоро Superi Incogniti убѣдятся въ моей вѣрности. Но дабы работать въ станѣ заблуждающихся и прямыхъ враговъ истины, долженъ я таиться.

— О, я совершенно понимаю это, совершенно понимаю,—говорила госпожа Ковалинская, покоя головку на мощной груди магика.

— Теперь скажите,—продолжалъ Калиостро:—каково расположеніе ко мнѣ «малаго двора» и скоро ли я могу надѣяться быть представленнымъ?

— Ахъ, я употребила всѣ старанія! Но, къ несчастью, Катерина Ивановна Нелидова не на вашей сторонѣ. Письмо изъ Курляндіи породило въ ней предубѣжденіе и недовѣріе, съ которымъ трудно бороться.

— Какое несчастіе! Для успѣха моего дѣла необходимо сочувствіе великаго князя Поля!

— Я напрасно увѣряла Катерину Ивановну, что письмо подложно. За это время она получила еще нѣсколько писемъ изъ Митавы отъ разныхъ лицъ, представляющихъ васъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ.

— Все это дѣйствія враговъ моихъ, черныхъ магиковъ! Они возстановили противъ меня отцовъ-іезуитовъ! Они обносятъ меня и въ Митавѣ! И послѣ всѣхъ силъ и чудесъ, и высокихъ истинъ, показанныхъ мною въ семействѣ бароновъ Медемъ, тамъ нашлись слабодушные, повѣрившіе клеветамъ.

— Не падайте духомъ, саго padre!—утѣшала магика госпожа Ковалинская.—Все-таки мнѣ удалось чрезъ нѣкоторыхъ лицъ привлечь къ вамъ сочувствіе цесаревны Маріи Ѳеодоровны. Цесаревна въ перепискѣ съ достопочтенными отцами Лафатеромъ и Сень-Мартепомъ. Отзывы сихъ лицъ о васъ были ей показаны. Цесаревна склонила супруга великаго князя дать вамъ аудіенцію. Вы будете приняты въ Гатчинѣ на этой недѣлѣ.

Графъ Калиостро, при семъ пріятномъ извѣстїи, выразилъ чувства благодарности отеческимъ подѣлуемъ въ горячія уста черноокой конвульсіонерки.

LXX.

Тревога.

Разъѣздъ гостей Ивана Перфильевича начался уже на разсвѣтѣ, когда все поблѣло вокругъ, деревья, кусты, цвѣты и травы увлажнены были росой и легкія облачка, вѣнцомъ толпясь на востокѣ, окрасились нѣжнымъ пурпуромъ. Но члены капитула остались съ тою цѣлью, чтобы потребовать отчета у графа Калиостро, или Фридриха Гвальдо, или кавалера Вальдоне, или графа Феникса, или Великаго Кофты, или какъ бы еще ни назывался сей протей.

Они разошлись по отведеннымъ имъ покоямъ и предались отдыху, въ которомъ весьма нуждались.

Заснули и слуги, и весь островъ погрузился въ тишину, пустынный и оглашаемый только одушевленнымъ пѣніемъ птицъ, встрѣчавшихъ великолѣпно возникавшее свѣтило. Спали, забравшись въ

бесѣдки или протянувшись на скамейкахъ въ аллеяхъ и сторожа, пренебрегая важнымъ порученіемъ охранять отъ дерзновенныхъ посягновеній стрѣлку.

Въ это время какой-то человѣкъ черезъ цвѣтники и сады осторожно пробирался по кустамъ къ могилѣ Гомера и статуѣ Мемнона. Здѣсь онъ безстрашной рукой схватилъ и вытащилъ изъ земли воткнутой въ нее наканунѣ магикомъ гвоздь и швырнулъ его въ сверкающія воды залива. Ударившись о воду, гвоздь сейчасъ же пошелъ ко дну, послѣ всплеска и брызгъ, оставивъ на поверхности лишь широко разбѣгающіеся круги.

Оттого ли, что уже все залито было горячими лучами восходящаго съ противоположной стороны надъ столицей, Невой и островами лѣтнаго солнца, и животворящій свѣтъ прогналъ сумраки и порожденія тьмы, или потому, что дерзновенный самъ былъ силенъ въ магіи, но никакихъ ужасныхъ явленій, предвѣщенныхъ Каліостро, при этомъ не совершилось.

Взявъ затѣмъ сухую вѣтку, онъ затопталъ подошвами башмаковъ круги и знаки, начертанные на пескѣ Каліостро, и концомъ вѣтки начертилъ собственные, весьма прихотливые гіероглифы.

Совершивъ все сіе, таинственный какоматикъ удалился такъ же, какъ и пришелъ, пробираясь въ густыхъ кустахъ.

Только ворона, встревоженная имъ, поднялась съ дуба, простиравшаго могучія узловатія вѣтви надъ безмолвнымъ Мемнономъ, и съ шумнымъ хлопаньемъ крыльевъ трижды зловѣще прокаркала.

Но ея вѣщій, предостерегающій голосъ не былъ услышанъ. Сторожа храбрились безмятежно, такъ какъ, смѣняя поздно ночью поставленныхъ наканунѣ, уже явились послѣ засѣданія въ поварняхъ, гдѣ истреблялись обильные остатки іоанновскаго ужина, состоявшаго, по роскошному обычаю осьмогонадесять вѣка, изъ восьмидесяти кушаній, такъ что господамъ достаточно было только отвѣдать отъ каждаго, чтобы насытиться и пресытиться. Не было на поварняхъ недостатка и въ напиткахъ. И сторожа захватили съ собою нѣсколько бутылочекъ, чтобы насладиться ими въ ночной тишинѣ и прохладѣ. Можетъ быть, потому сонъ ихъ и былъ столь крѣпокъ и сладокъ, хотя, конечно, можно было его объяснить и дѣйствіемъ чаръ злыхъ некромантовъ. По крайней мѣрѣ въ свое оправданіе потомъ стража привела именно эту послѣднюю причину. Они даже рассказали о страшныхъ видѣніяхъ, которыя сначала представились имъ. Дикій хохотъ, огненные глаза въ кустахъ, протягивающіяся косматыя руки, подкатывавшіеся подъ ноги колючіе ежи и разные иные призраки пытались ихъ устрашить и заставить удалиться съ занятыхъ сторожевыхъ постовъ. Они мужественно противостояли всѣмъ этимъ страхамъ. Но тогда насланъ былъ на нихъ волшебный нѣкій сонъ, вѣжды ихъ смыка-

лись, головы отяжелѣли, и самыя крупныя понюшки табаку не могли прогнать эту роковую сонливость. Члены ихъ налились свинцомъ. И всѣ они заснули, какъ мертвые...

... Уже солнце поднялось надъ садами и парками острова, и лучи его прокрадывались сквозь неплотно сдвинутыя занавѣсы въ покои, гдѣ сладко почивали члены капитула и самъ владѣлецъ острова, Иванъ Перфильевичъ, когда дверь уединеннаго салона, куда накануне былъ перенесенъ безчувственный Великій Кофта, отворилась съ шумомъ, и самъ онъ поспѣшно вышелъ и, схвативъ первую попавшуюся сонетку колокольчика, принялся за нее дергать. Однако, долго усилія его ни къ чему не приводили. Никто не шелъ на колокольчикъ. Великій Кофта дергалъ еще и еще. Наконецъ появился заспанный, неубранный, измятый лакей-французъ и недовольнымъ голосомъ спросилъ:

— Что угодно вашей милости?

— Сейчасъ же разбудите его превосходительство!—приказалъ Великій Кофта.

— Какъ-съ? Кого-съ?—изумленно, силясь раскрыть шире слипавшіяся глаза, переспросилъ лакей.

— Господина Елагина! Немедленно разбудите господина Елагина!—нетерпѣливо повторилъ Кофта.

— Развѣ же это возможно? Они изволятъ почивать,—сказалъ лакей.

— Потому-то я и приказываю вамъ разбудить господина Елагина, что онъ спитъ и почиваетъ, не зная и не чувствуя ужаснаго несчастія!

Слуга, видимо, подумалъ, что Кофта, котораго съ ужина унесли въ безчувствіи, и до бѣлаго свѣта еще не протрезвился.

Онъ сказалъ, что во всякомъ случаѣ можетъ только доложить о требованіи господина иностранца,—какъ онъ теперь язвительно нарекъ прервавшаго его утренній сладкій сонъ и приказывавшаго нѣчто столь несуразное графа Калиостро,—дворецкому.

— Докладывайте, но только поскорѣе!—приказалъ Калиостро и, сложивъ руки на груди, сталъ прохаживаться по амфиладѣ покоевъ.

Лакей ушелъ и не возвращался. Калиостро сталъ тогда дергать за сонетки въ разныхъ покояхъ амфилады.

Этотъ перезвонъ, звуки котораго стали доноситься изъ нижняго этажа, гдѣ помѣщались слуги, подѣйствовалъ. Показался поспѣшно идущій и на ходу надѣвающій ливрейный кафтанъ, не менѣе сопровождавшаго его лакея измятый и заспанный, дворецкій-итальянецъ.

— Это они звонятъ?!..—безцеремонно тыкая пальцемъ по направлению прохаживавшагося Калиостро, спросилъ лакея дворецкій.

— Они-съ!—фистулой и какъ-то жалостно преклонивъ голову на одинъ бокъ, сказалъ лакей.

— Что угодно, эччеленца?—спросилъ дворецкій на родномъ языкѣ.

— Разбудите сейчасъ же господина Елагина!—отвѣчалъ Калиостро.

— Но это невозможно!

— Вы отвѣтите, если не исполните моего приказанія. Господинъ Елагинъ весьма будетъ вами недоволенъ. Совершилось страшное несчастье.

— Какое несчастье?

— Разбудите господина Елагина и всѣхъ оставшихся въ его домѣ почевать особъ сейчасъ же! Если вы не хотите, я самъ пойду ихъ будить.

— Я долженъ доложить о семъ камердинеру его превосходительства!—сказалъ дворецкій.

Онъ удалился съ лакеемъ, но на этотъ разъ возвратился гораздо скорѣе, вмѣстѣ со старичкомъ, русскимъ камердинеромъ Ивана Перфильевича. Долго тотъ не могъ взять въ толкъ, чего хочетъ иностранный гость. Извѣстie о какомъ-то несчастii перетревожило его чрезвычайно. Магика онъ искренно боялся, почитая злымъ чародѣемъ, уже разъ наславшимъ на его престарѣлаго господина тяжкую болѣзнь. Не исполнить требованіе проклятаго колдуна, какъ бы не было худо? Исполнить—но какъ? Его превосходительство почитаетъ столь сладко, и будить онъ не смѣетъ. Камердинеръ ахалъ. Наконецъ рѣшился пройти въ спальню Ивана Перфильевича и посторожить. Можетъ быть, сами проснутся и окрикнуть. Тогда и доложить...

LXXI.

Расправа.

Случай помогъ вѣрному камердинеру. Едва онъ прокрался въ сумрачную спальню Ивана Перфильевича, какъ любопытная муха, наскучивъ одиночествомъ и стуканьемъ головою о потолокъ, сѣла у самыхъ поздрей его превосходительства и была втянута затяжкою храпа въ носъ его, что повело къ чиханью и пробужденью.

— Что тебѣ надо, старина?—спросилъ Иванъ Перфильевичъ, зѣвая.

Стоявшій у изголовья одра подъ торжественнымъ наметомъ, его осѣнявшимъ, камердинеръ доложилъ, что графъ Калиостро поднялся и всѣхъ въ домѣ звонками перебаламутилъ.

— Дворецкій ужъ меня позвалъ.

— Такъ этотъ иностранный графъ вытрезвился?—зѣвая и крестя ротъ, спросилъ Иванъ Перфильевичъ.

— Они тверезый не обстоятельныѣ, нежели пьяный. Требуютъ, чтобы ваше превосходительство разбудить и всѣхъ въ домѣ особъ.

— Вотъ какъ? Ну, я и самъ проснулся,—спуская ноги съ одра, сказалъ Иванъ Перфильевичъ и потянулся къ плафрону на кошачьихъ нѣжныхъ шкуркахъ.

Камердинеръ подаль и потомъ открылъ одну изъ драпировокъ оконъ. Иванъ Перфильевичъ сощурился, когда потоки солнечнаго свѣта залили покой.

— Я проснулся,—повторилъ старикъ:—но какое дѣло до насъ иностранному графу?

Камердинеръ доложилъ тогда, что Калиостро твердитъ о какомъ-то несчастіи, а въ чемъ оно, не объясняетъ. Иванъ Перфильевичъ неприятно поморщился.

— Несчастіе, вѣроятно, въ томъ состоитъ, что у господина Калиостро голова трещитъ съ похмелья. Однако, если онъ столь торопится насъ созвать, то мы удовлетворимъ сему его желанію. Уже поздно. Доложи всѣмъ отъ моего имени, что я прошу пожаловать въ капитулъ.

Скоро намѣстный мастеръ и другія особы, разбуженныя камердинеромъ, по совершеніи необходимаго лишь туалета, сошлись въ покой, гдѣ ожидалъ ихъ Великій Кофта. Они едва кивнули головами и, разсѣвшись въ креслахъ, молча уставили строгіе взоры на магика, еще такъ недавно пользовавшагося безграничнымъ вліяніемъ въ ихъ избранной средѣ.

Это холодное обращеніе, однако, не оказало ни малѣйшаго впечатлѣнія на графа Калиостро. На покиваніе вельможъ и онъ отвѣтилъ не менѣе величественнымъ покиваніемъ. Онъ стоялъ посреди покоя, и взоры его по обычаю обращены были къ верховнымъ областямъ. Синеватое лицо Калиостро болѣе, чѣмъ когда-либо, выражало лунатическую отрѣшенность мистическаго экстаза. Взаимное молчаніе длилось съ добрую минуту. Наконецъ Иванъ Перфильевичъ сухо спросилъ:

— Должено было намъ о желаніи вашемъ, почтеннѣйшій, видѣть членовъ капитула и повѣдать ему о нѣкоемъ несчастіи. Ну, мы вотъ и собрались. Говорите.

Калиостро молчалъ.

— Не о томъ ли несчастіи желаетъ намъ доложить господинъ Кофта, — язвительно замѣтилъ князь Мещерскій: — которое его вчера подъ столъ повергло?

Калиостро молчалъ.

Негодующій ропотъ прошелъ между высокими особами.

— Что онъ какъ столбъ стоитъ?—Самъ будилъ всѣхъ, а теперь молчитъ!—Это опять шарлатанскія его штуки!—переговаривались по-русски члены капитула.

— Что онъ сдѣлалъ съ нашимъ ребенкомъ? Я долженъ спросить его, что онъ съ нашимъ ребенкомъ сдѣлалъ,—волновался князь Сергѣй Федоровичъ Голицынъ.

Вдругъ крупныя слезы полились изъ глазъ Калиостро, онъ горестно всплеснулъ руками и воскликнулъ:

— Miserere! Miserere!

Затѣмъ, ударивъ себя въ грудь, заговорилъ:

— Совершилось ужасное несчастье. Сокровище утрачено. Злые магики разрушили охранявшія его пентаграммы и наложили свои. Магическій гвоздь исторгнуть. Безцѣнное сокровище, которымъ осчастливлено было бы все человѣчество, опустилось теперь въ недоступныя земныя бездны. Не о золотѣ, не о камняхъ, не о тлѣнномъ сокровищѣ сокрушаюсь. Но великія знанія и силы заключены въ утраченныхъ нами вновь пергаментахъ и свиткахъ. Казалось, такъ близокъ былъ великій мигъ! Еще послѣднее усиліе, и все человѣчество было бы освобождено, дни рабства миновали бы, равенство водворилось бы, ибо найдено утраченное слово! *Et consummatum est!* Но тому не было суждено. Мгновенная слабость предала меня въ руки незримыхъ враговъ. Они опонли меня до безчувствія. Сорвите съ меня эту священную цѣпь! Я болѣе не Кофта, не гросмейстеръ! Низвергните меня со всѣхъ степеней! Швырните въ тьму внѣшнюю, гдѣ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ!

Выкрикивая эти беспорядочныя слова и проливая слезы, Калиостро терзалъ свои одежды, какъ древній израильтянинъ въ дни великой скорби.

Громкій плачь отвѣчалъ ему, и вдругъ дверь уединеннаго салона, гдѣ провелъ эту ночь магикъ, распахнулась, выбѣжала госпожа Ковалинская, съ распущенными черными кудрями, отчаянно поверглась предъ Калиостро и, обнимая его ноги, воскликнула: «*Caro padre! Caro padre!*»

Калиостро поднялъ ее, и она на рукахъ магика лишилась чувствъ.

Слезы, движенія и монологъ Калиостро и заключительное явленіе госпожи Ковалинской смутили неожиданностью членовъ капитула. Должно было оказать помощь безчувственной красавицѣ. Одни помогали Калиостро уложить ее на софѣ; другіе устремились позвать женщинъ.

Только князь Куракинъ, отведя въ сторону Голицына и Дмитревскаго, нахмуренный и злой, совѣщался съ ними.

Явились женщины. Госпожа Ковалинская была унесена ими на софѣ. Тутъ Калиостро, снявъ цѣпь съ высшимъ знакомъ египетскаго масонства, протянулъ ее Елагину:

— Возьмите, достопочтеннѣйшій мастеръ!—горестно сказалъ бывший гросмейстеръ.—Я погибъ и все погублено со мною. Сокровище сего острова вновь останется скрытымъ въ нѣдрахъ земныхъ. И то благо, что оно не досталось все-таки въ руки злыхъ некромантовъ. Овладѣть имъ они были безсильны. Такъ, сокровище скрылось отъ сего дня на сто двадцать пять лѣтъ. Съ нимъ увяла, не успѣвъ расцвѣсти, надежда на освобожденіе человѣчества и подъ

желѣзнымъ игомъ самовластія изнывающихъ народовъ Сѣвера, Скиѣи, Сарматіи и Гипербореевъ! Солнце свободы не взойдетъ еще на Сѣверѣ. Можетъ быть, благородныя усилія невѣдомыхъ міру благостныхъ мужей привлекутъ сіе сокровище въ иную страну, и оно, пройдя подъ землю, тамъ откроется. Если же не такъ, сокровище останется на семь островѣ сто и двадцать пять лѣтъ, пока здѣсь не поселится нѣкій вельможа и другъ великаго царя. Если сей вельможа будетъ довольно мудръ и найдетъ себѣ помощниковъ, облеченныхъ тайнами священной магіи, то онъ извлечетъ сокровище и облагодѣтельствууетъ имъ милліоны. Если же нѣтъ, сокровище скроется вновь надолго. Сіе мое слово запомните и занесите въ анналы капитула. А теперь простите, достопочтенные мастера и любезные братья!—низко кланяясь, заключилъ Калиостро.—Я ухожу отъ васъ. Но и то приводите себѣ на память, что если бы вы, узрѣвъ меня во внезапной слабости, вняли бы увѣщаніямъ духовной моей дочери, которая одна пребыла мнѣ непоколебимо вѣрной, и пока душа моя, схваченная и исторгнутая злыми чарами, скиталась во мракахъ, сторожила тѣло мое и тѣмъ спасла его отъ растерзанія, меня отъ смерти,—если бы вняли увѣщаніямъ ея, что мое паденіе есть лишь временное искушеніе, то не стали бы затѣмъ проводить ночь въ безмысленныхъ огненныхъ потѣхахъ и въ любострастіи, а сами бы стали на стражѣ сокровища и, претерпѣвъ всѣ ужасы и нападенія вражескія, отстояли бы его, пока душа моя вновь бы съ тѣломъ не соединилась. Вы сего не сдѣлали. Это ляжетъ укоромъ на совѣсть вашу. Но я васъ не укоряю. Я смиренно кланяюсь вамъ и ухожу.

И Калиостро въ самомъ дѣлѣ двинулся вонъ изъ покоя.

Но князья Куракинъ и Голицынъ устремились за нимъ и схватили некроманта подъ руки.

— Пойдите, господинъ Калиостро, погодите! Мы слышали ваши рѣчи, теперь вы насъ послушайте!—говорилъ въ крайней степени возмущенія и гнѣва Куракинъ.

— Вы плели басень довольно. Теперь отвѣтъ дайте!—говорилъ, таща за руку назадъ магика, Голицынъ.

— Не думайте, что вы такъ легко съ нами раздѣляетесь, наглый вы шарлатанъ!—скрежеталъ зубами Куракинъ, дергая Калиостро за локоть направо.

— Гдѣ нашъ несчастный ребенокъ? Что ты съ нимъ, злодѣй, учинилъ?—кричалъ Голицынъ, дергая магика налѣво.

Магикъ, растерзанный, блѣдный, съ искаженнымъ лицомъ, совершенно потерялся. Парикъ свалился съ головы его, обнаживъ странный, обритый, синій черепъ съ буграми и провалами; на одной ногѣ развязалась подвязка, и чулокъ спустился съ толстой икры.

Всѣ члены капитула мгновенно пришли въ волненіе и возмущеніе. Окруживъ магика, они, казалось, сейчасъ готовы были рас-

терзать брѣнное его естество, ускользнувшее отъ злобы демоновъ ночью, и надо было пожалѣть, что обморокъ лишилъ, въ лицѣ Ковалинской, его ангела-хранителя. Только приличіе и важность сана удерживали братьевъ-масоновъ отъ кулачной расправы съ некромантомъ, но, толпясь, толкая, таща, они осыпали его ругательствами:

— Шарлатанъ! Мошенникъ! Становись на судъ и расправу, низкій плутъ! Довольно ты насъ морочилъ, негодяй!

Несчастный, казалось, потерялъ всякое самообладаніе. Лицо его выражало блѣдный ужасъ.

Вдругъ въ залу быстро вошелъ дворецкій. Изумленный бурной сценой между вельможами и иностранцемъ, онъ было попытался, но вслѣдъ затѣмъ громко и отчетливо провозгласилъ:

— Курьеръ изъ Гатчины отъ его императорскаго высочества цесаревича Павла Петровича съ пакетомъ для графа Александра де-Калиостро!

Прибытіе фельдъегерей и курьеровъ императрицы и августѣйшихъ особъ должно было возвѣщать немедленно и не смотря ни на какія обстоятельства. Едва произнесены были эти слова дворецкимъ, вельможи мгновенно выпустили изъ рукъ терзаемаго ими магика и, отступивъ, оставили на свободѣ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Н. А. Энгельгардтъ.

ТЪНИ ПРОШЛАГО.

(Записки подруги).

НѢ ДОСТАЛИСЬ недавно записки моеи умершей подруги, Людмилы Радецкой. Мы вмѣстѣ провели время нашей молодости, вмѣстѣ отдались бурному настроенію эпохи 60-хъ годовъ, и немало силъ взяла у насъ эта напряженная, кипучая пора. Затѣмъ мы разошлись въ разныя стороны и встрѣтились уже подъ старость, незадолго до смерти моеи подруги.

Многихъ людей, описанныхъ Радецкой, я лично знала, многія обстоятельства ея жизни, начиная съ самаго дѣтства, мнѣ лично хорошо извѣстны. Ея записки были далеко не чужды моимъ воспоминаніямъ—и это побудило меня, главнымъ образомъ, внести ихъ въ мой «Тѣни прошлаго».

Выключивъ дѣтство, проведенное Л. Радецкой въ самой заурядной помѣщицкѣй семьѣ стараго строя, я беру ея воспоминанія со знаменательнаго момента освобожденія крестьянъ и привожу ихъ цѣликомъ.

I.

Освобожденіе крестьянъ совершилось тихо, незамѣтно въ нашей лѣсной глуши. Правда, слухи о предстоящей реформѣ носились давно, но помѣщички не хотѣли имъ вѣрить, а крестьяне опасались говорить о такихъ вещахъ, за которыя легко было попасть въ «бунтовщики».

Въ одно воскресное утро моя мать вышла къ чаю съ разстроеннымъ лицомъ и сказала старшимъ дѣтямъ:

— Сегодня въ церкви манифестъ читать будутъ. Людей у насъ отобрать хотятъ. Ну, да вѣдь теперь только прочитаютъ, а сдѣлаютъ-то не сразу!.. Намъ непристойно итти въ церковь смотрѣть, какъ хамы радоваться будутъ... Впрочемъ, ты можешь пойти съ горничной,—разрѣшила мнѣ мать.—Ты еще мала, все равно ничего не поймешь!

Народъ молился, по обыкновенію, спокойно и чинно. По окончаніи обѣдни, когда священникъ вышелъ на амвонъ и провозгласилъ: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ»,—вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, преклонила колѣни. Священникъ читалъ манифестъ—и громко, внятно раздавалось его чтеніе среди царившей тишины; а когда окончилъ, въ толпѣ послышались вздохи и всхлипыванія. Радостныя слезы видѣлись на морщинистыхъ лицахъ, заплаканные глаза съ вѣрой и благодарностью поднимались къ образамъ. Общая радость была понятна и безъ словъ.

«Порвалась цѣпь великая...» Что цѣпь ударила и по барину—это скоро почувствовала наша семья. Съ прекращеніемъ дарового труда имѣніе стало приносить гораздо меньше дохода. Чтобы сократить расходы, мать для воспитанія младшихъ дѣтей, т. е. меня и брата, переселилась въ губернской городъ О.

Тяжела показалась мнѣ городская жизнь. Ни приволья полей, ни красивой рѣки, ни сверстниковъ изъ людской избы, съ которыми такъ весело проходило время!

Но дѣти скоро свыкаются со всеѣмъ. Свыклась и я съ городской жизнью, поступивъ въ только что открытую гимназію, прямо въ третій классъ. Я любила учиться и не замедлила пойти въ числѣ лучшихъ ученицъ. Кромѣ того, я нашла утѣшеніе въ дружбѣ брата, который былъ старше меня почти на 4 года и уже оканчивалъ гимназію. Онъ очень гордился своимъ развитіемъ, начитанностью и мало обращалъ на меня вниманія.

Но вотъ какъ-то вздумалось ему заняться и моимъ развитіемъ. Замѣтивъ, что я молюсь передъ образами, онъ сталъ поучать меня:

— Пора тебѣ убѣдиться, Людмила, что Бога нѣтъ и что класть поклоны передъ образами—равносильно идолопоклонству. Я вижу, что надо руководить твоимъ чтеніемъ, иначе ты будешь всеѣмъ отсталая.

Польщенная вниманіемъ брата, я готова была вѣрить ему во всеѣмъ. Для начала онъ далъ мнѣ прочитать и переписать «Силу и матерію» Бюхнера. И я принялась старательно переписывать эту объемистую тетрадь.

Вскорѣ, подъ вліяніемъ авторитетныхъ убѣжденій брата, я съ такой же дѣтской наивностью перестала вѣрить въ Бога, съ какою раньше вѣрила.

Въ женской гимназіи было въ то время всего 6 классовъ, и я послѣдній экзамень сдала 16-ти лѣтъ. Братъ Вася былъ тогда уже въ университетѣ. Онъ сильно одобрялъ мое желаніе ѣхать за границу и слушать лекціи по медицинѣ. Но мать заговорила со мной по другому:

— Ты, кажется, собираешься въ стриженыя дуры записаться? Напрасно, голубушка, я не допущу... Выбрось вонъ изъ головы эти науки, будетъ съ тебя—не по урокамъ же бѣгать дворянской дочери! Пока жива, не допущу новомодныхъ глупостей. Да и счастье неожиданное тебѣ выпадаетъ: богачъ Хохловъ на тебя заглядывается и уже сваху засылалъ. Вѣдь ты—безприданница, а у Хохлова денегъ куры не клюютъ. И человѣкъ не старый—лѣтъ 45 ему, не больше.

Я и виду не подавала матери, какую бурю подняли ея слова въ моей душѣ. Перспектива замужества съ противнымъ взяточникомъ Хохловымъ, пажившимъ состояніе преслѣдованіемъ раскольниковъ, была для меня хуже смерти. Я сейчасъ же рассказала брату, пріѣхавшему домой на каникулы, о намѣреніяхъ матери.

Братъ возмутился и сталъ придумывать средства къ моему освобожденію. И черезъ нѣсколько дней явился въ мою комнату съ сіяющимъ лицомъ:

— Будь спокойна, сестренка, мои товарищи готовы тебя выручить. Придется только къ одной мѣрѣ прибѣгнуть—къ фиктивному браку. Я сейчасъ объясню тебѣ, что это такое. Для достиженія какой-нибудь цѣли люди женятся только для виду и затѣмъ расходятся въ разныя стороны или остаются вмѣстѣ—смотря по обстоятельствамъ. И даютъ слово не предъявлять другъ другу никакихъ требованій. Въ данномъ случаѣ фиктивный бракъ устраивается съ цѣлью избавить тебя отъ произвола матери. Ты должна помнить, что имѣешь дѣло съ людьми честными, и можешь быть увѣрена, что твоя свобода ни въ чемъ не будетъ стѣснена...

И Вася подробно обрисовалъ мнѣ личность своего товарища Радецкого, моего предполагаемаго жениха.

Нечего и говорить, что я охотно согласилась на все, лишь бы избавиться отъ брака съ Хохловымъ.

А между тѣмъ Хохловъ все чаще посѣщалъ насъ, привозилъ мнѣ цвѣты и конфеты. Меня, видимо, пр учили понемногу, снисходя къ моей молодости, къ роли его невѣсты. Я терпѣливо покорялась, ожидая выполненія задуманнаго плана.

Въ половинѣ августа Вася уѣхалъ въ Москву, взявъ у матери порядочную сумму денегъ и добывъ изъ дворянской опеки, подъ какимъ-то предлогомъ, мое метрическое свидѣтельство. Надо замѣтить, что Вася былъ любимцемъ матери, она баловала его и во многомъ довѣряла ему. Какъ только Вася уѣхалъ, я отпросилась у матери къ старшей сестрѣ, жившей въ деревнѣ. Мать охотно отпустила меня, написавъ сестрѣ, чтобы она уговорила меня выйти за Хохлова.

Къ сестрѣ я и не показала, а взяла мѣсто въ дилижансѣ и черезъ три дня была въ Москвѣ, гдѣ братъ уже все подготовилъ къ моему браку съ Радецкимъ. Оба были несовершеннолѣтніе, разрѣшенія отъ родителей у насъ не имѣлось, поэтому перевѣнчать насъ взялся полковой священникъ, за вознагражденіе въ 100 рублей.

Въ прекрасный августовскій вечеръ совершилась моя свадьба въ церкви Покровскихъ казармъ, въ присутствіи брата и необходимаго числа свидѣтелей. Желая ободрить конфузливыхъ новобрачныхъ, священникъ сказалъ намъ послѣ обряда:

— Зналъ бы, что такую красивую парочку вѣнчать буду, такъ подороже взялъ бы за вѣнчанье!

Тутъ я и Радецкій внимательно оглядѣли другъ друга... Намъ и въ голову не приходило, какую мы пару составляемъ,—такъ мало въ то время придавали значенія внѣшности!

Мать вскорѣ пріѣхала въ Москву разыскивать меня и стгоряча обѣщала расторгнуть нашъ бракъ. Но, узнавъ, что и ея любимцу Васѣ грозитъ отвѣтственность, примирилась съ совершившимся фактомъ и уѣхала обратно въ О.

— Что подѣлаешь съ этой своевольной молодежию! По нынѣшнимъ временамъ и то хорошо, что хоть за студента да за штабъ-офицерскаго сына вышла наша Людмила. А вотъ у генеральши Бережковой дочь уходитъ за дьяконскаго сына выскочила!—утѣшала она себя, рассказывая домашнимъ о моемъ бракѣ.

II.

— Сойдите съ тумбочки, г. студентъ, честью прошу васъ, сойдите!—сердито кричалъ квартальный моему брату, стоявшему посреди волновавшейся кучки студентовъ.

— Интересно знать, какъ это я сойду со своихъ ногъ?—разсмѣялся братъ. Квартальный пробрался къ нему и оглядѣлъ его ноги.

— Кто жъ васъ знаетъ, что вы такой верзила? Стоите на ногахъ, а головой выше всѣхъ. Поневолѣ подумалъ, что, на тумбу взобравшись, народъ вокругъ собираете!—сконфуженно проговорилъ квартальный и, при дружномъ хохотѣ толпы, поспѣшилъ скрыться.

Такимъ шуточнымъ эпизодомъ началось для Васи, еще въ первый годъ его поступленія въ университетъ, участіе въ студенческихъ сборищахъ.

Но дальнѣйшее участіе и попытки организовать свой кружокъ кончились тѣмъ, что его выслали изъ Москвы. Онъ уѣхалъ въ Германію, затѣмъ очутился въ Америкѣ и надолго пропалъ изъ вида для всѣхъ насъ.

Я осталась въ Москвѣ съ мужемъ, который былъ для меня почти незнакомымъ человѣкомъ. Жили мы въ меблированныхъ комнатахъ дома Голяшкина на Тверской. Мать прислала мнѣ, вмѣсто прида-

наго, 500 рублей и совѣтовала обзавестись хозяйствомъ. Но мы остались въ меблировкѣ, гдѣ ютился весь кружокъ, къ которому принадлежалъ Радецкій. Кружокъ этотъ образовался изъ обломковъ каракозовскаго кружка. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ Каракозовымъ 4 апрѣля, а я пріѣхала въ Москву въ августѣ, когда всѣ прикосновенные къ дѣлу сидѣли въ Петропавловской крѣпости и въ тюрьмахъ. Мнѣ рассказывали, что Каракозовъ уѣхалъ въ Петербургъ, не сказавъ никому въ кружкѣ о цѣли своей поѣздки. Поэтому выстрѣлъ его былъ неожиданнымъ даже для Ипутина, Моткова и другихъ, жившихъ въ одной съ нимъ квартирѣ. Въ Москвѣ не успѣли ни скрыться, ни уничтожить компрометирующую переписку. Отсюда—такое множество арестованныхъ. Покушеніе задумывалось, но далеко не всѣми членами кружка, а пострадали почти всѣ...

Рассказывали также, что Каракозовъ тяготился бездѣятельностью окружавшихъ его людей; что на выстрѣлъ пошелъ съ отчаянія, разувѣрившись принести пользу родинѣ. Такое же настроеніе отчаянія приписывали и другимъ серьезнымъ людямъ, напримѣръ. Успенскому, завѣдывавшему библіотекой Черкесова.

Въ нашей меблировкѣ поселилась вскорѣ сестра Моткова, которую я знала еще въ О. Маша и Ося Мотковы были крестьянскаго происхожденія, но воспитывались въ богатой чиновной семьѣ Кондауровыхъ, любившихъ ихъ какъ своихъ дѣтей. Братъ и сестра были очень дружны и похожи другъ на друга—маленькіе, некрасивые, но симпатичные и жизнерадостные. Ося еще въ гимназіи пользовался вліяніемъ на товарищей и считался носителемъ новыхъ идей. Въ университетѣ его прозвали «маленькимъ Базаровымъ»—за слѣпое подражаніе Тургеневскому герою. Страшная участь постигла этого увлекающагося юношу: сосланный по каракозовскому дѣлу на 8 лѣтъ въ каторгу, онъ бѣжалъ—въ Россіи оставалась любимая имъ дѣвушка. Нѣсколько времени онъ скрывался въ Иркутскомъ монастырѣ, переодѣтый поваренкомъ. Но наконецъ его узнали, отправили назадъ на каторгу—и засѣкли плетью!

Вмѣстѣ съ нами жила также Лиза Оболенская, сестра А. К. Маликова. Мужъ и братъ ея были арестованы, а единственный ребенокъ умеръ. Но она не потеряла бодрости и своей кипучей натурой оживляла всѣхъ. Молодая и хорошенькая, съ прекрасными карими глазами и пышными пепельными волосами, она какъ будто торопилась жить, какъ будто сторала на какомъ-то тайномъ огнѣ. И догорѣла въ скоротечной чахоткѣ.

Послѣ казни Каракозова, происходившей, кажется, въ сентябрѣ, стали освобождать менѣе причастныхъ къ дѣлу лицъ и ссылатъ приговоренныхъ. Освобожденные и близкіе къ ссылаемымъ люди стекались въ нашъ кружокъ; нѣкоторые оставались жить, и вскорѣ у насъ образовалась настоящая коммуна. Мы занимали теперь 3—4

номера. Въ самомъ большомъ происходило постоянно чаепитіе, къ которому сходились и свои, и посторонніе. На ночь тоже оставалось немало безпріютнаго народа. У насъ былъ славный коридорный Алексѣичъ, за небольшую мзду позволявшій намъ совсѣмъ по-хозяйски располагаться въ меблированныхъ комнатахъ.

Ни у кого изъ насъ не было опредѣленныхъ средствъ къ жизни. Получали кое-что отъ родныхъ, давали грошовые уроки, брали переписку, переводы—всякій случайно набѣгавшій трудъ.

Мои 500 рублей быстро таяли, хотя жили мы болѣе чѣмъ скромно: обѣдъ въ 30 копеекъ почти всегда дѣлился на двоихъ, а къ вечернему чаю полагались только булки и дешевая колбаса. Но мы не смущались недостаткомъ средствъ и вѣрили, что каждый внесетъ свою долю, какъ только попадетъ въ полосу удачи. И все ждали освобожденія изъ тюрьмы какого-то Андрея Колачевскаго, который, какъ всѣ были почему-то увѣрены, долженъ былъ внести въ кассу кружка не меньше 10 тысячъ.

Время проходило незамѣтно. Эти полгода, проведенные въ коммунѣ, я считаю самымъ счастливымъ временемъ моей жизни. Довѣріе къ людямъ и цѣлямъ нашего кружка не омрачалось во мнѣ ни облачкомъ, а взаимная любовь, возникшая между мужемъ и мною, скоро превратила въ рай нашъ бѣдненькій номерокъ.

По вечерамъ въ большомъ номерѣ собиралось не меньше 20 человѣкъ. Толковали о будущности нашей коммуны, о помощи сосланнымъ товарищамъ. Задумывали устроить швейную мастерскую, наподобіе существовавшей въ караковскомъ кружкѣ. Такъ какъ въ провинціи скунался по частямъ шрифтъ для тайной типографіи, — этимъ завѣдывалъ артиллеристъ Духонинъ, — то обсуждали, что будемъ печатать. Вели научные споры и съ одушевленіемъ распѣвали хоромъ:

Впередъ, безъ страха и сомнѣнія,
На подвигъ доблестный, друзья!

А также и романсъ «Слушай», причемъ слова:

Не дни и не мѣсяцы—цѣлые годы
Въ тюрьмѣ осужденъ я страдать.
А бѣдное сердце такъ жаждетъ свободы—
Нѣтъ, больше не въ силахъ я ждать!

Слу-шай!

Здѣсь штыкъ или пуля—
Тамъ воля святая...
Охъ, темная ночь, выручай!
Будь узнику ты хоть защитой, родная...

Слу-шай!

пѣлись съ особымъ одушевленіемъ. Вѣдь почти у всѣхъ были близкіе люди, томившіеся въ заключеніи.

Спорами больше всего занимались нашъ философъ Жвановъ и Лидія Мирова. Оба много читали и пользовались авторитетомъ среди менѣе начитанныхъ. Поэтъ Вормсъ писалъ стихи и ухаживалъ за Мировой. Впрочемъ, онъ скоро уѣхалъ въ Швейцарію и умеръ тамъ отъ чахотки. Частымъ посѣтителемъ нашихъ вечеровъ былъ князь Вяземскій, симпатичный и образованный молодой человекъ. Его всѣ у насъ любили.

Помощь ссыльнымъ практиковалась въ довольно значительныхъ размѣрахъ. Помню, что для жены и дочери ученаго старика Маркса, сосланнаго въ Сибирь по каракозовскому дѣлу, быстро собрали по подпискѣ 200 рублей. Конечно, больше всего помогъ Вяземскій, какъ самый богатый. Въ благодарность за помощь, дочь Маркса преподнесла намъ, отъ имени отца, выпуклую карту Россіи, сдѣланную имъ самимъ.

Скоро, впрочемъ, наступили столь тяжкія времена, что не только помогать другимъ, но и существовать самимъ было не на что. Ни у кого изъ насъ не имѣлось денегъ. А нужды кружка все возрастали. Радецкій, считавшійся специалистомъ по умѣнію сдѣлать заемъ, отдать въ закладъ самую ничтожную вещь, истощалъ напрасно всю свою изобрѣтательность. Дѣла наши пришли въ полный застой.

Андрея Колачевскаго давно выпустили, но онъ ничего не далъ въ кассу кружка и исчезъ гдѣ-то въ провинціи. Духонину, уже начавшему что-то печатать, пришлось застрять на половинѣ; а братьямъ Жвановымъ, увезшимъ отъ родителей одну дѣвушку безъ всякихъ документовъ, не на что было дальше возить ее изъ города въ городъ и укрывать.

Все чаще и чаще возникали у насъ разговоры о жертвахъ на пользу общаго дѣла, о цѣли и средствахъ.

Я стояла за геройскіе подвиги и бредила желаніемъ отдать себя на служеніе людямъ. Меня прозвали за это Шарлоттой Корде и мое имя изъ Людмилы передѣляли въ Лоту. Это льстило моему самолюбію. Я такъ всѣхъ любила, такъ хотѣла быть всѣмъ полезна въ нашемъ кружкѣ! Любовь къ мужу и дружба моя съ Лидіей Мировой тоже побуждали меня къ подвигамъ.

Какъ теперь я понимаю Радецкого, это былъ человекъ отъ природы добрый, но въ преслѣдованіи цѣли доходившій до жестокости, — это былъ типичный фанатикъ. Способный и краснорѣчивый, онъ умѣлъ обо всемъ поговорить, хотя избѣгалъ говорить о себѣ. Проницательный и хитрый хохоль, онъ пользовался вліяніемъ на людей и смотрѣлъ на нихъ какъ на орудія для выполненія дѣла своей жизни. И все-таки способенъ былъ любить и жалѣть. Онъ любилъ меня, любилъ товарищей, не могъ видѣть страданія животныхъ. Голодныя уличныя собаки пользовались его особеннымъ сочувствіемъ. Въ карманѣ пальто онъ часто носилъ куски хлѣба для «знакомыхъ бродячихъ собачонокъ», поджидавшихъ его въ закоулкахъ и подворотняхъ.

Но вѣдь дѣло шло о томъ, чтобы «возстановить на землѣ золотой вѣкъ, разрушивъ всеѣми средствами старый порядокъ»... И тутъ онъ, въ своихъ фанатическихъ порывахъ, не щадилъ ни себя, ни меня...

Впрочемъ, и все мы, при видѣ «всюду царящаго зла», не сомнѣвались, что въ силахъ уничтожить его. Наше настроеніе было полно такого энтузіазма, что мы желали крикнуть каждому обездоленному, каждому поработанному: «Мы стоимъ за васъ, мы освободимъ васъ!» Мы считали себя призванными совершить переворотъ и полагали, что намъ все позволено, все возможно...

Изъ нашего кружка я и Лиза Оболенская были матерьяломъ, болѣе всего годнымъ для жертвъ съ цѣлью пріобрѣтенія денежныхъ средствъ. Въ самый разгаръ нашихъ стремленій къ этому дѣлу былъ выпущенъ изъ крѣпости мужъ Лизы, Л. Е. Оболенскій¹⁾. Узнавъ о нашихъ планахъ, онъ возмутился, поссорился съ Радецкимъ и немедленно увезъ жену съ собою въ Костромскую губернію, куда его водворили на жительство. А мнѣ онъ оставилъ слѣдующую записку:

«Вы понятія не имѣете, Радецкая, въ какую пропасть бросаетесь. Вѣдь это значитъ—навѣкъ погубить себя, потерять навсегда возвратъ къ порядочной жизни. Это хуже самоубійства. Помните, что вы должны стать паріей для своего кружка, должны прикинуться, что пошли по этой дорогѣ не для дѣла, а изъ личныхъ прихотей. Вашего героизма никто не узнаетъ, и похвалъ вы не дождетесь. Вамъ придется выносить презрѣніе бывшихъ друзей, а это больнѣе всего. Придется забыть, что и вы когда-то принадлежали къ порядочнымъ людямъ. И ваша нравственная личность, несомнѣнно, пострадаетъ: нельзя рыться въ грязи и остаться чистымъ. Всякая грязь оставляетъ слѣды. Подумайте о моихъ словахъ и не беритесь за то, что не по вашимъ силамъ. Вы любите жизнь, вамъ всего 17 лѣтъ; у васъ, говорятъ, выдающаяся память и способности къ наукѣ. Предъ вами широкая дорога—приносить пользу. Грязь же предоставьте тому, кому больше ничего не остается и у кого хватить силы безвозвратно, не говоря никому ни слова, утонуть въ ней. Тотъ, кто пойдетъ на такое дѣло, долженъ дойти до конца, добиться своего и затѣмъ уйти со сцены незамѣтно, т. е. умереть».

Записка Оболенскаго только подлила масла въ огонь, особенно послѣ того, какъ я обсудила ее вмѣстѣ съ Лидіей.

Лидія была неглупая и хорошо образованная дѣвушка, но по натурѣ довольно эгоистичная. Она воспитывалась въ Смольномъ, и въ Москвѣ жила у вдоваго отца, который выпивалъ и не обращалъ вниманія на дочь. Она была лѣтъ на пять старше меня, и ея вліяніе на меня было неотразимо.

¹⁾ Покойный писатель, философъ-публицистъ, скончавшійся въ 1907 г.

— Оболенскій потому такъ пишетъ, что влюбленъ въ свою Лизу и не хочетъ жертвовать ею. Въ крѣпости онъ всѣ книги, столы и скамейки исписывалъ посланіями въ стихахъ къ Лизѣ—всѣ надъ нимъ подсмѣивались. Тебѣ же онъ попутно, спасая только Лизу, прочиталъ такую проповѣдь... А раньше былъ тѣхъ же убѣжденій, что и мы.

И Лидія одобрила мой планъ—незамѣтно ускользнуть изъ кружка. Жвановъ выскажетъ разъ-другой, что я ничтожное, избалованное созданіе дворянской породы, изъ-за пристрастія къ роскоши бросившее обѣдѣвшую коммуны,—и меня понемногу забудутъ. Радецкій, Жвановъ и она, Лидія, будутъ относиться ко мнѣ попрежнему, а для остальныхъ я должна погибнуть.

III.

По совѣту Жванова, я записалась въ какой-то подозрительной конторѣ для пріисканія мѣстъ и стала внимательно относиться къ своей наружности и нарядамъ.

Вскорѣ мнѣ удалось попасть чтицей и переписчицей къ старому банкиру Шварцу и настолько понравиться ему, что онъ нанялъ мнѣ меблированную квартиру. Я поселилась въ ней вмѣстѣ съ Лидіей, выдавъ ее за родственницу, а прописалась подъ своей дѣвической фамиліей, по гимназическому диплому, на которомъ не былъ обозначенъ мой бракъ съ Радецкимъ.

Я не буду подробно описывать этого новаго фазиса моей жизни. Скажу только, что отъ грязи, на которую я добровольно обрекла себя, меня спасали чисто случайныя обстоятельства. Уже одно то, что я поселилась со старшей родственницей и обѣ мы были образованныя, умѣвшія обо всемъ поговорить дѣвушки, придавало извѣстную порядочность нашей жизни. Старый банкиръ страдалъ астмой и увѣрялъ, что пріѣзжаетъ къ намъ отдыхать отъ дѣлъ и семейныхъ непріятностей. Ему нравилось называть меня «институточкой», заставляя читать вслухъ сальные французскіе романы и выслушивать не менѣе сальные анекдоты.

Иногда онъ вывозилъ меня въ маскарадъ Большого театра или Дворянскаго собранія. Моя дѣвичья фигура, природные локоны и умѣнье говорить по-французски производили эффектъ, льстившій старому селадону. Онъ, видимо, хвастался передъ московскимъ золотымъ купечествомъ своей неприкосновенной институточкой.

Отъ другого обожателя, богатаго и еще не стараго полковника Левицкаго, меня спасало мое фізіологическое отвращеніе къ нему. Я едва могла выносить, когда онъ цѣловалъ мнѣ руку. А между тѣмъ онъ страстно въ меня влюбился, и я дѣлала съ нимъ что хотѣла: брала отъ него деньги, подарки, но держала себя такъ неприступно, что онъ рѣшился предложить мнѣ руку и сердце... Ли-

дія и Радецкій говорили, что мое поведеніе съ Левицкимъ было шедевромъ кокетства, умѣнья водить человѣка за носъ. Но я поступала такимъ образомъ совершенно инстинктивно, спасая себя, и постоянно мучилась мыслью, что придется же чѣмъ-нибудь кончить...

Мужъ бывалъ у меня часто, хотя его посѣщенія ставили меня въ неловкое положеніе предъ прислугой, увѣренной, что я принимаю у себя любовника.

Коммуна дома Голяшкина понемногу распалась, но дѣла всего кружка оживились, такъ какъ деньги теперь имѣлись. Лидія начала брать уроки кройки въ модномъ магазинѣ Бари, чтобы заручиться умѣніемъ вести швейную мастерскую, и выписала себѣ изъ Парижа лучшей журналъ модъ. Въ Клину, Твери, Владимирѣ и даже на югѣ Россіи члены кружка подготавливали какое-то дѣло, сущность котораго извѣстна была лишь немногимъ. Одинъ изъ бывшихъ каракозовцевъ Вознесенскій, долго сидѣвшій въ тюрьмѣ и нажившій тамъ такую цыngu, что всѣ зубы у него распатались, потребовалъ у Радецкаго объясненія насчетъ средствъ. Но Вознесенскій считался тогда настолько развинченнымъ, ненормальнымъ человѣкомъ, что на его слова никто не обратилъ вниманія. И люди столь безупречные, какъ Прокопенко, Антонова и Волховскій, продолжали вести сношенія съ Радецкимъ, Лидіей и Жвановымъ, не подозрѣвая о скрытомъ корнѣ дѣятельности послѣднихъ.

Не знаю, чѣмъ закончилась бы моя жизнь, если бы не катастрофа со Шварцемъ, положившая конецъ всему. Банкиръ этотъ вздумалъ обанкротиться, но выполнилъ это неудачно. Поэтому нашелъ нужнымъ, съ помощью своего друга-доктора, выдать себя за умершаго. Однако кредиторы провѣдали, что въ гробу лежитъ кукла, а самъ банкиръ готовится удрать за границу. Его арестовали и посадили въ долговое отдѣленіе, такъ называемую «яму», у Иверскихъ воротъ. Капиталь свой онъ все-таки успѣлъ передать женѣ.

О приключеніяхъ Шварца я узнала уже изъ газетъ. Онъ ничего не говорилъ мнѣ о своихъ дѣлахъ и ни о чемъ не предупредилъ; но изъ «ямы» прислалъ мнѣ небольшую сумму въ уплату за квартиру и просьбу навѣстить его.

Я не замедлила пойти къ нему. Пресловутая яма оказалась комфортабельной, убранной коврами комнатой. Шварць высказалъ, что желалъ передать мнѣ часть своего капитала, но не успѣлъ.

Онъ познакомилъ меня со своимъ сосѣдомъ по камерѣ, П. Н. Ланинымъ, бывшимъ директоромъ музыкальнаго общества. Въ камерѣ Ланина стоялъ прекрасный рояль. Вскорѣ пришелъ и сталъ играть какой-то невидный, небольшого роста блондинъ. Но игралъ такъ чудно, какъ я никогда не слыхивала. Это былъ Н. Г. Рубинштейнъ. Съ Ланинымъ, сидѣвшимъ въ ямѣ за долгъ въ 300 тысячъ своей женѣ (упрятавшей его, какъ говорили, изъ ревности), Рубинштейнъ былъ друженъ и часто приходилъ навѣстить его. Я не

пропускала случая послушать великаго артиста и всегда приходила въ яму, какъ только мнѣ давали знать, что Н. Г. будетъ играть.

Эстетика въ нашемъ кружкѣ стояла на заднемъ планѣ, я не бывала въ Москвѣ ни въ театрѣ, ни въ концертахъ. Игра Рубинштейна была для меня неожиданнымъ подаркомъ судьбы. Музыка его открывала предо мной цѣлый міръ наслажденія искусствомъ, трогала до слезъ и заставляла забывать о всей грязи житейской.

А грязь эта все увеличивалась вокругъ меня. Казалось, мнѣ только и оставалось, что итти по наклонной плоскости... Преемникъ Шварца, въ лицѣ «шедевра» Левицкаго, уже былъ наготовѣ.

Левицкій былъ знакомъ съ генераломъ Воейковымъ, который похвалялся «вырвать съ корнемъ нигилизмъ въ Россіи» и въ силу этого такъ усердствовалъ на допросахъ, что выбилъ два зуба Худякову, когда тотъ хотѣлъ проглотить какую-то бумажку.

Встрѣчаясь у Левицкаго и въ маскарадахъ съ Воейковымъ, я имѣла возможность узнавать многія свѣдѣнія, полезныя для кружка, узнавала кое-что о ссыльныхъ, о заключенныхъ и все слышанное передавала Радецкому.

Я понимала, что это игра опасная: не нынче—завтра могла открыться моя настоящая фамилія, моя прикосновенность къ кружку—и тюрьма открыла бы предо мной свои двери...

Но все вышло по иному. Я почувствовала, что готовлюсь быть матерью. Ухаживанья «шедевра» сдѣлались мнѣ еще болѣе ненавистными. Я объявила ему, что уѣзжаю къ матери, и перебралась къ Радецкому. Я стремилась какъ бы подъ защиту къ тому, кто былъ отцомъ моего ребенка,—къ моему мужу.

IV.

Радецкій жилъ тогда въ гостиницѣ «Римъ» на Тверской. Братья Жвановы ютились тамъ же. Лидія перестала брать уроки у Бари, поступила на службу въ контору желѣзной дороги и тоже поселилась въ «Римѣ».

Какъ я уже упоминала, Лидія была натурой глубоко эгоистичной, ей трудно было дѣлиться съ кѣмъ-нибудь даже въ мелочахъ: она возмущалась, когда брали ея ножницы, иголки; а между тѣмъ проповѣдывала коммунизмъ и льнула къ людямъ, проникнутымъ идеями равенства. Ее мучили противорѣчія, въ которыя она безпрестанно впадала. Она тосковала, не спала ночей, но все-таки не могла побѣдить своего органическаго стремленія къ скопидомству.

Въ жалкихъ меблированныхъ комнатахъ «Рима» мнѣ пришлось вдоволь натерпѣться нужды. И я убѣдилась на себѣ, какъ тяжело испытывать голодъ во время беременности.

Нерѣдко, обыскивая пустой шкафъ, я радовалась какой-нибудь завалывшейся сухой коркѣ и съ жадностью съѣдала ее.

Стояла зима, въ нашемъ номерѣ было сыро и мрачно; но, изъ боязни различныхъ встрѣчъ и за неизмѣнимъ теплой одежды, я почти не выходила на воздухъ. У меня даже не было башмаковъ— я ходила въ старыхъ штиблетахъ мужа. Гордость не позволяла мнѣ просить помощи у матери. Къ тому же я знала, что и ея средства все ухудшались.

Въ одно холодное январское утро у меня родился сынъ. Роды были тяжелые, я осталась жива только благодаря заботамъ акушерки Марьи Васильевны. Эта добрая душа привезла мнѣ груды бѣлья и поддерживала на свой счетъ мое питаніе, пока я не оправилась.

Раньше я не замѣчала въ себѣ материнскихъ наклонностей и холодно относилась къ дѣтямъ. Но при видѣ жалкаго, сморщенного личика моего ребенка какая-то волна новыхъ неиспытанныхъ чувствъ нахлынула въ мое сердце. Я только и думала о той минутѣ, когда возьму на руки сына и буду сама кормить его.

Но мужъ рѣшительно заявилъ, что я не должна кормить и что мы отдадимъ ребенка къ Марьѣ Васильевнѣ,—конечно, на время, пока дѣла наши не поправятся.

Я возставала изо всѣхъ силъ и увѣряла, что выхожу и выкормлю нашего Гришу безъ всякой посторонней помощи. Но доводы мужа были настолько убѣдительны, что я призадумалась.

— Пожалѣй ребенка, не губи его изъ-за пустого упрямства,— говорилъ онъ.—Какъ ты выходишь его тутъ, въ сыромъ и холодномъ номерѣ? Да и мыслимы ли здоровыя дѣти при номерной жизни? Но главное вотъ въ чемъ: когда ты справишься, то будешь снова помогать намъ вести дѣла, а съ ребенкомъ на рукахъ ты свяжешь себя и меня. Марьѣ Васильевнѣ, какъ только выбьемся изъ нищеты, мы будемъ платить 25 рублей въ мѣсяцъ. Она найметъ для Гриши кормилицу—и все пойдетъ отлично. У тебя же, 18-лѣтней неопытной матери, онъ непременно умретъ. И фигура твоя испортится отъ кормленія, а она еще можетъ пригодиться...

Лидія и Жвановъ говорили то же самое. Я сдалась на ихъ доводы, но глубоко страдала и чувствовала, что какая-то струна обрывается въ моей душѣ. Горько плакала я, когда мальчика унесли къ Марьѣ Васильевнѣ. Стоя на колѣняхъ у кресель, составлявшихъ временную кровать моего сына, я цѣловала подушку, на которой только что лежала дорогая головка... Что-то говорило мнѣ, что ребенка навсегда оторвали отъ меня, что нельзя безнаказанно нарушать тѣсную связь между матерью и ребенкомъ...

Я медленно поправлялась послѣ родовъ. Глаза мои потеряли блескъ, румянецъ пропалъ.

— Тебѣ надо заняться своимъ здоровьемъ, Лота, ты похудѣла и выглядишь нехорошо,—сказалъ мнѣ какъ-то мужъ.

— Неужели ты изъ-за этого будешь меньше любить меня?—съ непростительной наивностью спросила я.

— Я всегда буду любить тебя одинаково. Но вѣдь дѣла наши въ застоѣ—это сводитъ меня съ ума... Ты знаешь, я не въ состояннн жить безъ широкихъ плановъ... А теперь намъ даже ѣсть нечего. На дняхъ, впрочемъ, мнѣ обѣщали мѣсто конторщика въ Кокоревской гостиницѣ. Придется взять пока это ничтожное мѣсто.

Въ концѣ зимы мы перебрались въ «Кокоревку». Тамъ Радецкій получалъ 25 рублей въ мѣсяцъ и даровое помѣщеніе изъ одной большой комнаты съ перегородкой. Лидія и Жвановы перекочевали туда же, занявъ два маленькихъ номера.

Денегъ у насъ едва хватало на жизнь, но мы все-таки вздохнули свободнѣе. У насъ стало бывать много молодежи, коммуна дома Голяшкина какъ бы возрождалась въ малыхъ размѣрахъ.

А тутъ вскорѣ и мать, получивъ какое-то маленькое наслѣдство, прислала мнѣ 200 рублей. Я отдала эти деньги мужу, прося его уплатить 100 рублей Марьѣ Васильевнѣ за Гришу и выкупить нашу заложенную одежду.

Дѣла снова закипѣли. Радецкій увлекался теперь какими-то каменноугольными копами, о которыхъ толковала ему красивая вдова Русанова, случайно познакомившаяся съ нами въ «Кокоревкѣ».

Все свободное время свое мой мужъ сталъ проводить съ этой женщиной. Вскорѣ она довольно ясно дала мнѣ понять, что отбила у меня мужа. Ей нравилось унижать меня, хвастаться своей побѣдой предъ другими...

Я страдала отъ оскорбленія, ревности и умоляла мужа прекратить знакомство съ Русановой; но онъ отвѣчалъ, что оно необходимо для дѣла и потому я не имѣю права мѣшать ему.

Я обѣщала даже вступить на прежннй путь, возобновить знакомство съ Левицкимъ, лишь бы только мужъ оставался мнѣ вѣренъ.

— Но ты такъ страшно исхудала за послѣднее время, что о прежнемъ тебѣ нечего и думать, моя бѣдная Лота!—возразилъ мнѣ Радецкій.

Дѣйствительно, я была уже совсѣмъ не та. Муки ревности, колебленная вѣра въ людей, изломанный инстинктъ материнства—все это отравляло мнѣ жизнь, портило нервы. Я не разъ подумывала о смерти. И только мысль о Гришѣ, мечта о томъ, что я когда-нибудь возьму его къ себѣ, не давала мнѣ дойти до самоубійства.

Поговорить по душѣ мнѣ было не съ кѣмъ. Жвановъ могъ сколько угодно бесѣдовать о Спенсерѣ и Миллѣ, но мое нравственное состояніе было ему непонятно. Лидія лежала въ больницѣ. Несмотря на холодность своей натуры,—всѣ называли ее «Ледешкомъ»,—она настолько увлеклась Жвановымъ, что сдѣлалась матерью. Все время беременности она ходила на службу, сильно стягивая свой корсетъ. У ней родилась дѣвочка съ вывернутыми назадъ ступнями, а сама

она долго проболѣла. (Дѣвочку эту она отдала кому-то на воспитаніе и вскорѣ потеряла ее изъ виду. Впослѣдствіи дочь, уже взрослая, разыскала ее).

Радецкій уѣхалъ вмѣстѣ съ Русановой открывать въ ея имѣніи каменный уголь. Я осталась одна, со своими тяжелыми мыслями, и поспѣшила навѣстить Гришу.

Марья Васильевна не было дома, я прошла прямо въ комнату ребенка. Здоровенькій и красивый, мой мальчикъ спалъ въ своей колясочкѣ. Я долго смотрѣла на него и чувствовала, что въ душѣ моей наступаетъ умиротвореніе, что я многое могу простить мужу ради ребенка.

Вошла кормилица, поговорила со мной о здоровьѣ и смысленности Гриши; затѣмъ, оглянувшись на дверь, стала просить меня заплатить хоть сколько-нибудь денегъ Марьѣ Васильевнѣ: «Ни разу не заплачено за Гришеньку,—шептала она:—ну, ей и не съ чего положеннаго мнѣ справить. Хорошо еще, что харчемъ не обижаетъ, а сарафанишки и рубашки все свои треплю!»

Кровь бросилась мнѣ въ лицо отъ стыда и гнѣва... Ясно было, что мужъ не заплатилъ за Гришу ста рублей изъ денегъ моей матери, а употребилъ ихъ на поѣздку съ Русановой.

— Я завтра же привезу деньги за Гришу!—постаралась я успокоить кормилицу и, вся взволнованная, ушла домой.

Къ вечеру я надумалась ѣхать къ Левицкому и взять у него денегъ—какою бы ни было цѣною. Отвращеніе больше не удерживало меня: до отвращенія ли тутъ, когда дѣло идетъ о моемъ мальчикѣ!

Несмотря на то, что глаза мои потускнѣли и я была далеко не прежняя изящная «институточка», у Левицкаго нашлись для меня 100 рублей...

Я на другой же день свезла эти деньги Марьѣ Васильевнѣ. Та обрадовалась и удивилась, что я сразу отдаю ей столько денегъ. Я объяснила, что собираюсь въ Петербургъ и Гришу оставляю на ея попеченіи, пока не устрою своихъ дѣлъ.

Радецкій, уѣзжая изъ Москвы, оставилъ мнѣ отдѣльный видъ на жительство. Я рѣшила продать всѣ вещи и на эти деньги уѣхать въ Петербургъ, чтобы начать тамъ новую, трудовую жизнь. Лидія дала мнѣ письма къ своимъ институтскимъ подругамъ и общалась, какъ поправится, тоже перебраться въ Петербургъ. Мы замыслили вмѣстѣ заняться тамъ переводами. Лидія знала языки лучше меня, но у нея не было слога, которымъ я обладала,—работая вмѣстѣ, мы какъ бы дополняли другъ друга. Первое, что мы перевели съ нею, были рассказы Вольтера («Задигъ или Судьба» и др.), присланные ей для перевода Тиблиномъ.

Моя дружба съ Лидіей продолжалась, хотя я стала гораздо самостоятельнѣе и не такъ легко поддавалась чужому вліянію. Осо-

бенно послѣ одного разговора съ Лидіей мнѣ стало стыдно и больно за свою прежнюю податливость.

Я пришла къ ней въ больницу, и мы разговорились о только что напечатанномъ романѣ Достоевскаго «Преступленіе и Наказаніе».

— Достоевскій клеветаетъ на молодежь въ этомъ романѣ,—сказала она:—Раскольниковъ—это какой-то маниакъ. А вѣдь многіе видятъ въ немъ типъ нынѣшней молодежи и начинаютъ толковать, ссылаясь на Достоевскаго, что вся молодежь безнравственна, преступна. Вотъ что обидно. А молодежь виновна только въ томъ, что идетъ вразрѣзъ съ ходячей моралью.

— Положимъ, многіе шли и на преступленіе, руководствуясь тѣмъ, что цѣль оправдываетъ средства...

— Ахъ, эта фраза уже отжила свое время! Неизвѣстно еще, —всѣ эти выстрѣлы и покушенія не служатъ ли только задержкой къ движенію впередъ, по пути реформъ? Это еще спорный вопросъ.

Поворотъ въ сторону въ убѣжденіяхъ Лидіи не удивилъ меня. Я и сама стояла за провѣрку слишкомъ быстро усвоенныхъ мнѣній. Но все-таки я съ невольной горечью подумала: да, теперь это уже отжившая фраза—этотъ боевой кличъ недавней дѣятельности. А вѣдь изъ-за этихъ «отжившихъ фразъ», изъ-за этого «спорнаго вопроса»—запятнана моя молодая жизнь, разбито мое сердце и отнять у меня ребенка!

Когда же, наконецъ, получимъ мы увѣренность, что дѣйствительно «творимъ жизнь», а не безцѣльно топчемся въ потемкахъ?

За свои жизненныя ошибки я не винила никого, кромѣ самой себя, но отнынѣ обѣщала себѣ быть самостоятельной.

Въ Петербургѣ меня ожидали трудъ и одиночество, но это меня не страшило. Мнѣ было 19 лѣтъ, я была увѣрена въ своихъ силахъ, здорова и желала трудиться ради сына, котораго любила всѣмъ сердцемъ. Вотъ съ какимъ багажомъ вступала я на новый путь.

Я вполне была увѣрена, что начну жить по-своему, не поддаваясь ничѣмъ вліяніямъ. Не знала я еще тогда, что пережитое часто вводитъ насъ въ заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода...

V.

Несмотря на рекомендательныя письма, которыми меня снабдила Лидія, трудовая жизнь въ Петербургѣ давалась мнѣ не легко. Институтскія подружки Лидіи—Иностранцева, Гинкенъ и др.—принадлежали къ кружку издателя Тиблена и доставали мнѣ иногда переводы, переписку и даже пытались устроить меня въ женской переплетной. Но все это былъ случайный заработокъ, едва дававшій мнѣ возможность прокормить себя. А я такъ мечтала нанять скромную, маленькую квартиру и взять Гришу къ себѣ!

Не разъ думалось мнѣ: пока не перевелись у меня деньги, накопленные крѣпостнымъ трудомъ, пока мы съ мужемъ жили на чужой счетъ, — съ какой легкостью толковала я, да и всѣ наши, о женскомъ трудѣ, о независимости женщинъ. Но вотъ теперь, когда мнѣ пришлось въ дѣйствительности пробиваться впередъ по трудовому пути, я оказываюсь ничтожной тряпкой, настоящимъ наслѣдиемъ моего рода, никуда и ни къ чему непригоднымъ. Теперь только я поняла, какъ трудно человѣку стать выше того, что вложено въ него воспитаніемъ и привычками, унаслѣдованными цѣлыми вѣками.

Прошелъ почти цѣлый годъ. Я замѣтно устала въ погонѣ за трудовымъ хлѣбомъ и все еще не имѣла возможности ни взять Гришу къ себѣ, ни платить за него аккуратно Марьѣ Васильевнѣ. Тоска, одиночество одолѣвали меня. Потребность въ своемъ уютномъ уголкѣ, въ семейной жизни сказывалась все сильнѣе.

Въ особенности по вечерамъ становилось мнѣ скучно, и я металась изъ угла въ уголь по своей узкой, похожей на стойло комнаткѣ въ пятомъ этажѣ дома Китнера на Вознесенскомъ. Портреты Грановскаго, Шевченка и Гарибальди, когда-то подаренные мнѣ Радецкимъ и украшавшіе стѣны нашей коммуны, какъ бы съ укоромъ смотрѣли на меня и напоминали пережитую любовь, дружбу, мечты и душевные разговоры. Любимыя пѣсни, съ малѣйшими отгѣнками хорошо знакомыхъ голосовъ, не переставая звучали въ ухахъ...

Но вѣдь закончилась та жизнь такъ пошло, грязно, и ни къ кому изъ друзей у меня не осталось довѣрія. Всѣ не лучше Радецкаго, разница лишь въ томъ, что онъ прилагалъ къ дѣлу свои взгляды, а другіе оставались лишь при словахъ.

Подойдя къ окну, я начинала безцѣльно смотрѣть въ окна противоположнаго дома. Вотъ за круглымъ столомъ сидитъ цѣлая семья. Висячая лампа ярко освѣщаетъ веселыя лица дѣтей, довольное и спокойное лицо матери. Хорошо имъ живется, должно быть. Все у нихъ свое, а вѣдь каждая пустая вещица становится дорога, когда напоминаетъ прошлое... У меня не осталось ничего на память отъ моей семейной жизни, кромѣ нѣсколькихъ портретовъ... Даже рабочая лампа, за которой мнѣ приходится проводить немало часовъ, принадлежность этого меблированного стойла.

Дешевое зеркало отражаетъ мое блѣдное лицо съ длинной скобкой выющихся волосъ и худенькую фигуру въ темномъ платьѣ, похожемъ на подрясникъ; оно ясно говоритъ мнѣ, что молодость, красота и силы уходятъ безвозвратно. Не жалѣть объ этомъ я не могу. Неужели мнѣ придется долго такъ прозябать? Я умру или съ ума сойду, если еще годъ проведу въ такомъ одиночествѣ...

Но ни умирать, ни сходить съ ума мнѣ не пришлось. Приѣхала Лидія и поселилась со мной, въ моей комнаткѣ. Всю зиму мы существовали переводами. Лидіи удалось достать изъ редакціи «Отечественныхъ Записокъ», отъ «самой» Марко-Вовчекъ, нѣсколько

листовъ перевода романа В. Гюго «Человѣкъ, который смѣется» и кое-что изъ Вольтера. Плата полагалась 25 рублей съ листа, но намъ платили всего 15 рублей,—10 рублей удерживалось за просмотръ и поправку нашихъ неопытныхъ работъ. Но когда мы затруднялись перевести какое-либо выраженіе и оставляли пробѣль, насъ просили переводить, какъ вздумается, лишь бы пробѣловъ не было. Такъ мы и дѣлали. Въ «Человѣкъ, который смѣется», на примѣръ, мы самостоятельно ввели новое слово «компрачкосы», послѣ тщетныхъ попытокъ передать это слово по-русски.

Весной Лидія получила мѣсто конторщицы въ «Обществѣ пособія бѣднымъ женщинамъ» и устроилась тамъ довольно прочно. А для меня началась новая семейная жизнь: я вступила въ гражданскій бракъ съ человѣкомъ, котораго уважала и убѣжденія котораго сходились съ моими.

Андрей Ивановичъ былъ старше меня лѣтъ на 10, служилъ въ частномъ банкѣ и имѣлъ небольшой, унаслѣдованный отъ родителей, капиталъ. Я переселилась въ его уютную квартиру на Васильевскомъ островѣ и почувствовала себя какъ бы въ тихой пристани. Недоставало только Гриши, но Андрей Ивановичъ обѣщалъ взять его къ себѣ съ осени, а пока выслалъ Марѣ Васильевнѣ деньги за него, что значительно облегчило мою совѣсть.

У Андрея Ивановича было много книгъ, и я жадно набросилась на чтеніе. Стараясь пополнить свое образованіе, я читала все, что входило въ программу чтенія тогдашней развитой женщины, начиная отъ «Системы логики» Милля, «Позитивной философіи» Конта и кончая «Популярной гигиеной» Реклама. Но больше всего интересовала меня политическая экономія, и я намѣревалась серьезно заняться этой наукой. Андрей Ивановичъ поощрялъ мои занятія и доставлялъ мнѣ всѣ новости литературы по интересовавшему меня предмету.

VI.

Въ одно солнечное апрѣльское утро я сидѣла въ своей прекрасно обставленной комнатѣ и «штудировала» Адама Смита. Но мои занятія что-то не клеились. Я задумалась, вспомнила московскую жизнь—и объемистый трактатъ «О богатствѣ народовъ» незамѣтно выскользнулъ изъ моихъ рукъ и скатился на коверъ. Какая разнища, разсуждала я, между моими прежними неопредѣленными мечтами и настоящимъ осмысленнымъ стремленіемъ къ наукѣ. И насколько тверже почва, на которой я теперь стою!

Однако, при дальнѣйшихъ воспоминаніяхъ, сердце мое почему-то болѣзненно сжалось. Я должна была признаться себѣ, что мнѣ все-таки жаль прошлаго, жаль безвозвратно улетѣвшей молодости...

Мое раздумье прервано было звонкомъ въ передней. Почтальонъ принесъ письмо съ городской маркой. Вся кровь бросилась мнѣ въ

лицо, когда я узнала на конвертѣ почеркъ Радецкаго. Вотъ что писалъ онъ мнѣ:

«Я пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы видѣться съ тобою, Лота. Планы мои не удались, я потерпѣлъ во всемъ полное фіаско. Но не теряю надежды снова приняться за дѣло, если только здоровье позволитъ. Доктора говорятъ, что у меня чахотка. Если не умру до осени, то уѣду на Канарскіе острова—тамъ чахотка излечивается однимъ благодатнымъ климатомъ. Значитъ, такъ или иначе, скоро освобожу тебя. А теперь прошу объ одномъ: не откажись повидаться со мной, вѣроятно, въ послѣдній разъ въ жизни».

Прочитавъ это письмо, я вся прониклась чувствомъ жалости къ моему бывшему мужу. Старой обиды, горечи—какъ не бывало. Онъ боленъ, несчастенъ, думала я, мнѣ слѣдуетъ прійти къ нему на помощь.

Въ самомъ верхнемъ этажѣ огромнаго дома Фредерикса, въ грязномъ и сыромъ номерѣ разыскала я Радецкаго. Онъ, видимо, обрадовался мнѣ, хотя и былъ нѣсколько смущенъ. Я нашла, что онъ сильно похудѣлъ, поблѣднѣлъ, но все еще выглядѣлъ красивымъ и изящнымъ, несмотря на свой сильно поношенный костюмъ.

Скоро между нами завязался самый оживленный, дружескій разговоръ. Радецкій весь поглощенъ былъ своими новыми планами и предпріятіями. Онъ бранилъ нашъ московскій кружокъ и увѣрялъ, что здѣшніе его друзья много дѣльнѣе, лучше, что съ ними стоитъ все поставить на карту—или панъ, или пропаль. Одно плохо—денегъ нѣтъ! Хотя бы 500 рублей достать на первое время... Тогда закипѣло бы дѣло, которое охватитъ всю Россію и произведетъ полную перетасовку всей политической и экономической жизни страны.

Я плохо понимала, въ чемъ вся суть предпріятій Радецкаго. Онъ, очевидно, не договаривалъ мнѣ чего-то. Я уловила только, что предвидѣлось основаніе всевозможныхъ мастерскихъ на артельныхъ началахъ и пропаганда среди рабочихъ... Даже фабрика деревянной обуви для простонародья, какъ у французовъ, имѣлась въ виду... Радецкій попрежнему говорилъ умно, увлекательно, сыпалъ цифрами и фактами. Я скоро прониклась сознаніемъ необходимости достать ему 500 рублей.

По возвращеніи домой, я немедленно рѣшила просить этихъ денегъ у Андрея Ивановича. Я была увѣрена въ деликатности, глубокой привязанности ко мнѣ второго мужа и полагала, что онъ не станетъ даже допытываться, зачѣмъ нужны мнѣ эти деньги.

Однако дѣло устроилось вовсе не такъ легко, какъ я думала. Андрей Ивановичъ былъ крайне удивленъ моей просьбой и мнѣ пришлось ему рассказать, что Радецкій здѣсь, что онъ боленъ, а деньги необходимы ему и для леченья, и для дѣла. Но очевидно было, что Андрей Ивановичъ понялъ мою просьбу такимъ образомъ, что Радецкій хочетъ вытянуть отъ него отступное за мою свободу.

Съ брезгливой миной вручилъ онъ мнѣ 500 рублей и просилъ сказать Радецкому, что больше тотъ ничего не получить отъ него, что это все, что онъ можетъ дать ради моей свободы, и больше роли «дойной коровы» играть не намѣренъ...

Мнѣ стало стыдно и больно за Радецкаго отъ словъ Андрея Ивановича, но я не стала объяснять ему всей сути затѣваемыхъ предпріятій, смутно опасаясь, что онъ не одобритъ ихъ и отберетъ деньги назадъ.

Радецкій очень обрадовался деньгамъ и заявилъ, что теперь у него все пойдетъ на ладъ. Свиданія мои съ нимъ становились все чаще. Онъ познакомилъ меня кое съ кѣмъ изъ своего кружка. Помню, я иногда встрѣчала у него Н. Корнилову, красивую и образованную дѣвушку, а также и совсѣмъ юнаго моряка Н. Е. Суханова, молчаливаго и сдержаннаго. Вообще, молодежь этого кружка была достаточнѣе, научнѣе и сдержаннѣе нашихъ московскихъ коммунистовъ. Здѣсь уже нарасталъ типъ «молчальниковъ», придававшихъ значеніе хорошему «мотиву» лишь постольку, поскольку послѣдній прилагается къ дѣлу. Въ Москвѣ мнѣ не разъ приходилось выслушивать отъ студентовъ приблизительно слѣдующее: «Насъ давятъ потолки нашихъ каморокъ, намъ не даетъ учиться нужда. Если бы у насъ были залы, гдѣ мы могли бы собираться и свободно толковать о своихъ дѣлахъ; если бъ мы не голодали и не отравлялись въ кухмистерскихъ, однимъ словомъ, если бъ объ насъ побольше заботились, мы не раздражались бы такъ и не бунтовали такъ часто». Здѣшняя же молодежь дѣйствовала уже не въ силу личнаго раздраженія, а по опредѣленному, выработанному плану.

Меня скоро охватила жажда живого, непосредственнаго дѣла и духовнаго общенія съ молодежью. Всѣхъ друзей Радецкаго я считала героями,—если не въ настоящемъ, то въ ближайшемъ будущемъ. Ко мнѣ тоже хорошо относились въ кружкѣ и считали «развитой современной женщиной».

VII.

Весна въ тотъ годъ стояла въ Петербургѣ прекрасная. Радецкій нанялъ на Петербургской сторонѣ, гдѣ-то въ концѣ Зелениной улицы, мезонинъ въ старомъ маленькомъ домикѣ. Балконъ мезонина выходилъ въ садъ—небольшой квадратъ луга съ десяткомъ яблонь. Облитыя бѣлыми душистыми цвѣтами, деревья стояли тамъ точно въ открытомъ ящикѣ, такъ какъ садикъ со всѣхъ сторонъ обнесенъ былъ заборомъ и постройками. Бѣдныя комнатки мезонина, да и весь этотъ ветхій домъ съ одинокой старушкой-хозяйкой, прислуживавшей Радецкому, казался мнѣ какимъ-то замкнутымъ, отрѣшеннымъ отъ шумнаго города и полнымъ прелести уголкомъ. Квартира наша на Васильевскомъ островѣ попрежнему вра-

вилась мнѣ; къ Андрею Ивановичу, давшему мнѣ обезпеченное положеніе и возможность умственныхъ занятій, я попрежнему чувствовала уваженіе и дружбу. Но мезонинъ въ Зелениной улицѣ привлекалъ меня все больше и больше. Я снова полюбила Радецкого, простила ему прошлое и смотрѣла на него, какъ на героя, какъ на мученика своихъ идей, какимъ онъ и былъ въ дѣйствительности.

Словно въ чаду, въ опьянѣніи молодостью и любовью пролетали для меня дни этого двойного существованія. Мнѣ некогда было опомниться, обдумать, что я дѣлаю и чѣмъ все это кончится... Да и что раздумывать? Все равно ничего не измѣнишь—будь что будетъ. И развѣ я не свободна располагать собою какъ хочу? Всѣ вокругъ меня признаютъ свободу любви и открыто, даже съ какой-то гордостью мѣняютъ свою семейную жизнь. Правда, никто не обманываетъ другъ друга... Но вѣдь я только пока, только на время молчу, щадя Андрея Ивановича.

Когда мы начали свою семейную жизнь, онъ не требовалъ отъ меня ни любви, ни вѣрности; онъ предлагалъ быть моей опорой на жизненномъ пути и общалъ ни въ чемъ не стѣснять моей свободы—какъ всѣ развитые люди того времени.

Но совѣсть подсказывала мнѣ, что тутъ что-то не ладно, что я поступаю дурно, скрывая мое увлеченіе Радецкимъ отъ Андрея Ивановича. И я все собиралась поговорить съ нимъ откровенно, но такъ жаль было огорчать его, такъ стыдно обнаруживать мою измѣну, когда онъ такъ добръ и внимателенъ ко мнѣ...

Незамѣтно промелькнуло лѣто, и наступила ранняя осень, холодная и дождливая. Андрей Ивановичъ много работалъ за послѣднее время и замѣтно похудѣлъ, осунулся. Всегда мало разговорчивый, онъ сталъ еще молчаливѣе. Не подозрѣваетъ ли? мелькало въ моихъ мысляхъ. Но вмѣсто того, чтобы переговорить съ нимъ откровенно, я вся замыкалась въ себя и уходила отъ него, точно чѣмъ-то разобиженная.

Но вотъ, наконецъ, онъ самъ заговорилъ со мной:

— Намъ скоро придется уѣхать за границу, Лота. Мое здоровье неважно, требуется отдыхъ. Да и тебѣ пора уйти отъ вліянія Радецкого. Этотъ чахоточный господинъ навѣрное запутаетъ тебя въ какую-нибудь исторію—вѣдь ты по бумагамъ значишься его женой. Онъ, конечно, не постарается выгородить тебя, если самъ попадется въ чѣмъ-либо... Побереги себя если не для меня, то для нашего будущаго ребенка. Уѣдемъ поскорѣе за границу. Ты знаешь, я ни въ чѣмъ не стѣснялъ твою свободу, но теперь прошу и умоляю—ѣдемъ!

Стыдъ и раскаяніе охватили меня, когда я услышала, что Андрей Ивановичъ угадалъ мое состояніе и считаетъ себя отцомъ моего будущаго ребенка. Онъ точно самъ напрашивался на обманъ и давалъ мнѣ выходъ изъ тягостнаго положенія. Быть можетъ, онъ догадывается обо всемъ и щадитъ меня? невольно приходило мнѣ въ голову.

Такъ часто твердили мы себѣ, что любимъ другъ въ другѣ «человѣка», а не мужа и жену. Это было такъ современно и притомъ не налагало никакихъ обязательствъ. Вѣдь намъ надо было заниматься въ жизни общественнымъ дѣломъ, а не копаться въ личныхъ чувствахъ...

А дѣти?.. По этому вопросу я не могла отдѣлаться отъ доктрины, внушенной мнѣ нашей московской коммуной: дѣти принадлежать обществу, оно и должно ихъ воспитывать. И хотя мой материнскій инстинктъ вступилъ въ борьбу за Гришу съ этой доктриной, я все-таки не могла вполне отъ нея освободиться.

Кромѣ того, развѣ Андрей Ивановичъ не говорилъ мнѣ не разъ по поводу Гриши, что мое дитя—его дитя?..

Я старалась всячески оправдать себя въ своихъ собственныхъ глазахъ. Но все-таки совѣсть твердила мнѣ, что я неправа. Оба мы увлекались новизною нашихъ взглядовъ, и Андрей Ивановичъ могъ допустить на словахъ, что предоставитъ мнѣ полную свободу чувства. Но на дѣлѣ?.. Вѣдь не могла же я въ Москвѣ вынести «свободу чувствъ» Радецкого и возмутилась...

Мое поведеніе непростительно, повторяла я себѣ. И все-таки хваталась за временный, случайный обманъ, дававшій мнѣ возможность отложить объясненіе.

Пока Андрей Ивановичъ устраивалъ денежные дѣла и бралъ заграничные паспорта, я ежедневно видалась съ Радецкимъ. Мы сильно грустили, что приходится разстаться. Радецкій утѣшался лишь тѣмъ, что, какъ только дѣла его поправятся, онъ купитъ въ Малороссіи клочокъ земли и бѣлую хатку съ вишенникомъ вокругъ; что я приѣду къ нему туда, буду носить костюмъ простой хохлушки и оба мы будемъ заниматься полевымъ трудомъ. Тогда уже начиналось стремленіе «къ землѣ» среди молодежи, разочарованной въ прочности коммуны и истомленной ненормальными условіями столичной жизни.

Никогда не забуду той жалости и сердечной боли, съ которыми я разставалась съ Радецкимъ. Наканунѣ отъѣзда я провела у него весь вечеръ, и онъ пошелъ проводить меня на Васильевскій островъ. На Николаевскомъ мосту мы со слезами распрощались. Въ холодной мглѣ октябрьскаго тумана исчезло отъ меня навсегда блѣдное лицо Радецкого и его тонкая, нѣмного согнутая фигура въ легкой крылаткѣ.

VIII.

Въ Германіи насъ встрѣтила ясная, погожая осень. Мы пробыли нѣсколько дней въ Берлинѣ и оттуда поѣхали въ Наугеймъ. Тогда это былъ еще совсѣмъ скромный курортъ съ незначительнымъ количествомъ больныхъ. Туда съѣзжались больше играть на рулеткѣ, уже прекратившей существованіе въ Баденѣ и другихъ игорныхъ

мѣстахъ. Общественное мнѣніе сильно преслѣдовало рулетку въ Германіи, и она существовала открыто только въ Наугеймѣ да въ мѣстечкѣ Вильдунгенѣ крошечнаго княжества Вальдекъ.

Андрей Ивановичъ принялся лечиться, а я—читать, чтобы заглушить тайныя муки моего сердца о Гришѣ, о Радецкомъ и о томъ, что предстоитъ дальше... Сильно мучило меня, что Радецкій остался въ Петербургѣ совсѣмъ безъ денегъ. Просить для него у Андрея Ивановича я больше не рѣшалась. И тогда я придумала слѣдующее: я написала Н. Корниловой письмо, въ которомъ обрисовала Радецкого героемъ-фанатикомъ, какимъ и сама считала его. Я убѣдительно просила ее помочь ему деньгами, позаботиться о немъ. «Не говоря уже о томъ, что вы сдѣлаете доброе, хорошее дѣло,— писала я:—вы пріобрѣтете во мнѣ друга и союзника, который будетъ готовъ жизнь положить за васъ, если вы теперь, когда я ничего не въ состояніи сдѣлать для Радецкого, поддержите его». Письмо это я отправила безъ подписи. Но я написала его на очень тонкой голубой бумагѣ, только что вошедшей тогда въ моду для заграничной корреспонденціи. На такой же бумагѣ писала я и къ Радецкому. Придя однажды къ нему, Корнилова увидѣла на столѣ письмо на такой же оригинальной бумагѣ, какъ и полученное ею.

— Отъ кого у васъ это письмо?—спросила она.

— Отъ моей жены. Она теперь за границей,—отвѣчалъ Радецкій.

Такимъ образомъ Корнилова случайно открыла, кто была ея корреспондентка. Но она ничего не сказала объ этомъ Радецкому и продолжала заботиться о немъ, какъ сестра.

Въ Наугеймѣ жилось скучно, и я скоро перечитала всѣ свои книги. Между ними мнѣ попался «Эмилъ» Руссо. Эта книга произвела на меня сильное впечатлѣніе. Я дала себѣ слово забыть всѣ «вопросы», быть хорошей матерью и тѣмъ изгладить угрызения своей совѣсти.

Андрей Ивановичъ отъ скуки сталъ присаживаться къ игорному столу. Математикъ по образованію и роду занятій, онъ интересовался цифровыми выкладками рулетныхъ игроковъ, но самъ игралъ по маленькой—ему постоянно не везло. Но вотъ какъ-то въ одинъ вечеръ онъ выигралъ сразу 200 гульденовъ. Послѣ этого онъ сталъ внимательнѣе дѣлать ставки, слѣдилъ за «серіями», изучалъ всевозможныя «системы». Вскорѣ его выигрышъ достигъ трехъ тысячъ гульденовъ.

Такъ вотъ онъ, легкій способъ безъ всякихъ жертвъ пріобрѣсти деньги и на нихъ принести пользу обществу—самъ дается въ руки!—подумали мы оба и принялись играть.

Выигрышъ Андрея Ивановича быстро удвоился. Мы почти не отходили отъ рулетки въ игорные часы, а въ остальное время строили разные планы. Я написала Радецкому, что надѣюсь скоро разбогатѣть и вмѣстѣ съ нимъ примусь за дѣла...

Но не прошло и недѣли, какъ счастье сразу измѣнило намъ. Мы спустили 6 тысячъ выигранныхъ гульденовъ и всѣ свои деньги. Жить дольше въ Наугеймѣ намъ было не по карману. Мы переселились въ Вильдунгентъ, гдѣ жизнь обходилась гораздо дешевле. Андрей Ивановичъ выписалъ туда изъ Россіи весь свой небольшой капиталъ и рѣшилъ играть съ выдержкой, дѣлая ставки «противъ серіи» до конца, какъ играютъ обыкновенно англійскіе банкиры... Они ведутъ игру спокойно, зная, что у нихъ хватить денегъ на удвоеніе ставокъ, несмотря ни на какія серіи краснаго или чернаго шарика—оттого всегда и выигрываютъ... Это подражаніе системѣ англійскихъ банкировъ обошлось намъ болѣе чѣмъ въ три тысячи рублей проигрыша. Но Андрей Ивановичъ не хотѣлъ вѣрить въ неудачу такой прекрасной системы, заподозрѣлъ фальшь со стороны крупье и рѣшилъ попытать счастья въ швейцарскомъ кантонѣ Valais, гдѣ среди горъ, въ мѣстечкѣ Saxon, процвѣтала единственная на всю Швейцарію рулетка.

Тамъ мы очень быстро наиграли нѣсколько тысячъ франковъ. Но когда спустили все выигранное и еще около 1000 рублей своихъ денегъ, Андрей Ивановичъ проклялъ рулетку и далъ слово больше никогда не играть.

Изъ Saxon мы перебрались въ Женеву, гдѣ у меня родилась дочь. Я сама кормила свою Леночку и старалась всячески экономить въ хозяйствѣ—проигрыши сильно подорвали наши денежные средства.

Единственнымъ нашимъ знакомымъ въ Женевѣ былъ эмигрантъ Элпидинъ, съ которымъ мы случайно познакомились за табль-дотомъ ремесленниковъ. Въ то время жизнь рабочаго въ Женевѣ равнялась жизни чиновника средней руки въ Россіи. Мы и устроились такъ, какъ живутъ рабочіе: наняли 2 комнатки съ мебелью за 25 франковъ въ мѣсяцъ, обѣдали за скромнымъ общимъ столомъ, изобиловавшимъ овощами, но довольно скуднымъ мясной пищей.

Элпидинъ жилъ тоже какъ простой рабочій, занимался изданіемъ сочиненій Чернышевскаго и самъ печаталъ ихъ въ небольшой типографіи. Кстати о Чернышевскомъ. Въ вестибюлѣ того дома, въ которомъ мы поселились, висѣла витрина фотографа и въ ней большой портретъ Чернышевскаго съ надписью по-французски: «Русскій писатель Чернышевскій, сосланный на каторгу за свои сочиненія». Мы приобрѣли экземпляръ этого портрета и впоследствии, въ Россіи, намъ удалось сдѣлать съ него у знакомаго фотографа массу снимковъ и распространить ихъ. Полное собраніе сочиненій Чернышевскаго мы также приобрѣли у Элпидина и успѣшно провезли его черезъ границу.

Элпидинъ рассказалъ намъ, что ему одному пришлось хоронить русскаго поэта Вормса, котораго я когда-то знала въ Москвѣ. Вообще Элпидинъ дурно отзывался о старикахъ-эмигрантахъ, имена

которыхъ были для насъ чуть ли не священны. Это коробило меня и Андрея Ивановича. Тѣмъ не менѣе мы слѣдовали указаніямъ Эллидина и бывали въ «интернаціоналѣ», гдѣ слушали рѣчи Утина и другихъ о борьбѣ съ капиталомъ; бывали и въ потребительномъ обществѣ рабочихъ, только что возникшемъ. Но рабочій классъ увлекался тогда больше Лассалемъ, а не коопераціями Шульце-Делича, поэтому потребительныя общества были въ Швейцаріи ничтожны.

Не разъ бесѣдовали мы съ Эллидинымъ о положеніи дѣлъ въ Россіи, о возможности революціи.

— Неужели вы допускаете мысль, что въ Россіи еще лѣтъ пять пройдетъ безъ революціи?—спрашивалъ онъ. И когда мы возражали ему, что на родинѣ нѣтъ данныхъ къ скорой и успѣшной революціи, онъ обзывалъ насъ чуть ли не ретроgrадами.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе 35 лѣтъ. Долго пришлось Эллидину и другимъ эмигрантамъ ждать той могучей волны, которая выбросила нѣкоторыхъ изъ нихъ на родной берегъ. Такъ долго, что всѣ силы свои растратили они на чужбинѣ и вернулись стариками...

Андрею Ивановичу вздумалось какъ-то посѣтить учебныя заведенія Женевы. Едва заявилъ онъ объ этомъ гдѣ слѣдуетъ, къ нему явился инспекторъ городскихъ школъ и предложилъ сопровождать его по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ. Андрей Ивановичъ воспользовался этимъ предложеніемъ и осматрѣлъ всѣ школы, даже всѣ пріюты для бѣдныхъ дѣтей.

Затѣмъ осматрѣлъ онъ тюрьмы и больницы, вездѣ встрѣчая любезный пріемъ и получая подробныя указанія. Благодаря этому, у насъ собрался обильный матеріалъ для статей объ упомянутыхъ учрежденіяхъ, и мы вдвоемъ составили нѣсколько корреспонденцій, которыя и помѣстили тогда же въ Коршевскихъ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и какомъ-то педагогическомъ журналѣ.

IX.

Осенью намъ пришлось возвращаться въ Россію, такъ какъ денегъ оставалось слишкомъ мало для дальнѣйшей жизни за границей. Ъхали мы домой вскорѣ послѣ седанскаго пораженія французовъ. Въ Германіи вагоны были переполнены пьяными, ликующими солдатами. Пассажировъ набивали въ вагоны и везли какъ попало,—лучшія мѣста уступались раненымъ, о которыхъ вездѣ заботился Красный Крестъ. Мнѣ, какъ женщинѣ съ груднымъ ребенкомъ, удавалось иногда ѣхать во II классѣ, вмѣстѣ съ офицерами, возвращавшимися съ поля битвы. Тутъ не было того ликованія, какъ между солдатами Попадались образованные офицеры—противники войны и насилія, со скорбными взглядами, съ большими

нервами... О Бергѣ Сутнерѣ тогда не было и помину, но чувствовалось, что у этихъ офицеровъ матери и жены не стоятъ за войну...

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я узнала, что Радецкій высланъ на родину за участіе въ политическомъ дѣлѣ. Съ нимъ уѣхала одна изъ женщинъ его кружка, оставившая для него мужа и четверыхъ дѣтей. Въ этомъ человѣкѣ, несомнѣнно, была сильно выраженная индивидуальность, дававшая ему власть надъ другими.

Лидія перевѣнчалась со Жвановымъ, достигла мѣста завѣдующей въ обществѣ пособія бѣднымъ женщинамъ и вела самый буржуазный образъ жизни. О былыхъ увлеченіяхъ коммунизмомъ ей, видимо, непріятно было вспоминать.

Андрей Ивановичъ сталъ прискивать себѣ мѣсто въ провинціи. У него были связи, родство, его знали какъ хорошаго работника. Онъ скоро получилъ должность бухгалтера на одной изъ желѣзныхъ дорогъ. Мы переселились на житье въ губернской городъ С.

Наконецъ-то осуществилось мое завѣтное желаніе—взять Гришу къ себѣ. Ему было 5 лѣтъ, онъ почти на 4 годѣ былъ старше Лены. Вскорѣ и моя мать, совсѣмъ одинокая и больная, переселилась къ намъ изъ О.

Для меня началась самая прозаичная семейная жизнь. Знакомыхъ у насъ было мало, мы слишкомъ не подходили къ провинціальному обществу того времени.

Но я чувствовала себя вполнѣ довольной и счастливой. Кроватки дѣтей стояли въ моей спальнѣ, и каждый разъ, ложась спать, я думала: ничего мнѣ не надо на свѣтѣ, лишь бы не отнялось у меня это счастье—быть съ моими дѣтьми! Иногда я уставала, бывала разстроена какими-нибудь житейскими неурядицами, но все это быстро забывалось мной при видѣ дѣтей,

Гриша росъ здоровымъ, немного грубоватымъ и упрямымъ, но все-таки хорошимъ мальчикомъ. А моя крошка Лена, мой тайный грѣхъ и моя безграничная любовь, общала быть красавицей. И какой это былъ чуткій, любящій ребенокъ!

Какъ бы для того, чтобы мы не чувствовали полнаго недостатка въ интеллигентныхъ людяхъ, судьба послала намъ знакомство съ Ольгой Евгеніевной Сухановой, сестрой молодого моряка, бывшаго у Радецкаго. Это была очень образованная и умная дѣвушка. Она жила гувернанткой въ одной семьѣ возлѣ города С. и часто гостила у насъ. Я подружилась съ ней, мы вмѣстѣ дѣлали прогулки по горамъ, окружающимъ городъ С., вмѣстѣ читали. Нѣмка по матери, О. Е. прекрасно знала нѣмецкій языкъ. Вмѣстѣ съ нею читала я Шиллера и Гёте, впервые наслаждаясь въ подлинникѣ красотами «Орлеанской Дѣвы», «Маріи Стюартъ», «Донъ-Карлоса» и проч. Наше знакомство продолжалось больше года. Братъ О. Е. находился въ это время въ кругосвѣтномъ плаваніи, и она съ нетерпѣніемъ ждала его возвращенія. Познакомившись съ педагогомъ

техническаго училища А. Зотовымъ, она полюбила его и уѣхала съ нимъ сначала въ Крымъ, а затѣмъ въ Петербургъ. Послѣ казни брата она написала намъ слѣдующее тяжелое письмо: «Не стану говорить вамъ о пережитыхъ ужасахъ. Скажу только, что старухамать все еще бѣгаетъ по плацу въ Кронштадтѣ и ищетъ пуль. Ей представляется, что не всѣ 12 пуль попали въ ея Колю, что его закопали живымъ... Разуверить ее нѣтъ возможности, бѣдняжка помѣшалась на этомъ.—Я тоже плоха здоровьемъ, но должна жить ради сына моего Андрюши (дочь умерла, когда я была въ тюрьмѣ). Зотовъ сосланъ въ Ялutorовскъ, вся моя жизнь разрушена. А вѣдь лично я не принимала никакого участія въ дѣлахъ брата. Это доказано слѣдствіемъ, и потому я нахожусь на свободѣ».

По дорогѣ въ Крымъ, куда ее послали лечиться, О. Е. заѣхала къ намъ въ С. Она выглядѣла живымъ мертвецомъ и въ Крыму протянула не долго—тюрьма и пережитыя потери убили ее.

Радецкому вскорѣ разрѣшили вернуться въ Петербургъ. Онъ жилъ тамъ семейнымъ образомъ съ женщиной, беззавѣтно вѣрившей въ его дѣла и предпріятія. У нихъ были дѣти, и я думала, что онъ совсѣмъ позабылъ обо мнѣ. Но вдругъ получаю отъ него письмо такого содержанія: «Я все еще не теряю надежды извлечь тебя изъ с—каго болота.. Ты дорога мнѣ по воспоминаніямъ и по твоей вѣчной отзывчивости къ каждому живому дѣлу. Я начинаю выплывать на поверхность и скоро надѣюсь имѣть въ рукахъ большія средства».

Это письмо всколыхнуло во мнѣ всѣ позабытыя чувства. И хотя я была счастлива, однако «старыя дрожжи» по временамъ поднимались и заставляли ждать чего-то, надѣяться... Но черезъ три мѣсяца послѣ этого письма меня извѣстили, что Радецкій умеръ отъ чахотки.

Весь міръ заключался для меня теперь въ семьѣ, а въ особенности—въ Леночкѣ. Ее я любила больше всего на свѣтѣ. Хрупкая, нѣжная дѣвочка часто болѣла и къ десяти годамъ перенесла всѣ дѣтскія болѣзни, которыя часто осложнялись у ней припадками судорогъ. Сколько бессонныхъ ночей провела я надъ этимъ ребенкомъ вмѣстѣ съ докторомъ Я., дружески расположеннымъ къ нашей семьѣ, и чудной старушкой-няней, любившей Леночку не меньше меня! Сколько разъ мы вырывали ее у смерти! Быть можетъ, эта дѣвочка и была мнѣ такъ особенно дорога потому, что я слишкомъ много силъ положила на нее...

Надо замѣтить, что я была совсѣмъ неопытной матерью и училась воспитывать дѣтей на своихъ дѣтяхъ. Мое гимназическое образованіе и дальнѣйшій выборъ чтенія не давали мнѣ никакой педагогической подготовки. Андрей Ивановичъ, насколько могъ, направлялъ меня и сдерживалъ мою природную вспыльчивость,

но я все-таки дѣлала массу ошибокъ какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ воспитаніи дѣтей.

У Лены рано сказались музыкальныя способности, у Гриши ихъ вовсе не было. Я неумѣло выдвигала впередъ передъ всѣми способности Лены и нерѣдко задѣвала этимъ Гришу, вызывала съ его стороны раздраженіе.

— Старайся во всемъ равнять Гришу и Лену, не сѣй между ними вражды,—постоянно говорилъ мнѣ Андрей Ивановичъ. Но это легче было говорить, чѣмъ дѣлать. Самъ онъ любилъ Лену больше, чѣмъ Гришу, а дѣти такъ чутки... Да и всѣ окружающіе восхищались Леной, она невольно затмевала Гришу.

Иногда Андрей Ивановичъ, тоже далеко неопытный воспитатель, дѣлалъ мнѣ упреки за обращеніе съ дѣтьми въ присутствіи Гриши и этимъ сильно обострялъ мои отношенія къ сыну. Взаимное раздраженіе росло, возникали мелкія семейныя непріятности.

Денежныя средства наши были достаточны, но все-таки приходилось вести хозяйство расчетливо, чего я долго не умѣла дѣлать. Андрей Ивановичъ по принципу никогда не закрывалъ двери передъ тѣмъ, кто обращался къ нему за помощью. Поэтому кошелекъ его былъ всегда пустъ.

Семья наша увеличилась еще моимъ племянникомъ: мой братъ Вася, давно уже вернувшійся изъ Америки, поручилъ мнѣ воспитаніе своего сына Володи, полуглухого послѣ скарлатины мальчика, а самъ ушелъ въ монастырь. О судьбѣ моего брата, этого предвозвѣстника религіозныхъ идей Л. Н. Толстого среди русской молодежи, я постараюсь рассказать особо.

Съ возрастомъ дѣтей сгладились всѣ неровности моей семейной жизни. Гриша научился гордиться своей красавицей-сестренкой, Лена окрѣпла здоровьемъ, переваливъ за 10 лѣтъ. Я чувствовала себя безмѣрно счастливой. Только бы дѣти подольше были со мной, только бы не разставаться съ ними! думала я, цѣлуя ихъ на ночь. Черезъ годъ послѣ смерти Радецкаго я перевѣнчалась съ Андреемъ Ивановичемъ, а Гриша поступилъ въ мѣстную гимназію. Съ какой гордостью опиралась я при прогулкахъ на руку Гриши и какъ оба мы любовались на Лену, которая всегда бѣжала впереди, безпрестанно оглядываясь и показывая намъ свое прелестное, оживленное личико. Прохожіе заглядывались на нашу довольно счастливую группу: я выглядѣла скорѣе старшей сестрой, чѣмъ матерью, Гриши, а мои дѣти были такъ красивы и такъ похожи другъ на друга...

Зависти, вражды не было и слѣда между моими дѣтьми. Да и я сама относилась къ Гришѣ справедливѣе, чѣмъ прежде.

Теперь я могла о многомъ разговаривать съ нимъ какъ со взрослымъ, онъ уважалъ меня и прощалъ излишнюю горячность и неумѣнье, съ которыми я обращалась съ нимъ въ дѣтствѣ. Онъ повѣ-

рялъ мнѣ всѣ свои гимназическіе секреты и называлъ своимъ лучшимъ другомъ.

Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ трудно было учиться въ гимназіи тому, кто дѣйствительно желалъ чему-нибудь научиться. Система «затменія умовъ» примѣнялась во-всю, хорошіе педагоги были въ загонѣ, братушки-славяне съ полнымъ невѣжествомъ душили всякое проявленіе въ дѣтяхъ самостоятельной мысли. Гриша все-таки подвигался довольно успѣшно и перешелъ уже въ седьмой классъ. Къ нему не придирались—насъ знали въ городѣ за людей интеллигентныхъ и старались не задѣвать. Андрей Ивановичъ писалъ иногда статьи въ газетахъ, а гласности и тогда уже побаивались въ провинціальномъ мракобѣсіи. Но Гриша былъ хорошимъ товарищемъ и болѣлъ сердцемъ за несправедливость, грубость къ ученикамъ, за которыхъ некому было заступиться.

Я страшно боялась, что Гриша не окончитъ курса въ высшемъ учебномъ заведеніи и ему трудно будетъ впослѣдствіи бороться съ жизнью. Вѣдь мы ничего не могли оставить въ наслѣдство дѣтямъ, кромѣ образованія.

— Я и въ могилѣ не найду покоя, Гриша, если ты не кончишь курса,—говорила я сыну полусмутья, полусерьезно.

И Гриша старался учиться, чтобы утѣшить меня. Лену мы воспитывали дома, она больше всего занималась музыкой.

Мы совершенно ушли въ свою семью. Но когда дѣти подросли, мы занялись и общественной дѣятельностью. То была пора «малыхъ дѣлъ». Андрей Ивановичъ участвовалъ въ устройствѣ потребительнаго общества, всевозможныхъ кассъ рабочей взаимопомощи, въ обществахъ помощи недостаточнымъ ученикамъ. Онъ даже у себя въ домѣ устроилъ общежитіе для совсѣмъ бѣдныхъ 5—6 учащихся дѣтей. Слова перешли въ дѣло, хотя и небольшое, невидное, но удовлетворявшее насъ. Мы всѣ были довольны нашей жизнью. Гриша говорилъ мнѣ иногда:

— Дома у насъ такъ хорошо, что никуда не хочется итти, мама... Пусть лучше товарищи приходятъ ко мнѣ. Имъ не всѣмъ дома такъ хорошо чувствуется, какъ у насъ.

Х.

Такъ шла наша жизнь, пока внезапная катастрофа не измѣнила всего. Передъ самымъ Рождествомъ Лена заболѣла горломъ— простудилась, катаясь на конькахъ. Докторъ опредѣлилъ, что у нея простая жаба.

Двѣ недѣли разнемогалась дѣвочка и все это время ходила какъ въ чадѣ. Какое-то предчувствіе томило меня и подсказывало, что Лена опасно больна. Я боялась, что у нея крупъ. Но докторъ успокаивалъ:

— Ваша дѣвочка вышла изъ того возраста, когда болѣютъ крупомъ. Ничего нѣтъ опаснаго, увѣряю васъ. Черезъ нѣсколько дней она будетъ здорова.

Но сердце не обмануло меня—Ленѣ не стало лучше. Черезъ пять дней созванные на консилиумъ доктора признали крупъ, осложненный дифтеритомъ.

Приступили къ ужасной операціи трахеотоміи. Послѣ нея ровно сутки прожила, вѣрнѣе—прострадала, моя несчастная Леночка. Говорить послѣ операціи она не могла, только писала на листахъ картона объ испытанныхъ мукахъ...

До самой послѣдней минуты бѣдняжка не выпускала моей руки. Я безпомощно смотрѣла, какъ она умирала отъ удушенья... Вся наша семья стояла возлѣ ея кровати и молилась, чтобы прекратились скорѣе жестокія мученія невиннаго существа...

Стоялъ тутъ и Гриша. Онъ впервые видѣлъ смерть, да еще такую тяжкую.

Никогда не забуду перваго вечера послѣ похоронъ Лены. Въ нашей гостиной было такъ свѣтло, тепло и красиво и все такъ напоминало ту, которую мы опустили въ мерзлую землю, оставили лежать на темномъ, пустынномъ кладбищѣ... Вотъ рояль, по клавишамъ котораго такъ часто бѣгали искусныя ручки... Вотъ столикъ съ любимыми бездѣлушками и книжками дѣвочки. Но сама она больше не придетъ къ намъ, я ее больше не увижу!

Гриша сѣлъ рядомъ со мной на диванѣ и со слезами въ голосѣ заговорилъ:

— Какъ я хотѣлъ бы, мама, хотя сколько-нибудь замѣнить для тебя Лену! Какъ я желалъ бы умереть вмѣсто нея!! Она была такъ прелестна и даровита, я—бездарный. Но я сдѣлаю все, что могу, чтобы ты была довольна мною.

И на эти чудныя, проникнутыя любовью слова сына у меня нашелся, при моемъ глубокомъ отчаяніи, лишь такой отвѣтъ:

— Я не могу, я не въ силахъ больше жить, Гриша!

Въ нашемъ домѣ потянулись невыразимо тоскливые дни. Я едва могла ѣсть—каждый кусокъ останавливался въ горлѣ; я худѣла и сдѣлалась точно восковая. Но и Гриша выглядѣлъ не лучше меня—это замѣчали многіе изъ знакомыхъ.

Въ сороковой день смерти Леночки я рано утромъ ушла къ ней на могилку. Гриша отправился въ гимназію, а Андрей Ивановичъ—на службу.

Вдругъ прибѣгаетъ ко мнѣ на кладбище старушка-няня и зоветъ меня скорѣе домой.

— Съ Гришей что-то неладное въ гимназіи случилось, припадокъ какой-то. За вами пріѣхали,—говоритъ она.

Ѣду въ гимназію и тамъ узнаю: Гриша стрѣлялъ въ директора изъ своего маленькаго, почти игрушечнаго револьвера, но, къ

счастью, не попалъ ни въ кого. Сейчасъ же послѣ выстрѣла на него нашель столбнякъ. Призвали доктора и съ трудомъ привели его въ чувство.

Меня ввели въ пустой классъ, гдѣ сидѣлъ Гриша, весь дрожащій, въ страшно угнетенномъ состояніи. Я бросилась къ нему и обняла его.

— Что ты сдѣлалъ, Гриша, зачѣмъ хотѣлъ убить директора?

— Я не хотѣлъ его убить, я хотѣлъ только, чтобы на насъ обратили вниманіе. Я и письмо заказное послалъ къ Скабичевскому въ «Новости»... Вотъ и квитанція... Пусть обратятъ вниманіе, что съ нами дѣлають въ гимназіи... Вѣдь мы неучами выходимъ, а придется дальше учиться и хлѣбъ добывать. Но мнѣ-то все равно, я рѣшилъ умереть... Я только хотѣлъ за товарищей постоять... Чтобы имъ было лучше учиться.

— Гриша, какъ же тебѣ не жаль меня?

— Да вѣдь ты тоже умрешь, мама! Ты сказала мнѣ, что не можешь жить безъ Лены. И ничего не ѣла, голодомъ себя морила... Я не могъ этого видѣть и рѣшился умереть. Но прежде всего письмо написалъ, чтобы обратили вниманіе....

— Письма твоего все равно не напечатають... Не позволяютъ теперь писать въ газетахъ о томъ, что дѣлается въ стѣнахъ учебныхъ заведеній.

— Я этого не зналъ. Я думалъ, что принесу пользу своей гибелью.

— Да развѣ я допущу тебя погибнуть? Я отстою тебя, докажу, что ты не виноватъ, что ты боленъ, измученъ... И мы опять будемъ счастливы!

— Правда, мама? И ты не умрешь отъ тоски по Леночкѣ? И мы опять будемъ вмѣстѣ?—съ внезапно вспыхнувшей надеждой, съ молодымъ влеченіемъ къ жизни проговорилъ бѣдный мальчикъ.

Я обѣщала ему, что буду жить и даже про свое горе забуду на время, лишь бы только отстоять, спасти его. Дѣйствительно, вся энергія проснулась во мнѣ, и я, точно озлобленная волчица, бросилась защищать послѣдняго дѣтеныша.

Письмо Гриши къ Скабичевскому мнѣ удалось получить обратно—по знакомству на почтѣ мнѣ отдали его. Какое это было трогательное, дѣтски-чистое письмо! Изъ него ясно было видно, что юноша рѣшился покончить съ собою, но прежде хотѣлъ открыть обществу глаза на то, что дѣлають съ ними въ гимназіи, отнимая лучшихъ учителей и отдавая ихъ во власть тупымъ бездарностямъ.

Судебному слѣдователю Гриша показывалъ:

— Я стрѣлялъ вверхъ, я вовсе не хотѣлъ никого убивать... Директоръ испугался и подъ столъ спрятался, но вѣдь я крикнулъ ему, что стрѣляю лишь затѣмъ, чтобы обратили вниманіе...

Весь зарядъ изъ револьвера Гриши дѣйствительно нашли въ верхней шибкѣ окна.

Я умоляла отдать мнѣ сына на поруки, но его немедленно посадили въ тюрьму, въ секретное отдѣленіе.

Я вернулась одна въ свое опустѣвшее гнѣздо. Чужихъ дѣтей разобрали отъ насъ, какъ только обнаружилось, что у Леночки дифтеритъ. И домъ нашъ, раньше столь оживленный и радостный, сталъ настоящимъ вертепомъ печали.

Андрею Ивановичу приходилось работать, нести службу, несмотря на все горе. Его поддерживало сильно общее сочувствіе къ намъ. Общественное мнѣніе города было на нашей сторонѣ, насъ безпрестанно навѣщали и старались облегчить намъ хлопоты о судьбѣ Гриши.

Судебному слѣдователю удалось направить дѣло такимъ образомъ, что Гриша, признанный больнымъ тѣмъ докторомъ, который приводилъ его въ сознаніе послѣ выстрѣла, долженъ былъ подвергнуться испытанію въ психіатрической больницѣ.

Въ тюрьмѣ Гришу продержали недѣли три. Одиночная камера его находилась рядомъ съ камерой извѣстной Софьи Блюнштейнъ, по прозванію «Золотой Ручки». Эта неглупая и ловкая женщина умѣла такъ себя поставить, что свободно разгуливала по коридору «секретнаго» и заходила иногда къ моему сыну. Я встрѣчала ее у него раза два. Она рассказывала, что ушла съ каторги потому, что не вынесла разлуки съ оставленными въ Россіи дѣтьми. Говорила это просто, безъ рисовки. Вѣрилось, что это дѣйствительно изстрадавшаяся мать, ради свиданія съ дѣтьми рискнувшая попасть подъ плети...

Наконецъ Гришу, подъ сильнымъ конвоемъ жандармовъ, увезли въ Москву, въ Преображенскую больницу. Мнѣ не дали знать, когда его увозять, но я провѣдала объ этомъ своевременно и въ одинъ день съ сыномъ очутилась въ Москвѣ.

Въ Преображенской продержали его болѣе полугода. Онъ попалъ тамъ въ руки хорошихъ докторовъ, всячески щадившихъ его и старавшихся привести въ порядокъ нервную систему измученнаго юноши.

Я не теряла времени даромъ и вела переговоры съ адвокатами на тотъ случай, если Гришу предадутъ суду. Популярный въ то время Плевако обѣщаль мнѣ бесплатно защищать его. Кто-то изъ адвокатовъ посоветоваль мнѣ побывать у Муравьева, занимавшаго тогда должность прокурора московской судебной палаты. Этотъ будущій сановникъ, доступъ къ которому уже тогда былъ обставленъ многими формальностями, вродѣ выкрикиванія по коридору цѣлымъ рядомъ курьеровъ фамилін представлявшагося лица, приняль меня крайне сурово и утѣшилъ такими словами: «Какъ вы тамъ ни старайтесь, но вашему сыну не уйти отъ суда и отвѣтственности».

Эти слова, буквально означавшія: «попадется въ наши руки, такъ ужъ не выпустимъ», подняли во мнѣ всю энергію, возбудили послѣднія силы. Я поѣхала въ Петербургъ и явилась къ А. Ф. Кони, тогда оберъ-прокурору кассационнаго департамента, рассказала ему дѣло сына и грозное обѣщаніе Муравьева. А. Ф. отвѣтилъ мнѣ приблизительно слѣдующее: «Пусть дѣло идетъ своимъ порядкомъ. Если вашего сына осудятъ, пожалуйста къ намъ на кассацию—и мы постараемся вернуть вамъ сына. Не бойтесь ничего и не страдайте заранѣе».

Какимъ счастьемъ наполнили мою душу эти добрыя слова! Я уѣхала въ Москву и стала сравнительно спокойно ожидать окончанія срока испытанія Гриши въ больницѣ.

XI

Проживая это тяжелое полугодіе въ Москвѣ, чтобы какъ можно чаще видѣться съ сыномъ, я надумалась сходить къ Л. Н. Толстому и поговорить съ нимъ. Ужъ очень изстрадалась я и ни въ чемъ не находила утѣшенія. Все мучила меня совѣсть, что я сама уморила Лену: плохо смотрѣла за ней, плохо ухаживала во время болѣзни, не такъ ее лечили... Да и письмо къ нему было у меня отъ брата Васи, которому Л. Н. никогда не отказывалъ въ совѣтахъ по наболѣвшимъ душевнымъ вопросамъ.

Очутившись на антресоляхъ дома гр. Толстой, въ скромной рабочей комнатѣ Л. Н. и увидѣвъ передъ собою мастигую фигуру и нѣсколько суровое лицо знаменитаго писателя, я растерялась и нѣсколько минутъ не въ состояніи была говорить. Но скоро горе мое заговорило за меня—я рассказала о своемъ безотрадномъ положеніи, Л. Н. внимательно выслушалъ меня и затѣмъ сталъ ласковымъ тономъ доказывать, что утѣшеніе для меня возможно только въ трудѣ.

— Подумайте о крестьянкахъ,—говорилъ онъ:—развѣ онѣ не терпятъ того же, что и вы? А все переносятъ, потому что трудятся—имъ некогда отдаваться печали. И что за ложное воззрѣніе, что жизнь дана намъ для счастья! Жизнь—страданіе, мы должны привыкнуть къ этой мысли и въ счастіѣ видѣть нѣчто случайное.

Я только что прочитала тогда въ газетѣ объ одной крестьянкѣ-вдовѣ, у которой утонулъ, по ея недосмотру, единственный малютка-сынъ. Крестьянка долго крѣпилась, работала, но все-таки не выдержала горя и повѣсилась. Я рассказала Л. Н. про этотъ случай.

— Крестьянка ваша тоже неправильно смотрѣла на жизнь,—возразилъ онъ,—Если бы она смотрѣла на нее, какъ на страданіе, на долгъ и служеніе ближнимъ, то не огорчалась бы до самоубійства, а радовалась, что ея сынъ ушелъ отъ житейскихъ невзгодъ.

Весь дальнѣйшій разговоръ на эту тему показалъ мнѣ, что какъ ни чутокъ душою, какъ ни добръ великій писатель, по мое

горе не вполне понятно ему. Въ это время онъ еще не испыталъ на себѣ, что такое хоронить дѣтей. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ потерялъ пятилѣтняго сына Петю и, какъ мнѣ сообщали, очень сильно и долго по немъ грустилъ, несмотря на свою большую семью и преклонный возрастъ. Значить, ни философствованія о тщетѣ счастья, ни постоянный трудъ не могли заглушить въ его сердцѣ неизбѣжную скорбь о ребенкѣ, которую суждено заглушить лишь всепобѣждающему времени, какъ я впоследствии убѣдилась.

Кромѣ того, для меня, какъ язычницы по натурѣ, недоступны были новохристіанскія воззрѣнія Л. Н. на страданіе. Какъ ни изстрадалась я сама, но все-таки считала счастье—цѣлью жизни и жаждала его если не для себя, то для сына и всѣхъ людей.

Въ Преображенской больницѣ я бывала у Гриши почти ежедневно. По праздникамъ тамъ давались спектакли и вечера для душевно-больныхъ. Мой сынъ принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ этихъ развлеченій, и я посѣщала ихъ ради него. На одномъ изъ вечеровъ врачъ С. Н. У—кій, подѣ непосредственнымъ наблюденіемъ котораго находился Гриша, высказалъ мнѣ:

— Докторъ Буцке не признаетъ вашего сына больнымъ. Это можетъ сильно повредить дѣлу вашему, такъ какъ Буцке вліяетъ и на старика Державина...

Я вспомнила, что отъ старшей сестры моей Мани Струмиловой, дочери моей матери отъ перваго брака, мнѣ приходилось часто слышать о докторахъ Буцке и Державинѣ. Она страдала наследственнымъ помѣшательствомъ и нѣсколько лѣтъ находилась на излеченіи въ Преображенской.

Я постаралась какъ можно скорѣе повидаться съ докторомъ Буцке.

— Слишкомъ мало данныхъ, чтобы признать вашего сына больнымъ,—сказалъ онъ мнѣ.—Теперь по крайней мѣрѣ онъ вполне здоровъ.

— Мнѣ кажется, докторъ, что и одной наследственности довольно... Не помните ли вы больную Марію Струмилову, имѣвшую семь поколѣній сумасшедшихъ въ своемъ роду? Лѣтъ 20 тому назадъ она была у васъ на излеченіи и выздоровѣла...

— Марію Струмилову, сѣдую дѣвушку съ огненными глазами? Очень хорошо помню. У ней, дѣйствительно, была плохая наследственность, и она всѣхъ насъ удивила своимъ выздоровленіемъ.

— Это моя родная сестра. И разница лишь въ томъ, что у Струмиловыхъ 7 поколѣній подѣ рядомъ старшими родились и сходились съ ума дочери, а у меня сынъ...

— Да, теперь мнѣ многое понятно, и я склоняюсь къ мнѣнію одного изъ нашихъ врачей, что у вашего сына могло быть временное помѣшательство, совпавшее съ его физическимъ развитіемъ..

Въ то время доктора придавали наслѣдственности большое значеніе, и я схватилась за это обстоятельство, какъ утопающій за соломинку... Да простятъ мнѣ люди и Богъ, что я допустила тутъ одну недомолвку: наслѣдственное помѣшательство существовало въ роду Струмиловыхъ; моя мать была изъ вполне здороваго рода, и я была ея дочерью не отъ Струмилова, а отъ второго мужа; но ради спасенія сына я не выяснила доктору Буцке, что Марія Струмилова была, какъ принято выражаться языкомъ закона, моей единоутробной, но не единокровной сестрой.

И все-таки, несмотря на всѣ принятія мѣры, тяжела была для меня ночь наканунѣ того дня, когда 12 докторовъ Преображенской больницы должны были высказать свое мнѣніе по поводу моего сына. Я провела эту ночь у одной доброй, прекрасной женщины, Ю. И. Г—ки, принявшей горячее участіе во мнѣ и Гришѣ. Она всячески старалась разговорить и успокоить меня, затѣмъ дала мнѣ усыпительное лекарство

Доктора признали моего сына дѣйствовавшимъ въ состояніи невмѣняемости. Судебное преслѣдованіе прекращалось, и сынъ сдавался мнѣ на руки для наблюденія и леченья. Нѣкоторыхъ изъ докторовъ я не знаю даже по фамиліи, но я вѣчно поминаю добромъ этихъ просвѣщенныхъ и добрыхъ людей, возвратившихъ мнѣ сына и влившихъ радость въ мое измученное сердце.

Муравьеву такъ и не пришлось выполнить своей угрозы—судить и подвергнуть отвѣтственности моего сына.

На радости, что Гриша свободенъ, Андрей Ивановичъ пріѣхалъ къ намъ въ Москву повидаться. Онъ разсказалъ, что по поводу дѣла Гриши своевременно произведена была строгая ревизія и оказалась масса вопіющихъ злоупотребленій. Родители многихъ учащихся относились къ намъ поэтому особенно сочувственно и предлагали рекомендательныя письма къ разнымъ вліятельнымъ лицамъ для устройства дальнѣйшей судьбы Гриши. Но Андрей Ивановичъ, какъ человѣкъ крайне прямолинейный, отказался отъ всякой протекціи.

Я отвезла Гришу въ Петербургъ, прожила тамъ съ нимъ нѣсколько мѣсяцевъ и оставила у родныхъ Андрей Ивановича. Нашлись добрые люди, которые дали ему службу въ одномъ частномъ учрежденіи—и 18-лѣтній юноша, не имѣя никакихъ дипломовъ и стараясь пополнить прерванное образованіе, сталъ зарабатывать самостоятельно свой хлѣбъ.

Однажды Гриша встрѣтилъ на улицѣ пожилую даму съ прелестной дѣвочкой лѣтъ 10-ти, очень напомнившей ему нашу Лену. Онъ пошелъ вслѣдъ за дамой и узналъ, гдѣ она живетъ. Оказалось, что это бывшая гражданская жена Радецкаго и его дочь Наташа, такъ что Гришѣ случайно удалось познакомиться со своей сестрой по отцу. У ея матери было четверо дѣтей отъ перваго мужа, а средства къ жизни скудныя.

Въ одинъ изъ моихъ прїѣздовъ въ Петербургъ она согласилась отдать мнѣ на воспитаніе Наташу, которая чахла отъ ненормальныхъ условій жизни. Дѣвочка дѣйствительно была очень похожа на Лену и тоже обладала музыкальными способностями.

Андрей Ивановичъ несказанно обрадовался, когда я привезла съ собою Наташу. Всю свою любовь къ Ленѣ онъ перенесъ теперь на эту дѣвочку и утѣшился. Но для меня она не могла замѣнить Лену. Я только рада была, что есть о комъ заботиться; постаралась снова устроить небольшое общежитіе для дѣтей, и жизнь мало-помалу закипѣла въ нашемъ домѣ. Я дѣлала все это ради Андрея Ивановича. Стойкій пережитокъ 60-хъ годовъ, онъ не признавалъ жизни безъ пользы для другихъ—и весь свой досугъ отдавалъ воспитанію чужихъ, заброшенныхъ дѣтей. Разъ какъ-то онъ высказалъ:

— Что дѣлать, видно, судьба предназначила мнѣ заботиться вѣчно о чужихъ дѣтяхъ. Но я объ этомъ не жалѣю. Дѣти становятся моими по мѣрѣ того, какъ я ихъ воспитываю и вкладываю въ нихъ свое я.

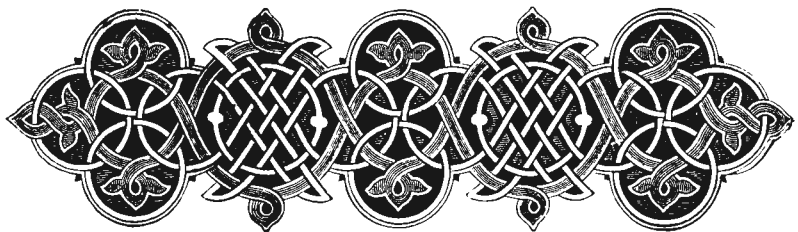
Но я не могла такъ беззавѣтно любить чужихъ дѣтей. Я оставалась Рахилью, которая оплакиваетъ своихъ дѣтей и не можетъ утѣшиться, потому что ихъ нѣтъ.

Двадцатое столѣтіе принесло революцію, въ мукахъ вышешенную людьми девятнадцатаго. Отзовутся ли на нее «старыя дрожжи» въ нашей семьѣ? Не знаю, но чувствую, что меня лично уже охватываетъ равнодушіе смерти. Жизнь подходит къ концу, и только тѣни прошлаго, мрачныя и свѣтлыя, грѣшныя и святыя, встаютъ предо мной и напоминаютъ, что мы не даромъ жили: своими ошибками мы очистили путь къ счастью нашимъ потомкамъ.

На этомъ заканчиваются записки Людмилы Николаевны, доставленныя мнѣ ея сыномъ уже послѣ ея смерти.

Е. Поливанова.

СДАТОЧНЫЙ.

Разсказъ.

ТО БЫЛО давно. Полкъ стоялъ на широкихъ квартирахъ, т.-е. былъ разбросанъ по уѣзднымъ городамъ, селамъ и деревнямъ. Одна изъ ротъ размѣщена была въ селѣ Лукшинѣ и по сосѣднимъ селеніямъ. Ротой командовалъ капитанъ Иванъ Дементьевичъ Топыринъ. Это былъ плотный мужчина, лѣтъ 40, средняго роста, съ крупными чертами лица. Иванъ Дементьевичъ отличался суровостью, доходившей до жестокости, былъ отъявленнымъ формалистомъ, за что и считался однимъ изъ лучшихъ служаекъ въ полку, но засидѣлся въ чинахъ потому, что въ то время въ глубокой арміи производство шло очень туго.

Овдовѣвъ, капитанъ женился вторично на дочери помѣщика Натальѣ Степановнѣ Дублянской, молодой, красивой дѣвушкѣ, отъ которой имѣлъ прелестную дѣвочку Катю.

Отецъ и мать души не чаяли въ своемъ ребенкѣ, но и эта привязанность не сдѣлала трынчика-командира добрѣе. Свистъ розогъ продолжалъ раздаваться непрестанно. Сѣкли въ сборнѣ, цейхгаузѣ и на открытомъ воздухѣ. Поркамъ не придавалось особеннаго значенія. Афоризмъ: «за битаго двухъ небитыхъ даютъ», составлялъ основаніе командованія частью.

Жестокость мужа возмущала Наталью Степановну, и она не разъ умоляла Топырина прощать солдатъ, но такія просьбы только раздражали Ивана Дементьевича, и онъ оставался къ нимъ глухъ.

— Баба не должна вмѣшиваться, — ворчалъ онъ. — Служба святое дѣло.

Въ то время самымъ лучшимъ методомъ обученія считалось вкочлачиваніе знанія палкой, и озвѣрѣлость доходила до того, что наказанныхъ часто замертво относили въ лазаретъ; это считалось обыкновеннымъ случаемъ, и истязателямъ все сходило съ рукъ.

Послѣ лагернаго сбора полкъ вернулся на прежнюю стоянку, въ село Лукшино. Офицеры объѣхали старыхъ знакомыхъ помѣщиковъ, а капитанъ зазвалъ ихъ къ себѣ на пирогъ.

Тогда офицерство получало очень маленькое содержаніе, но командованіе частью давало командирамъ хорошей доходъ, такъ какъ мука, отпускавшаяся казною солдатамъ, въ зимніе мѣсяцы попадала въ карманъ начальника. Солдаты же, кормившіеся по крестьянскимъ хатамъ, не смѣли пикнуть. Командирская розга зажимала всякому ротъ. Доходы отъ провіанта были настолько значительны, что давали возможность командирамъ жить не только прилично, но комфортабельно.

Огромная хата, отведенная подъ ротный домъ, была отдѣлана Иваномъ Дементьевичемъ съ большимъ вкусомъ. Изъ простой избы образовались комнатки: прихожая, рядомъ съ ней маленькій кабинетъ, вмѣстѣ и спальня хозяина, пріемная-столовая и затѣмъ спальня-дѣтская. Стѣны оклеены были не дорогими, но красивыми обоями; на дверяхъ висѣли драпировки, а на окнахъ занавѣски. Около диванчика стояли мягкія кресла, а у стѣнъ плетеные стулья и опускающій столъ. Все это не напоминало походную жизнь офицера, а скорѣе уютный уголокъ зажиточнаго обывателя. При этомъ Топыринъ держалъ при себѣ трехъ солдатъ; одинъ былъ поваромъ, другой кучеромъ, а третій лакеемъ.

Въ назначенный день въ Лукшино съѣхались приглашенные: Евгенийъ Васильевичъ Чеботаевъ — отставной кавалеристъ и страстный охотникъ, его жена Олимпіада Викторовна и дочь ихъ Маша, молодая дѣвушка, Тимошей Яковлевичъ Пращинъ съ женой Ольгою Яковлевною, Варвара Терентьевна Сачкова съ сыномъ Иваномъ Егоровичемъ, молодымъ человѣкомъ, только что кончившимъ курсъ въ университетѣ. Изъ подчиненныхъ Топырина явились поручикъ Евграфъ Ардаліоновичъ Земляницынъ, рыжеватый некрасивый офицеръ, съ грубымъ неинтеллигентнымъ лицомъ, и прапорщикъ Анатолій Сергѣевичъ Тимчукъ, миловидный юноша, только что выпущенный изъ корпуса.

Небольшая комната и кабинетъ представляли собою бочку съ сельдами, не это никого нисколько не смущало и даже давало поводъ къ остроумію.

— Господа, если мы всѣ будемъ такъ курить, какъ куримъ, то изъ квартиры образуется коптильня.

— Не безпокойтесь, дымъ сейчасъ выйдетъ,—успокаиваль Иванъ Дементьевичъ,—Я велѣлъ открыть трубы.

— Табакъ портитъ аппетитъ, а нашъ хозяинъ извѣстенъ по части хлѣбосольства. Надо это принять во вниманіе,—глубокомысленно замѣтила Сачкова, толстая помѣщица, отличавшаяся необычайнымъ обжорствомъ.

Въ это время денщикъ, съ помощью вѣстового, подъ наблюденіемъ Топыриной, развернули столъ и разставили на немъ посуду. Появились закуски и раскупоренныя бутылки.

— Господа, прошу закусить,—пригласала хозяйка ласковымъ, привѣтливымъ тономъ.

Гости приблизились къ столу, и началось водкопитіе.

— Господа, отдайте честь настоечкѣ отъ сорока разбойниковъ,—потчеваль Топыринъ.

— Что вы, что вы! Этакую уйму разбойниковъ послать въ животь,—острилъ Чеботаевъ:—да они тамъ бѣдъ надѣлають. Дайте-ка лучше листовочки. Отъ нея весной пахнетъ.

— Замололъ,—вставила свое словечко Сачкова.—И что у него за манера,—когда надо ѣсть и пить, онъ сейчасъ разговаривать.

— Ха-ха-ха. Неудобно! Можно и подавиться,—хихикаль Земляницынъ.—По-моему, всѣ настойки отзываются лекарствомъ. То ли дѣло Свѣтлана—чиста и свѣтла, какъ слеза праведника.

— А что жъ господинъ прапорщикъ не осушить ни одной чарки?—обратился Чеботаевъ къ Тимчуку.

— Не пью,—отвѣтилъ молодой офицеръ, слегка покраснѣвъ.

— Ха-ха-ха. А я пью,—грохоталь Земляницынъ, опрокидывая огромную рюмку.—Военные должны пить, потому что имъ полагается пить.

— Назакусывались и отправили изрядный авангардъ рюмашекъ, значить, можно теперь въ животь посылать и главныя силы,—острилъ Чеботаевъ, тяжело усаживаясь къ прибору.

Его примѣру послѣдовали и другіе гости. На столѣ появились два пирога, одинъ съ говядиной, другой съ капустой, и почтенная компанія принялась за дѣло.

— Пирогъ нужно запивать,—твердилъ Чеботаевъ:—а то онъ отъ сухости, пожалуй, не пройдетъ.

— Правильно!—вторилъ ему Земляницынъ.

Молодые люди старались разговоромъ занимать дѣвушекъ, но ихъ голоса покрывались могучими выкриками Чеботаева и тривiальнымъ смѣхомъ Земляницына.

Когда подали молодого гуся съ капустой, молчавшій до тѣхъ поръ Пращинъ громко заговорилъ.

— Говорять, въ вашу роту недавно прислали какого-то особеннаго солдата?—обратился онъ къ Топырину.

— А вы почему знаете?

— Я видѣлся со священникомъ, онъ и сообщилъ мнѣ объ этомъ.
 — Терпѣть не могу этого попа. Онъ всегда суется не въ свое дѣло. А разъ такъ сконфузилъ меня, что я уѣхалъ раньше окончанія службы и съ тѣхъ поръ не бываю въ храмѣ.

— Онъ смѣлый и можетъ всякому насолить,—замѣтила Сачкова. — Въ прошломъ году вздумалъ доказывать мнѣ, что людей грѣшно продавать.

— Ска-жи-те,—усмѣхнувшись, проговорилъ Чеботаевъ.—Значить, онъ осуждаетъ законоположеніе. Объ этомъ надо сообщить кому слѣдуетъ.

— Изъ этого ничего не выйдетъ. Его очень любитъ архіерей.

— А чѣмъ онъ васъ задѣлъ?—обратился къ Ивану Дементьевичу молодой Сачковъ.

— Чѣмъ? Смѣшно сказать. Косвенно обвиняютъ меня въ жестокости, будто я истязая людей, хотя и на законномъ основаніи. А какъ же обойтись безъ тѣлесныхъ наказаній? Развѣ русскаго чело-вѣка можно выучить безъ палки?

— Да, розочка вещь необходимая,—подтвердилъ Чеботаевъ:—она наша опора. Безъ нея что можно подѣлать съ крѣпостными людьми? Они изгрубѣяются и не стануть работать.

— Насъ тоже начальство не милуетъ. Выучи, говоритъ. А какъ я достигну этого, если не внушу солдату надлежащаго страха? Солдаты должны дрожать при видѣ своего начальника,—тогда это дисциплина, при которой смѣло можно итти въ бой.

Сачковъ замѣтно стѣснялся вступить съ хозяиномъ въ щекотливый споръ, но при послѣднихъ словахъ Топырина не выдержалъ и осторожно проговорилъ:

— Я не вполне согласенъ съ вами. Едва ли палкой можно развить въ чело-вѣкѣ храбрость. Напротивъ, забитый чело-вѣкъ подлѣетъ и дѣлается трусомъ.

— Несомнѣнно,—подтвердилъ Тимчукъ.

Иванъ Дементьевичъ вздрогнулъ и, взглянувъ на своего подчиненнаго, строго замѣтилъ:

— Осуждать можетъ тотъ, кто ужъ пожилъ, а я кого еще на губахъ молоко не обсохло...

Анатолій Сергѣевичъ поморщился и, откинувшись на спинку стула, сдержанно проговорилъ:

— Молоко обсыхаетъ не одинаково: у одного поздно, а у другого рано, и между осужденіями и разсужденіями огромная разница, а то, что я молодъ, не мѣшаетъ мнѣ имѣть свое мнѣніе.

Топыринъ понялъ, что этотъ споръ можетъ кончиться непріятностью, замаялъ разговоръ и обратился къ Пращину:

— Вы спросили, какого мнѣ прислали солдата? Дѣйствительно, это рѣдкій субъектъ. Его отецъ, богатый помѣщикъ, сошелся съ своей дворовой дѣвушкой, поселилъ ее въ городѣ и прижилъ съ ней

мальчика, но, опасаясь потерять свою возлюбленную, не далъ ей съ сыномъ вольной, но содержалъ какъ барыню. На мальчика же обращалъ особенное вниманіе и далъ ему домашнее образованіе. Жена хорошо знала о похожденіяхъ своего супруга, но, боясь суроваго права мужа, не показывала, что ей все извѣстно, а переносила свою ненависть на неповинную женщину. Такъ прошло много лѣтъ. Мальчикъ обратился въ молодого человѣка и, какъ способный юноша, занималъ хорошее мѣсто. И вдругъ все рушилось. Помѣщикъ, скакавшій за зайцемъ, упалъ съ лошади и сломалъ себѣ позвоночный столбъ. Тутъ наступила расправа. Сожительница мужа очутилась птичницей, а молодой человѣкъ немедленно сданъ былъ въ солдаты. Злобная и глупая женщина не посовѣстилась выместить на тѣхъ, кто не причинилъ ей ничего дурного. Фурія радовалась, что получила возможность уничтожить людей, заставлявшихъ ее мучиться столько лѣтъ. Но этого мало; сдавая ненавистнаго человѣка въ солдаты, она просила въ насмѣшку дать ему фамилію Барскаго. Такъ онъ и именуется Барскимъ.

— Отъ кого же вы это узнали?—спросилъ Працинь.

— Отъ него самого. Послѣ этого мнѣ показалось неудобнымъ держать такого молодца въ своей ротѣ, и я просилъ о переводѣ его въ другую, но мнѣ отказали, указавъ, что меня считаютъ именно такимъ, кому можно поручить лицо, способное внушать нижнимъ чинамъ вредныя идеи. Такъ онъ и остался у меня. Вотъ какой это особенный солдатъ. Но я удивляюсь, откуда попъ могъ узнать о немъ?

— Я рассказалъ ему,—отозвался Тимчукъ, желая оградить несчастнаго Барскаго, котораго можно было заподозрѣть въ излишней откровенности съ священникомъ.

Топыринъ иронически улыбнулся и вскользь замѣтилъ:

— Я вижу, у васъ большая дружба съ попомъ. Но я желалъ бы, чтобы ему не было извѣстно то, что дѣлается въ ротѣ.

Послѣ обѣда хозяинъ и гости усѣлись въ пріемной играть въ карты, Наталья Степановна отправилась въ дѣтскую озаботиться о Катѣ, а молодежь отправилась въ кабинетъ.

— Меня очень интересуютъ солдаты, про котораго сейчасъ говорили. Какъ онъ долженъ быть несчастливъ и какъ мнѣ хотѣлось бы взглянуть на него,—проговорила Маша, обращаясь къ Тимчуку.

— Я доставлю вамъ это удовольствіе. И вы не раскаетесь, взглянувши на него. Это очень интересный субъектъ. Бѣлая кость такъ и сквозитъ въ немъ. Влѣдное лицо, выразительные большіе глаза, усы, брови... все это очень красиво, а въ манерахъ и движеніяхъ чувствуется, что передъ вами благородная натура. Живетъ онъ, какъ простой солдатъ, конечно, въ отчаянной обстановкѣ, но и тамъ настолько держитъ себя съ достоинствомъ, что хозяева души въ немъ не чаютъ.

— А какъ обращаются съ нимъ ближайшіе начальники—унтеръ-офицеры, фельдфебели?

— Съ нѣкоторымъ почтеніемъ. Потому онъ пишетъ имъ письма, что нужно—объясняетъ.

— И никто еще его ни разу не ударилъ?

— Пока нѣтъ, но трудно поручиться, что это не случится. Смазать во фронтѣ кого-нибудь по щекѣ считается ничѣмъ, и кто это дѣлаетъ, часто не видитъ, кого онъ ударилъ.

Маша съ напряженнымъ вниманіемъ слушала разговоръ, и по лицу ея было замѣтно, какое глубокое впечатлѣніе произвела на нее участь Барскаго, обреченнаго жить въ такой безпросвѣтной тѣмѣ.

Въ дверяхъ показалась Олимпиада Викторовна.

— Что это вы забились?—обратилась она къ молодымъ людямъ.

— Я разспрашивала Анатолія Сергѣевича про того солдата, о которомъ за обѣдомъ говорилъ Иванъ Дементьевичъ.

— Я знаю, что такихъ эксцентричныхъ особъ, какъ ты, не могутъ не заинтересовать несчастные, обойденные судьбой. А все-таки прятаться отъ людей не надо. Изволь итти въ гостиную.

Въ это время на дворѣ раздался хоръ ротныхъ пѣсенниковъ. Это оживило гостей. Одни встали и подошли къ окнамъ, другіе вышли на крыльцо.

— Знатно отжариваютъ,—одобрялъ Чеботаевъ.—А нѣтъ ли между ними вашего пресловутаго Барскаго?

— Навѣрное тутъ,—отвѣтилъ Топыринъ.—У него хорошій голосъ, но онъ сначала отлынивалъ пѣть, пока я не припугнулъ его.

— Покажите же намъ эту диковинную личность.

Иванъ Дементьевичъ окинулъ взглядомъ хоръ и, увидѣвши лицо, интересовавшее всѣхъ, кивнулъ на него головой.

— Вонъ онъ.

Но Барскаго можно было узнать и безъ указанія, такъ онъ своей внѣшностью отдѣлялся отъ остальныхъ солдатъ.

Между тѣмъ хоръ пѣлъ одну пѣсню за другой, смѣняя заунывныя мелодіи на плясовыя.

Нѣкоторые изъ гостей, заинтересовавшіеся Барскимъ, подошли къ хору и безъ церемоніи разсматривали его, какъ какую-то вещь. Такая безтактность окончательно сконфузила Барскаго. Онъ понялъ, что сдѣлался предметомъ любопытства, и стоялъ, опустивши голову. Это не понравилось командиру, и онъ строго замѣтилъ:

— Зачѣмъ смотришь въ землю? Солдатъ не смѣетъ опускать головы.

Барскій вздрогнулъ, вытянулся и сталъ въ упоръ смотрѣть на начальника. Чеботаевъ, бывшій тутъ же, пришелъ въ восторгъ.

— Вотъ такъ молодчага! За такой бравый видъ нельзя не дать ему на водку.

Онъ вынулъ изъ кошелька рубль и, протянувъ руку, проговорилъ:

— Бери.

Барскій смутился и не рѣшался брать деньги.

— Покорнѣйше благодарю. Мнѣ не надо.

— Это еще что за фанаберія!—вспылилъ Топыринъ.—Солдаты не смѣютъ не брать, когда даютъ. Болванъ!

Барскій взялъ рубль, и лицо его исказилось отъ обиды. Бранное слово, сорвавшееся изъ устъ Ивана Дементьевича, задѣло доброе сердце Маши. Она отвернулась, и слезы показались на ея глазахъ.

Когда наступилъ вечеръ, гости приглашены были къ столу, на которомъ снова стояли разнаго рода закуски и кипѣлъ самоваръ. Всѣ плотно поѣли и, простившись съ хозяевами, разѣхались.

II.

Вскорѣ послѣ отъѣзда гостей къ Топырину явился фельдфебель Мазилловъ съ докладомъ о состояніи роты.

— Ваше благородіе, въ пятой ротѣ все обстоитъ благополучно.

— Ничего особеннаго не случилось?

— Сидоровъ и Пахомовъ, напившись пьяными, передрались.

— Завтра, чтобы розги были готовы.

— Слушаю-съ.

— Относительно квитанціи все сдѣлано?

— Отъ трехъ капральствъ присланы, а отъ четвертаго нѣтъ; тамъ крестьяне упираются, требуютъ пять ведеръ водки.

— Я имъ задамъ пять ведеръ! А Федулову передай, что, если послѣзавтра не будетъ доставлена квитанція, я ему всю рожу разобью, а если еще разъ случится подобное, такъ смѣню и шкуру спущу.

— Слушаю, ваше благородіе.

Мазилловъ стоялъ молча, ожидая приказанія, но капитанъ медлилъ, ходилъ по комнатѣ, что-то соображая.

— Какъ ведетъ себя Барскій?—спросилъ Иванъ Дементьевичъ, остановясь противъ Мазилова.

— Съ виду особливаго не видать, а сказываютъ, въ немъ есть большая сумнительность.

— Что же именно?

— Про разныя дѣла толкуетъ и все разьясняетъ. Рота обожаетъ его и зоветъ «паничемъ».

— Не даетъ ли онъ читать книги солдатамъ?

— Сказываютъ, даетъ.

— Отобрать ихъ и доставить мнѣ.

— Слушаю, ваше благородіе.

— А не говорил ли онъ чего-нибудь съ крестьянами о провіантѣ? Можетъ быть, внушаетъ, что провіантъ ихъ?

— Не могу знать. Объ этомъ мнѣ не извѣстно.

— Разспроси и, если узнаешь что-нибудь, немедленно доложи мнѣ.

— Слушаю, ваше благородіе.

— Теперь ступай.

Мазилковъ сдѣлалъ правильный поворотъ налѣво кругомъ и бойко вышелъ. Топыринъ сбросилъ сюртукъ и надѣлъ халатъ. Въ это время Наталья Степановна, окончивъ уборку посуды, вышла въ гостиную.

— Ты сегодня была что-то не въ духѣ, — обратился къ ней мужъ.

— Чему же было особенно радоваться? Ты созвалъ гостей, я все приготовила, чтобы принять ихъ, какъ слѣдуетъ, и за хлопотами не видѣла дня. Когда жъ тутъ думать о настроеніи духа? А тутъ Катенька еще нездорова...

— Такъ надо послать за докторомъ.

— Можетъ быть, обойдется и такъ. Я хочу просить тебя о другомъ.

— О чемъ же?

— Ты слишкомъ жестокъ. Ежедневно я вижу, какъ ты бьешь вѣстовыхъ, и слышу, что на сборнѣ безъ милосердія сѣкутъ солдатъ; въ нашей квартирѣ никто не смѣетъ говорить того, что тебѣ не нравится, и ты обрываешь всякаго, когда кто-нибудь осмѣлится противорѣчить тебѣ.

При послѣдней фразѣ Топыринъ громко захохоталъ.

— Знаю, о комъ ты говоришь. Ты на него палишь глаза; но я не изъ тѣхъ людей, которые равнодушно смотрятъ даже на невинныя шалости женщины, и научу этого молодца, какъ надо вести себя.

— О, я увѣрена, что ты сумѣешь быть грубымъ. Но у тебя нѣтъ права подозрѣвать меня въ чемъ-нибудь.

— Пока нѣтъ, но вижу, что ты симпатизируешь ему, а это не доводитъ до добра. Я взялъ тебя безъ всякаго приданого и въ правѣ требовать, чтобы ты жила такъ, какъ я хочу...

— Я такъ и живу.

— До сихъ поръ такъ и жила, а теперь, вѣроятно, подъ вліяніемъ либерализма Тимчука, позволяешь себѣ упрекать меня въ жестокости и склонна видѣть героя въ какомъ-то Барскомъ. Я вотъ какъ продеру его хорошенько, такъ отъ этого героизма и слѣдовъ не останется.

Наталья Степановна горько улынулась и молча вышла изъ гостиной.

Въ то время, когда «интеллигентъ», попавшій въ число сдаточныхъ солдатъ, вызвалъ разговоры о себѣ, самъ онъ преспокойно проживалъ на постоѣ у зажиточнаго крестьянина Семена Меркулова.

Семейство состояло изъ самого хозяина, благообразнаго старика, его жены, тощей старушки, снохи, вдовы Агаѣи, съ пятилѣтнимъ мальчикомъ и женатаго сына Ивана.

Павла Барскаго любила вся семья, но особенно льнула къ нему вдова Агаѣя. Молодая кровь сказывалась, и невольно большіе глаза красивой женщины останавливались на пріятномъ лицѣ постояльца. Да и какъ было не откликнуться ея сердцу, когда Барскій внесъ въ ихъ семью живую струю. Онъ такъ увлекательно читалъ вслухъ книги, что невольно вызывалъ въ деревнѣ зависть къ Меркулову, который не пускалъ Павла ходить обѣдать и ужинать по дворамъ, какъ это полагалось, а кормилъ у себя, угощая сладкимъ кускомъ.

Такая любезность имѣла свои дурныя стороны. До прибытія «панича», какъ Барскаго прозвали въ ротѣ, Агаѣя снисходительно смотрѣла на ухаживаніе фельдфебеля, и Мазилловъ уже мечталъ о взаимности вдовы. Съ прибытіемъ же Павла все измѣнилось. Агаѣя не выходила уже на крыльцо, когда подъ окнами проходилъ ухаживатель. Это бѣсило фельдфебеля и вызывало враждебное чувство къ его подчиненному. То Барскій посылался въ не очередь на пѣшую почту, то, какъ хорошо грамотный, требовался въ ротную канцелярію. Однимъ словомъ, Мазилловъ все дѣлалъ, чтобы какъ можно чаще удалять съ квартиры своего соперника...

Въ тотъ день, когда начинается нашъ рассказъ, Павелъ сидѣлъ и читалъ вслухъ занимательную книгу. Вдругъ въ сѣняхъ послышались шаги, и въ хату вошелъ Мазилловъ.

— Здравствуйте, хозяйева,—проговорилъ онъ, снимая шапку.

— Спасибо,—отвѣтилъ старикъ, поднимаясь съ мѣста.

Барскій и другіе солдатiki, бывшіе тутъ, поднялись съ мѣста и стояли молча.

— Ротный командиръ прислалъ меня дознаться къ примѣру, какія такія книги читаешь хозяйевамъ и другимъ прочимъ. Выкладывай ихъ всѣ, какія у тебя есть.

Такое распоряженіе произвело на присутствующихъ самое тягостное впечатлѣніе. Бабы стали охать, вздыхать и втихомолку ворчать, а Меркуловъ молча гладилъ свою большую сѣдую бороду.

Барскій вынулъ изъ сундука книги и положилъ ихъ на столъ.

— Свяжи, да гляди, не оставилъ ли какой, такъ за это почешутъ спину,—грозно распорядился фельдфебель.

— Тутъ всѣ. Нѣтъ ли веревочки?—обратился постоялецъ къ хозяйевамъ.

Агаѣя стала искать веревку. Мазилловъ страстнымъ взглядомъ смотрѣлъ на нее.

— Пора васъ ослобонить отъ постоя,—съ важностью проговорилъ Мазилловъ.—Пушай онъ перейдетъ въ другой дворъ.

— Да мы рады такому солдатику, — началъ Меркуловъ; но Мазилловъ перебилъ его:

— Мало ли что рады! Надѣть равнять всёхъ. Завтра же тебя переведутъ на другую казенную фатеру, а эта останется приписной.

Взявъ связанныя книги, Мазилловъ вышелъ изъ хаты, сильно хлопнувъ дверью.

Послѣ ухода фельдфебеля старикъ Оедотъ нахмурился и со вздохомъ проговорилъ Барскому:

— Жалко мнѣ тебя, сынокъ; но падо ждать тебѣ бѣды.

Старуха и обѣ молодыя хозяйки заплакали; солдатики же, бывшіе въ избѣ, совершенно равнодушно отнеслись къ посѣщенію начальника. Одинъ изъ нихъ даже сострилъ:

— Солдатская шкура для чего же и дадена, какъ не для того, чтобы по ней стегать.

Компанія скоро разошлась, и Барскій улегся спать, но долго не могъ уснуть. Онъ со страхомъ думалъ, что-то ему будетъ за то, что у него нашлись книги, которыя не полагается имѣть солдату. При этомъ ему жалко было покидать семью, пріютившую его, какъ родного.

На другой день, когда надо было итти на сборню, въ хату Меркулова вошелъ капральный унтеръ-офицеръ Матвѣевъ и просто душно обратился къ Барскому:

— Ну, паничъ, собирайся. Видно, чѣмъ-нибудь не потрафилъ фельдфебелю. Приказалъ перевести тебя отсюда. Укладывай вещи. Они вотъ помогутъ тебѣ перетащиться, — проговорилъ онъ, указывая на двухъ солдатиковъ, пришедшихъ съ нимъ.

Павель горячо простился съ своими хозяевами. Въ сѣняхъ Агаеѣ шепнула ему:

— Приду провѣдать тебя.

III.

Ротная жизнь шла своимъ чередомъ. Послѣ лагерныхъ сборовъ ученія почти не производятся, и солдаты отпускаются на вольныя работы, причемъ ротные командиры и отъ этого имѣли значительный доходъ. Они показывали, что отпускали людей меньше, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ, а, слѣдовательно, не представляли половины заработанной платы, какъ полагалось, въ экономическую сумму, а оставляли ее себѣ.

Солдатамъ приходилось работать тяжелыя работы: носить дрова, цѣпами молотить хлѣбъ или таскать кули. Не пріученный къ черной работѣ, Барскій оказывался, по слабости сложенія, неспособнымъ къ такому дѣлу, но это не принималось во вниманіе, и Павлу приходилось выбиваться изъ силъ, чтобы не отставать отъ товарищей и не вызвать гнѣва начальства. Не разъ Барскій, лежа на жесткой постели, просилъ у Бога смерти.

Въ то время, какъ солдаты съ утра до вечера «ломали плечи», офицерство развѣзжало по сосѣдямъ, охотилось и услаждалось вкусными яствами.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній Чеботаевыхъ, къ Тимчуку подошла Маша и съ упрекомъ замѣтила:

— А вы не исполнили слова. Обѣщали прислать ко мнѣ Барскаго, а до сихъ поръ не прислали.

Анатолій Сергѣевичъ сконфузился и поспѣшно проговорилъ:

— Ради Бога простите. Завтра же пришло.

Дѣйствительно, на другой день, когда молодая дѣвушка вышла пройтись по деревнѣ, то увидѣла солдатика, бойко шедшаго ей навстрѣчу,—это былъ Павелъ.

— Вы къ намъ?—мягко проговорила Маша.

— Такъ точно. Прапорщикъ приказали доставить вамъ двѣ книжки.

Барскій подалъ молодой дѣвушкѣ свертокъ.

Чеботаева привѣтливо улыбнулась и ласково проговорила:

— Вамъ, вѣроятно, не трудно будетъ донести это до дому... Тамъ вы отдохнете.

— Я не усталъ,—сконфуженно отвѣтилъ Павелъ:—но если вамъ угодно, я съ удовольствіемъ донесу эти книги.

Нѣкоторое время они шли молча. Наконецъ Маша заговорила:

— Вамъ, должно быть, очень тяжело служить?

— Служба никому не легка.

— А вамъ она, должно быть, особенно тяжела. Я слышала, какъ судьба жестоко поступила съ вами.

— Я думаю, что ко мнѣ даже непримѣнимо слово судьба,—ѣдко проговорилъ онъ.—Мнѣ часто думается, что я не человѣкъ, а такъ, какое-то пресмыкающееся.

— Что вы говорите!

— Только правду. Я жилъ когда-то, какъ люди живутъ, и вдругъ обратился въ вещь!.. Потому какъ же называть существо, лишенное не только воли, но даже желаній? Я живу по милости начальства и по его прихоти могу быть уничтоженъ. Развѣ въ этомъ не кроется смерть?

— Отъ вашихъ словъ у меня сжимается сердце. Неужели вы такъ безнадежно смотрите на жизнь?

— А на что мнѣ надѣяться? На состраданіе... на права... у меня ихъ нѣтъ... Я безправный! Никакая хорошая дѣвушка не захочетъ меня даже полюбить... А это ли не ужасъ?

— Какъ мрачно вы смотрите на жизнь. Если бъ вы занимались чѣмъ-нибудь, кромѣ службы, и отгоняли отъ себя мысли о дѣйствительности, вамъ легче жилось бы.

— Неужели вы думаете—я ничего не дѣлаю? Тогда я сошелъ бы съ ума.

— Чѣмъ же вы занимаетесь?

Барскій опустилъ голову, и на его лицѣ показалась дѣтская улыбка. Маша, замѣтивъ, что онъ затрудняется высказаться, стала ободрять его.

— Вы можете довѣриться мнѣ. Вѣрьте мнѣ, я принимаю въ васъ самое горячее участіе.

— Благодарю. Мнѣ дорого то, что вы сказали, и мнѣ хочется быть откровеннымъ. Я пописываю стихи... веду дневникъ и... рисую. У меня цѣлый пукъ рисунковъ карандашомъ. Мой незабвенный учитель рисованія хвалилъ меня, называлъ талантомъ и предсказывалъ блестящую будущность. Ха-ха-ха, будущность!.. Эта будущность—сѣрая шинель, ранецъ, тяжелое ружье, караулы, ученье... Можетъ ли при этомъ уцѣлѣть мой талантъ, но я все-таки рисую и рисую.

— Что же васъ занимаетъ особенно?

— Все, что вижу. Пейзажъ, такъ пейзажъ, а то жанровыя картины... но ничто я не рисую съ такимъ наслажденіемъ, какъ карикатуры.

— Какъ это интересно. Конечно, вамъ самому неудобно быть у насъ въ домѣ... мой отецъ боленъ предразсудками. Передайте ихъ Анатолію Сергѣевичу, а онъ покажетъ мнѣ.

— Извините, этого я не могу сдѣлать. Онъ мой начальникъ, а въ моихъ рисункахъ я не пощадилъ нѣкоторыхъ... а если дойдетъ до нихъ, то я пропасть.

— Не беспокойтесь, прапорщикъ не способенъ поступить низко, особенно если онъ будетъ дѣлать что-нибудь для меня.

— Если такъ... я пришлю вамъ рисунки.

Въ это время они подходили къ дому. Павелъ остановился.

— Позвольте мнѣ не входить. По моему положенію, я долженъ знать свое мѣсто и знаю его. Въ кухню я не пойду, въ прихожей сидѣть не стану, а въ комнаты мнѣ хода нѣтъ.

— Къ сожалѣнію, вы правы.

— Я сдаточный... это своего рода клеймо, и я покорился.

Маша протянула ему руку и съ участіемъ проговорила:

— Отчего люди живутъ не такъ, какъ надо?

— О, что вы сказали! На землѣ можно найти что угодно, кромѣ правды.

Барскій откланялся и хотѣлъ уйти. Маша остановила его и призадумалась.

— А что, если бы я могла брать у васъ уроки рисованія?

— Это невозможно. Солдатъ долженъ находиться въ капральствѣ, а не учительствовать.

— Мой отецъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ вашимъ командиромъ, и Топыринъ все сдѣлаетъ для насъ. Я скажу Анатолію Сергѣевичу, и онъ устроитъ, если вы изъявите согласіе.

Барскій засмѣялся.

— Съ радостью согласенъ. Я ужъ счастливъ тѣмъ, что говорю по-человѣчески, вижу передъ собой интеллигентную дѣвушку. Да я бѣгомъ буду бѣгать къ вамъ, если меня будутъ отпускать.

Въ это время въ окнѣ показалось лицо Чеботаева. Маша сразу измѣнилась и сдѣлалась сдержанной и холодной. Она слегка кивнула солдату головой и спокойно проговорила:

— Какъ я рѣшу, объ этомъ передасть вамъ Тимчукъ.

Барскій догадался, въ чемъ дѣло, и, также едва поклонившись, пошелъ въ обратный путь.

Возвращаясь въ роту, онъ отъ восторга не чувствовалъ подъ собою земли. Среди тьмы, окружавшей его, образъ обаятельной дѣвушки являлся лучезарной звѣздой. Павелъ понималъ, что она для него недосыгаемая мечта, но охватившее чувство не знаетъ никакихъ соображеній. Оно радужно туманить умъ и даетъ минуты истиннаго блаженства, а что выше этого въ жизни?

Только подходя къ селу, гдѣ расположено было его капральство, молодой солдатъ почувствовалъ горечь жизни, и къ нему возвратилась тоска, никогда не покидавшая его,

Неподалеку отъ хаты, гдѣ онъ квартировалъ, его встрѣтила Агаея. Она смотрѣла на него, лукаво улыбаясь.

— Что жъ, Павелъ Матвѣевичъ, заспесивился и глазъ не кажешь къ намъ?

Павелъ протянулъ ей руку и сталъ оправдываться:

— И радъ бы, да ты знаешь нашу службу. Туда иди, туда бѣги.

— Не морочь меня, — опасаясь, что отъ фельдфебеля кисло придется. Такъ мы можемъ такъ сходиться, что онъ и не дознается. Ты любь мнѣ, а прочее для настоящей бабы пустякъ. У насъ у каждой довольно уловокъ.

— Что жъ... мнѣ твои ласки милы, и я не такой лиходѣй, чтобы забыть тебя. А ты упомянула про фельдфебеля... такъ тутъ поневолѣ станешь осторожнымъ. У этихъ живодеровъ нѣтъ ни жалости, ни милости—замучаютъ!

Агаея тяжело дышала, и лицо ея покрылось яркимъ румянцемъ.

— Знаю... креста не носятъ на шеѣ. А ты вотъ что, соколикъ мой ясный... когда смеркнется, приходи сегодня къ намъ на зады, я и выйду.

Павелъ страстно смотрѣлъ на красивую молодую женщину и, подумавъ, сказалъ:

— Ладно... приду..

Молодые люди наскоро простились, и Агаея поспѣшно пошла домой.

IV.

На другой день Маша упросила мать послать лошадей за Тимчукомъ. Чеботаева полюбила Анатолія Сергѣевича и принимала его по родственному. Для хозяина же онъ былъ драгоценъ тѣмъ, что представлялъ великолѣпный матеріалъ для невзыскательныхъ остротъ.

Евгеній Васильевичъ очень радушно встрѣтилъ гостя.

— Ну, какъ вы съ вашимъ начальствомъ?—допрашивалъ онъ гостя.

— Хожу къ нимъ, но душа моя не лежитъ къ Ивану Дементьевичу. Его жестокость отвратительна. Онъ оправдывается тѣмъ, что система битья установлена свыше, но Богъ не создалъ человѣка звѣремъ. Когда я стою во фронтѣ, гдѣ поминутно раздаются пощечины, а послѣ ученія гонять виноватыхъ для порки, то мнѣ служба становится невыносимой. Особенно я боюсь за Барскаго. Необузданному Топырину ничего не стоитъ ударить его по лицу, и это можетъ окончиться трагически. Но не дай Богъ, если Ивану Дементьевичу придетъ въ голову нелѣпая мысль высѣчь его. Мнѣ страшно становится при мысли, что случится потомъ.

— Вѣроятно, добромъ не кончится. Я самъ наказываю крестьянъ, да и то съ разборомъ, а вѣдь съ мужиками не слѣдуетъ особенно церемониться; они не понимаютъ гуманности.

Послѣ обѣда Чеботаевъ пошелъ уснуть, Олимпіада Викторовна отправилась хлопотать по хозяйству, а молодые люди остались одни.

— Благодарю васъ за книги,—негромко начала Маша,—и особенно за то, что прислали ихъ съ Барскимъ. Какое это милое, но несчастное существо! Я не могу забыть его. Воображаю, какъ онъ чувствуетъ себя среди грубыхъ, невѣжественныхъ товарищей. Отчего онъ не ходитъ къ духовенству? Тамъ, вѣроятно, не будутъ шокированы тѣмъ, что онъ простой солдатъ.

— Всѣ знаютъ, что командиръ сердитъ на священника, и никто изъ роты не идетъ къ нему даже работать, а за знакомство Иванъ Дементьевичъ сживетъ со свѣта.

Дѣвушка призадумалась.

— Я говорила Барскому,—начала она нерѣшительно:—что желала бы учиться у него рисовать и просила его даже передать вамъ свои рисунки. Вы ничего не знаете объ этомъ?

— Ничего. Онъ, вѣроятно, боится съ частнымъ дѣломъ обращаться къ своему начальнику. Если вамъ угодно, я позову его къ себѣ и напому объ его обѣщаніи.

— Доставите мнѣ большое удовольствіе.

— А вотъ насчетъ уроковъ, не знаю. Съ Топыринымъ трудно поладить.

— Вотъ тутъ-то вы и ошибаетесь. Я не знаю, какія между ними дѣла, но отецъ сдѣлаетъ съ Иваномъ Дементьевичемъ все, что захочетъ.

— Если такъ, чего же лучше? Пусть вашъ отецъ примется за ротнаго командира, а мнѣ поручить привести Барскаго — все и уладится.

— У Барскаго возьмите рисунки и доставьте мнѣ, а къ отцу нужно подойти умѣючи, не то поднимется цѣлая буря.

Анатолій Сергѣевичъ цѣлый день пробылъ въ Чеботаевкѣ и только позднимъ вечеромъ вернулся домой. На другой день онъ позвалъ къ себѣ Павла и напомнилъ ему объ его обѣщаніи доставить Маріи Евгеньевнѣ рисунки. Павелъ сконфузился.

— Ваше благородіе, я дѣйствительно общалъ, но теперь опасюсь. Можетъ разбѣжаться молва, что я беспокойный человѣкъ. Это дойдетъ до начальства, и мнѣ тогда не сдобровать.

Тимчукъ подошелъ къ Павлу и негромко проговорилъ:

— Вы должны понимать, кого надо опасаться, кого нѣтъ. Мнѣ вы можете смѣло довѣриться. Ваши рисунки никто, кромѣ меня, не увидитъ и не узнаетъ, что они были у меня въ рукахъ. А Марья Евгеньевна подавно скроетъ все. Что касается уроковъ, то объ этомъ будетъ скоро поднятъ вопросъ, и, я надѣюсь, капитанъ не воспротивится тому, чтобы вы ходили въ Чеботаевку.

Черезъ часъ Павелъ вернулся съ квартиры и принесъ связку рисунковъ. Тимчукъ сталъ разсматривать ихъ и, чѣмъ болѣе смотрѣлъ, тѣмъ болѣе приходилъ въ восторгъ.

— Судьба поступила съ вами безжалостно,—проговорилъ онъ, покачавъ головой.—Вы большой талантъ. Много на Руси погибло даровитыхъ людей; къ несчастью, и вы попали въ число ихъ. Не унывайте, Барскій, чудеса еще не перевелись, и, можетъ быть, случай сброситъ съ васъ сѣрую шинель.

Барскій отвернулся, и слезы лились по его щекамъ.

У Тимчука хватило такта не утѣшать человѣка, надъ которымъ висѣло безправіе и возмутительные общественные порядки. Оставалось перейти къ дѣлу.

— Если уладятся формальности, вы, конечно, съ радостью будете давать уроки госпожѣ Чеботаевой?

— Я уже сказалъ ей объ этомъ. Жаль, что первое время придется ограничиться рисунками карандашомъ, а когда привезутъ краски, мы примемся за кисть.

Скоро все наладилось. Топыринъ сначала заартачился, но не могъ отказать Чеботаеву, какъ человѣку, съ которымъ враждовать было опасно, и Барскій получилъ разрѣшеніе являться къ Чеботаеву.

V.

Въ условленный день въ Лукшино отправлена была лошадь, запряженная въ дровни, и Барскій, накинувши на солдатскую шинель хозяйскій тулупъ, поѣхалъ давать Машѣ урокъ.

Павла ввели въ «диванную», гдѣ разставленъ былъ ломберный столъ, на которомъ лежали бумага, карандаши и резина, и стояли два плетеныхъ стула.

Черезъ нѣсколько минутъ вошла молодая дѣвушка, затрудняясь, какъ себя держать; но это колебаніе было непродолжительно. Инстинктъ благородной натуры побѣдилъ предрасудокъ, и она смѣло протянула руку своему учителю.

— Ну-съ, показывайте,—проговорила Маша и указала на стулъ.—Я буду прилежной ученицей и, если научусь чему-нибудь, буду вамъ очень благодарна.

— А я вамъ еще болѣе. Вы даете мнѣ возможность побыть хоть часъ въ той обстановкѣ, о которой я сталъ уже забывать. Но едва ли этому можно радоваться. Тому, кто замеръ, не нужно пробуждаться. Начнемъ нашъ урокъ. Первое, что я попрошу васъ, выпишите вотъ эти руководства.

Барскій взялъ листъ бумаги и перечислилъ все необходимое.

— А пока займемся черченіемъ самыхъ простыхъ фигуръ.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько рисунковъ и, пододвинувъ Машѣ, проговорилъ:

— Срисовывайте, причемъ старайтесь, чтобы карандашъ ходилъ свободно, какъ бы шутя. Вотъ такъ.

Онъ сталъ набрасывать штрихи, и изъ нихъ легко слагались изящныя фигуры. Маша съ любопытствомъ смотрѣла на это и спросила:

— У кого вы учились?

— У насъ былъ учитель, которому почему-то я очень нравился, и онъ всегда твердилъ: «Изъ тебя можетъ быть большой прокъ. Трудись». И я трудился. Потомъ онъ приказалъ мнѣ приходить къ нему на квартиру, показалъ, что такое перспектива, и заставлялъ писать масляными красками. Нѣсколько моихъ картинъ онъ продалъ и со мной подѣлился деньгами. А мой пейзажъ и портретъ до сихъ поръ висятъ у него на стѣнѣ.

— Отчего же вы дальше не пошли учиться?

— Гм... Отчего? Вотъ отчего!

Барскій дернулъ себя за рукавъ мундира.

— Подъ этой скорлупой можетъ навсегда заглохнуть то, что дано мнѣ отъ Бога.

— А можетъ быть и не похоронено? Въ васъ примутъ участіе, а при желаніи всегда найдутся средства вытащить человѣка оттуда,

гдѣ ему не должно быть. Васъ могутъ перевести въ штабъ или въ какую-нибудь канцелярію, гдѣ вы не будете таскать ружья и ранца. А въ большомъ городѣ вы можете сойтись съ художниками и продолжать заниматься тѣмъ, къ чему у васъ есть призваніе.

Барскій сидѣлъ въ волненіи.

— Зачѣмъ вы говорите о томъ, чего никогда не можетъ случиться? Кто обо мнѣ будетъ хлопотать и кому я нуженъ?

— За васъ можетъ вступиться мой отецъ... У него есть связи... Я буду просить его объ этомъ.

— Да, меня могли бы помѣстить въ правленіе, но и тамъ какъ смотреть на такихъ, какъ я? Насъ считаютъ зачумленными, способными внести въ писарскую сферу непочтительность. Физическая расправа тамъ не въ ходу, но подъ горячую руку, особенно, если адъютантъ провелъ бурно вечеръ, не диковина получить хорошую пощечину. Во фронтѣ лучше, тутъ я выдѣляюсь и на меня смотрятъ, какъ на несчастнаго, обиженнаго судьбой и жалѣють.

Маша съ напряженіемъ слушала то, что говорилъ ей учитель, и въ то же время старательно улавливала то, что набросалъ для нея Павелъ.

— Изъ васъ тоже выйдетъ большой прокъ, какъ говорилъ мой наставникъ,—подшучивалъ «солдатъ», забывая пропастъ, отдѣлявшую его отъ барышни-помѣщицы.

Машѣ хотѣлось послѣ урока покормить Барскаго, но она не знала, какъ это сдѣлать. Пригласить къ столу—объ этомъ нечего было и думать, а подать ему отдѣльно она конфузилась. Такъ несчастный художникъ и уѣхалъ изъ Чеботаевки голодный.

Проводивши Павла, Маша долго думала о немъ. Все то, что онъ говорилъ, не выходило у нея изъ головы, и вся личность Барскаго окружалась ореоломъ мученичества.

«Сколько въ немъ героизма,—думала она.— Ни ропота, ни осужденія кого-нибудь. Онъ какой-то святой».

Молодая дѣвушка переживала самый опасный періодъ своей жизни, когда въ ея сердцѣ зарождались неясныя ощущенія и душа начинала искать отклика на свои порывы. Въ эту пору благоразуміе и рассудительность отлетаютъ далеко и умъ мутится. Скоро Машу охватила та любовная горячка, которую слабыя натуры не переносятъ и нерѣдко гибнуть. Она сразу очень измѣнилась—стала молчаливой и ходила, какъ опущенная въ воду.

Отъ глазъ матери не укрылась такая переменна, и она косо поглядывала на дочь, инстинктомъ предчувствуя, что подъ наружнымъ спокойствіемъ скрывается глубокая скорбь.

— Машенька, что съ тобой?—обратилась къ ней Олимпіада Викторовна.—Ты хандрить, блѣдна...

— У меня болитъ голова,—неохотно отвѣтила дѣвушка.

— Отчего же? Можетъ быть, оттого, что ты слишкомъ много возишься съ карандашомъ и сидишь наклонившись?

— О, нѣтъ. Развѣ голова не можетъ болѣть безъ всякой причины.

Эту фразу Маша произнесла съ такимъ раздраженіемъ, какого никогда не проявляла прежде. Это озадачило Чеботаеву. Она не сказала ни слова, а только пожала плечами и вышла.

Когда наставалъ день урока и за Барскимъ посылали лошадь, Маша ходила по комнатамъ и поминутно взглядывала на дорогу, по которой долженъ былъ пріѣхать ея учитель.

Это также не ускользнуло отъ глазъ Олимпіады Викторовны, и она рѣшила незамѣтно подслушать, о чемъ ея дочь говорить съ солдатомъ во время урока. Въ другое время подобное шпіонство показалось бы самой Чеботаевой отвратительнымъ, но когда мать увидѣла опасность для своей дочери, то всякія средства казались ей простительными.

Чеботаева, не давая замѣтить дочери, что слѣдить за ней, наблюдала, какъ она встрѣтила Барскаго. Это еще болѣе вызвало тревогу въ сердцѣ гордой барыни, и она рѣшила все время урока пребыть въ сосѣдней комнатѣ, а потомъ, если ея сомнѣнія подтвердятся, немедленно переговорить обо всемъ съ мужемъ.

Молодые люди, ничего не подозрѣвая, вели себя, какъ всегда, просто и непринужденно.

— Ну-съ, пожалуйста-ка на расправу, — обратился Павелъ къ Чеботаевой. — Что вы безъ меня сдѣлали?

— Смотрите, строгій наставникъ, — ласково отвѣтила Маша, раскладывая на столѣ рисунки.

— У, какая прелесть! Этакъ мы съ вами помчимся на курьерскихъ. Одно, барышня, могу вамъ замѣтить, что вы...

Маша перебила его.

— Отчего вы ни разу не назвали меня по имени и отчеству? Можетъ быть, вы не знаете, какъ меня зовутъ?

Барскій наивно засмѣялся.

— Очень хорошо знаю... Марія Евгеньевна. Но назвать васъ такъ... затрудняюсь.

— Почему же?

— Видите ли... старшій всегда даетъ тонъ. А такъ какъ вы надо мной непремѣнно старшая и ни разу не назвали меня по имени, то какъ же мнѣ навязываться? Притомъ я убѣжденъ, что я до сихъ поръ для васъ безымянный.

— Очень ошибаетесь. Васъ зовутъ Павломъ Матвѣвичемъ. Я узнала объ этомъ отъ Тимчука.

— Тронуть такимъ вниманіемъ и, если позволите, буду величать васъ Маріей Евгеньевной.

Олимпіада Викторовна, бывшая въ сосѣдней комнатѣ, при этой фразѣ покачала головой и подумала:

«Каковъ!»

Барскій продолжалъ:

— Вы назвали меня гордымъ. Это невѣрно. При моемъ положеніи проявлять гордость—я не такъ глупъ. Мнѣ приходится биться, какъ бѣлкѣ въ колесѣ, я и бьюсь, чтобы удержаться сколько-нибудь въ приличномъ положеніи. Однако оставимъ, барышня, эти ни къ чему не ведущіе разговоры и давайте заниматься дѣломъ. Я начертилъ нѣсколько фигуръ, вы ихъ и скопируйте. А какъ вышлютъ вамъ руководства, тогда дѣло пойдетъ еще лучше.

Маша взяла карандашъ, придвинула къ себѣ бумагу, но мысли ея были далеко отъ работы. Ей хотѣлось слышать голосъ Барскаго и вызвать вниманіе, котораго жаждутъ влюбленные особы.

— Давно вы видѣли Тимчука?

— Да ужъ давненько. Господа офицеры на ученъе не ходятъ, а развѣзжаютъ по сосѣдямъ. Съ нами же занимаются капральные. А ужъ какъ они занимаются и чему учатъ—подчасъ стыдно становится слушать.

— Да вамъ и въ хатѣ не лучше. Мужичкіе пересуды, глухие разговоры... Мнѣ кажется, отъ этого можно съ ума сойти.

Барскій наклонилъ голову, задумался и тихо проговорилъ:

— Пожалуйста, не говорите никогда о моей жизни. Я заживо покойникъ. Давайте лучше работать.

— Значить, вы отвергаете мое участіе?

Барскій пристально посмотрѣлъ на дѣвушку и съ разстановкой отвѣтилъ:

— Я боюсь его.

По лицу дѣвушки пробѣжала радостная улыбка.

— Не бойтесь,—мягко проговорила Маша.—Оно должно успокоить васъ, а того, что успокаиваетъ, надо желать.

— Да вы за кого считаете меня? Несчастіе не задавило во мнѣ души, а только закалило ее. Я хорошо понимаю, чего мнѣ слѣдуетъ бояться, а чего нѣтъ.

Если бы всѣ влюбленные не были эгоистами, Маша постыдилась бы играть съ несчастнымъ солдатомъ, какъ кошка съ мышью. Но, отуманенная любовными иллюзіями, она воображала, что у пасынка судьбы такъ же свѣтло и ясно на сердцѣ, какъ у нея.

— Не нужно слишкомъ мрачно смотрѣть на жизнь,—философствовала Чеботаева, забывая, что передъ ней сдаточный солдатъ, отданный по набору, т.-е. человѣкъ, лишенный примитивныхъ правъ гражданина, для котораго даже маленькій начальникъ можетъ явиться вершителемъ участи.

Барскій съ плохо скрытымъ раздраженіемъ посмотрѣлъ на свою ученицу и уныло замѣтилъ:

— Вы счастливы тѣмъ, что не знаете жизни.

— Можетъ быть, и не знаю, но не хочу думать, что она ничего не даетъ, кромѣ дурного. Не отчаивайтесь. Кто-нибудь приметъ вашу участь близко къ сердцу, и вы раньше времени сбросите съ себя сѣрую шинель.

— Развѣ еще бываютъ чудеса?..—Ахъ, впрочемъ, они есть! Я бываю въ вашемъ домѣ и вижу васъ, развѣ это не награда за пытки, которыя я переживаю? Да, это награда. Но ваши слова не утѣшеніе, а ядъ. Вы возбуждаете во мнѣ надежду, которая не можетъ осуществиться. Вы вызвали во мнѣ такія чувства, которыя не дадутъ мнѣ счастья, а сведутъ въ могилу. Если вы желаете этого, продолжайте относиться ко мнѣ такъ же, какъ теперъ.

Маша закрыла лицо руками и едва слышно проговорила:

— Я несчастіе васъ, потому что мое чувство къ вамъ сочтутъ за преступленіе. Но что же мнѣ дѣлать, когда это чувство охватило меня и я не могу бороться съ нимъ.

Послѣ этихъ словъ Олимпиада Викторовна не могла таиться; она тихо вышла изъ засады и, кашлянувъ издали, вошла въ классную комнату.

— Вы сегодня что-то долго заработались,—холодно объявила она.—Пора кончить занятія. Лошадь уже у крыльца.

Сказавъ это, Чеботаева вышла.

Озадаченный приходомъ хозяйки, Барскій тотчасъ простился съ своей ученицей и поспѣшно выѣхалъ изъ Чеботаевки.

VI.

Олимпиада Викторовна очутилась въ очень непріятномъ положеніи. Она положительно не могла сообразить, какъ ей надо поступать. Передать обо всемъ Евгенію Васильевичу—значило вызвать огромный скандалъ. Отказать сразу Барскому—она находила также неудобнымъ. Это могло задѣть самолюбіе дочери. Обратиться къ Машѣ и убѣждать отказаться отъ уроковъ—въ этомъ она также не находила выхода. Она знала, какъ опасно играть съ сердцемъ влюбленной дѣвушки, и теряла голову. Ей оставалось разсчитывать на счастливый случай, часто неожиданно являющійся на выручку людямъ. На первое время ей хотѣлось, чтобы посѣщенія Барскаго прекратились безъ ея вмѣшательства. Съ этимъ она и обратилась къ Тимчуку, когда Анатолій Сергѣевичъ пріѣхалъ къ ней въ гости.

— У меня къ вамъ маленькая просьба.

— Повелите, и исполнится.

— Вы были такъ любезны, что доставили возможность Машѣ брать уроки рисованія. Но изъ этого ничего не вышло хорошаго. Машенька не только днемъ, но и поздними вечерами просиживаетъ согнувшись надъ столомъ. Отъ этого у нея начались страшныя головныя боли. Настаивать на томъ, чтобы она прекратила уроки, я

не могу,—она обидится; а нельзя ли сдѣлать такъ, чтобы Барскій потерялъ возможность являться къ намъ.

— Это очень просто сдѣлать. Его поплюютъ на пѣшую почту, онъ и уйдетъ изъ Лукшина.

— Прекрасно, прекрасно. Устройте это, и я буду вамъ очень благодарна.

Всякій планъ легче составить, чѣмъ выполнить его успѣшно. Такъ случилось и тутъ. Когда посланный за Барскимъ вернулся и объявилъ, что Павла угнали на пѣшую почту, то молодая дѣвушка взволновалась и при первомъ свиданіи накинулась на Топырина.

— Вы мнѣ сдѣлали большую неприятность. Обѣщали папѣ, что Барскій будетъ пріѣзжать къ намъ и учить меня, а угнали его на какую-то пѣшую почту.

— Какъ угнали?—съ удивленіемъ спросилъ Топыринъ.—Я ничего не знаю и удивляюсь, кто могъ безъ меня распорядиться. Я доберусь до того, кто это сдѣлалъ.

Олимпиада Викторовна, бывшая тутъ же, незамѣтно вздохнула и подумала:

«Что жъ это такое? Изъ-за какого-то сдаточнаго солдатишки поднимается въ нашемъ домѣ цѣлая исторія».

Вошедшій Чеботаевъ, узнавъ, въ чемъ дѣло, иронически замѣтилъ:

— Слабоваты, Иванъ Дементьевичъ, а еще считается грознымъ командиромъ.

Въ свою очередь, и Топыринъ подумалъ:

«Что за скотина этотъ Барскій! Цѣна ему грошъ, а не угодно ли изъ-за него глотать такія пилюли».

Въ это время злосчастный Павелъ, не понимая, за что онъ подвергнутъ карѣ, тащился съ пакетами, засунутыми за пазуху, по дорогѣ, занесенной мятелю. Онъ старался ни о чемъ не думать и двигаться автоматически, но мысли отогнать нельзя, и онѣ роемъ толпились въ его головѣ, смѣняя одна другую; однако все, о чемъ думалъ онъ, отравлялось горечью. Даже Маша, озарившая его мрачный путь жизни, не заставила забыть того безысходнаго положенія, въ которое повергла его судьба.

«Зачѣмъ я живу,—спрашивалъ онъ себя, тащась по дорогѣ, устланной вершка на два снѣгомъ.—Кому я нуженъ? Матери?»

При этомъ словѣ комъ подступилъ къ его горлу.

«Несчастная! — громко сказалъ онъ, и эта фраза какъ-то странно прозвучала при свистѣ бушевавшаго вѣтра, дувшаго въ лицо Павла.—Птичница! И это послѣ столькихъ лѣтъ покоя и довольства».

Собственная участь всегда казалась ему чѣмъ-то фатальнымъ, и онъ смотрѣлъ на свое существованіе, какъ на что-то временное, никому не нужное, но мучительное. Тутъ ему припомнилась Маша, ихъ послѣдній разговоръ, и онъ громко расхохотался.

«Предметъ! Обо мнѣ мечтають. И кто же? Чудное существо, которому преступно думать о такомъ молодцѣ, какъ я».

Въ это время вѣтеръ съ особой рѣзкостью дунулъ ему въ лицо.

«Еще замерзну въ полѣ», подумалъ онъ и сталъ напрягать силы, чтобы итти быстрѣе, но отяжелѣвшія ноги не слушались, и Павелъ остановился. На него напалъ ужасъ, что ему уже не выбраться изъ этой снѣговой могилы, гдѣ его трупомъ полакомится стая голодныхъ волковъ. Но чувство самосохраненія возбуждало духъ, и Барскій медленно шелъ по дорогѣ.

Вдругъ сзади его послышался колокольчикъ. Павелъ ожилъ и сталъ поджидать ѣхавшихъ. Вскорѣ показалась тройка, запряженная цугомъ. Барскій посторонился, а когда большія сани поровнялись съ нимъ, громко закричалъ:

— Спасите меня... Я замерзаю.

Кучеръ остановилъ лошадей, и изъ саней раздался рѣзкій голосъ:

— Садись на козлы.

Павелъ съ усиленіемъ взгромоздился на указанное мѣсто и, приложивши руку къ шапкѣ, негромко проговорилъ:

— Дай Богъ вамъ здоровья за оказанную милость.

Ѣхавшимъ оказался Працинь съ женой, знакомые Топыринимъ.

— Кто ты такой?—обратился къ нему Тимошей Яковлевичъ.

— Служу въ ротѣ капитана Топырина и посланъ съ пѣшей почтой.

— Какъ же ты пошелъ въ такую мятель?

— Приказано было. Нужно спѣшно доставить экстренную бумагу.

Туть вмѣшалась Ольга Ивановна.

— Но какъ же посылать въ шинелишкѣ, когда такъ холодно?

На это Тимошей Яковлевичъ произнесъ негромко женѣ:

— Служба!

Барскій доѣхалъ съ Прациными до ближайшей деревни и, окончѣлый, отправился въ хату, гдѣ помѣщалась «пѣшая почта».

Узнавъ, что Барскій посланъ на пѣшую почту, Топыринъ остервенѣлъ и немедленно потребовалъ фельдфебеля. Едва Мазилевъ вошелъ въ прихожую, какъ раздалась двѣ рѣзкія пощечины.

— Мерзавецъ, какъ ты смѣлъ безъ моего вѣдома услатъ Барскаго.

— Прапорщикъ приказали мнѣ.

— Да у тебя кто командиръ? Прапорщикъ или я?

При этомъ озвѣрѣлый капитанъ вторично такъ ударилъ своего подчиненнаго, что тотъ зашатался.

— Виновать,—взмолился Мазилевъ.—Никогда больше не буду.

Топыринъ отступилъ нѣсколько шаговъ и грозно проговорилъ:

— Пошелъ и сейчасъ же пошли смѣну, и если хоть разъ что-нибудь подобное—галуны сниму.

Послѣ ухода фельдфебеля вытребованъ былъ ротный писарь, который подѣ диктовку командира написалъ выговоръ Тимчуку и отослалъ его по адресу.

Вотъ сколько причинилъ безпокойства ничего не подозрѣвавшій солдатъ. Но это ему ставилось въ счетъ, и раздраженіе противъ него росло.

Возвратившись на ротный дворъ, Павелъ убѣжденъ былъ, что ему больше не придется ѣхать въ Чеботаевку, и съ горечью думалъ о Машѣ.

«Не увижу ея больше, не увижу!»

Какъ вдругъ подѣ окнами показались знакомыя дровни, и работникъ, войдя въ хату, проговорилъ:

— Одѣвайся. За тобой прислали.

Наскоро одѣвшись и опять закутавшись въ хозяйскій тулупъ, Павелъ покатилъ къ Чеботаевымъ.

Никогда еще молодое сердце такъ не билось тревожно, какъ въ этотъ разъ. Онъ представлялъ себѣ милое лицо молодой дѣвушки, и его душа замирала отъ восторга.

Однако мечты влюбленныхъ и надежды поболтать по сердцу разлетѣлись въ прахъ.

Олимпиада Викторовна, встрѣтивъ Павла, проводила его въ комнату, гдѣ уже сидѣла дочь, помѣстилась тамъ же съ работой и если выходила, то только въ сосѣднюю комнату.

Урокъ для молодыхъ людей вышелъ мучительнымъ. Они почти молчали; рисованіе не занимало никого изъ нихъ.

Передъ тѣмъ, какъ Барскій долженъ былъ уѣзжать, Маша пошла въ свою комнату, написала записочку и, прощаясь, вручила ее въ руку Павла. Это не укрылось отъ наблюдавшей за дочерью Олимпиады Викторовны. Чеботаева едва удержалась, чтобы не вырвать ее изъ рукъ «солдата», но тактичность женщины удержала ее. Зато едва дровни выѣхали со двора, огорченная мать рѣзко заговорила:

— Довольно! Посѣщеніе этого молодца было послѣднимъ. Мнѣ не могло прійти въ голову, что наша дочь унижится до интриги съ солдатомъ.

— Онъ человѣкъ, и не его вина, что съ нимъ поступили низко и безчеловѣчно. Я люблю его.

— Но къ чему же приведетъ тебя эта любовь?

— Не знаю. Чувство не разсуждаетъ.

— А подумала ли ты объ отцѣ? Какъ онъ отнесется къ человѣку, не постыдившемуся, нося солдатскую шинель, увлечь его дочь.

— Онъ не увлекалъ меня. Я сама увлеклась имъ.

— Я не стану считаться съ тобой, но, если ты не дашь мнѣ слова забыть своего жалкаго обожателя, я обо всемъ передамъ твоему отцу, а онъ шутить не любитъ.

— Передавайте. Мнѣ ничто не страшно.

Сказавъ это, дѣвушка спокойно вышла изъ комнаты.

«Обезумѣла!» подумала Олимпиада Викторовна вслѣдъ уходящей дочери, но ничего ей не сказала.

Вечеромъ, оставшись наединѣ съ мужемъ, Чеботаева осторожно заговорила съ нимъ:

— Мнѣ есть сообщить тебѣ очень важное, но я боюсь, что ты вспылишь и сдѣлаешь изъ дома адъ.

— Что за глупости? Я не сумасшедшій.

— Поклянись, что спокойно отнесешься къ тому, что я скажу тебѣ, и я буду вполне откровенна.

— Если тебѣ этого хочется—ну, клянусь.

Олимпиада Викторовна замаялась и едва слышно проговорила:

— Машенька увлеклась Барскимъ.

Чеботаевъ вскочилъ, какъ ужаленный.

— Что ты сказала? Не вѣрю. Это твоя фантазія.

— Она призналась мнѣ.

Евгеній Васильевичъ изобразилъ собой статую удивленія.

— Сама?.. Гм... недурно! Могу ли я послѣ твоихъ словъ оставаться спокойнымъ? Да я его...

Чеботаевъ поднялъ кулакъ, и глаза его налились кровью.

— Ты поклялся.

— Э... Какая тутъ клятва?

— Если тебѣ ничего не стоитъ погубить дочь—поступай, какъ знаешь.

— Такъ научи, что я долженъ дѣлать?

— Прежде всего прекратить уроки, а потомъ... постарайся очернить его въ ея глазахъ. Пусть до ея слуха дойдетъ, что онъ путается съ какой-нибудь бабенкой, втихомолку пьянствуетъ съ хозяевами и товарищами... можетъ быть, это и охладитъ ея увлеченіе.

— Это не поможетъ. Я поступлю иначе. Я позову его, объясню всю несообразность того, что происходитъ, и пообщаю перевести его куда-нибудь, гдѣ онъ получитъ лучшее положеніе. Если же онъ не согласится,—тогда пусть не прогнѣвается. У меня найдутся самыя дѣйствительныя мѣры.

— И я не буду дремать.

Поднялась подпольная война. Позваны были по очереди экономка и двѣ горничныя. Всѣмъ было строго-настроено приказано дурно говорить о Павлѣ, взводя на него все, что только будетъ правдоподобно. За хорошее выполненіе указаній назначались награды, а за нерадивое—наказаніе. Ослѣпленная горемъ мать не конфузилась дѣлать прислугу своими сообщниками—такъ жестоко оскорблены были въ ней барская гордость и барское чванство.

Не медлилъ и Чеботаевъ. Не желая принимать Барскаго въ своемъ домѣ, онъ упросилъ Тимчука устроить ему свиданіе съ Павломъ, причемъ чтобы въ квартирѣ Анатолія Сергѣевича никого, кромѣ нихъ, не было. Такъ это и устроилось.

Когда Павелъ вошелъ, Чеботаевъ стоялъ молча посреди хаты. «Солдаты» по дисциплинѣ не смѣли сказать «здравствуйте» и, вытянувшись, остановился у порога.

— Ты, конечно, понимаешь, любезный, зачѣмъ я позвалъ тебя сюда?

Барскій стоялъ молча. Евгений Васильевичъ продолжалъ:

— Да, ты понимаешь! Это избавляетъ меня отъ необходимости вести длинный разговоръ. Скажи же, какъ ты смотришь на то, что происходитъ?

По лицу Барскаго пробѣжала едва замѣтная улыбка.

— Я солдатъ, не имѣющій никакихъ правъ, и думаю, что никому не интересно то, какъ я смотрю на что-нибудь.

— Не вилай. Говори толкомъ.

— Я не знаю, ваше высокоблагородіе, что вы отъ меня требуете?

— Что?..

Чеботаевъ остановился. Начать разговоръ съ солдатомъ о его дочери ему, старому гусару, казалось непріятнымъ, но дѣйствительность брала верхъ, и Евгений Васильевичъ пересилилъ себя.

— Я и жена приняли въ тебѣ участіе и хотѣли дать заработокъ, ты же... вмѣсто того, чтобы заняться дѣломъ, прикинулся непризнаннымъ героемъ и растревожилъ воображеніе молодой экзальтированной дѣвушки. Честно это?

— Ваше высокоблагородіе! Вы сказали, что я понимаю васъ. Теперь я скажу—не понимаю. Мое положеніе, какъ солдата, такъ тяжело, что не мнѣ увлечь такую чудную дѣвушку, какъ ваша дочь. Если это случилось, то, стало быть, Богъ наказалъ ее за чужіе грѣхи, а мнѣ остается ждать, какъ окончить со мной тяжелая судьба.

— Согласенъ ли ты перейти куда-нибудь?

— Ваше высокоблагородіе, развѣ нужно меня объ этомъ спрашивать. Я подневольный. Куда переведутъ, туда и пойду.

Барскій каждымъ отвѣтомъ обезоруживалъ Чеботаева.

— Но ты долженъ желать перевода.

— Солдаты не должны ничего желать. На все воля начальства.

— Не играй словами. Это не приведетъ тебя къ добру. Если тебѣ говорятъ, что ты долженъ желать, значить такъ надо, и—желай.

— Слушаю-сь, желаю.

Въ этихъ словахъ слышалась иронія.

— Объ этомъ ты долженъ сдѣлать извѣстнымъ... ты понимаешь кого. Она должна знать, что ты уходишь добровольно.

— Слушаю-сь.

Въ этомъ объясненіи было много дикаго, несообразнаго. Вся жизнь Чеботаева прошла по шаблону. Старшіе приказывали, младшіе исполняли. Общество, въ которомъ онъ вращался, жило установленными правилами и обычаями; любовныя перипетіи происходили между равными, а если случались исключенія, то о нихъ не

говорилось серьезно. И вдругъ въ его семьѣ завязалась такая исторія, которую надо скрыть во что бы то ни стало. Для этого приходилось дѣлать уступку солдату, которыхъ онъ всегда безъ стѣсненія «мазаль по мордамъ».

— Итакъ, отъ тебя самого зависитъ, какъ я буду съ тобой поступать. Выведешь меня изъ терпѣнія—худо тебѣ будетъ. Ступай.

Барскій молча повернулся и вышелъ.

VII.

Чеботаевъ вернулся совершенно успокоеннымъ. Ему показалось, что «солдаты» настолько убоялись угрозъ, что въ точности выполнятъ то, что ему указано. Его увѣренный тонъ благопріятно повліялъ и на его жену. Маша оставалась попрежнему удрученной. Она сидѣла въ своей комнатѣ и выходила въ столовую только тогда, когда ее звали. Но Евгений Васильевичъ вѣрилъ въ то, что тучка, налетѣвшая на ихъ семью, скоро разсѣется.

У Топырина тоже шли нелады. Постоянный крикъ, брань и побои, на которые былъ такъ щедръ Иванъ Дементьевичъ, окончательно разстроили нервы его молодой жены; она отдалялась отъ людей и вся отдалась своему ребенку и хозяйству. Сосѣдки сначала снисходительно относились къ тому, что Топырина манкируетъ визитами, но когда убѣдились, что она умышленно не посѣщаетъ ихъ, перестали бывать и у нея. Для Натальи Степановны осталось одно утѣшеніе—храмъ Божій, куда она аккуратно ходила каждое воскресенье. Мужъ не сопровождалъ ее, такъ какъ боялся услышать съ амвона отъ священника рѣзкое слово, направленное противъ него. Зато Тимчукъ аккуратно являлся по праздникамъ въ церковь и становился поблизости отъ Топыриной. Ему было радостно хоть въ церкви быть близко отъ этой хорошей женщины и смотрѣть на ея милое лицо.

Наталья Степановна очень удивилась, когда Маша также стала аккуратно пріѣзжать въ церковь. Но такъ какъ отъ запаха ладона у Олимпіады Викторовны болѣла голова и ей противенъ былъ ароматъ кислыхъ полушубковъ, дьячковское горлодранье также рѣзало ей ухо, она и не посѣщала сельской церкви. Поэтому Машѣ сопутствовала ключница Лукерья, пожилая суровая женщина, про которую дворня говорила, что она видитъ на полъ-аршина подъ землей.

Отправляясь въ церковь, Чеботаева, надѣясь увидѣть Барскаго, приготовила записочку, которую держала въ рукѣ.

Когда обѣдня окончилась и народъ двинулся къ выходу, Павелъ, протиснувшись съ трудомъ, подошелъ къ Машѣ и, видя откинутую назадъ руку, взялъ изъ нея записку и такъ ловко это сдѣлалъ, что его маневра не замѣтила даже всевидящая Лукерья. Но отъ глазъ

народа трудно укрыться, и по выходѣ изъ храма уже послышались остроты:

— Солдаты-то, солдаты! Добрался-таки до барышни.

— Удалой!

— Что и говорить, парень вострый.

Русскій человѣкъ, какъ извѣстно, большой скептикъ, а простолюдинъ совершенно не понимаетъ платоническихъ отношеній между мужчиной и женщиной; поэтому склонность Маши къ Барскому объяснялась самымъ примитивнымъ образомъ.

— Ишь ты, скажи на милость! Съ этихъ поръ и ужъ загуляла. Ну, и барышня!

Шушуканье разрасталось и наконецъ перешло въ открытый говоръ. Знавшіе близко Чеботаевыхъ не довѣряли гнуснымъ сплетнямъ, но были такіе, которые радовались, что про дочь богатаго сосѣда ходитъ грязная молва.

Наконецъ, поддавая выдумка про хорошую дѣвушку до того возмутила одного изъ мѣстныхъ жителей, что онъ рѣшилъ написать Евгенію Васильевичу анонимное письмо, въ которомъ излагалъ то, что говорилось про его дочь.

Прочитавъ письмо, Чеботаевъ побагровѣлъ.

— Такъ вотъ что,—подумалъ онъ, вскакивая съ мѣста.—Я ему покажу! Онъ не хотѣлъ честно отойти, такъ и я не буду стѣсняться въ средствахъ.

Не сказавъ ни слова женѣ, старый кавалеристъ помчался къ Топырину. Капитанъ поразился, увидя гостя, — такъ мало онъ походилъ на самого себя.

— Что съ вами?—обратился къ нему хозяинъ.

— Вѣда, батюшка! На васъ только и надежда.

— Къ вашимъ услугамъ.

Они вошли въ кабинетъ. Топыринъ затворилъ за собой дверь.

— Вы слышали, конечно, какіе возмутительные толки ходятъ о моей вочери?—негромко спросилъ Чеботаевъ.

— Да, слышалъ,—также негромко отвѣтилъ капитанъ.

— Почему же вы, какъ мой благопріятель, не приняли какихъ-нибудь мѣръ?

Капитанъ откинулся на спинку кресла и съ удивленіемъ замѣтилъ:

— Что вы говорите? Какія же я могъ принять мѣры? Да каждый намекъ, который я сдѣлалъ бы Барскому, былъ бы оскорбленіемъ для васъ. При томъ развѣ можно подумать что-нибудь дурное о такой милой, очаровательной дѣвушкѣ, какъ Марья Евгеньевна.

— Дѣло не въ ней, а въ этомъ мерзавцѣ.

— Если вамъ угодно, я немедленно переведу его въ другую роту.

— Теперь поздно. Я хочу другого.

— Чего же?

— За всё муки, какія мы перенесли черезъ него, онъ долженъ пострадать, и вы... хорошенько продерете его.

Топыринъ пожалъ плечами и съ укоризной замѣтилъ:

— Я не узнаю васъ. Давно ли вы говорили совѣмъ другое.

— Да, говорилъ, а теперь думаю иначе, и вы должны исполнить мое желаніе.

Иванъ Дементьевичъ всталъ съ мѣста и остановился въ раздумьи.

— Гм... «ваше желаніе», но прежде, чѣмъ исполнить его, надо для этого найти предлогъ, а у меня его нѣтъ.

— Найдете.

— Но вѣдь Барскій не простой солдатъ... о немъ всё знаютъ, и если я подвергну его тѣлесному наказанію, въ меня полетятъ камни.

— Давно ли вы стали такимъ трусливымъ?—съ наглою улыбкой спросилъ Чеботаевъ.—Въ другихъ случаяхъ вы храбрѣе.

— Въ какихъ это?

— Вы хорошо знаете, про что я говорю. И вы до нѣкоторой степени обязаны отплатить мнѣ одолженіемъ.

— Ну, хорошо, я накажу Барскаго. Какое вы отъ того получите утѣшеніе?

— Позвольте про это мнѣ знать. Эта мѣра не только карательная, но и дипломатическая.

— Но во мнѣ вы не найдете сообщника ужъ потому, что моя жена, какъ идеалистка, никогда не проститъ мнѣ низкаго поступка.

— Тогда не пеняйте и на меня. При первомъ свиданіи съ вашимъ командиромъ полка я шепну ему, что бралъ у васъ солдатъ на работы не пятьдесятъ человѣкъ, какъ вы показывали въ отчетахъ, а сто.

Топыринъ не отличался особенной чистоплотностью дѣйствій, но то, на что звалъ его Чеботаевъ и чѣмъ угрожалъ ему, показалось ему такимъ мерзкимъ, что онъ съ брезгливостью отвернулся.

— Да, вы можете повредить мнѣ по службѣ и я поневолѣ долженъ уступить вамъ, но участвовать въ расправѣ, которую вы хотите учинить надъ Барскимъ, не буду и подамъ рапортъ о болѣзни. вмѣсто меня назначать командовать ротой Земляничина, а того стоитъ подпортить, и онъ пойдетъ на какую угодно сдѣлку.

— О да, онъ расчетливѣе васъ. Онъ пойметъ, что когда отецъ вступается за честь дочери, то не шутить.

Чеботаевъ, не злой по натурѣ человѣкъ, но ограниченнаго ума и пропитанный понятіями крупостника, не могъ взглянуть разумно на дѣло и проявить великодушіе.

Выслушавъ гостя, Топыринъ сидѣлъ молча. Чеботаевъ продолжалъ:

— Итакъ, я жду.

«истор. вѣсти.», сентябрь, 1909 г., т. сxvii.

6

— Да, я сегодня же пошлю рапортъ о болѣзни. Черезъ нѣсколько дней придетъ отвѣтъ, и вы можете брать тѣся въ Земляничну.

— Вотъ и прекрасно.

Евгеній Васильевичъ простился съ хозяиномъ и послѣдно вышелъ изъ квартиры. Топыринъ остался въ кабинетѣ и сидѣлъ въ глубокомъ раздумьи.

Такъ какъ дощатая перегородка давали возможность слышать все, что говорилось въ квартирѣ, то и бесѣда мужа съ Чеботаевымъ не осталась тайной отъ Натальи Степановны. Едва гость уѣхалъ, Топырина вошла въ кабинетъ мужа. У нея были на глазахъ слезы.

— Ваня,—начала она такимъ задушевымъ тономъ, какого капитанъ никогда не слышалъ отъ нея.—Я уважаю тебя. Меня огорчала твоя всегдашняя строгость, но сегодня ты доказалъ, какъ много въ твоемъ сердцѣ благородства.

Проговоривъ это, молодая женщина крѣпко поцѣловала Ивана Дементьевича. Тотъ рѣшительно растерялся. Онъ далеко былъ отъ мысли считать свой поступокъ геройскимъ. Барскій въ его глазахъ былъ несчастное существо, загнанное судьбой, а на такихъ людей у рѣдкаго русскаго человѣка поднимется рука, поэтому ласка жены и удивила и растрогала суроваго командира.

«Такъ вотъ гдѣ ключъ къ женскому сердцу! Вотъ тотъ магнитъ, которымъ привлекаютъ душу женщины»,—впервые подумалъ Топыринъ, крѣпко и съ волненіемъ обнявъ жену.

— Сегодняшнимъ поцѣлуемъ ты открыла мнѣ глаза. Что тебѣ Барскій? Но ты вступилась за него потому, что у тебя не притупилась совѣсть. Мы стали всѣ звѣрями, а въ твоей душѣ живетъ Богъ. Сегодняшняго поцѣлуя я не забуду никогда.

Разстроенный капитанъ отошелъ къ окну, соображая, какъ лучше поступить. Потомъ позвалъ ротнаго писаря, продиктовалъ ему свой рапортъ о болѣзни, и тотчасъ бумага была отправлена по нѣшей почтѣ въ штабъ полка.

Вечеромъ жена обратилась къ мужу:

— Ты позволишь пригласить къ намъ Анатолія Сергѣевича?

— Пожалуйста. Буду очень радъ видѣть его.

Топырина написала Тимчуку записку и послала ее съ вѣстовымъ.

Иванъ Дементьевичъ находился въ самомъ благодушномъ настроеніи духа. Сознаніе того, что онъ поступилъ по-божески, сбросило огромный гнетъ съ его души. На сердцѣ этого, подчасъ безпощаднаго человѣка, словно посвѣтлѣло, и солдаты, которыхъ онъ билъ и сѣкъ, стали казаться ему заслуживающими жалости.

«Господи, что это со мной?—думалъ онъ, потирая голову.— Не то плакать хочется, не то...»

Капитанъ не договорилъ, но въ этомъ «не то» сказала тоска, охватившая его. Ему стало до глубины души обидно, что какой-то

«собачникъ» можетъ свысока разговаривать съ нимъ и угрожать ему неудовольствіями по службѣ.

Онъ пошелъ въ спальню къ женѣ и, видя, что она держитъ на рукахъ дѣвочку, мягко заговорилъ:

— Ты слышала наше объясненіе съ Чеботаевымъ, и я долженъ былъ показаться тебѣ жалкимъ и гадкимъ, но въ моихъ поступкахъ виноваты условія, въ которыхъ мы находимся. Мнѣ полагается жалованья тридцать рублей въ мѣсяць и больше ничего. Развѣ мыслимо прилично существовать по моему положенію на такіе гроши? Конечно, нельзя. Поневолѣ изыскиваешь незаконныя средства, а при этомъ не разбирается, что возможно и что невозможно. Такъ поступаютъ ротные командиры во всей арміи. Это мнѣ служить оправданіемъ.

Наталья Степановна слушала мужа съ замираніемъ сердца. Она считала его бездушнымъ, жестокимъ, и ей не приходило въ голову, что бить солдатъ и таить въ своемъ сердцѣ гуманные инстинкты человѣка—возможно.

— Я слуга системы,—съ достоинствомъ началъ Топыринъ,— и прибѣгаю къ тѣлеснымъ наказаніямъ не потому, что это мнѣ правится, а потому, что обязанъ изъ солдата сдѣлать машину, неспособную разсуждать; такіе люди слѣпо исполняютъ приказъ и покорно идутъ умирать въ бою. До сихъ поръ я тебѣ, какъ женщинѣ, не говорилъ объ этомъ, а теперь открываю то, что есть.

Въ это время въ прихожей послышался голосъ Тимчука. Иванъ Дементьевичъ тихо проговорилъ женѣ:

— Мнѣ неловко посвящать подчиненнаго въ мои соображенія. Воспользуйся моимъ отсутствіемъ и переговори о Барскомъ.

Топыринъ привѣтливо поздоровался съ прапорщикомъ и, жалуясь на нездоровье, сообщилъ о томъ, что подалъ рапортъ о болѣзни.

— Въ такія лѣта, какъ мои, застарѣлые недуги начинаютъ сказываться. Придется съѣздить въ городъ полечиться.

Побывъ съ гостемъ, Топыринъ сталъ извиняться.

— Не посѣтуйте, что я долженъ сходить въ цейхгаузъ и на сборню. Васъ будетъ занимать хозяйка.

Сказавъ это, Иванъ Дементьевичъ вышелъ изъ квартиры.

Наталья Степановна, съ особеннымъ расположеніемъ относившаяся къ Тимчуку, знала, что Анатолій Сергѣевичъ являлся посредствующимъ лицомъ между Чеботаевой и Барскимъ, поэтому послѣ ухода мужа сейчасъ же откровенно высказала гостю, въ какое непріятное положеніе попалъ ея мужъ.

Тимчукъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Суровый и безпощадный командиръ, отличавшійся жестокостью, оказывался совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ казался. Такое открытіе произвело на молодого человѣка очень сильное впечатлѣніе.

«Вотъ она жизнь. Докопайся-ка до души человѣка».

Исполняя порученіе Топырина, Тимчукъ на другой же день послалъ за Павломъ. Барскій не замедлил явиться.

— Здравствуйте,—ласково встрѣтилъ его прапорщикъ.

— Здравія желаю, ваше благородіе,—официально отвѣтилъ солдатъ.

— Подойдите и выслушайте меня.

Барскій сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и почтительно остановился въ позѣ. Хозяинъ грустно началъ:

— Вамъ сочувствуютъ всѣ порядочные люди, потому что ваша участь поистинѣ трагична. Но иногда всякое участіе оказывается бессильно. Ваше положеніе безправное, и всякій начальникъ, если у него нѣтъ совѣсти, можетъ наказать васъ.

— Я это знаю.

— А если знаете, значитъ, должны быть крайне осторожны.

На лицѣ Барскаго показалась саркастическая улыбка.

Тимчукъ продолжалъ:

— Буду говорить просто и откровенно. Вы вооружили противъ себя Чеботаева и настолько вооружили, что онъ обратился въ звѣря и добивается, чтобы вы были подвергнуты тѣлесному наказанію.

Барскій вздрогнулъ и поблѣднѣлъ.

— И онъ добьется этого, потому что расправится съ рядовымъ самое пустое дѣло. Чтобы вамъ было неловко не послушаться и не исполнить моего совѣта, я пойду дальше. Топыринъ заболѣлъ, и вмѣсто него будетъ командовать ротой Земляницынъ. А вы знаете, что такое веселый поручикъ. Его всегда назначали, когда приходилось кого-нибудь гонять сквозь строй; онъ истязаетъ своихъ денщиковъ, и ему принадлежитъ извѣстная циничная фраза: «солдатская спина зеркало, отчего же въ него и не посмотрѣть». Чего же вы можете ждать отъ такого человѣка, а онъ въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ съ Чеботаевымъ.

— Что же я долженъ сдѣлать?

— Напишите Евгенію Васильевичу письмо, въ которомъ выразите полное раскаяніе и обѣщайте навсегда покончить съ тѣмъ, что было.

— Если онъ рѣшилъ отомстить мнѣ, то мое письмо окажется бесполезнымъ. Я долженъ рѣшиться на что-нибудь другое. А на что? Не трудно догадаться.

— Это всегда успѣется, а теперь послушайте меня. Вы должны сдѣлать это не только для себя, но и для Марьи Евгеньевны. Она очень эксцентричная дѣвушка и не перенесетъ вашей смерти. Наконецъ вы должны подумать и обо мнѣ. Мнѣ на совѣсть ляжетъ сознаніе, что я заварилъ эту глупую кашу, явившись въ роли посредника.

— Ваше благородіе...—началь съ волненіемъ Павелъ.

— Я говорю съ вами не какъ съ солдатомъ, а какъ съ человѣкомъ и при томъ развитымъ и талантливымъ.

Барскій закрылъ лицо руками и отвернулся.

— За что проклятіе тяготѣть надо мной? Неужели своимъ чувствомъ я могу приносить только несчастіе, и не лучше ли ей видѣть меня мертвымъ, чѣмъ узнать, что я избитъ, какъ животное, и низведенъ на самую низкую степень униженія.

— Не говорите о смерти. Будьте благоразумны, и все можетъ уладиться.

— Вы ошибаетесь. Чеботаевъ не проститъ мнѣ обиды, я прочелъ это у него во взглядѣ. Не нужно быть довѣрчивымъ, а надо покориться своей участи. Лишніе люди должны исчезать.

— Вы не лишній. У васъ большой талантъ, и вы можете съ честью послужить родинѣ.

Барскій оживился и съ жаромъ заговорилъ:

— Да, я безумно мечталъ объ этомъ. Въ моемъ воображеніи рисовался цѣлый рядъ картинъ, въ которыхъ я выразилъ бы страданіе нашего народа и героическіе подвиги борцовъ за свободу. Я хотѣлъ выставить рядъ пейзажей, въ которыхъ показать контрасты нашей великой родины. Я переносился воображеніемъ на далекій сѣверъ, потомъ перебрасывался на югъ съ его чудными видами, умственно созерцалъ великую Сибирь и переносился на родину Шевченка. И что же мнѣ явилось отвѣтомъ? Сѣрая солдатская шинель.

Барскій упалъ на скамью и горько заплакалъ. Это было страшное рыданіе юноши, погибающаго отъ отчаянія.

Тимчукъ растерялся и не рѣшался утѣшать несчастнаго. Молчаніе длилось довольно долго. Наконецъ Анатолій Сергѣевичъ заговорилъ:

— Я самъ съѣзжу къ Чеботаеву.

— Съѣздите,—прошепталъ сквозь слезы Павелъ.—Вамъ обѣщаютъ не тронуть меня, но не исполнять обѣщанія. У меня есть предчувствіе.

Затѣмъ Павелъ быстро пришелъ въ себя и заговорилъ твердымъ тономъ:

— Передайте пожалуйста мою искреннюю благодарность добрымъ людямъ, принявшимъ во мнѣ участіе. Это участіе служить для меня лучшимъ утѣшеніемъ. А что вскорѣ случится... всякому своя судьба.

— Не теряйте надъ собой воли.

— Ея довольно у меня, а на что она мнѣ, когда я качусь по наклонной плоскости внизъ. Она понадобится мнѣ только для того, чтобы до послѣдней минуты остаться вѣрнымъ себѣ.

Барскій сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ и спросилъ Тимчука:

— Позвольте мнѣ уйти?

Анатолій Сергѣевичъ послѣ нѣкотораго колебанія подошелъ къ Павлу и крѣпко пожалъ ему руку.

VIII.

Надъ домою Чеботаева словно нависла туча. Евгений Васильевичъ и Олимпіада Викторовна были такъ удручены, что даже не разговаривали между собою. Маша не выходила въ столовую, и ей въ ея комнату носили чай, обѣдъ и ужинъ. «Мезальянсъ» чувства дочери казался родителямъ такимъ прегрѣшеніемъ, что ему не могло быть прощенія; но виновница домашняго скандала не тяготилась отчужденіемъ. Она словно застыла и по цѣлымъ днямъ не поднималась съ постели. Покорись дѣвушка и покайся въ опрометчивомъ поступкѣ, вѣроятно, родительское сердце смягчилось бы, но гордая дѣвушка, не считавшая себя ни въ чемъ виноватой, не дѣлала шага для примиренія. Это возмущало отца, и онъ весь гнѣвъ свой переносилъ на «подлаго солдата».

— Погоди, — шепталъ онъ: — скоро я расправлюсь съ тобой.

Тимчука, какъ человекъ, который ввелъ въ домъ «негоднаго учителя», перестали принимать въ качествѣ знакомаго. Только Земляничинъ попрежнему пользовался большимъ расположеніемъ. Онъ выпивалъ уйму водки, ѣлъ за троихъ и грохоталъ на цѣлый домъ.

Получивши предписаніе, за болѣзнь Топырина, вступить въ командованіе ротой, Гавріилъ Ардальоновичъ прикатилъ въ Чеботаевку.

— Командуемъ-съ. Хе-хе! Командуемъ-съ, — возгласилъ Земляничинъ, входя въ гостиную: — вотъ теперь и посмотримъ, какъ вскидывать глаза выше лба.

— Тише, — остановилъ его хозяинъ.

— Либералы! Распустились! Давно ихъ нужно взять въ ежовыя рукавицы.

Земляничинъ самъ былъ изъ сдаточныхъ и, переиспытавъ всѣ прелести палочнаго муштра, дослужился до фельдфебеля и, какъ бравый служака, подвергнувшись самому ничтожному экзамену, получилъ офицерскій чинъ. Подобные люди для нижнихъ чиновъ были самымъ ненавистнымъ типомъ начальниковъ. Испытавши порку на себѣ, они широко практиковали ее и на другихъ.

— Закусить не хотите ли? — приглашали хозяева Гавріила Ардальоновича.

— Закусить всегда пріятно, но я пріѣхалъ узнать, что вы скажете мнѣ по поводу извѣстнаго вамъ молодчика. Драть его или не драть?

— Но зачѣмъ такъ громко говорить? — остановилъ его Чеботаевъ.

— Молчу и слушаю.

— Съ одной стороны, его необходимо и посѣчь, — внушительно тихо объявилъ Евгений Васильевичъ. — Послѣ такого случая его

поэтический образъ совѣмъ померкнетъ. Но, съ другой стороны, какъ бы экзальтированная барышня не надѣлала глупостей.

— Э, полноте. Я много разъ посѣщала помѣщицы дома, и подобный случай не первый на моихъ глазахъ, но всегда все обходилось благополучно,—барышни становились разсудительны.

Увѣренный тонъ, съ которымъ говорилъ Земляничныя, падалъ на хорошую почву. Чеботаевъ желалъ и ждалъ такихъ разсужденій и не устоялъ.

— Что жъ, если вы увѣрены въ благополучномъ исходѣ, дѣйствуйте, только обставьте наказаніе такъ, чтобы никому и въ голову не пришло, что вы дѣлаете это изъ угожденія мнѣ.

— Не учите ученаго ѣсть хлѣба печенаго. Хе-хе, дѣльце будетъ сдѣлано чисто. Нагрубилъ фельдфебелю и готово. А заставить нагрубить можно всякаго. Механика эта знакомая. Самъ былъ фельдфебелемъ.

Такимъ образомъ предательскій планъ выяснился, и несчастному Барскому становилось невозможнымъ отдѣлаться отъ розогъ.

Въ этой ужасной мысли убѣдила его и Агаша, забѣжавшая вечеромъ къ нему на квартиру и незамѣтно вызвавшая на улицу.

— Павелъ Матвѣевичъ, милый, желанный ты мой, бѣда висить надъ твоей головой.

— Отъ кого ты узнала?

— Да все отъ того же проклятаго фельдфебеля. Сейчасъ повстрѣчалъ меня и скалить зубы: «Приходи-ка, говорить, завтра къ сборнѣ, тамъ твоему дружкѣ стануть на спинѣ узоры выводить». Я такъ и обмерла и ему въ отвѣтъ: «Постылый ты человѣкъ, говорю, радуешься чужому горю. Издохнешь безъ покаянія. Да за что его стануть терзать?»—«Про то начальство знаетъ. Стало, есть за что; у начальства въ каждую минуту найдется причина. Такъ приходи, говорить, полюбоваться на его бѣлое тѣло». Будь у меня ножъ подъ рукой, такъ бы и всадила въ него. Да неужели это и вправду они стануть надругаться надъ тобой?

Агаша закрыла лицо руками и горько заплакала. Барскій сталъ утѣшать ее.

— Полно, Агаша. Спасибо тебѣ, что ты такъ близко приняла къ сердцу то, что сулятъ мнѣ, но ты не увидишь меня распластаннымъ, какъ скотину.

— Что жъ ты сдѣлаешь? Убѣжишь?

— Что я сдѣлаю... это видно будетъ. Ты, Агаша, не поймешь меня, но все-таки я скажу тебѣ: въ жизни мало радости. Ты любила меня—я очень цѣню это.

— А ужъ я-то,—всхлипывая, говорила молодая женщина.—Только и свѣту въ глазахъ, что ты. На своихъ сиволапыхъ глядѣть перестала и все-то твои слова повторяю. Лягу спать, а въ ухахъ одно то, что ты сказала. И о барскомъ тиранствѣ, и о тягостяхъ,

которыя мы несемъ отъ нихъ. А о себѣ... что ты о себѣ говоришь... душу за тебя можно отдать, а ты говоришь «не плачь». Какъ случится это съ тобой, руку на себя наложу.

Красивое лицо молодой женщины дышало такой дикою энергіей, какой Павелъ никогда не видѣлъ въ ней. Это растрогало его, и онъ нѣжно проговорилъ:

— Какая ты хорошая.

— Какая есть. Сказывали, что ты за барышней потянулся. Сначала мнѣ было это прискорбно, а потомъ отлегло отъ сердца. Думаю, ну что я супротивъ ея—мужичка, ему и лестно быть съ ней. Такъ мнѣ дорого и то, что отъ меня-то онъ не отшатывается. Ужъ какъ ты мнѣ миль, Павелъ Матвѣвичъ, такъ-то миль... и неужто это завтра.

Агаша опять принялась горько плакать.

Ночью, когда семья хозяевъ спала богатырскимъ сномъ, Барскій досталъ бумагу и, при свѣтѣ сальной свѣчи, принялся писать. Всѣ мысли его были направлены къ Машѣ. Къ первой къ ней онъ обращался съ прощальнымъ письмомъ:

«Мы больше не увидимся съ вами. Какъ эта фраза ни тяжела, но что она передъ тяжестью жизни, которая выпала мнѣ на долю.

«Какъ разгадать, что намъ начертано невидимой рукою,

«И не указано, куда итти нетвердою стопою?

«Мы ищемъ счастья, но не знаемъ, что такое счастье,

«И въ поискахъ своихъ встрѣчаемъ лишь ненастье.

«Такъ было и со мною. Только встрѣча съ вами озарила мою душу свѣтлымъ лучомъ, и этотъ-то лучъ спалилъ меня. Не думайте, что это жалоба на судьбу, напротивъ, восторженное сознание, что я хоть на минуту испыталъ истинное блаженство. Оно облагородило мои чувства, отдѣлило отъ всего пошлаго и мелкаго, что окружаетъ меня. Какъ же мнѣ опять окунуться туда? Туда, гдѣ кипятъ злоба, безправіе и жестокость. Все это оскалило противъ меня зубы и хочетъ нравственно стереть меня въ порошокъ. Нѣтъ, имъ не удастся это, и я уйду, унося гордое сознание, что смерть предпочелъ позору и что вы не раскаивались въ томъ, что почувствовали влеченіе къ человѣку, хотя и загнанному судьбою, но носившему до послѣдней минуты на своемъ лицѣ образъ и подобіе Божіе. Какъ сладко умирать съ такимъ сознаниемъ и какъ пріятно сознание, что дурные люди ошибутся въ своихъ гнусныхъ намѣреніяхъ и что имъ придется возиться не съ живымъ человѣкомъ, а съ его трупомъ. Васъ мнѣ безконечно жаль. Я принесъ вамъ столько мукъ, что при одной мысли кровь готова остановиться у меня въ жилахъ. За что я сдѣлалъ васъ несчастной? За что погубилъ молодую жизнь, созданную для счастья и радостей? Если можете—простите. За свой порывъ я дорого расплачиваюсь, но горюю не за себя, а за васъ. Я обращусь въ безплотный духъ и умчусь въ невѣдомый міръ, гдѣ нѣтъ такихъ отцовъ,

какъ вашъ, и Земляничныхъ. А если они и есть, то какъ пресмыкающіеся гады, липенные высшей властью человѣческаго образа. Послѣ моей смерти не печальтесь обо мнѣ. Я умру не только безъ страха, а съ радостью, потому что до послѣдняго вздоха вашъ божественный образъ не отойдетъ отъ меня, а съ такимъ спутникомъ смерть не кара, а награда. Цѣлую слѣды вашихъ ногъ, Цѣлую все, къ чему прикасались ваши руки, и замираю отъ опьянѣнія, когда вспоминаю, что дышалъ однимъ воздухомъ съ вами... съ такими ощущеніями страшна ли смерть? Это праздникъ, идя на который, одѣваютъ подвѣчные платья, а если ихъ нѣтъ, то хотя шепчутъ «Исаія ликуй». Не правда ли, мои слова бредъ безумца? Если да, то какъ хорошо быть безумнымъ. Я закрываю глаза и вижу, какъ послѣ смерти я продолжаю существовать и стою у вашего изголовья, а вы, освободившись отъ жестокаго людскаго общества, придете въ свою комнату и предадитесь лучезарнымъ мечтамъ объ идеальной жизни, для которой насъ создалъ Богъ. Я буду невидимо съ вами, я буду вѣчно съ вами, пока природа не разрушитъ вашу земную оболочку и вы не войдете въ міръ тѣней, гдѣ я стану вашимъ вѣчнымъ рабомъ. Прощайте. Жившій по недоразумѣнію, но все-таки безгранично любившій васъ П. Барскій».

Окончивъ письмо, Павелъ упалъ головой на столъ и долго оставался недвижимымъ. Въ его головѣ былъ хаосъ. Мысли безпорядочно смѣняли одна другую, но одна, какъ раскаленный камень лежала въ головѣ—мысль о смерти.

Автоматично сложивъ письмо къ Чеботаевой и положивъ его въ конвертъ, Павелъ набросалъ нѣсколько строкъ матери.

«Дорогая мать.

«Я очень любилъ тебя и жалѣлъ. Съ тобой поступили безчеловѣчно, но ты никогда не роптала. Неси же свой крестъ до конца. Я не виноватъ, что лишенъ былъ возможности дать тебѣ спокойствіе,—всякому своя доля. Не огорчайся, что больше не увидишь своего сына, а порадуйся, что онъ ушелъ отъ жизни, которая гораздо хуже смерти. Горячо обнимаю тебя и еще разъ говорю: прощай. Любившій тебя сынъ П. Барскій».

«Вотъ и все,—подумалъ онъ.—Теперь я готовъ».

Павелъ легъ въ постель, заложилъ руки за голову и, тяжело дыша, широко открытыми глазами, смотрѣлъ въ пространство. Въ такомъ положеніи онъ находился съ полчаса. Потомъ порывисто вскочилъ, вынулъ изъ-подъ подушки приготовленную веревку и, захвативъ лампочку, вышелъ изъ хаты. Спустившись съ лѣсенки, онъ забрался въ темный уголъ двора. Тамъ онъ перекинулъ веревку черезъ балку, надѣлъ себѣ на шею петлю и прыгнулъ съ тѣлѣги. Раздался хрипъ, отъ котораго вздрогнули бывшія тутъ лошади, а затѣмъ... для Барскаго все было кончено.

На утро, проснувшись, хозяева очень удивились, не видя солдата на его постели. Сначала они подумали, что онъ вышелъ, но когда прошло значительное время и Павелъ не возвращался, его отсутствіе стало казаться подозрительнымъ, и у всѣхъ явилось подозрѣніе, что солдатъ пошелъ куда-нибудь «баловаться». Такъ шло время, пока совѣтъ разсвѣло.

Вдругъ со двора раздался пронзительный крикъ. Молодуха, убиравшая скотъ, увидѣла Павла, висѣвшаго на переключинѣ. Поднялся страшный переполохъ. Побѣжали за старостой.

Въ это время рота собиралась на сборню для ученья.

Земляницынъ, выйдя передъ фронтъ и обойдя ряды, обратился къ фельдфебелю:

— Всѣ въ сборѣ?

— Никакъ нѣтъ. Барскій не явился.

— Почему?

— Не могу знать. И капральному не извѣстно.

— А, вотъ какъ! Послать за нимъ конвой и приготовить розогъ.

— Слушаю, ваше благородіе.

Немедленно наряжены были три солдата, которые и отправились притащить провинившагося. Но они еще издали увидѣли возлѣ хаты, гдѣ помѣщался Павелъ, толпу народа. Подойдя къ крыльцу, старшій обратился къ хозяину:

— Гдѣ у васъ тутъ солдатъ?

— Поди погляди. Виситъ подъ лопасомъ.

Старшій смутился, но понялъ, что конвою тутъ дѣлать нечего, и поспѣшно пошелъ къ ротѣ.

Увидя, что посланные возвращаются одни, Земляницынъ закричалъ:

— Гдѣ же онъ? Убѣжалъ?

— Никакъ нѣтъ, удавился.

Гаврила Ардалионовичъ вздрогнулъ.

— У-да-вил-ся! Счастливъ его Богъ, а то я всполоховалъ бы ему спину.

Негодный человѣкъ не измѣнилъ себѣ и въ такую страшную минуту, когда человѣкъ кончилъ расчеты съ жизнью, остался мерзкимъ циникомъ.

Вѣсть о смерти Барскаго быстро обѣжала всю мѣстность и вызвала общее сожалѣніе. Тимчукъ пережилъ отвратительныя минуты и почувствовалъ желаніе уйти изъ той атмосферы, гдѣ честь человѣческая считается ничѣмъ.

Узнавъ о трагической кончинѣ Барскаго, Наталья Степановна горько заплакала, а мужъ ея въ первый разъ въ жизни почувствовалъ, какъ хорошо быть добрымъ человѣкомъ, щадить обездоленныхъ и не брать на себя позорной роли палача.

Иванъ Дементьевичъ, какъ числившійся больнымъ, не принималъ участія въ уголовной процедурѣ о самоубійствѣ Барскаго, и все это пало на Земляничина, на котораго гибель позорно погибшаго талантливаго юноши не производила никакого впечатлѣнія.

— Подохъ и подохъ,—говорилъ онъ небрежно.—Много ихъ такихъ.

Когда становой приставъ пріѣхалъ производить дознаніе, то нашелъ на столѣ Барскаго два пакета: одинъ на имя матери покойнаго, а другой по адресу Тимчука съ припиской: «передать М. Е. Ч.».

Приставъ не замедлил вручить пакетъ прапорщику. Анатолій Сергѣевичъ былъ въ затрудненіи, какъ вручить письмо по адресу, такъ какъ въ домѣ Чеботаева его не принимали. Пришлось обратиться къ Наталіи Степановнѣ, которая охотно взялась передать посмертное письмо Павла.

Маша уже знала о самоубійствѣ Барскаго. Молодой дѣвушкѣ, подавленной тѣмъ, что совершалось вокругъ нея, стало казаться, что смерть уже витаетъ вокругъ нея.

Доставленное ей Топыриной письмо Маша долго цѣловала и обливала горькими слезами. Обаятельная личность погибшаго выросла передъ ней во всю величину. Героизмъ и спокойствіе, съ которыми Павелъ накладывалъ на себя руку, и нѣжность его предсмертнаго обращенія къ ней гипнотизировали молодую дѣвушку. Ее стало тянуть къ нему, и эта мысль охватила все ея существованіе.

Какія же чувства могъ внушать ей отецъ, поднимавшій руку на беззащитнаго страдальца, самородка-художника! Все, что говорилъ Евгеній Васильевичъ, ей стало казаться не только отвратительнымъ и пошлымъ, но преступнымъ.

— Какъ же мнѣ съ ними жить?—спрашивала она себя.—Развѣ наша жизнь адъ?

Но она всего болѣе стала бояться объясненій съ отцомъ и матерью.

— Что они могутъ сказать? Я для нихъ чужая и такой останусь, пока... не покончу свои жалкіе дни.

Молодая дѣвушка не ошиблась. Черезъ нѣсколько дней въ ея комнату вошла Олимпіада Викторовна.

— Очень грустно, Машенька, что тебя впутали въ эту скверную исторію съ Барскимъ, но пора одуматься и стать доброй дочерью.

Маша молча выслушала мать, не поднимаясь съ мѣста.

— Я, кажется, тебѣ говорю,—недовольнымъ тономъ спросила Чеботаева.

— Что же я вамъ отвѣчу?

— Сердце должно подсказать тебѣ.

— Мое сердце и подсказываетъ... я уйду въ монастырь.

— Мы не отпустимъ тебя.

— Не можете. Никому не запрещено посвящать себя Богу.

Чеботаева поняла, что взяла невѣрный тонъ, и заговорила проще.

— Не удивляюсь, что такая мысль пришла тебѣ въ голову. Ты хочешь замолить свой грѣхъ.

— На мнѣ нѣтъ никакого грѣха. Я ухожу потому, что не могу жить съ вами. Вы сочли меня дѣвушкой, потерявшей стыдъ и забывшей, что такое честь. Вы не признали за мной права относиться къ человѣку дружески, сохраняя къ нему самыя чистыя идеальныя отношенія. Въ вашихъ глазахъ я была какимъ-то отбросомъ. Своими подозрѣніями вы унизили меня до того, что люди стали смотрѣть на меня, какъ на падшую. А стань вы выше отвратительныхъ предразсудковъ, онъ не умеръ бы, а я осталась бы до гроба безгранично любящей васъ дочерью. А теперь... его ужъ нѣтъ, а я... должна считать себя его убійцей. Вдумайтесь въ этотъ ужасъ, и вы поймете, что я должна чувствовать.

Противъ такой неотразимой логики Олимпіада Викторовна не нашлась, что отвѣтить, только заплакала и, выходя отъ дочери, проговорила:

— За все, что ты сказала мнѣ, тебя накажетъ Богъ. Твои слова я передамъ отцу, и пусть все рѣшитъ онъ.

По уходѣ Олимпіады Викторовны Маша впала въ полузабытье, отдѣлившись душой отъ всего окружающаго ее.

Къ вечеру Евгеній Васильевичъ вернулся домой и, поговоривъ полчаса съ женой, вошелъ въ комнату дочери.

— Я услышалъ интересную новость,—ты собираешься въ монастырь?

Маша молчала.

— Если тебя спрашиваютъ, то неделикатно не отвѣчать.

— Мнѣ нечего отвѣчать.

— Т.-е. какъ же такъ? Идешь?

— Я уже сказала.

— Этого не много. Ты сказала «иду», а я отвѣчаю «не пущу».

По лицу дѣвушки пробѣжала насмѣшливая улыбка, и она вызывающе проговорила:

— Не можете.

— Какъ не могу?—разсердись, закричалъ старый гусарь.—У отца есть власть.

— Она есть и у другихъ. Я напишу письмо архіерею и буду просить защиты отъ вашего произвола.

Чеботаевъ окаменѣлъ.

— Защиты? Отъ отца? Кто тебя научилъ такимъ словамъ? Тотъ... мерзавецъ.

При словѣ «мерзавецъ» Маша вскочила съ постели и внѣ себя отъ волненія проговорила:

— Мертвыхъ не бранять... они защититься не могутъ. Я не уважаю васъ.

— Вот что? Не уважаешь? А я могу уважать тебя? Если бы ты до всей этой гнусной исторіи пожелала посвятить себя Богу, я самъ отвезъ бы тебя въ обитель и сдѣлалъ бы вкладъ, а теперь, когда ты осрамила насъ и дерзко объявила, что не уважаешь меня, ты для меня уже не та дочь, какой была прежде, и я не намѣраю потакать твоему сумасбродству. Сиди дома и замаливай свой грѣхъ здѣсь.

— Вы замаливайте его, потому что у васъ на рукахъ кровь безвинно погибшаго человѣка.

Этого услышать Евгений Васильевичъ никакъ не ожидалъ. Онъ стремительно подошелъ къ дочери и, поднявъ руку, прошипѣлъ:

— Еще одно слово, и я забуду, что ты дѣвушка.

На лицѣ Маши не дрогнулъ ни одинъ мускулъ. Она гордо вскинула глазами и съ достоинствомъ проговорила:

— Пожалуйста! Буду очень рада. По крайней мѣрѣ люди, чьимъ мнѣніемъ вы такъ дорожите, скажутъ, что вы любили только собакъ, но не людей.

Ударъ былъ сильный и мѣткій. Чеботаевъ растерялся. Онъ понималъ, что отъ такой обезумѣвшей дочери можно ждать всего, что доводить до катастрофы. Онъ отошелъ отъ Маши и, оставоваясь у дверей, въ изступленіи проговорилъ:

— По-тас-куш-ка!

Дѣвушка замерла.

— Я потаскушка? — повторила она про себя это слово и за-смѣялась.

Въ этомъ смѣхѣ слышалось нѣчто ужасное. Такъ смѣются только люди, доведенные до полного отчаянія или потерявшіе рассудокъ.

— Потаскушка! Это сказалъ мнѣ отецъ. Какъ же я буду людямъ смотрѣть въ глаза? Даже въ монастырѣ сочтутъ меня падшей, пришедшей молитвой омыть свою грѣховную нечистоту. Такъ вотъ до чего я дожила? Куда же мнѣ дѣваться? Куда?

Маша упала на кровать, горько зарыдала и долго не могла унять своихъ слезъ. Будь Олимпіада Викторовна женщиной, у которой помѣщицье чванство не заглушило теплоты и сердечности, она обратилась бы къ дочери съ любовью, отогнала бы отъ нея мрачныя мысли. Но Чеботаева ждала, когда Маша явится первой выразить покорность. Это со стороны Олимпіады Викторовны была роковая ошибка.

Не видя привѣта и испытывая невыразимыя душевныя муки, молодая дѣвушка быстро рѣшила:

«Ждать мнѣ нечего, надѣяться не на что, я должна умереть. Да, да, должна. И пусть моя смерть отравитъ отцу жизнь. Онъ никогда не будетъ знать покоя, и я буду отомщена».

Послѣ такого рѣшенія Маша перестала все соображать. На нее нашло летаргическое состояніе, когда люди все видятъ, все чувствуютъ, но не могутъ двигаться и оказывать сопротивленіе.

Дѣвушка достала письмо Павла и стала съ жадностью его перечитывать.

«Милый,—шептала она.— Какъ онъ правъ. Жить должны только счастливые. Онъ ждетъ меня, и, можетъ быть, тѣнь его и теперь здѣсь. Да, да, онъ здѣсь. Я чувствую это. Ты пришесть за мною. Бери, бери».

Маша блуждающими глазами окидывала свою комнату; экзальтація смѣшивалась съ ужасомъ и отражалась на ея лицѣ. Мысль о смерти охватила все ея существо, и она стала соображать, какимъ способомъ окончить свои дни. Тутъ ей припомнилось, что у матери между многими аптечными средствами, которыми она лечила дворню, есть пузырекъ съ опиумъ. Эта мысль обрадовала ее.

«Я засну! Какое блаженство пережить все, чувствовать и навсегда уйти безъ страданій».

Но мятежный духъ ея не утихалъ. У нѣкоторыхъ передъ смертью является желаніе всѣхъ простить и оставить о себѣ добрую память, но у Маши на сердцѣ кипѣла желчь. Дрожащими руками она взяла бумагу и крупными буквами написала:

«Я избавлю васъ отъ невыносимаго положенія жить подъ одной кровлей съ потаскушкой. Радуйтесь своему освобожденію. А васъ, мама, мнѣ жаль. И вы будете горько плакать, что навсегда потеряли единственную дочь. Что дѣлать. Кто не умѣлъ любить, тотъ долженъ страдать. Вы не пустили меня въ монастырь. Но тамъ все-таки существовала бы дочь, которую вамъ вручилъ Богъ, а теперь подлѣ васъ будетъ пустота, передъ которой могильный покой не кажется ужаснымъ. Прощайте! Я не желаю вамъ зла и умираю съ молитвой о васъ».

Положивъ письмо въ конвертъ, Маша стала ходить по комнатѣ, но это была не ходьба, а какое-то стремительное безумное передвиженіе. Дѣвушка употребляла нечеловѣческія усилія, чтобы отогнать давившую ее мысль о смерти, и старалась заглушить ее физическимъ утомленіемъ.

«Скорѣй бы, скорѣй бы».

Когда домъ затихъ, Маша взяла зажженную свѣчу и неслышными шагами пробралась въ столовую; тамъ она открыла висячій шкапчикъ и въ немъ нашла нужный ей пузырекъ.

Вернувшись въ свою комнату, она долго разсматривала цвѣтъ опія и нюхала его запахъ. Потомъ поставила склянку на столъ и отошла. Ея сердце усиленно билось и замирало, лицо покрывалось смертельной блѣдностью, и руки дрожали... Но колебанія кончились. Маша нервно схватила пузырекъ, вылила въ стаканъ, добавила воды и выпила залпомъ, не замѣчая даже горькаго противнаго вкуса яда.

Поставивъ стаканъ, дѣвушка въ изнеможеніи опустилась на стулъ, потомъ подошла къ образу, опустилась на колѣни и стала молиться.

Черезъ нѣкоторое время она почувствовала непріятное ощущение въ желудкѣ, потомъ звонъ въ ушахъ и ударъ въ голову. Ея мысли стали путаться, и въ глазахъ появились свѣтлые круги. Потомъ наступила полная истома, и когда она сдѣлала земной поклонъ, то уже поднять головы не могла, а упала на бокъ и уснула.

На утро нашли ея холодный трупъ.

П. Невѣжинъ.

ЗАПИСКИ ГРАФА МОРИОЛЛЯ ¹⁾.

(1821—1833 г.).

V.

Вѣсть о смерти императора Александра.—Разговоръ съ великимъ княземъ.— Нежеланіе его покинуть Варшаву.— Бунтъ въ С.-Петербургѣ.— Характеристика императора Александра и его отношеніе къ убійству отца.— Александръ и Наполеонъ.— Сватовство Наполеона къ великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ.— Смерть императора Александра.

ПРОБЫЛЪ во Франціи три мѣсяца и, передавъ дѣло о вознагражденіи въ руки одного вполне надежнаго лица, отправился обратно въ Варшаву. Мое путешествіе совершалось вполне благополучно, несмотря на позднее время года, и я добрался до послѣдней передъ Варшавой почтовой станціи безъ приключеній.

Пока запрягали лошадей, къ моей каретѣ подошелъ смотритель и печальнымъ голосомъ спросилъ меня, знаю ли я уже о горестномъ событіи, которое повергло въ отчаяніе всю страну. Этотъ вопросъ заставилъ меня вздрогнуть, и мое встревоженное воображеніе со страхомъ остановилось на великомъ князѣ, жизни котораго, какъ мнѣ было извѣстно, грозили неоднократно.

— Живъ ли великій князь?—быстро воскликнулъ я.

— Такъ точно,—отвѣчалъ смотритель.— Но мы лишились нашего отца. Скончался государь, и я самъ узналъ эту печальную новость въ Бельведерѣ, откуда вернулся только сегодня утромъ.

Я вздохнулъ свободнѣе, ибо, хотя я и жалѣлъ императора Александра, но для меня была огромная разница потерять его или

¹⁾ Продолженіе См. «Ист. Вѣстн.», т. СХVII, стр. 418.

великаго князя. Я спросилъ, въ Бельведерѣ ли еще великій князь. Тотъ отвѣчалъ утвердительно. Достоверность извѣстія мнѣ показала подозрительной, ибо я не могъ понять, какимъ же образомъ великій князь могъ оставаться въ Варшавѣ, вмѣсто того, чтобы легѣть въ Петербургъ. Кромѣ того, почему вѣсть объ этомъ не дошла до меня дорогой?

Было уже поздно, когда я пріѣхалъ въ Брюлевскій дворецъ, но тѣмъ не менѣе я побывалъ у генерала Кривцова, начальника военной канцеляріи великаго князя, который подтвердилъ мнѣ извѣстіе о смерти императора. Великій князь зналъ о ней уже нѣсколько дней, но отъ публики это событіе еще скрывали самымъ тщательнымъ образомъ. Этимъ и объясняется, почему никто не зналъ о смерти императора по всему длинному пути, которымъ я ѣхалъ.

На другой день рано утромъ я переѣхалъ въ Бельведеръ и велѣлъ доложить о себѣ великому князю, который принялъ меня сейчасъ же.

Я засталъ его одного, почти въ одной рубашкѣ; лицо его выдавало терзавшее его волненіе. Онъ обнялъ меня и крѣпко прижалъ къ своей груди. Сказавъ, что онъ очень радъ меня видѣть, великій князь сразу перевелъ разговоръ на дѣло, которое только одно могло его всецѣло поглощать.

— Вы видите меня, дорогой графъ, въ очень щекотливомъ положеніи. Вамъ извѣстно, что я не долженъ царствовать, но отъ этого мнѣ не легче, и скорбь о моемъ братѣ вмѣстѣ съ заботами, въ которыя я теперь долженъ погрузиться, дѣлаетъ меня почти больнымъ. Я послалъ брату Николаю, какъ моему государю, присягу на вѣрность, но до сихъ поръ считаются только съ моими правами и со всѣхъ концовъ имперіи шлютъ мнѣ вѣрноподданнческія донесенія. Я отправляю ихъ въ Петербургъ не распечатанными. Я хочу быть первымъ вѣрноподданнымъ моего брата и желаю, чтобы всѣ объ этомъ знали.

— Я никогда не сомнѣвался,—отвѣчалъ я, избѣгая титуловать его вашимъ величествомъ:—что взятыя вами на себя обязательства для васъ навсегда останутся священными, но долженъ сознаться, что я очень удивленъ, видя васъ здѣсь. Я полагалъ, что, какъ бы тамъ ни было, ваше присутствіе въ Петербургѣ необходимо.

— Нѣтъ,—быстро возразилъ великій князь:—я не оставлю Бельведера: этотъ постъ мнѣ ввѣренъ покойнымъ императоромъ, и я не покину его. Если я останусь здѣсь, то не будетъ поводовъ ложно толковать мои шаги. Такъ какъ взоры всей Европы устремлены теперь на меня, то мое поведеніе должно быть яснымъ и открытымъ.

Великій князь еще нѣкоторое время говорилъ со мною о безпокойствѣ и страхѣ, которые ему причинила внезапная кончина императора, и, обнявъ меня вторично, отпустилъ со словами:

«истор. вѣств.», сентябрь, 1909 г., т. сѣвн.

7

— Мы еще увидимся.

Это, впрочемъ, случилось лишь черезъ нѣсколько дней, такъ какъ великій князь выходилъ изъ своихъ апартаментовъ только для того, чтобы отправиться къ княгинѣ, съ которою и обѣдалъ вдвоемъ. Остальное время было у него занято депешами и бумагами, которыя ему привозили безпрестанно днемъ и ночью множество фельдъегерей, прибывавшихъ одинъ за другимъ.

Смерть государя въ деспотическихъ государствахъ всегда является моментомъ кризиса и смятенія. Императоръ Павелъ, испытавъ на себѣ отсутствіе закона о престолонаслѣдїи, старался предупредить бѣдствія, въ которыя могъ попасть російскій престоль, замѣщавшійся послѣ освобожденія всякій разъ путемъ революціи. Поэтому онъ постарался установить основныя начала, которыя опредѣляли бы права наслѣдованія престола такъ, какъ это было принято въ цивилизованной Европѣ. Этому закону онъ стремился придать особенную силу, особенную торжественность, въ которыхъ онъ могъ видѣть поддержку его дѣлу. Но на какую устойчивость можетъ разсчитывать законъ въ странѣ, гдѣ считается аксіомой, что всякій указъ дѣйствителенъ только тогда, когда живъ еще издавшій его государь? Александръ, уступая внушеніямъ со стороны, которыя какъ разъ совпадали съ его собственными чувствами, воспользовался этимъ и нарушилъ законъ въ ущербъ своему брату Константину. Великій князь забылъ, что долгъ наслѣдника долженъ отодвинуть на задній планъ вкусы частнаго человѣка и что высокія обязанности, выпавшія на его долю, требовали, чтобы онъ пожертвовалъ своимъ личнымъ счастьемъ даже въ тотъ моментъ, когда онъ былъ близокъ къ нему. Беззаботность великаго князя, скажу больше, презрѣніе къ самому умному закону, который только могъ выйти изъ головы императора Павла, чуть было не погубило императорской фамиліи и не повело къ гибели имперіи. Образовался заговоръ, явилось увлеченіе новыми идеями и критика правительства. Въ высшихъ слояхъ общества стала проявляться склонность къ разрушенію стараго. Петербургъ и особенно Москва были главными квартирами энтузіастовъ и людей, недовольныхъ правительствомъ. Но народъ въ своемъ счастливомъ невѣдѣніи оставался совершенно чуждымъ затѣямъ заговорщиковъ, среди которыхъ впоследствии не оказалось талантливыхъ людей, необходимыхъ для такого дѣла. Тѣмъ не менѣе они составили цѣлое общество, выработали себѣ планъ дѣйствій, въ которомъ прежде всего предполагалась рѣзня императорской фамиліи, и старались набирать себѣ новыхъ членовъ, расширять свои тайныя связи къ тому времени, къ которому приурочена была катастрофа.

Я не буду входить въ подробности, которыя обнаружили при слѣдствіи. Скажу только, что императоръ Александръ зналъ о готовящемся заговорѣ, въ которомъ, по моему убѣжденію, иностранныя державы были ни при чемъ.

Уѣзжая изъ Петербурга, государь хотѣлъ усыпить осторожность заговорщиковъ и такимъ образомъ побудить ихъ раскрыть ихъ тайну. Въ то же время онъ избавлялся и отъ шпіонства иностранныхъ пословъ, которыми былъ окруженъ.

Великій князь Константиѣ также зналъ объ этихъ опасныхъ замыслахъ и вмѣстѣ съ братомъ пристально слѣдилъ за ними. Хотя онъ объ этомъ никогда не говорилъ, но я, жившій въ непосредственной близости къ нему, имѣлъ основаніе подозрѣвать его въ этомъ. Однако онъ былъ такъ остороженъ, что только послѣ того, какъ событія разыгрались въ Петербургѣ, признался мнѣ, что зналъ о заговорѣ, о которомъ ему уже давно сообщилъ его братъ.

Это обстоятельство дѣлаетъ еще болѣе непонятнымъ упорство, съ которымъ онъ продолжалъ оставаться въ Варшавѣ. Смерть Александра повергла заговорщиковъ, которые еще не совсѣмъ приготовились, въ ошолбенѣніе. Однако они быстро оправились и рѣшили воспользоваться замѣшательствомъ, которое должна было вызвать эта неожиданная смерть. И въ самомъ дѣлѣ прежде, чѣмъ было обнародовано отреченіе, о которомъ знали только по наслышкѣ, возникъ вопросъ: кто же царствуетъ, Николай или Константинъ? Заговорщики распустили слухъ, что Николай хотѣлъ узурпировать власть, что законнымъ наслѣдникомъ является его братъ, котораго держатъ въ плѣну. Такимъ путемъ они увлекли за собою столичные и нѣкоторыя провинціальныя войска. Не прояви юный государь хладнокровія и мужества, императорская фамилія была бы вся перебита. Но у заговорщиковъ не было ни генія, ни вліянія, ни средствъ, достаточныхъ для того, чтобы организовать революцію и управлять ею. Она только терзала имперію, разрывала ее на окровавленные куски и отдавала ее въ жертву фанатической ярости, невѣжества и варварства. Вотъ неисчислимыя бѣдствія, которыя великій князь своимъ непонятнымъ поведеніемъ навлекъ на имперію, династію и наконецъ на самого себя.

Многіе приписывали упорное нежеланіе великаго князя пріѣхать въ Петербургъ свойственной ему трусости. Я считаю это мнѣніе совершенно неосновательнымъ. Во всѣхъ многочисленныхъ своихъ кампаніяхъ онъ обнаруживалъ достаточную отвагу. Сраженіе подъ Феръ-Шампенуазѣ, гдѣ онъ лично командовалъ отрядомъ и одержалъ полную побѣду, подвергаясь такой же опасности, какъ послѣдній солдатъ, доказываетъ, что онъ не боялся ся. Я никогда не замѣчалъ въ немъ трусливости или малодушія. Наоборотъ, зная, что ему грозитъ какая-нибудь опасность, онъ нарочно не обращалъ на нее вниманія. Сколько покушеній на его жизнь подготовлялось за тотъ періодъ, пока я былъ при немъ, и онъ никогда не принималъ никакихъ мѣръ предосторожности, выѣзжалъ въ открытой коляскѣ почти всегда одинъ и очень рѣдко съ адъютантомъ. Нѣтъ, не изъ трусости остался онъ въ Варшавѣ, гдѣ, можетъ быть, ему угрожала больше всего опас-

ность. Ложный расчетъ, узкая политика, можетъ быть, вліяніе жены, наконецъ упрямство—вотъ, думается мнѣ, мотивы, которые удерживали его на мѣстѣ. Оставаясь въ Варшавѣ, онъ старался показать, что верховная власть его совершенно не интересуется, дѣлалъ видъ, что занимается только дѣлами, которыя ему были ввѣрены, и съ необыкновенной ловкостью, которой хвастался, поддѣлывалъ тѣхъ, кто выбивался изъ привычной колеи. Когда генераль Колзакъ¹⁾, бывший его адъютантъ, котораго онъ очень любилъ, вздумалъ назвать его величествомъ, онъ немедленно отослалъ его въ ряды гвардіи. Графъ Новосильцовъ, котораго великій князь весьма уважалъ, совершилъ такую же ошибку и публично получилъ за это жестокой выговоръ.

Прежде, чѣмъ повѣствовать о томъ, что произошло на моихъ глазахъ, я скажу нѣсколько словъ объ императорѣ Александрѣ. Все то, что я слышалъ о немъ изъ устъ его брата, и все то, что я по своему положенію могъ видѣть самъ, даетъ мнѣ небезынтересный матеріалъ. Прежде всего меня удивляетъ выборъ императрицы Екатерины, которая пригласила воспитателемъ обоихъ великихъ князей челоуѣка, извѣстнаго своей независимостью и любовью къ демократической свободѣ. Это еще можно понять, если имѣть въ виду только то, что она поддерживала переписку съ энциклопедистами, переводила «Велизарія» и писала комедіи, увлекаясь, по своему тщеславію, славою умной женщины. Но когда шлиссельбургскія темницы и сибирскія тайги обличаютъ въ ней безпокойнаго деспота, который безжалостно преслѣдовалъ свои жертвы, то уже совсѣмъ непонятно, какъ могла Екатерина довѣрить Лагарпу великихъ князей, которымъ предстояло царствовать послѣ нея и если не впадать въ тѣ же недостатки, то все же придерживаться ея системы.

Отца обоихъ великихъ князей, Павла Петровича, не спрашивали никогда, и онъ не смѣлъ даже высказать свое мнѣніе. Екатерина отняла у него дѣтей, какъ и власть. Презираемый матерью и оскорбляемый Потемкинымъ, этотъ великій князь держался въ тѣни. Шпіонство, которымъ онъ былъ окруженъ, заставляло его не довѣрять никому и бояться вступить съ кѣмъ-либо въ дружбу. Отцовская нѣжность къ дѣтямъ была ему почти воспрещена, и несчастный Павелъ чувствовалъ себя самымъ жалкимъ изъ своихъ всѣхъ будущихъ подданныхъ. Можетъ быть, оправданіемъ для такого обращенія съ нимъ Екатерины служило разстройство его умственныхъ способностей.

Оба великіе князя вступили въ бракъ, едва выйдя изъ отроческаго возраста. Александръ оказался счастливѣе брата, такъ какъ въ его

¹⁾ Его записки о пребываніи при великомъ князѣ были напечатаны въ «Русской Старинѣ», 1873 г., т. VII.

супругѣ соединились и внѣшнее изящество и выдающіяся духовныя качества и вся ея жизнь была исполненіемъ долга. Смерть императрицы освободила наконецъ Павла отъ тираніи, которой онъ подвергался, и возвела его на престолъ. Хотя онъ отъ рожденія былъ одаренъ умомъ и драгоцѣнными качествами, но все это было въ немъ заглушено. Онъ взялъ скипетръ, какъ дѣтскую игрушку, власть для него была тѣмъ же, чѣмъ бываетъ фѣрула для педанта, а къ имперіи онъ отнесся, какъ расточитель, который опустошаетъ государственную казну и раздаетъ казенныя земли ради удовлетворенія своей безцѣльной расточительности. Созидая, онъ въ то же время и разрушалъ, завтра отмѣнялъ то, что приказалъ сегодня, и отправлялъ въ Сибирь тѣхъ, кого онъ только что осыпалъ милостями. Таковъ былъ Павелъ въ теченіе своего царствованія.

Такое положеніе вещей не могло продолжаться долго. Каждый боялся, какъ бы не навлечь на себя гнѣва императора. Терроръ сдѣлался общимъ. Въ заключеніе Павелъ предался любовнымъ похождениямъ, которыя быстро выродились въ распутство. Ему было безразлично, откуда брать себѣ любовницъ—изъ своего ли дворца, или съ театральныхъ подмостковъ.

Всѣ страдали. Нельзя было даже предвидѣть, къ чему приведетъ такой образъ дѣйствій и не обратится ли онъ наконецъ въ жестокость. Стало извѣстно, что Павелъ намѣревался отправить въ ссылку своихъ двухъ сыновей и развестись съ женою, чтобы жениться на актрисѣ, въ которую онъ былъ безумно влюбленъ. Тогда его приближенные рѣшили отдѣлаться отъ него самого. Эта мысль не была новостью въ Россіи. Павелъ погибъ, задушенный заговорщиками.

Зналъ ли Александръ о готовившейся катастрофѣ? Есть основаніе думать, что онъ зналъ. Чтобы смягчить насиліе, сначала предложили Павлу отречься. Но вѣдь это отреченіе было вынужденное и могло быть потомъ уничтожено. Конечно, отреченіе это не могло удовлетворить даже того, кто долженъ былъ дѣлать видъ, что этого совершенно достаточно. Великій князь Константинъ очень часто рассказывалъ объ этомъ событіи и всегда хранилъ выразительное молчаніе, когда разговоръ подходилъ къ этому вопросу. Самъ онъ, безъ сомнѣнія, не зналъ о заговорѣ. Никто изъ заговорщиковъ не былъ наказанъ, всѣ сохранили свои мѣста и даже были пожалованы, начиная съ Бенигсена, который толкнулъ на преступленіе, воскликнувъ: «Если хотятъ полакомиться яичницей, то нужно сначала разбить яйца». Но каковы бы ни были событія, которыя возвели Александра на престолъ, вся Россія смотрѣла на его воцареніе, какъ на величайшее для себя счастье.

Новый императоръ, молодой, тихаго и кроткаго характера, любившій веселье, долженъ былъ бы сдѣлаться идоломъ націи, которая такъ долго жила подъ режимомъ капризнаго произвола. Первые годы новаго царствованія явились свѣтлой зарей послѣ бурной и полной ужасовъ ночи.

Но людямъ, болѣе серьезно относившимся къ общественному благу, хотѣлось бы, чтобы новый императоръ усидчивѣе занялся государственными дѣлами. Склонный къ лѣни, Александръ окружилъ себя людьми, которые въ полученной ими власти видѣли только возможность произвола и обогащенія. Всѣ чиновники въ губерніяхъ, начиная отъ губернатора и кончая послѣдними его подчиненными, были неограниченными властелинами; образовалась цѣлая цѣпь взяточничества и всяческихъ притѣсненій, которыя возбуждали справедливый ропотъ. Зная доброту монарха, надѣялись, что онъ обратитъ на нихъ вниманіе, но всѣ жалобы или докладывались совершенно неправильно, по личнымъ мотивамъ, или же вовсе не доходили до престола. Учрежденія, имѣвшія цѣлью наблюдать за общественнымъ благосостояніемъ, мало-по-малу приходили въ упадокъ, и величіе Россіи, заложенное Петромъ Великимъ и такъ блистательно поддерживавшееся Екатериной, остановилось въ своемъ развитіи. Для императора существовалъ только одинъ Петербургъ съ его увеселеніями. Тамъ онъ только и дѣлалъ, что занимался мелкими любовными интригами и пускался въ такія похождения, которымъ можно было только изумляться. Особенно любилъ онъ посѣщать англійскихъ купцовъ и не брезговалъ французскими актрисами. Съ другой стороны, у него была любовница, прекрасная Нарышкина, ставшая, конечно, источникомъ всякихъ милостей. Онъ большею частью жилъ у нея и лишь изрѣдка выступалъ въ роли государя. Такимъ образомъ онъ приобрѣлъ привычку къ волокитству дурного тона и къ мальчишескому времяпрепровожденію въ шумномъ обществѣ женщинъ низкаго происхожденія. Вкусъ къ этому онъ сохранилъ до самой своей смерти, несмотря на грандіозныя событія, участникомъ которыхъ его сдѣлала судьба.

Такъ жилъ Александръ до того момента, когда, въ качествѣ союзника Австріи, онъ долженъ былъ выйти изъ своей летаргіи. Опьяненный чувствомъ огромной мощи и лестью своего молодого двора, онъ вообразилъ, что можетъ не только бороться съ величайшимъ полководцемъ своего вѣка, но и уничтожить его. Однако послѣ пораженийъ подъ Аустерлицемъ, а затѣмъ подъ Прейсишъ-Эйлау и Фридландомъ пренебреженіе къ Наполеону перешло въ страхъ передъ нимъ. Тильзитскій миръ и взаимное ихъ сближеніе, несмотря на дружественныя отношенія, не устранили нѣкотораго взаимнаго недовѣрія и подозрительности. Наполеонъ внесъ въ этотъ союзъ весь свой авторитетъ, основанный на побѣдахъ, всю свою тонкую политику, все обаяніе своего гения. Александръ—уступчивость, сознаніе своего неравенства, вслѣдствіе чего и старался всяческими уловками оберечь себя отъ власти и вліянія Наполеона. Наполеонъ хотѣлъ склонить его къ великому проекту раздѣла, которымъ онъ увлекъ было императора Павла. Но сынъ чувствовалъ всю опасность этихъ затѣй и старался поссорить Францію съ Англіей. Наполеонъ гова-

риваль, что онъ считаетъ Александра самымъ тонкимъ изъ всѣхъ европейскихъ государей, который въ концѣ концовъ проведетъ ихъ всѣхъ. Тѣмъ не менѣе онъ сдѣлалъ попытку подчинить Александра своему вліянію и притомъ вскорѣ послѣ того, какъ пытался заставить его принять свои планы силою оружія.

Оба императора вступили въ оживленную тайную переписку. Ихъ письма не проходили черезъ руки посланниковъ, а доставлялись особыми курьерами. У Александра былъ особый секретный столъ, куда онъ клалъ письма Наполеона. Ключъ отъ этого стола онъ всегда носилъ въ своемъ кармапѣ. Такія предосторожности сильно интриговали придворныхъ, которые боялись, какъ бы ихъ государь не подпалъ подъ своего рода опеку Наполеона. Между тѣмъ послѣдній въ поискахъ за союзомъ, который придастъ бы больше вѣса его политикѣ, рѣшилъ породниться съ русской императорской фамиліей, и Коленкуръ получилъ порученіе осторожно позондировать взгляды на этотъ счетъ Александра. Великая княжна Екатерина Павловна, которую Александръ любилъ больше другихъ сестеръ, вполне отвѣчала намѣреніямъ Наполеона, но ему приходилось дѣйствовать очень осторожно, чтобы оградить себя отъ неприятностей, связанныхъ съ отказомъ. Великая княжна отличалась возвышеннымъ характеромъ, обожала свою страну и старалась обращаться съ Коленкуромъ настолько же гордо, насколько ея братъ былъ съ нимъ вѣжливъ и предупредителенъ.

На одномъ придворномъ балѣ императоръ, будучи въ самомъ хорошемъ расположеніи духа, удостоилъ Коленкура бесѣды, которая на этотъ разъ отличалась большею, чѣмъ обыкновенно, любезностью. Тотъ воспользовался такимъ удобнымъ случаемъ, чтобы намекнуть на данное ему порученіе, и сказалъ въ этомъ направленіи нѣсколько фразъ. Удивленный императоръ вдругъ сдѣлался серьезенъ и отвѣчалъ посланнику, что мѣсто и время не совсѣмъ удобны для столь важнаго разговора. Великій князь Константинъ, бывшій тутъ же въ залѣ, замѣтилъ происшедшую съ братомъ перемѣну и подошелъ къ нему, желая узнать, что случилось.

— Что ты скажешь о предложеніи этого шута Коленкура, который вздумалъ говорить здѣсь со мной о бракѣ между его государемъ и моею сестрой Екатериной?

— Что я скажу?—отвѣчалъ великій князь съ обычною откровенностью:—скажу, что ему не мѣсто въ нашей семьѣ.

Въ тотъ же вечеръ великой княжкѣ сообщили о предложеніи, сдѣланномъ Коленкуромъ. Чтобы избавить своего брата отъ неприятностей, которыя были связаны съ этимъ сватовствомъ, она принесла себя въ жертву и вышла замужъ за принца Ольденбургскаго, который былъ ей совершенно не пара.

Принцъ въ это время находился въ Петербургѣ, и дѣло было сложено въ трие сутокъ: до того торопились обезопасить себя отъ даль-

нѣйшихъ домогательствъ Наполеона. Тотъ почувствовалъ уколъ и отомстил тѣмъ, что лишилъ принца Ольденбургскаго его владѣній и съ тѣхъ поръ преслѣдовалъ его постоянно. Александръ отличнo устроилъ своего зятя въ Россіи, но онъ вскорѣ послѣ брака умеръ. Его вдова, несмотря на протесты великаго князя Константина, вторично вышла замужъ за короля вюртембергскаго и скоро скончалась отъ какой-то скоротечной болѣзни, которая возбуждала сильныя подозрѣнія.

Послѣ паденія Наполеона Александромъ овладѣло желаніе показать себя на уровнѣ новомодныхъ идей, и онъ далъ полякамъ конституцію, для которой они не были ни достаточно подготовлены, ни достаточно просвѣщены. Впрочемъ, конституцію онъ далъ лишь немногимъ польскимъ провинціямъ, которыя входили въ составъ царства Польскаго. Остальныя же онъ просто присоединилъ къ Россіи. Это различное отношеніе должно было вызвать только зависть и недовольство, еще болѣе способствовавшія распространенію идей, опасность которыхъ онъ вскорѣ самъ созналъ.

Послѣ Вѣнскаго конгресса Александръ впалъ въ бездѣйствіе, которое было совершенно неумѣстно къ его положенію. Привыкнувъ къ великимъ событіямъ, къ театральнымъ позамъ и къ эффектнымъ ролямъ, онъ уже не стремился къ истинному величію и не хотѣлъ заняться внутреннимъ устройствомъ своей имперіи, гдѣ царилъ полный безпорядокъ.

Тамъ его слава, не принеся счастья его народу, много теряла въ сравненіи съ престижемъ, которымъ онъ пользовался за границей. Императоръ былъ нуженъ Россіи, Александръ же только и думалъ о томъ, какъ списать себѣ льстивое удивленіе чужихъ народовъ. Событія въ Неаполѣ, Сардиніи и въ Испаніи дали ему еще разъ случай удовлетворить эту потребность—занимать первое мѣсто въ міровой политикѣ и совершать отдаленныя путешествія. Конгрессы въ Лайбахѣ и Вѣнѣ дали ему поводъ выступить на міровую сцену самостоятельно. Но, уладивъ дѣла, онъ долженъ былъ вернуться къ себѣ въ Россію, которая стала уже тѣсна для его замашекъ и которая требовала отъ него слишкомъ много заботъ. Но эти заботы о Россіи, напротивъ ему. Донесенія и прошенія, адресованныя императору, нагружались въ большія фуры, которыя всюду за нимъ слѣдовали. Но онъ даже не прикасался къ нимъ, и послѣ его смерти бумаги эти по большей части оказались не распечатанными.

Такимъ образомъ, угнетаемый скукой, влача за собой всюду пресыщеніе, исчерпавъ даже всѣ физическія удовольствія, которыя въ концѣ концовъ стали для него невозможными вслѣдствіе прежнихъ злоупотребленій, этотъ государь получилъ ко всему отвращеніе и впалъ въ апатію. Сама жизнь потеряла для него свою цѣну.

Напрасно пытался онъ наполнить ее кое-какими незначительными мѣропріятіями во внутреннихъ дѣлахъ своей имперіи. Пре-

слѣдуемый всюду недовольными заговорщиками и шпионами, терзаемый угнетеннымъ настроеніемъ, которое, быть можетъ, явилось у него слѣдствіемъ его разстроеннаго здоровья, онъ направился наконецъ въ Крымъ, чтобы искать тамъ желаннаго ему одиночества, и нашель тамъ смерть. Весною 1825 г. онъ долго жилъ въ Варшавѣ, и я постоянно встрѣчалъ возлѣ него доктора Вилье, который былъ для него и врагомъ, и другомъ. Сидя однажды за обѣдомъ рядомъ съ нимъ, я сказалъ ему комплиментъ по поводу отличнаго состоянія здоровья его паціента.

— Не судите о немъ по внѣшности, — возразилъ онъ. — Его поддерживаетъ только строгій режимъ, которому я подвергъ его величество. Если онъ будетъ его нарушать, могутъ произойти серьезныя послѣдствія. Тогда трудно будетъ поправить дѣло. Лучше будемъ молить Бога, чтобы онъ сохранилъ государя отъ случайностей, которымъ онъ уже неоднократно подвергался.

При этихъ словахъ Вилье разсказалъ мнѣ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ у государя образовалась на ногѣ настолько опасное рожистое воспаленіе кожи, что ему хотѣли было отрѣзать ногу, и что эта операція едва ли прошла бы благополучно, такъ какъ зараженіе соковъ могло помѣшать зарубцованію шва. Объ этомъ случаѣ я слышалъ и раньше отъ великаго князя, который въ это время ѣздилъ къ брату и разсказывалъ мнѣ потомъ объ опасности, которой тотъ подвергался. Отъ него же я узналъ, что вся царская семья страдаетъ золотухой, причемъ онъ показывалъ мнѣ слѣды этой болѣзни на немъ самомъ.

Великій князь завелъ со мною разговоръ объ этомъ по поводу своего сына, у котораго уже появились симптомы той же болѣзни. Онъ передавалъ также, что у императора часто бывало рожистое воспаленіе, которое начиналось на ногѣ и переходило затѣмъ на все тѣло.

Остановившись съ многочисленной свитой въ небольшомъ городкѣ Таганрогѣ, императоръ развлекался только прогулками верхомъ по окрестностямъ. Несмотря на чудный климатъ, пребываніе въ Крыму бываетъ опасно для пріѣзжихъ, которые не принимаютъ мѣръ предосторожности по вечерамъ, когда бываетъ холодно и сыро. Туземцы во всякое время года носятъ мѣховую одежду, которую снимаютъ только дома въ самую жару.

Заѣхавъ во время одной изъ своихъ прогулокъ къ нѣкому мирзѣ, императоръ пробылъ у него дольше, чѣмъ слѣдовало. Когда онъ рѣшилъ возвращаться, наступала уже ночь. Докторъ Вилье предложилъ ему послать за экипажемъ, но императоръ и слышать не хотѣлъ объ этомъ и по своему обыкновенію совершилъ переѣздъ верхомъ. До Таганрога ѣзды было около двухъ часовъ, и императоръ весь оконченѣлъ отъ холода. На слѣдующій день у него появилась лихорадка. Вилье, знавшій ходъ развитія такого рода болѣзни,

умолялъ его принять лекарство, которое дается въ такихъ случаяхъ для предотвращенія осложненій, но императоръ отказался съ упорствомъ, которое явилось слѣдствіемъ его вѣры въ судьбу. Можетъ быть, онъ и здѣсь проявилъ ту же беззаботность, которую онъ обнаруживалъ во всемъ, что касалось его лично.

— То, что написано на небесахъ, должно исполниться на землѣ,— говорилъ онъ:— и человѣческая предусмотрительность не можетъ ничего измѣнить.

Сколько разъ и великій князь повторялъ мнѣ ту же фразу: онъ тоже вѣрилъ въ судьбу. Эту вѣру, кажется, раздѣляла вся царская семья.

Между тѣмъ лихорадка продолжалась и въ слѣдующіе дни, и дѣло приняло опасный оборотъ. Встревоженный Вилье не отходилъ отъ государя и употреблялъ все усилія, чтобы заставить его дѣйствовать. Но все это не производило на императора никакого впечатлѣнія, и онъ упорно продолжалъ отвергать всякую помощь. Только на одиннадцатый день, когда болѣзнь успѣла уже развиться, онъ согласился принять лекарство.

— Дѣлайте со мной, что хотите,— сказалъ онъ Вилье.

Но было уже поздно.

Отправили курьеровъ къ императрицѣ, которая пользовалась морскими купаньями недалеко отъ Одессы. Она пріѣхала, когда ея мужъ уже умиралъ. На семнадцатый день послѣ начала болѣзни его не стало.

Императоръ умеръ естественною смертію, вопреки всякимъ слухамъ и рассказамъ. Впрочемъ, такіе слухи всегда возникаютъ при подобныхъ событіяхъ.

Мнѣ не разъ приходилось слышать отъ великаго князя о послѣднихъ минутахъ жизни его брата и объ обстоятельствахъ, которыя имъ предшествовали. Несмотря на то, что онъ рассказывалъ мнѣ объ этомъ конфиденціально, онъ ни разу не намекнулъ мнѣ о какихъ-либо подозрѣніяхъ относительно смерти брата.

Того, что мы сказали объ императорѣ Александрѣ, будетъ достаточно, чтобы дать понятіе объ его характерѣ и царствованіи.

Люди, которые близко видѣли разыгравшіяся событія, никоимъ образомъ не могутъ оправдать его поведенія относительно его брата Константина. Онъ отлично зналъ, что великій князь Константинъ самый вѣрный, самый покорный и самый преданный изъ всѣхъ его подданныхъ. Въ трудныхъ случаяхъ, когда требовалась энергія и неутомимость, онъ всегда прибѣгалъ къ нему и неблагодарной рукой срывалъ выращенный имъ плодъ. Онъ не чувствовалъ къ нему никакой братской любви, и, не сдерживая крайностей, въ которыя великій князь вдавался по горячности своего характера, онъ предоставлялъ ему свободу дѣйствія, чтобы скомпрометировать его и такимъ образомъ отрѣзать ему путь къ престолу. И дѣйствительно,

великій князь прибрѣлъ репутацію развращеннаго и злого чело-
вѣка и сдѣлался пугаломъ для всѣхъ, кто не зналъ его близко.

Такимъ же образомъ его натолкнули на бракъ, который входилъ
въ планы его брата и долженъ былъ погубить его въ общественномъ
мнѣніи. Изъ дальнѣйшаго разсказа моего читатели увидятъ все ко-
варство, которое императоръ Александръ проявилъ относительно
брата.

VI.

Александръ и Константинъ.—Переговоры относительно отреченія великаго князя
Константина.—Послѣдствія бунта 24 декабря.—Аресты въ Варшавѣ.—Слухи о
загоченіи великаго князя.—Коронація императора Николая.—Отношеніе къ нему
великаго князя.—Павелъ Александровъ.—Тестъ великаго князя Грудзинскій.—
Императоръ Николай въ Вельведерѣ.—Разговоръ его съ авторомъ.—Его внѣшность.

Черезъ два дня послѣ моего перваго свиданія съ великимъ кня-
земъ онъ вечеромъ позвалъ меня въ кабинетъ и сказалъ
мнѣ, что онъ только что получилъ изъ Петербурга листъ съ прися-
гой на вѣрность своему брату и что листъ этотъ разошелся въ пути
съ присягой, которую онъ самъ уже послалъ Николаю. Онъ жало-
вался на эту бесполезную предусмотрительность, которая можетъ
замедлить вѣсть о новомъ императорѣ и повлечъ такимъ образомъ
за собою крупныя неспріятности. Я отвѣчалъ, что, по моему мнѣнію,
его братъ дѣйствовалъ сообразно съ его же желаніемъ и что прежде
всего нужно было опубликовать и довести до всеобщаго свѣдѣнія
его отреченіе.

— Отлично можно было обойтись и безъ этой формальности,—
возразилъ великій князь.—Это дѣло касается только меня и его. Я
не люблю бесполезныхъ проволочекъ, которыя только затягиваютъ
дѣло. Благодаря такой проволочкѣ, генераль-прокуроръ сената и
нѣсколько его членовъ явились ко мнѣ съ просьбою принять корону
и положить конецъ междуцарствію. Но мое рѣшеніе твердо и доста-
точно извѣстно.

— Ваше высочество,—воскликнулъ я:—почему же вы сами не
ѣдете въ Петербургъ? Тогда все кончилось бы сразу. Во исполненіе
воли вашего отца вы возложили бы корону сначала на себя, а за-
тѣмъ на голову вашего брата. Этимъ торжественнымъ актомъ вы
показали бы, что отреклись отъ престола добровольно, а не
вслѣдствіе постороннихъ интригъ или собственной слабости. Съ
этого момента исчезли бы и неопредѣленность положенія и интриги,
и вы показали бы все величіе вашей жертвы.

— Что вы мнѣ рассказываете?—внезапно перебилъ великій
князь.—Терпѣть не могу театральщины.

Рѣзкость, съ которою онъ произнесъ послѣднія слова, заставила
меня замолчать.

— Ну, что же вы скажете еще?—продолжалъ великій князь.

— Ваше высочество,—возразилъ я:—то, что я хотѣлъ бы прибавить, по всей вѣроятности, не понравится вамъ. Вотъ почему я и замолчалъ.

— Продолжайте,—сказалъ онъ, вдругъ смягчивъ тонъ.—Я вамъ это приказываю, дорогой графъ, ибо я увѣренъ, что ваши слова будутъ внушены привязанностью вашей по мнѣ.

Тогда я сталъ ему доказывать, что въ моемъ предложеніи нѣтъ ничего театральнаго, что вслѣдствіе огромнаго интереса, съ которымъ слѣдить вся Европа за этой единственной въ исторіи государей драмой, шагъ, который я совѣтую ему сдѣлать, былъ бы какъ нельзя болѣе умѣстенъ. Я напомнилъ объ указѣ императора Павла и сказалъ, что сыну его именно и слѣдуетъ подать примѣръ исполненія этого закона, что онъ можетъ это сдѣлать и не нарушая своего слова, что мотивы, которые онъ мнѣ сообщилъ, не оправдываютъ его пребыванія въ Варшавѣ, ибо только торжественный актъ, о которомъ я говорилъ, можетъ выяснитъ его положеніе.

— Вашему высочеству неудобно теперь оставаться въ Варшавѣ на мѣстѣ, которое уже не соотвѣтствуетъ вашему сану. Вы имѣете титулъ, который вы хотите перенести на вашего брата, но который пока остается за вами. Если когда-нибудь на смотру будетъ присутствовать какой-нибудь генераль, старше и выше васъ чиномъ, вамъ придется проходить маршемъ мимо его.

— Я буду гордиться этимъ,—съ жаромъ возразилъ великій князь.—Развѣ вы меня считаете такимъ же, какъ ваши французскіе ничего не дѣлающіе принцы, съ которыми съ самаго ихъ появленія на свѣтъ носятъ какъ съ земными богами? На что они годятся, не зная ни военной службы, ни государственныхъ дѣлъ? Они проводятъ всю жизнь, воскуряя при дворѣ оиміамъ и предаваясь охотѣ и распутству. Мы, наоборотъ, полагаемъ наше величіе въ томъ, что ревностно служимъ царю и отечеству во всякихъ чинахъ и должностяхъ. У насъ не дадутъ, какъ въ Испаніи, королевъ рисковать утонуть только потому, что нельзя поступиться своимъ саномъ. Я буду маршировать передъ всякимъ, кому я подчиненъ, но вамъ, французамъ, это непонятно. Знаете ли, что случилось со мной въ Парижѣ, когда я ѣздилъ туда съ братомъ Александромъ?

«Императоръ былъ приглашенъ на обѣдъ къ королю Людовику XVIII. Я въ этотъ день былъ дежурнымъ при братѣ. Мы отправились вмѣстѣ въ Тюльери, гдѣ я проводилъ его до королевскихъ апартаментовъ, а самъ остался въ передней. Когда обѣдъ кончился и оба государя оставались вмѣстѣ, я встрѣтилъ герцогиню Ангулемскую и графа д'Артуа, которые вышли отъ короля. Графъ чрезвычайно удивился, увидѣвъ меня въ передней, и спросилъ, что я здѣсь дѣлаю.

«— Я дежурный при его величествѣ,—отвѣчалъ я,—и ожидаю здѣсь приказаній, которые могутъ послѣдовать.

«— Ба,—возразилъ графъ д'Артуа,—это смѣшно. Пойдемте-ка ко мнѣ. Мы поболтаемъ, такъ какъ государи еще долго будутъ говорить о дѣлахъ.

«Я согласился, но съ тѣмъ условіемъ, что мнѣ дадутъ знать, когда мой братъ выйдетъ.

«Мы отправились къ герцогинѣ Ангулемской и принялись болтать. Я очень люблю эту женщину и всегда удивлялся ея мужеству. Люблю и графа д'Артуа за его вѣрность королю и типичный французскій характеръ. Я сталъ развивать передъ ними свой взглядъ на происходящія событія и сказалъ, что если бы пришлось дѣйствовать мнѣ съ моими русскими, то я выбросилъ бы въ окно всѣхъ этихъ болтуновъ депутатовъ, какъ сдѣлалъ это Наполеонъ. Завязался было очень интересный разговоръ, но въ это время мнѣ сообщили, что сейчасъ выйдетъ мой братъ, я прервалъ бесѣду и поспѣшилъ къ исполненію своихъ обязанностей».

Послѣ такого отступленія, совершенно въ духѣ великаго князя, онъ вернулся опять къ нашему разговору, который продолжался далеко за полночь. Ясно было, что онъ не желаетъ разставаться ни съ своимъ постомъ, ни съ своей женой, ни съ привычками, ни съ своимъ замкнутымъ образомъ жизни.

Черезъ нѣсколько дней прибылъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ сенаторовъ генераль-прокуроръ сената. Великій князь еще разъ подтвердилъ имъ свою непреклонную волю, и ихъ миссія осталась безъ успѣха.

Въ это же время прибылъ изъ Петербурга генераль Опочининъ. Онъ былъ прежде адъютантомъ великаго князя и, какъ человекъ умный, пользовался его довѣріемъ и дружбой. Онъ не въ первый разъ пріѣзжалъ уже въ Бельведеръ, и я зналъ его уже давно. Пока онъ былъ въ Варшавѣ, великій князь требовалъ, чтобы онъ ходилъ за нимъ, какъ тѣнь, и былъ очень недоволенъ, когда тотъ долженъ былъ уѣхать изъ Бельведера. Генераль этотъ былъ посредникомъ между обоими братьями и старался примирить ихъ между собою. Его ловкость, которую онъ, впрочемъ, слишкомъ уже выставлялъ на видъ, дѣлала его чрезвычайно пригоднымъ для такой роли. Его прибытіе въ Бельведеръ при столь необычайныхъ обстоятельствахъ, очевидно, имѣло цѣлью удостовѣриться, не вздумалъ ли великій князь по честолюбію или по капризу, которому охотно поддаются сильные міра сего, вернуться къ своему первоначальному рѣшенію и принять корону. Но генераль скоро убѣдился, что великій князь попрежнему готовъ непоколебимо исполнить принятыя на себя обязательства.

Такимъ образомъ дѣло выяснилось къ взаимному удовольствію обоихъ братьевъ. Нужно было только обнародовать отреченіе. Это заставляеть меня вернуться нѣсколько назадъ.

Соглашеніе по поводу этого отреченія состоялось раньше между великимъ княземъ и императоромъ Александромъ, который не до-вольствовался, однако, только честнымъ словомъ своего брата. Объ этомъ дѣлѣ разговоръ шелъ со времени знаменитаго смотра въ Брестѣ, о которомъ я говорилъ выше.

По окончаніи смотра императоръ уѣхалъ осматривать новую крѣпость, а великій князь вернулся въ Варшаву съ обѣщаніемъ сейчасъ же по возвращеніи выслать ему требуемый актъ. Онъ сдержалъ свое слово, но императоръ потребовалъ, чтобы этотъ актъ былъ редактированъ сообразно его взглядамъ, такъ какъ редакція его брата ему не понравилась. Онъ прислалъ актъ отреченія обратно съ замѣчаніями, которыя великій князь долженъ былъ принять къ свѣдѣнію при выработкѣ новаго текста. Возникли было пререканія, но великій князь въ концѣ концовъ согласился подчиниться желанію императора и передалъ ему актъ отреченія, который былъ написанъ почти подѣ диктовку.

Достигнувъ исполненія своего желанія, Александръ прервалъ путешествіе, которое было придумано только для того, чтобы избѣ-жать щекотливыхъ личныхъ объясненій съ братомъ, и возвратился въ Варшаву.

Уступчивость великаго князя была вызвана тѣмъ, что братъ обѣщалъ ему хранить этотъ актъ въ величайшей тайнѣ и обнародо-вать его только въ случаѣ крайней необходимости. Впрочемъ, оба брата были почти ровесники и нельзя было предвидѣть, кто кого переживетъ.

Между тѣмъ это событіе наступило гораздо скорѣе, чѣмъ пред-полагали, и великому князю стало извѣстно, что подлинный актъ отреченія былъ положенъ на храненіе въ сенатъ, а копія съ него находилась въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Эта двойная предо-сторожность непріятно поразила его и нанесла ему ударъ прямо въ сердце. Его вѣрности, преданности и откровенности вполнѣ доста-точно, говаривалъ онъ, чтобы избавить его отъ всякихъ подозрѣній, и онъ согласился подписать актъ только изъ желанія сдѣлать удо-вольствіе брату.

Выказанное недовѣріе не повліяло, однако, на его рѣшеніе. Онъ собралъ лейбъ-гвардію, войска, стоявшія въ Варшавѣ, и, окружен-ный огромной толпою, громко прочелъ актъ своего отреченія, въ которомъ, кромѣ уже высказанныхъ ранѣе причинъ, привелъ еще одну, и объявилъ, что онъ отказывается отъ престола въ пользу брата своего Николая, не признавая въ себѣ способности и муже-ства управлять государствомъ. Затѣмъ онъ сейчасъ же принесъ при-сягу на вѣрность Николаю, приказавъ повторять ее всѣмъ войскамъ.

Отреченіе, произнесенное самимъ великимъ княземъ, поразило и огорчило всѣхъ преданныхъ ему людей, но этого требовали рас-четы Александра.

По возвращеніи со смотра, великій князь старался казаться въ самомъ веселомъ настроеніи.

— Наконецъ-то,—сказалъ онъ, потирая руки,—дѣло сдѣлано. Надѣюсь, теперъ меня оставятъ въ покоѣ.

Онъ сѣлъ за столъ, но, несмотря на его напускную веселость, видно было, что внутренно онъ переживаетъ страшныя муки. Печальный обѣдъ продолжался недолго, и великій князь по своему обыкновенію скоро отправился отдыхать.

Когда въ Петербургѣ вспыхнулъ бунтъ, онъ не могъ уже скрывать отъ себя, что сдѣлать большую ошибку, не поѣхавъ въ столицу, гдѣ его присутствіе лишило бы заговорщиковъ предлога къ возстанію. Тѣмъ не менѣе онъ не любилъ никогда сознаваться въ своихъ ошибкахъ и старался не говорить объ этомъ.

Однажды, воспользовавшись подходящимъ случаемъ, я сталъ умолять его быть осторожнѣе, особенно во время безпорядковъ, когда не извѣстно еще, пѣтъ ли и въ другихъ концахъ имперіи такихъ же заговоровъ, какъ въ Петербургѣ. Я обратилъ его вниманіе на то, что достаточно небольшой кучки рѣшительныхъ людей, чтобы похитить его изъ Бельведера и затѣмъ фиктивно поставить его во главѣ партіи и вызвать тѣмъ смуту, которая нужна была бунтовщикамъ. Эта мысль поразила его, и я думалъ, что она произведетъ свое дѣйствіе: но не тутъ-то было. Великій князь возразилъ мнѣ, что мѣры предосторожности породятъ всякіе слухи и что вообще онъ считаетъ ихъ излишними.

— Все написано на небесахъ,—сказалъ онъ,—и я привыкъ всегда предавать себя въ руки Провидѣнія.

Такимъ образомъ, благодаря столь успокоительному разсужденію, мы продолжали жить въ уединенномъ Бельведерѣ, всецѣло предоставляя себя во власть людей и событій.

Послѣ безпорядковъ, вспыхнувшихъ въ разныхъ мѣстахъ имперіи, великій князь былъ очень доволенъ, что въ нихъ не было замѣшано ни одного поляка. Вслѣдствіе этого онъ возымѣлъ еще большее довѣріе къ своей бдительности и къ своей полиціи. Но вскорѣ одно событіе заставило его разочароваться и превратило его увѣренность въ жестокое безпокойство.

Убійца генерала Милорадовича ускользнулъ отъ поисковъ и, несмотря на то, что всюду было разослано описаніе его примѣтъ, добрался до Варшавы. Здѣсь онъ былъ опознанъ совершенно случайно и отправленъ обратно въ Петербургъ, гдѣ былъ казненъ.

Но почему онъ отдалъ предпочтеніе Варшавѣ и направился именно сюда? Явились разныя предположенія, но произведенныя розыски привели къ открытію развѣтвленія заговора между Петербургомъ и Варшавою. Этого было достаточно для стремительности великаго князя. Раздраженный тѣмъ, что обманулся въ своихъ ожиданіяхъ, обиженный тѣмъ, что не сумѣлъ открыть нитей, кото-

рыя были у него передъ глазами, онъ впалъ въ страшную свойственную ему ярость: были пущены въ ходъ цѣлыя стаи шпіоновъ, всякій ихъ доносъ считался вполне достовѣрнымъ. За неимѣніемъ виновныхъ всюду разыскивали подозрительныхъ, смѣшивая въ одну кучу виновныхъ и невинныхъ. Нарушенія неприкосновенности жилища и произвольные аресты участились во всѣхъ концахъ королевства. Тюрьмы были переполнены. Не хватало ни жандармовъ, ни полицейскихъ, чтобы арестовывать всѣхъ, кто навлекалъ на себя подозрѣніе. Великій князь возложилъ эту отвратительную обязанность на высшихъ военныхъ чиновъ и даже на своихъ адъютантовъ. Секретныя камеры въ Брюлевскомъ дворцѣ наполнились арестантами. Наконецъ ихъ стали помѣщать, за переполненіемъ прежнихъ мѣстъ заключенія, въ обширномъ кармелитскомъ монастырѣ. При этомъ не соблюдалось никакихъ предписанныхъ закономъ формальностей.

Чтобы придать своимъ дѣйствіямъ видъ законности, великій князь создалъ особый судъ для разсмотрѣнія предполагаемыхъ преступленій и установленія виновности подсудимыхъ. Этотъ странный судъ состоялъ изъ двѣнадцати имъ назначенныхъ лицъ, шести русскихъ генераловъ и шести знатныхъ поляковъ. Нѣсколько несчастныхъ арестованныхъ, невинность которыхъ была слишкомъ очевидна, послѣ долгихъ проволочекъ получили свободу; остальнымъ приходилось претерпѣвать продолжительное плѣненіе.

Послѣ двухлѣтняго ожиданія арестованные представлены были въ верховный судъ, вѣдавшій дѣла объ оскорбленіи величества. За недостаточностью уликъ изъ сорока обвиняемыхъ былъ осужденъ только одинъ. Взбѣшенный такимъ приговоромъ, великій князь рѣшилъ добиться вторичнаго разсмотрѣнія дѣла. Арестованныхъ перевозили въ Петербургъ съ большими издержками, но снова начатый въ Петербургѣ процессъ кончился тѣмъ же, чѣмъ и въ Варшавѣ. Осужденныхъ было очень немного, а остальные были отпущены на свободу. Такъ закончилось это несчастное дѣло, въ которомъ великій князь хотѣлъ только служить своему государю и родинѣ, но, дѣйствуя произвольно, немало людей сдѣлалъ несчастными и нажилъ себѣ множество враговъ.

Мелочи военнаго дѣла, розыски, вызванные предположеніемъ о солидарности Варшавы съ петербургскими заговорщиками, всецѣло поглощали великаго князя, который забросилъ всѣ другія дѣла. Павѣль продолжалъ свое образованіе по системѣ своего отца, который не допускалъ въ ней никакихъ измѣненій, несмотря на мои представленія. Княгиня была со мной очень хороша, но выказывала расположеніе и къ Фавицкому. Таковы были наши взаимныя отношенія въ Бельведерѣ. Я видѣлъ великаго князя только во время обѣда и вечеромъ въ гостиной въ тѣсномъ нашемъ кружкѣ.

Иногда онъ призывалъ меня въ кабинетъ для присутствованія при секретномъ допросѣ, которому подвергались нѣкоторые лица, арестованныя на границѣ королевства. Отъ нихъ онъ надѣялся получить важныя свѣдѣнія. Всѣхъ, кто хотѣлъ проникнуть въ Польшу, приводили прямо къ великому князю, который осматривалъ ихъ паспорта. Подозрительные проѣзжіе, о прибытіи которыхъ сообщалось полиціей, сейчасъ же арестовывались и доставлялись жандармами прямо къ великому князю, который, не довѣряя никому, самъ допрашивалъ ихъ.

Весною произошелъ случай, который доказывалъ, до какой степени разрослись слухи о заговорѣ.

Однажды въ Бельведеръ неожиданно явился крестьянинъ одной изъ отдаленныхъ губерній и потребовалъ, чтобы его немедленно провели къ великому князю. Очутившись передъ нимъ, онъ объяснилъ, что онъ посланъ къ великому князю міромъ, чтобы освѣдомиться о его судьбѣ. Въ этой отдаленной губерніи распространился слухъ, что великій князь въ заточеніи и что братъ его отпаялъ у него престолъ. Великій князь разсмѣялся и увѣрилъ посланнаго, что онъ на полной свободѣ и что императоръ царствуетъ совершенно законно, такъ какъ онъ самъ отрекся отъ престола. Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ удерживалъ при себѣ этого крестьянина, чтобы дать ему возможность убѣдиться въ справедливости его словъ, и отпустилъ его, давъ ему большую награду.

На коронацію великій князь отправился въ Москву безъ свиты, въ сопровожденіи только одного адъютанта, желая подчеркнуть такимъ образомъ свое скромное положеніе въ этой церемоніи. Братъ предложилъ ему дать Павлу титулъ, хорошее состояніе, словомъ, все, что могло льстить великому князю, которому онъ былъ обязанъ короной, но тотъ отказался отъ всего, настаивая на томъ, чтобы молодой человѣкъ оставался попрежнему въ своемъ скромномъ положеніи. Великій князь никогда и ничего не просилъ для своего сына; сбереженія, которыя онъ откладывалъ для Павла, должны были обезпечить ему, если не блестящее, то во всякомъ случаѣ безбѣдное существованіе.

— Мой сынъ не долженъ терпѣть нужды, — не разъ говаривалъ великій князь. — Но онъ можетъ далеко пойти при тѣхъ средствахъ, которыя я ему оставляю.

Укротивъ своимъ мужествомъ демона революціи, императоръ совершенно успокоилъ страну, и всѣ хвалили предусмотрительный выборъ Александра.

Великій князь не пользовался уже при дворѣ прежнимъ вѣсомъ. Не было тѣхъ отношеній, которыя связывали его съ покойнымъ императоромъ. Удалившись отъ всѣхъ великихъ политическихъ движеній, онъ всецѣло сосредоточился на своей Польшѣ. Такое одиночество, въ которое его поставилъ братъ, младшій его, и на котораго

онъ надѣялся имѣть извѣстное вліяніе, часто приводило его въ дурное настроеніе духа. Это особенно стало сказываться, когда вспыхнула война съ Персіей. По этому случаю онъ замѣтилъ мнѣ, что его братъ еще слишкомъ молодъ, чтобы самостоятельно рѣшать такія важныя дѣла, но что, съ другой стороны, стараясь ему угодить, ему даютъ совѣты, которые совпадаютъ съ его собственными желаніями, а для государя, еще неопытнаго, это истинное несчастіе и онъ боится, какъ бы его братъ, любя военное дѣло, не увлекся ложной славой. Словомъ, онъ наговорилъ мнѣ много вещей, изъ которыхъ видно было, что онъ недоволенъ. Тутъ не было зависти къ уснѣхамъ брата, а сказывалось лишь разочарованіе оттого, что не спросили его совѣта и не предоставили ему рѣшающаго голоса.

Когда вспыхнуло возстаніе грековъ и великія державы рѣшили вмѣшаться, чтобы остановить потоки крови, Россія также сочла нужнымъ вступиться. Это было въ то время, когда великій князь съ особеннымъ жаромъ высказывалъ свое недовольство.

Когда онъ былъ доволенъ императоромъ, онъ выражался про него: «мой братъ Николай», когда же питалъ къ нему противоположное чувство, то употреблялъ выраженіе «его величество».

Со времени битвы при Наваринѣ его неудовольствіе страшно усилилось.

— Какой кладъ для англичанъ!—восклицалъ онъ.—Уничтоженный флотъ для нихъ—самое радостное событіе. Будемъ все жечь, а тамъ увидимъ,—вотъ ихъ аксіома. Это повтореніе исторіи съ датскимъ флотомъ у Копенгагена. Затѣмъ придетъ и нашъ чередъ. Я не поручусь даже, что нашъ флотъ вернется въ Кронштадтъ. Вотъ насколько я довѣряю ихъ искренности и ихъ дружбѣ.

Вспыхнувшая затѣмъ война между императоромъ и султаномъ дала великому князю новую пищу для жалобъ, которыя были въ сущности повтореніемъ прежнихъ.

Между тѣмъ Павелъ съ нетерпѣніемъ и отвращеніемъ доканчивалъ свое образованіе. Я считалъ необходимымъ для этого девятнадцатилѣтняго юноши выйти за ограду удушливаго Бельведера, чтобы примѣнить на практикѣ теоріи, которыми ему столько времени докучали. Но всѣ соображенія, которыя я представлялъ великому князю, не могли его убѣдить, и онъ никакъ не хотѣлъ оставить свою систему угнетенія, печальныя послѣдствія которой легко было предвидѣть. Все, что я могъ добиться, это разрѣшеніе Павлу служить въ полку, но и то великій князь согласился на это только съ тѣмъ условіемъ, что его будетъ сопровождать всюду лакей.

Когда Павлу исполнился 21 годъ, учителя его были отпущены, кромѣ двухъ офицеровъ, которымъ было поручено продолжать его военное образованіе. Ему теперь было разрѣшено ходить одному. Но полиціи было приказано слѣдить за каждымъ его шагомъ и доносить обо всемъ великому князю.

Такъ какъ мои занятія окончились, то я просилъ у великаго князя разрѣшенія ѣхать во Францію.

— Любезный графъ, — отвѣчалъ онъ съ невыразимой добротой: — я не могу отказать вамъ въ вашей просьбѣ, хотя она мнѣ не по сердцу. Ваша служба кончилась, но моему сыну всегда нуженъ будетъ другъ. Возвращайтесь же возможно скорѣе. Ваши комнаты въ Вельведерѣ мнѣ понадобятся для адъютантовъ, а Брюлевскій — ворецъ для канцеляріи. Приищите себѣ теперь же квартиру въ городѣ, какую хотите, и пусть она ждетъ вашего возвращенія.

Въ концѣ августа 1829 года я тронулся обратно изъ Франціи въ Варшаву. На этотъ разъ я ѣхалъ черезъ Бельгію, Кельнъ, Эмсъ, гдѣ рассчитывалъ, судя по письмамъ Павла, встрѣтить великаго князя. Проѣхавъ Дрезденъ, я неожиданно встрѣтилъ фельдъегеря, который ѣхалъ впередъ, чтобы заранѣе заказать лошадей для великаго князя. Онъ мнѣ сказалъ, что я скоро съ нимъ встрѣчусь. И дѣйствительно черезъ нѣсколько часовъ я замѣтилъ вдали экипажи великаго князя.

Увидѣвъ меня, онъ велѣлъ остановиться, подозвалъ меня къ себѣ и сталъ торопливо разспрашивать о томъ, что дѣлалось во Франціи. Послѣ продолжительнаго разговора, во время котораго загнанныя лошади великаго князя успѣли отдохнуть, онъ обнялъ меня и пожелалъ счастливаго пути, сказавъ, что скоро увидится со мной въ Варшавѣ. Павелъ, стоявшій поодаль, также подошелъ обнять меня. Несмотря на дурную погоду, онъ снялъ свое пальто, и я сейчасъ же понялъ, почему. Ему хотѣлось показать мнѣ флигель-адъютантскіе аксельбанты, которые онъ получилъ на коронацію.

Тринадцать мѣсяцевъ былъ я въ отсутствіи, но нашелъ свою квартиру въ полномъ порядкѣ. Мебели было маловато, но великій князь по добротѣ своей разрѣшилъ мнѣ покупать все, что я хочу, и оплачивалъ подписанные мною счета.

По возвращеніи въ Варшаву Павелъ надѣлалъ глупостей, свойственныхъ молодымъ людямъ, особенно тѣмъ, которыхъ чрезмѣрная строгость заставляетъ злоупотреблять долгожданной свободой. Великій князь жаловался мнѣ и боялся, какъ бы не было какихъ-нибудь послѣдствій. Собрался цѣлый ареопагъ врачей, куда ввели и обвиняемаго, но у него не оказалось и признаковъ золотухи, отъ которой великій князь самъ мучился въ молодости.

Въ другой разъ полиція донесла великому князю, что Павелъ сталъ часто посѣщать нѣкую французскую актрису одного небольшого театра, который въ то время былъ въ модѣ въ Варшавѣ. Взбѣшенный этой интригой, противъ которой достаточно было ограничиться дружескими увѣщаніями, великій князь велѣлъ позвать къ себѣ сына, разобралъ его самымъ рѣзкимъ образомъ и, схвативъ хлысть, приказалъ ему снять одежду, которая мѣшала наказывать его. Несчастный молодой человекъ, питавшій къ отцу такой же

страхъ, какъ и любовь, повиновался роковому приказанію. Адъютантъ великаго князя, бравый капитанъ гвардейскихъ кирасиръ, обнажилъ уже часть, которой грозилъ хлысть. Уже занесена была сильная рука великаго князя, какъ вдругъ онъ остановился, быть можетъ, пораженный смиреніемъ новаго Исаака, а можетъ быть, и приливомъ отцовской нѣжности. Жертвоприношеніе было отложено, и великій князь рѣшилъ опять засадить сына за ученіе со всѣми учителями, лишить его права выходить и прежде всего посадить его на педѣлю на хлѣбъ и на воду.

Позвали и меня. Напрасно я пытался возражать великому князю. Онъ былъ въ ярости и ничего не хотѣлъ слушать. Затѣмъ я отправился къ Павлу, который былъ въ отчаяніи. Я общалъ ему прійти и на другой день раздѣлить его заточеніе. Когда настала часть обѣда, Павелъ, къ удивленію своему, увидѣлъ нѣкоторыя послабленія въ столѣ, а на третій день съ сіяющимъ лицомъ объявилъ мнѣ:

— Сегодня мы будемъ обѣдать съ папой, который мнѣ все простилъ, такъ что сегодня вечеромъ я отправляюсь въ театръ.

Лѣтомъ навѣстилъ княгиню ея отецъ Грузинскій. Это былъ бравый и почтенный человѣкъ, который былъ настолько уменъ, что не кичился своимъ родствомъ съ великимъ княземъ. Вторично женившись послѣ развода, онъ скромно жилъ въ своемъ имѣніи съ второю женою и съ дѣтьми отъ нея. Онъ былъ нечестолюбивъ, не любилъ пышности и никогда и ничего не просилъ у великаго князя, который обходился съ нимъ очень хорошо и могъ бы сдѣлать для него очень многое. Любопытно было видѣть, какъ почтительно и съ какою любовью обращался съ нимъ великій князь. Онъ звалъ его всегда «папà», усаживалъ его за столомъ между собою и княгиней и держалъ себя, какъ добрый, почтительный буржуа.

Однажды княгиня спросила меня, не замѣтилъ ли я у ея отца помраченія ума.

Я отвѣчалъ отрицательно, что, впрочемъ, совершенно соответствовало истинѣ.

— Тѣмъ лучше,—сказала она:—ибо вы, по всей вѣроятности, не знаете, что онъ долго былъ въ больницѣ для умалишенныхъ, гдѣ его лечили отъ душевнаго расстройства. Боюсь, какъ бы эта болѣзнь опять не вернулась.

Это признаніе меня въ высшей степени удивило. Вспомнивъ, что съ ней было самой въ началѣ замужества, я убѣдился, что нѣкоторыя болѣзни передаются и дѣтямъ.

Весною 1830 года прибылъ въ Варшаву и пробылъ здѣсь нѣсколько дней императоръ Николай.

Я просилъ великаго князя представить меня его величеству, котораго я не видалъ со времени восшествія на престолъ, и вотъ однажды утромъ, когда великій князь былъ одинъ съ императоромъ, онъ послалъ за мной и милостиво представилъ меня его величеству, кото-

рый изволил мнѣ сказать, что я для него старый знакомый и что его братъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ о моихъ прежнихъ заботахъ о Павлѣ. Разспросивъ меня о Франціи, императоръ сталъ развивать передо мной очень здравыя идеи, показывавшія твердость его сужденія и просвѣщенность.

Великій князь за какимъ-то дѣломъ вышелъ въ сосѣдную комнату, и я остался наединѣ съ императоромъ, который, воспользовавшись этой минутой, сказалъ мнѣ, что онъ очень жалѣетъ о томъ, что сдѣланныя имъ великому князю замѣчанія относительно воспитанія Павла остались безъ результата, но что онъ, какъ мнѣ небезызвѣстно, въ этомъ дѣлѣ не хозяинъ.

— Ваше величество,—сказалъ я:—если уже вашъ громкій голосъ не былъ услышанъ, то мой и подавно замеръ. Можетъ быть, сдѣланныя мною великому князю представленія совпадали съ желаніями вашего величества. Если бы на нихъ было обращено вниманіе, я могъ бы сдѣлать больше. Но какъ бы то ни было, я могу увѣрить ваше величество, что въ Павлѣ вы найдете покорнаго и вѣрнаго подданнаго, который отлично предупрежденъ объ опасности нѣкоторыхъ очень теперь распространенныхъ принциповъ.

Въ этотъ моментъ возвратился великій князь, императоръ прервалъ разговоръ и быстро перевелъ его на другой предметъ.

Я уже говорилъ объ этомъ государѣ по поводу неоднократныхъ его пріѣздовъ въ Варшаву еще въ бытность его великимъ княземъ. Ему было шесть лѣтъ, когда я увидалъ его въ первый разъ. Онъ былъ гораздо выше ростомъ своего брата Александра, но вслѣдствіе этого казался нѣсколько непропорціонально сложеннымъ. Я его оставилъ тростникомъ, а теперь нашелъ дубомъ.

Императоръ Николай очень красивъ. Вся его фигура свидѣтельствуешь о силѣ и здоровьѣ, величавость сочетается въ немъ съ доброю и кротостью. Улыбка его очаровательна, а его греческій профиль поражаетъ благородствомъ своихъ очертаній.

Размышляя о вспыхнувшей въ Парижѣ революціи, я пришелъ къ убѣжденію, что необходимо было перемѣнить короля. Великій князь, которому я изложилъ свои взгляды, никакъ не могъ согласиться въ этомъ со мною и съ жаромъ защищалъ свое мнѣніе.

Черезъ нѣкоторое время княгиня спросила меня, не замѣчаю ли я, какъ великій князь сталъ задумчивъ. Я отвѣчалъ, что это правда и что, по всей вѣроятности, его задумчивость явилась результатомъ тревожныхъ обстоятельствъ.

— Нѣтъ,—сказала она:—это не оттого. Онъ задалъ себѣ задачу, которая не даетъ ему покою ни днемъ, ни ночью. Онъ ломаетъ себѣ голову надъ вопросомъ: могутъ ли короли титуловаться королями милостью Божіей и дѣйствительно ли ихъ власть проистекаетъ изъ этого высокаго и священнаго источника? Удивительно, что онъ не говорилъ еще съ вами объ этомъ. Эта мысль теперь поглощаетъ у него всѣ другія.

И дѣйствительно, великій князь не замедлилъ подѣлиться со мной своими сомнѣніями и просилъ меня сказать свое мнѣніе на этотъ счетъ. Я уже былъ подготовленъ къ этому вопросу и, считая излишнимъ разбирать его методически, ограничился слѣдующими словами:

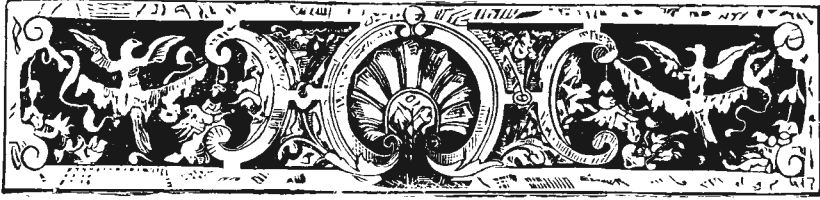
— Такъ какъ все дѣлается въ этомъ мірѣ по волѣ Божіей, то и государь можетъ думать, что онъ восходитъ на престолъ волею и милостію Божіей.

Этотъ аргументъ, на логичности котораго я не настаиваю, произвелъ свое дѣйствіе, и великій князь успокоился по крайней мѣрѣ насчетъ предмета, затронутаго въ нашемъ разговорѣ.

Наступила между тѣмъ осень, дни становились короче, вечера длиннѣе. Великій князь былъ въ мрачномъ настроеніи и волновался. Онъ выразилъ желаніе, чтобы я пріѣзжалъ проводить вечера въ Бельведеръ. Я былъ слишкомъ преданъ и признателенъ ему и потому постарался исполнить его желаніе. Такимъ образомъ, несмотря на вѣчные скучные разговоры о политикѣ, я съ удовольствіемъ посвящалъ ему все время, когда мнѣ казалось, что я буду ему полезенъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ 1863 ГОДА.

I.

Блонскій лѣсъ.

ВЕРСТАХЪ въ двадцати къ западу отъ Варшавы лежитъ, или лежалъ въ 1863 году, Блонскій лѣсъ, лѣсъ настоящій, глухой и темный, съ козами, кабанами и разной дичью. Въ немъ, или, скорѣе, при опушкѣ его, близъ селенія Буда-Забаровская, произошло первое дѣло нашего Гродненскаго гусарскаго полка.

Отрядъ состоялъ изъ роты Волынскаго полка и четвертаго эскадрона гусарь, подъ начальствомъ барона Криднера ¹⁾.

Волынцы разсыпались и открыли огонь по повстанцамъ, которые начали отступать въ лѣсъ, частію срубленный на опушкѣ.

Видя это, командиръ 4-го эскадрона, полковникъ Курзаковъ, чтобы не позволить уйти непріятелю, съ мѣста понесся въ карьеръ, проскочилъ черезъ стрѣлковую цѣпь волынцевъ и, по срубленному лѣсу, врубился въ партію повстанцевъ, половина которыхъ легла на мѣстѣ.

Эта блестящая атака стоила намъ одного офицера, корнета Ремера, убитаго наповаль. Курзакову также досталось порядочно: онъ скакалъ впереди, и его, говорили солдаты, очень любившіе сво-

¹⁾ Баронъ Криднеръ впоследствии, въ качествѣ корпуснаго командира, взялъ штурмомъ Никополь и неудачно дѣйствовалъ подъ Плевной.

его полковника и не отстававшіе отъ него ни на шагъ, повстанцы порядочно поколотили косами.

Надо замѣтить, что коса, которою была вооружена часть повстанцевъ (косиньеры), орудіе примитивное и совсѣмъ безобидное: если ударъ направленъ совершенно правильно, коса наноситъ дѣйствительно страшныя раны, но нанести ударъ вѣрно длиннымъ орудіемъ съ круглымъ древкомъ во время боя и его сутолоки крайне трудно, почему ударъ приходится почти плашмя и наноситъ только синякъ, какъ палка. Я самъ получилъ такой синякъ, правда, хорошій, впоследствии, въ дѣлѣ при Сендзювицѣ, парируя лѣвой рукой ударъ, направленный мнѣ въ голову.

Храбрый и всѣми любимый Курзаковъ, однако, упорно скрывалъ, что его побили косами, хотя нѣсколько дней недомоганія подтверждали воочию показанія солдатъ.

Стыдиться, казалось, было нечему; напротивъ, слѣдовало гордиться блестящей атакой. Самолюбіе стараго гусара не могло, однако, помириться съ тѣмъ, что онъ былъ побитъ косами безкровно, какъ палками.

Но особенный курьезъ произошелъ на другой день, когда аккуратный и почтенный генераль Криднеръ, нѣмецъ съ головы до ногъ, началъ писать реляцію.

Человѣкъ стараго закала, прекрасно показавшій себя въ Севастопольскую войну и полный николаевскихъ традицій, онъ былъ убѣжденъ, что война должна вестись на основаніи точныхъ, незыблемыхъ правилъ. Какъ на грѣхъ, лѣтъ 20 передъ тѣмъ онъ кончилъ курсъ академіи генеральнаго штаба и, какъ истый пѣхотинецъ, усвоилъ себѣ, что кавалерія должна и можетъ атаковать непріятеля только на «мѣстности ровной и открытой».

— Я рѣшительно не знаю, — говорилъ онъ Курзакову: — какъ мнѣ написать реляцію о дѣйствіяхъ вашего эскадрона. Помилуйте! Вы дѣйствовали совершенно, совершенно не по правиламъ. Вы проскочили черезъ мою цѣпь и атаковали непріятеля въ лѣсу. Это совершенно, совершенно не по правиламъ. Я долженъ буду скрыть это обстоятельство въ реляціи.

Когда Курзаковъ, нѣсколько сконфуженный, пріѣхалъ отъ Криднера и передалъ мнѣ разговоръ съ почтеннымъ нѣмцемъ, то я, страстный военный, два года передъ тѣмъ окончившій академію и уже написавшій диссертацию на адъюнктъ-профессора, горячо возсталъ противъ Криднера.

— Боже васъ сохрани, Валеріанъ Петровичъ, — убѣждалъ я: — да въ этомъ величайшая ваша заслуга, что вы дѣйствовали не по шаблону, что вы рѣшились атаковать въ лѣсу. Не соглашайтесь, ни за что не соглашайтесь на реляцію, которая не отвѣчала бы дѣйствительности. Въ этомъ, повторяю, величайшая ваша заслуга, что вы не дали уйти непріятелю, что кавалерію не остановилъ даже лѣсъ.

И я, если, Богъ дастъ, поступлю на профессуру, буду приводить атаку вашего эскадрона, какъ примѣръ того, что хорошую кавалерію ничто не можетъ остановить, что кавалерія можетъ атаковать даже въ лѣсу.

Курзаковъ убѣдился, поѣхалъ къ Криднеру и настояль, чтобы въ реляціи дѣло при Будѣ-Забаровской было изображено такъ, какъ оно произошло. А я, получивъ каедрю, сдержалъ свое обѣщаніе и всегда приводилъ блестящую атаку нашихъ гусаръ въ лѣсу, какъ примѣръ, достойный подражанія, разумѣется, только въ тѣхъ случаяхъ, если такая атака будетъ примѣнена со смысломъ, т. е. когда будутъ данныя, обезпечивающія успѣхъ.

Прошло недѣли три. Была вторая половина апрѣля, но апрѣля жаркаго и сухого, не похожего на апрѣль петербургскій. Нашему первому лейбъ-эскадрону Гродненскаго полка внезапно приказано было выступить къ предмѣстью Варшавы Волѣ,—Волѣ, славной упорной обороной «чвартаковъ» (четвертый линейный полкъ) и отчаянною атакой русскихъ во время штурма Варшавы (1831 годъ).

Тамъ собрался уже весь отрядъ, состоявшій изъ двухъ ротъ пѣхоты, казаковъ и нашего эскадрона. Начальникомъ отряда былъ назначенъ полковникъ генеральнаго штаба Василій Ивановичъ Яновскій ¹⁾.

Выступили. Къ вечеру, когда совсѣмъ уже стемнѣло, дошли до городка Блонь.

Хотя я былъ только фронтовымъ гусарскимъ офицеромъ, но Яновскій, слышавшій обо мнѣ отъ товарища моего по академіи, князя Имеретинскаго ²⁾, пригласилъ меня къ себѣ, объяснилъ цѣль, съ которой посланъ отрядъ, и спросилъ совѣта.

Цѣль заключалась въ слѣдующемъ: получено было извѣстіе, что въ Блонскомъ лѣсу организовалась и скрывается банда подъ начальствомъ Карнацкаго (настоящее имя его я забылъ), что Карнацкій этотъ, красавецъ собою, находится въ интимныхъ отношеніяхъ съ графиней Z., молодой вдовой, и каждую ночь проводитъ у нея въ усадьбѣ, стоящей близъ Блонскаго лѣса. Поэтому мы съ Яновскимъ рѣшили, что слѣдуетъ прежде всего попытаться захватить Карнацкаго у графини, а потомъ пройти Блонскій лѣсъ по всѣмъ его дорогамъ и тропинкамъ и открыть скрывавшуюся банду.

Кого послать, чтобы захватить Карнацкаго?

Мнѣ показалось это дѣломъ и важнымъ и интереснымъ, и я предложилъ назначить для этой цѣли меня съ моимъ взводомъ.

Часы пробили уже полночь. До имѣнія графини надо было проскакать версть 15. Я приказалъ задать лошадямъ овса и приготовить къ выстуplenію.

¹⁾ Очень добродушный и симпатичный человекъ, впоследствии корпусный командиръ и членъ военнаго совѣта.

²⁾ Впоследствии варшавскій генераль-губернаторъ.

Было еще темно, когда первый взводъ, со мною и съ взводнымъ вахмистромъ Высочинскимъ, на рысяхъ выступилъ изъ Блонн. Кстати о Высочинскомъ: это былъ полякъ, красавецъ лѣтъ 35-ти, отличный ѣздокъ и обладатель великолѣпныхъ, чуть ли не по поясъ, бакенбардъ. Онъ показалъ себя впоследствии храбрецомъ, но вмѣстѣ и человѣкомъ очень жестокимъ, не дававшимъ пощады врагу, даже бросавшему оружіе. Последнимъ качествомъ отличались, впрочемъ, почти всѣ поляки, служившіе въ русскихъ войскахъ. Какая была тому причина?—задавалъ я себѣ не разъ вопросъ. Природная ли жестокость поляковъ, какъ противоположность добродушію русскаго солдата? Или въ этомъ выразилась особенность человѣческой природы, благодаря которой междоусобныя войны всегда отличались исключительной жестокостью? Или, наконецъ, полякъ, среди русскихъ не разъ подвергавшійся насмѣшкамъ, нареканіямъ, а, пожалуй, и упрекамъ или подозрѣніямъ въ измѣнѣ, ожесточался противъ «измѣнниковъ» и хотѣлъ показать передъ товарищами, что онъ считаетъ соплеменниковъ за враговъ не меньше, чѣмъ они? Но я помню случай, когда офицеръ, въ отвѣтъ на просьбу юноши, бросившаго оружіе, положилъ на плечо его руку и крикнулъ: «не смѣй трогать его, ребята, это мой плѣнникъ!» И тѣмъ не менѣе гусарь изъ-подъ руки офицера насквозь прокололъ пикой несчастнаго. И это былъ полякъ.

Весенняя ночь коротка, коротка даже въ Варшавѣ. На востокѣ засвѣтлѣло. Въ облакѣ песчаной пыли мы пронеслись по небольшому селенію съ костеломъ. Но едва миновали его, какъ позади послышался колокольный звонъ.

— Ваше благородіе, это поляки даютъ знать о насъ повстанцамъ.

Признаюсь, и у меня мелькнула та же мысль, но, во-первыхъ, быть можетъ, звонъ собираетъ на молитву, а, во-вторыхъ, и главное, останавливаться некогда—время упустишь. Да и что толку, если захватишь звонаря? И гдѣ доказательства, что онъ звонилъ въ нашу честь? Лучше прибавить рыси и продолжать путь. Слѣдующее селеніе—и опять звонъ. И еще селеніе,—и еще звонъ.

Вотъ и разсвѣтъ, и имѣніе графини. Мы шли хорошей рысью безъ проводника, по картѣ; руководствоваться ею было еще темно, но она вся цѣликомъ отпечатлѣлась въ моей молодой памяти. И безъ карты, впрочемъ, когда разсвѣло, не трудно было догадаться, что передъ нами обширная усадьба графини.

Объяснивъ гусарамъ на ходу цѣль нашего наскока, я быстро окружилъ усадьбу, разставивъ людей попарно и отдавъ приказаніе не выпускать изъ нея никого, ловить всякаго, кто бы ни попытался бѣжать. А самъ съ четырьмя рядами (8 человѣкъ) и взводнымъ быстро въѣхалъ во дворъ, окружилъ господскій домъ и вмѣстѣ съ Высочинскимъ, оставивъ коней на руки гусара, постучался въ подъѣздъ.

Намъ отворили не сразу. Стукъ повторился уже совсѣмъ настойчивый, и въ дверяхъ показался небрежно, наскоро одѣтый человѣкъ съ осанистой фізіономіей,—это былъ мажордомъ графини.

При видѣ насъ лицо его выразило удивленіе и испугъ. Я прямо и сурово приказалъ ему указать, гдѣ у нихъ находится Карнацкій. Тотъ съ изумленіемъ, дѣланнымъ или нѣтъ, отвѣчалъ, что это имѣніе графини и что никакого Карнацкаго здѣсь нѣтъ. Я еще суровѣе предложилъ говорить правду, не запираться и указать, гдѣ Карнацкій, «иначе я обыщу весь домъ». Тотъ еще разъ началъ клясться, что никакого Карнацкаго у нихъ не бывало, и что въ домѣ, кромѣ графини и служащихъ, никого нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ разбудите графиню,—и я приказалъ Высочинскому спѣшить еще двухъ гусаръ.

— Вотъ что, ребята,—обратился я къ нимъ.—Намъ придется обыскать домъ и всю усадьбу, чтобы поймать повстанскаго доводцу Карнацкаго. Смотрите, ведите себя какъ слѣдуетъ честнымъ гусарамъ, чтобы ни иголки, ни синь-пороха не пристало къ вашимъ рукамъ. Чтобы ко мнѣ не поступило ни одной жалобы! Кто провинится—не прогнѣвайся!

Хотя я былъ еще очень молодъ (24 года), но фронтовикъ я былъ прекрасный, отлично ѣздилъ верхомъ, былъ единственнымъ офицеромъ въ полку съ академическимъ аксельбантомъ, никогда не ругался (драться у насъ, вообще, не было принято), не гнушался разговаривать съ солдатами; во время дежурства считалъ своею обязанностью во всѣхъ эскадронахъ попробовать какъ слѣдуетъ пищу, т. е. не только попробовать, а добросовѣстно проглотить ложку другую наварныхъ щей и масляной каши, похвалить ее и спросить солдатскаго о ней мнѣнія,—солдаты за все это меня любили, мнѣ довѣряли и даже относились съ особеннымъ уваженіемъ. Я читалъ это на ихъ лицахъ всякій разъ, когда молодцовато подсакивалъ къ своему эскадрону или обходилъ конюшни, и теперь былъ увѣренъ, что слова мои не пропадутъ даромъ.

Между тѣмъ графиня не появлялась.

Гремя саблями, мы изъ передней, оставивъ одного гусара у входа, прошли въ столовую и встрѣтили тамъ мажордома, уже успѣвшаго привести себя въ нѣкоторый порядокъ.

— Графиня сейчасъ выйдетъ,—говорилъ онъ.

— Укажите ея спальню.

Мы прошли еще двѣ комнаты и остановились предъ запертыми дверями.

Еще минута, двери отворились, и въ нихъ показалась очаровательная блондинка лѣтъ 25-ти, въ бѣломъ пеньюарѣ, съ распущенными роскошными волосами и широко раскрытыми глазами.

Лицо ея выражало непритворный испугъ. Она спросила, что намъ нужно, зачѣмъ пришли.

Какъ ни сильно меня поразило появленіе красавицы, я, сколько могъ почтительно, объяснилъ ей, что, по имѣющимся свѣдѣніямъ, у нея въ усадьбѣ скрывается предводитель повстанцевъ Карнацкій, и просилъ приказать людямъ, чтобы они привели ко мнѣ указаннаго Карнацкаго, послѣ чего я немедленно оставлю ея домъ, и усадьбу.

Она показала видъ, что не вполне понимаетъ мою русскую рѣчь, и спросила, не говорю ли я по-французски, а затѣмъ уже по-французски выразила изумленіе, о какомъ Карнацкомъ идетъ рѣчь, и увѣряла, что никакого Карнацкаго она не знаетъ.

— Извините, графиня, но въ такомъ случаѣ я принужденъ буду сдѣлать обыскъ и даже начать съ вашей спальни. Я долженъ исполнить приказаніе моего начальника.

— Вотъ моя спальня,—отвѣчала она, уже съ нѣкоторымъ достоинствомъ, видя по почтительному обращенію съ нею, что запыленные лица и костюмы вооруженныхъ людей на самомъ дѣлѣ не такъ страшны, какъ ей показалось съ перваго взгляда. Я вошелъ въ спальню съ однимъ Высочинскимъ. Это была обширная комната съ роскошной кроватью, изящнымъ туалетнымъ столомъ, съ разставленными на немъ флаконами и принадлежностями дамскаго туалета.

Надо было осмотрѣть, посмотрѣть даже подъ кроватью. Мнѣ сдѣлалось крайне неловко, даже немного... противно.

Вызываясь на поискъ, я представлялъ себѣ, что встрѣчу Карнацкаго лицомъ къ лицу или спасающимся на конѣ, что придется, быть можетъ, обмѣняться парюю выстрѣловъ. Однимъ словомъ, предполагалъ, что произойдетъ нѣчто «военное», и вдругъ—прозаическій обыскъ и даже вѣроятность перспективы тащить пана Карнацкаго изъ-подъ кровати... Врр...

Но указаніе на то, что Карнацкій проводитъ ночи именно у графини, было такъ опредѣленно, что колебаться было нельзя.

— Высочинскій, осмотри шкапы и вообще все,—сказалъ я нехотя, и тотъ безъ всякаго стѣсненія раскрылъ оба гардеробныхъ шкапа, пошарилъ въ платьяхъ, приподнял одѣяло кровати, посмотрѣлъ подъ кровать, подъ которой вмѣсто «довудца», къ моему большому конфузу, оказался предметъ, ничего общаго съ мятежомъ не имѣющій...

Я поспѣшилъ изъ спальни и поручилъ Высочинскому съ двумя гусарами осмотрѣть внимательно весь домъ, причемъ просилъ графиню, чтобы гусаровъ сопровождали ея люди и успокоилъ ее за цѣлость всѣхъ ея вещей.

Мы остались съ графиней одни. Я взглянулъ на себя въ зеркало.

Быстрая ѣзда по песчанымъ дорогамъ оставила такіе слѣды на лицѣ и всей фигурѣ, что я мало отличался отъ Высочинскаго, великолѣпныя бакенбарды котораго представляли собою два

большіе кома песка и пыли и могли однѣ навести ужасъ на графиню, если она и была даже предупреждена колокольнымъ звономъ о прибытіи незваныхъ гостей.

— Извините меня, графиня, что я долженъ исполнить въ точности данное мнѣ порученіе и обшарить домъ и даже всю вашу усадьбу, но будьте покойны: помимо ареста Карнацкаго, если онъ окажется у васъ, не только вамъ, но никому изъ вашихъ людей не будетъ причинено ни малѣйшей непріятности.

Графиня еще разъ выразила свое удивленіе, но, видя передъ собой высокаго и стройнаго молодого человѣка, совсѣмъ воспитаннаго, говорящаго съ ней почтительнымъ тономъ, да еще въ костюмѣ, хотя и запыленномъ, но красивомъ—гусарскаго офицера,—она очень скоро совсѣмъ осмѣлѣла, спросила, въ какомъ служу я полку, и, узнавъ, что говоритъ съ офицеромъ гвардейскаго гусарскаго полка, еще быстрѣе отъ испуга смѣло перешла къ улыбкамъ и къ самому задорному кокетству.

— Послушайте,—уже весело говорила она:—посмотрите, на что вы похожи. Я сейчасъ прикажу дать вамъ умыться. Посмотрите, посмотрите на себя въ зеркало.

Я, улыбаясь, вынулъ платокъ и вытеръ имъ свое лицо, но пыль, пристававшая къ поту,—результату быстрой ѣзды,—превратилась совсѣмъ въ грязь и еще болѣе замазала физиономію.

Она позвонила. Вошелъ лакей, уже вполне приличный, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ.

Графиня приказала подать умывальный приборъ и два полотенца. Черезъ минуту появился серебряный умывальникъ съ такой же лоханкой и одеколономъ.

— Не знаю, какъ благодарить васъ, графиня, за любезность, но, во-первыхъ, я не позволю себѣ мыться въ вашемъ присутствіи, а, во-вторыхъ, позвольте мнѣ дожидаться результатовъ осмотра. Мои гусары, вѣроятно, сейчасъ же придутъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—настаивала она.—Ну, возьмите и вытрите себѣ лицо хотя мокрымъ полотенцемъ съ одеколономъ.

Я подумалъ съ секунду и, рѣшивъ, что, если бы даже предсталъ предо мною панъ Карнацкій, мокрое полотенце не помѣшало бы мнѣ выхватить во время саблю или револьверъ, приступилъ къ исполненію настоянія хорошенькой кокетки.

Грязь съ лица исчезла, а появившіяся двѣ щетки быстро сняли пыль съ моего костюма и привели его въ первоначальный приличный видъ.

Вошелъ Высочинскій и доложилъ, что нигдѣ ничего не оказалось, кромѣ «вотъ этихъ писемъ», которыя какъ будто говорятъ о повстаніи. (Высочинскій хорошо зналъ польскую грамоту).

Я приказалъ положить письма туда, откуда онъ взялъ ихъ, и просилъ графиню спросить при мнѣ людей, сопровождавшихъ мо-

ихъ гусарь, не исчезло ли что-нибудь при осмотрѣ и, вообще, не было ли произведено какого-либо насилія. Я считалъ необходимымъ поступить такимъ образомъ, потому что поляки того времени не скупились на клеветы въ отношеніи нашихъ войскъ, державшихъ себя, за крайне рѣдкими исключеніями, въ высшей степени корректно.

Прислуга дала самый удовлетворительный отвѣтъ, выразившій полное уваженіе къ дѣйствіямъ моихъ гусарь.

Тогда я приказалъ Высочинскому осмотрѣть всѣ строенія и вообще всю усадьбу и, почтительно раскланиваясь съ графиней, просилъ еще разъ извинить меня за причиненное безпокойство, добавивъ, что черезъ полчаса, когда всѣ строенія будутъ осмотрѣны и я буду считать данное мнѣ порученіе исполненнымъ добросовѣстно, я совсѣмъ оставлю ея усадьбу.

Графиня меня не пускала.

— Вѣдь вы не будете же сами осматривать строенія, — говорила она. — Ваши гусары исполняютъ это безъ васъ, такъ же, какъ они безъ васъ осмотрѣли мой домъ. Что же вы будете дѣлать на дворѣ?

— Я погуляю въ саду, — отвѣчалъ я. — Я не хочу злоупотреблять вашей любезностью, графиня. Вамъ надо отдохнуть послѣ внезапнаго пробужденія. Еще разъ прошу извиненія за безпокойство. И, кромѣ того, мнѣ необходимо сдѣлать нѣкоторыя распоряженія.

Но она настаивала.

Тѣмъ не менѣе, подозрѣвая, что въ этихъ настояніяхъ кроется хитрость женщины, я устоялъ, давъ, однако, обѣщаніе, что вернусь проститься съ нею, потому что она прямо заявила, что спать больше не ляжетъ.

Я выпелъ, распорядился, чтобы осмотрѣли всѣ строенія и сараи, обшарили садъ... Нигдѣ, однако, никого не оказалось. Разспросы Высочинскаго на прекрасномъ польскомъ языкѣ также не привели ни къ чему, я велѣлъ собраться гусарамъ и снова пошелъ къ графинѣ. Она встрѣтила меня въ томъ же пеньюарѣ, но уже съ волосами, собранными въ роскошную косу, молодая, свѣжая, кокетливая, обворожительная.

Порученіе свое я считалъ выполненнымъ, хотя и съ отрицательнымъ результатомъ, о чемъ, признаться, глядя на красавицу, пересталъ сожалѣть. Кто знаетъ, можетъ быть, еврейчикъ-шпіонъ далъ свѣдѣніе, дѣйствительно невѣрное и, быть можетъ, Карнацкій никакого отношенія къ графинѣ не имѣетъ, хотя про него и говорятъ, что онъ красавецъ?

Графиня совсѣмъ освоилась съ новой ролью. Она видѣла предъ собою молодого человѣка, сначала казавшагося ей такимъ страшнымъ, а теперь, очевидно, поддавашагося обаянію ея красоты, ея кокетства. Она убѣдительно просила позавтракать у нея, или хотя выпить кофе и на упорный отказъ мой, съ ссылкой на неимѣніе времени, капризно заявила:

— Но выпейте хотя стаканъ вина. Неужели васъ не мучить жажда послѣ поѣздки, собравшей на васъ столько пыли?

Пришлось уступить, и, чтобы сдѣлать ей удовольствіе, — да и пить, по правдѣ сказать, страшно хотѣлось, — я попросилъ стаканъ воды.

По ея приказанію, немедленно на серебряномъ подносѣ появился хрустальный графинъ, сахаръ и лимонъ. Она наполнила чуть не полстакана сахаромъ, налила воды, разрѣзала пополамъ лимонъ и своими изящными ручками медленно начала готовить лимонадъ, все время болтая и меня вызывая на свѣтскую болтовню.

Лимонадъ былъ приготовленъ, она сама поднесла мнѣ стаканъ, но какъ только я протянулъ руку, она лукаво приблизила его къ своимъ губамъ, выпила два глотка и граціозно передала мнѣ. Я выпилъ залпомъ, низко поклонился и, сдѣлавъ надъ собою усиліе, чуть не выбѣжалъ изъ комнаты.

Гусары собрались. Вѣстовой съ конемъ стоялъ у подѣзда, я вскочилъ въ сѣдло и невольно обернулся. Красавица была на крыльцѣ и, улыбаясь, дѣлала мнѣ рукой граціозный знакъ привѣта.

«Совѣтъ Гоголевская полячка», промелькнуло у меня въ головѣ. Да, были минуты, когда и я изображалъ собою Андрія.

Черезъ часъ я присоединился къ отряду на условленномъ ранѣе пунктѣ, донесъ о безрезультатности своего поиска, и мы вступили въ Блонскій лѣсъ.

Но и въ лѣсу не оказалось ничего подозрительнаго, хотя мы обшарили его вдоль и поперекъ. Обмануль ли насъ шпионъ, или повстанскіе развѣдчики во время предупредили партію, и она разбрелась по одиночкѣ, чтобы снова собраться черезъ день, — кто знаетъ? Но образъ блондинки съ роскошными распущенными волосами и большими испуганными глазами, а потомъ той же блондинки — кокетливой, самоувѣренной и задорной, долго-долго не давалъ мнѣ покоя.

II.

Рознишовскій лѣсъ.

Кавказскій офицеръ съ его бандой, котораго мы съ генераломъ К. безплодно разыскивали въ теченіе четырехъ дней¹⁾, вскорѣ далъ о себѣ знать.

Спустя недѣлю послѣ насъ, отправленъ былъ на поиски новый отрядъ съ эскадрономъ уланъ.

Уланы безъ достаточныхъ предосторожностей вступили въ лѣсъ близъ мѣстечка Пясечно, а партія повстанцевъ, искусно скрытая въ лѣсу опытнымъ руководителемъ-кавказцемъ, внезапно напала на нихъ, и эскадронъ едва спасся, съ потерей, однако, 14 человекъ.

¹⁾ Эпизодъ этотъ послужилъ предметомъ особаго разсказа подъ названіемъ «Храбрость».

Кавказскій офицеръ оказался отставнымъ капитаномъ, или майоромъ, Кононовичемъ.

Рѣшено было наказать его.

Для этой цѣли изъ Варшавы былъ направленъ довольно значительный отрядъ съ лейбъ-эскадрономъ Гродненскаго гусарскаго полка, подъ начальствомъ генерала М.. Я назначенъ былъ къ нему за начальника штаба.

Были получены свѣдѣнія, что Кононовичъ съ своей бандой углубился въ обширный Рознишовскій лѣсъ, лежащій по ту сторону рѣки Пилицы, т. е. вдоль праваго ея берега. Туда же, съ юга, былъ направленъ отрядъ подъ начальствомъ полковника генеральнаго штаба Эрнота ¹⁾.

Общее командованіе надъ обоими отрядами было возложено на генерала М.

Такъ какъ возстаніе не утихало, то рѣшено было гуманнѣе мѣры, которыя принимались до сего времени; замѣнить мѣрами устрашающими, и генералу М. разрѣшено было предавать главарей военному суду.

Мы выступили. Прошли черезъ лѣсъ близъ Пясеčno, тотъ самый лѣсъ, въ которомъ погибло 14 человекъ нашихъ уланъ. Послали разъѣзды во всѣ стороны. Нигдѣ ничего не оказывалось.

Но вотъ и Пилица, а за нею обширный и таинственный Рознишовскій лѣсъ, къ которому съ юга долженъ былъ подойти того же числа полковникъ Эрнотъ.

Пришли на ночлегъ только поздно вечеромъ. Необходимо было написать и разослать приказанія по всѣмъ частямъ отряда, чтобы выступить на слѣдующій день до разсвѣта и захватить банду, если можно,—врасплохъ.

Я писалъ до полуночи; самъ разнесъ по войскамъ приказанія и отправился къ товарищамъ на почевку.

Спалъ я всегда рядомъ съ Вельяминовымъ-Зерновымъ, потому что оба мы никогда не храпѣли. Ложусь усталый, измученный, чтобы отдохнуть часа два, но заснуть было невозможно. Оказалось, что за Вельяминовымъ спалъ осетинъ Магометъ Алдаговъ, присосавшійся по нашему приглашенію къ гусарскому эскадрону.

Этотъ богатырь ростомъ выше меня вершка на полтора,—тогда какъ и я считался человекомъ высокаго роста,—богатырь этотъ испускалъ изъ себя такой мощный храпъ, что заснуть не было рѣшительно никакой возможности. Попробовалъ растолкать его—ни малѣйшаго результата. Тогда безъ церемоніи хватилъ его такъ сильно въ бокъ, что онъ вскочилъ и закричалъ: «А! Что!» Но я лежалъ недвижимъ, и пока тотъ успѣлъ вновь захрапѣть, уже спалъ

¹⁾ Впослѣдствіи военнаго министра въ Болгаріи.

молодымъ сномъ, прервать который не могли бы ни іерихонскія трубы, ни даже храпъ богатыря Магомета.

Этотъ Магометъ былъ преннтересная, своеобразная личность. Онъ служилъ когда-то на Кавказѣ, нукеромъ у графа Воронцова, нынѣшняго намѣстника, и отличался самой фанатичной къ нему преданностью. Добродушенъ онъ былъ необычайно; но молодежь поймала его слабую струну и отъ скуки довольно часто наигрывала на ней. Стоило начать бранить графа Воронцова и особенно называть его трусомъ, чтобы горецъ пришелъ въ совершенную ярость.

— Да полно тебѣ, Магометъ,—говоришь ему бывало, видя его доведеннымъ до бѣлаго каленія.—Вѣдь они только дразнятъ тебя. Вѣдь всѣ знаютъ, что графъ Воронцовъ твой прекраснѣйшій человекъ и, если бранить его и называютъ трусомъ, такъ дѣлаютъ это шутя, чтобы тебя подразнить.

— Нэ магу, нэ магу, душа моя. Нэ магу слушать, когда бранить графа. Скажи, чтобы оны замолчали. Ей-Богу, нэ магу.

И глаза его наливались кровью, и рука какъ-то машинально приближалась къ кинжалу.

Уговоришь товарищей, тѣ перестанутъ дразнить, и Магометъ очень быстро превращается въ самаго добродушнаго теленка, надъ которымъ можно было трунить и смѣяться совершенно безнаказанно.

За то ли, что я никогда не дразнилъ, или оттого, что онъ видѣлъ во мнѣ человекъ довольно смѣлаго, всегда въ авангардѣ, но я пользовался особеннымъ его расположеніемъ.

— А что, Магометъ,—спрашивалъ я его черезъ день послѣ здороваго тумака, которымъ угостилъ его ночью:—не болитъ ли у тебя правый бокъ вотъ въ этомъ мѣстѣ?

— А правда, душа, не знаю отчего, болитъ немного.

— Ну-ка, дай посмотреть?

Оказался синякъ, и довольно солидный.

— Прости, Магометъ, это я угостилъ тебя ночью, чтобы ты не храпѣлъ.

Тотъ сначала не вѣрилъ, но, когда убѣдился, не разсердился нимало; только смѣялся чуть ли не громче всѣхъ. Вообще удивительной кротости былъ человекъ. И между тѣмъ въ дѣлѣ это былъ настоящій звѣрь, врубавшійся въ самую гущу врага и крошившій своей азіатской шашкой направо и налево. Такъ рассказывали видѣвшіе его въ бою собственными глазами. Мнѣ, къ сожалѣнію, участвовать съ нимъ въ рукопашномъ бою не довелось, но о смѣлости его можно судить по слѣдующему случаю.

Во время одного перехода, съ ранняго утра пропалъ нашъ Магометъ. Сначала этого не замѣчали, но потомъ я, не видя его въ авангардѣ, который неизмѣнно сопровождала его огромная въ бѣломъ бешметѣ фигура, сталъ даже беспокоиться.

Да куда онъ къ черту пропалъ? Послалъ разыскивать по всему отряду. Магомета нигдѣ не оказалось. Ужъ не остался ли онъ на ночлегѣ? Прошли версть тридцать. Смотримъ, вправо отъ насъ, верстахъ въ двухъ разстояніи, на опушкѣ лѣса показался какой-то всадникъ.

— Что это, станичники. Ужъ не повстанецъ ли, или просто мужикъ возвращается верхомъ съ работы? А ну-ка, урядникъ, возьми-ка парочку казаковъ да посмотри, не банда ли спряталась на опушкѣ.

Казаки тронулись. Но, къ удивленію, проскакавъ съ полверсты, перешли въ рысь, остановились и повернули обратно. Повстанецъ также не убѣгалъ, а, напротивъ, какъ будто направлялся наперерѣзь въ нашу сторону. Казаки приближались къ отряду едва труся, собачьей рысью. Вотъ задача!

— Что это значить?—спрашиваю урядника, когда разѣздъ приблизился на разстояніе человѣческаго голоса.

— Да это онъ, нашъ черкесь, ваше благородіе.

Оказалось, что Магометъ въ то время, когда мы прошли версть 30, одинъ единешенекъ отправился на поискъ и на своемъ великолѣпномъ кабардинцѣ успѣлъ сдѣлать по лѣсамъ не менѣе версть пятидесяти.

— Да ты съ ума сошелъ, Магометъ,—упрекалъ я его.—Вѣдь ты могъ нарваться на цѣлую банду. Слышалъ, какъ улановъ пощипали. Ухлопали бы тебя безъ всякой пользы, и намъ не далъ бы знать о бандѣ. Сказалъ бы, я бы тебѣ пары двѣ казаковъ далъ. Нарвались бы, такъ хоть увѣдомили бы насъ, гдѣ банда. А то убили бы тебя, дурня, и безъ всякой пользы.

— Нѣтъ, душа, зачѣмъ убили. Никогда не убили.

Надо добавить, что Магометъ за свой бѣлый бешметъ, стройную колоссальную фигуру и длинную черную бороду пользовался большимъ успѣхомъ у полячекъ того разряда, который принято называть погибшими, но милыми созданьями, и уморительно рассказывалъ объ этомъ, когда приставали къ нему съ разспросами. Добавлю также, что человѣкъ онъ былъ вполне благородный и хотя пользовался правомъ получать изъ конторы графа Воронцова столько денегъ, сколько пожелаетъ, никогда не позволялъ себѣ брать оттуда болѣе полуторы или двухъ тысячъ въ годъ.

Послѣднюю турецкую кампанію онъ сдѣлалъ уже офицеромъ, а послѣ войны сопровождалъ нашего офицера, штабсъ-капитана Андриевскаго, въ его поѣздкѣ изъ Скутари къ Эрзеруму и всегда и вездѣ показывалъ себя человѣкомъ исключительной смѣлости. Вскорѣ послѣ послѣдней поѣздки этотъ колоссъ умеръ внезапно отъ разрыва сердца.

Перехожу, однако, къ разсказу.

Едва началась заря, какъ вахмистръ, слѣдуя отданному мною ночью приказанію, поднялъ всю нашу компанію. Черезъ десять

минуть, освѣжившись наскоро водой, мы были уже въ сѣдлѣ, и отрядъ выступилъ къ Рознишовскому лѣсу.

Надлежало открыть непріятеля во что бы то ни стало.

Отрядъ былъ раздѣленъ по всѣмъ дорогамъ, и во всѣ стороны посланы были разъѣзды.

Я попросилъ разрѣшенія также углубиться въ лѣсъ съ разъѣздомъ изъ восьми казаковъ.

Руководясь картой, отчасти, быть можетъ, инстинктомъ, я опредѣлилъ путь, по которому можно было съ наибольшею вѣроятностью встрѣтить непріятеля, и направилъ къ нему съ одной стороны сотню подъ начальствомъ есаула Краснова, а самъ взялъ направленіе правѣе отъ него, въ самую глубь лѣса. Подошли къ небольшому поселку изъ двухъ-трехъ домовъ и остановились напоить лошадей.

— Ваше благородіе, это палать, — заявилъ вдругъ казакъ.

Всѣ стали прислушиваться.

Дѣйствительно, раздавались чуть слышные сухіе звуки, то частые, то какъ будто смолкавшіе на время.

— Да, это перестрѣлка. Несомнѣнно, перестрѣлка, — согласился я, присоединяясь къ мнѣнію казаковъ, обладающихъ, вообще, слухомъ несравненно болѣе тонкимъ и зрѣніемъ болѣе острымъ, чѣмъ нашъ братъ, вкусившій отъ плода городской цивилизаціи.

— А далеко ли стрѣляютъ, станичники?

— Да такъ что версты за три, полагаютъ надо, ваше благородіе. Въ лѣсу оно гулко, опять же вѣтеръ на насъ.

Я посмотрѣлъ на карту: тамъ долженъ быть Красновъ.

Быстро написавъ нѣсколько строкъ, я послалъ ихъ къ командиру эскадрона, полковнику Клоту, указавъ ему, чтобы онъ на рысяхъ слѣдовалъ къ данному пункту и въ то же время извѣстилъ начальника отряда о перестрѣлкѣ, а самъ съ разъѣздомъ поскакалъ на выстрѣлы.

Сначала перестрѣлка слышалась все явственнѣе; но минутъ черезъ десять вдругъ прекратилась. Я еще разъ пришпорилъ коня, и черезъ двѣ-три минуты мы выскакали на поляну и увидѣли казачью сотню, частью спѣшенную, частью на коняхъ. Я подскакалъ къ Краснову. У него, вся въ крови, перевязана была платкомъ шея; онъ придерживалъ ее рукой и былъ полонъ самыхъ отборныхъ трехэтажныхъ ругательствъ по адресу повстанцевъ.

— Вотъ подлецы, — говорилъ онъ. — Заняли опушку. Я было попробовалъ въ конномъ строю, такъ нѣтъ, они встрѣтили залпомъ. Я спѣшилъ тогда сотню, пострѣляли немного, да вижу: что стрѣлятъ безъ толку? А ну-ка ура! Такъ они... (непечатное слово) вѣдь не отступили, а въ штыки да въ косы насъ приняли. Порядочно народу поранили, а человѣкъ пять такъ и вовсе убили.

И непечатная брань лилась рѣкою изъ устъ этого храбреца, сдѣлавшаго себѣ впоследствии самую громкую и почтенную репутацію въ турецкой войнѣ.

— Да гдѣ же теперь повстанцы?

— Вонъ тамъ, на опушкѣ поляны. Тамъ мы атаковали ихъ. Да чтобъ имъ нелегкая, не бѣгутъ, проклятые! Право молодцы—хоть куда!

Поляки въ наступленіе не переходили. Возобновлять атаку съ пощипанной сотней, которую не могъ достаточно подкрѣпить мой небольшой разъѣздъ, было также невысказано. Слѣдовало, напротивъ, опасаться, какъ бы повстанцы не ударили на разстроенную сотню, и я просилъ Краснова привести ее, на всякій случай, въ порядокъ.

— Да нѣтъ, не посмѣютъ,—говорилъ Красновъ, придерживая рукой рану, которая оказалась въ послѣдствіи довольно серьезной.— Гдѣ имъ атаковать. Это въ лѣсу они насъ пощипали, а выйди они изъ лѣсу, да мы ихъ съ коней всѣхъ пиками переколемъ.

Едва прошло минутъ двадцать, какъ нашъ эскадронъ на полныхъ рысяхъ, а частью и растяжнымъ галопомъ выскочилъ на поляну.

Лица у всѣхъ были возбужденныя. «Вотъ, вотъ, наконецъ, оно—дѣло».

Надо сказать, что нашему лейбъ-эскадрону не везло. Это была четвертая экспедиція. Вторая продолжалась цѣлый мѣсяцъ, сопровождалась нѣсколькими стычками и однимъ большимъ дѣломъ при Игнацевѣ, но все это происходило въ сосѣднихъ колоннахъ. Такая неудача раздражала не только офицеровъ, но и солдатъ. Безцѣльныя шатанья надоѣли всѣмъ. И вотъ, наконецъ, настоящее дѣло. Вотъ они, повстанцы, въ лѣсу, въ какихъ-нибудь трехстахъ шагахъ. Эскадронъ выстроился, и красивый Клотъ, эскадронный командиръ, обратился къ солдатамъ съ рѣчью, началомъ своимъ совсѣмъ напоминавшею знаменитый приказъ Наполеона передъ Бородинскимъ сраженіемъ: «Soldats, voici la bataille tant désirée» (Солдаты, вотъ, наконецъ, сраженіе, котораго вы такъ желали).

Атаковать, однако, въ конномъ строю густой лѣсѣ было бессмысленно, а въ пѣшемъ—гусарамъ тогда сражаться не полагалось, и они не имѣли даже ружей. Но вотъ и пѣхота, чуть не на хвостѣ у гусаръ прибѣжавшая къ полю битвы. Генерала еще не было; я приказалъ ротѣ немедленно разсыпаться и открыть огонь по опушкѣ.

Съ нетерпѣніемъ ждемъ отвѣтныхъ выстрѣловъ, но опушка молчитъ; ни звука, ни дымка. Я приказалъ ротѣ двинуться впередъ.

Идутъ. Сердце бьется: а ну, какъ повстанцы пустились на хитрость и ждутъ на опушкѣ, скрытые ею, чтобы неожиданно встрѣтить огонь въ упоръ. Вотъ осталось до лѣса шаговъ пятьдесятъ, сорокъ, двадцать, вотъ цѣпь вступила въ лѣсѣ, и ея не видно болѣе. Повстанцы, очевидно, отступили.

Между тѣмъ подѣхалъ и начальникъ отряда. Я доложилъ ему, въ чемъ дѣло, и просилъ разрѣшенія вмѣстѣ съ эскадронномъ напра-

виться въ обходъ, чтобы атаковать повстанцевъ, когда они покажутся изъ лѣса.

Когда я возвратился къ эскадрону, меня встрѣтила грустная процессія: вдоль его фронта четыре казака на носилкахъ, сдѣланныхъ изъ вѣтвей, несли своего товарища, подобраннаго на опушкѣ и превращеннаго, вѣроятно, косами, буквально въ котлету. Это былъ не трупъ убитаго, а какая-то безформенная, кровавая масса.

Одинъ изъ товарищей нашель, что не слѣдовало проносить несчастнаго передъ фронтомъ, что это можетъ дурно повліять на духъ солдатъ. Мнѣ казалось, напротивъ, что такая картина можетъ вызвать въ людяхъ только жажду мщенія и, пожалуй, жестокость возмездія. Я прочель это и на суровыхъ лицахъ солдатъ.

На полныхъ рысяхъ мы двинулись влѣво и, пройдя съ версту, вышли изъ Рознишовскаго лѣса, который, однако, тянулся въ длину еще верстъ на 10—12. Пошли вдоль опушки, высылая разъѣзды впередъ и оставляя позади себя, на случай, если бы мы опередили банду и она вздумала выйти на поляну въ мѣстахъ, которыя мы только что миновали.

Но лѣсъ кончился—банды не видно.

Мы остановились, разбросали цѣлую половину эскадрона въ наблюдательные посты и—ничего подозрительнаго.

Прошло часовъ пять.

Вотъ, наконецъ, вдали на опушкѣ показалась пѣхота. Возбужденные, скачемъ туда. Разочарованіе. Пѣхотою оказалась наша рота, прошедшая лѣсъ насквозь.

Отрядъ собрался на ночлеги, надѣясь найти банду на слѣдующій день. Она, очевидно, уклонилась куда-нибудь вправо, въ сторону рѣки Пилицы и, пользуясь превосходнымъ знаніемъ мѣстности, ускользнула отъ нашей роты, проплутавшей въ лѣсу почти цѣлый день.

На ночлеги, посредствомъ разъѣздовъ, мы вошли въ связь съ отрядомъ полковника Эрнота, остановившагося верстахъ въ пятнадцать отъ насъ.

Составили планъ дѣйствій на слѣдующій день. Не уйдетъ же отъ насъ этотъ Кононовичъ, два раза безнаказанно успѣвшій нанести намъ потери: разъ въ лѣсу подъ Пясеčno, второй разъ—теперь. Пѣхота должна была снова углубиться въ лѣсъ, кавалерія—наблюдать за опушкой.

Всѣ ожидали боя, быть можетъ, упорнаго, потому что Кононовичъ показалъ себя настоящимъ кавказцемъ-воякой.

Часовъ около восьми видимъ нѣсколько всадниковъ, быстро несущихся намъ навстрѣчу.

Кто это, ужь не повстанцы ли? Нѣтъ, это, вѣроятно, драгуны Эрнота. Такъ и вышло,—это были драгуны, и впередъ ихъ нѣсколько толстоватый, красный и потный Эрнотъ. Спрашиваетъ:

гдѣ генераль?—и я ѣду вмѣстѣ съ нимъ къ начальнику отряда, бывшему отъ насъ всего въ верстѣ разстоянія.

— Поздравляю,—говоритъ Эрпротъ:—Кононовичъ схваченъ.

— А банда, развѣ вы имѣли съ нею дѣло?

— Нѣтъ, банда разсѣялась, онъ отступалъ по лѣсу цѣлый день, а когда смерклось, велѣлъ закопать оружіе и бандѣ разойтись для того, чтобы собраться черезъ недѣлю въ заранѣе условленномъ пунктѣ.

И это оказалось правдой.

А самый арестъ Кононовича произошелъ вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

Одинъ изъ разъѣздовъ отряда Эрпрота, состоявшій изъ нѣсколькихъ драгунъ подъ командой юнкера, приближался къ панской усадьбѣ, расположенной невдалекѣ отъ Рознишовскаго лѣса.

Шель разъѣздъ, ничего не подозрѣвая и не придавая никакого значенія усадьбѣ, какъ вдругъ изъ воротъ выскочила натычанка ¹⁾ и быстро поскакала по направленію къ лѣсу. Лихой юнкеръ понесся ей наперерѣзъ и, когда приблизился на разстояніе голоса, приказалъ остановиться. Натычанка продолжала скакать. Юнкеръ, однако, подскакалъ къ ней вплотную и поднялъ было нагайку, чтобы вытянуть пассажира.

— Не троньте меня,—заявилъ тотъ, останавливая возницу.— Я—Кононовичъ.

И Кононовичъ былъ арестованъ.

Товарищами его, кромѣ кучера, оказались: Садовскій, бывшій офицеръ русской службы, сжегшій свой мундиръ въ костелѣ и, не подавая въ отставку, ушедшій въ банду; третій пассажиръ былъ Лабенскій, 20-лѣтній юноша, исполнявшій при Кононовичѣ обязанности адъютанта.

Цѣль экспедиціи была достигнута: банда Кононовича разсѣяна, и самъ Кононовичъ находился въ нашихъ рукахъ.

Но гусары были недовольны: опять намъ не удалось попасть въ дѣло.

— Вотъ тебѣ и «la bataille tant désirée»!—говорили мы, вышучивая военное краснорѣчіе Клота.

Нечего дѣлать, однако, пришлось мириться съ фактомъ: все-таки экспедиція дала результатъ.

Вскорѣ молодость взяла свое, и дурное расположеніе духа замѣнилось шутками.

¹⁾ Общеупотребительный въ Польшѣ экипажъ.

III.

К а з н ь.

Мы выступили съ ночлега очень рано, по направленію къ городку Варкѣ. Меня интересовало посмотрѣть Кононовича. Я разыскалъ его.

Онъ ѣхалъ въ натычанкѣ. Средняго роста, съ небольшой русой бородой, начавшей уже серебриться. Черты правильныя. Взглядъ спокойный. Лицо умное. На немъ былъ легкій пиджакъ, вѣроятно, данный ему паномъ, взамѣнъ его костюма, для бѣгства изъ усадьбы, бѣгства, оказавшагося столь неблагополучнымъ. Раннее утро было свѣжо. Онъ вздрагивалъ отъ холода. Мнѣ стало жаль его.

— Вамъ холодно,—спросилъ я:—вы прозябли?

— Да,—былъ отвѣтъ.

Тогда я не зналъ еще, что такое утренній холодъ. Сбросилъ съ себя пальто и, оставшись въ кителѣ, поѣхалъ дальше. За это часа черезъ два подвергся упрекамъ товарищей.

— Безобразіе! Повстанецъ—и вдругъ на немъ накинута пальто съ погонами нашего полка!

— Да, господа, вѣдь онъ бывшій офицеръ нашей службы и молодецъ при томъ; хоть онъ и врагъ нашъ, но, безспорно, молодецъ, и, наконецъ, я не могъ видѣть старика дрожащимъ отъ холода.

Въ то время сорокапятилѣтняго человѣка я искренно считалъ старикомъ.

Пальто, однако, отъ Кононовича было отнято посланнымъ для этого вахмистромъ. Да оно уже было и не нужно: солнце пекло такъ, что и въ кителѣ было жарко.

Когда мы расположились въ городкѣ, генералъ М. лично началъ допрашивать Кононовича, его двухъ спутниковъ и другихъ плѣнныхъ, которыхъ, по одиночкѣ и группами, мы захватили человѣкъ тридцать.

На вопросъ, предложенный Лабенскому: кто онъ такой?—тотъ смѣло, съ юношескимъ задоромъ отвѣчалъ: «я—демократъ».

Этотъ отвѣтъ настолько не понравился начальнику, что, нарядивъ военный судъ, онъ предалъ ему не только Кононовича съ Садовскимъ, но и Лабенскаго.

Генерала М. я зналъ прежде только по наслышкѣ. Онъ, до Александра Романовича Дрентельна, моего перваго командира, командовалъ Самогитскимъ полкомъ, въ которомъ я началъ свою службу, и насколько А. Р. Дрентельнъ заслужилъ всеобщую любовь, чуть не благоговѣніе армейцевъ, настолько же отзывы о М. говорили не въ его пользу.

Относительно ума его не было двухъ мнѣній. Это былъ человѣкъ, безспорно, умный, образованный, воспитанный, хорошаго

общества, къ которому онъ принадлежалъ и по своему рожденію. Но честность его подвергалась большому сомнѣнію, а по поводу хозяйственныхъ способностей говорили, что онъ приказывалъ собирать даже капсюли послѣ стрѣльбы и сдѣлалъ себѣ изъ нихъ великолѣпную кухонную посуду. Главное же, чѣмъ возмущались самогитцы,—это его чрезвычайной безсердечностью, самой холодной жестокостью: человѣкъ по виду вполне культурный, онъ поролъ солдатъ немилосердно. Съ офицерами держалъ себя тоже надменно и позволялъ себѣ иногда крупныя дерзости, сходившія большею частью безнаказанно, вслѣдствіе заботы армейскаго офицерства.

Разказывали, тѣмъ не менѣе, про случай, когда дерзость М. не прошла ему даромъ. Онъ позволилъ ее себѣ на фронтовомъ ученѣ въ отношеніи поручика Александрова, человѣка умнаго, начитаннаго, нервнаго и желчнаго. Отвѣчать во фронтѣ не полагалось. Но послѣ ученья Александровъ направился къ полковому командиру и приказалъ доложить о себѣ. М., заставивъ прождать себя съ полчаса, вышелъ къ нему полный величія, достоинства и съ пренеющимъ ему цинизмомъ процѣдилъ сквозь зубы:

— Знаю, поручикъ, для чего вы пришли. Вы пришли объясняться со мною. Но въ наше время объясняться съ начальствомъ можетъ только тотъ, у кого здѣсь есть,—добавилъ онъ, указывая на карманъ.—А вѣдь у васъ здѣсь нѣтъ ничего.

Опѣшившій сначала отъ такого цинизма, Александровъ, однако, вскорѣ нашелея:

— Ну, нѣтъ, полковникъ, я съ вамъ не согласенъ. По-моему, объясняться съ начальствомъ и требовать объясненія можетъ всякій, у кого здѣсь есть (указывая на голову), да вотъ еще что есть,—протянулъ онъ къ нему сжатый кулакъ и сдѣлалъ два шага впередъ.

Тогда М. поспѣшилъ его успокоить, и съ этого дня въ отношеніи Александрова былъ самою деликатностью.

Вотъ подъ впечатлѣніемъ какихъ разказовъ познакомился я съ М., какъ съ начальникомъ.

Онъ командовалъ уже дивизіей. Времена измѣнились. Солдатъ уже не сѣкли. Послѣ Самогитскаго полка онъ прокомандовалъ полкомъ гвардейскимъ, и я встрѣтилъ въ немъ человѣка умнаго, спокойнаго, деликатнаго, вполне корректнаго, крайне сдержаннаго (совсѣмъ ужъ не экспансивнаго) и, какъ начальника, конечно, очень пріятнаго, если бы не смущали меня рѣчи о немъ моихъ бывшихъ армейскихъ товарищей.

Возвращаясь къ разказу.

Хотя Кононовичъ производилъ самое пріятное впечатлѣніе своимъ спокойствіемъ, умомъ и даже тѣмъ, что показалъ себя хорошимъ военнымъ, но всѣ мирились съ отдачей его подъ военный судъ, потому что, какъ бы то ни было, онъ командовалъ бандой, да

еще такую, которая нанесла намъ довольно чувствительныя потери. Сожалѣли его,—я въ особенности,—но мирились.

Ничего пельзя было возразить и противъ преданія суду Садовскаго, повидимому, довольно ничтожнаго фанатика. Онъ, русскій офицеръ, не подавая въ отставку, ушелъ въ банду, въ ряды непріятеля, слѣдовательно, нарушилъ присягу и заслуживалъ строгой кары.

Но всѣ пришли въ ужасъ, когда узнали, что военному суду преданъ и Лабенскій. Это былъ 26-лѣтній юноша, еще не кончившій своего образованія, высокаго роста, стройный молодець, съ красивымъ лицомъ, большимъ открытымъ лбомъ и блестящими выразительными карими глазами.

«Его ланиты

«Пухъ первый нѣжно отбѣнялъ;

«Восторгъ въ очахъ его сіялъ».

Эти вдохновенныя строки поэта невольно приходили на умъ, глядя на красивое лицо восторженнаго юноши, самого поэта, какъ оказалось впоследствии.

Военный судъ! Вѣдь всякому, кто былъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ, грозитъ смертная казнь. И всѣ, не исключая судей, безъ всякаго уговора рѣшили выгородить симпатичнаго красавца съ блестящими глазами.

Дѣло шло, казалось, прекрасно. Лабенскій взятъ былъ безоружнымъ, Кононовичъ и Садовскій показали, что онъ не служилъ съ ними, что не былъ въ бандѣ и оказался въ натычанкѣ случайно, потому что ночевалъ въ панской усадьбѣ.

Всѣ надѣялись на оправданіе Лабенскаго. Какъ вдругъ одна каналья, исполнявшая въ бандѣ роль интенданта, безъ малѣйшаго вызова судей, начала распространяться о роли Кононовича, Садовскаго и объ адъютантѣ Кононовича—Лабенскомъ. Какъ ни хотѣли судьи замолчать это, тотъ такъ настойчиво удостовѣрялъ, что Лабенскій не только носилъ оружіе и былъ въ бандѣ, но и игралъ въ ней роль адъютанта,—что пришлось записать его показаніе въ протоколъ, и въ концѣ концовъ, строго придерживаясь закона, военный судъ вынесъ всѣмъ троицъ—Кононовичу, Садовскому и Лабенскому—смертныя приговоры.

Случилось все это чрезвычайно быстро.

Намъ все казалось, что судъ продлится довольно долго, и вдругъ получаемъ извѣстіе, что не только судъ произнесъ свой приговоръ, но что приговоръ уже подтверванъ.

Я узналъ объ этомъ однимъ изъ первыхъ, потому что генераль М., вслѣдъ за конфирмаціей, пригласилъ меня къ себѣ и поручилъ сдѣлать распоряженіе, чтобы войска, — а отрядъ собрался въ Варкѣ довольно значительный,—черезъ два часа сосредоточились

на плоской песчаной отмели Пилицы, отдѣлявшей ее отъ городка, расположеннаго на довольно высокомъ берегу; при этомъ генераль, минуя меня, непосредственно пригласилъ къ себѣ одного изъ ротныхъ командировъ и отдалъ распоряженіе относительно взвода для приведенія приговора въ исполненіе.

Я былъ совсѣмъ ошеломленъ.

— Какъ, ваше превосходительство, и Лабенскій тоже будетъ разстрѣлянъ?

— Да, конечно,—былъ отвѣтъ.—Вѣдь онъ былъ адъютантомъ Кононовича.

— Такой молодой, совсѣмъ еще мальчикъ.

— Да, но онъ самъ заявилъ, что онъ демократъ, значить революціонеръ, и очень опасный. Надо показать имъ примѣръ.

Я попробоваль было сдѣлать еще нѣсколько возраженій, но по холодному и безапелляціонному тону увидѣль, что возраженія эти ни къ чему не приведуть, что рѣшеніе принято и отмѣнено не будетъ.

Пораженный и разстроенный, я пошелъ въ эскадронъ сообщить, чтобы черезъ два часа онъ собрался на городской площади и, согласно распоряженія генерала, конвоироваль приговоренныхъ къ мѣсту казни на песчаной отмели Пилицы.

Товарищи были поражены не менѣе меня.

— Да поди же, уговори его,—требовали они.

— Пробоваль,—ничего не вышло. Просите Владимира Андреевича (Клота). Меня М. считаетъ, вѣроятно, мальчишкой, а Клоту подь сорокъ, и онъ флигель-адъютантъ.

Обратились къ нему. Тотъ, хотя и сочувствовалъ намъ, отказался наотрѣзъ.

— Я не имѣю права,—говорилъ Клотъ,—вмѣшиваться въ распоряженія начальника и особенно въ такомъ случаѣ. Это было бы не только безтактнымъ, но и антидисциплинарнымъ поступкомъ. Удивляюсь даже, какъ ты, Александръ Николаевичъ, позволилъ себѣ просить за Лабенскаго. Это дѣло личной совѣсти генерала, и я бы на его мѣстѣ фукнулъ тебя за это порядочно.

В. А. Клотъ, какъ флигель-адъютантъ и значительно старшій по лѣтамъ, держаль себя въ отношеніи насъ, молодежи, съ большимъ достоинствомъ, даже, пожалуй, нѣсколько важно; но, цѣня во мнѣ хорошаго служаку, а главное—мои свѣдѣнія по военной исторіи, до которой былъ большимъ охотникомъ, онъ предложилъ мнѣ брудершафтъ, и мы съ нимъ были на «ты».

Всѣ сознали, что старшій товарищъ смотреть на дѣло правильно и что предпринимать что-либо было бы противно военной дисциплинѣ и даже чувству долга. Просить, молить могли только частныя лица—мать, сестра, на примѣръ, даже не родня, пожалуй; военному же возбуждать въ начальникѣ чувство жалости къ преступнику—дѣло

совѣмъ не подходящее. Оставалось мириться съ фактомъ, сокрушаться, сокрушаться молча и стараться облегчить послѣднія минуты осужденныхъ.

Они были заключены въ ратушѣ, расположенной на городской площади. Я зашелъ къ нимъ.

Они знали уже о своей участи. Я спросилъ, не желаютъ ли чего-нибудь.

— Ничего,—отвѣчалъ Кононовичъ.—Намъ подали прекрасный обѣдъ съ хорошимъ венгерскимъ, и мы совершенно готовы.

На вопросъ, не пригласить ли священника, Кононовичъ отвѣчалъ: «пожалуй».

Лабенскій, писавшій въ это время, просилъ передать письмо и «вотъ эти стихи» его матери.

Черезъ два часа эскадронъ выстроился на площади лицомъ къ ратушѣ.

Мы увидѣли Кононовича сидящимъ у окна и спокойно курящимъ сигару.

Сталь-фонъ-Гольстейнъ, нашъ товарищъ, корчившій изъ себя англomана и старавшійся показать, что ко всему относится равнодушно, воспользовался случаемъ, чтобы сказать въ торжественномъ тонѣ: «s'est le dernier cigare qu'il fume» (это его послѣдняя сигара).

Тонъ былъ торжественный и, повидимому, спокойный; но звукъ голоса и блескъ глазъ ясно говорили, что на сердцѣ англomана не было того спокойствія, которое онъ хотѣлъ показать.

Осужденныхъ вывели.

А священникъ, гдѣ же ксендзъ? Я поскакалъ къ бургомистру.

— Панъ ксендзъ уѣхалъ на требу за 20 верстъ отсюда. Онъ долженъ сейчасъ вернуться. За нимъ поскакалъ верховой.

Послали спросить генерала, не прикажетъ ли онъ отложить казнь до приѣзда ксендза; но день уже клонился къ вечеру, и отсрочка не была разрѣшена.

Мы двинулись.

Кононовичъ шелъ спокойно. Взглядъ его былъ вполнѣ сознательный. Было очевидно, что сердце этого смѣлаго человѣка бьется такъ же ровно, какъ билось за день, за недѣлю передъ тѣмъ.

Садовскій, худошавый блондинъ небольшого роста, не имѣлъ этого сознательнаго вида, хотя держалъ себя совершенно прилично. Онъ шелъ, по выраженію поэта, «тихій, равнодушный, какъ агнецъ, жребію послушный».

Лицо Лабенскаго дышало какимъ-то юношескимъ восторгомъ. Большіе блестящіе глаза горѣли. Онъ шелъ весело, чуть не улыбаясь, смотрѣлъ вызывающе, шелъ какъ на пиръ, какъ на праздникъ.

На отмели были уже вкопаны три столба.

Пѣхота стояла по мѣстамъ. Къ ней присоединились гусары.

— А ксендзъ, гдѣ же ксендзъ?

Подбѣжалъ бургомистръ.

— Прощу подождать немного, панъ ксендзъ сейчасъ прїѣдетъ.

Генерала при отрядѣ не было, онъ остался дома, поручивъ исполненіе приговора пѣхотному штабъ-офицеру.

— Да какъ же ждать? Солнце близится къ закату. Быть можетъ, это только польская уловка.

Осужденныхъ поставили къ столбамъ.

Лица ихъ не измѣнились.

Кононовичъ смотрѣлъ такъ же просто, спокойно, такъ же сознательно. Лицо Садовскаго изображало нѣсколько тупое подчиненіе року. Глаза Лабенскаго такъ же горѣли, лицо было такое же восторженное, вызывающее.

Раздался залпъ, и вслѣдъ за нимъ на высокомъ берегу, ярко освѣщенномъ румяными лучами догоравшаго солнца, изъ толпы зрителей душу раздирающій женскій крикъ прорѣзалъ воздухъ.

Кононовичъ и Лабенскій пали бездыханными. Садовскій бился еще въ предсмертныхъ конвульсіяхъ. Въ эту минуту красный, потный, на крестьянской лошади прискакалъ ксендзъ, бросился къ погибшимъ и началъ читать отходную.

Къ тому времени не подавалъ уже признаковъ жизни и Садовскій, навѣкъ успокоенный пулею подошедшаго вплотную унтеръ-офицера.

Впечатлѣніе отъ этой казни, впечатлѣніе неизгладимое, осталось во мнѣ на всю жизнь. Я и сейчасъ, черезъ 46 лѣтъ, вижу ее передъ собою, какъ будто происшедшее случилось только вчера. Вижу не только лица осужденныхъ,—слышу женскій крикъ на высокомъ берегу, вижу даже красивое лицо Сталя, выдающее его напускное, дѣланное равнодушіе.

И между тѣмъ до сихъ поръ, какъ и тогда, я какъ былъ, такъ и остаюсь убѣжденнымъ сторонникомъ смертной казни, но казни справедливой — казни, какъ возмездія за сознательно отнятую чужую жизнь.

Это была не первая казнь, которую довелось мнѣ видѣть, и въ то время, какъ описанная казнь въ Варкѣ просто потрясла меня,—первая, которая, какъ первая, казалось, должна была бы подѣйствовать особенно сильно, — не возбудила во мнѣ ничего, кромѣ наблюдательности.

Приговоренъ былъ жандармъ-вѣшатель за доказанныя шесть убійствъ лицъ, заподозрѣнныхъ жондомъ въ несочувствіи возстанію. Мой взводъ былъ назначенъ конвоировать осужденнаго. Я могъ, такимъ образомъ, наблюдать его въ теченіе 15—20 минутъ.

Рядомъ шель калуцинь и всю дорогу нашептываль ему что-то. Я былъ такъ возмущень ужасной дѣятельностью вѣшателя, что, глядя на тупое, неосмысленное выраженіе лица этого крупно сложеннаго человѣка, думаль безъ малѣйшаго сожалѣнія, безъ тѣни къ нему участія: «Не нравится, небось, самому перспектива болтаться на веревкѣ; хотя ксендзъ и сулитъ тебѣ, вѣроятно, сладкіе пряники на томъ свѣтѣ за то, что вѣшалъ людей во имя блага ойчизны, хотя и убѣждаетъ не трусить, а, видно, не сладко примѣрять на себѣ то, что щедро раздаваль другимъ».

Сознаюсь, что именно такія мысли гнѣздились въ моей головѣ, и хотя молодость, вслѣдствіе присущей ей прямолинейности, гораздо болѣе жестока, чѣмъ старость, умѣющая прощать многое, очень многое, — я и теперь смотрѣлъ бы безъ сожалѣнія на смерть человѣка, избравшаго себѣ подлую профессію убивать безнаказанно другихъ, и волненія Тургенева, испытанныя имъ во время казни знаменитаго убійцы Тропмана, рѣшительно мнѣ не понятны.

Вѣдь это же чисто слащавая маниловщина говорить, что никто не имѣеть права лишать человѣка жизни, хотя бы онъ самъ совершенно спокойно лишаль жизни десятки людей.

Заключайте его въ тюрьму, говорятъ Маниловы.

Но практика показываетъ, что нѣтъ тюрьмы, изъ которой нельзя было бы убѣжать, особенно если не тратить на эти тюрьмы и на служебный персоналъ сумасшедшихъ денегъ, отнимая ихъ у народнаго благосостоянія.

И вотъ человѣкъ бѣжитъ съ каторги, вновь убиваетъ, его вновь судятъ, вновь ссылають, и онъ вновь возвращается для того, чтобы вновь убивать и смѣяться надъ правосудіемъ. И это повторяется три, четыре, пять разъ. За преступникомъ числится 30, 40, 50 зарегистрированныхъ убійствъ; но, несмотря на это, вы не имѣете права вырвать навсегда это подлое, злое животное, этого звѣря—изъ общества людей честныхъ, трудолюбивыхъ, заслуживающихъ того, чтобы ихъ жизнь не зависѣла отъ произвола закоренѣлаго негодая. Какъ можно! Пусть лучше гибнуть они, эти невинные люди, чѣмъ виситъ на веревкѣ злодѣй. Это негуманно!

Пускай страны, несравненно болѣе насъ культурныя, за смерть воздають смертью; онѣ въ этомъ случаѣ не указъ намъ. Мы умнѣ ихъ, а главное—мы гуманиѣ. Провозгласить по примѣру ихъ полное равенство людей мы готовы, а казнь—никогда. Равенство, когда не только между людьми встрѣчаются натуры богато одаренныя и на ряду съ ними кретины, но этому закону, закону вѣчному и міровому,—закону неравенства, какъ физическаго, такъ и интеллектуальнаго,—подчинено все животное царство: лошади, коровы, собаки, кошки, куры, даже крысы и блохи, что, вѣроятно, могутъ засвидѣтельствовать профессора, занимающіеся обученіемъ

этихъ милыхъ созданий. Все это вѣрно, но равенство отвѣчаетъ закону гуманности, тогда какъ лишить жизни, обезвредить человѣка, убивающаго другихъ,—какъ можно! Это негуманно!

Прежде всего—кто что ни говори, въ каждомъ человѣкѣ, если разумъ его не помраченъ софизмами и свободенъ отъ утопій, живетъ чувство воздаянiя: за услугу—услугой, за зло—зломъ. Не даромъ у древнихъ была богиня возмездiя—Немезида. Не даромъ у нѣкоторыхъ первобытныхъ народовъ естественный законъ отмщенiя породилъ даже родовую месть—канлы на Кавказѣ, вендетта въ Корикѣ. И тотъ, и другой, несмотря на кажущуюся нелѣпость, имѣлъ въ сущности глубокий смыслъ: онъ обезпечивалъ первобытныя общества отъ насилiй, отъ убiйствъ—обезпечивалъ страхомъ получить возмездiе отъ родственниковъ.

При отсутствiи правильно функционирующаго правосудiя законъ отмщенiя родственниками долженъ былъ сдерживать убiйцъ, такъ же, какъ законъ Линча являлся необходимостью, даже благодѣянiемъ въ американскихъ обширныхъ пустыняхъ, лишенныхъ возможности водворенiя правильнаго правосудiя. Отсюда и быстрое распространенiе этого закона и живучесть его до сихъ поръ даже тамъ, гдѣ надобность его давно миновала, живучесть, обусловленная тѣмъ, что законъ этотъ истекаетъ изъ свойствъ человѣческой природы.

Тотъ же, свойственный человѣку законъ (око за око) провелъ великiй законодатель—Моисей, написавшiй кодексъ, до такой степени отвѣчающiй человѣческой природѣ, что онъ остается неизмѣненнымъ въ теченiе тысячелѣтiй и служитъ несокрушимымъ цементомъ для народа, разбросаннаго по всему земному шару и сохраняющаго, тѣмъ не менѣе, свое единство, свою (несимпатичную, увы) самобытность.

Христосъ, правда, далъ намъ другой законъ, законъ всеобщей любви, всепрощенiя; но мы видимъ, къ чему привелъ этотъ законъ, законъ высшiй, вполне пригодный для ангеловъ—не для людей, сумѣвшихъ, во имя святаго закона, устраивать вареоломеевскiя ночи, инквизици, многолѣтнiя религiозныя войны.

Помимо интересовъ гуманности, противъ смертной казни приводятъ обыкновенно два довода: первый—что смертная казнь никого не устрашаетъ,—и второй, что судебная ошибка при ней не исправима.

Въ подтвержденiе перваго довода приводятъ сказку, которой почему-то вѣрять обязательно, что, когда въ Англии воровство наказывалось смертью, во время самой казни сотни платковъ исчезали изъ кармановъ.

Люди безстрашные бывали всегда и вездѣ, поэтому, быть можетъ, и случались кражи платковъ въ то самое время, когда публика глазѣла на повѣшеннаго, но, чтобы казнь не влiяла, какъ средство устрашающее вообще, это совершенно невѣрно. И вотъ доказательства.

Въ Финляндіи еще недавно существовалъ законъ, а быть можетъ существуетъ и донинѣ, по которому вору отрубали правую руку. Этотъ законъ давно уже не примѣнялся, но когда я былъ и служилъ въ Финляндіи, въ 1878 году, — воровство въ ней было почти неизвѣстно, даже въ такомъ большомъ городѣ, какъ Гельсингфорсъ.

Другой примѣръ, прочно засѣвшій въ моей памяти.

Въ Сибири славились своею удалью и разбоями два негодяя. Осужденные на вѣчную каторгу и не желая покидать иркутскую, кажется, тюрьму, они, какъ это водилось въ прежнее время, чтобы затянуть дѣло, рѣшили совершить новое преступленіе и зарѣзали, какъ теленка, смотрителя тюрьмы, человѣка очень добраго, обремененнаго большой семьей. Злодѣи цинически посмѣивались при этомъ, говоря, что «плетью больше не порютъ», а они и такъ осуждены на вѣчную каторгу, — «съ насъ, значить, взять нечего».

Возмущенный до глубины души, тогдашній сибирскій генералъ-губернаторъ, Николай Петровичъ Синельниковъ, человѣкъ неподкупной честности, твердый и рѣшительный, испросилъ у государя Александра II разрѣшеніе предать негодяевъ военному суду. Тѣ, не понимая, въ чемъ дѣло, и на судѣ продолжали бахвалиться и говорить, что все одно осуждены, молъ, на вѣчную каторгу. Даже, когда вынесенъ былъ смертный приговоръ, они думали все, что начальство только «пугаетъ».

Но когда ихъ вывели на лобное мѣсто, когда подошелъ священникъ съ послѣдними словами напутствія въ далекій невѣдомый край, — куда дѣвалось бахвальство и наглый цинизмъ! Они упали на колѣни, плакали, молили «православныхъ простить ихъ оканство, помолиться о ихъ грѣшныхъ душахъ».

И казнь произвела огромное впечатлѣніе на сибирскихъ варнаковъ.

Всѣми признано, наконецъ, что только благодаря суровымъ мѣрамъ, принятымъ литовскимъ диктаторомъ М. Н. Муравьевымъ, было такъ быстро подавлено возстаніе 1863 года въ Литвѣ и спасены, такимъ образомъ, десятки тысячъ жизней какъ повстанцевъ, такъ и нашихъ солдатъ.

А разбойничество на большихъ дорогахъ прежнихъ временъ? Чѣмъ, какъ не безопасностью, прекращено оно?

Нельзя же и противъ бомбъ бороться «иконами» и непротивленіемъ злу.

Само собою разумѣется, что если публичная казнь можетъ произвести большое впечатлѣніе, то не слѣдуетъ злоупотреблять этимъ средствомъ, не слѣдуетъ дѣлать изъ нея интереснаго зрѣлища. Поэтому на Западѣ совершенно разумно ее принято совершать въ стѣнахъ тюрьмы.

Другой доводъ противъ смертной казни — невозможность исправить судебную ошибку.

А если безвиннаго человѣка заключать въ одиночную тюрьму или сошлуть на каторгу, развѣ можно возвратитъ лучшіе годы его молодости, проведенные въ заточеніи, возвратитъ молодость, силы, здоровье состарѣвшемуся и одряхлѣвшему въ тюрьмѣ? Развѣ можно, развѣ во власти человѣка возвратитъ даже день свободной жизни взаменъ проведеннаго напрасно въ заточеніи? Развѣ не болѣе жестоко, вмѣсто казни, держать человѣка двадцать-тридцать лѣтъ въ одиночкѣ. Развѣ это не пытка и притомъ пытка самая утонченная. Полагаю, что всякій, у кого инстинктъ самосохраненія не доведенъ до степени самой гадливой трусости, предпочтетъ мгновенную смерть двадцатилѣтнимъ терзаніямъ, утонченной пыткѣ, убивающей тѣло и душу, часто доводящей до сумасшествія.

Въ жизни все невозвратимо. Невозвратимо счастливое дѣтство. Невозвратима молодость, полная силъ и увлеченій. Невозвратимъ каждый день, каждый часъ, отнятый отъ жизни и приближающій насъ къ неизбѣжному концу. И неужели же можно говорить серьезно, съ убѣжденіемъ, о томъ, что, лишивъ человѣка молодости и здоровья, отнявъ у него нѣсколько лучшихъ лѣтъ жизни, вы, выпуская его на свободу, больного и разслабленнаго, съ нарушеннымъ, благодаря тюрьмѣ, семейнымъ счастьемъ — неужели можно серьезно говорить, что судебная ошибка исправлена?

Вѣдь возмѣститъ время, проведенное въ заключеніи, продленіемъ жизни никто не властенъ, ни на одинъ день, ни на одинъ только часъ, ни даже на минуту.

Надо заботиться не объ исправленіи судебныхъ ошибокъ, а о томъ, чтобы поставитъ правосудіе въ рамки, исключаютія судебныя ошибки, особенно въ такихъ серьезныхъ случаяхъ, которые влекутъ за собою примѣненіе смертной казни или продолжительное заключеніе.

Говорятъ объ ужасныхъ минутахъ, которыя переживаетъ человѣкъ, обреченный смерти. Да развѣ каждый изъ насъ не обреченъ на смерть? Развѣ старикъ, да еще больной сердцемъ (какъ я, на примѣръ), не понимаетъ, что черезъ годъ, два, быть можетъ, мѣсяць, а то и раньше, онъ долженъ разстаться съ жизнью? И онъ мирится съ этимъ и смотритъ близкой смерти прямо въ глаза.

Да и что за драгоценность человѣческая жизнь, особенно жизнь негодая, — что правосудіе не можетъ, въ крайнихъ случаяхъ, распорядиться ею? И это въ то самое время, когда общество нимало не сомнѣвается въ своемъ правѣ посылать на смерть сотни тысячъ совершенно невинныхъ людей, лучшихъ сыновъ страны, людей, которые не хотятъ никого убивать, сами, конечно, не хотятъ быть убитыми и часто не знаютъ, зачѣмъ, для достиженія чего ихъ посылаютъ на смерть. Если войны отойдутъ въ преданіе, въ чемъ я лично болѣе чѣмъ сомнѣваюсь, то можно будетъ, пожалуй, говорить объ уничтоженіи смертной казни; до тѣхъ же поръ, пока вы посы-

лаете сотни тысячъ безвинныхъ, честнѣйшихъ людей на смерть, такъ много хлопотать о сохраненіи жизни негодяя или тупого фанатика, да еще тратить на это огромныя суммы въ ущербъ народному благосостоянію,—чистѣйшая безсмыслица.

Спѣшу оговориться, однако, что считаю справедливымъ и умѣстнымъ примѣненіе смертной казни лишь въ отношеніи лицъ, посягающихъ на жизнь другого, хотя бы это выразилось въ формѣ приготовленія бомбъ,—вѣдь не для дѣтской же забавы работаютъ любители этого производства. Но казнь за политическія убѣжденія, пока результатомъ ихъ не является убійство, ни въ какомъ случаѣ не должна имѣть мѣста: во-первыхъ, потому, что сегодняшній преступникъ черезъ нѣсколько лѣтъ можетъ стоять во главѣ правительства, примѣромъ чего служить Австрія; во-вторыхъ,—и это главное,—злоупотребленіе казнью за убѣжденія родитъ прозелитовъ и служить къ распространенію именно того, противъ чего рѣшаются бороться, что доказано исторіей христіанства.

И казнь несчастнаго Лабенскаго именно должна была произвести такое дѣйствіе на его единоплеменниковъ. По крайней мѣрѣ, большинство изъ насъ, русскихъ, съ убѣжденіемъ дѣлавшихъ русское дѣло и настойчиво искавшихъ повстанцевъ, чтобы беззавѣтно врубиться въ ряды ихъ,—мы были возмущены этой казнью — казнью несправедливой и даже необоснованной въ смыслѣ ея полезности для русскаго дѣла.

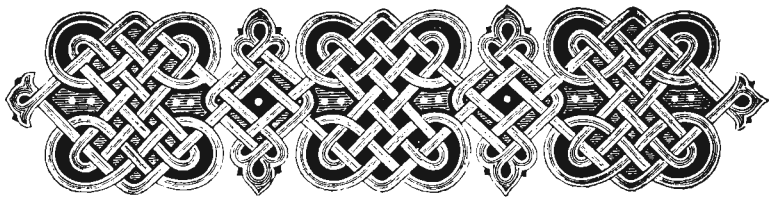
Что касается меня лично, то, какъ человѣкъ особенно впечатлительный и любившій съ юности копаться въ душѣ своей, я задавалъ себѣ вопросъ: если бы я былъ полякомъ и колебался,—итги мнѣ «до лясу», или нѣтъ,—что бы я сдѣлалъ послѣ казни красиваго юноши, пламеннаго энтузіаста? И въ душѣ моей прочелъ твердый отвѣтъ: немедленно взялся бы за оружіе, чтобы отомстить за невинную смерть и умереть такъ же красиво, какъ умеръ онъ.

Когда экспедиція кончилась, генераль М., протягивая на прощанье руку, благодарилъ за оказываемую ему помощь и, выразивъ желаніе служить со мною и впредь, очень любезно просилъ не ограничивать случайнаго служебнаго знакомства одной службой, а навѣщать его, какъ добраго знакомаго.

Деликатный и вѣжливый по натурѣ, визита любезному генералу я однако, не сдѣлалъ.

А. Н. Витмеръ.

ДѢДЪ, ПРОДАННЫЙ СЪ АУКЦИОНА.

(Изъ жизни финляндской деревни).

I.

СЛИ Я, копаясь въ огородѣ, слышу частые, почти дѣтскіе, но тяжелые шаги и безконечное: «драсту, драсту, драсту...», то это значить, что ко мнѣ въ гости пришелъ чухонецъ—дѣдъ Иванъ Степанычъ. Собственно говоря, онъ ходитъ не въ гости, а за подачкой, потому что онъ—бездородный нищій; не нашъ русскій безобразный, попрошайничавшій и христарадничавшій нищій, а особенный, финляндскій. Онъ никогда не просить, потому что въ Финляндіи просить милостыню запрещено, но не отказывается, когда ему подають, и въ отвѣтъ на каждую подачку безконечно тянетъ: «пасиба, пасиба, пасиба...»

У этого дѣда все такъ же безконечно, какъ и онъ самъ. Зажился онъ на свѣтѣ почти что безконечно: онъ уже не помнитъ, сколько ему лѣтъ и какъ его зовутъ. То ему девяносто семь лѣтъ, то сто четыре года; то онъ родился гдѣ-то въ Россіи, то увидѣлъ впервые свѣтъ Божій въ Финляндіи, то исколесилъ весь міръ, то отъ роду не выходилъ за предѣлы финской деревушки, въ которой происходитъ описываемое дѣйствіе. Говорить съ нимъ о его прошломъ и спрашивать—трудъ совершенно напрасный, потому что онъ ничего не помнитъ и все путаетъ. То, что совершилось только вчера, кажется ему сегодня событіемъ весьма отдаленнымъ, а то, что было при царѣ Горохѣ, представляется ему очень недавнимъ. Я только въ этомъ году купилъ клочокъ земли въ финляндской деревушкѣ Войма и только теперь начинаю разрабатывать

его и строиться, но дѣдъ увѣряетъ меня, что знаетъ и меня, и мой огородъ, и мои постройки уже лѣтъ двадцать.

Зовутъ его, какъ уже сказано, «Иванъ Степанычъ», но точно ли это его собственное, данное при крещеніи имя, онъ не помнитъ. Всѣ односельчане зовутъ его Иваномъ Степановичемъ, и онъ себя зоветъ также этимъ именемъ. Онъ такъ старъ, что безбоязненно смотритъ помутнѣвшими глазами на солнце, плохо слышитъ и сознаетъ то, что ему говорятъ, и, поймавъ какое-нибудь слово, повторяетъ его безъ конца и безъ смысла до тѣхъ поръ, пока до слуха его на смѣну не долетитъ другое. Тогда онъ принимается за повтореніе этого второго слова. Не говорить онъ не можетъ: что бы онъ ни дѣлалъ,—онъ все бормочетъ.

Ходитъ онъ мелкими-мелкими шажками и при этомъ не отрываетъ ногъ отъ земли, а скользитъ по ней подошвами и передвигается удивительно медленно—по вершку каждый шагъ. Живетъ онъ напротивъ меня черезъ улицу, но для того, чтобы пройти отъ своей калитки до моей, употребляетъ никакъ не менѣе пяти-шести минутъ.

Ко мнѣ онъ является раза два въ день, а иногда и чаще. Происходить это оттого, что онъ давно уже потерялъ представленіе о времени. Онъ очень любитъ чай, и ему велѣно приходиться каждый день ровно въ три часа. Въ это время плотники, которые рубятъ мнѣ избу, занимаются послѣобѣденнымъ чаепитіемъ и, если при этомъ Иванъ Степанычъ налицо, то перепадаетъ и ему. Боясь пропустить условленный часъ, старикъ является то въ семь часовъ утра, то въ пять пополудни и каждый разъ увѣряетъ, что теперь—именно три.

— Рано, дѣдушка, пришелъ,—заявляетъ ему кто-нибудь изъ плотниковъ.—Мы еще не обѣдали... Рано, говорю, пришелъ...

— А-а, рано, рано, рано,—затягиваетъ дѣдъ и уходитъ, неустанно бормоча:—рано, рано, рано...

Иной разъ плотникъ говорить:

— Опоздалъ, дѣдъ! Отчего раньше не приходилъ? Мы тебя ждали...

Иванъ Степанычъ покорно уходитъ со двора, повторяя вслухъ:

— Мы тебя ждали, мы тебя ждали, мы тебя ждали...

Разъ мнѣ стало его жалъ, и я угостилъ его чаемъ самъ. Усадилъ его на деревянную скамейку на дворѣ, у стѣны, и поставилъ передъ нимъ на табуреткѣ большой желѣзный чайникъ—стакановъ въ пятнадцать—съ кипяткомъ, фарфоровый чайникъ съ завареннымъ чаемъ, стаканъ и сахаръ.

— Угощайся, дѣдъ,—сказалъ я.—Можешь хоть все выпить.

Въ это время мнѣ пужно было что-то спѣшно разсидеть въ гряды. Я ушелъ въ огородъ и совсѣмъ позабылъ о старикѣ. Проходитъ съ полчаса. Является въ огородъ плотникъ и заявляетъ:

— Баринъ, а баринъ! съ Иванъ Степановичемъ что-то не ладно.

— Что такое?—встревожился я.

— Весь чайникъ кипятку выдулъ и теперь съ мѣста подняться не можетъ... Разнесло его... Животъ—во какой...

Я бросилъ работу и поспѣшилъ къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ старика. Оказалось, что онъ дѣйствительно опорожнилъ почти весь чайникъ и сидитъ неподвижно, съ выпученными глазами.

— Иванъ Степанычъ, что съ тобой?

— Баринъ велѣлъ все выпить, баринъ велѣлъ все выпить, баринъ велѣлъ все выпить,—бормоталъ онъ, глядя на меня и не узнавая меня.

Признаться, я струсилъ порядочно; забылъ о томъ, что старикъ совсѣмъ впалъ въ дѣтство и что за нимъ нужна еще нянька. По его старческому, точно пергаментомъ обтянутому лицу было замѣтно, что ему не по себѣ. Глядя на него, я съ минуты на минуту ждалъ, что его хватитъ карачунъ. Но, спасибо, плотники выручили.

— Поводить его надо; пуцай промнется,—догадался одинъ изъ плотниковъ.—Василко, бери его подъ ту мышку, а я подъ эту... Отними сначала табуретку съ чаемъ... Ну, дѣдко, подымайся, пойдемъ!.. Экъ налился!..

Плотники приподняли Ивана Степаныча, подождали, пока онъ твердо сталъ на ноги, и затѣмъ осторожно и съ прибаутками повели по двору. Старикъ повиновался безпрекословно, но попрежнему смотрѣлъ рачьими глазами и бессмысленно повторялъ:

— Баринъ велѣлъ все выпить, баринъ велѣлъ все выпить...

Поводивъ немного по двору, плотники подвели Ивана Степаныча къ калиткѣ и осторожно вытолкнули на улицу.

— Ежели и помретъ, такъ не на нашемъ дворѣ,—практически рѣшили они.—Помирай на улицѣ, сколько хошь,—тамъ уже дѣло не наше. Улица—обчая...

Несмотря на такое простое рѣшеніе вопроса, я все-таки не безъ тревоги слѣдилъ со своего огорода за старикомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не перешелъ черезъ улицу и не скрылся въ своей калиткѣ. Только тогда у меня отлегло отъ сердца. Но тревоги мои были напрасны. На другое утро часовъ въ девять старикъ, какъ ни въ чемъ не бывало, бесѣдовалъ съ плотниками и увѣрялъ ихъ, что уже три и что поэтому уже пора чай пить.

Изъ осторожности я не велѣлъ впредь давать ему болѣе трехъ-четыреухъ стакановъ. Онъ покорно согласился и съ этимъ:

— Баринъ велѣлъ четыре такана, четыре такана, четыре такана...

Не отказывался онъ и отъ мелкихъ монетъ.

— Дѣдъ, куда ты деньги дѣваешь?—допрашивали его плотники.—На что тебѣ деньги? Ты сытъ, обутъ, одѣтъ, и готовая фатера есть...

— Фатера есть, фатера есть, фатера есть,—подхватилъ старикъ послѣднюю фразу. Такъ отъ него отвѣта и не добились

Объяснилъ это намъ нашъ сосѣдъ Ионесъ Гювиненъ. Онъ намъ сообщилъ кое-какія подробности о старикѣ—и подробности довольно-таки любопытныя.

Необходимо пояснить, что финляндская деревня Войма лежитъ всего въ нѣсколькихъ километрахъ отъ желѣзной дороги, и проѣзжая дорога отъ деревни до станціи почти вся застроена дачами. Воздухъ здѣсь чудный, лѣсной— и лѣтомъ всѣ дачи бываютъ заняты петербуржцами. Обитатели деревни Воймы поставляютъ дачникамъ молоко и въ небольшомъ количествѣ яйца. Но живутъ они не этимъ. Почти всѣ они зажиточны и владѣютъ очень большими кусками земли. Небольшую часть своихъ угодій они раздѣляли испоконъ вѣка подъ поля и засѣваютъ овсомъ, а съ болотъ накашиваютъ много сѣна. Остальная земля у нихъ стоитъ подъ лѣсомъ. Есть хозяева, у которыхъ полосы земли шириною сажень въ 30—40 тянутся въ длину верстъ на шесть. При такомъ обиліи земли они охотно выдѣляютъ небольшіе участки и продаютъ ихъ. За послѣднее время, какъ извѣстно, петербуржца средняго достатка и заработка тянетъ вонъ изъ Питера, и чуть у него завелась копейка,—онъ сейчасъ же стремится купить землицы и, всѣми правдами и неправдами, сколотить себѣ дачку. Въ силу такихъ условій въ деревнѣ Воймѣ набралось уже порядочно петербургскихъ обывателей, ставшихъ собственниками.

Такимъ же мелкимъ собственникомъ состою и я. Купивъ клочокъ земли и избушку на курьихъ ножкахъ у финна-крестьянина, я уже тѣмъ самымъ вошелъ «въ общество», т.-е. сталъ общественникомъ деревни и получилъ тѣ же права, которыми пользуются мои сосѣди-крестьяне: у меня никто не можетъ отнять моей собственности, никто не имѣетъ права меня стѣснить или обидѣть, меня защищаютъ тѣ же, что и для моихъ односельчанъ, финляндскіе законы, мнѣ предоставлено пасти своихъ лошадей и коровъ на общихъ для всей деревни лугахъ и т. д. вмѣстѣ съ тѣмъ я несу и повинности: обязанъ платить поземельныя и чинить свой участокъ проѣзжей дороги натурою, а зимой расчищать его отъ снѣга. Я нарочно распространяюсь объ этихъ подробностяхъ, потому что онѣ понадобятся дальше.

Какъ односельчанинъ, я могу и даже, пожалуй, долженъ бывать на сходахъ и принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ; но такъ какъ мѣстный языкъ я знаю плохо, то отъ этой тяготы я избавленъ, и сосѣдъ Ионесъ Гювиненъ сообщаетъ мнѣ уже состоявшіяся рѣшенія схода, а я имъ подчиняюсь, если они хоть сколько-нибудь меня касаются.

Само собою разумѣется, что прежде всего мнѣ понадобилось ознакомиться со своими сосѣдями. Не купи домъ, а купи сосѣда. Задача оказалась не трудною: сосѣди сами явились ко мнѣ. Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, когда я еще и самъ не успѣлъ ориентироваться на новомъ мѣстѣ, ко мнѣ въ кухню набилось сразу

душъ десять совершенно незнакомыхъ чухонъ съ трубками въ зубахъ. Для кого хватило лавки и табуретокъ, тѣ усѣлись, а прочіе остались стоять. Когда я вошелъ въ кухню, ни одинъ изъ нихъ не поклонился.

Положеніе получилось прекомичное: я не знаю ни слова фински, а они—ни бельмеса по-русски. На меня, впрочемъ, они не обратили ровно никакого вниманія и бесѣду вели, какъ у себя дома, только между собою. Черезъ десять минутъ атмосфера въ кухнѣ стала отъ махорки невыносимою, а полъ оказался до такой степени заплываннымъ, что даже гадко было смѣтрѣть. Посидѣвъ около получаса и загадивъ всю кухню, мои непрошенные гости гуськомъ потянулись къ двери и ушли одинъ за другимъ, точно такъ же не сказавъ мнѣ, хозяину, ни единого слова.

Это меня страшно взбѣсило. Я тотчасъ же велѣлъ работавшему у меня подрядчику запереть ворота и калитку на замокъ. Но это, какъ оказалось потомъ, не помогло. Не прошло и пяти минутъ, какъ новый чухонецъ, пощупавъ съ улицы замки и найдя ворота закрытыми, безъ церемоніи перемахнулъ черезъ заборъ. Это и былъ сосѣдъ Ионесъ Гювиненъ.

Однимъ изъ его достоинствъ было то, что онъ, хоть и скверно, но все-таки говорилъ по-русски.

— Чего вы лѣзете черезъ заборъ?—сказалъ я съ досадою.

— За того лѣзу черезъ сапоръ, что ворота саперты,—отвѣтилъ онъ просто.—Засѣмъ ворота саперты? У насъ никогда не сапирають: у насъ воры нѣтъ.

— Запираю затѣмъ, что хочу быть у себя во дворѣ одинъ. У меня сейчасъ было въ домѣ десять человѣкъ, которыхъ я не звалъ и не знаю. У насъ, у русскихъ, принято сначала позвонить или постучать, а потомъ уже и входить.

— А мы ходимъ одинъ на тругой просто. Это у васъ были сусѣты. Они приходили снакомиса съ вами.

— Однакоже они не сказали со мною ни слова и даже не обратили на меня вниманія.

— Это имъ не ната. Они приходили посмотрѣть и поговорить, какой вы есть.

— Покорно благодарю. Передайте сусѣтамъ, чтобы они ко мнѣ ходили только тогда, когда дѣло есть, или когда я позову.

— Хорошо, я скажу... Только у насъ всѣ такъ ходятъ. И вы можете ходить во всякую избу, садиться, курить, не говорить и уходить. Это сначить, что вы были въ гости, и хозяинъ будетъ довольный.

Это и было мое первое знакомство съ моимъ первымъ сосѣдомъ, который не замедлилъ, по примѣру своихъ односельчанъ, энергично послѣ каждой затяжки заплевывать полъ кухни. Когда я попросилъ его воздержаться отъ этого удовольствія, то онъ не безъ нѣкотораго удивленія отвѣтилъ:

— Здѣсь всё плювуть и ви мозете плювать...

Туть только я понялъ, почему въ вагонахъ Финляндской желѣзной дороги и на всѣхъ станціяхъ разставлены металлическія плевальницы и вывѣшены на трехъ языкахъ сразу объявленія: «Не плевать на полъ». Предостереженіе далеко не излишнее. Впослѣдствіи и я принужденъ былъ въ кухнѣ и въ той комнатѣ, куда допускаю сосѣдей, изукрасить стѣны такою же надписью на финскомъ языкѣ. Не плевалъ на полъ одинъ только дѣдъ Иванъ Степанычъ, но и то не въ силу запретительной надписи, которой онъ прочесть по слѣпотѣ не могъ, а потому, что отъ старости весь высохъ и во рту не хватало подходящаго матеріала.

Къ чести, однакоже, моихъ односельчанъ нужно сказать, что, когда мы нѣсколько обжились, они уразумѣли мои барскія требованія и даже обнаружили нѣкоторую деликатность: перестали шпаться ко мнѣ безъ надобности, а приходя, не забывали заповѣди, вывѣшенной на стѣнахъ.

— Снаете, что я вамъ скажу?—обратился ко мнѣ Ионесъ Гювиненъ безъ дальнихъ околичностей.—Вы будете корсевать (корчевать) тотъ поле, который въ лѣсу?

— Буду.

— Тогда отдайте этотъ подрядъ на меня: я все сдѣлаю и хоросо, и недорого.

— Я уже отдалъ этотъ подрядъ. Корчевать будетъ мой подрядчикъ.

Глаза Ионеса засверкали.

— Отдали узе?! Тогда вся деревня будетъ сердица, отчего вы не даете заработать намъ.

— Во-первыхъ, я на своей землѣ могу посадить на работу не только подрядчика, но и негра, и нѣмца, и шведа, и самого чорта; а, во-вторыхъ, гдѣ вы были, когда я заключалъ условіе съ подрядчикомъ?

— Тогда мы не пустимъ подрадика работать...

Мнѣ стало жутко.—«Ну,—подумалъ я,—влопался. Попалъ въ кабалу. Значить, туть хозяинъ не я, а чухонцы».

— Посмотримъ, какъ вы не пустите,—отвѣтилъ я, стараясь говорить спокойно.—Завтра я буду по своему дѣлу у ленсмана и спрошу его кстати объ этомъ.

При упоминаніи о ленсманѣ Ионесъ Гювиненъ сразу перемѣнилъ тонъ.

— Нѣтъ... Это я для того, чтобы мы были хоросіе сусѣты,—смутился онъ.—Зачѣмъ ленсмана беспокоить... Пускай подрадикъ дѣлаеть....

Я поблагодарилъ мысленно Небо за то, что выдержалъ характеръ. Но черезъ два дня, къ моему удивленію, мой русскій подрядчикъ отказался отъ расчистки поля. Оказалось потомъ, что Ионесъ,

прикинувшись ягненкомъ, предупредилъ рабочихъ о томъ, что будто бы односельчане-сусѣты рѣшили не допускать ихъ до работы въ полѣ и намѣрены пустить въ ходъ финскіе ножи. Рабочіе повѣрили, испугались и отказались.

Объ этомъ фортелѣ я узналъ уже послѣ, а потому, не зная причины отказа подрядчика, отдалъ очистку поля Ионесу. Отдалъ и раскаялся. Ионесъ взялъ деньги хорошія, но работу выполнилъ очень скверно. Вообще онъ обладалъ способностью браться рѣшительно за все и дѣлалъ все прегадко и преподло.

Для меня онъ, какъ сосѣдъ, довольно долго представлялъ собою загадку, и я долго не зналъ, какъ держать себя съ нимъ. Не было такой работы, за которую онъ не брался бы и которой не изгадилъ бы, и не было ни одного, даже самаго пустячнаго событія, въ которое онъ не вмѣшался бы со своими совѣтами и разсужденіями. Въ молодости онъ служилъ въ мальчикахъ-лавочникахъ въ бакалейной и овощной лавочкѣ въ финской деревнѣ гдѣ-то около Бѣлоострова и тамъ, благодаря близости границы, кое-какъ выучился русскому языку. Потомъ онъ женился на чухонкѣ-прачкѣ и, будучи безземельнымъ, заарендовалъ въ Воймѣ у одного изъ мѣстныхъ крестьянъ маленькій кусочекъ земли и выстроилъ на немъ избенку и баню. Чѣмъ онъ жилъ—это его секретъ: онъ столярничалъ, копалъ колодцы, слаживалъ гранитные фундаменты и брался за массу дѣлъ, въ которыхъ не понималъ ровно ничего. Все это кончалось для него довольно печально: его скоро раскусывали и прогоняли съ работы. Но все-таки онъ жилъ, и семья его была всегда сыта и чистенько одѣта.

Потомъ уже я понялъ, что это—самый обыкновенный неудачникъ, которому ни въ чемъ не везетъ, потому что онъ ровно ничего не знаетъ и ни на что серьезное не способенъ.

Однажды въ лѣтнюю пору онъ проявилъ необычайную коммерческую дѣловитость. Набрали его жена и двѣ дочери-дѣвочки на болотѣ двѣ корзины ягодъ морошки. Онъ отвезъ этотъ товаръ въ Питеръ на Щукинъ и продалъ по хорошей цѣнѣ. Хотя проѣздъ и не окупился, но зато въ головѣ сейчасъ созрѣли грандіозные планы обогащенія. Вернувшись домой, онъ взялъ займы у пріятеля-лавочника пятнадцать рублей и кликнулъ по деревнѣ кличъ, что онъ скупаеъ морошку. Чухонки обрадовались и въ три дня нанесли ему морошки столько, что и дѣвать некуда. Расплатился онъ съ бабами и увезъ всю партію въ Питеръ. Но тамъ уже стояла на ягоду очень низкая цѣна. Ионесъ потерпѣлъ убытокъ и на вырученныя деньги купилъ коньяку, запилъ и цѣлыхъ десять дней пропадалъ Богъ вѣсть гдѣ, такъ что обезпоеенные отецъ, мать и родные измучились, разѣзжая по всѣмъ чухонскимъ деревнямъ и притонамъ, гдѣ продавался контрабандный спиртъ.

Загуливалъ онъ часто и всегда на нѣсколько дней. Если это случалось дома, то жена успѣвала прятать его; если же грѣхъ случался

на сторонѣ, то онъ надолго пропадалъ и его привозили домой то очень больнымъ, то въ видѣ мертваго тѣла. Въ трезвомъ же видѣ онъ былъ всегда прилично одѣтъ, гладко выбритъ, вѣжливъ, суетливъ, юрокъ и всегда занять чѣмъ-нибудь ненужнымъ, что, однакоже, по его мнѣнію, должно было принести ему милліоны барыша. Разъ онъ, построивъ планъ своего обогащенія на рыбной ловлѣ, стоически высидѣлъ безъ ѣды и безъ табаку двѣ ночи и день на берегу озера съ нѣсколькими удочками, но кончилъ тѣмъ, что вернулся домой весь искусанный комарами и съ сотнею окуньковъ, половина которыхъ успѣла протухнуть.

Разсказывать, объяснять и повѣствовать—составляло для него истинное наслажденіе. На меня, какъ на новичка и еще не вѣдающаго чухонскихъ порядковъ человѣка, онъ набросился съ жадностью, и я ему обязанъ очень многими свѣдѣніями — важными и неважными.

Являлся онъ ко мнѣ обыкновенно по вечерамъ—въ калитку или черезъ заборъ, смотря по обстоятельствамъ, всегда усталый отъ бесполезной работы, и каждый разъ начиналъ одною и тою же фразой:

— Ну, теперъ и покурить мосно!

Произносить онъ эту фразу тономъ человѣка, который такъ работался, что ему некогда было за весь день даже и трубки пососать. Глядя на него, подумаешь, что это—такой труженикъ, у котораго каждая минута на счету...

Вечера этимъ лѣтомъ стояли превосходные, тихіе, ясные и теплые. Вдали, въ лѣсу одновременно пѣли два соловья и куковала кукушка. Приятно дышать во всю грудь, думать и подводить итоги протекшаго дня. Деревня Войма лежитъ на самой верхушкѣ высокаго холма, и отсюда открывается чисто финляндскій своеобразный видъ верстъ на сорокъ кругомъ. Въ низинкахъ надъ безчисленными озерами разстилается бѣлый туманъ и видно, какъ сквозь него чернымъ длиннымъ червякомъ пробѣгаетъ вечерній поѣздъ. Вечера и ночи—бѣлыя, свѣтлыя, знакомыя только сѣверу,—и если не глядѣть на часы, то можно просидѣть безъ сна до самаго восхода солнца въ напрасномъ ожиданіи, что вотъ-вотъ смеркнется и наступитъ темная ночь... И въ воздухѣ, и во всей деревнѣ тихо: кругомъ ни звука, ни огонька. Финляндцы рано ложатся спать.

Ионесъ сидитъ противъ меня на дворѣ на какомъ-нибудь обрубкѣ и что-нибудь повѣствуетъ. Кромѣ меня, слушаютъ его и плотники. Старшій плотникъ-костромичъ слушаетъ его съ видимымъ презрѣніемъ. Онъ ненавидитъ Ионеса за то, что тотъ путемъ не умѣетъ ничего, а берется за все. Плотникъ не упускаетъ случая уязвить его, но за недостаткомъ подходящаго матеріала язвить на узкой профессиональной почвѣ.

— Что у васъ, у чухонцевъ, за топоры?!—придирается онъ.— Узенькій, коротенькій и легкій... Вѣсу въ немъ никакого нѣту...

Имъ ничего сработать нельзя... Тюпъ да тюпъ и только и всего... У насъ такіе только колуны бываютъ: дрова ими колотъ, а не бревно тесать...

— У васъ топоръ—такъ, а у насъ—такъ,—уклоняясь отъ ссоры, отвѣчаетъ Ионесъ.

— И ничего не такъ,—наступаетъ плотникъ.—Вотъ давай вмѣстѣ, наперегонки бревно тесать—ты своимъ, а я — своимъ... И поглядимъ, чья возьметъ, чей топоръ способнѣе... У меня только щепа полетитъ, а отъ тебя, окромя тюпъ да тюпъ, ничего и не жди... Ершь твоей милости!.. Ничего твоимъ топорикомъ не срубишь...

Ионесъ Гювиненъ считаетъ ниже своего достоинства вступаться за такую очевидную и неоспоримую вещь, какъ достоинство финскаго топора, и презрительно умолкаетъ. Къ тому же онъ сегодня повѣствуетъ о болѣе интересной вещи—о нищемъ дѣдѣ Иванѣ Степанычѣ.

— У насъ просить милостыню нельзя,—разсказываетъ онъ.— У насъ за это сажаютъ на будку (по-русски—въ полицію, въ участокъ). У насъ если человѣкъ—старый, то его кормитъ общество. Я плачу, вы, баринъ, платите, и всѣ мы платимъ, а кормитъ тотъ, кто дешевле возьметъ. Мы всѣ торгуемся, и кто меньше проситъ, тотъ и возьметъ къ себѣ Ивана Степаныча. На этотъ годъ его взялъ сусѣтъ Иванайненъ. Онъ взялъ 260 марокъ. А если вы захотите взять меньше, то на тотъ годъ Ивана Степаныча возьмутъ отъ Иванайнена и отдадутъ вамъ. Для этого нужно итти на ходъ (сходъ) и торговаться.

— Акціонъ, стало быть? Живой человѣкъ съ акціона идетъ?—язвитъ плотникъ.—У насъ скотину и ту рѣдко съ акціона продаютъ... Народъ, ершь вашей милости! Живого человѣка...

— У васъ такъ, а у насъ—такъ,—кратко отвѣчаетъ Ионесъ.

— Ровно скотину какую,—не унимается плотникъ.—Взять бы вотъ тебя и продать съ акціона...

— Когда я старый буду и меня некому кормить будетъ, то и я на счетъ общества жить буду... Только Иванъ Степанычъ до сихъ поръ пока на свои деньги живетъ. У него свои деньги есть.

— Ну?—удивился плотникъ.—Свои деньги есть? Ахъ, ершь его милости!.. Гдѣ же онъ ихъ прячетъ?

— Его деньги у начальства. Ленсманъ взялъ. Съ нимъ несчастный случай былъ. Послѣ того деньги отняли, а его стали кормить все равно, какъ на общественный счетъ. Кто изъ сусѣты меньше проситъ, тому его и отдають, а изъ его денегъ платятъ. А когда у него деньги совсѣмъ кончатся, тогда общество платитъ будетъ.

— Какой же случай?—полюбопытствовалъ костромичъ.

— Ивана Степаныча обокрали: сто рублей украли. И кто красть—мы всѣ знаемъ; того человѣка хорошо знаемъ, а сказать не можемъ, потому что свидѣтелей нѣтъ. Вся деревня знаетъ. Былъ прежде бѣдный, а теперь сталъ богатый... Нечестный человѣкъ...

— Это когда же его обокрали-то?—заинтересовался плотникъ.— Пьянаго обобрали, что ли?

— Нѣтъ. Иванъ Степанычъ не пьетъ. А съ нимъ худо сдѣлалось. Когда онъ сдѣлался старый и не могъ больше работать, то онъ ходилъ вездѣ—по деревнямъ и въ городъ ходилъ. Онъ не просилъ, потому что у насъ просить нельзя и за это берутъ на будку. Онъ гдѣ-нибудь стоялъ или сидѣлъ, а ему давали—кто пенни, кто два пенни... Люди видятъ, что человѣкъ старый,—и тихонько дають. На свѣгѣ есть добрые люди... Иванъ Степанычъ эти деньги бралъ и пряталъ, а когда приходилъ въ деревню, то показывалъ и говорилъ, что это ему пригодится, когда онъ совсѣмъ старый станетъ. Послѣ, когда онъ сдѣлался совсѣмъ старый, то уже никуда не ходилъ, а только лѣтомъ выходилъ на станцію или на дорогу, по которой ходятъ дачники, и садился въ канаву. Онъ просилъ, а дачники видѣли, что онъ—старый, и давали копейку, пять копеекъ, гривенникъ... А передъ этимъ, когда была весна, онъ пошелъ къ Захару Лемпіяйненъ и сказалъ: «Позови два свидѣтеля: будемъ считать мои деньги. Я старъ и скоро буду умирать. Послѣ моей смерти ты возьмешь мои деньги и отдай половину пастору на бѣдныхъ, а другую половину оставь себѣ, потому что ты—хорошій человѣкъ». Захаръ Лемпіяйненъ звалъ два свидѣтеля. Тогда старикъ вынималъ изъ кармана мѣшокъ и доставалъ изъ мѣшка три кошелька. Лемпіяйненъ и свидѣтели начали считать. Въ одномъ кошелькѣ было двадцать имперіаловъ по десять рублей, въ другомъ кошелькѣ было двадцать полуимперіаловъ по пять рублей, а въ третьемъ кошелькѣ было немного серебра и мѣдныхъ деньги. Свидѣтели и Захаръ сосчитали, что у Ивана Степаныча—триста рублей русскими деньгами и немного мелочи...

— Ахъ, ты, старый песъ!—завистливо воскликнулъ плотникъ.— Эко деньжищи-то, ершь его милости!.. Ну, ну, что же дальше-то?

— Когда пріѣхали дачники,—продолжалъ Ионесъ:—Иванъ Степанычъ пошелъ на дорогу сидѣть въ канавѣ и сидѣлъ цѣлый день. Кто его знаетъ, можетъ быть, онъ ничего не кушалъ,—только вечеромъ у него сдѣлалось темно въ головѣ—и онъ упалъ въ канаву и лежалъ, какъ мертвый. Его привезъ домой Карле Метсестенъ. Карле ѣхалъ со станціи и увидѣлъ его. Когда пріѣхали въ деревню, Карле повезъ старика во дворъ къ своему племяннику и сказалъ: «Зови два свидѣтеля, будемъ считать деньги старика. Онъ—больной. Чтобы не сказали послѣ, что я крадь». Племянникъ Матью звалъ свидѣтелей. У Ивана Степаныча вынули изъ кармана мѣшокъ и стали считать и увидали, что тотъ кошелекъ, гдѣ были двадцать полуимперіаловъ по пять рублей—пустой. Ста рублей нѣту... Начали спрашивать Ивана Степаныча. Онъ говоритъ: было триста рублей. Потомъ его спрашивали больше. Онъ отвѣтилъ: «Въ головѣ сдѣлалось темно, и я ничего непомню».—«Можетъ быть, я бралъ твои деньги,

когда везъ тебя изъ канавы сюда?» спросилъ Карле Метсестень. — «Въ головѣ темно, ничего не знаю»...

— Ну, Карла вышь и украдь, — рѣшилъ безапелляціонно плотникъ. — Кому больше, какъ не ему?! Всѣ знали, что у старика въ карманѣ деньги... И вѣдь хитрый какой, ершь его милости: деньги выбралъ, а кошель назадъ въ мѣшокъ положилъ...

— Мы знаемъ, кто крадь, только этого говорить нельзя, потому что нѣтъ свидѣтелей. Никто не видѣлъ, какъ онъ крадь, — возразилъ Ионесъ и продолжалъ: — Дали знать на ленсмана. Ленсманъ началъ спрашивать свидѣтелей. Всѣ сказали, что было триста, а Лемпіяйненъ и другіе свидѣтели сказали, что было двѣсти. Иванъ Степанъчъ сказалъ, что въ головѣ было темно... Послѣ того ленсманъ взялъ деньги и уѣхалъ, а еще послѣ начальство опредѣлило на эти деньги кормить старика, пока будетъ имъ конецъ, и спросило наше общество, кто хочетъ взять дешево? Сдѣлали ходъ (сходку) и начинали торговаться. Вашъ сусѣтъ Иванайненъ сказалъ меньше: двѣсти шестьдесятъ марокъ и взялъ Ивана Степанъча въ свой домъ — вотъ напротивъ васъ, черезъ улицу...

— Что же старикъ получаетъ за эти деньги? — спросилъ я.

— Ему кушать даютъ и спать даютъ.

— А его самого не спрашивали, хочетъ ли онъ итти жить къ Иванайнену?

— Спрашивать не надо. Иванайненъ — хорошій человѣкъ. Онъ взялъ меньше, чѣмъ другіе... Другіе хотѣли больше.

— Никто, какъ Карла, ограбилъ, — повторилъ плотникъ, когда Ионесъ кончилъ свой рассказъ. — Больше некому. Дорога — пустая, время — позднее, старикъ — въ безчувствіи, — ну, и валяй, ершь его милости!.. Никто, какъ онъ...

— Нельзя такъ говорить, — строго возразилъ Ионесъ. — За это отвѣчать можно... Карле можетъ услышать.

Ионесъ при этомъ опасливо покосился на сосѣдній дворъ, въ глубинѣ котораго стояла ветхая, покосившаяся избенка и полуразрушенный крытый дворъ. Карле Метсестень былъ моимъ ближайшимъ сосѣдомъ, и его владѣнія отдѣлялись отъ моихъ только моимъ палисадникомъ.

Плотникъ тоже покосился и проворчалъ:

— Гдѣ ему услышать!? Со станціи часъ тому назадъ пьяный-препьяный пріѣхалъ и теперь, поди, спитъ... Черезъ силу на брчкѣ держался: того и гляди — свалится...

— Пора и намъ спать, — сказалъ Ионесъ, попрощался и ушелъ.

И въ самомъ дѣлѣ было уже по деревенски поздно: безъ четверти одиннадцать. Для людей, встающихъ въ пять часовъ утра, это — уже позднее время. На дворѣ было свѣтло. На совершенно чистомъ и ясно, почти дневномъ небѣ чуть виднѣлась Венера. Кукушка давно уже перестала куковать и успокоилась, а соловей все еще

продолжалъ щелкать въ лѣсу, но щелкалъ неважно. Хорошіе пѣвцы, повидимому, далеко на сѣверъ не залетають...

Плотникъ почесался, помолился на востокъ и сталъ медленно укладываться подъ навѣсомъ сарая.

— Никто, какъ Карла, ершь его милости... Больше некому, — бормоталъ онъ, зѣвая.

Я тоже поднялся со скамьи и пошелъ въ избу. Чувствовалъ я себя не особенно важно: рассказъ Ионеса произвелъ на меня непріятное впечатлѣніе. Была ли это сентиментальность, или какое другое чувство, но только мнѣ было очень жаль Ивана Степаньча и даже обидно. Въ силу грубыхъ и неумолимыхъ обычаевъ страны у стараго человѣка насильственно отбирають скопленные деньги, назначаютъ на законномъ основаніи торгъ на прокормленіе его особы и, нисколько не считаясь съ его внутреннимъ чувствомъ, симпатіями и антипатіями, насильственно же заставляютъ его жить въ томъ углу, за который на аукціонѣ запросили и взяли дешевле...

— Аукціонъ надъ человѣческой свободной личностью... Какъ это странно звучитъ въ наше время! — промелькнуло у меня въ головѣ и тутъ же припомнилось евангельское изреченіе: «Теперь ты молодъ, опоясываешься самъ и идешь, куда хочешь; придетъ время, состарѣшься, опояшутъ тебя другіе и поведутъ не туда, куда хочешь ты, а куда захотятъ эти другіе...» Въ этомъ смыслѣ Финляндія живетъ по Евангелію...

II.

На задворкахъ, спускаясь съ пригорка къ болоту, идутъ наши поля—слѣва мое поле и справа—поле сосѣда Карле Метсестенъ. Оба наши поля окружены лѣсами. И на самыхъ поляхъ недавно росъ лѣсъ. Каждый шагъ приходилось брать съ боя. Чтобы получить поле, я долженъ былъ вырубить и выкорчевать на своей десятинѣ большое количество деревьевъ.

Пока шла рубка и корчевка, я не разъ посматривалъ на владѣнія моего сосѣда Карле и удивлялся его безопасности. Земля его лежала втунѣ и овсомъ засѣвался только очень небольшой клочокъ. Если бы онъ—здоровый и сильный мужикъ—выкорчевалъ у себя десятину-другую и проложилъ дренажныя канавы, то сразу сталъ бы богачомъ. А между тѣмъ жилъ онъ бѣдно: избенка у него валилась. Все его занятіе состояло въ томъ, что онъ утромъ уѣзжалъ на своей бричкѣ на станцію, зарабатывалъ деньги извозчикомъ промысломъ и вечеромъ возвращался домой пьяный. Весь заработокъ онъ пропивалъ, и чѣмъ жили его жена и дочь-малолѣтка—вѣдалъ только одинъ Аллахъ. Должно быть, жилось имъ не очень сытно; по крайней мѣрѣ ихъ кошка походила на скелетъ, шлялась по чужимъ дворамъ и вѣчно охотилась за воробьями, а при недосмотрѣ—и за моими цыплятами.

— Нехорошій человѣкъ Карле,—говорилъ о Метсестенѣ Ионесъ.—Очень нехорошій...

То же самое повторяла и вся деревня, и даже богатый лавочникъ, воротила и кулакъ, авторитету котораго привыкли вѣрить всѣ, и тотъ, качая головой, давалъ отрицательный отзывъ:

— Нехоросо целовѣкъ! Метсестень—нехоросо целовѣкъ! Гуоно ихминень (дрянной человѣчишко)!

Гдѣ онъ ухитрялся доставать водку—было его секретомъ, но пьянъ онъ былъ каждый день. Въ Финляндіи въ селахъ и деревняхъ продажа спиртныхъ напитковъ воспрещена, но зато тайная продажа спирта развита въ огромныхъ размѣрахъ. Я зналъ, по секрету, конечно, что въ нашей Воймѣ достать выпивки невозможно, но въ девяти верстахъ тайная корчма есть. Тамъ продается русскій казенный спиртъ по двойной цѣнѣ. Но гдѣ именно, въ какой избѣ—изъ осторожности мнѣ «сусѣты» не говорили. Но меня интересовалъ не столько этотъ вопросъ, сколько праздное размышленіе о томъ, сколько верстъ должна была сдѣлать каждый день бурая лошадка Карле для того, чтобы хозяинъ ея могъ быть къ обѣду и къ вечеру пьянъ? Если считать, что Карле съѣздить только два раза въ тайную корчму, то и въ этомъ случаѣ лошадка его должна сдѣлать тридцать шесть верстъ. А если къ этому прибавить и извозный промыселъ, чтобы заработать на спиртъ (даромъ-то вѣдь не даютъ), то на долю бурой скотинки приходилось не менѣе полусотни верстъ въ сутки самого хорошаго бѣга по холмистой финляндской дорогѣ съ горки на горку. Въ моихъ глазахъ эта скотинка была заслуживающей уваженія...

Въ первое время нашего знакомства этотъ почтенный сосѣдъ немало портилъ мнѣ крови своимъ нахальствомъ. Явится въ мою кухню, расположится, какъ дома, и начинаетъ дымить махоркой и попрошайничать.

— Дай чего-нибудь рѣпкаго (крѣпкаго),—начинаетъ онъ.

— Убирайся вонъ!—отвѣчаю я.

— Ну, дай денегъ на косушку...

— И денегъ не дамъ. Убирайся.

— Ну, хорошо. Тогда дай моей Аннеле пѣтушка и курочку. У тебя ихъ много.

Я молчу. Рожа его и нахальство мнѣ противны. Нервы начинаютъ возмущаться. Является желаніе если не дать ему по мордѣ, то вытолкать.

— Не дашь?

Молчу.

— Тогда ты не хорошій сусѣтъ.

Наконецъ я раздражаюсь чухонскимъ ругательствомъ, которое выучилъ со словъ Ионеса нарочно для того, чтобы угостить Карле.

— Если ты не будешь хорошій сусѣтъ, то и я буду тебѣ нехорошій сусѣтъ.

— Пошелъ вонъ! Ты—пьянъ, какъ свинья!

— Я пьянъ, а ты потерпи...

Въ концѣ концовъ я зову плотниковъ. Метсестенъ понимаетъ, въ чемъ дѣло, и уходитъ. Случалось, что у меня съ огорода пропадала лопата, а у плотниковъ исчезали тоноры и пилы. Все это находилось потомъ у того же Карле. Онъ возвращалъ безпрекословно и при этомъ всегда прибавлялъ:

— Я бралъ ваши оттого, что мнѣ нужно было. Мы вѣдь—сусѣты!.. Когда что надо—возьмите вы у меня.

Но вся бѣда заключалась въ томъ, что у него нечего было взять.

Въ Финляндіи уваженіе къ чужой собственности развито въ высокой степени, хотя, нужно добавить, и довольно своеобразно. Въ какой-нибудь сдѣлкѣ чухонецъ надуетъ васъ и даже ограбитъ и не сочтетъ этого грѣхомъ. Но въ то же время онъ ни за что не возьметъ безъ спроса ни одной вещи—ни веревки, ни гвоздя, ни истоптаннаго сапога. Воровство преслѣдуется, и чухонецъ, нечистый на руку, наказывается всеобщимъ презрѣніемъ. Почтенному Карле даже не всякій односельчанинъ подавалъ руку. И онъ это чувствовалъ.

Избавиться отъ его пьяной и наглой назойливости мнѣ удалось только благодаря случаю. Мнѣ удалось совершенно неожиданно съ двумя свидѣтелями поймать его на томъ, что онъ рубилъ въ моемъ лѣсу мое дерево. По правдѣ сказать, я даже и не догадался, что онъ рубить мое, а не свое добро, но—на ворѣ шапка горитъ—онъ испугался и самъ явился ко мнѣ съ извиненіемъ и съ просьбою, чтобы я не доводилъ о его поступкѣ до свѣдѣнія ленсмана... Главное дѣло, его напугали свидѣтели. Онъ и не подозрѣвалъ, что это были мои гости—два писателя, едва ли умѣвшіе отличить елку отъ сосны... На этотъ разъ мнѣ просто повезло слѣпое счастье.

Съ тѣхъ поръ Карле оставилъ меня въ покоѣ и больше не появляется у меня не только въ кухнѣ, но даже и во дворѣ. Призракъ ленсмана преслѣдуетъ его. Съ тѣхъ поръ ни ворота, ни калитка никогда не запираются, имущество не охраняется, и со двора не пропадаетъ ни одной щепочки. Между мною и «сусѣтами» установились самыя милыя отношенія.

Но это—къ слову. Рѣчь ведется къ тому, чтобы показать, какъ этотъ неразборчивый на средства Карле Метсестенъ повліялъ на судьбу стараго нищаго дѣда Ивана Степаныча.

Наступила зима. Въ деревнѣ Воймѣ это—время спячки. На улицѣ видны только ребятишки, съ веселымъ крикомъ бѣгушіе въ школу или изъ школы, да изрѣдка два-три «сусѣта» проѣдутъ мимо моихъ оконъ на саняхъ въ лѣсъ за дровами. Деревня спитъ. Дѣла у крестьянъ—буквально никакого: сидятъ цѣлыми днями въ избахъ, или же набьются въ лавку къ лавочнику, какъ сельди въ

бочку, и угрюмо молчать. Какъ бы ни была хороша зимняя погода — никто изъ нихъ не выползаетъ на улицу, не прогуливается и не пользуется ни солнечнымъ яркимъ свѣтомъ, ни здоровымъ зимнимъ воздухомъ. Сидятъ по избамъ, точно сурки въ норахъ, и съ угрюмымъ терпѣніемъ курятъ и скучаютъ. Ремесль не знаютъ никакихъ. Даже такіе веселые дни, какъ рождественскіе праздники и Новый годъ, проходятъ у нихъ скучно. Сѣздаютъ на своихъ бодрыхъ лошадакъ за двадцать километровъ въ кирку — и опять запрутся въ избахъ и сидятъ тамъ до самой весны, точно приговоренные къ высидакъ въ четырехъ стѣнахъ...

Повѣтъ весной, и въ деревушкѣ начинается помаленьку, какъ въ оживающемъ ульѣ, копошиться жизнь. Пока еще не совсѣмъ сошелъ снѣгъ, хорошіе хозяева налаживаютъ и готовятъ плужки и сохи и чинятъ сбрую, въ которой производится пахота и бороньба. Все чаще и чаще заглядываютъ они на свои еще покрытые снѣгомъ поля и лѣса, планируютъ и соображаютъ. А соображаютъ финляндцы — нужно сказать правду — очень туго и медленно: что русскій человекъ раскинетъ умомъ въ одинъ только день, на то чухонцу нужна цѣлая недѣля...

Съ наступленіемъ весны, къ удивленію всѣхъ сосѣдей, неожиданно сталъ и Карле Метсестень проявлять себя хорошимъ хозяиномъ. И онъ сталъ навѣдываться на свое поросшее молоднякомъ и не выкорчеванное поле и, стоя на краю его, началъ что-то туго соображать и планировать.

Удивленіе односельчанъ разрослось еще сильнѣе, когда онъ вдругъ объявилъ народу, собравшемуся въ лавкѣ, что онъ намѣренъ расчистить свое поле и вырыть въ немъ канавы, а затѣмъ засеять его овсомъ. И тутъ же онъ вызвалъ всѣхъ желающихъ заработать наличныя деньги явиться къ нему для заключенія сдѣлки. У многихъ даже рты раскрылись отъ неожиданности. Всѣмъ извѣстный] лѣнтяй и пропойца, у котораго никогда нѣтъ гроша въ карманѣ и жена котораго бѣгаетъ по избамъ занимать краюху хлѣба, вдругъ оказался такимъ богачомъ, что даже нанимаетъ рабочихъ на наличныя!? А по соображеніямъ даже самыхъ свѣдущихъ и опытныхъ людей расчистка поля обойдется никакъ не меньше 80—90 рублей...

Откуда у завѣдомаго голяка могла появиться такая крупная сумма? Вспомнили тутъ прошлогоднее происшествіе съ дѣдомъ Ивановъ Степанычемъ и только покачали головами, но сказать ничего не могли: свидѣтелей не было. А безъ свидѣтелей ни одно дѣло въ Финляндіи не вершится.

Свидѣтели рѣшаютъ даже самыя головоломныя и запутанныя дѣла. Мнѣ приходилось покупать зимою для лошади сѣно. Всю снѣтъ. Работникъ накладываетъ возъ при двухъ свидѣтеляхъ-чухонцахъ. Одинъ изъ нихъ по совѣсти рѣшаетъ, что на сани наложено 25 пудовъ, а по мнѣнію другого — 30 пудовъ. Приходится на основаніи такого шаткаго рѣшенія брать золотую середину и платить

за 27 съ половиною пудовъ. Съ моего участка брали песокъ для починки дороги. Стоимость этого добра тоже была опредѣлена двумя свидѣтельскими показаніями...

Деньги—всегда деньги и на нихъ не написано, краденя онѣ, или нѣтъ. Охотники разработать поле Карле нашлись—и дѣло закипѣло. Въ это же время Ионесъ расчищалъ и мою десятину; поэтому мнѣ часто приходилось наблюдать за ходомъ работы у себя и у сосѣда. По какимъ-то причинамъ на этой обычной и вполнѣ невинной работѣ Ионесъ и Карле выступили смертельными между собою врагами и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ переругивались черезъ изгородь. Какая муха ихъ укусила и какіе счеты они сводили между собою, я не могъ понять и даже теперь не понимаю, но отношенія ихъ доходили иногда до озлобленія, которое въ одинъ пасмурный день разрѣшилось очень печально.

Карле, по своему обыкновенію, напился и вышелъ на работу на взводѣ. Ионесъ Гювинецъ тоже свистнулъ и плохо вязалъ лыко. На обоихъ смежныхъ поляхъ работало душъ десять чухонцевъ. Пьяные сосѣди завязали между собою перебранку и постепенно вошли въ азартъ. Пожаръ разгорался съ каждою минутою все сильнѣе и сильнѣе. Чухонцы бросили дѣло и стали любоваться даровымъ спектаклемъ. Вдругъ Ионесъ, забывъ въ пьяномъ видѣ всякую осторожность, ляпнулъ:

— Карле, ты—воръ! Вся деревня знаетъ, что ты—воръ...

— Я—воръ?—крикнулъ виѣ себя Карле.

— Всѣ знаютъ, что ты обокралъ Ивана Степаныча и что на эти деньги ты теперь разрабатываешь свое поле!..

Черезъ минуту оба противника уже катались въ жестокой рукопашной схваткѣ по моему полю, на которомъ я расчитывалъ за сѣять кормовые корнеплоды...

Къ сожалѣнію для обѣихъ сторонъ, обвиненіе въ воровствѣ было произнесено при многочисленныхъ свидѣтеляхъ и потушить его было уже невозможно. Предстояло во что бы то ни стало судиться...

Къ обѣду уже вся деревня знала о ссорѣ и дракѣ, и когда Ионесъ и Карле проснулись, общественное мнѣніе было настроено такъ, что Карле или долженъ былъ подавать на своего обидчика жалобу, или же признать себя воромъ, обокравшимъ старика.

А старикъ въ это время, ничего не подозревая, сидѣлъ у меня во дворѣ, пилъ съ моими плотниками чай и безсвязно повторялъ какое-то ничего не значащее слово...

Прошло два дня, и положеніе обоихъ враговъ стало невыносимымъ: или признавай себя воромъ, или же упекай Ионеса за клевету куда слѣдуетъ. Оба ходили понуривъ головы, и работа на обоихъ поляхъ пріостановилась. Но тутъ произошло новое и на этотъ разъ уже трагическое событіе, которое надолго отвлекло общественное вниманіе отъ Ионеса и Карле.

III

За нѣсколько времени до этой ссоры Ионесъ приходилъ ко мнѣ за помощью. Мѣстная компанія молодежи и лицъ средняго возраста, къ которымъ причислялъ себя и онъ, составили кружокъ, преслѣдовавшій благотворительныя и увеселительныя цѣли. Задумалъ этотъ кружокъ дать въ зданіи мѣстной школы спектакль и рѣшили пригласить и дачниковъ. Какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, дачники-русскіе понадобились не столько какъ зрители, сколько какъ дойныя коровы, которыя должны были оплатить своими пожертвованіями расходы и прибыль по спектаклю. Кружокъ составилъ по этому поводу на финскомъ языкѣ соотвѣтственное воззваніе, и Ионесъ явился ко мнѣ съ просьбой написать это воззваніе на русскомъ языкѣ.

— Когда у насъ отъ этого театра будетъ барышъ, то мы дадимъ немножко денегъ и Ивану Степанычу или купимъ ему какое-нибудь платье,—добавилъ онъ.—Иванъ Степанычъ будетъ радоваться.

Но старику радоваться не пришлось. Въ кружкѣ молодежи вышла какая-то путаница—и спектакль расклеился. Хорошо было, однакоже, и то, что о старикѣ вспомнили. Это былъ единственный извѣстный мнѣ случай, когда односельчане выказали участіе къ дѣду. Это показало хоть немножко сердца. До этого я не подмѣчалъ ни съ чьей стороны къ нему участія, точно ему позволяли жить на свѣтѣ, пока онъ никому не мѣшаетъ. Единственный человекъ, искренно желавшій дѣду долготѣія, былъ Иванайнень, потому что жизнь дѣда давала ему двѣсти шестьдесятъ марокъ въ годъ. А расходы на Ивана Степаныча были, повидимому, не велики.

Разъ дѣдъ прибѣлелъ ко мнѣ въ то время, когда мы только что отобѣдали. Въ горшкахъ и кастрюляхъ кое-что осталось.

— Наши всѣ уѣхали, уѣхали, уѣхали,—бормоталъ онъ.

— Куда уѣхали?

— На крестины...

— А ты, дѣдъ, обѣдалъ?

— Обѣдалъ, обѣдалъ, обѣдалъ...

— Что тебѣ давали обѣдать? Что ты ѣлъ?

— Ситника; кусокъ ситника ѣлъ, кусокъ ситника ѣлъ...

— И больше ничего?

— Ничего, ничего, ничего, ничего...

— Садись, тогда поѣшь у насъ.

Плотники оказались народомъ милостивымъ и сердобольнымъ. Они свалили въ одну чашку все, что осталось у нихъ, у огородника и у меня. Получилось далеко не аппетитное, но довольно солидное по объему мѣсиво. Отрѣзали дѣду ломоть хлѣба и дали ложку. Иванъ Степанычъ зачистилъ: «пасипа, пасипа, пасипа!»—и съ завиднымъ аппетитомъ съѣлъ все до дна и даже начисто облизалъ

ложку. Старшій плотникъ только покачалъ головою и сердито посмотрѣлъ на избу Иванайнена.

— Человѣкъ по настоящему ѣсть хочетъ, а онъ кускомъ ситнаго отдѣлаться хочетъ,—проговорилъ онъ укоризненно.—Нешто нищаго однимъ ситнымъ укормишь?

Послѣ этой сердобольной сентенціи онъ взялъ дѣда подъ свое покровительство и напоилъ его чаемъ такъ щедро, что едва-едва не пришлось опять повторить церемоніи вожденія по двору.

Когда, ублаготворивъ дѣда, рабочіе разбрелись на послѣобѣденный отдыхъ кто куда, а я, утомленный пріятною для нашего брата-горожанина работою въ огородѣ, принялъ тоже горизонтальное положеніе, ко мнѣ въ спальную безъ всякой церемоніи влѣзъ длинный и тощій, какъ жердь, старый, бритый чухонецъ Матю Пугуайненъ. Войдя въ комнату и не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что я лежу, онъ, хрустя костями, усѣлся на табуретку и сталъ закуривать трубку.

— Не кури здѣсь, Матю,—сказалъ я.

— Отчего?—удивился онъ.

— Оттого, что я не люблю вашей махорки.

— Махорка—это ничего.

— Въ такомъ случаѣ убирайся вонъ.

Чухонецъ съ недовольнымъ видомъ погасилъ трубку.

— Чего тебѣ нужно? Зачѣмъ пришелъ?—спросилъ я съ нескрываеваемой досадой.

— Ты когда поѣдешь въ городъ?—отвѣтилъ онъ вопросомъ на вопросъ.

— Тебѣ какое до этого дѣло?

— Когда поѣдешь въ городъ, привези мнѣ два пудилка ширту (спирту).

— Въ городъ я поѣду, когда мнѣ вздумается, а спирта не привезу. Скажи всѣмъ сосѣдямъ, что я никогда и никому спирта и водки возить не намѣренъ и не буду.

— Отчего?

— Оттого, что ввозить въ Финляндію спиртъ запрещено. Ты самъ знаешь...

— Тебя на таможенѣ обыскивать не будутъ: ты—баринъ.

— Все равно спирта провозить не стану. Не плюй тутъ у меня пожалуѣста.

— Это—ничего... Привези два пудилка!.. У насъ всѣ берутъ.

— Пошелъ вонъ...

Матю Пугуайненъ съ недовольнымъ видомъ поднялся съ табуретки, еще сильнѣе хрустя костями, и ушелъ, что-то ворча себѣ подъ носъ.

Это былъ длинный и феноменально высохшій старикъ, которому давно уже перевалило за семьдесятъ. На лицѣ его и на впалыхъ

щекахъ еще сохранилось хоть немного тѣла, но шея, руки, ноги и сильно выдавшіяся лопатки производили прямо-таки могильное впечатлѣніе. Такъ и казалось, что этотъ человѣкъ умеръ, пролежалъ нѣсколько лѣтъ въ могилѣ, высохъ въ ней такъ, что морщинистая кожа прилипла къ скелету, и затѣмъ воскресъ и пошелъ гулять по свѣту...

Жилъ онъ въ большой избѣ паискосокъ отъ меня черезъ улицу, считался богатымъ человѣкомъ, имѣлъ большое поле, много лѣса, двѣ лошади, нѣсколько коровъ и свиней и штукъ пять овецъ. Для крестьянина такой инвентарь—уже цѣлое богатство. Съ моего двора были видны и его зеленѣющее, прекрасно обработанное поле и уходившій въ даль лѣсъ. Ионесъ, любуясь этимъ богатствомъ, не разъ говаривалъ мнѣ съ завистью:

— Если бы это было мнѣ (т.-е. мое), тогда—у-у!.. я былъ бы другой...

Старикъ былъ очень несчастливъ и, можетъ быть, оттого и тянуло его къ спирту. У него была дочь Лисса—грубая и некрасивая баба лѣтъ сорока. Славилась она такимъ сварливымъ нравомъ, что ни одинъ изъ мѣстныхъ парней не захотѣлъ на ней жениться и она долго сидѣла въ дѣвкахъ, и, когда ей уже перевалило за тридцать съ хвостикомъ, старикъ-отецъ выдалъ ее съ трудомъ замужъ за парня изъ другой деревни и взялъ зятя къ себѣ въ домъ. Парень этотъ—звали его Симсонъ,—по словамъ Ионеса,—до женитьбы былъ безземельнымъ рабочимъ и не имѣлъ опредѣленнаго пристанища. Онъ польстился на богатство—и страшно проигралъ. Изъ избы Матью Пугайнина съ ранняго утра и до поздней ночи раздавались и разпосились далеко кругомъ крики и жестокая брань. Дочь Лисса пилила неустанно мужа и отца и щедро раздавала подзатыльники и шлепки своимъ дѣтямъ, которыхъ было у нея четверо. Самый младшій изъ нихъ—грудной младенецъ. Идешь, бывало, въ лѣсъ или въ свое поле мимо ихъ избы и слышишь неистовый визгъ Лиссы, глухое, подавленное рычаніе двухъ мужчинъ и плачъ дѣтей. Сердце нервно сжимается, и является непреодолимое желаніе сѣздить эту бабу по зубамъ... Психіатръ нашелъ бы, можетъ быть, эту самую Лиссу душевно-ненормальной, нервно разстроенной или истеричной и сталъ бы съ нею гуманничать, но я, грѣшный человѣкъ, вполнѣ соглашался въ душѣ со старымъ плотникомъ, который, на особенно высокихъ и ядовитыхъ нотахъ, вылетавшихъ изъ горла Лиссы, какъ-то особенно крякалъ и сердито произносилъ:

— Взять бы эту чортову вѣдму, да подальше въ лѣсъ, да...

Онъ не договаривалъ, но я уже по тону его понималъ, какимъ инквизиціоннымъ пыткамъ онъ подвергъ бы ее, если бы ему разрѣшено было увести ее «подальше въ лѣсъ»...

Причину этихъ вѣчныхъ ссоръ объяснилъ мнѣ всезнающій Ионесъ; да она и не была ни для кого секретомъ. Изъ-за чего горѣлъ столько лѣтъ сыр-боръ, знала вся деревня Войма.

Старый Матью Пугуайненъ отдалъ въ приданое за дочерью половину своего имущества: половину избы, половину поля и лѣса и ровно половину живого и мертвато инвентаря. Другая половина должна была перейти во владѣніе Лиссы и ея мужа только послѣ смерти старика. Но дочь требовала, чтобы отецъ отдалъ ей все еще при жизни. Изъ-за этого и только изъ-за этого и стояли въ избѣ немолкаемые Содомъ и Гоморра.

Разъ мнѣ пришлось нечаянно подслушать разговоръ между плотникомъ и Ионесомъ.

— Ненасытная дьяволица!—бранился плотникъ.—Нешто у васъ нѣту настоящаго закону? Въ какомъ законѣ писано, чтобы дочка супротивъ отца шла? Глупая у васъ сторона. Совсѣмъ глупая: у васъ и опохмелиться нельзя. У насъ казенка есть, а у васъ и той нѣту... А у насъ такой законъ: я тебѣ есть отецъ, а ты мнѣ дочь. Стало быть, и гляди изъ моихъ рукъ по самую мою смерть. Добро—мое: хочу—дамъ, а не хочу, такъ кобылѣ своей отпишу, а тебѣ—этого не хочешь ли?.. Ты заслужи, а не требуй... А то и возжей попробуешь... Такъ-то...

— И я то же говорю,—угодливо согласился Ионесъ.—Матью Пугуайненъ живетъ на своей половинѣ избы и Лиссу не трогаетъ. Ты живи, какъ хочешь, а я живу, какъ я хочу. Матью взялъ себѣ работницу—коровъ доить, и овецъ и свиней кормить: онъ—старый человекъ, самъ не можетъ. Лисса ему говорить: «Это—твоя любовница, и ты отдашь ей свое поле».—А старикъ говорить: «Дура, мнѣ семьдесятъ четыре года...» Лисса такая не мирная, что хочетъ отца убить... Одинъ разъ Симсонъ ѣздилъ вмѣстѣ со мною въ городъ за спиртомъ. Мы оба напились пьяные, и Симсонъ, когда былъ пьяный, заплакалъ и сказалъ: «Ионесъ, ты мнѣ другъ и я тебѣ скажу, какъ хорошему другу; только ты молчи... Лисса уже три года говорить мнѣ: «Симсонъ, надо убить отца. Тогда вся земля пойдетъ нашимъ дѣтямъ... Симсонъ, поди, убей его...» Это мнѣ самъ пьяный Симсонъ говорилъ и плакалъ. И мнѣ его было жалко... А теперь мнѣ старика жалко: они его убьютъ...

— И что жъ ты думаешь, братецъ мой, и убьютъ,—убѣжденно проговорилъ плотникъ.—Отъ такихъ аспидовъ всего дождешься... Они его и такъ въ конецъ изсушили... Иного краше въ гробъ кладуть... Высохъ весь старикъ, что твоя щепка... Зятю бы этому въ горбъ накласть надо хорошенько: его въ домъ взяли, облагодѣтельствовали, а онъ...

— Симсонъ—смирный,—вступился Ионесъ.—Онъ совсѣмъ смирный, онъ не убьетъ.

— Я не про то говорю. Жену учи, вотъ что... Воли не давай...

— Ну, я тебѣ ничего не говорилъ, а ты ничего не слышалъ,—струсилъ Ионесъ.

— А мнѣ наплевать. Пусть хоть горло другъ дружкѣ перегрызутъ—мое дѣло сторона. Я—Костромской губерніи и вашихъ чухонскихъ дѣловъ знать не знаю... Э-эхъ, у насъ солдатъ одинъ въ деревнѣ есть: ему бы бабу отдать на выучку! Въ мѣсяцъ шелковая стала бы...

Увидѣвъ меня, оба собесѣдника слегка смутились.

— А какъ, баринъ, насчетъ анжирей?—заговорилъ плотникъ, отлично понимая, что задаетъ ненужный вопросъ.—Я въ анжирею двойную дверь дѣлаю...

— Конечно, двойную. Объ этомъ сто разъ говорено было...

— Я больше для вѣрности..

— Что я вамъ хочу сказать,—обратился ко мнѣ, тоже не безъ смущенія, Ионесъ.—Сегодня вечеромъ у насъ около школы ходъ (сходка) будетъ. Приѣхалъ социалистъ и будетъ говорить, что надо дѣлать... Кто хочетъ—придетъ его слушать, а кто не хочетъ—не надо... Изъ вашей бесѣдки будетъ слышно, какъ онъ будетъ говорить... Онъ будетъ совѣтовать, какого человѣка надо въ сеймъ выбирать.

— А откуда этотъ социалистъ?—заинтересовался я.

— Это нашъ финляндскій социалистъ. Изъ какого онъ мѣста, я не знаю. Ихъ много. Они ѣздятъ изъ одной деревни въ другую и говорятъ на ходахъ (сходкахъ) рѣчи. А два дня назадъ къ намъ въ Войму приѣзжалъ человѣкъ отъ другой партіи и тоже говорилъ рѣчь для всѣхъ тѣхъ, кто съ нимъ согласенъ. Я—не социалистъ и не пойду его слушать, а кто социалистъ—тотъ пойдетъ.

— А вы, Ионесъ, къ какой партіи принадлежите?

— Я... я не знаю, какъ это по-русски... Я желаю немного и не очень...

— Умѣренный, что ли?

— Да, да, умѣренный. Вы приходите въ вашу бесѣдку вечеромъ; и я приду и буду вамъ рассказывать, что онъ будетъ говорить...

— Ладно... Тамъ увидимъ:

На нѣсколько дней мнѣ пришлось уѣхать въ Питеръ и социалиста я не слышалъ, но зато тотчасъ же по возвращеніи услышалъ вѣсть, которая очень неприятно рѣзанула меня по нервамъ. Приѣхалъ я съ раннимъ поѣздомъ, но уже засталъ у себя Ионеса. Онъ какъ будто бы уже поджидалъ меня. На лицѣ его было написано что-то особенное, точно онъ собирался кого-нибудь огоршить чѣмъ-нибудь, или же попросить займы.

— Пока вы ѣздили, у насъ тутъ одна вещь нехорошая случилась,—началъ онъ.—Очень нехорошая.

— Что такое?—слегка встревожился я отъ такого неожиданнаго вступленія.—Заболѣлъ кто-нибудь или оранжерея обрушилась?

— Нѣтъ, это, слава Богу, благополучно... Только у насъ человѣка убили...

Ионесъ втянулъ въ себя дыханіе и посмотрѣлъ на меня такъ, какъ будто бы ждалъ, что я отъ сообщенной мнѣ вѣсти сейчасъ же упаду въ обморокъ. Увидѣвъ, однакоже, что я въ обморокъ не падаю и что ожидаемый имъ эффектъ пропалъ, онъ бросилъ на меня взглядъ полный удивленія, но, все еще не желая разстаться съ ролью вѣстовщика, проговорилъ:

— И у насъ въ деревнѣ есть такіе люди, которые убиваютъ...

— Кого же это убили?—спросилъ я, входя въ свою рабочую комнату.

— Кого? Матью Пугуайнена... Вышло такъ, какъ я говорилъ... И я знаю, кто убилъ...

Я сѣлъ къ столу и сталъ перебирать бумаги. Драма, стало быть, совершилась. Живой мертвецъ, похожій на обтянутый кожею сухой скелетъ, сталъ настоящимъ мертвецомъ. Для меня этого было достаточно, а при какой обстановкѣ произошла драма—мнѣ было рѣшительно все равно. Разъ человѣка нѣтъ и вернуть его нельзя,—всякіе суды и пересуды излишни. Къ тому же мнѣ хотѣлось и поскорѣе отдѣлаться отъ Ионеса и заняться своими дѣлами.

— И я знаю, кто убилъ,—таинственно и увѣренно продолжалъ Ионесъ, стоя на порогѣ.

Я промывчалъ что-то равнодушное и сталъ еще усиленнѣе копаться на письменномъ столѣ. Ионесъ, видя, что ни принесенное имъ извѣстіе, ни его догадки не могутъ расшевелить такого чурбана, какъ я, тяжело вздохнулъ и разочарованно проговорилъ:

— Вамъ это не интересно... А я знаю, кто убилъ... До свиданія. Мнѣ нужно итти къ кузнецу... А старика, знаете, гдѣ нашли? Въ лѣсу... Вся голова разбита... Я вамъ мѣшаю... Прощайте... Надо подковать лошадь...

Ионесъ еще разъ вздохнулъ и ушелъ отъ меня съ видомъ человѣка, который напрасно потерялъ и время, и трудъ. А онъ-то, бѣдный, собирался ошеломить меня и рассчитывалъ на то, что я сейчасъ же брошусь къ нему и крикну: «Голубчикъ Ионесъ, говори скорѣе кто убилъ?!» Онъ переживалъ полное разочарованіе и, вѣроятно, теперь злился на меня и на мою безчувственность.

Сейчасъ же по его уходѣ вошелъ плотникъ и, послѣ долгихъ дѣловыхъ разговоровъ о плинтусахъ, галтеляхъ, наличникахъ, петляхъ и задвижкахъ, въ свою очередь, заговорилъ о томъ же:

— У насъ тутъ безъ тебя, баринъ, лихія дѣла пошли. Старика убили... Слышалъ, небось, уже?

— Слышалъ. Ионесъ сейчасъ докладывалъ...

— Ну, этотъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ... Всю деревню уже успѣлъ обѣгать и вездѣ брешеть, будто бы Матвѣя зять евонынъ, дочеринъ мужъ Симка, прикончилъ... Такое плететь, что и слушать не хочется... А зять-то этотъ, слышь ты, баринъ, вмѣстѣ со старикомъ Матвѣемъ безъ тебя у насъ во дворѣ были. Изругала ихъ Лизка на

чемъ свѣтъ стоитъ, они огорчились и вечеромъ сюда ко мнѣ пришли. «Нѣтъ ли, говорятъ, у тебя—это у меня, то-ись,—какой выпивки, а то жутко...»—«Какая, говорю, у меня выпивка? У васъ сторона, говорю, такая подлая, чухонская, что и казенки нигдѣ нѣту. Иной разъ послѣ выпивки и поправиться нечѣмъ».—Постояли, пострекотали тутъ по-своему и опять за свое.—«Дай, говоритъ старикъ, ежели гдѣ у тебя припрятано. Симка сейчасъ лошадей запряжетъ и въ Кирколу за спиртомъ съѣздитъ. Мы тебѣ сейчасъ же отдадимъ и, окромя того, отъ себя поднесемъ. Намъ, говоритъ, съ зятемъ круто пришлось и отъ бабей ругани въ нутрѣ тошно стало».—Говоритъ это старикъ, а самъ зятя Симку по плечу хлопаешь.—«Зять, говоритъ, у меня хорошей человѣкъ; я его уважаю...»—Постояли, пострекотали и ушли. Послѣ того, минутокъ черезъ десятокъ зять Симка на гнѣдой кобылѣ изъ воротъ выѣхалъ и направо по дорогѣ въ Кирколу свернулъ... Хотѣлъ къ ночи вернуться... А уже солнышко садилось... Поѣхалъ, братецъ ты мой, и пропалъ. Всю ночь его нѣту и утромъ нѣту, и къ вечеру нѣту... Загулялъ, видно, на слободѣ. А Лизка весь другой день, что твоя собака цѣпная, заливалась... Передъ вечеромъ старикъ Матвѣй опять къ намъ во дворъ и опять ко мнѣ: «Дай, говоритъ, вышить, ежели есть. Зять, говоритъ, пропалъ. Видно, отъ хорошей жизни гдѣ-нибудь пьяный валяется».—«Отвѣжись ты! Знамо дѣло, Симка твой слободѣ обрадовался, говорю. Была ему нужда назадъ домой спѣшить...»—«У меня, говоритъ старикъ, нутро горитъ: душа спирту проситъ...»—«Такъ поѣзжай и ты въ эту самую Кирколу. Чѣмъ мучиться, давно бы запрягъ, да и съѣзди. Мало у тебя лошадей, что ли?..»—«И то правда, говоритъ, поѣду».—А тутъ Иванъ Степанычъ бредетъ. Увидалъ Матвѣя и проситъ: дай покурить. Дѣдъ Матвѣй пообѣщалъ ему изъ Кирколы махорки привезти и съ тѣмъ подъ самый вечерокъ и уѣхалъ. Самъ я слышалъ, какъ онъ таратайкою по камнямъ затарахтѣлъ... А дѣду нищему я своей махорки далъ покурить. Ужъ онъ тянулъ-тянулъ—до самаго конца докурить, губы даже попекъ. Ему хозяинъ курица не даетъ, пожару отъ него боится...

Плотникъ помолчалъ немного и затѣмъ прибавилъ:

— Старика Матвѣя вчерась утромъ въ лѣсу убитымъ нашли, а зять Симка и до сей поры назадъ не бывалъ. Одна Лизка дома... Вотъ они дѣла какія...

— Гдѣ же тѣло старика?

— Все тамъ же, въ лѣсу. До начальства, какъ и у насъ въ Рассеѣ, не трогаютъ... А Юнесъ, вишь ты, бѣгаетъ по всей деревнѣ и славить, будто бы Матвѣя Симка ухлопалъ... Пустой человѣкъ...

— Кто же, по-твоему, убилъ?—спросилъ я,

— А кто жъ ихъ знаетъ? Ихъ не разберешь. Мое дѣло—сторона: знать не знаю и вѣдать не вѣдаю. Я тебя, баринушко, вотъ о чемъ спросить хотѣлъ. Послали они за начальствомъ своимъ, за лесма-

номъ и толкуютъ, что онъ нынче прїѣдетъ мертвое тѣло свидѣтельствовать. Ежели этотъ самый лесманъ меня допрашивать станетъ—признаваться мнѣ, али нѣтъ?

— Насчетъ чего признаваться?

— А насчетъ того, что передъ смертью Матвѣй и Симка у насъ во дворѣ были...

— Не станетъ онъ тебя допрашивать. Это къ дѣлу не относится...

— Спасибо тебѣ на добромъ словѣ. А я боялся, что и меня волочить будутъ... Такъ я эти скобки большія, что ты привезъ, въ ангирею на дверь прибью... Теперъ я спокоенъ, а то—боялся... А Ионесъ, гляди, опять къ тебѣ прибѣжить, не утерпять... Къ имъ опять сацылисть ихній прїѣхаль...

Ионесъ дѣйствительно прибѣжалъ. На его лицѣ попрежнему лежало выраженіе вѣстовщика и по всему было видно, что онъ не успокоится до тѣхъ поръ, пока я не выслушаю его прозорливой догадки о томъ, кто убійца. Видя, что этой чаши не миновать, я, скрѣпя сердце, отдалъ себя на растерзаніе. Ионесъ началъ издалека—съ того, что сегодня прїѣзжіи политическій дѣятель опять будетъ держать около школы рѣчь, которую я могу послушать изъ своей бесѣдки. Потомъ мало-по-малу перешелъ на то, что его такъ сверлило.

— Я знаю, кто убилъ,—таинственно прошепталъ онъ.—Убилъ Симсонъ. Онъ нарочно уѣхаль въ Киркола раньше, чтобы никто не подумаль, что это—онъ. Что ему стоитъ дать какому-нибудь пьяницѣ двадцать пять рублей, чтобы тотъ сказалъ, что видѣлъ его въ Киркола въ тотъ часъ, когда онъ убиваль въ лѣсу? Это—Симсонъ. Пускай меня убьютъ, если это—не зять. Они съ Лиссой давно сговорились...

— Гдѣ убили Матвѣя? Въ Киркола?—спросилъ я.

— Какое въ Киркола? Онъ тамъ и не былъ. Его нашли убитымъ въ трехъ километрахъ отсюда, подлѣ дороги въ лѣсу. Лицо все разбито и затылокъ разбитъ. Карманы выворочены и денегъ нѣтъ. А у него, говорятъ, было двадцать пять рублей. И лошадь, и телѣжка тутъ же. Лошадь привязана къ дереву. Тутъ же валяется и дубина, которой убиваль его зять. И знаете, когда его убили? Сейчасъ же, какъ только онъ выѣхаль изъ дому. Онъ цѣлыя сутки лежалъ и его никто не видѣлъ, потому что по этой дорогѣ черезъ лѣсъ мало ѣздить. Симсонъ подстерегъ его, убилъ и опять повернулъ въ Киркола... Уже послали за ленсманомъ.

— А что Лисса?

— Лисса—ничего. Еще въ тотъ же вечеръ она заходила къ лѣснику, а потомъ—на другой конецъ деревни къ своей подругѣ Маѣ и говорила, что у нея болитъ сердце, какъ бы съ отцомъ не случилось чего-нибудь дурного... А вы знаете, что четверть часа тому назадъ вернулъ домой Симсонъ?

— И что же онъ?

— Ничего. Какъ будто бы и не онъ... Только я знаю, что это— онъ...

Облегчивъ свою душу, Ионесъ наконецъ оставилъ меня въ покоѣ и ушелъ, напомнивъ еще разъ о томъ, что вечеромъ будетъ держать рѣчь социалистъ.

Въ деревнѣ было тихо. Никто изъ крестьянъ не бѣгалъ на мѣсто преступленія посмотрѣть на убитаго, никто не входилъ въ избу къ Симсону и Лиссѣ, и по пустынной улицѣ, какъ и всегда, бродили только жирныя свиньи да куры. Раза два или три, впрочемъ, пробѣгалъ быстрою и озабоченною походкой Ионесъ, да вдоль улицы ходилъ крохотными старческими шажками Иванъ Степанычъ и повторялъ:

— Матю убили, Матю убили, Матю убили...

IV.

Около полудня деревня нѣсколько ожила. Мимо моихъ оконъ по улицѣ проѣхали быстрой рысью три экипажа. Въ одномъ изъ нихъ сидѣлъ ленсманъ въ пальто и въ котелкѣ, въ другомъ—его письмоводитель въ чухонскомъ картузикѣ съ пуговкой наверху и въ третьемъ—староста нашей деревни и какое-то должностное лицо. Всѣ они слѣзли у избы Матю Пугуайнена и вошли во дворъ черезъ ворота, которыя имъ предупредительно и съ поклонами отворилъ Ионесъ, успѣвшій уже очутиться здѣсь. Только съ этого момента понемногу стали собираться и входить во дворъ сосѣди и сосѣдки. Ленсманъ, впрочемъ, скоро уѣхалъ вмѣстѣ съ понятами на мѣсто преступленія въ лѣсъ—и улица опять опустѣла.

Дѣдъ Иванъ Степановичъ забрелъ мимоходомъ ко мнѣ, вѣроятно, думая, что уже пробило три часа, засеменялъ прямо къ плотникамъ и все время бормоталъ:

— Да, да, зять убиль; да, да; зять убиль; зять убиль.

Онъ, очевидно, служилъ отголоскомъ толпы и ея сужденій.

Прошло часа два. Плотники, пившіе чай изъ закопченнаго желѣзнаго чайника, сообщили мнѣ, что власти уже вернулись и привезли изуродованное тѣло старика, что въ избѣ идетъ теперь допросъ и что Ионесъ мечется, какъ угорѣлый, и старается всячески услужить начальству. И дѣйствительно, мнѣ было видно въ окошко, какъ Ионесъ вмѣстѣ съ тремя чухонцами ходитъ разбѣренными шагами по огромному, убѣгающему въ сосѣдній лѣсъ полю старика Матвѣя и черезъ каждые два шага наклоняется и что-то разсматриваетъ на землѣ. Еще черезъ часъ въ мою кухню вошли Иванайненъ и дѣдъ Иванъ Степанычъ. Иванайненъ проговорилъ глухимъ и сдавленнымъ голосомъ:

— Старика Матю убиль не зять Симсонъ, а убила Лисса...

— Убила Лисса, убила Лисса, убила Лисса,—по-дѣтски залепеталъ старикъ-нищій.

— Ну? Родная дочка?—воскликнулъ плотникъ.

— Да, Лисса,—продолжалъ Иванайнень.—Только она не признается... Есть свидѣтели... Ионесъ совѣтовалъ ленсману, чтобы онъ сказалъ Лиссѣ «крѣпкое слово», но ленсманъ почему-то не согласился и только засмѣялся...

— Это что же у васъ за «крѣпкое слово» такое?—полюбопытствовалъ плотникъ.

— О, это—большое слово... Это — страшное слово,—съ оттенкомъ страха на лицѣ отвѣтилъ Иванайнень.—Когда это слово скажутъ, то на спинѣ дѣлается холодъ... Если воръ или другой нехорошій человѣкъ не хочетъ сказать судьѣ правду, то судья велитъ отворить всѣ печки и всѣ выюшки и говорить «крѣпкое слово». Тогда въ трубу прилетаетъ чортъ... Нехорошій человѣкъ испугается и скажетъ судьѣ правду...

— И вы вѣрите въ то, что есть такое слово?—улыбнулся я.

— О, да. Такое слово есть,—даже слегка обидѣлся Иванайнень.—Я это знаю... Если бы теперь ленсманъ сказалъ его Лиссѣ, то она призналась бы... Это не зять убилъ отца, а Лисса...

Я сталъ невольно прислушиваться. Дѣло приняло совсѣмъ неожиданный оборотъ. Меня невольно заинтересовалъ вопросъ: что долженъ испытывать теперь въ душѣ Ионесъ, звонившій по всей деревнѣ и такъ настойчиво утверждавшій, что убійца—Симсонъ?! Какъ онъ потомъ встрѣтится съ этимъ Симсономъ и какъ будетъ глядѣть ему въ глаза, если окажется, что убила Лисса? Вѣдь рано или поздно Симсону донесутъ.

«Не везетъ Ионесу,—подумалъ я.—Что ни шагъ, то—врагъ. Не успѣлъ еще замять исторіи съ Карле, котораго публично назвалъ воромъ, какъ ужъ произвелъ въ убійцы Симсона...»

— Это узнали оттого, что на Лиссѣ былъ надѣтъ передникъ,—продолжалъ Иванайнень.—Когда старый Матю выѣхалъ со двора и поѣхалъ по дорогѣ, Лисса побѣжала короткимъ путемъ въ лѣсъ черезъ свое поле. Ей было ближе и она прибѣжала въ лѣсъ и вышла на дорогу раньше отца. Она стала съ дубиною за дерево и начала ждать. А старый Матю ѣхалъ шагомъ. Когда онъ проѣхалъ мимо, она ударила его сзади по затылку—и онъ упалъ съ телѣжки на дорогу мертвый. Когда Лисса увидѣла, что онъ уже мертвый, то вывернула въ его штанахъ карманъ, чтобы люди подумали, что старика убили чужіе люди изъ-за денегъ. Потомъ Лиссѣ стало жалко лошадь, потому что за нее заплатили двѣсти рублей. Она свела ее съ дороги и привязала къ дереву такъ длинно, чтобы она могла достать траву.

— Ты погоди, постой,—прервалъ его вдругъ плотникъ.—Ты говоришь, что дочка еще не созналась?

— Нѣтъ. Лисса еще не сказала, что это она убила.

— Откуда же ты знаешь, какимъ манеромъ она убивала и какъ лошадь привязывала? Словно ты самъ тамъ былъ...

— Это не я знаю такъ, а это ленсманъ догадывается такъ,—отвѣтилъ Иванайнень.

— Догадывается такъ, догадывается такъ,—повторилъ, какъ эхо, Иванъ Степанычъ.

— Ленсманъ—умный и дальше онъ догадывается такъ, что Лисса изъ лѣсу пошла не прямо домой, а къ лѣснику и сказала ему, что у нея на сердцѣ неспокойно, какъ бы съ отцомъ не случилось чего-нибудь сквернаго. Отъ лѣсника она пошла дальше, къ своей подругѣ, и подругѣ тоже сказала, что у нея на сердцѣ неспокойно. А на Лиссѣ былъ надѣтъ передникъ. Лѣсникъ удивился, отчего на передникѣ—грязь и кровь, и потомъ подруга тоже удивилась, отчего на передникѣ грязь и кровь... У хорошей хозяйки передникъ долженъ быть чистый. Только ни лѣсникъ, ни подруга тогда не сказали Лиссѣ ничего, а ленсману сейчасъ сказали...

— Ишь ты,—вставилъ плотникъ.—Лукавый попуталь... Про передникъ-то и забыла!

— Ленсманъ приказаль, чтобы передникъ отыскали,—продолжалъ Иванайнень.—Лисса говорить, что у нея такого передника нѣтъ. Тогда Ионесъ началъ искать по всей избѣ и нашель въ грязномъ бѣльѣ. Когда Лиссѣ показали кровь, она сказала, что это у нея капала кровь изъ носа. Ленсманъ не хотѣлъ вѣрить. Тогда она при немъ начала ногтемъ ковырять носъ, и у нея пошла кровь... Послѣ этого Ионесъ сказалъ ленсману, что онъ нашель въ полѣ слѣды Лиссы, когда она бѣжала убивать отца. Для этого онъ и три свидѣтеля добровольно ходили и смотрѣли до самой дороги. Пусть Лисса сниметь сапогъ: тогда можно будетъ провѣрить слѣды... Это сказалъ Ионесъ... Лисса не хотѣла дать сапогъ и спрятала ногу. Ионесъ взялъ ее за ногу и насильно снялъ сапогъ. Послѣ этого ленсманъ взялъ свидѣтелей и пошелъ въ поле. Когда сапогъ примѣрили къ слѣду, то вышло вѣрно... За это ленсманъ былъ благодаренъ Ионесу и сказалъ: «Вы напишите мнѣ счетъ за потерянный день и получите деньги изъ казны...»

— Скажи, пожалуйста!.. Ему же еще и плати!—завистливо проговорилъ плотникъ.—А потомъ что было?..

— Потомъ ленсманъ сталъ допрашивать Лиссу, а я ушелъ... Старога Матью будутъ рѣзать... Лицо страшно разбито... Его крѣпко и долго били...

Иванайнень зачерпнулъ изъ ведра полную кружку воды и залпомъ выпилъ ее. Въ кухню ко мнѣ стали набираться сосѣди—знакомые и незнакомые,—и скоро ихъ набилось столько, что стало душно, и я ушелъ въ бесѣдку, поставленную на горкѣ. Оттуда было видно все, что происходило около избы и въ полѣ убитаго Матью.

Солнце уже склонялось къ западу и обливало пурпурными цвѣтами весь далекій ландшафтъ. Тѣни и оттѣнки были богатые и сочные. Но теперъ они казались мнѣ неприятными: моимъ взвинченнымъ нервамъ они напоминали кровь.

У избы Матю собралось теперъ много народа—и мужчинъ, и женщинъ. Всѣ они ждали. Мгѣ изъ моей бесѣдки было видно, какъ вышелъ лепсманъ въ своемъ котелкѣ и сѣлъ въ экипажъ. Во второй экипажъ сѣли писмоводитель и должностное лицо. Третья телѣжка была еще пуста. Потомъ народъ какъ-то нервно разступился и отхлынулъ въ сторону, точно испуганное стадо. Къ телѣжкѣ староста подвелъ Лиссу. За Лиссою шелъ ея мужъ Симсонъ. Она обернулась, порывисто обняла его шею и на секунду замерла у него на плечѣ, затѣмъ крикнула толпѣ по-чухонски: «Прощайте!» и сѣла въ телѣжку. Рядомъ съ нею, не сгѣша, усѣлся староста и сказалъ ей нѣсколько словъ. Она покорно протянула ему обѣ руки, и онъ наложилъ на нихъ кандалы и велѣдъ за этимъ спокойно взялся за вожжи. Нѣкоторыя изъ женщинъ заплакали...

Поѣздъ тронулся тѣмъ же порядкомъ, какимъ и прибылъ сюда, въ Войму. Но къ нему прибавился еще новый экипажъ. Это была простая повозка, запряженная въ одну лошадь. Въ ней лежало на спишѣ и подпрыгивало по неровностямъ дороги ничѣмъ не прикрытое тѣло покойнаго Матю. Его тощія ноги, согнутыя въ колѣняхъ, свѣшивались съ задка повозки внизъ и немилосердно болтались, а возница-сапожникъ Анти усѣлся такъ близко къ трупу, что казалось, будто бы онъ сидитъ у него прямо на груди. Поѣздъ, по мѣстному обыкновению, мчался по дорогѣ на полныхъ рысяхъ и скоро скрылся за поворотомъ...

— Потрошить, стало быть, повезли,—проговорилъ очутившійся подлѣ меня плотникъ. Рядомъ съ нимъ оказался неизвѣстно зачѣмъ и дѣдъ Иванъ Степанычъ.

— Потрошить повезли, потрошить повезли, потрошить повезли...

— А у дѣла-то, баринъ, нонѣ за весь день и маковой росинки во рту не было, — сообщилъ плотникъ. — Иванаинепъ-то — не дуракъ. По случаю суматохи у нихъ ничего не варили. Сами-то они набрали въ карманы хлѣба, да походя, за углы прятавшись, и жевали, а про дѣда словно и забыли... Хитрый народъ, ершъ ихъ милости... На коркѣ хлѣба—и на той нищаго обмануть не прочь... Ну, народъ...

— Будете варить себѣ ужинъ, покормите и его за мой счетъ,—распорядился я.

— Не въ томъ дѣло, баринъ... Мы и сами покормимъ... А что народъ—свиньи, вотъ что... Пойдемъ, дѣдъ...

— Пойдемъ, дѣдъ; пойдемъ, дѣдъ; пойдемъ, дѣдъ...—залепеталъ старикъ и сталъ спускаться за плотникомъ съ горки мелкими шажками...

Въ сторонѣ вдругъ раздался зычный басъ, произносившій что-то въ родѣ проповѣди. Я обернулся. Въ ста шагахъ отъ моей бесѣдки, у зданія школы, стояла кучка моихъ односельчанъ—мужчинъ и женщинъ. Они слушали. Ораторъ говорилъ монотонно и безъ воодушевленія. Не трудно было догадаться, что и самая его миссія, и наизусть заученная рѣчь давно уже ему надоѣли и что ѣздить онъ изъ деревни въ деревню потому, что его посылають и, можетъ быть, даже и платять за это...

На порогѣ бесѣдки неожиданно выросъ Ионесъ—усталый, но очень довольный собою. Онъ чувствовалъ себя именинникомъ: ему удалась роль сыщика, и на лицѣ его было написано, что онъ былъ бы радъ, если бы сейчасъ совершилось еще два преступленія, лишь бы ему предоставили отыскивать въ полѣ слѣды отъ ногъ и добывать изъ кучи грязнаго тряпья окровавленные передники.

— Вы здѣсь?!—заговорилъ онъ.—Это говорить рѣчь тотъ самый социалистъ, который уже пріѣзжалъ къ намъ два раза. Онъ теперь говоритъ, что на сеймѣ надо требовать, чтобы въ Финляндіи вовсе не было спиртныхъ напитковъ. Я думаю, что это—хорошо... Бѣдный Матю убитъ оттого, что поѣхалъ за спиртомъ; если бы онъ сидѣлъ дома, то Лисса убила бы его не теперь, а послѣ... А можетъ быть и не убила бы... А она созналась, что убивала его цѣлыхъ три раза. Сначала она убила его по затылку, а ночью, когда всѣ спали, ей стало жалко лошади оттого, что лошадь ходила около мертвого тѣла голодная,—и она пошла еще разъ въ лѣсъ, чтобы поставить ее на свѣжую траву. Старый Матю былъ еще живъ и двигалъ головою. Тогда она схватила дубину и ударила его по лицу. Онъ застоналъ и сказалъ: «Дочь, за что ты меня убиваешь?» Она испугалась и убѣжала домой. Подъ утро она вспомнила, что отъ испуга не успѣла поставить лошадь на свѣжую траву. Ей опять стало жалко лошадь, потому что она—дорогая. Тогда она опять пошла въ лѣсъ. Отецъ еще дышалъ и тихо стоналъ. Она разсердилась, взяла дубину и стала бить его по лицу въ третій разъ—и била до тѣхъ поръ, пока его уже нельзя было узнать... Она убивала его почти цѣлыя сутки... А меня ленсманъ благодарилъ и сказалъ, что я получу за свои хлопоты отъ казны деньги... Ленсманъ хвалилъ меня... Только я не знаю, отчего онъ улыбался...

Усердный добровольный сыщикъ не понялъ, что въ улыбкѣ образованнаго и развитога ленсмана была глубокая и презрительная иронія надъ его стараніями. Объяснять ему я не сталъ: было бы бесполезно.

Смерклося и наступилъ чудный вечеръ. Въ лѣсу пѣлъ соловей, подлѣ меня тараторилъ Ионесъ, а въ сторонѣ держалъ рѣчь ораторъ-социалистъ. Но въ головѣ у меня все это путалось, и въ ухахъ отдавалась фраза: «Дочь, за что ты меня убиваешь?» Когда я вошелъ

въ избу, плотники и огородникъ уже кончили ужинать, и Иванъ Степанычъ только что выльзъ изъ-за стола. Его глаза съ удовольствіемъ смотрѣли на опорожненную огромную кастрюлю и перебѣгали на недоѣденную горбушку хлѣба. Старшій плотникъ сунуль ему ее въ руку со словами:

— Возьми, дѣдъ, хлѣбушко съ собою: пожуешь на досугѣ...
Смотри, дорогою не потеряй...

— Пасипа, пасипа, пасипа...

— А теперь ступай домой...

— Тупай домой, тупай домой, тупай домой...

V.

Прошло послѣ этихъ событій недѣли двѣ. Общественное мнѣніе деревни было такъ занято и подавлено убійствомъ, что совсѣмъ почти забыло о ссорѣ между Ионесомъ и Карле и о томъ, что Карле такъ или иначе долженъ возстановить свою поруганную честь. Кстаті подоспѣли и полевые работы—настала пора косить сѣно, а потомъ приниматься за овесъ. По вечерамъ крестьяне собирались гурьбою въ мѣстной лавочкѣ или около лавочки и съ трубками въ зубахъ вели между собою разговоры о событіяхъ дня. Встрѣчались тутъ нерѣдко и Ионесъ и Карле, и оба вели себя такъ, какъ будто бы между ними не произошло ничего. Односельчане же, повидимому, деликатничали и не хотѣли поднимать старой исторіи.

Настала и ягодная пора. Чухонки съ корзинками въ рукахъ потянулись въ болота собирать морошку и возвращались каждый день домой съ такимъ грузомъ, который порядочно оттягиваль имъ руки. Сбывали онѣ этотъ товаръ дачникамъ.

Все шло хорошо до тѣхъ поръ, пока въ болотѣ не столкнулись двѣ бабы—жены Ионеса и Карле. Собирая ягоды, онѣ въ чемъ-то не поладили между собою, повздорили и разошлись въ разные стороны, но разошлись такъ, что только одинъ слѣпой могъ не видѣть, что онѣ объявили другъ дружкѣ жесточайшую войну.

— Я—дура, — смиренно проговорила жена Ионеса. — Я не должна не только ссориться, но даже и разговаривать съ женою вора. Твой мужъ обокралъ нищаго Ивана Степаныча. Вся деревня говоритъ это.

Женѣ Карле нечего было отвѣчать. Надъ ея мужемъ тяготѣло это обвиненіе, и онъ до сихъ поръ не оправдался еще. Она покраснѣла и молча ушла съ болота, даже позабывъ свою корзину съ морошкою. Тѣ, кто встрѣчался съ нею, видѣли, что она плакала и что слезы ея падали прямо на лѣсную дорогу.

Перемиріе, обѣщавшее было со временемъ окрѣпнуть въ мирѣ, было нарушено, и результаты сказались въ тотъ же вечеръ около

лавки, гдѣ собралось по крайней мѣрѣ душъ пятьдесятъ чухонцевъ. Ионесъ сидѣлъ среди толпы на фундаментѣ и безопасно болталъ ногами. Неожиданно къ нему подошелъ пьяный Карле и изо всей мочи свистнулъ его по лицу кулакомъ. Ионесъ свалился съ фундамента на землю, затѣмъ, осмотрѣвшись мутными глазами и понявъ, въ чемъ дѣло, набросился на Карле. Началась потасовка, сопровождаемая чухонскими ругательствами... Сначала для публики это былъ даровой и забавный спектакль, но потомъ, когда въ воздухѣ замелькали два финскихъ ножа, — противниковъ розняли.

Дѣдъ Иванъ Степанычъ и не подозрѣвалъ, что изъ-за него идетъ такая баталія. Не понималъ онъ также и того озлобленія, съ которымъ на него потомъ смотрѣли и Ионесъ и Карле. Ионесъ послѣ драки цѣлую недѣлю не показывался никуда, стыдясь огромнаго количества синяковъ на распухшей физиономіи, а Карле закатился въ Киркола и пилъ тамъ дней десять. Домой его привезли почти полумертваго отъ пьянства на чужой лошади и на чужой телѣжкѣ. Свою дорогую лошадь и приличную телѣжку, на которой онъ возилъ дачниковъ со станціи, — онъ пропилъ.

Для дѣда Ивана Степаныча наступили тяжелыя времена. При всякой встрѣчѣ Ионесъ попрекалъ его тѣмъ, что изъ-за него подрался и получилъ столько синяковъ. Карле же, въ свою очередь, какъ только напивался, такъ и начиналъ кричать дѣду:

— Отдай мою лошадь и телѣжку! Если бы не ты (ругательство), то онѣ были бы цѣлы!..

Иванъ Степанычъ ровно ничего не понималъ, но старчески трусилъ и сталъ рѣже выходить изъ избы. Все рѣже и рѣже я слышалъ у себя въ огородѣ его «драсту, драсту, драсту», а плотникамъ подчасъ даже и не удавалось вызвать его къ себѣ и напоить чаемъ. На настойчивый зовъ онъ отвѣчалъ робкимъ:

— Я боюсь, я боюсь, я боюсь...

Потомъ послѣ одной изъ встрѣчъ съ пьянымъ Карле, который чуть не полѣзъ въ драку, съ дѣдомъ попричилось что-то старчески неладное. Былъ ли это какой-нибудь обычный старческой недугъ, или же результатъ нервнаго потрясенія, но только хозяинъ его Иванайненъ немного струсилъ. Кто бы и когда бы ни освѣдомлялся объ Иванѣ Степанычѣ, — получался одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Пить (спить). Даже не кушаетъ, а все пить...

— И день и ночь?

— Та. И тень и ночь пить...

На этомъ мѣстѣ моего разсказа закулисныя пружины ускользаютъ отъ меня. Я не знаю, какъ событія шли дальше. По словамъ однихъ, о спячкѣ дѣда довели до свѣдѣнія начальства, а по словамъ другихъ, на самого Иванайнена эта постоянная спячка и медленное умираніе старика наводили такую тоску и жуть, что онъ не могъ

оставаться съ нимъ подолгу въ одной комнатѣ, особенно же, когда начинало темнѣть. Кончилось все это тѣмъ, что на Ивана Степаныча по окрестнымъ деревнямъ былъ объявленъ новый аукціонъ:

— Кто дешевле возьмется пропитать старика? Иванайненъ со-держалъ его за двѣсти шестьдесятъ марокъ. Кто меньше?

Говорять, что дѣдъ сидѣлъ тутъ же, смотрѣлъ на все и на вся мутными глазами и повторялъ:

— Кто меньше, кто меньше, кто меньше?

Чувствовалъ ли онъ, понималъ ли онъ, что вокругъ него шель унизительный для человѣческаго достоинства торгъ надъ его собственной личностью; сознавалъ ли онъ, что сейчасъ его насильственно оторвутъ отъ привычнаго угла, съ которымъ онъ уже сжился, и отъ людей, съ которыми успѣлъ сродниться,—и отвезутъ его въ новую и совершенно чуждую обстановку?

Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Лицо Ивана Степаныча не говорило ничего.

— Двѣсти марокъ!—раздался голосъ чухонца изъ сосѣдней деревни.

Никто не сказалъ меньше—и дѣдъ остался за нимъ. Что-то записали, запротоколили—и дѣло было кончено. Граница между свободной личностью и почти что рабомъ исчезла. Черезъ часъ къ избѣ Иванайнена подъѣхала телѣжка чухонца—новаго хозяина. Старику было приказано выйти за ворота. Онъ вышелъ. Приказано было сѣсть въ телѣжку. Онъ кряхтя и съ помощью новаго хозяина влѣзъ и сѣлъ. Около телѣжки собралось нѣсколько мужчинъ и женщинъ. Всѣ они смотрѣли на проводы дѣда такъ, какъ будто бы сейчасъ увезутъ не живого человѣка, а какой-нибудь сундукъ или же мѣшокъ съ картофелемъ.

Сквозь эту толпу протискался плотникъ и подалъ Ивану Степанычу ломоть чернаго, круто посоленнаго хлѣба. Дѣдъ взялъ.

— Пасипа, пасипа, пасипа...

— Куда теперь ѣдешь? Гдѣ жить будешь?—допрашивалъ участливо плотникъ.

— Не снаю, не снаю...

— Приѣзжай когда въ праздникъ къ намъ чай пить...

— Чай пить, чай пить, чай пить...

Чухонецъ дернулъ вожжами и чмокнулъ. Телѣжка покатила рысцою и скоро скрылась за поворотомъ.

Вечеромъ, за ужиномъ, плотникъ между прочимъ спросилъ меня:

— Какъ это ты, баринъ, изъ Евангелія про нашего дѣда сказывалъ?

«Теперь ты опоясываешься самъ и идешь, куда хочешь», — припомнилъ я:—«а придетъ время, опояшутъ тебя другіе и поведутъ тебя не туда, куда ты хочешь, а куда другіе хотятъ»...

— Такъ, такъ,—задумчиво вздохнулъ плотникъ.— Живого чело-
вѣка съ аукціона?! Ну, народъ, ершъ ихъ милости!.. Живого чело-
вѣка?! А?..

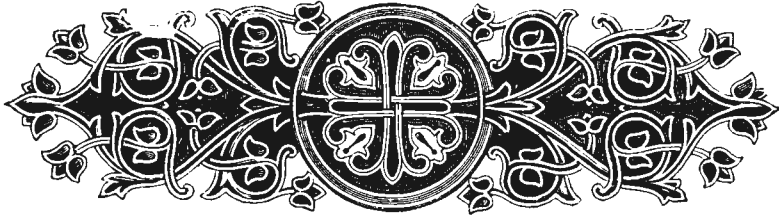
Настроение у всѣхъ рабочихъ въ этотъ вечеръ было задумчивое
и невеселое. Потушили лампочку и улеглись спать ранѣе обыкно-
веннаго. Когда старшій плотникъ, укладываясь, натягивалъ на себя,
вмѣсто одѣяла, овчинный тулупъ, съ улицы донеслась пьяная пѣсня
возвращавшагося домой Карле.

— Своллачь!—прошипѣлъ по его адресу плотникъ.

Никто изъ рабочихъ ему не отвѣтилъ. Всѣ были съ нимъ согласны.

А. Чеховъ (Сѣдой).

МИРОВОЙ СУДЬЯ А. И. ТРОФИМОВЪ.

АМЕРА петербургскаго мирового судьи 13-го участка, въ періодъ съ 1868 по 1884 годъ, въ дни засѣданій всегда была переполнена публикой, большинство которой являлось не по сутяжническимъ дѣламъ, а для того только, чтобы послушать судью—Александра Ивановича Трофимова, неистощимаго остряка и каламбуриста.

Къ Трофимову шли, какъ на веселое театральное представленіе, и было немало такихъ усердныхъ поклонниковъ его остроумія, которые не пропускали буквально ни одного засѣданія. Къ числу почитателей его принадлежалъ и покойный поэтъ-юмористъ Д. Д. Минаевъ, тоже прославленный острякъ, считавшій къ судью Трофимову большое пріятельское расположеніе, однако не мѣшавшее ему писать на Александра Ивановича язвительныя эпиграммы, порицая его именно за то судейское балагурство, которое онъ въ немъ любилъ. Минаевъ въ обществѣ охотно рассказывалъ про Трофимова анекдоты и съ удовольствіемъ припоминалъ его всегда остроумныя рѣшенія.

При частыхъ встрѣчахъ своихъ оба остряка острили взапуски, причемъ Минаевъ по обыкновенію стихами, а Трофимовъ каламбурами.

Трофимова Минаевъ характеризовалъ такъ:

О ты, чей юморъ такъ и брызжетъ съ языка,
Который даже хмурыхъ нелюдимовъ
Отъ смѣха заставлялъ хвататься за бока,—
Судья почтенный нашъ, Трофимовъ!..

Призваніе свое уже давно пора
Тебѣ понять и быть намъ всѣмъ примѣромъ:
Черезъ посредство кисти и пера
Ты бѣ въ «Стрекозѣ» могъ сдѣлаться Вольтеромъ,
Явиться Свифтомъ «Маляра»¹⁾.

Популярность Трофимова въ Петербургѣ была громадна. Бѣдныя и обездоленные находили въ немъ искренняго защитника, а вообще всѣ—честнаго и справедливаго судью, который при разбирательствѣ тяжбъ руководствовался прежде всего «внутреннимъ убѣжденіемъ», и уже потомъ статьями уложеній, т.-е. придерживался той главной идеи, на которой было обосновано учрежденіе мирового института. Его называли «сердцевѣдцемъ» за то, что онъ умѣлъ безошибочно отличать врожденнаго преступника, дѣйствующаго подъ вліяніемъ злой воли, отъ преступника случайнаго, являющагося жертвой гнетущихъ обстоятельствъ или легкомыслія.

Къ простому темному народу его снисходительность была безгранична. Онъ терпѣливо выслушивалъ всякаго, охотно давалъ совѣты, и я не запомню случая, чтобы Трофимовъ кого-нибудь раздраженно оборвалъ или перебилъ. Обиженные шли къ нему съ вѣрою и упованіемъ очень часто съ простымъ, нехитрымъ пересказомъ своихъ претензій и безъ всякихъ другихъ доказательствъ. Охотно принимая словесныя жалобы, Александръ Ивановичъ былъ доволенъ, что истцы эти не обращались къ подпольнымъ адвокатамъ, которыхъ онъ терпѣть не могъ и всячески устранялъ отъ веденія ими дѣлъ въ своей камерѣ. На пріемъ словесныхъ жалобъ у него уходило много времени, и однажды какой-то присяжный повѣренный ему замѣтилъ въ камерѣ:

— Г. мировой судья, я вызванъ вашею повѣсткою къ часу, а теперь уже три...

Трофимовъ поднялъ на него глаза и спокойно отвѣтилъ:

— Г. адвокатъ, а я здѣсь съ десяти часовъ и точно такъ же дорожу временемъ, какъ и вы, но вотъ его время,—и онъ ткнулъ пальцемъ въ сторону стоявшаго передъ нимъ рабочаго,—много дороже нашего.

Въ другой разъ точно такъ же выразилъ нетерпѣніе какой-то полковникъ.

— Г. судья, вы обязаны были разобрать мое дѣло въ 12 часовъ, а теперь уже скоро два...

Трофимовъ быстро его осадилъ:

— Не мѣшаетъ вамъ знать, полковникъ, что въ 12 часовъ только крѣпостная пушка обязана выпалить.

Сердобольно относясь къ неимущимъ, очень нерѣдко самъ судья вносилъ за бѣдняковъ судебныя пошлины и даже субсидировалъ

¹⁾ «Стрекова» и «Маляръ»—юмористическіе журналы 1870-хъ гг.

ихъ небольшими суммами денегъ. Но особенно отзывчиво и гуманно относился Трофимовъ къ рабочему люду. Ужь если, бывало, рабочіе взыскиваютъ съ подрядчика или хозяина заработанныя деньги, такъ разборъ дѣла назначался въ слѣдующее же засѣданіе, и никакой искусный адвокатъ не смогъ бы помочь своему довѣрителю уклониться отъ немедленнаго расчета.

Обладая несомнѣнною проницательностью, Трофимовъ при рѣшеніи дѣлъ иногда явно игнорировалъ свидѣтельскія показанія и ловко скомпанованныя улики. Разбирая по существу, онъ психологически нащупывалъ причину причинъ и часто поражалъ тяжущихся своими резолюціями, исходившими изъ «внутренняго убѣжденія».

Напримѣръ, хозяйка-портниха обвиняетъ свою молоденькую мастерицу въ кражѣ. Она представила цѣлый рядъ свидѣтелей, которые, конечно, показывали не въ пользу обвиняемой. Но, выслушавъ ихъ всѣхъ внимательно, Трофимовъ глядитъ въ открытое лицо дѣвухи и говоритъ:

— Нѣтъ! Вы не способны украсть!

И оправдываетъ.

Въ его практикѣ было много такихъ «психологическихъ» рѣшеній. И замѣчательно, что его приговоры почти никогда не отмѣнялись съѣздомъ, куда обыкновенно переносились недовольной стороною.

Несомнѣнно, что эта судейская чуткость была главной его заслугой передъ правосудіемъ, между тѣмъ свою популярность онъ стяжалъ исключительно однимъ острословіемъ. Его камера постоянно оглашалась такимъ единодушнымъ взрывомъ хохота, что сами судившіеся, при всей своей сдержанности, вызываемой серьезностью положенія при судовореніи, также разражались смѣхомъ. И только самъ виновникъ этого неумѣстнаго веселья, какъ и подобаетъ прирожденному остряку, сохранялъ свое лицо неподвижнымъ. Онъ умышленно выдерживалъ паузы, давалъ публикѣ отсмѣяться и вновь продолжалъ разборъ дѣла до новаго крылатаго словечка. Многія изъ его остротъ сдѣлались ходячими анекдотами и облетѣли всю Россію. Напримѣръ, анекдотъ о хвостѣ.

Судится какая-то кухарка, якобы укравшая у своей хозяйки скупсовое боа. Поддерживающій обвиненіе частный ходатай, повѣренный потерпѣвшей, все время боа называетъ упрощенно «хвостомъ». Свидѣтели другъ другу противорѣчатъ и сбиваются. И когда допросъ ихъ окончился, Трофимовъ обращается къ ходатаю съ вопросомъ:

— Ну-съ, что вы теперь, господинъ, *про хвостъ* скажете?

Ясно, что кухарка была оправдана.

Другой случай тоже имѣлъ очень большой успѣхъ у публики. Разбираетъ Трофимовъ дѣло по обвиненію кучера Ежова въ неосторожной ѣздѣ.

— Ну, что, Ежовъ, виноваты?—спрашиваетъ судья.

Ежовъ, чтобы придать своей особѣ нѣкоторый вѣсъ, громогласно заявляетъ:

— Г. судья, я кучеръ с.-петербургскаго оберъ-полицеймейстера.

Александръ Ивановичъ привстаетъ съ мѣста и откланивается.

— Очень польщенъ! А я—мировой судья 13-го участка.

Взрывъ хохота огласилъ камеру, и внушительная вначалѣ фигура кучера какъ-то сразу утратила свою представительность.

Приговоры и рѣшенія Трофимова отличались безподобною оригинальностью.

Судить онъ содержателя съѣстной лавки за недозволенную продажу крѣпкихъ напитковъ. Оправдываясь, обвиняемый увѣряетъ судью, что водкой онъ никогда не торговалъ, а изрѣдка, въ праздникъ, угощаетъ ею постоянныхъ посѣтителей, какъ хорошихъ своихъ знакомыхъ. Свидѣтели, конечно, дають показанія въ пользу торговца, снабжавшаго ихъ водкой въ то время, когда питейныя заведенія по случаю праздниковъ бывають закрыты.

— Какъ же онъ угощалъ васъ?—допытывается судья у перваго свидѣтеля:—цѣлую бутылку отдалъ во владѣніе или угощалъ рюмками?

Смѣтливый свидѣтель отвѣчалъ:

— Однимъ словомъ, задарма. Пришли къ нему обѣдать, да и говоримъ: «потому, какъ ты отъ насъ наживаешь, то поэтому ставь угощеніе». Онъ и поставилъ.

— А велика была бутылка?

— Обыкновенно—штоффъ.

— И что же? Поди обрадовались, да весь штоффъ и выпили?

— Зачѣмъ весь? Кто сколько могъ: кто шкаликъ, кто—два...

Поди съ половину осталось...

— А твердо помнишь, что осталось?

— Какъ же не помнить? Конечно...

Спрашиваетъ Трофимовъ другаго свидѣтеля:

— Когда лавочникъ угощалъ вашу артель водкой, въ штоффъ что-нибудь оставалось?

— Оставалось.

Подтвердили это и остальные свидѣтели.

Черезъ нѣсколько минутъ Трофимовъ уже читаетъ приговоръ: «... изъ свидѣтельскихъ показаній ясно устанавливается фактъ, что содержатель съѣстной лавки Н., несомнѣнно, занимался недозволенной продажей крѣпкихъ напитковъ. Что онъ водку продавалъ, а не угощалъ ею, видно изъ того, что бутылка не была опорожнена до дна. Принимая во вниманіе, что русскій человѣкъ, когда его угощаютъ водкой, выпиваетъ ее до послѣдней капли,—приговариваю мѣщанина Н. къ штрафу, въ размѣрѣ...» и т. д.

А то какой-то Прохоровъ обвиняетъ мѣщанку Боброву въ нанесеніи оскорбленія дѣйствіемъ.

— Какъ было дѣло?—спрашиваетъ потерпѣвшаго судья.

Прохоровъ началъ повѣствовать:

— Иду это я мимо ея дома и думаю: а не зайти ли по старому знакомству? Взялъ, да и зашелъ. Гляжу: голова у ней повязана платкомъ.

— Мигрень у меня была,—вставляетъ замѣчаніе обвиняемая.

— Освѣдомляюсь насчетъ здоровья,—продолжаетъ Прохоровъ,—и даю ей добрый совѣтъ: вы бы, говорю, уксусомъ намочили бы полотенце и забинтовали бы голову. А она вдругъ какъ размахнется,—да и бацъ меня по уху!

— За что же?—удивляется Трофимовъ.

— Должно быть, за совѣтъ.

— Впередъ, значить, будьте умнѣе! Она вѣдь не просила вашего совѣта?

— Не просила, но я по добротѣ душевной далъ ей вѣрное средство.

— Г. судья,—говорить въ свое оправданіе Боброва:—когда у меня разыгрывается мигрень, такъ я очень нервной становлюсь.

Трофимовъ спрашиваетъ ее:

— Вы хорошо знаете Прохорова?

— Раза два съ нимъ встрѣчалась...

— А въ гости къ себѣ его приглашали?

— И не думала!

Судья замѣчаетъ обвинителю:

— Являясь безъ приглашенія въ чужую квартиру, вы не могли рассчитывать на радушное гостепрѣимство...

— Но вѣдь нельзя же ни съ того, ни съ сего и драться, какъ это дѣлаетъ Боброва?

— Прежде всего не слѣдуетъ итти туда, куда не приглашаютъ. Вызывается свидѣтельница—жилица Бобровой.

— Что знаете по этому дѣлу?

— Приходитъ къ намъ Прохоровъ. У Бобровой голова болитъ, и ей не до него. А онъ сперва велѣлъ ей уксусомъ темя мочить, а опосля назвалъ ее притворщицей. Боброва разсвирѣпѣла и крикнула: «Пошелъ вонъ, дуракъ, а не то я тебя ударю!» Прохоровъ уткнулъ руки въ боки и отвѣчаетъ: «Попробуй-ка!» Она опять: «Уходи честью, а не то приколочу!» А онъ опять: «Тронь-тронь, попробуй!»

— Ага!—перебиваетъ судья свидѣтельница.—Значить, онъ самъ напрашивался на то, чтобъ его ударили?

— Самъ, самъ!

Трофимовъ рѣшаетъ дѣло:

«... Боброву считать по суду оправданной, потому что Прохоровъ побить ея по его настоянію. Изъ свидѣтельскихъ показаній выяснилось, что онъ заявилъ категорическое желаніе «попробовать» кулаковъ Бобровой...»

Купеческая вдова Иванова привлекла къ отвѣтственности настройщика Шульца за скандалъ, учиненный имъ въ ея квартирѣ. Шульцъ былъ приглашенъ Ивановой настроить рояль. Во время настройки онъ началъ увѣрять владѣлицу инструмента, что нѣкоторые клавиши необходимо замѣнить новыми. Иванова не соглашалась. Тогда Шульцъ разсвирѣпѣлъ и началъ на нее кричать, упрекая ее въ скупости и въ непониманіи музыки.

— Это не ваше дѣло!—замѣтила ему купчиха.

— Нѣтъ, мое! Я артистъ въ душѣ и когда вижу свинское отношеніе къ музыкальному инструменту—это меня возмущаетъ!.. Вы въ музыкѣ понимаете столько же, сколько свинья въ апельсинахъ...

Неистоваго настройщика пришлось удалить изъ квартиры съ помощью дворниковъ.

При разборѣ дѣла Трофимовъ внушительно замѣчаетъ Шульцу:

— Вотъ, видите, какъ нехорошо скандалить въ чужой квартирѣ,—вамъ теперь придется отбывать наказаніе подъ арестомъ.

— Но я артистъ въ душѣ!

— А теперь вы будете артистомъ въ кутузкѣ!

— Но, помилуйте, г. судья,—за что?

— За то, что вы занимаетесь не своимъ дѣломъ.

— Т.-е. какъ это?

— Васъ приглашаютъ *настроить* рояль, а вы приходите и *разстраиваете* нервы хозяевамъ.

Аналогичное дѣло разбиралось Трофимовымъ по жалобѣ какого-то мозольнаго оператора, предъявившаго искъ къ сапожнику въ 15 рублей за убытки.

Мозольный операторъ заказалъ сапожнику сапоги, которые оказались до того узкими, что операторъ натеръ себѣ ногу и вслѣдствіе этого два дня не могъ выходить изъ дому, почему и просилъ взыскать съ сапожника причиненный имъ убытокъ въ размѣрѣ 15 рублей. Сапожникъ же, въ свою очередь, подалъ встрѣчный искъ, требуя съ мозольнаго оператора десять рублей за сапоги.

При разборѣ дѣла оказалось, что когда сапожникъ пришелъ къ заказчику за деньгами, мозольный операторъ, сердясь и бранясь, выбросилъ ему сапоги за дверь и выгналъ его вонъ. Сапоги были изрѣзаны и такимъ образомъ приведены въ негодный видъ.

Выслушавъ тяжущихся, Трофимовъ сказалъ:

— Я вижу, господа, что вы оба взялись не за свое дѣло: вы сапожникъ, и вмѣсто того, чтобы дѣлать сапоги, дѣлаете вашимъ заказчикамъ мозоли; а вы мозольный операторъ, и вмѣсто того, чтобы рѣзать мозоли, рѣжете сапоги, за которые къ тому же еще не уплатили денегъ.

И затѣмъ постановилъ: взыскать съ мозольнаго оператора десять рублей въ пользу сапожника.

Въ Туляковскихъ баняхъ на Ямской улицѣ, въ мужскомъ 20-копеечномъ отдѣленіи случился скандалъ, потребовавшій вмѣшательства полици и составленія протокола. Поссорились два посѣтителя изъ-за ванны. Одинъ, мывшійся самъ, взялъ металлическую пробку ванны себѣ, чтобы обезпечить первую очередь пользованія ванной,—другой, котораго мыль банщикъ, воспротивился этому захвату и предъявилъ свои права на первую очередь, во-первыхъ, какъ болѣе доходный для бань посѣтитель, и, во-вторыхъ, какъ уже окончившій свое омовеніе. Первый не уступалъ, началась перебранка, и финалъ ея закончился камерой мирового судьи. Первый оказался мастеровымъ-басонщикомъ, второй—статскимъ совѣтникомъ, представшимъ передъ судьей съ орденскими значками въ петлицѣ.

Послѣдній очень претендовалъ на басонщика за то, что тотъ вель себя въ банѣ вызывающе и все время съ нимъ переругивался.

— Но вѣдь бранились и вы?—спрашиваетъ Трофимовъ.

— Да, но между нами большая разница: я—чиновникъ, кавалеръ орденовъ...

— А откуда онъ могъ это знать? Вѣдь мылись-то вы, поди, безъ орденовъ... Баня у насъ въ отечествѣ—единственное мѣсто, гдѣ равноправность пользуется всѣми правами гражданства, и только поэтому я не налагаю на васъ большаго штрафа, какъ на интеллигента, за нарушеніе тишины и спокойствія въ общественномъ мѣстѣ, а штрафую того и другого, именно принимая во вниманіе банную равноправность, на одинаковую сумму, по пяти рублей cadaго.

Мѣщанка Никитина привлекла къ отвѣтственности зятя своего, цехового обойщика Иванова, за нанесеніе ей побоевъ.

— Ивановъ, признаете ли себя виновнымъ?—спрашиваетъ Трофимовъ.

— Такъ точно, г. судья, тещу свою я отколошматилъ, но на то были серьезныя причины.

— Какія же?

— Да видите ли... Я уже въ третій разъ женатъ, и такое у меня несчастье, что обѣ первыя жены умерли, а матери ихъ остались на моемъ попеченіи... Никитина у меня третья теща, и такой у нея характеръ, что она меня цѣлый день поѣдомъ ѣсть за то, что я тѣмъ тещамъ помогаю... А на прошлой недѣлѣ я былъ именинникъ, и всѣ тещи собрались у меня съ поздравленіемъ. Никитина, не въ осужденіе будь сказано, маленько подвыпила и стала тѣхъ тещъ страшать, что она имъ ноги повывергаетъ, ежели онѣ будутъ ко мнѣ приходить. Я ее просилъ не беспокоить моихъ сродственниковъ. Она на это мое заступничество обидѣлась, да какъ хватить со стола полную миску съ горячимъ борщомъ и ну поливать имъ меня да тещъ. Я по своей вспыльчивости схватилъ ее за косу и, конечное дѣло, угомонилъ.

Трофимовъ—къ Никитиной:

— Такъ было дѣло?

— Такъ-то оно такъ,—отвѣчаетъ Никитина:—но только виданное ли это дѣло, чтобъ за хлѣбъ-соль бить смертнымъ боемъ...

— Какъ за хлѣбъ-соль? Развѣ вы содержите Иванова, а не онъ васъ?

— Я не про то-съ... Я говорю, что ежели я и позволила себѣ, такъ не чѣмъ инымъ, какъ хлѣбомъ да солью, т.-е. значить борщомъ, а вѣдь онъ меня голыми кулаками...

— Изъ-за нея, г. судья,—вставляетъ Ивановъ,—именины прошли безъ обѣда... Покорнѣйше прошу меня оправдать, чтобы не ея верхъ былъ, а то мнѣ потомъ жизни не будетъ. Ужъ и безъ того меня тещи намучили...

— Я васъ понимаю,—сказалъ Александръ Ивановичъ и прочелъ приговоръ: «... принимая во вниманіе, что человѣкъ, имѣющій трехъ тецъ, едва ли можетъ обладать сдержанностью, въ особенности, когда одна изъ нихъ поливаетъ его горячимъ борщомъ, изготовленнымъ для иной цѣли,—жалобу Никитиной оставить безъ послѣдствій, а Иванова считать по суду оправданнымъ».

Богатый домовладѣлецъ съ Николаевской улицы взыскивалъ съ своего бѣднаго жильца 32 рубля. Управляющій домовладѣльца явился на судъ его повѣреннымъ.

Пересмотрѣвъ дѣло, Трофимовъ спрашиваетъ управляющаго:

— Какъ же вы взыскиваете 32 рубля, когда по квартирной книжкѣ вамъ слѣдуетъ всего только 24 рубля?

— Помилуйте, а дровъ-то сколько они сожгли?

— Что вы говорите?—переспросилъ судья.

— Я говорю: а дровъ-то сколько они сожгли,—повторилъ истецъ.

— Какихъ *одровъ* они сожгли?—пожалъ плечами Александръ Ивановичъ.—Привыкли вы со своимъ хозяиномъ съ жильцовъ шкуры сдирать, какъ съ одровъ, и мерещатся вамъ вездѣ одры.

И постановилъ взыскать съ жильца только 24 рубля.

Какой-то «ходатай», явившійся защитникомъ буйнаго купца, привлеченнаго къ отвѣтственности за драку въ публичномъ мѣстѣ, все время отзывается о своемъ кліентѣ почтительно въ третьемъ лицѣ «они-съ».

Трофимовъ перебиваетъ его замѣчаніемъ:

— Да что вы мнѣ все про *анисъ* да *анисъ* толкуете! Тутъ, батенька, не анисомъ пахнетъ, а кутузкой!

Судится интеллигентъ за драку.

Трофимовъ его спрашиваетъ:

— За что вы ударили г. N?

— За то, что онъ обижалъ моего друга, за котораго я считалъ необходимымъ *постоять*.

— Это похвально!—одобрилъ Александръ Ивановичъ:—но за этого же друга теперъ вамъ придется и *посидѣть*.

Осанистый графскій кучеръ привлеченъ за неосторожную ѣзду.
— Кучеръ Смирновъ,—говорить судья:—вы обвиняетесь въ томъ,
что въ Стремянной улицѣ раздавили женщину.

— Не я, г. судья,—развязно заявляетъ кучеръ:—а барскія лошади.

Обвинитель на это замѣчаетъ:

— Но почему же вы не кричали?

Трофимовъ улыбаясь иронизируетъ:

— Чего же ему было кричать-то? Вѣдь лошади раздавили не его.

Судя какого-то часовыхъ дѣлъ мастера, Трофимовъ замѣчаетъ:

— Въмѣсто того, чтобы просить о снисхожденіи, вы бы лучше не
ввязывались въ уличный дебошъ. Ваше дѣло *заводитъ* часы, а вы
заводите скандалы, и за это вамъ придется сидѣть. Между тѣмъ для
васъ, какъ ни для кого, *время—деньги*.

На характеристику какого-то свидѣтеля, говорившаго въ пользу
обвинявшагося въ воровствѣ и между прочимъ сказавшаго:

— Это человекъ дѣльный, *проворный*...

Александръ Ивановичъ возразилъ:

— То-то онъ и *проворовался*.

Поваръ богатаго княжескаго дома обвинялъ зеленщика въ про-
дажѣ недоброкачественнаго товара.

— Подсунулъ онъ мнѣ тухлую курицу и, какъ на грѣхъ, загля-
нулъ въ кухню баринъ, увидалъ ее и началъ меня ругать: «Э, такъ
вотъ ты, говоритъ, чѣмъ меня кормишь...» и пригрозилъ меня вы-
гнать.

Трофимовъ съ укоризной говоритъ зеленщику:

— Какъ вамъ не стыдно держать такой товаръ? Вѣдь вы этой
самой *курицей* могли подложить большую *свинью*... Изъ-за васъ чуть
мѣста человекъ не лишился.

Отставной унтеръ-офицеръ жаловался на вдову капитана, что
она, обѣщавъ за него выйти замужъ, въ теченіе цѣлаго года приви-
мала отъ него подарки, а потомъ отказала ему, и поэтому онъ тре-
буетъ возвратить ему всѣ сдѣланныя имъ подношенія.

— Почему же вы ему отказали?—спрашиваетъ Трофимовъ у обви-
няемой.

— Помилуйте,—отвѣчаетъ та жеманья:—имѣть покойнаго мужа
капитаномъ и вдругъ выходить за какого-то унтеръ-офицера...

— А что жъ такое?—перебиваетъ ее судья.—По-моему, *живой*
унтеръ-офицеръ гораздо лучше *мертвого* капитана.

Допрашивая какого-то свидѣтеля, Трофимовъ говоритъ:

— Когда вы пришли къ обвиняемому Петрову, то что онъ дѣлалъ?

— Онъ ничего не могъ дѣлать, г. судья, потому что у него была
рожа.

— Да я васъ не о *красотѣ* спрашиваю, а меня интересуетъ, про-
должалъ ли онъ при васъ фабриковать поддѣльные этикетки.

Передь мировымъ двѣ невзрачныя личности. Одинъ другого обвиняетъ въ оскорбленіи словами.

— А свидѣтели есть?—спрашиваетъ Трофимовъ у истца.

— Никакъ нѣтъ... ругаль онъ меня наединѣ...

— Признаете себя виновнымъ?—обращается судья къ отвѣтчику.

— Нѣтъ...

— Г. судья, не вѣрьте ему! Даю вамъ честное слово, что онъ ругаль меня на чемъ свѣтъ стоитъ.

Александръ Ивановичъ сейчасъ же дѣлаетъ постановленіе:

— Такъ какъ извѣстно, что свѣтъ ни на чемъ не стоитъ, то, слѣдовательно, не было никакой и брани. По недостатку уликъ дѣло считать прекращеннымъ.

Нѣкто, обвиняемый въ уголовномъ проступкѣ, съ раскаяніемъ въ голосъ говорить Трофимову:

— Клянусь честью, г. судья, что въ это подлое дѣло я попалъ противъ воли.

— Охотно вѣрю,—отвѣчаетъ въ тонъ Александръ Ивановичъ,— и при этомъ я убѣжденъ, что вы и въ тюрьму попадете противъ воли.

Какой-то субъектъ обвиняетъ еврея, по фамиліи Каплуна, въ оскорбленіи. Отвѣтчикъ на судъ не явился.

— И сильно онъ васъ обидѣлъ?—спрашиваетъ Трофимовъ.

— Страсть какъ! А самое главное совсѣмъ понапрасну... Ужъ вы его, г. судья, по закону...

— Не безпокойтесь! Этотъ *каплунъ* запоетъ у меня *пѣтухомъ*.

И заочнымъ приговоромъ присудилъ Каплуна къ аресту.

Два купца-сосѣда изъ Мясного рынка, Жуковъ и Чистовъ, сидѣли въ лавкѣ и, пріятельски разговаривая, пили чай. Начавъ о чемъ-то спорить, они повздорили, и въ пылу гнѣва Жуковъ плюнулъ Чистову въ физиономію, а Чистовъ плеснулъ ему въ лицо цѣлый стаканъ горячаго чая. Оба обидѣлись и подали мировому судѣ каждый отдѣльную жалобу, обвиняя другъ друга въ оскорбленіи.

Разобравъ это дѣло, Трофимовъ сдѣлалъ такое постановленіе:

«Принимая во вниманіе, что плевокъ, брошенный человѣку въ физиономію, выражаетъ презрѣніе къ нему и, обезчещивая личность, приноситъ этому человѣку болѣе обиды, чѣмъ если бы опрокинуть на его физиономію цѣлый кипящій самоваръ, и, руководствуясь 119 статьей устава уголовного судопроизводства, опредѣляю: Чистова и Жукова, по взаимности ихъ оскорбленія, считать по суду оправданными».

Разбиралось такое дѣло:

Въ дождливую погоду какой-то господинъ въ фуражкѣ съ кокардой, завидѣвъ на Невскомъ проспектѣ ходившій въ тѣ времена «щапинскій дилижансъ», неистово закричалъ кучеру, правившему этимъ дилижансомъ:

— Стой! Стой!

Стоявшій около тротуара извозчикъ тоже крикнулъ, съ очевидной насмѣшкой:

— Остановись, курятникъ! Прими къ себѣ мокрую курицу.

Чиновникъ обозлился, сталъ бить извозчика палкой и его же привлечь къ суду за оскорбленіе.

Трофимовъ, разбирая это дѣло, спрашиваетъ чиновника:

— Собственно вы за что обидѣлись на извозчика?

— За его фразу: «мокрая курица».

— Но видите ли, — сказалъ судья: — первая половина этой фразы совершенно правильна: тогда былъ проливной дождь, а у васъ въ рукахъ была палка, а не зонтикъ. Слѣдовательно, вы были мокры. За слово «курица» я бы, пожалуй, его наказалъ, но такъ какъ вы дрались на улицѣ совѣтъ не какъ мокрая курица, а какъ разъяренный пѣтухъ, то я его за это наказанію не подвергаю, а васъ штрафую на три рубля за драку въ публичномъ мѣстѣ.

Знаменитому писателю Ф. М. Достоевскому однажды пришлось, въ качествѣ потерпѣвшаго отъ уличнаго буяна, посѣтить камеру Трофимова.

Дѣло было возмутительное. Федоръ Михайловичъ шелъ по Николаевской улицѣ, пробираясь къ себѣ домой, въ Кузнечный переулокъ. Вдругъ подбѣгаетъ къ нему какой-то субъектъ и ударяетъ его сзади по головѣ. Ударъ былъ настолько силенъ, что Достоевскій упалъ и ушибся. Къ мѣсту происшествія подоспѣлъ городской, забралъ въ участокъ драчуна и попросилъ прослѣдовать туда же писателя. Въ участкѣ составили протоколъ, по которому Трофимовъ и разсматривалъ дѣло.

На засѣданіи присутствовалъ и Д. Д. Минаевъ.

Разумѣется, Достоевскій отказался отъ обвиненія и даже просилъ судью совершенно освободить отъ какого бы ни было наказанія своего обидчика, мотивируя свое ходатайство тѣмъ, что привлеченный къ отвѣтственности, вѣроятно, посягнулъ на его личность безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, потому что онъ его, Достоевскаго, совершенно не зналъ и противъ него ничего имѣть не могъ, а дѣйствовалъ лишь подъ вліяніемъ опьянѣнія.

Трофимовъ въ точности выполнилъ желаніе писателя и, прочитавъ свое постановленіе, покинулъ свое судейское мѣсто для того, чтобы проводить знаменитаго романиста до выходныхъ дверей. Прощаясь съ Федоромъ Михайловичемъ, онъ сказалъ:

— Я очень счастливъ, что, хотя по должности мирового судьи, имѣлъ удовольствіе бесѣдовать съ самымъ выдающимся корифеемъ русской литературы.

Выходившій вмѣстѣ съ ними Минаевъ сейчасъ же продекламировалъ экспромтъ:

О, изъ судей столицы Невской
Счастливѣй всѣхъ ты, безъ сомнѣнія,
Коль отъ тебя самъ Достоевскій
Ждалъ справедливаго рѣшенія!

Въ заключеніе нѣсколько біографическихъ свѣдѣній.

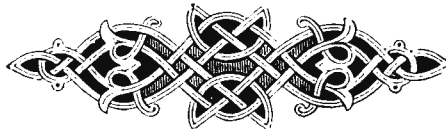
А. И. Трофимовъ родился въ 1818 году. Воспитывался въ Александровскомъ лицѣѣ, окончилъ курсъ въ которомъ въ 1839 году. Нѣкоторое время служилъ въ канцеляріи военнаго министерства, затѣмъ состоялъ при петербургскомъ генераль-губернаторѣ. Съ 1848 по 1868 годъ проживалъ въ Тамбовѣ, вблизи своего имѣнія, и служилъ по выборамъ—совѣстнымъ судьей и мировымъ посредникомъ. Въ 1868 году переѣхалъ снова въ Петербургъ и взялъ на себя обязанности мирового судьи.

Александръ Ивановичъ былъ не чуждъ литературѣ. Нѣсколько рассказовъ его напечатано въ журналахъ того времени и затѣмъ они выпущены были въ двухъ небольшихъ книжкахъ. Написана была имъ же остроумная четырехактная пьеса «Блескъ и трескъ, пыль и гниль», но на сценѣ она представлена не была, и судьба ея неизвѣстна.

Умеръ онъ въ Петербургѣ, въ началѣ 1884 года. Въ день его смерти въ Дворянскомъ собраніи былъ балъ-маскарадъ, на который какой-то шутникъ явился до того удачно загримированный Трофимовымъ, что многіе изъ публики съ нимъ раскланивались, какъ съ оригиналомъ, и даже вступали въ бесѣду. Шутникъ этотъ имѣлъ большой успѣхъ, и на другой день почти рядомъ съ объявленіемъ о смерти почтеннаго и популярнѣйшаго судьи во всѣхъ газетахъ отмѣчалась забавная мистификація маскараднаго героя...

Хоронили Трофимова въ Александро-Невской лаврѣ, и за гробомъ его шла грандіозная толпа народа, а свѣжая могила его была завалена множествомъ вѣнковъ съ трогательными, задушевными надписями.

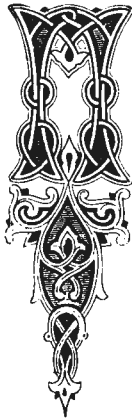
Мих. Шевляковъ.

ПОЭТЪ Н. А. ПАНОВЪ.

I.

ОКОЙНЫЙ поэтъ Николай Андреевичъ Пановъ ¹⁾ тяготился своимъ податнымъ состояніемъ. По паспорту онъ былъ крестьянинъ Самарской губ. «Вотъ прислали паспортъ,—говорилъ онъ однажды:—написано: Николаю Андрееву Панову... Никакого уваженія къ профессиональному занятію!.. Какой-то староста или сотскій считаетъ меня ниже себя или, по крайней мѣрѣ, стоящимъ съ нимъ на равной ногѣ... Дворники принимаютъ за своего брата: лапу протягиваютъ!.. Да и интеллигенція смотритъ какъ-то брезгливо, снисходительно... Хотя и говорятъ, что это предрасудокъ, но съ этимъ предрасудкомъ приходится считаться. Они говорятъ: разъ человѣкъ образованъ—съ метрикой его не справляются. Но это только слова; думаютъ они иначе...

Разъ я въ одной гостиной, которыхъ вообще избѣгаю, слышалъ такой разговоръ между двумя свѣтскими дамами: «N выходитъ замужъ...»—«За кого?»—«За доктора...»—«О, это завидная партія!..»—«Да... но...»—«Что такое?»—«Онъ—изъ крестьянъ!..» брезгливо отвѣтила первая дама. Не говорю уже объ участкѣ: тамъ табель о рангахъ—главнѣе всего!..»

Въ другомъ случаѣ онъ ропталъ на опредѣленіе: «поэтъ изъ народа», которое къ нему примѣняли. «Что такое за обособленіе—

¹⁾ Въ свое время въ «Историческомъ Вѣстникѣ» былъ помѣщенъ некрологъ Панова. Теперь во вторую годовщину смерти поэта уместно будетъ бросить еще разъ взглядъ на эту замѣчательную личность.

«изъ народа?» Точно какая особая, «черная кость!..»—иронизировалъ онъ.—Меня еще причисляютъ къ «самоучкамъ»... Хорошъ самоучка, который побывалъ въ трехъ школахъ, въ томъ числѣ въ реальномъ училищѣ, и давалъ другимъ уроки... Мнѣ кажется, что тутъ огромное недоразумѣніе: самоучка тотъ, кто самъ научился грамотѣ, безъ всякой школы, напримѣръ, Кольцовъ, Дрожжинъ и др. Я скорѣе могу быть сопричисленъ къ числу литераторовъ, обязанныхъ своимъ развитіемъ самообразованію... Вѣкъ живи и вѣкъ учишься!..»

Біографія Н. А. извѣстна; произведенія его получили должную оцѣнку въ печати. Мнѣ хотѣлось бы отмѣтить въ настоящей статьѣ юмористическую черту музы покойнаго поэта, его находчивость и склонность къ экспромтамъ, на которые онъ былъ мастеръ.

Покойникъ былъ нервень и раздражителень. Кого онъ недолюбливалъ—на того онъ сыпалъ градъ ругательствъ и злыхъ эпиграммъ. Но привязывался онъ всей душой и уже ни въ какомъ случаѣ не измѣнялъ этимъ привязанностямъ, какъ бы желая доказать, что онъ не ошибается въ человѣкѣ. Въ дѣйствительности это и было такъ, а не иначе. Смѣхъ его былъ заразителень: такой добродушный, дѣтски-безхитростный смѣхъ трудно и представить! Н. А. близокъ былъ съ поэтомъ Аполлономъ Коринфскимъ, нерѣдко гостилъ у него на дачѣ въ Лѣсномъ; здѣсь въ дружеской бесѣдѣ остроуміе его лилось ручьемъ; онъ былъ душой общества и желаннымъ гостемъ. А. А. Коринфскій имѣлъ хорошія средства, служа въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» и редактируя журналъ «Сѣверъ»; Пановъ жилъ на скудное жалованье, получавшееся имъ въ государственномъ контролѣ, и на ничтожный литературный заработокъ, иной мѣсяцъ ничего ему не дававшей. Коринфскій устраивалъ на дачѣ веселые пиры, на которыхъ Пановъ былъ предсѣдателемъ.

Н. А. много лѣтъ жилъ съ одной особой, волжанкой, преданной ему душой, но примитивной. Его ближайшій начальникъ, другъ и покровитель, извѣстный славянофилъ Аѳ. В. Васильевъ, которому онъ посвятилъ свой романъ въ стихахъ «Владимиръ Волгинъ» и стихотвореніе, узнавъ, что поэтъ «такъ живетъ», сталъ склонять его повѣнчаться, обѣщая все для него сдѣлать, преподнесъ ему художественную икону-копію съ Богоматери Васнецова, съ автографомъ на оборотѣ: «Вѣщему баяну нашихъ дней, Н. А. Панову». Пановъ рѣшилъ этотъ вопросъ въ пользу брака. Была уже назначена свадьба. Вдругъ кто-то пустилъ слухъ, что вступающій въ полкъ женатыхъ поэтъ бросился съ Николаевского моста въ Неву¹⁾. Его стали осаждать друзья и знакомые, выражая радость при видѣ его здоровымъ и невредимымъ. По этому поводу поэтъ изливается въ шутливомъ экспромтѣ:

¹⁾ Такой печальный случай былъ въ дѣйствительности съ однофамильцемъ Панова.

Слухъ о моей внезапной смерти—
 Я будто съ моста въ воду бухъ!—
 Хотя нелѣпный, ложный слухъ,
 Приобрѣтаеть смыслъ, повѣрьте...
 Былое подошло къ концу,
 Что будетъ впереди — не знаю;
 Мнѣ кажется: я умираю...
 Увы... женюсь... женюсь! Къ вѣнцу
 Оплошного—безъ подготовки—
 Меня ведутъ, какъ на веревкѣ
 Ведутъ послушнаго бычка...
 Ахъ, я и задалъ бы стрелка
 Отъ лишней для меня обузы,
 Отъ вѣжной спутницы моей,
 Да поздно: брачныя-то узы
 Сомкнулъ плутишка Гименей.

А. Г. Шиле, на дружескихъ вечерахъ которой онъ появлялся, поэтъ прислалъ такое стихотворное приглашеніе:

Холостая жизнь кончается,
 Жизнь другая начинается..
 Не скажу — къ чему все клонится:
 Можетъ быть, поэтъ хоронится.
 Если такъ, шлю приглашеніе
 На вѣнчанье—погребеніе.

Вѣнчаніе происходило въ церкви гимназій Человѣколюбиваго общества; г. Васильевъ съ супругой были отцомъ и матерью посаженными; обрядъ происходилъ безъ пропусковъ, часа полтора; обѣдъ былъ въ «Маломъ Ярославцѣ». Тамъ же праздновался и 25-лѣтній юбилей литературной дѣятельности Панова. Литераторовъ на юбилей было немного: Л. Е. Оболенскій, А. В. Васильевъ, А. А. Коринфскій, С. Ф. Годлевскій, А. Н. Салыниковъ и др. Л. Е. Оболенскій предложилъ такой спичъ: «У меня есть знакомый простолудинъ, который слово юбилей произноситъ: «любилей», отъ «люби» и «лей». Будемъ любить и лить Панову и пожелаемъ, чтобы онъ писалъ не только для пановъ, но и для хлопцовъ также!..» Юбилляръ отвѣчалъ прочувствованнымъ экспромтомъ, который напечатанъ.

II.

Романъ въ стихахъ «Владимиръ Волгинъ», къ сожалѣнію, страдающій длиннотою, какъ сказано выше, посвященъ г. Васильеву; онъ и нашелъ для него издателя; читалъ о немъ рефераты, какъ о «славянофильскомъ романѣ». Критика обошла романъ молчаніемъ; въ одномъ журналѣ появилась только одна строчка въ отдѣлѣ библиографіи: «Увы! Умчался вѣкъ эпическихъ поэмъ!..» Авторъ, писавшій романъ чуть ли не 10 лѣтъ и придававшій ему значеніе,

быль жестоко огорченъ неуспѣхомъ и произнесъ по этому случаю слѣдующій экспромтъ:

«Умчался вѣкъ эпическихъ поэмъ!..»
 Къ чему сей стихъ — ей-ей, не догадались?..
 Исчезнулъ вкусъ эпическихъ временъ,
 А критики-ослы остались!..

П. И. Пѣвинъ, редакторъ «Уральской Жизни», въ которой Пановъ сотрудничалъ фельетонами изъ петербургской жизни и разсказами, наѣзжалъ изрѣдка въ Петербургъ по дѣламъ. Онъ всегда заходилъ къ пріятелю, Н. А., и они бесѣдовали по душѣ. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ Пѣвинъ медлилъ посѣщеніемъ пріятеля. Пановъ зналъ, что Пѣвинъ въ Петербургѣ, и ждалъ его къ себѣ день-два, но безплодно. Наконецъ идетъ къ пріѣзжему и узнаетъ, что его нѣтъ дома.

— Гдѣ онъ пропадаетъ?—спрашиваетъ Н. А.

— На Пескахъ,—отвѣчала прислуга.

— И вчера на Пескахъ былъ?

— Кажется, да...

— Каждый день на Пескахъ, а въ Прачешный переулокъ не хочеть заглянуть?.. Пустите меня въ его комнату: я оставлю ему записку...

Углубившись на нѣсколько минутъ въ листъ бумаги, онъ написалъ слѣдующій пріятельскій экспромтъ:

Петръ Ивановичъ Пѣвинъ,
 Потребитель разныхъ винъ,
 Преимущественно водки,
 Тешки съ хрѣномъ и следки,
 Почему-то къ намъ неидеть?
 Вѣроятно, сильно пьеть...
 Каждый день — увы и ахъ! —
 Пребываетъ на Пескахъ.
 Ставимъ мы сіе въ вину
 Господину Пѣвину...

Въ тотъ же вечеръ явился Пѣвинъ съ извиненіемъ, и они весело провели время въ ресторафѣ. Тенденція къ алкоголизму все болѣе и болѣе сказывалась въ поэтѣ. На этой почвѣ происходили конфликты на службѣ, которые въ концѣ концовъ разрѣшились потерей мѣста, дававшего опредѣленные 80 рублей въ мѣсяцъ. Хотя «служенье музѣ не терпитъ суеты», но жизнь говоритъ другое. Бѣдствуя матеріально, поэтъ усиливаль недугъ и быстрыми шагами приближался къ развязкѣ. Ничтожный чирій на шеѣ превратился въ злокачественный карбункулъ, приведшій большого на койку въ Александровскую больницу для чернорабочихъ. Операциі не могли...

Пьянство—порокъ, порожденный тяжелой
 Долей живущихъ подъ гнетомъ судьбы...
 Выпилъ, и весель! Но пѣсни веселой
 Все же не слышно: поютъ, какъ рабы.
 Имъ не до пѣсень; имъ нужно забвенье...
 Жизнь не дастъ его, дастъ опьянѣнье.

Въ этихъ стихахъ Панова вылился весь «гнетъ судьбы», подъ дѣйствіемъ котораго онъ находился свой короткій вѣкъ. Онъ умеръ христіаниномъ. Присяжный повѣренный и литераторъ С. Ф. Годлевскій, принимавшій близко къ сердцу судьбу поэта, помогавшій ему на смертномъ одрѣ и раньше, присутствовалъ при кончинѣ поэта. Онъ говоритъ, что такой глубокой вѣры, съ которой отошелъ умирающій въ вѣчность, онъ не видѣлъ никогда. Его поразила эта скорбная обстановка, эти символы спасенья, это цѣплянье умирающаго за края одежды смерти, чтобы хотя еще немного продлить жалкую жизнь... Но смерть безпощадна!..

III

Друзья и почитатели Н. А. задумали соорудить ему памятникъ на могилѣ на Волковомъ кладбищѣ, гдѣ онъ похороненъ на Литераторскихъ мосткахъ. Для этой цѣли былъ устроенъ музыкально-литературный вечеръ въ залѣ кн. Тенишевой. Публики пришло немного. Поэты, какъ на похоронахъ, такъ и на вечерѣ, отсутствовали. М. И. Долина приняла участіе въ вечерѣ. Она открыла его романсомъ Даргомыжскаго: «И скучно, и грустно...» Грустно было видѣть этотъ далеко неполный залъ и отсутствіе «виновника» вечера, который такъ любилъ музыку и обожалъ артистку, выразивъ это обожаніе въ стихотвореніи, поднесенномъ ей на сценѣ. Она приглашала поэта на свои парадные обѣды, снабжала билетами въ оперу и была расположена къ нему. Ей пришлось пѣть и за m-me Фигнеръ, которая пообѣщала, но не пріѣхала на этотъ вечеръ. С. Ф. Годлевскій сказалъ вступительное слово, а артистъ Далматовъ мастерски прочелъ отрывокъ изъ комедіи «Ихъ торжество». Всѣ исполнители имѣли успѣхъ.

Съ вечера получилось прибыли что-то около ста рублей. Несмотря на недостаточность суммы, ровно черезъ годъ, въ день кончины Н. А., 29 августа, послѣдовало освященіе памятника на могилѣ безвременно угасшаго поэта. Памятникъ въ византійскомъ стилѣ. Онъ обязанъ возникновеніемъ стараніямъ А. В. Васильева, присутствовавшего на освященіи монумента. Собралась кучка друзей и знакомыхъ, принесли, по обычаю, цвѣты и разошлись, удовлетворенные отдаченіемъ послѣдняго долга покойнику. Вдова, оставшаяся безъ средствъ, поселилась по близости дорожной могилы, хотя ей приходилось на плечахъ выносить всѣ послѣдствія того «гнета

судьбы», о которомъ говоритъ покойный поэтъ въ своемъ стихотвореніи. Она водворилась временно въ единовѣрческой богадѣльнѣ вмѣстѣ съ любимымъ котомъ мужа «Восторженькой», котораго онъ воспѣлъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній.

Да, незавидна судьба такихъ вдовъ, грустна судьба и покойниковъ, одаренныхъ духовнымъ богатствомъ, которое они выносятъ изъ своей народной среды и расточаютъ эти сырыя богатства на поприщѣ того Молоха, который поглощаетъ столько жертвъ. Гдѣ же средства борьбы съ этимъ недугомъ? Да въ нихъ же самихъ, въ этихъ сильныхъ духомъ выходцахъ изъ нѣдръ народныхъ. Мы не принадлежимъ къ абсолютнымъ отрицателямъ и порицателямъ этого зла, но убѣжденно думаемъ, что это средство заложено въ насъ самихъ, въ тѣхъ тайникахъ души, которые руководятъ нашими дѣйствіями, нашей волей. Мы ничего не проповѣдуемъ, ничего не отрицаемъ, а только констатируемъ фактъ, который заставляетъ задумываться многихъ.

Въ 1899 г. Н. А. оплакивалъ кончину Н. В. Успенскаго въ своихъ звучныхъ стихахъ:

Зналъ онъ жизнь простого нашего народа,
Рисовалъ деревню, быть ея правдиво,
Въ маленькихъ разказахъ русская природа
Имъ изображалась и тепло и живо.
Это — убѣжденный, искренній народникъ,
Чуждый всякой фальши и теорій модныхъ,
Равнодушный къ славѣ и плохой угодникъ
Публики капризной, судей сумасбродныхъ.
Дѣйствуя свободно, какъ художникъ вольный,
По влеченію сердца, лишь ему покорный,
Онъ давалъ намъ типы...

.
Много неудачникъ претерпѣлъ, съ любовью
Къ правдѣ и свободѣ, но въ борьбѣ бесплодной
Палъ, и вотъ предъ нами—трупъ, облитый кровью..
Это нашъ писатель, знавшій быть народный!
Да, съ собой покончилъ онъ самоубійствомъ...
Намъ невинной крови на себѣ не видно;
Мы почтили имя славное витіиствомъ
И теперь спокойны... Стыдно, стыдно, стыдно!

Аналогія съ этимъ писателемъ какъ-то сама собой напрашивается: не даромъ печальный фактъ такъ поразилъ воображеніе поэта!..

К. Максимовъ.

МОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ Н. А. ЛѢСКОВЫМЪ.

ВЪ АВГУСТѢ 1894 г. въ петербургскомъ газетномъ мѣрѣ произошло нѣкоторое маленькое событіе: газету «Русская Жизнь» покинулъ весь составъ редакціи. Ушелъ фактической редакторъ М. Л. Песисъ, фельетонистъ Ф. Ф. Трозинеръ, редакторъ провинціального отдѣла Н. К. Никифоровъ, передовикъ Н. А. Крыловъ и я, нижеподписавшійся, бывший редакторомъ беллетристическаго отдѣла, воскреснымъ фельетонистомъ, провинціальнымъ обозрѣвателемъ и авторомъ маленькихъ злободневныхъ замѣтокъ. Принимая въ соображеніе, что «Русская Жизнь» получила извѣстность въ публикѣ именно при упомянутомъ составѣ сотрудниковъ, нашъ уходъ возбудилъ много слуховъ и разговоровъ. Да онъ и былъ интересенъ— по тѣмъ подробностямъ, которыми сопровождался. Но объ этомъ— въ другой разъ. Въ настоящемъ случаѣ я упомянулъ о катастрофѣ «Русской Жизни» только потому, что она послужила причиной и поводомъ къ моему знакомству съ Н. С. Лѣсковымъ и къ той перепискѣ, которая между нами завязалась.

Началось съ того, что я получилъ отъ Лѣскова слѣдующее письмо, помѣченное шестымъ числомъ сентября 1894 г.:

«Милостивый государь Сергѣй Сергѣевичъ! Я всегда читалъ ваши фельетоны въ «Р. Ж.» и цѣню ихъ доброе и полезное значеніе. Теперь я интересуюсь тѣмъ, гдѣ вы станете писать, и хотѣлъ бы знать: имѣете ли вы готовое мѣсто и не было ли бы пригодно для васъ, если бы я попробовалъ доставить вамъ приглашеніе изъ «Русской Мысли», гдѣ ваше дарованіе и настроеніе нашли бы себя въ удобномъ положеніи? Пожалуйста, не обидьтесь этими моими вопросами,

которые истекають изъ моего сочувствія къ тому, чему служить ваша работа. Прошу васъ отвѣтить.

«Вашъ покорный слуга Николай Лѣсковъ».

Никакого «готоваго мѣста» у меня не было, и гдѣ я буду писать—я этого не зналъ. Отказываясь отъ работы въ «Р. Ж.», я сейчасъ же очутился въ затруднительномъ финансовомъ положеніи, и черезъ недѣлю послѣ ухода изъ «Русской Жизни» долженъ былъ уже закладывать въ ломбарды все, что только можно было заложить. Въ этихъ обстоятельствахъ письмо Лѣскова, конечно, не только не обидѣло меня, но тронуло несказанно. Онъ одинъ, кромѣ сочувствія, предложилъ и нѣчто еще болѣе цѣнное—готовность на самомъ дѣлѣ помочь своему брату-писателю, очутившемуся въ затруднительномъ положеніи. Доброе сердце покойнаго подсказало ему, что словъ тутъ мало.

Въ тотъ же день я отвѣчалъ Лѣскову, и сейчасъ же, отъ 7 сентября, получилъ отъ него второе письмо:

«Вы правы: повидаться и переговорить очень нелишне, тѣмъ болѣе, что я сегодня получилъ письмо изъ Москвы и завтра (8) вечеромъ хочу имъ отвѣтить. Тамъ я и прибавилъ бы то, что придумаемъ. Очень возможно, что изъ этого выйдетъ для васъ что-нибудь пригодное.

«Я бываю дома до 2 съ утра и послѣ 6 час. вечера. Пожалуйста, когда вамъ угодно, но лучше не откладывая, такъ какъ я долженъ писать въ Москву завтра.

«Для журнала, по моему мнѣнію, вы можете исполнять работы очень полезныя; но я боюсь, что въ «Р. М.» не знакомы съ вашими взглядами и способностями, которыя имъ очень къ масти. Имъ надо это рассказать и показать. Однимъ словомъ, въ самомъ дѣлѣ, побывайте ко мнѣ поскорѣе.

«Образъ дѣйствій вашей коллегіи съ Пр—вымъ (изд. «Русской Жизни») я не одобряю. Это молодо и слабо, и ненужно... Очень жаль, что это такъ сдѣлали...

«Искренно вамъ преданный Лѣсковъ».

«Р. S. Такъ какъ вечеромъ кто-нибудь заходитъ, то лучше (если можно) пожалуйста до 2 часовъ 8 сентября».

До двухъ часовъ я быть у Лѣскова не могъ, потому что слишкомъ поздно получилъ его письмо, но въ назначенный день, 8-го сентября, вечеромъ, я пріѣхалъ къ нему въ его квартиру (№ 4) на Фурштатской, въ д. № 50. Подъ воротами направо подъѣздъ велъ прямо къ нему, въ первый этажъ дома.

Оригинальная обстановка его кабинета много разъ была описываема, и мнѣ нѣтъ надобности на ней останавливаться. Да и самъ ея хозяинъ былъ значительно интереснѣе ея. Передъ мной былъ человѣкъ, общественная и литературная эволюція котораго прошла не только въ противорѣчій съ общими законами перемѣнъ окраски,

но и прямо наоборотъ—шиворотъ навыворотъ. Обыкновенно бываетъ такъ: юношескія либеральныя увлеченія, отрезвленіе отъ нихъ и въ концѣ концовъ не только успокоеніе, но и вражда и ненависть къ тѣмъ идеаламъ, которыми былъ живъ когда-то. Лѣсковъ былъ внѣ правилъ. Онъ началъ службой реакціи и естественно и постепенно перешелъ въ лагерь либераловъ и тогдашней пришибленной, само собою, оппозиціи. Кто можетъ предвидѣть шутки судьбы? У насъ изъ политическихъ эмигрантовъ, въ родѣ Кельсіева или Тихомирова, выходили мракобѣсы... И что интересно: наиболѣе талантливыя произведенія Лѣскова принадлежатъ къ послѣднему періоду его литературной дѣятельности. Когда онъ служилъ мертвымъ идеаламъ, его работы производили только литературный скандалъ. Съ поворотомъ его на иную дорогу—расцвѣлъ его талантъ. Его «Мелочи архіерейской жизни» обратили на него серьезное вниманіе и публики, и критики. Его «Ожиданія» составила ему прочное литературное имя, и со времени появленія этого разсказа у насъ не появлялось болѣе яркой характеристики отечественнаго чудотворства. Для тѣхъ годовъ это было очень значительное политическое явленіе. Святошество вмѣсто святости, церковная ложь вмѣсто христіанской правды и суевѣріе вмѣсто истинной правды—вотъ тѣ начала, которыя должны были лечь въ основу качающагося государственнаго строя, чтобы онъ не развалился. Притворная набожность вверху, чтобы укрѣпить вѣру въ божественное предопредѣленіе внизу,—вотъ средство къ укрѣпленію государственныхъ устоевъ. И Лѣсковъ, который являлся столь яркимъ противникомъ 60-хъ годовъ, талантливо, отрецываясь отъ своего прошлаго, высмѣялъ эти тупыя усилія мракобѣсовъ въ своей «Ожиданіи», напечатанной въ «Вѣстникѣ Европы». Онъ не только порвалъ съ своимъ прошлымъ, но и показалъ тутъ, какъ онъ всегда былъ искрененъ и правдивъ. У него была чуткая душа, и Лѣсковъ не страдалъ лживою стыдливостью, чтобы всенародно признаться въ этомъ.

Онъ по этому одному былъ симпатиченъ.

Я у него не засталъ никого, и нашей бесѣдѣ никто не помѣшалъ. Сначала она была чисто дѣловая—о моемъ сотрудничествѣ въ «Русской Мысли». Лѣсковъ, между прочимъ, спросилъ меня, имѣю ли я тему для перваго дебюта въ журналѣ. Я объ этомъ уже думалъ и остановился на приказахъ и обязательныхъ постановленіяхъ петербургскаго градоначальника, предусматривающихъ всѣ мелочи и подробности обывательской жизни и опекающихъ не только общественную, но и частную жизнь. Лѣсковъ отнесся сочувственно къ этому моему намѣренію, но выразилъ опасеніе, сумѣю ли я обойти придирчивость цензуры. Но такъ какъ я въ этомъ отношеніи былъ достаточно обстрѣленнымъ волкомъ, то въ концѣ концовъ мы порѣшили, что я пройду черезъ опасные рифы. Онъ сегодня же хотѣлъ написать обо мнѣ въ Москву, послѣ чего я долженъ былъ ждать приглашенія отъ редакціи.

Затѣмъ разговоръ перешель вообще на литературу и повременную печать. Я рассказывалъ о своей работѣ въ провинціальныхъ газетахъ, которой я отдалъ свои лучшія, молодыя силы, а Лѣсковъ много говорилъ о Л. Н. Толстомъ, котораго былъ искреннимъ почитателемъ. По его словамъ, какъ разъ на дняхъ онъ получилъ отъ него изъ Ясной Поляны радостное, торжествующее письмо. Въ немъ Толстой сообщалъ Лѣскову о томъ, какъ порадовала его дочь, Татьяна Львовна: она доставшуюся ей по раздѣлу землю отдала крестьянамъ. И Лѣсковъ съ восторгомъ отзывался объ этой дѣвушкѣ, неліцемерной послѣдовательницѣ ученія своего отца. Потомъ беседа перешла на скептицизмъ въ обществѣ и литературѣ, и Лѣсковъ, скептическій умъ котораго такъ ярко блещетъ въ его произведеніяхъ, находилъ такое литературное направленіе имѣющимъ и благую цѣль, и благіе результаты. Въ безпросвѣтной мглѣ русскаго существованія скептицизмъ—законное дѣтище дѣйствительности, и если онъ ее раздѣдаетъ кислотой своихъ безотрадныхъ взглядовъ, то дѣлаетъ этимъ доброе дѣло, разрушая то, что и должно быть разрушено. Сообразно особенностямъ своего таланта, пусть каждый писатель высмѣиваетъ, вышучиваетъ, бичуетъ нашъ бытъ, условія нашей жизни и ея опекуновъ,—это не дастъ фальшивому самодовольству забрать въ свои руки наши души. Сегодняшній скептицизмъ завтра переродится въ недовольство, а недовольство—предтеча конституціи... А она одна, по мнѣнію покойнаго, могла бы возродить Россію.

— Не на чиновниковъ же разсчитывать!—сказалъ Лѣсковъ.

Самъ онъ, кстати сказать, былъ тогда членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія.

Тутъ же Лѣсковъ перешель къ книгѣ генерала Риттиха, названія которой я теперь не помню, но которая—это осталось въ моей памяти—была посвящена критикѣ нашей арміи. Само собой, книга стала запретной. Авторъ, за десять лѣтъ до японской войны, предостерегалъ правительство, что армія наша никуда не годится, а особенно—ея офицерскій составъ. Лѣсковъ совѣтовалъ мнѣ написать объ этой книгѣ и обѣщаль ее мнѣ достать.

Я незамѣтно пробылъ у него часовъ до десяти.

19-го сентября Лѣсковъ прислалъ мнѣ нѣсколько строкъ:

«Сейчасъ получилъ благопріятный для васъ отвѣтъ изъ «Русской Мысли». Не потрудитесь ли еще разъ повидаться? На перепискѣ эти дѣла неудобны».

Я былъ у него, и мы рѣшили, что я долженъ подождать письма изъ редакціи лично ко мнѣ, а его все не было. Потому, отъ 28 сентября, Лѣсковъ пишетъ мнѣ:

«Не смущайтесь и не обижайтесь: они всегда таковы въ перепискѣ со всѣми. На томъ ихъ Москва стала. Тема ваша мнѣ продолжаетъ очень нравиться. Книгу генерала Риттиха я для васъ выпросилъ, и мнѣ ее на сихъ дняхъ обѣщали прислать. Ко вторнику она, вѣ-

роятно, и будетъ. На смиреніе себя я всегда соглашаюсь. Очень тяжело быть виновникомъ кары другихъ людей.

«Преданный вамъ Н. Лѣсковъ».

Тутъ требуютъ поясненія двѣ послѣднія фразы.

Рѣчь идетъ о той же книгѣ генерала Риттиха. Какъ я уже упомянулъ, предполагалось, что я напишу о ней, но Лѣсковъ боялся, какъ бы журналъ не постигла кара, въ случаѣ напечатанія статьи. Однако, опасенія покойнаго были напрасны: статья, правда, была написана, но она никогда не была прочитана никѣмъ, кромѣ насъ двоихъ.

Наконецъ я получилъ и давно ожидаемое письмо изъ редакціи «Русской Мысли», отъ г. Гольцева. Онъ меня извѣщалъ, что октябрьская книга журнала у нихъ уже вполне составлена. Чѣмъ раньше я пришлю статью, которая пойдетъ въ ноябрѣ («надѣюсь, что она подойдетъ, а потому и пойдетъ») тѣмъ, конечно, лучше...

А статья у меня уже была готова. Но прежде, чѣмъ отправить ее въ Москву, я, по просьбѣ Лѣскова, прочелъ ее ему, и онъ ее вполне одобрилъ. Нашелъ ее корректно написанной, но въ то же время злой и бьющей въ цѣль. Было нѣсколько рискованныхъ выраженій, но ихъ возможно было исключить.

Однако,—увы!—статья въ «Русской Мысли» не прошла... «къ сожалѣнію редакціи».

И Лѣсковъ, въ своихъ стараніяхъ помочь мнѣ въ моемъ затруднительномъ положеніи, оказался на точкѣ преткновенія. Работы у меня попрежнему никакой не было, съ «Русской Мыслью» вышла эта незадача, еще ничего придумать было нельзя. Я такъ нуждался, что пришлось обратиться къ помощи литературнаго фонда. Писать новую статью для московскаго журнала я не могъ—физически не могъ подъ тѣмъ настроеніемъ, которое получилось послѣ первой неудачи. Посылать статью о книгѣ генерала Риттиха означало лишь безцѣльную трату на почтовые марки. Что тутъ дѣлать?...

Лѣсковъ не могъ примириться съ моей неудачей. Отъ 24 октября 1894 г. онъ мнѣ пишетъ:

«Мнѣ непріятно было узнать, что вы получили изъ Москвы дурное письмо, и я завтра же дѣлаю попытку разъяснить это и васъ извѣщу. Наши редакціи имѣютъ преотвратительную манеру, но таковы онѣ *всѣ* (курсивъ Лѣскова), безъ исключенія, и говорятъ, будто иначе онѣ «не могутъ отвѣчать», потому что мотивы ведутъ къ пререканіямъ и (даже!) къ скандаламъ. Вѣроятно, въ этомъ есть доля истины. Но, конечно, это все-таки противно, и я употреблю всѣ средства, чтобы выяснитъ ваши недоразумѣнія».

Дальше онъ говоритъ:

«Литературный фондъ далъ вамъ очень мало (кажется, сто рублей). Вамъ слѣдовало просить займа, а не пособія. Но это уже кончено. Затрудненія ваши такого свойства, что для устраненія ихъ

нужны не совѣты, а вещественныя средства. Тутъ трудно пособить, особенно сидя дома и почти никого не видя; но у меня на сихъ дняхъ былъ г. Коншинъ изъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» и просилъ меня кое-что сдѣлать; а я ему сказалъ, что ничего обѣщать не могу, но что есть человѣкъ молодой и свободный, который можетъ отлично работать, и указалъ на васъ. Онъ мнѣ сказалъ, что «они» васъ очень желаютъ, но что П. (г. Пропперъ) «боится». Мнѣ думается, что тамъ были бы не прочь приобщить васъ и при этомъ, конечно, устроить ваши дѣла, на что есть масса комбинацій. Можетъ быть, вы можете изъ этого что-нибудь извлечь? Я думаю, напимѣрь, что прямое объясненіе улаживаетъ дѣла подобнаго рода: а вамъ можно бы поработать тамъ, только подъ псевдонимомъ.

«Искренно преданный вамъ Н. Лѣсковъ.

По поводу этого письма мнѣ еще пришлось увидѣться съ Лѣсковымъ. Мы говорили по тому поводу, что мнѣ вовсе не хочется итти къ г. Пропперу, который меня «боится», и комбинировали возможность снова вернуться въ «Русскую Жизнь»: меня опять звали туда. Въ то время я уже понималъ, что въ инициаторѣ редакціоннаго конфликта, М. Л. Песисъ, всего менѣе дѣйствовали общія литературныя этическія требованія, а редакціонныя разногласія онъ лишь взялъ базой, чтобы сохранить свое положеніе; но, тѣмъ не менѣе, разъ принятому рѣшенію я не могъ измѣнить. И на эту тему разговоры у меня съ Лѣсковымъ были очень продолжительны. Онъ признавалъ, что я попалъ въ фальшивое положеніе, но что я правъ въ своей точкѣ зрѣнія. Г. Песисъ былъ не столько журналистъ, сколько дѣлецъ, но тогда еще мы не знали, что М. Л. Песисъ обратится въ зауряднаго гешефтмахера, сыграетъ этакую роль въ компаніи «Надежда», приобрететъ себѣ капиталы и дома... Лѣсковъ утверждалъ меня въ мысли, что, помимо всѣхъ прочихъ соображеній, безъ г. Песиса мнѣ нельзя вернуться въ «Русскую Жизнь» и потому, что онъ—идейный человѣкъ. Что я, порвавъ вмѣстѣ съ другими сотрудниками съ «Русской Жизнью», поступилъ «молодо, слабо и ненужно»—это само собой; но разъ такъ вышло—пусть такъ и будетъ.

Относительно «Биржевыхъ Вѣдомостей» Лѣсковъ меня тоже не убѣдилъ.

На этомъ мое знакомство съ покойнымъ писателемъ и окончилось. Я вскорѣ получилъ приглашеніе отъ «Самарской Газеты» и выѣхалъ туда, чтобы работать вмѣстѣ съ неизвѣстнымъ тогда никому М. Горькимъ. А Лѣскова мнѣ не пришлось больше видѣть: онъ умеръ въ началѣ 1895 г. И случилось такъ: въ этомъ году, вступивъ въ кассу взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, я первый взносъ кассѣ сдѣлалъ за Лѣскова.

С. Гусевъ (Слово-Глаголь).

НОЧЬ ВЪ НОВОМЪ СУЙДУНѢ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ).

СОВЫЙ Суйдунъ, или, по-китайски, крѣпость «Курэ», привлекалъ меня своей таинственностью. Тамъ, говорили мнѣ наши обыватели города Кульджи, идетъ что-то особенное. Туда, говорили мнѣ, наѣхали китайскіе инженеры, кончившіе курсы за границей. Тамъ открывается арсеналь, есть запасы обмундирования и оружія, тамъ живутъ японскіе инструкторы и обучаютъ китайскихъ новобранцевъ по новому уже, европейскому образцу. Тамъ будто бы существуетъ унтеръ-офицерская школа. Вообще этотъ городокъ, близкій къ нашей границѣ, сдѣлался вдругъ очень знаменательнымъ, тогда какъ съ нашей стороны эта часть границы чрезвычайно слаба. Нѣтъ у насъ ни арсеналовъ, ни крѣпостей, ни складовъ оружія, а вся оборона зиждется на мѣстныхъ командахъ и стрѣлковыхъ батальонахъ слабого состава.

Привлекало меня въ Суйдунъ еще и то обстоятельство, что изъ этого города японцы зорко слѣдили за нашей границей. Я даже сначала не вѣрилъ. Какимъ образомъ японцы забрались въ такую глушь и что имъ дѣлать тутъ съ нашей стороны, когда и мы-то всѣ эти уголки знали только по наслышкѣ? Но, ѣдучи по границѣ отъ Чугучака вплоть до выселка Охотничьяго, я непрерывно слышалъ о томъ, что то тутъ, то тамъ видѣли японскаго майора въ военной формѣ, который занимался съемкой нашей границы, осматривалъ съ китайской стороны наши сторожевые посты и особенно

долго провель въ китайскомъ посту противъ Хоргоса, гдѣ идетъ главная наша дорога отъ Кульджи въ Джаркентъ. Рассказывали мнѣ и про другого майора японскаго генеральнаго штаба въ штатскомъ платьѣ, который верхомъ проѣхалъ по нашей границѣ со стороны Чугучака и Кульджи. День онъ ѣздилъ, а ночью писалъ свои замѣтки и записки.

Наконецъ и въ Кольджатѣ наши казаки видѣли четырехъ японцевъ недалеко отъ нашего поста: всѣ они были топографы и дѣлали съемку. Было уже холодно, и китайское правительство поставило для нихъ юрту около самой нашей границы, откуда они и дѣлали свои экскурсіи. Казаки не знали, какъ надо распорядиться, и донесли сотенному командиру, а сотенный командиръ велѣлъ ихъ изловить, когда они снова появятся на нашей землѣ; но, видно, японцы догадались объ этомъ распоряженіи и больше уже не показывались, а скоро и юрта ихъ исчезла съ границы и они откочевали въ крѣпость Курэ.

Всѣ эти рассказы разожгли мое любопытство. Да и, кромѣ того, мнѣ просто захотѣлось посмотрѣть китайскаго солдата въ новой формѣ. Я знакомъ былъ только со знаменными солдатами, но они напоминаютъ скорѣе старыхъ бабъ, чѣмъ солдатъ, и ничего воинственнаго не имѣютъ. А между тѣмъ въ Семирѣчьи я слышалъ, что новый китайскій солдатъ уже не тотъ; что онъ вполнѣ напоминаетъ хорошаго японскаго солдата; что Китай уже не спитъ и не дремлетъ, а упорно работаетъ надъ своими вооруженными силами.

Дорога моя лежала отъ Кульджи на Джаркентъ черезъ Старый Суйдунъ. Новый же Суйдунъ расположенъ въ семи верстахъ отъ Старого, нѣсколько въ сторонѣ. Русскіе ѣздятъ туда, но только съ разрѣшенія нашего консула. Офицеровъ же туда не пускаютъ.

Я рѣшилъ проѣхать черезъ Новый Суйдунъ, какъ будто бы случайно. Ну, просто сбился съ дороги, не видѣлъ сворота и попалъ вмѣсто одного города въ другой. А, ѣдучи по городу, я могъ увидать и японскихъ инструкторовъ, и солдатъ въ новой формѣ, съ новой выправкой, и вотъ, когда мы доѣхали до перекрестка на развѣтвленіи дорогъ, я сказалъ возницѣ: «поѣзжай по лѣвой дорогѣ».

Надо сказать, что китайскіе города окружены высокой стѣной съ большими воротами и ворота бывають открыты только днемъ. При закатѣ солнца ворота запираются, и до слѣдующаго утра никто не можетъ ни войти, ни выйти. Это я зналъ и потому торопился, чтобы намъ засвѣтло пробраться черезъ «Курэ». Но на бѣду накануне прошелъ дождичекъ, дорога была грязная, а, кромѣ того, въ желтыхъ камышахъ вдоль дороги попадается масса фазановъ. На одномъ полѣ мы выгнали ихъ штукъ 80. Поднялась пальба, бѣготня и скачка по камышамъ за убитой дичью, а время шло, и мы немножко запоздали. Но еще было не поздно, и мы смѣло ѣхали впередъ.

На Старый Суйдунъ дороги хуже, онѣ въ рывинахъ, ухабахъ. На новый Суйдунъ дорога лучше; такъ же, какъ въ Манчжуріи, широкая грунтовая, плоская, почва черная, черноземная, слегка болотистая. Попадались дилижансы. Это большія дунганскія телѣги, запряженныя тройкой сытыхъ лошадей. На телѣгѣ изъ большихъ камышевыхъ цыновокъ сдѣланъ верхъ, какъ у телѣгъ нашихъ переселенцевъ, спереди и сзади два козырька для защиты пассажировъ отъ дождя и солнца. Багажъ привязывается сбоку, сверху и сзади веревками; тутъ и столъ, и сундуки, и бочки съ джунджуномъ, и табуреты; внутри сидитъ публика: китайцы, сарты, кашгарлыки и таранчи; возница дунганъ. Лошади убраны краснымъ гарусомъ, и на сбруѣ навѣшена масса ширкунчиковъ, въ видѣ головы дракона, въ пасти котораго болтается шарикъ и заставляетъ ширкунчикъ звенѣть отъ каждаго шага лошади. Дилижансъ идетъ 8 верстъ въ часъ.

Нашъ поѣздъ состоялъ изъ одной повозки, въ которой сидѣли я, штабъ-офицеръ и два ружейныхъ мастера; двое изъ насъ были съ охотничьими ружьями, и насъ сопровождалъ конвой изъ двухъ сибирскихъ казаковъ съ винтовками за плечами.

Намъ необходимо надо было пробраться черезъ Суйдунъ засвѣтло, какъ я говорилъ, потому что, если бы насъ заперли, то положеніе наше было довольно щекотливое, т. т. таково, какъ если бы у насъ въ пограничной крѣпости вдругъ появился англійскій офицеръ съ военнымъ конвоемъ; могло быть какое-нибудь недоразумѣніе. Могли принять и за военнаго шпіона. Но, какъ я говорю, мы твердо рассчитывали проѣхать засвѣтло до закрытія воротъ и, взволнованные фазаньей охотой, ѣхали весело. И вотъ, видимъ, на горизонтѣ протянулся фруктовый садъ, длинный, безконечный, темный отъ опавшихъ уже листьевъ, изъ-за него выглядываютъ высокія мачты китайскихъ кумиренъ, высокіе и тонкіе пирамидальные тополя, и, чѣмъ ближе къ нему мы подъѣзжаемъ, тѣмъ дорога дѣлается интереснѣе. Попадаютъ какія-то зданія съ черепичной крышей. Одиноко бѣлѣетъ широкая и высокая бѣлая стѣна вдоль дороги, это китайское стрѣльбище; шаговъ въ тысячѣ отъ дороги виднѣется бесѣдка, здѣсь во время стрѣльбы сидятъ старшіе начальники. Вотъ кумирня, на дверяхъ и на крышѣ которой хитрые китайскіе узоры. Мы ѣдемъ по таранчинскому кварталу, изъ-за котораго вздымается высокая китайская крѣпость со сторожевыми башнями по угламъ надъ воротами. Подъѣзжаемъ къ крѣпости, видимъ зубчатая стѣны въ родѣ нашего кремля, съ бойницами, впереди оборонительная стѣна, тоже съ бойницами, и небольшой крѣпостной ровъ. Ворота главныя закрыты рондалью, и мы должны были объѣхать съ лѣвой стороны, чтобы попасть на круглый дворикъ, на которомъ расположена китайская гауптвахта; передъ ней пирамида, въ которой поставлены сѣкиры, часового

у фронта нѣтъ, а съ гауптвахты бѣжить къ намъ сторожъ, кричить и машетъ руками, а мы ѣдемъ скоро и не слышимъ, что онъ намъ кричитъ. Мы въѣзжаемъ въ потерну. Стѣны крѣпости толсты, сажень въ восемь. Полотнища воротъ окованы желѣзомъ, съ желѣзными засовами. Дальше мы ѣдемъ по крѣпости. Передъ нами широкая улица, сравнительно опрятная, не то, что въ Кульдждѣ, направо и налево какія-то бѣлыя зданія, это не фанзы—во дворахъ видны тополя, талы и туовыя деревья. Впереди дорогу пересекаетъ какой-то дворъ съ мачтами, какія строятся около кумирень. Но мачты эти грандіознѣе. Передъ дворомъ огромная стѣна, съ нарисованнымъ на ней дракономъ. Этотъ дворъ принадлежитъ старшему начальнику, и есть не что иное, какъ дворецъ самого дзянь-дзюня; во дворъ ведутъ красивыя, прихотливо разукрашенные ворота, внутри чисто и у входа во дворецъ расположено два каменныхъ китайскихъ льва того же типа, какъ передъ квартирой нашего консула въ Кульдждѣ, но большихъ, напоминающихъ скорѣе сфинксовъ, чѣмъ львовъ. Мы объѣзжаемъ вокругъ двора, любимся на невиданный до сихъ поръ нами дворецъ и въѣзжаемъ въ улицу, гдѣ идутъ все лавки и магазины. Это не то, что въ Кульдждѣ. Магазины высокіе, выкрашенные масляной краской, съ золотой хитрой рѣзбой по косякамъ поверху и по бокамъ. Торгуютъ въ нихъ интеллигентные, здоровые, сытые китайцы съ красивыми бѣлыми лицами. Я гляжу вдаль улицы; но не попадаются навстрѣчу ни солдаты, ни офицеры, ни японцы, а только китайцы съ косами.

И вотъ налево роскошный китайскій магазинъ. Я велю остановиться. Мы выѣзжаемъ, идемъ въ магазинъ. Намъ надо что-нибудь купить въ магазинѣ на память о Суйдунѣ. Китайцы встрѣчаютъ насъ и жмутъ намъ руки. Подходятъ какіе-то два толмача, и мы начинаемъ говорить. Я спрашиваю вѣрь, китайскихъ бурханчиковъ, дѣтскихъ игрушекъ, но толмачи хорошо говорятъ по-русски, а не могутъ перевести, что намъ нужно. Отбираемъ нѣсколько предметовъ и покупаемъ. Но я все твержу, что нужны дѣтскія игрушки; китайцы берутъ меня за руку и ведутъ меня въ другую комнату. Я никакъ не ожидалъ, что въ такой лавкѣ такая прекрасная комната, она вся сверху донизу заставлена китайскими фарфоровыми вазами, блюдами, эмальированными горшками съ чудными китайскими узорами. Но мнѣ этого не надо. Мнѣ нужно дѣтскихъ игрушекъ, которыми играютъ китайскія дѣти, чтобы подарить моимъ дѣтямъ, и снова берутъ меня за руку и отворяютъ дверь и ведутъ въ третью комнату. Комната небольшая, освѣщена лампой, по срединѣ столъ, а за нимъ пять китайцевъ, передъ ними ужинъ, бутылки вина. Въ этой комнатѣ этажерка, а на ней опять фарфоровыя вазы съ собаками, съ драконами, опять не то. И меня вновь берутъ за руку, и мы идемъ въ четвертую комнату. Здѣсь огромныя вазы чуть не въ ростъ человѣка. Но я уже теряю надежду

купить хоть что-нибудь и иду къ выходу и застаю тамъ большую тревогу: взбудоражены всѣ китайцы и мои мастера и казаки. Солнце закатилось, и сейчасъ затворятъ крѣпость. Мы слѣшно отдаемъ деньги, насъ насильно почти садятъ въ экипажъ, кладутъ вещи. «Скорѣй, скорѣй! Сейчасъ будутъ бить въ колоколъ, и тогда вы останетесь», и мы мчимся по улицамъ Суйдуна къ выѣзднымъ воротамъ. Но бьетъ колоколъ, и передъ самымъ нашимъ носомъ окованныя ворота смыкаются, и китаецъ-солдатъ запираетъ ихъ большимъ желѣзнымъ замкомъ.

Мы еще не вѣримъ, недоумѣваемъ, просимъ—но ничего не помагаетъ. Сторожъ-солдатъ замкнулъ ворота и спокойно ушелъ въ гауптвахту. Казаки-вѣстовые поворачиваютъ лошадей и недоумѣло на меня смотрятъ. Мастера ждутъ отъ меня рѣшенья, что намъ дѣлать, даже потный коренникъ недоумѣло трясетъ головой и потрясаетъ дугой съ колокольчиками, видя передъ собою запертую дверь.

Я посылаю казака разыскать толмачей. Казакъ скачетъ на базаръ. Проходитъ полчаса, наше положеніе ни на іоту не выяснилось. Наконецъ казакъ возвращается и докладываетъ: толмачей нѣтъ, народъ расходится, и лавки запираются. Я велю повернуть нашъ экипажъ и ѣхать на базаръ, можетъ быть, найдемъ какую-нибудь чайную комнату и переночуемъ до утра. На базарѣ уже темно. Лавки быстро запираются, и китайцы уходятъ домой. Огонь свѣтитъ у одной башни, около которой подъ холщевымъ навѣсомъ продаютъ свѣжіе фрукты. Я иду пѣшкомъ туда, надѣясь найти тамъ толмача. Я говорю кое-какъ—по-французски, по-нѣмецки, по-киргизски, по-русски, но никто меня не понимаетъ.

Я рѣшаюсь на послѣднее средство—ѣхать къ дворцу дзянь-дзюня, у стѣны поставить повозку, выпрячь лошадей и заснуть въ экипажѣ.

И мы ѣдемъ назадъ къ дворцу дзянь-дзюня, но изъ мрака ночи вырисовывается всадникъ, онъ машетъ намъ руками и зоветъ насъ куда-то впередъ.

И я приказываю ѣхать слѣдомъ за нимъ. Мы объѣзжаемъ дворецъ дзянь-дзюня, выѣзжаемъ на продолженіе большой улицы, потомъ ныряемъ куда-то подъ деревьями, ѣдемъ мимо желтыхъ заборовъ по кривой плохонькой улицѣ. Здѣсь дома простые, спрятанные во дворахъ, напоминаютъ обыкновенный сартовскій кишлакъ. Всадникъ все скачетъ впередъ, а мы ѣдемъ за нимъ и оста-навливаемся у рѣшетчатыхъ воротъ.

— Здѣсь живетъ полковникъ Фушанъ,—говоритъ возница.

Я слѣзаю и иду въ ворота; со мной слѣшившіеся казаки. Передъ нами таранчи въ высокой остроконечной шапкѣ-колпакѣ и азиатскомъ халатѣ. Лицо безобразное русое и какъ будто знакомое.

— А, Сережка!—вскрикиваютъ радостно казаки.

Оказывается, сынъ Василя Васильевича Хмыркипа, аборигена Кульджи, который между прочимъ держитъ и трактъ до Кульджи.

И мы радостно обступаемъ Сережку и просимъ его рассказать, зачѣмъ онъ здѣсь.

Онъ пріѣхалъ въ качествѣ ямщика въ Суйдунъ и привезъ начальника кульджинской почтовой конторы Курочкина и помощника начальника почтово-телеграфнаго округа Мусселиуса.

Я познакомился съ тѣмъ и другимъ еще въ Кульджѣ и радъ опять ихъ встрѣтить. Я прошу Сережку узнать у хозяина, не можетъ ли онъ пріютить насъ на ночь у себя въ дѣмѣ.

Но хозяина нѣтъ дома. Онъ ушелъ въ китайскій ресторанъ и съ нимъ и Мусселиусъ и Курочкинъ.

Мы просимъ Сережку съѣздить въ ресторанъ спросить хозяина, нельзя ли у него остановиться почевать.

Сережка вскакиваетъ на лошадь и исчезаетъ въ темнотѣ въ странствѣ.

А мы остаемся во дворѣ ждать отвѣта; отвѣтъ не замедлился.

— Пожалуйте въ ресторанъ, — говоритъ Сережка, возвращаясь. — А вещи ваши будутъ перенесены въ комнаты.

Мы рады, довольны, признательны, ввозимъ тарантасъ во дворъ. Осматриваемъ комнатку, гдѣ должны мы прикорнуть на ночь. Осматриваемъ еще комнату большую для казаковъ. Приказываемъ таскать вещи, и сами идемъ за Сережкой.

Сережка идетъ впередъ. Отъ свѣта глаза ничего не видятъ, все темно, дорога узкая, небо мрачно. Мы черезъ переулочъ выходимъ на большую улицу, по которой мы недавно разъѣзжали. Обходимъ тутъ башню, гдѣ еще недавно торговали китайцы фруктами, и входимъ въ китайскую фанзу, гдѣ горѣлъ огонь. Это китайскій ресторанъ: стоятъ китайцы-повара; направо, налѣво идутъ столы, разставлена посуда. Насъ ведутъ дальше, — большой дворъ четырехугольный, наверху протянута жердочка. Направо, налѣво комнаты, освѣщенные огнемъ, все красиво и въ высшей степени интересно. Мы переходимъ черезъ дворъ, отворяемъ дверь и попадаемъ въ китайскій ресторанъ.

Какая славная большая комната, какая непривычная для меня обстановка! Окна продолговатыя, помѣщены вверху стѣны, на стѣнахъ картины разныя, изображающія аистовъ и прыгающихъ по вѣткамъ сорокъ. Сверху спускается большой китайскій фонарь. Посреди пола стоитъ круглый столъ, покрытый краснымъ сургучнымъ лакомъ, кругомъ его буковая мебель, полы застланы половиками. Но народу нѣтъ.

Провожающій насъ китаецъ ведетъ насъ въ боковой кабинетъ. И навстрѣчу намъ выходитъ самъ радушный нашъ хозяинъ, китайской службы полковникъ Фупанъ.

Онъ высокаго роста, толстъ, съ мѣдно-краснымъ лицомъ манчжурскаго типа. Онъ не молодъ, но маленькіе усы и рѣдкая борода дѣлають его моложавымъ. Несмотря на тучность, онъ подвиженъ и скоръ въ своихъ движеніяхъ.

Одѣтъ онъ по-китайски въ длинную кофту съ широкими рукавами, въ безрукавку, широкія шаровары и башмаки-туфли съ кожаными подошвами, проложенными войлокомъ, бритая голова покрыта китайскою шапочкой, а сзади изъ подъ-шапочки тянется тоненькая косичка, какъ у старой дѣвы.

Онъ радостно жметъ намъ руки, называетъ насъ дорогими гостями, онъ отлично говоритъ по-русски сочнымъ, полнокровнымъ голосомъ. Мы сразу попадаемъ въ большое общество, и Фушанъ насъ тотчасъ же знакомитъ.

Сначала идутъ уже знакомые намъ Курочкинъ и Мусселіусъ. Потомъ Цунъ—полицеймейстеръ города Суйдуна, Лули—начальникъ почтовой конторы—и еще китайскій полковникъ-манжуръ, командиръ роты, своимъ спокойнымъ лицомъ и свѣшивающимися усами напоминаетъ намъ генерала Драгомирова.

— Господа,—говоритъ намъ Фушанъ:—здѣсь тѣсно, а насъ теперь много; пойдете въ большую залу.

Онъ хлопнулъ въ ладоши, громко крикнулъ, явились китайцы-прислужники, живо перенесли посуду на красный сургучный столикъ, разставили стулья, положили черныя палочки, маленькія вилочки. И тотчасъ же въ небольшой кастрюлькѣ явилась ветчина, порѣзанная длинными узенькими полоскамъ, залитая уксусомъ.

Но прежде, чѣмъ закусить, намъ предлагаютъ выпить или коньяку, или рому. Но мы пьемъ мало, зато китайцы пьютъ и то и другое въ большемъ количествѣ. Мѣдно-красный цвѣтъ Фушана объясняется тѣмъ, что онъ уже изрядно выпилъ. Онъ пилъ съ двухъ часовъ дня непрерывно и ромъ и коньякъ—и хоть бы въ одномъ глазу.

Зорко слѣдя за тѣмъ, чтобы мы непременно ѣли, онъ поддерживаетъ разговоръ, торжествуя смѣется надъ нашимъ разговоромъ о томъ, какъ передъ нашимъ носомъ закрыли ворота и какъ мы попали въ Суйдунъ. «Нѣтъ худа безъ добра,—любезно говоритъ онъ:—этотъ случай далъ намъ возможность провести вечеръ въ приятной компаніи и познакомиться съ вами, господа. Пью за ваше здоровье».

Мы чокнулись съ нимъ и съ нашими собесѣдниками и выпили, послѣ чего принялись за ѣду.

Неумѣнье владѣть палочками возбуждало въ китайцахъ веселый смѣхъ. Даже прислуга пришла со двора, стала за нашимъ стуломъ и смѣясь смотрѣла, какъ ветчина сваливалась съ палочекъ и падала опять на тарелку.

Принесли джунъ-джунъ (китайскую водку) въ чашкахъ, и китайцы пили его изъ маленькихъ китайскихъ чашечекъ:

— Скверно пахнетъ,—говорилъ Фушанъ, глотая джунъ-джунъ маленькими глоточками:—но зато очень крѣпкій. Если сегодня выпить—еще завтра пьянъ будешь, только стоитъ выпить воды. Пить его холоднымъ цельзя—противно. Теплый меньше пахнетъ.

Наши собесѣдники-китайцы пили, но не разговаривали—они не знали по-русски. Душой бесѣды былъ Фушанъ. Разговоръ шелъ о партіяхъ, которыя терзаютъ Китай, и о внутреннихъ раздорахъ внутри имперіи. «У насъ нѣтъ единства, нѣтъ политическаго согласія, каждый хочетъ дѣлать по-своему. Но, слава Богу, у насъ теперь начинается все по-хорошему, такъ же, какъ и за границею. Есть свои офицеры, свои инструкторы, свои мастера». Я доволенъ, что разговоръ зашелъ на эту тему, но боюсь много выспрашивать, потому что меня могутъ принять за шпиона, и я невольно отклоняюсь отъ разговора. Мы собственно застали конецъ обѣда, такъ какъ наши собесѣдники начали обѣдъ въ два часа. Но и въ этотъ промежутокъ времени мы успѣли достаточно наѣсться. Подавали варенныя лиліи и засахаренную картошку, жареную ветчину, жареные пельмени. Каждое блюдо заказывалъ Фушанъ, лакей-китаецъ его повторялъ, а китаецъ у дверей оралъ на весь дворъ, ему стѣчали повара въ кухню. Немного погодя отворялась дверь, и на столѣ появлялось требуемое блюдо.

Подъ конецъ пили чай въ русскихъ стаканахъ, въ русскихъ серебряныхъ подстаканникахъ. Во время чаепитія мы перебрались въ другую комнату. На окнахъ цвѣли цвѣты, герани съ кудрявыми листьями, желтая настурція. На столѣ, который напоминаетъ отчасти лакированный комодъ съ выдвигными ящиками съ вырѣзными драконами, стояли чудныя китайскія вазы, а въ маленькихъ вазочкахъ росъ чеснокъ. На стѣнахъ висѣли фотографіи китайцевъ. Меня занималъ камъ—лежанка, покрытая ковромъ, съ табуретками на краю. Онъ топился, и было тепло, и это было очень хорошо, потому что въ большой комнатѣ ресторана было холодно, и мы, не пьющіе, начали было вздрагивать.

Здѣсь, въ этой комнатѣ мы ближе познакомились другъ съ другомъ, и китайцы написали намъ въ записныя книжки по-китайски свои фамиліи, мы же передали визитныя карточки.

Что за нѣжные реверансы продѣлали китайцы, когда мы разставались. Такіе же реверансы откалывалъ и нашъ Фушанъ. Для насъ, грубыхъ людей, было смѣшно смотрѣть на полковника китайской службы, въ плечахъ косая сажень, когда онъ, положивъ руку на колѣно, дѣлалъ реверансъ, какъ добрая институтка.

Когда мы возвращались домой, въ Суйдунѣ было свѣтлѣе, и по улицамъ успѣли зажечь фонари, но фонари занимали только правую сторону дороги. Фушанъ говорилъ намъ, что онъ хлопочеть,

чтобъ Суйдунъ освѣтили электричествомъ. Кромѣ уличныхъ фонарей, дорогу нашу освѣщаль намъ китаецъ съ фонаремъ, который шель впереди насъ. Когда мы воротились домой, Фушанъ позвалъ насъ въ гости къ тому китайскому полковнику, который былъ похожъ на генерала Драгомирова. Китайскій полковникъ жилъ на задахъ Фушана, и мы пошли къ нему черезъ огороды, проломы въ стѣнѣ.

Домъ полковника былъ маленькій, но уютный. Двѣ комнаты перегорожены рѣшетчатой стѣной. Гостиная, въ которую мы вошли, была маленькая, но уютная, и большую часть комнаты занималъ канъ. Были также китайскія картины и фотографіи, столъ-комодъ съ вазами, кругленькій столикъ и этажерка, на которой было много русскихъ и китайскихъ книгъ въ простыхъ черныхъ переплетахъ.

Но въ обстановкѣ ничего не было видно военного.

Намъ подали чай и конфеты на блюдечкахъ, хорошія сигары, папирасы, коньякъ и ромъ.

Главное, однако, для чего звалъ насъ хозяинъ, это былъ большой граммофонъ. И когда мы усѣлись, пришелъ сынъ хозяина, молодой китаецъ съ блѣднымъ лицомъ. Онъ принесъ съ собой нѣсколько ящиковъ съ пластинками, завелъ пружину, и своды китайской фанзы наполнились прекраснымъ хоровымъ пѣніемъ Архангельскаго: «Достойно и праведно есть».

И было что-то волшебное въ нашей обстановкѣ, хотѣлось ущипнуть себя, не сонъ ли это, что мы видимъ. Эта фанза съ китайскими картинами, съ фотографіями, эти манчжурскія фізіономіи нашихъ хозяевъ съ косичками на затылкѣ, китайская рѣшетка, маленькіе китайцы съ косо прорѣзанными глазами, заглядывающіе изъ другой комнаты, и звуки «Достойно», напоминающіе намъ соборъ въ большомъ городѣ. И память нарисовывала золотые иконостасы, хоругви и золотое облаченіе священниковъ, золотые клиросы, и оттуда гармонично и тихо тянутся эти чудные звуки «Достойно», аккордъ теноровъ, дискантовъ и басовъ—и слышна все покрывающая, какъ глубокіе звуки органа,—прекрасная октава.

Пружина щелкнула, и весело полетѣли звуки тоненькихъ голосиковъ «Слався, слався, нашъ русскій царь», и радостно становилось на сердцѣ, и звонили въ колокола, и, казалось, шель народъ по Кремлю въ оперѣ «Жизнь за Царя». А вотъ Галка— «Межъ горами вѣтеръ воетъ и въ лѣсахъ шумить». Я люблю пѣть только эту арію часто у себя дома. И вдругъ мы всѣ расцвѣтаемъ улыбкой— раздаются частушки: «Шель я верхомъ, шель я низомъ, у Мотаньи домъ съ карнизомъ. Шель я скорою походкой, у Мотаньи домъ съ рѣшеткой...» И Фушанъ улыбался. Только не улыбается одинъ хозяинъ нашъ съ лицомъ генерала Драгомирова. Лицо его попрежнему важно, задумчиво, спокойно, онъ куритъ маленькую трубку и весь закутался дымомъ.

— Нѣтъ ли и китайскихъ пѣсенъ?—просили мы сыграть сына нашего хозяина. Таковыя нашлись. Намъ поставили пластинку. И самъ Фушанъ объяснилъ намъ, что сейчасъ заиграютъ плачь китайки на могилѣ своего мужа. Раздался ударъ въ барабанъ и звонъ колокола и какіе-то звуки кларнета. Китайка зажигаетъ свѣчи въ кумирнѣ и молить боговъ о своемъ мужѣ. Раздается высокое, заунывное пѣнье, печальное, но, на нашъ взглядъ, мало мелодичное. Но не то было съ нашими хсэмевами, они впились въ звуки, оба грустно поникли головой; у Фушана глаза совсѣмъ стали масляные, и онъ ушелъ куда-то своей мыслью отъ насъ, онъ ничего не видитъ; и потупилъ взоръ нашъ хозяинъ съ лицомъ генерала Драгомирова.

Вотъ онъ глубже вздохнулъ и затянулся своей трубочкой. Фушанъ какъ бы на минуту очнулся, обвелъ всѣхъ своими потускнѣвшими глазами, выбилъ трубочку о подошву своей туфли и, раскуривъ ее, снова погрузился въ задумчивость, и мы слышимъ вздохи въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ за перегородкою сидитъ жена нашего хозяина, и общая задумчивость нападаетъ на насъ, звуки женскаго голоса дѣлаются все выше и выше, и мы ясно слышимъ въ голосѣ слезы... Темпъ дѣлается тише, тише, и граммофонъ замолкаетъ, и всѣ, и хозяинъ, и Фушанъ какъ бы очнулись, получили возможность двигаться, говорить. Пружина щелкнула, и несутся горластые звуки сартовскаго бачи... тамоша—слышно бьютъ въ бубны, режутъ куркаи (іерихонскія трубы), визжатъ кларнеты, все это знакомо по Туркестану, и къ притолкѣ подходитъ сартъ-кашгарлыкъ — работникъ... Ему по сердцу горластая пѣсня, онъ улыбается, нагнувъ голову и скосилъ глаза на граммофонъ и, кажется, мысленно понукаетъ невидимаго артиста—ну-ка, ну-ка еще...

— А вотъ и вашъ безшабашный казачекъ, господа. Кто гораздъ танцевать?—любезно улыбается Фушанъ, но никто не идетъ танцевать, только у казачьяго мастера дергаетъ правое плечо, да постукиваетъ каблукомъ правая нога.

Играютъ и арію Мефистофеля: «На землѣ весь родъ людской», потомъ русскія пѣсни «Возлѣ рѣчки, возлѣ моста» и «Травушка-муравушка зелененькая», потомъ куплеты «Плачь мужа». Потомъ идетъ повтореніе «Казачка», «Достойно», «Могани» и такъ далѣе, и каждый выбираетъ что-нибудь по своему усмотрѣнію.

Мы выпиваемъ по 10 стакановъ чаю, Фушанъ пьетъ десятую рюмку коньяку, но не пьянѣетъ, въ комнатѣ дѣлается тепло отъ маленькой желѣзной печи, которая, какъ и канъ, непрерывно топится, граммофонъ гудитъ, но уже прежняго вниманія нѣтъ. Пора уже домой, дѣти хозяина дремлютъ, и за перегородкой раздается чей-то несдержанный носовой свистъ.

Мы благодаримъ хозяина за гостепрѣимство и идемъ домой.

Во дворѣ Фушана уже все устроилось. Казаки улеглись на широкой китайской кровати; у нихъ тепло. Лошади размундшту-

чены, но къ корму не пущены—рано. Ячмень и клеверъ подготовлены, но еще не давались.

Въ пріемной комнатѣ, гдѣ мы должны ночевать, жарко, кань и печка натоплены; на столѣ стоитъ лампа и безчисленное множество тарелокъ съ печеньемъ, конфетами, пастилой. Опять появляется графинчикъ съ коньякомъ. И опять хозяинъ проситъ всѣхъ выпить и закусить чѣмъ Богъ послалъ.

Но мы хотимъ спать. Фушанъ приноситъ дѣлую кипу китайскихъ стеганныхъ одѣялъ, разстилаетъ на кань, проситъ ложиться и самъ всѣмъ закутываетъ ноги. Въ своей кофтѣ и широкой синей рубахѣ, съ косой на затылкѣ, онъ напоминаетъ намъ старую няньку, и когда мы улеглись, онъ еще не ушелъ, онъ принесъ фонографъ, вставилъ валикъ и сказалъ, что онъ и товарищи его манчжуры читали одну манчжурскую книгу, и если мы хотимъ прослушать, то онъ намъ воспроизведетъ чтеніе этой книги въ фонографѣ, и онъ завертѣлъ за ручку валика, и мы услышали въ отдаленіи сочный голосъ Фушана, онъ торопясь и захлебываясь читалъ нараспѣвъ, речитативомъ манчжурскую книгу.

И ужъ мы спали, а хозяинъ все вертѣлъ валикъ фонографа, и послѣ хозяина читалъ намъ ту же книгу его товарищъ, потомъ еще другой его товарищъ.

Зато на другой день мы встали гораздо раньше хозяина. А коньякъ и джунъ-джунъ сдѣлали свое дѣло. Мы ужъ уложились и собрались уѣзжать, когда вышелъ хозяинъ, блѣдный, измятый, съ заспанными манчжурскими вышуклыми глазами. Онъ не пустилъ насъ безъ чая, который былъ готовъ и его уже подавали. Мы не могли заплатить китайскому полковнику за гостепрѣимство, попросили разрѣшенія дать награду прислугѣ.

И оба прислуживавшіе намъ китайца, получивъ по рублю, сдѣлали намъ любезно глубокой реверансъ.

Когда мы сѣли въ экипажъ, Фушанъ вышелъ насъ провожать: онъ иронически говорилъ, что жалѣеть, что мы скоро уѣзжаемъ, потому что онъ показалъ бы намъ суйдунскія мастерскія, суйдунскихъ китайскихъ оружейныхъ мастеровъ. Но это была только дипломатія, потому что, если бы онъ только предложилъ осмотрѣть мастерскія, мы съ радостью бы согласились и отсрочили бы свой отъѣздъ до вечера.

И, пожалвъ другъ другу руки, рассыпаясь въ тысячахъ любезностей, мы разстались съ Фушаномъ, въ глубинѣ души оставаясь глубоко благодарными за его радушіе. Не будь Фушана, мы дѣйствительно ночевали бы гдѣ-нибудь у забора суйдунскаго дзянь-дзюня.

Было свѣтло, когда мы ѣхали по Суйдуну, ворота крѣпости были отворены, но ни одного солдата въ новой формѣ, съ новой выправкой такъ и не удалось мнѣ увидѣть въ Суйдунѣ.

В. Сазоновъ.

УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ АРХИВА СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ БЪЛОКРИНИЦКОЙ МИТРОПОЛИИ.

ВЪ ЧИСЛѢ важнѣйшихъ факторовъ современной религіозной жизни русскаго народа, несомнѣнно, является старообрядческая, такъ называемая, австрійская или бѣлокриницкая іерархія. Акты, документы и другія бумаги, относящіяся къ учрежденію этой іерархіи и ея дѣятельности, какъ за границей—въ Австріи, Турціи и Румыніи, такъ и въ Россіи, въ продолженіе первыхъ 20 лѣтъ ея существованія, т. е. съ 1846 года по 1865 годъ,—всѣ эти историческіе документы составили собраніе, до сихъ поръ извѣстное подъ именемъ *архива бѣлокриницкой митрополіи*, или короче—*бѣлокриницкаго архива*.

Архивъ этотъ былъ основанъ нѣсколько раньше фактическаго учрежденія старообрядческой іерархіи. Приступая къ учрежденію іерархіи, старообрядческіе дѣятели, стоявшіе во главѣ Бѣлокриницкаго, находящагося въ Буковинѣ, монастыря, прежде всего должны были упрочить юридическое положеніе самаго монастыря. Несмотря на свое почти 70-лѣтнее существованіе, монастырь не имѣлъ вполне опредѣленныхъ правъ. Документы его были въ безпорядкѣ и большею частью затеряны; то онъ пользовался благоволеніемъ австрійскаго правительства, то подвергался притѣсненіямъ и гоненіямъ, и въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія едва не былъ окончательно закрытъ. Отъ разгрома монастырь былъ спасенъ возникшимъ вопросомъ объ учрежденіи при немъ епископской кафедры для всѣхъ старообрядцевъ, что было на руку Австріи. Высшіе австрійскіе сановники подали старообряд-

памъ совѣтъ укрѣпить положеніе монастыря и прежде всего собрать и привести въ порядокъ всѣ относящіяся къ нему бумаги и документы. Во главѣ этихъ покровителей старообрядчества въ Австріи стояли эрцгерцогъ Людвигъ и тайный совѣтникъ Вайсъ. Старообрядцы совѣтъ исполнили и, не жалѣя ни усилий, ни средствъ, собрали по разнымъ областнымъ и центральнымъ австрійскимъ правительственнымъ учрежденіемъ бумаги и документы, утверждавшіе права Бѣлокриницкаго монастыря, какъ на его существованіе, такъ и на владѣніе разными имуществами—земельными угодьями и т. п., а также и права на свободное исповѣданіе въ Австріи русской старообрядческой вѣры и на свое внутреннее самоуправленіе. По собраніи и по приведеніи въ порядокъ всѣхъ этихъ документовъ монастырь получилъ вполнѣ опредѣленное и юридически узаконенное положеніе, а также и право на учрежденіе при немъ архіерейской кафедръ для старообрядцевъ.

Эти продолжавшіеся въ общемъ около десяти лѣтъ хлопоты по отысканію и собиранію документовъ Бѣлокриницкаго монастыря научили старообрядцевъ бережливо относиться къ подобнаго рода бумагамъ, привести ихъ въ порядокъ и сохранить ихъ. Такимъ образомъ было положено начало бѣлокриницкаго архива. Съ учрежденіемъ іерархіи этотъ архивъ сталъ быстро пополняться новыми документами. Пополненіе это продолжалось 20 лѣтъ первоначальной необыкновенно кипучей дѣятельности бѣлокриницкой іерархіи, т. е. съ 1846 года по 1865 года, когда архивъ былъ украденъ изъ Бѣлокриницкаго монастыря и доставленъ въ Россію. Здѣсь онъ попалъ въ руки нынѣ покойнаго уже профессора, извѣстнаго расколовѣда Н. И. Субботина, который превратилъ его въ свою частную собственность.

Въ бѣлокриницкомъ архивѣ въ моментъ его похищенія изъ митрополіи, т. е. въ мартѣ 1865 года, находились подлинныя акты австрійскаго правительства объ учрежденіи старообрядческой іерархіи и подлинный же подписанный императоромъ Фердинандомъ «Уставъ» Бѣлокриницкаго монастыря-митрополіи, содержащій въ себѣ подробное изложеніе какъ старообрядческаго вѣроученія, такъ и внутренняго самоуправленія монастыря и положенія въ немъ архіерея и ихъ, монастыря и архіерея, отношеній къ заграничнымъ старообрядческимъ общинамъ и къ австрійскому правительству. Здѣсь же имѣлись засвидѣтельствованныя нѣмецкіе переводы подлинныхъ греческихъ бумагъ—личныхъ документовъ митрополита Амвросія, т. е. его ставленной грамоты, свидѣтельства константинопольской патріаршей канцеляріи, что онъ не лишень сана и имѣетъ право священнодѣйствовать, и его формальнаго договора съ уполномоченными представителями Бѣлокриницкаго монастыря. Подлинники этихъ документовъ хранятся въ австрійскомъ государственномъ архивѣ въ Вѣнѣ. Затѣмъ въ бѣлокриницкомъ

архивъ были собраны и приведены въ порядокъ все акты и документы, относящіеся къ первымъ 20-ти годамъ дѣятельности старообрядческой іерархіи, какъ-то: выборные приговоры и ставленные грамоты первыхъ старообрядческихъ архіереевъ и другихъ духовныхъ лицъ, какъ заграничныхъ, такъ и русскихъ; дѣла объ учрежденіи старообрядческихъ епископскихъ каеандръ за границей и въ Россіи; распоряженія и постановленія епископовъ и находящихся при нихъ «епископскихъ совѣтовъ»; дѣла по созыву частныхъ въ то время старообрядческихъ соборовъ и соборныя опредѣленія; многія судебныя дѣла надъ духовными лицами; переписка епархіальныхъ старообрядческихъ епископовъ и другихъ дѣятелей съ бѣлокриницкою митрополіей и между собою, а также и переписка ихъ съ митрополитомъ Амвросіемъ, когда онъ находился въ ссылкѣ, и съ его сыномъ.

Исторія похищенія архива изъ Бѣлой Криницы, а также и судьба этихъ историческихъ документовъ въ Россіи весьма интересна. Установить подробную исторію архива по документальнымъ даннымъ нѣтъ никакой возможности. Но намъ посчастливилось, по сохранившимся устнымъ рассказамъ и по нѣкоторымъ печатнымъ матеріаламъ, составить приблизительный очеркъ удивительнаго странствованія архива изъ Бѣлой Криницы въ Россію, а также и печальной его судьбы у насъ.

I.

Бѣлокриницкій архивъ былъ вывезенъ изъ Бѣлой Криницы въ Россію въ 1865 году.

Въ томъ году присоединились изъ старообрядчества къ православію на правахъ единовѣрія значительнѣйшіе дѣятели бѣлокриницкой митрополіи: епископы—намѣстникъ митрополита Онуфрій браилловскій, Пафнутій коломенскій, Сергій тульскій и Іустинъ тульчинскій; іеромонахъ Іоасафъ; архиліаконъ митрополита Кирилла, его секретарь и хранитель архива Филаретъ; іеродіаконъ митрополита Мельхиседекъ (двоюродный братъ Филарета) и нѣкоторые другія лица, также принадлежавшія къ составу іерархіи. Во главѣ этого движенія къ православію находились Онуфрій, Пафнутій и Филаретъ; остальные названные выше слѣдовали за ними. Мысль о присоединеніи къ церкви созрѣвала долго. Отправляясь въ 1864 году, по порученію митрополита Кирилла, изъ Бѣлой Криницы въ Москву, Онуфрій и Филаретъ имѣли уже твердое намѣреніе принять здѣсь единовѣріе. Это не было секретомъ для Мельхиседека. Свой выѣздъ изъ митрополіи Онуфрій и Филаретъ обставили такъ, что имъ уже не было надобности туда вторично возвращаться. Они забрали съ собой лично имъ принадлежавшія вещи,

книги и документы, включительно до ставленныхъ грамотъ. Мельхиседекъ оставался пока въ Бѣлой Криницѣ, и на него была возложена обязанность захватить съ собой все то, что Онуфрію и Филарету не удалось взять. При этомъ Мельхиседекъ предложилъ Онуфрію никогда ранѣе не обсуждавшійся вопросъ:

— А какъ, владыка, поступить съ архивомъ? Не слѣдуетъ ли всѣ эти бумаги перевезти въ Россію?

Вопросъ этотъ былъ неожиданнымъ для Онуфрія и ему не понравился. Онъ отвѣтилъ рѣзкимъ отказомъ:

— Зачѣмъ намъ чужія бумаги? Мы идемъ къ церкви, ищемъ душу спасти, а не съ чужими документами возиться. Мы монахи и отrekliсь отъ своего, зачѣмъ же мы будемъ брать чужое? Намъ эти бумаги не нужны, а для этого мѣста онѣ необходимы. Своего благословенія на такое дѣло я не даю.

Несмотря на такой рѣзкій отказъ со стороны Онуфрія, Мельхиседекъ сталъ упорствовать. Филарету тоже понравилась мысль о похищеніи архива. Видя такую настойчивость своихъ любимыхъ ближнихъ, Онуфрій уклонился отъ дальнѣйшаго обсуждения вопроса, махнулъ рукой и сказалъ:

— Дѣлайте, какъ хотите.

Молодые, настойчивые, энергичные, жаждавшіе сильныхъ ощущеній, а не смиренія, искавшіе скорѣе молодецкаго удалства, чѣмъ монашескихъ подвиговъ, эти богатыри и тѣломъ и чувствомъ, Филаретъ и Мельхиседекъ, вдвоемъ выработали нехитрый планъ, какъ увести архивъ въ Россію. Не сознаніе цѣлесообразности или необходимости этого исторически рѣдкаго и смѣлаго предпріятія прельстило ихъ, а его исключительность и дерзость; ихъ прельщала самый фактъ подобнаго похищенія. Впослѣдствіи Мельхиседекъ охотно среди друзей рассказывалъ обо всемъ этомъ и нерѣдко свои повѣствованія заключалъ съ бодрою и ядовитою улыбкой:

— Вѣдь вотъ что устроили; теперешнимъ людямъ этого не выдумать и не выполнить.

II.

Осенью 1864 года Онуфрій, Пафнутій и Филаретъ, находясь въ Москвѣ и управляя русскими дѣлами старообрядческой іерархіи, вошли въ сношенія съ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ по вопросу объ ихъ присоединеніи къ православію на правахъ единовѣрія. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ дѣло это держалось въ строжайшемъ секретѣ и было оглашено только въ апрѣлѣ слѣдующаго года.

Все это время переговоровъ о присоединеніи Мельхиседекъ оставался въ Бѣлой Криницѣ. Между нимъ и Филаретомъ заранѣе было условлено, что Мельхиседекъ отправится изъ Бѣлой Криницы только

послѣ того, какъ получить отъ Филарета извѣстіе объ окончательномъ рѣшеніи вопроса. Въ ожиданіи этого рѣшенія Мельхиседекъ не спѣша, на свободѣ, готовился къ отъѣзду, т. е. тайно отъ всѣхъ братій подготавливая къ вывозу огромнаго архива, чтобы удобно и незамѣтно переправить его изъ Бѣлокриницкаго монастыря въ Россію. Прежде всего необходимо было замышляемое хищеніе скрыть отъ митрополита Кирилла. Обстоятельства Мельхиседеку благоприятствовали: такъ какъ въ то время среди старообрядчества происходили раздоры изъ-за окружнаго посланія, и господствовало чрезвычайное напряженіе по устройству іерархическихъ дѣлъ, то Кириллъ часто и на долгое время долженъ былъ отлучаться изъ митрополіи для личнаго посѣщенія отдаленныхъ заграничныхъ и русскихъ старообрядческихъ обществъ. И вотъ въ его отсутствіе Мельхиседеку, который оставался самымъ первымъ лицомъ въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, представилось возможнымъ совершить задуманное злое дѣло, т. е. исхитить архивъ изъ монастыря.

Получивъ въ началѣ марта 1865 года отъ Филарета извѣстіе объ окончательномъ рѣшеніи вопроса о присоединеніи, Мельхиседекъ сталъ выжидать удобнаго случая выбраться изъ Бѣлой Криницы и захватить съ собою архивъ. Онъ долженъ былъ спѣшить: извѣстіе о рѣшеніи виднѣйшихъ въ старообрядчествѣ лицъ принять православіе могло дойти до митрополита Кирилла, и тогда за Мельхиседекомъ былъ бы учрежденъ надзоръ и онъ былъ бы лишень возможности увезти архивъ. Въ концѣ Великаго поста Кириллъ отбылъ изъ Бѣлой Криницы, кажется, къ измаильскимъ или же къ тульчинскимъ старообрядцамъ, гдѣ долженъ былъ пробыть всѣ пасхальные праздники. Этимъ временемъ Мельхиседекъ воспользовался, чтобы тайно оставить Бѣлую Криницу: во время праздниковъ никому не могло прійти на мысль хватиться бумагъ и документовъ митрополіи, т. е. архива, и въ это же самое праздничное время Мельхиседекъ свободно могъ переправиться чрезъ русскую границу и достигнуть совершенно безопасныхъ мѣстъ.

III.

На шестой недѣлѣ Великаго поста, въ ночное время, когда вся монастырская братія покоилась въ глубокомъ снѣ, Мельхиседекъ тайно выѣхалъ изъ Бѣлой Криницы. Монастырскіе стражи не могли его задержать и въ чемъ-нибудь воспрепятствовать ему: они сами и во всемъ были у него въ полномъ подчиненіи. Весь архивъ былъ тщательно уложенъ въ заранѣе приготовленные ящики и, отъ возможной въ долгой дорогѣ подмочки, запакованъ въ парусину и рогожи. Ящики были уложены на пять подводъ. Ямщиковъ Мельхиседекъ набралъ изъ надежныхъ и выносливыхъ людей и щедро

ихъ наградили. Тотчасъ по выѣздѣ изъ монастыря стали избирать окольные, проселочные и, по возможности, самые глухіе пути: необходимо было остерегаться погони изъ монастыря и всякихъ подозрительныхъ встрѣчъ въ дорогѣ, да и къ границѣ требовалось подойти въ такой непроходимой мѣстности, гдѣ можно было бы переправиться, не встрѣчаясь съ сторожевыми постами.

Вмѣстѣ съ Мельхиседекомъ выѣхалъ изъ Бѣлой Криницы и Сергій, имѣвшій санъ епископа тульского, хотя едва ли бывавшій въ городѣ Тулѣ. Родомъ изъ Буковины, онъ постоянно проживалъ въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, былъ истымъ смиреннымъ монахомъ и, кромѣ архіерейскихъ служеній, не принималъ, по своей кротости, никакого серьезнаго участія въ старообрядческихъ іерархическихъ дѣлахъ. Въ 1863 году онъ сопровождалъ митрополита Кирилла въ Россію и тогда же въ Москвѣ былъ возведенъ въ епископскій санъ въ городъ Тулу. За свое иноческое подвижничество и христіанскую любовь ко всѣмъ Сергій пользовался большимъ благоволеніемъ у Кирилла, такъ что послѣдній имѣлъ намѣреніе возвести его въ почетный санъ намѣстника митрополіи, на мѣсто уже отказавшагося отъ этого званія епископа Онуфрія. Но Сергію было извѣстно движеніе въ пользу православія, и онъ этому глубоко сочувствовалъ. По своей природной кротости Сергій не принималъ никакого дѣятельнаго участія въ вывозѣ архива. Едва ли даже онъ сознавалъ, что совершается такая возмутительная кража; всѣ тѣ дни онъ проводилъ въ слезахъ: тяжело было ему разстаться съ любимымъ Бѣлокриницкимъ манастыремъ и съ родными мѣстами, и въ то же время онъ чувствовалъ душевную потребность отойти отъ смуты, происходившихъ тогда въ старообрядчествѣ, тяготился принять на себя бразды епископскаго правленія и скорбѣлъ, не видя никакой возможности уклониться отъ этого, если совѣтъ не разстанется съ старообрядчествомъ; его кроткая душа искала иноческаго мира и свободы отъ всякихъ мірскихъ заботъ и волненій. Во время самаго выѣзда изъ Бѣлой Криницы Сергій не зналъ, на что ему рѣшиться, и горько рыдалъ. Мельхиседекъ чуть ли не насильно усадилъ кроткаго мужа на одинъ изъ возовъ; онъ забиралъ Сергія съ собой, какъ невольнаго свидѣтеля содѣяннаго имъ зла.

Мельхиседекъ избралъ путь не прямо къ русской границѣ, а сначала къ Молдавіи, по направленію къ Яссамъ. Въ этомъ случаѣ приходилось два раза переправляться чрезъ границу; все же это направленіе казалось Мельхиседеку болѣе благонадежнымъ, потому что ближайшая русско-австрійская граница съ обѣихъ сторонъ охранялась значительно сильнѣе, чѣмъ австрійско-румынская пограничная полоса. Кромѣ того, въ Румыніи было легче и удобнѣе скрыться, чѣмъ въ сосѣднихъ русскихъ мѣстностяхъ, нарочно сильно охранявшихся по причинѣ надзора за сношеніями русскихъ старообрядцевъ съ бѣлокриницкою митрополіей. Перебраться же

изъ Яссы прямо въ Россію для Мельхиседека не представлялось особенно труднымъ: этотъ путь имѣлъ множество тайныхъ проходовъ и тропинокъ, которые были хорошо извѣстны только однимъ старообрядцамъ.

IV.

Благополучно добрались Мельхиседекъ и Сергій до румынской границы. При переѣздѣ же чрезъ самую границу встрѣтились весьма серьезныя препятствія. Едва они не наткнулись на австрійскій пограничный разъѣздъ. Пришлось укрываться въ пограничныхъ болотахъ и оврагахъ, заросшихъ кустарникомъ и камышомъ. Весна въ томъ году была запоздалая, и все было залито водой, мѣстами еще лежалъ снѣгъ и ледъ. Съ неимовернымъ трудомъ пробирались они, стараясь держаться какъ можно дальше отъ сторожевыхъ постовъ и пограничныхъ населенныхъ мѣстъ, пользуясь только непроходимыми болотами. При такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ они провели послѣдніе дни Страстной недѣли и должны были встрѣтить Пасху.

Сергій не выдержалъ этихъ мытарствъ. Тѣмъ болѣе загрузилъ и сталъ обливаться слезами кроткій старецъ, когда до завязшаго въ болотѣ обоза донесся откуда-то по близости торжественный колокольный звонъ, возвѣщавшій наступленіе Пасхи. Дольше Сергій не могъ стерпѣть и сталъ упрашивать Мельхиседека, чтобы отпустилъ его. Скрѣпя сердце, Мельхиседекъ согласился на его просьбу. Сергій ушелъ пѣшкомъ и, руководствуясь въ своемъ пути дошедшимъ до него колокольнымъ звономъ, добрался до православнаго храма.

Мельхиседекъ остался одинъ со своими возчиками. Еще три дня пришлось ему скрывать въ топкихъ, залитыхъ водою болотахъ, питаясь лишь черствымъ хлѣбомъ. Для облегченія измученныхъ лошадей и поддержки возовъ въ опасныхъ мѣстахъ нерѣдко приходилось слѣзая съ телѣгъ и идти по колѣна въ водѣ и жидкой грязи. Не разъ нужно было также перегружать застрявшіе возы, чтобы кое-какъ вывезти опорожненные телѣги на болѣе сухое мѣсто. Только въ срединѣ Пасхи имъ наконецъ удалось выбраться изъ пограничной полосы и въ концѣ праздниковъ доѣхать до Яссы.

V.

Въ Яссахъ Мельхиседекъ нашелъ пристанище у тамошняго жителя Павла Попова, отличавшагося религіознымъ легкомысліемъ и имѣвшаго личные счеты съ старообрядческими вождами. При содѣйствіи этого Попова съ большимъ трудомъ и осторожностью архивъ былъ переправленъ чрезъ Прутъ на русскую сторону. Въ надежныхъ секретныхъ мѣстахъ на обоихъ берегахъ рѣки были

устроены для архива временные склады. Въ складѣ на румынской сторонѣ ящики съ бумагами были перевезены постепенно, въ нѣсколько пріемовъ. По пріѣздѣ въ Яссы первые дни Мельхиседекъ былъ боленъ, лежалъ въ постели, и переправною орудовалъ Поповъ. На это время ему удалось достать подрядъ на перевозку нѣсколькихъ возовъ съ мукой и кукурузой. Съ такою кладью онъ заѣзжалъ къ себѣ въ домъ, какъ бы для отдыха или обѣда, и три-четыре ящика съ бумагами укладывалъ на самое дно телѣги подъ мѣшки. Дѣлая большой объѣздъ, Поповъ доставлялъ ящики въ секретный складъ, тщательно охранявшійся преданными людьми. Въ теченіе двухъ или трехъ недѣль весь архивъ былъ перевезенъ въ это мѣсто, и переправа эта не вызвала никакихъ подозрѣній. Отсюда ящики съ бумагами при помощи вѣрныхъ и надежныхъ людей сносились къ самому берегу и по ночамъ переправлялись чрезъ Прутъ и дальше опять на рукахъ переносились въ другой временный складъ на русской сторонѣ.

Пока совершалась эта переправа архива чрезъ Прутъ, составляющій румынско-русскую границу, Мельхиседекъ находился между жизнью и смертью и одиноко лежалъ въ домѣ Попова почти безъ всякаго ухода и надзора. Изъ-за боязни огласить дѣло съ архивомъ Поповъ не рѣшился объявить о своемъ гостѣ мѣстнымъ старообрядцамъ, которые могли бы помочь ему, а также и пригласить доктора. При своемъ сильномъ богатырскомъ организмѣ, Мельхиседекъ безъ всякихъ леченій и ухода перенесъ и тяжкую болѣзнь и нервныя потрясенія отъ всего пережитаго имъ въ болотахъ на австрійско-румынской границѣ. Однако онъ болѣлъ долго и только къ концу мая оправился совсѣмъ и могъ рѣшиться на дальнѣйшее путешествіе.

При погрузкѣ ящиковъ на подводы Мельхиседекъ обнаружилъ, что многихъ недостаетъ. Поповъ призналъ недостачу и схитрилъ, сказавъ, что при переносѣ одной партіи ящиковъ пришлось спастись отъ погони, и онъ доставилъ ихъ въ Кагуль и тамъ скрылъ у одного старообрядца, тяготѣющаго къ церкви. Мельхиседекъ понялъ, что Поповъ просто припряталъ эту часть архива съ злымъ умысломъ, чтобы получить хорошій выкупъ, или чтобы продать старообрядцамъ. Но ничего ему не оставалось, какъ только примириться съ своими подозрѣніями: Поповъ легко могъ присвоить себѣ и весь архивъ и окончательно разстроить все его съ такимъ трудомъ выполняемое предпріятіе.

VI.

Въ Россіи по дорогѣ къ Москвѣ Мельхиседекъ не встрѣтилъ никакихъ серьезныхъ препятствій и спѣшилъ поскорѣе доѣхать. Теперь онъ смущался только тѣмъ, обнаружилось ли похищеніе архива въ Бѣлой Криницѣ и не снаряжена ли за нимъ погоня.

Опасался онъ также и попутныхъ старообрядческихъ селеній: здѣсь могли какъ-нибудь случайно дознаться, что онъ везетъ, задержать его и отобрать.

Въ Кіевѣ, дѣйствительно, съ Мельхиседекомъ едва было не случилась серьезная непріятность. Кто-то изъ старообрядцевъ донесъ, что Мельхиседекъ везетъ важные секретные старообрядческіе документы. По догадкѣ Мельхиседека, это сдѣлалъ Поповъ, спохватившійся, что онъ такъ опрометчиво выпустилъ изъ своихъ рукъ документы исключительной важности, за которые старообрядцы охотно заплатили бы ему очень большія деньги.

Встревоженная полиція готовилась арестовать Мельхиседека, какъ важнаго преступника. По всѣмъ кіевскимъ постоялымъ дворамъ были разсланы сыщики и легко выслѣдили старообрядческаго монаха. Явились жандармы и едва не арестовали Мельхиседека и его возы. Съ большимъ трудомъ получилъ онъ разрѣшеніе отправиться вмѣсто тюрьмы въ консисторію. Здѣсь онъ добился свиданія съ самымъ вліятельнымъ членомъ и виднѣйшимъ изъ кіевскихъ протоіереевъ, объяснилъ ему свое дѣло и просилъ оказать покровительство отъ непріятностей какъ со стороны старообрядцевъ, такъ и полиціи, не только здѣсь въ Кіевѣ, но и на всемъ пути до Москвы. Протоіерей былъ освѣдомленъ о движеніи старообрядцевъ къ православію, принялъ въ Мельхиседекъ участіе, освободилъ его отъ непріятнаго обыска и задержанія полиціей и содѣйствовалъ безпрепятственному его путешествію въ Москву.

VII.

Въ Москву Мельхиседекъ прибылъ въ половинѣ іюня 1865 года. Онъ нашелъ тамъ своихъ—Онуфрія, Пафнутія, Филарета и Іоасафа—уже порвавшими всѣ связи съ старообрядчествомъ и поселившимися въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ они временно проживали около года, до открытія Никольскаго единовѣрческаго монастыря на Преображенскомъ кладбищѣ. Въ Чудовъ монастырь доставленъ былъ и архивъ бѣлокриницкой митрополіи.

Съ этого момента архивъ начинаетъ переходить въ руки профессора Н. И. Субботина. Какъ все это происходило,—можно установить только приблизительно и то съ нѣкоторымъ трудомъ. Изъ свидѣтелей-очевидцевъ и участниковъ этого дѣла въ живыхъ уже давно никого не осталось.

Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ, пожалуй, могли бы имѣть архимандритъ Θεодосій, настоятельствующій нынѣ въ городѣ Дмитровѣ, и старшина московской ремесленной управы И. А. Александровъ. Θεодосій былъ старообрядцемъ и вскорѣ по доставленіи архива въ Чудовъ монастырь принялъ православіе и поселился въ этомъ же монастырѣ вмѣстѣ съ другими бывшими старообрядцами. Алексан-

дровъ въ то время, вѣроятно, уже былъ близокъ къ Н. И. Субботину, или же очень скоро сдѣлался ему близкимъ. Такимъ образомъ, онъ и Θεодосій, полагать надо, знаютъ исторію перехода архива въ руки Н. И. Субботина.

Подробныя свѣдѣнія могъ бы намъ оставить самъ Н. И. Субботинъ, но онъ намѣренно не сдѣлалъ этого. Въ своихъ случайныхъ замѣткахъ объ архивѣ, въ нѣсколькихъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ въ издававшемся имъ «Братскомъ Словѣ» Н. И. Субботинъ даетъ намѣренно искаженные, уклончивыя и сбивчивыя показанія.

Въ очень подробной документальной исторіи присоединенія старообрядческихъ епископовъ къ единовѣрію Н. И. Субботинъ собственно объ архивѣ ограничился лишь однимъ примѣчаніемъ, несмотря на то, что именно здѣсь требовалось даже изложить дѣло объ архивѣ въ самомъ подробномъ видѣ. И это примѣчаніе является наиболѣе полнымъ показаніемъ Н. И. Субботина объ архивѣ. По этому факту можно судить, какъ онъ, обыкновенно весьма щедрый на всякія даже и неважныя воспоминанія о своей дѣятельности, былъ чрезмѣрно скупъ въ разсказахъ объ архивѣ вообще и особенно относительно того, какимъ способомъ онъ получилъ его въ свои руки.

Въ указанномъ примѣчаніи («Брат. Слово» за 1890 г., т. II, стр. 49) Н. И. Субботинъ говорить:

«Мельхиседекъ, при участіи о. Іоасафа и одного изъ заграничныхъ старообрядцевъ, яскаго Павла Попова, вывезъ изъ Бѣлой Криницы и весь архивъ митрополіи. Его *передали въ мое распоряженіе*»¹⁾.

Кто и какъ, на какихъ условіяхъ передалъ этотъ архивъ Н. И. Субботину?

VIII.

Несомнѣнно одно, что митрополить Филаретъ, а слѣдовательно и другія епархіальныя и синодальныя власти никакого участія въ такой передачѣ не принимали. По разсказу Н. И. Субботина въ указанномъ примѣчаніи, онъ сообщилъ объ архивѣ владыкѣ Филарету уже послѣ того, какъ получилъ доступъ къ самому архиву. При этомъ митрополить поручилъ Н. И. Субботину составить опись наиболѣе важныхъ документовъ архива, что вскорѣ онъ и

¹⁾ Объ Іоасафѣ здѣсь Н. И. Субботинъ упомянулъ совершенно неосновательно, вѣроятно, по простой забывчивости: между самымъ событіемъ и данною записью прошло 25 лѣтъ. Іоасафъ не могъ участвовать въ кражѣ архива: онъ не былъ въ то время въ Бѣлой Криницѣ, такъ какъ съ осени 1864 г. до самаго присоединенія безвыѣздно находился въ Москвѣ и, слѣдовательно, здѣсь же проживалъ во время похищенія Мельхиседекомъ архива изъ старообрядческой митрополіи.

исполнилъ, по всей вѣроятности, воспользовавшись реестрами, находившимися въ бумагахъ архива. «Примѣчательное собраніе», сказалъ митрополитъ, прочитавъ эту опись. Этимъ только и ограничилось участіе митрополита въ дѣлѣ объ архивѣ, собственно въ дѣлѣ о переходѣ его къ Н. И. Субботину.

Въ сентябрѣ того же 1865 года въ Москву пріѣхалъ названный выше Поповъ. За свое содѣйствіе Мельхиседеку при переправѣ архива изъ Яссы въ Россію онъ желалъ получить вознагражденіе отъ русскаго церковнаго правительства и съ этою цѣлью письменно обращался къ высокопоставленнымъ лицамъ, въ томъ числѣ къ митрополиту Филарету и къ тогдашнему синодальному оберъ-прокурору графу Д. А. Толстому.

Домогательства Попова вызвали переписку между высшими представителями церковнаго правительства, митрополитомъ Филаретомъ и графомъ Д. А. Толстымъ. Изъ этой переписки легко устанавливается, что оба они вовсе не желали считаться съ дѣломъ объ архивѣ, отрецивались отъ него и не только не передавали его въ распоряженіе Н. И. Субботина, но и во всемъ этомъ дѣлѣ они не принимали никакого участія.

Будучи въ Москвѣ, Поповъ старался распусть слухъ, что «часть бѣлокриницкаго архива *передана* имъ *въ руки* митрополита Филарета». Объ этомъ онъ писалъ и оберъ-прокурору графу Д. А. Толстому. Это нисколько не соотвѣтствовало истинѣ. Филарету не понравилось, что Поповъ вмѣшиваетъ его въ исторію съ архивомъ и выставляетъ его какъ бы соучастникомъ кражи или, по крайней мѣрѣ, укрывателемъ ея. Въ огражденіе себя отъ возможныхъ нареканій, Филаретъ писалъ Д. А. Толстому: «Часть бѣлокриницкихъ рукописей, о которыхъ упоминается въ письмѣ (Попова), значительная по содержанію, дѣйствительно доставлена имъ не мнѣ, а экстраординарному профессору Субботину, и это сдѣлалъ онъ (Поповъ) съ искусствомъ, съ трудомъ и не безъ опасности со стороны раскольниковъ». Филаретъ, очевидно, не вмѣшивался въ дѣло съ архивомъ, онъ только что-то слышалъ объ этомъ и, въ данномъ случаѣ, желалъ обѣлечь Попова, представлявшагося ему главнымъ дѣятелемъ, и самое хищеніе превратить въ благородный трудъ и искусство. Владыка не былъ освѣдомленъ о важнѣйшихъ, существеннѣйшихъ подробностяхъ дѣла. Н. И. Субботинъ, приведя этотъ отзывъ митрополита Филарета, замѣчаетъ: «И тутъ есть нѣкоторая неточность. Поповъ только содѣйствовалъ перенесенію архива (разумѣется, изъ Яссы въ Россію), а въ передачѣ его въ мое распоряженіе никакого участія яе принималъ. Въ Москву онъ пріѣзжалъ послѣ». Это, повидимому, незначительное противорѣчіе имѣетъ весьма важное значеніе для установленія, что отъ митрополита Филарета скрывали обстоятельства хищенія и перевозки архива и что самъ Н. И. Субботинъ даже въ 1890 году, т.-е. 25 лѣтъ спустя, ни словомъ не обмол-

вился относительно того, при какихъ обстоятельствахъ онъ получилъ архивъ въ свое распоряженіе. Онъ только отрекся отъ всякихъ связей въ этомъ дѣлѣ съ Поповымъ и умолчалъ о позорной дѣйствительности.

IX.

Было зазорнымъ даже доложить митрополиту о роли Мельхиседека. При извѣстной всѣмъ строгости и щепетильности Филарета, опасались, какъ бы онъ не обрушился на Мельхиседека своимъ гнѣвомъ. Какъ ни смотрѣть на дѣло, во всякомъ случаѣ была совершена выдающаяся кража, и главный виновникъ поступилъ подъ высокое покровительство самого московскаго святителя. Даже при всемъ своемъ желаніи нанести старообрядческой митрополіи ущербъ, лишивъ ее важнѣйшихъ документовъ, Филаретъ не могъ явиться покровителемъ совершившаго кражу этихъ самыхъ бумагъ. И о кражѣ Мельхиседекомъ архива скрыли отъ митрополита. Впослѣдствіи Мельхиседекъ рассказывалъ:

— Меня хвалили и благодарили, особенно Н. И. Субботинъ: вы сдѣлали такое великое дѣло для церкви, что и говорить объ немъ вслухъ страшно. Молчите, никому ничего не говорите, дѣлайте такъ, какъ будто бы вы ничего не знаете.

Козломъ отпущенія явился Поповъ, человекъ случайный, румынскій подданный, временный пришлецъ въ Москвѣ и не имѣвшій никакого отношенія къ православію. За его дѣйствія церковныя власти не отвѣчали и ни въ какой связи съ нимъ не состояли. Для усиленія этого впечатлѣнія митрополиту было доложено, что дѣло касается только случайнаго собранія старообрядческихъ рукописей, а не цѣлаго систематизированнаго архива.

Не получивъ никакого вознагражденія за соучастіе въ переправѣ архива чрезъ румынско-русскую границу, Поповъ сталъ домогаться, чтобы выкупили у него ту часть архива, которую онъ выкралъ у Мельхиседека. 3-го октября 1865 года онъ писалъ Д. А. Толстому о семи ящикахъ съ бумагами архива, находящихся въ Кагулѣ у нѣкоего Козина¹⁾; вызывался доставить эти ящики въ Москву, если ему будетъ дано вознагражденіе въ сто червонцевъ. Щекотливость положенія усилилась; церковное правительство не рѣшилось войти въ подобную сдѣлку, ибо это означало бы купить завѣдомо краденныя вещи.

Самое пребываніе Попова въ Москвѣ и его предложенія наконецъ надоѣли властямъ. Негласнымъ образомъ ему были даны не-

¹⁾ О судьбѣ и содержаніи этихъ рукописей намъ ничего не извѣстно. Кажется, впослѣдствіи онѣ были выкуплены у Попова частнымъ образомъ и присоединены къ архиву.

большія деньги, чтобы онъ уѣхалъ добровольно, если не хочетъ дожидаться высылки административнымъ порядкомъ. Въ то же время Филаретъ рѣшительно снялъ съ себя всякую отвѣтственность въ дѣлѣ съ архивомъ и отказался отъ дальнѣйшаго обсужденія вопроса. Въ концѣ октября 1865 года онъ категорически написалъ оберъ-прокурору Д. А. Толстому: «О дѣлѣ доставленія сихъ рукописей въ сужденіе не вхожу. Оно сдѣлано предъ присоединеніемъ Онуфрія и прочихъ къ единовѣрью, безъ вѣдома моего».

X.

Такъ правительство церковное въ лицѣ митрополита Филарета отреклось отъ архива; послѣдній для нашихъ церковныхъ властей официально не существовалъ, и эти власти отказались принять какое-либо участіе въ его судьбѣ, а слѣдовательно и въ передачѣ его въ руки Н. И. Субботина.

Несомнѣнно, что такой же точки зрѣнія держалось и наше гражданское правительство. Обнаруживъ кражу архива, митрополитъ Кирилль сразу же догадался, что онъ похищенъ Мельхиседекомъ и, слѣдовательно, увезенъ въ Москву. Немедленно онъ обратился къ австрійскимъ властямъ съ жалобой и ходатайствомъ принять мѣры къ отысканію архива и его возвращенію обратно въ Бѣлую Криницу. Дѣло было доведено до австрійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, и оно возбудило дипломатическую переписку съ русскимъ правительствомъ, настаивая на возвращеніи архива. Русское правительство отвѣтило уклончиво, указавъ на то, что оно пока не имѣетъ никакихъ свѣдѣній по этому дѣлу. По показанію Н. И. Субботина, Австрія, получивъ такой уклончивый отвѣтъ, грозила Россіи даже войной, если бѣлокриницкая митрополия не будетъ удовлетворена, и, несмотря на такое категорическое требованіе, Россія все же отказала. Нѣтъ основаній довѣрять Н. И. Субботину на слово; показаніе это дано ради краснаго словца и выдуманно по чрезмѣрному усердію выставить старообрядчество въ роли политическаго международнаго смутьяна. Какъ бы ни были настойчивы требованія Австріи, до военной угрозы дѣло, конечно, дойти не могло, и, по всей вѣроятности, русское правительство отдѣлалось указаніемъ на то, что никакихъ бумагъ архива оно возвратитъ не можетъ, такъ какъ и само не располагаетъ ими и не знаетъ, гдѣ онѣ находятся, и что все данное дѣло не выходитъ изъ рамокъ обыкновеннаго большого воровства. Переписка эта оборвалась по случаю возникшей войны Австріи съ Пруссіей. Во всякомъ случаѣ, она имѣетъ весьма важное значеніе для точнаго выясненія точки зрѣнія нашего гражданского правительства на дѣло съ архивомъ, но фактическое содержаніе ея намъ совершенно неизвѣстно.

XI.

При нравственной или этической невозможности для нашего правительства, какъ церковнаго, такъ и гражданскаго, вмѣшаться въ дѣло объ архивѣ, послѣдній перешель въ руки профессора Н. И. Субботина. По чьему распоряженію и на какихъ условіяхъ получилъ профессоръ архивъ? На этотъ вопросъ нѣтъ яснаго документальнаго отвѣта. По всей вѣроятности, дѣло произошло такимъ образомъ. Мельхиседекъ, доставивъ архивъ въ Чудовъ монастырь, конечно, сдалъ его своимъ старшимъ; иначе и быть не могло: Онуфрій и Пафнугій попрежнему оставались для него начальниками, которымъ онъ привыкъ повиноваться не только за страхъ, но и за совѣсть, и изъ-подъ власти ихъ онъ никогда не выходилъ, даже и въ послѣдующее время. Онуфрій, Пафнугій и Филареть, получивъ архивъ, не знали, что съ нимъ сдѣлать и куда помѣстить его; для своей будущей православной чисто миссіонерской дѣятельности они въ немъ не нуждались. Огромную важность онъ представлялъ для Н. И. Субботина, для него являлся рѣдкимъ драгоценнымъ кладомъ, какой не часто попадаетъ въ руки ученаго. Благодаря этому архиву, его ученая и политическая дѣятельность изъ малыхъ размѣровъ сразу раздвинулась въ ширь и вдаль. Н. И. Субботинъ для только что присоединившихся къ православію старообрядцевъ былъ единственно близкимъ лицомъ изъ міра ученаго. Естественно, что они безъ всякихъ условій, исключительно лишь на правахъ чести и совѣсти, допустили профессора до ненужнаго для нихъ самихъ архива,—и послѣдній постепенно, папка за папкой, перешель въ его руки. Никакихъ особыхъ распоряженій о передачѣ архива Н. И. Субботину не было, даже и не могло быть; онъ просто перенесъ его къ себѣ на квартиру для временнаго пользованія.

Все это произошло втихомолку, на почвѣ одного лишь дружескаго любія между бывшими старообрядцами и ухаживавшимъ за ними молодымъ профессоромъ. Бывшіе старообрядцы нравственно стѣснялись разсказывать, какимъ путемъ архивъ былъ вывезенъ изъ Бѣлой Криницы, церковныя власти чувствовали зазорнымъ имѣть въ своемъ «правительственномъ вѣдѣніи» этотъ выкраденный документъ. Въ рукахъ профессора архивъ, прежде всего, сохранялся въ «нѣтъхъ», пребывалъ въ «безвѣстномъ» отсутствіи и, во-вторыхъ, къ радости начальства, сдѣлался жесткимъ кнудомъ, которымъ ученый профессоръ хлесталъ старообрядцевъ по спинамъ.

Получивъ архивъ, Н. И. Субботинъ единолично завладѣлъ имъ и никогда, до самой своей смерти, не выпускалъ его изъ своихъ рукъ. Онъ даже никого не допускалъ до его осмотра и постепенно привыкъ смотрѣть на него, какъ на свою неотъемлемую собственность. Однако открыто заявить на архивъ свои права, а также и сознаться въ спо-

собах вывоза его изъ Бѣлой Криницы Н. И. Субботинъ не нашелъ возможнымъ. Въ 1873 году въ предисловіи къ своей докторской диссертациі «Исторія бѣлокриницкой іерархіи» онъ высказался по этому предмету очень двусмысленно: «присоединившіеся къ православію старообрядцы доставили мнѣ возможность получить изъ Бѣлой Криницы всѣ хранившіяся въ монастырѣ бумаги, составлявшія архивъ бѣлокриницкой митрополіи». О роли Мельхиседека здѣсь не было сказано ни одного слова, точно также и вообще о похищеніи архива. Обыкновенному читателю не давалось повода залодозрѣть что-либо недобросовѣстное; онъ могъ думать, что архивъ просто выписанъ былъ изъ Бѣлой Криницы для ученыхъ занятій, или полученъ другимъ путемъ, непременно честнымъ и никакъ не воровскимъ. Черезъ 27 лѣтъ послѣ этого Н. И. Субботинъ сказалъ, какъ мы уже видѣли: «его (архивъ) передали въ мое распоряженіе». По первому показанію, архивъ былъ полученъ Н. И. Субботиннымъ частнымъ образомъ отъ нѣсколькихъ бывшихъ старообрядцевъ или отъ цѣлаго общества ихъ; по другому— онъ получилъ его какъ будто бы по официальному распоряженію. Нѣсколько позже, въ 1901 году, онъ далъ третье, болѣе откровенное и правдивое показаніе: «Въ 1865 году поступилъ въ мое распоряженіе архивъ бѣлокриницкаго монастыря, вывезенный изъ-за границы однимъ изъ бывшихъ иноковъ этого монастыря, присоединившимся къ православной церкви» («Матеріалы для исторіи австрійской или бѣлокриницкой іерархіи»). Къ этому показанію оставалось добавить очень немногое: вывезенъ тѣмъ-то и тайнымъ, воровскимъ путемъ. Понимаемъ, что это признаніе было бы цинично, и ученый профессоръ опуститься до этого, конечно, не могъ.

Какъ бы то ни было, но архивъ съ 1865 года находился въ исключительномъ распоряженіи Н. И. Субботина, и онъ могъ дѣлать съ нимъ, что хотѣлъ. По условіямъ тогдашней русской политической жизни старообрядцы не имѣли никакой возможности вытребовать его; власти не интересовались архивомъ и имъ не могло прійти въ голову помѣстить его въ надежное официальное учрежденіе, гдѣ бы онъ могъ сохраняться въ цѣлости. Только въ 1894—96 гг. между высшими церковными властями происходила секретная переписка по вопросу объ истребованіи архива отъ Н. И. Субботина для помѣщенія его или въ Хлудовской, или въ московской синодальной бібліотекѣ. Вопросъ этотъ былъ поднятъ единовѣрческимъ священникомъ на московскомъ Преображенскомъ кладбищѣ В. П. Орловымъ, указывавшимъ, что Н. И. Субботинъ не имѣетъ на архивъ никакихъ правъ, незаконнымъ образомъ присвоилъ его и неизвѣстно, честно ли пользуется имъ, или же фальсифицируетъ. К. П. Побѣдоносцевъ склонялся къ мысли о принудительномъ отобраніи архива отъ Н. И. Субботина. Московскій митрополитъ Сергій явился горячимъ за-

щитникомъ профессора, съ которымъ онъ дружилъ. Дѣло объ архивѣ заглохло; успокоились увѣреніями Н. И. Субботина, что архивъ исполнѣ цѣль, и его обѣщаніемъ, что онъ помѣститъ его въ Хлудовскую бібліотеку.

XII.

Послѣ смерти Н. И. Субботина архивъ поступилъ въ московское миссіонерское братство св. Петра митрополита. Не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, былъ ли архивъ завѣщанъ Н. И. Субботинымъ братству официально и получило ли братство оный по судебному утвержденію такого завѣщанія, или же эта передача архива братству была сдѣлана самимъ Н. И. Субботинымъ частнымъ образомъ, съ согласія митрополита московскаго?

Во всякомъ случаѣ, въ настоящее время архивъ находится въ распоряженіи братства и хранится въ братской бібліотекѣ секретнымъ образомъ, такъ что никакого доступа къ нему нѣтъ. Въ 1906 г. совѣтъ братства назначилъ особую комиссію, изъ числа своихъ членовъ: священника И. В. Полянскаго, священника С. Д. Муретова и преподавателя семинаріи Д. А. Некрасова,—для разбора и описанія архива («Брат. Сл.», № 13 за 1908 годъ).

Секретность храненія архива вызывается сомнѣніями, имѣеть ли братство право на владѣніе имъ.

Непосредственно послѣ смерти Н. И. Субботина архивъ былъ скрытъ, такъ что нельзя было получить никакихъ справокъ о судьбѣ его. Только приблизительно чрезъ полтора года послѣ его смерти архивъ былъ помѣщенъ въ братскую бібліотеку, а три короба съ бумагами были доставлены сюда и еще позже, осенью 1908 года. Эти тайныя переноски и храненіе архива показываютъ, что братству нежелательно выпустить его изъ своихъ рукъ и въ то же время оно не можетъ предъявить на владѣніе имъ законнаго права. По всей вѣроятности, Н. И. Субботинъ не рѣшился завѣщать архивъ братству официально порядкомъ, а сдѣлалъ это лишь домашнимъ образомъ: онъ самъ не имѣлъ правъ на владѣніе архивомъ и не могъ кому-либо официально завѣщать его, такъ какъ онъ получилъ его только для временнаго пользованія.

Въ виду всѣхъ указанныхъ выше обстоятельствъ возникаетъ весьма серьезный практическій вопросъ о правѣ на владѣніе архивомъ. Профессоръ Н. И. Субботинъ не имѣлъ такого права. Долготнее пребываніе архива у него на квартирѣ не могло превратиться въ право собственности: слишкомъ ясно, что онъ удерживалъ архивъ у себя, какъ узурпаторъ, безконтрольно распоряжавшійся дѣятельностью и личной судьбой бывшихъ старообрядцевъ и ихъ постояннымъ мѣстопробываніемъ, Никольскимъ единовѣрческимъ монасты-

ремь; это съ одной стороны; съ другой — въ данномъ случаѣ на профессора необходимо смотрѣть, какъ просто на архиваріуса, которому случайно было поручено храненіе архива. Кромѣ того, весьма сомнительно, чтобы архивъ, въ виду его выдающагося церковно-государственнаго значенія, могъ быть чьею-либо частною собственностью.

Несомнѣнно, что архивъ являлся и является полною собственностью бѣлокриницкой митрополіи.

Исторію похищенія архива изъ Бѣлой Криницы мы изложили. Изъ старообрядчества уходили главнѣйшіе дѣятели его іерархіи, и они простодушно воображали, что за ними послѣдуютъ и остальные въ подавляющемъ большинствѣ. Такимъ образомъ, гибель всей митрополіи представлялась имъ неизбежною. Это побудило Мельхиседека вывезти архивъ изъ Бѣлой Криницы, а прочихъ въ Москвѣ принять его. Несомнѣнно, что братство, состоявшее изъ епископовъ Онуфрія, Пафнутія, Сергія, а затѣмъ и Іустина и другихъ лицъ, имѣло на архивъ права; оно даже могло потребовать его отъ самого митрополита Кирилла, въ виду тогдашняго крайне печальнаго положенія старообрядческой іерархіи; при нѣкоторыхъ, болѣе обостренныхъ обстоятельствахъ, это братство легко могло захватить и весь Бѣлокриницкій монастырь и получить отъ австрійскаго правительства права главенствовать въ старообрядческой митрополіи. На этомъ основаніи, по доставленіи архива въ Москву, онъ такъ или иначе становился собственностью братства бывшихъ старообрядцевъ, точнѣе—того монастыря, куда они поступили на постоянное жительство, или который специально для нихъ былъ учрежденъ, т. е. въ собственность московскаго Никольскаго единовѣрческаго монастыря.

Кромѣ бѣлокриницкой митрополіи, которая имѣетъ на архивъ первое право, другимъ собственникомъ его можно еще признать названный выше Никольскій монастырь, конечно, подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, по которому архивъ признается общимъ церковно-государственнымъ достояніемъ. Принадлежность архива Никольскому монастырю фактически свидѣтельствуется тѣмъ, что главнѣйшіе его документы, какъ-то «Уставъ бѣлокриницкой митрополіи» и ея «Правительственные акты», уже давно положены были на храненіе въ этотъ монастырь и вошли въ составъ Хлудовской бібліотеки («акты», впрочемъ, исчезли, и, кажется, еще при архимандритѣ Павлѣ Прусскомъ; эта пропажа была извѣстна Павлу; подозрѣвался профессоръ Н. И. Субботинъ, но возвратить похищенное не было никакой возможности).

Судить о цѣлости и сохранности архива никакихъ данныхъ не имѣется, точно также должно сказать и объ ученой честности профессора Н. И. Субботина въ пользованіи этимъ архивомъ. То и другое подлежитъ тщательной провѣркѣ, особенно въ виду слуховъ, что

многіе важные и компрометирующіе нашу миссію документы профессоромъ уничтожены.

По справедливости, архивъ теперь же административнымъ распоряженіемъ долженъ быть помѣщенъ въ московскомъ Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ, въ Хлудовской библіотекѣ. Въ цѣляхъ научной истины, архивъ долженъ быть доступенъ для ученыхъ занятій. Если такимъ образомъ въ дальнѣйшемъ подтвердятся ученое достоинство и добросовѣтность профессора Н. И. Субботина,—тѣмъ лучше для его памяти; если же откроются его ненамѣренные и умысленные ученые промахи,—тѣмъ лучше, чѣмъ скорѣе и точнѣе они будутъ исправлены; если же окажется, что нѣкоторые или многіе документы уничтожены, то необходимо возстановить ихъ, или по крайней мѣрѣ опредѣлить ихъ содержаніе. Всего этого требуетъ наука, и это крайне необходимо въ цѣляхъ установленія совершенно справедливыхъ отношеній между православіемъ и старообрядческою іерархіей.

С. К.

ДРЕВНОСТИ ХИВЫ И АМУ-ДАРЬИНСКАГО ОТДѢЛА.

ЭТА СТРАНА, болѣе счастливой въ отношеніи сохраненія памятниковъ старины, свидѣтелей былого величія и славы воинскихъ подвиговъ ея прежнихъ обитателей, какъ Хива и Аму-Дарьинскій отдѣлъ. Развѣ пепель и лава Везувія, сохранившіе Геркуланумъ и Помпею до нашихъ временъ, могутъ конкурировать въ этомъ отношеніи съ безводной, желтой пустыней, отдѣляющей Хиву отъ остального міра. Какъ подъ стекляннымъ колпакомъ сохраняются древности Хивы, никто ихъ не трогаетъ, никто ихъ не знаетъ и не интересуется ими.

Какъ добраться до Хивы? Лѣтомъ съ марта по октябрь ходитъ одинъ пароходъ аму-дарьинской флотиліи два раза въ мѣсяць. Послѣ октября мѣсяца и это сообщеніе прекращается, и до столицы Аму-Дарьинскаго отдѣла, города Петро-Александровска, а по туземному Дюртъ-Гуля (четыре цвѣтка), можно добраться только верхомъ или на верблюдахъ. Верблюды идутъ двѣ версты въ часъ, запряженные цугомъ въ огромную крытую телѣгу, и везутъ васъ отъ Чарджуя до Петро-Александровска 8 или 10 сутокъ. До станціи Кабаклы тянется бухарская территорія, дальше уже идетъ Хива.

Въ настоящее время Хива очень мирная страна: производитъ въ большомъ количествѣ хлопокъ и торгуетъ съ Москвой, не слышно въ ней ни о разбояхъ, ни о грабежахъ; но прошлое Хивы, несомнѣнно, очень воинственно. Всѣ памятники старины—это развалины крѣпостей, покрывающія почти всю Хиву и Аму-Дарьинскій от-

дѣль. Крѣпости эти очень древни, никто не знаетъ, къ какой эпохѣ онѣ относятся, когда и кѣмъ построены, по каждая имѣетъ свое названіе и свою легенду, которую всегда твердо и единообразно расскажутъ вамъ окрестные жители.

На пятый день пути отъ Чарджуядо Петро-Александровска у станціи Дарганъ-Ота, что значить—отецъ каючниковъ или лодочниковъ (каюкъ это огромная, сдѣланная изъ толстыхъ брусевъ лодка; лодки эти ходятъ по Аму-Дарѣ съ грузомъ и пассажирами, успѣшно конкурируя съ пароходомъ аму-дарьинской флотиліи, а хозяинъ такой лодки называется дарга), на невысокомъ холмѣ стоитъ крѣпость, издали кажущаяся развалинами большого города. Называется она Ауліа-Бава-Кола, стоитъ въ верстѣ отъ Аму-Дарьи; изъ нея на далекое разстояніе видна величавая рѣка и въ этомъ мѣстѣ—зеленый лѣвый берегъ ея, покрытый тугаемъ (лѣсомъ). Внутри крѣпости постройки изъ жженого и сырцевого кирпича громаднхъ размѣровъ. Хозяинъ станціи Дарганъ-Ота рассказалъ мнѣ, что онъ не знаетъ, кто и когда построилъ крѣпость эту, извѣстно только ему, что въ крѣпости зарыто много золота и что ханъ хивинскій приказалъ никого въ нее не допускать, хотя какіе-то иностранцы и просили разрѣшенія его произвести раскопки.

Верстахъ въ пятидесяти стъ Ауліа-Бава, внизъ по теченію Аму-Дарьи и на ея берегу возвышается на горѣ другая крѣпость Дая-Хатынь-Кола, жженого же кирпича, гораздо меньше размѣромъ Ауліа-Бава, съ бастіонами по угламъ. У самой крѣпости притаилась и станція. Сторожъ станціи хивинецъ рассказалъ легенду Колы (крѣпости). Дая-Хатынь въ переводѣ: Дая—имя, Хатынь—женщина или жена. Крѣпость существуетъ 700 лѣтъ. Исторія ея довольно странная. Бухарскому эмиру Абдуллѣ измѣнила его жена Дая. Она была женщина строгая, жестокая и третировала Абдуллу съ своими поклонниками, въ то же время распорядясь въ Бухарѣ, какъ полная хозяйка. Абдулла не вынесъ позора и гнета жены, тайно убѣжалъ въ хивинскіе предѣлы и здѣсь, на берегу Аму-Дарьи, началъ поснѣшно строить себѣ крѣпость, не жалѣя денегъ на рабочихъ, платилъ каждому рабочему по золотой тиллѣ въ день. Но не долго скрывался въ своей колѣ Абдулла. Дая узнала о его мѣсто-пребываніи, пришла къ крѣпости съ войскомъ, осадила ее и взяла приступомъ, Абдулла при этомъ былъ убитъ; крѣпость съ тѣхъ поръ и называется именемъ этой жестокой правительницы Бухары—Дая-Хатынь. Кирпичи, изъ которыхъ сложена крѣпость, огромны, — $\frac{3}{4}$ аршина длины, $\frac{1}{2}$ аршина ширины и $2\frac{1}{2}$ вершка толщины.

Правый берегъ Аму-Дарьи принадлежитъ не Хивѣ, а Россіи—это Аму-Дарьинскій отдѣлъ съ гсродомъ Петро-Александровскомъ. Названіе свое городъ получилъ потому, что попытка завоеванія Хивы сдѣлана была при Петрѣ, когда былъ убитъ посланный въ Хиву съ небольшимъ отрядомъ генералъ Бековичъ, а окончатель-

ное завоеваніе совершилось при Александрѣ Второмъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1908 года городъ Петро-Александровскъ праздновалъ тридцатипятилѣтіе своего существованія. Итакъ, только тридцать пять лѣтъ, до этого же времени Хива была недоступна для европейцевъ вовсе. Петро-Александровскъ — административный центръ Аму-Дарьинскаго отдѣла, части Хивы, принадлежащей Россіи. Населеніе—чиновники, батальонъ солдатъ и небольшое количество уральцевъ, сосланныхъ лѣтъ 30 тому назадъ съ Урала, всего, кромѣ войскъ, населеніе Петро-Александровска человекъ 400—500 обоюга пола. Есть коммерсанты, занимающіеся скучкой хлопка и клевернаго сѣмени. Большинство коммерческихъ конторъ находится въ городѣ Ургенчъ на хивинской территоріи. Въ общемъ населеніе, — чиновники, съ одной стороны, и коммерсанты съ другой, — погружено въ свои профессиональные интересы, и окружающая страна не интересуется ихъ. Въ Петро-Александровскѣ меня поразило обиліе старинныхъ монетъ, продающихся на базарѣ мѣдникамъ (самоварчи) на пуды. Я сталъ спрашивать, откуда эти монеты достаютъ и почему ихъ такъ много. Оказалось, что послѣ завоеванія Хивы въ рукахъ русскихъ осталось большое количество незаселенныхъ земель и необработанныхъ. Обрабатывать ихъ было невозможно, потому что земля не была орошена. Тогда стали проводить арыки отъ Аму-Дарьи, и земли постепенно орошались. Земли эти «партау» раздавались туземцамъ небольшими кусками до десяти танавовъ каждому (танавъ— $\frac{3}{4}$ десятины). Особенно много оказалось партауной земли въ Сарабійской волости, близъ старинной крѣпости, называемой теперь Гульдурсунъ-Кола. Земледѣльцы-сарты при вскапываніи земли вокругъ крѣпости, находили массу мѣдныхъ, серебряныхъ и золотыхъ монетъ, разныхъ украшеній, драгоценныхъ камней и даже, мнѣ говорили, изображеній какихъ-то божковъ. Старыя мѣдныя монеты продавались на пудъ мѣдникамъ для переплавки, также точно серебряныя и золотыя монеты переплавлялись. Были, впрочемъ, нѣкоторые любители изъ русскихъ, успѣвшіе собрать большое количество монетъ. Интересовался хивинской стариной и собралъ много монетъ, на примѣръ, бывшій начальникъ отдѣла генералъ Галкинъ—въ настоящее время губернаторъ Самаркандской области. Мнѣ лично удалось собрать до 300 монетъ, все изъ той же мѣстности въ окрестности Гульдурсунъ-Колы. Удивительно, что монеты были разныхъ эпохъ и разныхъ народовъ, на примѣръ, монета Септимія Севера; на одной сторонѣ изображеніе этого римскаго императора, на другой—изображеніе богини Астарты. Монета эта финикійскаго города Ботрисъ. Затѣмъ монетъ базилевса Ефтидема Второго, царя Бактріи, монета базилевса Эаіоклевса Дикаіу. Послѣднія монеты вычеканены изъ смѣси мѣди и серебра, съ одной стороны имѣютъ изображеніе упомянутыхъ базилевсовъ, а съ другой—воина въ плащѣ, съ копьемъ въ

одной рукѣ и щитомъ въ другой. Самое большое количество монетъ находятъ здѣсь времянь Дарія Гистаспа и Кира. На монетахъ изображены разные персидскіе цари въ разнообразныхъ головныхъ уборахъ, на другой сторонѣ этихъ монетъ имѣется изображеніе воина на конѣ съ натянутымъ лукомъ, какъ бы готоваго пустить стрѣлу. И все это возлѣ той же крѣпости. Не указываетъ ли это на безконечную древность этой колы? На то, что въ этомъ пустынномъ нынѣ мѣстѣ, только начинающемъ заселяться, кипѣла когда-то жизнь, что много народовъ древности здѣсь жило, много эпохъ и династій персидскихъ они пережили, что здѣсь бывали греки и, быть можетъ, и Ксенофонтъ со своими 10-ю тысячами грековъ проходилъ здѣсь, бывали и финикійцы—эти англичане древняго міра, всюду проникавшіе со своими товарами.

Вмѣстѣ съ приватъ-доцентомъ петербургскаго университета С., пріѣхавшимъ въ Хиву для изученія тюркскихъ нарѣчій, я отправился осмотрѣть эту крѣпость. Поѣхали верхомъ. Крѣпость находится всего въ 30 верстахъ отъ Петро-Александровска. Остановились мы у волостного правителя Садыкъ-Бая. Поужинавъ традиціоннымъ пловомъ, мы послѣ того, какъ у мечети мулла высокимъ теноромъ прокричалъ намазъ-хуптанъ, отправились спать на «такыръ», это то же, что у насъ называется «токъ», гдѣ молотятъ пшеницу. Я не поэтъ, но окружающая обстановка неволью вызывала въ моемъ воображеніи фантастическія картины. Небо, какъ и всегда въ Туркестанѣ, было удивительно чистое, темно-темно-синее. Луна ярко свѣтила. Кругомъ песчаная пустыня, безъ признаковъ человѣческаго жилья, кромѣ «хань» (дома) волостного управленія и мечети. Издали виднѣлись развалины Гульдурсуня, принимавшія какіе-то огромные размѣры и фантастическія очертанія. На такырѣ свободно гулялъ вѣтеръ и относилъ сонмъ комаровъ, можно было спать безъ пеше-хана—кисейной будки, которую ставятъ на ночь надъ постелью даже самые бѣдные хивинцы, иначе комары страшно искусаютъ. Къ намъ подсѣлъ Садыкъ-Бай и по нашей просьбѣ разсказалъ исторію Гульдурсунь-Колы. «Не знаю, правда или нѣтъ, но старики разсказываютъ, что крѣпость эту построилъ персидскій шахъ Хасанъ и вотъ по какому случаю. Однажды Хасанъ охотился въ степи на жирановъ съ соколами и встрѣтилъ дѣвушку, красавицу-еврейку, звали ее Зурія, а другіе называютъ Малійке. Зурія бѣжала отъ своего отца. Хасанъ взялъ къ себѣ дѣвушку и хотѣлъ на ней жениться, но она раньше поставила условіемъ, чтобы Хасанъ построилъ крѣпость. Шахъ исполнилъ ея желаніе и соорудилъ крѣпость, а посреди крѣпости воздвигъ въ честь своей молодой жены колонну, которую называли Гуль-Ситунъ, что значитъ—столбъ въ цвѣтахъ; отъ этой колонны получила свое названіе и крѣпость; это названіе со временемъ передѣлали въ Гульдурсунъ, но это не-

правильное названіе», добавилъ рассказчикъ. Крѣпость сначала разрушили калмыки, сдѣлавшіе нападеніе на эту страну. Послѣ нихъ край оправился, но не надолго: вскорѣ появился новый завоеватель, Чингизъ-Ханъ; послѣ него край опустѣлъ, все обратилось въ пустыню, и такъ до сихъ поръ. Крѣпость Большой Гульдурсунъ, или, правильнѣе, Гуль-Ситунъ, стоитъ на невысокой искусственной насыпи или горѣ. Площадь, занимаемая крѣпостью, равняется 100 квадратнымъ саженьямъ. Крѣпость имѣетъ тройную стѣну. Съ каждой стороны крѣпости имѣется по три башни—двѣ по угламъ, а одна по срединѣ стѣны. Построена изъ жженого кирпича огромныхъ размѣровъ. Внутри площадь крѣпости засытана пескомъ, поднимающимся барханами почти до верхушекъ стѣнъ. Входъ въ крѣпость съ востока, по бокамъ входа двѣ сторожевыя башни. Стѣны и башни (капониры) имѣютъ бойницы, псзволяющія обстрѣливать непріятеля вдоль стѣнъ. Въ полуверстѣ отъ крѣпости сохранились остатки стѣнъ, довольно высокихъ, съ орнаментами, быть можетъ, какихъ-нибудь общественныхъ зданій или мечетей.

Въ двухъ верстахъ отъ большой крѣпости находится малая крѣпость, называемая Малый Гуль-Ситунъ. Устроена такъ же, какъ и большая, но меньше площадью. Внутри она также занесена пескомъ.

Съ противоположной стороны стоитъ маленькая крѣпость Ташъ-Кола, что значитъ—каменная крѣпость. Въ промежуткахъ между этими крѣпостями вездѣ видны остатки какихъ-то зданій, отъ которыхъ сохранились лишь высокія стѣны, но цѣлаго эти зданія уже не представляютъ; осталось по одной или по двѣ стѣны. Одна такая стѣна обратила на себя наше вниманіе; она была украшена орнаментами; до вершины отъ самаго низа въ стѣнѣ были выдолблены правильными рядами ячейки, какія-то углубленія полудушной формы, размѣромъ въ основаніи не больше четверти аршина. За чѣмъ сдѣланы эти углубленія, какую роль они играли,—никто изъ самыхъ старыхъ аборигеновъ не могъ объяснить этого: «теперь такихъ ямочекъ въ стѣнахъ никто не дѣлаетъ, а зачѣмъ онѣ—не знаемъ», говорили они.

Несомнѣнно, что здѣсь когда-то была цвѣтущая страна, густо населенная, расцвѣтавшая подъ охраной этихъ крѣпостей, но теперь все обратилось въ развалины, кругомъ песчаная пустыня, и только вѣтеръ дѣлаетъ свое благородное дѣло, покрывая песчанымъ саваномъ дряхлыхъ, разрушающихся свидѣтелей сѣдой старины, какъ бы желая сохранить ихъ такимъ образомъ отъ полнаго разрушенія. Самые старые старики изъ сосѣднихъ селеній не знаютъ ничего о крѣпости, кромѣ рассказанной легенды, и какъ будетъ жаль, если эта старина не будетъ изслѣдована, изучена; если жившіе здѣсь люди страдали, боролись, создавали какую-то культуру

напрасно, и потомки ничего не воспримутъ отъ нихъ и даже не узнаютъ, кто они были...

Верстахъ въ тридцати къ сѣверу отъ Гуль-Ситуня въ горахъ находится крѣпость Кизиль-Кола. Она еще больше Гуль-Ситуня. Близъ нея также находятъ монеты въ большомъ количествѣ, попадающія затѣмъ къ самоварчи и переплавляемыя ими на такіе полезные предметы, какъ самовары и котлы, кольца и браслеты.

Въ настоящее время, какъ я уже говорилъ, русское правитель-ство раздастъ вокругъ этихъ крѣпостей свободныя земли (партау) туземцамъ; земли эти орошаются проведеннымъ изъ Аму-Дарьи арыкомъ, и въ недалекомъ разстояніи отъ крѣпостей появились маленькія земельныя усадьбы: глиняныя съ плоской крышей ма-занки, вдоль по арыку тополя, а поле засѣяно хлопкомъ, который даетъ здѣсь такой хорошій барышъ, и клеверомъ. Пройдетъ еще не-много времени, и найдутся, можетъ быть, охотники и на занятіе пло-щади подъ крѣпостями и сроятъ ихъ. Есть, впрочемъ, въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ памятники старины, которые не боятся ни времени, ни меркантильнаго духа современной дѣйствительности, по крайней мѣрѣ отъ послѣдняго они совершенно гарантированы, а «времени полетъ» ихъ сокрушить не скоро. Такой памятникъ я видѣлъ, проѣзжая изъ Петро-Александровска въ Чимбай. Здѣсь отъ Біи-Базара дорога сначала идетъ по каменистому грунту, а затѣмъ, ближе къ селенію Назаръ-Ханъ, переходитъ въ совершенную пустыню, желтую песчаную степь безъ единой травинки. Ни одного живого существа не видно въ этой пустынѣ, ни птицы, ни звѣря. И вотъ въ сторонѣ отъ дороги, такъ верстахъ въ двухъ, я увидѣлъ совершенно правильную конусообразную гору, а на вершинѣ ея какъ бы круглую шапку. Я поразился и спросилъ, что это тамъ на горѣ, кто тамъ живетъ, домъ, что ли, какой, и вотъ мнѣ объяснили, что это Челпыкъ-Кола (Челпыкъ—крѣпость). Такъ какъ я торо-пился на слѣдствіе въ Назаръ-Ханъ, то, несмотря на весь интересъ, осмотрѣть эту крѣпость не удалось, проѣхалъ мимо, а въ Назаръ-Ханѣ спросилъ стариковъ объ этой Челпыкъ-Колѣ и мнѣ раз-сказали слѣдующее. Былъ когда-то Челпыкъ, богатырь, великанъ и силачъ. Занимался онъ разбоями и грабежами, и никто не могъ ни пройти, ни проѣхать мимо этой крѣпости въ плодородную и бога-тую Чимбайскую долину, чтобы не заплатить дани Челпыку. Съ высоты своего кургана онъ издали уже видѣлъ путниковъ и кара-ваны и бралъ съ нихъ, что хотѣлъ. Каюками по Аму-Дарьѣ тоже не могли безопасно проѣхать мимо Челпыкъ-Колы, потому что и рѣка ему была видна на огромное пространство. Награбленные сокровища хранилъ Челпыкъ въ глубокихъ колодцахъ, прорытыхъ отъ вершины горы въ глубину; и теперь эти колодцы есть, да боятся въ нихъ спускаться, потому что они находятся подъ охраной шай-

тана. И Назарь-Ханъ, управлявшій нѣкогда этой мѣстностью (отъ его имени произошло и названіе селенія), боялся Челпыка и платилъ ему дань.

Пріѣхавъ въ Чимбай, я познакомился тамъ съ киргизомъ-учителемъ русско-туземной школы, кончившимъ ташкентскую учительскую семинарію. Онъ подтвердилъ мнѣ рассказанную мнѣ исторію Челпыкъ-Колы, говорилъ, что лазилъ на гору и видѣлъ колодцы, но спуститься туда побоялся, при чемъ сказалъ, что у него были и древнія большія серебряныя монеты, найденныя на Челпыкъ-Колѣ. Я страшно обрадовался и просилъ учителя продать ихъ мнѣ или хоть показать, но оказалось, что онъ ихъ отвезъ въ Петро-Александровскъ и отдалъ золотыхъ дѣлъ мастеру, чтобы тотъ, переливъ ихъ, сдѣлалъ ему цѣпочку и кольцо.

Возвращаясь изъ Чимбая, я взобрался на Челпыкъ-Колу. Гора очень высокая и крутая, изъ стѣнъ глядѣли на меня бойницы, какъ глаза покойника; а когда-то въ нихъ глядѣли бородатыя лица воиновъ, вооруженныхъ луками. Взобравшись въ крѣпость, я поразился необъятностью и красотою открывающагося съ нея вида. Съ одной стороны—желтая песчаная пустыня, по которой извивалась дорога изъ одного богатаго района—Бій-Базарской волости—въ другой—Чимбайскую волость, а съ другой стороны видна была Аму-Дарья на необъятное пространство. Сама крѣпость очень маленькая. Площадь 100 квадратныхъ аршинъ. Стѣна въ двѣ сажени толщиной, сложенная изъ громадныхъ сырцовыхъ кирпичей, правильнымъ кругомъ обвивала вершину горы, почему издали казалась шапкой на горѣ. Въ стѣнахъ кругомъ бойницы. По срединѣ этого маленькаго укрѣпленія, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ лежитъ огромный черный камень-плита, на которой, какъ объяснялъ проводникъ-хивинецъ, ночью раскладывался костеръ. Внутри крѣпости, близъ стѣнъ имѣются какія-то ямы, уходящія въ глубину къ подошвѣ горы,—это и есть тѣ колодцы, въ которыхъ, по преданію, хранились сокровища. Чтобы спуститься въ нихъ, нужны приспособленія, и я ограничился только тѣмъ, что смотрѣлъ въ ихъ зіяющую тьму. Величина колы указывала, что въ ней могло помѣститься не больше 20 человекъ. Крѣпость, какъ я уже сказалъ, окружала пустыня, пески которой не могли служить почвой для земледѣльческой культуры; очевидно, что обитатели колы могли жить только разбоемъ или приношеніями и данью ближайшихъ населенныхъ мѣсть. Я хотѣлъ въѣхать въ колу верхомъ, но гора была такъ крута, что пришлось лошадей оставить у подошвы ея. Пришлось взбираться на гору чуть не ползкомъ. Былъ ли Челпыкъ хивинскимъ Соловьемъ-разбойникомъ, что налеталъ на проѣзжихъ злымъ коршуномъ, или то была крѣпостца, игравшая роль сторожевого поста для чимбайскаго населенія, неизвѣстно. Трудно пред-

положить, чтобы разбойникъ могъ выстроить такую прекрасную и недоступную крѣпость, хотя, съ другой стороны, нельзя не вѣрить и легендѣ, называющей Челпыка великаномъ-разбойникомъ,— въ ней нѣтъ ничего сложнаго, чтобы допустить извращеніе или фантазію. Много еще крѣпостей и старинныхъ памятниковъ въ Хивѣ; я не успѣлъ осмотрѣть и самой малой доли ихъ. Одни, какъ Челпыкъ-Кола, долго еще уцѣлѣютъ, другіе уничтожатся, и жаль, искренно жаль, что наши ученые археологи эту страну руинъ оставляютъ безъ своего просвѣщеннаго вниманія.

А. М. Герасимовскій.

КРАМОЛА, РЕАКЦІЯ И ТЕРРОРЪ.

(Историческіе очерки).

V. Мобилизація революціонныхъ силъ за границей.

I.

МЕЧАЕВСКАЯ авантюра, хотя и связана въ своемъ генезисѣ съ каракозовской исторіей, но по своимъ послѣдствіямъ не явилась источникомъ, изъ котораго послѣдующее развитіе революціоннаго движенія взяло свои питательные соки. Несомнѣнно, Нечаевъ содѣйствовалъ революціонизированію той учащейся молодежи, съ которой приходилъ въ соприкосновеніе, онъ же первый дѣлалъ попытки правильной постановки конспираціоннаго дѣла, а главнымъ образомъ сыгралъ роль того звена, которое связывало отечественныя силы, пришедшія въ революціонное броженіе, съ представителями старшаго революціоннаго лагеря, обрѣтавшася за границей. Бакунинъ въ значительной степени подъ давленіемъ Нечаева и первоначальнымъ очарованіемъ отъ его энергіи вошелъ въ непосредственныя сношенія съ столичною молодежью и бросилъ ей въ своемъ обращеніи къ ней тѣ кличи, на которые она немного спустя такъ страстно и чутко отозвалась. Въ этомъ отношеніи Нечаевъ сыгралъ рѣшающую роль, но личная его дѣятельность, его широкіе планы и система

шарлатанскихъ дѣйствій не оказали на развитие революціонныхъ теченій ожидаемаго вліянія, вслѣдствіе чего его имя и дѣятельность остаются въ исторіи русской революціи обособленными, какъ бы отдѣльною самостоятельною главою безъ ожидаемаго вслѣдъ за симъ продолженія.

Извѣстное обращеніе Бакунина къ молодежи, напечатанное въ № 1 «Народнаго Дѣла», а также статья «Нѣсколько словъ къ молодымъ братьямъ въ Россіи», которыя мы въ своемъ мѣстѣ приводили ¹⁾ и въ которыхъ установлено положеніе, что учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ надлежитъ бросить эти заведенія и слѣдуетъ итти «въ народъ», послужили тою отправною точкою, изъ которой вытекло послѣдующее движеніе, къ описанію котораго мы и приступаемъ въ настоящихъ частяхъ. Этотъ призывъ итти «въ народъ» былъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ впервые высказанъ Герценомъ въ «Колоколѣ», но при иной постановкѣ вопроса и при иныхъ обстоятельствахъ. Издатель «Колокола» рекомендовалъ молодежи, напротивъ, всѣми мѣрами держаться ученыхъ занятій и лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда она волею начальства отказывается выставленною за порогъ учебнаго заведенія, отдавать себя практическому служенію народнымъ интересамъ, «итти въ народъ, къ народу». Въ остальныхъ же своихъ обращеніяхъ къ молодежи онъ уговаривалъ ее беречь себя, терпѣть всѣми силами, дабы въ будущемъ, во всеоружіи научнаго знанія и житейскаго опыта, явиться на арену политической борьбы и общественной дѣятельности. Совершенно обратно старшему представителю династіи «Колокола» училъ младшій ея членъ: онъ немедленно рекомендовалъ рвать съ наукою и цѣликомъ посвятить себя борьбѣ съ существующимъ строемъ во имя туманныхъ перспективъ грядущаго социальнаго будущаго народа. Эта проповѣдь была острѣе, попадала скорѣе въ больныя мѣста, въ ноющія раны, почему и была болѣе чутко услышана и воспринята. Ученіе Бакунина было болѣе легкое, болѣе эффектное, болѣе возбуждающее нервы и страсти. А тутъ еще на достаточно уже подготовленную почву пало сѣмя новаго ученія, раздавшагося изъ глубины дальней и глухой ссылки, ученія, на которомъ огненными заглавными буквами были написаны слова объ отдачѣ долга народу. Мы разумѣемъ «Историческія письма» П. Л. Лаврова (Миртова), напечатанныя въ «Недѣлѣ» (1868—1869), вышедшія вслѣдъ за симъ отдѣльнымъ изданіемъ и сыгравшія въ народническомъ движеніи семидесятихъ годовъ громадную роль. По словамъ біографа Лаврова Н. С. Русанова ³⁾, «Письма Миртова»—это небольшое сравнительно произведеніе—имѣли, какъ

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1909 г., май.

²⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1908 г., июль.

³⁾ Н. С. Русановъ «Соціалисты Запада и Россіи».

«истор. вѣстн.», сентябрь, 1909 г., т. схшц.

известно, успѣхъ поразительный и, слѣдуетъ прибавить, неожиданный какъ для самого Петра Лавровича, такъ и для нѣкоторыхъ очень компетентныхъ судей. Интересно, что такой сильный и тонкій умъ, какимъ былъ Н. К. Михайловскій, игравшій въ то время важную роль въ редакціи «Недѣли», прочитавъ первыя письма, находилъ ихъ черезчуръ сухими для большинства публики и даже задавался вопросомъ, стоитъ ли поощрять ихъ дальнѣйшее появленіе. И только болѣе чуткая оцѣнка ихъ покойнаго Е. И. Конради, участвовавшая также въ редакціи газеты, воспрепятствовала ихъ прекращенію. Между тѣмъ можно смѣло сказать, что «Историческія письма» скоро сдѣлались и были настольной книгой, евангеліемъ молодежи въ теченіе всѣхъ семидесятихъ годовъ, да и послѣ многія мысли «Писемъ» вошли въ обиходъ всякаго образованнаго и порядочнаго человѣка въ Россіи. Дѣло доходило порою до комизма, когда самые враги Лаврова били, что называется, его же добромъ да ему же челомъ, въ полемикѣ съ нимъ повторяя его собственныя идеи... «Ахъ, надо было жить въ 70-е годы, въ эпоху движенія въ народъ, чтобы видѣть вокругъ себя и чувствовать на самомъ себѣ удивительное вліяніе, произведенное «Историческими письмами!»—говоритъ Русановъ.—Многіе изъ насъ, юноши въ то время, а другіе просто мальчики, не разставались съ небольшой истрепанной, исчитанной, истертой въ конецъ книжкой. Она лежала у насъ подъ изголовьемъ. И на нее падали при чтеніи ночью наши горячія слезы идейнаго энтузіазма, охватывавшаго насъ безмѣрною жаждою жить для благородныхъ идей и умереть за нихъ... И какъ радостно трепетали наши сердца, въ какомъ величіи возставалъ передъ нами образъ лично незнакомаго, но родного нашей мысли, далекаго матеріально, но близкаго къ намъ духомъ ученія «добраго учителя», призывавшаго насъ къ безкорыстной борьбѣ за убѣжденія!

«Одно время мы увлекались Писаревымъ, который говорилъ намъ о великой пользѣ естественныхъ наукъ для выработки изъ человѣка «мыслящаго реалиста». Мы готовились всѣ стать такими «мыслящими реалистами», которые желаютъ жить во имя своего «развитаго эгоизма», низвергая всѣ авторитеты и ставя цѣлью свободную и счастливую жизнь какъ насъ самихъ, такъ и нашихъ единомышленниковъ. И вдругъ небольшая книжка говоритъ намъ, что на естественныхъ наукахъ свѣтъ не клиномъ сошелся; что на одной анатоміи лягушки далеко не уѣдешь; что есть другіе важные человѣческіе вопросы, есть исторія, есть общественный прогрессъ, есть, наконецъ, народъ, голодающій, замученный трудомъ народъ, рабочій людъ, который поддерживаетъ на себѣ все зданіе цивилизаціи и который только и позволяетъ намъ заниматься и лягушками и всякими другими науками; есть, наконецъ, нашъ неоплатный долгъ передъ народомъ, передъ великой арміей трудящихся»

«Можете себѣ представить, какой ураганъ новыхъ мыслей и новыхъ чувствъ проходить по нашей душѣ! Какъ стыдно намъ было за свои мизерные буржуазные планы насчетъ счастливой личной жизни! Къ чорту и «разумный эгоизмъ», и «мыслящій реализмъ», и къ чорту всѣхъ этихъ лягушекъ и прочіе предметы наукъ, которые заставляли насъ забывать о народѣ! Отнынѣ наша жизнь должна была всецѣло принадлежать массамъ, и только посвящая всѣ наши силы торжеству общественной правды, мы могли не оказаться злостными банкротами передъ нашей страной и всѣмъ человѣчествомъ. На разстояніи теперь становится виднѣе, какую важную роль «Историческія письма» сыграли въ созданіи и развитіи того возвышеннаго и безкорыстнаго энтузіазма, который двинулъ молодыхъ проповѣдниковъ социализма «въ народъ».

Программа и содержаніе «Историческихъ писемъ» никоимъ образомъ не имѣли своею спеціальною задачею революціонныя проблемы, но смѣллыя положенія о «долгѣ передъ народомъ» за несомый имъ ради цивилизаціи и ради блага интеллигенціи трудъ давали возможность настроеніямъ 70-хъ годовъ найти себѣ здѣсь искомый отвѣтъ на вопросъ: что же дѣлать? который тогда такъ неотступно стоялъ передъ молодежью въ особенности. Отвѣтъ этотъ сводился къ тому, что необходимо стремиться къ воплощенію въ общественныхъ формахъ *истины* и *справедливости* черезъ посредство правильно организованныхъ группъ, состоящихъ изъ личностей, гармонически развитыхъ въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи, двигательнымъ факторомъ дѣйствій которыхъ служило бы критическое мышленіе, понимаемое вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ факторъ нравственнаго порядка. Лавровъ въ своей книгѣ не ставитъ спеціально задачъ для русской жизни, какъ таковой, онъ не подвергаетъ ее особливому бичеванію и не указываетъ читателямъ, какъ нужно дѣйствовать въ конкретныхъ случаяхъ, на практическомъ поприщѣ повседневной реальной будничной работы. Всѣ его разсужденія—философскаго, отвлеченнаго порядка, но конечная цѣль этихъ разсужденій была укрѣпить сознаніе необходимости прогресса въ жизни, безъ котораго справедливая и истинная цивилизація существовать не можетъ и который имѣетъ цѣлью счастье не исключительнаго меньшинства, а большинства, счастье, основанное на равенствѣ и братствѣ. Его положенія настолько сжаты, но вмѣстѣ съ тѣмъ эластичны, что въ нихъ догадливый читатель легко могъ влить содержаніе отечественной дѣйствительности, откуда уже получалось естественнымъ порядкомъ осужденіе этой дѣйствительности и призывъ къ борьбѣ съ нею во имя блага народа. Отсюда при всей стилистической сухости «Писемъ» ихъ обаяніе на молодыхъ читателей, ихъ роль научнаго евангелія, гдѣ почерпалась своего рода политическая нагорная проповѣдь; отсюда же скорое враждебное отношеніе къ нимъ правительствен-

ной власти, которая и объявляет «Письма» книжкою запретною, съ цензурнымъ запрещеніемъ повторныхъ ея изданій до послѣдняго времени включительно, когда только послѣ манифеста 17 октября 1905 г. доступъ ея въ широкіе круги потребителей сталъ возможенъ. На это запрещеніе, несомнѣнно, вліяло и имя автора, хотя и прикрывшагося псевдонимомъ Миртова,—болѣе извѣстное потомъ какъ имя эмигранта, счастливо бѣжавшаго изъ тяжелой ссылки, ставшаго въ первые ряды политическихъ борцовъ съ существующимъ порядкомъ вещей на родинѣ и приобрѣвшаго себѣ за рубежомъ репутацію непримиримаго агитатора съ громаднымъ авторитетомъ среди остальной арміи политическихъ изгнанниковъ.

II.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» была дана уже характеристика П. Л. Лаврова, какъ человѣка и ученаго, почему интересующихся и отсылаемъ по сему предмету къ «Воспоминаніямъ» Н. И. Фирсова (Русскина)¹⁾. Мы остановимся лишь на интересномъ эпизодѣ его бѣгства изъ ссылки, куда онъ, какъ намъ уже извѣстно²⁾, главнымъ образомъ за проведеніе въ печати «вредныхъ идей» былъ по высочайшему повелѣнію сосланъ. Мѣстомъ жительства ему сначала былъ назначенъ захудалый городишко Тотьма, но отсюда вскорѣ его перевели въ Вологду. По несчастію, въ день отъѣзда прочіе бывшіе въ Тотмѣ ссыльные рѣшили проводить Лаврова на нѣкоторое разстояніе за городъ, о чемъ сейчасъ же было мѣстной властью донесено петербургскому начальству. Въ результатѣ этого донесенія была новая ссылка бывшего профессора въ Кадниковъ, еще болѣе захудалый и жалкій городишко, чѣмъ Тотьма. Несмотря на то, что онъ здѣсь былъ единственнымъ ссыльнымъ, для наблюденія за нимъ были прикомандированы цѣлыхъ два жандарма. Жизнь здѣсь была для Петра Лавровича тяжкою, но тѣмъ не менѣе онъ не опускается, не теряетъ энергіи и интереса къ научнымъ изслѣдованіямъ и работамъ, слѣдомъ которыхъ явился рядъ его статей въ «Недѣлѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ» редакціи Некрасова, въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ и надлежитъ отмѣтить упомянутыя выше «Историческія письма». Вмѣстѣ съ тѣмъ Лавровъ не находилъ возможнымъ мириться съ своимъ положеніемъ ссыльнаго и вошелъ въ сношенія какъ съ своими бывшими петербургскими друзьями, такъ и съ Герценомъ по предмету бѣгства изъ ссылки и эмиграціи за предѣлы родины. Это бѣгство и было организовано въ началѣ 1870 года извѣстнымъ впослѣдствіи «шлиссельбуржцемъ» Германомъ Лопатынымъ, съ которымъ намъ еще придется въ дальнѣйшемъ встрѣчаться,

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1907 г., январь.

²⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1909 г., апрѣль.

тогда еще молодымъ человѣкомъ, недавно вступившимъ на поприще политической оппозиціи.

По отсутствію въ Кадниковѣ значительнаго количества почтовыхъ лошадей (всѣ были наперечетъ), бѣжать отсюда безъ внѣшней помощи не представлялось для Лаврова возможнымъ. И вотъ въ одинъ прекрасный день, когда Лавровъ сидѣлъ у себя на квартирѣ и бесѣдовалъ съ двумя мѣстными обывателями, къ нему явился рослый и красивый молодой человѣкъ, который, отрекомендовавшись господиномъ N. N., присоединился къ разговору и очаровалъ собесѣдниковъ своимъ умомъ и блестящимъ краснорѣчіемъ. По уходѣ знакомыхъ пріѣзжій объявилъ Лаврову: «Я не N. N., а Лопатинъ, наши общіе друзья послали увезти васъ отсюда въ Петербургъ. Вы готовы? Когда можете отправиться?»—«Хоть завтра», отвѣтилъ Лавровъ. Выбриться, остричься и привести себя въ неузнаваемый видъ было дѣломъ нетруднымъ, и на слѣдующій день тройка Лопатина, взятая изъ Вологды, увезла обоихъ бѣглецовъ. О дальнѣйшихъ перипетіяхъ г. Кудринъ повѣствуетъ слѣдующее ¹⁾: «Рѣшено было ѣхать въ Вологду, а оттуда на ближайшую станцію строившейся въ то время Ярославско-Вологодской желѣзной дороги. Въ Вологдѣ, пересаживаясь на почтовую перекладную, бѣглецы узнали, что по дорогѣ имъ придется встрѣтиться съ жандармскимъ полковникомъ, который ѣхалъ по службѣ и хорошо зналъ въ глаза Петра Лавровича. Моментъ былъ критическій, но отступать было нельзя; надо было рисковать и прямо итти навстрѣчу опасности. Лопатинъ, который былъ въ то время въ цвѣтѣ лѣтъ и полонъ юношеской смѣлости, чтобы не показать, какъ озабочивала его предстоящая встрѣча, счелъ долгомъ завести со своимъ спутникомъ разговоръ о позитивизмѣ. П. Л. Лавровъ хорошо понималъ настроеніе Лопатина, но тоже, чтобы не отказаться отъ предложенной игры, съ оживленіемъ давалъ ученые реплики товарищу по дорогѣ и опасности. Дѣло, впрочемъ, обошлось благополучно. Сани жандармскаго полковника встрѣтили перекладную съ философствующими диспутантами по дорогѣ, но блюститель порядка и не заглянулъ въ возокъ бѣглецовъ. Затрудненіе представилось дальше, когда Лавровъ и Лопатинъ пріѣхали въ то мѣсто, откуда они думали воспользоваться открытымъ уже, по слухамъ, желѣзнодорожнымъ участкомъ. Оказалось, что открытіе еще не состоялось, но должно произойти на слѣдующій день при самой торжественной обстановкѣ, въ присутствіи всѣхъ мѣстныхъ властей и въ томъ числѣ специально наблюдавшаго за Лавровымъ жандармскаго полковника. Дважды искушать фортуны нашимъ путешественникамъ не хотѣлось, и потому они порѣшили и дальше ѣхать на лошадахъ, а затѣмъ уже сѣсть на чугунку и катить черезъ Москву въ Петеръ.

¹⁾ Н. С. Русановъ (Н. Е. Кудринъ). «Соціалисты Запада и Россіи».

«Въ столицѣ бѣглеца ждали новыя испытанія. Лопатинъ, согласно уговору, «доставилъ» Лаврова на радикальную квартиру, закончивъ блистательно свою миссію. Но другіе пріятели и знакомые Петра Лавровича, посвященные въ его бѣгство, далеко не отличались лопатинскою энергіею и практичностью. Такъ какъ радикальная квартира, на которую Лавровъ попалъ сначала, была почему-то неудобна, то его сочли нужнымъ отвезти на другую, аристократическую квартиру, которая находилась на Конногвардейскомъ бульварѣ, и владѣлецъ которой, бравый офицеръ и добрый малый, сочувствовавшій «хорошимъ идеямъ», былъ очень посредственнымъ конспираторомъ. Не успѣлъ Петръ Лавровичъ прибыть въ новое помѣщеніе, какъ оказалось, что квартира эта была уже употреблена для другой «нелегальной» цѣли: сюда пріютилась дѣвица, которая, желая жить своимъ хлѣбомъ, обвинчалась съ однимъ изъ знакомыхъ фиктивнымъ бракомъ. И здѣсь съ часу на часъ ждали полицейскаго нашествія, которымъ грозили разсерженные родители.

«А между тѣмъ Петру Лавровичу приходилось прожить еще нѣсколько дней въ Петербургѣ. Дѣло въ томъ, что прибылъ онъ сюда въ четвергъ на масленицу, на широкую, развеселую русскую масленицу, когда все въ Петербургѣ было пьянымъ пьяно, а всѣ присутственныя мѣста закрыты, и заграничнаго паспорта (на имя доктора Веймара, осужденнаго послѣ по дѣлу Соловьева) нельзя было получить раньше слѣдующаго понедѣльника. Сочувствовавшій хорошимъ идеямъ офицеръ предложилъ Петру Лавровичу отвезти его въ имѣніе своихъ пріятелей, находившееся въ Лужскомъ уѣздѣ. Поѣхали; по дорогѣ новое приключеніе. Въ Лугѣ Лаврову пришлось ужинать въ трактирѣ, гдѣ предавалось масленичному кутежу лужское уѣздное земство; а многіе члены его, которые были и губернскими гласными петербургскаго земства, отлично знали Петра Лавровича, тоже состоявшаго до своего ареста членомъ этого земства, и легко могли узнать бѣглеца. Въ самомъ же имѣніи, куда пріѣхали Лавровъ и его провожатый, домъ былъ полонъ масленичныхъ гостей, которыхъ, конечно, долженъ былъ интриговать незнакомый, державшійся въ сторонѣ посѣтитель... Такъ прошли веселые для гостей и довольно меланхолические для отшельника послѣдніе дни масленицы. И можно было думать, что питерскіе пріятели уже добыли заграничный паспортъ у перешедшей на трезвое положеніе власти.

«Было условлено, что паспортъ этотъ привезутъ на станцію города Луги. Туда, въ первый же день Великаго поста, хозяева отправились съ Лавровымъ для того, чтобы встрѣтить посланца съ заграничнымъ видомъ и купить билетъ для отъѣзжающаго. Билетъ былъ купленъ, но изъ Питера паспорта не привезли, и приходилось возвращаться въ имѣніе и ждать слѣдующаго дня. На слѣдующій день поѣздка—замѣтьте, за пятнадцать верстъ,—на станцію, и на

станцію очень ничтожную, откуда выѣздъ за границу какого-нибудь лица былъ необыкновеннымъ событіемъ,—эта поѣздка увѣнчалась новымъ неуспѣхомъ. Наконецъ, на третій день паспортъ былъ привезенъ, и Петръ Лавровичъ благополучно выѣхалъ за предѣлы Россійской имперіи, въ то время, какъ всполошившіяся въ Вологдѣ власти терялись въ догадкахъ, какъ и куда могъ исчезнуть ссыльный, ибо три ямскія тройки въ Кадниковѣ оказались всѣ налицо. Начальство успокоилось на томъ предположеніи, что Лавровъ, потихоньку выѣхавъ изъ города (какъ это онъ дѣлалъ нѣсколько разъ, по словамъ его матери), былъ убитъ неизвѣстнымъ ямщикомъ. А въ губерніи ходили даже слухи насчетъ какихъ-то найденныхъ въ ямскихъ саняхъ слѣдовъ крови...»

Такъ совершилось удачное бѣгство Лаврова изъ Кадникова, бѣгство, имѣвшее для исторіи русскаго революціоннаго движенія важное значеніе, такъ какъ ввело въ ряды дѣйствующихъ лицъ крупнаго человѣка, которому, подобно какъ это случилось съ И. Михайловымъ и Н. Чернышевскимъ, грозила, въ случаѣ неудачи побѣга, грустная участь медленнаго угасанія въ сѣверной глуши.

Когда Лавровъ прибылъ въ Парижъ, Герцена, звавшаго его къ себѣ для совмѣстной работы, уже не стало, и такимъ образомъ бывший профессоръ военной академіи остался безъ поддержки вліятельнаго эмигранта, имѣвшаго такія долготѣнія и обширныя связи въ западно-европейскомъ ученомъ и литературномъ мірѣ. Но за Лаврова уже говорили его печатные труды, благодаря чему доступъ въ ученые круги для него не оказался труднымъ; онъ былъ избранъ въ члены антропологическаго общества, а также приглашенъ извѣстнымъ Брока въ составъ редакціи «Revue d'Anthropologie»; кромѣ того, онъ завязываетъ тѣсныя связи съ представителями французскаго пролетаріата (переплетчикъ Варлэнъ) и становится членомъ интернаціонала по секціи Тэрнъ. Изъ политическаго радикала, по словамъ г. Русанова-Кудрина, «лишь сочувствующаго благороднымъ идеямъ социализма, Лавровъ самъ становился убѣжденнымъ социалистомъ-революціонеромъ, видящимъ въ рабочемъ классѣ самаго крупнаго двигателя прогресса и строителя будущаго коммунистическаго общества».

Во время парижской коммуны онъ принялъ въ ея перипетіяхъ участіе, искалъ ей сочувствія и поддержки у интернаціонала, а послѣ ликвидаціи бурныхъ событій 1871 г. поселился въ Цюрихѣ, откуда перекочевалъ въ періодъ издательства журнала «Впередь!» въ Лондонъ, и окончательно осѣлъ съ 1877 г. въ Парижѣ на улицѣ Saint-Jacques (№ 328), гдѣ и кончилъ свои дни въ 1900 году, явившись въ столицѣ Франціи тѣмъ центромъ, около котораго группировалась въ теченіе 15 лѣтъ слишкомъ вся русская эмиграція, и пользуясь какъ среди нея, такъ и среди всей революціонной Россіи неизмѣннымъ почетомъ и авторитетомъ. Привѣтствуя его по случаю испол-

вившейся 70-й годовщины рожденія, одинъ изъ русскихъ поэтовъ 80-хъ годовъ послалъ Лаврову отъ имени товарищей по каторгѣ слѣдующее стихотворное привѣтствіе, гдѣ былъ высказанъ взглядъ, какъ смотрѣла на него вся подпольная Россія:

Въ познаньи своемъ сиротѣющій геній,
Ты часто намъ снишься, учитель родной,
Въ тяжелые годы измѣнъ и сомнѣній
Одинъ не понишій могучей душой...
Въ темницахъ отчизны, подъ солнцемъ чужбины,
Надъ Леной, надъ злымъ Акадуйскимъ ярмомъ,
Горятъ намъ твои дорогія сѣдины
Надежды и вѣры отраднымъ лучомъ.

III.

Въ началѣ 1872 года къ Лаврову явились делегаты изъ Россіи съ предложеніемъ организовать изданіе русскаго заграничнаго журнала. Это приглашеніе,—говоритъ онъ въ своей въ значительной мѣрѣ автобіографической книгѣ «Народники-пропагандисты»¹⁾,—было для него довольно неожиданно и составъ лицъ, отъ которыхъ оно исходило, было далеко не ясенъ для предполагавашагося редактора новаго изданія. Онъ написалъ проектъ программы «Впередь!», предполагая, что въ Россіи, въ средѣ тѣхъ литературныхъ кружковъ, которые были наиболѣе радикальными, организовалась или организуется партія, которая имѣетъ въ виду имѣть свой органъ за границей. Это предположеніе оказалось невѣрнымъ, но полученныя свѣдѣнія о движеніи въ молодежи... заставляли думать, что почва для революціонной социалистической литературы въ Россіи образовалась. Тогда сдѣлана была попытка, сойдясь съ русскими бакунистами на почвѣ социалистическихъ принциповъ и устроивъ на почвѣ этихъ принциповъ съ ними *modus vivendi*, издавать за границей русскій органъ, имѣющій въ виду «подготовлять» социальную революцію въ Россіи въ интеллигенціи и въ народѣ. Попытка эта была сдѣлана въ новой предположенной программѣ. Но и эта попытка оказалась неудачною. Бакунисты требовали въ журналѣ болѣе рѣшительнаго вліянія, чѣмъ то, на которое считалъ возможнымъ согласиться редакторъ. Принципіальныя начала сообще об-суждены не были вовсе. Но возникли двѣ враждебныя фракціи. «Впередь!» появился съ программю рабочаго социализма, выставивъ задачу «подготовленія» социальной революціи въ Россіи и имѣя противъ себя враговъ не только въ рядахъ либерально-буржуазной литературы, но и въ рядахъ русскихъ революціонеровъ, отчасти ставившихъ для Россіи политическія задачи борьбы съ абсолютизмомъ

¹⁾ П. Л. Лавровъ (П. Миртовъ). «Народники-пропагандисты 1873—78 годовъ».

выше принциповъ социализма, отчасти же проповѣдывавшихъ, во имя анархическаго социализма, непосредственное обращеніе къ революціоннымъ приемамъ, отрицая болѣе или менѣе медленныя мѣры «подготовителей». Таковою оставалась программа «Впередь!» во всѣхъ

Петръ Лавровичъ Лавровъ.

пяти томахъ этого изданія, а также 48 номерахъ двухнедѣльной газеты, выходившей въ 1876 и 1878 годахъ.

Въ одномъ изъ обширныхъ примѣчаній къ главѣ «Русское заграничное революціонное движеніе 1873—77 годовъ» въ той же

уже цитированной книгѣ Лавровъ даетъ еще дополнительныя свѣдѣнія по возникновенію журнала «Впередь!», чрезвычайно цѣнныя какъ для его собственной характеристики, такъ и для исторіи возникновенія этого журнала. Онъ говоритъ:

«Уѣзжая за границу и до самаго марта 1872 г. я оставался въ полномъ убѣжденіи, что мое участіе въ революціонномъ движеніи въ Россіи неизбѣжно и навсегда ограничится лишь кое-какимъ литературнымъ сотрудничествомъ въ подпольной литературѣ, но что руководство какой-либо отрасли этой литературы никогда не можетъ перейти въ мои руки, вслѣдствіе недостаточнаго знанія даже моими пріятелями въ этой средѣ моего настоящаго взгляда на революціонную и неревoluціонную дѣятельность и недостаточнаго ихъ довѣрія къ моимъ способностямъ въ этомъ направленіи.

«Именно поэтому я былъ вовсе не приготовленъ къ неожиданности, что изъ Россіи явятся ко мнѣ делегаты съ предложеніемъ составить программу революціоннаго изданія и руководить имъ. Рѣшиться надо было сейчасъ на основаніи разговоровъ съ очень небольшимъ числомъ лицъ, которыя были подъ рукою и которымъ я могъ довѣрять. Два молодыхъ украинца (одинъ изъ нихъ С. Подолинскій), бывшіе въ то время въ Парижѣ, предложили свое энергическое содѣйствіе по переговорамъ въ Россіи и по организаціи матеріальныхъ средствъ для изданія (Подолинскій оказался самымъ дѣятельнымъ и энергическимъ пособникомъ въ эти трудные мѣсяцы). Что касается литературнаго содѣйствія, то я не считалъ себя въ правѣ сомнѣваться, какія группы выступили въ бой при этомъ предпріятіи. Всѣ мои связи съ людьми радикальнаго образа мыслей ограничивались литературою. Мои сношенія съ «Землей и Волей» начала 60-хъ годовъ (завязанныя черезъ А. П. Энгельгардта) были такъ ничтожны, что отсюда обращеніе ко мнѣ было немислимо. Вообще радикальная молодежь Петербурга была вовсе не близка ко мнѣ въ послѣдніе годы моей петербургской дѣятельности, и я не имѣлъ случая сблизиться съ нею ни во время моей ссылки, ни при проѣздѣ чрезъ Москву и Петербургъ при отъѣздѣ за границу. Общее впечатлѣніе, мною полученное при этомъ проѣздѣ, было скорѣе подавляющее: ни на какое энергическое движеніе, казалось, нельзя было рассчитывать въ февралѣ—мартѣ 1870 г. Кто же могъ быть въ числѣ инициаторовъ новаго предпріятія? Я построилъ себѣ гадательную теорію, которая оказалась впоследствии ошибочною. Для меня инициатива могла принадлежать лишь той группѣ литературныхъ радикаловъ, которую я зналъ и энергію которыхъ я могъ оцѣнить въ то время, когда они относились ко мнѣ недружелюбно. Садясь за программу «Впередь!» въ моей комнатѣ на Chaussée d'Antin въ мартѣ 1872 г., я представилъ себѣ дѣло такъ. Растущая реакція принудила представителей радикальной литературы убѣдиться, что борьба на почвѣ литературы легальной въ данную

минуту уже недостаточна. Они въ два года послѣ моего отъѣзда изъ Россіи организовались, вѣроятно, для литературной и политической борьбы. Но никто изъ нынѣшнихъ участниковъ движенія не можетъ или не желаетъ бросить Россію и отрѣзать себѣ путь возвращенія въ нее, ставъ явно во главѣ предпріятія, которое, появляясь за границей, имѣетъ наибольшіе шансы быть столь же эфемернымъ, какъ тѣ изданія, которыя одно за другимъ появились и исчезали послѣ упадка «Колокола». Они обращаются ко мнѣ потому, что я *уже* отрѣзалъ себѣ путь возвращенія на родину, и видятъ во мнѣ лишь литератора, въ сущности не расходящагося съ ними въ оппозиціи существующимъ порядкамъ, и, можетъ быть, способнаго литературно вести новый органъ. Согласясь въ программѣ, которую они отъ меня ожидаютъ, они имѣютъ, конечно, въ виду поддерживать журналъ *своими* работами по русскимъ вопросамъ, подвергая эти вопросы критикѣ съ точки зрѣнія способной теперь имѣть такое же вліяніе на общество въ формѣ подпольной литературы, какое имѣла легальная радикальная пресса въ 60-хъ годахъ. Мнѣ они имѣютъ въ виду, вѣроятно, поручить лишь ту часть дѣла, которую имъ, пребывающимъ въ Россіи, вести неудобно. Имѣя это въ виду, я долженъ брать въ соображеніе ту «растущую силу» литературно-политической оппозиціи, которая, по моимъ предположеніямъ, образовалась въ Россіи за послѣдніе два года; мои же личныя убѣжденія въ ихъ оттѣнкахъ и особенностяхъ я могу проводить лишь какъ сотрудникъ дѣла. Въ этомъ отношеніи я ставилъ себѣ задачею лишь одно: придать заграничному органу обще-соціалистическій характеръ, предоставляя обработку внутреннихъ политическихъ вопросовъ русскаго движенія людямъ, находящимся на мѣстѣ. Я говорилъ себѣ, что если моя программа не понравится, а я не найду возможности взять за руководство тѣ взгляды, которые выработаны инициаторами, ко мнѣ обратившимися, то все дѣло ограничится тѣмъ, что я откажусь отъ ихъ предложенія, а они поищутъ себѣ иного литературнаго представителя за границей. Если же мои предположенія о литературно-политической организаціи и о «растущей силѣ» въ Россіи окажутся ошибочны, то дѣло ограничится проектомъ програмы, и ничто не обязываетъ меня вести его далѣе.

«Когда къ осени 1872 г. Подолинскій привезъ мнѣ въ Лондонъ свѣдѣнія о полученныхъ результатахъ, то мои предположенія оказались совершенно фантастическими: литературные радикалы вовсе не собирались организоваться для борьбы на почвѣ подпольной прессы. Зато имѣлись самыя благопріятныя свѣдѣнія о возбужденіи среди молодежи, о «растущей силѣ» среди нея, объ отсутствіи единства въ этомъ движеніи за недостаткомъ вліятельнаго органа, наконецъ, о существованіи живыхъ и энергическихъ молодыхъ группъ уже не только среди эмиграціи, а въ самой Россіи. Я полу-

чилъ впечатлѣніе (можетъ быть, недостаточно критически провѣривъ рассказы моего молодого пріятеля), что изъ этой молодежи, волнуемой, энергической, но лишенной единства и опредѣленности въ направленіи, пришелъ ко мнѣ призывъ, что я тутъ какъ будто дѣйствительно *нуженъ*, за неимѣніемъ другихъ, болѣе компетентныхъ; что внѣ бакунистскихъ и нечаевскихъ группъ,—инымъ сторонамъ дѣятельности которыхъ сочувствовать и содѣйствовать я не могъ,—даже въ той самой средѣ, которая до сихъ поръ охватывалась общими началами бакунизма, есть элементы, способные примкнуть къ иному направленію, мнѣ болѣе сочувственному. Предо мною становился вопросъ: не слѣдуетъ ли, не обязательно ли мнѣ содѣйствовать, насколько хватить способностей, этой новой «растущей силѣ», развивая ее въ томъ направленіи, которое мнѣ казалось наиболѣе правильнымъ? Не слѣдуетъ ли, не обязательно ли при отсутствіи единства и опредѣленности направленія въ движеніи, постараться, хотя бы съ большими шансами неудачи, выработать эту опредѣленность и единство? Нѣкоторыя совершенно личныя обстоятельства вызвали именно въ эту эпоху во мнѣ склонность принять участіе въ движеніи, которое мнѣ рисовали словесно и письменно какъ возможное. Съ Парижемъ меня ничто тогда не связывало. Въ концѣ 1872 года я поѣхалъ въ Цюрихъ съ рѣшимостью посмотрѣть своими глазами на тѣ группы (всѣ примыкавшія болѣе или менѣе къ бакунистскому движенію), которыя могли дать матеріаль для редакціоннаго и для техническаго персонажа «Впередъ!», и на мѣстѣ оцѣнить возможность соединиться въ общее литературное дѣло съ тѣми личными силами, которыя присутствовали среди бакунистовъ. Приѣхавъ въ Цюрихъ, я нашелъ многое какъ разъ соотвѣтствующее тому, что мнѣ сообщали мои корреспонденты. Въ средѣ бакунистовъ Цюриха существовалъ расколъ, едва прикрываемый внѣшними приличными отношеніями, и нѣсколько весьма замѣчательныхъ личностей (мужчинъ и женщинъ), на которыхъ мнѣ указывали уже письменно (одинъ знакомый еще изъ ссылки въ Тотму), обѣщали быть весьма надежными, умными и энергическими помощниками, причемъ очень быстро оказалась и возможность провѣрить ихъ личныя связи въ Россіи. Второй украинецъ (изъ примкнувшихъ къ программѣ «Впередъ!» еще въ мартѣ), обѣщавшій преимущественно матеріальную поддержку изданію, оказался пустымъ болтуномъ, и на средства, получаемыя этимъ путемъ, оказалось невозможнымъ рассчитывать. Тогда одна изъ моихъ новыхъ молодыхъ пріятельницъ поѣхала въ Россію добывать матеріальную поддержку съ ручательствомъ продолжать ее въ будущемъ и вернулась очень быстро съ блестящимъ успѣхомъ. Около «Впередъ!», еще только предполагавашагося, не выставившаго своей окончательной программы, повидимому, стали группироваться надежныя силы и за границей, и въ Россіи. Очень скоро

оказалось, что эти силы были не особенно значительны; что большинство послѣдующаго движенія 1873—76 годовъ имѣло мѣсто на почвѣ стараго бакунизма. Мнѣ до сихъ поръ не вполне ясно, гдѣ именно въ Россіи зародилась мысль обратиться ко мнѣ съ предложеніемъ составить програму заграничнаго органа и основать его, но, по нѣкоторымъ слухамъ, инициатива принадлежала нѣкоторымъ личнымъ литературнымъ пріятелямъ и читателямъ «Историческихъ писемъ» (объ успѣхѣ которыхъ я, впрочемъ, всѣ эти годы вовсе не зналъ), вообще группѣ незначительной по численности и нисколько не приготовленной къ серьезной организаціи дѣла. Но тогда оцѣнить это изъ Цюриха было очень трудно. Оставалось опредѣлить вполне точно отношенія редакціи «Впередь!» къ бакунистамъ, крѣпко державшимъ въ рукахъ знамя, выставленное ихъ знаменитымъ представителемъ. Дѣйствовать съ ними вполне заодно было, повидимому, невозможно. Я не могъ допустить, по моимъ соображеніямъ о трудности руководства изданіемъ, никакаго рѣшительнаго вмѣшательства съ ихъ стороны въ редакціонное дѣло и предвидѣлъ, что распаденіе произойдетъ на почвѣ организаціи администраціи журнала. Но я считалъ очень важнымъ показать, что въ принципиальномъ отношеніи нѣтъ причины враждебности существовать между нами. Второй проектъ программы «Впередь!» былъ написанъ именно въ тѣхъ видахъ, чтобы устранить по возможности всякую явную враждебность и устраивать между двумя фракціями мирный *modus vivendi*. Этотъ проектъ имѣлось въ виду обсуждать сообща прежде всего; я надѣялся, что на этой почвѣ соглашеніе возможно; а разъ оно было бы признано, менѣе острымъ становился уже дальнѣйшій вопросъ о способѣ веденія редакціоннаго дѣла, вопросъ, на которомъ расколъ былъ почти неизбеженъ. Не желаю входить въ обсужденіе возможныхъ причинъ, по которымъ представители бакунистовъ не соглашались на этотъ порядокъ обсужденія вопросовъ, но они потребовали постановки на первую очередь вопроса о редакціонномъ дѣлѣ. Расколъ совершился, и принципиальная сторона изданія вовсе не была обсуждаема сообща, такъ что во все продолженіе существованія бакунистовъ и впередовцевъ за границею и въ Россіи никогда не было опредѣленнымъ образомъ установлено, въ чемъ существенно расходятся ихъ политическія и соціальныя программы, а столкновенія происходили по второстепеннымъ пунктамъ, какъ-то: по вопросу о важности или ненужности пріобрѣсти знанія, въ агитаціонной тактикѣ и т. п.

«Когда расколъ произошелъ, и когда въ теченіе первой половины 1873 г. изъ Россіи приходили все болѣе опредѣленные извѣстія о томъ, что кружки русской молодежи гораздо ближе къ взглядамъ «бунтарей», чѣмъ «подготовителей», когда болѣе близкое знакомство съ пріѣзжавшими изъ Россіи сторонниками «Впередь!» убѣдило меня, что въ самомъ персоналѣ этихъ сторонниковъ и въ ихъ так-

тикѣ существуютъ какія-то причины, способныя вредно подѣйствовать на успѣхъ нашего дѣла, я съ каждымъ днемъ болѣе убѣждался, съ какими огромными трудностями придется бороться редакціи его для поддержки его существованія и особенно для установленія ему нѣкотораго вліянія. Внутренно я вовсе не надѣялся тогда, что онъ просуществуетъ четыре года. Если бы я за годъ передъ тѣмъ узналъ положеніе дѣла, какъ я узналъ его весною 1873 г., я бы навѣрно отклонилъ отъ себя это дѣло, не считая ни полезнымъ, ни возможнымъ начинать его. Если бы это имѣло мѣсто въ октябрѣ 1872 г., то довольно сомнительно, чтобы я счелъ себя въ силахъ вести его при данныхъ условіяхъ. Но весной 1873 г. я уже не считалъ себя въ нравственномъ правѣ отказать въ моемъ самомъ живомъ содѣйствіи умной и энергической молодежи, сгруппировавшейся около органа, существовавшего еще лишь въ общемъ планѣ, молодежи, разорвавшей со вчерашними товарищами, гораздо болѣе многочисленными и сильными, чѣмъ они, при чемъ, вѣ меня, на ихъ сторону не стала ни одна сколько-либо извѣстная литературная сила. Я чувствовалъ нравственную обязанность бороться всѣми своими силами вмѣстѣ съ людьми, ставшими около меня и добровольно подчинившимися моему единоличному руководству, когда мое прошедшее не давало имъ никакого ручательства въ моей компетентности для подобнаго *политическаго* дѣла. Я рѣшился взять на себя всю тяжелую отвѣтственность веденія «Впередь!» вмѣстѣ съ тѣми силами, которыя были налицо, пока болѣе важныя, принципиальныя причины не являлись бы помѣхою продолженія этого сотрудничества.

«Подъ этимъ вліяніемъ я написалъ для печати третью программу «Впередь!», какъ изданія, задачей котораго было—«подготовлять» социальнo-революціонный переворотъ въ Россіи.

«На меня сильно нападали за эти три *различныя* программы «Впередь!». Эти нападки были бы вполне справедливы лишь въ томъ случаѣ, если бы въ этихъ программахъ во всѣхъ трехъ случаяхъ имѣлась въ виду одна и та же цѣль. Но дѣло было совсѣмъ иное. Первая программа была программой предполагавшагося изданія, исходящаго изъ русскаго литературнаго радикализма 60-хъ годовъ, выступающаго теперь какъ боевая партія въ подпольной литературѣ въ 1872 г. Личныя мнѣнія редактора были здѣсь элементомъ второстепеннымъ. Вторая программа была программой изданія, которое, не подчиняясь многимъ пунктамъ бакунизма 1872 г., имѣло въ виду сохранить единство социальнo-революціоннаго движенія въ Россіи въ принципиальномъ отношеніи: личные взгляды редактора могли въ ней проявиться лишь въ той мѣрѣ, въ какой они не вредили этому единству. Лишь третья программа была личною программой редактора, принимавшаго полную и исключительную отвѣтственность за помѣщеніе въ изданія одного и за непомѣщеніе другого».

IV.

Въ программѣ изданія, которая потребовала столько передѣлокъ и которая, по утверженію редактора, явилась выраженіемъ его личныхъ взглядовъ, Лавровъ говоритъ ¹⁾:

«Для насъ въ настоящую минуту существуютъ двѣ общечеловѣческія цѣли, двѣ борьбы, въ которыхъ долженъ участвовать всякій мыслящій человѣкъ, становясь на сторону прогресса или реакціи; двѣ борьбы, въ которыхъ индифферентнымъ быть нельзя, отношеніе къ которымъ должно опредѣлить отношеніе ко всѣмъ остальнымъ вопросамъ, какъ къ второстепеннымъ; двѣ борьбы, которыя должны быть девизомъ всякой личности, всякой партіи, всякой націи, желающей участвовать въ развитіи человечества. Это, во-первыхъ, борьба реального міросозерцанія противъ міросозерцанія богословскаго, ясно сознанныхъ человѣческихъ потребностей противъ всѣхъ идоловъ богословскихъ и метафизическихъ, теоретическихъ и нравственныхъ: короче говоря, борьба науки противъ религіи. Это, во-вторыхъ, борьба труда противъ празднаго пользованія благами жизни, борьба полной равноправности личности противъ монополии во всѣхъ ея формахъ и проявленіяхъ, борьба рабочаго противъ классовъ, его эксплуатирующихъ, борьба свободной ассоціаціи противъ обязательной государственности, короче говоря, борьба за реализацію справедливейшаго строя общества.

Изъ этихъ двухъ историческихъ задачъ современности рѣшеніе первой уже далеко подвинуто впередъ; къ тому же для Россіи эта задача имѣетъ малое значеніе: религіозными вопросами у насъ интересуются лишь тѣ, которые едва ли прочтутъ наше изданіе...

Совсѣмъ другое дѣло вторая борьба — за справедливейшій строй общества. Еще многіе не сознаютъ вовсе ея значенія. Многіе отрицаютъ возможность ея правильной теоретической постановки, точно также какъ возможность ея благопріятнаго исхода. Борьба эта едва вступила въ тотъ фазисъ, въ которомъ ея основы стали вполнѣ реальны и въ которомъ ея участники могутъ ясно понять, гдѣ ихъ товарищи и гдѣ враги. Противъ осуществленія справедливейшаго строя направлены всѣ силы реакціи, во имя древняго консервативнаго преданія и во имя новой, псевдо-либеральной легальности... Мы знаемъ, что разомъ торжество нашихъ цѣлей осуществиться не можетъ, что для него нужна подготовка, ясное пониманіе возможнаго въ данную минуту. Именно это возможное мы будемъ постоянно имѣть въ виду. Въ небольшихъ прогрессивныхъ явленіяхъ мы постараемся указать возможность сдѣлать изъ нихъ почву дальнѣйшаго прогресса. Для широкихъ цѣлей будущаго мы постараемся указать возможные средства въ жалкомъ строѣ настоящаго.

Средствомъ для распространенія истины не можетъ быть ложь; средствомъ для реализаціи справедливости не можетъ быть ни эксплуатація, ни авторитетное господство личностей; средствомъ торжества надъ празднымъ наслажденіемъ не можетъ быть насильственный захватъ неработающаго богатства, переходъ возможности наслажденія отъ одной личности къ другой. Есть необходимыя условія борьбы, при которыхъ приходится употреблять временно противу враговъ и ложь, и принужденіе, и захватъ орудій борьбы. Но безъ крайней и временной необхо-

¹⁾ «За сто лѣтъ» (1800—1896). Сборникъ по исторіи политическихъ и общественныхъ движеній въ Россіи. Составилъ Вл. Бурцевъ.

димости эти средства вредны для той самой цѣли, для которой ихъ назначаютъ. Въ кругу же единомышленниковъ, товарищей, союзниковъ по общему дѣлу ложь есть преступленіе, преднамѣренное распространеніе иллюзии есть измѣна дѣлу, принужденіе допущено быть не можетъ, эксплуатация и личный расчетъ возмутительны. Люди, утверждающіе, что цѣль оправдываетъ средства, должны бы всегда сознать ограниченіе своего правила весьма простымъ трюизмомъ: кромѣ тѣхъ средствъ, которыя подрываютъ самую цѣль...

...Соціальный вопросъ есть для насъ вопросъ первостепенный. Мы видимъ въ немъ самую важную задачу настоящаго, единственную возможность будущаго. Въ союзѣ большинства рабочихъ въ свободную ассоціацию, въ организациі этого союза для совокупнаго и могучаго дѣйствія, въ торжествѣ этой организациі и въ установленіи новаго общественнаго строя на развалинахъ промышленно-легальныхъ государствъ и сословій настоящаго мы видимъ единственное средство осуществить это будущее. Возможныя орудія этого осуществленія въ настоящую минуту различны для Россіи и для Европы, а въ самой Европѣ довольно важныя разногласія вооружаютъ по этому поводу другъ противъ друга партіи, которыхъ одинаковую искренность въ стремленіи къ одной и той же общей цѣли мы не имѣемъ никакого основанія заподозрѣть. При этомъ различіи взглядовъ на способы исполненія программы самая программа въ своихъ принципахъ уже опредѣлилась. Она высказана въ постановленіяхъ нѣсколькихъ конгрессовъ, выразившихъ общія стремленія рабочаго пролетаріата въ Европѣ. Она лежитъ въ основѣ всѣхъ стремленій нашихъ русскихъ дѣятелей въ пользу крестьянъ...

... Будемъ уяснять другъ другу тѣ пункты, въ которыхъ расходимся, но будемъ прежде всего сознать, что у насъ одна цѣль и одни враги. Будемъ дѣйствовать сообща. Въ этомъ наша сила. Будемъ помнить, что лишь путь организациі совокупнаго рабочаго движенія тѣмъ или инымъ путемъ ведетъ къ нашей цѣли. Другихъ средствъ общей борьбы пока нѣтъ, а это средство возможно, сильно и допускаетъ самое широкое развитіе въ будущемъ. Одночная борьба противъ могучей организациі враговъ бессмысленна и нецѣлесообразна. Личность, стремящаяся къ лучшему будущему, должна ясно сознать, какія средства возможны для ея цѣли.

Вопросъ политическій для насъ подчиненъ вопросу соціальному и въ особенности экономическому. Государства, такъ какъ они существуютъ, враждебны рабочему движенію, и всѣ они должны окончательно разложиться, чтобы дать мѣсто новому общественному строю, гдѣ самая широкая свобода личности не будетъ препятствовать солидарности между равноправными лицами и обширной коопераціи для общей цѣли. Но это—далекое будущее, общественный идеаль, который слѣдуетъ имѣть постоянно въ виду, не обманывая себя однакоже надеждою на возможность его осуществленія ни сегодня, ни завтра.

«Между этимъ идеаломъ будущаго свободнаго общежитія, въ которомъ исчезнетъ всякій слѣдъ государственной принудительности, и тѣми централизованными государствами міра, которыя давятъ на большинство населенія при посредствѣ сложнаго легальнаго формализма и обширной административной сѣти, лежитъ цѣлый рядъ посредствующихъ политическихъ формъ, которыя выставлены были теоретически, или для которыхъ существовали болѣе или менѣе удачныя попытки практическаго осуществленія, и въ борьбѣ этихъ формъ съ современною государственностью готовится торжество далекаго будущаго...»

... Всѣ нынѣшнія централизованныя политическія программы намъ прямо враждебны. Всѣ политическія партіи съ ихъ конституціонными

идеалами болѣе или менѣе либеральнаго свойства, всякая попытка замѣнить централизованную и буржуазную имперію централизованной и буржуазной республикой, замѣнить существующее распредѣленіе территорій другими распредѣленіями съ другими центрами и другими законами—все это намъ враждебно въ своемъ основномъ строѣ и индифферентно для насъ въ своемъ проявленіи. Эти факты исторической жизни буржуазнаго общества могутъ быть для насъ хороши или дурны, смотря по тому, общаются ли они организациі рабочихъ и принципамъ социальной борьбы болѣе или менѣе широкое вліяніе. Такъ какъ свобода мысли и слова, свобода ассоціаціи, участіе низшихъ классовъ въ управленіи, расширеніе обученія безусловно помогаютъ этимъ принципамъ, то мы будемъ ихъ поддерживать всюду, кто бы ни былъ ихъ противникомъ; но мы посоветуемъ нашимъ единомышленникамъ поддерживать эти элементы политическихъ программъ и пользоваться ими, не вступая въ союзъ съ либеральными партіями, которыя вносятъ ихъ въ свои программы. Мы съ ними можемъ сходиться въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Но наши цѣли безусловно различны...

... Вопросъ національный, по нашему мнѣнію, долженъ совершенно исчезнуть предъ важными задачами социальной борьбы. Национальности представляютъ совершенно реальную и неизбѣжную почву для каждаго общественнаго процесса. Приходится дѣйствовать въ данной мѣстности, на общество, говорящее даннымъ языкомъ, выработавшееся до данной культуры. Если это не взять въ соображеніе, то цѣль общественной дѣятельности получить совершенно отвлеченное значеніе и никогда не осуществится. Въ разныхъ мѣстностяхъ, для разныхъ національностей задачи даннаго мгновенія могутъ быть различны, но каждая нація должна дѣлать свое дѣло, сходясь въ общемъ стремленіи къ общечеловѣческому цѣлямъ. Всѣ національности могутъ и должны работать сообща, и этой работѣ нѣтъ препятствій. Для нея границъ, языковъ, преданій не существуетъ. Есть только люди и общія имъ всѣмъ цѣли. Эти принципы неизбѣжно требуютъ самой рѣшительной борьбы противу той национальной раздѣльности, противоположности, враждебности, которыя еще слишкомъ часто отзываются въ при вычкахъ даже мыслящихъ людей. Всякое возбужденіе къ соперничеству расъ или націй есть прямое отрицаніе международности социального вопроса и единства борьбы подавленныхъ классовъ общества противу ихъ притѣснителей.

... Для русскаго специальная почва, на которой можетъ развиваться будущность большинства русскаго населенія въ томъ смыслѣ, который указанъ общими задачами нашего времени, есть крестьянство съ общиннымъ землевладѣніемъ. Развить нашу общину въ смыслѣ общинной обработки земли и общиннаго пользованія ея продуктами, сдѣлать изъ мірской сходки основной политической элементъ русскаго общественнаго строя, поглотить въ общественной собственности частную, дать крестьянству то образованіе и то пониманіе его общественныхъ потребностей, безъ котораго оно никогда не сумѣетъ воспользоваться своими легальными правами, какъ бы они широки ни были, и никакъ не выйдетъ изъ-подъ эксплоатаціи меньшинства, даже въ случаѣ самаго удачнаго переворота—вотъ специально-русскія цѣли, которымъ долженъ содѣйствовать всякій русскій, желающій прогресса своему отечеству. Но какими средствами можно осуществить эти цѣли?..

... На первое мѣсто мы поставимъ положеніе, что перестройка русскаго общества должна быть совершена не только съ цѣлью народнаго блага, не только для народа, но и посредствомъ народа. Современный русскій дѣятель долженъ, по нашему мнѣнію, оставить за собою устарѣлое мнѣніе, что народу могутъ навязаны революціонныя идеи, разрабо-

танныя небольшою группою болѣе развитаго меньшинства, что спеціалисты революціонеры, свергнувъ удачнымъ порывомъ центральное управительство, могутъ стать на его мѣсто и ввести законодательнымъ путемъ новый строй, облагодѣтельствовавъ имъ неподготовленную массу. Мы не хотимъ новой насильственной власти...

...Тотъ, кто желаетъ блага народу, долженъ стремиться не къ тому, чтобы стать властью при пособіи удачной революціи и вести за собою народъ къ цѣли, ясной лишь для предводителей, но къ тому, чтобы вызвать въ народѣ сознательную постановку цѣлей, сознательное стремленіе къ этимъ цѣлямъ и сдѣлаться не болѣе, какъ исполнителемъ этихъ общественныхъ стремленій, когда настанетъ минута общественнаго переворота.

Нигдѣ положеніе цивилизованнаго класса такъ не трудно при народномъ движеніи, какъ въ нашемъ отечествѣ...

...Проклятое преданіе стараго барства и чиновничества тяготѣетъ на всякомъ, кто живетъ жизнью цивилизованнаго класса въ Россіи, оно внушаетъ народу недоувѣріе къ его словамъ, къ его дѣйствіямъ, и много личныхъ усилій необходимо для того, чтобы уничтожить это недоувѣріе, чтобы народъ призналъ своимъ того, кто отдѣленъ отъ него мелочами культурныхъ привычекъ.

Именно эта трудность сблизиться съ народомъ вызываетъ разнообразныя взгляды на возможность и цѣлесообразность тѣхъ или другихъ пріемовъ въ общественной дѣятельности для подготовленія переворота, долженствующаго осуществить лучшее будущее Россіи. Каковы бы ни были эти взгляды, мы считаемъ въ нихъ существенными и неизмѣнными слѣдующіе пункты:

Лишь строго и усиленную личною подготовкою можно выработать въ себѣ возможность полезной дѣятельности среди народа.

Лишь внушивъ народу довѣріе къ себѣ, какъ личности, можно создать необходимыя условія подобной дѣятельности.

Лишь уясняя народу его потребности и подготавливая его къ самостоятельной и сознательной дѣятельности для достиженія яснопонятныхъ цѣлей, можно считать себя дѣйствительно-полезнымъ участникомъ въ современной подготовкѣ лучшей будущности Россіи.

Лишь тогда, когда теченіе историческихъ событій укажетъ само минуту переворота и готовность къ нему народа русскаго, можно считать себя вѣ правѣ призвать народъ къ осуществленію этого переворота...

...Революціи искусственно вызывать нельзя, потому что онѣ суть продукты не личной воли, не дѣятельности небольшой группы, но цѣлаго ряда сложныхъ историческихъ процессовъ. Самая попытка вызывать ихъ искусственно едва ли можетъ быть оправдана въ глазахъ того, кто знаетъ, какъ тяжело ложатся всякія общественныя потрясенія именно на самое бѣдное большинство, которое приноситъ при этомъ самыя значительныя жертвы. Но искусственно вызывать революціи до сихъ поръ и не предстояло надобности, такъ какъ всевозможныя правительства съ замѣчательнымъ соревнованіемъ доставляли для нихъ постоянно матеріаль, и страданія народовъ возрастали гораздо болѣе оттого, что народы терпѣли установившейся строй или не довольно рѣшительно возмущались противъ него, чѣмъ оттого, что народы бросались въ безразсудныя революціонныя попытки. Слѣдуетъ также замѣтить, что всякая народная революціонная попытка, даже неудачная, является въ исторіи полезнымъ воспитательнымъ средствомъ общества: болтуны отдѣляются отъ людей дѣла; девизы партій получаютъ большую опредѣленность; фиктивные коалиціи этихъ партій распадаются; истинныя задачи обще-

ства выдѣляются съ большею ясностью изъ разнообразныхъ вопросовъ, одновременно возникающихъ въ немъ, но имѣющихъ весьма различную важность; каждый историческій опытъ становится полезнымъ урокомъ для будущаго. Но, каковъ бы ни былъ вредъ или польза революцій, фактически исторія приводитъ къ нимъ съ неизбѣжнымъ фатализмомъ...

...Вѣроятно же всего, что путь революціи неизбѣженъ для лучшаго будущаго Россіи: когда придетъ для нея удобная минута, этого никто сказать не можетъ, но она можетъ прійти тѣмъ неожиданнымъ, чѣмъ болѣе концентрированы всѣ государственныя функціи Россіи въ одномъ мѣстѣ, въ одномъ лицѣ. Готовьтесь къ этой минутѣ умственнымъ развитіемъ, житейскимъ опытомъ, выработкою въ себѣ твердаго характера. А затѣмъ, когда минута настанетъ, идите съ народомъ на завоеваніе этихъ правъ, на исполненіе этихъ обязанностей, на развитіе этой силы. Идите впередъ, чего бы это ни стоило вамъ, чего бы это ни стоило народу. Какова бы ни была цѣна этого будущаго, оно должно быть завоевано».

V.

Такова была нѣсколько громоздкая и тяжелая руководящая программа Лавровскаго «Впередь!», явившагося послѣ Герценскаго «Колокола» наиболѣе вліятельнымъ и авторитетнымъ печатнымъ органомъ русской эмиграціи, отражавшимъ на себѣ не столько взгляды большинства нашихъ революціонеровъ, сколько дававшимъ на своихъ страницахъ отраженіе того, что дѣлалось въ революціонномъ мірѣ, какъ на чужбинѣ, такъ и на родномъ берегу, печатавшимъ корреспонденціи изъ Россіи и хронику событій рабочаго движенія и «хаоса буржуазнаго господства въ Западной Европѣ». Высказываясь и лично почти во всѣхъ нумерахъ журнала и черезъ посредство своихъ ближайшихъ сотрудниковъ въ теченіе пятилѣтняго почти существованія журнала «Впередь!», Лавровъ въ конечномъ результатѣ установилъ слѣдующія положенія, которыя и явились выраженіемъ взглядовъ такъ называемыхъ «лавристовъ», въ противоположность «бакунистамъ», «якобинцамъ», «бунтарямъ» и «вспышкопускателямъ», составлявшимъ большинство участниковъ революціонной арміи 70-хъ годовъ.

1. Всѣ усилія социалистовъ нашего времени должны быть направлены на замѣну нынѣшняго общественнаго строя другимъ, устроеннымъ на началахъ *рабочаго социализма*, основаніе котораго есть *принципъ коллективизма*: отдавай всѣ силы общему дѣлу, развивайся въ процессѣ этой дѣятельности и бери отъ общества лишь необходимое для своего существованія и развитія.

2. Общежитіе, осуществляющее этотъ принципъ, предполагаетъ:

а. Общность имущества.

б. Всеобщій коллективный трудъ для всеобщаго развитія.

в. Солидарность всѣхъ рабочихъ.

г. Свободную федерацію, какъ типъ всякаго общежитія.

3. Переворотъ, къ которому стремятся социалисты нашего времени, не можетъ быть совершенно легальнымъ путемъ, и потому требованія рабочаго социализма могутъ быть осуществлены лишь путемъ *соціальной революціи*.

4. Переворотъ этотъ можетъ быть совершенно лишь рабочимъ пролетаріатомъ, и потому всякая революція, ставящая себѣ цѣлью осуществленіе началъ рабочаго социализма, можетъ быть успѣшна лишь въ томъ случаѣ, когда она будетъ *народною революціей*.

5. Соціальная революція въ Россіи должна быть подготовлена тайной *организацией революціонныхъ силъ*, дѣйствующихъ путемъ *пропаганды и агитаціи*, пока онѣ не будутъ достаточно велики для производства обширнаго революціоннаго взрыва.

6. Организациія революціонныхъ силъ, имѣющая наиболѣе шансовъ достигъ указанной цѣли, должна итти слѣдующимъ путемъ:

а. Убѣжденные социалисты революціонеры изъ интеллигенціи составлять первый кадръ этой организаціи.

б. Размѣстившись среди народа въ нѣсколькихъ наиболѣе удобныхъ для этого областяхъ Россіи, они сгруппируютъ около себя всѣ лучшія силы народа въ этихъ областяхъ въ революціонныя группы.

в. Они соединятъ всѣ соціально-революціонныя русскія группы, разбѣяныя въ упомянутыхъ областяхъ и состоящія въ большинствѣ изъ народа, въ обширную соціально-революціонную федерацію.

г. Пропаганда соціальной революціи настолько проникнетъ въ войско, чтобъ внести въ него разстройство и разложеніе при народномъ возстаніи.

д. Когда соціально-революціонная организація будетъ достаточно сильна, то она воспользуется неизбежными волненіями и возстаніями въ народѣ, чтобы обобщить эти бунты, до тѣхъ поръ не имѣющіе значенія, въ революціонный взрывъ, долженствующій охватить большую часть Россіи.

7. Мѣстные неудачные бунты не могутъ считаться удобнымъ способомъ подготовленія общаго революціоннаго взрыва въ Россіи, и, слѣдовательно, убѣжденный социалистъ-революціонеръ не имѣетъ права вызывать ихъ, пока соціально-революціонная организація недостаточно сильна для вѣроятной побѣды революціи. Онъ долженъ противодѣйствовать бесплодной тратѣ народныхъ силъ въ безнадежныхъ вспышкахъ по пустымъ предлогамъ и безъ всякой вѣроятности побѣды. Но когда въ мѣстности, гдѣ онъ дѣйствуетъ, вспыхнулъ народный бунтъ независимо отъ его воли, вслѣдствіе экономической эксплуатаціи народа или притѣсненій и оскорбленій его представителями правительства и лицами изъ господствующихъ классовъ, то убѣжденный социалистъ-революціонеръ, истощивъ усилія противодѣйствовать неразумной вспышкѣ, долженъ биться въ рядахъ возставшаго народа и раздѣлять его судьбу.

8. Дѣло убѣжденныхъ приверженцевъ рабочаго социализма (большинство которыхъ должно тогда принадлежать народу) въ минуту побѣдоноснаго взрыва революціи будетъ заключаться въ направленіи этого взрыва къ осуществленію революціоннымъ путемъ началъ рабочаго социализма.

9. Для исполненія и расширенія перваго кадра социально-революціонной организаціи, а также для усиленія послѣдующей затѣмъ социально-революціонной федераціи группъ, убѣжденные социалисты революціонеры должны до самаго революціоннаго взрыва всѣми силами распространять среди интеллигенціи социально-революціонныя идеи и воспитывать въ ней привычки солидарности, путемъ коллективной жизни, коллективной организаціи и постепеннаго введенія всѣхъ способныхъ на это лицъ въ социально-революціонное дѣло.

Какъ уже сказано, программа Лаврова, требовавшая постепенности въ дѣйствіяхъ, долгаго и основательнаго предварительнаго научнаго образованія, не удовлетворила революціонную молодежь, которая подъ вліяніемъ зажигательныхъ рѣчей Бакунина и Нечаева рвалась къ борьбѣ, къ активной дѣятельности, къ моментальной реализаціи своихъ политическихъ и социальныхъ чаяній. Вотъ этоюто неудовлетворенностью и попытался воспользоваться тоже видный дѣятель тогдашней революціонной арміи Петръ Никитичъ Ткачевъ, чье имя намъ уже знакомо по процессу нечаевцевъ и который былъ въ свое время замѣшанъ какъ въ студенческую исторію 1861 года, такъ и въ Караказовскій процессъ, а равно и въ дѣло студента Ольшевскаго, по которому онъ успѣлъ посидѣть въ Петропавловской крѣпости, будучи привлекаемъ къ дознанію по храненію и распространенію противоправительственныхъ и нелегальныхъ произведеній ¹⁾).

Обративъ на себя вниманіе въ качествѣ талантливаго сотрудника «Русскаго Слова», Ткачевъ, привлеченный къ Нечаевскому процессу, просидѣвъ 4 года въ тюрьмѣ, былъ сосланъ въ Великія Луки подъ надзоръ полиціи, откуда, однако, ему удалось перебраться за границу и поселиться въ Швейцаріи, гдѣ онъ и становится въ первое время дѣятельнымъ сотрудникомъ только что основаннаго Лавровымъ журнала «Впередь!» Но это сотрудничество было недолгимъ: редакторъ и молодой писатель слишкомъ разошлись и по характерамъ, и по міросозерцанію, такъ что скоро между ними родился расколъ, который и обратился въ рѣзкую полемику, гдѣ обѣ стороны выказали много темперамента и успѣли полностью обнаружить свои программы реальной дѣятельности и свои социально-политическіе stand'пункты.

Поводомъ къ раздору послужила написанная Ткачевымъ статья, предназначавшаяся въ отдѣльномъ изданіи къ распространенію

¹⁾ Объ этой страницѣ его жизни см. ст. М. Лемке «Къ біографіи П. Н. Ткачева» въ журналѣ «Былое» за 1907 г., августъ.

въ народѣ, не принятая Лавровымъ для печати, какъ по характеру ея написанія, такъ и по буржуазнымъ тенденціямъ, которыя искусственно вкладывались въ якобы существующее народное міросозерцаніе. Ткачевъ былъ возмущенъ отказомъ редактора, дѣйствовавшего, однако, въ согласіи съ сотрудниками и наборщиками изъ числа эмигрантовъ-революціонеровъ. Въ Лондонѣ, куда въ 1874 г. было переведено изданіе Лаврова, между нимъ и Ткачевымъ состоялись пренія, на которыхъ и выяснилось окончательно несходство программъ ихъ ученій. Ткачевъ развилъ тогда свои взгляды въ брошюрѣ «Задача революціонной пропаганды въ Россіи», на которую Лавровъ, въ свою очередь, отвѣтилъ также брошюрою «Русской соціально-революціонной молодежи». Это было началомъ полемики, которая получила полное свое выраженіе въ изданіи «Набатъ», предпринятомъ Ткачевымъ въ противовѣсъ Лавровскому «Впередь!».

Начиная свое изданіе, онъ говорилъ: «Пришло время ударить въ набатъ. Смотрите! Огонь «экономическаго прогресса» уже коснулся коренныхъ оснѣвъ нашей народной жизни. Подъ его вліяніемъ уже разрушаются старыя формы нашей общинной жизни, уничтожается самый «принципъ общины», принципъ, долженствующій лечь краеугольнымъ камнемъ того будущаго строя, о которомъ всѣ мы мечтаемъ. На развалинахъ перегорающихъ формъ нарождаются новыя формы—формы буржуазной жизни; развивается кулачество, міроѣдство, воцаряется принципъ индивидуализма экономической анархіи, безсердечнаго, алчнаго эгоизма... Огонь подбирается и къ нашимъ государственнымъ формамъ. Сегодня мы сила... Сегодня наши враги слабы, разъединены. Противъ насъ одно правительство съ своими чиновниками и солдатами... Но что будетъ завтра?...

«Подготавливать революцію—это совсѣмъ не дѣло революціонера. Ее готовятъ: эксплуататоры, капиталисты, помѣщики, попы, полиція, чиновники, консерваторы, либералы, прогрессисты и т. п. Революціонеръ же долженъ только пользоваться и извѣстнымъ образомъ комбинировать тѣ, уже готовые, данные революціонные элементы, которые выработала исторія, которые вырастила экономическая жизнь народа, которые крѣпнуть и развиваются, благодаря тупости «охранителей», бессмыслію правительствъ съ ихъ жандармами и войсками, наконецъ, трудолюбивымъ воздѣлывателямъ вертограда «мирнаго» прогресса и ихъ буржуазной науки.

«Революціонеръ не подготавливаетъ, а дѣлаетъ революцію»...

«Бить въ набатъ, призывать къ революціи—значить указывать на ея необходимость и возможность именно въ данный моментъ выяснить практическія средства ея осуществленія, опредѣлить ея ближайшія цѣли.

«Такова и будетъ главная задача нашего органа. .

Эъ то время, какъ наиболѣе дѣятельная, наиболѣе искренняя и энергическая часть молодежи инстинктивно ищетъ *непосредственно возможнаго, практически-осуществимаго*, ей рекомендуютъ *анархію*, какъ ближайшую цѣль революціи.

«Въ то время, когда молодежь, частью сознательно, частью бессознательно, стремится организовать, сплотиться какъ можно тѣснѣе и крѣпче,—ей нашептываютъ въ уши, что основные принципы всякой тайной организаціи: іерархія, дисциплина, подчиненность,— что это принципы ложные, вредные и даже безнравственные.

«Въ то время, какъ она,—полная силъ и вѣры,—рвется на дѣло и хочетъ какъ можно скорѣе сорвать съ народа давящія его цѣпи,— ей говорятъ: «подожди, не трогай, сперва пропагандируй, внушай, просвѣщай, а ужъ потомъ срывай».

«Анархія—какъ ближайшая непосредственная цѣль революціи, пропаганда—какъ практическое средство для ея осуществленія и, наконецъ, организація безъ дисциплины, іерархіи и подчиненности, развѣ все это не фантастическія утопіи, не ребяческія мечты?»

«Слово *анархія* не выражаетъ собою вполне идеала этого будущаго: оно указываетъ только на одну его сторону, на одну, и совсѣмъ не существенную, черту будущаго общественнаго строя. Никакая революція не можетъ установить анархію, не установивъ сначала братства и равенства... Осуществить эту великую задачу могутъ, конечно, только люди, понимающіе ее и искренно стремящіеся къ ея разрѣшенію, т. е. люди, умственно и нравственно развитые, т. е. меньшинство. Это меньшинство, въ силу своего болѣе высокаго умственнаго и нравственнаго развитія, всегда имѣетъ и должно имѣть умственную и нравственную власть надъ большинствомъ.

«Слѣдовательно, революціонеры—люди этого меньшинства, революціонеры, воплощающіе въ себѣ лучшія умственные и нравственные силы общества, необходимо обладаютъ и, оставаясь революціонерами, не могутъ не обладать *властью*... Истинная революція—дѣйствительная метаморфоза силы нравственной въ силу матеріальную—можетъ совершиться только при одномъ условіи: при захватѣ революціонерами государственной власти въ свои руки; иными словами,—ближайшая, непосредственная цѣль революціи должна заключаться не въ чемъ иномъ, какъ только въ томъ, чтобы овладѣть правительственной властью и превратить данное, консервативное, государство въ государство революціонное».

Изъ такой постановки революціоннаго дѣла Ткачевъ формулировалъ и свои положенія о цѣли революціи и объ организаціи революціонныхъ силъ, слѣдующимъ образомъ ¹⁾).

¹⁾ «За сто лѣтъ» (1800—1896). Сборникъ по исторіи политическихъ и общественныхъ движеній въ Россіи.

I. ЦѢЛЬ РЕВОЛЮЦІИ.

Ближайшая цѣль революціи должна заключаться въ захватѣ политической власти, въ созданіи революціоннаго государства. Но захватъ власти, являясь необходимымъ условіемъ революціи,—не есть еще революція. Это только ея прелюдія. Революція осуществляется революціоннымъ государствомъ, которое, съ одной стороны, борется и уничтожаетъ консервативные и реакціонные элементы общества, упраздняетъ всѣ тѣ учрежденія, которыя препятствуютъ установленію равенства и братства; съ другой—вводитъ въ жизнь учрежденія, благопріятствующія ихъ развитію.

Обѣ эти функціи революціоннаго государства должны быть строго разграничены: отличаясь непреклонностью въ борьбѣ съ консервативными и реакціонными элементами общества, его конституціонная дѣятельность, напротивъ, должна отличаться эластичностью, умѣньемъ приспосабливаться къ данному уровню народныхъ потребностей и народнаго развитія. Чтобы не удалиться отъ этого уровня, не впадать въ утопіи, чтобы дать жизненную силу своимъ реформамъ, оно должно окружить себя органами народнаго представительства, Народной Думы, и санкціонировать ихъ волею свою реформаторскую дѣятельность. Въ то же время оно должно постоянно стремиться къ расширенію народнаго развитія, къ поднятію уровня его нравственныхъ идеаловъ. И тутъ ему открывается широкое поприще для пропаганды—той пропаганды, о которой мечтаютъ наши буржуазные псевдо-революціонеры.

Мы признаемъ вмѣстѣ съ ними, что безъ пропаганды социальная революція не можетъ осуществиться, не можетъ войти въ жизнь. Но мы утверждаемъ, въ противоположность имъ, что пропаганда только тогда и будетъ дѣйствительна, цѣлесообразна, только тогда и принесетъ ожидаемые отъ нея результаты, когда матеріальная сила, когда политическая власть будетъ находиться въ рукахъ революціонной партіи.

Слѣдовательно, не она должна предшествовать насильственному перевороту, а, наоборотъ, насильственный переворотъ долженъ ей предшествовать.

Упрочивъ свою власть, опираясь на Народную Думу и широко пользуясь пропагандой, революціонное государство осуществить социальную революцію рядомъ реформъ въ области экономическихъ, политическихъ и юридическихъ отношеній общества,—реформъ, общій характеръ которыхъ долженъ состоять: 1) въ постепенномъ преобразованіи современной крестьянской общины, основанной на поприщѣ временнаго, частнаго владѣнія,—въ общину-коммуну, основывающуюся на принципѣ общаго, совмѣстнаго пользованія орудіями производства и общаго, совмѣстнаго труда; 2) въ постепенной экспроприаціи орудій производства, находящихся въ частномъ владѣніи, и въ передачѣ ихъ въ общее пользование; 3) въ постепенномъ введеніи такихъ общественныхъ учреждений, которыя устраняли бы необходимость какого бы то ни было посредничества при обмѣнѣ продуктовъ и измѣнили бы самый его принципъ,—принципъ буржуазной справедливости: око за око, зубъ за зубъ, услуга за услугу,—принципомъ братской любви и солидарности; 4) въ постепенномъ устраненіи физическаго, умственнаго и нравственнаго первенства между людьми, при посредствѣ обязательной системы общественнаго, для всѣхъ одинаковаго, интегральнаго воспитанія, въ духѣ любви, равенства и братства; 5) въ постепенномъ уничтоженіи существующей семьи, основанной на принципѣ подчиненности женщины, рабства дѣтей и эгоистическаго произвола мужчинъ; 6) въ развитіи общиннаго самоуправленія и въ постепенномъ ослабленіи и упраздненіи центральныхъ функцій государственной власти.

2. ОРГАНИЗАЦІЯ РЕВОЛЮЦІОННЫХЪ СИЛЬ.

Если ближайшая практически-достижимая задача революціонеровъ сводится къ насильственному нападенію на существующую политическую власть съ цѣлью захвата этой власти въ свои руки, то отсюда само собою слѣдуетъ, что именно къ осуществленію этой-то задачи и должны быть направлены всѣ усилія истинно-революціонной партіи. Осуществить ее всего легче и удобнѣе посредствомъ государственнаго заговора. Государственный заговоръ является, такимъ образомъ, если и не единственнымъ, то во всякомъ случаѣ главнымъ и наиболѣе цѣлесообразнымъ средствомъ къ насильственному перевороту. Но всякій, признающій необходимость государственнаго заговора, тѣмъ самымъ долженъ признать и необходимость дисциплинированной организаціи революціонныхъ силъ.

Теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь необходимо всѣмъ искреннимъ, преданнымъ дѣлу революціонерамъ оплотиться въ тѣсную организацію, чуждую всякаго кружковаго характера,—организацію дисциплинированную, іерархическую, подчиняющую личную инициативу общему руководству, вносящую цѣлесообразность и единство въ дѣятельность всѣхъ своихъ членовъ. Только при такой организаціи можетъ быть достигнута съ успѣхомъ и съ наименьшею затратою силъ наша задача; только такая организація можетъ оградить личную безопасность революціонныхъ борцовъ, только она можетъ дать намъ возможность отомстить нашимъ палачамъ за нашихъ мучениковъ-героевъ, за нашихъ дорогихъ братьевъ и товарищей; только съ ея помощью въ состояніи мы будемъ удержаться на томъ пути непосредственно революціонной дѣятельности, на который вступила теперь лучшая и наиболѣе энергическая часть нашей молодежи. Организація, какъ средство дезорганизаціи и уничтоженія существующей правительственной власти, какъ ближайшая, наисущнѣйшая цѣль—такова должна быть въ настоящее время единственная программа дѣятельности всѣхъ революціонеровъ (безъ различія фракцій),—таковъ долженъ быть ихъ *mot d'ordre*, девизъ ихъ знамени. «И симъ знаменемъ побѣдиши».

VI.

Въ качествѣ редактора «Набата» и выразителя опредѣленныхъ «якобинскихъ» взглядовъ, Ткачевъ ближе подходилъ къ типу прежнихъ революціонеровъ: декабристовъ, членовъ «Земли и воли», каразовцевъ и нечаевцевъ, которыхъ онъ и ставилъ выше повѣйшихъ, являвшихся приверженцами Лаврова и Бакунина. Указывая, что прежніе революціонеры были ближе къ истинѣ, онъ ставилъ имъ лишь упрекъ, что они, правильно намѣчая цѣль, слишкомъ мало обращали вниманія на средства, вслѣдствіе чего не умѣли выработать централистической, боевой организаціи, которая одна лишь могла дать въ ихъ руки побѣду. Такимъ образомъ, Ткачевъ черезъ голову народниковъ-пропагандистовъ, черезъ голову лавристовъ и бакунистовъ, протягивалъ руку будущимъ организаторамъ «Народной воли», будущимъ террористамъ, которые именно обратили вниманіе на централистическую организацію и не отклонялись отъ политики

ради чистаго соціализма. Но въ свое время, выступивъ съ своею программю, Ткачевъ не нашель среди окружающихъ себѣ достаточной поддержки и общія симпатіи почти всецѣло были отданы частью Бакунину, частью Лаврову, отъ именъ которыхъ партіи и получили свои наименованія «лавристовъ» и «бакунистовъ». Обѣ партіи обрушились на Ткачева. Лавристы, или представители «научнаго соціализма», говорили, что призывы «Набата» къ немедленнымъ революціоннымъ дѣйствіямъ и бунтамъ могутъ быть на руку только правительству, давая ему поводы къ репрессіямъ, а бакунисты, или чистые анархисты, о твергавшіе въ принципѣ всякую власть, отворачивались отъ него за его проповѣдь централизаціи и власти. Ткачевъ отвѣчалъ своимъ противникамъ, упрекая ихъ въ доктринерствѣ, фантазерствѣ, буржуазности и реакціонерствѣ, доходя порою въ своихъ полемическихъ выпадахъ до крайностей и дерзостей, которыя дискредитировали его изданіе, сводили «Набатъ» на исключительно полемическій листокъ, вносившій только раздоръ въ революціонный лагерь. За границею современники стали относиться къ журналу враждебно, а въ Россіи его игнорировали, такъ какъ онъ шелъ вразрѣзъ съ общимъ пропагандистскимъ, тогда народившимся и уже оформившимся движеніемъ и такъ какъ онъ развѣнчивалъ главнѣйшихъ властителей тогдашнихъ думъ Бакунина и Лаврова, голоса которыхъ пользовались общимъ уваженіемъ.

«Набатъ» сталъ хирѣть, доживалъ свои послѣдніе дни (1877 года), и друзья Ткачева усиленно рекомендовали ему преобразовать журналъ въ еженедѣльный листокъ въ цѣляхъ «борьбы съ деспотизмомъ», но Ткачевъ, защищая историческое значеніе своего изданія, указывая на правильную въ немъ постановку дѣла революціонной борьбы, вмѣстѣ съ тѣмъ ставилъ въ интересахъ преобразования органа особыя требованія, сводившіяся къ гарантіи распространенности будущаго листка и его матеріальной обезпеченности, безъ которыхъ, по его мнѣнію, не стоило и начинать реформы «Набата». Онъ писалъ, между прочимъ, по сему предмету друзьямъ ¹⁾: «Только при наличности этихъ двухъ условій я могу въ настоящее время принимать участіи въ возобновленномъ «Набатѣ»,—могу отдать себя въ полное и безусловное его распоряженіе и, если нужно, брошу для него всѣ свои чисто личныя дѣла и занятія, поселюсь въ Женевѣ и буду работать исключительно лишь для него. Но при отсутствіи хотя бы одного изъ этихъ условій,—возобновленіе «Набата» я считаю бесполезнымъ и если онъ все-таки возобновится, то участіе мое въ немъ будетъ ограничиваться лишь *случайнымъ*, а не постояннымъ литературнымъ сотрудничествомъ. Вообще, кажется мнѣ, что даже и при полномъ осуществленіи двухъ указанныхъ мною условій

¹⁾ «Былое» 1907 г., августъ, ст. «Матеріалы для біографіи П. Н. Ткачева».

возобновленіе изданія «Набата» за границей въ данную минуту не представляетъ существенной необходимости. Революціонный журналъ необходимъ въ минуту ослабленія революціонной практической дѣятельности, въ минуту революціоннаго застоя и затишья. Въ минуты же открытой борьбы, которая переживаетъ теперь революціонная партія,—гораздо полезнѣе всѣ имѣющіяся въ распоряженіи у революціонеровъ деньги, а равно физическія и умственные силы, исключительно и всецѣло обратить на организацію покуше-

Петръ Никитичъ Ткачевъ.

ній вродѣ тѣхъ, которыми ознаменовали себя послѣдніе дни. Отвѣчать на висѣлицы журнальными статьями черезчуръ наивно. Теперь нужно думать не объ устройствѣ типографій, не о приобрѣтеніи шрифтовъ, не объ изданіи печатныхъ листковъ... Конечно, эти минуты активной борьбы, при той дезорганизаціи революціонныхъ силъ, какая у насъ существуетъ и которая такъ рѣзко обнаружилась въ послѣднее время, особенно изъ послѣдняго процесса ¹⁾,—не будутъ слишкомъ продолжительны. Аресты большинства наиболѣе энер-

¹⁾ «Процессъ 193».

гичныхъ революціонныхъ дѣятелей не замедлятъ произвести нѣкоторое, хотя минутное, затишье въ революціонной дѣятельности. Вотъ въ этотъ-то моментъ затишья и необходимо будетъ не одинъ, а два и болѣе революціонныхъ журнала. А теперь журналы только будутъ отымать и людей и въ особенности *матеріальныя средства* отъ практическихъ предпріягій, къ осуществленію которыхъ должны стремиться всѣ честные люди».

Ткачевъ устранился отъ руководства преобразованнымъ «Набатомъ», который въ видѣ листка сталъ, однако, издаваться его единомышленниками въ Женевѣ. Здѣсь онъ отъ времени до времени помѣщалъ свои статьи и замѣтки, но таковыя казались значительно слабѣе его первоначальныхъ работъ и въ «Русскомъ Словѣ» и въ первоначальномъ «Набатѣ», гдѣ онъ выказалъ себя блестящимъ полемистомъ, умѣвшимъ наносить врагамъ сильные и больные удары. Писатель сошелъ съ своей излюбленной дороги критика-полемиста, и его дарованіе зачахло. Къ этому присоединился и жестокій недугъ, который привелъ его въ больницу St.-Anne въ Парижѣ, гдѣ онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, страдая параличомъ мозга, медленно и мучительно сходилъ съ жизненной сцены. 4 января 1886 г. Петра Никитича Ткачева не стало, и, провозжая его въ мѣсто вѣчнаго упокоенія, его другъ и единомышленникъ, эмигрантъ Григорьевъ, отмѣтилъ, что покойный былъ одинъ, который звалъ въ первой половинѣ 70-хъ годовъ революціонную русскую армію съ дороги мирной пропаганды на путь политическій борьбы, указывалъ на необходимость правильной организаціи революціонныхъ кадровъ. Тепло помянулъ въ надгробной рѣчи своего былого критика и литературнаго врага и П. Л. Лавровъ, заявивъ, что онъ счелъ «долгомъ и честью прійти поклониться гробу того, кто нѣкогда занималъ мѣсто въ самыхъ передовыхъ рядахъ русскихъ борцовъ за социалистическія идеи и противъ деспотизма, продолжающаго давить наше отечество».

Издателями «Впередь!» и «Набата», личностями и ученіями Бакунина, Лаврова и Ткачева не исчерпывалось все, относящееся до развитія революціоннаго движенія въ Россіи, что сосредоточилось въ первой половинѣ 70-хъ годовъ за рубежомъ русской земли и на что обращены были внимательные взоры дѣйствующей революціонной арміи въ предѣлахъ нашего отечества. По описанію П. Л. Лаврова въ цитированной уже книгѣ «Народники-пропагандисты», состояніе русской эмиграціи въ ту эпоху рисуется такъ. Главными центрами пребыванія русскихъ, какъ учащихся, такъ и эмигрантовъ, были въ Швейцаріи—Женева и Цюрихъ, въ особенности послѣдній городъ. Здѣсь при большомъ приливѣ учащихся молодыхъ людей и молодыхъ женщинъ около университета и техникума стояли рядомъ и тѣ социалистическія группы, которые примкнули къ программѣ «Впередь!», и тѣ, которыя по отношенію

къ социализму остались подъ непосредственнымъ руководствомъ Бакунина и его ближайшихъ сторонниковъ. Тамъ же встрѣчались элементы, «скорѣе разсѣянные, чѣмъ составлявшіе организованную группу, которая вынесла изъ предшествовавшихъ фазисовъ русскаго движенія наклонность отодвигать социалистическіе принципы, организацію рабочихъ и классовую борьбу на второй планъ, ставя для Россіи на первое мѣсто продолженіе борьбы противъ абсолютизма: элементы будущаго русскаго якобинства, «Набата». Второстепенными центрами въ Швейцаріи были Локарно, «столица анархизма», гдѣ жилъ Бакунинъ, и Женева, гдѣ работала русская типографія, основанная петербургскимъ кружкомъ («чайковцевъ») и перешедшая изъ-подъ руководства Александра (оставшагося въ Цюрихѣ) въ руки Лазаря Гольденберга; тамъ же основались остатки утинскаго кружка, враждебнаго бакунистамъ, отъ котораго послѣ выхонокъ Утина противъ Бакунина, однако, всѣ сторонились.

Цюрихъ былъ случайнымъ центромъ русскаго политическаго движенія главнымъ образомъ благодаря тому, что именно здѣсь осѣли женщины, прибывшія изъ Россіи въ цѣляхъ полученія здѣсь высшаго и главнымъ образомъ медицинскаго образованія. Въ рядахъ этихъ прибывшихъ сюда женщинъ были и нѣкоторыя изъ тѣхъ, которыя фигурировали впослѣдствіи въ «процессѣ 50-ти», какъ Бардина, Лидія Фигнеръ, двѣ Любатовичъ, три Субботины, Александра, Каменская и др., извѣстные тогда въ Швейцаріи подъ именемъ «москочковъ».

Брэммеръ-Шлюссель былъ центромъ бакунистовъ, гдѣ руководящею личностью былъ Россъ (Сажинъ), которому Бакунинъ передалъ почти всю русскую отрасль своихъ дѣлъ, и въ кругу товарищей котораго были особенно замѣтны Смѣцкая, Ралли, Гольштейнъ, Эльсницъ. Двѣ русскія бібліотеки были открыты для сторонниковъ двухъ соперничающихъ фракцій. До 200 слушателей собиралось на русскіе рефераты о «роли славянъ въ исторіи», о «началахъ христіанства», объ «эволюціи мысли вообще» (въ числѣ лекторовъ былъ и Лавровъ) и на пренія по разнымъ текущимъ вопросамъ. Здѣсь въ аудиторіи присутствовала, между прочимъ, Вѣра Фигнеръ, игравшая впослѣдствіи такую видную роль въ судьбѣ партіи «Народной воли», а также князь Александръ Кропоткинъ, братъ Петра Кропоткина, столь удачно и смѣло бѣжавшаго изъ-подъ стражи въ 1876 году и ставшаго затѣмъ послѣ Бакунина самымъ виднымъ апостоломъ анархіи въ Западной Европѣ. Съ послѣднимъ намъ еще придется встрѣтиться при повѣствованіи о дѣятельности «народниковъ-пропагандистовъ» въ Россіи. Въ 1874 году колонія эмигрантовъ усилилась прибытіемъ бѣжавшаго изъ ссылки въ Иркутскъ Германа Лопатина, въ свое время, какъ мы знаемъ, содѣйствовавшаго бѣгству Лаврова изъ Кадникова. Лопатинъ привезъ съ собою рукопись Чернышевскаго «Прологъ къ прологу», которую

по порученію автора и передалъ въ редакцію журнала «Впередь!», въ коемъ онъ и самъ принялъ самое дѣятельное участіе.

Скопленію русскихъ въ Швейцаріи и въ особенности въ Цюрихѣ было положено нѣкоторое ограниченіе офиціальнымъ объявленіемъ русскаго правительства, напечатаннымъ въ № 120 «Правительственнаго Вѣстника» за 1873 г., гдѣ было сказано:

Въ началѣ шестидесятихъ годовъ нѣсколько русскихъ дѣвушекъ отправились за границу для слушанія лекцій въ цюрихскомъ университетѣ.

Первоначально число ихъ оставалось крайне ограниченнымъ, но въ послѣдніе два года начало быстро возрастать, и въ настоящее время въ цюрихскомъ университетѣ и тамошней политехнической школѣ считается болѣе ста русскихъ женщинъ. Между тѣмъ до правительства начали доходить все болѣе и болѣе неблагопріятныя о нихъ свѣдѣнія. Одновременно съ возрастаніемъ числа русскихъ студентовъ, коноводы русской эмиграціи избрали этотъ городъ центромъ революціонной пропаганды и обратили всѣ усилія на привлеченіе въ свои ряды учащейся молодежи. Подъ ихъ вліяніемъ научныя занятія бросались для безплодной политической агитаціи. Въ средѣ русской молодежи обоего пола образовались различныя политическія партіи самыхъ крайнихъ отгѣнковъ. Славянское социаль-демократическое общество, центральный революціонный славянский комитетъ, славянская и русская секціи интернаціональнаго общества открылись въ Цюрихѣ и считаютъ въ числѣ своихъ членовъ немало русскихъ молодыхъ людей и женщинъ. Въ русской библіотекѣ, въ которую нѣкоторые наши издатели доставляютъ бесплатно свои журналы и газеты, читаются лекціи, имѣющія исключительно революціонный характеръ: «Пугачевскій бунтъ», «Французская революція 1870 года»,—вотъ обычныя темы лекторовъ. Посѣщеніе сходокъ рабочихъ сдѣлалось обычнымъ занятіемъ дѣвушекъ, даже такихъ, которыя не понимаютъ по-нѣмецки и довольствуются изустными переводами своихъ подругъ. Политическая агитація увлекаетъ молодыхъ, неопытныхъ головы и даетъ имъ фальшивое направленіе. Сходки, борьба партій довершаютъ дѣло и сбиваютъ съ толку дѣвушекъ, которыя искусственное, безплодное волненіе принимаютъ за дѣйствительную жизнь. Вовлеченныя въ политику дѣвушки поддаются подъ вліяніе вожаковъ эмиграціи и становятся въ ихъ рукахъ послушными орудіями. Иныя по два, по три раза въ годъ ѣздятъ изъ Цюриха въ Россію и обратно, перевозятъ письма, порученія, прокламаціи и принимаютъ живое участіе въ преступной пропагандѣ. Другія увлекаются коммунистическими теоріями свободной любви и, подъ покровомъ фиктивнаго брака, доводятъ забвеніе основныхъ началъ нравственности и женскаго цѣломудрія до крайнихъ предѣловъ. Недостойное поведеніе русскихъ женщинъ возбудило противъ нихъ негодованіе мѣстныхъ жителей, и даже квартирныя хозяйки неохотно принимаютъ ихъ къ себѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣвушекъ пали до того, что специально изучаютъ ту отрасль акушерскаго искусства, которая во всѣхъ странахъ подвергается и карѣ уголовныхъ законовъ, и презрѣнію честныхъ людей.

Такое нравственное паденіе не можетъ не обратить на себя серьезнаго вниманія правительства. Нельзя забывать, что эти женщины возвратятся когда-нибудь въ Россію и будутъ женами, матерями и воспитательницами. Нельзя не остановиться на страшномъ вопросѣ: какое поколѣніе могутъ возрастить такія женщины?

Правительство не можетъ и не должно оставаться равнодушнымъ зрителемъ нравственнаго растлѣнія, подтачивающаго часть, хотя и не-

значительную, русской молодежи. Оно совнаетъ свою непреложную обязанность бороться съ возникающимъ зломъ и рѣшилось употребить всѣ зависящія отъ него мѣры, впрочемъ, преимущественно предупредительныя.

Правительство постоянно съ сочувствіемъ относилось къ потребности высшаго образованія для женщинъ, являющейся въ болѣе даровитыхъ и любознательныхъ личностяхъ. При нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ IV отдѣленію собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, учреждены особые педагогическіе курсы, если и не имѣющіе характера высшихъ учебныхъ заведеній, то тѣмъ не менѣе значительно превышающіе общій уровень женскаго образованія. Кромѣ того, министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило въ Петербургѣ и Москвѣ особые курсы, читаемые профессорами университетовъ въ объемѣ университетскаго образованія. Наконецъ, при императорской медико-хирургической академіи учрежденъ въ видѣ опыта на четыре года особый курсъ для приготовленія ученыхъ акушеровъ и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія составляются соображенія объ учрежденіи подобныхъ курсовъ при всѣхъ университетахъ, имѣющихъ медицинскіе факультеты. Независимо отъ сего, въ настоящее время Высочайше повелѣно предъставить проектъ учрежденія высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній со строго опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ, первоначално въ Петербургѣ и въ Москвѣ, а затѣмъ, по мѣрѣ изысканія средствъ, и въ другихъ университетскихъ городахъ. Такимъ образомъ, создавая и поддерживая учрежденія, удовлетворяющія существующей среди женщинъ потребности въ высшемъ образованіи, правительство даетъ желающимъ полную возможность приобрѣсть и научныя знанія въ предѣлахъ отечества. Но нѣтъ сомнѣнія, что не одна жажда знанія привлекаетъ русскихъ женщинъ въ Цюрихъ. Если западно-европейскія государства, значительно опередившія насъ въ образованіи, между тѣмъ точно такъ же не допускающія женщинъ въ высшія учебныя заведенія, доставляютъ цюрихскому университету самый ничтожный контингентъ слушательницъ, составляющій въ совокупности менѣе 20 процентовъ числа однѣхъ русскихъ студентокъ, то трудно не прийти къ заключенію, что большинство нашихъ юныхъ соотечественницъ поступаетъ въ цюрихскій университетъ подъ вліяніями, не имѣющими ничего общаго съ стремленіемъ къ образованію. Легкомысленная пропаганда нѣкоторой части нашей журналистики, ложное пониманіе назначенія женщины въ семьѣ и обществѣ, увлеченіе модными идеями — всѣ эти причины болѣе или менѣе вліяютъ на громадный сравнительно наплывъ русскихъ женщинъ въ Цюрихъ. Коноводы нашей эмиграціи ловко пользуются всѣми обстоятельствами и, увлекая молодыхъ, неопытныхъ дѣвушекъ въ вихрь политической агитаціи, губятъ ихъ безвозвратно. Правительство не можетъ допустить мысли, чтобы два-три докторскіе диплома могли искупить зло, происходящее отъ нравственнаго растлѣнія молодого поколѣнія, и потому признаетъ необходимымъ положить конецъ этому ненормальному движенію.

Вслѣдствіе сего правительство заблаговременно предупреждаетъ всѣхъ русскихъ женщинъ, посѣщающихъ цюрихскій университетъ и политехникумъ, что тѣ изъ нихъ, которыя послѣ 1 января будущаго 1874 года будутъ продолжать слушаніе лекцій въ этихъ заведеніяхъ, по возвращеніи въ Россію, не будутъ допускаемы ни къ какимъ занятіямъ, разрѣшеніе или дозволеніе которыхъ зависитъ отъ правительства, а также къ какимъ бы то ни было экзаменамъ или въ какое-либо русское учебное заведеніе.

Правительство надѣется, что такое заблаговременное заявленіе избавитъ его отъ печальной необходимости подвергать кого-либо означеннымъ ограниченіямъ.

VII.

Русскія студентки Цюриха покорились велѣнію правительства, вернулись на родину, но это возвращеніе, какъ намъ уже извѣстно изъ показаній Степняка-Кравчинскаго ¹⁾, послужило лишь къ скорѣйшему распространенію въ Россіи идей международнаго социализма. Этотъ же циркуляръ явился причиною, въ связи съ выдачею Нечаева, что русская эмиграція начала опасаться цюрихскихъ властей и понемногу искать себѣ убѣжища въ иныхъ центрахъ, какъ Швейцаріи, такъ и другихъ европейскихъ странъ, напримѣръ, въ Лондонѣ, куда и была перенесена типографія и редакція журнала «Впередь!», какъ равно здѣсь же былъ основанъ органъ Ткачева «Набатъ».

Заставивъ русскихъ учащихся дѣвушекъ вернуться на родину, русское правительство въ слѣдующемъ 1874 году опубликовало и новый указъ, которымъ въ точности выясняло главнѣйшія тогдашнія революціонныя силы, нашедшія себѣ пристанище на Западѣ, которыя оно считало для себя опасными и въ рукахъ которыхъ дѣйствительно сосредоточивались главнѣйшія шти отечественнаго революціоннаго движенія. Въ этомъ указѣ было сказано ²⁾:

«Изъ 19-ти нижепоименованныхъ русскихъ подданныхъ 15 чело-вѣкъ удалены за границу безъ установленныхъ письменныхъ видовъ, а остальные четверо, хотя при выѣздѣ ихъ за границу и были снабжены паспортами, но, вопреки даннымъ имъ разрѣшеніямъ на отлучку, находятся внѣ отечества болѣе пяти лѣтъ, почему также относятся къ числу лицъ, проживающихъ за границею безъ дозволенія правительства.

«Вслѣдствіе сего всѣмъ этимъ лицамъ объявляется вызовъ, приглашающій ихъ къ возврату въ отечество въ теченіе шестимѣсячнаго срока со дня настоящей публикаціи, съ предупрежденіемъ, что если они и засимъ не подчинятся требованію правительства по исполненію правилъ объ отлучкахъ русскихъ подданныхъ за границу, то съ ними будетъ поступлено по всей строгости законовъ.

«Вызовъ сей дѣлается: 1) бывшему студенту медико-хирургической академіи Василию Александрову; 2) дворянину Михаилу Бакунину; 3) бывшему студенту технологическаго института Лазарю Гольденбергу; 4) студенту московскаго университета Владимиру Гольштейну; 5) дворянину Николаю Жуковскому; 6) отставному полковнику Петру Лаврову; 7) кандидату правъ Герману Лопатину; 8) дворянину Николаю Огареву; 9) бывшему уланскому офицеру Владимиру Озерову; 10) бывшему студенту медико-хирургической академіи Земфірію Ралли; 11) бывшему студенту технологи-

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1909 г., май.

²⁾ «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ», т. I.

скаго института Михаилу Сажину; 12) бывшему студенту с.-петербургскаго университета Селину Серебренникову; 13) студенту московскаго университета Валеріану Смирнову; 14) отставному подполковнику Николаю Соколову; 15) кандидату правъ Петру Ткачеву; 16) дворянину Антону Трусову; 17) бывшему студенту с.-петербургскаго университета Николаю Утину; 18) бывшему студенту казанскаго университета Михаилу Эльпидину и 19) студенту московскаго университета Александру Эльсницу.

Изъ названныхъ лицъ, за исключеніемъ Утина, никто не вернулся на родину и не отозвался на зовъ правительства, явивъ собою то главное ядро русской политической эмиграціи, которое продолжала въ теченіе 70-хъ годовъ главнымъ образомъ работать на поприщѣ печатнаго дѣла и созданія тѣхъ фракцій, около которыхъ постоянно группировались послѣдующіе бѣглецы изъ Россіи. По поводу дѣятельности въ этомъ направленіи Лавровъ говоритъ ¹⁾:

«Въ продолженіе всего времени, пока центръ русскаго заграничнаго движенія оставался въ Цюрихѣ, и послѣ 1874 г. всѣ фракціи дѣйствовали энергически, проводя каждая свое мнѣніе.

«Первый печатный листокъ, выпедшій изъ типографіи «Впередь!» было обращеніе къ «Русскимъ цюрихскимъ студенткамъ» по поводу только что указаннаго погрома (именно рѣчь, произнесенная при этомъ редакторомъ). Затѣмъ въ іюлѣ 1873 г. появился первый томъ неперіодическаго изданія «Впередь!», въ мартѣ 1874 г. второй. Тогда же изданы «Письма безъ адреса» Чернышевскаго.

«Бакунисты издали въ 1873 г. «Государственность и анархія», «Историческое развитіе интернаціонала», въ 1874 г. «Анархія и Прудонъ». Къ той же фракціи, но, насколько извѣстно, независимо отъ вліянія Бакунина, принадлежала «революціонная группа русскихъ анархистовъ», издавшая брошюры: «Къ русскимъ революціонерамъ» (1874) и «Парижская коммуна» (1874).

«Женевская типографія выпустила 17 изданій.

«Якобинцы издали 7 карикатурныхъ листковъ, направленныхъ сообща противъ редактора «Впередь!» и противъ бакунистовъ (особенно Росса), причемъ инныя изъ этихъ карикатуръ были довольно остроумны съ точки зрѣнія издателя.

«Всѣ эти фракціи сносились съ Россіей приблизительно одними и тѣми же путями и, большею частью, при помощи однихъ и тѣхъ же посредниковъ на границѣ, которые получали и переправляли въ Россію транспорты изданій, войдя въ сношенія съ контрабандистами. Въ этой спеціальной функціи особенную благодарность отъ всѣхъ фракцій заслужили тогда Зунделевичъ и Финкельштейнъ Литвиновъ. И въ Россіи пути распространенія изданій для всѣхъ

¹⁾ «Народники-пропагандисты».

«Истор. вѣстн.», сентябрь, 1909 г., т. сxvii.

фракцій были почти одни и тѣ же. Больше или меньше распространіе имѣли въ пропагандистскихъ и агитаціонныхъ кружкахъ тѣ или другія изданія не по тому, отъ какой заграничной фракціи они получались, но по тому, насколько они соотвѣтствовали настроенію молодежи въ Россіи въ это время. Такъ какъ рядомъ съ пропагандо-живымъ словомъ въ народѣ распространіе книгъ, брошюръ и агитаціонныхъ листовъ было главнымъ дѣломъ русскихъ революціонеровъ этой эпохи, то очень быстро организовался способъ этого распространія, весьма успѣшный и неизбѣжно ослабѣвшій въ послѣдующіе періоды движенія, такъ какъ самыя живыя силы направились тогда на другую дѣятельность. Годы 1874 и 1875 представили въ этомъ отношеніи наилучшую организацію распространія подпольной литературы. Хотя, конечно, и тутъ были провалы болѣе или менѣе чувствительные.

«Рядомъ съ организаціей распространія въ Россіи подпольной литературы довольно искусно были организованы и сообщенія русскихъ мѣстныхъ агитаторовъ съ заграничными группами (особенно съ Цюрихомъ и Женевой). Фабрикація фальшивыхъ паспортовъ процвѣтала. Личности, занимавшія вполнѣ легальное положеніе, являлись подъ фантастическими именами какъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, такъ и въ заграничныхъ русскихъ колоніяхъ. Интернированные въ уѣздныхъ городахъ находили, если желали этого, готовые способы бѣжать за границу».

Описывая же непосредственно рабочую жизнь своей редакціи, Лавровъ повѣствуетъ:

«Сношенія группы «Впередь!» съ Россіей къ концу 1874 года ухудшились. Враждебность бакунистовъ при веденіи сообщенія дѣла въ Россіи и при общихъ опасностяхъ ослабѣла, а появленіе общаго литературнаго врага въ «Набатѣ» не могло не сблизить группы, бывшія одинаково социалистическими. Сближеніе въ Лондонѣ съ Марксомъ, живыя сношенія съ нѣмецкими социаль-демократами дали сторонникамъ «Впередь!» въ Европѣ прочное положеніе, на которое трудно было надѣяться его редактору въ концѣ 1872 года и при началѣ лѣта. Безсиліе, обнаруженное бакунистскою фракціей интернаціонала въ Европѣ, организовать помимо генеральнаго совѣта и устроить сколько-нибудь вліятельные конгрессы, отразилось и въ Россіи ослабленіемъ бакунизма, какъ опредѣленной партіи. Корреспонденціи начали въ большемъ количествѣ притекать въ редакцію «Впередь!». Обѣщанія сотрудничества и матеріальной помощи были еще значительнѣе. Въ концѣ 1874 года редакторъ предложилъ своимъ товарищамъ по литературной и типографской работѣ перейти къ періодической формѣ изданія. Съ 1 января 1875 г. стала появляться газета «Впередь!» 1-го и 15-го каждаго мѣсяца. Тотъ самый энтузіазмъ, который толкалъ въ 1873—1875 годахъ въ Россіи толпы молодежи въ народъ, который вырабатывалъ изъ цюрих-

скихъ наборщицъ «Впередь!» «московокъ» процесса 50-ти и воплощался предъ судьями въ рѣчахъ Бардиной, Алексѣева и др., тотъ же самый энтузіазмъ поддерживалъ социалистическое «подвижничество монастыря» на высотахъ Головзья. Тамъ неумоимо писалъ, въ одной комнатѣ, днемъ и ночью первый секретарь редакціи Вал. Ник. Смирновъ. Тамъ, въ другой, работали на 4 кассахъ ¹⁾ наборщики и наборщицы, иногда совершая невѣроятные подвиги. Когда же нумеръ газеты былъ набранъ, и утомленные наборщики спали, тамъ до 3 и 4 часовъ ночи метранпажъ (Ал. Лог. Линева) подготавливалъ формы, которыя надо было утромъ отправить въ типографію, и отъ времени до времени спускался по лѣстницѣ въ кабинетъ редактора, чтобы сообщать устранить возникшія затрудненія (выбросить двѣ-три лишнія строки или прибавить новыя для пополненія оставшагося на страницѣ мѣста, или же замѣнить слова съ слишкомъ большимъ числомъ буквы *ц* другими; шрифтъ былъ въ обрѣзъ, и этой несчастной буквы *ц* очень часто не хватало, и т. п.). Только этой неумоимости и этому энтузіазму можно приписать, что газета, издаваемая эмигрантами, при весьма немногочисленныхъ литературныхъ средствахъ, ни разу въ продолженіе двухъ лѣтъ не опоздала выходомъ ²⁾. Кромѣ толстаго № 3 неперіодическаго изданія и 48 №№ газеты (за 1875 и 1876 года) въ это же время изданы особо: «Въ память столѣтія Пугачева», «По поводу самарскаго голода», «Общественная служба въ будущемъ обществѣ», «Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ» (это былъ собственно первый — и единственный — выпускъ № 4 «Впередь!» неперіодическаго изданія): «Хитрая механика» (2 изданія), «Мудрица Наумовна», «Прологъ къ прологу» Чернышевскаго (1877 г.).

«Внѣ издательскаго дѣла лондонская группа «Впередь!», по мѣрѣ возможности, удѣляла часть своей дѣятельности и на дѣло непосредственной пропаганды. Въ ея Головзѣйскій монастырь являлись порою тайно представители разныхъ революціонныхъ или болѣе мирныхъ кружковъ русской оппозиціи; позже и делегаты изъ дѣйствующихъ въ Россіи группъ. Тамъ можно было иногда видѣть Лизогуба съ его раздражительнымъ больнымъ пріятелемъ Ф., не допускавшимъ даже временнаго самостоятельнаго хозяйства общинъ изъ опасенія ихъ конкуренціи, способной повредить социалистической солидарности. Тамъ можно было встрѣтить послѣ разгрома 1874 года новыхъ эмигрантовъ, игравшихъ крупную роль

¹⁾ Припоминаю одинъ фактъ; бывшій военный, по прозвищу «капитанъ», никогда не занимавшійся наборомъ до пріѣзда въ Лондонъ, въ однѣ сутки набралъ, насколько помню, мой отвѣтъ Ткачеву. Л.

²⁾ Я могу утверждать самымъ рѣшительнымъ образомъ, что безъ только что упомянутой неумоимой дѣятельности В. Н. Смирнова по литературной отрасли работъ и А. Л. Линева по технической «Впередь!» не просуществовалъ бы двухъ-трехъ мѣсяцевъ. Л.

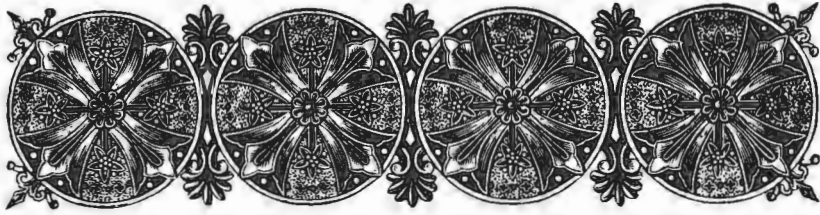
въ движеніи въ народъ 1873—1874 годовъ. Можно было встрѣтить, вслѣдъ за его знаменитымъ бѣгствомъ, и П. Кропоткина, начинавшаго, послѣ своей дѣятельности въ Россіи въ кружкахъ чайковцевъ-анархистовъ, свою интернаціональную анархическую дѣятельность, доставившую ему міровую извѣстность. Оттуда шли проповѣдывать социализмъ на собраніяхъ лондонскихъ евреевъ Либерманъ, пріѣхавшій въ Лондонъ съ мыслью воспользоваться традиціей мессіанизма для толкованія ея въ смыслѣ социализма, но скоро оставившій этотъ планъ для социалистической пропаганды въ обычной формѣ, и Л. Гольденбергъ, оставившій женевскую типографію, причемъ подобная проповѣдь подвергала ихъ иногда и личной опасности среди евреевъ, фанатизированныхъ ихъ раввинами. Оттуда Либерманъ поѣхалъ въ Германію основать первый еврейскій социалистическій органъ. Тамъ являлись временами наборщиками самыя разнообразныя личности: бывшіе военные, будущіе мировые посредники или участники земскаго дѣла, уроженцы и уроженки Екатеринбургa или Кавказа. Оттуда заводились сношенія и съ экипажами русскихъ судовъ, пріѣзжавшихъ въ Лондонъ. Тамъ, подъ знаменемъ социализма, русскіе братались на общественныхъ собраніяхъ съ поляками, сербами, чехами и посылали вмѣстѣ прокламаціи въ Америку. Но, конечно, главнымъ дѣломъ были изданія».

Пока такимъ образомъ мобилизовались за границею революціонныя силы и такъ представители ихъ слагали свою жизнь и дѣятельность, на родинѣ происходила кипучая работа по формированію «Комунъ» и «кружковъ», изъ которыхъ и вышли «народники-пропагандисты», объявившіе въ 1873 году крестовый походъ «въ народъ», закончившійся такъ печально грандіозными процессами «50-ти» и «193» гдѣ передъ нами прошли дѣйствующія лица русской революціи въ ея тогдашнемъ состояніи и будущемъ развитіи.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Б. Глинскій.

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ КОСТРОМѢ.

ВЪ ПОСЛѢДНИХЪ числахъ минувшаго іюня, а именно съ 21-го по 29-ое, состоялся въ городѣ Костромѣ очередной четвертый областной историко-археологическій съѣздъ; предыдущіе областные съѣзды были въ Ярославлѣ, Твери и Владимирѣ. Для невзрачнаго, сравнительно небольшого и малонаселеннаго (всего около 40 т. жителей), «одноэтажнаго» города это было своего рода торжество, которое имѣло ближайшею цѣлью поднять на новыя научныя работы членовъ мѣстной архивной комиссіи и вообще мѣстное интеллигентное общество. Не отличаясь большою древностью и не обладая бросающимися въ глаза историческими памятниками, Кострома представляется едва ли не каждому новому путнику лишенною многихъ признаковъ болѣе или менѣе благоустроеннаго города, даже въ лучшее лѣтнее время. Прежде всего убійственной является самая переправа, допустимая лишь на захолустныхъ почтовыхъ трактахъ, съ полуразрушеннаго недавнимъ пожаромъ вокзала въ городъ: сначала болѣе версты на извозчикѣ по грязной, кой-гдѣ усѣянной огромными булыжниками, дорогѣ; затѣмъ на ветхомъ паромѣ, который тащить готовый при малѣйшемъ вѣтрѣ рухнуть паромодъ г. Бычкова, собирающаго большую ленту съ перевозимыхъ, и наконецъ опять на извозчикѣ, еле поднимающемъ въ гору разваливающіяся дрожки и въ то же время взимающемъ очень высокую плату и по таксѣ и безъ таксы «на чаекъ». Далѣе, невозможная городская мостовая, покрывающая только средину улицы, приблизительно

третью ея часть, и то на центральныхъ, болѣе людныхъ проспектахъ и улицахъ; едва ли не единственная сносная гостиница, но по своимъ цѣнамъ превосходящая даже лучшія столичныя; непроходимая набережная, почти закрывающая доступъ къ парходнымъ пристанямъ; убогій гостиный дворъ и почти сплошь мелкія деревянныя и кой-гдѣ каменныя постройки,—все это вмѣстѣ взятое вынуждаетъ сказать, что Кострома, вдобавокъ еще сохранившая до сихъ поръ ночныхъ сторожей съ колотушками и удовлетворяющаяся однимъ «Поволжскимъ Вѣстникомъ», составляемымъ подъ диктовку мѣстной высшей администраціи, сильно отстала отъ своихъ сосѣдей, поволжскихъ губернскихъ городовъ, не только въ количествѣ населенія, но и въ отношеніи самаго необходимаго благоустройства, являясь для XX вѣка большимъ анахронизмомъ. Единственное мѣсто, на которомъ можетъ еще остановить свое вниманіе и гдѣ можетъ отохнуть отъ пыли и міазмовъ костромской житель,—это общественный садъ, но послѣдній, можно сказать, загрязненъ господствующимъ тамъ трактирнымъ буфетомъ.

Если настоящее города Костромы, свидѣтельствующее болѣе всего о бѣдности его жителей, въ особенности дворянскаго сословія, и загадочное будущее производятъ тяжелое впечатлѣніе на путешественника и какъ бы гонять его отъ себя,—то ученый обозрѣватель мѣстныхъ церковно-историческихъ памятниковъ найдетъ здѣсь обильную пищу, тѣмъ болѣе, что, по странной, но свойственной русскимъ людямъ случайности, эти памятники до послѣднихъ дней оставались мало изслѣдованными. Въ виду этого-то мы въ своей замѣткѣ о IV областномъ историко-археологическомъ съѣздѣ остановимся преимущественно на церковныхъ древностяхъ города Костромы и затѣмъ только скажемъ нѣсколько словъ о самомъ съѣздѣ и болѣе крупныхъ докладахъ на немъ, предпославъ всему изложенію весьма краткое обозрѣніе историческихъ судебъ города Костромы.

I.

Краткія историческія свѣдѣнія о Костромѣ. Памятникъ Ивану Сусанину въ Костромѣ.

Первое лѣтописное упоминаніе о Костромѣ относится къ 1213 г., когда этотъ городокъ во время междоусобной борьбы сыновей великаго князя Всеволода III («Большое гнѣздо») — Константина Ростовскаго и Юрія Владимиро-Суздальскаго — былъ сожженъ Константиномъ, а жители его уведены въ плѣнъ въ Ростовъ. Въ виду этого извѣстія вѣроятнѣе всего остановиться на томъ предположеніи, что основаніе Костромы относится къ концу XII вѣка. Мѣстные же историки склонны отодвинуть время основанія даже

къ IX вѣку, основываясь, главнымъ образомъ, на миеологическомъ объясненіи самаго слова «Кострома», которое, по ихъ мнѣнію, есть не что иное, какъ названіе божества весны («Весняка») или «въ частности» дѣвицы, представлявшей собою божество «Кострому», во время купальскихъ игрищъ. Первоначально Кострома находилась на противоположномъ правомъ берегу рѣки Волги, но, вслѣдствіе частыхъ набѣговъ татаръ, жители ея переселились на болѣе богатый лѣсами лѣвый берегъ и къ болѣе близкому сосѣдству съ галичанами. Первымъ и единственнымъ костромскимъ самостоятельнымъ княземъ былъ Василій Ярославичъ, по прозванію Квашня (съ 1259 по 1272), сынъ великаго князя Владимирскаго Ярослава (Ѳеодора) Всеволодовича, устроителя перваго храма въ Костромѣ во имя св. Ѳеодора Стратилата. При Василіи Ярославичѣ свершилось и обрѣтеніе на деревѣ, близъ Костромы, въ Запруднѣ, ушедшей изъ Городца чудотворной иконы Божьей Матери Одигитріи, прозванной потомъ Ѳеодоровской и ставшей главною святынею костромичей. Весьма вѣроятно, что при этомъ же князѣ Василіи Квашнѣ, умершемъ въ 1276 г. великимъ княземъ Владимирскимъ, но продолжавшемъ жить въ Костромѣ, было положено основаніе костромскому кремлю и выстроены новый каменный храмъ во имя Успенія Богоматери, въ который и перенесли Ѳеодоровскую икону.

Послѣ 1276 г. Кострома, какъ удѣльный городъ сначала князей Владимирскихъ, а потомъ Московскихъ, со времени Іоанна Калиты (1328—1340), управлялась намѣстниками и воеводами, по назначенію князей; вмѣстѣ съ Галичемъ не разъ подвергалась опустошительнымъ нападеніямъ новгородскихъ ушкуйниковъ и татаръ и особенно пострадала во время послѣдней борьбы московскихъ князей съ князьями Галичскими и въ смутное время. О роли Костромскаго края въ послѣднюю эпоху, а именно въ 1613 г., когда Кострома съ своимъ Ипатьевскимъ монастыремъ оказали государству величайшую историческую услугу, скажемъ въ своемъ мѣстѣ, когда рѣчь дойдетъ до названнаго монастыря. Послѣ 1613 года наиболѣе крупное событіе въ исторической жизни Костромской губерніи—это участіе костромскихъ дворянъ въ борьбѣ съ Наполеономъ въ 1812—1815 гг., составившихъ, по примѣру другихъ губерній, свое ополченіе въ 16¹/₂ тыс. человѣкъ и пожертвовавшихъ большія суммы денегъ.

Въ XV ст., при раздѣленіи Россіи царемъ Іоанномъ III на 4 губерніи—Новгородскую, Рязанскую, Тверскую и Галичскую, Костромской край былъ отнесенъ къ послѣдней. Въ продолженіе XVI и XVII ст. въ административномъ отношеніи онъ раздѣлялся на двѣ части: сѣверную, состоявшую въ вѣдомствѣ Галичской чети, и южную—въ управленіи Костромской чети. Въ 1708 г. Костромской край вошелъ въ составъ трехъ губерній: Московской, Архан-

гелогородской и Казанской; въ 1719 г. Кострома обращена въ провинціальный городъ Московской губерніи, и только въ 1778 г., съ образованіемъ костромского намѣстничества, становится главнымъ городомъ послѣдняго. Наконецъ, императоръ Павелъ I въ 1796 г. переименовалъ намѣстничество въ губернію, раздѣленную на одиннадцать уѣздовъ, и Кострому сдѣлалъ губернскимъ городомъ.

Изъ сказаннаго видно, что историческая жизнь города Костромы и Костромского края не богата крупными общегосударственными событіями. Едва ли не единственнымъ крупнѣйшимъ, высокой государственной важности фактомъ служить то, что нынѣшній Костромской уѣздъ заключалъ вотчинныя владѣнія бояръ Романовыхъ, что, благодаря костромскому крестьянину Ивану Сусанину, Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ нашелъ спасеніе въ костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ отъ покушавшихся на его жизнь поляковъ и что отсюда, призванный московскими людьми, Михаилъ Ѳеодоровичъ пошелъ на царство въ Москву, начавъ собою новую царственную династію, благополучно царствующую и понынѣ. Фактъ спасенія Михаила Ѳеодоровича увѣковѣченъ, хотя и поздно, единственнымъ ¹⁾ въ городѣ памятникомъ гражданской исторической жизни этого края. Только къ 1834 году, ко времени прибытія въ Кострому императора Николая I, у костромскихъ дворянъ созрѣла мысль ознаменовать подвигъ Сусанина особымъ памятникомъ. Одобренная высочайше въ іюлѣ слѣдующаго года, эта мысль была окончательно осуществлена лишь въ 1851 году, когда вполнѣ отдѣланный и стойвшій всего 43½ тысячи рублей этотъ памятникъ былъ наконецъ освященъ и открытъ. Онъ представляетъ собою гранитную колонну, увѣнчанную бронзовымъ бюстомъ царя Михаила Ѳеодоровича, въ шапкѣ Мономаха. У подножія колонны съ лѣвой стороны колѣнопреклоненно молящійся Иванъ Сусанинъ, вылитый изъ бронзы, съ правой—родословная и двѣ царскія милостивыя грамоты потомству Сусанина; въ барельефѣ на лицевой сторонѣ пьедестала—мученическая смерть Сусанина. Наверху колонны, подъ бюстомъ Михаила Ѳеодоровича, гербъ всеросійскій, а подъ нимъ старый гербъ Костромской губерніи ²⁾. На задней сторонѣ пьедестала имѣется высѣченная позолоченная надпись: «Ивану Сусанину, за царя, спасителя вѣры и царства, животою своей положившему, благодарное потомство». На двухъ противоположныхъ сторонахъ пьедестала надписи: «1613» и «1851».

¹⁾ О древнемъ кремлѣ и крѣпостныхъ стѣнахъ и валахъ нѣтъ помину уже съ начала XIX вѣка; подробности см. ниже.

²⁾ Въ настоящее время употребляется новый гербъ, Высочайше утвержденный въ 1878 году: «Въ лазуревомъ щитѣ, на серебряной водѣ, золотой древній варяжскій корабль, съ орлиной головой и крыльями въ носовой части, съ парусомъ, флагомъ, на которомъ императорскій орелъ, и съ семью гребцами».

Успенский кафедральный соборъ въ Костромѣ.

II.

Церковно-историческіе памятники Костромы.

Насколько бѣдна Кострома гражданскими и военными историческими памятниками, настолько же она богата «историческими древностями церковнаго характера», которыя относятся, по большей части, къ XVI—XVII вѣкамъ, къ блестящей эпохѣ въ исторіи русскаго искусства и въ частности къ «золотой порѣ русскаго національнаго зодчества». Национальная архитектура на Великой Руси выразилась во владимиристо-суздальскомъ стилѣ, получившемъ свое начало въ половинѣ XII вѣка. Татарскій погромъ задержалъ развитіе русскаго зодческаго генія приблизительно на 200 лѣтъ. За этотъ періодъ времени русское искусство подпало вліянію грековъ и особенно сильно на югѣ Россіи. Со времени Іоанна III сюда присоединилось и вліяніе итальянскихъ художниковъ; но послѣднее имѣло и хорошую сторону въ томъ отношеніи, что русскіе мастера, перенявъ отъ итальянцевъ наиболѣе совершенныя техническіе приемы, стали примѣнять ихъ въ стилѣ владимиристо-суздальской архитектуры. Наступившая вслѣдъ за этимъ эпоха (вторая половина XVI в. и весь XVII вѣкъ) и есть «золотая пора русскаго національнаго зодчества», памятники котораго тѣмъ болѣе необходимо цѣнить и хранить, что національный стиль со времени Петра Великаго сталъ сильно измѣняться подъ вліяніемъ западнаго искусства. Уже во времена императрицы Елизаветы Петровны мы видимъ ярко выраженный стиль рококо (Растрелли), переходящій потомъ въ стиль empire. Въ XIX в. были попытки возродить древне-русское архитектурное искусство, но онѣ не увѣнчались успѣхомъ.

Всю совокупность памятниковъ церковной старины города Костромы, по словамъ проф. Н. В. Покровскаго, можно свести къ слѣдующимъ группамъ: памятники церковной архитектуры, настѣнной живописи, иконописи, металлическаго производства (ювелирнаго и литейнаго), художественнаго шитья и книжной живописи (миніатюры).

Больше всего сохранилось старинныхъ иконъ, почти во всѣхъ костромскихъ церквахъ. Иконы эти любопытны еще и въ томъ отношеніи, что онѣ мало похожи на московскія иконы того же времени и на костромскія же стѣнописи. Въ то время, какъ послѣднія въ своихъ древнѣйшихъ и главнѣйшихъ представителяхъ передаютъ главные типы московскихъ и ярославскихъ росписей XVII в., костромскія иконы стоятъ внѣ того художественнаго движенія, очагомъ котораго была царская школа съ Симономъ Ушаковымъ во главѣ, несмотря на то, что въ этой школѣ находилось немало крупныхъ силъ изъ Костромы, каковы: «первостатей-

Памятникъ Ивану Сусанину.

ные иконописцы» Гурій Никитинъ, Сила Савинъ, Маркъ Назарьевъ, Петръ Аверкіевъ, Иванъ Лопаконъ и др. Оставляя слѣды новаго московскаго направленія въ стѣнныхъ росписяхъ, названные мастера иконописцы, при исполненіи иконъ, строго придерживались старыхъ приемовъ иконописи и старинныхъ образцовъ. Стѣнописямъ, очевидно, они придавали не столько иконографическое, сколько дидактическое и декоративное значеніе.

Однимъ изъ старинныхъ и наиболѣе богатыхъ хранилищъ указанныхъ древностей въ городѣ Костромѣ является *Успенскій соборъ*, построенный на мѣстѣ древняго кремля и состоящій изъ нѣсколькихъ строеній разныхъ столѣтій: двухъ соборныхъ храмовъ—Успенскаго, пятиглаваго (лѣтняго) и Богоявленскаго, одноглаваго, съ большимъ куполомъ (зимняго), 30-саженной колокольни (конца XVIII в.), двухъ каменныхъ двухъэтажныхъ домовъ и флигеля, которые всѣ обнесены высокою каменною оградой, съ нѣсколькими башнями и желѣзными рѣшетчатыми воротами. Слѣдовъ древнѣйшаго сооруженія отъ XIII вѣка отыскать не удалось, но зато, несмотря на рядъ пожаровъ въ XVII и XVIII вв. (особенно сильный въ 1773 г.), Успенскій соборъ носитъ несомнѣнные слѣды XVII в. въ своихъ основныхъ очертаніяхъ, внутреннемъ расположеніи, кладкѣ стѣнъ, богатой настѣнной живописи и пр. Характерную особенность этого храма составляетъ то, что его алтари обращены не на востокъ, какъ обыкновенно, а на сѣверъ, т. е. въ ту сторону, гдѣ была обрѣтена чудотворная Феодоровская икона Божіей Матери. Икона эта, почитаемая за главнѣйшую святыню всего края, мѣрою въ аршинъ и 2¹/₂ вершка, а шириною въ 12 вершковъ, украшена массивною золотою ризою въ 23 фунта и драгоцѣнными камнями, каковыя украшенія цѣнятся въ настоящее время около 24000 рублей. Кромѣ нея, находятся еще, наиболѣе цѣнныя, двѣ другія иконы Феодоровской Божіей Матери (копіи XVII в.), иконы Апокалипсиса евангелиста Іоанна Богослова (начала XVII в.), икона Николая чудотворца Можайскаго въ дѣяніяхъ (начала XVIII в.) и пр.

Изъ другихъ церквей обратили на себя особое вниманіе членовъ съѣзда: церковь Воскресенія Христова, что на Нижней Дебрѣ, и Богоявленскій храмъ, обращенный въ алтарь нынѣшняго Богоявленскаго собора въ монастырѣ того же наименованія.

Воскресенская каменная церковь была сооружена на мѣстѣ прежней деревянной въ 1652 г. «тщаніемъ» московскаго купца Кир. Григ. Исакова. По поводу ея сооруженія сохранилось слѣдующее преданіе. Исаковъ велъ торговлю краснами (холстами) съ Англійей; однажды, разбирая полученные изъ Англійи боченки съ краснами, онъ нашелъ въ числѣ ихъ боченокъ съ золотомъ. На запросъ англійской фирмѣ: какъ поступить съ этимъ золотомъ?—Исаковъ получилъ въ отвѣтъ: «употребить на доброе дѣло». На эти будто бы деньги и была устроена названная церковь «на подклѣтѣхъ», съ тремя русскими

крыльцами и галереями съ трехъ сторонъ. Наружныя стѣны храма и алтарныхъ его абсидъ искусно испещрены художественными украшеніями въ видѣ шахматныхъ полей изъ разноцвѣтныхъ треугольниковъ... Стѣны и углы храма украшены гладкими кирпичными колоннадами. Особенно замѣчательны: орнаментика и кружала на сѣверной сторонѣ храма надъ окнами придѣла; орнаментика главнаго входа или св. вратъ въ храмовую паперть отличается обиліемъ въ ней символическихъ фигуръ. Въ галереяхъ храма хорошо, хотя и не всюду, сохранились исполненныя въ 50-хъ годахъ XVII в. настѣнныя фресковыя живописи. Весьма любопытны, затѣмъ, самыя врата въ церковь, во вкусѣ XVII в., съ 7 особыми отливами въ карнизахъ, 3 колоннами и брусьями на каждой сторонѣ, и иконостасъ, съ цѣлымъ рядомъ иконъ XVII вѣка.

Богоявленскому храму предшествовалъ мужской монастырь, основанный въ половинѣ XV в. старцемъ Никитою и бывший мужскимъ до 1847 г. Храмъ же построенъ въ 1565 году; въ немъ до сихъ поръ сохранилась фресковая живопись отъ 1672 года. Вѣроятно, въ устроеніи монастыря и его церкви принимали большое участіе бояре Салтыковы, Кафтыревы, Хованскіе и др., такъ какъ здѣсь въ изобиліи находятся ихъ усыпальницы, въ особенности представителей рода Салтыковыхъ. Послѣ пожара 1847 г., уничтожившаго монастырь со всѣми постройками, за возстановленіе его принялась игуменья Анастасіина-Крестовоздвиженскаго монастыря, основаннаго еще въ XIV ст., Марія Давыдова, которая и привела Богоявленскій монастырь въ настоящій «величественный» видъ. Особенно богаты древними и цѣнными предметами, составляющими, преимущественно, вклады Салтыковыхъ, князя Дм. Мих. Пожарскаго, князей Волконскихъ, царя Михаила Ѳеодоровича и др., монастырскія ризница и библіотека. Въ нихъ обращаютъ особое вниманіе: семь серебряныхъ вызолоченныхъ напестольныхъ крестовъ, съ драгоценными украшеніями, отъ XVII в.; три серебряныхъ вызолоченныхъ, изящной филигранной работы кадила; двѣ серебряныя вызолоченныя водосвятныя чаши; два оплечья, сплошь вышитыя жемчугомъ; евангелія въ количествѣ 17, изъ которыхъ одно пожертвовано царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ 1635 г.; синодики; назидательнаго характера сборники отъ XV и XVI вѣковъ, и пр. Главными святынями обители являются: чудотворный образъ Смоленской Божіей Матери, сохранившійся невредимымъ въ пожары 1779 и 1887 гг., и образъ св. Николая чудотворца, во имя которыхъ устроены и часовни при монастырѣ.

Изъ остальныхъ церквей XVII в. наибольшаго вниманія заслуживаетъ Спасская церковь за Волгой, построенная въ 1685—1688 гг. Стѣны этой пятиглавой церкви украшены были изразцами, теперь уже закрашенными; въ храмѣ—старинный иконостасъ XVII в.; всѣ внутреннія поверхности храма: алтаря, жертвенника, діаконака,

средняго храма и притворовъ расписаны фресковою живописью (конца XVII в.), уцѣлѣвшою до сихъ поръ безъ крупныхъ исправлений. Особенно характерна фреска: «Плоды страданій Христовыхъ», основная мысль которой заключается въ томъ, что Иисусъ Христосъ своею крестною смертию побѣждаетъ смерть и дьявола, создаетъ церковь Христову и отверзаетъ людямъ райскія двери. Многосложная и замысловатая картина эта снабжена многими надписями и виршами.

III.

Ипатьевскій первоклассный каедральный монастырь.

Болѣе же всего древнихъ и цѣннѣйшихъ предметовъ церковной старины сохранилось въ находящемся въ верстѣ отъ города *Ипатьевскомъ* монастырѣ, который и наиболѣе богатъ историческими воспоминаніями, въ особенности же пребываніемъ въ немъ Михаила Ѳеодоровича Романова и принятіемъ здѣсь послѣднимъ московской короны.

Основаніе монастыря относится къ первой половинѣ XIV в. и, по преданію, приписывается татарскому мурзѣ Чету, предку Сабуровыхъ, Пѣшковыхъ и Годуновыхъ. Отправившись на службу въ Москву, ко двору великаго князя Іоанна Даниловича Калиты, Четъ остановился для отдыха близъ Костромы, на откосѣ, при впаденіи р. Костромы въ Волгу, и «былъ удостоенъ» тамъ «чудеснаго видѣнія Богоматери, апостола Филиппа и священномученика Ипатія». Пораженный этимъ видѣніемъ, онъ немедленно принялъ христіанство, подъ именемъ Захарія, и въ ознаменованіе чуда рѣшилъ построить на томъ мѣстѣ въ честь Ипатія обитель. Съ легкой руки основателя и его ближайшихъ потомковъ, новая обитель стала постепенно возрастать; когда же въ нее посыпались разные «вклады» со стороны великихъ князей и царей: Василія Васильевича, Ивана Васильевича, Ѳеодора Іоанновича, Бориса Годунова, Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича, Іоанна и Петра Алексѣевичей, а также и отъ многихъ знатныхъ бояръ и князей: Годуновыхъ ¹⁾, Па-

¹⁾ Годуновы—главные вкладчики и устроители Ипатьевского монастыря. Дмитрій Ивановичъ Годуновъ и племянникъ его, царь Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ соорудили вокругъ монастыря, на протяженіи 243 сажень, каменную ограду съ шестью боевыми башнями и переходами по внутренней стѣнѣ между ними и амбразурами. Ограда и башни были вооружены пушками, изъ которыхъ девять сохраняются и до сихъ поръ при сѣверныхъ воротахъ монастыря и у царскаго дворца. Въ Ипатьевскомъ монастырѣ находились и три усыпальницы Годуновыхъ, изъ которыхъ въ первой погребены: основатель монастыря съ ближайшими потомками; во второй почитаетъ родъ Стефана, Григорія и Ивана Васильевичей Годуновыхъ, и въ третьей—родъ Никиты и Петра Васильевичей. Въ настоящее время сохранилась только послѣдняя, а въ ней изъ всѣхъ 14 могилъ—только три, съ находящимися при нихъ двумя каменными колодами, изъ которыхъ одна служила гробомъ для большого покойника, а другая для младенца.

Ипатьевский монастырь.

лецкихъ, Гундоровыхъ, Ромодановскихъ, Голицыныхъ и другихъ, она стала одною изъ богатѣйшихъ обитателей и уже съ конца XVI в. именовалась «преименитою лаврою». При учрежденіи въ 1764 г. монастырскихъ штатовъ, за Ипатьевскимъ монастыремъ числилось однѣхъ душъ мужского пола до 12,000, 28 сель и множество деревень въ губерніяхъ—Костромской, Владимирской, Ярославской, Казанской и Симбирской, помимо множества разныхъ подворьевъ, лѣсныхъ дачъ, рыбныхъ ловель и т. д. Нечего и говорить, сколь значительны были вклады разными драгоценными предметами въ ризницу монастыря.

Послѣ 1764 г. Ипатьевскій монастырь долженъ былъ утратить свое прежнее величіе навсегда, но, несмотря на это, въ немъ много уцѣлѣло остатковъ прежняго благосостоянія, которые воскрешаютъ передъ нами важные моменты русской исторіи.

Однимъ изъ важнѣйшихъ историческихъ моментовъ, тѣсно связанныхъ съ Ипатьевскимъ монастыремъ, было призваніе Михаила Ѳеодоровича на царство. Послѣ того, какъ русскимъ ополченцамъ и казакамъ удалось овладѣть въ концѣ 1612 г. Москвою, прогнавъ оттуда поляковъ и воровскія шайки, князь Д. М. Пожарскій особыми грамотами сталъ созывать въ Москву на соборъ по десяти чело-вѣкъ отъ cadaго города для выбора царя. Въ январѣ 1613 г. выборные люди съѣхались въ Москвѣ, и хотя не въ такомъ числѣ, какъ приглашалъ князь Пожарскій, но во всякомъ случаѣ это былъ первый «всесловный» соборъ, соборъ, такъ сказать, «всей земли». Земщина и нѣкоторые немногіе бояре остановили свой выборъ царя на Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Романовѣ, который проживалъ въ это время въ своей костромской вотчинѣ, селѣ Домнинѣ. Слухъ о томъ, что царемъ на соборѣ избранъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, дошелъ и до поляковъ, и вотъ они рѣшили убить его. Довольно значительная польская шайка явилась въ предѣлы нынѣшняго Костромскаго уѣзда, желая проникнуть въ усадьбу Романовыхъ; но поляки не знали туда дороги; провести ихъ взялся крестьянинъ с. Домнина Иванъ Осиповичъ Сусанинъ. Онъ завелъ ихъ въ противоположную отъ вотчины сторону и въ такую непроходимую чащу лѣсовъ, что они всѣ должны были тамъ погибнуть голодною смертію, не найдя выхода изъ лѣса. Сусанинъ, объявившій полякамъ, что онъ сдѣлалъ это съ единственной цѣлью спасенія своего царя, былъ ими изрубленъ. Предупрежденный зятемъ Сусанина, Богданомъ Сабининымъ, о грозящей ему опасности, Михаилъ Ѳеодоровичъ вмѣстѣ съ матерью инокиней Марѳой (въ мѣрѣ Ксеніей Ивановной) переѣхалъ изъ Домнина въ Кострому и поселился въ Ипатьевскомъ монастырѣ, защищенномъ высокою каменною стѣною и имѣвшемъ свой «тайникъ». Здѣсь имъ были отведены такъ называемыя «намѣстническія» кельи, въ которыхъ Михаилъ Ѳеодоровичъ прожилъ всего около мѣсяца.

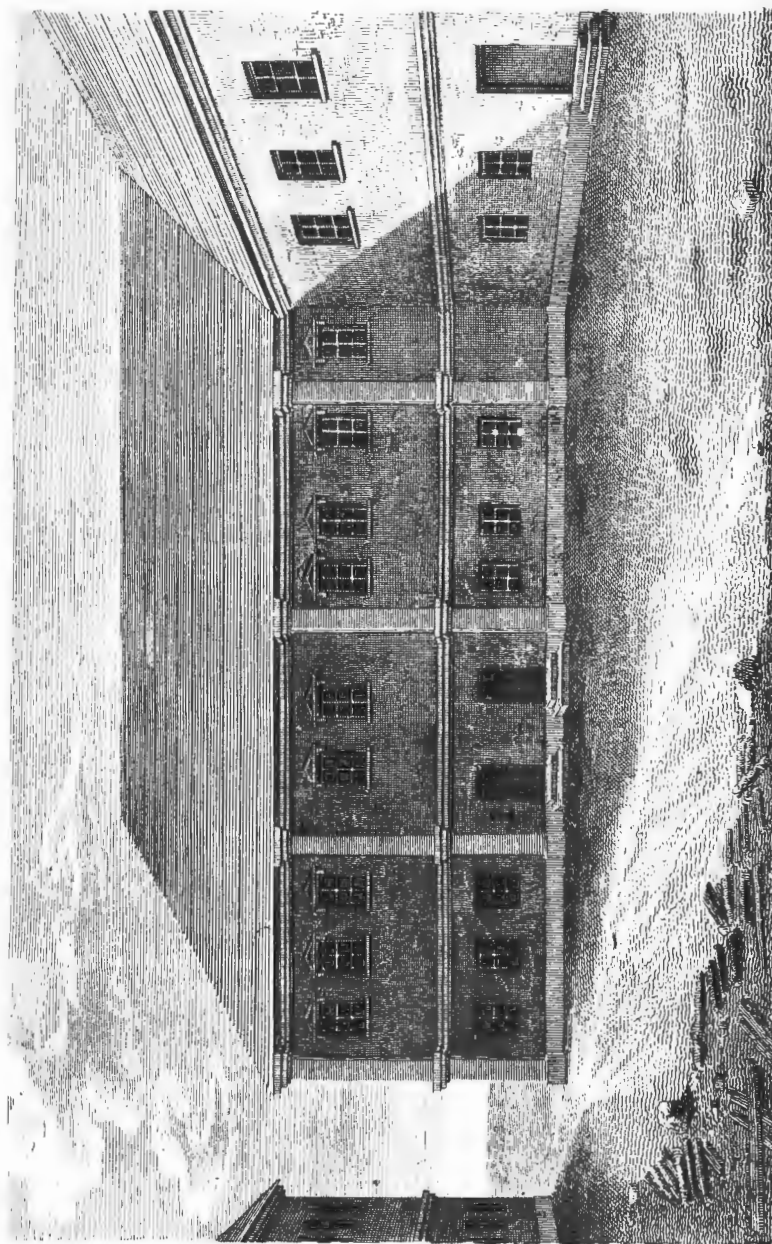

Рис. С. Прохорова. Мокш. 1848 г.

Келья, въ которой жилъ царь Михаилъ Феодоровичъ.

Рѣшивъ 21 февраля 1613 г. окончательно избрать на царство Михаила Ѳеодоровича Романова и даже присягнувъ ему въ Успенскомъ соборѣ, выборщики должны были теперь получить согласіе самого Михаила, но они не знали даже, гдѣ онъ находится, и потому постановили отправить къ нему посольство въ «Ярославль или гдѣ онъ государь будетъ». 13 марта 1613 г. посольство, состоявшее изъ Ѳеодорита, архіепископа рязанскаго и муромскаго, Авраамія Палицына, знаменитаго келаря Троице-Сергіевой лавры, Ѳ. И. Шереметева, по преданію, одного изъ первыхъ, подававшихъ голосъ за Михаила, и др., пріѣхало вечеромъ въ Кострому. Марѳа назначила посламъ явиться на другой день. И вотъ 14 марта посольство, сопровождаемое крестнымъ ходомъ, при огромномъ стеченіи народа, отправилось въ монастырь просить на царство Михаила. Послѣдній и инокиня-мать сперва безусловно отвергли предложеніе пословъ. Марѳа говорила, что московскіе люди «измалодушествовались», что на такомъ великомъ государствѣ «и не ребенку править не подъ силу», и т. п.

Долго посламъ пришлось уговаривать и мать и сына; они употребляли все свое краснорѣчіе, грозили даже небесной карой. Наконецъ, усилія ихъ увѣнчались успѣхомъ. Михаилъ далъ свое согласіе, а мать благословила его. Новый царь, благословенный Ѳеодоровскою иконою Божіей Матери въ Троицкомъ Ипатьевскомъ соборѣ, принялъ отъ пословъ наперсный крестъ и царскій посохъ. Въ память этого событія Михаилъ Ѳеодоровичъ повелѣлъ установить 14 марта празднованіе названной иконы Божіей Матери. 19-го числа того же марта онъ покинулъ Ипатьевскій монастырь, направляясь въ Москву, въ сопровожденіи цѣлой свиты.

Главнѣйшей святыней въ монастырѣ и сокровищницей лучшихъ образцовъ памятниковъ костромской церковной старины является *Троицкій соборъ*, сначала деревянный (при основателѣ монастыря), а потомъ со второй половины XVI в. каменный. Въ соборѣ, построенномъ «на подклѣтяхъ», съ «крытыми галереями» и тремя внутренними дверями, по типу лучшихъ московско-ярославскихъ церквей, сохранились, съ нѣкоторыми повѣйшими исправленіями, настѣнные живописи, которыя, по отзыву знатока церковныхъ древностей, профессора Н. В. Покровскаго, «могутъ быть названы однимъ изъ лучшихъ произведеній московской стѣнописи второй половины XVII в.». Общій иконографическій характеръ этой росписи или «столповаго письма» таковъ: на стѣнахъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ событія, Пѣснь пѣсней; на столбахъ—единоличныя фигуры святыхъ и на ряду съ ними портретныя изображенія царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, въ нимбахъ; въ галереѣ—страшный судъ и лѣстница Іакова. Затѣмъ въ соборѣ—прекрасный пятиярусный иконостасъ, въ которомъ всѣ иконы XVI—XVII вв., но большей частью неоднократно подновленныя. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательными проф. Н. В.

Палаты бояръ Романовыхъ.

Покровскій считаетъ: храмовую икону св. Троицы, богато украшенную и пожертвованную въ 1593 г. Дмитриемъ Ивановичемъ Годуновымъ (при епископѣ Дамаскинѣ, въ 1760-хъ годахъ она была переписана и сохранила лишь металлическія украшенія и въ числѣ ихъ золотую медаль шведскаго короля Карла IX, подаренную въ 1616 г. царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ); прекрасно сохранившуюся икону Іоанна Предтечи, пожертвованную тоже Дм. Ив. Годуновымъ; три иконы св. Троицы; икону Іоанна Богослова; великомученика Дмитрія Солунскаго и икону «Воплощеніе». Несмотря на неоднократные пожары и перестройки, Троицкій соборъ сохранилъ во многомъ черты древнихъ храмовъ конца XVI и первой половины XVII вв. Другая отдѣльная монастырская церковь—Рождество-Богородицкая, перестроенная въ 1864 г., но основаніе ея относится къ 1564 г.

Большимъ богатствомъ отличается и соборная (монастырская) ризница, въ которой много старинныхъ предметовъ, драгоценныхъ по историческимъ воспоминаніямъ и художественнымъ достоинствамъ. Въ составъ ихъ входятъ: 1) церковные сосуды, 2) напрестольные кресты, 3) иконы и складни, 4) художественное шитье и 5) многочисленные рукописи съ лицевыми во главѣ. Наиболѣе цѣнные церковные сосуды пожертвованы дядею царя Бориса Годунова, Дмитриемъ Ивановичемъ Годуновымъ, и его сыномъ Владимиромъ (массивный потиръ, дискосъ, звѣздца, копіе и лжица, всѣ сдѣланныя изъ золота, съ чеканными изображеніями). Изъ напрестольныхъ серебряныхъ крестовъ XVI—XVII вв. выдѣляется одинъ, украшенный филигранью и жемчугомъ, положенный въ монастырь игуменомъ Вассіаномъ при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ и митрополитѣ Макаріи въ 1563 году. Что касается иконъ и складней, то собраніе ихъ представляетъ большое разнообразіе, какъ по техникѣ, такъ и по иконографическому содержанію. Здѣсь встрѣчается и рѣзба на кости, камнѣ, аспидѣ и деревѣ, и иконопись лучшихъ мастеровъ XVI—XVII вв., и чеканная и филигранная работа. Изъ отдѣльныхъ предметовъ этого отдѣла, какъ наиболѣе цѣнные и интересные, можно назвать: 1) писанныя на деревѣ иконы (Ѳеодоровской Божіей Матери (копія), которою, по преданію, благословила на царство своего сына инокиня Марѳа; св. Александра Невскаго, представленнаго въ монашескомъ одѣянніи, со свиткомъ въ рукахъ; св. Троицы, съ изображеніями на поляхъ князя Всеволода и княгини Ольги и двѣ иконы Владимирской Богоматери) и 2) два складня рѣзныхъ изъ черной кости, съ цѣлымъ рядомъ прекрасно исполненныхъ изображеній, символическихъ знаковъ и надписей. Памятники художественнаго шитья составляютъ шитые золотомъ и серебромъ воздуха, пелены съ изображеніями св. Троицы и событій изъ ветхозавѣтной исторіи, плащаницы, фелони, эпитрахили и проч. Наконецъ, образцы лицевыхъ рукописей—евангеліе 1603 года, даръ

окольниковъ Ивана Ивановича Годунова; евангеліе 1605 г., даръ Дм. Ив. Годунова, и евангеліе печатное 1681 г., съ миниатюрами на поляхъ, сдѣланными отъ руки; три псалтири XVI в., изъ которыхъ древнѣйшая 1591 г. (даръ Дм. Ив. Годунова) заключаетъ въ себѣ 576 прекрасныхъ миниатюръ, т.-е. художественныхъ толкований къ тексту.

Обращаютъ вниманіе также и находящіеся въ соборѣ: царское сидѣнье, посохъ и ковшъ, принадлежавшіе царю Михаилу Ѳеодоровичу и имъ пожалованные монастырю.

Наиболѣе крупною историческою достопримѣчательностью среди другихъ монастырскихъ строеній являются «*Палаты бояръ Романовыхъ*», подъ именемъ которыхъ разумѣется небольшой царскій дворецъ, окончательно реставрированный въ 1863 году, въ стилѣ XVII вѣка и по образцу древняго дома Романовыхъ въ Москвѣ, на Варваркѣ. Дворецъ этотъ представляетъ собою двухъэтажный каменный корпусъ, съ многочисленными маленькими окнами, расписанный съ лицевой стороны шахматами, по образцу трапезной церкви Троице-Сергіевой лавры. Верхній этажъ его дѣлится на двѣ половины: одна изъ двухъ комнатъ—покои Михаила Ѳеодоровича, а другая изъ трехъ—покои Марѣи Ивановны; остальные три комнаты дворца были служебными, для прислуги. Въ покояхъ—изразцовыя печи древней выдѣлки, съ рисунками, большею частью аллегорическаго характера; старинныя кресла и стулья, обитыя разрисованною и раззолоченною кожею и шитою шелкомъ и серебромъ матеріею; по стѣнамъ—старинныя иконы и картины. Дворецъ, какъ взятый въ дворцовое вѣдомство, содержится на средства двора и охраняется особымъ дворцовымъ служителемъ.

Первоначально же на мѣстѣ нынѣшняго дворца стояли построенныя Дм. Ив. Годуновымъ въ 1588 г. «келарскія» кельи, которыя черезъ 10 лѣтъ переименованы были въ «намѣстничьи». Въ нихъ-то и жилъ Михаилъ Ѳеодоровичъ до выѣзда въ Москву. Служа нуждамъ монастыря въ теченіе всего XVII и XVIII вв., не разъ пристраиваемыя и подновляемыя, кельи эти служили въ 1797—1802 г. пристанищемъ для префекта костромской духовной семинаріи и воспитанниковъ богословскаго класса и только послѣ этого стали «неприкосновенными» и получили названіе «царскихъ чертоговъ» и «дворца» Михаила Ѳеодоровича. Прилагаемый здѣсь рисунокъ 1832 г. является болѣе точнымъ изображеніемъ этихъ «намѣстничьихъ келій».

IV.

О съѣздѣ и нѣкоторыхъ докладахъ, читанныхъ на немъ.

Послѣ этого краткаго обзорѣнія костромскихъ церковно-историческихъ древностей, которыя теперь только, по случаю созыва четвертаго областного съѣзда, получили надлежащее освѣщеніе

и оцѣнку, и главнымъ образомъ, благодаря трудамъ профессора Н. В. Покровскаго, Ив. Вас. Баженова, П. С. Троицкаго и др.,—мы скажемъ нѣсколько словъ о самомъ съѣздѣ и о нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ докладахъ, читанныхъ на его засѣданіяхъ.

Три года тому назадъ былъ предрѣшенъ IV областной историко-археологическій съѣздъ въ Костромѣ. Три года мѣстная архивная комиссія готовилась къ этому событію и успѣла издать только «Краткій путеводитель по г. Костромѣ и ея губерніи», священника Алмазова, да два «Каталога»: 1) музея комиссіи и 2) выставки съѣзда. Болѣе существенныя работы по доисторическимъ древностямъ Костромскаго края г. Рождественскаго, седьмой выпускъ «Костромской Старины», «Указатель къ Костромскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ» и нѣкоторыя другія, намѣченныя самой комиссіей, появятся въ печати, вѣроятно, въ 1910 или 1911 годахъ. Единственная болѣе замѣтная работа членовъ костромской архивной комиссіи—это устройство выставки, по послѣдняя оставляетъ желать многого. Не могло восполнить выставки и обзорѣніе музея этой старѣйшей комиссіи, вслѣдствіе его тѣсноты и довольно хаотическаго состоянія¹⁾.

Къ счастью для съѣзда, пришли къ нему на помощь императорская археологическая комиссія и императорскій с.-петербургскій археологическій институтъ. Первая издала въ XXXI выпускѣ своихъ «Извѣстій» описаніе, правда, краткое, болѣе 700 церквей Костромской губерніи, построенныхъ до 1825 г.; описаніе сдѣлано на основаніи матеріаловъ, хранящихся въ архивѣ комиссіи, и данныхъ специальной литературы, и сопровождается 196 рисунками. Работа эта исполнена, главнымъ образомъ, при участіи А. А. Спицына, который, кромѣ того, прочелъ и на съѣздѣ три цѣнныхъ реферата: «Древнія культуры сѣвера Россіи», «Финскія древности Верхняго Поволжья» и «Норманскія и славянскія древности верховьевъ Волги». Директоръ с.-петербургскаго археологическаго института, профессоръ Н. В. Покровскій, уроженецъ Костромской губ. и воспитанникъ костромской духовной семинаріи, посвятилъ съѣзду XIX выпускъ «Вѣстника археологіи и исторіи», издаваемаго институтомъ, который начинается статьей самого Н. В. Покровскаго—«Памятники церковной старины въ г. Костромѣ», съ 32 таблицами. За нею слѣдуютъ: «Князь Д. Ю. Шемяка въ Великомъ Новгородѣ», П. Л. Гусева; «Кажировская пустынь въ XVII и XVIII вѣкахъ», М. А. Кушлетскаго; «Костромское ополченіе въ 1812 году», К. А. Военскаго, и

¹⁾ Правда, костромская архивная комиссія ютится въ трехъ небольшихъ комнатахъ нижняго этажа очень невзрачнаго дома мѣстнаго дворянства, но тѣмъ не менѣе—оставляетъ не разобранными въ теченіе десятка лѣтъ и, пожалуй, болѣе разнаго рода рукописныя матеріалы, помѣщенные въ сырой комнатѣ, и большую бібліотеку Н. Н. Селифонтова—должно быть зазорно для комиссіи, насчитывающей у себя свыше 250 членовъ. (См. Отчетъ о дѣят. костромской археолог. комиссіи за 1907 годъ).

«Сказаніе о явленіи и чудесахъ Θεодоровской иконы Богоматери въ Костромѣ», съ предисловіемъ И. В. Баженова. Цѣннымъ затѣмъ было и участіе мѣстнаго епископа Тихона, издавшаго на свой счетъ историко-археологическій очеркъ И. В. Баженова «Костромской Ипатьевскій монастырь», и мѣстнаго статистическаго комитета, помѣстившаго на страницахъ своей «Справочной книжки Костромской губ. на 1909 г.» обстоятельную статью П. С. Троицкаго «Костромской край. Историко-археологическій очеркъ». Наконецъ и болѣе видными докладчиками на засѣданіяхъ съезда, которыя, кстати сказать, далеко не отличались многолюдностью, были, кромѣ единственныхъ И. В. Баженова и Д. Н. Сизова, лица постороннія, дѣятели и члены другихъ обществъ и комиссій.

На предварительномъ засѣданіи членовъ, 20 іюня, были опредѣлены секціи и произведены выборы предсѣдателей и секретарей. Предсѣдателемъ съезда избранъ профессоръ Н. В. Покровскій, а почетнымъ предсѣдателемъ членъ государственнаго совѣта Б. В. Штюрмеръ. Секціи и ихъ предсѣдатели были слѣдующіе: I. «Первобытная археологія»—И. А. Ивановъ, предсѣдатель тверской архивной комиссіи; II. «Церковныя древности»—Θ. И. Успенскій, директоръ константинопольскаго археологическаго института, по происхожденію костромичъ; III. «Археографія и архивовѣдѣніе»—академикъ А. И. Соболевскій, и IV. «Историческая географія и этнографія»—профессоръ Д. А. Корсаковъ. Эта программа занятій членовъ съезда нѣсколько видоизмѣняла утвержденную министромъ внутреннихъ дѣлъ 17 іюля 1907 г. программу и нельзя сказать, чтобы къ лучшему. Прежнее наименованіе первой секціи «Доисторическія древности», по моему мнѣнію, неудачно передѣлано въ «Первобытную археологію», особенно въ виду представленныхъ рефератовъ. За исключеніемъ проектированной въ 1907 г. секціи: «Областная исторія», пришлось такіе рефераты, какъ И. В. Баженова—«Судьбы костромскаго кремля» (по писцовымъ книгамъ) и П. П. Смирнова—«Къ исторіи гор. Костромы въ связи съ вопросомъ о распредѣленіи посадскаго населенія по территоріи Московскаго государства», отнести къ секціи: «Церковныя древности». Нельзя сказать, чтобы и остальные доклады вполне соответствовали наименованію секцій, къ которымъ они были отнесены. Всего рефератовъ по секціямъ было восемь, что, конечно, для десятидневнаго съезда маловато, и всего делегатовъ на съездъ прибыло около 100 человекъ.

Переходя теперь къ докладамъ, читаннымъ на секціонныхъ засѣданіяхъ съезда, мы остановимся прежде всего на тѣхъ, которые прочли И. В. Баженовъ и П. П. Смирновъ. Первый изъ нихъ въ докладѣ «Судьбы костромскаго кремля» указалъ на слѣдующее. Гор. Кострома первоначально построена мерянами во второй поло-

винѣ IX вѣка на правомъ берегу Волги, въ теперешнемъ сельцѣ Городищѣ, что противъ центра самаго города, или, точнѣе, противъ соборнаго Успенскаго храма и его строеній. Послѣ 1237 г. этотъ первоначальный пунктъ осѣдлости мерянъ и славянъ перенесенъ на лѣвую сторону Волги, въ цѣляхъ болѣе удобныхъ сношеній съ галичанами; укрѣпляемый постепенно, онъ уже къ концу XIV в. представлялъ довольно безопасный оплотъ отъ вражескихъ нападений; въ немъ укрылись отъ татаръ: въ 1382 г. великій князь Дмитрій Иоанновичъ Донской и въ 1408 г. его сынъ Василій Дмитриевичъ. Укрѣпленіе города, послѣ пожара въ немъ въ 1413 г., возобновлено въ видѣ деревянной стѣны съ укрѣпленіями, устроенной на земляныхъ насыпяхъ. Отъ стрѣльбы съ послѣднихъ укрѣпленій («изъ большого снаряда») потерпѣлъ поражение въ іюнѣ 1609 г. извѣстный предводитель польско-литовскихъ войскъ Лисовскій. По писцовымъ книгамъ 1628—1630 годовъ, костромской кремль былъ окруженъ высокими земляными валами, а передъ ними глубокими и широкими рвами. Центральная часть его окружалась деревянною стѣною, вышиною въ 2¹/₂ сажени на протяженіи 511¹/₄ сажень, съ 14 башнями. Въ кремлѣ находились: соборный храмъ въ честь Успенія Богоматери, церковь во имя Похвалы Пресвятыя Богородицы, Троицкій соборъ, мужской Крестовоздвиженскій монастырь съ двумя церквами, звонницей и 10 деревянными кельями; разныя казенныя зданія, осадные дворы и частныя дома, въ томъ числѣ дворъ инокини Мары Ивановны; всего же 191 дворъ. Послѣ пожаровъ 1654, 1679 и особенно 1773 гг., къ концу XVIII в. изъ многочисленныхъ зданій кремля остались только Успенскій соборъ и четыре обывательскихъ дома. Въ 1817—18 гг. были срыты и земляные валы съ сѣверной и восточной сторонъ въ уровень съ площадью у триумфальныхъ воротъ Успенскаго собора, лишь для того, чтобы имѣть мѣсто для городского сада, который и былъ разбитъ въ 1820 году. Въ настоящее время сохранилось лишь слабое напоминаніе кремлевскаго вала въ нынѣшнемъ «маломъ бульварѣ».

П. П. Смирновъ въ своемъ докладѣ: «Къ исторіи гор. Костромы въ XVII в., въ связи съ вопросомъ о распредѣленіи посадскаго населенія по территоріи Московскаго государства», основываясь на писцовыхъ и смѣтныхъ книгахъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, говоритъ сначала о распредѣленіи посадскаго населенія по верхне-волжскому плесу и пріокской линіи, а затѣмъ переходитъ къ Костромѣ. «Кострома»,—читаемъ на стр. 7 и слѣд. «Извѣстій» съѣзда, — переживаетъ такую эволюцію: по дозору дьяка Чередова и подьячаго Болдырева 1614 г., въ ея посадѣ числится 312 дворовъ. По писцовымъ книгамъ 1628 г. въ ней уже 1,219 дворовъ, а въ 1646 г.—1,726. Такой приростъ объясняется отчасти приписью закладчиковъ и другихъ бѣломѣстцевъ, произведенной приказомъ сыскныхъ дѣлъ». Достигнувъ въ 1649 г.

максимальнаго числа дворовъ—2,086, Кострома вскорѣ стала клониться къ упадку: въ 1678 г. въ ней съ приказными и служилыми людьми всего 1,079 дворовъ, а черныхъ, по одновременнымъ даннымъ разряднаго приказа, лишь 961; въ 1682 г.—750 дворовъ, а въ 1685 г.—789.

Вмѣстѣ съ уменьшеніемъ населенія, во второй половинѣ XVII в. замѣчается сильное паденіе кремля, какъ крѣпости. Смѣтная книга 1670 г. показываетъ, что «Кострома не крѣпость, а кремль, и острогъ ея только руина. Еще съ пожара 1654 г. пушки безъ станковъ ржавѣютъ подъ Успенскимъ соборомъ, запаловъ нѣтъ, кромѣ пороху и свинца; 18 отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, явившихся въ земскую избу, представляютъ собою ядро гарнизона; если прибавить къ этому 12 стрѣльцовъ и 3 пушкарей, а также воеводу Дементья Тимофеева, то весь гарнизонъ будетъ насчитывать 34 человекъ защитниковъ на 2¹/₂ версты крѣпостныхъ стѣнъ, 25 башенъ и около 50, теперь бесполезныхъ, орудій». Изъ той же смѣты 1670 г. узнаемъ и о «ремесленной жизни» въ Костромѣ. «Болѣе всего въ ней рукавишниковъ, затѣмъ сапожниковъ и шапочниковъ; одежду выдѣлываютъ всякаго рода портные мастера, швары, шубники и спанечники. Эта группа самая многочисленная. Группа ремесленниковъ по дереву—вторая послѣ указанныхъ, это плотники, строгальщики, красильщики и т. п.; по металлу—кузнецы и замочники; имѣлись также иконники, колодезники, мыльники и т. п. Третья группа—это люди, занимавшіеся приготовленіемъ съѣстныхъ припасовъ».

Далѣе, небезынтересный докладъ представилъ В. В. Майковъ, обозрѣвшій рукописное собраніе костромской духовной семинаріи, Собраніе это, по его словамъ, заключаетъ около 90 рукописей XIV—XIX столѣтій, изъ которыхъ древнѣйшія и болѣе рѣдкія—Толковая палея конца XIV в., Пятикнижіе Моисеево XV в., Учительное Евангеліе патріарха Каллиста XV в., нѣсколько праздничныхъ Миней XVI в., съ русскими статьями, Лѣтствица XV в. и ми. др.

П. О. Симсону удалось приобрѣсти автографъ патріаршаго крестьянина изъ гор. Осташкова, Петра Антипыча Меншагина, заключающій въ себѣ 556 листовъ скорописью Петровскаго времени, приблизительно 1712—1720 годовъ. Изслѣдовавъ работу Меншагина, П. О. Симсонъ находитъ, что она представляетъ «цѣлую христіанскую энциклопедію», заключаая въ себѣ извлеченія изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, свѣдѣнія о вселенскихъ соборахъ и ересяхъ, о религиозныхъ движеніяхъ на Западѣ и о возникновеніи у насъ раскола, выписи изъ житій святыхъ и т. п. Все это исполнено по старопечатнымъ книгамъ и частью только по рукописямъ, которыя описаны Меншагинымъ со всѣми библиографическими приѣмами, что и дало поводъ референту назвать его въ своемъ докладѣ однимъ изъ первыхъ нашихъ библиографовъ».

Затѣмъ А. А. Титовъ сдѣлалъ докладъ по поводу представленныхъ имъ собственныхъ брошюръ: «Упраздненные монастыри костромской епархіи» (числомъ 52), «Старинные волости и станы въ Костромской сторонѣ. Матеріалы для историко-географическаго словаря Костромской губерніи», «Образъ Пресвятыя Богородицы Прибавленіе ума», «Лѣтопись костромскаго Богоявленскаго монастыря. По рукописи XVIII вѣка. Съ предисловіемъ А. А. Титова», и «Колясниковскій синодикъ». С. Н. Введенскій прочелъ доклады на темы: «Слово о погыбели Русскія земли, какъ историческій и литературный памятникъ Руси XIII вѣка» (справедливо настаиваетъ на переизданіи «Слова», находя изданіе Хр. Лопарева не вполне научнымъ), «О церковномъ соборѣ въ Костромѣ при митрополитѣ Θεогностѣ» (докладчикъ доказалъ, что соборъ этотъ состоялся въ 1330 г. и имѣлъ цѣлью поставленіе епископа для суздальской епархіи и рѣшеніе спора о предѣлахъ рязанской и зарайской епархій) и «О протопопѣ Данилѣ» (на основаніи документовъ московскаго архива министерства юстиціи и сообщеній протопопа Аввакума). Наконецъ, И. А. Тихомировъ представилъ два пространныхъ доклада: 1) «Славянское заселеніе Ярославской губерніи» и 2) «Городища Ярославской губерніи». Въ первомъ изъ нихъ докладчикъ, послѣ общаго обзора мнѣній, касающихся затронутаго имъ вопроса, изложилъ довольно обоснованную свою точку зрѣнія. Въ образованіи населенія данной области участвовали, по мнѣнію И. А. Тихомирова, слѣдующія этнографическія группы: финское племя меря, которое, давши свое названіе многимъ мѣстностямъ этой области, просуществовало, какъ отдѣльная этнографическая единица, гораздо долѣе, чѣмъ обыкновенно полагаали историки; затѣмъ славянскія племена, шедшія съ сѣверо-запада, изъ земли «словень», съ запада—изъ области кривичей, и наконецъ изъ земли вятичей (менѣе всего). «Славянское заселеніе Ярославской губерніи,—говоритъ онъ,—началось очень рано, почти со времени появленія славянъ на территоріи теперешней Россіи, когда мѣстныя особенности говоровъ еще только зарождались. Поэтому на территоріи нынѣшней Ярославской губерніи выработался и установился свой особый говоръ, отличный отъ всѣхъ сосѣднихъ и сохранившій очень немного общихъ съ ними признаковъ» (стр. 10 — 11 № 6-го «Извѣстій» съѣзда).

Небезынтересно указать еще на одинъ докладъ, сдѣланный Ѳ. И. Успенскимъ на засѣданіи «секціи общихъ вопросовъ» о рускомъ археологическомъ институтѣ въ Константинополѣ, тѣмъ болѣе, что о дѣятельности послѣдняго и его успѣхахъ извѣстно очень мало даже среди лицъ, болѣе или менѣе интересующихся археологіей. Русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ, единственное русское ученое учрежденіе за границей, основанъ

15 лѣтъ тому назадъ, съ цѣлью «изученія на мѣстѣ памятниковъ Византійской имперіи и раскрытія ихъ значенія для Россіи». Въ настоящее время въ немъ лучшая въ Константинополѣ, а по части византологіи единственная библіотека, заключающая въ себѣ до 20,000 томовъ. Рядъ крупныхъ находокъ и раскопокъ, сдѣланныхъ директоромъ и членами института, создали ему широкую извѣстность въ ученое міръ даже за границей. Назовемъ изъ нихъ хотя бы нѣкоторыя: прежде всего цѣннѣйшее рукописное *Евангеліе* (VI—VII в.), писанное серебряными литерами на пурпурномъ пергаментѣ (имена Иисуса Христа и Богоматери написаны золотыми литерами) и приобрѣтенное Государемъ Императоромъ за 10,000 рублей; затѣмъ *Пальмирскій тарифъ*, огромная плита, раздѣленная на четыре части съ громадной надписью на двухъ языкахъ: греческомъ и арамейскомъ (одномъ изъ семитскихъ діалектовъ), и хранящаяся теперь въ императорскомъ Эрмитажѣ; найденная въ Македоніи надпись на древне-славянскомъ языкѣ болгарскаго царя Самуила, отъ 992 года, — «самый древній памятникъ славянской письменности»; открытые во время раскопокъ въ Болгаріи дворецъ болгарскихъ царей и базилика, въ которой служили св. Кириллъ и Меодій, громадныя постройки, единственные архитектурные памятники глубокой славянской древности; найденная въ султанской библіотекѣ серала *Лицевая Библия* съ превосходными многочисленными миниатюрами XI—XII столѣтій. Наконецъ, въ прошломъ (1908 г.) было произведено членами института изслѣдованіе мозаики въ церкви св. Димитрія Солунскаго и вновь открытыхъ тамъ же Ѳ. И. Успенскимъ фресокъ, VII—VIII ст., и древнихъ памятниковъ Дечанскаго монастыря, существующаго съ XIV в. и не подвергавшагося изслѣдованіямъ до послѣдняго времени.

Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ о *Романовскомъ отдѣлѣ* при костромской архивной комиссіи. Названный отдѣлъ открытъ въ 1897 г., съ цѣлью «собиранія и храненія свѣдѣній и данныхъ о предкахъ перваго царя изъ дома Романовыхъ». Основатель его, Н. Н. Селифонтовъ, при жизни своей успѣлъ издать вторую часть «Сборника матеріаловъ по исторіи предковъ царя Михаила Ѳеодоровича. Родословная рода Захарьиныхъ-Юрьевыхъ-Романовыхъ» (Спб. 1898 г.), а первая его часть, окончательно приготовленная къ печати Н. Н. Селифонтовымъ еще въ 1900 г., была напечатана послѣ его смерти въ 1901 г., и заключаетъ въ себѣ: 1) 10 изданныхъ въ разное время въ печати родословныхъ потомковъ Андрея Ивановича Кобылы и 5 такихъ же родословныхъ Михаила Прушанина, прапредка и родоначальника рода Шестовыхъ, и 2) опытъ библиографическаго указателя къ печатной литературѣ о предкахъ царя Михаила Ѳеодоровича.

Съ теченіемъ времени при Романовскомъ отдѣлѣ образовался и свой музей, который, судя по отпечатанному только что каталогу

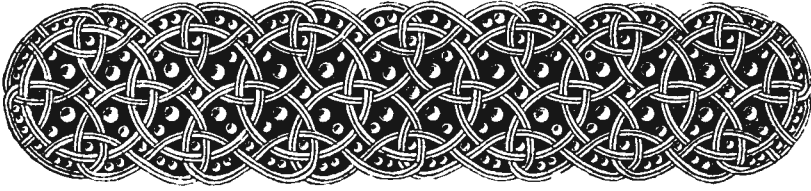
его, пока еще очень невеликъ и состоитъ всего изъ 135 номеровъ, почти исключительно разныхъ гравюръ, литографій, портретовъ и картинъ (вплоть до лубочныхъ), относящихся къ представителямъ дома Романовыхъ. Изъ другихъ предметовъ имѣются лишь: мѣдный бюстъ царя Михаила Ѳеодоровича, бокаль изъ польскаго серебра, съ медальонами, изображающими императора Николая I съ супругою, бронзовый бюстъ императора Александра II (въ молодости), ларець съ золоченымъ вензелемъ императора Николая II и съ 34 фотографіями видовъ и предметовъ, относящихся къ селамъ Домнину, Спасъ-Хрипѣли и дер. Деревеньки, и мѣдное блюдо, посеребренное, изображающее царя Алексѣя Михайловича и его судъ надъ патриархомъ Никономъ.

Въ виду наступающаго въ 1913 году трехсотлѣтія воцаренія Михаила Ѳеодоровича, родоначальника династіи Романовыхъ, костромская архивная комиссія, имѣя пока въ наличности всего 15 т. рублей, добилась разрѣшенія устроить особый *Романовскій музей*, закладка какового зданія и была совершена въ день открытія историко-археологическаго съѣзда, 21 іюня. Не буду распространяться здѣсь болѣе объ этомъ важнѣйшемъ учрежденіи и надѣюсь не въ далекомъ будущемъ посвятить ему особую статью.

Вотъ и все, что я хотѣлъ сказать о костромскомъ историко-археологическомъ съѣздѣ, предоставляя читателю самому дѣлать выводы объ его благотворныхъ результатахъ. Не могу воздержаться отъ одного лишь замѣчанія и то по адресу нижегородцевъ, будущихъ устроителей слѣдующаго областного историко-археологическаго съѣзда, дабы послѣдніе не уподобились костромичамъ, а приготовлялись къ съѣзду болѣе гласно, обращались съ призывомъ по возможности къ большому числу учреждений и ученыхъ обществъ и, забывъ объ общественныхъ завтракахъ, заботились о болѣе лучшемъ содержаніи делегатовъ съѣзда, по большей части, людей несостоятельныхъ и не получающихъ командировочныхъ пособій.

В. Рудаковъ.

ПОЧАЕВСКАЯ ЛАВРА.

По дорогѣ въ Почаевъ.—Видъ мѣстности.—Дубно.—Рудня Почаевская.—Извозчики.—Божья Гора.—Д. Бережцы, д. Гряды, памятникъ, с. Комнатка.—Казенный лѣст.

ВПРОСНУЛСЯ утромъ, когда поѣздъ бѣжалъ уже отъ Здолбунова къ Радзивилову. Иные виды, иные люди, чѣмъ тѣ, къ которымъ привыкъ глазъ въ центральной Россіи, открывались изъ окна вагона. Карпаты всюду разбросали свои отроги то небольшими грядами, то холмами, то вершинами. Частыя мѣстечки, села, деревни. Небольшіе, по большей части деревянные, однообразной архитектуры храмы не свидѣтельствуютъ о богатствѣ мѣстныхъ приходоѡвъ. Много зелени, садики, рощицы и вздымающій къ небу свои вѣтви красавецъ-тополь. Красивыя куртинки вьющагося по жердямъ хмеля. Крытые черешицею бѣлые домики и хаты. Гнѣздящіеся на деревьяхъ и соломенныхъ крышахъ сараевъ аисты, особенно развлекающіе бѣдующихъ съ нами дѣтей. Изрѣдка проѣдетъ въ коляскѣ, запряженной четверней цугомъ, помѣщикъ-панъ, или въ парной бричкѣ хохоль, или проскачетъ въ такой же бричкѣ, но запряженной въ одну лошадь, вѣчно торопящійся ради гешефта еврей.

Низко повисли облака, на небѣ не видно ни одного просвѣта. Дождь непрерывно то льетъ, какъ изъ ведра, то мороситъ, какъ глубокою осенью. А календарь удостовѣряетъ, что мы живемъ въ іюль, т. е. въ томъ мѣсяцѣ, когда обыватели Юго-Западнаго края обыкновенно изнемогаютъ отъ жары. Клубы дыма, выбрасываемаго паровозомъ, стелются по землѣ, цѣпляются за деревья, кусты.

Направо, верстахъ въ трехъ отъ полотна дороги, на низинѣ, окруженный съ трехъ сторонъ болотами, на сплавной рѣкѣ Иквѣ стоитъ городъ Дубно, древній Дубень, упоминаемый впервые въ лѣтописяхъ подъ 1099 г. До 1386 года Дубно былъ удѣломъ разныхъ южно-русскихъ князей, а въ этомъ году Ягайло отдалъ его въ собственность князю Острожскому. Съ тѣхъ поръ онъ состоитъ въ частномъ владѣнн и въ настоящее время принадлежитъ княгинѣ Барятинской. Во второй половинѣ XVII в. подъ городомъ неоднократно сражались русскіе и казаки съ поляками. Въ 1792 году въ Дубнѣ находилась тарговицкая конфедерація, а въ царствованіе Павла I здѣсь проживалъ принцъ Людовикъ-Жозефъ Бурбонъ Конде, бывшій одно время съ своимъ войскомъ на русской службѣ. Со второй половины XVII в. Дубно сдѣлалось значительнымъ торговымъ городомъ, а въ 1774 г., съ переходомъ Львова къ Австріи, сюда перешли изъ послѣдняго «контракты», на которые съѣзжалось однихъ купцовъ нѣсколько десятковъ тысячъ. Съ перенесеніемъ въ 1794 г. «контрактовъ» въ Кіевъ торговое значеніе Дубна стало быстро падать. Въ настоящее время Дубно—неважный городъ Волынской губерніи, имѣющій до 14 тыс. жителей, изъ коихъ почти половина евреевъ. Между городомъ и желѣзнодорожной линіей находятся зданія воинскихъ казармъ и лагерныя палатки.

— Дубно! Дубно! Поѣздъ стоитъ десять минутъ!—кричитъ кондукторъ. На платформѣ ротовѣйничаютъ нѣсколько хохловъ, и нервничаютъ, зорко посматривая по сторонамъ, десятка два типичнѣйшихъ евреевъ; слышится характерный жаргонъ, чувствуется специфическій, отвратительный запахъ чеснока...

И опять бѣжитъ поѣздъ. Мѣрно покачивается удобный пульмановскій вагонъ. Вьется, извивается полотно дороги. Видно, что Карпаты, всхолмивъ мѣстность, доставили г.г. инженерамъ удовольствіе провести дорогу не по прямой, а по столь излюбленной ими кривой линіи.

За развѣздомъ Каменицей влѣво отъ линіи Казатинь-Радзивиловъ отдѣляется тридцативерстная вѣтка на Кременецъ.

Вотъ и Рудня Почаевская. Небольшой деревянный одноэтажный вокзалъ. Маленькій, но тѣнистый садикъ примыкаетъ къ нему. Въ залѣ третьяго класса очень скверный буфетъ, содержимый нѣмцемъ, увѣряющимъ васъ, что у него все изъ первыхъ рукъ (твердая, какъ камень, колбаса, подозрительныя сардинки, капорскій чай, мутное пиво, монополька—вотъ и все!), а въ залыцѣ перваго и втораго классовъ, заваленной пожитками разныхъ богомолокъ, какой-то особенный, свойственный лишь Юго-Западному краю, запахъ...

— Баринъ! А баринъ! я уже свезу васъ въ лавру.

Сзади меня стоялъ молодой, симпатичный лицомъ хохоль.

— Сколько возьмешь свозить меня въ лавру и обратно?

— Пять цѣлковыхъ.

Почаевская лавра.

— Дорого.

— Нэ-э, баринь, не дорого. Сейчасъ дорога тяжелая, всю во-
дою залило. А брычка у менэ крытая, покойная.

— Подавай.

На площадкѣ передъ вокзаломъ стояло десятка полтора бричекъ,
запряженныхъ парюю лошадей въ дышло. Всѣ онѣ были окрашены
желтой краскою; половина изъ нихъ имѣла примитивно устроен-
ный верхъ.

Поѣхали.

Отъ вокзала до лавры $25\frac{3}{4}$ верстѣ. И это разстояніе является,
дѣйствительно, вѣрнымъ, ибо оно было измѣрено не клюкою какой-
нибудь старицы, а г.г. инженерами. Къ сожалѣнію, верстовые
столбы уже сильно подгнили, а цыфровыя дощечки на нихъ почти
совершенно выцвѣли.

Дорога въ лавру отъ вокзала поворачиваетъ влѣво подъ пря-
мымъ угломъ и идетъ въ юго-западномъ направленіи. Первая верста
шоссирована; шоссирована дорога и въ трехъ или четырехъ наиболѣе
плохихъ мѣстахъ. Въ сторонѣ отъ дороги видны направо—де-
ревня, а налѣво—село. Черезъ три версты проѣзжаемъ жалкую
мельницу и около нея небольшой хуторъ.

Впереди, то прямо противъ насъ, то немного лѣвѣе видна чрез-
вычайно красивая, темно-зеленая гора, рѣзко выдѣляющаяся изъ
окрестныхъ возвышенностей. И она видна намъ на всемъ пути до
лавры. Это—Божья (по мѣстному—Бужья) гора, по высотѣ немного
уступающая извѣстной горѣ Бонѣ (1328 фут.), находящейся около
Кременца. Гора, издавна принадлежащая роду графовъ Тарнов-
скихъ, покрыта чуднымъ вѣковымъ лѣсомъ изъ граба, дуба и глав-
нымъ образомъ сосны. На вершинѣ ея, образующей небольшую
каменную площадку, стоитъ деревянная часовенка (каплица),
впрочемъ, съ дороги не видная. По преданію, здѣсь съ незапамят-
ныхъ временъ стояла деревянная церковь на мѣстѣ когда-то суще-
ствовавшего монастыря. И поэтому въ былые дни паломники счи-
тали долгомъ подняться на гору, помолиться въ мѣстной церкви
и поклониться отсюда виднѣющейся вдали Почаевской лаврѣ. Го-
ворять, что эта церковь стояла еще въ тридцатыхъ годахъ истек-
шаго столѣтія. Стоя особнякомъ, на сравнительно ровной мѣст-
ности, на довольно значительномъ разстояніи отъ сосѣднихъ гор-
ныхъ кряжей и имѣя коническую форму, Божья гора всѣмъ своимъ
видомъ, конечно, въ миниатюрѣ, напомнила мнѣ Араратъ.

Однообразенъ и скученъ нашъ путь. Дорога вполне сносная,
несмотря на то, что дождь, льющій цѣлый мѣсяцъ, образовалъ на
ней огромныя лужи, залилъ поля, погубилъ весь урожай.

На одиннадцатой верстѣ—деревня Бережцы, или Бережецкіе
Гаи, принадлежащая графу Тарновскому. За деревней стоитъ не-
большой сосновый боръ, а за нимъ широко раскинулась деревня

Внутренность соборнаго храма Успенія Божіей Матери.

Гряды. Последнюю от села Комнатки отдѣляет красивый «гай», небольшой, густолиственный лѣсъ. Въ лѣсу, направо отъ шоссе, стоитъ памятникъ въ видѣ каменнаго обелиска, обнесенный кирпичною стѣнкою. Здѣсь 1 сентября 1890 года императоръ Александръ III, ѣхавшій въ лавру съ августѣйшей семьей,

«Истор. вѣсти.», сентябрь, 1909 г., т. сxvii.

20

останавливался для перепряжки лошадей ¹⁾ и принялъ хлѣбъ-соль отъ окрестныхъ крестьянъ. Село Комнатка расположено на низинѣ при рѣчкѣ Ставкѣ, мутной водою которой извозчикъ не преминетъ напоить лошадей. По срединѣ каждой деревни, у дороги, стоитъ высокій деревянный крестъ, украшенный иконою.

За Комнаткой я впервые увидѣлъ, правда, неясно, сквозь мглу, царящіе надъ высокою горой лаврскіе Успенскій соборъ и колокольню. А въ ясные дни лавра видна не только отъ Рудни, но и изъ вагона.

Впереди по горному кряжу, постепенно поднимающемуся до самой лавры, темнѣетъ лѣсъ; изъ него выбѣгаетъ шоссе на Кременецъ, обставленное телеграфными столбами. До лавры остается 3¹/₂ версты. Мы круто поворачиваемъ направо, въѣзжаемъ на шоссе и ѣдемъ подъ сѣнью чудныхъ ольхи, граба, дуба, липы. Надпись на дощечкѣ, помѣщенной на пестромъ столбѣ, гласитъ, что этотъ лѣсъ принадлежитъ «Почаевской казенной дачѣ Кременецкаго лѣсничества, площадью въ 1600 съ чѣмъ-то десятинъ». Шоссе незамѣтно поднимается вверхъ. Но, Господи, какое шоссе! Въ аду дороги врядъ ли хуже его. И какъ не стыдно тому вѣдомству (если не ошибаюсь, военному), въ вѣдѣніи котораго оно находится, и лаврѣ, которую оно главнымъ образомъ обслуживаетъ, не позаботиться уничтожить всѣ рытвины и ямы, которыми оно сплошь усѣяно. Когда миновали послѣднюю версту, лавра вся открылась передъ нами.

Вырубленный лѣсъ по обѣ стороны шоссе, послѣдній подъемъ въ гору, недлинная улица посада съ приличными домиками, красивый домъ «Союза русскаго народа» и рядомъ съ нимъ лаврская гостиница... Въ нѣсколькихъ шагахъ Святыя врата, ведущія въ лавру...

II.

Краткая лѣтопись обители.—Основаніе ея кіево-печерскими иноками.—Явленіе Богоматери на горѣ Почаевской.—А. Т. Гойская и великій даръ ея обители.—Фирлей.—Преподобный Іовъ, игумень почаевскій.—Ф. и Е. Домашевскіе, благодѣтели обители.—Открытіе мощей препод. Іова.—Чудесное спасеніе обители Богоматерью и препод. Іовомъ во время «Збаражской брани».

Обитель Почаевская—одна изъ древнѣйшихъ въ Россіи. Есть преданіе, что она была основана вскорѣ послѣ крещенія Руси, однако такое историческими данными не подтверждается. Можно съ достовѣрностью сказать, что она была основана въ XIII вѣкѣ, во время нашествія Батя на Русь, а именно въ 1240 году. Многіе изъ кіево-печерскихъ иноковъ, терзаемые и гонимые дикой ордою, покинули родную обитель, разошлись на западъ и востокъ отъ нея

¹⁾ Здѣсь какъ разъ половинѣ пути между Рудней Почаевской и лаврой.

Стопа Божіей Матери съ изображеніемъ явленія Богоматери на горѣ Почаевскої.

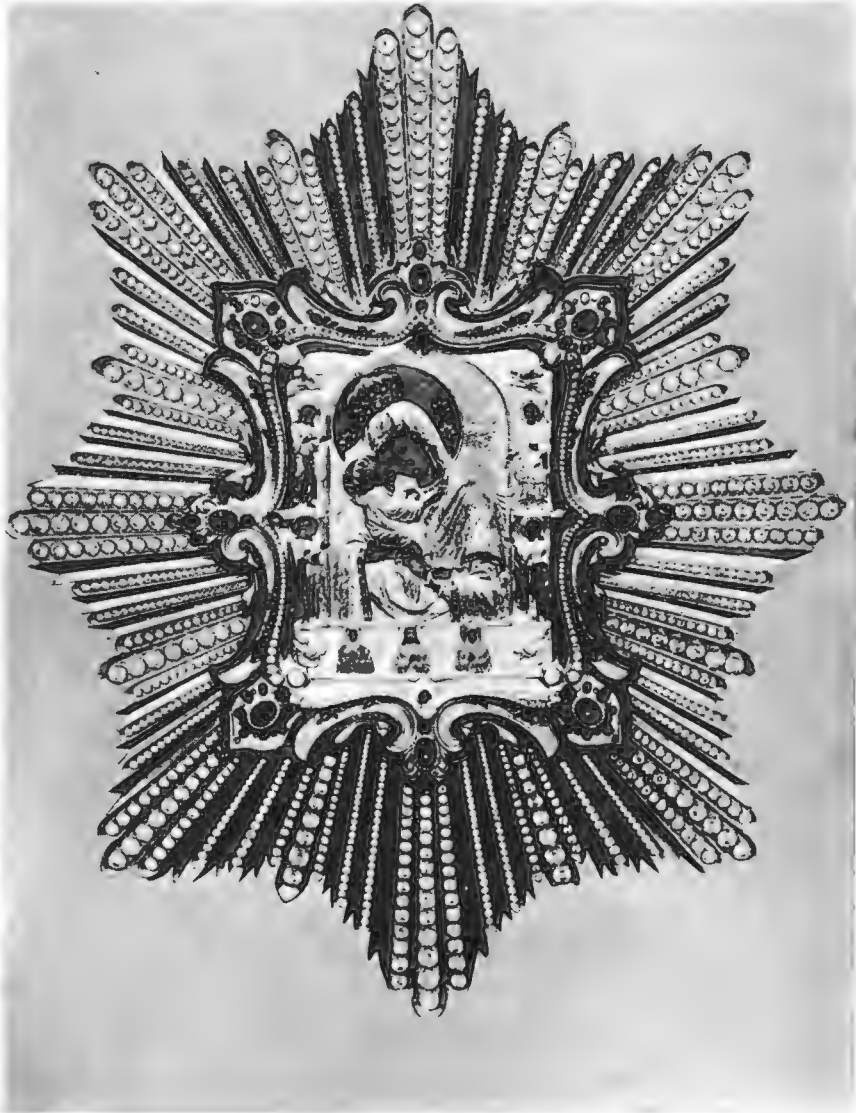
и на новыхъ мѣстахъ основали свои обители. Такъ возникли Святогорскій, близъ города Славянска, и Почаевскій монастыри. Обѣ горы сильно напоминаютъ любезную инокамъ кievскую гору; въ обѣихъ горахъ были и естественныя пещеры, было легко выкопать и новыя. Древніе иноки были большими эстетамы, прекрасными цѣнителями красотъ природы и созерцателями ея. А Святогорская и Почаевская горы своими величіемъ и красою должны плѣнять каждаго...

Основавъ обитель, иноки сейчасъ же построили и деревянную церковь во имя Успенія Божіей Матери. Они жили подъ Ея покровомъ въ Кіевѣ, подъ Ея покровомъ они хотѣли жить и въ Почаевѣ. И Богоматерь явила имъ Свою милость. Она предстала на вершинѣ горы, въ огненномъ столпѣ, царицею, съ короной на головѣ и скипетромъ въ правой рукѣ, и оставила на камнѣ слѣды своей правой «цѣльбоносной стопы», наполненной водою, которая не изсякла и донинѣ. Очевидцами этого чуднаго явленія были два инока и пасшій невдалекѣ стадо овецъ пастухъ изъ села Почаева Иванъ Босый. Оттолѣ слава Почаевской обители среди грядущихъ поколѣній была обезпечена...

Миновали три съ половиною вѣка... Мирно и тихо текла жизнь въ «пустынномъ монастырѣ» на Почаевской горѣ. Деревянный храмъ Успенія Божіей Матери иноки замѣнили болѣе обширнымъ каменнымъ.

Въ 13 верстахъ отъ Почаева находится незначительная деревушка Урля, состоящая всего изъ 4—5 крестьянскихъ дворовъ съ мельницей у небольшого пруда да заѣзжаго двора. Но въ XVI вѣкѣ здѣсь было обширное мѣстечко Орля, служившее резиденціей одной изъ богатѣйшихъ фамилій на Волыни. Въ половинѣ этого вѣка въ мѣстечкѣ, въ прекрасномъ замкѣ, проживала богатая помѣщица-вдова Анна Тихоновна Гойская, урожденная Козинская. Въ 1559 году по Волыни проѣзжалъ цареградскій митрополитъ Неофитъ, который, по просьбѣ Гойской, и остановился для отдыха «въ домѣ ея милости». Митрополитъ прогостилъ у Гойской нѣсколько дней. Уѣзжая изъ Орля, онъ благословилъ на прощанье гостепріимную хозяйку небольшою древнею иконою Божіей Матери, вывезенною имъ изъ Константинополя. Около тридцати лѣтъ пробыла икона въ семейной божницѣ Гойской. Но вотъ ликъ Богоматери сталъ источать чудеса... И вдругъ случилось чудо, страшно поразившее и Гойскую, и всю округу. Въ Орлѣ проживалъ братъ владѣлицы, Филиппъ Козинскій, слѣпой отъ рожденія. Долго усердно молился онъ передъ иконою Богоматери. И внезапно прозрѣлъ...

— Не достойна я, грѣшная, хранить у себя такую великую святыню,—молвила Гойская и рѣшила передать икону въ Почаевскую обитель.

Чудотворный образ Почаевской Божией Матери.

Епископъ львовскій, духовенство окрестныхъ селеній, иноки почаевскіе торжественно, съ крестнымъ ходомъ, перенесли икону въ святую обитель и помѣстили ее въ храмъ Успенія Богоматери. Это было въ 1597 году.

И снова ярко засіяла божественная слава надъ горою Почаевскою...

Перенесеніе святыни въ обитель сопровождалось принесеніемъ и богатыхъ мірскихъ даровъ ей.

Фундушевою записью А. Т. Гойская «положила быть на горѣ Почаевской новому общежительному монастырю, вмѣсто бывшаго здѣсь монастыря пустыннаго, для жительства въ ономъ «осьми черицовъ не инаго вѣроисповѣданія, какъ только греческаго». Для этой цѣли она между прочимъ пожертвовала обители «десять волокъ земли пахотной, десять копъ грошей (по нашему счету около 300 р. сер.), шесть осѣдлыхъ съ семействами крестьянъ изъ Стараго Почаева, десятину со всякаго хлѣба, собираемаго съ почаевского имѣнія, въ числѣ другихъ тоже принадлежавшаго Гойской, и лѣсъ съ сѣнокосомъ».

Въ 1617 году А. Т. Гойская скончалась. Ей наслѣдовалъ племянникъ-лютеранинъ Андрей Фирлей, человекъ крайне грубый и развратный. Въ 1623 году онъ силою ворвался въ обитель, ограбилъ ее и похитилъ икону Богоматери, которую и держалъ въ своемъ имѣніи въ теченіе почти двадцати лѣтъ въ полномъ небреженіи.

На защиту поруганной обители сталъ ея первый игуменъ преподобный Іовъ Желѣзо.

Этотъ великій подвижникъ родился около 1550 года въ Галиціи въ дворянской семьѣ Желѣзо и при крещеніи былъ названъ Іоанномъ. Съ раннихъ лѣтъ онъ началъ обнаруживать склонность къ духовной жизни и на десятомъ году ушелъ тайно изъ родительскаго дома въ сосѣдній Угорницкій монастырь, гдѣ и упросилъ игумена дозволить ему служить братіи. Ревность юнаго подвижника была такъ велика, что на двѣнадцатомъ году онъ былъ постриженъ въ монахи съ именемъ Іова. Тридцати лѣтъ онъ былъ посвященъ въ іеромонаха и вскорѣ послѣ этого принялъ схиму съ возвращеніемъ прежняго имя Іоанна.

Слава о подвижничествѣ Іова быстро распространилась по Галиціи и Волини. Въ 1582 году, по усиленной просьбѣ знаменитаго поборника православія князя Константина Острожскаго, Іовъ перешелъ изъ Угорницкаго монастыря въ Крестный монастырь въ Дубнѣ. Здѣсь иноки избрали его игуменомъ, въ каковомъ санѣ онъ подвизался около двадцати лѣтъ, ревностно охраняя православную церковь отъ іезуитской и уніатской пропаганды.

Такая дѣтельность Іова, конечно, создала ему массу враговъ среди католиковъ. По этой причинѣ, по кончинѣ князя Острожскаго, Іовъ въ 1604 году тайно покинулъ Крестный монастырь и удалился на гору Почаевскую, предполагая здѣсь, въ пещерахъ, навсегда укрыться отъ суеты мірской.

Галерея у соборного Успенского храма.

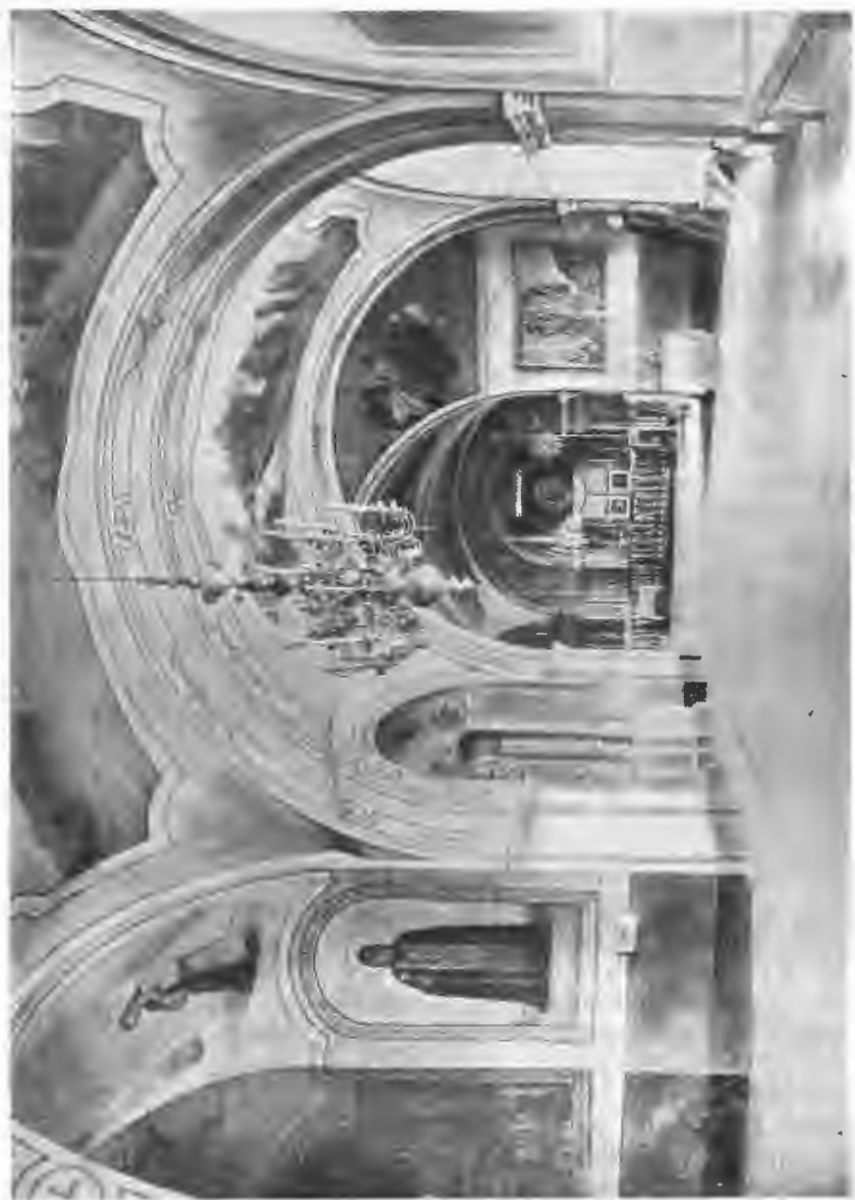
Но намѣренію Іова не суждено было осуществиться. Братія немедленно избрала его своимъ настоятелемъ. Пришлось подчиниться волѣ избравшихъ. Но Іовъ остался вѣренъ своему призванію: постъ, молитва, тайные подвиги и жизнь въ каменистой пещерѣ, въ которой онъ часто по цѣлымъ недѣлямъ уединялся, сопровождали его настоятельство. По словамъ біографа преподобнаго, его ученика іеромонаха Досіея, въ этой пещерѣ, существующей и донинѣ, въ которую можно было пролѣзть только ползкомъ, онъ иногда такъ долго и неустанно стоялъ на молитвѣ, что ноги у него отекали и покрывались язвами.

Святость жизни и примѣрное благочестіе Іова влекли къ обители многихъ благотворителей. Но особенно много сдѣлали для обители, по наставленію и почину Іова, владѣльцы сосѣдняго мѣстечка Бережець Ѳеодоръ и Ева Домашевскіе. Въ 1649 году они построили на Почаевской горѣ прекрасный каменный храмъ во имя Св. Троицы съ двумя придѣлами въ память Благовѣщенія Божіей Матери и великомученика Ѳеодора. Храмъ былъ построенъ на самой вершинѣ горы, надъ стопою Божіей Матери, и въ него была перенесена чудотворная икона Божіей Матери. Кромѣ того, Домашевскіе пожертвовали обители 33 тысячи золотыхъ, завѣщавъ, чтобы за это «кости ихъ были погребены въ новосозданномъ храмѣ Пресвятой Троицы».

Долгую и упорную борьбу пришлось вести преподобному Іову съ вышеупомянутымъ Фирлеемъ. Этотъ своеобразный «экспроприаторъ» въ 1623 году наславъ на обитель шайку своихъ слугъ-разбойниковъ, которая и разграбила ее и похитила икону Божіей Матери. Болѣе двадцати лѣтъ вель Іовъ борьбу и тяжбу съ Фирлеемъ и наконецъ настоялъ на возвращеніи святыни въ обитель. Этому способствовало и слѣдующее. Жена Фирлея, нарядившись въ забранныя въ обители церковныя ризы, начала кощунственно надругаться надъ св. иконой и православіемъ, но тотчасъ же подверглась страшнымъ до бѣшенства припадкамъ. Видя въ этомъ Божіе наказаніе, Фирлей въ 1644 году возвратили икону обители, послѣ чего болыная воздоровѣла.

21 октября 1651 года Іовъ имѣлъ откровеніе, что черезъ семь дней онъ долженъ скончаться. 28 октября онъ самъ отслужилъ литургію и по окончаніи ея, «воздавъ послѣднее цѣлованіе братіи», мирно почилъ.

Черезъ семь лѣтъ послѣ этого кievскій митрополитъ Діонисій Балабанъ, вслѣдствіе бывшаго ему откровенія, прибылъ въ Почаевъ и, освидѣтельствовавши мощи преподобнаго и найдя ихъ нетлѣнными, 28 августа 1659 года торжественно открылъ ихъ для всеобщаго почитанія, которое продолжается и донинѣ. Съ 1833 года 28 августа установлено празднованіе обрѣтенія мощей преподобнаго Іова.

Внутренность Пещерной церкви преподобного Иова.

20 іюля 1675 года полчища татаръ и турокъ, посланныя султаномъ Магометомъ IV на Польшу за нарушеніе Бучацкаго мира и за пораженіе его войскъ подъ Хотиномъ, покинули Збаражскій лагерь и подошли къ св. обители. Обложивъ ее со всѣхъ сторонъ, враги осаждали ее въ теченіе трехъ сутокъ. Въ ночь на 23 іюля они рѣшили направить на обитель «множайшую силу» и совершенно уничтожить ее. Обитель не имѣла ни солдатъ, ни оружія. Преданіе гласитъ, что утромъ, какъ только братія стала пѣть предъ чудотворною иконою акаѳистъ Божіей Матери, сама Царица Небесная явилась надъ Троицкимъ храмомъ съ преподобнымъ Іовомъ и сонмомъ ангеловъ на защиту осажденныхъ. Сначала непріатели приняли это за привидѣніе и начали пускать стрѣлы въ Богоматерь и преподобнаго. Но стрѣлы возвращались назадъ и ранили пускавшихъ ихъ. Тогда вражескія полчища въ смятеніи бѣжали, оставивъ обители богатый лагерь.

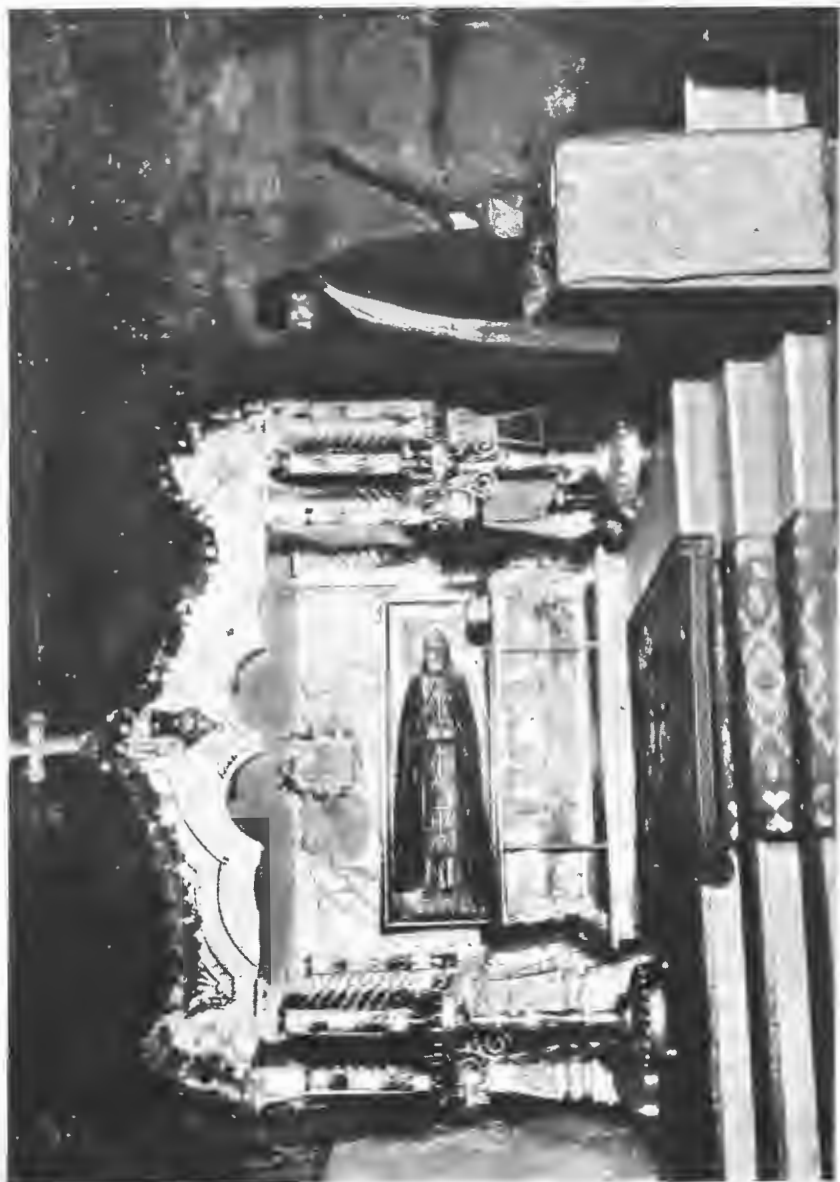
III.

Продолженіе лѣтописи обители.—Переходъ обители къ базилианамъ.—Графъ Потоцкій; его великія благодѣянія обители.—Возвращеніе обители въ вѣдѣніе православнаго духовенства.

Съ возникновеніемъ церковной уніи большинство русскихъ монастырей Юго-Западнаго края отпали отъ православія. Долѣе другихъ оставались вѣрною православію Почаевская обитель, но наконецъ не устояла и она и въ 1721 году перешла къ уніатамъ, бывъ обращена въ монастырь базилианскаго ордена. Я не буду останавливаться на исторіи обители въ періодъ пребыванія ея въ «ереси», продолжавшійся сто десять лѣтъ; скажу только, что паломничество православныхъ къ ея святынямъ не прекращалось за это время, и подробно разскажу о высокой благотворительной дѣятельности знаменитаго въ лѣтописяхъ обители ея благодѣтеля графа Потоцкаго.

Обращеніе злѣйшаго гонителя Христа, Савла, въ Его величайшаго апостола Павла,—конечно, единственный случай въ исторіи христіанской церкви. Но послѣдняя знаетъ немало примѣровъ, когда большіе враги ея, вдругъ, по наитію, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, необъяснимыхъ разумомъ человѣческимъ, становились ея вѣрными сынами, ярыми борцами за нее, щедрыми благотворителями ея.

Графъ Николай Стефановичъ Потоцкій, взысканный милостями польскаго короля, былъ старостою каневскимъ. Онъ отличался удивительнымъ разгуломъ и необузданнымъ правомъ. Убить крестьянина—для него была милая шутка, а травить, какъ звѣря, и затѣмъ застрѣлить еврея доставляло ему величайшее наслажденіе. Однажды,—преданіе говоритъ, что это было въ 1759 году,—графъ ѣхалъ въ коляскѣ въ виду Почаевской обители. Вдругъ лошади

Серебряная рака преподобного Иова.

чего-то испугались, понесли, выбросили изъ коляски графа и кучера и умчались. Взбѣшенный графъ выхватилъ пистолеть, направилъ дуло его въ грудь кучера и съ крикомъ: «издохни, подлая собака!» спустилъ курокъ. Несчастный кучеръ вскрикнулъ: «Заступница наша, Матерь Почаевская, спаси меня!» Пистолеть далъ осѣчку. Графъ трижды спускалъ курокъ, и трижды пистолеть давалъ осѣчку. А этотъ пистолеть уложилъ на мѣстѣ уже немало холоповъ и жидовъ. Потоцкій былъ пораженъ. Заступничество Богоматери за кучера было ему очевиднымъ. Онъ немедленно отправился въ св. обитель, палъ передъ иконою Божіей Матери, покаялся передъ нею въ грѣхахъ и далъ обѣтъ остатокъ жизни и имущество посвятить обители.

Еще до Потоцкаго монахи-базиліане собирались разобрать всѣ бывшіе на Почаевской горѣ небольшіе храмы и на мѣсто ихъ воздвигнуть одну большую церковь, для чего и начали готовить матеріалъ немедленно по водвореніи своемъ въ Почаевѣ. Однако приступить къ такой работѣ, за отсутствіемъ достаточныхъ средствъ, они не могли.

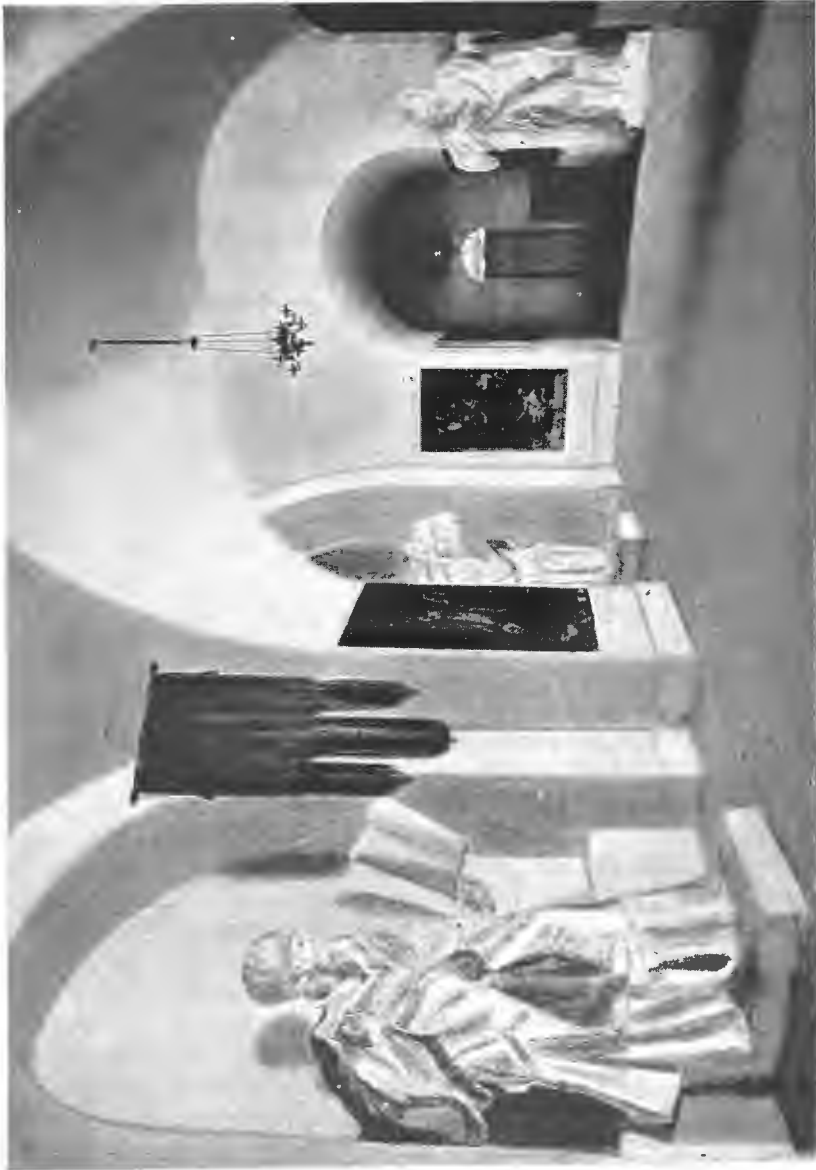
Потоцкій рьяно взялся за это дѣло, и работа закипѣла. Лѣтомъ 1771 года состоялась закладка величественнаго соборнаго Успенскаго храма, строившагося одиннадцать лѣтъ и стоящаго донинѣ. Въ то же время было приступлено къ постройкѣ братскаго корпуса и другихъ зданій.

Въ 1774 году графомъ была сооружена на краю горы нынѣшняя пещерная церковь во имя преподобнаго Іова, которая и была освящена въ 1780 году. Тогда же была освящена «для временнаго служенія» и соборная Успенская церковь; настоящее ея освященіе состоялось лишь 30 августа 1822 года.

12 апрѣля 1782 года графъ Потоцкій скончался. Согласно завѣщанію, онъ былъ похороненъ по греко-уніатскому обряду въ созданномъ имъ храмѣ, въ склепѣ подъ поломъ, у лѣвой стѣны собора, гдѣ теперь стоитъ мраморный памятникъ надъ прахомъ архіепископа Палладія.

Покойный графъ пожертвовалъ обители минимумъ два милліона польскихъ злотыхъ.

Во время польскаго возстанія почаевскіе монахи-базиліане выказали въ немъ явное участіе: печатали въ своей типографіи прокламаціи, снабжали повстанцевъ деньгами и жизненными продуктами, служили имъ напутственные молебны, благословляли ихъ и т. д. Такая дѣятельность базиліанъ, конечно, не могла пройти безнаказанной со стороны русскаго правительства, и императоръ Николай I повелѣлъ: «Почаевскую Успенскую обитель, по многочисленности стекающихся въ оную богомольцевъ, по великолѣпію ея церквей, обширности и огромности зданій учредить православнымъ монастыремъ I-го класса, присвоивъ ей наименованіе лавры. 2) Священно-

Коридор со статуями въ подпещерную церковь пр. Антонія и Феодосія.

архимандриту сей ново-устроенной лавры быть всегда волынскому архіерею, имѣя для помощи по управленію монастыремъ особаго благонадежнаго и достойнѣйшаго архимандрита съ наименованіемъ намѣстника»...

10 октября 1831 года Почаевская обитель перешла въ вѣдѣніе православнаго вѣдомства.

Первымъ настоятелемъ св. обители, по возвращеніи ея въ «лоно православія», былъ преосвященный Амвросій, первымъ священно-архимандритомъ—преосвященный Иннокентій и первымъ намѣстникомъ—Антоній.

При названныхъ лицахъ, а равно и при преемникахъ ихъ, Почаевская лавра постепенно принимала тотъ благоустроенный и благолѣпный видъ, который она имѣетъ въ настоящее время.

Теперь священно-архимандритомъ лавры состоитъ архіепископъ волынскій и житомирскій Антоній, а намѣстникомъ—архимандритъ Амвросій.

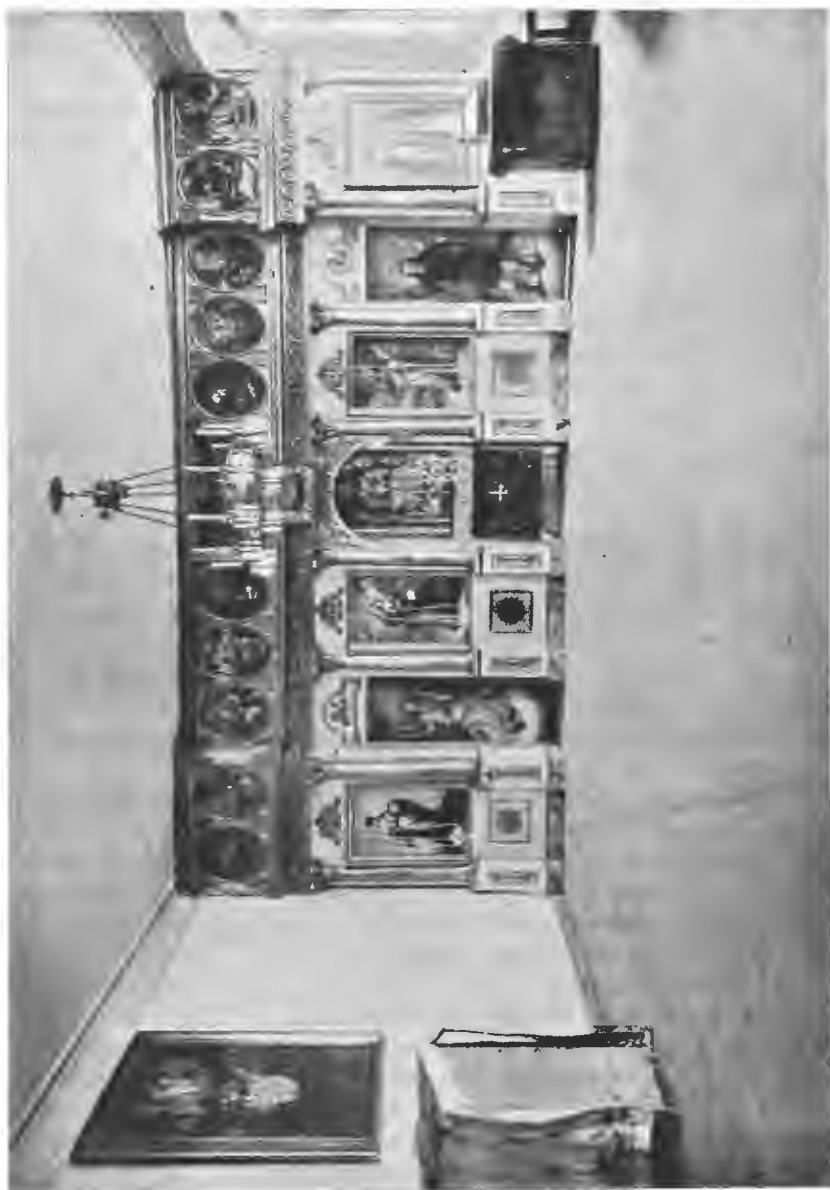
IV.

Современная лавра.—Положеніе ея.—Соборъ Успенія Божіей Матери.—Внѣшній и внутренній виды собора.—«Цѣльбоносная стопа» Божіей Матери.—Чудотворная икона Божіей Матери Почаевской.—Молебенъ.—Главный престолъ собора.—Достопримѣчательности ризницы.—Стѣнная живопись собора.—Галерея.

Почаевская Успенская лавра стоитъ на вершинѣ горы, составляющей отрасль Авратынскаго отрога Карпатскихъ горъ, и находится въ предѣлахъ Кременецкаго уѣзда Волынской губерніи, въ 7 верстахъ отъ австрійской границы, въ 17 верстахъ отъ Кременца, въ 25³/₄ верстахъ отъ Рудни Почаевской и въ такомъ же разстояніи отъ пограничной станціи Радзивиловъ-Броды.

Пройдя отъ большой лаврской гостиницы нѣсколько шаговъ вверхъ, мы подходимъ къ святымъ вратамъ лавры, на фронтонѣ которыхъ написано изображеніе «явленія Божіей Матери на скалѣ Почаевской въ столпѣ огненномъ въ 1240 году». Миновавъ врата и сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ вверхъ, мы приближаемся къ большой «галереѣ», примыкающей къ соборному храму Успенія Божіей Матери. Широкія и длинныя ступени ведутъ на галерею; поднявшись по нимъ—мы у дверей собора.

Соборъ—одинъ изъ величественнѣйшихъ храмовъ Россіи. Онъ построенъ въ романо-византійскомъ стилѣ и имѣетъ форму креста. Его главный фронтоны, обращенный къ югу, состоитъ изъ двухъ четырехугольныхъ башенъ, о пяти этажахъ каждая. Между башнями помѣщены въ высоту перваго этажа четыре каменныхъ колонны съ капителями коринтскаго ордена. Между колоннами находятся великія или главныя врата, ведущія въ соборъ. Надъ послѣдними устроенъ балконъ, на которомъ при уніатахъ оркестръ музыки ежедневно утромъ и вечеромъ игралъ «dobra dzien» и «dobra nos», т. е. «добраго утра» и «добрый ночи» Божіей Матери.

Внутренность Антоніе-Феодосіевской церкви.

Стѣны собора снаружи украшены пилястрами съ вытесанными изъ дикаго камня капителями коринтскаго ордена. Громадный восьмигранный куполъ вѣнчаетъ основное зданіе собора. Крыши купола и боковыхъ башенъ вызолочены, а остальные крыши окрашены зеленою краскою.

Хорошъ, величественъ, изященъ соборъ внутри. Онъ раздѣленъ на три части стройными колоннами, на которыхъ по правую и лѣвую сторону помѣщены хоры, обращенные въ память высочайшихъ посѣщеній въ «находные» храмы.

У первой, съ правой стороны отъ входа въ соборъ, колонны находится «цѣльбоносная стопа Божіей Матери». Надъ нею устроены великолѣпный бронзовый, черезъ огонь золоченый кіотъ съ рельефнымъ изображеніемъ явленія Божіей Матери на Почаевской горѣ въ 1240 году. «Здѣсь всякій можетъ видѣть стопу Богоматери, такъ какъ она въ настоящее время помѣщается подъ самую стѣну или ковчегомъ за прозрачными толстыми стеклами, только закрывается особою дверцею, которую открываютъ всякій разъ для желающихъ. Тутъ же по верху ковчега предлагается поклонникамъ для лобзанія изображеніе «цѣльбоносной стопы», такъ какъ прикладываться къ самой стопѣ нѣтъ возможности по причинѣ низкаго ея положенія подъ поломъ».

На высотѣ горнаго мѣста, надъ иконостасомъ, помѣщено художественное изображеніе «явленія Божіей Матери», написанное въ 1870 году академикомъ Васильевымъ. По срединѣ картины стоитъ во весь ростъ объятая пламенемъ Богоматерь. Она уже покидаетъ землю и поднимается ввысь, оставляя на горѣ слѣдъ своей «цѣльбоносной стопы». Восторженно взираютъ на чудное видѣніе колѣнопоклоненные инокъ и пастухъ Иванъ Босый...

Иконостасъ имѣетъ четыре яруса. Иноки называютъ его «царскимъ», такъ какъ онъ былъ пожертвованъ императоромъ Александромъ II, въ память посѣщенія имъ обители въ 1859 году. Въ третьемъ ярусѣ надъ образомъ «Тайной Вечери» въ изящномъ звѣздообразномъ кіотѣ помѣщается великая святыня обители—чудотворная икона Божіей Матери Почаевской. Икона очень небольшая. Она имѣетъ всего $6\frac{1}{4}$ вершковъ длины и $5\frac{1}{2}$ вершковъ ширины. На ней изображены: Богоматерь, держащая Предвѣчнаго Младенца на правой рукѣ, и вокругъ ихъ: архидіаконъ Стефанъ, мученикъ Мина, пророкъ Ілія, преподобный Авраамій, великомученица Екатерина, преподобная Пятница и святая Ирина. Икона украшена богатою золотою ризою и драгоценными камнями. Передъ нею горитъ прекрасная серебряная лампада, работы Овчинникова, пожертвованная «отъ усердія императора Александра III и императрицы Маріи Ѳеодоровны».

Я попросилъ отслужить молебенъ передъ чудотворной иконой. Послушникъ, провожавшій меня, далъ изъ алтаря звонокъ. При-

шель іеромонахъ, средняго роста, съ большой черной съ просѣдью бородой и нѣсколько послушниковъ, составившихъ хоръ. Начался молебенъ. Тихо, неслышно спустилась на двухъ лентахъ св. пкона, а съ нею и лампада. Чинно, благоговѣнно служилъ батюшка. Отчетливо произносилъ онъ на ектезіяхъ имена дорогихъ для меня лицъ, о здравіи которыхъ я просилъ его молиться. «Пресвятая Богородице, спаси насъ»... «Преподобный отче Іова, моли Бога о насъ». Небольшой хоръ стройно повторялъ эти моленія. Батюшка положилъ на мою голову спитрахиль и евангеліе. Не торопясь, задушевнымъ голосомъ читалъ онъ: «и рече Маріамъ: величить душа Моя Господа, и возрадовася духъ Мой о Бозѣ Спасѣ Моемъ: яко прирѣ на смиреніе рабы Своея; пбо отнынѣ ублажатъ Мя вси роди»... И затѣмъ: «Приидите ко Миѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы. Возьмите иго Мое на себѣ и научитесь отъ Мене: яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ. Иго бо Мое благо и бремя Мое легко естъ». Немного разъ въ жизни я слышалъ, чтобы священнослужитель такъ сердечно, такъ просто произносилъ эти простыя, но великія, глубоко трогающія слова. И наконецъ: «Не умолчимъ никогда, Богородице, силы Твоя глаголати мы недостойніи... Твоя бо рабы спасаеши пришею отъ всякихъ лютыхъ»... читалъ съ воодушевленіемъ іеромонахъ... Отраднo становится на душѣ послѣ такого молебна.

Хорошъ престолъ главнаго алтара собора. Онъ сдѣланъ изъ серебра и вѣситъ болѣе девяти пудовъ. По четыремъ сторонамъ его помѣщены изящной работы рельефныя изображенія: Сошествія св. Духа, Богоявленія Господня, явленія Христа по воскресеніи Маріи Магдалинѣ и Преображенія Господня. Этотъ престолъ былъ сооруженъ въ 1880 году въ память двадцатинятилѣтія царствованія Александра II, о чемъ свидѣтельствуетъ помѣющаяся на верхней доскѣ его надпись: «Въ память совершившагося двадцатинятилѣтія благотворнаго царствованія возлюбленнаго монарха, благочестивѣйшаго государя императора Александра II, царя-благодѣтеля Почаевской лавры 1855—февраля 19-го—1880 года».

Въ одной изъ ризницъ, устроенныхъ около алтара, именно въ той, въ которой помѣщены главнымъ образомъ богослужебныя книги и т. п., хранится оловянный сосудъ, въ которомъ герметически въ спирту закупорено сердце строителя Успенскаго собора графа Потоцкаго. Здѣсь же въ рамѣ подъ стекломъ сохраняется духовное завѣщаніе основательницы Загасцкаго монастыря Ирины Яромлинской отъ 1646 года, на которомъ имѣется собственноручная подпись преподобнаго Іова: «Іоаннъ Желѣзо игумень Почаевскій устно прошенный печаторъ рукою власною п. р.» (т. е. manu propria).

У лѣваго клироса находится проповѣдническая кафедра, устроенная базилианами.

Всѣ стѣны собора украшены иконами или расписаны различными изображеніями. Особенный интересъ представляютъ изображенія мѣстнаго характера, по которымъ можно прослѣдить всю, такъ сказать, священную исторію обители. Перечислю нѣкоторыя изъ нихъ: «Исцѣленіе слѣпорожденного брата помѣщицы Гойской Филиппа, по молитвѣ предъ иконою Божіей Матери въ 1597 году», «Перенесеніе чудотворной иконы Божіей Матери изъ Орлицкаго замка Гойской на гору Почаевскую въ 1597 году», «Стрясеніе бѣсомъ жены лютеранина Фирлея, похитившаго чудотворную икону изъ Почаева и облекшаго свою жену въ священническія одежды на поруганіе въ замкѣ Козинскомъ въ 1641 году», «Удержаніе на вервѣи стремглавъ упавшаго въ колодець, но сердцемъ вздохнувшего къ Божіей Матери юноши въ 1704 году», «Спасеніе кучера отъ неминуемой смерти чрезъ разстрѣліаніе графомъ Потоцкимъ вслѣдствіе обращенія къ Почаевской обители съ воплемъ: «Мати Божія, спаси мя», «Обезглавленный татаринномъ шюкъ полагаетъ свою голову предъ чудотворною иконою Почаевскою въ 1607 году», «Чудесное перенесеніе въ праздникъ Успенія Пресвятыя Богородицы изъ турецкаго плѣна шюка въ обитель Почаевскую въ 1674 году» и др. Всѣ эти изображенія принадлежатъ кисти художника Васильева и писаны имъ въ 1874 году.

У лѣвой стѣны собора, между второю и третью колонами, какъ было сказано выше, похороненъ священно-архимандритъ лавры, архіепископъ вольницкій и житомирскій Палладій (Ганкевичъ). Надъ могилою поставленъ изящный памятникъ изъ бѣлаго итальянскаго мрамора, въ видѣ кіота. Здѣсь же въ склепѣ похороненъ и основатель собора графъ Потоцкій.

Прекрасна обширная галерея, залитая асфальтомъ, примыкающая къ собору. Отсюда открывается дивный видъ, который никогда не изгладится изъ вашей памяти. Вы видите на много верстъ раскинувшіяся поля, рощи, селенія, холмящіеся отроги Карпатъ, одиноко поднимающуюся Божью гору и тамъ, вдаль, за границею, въ Галиціи, зданія подкаменецкаго доминиканскаго «кляштора»...

Лѣтомъ 1907 года на этой галереѣ палъ жертвою несчастной случайности солдатикъ. Администрація лавры получила отъ «революціонеровъ» нѣсколько анонимныхъ писемъ съ угрозою взорвать св. обитель. Тогда въ стѣнахъ лавры была поставлена воинская охрана, причѣмъ одинъ часовой былъ поставленъ на галереѣ. Была темная южная ночь, дулъ сильный вѣтеръ. Раздались шаги шедшаго по галереѣ человѣка. Часовой крикнулъ: «кто идетъ?» Но вѣтеръ отнесъ этотъ окликъ, и шедшій человѣкъ его не слышалъ. Часовой выстрѣлилъ въ него изъ ружья, и мѣткая пуля уложила несчастнаго на мѣстѣ. Убитымъ оказался солдатикъ, шедшій на смѣну выстрѣлившаго въ него часового. Вскорѣ послѣ этого воинская охрана изъ лавры была взята.

V.

Современная лавра.—Храмъ преподобнаго Иова.—Рака преподобнаго и сѣнь надъ нею.—Стѣнная живопись храма.

Подъ галерею находится «пещерная» церковь преподобнаго Иова. Въ нее послушникъ повелъ меня изъ собора черезъ коридоръ, соединяющій послѣдній съ братскимъ корпусомъ. Отворилъ сначала огромныя створчатыя двери, потомъ обыкновенныя. Стали спускаться по широкой лѣстницѣ, устроенной въ галереѣ, западная стѣна которой непосредственно примыкаетъ къ Почаевской горѣ. Обѣ стѣны галереи оригинально расписаны изображеніями всѣхъ свитыхъ русской церкви отъ св. княгини Ольги до Тихона Задонскаго, причемъ группы свитыхъ изображены по вѣкамъ.

Церковь преподобнаго Иова—длинный коридоръ, освѣщенный лишь съ южной стороны широкими, сверху полуовальными окнами. Небольшая, выдолбленная въ горѣ галерея идетъ изъ церкви въ ту пещеру, въ которой, по преданію, подвизался преподобный. Здѣсь и почиваютъ его мощи. Изящная сѣнь изъ каррарскаго мрамора поддерживается четырьмя колонами довольно вычурной рѣзьбы. Задняя стѣнка также сдѣлана изъ мрамора. Два ангела, тонко высѣченные на мраморѣ, держатъ въ рукахъ свинцовую ленту съ надписью: «Восхваляете преподобни во славѣ и возрадуются на ложахъ своихъ». Подъ этою сѣнью въ богатой серебряной рацѣ почиваютъ мощи преподобнаго. Рака была пожертвована дочерью знаменитаго скатеринскаго временщика графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго, графинею Анною Алексѣвною, которая, какъ извѣстно, подъ вліяніемъ іеромонаха Амфилохія и главнымъ образомъ архимандрита Юрьева монастыря Фотія, покинувъ дворъ и отрѣшившись отъ прелестей свѣтской жизни, свое огромное богатство, унаслѣдованное отъ отца, роздала по обителямъ. На верхней доскѣ раки вычеканены изображенія преподобнаго въ мантии и схимѣ, а по сторонамъ изображенія Богоматери съ молящимся передъ нею преподобнымъ, видъ прежней Свято-Троицкой церкви и явленіе Богоматери въ столпѣ огненномъ.

Открывъ раку, іеромонахъ, притотвившійся служить молебенъ, сказалъ мнѣ:

— Цѣлуйте ноги, руки, чело.

Какъ будто я не зналъ, какъ надлежитъ прикладываться къ мощамъ!

При прикладываніи къ ногамъ преподобнаго чувствуется сильный запахъ чистаго розоваго масла.

На стѣнахъ галереи, соединяющей церковь съ пещерою, изображены: открытіе мощей преподобнаго, явленіе его съ Богоматерью надъ Почаевскою горою во время «бранн Збаражской» и др.

Надъ дверьми галереи помѣщенъ образъ преподобнаго Іова, который, по преданію, является древнѣйшимъ въ лаврѣ и чуть ли не портретомъ его.

Самый храмъ также весь расписанъ и прежде всего изображеніями разныхъ событій изъ земной жизни преподобнаго Іова: постриженіе его въ иночество, его кончина и т. д. Затѣмъ здѣсь помѣщены изображенія всѣхъ «святыхъ угодниковъ волинскихъ и всѣхъ святыхъ преподобныхъ Кіево-Печерской лавры XIII вѣка, изъ среды коихъ вышли блаженные иноки, основавшіе обитель Почаевскую».

VI.

Современная лавра.—Католическія статуи святыхъ.—Храмъ свв. Антонія и Θεодосія Печерскихъ.—«Стопочная пещера».

Вышли изъ храма преподобнаго Іова. Еще спустились по лѣстницѣ. Послушникъ отперъ двери. Мы вошли въ довольно свѣтлый коридоръ, пли, скорѣе, залу. Здѣсь стоятъ четыре громаднхъ, высѣченнхъ изъ камня, статуи.

— Чьи это изображенія?

— Святыхъ евангелистовъ,—отвѣчалъ послушникъ.

И, кажется, онъ ошибся. Повидимому, это—изображенія св. Василія Великаго, Григорія Богослова, блаженнаго Геронима и четвертое—не знаю кого. Статуи—художественной работы, принадлежать рѣзцу католическихъ скульпторовъ и предназначались базилианами къ постановкѣ въ Успенскомъ соборѣ.

Изъ коридора одна изъ дверей ведетъ въ пещерный храмъ Антонія и Θεодосія Печерскихъ, гдѣ, по справедливому замѣчанію извѣстнаго паломника А. Н. Муравьева, и «нужно искать первоначальную исторію горы Почаевской». Правда, настоящая церковь была устроена лишь въ 1858 году, но несомнѣнно, что именно здѣсь и былъ воздвигнутъ иноками, выходцами изъ Кіево-Печерской лавры, первый храмъ на горѣ Ночаевской. Нынѣшній храмъ очень не великъ, имѣетъ небольшой, изящный простотю, изъ цѣльнаго дуба иконостасъ. Ни богатствомъ, ни особымъ убранствомъ онъ не отличается.

Опять спустились по лѣстницѣ. Послушникъ зажегъ двѣ свѣчи. Вошли въ темный коридоръ. Идемъ. Свѣчи еле мелькаютъ. Коридоръ напоминаетъ кіевскія пещеры. Надъ нами и около насъ природныя породы камня. Становится немного тяжело дышать.

— Отецъ, скоро ли?

— Сейчасъ, батюшка, сейчасъ. Вотъ мы и пришли.

Сбоку глубокаго грота устроенъ небольшой металлическій бассейнъ, имѣющій форму ванны. Сквозь скважины горы вода просачивается и крупными каплями стекаетъ въ этотъ бассейнъ. Вы слы-

пите непрерывное, ритмическое капанье. Вода совершенно прозрачная и чрезвычайно приятная на вкус. Эту воду вмѣстѣ съ водою изъ «цѣльбоносной стопы» разливаютъ въ разнообразныя бутылочки, которыя и идутъ въ продажу богомольцамъ.

— Когда къ намъ собирается уже очень много богомольцевъ, этой воды не хватаетъ,—тогда разбавляютъ ее простою водою,— пояснилъ мнѣ послушникъ.

Описанный гротъ поситъ названіе «Стопочноя пещеры».

Какъ ни тускло, ни сыро, ни непривѣтливо было въ природѣ, я все-таки былъ очень доволенъ, когда вышелъ изъ пещеры на галерею собора. Видно, намъ, людямъ нынѣшняго вѣка, изломаннымъ жизнью, съ растерзанными нервами и пораженными сердцами, жизнь древнихъ аскетовъ въ пещерахъ, подъ землею совсѣмъ не подѣ силу.

Андрей Фирсовъ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Новая эра въ Россіи.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ распространеннаго англійскаго экономическаго журнала «The financier and bullionist» Р. Д. Барретъ предпринялъ въ 1907 году продолжительное путешествіе по Россіи главнымъ образомъ для выясненія тѣхъ видовъ, какіе могутъ открыться въ нашемъ отечествѣ для англійской торговли и помѣщенія свободныхъ англійскихъ капиталовъ въ русскія промышленныя и горно-заводскія предпріятія.

«Пора отчужденія между Англіею и Россіею счастливо миновала; прошлыя недоразумѣнія,—говоритъ Барретъ,—въ значительной степени вызывались малымъ знакомствомъ англичанъ съ Россіею, фантастическими опасеніями и взаимнымъ недоумѣріемъ. А между тѣмъ англичане, долге живавшіе въ Россіи, единогласно утверждаютъ, что нигдѣ въ Европѣ наши соотечественники не встрѣчаютъ болѣе радушнаго пріема и личной пріязни, какъ въ Россіи; вмѣстѣ съ тѣмъ эти хорошо освѣдомленные свидѣтели не устаютъ перевозносить отмѣнныя качества русскихъ людей и утверждаютъ, что Россія не замедлитъ проявить на удивленіе міра осуществленіе величайшихъ надеждъ, какія на нее возлагаютъ ея искренніе друзья.

«Въ теченіе весны и лѣта 1907 года я провелъ много мѣсяцевъ, путешествуя по Россіи, желая собрать наблюденія о современномъ положеніи Россіи и правдиво рассказать все, мною видѣнное. И вотъ прежде всего я считаю долгомъ разсѣять ошибочно сложившееся въ Англіи предубѣжденіе—иные изъ моихъ соотечественниковъ увѣ-

ряютъ, будто путешествія во владѣніяхъ русскаго царя небезопасны. Я же на основаніи собственнаго опыта могу смѣло завѣрить, что иностранецъ, путешествуя не только по Европейской Россіи, но и въ Сибири, столько же безопасенъ, какъ и въ любой иной европейской странѣ. Я извѣздилъ много тысячъ миль по Европейской Россіи и Сибири, но нигдѣ не подвергался несприятностямъ и не наталкивался даже на сколько-нибудь нелюбезный пріемъ.

«Въ мои планы не могло входить изучать русскую политику съ партійной точки зрѣнія; я попросту широко раскрывалъ глаза и уши передъ всѣмъ, что проходило мимо меня, и передамъ правдиво выводы изъ собственныхъ наблюденій и ознакомленія съ разнообразными и надежными источниками».

«Я пріѣхалъ въ Петербургъ какъ разъ во-время, чтобы попасть на послѣднее засѣданіе думы второго призыва.

«Политическая атмосфера палаты мнѣ не показалась насыщеною электричествомъ. Манера себя держать 400 разношерстныхъ депутатовъ не изобличала возбужденія. Кто выступалъ въ этомъ засѣданіи съ рѣчами, дѣлалъ это довольно неудачно. Препія протекали смирно и безцвѣтно хотя бы по сравненію съ тѣми рѣзкими и язвительными выходками, которымъ мнѣ недавно довелось быть свидѣтелемъ въ совѣтѣ лондонскаго графства.

«Тѣмъ не менѣе роспускъ думы предвидѣлся, и какъ въ самой палатѣ, такъ и внѣ ея признавался неизбежнымъ. Царскій указъ о роспускѣ думы поэтому никого не удивилъ, а опубликованіе его не вызвало никакихъ безчинствъ.

«Чтобы уяснить себѣ современное политическое движеніе, я старался дѣлать въ Петербургѣ тщательныя наблюденія, собирая свѣдѣнія тамъ, гдѣ это для меня оказывалось доступнымъ. Я не хотѣлъ, конечно, основывать свои выводы единственно на русскихъ источникахъ и показаніяхъ и немало бесѣдовалъ съ англійскими и иными иностранными резидентами, но въ общемъ они только подтвердили то мнѣніе, которое и у меня постепенно слагалось.

«Изъ всего видѣннаго и слышаннаго я вынесъ убѣжденіе, что серьезность смуты, разыгравшейся въ Россіи, сильно преувеличивалась, и во многихъ случаяхъ преувеличенія вызывались односторонними пристрастіями. Несомнѣнно, и Государь и правительство совершенно искренно желаютъ Россіи преуспѣянія на пути прогресса, благосостоянія и просвѣщенія, но, принимая во вниманіе сложность и трудность предстоящей задачи обновленія Россіи, вполне понятно, что правительство склоняется скорѣе въ сторону консерватизма, чѣмъ радикализма.

«Не слѣдуетъ забывать, что эволюція конституціонализма въ Россіи вышла изъ самодержавія. Откуда явился просвѣщенный для этого толчокъ? Кто повелъ народъ по пути реформъ? Да вѣдь только воля самодержца! Это великое проявленіе самоотреченія отъ не-

ограниченной власти отноудь не слѣдовало бы забывать петербургливимъ преобразователямъ и хулителямъ правительства. Постарайтесь возсоздать себѣ истинное положеніе Россіи въ освѣщеніи предшествовавшихъ обстоятельствъ. Припомните всѣ діатрибы, какими осыпалось правительство при роспускѣ думы перваго призыва. Припомните мрачные замыслы, навязывавшіеся русскому самодержавію. А кому нынѣ придется въ голову оправдывать думу перваго призыва? Благодаря измѣнившемуся теченію общественнаго мнѣнія, нынѣ общепризнано, что дума перваго призыва дѣйствительно обпаруживала чрезвычайную непрактичность.

«Такое пародное представительство, въ составѣ сорвавшихся съ петель мечтателей и доктринеровъ, едва ли бы оказалось умѣстнымъ даже въ первобытномъ обществѣ, только вступающемъ на порогъ политическаго бытія, въ какой-нибудь Новой Зеландіи и, конечно, было совершенно не ко двору въ прочно сложившейся имперіи, переживавшей моментъ великаго народнаго бѣдствія. Очевидно, такую палату и слѣдовало распусить. Болѣе плодотворной дѣятельности ожидали отъ думы втораго призыва. Казалось, составъ ея былъ менѣе нелѣпъ и члени палаты, какъ будто, обѣщали проявить большую дѣловитость по сравненію съ неуравновѣшенными своими предшественниками. Но революціонное бродило продолжало дѣйствовать и въ думѣ втораго призыва; и эта дума проявляла преднамѣренное стремленіе идти впередъ форсированнымъ шагомъ, ставя нуты правительству и затѣвая измѣнническіе планы.

«Если вспомнить, что и въ западно-европейскихъ парламентахъ далеко не въ рѣдкость разношерстность состава, то нечего, конечно, удивляться, что въ только что нарождавшейся, случайно сборной думѣ могли оказаться курьезные элементы, но обидно и оскорбительно для избирателей, что иные изъ ихъ ставленниковъ начали проявлять непримиримую вражду къ установленнымъ законамъ и государственнымъ порядкамъ и вознамѣрились добиваться превратныхъ цѣлей способами, далеко не конституціонными. Императорскій указъ, объявившій роспускъ и второй думы, совершенно опредѣлительно и заслуженно изобличилъ ее въ желаніи плодить смуту и способствовать потрясенію государственности.

«Несмотря на неудачу первыхъ двухъ опытовъ созыва думы, Государь, однакоже, и не подумалъ уклониться отъ сознательно принятаго рѣшенія даровать странѣ представительный образъ правленія, но вопліи цѣлесообразно прибѣгъ къ измѣненію избирательнаго закона, такъ какъ, вслѣдствіе погрѣшности прежняго, народныя избранники далеко невѣрно отражали истинныя нужды и желанія народныя.

«Къ новому измѣненію избирательнаго закона ожесточенные хулители правительства отнеслись отрицательно, предсказывая ему полный провалъ. Съ одной стороны раздавались жалобы на то, будто

третья дума окажется только представительницею интересовъ земельныхъ собственниковъ, а съ другой—высказывались ехидныя надежды, что третья дума окажется еще болѣе крайнею, чѣмъ ея предшественницы. Дѣйствительность этихъ прорицаній не оправдала.

«Если разсматривать создавшееся для третьей думы положеніе въ освѣщеніи всѣхъ предшествовавшихъ обстоятельствъ, то для непредубѣжденнаго человѣка оцѣнка фактовъ получится совершенно ясная.

«Если и сдѣлана была ошибка, то только по началу: слишкомъ ужъ широкій просторъ былъ предоставленъ избирателямъ, въ составъ которыхъ были включены разношерстные элементы, вовсе не подготовленные и не созрѣвшіе для отправленія отвѣтственного гражданскаго долга. Во всѣхъ европейскихъ странахъ процессъ политической эволюціи совершался постепенно, и тѣсная база дарованныхъ избирательныхъ правъ и представительства расширялась лишь весьма медленно. Потребность въ такой же осторожной избирательной политикѣ для Россіи подсказывалась скорѣе еще большая, чѣмъ гдѣ-либо. Если бы столь благотворно сказавшіяся нынѣ избирательныя ограниченія были введены въ законъ съ самаго начала, вѣроятно, и первая дума явилась бы учрежденіемъ національнымъ и сознающимъ свои истинныя обязанности передъ страной, но правительство избрало слишкомъ либеральный курсъ, и событія показали его преждевременность».

Переходя отъ вопросовъ внутренней политики къ ближайшей цѣли своего путешествія, т.-е. къ вопросамъ экономической политики, Барретъ разсуждаетъ такъ:

«Начиная съ XVI вѣка, торговля между Англіею и Россіею постоянно и непрестанно возрастала, и дружественныя отношенія между обѣими странами превратились почти въ традицію.

«Вовлеченіе Англіи въ извороты своекорыстной политики Наполеона III внесло въ давнишнія отношенія полный переломъ. Участіе Великобританіи въ Крымской кампаніи и заключеніе союза съ Турціею ради поддержанія status quo ante въ Средиземномъ морѣ и обезпеченія торговыхъ сношеній съ Индіею и Далекимъ Востокомъ, тогда еще производившихся сухимъ путемъ, вызвало политику булавочныхъ уколовъ, наносимыхъ Россіею Англіи въ Азіи. Англія воздвигла непреодолимыя преграды для Россіи въ дѣлѣ развитія Черноморскаго флота и закрыла ей съ востока доступъ къ водамъ Средиземнаго моря, но въ отместку за это самой же Англіи пришлось цѣлое пятидесятилѣтіе считаться съ дипломатическими и фактическими репрессіями русской державы въ Азіи. Поглощеніе средне-азиатскихъ ханствъ и безхозяйныхъ земель Россіею приблизило ее постепенно къ границамъ Индіи, и страхи за дальнѣйшее будущее въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій заставляли англійскихъ государственныхъ людей изощряться въ безплодныхъ, тернистыхъ и перазрѣшимыхъ заданіяхъ,

такъ какъ съ возрастающимъ вліяніемъ и расширеніемъ Россіи приходилось считаться и въ Афганистанѣ, и въ Персіи, и даже въ Китаѣ. Стремленіе Россіи обезпечить себѣ выходы къ открытымъ морямъ чрезъ теплыя, незамерзающіе порты ради развитія ея военнаго флота и морской торговли было вполнѣ естественно, и если Россія не успѣла использовать преимуществъ, достигнутыхъ въ Китаѣ и Персіи, то въ значительной степени способствовала уменьшенію на Востокѣ англійскаго престоика. Постоянныя тренія и недоразумѣнія между обоими правительствами вообще не обѣщали ничего хорошаго и, весьма вѣроятно, рано или поздно вызвали бы крупныя столкновенія, но совершенно неожиданно объявился такой факторъ, на который никто не рассчитывалъ. Преемникъ королевы Викторіи оказался первостепеннымъ государственнымъ человѣкомъ, одареннымъ чрезвычайнымъ тактомъ и способнымъ на проявленіе самостоятельнаго почина. Въ одно изъ частыхъ посѣщеній Парижа Эдуардъ VII поставилъ предъ руководителями судебъ Франціи вопросъ ребромъ, насколько постоянныя размолвки съ Великобританіею служатъ къ дѣйствительной пользѣ Франціи. Между обоими правительствами постоянно проскальзывали поводы къ столкновеніямъ, но на повѣрку оказывалось, что, если бы обѣ стороны больше придерживались политики *do, ut des*, и если бы одна сторона, защищая правое, по ея мнѣнію, дѣло, не наталкивалась на преднамѣренное признаніе этого дѣла неправымъ другою стороною, то и причины къ разногласіямъ и распрямъ падали бы сами собою. Развитіе дальнѣйшихъ переговоровъ на этой почвѣ повело къ англо-французскому соглашенію, а затѣмъ явились и отдаленныя надежды на сближеніе съ Россіею. Позднѣйшія событія, вызвавшія уходъ со сцены совѣтчи ковъ русскаго Царя, наиболѣе отвѣтственныхъ за русскую политику расширенія въ Восточной и Юго-Западной Азій, признаніе Россіею неприкосновенности Китая и заключеніе особаго соглашенія между Россіею и Японіею (помимо Портсмутскаго договора) сгладили почву для осуществленія соглашенія между сентъ-джемскимъ и петербургскимъ дворами по урегулированію англійскихъ и русскихъ интересовъ на азіатскомъ материкѣ. Что Россія выполнить безукоризненно не по буквѣ, но и по духу состоявшееся въ отношеніи Азій соглашеніе съ Великобританіею и Японіею, въ этомъ не можетъ быть сомнѣній. Такимъ образомъ, достигнутое соглашеніе освобождаетъ Индійскую имперію отъ вѣчной тревоги изъ-за того, какія каверзные предпріятія подготовляетъ ей на пагубу враждебный могущественный сосѣдь, а Россія, въ свою очередь, въ предѣлахъ отмежеванныхъ ея вліянію и воздѣйствіямъ сферъ, освобождается отъ необходимости недовѣрчиво озираться, не кусть ли противъ нея ковы англійская политика и не затрогивается ли ея національная щекотливая чувствительность.

«Къ сожалѣнію, для искорененія предубѣжденій противъ Россіи и установленія дѣйствительно тѣснаго и всесторонняго сближе-

ніа между обѣими странами недостаточно только дипломатическаго почина, но требуется болѣе обстоятельное и вдумчивое ознакомленіе всего англійскаго общества съ истиннымъ положеніемъ нашихъ новыхъ друзей.

«Правильная оцѣнка событій, переживаемыхъ Россіею, въ значительной степени запутывается, благодаря ошибочнымъ взглядамъ, распространяемымъ многими изъ англійскихъ публицистовъ на политическое положеніе сѣвернаго медвѣдя.

«Между тѣмъ за предѣлами революціонныхъ кружковъ все пресловутое возстаніе русскаго народа противъ существующаго правительственнаго строя едва ли носило болѣе серьезный характеръ, чѣмъ хотя бы наши собственныя ирландскія возмущенія. Девять десятыхъ аграрныхъ беспорядковъ въ Россіи вовсе не лежатъ въ упрежденіи народа земельными собственниками и не въ отказѣ правительства предоставить всю полноту политическихъ вольностей массѣ населенія, которая вовсе и не питаетъ влеченія къ такому дару. Смута въ Россіи въ сущности была вызвана совершенно искусственно, благодаря существованію въ Россіи многочисленной толпы пришельцевъ, къ которой болѣе грубые элементы не напрасно проявляютъ упорную враждебность. Русскій народъ долженъ выработать для себя политическое спасеніе на собственный ладъ и чѣмъ скорѣе станеть на эту точку зрѣнія британское и американское общество, тѣмъ лучше будетъ для всѣхъ заинтересованныхъ. Въ дополненіе къ этому, если англичане и впрямь хотятъ разобраться въ поверхностныхъ и пристрастныхъ отчетахъ о событіяхъ, разыгрывающихся въ Россіи, имъ слѣдуетъ помнить, что пережитая Россіею смута отнюдь не поколебала центральной власти; русскій Царь сидитъ и по сей часъ такъ же прочно на своемъ престолѣ, какъ любой изъ его предковъ, русская армія попрежнему предана Государю и Царской фамиліи, и для служенія Государю и государству имѣются миллионы вѣрно-подданныхъ.

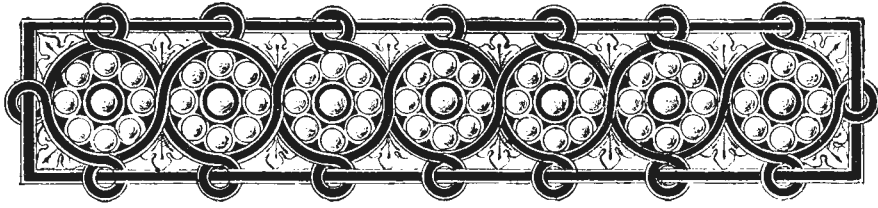
«Но зауряднымъ англичанамъ недоступно пониманіе социальной структуры, какая имѣется налицо въ современной Россіи. Наши соотечественники воображаютъ, будто вся широкая масса русскаго народа уметвенно доросла до воспріятія и использованія вольностей, какія въ Великобританіи вѣками слагались и воспринимались народомъ на основѣ постепеннаго развитія *magna charta libertatum*.

«Въ Россіи дѣло обстоитъ иначе: простонародье стоитъ пока на низкомъ уровнѣ развитія и восполнить пробѣлы этого послѣдняго собственными усиліями, конечно, не сможетъ. Для дѣйствительной политической эмансипаціи народъ нуждается въ содѣйствіи правящихъ классовъ, и вотъ тутъ-то — въ воспитательныхъ воздѣйствіяхъ культурнаго класса на массу населенія — и лежитъ гораздо болѣе прочный залогъ для дальнѣйшаго процвѣтанія страны, чѣмъ въ потрясеніяхъ революціи и анархіи.

«Для осуществленія этого заданія потребуетъ конечно не пятилѣтіе, но, быть можетъ, полстолѣтія или цѣлое столѣтіе. Но во всякомъ случаѣ достовѣрно одно, что въ настоящее время нарождается новая Россія, и, несомнѣнно, новые дѣятели, которые въ области законодательства и управленія, по мощному царскому велѣнію, нынѣ призваны покойно, но настойчиво потрудиться надъ громадною и почти безконечною задачею обновленія страны, считаясь съ мѣстными особенностями, — что непонятно для незнакомыхъ съ иноземнымъ бытомъ британцевъ, — въ концѣ концовъ достигнуть поставленной имъ цѣли.

Вл. Фонъ-Штейнъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

**К. Военскій. Петръ I въ Карлсбадѣ въ 1711 и 1712 годахъ.
Спб. 1908. (Отд. оттискъ изъ «Правит. Вѣстника»).**

**Д. Нагуевскій. Петръ Великій въ Карлсбадѣ въ 1711 и 1712 гг.
Рига. 1909. (Съ иллюстраціями).**

СЕНЬЮ 1711 г. здоровье Петра Великаго настолько ухудшилось, что пришлось обратиться къ помощи знаменитыхъ карлсбадскихъ водъ. Особенно досаждалъ скорбутъ. Весною 1711 г. Петръ даже лежалъ 5 недѣль и «не чаялъ живота себѣ». Къ его физическимъ недомоганіямъ присоединились нравственныя страданія: политическія осложненія во время Великой Сѣверной войны, прутская катастрофа, все это жестоко потрясло организмъ государя. Врачи потребовали отдыха и леченія водами, и выборъ палъ на Карлсбадъ, небольшой городокъ Богеміи, славившійся своимъ цѣлебнымъ источникомъ Шпруделя, которымъ услѣбно пользовался въ 1710 г. царевичъ Алексѣй Петровичъ.

Петръ прибылъ въ Карлсбадъ вечеромъ 13 (24) сентября 1711 г. Никакой официальной встрѣчи не было: во-первыхъ, не позволяло здоровье Петра, а во-вторыхъ, отношенія между Австріей и Россіей были въ то время очень и очень холодными. Впрочемъ, получивъ отъ Петра извѣщеніе о намѣреніи его посѣтить Карлсбадъ, вѣнскій дворъ командировалъ туда придворнаго чиновника, чтобы карлсбадскія власти приготовили для царя соответствующее помѣщеніе.

Державный гость поселился въ домъ тогдашняго карлсбадскаго бюргер-мейстера и аптекаря Андрея Венцеля Бехера. По крайней мѣрѣ, историки

послѣ долгихъ колебаній пришли теперь къ рѣшенію, что именно въ этомъ домѣ (въ которомъ было нѣсколько хорошихъ и просторныхъ комнатъ) жилъ Петръ. Небольшой, съ тысячею жителей городокъ, сжатый горами, не понравился Петру, любившему широту и просторъ; это была «яма», «гдлушь», «честная тюрьма», по словамъ Петра: «понеже между такихъ горъ сидить, что солнца почитай не видать».

Да и способъ леченія былъ утомителенъ и скученъ. Больной въ продолженіе 7—10 дней долженъ былъ выпивать (и не во время прогулки, какъ теперь, а дома, сидя и даже лежа въ кровати 2—3 часа, нерѣдко въ жарко нагретой комнатѣ, при наглухо затворенныхъ окнахъ и дверяхъ, пока у пациента не появлялся обильный потъ), начиная съ 15—18 кружекъ воды въ день и прибавляя затѣмъ по кружкѣ, пока число ихъ не достигало 30—40 въ день. Затѣмъ пациентъ принималъ 2—3 дня ванны, что продолжалось 2 недѣли. Этимъ заканчивался первый курсъ леченія, а многіе проходили два и даже три такихъ курса и, безъ сомнѣнія, такому леченію подвергался и Петръ (леченіе началось уже 15 сентября).

Между тѣмъ въ Карлсбадъ прибыли для привѣтствія высокаго гостя королевскій богемскій комиссаръ чиновникъ богемской камеры Гроссъ, и императорскій комиссаръ, графъ Антонъ Ностицъ.

Попутно съ леченіемъ шли и занятія государственными дѣлами, переписка съ Россіей и сношенія съ иностранными государствами, благо въ это время въ Карлсбадѣ собрались послы цесарскій, польскій, англійскій, прусскій и ганноверскій. Сюда же прибылъ по турецкимъ дѣламъ курьеръ нашего царьградскаго посла ротмистръ Артемій Вольнскій.

Недолго пробылъ царь въ Карлсбадѣ, и уже 3 (14) октября онъ выбылъ въ Торгау, гдѣ присутствовалъ на свадьбѣ Алексея Петровича съ Шарлоттой Вольфенбютельской. Бракъ этотъ вполне удовлетворилъ Петра. «Слава Богу, что сіе щастливо совершилось; домъ князей Волфенбютельскихъ, Пашихъ сватовъ, изрядной», писалъ государь сенату.

Въ это время Петръ, несмотря на свое краткое пребываніе въ Карлсбадѣ, чувствовалъ себя вполне здоровымъ и бодрымъ.

Но прошелъ только годъ, и врачи указали на необходимость поваго посѣщенія Карлсбада: появились признаки застарѣлой болѣзни (желчные камни).

По дорогѣ въ Карлсбадъ Петръ посѣтилъ Виттенбергъ, городъ, знаменитый въ исторіи реформации, и осмотрѣлъ кирку, въ которой похороненъ Лютеръ, его бібліотеку и домъ, гдѣ онъ жилъ. Здѣсь Петру показали чернильные пятна на стѣнѣ: когда Лютеръ однажды писалъ въ томъ домѣ, къ нему явился дьяволъ, и Лютеръ бросилъ въ него чернильницей, и съ тѣхъ поръ пятна чернилъ остались на стѣнѣ. Петръ нашелъ, что эти пятна «новы и сыроваты» и, когда мѣстное духовенство попросило Петра написать что-либо въ память своего посѣщенія, онъ написалъ: «чернила новыя и совершенно сіе неправда».

8 (19) октября 1712 г. Петръ прибылъ въ Карлсбадъ. На этотъ разъ прибытіе состоялось совершенно при иной обстановкѣ, чѣмъ это было годъ назадъ. Холодныхъ отношеній между русскійскимъ и вѣнскимъ дворами не существовало: измѣнились политическія отношенія и, кромѣ того, Алексѣй Петровичъ, благо-

даря своей женитьбѣ, сталъ шуриномъ императора Карла VI. Заранѣ извѣщенный Петромъ объ его поѣздкѣ, вѣнскій дворъ отправилъ въ Карлсбадъ для «трактованія» царя, въ качествѣ императорскаго комиссара, графа Вратислава съ батальономъ императорской пѣхоты въ 200 человекъ, а также камернаго совѣтника Гросса (знакомаго Петру по первой поѣздкѣ). Отъ пражскаго намѣстничества былъ снова посланъ графъ Антош Постиць.

Петръ былъ встрѣченъ празднично одѣтыми карлсбадцами шумными криками «viva!», выстрѣлами съ окрестныхъ высотъ, звуками трубъ и босмъ барабановъ на городской башнѣ. Графъ Постиць передалъ государю подарокъ императора—бочку стараго рейнвейна, вмѣстимостью въ 1,000 бутылокъ (Петръ подарилъ эту бочку карлсбадскому обществу стрѣлковъ, званіе почетнаго члена котораго онъ принялъ на себя, и самъ же выигралъ ее на состязаніи).

Поселился Петръ опять въ домъ Бехера, а для царской стражи было выстроено особое помѣщеніе.

На этотъ разъ Петръ пробылъ на водахъ 24 дня—съ 8 до 31 октября, но еще 26 октября онъ кончилъ курсъ леченія («Воды, слава Богу, дѣйствовали зѣло изрядно, — писалъ царь Екатерины 27 октября: — какъ будетъ послѣ?»), но еще пробылъ въ Карлсбадѣ 5 дней, желая отдохнуть отъ леченія.

До насъ сохранились въ печатной и рукописной литературѣ чрезвычайно интересные факты, относящіеся къ пребыванію Петра въ Карлсбадѣ и прекрасно характеризующіе личность великаго государя. Таково его участіе въ состязаніи стрѣлковаго общества, въ постройкѣ дома и разнаго рода работахъ, до которыхъ Петръ былъ такой любитель. Каждый его шагъ отмѣченъ жителями Карлсбада, съ горячей симпатіей относившимися къ простому въ обращеніи царю, поражавшему карлсбадскихъ бюргеровъ своею доступностью и своими поступками. До нашего времени уцѣлѣли и нѣкоторые предметы, сработанные Петромъ въ Карлсбадѣ, именно табакерка (хранится въ чешскомъ музеѣ въ Прагѣ) и 3 ножки къ карточному столику (хранится въ городской карлсбадской библіотекѣ). Въ музеѣ карлсбадскаго стрѣлковаго общества (существующаго съ 1630 г.) хранятся 3 мишени, носящія слѣды выстрѣловъ Петра и картина художника Антона 1860 г., изображающая встрѣчу Петра, членами этого общества; отмѣчены досками съ подписями нѣкоторыя зданія, связанныя съ воспоминаніями о Петрѣ. Но самое замѣчательное и любимое мѣсто туристовъ, безспорно, «Петрова гора» (прежде—«Оленій прыжокъ—Hirschsprung»), гдѣ красуются большой крестъ и бюстъ Петра (открытый 12 іюня 1877 года). Ниже бюста помѣщены три доски. На одной изъ нихъ—списокъ членовъ російскаго императорскаго дома, посѣтившихъ Карлсбадъ, съ датами, на другой—стихотвореніе барона де-Шабо-Рогана на французскомъ языкѣ, на третьей—стихотвореніе князя Вяземскаго «Великій Петръ! твой каждый слѣдъ для сердца русскаго есть памятникъ священный...», съ нѣмецкимъ его переводомъ неизвѣстнаго автора. Съ этой горой связано слѣдующее преданіе. Въ день отъѣзда своего изъ Карлсбада (1712 г.) Петръ задумалъ подняться на крутую, почти отвѣсную скалу «Оленій прыжокъ», увѣчанную крестомъ, куда вели лишь узкія, едва замѣтныя лѣсистыя тропинки надъ крутизной и обрывами. Соблазненный трудностью подъема, Петръ сѣлъ на упряжную лошадь, на которую

былъ надѣтъ хомутъ. Поднявшись на скалу, царь вырѣзалъ собственноручно ножомъ на крестѣ буквы: M. S. P. I (manu sua Petrus prinus). Съ теченіемъ времени этотъ крестъ сгнилъ и былъ замѣненъ другимъ.

Такъ же, какъ и въ первое свое пребываніе, Петръ и въ 1712 г. переписывался съ своими приближенными и Екатериною, получалъ донесенія отъ сената и слалъ послѣднему указы. Къ этому же времени относится и болѣе близкое знакомство Петра съ знаменитымъ германскимъ ученымъ Лейбницемъ. Здѣсь послѣдній подалъ царю записку относительно предполагавашагося сближенія между Римской имперіей и Россіей. Но если эта записка не достигла цѣли, зато свиданія Лейбница съ Петромъ имѣли другія послѣдствія: Лейбницу было поручено представить соображенія и проекты относительно судоустройства и законодательства въ Россіи, а затѣмъ онъ, въ вознагражденіе за возложенный трудъ, былъ принятъ въ русскую службу съ чиномъ тайнаго юстиць-совѣтника, съ жалованьемъ по 1,000 талеровъ въ годъ. Намъ извѣстно со словъ самого Лейбница, что онъ предлагалъ Петру въ Карлсбадѣ завести въ Россіи такіе судебные порядки, которые заняли бы средину между длинными и разорительными процессами Европы и скороспѣлыми и произвольными приговорами судовъ Азіи. Такихъ крайностей слѣдовало бы избѣгать въ Россійской имперіи. Совѣтовалъ великій ученый великому государю и основать академію, университеты (въ Петербургѣ, Москвѣ, Астрахани и Кіевѣ), коллегіи, устроить обсерваторію, заняться сравнительнымъ изученіемъ языковъ, употребляемыхъ въ Россіи, улучшить финансы, школы, воспитаніе юношества.

Вторичное леченіе въ Карлсбадѣ принесло больше пользы, чѣмъ первое, и онъ съ благодарностью вспоминалъ о цѣлительныхъ свойствахъ карлсбадскихъ ключей. Мало того, Петръ какъ бы положилъ начало цѣлому ряду путешествій въ Карлсбадъ особъ царскаго рода, изъ которыхъ ближайшими по времени были посѣщенія Алексѣемъ Петровичемъ (въ 1714 г.) и Анной Петровной (въ 1716 г.); имена всѣхъ высокихъ гостей и даты увѣковѣчены на упомянутой выше доскѣ у бюста Петра на «Петровой горѣ».

Таково вкратцѣ содержаніе этихъ дополняющихъ другъ друга книжекъ, вышедшихъ въ свѣтъ почти одновременно, но вполне самостоятельно (г. Нагъевскій, напримѣръ, и не знаетъ о существованіи статьи г. Военскаго), появившихся такъ кстати въ эти дни воспоминаній о великомъ Петрѣ, когда о немъ заговорила печать, какъ наша, такъ и заграничная. Съ большимъ интересомъ прочтеть ихъ читатель, и онѣ оставятъ по себѣ сильное впечатлѣніе; въдь о частной жизни Петра намъ въ школахъ совершенно не говорятъ, и съ нею мы очень мало знакомы.

А. Э. Мальмгрэнъ.

А. А. Корниловъ. Общественное движеніе при Александрѣ II (1855—1881). Историческіе очерки. М. 1909. Стр. 263. Ц. 1 р. 25 к.

Настоящая книжка составила изъ ряда очерковъ, печатавшихся авторомъ на страницахъ отошедшаго въ вѣчность журнала «Минувшіе Годы», явившаго въ нашей литературѣ идейнымъ продолжателемъ и замѣстителемъ также исчезнувшаго журнала «Былое». Оба журнала, какъ извѣстно, кончили свои дни не по

доброй волѣ, но за свой короткій вѣкъ оказали исторической литературѣ несомнѣнные и цѣнные услуги по опубликованію такого матеріала, къ которому до 1905 г. читатели подъ страхомъ строгой кары не имѣли доступа. Въ настоящее время историку, работающему надъ эпохою XIX столѣтія, нѣтъ возможности обойти вниманіемъ оба названные изданія, гдѣ онъ находитъ обширный и богатый матеріалъ, въ видѣ біографій, монографій, записокъ современниковъ и официальныхъ документовъ, относящихся преимущественно къ исторіи развитія революціоннаго движенія въ нашемъ отечествѣ. Если журналъ «Былое» главнымъ образомъ именно оперировалъ переименованнымъ выше матеріаломъ, то замѣститель его, «Минувшіе Годы», началъ удѣлять мѣсто и монографіямъ, посвященнымъ не единичнымъ моментамъ изъ жизни опредѣленныхъ лицъ, группъ и всего народа, но и широкимъ эпохамъ отечественной жизни. Монографія А. Корнилова клала такого рода литературнымъ произведеніемъ починъ. Въ первоначальномъ своемъ видѣ та же монографія была напечатана за границею и впоследствии, благодаря улучшившимся было условіямъ печати въ Россіи, дополненная и расширенная,шла себѣ мѣсто на страницахъ «Минувшихъ Годовъ», а нынѣ, опять-таки съ нѣкоторыми дополнительными примѣчаніями, основанными на указаніяхъ лицъ, бывшихъ непосредственными участниками или свидѣтелями описываемыхъ авторомъ событій, выпускается отдѣльнымъ изданіемъ. Несомнѣнно, такое отдѣльное изданіе является добрымъ крупнымъ въ нашу историческую литературу и должно быть отнесено къ разряду тѣхъ книгъ, которыя наравнѣ съ произведеніями А. Пыпина «Общественное движеніе при Александрѣ I» или В. Семеваго «Крестьянскій вопросъ въ Россіи» имѣютъ право быть въ бібліотекѣ каждаго, занимающагося судьбами нашей родины въ XIX столѣтіи. Въ виду широкихъ рамокъ, которыя себѣ изслѣдователь поставилъ, его книга даже скорѣе всего именно подходит по своему характеру къ первому изъ названныхъ сочиненій, благодаря чему ее до известной степени и можно разсматривать, какъ продолженіе работы покойнаго академика, продолженіе, въ которомъ остается пропускъ по изслѣдованію эпохи Николая I, каковой пропускъ отчасти и покрывается указанною работою В. И. Семеваго. Всѣ эти три труда разныхъ авторовъ, появившіеся въ разное время и выпущенные въ свѣтъ при разнородныхъ условіяхъ отечественной жизни, тѣмъ не менѣе являютъ собою развитіе однородныхъ «освободительныхъ» тенденцій, относятся къ единой научной школѣ, какъ по методу изслѣдованія и оперирования научнымъ матеріаломъ, такъ и по освѣщенію его и стремленію выдѣрить въ умы читателей единое пониманіе общественныхъ условій отечественной жизни и тѣхъ цѣлей, къ которымъ эта жизнь въ политическомъ отношеніи стремилась. Конечно, было бы преувеличеніемъ и не въ мѣру излишествомъ ставить всѣ три работы въ качественномъ отношеніи на одну доску, да врядъ ли г. Корниловъ и претендуетъ на такое положеніе. Трудъ Пыпина получилъ академическую извѣстность, для своего времени (да въ значительной мѣрѣ и для нашихъ дней) былъ единственнымъ и обнялъ собою памѣтную эпоху въ удивительной подробности съ опубликованіемъ громаднаго и дотогѣ совершенно необработаннаго матеріала. Работа г. Корнилова много тѣснѣе рамками, авторъ слишкомъ поспешилъ мѣстомъ и изложеніемъ, трудился надъ матеріаломъ, въ значитель-

ной его части уже использованнымъ и освѣщеннымъ въ нашей литературѣ, но тѣмъ не менѣе за нимъ остается большая заслуга, что онъ далъ въ краткомъ изложеніи широкую картину отечественной жизни подъ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія и въ опредѣленной ея постановкѣ, гдѣ всѣ событія разсмотрѣны, поскольку они вели страну къ политическому прогрессу или регрессу. Авторъ собралъ обширнѣйшій матеріалъ, какъ архивный, такъ уже и отпечатанный, выказалъ прекрасное знакомство съ литературой предмета, откуда почерпнулъ лишь то, что непосредственно касается его задачи, экономизируя свои выдержки и пересказы, пожалуй, даже слишкомъ скупю, благодаря чему порою его изложение страдаетъ сухостью, что лишаетъ послѣднее той колоритности, которая необходима каждому историку, когда онъ рисуетъ широкія историческія эпохи. Эта сухость изложения отразилась и на достоинствѣ тѣхъ многихъ характеристикъ выведенныхъ лицъ, которымъ суждено было играть въ эпоху Александра II ту или иную роль и съ которыми читатели часто встрѣчаются на протяженіи изслѣдованія.

Вся книга подраздѣлена на 24 болѣе или менѣе одинаковыя по объему главы, куда и вложены событія, протекавшія отъ кончины императора Николая I и вплоть до убіенія императора Александра II на Екатерининскомъ каналѣ членами исполнительнаго комитета партіи «Народной воли». Выпустивъ въ свое время интересную работу «Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи», гдѣ онъ далъ очень обстоятельную картину движенія у насъ эмансипаціи крестьянъ, г. Корниловъ и въ настоящемъ своемъ трудѣ даетъ по тому же предмету многочисленныя свѣдѣнія, нарисовавъ такимъ образомъ достаточно полно для сжатой книги ходъ реформъ императора Александра II. Законодательная работа правительственнаго механизма съ участіемъ здѣсь общественныхъ элементовъ авторомъ противопоставляется общественнымъ движеніямъ въ разныхъ слояхъ населенія съ указаніемъ при этомъ, насколько эта работа соотвѣтствовала или противорѣчила тѣмъ тенденціямъ интеллигенціи, которыя имѣли въ виду наибольшую выгоду, политическую, соціальную и экономическую, для народа. Общественныя напластованія, какъ прогрессивныя, умѣренныя и радикальныя, такъ и регрессивныя, представлены также въ достаточной полнотѣ, благодаря чему общій обликъ русскаго общества въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, поскольку онъ вырисовывается изъ знакомства съ тогдашней литературой, изображенъ достаточно детально; авторъ далъ идейныя характеристики всѣхъ главнѣйшихъ представителей нашего печатнаго слова, оказавшихъ на ростъ общественнаго самосознанія несомнѣнное вліяніе, какъ, напримѣръ, Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева, Герцена, Лаврова, Михайловскаго, Аксакова, Кавелина, Каткова и др. Такимъ образомъ, эпоха 60-хъ и первой половины 70-хъ годовъ разработана въ книгѣ полно и обстоятельно, чего нельзя сказать про послѣдующій періодъ, гдѣ авторъ выказалъ какъ бы нѣкоторую поспѣшность и торопливость съ окончаніемъ своей работы. Вслѣдствіе сего періодъ революціоннаго движенія у него вышелъ далеко не столь обстоятельнымъ, какъ предшествовавшій, хотя, по всей видимости, интересъ именно къ этой части и былъ тѣмъ основаніемъ, благодаря которому историческіе очерки получили мѣсто на страницахъ «Минувшихъ Годовъ». Если авторъ при первоначальномъ печата-

ни своей работы въ этомъ журналѣ опасался однородностью и повторностью литературнаго матеріала поставить редакцію журнала въ затрудненіе, то ничто, казалось бы, не мѣшало сдѣлать необходимыя дополненія въ отдѣльномъ изданіи. Ссылаться въ данномъ случаѣ на неблагопріятныя «независящія обстоятельства» не приходится, ибо спокойная манера сжатаго изложенія легко могла ему помочь обойти эти обстоятельства. Поэтому послѣднія главы, посвященныя именно тревожному періоду отечественной жизни, вышли у г. Корнилова нѣсколько блѣдными и далеко не столь полными, какъ того можно было отъ него ожидать. Напримѣръ, Нечаеву со всѣмъ его ученіемъ, его революціонными программами и его процессомъ посвящено всего неполныхъ 2 страницы, а дальнѣйшихъ его перипетіяхъ въ Петропавловской крѣпости и совсѣмъ умолчано. Такихъ излишнихъ сокращеній въ повѣствованіи можно указать немало. Вообще личности въ этой части работы г. Корнилова очерчены слабо, хотя именно здѣсь встрѣчается такое собраніе *характеровъ*, на которыхъ слѣдовало бы долѣе остановиться. Такимъ образомъ, если «эпоха реформъ» нашла въ авторѣ своего обстоятельнаго лѣтописца, то для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи онъ почему-то поспешилъ отдать свое перо, очерчивая это движеніе лишь въ главнѣйшихъ и общихъ чертахъ. А объ этомъ очень можно пожалѣть, ибо именно это движеніе еще слабо разработано въ нашей общей литературѣ, такъ какъ имѣющіеся въ обращеніи труды Туна, Кульчицкаго оставляютъ желаютъ очень многого, а заключительная глава въ біографіи Александра II, составленной покойнымъ Татищевымъ, написана слишкомъ односторонне и пристрастно и притомъ на основаніи только официальныхъ документовъ, почерпнутыхъ изъ архива департамента полиціи. вмѣстѣ съ тѣмъ за послѣдніе годы для этой эпохи имѣются въ печати уже многочисленные матеріалы, требующіе критической разработки, обобщенія и освѣщенія. Несмотря на указанный какъ бы недостатокъ книги г. Корнилова или, правильнѣе, несоотвѣтствіе ея частей, она представляетъ собою заслуживающее вниманія въ нашей литературѣ явленіе и можетъ быть разсматриваема какъ первая попытка исторической лѣтописи знаменитаго царствованія, составленной не только по официальнымъ даннымъ, но со включеніемъ сюда такого литературнаго матеріала, который еще пять лѣтъ тому назадъ считался матеріаломъ запретнымъ. Благодаря этому знаменитая «эпоха великихъ реформъ» въ изложеніи г. Корнилова получаетъ по сравненію съ тѣмъ, какъ это въ свое время сдѣлалъ г. Джаншиевъ въ своей столь извѣстной популярной книгѣ, нѣсколько иное освѣщеніе, съ установленіемъ на событія такихъ точекъ зрѣнія, которыя доселѣ считались своего рода *ересью*. Объ объективности автора мы говорить не будемъ: печатаніе очерковъ въ такомъ журналѣ, какъ «Минушіе Годы», всего лучше свидѣтельствуетъ о его направленіи, но, поскольку возможно было, авторъ при этихъ условіяхъ сохранилъ въ достаточной степени по крайней мѣрѣ научное спокойствіе, такъ что считать его трудъ непременно тенденціознымъ было бы ошибочнымъ. Онъ только съ «направленіемъ», но зато съ очень богатымъ и цѣннымъ матеріаломъ, интересно скомпанованнымъ и разработаннымъ.

Б. Г —скій.

А. Прѣсняковъ. Княжое право въ древней Руси. Очерки по исторіи X—XII столѣтій. С.-Петербургъ. 1909. 8°. Стр. V—VIII+1—303 и указатели именъ, авторовъ и предметный.

Настоящая книга, за которую авторъ удостоенъ ученой степени магистра русской исторіи, заслуживаетъ серьезнаго вниманія русскихъ историковъ и историковъ русскаго права. Посвященная разработкѣ нашей исторіи X—XII столѣтій, относительно которыхъ мы имѣемъ крайне сбивчивыя и неполныя показанія источниковъ, давно, казалось бы, исчерпанныя въ противорѣчивыхъ мнѣніяхъ ученыхъ, книга г. Прѣснякова, несомнѣнно, возбудитъ новый живой интересъ къ давно, повидимому, оставленнымъ темамъ науки русской исторіи. Весьма оригинальны подчасъ и взгляды самого автора, ревизующаго со своей точки зрѣнія многія уже установленныя воззрѣнія. Однако разобраться во взглядахъ автора и оцѣнить степень ихъ пріемлемости далеко не легко. Надо сознаться, что книга читается съ большимъ трудомъ. Очевидно, она составлялась частями, сначала въ видѣ отдѣльныхъ замѣтокъ и наблюдений, которыя впоследствии не были основательно переработаны и систематизированы. Прежде всего въ книгѣ нѣтъ ясно выраженаго плана, да и самое заглавіе ея не объяснено съ самаго начала. Чрезвычайно сжатое предисловіе не помогаетъ дѣлу и нужно прочесть книгу по крайней мѣрѣ дважды, чтобы ее усвоить. Книга содержитъ два очерка: первый—«Княжое владѣніе и отношенія между князьями Рюриковичами въ X—XII вѣкѣ»; второй—«Князь въ древне-русской землѣ-княженіи». Казалось бы, отдѣленные одинъ отъ другого, эти очерки независимы другъ отъ друга. Между тѣмъ, по заявленію самого автора въ предисловіи (VI стр.) и гораздо яснѣе на стр. 215 и слѣдующ., они тѣсно между собою связаны и могутъ, даже должны быть объединены подъ однимъ понятіемъ «княжого права». А что такое «княжое право» (по справедливому мнѣнію г. Прѣснякова, это не ясно само собою), выясняется лишь на указанныхъ 215—220 страницахъ, т. е. въ началѣ второй главы второго очерка. Отчего бы, кажется, въ такомъ случаѣ не поставить эти (215—220) страницы,—относящіяся, въ главномъ, къ обоимъ очеркамъ, а вовсе не къ одной только второй главѣ второго очерка, во главѣ всей книги, которая, къ тому же, и озаглавлена «Княжое право»? Тогда было бы ясно съ самаго начала, что разумѣетъ авторъ подъ указаннымъ терминомъ и почему посвящаетъ княжому праву цѣлое изслѣдованіе. Рядомъ съ этимъ почти нигдѣ нѣтъ ясно выраженныхъ выводовъ автора по отдѣльнымъ вопросамъ его изслѣдованія. Его выводы почти всюду надо читать между строкъ, когда онъ излагаетъ различныя документальныя данныя и литературныя мнѣнія. Можетъ показаться, будто воззрѣнія слагались у него лишь по мѣрѣ письменнаго изложенія книги. Однако, отчетливость плана и изложенія вещь далеко не безразличная. Тѣ и другое затрудняютъ усвоеніе книги и можетъ возбуждать недоразумѣнія. Нѣтъ законченнаго плана и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частяхъ сочиненія. Напримѣръ, первая глава перваго очерка озаглавлена: «1. Введеніе: черты древне-славянскаго семейнаго права». Однако, о семейномъ правѣ въ ней говорится не сразу, да и говорится скорѣе не о семейномъ, а о наслѣдственномъ правѣ. Сначала утверждается вообще, что «разсыпанная хранина древне-рус-

ской исторіи требуетъ систематическаго пересмотра», затѣмъ идетъ рѣчь о методѣ и полемика по поводу его съ П. А. Максимейко, и только послѣ этого о «семейномъ правѣ». Здѣсь въ основу берется теорія задруги, какъ она понимается профессоромъ И. Ф. Леонтовичемъ и нѣкоторыми славянскими учеными. Но при этомъ не видно самостоятельной попытки автора дать конструкцію древней славянской семьи по источникамъ, да и научная критика теоріи задруги, за исключеніемъ упоминанія объ одномъ профессорѣ В. И. Сергѣевичѣ, обходится молчаніемъ. Нѣтъ, напримѣръ, упоминанія объ изложеніи и критикѣ этой теоріи у профессора Д. И. Самоквасова въ его первомъ выпускѣ «Исторіи русскаго права» (Варшава 1878 г.). Строй древней семьи нуженъ автору для того, чтобы имъ объяснить порядокъ перехода столовъ въ удѣльный періодъ Руси. Однако, при неясности и спорности того, каковъ въ дѣйствительности былъ древній семейный строй, невозможно съ увѣренностью утверждать, что наслѣдованіе столовъ происходило именно по началу семейнаго раздѣла, свойственнаго, къ тому же, задругѣ. Князья дѣйствительно ссылались на «отчину и дѣдину», когда стремились занять тотъ или иной столъ. Но это отчинное начало отнюдь не единственное, по коему замѣщались столы нашихъ удѣльныхъ княжествъ. Г. Прѣсняковъ только сосредоточилъ на немъ свое исключительное вниманіе въ ущербъ другимъ.

Не касаясь дальнѣйшихъ, слишкомъ специальныхъ подробностей, скажемъ только нѣсколько словъ о второмъ очеркѣ. Въ немъ г. Прѣсняковъ старается доказать, что за русскими (варяжскими?) князьями древнѣйшей исторической поры слѣдуетъ признать болѣе активную, болѣе творческую роль, чѣмъ та, какая имъ обычно приписывается нашей исторіографіей (ср. стр. 214). По мнѣнію автора, выходитъ, что князья застали восточныхъ славянъ въ крайне неудовлетворительномъ общественно-государственномъ состояніи и едва ли не все устроили сами, опираясь на дружину, смердовъ и проч. Имъ именно принадлежитъ созданіе особаго «княжого» права, т. е. юридическихъ нормъ, независимыхъ отъ мѣстныхъ племенныхъ обычаевъ. Такую точку зрѣнія едва ли можно принять безъ большихъ оговорокъ тѣмъ болѣе, что наша археологія ¹⁾ вполне основательно, повидимому, находитъ возможнымъ отодвинуть начало нашей государственности, общественности и культуры далеко за предѣлы IX—X вѣка вглубь исторіи. Между тѣмъ г. Прѣсняковъ безъ всякаго объясненія игнорируетъ данныя археологіи и ея литературу и попрежнему для древнѣйшаго періода нашей исторіи довольствуется одними письменными источниками.

Въ заключеніе повторимъ, что книга г. Прѣснякова заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія, какъ смѣлая попытка сдѣлать новыя выводы изъ извѣстнаго уже матеріала. Но, желая книгѣ успѣха въ привлеченіи изслѣдователей къ затронутымъ въ ней вопросамъ, пожелаемъ прежде всего самому ея автору не только не оставлять начатыхъ работъ, но также пересмотрѣть, дополнить и вновь всесторонне обработать уже сдѣланное. Серьезность и важность самой темы позволяютъ этого желать.

П. В. В.

¹⁾ Ср., напр., проф. Д. И. Самоквасова «Древніе города Россіи». Спб. 1873; «Сѣверянская земля и Сѣверяне по городищамъ и могиламъ». М. 1908; «Происхожденіе русскаго народа». М. 1908 и др.

Ан. Титовъ. Лѣтопись Костромскаго Богоявленскаго монастыря, написанная послѣ разгрому 7117 году мая 6 числа. М. 1909.

Эта лѣтопись когда-то знаменитаго Богоявленскаго монастыря написана въ началѣ XVII вѣка однимъ изъ монаховъ. Она заключаетъ въ себѣ немало драгоцѣнныхъ записей, касающихся не одной этой обители, но и Костромы. Хотя лѣтопись и написана въ 1608 г., но въ нее занесены частію и болѣе раннія событія. Такъ, въ 1307 г. бысть гладь великъ, а жито все мыши поѣли. Въ 1369 г. по Волгѣ разбойники новгородскіе пограбиша Ярославль и Кострому и т. д.

Лѣтописи XVII вѣка болѣе касаются уже самаго монастыря; въ нихъ идутъ подробныя записи Годуновыхъ, Салтыковыхъ, Сумшевыхъ, въ особенности кн. Юрія Андреевича Сумшева, который, какъ видно изъ найденнаго гр. С. Д. Шереметевымъ его духовнаго завѣщанія, былъ очень богатъ. На его поминовеніе завѣщалось израсходовать однѣми деньгами болѣе 1000, что по настоящему курсу стоило около 20.000.

Есть записи, относящіяся до и историческаго Костромскаго Ипатьевскаго монастыря.

Въ 1649 г. 29 января подъ Троицкою церковью трапезныя робята зажгли зѣлейную казну, и отъ того церковь взорвало: обои своды церковныя и среднюю главу осыпало внутрь церкви и алтаря, и стѣну алтарную вырвало вонъ; въ придѣлѣ же церкви Михаила Малеина верхняго свода немного проломилло, а двери церковныя совсѣмъ переломало.

Къ лѣтописи приложено описаніе и самаго Богоявленскаго монастыря, построеннаго въ XV вѣкѣ, со спискомъ и біографическими матеріалами его настоятелей. Богоявленскій монастырь былъ одинъ изъ богатѣйшихъ. Онъ имѣлъ 17 селъ и 185 деревень съ 4581 душой крестьянъ. Въ XVIII вѣкѣ монастырь сталъ приходить въ упадокъ. Самоуправство, корыстолюбіе и жестокость отцовъ настоятелей съ одной стороны, невѣжество, распущенность и склонность къ кляузничеству братіи съ другой—подрывали въ окрестномъ населеніи всякое довѣріе къ монашествующимъ и отбивали желаніе поддерживать эту обитель.

Изъ приложенныхъ къ Богоявленской лѣтописи синодскихъ документовъ видно, какъ архимандриты расхищали ввѣренное имъ имущество. Архимандритъ Софроній ободралъ съ царскихъ жалованныхъ иконъ и крестовъ оклады, вытаскалъ драгоцѣнные камни и самыя древнія иконы продалъ скупщику по сходной цѣнѣ, и, несмотря на требованіе св. синода о преданіи его суду, былъ архимандритомъ до самой смерти (†1771 г.), укрываемый костромскимъ епископомъ Дамаскиномъ.

Не лучше былъ и архимандритъ Феодосій. Онъ, не жалѣя для себя ничего монастырскаго, скупился для братіи даже на яблоки, которыхъ было премного и которыя возами посылались въ сосѣдній женскій Анастасинъ монастырь.

Жизнь братіи и пришлыхъ лннѣ, угнѣздившихся въ Богоявленскемъ монастырѣ, дополняла эту картину. Въ доношеніи св. синоду іеромонаха Макарія можно найти немало матеріаловъ для характеристики монастырскаго жизни, начиная съ «необыкновеннаго хохотанья» монахинь, гуляющихъ въ саду муз-

ского монастыря Богоявленскаго, и кончая немилостивыми побоями, которые приходилось терпѣть штатнымъ слугамъ обители отъ архимандричьяго келейника, беспаспортнаго дѣтны свѣтской команды. «Русская болѣзнь»—пьянство—одолѣвало всѣхъ; не пощадила она живущаго въ монастырѣ на покое архимандрита Иону, какъ не пощадила и игуменію Анастасіина монастыря.

Приходилось Богоявленскому монастырю перевѣдываться и съ тайной канцеляріей по дѣламъ объ оговорахъ въ непристойныхъ словахъ его императорскаго величества, о напрасномъ кричаніи «слова и дѣла», по доносамъ о волшебствѣ и волхованіи. Для примѣра укажу на дѣло костромскаго епископа Геннадія, по приказанію котораго въ 1754 г. у архимандрита Андроника остригли волосы на головѣ и на бородѣ, а снятые съ шести монастырскихъ служекъ, заподозрѣнныхъ въ кражѣ, тѣльные кресты были отнесены для волшебства женкѣ-ворожейкѣ. Геннадію, однако, даромъ это не прошло. По опредѣленію св. синода онъ былъ отрѣшенъ отъ епархіи и отосланъ въ Новгородскій Сѣверскій монастырь «на порцію и жалованіе».

При послѣднемъ архимандритѣ Агаѳангелѣ въ 1847 г. Богоявленскій монастырь сгорѣлъ и въ обгорѣлыхъ развалинахъ, какъ видно изъ приложеннаго къ лѣтописи рисунка, стоялъ до 1863 г., когда былъ обращенъ въ женскій съ присоединеніемъ къ нему Анастасіина Крестовоздвиженскаго монастыря.

А. К—ово.

Схимонахиня Нектарія. Княгиня Наталія Борисовна Долгорукова, дочь фельдмаршала Шереметева. I. Г. С Ш. Москва. 1909. Стр. 305. Цѣна 2 рубля.

Княгиня Н. Б. Долгорукая одно изъ драматическихъ лицъ въ русской исторіи. Жена любимца Петра II, князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго, она съ замѣчательнымъ героизмомъ раздѣляла судьбу своего мужа, сосланнаго императрицею Анною въ Березовъ въ 1730 г. Н. Б. провела въ ссылкѣ 8 лѣтъ. Въ 1739 г. ея мужъ по проiscaмъ Бирона былъ казненъ въ Новгородѣ, она же была подвергнута заключенію, изъ котораго ее освободила императрица Елизавета Петровна. Въ 1757 г. Н. Б. постриглась въ монашество, а скончалась въ 1771 г. Послѣ нея остались «Записки», доведенныя до ссылки въ Березовъ; жизнь ея послужила сюжетомъ для извѣстной поэмы Козлова. Въ I-мъ выпускѣ труда Г. С. Ш. о самой Н. Б. почти ничего не говорится; вся же книга посвящена послѣднимъ годамъ ея знаменитаго отца, петровскаго фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, и жизни представителей рода Шереметевыхъ, а также связанныхъ съ ними представителей другихъ знатныхъ родовъ въ царствованіи Петра I, Екатерины I и Петра II. Авторъ пользуется для этой цѣли записками русскихъ современниковъ и иностранцевъ и документами изъ архива графовъ Шереметевыхъ. Изложеніе событій начинается съ 1714 г., когда родилась Наталья Борисовна, и заканчивается 1730 г. Съ 1717 г., когда началось дѣло царевича Алексѣя Петровича, наступаютъ охлажденіе Петра I къ Шереметеву. Царевичъ между прочимъ показалъ на фельдмаршала: «Въ главной арміи Борисъ Петровичъ и прочіе многіе изъ офи-

церовъ мнѣ друзья. Борисъ Петровичъ говорилъ мнѣ, будучи въ Польшѣ, не помню въ какое время при людяхъ немногихъ моихъ и своихъ: напрасно-де ты малаго не держишь такого, чтобы знался съ тѣми, которые при дворѣ отцевъ; такъ бы де ты все вѣдалъ». Несмотря на это, Шереметевъ былъ въ числѣ судей на нѣкоторыхъ засѣданіяхъ по дѣлу царевича. На смертномъ приговорѣ его подписи нѣтъ; какъ свидѣльствуютъ многіе, онъ выразился по этому поводу такъ: «Служить своимъ государямъ, а не судить его кровь моя есть должность». Послѣ смерти Б. П. въ 1719 г. семейныя дѣла твердо взяла въ свои руки его жена Анна Петровна, урожденная Салтыкова. Многочисленныя имѣнія шереметева были разбросаны по всей Россіи и управлялись приказчиками или довѣренными людьми, которымъ и писались указы отъ «фельд-маршаловой Анны Петровны». Судя по прилагаемымъ всегда печатямъ, едва ли сама графиня умѣла писать. Послѣ ея смерти въ 1728 г. указы подписываются двумя сыновьями фельдмаршала, графами Петромъ и Сергѣемъ Борисовичами. Этой перепискѣ, въ значительной ея части не имѣющей никакой исторической цѣнности, отведено много мѣсто въ книгѣ. Такимъ же балластомъ являются и многіе другіе документы хозяйственнаго характера. Для кого, напримѣръ, въ наше время можетъ быть интересна помѣщенная на стр. 172—173 опись шереметевской стаи: «2 кобеля половопѣгихъ, Ялгунъ да Калеть... три суки сѣрыя, Марфида, Сарпа и Мордовка» и такъ далѣе?

Въ приложеніи, занимающемъ третью часть книги, помѣщены нѣкоторыя письма Петра I къ фельдмаршалу, переписка послѣдняго съ княземъ Василиемъ Лукичемъ Долгорукимъ, описи разнаго имущества и тому подобное.

В. Т—ій.

В. С. Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи. Томъ второй. Книга первая, стр. 1056+XXXII, книга вторая, стр. 1000+XLIX+113. Кіевъ. 1908. Ц. 10 р.

Первый томъ монументальнаго труда кіевского профессора вышелъ лѣтъ шестнадцать тому назадъ. Въ немъ авторъ описывалъ судьбу и современное состояніе нашихъ древлехранилищъ, музеевъ, архивовъ казенныхъ и частныхъ, собраній частныхъ лицъ, словомъ мѣста, гдѣ сосредоточены источники, изъ которыхъ приходилось черпать изслѣдователю старой русской жизни. Во второмъ томѣ проф. Иконниковъ вступаетъ уже въ область самой этой жизни и подъ скромнымъ заглавіемъ опыта русской исторіографіи даетъ въ сущности полную сводку всего, что въ настоящее время извѣстно о древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи. Это своего рода историческая энциклопедія, дающая подробныя справки не только о крупныхъ политическихъ и бытовыхъ явленіяхъ захваченнаго изложеніемъ періода, но и о самыхъ мелкихъ вопросахъ исторической любознательности. Пожелаете ли вы, напримѣръ, отвѣтити себѣ на вопросъ, когда у насъ на Русь впервые появилось огнестрѣльное оружіе, заинтересуетесь ли вы какимъ-нибудь стариннымъ обычаемъ въ родѣ погребенія на саяхъ, понадобится ли вамъ справка о евреяхъ въ древней Россіи, поразитъ ли васъ столпничество—по всѣмъ этимъ разнообразнымъ вопросамъ

огромный и тщательный труд проф. Иконникова дастъ обстоятельную справку о положеніи вопроса въ наукѣ съ точнымъ указаніемъ мѣстъ въ источникахъ, гдѣ можно найти нужныя свѣдѣнія. Цѣнность этихъ указаній еще болѣе возрастаетъ благодаря тому, что нашъ маститый историкъ, обладая огромной эрудиціей, вездѣ, гдѣ можно, дѣлаетъ экскурсы въ область западно-европейской жизни и приводитъ параллели изъ западной исторіи, ссылаясь какъ на первоисточники, такъ и на труды крупнѣйшихъ западныхъ ученыхъ въ родѣ Гиббона, О. Тьерри, Гизо, Бокля, Вайца, Грегоровіуса и многихъ другихъ.

Планъ его сочиненія таковъ. Въ каждой главѣ авторъ беретъ извѣстный періодъ нашей древнѣйшей исторіи, а въ позднѣйшее время и опредѣленную мѣстность по княжествамъ и сначала въ общихъ чертахъ излагаетъ относящіяся сюда факты политической, церковной, общественной и бытовой жизни, затѣмъ приводитъ мнѣніе о нихъ нашихъ ученыхъ. Почти каждая строчка его изложенія снабжена выпиской, подъ которой внизу страницы дается перечень книгъ, брашюръ и журнальныхъ статей, трактующихъ объ указанномъ вопросѣ. Во второй книгѣ авторъ вѣсколько мѣняетъ планъ и разсматриваетъ уже по группамъ памятники нашей старой письменности—лѣтописи, хронографы, житія, сказанія и т. п., комплектуюція библиографическими указаніями встрѣчающіяся въ нихъ извѣстія. Въ концѣ второй части прибавлены два указателя—именъ личныхъ и географическихъ. Было бы въ высшей степени желательно, чтобы кто-нибудь изъ учениковъ профессора Иконникова составилъ къ его труду еще и указатель предметный. Безъ него совершенно невозможно навести справку по тому или другому мелкому вопросу, не связанному съ личностью опредѣленнаго лица или названіемъ мѣстности, хотя бы, напримѣръ, о выраженіи «Божьею милостью», о русскомъ государственномъ гербѣ и т. п.

А. В.

Иконописный сборникъ. Выпускъ II. Изданіе высочайше утвержденнаго комитета попечительства о русской иконописи. Съ 23 рисунками въ текстѣ. Спб. 1908. Стр. VIII + 102 + 63 + V. Цѣна 2 руб.

Почти весь выпускъ занятъ обстоятельнымъ изслѣдованіемъ «Афонскіе живописцы. Ихъ техническіе приемы и образцы работъ». Далѣе слѣдуетъ небольшой очеркъ «Иконная торговля Императорскаго Палестинскаго общества въ Иерусалимѣ» и журналы комитета попечительства о русской иконописи— всего три засѣданія.

Изслѣдованіе о технической сторонѣ афонской фресковой живописи принадлежитъ Л. Д. Никольскому, но догадаться объ этомъ трудно, такъ какъ имя автора не выставлено ни въ оглавленіи, ни въ концѣ статьи, и «открытіе» можно сдѣлать лишь при внимательномъ чтеніи протоколовъ засѣданій комитета. Авторъ отмѣчаетъ замѣтный въ послѣднее время интересъ общества (конечно, только части) къ древней церковной живописи и связываетъ этотъ интересъ съ новыми теченіями въ современной намъ религіозной живописи. И хотя боль-

шинство все-таки держится того мнѣнія, что старина—сама по себѣ, а всѣ завоеванія культуры нашего времени—тоже сами по себѣ, тѣмъ не менѣе связь между прошлымъ и настоящимъ постоянно существуетъ. Нигдѣ не выражалась она ярче и ощутительнѣе, какъ думаетъ Л. Никольскій, чѣмъ въ традиціяхъ аѳонскихъ мастеровъ. У нихъ все сводилось къ тому, что выдающійся и добросовѣстный живописецъ долженъ былъ изучать произведенія своихъ предшественниковъ, изучать лучшие образцы стараго времени вообще, Панселина—въ частности. Такимъ образомъ, имя послѣдняго приобрѣло окраску какъ бы нарицательнаго. Но, указывая на примѣръ аѳонцевъ, авторъ могъ бы и долженъ былъ упомянуть и о нашихъ иконописцахъ-кустаряхъ, а также о нѣкоторыхъ мастерахъ, для которыхъ авторитетъ старины—все; для которыхъ и искусство, и условная красота, и неразрывно связанная съ этимъ святость изображеній нашли полное выраженіе въ старыхъ образцахъ, почему «подстаринная» икона, даже не вполне искусно сдѣланная, цѣнится у насъ на всемъ Сѣверѣ больше, чѣмъ икона, написанная «по новому». Больше того. Какъ «въ аѳонскихъ подлинникахъ XVIII вѣка находимъ настойчивые совѣты изучать искусство по произведеніямъ лучшихъ древнихъ художниковъ», такъ и въ совѣтахъ русскихъ руководителей иконописцевъ (въ томъ числѣ и правительственной власти), начиная съ XVI вѣка, постоянно указывается на «переводы пресловутихъ» мастеровъ. Такимъ образомъ, эту аналогію слѣдовало бы провести въ данномъ именно мѣстѣ предисловія къ изслѣдованію. Удивительнѣе же всего на первый взглядъ покажется то, что преимущества старины будутъ и въ области техники древняго иконнаго и стѣннаго письма. Объ этомъ говорится подробно, и мысли автора справедливы. Но далѣе онъ пытается ограничить извѣстную долю свободы древняго иконописца отъ тѣхъ требованій, которыя къ нему предъявлялись, и доказываетъ, что иконописецъ могъ проявлять особую самостоятельность не только въ области техники, въ тщательности и тонкости работы. Эта часть предисловія не производитъ впечатлѣнія убѣдительною, и автору слѣдовало бы остановиться на затронутомъ имъ вопросѣ болѣе детально, давъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ. Если сама по себѣ мысль эта и справедлива (въ послѣднее время она высказывается все чаще и чаще), то безъ подтвержденія фактами и наблюденіями ее едва ли многіе примутъ и повѣрятъ ей.

Самое изслѣдованіе распадается на двѣ части, по объему не одинаковыя. Первая часть—«Техника стѣннаго письма и способы украшенія монастырскихъ зданій разнаго рода у стѣнописцевъ Святой Горы» (стр. 7—66). Особенно интересны отдѣлы, трактующіе о связи стѣнной живописи съ архитектурой (мы лично предпочли бы говорить о стѣнописи и архитектурѣ, какъ о цѣломъ декоративномъ) и вліяніи послѣдней на составъ, порядокъ и характеръ настѣнныхъ изображеній, а также заключеніе—условія правильной оцѣнки работы стѣнописца. «Трудъ стѣнописца можетъ быть правильно оцѣненъ,—по заключенію автора,—лишь на мѣстѣ и въ цѣломъ, а не по отдѣльнымъ, взятымъ изъ росписи, образцамъ; тутъ важно общее и непосредственное впечатлѣніе» (стр. 65). Мы могли бы прибавить къ этому аналогію изъ области палеографіи: никакіе снимки, даже въ натуральную величину, или въ лучшемъ случаѣ отрывки изъ рукописи не дадутъ вѣрнаго представленія объ эпохѣ и происхожденіи памятника письменности, почему изученіе оригинала необходимо лишь въ цѣломъ.

Такимъ образомъ, въ первой части разбросаны цѣнные наблюденія обобщающаго характера, чего раньше не дѣлалось въ извѣстныхъ намъ работахъ. Вторая часть носить уже аналитическій характеръ. Образцы работъ афонскихъ стѣнописцевъ разсматриваются по вѣкамъ и по отдѣльнымъ храмамъ. Древнѣйшая изъ нихъ—роспись Андроника Византійца въ Георгіевскомъ параклисѣ монастыря св. Павла, относящаяся къ 1423 году. О работахъ XIX вѣка сдѣланы лишь общія замѣчанія, и объ этомъ приходится пожалѣть.

Л. Д. Никольскій изучалъ росписи на мѣстѣ, положилъ на это много вниманія и труда. Кромѣ Байе и Брокгауза, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи труды такого авторитетнаго изслѣдователя, какъ академикъ Н. П. Кондаковъ, и это значительно облегчило его самостоятельныя наблюденія. Кромѣ чисто описательныхъ частей, во второй части изслѣдованія сплошь и рядомъ находимъ экскурсы, на нашъ взглядъ, особенно интересные. Для сравненія авторъ привлекаетъ изрѣдка новый матеріалъ, и, конечно, на первомъ мѣстѣ стоитъ еще не оцѣненное у насъ по достоинству грандіозное изданіе Н. П. Лихачева, использованное все-таки не полностью. Рисунки исполнены недурно и, несмотря на уменьшеніе, даютъ довольно ясное представленіе объ оригиналахъ.

Очень непріятное впечатлѣніе производитъ небрежность въ печатаніи книги. Несмотря на пять страницъ замѣченныхъ уже «погрѣшностей и опечатокъ», все-таки многое осталось не исправленнымъ, а для такого солиднаго изданія, какъ «Иконописный Сборникъ», это непростительно.

А. Я.

С. Елпатьевскій. Близкія гѣни. Спб. 1909. Цѣна 75 к.

Подъ такимъ заглавіемъ г. Елпатьевскій выпустилъ свои воспоминанія о Г. И. Успенскомъ, Н. К. Михайловскомъ, А. П. Чеховѣ и Н. Г. Гаринѣ-Михайловскомъ. Есть два рода воспоминаній: одни богаты фактическими свѣдѣніями, даютъ много факческаго матеріала, другія—бѣдны въ этомъ отношеніи, въ нихъ мало фактовъ, а дается лишь общая характеристика тѣхъ лицъ, которыхъ звалъ авторъ. Воспоминанія г. Елпатьевского принадлежать ко второй категоріи: въ нихъ мало факческаго матеріала, хотя авторъ, судя по книгѣ, близко зналъ тѣхъ, о которыхъ говоритъ. Объ отсутствіи факческаго матеріала приходится пожалѣть, такъ какъ біографіи Успенскаго, Михайловскаго, Чехова и Гарина мало освѣщены и внести свѣтъ сюда могутъ лишь люди, близко знавшіе писателей.

Но если воспоминанія г. Елпатьевского бѣдны фактами и въ этомъ отношеніи не представляютъ особенной цѣнности, то отказать имъ въ значенія и интересѣ нельзя. Авторъ набрасываетъ лишь штрихи, лишь контуры, его воспоминанія не портреты, тщательно отретушированные, а лишь наброски, силуэты. Но штрихи набросаны удачно и силуэтамъ нельзя отказать въ яркости. Въ книгѣ есть интересные и вдумчивыя наблюденія, штрихи, замѣчанія. Ихъ, наиримѣръ, мы находимъ въ отрывочныхъ воспоминаніяхъ объ Успенскомъ, относящихся къ тому времени, когда его уже захватила въ свои желѣзные когти страшная болѣзнь. Г. Елпатьевскій задумчиво рассказываетъ о страданіяхъ этого чуткаго, одареннаго вѣжной душевной организаціей чело-

вѣка. Авторъ отмѣчаетъ, какъ сильна была въ Успенскомъ общественная жила, какъ чутко въ эпоху болѣзни онъ относился къ русской дѣйствительности, какъ эта мрачная дѣйствительность мучила писателя. Интересные штрихи и замѣчания разбросаны и въ воспоминаніяхъ о Михайловскомъ, Чеховѣ, Гаринѣ. Особенно цѣнно указаніе г. Елпатъевскаго на измѣненіе въ настроеніи и міросозерцаніи Чехова къ концу его жизни. Авторъ характеризуетъ Чехова какъ художника, общественные вопросы для котораго отходили на второй планъ, но, указывая г. Елпатъевскій, Чехова мало-по-малу стали захватывать общественныя настроенія, онъ сталъ живо интересоваться общественными вопросами. Моментомъ окончательнаго перелома въ настроеніи Чехова г. Елпатъевскій считаетъ весну 1904 года. Авторъ долго не видѣлъ Чехова; когда же вернулся въ Ялту весной 1904 г., то нашелъ въ настроеніи Чехова окончательную перемѣну. «Разспрашивалъ онъ не о литературѣ и не о свѣжихъ литературныхъ повостяхъ, которыми всегда преимущественно интересовался,—разказываетъ г. Елпатъевскій: — а о томъ, что говорилось и чувствовалось на Пироговскомъ съѣздѣ врачей въ Петербургѣ, о томъ, что дѣлается въ союзѣ «Освобожденія», какое настроеніе въ передовыхъ общественныхъ кругахъ Москвы и Петербурга, когда и какъ ждутъ паденія стараго строя и какія мѣры къ тому принимаются. И когда самъ онъ разказывалъ, не то и не такъ говорилъ, какъ говорилъ раньше,—и когда иллюстрировалъ фактами изъ газетъ, было видно, что за зиму онъ не такъ читалъ газеты, какъ раньше, и другое и некалъ въ нихъ,— не проявленіе скуки, хмурости и сумеречности русской жизни, а факты подъема и роста оппозиціоннаго настроенія въ Россіи. И про «мужиковъ» не попрержнему говорилъ. И тонъ его былъ другой и манеры другія. Не было прежней мягкости и терпимости и неслыханныя раньше реплики вырывались у него по адресу людей, къ которымъ онъ такъ недавно относился съ большой мягкостью».

Очень часто въ «воспоминаніяхъ» авторы больше говорятъ о себѣ, чѣмъ о тѣхъ, о комъ вспоминаютъ, «воспоминанія» такимъ образомъ являются лишь случаемъ заявить о себѣ, о своемъ знакомствѣ съ «большими людьми». Воспоминанія г. Елпатъевскаго далеки отъ такого рода воспоминаній: въ центрѣ стоятъ личности тѣхъ, воспоминаніямъ о которыхъ посвящена книга. Это производитъ хорошее впечатлѣніе, которое увеличивается задушевностью, мягкими тонами, глубокою любовью къ тѣмъ, о комъ вспоминаетъ авторъ. Не представляя особенно крупнаго вклада въ литературу объ Успенскомъ, Михайловскомъ, Чеховѣ и Гаринѣ, книга г. Елпатъевскаго тѣмъ не менѣе не можетъ быть обойдена изучающими этихъ писателей. **А. Фоминъ.**

П. Коганъ. Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Томъ I. Часть I. Москва. 1909. Цѣна 1 р. 25 к.

Первые два тома труда г. Когана пользуются довольно хорошею репутаціей и выдержали нѣсколько изданій. Третій томъ посвященъ современному теченіямъ въ западно-европейской литературѣ. Авторъ стоитъ на точкѣ зрѣнія марксизма и смотритъ на литературное развитіе не какъ на процессъ, самостоятельно происходящій, а какъ на одно изъ выраженій общественно-

экономическаго процесса. Точка зрѣнія г. Когана опредѣленно вылилась въ замѣчаніи, что «автору хотѣлось показать, что современная европейская литература является логическимъ продолженіемъ литературы XIX вѣка, воплотившей въ «духовныя» цѣнности, которыя смѣняли другъ друга въ теченіе эпохи господства буржуазіи. Современная поэзія, въ лицѣ ея величайшихъ представителей, является отраженіемъ новой стадіи, въ которую вступило европейское буржуазное общество».

Стоя на такой точкѣ зрѣнія, г. Коганъ прежде всего выясняетъ ту социальную почву, на которой выросла современная литература. Затѣмъ авторъ переходитъ къ характеристикѣ воззрѣній Штирнера, на котораго онъ смотритъ какъ на предшественника современныхъ индивидуалистическихъ теченій въ литературѣ. Далѣе г. Коганъ останавливается на Ницше, стараясь указать влияніе его на современную литературу. Послѣ этого авторъ разбираетъ творчество наиболѣе крупныхъ представителей современной литературы—Ибсена, Метерлинка, Шницлера и Оскара Уайльда.

Оцѣнка современной литературы дается съ точки зрѣнія общихъ воззрѣній автора, которыя отмѣчены уже нами, въ виду чего оцѣнки г. Когана могутъ быть приняты лишь тѣми, кто стоитъ на одинаковой съ нимъ позиціи. Вопросъ о правильности этихъ оцѣнокъ сводится къ правильности всего того міросозерцанія, которымъ проникнутъ г. Коганъ. Но, несмотря на то, что онъ оцѣниваетъ современную европейскую литературу съ точки зрѣнія опредѣленнаго лагеря, книга г. Когана не теряетъ своего широкаго значенія, она прочтется съ интересомъ каждымъ, незнакомымъ или мало знакомымъ съ современной западно-европейской литературой, на какой бы точкѣ зрѣнія онъ ни стоялъ: авторъ сумѣлъ въ популярной формѣ дать общее представленіе о идеяхъ и творествѣ крупнѣйшихъ представителей литературы Запада. Серьезнаго научнаго значенія трудъ г. Когана не имѣетъ, но, какъ популярная книга, заслуживаетъ вниманія, является полезнымъ.

А. Ф— нъ.

Труды В. Г. Васильевскаго. Т. I. Изданіе императорской академіи наукъ. Спб. 1908. Стр. 401. Ц. 2 р.

Покойный академикъ Васильевскій принадлежитъ къ числу крупнѣйшихъ нашихъ ученыхъ, посвятившихъ свой талантъ и силы на разработку почти исключительно византійской исторіи и смежныхъ съ нею вопросовъ. Среди своихъ учениковъ и специалистовъ В. Г. пользуется солиднымъ авторитетомъ, но публикѣ его имя извѣстно мало. Причина тутъ заключается не столько въ специальномъ характерѣ его работъ, сколько въ ихъ разбросанности по разнымъ старымъ журналамъ, въ ихъ недоступности для большинства интересующихся исторіей читателей. На это невыгодное и для публики и для самого Васильевскаго обстоятельство указывалъ еще въ 1889 г. академикъ Куникъ, предлагавшій ученому собрать воедино и издать сборникомъ свои разрозненные работы. Но Васильевскій при его склонности увлекаться всѣмъ мало разработаннымъ, неяснымъ, не провереннымъ критически вѣчно былъ заваленъ изслѣдованіями, иной разъ очень сложными и разносторонними, и не успѣлъ

выполнить этого совѣта. Теперь, когда его не стало между нами, дѣло это сдѣлано его коллегами профессоромъ Регелемъ, редактировавшимъ его статьи по византиновѣдѣнью, и профессорами Брауномъ и Морромъ, просмотрѣвшими тѣ мѣста, гдѣ покойный ученый привлекалъ къ своимъ изслѣдованіямъ источники скандинавскіе и грузино-армянскіе.

Въ первомъ томѣ сочиненій Васильевскаго сгруппированы его раннія статьи по византийской исторіи, распадающіяся на три крупныхъ отдѣла: въ первомъ идетъ рѣчь о Византіи и печенѣгахъ въ XI вѣкѣ, второй посвященъ исторіи варяго-русской и варяго-английской дружины въ Константинополѣ XI и XII вѣковъ по византийскимъ и западно-европейскимъ источникамъ. Вопросъ о національномъ составѣ этой дружины приводитъ автора къ полемикѣ съ Пловайскимъ, въ которой онъ доказываетъ, что византийскіе писатели XI вѣка не отличаютъ варяговъ отъ Русей и что византийскій варяжскій корпусъ почти до конца этого вѣка, до появленія въ Византіи англо-саксовъ и датчанъ, состоялъ именно изъ русскихъ. Эта полемика составляетъ третій заключительный отдѣлъ его книги.

Въ интересахъ русской исторической науки надо пожелать, чтобы и остальные работы нашего глубокаго и талантливаго ученаго поскорѣ увидѣли свѣтъ въ академическомъ изданіи.

А. В.

С. В. Амираджиби. Сборникъ стихотвореній грузинскихъ поэтовъ въ русскомъ переводѣ. Москва. 1909. Цѣна 1 р. 25 к.

Появившійся сборникъ стихотвореній грузинскихъ поэтовъ въ переводѣ княгини С. В. Амираджиби даетъ значительный матеріалъ для сужденія о грузинской поэзіи XIX вѣка. Въ сборникѣ даны образцы произведеній такихъ первоклассныхъ поэтовъ, какъ байронистъ П. Бараташвили († 1845 г.), родоначальникъ новой грузинской литературы И. Чавчавадзе († 1907 г.), пѣвецъ народной скорби Р. Эристовъ, популярнѣйшій лирикъ А. Церетели, символистъ Важа-Пшавела и др. Восемнадцать поэтовъ, намѣченныхъ покойной переводчицей въ цѣляхъ ознакомленія русскихъ читателей съ грузинской лирой, характеризуютъ современное теченіе мысли въ грузинскомъ пародѣ. Историкъ литературы съ интересомъ остановится на такихъ поэмахъ, какъ «Заздравный тостъ» романтика Гр. Орбеліани, сложившійся не безъ воздѣйствія «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ» Жуковскаго, и «Торникэ Эристави» кн. Ак. Церетели. «Мать и сынъ», драматическій этюдъ кн. Ильи Чавчавадзе, даетъ представленіе о силѣ и мощи трагически погибшаго поэта. Одна общая черта объединяетъ грузинскихъ поэтовъ, а именно—восторженная любовь къ родинѣ и гуманное чувство къ обездоленному народу. Переводчицѣ удалось сохранить эту особенность грузинскаго творчества и передать всю искренность и теплоту оригинала.

Переводамъ предшествуетъ біографическій очеркъ покойной С. В. Амираджиби († 1906 г.), написанный А. Хахановымъ, и имъ же снабжены приведенные стихотворные образцы вступительными историко-литературными замѣтками.

А. —овъ.

Иллюстрированный путеводитель по гор. Смоленску. Составил хранитель древностей смоленскаго историко-археологическаго музея В. И. Грачевъ. Изд. книж. маг. «Съверъ» Смоленскъ. 1908. Цѣна 50 к.

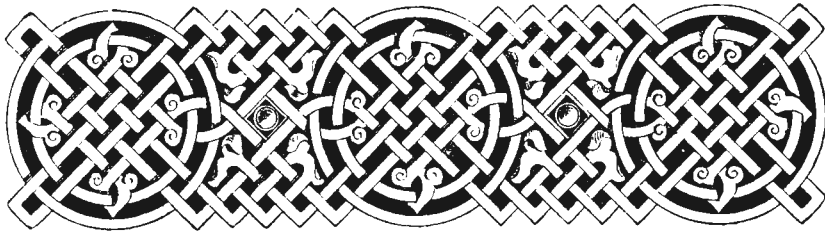
Книжка въ 105 страницъ четкаго шрифта издана на хорошей плотной бумагѣ, но сброшюрована такъ плохо, что тотчасъ же разсыпается, какъ попадаетъ въ руки. Къ книгѣ приложенъ красочный планъ города, сдѣланный Шебловинскимъ въ 1908 г., 12 снимковъ въ текстѣ и 24 на отдѣльныхъ листахъ, по большей части исполненныхъ очень недурно и дающихъ понятіе о лучшихъ видахъ, важнѣйшихъ памятникахъ и зданіяхъ Смоленска.

Послѣ Москвы и Кіева врядъ ли найдете на Руси другой такой красивый городъ, гдѣ бы къ тому же буквально на каждомъ шагѣ попадалась какая-либо древность, какой-либо археологическій и историческій памятникъ, начинаая отъ тѣмъ вѣковъ далекихъ и кончая славной эпопеей Отечественной войны. При такомъ обширномъ матеріалѣ текстъ путеводителя приходится называть слишкомъ неполнымъ, хотя мѣстами авторъ и пытается дать краткіе историческіе очерки города и отдѣльныхъ его достопримѣчательностей. Но у него это выходитъ сухо, безжизненно, а временами переходитъ въ скучный перечень «присутственныхъ мѣстъ». Любознательный туристъ, конечно, не удовлетворится такимъ текстомъ. Практическихъ же свѣдѣній, гдѣ остановиться, гдѣ можно имѣть столъ, таксы извозчиковъ и проч. путеводитель вовсе не даетъ, хотя помѣстилъ изрядное количество объявленій, носящихъ совершенно случайный характеръ. Не удовлетворитъ онъ также коммерческаго человѣка, за отсутствіемъ всякихъ свѣдѣній по этой части, да и купить книжку можно только у автора (въ городскомъ музеѣ въ часы его открытія отъ 12 до 3 по средамъ и воскресеньямъ) да въ издавшемъ его книжномъ магазинѣ, что, конечно, далеко не всѣмъ извѣстно. Даже въ вокзальномъ кіоскѣ не озаботились его помѣстить, хотя пассажиры часто спрашиваютъ. Все это поневолѣ приходится отмѣчать, памятуя пословицу: «На безрыбьѣ и ракъ рыба», т. е. путеводитель этотъ все же шісш въ своемъ родѣ, и потребность въ немъ, несомнѣнно, существуетъ.

Ранѣе подробный путеводитель по Смоленску былъ составленъ любителемъ и знаткомъ его древностей, основателемъ мѣстнаго археологическаго музея С. П. Писаревымъ; но теперь эта книжка представляетъ уже библиографическую рѣдкость.

Въ наши дни, когда все болѣе и болѣе развиваются разныя научно-просвѣтительныя экскурсіи, организаторамъ ихъ слѣдовало бы обратить свое особое вниманіе на этотъ красавецъ-городъ, полный разнообразнаго научно-художественнаго интереса, способнаго заинтересовать самые разнообразные вкусы. Надо надѣяться, что юбилейныя торжества 182 года поднимутъ къ Смоленску болѣе чѣмъ заслуженный имъ интересъ не только среди русскаго общества, но и среди иностранныхъ туристовъ, такъ часто теперь равнодушно мпнующихъ его.

Е. Клетнова.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

МОНАСТЫРЬ св. Іереміи въ Саккарахъ.— Археологическія раскопки въ Египтѣ обогатились еще одной находкой: на плоскогорьѣ Саккарахъ откопанъ одинъ изъ лучшихъ коптскихъ монастырей, основанный, какъ предполагаютъ, въ первой половинѣ V вѣка и ограбленный, а затѣмъ частью разрушенный около X или XI вѣка. Эти раскопки предприняты были въ 1906 году главнымъ инспекторомъ пирамидъ Гибелемъ и, хотя продолжались три зимы, все еще не закончены; впрочемъ, главная часть ихъ уже сдѣлана, и отчетъ о нихъ Гибель недавно напечаталъ отдѣльной книгой.

Пока открыты только церковь, кладовая, кухни и кельи монаховъ. По словамъ автора, чѣмъ болѣе подвигались впередъ раскопки, тѣмъ болѣе казалось, что постройка растетъ подъ лопатой рабочихъ: столько появлялось новыхъ и новыхъ дверей, келій, коридоровъ, ведущихъ въ неизвѣстныя залы. Съ перваго взгляда казалось, что уцѣлѣло много глыбъ камня, и археологи думали возстановить монастырь, какъ это дѣлали съ храмами фараоновъ, т. е. накладывая камни одинъ на другой, но въ данномъ случаѣ это было невозможно за недостаткомъ матеріала. Да и тотъ, который уцѣлѣлъ, не всегда удавалось хорошо подогнать, чтобы возстановить цѣлое. Все, что нашлось цѣннаго изъ предметовъ искусства и документовъ, археологи предусмотрительно вывезли въ каирскій музей изъ опасенія грабителей.

Послѣ частичнаго разрушенія монастырь былъ очень небрежно возстановленъ плохими рабочими и изъ скуднаго матеріала. Они удовольствовались лишь

¹⁾ Excavation at Sakkarah, 1900—1907. By Gibell Cair. 1908.

тѣмъ, что сравнивали обломки, подняли упавшія колонны, возстановили крыши и выбѣлили стѣны. Лучшіе уцѣлѣвшіе куски относятся къ V вѣку или къ годамъ, слѣдующимъ за основаніемъ этого монастыря; остальные не имѣютъ никакого интереса. Планъ монастыря тождественъ съ большинствомъ монастырей той эпохи въ Южномъ Египтѣ. Онъ представляетъ прямоугольникъ, удлиненный съ востока на западъ и граничащій кирпичной стѣной. Большая дверь находится въ восточной части южнаго фасада. Справа отъ нея устроенъ резервуаръ изъ кирпича и камней: это водопой для животныхъ, лошадей или ословъ. Восточная сторона монастыря занята комнатами, назначеніе которыхъ трудно опредѣлить. Она ниже другого зданія, и, чтобы войти въ церковь, надо подняться по восьми каменнымъ ступенямъ. Церковь, по обыкновенію расположенная къ Леванту, широка и глубока, но низка, и ея деревянный потолокъ покоится на тонкихъ и длинныхъ колоннахъ изъ синеваго мрамора, но чаще изъ известняка, стержень которыхъ тонкій и длинный. Предполагаютъ, что онѣ относятся къ XI вѣку, такъ какъ аналогичны тѣмъ, что находятся во многихъ каирскихъ мечетяхъ; капители же, напротивъ, относятся ко времени основанія монастыря. На большинствѣ изъ нихъ сохранились краски и представляютъ удивительное разнообразіе оттѣнковъ. Всѣ онѣ обработаны съ такимъ вкусомъ, что привели въ изумленіе археологовъ, видѣвшихъ въ коптахъ лишь незаконную расу древняго Египта. Почти изъ пятидесяти извлеченныхъ колоннъ нѣтъ двухъ одинаковыхъ, но въ нихъ послѣдовательно повторяются всѣ излюбленные византійскими архитекторами мотивы. Фризы лѣпные и украшены такъ же, какъ колонки и наличники, окаймляющіе контуры нишей. Перемена религіи не повліяла на художниковъ и каменотесовъ; они нисколько не потеряли той ловкости въ рукахъ, которую развивали у себя ихъ языческіе предки въ теченіе вѣковъ. Между ихъ работами есть такія, которыя годились бы равенской и константинопольскимъ церквамъ.

По ту сторону церкви, на западъ и отдѣленный отъ нея кирпичной стѣною находится обширный залъ, назначенія котораго археологи еще не опредѣлили. Колонны, найденныя въ немъ, очевидно, сдѣланы изъ глыбъ, взятыхъ изъ языческихъ храмовъ и соседнихъ могилъ. Въ одномъ углу на полу валялись обломки скульптуры V или VI династіи, смѣшанные съ обломками архитравовъ и барельефами, взятыми изъ акорійской часовни. Коптскія надписи на каменныхъ плитахъ, на половину скрывавшіяся въ пыли, напоминаютъ посѣтителямъ о давно почившихъ монахахъ или священникахъ. Каменная каедрa предназначена для чтеца, какъ сообщаетъ текстъ, выгравированный на стойкѣ, но кто былъ чтець и для какого употребленія предназначался этотъ залъ,—неизвѣстно. Это была не церковь, хотя тамъ и производилась служба, что свидѣтельствуетъ ниша въ сѣверной стѣнѣ, передъ которой устроенъ алтарь, а скорѣе залъ, который напоминалъ мѣсто собранія, гдѣ братія совершала въ праздничные дни трапезу, слушая религиозное чтеніе. Она имѣла прямое сообщеніе съ булочной и кухней, а также съ келіями. Въ послѣднихъ по большей части были устроены скамьи изъ кирпичей, на которыхъ спали монахи, углубленіе для лампы, иногда образъ, расписанный красками, передъ которымъ молился монахъ и начертаны черными или красными чернилами священныя формулы съ именами обитателей или посѣ-

тителей. Кельи представляли узкія комнаты, дневной свѣтъ въ которыя скудно проникалъ черезъ узкое окошечко, вдѣланное въ крышу. Лѣтомъ въ нихъ едва было можно дышать, и, чтобы какъ-нибудь освѣжать келью ночью, архитекторъ устроилъ въ стѣнѣ трубу, черезъ которую проходилъ чистый воздухъ. Очевидно, тогдашніе монахи были повинны въ томъ же грѣхѣ, какъ и позднѣйшіе, — въ любви къ деньгамъ: Гибель нашелъ спрятанными и забытыми три золотыя монеты. Пять или шесть вѣковъ, при цезаряхъ константинопольскихъ, затѣмъ при калифахъ мусульманскихъ, жизнь въ монастырѣ протекала спокойно. Скульпторамъ и архитекторамъ тамъ мало было дѣла послѣ окончательной постройки храма, но художникамъ всегда находилась работа. Технические приемы они унаследовали отъ своихъ языческихъ предшественниковъ, и они состояли въ томъ, что на кирпичную стѣну накладывалась штукатурка, затѣмъ известковый растворъ, а на него краски. Такой способъ не представлялъ достаточной устойчивости, и живопись отъ этого страдала даже въ такомъ сухомъ климатѣ, какъ египетскій, а потому многія ихъ картинъ скоро портились и требовали замѣны. Тѣ изъ нихъ, которыя уцѣлѣли, относятся къ различнымъ эпохамъ и не одинаковаго достоинства. У нѣкоторыхъ изъ нихъ рисунокъ сдѣланъ довольно искусно, и вообще традиціи александрійскаго искусства проявляются еще съ нѣкоторыхъ сторонъ; у другихъ, напротивъ, онъ сдѣланъ варварски неискусно: человѣческія фигуры длинныя, нескладныя, худыя, несоразмѣрныя. У святыхъ, ангеловъ или мірянъ — у всѣхъ плоскія лица, выравненныя по одной линіи, одинъ возлѣ другого, почти безъ связи, даже если имъ предназначалось группироваться для совмѣстнаго дѣйствія. Христіанство въ Египтѣ все проникнуто еврейской и греческой литературами, поэтому большинство сюжетовъ въ церковныхъ украшеніяхъ заимствованное, и если даже есть туземные, то въ нихъ не выражено національнаго духа. Монастырскіе рисовальщики, заимствуя отъ учителей Греціи, Малой Азіи или Сирии ихъ знанія, не умѣли обращаться съ ними: ихъ святые и Богородица, украшавшіе залъ монастыря св. Іереміи, не болѣе, какъ манекены съ обезображенными членами, съ впалыми угрюмыми лицами, неподвижными, невыразительными или безумными глазами; только нѣкоторые изъ нихъ выдѣляются изъ общаго ничтожества благородною наружностью или болѣзненной граціей.

Цвѣтъ красокъ примѣнялся самый простой: красный, желтый, зеленый, фіолетовый, и сочитаніе ихъ доказывало, что коптскіе художники обладали инстинктомъ къ общей гармоніи. Украшенія, какъ, напримѣръ, вѣтви, листья, звѣзды и т. д., отличаются изящными линіями. Вообще въ монастырѣ св. Іереміи, какъ и въ большинствѣ самыхъ древнихъ коптскихъ монастырей, живопись менѣе удовлетворительна, когда ее подробно разсматривать, но въ общемъ она производитъ на глазъ пріятное впечатлѣніе свѣжести.

Что же касается религіознаго чувства, то оно совершенно отсутствуетъ у коптовъ. Повидимому, всѣ сцены, заимствованныя изъ Св. Писанія, Новаго и Ветхаго Завѣта, ничего не говорили, или очень мало сердцу молящихся предъ ними, и они смотрѣли на нихъ, какъ теперешніе копты смотрятъ на свои иконы — съ любопытствомъ, а при случаѣ отчасти и съ суевѣріемъ, но ничуть не съ тѣмъ чувствомъ священнаго страха, которое овладѣвало греческими или латинскими монахами при видѣ мозаики и живописи своихъ церквей.

Несмотря на всё несовершенство и недочеты, монастырь св. Иеремин служит прекрасным образцом того, что может коптское искусство произвести лучшего в данный моментъ. Тридцать лѣтъ назадъ и не подозрѣвали, что послѣ Египта римскаго рядомъ съ Египтомъ мусульманскимъ есть Египетъ христіанскій, который заслуживаетъ, чтобы имъ занялись. Христіанское искусство берега Нила развилось въ первое время арабскаго господства и процвѣтало до XI вѣка; съ этой эпохи религиозное преслѣдованіе, поразившее коптовъ, отразилось на немъ и оно уже непрестанно погибало. Вторженіе турокъ убило его въ срединѣ шестнадцатаго вѣка, и только въ XIX вѣкѣ его опять вывели изъ области забвенія.

— Кардиналь Ареццо.—Недавно въ Италіи напечатана часть мемуаровъ кардинала Томазо Ареццо, игравшаго видную роль въ церковно-католической дипломатіи и псеудочно хлопотавшаго въ царствованіе Павла I о примиреніи греческой и римской церкви, а затѣмъ бывшаго нунціемъ въ Петербургѣ въ царствованіе Александра I. Пока напечатаны выдержки изъ его воспоминаній, касающіяся его изгнанія на Корсику; поэтому о Россіи въ нихъ находится только краткій разговоръ Наполеона съ Ареццо.

Томазо Ареццо родился въ Орбетелло и былъ сыномъ маркизы Ораціо изъ Палермо и дочери герцога Лингтери, уроженки Дублина. Въ 1797 году, когда французы вторглись въ папскія владѣнія и провозгласили тамъ республику, низложивъ папу и кардиналовъ, Ареццо былъ губернаторомъ Марши. Онъ скрылся въ Палермо и вернулся въ Римъ только въ 1800 году въ одно время съ новымъ папой, Пиемъ VII. Избранный въ архіепископы Силезіи, онъ былъ затѣмъ назначенъ нунціемъ во Флоренцію, а потомъ и въ Петербургъ. Здѣсь онъ задался цѣлью устранить всё препятствіе, мѣшающее соединенію греческой и римской церкви, но не достигъ ея вслѣдствіе невозможности продлить свое пребываніе въ Россіи изъ-за заговора французскаго эмигранта Вернега, участвовавшаго также вмѣстѣ съ генералъ-адъютантомъ Балашовымъ, барономъ Армфельтомъ, а также и другими, второстепенными лицами въ интригѣ, имѣвшей цѣлью изгнаніе Сперанскаго, и обвинявшаго его въ продажѣ государственныхъ тайнъ агентамъ Наполеона.

Дѣло Вернега вызвало разрывъ между Ватиканомъ и Петербургомъ. «За его дѣйствія,—писали нунцію,—римскій дворъ заслуживаетъ, чтобы его представителя сослали въ Сибирь; но вслѣдствіе поведенія и достоинства монсиньора Ареццо русскій дворъ ограничится, хотя и съ сожалѣніемъ, приглашеніемъ его покинуть Петербургъ въ четыре дня». Ареццо не замедлил выѣхать въ Саксонію и поселился на время въ Дрезденѣ въ надеждѣ, что Шій VII не замедлитъ прийти къ соглашенію съ русскимъ царемъ. Такимъ образомъ онъ ожидалъ здѣсь этого соглашенія еще и въ 1806 году, какъ вдругъ 12 поября его потребовалъ къ себѣ Наполеонъ, находившійся въ это время въ Берлинѣ, и между ними произошелъ слѣдующій разговоръ.—«А, это вы, монсиньоръ Ареццо? Изъ какой вы страны?»—«Моя семья, государь, изъ Сициліи,—отвѣтилъ Ареццо:—по я родился въ Неаполѣ и съ восьмилѣтняго возраста жилъ въ Римѣ» (Говоря, что онъ неаполитанецъ, т. е. подданный короля обѣихъ Сицилій, Ареццо хотѣлъ избѣжать императорскаго авторитета).—«Что вы дѣлаете въ Дрезденѣ?»—«Вашему величеству извѣстно, что

послѣ несчастнаго дѣла Вернега петербургскій дворъ приказалъ мнѣ удалиться въ Венецію, тогда какъ святой отецъ хочетъ, чтобы я остался въ Дрезденѣ, чтобы по возможности скорѣе возвратиться въ Россію, какъ только отношенія между обоими дворами будутъ возобновлены». — «А какія же дѣла у папы въ Россіи?» — «Вашему величеству небезызвѣстно, что въ Россійской имперіи существуетъ болѣе четырехъ милліоновъ католиковъ, вотъ почему папа держитъ тамъ посланника». — «Разъ тамъ есть епископы, нунцій, мнѣ кажется, бесполезенъ», отвѣтилъ Наполеонъ. — «Епископы находятся повсюду, даже во Франціи, но епископамъ въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ необходимо прибѣгать къ главѣ всемірной церкви», возразилъ Арецо. — «Короче сказать, — отвѣтилъ Наполеонъ: — время положить этому конецъ; папа не долженъ имѣть посланника въ Петербургѣ. Греческіе католики всегда были врагами Рима, и не знаю, по какому ошибочному сужденію папа держится скорѣе своихъ враговъ, чѣмъ своихъ друзей. Вы покинете Дрезденъ и поѣдете въ Римъ. Не думаете ли вы, что я не знаю, что вы мой врагъ? Не думаете ли вы, что я не знаю, что вы писали и что вы пишете обо мнѣ? У меня въ рукахъ ваши депеши; римскій шифръ мнѣ извѣстенъ. Спрятали ли вы его передъ отъѣздомъ въ Дрезденъ? Уничтожили ли вы его?» — «Прошу прощенія у вашего величества, — отвѣтилъ Арецо: — въ моихъ бумагахъ нѣтъ ничего такого, отъ чего я могъ бы покраснѣть». — «Я хочу, чтобы папа заперъ ворота своего государства предъ англичанами, чтобы, не имѣя возможности защищать свои крѣпости собственными средствами, онъ предоставилъ бы это моимъ заботамъ. Если онъ это приметъ — все пойдетъ хорошо; если онъ откажетъ — я выгоню его изъ моего государства. Отлученіе отъ церкви болѣе не въ модѣ. Мои солдаты пойдутъ, куда я захочу. Вспомните о Карлѣ V, который, держа папу плѣнникомъ въ замкѣ св. Ангела, заставлялъ его публично читать молитвы въ Мадридѣ. Я сдѣлаю то же, если вы меня къ тому принудите».

Томазо Арецо отправился въ Римъ и на другой же день видѣлся съ папой. Пій VII, посовѣтовавшись со святой коллегіей, отказался сдаться на предложенія Наполеона и поручилъ Арецо, назначенному губернаторомъ Рима, извѣстить о томъ Талейрана. Отвѣтъ Наполеона не замедлилъ явиться въ лицѣ генерала Мьолли во главѣ 7000 солдатъ. Они вошли въ Римъ, захватили папу, кардиналовъ и губернатора и въ то время, какъ Пій VII ѣхалъ по дорогѣ въ Фонтенбло, Арецо былъ посланъ въ Тоскану, а затѣмъ на Корсику въ Бастію. Въ это время Арецо было пятьдесятъ пять лѣтъ. Дипломатъ, богословъ, онъ былъ въ то же время прекрасный писатель и восхитительный рассказчикъ. Во время его пребыванія въ Бастіи, черезъ 12 мѣсяцевъ, появился декретъ Наполеона, требовавшій отъ всѣхъ подданныхъ Теворо и Тразимено вѣрности и повиновенія имперіи и императору. Арецо, ссылаясь на то, что онъ сициліанецъ и потому императорскій декретъ на него не простирается, отказался его признать. Его хотѣли отправить въ Аяччіо, къ губернатору Корсики, генералу Бертье, но онъ сослался на опасность пути, на преклонный возрастъ, и ему разрѣшили письменно обратиться къ Бертье. Послѣдній отдалъ приказъ переправить Арецо на Карту, гдѣ онъ долженъ быть «свободенъ, какъ воздухъ»: но эта свобода оказалась настоящей тюрьмой, отъ которой его избавилъ неожиданный благодѣтель, докторъ Сантини, устроившій ему бѣгство, тѣмъ болѣе необходимое, что раскрылось его

ложное показаніе о мѣсторожденіи и ему грозила черная темница. Съ этого момента для него началась жизнь, полная приключеній. Скрытый въ монастырѣ въ Омессѣ, гдѣ жили два монаха, доставившіе ему одежду крестьянина и грубые сапоги, онъ оказался не въ достаточно надежномъ мѣстѣ. Поэтому кто-то предложилъ его спрятать въ пещерѣ, какъ простаго бандита, но это предложеніе нашли недостойнымъ его сана и рѣшили укрыть его въ одной хижинѣ въ окрестностяхъ Омесса. Это убѣжище изобиловало крысами, и, кромѣ того, вскорѣ оно было открыто: полиція всю Кортю перевернула вверхъ дномъ, отыскивая Ареццо. Онъ снова пустился ночью въ путь, на этотъ разъ въ Гавиньяно, но и здѣсь онъ оставался недолго и послѣ длиннаго, полнаго опасностей и различныхъ приключеній путешествія добрался до Бастіи, гдѣ укрылся въ домѣ Сантини. Это убѣжище было также опасно. Ареццо искала полиція, и аресты производились ежедневно среди его друзей, которыхъ подозрѣвали въ укрывательствѣ его. Самъ докторъ Сантини не скрывалъ своего безпокойства: онъ приходилъ къ нему каждый вечеръ, и это не могло укрыться отъ вниманія полиціи; тогда Ареццо вспомнилъ, что во время своего пребыванія въ первый разъ въ Бастіи онъ познакомился съ однимъ слесаремъ, по имени Джіованно, домъ котораго находился вдали отъ оживленной мѣстности. Ареццо опять перемѣнилъ убѣжище, но и здѣсь оставался недолго, несмотря на свое сравнительно сносное положеніе. Онъ спѣшилъ покинуть Корсику изъ опасенія быть найденнымъ полиціей съ минуты на минуту, такъ какъ слишкомъ много людей было посвящено въ эту тайну, и онъ самъ удивлялся ихъ преданности и вѣрности. Наконецъ, все для его бѣгства было устроено: нанята лодка съ семью гребцами, на которой онъ долженъ былъ отплыть въ Моддалену, вдоль восточнаго берега. Погода была ужасная, и отплытіе пришлось отложить. Ареццо приходилъ въ отчаяніе. Наступило Рождество, которое онъ отпраздновалъ въ своей комнатѣ довольно печально. Наконецъ вѣтеръ, не стихавшій уже нѣсколько дней, понемногу успокоился; но море все еще волновалось. Черезъ день, однако, сдѣлалось вполне благопріятно для его отбѣзда, который былъ назначенъ ночью. Весь день Ареццо находился въ лихорадочномъ состояніи. Когда раздался третій сигнальный свистокъ, Ареццо вышелъ изъ дома на берегъ, сѣлъ въ лодку и пустился въ путь, благополучно миновавъ таможеню. Черезъ день онъ былъ въ Моддаленѣ, гдѣ его торжественно встрѣтили городскія власти. Тѣмъ и закончились его испытанія за неповиновеніе Наполеону. Такъ въ Петербургъ онъ болѣе не попалъ и не довелъ до конца своего плана примиренія греческой и римской церковей.

— Дипломатическая миссія Морни въ Россіи.—Въ іюльской книжкѣ «Revue hebdomadaire» находятся интересныя подробности о пребываніи въ Россіи герцога Морни въ качествѣ чрезвычайнаго посла и объ его дипломатической дѣятельности¹⁾. Авторъ статьи, Жакъ Арнавонъ, говоритъ, что Крымская война, несмотря на громадныя потери французовъ и русскихъ, не могла вселить въ сердцахъ обѣихъ націй ненависть и представлялась скорѣе вызванной не серьезнымъ конфликтомъ, а простымъ недоразумѣніемъ.

¹⁾ Morny diplomate. Sa mission en Russie 1856—57. Par Jacques Arnavaon. «La Revue hebdomadaire» 3 Juillet 1909.

По словамъ Татищева, «французская дипломатія дѣлала запросы при второстепенныхъ германскихъ дворахъ: не сдѣлаетъ ли Россія перваго шага къ миру? Имъ отвѣчали, что русская дипломатія, хотя и обречена обстоятельствами на молчаніе, но, по мѣткому выраженію Горчакова, «будучи пѣма, не останется глухою».

Поэтому во время парижскихъ переговоровъ французское правительство всячески старалось выразить желаніе, чтобы побѣжденнымъ былъ предложенъ миръ какъ можно почетнѣе. Французское правительство усиленно выражало свои симпатіи князю Орлову и всѣмъ своимъ авторитетомъ способствовало, чтобы уполномоченному русскаго правительства былъ оказанъ особенно дружественный и блестящій пріемъ. Это еще была не дружба, а только заигрываніе, которое замѣтила вся Европа, и Пальмерстонъ не скрывалъ своей досады, узнавъ о перемѣнѣ поведенія Франціи, которую онъ считалъ врагомъ Россіи. Дальновидные люди Франціи захотѣли извлечь изъ этихъ обстоятельствъ пользу, и главнымъ изъ нихъ былъ Морни, «политическій аферистъ», какъ называлъ послѣдняго и его совѣтника по финансовымъ дѣламъ банкира Перейру Пальмерстонъ. Едва русскій уполномоченный удалился изъ Франціи, какъ Морни нашелъ благоприятный случай, а именно коронованіе Александра II, чтобы отправиться въ Россію для дальнѣйшаго сближенія съ нею.

Въ наше время Морни, какъ дипломатъ, не представлялъ бы удачнаго выбора для такой миссіи: ему недоставало основательныхъ знаній, безъ чего теперь самыя лучшіе таланты считаются бесполезными. Но для той эпохи, когда внѣшнимъ лоскомъ умѣнъемъ быть любезнымъ и учтивымъ, можно было достигнуть успѣха, т. е. того, что теперь называется «старой карьерой», на которую были способны даже безъ особой подготовки и профессиональнаго воспитанія нѣкоторые блестящіе индивидуумы и смѣлые характеры Морни—годился. Правда, ему не хватало опыта для карьеры дипломата, но дипломатическаго темперамента было достаточно. Кромѣ того, по своей наружности и изяществу манеръ, за которыя онъ считался «первымъ джентльменомъ имперіи», онъ могъ разсчитывать на симпатіи, а тонкій умъ и близкое родство съ Наполеономъ (о которомъ, впрочемъ, говорили всѣ, кромѣ ихъ самихъ,—обстоятельство, служившее секретомъ ихъ дружбы) вполне обеспечивали ему успѣхъ при русскомъ дворѣ. Онъ поставилъ себя задачей осуществить франко-русскій союзъ, но въ то же время видѣлъ и взвѣсилъ заранѣе всѣ шашлы и препятствія для осуществленія этой задачи. Отправляясь въ Россію, Морни чувствовалъ, что хорошо вооруженъ для завоеванія успѣха, но въ то же время, хотя нѣкоторые изъ его друзей въ Россіи и Франціи видѣли эту дипломатическую поѣздку уже увѣчанной успѣхомъ,—онъ сознавалъ, что ему предстоить важная партія, выигрышъ которой не зависѣлъ отъ его личныхъ достоинствъ и положенія, совершенно въ этомъ случаѣ бесполезныхъ, хотя и ихъ услугами онъ не пренебрегалъ ради своей задачи: «сохранить Парижъ и выиграть Петербургъ».

Дипломатическое положеніе Франціи въ 1856 году, даже на неопытный глазъ, требовало союза съ Россіей; напротивъ, Наполеонъ заранѣе отъ него отрекался. Поэтому планъ дипломата и намѣреніе императора совершенно расходились, чего ни тотъ, ни другой сначала не замѣчали. Провалъ трактатовъ 1815 года ка-

зался осуществимымъ послѣ Парижскаго мира. Современники праздновали его какъ счастливую дату, какъ начало спокойной, невозмутимой эры. Франція не получала отъ этого никакой матеріальной выгоды, и «природныя границы» оставались еще въ отдаленномъ будущемъ, но все, что страна должна была пережить унижительнаго, все было уничтожено, и отъ работы Вѣнскаго конгресса остались существовать лишь принципы европейскаго равновѣсія, только одѣтые въ новую, омоложенную оболочку. Морни стремился къ солидному миру и совѣтовалъ Валевскому не пренебрегать никакими мелочами, которыя служили бы предметомъ сближенія, какъ, на примѣръ, торговые трактаты и т. д. Энтузіазмъ Морни, однако, не мѣшалъ ему ясно видѣть: онъ чувствовалъ, что Петербургъ завосванъ, но когда онъ считалъ, что уже получилъ изъ рукъ царя союзъ съ Франціей, Парижъ сталъ его тревожить. Какъ ни казалось невѣроятнымъ, но затрудненія исходили именно отсюда, откуда нельзя было даже вообразить,—отъ Наполеона. Въ первые моменты опьяненія успѣхомъ, Наполеонъ слушалъ увѣщанія Морни, умолявшаго его принять и сохранить миролюбивый тонъ. Повидимому, онъ сдавался на его совѣты, и одинъ моментъ Морни могъ вѣрить, что выигралъ дѣло, къ которому онъ такъ страстно относился. Но со временемъ и по мѣрѣ того, какъ Наполеонъ привыкалъ къ привилегированному положенію побѣдителя, имъ овладѣвали прежніе капризы, о которыхъ онъ мечталъ до 48 г. Когда 29 декабря 1855 года у іюльской колонны четыре гвардейскихъ полка, возвратившихся изъ Крыма, онъ принималъ со словами: «Готовы ли вы снова отвѣчать на мой призывъ, если понадобится?»—то не походилъ на государя, желавшаго во что бы то ни стало избѣгать конфликтовъ. Тщетно Морни боролся противъ этой склонности Наполеона: но съ того дня, какъ, находясь въ Петербургѣ, онъ не могъ ежедневно краснорѣчиво ему возражать, тотъ совершенно отдался своимъ честолюбивымъ фантазіямъ. Когда же Морни прочиталъ въ одномъ изъ писемъ, полученныхъ изъ Парижа: «Нельзя ли тайнымъ и искуснымъ соглашеніемъ вмѣстѣ рѣшить крупные вопросы и мелкую судьбу раздѣленія міра, урегулированія настоящихъ національностей, наконецъ передѣлать карту Европы»,—онъ болѣе не сомнѣвался, что франко-русскому союзу не осуществиться.

Морни видѣлъ въ немъ гарантію территоріальнаго status quo Европы, Наполеонъ же думалъ совершенно обратное. Прежняя «химера» относительно природныхъ границъ снова его соблазняла; группировка по національностямъ—Италія, Польша и Германія—казалась ему необходимымъ результатомъ конгресса. Морни, желая спасти свою работу, силится представить свой планъ въ такомъ видѣ, какой могъ понравиться Наполеону. «Если когда-нибудь надо передѣлать мирно карту Европы,—писалъ онъ Наполеону:—то ясно, что передѣлъ въ пользу Франціи не совершится съ одобренія Германіи и будетъ возможенъ лишь при содѣйствіи Россіи». Говоря такимъ образомъ, Морни ловко противопоставлялъ одну химеру другой: на воображенія 48 года онъ отвѣчалъ ловкимъ переносомъ бордосскихъ рѣчей. Знаменитое слово, произнесенное тамъ и которое девятнадцать лѣтъ спустя появилось, какъ настоящая ложь, прикрывало, какъ бы это странно ни показалось, большую дозу искренности. Морни это зналъ и рассчитывалъ извлечь изъ этого пользу: онъ надѣялся, что любовь къ миру пройдетъ у

Наполеона прежде страсти къ территориальнымъ реформамъ. Наконецъ онъ сдѣлалъ послѣднее усиліе, чтобы привести въ себя Наполеона, и писалъ: «Это союзъ, на который можно надѣяться, если сумѣть его сохранить, дѣйствуя честно». Но Наполеонъ его болѣе не слушалъ. «Добрыми и честными дѣйствіями» были анти-русское движеніе въ Польшѣ и анти-православная политика въ Оттоманской имперіи. Планъ Морни не могъ противостоятъ подобному заблужденію и провалился.

Что касается его пребыванія въ Россіи, то онъ отправился туда въ концѣ іюля въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ изъ посольства и военныхъ. На границѣ ихъ ожидалъ курьеръ Горчакова, и, благодаря ему, они повсюду встрѣтили дружественный пріемъ. По увѣренію графа Мюрата, въ одной деревнѣ ихъ встрѣтили серенадой, «въ которой, по его словамъ, навѣрно, скрывались лучшія намѣренія». По прибытіи въ Петербургъ посланникъ занялъ дворецъ Воронцова-Дашкова на лѣвомъ берегу Невы и почти тотчасъ же узналъ, что вѣрительныя грамоты онъ можетъ вручить императору въ четвергъ, 7 августа, въ Петергофѣ. Такой быстрый пріемъ для него былъ неожиданностью. По дорогѣ въ Россію онъ по нездоровью задержался въ Висбаденѣ на нѣсколько дней, рассчитывая, что будетъ числиться только въ третьемъ рангѣ дипломатическаго корпуса. Кромѣ того, онъ зналъ, что графъ Эстергази пріѣхалъ въ Петербургъ ранѣе его, а лордъ Гренвиль отплылъ изъ Лондона. Но Морни такъ быстро совершилъ путешествіе, что пріѣхалъ ранѣе Гренвиля, а Эстергази еще не получилъ изъ Вѣны своей вѣрительной грамоты. Вотъ, по этимъ-то причинамъ, Морни очутился въ первомъ рангѣ. Такое положеніе прибавило еще болѣе престижа къ его двойному положенію обыкновеннаго и чрезвычайнаго посланника, такъ какъ другія крупныя государства послали каждое по два агента. Императорская семья съ самаго начала выразила Морни свои симпатіи; высшее общество отнеслось къ нему съ нѣкоторымъ опасеніемъ и въ то же время съ любопытствомъ. Но, по словамъ автора, Морни не былъ расположенъ пользоваться обыкновеннымъ пріемомъ, онъ хотѣлъ торжественнаго, — и добился этого. Вскорѣ онъ завоевалъ довѣріе Александра и немедленно, по словамъ самого государя, всѣ признали, что онъ завоевалъ первое мѣсто среди лицъ, къ которымъ онъ былъ расположенъ; этого расположенія было достаточно, чтобы уничтожить опасенія придворныхъ. Что же касается возбужденнаго въ нихъ любопытства, то оно было неудивительно въ виду той роскоши, какой онъ ослѣпилъ Петербургъ, своей картинной галереей, которая могла соперничать съ Эрмитажемъ, блестящими экипажами и т. д. Двери гостиныхъ высшей русской аристократіи широко распахнулись передъ Морни. Его повсюду принимали почти съ королевскими почестями, и это возбуждало въ другихъ посланникахъ своего рода ревность.

Врученіе императору вѣрительной грамоты состоялось, по желанію Александра, самымъ торжественнымъ образомъ. Желая еще болѣе отмѣтить уваженіе, которое онъ питалъ къ французамъ, Александръ пригласилъ всѣхъ членовъ посольства въ домашнюю церковь на церковную службу. Черезъ нѣсколько дней Морни отправился въ Петергофъ для врученія Александру ордена Почетнаго Легіона, послѣ чего посланникъ и всѣ члены посольства были приглашены на обѣдъ.

Первые три недѣли прошли безъ всякихъ переговоровъ: различныя церемоніи, визиты и проч. заняли все время, и серьезныя дѣла, главнымъ образомъ занимавшія Морни, отъ этого страдали. Среди пустыхъ свѣтскихъ развлеченій его вниманіе было привлечено въ общемъ ничтожнымъ обстоятельствомъ которое только тѣмъ было важно, что могло дать русскимъ возможность бросить бѣглый взглядъ на отношенія французовъ съ ихъ союзниками-англичанами. Дѣло касалось маленькаго острова при устьѣ Дуная—Змѣинаго, который русскіе обѣщали эвакуировать. По этому поводу четыре англійскіе корабли вышли въ Черное море, и англійскій адмиралъ предложилъ использовать одинъ изъ нихъ для перевоза русскихъ отрядовъ въ Крымъ. Александра и Горчакова это сильно раздражило. Англійскій посланникъ лордъ Вудхаузъ вмѣсто того, чтобы быть немного сговорчивѣе, заявилъ, что слишкомъ рано насиловать Парижскій миръ. Дѣло разгоралось, и только прибытіе лорда Гренвиля и Морни успокоило русское правительство. Морни, чтобы отвлечь вниманіе Александра, заговорилъ объ эвакуаціи Греціи. При подобныхъ обстоятельствахъ онъ умѣлъ плѣнить Александра, не скрывавшаго своего раздраженія противъ обоихъ англичанъ, которые не были расположены къ своему блестящему коллегѣ. Но Морни сумѣлъ успокоить Александра и плѣнить англичанъ...

Задача французскаго чрезвычайнаго посла была не легкая, тѣмъ болѣе, что, по словамъ автора, онъ не встрѣтилъ ни въ англичанахъ, ни въ русскихъ того прямоты и добросовѣстности, которыми обѣ стороны хвастались. Александръ, дѣйствительно, охотно позволялъ вѣрить, говорить Арнаванъ, что несмотря на свои личныя симпатіи, онъ не могъ отдѣлать обѣ западныя державы одну отъ другой. Онъ продолжалъ выказывать къ нимъ противоположныя чувства лишь для того, чтобы ихъ лучше соединить общей порукой въ ихъ политической дѣятельности. Въ этомъ былъ довольно плохой расчетъ: царь, очевидно, надѣялся поставить французскаго посланника въ такое щекотливое положеніе, что тюльерійскій кабинетъ, освѣдомленный объ этомъ, не дорожилъ бы англійскимъ союзомъ. Подобная западня была слишкомъ груба для такого тонкаго ума, какъ у Морни, и онъ ни на секунду не имѣлъ мысли измѣнить своему союзнику.

Англичане, съ своей стороны, также вели двойную игру послѣ заключенія мира. Мелкія придирки къ Россіи съ ихъ стороны слишкомъ очевидно говорили о желаніи поставить Францію въ затруднительное положеніе; ея дружба съ прежнимъ своимъ врагомъ ихъ тревожила. Поэтому, по мнѣнію сентъ-джемскаго кабинета, чтобы сохранить англо-французскій союзъ, надо было заставить Наполеона III какъ можно болѣе уязвить русское самолюбіе и русскіе интересы. Морни приходилось прибѣгать къ своей ловкости; съ одной стороны, надо было сглаживать досаду англичанъ, а съ другой—дурное настроеніе императора.

Особенно дѣйствовали на его нервы «кисло-сладкіе переговоры» о Змѣиномъ островѣ. Онъ прекрасно зналъ, что подъ ними скрывалось, и раздражался при мысли, что будетъ играть роль глупца въ такъ дурно сыгранной комедіи. Въ его глазахъ для Франціи безразлично, будетъ или нѣтъ эвакуированъ островъ, и онъ сталъ относиться все менѣе и менѣе сердечно къ затрудненіямъ, проистекающимъ отъ исполненія Парижскаго трактата. И его вліяніе было столь сильно

ла Вудхауза и Гренвиля, что англійскіе уполномоченные сдѣлались любезны, хотя лордъ Кларендонъ увѣдомилъ французскаго посланника въ Лондонѣ Маларэ, что эта разниа тона союзниковъ неприлична. И съ этой стороны готовились важныя затрудненія, которыя Морни ускорялъ и надъ которыми восторжествовала бы его ловкость, если бы его планъ франко-русскаго союза осуществился.

22 августа Морни отправился въ Москву со своей свитой изъ ста двадцати человекъ. Для дипломатическаго корпуса были приготовлены два спеціальныя поѣзда, одинъ для членовъ посольства, второй для ихъ служащихъ и вещей. Переѣздъ не длился и шестнадцать часовъ, что для того времени было необычайно, такъ какъ 50 лѣтъ спустя, говоритъ авторъ, требовалось тринадцать часовъ. Для французскаго посольства были наняты, какъ онъ выражается, два дворца: Корсакова и Рахманова, одинъ для военнаго персонала, другой—для дипломатическаго. Эти дома были хуже помѣщеній другихъ пословъ, но Морни такъ ихъ украсилъ, что своимъ убранствомъ дома для праздника, которое онъ долженъ былъ дать въ честь императора, совершенно затмили ихъ всѣхъ. Въ первые дни французы осматривали городъ, и всѣ имъ восхищались, только состоящіе при посольствѣ жаловались, что слишкомъ много колоколовъ, которые въ августѣ мѣсяцѣ звонятъ къ заутренѣ съ достойнымъ сожалѣніемъ соревнованіемъ.

Въ день коронаціи всѣ посланники собрались въ 8 час. утра у Морни и отъ него отправились на церемонію цугомъ за каретою пріѣхавшаго за ними секретаря церемоніальной экспедиціи. Вечеромъ Морни устроилъ такую эффектную иллюминацію своего дома, что не было проѣзда передъ его домомъ отъ толпы зрителей. Вскорѣ начались празднества и продолжались непрерывно. Послѣ придворныхъ баловъ и пріемовъ начались посольскіе. Первый балъ далъ англійскій посоль, лордъ Гренвиль. Морни закончилъ эту серію празднествъ пріемомъ, затмившимъ всѣ празднества пословъ. Большой залъ Корсакова, весь декорированный по указанію Морни, напоминалъ феерическую гравюру Эйзека или Комэна. Въ глубинѣ залы была воздвигнута эстрада для двора. Въ половинѣ одиннадцатаго появился императоръ съ императрицей, великимъ княземъ Константиномъ и его женой, великими князьями Николаемъ и Михаиломъ и иностранными принцами. Императоръ былъ чрезвычайно любезенъ съ Морни. Онъ пожелалъ участвовать въ танцахъ и первый танецъ танцевалъ съ женой саксонскаго посланника, г-жою Зеебахъ, игравшей роль хозяйки дома. Ужинала императрица въ отдѣльномъ залѣ за столомъ, накрытымъ на 16 кувертовъ, вмѣстѣ съ царской семьей, посланниками и г-жою Зеебахъ. Императорская семья оставалась долго, дѣлая исключеніе изъ правила, по которому царственныя особы, приглашенныя на балъ, остаются на немъ очень недолго. Поэтому поведеніе Александра на этомъ вечерѣ было всѣми замѣчено и вызвало зависть въ остальныхъ посланникахъ. Морни это предвидѣлъ и нарочно выбралъ для своего пріема окончаніе празднествъ, рассчитывая, что съ хлопотами при возвращеніи въ Петербургъ понемногу успокоится зависть въ посланникахъ и уменьшится ихъ гнѣвъ. Такъ и случилось.

Несмотря на безконечныя увеселенія, Морни не потерялъ даромъ времени въ Москвѣ касательно дипломатическихъ дѣлъ. Тѣмъ болѣе это было необходимо,

что Англія начала выказывать первное раздраженіе и было необходимо, чтобы не потергѣть неудачи, сохранить прежняго союзника, стараясь въ то же время приобрѣсть новаго. Не разъ онъ находился въ трудномъ положеніи, чтобы поддерживать добрыя отношенія съ Англіей. Со своей стороны, русское правитель-ство не облегчало ему задачи, не имѣя возможности защищаться противъ настоя-щей вражды англійскаго кабинета. «Я очень довѣряю благоразумію и лояль-ности императора Наполеона,—говорилъ Александръ:—но признаюсь, что питаю гораздо менѣе довѣрія къ его союзнику». Дурное настроеніе императора противъ Англіи, по словамъ автора, было законно: во время коронаціонныхъ празднествъ Англія была болѣе, чѣмъ когда, непримирима относительно Россіи. Эта требовательность подтвердилась по поводу двухъ незначительныхъ дѣлъ: Болграда и Неаполя. Но Морни старался уладить все эти недоразумѣнія и въ особенности въ вопросѣ, касавшемся Неаполя, онъ всѣми силами отстаивалъ дружественныя отношенія съ Россіей. «Императоръ,—писалъ онъ,—29 сентября говорилъ мнѣ объ этомъ дѣлѣ безъ малѣйшей горечи и съ большимъ довѣріемъ къ намѣреніямъ императора Наполеона». Но мечта о консервативной имперіи, опиравшейся на основательный союзъ съ Россіей, на любезныя дружественныя отношенія съ нею,—осталась мечтою. Въ то время, когда Александръ, говоритъ авторъ, переступалъ порогъ Корсаковского дворца и выражалъ Морни знаки живой дружбы, зданіе, о которомъ мечтали французскій дипломатъ, вдругъ рухнуло. То, что онъ считалъ возможнымъ проектомъ Наполеона, теперь яви-лось его окончательнымъ планомъ.

Члены чрезвычайнаго посольства послѣ коронаціи возвратились въ Парижъ. Морни вернулся въ Петербургъ 18 іюня 1857 года только со своимъ секретаремъ. Его положеніе здѣсь было таково, что ему позволялось все. Иностраные послы, какъ, напримѣръ, турецкій—Мехеметь-Кипресли-паша, папскій нунцій, мон-сеньоръ Шиги, какъ только представлялось какое-нибудь затрудненіе, обра-щались къ его вмѣшательству. Русскіе вельможи также, по словамъ автора, обращались къ нему, какъ только являлись какія-нибудь затрудненія. Изъ желанія за нимъ поухаживать императоръ подолгу дружески разговаривалъ съ нимъ, не стѣняясь, непринужденно, почти забывая объ этикетѣ. Одна мысль объ отъѣздѣ Морни его огорчала. «Правда ли,—говорилъ онъ ему въ Петербургѣ:—что я скоро долженъ васъ потерять? Для меня это будетъ настоя-щее горе. Вся моя семья, все о васъ будутъ сожалѣть». Однимъ словомъ, Морни добился въ Петербургѣ положенія *personae gratissimae*. Видя, что его планъ союза съ Россіей рухнулъ и «истинно европейскіе интересы», какъ называлъ Морни франко-русскій союзъ, не нашли отклика въ Парижѣ, онъ сталъ стремиться къ другой цѣли, менѣе возвышенной и исключительно личной: онъ хотѣлъ на-сладиться еще нѣкоторое время своимъ престижемъ при дружественномъ дворѣ и оттянуть свой отъѣздъ въ Парижъ. Но, конечно, главнымъ образомъ его оза-бочивали выгоды Франціи, и онъ занялся торговыми и навигаціонными тракта-тами. Насколько русская дипломатія старалась выразить ему свои симпатіи, видно изъ слѣдующихъ словъ Горчакова: «Вы видите, что намъ отъ всего сердца хочется сдѣлать вамъ пріятное и помѣстить подъ вашимъ этикетомъ рѣшенія, благопріятныя для Франціи». Поплина на французское вино была уменьшена.

чего уже давно безрезультатно добивалось французское правительство. Благодаря новому тарифу, для Франции открылся новый рынок для сбыта. За три года до великой экономической революции 1860 г., говорит автор, Морни добился от русского правительства, требовательного по части пошлины, смягчения его запретительной системы. Хотя он принужден был поддерживать свою союзницу в вопросе о Волградѣ, но воспользовался случаемъ для жестокаго обвиненія Англїи и защиты Россіи отъ упрековъ въ вѣроломствѣ, которыми награждалъ ее Пальмерстонъ. «Единственная держава, у которой что-нибудь вырвали,—говорилъ Морни:—это Россія. Она понесла значительныя потери, морскія и территоріальныя. Если она старается смягчить горечь и ослабить суровый ударъ—то, мнѣ, кажется, это довольно извинительно. Но есть ли въ этомъ какіе-нибудь угрожающіе и вѣроломные признаки. И потому, что она старается спасти какіе-нибудь остатки своихъ пожитковъ, вообразить, что она не отказалась отъ традиціонной политики на Востокъ,—откровенно—это создать себѣ призраки». Въ концѣ концовъ и англійскій посланникъ Вудхаузъ рѣшилъ вмѣстѣ съ нимъ, что «въ Англїи политику дѣлають для парламента, а дипломатію для blue book (Синей книги). Этими словами онъ какъ бы говорилъ: «Не могу простить англичанамъ ихъ наглости и неблагодарности».

Вопросы объ обмѣнѣ Змѣинаго острова и Волградѣ были отложены, какъ неудобные, и назначена конференція, которая собралась въ Парижѣ 21 декабря 1856 г. Предложенное рѣшеніе было принято, но, говоритъ авторъ, по странной неловкости его доставили въ Петербургъ послѣ того, какъ оно прошло черезъ Лондонъ и Вѣну. Россія была оскорблена, но, говоритъ Морни, «я прибѣгнулъ къ формулѣ, сдѣлавшейся священной, которая сдѣлала мою задачу удобной. Я сказалъ: «Сдѣлайте, что у васъ требуетъ Наполеонъ, и отнесите это на него». Это имѣло магическое дѣйствіе, и Морни, удовлетворенный, извѣщалъ свое правительство, что императоръ Александръ уступилъ.

Послѣ восьмимѣсячнаго пребыванія Морни не осуществилъ своего плана франко-русскаго союза, но, уѣхавъ 18 іюня 1857 г. изъ Петербурга, онъ все же уладилъ всѣ затрудненія между Россіей и Франціей. Шли слухи, что его отъѣздъ былъ вызванъ скандаломъ, устроеннымъ Рузромъ по причинѣ его женитьбы на княжнѣ Трубецкой, о чемъ уже упоминалось въ нашемъ отдѣлѣ за іюль мѣсяца. Авторъ статьи отрицаетъ эту причину и находитъ, что пребываніе въ Россіи Морни было безъ опредѣленной цѣли и излишне, поэтому его отъѣздъ совершился совсѣмъ естественно. Если дипломатъ могъ находить въ продолженіи своего пребыванія удовлетвореніе тщеславію, то естественно, что глава государства, считавшій его противникомъ своихъ взглядовъ, захотѣлъ прекратить это пребываніе. Императоръ наконецъ понялъ, что совѣты графа, выслушиваемые вначалѣ охотно, ведутъ его противъ его мечты; онъ хотѣлъ самъ руководить европейскими судьбами государства и ограничить роль слишкомъ честолюбиваго посланника внутренней политикой. Морни приходилось только повиноваться—и онъ возвратился въ Парижъ. Въ Петербургѣ о немъ очень сожалѣли, и завязавшіяся по его инициативѣ дружественныя отношенія Франціи съ Россіей держались долго.

— Воспоминанія генерала Гріуа о походѣ 1812 г. — Въ послѣдней юльской книжкѣ «Revue hebdomadaire» помѣщены выдержки изъ мемуаровъ генерала Гріуа, участвовавшего въ походѣ 1812 г.¹⁾ Эти воспоминанія характерны искренней передачей всего душевно пережитого и пережитого французской арміей въ несчастную для нея годину и переданы авторомъ съ тонкостью психолога. По его словамъ, моральныя и физическія страданія французской арміи сдѣлали ее безчувственной. По дорогѣ отъ Толчина до Борисова до нихъ доходили послѣдовательно самыя печальныя извѣстія и давали мало надежды на спасеніе. Минск со всѣми запасами провіанта попалъ во власть русскихъ; Борисовъ отнятъ; его мостъ разрушенъ, и русская армія заняла берега Березины; приходилось брать приступомъ проходъ по рѣкѣ, а французы сожгли свой послѣдній обозъ передъ тѣмъ, какъ покинуть Оршу. Будущее представляло ужасное, и черезъ три-четыре дня все должно было рѣшиться. Однако, по признанію автора, все это не производило ни на него, ни на его товарищей должнаго впечатлѣнія. «Но странная вещь, которую я могу приписать только умственному истощенію вслѣдствіе долгихъ страданій,—говоритъ Гріуа:—несчастныя приключенія, переживаемыя нами, которыя при другихъ обстоятельствахъ поглотили бы всѣ наши мысли и пробудили бы въ насъ озабоченность, теперь далеко не произвели на меня и на моихъ товарищей этого впечатлѣнія. Мнѣ представлялось, что я существо совершенно постороннее ко всему происходившему, и непріятельскія пушки, гремѣвшія вокругъ насъ, едва нарушали нашу апатичную беззаботность». Въ это время происходило сраженіе между отрядами генераловъ Удино и Виктора и русскими Витгенштейна, который во всю ночь стремились къ Березинѣ. 26-го Гріуа съ своими спутниками встрѣтилъ часть отряда Виктора. «Еще теперь вижу удивленіе, смѣшанное съ состраданіемъ и ужасомъ, съ какими военные этого отряда сгруппировались вокругъ насъ и смотрѣли, какъ шаткою поступью эти фалтомы, въ которыхъ не было ничего живого, кромѣ остатка движеній, дефилировали въ своемъ странно-смѣшномъ и отвратительномъ нарядѣ, который при другихъ обстоятельствахъ возбудилъ бы смѣхъ. Это было все, что осталось отъ арміи, взявшей Москву. А мы смотрѣли, какъ на необыкновенную вещь, на этотъ отрядъ, представлявшій въ общемъ порядокъ и дисциплину, о которыхъ у насъ едва сохранилось представленіе. Но что еще болѣе подчеркивало наше нравственное паденіе, это то, что, вмѣсто краски стыда отъ нашего бѣдствія, на нашихъ лицахъ была улыбка при мысли, что скоро они будутъ на одномъ уровнѣ съ нами».

Ту же мысль высказывалъ де-Шамбрэ, увѣряя, что уже на другой же день большинство французскихъ солдатъ 9-го корпуса, испуганные или подъ влияніемъ примѣра, побросали свои знамена.

26-го ноября корпусъ остановился на ночевку въ Ніеманицѣ. Ночью изба, въ которой помѣстился Гріуа, загорѣлась. Онъ едва изъ нея выбрался и провелъ ночь подъ открытымъ небомъ. Еще въ Дубровнѣ онъ простудился и во время приступа кашля почувствовалъ, что онъ задыхается отъ какого-то посторонняго

¹⁾ Extrait de ses mémoires: le passage de la Bérésina (Novembre — Decembre 1812). Par général Griois. «La Revue hebdomadaire». 1909.

предмета въ горлѣ. Это были три переплетшіея между собою червяка. «Не могу передать,—говорить онъ,—того ужаснаго чувства, какое я испытывалъ, когда конвульсивнымъ движеніемъ вырывать ихъ изо рта, чтобы отбросить далеко отъ себя. Во всю жизнь я не испытывалъ ничего подобнаго. По счастью, такая отвратительная рвота, вызванная несчастіемъ и дурнымъ питаніемъ, была только этотъ разъ, но лихорадка и кашель продолжались, и мои силы были истощены».

За три часа до наступленія дня остатки итальянской гвардіи взялись за оружіе и пустились въ путь съ принцемъ Евгеніемъ во главѣ. Борисова они достигли на разсвѣтѣ. Тамъ царилъ такой безпорядокъ, какого нельзя себѣ представить. Улицы переполнились людьми, лошадьми и экипажами. Сквозь эту толпу отрядъ Виктора пробивалъ себѣ путь, и среди сумерекъ всё сталкивались, раздавались крики и проклятія. Гріуа охватило такое апатичное нежеланіе знать, что его ожидаетъ, что онъ ничего не вѣдалъ о своемъ истинномъ положеніи: онъ не зналъ, поправленъ ли прежній мостъ въ Борисовѣ, или Березину придется переходить черезъ другой мостъ. Онъ даже не старался узнать объ этомъ и машинально слѣдовалъ за толпою. Растерявшись съ товарищами въ темнотѣ, онъ очутился одинъ и вошелъ въ какой-то домъ, гдѣ еще пылалъ слабый огонь. Онъ вошелъ туда погрѣться; тамъ уже находилось три человѣка, попавшіе туда съ тѣмъ же намѣреніемъ. На утро онъ хотѣлъ продолжать путь, когда въ домъ вошелъ одинъ его знакомый, Бонарделли, и предложилъ ему позавтракать имѣвшейся у него говядиной. Послѣ этого Гріуа собрался въ дорогу и предложилъ Бонарделли отправиться вмѣстѣ съ нимъ. Но тотъ, увѣренный въ своихъ силахъ и здоровьѣ своей лошади, предпочелъ остаться и отдохнуть. Этотъ короткій отдыхъ погубилъ его. Оставшись позади колоннъ, къ которымъ онъ хотѣлъ присоединиться, Бонарделли былъ окруженъ казаками и убитъ вмѣстѣ съ своимъ канониромъ. «Если бы насъ видѣли утромъ завтракавшими вмѣстѣ,—говоритъ Гріуа:—то кто бы сомнѣвался, что тотъ, чьи силы угасли и блѣдное, какъ у трупа, лицо извѣщало о близкой смерти, переживетъ всё несчастія отступленія, а, наоборотъ, сильный, полный жизни человѣкъ, презиравшій неудачи, умретъ въ тотъ же день».

Гріуа направился не по дорогѣ къ старому мосту, остатки котораго догорали, а направо, по дорогѣ, шедшей по лѣвому берегу Березины. Онъ не зналъ, куда слѣдовалъ за нею. Не прошли они еще большого разстоянія отъ Борисова, какъ началась атака казаковъ, которая произвела большой переполохъ. Но такого рода атаки не пугали Гріуа; онъ къ нимъ привыкъ: кромѣ того, слабость или несчастія сдѣлали его беззаботнымъ, равнодушнымъ къ опасностямъ, и онъ совершенно положился на случай, который, какъ онъ сознавалъ, былъ его единственнымъ спасеніемъ. Такимъ образомъ среди перепуганной толпы, бросавшейся, сама не зная, въ опасность, онъ спокойно продолжалъ свой путь, не задаваясь вопросомъ, что вокругъ его происходитъ. Съ его стороны казаки не появлялись, и въ полдень онъ былъ въ Студянкѣ, въ трехъ верстахъ отъ Борисова. Встрѣченный имъ случайно знакомый, Гаэти, былъ такъ тронутъ его ужасной, истомленной наружностью, что далъ ему нѣсколько кусочковъ корня горечавки, которую онъ принималъ затѣмъ въ водкѣ бережно по каплямъ и благодаря этому поддерживалъ свои силы.

Здѣсь въ Студянкѣ находился императоръ съ остатками арміи, кромѣ 2-го и 9-го корпусовъ, подъ командой Удино и Виктора; Удино направился на правый берегъ Березины, чтобы удалить армію Чичагова и облегчить французамъ переходъ. Викторъ сражался противъ Витгенштейна, преслѣдовавшаго французовъ. «Оба эти корпуса,—говоритъ Гріуа,—были единственной нашей надеждой; отъ нихъ однихъ зависѣло наше спасеніе; оставшіеся на берегахъ Двины, они избѣжали бѣдствій, которыя сыпались на насъ отъ Москвы; ихъ военная организація такъ же, какъ и дисциплина, мало пострадала, и они это доказали своимъ прекраснымъ поведеніемъ въ сраженіяхъ 27 и 28 ноября. Но такіе блестящіе дни были также и послѣдними: утомленные этимъ послѣднимъ усиліемъ, они, въ свою очередь, пали и, быть можетъ, скорѣе, чѣмъ мы сами. Два дня спустя послѣ этихъ славныхъ дней дезорганизація 2-го и 9-го корпусовъ была столь же полная, какъ и остальной арміи».

Лѣвый берегъ Березины и долина, окружавшая Студянку, были покрыты массой людей, сквозь которую вооруженный отрядъ и кавалерія могли пробраться только силой. Съ трудомъ Гріуа присоединился къ товарищамъ. Недалекъ весь день раздавалась пушечная пальба. Найдя себѣ помѣщеніе въ какомъ-то сараѣ съ соломою, они пріютились вмѣстѣ съ своими лошадьми. Весь день раздавалась пушечная пальба, но это ихъ не тревожило. «Мы болѣе не умѣли чувствовать опасности,—говоритъ Гріуа,—и у насъ не осталось даже достаточно энергіи бояться ея». Ничто не нарушало въ этотъ вечеръ удовольствія имѣть такой хорошій бивуакъ. Къ нимъ присоединились офицеры 4-го корпуса и раздѣлили оставшуюся у нихъ провизію, такъ что, благодаря этому, кромѣ вѣчной разварной говядины, у нихъ оказался еще и чай. Послѣ ужина они узнали, что императоръ уже на другомъ берегу, а принцъ Евгенийъ перейдетъ мостъ вечеромъ. Они призадумались: слѣдовать ли имъ въ тотъ же вечеръ за нимъ. «Осторожность того хотѣла, а нашъ долгъ требовалъ,—говоритъ Гріуа:—но долгъ былъ только пустымъ словомъ: дезорганизація и несчастія порвали всѣ узы; зрѣлище нашего сарая, наполненнаго свѣжей соломою, что обѣщало намъ такую спокойную ночь, взяло верхъ, и мы всѣ въ одинъ голосъ рѣшили скорѣе дожидаться дня въ удобномъ положеніи, въ какомъ мы находились, чѣмъ въ темнотѣ, въ дурную погоду блуждать, быть можетъ, цѣлую ночь на правомъ берегу, не находя крова, гдѣ бы преклонить наши головы, ни обрубка дерева, чтобы развести огонь».

Предоставивъ принцу перейти Березину, они прекрасно провели ночь и утромъ, на разсвѣтѣ, тронулись въ путь. Это было 28 ноября—«день ужасныхъ воспоминаній». Передавать подробно ту страшную по трагизму переправу, уже столько разъ описанную очевидцами, мы не будемъ и ограничимся лишь эпизодами, лично пережитыми авторомъ мемуаровъ. Въ тотъ день густой туманъ не позволялъ различать на разстояніи полумили двухъ мостовъ—для экипажей и пѣшеходовъ. Погода стояла сумрачная: холодъ пронизывалъ до костей, снѣгъ падалъ изрѣдка. Всадники, насколько позволяло печальное положеніе ихъ коней, спѣшили къ мосту, но скорѣе толпы пѣшеходовъ задержали движеніе. Сначала думали, что случилось какое-нибудь несчастіе, и потому всадники пережидали, но когда массы людей стали прибывать со всѣхъ сторонъ, то, обождавъ въ

такомъ положеніи три четверти часа, Гріуа и его путники медленно двинулись, тѣсня и опрокидывая пѣшиходовъ. Сильная польская лошадь Гріуа опередила всѣхъ его товарищей. Но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ пожалѣлъ, что проникъ въ эту толпу, и хотѣлъ отступить; однако это было поздно: впереди и позади его набралась масса народу, которая все нарастала. До тѣхъ поръ толпа держала себя спокойно: она не подвигалась впередъ, но нетерпѣніе, опасеніе еще ее не волновали, и самые слабые ограничивались лишь тѣмъ, что прикрикивали на тѣхъ, кто силою старался открыть себѣ проходъ. Беспорядки начались, когда нѣсколько всадниковъ 2-го и 9-го корпусовъ попытались пробиться, опрокидывая все на пути. Предусмотрительно устроенные два моста были бы кстати для правильно организованныхъ отрядовъ, а не для толпы, оставленной на произволъ судьбы, безъ руководителей, бросающейся въ беспорядкѣ впередъ. При настоящемъ положеніи экипажи, лошади и пѣшиходы—все устремились по одному пути. Къ довершенію несчастія, туманъ не позволялъ разсмотрѣть, какое взять направленіе. Крики несчастныхъ, опрокинутыхъ лошадьми, распространяли ужасъ. Каждый, стараясь спасти себѣ жизнь, прибѣгалъ къ силѣ и даже къ оружію. Въ этой странной борьбѣ одинъ невѣрный шагъ равнялся смертному приговору. Гріуа уже хотѣлъ сойти съ лошади, увѣренный, что его лошадь шагу не сдѣлаетъ впередъ, но раздумалъ въ виду своей слабости.

На правомъ берегу съ утра раздавались пушечные залпы: это Удино отражалъ надвигавшагося Чичагова, котораго блестящая атака кирасиръ генерала Думерка привела въ беспорядокъ. Но позади бѣглецовъ Викторъ отступалъ предъ напоромъ превосходныхъ силъ Витгенштейна. Около десяти часовъ утра врагъ показался на вершинахъ, занимавшихъ господствующее мѣсто надъ мостами, и сраженіе возобновилось. «Если бы Викторъ былъ побѣжденъ,—говоритъ Гріуа:—ничто не спаслось бы на лѣвомъ берегу, но, по счастью, ему удалось до вечера сохранить свою позицію. Однако, какъ только непріятель замѣтилъ пунктъ перехода, то сталъ посылать туда ядра и гранаты, которыя еще болѣе распространяли отчаяніе среди французовъ. Хотя разстояніе лишило русскихъ мѣткости ударовъ, все же нѣкоторыя ядра попадали на мосты и уносили жертвы; между прочимъ одно изъ нихъ снесло голову знакомому Гріуа, давшему ему корень горечавки».

Гріуа понималъ, что пробиться сквозь толпу невозможно, и болѣе не пробовалъ. Всѣ его заботы сосредоточились на спасеніи своей лошади отъ слишкомъ сильнаго натиска толпы, который ее опрокинулъ бы. Онъ всячески старался поддерживать ногами несчастное животное и ободрять голосомъ, когда чувствовалъ, что оно теряетъ силу. Получая справа и слѣва толчки, оно не имѣло достаточно силъ противостоять имъ и оставалось стоять въ томъ положеніи, въ какое поставилъ его послѣдній полученный толчокъ. По несчастной случайности получаемые несчастнымъ животнымъ толчки переворачивали его такимъ образомъ, что оно очутилось головою не къ мосту, а какъ разъ обратно. Болѣе часа Гріуа оставался въ такомъ незавидномъ положеніи, отнявшемъ у него всякую надежду выбраться благополучно, и ему оставалось ожидать лишь одного—быть стиснутымъ толпою, попасть подъ русскую пулю или въ руки враговъ и умереть среди различныхъ бѣдствій въ снѣгахъ. Неожиданное

спасеніе явилось въ лицѣ одного его знакомаго, Грассара, который на довольно большомъ разстояніи отъ него старался пробраться съ помощью своего большого роста и могучей силы. Среди густого тумана и суеты голосъ Гріуа едва могъ его достигнуть. Лошади и своихъ вещей онъ уже лишился, товарищей потерялъ и сохранилъ только свою могучую силу. Онъ предложилъ Гріуа соединенными усиліями выбраться изъ тяжелаго положенія. Не безъ труда ему удалось перевернуть лошадь Гріуа головою по направленію къ мосту. Одною рукою держа ее подъ узцы, а другою размахивая саблей, онъ сталъ пробираться впередъ, отталкивая и опрокидывая всѣхъ, кто попадался ему на пути. Гріуа попробовалъ ему помогать, тоже вооружась своей на половину сломанной саблей. Такимъ образомъ они медленно подвигались впередъ, много разъ отталкиваемые толпою назадъ, лишаясь въ одну минуту завоеваннаго столькими трудами и часами мѣста и опять попадая въ задніе ряды. Препятствіе къ движенію все увеличивалось: опрокинутые люди, лошади и телѣги служили причиной для новыхъ паденій, такъ какъ толпа была слишкомъ плотна и мѣшала видѣть подъ ногами препятствія, и только по увѣренному шагу лошади можно было судить, ступаетъ ли она по трупамъ, или по землѣ. Не прошли они большого разстоянія, какъ лошадь Гріуа предупредила, что ей попалось какое-то препятствіе. Она хотѣла отъ него освободиться и упала на бокъ, отбросивъ Гріуа на далекое разстояніе среди обломковъ опрокинутаго фургона. Но счастью, на этомъ мѣстѣ толпа была не такъ велика, иначе Гріуа не уцѣлѣлъ бы. Онъ поднялся и сѣлъ на лошадь, не получивъ ни одной царапины. До моста оставалось болѣе часа ѣзды среди новыхъ препятствій въ видѣ опрокинутыхъ или брошенныхъ экипажей, лошадей, подымавшихъ головы изъ-подъ давящихъ ихъ обломковъ, и труповъ, — препятствій чрезъ которыя, казалось, нельзя было пробраться.

Причиной такого загроможденія пути Гріуа называетъ несчастный результатъ тѣхъ предосторожностей и мѣръ, которыя считали долгомъ предпринять, чтобы избѣжать этого загроможденія. Строгіе приказы усердно исполнялись отрядами жалдармовъ, безжалостно отталкивавшихъ съ саблею въ рукѣ экипажи и всадниковъ.

На счастье Гріуа, такая пытка скоро для него окончилась: его замѣтили саперы, день и ночь находившіеся на дежурствѣ для поправки мостовъ. При видѣ его артиллерійскаго мундира они помогли ему пробраться на мостъ, и онъ почувствовалъ радостное облегченіе. На мостъ пропускали только по одному человѣку, но, держась за лошадиный хвостъ, пробралась и одна маркитанка съ ребенкомъ. Въ знакъ признательности за спасеніе своей и ребенка жизни она подарила ему кусочекъ сахара.

Перебравшись благополучно чрезъ Березину, онъ вмѣстѣ съ Грассаромъ продолжалъ путь по болотистымъ дорогамъ до деревни Зембины, куда они пришли ночью. Здѣсь царилъ страшный беспорядокъ: бивучные костры касались другъ друга, и огонь горящихъ домовъ сливался съ ними, истребивъ почти всю деревню, Гріуа улыбнулось счастье: онъ нашелъ ночлегъ въ уцѣлѣвшей хижицѣ, гдѣ уже укрылись нѣкоторые изъ его оставшихся въ живыхъ товарищей.

Однако ихъ спокойствіе едва не было нарушено генераломъ Фредериксомъ, появившимся въ сопровожденіи солдатъ и объявившимъ, что здѣсь помѣстится главная квартира дивизіи, только что прибывшей. Съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свои права на хижину было невозможно: пришлось ограничиться согласіемъ принять новаго гостя, объявивъ ему, что, овладѣвъ ранѣе хижиной, они не уступятъ ея, если бы даже пришлось задохнуться отъ духоты. Несчастные, ранѣе Гріуа занявшіе хижину, подверглись безпощадному изгнанію; даже раненыхъ офицеровъ, несмотря на ихъ мольбы, по приказанію генерала, вынесли на морозъ и бросили на произволь судьбы.

Воспоминанія о дальнѣйшемъ пути отъ 28 ноября, на другой день перехода Березины, и до 2 декабря—дня прибытія въ Молодечно, гдѣ они оставались до 31-го,—у Гріуа остались смутныя. Здѣсь они устроились въ тепломъ помѣщеніи, достали нѣсколько картофелинъ, и даже появленіе казаковъ, которымъ надо было отнять обозъ императора, не нарушило чуднаго спокойствія, съ какимъ впервые они насладились 24-часовымъ отдыхомъ въ тепломъ помѣщеніи, тогда какъ на улицѣ морозъ доходилъ до 28°. Зато, когда 4 декабря имъ пришлось двинуться въ путь, стужа показала имъ гораздо несноснѣе, и усталость—мучительнѣе.

Впрочемъ, теплый кровъ въ томъ походѣ оказался для многихъ могилой: бѣглецы, забравшіеся въ сараи съ соломой, сгорали въ нихъ или задохнулись отъ разведенныхъ тамъ костровъ.

По словамъ Гріуа, польскіе офицеры относились къ французамъ безсердечно и отказывались давать кровъ французамъ, какъ было съ знакомымъ Гріуа.

О бѣгствѣ Наполеона онъ сообщаетъ, что оно произвело на нихъ сильное впечатлѣніе послѣ охватившей ихъ апатіи. По его словамъ, неправъ тотъ, кто увѣряетъ, будто армія съ негодованіемъ приняла это извѣстіе и что оно окончательно обезкуражило и дезорганизовало армію. По его мнѣнію, это было единственное средство спасти остатокъ арміи, отправляясь заранѣе организовать средства для помощи и направить имъ навстрѣчу резервы, собранные въ Польшѣ и Пруссіи.

Холодъ и голодъ уморили не однихъ французовъ: большинство русскихъ плѣнныхъ, по словамъ Гріуа, погибли одинаковой съ непріателемъ смертью. Одинокіе, среди толпы и отталкиваемые всѣми, не имѣя товарищей, которые помогли бы имъ, они не дошли до Вильны. Если нѣкоторые изъ русскихъ и уцѣлѣли, то благодаря тому, что имъ удалась спастись по деревьямъ.

С М Ъ С Ъ.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ литературнаго фонда. 8 ноября текушаго года исполнится ровно 50 лѣтъ существованія литературнаго фонда. Въ этотъ день въ 1859 году состоялось первое учредительное собраніе инициаторовъ старѣйшаго нашего литературнаго учрежденія, уставъ котораго былъ высочайше утвержденъ нѣсколько раньше, а именно 7 августа 1859 г. Комитетъ фонда рѣшилъ приурочить празднованіе полулѣтковаго юбилея къ 8 ноября. Къ тому времени выйдетъ историческій очеркъ дѣятельности фонда за все время его существованія, составленный А. А. Корниловымъ. Идея фонда заимствована у англичанъ. Ея проповѣдниками въ Россіи явилась группа писателей, среди которыхъ были Тургеневъ, Кавелинъ, Толстой, Анненковъ и особенно А. В. Дружининъ, который явился главнымъ дѣятелемъ въ осуществленіи мысли о фондѣ. На первомъ учредительномъ собраніи присутствовало 66 литераторовъ и ученыхъ, среди нихъ почти всѣ корифеи нашей литературы. Въ первый же годъ существованія фонда собрали 35,000 руб., въ томъ числѣ 1,000 руб., назначенныхъ какъ ежегодное пособие изъ кабинета императора Александра II и 700 руб. изъ взносов членовъ императорской фамилии. Дѣятельность фонда заключается: въ матеріальной помощи литераторамъ и ученымъ, какъ-то: въ выдачѣ пенсій, единовременныхъ и продолжительныхъ пособій, въ безсрочныхъ и срочныхъ займахъ, въ нравственной поддержкѣ писателямъ, въ профессиональномъ представительствѣ интересовъ печати и, наконецъ, въ просвѣдательной и издательской дѣятельности. При фондѣ имѣется рядъ специальныхъ капиталовъ имени писателей. Такъ, капиталъ имени Гаршина достигъ 52 тыс. руб., капиталъ имени Чернышевскаго—20 тыс., имени Салтыкова—17 тыс., имени Тургенева—14 тыс. и др. Загѣмъ крупныя капиталы пожертвованы фонду: Г. Елисеѣвымъ—54 тыс., К. Павленковымъ—30 т., поэтомъ Плещеевымъ—25 тыс., В. Ф. Голубевымъ на постройку общежитія для писателей 150 тыс. руб., генераломъ Дамичемъ 37 тыс., журналистомъ Михневичемъ $\frac{2}{3}$ его недвижимаго имущества въ Петербургѣ и мн. др. Въ настоящее

время общая сумма капиталовъ фонда достигла 610,458 руб., не считая пожертвованій гг. Голубева, Дамича и Михневича. Всѣ эти капиталы приносятъ ежегоднаго дохода болѣе 23 тыс. руб. Кромѣ того, фонду принадлежитъ недвижимость, оцѣниваемая въ 150 тыс. руб., и права на изданія цѣлаго ряда произведеній разныхъ авторовъ. Любопытно отмѣтить, что въ пользу фонда многіе чиновники; офицеры и педагоги отчисляли извѣстный процентъ изъ своего жалованья. Тургеневъ жертвовалъ 5 проц. изъ своего журнальнаго гонорара, а цѣлый рядъ издателей газетъ и журналовъ согласились платить по 1 коп. съ подписчика въ пользу фонда. Устройство литературныхъ вечеровъ, чтеній и т. п. дало кассѣ фонда за полвѣка 120 тыс. руб. Большія средства фонду доставила издательская его дѣятельность, начавшаяся печатаніемъ «Собранія писемъ И. С. Тургенева». Литературному фонду принадлежать права на изданіе сочиненій Гаршина, Надсона, Костомарова, Джаншѣева, Вѣлоголоваго и др. Отъ издательскихъ операций фондъ отчислилъ 200 тыс. руб. дохода. Доходъ фонда отъ членскихъ взносовъ въ послѣдніе годы пошелъ на убыль, хотя число членовъ возрастало. Это объясняется тѣмъ, что взносы многими не уплачиваются.

Пенсіи комитета фонда назначались отъ 120 до 600 руб. въ годъ. Первая пенсія въ максимальномъ размѣрѣ была назначена въ 1860 г. семѣ В. Г. Бѣлинскаго. Общая сумма пенсій, выдаваемыхъ ежегодно, въ послѣднее время колеблется между 7 и 8 тыс. руб. Наиболѣе крупное единовременное пособіе въ самомъ началѣ дѣятельности литературнаго фонда было оказано декабристу М. А. Бестужеву (1,000 руб.), чтобы онъ могъ вернуться изъ Сибири послѣ амнистіи. Пользовался пособіемъ въ 600 руб. и Ѳ. Достоевскій въ 1864 г., когда вдругъ прекратили изданіе журнала, въ которомъ онъ печатался. По ходатайству костромскаго губернатора выдано было пособіе профессору П. Павлову, подвергшемуся административной карѣ за извѣстную рѣчь о тысячелѣтїи Россіи. Первое пособіе на похороны въ 50 руб. выдано на погребеніе Т. Г. Шевченка. Многократно пользовались пособіями изъ фонда Помяловскій, Гл. Успенскій, Рѣшетниковъ, Левитовъ и другіе извѣстные писатели. Нынѣ единовременныхъ пособій выдается ежегодно въ среднемъ на сумму свыше 10 тыс. руб. и столько же расходуетъ на безсрочныя пособія. Гораздо значительнѣе операціи фонда по выдачѣ различныхъ ссудъ, напримѣръ, въ 1875 году была выдана ссуда въ 1,500 р. М. Стопановскому на поддержку «Петербургскаго Листка», противъ чего протестовалъ К. Д. Кавелинъ. Подводя итоги дѣятельности фонда за 50 лѣтъ его существованія, надо констатировать, что онъ принесъ огромную пользу не только нуждающимся русскимъ писателямъ и ученымъ, но и дѣлу русскаго просвѣщенія и родной литературѣ.

Закрытіе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. 19 іюля околоточный надзиратель, по порученію пристава, вручилъ предсѣдателю кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ В. Д. Кузьмину-Караваеву распоряженіе и. д. министра внутреннихъ дѣлъ Крыжановскаго—бумагу такого содержанія: на основаніи 3 параграфа временныхъ правилъ объ обществахъ и союзахъ предписывается *безотлагательно* закрыть кассу и пріостановить всѣ ея функціи. Приставу было предписано градоначальникомъ наблюдать за тѣмъ, чтобы распоряженіе министра немедленно было исполнено. Отправившись по поводу

полученной бумаги къ товарищу министра Крыжановскому, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ узналъ отъ него, что закрытіе кассы послѣдовало по распоряженію П. А. Столыпина на томъ основаніи, что касса якобы питаетъ своими средствами революціонныхъ дѣятелей, что обнаружено изъ ареста дѣлопроизводства комиссіи, существующей съ 1906 г. при кассѣ для выдачи пособія административно пострадавшимъ членамъ. Арестъ дѣлопроизводства произошелъ во время обыска у секретаря названной комиссіи г. Кузнецова, котораго, впрочемъ, не арестовали. В. Д. Кузьмину-Караваеву было объяснено, что, по агентурнымъ свѣдѣніямъ, министерству извѣстно, что субсидія изъ кассы выдавалась будто революціонерамъ Балмашеву (также матери его), Дейчу и Морозову. Когда В. Д. Кузьминъ-Караваевъ объяснилъ, что онъ хотя и недавній предсѣдатель кассы, но досконально знаетъ, что въ ея дѣятельности за всѣ 18 лѣтъ существованія нѣтъ ничего компрометирующаго, что закрытіемъ кассы наносится матеріальный ущербъ 800 литераторамъ, которые могутъ даже предъявлять гражданскіе иски, что обвиненіе кассы въ выдачѣ пособія названнымъ лицамъ фактически невѣрно, что всякое обвиненіе должно быть доказано, что правленіе и комиссія готовы отвѣчать по суду за свои дѣйствія,—то г. Крыжановскій посовѣтовалъ сейчасъ же подать П. А. Столыпину объяснительную записку отъ имени правленія и обѣщалъ, съ своей стороны, содѣйствовать отстоянію кассы. В. Д. на слѣдующій день, по совѣщаніи съ наличными въ городѣ членами правленія, подалъ черезъ сен. Крыжановскаго П. А. Столыпину записку съ изложеніемъ характера дѣятельности кассы, которая протекала вполне открыто, и просилъ назначить правительственную ревизію дѣлъ кассы и, въ случаѣ обнаруженія незаконныхъ дѣйствій ея, предать виновныхъ суду, а до того снять запретъ, наложенный на кассу. При этомъ П. А. Столыпину былъ представленъ подробный списокъ лицъ, получившихъ изъ означенной комиссіи субсидіи, и было указано, при какихъ обстоятельствахъ. Такихъ лицъ за время существованія комиссіи было 16. Выдача пособія эмигранту Виташевскому особенно инкриминируется комиссіи. Виташевскій судился по политическимъ дѣламъ, но былъ амнистированъ, пріѣхалъ въ Россію на легальныхъ основаніяхъ и работалъ въ легальныхъ изданіяхъ, между прочимъ въ журналѣ «Былое». Когда этотъ журналъ закрыли, Виташевскій остался безъ средствъ и, какъ членъ кассы, просилъ о временной поддержкѣ, каковая и была ему выдана. Я. Н. Колубовскому, приглашенному къ товарищу министра внутреннихъ дѣлъ, пришлось дать по этому поводу обстоятельное объясненіе и познакомиться съ характеромъ дѣятельности кассы за прошлые годы, не заключающей въ себѣ ничего незаконнаго. По поводу закрытія кассы были также приняты товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ основатель ея Г. К. Градовскій, который предварительно написалъ письмо сен. Крыжановскому. Въ этомъ письмѣ Г. К. раскрываетъ всю нелѣпость легенды о выдачѣ субсидій Балмашеву и указываетъ, что въ распоряженіи кассы имѣются пожертвованные капиталы, которые могутъ быть переданы другому учрежденію только съ Высочайшаго разрѣшенія. Насколько министерство плохо освѣдомлено о дѣятельности кассы, видно, между прочимъ, и изъ того, что оно все время смѣшивало кассу литераторовъ съ литературнымъ фондомъ и первая бумага о закрытіи кассы была

адресована въ литературный фондъ на имя покойнаго П. И. Вейнберга. Послѣ объясненія Колубовскаго и Градовскаго опять возникли надежды, что кассу удастся отстоять, и что распоряженіе объ ея закрытіи будетъ отмѣнено. Но 3 августа въ министерство внутреннихъ дѣлъ были приглашены председатель кассы В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, а, за отсутствіемъ его изъ Петербурга, бывший председатель правленія кассы Я. Н. Колубовскій и секретарь правленія г. Груздевъ, которымъ сен. Крыжановскій объявилъ отвѣтъ председателя совѣта министровъ П. А. Столыпина на докладную записку В. Д. Кузьмина-Караваева. Въ этомъ отвѣтѣ сообщается, что распоряженіе о закрытіи кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ отмѣнено быть не можетъ, но разрѣшается отложить созывъ ликвидационнаго собранія до сентября, въ виду отсутствія изъ Петербурга членовъ правленія и членовъ кассы; вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшается до момента ликвидации продолжать операціи кассы согласно ея уставу, за исключеніемъ операцій по чрезвычайному фонду. Предлагается замѣнить кассу другимъ, однороднымъ учрежденіемъ, причемъ уставъ долженъ быть измѣненъ согласно указаніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Члены кассы, замѣченные въ политической неблагонадежности, должны быть исключены, а члены комиссіи, выдававшей пособія политическимъ, какъ равно и члены правленія въ періодъ 1906—1909 гг., будутъ привлечены къ судебной отвѣтственности. Въ настоящее время правленіе черезъ особо избранную депутацію ходатайствуетъ объ отмѣнѣ закрытія кассы.

Москва, какъ издательскій центръ въ 1908 году. Въ 1908 г. въ Москвѣ выходило 227 повременныхъ изданій, и въ числѣ ихъ 24 ежедневныя газеты. Изъ этихъ 24 ежедневныхъ изданій 7 («Московскія Вѣдомости», «Русскія Вѣдомости», «Голосъ Москвы», «Русское Слово», «Московскій Листокъ», «Раннее Утро» и «Moskauer Deutsche Zeitung») существуютъ до сихъ поръ, а газета г. Глинки-Янчевскаго «Русская Земля» прекратилась въ текущемъ году. Семь названныхъ выше газетъ, издававшихся въ прошломъ году и продолжающихся издаваться въ нынѣшнемъ, за исключеніемъ «Голоса Москвы», существующаго третій годъ, старыя изданія, болѣе или менѣе давно основанныя, но газета «Раннее Утро» издавалась въ прежніе годы подъ другими названіями. Это изданіе г. Казецкаго называлось прежде «Русскій Листокъ» и примыкало къ правому направленію, затѣмъ оно было переименовано въ «Русскій Голосъ», сохранивъ правый характеръ, и, наконецъ, получило названіе «Ранняго Утра», ставъ вмѣстѣ съ тѣмъ органомъ улично-лѣваго типа. Изъ числа газетъ, выходившихъ въ 1908 г. и прекратившихся въ теченіе года, слѣдуетъ отмѣтить, кромѣ «Русской Земли» г. Глинки-Янчевскаго, закрытую по распоряженію администраціи газету «Чась», органъ лѣвыхъ «кадетовъ», и порнографическую газету «Дни и Ночи», прекратившуюся добровольно. Въ теченіе 1908 года былъ сдѣланъ цѣлый рядъ попытокъ прivity и развитъ въ Москвѣ порнографическую періодическую печать. Къ числу такихъ изданій, кромѣ «Дней и Ночей», надо отнести журналъ—«Пикантную Библіотеку», пріостановленный администраціей, «Новобрачную Газету» и журналъ «Мужчина и женщина». Два послѣднія изданія также были прекращены въ административномъ порядкѣ. Изъ числа возбужденныхъ московскимъ комитетомъ противъ повременныхъ изданій 28 судебныхъ дѣлъ 14 было

возбуждено по 129 ст. уг. ул. 1903 года, т. е. за возбужденіе къ ниспроверженію существующаго общественнаго строя, и 8—по 1.001 ст. ул. о нак., т. е. за нарушеніе правил нравственности и благопристойности. Два такіа дѣла возбуждены противъ декадентско-художественныхъ журналовъ «Вѣсы» и «Золотое Руно». Кромѣ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русской Земли» и духовныхъ изданій, въ Москвѣ въ 1908 году выходили слѣдующія изданія праваго направленія: «Вѣче», «Русскій Стягъ», «Кремль» (Д. И. Иловайскаго), «Голось Русскаго», «Вѣстникъ кружка дворянъ», «Стрѣлецъ» и «Старая Москва». Послѣднее изданіе добровольно прекратилось въ 1909 году. Всѣхъ неповременныхъ изданій (книгъ, брошюръ и листовъ) въ 1908 году зарегистрировано въ Москвѣ 5.123 названія. Въ числѣ этихъ 5.123 названій есть изданія, вышедшія не въ Москвѣ, а въ ближайшихъ къ ней городахъ, но такихъ изданій немного, и можно считать, что въ Москвѣ вышло въ 1908 году до 5.000 названій неповременныхъ изданій. Изъ числа этихъ 5.123 изданій—717 народныхъ, 379 научныхъ, 40 богословскихъ, остальные—преимущественно беллетристическаго, справочнаго и дѣловаго (отчеты и уставы) содержанія. Въ 1908 году значительно сократилось по сравненію съ предыдущими ближайшими годами количество дешевыхъ политическихъ и социальныхъ агитаціонныхъ брошюръ и увеличилось число книгъ историческаго содержанія. Послѣднее обстоятельство объясняется замѣтнымъ расширеніемъ свободы печати въ силу дѣйствующихъ теперь законовъ о печати въ исторической области. Московскимъ комитетомъ по дѣламъ печати въ 1908 году было возбуждено по неповременной печати 76 дѣлъ по 129 и 73 статьямъ уг. ул. 1903 года, т. е. за возбужденіе къ ниспроверженію существующаго общественнаго строя и за кощунство, а также по 1.001 ст. уг. о нак., т. е. за нарушеніе правилъ нравственности и благопристойности. Въ неповременной печати въ 1908 году, какъ и въ повременной, что отмѣчено выше, дѣлались попытки привить порнографію. Пропаганда безнравственности иногда пыталась прикрываться флагомъ научности: подъ этимъ флагомъ пропагандировалась мысль о необходимости ознакомленія дѣтей съ явленіями половой жизни и подъ тѣмъ же флагомъ была предпринята «обществомъ русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова» пресловутая «школьная анкета». Изданные въ цѣляхъ этой анкеты листки были арестованы въ административномъ порядкѣ.

Юбилей Ѳ. А. Витберга. 1-го сентября 1909 года исполняется 40 лѣтъ педагогической и литературной дѣятельности Ѳедора Александровича Витберга. Ѳедоръ Александровичъ—потомственный дворянинъ, сынъ извѣстнаго архитектора-академика Александра Лаврентьевича Витберга, автора проекта храма Христа Спасителя въ Москвѣ на Воробьевыхъ горахъ. Родился онъ 7 мая 1846 года въ Петербургѣ. По смерти матери въ 1852 году и отца въ 1855 году Ѳ. А. остался сиротой, и судьбою его распоряжался давнишній другъ семьи Витберговъ—президентъ медико-хирургической академіи П. А. Дубовицкій. Ѳедоръ Александровичъ былъ помѣщенъ сперва въ частный пансіонъ И. А. Неземнова; въ этой прекрасной семьѣ онъ жилъ, какъ родной сынъ, кончилъ курсъ гимназіи и разстался съ нею, когда поступилъ въ университетъ. Воспитываясь въ 3-й гимназіи, Ѳедоръ Александровичъ имѣлъ счастье подпасть подъ нравственное вліяніе такой свѣтлой личности, какъ Владимиръ Яковлевичъ Стоюнинъ,

который развилъ въ немъ любовь къ литературной и педагогической дѣятельности. Фѣдоръ Александровичъ остался ей вѣренъ всѣ сорокъ лѣтъ своей честной, разумной и трудолюбивой работы; по совѣту В. И. Стоюнина, по окончаніи курса въ гимназіи Фѣдоръ Александровичъ поступилъ на историко-филологическій факультетъ петербургскаго университета. Лекціи профессоровъ Срезневскаго, Сухомлинова, Ламанскаго, Миллера, Вестужева и друг., а также заботливое, отеческое попеченіе о немъ его воспитателя И. А. Неземнова, человѣка литературно-образованнаго, и вполне сердечное къ нему отношеніе его преподавателя В. Я. Стоюнина образовали въ Фѣдорѣ Александровичѣ Витбергѣ прекрасныя качества дѣйствительнаго педагога-преподавателя съ значительнымъ запасомъ знаній, правильнаго и гуманнаго отношенія къ своимъ ученицамъ и ученикамъ. Эти отношенія не измѣнились въ теченіе всего періода его дѣятельности и стяжали ему славу прекраснаго, добраго человѣка, хорошаго, честнаго товарища и лучшаго преподавателя. За свѣдѣніями къ его опыту, его памяти и обширному собранію его библіотеки обращается немало тружениковъ литературы и науки, всегда получая точный, почти законченный отвѣтъ и даже матеріалы. Фѣдоръ Александровичъ не только никому не отказываетъ подѣлиться своими знаніемъ, опытомъ и матеріалами, но дѣлаетъ это съ особою тщательностью и увлеченіемъ, всегда говоритъ: «Я счастливъ, когда могу доставить то, что нужно для успѣшной литературной и научной работы». По окончаніи университетскаго курса въ 1869 г., Фѣдоръ Александровичъ поступилъ на службу воспитателемъ въ училище Человѣколюбиваго общества, гдѣ, пробывъ не болѣе года, былъ уже приглашенъ въ гатчинскій Николаевскій сиротскій институтъ и здѣсь съ 1-го сентября 1870 года основался прочно, занимая послѣдовательно должности: младшаго воспитателя, преподавателя русскаго языка, словесности и исторіи, старшаго воспитателя и, наконецъ, инспектора классовъ. Въ іюль 1888 года, послѣ 18-лѣтняго служенія въ одномъ и томъ же учрежденіи, усвоивъ себѣ всѣ приемы педагогической техники на практикѣ, Фѣдоръ Александровичъ вышелъ въ отставку и переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ занялся только преподаваніемъ русскаго языка и словесности въ разныхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ теченіе 40-лѣтней дѣятельности Ф. А. Витбергъ преподавалъ въ училищѣ Человѣколюбиваго общества, въ гатчинскомъ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ, Николаевской инженерной академіи и училищѣ, женскомъ педагогическомъ институтѣ, на интендантскихъ курсахъ, въ институтахъ: Смольномъ, Николаевскомъ и Елисаветинскомъ, въ гимназіяхъ: Стоюниной, Лохвицкой-Скалонъ, въ реальномъ училищѣ Я. Гуревича и въ обществѣ «Маякъ». Литературная дѣятельность Ф. А. Витберга началась съ 1875 года. За инициативу и устройство Тургеневской выставки, а также за составленіе прекраснаго литературно-обработаннаго каталога этой выставки императорская академія наукъ присудила Ф. А. Витбергу золотую медаль имени А. С. Пушкина. Почетательницы и ученицы Осдора Александровича во главѣ съ Наталіей Модестовной Ратьковой-Рожновой основали первое единственное въ Россіи 4-классное учебное заведеніе имени Ф. А. Витберга.

Новый почетный гражданинъ Петербурга. Въ засѣданіи городской думы 12 августа единогласно рѣшено избрать почетнымъ гражданиномъ Петербурга старѣйшаго гласнаго думы М. М. Стасюлевича, въ продолженіе 28 лѣтъ безъ

у стали работавшаго на пользу города. До сихъ поръ званіе почетнаго гражданина Петербурга присвоено было только принцу А. П. Ольденбургскому. Вторымъ избранникомъ является М. М. Стасюлевичъ. Вопросъ объ избраніи его почетнымъ гражданиномъ столицы Россіи возбужденъ былъ 36 гласными, подавшими въ думу слѣдующее заявленіе: «Въ сегодняшнемъ засѣданіи на разсмотрѣніе городской думы вносится поддержанное городскою управою предложеніе комиссіи по народному образованію о чествованіи М. М. по случаю исполняющагося 25-ти-лѣтія его дѣятельности въ составѣ комиссіи. Всецѣло поддерживая это предложеніе, мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе городской думы на то, что нравственный ея долгъ не ограничиться предлагаемыми способами чествованія, но и расширить ихъ предѣлы. Помимо высокопросвѣщенной и плодотворной работы въ наиболѣе ему близкой области заботъ городского управленія о развитіи народнаго образованія, М. М., въ продолженіе 28 лѣтъ непрерывно состоя гласнымъ городской думы, постоянно принималъ живѣйшее участіе въ разрѣшеніи различныхъ важнѣйшихъ вопросовъ и по другимъ отраслямъ городского хозяйства и своими обширными познаніями и многолѣтнимъ опытомъ немало содѣйствовалъ успѣшному и соответствующему интересамъ населенія направленію городскихъ дѣлъ. Многократно уже свидѣтельствуя М. М. свое глубокое уваженіе и признательность по случаю различныхъ знаменательныхъ годовщинъ его общественной, ученой и литературной дѣятельности, городская дума въ засѣданіи 4-го октября 1906 г. признала нужнымъ поручить соединенному присутствію городской управы и комиссіи по народному образованію выработать и представить городской думѣ соображенія о тѣхъ мѣрахъ, которыми могло бы быть со стороны городского управленія ознаменовано исполнившееся въ томъ году 40-лѣтіе общественно-литературной дѣятельности М. М. Докладъ во исполненіе этого постановленія думы до сихъ поръ не представленъ, и городская дума остается въ долгу передъ М. М. по осуществленію единодушно выраженаго ею желанія достойно ознаменовать сорокалѣтіе общественно-литературной дѣятельности М. М. Позволяемъ себѣ думать, что вновь наступающій юбилей просвѣщенной дѣятельности М. М., посвященной уже всецѣло дѣлу народнаго образованія, въ сферѣ заботъ о немъ городского общественнаго управленія, налагаетъ на городскую думу обязанность почитать М. М., какъ гласнаго думы, актомъ признательности и уваженія, выходящимъ изъ рамокъ общепринятыхъ въ городской думѣ юбилейныхъ чествованій. Поэтому мы имѣемъ честь предложить городской думѣ, въ воздаяніе выдающихся заслугъ М. М. за время его двадцативосьмилѣтняго нахождения въ составѣ гласныхъ, избрать М. М. почетнымъ гражданиномъ С.-Петербурга.» Гласные привѣтствовали это заявленіе дружными аплодисментами. Рѣшеніе принято единогласно. Вновь избранному почетному гражданину Петербурга будетъ поднесенъ адресъ отъ имени всей думы. Кромѣ того, по предложенію комиссіи по народному образованію, рѣшено: 1) назвать одно изъ открытыхъ мужскихъ 4-классныхъ училищъ именемъ М. М. Стасюлевича; 2) поставить въ помѣщеніи комисіи масляными красками написанный портретъ юбиляра, и 3) ассигновать по 1,000 р. въ годъ на назначеніе стипендіи имени М. М. въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ городскихъ 4-классныхъ училищахъ,

а также въ профессиональныхъ школахъ, предоставивъ распредѣленіе этихъ стипендій и стипендіатовъ, преимущественно изъ числа бывшихъ учащихся въ городскихъ начальныхъ училищахъ, комисіи по народному образованію по соглашенію съ М. М. Стасюлевичемъ.

Открытіе памятника ген.-ад. гр. Тотлебену. Въ Севастополь открытъ памятникъ одному изъ славнѣйшихъ севастопольскихъ героев—ген.-ад. графу Тотлебену. Памятникъ этотъ, увѣковѣчивающій память не только о графѣ Тотлебенѣ, но и о доблести сухопутныхъ и морскихъ войскъ, защищавшихъ Севастополь, является однимъ изъ звеньевъ цѣлой серіи севастопольскихъ памятниковъ, уже увѣковѣчившихъ память безсмертныхъ героев Нахимова и Корнилова. Памятникъ представляетъ собою гигантскаго роста статую героя, поставленную на высокомъ пьедесталѣ. Внизу—превосходно скомпанованная военная сцена изъ жизни оборонявшейся крѣпости. Лицо графа Тотлебена удивительно выгѣплено. Выраженіе лица схвачено неподобно. Таковы, впрочемъ, всѣ скульптурно-монументальныя работы покойнаго академика-скульптора И. Е. Шредера, который въ своихъ работахъ всегда старался быть какъ можно ближе къ дѣйствительности, передавать точно фигуры и лица тѣхъ, кого онъ лѣпилъ, стремясь быть реалистомъ и не идеализировать. Таковы имъ же выгѣпленные памятники Нахимову и Корнилову, таковы памятники принцу П. Г. Ольденбургскому передъ Маріинской больницей, адмиралу Крузенштерну на Васильевскомъ островѣ, императрицѣ Екатеринѣ II въ Царскомъ Селѣ, императорамъ Петру Великому и Александру II въ Петрозаводскѣ, наконецъ, извѣстный бюстъ Пржевальскаго съ его верблюдомъ въ Александровскомъ саду. Всѣ они отличаются удивительно схваченными и характерными позами, какъ нельзя болѣе напоминающими лицъ, изображенныхъ имъ. Покойный талантливый художникъ-скульпторъ отличался удивительной скромностью и не ставилъ своего имени на выполненныхъ имъ работахъ. Поэтому мало кто знаетъ автора этихъ удивительныхъ памятниковъ, мало кто знаетъ, что именно имъ сдѣланы художественныя статуи Суворова и Кутузова въ главномъ штабѣ, конная статуя фельдмаршала Гурко въ пажескомъ корпусѣ, 12 бюстовъ севастопольскихъ героевъ для императорскаго историческаго музея въ Москвѣ, бюсты Менделѣва, Бергенсона и друг., десятокъ статуй для памятника тысячелѣтія Россіи.

НЕКРОЛОГИ.

АЛЕКСАНДРЕНКО, В. Н. Русская наука понесла крупную утрату в лицѣ скончавшагося профессора международного права въ варшавскомъ университетѣ Василя Никифоровича Александренко. Покойный былъ знаткомъ консульскаго права и восточнаго вопроса. Скончался 18-го іюля отъ рака въ желудкѣ. Питомецъ петербургскаго университета, В. Н. послѣ окончанія его въ 1885 году, обративъ вниманіе покойнаго А. Д. Градовскаго, занялся изученіемъ парламентскаго строя въ Западной Европѣ и посѣтилъ Англию, гдѣ собралъ источники для своей магистерской диссертациі, сданной въ 1891 году, — «Английскій тайный совѣтъ». Съ 1892 года занялъ освободившуюся кафедру международного права въ варшавскомъ университетѣ. Въ 1899 году получилъ званіе доктора, защитивъ диссертацию «Русскіе дипломатическіе агенты въ Лондонѣ въ XVIII вѣкѣ». Покойный былъ неутомимый работникъ и человекъ горячаго увлеченія и разносторонней научной дѣятельности. Его труды обращали вниманіе также заграничной критики. Къ таковымъ относятся: «Реляціи князя А. Д. Кантемира изъ Лондона», 1903 г. Крупный вкладъ въ науку международныхъ отношеній представляютъ «Очерки внѣшнихъ сношеній Японіи съ иностранными державами», 1904 г. Въ «Русской Старинѣ» въ 1907 году пространная статья «Россия и Англія въ началѣ царствованія Николая I». Послѣдній большой трудъ: «Европейскія державы и Польша въ началѣ XIX вѣка (1807—1815)», 1908 г. Въ теченіе многихъ лѣтъ В. Н. состоялъ также редакторомъ «Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстій». Рядъ различныхъ статей печатался въ «Варшавскомъ Дневникѣ». Въ «Новомъ Времени» два года тому В. Н. указалъ на найденные имъ новые источники о спорной личности, извѣстной въ русской исторіи подъ именемъ перваго самозванца. Весной, послѣ побѣдки въ Берлинѣ для врачебнаго совѣта, В. Н. покинулъ Варшаву, чтобы больше въ нее не возвратиться. Умеръ въ уѣздномъ городѣ Прилукахъ, Полтавской губерніи, 48 лѣтъ отъ роду.

† **Бѣлкинъ, А. С.** 17 іюля въ Берлинѣ скончался приватъ-доцентъ московскаго университета по кафедрѣ философіи А. С. Бѣлкинъ, недавно назначенный завѣдующимъ библіотекой государственной думы. По своимъ философскимъ взглядамъ покойный, подобно учителю своему М. М. Троицкому, принадлежалъ къ школѣ англійской эмпирической философіи. Эту точку зрѣнія онъ проводилъ и въ своихъ университетскихъ курсахъ (по психологіи, логикѣ), и въ засѣданіяхъ психологическаго общества, гдѣ долгое время былъ секретаремъ, и какъ редакторъ философскаго отдѣла «комиссіи по организаціи домашняго чтенія». Составленная имъ программа домашняго чтенія по философскимъ вопросамъ выдержана строго въ духѣ англійскаго эмпиризма. Въ послѣдніе годы покойный А. С. Бѣлкинъ занимался много политической дѣятельностью. Онъ примкнулъ къ «союзу 17-го октября», былъ членомъ и товарищемъ председателя центрального комитета союза, принималъ дѣятельное участіе въ организаціи и редактированіи органа партіи «Голоса Москвы». При выборахъ въ государственную думу А. С. Бѣлкинъ выступалъ кандидатомъ отъ своей партіи. На послѣднихъ городскихъ выборахъ покойный былъ избранъ гласнымъ московской думы, а нынѣшнимъ лѣтомъ получилъ назначеніе на мѣсто завѣдущаго библіотекой государственной думы. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1909 г., № 168).

† **Ведровъ, С. В., профессоръ.** 18 іюля скончался заслуженный профессоръ петербургскаго университета и лѣснаго института Сергѣй Владимировичъ Ведровъ. Сынъ профессора-историка В. М. Ведрова, позже состоявшаго цензоромъ петербургскаго комитета († 1892 г.), покойный родился 7 декабря 1855 года въ Петербургѣ, но воспитывался въ 5-й московской гимназіи, изъ которой выпущенъ съ золотой медалью (1872 г.). Свое высшее образованіе онъ получилъ на юридическомъ факультетѣ петербургскаго университета (1872—1876 гг.), гдѣ за сочиненія на заданныя темы удостоенъ трехъ медалей и оставленъ для приготовленія къ профессорскому званію. По защитѣ магистерской диссертациі (1878 г.) и командировкѣ за границу, молодой ученый съ 1879 года занялъ кафедру полицейскаго права въ родномъ университетѣ и въ училищѣ правовѣдѣнія (съ 1881 г.), а также состоялъ профессоромъ лѣсныхъ и межевыхъ законовъ въ лѣсномъ институтѣ. Ему принадлежали слѣдующіе труды: «О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ» («Чтенія» въ императорскомъ обществѣ исторіи, 1876 г., кн. 2), «О лѣсоохраненіи по-русскому праву», магистерская диссертациія (Спб., 1878 г., IV+224 стр.), «О техническомъ образованіи въ народныхъ школахъ во Франціи» (Спб., 1879 г.) и «Воспоминаніе объ И. Е. Андреевскомъ» («Русская Старина», 1891 г., кн. 8). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1909 г., № 171).

† **Орловскій, И. И.**¹⁾ Не везетъ русской провинціи въ томъ отношеніи, что уходятъ, гибнуть на нашихъ глазахъ лучшія ея научныя, культурныя силы, которыя всѣ тамъ наперечеть. 17 іюня скончался въ Смоленскѣ послѣ двухдневныхъ страданій, отъ болѣзни, вызванной постояннымъ переутомленіемъ и разными житейско-служебными невзгодами, Иванъ Ивановичъ Орловскій, товарищъ председателя смоленской ученой архивной комиссіи,

¹⁾ Настоящій некрологъ доставленъ редакціи А. Жиркевичемъ.

членъ-сотрудникъ императорскаго московскаго археологическаго общества, дѣйствительный членъ разныхъ другихъ ученыхъ обществъ и пр. Имя это едва ли хорошо извѣстно широкой читающей публикѣ; но оно неразрывно связано со Смоленскомъ, Смоленской губерніей, пользуясь тамъ большой популярностью. Покойный, сынъ сельскаго священника, родился 29 іюля 1869 года, воспитаніе получилъ въ смоленской семинаріи и московской духовной академіи, которую блестяще окончилъ въ 1893 году кандидатомъ богословія. Назначенный въ слѣдующемъ же году на должность преподавателя исторіи и географіи въ смоленское епархіальное женское училище, И. И. до конца жизни трудился въ училищѣ, гдѣ оставилъ по себѣ свѣтлую память, какъ выдающійся педагогъ, любящій юншество и, въ свою очередь, имъ любимый. Уроженецъ Смоленской губерніи, покойный съ ранней молодости всѣ силы свои, всѣ недюжинныя способности беззаветно, убѣжденно отдалъ городу Смоленску, Смоленской губерніи, родному селу Даниловичамъ (Ельнинскаго уѣзда). Въ Даниловичахъ имъ было положено начало пожарной дружинѣ, библиотекѣ, читальнѣ для народа и множеству другихъ культурныхъ начинаній, на которыя не щадилъ онъ ни скудныхъ средствъ своихъ, ни своего здоровья. Будучи основательнымъ знатокомъ смоленской старины, фанатическимъ охранителемъ ея отъ гибели, разрушенія, равнодушія общества, покойный съ 1903 года выпустилъ въ свѣтъ болѣе 20 книгъ и брошюръ историческаго содержанія, исключительно по Смоленской губерніи, составилъ краткій каталогъ смоленскаго городского музея, произвелъ множество археологическихъ раскопокъ, описаній, снимковъ, изслѣдованій и т. п. Послѣднимъ же крупнымъ печатнымъ трудомъ его явилась книга «Краткая географія Смоленской губерніи», изданная въ 1908 году. Вообще научнымъ и житейскимъ девизомъ покойнаго было: «Все для родного Смоленска». Придавая большое значеніе мѣстной печати, какъ распространительницѣ полезныхъ знаній по провинціи, И. И. помѣщалъ значительное количество своихъ трудовъ въ мѣстныхъ газетахъ, а также въ памятныхъ книжкахъ по Смоленской губерніи, ежегодно издаваемыхъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, энергично популяризируя въ послѣднихъ историческія свѣдѣнія о прошломъ города Смоленска. Немногіе напечатанные имъ рассказы (какъ, напримѣръ, «Авдотки», «Пасхальные огни», «Въ Смоленскѣ, на Смядыни (изъ путевыхъ впечатлѣній)», «На скромномъ посту» и др.), ярко свидѣтельствуя о выдающемся литературномъ дарованіи покойнаго, указываютъ на то, что изъ него вырабатывался замѣчательный писатель-народникъ. Той же Божьей искрой природнаго таланта отмѣчены и нѣкоторыя его стихотворенія, никогда не увидѣвшія свѣта. Научно-историческія изслѣдованія Ивана Ивановича отличаются удивительнымъ трудолюбіемъ, добросовѣстностью въ отношеніи собиранія, систематизаціи матеріала, его освѣщенія, огромнымъ запасомъ свѣдѣній и подкупающей читателя любовью автора къ предмету его изслѣдованія. Жаль, что, специализировавшись главнымъ образомъ на Смоленской губерніи, не успѣлъ выйти покойный на болѣе широкую, научную дорогу, для которой у него имѣлись всѣ данныя. Кромѣ мѣстныхъ, смоленскихъ газетъ, И. И. сотрудничалъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», «Русской Старинѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Новомъ Времени», «Русскомъ Паломникѣ» и другихъ изданіяхъ. Трудно было бы перечислить въ этомъ краткомъ некрологѣ всѣ тѣ общества и учрежденія Смоленска, въ которыя вложилъ покой-

ный часть своей души, долю своего труда, энергии, любви къ ближнему, къ преуспѣянію культурныхъ начинаній родного города. Еще труднѣе отмѣтить, чѣмъ обязаны ему смоленскія святыни, смоленская старина—въ смыслѣ ея охраненія, собранія, описанія. Недаромъ слылъ онъ авторитетомъ по этой части, авторитетомъ, къ которому привыкли обращаться за справками и не одни смоляне. Смерть застала Ивана Ивановича за окончаніемъ перваго тома «Смоленской Старины»—сборника смоленской ученой архивной комиссіи, вызваннаго къ жизни, редактированнаго самимъ покойнымъ въ дни, когда силы уже ему измѣняли, но духъ былъ попрежнему бодръ и свѣтелъ. Много задуманнаго, много плановъ новыхъ научныхъ литературныхъ работъ, много никому не переданныхъ при жизни историческихъ свѣдѣній, бытовыхъ данныхъ унесъ онъ съ собою въ могилу. Во время послѣдняго «освободительнаго движенія» И. И. былъ главнымъ сотрудникомъ возникшей въ тѣ дни «Смоленской Газеты»—органа мѣстнаго отдѣла партіи «Свободы и порядка», примыкающей къ «октябристамъ». Трезвое, правдивое, порой полное тонкаго юмора, основанное на прекрасномъ знаніи особенностей мѣстной жизни слово покойнаго, несомнѣнно, сыграло видную роль, какъ противовѣсъ смоленской печати совсѣмъ иного направленія, а фельетоны его на злобы дня, съ характеристиками «освободителей», ихъ подвиговъ пользовались огромной популярностью и въ Смоленскѣ и, что еще важнѣе, въ провинціальныхъ захолустяхъ Смоленской губерніи. Надо замѣтить, что отъ личности И. И. всегда вѣяло особеннымъ обаяніемъ, которое дается лишь людямъ высокой гражданской доблести, чистымъ сердцемъ, всецѣло посвятившимъ себя служенію ближнему. Значеніе И. И. для Смоленска особенно сказалось на его похоронахъ, носившихъ на себѣ отпечатокъ и небывалой торжественности, и неподкупной, искренней скорби. Такъ какъ кончина его случайно совпала съ епархіальнымъ съѣздомъ смоленскаго духовенства, то весь съѣздъ болѣе 60 лицъ и участвовалъ въ отпѣваніи, погребеніи усопшаго, при чемъ духовенство исполняло всѣ пѣнопѣнія, а хоръ пѣвчихъ былъ отпущенъ, несли до могилы гробъ его и проч. Съѣздъ же позаботился о субсидіи на погребеніе осиротѣлой семьѣ и о постоянной пенсіи вдовѣ и пятерымъ малолѣтнимъ сиротамъ: И. И. умеръ нищимъ, не получивъ права на пенсію, и, если бы не милосердіе духовенства, близкіе его уже испытывали бы нужду. Умеръ онъ, свято завѣщавъ братьямъ-смолянамъ бороться до послѣдняго издыханія, по примѣру славныхъ ихъ предковъ, за начала русской государственности, за смоленскія святыни, за родную старину, убѣжденный въ томъ, что погибаетъ народъ, не чтущій своихъ родныхъ могилъ, не знающій исторіи своей родины, равнодушный къ прошлому, не умѣющій черпать изъ этого прошлаго уроки настоящему. Могила И. И. на кладбищѣ смоленскаго женскаго Вознесенскаго монастыря. Смѣло можно предсказать, что къ ней «не зарастетъ народная тропа».

† **Смоленскій, С. В.** 20 іюля неожиданно скончался лучший знатокъ исторіи и теоріи нашего православнаго церковнаго пѣнія—Степанъ Васильевичъ Смоленскій. Почившій, родившійся въ Казани (1848 г.), послѣ гимназическаго воспитанія, прошелъ курсъ юридическаго факультета въ казанскомъ университетѣ, а затѣмъ выдержалъ испытаніе на степень кандидата филологіи и началъ педагогическую дѣятельность въ казанской учительской инородческой семинаріи, гдѣ явился усерднымъ сотрудникомъ незабвеннаго «ревнителя про-

свѣщенія инородцевъ» П. И. Ильминскаго. Еще въ юные годы С. В. сталъ заниматься музыкою, пользуясь уроками казанскаго скрипача Мукка, а знакомство съ семьей Л. О. Львова (брата извѣстнаго композитора) и участіе въ его домашнихъ квартетахъ побудили серьезно изучить музыкальную литературу. Въмѣстѣ съ тѣмъ сближеніе съ казанскими старообрядцами заставило покойнаго обратить особенное вниманіе на старинное церковное пѣніе. Съ этою цѣлью онъ старательно изучилъ древнѣйшія нотныя рукописи богатой Соловецкой библіотеки, находящейся при казанской духовной академіи. Плодомъ такихъ специальныхъ занятій явились, кромѣ «Курса хорового пѣнія» (Казань, 1878 г.), выдержавшаго нѣсколько изданій, такіе цѣнные труды, какъ «Описаніе пѣвческихъ рукописей Соловецкаго книгохранилища» («Православный Собесѣдникъ», 1887 г.) и «Азбука (1667 г.) знаменитаго пѣнія старца Александра Мезенца» (Казань, 1888 г.), причѣмъ впервые подробно изложены особенности такъ называемой «крюковой системы». Такая дѣятельность С. В. обратила на себя вниманіе. Московская консерваторія, послѣ смерти прот. Д. В. Разумовскаго († 1889 г.), пригласила его на кафедру исторіи церковнаго пѣнія, а синодальное вѣдомство поручило ему должность директора въ московскомъ синодальномъ училищѣ. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ (1889—1901 гг.) покойный особенно много потрудился для этого учрежденія: синодальное училище изъ простаго духовнаго четырехкласснаго заведенія стало специальною «пѣвческою консерваторіей» съ обширною программой по теоретическимъ и инструментальнымъ музыкальнымъ предметамъ; оно получило право выпускать специально подготовленныхъ регентовъ и учителей церковнаго пѣнія для духовныхъ семинарій; кромѣ того, при синодальномъ училищѣ было положено основаніе библіотекъ старинныхъ нотныхъ рукописей, собранныхъ покойнымъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи и имѣющихъ большой научный интересъ. Еще важнѣе была забота покойнаго, какъ директора синодальнаго училища, поднять и направить церковную музыку въ смыслъ разработки чисто-русскаго обиходнаго пѣнія въ противовѣсъ укоренившейся итальянской манерѣ. Для этого онъ издалъ при «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» свое переложеніе для мужскаго хора, подъ названіемъ: «Главнѣйшія пѣснопѣнія Божественной литургіи, молебнаго пѣнія, панихиды и всенощнаго бдѣнія». Наконецъ, съ половины 1901 года С. В. былъ назначенъ на должность управляющаго высшимъ въ Россіи духовно-пѣвческимъ институтомъ, какимъ является придворная капелла, но пробылъ въ этой должности только шесть лѣтъ. Съ 1 октября 1907 года онъ открылъ, подъ вѣдѣніемъ св. синода, регентское училище и почти до кончины неустанно работалъ въ излюбленной области; такъ, еще недавно имъ была напечатана статья: «Къ вопросу о постановкѣ преподаванія церковнаго пѣнія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Россіи» («Церковныя Вѣдомости» 1909 г., №№ 7 и 10). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1909 г., № 169).

† **Суворовъ, Н. С.** 6 августа сошелъ въ могилу извѣстный русскій канонистъ, профессоръ церковнаго права въ московскомъ университетѣ, Николай Семеновичъ Суворовъ. Покойный по своему происхожденію принадлежалъ къ духовному званію: онъ родился въ Костромской губерніи (1848 г.) среди семьи сельскаго дьякона и послѣ домашней подготовки воспитывался въ костромской духовной семинаріи, изъ которой, по окончаніи курса (1868 г.), поступилъ на

юридическій факультетъ петербургскаго университета. Выпущенный изъ послѣдняго кандидатомъ (1872 г.) и затѣмъ оставленный при университетѣ для усовершенствованія въ наукахъ, Н. С. черезъ пять лѣтъ приобрѣлъ степень магистра церковнаго законовѣдѣнія (10 апрѣля 1877 г.) и занялъ каѳедру каноническаго права въ Демидовскомъ юридическомъ лицей (съ іюня 1877 г.). Съ той поры началась оживленная учено-литературная дѣятельность почившаго: изъ-подъ его пера выходила вереница статей и изслѣдованій, посвященныхъ церковно-юридическимъ вопросамъ и напечатанныхъ въ «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ», «Юридическомъ Вѣстникѣ», болѣе же всего—во «Временникѣ» Демидовскаго лицея. Съ полученіемъ же степени доктора церковнаго права (1 декабря 1884 г.) Н. С. становится ординарнымъ профессоромъ лицея и заступающимъ должность директора. Многочисленные научные труды и двадцатилѣтнее лицейское преподаваніе создали Н. С. почетную извѣстность, такъ что, по кончинѣ знаменитаго профессора Алексѣя Степановича Павлова († 16 августа 1898 г.), онъ былъ назначенъ на опустѣвшую каѳедру церковнаго права въ московскомъ университетѣ и свыше десяти лѣтъ являлся достойнымъ преемникомъ прославленнаго канониста. Кромѣ университета, имъ читались лекціи въ императорскомъ лицейъ цесаревича Николая, а въ послѣднее время ему пришлось выступать энергичнымъ дѣятелемъ въ предсоборномъ присутствіи. Къ печатнымъ трудамъ Н. С., кромѣ статей и переводовъ, относились слѣдующія отдѣльныя изданія: «О церковныхъ наказаніяхъ» (Спб. 1876 г.), «Объемъ дисциплинарнаго суда и юрисдикціи церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ» (Ярославль, 1884 г., и второе изданіе—Москва, 1906 г.), «Къ вопросу о тайной исповѣди и о духовникахъ въ восточной церкви» (Ярославль, 1886 г., и второе изданіе—Москва, 1906 г.), «О происхожденіи и развитіи русскаго раскола» (Ярославль, 1886 г.), «О гражданскомъ бракѣ» (Ярославль, 1887 г. и второе изданіе—Спб., 1896 г.), «Слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права» (Ярославль, 1888 г.), «Вѣра и дѣла» (Ярославль, 1889 г.), «Христіанская благотворительность въ языческой Римской имперіи» (Ярославль, 1889 г.), «Курсъ церковнаго права» (Ярославль 1889—1890 гг., два тома), «Объ юридическихъ лицахъ по римскому праву» (Ярославль, 1892 г.; второе изданіе—Москва, 1900 г.), «Къ вопросу о западномъ вліяніи на древне-русское право» (Ярославль, 1893 г.), «Учебникъ церковнаго права» (Ярославль, 1898 г.; второе изданіе—Москва, 1902 г.), «Средневѣковые университеты» (Москва, 1898 г.), «Вопросъ о номоканонѣ Іоанна Постника въ новой обстановкѣ» (Ярославль, 1898 г.), «Памяти А. С. Павлова» (Спб., 1899 г.), «Византійскій папа» (Москва, 1902 г.), «Вѣроятный составъ древнѣйшаго исповѣднаго и покаяннаго устава въ восточной церкви» (Спб., 1902 г.). Изъ послѣднихъ же работъ покойнаго намъ извѣстны: «Къ исторіи нравственнаго ученія въ восточной церкви» («Византійскій Временникъ», 1903 г.), «О Византійской имперіи—сочиненіе Гренъе» (тамъ же, 1905 г.) и «Псковское церковное землевладѣніе въ XVI и XVII вѣкахъ» («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1905 г., кн. 12; 1906 г., кн. 4, 5, 7, 8; 1907 г., кн. 6 и 7). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1909 г., № 181).

садъ на веранду; она сама притворила окна и внутренніе ставни, но не заперла задвижекъ. За дверью, ведущей въ спальню, скрытаеюй штофной драпировкой, какъ и за массивными рѣзными дверьми, ведущими въ цѣлый рядъ парадныхъ комнатъ, все было тихо. Въ саду царствовало полное безмолвіе.

Изъ дальнихъ концовъ дворца-виллы сначала слышалось обычное движеніе, изрѣдка долетали человѣческіе голоса; мало-по-малу все стихло. А онъ все еще не появлялся. До нѣкоторой степени она считала замедленіе благоразумной съ его стороны осторожностью, а потомъ начала волноваться. Она поднялась съ кресла, остановилась передъ огромнымъ венеціанскимъ трюмо и полюбовалась своей дѣйствительно эффектной, привлекательной наружностью.

— Нѣтъ, я напрасно тревожусь,—самодовольно подумала она.— Онъ не можетъ меня не любить. Это просто глупо съ моей стороны ревновать къ какой-то дѣвочкѣ-простушкѣ. Остерегался приходить потому, что дѣйствительно было неудобно въ Кастельветрано.

Она приблизилась къ ставнѣ, сквозь щель взглянула въ садъ, и ея сердце забилось: къ верандѣ беззвучно приближалась тѣнь стройнаго мужчины. Она пріотворила ставню, Рикардо вошелъ въ комнату.

— А, наконецъ-то!—воскликнула она, едва сдерживая радостный крикъ.—Ты мой! Что мнѣ за дѣло до всего остального!

Въ этотъ моментъ никто не узналъ бы въ Каролинѣ властной, тщеславной королевы, безраскаянно ненавидѣвшей все, что ей становилось поперекъ дороги, и не задумываясь пролившей столько крови. Въ этотъ моментъ это была красавица, вся трепетавшая страстью, женщина, которая за часъ любви могла бы броситься въ бездну и погибнуть.

— Иди, иди ко мнѣ, милый, любовь моя!—шептала она, плотно заперевъ окна на веранду, привлекая его въ свои объятія.

Но онъ не отвѣчалъ восторгомъ на ея восторгъ. Онъ былъ задумчивъ, почти мраченъ.

— Что же съ тобой?—продолжала она, еще крѣпче прижимая его къ своей груди.—Развѣ ты не радъ?.. Я, видишь ли, все забыла. Все!.. Не хочу ни о чемъ думать. Только о тебѣ одномъ... Сколько бессонныхъ ночей я провела безъ тебя... Однако, что же съ тобой?..

— Я боюсь,—отвѣчалъ онъ, видимо напряженно прислушиваясь ко всякому шороху.

— Боишься! Ты, который никогда не зналъ страха. Мой бѣдный Нельсонъ¹⁾ говаривалъ, что не знаетъ, изъ чего дѣлается страхъ.

¹⁾ Англійскій адмиралъ, герой Трафальгара. Въ первыхъ годахъ XIX вѣка, послѣ возвращенія въ Неаполь (1799 г.) Фердинанда и Каролины подъ покровительствомъ кардинала Руффо, Нельсонъ, команду англійской эскадры, помогалъ Каролинѣ давить остатки революціи. Онъ былъ весьма близокъ къ королевѣ.

Прим. пер.

— Я не за себя боюсь, а за васъ.

— За меня?

— Тихе, — воскликнулъ онъ и словно окаменѣлъ, прислушиваясь. — Въ паркѣ есть люди...

— Да нѣтъ же, вздоръ. Теперь всѣ давно спятъ... Да и кто посмѣетъ переступить порогъ моихъ комнатъ.

Онъ не выходилъ изъ своей задумчивости.

— Ты просто не любишь меня больше... Не любишь! — воскликнула Каролина, по своему характеру быстро переходившая отъ одного настроенія къ другому, противоположному. — Не любишь. Такъ зачѣмъ же ты пришелъ? Чтобъ насмѣяться надо мной. Можетъ быть, и ты называешь меня тигрицей?.. Да, когда было нужно, я не одну голову отправила на плаху... Берегись! Моя любовь можетъ обратиться въ ненависть. Ты, какъ многіе, считаешь меня униженной, обезсиленной... Увидимъ, берегись!..

— Вы для меня всегда были и будете моей государыней, — возразилъ онъ почти разсѣянно, потому что еще напряженнѣе прислушивался къ ночнымъ шорохамъ, которые ему казались слишкомъ внятными въ такую глухую пору.

— Въ эту минуту здѣсь нѣтъ ни государыни, ни королевы. Здѣсь только женщина, которой стало больно отъ твоей холодности, отъ какой-то нерѣшительности твоей. Ты говоришь съ женщиной и долженъ открыть, что у тебя на сердцѣ.

— Въ такомъ случаѣ я долженъ вамъ сказать, что вотъ уже трое-четверо сутокъ, что за мной днемъ и ночью по пятамъ слѣдятъ какіе-то странные люди, и въ Кастельветрано, и сегодня здѣсь, въ Фикуццѣ. Днемъ это какіе-то нищіе, погонщики муловъ, разносчики. Ночью, какъ только выйду изъ дому, я вижу прячущіяся отъ меня въ нѣкоторомъ разстояніи тѣни... Меня они не обманутъ, я вижу, что это ряженые, и полагаю, что шпионы. Я стараюсь быть осторожнымъ. И, признаюсь, сдѣлалъ большую неосторожность, придя теперь сюда... Но я вамъ далъ слово и, кромѣ того, мнѣ казалось необходимымъ предупредить васъ: что-то противъ васъ замышляютъ, государыня... За мной слѣдятъ, имѣя умыселъ противъ васъ... Я—что же! маленькій человѣкъ, до котораго англійскимъ шпионамъ, казалось бы, и дѣла никакого нѣтъ. Дай Богъ, чтобы я ошибался... Но я боюсь, что вамъ грозитъ опасность...

Она слушала, то недовѣрчиво улыбаясь, то хмурясь. Она хорошо понимала, что ея возлюбленный не за себя боится, а за нее, и тѣмъ не менѣе негодовала, что онъ не чуждъ чувству страха. Ей мнилось, что, любя онъ ее въ самомъ дѣлѣ, онъ не поддавался бы тревогѣ и къ ней самой, по крайней мѣрѣ, ни въ какомъ случаѣ не относился бы такъ холодно.

Злоба и оскорбленное самолюбіе боролись въ ея сердцѣ. Рикардо оставался для нея преданнѣйшимъ человѣкомъ, испытанно

вѣрнымъ подданнымъ; принадлежа къ ея политической партіи, онъ, навѣрно, пожертвуетъ жизнью, отстаивая ея интересы, но... но онъ не былъ уже болѣе ея любовникомъ. Она напрягала свои мысли, чтобы придумать исходъ изъ такого тяжелаго положенія. Наконецъ суровымъ, презрительнымъ тономъ сказала:

— Никакой опасности я не боюсь. Вы, можетъ быть, запомнили, что Марія-Христина Австрійская, королева Неаполя и Сициліи, страха никогда не знала?

Она еще не успѣла договорить словъ, какъ изъ-за занавѣски, отдѣляющей спальню отъ уборной, почти вбѣжала Альма въ большемъ волненіи и, почти задыхаясь, словно приказывая, произнесла:

— Спасайтесь, какъ можно скорѣе, спасайтесь!

— Это вы мнѣ устроили ловушку?—съ негодованіемъ отозвалась королева, кидая злобные взгляды то на Альму, то на Рикардо. Ей представилось, что молодые люди искали ея гибели.

— Не мы, а другіе,—вся трепещущая, возразила Альма.—Все равно, спасайтесь. Видите, что у меня и платье разорвано и руки расцарапаны. Меня съ вечера отецъ заперъ въ спальнѣ на замокъ, я этого не знала. Мнѣ было необходимо васъ предупредить... Я не успѣла во время.. Свивъ простыню, я спустилась въ садъ... окно вашей уборной было отперто, камеристки забыли.

Взоръ Рикардо, глубоко нѣжный, любящій взоръ, обратился къ молодой дѣвушкѣ, которая рѣшилась на такой поступокъ ради него, какъ ему мнилось. И онъ не ошибался. Только онъ не зналъ, что любящее его существо, увѣренное, что застанетъ его у королевы, спасало его жизнь, отрекшись отъ возможности принадлежать ему, ибо между ними стояла ея величество.

— Значитъ, я не ошибался, заподозрѣвъ опасность, — тихо произнесъ онъ.

— Берегитесь, если вы оба все это подстроили... Вы знаете, что я умѣю мстить и ни того, ни другого не пощажу!—воскликнула Каролина.

Ея зубы были стиснуты, блѣдныя уста дрожали; глаза были злобны, налиты кровью.

Ранѣе, чѣмъ молодые люди успѣли отвѣтить, слышались какіе-то звуки, суматоха и въ саду и внутри королевской виллы.

— Потрудитесь прислушаться, ваше величество,—гордо кинула Каролинѣ до нельзя оскорбленная ея послѣдними словами ея юная чтица и подруга.

— Неужели же это возможно!—пробормотала королева, объятая и яростью и ужасомъ.

— Пойдите, молчите,—остановилъ ее Рикардо, къ которому въ непосредственной опасности вернулись его обычныя энергія и смѣлость.—Прислушайтесь.

— Ловите, ловите!.. Воръ въ покояхъ ея величества королевы!— кричало нѣсколько голосовъ въ сторонѣ парка, на которую выходила веранда.

— Вы понимаете, государыня, — пояснила Альма: — что подѣ предложомъ изловить вора они хотятъ пробраться въ ваши комнаты.

— Пусть попытаются схватить меня, — отозвался Рикардо: — пробьюсь, хотя бы ихъ были сотни. Мнѣ не впервые...

Онъ обнажилъ свой кинжалъ и приблизился къ двери, ведущей въ садъ. Королева бросилась къ нему; крѣпко ухвативъ за руку, оттащила отъ двери и прошептала:

— Нѣтъ, не нужно... Они не вора ищутъ, а моего любовника.

Теперь она все постигла; ея враги подготовили для нея неминуемый скандалъ. Ей придется покинуть Сицилію; всѣ планы ея рушатся.

— Какъ же, ваше величество, прикажете мнѣ поступить? — спросилъ полковникъ. — Если моя смерть можетъ облегчить ваше положеніе, то я готовъ... Вы можете имъ сказать, что я самъ себя убилъ, желая избѣгнуть позора; что я воръ...

Въ большую входную дверь парадныхъ комнатъ королевы громко постучали, и послышался голосъ мажордома:

— Ваше величество, какой-то дерзновенный осмѣлился проникнуть въ ваши покои... Сובлаговолите отомкнуть дверь, ваше величество!

Она уже успѣла понять, что напрасно обвиняла молодыхъ людей. Не взирая на свою тревогу, она чувствовала ихъ преданность, и была почти тронута ею. Теперь она серьезно взглядывала то на того, то на другого, какъ бы ожидая отъ нихъ совѣта: какъ ей слѣдуетъ поступить?

— Неужели это конецъ всѣмъ моимъ усиліямъ, предпріятіямъ, замысламъ? — прошептала она. — Неужели изгнаніе, поворотъ?

— Во всякомъ случаѣ это позорная смерть для того, кого вы любите, — добавила Альма.

Каролина словно встрепенулась. Раньше она объ этомъ не подумала.

— Что ты сказала? — спросила она.

— Я сказала, — отвѣчала Альма: — что сынъ герцога Фаньяно попадетъ на висѣлицу, какъ воръ и разбойникъ, но не какъ любовникъ вашего величества...

— Я? Ты ошибаешься, дитя мое, — отозвался ея двоюродный братъ: — прежде, чѣмъ я погибну, многимъ придется расплатиться своей жизнью за мою.

— Вы обѣ скройтесь въ сосѣдней комнатѣ, — почти скомандовалъ онъ вслѣдъ за тѣмъ, причемъ лицо его почти преобразилось, это былъ прежній атаманъ калабрійскихъ шаекъ: — мой часъ насталъ, и вы должны мнѣ повиноваться.

— Мы должны спасти королеву,—возразила Альма.

Стучавшіе въ дверь послѣ краткаго промежутка повторили стукъ еще настойчивѣе.

— Да, спасти государыню. Но какъ спасти?—воскликнулъ Рикардо.

— Если ты что-нибудь придумала, Альма, скажи мнѣ: я до гроба не забуду твоей услуги,—сказала королева, въ умѣ которой блеснулъ слабый лучъ надежды.

— Есть единственное средство... Мнѣ оно можетъ стоить моей дѣвической чести, но зато спасетъ добрую славу вашего величества и жизнь его...

Съ этими словами Альма быстро вышла въ пріемныя комнаты и отперла дверь, въ которую давно стучались.

— Что вамъ угодно, господа,—спросила она, обращаясь къ стоявшимъ впереди.

XXIX.

Сердце разбито, но честь спасена.—Фердинандъ IV доволенъ.

Обширная передняя была полна. Крики: «Воры у королевы!» раздававшіеся въ паркѣ, подняли съ постелей тѣхъ, кто не былъ посвященъ въ заговоръ, а посвященные еще вовсе не ложились въ ожиданіи интереснаго, для однихъ желаннаго, для другихъ забавнаго происшествія. Всѣ они сбѣжались къ дверямъ апартаментовъ ея величества.

— Что вамъ угодно, господа?

— Мы ищемъ вора, герцогиня,—объясняли двое-трое изъ предстоящихъ,—можетъ быть, даже убійцу, замышляющаго святотатственное дѣло. Онъ проникъ въ королевскую виллу, чрезъ веранду пробрался на половину государыни. Его видѣли старожа, охраняющіе паркъ.

— Здѣсь нѣтъ никого, кто бы могъ возбуждать подобныя подозрѣнія,—спокойно отвѣчала Альма.

— Да вотъ онъ! Вотъ!—воскликнули нѣсколько голосовъ, указывая на Рикардо, который стоялъ въ дверяхъ за нею. Онъ, пораженный смѣлымъ поступкомъ дѣвушки, послѣдовалъ за нею, когда она пошла отомкнуть дверь.

Затѣмъ толпа придворныхъ и знати, словно побуждаемая непреодолимымъ рвеніемъ, словно жаждавшая только спасти королеву и не имѣвшая времени стѣснять себя строгимъ этикетомъ бургонскаго двора, почти ворвалась чрезъ парадныя комнаты въ комнату Каролины.

У ней подкосились ноги, и она невольно опустилась на кресло. До самаго этого момента она какъ бы находилась подъ внушеніемъ словъ, произнесенныхъ Альмой, хотя и не могла объяснить себѣ

ихъ сути. Однако, увидя передъ собой ворвавшуюся въ ея уборную толпу, она вновь почувствовала себя дочерью нешреклонной Маріи-Терезіи.

— Что вамъ здѣсь нужно, господа?—горделиво спросила она:—мы находимся въ королевскомъ дворцѣ; но, повидимому, вы уже болѣе не считаетесь съ прерогативами короля и королевы.

Эти слова подѣйствовали на большинство придворныхъ. Что бы ни было на умѣ у cadaго изъ нихъ, никто не могъ забыться до непочтительнаго обращенія съ высочайшими особами. Нѣсколько секундъ всѣ молчали. Наконецъ выступилъ впередъ герцогъ Фаньяно и, низко склоняясь предъ государыней, произнесъ:

— Ваше величество, насъ всѣхъ разбудили крики сторожей, на обязанности которыхъ лежитъ охраненіе безопасности и спокойствія нашихъ государя и государыни. Теперь оказывается, что старожа не напрасно подняли тревогу. Лучшее доказательство представляетъ присутствіе этого молодого человѣка. Мы считаемъ нашимъ долгомъ предъ монархомъ и монархиней потребовать отъ него объясненія, зачѣмъ онъ здѣсь находится.

Произнося эти лукавыя слова, старый герцогъ предвкушалъ выгодныя послѣдствія благоволенія къ нему лорда Вентинка. Но въ то же время его весьма смущало появленіе при королевѣ его дочери, которую онъ заперъ въ спальнѣ на ключъ, и былъ увѣренъ теперь, что она давно спитъ.

Рикардо хотѣлъ было отвѣчать, но Альма его предупредила:

— Батюшка,—обратилась она къ отцу:—этотъ человѣкъ мой двоюродный братъ, вашъ родной племянникъ, законный сынъ вашего старшаго брата Томы, герцога Фаньяно.

Среди придворныхъ пробѣжалъ шопоть; озадаченный Фаньяно, блѣдный и сконфуженный, недоумѣло глядѣлъ на дочь. Королева казалось, хотѣла остановить Альму, приподнялась съ кресла, но ту же минуту опустила въ какомъ-то изнеможеніи. Рикардо бровью не моргнулъ, но тоже съ изумленіемъ слѣдилъ за молодой дѣвушкой.

Однако Фаньяно постарался овладѣть собой. Состроивъ любезную ироническую гримасу, которая должна была выражать его проникновеніе въ похвальныя вѣрноподданническія намѣренія дочери снасти государыню, онъ произнесъ среди общаго молчанія:

— Я, твой отецъ, не могу постичь, дитя мое, что тебя побудило высказывать подобныя странныя, невѣроятныя вещи. Во всякомъ случаѣ, чтобы изъ этого проходимца сотворить герцога Фаньяно, недостаточно... недостаточно одного порыва съ твоей стороны, одного желанія твоего. Я понимаю великодушіе, благородство твоего намѣренія; я не могу не радоваться даже возвышенности твоей души и твоей преданности государынѣ... Тѣмъ не менѣе я долженъ сказать тебѣ, что какъ всѣ вотъ эти господа, такъ и я самъ,

мы знаемъ только одного герцога Людовика Фаньяно, настоящаго законнорожденнаго, твоего родителя, моя безцѣнная, добрая, но черезчуръ неопытная дочурка... Наши друзья могутъ подумать, что ты, всегда правдивая и откровенная, прибѣгла ко лжи для того, чтобы...

— Умоляю васъ, батюшка, не продолжайте, — прервала его Альма, понявшая, куда онъ клонить рѣчь.

Затѣмъ, едва сдерживая свое негодованіе, она приблизилась къ толпѣ придворныхъ и, слегка приподнявъ правую руку, твердо, торжественно молвила:

— Клянусь священной памятью моей матери, что этотъ молодой человѣкъ законный сынъ герцога Омы Фаньяно, родного и старшаго брата моего отца. Его покойный отецъ, умирая, призналъ его при свидѣтеляхъ своимъ сыномъ. А вотъ брачное свидѣтельство моего дяди и свидѣтельство о крещеніи его законнаго сына. Эти документы неоспоримо доказываютъ справедливость моихъ словъ. Вамъ, графъ Феррантино, какъ королевскому нотаріусу, я ихъ до-вѣряю и прошу сохранить на случай надобности.

Объяснимъ, какъ эти документы попали въ руки Альмы.

Читатели, вѣроятно, помнятъ, что герцогъ Ома Фаньяно вскорѣ послѣ кончины отца былъ, какъ политическій преступникъ, посаженъ въ тюрьму и приговоренъ къ смерти. Ему удалось убѣжать изъ тюрьмы и пробраться въ родную Калабрию, гдѣ онъ открылся двумъ наипреданнѣйшимъ ему поселянамъ, Кармине и Петру, который намъ знакомъ подъ партизанскимъ прозвищемъ Торо. Въ ту же самую ночь Ома обвинчался. Свидѣтелями, кромѣ патера, совершавшаго таинство, были только Кармине и Петръ Торо. Ома настоялъ, чтобы въ ихъ руки патерь передалъ брачное свидѣтельство. Ихъ же просилъ, какъ только родится у жены ребенокъ, котораго онъ ожидалъ, заставить того же патера окрестить младенца и выдать имъ надлежащее свидѣтельство; хранить оба документа и самый фактъ брака въ тайнѣ до поры до времени. Самъ онъ долженъ былъ немедленно бѣжать во Францію.

Мать Рикардо умерла почти тотчасъ послѣ родовъ, поручивъ ребенка Кармине, который и взрастил его, любя, какъ сына. Отецъ жены Омы Фаньяно, баронъ, сосѣдъ и злѣйшій врагъ всего рода Фаньяно, не могъ даже допустить, чтобъ его дочь была обвинчана съ однимъ изъ этого «отродья». Людовикъ Фаньяно, братъ Омы, унаслѣдовалъ титулъ и помѣстья брата, лишеннаго всѣхъ правъ, бѣжавшаго за границу и, по слухамъ, погибшаго въ Парижѣ на гильотинѣ. Онъ, Людовикъ, отецъ Альмы, многіе годы не подозрѣвалъ, что послѣ Омы остался сынъ; такъ удачно Кармине и Торо обставили появленіе въ домѣ перваго пріемыша не-

извѣстнаго происхожденія. Тѣмъ не менѣе, дабы окончательно быть спокойнымъ, онъ вынудилъ патера, вѣнчавшаго брата, показать ему всѣ церковныя книги. Въ книгахъ этихъ онъ никакихъ слѣдовъ бракосочетанія Ѳомы не нашелъ, потому что робкій сельскій священникъ нарочито ничего туда не вписалъ. Конечно, одержимый боязнью, онъ упорно отрицалъ предъ новымъ герцогомъ, допрашивавшимъ его, что когда-либо вѣнчалъ Ѳому. Кармине и Торо держались такъ осторожно, что подозрѣннѣя Людовика на нихъ не простирались.

Документы всегда хранилъ при себѣ Торо.

Когда Ѳома Фаньяно появился съ французскими войсками на родинѣ послѣ описаннаго нами бѣгства Каролины изъ замка Фаньяно, то онъ узналъ отъ Кармине, что его сынъ живъ, но попалъ въ плѣнъ къ французамъ. Наполеонъ назначилъ Ѳому правительственнымъ комиссаромъ области. Это званіе давало ему возможность видѣть плѣннаго сына, признать его, убѣждать перейти на сторону новаго неаполитанскаго правительства. Но молодой человѣкъ не желалъ нарушить клятву вѣрности, данную бургонской королевѣ, и отказался наотрѣзъ воспользоваться своими наслѣдственными правами, главнымъ образомъ потому, что не желалъ колебать положенія, занимаемаго Альмой. При такихъ обстоятельствахъ отецъ былъ лишенъ возможности воспрепятствовать приведенію въ исполненіе смертнаго приговора, устранить отъ сына участь, которой подвергались всѣ захватываемые французами калабрійскіе партизаны, которыхъ наполеоновское правительство воюющей стороной не признавало.

Приговоръ не былъ исполненъ только потому, что при содѣйствіи Викторіи и Торо Рикардо удалось бѣжать. Онъ пропалъ безъ вѣсти. Его отецъ съ горя умеръ.

Когда два года спустя королева Каролина позвала въ Сицилію «своихъ» калабрійскихъ партизановъ, между ними, какъ мы знаемъ, прибылъ и Петръ Торо, а Рикардо удалось наконецъ, послѣ длиннаго ряда опасныхъ приключеній, явиться также въ Сицилію.

Въ описанную нами ночь, когда королева, направлявшаяся къ партизанамъ, вынуждена была обратиться въ бѣгство, ея конвойные укрылись въ разрушенномъ замкѣ. Туда же попала и Альма и Торо; онъ особенно заботился о дѣвушкѣ, за недѣлю совмѣстныхъ дѣйствій между ними завязались дружескія отношенія. Альма узнала отъ Петра объ отказѣ Рикардо отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ, узнала, что главною причиною отказа была привязанность къ ней ея двоюроднаго брата, и рѣшилась воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ заставить его отмѣнить такое рѣшеніе, или, по крайней мѣрѣ, поставить его въ невозможность отрицать свое происхожденіе. Документы, хранимые столько лѣтъ Петромъ Торо, были переданы ей старикомъ лично, когда конвойные королевы вмѣстѣ съ Альмой скрывались въ развалинахъ.

Альма вручила теперь оба свидѣтельства графу Феррантино, онъ ихъ развернулъ. Остальные присутствовавшіе его окружили, заглядывая черезъ его плечи въ бумаги. Любопытство заставляло забывать въ эту роковую ночь не только объ этикетѣ, но и о приличной скромности: эти старыя бумажонки грозили лишить титула и имущества одного изъ ихъ братьевъ, и виновницей такой катастрофы являлась родная дочь. Самъ Людовикъ Фаньяно старался казаться равнодушнымъ, держался развязно, но это ему плохо удавалось. Всѣмъ была замѣтна охватившая его тревога: онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, и руки его дрожали.

— Моя дочь зашла слишкомъ далеко,—шепталъ онъ несвязно то тому, то другому:—къ чему ведетъ вся эта комедія?.. Все это не можетъ изгладить очевиднаго факта: молодецъ въ покояхъ ея величества объ эту пору!.. Очевидно, воръ...

— Прекрасно. Но чѣмъ вы объясните, какъ попали документы въ руки вашей дочери?

Онъ и самъ не могъ разрѣшить этого вопроса, утѣшалъ себя только надеждой, что вспомнятъ же всѣ наконецъ о главномъ— о скандалѣ, подготовленномъ для королевы. И тогда любопытный эпизодъ съ документами будетъ позабытъ. А тамъ свое-то дѣло онъ ужъ самъ сумѣетъ наладить.

Во время этой сцены лицо королевы хранило выраженіе презрительнаго равнодушія. Въ душѣ она была рада, что общее вниманіе было отвлечено отъ нея самой. Нравы придворной знати были ей хорошо знакомы. Всѣ они слишкомъ возбуждены неожиданностью; они охладѣли уже къ главной цѣли своего вторженія въ ея половину. И ей не трудно будетъ въ удобный моментъ осадить ихъ, поставить на надлежащее мѣсто: стоитъ только произнести нѣсколько величаво внушительныхъ словъ, силу которыхъ она постоянно сознавала.

Въ наполнявшей комнату толпѣ стоялъ до сихъ поръ безмолвно и лордъ Бентинкъ, всемогущій при дворѣ Фердинанда IV англійскій посолъ. Теперь онъ счелъ выгоднымъ продвинуться впередъ и заговорить:

— Полагаю, совершенно неумѣстно разбирать вопросъ о происхожденіи и правахъ незнакомца, попавшаго ночью во дворецъ, и о томъ, откуда онъ появился,—сказалъ англичанинъ.

Общее вниманіе обратилось къ нему, и онъ продолжалъ:

— Важно выяснить только, зачѣмъ этотъ молодой человекъ, съ которымъ, если не ошибаюсь, государственному правосудію придется свести серьезные счеты, зачѣмъ онъ находится въ спальнѣ королевы, куда ночью не можетъ входить никто, кромѣ его величества короля.

Затѣмъ, почитительно склоняясь предъ королевой, онъ обратился къ ней съ вопросомъ:

— Осмѣливаюсь просить ваше величество, соблаговолите сообщить намъ ваше мнѣніе. Съ какимъ намѣреніемъ могъ проникнуть сюда этотъ подозрительный человѣкъ? Покупался ли онъ обокрасть, а можетъ быть и оскорбить ваше величество? Ни у кого изъ насъ и на мысли нѣтъ, чтобы вмѣсто вора онъ оказался...

По лицу королевы можно было видѣть, какая ужасная борьба совершалась въ ея сердцѣ. Глаза ея сверкали, какъ дамаскіе кинжалы.

Предъ ней стоялъ ея заклятый врагъ Бентинкъ, про котораго она всегда говорила, что хотѣла бы его въ ступѣ истолочь. Онъ почтительно до униженія относился къ ней въ эту минуту, но въ его глазахъ она читала торжество. Торжество надъ нею!.. Неужели онъ выигралъ партію? Что она можетъ отвѣтить на его вопросъ? Спаси себя, выдавъ Рикардо? Назвать его воромъ, чтобы не назвать своимъ любовникомъ?

Она поднялась на ноги, хотя онѣ дрожали. И вся она дрожала бесполезнымъ бѣшенствомъ тигрицы, загнанной и окруженной охотниками. Всѣ присутствовавшіе, чувствуя приближеніе кризиса, не шевелились, затаивъ дыханіе. Одинъ Бентинкъ оставался спокоенъ и даже вѣжливо улыбался.

Рикардо стоялъ все это время, тоже не двигаясь. Ему давно хотѣлось помѣряться съ этой толпой лукавыхъ интригановъ. Онъ долго сдерживался, наконецъ потерялъ терпѣнье. Въ немъ проснулась глубокая жалость къ этой затравленной женщинѣ.

— О, Боже мой, — вскричалъ онъ, ринувшись впередъ: — вѣдь это позоръ! Позоръ, что вы, господа, позволяете пришельцу, чужеземцу такъ оскорблять нашу государыню. Всѣхъ васъ, господа... я васъ всѣхъ...

Альма поспѣшно и твердо остановила его, положивъ свою руку на его плечо, и сказала спокойно:

— Замолчите. Я, а не вы, должна объяснить, почему вы здѣсь находитесь.

И, обращаясь къ толпѣ присутствовавшихъ, она произнесла безъ малѣйшаго колебанія:

— Господа, этотъ человѣкъ пришелъ сюда потому, что онъ мой возлюбленный.

— Неправда, неправда! Моя дочь лжетъ. Не вѣрьте ей, господа, — воскликнулъ, пораженный въ самое сердце, ея отецъ.

— Нѣтъ, отецъ, это правда, — возразила дѣвушка. — Еще разъ повторю, этотъ человѣкъ, мой двоюродный братъ, сынъ брата моего родителя, находится здѣсь потому, что онъ мой возлюбленный.

Всѣ были неописуемо изумлены. Королева, не ожидавшая ничего подобнаго, болѣе всѣхъ. Но у ней не хватило рѣшимости опровергнуть слова своей чтицы. Она только устремила на нее пристальный, полный ужаса взоръ.

На лицѣ Бентинка, не взирая на всегдашнее британское хладнокровіе, выразилась злобная досада; его интрига не удалась, партію выиграла Каролина. Однако она не смѣла радоваться своему политическому торжеству: ея сердцу было слишкомъ больно.

Въ эту минуту сосѣднія парадныя комнаты быстро освѣтились канделябрами, которые несли камеръ-лакеи, а въ уборную неожиданно появился самъ король. Онъ остановился у порога и, какъ бы недоумѣвая, оглядывалъ всѣхъ присутствовавшихъ, искусно показывая видъ, будто бы не понимаетъ, зачѣмъ эти люди тутъ собрались.

— Что такое случилось?—спросилъ онъ.—Я думалъ, господа, что всѣ вы давно поживаете... А вы здѣсь. Объясните же мнѣ, въ чемъ дѣло.

Прежде, чѣмъ кто-либо успѣлъ отвѣтить, Альма, опустясь предъ нимъ на колѣни, произнесла:

— Ваше величество, въ этой комнатѣ находится человекъ, котораго я люблю. Когда всѣ во дворцѣ заснули, я черезъ дверь, выходящую на веранду, впустила его. Сторожа въ паркѣ замѣтили его, приняли за злоумышленника, проникшаго въ покои государыни. Ея величество уже не почивала, слышала нашъ шопотъ и, выйдя изъ спальни, увидѣла насъ вмѣстѣ. Но она по милосердію и добротѣ сердца своего не желала оглашать мой проступокъ...

— Дѣйствительно, проступокъ, и немаловажный, — замѣтилъ Фердинандъ IV.

Сказалъ онъ это, однако, далеко не сердито, скорѣй благосклонно. Онъ понялъ, что молодая дѣвушка жертвовала собой, чтобы спасти честь своей монархини. Онъ самъ уже ранѣе раскаивался, что дозволилъ себя притянуть къ участию въ грязномъ заговорѣ... Но у него не хватило духа открыто воспротивиться, потому что онъ боялся упрековъ Флоридіи и мстительности державшаго его въ своихъ рукахъ лорда Бентинка. Его раскаяніе, впрочемъ, не вызывалось привязанностью къ женѣ, добродушіемъ или снисходительностью къ ней. Нѣтъ. Какъ большинство его побужденій, оно обусловливалось, съ одной стороны, вялостью его характера, съ другой—страхомъ, который онъ испытывалъ всегда, встрѣчаясь лицомъ къ лицу съ Каролиной. Наконецъ, ему теперь было безусловно пріятно, что королева не была опозорена, потому что, удайся скандалъ, и на его личномъ положеніи это, навѣрно, отразилось бы непріятно. Словомъ, онъ въ душѣ былъ доволенъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла и, укоризненно покачивая головой, продолжалъ бормотать:

— Проступокъ весьма серьезный. Если бы я и королева не принимали въ соображеніе заслугъ престолу и отечеству вашихъ предковъ и испытанной преданности нашъ вашего родителя, а также и вашей,—конечно, покарали бы вашъ проступокъ очень

строго. Это почти оскорбленіе величества! Но... встаньте, встаньте же! Мы все это примемъ къ свѣдѣнію, ну, и вашу личную молодость. Совмѣстно съ королевой мы обсудимъ, какъ слѣдуетъ поступить, чтобы снять позоръ, которымъ вы запятнали фамилію герцоговъ Фаньяно. Встаньте же.

Альма поднялась. Всѣ глаза были устремлены на нее: и многіе дивились ея спокойствію, равнодушію. Нѣкоторые придворные даже чувствовали себя оскорбленными. Она же отвѣчала на любопытные взгляды такъ, какъ будто бы гордилась, что ея свиданіе съ кузеномъ удалось: такъ или иначе ихъ сходбище потерпѣло фіаско.

Другіе были увѣрены, что предъ ними разыгралась комедія, сочиненная королевой и чуть ли не срететированная заранѣе подъ ея руководствомъ. Кой-кто видѣлъ въ Альмѣ жертву отпущенія за грѣхи Кароланы, которая все это время старалась улыбаться, но ея улыбка была улыбкой фурии, въ ней выражались и злоба, и страданіе, и яростное торжество надъ Бенгинкомъ.

— Однако,—спросилъ король,—гдѣ же главный-го виновникъ? Надѣюсь, что ему не дали убѣжать...

— Я здѣсь, ваше величество,—отозвался Рикардо, приблизясь къ государю.—Я никогда не обращался въ бѣгство, сражаясь съ врагами моего государя... и... и не обращаюсь въ бѣгство теперь.

Онъ гордо оглядѣлъ толпу предстоящихъ аристократовъ и особенно упорный взглядъ кинулъ на англійскаго посла.

— Да кто вы, сударь такой?—спросилъ Фердинандъ, оглядѣвъ его съ ногъ до головы, довольно, впрочемъ, благосклонно.

— Такъ какъ моя двоюродная сестра, которой была извѣстна тайна моего рожденія, въ благородномъ порывѣ души открыла ее всѣмъ, то и я не имѣю причины скрываться. Я—Рикардо, герцогъ Фаньяно, единственный сынъ Томы, который жилъ во Франціи изгнанникомъ, скончался въ своемъ замкѣ въ Калабріи, вскорѣ послѣ занятія ея французскими войсками.

— А, знаю!—произнесъ король, насупя брови:—мечтатель республиканецъ... Онъ былъ приговоренъ къ смертной казни за чернокнужіе и государственныя преступленія.

— Мой отецъ былъ жертвой предразсудковъ, невѣжества и намѣренной клеветы. Онъ простилъ своимъ врагамъ. А я надѣюсь возстановить его честное имя... я, государь, сражался въ войскѣ кардинала Руффо, которое имѣло счастье водворить ваши величества на прародительскомъ престолѣ. Покуда мы въ Калабріи тогда проливали кровь за монархію, трусливые аристократы въ пышныхъ одеждахъ безопасно веселились и танцевали въ Палермо...

Это было не въ бровь, а прямо въ глазъ: большинство присутствовавшихъ при этой сценѣ сановниковъ и придворныхъ принадлежало къ категоріи, упомянутой молодымъ калабрійцемъ. Въ

ихъ толпѣ пробѣжалъ ропотъ: «Видно, что выросъ въ лѣсу,—ворчали они. Да и какъ онъ смѣетъ напоминать государю, что ему оказали услугу какіе-то разбойники, оборванцы?»

Фердинандъ, дѣйствительно непріятно заволнованный такими воспоминаніями, движеніемъ руки хотѣлъ было остановить рѣчь Рикардо, но тотъ продолжалъ:

— Я отрицаю виновность моего отца; даже если бы онъ былъ виноватъ предъ помазанникомъ Божиимъ, то я своею кровью искупилъ уже его вину... Не только въ 1799 году, но и въ 1807 году, когда имѣлъ счастье отстоять отъ французовъ замокъ Фаньяно, куда ея величество, наша государыня, и семейство моего дяди успѣли безопасно скрыться...

— Дядя, вы можете засвидѣтельствовать, что я говорю правду,—обратился онъ въ заключеніе къ старому Фаньяно.

— Значитъ, ужъ вы и прежде встрѣчались?—обратился къ Фаньяно и король.

— Встрѣчались, государь, но я до сегодня не имѣлъ понятія о его претензіи...

— Не претензія, а право,—отозвался племянникъ:—право за мной сейчасъ признала моя двоюродная сестра. Я откровенно говорю, что не радъ этому, но я бы охотнѣе продолжалъ жить въ скромной неизвѣстности, и братья за оружіе только для того, чтобы служить моему государю.

— Прекрасно сказано!—неволью вырвалось у короля.

— Волкъ, кажется, приручаться начинаетъ,—шепнулъ одинъ придворный сосѣду. А сосѣдъ шопотомъ же отозвался: «Погодите маленько, скоро обратится въ домашнюю собачку и выучится на сѣнѣ лежать».

— Моя двоюродная сестра открыла тайну, движимая чувствомъ справедливости...

— Ладно, ладно—перебилъ король:—вѣрнѣе, движимая любовью, которая довела ее до того, что она ночью вздумала васъ принимать... Ну, да мы это уладимъ. Можетъ быть, все къ лучшему случилось.

Бентинкъ, доселѣ безмолвно стоявшій около короля и переваживавшій свою желчь, рѣшился обратиться къ Фердинанду II:

— Осмѣливаюсь сказать мое слово, государь. Боже меня сохрани не довѣрять искренности этой благороднѣйшей молодой особы, высказавшейся съ такою откровенностью о своемъ проступкѣ, весьма важномъ, почти невѣроятномъ... Но, можетъ быть, ея величество королева соблаговолитъ выразить свой взглядъ на поступокъ молодой герцогини Фаньяно...

Король понялъ, что англичанину хотѣлось вновь замутить воду, и съ раздраженіемъ вскричалъ:

— Я васъ не понимаю, милордъ. Что вы хотите этимъ сказать?

— Только то, что я сказалъ, государь,—возразилъ Бентинкъ, искоса поглядывая на королеву.

Королева трепетала отъ злобы противъ этого ненавистнаго ей врага и, выпрямившись на креслѣ, хотѣла было въ рѣзкомъ отвѣтѣ излить свою злобу и отвести душу. Но въ самомъ этомъ озлобленіи она почерпнула силу удержаться отъ соблазна и, насколько могла равнодушно, огозвалась:

— Да, это правда, что, выйдя изъ спальни въ эту комнату, я нашла молодыхъ людей вмѣстѣ. И почти въ ту же самую минуту ко мнѣ ворвались вотъ всѣ эти господа?

— Но какъ же это?—не воздержался пробормотать, однако, довольно внятно Фаньяно:—я ее заперъ на ключъ въ спальнѣ...

Альма разслышала слова отца и отвѣчала:

— Вы меня заперли, батюшка, это вѣрно. Но я спустилась изъ окна въ паркъ и прошла сюда чрезъ веранду. Вы помните, что въ половинѣ ея величества для меня тоже была отведена комната; я знала, что меня ожидаетъ мой двоюродный братъ.

Выслушавъ это объясненіе, король совершенно успокоился: къ нему возвратилось его хорошее расположеніе духа, и онъ сказалъ:

— Словомъ, дѣло ясно. Конецъ выходитъ лучше начала, теперь всѣмъ намъ пора спать: помните, что рано утромъ—охота.

Затѣмъ онъ обратился къ отцу Альмы:

— Я, король, обращаюсь къ вамъ въ качествѣ свата и прошу у васъ руки вашей дочери для вашего племянника молодого герцога Фаньяно.

— Государь!—могъ только отвѣтить старикъ, низко кланаясь.

— Вамъ,—добавилъ Фердинандъ IV,—я предоставляю пользоваться попрежнему герцогскимъ титуломъ. А вашему племяннику мы жалуемъ въ видѣ свадебнаго подарка званіе графа Роветто. Ну, теперь, господа, по постелямъ; давно пора спать. Я разрѣшаю этому молодому человѣку являться ко двору и самъ позабочусь, чтобъ не позже, какъ черезъ недѣлю, онъ повѣнчался со своей кузиной.

Королева, стоявшая все время около мужа, слегка склонила свою красивую голову въ отвѣтъ на низкіе поклоны придворныхъ, дружески простилась съ королемъ, который по своему обыкновенію обнялъ ее публично и громко пожелалъ доброй ночи. Но когда къ ней приблизился лордъ Бентинкъ, то лицо ея вспыхнуло, и она едва воздержалась, чтобъ не отвернуться отъ него.

— Умоляю ваше величество,—сказалъ англичанинъ,—простить, что я осмѣлился беспокоить васъ, просилъ высказать ваше мнѣніе по поводу такого неожиданнаго... и непредвидѣннаго обстоятельства.

— Я привыкла, милордъ, къ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, которыя нерѣдко обращаютъ побѣдителей въ побѣжденныхъ.

Посоль откланялся, закусивъ губы, и вышелъ. Рикардо въ комнатѣ уже не было. Каролина осталась лицомъ къ лицу съ Альмой, своей спасительницей и соперницей.

Альма словно окаменѣла. Тяжело было ей: чрезъ нѣсколько дней она сдѣлается женой человѣка, котораго давно любить, но этотъ человѣкъ любовникъ ея государыни. Она не чуяла, какъ Каролина подошла къ ней совсѣмъ близко, и очнулась только, какъ послѣдняя положила ей на плечо руку. Альма оглянулась, и взоры обѣихъ женщинъ встрѣтились.

— Тебѣ было извѣстно, что меня заманили въ тенета?—спросила королева.

— Да... то есть я это сообразила по нѣкоторымъ словамъ окружающихъ.

— И ты единственно для того, чтобы спасти меня, взвела на себя позорную клевету.

— Да,—отвѣчала Альма, гордымъ взглядомъ отвѣчая на пристальный взглядъ своей повелительницы.—Я приняла на себя позоръ единственно для того, чтобъ отклонить его отъ моей вѣнчанной Богомъ монархини...

— И чтобы разбить мое сердце?

— Я не помышляла о женщинѣ, а спасала только королеву, до которой не должно касаться подозрѣнiе, а которая должна умѣть поборотъ свои женскiя слабости.

— Словомъ, чрезъ какую-нибудь недѣлю ты покинешь дворъ вмѣстѣ съ нимъ, счастливая, гордая сознаниемъ, что ты спасла королеву, отнявъ отъ нея единственнаго дорогого ей человѣка. И этотъ человѣкъ будетъ твоимъ мужемъ; благодаря ему, ты сохранишь богатство и положенiе, которыя иначе не могли бы болѣе принадлежать тебѣ.

Жестокая оскорбительность этихъ словъ усугублялась презрительнымъ тономъ, съ которымъ ихъ медленно роняла Каролина. Бѣдная Альма не могла болѣе сдерживать себя и рѣзко отвѣтила:

— Вы забыли свое достоинство. Вы говорите слова, непристойныя для королевы. Если бы ваши враги васъ слышали, видѣли бы васъ въ эту минуту, даже они пожалѣли бы васъ...

— Жалѣть меня!—почти закричала Каролина.

— Да. Какъ я васъ жалѣю. Я васъ спасла совсѣмъ не для того, чтобы быть его женой. Нѣтъ. Онъ и послѣ вѣнца не посмѣетъ войти въ нашъ брачный покой. Я свяжу предъ алтаремъ мою душу клятвой вѣрности этому человѣку... Я его люблю; да, глубоко и давно люблю. Я этого не скрываю. Но я не буду женой его, какъ вы полагаете. Никогда! Слышите ли? Никогда. Вы, сударыня, не потеряете вашего любовника... Мнѣ были бы противны уста, не остывшія еще отъ поцѣлуевъ другой женщины. Чтобъ васъ спасти, я рисковала моей честью, я утрачу мою свободу—но

не прошу ни благодарности, ни отплаты... Забудьте все; и этого для меня будетъ довольно.

Альма первыя свои слова произнесла рѣзко и гнѣвно, но постепенно природная кротость и грусть взяли верхъ. Она договаривала мягко и глубоко, глубоко печально. Такъ печально и мягко, что Каролина почувствовала себя растроганной.

Она вообще была склонна переходить отъ одного настроенія къ другому, часто противоположному. Въ данную минуту озлобленность, которую она была только что проникнута, содѣйствовала перемѣнѣ.

Она въ этотъ мигъ постигла все благородство своей подруги; измѣрила всю разницу между любовью Альмы къ Рикардо и своей собственной любовью. Въ этотъ мигъ ей было больно не столько отъ признанія своихъ политическихъ неудачъ, сколько отъ признанія нравственнаго надъ ней превосходства высокодобродѣтельной дѣвушки.

Она поняла, что съ ея стороны тутъ не можетъ быть и рѣчи о благодарности женщины, но благодарность вѣнчанной особы должна поглотить всѣ остальные ощущенія.

Каролина опустила на кресло, и двѣ горячія слезы скатились изъ ея все еще прекрасныхъ глазъ.

Альма, видя горе женщины, которой она столько лѣтъ была сердечно предана, почувствовала къ ней сожалѣніе. Но не ту презрительную жалость, которой грозила нѣсколько минутъ назадъ, а теплое нѣжное сожалѣніе: королева страдающая для Альмы являлась всегда сугубо монархиней.

Она опустила на полъ около кресла государыни. Словъ она не находила, только взяла руки Каролины и стала ихъ цѣловать.

Каролина Австрійская, нѣжно приподнявъ голову молодой дѣвушки, промолвила:

— Да... я понимаю... Теперь мой чередъ принести жертву ради тебя. Какъ женщина, я должна покончить съ жизнью; должна заставить наконецъ молчать мое сердце. Но, какъ королева, я еще могу отплатить тебѣ. Черезъ недѣлю я покину Сицилію; уѣду далеко, далеко и буду доживать свой вѣкъ, стараясь забыть, что я когда-то была женщиной и королевой. Я васъ не буду стѣснять.

XXX.

Король между фавориткой и женой: одна другой стоитъ.

Прошла недѣля.

Фердинандъ IV никогда въ своей жизни не занимался такъ усердно государственными дѣлами, какъ за эту недѣлю—приготовленіями къ свадьбѣ Рикардо.

Онъ убѣдилъ стараго Фаньяно признать племянника законнымъ наслѣдникомъ и выдать за него дочь. Старикъ сдался легче, чѣмъ можно было ожидать въ виду его недавняго намѣренія выдать Альму за богатаго родственника лорда Бентинка. У хитраго феодала были свои расчеты.

Король приказалъ изготавить великолѣпное приданое въ подарокъ невѣстѣ; пожелалъ, чтобы бракосочетаніе совершилось въ его королевской виллѣ Фикуццѣ, и разослалъ приглашенія на свадьбу всѣмъ, кто имѣлъ пріѣздъ ко двору.

Съ королевой онъ избѣгалъ оставаться наединѣ, какъ, впрочемъ, и она съ нимъ. Но ихъ внѣшнія отношенія были корректны и даже, повидимому, дружественны. Тѣмъ не менѣе къ числу приглашенныхъ принадлежала и герцогиня Флоридія, еще никогда не встрѣчавшаяся съ королевой послѣ своего сближенія съ государемъ.

Хотѣлъ ли онъ пышнымъ торжествомъ на нѣсколько дней оживить свое монотонное существованіе, или желалъ уязвить жену, выставляя на видъ женитьбу ея любовника, никто опредѣлить не могъ.

Флоридія раньше другихъ догадалась о затаенной мысли своего вѣнчаннаго обожателя.

Она, какъ большинство гостей, пріѣхала вечеромъ наканунѣ свадьбы. Ей было отведено помѣщеніе, повидимому, не имѣвшее никакого сообщенія съ покоями короля, что не помѣшало ей вечеромъ находиться въ его кабинетѣ, благодаря искусно замаскированному потайному коридору.

— Дорогая моя герцогиня,—встрѣтилъ ее ворчливо Фердинандъ, опасавшійся, что ея появленіе въ присутствіи Каролины можетъ вызвать досадныя осложненія:—съ моей стороны, было неосторожно приглашать васъ. Но, признаюсь откровенно, я ожидалъ, что вы откажетесь воспользоваться приглашеніемъ.

— Приглашеніе вашего величества въ моихъ глазахъ равняется приказанію.

— Понимаю. Только на этотъ разъ мнѣ было бы пріятнѣе, если бы вы послушались. Даже обязали бы меня.

— Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же вы внесли мое имя въ списки приглашенныхъ?

— Боже мой! просто потому, что вы принадлежите къ сицилійской аристократіи, имѣете право пріѣзда ко двору. Вѣдь я васъ хорошо знаю: не пригласи я васъ, такъ вы бы мнѣ никогда этого не простили. Только я надѣялся, что, при вашемъ умѣ, вы...

— Что я струшу и убоюсь встрѣтиться съ вашей женой?

— Нѣтъ. Что вы, всегда великодушная, всегда заботливо оберегающая меня отъ непріятностей... Да, наконецъ, вы знаете, что она черезъ нѣсколько дней уѣзжаетъ въ Австрію.

Всѣ знали при дворѣ объ этомъ намѣреніи, но избѣгали говорить.

— Словомъ, такъ или иначе наша цѣль достигнута. Только мнѣ жалко эту дѣвочку, она связываетъ свою судьбу съ человекомъ, котораго никогда, никогда не выпуститъ изъ своихъ когтей ваша...

— Я васъ прошу, герцогиня, такъ не выражаться. Я не могу допускать никакихъ намековъ, оскорбительныхъ для лица, котораго Всевышній соблаговолилъ возвести на престолъ моихъ предковъ.

Эти слова Фердинандъ произнесъ очень строго, Флоридіи оставалось только конфузливо склонить голову.

Но бѣдный король обѣихъ Сицилій сейчасъ же испугался, что разсердилъ свою возлюбленную, что она его разлюбитъ. Онъ тогда же взялъ ее за подбородокъ, приподнял покорно было склонившуюся передъ нимъ предестную головку и, увидѣвъ на ея глазахъ слезы, притворныя или искреннія, все равно, поспѣшилъ добавить:

— Ну, да ужъ, видно, мнѣ такъ на роду написано: куда ни обернусь, все печальныя лица. Да полно же, Флоридія. Право, нечего особенно сокрушаться объ этой дѣвочкѣ, которая дошла до того, что назначала свиданія возлюбленному въ королевскихъ покоехъ.

— Вы ни за что не хотите повѣрить, что бѣдняжка пожертвовала собою! — почти вскричала Флоридія, увѣренная теперь, что ея собесѣдникъ въ ея рукахъ, и желая отомстить ему за выговоръ.

— Сердечко мое, — отвѣчалъ ласково, но нетерпѣливо государь. — Пойди, пожалуйста, въ залу, тамъ уже собрались остальные гости. И умоляю тебя, ради самого Бога умоляю, сдерживай себя, даже если бы къ тебѣ отнеслись не совсѣмъ вѣжливо... Ты помни, что черезъ нѣсколько дней ты будешь полной здѣсь госпожой. Понимаешь ты это, чудесная моя?

Она разсердилась. Но отвѣчала тономъ капризнаго ребенка:

— Если вашему величеству угодно, чтобы я удалилась.

— Да нѣтъ, нѣтъ. Совсѣмъ я тебя не гоню, а только мнѣ надо немножко моимъ туалетомъ заняться. Сейчасъ камердинеръ сюда долженъ прійти.

— Ваше величество меня прогоняете, я повинусь, уйду.

И красавица исчезла за потайной дверью, а бѣдный старикъ нѣсколько секундъ стоялъ не шевелясь, обиженный, печальный и немного раздосадованный.

— Одна другой стойтъ! — проворчалъ онъ наконецъ и позволилъ прислугу.

Каролина всѣ эти дни, чувствуя, что за ней слѣдятъ, даже шпионятъ сотни глазъ, держала себя весьма осторожно. Она завтракала и обѣдала съ мужемъ, хотя, какъ замѣчено выше, избѣгала оставаться съ нимъ вдвоемъ. Съ окружающими придворными

обходилась благосклонно, любезно. Выказывала ровное, веселое расположение духа.

О происшедшемъ, конечно, не смѣли съ ней заговаривать. Но всѣ знали, что ея пѣсенка слѣга, и только одинъ смѣльчакъ, пріѣхавшій изъ Палермо (куда старый Фаньяно, почувствовавшій внезапный приливъ нѣжности къ племяннику повезъ его знакомить съ мѣстной знатью), позволилъ себѣ сказать при государынѣ:

— Я видѣлъ ихъ вчера въ Палермо, и дядю и племянника. Они неразлучны. Молодой человекъ не очень-то разговорчивъ, задумчивъ. Ну, да такая жена, какъ герцогиня Альма, скоро разсѣетъ его печаль... Онъ, говорятъ, любитъ ее чуть не съ дѣтства.

Каролина выслушала такія рѣчи разсѣянно, словно онѣ не касались ея и вовсе не интересовали, но все-таки привѣтливо улыбалась.

Зато въ своихъ комнатахъ она давала волю горю. Теперь, какъ никогда, она чувствовала свое одиночество, свое безсиліе и подозрительно относилась ко всякой мелочи. Она полагала, что король подъ вліяніемъ Бентинка, желающаго ее хоть чѣмъ-либо уязвить, такъ торжественно и шумливо празднуетъ бракъ дорогого ей человека. Ея гордость страдала отъ сознанія, что она обязана своимъ спасеніемъ дѣвочкѣ, чтицѣ, даже въ искренности которой она снова не была увѣрена: не ради своей монархини, а ради своей любви къ Рикардо разыграла комедію Альма. Можетъ, они оба сообщники англичанъ...

Если это такъ, то она являлась словно игрушкой въ рукахъ человека, котораго любила, какъ никого, и которому довѣряла какъ никому другому.

Онъ порвалъ съ нею, хотя и не высказалъ этого. Альмы она никогда не видала съ глазу на глазъ послѣ роковой ночи: Правда, Альма сказала ей тогда же, что она «никогда вполнѣ не будетъ женой любовника своей королевы». Но что значать подобныя рѣчи въ устахъ молодой влюбленной невѣсты: невозможно, чтобы она долго могла выдержать добровольное отдаленіе отъ мужа, котораго любить и который отвѣчаетъ ей взаимностію.

Англійская партія выиграла-таки игру: лорду Бентинку не удалось опозорить королеву, но обстоятельства сложились такъ, что она должна покинуть дворъ и Сицилію. А въ сущности онъ только этого добивался. Конечно, онъ въ душѣ торжествовалъ, хотя тщательно скрывалъ свои чувства.

Словомъ, Каролина чувствовала, что приходитъ конецъ ея многолѣтняго бурнаго политическаго существованія.

Ее болѣе, чѣмъ когда-либо, пожирали ненависть къ врагамъ, страстная ревность и мрачныя сомнѣнія насчетъ своей будущности. Она не умѣла покориться судьбѣ, не умѣла сознавать себя побѣжденной окончательно. Все ея существо требовало продолже-

нія неотступной, неумолимой борьбы. Но какъ бороться: она была одна на утесѣ, тѣсно со всѣхъ сторонъ окруженномъ черной пропастью.

Ея нравственныя терзанія доходили до апогея. Но энергичная, порывистая, взрощенная и жившая въ притворствѣ, она сумѣла овладѣть собой и передо всѣми окружающими являлась спокойною и величавою.

XXXI.

Свадьба.—Отъѣздъ королевы.—Англійская политика.—Заключеніе.

Алтарь небольшой домашней капеллы, въ которой полуизгнанникъ-король ежедневно слушалъ по три раза въ день церковное богослуженіе, горѣлъ огнями множества свѣчей, убранныхъ цвѣтами. Широкія двустворчатыя двери капеллы, выходившія въ обширный парадный залъ, были распахнуты. Зала же была полна знати и придворныхъ, ожидавшихъ появленія государя и государыни.

Они вошли, блестящая толпа разступилась, и низко склонились головы всѣхъ присутствовавшихъ. Фердинандъ IV велъ подъ руку свою супругу Каролину Австрійскую. Она была ослѣпительна; какъ никогда, не столько своей изумительно сохранившейся красотой, сколько величіемъ. Злѣйшіе враги ея сознавали, что она прелестна. Поборовъ всѣ свои личныя чувства, она являлась нынче истинной представительницей своихъ предковъ-императоровъ: женщина затмевалась королевой, помазанницей Божіей, носительницей и защитницей самодержавія, за охраненіе прерогативъ котораго она ревниво и неустанно боролась столько лѣтъ, не останавливаясь ни передъ какими средствами.

Король какъ бы исчезъ въ ея сіяніи. Всѣ сознавали, что не онъ былъ носителемъ власти, а она—дочь Маріи-Терезіи.

Она поднялась, гордая, недоступная, по пурпурнымъ ступенямъ возвышенія, на которомъ стояли украшенныя коронами кресла для августѣйшихъ супруговъ, и сѣла, повидимому, игнорируя все окружающее.

Возвышеніе стояло противъ самыхъ дверей капеллы. Сзади, въ залѣ, были расположены мѣста для гостей, по роду и чину ихъ. Кресло англійскаго посла приходилось первымъ позади государева. Покуда Фердинандъ поднимался къ своему трону, Бентинкъ успѣлъ ему тихо повѣдать:

— Извѣстно вашему величеству, что Іоакимъ Мюратъ обнародовалъ полную политическую амністію въ королевствѣ Неаполитанскомъ?

— Знаю... И, признаюсь, я доволенъ этимъ. Со стороны Мюрата довольно политично расположить къ себѣ тѣхъ, кто послѣ-

давалъ за мною въ Сицилію, покинувъ свою собственность. Все время имъ приходилось жить на личныя средства. Но, съ другой стороны, теперь мнѣ будетъ выгоднѣе: они вернуться въ Неаполь, имъ возвратятъ ихъ земли и дома. А, будучи тамъ, они и для меня могутъ быть полезнѣе.

— Но вѣдь имъ придется признать Мюрата своимъ королемъ и присягать ему?

— Присягать! присягать!— бормоталъ Фердинандъ, усаживаясь на тронѣ. — Какое значеніе можетъ имѣть присяга, данная узурпатору, проходимцу?

Когда же Бентинкъ отошелъ, король шепнулъ Каролинѣ:

— Я теперь понимаю, почему старая лисица Фаньяно такъ легко соглашался на бракъ дочери. Онъ, видно, раньше еще пронюхалъ объ амнистіи и боялся потерять свои замки и земли въ Калабріи...

Появились женихъ съ невѣстой; Рикардо въ мундирѣ гусарскаго полковника, который заставилъ его шить въ Палермо и надѣтъ для брачной церемоніи его дядя и будущій тесть.

Старикъ слѣдовалъ за невѣстой. Когда онъ проходилъ мимо трона, государь воскликнулъ съ изумленіемъ:

— Какъ это... Полковникъ?

— Чинъ этотъ пожалованъ ему вашимъ величествомъ бреветомъ, бланкъ котораго былъ собственноручно подписанъ вами, государь. Я тогда еще не зналъ, что одинъ изъ самыхъ доблестныхъ воиновъ, которымъ мы были обязаны охраненіемъ священной особы ея величества королевы, окажется моимъ племянникомъ,— доложилъ герцогъ.

— Ага... Хорошо, понимаю, — отвѣтилъ король, покачавъ головой.

.....

Брачная церемонія окончилась; Людовикъ Фаньяно первый поздравилъ новобрачныхъ и тепло облобызалъ ихъ.

Альма была очень блѣдна. Когда Рикардо взялъ ее за руку, чтобъ отвести отъ алгара, ея рука была, какъ ледъ, холодна. Онъ самъ двигался словно во снѣ.

Король, сойдя со ступеней трона, подошелъ къ низко склонившимся передъ нимъ молодымъ и сказалъ, вкладывая въ руку Альмы небольшой пакетикъ:

— Вы вѣрно служили государынѣ и намъ. Эта бездѣлка будетъ вамъ напоминать, что вы всегда можете разсчитывать на благосклонность насъ обоихъ, графиня Роветто.

Король посторонился, чтобъ уступить мѣсто Каролинѣ, и заговорилъ съ окружающими, между которыми былъ и англійскій посоль. Королева къ поздравленію молодыхъ добавила:

— Я никогда не забуду, чѣмъ я вамъ обязана.

Молодые отвѣчали безмолвнымъ поклономъ. Рикардо, казалось, ничего не слышалъ и не видѣлъ, погруженный въ свои думы.

— А теперь—ужинать, господа!—возгласилъ король и подалъ руку Альмѣ.

Это была большая честь для новобрачной. Согласно этикету, ея молодой супругъ обязанъ былъ вести къ ужину королеву. Однако, онъ не шевелился, покуда, какъ бы мимоходомъ, дядя догадливо не шепнулъ ему:

— Дай же руку государынѣ.

— Ваше величество, извините мою неопытность, — обратился къ Каролинѣ молодой человекъ: — я въ первый разъ при большомъ дворѣ.

Пышный ужинъ прошелъ благополучно. Ихъ величества сидѣли все время за столомъ. Когда трапеза подходила къ концу, Фердинандъ, вставъ съ бокаломъ въ рукѣ, провозгласилъ:

— Пью за здоровье молодой четы! Желаю, чтобъ ихъ дѣти унаслѣдовали отъ отца доблесть и вѣрность, а отъ матери—сердечность и добродѣтели.

Когда король подымается со своего мѣста за столомъ, то должны встать и всѣ остальные сотрапезники, кромѣ государыни. Но на этотъ разъ, движимая вновь проснувшимся въ ней чувствомъ жестокой ревности, королева не могла оставаться неподвижной. Она встала, казалось, хотѣла что-то произнести, но удержалась; вновь остыла въ своемъ неотразимомъ величїи... и заговорила съ окружавшими ее придворными дамами. Молодые удалились въ комнаты, нарочито приготовленныя для нихъ по приказанію короля. Онъ самъ покинулъ столовую, а за нимъ и его супруга.

Уходя, она невольно обернулась и взглянула на дверь, за которой скрылись Рикардо и Альма.

На другой день королева устроила такъ, что въ теченіе нѣсколькихъ минутъ могла оставаться наединѣ съ Рикардо, не возбуждая ничьихъ подозрѣній. Что она перечувствовала, конечно, никому неизвѣстно. Достоверно только, что Рикардо въ силу даннаго ей слова всегда вѣрно служить ей предлагалъ слѣдовать за нею одинъ, безъ жены. Но Каролина, поборовъ свои личныя чувства и помня свое обѣщаніе, данное Альмѣ въ роковую ночь, освободила молодого человека отъ данной имъ клятвы.

Къ тому же она понимала, что останется онъ при ней, или нѣтъ, его сердце все равно принадлежитъ другой; онъ могъ быть ея вѣрнымъ и полезнымъ другомъ, но любовника она утратила въ немъ безвозвратно.

Черезъ нѣсколько дней она уѣхала въ Австрію. При этомъ былъ соблюденъ весь необходимый декорумъ съ ея стороны, со стороны Фердинанда и даже англійской партїи.

Послѣ описанныхъ событій англійская политика около несчастнаго бурбонскаго короля утратила значительную долю рѣзкости; не столько потому, что исчезла личность, боровшаяся «одна противъ всѣхъ», сколько потому, что англійское министерство, не желая, въ своихъ личныхъ видахъ, раздражать противъ Великобританіи южныхъ итальянцевъ, предписало лорду Бентинку дѣйствовать мягче.

Каролина сдержала свое слово, удалилась навсегда въ Австрію, гдѣ вскорѣ скончалась. Передъ кончиной она вызывала къ себѣ Рикардо и просила его сообщить своей женѣ, что, невзирая на все, что между ними тремя произошло, она любила Альму и сохранила къ ней привязанность до гроба.

Фердинандъ IV не замедлилъ послѣ смерти жены вступить въ морганатическій бракъ съ красавицей Флоридіей¹⁾. У нихъ было двое дѣтей.

¹⁾ Послѣ паденія Наполеона бурбонскій король возвратился въ Неаполь и построилъ тамъ для Флоридіи лучшую, по богатству и удобствамъ, виллу. Вилла отлично сохранилась доселѣ. Лѣтъ 14 назадъ ее приобрѣлъ американецъ Девисъ.

Прим. перев.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ АВГУСТЪ 1909 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 8-й.

Философія, психологія, логика.

Фишеръ Кuno. Исторія новой философіи. Т. 6-й. Фихте, его жизнь, сочиненія и ученіе. Спб. 1909. Ц. 4 р. 50 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

Добролюбовъ, Н. Избранныя произведенія. 1) Что такое обломовщина. 2) Темное царство. 3) Когда же придетъ настоящій день? и др. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

Аннуціо, Г. Полное собраніе сочиненій. Т. 1. Огонь. М. 1909. Ц. 1 р.

Ведринскій, И. На отдыхѣ. Стихотворенія. Тифлисъ. 1909. Ц. 1 р. 50 к., на вел. бум. 2 р.

Вилли, Сюжетта. Современный романъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Гамсунъ, К. Собраніе сочиненій. Томъ I. Духовная жизнь Америки. Ц. 1 р.

Тоже. Т. 2. Голодъ. Ц. 1 р.

Тоже. Т. 3. Мистерія. Ц. 1 р. 25 к.

Гардъ, Г. Записки. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Гом-де-Молассанъ. Полное собраніе сочиненій. Т. 6. Сказки Бекаса. Спб. 1909. Ц. 20 к.

Карамзинъ, Н. Повѣсти. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1909. Ц. 20 к.

Команъ-Доиль. Тайственный кладъ. Изъ походовъ сыщика. Разсказъ. Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. 50 к.

* Фонъ-Нотце. Стефанъ. Гипнолизеръ. Романъ. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1909. Ц. 1 р.

Лагерлефъ, С. Полное собраніе сочиненій, Т. 1-й. Сказка о сказкѣ. Сказаніе объ Іестъ Верлингъ. Ч. 1-я. М. 1909. Ц. 1 р.

Лербергъ, Ш. Ищейка. Драма. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Литературно-художественныя альманахи

«Истор. вѣстн.», сентябрь, 1909 г. т. XVIII.

1/25

издательства «Шиповникъ». Книга 10-я. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Лоти, Пьеръ. Собрание сочиненій. Томъ 1-й. Госпожа Кризантель. М. 1909. Ц. 1 р.

Михаилъ, епископъ. Господа и рабы. Пьеса въ 4 актахъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Навроцкій, А. (Н. А. Вроцкій). Драматиче-

ское творчество. Кн. 1-я и 2. Спб. 1909. Ц. кажд. книги 3 р.

Стриндбергъ, А. Полное собраніе сочиненій. Т. 7-й. Исповѣдь глупца. М. 1909. Ц. 1 р.

Уклонъ. Художественно-литературный сборникъ. Казань. 1909. Ц. 40 к.

Шебуевъ, Н. Идеальная квартира. М. 1909. Ц. 20 к.

Исторія, біографія и археологія.

Вице-адмиралъ Григорій Павловичъ Чухнинъ по воспоминаніямъ сослуживцевъ. Подъ редакціей А. Вѣлмора. Спб. 1909. Ц. 2 р.

Военскій, Н. Акты, документы и матеріалы для исторіи 1812 года. Т. I. Спб. 1909. Ц. 5 р.

Іоанимъ, іеромонахъ. Житіе святой благовѣрной княгини Анны Калпинской. М. 1909. Ц. 25 к.

Муравьевъ-Амурскій, В. Графъ Николаѣ Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій. 1809—1909. Варшава. Ц. 1 р.

Правовѣдѣніе, общественныя науки и публицистика.

Ашинъ, В. Финансовые результаты эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ за 1906 г. Ц. 50 к., за 1907 г.—1 р.

Бойновъ, Г. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Харьков. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Бѣловѣжскій, В. Результаты эксплуатаціи російскихъ желѣзныхъ дорогъ съ 1901 по 1906 г. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Владиміровъ, Л. Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ. Части: общая и особенная. Изд. 3-е. Спб. 1909. Ц. 3 р.

Волковъ, Н. Наказъ земскимъ начальникамъ по административнымъ дѣламъ. М. 1909. Ц. 2 р.

Завадскій-Краснопольскій, В. Мой судебный процессъ съ японскимъ подданнымъ Юси-

фомъ Николаевичемъ (Юсибуми) Курано, лекторомъ японскаго языка при Императорскомъ Спб. университетѣ. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Зайцевъ, Л. Ответственность при массовыхъ преступленіяхъ. Кіевъ. 1909. Ц. 50 к.

Занонъ объ условномъ досрочномъ освобожденіи съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ онъ основанъ. Спб. 1909. Ц. 3 р.

Плехотенко, А. Курсъ нотаріата. Съ образцами, формами и законоположеніями. М. 1909. 4 р.

Покотилловъ, А. Первый опытъ государственнаго страхованія жизни въ Россіи. Спб. 1909. Ц. 30 к.

Степановъ, І. Врачебная тайна и указъ армянскаго синода о добрачномъ осмотрѣ. Историко-юридическій очеркъ. Тифлисъ. 1909. Ц. 40 к.

Искусство.

Солосинъ, И. Музыкальные инструменты русскаго народа. Спб. 1909. Ц. 25 к.

Естествознаніе и математика.

Владиміровъ, Л. Современное воздухоплаваніе и его исторія. Кіевъ. 1909. Ц. 1 р.

Глазенапъ, С. Солнечное кольцо. Простейшій инструментъ для точнаго опредѣленія времени и географической широты. Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. 30 к.

Крепелинъ, К. Біологія. Руководство для преподаванія біологіи и для самообразованія. Спб. 1909. Ц. 2 р.

Лоренцъ, Г. Курсъ физики. Т. I. Съ 236 рис. Одесса. 1909. Ц. 2 р. 75 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

Ивановъ, И. На практикѣ въ Японіи въ 1908 г. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Карповъ, А. Рѣка Амуръ съ его притоками, какъ пути сообщенія. Амурскій лиманъ и его фарватеры. Спб. 1909. Ц. 3 р.

Круберъ, А., Григорьевъ, С., Колмогоровъ, А., Добрынинъ, Б. и др. Очерки географіи Россіи. М. 1909. Ц. 2 р.

Люттовъ, М. Краткій очеркъ коммерческой (экономической) географіи и народнаго хозяйства въ Россіи сравнительно съ дру-

гими странами. Ч. 2-я. Вѣлостокъ. 1909. Ц. 65 к.

Приамурье. Факты, цифры, наблюденія. Собраны на Дальнемъ Востокѣ сотрудниками общеземской организаціи. М. 1909. Ц. 2 р.

Синицкій, Л. и Барковъ, А. Очерки географіи. Европа, Азія, Африка, Америка и Австралія. М. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Харузина, В. Этнографія. В. I. Введеніе. Вѣрованія малокультурныхъ народовъ. М. 1909. Ц. 5 р. 50 к.

Языковѣдѣніе.

Журановскій, И. Полное собраніе еврейскихъ именъ съ написаніемъ ихъ на русскомъ и еврейскомъ языкахъ. Варшава. 1908. Ц. 80 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

Гиплеръ, А. Промысловое кролиководство. Царское Село. 1909. Ц. 50 к.
Овсинскій, И. Новая система земледѣлія. М. 1909. Ц. 1 р. 80 к.

Полосухина, А. Плодовой и ягодный садикъ крестьянина Ивана Никитина Изд. 3-е. Спб. 1909. Ц. 15 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

Русскій торговый флотъ. Списокъ судовъ къ 1 января 1909 г. Изданіе Министерства торговли и промышленности. Спб. 1909. Ц. 3 р.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

Бобровскій, С. Проектъ авангарднаго моста съ плавучими опорами. Пролетъ 45,5 м. Съ 8 рис. и 5 черт. Спб. 1909. Ц. 40 к.
Бруннеръ, Ф. Производство маселъ и мазей. Спб. 1909. Ц. 50 к.
Гошневичъ, Н. Пивоваренное производство въ Россіи. Спб. 1909. Ц. 85 к.
— Контроль пивовареннаго производства. Спб. 1909. Ц. 1 р. 20 к.
Ерченко, П. Отопленіе и вентиляція. Ч. 1-я. Термоинетика и печи. Кіевъ. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Началовъ, Н. Общедоступное руководство по телеграфіи и телефоніи. Спб. 1909. Ц. 1 р.
Правила испытанія матеріаловъ и постройки рѣчныхъ и озерныхъ судовъ, ихъ механизмовъ и котловъ. Суда желѣзные и стальныя. Спб. 1909. Ц. 7 р.
Трусовъ, А. Памятная книжка по бумагопряденію. Орѣхово. 1909. Ц. 1 р.
Фольвъ, К. Проектъ и изготовленіе. Графическій расчетъ времени обработки деталей машинъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

Нетичачевъ. Занканіе. Его сущность, причины, происхожденіе, предупрежденіе и леченіе въ дѣтскомъ возрастѣ и у взрослыхъ. Новый психологическій способъ леченія. М. 1909. Ц. 3 р.

Смоленскій, П. Простѣйшіе способы изслѣдованія и оцѣнки доброты качества съѣстныхъ припасовъ, напитковъ, воздуха, воды, почвы, жилищъ, освѣтительныхъ матеріаловъ и проч. Вып. 3-й. Спб. 1909. Ц. по подпискѣ за 3 вып. 5 р.

Военное и морское дѣло.

Костюшко. Ноябрьскіе бои на Высокой горѣ подъ Портъ-Артуромъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Рябининъ, А. На войнѣ въ 1904—1905 гг. Одесса. 1909. Ц. 2 р.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

Арнаутовъ, В. Домашняя подготовка дѣтей къ школьному ученію. Одесса. 1909. Ц. 20 к.

Кавказскихъ минеральныхъ водахъ. Спб. 1909. Ц. 15 к.
Винеръ-Ланда, Б. Къ свѣту. Вукварь. Одесса. 1909. Ц. 25 к.

1/225*

- Воиновъ, А. Сборникъ арифметическихъ задачъ. Ч. 2-я. Дробныя числа. Павловскъ-на-Д. 1909. Ц. 50 к.
- Воскресенскій, Е. «Борись Годуновъ» А. С. Пушкина. Разборъ трагедіи. Изд. 4-е. М. 1909. Ц. 40 к.
- Габерманъ, С. Курсъ стенографіи по «системѣ настоящаго времени». Рига. 1909. Ц. 40 к.
- Руководство для изученія русской стенографіи, примененной къ нѣмецкому и французскому языкамъ. Усовершенствованная и легкая система, называемая «системой настоящаго времени». Изд. 2-е. Рига. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Гельбне. Календарь для учителей 1909—10 г. Ц. въ кол. перепл. 1 р. 15 к., въ кож. пер. 1 р. 45 к.
- Гладковъ, Б. Законъ Божій. Для народа и народныхъ школъ. Съ картою Палестины и 20 картинами. Изд. 2-е. Сиб. 1909. Ц. 20 к.
- Душечинъ, Я. Наша рѣчь. Хрестоматія. Книга 2-я. М. 1909. Ц. 1 р.
- Журановскій, И. Древняя письменность и книгопечатаніе. Варшава. 1909. Ц. 30 к.
- Золотаревъ, С. О преподаваніи родного языка и литературы. М. 1909. Ц. 30 к.
- Зубаревъ, И. Экзаменационныя требованія гг. профессоровъ къ слушателямъ Императорскаго Археологическаго Института, съ указаніемъ правилъ поступленія въ институтъ и пособій для подготовки къ экзаменамъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Касатинъ, Н. Ручной трудъ изъ бумаги и папки въ общеобразовательныхъ школахъ. М. 1909. Ц. 20 к.
- Лай, В. Руководство къ первоначальному обученію арифметикъ, основанное на результатахъ дидактическихъ опытовъ. М. 1909. Ц. 80 к.
- Львовъ, В. Первое знакомство съ географіей Россіи. Уроки и хрестоматія. М. 1909. Ц. 1 р.
- Максинъ, И. Очеркъ развитія промышленнаго образованія въ Россіи. 1888—1908. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Мирлесъ, А. Темникъ-хрестоматія, важнѣйшія темы. Сборникъ ученыхъ сочиненій на темы литературнаго характера. Кіевъ. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Новиковъ, А. Титъ Ливій. Избранныя книги «Исторіи отъ основанія Рима». Книга 21-я. Размѣченный текстъ, подстрочный переводъ, литературный переводъ и т. д. Сиб. 1909. Ц. 1 р. 20 к.
- Подруга календарь для учащихся на 1909—10 уч. годъ. Ц. 30 к. и 40 к.
- Пономаренко, М. Физика. Ученіе о движеніи электричества въ связи съ первоначальными свѣдѣніями объ электрическомъ потенциалѣ (гальванизмъ). Вып. 1-й. М. 1909. Ц. 50 к.
- Прохановъ, И. Къ чему стремиться молодому человеку? Спб. 1909. Ц. 5 к.
- Сапѣжко, С. Методическая программа первоначальнаго обученія. Ч. 1-я. До поступленія дѣтей въ подготовительные классы гимназій, духовныхъ и реальныхъ училищъ. Кіевъ. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Соллогубъ, Б. и Симоновскій, В. Указатель лучшихъ, по отзывамъ печати, учебниковъ, наглядныхъ учебныхъ пособій и методическихъ руководствъ на русскомъ и украинскомъ языкахъ. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Товарищъ. Календарь для учащихся на 1909—10 уч. годъ. Ц. 21 к., въ кол. перепл. 30 к.
- Тулуповъ, Н. и Шестановъ, П. Новъ. Книга для первоначальныхъ занятій по русскому языку въ школахъ и сѣляхъ. Ч. 2-я. М. 1909. Ц. 50 к.
- Школа сценическаго искусства. Правила и программы. Спб. 1909. Ц. 10 к.
- Шмейль, О. Растенія. Основы прородовѣднія съ биологической точки зрѣнія. Кіевъ. 1909. Ц. 85 к.
- Шмулевичъ, П. Справочная книга для поступающихъ въ высшія учебныя заведенія. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Книги для дѣтей и юношества.

- Гаршинъ, В. Денщикъ и офицеръ. Разсказъ. Спб. 1909. Ц. 5 к.
- Разсказы. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Найгородовъ, Д. Дерево и его жизнь. М. 1909. Ц. 10 к.
- Кукушка. М. 1909. Ц. 10 к.
- Челомъ, А. «Носикъ». Болотная камышевка. Спб. 1909. Ц. 5 к.
- Перепель. Ц. 5.
- Щурка золотистая. Ц. 5 к.
- Юла. Ц. 5.

Справочныя книги.

- «День за день». Карманная книжка на 1910 г. Ц. 30 к., 40 к., 75 к. и 1 р. 25 к.
- Плохотенко, А. Полная программа испытаній на должность нотариуса. М. 1909. Ц. 60 к.
- Спутникъ по Дибюру и его притокамъ. Кіевъ. 1909. Ц. 35 к.
- Цѣновникъ отдѣла заготовленія главнаго управленія кораблестроенія и снабженій. 1909 года. Кронштадтъ. 1909. Ц. 3 р. 50 к.

Періодическія изданія.

<p>«Воздухоплаватель». Научно-популярный журналъ. 1909 г. № 6—7. Спб. 1909. Ц. 50 к.</p> <p>«Всемирное Техническое Обзоріе». 1909 г. № 10. Спб. Ц. 1 р. 20 к.</p> <p>«Городское Дѣло». 1909 г. №№ 14 и 15. Спб. Ц. кажд. № 50 к.</p> <p>«Золотое Дѣтство». Журналъ для дѣтей. 1909 г. №№ 18 и 19. Спб. Ц. кажд. № 20 к.</p> <p>«Московский Еженедѣльникъ». 1909 г. №№ 28, 29, 30. Москва Ц. кажд. № 15 к.</p> <p>«Окраины Россіи». 1909 г. №№ 29—30 и 31—32. Спб. Ц. кажд. № 15.</p> <p>«Оса». Еженедѣльный художественно ли-</p>	<p>тературный и юмористическій журналъ. 1909 г. №№ 8 и 9. Москва. Ц. кажд. № 10 к.</p> <p>«Право». Еженедѣльная юридическая газета. 1909 г. № 28, 29, 30 и 31. Спб. Ц. кажд. № 20 к.</p> <p>«Свѣтлый Лучъ». Ежемѣсячный журналъ. 1909 г. № 7—8. Спб. Ц. 2 р.</p> <p>«Театръ и Искусство». 1909. № 29, 30, 31. Спб. Ц. кажд. № 20.</p> <p>«Хуторъ». Практический сельско-хозяйственный журналъ. 1909 г. № 8. Спб. Ц. 30 к.</p> <p>«Экономистъ Россіи». 1909 г. №№ 24, 25, 26. Спб. Ц. кажд. № 15 к.</p>
---	--

*) Изданія А. С. Суворина.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ

ПРАКТИЧЕСКІЙ КУРСЪ

ИЗУЧЕНІЯ

Древней Русской Скорописи

ДЛЯ ЧТЕНІЯ

Рукописей XV—XVIII столѣтій

И. С. БЪЛЯЕВА

Со снимками уступа, полуустава, азбуки скорописи, отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ рукописей, вязаного и бѣлорусскаго письма.

Цѣна 1 руб. Веленевые экземпляры 2 р. Любительскіе на самой плотной мѣловой бумагѣ 5 руб.

Складъ изданія въ Москвѣ, Моховая, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова. Книгопродавцамъ обычная скидка.

Отдѣльные экземпляры можно получать отъ автора И. С. Бѣляева: Москва, Дѣвичье поле, Архивъ Министерства Юстиціи; высылающіе отъ него за пересылку не платятъ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, МОСКВА, ХАРЬКОВЪ, ОДЕССА, САРАТОВЪ
И РОСТОВЪ НА ДОНУ)

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

**ИСТОРИЧЕСКІЕ
ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ**

С. Н. ШУБИНСКАГО.

Пятое изданіе, дополненное и исправленное,
съ 89 портретами и иллюстраціями.

Настоящее пятое изданіе историческихъ очерковъ и разсказовъ С. Н. Шубинскаго существенно отличается отъ первыхъ четырехъ (первое изданіе напечатано въ 1869 году, второе въ 1871 году, третье въ 1893 г. и четвертое въ 1903 г.). Въ него включены десять новыхъ статей, а прежнія тщательно пересмотрѣны. Кромѣ того, число портретовъ и рисунковъ увеличено до 89; всѣ они воспроизведены, большею частью, съ рѣдкихъ оригиналовъ.

Книга заключаетъ въ себѣ 45 печатныхъ листовъ убористаго шрифта; кромѣ того, къ ней приложенъ „Указатель личныхъ именъ и рисунковъ“.

Цѣна 4 руб.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году. — Петръ Великій въ Дефтортъ. — Петръ Великій въ Гаагъ. — Двухсотлѣтіе Заандамскаго домика. — Вѣнценосный хирургъ. — Императорскій титулъ. — Первые балы въ Россіи. — Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ. — Свадьба карликовъ. — Московскій маскарадъ 1722 года. — Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ. — Первый петербургскій генераль-полицеймейстеръ. — Княгиня Волконская и ея друзья. — Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны. — Березовскіе ссыльные. — Дочь Бирона. — Убіеніе Сняклера. — Холмогорская старина. — Тайный бракъ. — Императрица Екатерина II и ея два статскіе секретаря. — Домашній бытъ Екатерины II. — Исторія Мѣднаго всадника. — Тульскій хлѣбъ и калужское тѣсто. — Потемкинскіе проценты. — Столѣтіе кончины князя Г. А. Потемкина-Таврическаго. — Графъ К. Г. Разумовскій. — Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія. — Русскій чудакъ XVIII столѣтія. — Вельможа Екатерининскаго времени. — Одинъ изъ Екатерининскихъ орловъ. — Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія. — Самодуръ прошлаго столѣтія. — Богомъ данный генераль-прокуроръ. — Жена Суворова. — Пѣвица Габриелли. — Аристократка Александровскаго времени. — Молодость графа Аракчеева. — Сынъ Аракчеева. — Подпоручикъ Федосѣевъ. — Семейное преданіе. — Забытый филантропъ. — Послѣдній графъ Головкинъ. — Одинъ изъ Грибоѣдовскихъ тицовъ. — Общество танцовровъ повсюдѣ. — Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ. — Дуэль Новосильцева съ Черновымъ. — Княгиня Ловичъ. — Кирьяново, дача княгини Дашковой. — Александрова дача. — Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году. — Мнимое завѣщаніе Петра Великаго. — Кладбищенская литература. — Указатель личныхъ именъ. — Указатель портретовъ и рисунковъ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

продаются новыя книги:

**ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ**

Переводъ съ подлинника, изданнаго Императорскою Академіею Наукъ.

Съ 12 портретами и 6-ю автографами. Изданіе А. С. Суворина. П. 4 р.

ЗАПИСКИ КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ

Переводъ съ французскаго по изданію, сдѣланному съ подлинной рукописи.
Съ приложеніемъ четырьехъ портретовъ, разныхъ документовъ, писемъ
и указателя.

Подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Д. Чечулина.

Изданіе А. С. Суворина. Ц. 2 р. 50 к.

Н. К. ШИЛЬДЕРЪ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ.

Съ 450 иллюстраціями. 4 тома. Изданіе 2-е. Ц. 30 р., въ перепл. 36 р.

Н. К. ШИЛЬДЕРЪ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ.

Съ 252 иллюстраціями. 2 тома. Ц. 25 р., въ перепл. 30 р.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

Новая книга

Б. Б. ГЛИНСКАГО

Борьба
за
Конституцію
1612—1861 гг.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Съ 22 портретами и иллюстраціей

Цѣна 3 р. 50 к.

Изданіе Н. П. Карбасникова.

Складъ изданія въ магазинахъ Н. П. Карбасникова:
въ С.-Петербургѣ, Гостинный дворъ, № 19, въ
Москвѣ—Моховая, д. Баженова, въ Варшавѣ —
«Новый свѣтъ», № 49, въ Вильнѣ—Большая ул.,
д. Гордона.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

